

804-12
1881

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Георга Вебера.

Переводъ со втораго изданія,
пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИСТОРИЯ ЭЛЛИНСКАГО НАРОДА.

Перевелъ Андреевъ.

Изданіе Н. М. Солдатенкова.

Цѣна 5 руб. 50 коп.

Москва.

Типографія В. В. Исленьева, Средняя Кисловна, д. Волковыхъ.

1886.

Изданія К. Т. Солдатенкова.

- Буассье, Гастонъ.** Римская религія. Перев. *М. Корсака*. М. 1878 г. Ц. 5 р.
— — Цицеронъ и его друзья. — — М. 1880 г. Ц. 2 р.
- Бэра.** Исторія всемірной торговли. 3 части. Пер. *Э. Циммермана*. М. 1876 г. Цѣна 7 р. 50 к.
- Веберъ, Г.** Всеобщая Исторія, Т. I. М. 1885 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Вегеле, Франца.** Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Перев. *А. Н. Веселовскаго*. М. 1881 г. Ц. 3 р.
- Вейса.** Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. 6 частей (съ 1945-ю рисунками въ текстѣ) въ пер. *В. Чаева и И. Васильева*. М. 1879 г. Цѣна 24 р.
- Веселовскій, А. Н.** Этюды о Мольерѣ. Мизантропъ. М. 1881 г. Ц. 2 р.
- Вольскаго.** Историческое народно-хозяйственное значеніе обработки земли крестьянами собственниками. М. 1865 г. Цѣна 2 р. 50 к.
- Гартмана.** Сущность міроваго процесса или философіи безсознательнаго, въ 2-хъ книгахъ. *А. Козлова*. М. 1876 г. Цѣна 4 р. 50 к.
- Геттнера.** Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. III, кн. I и II. М. 1872 г. Цѣна 4 р. 75 к.
- Гиббонъ, Э.** Исторія упадка и разруш. римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. *В. Невѣдомскаго*. Т. I, II, III, IV, V и VI. М. 1885 г. Ц. 22 р. 50 к.
- Гизо.** Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. I, II, III и IV. Пер. *Н. Г. Виноградова*. М. 1877 г. Цѣна 8 руб.
- Гнейстъ, Руд.** Исторія Государствъ, учрежденій Англіи, пер. съ нѣмецкаго *С. Венгрова*. М. 1885 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Ешевскаго.** Сочиненія, 3 части. М. 1875 г. Цѣна 6 р.
- Забѣлина, И. Е.** Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М. 1872 г. Ц. 2 р.
— Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. 2 части. Ц. 4 р.
— Мининъ и Пожарскій, прямые и кривые въ смутное время. Ц. 1 р. 50 к.
- Зиберъ, Н. И.** Очерки первобытной эконо. культуры. М. 1883 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Игеринга.** Борьба за право. Пер. *Н. Волкова*. М. 1872 г. Цѣна 75 к.
- Навелина.** Сочиненія, 4 части. М. 1875 г. Цѣна 5 р.
- Каррьера.** Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III, IV и V. Пер. *Е. Корша*. М. 1874 г. Цѣна 20 р.

(См. 3-ю страницу обложки).

ВСЕОБЩАЯ
ИСТОРИЯ

Георга Вебера.

Переводъ съ русскаго языка.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Переводъ Е. Кареева.

Издана въ М. С. Сивилъской.

Москва.

Въ М. С. Сивилъской, въ М. С. Сивилъской, въ М. С. Сивилъской.

1882

504-72
1281

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Георга Вебера.

Переводъ со втораго изданія,

ПЕРЕСМОТРАННАГО И ПЕРЕРАБОТАННАГО ПРИ СОДѢЙСТВІИ СПЕЦІАЛИСТОВЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИСТОРИЯ ЭЛЛИНСКАГО НАРОДА.

Перевелъ Андреевъ.

Изданіе Н. М. Солдатенкова.

Москва.

Типографія В. В. Исленьева, Средняя Кисловна, д. Волковыхъ.

1886.

ВСЕОБЩАЯ
ИСТОРИЯ

Георга Вебера.

Перевод с немецкого языка

ИЗДАТЕЛЬСТВО И РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ

ТОМА ПЕРВОГО

ИСТОРИЯ ЭЛЛИНСКОГО НАРОДА

Перевод А. Андреева

Издательство ИРБ имени Г. В. Плеханова

19054-0

2011136736

ИСТОРИЯ

ЭЛЛИНСКОГО НАРОДА.

Георга Вебера.

Н С Т О Р И Я

Э Л И Н И С К А Т О Н А Р О Д А .

Теофия Бедога.

7011136736

ПАМЯТИ КАРЛА ФРИДРИХА ГЕРМАНА.

Предисловіе.

Я нахожу счастьемъ для себя то, что въ пожилыхъ лѣтахъ могъ возвратиться къ занятіямъ, которымъ была посвящена моя молодость. Когда я послѣ двадцатипятилѣтняго перерыва сталъ пересматривать греческую исторію, невольно припомнились мнѣ слова Гёте «Вы опять возвращаетесь, образы, явившіеся моему взору въ молодости».

Ihr naht euch wieder, schwankende gestalten,
Die früh sich einst dem trüben Blick gezeigt.

Въ моихъ мысляхъ воскресаютъ тѣ времена, когда я съ пылкой жаждой знанія погрузился въ изученіе классической древности и стремился понять греческихъ писателей съ усерднымъ трудомъ, похожимъ на благоговѣніе. Мною овладѣло то чувство, съ какимъ человѣкъ припоминаетъ давно исчезнувшую любовь молодости.

Потому понятно, что мнѣ при этомъ думалось о человѣкѣ, который въ тѣ годы былъ моимъ учителемъ, совѣтникомъ и другомъ, показывалъ мнѣ, какъ опытный проводникъ, путь въ прекрасную Грецію; и натурально было, что я рѣшился посвятить его памяти эту книгу, какъ дань благодарности и любви къ нему, давно усопшему.

Писать греческую исторію послѣ Грота и Курціуса — это многіе назовутъ дѣломъ, подобнымъ, какъ говорили римляне, намѣренію писать Иліаду послѣ Гомера. Но я убѣжденъ, что и моя работа будетъ найдена не совершенно ничтожной или излишней. Во первыхъ, каждый по своему понимаетъ древнихъ писателей, произведенія которыхъ служатъ основаніемъ всякой серьезной работы по греческой исторіи, такъ что у каждого передача ихъ словъ и мыслей получаетъ печать своеобразности; во вторыхъ, тотъ, кто пишетъ позже, имѣетъ ту выгоду, что можетъ многому научиться отъ своихъ предшественниковъ, пополнить и исправить свои понятія чужими мнѣніями. При томъ работа, которая является только частью цѣлаго, только звеномъ

цѣпи разсказа о всеобщей исторіи, имѣеть задачу различную отъ спеціального труда, излагающаго исторію только одного народа. Авторъ всеобщей исторіи долженъ постоянно имѣть въ виду весь ходъ развитія цѣлаго человѣчества, потому долженъ измѣрять многія событія не тѣмъ масштабомъ, какъ авторъ монографіи. Исторія греческаго народа вѣчно будетъ занимать значительное мѣсто во всеобщей исторіи, потому что произведенія умственной и художественной жизни грековъ образуютъ важнѣйшую основу культурной жизни слѣдующихъ вѣковъ; но авторъ всеобщей исторіи не можетъ позволять себѣ эпической полноты и подробности, дающей завлекательность монографическому изложенію. Впрочемъ для мыслящаго читателя есть привлекательность и въ логической сжатости хода мыслей, въ точности изложенія и въ ясности краткихъ очертаній.

Исторія древности, въ особенности греческой, менѣе близка большинству образованныхъ людей нашего времени, чѣмъ многія другія части всеобщей исторіи. По преданію, сохраняютъ высокое уваженіе къ грекамъ, но мало занимаются ими. Изученіе греческаго языка и древности считаютъ отраслью школьнаго знанія, заниматься которымъ по выходѣ изъ школы нѣтъ надобности. Кто не обязанъ къ тому своею профессіей, обыкновенно чуждается этого занятія. Не будемъ разсматривать здѣсь, насколько виновны въ этомъ нерасположеніи непріятныя школьныя воспоминанія; но во всякомъ случаѣ жаль, что прекрасный греческій міръ, въ которомъ имѣеть свои корни вся новая культурная и умственная жизнь, представляется большинству образованныхъ людей въ полусумракѣ, что греческая исторія и литература ставятся въ одинъ рядъ съ тѣми предметами школьнаго преподаванія, которыми люди не занимаются въ зрѣлые годы. Исторія греческаго народа болѣе всякой другой можетъ служить учительницею людямъ слѣдующихъ вѣковъ, и въ особенности для нѣмецкой націи можетъ она служить зеркаломъ самоизученія, самоизслѣдованія. Всѣ великія задачи и вопросы, волнующіе нынѣшнюю политическую и общественную жизнь, уже являлись въ греческой исторіи, уже двигали мыслями и дѣлами грековъ. Правда, размѣры пространства, на которомъ происходили явленія греческой исторіи, очень малы сравнительно съ міромъ нынѣшней культуры; но человѣческій духъ, человѣческія влеченія и теперь, какъ тогда, движутъ массой. Размѣръ предмета только увеличиваетъ площадь дѣйствія силы, арену умственной дѣятельности; а сама сила, самая дѣятельность духа одинаково остается главнымъ факторомъ исторической жизни, въ маленькомъ ли государствѣ, ограничивающемся окрестностями одного города, или въ обширномъ го-

сударствѣ. Неоспоримое достоинство древности то, что она всегда интересна, что всѣ явленія древняго міра—и люди и факты—возбуждаютъ участіе къ себѣ. Правдиво и живо изображать этотъ древній міръ можетъ только исторія, хоть и было много попытокъ наглядно знакомить съ древностью, дѣлать ее близкой уму или чувству, посредствомъ романа, драматической поэзіи, посредствомъ другихъ изящныхъ искусствъ; эти произведенія не могли возбудить прочнаго интереса. А исторія древности останется вѣчно юной, и каждый новый историческій трудъ будетъ только вызывать къ новому соревнованію, къ новой дѣятельности.

Авторъ настоящаго труда былъ одушевленъ этимъ соревнованіемъ, былъ проникнутъ влеченіемъ снова воздѣлать прекрасное цвѣтущее поле греческой исторіи, яснѣе выставить на видъ нѣкоторыя части его, охватить все цѣлое стройной замкнутою формой. Онъ желаетъ, чтобы результатъ его работы оказался не совершенно неудачнымъ, чтобы руководившая его работой надежда, оживить интересъ къ древнему греческому міру, увеличить число людей, имѣющихъ этотъ интересъ, не осталась совершенно напрасной.

Гейдельбергъ, лѣто 1882 г.

Георгъ Веберъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Посвященіе и предисловіе	IX—XI
Исторія эллинскаго народа.	
Литература предмета	1
Греческая страна	3
Топографическія подробности: 1) Дельфы, стр. 14; 2) Аѳины, стр. 16; 3) Фивадія, стр. 19; 4) Олимпія, стр. 20; 5) Тиринѣ, и Микены, стр. 23.	
I. Мифическій міръ грековъ и Гомеровскій вѣкъ.	
1. Первобытное населеніе; пеласги. Восточные культурные элементы	25
2. Мифологическій міръ	39
1. Θεογονія	43
2. Греческія божества	49
3. Герои	65
а) Греческія племенные легенды	67
б) Гераклъ и Тезей	70
в) Общія экспедиціи героевъ	76
3. Переселеніе дорійцевъ и Гомеровскій вѣкъ	101
1. Передвиженія племенъ въ Θεσσαλίи и Беотіи. Завоеваніе Пелопоннеса дорійцами	—
2. Греческія колоніи въ Малой Азіи	110
3. Амфиктіонія и Дельфійскій храмъ	118
4. Эпическая поэзія	126
5. Героическій вѣкъ	148
1) Нравы и бытъ	—
2) Религія и нравственные понятія	157
II. Владычество аристократовъ. Установленіе законовъ. Колонизація.	
1. Ликурзь. Спартанскія учрежденія	163
2. Возростаніе могущества Спарты	187
3. Владычество аристократовъ. Греческая колонизація	203
1) Эллинскія колоніи въ Италіи, Сициліи, Галліи	207
2) Эллинская колонизація во Фракіи, на Геллеспонтѣ и на Черномъ морѣ	218
3) Отношенія греческихъ колоній къ метрополіямъ, къ туземцамъ и другимъ народамъ. Общій ходъ ихъ развитія	224

	Стр.
4. Афины. Законодательство Солона	229
1) Владычество эвпатридовъ	—
2) Законодательство Солона	243
3) Конецъ жизни Солона	259
5. Эпоха тиранновъ	264
1) Тираннія	—
2) Владычество Кипселидовъ въ Коринѣ	268
3) Владычество ореаторидовъ въ Сикионѣ	273
4) Θεαγένης и борьба партій въ Мегарѣ. (Θεογνίδης)	277
5) Питтакъ, эсимнетъ Леобосскій (Αλκείη)	280
6) Тразибулъ милетскій и Поликрать самосскій	282
7) Сицилійскіе тиранны	285
6. Афины подъ властью Пизистратидовъ и установление демократическаго правленія	288
1) Пизистратъ и его сыновья	—
2) Паденіе тиранніи и реформа Клисѣена	295
3) Побѣда демократіи	305
7. Умственная жизнь и литература	313
1) Характеръ эллинской культуры	—
2) Лирическая поэзія	324
А. Элегія. (Солонъ, Θεογνίδης, Симонидъ)	—
В. Ямбы (Архилохъ)	329
С. Лирика въ тѣсномъ смыслѣ слова	331
а) Греческая музыка (Τερпандрοςъ)	—
б) Эолійская лирика (Αλκείη, Сапфо, Анакреонъ)	334
с) Дорійская лирика (Πινδαροςъ)	337
3) Древнѣйшая прозаическая литература	341
А. Древнѣйшая греческая философія	343
а) Ионійская философія	344
1. Мыслители динамической школы	345
2. Мыслители механической школы	347
б) Италійская философія	349
1. Пифагоръ и пифагорейцы	—
2. Элеатская школа	356
3. Эмпедоклъ	359
В. Древнѣйшая историографія	361
III. Время персидскихъ войнъ	365
1. Азія передъ началомъ персидскихъ войнъ	365
1) Малая Азія	—
А. Малая Азія и ея населеніе	—
В. Владычество лидійцевъ	375
С. Крезъ и Киръ	380
Д. Завоеваніе Малой Азіи и покореніе іонійскихъ городовъ персами	385
2. Персидское царство	388
А. Конецъ жизни Кира	—
В. Камбизъ. Лже-Смердизъ. Воцареніе Дарія	394
3. Царствованіе Дарія (521—485)	406
А. Подавленіе возстаній. Бизутунскій памятникъ	—
В. Походъ на скифовъ	413
а) Древняя Скиѣія и ея населеніе	—
б) Походъ Дарія на Скиѣю (около 513 г. до Р. X.)	418

	Стр.
4) Состояніе персидскаго царства передъ началомъ войнъ съ Греціею	426
2. Война съ персами	441
1) Возстаніе іонійцевъ	—
2) Мараѳонская битва	453
3) Аристидъ и Θемистоклъ	463
4) Нашествіе Ксеркса	470
А. Переходъ черезъ Геллеспонтъ; походъ по Θракіи и въ Македоніи	—
В. Термопилы и Саламинъ	477
5) Платей и Микале	498
IV. Гегемонія Афинъ и вѣкъ Перикла	—
1. Возростаніе могущества Афинъ. Исторія гегемоніи Афинъ до Периклова мира (477—445)	515
1. Θемистоклъ и построеніе афинскихъ и пирейскихъ стѣнъ	519
2. Вѣкъ Перикла	544
3. Драматическая поэзія	555
1. Трагедія	—
2. Комедія	573
V. Время Пелопоннесской войны	—
I. Пелопоннесская война (431—421)	590
1. Архидамова война и Никіевъ миръ (431—421)	—
2. Раздоры и войны въ годы мира между Афинами и Спартою (421—415)	626
3. Осада Сиракузъ	632
1. Сицилійскія дѣла до осады Сиракузъ	—
2. Осада Сиракузъ и поруганіе гермовъ	639
4. Декелейская война и борьба партій въ Афинахъ	658
5. Конецъ Пелопоннесской войны	676
6. Паденіе Афинъ	685
7. Владычество Тридцати и восстановленіе демократіи	690
II. Умственная жизнь. Литература	700
1. Философія	—
1. Софисты	—
2. Сократъ (466—399)	705
3. Ученики Сократа: Аристиппъ, Антисѣенъ, Эвклидъ	715
4. Платонъ (427—346)	719
5. Аристотель (384—322)	739
1. Жизнь и сочиненія	740
2. Основныя черты философіи Аристотеля	744
а) Формальная философія и классификація	—
б) Теоретическая философія (метафизика и физика)	746
с) Практическая философія (этика и политика)	749
2. Историческая литература	754
3. Ораторское искусство	767
4. Изящныя искусства	775
VI. Вторая гегемонія Спарты до Анталкидова мира (404—387)	—
1. Исторія Спарты	797
2. Походъ Кира младшаго и отступленіе Десяти тысячъ грековъ	800

	Стр.
1) Исторія персидскаго царства	800
2) Походъ Кира Младшаго противъ Артаксеркса (401)	804
3) Отступление Десяти тысячъ (400—399)	810
3. Война Спарты съ персами. Походы Агезилая	821
4. Новые раздоры въ Греціи. Коринеская война	829
<i>VII. Деспотизмъ Спарты, паденіе ея могущества, гегемонія Ѡивъ.</i>	
1. Деспотизмъ Спарты	845
2. Освобожденіе Ѡивъ. Пелопидъ и Эпаминондъ	852
3. Беотійская война до битвы при Левктрѣ (378—371)	859
4. Мегалополи и Мессенія	873
5. Продолженіе дѣятельности Эпаминонда и Пелопида	881
6. Битва при Мантиней. Смерть Эпаминонда и Агезилая	892
<i>VIII. Паденіе Греціи. Возвышеніе могущества Македоніи.</i>	
1. Македонія до восшествія на престолъ Филиппа	898
2. Греція во время священнѣхъ войнъ	909
3. Погибель греческой свободы и смерть Филиппа	932

Исторія Эллинскаго народа.

Литература предмета. Обзоръ источниковъ греческой (и римской) исторіи: Arn. Schäfer, Abriss der Quellenkunde der Griechischen und Römischen Geschichte. 3-е изданіе. Leipzig, 1882. — Въ изложеніи греческой исторіи авторъ постоянно держался источниковъ: греческихъ историковъ (Геродота, Ѡукидида, Ксенофонта, Плутарха, Діодора и проч.), другихъ греческихъ прозаиковъ (Платона, Аристотеля, Демосфена, Страбона, Павзанія и проч.); пользовался и поэтами, помогающими понимать умственную жизнь народа. О греческихъ писателяхъ онъ будетъ говорить въ отдѣлахъ книги, посвященныхъ исторіи греческой литературы. — Онъ прилежно пользовался и важнѣйшими изъ современныхъ ученыхъ трудовъ по греческой исторіи и по греческимъ древностямъ. Собственно по исторіи, въ особенности пользовался онъ Терлюлемъ, Гротомъ, Коксомъ и, изъ нѣмецкихъ историковъ Греціи, Кортюмомъ, Дункеромъ, Курциусомъ (Thirlwall, History of Greece, London, 1835—1838. 8 томовъ. — Grote, History of Greece. 12 томовъ. 4-е изданіе, 1864. — Geschichte des Alterthums, von Max Duncker, 5-й и 6-й томы, 4-е и 5-е изданія, 1881. — Griechische Geschichte von E. Curtius, 4-е изданіе, 1874, 4 тома). Должно назвать также: G. R. Sievers, Geschichte Griechenlands vom Ende des peloponnesischen Krieges bis zur Schlacht bei Mantinea. Kiel, 1840; — Lachmann, Geschichte Griechenlands vom Ende des peloponnesischen Krieges bis auf Alexander den Grossen, 1839; монографіи Герцберга объ Агезилаѣ (1856) и Помтова объ Эпаминондѣ (1870). — Въ сборникѣ Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen, греческая (и римская) исторія написана Герцбергомъ (Hellas und Rom, von Hertzberg). — Литература географіи и топографіи Греціи очень обширна. Изъ прежнихъ географическихъ трудовъ упомянемъ описанія Греціи Маннерта, Крузе, Гофмана, Бобрива. Они во многомъ исправлены и пополнены новыми трудами, изъ которыхъ назовемъ: книгу Форбигера (о ней мы уже упоминали въ исторіи Востока); — Lehrbuch der alten Geographie, von Kiepert, Berlin, 1877; — E. Curtius, Peloponnesos, 2 тома; 1851, 1852; — Bursian, Geographie von Griechenland 2 тома, 1862—1872; — Curt Wachsmuth, die Stadt Athen im Alterthum, 1874; — путешествія Фишера, Пронеша, Росса; путешествіе Штарпа (1874). — Греческая мифологія была въ наше время предметомъ очень многихъ глубокихъ изслѣдованій. Изъ прежнихъ трудовъ, назовемъ: Creutzer, Symbolik, 3 изданіе, 4 тома, 1837—1844; — O. Müller, Prolegomena, 1825; — Buttmann, Mythologus, 2 тома, 1828; — изъ новыхъ: L. Preller, Griechische Mythologie, 4 изданіе, 1882; — Gerhard, Griechische Mythologie, 2 тома, 1854, 1855; — Welcker, Griechische Götterlehre, 3 тома, 1857—1862; — Overbeck, Kunstmythologie, 1871—1878. — Исторія греческой литературы подробно излагается во многихъ новыхъ трудахъ; изъ прежнихъ, назовемъ: Schöll, Geschichte der griechischen Literatur, 3 тома, 1828 — 1830; изъ новыхъ: Bernhardt, Grundriss der griechischen Literatur, Halle, 1867 — 1876, 3 тома; — K. O. Müller, Geschichte der griechischen Literatur, 3-е изданіе, 2 тома, 1875; — Mure, A critical History of the language and literature of Ancient Greece. 5 томовъ. 1850 — 1857; — Bergk, Griechische Literaturgeschichte. 1872. — Монографіи: Prolegomena ad Homerum, Фридриха Августа Вольфа; — Welcker, Die Homerischen Dichter, 2-е изданіе, 1862, и его же Die Aeschylische Trilogie, 1824; — Opuscula, Ричля; — Lachmann, Betrachtungen über die Ilias, 3 изд., 1874. — Kirchhoff, Die Homerische Odyssee, 2 изд., 1879; —

Nitsch, Die Sagenpoesie der Griechen, 1852 и его же Beiträge zur Geschichte der epischen Poesie der griechen 1862. — Ulrici, Geschichte der Hellenischen Dichtkunst, 2 тома, 1835; — Creuzer, Die Historische Kunst der griechen, 2 изд., 1845; — его же Charakteristik der antiken Historiographie, 1833; — Westermann, Geschichte der Beredsamkeit in Griechenland und Rom, 2 тома, 1833; — Kirchhoff, Ueber die Entstehungszeit des Herodotischen Geschichtswerks, 1878. — Так же богата литература греческих древностей. Назовемъ: Wachsmuth, Hellenische Alterthumskunde, 2-е издание, 2 тома, 1844; — К. Fr. Hermann, Lehrbuch der griechischen Antiquitäten; последнее издание, въ переработкѣ Штарка; — Schoemann, griechische Alterthümer, 3 издание, 2 тома, 1871—1873; — Fustel de Coulanges, La cité antique, 2 издание, 1866; — Guhl und Koner, Das Leben der Griechen und Römer, 4 изд., 1876. — Въ изложении исторіи греческой философіи главными пособиями для автора были: Ritter, Geschichte der Philosophie, 12 томовъ, 1829—1853; — Brandis, Handbuch der Geschichte der griechisch-römischen Philosophie, 3 тома, 1835—1866 и его же Geschichte der Entwicklung der griechischen Philosophie, 2 тома, 1862—1864; — Zeller, Die Philosophie der Griechen, 4 издание, 3 тома, 1852—1877; — Ueberweg, Grundriss der Geschichte der Philosophie, 4 изд., 3 тома, 1871—1875; — Schwegler, Geschichte der griechischen Philosophie, 3 издание, 1881; — Strümpell, Geschichte der Philosophie der Griechen, 2 тома, 1854, 1861. — Въ исторіи греческаго искусства авторъ пользовался, кромѣ классической книги Винкельманна: Geschichte der Kunst des Alterthums (томы 3 — 6 въ Sämmtliche Werke von Winckelmann, 1825 — 1829), трудами К. О. Миллера, Брунна, Овербека, Фейербаха, Любке (К. О. Müller, Handbuch der Archäologie der Kunst, издание Вельнера, 1846; — Н. Brunn, Geschichte der griechischen Künstler, 2 тома, 1853—1859; — Overbeck, Geschichte der griechischen Plastik, 2 изд., 2 тома, 1869—1870; — Anselm Feuerbach, Der vatikanische Apollo, 2 изд., 1855 и Nachgelassene Schriften, 2 тома, 1859; — Lübke, Geschichte der Plastik, 2 изд., 1871) и книгами Шлимана о его раскопкахъ въ Иліонѣ, Микенахъ и проч.; книгами Гуманна о раскопкахъ въ Пергамѣ, Курциуса о раскопкахъ въ Олимпіи. — Изъ другихъ важныхъ монографій должно назвать: К. О. Müller, Geschichte der hellenischen Stämme und Städte (Orchomenos und die Myner, 1820; Die Dorier, издание Шнейдевина, 3 тома, 1844; Die Etrusker, 2 тома, 1828); авторъ пользовался и другими монографіями К. О. Миллера; — Holm, Geschichte Siciliens im Alterthum, 2 тома, 1870, 1874; — Nägelsbach, Homerische und Nachhomerische Theologie, 2 изд., 1861; — Friedländer, Die Homerische Kritik, 1852; пользовался авторъ и монографіями Гельбига, Курциуса, Бонца, Дюнцера и другихъ о Гомерѣ и Гомеровскомъ вопросѣ. — Послѣ Мансо (Sparta, 5 томовъ, 1800—1805) и Гёка (Kreta, 3 тома, 1823—1829), написано много изслѣдованій объ исторіи отдѣльных греческихъ государствъ, въ особенности главныхъ изъ нихъ, Спарты и Аѳинъ; таковы: Busolt, Forschungen zur griechischen Geschichte, 1880; Die Lakëdämonier etc., 1878; Der Zweite athenische Bund, въ Jahrbücher für klassische Philologie; — Gilbert, Studien zur altspartanischen Geschichte, 1872; Beiträge zur innern Geschichte Athens, 1877; — Dum, Spartanische Königslisten, 1878; — Oncken, Athen und Hellas, 2 тома, 1865; Wecklein, Die Tradition der Perserkriege, 1876; — Ad. Schmidt, Das perikleische Zeitalter, 1877, 1879; — Filleul, Histoire du siècle de Périclès, 2 тома, 1873; — Müller-Strübing, Aristophanes und die historische Kritik, 1873; — Vischer, Kleine historische Schriften, 1877 (въ особенности, изслѣдованіе объ Эпипнионѣ). — Знаменитая книга Бёкка, Die Staats-haushaltung der Athener (1817) очень пополнена во 2-мъ изданіи (1851). — Изъ многочисленныхъ изслѣдованій о Македонско-Демосфеновскомъ времени назовемъ: К. О. Müller, Über die Wohnsitze etc. des makedonischen Volkes, 1825; Flathe, Geschichte Makedoniens, 2 тома, 1832, 1834; Brückner, König Philipp, 1837; Abel, Makedonien vor König Philipp, 1847; Droysen, Geschichte Alexanders des Grossen, 1877; Schäfer, Demosthenes und seine Zeit, 3 тома, 1856 — 1858; Böhnecke, Forschungen auf dem Gebiete der attischen Redner, 1843; Bernays, Phokion, 1881; — разныя монографіи Вейднера, Гартеля, Вейля. Богатый запасъ свѣдѣній и изслѣдованій по всѣмъ отраслямъ исторіи классическаго міра собранъ въ Realencyclopädie Паули, 1837—1852; въ Allge-

meine Encyclopädie Эрша и Грубера, выходящей съ 1818 г. въ Лейпцигѣ; въ Rheinisches Museum für Philologie, основанномъ Набуромъ, Бёкомъ и Брандисомъ, въ другихъ филологическихъ и историческихъ журналахъ, изъ которыхъ назовемъ Historische Zeitschrift, Зибеля. — Относительно хронологіи авторъ руководился, кромѣ Иделера (Handbuch der Chronologie), трудомъ Клинтона Fasti Hellenici въ новомъ изданіи, хронологическими таблицами Петера (3 изд., 1866), Фишера (1846) и другихъ. — Большой запасъ критическихъ и библиографическихъ замѣтокъ находится въ Jahresberichte der Geschichtswissenschaft, издаваемыхъ съ 1880 года въ Берлинѣ и въ Jahresberichte über die Fortschritte der klassischen Alterthumswissenschaft, издаваемыхъ съ 1875 года Бурцианомъ.

Греческая страна.

Между Адриатическимъ и Чернымъ морями лежитъ полуостровъ, по очертанію и характеру страны. сѣверной окраинѣ котораго течетъ Дунай. Сѣверная часть полуострова образуетъ широкую, сплошную массу, на которой подымается высокій хребетъ; восточную половину этого хребта греки называли Гемосомъ, теперь называется она Балканомъ. Южная часть полуострова — узкая горная страна, вдающаяся въ Средиземное море нѣсколькими меньшими полуостровами и длинными мысами. По склонамъ сѣвернаго хребта лежатъ Иллирія, Македонія и Фракія, въ этихъ странахъ много горъ, покрытыхъ лѣсомъ, имѣющихъ мѣстами золотыя и серебряныя жилы; много и долинъ, равнинъ, очень плодородныхъ. Всю сѣверную часть полуострова населяли грубые воинственные племена не-эллинскаго происхожденія. Эллинская цивилизація развилась тутъ лишь по побережью Эгейскаго моря, соединяющагося узкимъ проливомъ, Геллеспонтомъ (Дарданеллами), съ небольшимъ бассейномъ, Пропонтидою (Мраморнымъ моремъ), изъ котораго другой, еще болѣе узкій, проливъ, Босфоръ, ведетъ въ Черное море, называвшееся у грековъ «Гостепріимнымъ моремъ» (Понтомъ Эвксинскимъ). Босфоръ, или, какъ произносили это имя греки, Боспоръ, похожъ на рѣку; въ самомъ узкомъ мѣстѣ, ширина его не больше пяти стадій, около версты. Южную часть Эгейскаго моря греки называли Миртойскимъ моремъ, обозначали его и выраженіемъ «наше море».

Южная часть большого полуострова, лежащая между 41-мъ и 36-мъ градусами широты — это страна греческаго народа. Пространство ея около 1700 квадратныхъ миль. Она дѣлится естественными границами на три части: сѣверная окружена высокими горами; средняя часть шире сѣверной; южная часть — полуостровъ, соединяющійся съ материкомъ узкимъ перешейкомъ. Берега Греціи опоясаны цвѣтущими островами.

Эллада — горная страна, окруженная моремъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ сѣверной. Горы идутъ по всей Греціи высокою перепутанною

сѣтью и замыкають своими стѣнами доступъ къ ней въ особенности съ востока, защищая ее отъ нашествій съ азіатской стороны, единственной, съ которой могла грозить грекамъ опасность нападеній. Съ горъ течетъ по всѣмъ направленіямъ множество рѣчекъ; онѣ орошаютъ прекрасныя долины, разстилающіяся между хребтами; въ древности долины эти давали обильныя жатвы хлѣба, много вина и оливковаго масла. По нижнимъ частямъ горъ были хорошія пастбища, на которыхъ паслись многочисленныя стада; скотоводство въ древней Греціи было очень развито. Надъ поясомъ пастбищъ подымалась полоса прекрасныхъ лѣсовъ, дававшихъ много добычи охотникамъ, а надъ лѣсами высились скалистыя вершины. Многія изъ этихъ вершинъ въ продолженіе большей части года покрыты льдомъ и снѣгомъ. Большихъ рѣкъ въ Греціи нѣтъ. Нѣкоторыя мѣстности ея въ древности были болотисты, заливаемы водою въ дождливыя мѣсяцы, а горы заслуживали названіе «богатыхъ ручьями»; но греческій полуостровъ былъ и въ древности скуденъ водою. На каменистой почвѣ, подъ знойнымъ солнцемъ юга, рѣчки лѣтомъ часто высыхали. Родники, ручьи, рѣки, какъ и дождь, считались благословеннѣйшими дарами боговъ, были сами чтимы, какъ божества.

Сѣверная Греція.

Главный узелъ всѣхъ греческихъ горъ—дикій, скалистый хребетъ Пиндъ, идущій съ сѣвера на югъ. Снѣгъ лежитъ на вершинахъ его почти весь годъ. Воды западныхъ его склоновъ текутъ въ Адриатическое море, воды восточныхъ склоновъ въ Эгейское. Онъ отдѣляетъ Эпиръ отъ Фессаліи. Сѣверная часть его—Лакмонъ, южная—Тимфрестъ; отъ обоихъ этихъ краевъ идутъ длинныя развѣтвленія. Отъ сѣверной части идетъ на востокъ хребетъ, образующій сѣверную границу Фессаліи и кончающійся у моря громадною горою, Олимпомъ, мраморные утесы котораго подымаются изъ пояса лѣсовъ въ область снѣга, и достигаютъ почти 10,000 футовъ вышины. Онъ былъ стражемъ сѣверной границы Эллады, жилищемъ боговъ. На югъ отъ него, «многоутесистаго», подымается скалистая Осса, южный конецъ которой цѣпью менѣе высокихъ горъ соединяется съ Пеліономъ, суровымъ лѣснымъ хребтомъ, подымающимся подобно громадному валу надъ областью магнетовъ. Между Олимпомъ и Оссою находятъ путь себѣ къ Термейскому заливу прекрасный Пеней, берущій свое начало на Лакмонѣ и протекающій большою дугою черезъ Фессалійскую равнину. Его путь между Олимпомъ и Оссою къ морю—прославленная поэтами долина Темпе. Она лежитъ между черныхъ утесистыхъ скалъ, съ которыхъ сбѣгаютъ серебристыя ручьи, и съ мелодическимъ ропотомъ струй бѣжитъ по ней рѣка, осѣненная лаврами, яворами, оплетенными сѣтью вьющихся растений, дающими пріютъ множеству пѣвчихъ птицъ, голосами которыхъ звенятъ эти милыя рощи. На южной границѣ Фессаліи, по такой же долині между идущими отъ Тимфреста на востокъ хребтами Отридомъ и Этою

пролагаетъ себѣ извилистый путь къ морю Сперхей, впадающій своимъ устьемъ въ небольшой Малійскій заливъ. Неподалеку отъ устья Сперхея находится знаменитая тѣснина Термопилъ, единственный проходъ изъ плодородной, богатой роскошными лугами Фессаліи въ среднюю Грецію. Термопилы—узкая полоса между подступающею къ морю горою Каллидромомъ и болотомъ приморья; въ древности, эта тѣснина была такъ узка, что въ двухъ мѣстахъ имѣла ширину едва достаточную для проѣзда телеги; фокейцы построили поперекъ нея стѣны, въ защиту себѣ отъ нападеній фессалійцевъ. Теперь проходъ расширился наносомъ земли съ горы на болото. Но еще продолжаетъ струиться съ лѣсистаго холма горячій сѣрный источникъ, по которому греки называли эту тѣснину Термопилами, «теплыми воротами». На западѣ отъ Лакмона лежала Геллопія («солнечная земля»); тутъ, въ узкой котловинѣ, окруженной густыми дубовыми лѣсами, было Додонское святилище, славившееся съ древнѣйшихъ временъ своимъ оракуломъ. Геллопія—восточная часть Эпира, суровой горной страны, сплошь образуемой развѣтвленіями Пинда; берегъ Эпира подымается надъ Адриатическимъ моремъ стѣною скалъ, такъ что и съ моря, какъ съ суши, эта страна была мало доступна и долго оставалась очень мало извѣстна грекамъ; ея населеніе, дѣлившееся на много племенъ, было грубо, дико; эллины считали эпиротовъ варварами; но было преданіе, что сами эллины жили прежде въ Эпирѣ. По области Додоны и по Эпиру течетъ въ Іонійское море знаменитый въ греческихъ легендахъ Ахелой, самая большая изъ рѣкъ Греціи. Онъ образуетъ на югѣ отъ Эпира границу между Акарнаніею и Этоліею. Акарнанія, страна холмовъ, была мѣстами плодородна. Городъ Стратъ былъ столицею союза населявшихъ ее племенъ. Жители Этоліи, суровой горной страны, сохраняли во все продолженіе исторіи древней Греціи первобытную грубость нравовъ, оставались воинственными хищниками и занимались на службу въ чужихъ войскахъ.

Средняя Греція.

Хищныя, грубыя племена этихъ западныхъ областей не принимали участія въ развитіи греческой образованности и не имѣли большого значенія въ исторіи. Гораздо важнѣе были государства, лежавшія въ центральной части Греціи, въ долинахъ и по склонамъ хребтовъ, соединяющихъ Пиндъ съ Парнассомъ, священной горою, подымающеюся до 8,000 футовъ высоты. Южный склонъ Парнасса образуютъ изрѣзанныя множествомъ ущелій Федриадскія скалы, утесы которыхъ подымаются уступами, составляющими этажи террасъ. Тутъ, въ живописной мѣстности, производившей сильное впечатлѣніе своею дикою красотою, стоялъ между нагихъ утесовъ и лѣсовъ, пещеръ, ручьевъ, кусокъ плодородной земли, городъ Дельфы, въ которомъ былъ храмъ бога солнца, Аполлона, съ оракуломъ его, со множествомъ великолѣпныхъ сооружений на искусственныхъ террасахъ съ крѣпкими

Страна около Парнасса.

Беотія.

контрфорсами. Храмъ и его пристройки были наполнены безчисленными статуями и другими художественными произведеніями. И каждое утро первые лучи Аполлона падали на бѣлыя вершины горъ надъ его храмомъ. Нѣсколько выше мѣста, гдѣ стоялъ городъ, течетъ изъ разсѣлины скалы Кастальскій источникъ, орошавшій священную лавровую рощу, въ которой самъ Аполлонъ сорвалъ вѣтви для побѣднаго вѣнка себѣ, когда убилъ своими стрѣлами змѣя Пифона, чудовище болотныхъ мѣзмовъ. — Горная страна центральной Греціи дѣлилась на Фокиду, Локриду и Дориду. — Локрида простиралась отъ южнаго (Коринѣскаго) залива до Эврипа, пролива, отдѣляющаго отъ материка Эвбею, узкій и длинный хлѣбородный островъ. Западная половина Локриды называлась Озолскою, восточная Опунтскою, Эпикнемидкою или Гипокнемидкою. Между этими частями Локриды лежала Дорида, маленькая бѣдная горная область, которой покровительствовали, какъ своей родинѣ, могущественные дорійцы Пелопоннеса. На югъ отъ Парнасса идетъ невысокій Кирфисскій хребетъ, черезъ ущелья котораго и черезъ тройное дефиле, Схисту («Разрывъ»), лежалъ путь изъ центральной Греціи въ Беотию, середина которой образуетъ окруженную горами плодородную низменность, орошаемую нѣсколькими рѣками. Религіознымъ центромъ союза беотійскихъ городовъ былъ храмъ Аѣины Итонской близъ города Коронеи; тутъ праздновались Памбеотіи, какъ называли беотійцы свой союзный праздникъ, и тутъ засѣдалъ союзный совѣтъ. Въ центрѣ равнины лежитъ озеро; когда лѣтомъ вода въ немъ убываетъ, окраины его превращаются въ обширныя болота; на этихъ окраинахъ стояли города Галиартъ и Копы, по имени котораго озеро называлось Копайдою, «Копайскимъ озеромъ».

Копайда и Орхомень.

Разливы Копайскаго озера послужили поводомъ къ возникновенію преданій о потопахъ, бывшихъ при Омгѣ и при Девкаліонѣ, и о городахъ, погружившихся въ озеро. Кефиссъ, „прекрасноструйный“, какъ называютъ его греческіе поэты, самая большая изъ беотійскихъ рѣкъ, имѣетъ истокъ въ той мѣстности Фокидскихъ горъ, гдѣ стоялъ городъ Килла, извивается по Фокидѣ многочисленными изгибами между горъ, протекаетъ черезъ Копское озеро по его длинѣ, и близъ моря теряется, падая въ подземныя пещеры, такъ что устье его скрыто подъ приморскою грядою высотъ. У грековъ были преданія, что въ глубокой древности минійцы, искусный во всякихъ техническихъ работахъ народъ, жившій у Копайскаго озера, регулировали его разливы сооруженіемъ громадныхъ насыпей и водоотводныхъ каналовъ („катаботръ“). Главнымъ городомъ минійцевъ былъ Орхомень, стоявшій у Копайскаго озера; развалины стѣнъ Орхомена свидѣлствуютъ о строительномъ искусствѣ минійцевъ. Стѣны были сложены изъ камней, отесанныхъ неправильными многоугольниками. Замѣчательнѣйшая часть развалинъ — „входъ въ сокровищницу Минія“ — ворота, образуемая двумя вертикальными стѣнами, промежуткомъ которыхъ покрытъ огромнымъ кускомъ мрамора. — Озеро было богато рыбою, въ особенности угрями. По берегамъ его росъ прекрасный тростникъ, изъ котораго дѣлали „пастушескія свирѣли“, состоявшія изъ двухъ дудокъ, и бывшія самымъ

любимымъ, послѣ китары, музыкальнымъ инструментомъ грековъ. Берега, до которыхъ доходитъ озеро зимою, круты и скалисты; по срединѣ длины озера южный и сѣверный берега его сходятся такъ близко, что между ними остается лишь узкій проливъ, черезъ который въ древности былъ построенъ мостъ; остатки столбовъ этого моста еще видны въ водѣ. На востокъ отъ Копанды, въ горахъ между низменностью и моремъ, есть еще два озера, гораздо меньше Копайскаго; они соединены съ нимъ подземными протоками, такъ что уровень воды въ нихъ измѣняется одинаково съ его уровнемъ; но они не болотныя озера, какъ оно; они окружены горами, и объемъ ихъ мало мѣняется отъ прибыли и убыли воды. — Шлиманъ, такъ усердно занимающійся раскопками въ мѣстностяхъ, гдѣ стояли древнѣйшіе греческіе города, произвелъ раскопки и на мѣстѣ развалинъ Орхомена. Онъ не нашелъ тутъ такого множества золотыхъ вещей, какъ въ Троѣ и въ „богатыхъ золотомъ“ Микенахъ; но открылъ сокровищницу и прилегающую къ ней гробницу; нельзя сомнѣваться въ томъ, что и тутъ были груды золота. По потолку гробницы вырубленъ узоръ, очень искусной работы, принадлежащей до-гомеровскимъ временамъ; узоръ этотъ вѣроятно изображаетъ собою великолѣпный ассирійскій коверъ.

На югъ Беотіи подымается Геликонъ, священная гора Музъ, на которой не было никакихъ вредныхъ животныхъ и росли цѣлебныя травы. Вся мѣстность кругомъ Геликона была святая, застроенная множествомъ храмовъ, при которыхъ свершались мистеріи. Да и всю Беотию, въ горахъ которой очень много пещеръ и разсѣлинъ, греки называли «землею многогласныхъ оракуловъ». Ущелья Киѣеронскаго хребта ведутъ изъ Беотіи въ Аттику. По странной игрѣ природы, очертаніе Аттики нѣсколько походитъ въ маленькомъ размѣрѣ на общее очертаніе всего греческаго полуострова. Она имѣетъ форму неправильнаго треугольника, двѣ стороны котораго омываются моремъ, а третья сѣверная сторона прилегаетъ къ Киѣеронскому хребту, образующему границу между этимъ маленькимъ полуостровомъ и остальною Греціею. Почва Аттики не особенно плодородна: слой рыхлой земли въ ней повсюду тонокъ; подъ нимъ вездѣ камень. Одно изъ развѣтвленій Киѣерона проходитъ по всей длинѣ Аттики, образуя на южномъ концѣ ея мысъ Суній (или Суніонъ) и раздѣляя полуостровъ на двѣ полосы; по западную сторону хребта разстилается Элевзинская равнина, единственная мѣстность въ Аттикѣ, настолько хлѣбородная, чтобы земледѣльство было выгоднымъ занятіемъ. На восточной сторонѣ лежитъ Мараѣонская равнина, мѣсто битвы, прославившей аѣинянъ. Горы Парнесъ, Брилеттъ или Пентеликъ, гдѣ добывался знаменитый мраморъ, Лаврій, имѣвшій богатые серебряныя рудники, Гиметтъ, съ ароматныхъ травъ котораго безчисленные рои пчелъ собирали превосходный медъ — это части хребта, идущаго отъ Киѣерона и кончающагося Суніемъ. Мысъ Колій доставлялъ прекрасную глину для знаменитой посуды. — Водой Аттика не была богата. Кефиссъ и Илиссъ — такія маленькія рѣчки, какія въ другихъ странахъ считаются ничтожными. Но онѣ знамениты,

Аттика.

потому что на ихъ берегахъ стояла столица Аттики, богатая, великолѣпная Аѣны. На западномъ берегу Аттики находится гавань Пирей и не подалеку отъ нея въ заливѣ, называвшемся у грековъ Саронскимъ, лежитъ островъ Саламинъ. Наилучшая красота этого залива—островъ Эгина; тѣ мѣстности, гдѣ скалы его покрыты плодородною землею, давали богатые сборы фигъ, оливокъ и обильныя жатвы хлѣба.—Поэты древнихъ и новыхъ временъ прославляютъ ясное небо Аттики, чистый, здоровый воздухъ ея, прелесть красокъ, въ какихъ отчетливо рисуются издали въ прозрачной атмосферѣ скалы береговъ Аттики, высящіяся надъ темноглубымъ моремъ. Эврипидъ называетъ воздухъ Аттики укрѣпляющимъ жизнь эфиромъ: освѣжаемый и очищаемый вѣтромъ моря, этотъ воздухъ даетъ всѣмъ произведеніямъ Аттики ихъ своеобразную прелесть, говоритъ онъ.

Атика славилась своими оливковыми рощами. Въ долинѣ Кефисса, на сѣверѣ отъ Аѣны, гдѣ и теперь еще разсѣяны по нагой мѣстности нѣсколько группъ густолиственныхъ масличныхъ деревьевъ, была священная оливковая роща богини-покровительницы города, Паллады Аѣны. Гражданинъ аттического мѣстечка Колонъ справедливо говоритъ въ трагедіи Софокла: „Ни въ Азіи, ни въ Пелопоннесѣ, какъ я слышалъ, нѣтъ такихъ прекрасныхъ оливокъ, какъ въ нашей странѣ; рощи ихъ у насъ не вырубалъ никакой врагъ, потому что всегда заботливо охраняли ихъ Зевсъ и голубоокая Аѣна“ (Софоклъ, „Эдипъ въ Колонѣ“).

Эвбея.

На востокѣ отъ Беотіи и Аттики лежитъ, отдѣленный отъ нихъ тихимъ проливомъ, Эвримомъ, длинный островъ, который греки называли Эвбею (островомъ, хорошимъ для скотоводства), потому что на немъ много хорошихъ пастбищъ. Среднюю полосу его образуетъ высокій крутой хребетъ, въ горахъ котораго были мѣдные и желѣзные рудники и котораго лѣса доставляли неистощимый матеріалъ для кораблестроенія. Удобныхъ для земледѣлія мѣстъ въ горной полосѣ Эвбеи было мало. Тамъ, гдѣ берегъ острова подходитъ очень близко къ беотійскому берегу, лежитъ равнина, которую греки называли Лелантскимъ полемъ; она очень плодородна; изъ-за владѣнія ею вели долгія войны стоявшіе тутъ города Халкида («мѣдный городъ») и Эретрія («городъ гребцовъ», то есть моряковъ). Въ сѣверной части Эвбеи, на плодородной прибрежной равнинѣ, стоялъ очень древній городъ Гистіа, называвшійся также Ореемъ; на востокъ отъ него находится знаменитый мысъ Артемизій.

Пелопоннесъ.

Къ сѣверозападному краю Аттики прилежала маленькая область города Мегары, Мегарида; черезъ нее велъ путь съ сѣвера въ южный полуостровъ, Пелопоннесъ, соединенный съ материковою Греціей узкимъ перешейкомъ, раздѣляющимъ Саронскій заливъ отъ Коринѣскаго; греки называли его Коринѣскимъ перешейкомъ или просто «перешейкомъ», Истмомъ. Средину его перегороджена, какъ валомъ,

который воздвигла сама природа, крутымъ Геранейскимъ хребтомъ, и лишь ущелья этого хребта давали доступъ въ Пелопоннесъ; по пути по ущельямъ были обрывисты и опасны. На самомъ узкомъ мѣстѣ перешейка, въ сосновой рощѣ между поросшими камышомъ низменностями стоялъ храмъ Посейдона; тутъ праздновались истмійскія игры. Не подалеку оттуда, надъ жерломъ провала, стоялъ храмъ Меликерта; сюда приходили коринѣяне, когда должны были давать священные клятвы, тутъ присягали, заключая договоры съ другими государствами.—Греки сравнивали Пелопоннесъ по его очертанію съ листомъ своего любимого дерева, явора (говорятъ, что нынѣшнее имя этого полуострова, Морея, значитъ «смоковничный листъ»). Поводомъ къ сравненію было то, что полуостровъ имѣетъ мысы довольно правильной формы. Ихъ четыре. Заливы, которыми образованы они, греки называли Аргосскимъ, Лаконскимъ и Мессенскимъ. Пелопоннесъ почти совершенно окруженъ моремъ, такъ что составляетъ почти островъ (и нѣкоторые ученые говорятъ, что Морея, нынѣшнее имя его, значитъ морская земля, островъ). Горы Пелопоннеса составляютъ особую систему, отдѣльную отъ горъ материковой Греціи. Средину полуострова занимаетъ Аркадія, высокая терраса, покрытая сѣтью горныхъ цѣпей; кругомъ нея лежатъ прекрасныя прибрежныя области. На сѣверной окраинѣ Аркадіи находятся главные узлы пелопоннесскихъ хребтовъ; ихъ два: «богатая ручьями и овцами» Киллена на востокѣ, на западѣ—Эримантъ. Отъ Эриманта идетъ хребетъ на югъ, къ горѣ Ликею; оттуда горы идутъ дальше на югъ, къ высокому хребту, покрытому лѣсами Тайгету, въ скалахъ котораго много пещеръ; Тайгетъ идетъ дальше на югъ, и кончается мысомъ Тенаромъ, образующимъ южный выступъ берега Лаконіи.—Отъ Киллены идетъ на югъ Артемизійскій хребетъ, образующій границу между Аркадіею и Арголоидой; онъ примыкаетъ къ Парнонскому хребту, кончающемуся на югѣ мысомъ Малеею, крайнимъ восточнымъ выступомъ южнаго берега полуострова.—Пелопоннесскія горы менѣе суровы, чѣмъ скалистые хребты материковой Греціи. Гребни ихъ покрыты высокимъ хвойнымъ лѣсомъ, а растительность долинъ и равнинъ полуострова роскошна.—Истоки главныхъ рѣкъ Пелопоннеса находятся въ горахъ Аркадіи. Одна изъ этихъ рѣкъ—Алфей; не вдалекѣ отъ своего истока онъ уходитъ подъ землю; довольно далеко отъ мѣста, гдѣ скрылся, Алфей является ужъ многоводною рѣчкою, рѣзко измѣняетъ направленіе; покидаетъ горы и течетъ на западъ по цвѣтущей Элидской равнинѣ. У Олимпіи, гдѣ собирались всѣ греческіе народы на праздникъ Зевса, онъ становится широкою рѣкою и величаво, тихо течетъ къ морю. На сѣверѣ отъ него, по одному съ нимъ направленію, течетъ съ Эриманта Пеней. На югъ текутъ Памисъ, сбѣгающій со скалъ Ликея и орошающій благодатныя поля Мессеніи, и Эвротъ, берущій свое начало въ той же мѣстности, гдѣ истокъ

Аркадія.

Алфея, оплодотворяющій долину Лаконіи и впадающій въ море двумя рукавами. На востокъ течетъ съ Артемизійскаго хребта Инахъ, рѣка бѣдной орошеніемъ Арголиды. Такимъ образомъ, изъ Аркадіи льются рѣки во всѣ окружающія ее области Пелопоннеса, и сотни ручьевъ выбѣгаютъ изъ ущелій горъ ея. Родина плодотворящихъ рѣкъ, эта горная область, населеніе которой вело въ своихъ лѣсистыхъ долинахъ и ущельяхъ охотническую и пастушескую жизнь, считалась у грековъ отчизною первыхъ людей. — По аркадскому сказанію, праотцы людей служили на свѣтлыхъ высотахъ Ликей богу, властвующему въ царствѣ свѣта надъ дубовыми лѣсами вершинъ хребта. Во многихъ мифахъ и преданіяхъ первобытныхъ временъ эллинской культуры мѣстомъ дѣйствія служатъ древніе города Аркадіи: Стимфаль, стоявшій близъ болотистаго озера; Тегея, осыняющая которую дубовая роща «шумѣла при вѣтрѣ какъ море»; и на югѣ Аркадіи, Фигалія. Въ пустынномъ, страшномъ ущельѣ у Стимфальскаго озера, наполненномъ тлетворными испареніями его болотъ, между нагими грудями обломковъ скалъ, лишенныхъ всякой растительности, текла, по сказаніямъ поэтовъ, рѣка подземнаго міра, Стиксъ. На горѣ близъ Фигалей былъ великолѣпный храмъ Аполлона. Единственною связью между племенами аркадянъ были общіе религіозные праздники. Это были бѣдные и грубые поселяне, и каждая деревня жила почти въ полной независимости. Важнѣйшими городами Аркадіи были Тегея и Мантиней, между которыми было раздѣлено владѣніе обширною горною террасой; когда они бывали въ войнѣ между собою, то одинъ городъ проводилъ воду на земли другого, чтобы залить ихъ. Тегея состояла первоначально изъ девяти разныхъ поселеній, Мантиней изъ пяти. Съ каждымъ изъ этихъ городовъ были соединены союзомъ нѣсколько селъ, имѣвшихъ общій съ нимъ храмъ. Аркадяне гордились тѣмъ, что они «автохтоны», не переселенцы, а первобытное населеніе въ своей странѣ, и что не приходили къ нимъ никакіе переселенцы, что они — племя чистой, не смѣшанной крови. Но они оставались пастухами и земледѣльцами, держались первобытныхъ нравовъ, и развившаяся у другихъ греческихъ племенъ цивилизація была чужда имъ. Сношенія съ другими греческими народами были у нихъ только тѣ, что они ходили служить наемниками въ чужихъ войскахъ.

Ахаія.

Государства, лежавшія кругомъ Аркадіи, всѣ имѣли важное значеніе въ развитіи греческой жизни. На сѣверѣ отъ Аркадіи была Ахаія; въ этой области было двѣнадцать городовъ; они всѣ составляли одно союзное государство, очень долго жившее одинокою, тихою жизнью, безъ вліянія на общій ходъ дѣлъ Греціи. Но въ III вѣкѣ до нашей эры Ахейскій союзъ приобрѣлъ большое значеніе. Ахаія — горная страна, образуемая сѣвернымъ склономъ высокихъ хребтовъ сѣверной окраины Аркадіи. Развѣтвленія ихъ доходятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

до самаго моря. Между этими грядами горъ лежатъ низменные полосы, почву которыхъ составляетъ бѣлая глинистая земля, мѣстами очень плодородная. Областью cadaго изъ двѣнадцати ахейскихъ городовъ была особая долина. А сами города были почти всѣ построены на крутыхъ выступахъ горъ. Море у скалистаго берега Ахаии бурно, волны его подмываютъ скалы, и два цвѣтущіе города, Гелика и Бура, погибли отъ разрушенія скалъ прибоемъ волнъ. На западѣ отъ Аркадіи лежала плодородная, богатая, превосходно воздѣланная Элида. Въ ней, у города Олимпіи, былъ чтимый всѣми греками храмъ Зевса, и уваженіе къ его святости распространялось на всю Элиду: она была священная область, воевать съ нею было преступно, и она пользовалась вѣчнымъ миромъ. Равнины ея побережья были очень хлѣбородны, очень хороши для воздѣлыванія винограда и хлопчатника; хлопчатниковыя плантаціи были тамъ ужъ въ древнія времена. На югѣ отъ Элиды находилась горная область Трифилія, главными городами въ которой были Лепрей и Макистъ; въ ней стоялъ и маленькій городъ Пилосъ, который многіе ученые считаютъ за Гомеровскій «песчаный» Пилосъ, гдѣ царствовалъ Несторъ. На югѣ и востокѣ отъ Трифиліи лежала Мессенія, благодатнѣйшая часть Пелопоннеса. Обильно орошенная Памисомъ и другими рѣками, текущими съ горъ Аркадіи, защищенная этими горами отъ суроваго сѣвернаго вѣтра, и открытая теплomu южному вѣтру съ моря, Мессенія, при своемъ прекрасномъ климатѣ и своей превосходной почвѣ, была въ древности цвѣтущею страной съ роскошною южною растительностью. Ея живописныя горы были покрыты лѣсами. Двѣ вѣрности на высокихъ горахъ, Итома и Ира (или Эйра, Eira) служили надежными укрѣпленіями во время войны. Плодородныя равнины давали обильныя жатвы хлѣба, въ садахъ по склонамъ холмовъ созрѣвали прекрасные плоды юга; по горамъ, на роскошныхъ пастбищахъ, былъ обильный кормъ многочисленнымъ стадамъ овецъ и рогатаго скота.

Элида.

Мессенія.

На востокѣ отъ Мессеніи лежала земля спартанцевъ, Лаконія, вдающаяся далеко въ море двумя мысами, составляющими южные концы двухъ хребтовъ: дикаго, живописнаго, «многопещернаго» Тайгета и широкаго Парнона. Зубчатые вершины скалъ Тайгета поднимаются до 8,000 футовъ высоты, и въ продолженіе большей половины года покрыты снѣгомъ. Съ обоихъ хребтовъ сбѣгаетъ множество ручьевъ въ Эвротъ. У Паллены хребты сходятся такъ близко, что образуютъ ущелье, въ которомъ у рѣки остается лишь узкое побережье. Это ущелье ведетъ въ «Лакедемонскую долину», по которой Эвротъ бѣжитъ подъ тѣною нависшихъ надъ нимъ ивъ и олеандровъ, а въ густыхъ камышахъ по рѣкѣ живутъ стада лебедей. Эта плодородная и прекрасно воздѣланная часть долины Эврота была центромъ дорійскихъ поселеній, изъ соединенія которыхъ произошла Спарта, городъ, не обведенный стѣнами и раскинувшійся ши-

Лаконія.

Арголида.

роко. Ниже, долина опять суживается, такъ что Эвротъ извивается между скалъ. Потомъ горы разступаются и рѣка тихо течетъ широкимъ русломъ по Гелосской равнинѣ, на которой было много тутювыхъ рошъ, и впадаетъ въ море нѣсколько ниже города Гелоса, именемъ котораго называлась эта равнина. Противъ устья Эврота лежитъ въ Лаконскомъ заливѣ островъ Китера, на которомъ въ первобытныя времена греческой исторіи поселились финикійскіе купцы и построили храмъ богини любви.—На востокъ отъ Аркадіи была Арголида, раздѣленная широкимъ заливомъ на двѣ половины, восточную и западную. Западная примыкаетъ къ Лаконіи горною пастушескою областью, которая называлась Кинуріею. Восточная половина, вдающаяся въ море, и опоясанная островами, образуетъ плодородную низменность; въ древности на ней было много садовъ и города этого приморья вели большую торговлю фруктами. Но сѣверная часть Арголиды была не плодородна, по недостатку воды, и мало воздѣлана: рѣки ея лѣтомъ пересыхаютъ, а каменистая почва не задерживаетъ въ себѣ влаги. На рѣкѣ Инахѣ, нѣсколько выше устья, стоялъ городъ Аргосъ, акрополь котораго, называвшійся Лариссою, былъ укрѣпленнымъ мѣстомъ еще во времена пеласговъ. Другимъ городомъ первобытныхъ временъ былъ «крѣпкостѣнный» Тиринъ, отъ циклопическихъ стѣнъ котораго еще остаются значительныя развалины. Не подалеку отъ нихъ, въ лѣсистомъ ущельѣ, находятся громадныя развалины «богатыхъ золотомъ» Микенъ, и еще уцѣлѣли ворота, надъ которыми изсѣчены рельефомъ два льва, и которыя поэтому называются львиными; они вели въ акрополь, гдѣ былъ дворецъ царя ахейцевъ, Агамемнона. По сѣверной части Арголиды идутъ три долины рѣкъ, текущихъ на сѣверъ; самая большая изъ нихъ Немейская; на ней стоялъ Фліунтъ, главный городъ Фліасіи, области, составлявшей особое федеративное государство. Рѣка этой долины—Асопъ, на которомъ далѣе къ сѣверу стоялъ знаменитый въ исторіи греческаго искусства, промышленный городъ Сигіонъ, окруженный оливковыми и миндальными рощами.—На востокъ отъ Сигіона, близъ перешейка высился богатый, великолѣпный Коринъ, владѣвшій входомъ въ Пелопоннесъ. Онъ былъ построенъ у моря на сѣверномъ склонѣ горы, а на скалистой вершинѣ ея, имѣющей до 2,000 футовъ вышины, стояла цитадель Коринѳа, Акрокоринѳъ.—На небольшомъ скалистомъ полуостровѣ восточнаго берега, противъ острова Эгины, стоялъ приморскій городъ Эпидавръ, съ храмомъ Асклепія (Эскулапа); находившееся при немъ врачебное учрежденіе привлекало къ себѣ много посѣтителей.

Коринѳъ.

Острова.

Въ восточной части Средиземнаго моря разбѣяно множество острововъ, ряды которыхъ образуютъ будто звенья мостовъ между Европою и Азіею. У грековъ было сказаніе, что нѣкогда существовала тутъ земля, соединявшая эти части свѣта, Лектонія, что она была раз-

рушена землетрясеніями, и что острова между Греціею и Азіею — обломки ея. Почти все греческіе острова были въ древности богаты виномъ, оливковымъ масломъ, фруктами; положеніе ихъ очень удобно для торговли, климатъ превосходенъ. Многіе изъ нихъ приобрѣли большое значеніе въ исторіи греческой цивилизаціи. У тѣхъ острововъ, которые расположены вокругъ Делоса, знаменитаго своимъ храмомъ бога солнца, и которые поэтому назывались у грековъ Цикладами (Кикладами, «островами, расположенными по окружности»), берега скалисты; они въ древности изобиловали лавровыми и кипарисовыми рощами, смоковничными и оливковыми садами, виноградниками. Почва ихъ суха; но трудолюбіе грековъ обратило ее искусственнымъ орошеніемъ въ плодородныя нивы. Самые большіе изъ этихъ острововъ: Наксосъ, очень плодородный, и Паросъ, славившійся въ древности своимъ превосходнымъ мраморомъ.—Далѣе на востокъ, у западнаго берега Малой Азіи, лежитъ рядъ острововъ, болѣе обширныхъ, называвшихся у грековъ Спорадами («разбросанными»). Они и греческіе города на берегу, близъ котораго лежатъ они, постоянно имѣли большое значеніе въ греческой исторіи. Мы должны будемъ часто говорить о важнѣйшихъ изъ этихъ острововъ: Родосъ, Самосъ, Хиосъ, Лесбосъ, Лемносъ, и о Критѣ, лежащемъ на югѣ отъ Греціи, на равномъ разстояніи отъ Европы, Азіи и Африки. Первобытное населеніе западнаго берега Малой Азіи и лежащихъ у этого берега острововъ составляли, вѣроятно, племена арійскаго семейства, родственныя грекамъ.—У западнаго берега Греціи тоже лежитъ много острововъ; они назывались Іонійскими, потому что море, на которомъ лежатъ они, греки называли Іонійскимъ. Самый большой изъ Іонійскихъ острововъ — Коркира; многіе ученые полагаютъ, что прославляемый Гомеромъ островъ феаковъ — Коркира. Левкада, лежащая у Эпирскаго берега, была первоначально полуостровомъ; въ островъ превращена она человѣческимъ трудомъ, прорывшимъ каналъ черезъ Акарнанскій перешеекъ. Передъ Патрейскимъ заливомъ лежатъ Кефалленія, Закинѳъ и «каменистая», какъ называетъ ее Гомеръ, Итака.—Греческіе острова были звеньями связей между материковою Греціею и безчисленными греческими колоніями на берегахъ варварскихъ земель.

Такова была страна, въ которой выработалъ свою цивилизацію даровитѣйшій изъ всехъ народовъ всехъ временъ. Характеръ его страны вліяніе сильно содѣйствовалъ его многостороннему развитію. Въ Греціи со- ды греческой единились особенности совершенно различныхъ странъ и климатовъ; страны на раз- потому разнообразны были наслажденія, которыя представляла она, вѣтіе греческаго народа. разнообразны и затрудненія, которыя долженъ былъ преодоле- вать въ ней трудъ воздѣлыванія земли; это развивало энергію и изобрѣтательность людей. Страбонъ говоритъ вообще о Европѣ, что она—часть свѣта, самая благопріятная для развитія хорошихъ чело- вѣческихъ качествъ, потому что жители плодородныхъ и теплыхъ

областей ея кротки и миролюбивы, жители холодныхъ и бѣдныхъ воинственныхъ, а эти разныя области находятся въ близкомъ сосѣдствѣ однѣ съ другими, и жители ихъ, знакомясь и смѣшиваясь между собою, прибрѣтаютъ одни отъ другихъ тѣ хорошія качества, какихъ не доставало имъ сперва. Это примѣняется всего болѣе въ частности къ Греціи. Она имѣетъ обширныя заливы; берега ея мѣстами скалисты, и море бушуетъ опаснымъ прибоемъ по изломаннымъ линіямъ ихъ острыхъ выступовъ; мѣстами ихъ очертанія мягко закруглены, и море лежитъ подлѣ нихъ въ спокойномъ величіи. Многочисленныя пристани, созданныя самою природою, облегчали морскую торговлю. Климатъ Греціи теплый, такъ что ея растительность имѣетъ все богатство, всю прелесть юга; но въ ней господствуютъ вѣтры съ моря, которое охватываетъ три стороны ея; горы въ ней высоки, и многія изъ нихъ бывають долго покрыты снѣгомъ; это даетъ ея климату ту укрѣпляющую свѣжесть, какую имѣетъ онъ въ странахъ, лежащихъ много далѣе къ сѣверу. Соединяя въ себѣ такія разнообразныя качества, природа Эллады благотворно дѣйствовала на развитіе физическихъ и умственныхъ силъ греческаго народа. И по очертаніямъ и по краскамъ, природа Греціи производитъ впечатлѣнія, возбуждающія чувство и мысль: греки всегда видѣли или величественныя или прекрасныя картины природы: глаза и умъ ихъ должны были привыкать къ опредѣленности формъ и мыслей. Въ уединеніи горъ пробуждалось расположеніе къ спокойному раздумью; видъ моря вызывалъ склонность къ сношеніямъ съ далекими странами, съ чужими народами; а на плодородныхъ равнинахъ развилась любовь къ трудолюбію. Воинственность поддерживалась надобностью защищаться отъ враждебныхъ сосѣдовъ, истреблять хищныхъ звѣрей. Раздробленность Греціи на множество самостоятельныхъ государствъ часто мѣшала націи дѣйствовать единодушно, вела къ предпочтенію мѣстныхъ интересовъ общимъ; но не давала впадать въ умственную апатію, которая служитъ основаніемъ деспотизму, предотвращала безжизненное однообразіе учреждений, составляющее обыкновенную принадлежность большихъ монархическихъ государствъ, жизнь которыхъ централизуется въ столицѣ.

Топографическія подробности.

1. Дельфы. Передъ глазами путешественника, приплывшаго по Коринтскому заливу въ бухту, при которой стоялъ въ древности городъ Крисса, перешедшаго прибрежную равнину и поднимавшагося на горы, раскрывается глубокая узкая долина, надъ которою съ лѣвой стороны высятся колоссальною стѣною бѣлыя скалы Парнасса, а съ правой менѣе высокія горы Кирфисскаго хребта; въ глубинѣ изгибающагося ущелья бѣжитъ быстрая рѣчка, древнее имя которой было Плисть. Хищныя птицы носятся надъ

ущельемъ, по крутымъ скаламъ котораго вили онѣ свои гнѣзда. Вдали замыкають видъ поднимающіяся амфитеатромъ громады скалъ Парнасса, о которомъ Павзаній говоритъ, что трудно взойти на него и что вершины его выше облаковъ. На выступѣ его къ ущелью, въ скалахъ вырублено много гробничныхъ гротовъ и саркофаговъ, показывающихъ, что Дельфы копчались и на западной окраинѣ и на восточной кладбищами. Характеръ всей этой мѣстности — величественная, торжественная тишина; храмъ Аполлона, стоявшій на высокой террасѣ крутаго склона Парнасса, имѣлъ кругомъ себя мѣстоположеніе, достойное быть обстановкою національнаго святилища грековъ. Отъ храма по скату горы раскидывался городъ, спускавшійся до берега рѣки. Въ немъ было еще четыре другихъ храма, изъ которыхъ самый большой былъ посвященъ Аѳинѣ. Изъ расщелины скалы надъ городомъ и храмомъ падалъ нѣсколькими каскадами съ вышины 200 футовъ въ рѣку Кастальскій источникъ. Въ оградѣ храма выбѣгалъ изъ трещины скалы другой источникъ, Кассотиды; вода его орошала священную лавровую рощу; третій источникъ, Дельфуса, доставлялъ городу воду для питья.

Дельфійскій храмъ былъ нѣсколько меньше Олимпійскаго. Фасадъ, сдѣланный изъ паросскаго мрамора, имѣлъ шесть колоннъ. По остаткамъ, открытымъ раскопками, видно, что зданіе снаружи было дорійскаго стilia, внутри — ионійскаго. Снаружи храмъ былъ богато украшенъ золотомъ; архитравъ его былъ увѣшанъ, какъ и въ Олимпійскомъ храмѣ, золотыми щитами. Ихъ подарили Дельфійскому храму аѳинляне послѣ Мараѳонской побѣды. Съ передней стороны была широкая лѣстница. Передъ храмомъ стоялъ подъ открытымъ небомъ жертвенникъ, на которомъ каждый день была приносима жертва Аполлону. Подлѣ алтаря былъ поставленъ мѣдный волкъ, символъ искупленія грѣха, который получаетъ въ храмѣ бѣжавшій въ святилищѣ убійца. Храмъ имѣлъ три отдѣла: передній залъ, средний залъ, бывшій собственно святилищемъ (cella, какъ называется это у археологовъ) и святѣйшій отдѣлъ святилища; изъ святѣйшаго отдѣла лѣстница вела внизъ, въ подземное, таинственное святилище (адитонъ, „недоступное святилище“). Въ переднемъ отдѣлѣ были написаны на стѣнѣ дельфійскія изреченія семи мудрецовъ, надъ входомъ знаменитыя слова: „Познай себя“. Была тутъ между прочимъ и статуя Гомера. Въ среднемъ отдѣлѣ, стѣны котораго были покрыты картинами аль-фреско, стояли статуи Аполлона и Посейдона. Въ святѣйшемъ отдѣлѣ была другая статуя Аполлона, сдѣланная, какъ говоритъ Павзаній, изъ золота; въ этотъ отдѣлъ допускались только немногіе изъ поклонниковъ. На жертвенникѣ, стоявшемъ тутъ, горѣлъ неугасаемый огонь, питаемый еловыми дровами, а подлѣ жертвенника былъ камень: тутъ слетѣлись два орла, которыхъ Зевсъ послалъ съ восточнаго и съ западнаго края земли на встрѣчу другъ другу, чтобы опредѣлить, гдѣ середина земли; камень этотъ, называвшійся „пупомъ земли“, обозначалъ мѣсто ихъ встрѣчи; его осыпали два золотыхъ орла. Онъ былъ отесанъ въ формѣ пчелинаго улья; на него жрецы возливали кровь животныхъ, приносимыхъ въ искупленіе грѣховъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жертвенника былъ ходъ по узкой лѣстницѣ внизъ, въ подземную пещеру оракула. Передъ пещерою была подъ землею же комната, сложенная изъ пяти громадныхъ камней; преданіе называло ея строителями мнѣческихъ зодчихъ, Агамеда и Трофонія. Она образовала входъ въ естественную пещеру, въ которой изъ трещины скалы выходилъ холодный удушливый газъ; надъ трещиною былъ поставленъ треножникъ, на который садилась жрица, пнѣя. Иногда пещера наполнялась благоуханіемъ; греки думали, что оно исходитъ отъ рукава Кассотиды, протекающаго тутъ подъ скалою. Водой Кастальскаго источника освящались

всѣ, приходившіе вопрошать оракула и очищались тѣ, кто просилъ искупленія за пролитіе крови. Въ каждомъ отдѣлѣ храма стояли у входа золотые сосуды съ святою кастальскою водою, и каждое утро полъ храма окроплялся водою этого возлюбленнаго Аполлономъ источника. У Кастальскаго источника росъ яворъ, который посадилъ Агамемнонъ, когда пришелъ въ Дельфы вопрошить оракула. На дворѣ храма росъ священный лавръ, изъ вѣтвей котораго сплетали вѣнки для одержавшихъ побѣду на дельфійскихъ играхъ.

Теперь на мѣстѣ, гдѣ были Дельфы, стоитъ бѣдная деревня, Кастри. На мѣстѣ храма стоятъ амбары и хлѣва поселянина, построившаго свой домикъ на этой высотѣ. Говорятъ, что онъ случайно откопалъ на своемъ дворѣ ту подземную комнату изъ пяти камней, которая вела въ пещеру оракула, но опять завалилъ ее землею.

2. Аѣины. Древніе Аѣины стояли на томъ же мѣстѣ, на которомъ стоитъ городъ, называющійся теперь Аѣинами; часть ихъ развалины находится въ немъ, но сѣверная половина его построена дальше сѣвернаго края древнихъ Аѣинъ, а та часть, которая была на югъ отъ Акрополя, остается еще почти не застроенной, и наконецъ вовсе пустыня югозападная, холмистая часть древнихъ Аѣинъ. Древніе Аѣины стояли въ трехъ англійскихъ миляхъ (5-ти верстахъ) отъ моря, въ одной нѣмецкой милѣ отъ Пирейской гавани, на сѣверномъ берегу Иласса, рѣчки, обыкновенно пересыхающей лѣтомъ. Не вдалекѣ отъ сѣвернаго края древнихъ Аѣинъ течетъ на плодородной равнинѣ другая рѣчка, Кефиссъ. У самаго края города на сѣверѣ подымалась уступами гора Ликабеттъ. Окружность древнихъ Аѣинъ вмѣстѣ съ Пиреемъ, который соединенъ былъ съ городомъ стѣнами, составляла около четырехъ нѣмецкихъ миль. Восточная и сѣверная части города, составлявшія большую половину его, лежали на равнинѣ; югозападная часть была построена на двухъ грядахъ холмовъ, раздѣленныхъ небольшою ложбиною; передняя гряда идетъ съ сѣвера на югъ, задняя, находящаяся къ югозападу отъ нея, имѣетъ направленіе, одинаковое съ Ликабеттомъ, съ сѣверовостока на югозападъ. Передняя гряда состоитъ, главнымъ образомъ, изъ двухъ скалистыхъ холмовъ. Восточный холмъ ея—самое высокое мѣсто въ цѣломъ городѣ. Съ трехъ сторонъ онъ подымается надъ равниной крутыми утесами; только съ западной стороны можно на него всходить. На его довольно обширной верхней площади стояла цитадель Аѣинъ, Акрополь. На западѣ отъ Акрополя подымается скалистый холмъ Ареонага; на восточной окраинѣ этой скалы собирался, по древнему обычаю подъ открытымъ небомъ, аѣинскій трибуналь, именемъ котораго называлась она, а подъ обрывомъ ея восточной окраины, въ скалистой ложбинѣ между холмомъ Ареонага и Акрополемъ, стоялъ очень древній и пользовавшійся большимъ уваженіемъ храмъ Эвмениды. На сѣверозападѣ отъ холма Ареонага подымается плосковерхинный холмъ, который ученые называютъ теперь Тезеевымъ холмомъ (Theseion), потому что на сѣверовосточной окраинѣ его стоялъ храмъ Тезея. Самый значительный изъ холмовъ задней гряды находится на южномъ концѣ; это холмъ Музъ (Музей, Museion), западный склонъ котораго имѣетъ почти четверть часа пути въ длину. (На вершинѣ его впоследствии стоялъ памятникъ родственника сирійскихъ царей Филопатра; этотъ памятникъ былъ виденъ съ очень большого разстоянія). На сѣверозападѣ отъ холма Музъ, отдѣляясь отъ него лишь узкимъ ущельемъ, подымается плоскою террасою холмъ Пникса; на восточномъ склонѣ его находится искусственно выровненная терраса, окраину которой поддерживаетъ громадная стѣна; археологи прежде полагали, что эта терраса была мѣстомъ народныхъ собраній; потому называли ее Пниксомъ, какъ называлось въ Аѣинахъ мѣсто, гдѣ происходили народные собранія. На сѣверозападѣ отъ холма Пникса, отдѣляясь отъ

него лишь небольшою ложбиною, стоитъ скала, которую археологи называютъ холмомъ Нимфъ (потому, что на скалѣ есть надпись, посвящающая ее Нимфамъ). Этотъ холмъ лежитъ почти прямо на западѣ отъ Ареонага, а холмъ, примыкающій къ нему съ сѣвера, прилегаетъ къ западной сторонѣ Тезеева холма. Обѣ гряды составляли сплошную линію высотъ, служившую естественною защитой городу со стороны гавани. Акрополь, въ которомъ жили въ давнія времена Эвпатриды, прилегающія къ нему съ запада и съ юга улицы и холмъ Ареонага составляли древнѣйшій городъ. Вѣроятно, очень издавна принадлежала къ нему также мѣстность между Акрополемъ и Илассомъ, называвшаяся Лимнами (Limnai, „болота“). Послѣ персидскихъ войнъ, городъ сталъ увеличиваться; въ особенности разрослся онъ на сѣверѣ и сѣверозападѣ; въ его составъ вошли сосѣднія сельскія общины: на сѣверѣ, Ближній Керамикъ и Дальній Керамикъ, ставшій сѣвернымъ предмѣстьемъ; на западѣ Колонъ Агорскій, и Коллитъ, лежавшій, вѣроятно, на востокѣ отъ Колона. Дипильскія ворота (Dipylon) вели изъ города на сѣверовостокъ, въ ту мѣстность, гдѣ находилась Академія, садъ съ постройками, украшенный фонтанами; изъ другихъ воротъ города назовемъ Пирейскія, Итонскія, Диомейскія, Ахарнскія.

Изъ развалинъ аѣинскихъ зданій самыя значительныя: 1) Храмъ Тезея (или, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, не Тезея, а Геракла; но есть и другія предположенія о томъ, какому богу былъ онъ посвященъ). Развалины его находятся въ западной части древнихъ Аѣинъ, на холмѣ, не очень высокомъ, по правую сторону отъ входящаго въ городъ черезъ Дипильскія ворота. Стѣны и колонны храма еще стоятъ почти цѣлыя. Мраморный фундаментъ его имѣетъ два уступа. Весь храмъ былъ построенъ изъ пентелійскаго мрамора. Длинные стороны его (боковыя) имѣютъ по 13 колоннъ; передняя и задняя стороны, менѣе длинныя, какъ это обыкновенно у греческихъ храмовъ, имѣютъ по 6 колоннъ. Барельефы на фронтонахъ и метопахъ изображали подвиги Геракла и Тезея. Внутри храмъ былъ украшенъ превосходными барельефами Микона, изображавшими битвы Тезея съ кентаврами и съ амазонками. Этотъ храмъ—одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній самой лучшей эпохи греческаго искусства. Онъ былъ построенъ въ 77-ую олімпіаду (около 467 года до Р. Х.). 2) Развалины великолѣннаго храма Зевса Олімпійскаго лежатъ на противоположномъ концѣ города, въ юго-восточномъ углу его, близъ Иласса. «Это гряда великолѣнныхъ колоннъ», по выраженію Лика. Построеніе его было начато Кизистратомъ, завершено черезъ 700 лѣтъ послѣ того, Адрианомъ. Онъ славился во всѣхъ странахъ древняго міра. Длина его была 354 фута, ширина 171 футъ. Боковыя стороны его имѣли по 20 колоннъ, на передней сторонѣ было 10 колоннъ. Перистиль былъ украшенъ двумя рядами статуй. «Даже и развалины его таковы, что когда смотришь на нихъ, возвышаешься душою; особенно великолѣпенъ ихъ видъ, когда лучи заходящаго солнца даютъ блескъ чистаго золота красновато-желтому ихъ цвѣту». (Проклешъ). 3) Развалины дивныхъ сооруженій акропольскихъ. Акрополь стоитъ на крутой скалѣ и съ трехъ сторонъ стѣна этой цитадели сплошная. Доступъ въ Акрополь былъ только съ одной стороны, съ западной. Периклъ построилъ великолѣпный входъ въ Акрополь, «Пропилей». Главную часть ихъ составляло сооруженіе, верхняя, сплошная часть котораго лежала на шести іонійскихъ колоннахъ, расположенныхъ въ два ряда, по три колонны въ каждомъ; къ передней сторонѣ этой колоннады прилежала колоннада, состоявшая изъ шести дорійскихъ колоннъ; такая же колоннада прилежала къ задней сторонѣ ея; къ боковымъ сторонамъ примыкали зданія, выступавшія много впередъ. Вся эта группа зданій была построена изъ пентелійскаго мрамора. У праваго, южнаго боковаго зданія стоялъ небольшой храмъ безкрылой богини Побѣды. Въ лѣвомъ боковомъ зданіи помѣщалась картинная галлерей. Архитекторъ, построившій Пропилей, былъ Мнесиклъ. Постройка ведена быстро; она была выполнена всего въ пять лѣтъ (начата въ 84-ую олімпіаду, кончена въ 85-ую). На самой верхней части террасы Акрополя,

меньше чемъ въ 300 футахъ отъ Пропилей, стоялъ храмъ богини Аѳины, покровительницы города Аѳинъ, Парѳенонъ, построенный также изъ пентелійскаго мрамора. Архитекторы, строившіе его, были Калликратъ, Иктинъ и Карпionъ. Онъ былъ украшенъ превосходнѣйшими изъ произведеній Фидіа. Фундаментъ храма имѣетъ три большіе уступа. Храмъ имѣлъ со всѣхъ четырехъ сторонъ колоннаду. Длина его (вмѣстѣ съ колоннадою) была 228 англійскихъ футовъ, ширина—102 фута, высота—66 футовъ. Колоннада имѣла на боковыхъ сторонахъ по 16 колоннъ, на передней и задней по 8. На метопахъ Парѳенона, которыхъ было 92, находились рельефы очень выпуклой работы (го-рельефы); они—наилучшія изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ произведеній греческой скульптуры. На фронтонѣ восточной стороны была группа статуй, изображавшая рожденіе Аѳины; группа статуй западнаго фронтона изображала споръ Аѳины съ Посейдономъ о томъ, подѣлитъ ли подѣ его покровительствомъ будетъ находиться городъ Аѳины. На фризѣ храма по всѣмъ четыремъ стѣнамъ былъ рядъ барельефовъ, всѣ группы котораго составляли одно цѣльное изображеніе: это было изображеніе процессіи Панатенейскаго праздника. Между метопами были повѣшены блестящіе щиты, какъ въ Олимпійскомъ и Дельфійскомъ храмахъ. Въ храмѣ стояла статуя Аѳины, сдѣланная изъ слоновой кости, въ золотой одеждѣ; это было превосходное произведеніе Фидіа. «Величественность формъ зданія», говоритъ Прокешъ, «блескъ мрамора, безукоризненная гармонія пропорцій наполняли свѣтлымъ спокойствіемъ душу смотрящаго на этотъ храмъ. Парѳенонъ—диво совершенства. Самые незначительныя, самыя закрытыя отъ взгляда части его отдѣланы съ такою же заботливостью, какъ и самыя важныя, наиболѣе бросающіяся въ глаза. Работники трудились съ благоговѣйной добросовѣстностью».—Въ 1687 году, при осадѣ Аѳинъ венеціанцами, Парѳенонъ сильно пострадалъ. Лордъ Эльгинъ въ 1801 и 1803 годахъ снялъ тѣ статуи, какія еще уцѣлѣли на фронтонахъ, снялъ части фриза, уцѣлѣвшія на сѣверной и на южной сторонахъ, собралъ изваянія, лежавшія на землѣ, и перевезъ въ Лондонъ; теперь все это находится въ Британскомъ музеѣ, и составляетъ драгоцѣннѣйшую часть его коллекцій. Байронъ строго порицалъ лорда Эльгина, и многіе повторяли это порицаніе; но оно несправедливо: правда, Парѳенонъ лишился дивныхъ изваяній, увезенныхъ лордомъ Эльгиномъ; но они спасены отъ разрушенія тѣмъ, что были увезены изъ мѣстности, находившейся подѣ варварскимъ владычествомъ турокъ.—На сѣверѣ отъ Парѳенона стоитъ храмъ Эрехтея, одно изъ превосходнѣйшихъ зданій греческой архитектуры. Это собственно не одинъ храмъ, а два, составляющіе одно зданіе: храмъ Аѳины Полиады (Аѳины покровительницы города) и храмъ, называвшійся Пандрозіемъ, въ которомъ была гробница Эрехтея. По давнему преданію въ этомъ зданіи находились: священное масличное дерево Аѳины, соляной источникъ Посейдона, и тамъ была тайная пещера, въ которой жила священная змѣя, охранительница Акрополя. Тамъ сохранялось и древнѣйшее изображеніе Аѳины, вырѣзанное изъ дерева, черное, похожее видомъ на мумію. Прежде тутъ былъ храмъ, построенный въ первобытныя времена. Новое зданіе, построенное на его мѣстѣ, осталось во мнѣніи аѳинянъ тѣмъ храмомъ, о которомъ говорили древнѣйшія и священнѣйшія ихъ преданія, и въ немъ продолжали совершаться обряды первобытныхъ временъ.

Весь Акрополь былъ наполненъ статуями: въ храмахъ, въ колоннадахъ, на дворахъ, на улицахъ его—повсюду стояли изображенія боговъ, героевъ и знаменитыхъ людей. Все въ немъ блестѣло мраморомъ, бронзою, золотомъ.—Между храмомъ Эрехтея и Пропилеями стояла на высокомъ подножіи колоссальная бронзовая статуя Аѳины Защитницы (Promachos). Возвращаясь на родину, аѳинскій морякъ еще съ моря, между Аѳинами и Суниемъ, видѣлъ конецъ поднятаго копы Аѳины Защитницы. Подѣ Акрополемъ, въ пещерѣ, изъ которой вытекалъ ручей, было святилище Пана и Аполлона. Театръ Діониса, развалины котораго открыты прусскою ученою экспедиціею 1861—1862 годовъ, стояли на юго-восточномъ концѣ Акрополя, а на юго-западномъ въ позднѣйшія времена Продъ Аттичскій построилъ великолѣпный театръ, Одеонъ, и назвалъ его, Одеономъ Региллы, въ память о своей покойной женѣ.

На праздникъ великихъ Панатеней торжественная процессія приносила Аѳинѣ новую одежду, пеплосъ, украшенный шитыми узорами. Въ этомъ шествіи участвовали всѣ уважаемые люди, всѣ красивыя дѣвушки Аѳинъ. Процессія шла изъ Дальняго Керамика черезъ Ближній Керамикъ, потомъ по улицѣ Гермовъ, вдоль сѣверной стороны Акропольскаго холма къ Илису, къ Элевзинію, потомъ мимо Пнейскаго храма, мимо Пеласгика, восходила черезъ Пропилеи къ Парѳенону, и позолоченныя двери храма, звеня, растворялись передъ нею.

На югозападѣ отъ Аѳинъ вдается далеко въ море скалистый полуостровъ, Акте; сѣверозападная сторона его и общія линія берега образуютъ большой заливъ, сѣверовосточная сторона замыкаетъ собою меньшее обширную бухту, имѣющую лишь узкій входъ. Сѣверозападный заливъ, у котораго лежало мѣстечко Пирей, имѣетъ тоже узкій входъ, такъ что эта гавань легко можетъ быть защищена отъ непріятельскихъ флотовъ, а она просторна, могла вмѣщать всѣ многочисленныя корабли, привозившіе товары для Аѳинъ. Въ юговосточномъ углу обширной торговой гавани есть бухта, Кантаръ; она была военною гаванью; по берегу этой бухты были расположены верфи для постройки военныхъ кораблей, арсеналы; такимъ образомъ, военный флотъ не мѣшалъ торговому движенію въ Пирейской гавани. На востокъ была маленькая бухта Зеа; еще дальше на востокъ, у Мунихин, была подѣ высокимъ берегомъ другая маленькая бухта; обѣ онѣ были исключительно военными гаванями; въ Зейской гавани было построено до 200 сараевъ для храненія кораблей; въ Мунихійской, которая меньше Зейской, до 100 такихъ сараевъ (остатки ихъ видны). Вся эта часть прибрежья была во время персидскихъ войнъ обведена укрѣпленіями, по предложенію Оемистокла; укрѣпленія имѣли колоссальный размѣръ. Стѣна, сложенная изъ тесаннаго камня, огибала всѣ три бухты; начинаясь отъ Этіонейскаго мыса, она доходила на сѣверовостокъ до Мунихин; длина ея составляла полторы географическія мили; въ толщину она имѣла 11 футовъ, такъ что по ней могли ѣхать рядомъ двѣ телѣги съ грузомъ. Камни были скрѣплены между собою не известіемъ, а желѣзными скобами. На каждыхъ ста футахъ была башня. Входы въ гавани были узки отъ природы; но поперекъ ихъ были построены каменные плотины, чтобы сдѣлать ихъ еще болѣе узкими, и ихъ можно было запираť цѣпами. Особенно сильно былъ защищенъ плотинами входъ въ Пирейскую гавань. По окончаніи персидскихъ войнъ были построены двѣ стѣны, соединившія Пирей съ Аѳинами; онѣ шли въ разстояніи стадіи одна отъ другой; эта дорога между стѣнъ стала улицей, застроенной домами.

3. Фигалія. Въ югозападной части Аркадіи, у самой границы Мессеніи, былъ маленький городъ Фигалія. Близъ него стоялъ храмъ, построенный фигалійцами Аполлону, въ благодарность ему за то, что онъ спасъ ихъ отъ моровой язвы, и потому называвшійся храмомъ Аполлона Эпикурія, Аполлона-Отвратителя заразы. Это было одно изъ прекраснѣйшихъ созданій греческаго искусства, построенное по плану Иктина, строителя Парѳенона. Храмъ стоялъ на горѣ, въ лѣсу, надъ глубокимъ ущельемъ, по которому бѣжитъ шумными каскадами горная рѣчка. Однѣ изъ ученыхъ, путешествовавшихъ по Греціи, Геттнеръ, описывая впечатлѣнія, производимое этою мѣстностью, говоритъ: „Перешедши мостъ, оскѣненный яворами, поднимаешься по крутизнѣ хребта, покрытой лѣсомъ. Воздухъ становится прохладнѣе, растительность скуднѣе. Тропинка ведетъ черезъ обломки скалъ, упавшія деревья перегораживаютъ ее. Путь труденъ. Думаешь, что идешь въ пустыню нагихъ скалъ, и перешедши ложбину, поросшую дубовымъ лѣсомъ, вдругъ видишь передъ собою эллинскій храмъ, свѣтлая красота котораго въ этой дикой горной мѣстности

возбуждает изумление. Съ сѣвера, надъ развалинами храма высится вершина горы. Во время Павзанія храмъ былъ еще совершенно цѣлъ, и вѣроятно оставался цѣлъ до той поры, когда фанатизмъ началъ опустошеніе его, довершенное алчностью. — Фигалійскій храмъ менѣе всѣхъ другихъ въ Пелопоннесѣ и даже въ цѣлой Греціи подвергся разрушенію; многое въ его развалинахъ еще сохраняетъ первоначальный видъ: колоннады не утратили еще своей дивной красоты; стѣны цѣлы; только кровля обвалилась; внутренность храма загромождена ея обломками.

Фигалійскій храмъ имѣлъ колоннады со всѣхъ четырехъ сторонъ, — былъ, какъ это называютъ, „периптерическій“ (peripteros); въ колоннадахъ боковыхъ сторонъ его было по 15 колоннъ, на короткихъ сторонахъ по 6 колоннъ. Стиль его былъ дорійскій. Въ храмѣ стояла статуя Аполлона въ длинной одеждѣ. По фризу шли мраморные рельефы, изображавшіе битвы съ амазонками и съ кентаврами; они теперь находятся въ Британскомъ Музее, и принадлежатъ къ числу прекрасныхъ остатковъ греческаго ваянія. Они были сдѣланы въ наилучшее время его, въ эпоху Фидіа; ихъ приписываютъ тому самому художнику, который украсилъ изображеніями такихъ же битвъ фронтоны задняго фасада Олимпійскаго храма, Алкамену, одному изъ учениковъ Фидіа. Развалины Фигалійскаго храма были найдены въ 1765 году, Чендлеромъ; до той поры никто, кромѣ пастуховъ безлюдной лѣсной горы, не зналъ объ ихъ существованіи.

На западъ отъ Фигалии, на правомъ берегу Неды, закрытый массами скалъ, находился въ дремучемъ дубовомъ лѣсу священный гротъ „черной“ Деметры; обряды служенія ей, совершавшіеся въ немъ, еще уцѣлѣли въ народныхъ обычаяхъ той мѣстности. Статуя Деметры, въ гротѣ, изображала богиню сидящею.

4. Олимпія была мѣстность, находившаяся въ Писатидѣ, одной изъ областей Элиды. Полагаютъ, что не подалеку отъ нея нѣкогда стоялъ городъ Писа; но сомнительно даже и то, дѣйствительно ли существовалъ когда нибудь городъ Писа; а Олимпія, которую многіе по ошибкѣ представляютъ себѣ городомъ, положительно была не городъ, а только мѣстность, на которой происходили игры, называвшіяся именемъ этой мѣстности, гдѣ былъ построенъ храмъ Зевса, при храмѣ построены жилища для жрецовъ, для прислуги храма, кладовыя для его имущества, были устроены надобныя для игръ приспособленія и зданія, были и жилища для учителей, подъ руководствомъ которыхъ юноши, готовившіеся къ играмъ, занимались тутъ гимнастикой. (Сравни подробности объ олимпійскихъ играхъ, сообщаемыхъ въ отдѣлѣ: „Характеръ Эллинской культуры“).

Мѣстоположеніе Олимпіи ясно опредѣляется топографическими границами, проведенными самою природою. Сѣверную границу ея образуетъ Олимпійскій хребетъ, лѣсистые склоны котораго доходятъ до самаго берега Алфея. Въ равнину выступаетъ холмъ, почти вовсе отдѣленный низменностью отъ хребта; спускъ его крутъ, вершина покрыта рощею высокихъ пиній; это — гора Кроніонъ, естественная цитадель Олимпіи. Западную границу образуетъ свѣтлая рѣчка, древній Кладей „стражъ западной границы святаго мѣста“, какъ называетъ его греческая поэзія. На западномъ берегу его подымается гряда холмовъ, предѣлъ горизонта въ западномъ направленіи отъ равнины. На югѣ течетъ свѣтлый Алфей, „смывающий и уносящий всякую нечисть“. — Срединою святой мѣстности занимала священная роща храма, называвшаяся Альтидою. Преданіе говорило, что Гераклъ измѣрилъ шагами окрестность мѣста для этой рощи, и самъ насадилъ оливы ея. Кромѣ оливокъ, были въ ней и яворы, пальмы, тополи. Въ ней стояло множество изваяній и другихъ вещей, пожертвованныхъ Зевсу; въ ней ставили статуи, изображавшія побѣдителей на играхъ. Въ ограду ея вели маленькіе

входы съ разныхъ сторонъ; главный входъ былъ съ южной стороны; для торжественныхъ процессій служилъ исключительно онъ. Всѣ святилища Олимпіи были сосредоточены въ оградѣ этой рощи. Не подалеку отъ главнаго входа, направо отъ него, росла священная олива; она была та, которую первою посадилъ Гераклъ. Съ ней были сръзываютъ вѣтви для вѣнковъ побѣдителей на играхъ; сръзывали эти вѣтви мальчики, золотымъ ножомъ. — Въ юго-восточной части Альтиды стоялъ храмъ Зевса Олимпійскаго; ко входу въ рощу былъ обращенъ западный фасадъ.

Преданія объ Олимпіи говорили, что еще во времена пеласговъ тутъ былъ оракулъ, чьи отвѣты выходили изъ-подъ земли сквозь разсѣлину; оракулъ этотъ былъ созданъ Зевсомъ, пробившимъ разсѣлину своею молніей. Храмъ Зевса существовалъ тутъ съ очень давнихъ временъ. Когда Элидыне овладѣли Писою, то начали строить новый храмъ; но только черезъ пятьдесятъ олимпіадъ, когда ужъ былъ построенъ въ Аѣнахъ Пареонъ, превзошедшій великолѣпіемъ всѣ прежніе храмы, храмъ Зевса Олимпійскаго былъ построенъ въ томъ видѣ, въ какомъ описанъ онъ у Павзанія. Элидыне пригласили художниковъ изъ Аѣны; самъ Фидій велъ построеніе храма; онъ сдѣлалъ и поставленную въ немъ знаменитую статую Зевса. — Стѣны храма были сложены изъ известковаго туфа и покрыты штукатуркою, подъ мраморъ. Кровля была сдѣлана изъ пентелійскаго мрамора; изъ него же были изваяны и украшенія внутри храма. Въ ширину, храмъ имѣлъ 95 футовъ, въ длину 200, въ высоту 86 $\frac{1}{4}$. По описанію Павзанія и по скуднымъ остаткамъ зданія, мы видимъ, что стиль его былъ средній между строгимъ древне-дорійскимъ стилемъ Эгинскаго храма Аѣны и стилемъ Пареона, въ которомъ старая дорійская строгость смягчена іонійскимъ вліяніемъ.

Павзаній говоритъ, что Олимпійскій храмъ построенъ периптерически, то есть, имѣть колоннады со всѣхъ сторонъ, что на боковыхъ сторонахъ его находится по 13 колоннъ, на передней и задней по 6. Кровля образовала, какъ обыкновенно у греческихъ храмовъ, фронтоны; они были украшены рельефными изображеніями. По сторонамъ передняго фронтона стояли позолоченныя вазы, а надъ нимъ, на переднемъ краю кровли, позолоченная статуя крылатой богини Побѣды; подъ статуею былъ повѣшенъ золотой щитъ съ головой Медузы; это былъ символъ, отвращавшій бѣдствія; онъ былъ приношеніемъ лакедемонянъ. По архитраву были прирѣзаны въ симметричномъ порядкѣ блестящіе щиты, пожертвованные Муміемъ изъ добычи, взятой имъ въ Коринѣ; число этихъ щитовъ было 21. Рельефы передняго фронтона были изваяны Пеоніемъ, ученикомъ Фидіа; они изображали Зевса и сцену приготовленій Пелопса и Энома къ состязанію въ бѣгѣ колесницъ. Рельефъ задняго фронтона, изображавшій битву съ кентаврами, былъ изваянъ Алкаменомъ, тоже ученикомъ Фидіа. Храмъ внутри былъ, какъ и другіе греческіе храмы, раздѣленъ на три части: передній залъ, средній залъ, наполненный драгоценными приношеніями, и святѣйшую часть храма, въ которой находилась статуя Зевса.

Колоссальная статуя Зевса была знаменитѣйшимъ украшеніемъ его. Она изображала Зевса сидящимъ на великолѣпномъ престолѣ; волосы Зевса были изображены развѣвающимися; онъ былъ одѣтъ въ золотую мантию, падавшую до подножія. „Самый лучший видъ на статую былъ отъ бронзоваго обвода, сдѣланнаго кругомъ отверстія въ полу надъ той разсѣлиной, которую Зевсъ пробилъ въ скалѣ ударомъ молніи. Средину кровли храма была сдѣлана такъ, что могла раскрываться; и когда она была открыта, свѣтъ падалъ прямо на статую Зевса, позади которой былъ повѣшенъ великолѣпный коверъ аспрійской шерстяной пурпурой, падавшей массив-

ными складками. Блескъ статуи усиливался тѣмъ, что полъ у пьедестала ея былъ настланъ изъ черныхъ камней". (Курциусъ). У ногъ статуи стояли кресла гелланодиковъ, — судей, раздававшихъ отъ имени Зевса вѣнки побѣдителямъ на играхъ. Вѣнки возлагались на побѣдителей въ храмѣ, передъ статуей Зевса. Среди храма, на золотомъ столѣ, лежали свѣжія оливковыя вѣтви.

Въ священной рощѣ были и другія святилища: храмъ Геры; храмъ посвященный Элидской героинѣ, Гипподаміи, и называвшійся храмомъ Пелопса (Pelopion); большой жертвенникъ Зевса, сдѣланный изъ пепла животныхъ, принесенныхъ въ жертву; была очень старая деревянная колонна, считавшаяся памятникомъ царя Эномая.

Къ священной рощѣ примыкали мѣста игръ: стадій, гимнадромъ (бывшій ареною состязаній въ борьбѣ и въ бѣгѣ колесницъ), театр, олимпійская гимназія, въ которой должны были заниматься гимнастикой атлеты, готовившіеся къ состязаніямъ на играхъ. Эти мѣста, обведенныя изысканными стѣнами, украшенныя статуями боговъ и героевъ, шли полукругомъ около рощи. За этимъ полукругомъ былъ второй полукругъ, въ которомъ располагались подъ открытымъ небомъ или въ палаткахъ зрители, собравшіеся на праздникъ; тутъ они пировали; тутъ вели и торговля дѣла, потому что Олимпія становилась на время игръ общимъ рынкомъ всей Греціи. Для знатныхъ людей были построены дома, въ родѣ гостинницъ; для художниковъ и ремесленниковъ, занятыхъ работами въ Олимпіи, тоже были построены жилища. Въ домѣ Фидіи былъ залъ, гдѣ стоялъ большой жертвенникъ; онъ и его помощники каждое утро сходились въ этотъ залъ молиться и принести жертву Зевсу.

До недавняго времени были извѣстны лишь очень немногіе остатки этого великолѣпія; по нѣсколькимъ обломкамъ стѣнъ и колоннъ было видно, гдѣ находилась Олимпія; ими и ограничивалось все, что было открыто въ этой мѣстности. Одинокій путникъ, желавшій изучить Олимпію, находилъ тамъ, гдѣ была она, только лѣсъ и зелень, по которой паслись стада. Лишь въ наше время сдѣланы раскопки, которыми вполне изслѣдована мѣстность, игравшая такую важную роль въ жизни греческаго народа. Въ 1829 году французскими учеными были открыты остатки фундамента храма Зевса и найдены обломки нѣсколькихъ метоповъ, украшенныхъ рельефами. Въ недавніе годы германское правительство рѣшилось снарядить экспедицію для полного, систематическаго изслѣдованія Альтиды; главнымъ двигателемъ этого дѣла былъ Эрнстъ Курциусъ. Съ греческимъ правительствомъ былъ заключенъ (4 октября 1875) договоръ, по которому всѣ вещи, какія будутъ найдены экспедиціею, должны остаться собственностью Греціи. Нѣмецкая имперія имѣетъ право сдѣлать снимки съ нихъ и обнародовать рисунки. Германскій сеймъ вотировалъ суммы на производство раскопокъ, труды экспедиціи разъяснили наши топографическія свѣдѣнія объ Альтидѣ, о ея храмахъ, о другихъ олимпійскихъ сооруженіяхъ, открыли множество драгоценныхъ произведеній скульптуры и очень важныхъ надписей. Найденныя тутъ изваянія фронтоновъ храма Зевса, колоссальная статуя Побѣды, изваянная Пеоніемъ, и группа работы Праксителя „Гермесъ, несущій Диониса - малютку“ — первоклассныя произведенія наилучшей эпохи греческой пластики. Эрнстъ Курциусъ, характеризуя значеніе сдѣланныхъ въ Олимпіи открытій, говоритъ: „Открытія, сдѣланныя въ Олимпіи, доставили пластическіе и письменные памятники, обнимающіе собою болѣе тысячи лѣтъ греческой исторіи. Они принадлежатъ одному святилищу, но происходятъ изъ разныхъ странъ Греціи; нѣкоторые изъ нихъ знакомятъ насъ съ мѣстными дѣлами греческихъ городовъ и сельскихъ общинъ, другіе съ международными отношеніями древняго міра; они сообщаютъ намъ свѣдѣнія о мно-

жествъ лицъ и бросаютъ новый свѣтъ на многія политическія и религіозныя учрежденія“.

5. **Тиринае и Микены.** Древнѣйшее изъ тѣхъ греческихъ сооружений, отъ которыхъ сохранились какіе нибудь остатки, это — стѣны города Тиринае, стоявшаго въ Арголидѣ, къ востоку отъ Аргоса, недалеко отъ моря, на скалистомъ холмѣ. Основателемъ этого „прекрасно построеннаго, крѣпкаго города“ былъ, какъ говоритъ преданіе, Персей. Стѣны Тиринае — памятники эпохи полного развитія пеласгическаго способа постройки. Громадные обломки скалъ, длиною отъ 10 до 18 футовъ, наложены одинъ на другой, щели между ними наполнены менѣе крупными камнями; они не скрѣплены известью, и держатся другъ на другѣ лишь собственною тяжестью; сложены такъ искусно, что сохранились до сихъ поръ, походя видомъ на скалы, онѣ подобны имъ и прочностью. Въ постройкахъ этого рода, называемыхъ полигональными (сложенными изъ многоугольныхъ камней) или циклопическими, стѣны вообще имѣютъ около 25 футовъ толщины. Внутри ихъ оставлены узкіе корридоры, сообщающіеся или между собою или съ воротами. Чтобы сдѣлать ворота, ставили два большіе камня, нѣсколько наклонно, одинъ къ другому, и покрывали ихъ плитою. Надъ нею вообще оставляли треугольное углубленіе, въ видѣ фронтона, и иногда украшали его рельефомъ.

Развалины Микенъ, другого знаменитаго города древнѣйшихъ временъ, еще замѣчательнѣе стѣнъ Тиринае. „Микены были въ героическій вѣкъ тѣмъ, чѣмъ стали Аѣны въ цвѣтущее время греческой цивилизаціи“, говоритъ Курциусъ: „Этотъ городъ былъ однимъ изъ главныхъ центровъ Гомеровской Греціи. Циклопическія стѣны и ворота его, его сокровищница и царскія гробницы показываютъ намъ древнія формы зодчества. Здѣсь царствовалъ Агамемнонъ, и здѣсь онъ погребенъ“. Развалины микенскихъ стѣнъ находятся въ Арголидѣ, на сѣверовостокъ отъ Аргоса, всего только въ 40 стадіяхъ отъ него. Это дикая мѣстность. Тутъ начинаются горы, идущія на сѣверъ до Коринѣа. Южные концы ихъ развѣтвлены къ морю. Часть этихъ горъ образуетъ Коринѣское ущелье, у входа въ которое стоялъ городъ Теней. Отъ Микенъ до Коринѣа легко пройти и безъ дороги, по прямой линіи. Страбонъ, самъ не бывшій въ Микенахъ, ошибочно говоритъ, что въ его время не оставалось отъ этого города никакихъ слѣдовъ. Павзаній видѣлъ стѣны и ворота Микенъ въ такомъ же состояніи, въ какомъ они и теперь. Въ цвѣтущее время Греціи, Микены были ужь незначительнымъ городомъ, а черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ битвы при Термопилахъ аргивяне разрушили и Микены и Тиринае (въ 468 году). Курциусъ описываетъ развалины Микенъ такъ: „Изъ гряды горъ идутъ съ востока на западъ два ущелья. Они охватываютъ холмъ микенскаго акрополя, а на другомъ холмѣ, менѣе высокомъ, стоялъ нижній городъ. Южную границу его образовалъ ручей, текущій въ глубокомъ ущелье. По окраинѣ верхняго холма, опоясывая его яворы и спускаясь къ городу, стоятъ тройнымъ рядомъ стѣны. Часть ихъ циклопическая, сложенная изъ неотесанныхъ камней, имѣющихъ до 18 футовъ длины; это древнѣйшая постройка; другія части искусно сложены изъ камней, отесанныхъ многоугольниками; они подтесаны одинъ къ другому такъ, что лежатъ плотно сторона къ сторонѣ; а нѣкоторыя части сложены изъ камней, отесанныхъ правильными четырехугольниками. Еще остаются цѣлы, покрытыя роскошною растительностью, тѣ ворота, которыя вели изъ этого акрополя въ городъ и называются львиными, по рельефу на ихъ фронтонѣ, изображающему двухъ львовъ, которые стоятъ, обхватывая передними лапами колонну. Густая растительность покрываетъ порогъ этого входа во дворецъ Гомеровскаго царя. Въ соседнемъ холмѣ еще уцѣлѣли нѣкоторыя

изъ подземныхъ сооружений; наиболѣе замѣчательное между ними то, которое окрестные жители называютъ гробницею Агамемнона, а ученые сокровищницею Атрея. Во внутренность холма ведетъ обложенный камнями сходъ. Въ холмѣ сдѣлана круглая комната, выложенная камнями; ряды ихъ сходятся сводомъ, верхъ котораго замкнутъ однимъ камнемъ. Подлѣ этой комнаты находится гротъ, изсѣченный въ скалѣ; стѣны его были одѣты металлическими листами: въ стѣнахъ еще видны яминки для гвоздей. Этотъ гротъ былъ гробницею, въ немъ стоялъ саркофагъ; выложенная камнями комната была сокровищницею. Торжественный мракъ владычествовалъ въ этихъ подземельяхъ. Но входъ былъ богато украшенъ разноцвѣтнымъ мраморомъ и металлическими листами; такія украшения найдены во многихъ старо-финикійскихъ и ассирійскихъ сооруженияхъ. Металлическая одежда стѣнъ вѣроятно блистала при свѣтѣ факеловъ, когда царь ходилъ въ сокровищницу, брать отсюда подарки для своихъ гостей, награды побѣдителямъ на играхъ, оружіе для войны. Видъ громадныхъ стѣнъ микенскихъ среди заустѣннй скалъ, поросшихъ мохомъ, производитъ очень сильное впечатлѣніе. Нѣкогда это была богатая столица могущественной династии; въ „Электрѣ“ Софокла другъ и воспитатель Ореста говоритъ ему, возвращающемуся въ Микены и взшедшему на холмъ Акрополя: „Это древній Аргосъ, цѣль твоихъ желаній. Направо видишь ты площадь, посвященную убитому волку Аполлону, налѣво знаменитый храмъ Геры; городъ, лежащій у ногъ твоихъ—Микены, изукрашенная золотомъ столица“.—Въ 1876 и 1877годахъ, Шлиманъ произвелъ раскопки въ мѣстности, обведенной стѣнами; тамъ, близъ львиныхъ воротъ, онъ нашелъ много гробницъ и въ нихъ очень много оружія, сосудовъ, золотыхъ украшеній, каменныхъ плитъ съ рельефными изображеніями; всѣ эти вещи принадлежатъ до-эллинскому періоду искусства, и, по всей вѣроятности, старо-ахейскому времени.

1. МИΘИЧЕСКІЙ МІРЪ ГРЕКОВЪ И ГОМЕРОВСКІЙ ВѢКЪ.

1. Первобытное населеніе; пеласги. Восточные культурные элементы.

Во времена, о которыхъ не сохранилось никакихъ преданій, отъ Арійскаго проарійскаго племени, которое пасло свои стада на Иранской террасѣ у истоженіе грековъ. Болоръ-тага, отдѣлилась довольно значительная группа, пошла на западъ и послѣ продолжительнаго странствованія заняла земли на югъ отъ Гемоса, склоны Апеннинъ и часть покрытой лѣсами Германіи; такъ должны мы думать, потому что и эллины, и оско-греческое населеніе Италіи, и германскія племена—отрасли арійскаго племени, имѣютъ происхожденіе общее съ тѣми народами, которые были господствующею частью населенія въ индійскихъ и иранскихъ государствахъ; это доказывается одинаковостью многихъ словъ и грамматическихъ формъ въ языкахъ всѣхъ этихъ народовъ, сходствомъ ихъ религіозныхъ представленій, ихъ образа жизни въ первобытныя времена и одинаковостью первоначальнаго хода ихъ развитія.

Мы ужъ упоминали о томъ, что слово „богъ“ одинаково у индійскихъ арійцевъ, и у иранцевъ и у грековъ (дева, девъ, theos), одинаково у нихъ и названіе верховнаго небеснаго бога, Варуна, Uranos (томъ I, стр 224, 230); сравнительная филологія нашла, что одинаковы у нихъ и очень многія названія принадлежащихъ простому первоначальному быту предметовъ, какъ на примѣръ, названія дома и поля, домашнихъ животныхъ, посуды, орудій. Грамматическое строеніе ихъ языковъ тоже одинаково: одинаковы у нихъ формы словопроизводства, склоненія, спряженія; одинаковы мѣстоименія и числительныя имена.

Первобытное арійское населеніе Греціи, которое впоследствии греки называли пеласгами, безъ сомнѣнія пришло на Балканскій полуостровъ изъ Азіи; проникнувъ съ сѣвера въ сѣверную Грецію, оно продолжало подвигаться на югъ. Но часть этого племени вѣроятно осталась въ Малой Азіи, вѣроятно поселилась на восточномъ берегу Эгейскаго моря и на островахъ у этого берега. Эрнстъ Курціусъ полагаетъ, что „Іаоны“, „Іаваны“ (Яванимъ), упоминаемые въ восточныхъ памятникахъ — это греки, оставшіеся въ Азіи, тѣ части шедшаго изъ глубины Азіи первобытнаго греческаго племени, которые отстали отъ пошедшей въ Европу части его, остановились въ плодородныхъ долинахъ рѣкъ, потомъ, подвигаясь по теченію этихъ рѣкъ, дошли до ихъ устій, и отъ устій разошлись по при-

Первобытные азіатскіе іонійцы.

морью на сѣверъ и на югъ. Ознакомившись и болѣе или менѣе породнившись браками съ цивилизованными народами востока, они развились быстрѣе, нежели ихъ единоплеменники, переселившіеся въ Европу, пеласги, которые много столѣтій оставались только земледѣльцами и пастухами, сохранявшими патриархальную простоту быта. Когда происходившія въ Греціи великія передвиженія племенъ принудили нѣкоторые изъ нихъ удалиться на берегъ Малой Азіи, прежнее греческое населеніе побережья или добровольно приняло въ свои земли этихъ переселенцевъ или было вынуждено принять ихъ; такимъ образомъ, іонійцы Малой Азіи, у которыхъ развилась греческая цивилизація, были народъ, составившійся изъ соединенія прежнихъ греческихъ жителей Малой Азіи съ новыми переселенцами изъ Греціи. Таково мнѣніе Курціуса. „Іонійцы—общее названіе эллинскаго племени, то названіе, подъ которымъ эллины первоначально являются въ исторіи“, говоритъ онъ: „Малоазійское побережье, богатая страна по низовьямъ четырехъ параллельныхъ рѣчныхъ долинъ западной части Малой Азіи,—это первобытная Іонія, отчизна племени, которое позднее является переселяющимся въ Грецію“. По мнѣнію Курціуса, эти азіатскіе іонійцы принесли въ Грецію элементы восточной культуры, которые, по греческимъ преданіямъ, были принесены въ нее Кадмомъ, Кекропсомъ, Пелопсомъ, Данаемъ; они передали европейскимъ грекамъ тѣ знанія и техническія искусства, тѣ мѣры, религіозныя понятія и богослужебные обряды, которые заимствовали у египтянъ, финикянъ, сирійцевъ; они были въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ европейскими греками, основали поселенія на берегахъ европейской Греціи; населеніе возникшихъ въ Греціи государствъ было смѣсью переселившихся въ нее малоазійскихъ іонійцевъ, съ туземцами, пеласгами. „Такимъ образомъ“, говоритъ Курціусъ въ своей исторіи Греціи, „мы приходимъ къ выводу, что западный берегъ Малой Азіи и лежащіе близъ него острова — отчизна тѣхъ племенъ, однимъ изъ которыхъ были іонійцы“. Онъ полагаетъ, что лидяне, делеги и карійцы были единоплеменники іонійцевъ, съ болѣею примѣсью финикійскихъ колонистовъ. „Должно думать“, говоритъ Курціусъ въ другомъ мѣстѣ своего труда, „что эти греки малоазійскаго побережья и его острововъ переселялись въ другія страны, что они поселились въ Нижнемъ Египтѣ, въ земляхъ, колонизуемыхъ финикиянами, между прочимъ въ Сардиніи, въ Сициліи, поселялись по всему архипелагу отъ Крита до Оракіи; изъ отчизны своей и изъ этихъ колоній они вѣроятно переселялись на берега европейской Греціи, основали множество колоній сначала на восточномъ берегу ея, потомъ охвативъ своими поселеніями южный берегъ, стали селиться и на западномъ. Первоначально они лишь дѣлали высадки для грабежа; послѣ, стали селиться на берегахъ бухтъ, проливовъ, въ устьяхъ рѣкъ, и мало по малу смѣшались съ туземцами, пеласгами. Они являются въ преданіяхъ подъ именами карійцевъ и телеговъ, служащихъ Посейдону. Море у западнаго берега Греціи называлось Іонійскимъ. Это имя показываетъ, кто были колонисты, переселявшіеся съ телегами на это побережье, принесшіе сюда культуру, которою обладалъ Одиссей, обладалъ искусный въ мореходствѣ народъ тафійскій, насадившіе благодатныя оливковыя плантаціи по всему западному берегу до самой Истріи“.

Религіозныя
понятія.

По словамъ Геродота, пеласги первоначально поклонялись «богамъ, не имѣвшимъ именъ», то есть, они, въ своемъ поклоненіи природѣ, подательницѣ всѣхъ благъ, еще не умѣли различать разныхъ силъ, проявляющихся въ ея дѣятельности. Послѣ ихъ умъ нѣсколько раз-

вился, и они стали различать разные стороны дѣятельности природы, обозначать ихъ опредѣленными именами. Какъ индійскіе и бактрійскіе аріицы, они молились небеснымъ силамъ, дающимъ жаждущей землѣ дождь, проявляющимся въ громѣ и молніи, молились животворящему солнцу, «широкогрудой» землѣ (Геѣ), питающей человека, огню, нисходящему съ неба на землю и доставляющему удобства жизни людямъ. Но кромѣ этихъ общихъ аріискихъ божествъ, у грековъ были другія, получившія съ давнихъ временъ высокое положеніе. Въ Греціи, приморской странѣ, изрѣзанной заливами, очень большую важность для жизни имѣло море, чуждое быту индійскихъ и иранскихъ аріицевъ, жившихъ далеко отъ него; потому богъ моря очень рано сдѣлался однимъ изъ главныхъ божествъ Греціи. Очень важное мѣсто въ греческой религіи заняло божество, олицетворявшее собою таинственную силу, живущую въ нѣдрахъ земли, поглощающую все и возвращающую въ увеличенномъ количествѣ поглощенное ею. Божества неба, земли, моря, подземной дѣятельности природы, Зевсъ, Деметра, Посейдонъ и Аидоней (Гадесъ, Плутонъ) и тѣ божества, которыя были созданы чрезъ дальнѣйшее подраздѣленіе понятій о природѣ, навсегда сохранили господствующее положеніе въ религіозныхъ понятіяхъ и богослужебныхъ обрядахъ грековъ. Но, оставаясь олицетвореніями силъ и предметовъ природы, они приобрѣли характеръ болѣе возвышенный, сдѣлались олицетвореніями нравственныхъ идей. Значеніе эллинскаго народа для исторіи человечества состоитъ въ томъ, что онъ устранилъ дуализмъ природы и духа, остававшійся для восточныхъ народовъ неразрѣшимой задачей, поставилъ природу и духъ въ правильное соотношеніе, установилъ въ своей жизни прекрасное равновѣсіе между духовнымъ и матеріальнымъ элементами. Семиты Эвфратской страны и Финикійцы безгранично предавались чувственности, и совершенно подчинялись закону матеріальнаго міра; индійцы считали чувственный міръ обманчивымъ призракомъ, и направляли все свои усилія на то, чтобы отрѣшиться отъ матеріальной природы, сдѣлаться исключительно духовными существами; греки соединили матеріальныя стремленія съ духовными. Они восхищались красотою природы, благоговѣнно чтили величіе силъ ея; но чувствовали въ себѣ энергію духа, дѣлавшую ихъ владыками природы, чувствовали себя нравственными существами, разумными и свободными. Это гармоническое сочетаніе природы и духа греки олицетворили идеальными образами своихъ божествъ. Греческія божества по своему первоначальному значенію были олицетвореніями силъ природы; но ужь и въ древнѣйшія времена они имѣли въ себѣ нравственный элементъ, болѣе глубокий, чѣмъ какой имѣли боги природы у индійскихъ аріицевъ. Боги грековъ были ужь и въ первобытныя времена олицетвореніями силъ природы, проникнутыхъ духовнымъ элементомъ. Потому при развитіи просвѣщенія греческія

божества не были, какъ индійскія божества, вытѣснены изъ религіозной философіи безжизненными олицетвореніями абстрактныхъ понятій и представленія о нихъ навсегда остались основными идеями греческихъ религіозныхъ и нравственныхъ ученій, народныхъ вѣрованій, мифологическихъ системъ и свѣтлой дѣятельности греческаго искусства.

Пеласги. Додонское святилище. Греки называли древнѣйшихъ жителей своей страны пеласгами, и считали ихъ «автохтонами», коренными туземцами. Должно полагать, что это племя занимало нѣкогда всю Грецію. Но въ историческія времена, греки знали опредѣленнымъ образомъ только то, что пеласги жили въ Додонѣ, жили въ Фессаліи, жили въ Аркадіи. Первобытнѣйшимъ поселеніемъ пеласговъ считали они Додону. Это былъ главный городъ Геллоніи. Онъ стоялъ въ узкой долинѣ западнаго склона — горы Томара, въ нѣсколькихъ часахъ пути на юго-западъ отъ Янинскаго озера. Мѣстоположеніе Додоны правильно опредѣлено лишь въ недавнее время. Это сдѣлалъ Кипертъ. Послѣ того Карпаносъ произвелъ на этой мѣстности раскопки и нашелъ значительные остатки древнихъ сооружений. Додонское святилище «Зевса Пеласгійскаго» стояло въ густомъ лѣсу громадныхъ дубовъ, священ-ныхъ деревьевъ Зевса; преданіе говорило, что ихъ жолуди были первою пищею людей (жолуди нѣкоторыхъ южно-европейскихъ видовъ дуба годятся для пищи человѣку). Жившіе тутъ святыя люди, которые у Гомера называются селлами или геллами, возвѣщали волю дождеподателя Зевса и его жены Діоны жителямъ Геллоніи и приходившимъ вопрошать оракула иноземцамъ. Зевсъ и Діона открывали имъ свою волю въ шелестѣ листьевъ священнаго дуба, въ журчаньѣ ручья, вытекавшаго у корня этого дуба, возвѣщали ее чрезъ полетъ голубей, сидѣвшихъ на вѣтвяхъ дуба. Имя «греки», которымъ называли эллиновъ итальянскіе народы, дано ими эллинамъ, какъ народу, жившему въ Эпирѣ; оно въ первобытныя времена было общимъ названіемъ всѣхъ племенъ этой области.

Додонскій оракулъ продолжалъ пользоваться большимъ уваженіемъ у грековъ и въ тѣ времена, когда имя пеласговъ осталось названіемъ лишь нѣкоторыхъ племенъ, сохранившихъ первобытныя образы жизни. Въ эти времена додонское святилище было уже не жертвенникъ подлѣ священнаго дуба подлѣ открытымъ небомъ, а большой храмъ, украшенный статуями и множествомъ богатыхъ приношеній. При храмѣ, кромѣ гелловъ, святыхъ мужей, были жрицы, которыя назывались пеліадами (peliaeides, „голубицы“; на нихъ было перенесено названіе птицъ, которыхъ замѣняли онѣ въ дѣятельности оракула). Пеліады служили носящему дубовый вѣнокъ Зевсу Найскому (Ναῖος) или Додонскому и его женѣ Діонѣ и прорицали о будущемъ по звукамъ мѣдныхъ блюдецъ, которыя висѣли на деревьяхъ у храма и о которыя ударили металлическими прутьями. Кругомъ жертвенника стояли треножники; этимъ обозначалось, что Зевсъ соединилъ кругомъ себя очаги, то-есть соединилъ жилища людей, которые прежде жили разрозненно, создалъ общественное устройство (треножникъ былъ принадлежность очага).

Зевсъ и Діона Додонскіе были божества природы, дававшія дождь лугамъ и нивамъ, животворившія растительность, которою питались стада и люди. Въ этнографической таблицѣ Книги Бытія Доданимъ—одинъ изъ сыновей Іавана (Книга Бытія X, 4).

Пеласги въ Фессаліи. Есть упоминанія, что была нѣкогда другая Додона, Фессалійская, и что въ Фессаліи (Гемоніи) была нѣкогда область Эллада. Другая область Фессаліи сохраняла и въ позднѣйшія времена имя Пеласгиды (пеласгійской области, «Пеласгиды»). Этимъ подтверждается преданіе, что пеласги перешли черезъ Пиндъ и поселились на плодородной равнинѣ Пеней. Въ Додонской области осталась лишь небольшая часть племени; оставшіеся тамъ пеласги продолжали вести первобытныя образы жизни, пасли стада и пахали землю; этимъ объясняется то, что южная часть Эпира, Феспротія, въ которой находилась Эпирская Додона, и жителями которой въ историческія времена были молоссы, была почти совершенно чужда эллинской цивилизаціи. Но тѣ пеласги, которые поселились на роскошныхъ поляхъ Фессаліи, скоро сдѣлались народомъ болѣе развитымъ. Земледѣліе стало у нихъ преобладающимъ занятіемъ, они совершенно покинули кочевой образъ жизни, у нихъ установилась патріархальная организація родоваго и племеннаго быта, установился общественный порядокъ, правовые обычаи получили опредѣлительность; скотоводство сдѣлалось лишь принадлежностью земледѣлія. Для охраны себѣ, своему имуществу, своимъ святилищамъ отъ нападений сосѣднихъ горныхъ племенъ, фессалійскіе пеласги стали укрѣплять свои поселенія каменными цитаделями, «лариссами», стѣны которыхъ строили сначала изъ нетесаныхъ камней безъ всякаго цемента; потомъ стали отесывать камни, такъ чтобы они плотно прилегали другъ къ другу. Въ преданіяхъ упоминаются три лариссы. Одна изъ нихъ сдѣлалась главнымъ городомъ Фессаліи. По приморью, на полуостровѣ Магнетовъ и въ Іолкѣ вѣроятно селились между пеласгами греческіе и не греческіе колонисты изъ Малой Азіи; вѣроятно отъ нихъ пеласги научились искусству мореплаванія, вѣроятно отъ нихъ заимствовали служеніе Посейдону; мало по малу, колонисты слились въ одинъ народъ съ туземцами.

Въ это время получилъ религіозное значеніе «многоизвилистый» Олимпъ. Онъ сталъ жилищемъ боговъ. Тамъ сидѣлъ на золотомъ престолѣ могущественный «собиратель облаковъ», Зевсъ Додонскій, которому молятся въ Илиадѣ, какъ своему племенному богу, фессаліецъ Ахиллъ, царь мирмидоновъ, живущихъ въ области Элладѣ. Но жена Зевса, царица неба, подательница плодородія землѣ и дѣтей супругамъ, называется уже не Діоною, а Герою (Нега, «госпожа»); поклоненіе Діонѣ осталось только мѣстнымъ додонскимъ. Сынъ Зевса и Геры былъ Гефестъ, богъ огня, проявляющійся на небѣ молніею, а на землѣ между прочимъ изверженіями огнедышащихъ горъ. Молились фессалійскіе пеласги и Посейдону, владыкѣ морей, владыкѣ землетрясеній, волнующихъ землю какъ море, и создателю лошади, работа которой давала богатство земледѣльцу. Фессалійскія преданія, которыхъ отголоски сохранились въ мифахъ, говорятъ о перво-

бытных племенах, живших у Пагасского залива и в долинах Пеней и Сперхея по старым обычаям и усердно служивших богам. Так, например, сказания о кентаврах должно, кажется, считать темными воспоминаниями о воинственном воинском племени, жившем по склонам Пеліона; эти всадники были такими искусными наездниками, что когда они в своих набѣгах на равнины мчались по нивамъ, земледѣльцамъ казалось, что всадникъ и лошадь—одно существо; но дома у себя, в горахъ, они рано узнали качества цѣлебныхъ травъ, и потому мнѣ сдѣлалъ мудраго кентавра Хирона наставникомъ Аяксія и Ахилла в искусствѣ врачеванія.

Піэрійскіе ера-
кійцы.

Къ первобытному пеласгійскому населенію Фессаліи безъ сомнѣнія принадлежали піэрійцы, жившіе в глубокой древности по приморью отъ Пеней до Галиакмона, на востокъ и на сѣверъ отъ Олимпа, богобоязненный народъ, в городѣ котораго Либертѣ, лежавшемъ у подошвы „обильнаго источниками“ Олимпа, пѣвцы и учителя вѣры, Орфей и Тамиридъ ввели, какъ говоритъ преданіе, служеніе Музамъ, и прославляя боговъ священными гимнами, смягчили грубые нравы силою пѣнія и музыки, насадили сѣмена образованности,—какъ читаемъ у Горация:

«Посланныя боговъ Орфей отвлекъ скитавшихся по лѣсамъ людей отъ грубаго образа жизни, отъ убійствъ. Потому стали говорить, что онъ укрощалъ львовъ и тигровъ. И объ Амфіонѣ, строителѣ Фиванской крѣпости, говорили, что онъ движетъ звуками китары камни. Пѣвцы научали людей уважать чужую собственность, чтить боговъ, обуздывать животную страсть, ограждали супружескую вѣрность, строили города, писали законы;—въ этомъ состояла первобытная мудрость, и тѣмъ заслужили они славу боговдохновенности себя и своимъ пѣснямъ».

Впослѣдствіи, часть этого жреческаго племени переселилась на югъ в Аскру, на склонѣ Геликона, и стала в рощѣ тамъ совершать служеніе Музамъ (нимфамъ священныхъ источниковъ, вода которыхъ имѣетъ боговдохновляющую силу). Этихъ переселенцевъ называли еракійцами, потому что они пришли съ сѣвера. На южномъ склонѣ аѳинскаго Акрополя тоже было поселеніе еракійскихъ пѣвцовъ, совершавшихъ служеніе Музамъ и Діонису.

Минійцы (бео-
тійскіе пелас-
ги).

Есть много преданій, показывающихъ, что и в Беотіи первобытнымъ населеніемъ были пеласги; эти преданія говорятъ также, что еще в очень раннія времена поселились между ними колонисты, пришедшіе съ востока. Минійцы, жившіе около Копайскаго озера, на роскошныхъ лугахъ болотистой равнины Кефисса, отважные мореплаватели, имѣвшіе главнымъ городомъ своимъ Орхоменъ, принадлежали къ тому же племени, которое жило у подошвы Пеліона, в Іолкской и Пагасской областяхъ. Эти первобытные жители Беотіи («страны стадъ рогатаго скота»), были по мнѣнію Курціуса племенемъ, близко родственнымъ Іонійскому. Они раньше своихъ сѣверныхъ сосѣдовъ поднялись на довольно высокую степень цивилизаціи, какъ видимъ по преданіямъ о богатствѣ и великолѣпіи Орхомена, о сокровищницѣ орхоменскаго царя Минія и о служеніи орхоменцевъ Харитамъ.—Сокровищница Минія была круглое подземное сооруженіе со сводомъ и съ металлическою обшивкою стѣнъ. Хариты были

«искусныя в пѣніи владычицы великолѣпнаго Орхомена, богини—покровительницы издревле знаменитыхъ минійцевъ». Минійцы со временъ глубокой древности жили в городахъ, были торговцы, мореплаватели; у нихъ очень рано развилась техническая промышленность, изящныя искусства, поэзія. Они достигли культурнаго состоянія конечно не исключительно собственными ихъ усиліями, а при помощи иноземныхъ колоній.—Есть много слѣдовъ того, что пеласги жили и Пеласги в Аттикѣ. В историческія времена еще оставалась на западной сторонѣ аѳинскаго Акрополя древняя стѣна, которую называли пеласгійскою. Преданіе говорило, что ее построили пеласги, бѣжавшіе изъ Фессаліи. И в Аттику и в Беотію несомнѣнно проникали съ очень давняго времени вліянія восточныхъ культурныхъ народовъ, в особенности финикійцевъ. На группѣ холмовъ поднимающейся къ западу отъ аѳинскаго Акрополя и называвшейся в древности Мелитою, существовало, кажется, финикійское поселеніе; в сказаніи о войнѣ Тезея съ амазонками отразились воспоминанія о столкновеніяхъ съ этими колонистами. Но рядомъ съ легендами, свидѣтельствующими, какъ полагаютъ ученые, о существованіи финикійскихъ и египетскихъ колоній в Аѳинахъ и Фивахъ, есть мнѣя, говорящія о томъ, что всѣ «автохтоны», коренные туземцы Греціи, принадлежали къ одному племени.

У додонскихъ пеласговъ было сказаніе о потоцѣ, в водахъ котораго погибъ весь прежній родъ человѣческій, кромѣ Девкалиона и Пирры, и о томъ, что новый родъ человѣческій произошелъ изъ «костей матери», то есть, изъ камней матери-земли, которые бросили Девкалионъ и Пирра, какъ велѣлъ имъ Зевсъ. Пеласги, переселившіеся в Фессалію, перенесли туда и этотъ мифъ. После того онъ былъ перенесенъ в страну у подошвы Парнасса. Онъ сохранился в аттическомъ и беотійскомъ преданіи о потоцѣ, бывшемъ при царѣ Огигѣ (или Огенѣ).—Фессалійскія сказанія о войнахъ съ кентаврами, жившими на Пеліонѣ, повторяются в сказаніяхъ минійцевъ о флегійцахъ, которые жили на Парнассѣ, дѣлали съ высотъ его набѣги на беотійскую равнину, нападали на богомольцевъ, ходившихъ в Дельфы и прятали свою добычу в горной крѣпости Памопѣ (в той мѣстности, гдѣ, по преданію, стоялъ Панопей, еще остаются слѣды древняго укрѣпленія; это неподалеку отъ Херонеи).—Преданіе переносило мифъ объ Орфѣе изъ Піэріи в лежащую у Парнасса и Геликона область Давлиду, куда было перенесено служеніе музамъ, «піэрійскимъ дѣвамъ». Мнѣя Давлидской области, повторяя піэрійскія мнѣя, говорили, что у священныхъ, дающихъ вдохновеніе ручьевъ Парнасса и Геликона Орфей и другіе «піэрійскіе» мудрые пѣвцы учили людей богопознанію, пѣли священные гимны во славу боговъ, смягчали грубые нравы народа. Беотійское сказаніе говорило, что Амфіонъ сдѣлалъ изъ тростника Копайскаго озера пастушескую свирѣль, а изъ черепа чернахи лиру, и по звукамъ этихъ инструментовъ камни сами двигались и складывались в стѣны Фивъ. Беотія была отчизною печальныхъ пѣсней, в которыхъ выражалась скорбь о томъ, что исчезаетъ юность и что весенняя свѣжесть растительности гибнетъ отъ лѣтнаго зноя, и которыя назывались пѣснями о Лиѣ. Быть можетъ, изъ такихъ пѣсней возникъ мифъ о томъ, что Прокна, дочь Терея, была превращена в соловья, и что пѣніе соловья—плачъ Прокны о смерти ея сына, Итиды. Мнѣя подобнаго рода показываютъ, что у грековъ ужъ и в первобытныя времена была развита наблюдательность.—Аѳинскій жреческій родъ Эвмолпидовъ называлъ своимъ предкомъ

Флегійцы.

«Фракійскіе»
пѣвцы.

Эвмолпа («прекраснопоющего»), мифического Элевзинского пѣвца. На югъ отъ Керропи, какъ назывался въ древнѣйшія времена аѣинскій Акрополь, была гробница Музея, который по преданію, ввелъ въ Аттікѣ служеніе музамъ и прославлялъ ихъ простыми, исполненными одушевленія гимнами.

Съ развитіемъ культуры у первобытнаго населенія Беотіи и Аттіки расширился и кругъ религіозныхъ представленій. Прежде они служили божествамъ облаковъ и дождя и богу морю, укротителю коня Посейдону; теперь, кромѣ этихъ божествъ, они чтили жертвоприношеніями и празднествами Деметру («Землю-мать»), богиню семейнаго благоустройства, упрочиваемаго земледѣльческимъ бытомъ, покровительницу чистоты нравовъ, и ея дочь, дѣвственницу Кору (Персефону), богиню развивающейся и увядающей растительности; они насаждали виноградники и фруктовые сады, и совершали веселые сельскіе праздники въ честь Діониса, бога вина; они молились и приносили жертвы Гестіи, цѣломудренной богинѣ домашняго очага, покровительницѣ дома и семейной жизни. Дѣвственница Паллада Аѣина, богиня лазурнаго неба и грозъ, очищающихъ атмосферу, создательница оливы, стала богиней-покровительницею Аѣинъ. Аѣиняне чтили и Посейдона, владыку моря, знаменитѣйшій храмъ котораго стоялъ на Истмѣ. Мнѣ о томъ, что Паллада и Посейдонъ состязались, чей даръ, ея или его, будетъ болѣе полезенъ Аѣинамъ, и кому изъ нихъ должно принадлежать владычество надъ Аттікою, показываетъ, что ужъ и въ глубокой древности жители Аттіки занимались, кромѣ сельскаго хозяйства, мореплаваніемъ; что сельское хозяйство было для нихъ важнѣе мореходства, но и мореходство у нихъ имѣло ужъ большое развитіе. Слѣды пеласгійскаго населенія видны и на островахъ Эгинѣ и Саламинѣ. На вершинѣ Эгинской горы стоялъ древній храмъ Зевса Гелланія (Зевса-собираателя облаковъ).

Пеласгійское
населеніе Пе-
лопоннеса.

Греки говорили, что въ Пелопоннесѣ первобытное населеніе было пеласгійское; въ особенности говорили они это объ Арголидѣ и Аркадіи. Есть много данныхъ, показывающихъ, что и дѣйствительно было такъ. По преданію аргивянъ, первымъ царемъ Аргоса былъ Пеласгъ, сынъ Зевса. Во времена Павзанія, еще былъ цѣль древній памятникъ, который считался гробницею Пеласга. Преданіе говоритъ, что онъ построилъ аргосскій акрополь, Лариссу; на горѣ надъ Аргосомъ еще остаются слѣды этого первобытнаго укрѣпленія, нѣсколько камней, отесанныхъ многоугольниками. Въ Аргосѣ находился древнѣйшій и знаменитѣйшій храмъ Геры, царицы неба. Преданіе говоритъ, что Пеласгъ ввелъ въ Аргосъ поклоненіе Деметрѣ. У Эсхила (въ трагедіи «Просіяніе о защитѣ») говорится о Пеласгѣ, царѣ Аргосскомъ, что онъ, сынъ Палехтона («Древняго туземца», предка туземцевъ), владычествуетъ надъ «всѣмъ народомъ пеласгійскимъ, населяющимъ поля Апіи (Пелопоннеса) и далекія земли по рѣкѣ съ чистою водою, Стри-

мону», что онъ «могучій властелинъ, въ царствѣ котораго лежатъ Перребія (Фессалія) и Пиндъ, и горная область Додонская». Въ другихъ сказаніяхъ Пеласгъ называется потомкомъ Инаха (аргосской рѣчки) и сына Инаха, Форонея, который первый возжегъ огонь на жертвенникахъ боговъ и на очагахъ въ домахъ людей. По другому преданію, Эгіалей, царь Меконы (какъ назывался въ глубокой древности Сикіонъ), владычествовалъ надъ «пеласгами приморья» (сѣвернаго берега Пелопоннеса). Аркадія считалась, подобно Додонѣ и Фессаліи, отчизною пеласговъ. Не было никакихъ преданій о томъ, что аркадяне были пришельцами изъ какой-нибудь другой страны; они до очень поздняго времени оставались пастушескимъ народомъ и сохраняли первобытные нравы; потому, у нихъ очень легко было возникнуть мнѣнію, что они самый древній изъ всѣхъ народовъ. И они считали себя древнѣйшимъ народомъ Греціи, свою страну—отчизною пеласговъ. По ихъ преданію, Пеласгъ родился въ Аркадіи, «въ лѣсу изъ нѣдра черной земли». Его сынъ, Ликаонъ, построилъ въ Аркадіи Ликосуру, древнѣйшій изъ всѣхъ городовъ, на которые свѣтило солнце. Онъ ввелъ служеніе Зевсу Ликейскому, богу свѣтлаго неба; онъ поставилъ Зевсу жертвенникъ на горѣ, которая по его имени была названа Ликаоновою, и находилась въ югозападной части Аркадіи; символомъ Зевса Ликейскаго былъ орелъ, «смѣло возлетающій къ источнику свѣта, и низлетающій съ неба быстро, какъ молнія». Ликаонъ принесъ въ жертву Зевсу своего сына; и былъ за это превращенъ въ волка», — говорилъ мнѣ, сближая названіе Зевса «ликейскій», *lykaïos*, съ словомъ *lykos* «волкъ».

Преданіе говорило также, что Ликаонъ основалъ святилище Гермеса на горѣ Килленѣ и поставилъ тамъ фаллосъ; оно приписывало ему введеніе обычая ставить фаллосы. Гермесъ былъ древній пеласгійскій богъ оплодотворенія, низводившій дождь на землю; фаллосъ былъ символомъ его. Гермесъ былъ сынъ Зевса, собирателя облаковъ, производящихъ дождь, и плеяды Маіа, матери-питательницы; она родила Гермеса темною ночью въ сокрытой пещерѣ горы Киллены. Гермесъ умѣлъ проникать повсюду, былъ вѣстникомъ Зевса, спускавшимся съ неба въ подземный міръ. Богъ пастушества, Панъ, жилъ также на Килленѣ, странствуя по пастбищамъ, пещерамъ и дубовымъ лѣсамъ этого хребта. Также съ очень давняго времени установилось на горахъ Аркадіи служеніе Аполлону, богу, дающему дневной свѣтъ, и Артемидѣ, богинѣ, свѣтящей ночью. На приморьѣ, на мысахъ молились Посейдону; онъ былъ для этихъ мѣстностей самымъ важнымъ изъ боговъ: его силою удерживалось въ своихъ границахъ море, и когда онъ прогнѣвался, то бушующее море потрясало землю; потому онъ назывался Эгеємъ, потрясателемъ; отъ этого эпитета Посейдона произошло названіе Эгейскаго моря, бывшаго главною частью его царства. Его дворецъ, сіяющій переливами блеска волнъ, былъ въ глубинѣ моря близъ того мѣста берега Ахайи, гдѣ стоялъ городъ Эпи, и гдѣ было древнѣйшее его святилище. По берегамъ Локриды и Лаконіи и по островамъ Эгейскаго моря жили лелеги, бродячее племя. Они часто нападали на пеласговъ, осѣдлыхъ земледѣльцевъ. Кажется, они были соплеменники пе-

ласговъ. Часть греческаго народа осталась въ Азіи, поселилась въ Ликіи, въ той области, гдѣ послѣ былъ основанъ Милетъ, въ Троадѣ. Эти малоазійскіе греки сдѣлались моряками, плавали на западъ. Делеги были, вѣроятно, греки изъ Малой Азіи, плававшіе вмѣстѣ съ карійцами къ берегамъ Греціи и основавшіе тамъ поселенія, въ которыхъ были и примѣсы карійцевъ; въ послѣдствіи времени, эти поселенцы слились, вѣроятно, съ пеласгами.

Результатъ.

Итакъ, отъ южной Аркадіи до Галиакмона повсюду мы видимъ загадочный народъ пеласговъ; всѣ свѣдѣнія о немъ, дошедшія до насъ, туманны; но онъ не миеъ, онъ оставилъ несомнѣнные слѣды своего существованія. Очевидно, что пеласги жили по всей Греціи, что подъ именемъ пеласговъ должно понимать греческій народъ въ эпоху его перехода отъ кочеваго пастушескаго быта къ осѣдлому земледѣльческому образу жизни, и что это имя охватываетъ весь греческій народъ, что онъ тогда еще не дѣлился на племена. «Пеласгійскія слова—чисто греческія слова», говоритъ Германъ: «языкъ пеласговъ ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ старо-греческихъ нарѣчій. И о каждомъ изъ важнѣйшихъ племенъ эллинскаго (гелленскаго) народа засвидѣствовано достовѣрными греческими писателями, что оно происходитъ отъ пеласговъ, это засвидѣтельствовано объ эолійцахъ и родственныхъ имъ ахейцахъ; засвидѣтельствовано и объ іонійцахъ; такимъ образомъ, важнѣйшія изъ тѣхъ племенъ, родство которыхъ было въ послѣдствіи времени характеризовано искусственно составленною генеалогическою таблицею, производящею ихъ отъ общаго мнѣческаго предка, Геллена, были потомками пеласговъ». Пеласги повсюду въ Греціи были первымъ земледѣльческимъ населеніемъ; болота были осушены ими; ими была обращена въ плодородную землю каменистая почва Аттики; ими были сооружены тѣ древнія постройки изъ громадныхъ камней безъ всякаго цемента, остатки которыхъ еще видимъ мы въ Арголидѣ и у Копайскаго озера, и которыя были въ позднѣйшія времена приписываемы баснословнымъ исполинамъ, циклонамъ, потому что возведеніе ихъ казалось дѣломъ, превышающимъ человѣческія силы: пеласгами были сооружены и древнія циклопическія постройки изъ нетесанныхъ камней, и болѣе новыя, сложенные изъ камней, отесанныхъ многоугольно. Боги пеласговъ были олицетвореніями силъ природы, дающихъ плодородіе землѣ и стадамъ, и въ особенности олицетвореніями великихъ явленій природы; эти боги жили на вершинахъ горъ, одѣтыхъ облаками, святилищами ихъ были священныя роши; храмовъ имъ еще не строили, и не изображали ихъ въ человѣческомъ видѣ. Святые пѣвцы, которымъ давала вдохновеніе вода ручьевъ, посвященныхъ музамъ, поучали пеласговъ своими гимнами и смягчали ихъ грубые нравы, возбуждали въ нихъ добрыя чувства. Пеласги жили маленькими родовыми общинами; глава общины, царь, былъ судья и военачальникъ, быть можетъ, жрецъ. Члены

общины вели свое происхожденіе отъ общаго предка; царь былъ старѣйшина рода. Онъ жилъ въ акрополѣ, укрѣпленіи, построенномъ на холмѣ; къ акрополю прилегали нижнія части города. Вѣроятно съ ранняго времени сдѣлались помощниками царя и соучастниками власти люди, бывшіе главами знатныхъ семействъ, приобрѣли себѣ большіе участки земли и поставили земледѣльческую массу народа въ положеніе, болѣе или менѣе подобное крѣпостной зависимости. Очень можетъ быть, что пеласгійскія громадныя постройки, подземелья, плотины были сооружены трудомъ людей, посылаемыхъ на работу господами. Въ послѣдствіи времени пеласги приобрѣли тѣ понятія и обычаи, которые называются эллинскими; это было отчасти результатомъ самостоятельнаго развитія ихъ національных качествъ, отчасти усвоеніемъ элементовъ культуры, приносимыхъ въ Грецію переселенцами съ западнаго берега Малой Азіи и лежащихъ подлѣ него острововъ. Несомнѣнно то, что пеласги—это эллины въ раннемъ періодѣ своего развитія. Но народы восточной части Средиземнаго моря находились въ дѣятельныхъ сношеніяхъ между собою, и потому несомнѣнно, что къ пеласгамъ были приносимы иноземныя знанія. Въ древнѣйшихъ памятникахъ греческой архитектуры очевидно вліяніе востока. Есть много данныхъ, заставляющихъ полагать, что цивилизація пеласгійскаго населенія Греціи только ужъ по вытѣсненіи восточныхъ и, въ частности, финикійскихъ колонистовъ приобрѣла тотъ характеръ, который въ первомъ своемъ фазисѣ называется ахейскимъ, а въ дальнѣйшемъ развитіи эллинскимъ. Но нѣкоторыя части пеласгійскаго населенія Греціи остались чужды ходу превращенія пеласгійскаго быта въ эллинскую цивилизацію. Это были племена, очень рано отдѣлившіяся отъ главной массы и поселившіяся въ мѣстностяхъ, куда не проникали культурныя вліянія, смѣшавшіяся съ прежнимъ, не греческимъ населеніемъ. Такъ было и съ пеласгами, которые въ первобытныя времена переселились на Геллеспонтъ, гдѣ построили лариссы Скилаку и Плакію, и во Фракію на Халкидскій полуостровъ, гдѣ построили лариссу Крестонъ; такъ было съ пеласгами, занявшими нѣкоторыя мѣстности на берегу Троады и Мизіи. Разница между этими племенами и массою населенія Греціи стала съ теченіемъ времени такъ велика, что греки считали ихъ и по языку и по обычаямъ не греками (варварами). Позднѣе, мы будемъ говорить о тѣхъ пеласгахъ, у которыхъ развилась цивилизація, называемая греческою или эллинскою. Въ пѣсняхъ Гомера общее имя грековъ—Ахейцы (или ахей). Полагаютъ, что это слово значитъ «благородные», «доблестные».

Пеласги, и въ частности мнѣйцы, поселившіеся на Аѳонскомъ полуостровѣ, и на островахъ Лемносѣ, Имбросѣ, Самоѳракіи, строили изъ многоугольныхъ камней башни для защиты своихъ пристаней; по этимъ башнямъ стали называть ихъ тирренами или тирсенами, «строителями башенъ» (въ послѣдствіи времени, этимъ же именемъ называли на-

родъ, жившій въ Этруріи). Они заимствовали отъ финикіянъ мистическій культъ Гефеста и кабировъ, были отважные моряки, и, по примѣру финикіянъ, вели торговлю невольниками, похищали людей, чтобы продавать ихъ въ рабство. Ахиллъ продалъ въ Лемносъ и Имбросъ взятыхъ имъ въ плѣнъ сыновей Гекабы; лемносскіе пелатги похитили аеиниановъ, совершавшихъ на морскомъ берегу священное торжество. Въ Гомеровомъ «Гимнѣ Діонису» разсказывается, что Діонисъ, прекрасный юноша съ темными локонами, одѣтый въ пурпуръ, стоялъ на берегу мыса; подплыли на «прекраснобокомъ» кораблѣ хищные тирренскіе мужи, обмѣнились между собою знаками, выпрыгнули на берегъ, схватили Діониса, повели его на корабль, радуясь сердцемъ, потому что по его виду считали его «прекраснымъ сыномъ цари, происходящаго отъ Бога»; они хотѣли надѣть на него тяжелыя оковы, и начальникъ ихъ сказалъ: «Мы повеземъ его въ Кипръ или въ Египетъ, или въ гипербореямъ, и еще дальше. Подъ конецъ онъ скажетъ же намъ имена своихъ родныхъ, и скажетъ всѣ свои сокровища».

Восточныя
культурныя
вліянія.

Между учеными было очень много споровъ о томъ, должно ли думать, что развитіе греческой цивилизации было произведено исключительно силами самихъ грековъ, или ему содѣйствовало вліяніе восточныхъ культурныхъ народовъ. Было мнѣніе, что всѣ элементы цивилизации получены греками съ востока: египетскіе, финикійскіе и малоазійскіе колонисты приносили съ собою образцовъ дикаремъ-грекамъ, питавшимся жолудями, — такъ говорили прежде. Явилось противоположное мнѣніе, приверженцы котораго стали горячо доказывать, что эллинская цивилизация — совершенно самостоятельное созданіе собственныхъ силъ греческаго народа. Оба эти мнѣнія — одностороннія крайности. Греки получили многія знанія, обычаи, религіозныя понятія и обряды отъ восточныхъ народовъ, и въ особенности отъ финикіянъ, которые имѣли поселенія на Лемносѣ и Тазосѣ, на Родосѣ, Мелосѣ, Кипрѣ, на другихъ островахъ у береговъ Греціи, основали много поселеній и на восточномъ берегу самой Греціи. Это достоверно. Но достоверно и то, что греки самостоятельно переработали элементы культуры, заимствованные у иноземцевъ, видоизмѣнили ихъ согласно своимъ національнымъ особенностямъ, наложили на все печать своей національности. Потому эллинскую цивилизацию можно считать произведеніемъ природныхъ качествъ эллинскаго народа, нисколько не отрицая вліянія восточныхъ народовъ на грековъ. Говорятъ, что арійское и семитическое воззрѣніе противоположны одно другому, и не могли слиться; различіе арійскаго характера отъ семитическаго конечно мѣшало полному сліянію основныхъ элементовъ восточной культуры съ греческими, но финикіянѣ съ очень ранняго времени вели дѣятельныя сношенія съ населеніемъ восточной Греціи, и очевидно, что многое изъ восточной культуры было воспринято греками, въ тѣ времена менѣе развитыми, нежели финикіянѣ. Мы упоминали о мнѣніи Курціуса, думающаго, что «дѣти Іавана», оставшіяся въ Азіи — (ликіяне, лелеги, карійцы и проч.) были посредниками, переносившими элементы восточной, въ особенности финикійской и египетской культуры, въ восточную Грецію. Эта мысль вызвала много возраженій; но очень вѣроятно, что въ ней есть нѣкоторая доля исторической истины. — Мы видѣли, что древнѣйшія греческія, въ особенности аттичeskія и арголідскія сооруженія доказываютъ вліяніе восточной культуры на Грецію. Говорятъ: легенда о «древнемъ» Данаѣ и о пятидесяти дочеряхъ его, Данаидахъ, черпавшихъ воду, не представляетъ собою воспоминанія о египетской колоніи въ Аргосѣ, а имѣетъ лишь символическій смыслъ, выражаетъ лишь то, что въ Арголідѣ, имѣвшей сухую почву, ручьи были иссушаемы знойнымъ южнымъ вѣтромъ, и что въ жаркую пору года оставались напрасны всѣ усилія дать достаточное орошеніе землѣ. Называютъ выдумкою эллинскихъ колонистовъ на Лесбосѣ и въ малоазійской Эолидѣ

Данаѣ и Данаиды.

разсказъ о томъ, что фригіецъ Пелопсъ, сынъ богатаго Тантала, владѣвшаго плодородными землями на протяженіи двѣнадцати дней пути, отъ Сипила и Герма до Иды, переселился на южный полуостровъ Апію, что благодаря искусству въ ѣздѣ на колесницахъ и хитрости онъ сдѣлался царемъ въ Элидѣ, что Апія стала по его имени называться Пелопоннесомъ (островомъ Пелопса); — говорятъ, что эллины, переселившіеся въ Малую Азію, хотѣли этимъ разсказомъ доказать свое право на занятія ими земли, называя ихъ родиною Пелопса. Говорятъ, что египетское происхожденіе Кекропса, котораго аеинианѣ считали основателемъ своего Акрополя (называвшагося въ древности Кекропіею), изобрѣтеніе очень поздняго времени, что въ древнемъ сказаніи Кекропсъ называется родившимся изъ земли, то есть, туземцемъ Аттики. Но каково бы ни было наше мнѣніе объ этихъ сказаніяхъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что минійцы, жившіе въ Іолкѣ и въ Орхоменѣ, находились въ сношеніяхъ съ финикіянцами, господствовавшими на греческихъ моряхъ, и что существовало финикійское поселеніе въ Беотіи, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ акрополь Оивъ, Кадмея. Предпримчивые минійцы, расселившіеся отъ Іолка до Беотійской равнины, были увлекаемы къ мореходству своимъ отважнымъ характеромъ и удобствомъ береговъ Пагасскаго залива, и несомнѣнно то, что они морскою торговлею приобрѣли богатство, которымъ славилась въ глубокой древности. Еще въ Гомеровскія времена были уже накоплены огромныя сокровища въ Орхоменѣ, великолѣпной столицѣ Миніи, отцомъ котораго былъ Хрисесъ (обладатель золота). Орхоменскіе минійцы научились у финикіянъ искусству отводить излишекъ воды подземными каналами (катаботрами), и посредствомъ этихъ каналовъ обратили обширныя части болотистыхъ береговъ Конайскаго озера въ плодородную землю. Еще и теперь видны колоссальные остатки проведенныхъ ими каналовъ, разрушеніе которыхъ обратило снова въ болото ту мѣстность, гдѣ стоялъ Орхоменъ. Въ городѣ Галосѣ и на горѣ Лафистіи близъ Орхомена минійская династія Атамантидовъ приносила людей въ жертву Зевсу Лафистійскому, мрачному богу бурь и зимы; эти жертвоприношенія имѣютъ такое сходство съ финикійскимъ служеніемъ Молоху, что нельзя не признать ихъ обрядами, заимствованными у финикіянъ.

Изъ Геродота (VII, 197) мы знаемъ, что во времена, ужъ историческія, еще оставался въ Галосѣ законъ, повелѣвавшій, что если старшій изъ рода Атамантидовъ зайдетъ въ священную часть этого города, называвшуюся пританеемъ, то онъ долженъ быть принесенъ въ жертву. Если ему удавалось спастись бѣгствомъ, и послѣ того онъ возвращался въ Галосъ, хотя бы черезъ много лѣтъ, то его ловили и, обвинивъ шерстяными повязками, вели торжественною процессіею на принесеніе въ жертву. Примѣнія къ самимъ Атамантидамъ установленный ими въ древности религіозный обрядъ, жители Галоса имѣли, быть можетъ, ту цѣль, чтобы удержать ихъ отъ попытокъ снова захватить власть надъ городомъ. — Атамантъ, сынъ бога вѣтровъ Эола, хотѣлъ, по финикійскому обычаю, принести своихъ дѣтей, Фрикса и Геллу, въ жертву Зевсу Лафистійскому, чтобы прекратить засуху, отъ которой произошелъ голодъ въ странѣ; но мать Фрикса и Геллы, Нефела (облако) спасла ихъ.

Въ Коринѣ и на Истмѣ, по песчанымъ берегамъ котораго было много пурпуровыхъ раковинъ, тоже есть слѣды финикійскаго богослуженія и финикійской колоніи. На Истмѣ однимъ изъ главнѣйшихъ боговъ былъ финикійскій Мелькартъ, котораго греки называли Меликертомъ. Греческій мифъ сдѣлалъ его сыномъ Атаманта и Ино. Истмійскія игры были торжествомъ въ честь Посейдона; но съ тѣмъ вмѣстѣ, были торжествомъ и въ

Пелопсъ.

Кадмъ и минійцы.

Финикійское богослуженіе на Истмѣ и въ Коринѣ.

честь Меликерта, храмъ котораго на Истмѣ, имѣвшій форму склепа съ круглымъ сводомъ, былъ построенъ надъ жерломъ провала. Служеніе Меликерту совершалось ночью съ мистическими обрядами и закланіемъ жертвъ. Во многихъ мѣстахъ, жертвами, приносимыми ему, были не животныя, а мальчики. Была чтима и мать Меликерта, Ино, которая бѣжала съ сыномъ отъ ярости мужа, подвергшагося омраченію ума, и, настигаемая имъ, бросилась въ море и сдѣлалась богиней, спасающею мореплавателей отъ кораблекрушеній. Культъ ея былъ въ большомъ уваженіи. Ее чтили подъ именемъ Левкотей (Бѣлой богини).—Въ Коринѣ, первый царь котораго Сисифъ (Сизифъ), „хитрѣйшій изъ людей“, былъ, подобно Атаманту, сынъ Эола, существовало въ первоначальныя времена служеніе Герѣ Акрейской (Нега Акгаіа, „Владычица Высотъ“); ей приносили въ жертву дѣтей, семь мальчиковъ и семь дѣвочекъ.

Установленіе культа Геры Акрейской мнѣ приписываетъ Модеъ, дочери солнца, переселившейся въ Грецію изъ восточной страны. Воспоминаніе объ этомъ культѣ сохранилось въ священномъ обычаѣ, бывшемъ принадлежностью коринесскаго служенія Герѣ. Ежегодно, въ праздникъ Геры, были избираемы четырнадцать мальчиковъ изъ самыхъ знатныхъ семействъ; имъ обривали головы, одѣвали ихъ въ черное платье, и уводили въ храмъ богини; тамъ оставались они несъ годъ, до смѣны новыми мальчиками; они участвовали тамъ въ мистическихъ обрядахъ жертвоприношеній, совершаемыхъ съ печальнымъ пѣніемъ. Этотъ обычай оставался въ Коринѣ до самаго разрушенія города. Очевидно, что уводимые въ храмъ Геры мальчики были нѣкогда приносимы въ жертву. Очевидно и то, что служеніе „Владычицы высотъ“ было заимствованнымъ у финикянъ служеніемъ Астартъ. Приношеніе людей въ жертву и у финикянъ замѣнялось жертвами, искупавшими жизнь ихъ.

Еще яснѣе финикійское происхожденіе коринесскаго культа Афродиты. Между городомъ и Акрополемъ стоялъ знаменитый храмъ, въ священной оградѣ котораго служили богинѣ сладострастіемъ, какъ въ Сидонѣ и на Кипрѣ. Итакъ, въ Коринѣ были переселены оба вида служенія Ашеръ-Астартъ, и свирѣпый, и сладострастный. Подобно богатымъ финикійскимъ городамъ, Коринѣ славился распущенностью нравовъ. Культъ богини любви очень рано проложилъ себѣ путь изъ Финикіи въ Грецію и черезъ острова и побережья, на которыхъ финикіянѣ селились для ловли пурпуровыхъ раковинъ и разработки рудниковъ. На южный берегъ Пелопоннеса онъ перешелъ съ Китеры. Но и въ немъ очень ясно видна разница между восточными народами и греками. Кромѣ Коринѣа, роскошнаго торговаго города, греки повсюду устранили изъ служенія Афродитѣ грубую чувственность, и развили въ своей поэзіи, въ своемъ искусствѣ элементъ изящнаго восхищенія красотой. По крайней мѣрѣ, въ лучшія времена Греціи культъ Афродиты не былъ развратомъ. Только ужъ во времена гетеръ онъ снова принялъ чувственный восточный характеръ. Въ Коринѣ тысячи пѣродулъ быстро выманивали всѣ деньги у приплывавшихъ туда моряковъ, такъ что составила поговорка: „не каждому годится ѣхать въ Коринѣ“.—Въ Коринѣ, заимствовавшемъ у финикянъ вмѣстѣ съ религіозными обычаями и ихъ промышленную дѣятельность, изготовленіе пурпурныхъ и другихъ тканей, литейное искусство, слѣды финикійскаго вліянія наиболѣе ясны; но несомнѣнно существованіе финикійскаго поселенія и въ Оивахъ, заимствовавшихъ у финикянъ служеніе Афродитѣ и мистическій культъ „великихъ боговъ“ (кабировъ) трипольскихъ. Кабиры, служеніе которымъ было въ Греціи облечено таинственностью, были олицетвореніемъ вулканическихъ силъ, дѣятельность которыхъ греки ви-

дѣли на нѣкоторыхъ островахъ Эгейскаго моря. У финикянъ были на многихъ изъ этихъ острововъ литейныя и кузнечныя мастерскія. Кабиры изображались въ видѣ карликовъ (какъ и у многихъ другихъ народовъ подземныя силы природы были олицетворяемы въ видѣ карликовъ). Древнѣйшія изображенія Гефеста, бога огня и кузнечнаго искусства, сходны съ изображеніями кабировъ: онъ тоже карликъ съ молоткомъ и рогами для питья въ рукахъ. Это сходство показываетъ, что искусству обрабатывать металлы греки выучились у финикянъ. На іонійскомъ праздникѣ Фаргелій совершался въ давнія времена обрядъ, очевидно произошедшій отъ финикійскаго обычая приносить людей въ жертву. Изъ числа людей, осужденныхъ за преступленія на смерть, выбирали или двухъ мужчинъ, или мужчину и женщину, натирали ихъ благовонными травами, убирали цвѣтами и плодами, торжественною процессіе вели ихъ, какъ жертвенныхъ животныхъ, за городъ, и низвергали со скалы; — очевидно это финикійскія жертвы искупленія.

2. Миеологическій міръ.

Основаніемъ греческой религіи въ пеласгійское время было, какъ Развитіе понямы видѣли, поклоненіе силамъ природы, проявляющимся на небѣ, на тѣхъ о богахъ. землѣ, въ морѣ. Тѣ божества, которыя были у пеласговъ древнѣйшими олицетвореніями силъ земли и неба, были низвергнуты рядомъ катастрофъ, преданія о которыхъ сохранились въ миеологическихъ разсказахъ о борьбѣ олимпійцевъ съ титанами и гигантами. Новыя божества, отнявшія владычество у прежнихъ, происходили отъ нихъ, но имѣли уже совершенно человѣческій образъ. Итакъ, міромъ стали править новыя, антропоморфическія божества, главнымъ изъ которыхъ былъ Зевсъ Кроніонъ; но прежнія божества, олицетворенныя силы природы, сохранили свою таинственную дѣятельность, одолѣть которую не можетъ и всемогущій Зевсъ. Какъ всемогущіе цари подчинены законамъ нравственнаго міра, такъ Зевсъ и другія новыя божества подчинены законамъ природы, судьбѣ. Творческое воображеніе эллиновъ постоянно увеличивало число божествъ и вносило болѣе и болѣе жизни въ свои представленія о нихъ: разницы въ характерѣ разныхъ странъ, разнообразіе человѣческихъ стремленій и дѣятельностей, сношенія съ другими народами, историческія событія, — все, что возбуждало новыя мысли у эллиновъ той или другой мѣстности, вело къ возникновенію новыхъ представленій о богахъ. Такимъ образомъ, было создано множество мѣстныхъ боговъ и богинь; но всѣ они имѣли тѣсную связь съ общими божествами и между собою, потому что всѣ части греческаго народа оставались въ связи между собою, имѣли общую національную жизнь. Тѣ черты, которыя были одинаковы въ разныхъ мѣстныхъ божествахъ, были соединяемы и переносимы на общее національное божество, но мѣстныя божества сохраняли свое мѣстное значеніе.

Этот двойной процесс творчества, соединявший однородное и раздроблявший основные представления, размножил образы и имена греческих богов и богинь до неисчислимаго множества. «Греческія божества—колонны храма, всё покрываемыя потолкомъ его, Зевсомъ», говоритъ Велькеръ: «Въ нихъ олицетворяются всё теологическія идеи греческаго народа; нѣкоторыя идеи, каждая во многихъ божествахъ, другія—каждая въ одномъ божествѣ». Раздробляя представления о богахъ на новые образы, дѣятельная фантазія грековъ легко создавала изъ разныхъ особенностей какого нибудь разряда явленій природы разные божества, давала имена, изобрѣтала миѳы о нихъ,—и они становились опредѣленными личностями, живущими, какъ люди, участвующими въ дѣлахъ человѣческой жизни. Но эти новыя божества были обыкновенно становимы въ подчиненіе основнымъ божествамъ, изъ представлений о которыхъ произошли; такимъ образомъ, представления о разныхъ божествахъ сохраняли единство. Новыя божества не ослабляли могущества прежнихъ, не уменьшали уваженія къ нимъ. Частные разряды явленій природы, событій человѣческой жизни, влеченій человѣческаго сердца находились подъ властью разныхъ божествъ; но всё божества имѣли общія божественныя качества; потому каждый грекъ могъ молиться божеству той мѣстности, куда случалось ему пріѣхать. Если новое мѣстное божество становилось предметомъ очень большого уваженія, по вліянію произведеній искусства и поэзіи, или потому, что возрастало могущество государства, которому принадлежало божество, то прежнія мѣстныя божества другихъ областей были подчиняемы этому божеству. Иногда дѣло доходило до того, что прежнее мѣстное божество утрачивало свой божескій санъ, становилось полубогомъ, героемъ. Результатомъ всей этой дѣятельности религіознаго творчества было то, что каждое явленіе природы, сильно дѣйствовавшее на зрѣніе, или на слухъ, радовавшее или печалившее душу, было олицетворено какъ особое божество или подведено подъ власть особаго божества; небо, земля, море наполнились богами и богинями, все во всей вселенной было сдѣлано проявленіемъ какого нибудь особаго божества; богатая изобрѣтательностью фантазія эллинскаго народа произвела безчисленное множество боговъ и богинь, создала для нихъ имена, символы, миѳы. Но почти все это лишь развѣтвленія общихъ представлений о божествѣ; потому и личности божествъ и миѳы о нихъ часто перепутываются, соединяются въ группы, и вообще боги и богини поставлены въ родственныя отношенія между собою генеалогіями и бракосочетаніями, изобрѣтенными собственно для того, чтобы объединить представления о нихъ. Греческій народъ образовалъ множество самостоятельныхъ государствъ; эта разрозненность политической жизни его благопріятствовала дробленію общихъ религіозныхъ идей, увеличенію числа божествъ. Чтобы систематизировать свои божества, греки раздѣлили вселенную на три царства, и надъ каждымъ

изъ нихъ поставили одного верховнаго бога. Божества небеснаго міра, группировавшіяся около Зевса, царя боговъ и живущія на свѣтлой высотѣ Олимпа, составляли самое важное изъ трехъ царствъ; другія два царства были поставлены въ нѣкоторую зависимость отъ него. Надъ божествами земли господствовалъ Аидоней, и въ одной изъ областей этого царства правила Деметра. Надъ сонмомъ боговъ и богинь моря и рѣкъ, надъ миѳическими существами, которыми греческая фантазія населила ручьи, источники, гроты владычествовалъ суровый Посейдонъ, вооруженный страшнымъ трезубцемъ. Въ дѣйствительности, всё три отдѣла вселенной находятся въ тѣсной связи между собою. Объединяя ихъ и въ своемъ миѳологическомъ міровоззрѣніи, греки сдѣлали владыкъ ихъ дѣтьми одного отца и одной матери. Зевсъ, владыка неба, былъ верховнымъ властелиномъ всѣхъ частей вселенной, всё другіе боги и богини были подчинены ему. При полномъ развитіи греческихъ религіозныхъ представлений, вселенная стала одушевленнымъ цѣлымъ, въ которомъ за явленіями дѣйствительности жилъ міръ безчисленныхъ божествъ и духовъ, подобныхъ человѣку и тѣломъ и душою, имѣющихъ одинаковыя съ нимъ ощущенія и страсти, но болѣе совершенныхъ и могущественныхъ, чѣмъ онъ, бывающихъ доброжелательными, бывающихъ и непріязненными людямъ; предки людей, и въ частности, предки племенныхъ старшинъ, считались произошедшими отъ этихъ существъ, то благотворящихъ людямъ, то дѣйствующихъ во вредъ имъ. Безконеченъ былъ рядъ, на высшей ступени котораго находились «всевышній» Зевсъ и любимыя его дѣти, Аполлонъ и Паллада Аѳина *), а на низшихъ божества стада и лѣсовъ, полу-люди, полу-животныя, сатиры и силены, шаловливые и сладострастные товарищи Діониса и Пана; и безконечно разнообразны эти божества: одни изъ нихъ — боги и духи свѣта и атмосферы, правящіе общимъ ходомъ явленій природы, ниспосылающіе на землю теплоту солнца, орошающіе землю животворнымъ дождемъ; другіе таинственно дѣйствуютъ въ землѣ, производятъ изъ нѣдръ ея расти-

*) Когда развитіе миѳовъ достигло нѣкоторой законченности, то была сформирована система двѣнадцати высшихъ божествъ Олимпа:

Зевсъ—Гера	Аполлонъ—Артемида	Гефестъ—Аѳина
Посейдонъ—Деметра	Аресъ—Афродита	Гермесъ—Гестія.

Курциусъ полагаетъ, что этотъ рядъ двѣнадцати высшихъ божествъ составленъ по политическимъ мотивамъ, что онъ результатъ соглашеній между разными племенами, подобно призваніямъ, на которые сходились греки разныхъ племенъ, подобно амфиктіоніямъ. «Считалось надобнымъ установить общепринятый, прочный порядокъ и въ богопочитаіи, какъ въ политическихъ отношеніяхъ между государствами, чтобы и на Олимпѣ была федералія, соответствующая земной. Преданіе говоритъ, что Девкаліонъ поставилъ первый алтарь двѣнадцати богамъ, и называетъ Девкаліона отцомъ Амфиктіона. Соединеніе двѣнадцати боговъ было символомъ мирныхъ отношеній между племенами; потому главными мѣстами служенія двѣнадцати богамъ были рынки и гавани».

тельность; третьи олицетворяют собою непостижимые законы судьбы, неотвратимо определяющей событія человеческой жизни; есть нимфы лѣсовъ и горъ (дриады, ореады), живущія въ соснахъ и дубахъ, или ведущія привольную жизнь въ горныхъ лѣсахъ, имѣющія пріютами своими прохладные гроты; есть другія нимфы (нереиды, найды), живущія въ волнахъ моря, въ рѣкахъ, или у рѣкъ, у ручьевъ, у источниковъ. Есть божественныя существа, живущія въ городахъ, въ домахъ, духи-покровители домашняго быта, семействъ, отдѣльных лицъ; есть божества, дающія удачу дѣламъ (Тихе), охраняющія законъ и справедливость (Фемида, Дике), наблюдающія за тѣмъ, чтобы беззаконіе и надменность не оставались безнаказанными (Немезида); есть божества, группирующіяся около главныхъ божествъ, какъ аллегорическія существа или какъ служители, служительницы (крылатая богиня побѣды, Нике; богиня цвѣтущей юности, Геба) и т. д. Солнце, мѣсяцъ, наиболѣе яркія звѣзды и созвѣздія (Оріонъ, Сиріусъ, Плеяды, Диоскуры или Близнецы и проч.) тоже были предметами поклоненія, живыми существами, подъ властью которыхъ находятся ночныя и дневныя перемѣны явленій природы и зависящія отъ этихъ перемѣнъ занятія: мореплаваніе, охота, земледѣліе; но семитическое служеніе небеснымъ свѣтиламъ и соединенное съ нимъ астрологическое суевѣріе никогда не могло укорениться въ эллинской странѣ. Міръ божествъ былъ соединенъ съ міромъ человеческой жизни существами, образовавшими посредствующую степень между богами и людьми; это герои, сыновья боговъ; преданіе причисляло къ нимъ предковъ племенъ и знатныхъ родовъ, основателей городовъ, первыхъ царей. Та часть греческой міеологіи, которая рассказываетъ о герояхъ — самая богатая. Божественный и человеческій элементы, историческія преданія и міеы о богахъ тѣсно соединены въ легендахъ объ этихъ избавителяхъ греческой земли отъ чудовищъ, побѣдителяхъ враждебныхъ дикарей, отважныхъ странствователяхъ, основателяхъ городовъ и государствъ, научившихъ первобытный народъ первымъ началамъ образованности. Число легендъ о герояхъ очень велико, и онѣ очень богаты содержаніемъ, потому что фантазія греческаго народа была изобрѣтательна, умъ его былъ дѣятеленъ, каждое племя, каждое государство имѣло свои особые воспоминанія, а когда племена переселялись или смѣшивались, это порождало новыя видоизмѣненія прежнихъ сказаній. Въ нихъ несомнѣнно находятся историческіе элементы. Но отдѣлить эти элементы отъ вымысловъ — задача неразрѣшимая. До сихъ поръ остается нерѣшеннымъ даже тотъ вопросъ, что такое герои: обоготворенные люди, или боги, превращенные въ людей. Начало исторіи Греціи — то время, когда потомки героевъ являются ужъ обыкновенными людьми, когда дѣятельность ихъ имѣетъ чисто человеческій характеръ, — то время, когда совершались событія, отъ которыхъ остались достовѣрные слѣды.

„Народъ, поклоняющійся силамъ природы, легко создаетъ антропоморфическіе образы божественныхъ силъ; такіе образы были у всѣхъ народовъ, обоготворявшихъ природу“, говоритъ Велькеръ: „Но только греки воплотили божественные элементы человеческой природы въ образъ боговъ, подобныхъ людямъ. Образы восточныхъ боговъ были символическіе, греки дали богамъ реальные образы“.

Мы не можемъ хронологически опредѣлить, когда греческія божества, первоначально бывшія, безъ сомнѣнія, только олицетвореніями силъ природы, приобрѣли нравственное значеніе. Въ древнѣйшихъ памятникахъ греческой религіи, образы боговъ, если еще и не вполне завершены, ужъ имѣютъ такую опредѣленность, что являются результатами продолжительной умственной работы. Таковы они и въ пѣсняхъ Гомера. При самомъ началѣ историческихъ временъ культурной жизни греческаго народа мы видимъ ужъ и теоретическую обработку религіозныхъ представленій, стремящуюся къ тому, чтобы найти въ исторіи божествъ исторію развитія матеріальнаго міра и нравственнаго благоустройства. Въ IX вѣкѣ до нашей эры Гезіодъ уже далъ въ своей „Ееогоніи“ сводъ міеовъ этого рода. Въ нашемъ очеркѣ греческаго вѣроученія и богослуженія мы изложимъ религіозныя понятія и обряды въ томъ видѣ, какой они имѣли у греческаго народа въ историческія его времена. Мы удержимъ древнее раздѣленіе греческой міеологіи на три части: ееогонію, міеы о божествахъ, сказанія о герояхъ. Мы начнемъ съ ееогоніи, хотя образы боговъ и героевъ и циклы сказаній о нихъ были уже выработаны, когда философія религіи начала строить систему ееогоніи, объясняющую происхожденіе міра и таинственныя начала, изъ которой возникли божества народной религіи. Насколько можетъ наше изслѣдованіе проникать въ исторію греческой мысли, оно въ самыя раннія времена, какія доступны ему, встрѣчаетъ или тѣ же самыя религіозныя представленія, или зародыши тѣхъ же самыхъ представленій, какія существовали у грековъ во времена, хорошо извѣстныя намъ.

1. Ееогонія.

У грековъ очень рано начались попытки сгруппировать многочисленныя божества посредствомъ генеалогій и космогоническихъ міеовъ, привести представленія о нихъ въ систему, соответствующую ходу явленій дѣйствительнаго міра; въ этихъ ееософическихъ построеніяхъ религіозныхъ понятій физическіе перевороты, слѣды которыхъ были еще видны или сохранялись отголосками древнихъ преданій, были представляемы подъ формою войнъ, которыя вели между собою разныя племена или поколѣнія боговъ, и изъ которыхъ побѣдителями вышли Зевсъ и другія олимпійскія божества, овладѣвшія вселенною и давшія ей нынѣшній ея порядокъ. Итакъ, греческая ееософія представляла космосъ въ нынѣшнемъ совершенствѣ его благоустройства результатомъ долгаго развитія отъ грубыхъ стихійныхъ началъ въ стройный организмъ; ходъ исторіи вселенной былъ по возрѣнію грековъ восхожденіемъ, а не ниспаденіемъ, — улучшеніемъ, совершенствованіемъ, а не порчею. Свѣтлая область эира была во всѣхъ фазахъ развитія вселенной важнѣйшимъ отдѣломъ ея; кто обладаетъ сіяющимъ престоломъ царства эира, тотъ владыка и всей остальной вселенной; все во всей вселенной получаетъ видъ, сообразный съ качествами того, кто владычествуетъ въ области эира. Древнѣйшія сказанія о воз-

Система Гезіода.

никновении божеств и вселенной собралъ Гезиодъ. Онъ былъ родомъ изъ беотійскаго города Аскры. Его систематическій сводъ ееоофическихъ сказаній называется „*Теогоніей*“. Это поэма. Существенное содержаніе ея таково:

Начало все- Первоначально существовалъ Хаосъ, безформенное первобытное пространство, въ
ленной. Хаосъ. которомъ находились Тартаръ (матерія, мрачная пустота) и Эросъ (Егоз, Эроть; порождающая сила). Движеніи Тартара подъ вліяніемъ Эроса породили Эресь (первобытный туманъ) и Почъ. Въ нихъ сталъ дѣйствовать Эросъ, и они породили Эфиръ и день
Гея и Уранъ. (Гемеру). Матерія, находившаяся въ Хаосѣ, сложилась въ широкогрудую Гею (землю), мать и питательницу всего, производящую все живое, и принимающую снова въ свое темное лоно все производимое. Гея, подыавшись, породила Урана (звѣздное небо), и онъ распростерся сводомъ надъ нею; опустившись, она породила море (Понтъ), и оно распростерлось подъ нею; породила она и горы. — Въ ней началъ дѣйствовать Эросъ, влекущій къ соединенію мужской и женскій элементы, и она, сочетавшись съ распростертымъ надъ нею Ураномъ, породила боговъ; эти боги были Титаны, Циклопы и Гекатонхирь, — вулканическія и нештуническія силы природы, дѣятельность которыхъ еще продолжалась на континентѣ Греціи, и въ особенности на островахъ; но казалась ужъ ослабѣвшею сравнительно съ тѣмъ размахомъ, какой имѣла прежде. Титановъ было двѣнадцать: шесть мужскаго пола и шесть женскаго. Нѣкоторые изъ нихъ избрали жилищемъ небо, другіе землю, третьи море. Поселившіеся въ морѣ титанъ и титанка были Океанъ и Тетида (вода), изъ которой по другимъ ееогоническимъ системамъ произошло все. По миеологическому воззрѣнію, Океанъ — рѣка, текущая кругомъ земли и охватываемаго землею моря, это глубокій и кольцеобразный поясъ телушей воды; теченіе его — круговое; онъ граница міра, а самъ онъ безграниченъ. Когда понятіе о рѣкѣ Океанѣ олицетворяется въ образѣ Титана, этотъ богъ, сохраняющій за собою имя Океана, добрый, кроткій старикъ. Этотъ титанъ и его жена, прародительница рѣкъ и потоковъ, живутъ на далекомъ западѣ, который вообще былъ странною чудесъ. Всѣ рѣки, стремящіяся по ущельямъ, подобно могучимъ быкамъ или побѣдоноснымъ героямъ пролагающія себѣ путь черезъ преграды горъ, всѣ тихія рѣки равнинъ, всѣ ручьи и источники — сыновья и дочери Океана и Тетиды. Первороденными дѣтьми ихъ были Стиксъ и Ахелой. Стиксъ (по-гречески, имя женскаго рода), былъ Черная рѣка; ея олицетвореніе, богиня Стиксъ, жила на отдаленномъ западѣ, гдѣ скрывается солнце, гдѣ страна ночи; ея жилищемъ былъ стоявшій между скалъ великолѣпный домъ съ серебряными колоннами, подымавшимися до самаго неба. Она была хранительницею текущей въ мрачномъ ущельѣ священной рѣки, водами которой клялись боги, когда давали ненарушимое обѣщаніе. — Ахелой, «серебристая рѣка», былъ въ миеологіи представителемъ рѣкъ, питающихъ растительность. Источникъ этой священной, великой рѣки былъ у Додоны, и орошаемая Ахелоемъ Додонская область, отчизна неласговъ, была «исполнена травы и хлѣба, козъ, овецъ и стадъ ходящаго тяжелымъ шагомъ рогатаго скота». У Океана, гдѣ садъ Гесперидъ и гдѣ источники амброзіи, сочетался Зевсъ съ Герою, богинею облаковъ, царицею неба, которую воспитали Океанъ и Тетида.

Божества неба. На сіюземъ небѣ жили титанъ Гиперіонъ «высокоходящій» и титанка Фей (блескъ); отъ нихъ родились Геліосъ (Солнце), Селена (Луна) и Эосъ (Заря; Эосъ по-гречески слово женскаго рода); тоже на небѣ жила другая чета, Кой и Феба (свѣтлая), родители Лето (ночной тишины) и Астеріи (Звѣздного свѣта). Дѣтьми титанки Эосъ были
Вѣтры. Вѣтры; ихъ было четыре: Зефиръ, Борей, Нотъ и Эвръ.
Земныя божества. Изъ титановъ и титанокъ, жившихъ на землѣ, нѣкоторые были олицетвореніями человѣческихъ качествъ и фазисовъ человѣческаго развитія; такое значеніе имѣли Иапеть и его сыновья, которые тоже называются титанами: Атласъ (или Атлантъ), поддерживающій небо; надменный Менетій; хитроумный Прометей, слабоумный Эпиметей; представленія о нихъ дали богатый матеріалъ для глубокомысленныхъ мифовъ и великихъ произведеній поэзіи. Титанки, жившія на землѣ, были олицетвореніями благотворныхъ

силъ, дающихъ человѣческой жизни благоустройство или благородныя наслажденія; таковы были Феміда, богиня справедливости, законнаго порядка; дочери ея и Зевса были Горы (Ногай, часы сутокъ, времена года), богини правильнаго хода годовыхъ перемѣнъ въ природѣ и правильнаго устройства человѣческой жизни; Эвринома, мать Харитъ (Граней), богинь всего милого, привлекательнаго въ природѣ и въ человѣческой жизни: веселья, красоты, изящества; Мнемозина, дочерью которой отъ союза съ Зевсомъ были богини пѣнія, музы; грозная Геката, богиня судьбы, пользовавшаяся очень большимъ уваженіемъ; ей первой изъ всѣхъ божествъ молились приносяще жертву искупленія; отъ нея исходило благо и зло людямъ. Вислѣдствіи времени Геката сдѣлалась богинею дорогъ и перекрестковъ; перекрестки были мѣстомъ погребенія, и на нихъ, близъ гробницъ, при таинственномъ свѣтѣ луны, являлись привидѣнія; потому Геката стала ужасною богинею чародѣйства и призраковъ сопровождаемыхъ завываніемъ собакъ. — Кромѣ титановъ, Гея родила отъ брака съ Ураномъ Циклоповъ и Гекатонхировъ. Циклопы, великаны съ большими, круглыми, огненнымъ глазомъ по срединѣ лба, были олицетвореніями тучъ, свергающихъ молніей. Ихъ было три. Трое было и Гекатонхировъ, «Сто-рукихъ» великановъ, которыми олицетворялись землетрясенія и бурныя волны моря, заливающія землю. Эти громадные чудовища были такъ сильны, что самъ Уранъ сталъ опасаться ихъ; потому онъ связалъ ихъ и низвергъ въ глубину земли; они теперь неистовствуютъ въ нѣдрахъ ея, производятъ изверженія огнедышащихъ горъ и землетрясенія. Гея, страдая отъ этого, рѣшила отнестись Урану. Она сдѣлала изъ жѣлѣза большой серпъ и дала его Крону, самому младшему изъ титановъ, который одинъ изъ всѣхъ нихъ согласился исполнить замыселъ матери. Когда Уранъ спустился ночью на ложе Геи, Кронъ, спрятавшійся подлѣ того мѣста, отрубалъ серпомъ и отбрасывалъ половой членъ отца. Гея восприняла капли крови, упавшія при этомъ, и отъ нихъ родила трехъ Эриній, гигантовъ и мелійскихъ нимфъ. Эриніи, у которыхъ вмѣсто волосъ на головѣ были змѣи, ходили съ факелами по всей землѣ, преслѣдуя и наказывая злодѣевъ; ихъ было три: Тизифона (убивающая мстительница), Алектро (неутомимая преслѣдовательница) и Мегера (ужасная). Гиганты и мелійскія нимфы были олицетворенія мщенія, насиія, кровопролитія. Отрубанный у Урана половой членъ упалъ въ море, и носился по волнамъ; изъ бѣлой пѣны этихъ волнъ родилась Афродита (Анадіомена, «подымающаяся изъ воды»), составлявшая прежде часть существа Урана (бывшая Уранією), теперь сдѣлавшаяся особымъ существомъ. Уранъ проклялъ титановъ. — По мифію Преллера, Кронъ былъ богъ созрѣванія хлѣба, и сталъ олицетвореніемъ времени, идущимъ незамѣтнымъ ходомъ, къ порѣ созрѣванія, и быстро срѣзывающаго то, что созрѣло, «богъ иссушающаго зноя, которымъ преиспещаются дожди его отца, неба».

Гея имѣла дѣтей и отъ сожительства съ Понтомъ, моремъ. Первое изъ этихъ ея дѣтей былъ Перей, добрый, благосклонный къ людямъ, морской богъ, отецъ многочисленныхъ дочерей, Перейдъ, прекрасныхъ морскихъ нимфъ, бывшихъ олицетвореніями спокойнаго моря, тихихъ заливовъ, свѣтлой жизни у безопасныхъ бухтъ. Слѣдующія дѣти Геи отъ сожительства съ Понтомъ, сыновья Таумасъ и Форкидъ и дочь Кето были олицетвореніями величественныхъ и ужасныхъ явленій моря. Дочерью Форкида и океаниды Электры («блестящей») была Ирида, радуга; другими дочерьми ихъ были Гарпіи, богини разрушительныхъ буръ, вихрей, смертей. — Отъ сожительства Форкида и Кето родились уродливыя Греи, страшныя чудовища Скилла и Горгоны; онѣ жили на краю вселенной, гдѣ заходитъ солнце, въ странѣ Ночи и дѣтей ея. — Грей, три сестры, были ужъ при самомъ рожденіи сдѣванными старухами; всѣ три, онѣ имѣли только одинъ глазъ и одинъ зубъ, которыми пользовались поочередно. Горгоны, изъ которыхъ самою ужасною была Медуза, были крылатыя чудовища съ человѣческими головами, на которыхъ вмѣсто волосъ были змѣи, и съ такимъ страшнымъ выраженіемъ лица, что отъ взгляда ихъ все живое превращалось въ камень. — Неподалеку отъ Горгонъ, у границы вѣчнаго мрака жили Геспериды, дочери Ночи; ихъ пѣніе было прекрасно; онѣ жили на очаровательномъ островѣ, до котораго не достигали мореплаватели, и гдѣ «благодатная земля производитъ превосходнѣйшіе свои дары богамъ»; Геспериды стерегли золотыя яблоки, которыя

Феміда.

Мнемозина.

Гекаты.

Циклопы и Гекатонхирь.

Эриніи.

Рожденіе Афродиты.

Дѣти Геи и Понта. Перей.

Ирида.

Гарпіи.

Грей и Горгоны.

Медуза.

Геспериды.

Атласъ. росли на этомъ островѣ. По сосѣдству съ садами Гесперидъ стоялъ титанъ Атласъ (Атлантъ), олицетвореніе Атласеаго хребта; онъ держалъ на головѣ, поддерживая и руками, «широкій сводъ небесный». — Мать Гесперидъ, Ночь, была благая богиня, родившая свѣтъ; въ концѣ каждаго дня она, освѣщая землю своими влажными крыльями, даетъ сонъ всей природѣ. — Меры, богини рожденія и смерти людей, были или также дочери Ночи, или дочери Зевса и Фемиды. Ихъ было три; Клото прядла начало нити жизни человека, Лахезисъ продолжала приданіе начатой сестрою нити, Атропосъ (неотвратимая) перерѣзывала нить. Богини судьбы человека, онѣ были хранительницами законовъ необходимости, на дѣйствіи которыхъ основывается порядокъ, благоустройство въ природѣ и въ человеческомъ обществѣ. — Дѣтми ночи также были неумолимый богъ смерти, Танатосъ, и страшныя Керы, богини судьбы, главнымъ образомъ богини той судьбы, которая даетъ людямъ смерть въ битвахъ; на поляхъ битвъ онѣ «ужасныя видомъ, въ кровавой одеждѣ», волочили и терзали раненыхъ и убитыхъ.

Керы. Уранъ, небо, дающее дождь, который оплодотворяетъ землю, былъ лишенъ владычества Крономъ, олицетвореніемъ той силы неба, которая даетъ созрѣваніе плодамъ земли. Крономъ сталъ владыкою; его правленіе было золотымъ вѣкомъ; тогда «вѣчно были зрѣлыя плоды и вѣчно была жатва». Но проклятіе отца отняло у него силу обновляться юностью, потому онъ въ еогоническомъ мифѣ символъ старости, онъ блѣдный, иссохшій старикъ, съ сѣдыми волосами и длиною бородою, согнувшійся, мрачный. Ему было предсказано, что его дѣти низвергнутъ его, какъ низвергъ онъ отца; потому онъ поглощалъ всѣхъ дѣтей, которыхъ рождала ему его жена, Рея, олицетвореніе производительной силы горъ и лѣсовъ, «мать-гора», впоследствии отождествленная съ фригійскою богинею природы, Кибелою, основательницею городовъ, носившею корону, сдѣланную въ видѣ городской стѣны. Крономъ поглощалъ всѣхъ своихъ дѣтей; но когда родился послѣдній сынъ, Зевсъ, мать дала Крону проглотить обвитый пеленками камень и спрятала прекраснаго младенца въ глубокой пещерѣ; нимфы кормили его тамъ молокомъ и медомъ, а куреты и корибанты — олицетвореніе грозовыхъ тучъ — плясали кругомъ, ударяя копьями о щиты, чтобы плачъ малютки не былъ слышенъ родителю. Зевсъ быстро выросъ и при помощи хитрости Реи принудилъ отца извергнуть поглощенныхъ дѣтей; извергнуть былъ и проглоченный имъ камень; Зевсъ поставилъ его «для вѣчнаго воспоминанія» въ Дельфахъ, «на извилистомъ склонѣ Парнасса». Зевсъ освободилъ циклоповъ; они дали ему громъ и молнію и онъ началъ борьбу съ Крономъ за владычество надъ вселенною. Всѣ божества приняли участіе въ борьбѣ; одни стали на сторону Крона, другія на сторону Зевса. Десять лѣтъ длилась война. Лагерь титановъ былъ на Отридѣ, лагерь божествъ младшаго поколѣнія на Олимпѣ. Въ основаніи мифа объ этой «войнѣ титановъ» (Титаномахія) лежатъ, быть можетъ, воспоминанія о землетрясеніяхъ, при которыхъ образовались прорывъ приморскаго хребта, Темпейское ущелье, и воды ессалійской равнины получили стокъ въ моръ. Подъ ногами сражающихся дрожала земля до глубины Тартара. Зевсъ проявилъ наконецъ всю свою силу, непрерывно металъ молніи, такъ что запылали всѣ лѣса, вся земля была объята огнемъ, море кипѣло; глаза титановъ были ослѣплены блескомъ молній, и подвинулся самъ древній Хаосъ въ глубинѣ своей, думая, что пришелъ часъ владычества его, что низвергнутся въ него и небо и земля. Но титаны все еще держались неодолимо. Зевсъ призвалъ на помощь себя сторукихъ, пятидесятиголовыхъ гекатонхировъ; они стали бросать на титановъ громадныя скалы, по триста скалъ разомъ, и низвергли титановъ въ Тартаръ, который настолько же глубоко внизу подъ землею, насколько отстоитъ въ вышину отъ нея небо. Низвергнутые титаны были окованы тамъ цѣпями. Но не всѣ титаны были противъ Зевса; Фемидѣ, Океану и Гиперіону сражались за него; и были приняты въ число небожителей.

Раздѣлъ владычества надъ вселенною. Побѣда была отпразднована блестящимъ праздникомъ, съ военными плясками и играми. Послѣ того сыновья Крона раздѣлили между собою, — или по жребію, или по выбору, — владычество надъ вселенною. Зевсъ Кроніонъ получилъ верховную власть на небѣ и на землѣ, Посейдонъ владычество надъ моремъ и всѣми водами; Аидоней (Плутонъ) сталъ владыкою въ глубинѣ земли, гдѣ темныя жилища умершихъ. Земля и Олимпъ остались

общимъ владѣніемъ всѣхъ боговъ и богинь. Но нѣкоторые изъ нихъ взяли подъ особенное свое покровительство тѣ страны и города, которыя особенно любили, и въ которыхъ были особенно чтимы. Низвергнутые въ Тартаръ титаны остались тамъ, окованные цѣпями. Посейдонъ оградилъ Тартаръ крѣпкою стѣною съ жѣдными воротами. Гекатонхеры, страшныя силы землетрясенія, стерегутъ титановъ, чтобы они не вырвались изъ Тартара, не разрушили свѣтлый міръ олимпійскихъ боговъ. И остались на-вѣки въ Тартарѣ титаны, дѣти прогнанной земли, безпорядочныя, злыя элементы природы, противившіеся владычеству боговъ и нравственному благоустройству жизни. Тамъ по древнѣйшимъ мифамъ. Но когда нравы грековъ смягчились, поэзія освободила титановъ изъ мрака и неволи, перенесла ихъ на острова Блаженныхъ, поставила тамъ «древняго» Крона царемъ надъ избранными усоншими древнихъ блаженныхъ временъ. Зевсу пришлось отстаивать свое владычество противъ новыхъ враговъ. Гей сочеталась съ Тарта-ромъ, и родила послѣднее свое дитя, самое ужасное изъ всѣхъ, Тифона (или Тифея), олицетвореніе газовъ, рвущихся изъ нѣдръ земли и производящихъ вулканическіе перевороты. Это было колосальное чудовище, имѣвшее сто драконовыхъ головъ съ черными языками, пылающими глазами, и ужасно было шипѣніе его головъ. Тифонъ былъ самымъ страшнымъ изъ всѣхъ враговъ, какіе воевали съ олимпійцами. Онъ едва не овладѣлъ вселенною. Зевсъ поражалъ его молніями. Борьба была такая, что отъ нея дрожали высоты Олимпа и нѣдра земли до глубочайшихъ ея основаній. Зевсъ наконецъ отбилъ молніями всѣ головы чудовища, и оно упало; тѣло его запыдало такимъ огнемъ, что земля сдѣлалась горяча, какъ раскаленное желѣзо, и расплавлялась, и текла. Зевсъ низвергъ безголовое, но живое чудовище въ Тартаръ. Но и оттуда Тифонъ шлетъ гибель на землю и на море, испуская знойныя вѣтры и другія вредоносныя дѣйствія зноя. Еще болѣе популяренъ былъ, еще чаще, нежели война съ Тифономъ, служивъ предметомъ поэтическихъ разсказовъ и произведеній искусства мифъ о войнѣ боговъ съ гигантами (Гигантомахія). Гиганты были также сыновья земли; въ нихъ тоже олицетворились силы, производящія геологическіе перевороты. Они нагромождали горы на горы, и бросали на Олимпъ огромныя скалы. Но были наконецъ побѣждены Зевсомъ, Аѳиною и Геракломъ. Только по преодолѣніи этихъ стихійныхъ силъ получило прочное благоустроенное правленіе небесныхъ божествъ.

Мифъ о Прометѣѣ, получившій важное значеніе въ греческой религіи, ставшій однимъ изъ любимыхъ предметовъ поэзіи, представляетъ собою легенду о ходѣ развитія человѣческой цивилизаціи. Прометей, сынъ титана Тана, былъ первоначально, подобно Гермесу, олицетвореніемъ огня въ его примѣненіи къ потребностямъ человека; изъ этого развилось понятіе о немъ какъ о представителѣ влеченія человека къ умственному развитію, къ владычеству надъ природою, развилась мысль и о томъ, что это влеченіе легко приводитъ человека къ сопротивленію богамъ, къ возстанію противъ нихъ. У Гезіода мифъ о Прометѣѣ разсказывается такъ: люди, по внушенію Прометей, стали при жертвоприношеніяхъ не давать богамъ должной доли: они оставляли себя все мясо и всѣ пригодныя для пищи внутренности животнаго приносимаго въ жертву, а на долю богамъ сжигали только кости, для обмана обернувъ ихъ саломъ. Зевсъ за это отнялъ у людей огонь и спряталъ у себя. Но Прометей похитилъ божественный огонь (или съ жертвенника Зевса, или изъ колесницы солнца), спряталъ въ тростинку съ рыхлою сердцевиною и принесъ людямъ. Это преступленіе было началомъ грѣховности, которая укоренилась послѣ того у людей. И Прометей и люди подверглись наказанію. Разгнѣванный Зевсъ велѣлъ Гефесту сдѣлать изъ глины дѣвушку божественнаго роста и вида и дать ей голосъ. Всѣ боги одарили ее всѣмъ, самымъ прекраснымъ, чѣмъ владѣли, потому она была названа Пандорою (одаренною всѣми совершенствами). Аѳина научила ее искуснымъ рукодѣльямъ, Афродита придала ей красоту, обольстительную томность, умѣнье

Судьба титановъ.

Война Зевса съ Тифономъ.

Гигантомахія.

Мифъ о Прометѣѣ.

правиться, а Гермесъ вложилъ въ нее вѣрачивость и хитрость. Хариты и Горы (Hōrai) прекрасно нарядили ее драгоценными уборами и предельными цвѣтами, такъ что она стала восхитительна и для боговъ и для людей. Гермесъ привелъ ее къ опрометчивому Эпиметею („соображающему дѣло лишь послѣ того, какъ его сдѣлаетъ“), брату Прометея; онъ женился на ней, не послушавъ предостереженій Прометея. Приданнымъ у нея былъ плотно закрытый глиняный сосудъ, куда Зевсъ вложилъ все трудности, бѣдствія и болѣзни человѣческой жизни. Когда Пандора сняла крышку, онъ вылетѣлъ изъ сосуда, разлетѣлся по землѣ и по морю, и съ той поры мучать людей. Облегченіемъ человѣку осталась только надежда. Мы видимъ изъ этого мифа, что греки считали источникомъ дурнаго въ человѣческой жизни не самую природу человѣка, а вражду между двумя династіями боговъ. Былъ наказанъ Зевсомъ и Прометей: онъ былъ прикованъ къ столбу; орелъ каждый день пожиралъ его печень, которая ночью снова вырастала. Но въ послѣдствіи времени Гераклъ убилъ орла, освободилъ Прометея отъ оковъ и примирилъ съ Зевсомъ.

У Эсхила, Прометей—титанъ, сынъ Тейи, знающій отъ нея все тайны будущаго. При войнѣ олимпійскихъ боговъ съ титанами, онъ отдѣлился отъ титановъ, сталъ на сторонѣ Зевса и своими умными совѣтами помогъ ему побѣдить. Но сдѣлавшись владыкою вселенной, Зевсъ хотѣлъ истребить людей, и создать новый родъ человѣческій. Прометей спасъ людей и далъ имъ огонь, употребленіе котораго—начало всехъ улучшеній въ человѣческой жизни, основаніе владычества человѣка надъ природою. Прометей научилъ людей и строить жилища, знать время восхожденія небесныхъ свѣтилъ и пути ихъ, научилъ считать, писать, узнавать будущее, приносить жертвы; научилъ ихъ врачебному искусству, мореплаванію, другимъ знаніямъ, служащимъ на благо жизни. За эти благодѣянія людямъ, Прометей былъ, по повелѣнію Зевса, прикованъ мѣдными цѣпями къ утесу въ безлюдной пустынѣ Скиаской страны; тамъ жжетъ его днемъ палящій зной солнца, ночью мучитъ иней мороза, такъ что онъ завидуетъ судьбѣ своихъ братьевъ, низвергнутыхъ въ Тартаръ. Но какъ ни тяжки его страданія, твердость души его остается непреклонна; онъ страдаетъ за самоотверженную любовь къ людямъ; сознание этого подкрѣпляетъ его, и онъ мужественно выноситъ мученія. Ему извѣстенъ часъ, когда постигнетъ Зевса кара, на которую обреченъ проклятіемъ Крона сынъ, низложившій отца; это знаніе—тайна Прометея, и никакія угрозы Зевса не могутъ вырвать ее у него. Таково содержаніе второй изъ трехъ трагедій Эсхила, имѣвшихъ своимъ содержаніемъ мифъ о Прометѣ. Только вторая дошла до насъ; первая и третья погибли. Третья трагедія изображала мученіе Прометея, прикованнаго на скалѣ, и избавленіе его. Ея содержаніе было: кентавръ Хиронъ, „помощникъ людямъ“, страдающій неисцѣлимою раной, добровольно пошелъ за Прометея въ Тартаръ, давая своимъ самопожертвованіемъ искупленіе ему; Гераклъ убиваетъ орла, который терзалъ Прометея; Зевсъ примиряется съ Прометеемъ, и восстанавливается миръ между олимпійцами и титанами. Прометей будетъ носить, какъ символы своихъ страданій, вѣнокъ изъ вѣтвей ивы на головѣ, и на рукѣ желѣзное кольцо.

Другой мифъ, который также далъ содержаніе многимъ произведеніямъ искусства и поэзіи, говорилъ, что Прометей былъ создателемъ людей,—по одному разсказу, при началѣ міра, по другому, послѣ Девкалионова потопа. Онъ вылепилъ тѣла людей изъ глины, и, по одному разсказу, онъ же и оживотворилъ ихъ посредствомъ небеснаго огня; по другимъ разсказамъ, жизнь въ нихъ была вложена другими богами или силами природы. Прометей — это человѣческій духъ, стремящійся къ свободѣ, чувствующій себя владыкою природы, и въ сознаніи своей силы возстающій противъ Зевса. Мифъ о Прометѣ—мифъ о пробужденіи человѣческаго самосознанія, о борьбѣ и страданіяхъ, которыми сопровождается это пробужденіе.

2. Греческія божества.

Мы видѣли въ предыдущемъ отдѣлѣ образы древнѣйшихъ божествъ греческаго народа, бывшихъ олицетвореніями тѣхъ силъ природы, дѣятельность которыхъ обуславливаетъ физическую жизнь и возбуждаетъ въ сердцѣ человѣка, то опасеніе, ужасъ, то надежду, довѣріе; олицетвореніями загадочныхъ для человѣка, но очевидно владычествующихъ надъ его судьбою силъ, которыя были первыми предметами боготворенія у всехъ народовъ. Но божества Греціи не были только символами силъ внѣшней природы; они были съ тѣмъ вмѣстѣ создателями и хранителями всехъ нравственныхъ благъ, олицетвореніями всехъ силъ нравственной жизни. Все тѣ силы человѣческаго духа, которыми создается культурная жизнь, и развитіе которыхъ у греческаго народа дало ему такое важное значеніе въ исторіи человѣчества, были вложены имъ въ представленія о богахъ. Боги Греціи—олицетворенія всехъ великихъ и прекрасныхъ силъ греческаго народа; міръ боговъ Греціи полное отраженіе греческой цивилизаціи. Греки сдѣлали своихъ боговъ подобными людямъ; потому чувствовали себя обязанными уподобляться богамъ; забота о томъ, чтобы совершенствоваться, была для нихъ религіозною обязанностью. Греческая культура имѣетъ тѣсную связь съ греческою религіей.

Зевсъ, собиратель облаковъ, сидящій на престолѣ въ высотѣ ээтра, потрясающій своимъ молніеноснымъ щитомъ, Эгиду (грозовою тучей), животворящій и оплодотворяющій землю, съ тѣмъ вмѣстѣ и установитель, охранитель законнаго порядка. Подъ его охраною находятся все права, и въ особенности, семейныя права и обычай гостепріимства. Онъ велитъ правителямъ быть заботливыми о благѣ управляемыхъ. Онъ даетъ благоденствіе царямъ и народамъ, городамъ и семействамъ; онъ же и правосудіе. Онъ источникъ всего добраго и благороднаго. Онъ отецъ богинь часовъ (Горъ), олицетворяющихъ собою правильный ходъ годовыхъ перемѣнъ природы и правильный порядокъ человѣческой жизни; онъ отецъ Музъ, дающихъ радость сердцу человѣка.—Его жена, Гера, сварливая богиня атмосферы, имѣющая служительницами своими радугу (Ириду) и облака (греческое названіе облака, *perhele*, слово женскаго рода), съ тѣмъ вмѣстѣ и установительница священнаго брачнаго союза, въ честь котораго греки совершали на праздникѣ обильной цвѣтами весны торжественные обряды. Она строгая охранительница святости брачнаго союза, и подъ ея защитою находится вѣрная мужу домохозяйка; она благословляетъ супружество дѣтьми, и охраняетъ дѣтей. Она облегчаетъ женщинамъ страданія родовъ; ей помогаетъ въ этой заботѣ ее дочь Илітія (*Eileithyia*).—Паллада Афина, родившаяся изъ головы Зевса, „голубоглазая“, „дѣвственница“, богиня яснаго неба, сверкающимъ копьемъ своимъ разгоняющая тучи; прикрѣпившая къ своему щиту, Эгидѣ, змѣеволосяную голову страшной Горгоны Медузы, черной дочери ночи, съ тѣмъ вмѣстѣ богиня побѣдоносной энергіи во всякой борьбѣ: она вооружена щитомъ, мечемъ и копьемъ; она изобрѣта-

Зевсъ.

Гера.

Паллада Афина.

тельница военного искусства; ее всегда сопровождает крылатая богиня победы (Нике); она охранительница городов, богиня акрополей; в честь ее, богини афинского Акрополя, совершали афиняне большой и малый Панатенейские праздники. Она ведет порядки в переменах погоды, чтобы после грозы, давшей дождь, снова проявилось небо: но она и богиня плодородия нивы и садов; под ее покровительством росло в Аттике масличное дерево, имевшее такую важность для этой земли; она дает благоденствие дому и семейству; под ее покровительством находится гражданское устройство, племенные учреждения, государственная жизнь; богиня всепроницающего и ясного эфира, она стала богиней провидательности ума, осмотрительности, богиней всех изобретений искусства, богиней художественной деятельности, умышленных занятий, богиней мудрости. Таким образом, впоследствии времени Афина сделалась богиней всего того, чем гордились афиняне: ясное небо Аттики, ее оливковые рощи, государственные учреждения афинян, их осмотрительность на войне, их мужество, их наука, поэзия, искусство—все вошло в их представление о покровительнице их, богини „Девы афинской“. Вся жизнь афинян находилась в тесной связи с их служением Аэине, и прежде, чем поставили ее статую в храм Парэнон, они уже много столетий чтили ее в символъ ее, оливковомъ деревѣ.

Панатенейские праздники. Изъ множества праздниковъ, которые совершали афиняне в честь своей богини-покровительницы, и которые имели большую частью земледельческий характеръ, важнѣйшими были «малые Панатеней» и «великіе Панатеней». Малые праздновались каждый годъ, лѣтомъ; великіе—разъ въ четыре года. По преданію Панатеней были учреждены сыномъ Келлопа Эрехтеемъ, воспитанникомъ Аэины, олицетвореніемъ плодородной нивы. На великіе Панатеней сходилось въ Аэины все населеніе Аттики; торжественная процессія несла въ Акрополь мантию (Пеплосъ), вышитую афинянками для древней статуи Аэины, стоявшей въ ее Акропольскомъ храмѣ. Мантия эта была шафраннаго цвѣта; шитье по ней было золотое, и представляло сцены изъ побѣдоносныхъ битвъ Аэины съ титанами. Впереди шли жрецы съ жертвенными животными; за жрецами метеи (жившіе въ Аэинахъ иноземцы); они несли жертвенные сосуды и другія принадлежности; за метеями шли дѣвушки, дочери уважаемыхъ семействъ афинскихъ гражданъ и несли на головахъ жатвенный вѣнокъ, корзины съ священнымъ ячменемъ, медомъ, жертвенными хлѣбами; дочери метековъ держали надъ ними зонтики, для защиты отъ знойнаго лѣтняго солнца. Дальше, шла платформа, поставленная на колесахъ; на ней была утверждена мачта; къ мачтѣ былъ привязанъ пеплосъ богини. За платформою шли музыканты, за ними слѣдовали юноши, въ митровыхъ вѣнкахъ, одни шли пѣшкомъ, и пѣли гимны въ честь богини; другіе были на коняхъ, вооруженные щитомъ и копьемъ. Дальше шли бодрые старики, съ оливковыми вѣтвями въ рукахъ; за ними несли награды, предназначенныя для побѣдителей на играхъ: оливковые вѣнки, сосуды съ оливковымъ масломъ; несли дары храму; за ними вели взрослыхъ лошадей и ѣхали волесяницы, которые будутъ состязаться въ бѣгъ на играхъ; въ концѣ процессіи ѣхали на коняхъ молодые люди, принадлежавшіе къ двумъ первымъ классамъ гражданъ. Процессія шла, какъ мы уже говорили (стр. 20), изъ Керамика, по самымъ лучшимъ улицамъ, украшеннымъ дубовыми вѣтвями; народъ, стоявшій на улицахъ, весь былъ въ бѣлой одеждѣ, мужчины и женщины; путь процессіи былъ черезъ площадь народныхъ собраний, мимо храмовъ Деметры и Аполлона Пнейскаго. Акрополь блисталъ украшеніями. Процессія входила туда, и совершалось богослуженіе, были приносимы жертвы при пѣніи гимновъ въ славу Аэины.

Гефестъ. Къ Палладѣ Аэинѣ, богинѣ искусствъ, близокъ по своему значенію Гефестъ, богъ небснаго и земнаго огня; могущественнѣе всего дѣятельность Гефеста проявлялась вулканами на островахъ, въ особенности на Лемносъ

и въ Сициліи; но по примѣненіямъ огня къ дѣламъ человѣческой жизни Гефестъ очень много помогать развитію культуры; близкое родство съ понятіемъ объ Аэинѣ имѣетъ и Прометей, принесшій людямъ огонь, научившій ихъ житейскимъ искусствамъ. Этимъ тремъ божествамъ былъ посвященъ аттический праздникъ бѣга съ факелами,—состязаніе, на которомъ побѣдителемъ былъ тотъ, кто первый добѣжитъ съ горящимъ факеломъ до цѣли. Паллада Аэина была изобрѣтательница тѣхъ искусствъ, которыми занимались женщины; хромой Гефестъ, надъ которымъ часто шутили поэты, былъ основатель кузнечнаго искусства и мастеръ въ металлической работѣ. Подобно Аэинѣ, онъ былъ божество домашняго очага, семейной жизни, потому подъ покровительствомъ Аэины и его совершался въ Аэинахъ прекрасный праздникъ „государственной семьи“, праздникъ Апатурій, на которомъ обносили новорожденныхъ дѣтей кругомъ очага, и этимъ обрядомъ освящали ихъ принятіе въ семейный союзъ государства. Значеніе очага какъ центра семейной жизни, благотворное вліяніе прочнаго домашняго быта на нравственную и общественную жизнь олицетворялось особымъ божествомъ, богиней дѣвой Гестіею, представительницею понятій о прочной осядлости, благоустроенномъ домашнемъ бытѣ, символомъ которыхъ былъ священный огонь очага. Первоначально, Гестія была олицетвореніемъ земли, надъ которою пылаетъ эфирный огонь неба; но послѣ она стала символомъ гражданского благоустройства, которое получаетъ на землѣ прочность только при союзѣ земли съ небомъ, какъ божественное учрежденіе. Потому въ каждомъ домѣ очагъ былъ религіознымъ средоточіемъ семейства. Кто подходилъ къ очагу и садился на пепелъ его, пріобрѣталъ право на покровительство. Каждый родовой союзъ имѣлъ общее святилище Гестіи, въ которомъ благоговѣнно совершалъ символическіе обряды. Въ древнія времена, когда были цари и царь приносилъ жертвы, какъ представитель народа, рѣшалъ тяжбы, собиралъ на совѣтъ знатныхъ людей и родоначальниковъ, очагъ царскаго дома былъ символомъ государственной связи народа; послѣ, такое же значеніе имѣлъ пританей, религіозный центръ государства. На государственномъ очагѣ пританей горѣлъ неугасимый огонь, и пританы, избранные правители народа, должны были поочередно находиться безотлучно при этомъ очагѣ. Очагъ былъ связью земли съ небомъ; потому Гестія была богиня жертвоприношеній. Каждое торжественное жертвоприношеніе начиналось принесеніемъ жертвы ей. И всякія общественныя моленія начинались воззваніемъ къ ней.—Аполлонъ, богъ сіяющаго свѣта, котораго родила послѣ долгихъ скитаній Лето (Латона), „Сокровенная“,—темная ночь—богу, владыкѣ неба, былъ чтимъ еще первобытными людьми, „рожденными землею“; они чтили его въ лавровыхъ рощахъ Темпейской долины. Онъ—озаряющая и животворящая сила неба. Зиму онъ проводитъ у гипербореевъ, за Рипейскими горами, въ странѣ солнца; а когда возвращается вмѣстѣ съ лебедями (свѣтлыми облаками) весною, вливаетъ жизнь въ природу, радость и желаніе пѣть въ грудь человѣка; своими мѣткими стрѣлами—лучами солнца—онъ поражаетъ змѣя Пифона и другія чудовища мрака, а въ лѣтній зной убиваетъ прекраснаго юношу Гіакинѣа (Гіацинта), олицетворяющаго цвѣты. При развитіи культуры этотъ богъ природы сдѣлался представителемъ множества явленій человѣческой жизни. Пастушеское населеніе Фессаліи и Аркадіи чтило его какъ бога пѣнія и пастушества, рассказывало любовныя исторіи о немъ и о нимфахъ. У охотниковъ онъ былъ искусный стрѣлокъ, братъ Артемиды, богини охоты, охотившійся съ сестрою по лѣсамъ и горамъ; у земледѣльцевъ онъ былъ богъ нивы, дающій созрѣваніе хлѣбамъ; у моряковъ—богъ моря, плавающій на дельфинѣ по волнамъ; у горожанъ—

Гестія.

Аполлонъ.

богъ охранитель улицъ; юноши чтили въ могучемъ, вѣчно юномъ красавцѣ Аполлонѣ свой идеалъ мужественной красоты, и онъ былъ покровителемъ ихъ гимназій и палестръ, состязаній въ кулачномъ боѣ, бѣгѣ, борьбѣ. Богъ знойнаго солнца, онъ производитъ моровья повѣтрія; но онъ и богъ цѣлитель, избавитель отъ всякихъ золъ (Alexikakos). Воины чтили его, какъ искуснаго стрѣлка, неодолимаго воителя, грознаго и величественнаго, низлагающаго всѣхъ враговъ. Онъ и его сестра убили своими стрѣлами сыновей и дочерей Ніобы. Благороднѣйшее услажденіе человѣка, поэзія, музыка и пѣніе—даръ Аполлона. На праздникахъ Аполлона получили свое развитіе лирическая поэзія и музыка. Первый пеанъ (гимнъ побѣды) былъ воспѣтъ самимъ Аполлономъ, послѣ побѣды надъ чудовищемъ мрака, Пифономъ. Облеченный въ длинную, широкую праздничную одежду, онъ „китаредъ“ (пѣвецъ, аккомпанирующій свое пѣніе игрою на китарѣ), богъ музыкантовъ и пѣвцовъ и ихъ состязаній. Съ китарою или форминксомъ въ рукахъ, онъ взялъ во владѣніе свое Дельфы, священное мѣсто пророческаго и поэтическаго вдохновенія. Пророческое вдохновеніе, подобно поэтическому, исходило отъ Аполлона, просвѣщающаго бога: оно овладѣвало его избранникомъ или избранницею внезапно, нисходило на человѣка „бременемъ божественнымъ“, и человѣкъ видѣлъ и возвышалъ будущее какъ настоящее, совершающееся въ отдаленной землѣ, какъ близкое. Почти всѣ греческіе оракулы были оракулами Аполлона, пророки были его служителями. Богъ музыки, поэзіи, пѣнія онъ былъ правителемъ дѣятельности музъ, прекрасныхъ богинь, дочерей Зевса и Мнемозины, услаждавшихъ пиршества боговъ на Олимпѣ своимъ пѣніемъ и музыкальною игрою, но обыкновенно жившихъ близъ Дельфъ въ рощахъ и гротахъ Парнасса и Геликона, у журчащихъ ручьевъ каскадовъ. Руководитель дѣятельности музъ, Аполлонъ называется „вождемъ“ ихъ, музагетомъ. Число музъ въ разныхъ мѣстахъ различно, отъ трехъ до девяти. Каждой изъ нихъ принадлежалъ особый отдѣлъ искусства или знанія. Кліо была богиня исторіи, Калліона—эпической поэзіи, Мельпомена—трагической поэзіи; Эрато, Эвтерпа, Терпсихора, Полигимнія были богини разныхъ отраслей лирической поэзіи, музыки и плясокъ, Уранія была богиня астрономіи, Талія—богиня комедіи и веселаго пѣнія. Побѣдитель во всѣхъ битвахъ, Аполлонъ любитъ лавръ и пальму; потому всѣ его храмы были окружены этими деревьями. Онъ строго наказываетъ всякія беззаконія; но кающихся въ пролитіи крови онъ избавляетъ отъ вины и отъ преслѣдованія эриній: онъ установилъ обряды очищенія отъ грѣховъ; очищая виновныхъ, онъ примиряетъ ихъ съ человѣческимъ обществомъ. Богъ чистаго, всепроницающаго свѣта, онъ объемлетъ и нравственный міръ своею исцѣляющею силою.

Музы.

Аполлонъ, при- Эта сторона культа Аполлона была особенно развита въ Дельфахъ. Мифъ говоритъ, миритель грѣш- что Аполлонъ, убивъ Пифона, совершилъ убійство, требовавшее очищенія, и чтобъ никовъ съ об- искупить убійство, онъ служилъ пастухомъ у Фессалійскаго царя Адмета. Въ память ществомъ. объ этомъ совершался въ Дельфахъ каждыя восемь лѣтъ символическій обрядъ: красивый мальчикъ, въ пляскахъ около жертвенника представлявшій собою Аполлона, убѣгалъ, какъ осквернившій себя грѣхомъ, въ Темпейскую лавровую рощу, гдѣ было древнее святилище, и оставался на нѣсколько времени слугою въ этомъ храмѣ; по окончаніи срока службы, его съ торжественною процессіею приводили по священной дорогѣ опять въ Дельфы. Показавъ на самомъ себѣ примѣръ того, что осквернившійся пролитіемъ крови долженъ очищать себя покаяніемъ, Аполлонъ былъ мстителемъ за убійство, у него должно было просить прощенія за этотъ грѣхъ. Онъ сдѣлалъ хорошее дѣло, убивъ чудовище; и однако же, нашелъ справедливымъ подвергнуть себя покаянію за это убій-

ство; естественно, что ему и слѣдовало требовать покаянія отъ виновныхъ въ убійствѣ; онъ, богъ свѣта, богъ чистоты, очищалъ запятнавшихъ себя пролитіемъ кровью. Когда, съ развитіемъ нравственныхъ понятій, греческая религія стала требовать чистоты сердца, Аполлонъ сдѣлался богомъ нравственной чистоты, охранителемъ нравственности. Какъ онъ побѣждалъ Пифона, чудовище мрака, такъ человѣкъ долженъ преодолевать силы мрака въ сердцѣ своемъ, побѣждать чувственные страсти; этимъ человѣкъ умиротворяетъ свою душу, исцѣляетъ ее. Потому Аполлонъ сталъ богомъ исцѣленія не только тѣла, но и души. Всѣ гуманные элементы эллинской цивилизаціи находили выраженіе себѣ въ культѣ Аполлона, опираясь на понятія объ этомъ богѣ, у котораго находятъ покровительство себѣ слабые, нуждающіеся въ защитѣ, находятъ прощеніе кающіеся грѣшники. Но онъ давалъ прощеніе имъ только подъ условіемъ некренаго раскаянія. Виновный въ пролитіи крови былъ отлучаемъ отъ своего народа, отъ своего семейства, пока не очистится раскаяніемъ и жертвами испуленія. Онъ долженъ былъ приобрести прощеніе родныхъ убитаго, на которыхъ лежала обязанность мщенія за кровь; долженъ былъ примирить съ собою подземныхъ боговъ установленными жертвами и обрядами, очистить себя этимъ отъ оскверненія, которому пролитіемъ крови подвергъ и себя, и свой родъ, и всѣхъ гражданъ своего города. Онъ долженъ былъ провести восемь лѣтъ въ изгнаніи; только черезъ восемь лѣтъ могъ онъ получить очищеніе и возвратиться съ лавровою вѣтвью на родину.—Аполлонъ былъ главнымъ племеннымъ богомъ дорійцевъ и богомъ-покровителемъ Спарты. Дорійцы совершали два великіе праздника въ честь ему, карней и гіакинѳеіи. Оба праздника были ежегодные. Карнейскій совершался въ честь Аполлона, какъ военнаго бога, какииъ изображала его, въ шлемѣ, съ конемъ и лукомъ, древняя колосальная статуя его въ лапонскомъ мѣстечкѣ Амиклахъ. Карнейскій праздникъ совершался въ священномъ мѣсяцѣ карней (августъ). Народъ ставилъ себѣ шатры; герольды возвышали о началѣ праздника; его принадлежностью были военныя пляски, пѣніе, музыка, гимнастическія состязанія и (съ 665 года) пляски и игры нагихъ мальчиковъ (гимнопедія). Гіакинѳеіи праздникъ, происходившій въ мѣсяцъ гекатомвей (іюль) и длившійся девять дней, начинался печальными обрядами, въ воспоминаніе о смерти прекраснаго юноши Гіакинѳа, олицетворенія цвѣтовъ; онъ былъ любимецъ Аполлона; и по несчастной случайности, дискъ, брошенный Аполлономъ, убилъ его (то-есть, дискъ солнца убилъ своимъ зноемъ цвѣты). Но Гіакинѳъ былъ воскрешенъ и взятъ на Олимпъ; потому за печальными обрядами слѣдовало веселье: юноши и дѣвушки, увѣнчанные цвѣтами, ходили торжественными процессіями, танцевали. Смерть и воскресеніе Гіакинѳа символизировали ежегодную смѣну гибели и возрожденія растительности. Мы видѣли, что въ финикійскомъ богослуженіи были обряды, имѣвшіе тотъ же смыслъ.

Карнейскіе и
Гіакинѳеіи
праздники.

Сестра Аполлона, Артемида, дѣвственная богиня луны, ходила по горамъ и лѣсамъ, занимаясь охотничествомъ; купалась съ нимфами, своими спутницами, въ прохладныхъ ручьяхъ; была покровительницею дикихъ животныхъ; по ночамъ орошала жаждущую землю живительной росой; по съ тѣмъ вмѣстѣ была и богинею, губившею мореплавателей, такъ что въ давнія времена Греціи были для ея умилостивленія приносимы въ жертву ей люди. При развитіи цивилизаціи, она сдѣлалась богинею дѣвической непорочности, покровительницею невѣстъ, и дѣвушки, выходя за мужъ, приносили дары ей. Артемида Эфесская была богиней плодородія, дававшей урожай землѣ и дѣтей женщинамъ; въ представленіи о ней съ греческими понятіями были вѣроятно соединены восточныя. Она изображалась имѣющею на груди много сосцовъ; это обозначало, что она щедрая кормилица людей. При ея великолѣпномъ храмѣ было множество гіеродулъ и множество служительницъ, одѣтыхъ въ мужское платье и вооруженныхъ; потому греки говорили, что храмъ ея былъ основанъ амазонками.—Первоначальное физическое значеніе Аполлона и Артемиды все болѣе и болѣе закрывалось нравственнымъ. Потому греческая міоо-

Артемида.

Геліосъ и Селена. Аресъ. Афродита. Эросъ (Эротъ).

логія создала особаго бога солнца, Геліоса, и особую богиню луны, Селену. — Представителемъ врачующей силы Аполлона тоже былъ сдѣланъ особый богъ, сынъ Аполлона, Асклеій. — Аресъ, сынъ Зевса и Геры, былъ первоначально символомъ бурнаго неба, и родиною его была Фракія, страна зимнихъ бурь. У поэтовъ онъ сдѣлался богомъ войны; онъ всегда вооруженъ; онъ любитъ шумъ битвъ. Онъ яростенъ. Но онъ также былъ основателемъ священнаго аѳинскаго трибунала, судившаго дѣла объ убійствѣ, имѣвшаго мѣстомъ своихъ засѣданій холмъ, посвященный Аресу, Ареопагъ, и называвшагося по имени этого холма тоже Ареопагомъ. И какъ богъ бурь, и какъ яростный богъ битвъ, онъ противоположенъ Палладѣ Аѳинѣ, богинѣ яснаго неба и разсудительнаго веденія битвъ. Потому у поэтовъ Паллада и Аресъ враждебны между собою. — Въ понятіяхъ объ Афродитѣ, богинѣ любви, къ физическому характеру любви тоже присоединился впоследствии времени нравственный элементъ. Мы видѣли, что культъ Афродиты перешелъ въ Грецію изъ колоній, основанныхъ финиціанами на Кипрѣ, Китерѣ, Фазосѣ и другихъ островахъ. У финиціанъ понятіе о воспринимавшемъ и рождавшемъ элементѣ силъ природы олицетворялось двумя богинями, Ашерою и Астартою, представленія о которыхъ часто смѣшивались. Афродита была и Апера и Астартъ. Она соответствовала Ашерѣ, когда была богинею, любящею сады и цвѣты, живущею въ рощахъ, богинею радостной весны и сладострастія, наслаждающеюся въ лѣсу на горѣ любовью прекраснаго юноши Адониса. Она соответствовала Астартѣ, когда ее чтили какъ „богиню высотъ“, какъ суровую, вооруженную копьемъ Афродиту Уранію (небесную) или Афродиту Акрейскую, мѣстами служенія которой были вершины горъ, которая налагала на своихъ жрицъ обѣтъ вѣчнаго дѣвчества, охраняла цѣломудріе супружеской любви и семейную нравственность. Но эллинскій народъ умѣлъ соединить эти противоположныя представленія, и изъ сочетанія ихъ создалъ дивный образъ граціозной, очаровательной, физически прекрасной и нравственно милой богини, восхищающей сердце красотой своихъ формъ, возбуждающей нѣжную привязанность; это сочетаніе физическаго чувства съ нравственною привязанностью, предоставляя чувственной любви естественное ея право, предохраняло людей отъ грубой пошлости восточнаго необузданнаго сладострастія. Идеаль женской красоты и граціозности, Афродита, мило улыбающаяся, и обремененная тяжелыми и драгоценными уборами богини востока—это существа совершенно различныя; между ними такая же разница, какъ между радостнымъ служеніемъ богини любви въ лучшія времена Греціи и шумными сирійскими оргіями, на которыхъ богинѣ, окруженной евнухами, совершали служеніе необузданнымъ разгуломъ грубой чувственности. Правда, въ позднѣйшія времена, при испорченности нравовъ, проникла и въ греческое служеніе богини любви пошлая чувственность, Афродита Небесная (Urania), богиня честной любви, покровительница семейной жизни, была оттѣснена Афродитою Все-народною (Pandemos), богинею сладострастія, праздники которой въ большихъ городахъ обращались въ разгулъ пошлой чувственности.

Афродита и ея сынъ Эросъ (Эротъ), превращенный поэтами и художниками изъ древнѣйшаго между оеогоническими божествами, въ младшаго изъ олимпійскихъ боговъ и сдѣлавшагося сопровождающимъ мать юношею, впоследствии даже ребенкомъ, были любимыми предметами греческаго искусства. Скульптура обыкновенно изображала Афродиту нагою, вышедшею изъ волнъ моря; ей придавали всю очаровательность красавицы, душа которой полна чувствъ любви. Эротъ изображали мальчикомъ съ мягкими, округлыми очертаніями тѣла.

При развитіи культуры получилъ нравственное значеніе и пеластійскій богъ природы Гермесъ, которому приносили жертвы на горѣ Килленѣ аркадскіе пастухи; онъ былъ у нихъ олицетвореніемъ силы неба, дающей траву ихъ пастбищамъ, и отцомъ ихъ предка, Аркаса; по ихъ рассказамъ онъ, бывши еще малюткою, завернутымъ въ колыбельное бѣлье (въ туманъ разсвѣта) укралъ стада (свѣтлыя облака) бога солнца, Аполлона, и спря-талъ ихъ въ сырой пещерѣ у морскаго берега; наткнувъ струны на скорлупу черепахи, онъ сдѣлалъ лиру, и подаривъ ее Аполлону, приобрѣлъ дружбу этого болѣе могущественнаго бога; онъ изобрѣлъ и пастушескую свирѣль, съ которою ходитъ по горамъ родины. Впоследствии онъ сдѣлался охранителемъ дорогъ, перекрестковъ и путниковъ; хранителемъ улицъ, межей; на послѣднихъ ставились камни, бывшіе символами Гермеса, и изображенія его, дававшія границамъ участковъ святость, прочность. Изъ понятія о богѣ дождя, проникающаго въ землю, развилось представленіе о посредничествѣ между небомъ, землею и подземнымъ міромъ, и Гермесъ сдѣлался богомъ провожающимъ души умершихъ въ подземное царство (Hermes Psychopompas). Такимъ образомъ онъ былъ поставленъ въ близкую связь съ божествами, живущими въ землѣ (Хтонійскими божествами). Эти представленія происходили изъ понятія о связи между возникновеніемъ и погибелью растений въ круговоротѣ жизни природы и изъ понятія о Гермесѣ, какъ вѣстникѣ боговъ; они послужили источникомъ множества мифовъ, ставившихъ Гермеса въ очень разнообразныя отношенія къ житейскимъ дѣламъ людей. Первоначальный мифъ ужъ дѣлалъ его хитрецомъ: онъ ловко похитилъ коровъ Аполлона, и сумѣлъ помириться съ этимъ богомъ; ловкими выдумками онъ умѣлъ выпутываться изъ затруднительныхъ положеній. Эта черта осталась неизмѣнною принадлежностью его характера и въ позднѣйшихъ понятіяхъ о немъ: онъ былъ олицетвореніемъ житейской ловкости, покровителемъ всѣхъ запятій, въ которыхъ успѣхъ дается умѣньемъ ловко говорить и умѣньемъ молчать, скрывать правду, притворяться, обманывать. Въ частности, онъ былъ богомъ покровителемъ торговли, ораторскаго искусства, посольствъ и вообще дипломатическихъ дѣлъ; съ развитіемъ цивилизаціи, понятія объ этихъ дѣятельностяхъ стали преобладающими въ представленіи о Гермесѣ, и первоначальное пастушеское значеніе его было перенесено на одного изъ второстепенныхъ боговъ, Пана, „бога пастбищъ“, подобно тому, какъ физическое значеніе Аполлона и Артемиды было передано менѣе важнымъ божествамъ, Геліосу и Селенѣ.

Гермесъ.

Панъ.

Панъ былъ богомъ козихъ стадъ, которые паслись на лѣсистыхъ горахъ Аркадіи; тамъ и родился онъ. Отцомъ его былъ Гермесъ, матерью—дочь Дріона (лѣснаго божества). Онъ ходитъ по тѣнистымъ долинамъ, пріютомъ ему служатъ пещеры; онъ веселый пріятель нимфъ лѣса и горныхъ источниковъ, пляшущихъ подъ звуки его пастушеской свирѣли (сиринкса), — инструмента, который имъ же и изобрѣтенъ; иногда онъ и самъ пляшетъ съ нимфами. Къ пастухамъ онъ иногда добръ, и входитъ въ пріятельство съ ними; но иногда онъ дѣлаетъ бѣду имъ, подымая въ стадѣ внезапный испугъ („паническій страхъ“), такъ что все стадо разбѣгается. Онъ навсегда остался весельчакомъ пастушескихъ праздниковъ, мастеромъ играть на тростниковой свирѣли, смѣшнымъ для горожанъ; позднѣйшее искусство характеризовало его близость къ природѣ, давая его фигурѣ козлиныя ноги, или даже и рога и другія черты животныхъ.

Гермы (то есть, символы Гермеса) первоначально были просто кучи камней, насыпанные на межахъ, у дорогъ и особенно на перекресткахъ; это были межевые и путевые знаки; потому считались священными. Прохожіе прибрисывали камни къ положеннымъ прежде. Иногда было возливаемо масло на эти кучи камней, какъ на первобытные жертвенники, они были украшаемы цвѣтами, вѣнками, лентами. Впоследствии

Гермы.

греки ставили путевыми и межевыми знаками трехгранные или четырехгранные каменные столбы; съ теченіемъ времени стали придавать имъ болѣе искусную отдѣлку, дѣлали столбъ обыкновенно съ головою, иногда и съ фаллосомъ, символомъ плодородія. Такіе гермы стояли и по дорогамъ, и по улицамъ, площадямъ, у воротъ, у дверей; ставили ихъ и въ палестрахъ, въ гимназіяхъ, потому что Гермесъ былъ покровителемъ гимнастическихъ упражненій.

Боги моря.

Божества моря и текучихъ водъ и божества, живущія подъ землею, болѣе чѣмъ божества неба и воздуха сохранили первоначальное значеніе олицетворенныхъ силъ природы: но и они получили человѣческія черты. Посейдонъ—божественная сила всѣхъ водъ, богъ моря и всѣхъ рѣкъ, ручьевъ, источниковъ, оплодотворяющихъ землю. Потому онъ былъ главнымъ богомъ на приморьяхъ и на мысахъ. Онъ сильный, широкоплечій, и характеръ у него неукротимый. Когда онъ ударяетъ своимъ трезубцемъ по морю, поднимается буря, волны бьются о скалы береговъ такъ, что земля дрожитъ, утесы трещатъ, обрушиваются. Но онъ и добрый богъ: онъ изводитъ изъ трещинъ скалъ источники на оплодотвореніе долинъ; онъ создалъ и укротилъ лошадей; онъ покровитель состязаній на коняхъ и всѣхъ военныхъ игръ, покровитель всякихъ отважныхъ поѣздокъ, верхомъ ли, на колесницахъ ли по сушѣ, или по морю на корабляхъ; онъ могучій строитель, утвердившій землю и острова ея, положившій прочныя предѣлы моря. Онъ воздвигаетъ бури, но онъ же даетъ благопріятный вѣтеръ; по мановенію его, море поглощаетъ корабли; но онъ же и проводитъ корабли въ пристани; онъ покровитель мореплаванія; онъ охраняетъ морскую торговлю и править ходомъ морской войны.

Богъ кораблей и коней, Посейдонъ игралъ важную роль во всѣхъ походахъ и морскихъ экспедиціяхъ героическаго вѣка. Отличною культа его была Фессалия, страна нептуническихъ формаций, конскихъ табуновъ и мореплаванія; потомъ служеніе ему распространилось въ Беотию, Аттику, по Пелопоннесу, и праздники его рано стали сопровождаться военными играми. Знаменитѣйшія изъ этихъ игръ происходили въ беотійскомъ городѣ Онхестѣ и на Истмѣ. Въ Онхестѣ его святилища и роца ихъ живописно стояли на прекрасной и плодородной возвышенности надъ Копайскимъ озеромъ. Мѣстностью Истмійскихъ игръ была возвышенность близъ Схина (Schoinos, «Камыша», низменности, поросшей камышемъ), осѣненная сосновою рощею. Въ богослуженіе Посейдону на Истмѣ были внесены символическіе обряды, заимствованные изъ легенды о гибели Меликерта, то есть, изъ финикійскаго служенія Мелькарту.—Быстрые какъ вѣтеръ кони героическаго вѣка были созданы Посейдономъ; въ частности, Пегасъ былъ созданъ имъ.—Жена Посейдона, Амфитрита, была олицетвореніемъ шумящаго моря.—Подобно Зевсу, Посейдонъ имѣлъ множество любовныхъ связей, множество морскихъ боговъ и богинь и многіе герои были его дѣтьми. Къ свитѣ его принадлежали тритоны, число которыхъ было несмѣтно. Это были веселыя существа разнообразнѣйшихъ формъ, олицетворенія шумящихъ, звенящихъ, скользящихъ водъ и таинственныхъ силъ глубины морской, фантастически-преобразованные морскія животныя. Они играли на трубахъ, сдѣланныхъ изъ раковинъ, рѣзались, волочились за нереидами. Они были однимъ изъ любимыхъ предметовъ искусства.—

Амфитрита.

Тритоны.

Протей.

Сирены.

Главкъ. Склила

и Харибда.

Циклопы.

Протей, морской богъ, прорицатель будущаго, имѣвшій способность принимать всяческія формы, тоже принадлежалъ къ многочисленной свитѣ Посейдона.—Когда греческіе моряки стали плавать далеко, то, возвращаясь, они дивили свой народъ разсказами о чудесахъ западнаго моря: о сиренахъ, прекрасныхъ морскихъ дѣвушкахъ, которыя живутъ тамъ на скалахъ подъ свѣтлою поверхностью водъ и обольстительнымъ пѣніемъ коварно заманиваютъ мореплавателей въ погибель; о добромъ Главкѣ, морскомъ богѣ, предлагающемъ будущее, о страшныхъ чудовищахъ Склилѣ и Харибдѣ (олицетвореніяхъ опасной скалы и водоворота), о нечестивцахъ Циклопахъ, одноглазыхъ великанахъ, сы-

новьяхъ Посейдона, живущихъ на островѣ Тринакріи, гдѣ гора Этна, о красавицѣ Галатеѣ, о сналистомъ, обведенномъ стѣною островѣ, на которомъ весело живетъ въ великолѣпномъ дворцѣ богъ вѣтровъ Эолъ съ своими воздушными сыновьями и дочерьми.

Наибольшее сходство съ восточными религіями имѣло у грековъ поклоненіе тѣмъ божествамъ природы, которыя дѣйствовали и въ нѣдрахъ земли и на поверхности ея. Человѣческая жизнь находится въ такой тѣсной связи съ развитіемъ и увяданіемъ растительности, съ ростомъ и созрѣваніемъ хлѣба и винограда, что богослуженія, народныя вѣрованія, искусство, религіозныя теоріи соединяли глубокомысленнѣйшія идеи свои съ таинственною дѣятельностію божествъ земли. Кругъ явленій растительной жизни являлся символомъ жизни человѣка: быстро увядаетъ роскошная растительность отъ солнечнаго зноя или отъ холода; гибнетъ при наступленіи зимы, и возрождается весною изъ земли, въ которой скрылись сѣмена ея осенью; легко было провести параллель: такъ и человѣкъ послѣ недолгой жизни подъ радостнымъ свѣтомъ солнца нисходитъ въ темное подземное царство, гдѣ вмѣсто лучезарнаго Аполлона и свѣтлой Паллады Аѣины царствуютъ въ великолѣпномъ дворцѣ мрачный, суровый Аидоней и строгая красавица, жена его, грозная Персефона. Мысли о томъ, какъ близки между собою рожденіе и смерть, о томъ, что земля—и материнское лоно и гробъ, служили основою культу подземныхъ божествъ и давали ему двойственный характеръ: въ немъ была сторона радостная, и была сторона печальная. И въ Элладѣ, какъ на Востокѣ, служеніе божествамъ земли было экзальтированное; обряды его состояли въ выраженіи чувствъ радости и печали, и совершающіе ихъ должны были безгранично предаваться дѣйствию вызываемыхъ ими душевныхъ волненій. Но на Востокѣ эта экзальтація вела къ извращенію естественныхъ чувствъ, къ тому, что люди уродовали себя; а въ Греціи культъ божествъ земли развивалъ искусства, возбуждалъ къ размышленію о религіозныхъ вопросахъ, велъ людей къ приобритенію возвышенныхъ представленій о божествѣ. Праздники божествъ земли, въ особенности Діониса, очень много содѣйствовали развитію поэзіи, музыки, танцевъ; пластика любила брать предметы для своихъ произведеній изъ круга представленій о веселыхъ фантастическихъ существахъ, сопровождающихъ Пана и Діониса; а Элевзинскія таинства, ученія которыхъ распространились по всему греческому міру, давали глубокомысленныя истолкованія міомамъ о „землѣ-матери“, Деметрѣ, о похищеніи ея дочери (Коры) Персефоны суровымъ владыкою подземнаго царства, о томъ, что жизнь Персефоны идетъ то на землѣ, то подъ землею; эти ученія внушали человѣку, что смерть не страшна, что душа переживаетъ тѣло. Силы, властвующія въ нѣдрахъ земли, возбуждали въ грекахъ благоговѣйную осторожность; объ этихъ силахъ нельзя было говорить безбоязненно; мысли о нихъ были передаваемы подъ прикрытіемъ символовъ, не были высказываемы прямо, должны были только разгадываться подъ аллегоріями. Таинственные ученія окружали торжественною загадочностью эти грозныя божества, въ сокроуеніи мрака создающія жизнь и воспринимающія умершее, правящія землею и загробною жизнью человѣка.

Богиня Гея, бывшая олицетвореніемъ общаго понятія о землѣ, порождающей все и все воспринимающей обратно въ себя, не являлась на первомъ планѣ въ богослуженіи. Только въ нѣкоторыхъ изъ святилищъ, имѣвшихъ оракулы, и въ оеогоническихъ системахъ, излагавшихъ исторію развитія космоса, упоминалось о ней, какъ о матери боговъ. Даже оракулы, которые первоначально всѣ принадлежали ей, перешли почти всѣ подъ власть новыхъ божествъ. Жизнь природы, развивающаяся на землѣ, была произ-

Галатея.

Эолъ.

Хтонійскія
божества.

Гея.

Діонисъ.

Деметра.

водима отъ дѣятельности божествъ, правившихъ разными областями ея; служеніе этимъ божествамъ, имѣвшимъ болѣе или менѣе спеціальный характеръ, находится въ очень тѣсной связи съ развитіемъ греческой культуры. Сила растительности, производящая лѣса и зелень луговъ, виноградную лозу и хлѣбъ, была еще въ пеласгійскія времена производима отъ дѣятельности Діониса и Деметры; послѣ, когда въ Грецію проникло вліяніе востока, къ этимъ двумъ божествамъ было присоединено третье, заимствованное изъ Малой Азіи, богиня земли Рея Кибела. Діонисъ первоначально былъ олицетвореніемъ роскошнаго изобилія растительной силы, проявляющагося сочностью травъ и плодовъ, производящаго грозды на виноградной лозѣ, дающаго прекрасный вкусъ сочнымъ плодамъ фруктовыхъ деревьевъ; а соку виноградныхъ гроздъ способность веселить человѣка. Виноградная лоза и грозды ея были для грека самымъ полнымъ проявленіемъ этого изобилія растительной силы; потому были символомъ Діониса. „Въ этомъ растеніи яснѣе всего проявляется сущность Діониса“, говоритъ Преллеръ: „Сокъ винограда—соединеніе влаги съ огнемъ, результатъ сочетанія земной сырости съ солнечною теплотою, и въ аллегорическомъ значеніи, соединеніе нѣжности и мужества, наслажденія и энергіи; это существеннѣйшія черты представленія о Діонисѣ“. Основатель винодѣлія и садоводства, Діонисъ, былъ, подобно Деметрѣ, божествомъ, научившимъ людей вести осѣдлую благоустроенную жизнь, которой даетъ онъ веселье сокомъ винограда. Онъ богъ радости и братскаго сближенія людей. Онъ могущественный богъ, преодолювающій все враждебное ему: онъ запрягаетъ львовъ и пантеръ въ свою колесницу, усмиряетъ дикихъ духовъ лѣса, смягчаетъ и исцѣляетъ страданія людей. Подобно Аполлону, онъ даетъ вдохновеніе, возбуждаетъ человѣка пѣть, создаетъ поэзію; но поэзія, исходящая отъ него, имѣетъ характеръ болѣе страстный, чѣмъ поэзія Аполлона, его музыка шумнѣе Аполлоновой. Онъ даетъ мыслямъ восторженность, возвышающуюся до дилембамъ, даетъ имъ живость, силою которой создается драматическая поэзія и сценическое искусство. Но производимая имъ экзальтація доводитъ и до затемненія разсудка, до оргіастическаго безумія. Въ культѣ Діониса, и особенно въ праздникахъ Діонисій находили выраженіе себѣ разнообразныя чувства, возбуждаемые въ человѣкѣ ходомъ измѣненій растительной жизни: веселье, даваемое человѣку тою порою года, когда все зеленѣетъ, цвѣтетъ, благоухаетъ, радость поры созрѣванія плодовъ, печаль при увяданіи, при гибели растительности. Мы будемъ подробно говорить объ этомъ въ „Пополненіяхъ“. Сочетаніе радостныхъ и печальныхъ волненій души подъ вліяніемъ мистическихъ обрядовъ восточнаго служенія силамъ природы порождало экзальтацію, проявлявшуюся праздниками менадъ. Принадлежностью культа Діониса былъ символъ порождающей силы природы, фаллосъ. Первоначально Діонисъ былъ богомъ поселянъ, подателемъ вина и фруктовъ, и они славили его на сельскихъ пирушкахъ веселыми пѣснями, шутили, плясали на мѣхахъ, наполненныхъ виномъ. Но мало по малу его значеніе росло. Періандръ, Клизменъ Сикіонскій, другіе тираны перенесли на служеніе его тотъ блескъ, съ какимъ совершалось служеніе военнымъ богамъ аристократовъ. Пѣсни и процессіи праздниковъ въ честь его постепенно приняла, подъ вліяніемъ восточныхъ религій, экзальтированный характеръ. Деметра, „земля мать“, была олицетвореніемъ той силы природы, которая при содѣйствіи солнечнаго свѣта, росы и дождя даетъ ростъ и созрѣваніе хлѣбу и другимъ плодамъ нивъ. Она была „русая“ богиня, подъ покровительствомъ которой люди пахутъ, сѣютъ, жнутъ, вяжутъ хлѣбъ въ снопы, молотятъ. Она даетъ урожай. Она послала Триптолема ходить по всей землѣ и учить людей хлѣбонашеству и добрымъ нравамъ. Она сочеталась

съ Іасіономъ, сѣителемъ, и родила ему Плутоса (богатство); она наказала неутолимымъ голодомъ нечестивца Эрисихтона, „портящаго землю“. Но съ тѣмъ вмѣстѣ она богиня супружеской жизни, дающая дѣтей. Богиня, научившая людей земледѣлію и правильной семейной жизни, она была основательница цивилизаціи, нравственности, семейныхъ добродѣтелей. Потому она была „законоположница“ (Thesmophoros), и пятидневный праздникъ Тесмофорій, „законоположеній“, торжествовался въ честь ея; обряды этого праздника, совершаемые замужними женщинами, были символическимъ прославленіемъ земледѣлія и брачной жизни. Деметра была главною богинею и Элевзинскаго праздника, обряды котораго имѣли главнымъ своимъ содержаніемъ символическое прославленіе даровъ, полученныхъ людьми отъ божествъ земли. Союзъ Амфиктіоновъ, собиравшійся въ Термопилахъ, находился также подъ покровительствомъ Деметры, богини гражданскаго благоустройства. Но самое высокое значеніе культа Деметры состояло въ томъ, что онъ заключалъ въ себѣ ученіе объ отношеніяхъ между жизнью и смертью, свѣтлымъ поднебеснымъ міромъ и темнымъ царствомъ нѣдръ земли. Символическимъ выраженіемъ этого ученія былъ прекрасный мифъ о похищеніи Персефоны, дочери Деметры, безжалостнымъ владыкою подземнаго царства. Деметра „Скорбящая“ (Achaia) ходила по всей землѣ, отыскивая дочь; и во многихъ городахъ совершался праздникъ Деметры Скорбящей, печальные обряды котораго имѣли сходство съ финикійскимъ култомъ Адониса (I, 543 слѣд.). Человѣческое сердце жаждетъ разъясненія вопроса о смерти; Элевзинскія таинства были попыткой разрѣшить эту загадку; они не были философскимъ изложеніемъ понятій; они дѣйствовали на чувство эстетическими средствами, утѣшали, возбуждали надежду. Аттичeskіе поэты говорили, что блаженны тѣ умирающіе, которые посвящены въ Элевзинскія таинства: они знаютъ цѣль жизни и божественное начало ея; для нихъ происхожденіе въ подземное царство—жизнь, для непосвященныхъ оно—ужасъ. Дочь Деметры была связью между царствомъ живыхъ и подземнымъ царствомъ; она принадлежала и тому и другому. Мрачный мужъ Персефоны, Гадесъ, „Зевсъ подземнаго царства“, владыка Гадесъ и почитается въ глубинѣ земли; тамъ источники богатства и плодородія; поэтому онъ называется также Плутономъ, „обогатителемъ“. Но тамъ и всѣ ужасы смерти. Въ обширное жилище царя умершихъ ведутъ широкія ворота. Входить въ нихъ свободно могутъ всѣ: стражъ ихъ, трехголовая собака Церберъ, ласково пропускаетъ входящихъ; но не позволяетъ вернуться назадъ. Плакучія ивы и безплодные тополи окружаютъ обширный дворецъ. Тѣни умершихъ носятъ надъ мрачными полями, поросшими сорною травой, или гнѣздятся въ расщелинахъ подземныхъ скалъ. Нѣкоторые изъ героев ходили въ подземное царство. Входя въ него былъ по разнымъ мнѣямъ въ разныхъ странахъ, но всегда въ дикихъ мѣстностяхъ, гдѣ по глубокимъ ущельямъ текутъ рѣки, которыхъ вода кажется темною, гдѣ пещеры, горячіе источники, мефитическія испаренія показываютъ близость царства мертвыхъ. Такъ, напримѣръ, былъ входъ въ подземное царство у Оэспротійскаго залива въ южномъ Эпирѣ, гдѣ рѣка Ахеронъ и Ахерузское озеро заражали свои окрестности миазмами; на мысѣ Тенарѣ; въ Италіи, въ вулканической мѣстности у города Кумъ. Въ такихъ же мѣстностяхъ находились и тѣ оракулы, чьи отвѣты давались душами умершихъ.

Мнѣны и поэзія очень много говорили о царствѣ мертвыхъ. Фантазія стремилась дать любознательности точныя свѣдѣнія, которыхъ не давала наука, проникнуть въ мракъ, окружающій загробную жизнь, и неистощимо создавала образы, принадлежащіе подземному царству.

Персефона.

Мы уже говорили о двух рѣкахъ подземнаго царства, Стиксѣ и Ахеронѣ, «глухо шумящей рѣкѣ вѣчной скорби»; въ царствѣ мертвыхъ было вромѣ этихъ двухъ еще три рѣки: Лета, вода которой уничтожала воспоминаніе о прошломъ; Пирифлегетонъ («Огненная рѣка») и Коцитъ («Рыданіе»). Души умершихъ были отводимы въ подземное царство Гермесомъ. Суровый старикъ Харонъ перевозилъ въ своей лодкѣ черезъ окружающій подземное царство Стиксъ тѣ души, тѣла которыхъ были погребены съ обломомъ, положеннымъ въ гробъ для уплаты ему за перевозъ. Души людей не погребенныхъ должны были безпріютно скитаться по берегу рѣки, не принимаясь въ лодку Харона. Потому кто находилъ непогребенное тѣло, обязанъ былъ похоронить его землею.

Представленія грековъ о томъ, каковъ характеръ существованія умершихъ, видоизмѣнились съ развитіемъ цивилизаціи. Въ древнѣйшія времена понятіе объ умершихъ было то, что они призраки, лишенные сознанія, но что эти призраки инстинктивно занимаются тѣмъ же, чѣмъ занимались, когда были живы;—это были тѣни живыхъ людей. Ихъ существованіе было тоскливо и печально. Тѣнь Ахиллеса говоритъ Одиссею, что хотѣла бы лучше жить на землѣ поденщикомъ у бѣдняка, чѣмъ быть царемъ мертвыхъ въ подземномъ царствѣ. Но приношеніе жертвъ умершимъ улучшало ихъ жалкую участь. Улучшеніе состояло или въ томъ, что суровость подземныхъ боговъ смягчалась этими жертвами, или въ томъ, что тѣни пили кровь мертвыхъ, и это питье возвращало имъ сознаніе. Греки приносили жертвы умершимъ на ихъ гробницахъ. Обратившись лицомъ къ западу, зарѣзывали жертвенное животное надъ глубокой ямой, нарочно вырытою въ землѣ, и кровь животного текла въ эту яму. Послѣ, когда представленія о загробной жизни получили въ элевзинскихъ таинствахъ болѣе полное развитіе, греки дѣлили подземное царство на двѣ части, Тартаръ и Элизій. Въ Тартарѣ вели бѣдственное существованіе злодѣи, осужденные судьями мертвыхъ; ихъ мучили Эриніи, строгія охранительницы нравственныхъ законовъ, неумолимо мстившія за всякое нарушеніе требованій нравственнаго чувства, и безчисленные злые духи, въ изобрѣтеніи которыхъ греческая фантазія выказала такую же неистощимость, какъ египетская, индійская и средневѣковая европейская. Элизій, лежавшій у океана (или архипелагъ на океанѣ, называвшійся островами Блаженныхъ), былъ областью загробной жизни героевъ древней старины и праведныхъ. Тамъ вѣтеръ всегда мягокъ, тамъ невѣдомы ни снѣгъ, ни зной, ни дождь; тамъ царствуетъ добрый Кронъ; земля даетъ тамъ жатву трижды въ годъ, дуга тамъ вѣчно цвѣтуетъ; герои и праведные ведутъ тамъ блаженную жизнь; на головахъ у нихъ вѣнки, около рукъ гирлянды изъ прекраснѣйшихъ цвѣтовъ и вѣтвей прекрасныхъ деревьевъ; они наслаждаются пѣніемъ, вѣдою на коняхъ, гимнастическими играми.

Судьи умершихъ.

Тамъ, живутъ и правосуднѣйшіе мудрѣйшіе цари-законодатели мионческаго критско-карійскаго времени, Миносъ и Радамантъ, и благочестивый предокъ Эакидовъ, Эакъ, по позднѣйшему мнѣю ставшіе судьями мертвыхъ. Подъ предсѣдательствомъ Плутона и Персефоны они изслѣдовали чувства и дѣла людей и рѣшали по заслугамъ умершаго человека, въ Тартаръ или въ Элизій должна идти его душа.—Какъ они и другіе благочестивые герои мионовъ были за свою благотворную дѣятельность на землѣ награждены

Наказаніи беззаконниковъ. мионческихъ разсказовъ были подвергнуты божественною справедливостію наказаніямъ, сообразнымъ съ ихъ преступленіями. Судьба ихъ въ подземномъ царствѣ показывала людямъ, къ чему приводятъ дурныя склонности и страсти; она была лишь продолженіемъ, развитіемъ дѣла, совершенныхъ ими въ жизни и породившихъ мученіе ихъ совѣсти, символами которыхъ были картины ихъ матеріальныхъ мученій. Такъ, дерзкій Титій, хо-

Титій.

тившій изнасиловать мать Аполлона и Артемиды, лежитъ, повергнутый на землю; два коршуна постоянно терзаютъ его печень,—органъ, бывшій, по мнѣнію грековъ, вѣстникомъ чувственныхъ страстей (очевидная передѣлка мнѣю о Прометѣѣ). Наказаніемъ Танталу за его беззаконіе было то, что нависшій надъ его головою утесъ постоянно угрожалъ раздавить его, и вромѣ этого страха онъ мучился жаждою и голодомъ: онъ стоялъ въ водѣ, но когда наклонился пить, вода отдвигалась отъ его губъ, понижалась «до чернаго дна»; передъ глазами его висѣли плоды; но когда онъ протягивалъ руки сорвать ихъ, вѣтеръ поднималъ вѣтви вверхъ. Сизифъ, коварный царь Эфиры (Коринфа), осужденъ былъ катить на гору камень, постоянно скатывавшійся внизъ;—олицетвореніе воли, постоянно набѣгающихъ на берега Истма, и сбѣгающихъ съ нихъ, вѣчный напрасный трудъ Сизифа былъ символомъ неудачныхъ хитростей; а хитрость Сизифа была олицетвореніемъ качества, развиваемаго въ купцахъ и морякахъ рискованностью ихъ дѣла. Иксіонъ, царь лапатовъ, «первый убійца», былъ привязанъ къ огненному вѣчно вертящемуся колесу; это было наказаніемъ ему за то, что онъ, бывши въ гостяхъ у Зевса, нарушилъ права гостепріимства, хотѣлъ изнасиловать цѣломудренную Геру.—Данаиды вѣчно носили воду и лили ее въ бездонную бочку.

Танталъ.

Сизифъ.

Иксіонъ.

Данаиды.

Мнѣю, поэзія, искусство поучали людей добру, отвращали ихъ отъ пороковъ и злыхъ страстей, изображая блаженство праведныхъ и мученія злыхъ въ загробной жизни. Въ мнѣяхъ были эпизоды, показывавшіе, что, сошедши въ подземное царство, можно возвратиться оттуда на землю. Такъ, напимѣръ, о Гераклѣ разсказывалось, что онъ одолѣлъ силы подземнаго царства; Орфей силою своего пѣнія и своей любви къ женѣ смягчилъ суровыя божества смерти, и они согласились возвратить ему Эвридику. Въ элевзинскихъ таинствахъ эти легенды служили символами мысли, что сила смерти не должна считаться непреодолимою. Представленія о подземномъ царствѣ получили въ таинствахъ истолкованіе, уменьшавшее страхъ смерти; отрадная надежда на блаженство въ загробной жизни проявлялась, подъ вліяніемъ элевзинскихъ таинствъ, и въ произведеніяхъ искусства.

Плутонъ мало по малу сталъ добрымъ владыкою царства умершихъ и подателемъ богатства; атрибуты ужаса были устранены изъ представленій о немъ. Геній смерти въ древнѣйшихъ произведеніяхъ искусства былъ изображаемъ какъ мальчикъ темнаго цвѣта съ искривленными ногами, символически обозначавшими мысль, что жизнь сломлена смертью. Мало по малу, онъ принялъ видъ прекраснаго юноши съ поникшею головою, держащаго въ рукѣ опрокинутый и угасшій факелъ, и сдѣлался совершенно похожъ на своего кроткаго брата, Генія сна. Оба они живутъ у своей матери, ночи, на западѣ. Оттуда каждый вечеръ прилетаетъ крылатый сонъ и, проносясь надъ людьми, сыплетъ на нихъ изъ рога или съ макового стебля уснокоеніе; его сопровождаютъ геніи сновидѣній—Морфей, Фантазъ, навѣвающие отраду на спящихъ. Даже Эриніи утратили свою безпощадность, сдѣлались Эвменидами, „Доброжелательницами“. Такъ съ развитіемъ цивилизаціи все представленія о подземномъ царствѣ смягчились, перестали быть страшными, и божества его стали благотворными, животворящими.

Смерть и сонъ.

Полноненія: 1. Праздники Діониса. Повсюду въ Греціи, гдѣ росли виноградъ и фруктовые деревья, было служеніе Діонису, совершались праздники ему, имѣвшіе большое вліяніе на развитіе греческой цивилизаціи. Въ особенности важное значеніе для культурной жизни приобрѣли праздники Діониса, совершавшіеся въ Аттікѣ, Беотіи и на островѣ Наксосѣ, бывшихъ главными центрами этого культа. Древнѣйшій храмъ Діониса въ Афинахъ былъ Ленеискій (Lenaion), стоявшій у подошвы Акрополя въ сырой

низменности, которая звалась Лимне (Болото). Вскорѣ по окончаніи сбора винограда, совершался въ Аѳинахъ праздникъ «Малыхъ» или «сельскихъ» Діонисій. Это былъ веселый праздникъ поселянъ, забавлявшихся шутками, переодѣваніями, разными деревенскими потѣхами въ простонародномъ, грубомъ вкусѣ. Около времени зимняго солнцестоянія былъ праздникъ «Леней», «выжиманія» сока изъ винограда, — праздникъ окончанія этого дѣла. Совершая это торжество, украшали храмъ Діониса плющемъ, надѣвали на себя вѣнки изъ плюща, приносили жертву, пировали, на пирѣ пили сокъ винограда, ходили процессіями, забавлялись шутками. Когда показывалась первая зелень возвращающейся весны, въ Аттікѣ, на греческихъ островахъ, въ греческихъ колоніяхъ праздновались веселья; они длились три дня; въ день «откупорки бочекъ» господа и рабы пили вмѣстѣ новое вино, вмѣстѣ веселились; въ день «разливки» новаго вина надѣвали вѣнки, пировали съ пѣніемъ, съ музыкою, съ символическими обрядами, торжествуя возвращеніе боговъ земли изъ глубины ея въ жизни подъ свѣтомъ дня; шутили, устраивали состязанія въ питьѣ вина. Женщины знатнѣйшихъ аѳинскихъ семействъ шли процессіею въ Ленеискій храмъ и совершали мистическій обрядъ бракосочетанія жены архонта-царя съ Діонисомъ; этимъ обрядомъ пріобрѣталось покровительство Діониса оливковымъ деревьямъ и виноградникамъ Аттіки. На третій день приносили были жертвы въ память усопшихъ. Черезъ мѣсяцъ, въ мартѣ, совершался въ Аѳинахъ праздникъ «Великихъ» или «городскихъ» Діонисій; это былъ блестящій праздникъ весны, въ славу Діониса, освободителя отъ зимней скудости. Въ числу обрядовъ праздника принадлежала великолѣпная процессія, шествіе которой сопровождалось пѣніемъ шумныхъ дионимбовъ; пѣвцы шли съ плющевыми вѣнками на головахъ; дѣвушки несли корзинки съ цвѣтами и съ новыми плодами, граждане и метеки несли мѣха съ виномъ; ихъ сопровождали замаскированные; гремѣли оркестры; впереди процессіи несли деревянное изображеніе Діониса и прикрѣпленный къ шесту фаллосъ, символъ плодородія. Великолѣпные великихъ Діонисій привлекало на этотъ праздникъ въ Аѳины поселянъ Аттіки и множество иноземцевъ. Съ развитіемъ культуры, торжество становилось все роскошнѣе и изыщнѣе. Вся драматическая поэзія грековъ — и трагедія, и комедія, и сатирическая драма — развились изъ обрядовъ и веселостей Аѳинскаго праздника Великихъ Діонисій. Были совершаемы праздники въ честь Діониса и на островахъ, богатыхъ виноградниками: на Критѣ, Хіосѣ, Лемносѣ; но въ особенности великолѣпенъ былъ праздникъ его на островѣ Наксосѣ, гдѣ сочетался Діонисъ бракомъ съ покинutoю тамъ Тезеємъ Аріадною (Аріагною, «Пресвятою»), прекрасною-худрою богинею, которая была олицетвореніемъ земли, пробуждающейся отъ зимняго сна. Діонисъ былъ главнымъ богомъ народной религіи на этомъ островѣ. Праздникъ его начинался обрядами, выражавшими печаль о покинutoй Аріаднѣ, кончался радостными пѣснями ея бракосочетанія съ Діонисомъ. Діонисъ не всегда богъ роскошнаго развитія растительности: природа на время погружается въ сонъ смерти; въ эту пору онъ страждущій, убиваемый богъ, богъ подземнаго царства; въ этомъ своемъ качествѣ онъ носитъ мистическое имя Загрей; Загрею приносили жертвы съ совершеніемъ символическихъ обрядовъ, выражавшихъ скорбь о гибели бога порождающей силы природы; эти мистическіе праздники имѣли экзальтированный характеръ. — Въ зимній холодъ, женщины и дѣвушки изъ Дельфы, сосѣднихъ мѣстъ, и даже изъ Аттіки сходились на высоты Парнасса, покрытыя снѣгомъ, совершать праздникъ Менадъ, и дружились, бѣгали тамъ въ священномъ экстазѣ, какъ пьяныя. Размахивая тирсами и факелами, со змѣями въ распущенныхъ волосахъ и въ рукахъ, эти менады или оійяды (thyiades) или, какъ еще иначе называли ихъ, бакхи (вакханки), съ битьемъ въ бубны и подъ пронзительные звуки флейтъ, неистово рыскали по лѣсамъ и горамъ, плясали, прыгали, кривлялись. Мнѣя говорили, что Діонисъ поражаетъ безуміемъ всѣхъ, сопротивляющихся ему, отпавшихъ отъ участивать въ его шумныхъ процессіяхъ. Праздники менадъ были подражаніемъ процессіямъ, о которыхъ разсказывали мнѣя. — Характеръ служенія Діонису въ разныхъ областяхъ Греціи былъ различенъ, сообразно разницѣмъ образованности ихъ населенія: въ однихъ мѣстахъ оно было грубое, въ другихъ изыщное, благопріятное развитію искусства и поэзіи. Въ Πελοπονнесѣ, особенно въ Аргосѣ, Ахайѣ, Элидѣ и на Тайгетѣ принадлежностями

праздниковъ Діониса были ночныя оргіи, обряды искупленія, жертвоприношенія въ память умершихъ. На островахъ въ древнія времена даже приносили людей въ жертву. Менады рвали въ куски козловъ, молодыхъ оленей, другихъ животныхъ; это были символическія дѣйствія, означавшія, что природа умираетъ мучительною смертію отъ холода зимы. — Діонисъ изображался иногда въ видѣ быка или съ бычачьими рогами. Женщины въ Элидѣ на праздникахъ его восклицали: «Приди, о владыка, въ твой храмъ, приди съ Харитами въ твой святой храмъ, стуча бычачьею ногою!» Ему былъ посвященъ козелъ, представитель сладострастія. Въ Малой Азіи оргіастическое служеніе Діонису было соединено съ экзальтированными обрядами праздника «Великой Матери», Кибелы; потому фантастическія существа, составлявшія свиту этой богини: куреты, корибанты, кабиры, дактилы горы Иды, были перенесены и въ мнѣя о Діонисѣ. До насъ дошли превосходныя произведенія искусства, мотивы которыхъ взяты изъ оргіастическаго служенія Діонису: художники любили изображать менадъ въ экстазѣ страстнаго волненія. Оргіастическій культъ доставлялъ и поэтамъ матеріалъ для легендъ, символически излагавшихъ философскія мысли. Праздники этого культа совершались не каждый годъ, а разъ въ два года; потому онъ назывался тріэтерійскимъ (двухгодичнымъ). Въ основаніи всѣхъ его обрядовъ лежала идея, что богъ роскошнаго развитія растительности убитъ силою зимы и что онъ скоро воскреснетъ, пробудитъ умершую природу къ новой жизни. Когда греки ознакомились съ другими странами, они сближали съ культомъ Діониса всѣ обряды, напоминавшіе имъ о его праздникахъ. Они находили такіе обряды въ Македоніи, Фракіи, Лидіи, Фригіи. Процессіи, бѣги съ факелами, шумныя пѣсни, громъ музыки, неистовыя пляски, фантастическіе костюмы на праздникахъ Пессинунтской «Великой Матери», и Сирійской богини рожденія внушали имъ мысль, что это культъ Діониса. Такое же впечатлѣніе производилъ на нихъ въ Египтѣ праздникъ Озириса: толпы, ходившія по ночамъ съ факелами искать тѣло убитаго Озириса, другіе фантастическіе обряды, фаллосъ, казались грекамъ принадлежностями служенія Діонису. Когда греки, бывшіе въ войскѣ Александра, увидѣли въ Индіи безконечныя пышныя процессіи людей въ пестрыхъ одеждахъ, увидѣли въ этихъ процессіяхъ разукрашенныхъ животныхъ, увидѣли колесницы, везомыя пантерами и львами, когда они нашли плющъ и дикій виноградъ на горѣ, названіе которой показалось имъ похоже на имя Нисы, — все это перенесено было въ мнѣя о Діонисѣ. Такимъ образомъ, постепенно сформировалось сказаніе о побѣдоносномъ походѣ Діониса по всѣмъ землямъ отъ Греціи до Инды и до Арабской пустыни; оно представляло матеріалъ для прославленія Александра и его преемниковъ, ходившихъ въ Индію: ихъ уподобляли Діонису; потому въ Македонское время сталъ, какъ доказываетъ множество барельефовъ той эпохи, однимъ изъ любимыхъ предметовъ искусства мнѣя о походѣ Діониса съ его свитою (thiasos) сатировъ, силеновъ, кентавровъ и другихъ фантастическихъ существъ, олицетворявшихъ порождающія силы природы и разгулъ пиршествъ поселянъ при собираніи винограда. Черезъ присоединеніе иноземныхъ легендъ къ прежнимъ греческимъ мнѣя о Діонисѣ получилъ громадныя размѣры; фантазія художниковъ и поэтовъ расширяла эти размѣры новыми эпизодами; вмѣстѣ съ легендами росло количество мистическихъ и оргіастическихъ обрядовъ. Но въ ученіяхъ таинствъ греки сберегали за мнѣемъ Діониса основной смыслъ его, идею о вѣчномъ круговоротѣ возникновенія, гибели и возрожденія растительной жизни.

2. *Элевзинскіе праздники и Элевзинскія таинства.* Культъ богинь земли, Деметры и Персефоны, принадлежали Элевзинскіе праздники и соединенныя съ ними таинства. Къ Деметрѣ и Персефонѣ былъ впоследствии присоединенъ въ этихъ обрядахъ и ученіяхъ Діонисъ, называвшійся въ нихъ Іахмъ. Таинства имѣли три степени. Праздниковъ было два, малый и великій; каждый длился по нѣскольку дней и ночей. Элевзинскій храмъ былъ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ сѣла, у окомленнаго цвѣтами источника, на «памяти печали», погруженная въ скорбь Деметра, искавшая дочь; къ источнику пришли за водою дочери Келея и съ ними ихъ служанка Іамба, дѣвушка бойкая, шутливая; Іамбѣ удалось своими шутками утѣшить тоску Деметры; Іамба уговорила ее под-

Элевзинскіе
праздники.

кѣряться пищею и утолить жажду водою; въ память этого и былъ построенъ храмъ. При немъ находилось зданіе, въ которомъ совершалось посвященіе въ таинства. Перестроенный при Периклѣ за-ново, храмъ и это зданіе принадлежали въ новомъ своемъ видѣ къ числу великолѣпнѣйшихъ греческихъ сооружений, какъ доказываютъ остатки ихъ. «Священная дорога», украшенная памятниками и другими художественными произведеніями, соединяла это святое мѣсто съ Афинами. Весною, въ началѣ поры цвѣтовъ (въ мѣсяцъ анестеріи), совершался праздникъ «малыхъ таинствъ»; это былъ праздникъ возвращенія дочери (Коры) къ матери; богослуженіе малаго праздника сопровождалось обрядами очищенія, искупленія и аллегорическими сценами. Въ сентябрѣ совершался «Великій праздникъ», длившійся девять дней. Онъ начинался очищеніемъ, которое производимо было морскою водою; были приносимы жертвы, совершаемы обряды искупленія; это былъ «день собранія». Послѣ этихъ подготовительныхъ обрядовъ, совершался «праздникъ Іакха»; увѣнчанное миртами изображеніе Діониса было въ этотъ день переносимо изъ «храма Іакха» (Iakcheion) къ священному заливу; процессія шла съ факелами; она была радостная: шествіе сопровождалось громкимъ пѣніемъ, шутками, танцами. Послѣ того, народъ постился, и совершаемы были печальные обряды, символически изображавшіе скорбь Деметры, искавшей дочь; процессія съ факелами ходила по ейлестійскому полю у Каллихорскаго источника, пѣніе хоровъ было грустно. Наконецъ, дочь была найдима Деметрою, печальные обряды смѣнялись радостными; совершались жертвы возліанія въ память усопшихъ и обряды примиренія. — Во время праздниковъ были совершаемы и посвященія въ таинства, въ познание истины о человѣческой жизни и о состояніи души по смерти тѣла. Первою степеню раскрытія истины было посвященіе въ «малыя таинства», второю — посвященіе въ «великія таинства». Сущность этой тайной истины составляла идея, что смерть — переходъ къ жизни; это ученіе было сообщаемо посвящаемымъ посредствомъ мѣтовъ о Деметрѣ и Персефонѣ и символическихъ обрядовъ, возбуждавшихъ надежду, что душа человѣческая безсмертна. Къ посвященію въ таинства первоначально допускались только граждане Аѣны (то есть, граждане Аттики); послѣ, были допускаемы и греки, кромѣ преступниковъ, нечестивцевъ и рабовъ. Элевзинскія таинства составляли гордость аѣннннн. Посвященіе въ Малыя таинства очищало человѣка, готовило его къ посвященію въ Великія таинства, объяснявшія сокровенный смыслъ аллегорій, мѣтовъ и символовъ Элевзинскаго богослуженія, возбуждавшія убѣжденіе въ безсмертіи души и обѣщавшія посвященнымъ блаженство въ загробной жизни. На высшей степени посвященія, «Эпиптіи», сообщалось, быть можетъ, философско-религіозное ученіе о переселеніи душъ, о воскресеніи. Но кажется, что и посвященіе въ эпипты состояло главнымъ образомъ въ символическихъ обрядахъ, а не въ догматическомъ изложеніи идей, и, подобно богослуженію, дѣйствовало не на умъ, а на чувство. Обряды богослуженія на элевзинскомъ Великомъ праздникѣ были великолѣпны и разнообразны. Главное содержаніе молитвъ и аллегорическихъ поученій, сопровождаемыхъ жертвоприношеніями, танцами, процессіями, постомъ, омовеніями, мимическими сценами составляли мѣты о страданіяхъ Деметры и Персефоны въ ихъ разлукѣ, о радостномъ воссоединеніи ихъ, объ изобрѣтеніи земледѣлія и проч. Все это было изображаемо такъ, что существеннымъ смысломъ мѣта о Деметрѣ и Персефонѣ оказывалась идея о загробной жизни. Высшая степень посвященія, обряды и ученія которой назывались «телетами», внушала получившимъ ее, «эпиптаи», убѣжденіе, что праведные читатели Деметры и Кору воскреснутъ по смерти и будутъ блаженствовать. «Блаженъ, кто нисходитъ въ землю, видѣвъ (Элевзинскія) таинства», говоритъ Пиндаръ: «Онъ знаетъ цѣль жизни, знаетъ обѣщанное Зевсомъ начало» — подразумѣвается: начало новой жизни. Софокль называетъ трижды блаженнымъ людей, которые нисходятъ въ Гадесъ, будучи посвященными въ элевзинскія таинства: ннмъ однимъ дано жить, для непосвященныхъ смерть — ужасъ. Главными элементами обрядовъ посвященія были пѣніе и сценическіе эффекты. Пѣніе было прекрасно; мѣтъ характеризуетъ его, называя Эвмолиомъ, «прекрасно поющимъ», основателя и перваго жреца элевзинскихъ таинствъ (страи. 32); санъ верховнаго жреца Элевзинскаго богослуженія былъ наследственнымъ въ родѣ, который считался происходящимъ отъ это-

го мѣтическаго основателя таинствъ и носилъ имя Эвмолидовъ, «потомковъ Эвмола». Сценическіе эффекты были производимы тѣмъ, что внезапно являлись въ яркомъ озареніи превосходно сдѣланныя изображенія. Совершавшій посвященіе жрецъ (гіерофантъ) былъ облеченъ въ длинную одежду, на головѣ у него была повязка и мѣтвый вѣнокъ. Помощниками его въ священнодѣйствіи были керикъ (глашатай), далухъ (факелоносецъ) и второстепенные жрецы. Посвященные были обязаны хранить въ строгой тайнѣ обряды таинствъ; кто разглашалъ таинства, подвергалъ государство гнѣву божествъ земли, а себя проклятiю; и былъ тяжко наказываемъ за свое преступленіе; наказаніе могло простирались до конфискаціи его имущества и осужденія самого его на смерть. Посвященные гордились своимъ саномъ; и кажется часто бывали случаи, что посвященный выказывалъ пренебреженіе непосвященнымъ.

3. Герои.

Въ греческихъ сказаніяхъ о герояхъ соединены, какъ въ мѣтахъ Существенное о богахъ, представленія о физическихъ силахъ и нравственные идеи. значеніе сказанія о герояхъ. Въ герояхъ люди первобытнаго времени воплотили свои идеалы, свое уваженіе къ мускульной силѣ и свои культурныя стремленія. Герои совершенно похожи на первобытныхъ людей, и отличаются отъ обыкновенныхъ людей только тѣмъ, что сильнѣе ихъ. Герои иногда злоупотребляютъ превосходствомъ своихъ силъ, выказываютъ высокомеріе, совершаютъ беззаконія; но вообще ихъ дѣятельность благотворна для людей: они обращаютъ свои исполинскія силы на освобожденіе земли отъ чудовищъ, на борьбу съ врагами своего народа, вводятъ порядокъ, благоустройство, культуру. Очень вѣроятно, что многіе изъ рассказовъ о герояхъ развились на основаніи преданій о дѣйствительныхъ лицахъ, или явились результатомъ влеченія людей объяснить себѣ происхожденіе древнихъ обычаевъ, праздниковъ, богослужебныхъ обрядовъ; историческіе дѣятели старыхъ временъ сдѣлались въ народныхъ разсказахъ людьми необыкновенной силы потому, что человѣкъ вообще расположенъ возвеличивать прошлое, воображать себѣ, будто прежде люди были лучше, сильнѣе, придавать ихъ дѣламъ фантастическіе размѣры. Но главная масса мѣтовъ о герояхъ создана ужъ во времена болѣе или менѣе позднія, отчасти сліяніемъ разныхъ преданій въ сказаніе объ одномъ лицѣ, отчасти творческою дѣятельностью поэтовъ и художниковъ; религіозная фантазія пополнила своими изобрѣтеніями скудные историческія воспоминанія. Легенды о герояхъ были въ основныхъ своихъ чертахъ извѣстны всему народу; тѣ, которые относились къ извѣстному городу, племени или государству, были милы мѣстному населенію по связи съ родными мѣстами, съ племенными или родовыми именами; потому поэты и художники любили брать ихъ предметами своихъ произведеній. Образы героевъ, обрисованные въ народныхъ преданіяхъ лишь общими кон-

турами, представляли удобный материалъ для художественной обработки: въ нихъ легко было вложить то или другое нравственное значеніе. Патриотизмъ грековъ любилъ приписывать дѣтелямъ давней старины всѣ тѣ учрежденія, которыми дорожилъ; племена и роды, производившіе себя отъ героевъ, гордились этими предками, по происхожденію отъ которыхъ были они потомками самихъ боговъ; и вообще, греки уважали старину, были расположены считать священнымъ все то, чему вѣрили, и что передавали имъ ихъ отцы; эти чувства и склонности дѣлали сказанія о герояхъ драгоценнымъ достояніемъ націи, прекраснымъ матеріаломъ для поэтического творчества. Фантазія поэта или художника могла придавать идеальное значеніе образамъ героевъ, бывшихъ дѣтьми боговъ и съ тѣмъ вмѣстѣ бывшихъ вполне людьми, раздѣлявшихъ всѣ чувства и интересы людей; подымаемые на идеальную высоту, они все таки не переставали быть людьми; они становились въ произведеніяхъ поэтовъ образцами доблестей, не превращаясь въ безжизненные аллегорическія фигуры. Абстрактныя нравственные поученія не могли имѣть такого вліянія на жизнь народа, какъ уроки, даваемые жизнью лицъ, которыя были близко знакомы греку съ дѣтства, о дѣятельности которыхъ свидѣтельствовали ему памятники, оружіе которыхъ было еще цѣло, которыя были основателями храмовъ, установителями праздниковъ, обрядовъ, существованіе которыхъ было поэтому несомнѣнно. Во времена юности греческаго народа, когда фантазія преобладала у него надъ другими душевными силами, міръ героевъ былъ для него живымъ выраженіемъ всѣхъ возвышенныхъ понятій, міромъ его историческаго прошлаго. Сказанія о герояхъ первоначально образовались изъ мѣстныхъ и общихъ національныхъ преданій, житейскихъ понятій и религіозныхъ представленій; но впоследствии, когда расширились сношенія греческихъ племенъ между собою и съ востокомъ, къ прежнимъ рассказамъ присоединились чужіе элементы, и облекли первоначальныя мифы широкою тканью разнородныхъ легендъ, такъ что первоначальныя, мѣстныя черты мифа у многихъ героевъ, — на примѣръ, у Геракла — затерялись въ массѣ прибавокъ, заимствованныхъ изъ другихъ греческихъ областей и изъ чужихъ странъ. Фантазія дала дѣятельности героевъ развитіе, превышающее человѣческія силы; но они остались въ народныхъ мысляхъ реальными существами, которыя дѣйствительно жили нѣкогда въ Греціи, имѣли всѣ человѣческія качества и влеченія, существами смертными, какъ обыкновенные люди. Этими чертами они разнились отъ «блаженныхъ», безсмертныхъ боговъ, живущихъ на высотахъ Олимпа. Сказанія о герояхъ находятся въ такомъ же отношеніи къ мифамъ о богахъ, какъ исторія къ сказаніямъ о герояхъ. Еще и въ историческія времена греческій народъ любилъ жить душою въ мірѣ героической старины, которая была такъ богата идеальными образами, удивительными по-

двигами, интересными событіями, и оставалась для него жива въ искусствѣ и поэзіи, народныхъ рассказахъ и дѣтскихъ воспоминаніяхъ; когда дѣйствительность ужь утратила поэтическій колоритъ, греки все еще продолжали жить въ прекрасномъ мірѣ идеальной мечты. Но этотъ міръ мечты имѣлъ у нихъ подъ собою прочную почву въ искусствѣ, поэзіи, народныхъ преданіяхъ, въ религіозныхъ обрядахъ и праздникахъ, въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ обычаяхъ. Каждая область, каждый значительный городъ имѣли своего народнаго героя; колоніи дѣлали героями своихъ основателей; даже у деревень, у корпорацій были свои герои.

Здѣсь не мѣсто обозрѣвать обширный міръ греческихъ сказаній о герояхъ во всемъ его объемѣ. Но сквозь оболочку этихъ легендъ проглядываютъ существенныя черты древнѣйшей исторіи греческаго народа; эпическая и драматическая поэзія и пластическое искусство грековъ выросли на ихъ почвѣ; потому мы должны представить въ краткомъ очеркѣ существенное содержаніе греческихъ народныхъ рассказовъ о героическихъ временахъ.

а. ГРЕЧЕСКІЯ ПЛЕМЕННЫЯ ЛЕГЕНДЫ.

Очень многія изъ греческихъ божествъ были только мѣстныя, а не общія національныя; въ сказаніяхъ о герояхъ пропорція элементовъ, имѣвшихъ лишь мѣстное значеніе, еще значительнѣе. Лишь немногіе герои были чтимы, какъ Гераклъ, по всему пространству греческаго міра. Большинство героевъ оставались принадлежащими исключительно тѣмъ областямъ, городамъ, племенамъ, или родамъ, гдѣ возникли сказанія о нихъ. — Нѣкоторыя изъ этихъ мѣстныхъ легендъ имѣли своимъ источникомъ историческія воспоминанія, другія развились изъ религіозныхъ представленій, богослужебныхъ обрядовъ или житейскихъ обычаевъ. — Историческое происхожденіе имѣютъ принадлежащіе ѳессалійскимъ горамъ и ущельямъ рассказы о войнѣ кентавровъ, дикаго племени, жившаго въ горныхъ лѣсахъ, съ лапитами («жителями скалъ»), поселенія которыхъ были обведены каменными стѣнами; о Теламонѣ и Пелеѣ, сыновьяхъ Эака, переселившихся изъ дальней земли въ ѳессалійскую область Элладу, и Эндейды, дочери мудраго жителя горъ, Хирона. На пирѣ свадьбы Пелея и неренды Ѳетиды было брошено на столъ къ пировавшимъ богиней раздора золотое яблоко съ надписью «прекраснѣйшей», — дѣло, ставшее коренною причиною Троянской войны. Сыномъ Пелея и Ѳетиды былъ Ахиллесъ.

Ѳессалійскія
легенды.

Ахиллесъ родился въ прекрасной долинѣ рѣки Энипея, близъ Фарсала. Тамъ и выросъ онъ, воспитываемый своею матерью богиней, которая, по позднѣйшей легендѣ, погрузила его въ Стиксъ и черезъ то сдѣлала неуязвимымъ все тѣло его, кромѣ пятки, за которую держала. Мать рассказывала ему въ глубинѣ моря, у старика, его дѣда, Нереея, «прекрасныя сказки и древнія исторіи о богахъ»; добрый горный мудрецъ Хиронъ былъ его наставникомъ, и научилъ его военному искусству, музыкѣ, врачеванію, знанію мудрыхъ изреченій. Юношеская сила Ахиллеса развивалась въ бояхъ со львами и

Ахиллесъ.

медвѣдями горъ. Быстрота его ногъ была такая, что онъ безъ собакъ и сѣтей ловилъ самыхъ быстрыхъ оленей. Онъ былъ подобенъ горному потоку, стремительно бѣгущему съ лѣсныхъ высотъ въ долину и низвергающему все на своемъ пути. Но сердце его было жестоко и неумолимо, какъ скалы его родины, порывы гнѣва его неукротимы, какъ волны бурнаго моря.

Есть историческія воспоминанія и въ Фиванскихъ легендахъ о Кадмѣ, о бѣ Амфіонѣ и Зетѣ. Мифическое сказаніе о Кадмѣ говоритъ, что онъ былъ финикіянинъ, что онъ построилъ фиванскій акрополь, Кадмею, научилъ грековъ земледѣлію, горному искусству, сооруженію водопроводовъ, употребленію бронзоваго оружія, что онъ принесъ въ Грецію алфавитъ; что, вообще, былъ основателемъ образованности въ Греціи.—Амфіонъ и Зетъ, сыновья Зевса, основали городъ Фивы и построили кругомъ его стѣну съ семью воротами. Жена Амфіона была дочь богатаго Тантала, Ніоба; прекрасныя дѣти ея (цвѣты) были убиты стрѣлами Аполлона и Артемиды, въ наказаніе ей за то, что она, въ материнской гордости, ставила себя выше Лето. Называя жену строителя Фивъ дочерью Тантала, этотъ мифъ указываетъ на существованіе культурныхъ связей между Беотіею и Малою Азіею въ древнія времена. Объ одномъ изъ утесовъ горы Сипила близъ Мангози говорили, что это—Ніоба, превращенная въ камень богами, сжалевшимися надъ ея безутѣшною печалью о дѣтяхъ и избавившими ее отъ страданія этимъ превращеніемъ.—Гераклѣ, родившійся и выросшій въ Фивахъ, отослалъ съ изуродованными лицами и связанными руками пословъ Эргина, царя Орхоменскаго, пришедшихъ требовать у Фиванцевъ сто воловъ, которыхъ ежегодно давали они въ дань Эргину, побѣдилъ Минійцевъ и заставилъ ихъ давать двѣсти воловъ въ дань Фиванцамъ;—этотъ мифъ тоже очевиднымъ образомъ основанъ на историческомъ преданіи.—Но аттическія сказанія о Кекропсѣ и Кекропидахъ имѣютъ чисто религіозное происхожденіе, возникли изъ культа Паллады Аѣины. Кекропсъ и Кекропиды были по формѣ тѣла на-половину люди, на-половину змѣи; этимъ символически обозначается представленіе о растеніи, половина котораго подымается надъ землею, а другая половина, корень, вползаетъ въ землю; древніе аѣинскіе религіозные обряды и праздники (скирофоріи, герсефоріи, панатеней) имѣли, какъ мы уже говорили, символическое отношеніе къ земледѣлію. Изъ аттическихъ сказаній только легенда о побѣдѣ Эректа надъ Элевзинскимъ царемъ—пѣвцемъ Эвмолпомъ имѣетъ, кажется, историческое происхожденіе: вѣроятно, основаніемъ ея служитъ фактъ соединенія двухъ независимыхъ городовъ, Аѣины и Элевзина, въ одно государство. Родъ Эвмолпидовъ былъ принятъ въ число аѣинскихъ родовъ, но санъ жреца въ Элевзинскомъ богослуженіи остался наслѣдственною его собственностью.

Тѣ мифы о Кекропсѣ и древнѣйшіе аѣинскіе обряды и учрежденія, основателемъ которыхъ слыветъ онъ, показываютъ, что аѣиняне считали источникомъ первыхъ началъ своей цивилизаціи земледѣліе. Бутесъ, «погонщикъ воловъ», братъ Эректа, считался предкомъ рода Этеобутадовъ, которому наслѣдственно принадлежалъ санъ жреца храма Паллады въ Акрополѣ; Бузиги («запрягающіе воловъ въ ярмо», т. е. пахари) были хранителями священнаго плуга, которымъ ежегодно распахивалась священная нива у подножья Акрополя; родъ Праксіергидовъ руководилъ обрядами очищенія деревянной статуи и мантии (пеплоса) Паллады на праздникъ плинтерій, и сопровождалъ это омовеніе обрядами покаянія, по окончаніи которыхъ были приношены богинѣ смолвы, какъ дань первыхъ плодовъ; Фигаиды, «насаждатели» (винограда и садовыхъ деревьевъ), за-

вѣдывали праздникомъ сбора винограда, совершавшимся въ честь Діониса и Паллады. Лѣтомъ, во время зноя, совершаемъ былъ праздникъ Скирофорій, на которомъ приносили въ храмъ Эректа гипсовый порошокъ и натирали имъ статую Паллады,—символическій обрядъ, обозначающій, что земля высохла, обратилась въ пыль и нуждается въ орошеніи дождемъ; на праздникъ Герсефорій («росоношеніи»), двѣ дѣвушки, оставшіяся на годъ при храмѣ Паллады помогать жрицѣ, ходили ночью съ покрытыми сосудами на головахъ къ Ианессу молиться о томъ, чтобы роса довела влагу жаждущей землѣ; легенда о происхожденіи этого обряда говорила, что Герса и Аглавръ нарушили повелѣніе Паллады не открывать вѣтренный хранилище ихъ ящикъ, въ который положила она младенца Эректа, имѣвшаго видъ змѣи; онъ открылъ ящикъ, были наказаны за то сумасшествіемъ и бросились съ акропольской скалы. По народному иѣрованію, въ храмѣ Эректа жилъ большой змѣй; былъ обрядъ класть тамъ каждый мѣсяцъ медовую лепешку, предназначавшуюся для этого змѣя.—Герса и Аглавръ, низвергшіеся со скалы, были символами выпадающей росы; но быть можетъ, первоначальное сказаніе объ ихъ смерти, говорило, что онъ не сами низверглись, а были низвергнуты; въ такомъ случаѣ, легенда была отголоскомъ преданія о приношеніи людей въ жертву.

Въ основаніи аргосскаго мифа о враждѣ между Акризіемъ и Претомъ Аргосскія сказанія. сыновьями Линкея, любителя коней, и дочери Даная, Гипермнестры, безъ сомнѣнія лежитъ преданіе о набѣгахъ бѣдныхъ жителей приморья на болѣе изобильную часть Арголиды. Акризіи, «царь высоты», жившій въ аргосскомъ акрополѣ (Лариссѣ) и владѣвшій плодородною областью, съ тучными пастбищами для лошадей, былъ сначала сильнѣе Прета, царствовавшаго въ Тиринѣ и имѣвшаго своимъ владѣніемъ бодотистое приморье. Но Претъ женился на богатой дочери ликійскаго царя, циклопы построили ему крѣпость съ толстыми стѣнами изъ огромныхъ камней, и тогда онъ взялъ перевѣсъ надъ Акризіемъ. Дочь Акризіи, Даная, была заперта отцемъ, такъ что никто не могъ пройти къ ней; но Зевсъ проникъ въ эту темницу, превратившись въ золотой дождь, и Даная родила Персея, одного изъ героевъ, олицетворяющихъ собой поклоненіе богу солнца. Персей убилъ Горгону Медузу, олицетвореніе мрака. Одною изъ отраслей его потомковъ, персеидовъ, были Гераклиды. Сказанія о Персее принадлежали къ числу любимыхъ темъ греческой трагедіи и греческой пластики. Акризіи посадилъ въ ящикъ и бросилъ въ море дочь и малютку-сына ея. Они приплыли къ острову Серифу. Когда Персей возмужалъ, онъ получилъ чудесные дары для совершенія своихъ подвиговъ: Аѣина дала ему крылатыя сандалии и зеркало, Гермесъ далъ серпъ, Андъ далъ шлемъ, дѣлавшій невидимымъ. Онъ побѣдилъ чудовища мрака и наводненія; далъ Палладѣ Аѣинѣ голову Горгоны, превращавшую въ камень тѣхъ, противъ кого обращена лицомъ, и Аѣина прикрѣпила эту голову къ своему щиту; онъ спасъ дочь Эѣопскаго царя Андромеду отъ морскаго чудовища, и женился на ней; на островѣ Серифъ онъ избавилъ свою мать отъ любовныхъ преслѣдованій Полидекта, и обратилъ весь островъ въ камень. Легенда о Персее и подобная ей легенда о Беллерофонѣ, принадлежатъ, вѣроятно, къ циклу мифовъ служенія Аполлону ликійскому и перешли въ Аргосъ и Коринтъ изъ Малой Азіи.

Легенда о Пелопсѣ, сынѣ Тантала (стр. 37 слѣд.), принадлежитъ въ древнѣйшемъ своемъ видѣ Элидскому роду Пизѣ. Пелопсъ при состязаніи въ бѣгѣ на колесницахъ обманомъ побѣдилъ Эномая, олицетвореніе бурнаго моря, и женился на его дочери Гипнодаміи, «укротительницѣ коней». Но обманувъ и правителя колесницы, который былъ его помощникомъ, онъ подвергъ свой родъ проклятію. Въ позднѣйшія времена, Элидяне чтили его, какъ своего племеннаго героя, говорили, что онъ вмѣстѣ съ Геракломъ былъ основателемъ Олимпійскихъ игръ, построили святилище ему и еже-

дневно совершали жертвоприношения у гробницы, где стоял каменный гробъ, въ которомъ, по ихъ преданію, находился его пепель. Древнѣйшій эпосъ еще очень мало знаетъ о Пелопсѣ. Скипетръ Пелопса, символъ богатства, перешелъ къ Атрею и богатому стадамъ овецъ Тіасту, потомъ къ сыну Атрея, Агамемнону. Только въ позднѣйшемъ періодѣ развитія легенды потомки Тантада являются родомъ, на которомъ лежитъ проклятіе, вовлекающее ихъ въ ужасныя злодѣянія.

Лаконское сказаніе о Тиндаридѣхъ. Какъ Элидыне сдѣлали своего племеннаго героя, Пелопса, основателемъ Олимпійскихъ игръ, составлявшихъ славу ихъ страны, такъ у спартанцевъ, славою которыхъ была храбрость, Лаконскіе герои, Тиндариды Касторъ и Полидевкъ (Поллуксъ), дѣти Леды и Зевса, были безстрашными воинами, составителями старыхъ спартанскихъ военныхъ пѣсенъ, богами-покровителями войны и военныхъ игръ. Первоначально Касторъ и Полидевкъ были, пожалуй, богами свѣта яркихъ звѣздъ. У эпическихъ поэтовъ они являются сильными юношами, наездниками, кулачными бойцами, участниками геройскихъ экспедицій и богами-покровителями спартанскихъ воинственныхъ юношей, скачущими на бѣлыхъ сіяющихъ коняхъ.

Но первоначальное значеніе ихъ сохранилось въ народномъ вѣрованіи, чтившемъ Діоскуровъ Кастора и Полидевка, сіяющихъ боговъ, покровительство которыхъ спасаетъ мореплавателей во время бури.

В. ГЕРАКЛЪ И ТЕЗЕЙ.

Гераклъ.

Знаменитѣйшій изъ всѣхъ героев—Гераклъ, сынъ Алкмены и Зевса, принявшаго на себя видъ ея мужа, Амфитріона. Геракла чтили въ греческія племена, въ страны греческаго міра. Но дорійская военная аристократія называла его своимъ родоначальникомъ, желала, чтобъ онъ былъ героемъ, принадлежащимъ по преимуществу ей. Онъ—олицетвореніе человеческой силы. Сказанія о немъ имѣютъ родство съ мѣтами о богахъ свѣта и солнца, и въ немъ проглядываютъ черты этихъ боговъ. Но въ немъ такъ много чисто человеческихъ свойствъ, что для грековъ онъ былъ идеаломъ человека, мужественно дѣйствующаго по правиламъ практической нравственности. Въ циклѣ сказаній о немъ отражается ходъ развитія греческихъ понятій о нравственности. Первоначально онъ, подобно олимпійскимъ богамъ, былъ олицетвореніемъ матеріальной силы; но постепенно сдѣлался олицетвореніемъ чисто человеческой нравственности, человекомъ, который силою воли, силою работы надъ своимъ нравственнымъ совершенствованіемъ, борьбою противъ всего дурнаго и во внѣшнемъ мірѣ и въ собственной душѣ, становится достойнымъ неба. Въ древнѣйшей поэзіи, тяжкіе подвиги его были бѣдственною участію, которой подвергла его, олицетворяющаго собою силу солнца, враждебная ему Гера, богиня нижней, туманной области атмосферы; но въ послѣдствіи времени трудный путь жизни является путемъ, который избралъ онъ себѣ по собственной, свободной волѣ. Въ противоположность Парису, который предпочитаетъ всему наслажденіе любовью красавицы, „Гераклъ на распутіи“, по разсказу, написанному въ V вѣкѣ глубокомысленнымъ софистомъ Продикомъ, выбираетъ не тотъ путь, на который влечетъ его Афродита, обещающая ему наслажденія нѣги и любви, а тотъ, на который зоветъ его Аѳина, путь труда, борьбы, лишеній, ведущій къ славѣ, къ жилищу боговъ. Онъ находится подъ покровительствомъ Аѳины; ея охраняющая рука проводитъ

его черезъ всѣ трудности и опасности; и когда онъ, одержавъ побѣду, отдыхаетъ, Аѳина съ материнскою заботливостью создаетъ теплые источники для омовенія, восстанавливающаго ему силы, готовитъ ему прекрасную одежду; а когда онъ, изнемогая отъ страданій, взываетъ къ небу о помощи, Аѳина сходитъ съ Олимпа на помощь ему. Она въ Иліадѣ (VIII, 362) говоритъ, что безъ нея онъ не спасся бы отъ ужасной Стигійской рѣки. Аполлонъ, богъ солнца, тоже близокъ ему, герою культа солнца. Легенда о борьбѣ Аполлона и Геракла за пелійскій треножникъ, о примиреніи ихъ, о заключеніи союза между ними показываетъ, что представленія о нихъ родственны между собою. Споръ изъ-за треножника кончается тѣмъ, что Гераклъ становится служителемъ пелійскаго бога, который дѣлается его покровителемъ и другомъ. Онъ—защитникъ дельфійскаго оракула, на враговъ котораго ходитъ войною, и распространитель культа Аполлона. Подобно Аполлону онъ „примиритель“ виновныхъ съ богами, и „избавитель отъ злы“ (alexikakos), ведущій борьбу противъ дурнаго и вреднаго людямъ, избавляющій своими подвигами и боговъ и людей отъ бѣдствій; онъ побѣждаетъ даже ужасы подземнаго царства, и потому въ Элевзинскихъ таинствахъ прославляли, вмѣстѣ съ Деметрою, съ Діонисомъ, и его. Даже унижительная подвластность ничтожному Эвристею, чьимъ слугою сдѣлала его, по древней легендѣ, ненавидящая его Гера, и на чьей службѣ совершаетъ онъ важнѣйшіе изъ своихъ подвиговъ на пользу людей, получила въ послѣдствіи времени высокое нравственное значеніе. Онъ вспыльчивъ, и порывы страстей иногда омрачаютъ его разсудокъ; въ такомъ бѣзуміи онъ убилъ своими стрѣлами дѣтей, которыхъ родила ему его жена, Мегара, дочь Фиванскаго царя, сбросилъ со стѣны Ифита, который зашелъ въ гости къ нему въ Тиринь. Эти ужасныя дѣла должно было искупить тяжкими подвигами покаянія. Непреодолимый герой, побѣждающій всѣхъ враговъ, побѣждаетъ и свою гордость, покоряясь пелійскому оракулу, который велитъ ему для искупленія сдѣланныхъ имъ убійствъ, прослужить восемь лѣтъ рабомъ Эвристея. По порученію Эвристея онъ совершилъ подвиги, число которыхъ, по позднѣйшимъ разсказамъ, было двѣнадцать. Этими подвигами, изображенными на барельефахъ храма Зевса Олимпійскаго, онъ очистился отъ своей вины; добровольная покорность божественной заповѣди очищенія сдѣлала его идеаломъ повиновенія богамъ, преданности, вѣрности имъ; повелитель, которому служилъ онъ, былъ трусъ, спрятавшійся въ бочку отъ эримантскаго вепря, котораго принесть на плечахъ во дворецъ къ нему Гераклъ, боявшійся послѣ того видѣть Геракла, посплавшій ему свои приказанія въ Тиринь; но чѣмъ менѣе заслуживалъ уваженія Эвристей, тѣмъ больше нравственной заслуги имѣла покорность Геракла обязанности служить ему. Греческая поэзія вложила глубокий нравственный смыслъ и въ тѣ сирійско-финикійскіе мѣты, которые были перенесены на Геракла: въ заимствованную изъ мѣты о Мелькартѣ легенду о томъ, что онъ поставилъ столбы Гадесскаго пролива, прошелъ черезъ Ливію, Иберію, Италію, Фракію, Скиѳію, вездѣ основывая города; въ легенду о служеніи лидійской царицѣ Омфалѣ (богинѣ Астартѣ), о томъ, что онъ отложилъ тогда оружіе и лѣвиную шкуру, надѣлъ женское платье и сѣлъ пряхъ. Это служеніе Омфалѣ представляется въ греческой поэзіи тоже дѣломъ покаянія за пролитую кровь, подвигомъ самоотверженности, получаетъ религіозный характеръ. Но на аттической сценѣ служеніе Геракла Омфалѣ выставилось въ сатирическомъ смѣшномъ видѣ; этими пьесами высказывалось мнѣніе греческаго народа объ иноземномъ элементѣ, внесенномъ въ разсказы о любимѣйшемъ его героѣ. Сказаніе о томъ, что онъ сжегъ себя на вершинѣ

Эты и воскресъ обновленный, тоже по всей вѣроятности, перешло въ греческій мифъ изъ обрядовъ восточнаго служенія Сандону, богу солнца и огня. Въ Иліадѣ говорится только, что и силу Геракла, любимого сына Зевса Кроніона, преодолѣла неумолимая богиня смерти; въ Одиссеѣ тѣнь Геракла, вооруженная лукомъ, жадуется на тяжкую долю, которой подвергался Гераклъ при жизни подъ свѣтомъ солнца, служа недостойному человѣку, посылавшему его даже въ подземное царство, принести собаку изъ жилища Гадеса. Какъ при жизни Геркулесъ былъ неутомимымъ воителемъ, такъ и въ царствѣ тѣней онъ является Одиссею грознымъ бойцомъ: мрачный, стоитъ онъ какъ темная туча въ толпѣ умершихъ героевъ, лукъ его натянутъ, стрѣла лежитъ на тетивѣ, онъ постоянно прицѣливается.

Гераклъ былъ героемъ не одного какого нибудь племени, а всей націи. Правда, онъ былъ потомокъ аргосскаго героя Персея, потому ближайшимъ образомъ принадлежалъ аргесской области, и дѣятельность его была посвящена главнымъ образомъ благу Пелопоннеса; но родиною его были Эвбей, куда его мать Алкмена, внука Персея, бѣжала съ своимъ мужемъ Амфитріономъ, а подвиги его служенія Аполлону Пнѣйскому были совершены въ области горъ Эты и Парнасса. Онъ участвовалъ въ экспедиціи Аргонавтовъ, такъ что принадлежитъ и Тессалійскому циклу мифовъ. А когда главнымъ предметомъ героическихъ легендъ сдѣлалась Троянская война, то въ сказанія о Гераклѣ былъ внесенъ и эпизодъ, относящійся къ Троѣ: онъ совершилъ походъ на Трою и разрушилъ ее. Расширеніе морской торговли грековъ и основаніе греческихъ колоній въ далекихъ странахъ расширило и кругъ дѣятельности Геракла, внесло въ сказанія о немъ мнѣны иноземныхъ народовъ, съ которыми ознакомились греки. Многія изъ греческихъ колоній имѣли его своимъ основателемъ и покровителемъ. Греки находили своего Геракла въ мифахъ индіевъ, финикянъ, египтянъ; явились легенды о его походахъ въ Ливію, Испанію, Галлію, Италію, на Дунай, на берега Чернаго моря; вездѣ остались слѣды его подвиговъ. Дорійцы, переселившись въ Пелопоннесъ, обосновывали свои права на завоеванныя ими области тѣмъ, что эти земли—наслѣдіе предка ихъ царей, Геракла. Аргосъ, Тиринесъ и Микены должны были принадлежать Гераклу, потому что онъ былъ старшій въ царскомъ родѣ; Гера, по ненависти къ нему, коварствомъ и наперекоръ волѣ Зевса, отняла у него царскій санъ и передала недостойному Эвристею; Элида, Мессенія, Лаконія, Пилосъ были заняты потомками Геракла, по праву наслѣдства, говорили завоеватели, потому что нѣкоторые изъ этихъ областей были завоеваны имъ, другія были отданы ему по договорамъ.

Въ Элидѣ Гераклъ оказалъ услугу Эпейскому царю Авгію («сіяющему»), дочь котораго Агамеда знала всѣ волшебныя травы на всей землѣ: у Авгія были очень большія стада; Гераклъ въ одинъ день очистилъ его конюшни (или хлѣва), проведя въ нихъ рѣку Алфей. Основую этой легенды послужилъ, вѣроятно, фактъ, что проведеніемъ канала было осушено болото, произведенное стадами Геліоса, то есть, облаками. Авгію не далъ Гераклу обѣщаннаго вознагражденія; Гераклъ пошелъ войною на него; Авгію помогали племянники, моліониды, одаренные исполинскою силой; послѣ долгой и тяжелой борьбы, Гераклъ побѣдилъ. Въ память о побѣдѣ, онъ установилъ олимпійскія игры, поставилъ шесть жертвенниковъ двѣнадцати богамъ, измѣрилъ стадій для игръ своими ногами, насадилъ въ Олимпію тѣнистыя деревья, и постановилъ, что на время игръ должны прекращаться всякія военныя дѣйствія. — Онъ завоевалъ Пилосъ, побѣдивъ Нелея, сына Посейдонова; и самъ Нелей и одиннадцать изъ двѣнадцати его сыновей были убиты Геракломъ; уцѣлѣлъ только двѣнадцатый сынъ, Несторъ, котораго тогда не было въ Пилосѣ; онъ былъ въ Геренѣ (потому и называютъ его геренскимъ). — Царь Лаконіи,

Тиндарей, былъ изгнанъ изъ своего царства; Гераклъ возстановилъ его власть и онъ обѣщалъ, что въ послѣдствіи лаконское царство будетъ отдано потомкамъ Геракла. — Гераклъ взялъ и разрушилъ городъ Эхалию; нѣкоторые рассказы говорятъ, что этотъ городъ находился тоже въ Пелопоннесѣ, на границѣ Аркадіи съ Мессеніею; по другимъ рассказамъ, это былъ Тессалійскій или Эвбейскій городъ. — Гераклъ помогъ дорійскому царю Эгимію побѣдить лапифовъ; Эгимій въ благодарность за это передалъ свой санъ сыну Геракла, Гиллу, и его потомкамъ. — Въ Беотіи Гераклъ освободилъ свой родной городъ, Эвбей, отъ дани орхоменскимъ минійцамъ, побѣдилъ минійцевъ, закопалъ ихъ подземные каналы и принудилъ ихъ платить дань Эвбейцамъ. Гераклъ и его вѣрный помощникъ, правитель его колесницы, Іолай (сынъ Ифийла, сына Амфитріона и Алкмены, матери Геракла) были покровителями гимнастическихъ игръ; это значеніе они получили первоначально въ Эвбей, но скоро приобрѣли его и во всей Греціи; въ честь ихъ были совершаемы игры, сопровождаемыя веселыми пирами.

Мы видѣли, что греческія божества были олицетвореніями силъ природы и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственныхъ идей. Гераклъ, герой близкій къ богамъ, и послѣ трудныхъ подвиговъ своей земной жизни принятый въ ихъ общество, былъ также олицетвореніемъ физической силы въ тѣсномъ союзѣ съ нравственными силами; представленія о человѣкѣ были соединены въ его образѣ съ представленіями о божествѣ. Онъ былъ земнымъ подобіемъ Зевса, своего отца; былъ герой, восторжествовавшій въ безчисленныхъ битвахъ; онъ и его помощникъ Іолай были первыми побѣдителями на олимпійскихъ играхъ. Но онъ былъ герой, служившій божеству солнца, очищавшій своими побѣдами землю отъ силъ мрака; свои подвиги совершалъ онъ на пользу людей: онъ убивалъ чудовищъ, преодолевалъ рѣки, полагалъ предѣлы разливамъ ихъ, очищалъ дороги отъ разбойниковъ, устанавливалъ миръ и порядокъ. Онъ былъ идеаломъ нравственно-сильнаго человѣка, при всѣхъ своихъ доблестяхъ ведущаго тяжкую, бѣдственную жизнь, исполняющаго трудную обязанность смиренія, покорности, самообладанія, и въ награду за то приобретающаго жизнь вѣчной радости въ кругу боговъ. Но и при такомъ представленіи о Гераклѣ онъ не обращался въ абстрактный идеалъ добродѣтели: его образъ носитъ на себѣ печать здоровой, сильной натуры, въ которой идеальныя стремленія къ высокимъ цѣлямъ соединены съ человѣческими качествами и влеченіями, чувственными, реальными. Онъ много ѣстъ; ему случалось сдѣлать цѣлаго быка, и съ костями; онъ любитъ вино, пиры; онъ заключилъ братскій союзъ съ Діонисомъ; онъ любитъ красивыхъ женщинъ, и нажилъ съ ними много дѣтей: эвбейская легенда говорила, что онъ, когда былъ еще молодъ, въ одну ночь насладился любовью пятидесяти дочерей Теспія, геликонскихъ нимфъ, и онѣ родили ему пятьдесятъ сыновей. Нравственное величіе національнаго героя не страдало во мнѣніи грековъ оттого, что сатирическая драма и народный юморъ выставляли въ комической утрировке такія черты его увлеченія чувственными наслажденіями въ часы отдыха.

Такъ многосложно было представленіе о Гераклѣ. Онъ былъ вѣрнымъ олицетвореніемъ многосторонняго развитія эллинскаго національнаго характера. Во всѣхъ частяхъ греческаго міра, на всѣхъ берегахъ, куда приводила грековъ ихъ торговая предпримчивость, они видѣли слѣды дѣятельности своего національнаго героя, пролагавшаго путь имъ своею отвагою, выносливостью во всѣхъ опасностяхъ, лишеніяхъ, бѣдствіяхъ олицетворявшаго ихъ собственную жизнь. Онъ побывалъ вездѣ, отъ Атласскихъ горъ и садовъ Гесперидъ на далекомъ западѣ, гдѣ поставленные имъ столбы свидѣтельствовали о достовѣрности его похода туда, до Егип-

та, гдѣ онъ убилъ врага иноземцевъ, Бузириса, и до береговъ Чернаго моря. Понятно, что такой идеальный образъ, въ который каждое поколѣніе влагало черты своихъ понятій, влеченій, интересовъ, долженъ былъ имѣть большое вліяніе на умственную жизнь и на всю культуру греческаго народа, и что нѣкоторые элементы представленія о Гераклѣ проникли въ религіозныя и нравственныя воззрѣнія грековъ. Герой, трудами тяжелой жизни достигшій неба, былъ для поэзіи типомъ доблести; для греческихъ юношей онъ, боецъ, побѣдитель львовъ и исполиновъ, былъ типомъ атлета, покровителемъ гимнастическихъ упражненій; военная аристократія, въ особенности спартанская, видѣла воплощеніе своихъ собственныхъ доблестей въ твердомъ душою и физически сильномъ воинѣ, не только побѣждавшемъ враговъ, но и подчинявшемъ себя своему долгу. Терпѣливый и твердый, покорный чувству своей обязанности и побѣдоносный Гераклъ былъ для спартанцевъ лучшаго времени Спарты типомъ того, какими должны быть они сами. Главныя черты Геракла: физическая сила, побѣдоносная воинственность и повиновеніе законной власти были характеристическими качествами спартанцевъ.

Гераклиды.

Легенда говоритъ, что Эвристей опасался сыновей Геракла и хотѣлъ погубить ихъ. Они были старшею линіею потомства Персея, потому могли отнять власть у младшей линіи, къ которой принадлежалъ Эвристей. Преслѣдуемые коварствомъ его, сыновья Геракла считались безпріютно, пока наконецъ нашли безопасное убѣжище себѣ въ Аттікѣ. Аѣннская легенда говорила, что они сѣли у «жертвенника сострадательности» и просили Тезея о покровительствѣ. Онъ поселилъ ихъ на Марафонскомъ полѣ. Эвристей пошелъ съ войскомъ противъ нихъ, но былъ убитъ въ сраженіи. На Марафонскомъ полѣ былъ холмъ, слывшій насыпаннымъ надъ его могилой. Убилъ его, по однимъ разсказамъ, Гиллъ, сынъ Геракла, по другимъ Толай, вѣрный спутникъ и правитель колесницы Геракла. Но ни Гиллъ, ни сыновья Гилла не успѣли овладѣть Пелопоннесомъ. Тамъ приобрѣлъ преобладаніе родъ Пелопса. Аргивяне, опасаясь нападенія Гераклидовъ, говорятъ Фукидидъ, передали владычество надъ Микенами и царствомъ Эвристей брату матери его, Атрею. Только четвертое поколѣніе Гераклидовъ успѣло завоевать области, которыя считали они своимъ наслѣдствомъ.

Тезей.

Въ нѣкоторыхъ эпизодахъ сказаній о Гераклѣ ужъ ясно слышны отголоски историческихъ преданій; еще достовѣрнѣе то, что въ циклѣ мифовъ о Тезеѣ подъ легендарной оболочкою скрываются историческіе факты, хотя патріотическая фантазія аѣннѣ внесла въ эти сказанія много заимствованнаго изъ другихъ мифовъ, сильно украсила ихъ, и перенесла на своего племеннаго героя многое, бывшее результатомъ позднѣйшаго культурнаго развитія. Тезей—представитель того греческаго племени, которое занимало Трезенскую область, сѣверный берегъ Пелопоннеса, Истмъ, Мегару, Аттіку и Эвбею и общимъ именемъ котораго впоследствии стало названіе іонійцевъ. Посейдонъ Потрясатель (Посейдонъ Эгей), бывшій главнымъ мѣстнымъ богомъ на Истмѣ, былъ отцомъ Тезея; Аѣина и Аполлонъ покровительствовали ему. Онъ пошелъ въ Аѣины изъ Трезенъ, древняго іонійскаго города, основалъ на Истмѣ въ расчищенномъ сосновомъ лѣсу служеніе Посейдону, учредилъ въ честь ему состязанія и воинскія игры, на которыхъ аѣиняне продолжали пользоваться правами особеннаго почета и въ историческія времена, когда Мегара и Истмъ ужъ давно были заняты другимъ племенемъ, дорійскимъ. Онъ освободилъ Аѣины и Мегару отъ ига финикійцевъ, представителемъ которыхъ въ легендѣ является критскій царь Миносъ; онъ изгналъ изъ Греціи финикійское слу-

женіе богу солнца Молоху и богинѣ любви Ашеръ-Астартѣ и соединилъ прежнія мелкія независимыя общины одного племени въ одно государство, столицею котораго сталъ древній укрѣпленный городъ Кедронія.

Нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній сомнѣваться въ справедливости того мнѣнія, что легенда о побѣдѣ Тезея надъ Минотавромъ, и объ освобожденіи имъ аѣннѣ отъ постыдной дани основана на историческихъ событіяхъ. Миносъ, подобно Мелькарту, олицетвореніе солнца; онъ представитель финикійской культуры и со стороны мудраго законодательства, правосудія, техническихъ искусствъ, и со стороны свирѣпыхъ и чувственныхъ религіозныхъ обычаевъ. Легенда говоритъ, что Миносъ убилъ мегарца Ниса и принудилъ аѣннѣ присылать юношей и дѣвушекъ въ дань ему, и что онъ отдавалъ этихъ юношей и дѣвушекъ на пожраніе (приносилъ въ жертву) быку (олицетворенію солнца) въ Лабиринтѣ; Лабиринтъ былъ символъ звѣзднаго неба съ извилистыми линіями созвѣздіи и орбиты; — ясно, что въ основѣ этого сказанія лежитъ преданіе о владычествѣ финикійцевъ въ Аттікѣ. Маленькій островъ Миноа, ограждавшій отъ волненія мегарскую гавань Нисею и впоследствии соединенный мостомъ съ берегомъ, былъ такимъ пунктомъ, на какихъ финикійцы любили основывать свои поселенія (I, стр. 506). Аѣннское преданіе говорило, что Порфирионъ—«дѣлатель пурпуры»—построилъ въ Аттікѣ храмъ Афродиты, то есть Ашеръ-Астарты. — Марафонскій былъ, котораго убилъ Тезей, происходилъ съ Крита. Все это слѣды финикійскаго поселенія и владычества. Амазонки, отъ нашествія которыхъ освободилъ Аттіку Тезей, тоже олицетворяютъ собою финикійско-сирійское богослуженіе. Далѣе мы увидимъ, что во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ Малой Азіи, гдѣ по греческимъ легендамъ жили амазонки, находились знаменитыя святилища Сирійской богини плодородія, въ которыхъ одѣтыя въ мужское платье и вооруженныя женщины исполняли военные пляски, и толпы служителей храма, гіеродулы, совершали фантастическіе обряды. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что легенды о побѣдѣ Тезея надъ амазонками и надъ марафонскимъ быкомъ — отголоски преданій о вытѣсненіи восточныхъ обрядовъ и жертвоприношеній греческими культами Посейдона и Аѣины, олицетворяемыми въ Тезеѣ. Въ Аттікѣ были «амазонскія могилы», старинныя памятники, около которыхъ группировались народные разсказы о нашествіи амазонокъ; поэты и художники развивали эти народные преданія о воинственныхъ дѣвушкахъ, и впоследствии въ времена побѣды Тезея надъ амазонками стала обозначать побѣду эллинизма надъ востокомъ. Мифъ объ Аріаднѣ, женѣ Діониса, богинѣ плодородной земли, въ честь которой совершался на остр. Наксосѣ праздникъ, начинавшійся печальными и кончавшійся радостными обрядами (стр. 62), вѣроятно также былъ символическимъ воспоминаніемъ о вытѣсненіи культа Ашеръ-Астарты эллинскою культурою, центромъ которой въ цикладскомъ архипелагѣ сталъ впоследствии культъ Аполлона на островѣ Делосѣ. Тезей, возвращаясь съ Крита, остановился у Делоса, совершилъ тамъ первый танецъ побѣды у алтара Аполлона и сломилъ себѣ вѣтвь священнаго оливковаго дерева. Аѣиняне отправляли каждый годъ посольство въ Делосъ совершать служеніе на этомъ мѣстѣ. Для этого посольства былъ особый корабль старинной постройки, по народному мнѣнію тотъ самый, на которомъ Тезей возвратился изъ Крита.

Легенда о томъ, что Тезей соединилъ всю Аттіку въ одно государство, вѣроятно основана тоже на историческихъ фактахъ. Дѣло очень возможное, что какой нибудь воинственный царь стариннаго укрѣпленнаго города на Илоссѣ—аѣннскаго Акрополя—покорилъ другія мелкія государства, на которыя была раздѣлена Аттіка, принудилъ жителей сосѣднихъ общинъ переселиться къ подошвѣ Акрополя, а общины, менѣе близкія, заставилъ признавать свою власть. Легенды о Тезеѣ говорятъ, что онъ учредилъ праздникъ Сипекій (соединенія поселеній), сдѣлалъ старинный аѣннскій праздникъ жатвы праздникомъ государственнаго единства («Панатенейскимъ»,

то есть „Всеафинским“ праздником); легенда приписывает ему и то установление, что въ Афинах могут сидеть греки изъ другихъ областей, что они, хотя и не будутъ имѣть правъ афинскихъ гражданъ, но будутъ пользоваться покровительствомъ законовъ; это сказаніе дѣлаетъ Тезей установителемъ обычая, по которому издавна пользовались защитой законовъ метеки. При соединеніи мелкихъ независимыхъ общинъ въ одно государство, население этого государства оказывается состоящимъ изъ людей разнаго облика, разныхъ сословій и профессій; потому легенда говорила, что Тезей раздѣлилъ жителей Аттики на сословія благородныхъ людей (эвпатридовъ), земледѣльцевъ (геоморовъ) и ремесленниковъ (деміурговъ); это сказаніе такъ укоренилось въ памяти народа, что сохранилось и по возникновеніи позднѣйшаго представленія о Тезеѣ, какъ основателѣ демократическаго устройства. Люди старинныхъ и богатыхъ родовъ, издавна занимавшихся военнымъ дѣломъ, конечно занимали привилегированное положеніе; эти благородные воины, бывшіе товарищами царя на войнѣ, конечно были товарищами его и въ управленіи государствомъ, въ судѣ, на пирахъ въ его дворцѣ (Пританеѣ). Когда Афины были уже республикою, въ нихъ считалось величайшею почестью обѣдать на общественный счетъ въ правительственномъ дворцѣ, который сохранялъ названіе Пританея. Обычай награждать людей этою почестью вѣроятно былъ остаткомъ обычая въ время царей. — Итакъ, въ основаніи легенды о Тезеѣ лежали историческія преданія. Впослѣдствіи, сказанія эти были украшены фантазіею поэтовъ, художниковъ и заимствованиями изъ легенды о другихъ герояхъ, въ особенности о Гераклѣ. Основаніемъ для прекрасной легенды о вѣрной дружбѣ между Тезеемъ и Пиритомъ могло быть то, что при вторженіи горныхъ племенъ въ долину Пеней переселились въ Афины два изгнанные пришельцами старые эссалийскіе рода, одинъ изъ которыхъ считался происходящимъ отъ Пиритоя. Было сказаніе, что когда афиняне сражались на Мараѳонскомъ полѣ за свободу родины, изъ земли поднялся великанъ Тезей и бился впереди афинянъ, помогая имъ отразить азіатцевъ, какъ нѣкогда побѣдилъ онъ быка, пришедшаго на Мараѳонское поле съ востока. Герой, основавшій афинское царство, конечно не могъ не принять участія въ самомъ славномъ изъ событій исторіи этого государства. Легенда о томъ, что онъ сражался въ Мараѳонской битвѣ, увеличила популярность его имени въ афинскомъ народѣ. И вѣроятно это оживленіе любви къ нему было причиною того, что боги повелѣли афинянамъ перевезти его кости со Скироса, гдѣ умеръ онъ, въ Афины. Орелъ показалъ его гробницу афинскому посольству. Въ гробницѣ, подлѣ костей великана лежали мечъ и копье его. Кости и оружіе были привезены въ Афины и торжественно похоронены въ городѣ. Надъ этой гробницею былъ построенъ храмъ Тезея и украшенъ превосходными скульптурными изображеніями его подвиговъ. Былъ установленъ ежегодный праздникъ Тезея. Рабы и другіе преслѣдуемые, успѣвшіе убѣжать въ храмъ Тезея, находили тамъ неприкосновенный пріютъ себѣ.

С. ОБЩІЯ ЭКСПЕДИЦИИ ГЕРОЕВЪ.

1. Плаваніе Аргонавтовъ.

Въ легендѣ о Тезеѣ религіозные элементы соединены съ историческими. Еще тѣснѣе эта связь въ мифическихъ рассказахъ о плаваніяхъ и походахъ, совершенныхъ обществами героевъ, соединявшихся для исполненія опасныхъ предпріятій. Рассказы объ общихъ подвигахъ героевъ доставили

самые обильные, разнообразные и привлекательные матеріалы греческому эпосу. Одно изъ наиболѣе знаменитыхъ дѣлъ этого рода — плаваніе Аргонавтовъ. Въ основѣ легенды объ Аргонавтахъ лежитъ религіозный мифъ; къ нему присоединены историческія преданія о морской торговлѣ давнихъ временъ; на этотъ давній рассказъ постепенно нарастали легенды греческихъ колоній и рассказы о чудесахъ дальнихъ странъ; эти прибавки расширили циклъ сказаній о плаваніи Аргонавтовъ до громадныхъ размѣровъ и затемнили первоначальное значеніе легенды о нихъ. Основной рассказъ принадлежалъ минійцамъ Іолка, Орхомена и другихъ пристаней, отважнымъ мореплавателямъ, и коренныя представленія его заимствованы изъ финикійскихъ обрядовъ культа солнца; постепенно къ нему были прибавляемы черты, относящіяся къ морской торговлѣ финикійцевъ съ греками (стр. 38). Сущность основнаго рассказа такова:

Атамантъ, сынъ Эола, бога вѣтровъ, имѣлъ отъ первой своей жены, Нефелы (отъ облака) двухъ дѣтей: Фрикса (оплодотворяющій дождь) и Геллу (умѣренный свѣтъ солнца). Вторая жена Атаманта, Ино, ненавидѣла дѣтей первой. Настала засуха, произвела неурожай. Ино посредствомъ подлога убѣдила Атаманта, что боги повелѣваютъ для прекращенія засухи принести Фрикса въ жертву. Но Нефела дала своимъ дѣтямъ барана съ золотымъ руномъ, который могъ летать. Фриксъ и Гелла улетѣли на немъ. Гелла упала съ барана въ проливъ, и утонула; этотъ проливъ послѣ того названъ по ея имени Геллеспонтомъ (моремъ Геллы); Фриксъ прилетѣлъ въ страну Солнца, Эю (Aia). Тамъ онъ принесъ барана въ жертву и повѣсилъ его руно въ священной рощѣ Ареса. Драконъ, дышавшій огнемъ и никогда не спящій, стерегъ руно. — Мы уже говорили, что это мифъ, олицетворяющій обряды финикійскаго служенія солнцу. На побережьѣ Парасскаго залива былъ культъ жестокаго, мрачнаго Зевса Лафистійскаго, которому приносили въ жертву людей. Облако спасло своего сына, назначеннаго въ жертву, пославъ барана съ золотымъ руномъ, олицетвореніе мягкаго весенняго дождя, оплодотворяющаго землю. Но съ востока приплывали въ богатую стадами и хлѣбомъ Эссалию финикійскіе корабли, привозили золото; потому золотое руно стало впослѣдствіи для народной фантазіи символомъ не только того божества, которое даетъ землѣ дождь и солнце, но и того, которое даетъ ей торговлю. Цѣлью плаванія Аргонавтовъ было доставить Іолкскимъ и Орхоменскимъ минійцамъ золотое руно, богатство, которое находится на востокѣ, въ странѣ, гдѣ восходитъ солнце, откуда приходитъ весна, откуда корабли привозятъ золото. Поѣздку за этимъ руномъ совершили, на кораблѣ Арго, подъ покровительствомъ Геры и Афины, Эссалийскій герой Язонъ и собравшіеся къ нему знаменитѣйшіе герои его времени. Это было однимъ поколѣніемъ раньше Троійской войны. Спутниками Язона были Гераклъ, Тезей, орфей, Тиндариды и отцы главнѣйшихъ героевъ осады Трои. „Такое всеувлекающее стремленіе къ кораблю Арго зажгла Гера въ сердцахъ героевъ, что никто изъ нихъ не остался при матери вести удобную безопасную жизнь“, говоритъ Пиндаръ: „каждый пошелъ съ товарищами искать удовлетворенія своему героизму, подвергая себя опасности смерти“ (4-ая Пиндическая Ода). Испытавъ тысячи опасностей и удивительныхъ приключеній на пути, Аргонавты достигли Эл. Медея, „богиня луны“, дочь Ээта, царя Эл, чародѣйка, знавшая всѣ тайны силы травъ, полюбила Язона, и при ея помощи онъ убилъ дракона, охранявшаго руно, вспахалъ землю мѣднымъ плугомъ, въ который запряжены были быки Ээта, дышавшіе огнемъ, преодолѣлъ великановъ, которые выросли изъ посѣянныхъ имъ зубовъ дракона, и похитилъ золотое руно. Медея убѣжала съ Аргонавтами и сдѣлалась женою

Язона. Преодолев множество опасностей, Аргонавты по мненческой рѣкѣ Эридану, по невѣдомым морямъ, посѣтивъ разные острова и страны фантастической географіи, возвратились на родину. Последующая жизнь Медеи, гордой волшебницы, имѣетъ мало связи съ легендою о золотомъ руно: Медея и Язонъ переселились въ Коринѣ; Язонъ покинулъ Медею, полюбивъ дочь Коринскаго царя; мстительная Медея отравила соперницу посланными въ подарокъ ей одеждою и вѣнкомъ, убила своихъ дѣтей, рожденных отъ Язона, и въ колесницѣ, запряженной драконами, улетѣла въ Аѳины; эта легенда, представляющая богатый матеріалъ для изображенія сильныхъ порывовъ страстей, была предметомъ многихъ произведений искусства и поэзіи.

Въ Одиссеѣ говорится, что пѣсни объ Аргонавтахъ поются повсюду въ Греціи. Но первоначально сказаніе о нихъ принадлежало, вѣроятно, минійцамъ. Для этихъ отважныхъ мореплавателей, купцовъ и вмѣстѣ воиновъ, должны были имѣть особенную привлекательность поэтические рассказы о чудесахъ далекихъ морей и земель. Страна Эя, гдѣ царствовалъ Эѳей, была та мѣстность, которая представлялась самымъ дальнимъ предѣломъ тогдашнихъ плаваній на востокъ. Это былъ неопредѣленный терминъ, обозначающій финикійское поселеніе, куда минійцы возили свои товары: хлѣбъ, шерсть, шкуры, невольниковъ, и брали тамъ въ обмѣнъ за нихъ произведенія финикійской промышленности: дорогія ткани, серебряныя и золотыя издѣлья; въ древнѣйшія времена, этотъ крайній пунктъ плаваній минійцевъ на востокъ былъ, вѣроятно, какой нибудь островъ Эгейскаго моря, быть можетъ Лемносъ или Тазосъ. Послѣ, когда греки стали плавать дальше на востокъ, передвигалась все дальше на востокъ и страна Эя. Первоначально, Аргонавты были минійцы; но когда у другихъ греческихъ племенъ развилось мореплаваніе, заинтересовались и они сказаніями о герояхъ, плававшихъ по опаснымъ морямъ въ далекія страны чудесъ, ввели своихъ племенныхъ героев въ число Аргонавтовъ. Эгейское море, его острова и побережья уже не могли оставаться миромъ чудесъ для народа, торговли и колоніи котораго распространились за Геллеспонтъ, на берега Чернаго моря; на Эгейскомъ морѣ уже не было мѣста для страны, въ которой живутъ драконы и огнедышащіе быки; плаваніе Аргонавтовъ должно было имѣть свою цѣль за предѣлами привычныхъ плаваній. Такимъ образомъ страна солнца, Эя, изобилующая золотомъ и волшебными травами, была отодвинута легендою за Геллеспонтъ, черезъ все Черное море, ставшее изъ „негостепріимнаго“ (аксеносъ) „гостепріимнымъ“ (эвксинскимъ), на утесистый восточный берегъ его, къ которому вѣроятно были иногда заносимы бурей милетскіе корабли, плывшіе въ Синопъ и Трапезунтъ. Легенда помѣстила Эю въ Колхидѣ, на устьѣ далекаго Фазиса; старые торговые пути вели оттуда въ страны богатства и чудесъ востока; въ горахъ, поднимающихся тамъ надъ приморьемъ, было сокрыто золото; Фазисъ вымывалъ его изъ нихъ; и руна, опускаемая въ рѣку, наполнялась золотыми блестками. Египетскія преданія говорили о походѣ Сесостриса въ Колхиду, и Геродотъ считалъ темнокожихъ жителей ея, имѣвшихъ обычаи обрѣзанія, потомками египетскихъ колонистовъ, поселенныхъ тамъ великимъ завоевателемъ. Такимъ образомъ, уже у Гезіода страна, куда плавали Аргонавты, является Колхидою; еще рѣшительнѣе говоритъ это Пиндаръ. Всѣ греческія племена желали участвовать въ славѣ экспедиціи Аргонавтовъ, всѣ города желали быть упоминаемы въ сказаніи о ней; потому съ теченіемъ времени все увеличивалось число мѣстъ, посѣщенныхъ Аргонавтами; много странъ, племенъ и городовъ посѣтили они на пути въ Колхиду, при возвращеніи оттуда еще гораздо больше. Такъ и слѣдовало

тому быть, потому что мореплаваніе, морская торговля, колонизація принадлежали къ числу самыхъ важныхъ дѣлъ жизни греческаго народа; а пока легенды еще остаются живыми, развивающимися, эпосъ, основывающійся на нихъ, переноситъ въ преданія старины интересы настоящаго. Такимъ образомъ, въ сказаніе объ Аргонавтахъ были внесены почти всѣ греческія колоніи на Геллеспонтѣ и на Черномъ морѣ: Гераклея, Кизикъ, Синопъ, Трапезунтъ и проч.

Такою же знаменитостію, какъ легенда объ Аргонавтахъ, пользовалось 2. Эдипъ и по-
Эвванское сказаніе объ Эдипѣ и его родѣ, подобно ему обреченному судьбою на гибель. Гомеръ уже знаетъ печальную исторію Эдипа („Пухлоногого“); знаетъ, что отецъ Эдипа, Лаій, получилъ страшное предсказаніе о немъ, и велѣлъ бросить малютку-сына со связанными ногами въ безлюдной мѣстности на Клееронѣ; что младенецъ былъ чудеснымъ образомъ спасенъ, былъ воспитанъ въ Коринѣ (или Сикіонѣ) и пошедши въ Фивы, на дорогѣ, въ тѣсномъ ущельѣ, убилъ Лаія, не зная, что это отецъ его; послѣ того женился на вдовѣ Лаія, прекрасной Іокастѣ (или Эпикастѣ), не зная, что она его мать; когда боги открыли эту тайну, Іокаста удавилась, прикрѣпивъ петлю къ высокой перекладинѣ, а душу Эдипа Эриніи ввергли въ тяжкія мученія, и онъ выкололъ себѣ глаза. Легенда говорила, что родъ Эдипа находился подъ проклятіемъ, сила котораго губила поколѣнія за поколѣніемъ; что слѣпой Эдипъ былъ оскорбленъ своими сыновьями, Полиномъ („многоссорящимся“) и Этеокломъ, не давшими ему должной почетной доли изъ мяса освященнаго жертвоприношеніемъ, и въ гнѣвѣ обрекъ ихъ на смертельную ссору, сказавъ: „пусть они подѣлятся между собою отцовское достояніе мечемъ“; это сбылось; ихъ распря изъ-за наслѣдства была причиною похода семи царей на Фивы, сыновья Эдипа убили другъ друга въ этой войнѣ. Всѣ эти черты уже находились въ первоначальномъ сказаніи. Но полное развитіе легенда объ Эдипѣ и его домѣ получила лишь въ позднѣйшія времена, въ произведеніяхъ аттическихъ трагиковъ, любившихъ брать предметомъ своей поэтической разработки это сказаніе, въ основѣ котораго лежитъ мысль о всемогуществѣ судьбы и ошибочности человѣческихъ соображеній. Впрочемъ, уже раньше трагиковъ, легенда была видоизмѣнена вліяніемъ египетской міеологіи: чудовище Фиксъ, жившее на горѣ Фикіонѣ, и опустошавшее окрестности ея, было превращено въ Сфинкса; крылатое существо, имѣвшее тѣло льва и голову человѣка, предлагавшее прохожимъ загадку и низвергавшее въ пропасть всѣхъ ихъ, потому что никто не умѣлъ разгадать загадку; Эдипъ разгадалъ ее, и тогда самъ Сфинксъ бросился въ пропасть. — Великіе аттические трагики, всѣ трое брали легенду объ Эдипѣ и его дѣтяхъ предметомъ своихъ произведеній; каждый изъ нихъ видоизмѣнилъ ее сообразно особенностямъ своего воззрѣнія; но существенныя черты сказанія у нихъ одинаковы; легенда у нихъ имѣетъ такую форму:

Лаій, Фиванскій царь, потомокъ Кадма въ третьемъ колѣнѣ, получилъ отъ Аполлона предсказаніе, что сынъ, который родится у него, убьетъ своего отца, женится на своей матери, и своими преступленіями ввергнетъ свой родъ въ гибель. Когда Іокаста родила сына, Лаій, желая предотвратить исполненіе пророчества, отдалъ младенца, со связанными ногами, пастуху, и велѣлъ бросить его на Клееронѣ. Пастухъ пожалѣлъ младенца и спасъ его. Ноги малютки, бывшія связанными, остались опухлыми, потому его называли Эдипомъ; онъ былъ взятъ изъ воспитаніе царемъ коринѣскимъ Полибомъ („многоволосымъ“). Когда онъ выросъ, у него возникло сомнѣніе, дѣйствительно ли онъ сынъ Полиба, и онъ пошелъ въ Дельфы, спросить объ этомъ оракула. Оракулъ сказалъ ему, что если онъ возвратится на родину, то убьетъ своего отца и

Легенда объ
Эдипѣ.

женится на своей матери. Думая, что его родина—Коринфъ, онъ рѣшилъ, не возвращаться туда, и пошелъ въ Фивы. На перекресткѣ двухъ дорогъ (по Софоклу, въ Парнасской Схистѣ, ущельѣ, черезъ которое шла дорога изъ Дельфъ на югъ; по Эсхилу, у Потній, близъ Фивъ) ему встрѣтился Лаій, оскорбилъ его; Эдипъ убилъ оскорбителя и слугу, ѣхавшаго съ этимъ неизвѣстнымъ обидчикомъ. Лаій ѣхалъ въ Дельфы, спросить у оракула, какъ избавиться отъ Сфинкса, пришедшаго въ его царство и губившаго людей: Сфинксъ предлагалъ всѣмъ идущимъ и ѣдущимъ вопросъ: какое существо ходитъ утромъ на четырехъ ногахъ, въ полдень на двухъ, вечеромъ на трехъ. Путники не могли разгадать, что это человѣкъ въ младенчествѣ, въ лѣтахъ силы и въ старости; Сфинксъ сбрасывалъ ихъ въ пропасть. Такъ погибло ужъ много оиванцевъ, и въ числѣ ихъ красавецъ Гемонъ, сынъ Креона, брата Юкасты. Креонъ, ставшій правителемъ по смерти Лаія, объявилъ, что кто разрѣшитъ загадку и освободитъ страну отъ Сфинкса, получитъ руку вдовы Лаія, и будетъ сдѣланъ царемъ Фивъ. Эдипъ избавилъ Фивы отъ Сфинкса, и женился на Юкастѣ.—По первоначальной легендѣ, тайна происхожденія Эдипа обнаружилась вскорѣ послѣ свадьбы, Юкаста лишила себя жизни, Эдипъ продолжалъ царствовать, взявъ другую жену, Эвриганею, и у нихъ родились два сына, Этеоклъ и Полиникъ, и двѣ дочери, Антигона и Исмена. По трагикамъ, супружеская жизнь Эдипа съ Юкастою длилась много лѣтъ, и всѣ дѣти Эдипа были дѣти Юкасты. Наконецъ, въ Фиванскомъ царствѣ появилась моровая язва. Фиванцы обратились къ пророку Тирезію съ вопросами, за что страна подверглась такому бѣдствию, и чѣмъ она можетъ избавиться отъ него. Ужасная истина раскрылась; моровая язва была наказаніемъ за кровосмѣшеніе. Юкаста удавилась, Эдипъ выкололъ себѣ глаза и былъ изгнанъ. Онъ былъ благородный человѣкъ; но страданія заставили его горько жаловаться на людей и судьбу. Антигона и Исмена не покинули отца; сыновей, измѣнившихъ ему, онъ проклиналъ. Дочери скитались вмѣстѣ съ нимъ. Онъ пришелъ въ аттическое мѣстечко Колонъ, близъ котораго была роща Эриній, а въ рощѣ былъ «мѣдный порогъ» входа въ подземное царство. Въ этой рощѣ его душевные мученія затихли; боги были примирены съ нимъ его страданіями. Этеоклъ и Полиникъ ужъ воевали тогда между собою изъ-за владычества надъ Фивами. Оракулъ возвѣстилъ, что царемъ будетъ тотъ, кто будетъ владѣть гробомъ Эдипа; потому Креонъ и Полиникъ, изгнанный Этеокломъ, хотѣли увести къ себѣ Эдипа. На Тезей защитилъ его. Божества мщенія за грѣхи были примирены, Эриніи стали добрыми Эвменидами; кротко и таинственно низвели они страдальца въ могилу. Дочери его возвратились въ Фивы, чтобы убѣждать братьевъ помириться.—Такъ изображаетъ судьбу Эдипа Софоклъ, слѣдуя древнему аттическому преданію о томъ, что онъ умеръ въ Колонѣ, и влагая въ легенду свои возвышенные нравственные и религіозныя понятія: разбитая жизнь Эдипа являлась у Софокла примѣромъ божественнаго правосудія, которое безошибочно караетъ всякій грѣхъ, а блаженная смерть Эдипа внушала успокоительную мысль, что гнѣвъ подземныхъ божествъ смягчается страданіемъ и раскаяніемъ.

Походъ семи царей на Фивы. Проклятіе, произнесенное Эдипомъ, скоро сбылось надъ его сыновьями. Этеоклъ и Полиникъ поссорились между собою изъ-за наслѣдства; Полиникъ принужденъ былъ бѣжать. О причинѣ бѣгства разсказывается различно. Обыкновеннѣйшій разсказъ таковъ: братья условились, что каждый поочередно будетъ одинъ годъ править Фивами, на другой годъ удалиться изъ Фивъ; Этеоклъ нарушилъ договоръ, не передалъ власти брату по окончаніи года своей очереди; Полиникъ обратился съ просьбою о помощи къ Адрасту, царю Аргоса и Сикіона. Въ одно время съ нимъ пришелъ къ Адрасту другой изгнанникъ, сынъ Энея (Оінеос), царя Этолійскаго, Тидей, поссорившійся съ двоюродными братьями, убившій ихъ и принужденный удалиться изъ отечества. Полиникъ и Тидей вошли къ Адрасту, въ бурную ночь. Онъ гостепріимно далъ имъ пріютъ; женилъ ихъ на своихъ дочеряхъ, обѣщалъ, что пойдетъ войною на враговъ ихъ.

Онъ полагалъ идти сначала на Этеокла, и для совѣщанія объ этомъ со-

звалъ всѣхъ своихъ родственниковъ на пиръ въ свой дворецъ. Амфіарай, имѣвшій даръ предвидѣть будущее, зналъ, что походъ будетъ неудаченъ, и отклонялъ Адраста отъ его намѣренія. Но Полиникъ подарилъ женѣ Амфіарая, сестрѣ Адраста, Эрифилѣ, великолѣпное ожерелье, принадлежавшее нѣкогда женѣ Кадма, Гармоніи; Эрифила стала говорить въ пользу войны, и было рѣшено идти на Фивы.

Адрастъ, Амфіарай и пять другихъ царей пошли на Фивы; но при неблагоприятныхъ предзнаменованіяхъ: Зевсъ, не одобрялъ этого предпріятія. Когда они шли черезъ Немею, умеръ отъ укушенія змѣи малютка Офельтъ, сынъ немейскаго царя Ликурга: нянька, Гипсинила, пошла съ проходившими царями показать имъ родникъ, а ребенка положила въ траву; въ травѣ была змѣя, и укусила его. Семь царей дали умершему прозваніе Археморъ («Первоумершій»); но въ этомъ прозвищѣ заключалось дурное предвѣстіе для нихъ самихъ. Они совершили въ честь Архемора надгробныя игры; это было началомъ знаменитыхъ немейскихъ игръ. Въ тихой, лѣсной немейской доли-нѣ былъ источникъ Адраста; недалеко отъ него, въ густой кипарисовой рощѣ, была гробница Офельта или, какъ называли его по смерти, Архемора; подлѣ гробницы стоялъ храмъ Зевса Немейскаго. Дошедши до поросшаго травой и камышемъ Асопа, цари послали въ Фивы Тидея, любимца Паллады Аѣнны, устроить кроткими рѣчами примиреніе. Онъ былъ могучій воинъ, небольшой ростомъ, но неустрашимый и очень сильный, болѣе опытный въ искусствѣ дѣйствовать щитомъ и копьемъ, чѣмъ изворотливыми словами. Онъ поссорился съ кадмейцами (фиванцами), пировавшими на царскомъ обѣдѣ, побѣдилъ ихъ при помощи Аѣнны, убилъ пятьдесятъ юношей, хотѣвшихъ остановить его на обратномъ пути. Только вождь ихъ спасся, сказать фиванцамъ о гибели товарищей. Это дѣло ожесточило фиванцевъ. Сынъ Креона, Менекей, самъ принесъ себя въ жертву, по пророчеству Тирезія, сказавшаго, что это дастъ фиванцамъ побѣду. Семь царей распредѣлили между собою по жребію, семь воротъ Фивъ, кому какія ворота штурмовать. Этеоклъ поставилъ начальникомъ обороны у каждаго воротъ избраннаго бойца. Въ первомъ сраженіи кадмейцы были побѣждены, отбѣсены въ ворота, семь царей стали штурмовать ворота. Капаней, герой исполинскаго роста, хотѣлъ взять городъ на-перекоръ волѣ боговъ, и уже взомель по лѣстницѣ на стѣну; но Зевсъ поразилъ его молніею, и онъ упалъ мертвый. Былъ убитъ и прекрасный русокудрый юноша Пареснопей; онъ въ блестящемъ своемъ оружіи, упалъ въ прахъ, пораженный огромнымъ камнемъ, брошеннымъ рукою Периклимена. Нападавшіе отступили, и заключили съ фиванцами договоръ, что споръ будетъ рѣшенъ поединкомъ между Полиникомъ и Этеокломъ. Проклятые отцомъ братья вступили въ бой; онъ кончился тѣмъ, что они убили другъ друга. Война возобновилась; въ страшной битвѣ храбрѣйшіе изъ союзниковъ Адраста были убиты кадмейцами, въ томъ числѣ былъ убитъ Тидей; онъ еще дышалъ, когда Меланиппъ, убившій его, былъ самъ убитъ Амфіараемъ; скоро смерть постигла и Амфіарая: Периклименъ замахнулся поразить его копьемъ, но въ этотъ мигъ Зевсъ ударилъ землю молніею, земля разступилась и приняла въ нѣдра свои благочестиваго Амфіарая, съ колесницею и конями его. Но и сокрытый подъ землею, онъ сохранилъ даръ пророчества: на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ поглощенъ ею, фиванцы впоследствии построили храмъ; при храмѣ былъ знаменитый оракулъ, и фиванцы читли Амфіарая гимнастическими и музыкальными играми. Позднѣе, оракулъ его перешелъ въ новый храмъ, построенный ему у Орона, близъ границы Аттики; отъ этого храма еще остаются развалины. Изъ всѣхъ семи царей, пошедшихъ на Фивы, остался живъ только Адрастъ; его спасъ его крылатый черногривый конь, Арей.

И фиванцы потеряли большія потери въ побѣдоносной Кадмейской битвѣ. Потому согласились на просьбу Адраста отдать тѣла его убитыхъ союзниковъ для торжественнаго сожженія. Полиникъ, Тидей и другіе пять убитыхъ вождей были сожжены, каждый на особомъ кострѣ. Адрастъ безу-

тѣшно скорбѣлъ объ ихъ погибели, и въ особенности печалился о смерти Амфіарая, котораго называлъ онъ „окомъ войска“, и который отклонялъ его отъ гибельнаго похода.

Сказаніе о По аттической легендѣ, Креонъ, снова ставшій по смерти Этеокла правителемъ томъ, что было Оивъ, не согласился выдать тѣла убитыхъ союзниковъ Адраста. Адрасть, жены и дѣти послѣ Кадмей-убитыхъ обратились къ Тезею съ просьбою о заступничествѣ. Тезей или мирнымъ убѣжденіемъ выпросилъ тѣла, но другому разсказу, побѣдоноснымъ походомъ взялъ тѣла героевъ, привезъ въ Аттіку и похоронилъ ихъ пепелъ въ Элевзинѣ. Тамъ былъ надгробный памятникъ ихъ. Древнія пѣсни прославляли супружескую вѣрность жены Капанея, бросившейся въ пламя костра къ тѣлу мужа.—О судьбѣ тѣла Этеокла и Полиника разныя легенды говорили неодинаково. По одному сказанію, тѣла обоихъ братьевъ были сожжены на одномъ кострѣ, пламя котораго подымалось къ небу, раздѣлившись на два столба. По преданію, которому слѣдуетъ Софоклъ, говорило иначе: Креонъ воспретилъ хоронить тѣло Полиника, пошедшаго войною противъ отечества; за ослушаніе онъ угрожалъ смертью но Антигона, вѣрная долгу сестры, не послушалась жестокаго повелѣнія; страхъ смерти, не остановилъ ея, хоть жизнь была мила ей, потому что у нея былъ любимый женихъ; заповѣдь боговъ была для нея выше человѣческихъ повелѣній, она предала погребенію тѣло Полиника.

Походъ Эпигон- Погибель героевъ, ходившихъ съ Адрастомъ на Оивы, не осталась не- новъ. отмщенною. Сыновья ихъ, „Эпигоны“, пошли отмстить оиванцамъ за смерть отцовъ. Предзнаменованія были благоприятны. Главнымъ вождемъ былъ сынъ Амфіарая, Алкмеонъ. Другіе Эпигоны были: Эгіалей, сынъ Адраста; Діомедъ, сынъ Тидея; Промакъ, сынъ Пароенопея; Сөөенелъ, сынъ Капанея и проч. Возбудителемъ мысли о походѣ былъ Оерсандръ, сынъ Полиника; ему помогала Эрифила, содѣйствіе которой онъ приобрѣлъ тѣмъ, что подарилъ ей драгоцѣнный персикъ, полученный нѣкогда Гармоніею отъ Аэины. Сөөенелъ въ Иліадѣ говоритъ о себѣ и о другихъ Эпигонахъ, что они были доблестнѣе своихъ отцовъ: они имѣли меньше войска, чѣмъ ихъ отцы, и однако же покорили семивратныя Оивы, повинулись предзнаменованіямъ, даваемымъ отъ боговъ, и воли Зевса, а ихъ отцы погубили себя, ослушавшись боговъ. Оракулъ Амфіарая предсказалъ имъ успѣхъ; потому они смѣло пошли на Оивы, осадили городъ, опустошили оиванскія поля; Лаодамантъ, сынъ Этеокла, вывелъ противъ нихъ оиванское войско, но они разбили его при Глисъ. Лаодамантъ убитъ въ этомъ сраженіи Эгіалея, но самъ былъ убитъ Алкмеономъ, и тогда воины его обратились въ бѣгство. Кадмейцы съ женами и дѣтьми покинули родной городъ, ушли на сѣверъ. Во время этого переселенія умеръ слѣпецъ Тирезій; его мать, Манто, была захвачена въ плѣнъ побѣдителями при взятіи Оивъ, и отослана ими въ даръ Аполлону Дельфійскому, которому отдали они и драгоцѣннѣйшія вещи изъ добычи. Царемъ Оиванскимъ сталъ Оерсандръ. Легенда о войнѣ эпигоновъ походить на историческое преданіе; поэтическихъ прикрасъ въ ней мало. „Оиванское сказаніе немногими чертами передаетъ существенное содержаніе хода историческихъ перемѣнъ, длившагося нѣсколько столѣтій“, говоритъ Курциусъ: „оно точнѣе всѣхъ другихъ сказаній обрисовываетъ исторію во времена перехода ихъ отъ пеласгическаго быта къ эллинской культурѣ, живо изображаетъ основаніе финикійскихъ поселеній и вліяніе ихъ на развитіе греческаго народа. Съ переселеніемъ Кадма въ Беотию кончается простодушное патріархальное время; жизнь народа начинаетъ развиваться; но съ умственнымъ развитіемъ являются и хитрость, нарушеніе обычая, неслыханныя до той поры преступленія, возникаютъ войны, бѣдствія. Гнѣвъ боговъ и злодѣянія людей растутъ; обремененные грѣха-

ми, люди гибнутъ. Такова была разсказанная поэтами бѣдственная судьба потомства Кадма“ (Kurtius, Griechische Geschichte, 4-ое изданіе, I, 81).

Одинъ изъ эпизодовъ легенды объ эпигонахъ составляетъ сказаніе о матерубійствѣ Алкмеона, содержащее въ себѣ много мѣстныхъ преданій, въ томъ числѣ и преданій объ основаніи городовъ (напримѣръ, Аргоса Амфилохійскаго). Подобно Оресту, Алкмеонъ убиваетъ свою мать въ отмщеніе за смерть отца, и скитается, преслѣдуемый эриніидами. Онъ не можетъ найти покоя себѣ нигдѣ на той землѣ, которая существовала во время его злодѣянія; она вся ненавидитъ его, и повсюду его присутствіе производитъ неурожай и бѣдствія. Только когда онъ пришелъ на новую землю, образовавшуюся въ устьѣ Ахелоя изъ наноса рѣки послѣ матерубійства, Эриніи удалились отъ него. Но наряды Гармоніи, ожерелье и персикъ, надѣлавшія ужъ столько бѣдствій, погубили и его. Фегаей, царь Псофидскій, послалъ своихъ сыновей убить его, чтобъ завладѣть этими драгоцѣнностями. Впослѣдствіи, эти вещи были пожертвованы въ Дельфійскій храмъ. Когда фегейцы (въ IV вѣкѣ) разграбили Дельфійскій храмъ, они нашли тамъ ожерелье Гармоніи и ожерелье Елены; тѣ воины, которымъ достались по жребію эти ожерелья, подарили ихъ своимъ любовницамъ; они принесли бѣдствія и этимъ гетерамъ.

Если были возведены народною фантазіею и поэтами преданія о походѣ семи царей на Оивы и о плаваніи Аргонавтовъ, то разумѣется еще ходѣ семи царей на Оивы и о плаваніи Аргонавтовъ, то разумѣется еще милѣе народу и поэтамъ было преданіе о войнѣ, гораздо болѣе соответствовавшее интересамъ грековъ позднѣйшихъ временъ, о войнѣ противъ азіатцевъ. Потому плодотворная фантазія греческаго народа развила до громадныхъ размѣровъ циклъ сказаній о Троянской войнѣ, о событіяхъ, изъ которыхъ возникла она и приключеніяхъ, бывшихъ ея послѣдствіями. — Прекрасная область на сѣверо-западномъ побережьи Малой Азіи, раскинувшаяся равниною по берегу отъ мыса Лектона до Геллеспонта, далѣе гію, 1193 — отъ моря подымающаяся грядами холмовъ къ горѣ Идѣ, орошаемая Скаман-1183 годы до дромъ, Симонсомъ, другими рѣчками, упоминается ужъ въ древнихъ мифахъ Р. X.). о богахъ. Ея разноплеменное населеніе греки называли троянцами, дарданцами, позднѣе называли и тевкрами. Оно жило въ изобиліи, любило веселиться. Тамъ сынъ Зевса, Дарданъ, котораго отецъ любилъ болѣе всѣхъ дѣтей, рожденныхъ ему смертными женщинами, основалъ на склонѣ Иды Дарданію, и его сынъ, богатый Эрихтоній, владѣлъ обширными полями, безчисленными стадами рогатаго скота, овецъ и табунами быстроногихъ коней. Послѣ Эрихтонія, царемъ дарданскимъ былъ Тросъ, предокъ троянцевъ, младшій сынъ котораго красавецъ Ганимедъ былъ взятъ на Олимпъ, прислуживать царю боговъ на пирахъ, а старшій сынъ, Иль (Pos), основалъ на широкой долинѣ низовья Скамандра городъ Иліонъ, называвшійся также Троею. Сынъ Ила былъ Лаомедонтъ, по просьбѣ котораго Посейдонъ и Аполлонъ построили акрополь Иліона, Пергамъ. Третьимъ сыномъ былъ Ассаракъ; внукомъ Ассарака былъ красавецъ Анхизъ, котораго полюбила Афродита; сыномъ Афродиты и Анхиза былъ Эней, переселившийся на далекій западъ; его потомство было единственною отраслью Троянскаго царскаго рода, уцѣлѣвшаю по взятіи Трои. Сыномъ и преемникомъ Лаомедонта былъ Пріамъ, въ чьихъ сокровищницахъ было такъ много золота и мѣди, что богатство его славилось по всему свѣту. У него было пятьдесятъ сыновей, изъ которыхъ особенно знамениты храбрый Гекторъ и красавецъ Парисъ. Изъ числа пятидесяти, девятнадцать сыновей его были рождены второю его женою Гекабою, дочерью фригійскаго царя (въ молодости, Пріамъ помогалъ фригійцамъ въ ихъ войнѣ съ амазонками); младшій сынъ Гекабы, Троилъ, былъ во время взятія Трои еще юношей. — Когда Гекаба была беременна Парисомъ, она видѣла во снѣ, что родила

Сказаніе объ Алкмеонѣ.

3. Троянская война. (По опредѣленію александрийскихъ ученыхъ, переложенному на нашу хронологію, 1193 — 1183 годы до Р. X.).

Троада и троянцы.

Парисъ и Елена.

нылающую головню, и что отъ этой головни сгорѣла вся Троя. Потому, когда родился Парисъ, его бросили въ лѣсу на горѣ Идѣ. Онъ былъ найденъ пастухомъ; выросъ крѣпкій тѣломъ и ловкій, и былъ красавецъ, искусный музыкантъ и пѣвецъ. Онъ пасъ стада на Идѣ, и былъ любимецъ нимфъ ея, „волокиа“, какъ называютъ его Диомедъ. Когда три богини, спорившія о томъ, которая изъ нихъ прекраснѣе, предоставили ему рѣшеніе, и каждая обѣщала ему награду за рѣшеніе въ ея пользу, онъ выбралъ не побѣды и славу, которая обѣщала ему Афина, не владычество надъ Азією, обѣщанное Герою, а любовь прекраснѣйшей изъ всѣхъ женщинъ, обѣщанную Афродитой. Этимъ онъ рѣшилъ и свою судьбу. Онъ былъ силенъ и храбръ; онъ побѣдилъ своихъ братьевъ на военныхъ играхъ; но преобладающими чертами его характера были чувственность и азіатская изнѣженность. Онъ пустился странствовать; Афродита направила его путь въ Спарту, гдѣ въ украшенномъ золотомъ дворцѣ весело жили русый Менелай и прекрасная Елена, дочь Тиндарея. Гостепріимно встрѣтили они его, и покровительница его Афродита возбудила въ прекрасной Еленѣ любовь къ нему. Парисъ увезъ ее ночью на черномъ кораблѣ, и съ нею много сокровищъ. Это было великое преступленіе, нарушеніе обязанностей, возлагаемыхъ обычаемъ гостепріимства, нарушеніе брачнаго права; и притомъ, были похищены сокровища. Беззаконникъ и его родные, принявшіе его и Елену навлекли на себя наказаніе отъ боговъ. Гера, мстительница, за нарушеніе супружеской вѣрности, возбуждала героевъ Греціи вступить за Менелая. Многие изъ героевъ были обязаны помогать ему: когда Елена стала взрослою дѣвушкою и собралось въ Спарту множество молодыхъ героевъ, сватать ее, Тиндарей взялъ съ нихъ клятву, что всѣ они будутъ защищать супружескія права того, который будетъ избранъ. Они должны были теперь исполнить это обѣщаніе. Другіе присоединились къ нимъ по любви къ военнымъ приключеніямъ, или по желанію отмстить за обиду, нанесенную всей Греціи и за нарушеніе священныя законовъ.

Греческіе
герои.

Такимъ образомъ, храбрѣйшіе герои собрались на войну подъ предводительствомъ царя микенскаго, Атрида Агамемнона, старшаго брата Менелая. Изъ Пелопоннеса были: Диомедъ, царь аргооскій, сынъ Тидея, и Сенеель тиринескій, сынъ Капанея, отцы которыхъ были участниками Ѣвнанской войны; Несторъ, царь пилосскій, достопочтенный старецъ, видѣвшій уже три поколѣнія людей, и его сынъ Антилохъ; царь эпейскій, внукъ Авгія, Мегесъ. Съ каменистой Итаки приплылъ храбрый и хитрый Одиссей, сынъ Лаерта. Очень большихъ трудовъ стоило склонить его, расчетливаго человѣка, къ участию въ опасномъ предпріятіи; ему не хотѣлось разставаться съ молодою, любящею женою, Пенелопею, и спокойною домашнею жизнью; но онъ и Ахиллесъ были необходимы для успѣха войны. Когда Менелай и Несторъ пришли (или, по другому разсказу, пришелъ самъ Агамемнонъ) убѣждать Одиссея, онъ притворился сумасшедшимъ, и дѣлалъ всяческія глупости; между прочимъ, сталъ пахать плугомъ, въ который были запряжены лошади и волъ. Но Паламедъ, тоже человѣкъ изобрѣтательнаго ума, положилъ передъ плугомъ сына Одиссея, малютку Телемаха; Одиссей остановилъ плугъ, и этимъ обнаружилъ, что разсудокъ у него цѣлъ. Ему теперь нельзя было отречься отъ участія въ общемъ дѣлѣ. Какъ полезенъ его умъ этому дѣлу, скоро было доказано тѣмъ, что онъ розыскалъ Ахиллеса. Мать Ахиллеса, Ѳетиды, имѣвшая даръ предвидѣнія, знала, что если ея сынъ приметъ участіе въ походѣ, то будетъ убитъ, и спрятала его. Она отвезла его, какъ разсказываетъ позднѣйшая легенда, на островъ Скиросъ, и, переодѣтый въ женское платье, онъ жилъ тамъ, будто дѣвушка, съ дочерью Ликомеда, царя скиросскаго. Греки собрались въ гавани города Авлиды. Кромѣ тѣхъ героевъ, о которыхъ мы уже говорили, тутъ были и другіе: Аяксъ Саламинскій, сынъ Теламона, могучій богатырь, цѣлою головою выше всѣхъ; щитъ его, подобный башиѣ, былъ непроницаемъ

ни для какого оружія; въ битвѣ онъ былъ левъ, но говорить онъ былъ не мастеръ; когда въ сраженіи приходилось ему отступать, онъ, уходя, грозно оглядывался на враговъ, «какъ левъ, котораго отгоняютъ отъ мирнаго стада ночные сторожа копьями и горящими головнями», или «какъ упрямый оселъ, который вошелъ на роскошную ниву, и котораго, пока онъ не насытится, нельзя вытѣснить оттуда, какъ ни бьютъ его по спинѣ палками» (Иліада IV, 545—565); съ нимъ пріѣхалъ братъ его по отцу, Тевяръ, самый лучшій стрѣлокъ въ цѣлой Греціи. Изъ Локриды прибылъ другой Аяксъ, сынъ Ойлея, носившій легкія латы, быстрый и ловкій; изъ Ѳессаліи приплыли Адметъ, Протезилай, другіе герои; даже изъ далекаго Крита былъ тутъ герой, внукъ Миноса, Идомей, повелѣвавшій многими мужами. Собрались всѣ; но не было того героя, безъ котораго нельзя было взять Трои, — и неизвѣстно было, гдѣ Ахиллесъ. Но Одиссей нашелъ его между дочерьми Ликомеда: хитрецъ разложилъ передъ дѣвушками женскіе наряды, между которыми было и нѣсколько оружія; Ахиллесъ схватился за оружіе, и выдалъ тѣмъ себя. Онъ радъ былъ, что мать теперь не можетъ удерживать его отъ войны, и отправился въ Авлиду, сопровождаемый своимъ другомъ Патрокломъ, сыномъ Менетія, и Фениксомъ, своимъ воспитателемъ и советникомъ.

По древнѣйшей легендѣ, многочисленное греческое войско безъ задержки отплыло теперь при благоприятныхъ предзнаменованіяхъ на темныхъ корабляхъ къ дарданскому берегу. Но позднѣйшее сказаніе говоритъ, что оно было задержано Артемидою, прогнѣвавшейся на царя народовъ, Агамемнона за то, что онъ убилъ на охотѣ посвященную ей лань. Богиня послала противные вѣтры; они не давали грекамъ отплыть; Агамемнонъ, узнавъ отъ прорицателя Калхаса, что необходимо сдѣлать жертвоприношеніе для смягченія гнѣва Артемиды, вызвалъ свою дочь Ифигенію изъ Микенъ въ станъ, подъ предлогомъ того, что выдаетъ ее за Ахиллеса, а на самомъ дѣлѣ для принесенія ея въ жертву Артемидѣ. Но богиня не хотѣла ея смерти и унесла ее на Таврической полуостровъ; тамъ Ифигенія стала жрицею Артемиды, служеніе которой въ этой варварской странѣ было сурово. Въмѣсто Ифигеніи была принесена въ жертву лань. Эта легенда — отголосокъ преданія о замѣнѣ человѣческихъ жертвоприношеній пеласгійскаго времени менѣе жестокимъ богослуженіемъ. — Противные вѣтры улеглись, греки отплыли и пристали къ острову Тенедосу, лежащему у берега Малой Азіи. На Тенедосѣ Филоктетъ былъ укушенъ змѣею, и отъ этого образовалась на ногѣ у него неисцѣлимая рана; греки высадили его на островъ Лемносъ и покинули тамъ страдальца; онъ не умеръ съ голоду только потому, что у него были стрѣлы Геркулеса, всегда попадающія въ цѣль. При высадкѣ на Малоазійскій берегъ, греки должны были преодолѣть сопротивленіе Гектора и другихъ троянскихъ героевъ. Было предсказано, что первый изъ грековъ, который выйдетъ на берегъ, будетъ убитъ. Молодой, незадолго передъ отъѣздомъ женившійся герой, Протезилай, пожертвовалъ собою, выпрыгнувъ на берегъ, и палъ, пораженный копьемъ Гектора. Вѣрная жена его, Лаодамія, добровольно пошла вмѣстѣ съ нимъ въ Гадесъ. Ахиллесъ побѣдилъ неуязвимаго Кикна, задушивъ его завязкою его шлема. Послѣ этого греки оттѣснили троянцевъ, высадились, вытащили корабли на берегъ и устроили кругомъ ихъ укрѣпленный станъ.

Отплытіе и вы-
садка.

Силы ахейцевъ были очень велики: 1186 кораблей и 100,000 воиновъ. Но троянцы были мужественны, и имъ помогали обороняться союзники, пришедшіе изъ многихъ странъ: „много было разныхъ языковъ и много разныхъ народовъ“ въ троянскомъ войскѣ (Иліада IV, 438). Первымъ героемъ троянцевъ былъ Гекторъ, послѣ него наиболѣе страшны грекамъ были Сарпедонъ и Главъ, вожди искусныхъ стрѣлковъ, ликійцы; были въ рядахъ троянцевъ и мизійцы, пафлагоняне, меонійцы (лидыне), фригійцы;

Троянскіе ге-
рои.

Первые годы войны.

изъ далекихъ областей Аксія привелъ неонійцевъ Астеропей; изъ земли на сѣверѣ отъ Геллеспонта пришли многочисленныя полки Фракійцы. Но нѣкоторымъ изъ союзниковъ надобно было давать плату; обѣдѣли и золотомъ и мѣдью славившіяся богатствомъ сокровищницы Трои; даже драгоцѣнности царскаго дворца пришлось посылать на продажу во Фригію и Меонію.

Передъ началомъ войны были отправлены въ Трою послы, Одиссей и Менелай, требовать, чтобы троянцы отдали Елену и похищенныя Парисомъ и ею сокровища. Троянцы отказали въ этомъ, хотя Елена соглашалась идти съ мужемъ. Рѣшено было вести войну. О первыхъ девяти годахъ ея не дошло до насъ подробныхъ легендъ. О нихъ рассказывала „Кипріада“; но эта эпопея погибла. Изъ краткихъ, случайныхъ упоминаній въ Иліадѣ мы знаемъ только, что греческіе герои, въ особенности Ахиллесъ, дѣлали набѣги на окрестныя земли и брали множество добычи; троянцы не пытались останавливать этотъ грабежъ, потому что боялись Ахиллеса, не рисковали удалаться отъ своихъ стѣнъ, ходили только изъ скейскихъ воротъ до большой смоковницы. Ахиллесъ былъ вождемъ и въ битвахъ у стѣнъ Трои, и въ набѣгахъ, и всегда оставался побѣдителемъ. Его имя было ужасомъ для враговъ. Онъ разрушилъ двѣнадцать городовъ на берегу моря и одиннадцать городовъ вдали отъ моря. Онъ угналъ стада Энея съ горы Иды, и самъ Эней едва спасся отъ него. На лѣсистой склонѣ Плацапали отъ его сильной руки отецъ и братья Андромахи. Онъ подстерегалъ въ лѣсахъ и между холмовъ сыновей Пріама и бралъ за нихъ богатый выкупъ; онъ убилъ прекраснаго юношу Троила, выхавшаго на поле. Въ Кипріадѣ говорилось, что онъ, при помощи Афродиты и Ѳетиды, имѣлъ свиданіе съ Еленою.—Но попытки грековъ взять Иліонъ оставались безуспѣшны. Три раза ходили они на приступъ изъ смоковничной рощи, откуда всего легче было подойти къ стѣнѣ; но троянцы отражали ихъ. И корабли, и остатки кораблей начинали ужъ гнить. Многіе изъ вождей грековъ совѣтовали бросить осаду, вернуться домой; такъ говорилъ, въ числѣ другихъ, мудрый Паламедъ, стѣмѣвшій при сборахъ на войну перехитрить самого Одиссея. Одиссей ненавидѣлъ его и воспользовался теперь случаемъ погубить его, какъ измѣнника. По древнѣйшему сказанію, онъ при помощи Діомеда, утопилъ Паламеда при ловлѣ рыбы. По сказанію, передаваемому трагиками, онъ спряталъ золото въ палаткѣ Паламеда, и обвинилъ его въ предательствѣ; золото, найденное въ палаткѣ, послужило уликою; Паламедъ былъ осужденъ на смерть и побитъ камнями. Его смерть, подобно судьбѣ Сократа, служила примѣромъ того, что невинные мудрецы подвергаются незаслуженной гибели.

Паламедъ.

нѣтъ Ахиллеса.

Девять лѣтъ прошло такимъ образомъ. На десятый годъ Ахиллесъ и Агамемнонъ поссорились изъ-за красавицы Бризеиды, взятой въ плѣнъ при разрушеніи Лирнесса. Ссора ихъ и ея послѣдствія составляютъ содержаніе безсмертной Иліады, неподражаемо прекрасной эпопеи, воспѣвающей „гнѣвъ Ахиллеса“ и уже двѣ съ половиною тысячи лѣтъ восхищающей своею прелестью цивилизованный міръ. Ссора эта совершенно измѣнила ходъ дѣлъ. Оскорбленный Ахиллесъ удалился къ своимъ кораблямъ на берегъ моря и пересталъ принимать участіе въ битвахъ. Страдала и его гордость и его любовь. Онъ со слезами жаловался матери на обиду. Ѳемида умоляла Зевса давать троянцамъ побѣды въ битвахъ, чтобы ахейцы принуждены были смириться предъ ея сыномъ. Зевсъ наклонилъ голову въ знакъ согласія, его умищенные амброзіею длинныя кудри всколыхнулись, и потряслись высоты Олимпа. Троянцы стали одолевать грековъ; никто не могъ устоять противъ Гектора. Ахейцы были поражены въ битвѣ на равнинахъ, троянцы отбѣснили ихъ за ровъ и валъ ихъ стана у кораблей. Гекторъ

сталъ у рва, угрожая гибелью всѣмъ имъ, и слѣдовало ждать, что онъ прорвется чрезъ укрѣпленія въ станъ. Агамемнонъ просилъ Ахиллеса отложить гнѣвъ, предлагалъ отдать ему Бризеиду, давалъ ему кромѣ нея семь плѣнныхъ Lesbіянокъ и богатые сокровища. Но Ахиллесъ остался непреклоненъ въ гнѣвѣ; онъ отвѣчалъ посланъ Агамемнона: „Если бъ онъ предложилъ мнѣ всѣ сокровища богатаго Орхомена или египетскихъ Ѳивъ, не перемѣнилъ бы онъ моего чувства, пока не удовлетворилъ бы меня вполне за обиду“. Враги наступали все грознѣе и грознѣе; храбро защищали ахейцы свои укрѣпленія; но Гекторъ выбилъ ворота огромнымъ камнемъ; какъ подрубленные ясени падали ахейцы подъ ударами троянцевъ. Троянцы уже зажгли корабль Протезилая; пламя угрожало истребить всѣ корабли, ахейцами овладѣло смятеніе. Патроклъ пошелъ въ шатеръ Ахиллеса и сказалъ ему: „Не Пелей и Ѳетиды родили тебя; мрачная пучина моря породила тебя, неумолимый утесъ, потому что жестоко и безчувственно твое сердце“. Патроклъ со слезами просилъ, чтобы Ахиллесъ далъ ему свои доспѣхи и позволилъ ему вести въ битву мермидоновъ (воиновъ Ахиллеса); троянцы пріймутъ его за Ахиллеса и отступятъ отъ кораблей. Ахиллесъ согласился, но подъ условіемъ, что Патроклъ только отбѣснитъ троянцевъ и не погонится за ними, вернется. Разгорячившись, Патроклъ погнался за бѣгущими троянцами, преслѣдовалъ ихъ до стѣнъ города, и истреблялъ враговъ; но Аполлонъ обезоружилъ его, и онъ упалъ, пронзенный копьемъ Гектора. Ахейцамъ съ трудомъ удалось отбить у троянцевъ его тѣло; но оружіемъ и доспѣхами овладѣлъ Гекторъ. Ахиллесъ былъ чрезвычайно опечаленъ смертью своего друга, героя, кроткаго сердцемъ; онъ желалъ бы лечь съ нимъ въ могилу. Ѳетиды въ глубинѣ морской услышала стоны сына, и поспѣшила съ другими морскими богинями на троянскій берегъ. „Зевсъ исполнилъ все, чего ты просилъ“, говорила она, утѣшая плачущаго Ахиллеса. Онъ отвѣчалъ, что жизнь будетъ не мила ему, пока онъ не повергнетъ Гектора въ прахъ. Мать поспѣшила къ Гефесту, попросила его сдѣлать новые доспѣхи для Ахиллеса. Троянцы снова отбѣснили грековъ къ стану. Ахиллесъ вышелъ изъ шатра, и три раза крикнулъ черезъ ровъ. Его мѣдный голосъ прозвучалъ такъ ужасно, что троянцы въ страхѣ бѣжали. Не послушавшись совѣта Полидаманта, Гекторъ велѣлъ имъ остаться на полѣ, и они провели ночь у костровъ. Когда настало утро, Ахиллесъ надѣлъ новые свои доспѣхи, взялъ щитъ, на которомъ Гефестъ искусно изобразилъ всѣ дѣла человѣческой жизни, взялъ тяжелое ясеновое копьё, и устремился на троянцевъ. Подъ его ударами пало такое множество ихъ, что трупы перегородили теченіе Скамандра и вода рѣки побагровѣла отъ крови. Пріамъ велѣлъ стражамъ открыть ворота, чтобы впустить бѣгущихъ, но держать двери воротъ руками, чтобы не дать ворваться Ахиллесу. Гекторъ не захотѣлъ скрыться за стѣнами, остался на полѣ, не слушая отца и матери, взшедшихъ на башню и умолявшихъ его отказаться отъ продолженія боя. Но когда приблизился Ахиллесъ, направилъ на него тяжелое ясеновое копьё, сердце его ужаснулось, и онъ помчался отъ Ахиллеса вдоль стѣнъ. Три раза обскакали кругомъ стѣнъ онъ и преслѣдующій его Ахиллесъ. Зевсу было жаль Гектора, который всегда усердно чтилъ его жертвоприношеніями и молитвами. Онъ взвѣсилъ жребіи Гектора и Ахиллеса; чаша вѣсовъ со жребіемъ Гектора опустилась. Ахиллесъ настигъ его, пронзилъ копьемъ, привязалъ его за ноги къ своей колесницѣ, и погналъ коней къ стану; прекрасная голова убитаго героя волокла по праху. Рыдая, смотрѣли родные Гектора, стоявшіе на стѣнѣ. Ахиллесъ хотѣлъ оставить тѣло Гектора тлѣть на прахѣ, безъ погребенія. Онъ совершилъ торжественное погребеніе Патрокла; двѣнадцать плѣнныхъ

троянцевъ были сожжены на кострѣ Патрокла, въ жертву тѣни его. Мщеніе Ахиллеса за смерть Патрокла было еще не удовлетворено всѣмъ этимъ. Съ привязаннымъ къ колесницѣ тѣломъ Гектора онъ три раза объѣхалъ кругомъ надгробнаго холма Патрокла. Наконецъ боги вложили жалость въ его сердце. Пріамъ пришелъ съ богатыми подарками въ шатеръ его, обнялъ его колѣна, цѣловалъ руки, убившія Гектора, напоминалъ Ахиллесу о старикѣ отцѣ его, и въ Ахиллеса пробудилась жалость. Онъ зарыдалъ о бренности всего земнаго, и отдалъ Пріаму тѣло сына, которое было волею боговъ сохранено неповрежденнымъ. Десять дней троянцы совершали обряды печали о смерти своего героя, сожгли его тѣло, собрали пепелъ въ урну, опустили ее въ могилу, надъ могилою совершили игры и пиръ въ честь усопшаго. Этимъ кончается Иліада.

Пентезилея и Мемнонъ (по Эѳіопидѣ). Поэты позднѣйшаго времени продолжали рассказъ. Арктинъ Милетскій написалъ поэму въ прославленіе подвиговъ, совершенныхъ Ахиллесомъ послѣ побѣды надъ Гекторомъ. Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ бой съ Мемнономъ, свѣтозарнымъ сыномъ далекой Эѳіопіи; потому поэма Арктина называлась „Эѳіопидою“.

Троянцы, упавшіе духомъ по смерти Гектора—рассказывалось въ Эѳіопидѣ—одушевлялись новыми надеждами, когда пришла изъ Фракіи на помощь имъ царица амазонокъ, Пентезилея, съ полками своихъ вонзельницъ. Ахейцы были снова прогнаны въ свой станъ. Но Ахиллесъ ринулся въ битву и убилъ Пентезилею. Когда онъ снялъ шлемъ съ упавшей на землю противницы, онъ былъ глубоко взволнованъ, увидѣвъ, какую красавицу убилъ онъ. Терситъ язвительно упрекнулъ его за это; Ахиллесъ убилъ обидчика ударомъ кулака. Изъ-за этого убійства поднялось большое неудовольствіе противъ Ахиллеса, и онъ поѣхалъ въ Лесбосъ, очиститься тамъ отъ своего преступленія торжественнымъ жертвоприношеніемъ. Послѣ того изъ далекаго востока пришелъ съ своимъ войскомъ на помощь троянцамъ царь Эѳіопіи, Мемнонъ, сынъ Авроры, прекраснѣйшій изъ мужчинъ. Ахиллесъ уклонялся отъ боя съ нимъ, зная отъ Фемиды, что вскорѣ послѣ его смерти погибнетъ и самъ. Но Анхилохъ, сынъ Нестора, другъ Ахиллеса, закрывъ собою преслѣдуемаго Мемнономъ отца, умеръ жертвою своей сыновней любви; желаніе отмстить за него, заглушило въ Ахиллеса заботу о самомъ себѣ. Бой между Ахиллесомъ и Мемнономъ, сыновьями богинь, былъ ужасенъ; Фемиды и Авроры смотрѣли на него. Мемнонъ палъ, и скорбная мать съ плачемъ унесла его тѣло на родину. По восточному сказанію, она каждое утро орошаетъ милаго сына новыми слезами. (I, стран. 104).

Смерть Ахиллеса. Ахиллесъ яростно гнался за бѣгущими троянцами до скейскихъ воротъ, и уже врывался въ нихъ, но въ этотъ мигъ стрѣла, пущенная Парисомъ и направленная самимъ Аполлономъ, убила его. Общепринятое сказаніе говоритъ, что она поразила его въ пятку, которая была единственнымъ уязвимымъ мѣстомъ его тѣла. Цѣлый день ахейцы и троянцы бились изъ-за того, чтобы овладѣть его тѣломъ и оружіемъ; наконецъ грекамъ удалось унести въ станъ и тѣло своего героя и оружіе его. Аяксъ, могучій великанъ, несъ тѣло, а Одиссей сдерживалъ натискъ троянцевъ. Семнадцать дней и ночей Фетида съ музами и nereидами оплакивала сына такими трогательными пѣснями скорби, что люди проливали слезы. На осьмнадцатый день греки зажгли великолѣпный костеръ, на которомъ положено было тѣло; мать вынесла тѣло изъ пламени, и перенесла его на островъ Левку (Змѣиный островъ, лежащій передъ устьями Дуная); тамъ, обновленный, онъ живетъ, вѣчно юный, и веселится военными играми. Такъ говоритъ одна изъ легендъ; по другимъ, Фетида перенесла сына въ подземное царство или на острова Блаженныхъ; есть легенды, говорящія иначе:

Фетида съ своими сестрами собрала изъ пепла бѣлыя кости сына, положила въ золотую урну подлѣ праха Патрокла подъ надгробнымъ холмомъ на берегу Троады. Одинъ изъ искусственно насыпанныхъ холмовъ на азіатскомъ берегу близъ Геллеспонта называется и до сихъ поръ холмомъ надъ гробницею Ахиллеса и Патрокла.

Послѣ блестящихъ надгробныхъ игръ, совершенныхъ въ честь Ахиллеса, предстояло Безуміе Аякса. рѣшить, кто наиболѣе достоинъ получить его оружіе, которое должно было быть отдано самому храброму изъ грековъ. На эту почесть предъявляли права Аяксъ и Одиссей. Судьями были выбраны пѣйные троянцы. Они рѣшили въ пользу Одиссея. Аяксъ нашелъ это несправедливымъ, и былъ такъ раздраженъ, что хотѣлъ убить Одиссея и Менелая, котораго тоже считалъ своимъ врагомъ. Въ темную ночь онъ тайкомъ пошелъ изъ своего шатра убить ихъ. Но Аѳина поразила его омраченіемъ разсудка; онъ перебилъ стада скота, находившіяся при войсѣхъ, и пастуховъ этого скота, воображая, что убиваетъ своихъ враговъ. Когда омраченіе прошло и онъ увидѣлъ, какъ онъ ошибся, имъ овладѣлъ такой стыдъ, что онъ бросился грудью на свой мечъ. Все войско было опечалено смертью героя, который былъ сильнѣе всѣхъ послѣ Ахиллеса. По рѣшенію, отдавшее Одиссею преимущество надъ нимъ, ужъ показывало, что успѣхъ дѣла больше зависитъ теперь отъ хитрости, чѣмъ отъ физической силы. Троянскій прорицатель, Геленъ, попавшійся въ лѣвѣ ахейцамъ, сказалъ имъ, что Троя не можетъ быть взята врагами, не имѣющими стрѣлъ Геракла. Владѣльцемъ этихъ стрѣлъ былъ раненный Филотетъ, попавшій ахейцами на Лемносъ. Его привели въ станъ. Сынъ Асκληпія Махаонъ излечилъ его рану. Онъ убилъ Париса. Менелай подвергъ поруганію тѣло своего оскорбителя; но потомъ оно было отдано троянцамъ для погребенія. Необходимо было для взятія Трои, чтобы помогали осаждѣ и Неонтолемъ, сынъ Ахиллеса и одной изъ дочерей Ликомеда. Онъ жилъ при матери, на Скиросѣ. Одиссей привезъ его, отдалъ ему отцовское оружіе, и онъ убилъ прекраснаго лицомъ мизійскаго героя Эрипила, который былъ сынъ Геракла Телефа и сестры Пріама, и былъ присланъ на помощь троянцамъ матерью, получившей за это отъ нихъ богатые дары. Ахейцы одолѣли теперь троянцевъ на полѣ битвы. Но Троя не могла быть взята, пока остается въ ея акрополѣ, Пергамъ, святилище, данная Дардану Зевсомъ, палладіумъ (palladion, изображеніе Паллады). Чтобы высмотрѣть мѣстоположеніе, узнать путь въ храмъ, Одиссей сходилъ въ городъ, переодѣвшись нищимъ, и не былъ узнавъ въ Троѣ никѣмъ, кромѣ Елены, которая не выдала его, потому что, какъ говорить Одиссей, желала возвратиться на родину. Благодаря ея молчанію, онъ уцѣлѣлъ. Послѣ того, онъ и Діомедъ прокрались въ храмъ и похитили палладіумъ.

Филотетъ и Неонтолемъ.

Часъ паденія Трои приблизился. По легендѣ, извѣстной ужъ Гомеру и подробно рассказанной позднѣйшими эпическими поэтами, какъ наиримѣръ, Лесхесомъ Лесбосскимъ, Эней, при помощи Аѳины, сдѣлалъ большаго деревяннаго коня. Отважнѣйшіе изъ героевъ: Діомедъ, Одиссей, Менелай, Неонтолемъ и другіе спрятались въ немъ; греческое войско сожгло свой станъ и отплыло на Тенедосъ, какъ будто отказалось отъ осады. Вышедшіе изъ города троянцы съ удивленіемъ смотрѣли на огромнаго деревяннаго коня. Герои, спрятавшіеся въ немъ, слышали ихъ совѣщанія о томъ, какъ поступить съ нимъ. Елена обошла кругомъ коня, и громко звала греческихъ вождей, подражая голосу жены каждаго. Нѣкоторые хотѣли отвѣчать ей, но Одиссей удержалъ ихъ. Троянцы спорили между собою. Нѣкоторые говорили, что не должно довѣрять врагамъ, надобно утопить коня въ морѣ или сжечь. Настойчивѣе всѣхъ говорилъ это жрецъ Лаокоонтъ, дядя Энея. Но при глазахъ всего народа вышли изъ моря двѣ большія змѣи, обвили Лаокоона и двухъ его сыновей своими кольцами и задушили ихъ. Народъ почелъ это наказаніемъ отъ боговъ Лаокоону и согласился

Деревянный конь.

Разрушение
Трои.

съ тѣми, которые говорили, что надобно поставить коня въ акрополь, посвятить его въ даръ покровительницѣ города Палладѣ. Особенно содѣйствовалъ принятію этого рѣшенія предатель Синонъ, котораго греки оставили тутъ, чтобъ онъ обманулъ троянцевъ увѣреніемъ, что конь предназначенъ греками въ вознагражденіе за похищенный палладіумъ, и что когда онъ будетъ поставленъ въ акрополь, Троя будетъ непобѣдима. Конь былъ такъ великъ, что его нельзя было проташить въ ворота; троянцы сдѣлали проломъ въ стѣнѣ и веревками втащили коня въ городъ. Они полагали, что военныя бѣдствія теперь кончились, потому стали радостно пировать. Въ полночь Синонъ зажгетъ костеръ; это былъ сигналъ ожидавшимся у Тенедоса грекамъ; они поплыли къ Троѣ, а Синонъ между тѣмъ отперъ задвижки двери, сдѣланной въ деревянномъ конѣ, и насталъ по волѣ боговъ часъ гибели Трои. Греки ринулись на беззаботно пирующихъ троянцевъ, рѣзали, грабили, и разграбивъ, зажгли городъ. Пріамъ искалъ спасенія у жертвенника Зевса Хранителя (Zeus Herkeios); Неоптолемъ убилъ его при самомъ жертвенникѣ. Деифобъ, женившійся на Еленѣ по смерти Париса, мужественно защищался въ своемъ домѣ противъ Одиссея и Менелая; но былъ убитъ; и Менелай отвелъ къ кораблямъ Елену, красота которой обезоружила его руку, поднятую поразить измѣнницу. Вдова Гектора, страдалаца Андромаха, была дана греками Неоптолеу и нашла въ чужбинѣ судьбу, предсказанную ей мужемъ при послѣднемъ прощаньи. Сынъ ея Астіанаксъ былъ, по совѣту Одиссея, сброшенъ Неоптолемомъ со стѣны. Прорицательница Кассандра, дочь Пріама, искавшая спасенія у жертвенника, была оторвана отъ него святотатственною рукою Аякса, сына Оилеева, опрокинувшего неустовымъ порывомъ статую богини; послѣ того Кассандра была отдана въ добычу Агамемнону. Сестра ея Поликсена была принесена въ жертву надъ гробомъ Ахиллеса, тѣнь котораго потребовала ее въ добычу себѣ. Гекаба, несчастная царица, пережившая паденіе царскаго рода и царства, привезенная на еракійскій берегъ, узнала тамъ, что погибъ и тотъ ея сынъ (Полидоръ), котораго Пріамъ со многими сокровищами послалъ предъ началомъ войны подъ охрану къ Еракійскому царю Полиместору. О дальнейшей судьбѣ Гекабы легенды говорили различно; существовало народное преданіе, что она была превращена въ собаку; по другому преданію, она была погребена на сѣверномъ берегу Геллеспонта; тамъ показывали и гробницу ея.

Мнѣніе о Иліонѣ. До временъ alexandрійскихъ изслѣдователей Гомера, вообще полагали, что «священномъ, гдѣ былъ нѣтъ Трои» стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ находился впоследствии маленький городъ Иліонъ, основанный, какъ говоритъ Страбонъ, около 720 года до нашей эры эолийцами. Онъ лежалъ на одномъ изъ отроговъ горы Иды, въ двухъ миляхъ отъ моря. Оно тутъ образуетъ небольшой заливъ между Сигейскимъ мысомъ и мѣстомъ, гдѣ въ древности стоялъ городъ Ретей. Между заливомъ и подъемомъ горы разстилается равнина; по ней течетъ рѣчка Скамандръ; она считалась полемъ битвъ героевъ Иліады. Показывали тутъ и мѣсто, на которомъ былъ ахейскій станъ, расположенный у вытасненныхъ на берегъ кораблей (Naustathmon); показывали, близъ Сигейскаго мыса, холмы, насыпанные надъ гробами Ахиллеса и Антилоха, на берегу Пропонтиды холмъ надъ гробомъ «одѣтаго въ мѣдныя доспѣхи» Мемнона, холмъ надъ гробомъ Аякса у города Ретей; показывали мѣсто, на которомъ былъ убитъ Протезилай; приносили жертвы героямъ на этихъ мѣстахъ. Иліонъ былъ незначительный городъ, какъ видимъ уже изъ того, что поселенія у холма Ахиллеса (Ахиллей, Achilleion), у Сигейскаго мыса (Sigeion) и Ретей были независимыми отъ него общинами. Но онъ считался стоящимъ на мѣстѣ, прославленномъ Гомеромъ, потому привлекалъ къ себѣ большое вниманіе. Жители его, очень гордившіеся своимъ происхожденіемъ отъ троянцевъ, говорили, что Трои была не вся разрушена, и

что по отплытіи ахейцевъ снова поселились въ ней троянцы, успѣвшіе спастись. Попровительницею новаго города, какъ и гомеровскаго Иліона, была Паллада Афина; въ священныхъ рощахъ были воздаваемы почести Гектору и Энею; Гераклъ, разрушитель Трои, не удостоивался никакихъ почестей. Акрополь города назывался Пергамомъ, какъ акрополь Трои; въ немъ показывали дворецъ Пріама и жертвенникъ Зевса Геркея, при которомъ былъ убитъ царь-старецъ; показывали оружіе, принадлежавшее гомеровскимъ героямъ, лиру Париса, другіе остатки древности. Ксерксъ, когда шелъ на Грецію, посѣтилъ акрополь Иліона, велѣлъ, чтобы ему подробно рассказали о троянской войнѣ, совершилъ возліаніе въ честь троянскихъ героевъ, принесъ въ жертву Афинѣ тысячу воловъ. Онъ шелъ мстить за Трою. Черезъ полтора вѣка, Александръ Македонскій повторилъ сдѣланное тутъ Ксерксомъ, но наоборотъ: онъ былъ продолжителемъ дѣла ахейскихъ героевъ, ходившихъ противъ Трои. Онъ принесъ жертву на алтарѣ Протезилая въ мѣстечкѣ Элей, посѣтилъ ахейскій станъ, посѣтилъ городъ, принесъ жертву Афинѣ Иліонской, пожертвовалъ въ храмъ ея свое оружіе, взялъ въ замѣнъ оружіе себѣ изъ числа бывшаго тамъ, принадлежавшаго гомеровскимъ героямъ, и его оруженосецъ постоянно имѣлъ при себѣ это оружіе. Чтобы примирить тѣнь Пріама съ тѣнью Неоптолема, потомкомъ котораго называлъ себя Александръ, какъ сынъ дочери египетскаго царя, онъ принесъ жертву на алтарѣ Зевса Геркея. Онъ обѣщалъ иліонцамъ возвеличить ихъ городъ; это не сбылось; Иліонъ оставался незначительнымъ городомъ до того времени, когда тою страной овладѣли римляне. Они, гордясь своимъ происхожденіемъ отъ Энея и его спутниковъ, выказали большую благосклонность къ Иліону. Послѣ побѣды надъ Антиохомъ (190 до Р. Х.) они освободили этотъ городъ отъ всякихъ податей, присоединили къ его области Гергисъ, Ретей, Сигей и приморье. Но это возбудило зависть сосѣднихъ городовъ и повело къ изслѣдованію преданій, которыми гордились иліонцы. Деметрій Скепсийскій и другіе ученые стали доказывать, что равнина между горою и устьемъ Скамандра слишкомъ тѣсна для битвъ, описываемыхъ Гомеромъ, и утверждали, что Троя стояла на четыре мили дальше новаго Иліона отъ моря, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ ихъ времена находилось «иліонское село»; это мнѣніе не имѣло серьезныхъ основаній; но было принято Страбономъ, и по его авторитету было принимаемо почти всѣми новыми учеными, наперекоръ древнему преданію, говорившему, что новый Иліонъ стоитъ на мѣстѣ стараго Иліона. Новый Иліонъ былъ разрушенъ Фимбриемъ, державшимся стороны Марія во время междоусобной войны Марія и Суллы; но былъ восстановленъ, и пользовался покровительствомъ Суллы, Цезаря и Августа. Въ новѣйшее время топографія троянской равнины и города Иліона была предметомъ очень усердныхъ изслѣдованій; но не всѣ неясности устранены ими. Шлиманъ, о трудахъ котораго мы уже упоминали, произвелъ раскопки на томъ холмѣ, на которомъ стоялъ Иліонъ историческихъ временъ, и который теперь называется Гассарликомъ; на глубинѣ отъ 6 до 10 метровъ подъ пластами земли, отложившимися въ теченіе вѣковъ одинъ на другомъ, и содержащими въ себѣ развалины нѣсколькихъ поселеній, существовавшихъ тутъ одно послѣ другаго, Шлиманъ нашелъ развалины, которыя по мнѣнію его и многихъ ученыхъ должны быть считаемы развалинами Гомеровской Трои; другіе ученые возражаютъ, что мѣстность, занимаемая этими развалинами, слишкомъ тѣсна, потому не соотвѣтствуетъ представленію о Троѣ. Раскопками Шлимана раскрыто, что тутъ существовали, одинъ послѣ другаго, по крайней мѣрѣ семь городовъ; быть можетъ и больше. Въ развалинахъ того города, который онъ считаетъ Троєю, онъ, кромѣ остатковъ крѣпостныхъ стѣнъ и развалинъ домовъ, нашелъ посуду, оружіе, разныя орудія, наряды.

Новый Иліонъ.

Взятіемъ Трои не кончились приключенія греческихъ героевъ: имъ пришлось испытать и послѣ этого много бѣдъ. Боги и богини, жертвенники которыхъ они осквернили насиліями, подвергли ихъ тяжкимъ судьбамъ. Въ тотъ же день, какъ была разрушена Троя, въ собраніи героевъ, разгоряченныхъ виномъ, произошло, какъ рассказываетъ въ „Одиссеѣ“ Несторъ, большая распря (Одиссея III, 103 слѣд.): Менелай говорилъ, что

Возвращеніе греческихъ героевъ.

надобно немедленно возвратиться домой, — Агамемнон хотѣлъ до отплытія смягчить гнѣвъ Аѳины гекатомбами (принесеніемъ нѣсколькихъ жертвоприношеній, состоящихъ каждое изъ ста воловъ); одни стояли за мнѣніе Менелая, другіе за мнѣніе Агамемнона, совершенно перессорились и на слѣдующее утро войско раздѣлилось. Менелай, Діомедъ, Несторъ, Неоптолемъ, нѣкоторые другіе сѣли на корабли и отплыли къ Тенедосу; на стоянкѣ у Тенедоса Одиссей, который поплылъ съ этими вождями, поссорился съ ними и возвратился къ Агамемнону. Они пустились къ Лесбосу, оттуда пошли къ Эвбеѣ, принесли на эвбейскомъ берегу у Гереоса обильную жертву Посейдону. Оттуда съ благопріятнымъ вѣтромъ вернулись Діомедъ въ свою столицу Аргосъ, Несторъ въ свою столицу Пилосъ; чрезъ нѣсколько времени Несторъ услышалъ, что и Неоптолемъ, Филоктетъ, Идомей благополучно приплыли въ свои города. Но Менелай, похоронившій на мысѣ Суніи своего кормчаго, былъ у скалистаго Малейскаго мыса застигнутъ бурей и занесенъ ею къ берегу Крита, о скалы котораго разбились почти все его корабли; воины, бывшіе на этихъ корабляхъ, едва спаслись, а самъ онъ былъ унесенъ бурей дальше, въ Египетъ. Царь Полибъ радушно принялъ его въ стовратныхъ Ойвахъ, „гдѣ дома богаты сокровищами“, подарилъ ему двѣ серебряныя чаши, нѣсколько треножниковъ съ котлами и десять талантовъ золота, а жена Полиба, Аלקандра, подарила Еленѣ золотое веретено и серебряную корзину съ искусно украшенными краями. Елена пріобрѣла въ Египтѣ чудесныя лѣкарства, исцѣляющія боль души (Египетъ славился цѣлительными травами и врачевнымъ искусствомъ). Странствованія Менелая длились восемь лѣтъ; онъ попалъ на Кипръ, попалъ въ Финикію, и царь Сидонскій подарилъ ему серебряную чашу; онъ видѣлъ страны Эѳіопіи и богатыхъ стадами Ливійцевъ, гдѣ овцы рожаютъ трижды въ годъ. Но боги дали ему радостный возвратъ и счастливую старость. Телемахъ, сынъ Одиссея, отправившійся разузнавать объ отцѣ, нашелъ Менелая и Елену въ сіюющемъ золотомъ Лакедемонскомъ дворцѣ; Менелай былъ счастливъ съ вѣчно юною Еленою, и наслаждаясь сокровищами, обильно данными ему отъ боговъ, съ пріятною грустью припоминалъ прошлыя бѣдствія.

По рассказамъ позднѣйшихъ поэтовъ, Елена вовсе и не была въ Троѣ. Стесихоръ говорилъ, что Парисъ похитилъ лишь призракъ Елены; по рассказу Эврипида, онъ увезъ подобную Еленѣ женщину, созданную богами собственно для обмана его, а истинную Елену Гермесъ перенесъ въ Египетъ, къ царю Протею, который и стерегъ ее до конца Троянской войны. Геродотъ полагаетъ, что Елена не была въ Троѣ. Греки думали, что финикійская Афродита (то есть Астарта), это Елена. Они видѣли храмъ финикійской Афродиты въ той части Мемфиса, гдѣ жили тиране; вѣроятно изъ этого и возникла легенда, говорившая, что Елена жила въ Египтѣ.

Великою печалью для Менелая была ужасная смерть его брата, Агамемнона. Едва Агамемнонъ и его спутники отплыли отъ троянскаго берега, гнѣвные боги послали на нихъ бури, корабли ихъ были занесены на скалы Эвбейскаго берега и многіе герои погибли тутъ, въ томъ числѣ Аяксъ Локрійскій, раздражившій Посейдона надменными словами, что и на-перекоръ волѣ боговъ онъ спасется отъ волнъ моря; за это и поглотило его море вмѣстѣ съ разбившимся кораблемъ. Агамемнонъ спасся отъ гибели на морѣ; но болѣе страшная смерть постигла его въ его Микенскомъ дворцѣ. Между тѣмъ какъ герои совершали славные подвиги подъ Троєю, говорится въ Одиссѣѣ (III, 262 слѣд.), Эгистъ, сидя спокойно дома, обольстил жену Агамемнона вкрадчивыми рѣчами. Напрасно боги посылали Гермеса

предостеречь Эгиста предсказаніемъ, что онъ навлечетъ на себя мнѣніе Ореста (Одиссея I, 32 слѣд.). Клитемнестра долго противилась его соблазну, подкрѣпляемая въ вѣрности мужу преданнымъ пѣвцомъ, охранѣ котораго поручилъ ее Агамемнонъ при отъѣздѣ. Но Эгистъ достигъ своей цѣли. Онъ удалилъ пѣвца на пустынный островъ, гдѣ тѣло его стало добычею птицъ; и опуталъ умъ Клитемнестры, такъ что она перешла въ его дворецъ. Чтобы примирить съ собою боговъ, онъ приносилъ имъ обильныя жертвы и дары; а чтобы возвращеніе Агамемнона не застигло его въ-расплохъ, онъ поставилъ стража на берегу. Агамемнонъ возвратился наконецъ въ желанную отчизну, проливая слезы радости. Эгистъ послалъ къ нему лѣстивое привѣтствіе, приглашая его къ себѣ на веселый пиръ. Довѣрчиво пришли Агамемнонъ и его спутники; и былъ Агамемнонъ предательски убитъ Эгистомъ и Клитемнестрою на пиршествѣ, „какъ быкъ у яслей“, а спрятанные воины перерѣзали его спутниковъ, какъ рѣжутъ крѣпко-клыкастыхъ свиней на пирахъ богатаго человѣка, и легли они у обремененнаго яствами стола на полу зала въ крови. Умирающій Агамемнонъ слышалъ вопль Кассандры, умирающей отъ руки Клитемнестры, протянулъ руку остановить мечъ, но Клитемнестра довершила дѣло и удалилась, не закрывъ глазъ, не закрывъ устъ отходящему въ Гадесъ. Семь лѣтъ царствовалъ послѣ того Эгистъ надъ украшенными золотомъ Микенами. Тогда на погибель ему возвратился изъ Аѳинъ ставшій сильнымъ, возмужавшимъ юношею Орестъ, и убилъ его, убилъ и соучастницу его дѣла, свою мать; это было въ то самое время, когда возвратился съ несмѣтными сокровищами Менелай, и пріобрѣлъ славу и честь у ахейскаго народа.

Эта простая легенда получила у трагиковъ широкое развитіе; они соединили все беззаконія прежнихъ поколѣній потомковъ Тантала въ связанный рядъ причинъ и послѣдствій, нѣтъ объ Атридахъ у трагиковъ. Развѣтъ сказаніи исторіи Атридовъ такой видъ, какой былъ имъ надобенъ для проведенія идеи, что преступленія отцовъ подвергаютъ дѣтей бѣдствіямъ, что неумолимая судьба вовлекаетъ въ преступленія и въ погибель потомковъ человѣка, на которомъ легло проклятіе боговъ за его беззаконіе. Такимъ образомъ, сказаніе о родѣ Атридовъ дало, подобно сказанію о родѣ Эдипа, матеріалъ для глубокомысленнѣйшихъ созданій драматической поэзіи грековъ. Соотвѣтственно ученію о томъ, что послѣдствія преступленій гибельны для самихъ преступниковъ и ихъ потомства, Эгистъ, сынъ Тіеста, родившійся отъ кровосмѣшенія, является мстителемъ за своего отца, Агамемнонъ и его дѣти подвергаются карѣ за злодѣяніе Атрея. Клитемнестра мститъ мужу за то, что онъ принесъ въ жертву Ифигенію (о томъ, что Ифигенія спасена Артемидою, она не знаетъ); она вступаетъ въ преступную связь съ Эгистомъ не столько по чувственному увлеченію, сколько по желанію отмстить мужу; рѣшеніе убить Агамемнона принадлежитъ собственно ей. — Орестъ, отосланный своею сестрою, Электрою, въ Фокиду, подъ охрану Строфія, соединеннаго съ Агамемнономъ союзомъ гостепріимства, выросшій у Строфія и подружившійся съ его сыномъ, Пиладомъ, возвращается на родину, вступаетъ въ соглашеніе съ сестрою, непримиримо ненавидящей убійцу отца, и убиваетъ въ отцовскомъ дворцѣ Эгиста и свою мать. Но нравственное чувство говорило греческимъ трагикамъ, что убійство матери должно было произвести разстройство въ душѣ совершившаго такое дѣло, что обязанность мстить за отца не могла подавить въ сынѣ сознанія его обязанности чтить мать. Эту мучительную коллизію противоположныхъ обязанностей и чувствъ народная легенда олицетворяла въ Эриніяхъ: онѣ преслѣдуютъ Ореста, и онъ скитается, не находя себѣ покоя отъ нихъ; онъ исцѣляется, успокоивается, лишь когда приводитъ на родину изъ Тавриды сестру, возвращеніе которой снимаетъ съ потомковъ Атрея лежавшее на ихъ родѣ проклятіе. — Эсхилъ разработалъ легенду объ Атридахъ въ трилогіи «Агамемнонъ», «Хоры» и «Эвмениды». Въ первой изъ этихъ трехъ трагедій Клитемнестра убиваетъ Агамемнона и привезенную имъ пѣвицу, прорицательницу Кассандру. Съ высокой башни, стражъ

подавать огнемъ сигналъ, что Агамемнонъ возвращается; Клитемнестра, исполненная ненависти къ мужу, скрываетъ свою злобу, свои мысли о мщеніи подъ притворною ласкою, подъ громкими выраженіями радости, съ которыми встрѣчаетъ его; она приготовила ему ванну; онъ, ничего не подозрѣвая, идетъ по ея приглашенію въ ванну, она надѣваетъ на него широкую одежду и убиваетъ его сѣкирою. Убивъ его и Кассандру, она радуется успѣху своего мщенія; Эгистъ раздѣляетъ ея радость.—Пршедшее и будущее рода Атридовъ объясняются рѣчью прорицательницы Кассандры передъ дворцомъ, въ которомъ совершено ужъ много ужасныхъ преступленій.—Во второй трагедіи, Орестъ и Пиладъ приходятъ въ Микены, въ то самое время, когда Клитемнестра, устрешенная зловѣщимъ сновидѣніемъ, поручаетъ Электрѣ и служанкамъ совершить жертву на гробѣ Агамемнона для примиренія тѣни его съ нею. Орестъ кладетъ на гробъ Агамемнона локонъ своихъ волосъ; Электра, взывающая къ тѣни отца объ отмщеніи, догадывается, что молодой человѣкъ, принесшій свои волосы въ жертву Агамемнону—братъ ея. Орестъ и Пиладъ идутъ въ дворецъ. Орестъ обманываетъ мать, говоря ей, что Орестъ умеръ. Онъ убиваетъ ее и Эгиста на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Агамемнонъ. Но изъ крови матери возстаютъ Эриніи, богини мщенія, и омрачаютъ разсудокъ убійцы; онъ бѣжитъ отъ нихъ, онъ преслѣдуетъ его; онъ отъ нихъ не уйдетъ. Онъ идетъ въ Дельфы, получить очищеніе въ храмѣ бога, повелѣвшего ему отмстить за отца. Но тѣнь Клитемнестры пробуждаетъ задремавшихъ Эриній, и онъ снова преслѣдуетъ Ореста. Онъ приходитъ въ Аѣны. Вопросъ о томъ, виновенъ ли онъ, долженъ быть рѣшенъ Ареопагомъ. Эриніи обвиняютъ Ореста, Аполлонъ является его защитникомъ. Голоса двѣнадцати судей дѣлятся по-ровну. Паллада бросаетъ камень въ урну оправдывающихъ камней (означающихъ голоса судей) и тѣмъ рѣшаетъ дѣло въ пользу Ореста. Эриніи негодуютъ и проклинаютъ всю страну; но Паллада успокоиваетъ ихъ, онѣ становятся добрыми богинями Эвменидами «Доброжелательницами», и давая благословеніе Аѣнамъ и Аттікѣ поселяются въ храмѣ, построенномъ для нихъ на холмѣ Ареса (Ареопагѣ, холмѣ, имя котораго было перенесено и на трибуналъ). Очищеніемъ Ореста отъ его вины снимается проклятіе съ потомковъ Пелопса. Это составляетъ содержаніе третьей части трилогіи Эсхила. Слѣдующіе поэты продолжали разработку сказанія объ Атридахъ, пополняя эскизы характеровъ и положеній, обрисованные въ народной легендѣ лишь немногими чертами. Такъ, напримѣръ, Софоклъ выдвинулъ на первый планъ дѣйствія Электры. Она отослала къ Строфію Ореста, бывшего тогда еще ребенкомъ; она предназначила брата быть мстителемъ за отца. Рѣзкими проявленіями своей печали объ отцѣ и ненависти къ его убійцамъ раздражая мать и Эгиста, она подвергаетъ себя бѣдствіямъ. Потому, когда возмужавшій Орестъ, возвратясь подъ чужимъ именемъ, рассказываетъ вымыселъ, что Орестъ умеръ и что онъ принесъ урну съ его непономъ; Электра чрезвычайно опечалена: надежда ея на отмщеніе исчезла; Клитемнестра громко выражаетъ свою радость: смерть сына избавила ее отъ страха. Когда Орестъ объясняетъ Электрѣ, что разсказъ его былъ выдумкою, что онъ и есть Орестъ, и когда онъ идетъ во дворецъ отмстить убійцамъ отца, Электра въ восторгѣ; когда изъ дворца слышатся стоны поражаемыхъ Орестомъ убійцъ, Электра произноситъ восклицанія, ободряющія Ореста. Орестъ убиваетъ сначала мать, потомъ Эгиста, возвращающагося съ поля.—Эврипидъ представляетъ Электру въ смѣшномъ видѣ; она у него является выданною въ замужество, и мужъ ея бѣднякъ, поденщикъ. Разработка сказанія объ Атридахъ завершена у Эврипида тѣмъ, что онъ повелъ въ него древній мифъ о перенесеніи культа Артемиды Таврической (Таурополос) въ Грецію Ифигеніею. Дельфійскій оракулъ говоритъ преслѣдуемому Эриніями Оресту, что онъ избавится отъ мукъ, когда возвратитъ Ифигенію изъ Тавриды въ Грецію. Онъ съ вѣрнымъ своимъ другомъ, Пиладомъ, плыветъ въ Тавриду. По древнему закону, всѣ иноземцы, приплывавшіе въ Тавриду, были приносимы въ жертву Артемидѣ; Орестъ и Пиладъ должны были подвергнуться этой судьбѣ. Но Орестъ и Ифигенія узнали другъ друга; Ифигенія отплываетъ съ братомъ и его другомъ въ Грецію и увозитъ съ собою статую Артемиды Таврической. Аѣняне говорили, что статуя, привезенная Ифигеніею—та самая, которая находится у нихъ, въ брауронскомъ храмѣ; спартанцы, что обладаютъ ею они: что это—та статуя, которая поставлена у нихъ въ

древнемъ храмѣ на Лимнахъ (на «Болотѣ») и что она была найдена въ мелкомъ ивнякѣ дорійцами при завоеваніи Пелопоннеса. И въ брауронскомъ и въ лимнійскомъ храмахъ Артемиду чтили принесеніемъ въ жертву животныхъ, вмѣсто прежнихъ человѣческихъ жертвоприношеній. Въ позднѣйшія времена, у жертвенника Артемиды Орѣйской (Orthia) производимы были испытанія твердости характера спартанскихъ юношей: юношей сѣкли, и они доказывали силу своего терпѣнія, вынося удары безъ всякаго выраженія боли и безъ просьбы прекратить сѣченіе; случалось, что они умирали подъ бичеваніемъ. Лакедемонцы избрали Агамемнона и Ореста своими національными героями; быть можетъ это было результатомъ желанія дорійцевъ, завоевавшихъ Лаконію, смягчить вражду покоренныхъ ахейцевъ; по лакедемонскому сказанію, Орестъ женился на Гермионѣ, дочери Менелая и сталъ царемъ Спарты. Около 560 года до Р. Х. спартанцы, по совѣту Дельфійскаго оракула, перенесли въ Спарту кости Ореста изъ аркадскаго города Тегей, гдѣ лежали онѣ. Долго пришлось искать его могилу тамъ. Наконецъ, на дворѣ, принадлежавшемъ кузнецу, былъ найденъ гробъ Ореста. Кости были исполнскаго размѣра: оказалось, что Орестъ былъ ростомъ въ семь локтей. (Геродотъ, I, 67, 68).

Дольше всѣхъ возвращавшихся изъ-подъ Трои героевъ странствовалъ Одиссей, главный герой сказаній о „возвратѣ на родину“. Въ безсмертной поэмѣ, называющейся, по его имени, Одиссеею, съ очаровательною прелестью разсказывается, какія опасности и приключенія пришлось испытать находчивому Одиссею и его спутникамъ на бурныхъ моряхъ, невѣдомыхъ берегахъ и островахъ, у одноглазыхъ циклоповъ, нечестивыхъ беззаконниковъ, у великановъ-людоедовъ лестригоновъ, у волшебницы Цирцеи; разсказывается, какъ онъ посѣтилъ жилище Гадеса и счастливо проплылъ мимо Сиренъ, обольщающихъ своимъ пѣніемъ, какъ прогнѣвили боговъ неразумные его спутники, зарѣзавъ и сѣвъъ священныхъ быковъ Геліоса на островѣ Тринакріи; какъ онъ носился по волнамъ, уцѣпившись за мачту своего разбившагося корабля и нащелъ себѣ приютъ у прекрасноволосой Калипсо на островѣ Огигіи. Въ благоухающемъ ароматами тротѣ Калипсо, окруженномъ густою кипарисовою рощею, онъ пробылъ семь лѣтъ: искусная въ пѣніи богиня, умѣвшая изготавлять прекрасныя ткани, удерживала его при себѣ, утѣшая нѣжными словами и любовью печаль его тоски по родинѣ; но не могла утѣшить: сидя на берегу, онъ смотрѣлъ на широкое море и орошалъ слезами мягкія одежды, мучимый тоскливымъ желаніемъ видѣть хоть дымъ, поднимающійся съ Итаки. А пока онъ тосковалъ по родинѣ, наглые женихи, принуждающіе его вѣрную, скромную жену Пенелопу сдѣлать выборъ между ними, но обманываемые ея умною выдумкою и годъ за годъ напрасно ждущіе ея рѣшенія, поѣдали его стада и злоумыслили противъ его прекраснаго сына, Телемаха. Обычай требовалъ, чтобы женихъ давалъ дары той, которую сватаетъ *), а они рѣзали овецъ, свиней и козъ Одиссея, которыхъ принуждены были пригонять имъ пастухи его, и пили его прекрасное вино. Пообѣдавъ, они веселились на дворѣ, пласали, развлекались играми, бросая дискъ, пуская конья въ цѣль, или отдыхали, улегшись на шкуры зарѣзанныхъ ими воловъ, а вечеромъ любезничали со служанками. Всѣмъ памятенъ предестный разсказъ о томъ, какъ Одиссей былъ выброшенъ моремъ на берегъ острова феаковъ, и дочь царя феаковъ, Навзикая, привела его въ гостепріимный домъ отца; какъ счастливо и богато жили феаки, цировали, веселились, наслаждались музыкою и

Одиссей.

*) «Несообразно съ обычаемъ, чтобы женихи поступали такъ. Тѣ, которые сватаютъ благородную дочь зажиточнаго человѣка, сами приводятъ воловъ и откормленныхъ овецъ для пира роднымъ невѣстѣ и даютъ ей драгоценныя дары, а не поѣдаютъ чужое имущество» (Одиссея XVIII, 275 слѣд.).

пѣніемъ; и какъ Одиссей былъ растроганъ до слезъ, слушая пѣсню Демодока, рассказывающую о деревянномъ конѣ и взятіи Трои; какъ по его слезамъ догадались, кто онъ; какъ феаки отвезли его ночью на волшебномъ кораблѣ къ родному острову, и положили соннаго на берегу. На родинѣ онъ нашелъ пріютъ себѣ въ жилищѣ вѣрнаго слуги, свинопаса Эвмея, условился съ Телемахомъ о планѣ мщенія, и, черезъ двадцать лѣтъ по отъѣздѣ, вошелъ переодѣтый нищимъ, въ свой дворецъ, гдѣ нагло хозяйничали женихи; его слуги смѣялись надъ нимъ, женихи оскорбляли его; онъ былъ узнавъ только старухою служанкою и вѣрною своею охотничьею собакою, Аргосомъ; Аргоса обижали, не кормили, онъ лежалъ на навозѣ у забора, умирающій, и приласкался къ хозяину, умиралъ; а старуха Эвриклея омыла ноги Одиссея. Скоро послѣ того, на праздникъ Аполлона, Пенелопа принесла въ залъ пиръ тугой лукъ и сказала, что станетъ женою того изъ жениховъ, который натянетъ этотъ лукъ и пробьетъ стрѣлою двѣнадцать сѣкиръ. Никто изъ жениховъ не могъ натянуть лукъ; но Одиссей—все еще переодѣтый нищимъ—натянулъ его, пробилъ сѣкиры стрѣлою, и сталъ, при помощи вѣрныхъ пастуховъ, Эвмея и Филетія, совершать кару надъ женихами. Антипой, самый наглѣйшій изъ нихъ, замышлявшій убить Телемаха и стать царемъ, палъ первый; падали, одинъ за другимъ, дерзкіе женихи; Одиссей поражалъ и поражалъ, пока все они легли, поверженные, въ крови, болѣе чѣмъ сто благородныхъ юношей Итаки и сосѣднихъ острововъ. Когда залъ и дворъ были очищены отъ тѣлъ и крови, сошла изъ верхнихъ покоевъ Пенелопа. Чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли Одиссей этотъ пришлецъ, она велѣла старой служанкѣ вынести кровать изъ спальной комнаты. „Кто унесъ отсюда кровать?“ воскликнулъ Одиссей: „Я самъ устроилъ свое брачное ложе подъ тѣнистою оливою, и потомъ сдѣлалъ себѣ кровать изъ ея ствола“. Это было извѣстно только Пенелопѣ и Одиссею, потому Пенелопа узнала изъ этихъ словъ, что странникъ дѣйствительно милый мужъ ея. Послѣ того они неразлучно жили долго и счастливо.

Фантазія послѣдующихъ поколѣній не удовольствовалась повтореніемъ этихъ рассказовъ о странствованіяхъ и приключеніяхъ Одиссея. „Телегонія“, поэма, написанная около половины VI вѣка Эвгаммономъ, рассказывала о приключеніяхъ многостранствовавшаго героя въ Элидѣ и въ Оеспотіи; она говорила, что онъ основалъ въ Оеспотіи нѣсколько городовъ, что цари оеспотійскіе были потомки его и Каллидики, бывшей въ его время царицею той страны; и что онъ былъ убитъ Телегономъ, своимъ сыномъ отъ дочери солнца, волшебницы Цирцеи.

Пріятно было хвалиться происхожденіемъ отъ героевъ троянской войны. Потому подѣлывались въ Иліадѣ и Одиссеѣ такіе упоминанія, которыми можно было воспользоваться для составленія легендъ въ этомъ смыслѣ; если было надобно, то сказанія Гомера и передѣлывались сообразно съ мѣстными или родовыми преданіями. Однимъ изъ поэтовъ, писавшихъ поэмы такого содержанія былъ, какъ мы сказали, Эвгаммонъ; другимъ былъ Агій (или Авгій) Трезенскій, написавшій, также около половины VI вѣка, поэму, въ которой были рассказаны легенды о странствованіяхъ героевъ при возвращеніи изъ-подъ Трои; эта поэма называлась „Возвратъ на родину“, Nostoi.

Такъ мѣстная легенда сдѣлала Тевкра, брата Аякса Телемониды, основателемъ города Саламина на Кипрѣ. По сказанію Одиссея, Неоптолемъ счастливо вернулся на родину; но по позднѣйшей легендѣ онъ имѣлъ на пути много приключеній, былъ занесенъ бурей въ Эпиръ, къ молоссамъ, и былъ убитъ въ Дельфахъ при жертвенникѣ. Эпирская

династія Эпидовъ считалась происходящею отъ него. Іонійская колонія Колофонъ была основана Калхасомъ, жрецомъ и прорицателемъ греческаго войска подъ Троею. Неподалеку отъ Колофона въ храмѣ Аполлона Кларійскаго, былъ оракулъ, дававшій свои отвѣты черезъ жрицу; потому основательницею этого храма и оракула считалась Манто, мать Тиревія, переселившаяся туда изъ Дельфъ.

Склонность возвеличивать себя перенесеніемъ славныхъ именъ греческихъ сказаній въ свою старину была особенно сильно развита въ позднѣйшія времена у жителей италійскихъ городовъ и областей. Такъ, на примѣръ, была легенда, что Діомедъ по возвращеніи въ Аргосъ, снова покинулъ его, опасаясь злоумышленной жены, и послѣ разныхъ странствованій поселился въ Давніи (одной изъ областей Апуліи); тамъ явилось нѣсколько городовъ, чтившихъ его, какъ своего основателя. На одномъ изъ острововъ Адриатическаго моря у этого берега была гробница Діомеда. Разумѣется, очень удобно было вплетать въ мифическую исторію западныхъ племенъ многостранствовавшаго Одиссея. Ужъ у Гезіода онъ называется отцомъ Агріа, Латина и Телегона, то есть, предкомъ латиновъ и тирреновъ. Кумы и Кортона были, по мѣстнымъ легендамъ, основаны „Уликсомъ“ (Улассомъ, Одиссеемъ), Тускулумъ и Пренесте—Телегономъ. Даже на испанскомъ приморьѣ и на берегахъ Рейна рассказывались легенды о томъ, что Одиссей побывалъ и тамъ. Не одни Ахейскіе герои были чтимы на Западѣ, какъ предки племенъ и основатели городовъ; была въ Италіи легенда и объ одномъ изъ троянскихъ героевъ, Эней, о которомъ въ Иліадѣ говорится, что онъ обыкновенно сражался отдѣльно отъ другихъ троянцевъ, потому что имѣлъ неудовольствіе на Пріама, не хотѣвшаго оказывать ему должнаго почета. У латиновъ было сказаніе, что онъ, послѣ многихъ странствованій, нашелъ себѣ пріютъ на берегахъ Тибра у простаго и честнаго латинскаго народа, что его сынъ, Асканій или Юлъ, былъ основатель Альбалонги и предокъ рода Юліевъ.

Эней.

Еще въ глубокой древности шло много легендъ о дарданскомъ героѣ Эней, который, подобно троянцу Антенору, былъ расположенъ къ примиренію съ греками, потому былъ, какъ и Антеноръ, пощаженъ ими при взятіи Трои; онъ много странствовалъ, уносимый бурями; основалъ въ разныхъ странахъ нѣсколько городовъ; эти легенды были ужъ очень давними, когда римляне усвоили ихъ себѣ, чтобы прославить чужеземнымъ блескомъ свое небластительное происхожденіе. Было много городовъ, называвшихъ своимъ основателемъ Энея и доказывавшихъ справедливость этого существованіемъ у нихъ храмовъ, посвященныхъ Энею, гробницъ и разныхъ другихъ памятниковъ. Эней былъ сынъ Афродиты; потому легенды водятъ его большею частью по такимъ мѣстамъ, которые издавна были знаменитыми центрами культа Афродиты, какъ на примѣръ Китера, Карпатень, Эриксъ (въ Сициліи); Лавиній (на западномъ берегу Италіи). Древнее имя острова Искія, Энарія, тоже подавало поводъ переносить дѣятельность Энея на западный берегъ Италіи. Латинское сказаніе говорило, что мать Энея, Венера (Афродита), показывала путь ему сіяніемъ своей звѣзды, и что эта звѣзда скрылась отъ него, когда его корабль, слѣдовавшій за нею, приплылъ къ устью Тибра. Сивиллы, пророчицы, которыя вѣщали судьбу глухимъ голосомъ изъ темныхъ пещеръ, и преданія о которыхъ встрѣчаются въ особенности у тевкровъ и у эолійцевъ Малой Азіи, тоже внесены въ легенды объ Эней. По римскому сказанію, царь Латинъ дружески принялъ Энея, и отдалъ за него свою дочь Лавинію. По смерти Латина, Эней, основавшій городъ Лавиній, сталъ царствовать надъ туземцами и соединившимися съ ними въ одинъ народъ троянцами. На войнѣ съ Мезенціемъ, царемъ города Цере, Эней, во время грозы, исчезъ. И онъ, и Латинъ, были приняты въ число боговъ.—По другимъ мѣстамъ, Эней возвратился на родину, сталъ царемъ Трои, и послѣ него царствовали въ Троѣ его потомки.—Ан-

тенора греки впоследствии чтили, какъ покровителя священнаго союза гостепріимства, потому что онъ соблюлъ заповѣдь этого союза, принявъ въ домъ свой греческихъ пословъ Менелая и Одиссея. Въ Дельфійской леснѣ была картина, изображавшая разрушеніе Трои; Антеноръ и его семейство были на этой картинѣ изображены избавленными отъ всякой опасности среди бѣдствія, постигшаго Трою за нарушеніе обязанностей союза гостепріимства.

Историческіе
выводы.

Троянская война образуетъ границу между мифическою и историческою областью. Правда, и слѣдующія за нею столѣтія еще не свободны отъ легендарнаго характера; имена и факты ихъ не вполне достовѣрны; но преданіе имѣетъ подъ собою уже болѣе прочную почву, величавые образы, около которыхъ группируются рассказы, менѣе фантастичные, чѣмъ дѣйствующія лица героическаго вѣка; событія, хотя и прикрашены идеализаціею, прославляющею старое время, но не превышаютъ размѣровъ возможности. Нѣтъ никакихъ серьезныхъ причинъ отвергать мнѣніе, что уже и въ сказаніи о Троянской войнѣ есть историческіе элементы. По греческимъ преданіямъ, разрушеніе Трои произошло около 1200 или 1184 года. Сидоняне тогда уже имѣли поселенія на островахъ Эгейскаго моря и берегахъ Греціи, имѣли тамъ пурпурныя фабрики, разрабатывали рудники, уже развѣзжали по Эгейскому морю какъ торговцы или пираты. У грековъ тогда развилась воинственность; аристократія, опытная въ военномъ ремеслѣ, подчинила себѣ земледѣльческую массу населенія; пеласгійскій бытъ и восточныя понятія были вытѣснены развитіемъ эллинскихъ учреждений, подобныхъ средневѣковому феодализму и рыцарству:—почему жъ бы греки не могли тогда предпринять походъ на богатое малоазійское побережье? Въ легендѣ о деревянномъ конѣ, посредствомъ котораго взята была Троя, не скрывается ли символическое преданіе о деревянныхъ морскихъ коняхъ, то-есть о корабляхъ? «Гнѣвъ Ахиллеса», ссора Ахиллеса съ Агамемнономъ не отголосокъ ли историческаго преданія о распрѣ между сѣверными и южными героями, мѣшавшей энергическому веденію дѣла и замедлившей успѣхъ его? Въ поэтическихъ картинахъ Иліады и Одиссеи такъ много реальности, такъ много подробностей, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни, что очень можно думать: не все въ этихъ поэмахъ принадлежитъ вымыслу, мифы и символическія сказанія составляютъ не все содержаніе этихъ поэмъ, есть въ нихъ и историческія воспоминанія. Итакъ, мы полагаемъ, что легенда о Троянской войнѣ—прикрашенное поэтическими преувеличеніями—преданіе о дѣйствительномъ событіи, что рассказы объ этомъ героическомъ предпріятіи составляютъ переходъ отъ мифовъ къ исторіи; а если такъ, то должно думать, что и въ другихъ легендахъ о герояхъ есть историческіе элементы. Изъ нихъ нельзя построить исторіи дѣйствительныхъ событій, но можно разгадывать по нимъ ходъ развитія греческой культуры во времена отъ появленія первыхъ зачатковъ ея до Троянской войны, составля-

ющія, по древнимъ преданіямъ и расчетамъ, около пятисотъ лѣтъ. Въ легендахъ о войнахъ лапитовъ съ кентаврами, минійцевъ и надмейцевъ съ флегійцами вѣроятно сохраняются, какъ мы уже говорили, воспоминанія о долгой борьбѣ земледѣльческихъ племенъ равнинъ съ нападавшими на нихъ пастушескими племенами сосѣднихъ горъ; аргосская Ларисса, «укрѣпленный стѣнами» Тиринъ, микенскій Акрополь, Кекропія были, конечно, оплотами противъ морскихъ разбойниковъ. Въ сказаніяхъ объ аргонавтахъ, о побѣдѣ Тезея надъ Минотавромъ, о приношеніяхъ людей въ жертву Зевсу лафистійскому, о пораженіи вторгнувшихся въ Аттику амазонокъ находятся воспоминанія о второмъ фазисѣ развитія подъ вліяніемъ финикійской культуры и объ освобожденіи отъ иноземнаго владычества и восточныхъ формъ богослуженія. Финикіяне, какъ мы видѣли въ I томѣ нашей книги, основали поселенія на Кипрѣ, Критѣ, Родосѣ, Лемносѣ, Эазосѣ, Керѣ, Китерѣ, имѣли тамъ рудники, собирали пурпурныя раковины; потому должно думать, что были у нихъ колоніи и на восточномъ берегу Греціи. Въ Іолкѣ и Орхоменѣ, въ Мегарѣ, на Истмѣ мы видимъ ясныя слѣды ихъ поселеній. Должно думать, что первые элементы цивилизаціи были получены греками отъ нихъ, что подъ ихъ вліяніемъ построены были въ Греціи города, гавани, каналы для осушенія болотъ, развилось мореплаваніе, возникла промышленность. Мифы о Гефестѣ, имѣвшемъ свою божественную мастерскую на Лемносѣ, и о Дедалѣ, божественномъ критскомъ художникѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что греки научились техническимъ искусствамъ у финикянъ. Мы уже говорили (I, стр. 528), что еще и у Гомера оружіе царей, богатая одежда, драгоценные сосуды—кубки, чаши—называются издѣліями сидонянъ; это свидѣлствуетъ о сильномъ развитіи торговыхъ сношеній между финикиянами и греками. Въ основѣ сказаній о сыновьяхъ Эола, царствовавшихъ въ Іолкѣ, Орхоменѣ, Коринѣ, о войнѣ еиванскаго героя Геракла съ минійцами, объ отношеніяхъ аеинскихъ царей Эгея и Тезея къ царю критскому Миносу, имѣвшему могущественный флотъ, безъ сомнѣнія лежатъ подъ легендарною оболочкой историческія воспоминанія о владычествѣ финикянъ, о сладострастныхъ и жестокихъ обрядахъ ихъ богослуженія, о вытѣсненіи финикянъ и ихъ культовъ подвигами сформировавшагося въ Греціи военнаго сословія. Преобразование быта, произведенное возникновеніемъ военнаго сословія; владычество отважныхъ вождей и сословія благородныхъ воиновъ, подобныхъ средневѣковымъ рыцарямъ, составляетъ третій фазисъ развитія греческаго народа въ мифическія времена. Когда борьба противъ иноземцевъ кончилась вытѣсненіемъ ихъ изъ Греціи, военное сословіе вѣроятно стало удовлетворять своей любви къ отважнымъ дѣламъ племенными междоусобіями, воспоминанія о которыхъ сохранились въ легендахъ о походахъ семи царей и сыновей ихъ на Фивы и о покореніи элевзинскаго государства кекропидами;

были предпринимаемы племенами и союзами племен сухопутныя и морскія хищническія экспедиціи, о которыхъ читаемъ у Фукидида; и наконецъ при успѣхахъ умственного и нравственнаго развитія нравы военного сословія приобрѣли ту подобную рыцарству форму, какую имѣютъ они въ сказаніяхъ о Троянской войнѣ. Такимъ образомъ, мы будемъ не далеки отъ исторической истины, полагая, что подъ одеждою мифовъ и легендарныхъ прикрасъ въ сказаніяхъ о подвигахъ героевъ находятся воспоминанія о постепенномъ переходѣ греческаго народа отъ первобытнаго пеласгійскаго образа жизни къ военно-патріархальному эллинскому быту, и о вытѣсненіи финикійскихъ понятій, религіозныхъ обрядовъ и общественныхъ учрежденій національными эллинскими. Многие изъ внесеннаго въ Грецію иноземцами было, безъ сомнѣнія, совершенно отвергнуто; другіе элементы иноземной культуры, болѣе соотвѣтствовавшіе характеру греческаго народа, были сохранены и видоизмѣнены сообразно эллинскимъ національнымъ качествамъ. Во время Троянской войны всѣ области Греціи имѣютъ одинаковый бытъ, стоятъ на одной степени развитія. Повсюду владычествуетъ военное сословіе; второстепенные вожди его—воины знатнаго происхожденія, главные вожди—цари. Жреческіе роды составляютъ тоже привилегированное сословіе, пользуются почетомъ и вліяніемъ; масса поселенъ находится въ положеніи, подобномъ крѣпостному. При одинаковости быта, воспоминанія о прежнихъ различіяхъ между племенами постепенно слабѣли, и въ народныхъ преданіяхъ появилась легенда о происхожденіи всѣхъ греческихъ племенъ отъ одного предка.

Гелленскія
(Эллинекія)
племена.

Эолийцы.
Дорійцы.

Іонійцы.

По этой генеалогіи, возникшей довольно поздно, общимъ предкомъ всего греческаго народа былъ сынъ Девкалиона Гелленъ (Эллинъ); его сыновья Доръ и Эолъ были предками дорійскаго и эолийскаго племенъ, а сыновья его третьяго сына, Ксута, Іонъ и Ахей, предками іонійскаго и ахейскаго племенъ. Эти четыре племена занимали во время Троянской войны тѣ области Греціи, въ которыхъ развилась культурная жизнь слѣдующаго періода. Эолийцы («смѣшанные»), подраздѣляясь на нѣсколько отраслей, жили по Отридскому хребту отъ истоковъ Сперхея до Пагасскаго залива и до Пеліонскаго хребта. Дорійцы («копѣеносцы»), суровые, воинственные охотники, пастухи и земледѣльцы, сильныя привычкою къ дисциплинѣ и самообладаніемъ, завоевали себѣ послѣ долгихъ странствованій прочную осѣдлость у подошвы Эты, покоривъ дріоповъ или вытѣснивъ ихъ въ восточный Пелопоннесъ, на мысъ Герміону и въ Асину. Область, занятая дорійцами, была невелика; пространство ея не превышало четырехъ квадратныхъ географическихъ миль. Это была горная страна. Они основали въ ней четыре селенія, оставшіяся не укрѣпленными; самое значительное изъ этихъ мѣстечекъ было Эринея. Общимъ племеннымъ святилищемъ дорійцевъ былъ Дельфійскій храмъ Аполлона. Дорійцы и эолийцы имѣли между собою болѣе близкое племенное родство, чѣмъ съ іонійцами и ахейцами; а эти два племена были близко родственны между собою; ученые полагаютъ, что родство между іонійцами и ахейцами было болѣе тѣсное, чѣмъ родство между дорійцами и эолийцами. Іонійцы жили на аттическомъ полуостровѣ отъ Маравона до Истма, такъ что и Мегара была іонійскою землею; острова у тѣхъ береговъ имѣли также іонійское населеніе. Іонійцы Аттики мало подвергались нашествіямъ, потому рано развились у нихъ спокойный, осѣдлый бытъ; а при смутахъ передвиженій другихъ племенъ, въ Аттикѣ

находили убѣжище себѣ многіе знатные изгнанники; такъ при переселеніи эессалиянъ и дорійцевъ удалились въ Аттику многіе минійцы, пеласгіотиды, лапиды и пр. По сѣверному побережью Пелопоннеса, которое въ пеласгійскія времена называлось Эгіалею, жили также іонійцы: въ этой области они дальше, нежели въ Аттикѣ, остались раздѣленными на мелкія государства. Они составляли двѣнадцать независимыхъ общинъ. Впослѣдствіи, эти общины соединились въ федерацію. У нихъ рано развилась торговля, промышленность, городской образъ жизни. По восточному и по южному приморью Пелопоннеса жили ахейцы, имя которыхъ значило, быть можетъ, «благородные». Во времена Атридовъ они были самымъ цивилизованнымъ, самымъ богатымъ и могущественнымъ изъ всѣхъ греческихъ племенъ, и имѣли такое преобладающее значеніе въ Греціи, что у Гомера имя «ахейцевъ» служитъ общимъ названіемъ грековъ. Важнѣйшими изъ ахейскихъ областей были Арголида, Лаконія и Элида.

Ахейцы.

3. Переселеніе Дорійцевъ и Гомеровскій вѣкъ.

1. ПЕРЕДВИЖЕНІЯ ПЛЕМЕНЪ ВЪ ЭССАЛИИ И БЕОТИИ. ЗАВОЕВАНІЕ ПЕЛОПОННЕСА ДОРІЙЦАМИ.

«Послѣ Троянской войны въ Элладѣ происходили переселенія племенъ, такъ что состояніе ея было тревожное, безпорядочное», говоритъ Фукидидъ. Нашествіямъ подвергались въ особенности плодородныя области, въ которыхъ накопленіе богатства у крупныхъ земледѣльцевъ произвели разрозненность сословій и раздоры между ними ослабляли государство. Черезъ нѣсколько десятилѣтій по смерти ахейскихъ героевъ Троянской войны произошло передвиженіе племенъ, совершенно измѣнившее прежній порядокъ дѣлъ и имѣвшее своимъ результатомъ то, что въ большей части греческихъ земель стали владычествовать племена новыя. Черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ паденія Трои, эессалийцы жившіе въ Беотіи, быть можетъ тѣснимые вторженіемъ иллирійскихъ племенъ въ ихъ землю, коренную отчизну эллиновъ, перешли черезъ Пиндъ и завоевали страну равнинъ и холмовъ по среднему теченію Пеней, получившую теперь названіе Эессалии. Препятствіе, раздробленное на мелкія общины, не имѣвшія связи между собою, не могло устоять противъ бурнаго натиска горцевъ, воинственныхъ охотниковъ. Побѣдители раздѣлили между собою земли; покоренные туземцы стали крѣпостными мужиками, и воздѣлывая землю отдавали часть продукта своимъ господамъ. Этихъ поработенныхъ туземцевъ называли пенестами (бѣдняками). Тѣ изъ туземцевъ, которые не хотѣли покориться, были принуждены покинуть родину. Эту судьбу предпочли рабству эолийцы, жившіе въ юговосточной части эессалийской равнины по верхнему теченію Пеней и его притоковъ около города Арны (впослѣдствіи называвшагося Кіэріемъ) Арнейцы не хотѣли стать рабами, не имѣли силъ выдержать борьбу, потому ушли со своими стадами на югъ, черезъ проходы въ горахъ Отрида и Эты, покорили или про-

Эессалийцы.

гнали орхоменских минийцев, еиванских кадмейцев, еракийцев, живших на юговосточном склоне Парнасса и Геликона, завладели плодородною низменностью около Копайского озера и по рѣкѣ Асопу, Беотіею, и стали называться по имени ея беотійцами. Изъ прежнихъ жителей ея многіе предпочли рабству переселеніе, и удалились въ Аттику, на Эвбею, на другіе острова и побережья Эгейскаго моря.

Этими передвиженіями племя было на много вѣковъ опредѣлено характеръ быта еессалійскаго и беотійскаго населенія. Еессалійцы были невосприимчивы къ успѣхамъ эллинской цивилизаціи; они любили разводить хорошихъ лошадей, любили конскія скачки, охоту, пиры; любили отличаться удалствомъ въ мелкихъ междоусобицахъ; землю ихъ воздѣлывали, стада ихъ пасли ихъ крѣпостные подданные; ремесленники у нихъ не имѣли политическихъ правъ, считались людьми не принадлежащими къ еессалійскому народу. Аристократическіе роды, происшедшіе отъ завоевателей, господствовали въ городахъ и ихъ округахъ; важнѣйшими городами были Фарсалъ, Феры, Краннонъ и Ларисса; каждый изъ этихъ городовъ былъ особымъ центромъ политической жизни; прочныхъ связей между ними не было. Владычествовавшие въ своихъ помѣстьяхъ еессалійскіе аристократы не любили законнаго порядка, всегда готовы были драться между собою. Въ случаяхъ войны противъ иноземцевъ они выбирали общаго военачальника, называвшагося тагомъ. Кажется, что санъ тага очень рано сталъ наследственнымъ въ родѣ Алевадовъ, владѣвшемъ Лариссою, и довольно скоро этотъ родъ приобрѣлъ вліяніе на всю Еессалію. Еессалійская аристократія любила пышность, блескъ; гостепріимство и прямоту были хорошими чертами ея нравовъ. Она держала пенестовъ въ строгой подчиненности, обращалась съ ними презрительно. Но часть приплада стада и часть земледѣльческихъ продуктовъ была предоставляема имъ, и они могли обзаводиться самостоятельнымъ хозяйствомъ. Племена, жившія въ горныхъ, малодоступныхъ мѣстностяхъ—фтіотійцы, перребы, эніаны, долоны, магеты, и еще нѣсколько другихъ—сохранили свои земли и личную свободу; но были подвластны еессалійцамъ и не имѣли голоса въ ихъ совѣщаніяхъ о дѣлахъ страны. Эти племена сохраняли первобытный образъ жизни, первобытное оружіе. Самымъ значительнымъ изъ нихъ были фтіотійцы или фтіотійскіе ахейцы, жившіе по склонамъ Отриды и у Пагасскаго залива; у нихъ были города: Птелеонъ, Галосъ и Ларисса Кремаста (Ларисса нависшая надъ обрывомъ скалы).

Беотійцы.

Иначе сложилась общественная жизнь въ Беотіи у арнейскихъ Эолійцевъ. Культурою прежняго населенія, минийцевъ и кадмейцевъ, вліяніемъ цвѣтущихъ городовъ была смягчена грубость завоевателей; въ нихъ пробудилось влеченіе къ цивилизаціи, къ благоустроенному государственному порядку. Многіе изъ знатныхъ туземныхъ родовъ, считавшихся происходящими отъ Кадма или отъ тѣхъ воиновъ, которые выросли изъ посѣянныхъ имъ зубовъ дракона, были приняты завоевателями въ составъ ихъ аристократіи. Беотійцы не оказали такого вліянія на развитіе эллинской цивилизаціи, какъ іонійцы и дорійцы; но они рано достигли федеративнаго устройства; знатные земледѣльческіе роды въ Беотіи были господами надъ поселянами своихъ

имѣній; но было у беотійцевъ и сословіе свободныхъ земледѣльцевъ, было свободное городское населеніе; у нихъ было уваженіе къ власти избираемыхъ ими правителей, потому существовалъ прочный государственный порядокъ; онъ сохранялъ патріархальный характеръ.

Беотія имѣла федеративное устройство. Орхомень, Коронея, Галиартъ, Копы, Танагра, Феспія, Платея, другіе города, были, каждый съ принадлежащими къ его округу селеніями, особыя государства, и пользовались независимостью въ управленіи своими внутренними дѣлами. Но они образовали союзъ, главою котораго были Фивы. Фиванцы говорили, что большая часть другихъ беотійскихъ городовъ основаны ими, что поэтому гегемонія принадлежитъ Фивамъ, какъ метрополіи. Общіе религіозные праздники и союзный храмъ въ Коронѣ поддерживали въ беотійцахъ сознаніе національнаго единства. Въ первыя столѣтія по завоеваніи, у Фиванцевъ и въ основанныхъ ими городахъ были цари; но монархическое правленіе рано замѣнилось аристократическимъ; членами правящаго сословія были богатые землевладѣльцы знатныхъ фамилій; наследственность ихъ правъ постепенно привела къ строгой олигархіи. Цари собирали своихъ товарищей по оружію на пиры во дворцѣ; при аристократическомъ правленіи въ замѣнъ образовались товарищества для общихъ обѣдовъ; на покрытіе расходовъ каждый членъ дѣлалъ опредѣленный взносъ. Этотъ обычай содѣйствовалъ развитію любви къ пирамъ, и беотійцы считались въ Греціи гастрономами, которые слишкомъ любятъ пировать и пить. Беотійскіе аристократы усердно занимались военными упражненіями, любили и верховую ѣзду и ѣзду на колесницахъ. Фиванскіе герои Гераклъ и Иолай, основатели и покровители атлетическаго искусства, были идеалами беотійскихъ аристократовъ, славившихся и физической силою, и храбростью, и мастерствомъ въ конной службѣ и въ службѣ тяжелооруженной пѣхоты. Фивы строго наблюдали за тѣмъ, чтобы другіе города подчинились ихъ гегемоніи; въ беотійской федераціи было больше прочности и единства, чѣмъ въ другихъ греческихъ федераціяхъ. Фиванскій правительственный совѣтъ, мѣстомъ засѣданій котораго была Кадмея (Фиванскій акрополь), владычествовалъ надъ совѣтомъ беотійскаго союза; въ коллегіи беотарховъ, правителей и военачальниковъ союза, всегда было нѣсколько членовъ Фиванцевъ.

Борьба пришельцевъ съ прежнимъ населеніемъ еще не совѣтъ кончилась въ Еессаліи и Беотіи, когда пошли въ Пелопоннесъ дорійцы. Это было, по хронологическимъ соображеніямъ греческихъ историковъ, черезъ 80 лѣтъ послѣ Троянской войны. Мы говорили, что дорійцы, послѣ долгихъ странствованій, успѣли завоевать небольшую и бѣдную область по истокамъ Кефисса, въ горахъ между хребтами Пинда и Эты, и основали тамъ четыре маленькія общины, главною изъ которыхъ былъ «обуреваемый вѣтрами» Эринея. Тѣснимы еессалійцами и беотійцами, они покинули Эринею, двинулись на югъ и съ примкнувшими къ нимъ этолянами и нѣсколькими небольшими группами людей другихъ племенъ, тоже вытѣсненныхъ изъ родныхъ земель, вторглись въ Пелопоннесъ. Дорійскіе цари

Дорійцы.

считали свой родъ происходящимъ отъ Геракла; по легендамъ, онъ имѣлъ права на владычество въ Аргосѣ, Микенахъ и въ большей части другихъ пелопонесскихъ государствъ. Дорійцы выставляли свои завоеванія въ Пелопоннесѣ возстановленіемъ наслѣдственныхъ правъ потомковъ Геракла, и дорійское нашествіе называлось «возвращеніемъ Гераклидовъ». Въ «Пополненіяхъ» мы приведемъ легенду позднѣйшихъ временъ о нашествіи дорійцевъ на Пелопоннесъ и о раздѣлѣ завоеванныхъ ими областей. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ вторгнуться въ Пелопоннесъ черезъ Истмъ, Гераклиды, при помощи этолянъ и хитраго вождя ихъ Оксила, хорошо знавшаго Пелопоннесъ, переправились черезъ узкій Ріонскій проливъ, близъ Навпакта, гдѣ построили лодки для переправы. Оставивъ налѣво отъ себя область Эгіалейцевъ, «прибрежныхъ» эгіонскихъ и геликскихъ іонійцевъ, и недоступную горную страну Аркадію, пришельцы пошли по западному берегу, на плодородныя долины Пеней и Алфея; они завоевали ихъ безъ особеннаго труда. Этолянамъ понравилась эта область. Они заключили договоръ съ прежними жителями ея, эпейцами, которые, повидимому, были соплеменниками ихъ, и соединившись въ одинъ народъ съ этимъ туземнымъ населеніемъ, основали государство, получившее названіе Элиды, по имени новой своей столицы, города Элиды на рѣкѣ Пеней; вождь этолянъ, Оксилъ, сталъ царемъ этого государства.

Впослѣдствіи Элида подчинила себѣ и лежащую на югъ отъ нея Трифилю, гдѣ незадолго передъ нашествіемъ Гераклидовъ поселились между прежними жителями, пизатами и кавконами, бѣжавшіе изъ Орхомена минійцы. У пизатовъ издавна было святилище Зевса въ долинѣ Алфея, въ священной платановой и оливковой рощѣ; богослуженіемъ тамъ завѣдывалъ древній жреческій родъ Іамидовъ, имѣвшихъ даръ пророчанія. Это святилище стало и для элидянъ мѣстомъ поклоненія Зевсу. Они сдѣлались распорядителями совершавшагося при немъ праздника, получившаго съ теченіемъ времени очень большое значеніе; пизаты долго оспаривали у нихъ это право, но оно осталось за ними.

Итакъ, этоляне водворились въ Элидѣ; дорійцы пошли дальше, сначала вверхъ по долинѣ Алфея, и достигли до горъ: прошли по окраинѣ Аркадіи до той мѣстности, гдѣ берутъ свое начало рѣки Памизъ и Эвротъ и, раздѣлившись тамъ на два войска, пустились на югъ, по теченію этихъ рѣкъ. Вождемъ пошедшихъ по Памизу былъ Гераклидъ Кресфонтъ, женившійся на дочери аркадскаго царя Кипсела. Онъ, вѣроятно при помощи аркадянъ, завоевалъ плодородную долину Памиза до самаго моря; эта область стала называться Мессеніею («Срединою»). Столицею Кресфонта былъ Стеникларъ. Прежніе жители завоеванной Кресфонтъ земли большею частью ушли въ Аттику; и Меланъ, потомокъ Нестора, побѣдившій на поединкѣ Ксанеа, вождя напавшихъ на Аттику беотійскихъ арнейцевъ, сталъ тамъ царемъ.

Нѣкоторые изъ приморскихъ городовъ Мессеніи долго держались противъ дорійцевъ; Мессона и Корона болѣе двухъ столѣтій сохраняли независимость отъ нихъ.

Другое дорійское войско завоевало верхнюю часть долины Эвроты и знаменитую въ легендахъ Спарту, гдѣ не задолго передъ тѣмъ царствовалъ Менелай, давая роскошные пиры во дворцѣ, украшенномъ золотомъ, серебромъ и слоновой костью. Ахеецъ Филономъ помогалъ дорійцамъ въ этихъ завоеваніяхъ, и былъ за то сдѣланъ царемъ города Амиклы; — преданіе, имѣющее, быть можетъ, своею цѣлью объяснить или прикрыть фактъ, что дорійцамъ очень не скоро, только черезъ цѣлыя два столѣтія по завоеваніи верхней части долины Эвроты, удалось покорить плодородную и богатую рощами нижнюю часть ея, гдѣ были древніе города Амиклы, Фаристъ, Геронтры и Гелосъ.

Историческое существованіе Спарты начинается только ужъ по вторженіи дорійцевъ. Она произошла изъ сліянія пяти поселеній, которыя основали они на грядѣ холмовъ праваго берега Эвроты, чтобы ходить отсюда войною на ахейцевъ нижней части долины. На вершинѣ самаго высокаго изъ холмовъ стоялъ храмъ Паллады Аены „мѣднодомной“, издавна бывшей богинею-покровительницею той области. На прибрежной низменности называвшейся Лимнами (болотомъ) приносили животныхъ въ жертву передъ древнею статуею Артемиды. Имена деревень, изъ соединенія которыхъ образовалась Спарта, оставались названіями частей ея. (Киносура, Питана, Месса).

Въ новѣйшее время стали полагать даже, что Спарта возникла лишь черезъ нѣсколько столѣтій послѣ вторженія дорійцевъ. Говорятъ, что на этой мѣстности существовали три поселенія, принадлежащія тремъ разнымъ племенамъ: въ одномъ жили агіады, дорійскій родъ; въ другомъ ахейскій родъ, эврипонтиды, въ третьемъ минійцы, эгиды; въ каждомъ изъ этихъ трехъ поселеній былъ царь, у каждого былъ свой особый культъ; эгиды были впослѣдствіи побѣждены своими сосѣдами, ахейцами и дорійцами, и большинство ихъ переселилось — одни ушли на островъ Феру, другіе, такъ называемые „партеніи“, основали Тарентъ (смотри ниже); тѣ которые остались на родинѣ, были лишены политическихъ правъ. Послѣ этого ахейцы (эврипонтиды) и дорійцы (агіады) соединили свои общины въ одно государство (установили синекизмъ), но и то и другое племя осталось имѣющимъ своего особаго царя.

Труднѣе всего было дорійцамъ завоевать восточный берегъ, области Аргоса и Микенъ. Въ историческія времена были между Аргосомъ и моремъ развалины укрѣпленія, о которомъ говорили, что его построилъ дорійскій вождь Темень, что дорійцы непрерывно дѣлали изъ этого укрѣпленія опустошительныя набѣги на ахейское аргосское царство, а съ юга нападало на это царство другое дорійское войско. Ахейцы были наконецъ побѣждены. Не хотѣвшіе покориться, ушли на сѣверное побережье и вытѣснили часть іонійскаго населенія этой области, а съ другою частью его заключили мирный договоръ; съ того

времени, сѣверное побережье стало называться Ахаіею. Тѣ іонійцы, которые были вытѣснены оттуда, переселились къ своимъ соплеменникамъ въ Аттику. Темень сталъ царемъ аргосскимъ, продолжаетъ легенда; его сыновья и внуки покорили сосѣдніе города: Сикіонъ, Эпидавръ, Трезены; значительная часть прежняго населенія этихъ областей осталась жить на родинѣ, заключивъ договоры съ побѣдителями; впоследствии времени, приобрѣли и право гражданства; но и послѣ того дорійцы продолжали составлять военное сословіе въ этихъ государствахъ, имѣли преобладающее вліяніе въ нихъ, и занимали почти всѣ правительственныя должности. Овладевъ Эпидавромъ, они переплыли на Эгину и заняли ее. Гераклидъ Алетъ, расположившись станомъ на Солигейскомъ холмѣ близъ Коринѳа, тѣснилъ этотъ городъ своими нападеніями, такъ что царь коринѳскій, Гіантидъ, потомокъ Сизифа, отдалъ царскую власть ему. Во время Пелопоннесской войны коринѳяне еще показывали мѣсто, на которомъ былъ дорійскій станъ. Жители Фліунта заключили съ дорійцами договоръ, по которому они стали преобладающимъ сословіемъ и въ этомъ государствѣ; многіе изъ прежнихъ гражданъ покинули родину. Нѣкоторые переселились на Самось; въ числѣ ихъ былъ Гиппазъ, предокъ Пиеагора. Такимъ образомъ, нашествіе дорійцевъ произвело этнографическій переворотъ во всѣхъ областяхъ Пелопоннеса, кромѣ Аркадіи, дало совершенно новое направленіе ихъ исторіи. Первоначально лишь немногія мѣстности были завоеваны дорійцами: въ большей части мѣстностей, они заключили съ прежнимъ населеніемъ договоры, по которымъ оно сохранило свое имущество и нѣкоторыя политическія права, само завѣдывало своими дѣлами; но мало по малу дорійцы достигли такого преобладанія въ подвластныхъ имъ областяхъ, что люди другихъ племенъ утратили свои особенности, усвоили себѣ черты дорійской національности, или потеряли свободу. Въ большихъ городахъ, туземцы слились съ дорійцами. Сельское населеніе, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно покорилось дорійцамъ добровольно, или послѣ непродолжительнаго сопротивленія, — сохранило свою личную свободу, но стало сословіемъ подвластныхъ людей, не имѣющихъ никакого участія въ управленіи государствомъ. Таковы были лакедемонскіе періэки. Жители тѣхъ мѣстностей, которые долго боролись противъ дорійцевъ или, подчинившись имъ, впоследствии пытались возстать, были, послѣ подавленія ихъ независимости или ихъ возстаній, лишены личной свободы, обращены въ крѣпостное состояніе или въ рабство. Такой судьбѣ подверглись въ спартанскомъ государствѣ гелоты, ахейцы, жившіе въ городѣ Гелосѣ и его области (въ нижней части долины Эвроты).

Впрочемъ, только въ спартанскомъ государствѣ дорійцы лишили туземцевъ всякихъ политическихъ правъ. Въ Мессеніи, Аргосѣ, Коринѳѣ ихъ

отношенія къ туземному населенію были гораздо мягче; договоры, заключенные съ нимъ, предоставляли ему участіе въ управленіи, и оно постепенно слилось съ дорійцами. Въ Сикіонѣ прежнее населеніе, состоявшее изъ іонійцевъ и ахейцевъ, образовало особую корпорацію, „племя Эгіалейцевъ“ (приморскихъ жителей); эта корпорація была уравнена въ правахъ съ тремя племенами, на которыя дѣлились дорійцы. По мессенскому сказанію, первый дорійскій царь, Кресфонтъ, очень покровительствовалъ туземному населенію, такъ что раздражилъ дорійцевъ и былъ убитъ ими. Мессенскіе цари не хотѣли называть его своимъ предкомъ, и вели свой родъ отъ его преемника, Эпита. Во Фліунтѣ туземцамъ были предоставляемы политическія права.

Первоначально, самымъ сильнымъ изъ дорійскихъ государствъ было Аргосское. Царь его, Темень, былъ старшій изъ Гераклидовъ. Онъ и его потомки владычествовали надъ всѣмъ восточнымъ побережьемъ отъ Малейскаго мыса до коринѳской границы и до Трезенъ; къ ихъ владѣніямъ принадлежалъ и островъ Китера. Фліунтъ, Эпидавръ, Трезены, Клеоны, Сикіонъ, Эгина признавали гегемонію Аргоса и дѣлали опредѣленные взносы на расходы богослуженія въ общемъ святилищѣ союза; этимъ святилищемъ былъ храмъ Аполлона въ Лариссѣ, какъ назывался акрополь Аргоса. Легенда, говорящая, что всѣ эти города были покорены сыновьями Темена и мужьями дочерей его, составляетъ, вѣроятно, отголосокъ о гегемоніи Аргоса надъ ними. Притомъ, Аргосъ былъ городъ прославленный сказаніями о могуществѣ и блескѣ прежнихъ его царей, Атридовъ. Тѣмъ больше правъ имѣла легенда ставить его на первое мѣсто между дорійскими государствами, отдавая его Темену, старшему изъ Гераклидовъ. Воспоминанія о прежнемъ могуществѣ сохранились у Аргосцевъ такъ долго и живо, что они и во времена Персидскихъ войнъ, все еще высказывали притязанія на гегемонію въ Пелопоннесѣ. Но тогда гегемонія ужь давно принадлежала Спартѣ, доставшейся потомкамъ младшаго изъ Гераклидовъ, Проклидамъ и Эврисеенидамъ; каменистъ и не очень плодороденъ былъ удѣлъ ихъ предка, но сильно и знаменито стало ихъ государство. Цари Мессеніи считались потомками Эпита, сына Кресфонта. Царь Коринѳа (Бакхіады) и цари Эпидавра не хотѣли быть менѣе знатны, чѣмъ цари трехъ главныхъ дорійскихъ государствъ, Аргоса, Спарты и Мессеніи, потому называли себя тоже потомками Геракла.

Дорійцы попытались идти за Истмъ и покорить Аттику, мало подвергавшуюся нападеніямъ и давшую пріютъ столькимъ изгнанникамъ. Они завоевали Мегарскую область и пошли на Аѣины, но аѣинскій царь Кодръ, сынъ Меланѳа, потомокъ Нестора, пожертвовалъ своею жизнью для спасенія родины отъ рабства. Дельфійскій оракулъ сказалъ, что побѣду одержитъ то войско, чей царь будетъ убитъ. Вожди дорійцевъ строго запретили имъ биться съ Кодромъ. Но и аѣиняне знали о томъ, что сказано было оракуломъ. Кодръ одѣлся простымъ па-

стухомъ, пробрался въ непріятельскій станъ; тамъ никто не узналъ его; онъ нарочно поднялъ ссору, чтобъ его убили, и былъ убитъ. Дорійцы лишились надежды на побѣду, отступили изъ Аттики, и за ними осталась только Мегара. Аѳиняне стали чтить Кодра, какъ героя; въ историческія времена еще показывали на берегу Илисса мѣсто, на которомъ онъ былъ убитъ. — Племенное родство между дорійскими государствами въ Пелопоннесѣ высказывалось одинаковостью гражданскихъ учреждений и федеративною связью. Во всѣхъ государствахъ цари были Гераклиды. Царь былъ военачальникъ и верховный судья; власть его была ограничена: онъ исполнялъ свои обязанности при содѣйствіи совѣта старшинъ, состоявшаго изъ аристократовъ; вопросы о войнѣ и мирѣ, о договорахъ съ другими государствами, были рѣшаемы народнымъ собраніемъ. До переселенія дорійцы дѣлились на три колѣна (филы); имена этихъ филъ были: гиллеи, диманы и памфилы. Гиллейскую и диманскую филы составляли, вѣроятно, старые дорійскіе роды; слово памфилы значитъ: люди всяческихъ племенъ, и вѣроятно это были иноплеменные роды, присоединившіеся къ дорійцамъ; каждая фила дѣлилась на десять общинъ. Это родовое устройство было сохранено и послѣ переселенія; каждый отдѣлъ получилъ въ свое владѣніе особый округъ. Каждый доріецъ имѣлъ участокъ земли и былъ обязанъ служить въ войскѣ. Земли царей и храмовъ воздѣлывались или жившими на нихъ поселянами, отдававшими землевладѣльцу извѣстную часть продуктовъ, или рабами. Тяжбы и уголовныя дѣла рѣшались по старымъ обычаямъ, считавшимся священными; установителемъ ихъ былъ племенной герой дорійцевъ, Эгимій, какъ говорили прославлявшія его пѣсни; дорійскія государства были соединены между собою союзомъ для общей обороны противъ иноплеменниковъ и для мирнаго рѣшенія споровъ. Религіознымъ выраженіемъ федеративной связи было служеніе Аполлону Карнейскому. У дорійцевъ рано развились духъ порядка, дисциплины, трудолюбіе, воздержность, мужество, богобоязненность; и пока они сохраняли эти качества, они были сильны. Надменность, суровость относительно иноплеменниковъ и побѣжденныхъ была темною стороною дорійскаго характера. Но гордость не помѣшала ни аргосскимъ, ни спартанскимъ дорійцамъ хвалиться, какъ дѣлами своей старины, славными подвигами побѣжденныхъ ими ахейцевъ: дорійскіе цари Спарты любили говорить о себѣ, какъ о преемникахъ Агамемнона, и спартанцы подкрѣпляли свои права на гегемонію ссылками на легенды о миѳическихъ временахъ.

Легенда о возвращеніи Гераклидовъ. Гераклъ помогъ царю дорійцевъ Эгимію въ его войнѣ съ лапѳитами, говоритъ легенда о возвращеніи Гераклидовъ; въ благодарность за эту услугу, Эгимій усыновилъ Гилла, сына Геракла, передалъ ему и его потомкамъ царскій санъ и третью часть земель дорійской области. Сыновья Эгимія, Памфилъ и Димантъ, безропотно подчинились распоря-

женію отца, признали Гилла царемъ и помогали Гераклидамъ въ ихъ попыткахъ завоевать пелопоннесскія земли, права на которыя перешли къ нимъ по наследству отъ Геракла. Цѣль этой легенды—объяснить происхожденіе филъ, на которыя раздѣлялись дорійцы въ историческія времена: Гиллеи (Hylleis) оказываются по этому объясненію племенемъ Гилла, Памфилы (Pamphyloi) племенемъ Памфила, Диманы (Dymanes) племенемъ Диманта. — По смерти Геракла Гиллъ хотѣлъ завоевать Микенское царство, которое должно было принадлежать Гераклу, но коварствомъ Геры было, какъ мы видѣли, передано Эврисею, а послѣ него перешло подъ власть Атридовъ. Гиллъ обратился за совѣтомъ къ Дельфійскому оракулу, и получилъ отвѣтъ, что Гераклиды возвратятся въ Микены, когда дождутся «третьяго плода». Гиллъ подождалъ до третьяго года и пошелъ въ походъ. Но на Истмѣ онъ былъ убитъ въ поединкѣ съ Эхемомъ («Задержателемъ»), царемъ Тегейскимъ, который былъ женатъ на сестрѣ Клитемнестры, потому стоялъ за Атридовъ. Сынъ Гилла, Клеодей, не предпринималъ похода въ Пелопоннесъ. Его сынъ Аристомахъ, — Гераклидъ втораго поколѣнія послѣ Гилла, — второй плодъ — возобновилъ попытку дѣда, былъ въ поединкѣ съ Тисаменомъ, сыномъ Ореста, и убитъ на томъ же мѣстѣ, какъ дѣдъ. Оракулъ сказалъ ему, что возвращеніе Гераклидовъ должно совершиться черезъ «водяную тѣснину»; онъ предположилъ, что это значитъ: черезъ перешеекъ, (Истмъ), и ошибся. Дѣти Аристомаха (третье поколѣніе послѣ Гилла, третій плодъ) правильно поняли слова оракула: они построили себѣ корабли въ мастерскихъ той мѣстности, которая послѣ того стала называться Навпактомъ (мѣстомъ постройки кораблей) и съ присоединившимися къ нимъ локрійцами и этолійскими волонтерами переплыли черезъ Коринѳскій заливъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ его, между Раномъ и Антирріономъ. Теперь, дѣло пошло успешно. Оракулъ сказалъ Гераклидамъ, что они должны взять помощникомъ себѣ «Трехглазого». Имъ встрѣтился ѣхавшій верхомъ кривой Этоляннинъ Оксилъ, который былъ виновенъ въ убійствѣ и долженъ былъ поэтому бѣжать изъ отечества, прожилъ нѣсколько времени въ Элидѣ и потому зналъ мѣстность. Гераклиды догадались, что оракулъ говорилъ имъ о немъ, и пригласили его помогать имъ. Судьба Пелопоннеса была рѣшена одною битвою, въ которой былъ убитъ Тисамень. Побѣдители раздѣлили приобретенныя области по жребію. Старшему сыну Аристомаха, Темену, досталась плодородная Аргосская страна. Кресфонтъ коварнымъ способомъ устроилъ, что ему досталась Мессенія, страна роскошныхъ нивъ: условіе было, что чей жребій будетъ первый вынуть изъ наполненной водою урны, тотъ получитъ Аргосъ, второй жребій даетъ Лаконію, а Мессенія остается на долю того, чей жребій не выйдетъ въ первые два раза. Жребіи были камешки. Кресфонтъ вмѣсто камешка бросилъ въ урну комочекъ земли; онъ расплылся въ водѣ. Поэтому эмблемою мессенцевъ стала лисица. Каменистая Лаконія досталась сыновьямъ третьяго брата, Аристодема, убитаго въ Навпактѣ молніею, Эврисею (или Эврисею) и Проклу; они были близнецы; и были въ то время еще малолѣтними. Филономъ, измѣна котораго облегчила дорійцамъ дѣло завоеванія, получилъ городъ Амисы и его округъ. Своему союзнику, этолянину Оксилу, Гераклиды предоставили землю Эпейцевъ, стрѣломъ которыхъ, Дигменъ, былъ побѣжденъ на поединкѣ этолійскимъ пращникомъ Пирехомъ. Послѣ этого эпейцы стали называться Элидянами. Они завѣдывали Олимпійскимъ святилищемъ, потому ихъ область была объявлена священной, и пользовалась вѣчнымъ нейтралитетомъ. — Аргосскіе Гераклиды завоевали сосѣдніе города: сынъ Темена Фалькъ взялъ, при помощи Геры, ночнымъ нападеніемъ Сигіонъ; сынъ Фалька, Регинтъ покорилъ Фліунтъ. Трезены и Эпидавръ покорилъ еще самъ Темень, и отдалъ Трезены своему младшему сыну Агею, а Эпидавръ своему зятю Денфонту.

Гиппотъ, тоже Гераклидъ, но потомокъ не Гилла, а другаго сына Геракла, былъ устраненъ отъ участія въ походѣ, за то что убилъ прорицателя Карна, и скитался въ изгнаніи. Его сынъ Алетъ овладѣлъ Коринѳомъ. Коринѳяне не принимали участія въ національномъ дорійскомъ праздникѣ, называвшемся карнейскимъ; вѣроятно изъ этого и произошла легенда, что Гиппотъ убилъ прорицателя Карна (Аполлона).

Таково сказаніе о завоеваніи пелопоннесскихъ царствъ дорійцами. Достоверныхъ извѣстій объ этомъ великомъ событіи очень мало. У дорійцевъ вообще было мало преданій о дав-

нихъ временахъ. Они сосредоточивали свои мысли на вопросахъ настоящаго, на дѣлахъ практической жизни. Своими побѣдами надъ ахейцами они были обязаны тому, что усердно занимались военными упражненіями, и въ особенности тому, что умѣли наступать на непріателя сомкнутыми рядами съ крѣпко направленными впередъ коньями.

2. Греческія колоніи въ Малой Азіи.

Какъ нашествіе евреевъ на Ханаанъ имѣло однимъ изъ своихъ послѣдствій переселеніе огромнаго числа изгнанниковъ на западъ, на острова и побережья Средиземнаго моря, такъ передвиженія греческихъ племенъ послѣ троянской войны, въ особенности вторженіе дорійцевъ въ Пелопоннесъ, произвели эмиграцію вытѣсненныхъ племенъ на востокъ, и результатомъ этого было основаніе греческихъ колоній на островахъ и на побережьяхъ Малой Азіи. Это расселеніе грековъ, имѣвшее чрезвычайно важное вліяніе на исторію всего греческаго народа и на ходъ исторіи всего человѣчества, принадлежитъ временамъ, о которыхъ мы знаемъ лишь по легендамъ. Но въ сказаніяхъ потомства первыхъ колонистовъ объ основателяхъ ихъ городовъ, находится такъ много реальныхъ элементовъ и историческихъ фактовъ, что эти легенды представляютъ ужь довольно прочное основаніе для выводовъ достовѣрныхъ, хотя и не имѣющихъ хронологической опредѣленности. Колоніи были основываемы одновременно разными племенами и въ разныхъ странахъ. Но легенды вообще группируютъ факты по ихъ родству между собою; и въ греческихъ легендахъ возникновеніе колоній представляется происходившимъ въ опредѣленной этнографической послѣдовательности: по этой легендарной хронологіи, первыя колоніи были эолійскія, послѣ того были основаны іонійскія колоніи, а самыми новыми были дорійскія.

Когда дорійцы завоевали Аргосское царство Атридовъ, говоритъ легенда, то потомки Агамемнона переселились въ Малую Азію съ изгнанными изъ родины ахейцами, которымъ было тѣсно на Эгіалейскомъ побережьяхъ. Они заняли сѣверную часть западнаго берега Малой Азіи, отъ Геллеспонта до Кимы и сосѣдніе острова Лесбосъ и Тенедосъ.

Имена потомковъ Агамемнона, бывшихъ вождями этого переселенія, не одинаковы въ разныхъ легендахъ. Но вообще рассказы согласны между собою въ томъ, что Пентиль, сынъ Ореста, привелъ часть ахейскихъ изгнанниковъ чрезъ Истмъ въ Беотію, и изъ Авлиды, знаменитой по легендамъ о Троянской войнѣ, отплылъ съ этими ахейцами во Фракію; отсюда его сынъ Эхелай и внукъ Грасъ переплыли съ ними на Лесбосъ. Другіе ахейцы, подъ предводительствомъ двухъ другихъ потомковъ Агамемнона, ушли въ Локриду и съ присоединившимися къ нимъ локрійцами переплыли на берегъ Мизіи, гдѣ основали городъ Киму.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ основаніи этого разсказа лежатъ историческіе факты. Въмѣстѣ съ ахейцами переселялись въ Малую Азію греки другихъ племенъ, и общимъ названіемъ этихъ колонистовъ было эолійцы. Прежде всего они заняли Лесбосъ, большой гористый островъ, богатый плодородными долинами, удобными для виноградниковъ холмами и хорошими пастбищами. Первою колоніею ахейцевъ на немъ была Митилена, построенная на мысѣ, близкомъ къ матерому берегу; утвердившись тутъ, они овладѣли всѣмъ островомъ, и скоро возникли на немъ другіе города; четыре изъ нихъ продолжали существовать въ историческія времена: Пирра на югѣ, Антисса и Эресь на западѣ, Метимна на сѣверѣ. Другая очень старая эолійская колонія, Кима (прозванная Фриконскою), тоже стала основательницею нѣсколькихъ городовъ; первые изъ нихъ были построены по Элейскому заливу и въ устьѣ Герма: (Питана, Элея, Гриней, Мирина, Ларисса, Темнъ); послѣ колонистами изъ Кимы были основаны города по горѣ Идѣ, по берегу Троады до Геллеспонта. Тевкры, у которыхъ живо сохранились преданія о Гекторѣ и Энеѣ, долго защищали свою независимость. Тутъ цѣлыя столѣтія какъ будто совершались повторенія Троянской войны. Есть даже мнѣніе, что легенды о ней сформировались собственно изъ этихъ войнъ, что сказаніе о ней лишь отголосокъ борьбы эолійскихъ колонистовъ съ туземцами, что колонисты доказывали легендами о взятіи Трои свои права на страну, завоеванную ихъ предками. Въ VII вѣкѣ эолійцы овладѣли древними городами Кебреномъ и Скеписомъ, стоявшими на склонахъ Иды, построили городъ Ахиллей у того мѣста, гдѣ былъ надгробный холмъ Ахиллеса, основали на мысѣ Сигей городъ Сигей, заселили прославленную Троянскою войною мѣстность по Симоису и Скамандру; Троада была теперь покорена, и тевкры, жившіе по склону Иды, стали превращаться въ эллиновъ. Дольше всего сохраняло свои особенности троянское населеніе Гергиса, въ верховьяхъ рѣки Граника; но въ V вѣкѣ и Гергисъ былъ уже греческимъ городомъ. Названіе Эолиды обозначало теперь все побережье отъ Абидоса до Кимы. Смирна была тоже ахейскою колоніею, но скоро перешла подъ власть іонійцевъ. Эолида была плодородная страна, и главнымъ занятіемъ ея жителей было земледѣліе. Мореплаваніемъ и торговлею они занимались не особенно много. Число эолійскихъ городовъ возросло съ теченіемъ времени до двѣнадцати. Они были самостоятельными государствами. Правда, они находились въ союзѣ между собою, и были у нихъ общіе праздники, въ храмѣ Аполлона Гринейскаго на мысѣ Канѣ; тутъ при совершеніи общихъ жертвоприношеній, происходили иногда и совѣщанія о дѣлахъ союза; но не было у эолійцевъ ни союзнаго судилища, ни союзнаго правительства. На мысѣ между Кимой и устьемъ Герма переселенцы изъ Фокиды основали городъ Фокею; а на востокѣ оттуда, у горы Сипила и далѣе на югъ по Меандру,

вдали от моря, поселились магнеты, вытесненные из своей родной земли у подошвы Пеліона; они основали в новой своей области два города; и тот и другой город их назывался Магнезією, по их племенному имени.

Эолийскія колоніи были довольно важны; но гораздо важнѣе ихъ были іонійскія, древнѣйшія изъ которыхъ, находившіяся на островахъ Хіосъ и Самосъ и на сосѣднемъ побережьи, имѣвшемъ въ своихъ заливахъ много хорошихъ пристаней, были основаны въ X и IX столѣтіяхъ. Іонійцы сѣвернаго побережья Пелопоннеса, бѣжавшіе отъ ахейцевъ къ своимъ единоплеменникамъ въ Аттику, составляли главную массу пришельцевъ, вытесненныхъ туда завоевателями изъ родныхъ своихъ областей и, послѣ нѣкоторой остановки тамъ, переселившихся далѣе на востокъ. Первые изъ этихъ эмигрантовъ поселились на Цикладахъ, островахъ, лежащихъ кругомъ Делоса, бывшаго главнымъ центромъ іонійскаго культа Аполлона. Они заняли Наксосъ, богатый виноградниками и оливковыми рощами, и знаменитый въ мѣстахъ тѣмъ, что на немъ сочетался бракомъ съ Аріадною богъ изобилія плодовъ, Діонисъ; заняли богатые металлами острова Сифносъ, Кеосъ, Серифъ и славившіяся въ позднѣйшія времена своимъ мраморомъ Паросъ. Число людей, выселившихся изъ Аттики, возрасло, когда по смерти Кодра возникла въ Аѣинахъ политическая борьба.

Легенда говоритъ, что по возвѣщенной оракуломъ волѣ боговъ старшій сынъ Кодра, Медонъ, былъ назначенъ только правителемъ (архонтомъ), правда, правителемъ на всю жизнь, но все таки не царемъ. Этою реформою были, кажется, недовольны многіе; недовольны и тѣ, которые желали сохраненія царской власти, недовольны и тѣ, которые желали введенія чисто республиканской формы правленія. Есть легенда, прямо указывающая на то, что недовольство реформою содѣйствовало развитію эмиграціи, имѣвшей, конечно и другую причину, — ту, что сгустившемуся въ Атикѣ населенію было тѣсно въ ней. Эта легенда говоритъ, что второй сынъ Кодра, Нелей, требовалъ, чтобы правителемъ сдѣлали его, потому что старшій братъ его человекъ хромой. Но оракулъ одобрилъ выборъ аѣянъ; тогда Нелей съ младшимъ братомъ, Андрокломъ, и многими іонійцами, къ которымъ присоединились и минійцы, эвбейскіе абанты, кадмейцы, фокейцы, локрійцы, дріоны и другіе греки, покинули родину.

Іонійскія колоніи. Эмигранты взяли съ собою священный огонь, зажженный отъ огня, горѣвшаго на очагѣ аѣинскаго государства, въ Пританей, и поплыли къ берегу Малой Азіи; послѣ сильной борьбы съ туземнымъ населеніемъ, состоявшимъ изъ разныхъ племенъ, они овладѣли побережьемъ отъ устья Герма до мыса Посидонія; оно представляло очень большія удобства для торговли и мореплаванія, и они основали на немъ и на лежащихъ близъ него островахъ іонійскія колоніи; соединенныя между собою слабою федеративною связью, эти колоніи быстро раз-

вились, превзошли метрополию и благосостояніемъ и образованностью. Первое мѣсто между ними занималъ Милетъ, основанный на холмистомъ южномъ берегу залива, куда впадаетъ Меандръ. Геродотъ говоритъ, что милетяне очень гордились своимъ происхожденіемъ, хвалились тѣмъ, что ихъ городъ — колонія Аѣинъ; они показывали гробницу Нелея, который, по легендѣ, былъ первымъ царемъ Милета и чьи потомки долго царствовали въ этомъ городѣ. Милетяне совершали и у себя аѣинскій праздникъ апатурій; построили на сѣверномъ берегу залива, на южномъ склонѣ горы Микалы, близъ города Пріэны, храмъ Деметры Элевзинской. Но есть и мрачный эпизодъ въ легендѣ объ основаніи Милета: она говоритъ, что колонисты убили всѣхъ мужчинъ населенія той мѣстности, гдѣ построили свой городъ, и женились на женахъ и дочеряхъ туземцевъ, убитыхъ ими. На югъ отъ Милета стоялъ храмъ Аполлона Дидимейскаго, построенный еще туземцами; при этомъ храмѣ былъ оракулъ. Завѣдываніе богослуженіемъ въ немъ милетяне оставили наслѣдственнымъ въ туземномъ жреческомъ родѣ Бранхидовъ. У милетянъ были большія стада превосходныхъ овецъ, и они рано научились дѣлать изъ ихъ тонкой шерсти пестрые ковры и нѣжныя на осязаніе ткани «милетскихъ одеждъ»; они занимались и сельскимъ хозяйствомъ; но рано получила у нихъ большое развитіе промышленность; торговля и мореходство ихъ имѣли очень обширные размѣры. Важнѣйшимъ послѣ Милета изъ іонійскихъ городовъ былъ Эфесъ. По легендѣ, основателемъ и первымъ царемъ его считался младшій сынъ Кодра, Андроклъ. Во времена Пазванія, въ Эфесѣ была у магнетскихъ воротъ гробница Андрокла съ его статуею, изображавшею его въ полномъ вооруженіи. Легенда говоритъ, что онъ приплылъ съ Самоса къ устью Каистра, прогналъ лидянъ, имѣвшихъ тутъ поселеніе на холмѣ Корессѣ, и заключилъ договоръ съ жрецами храма стоявшаго недалеко отъ холма; это былъ храмъ богини плодородія, служеніе которой было введено здѣсь амазонками; при храмѣ находилось множество гіеродуловъ и гіеродулъ; по договору съ Андрокломъ, богиня этого храма сдѣлалась богинею-покровительницею новой колоніи.

Сирійская богиня, которую греки называли „Артемидою Эфесской“, была олицетвореніемъ плодородія природы, но съ тѣмъ вмѣстѣ и дѣвственною богинею войны. Въ историческія времена она была покровительницей Эфеса, и великолѣпный храмъ ея стоялъ на низменности, гдѣ была построена новая часть города. Плодородная долина Каистра давала просторъ для основанія новыхъ поселеній, потому жители Эфеса не имѣли такой надобности эмигрировать, какъ жители другихъ іонійскихъ городовъ, стоявшихъ на узкомъ побережьи, гдѣ некуда было раздвинуться пріумножающемуся населенію. Потому Эфесъ меньше другихъ городовъ страдалъ отъ политическихъ раздоровъ. Аристократическая форма правленія, установившаяся по отбѣнъ царскаго сана, сохранилась въ Эфесѣ навсегда. При усиленіи демократическихъ стремленій, аристократія

удовлетворила имъ, давъ представителямъ народа нѣсколько мѣстъ въ правительственномъ совѣтѣ. Подобно Милету, и Эфесъ гордился своимъ родствомъ съ Аѳинами и Элевзиномъ. По отпадѣ царской власти, за потомками Андрокла были оставлены почетныя права: председательство на общественныхъ играхъ и заведываніе праздниками Деметры.

Третьимъ по важности между іонійскими городами былъ Колофонъ, имѣвшій древнее святилище и оракулъ Аполлона Кларійскаго. Основателемъ этого храма былъ по преданію Андрономъ, потомокъ Нестора Пилосскаго. Жители Колофона были предприимчивы. Конница ихъ была знаменита. Подобно Милету и Эфесу, Колофонъ расширилъ свою область удачными войнами съ лидянами. Однажды, колофонцы напали во время праздника на жителей Смирны и присоединили этотъ эолійскій городъ къ іонійскому союзу. На сѣверъ отъ Колофона вдается въ море гористый полуостровъ, имѣющій много выступовъ и небольшихъ заливовъ; конецъ его подходитъ близко къ Хиосу. На этомъ полуостровѣ были основаны іонійцами четыре города: Лебедъ, Теосъ, Эритры и Клазомены. — Іонійскія колоніи образовали федерацію; она состояла изъ двѣнадцати государствъ; это были: тѣ восемь городовъ, имена которыхъ приведены нами; города Міунтъ и Фокея; острова Хиосъ и Самосъ. Федеративная связь была слаба. Каждый годъ совершали праздникъ іонійскаго союза, называвшійся Паніонійскимъ, «всеіонійскимъ»; онъ происходилъ при храмѣ Посейдона Геликскаго, построенномъ на сѣверномъ склонѣ горы Микалы жителями Пріэны, племеннымъ культомъ которыхъ было служеніе этому богу. Тутъ были приносимы общія всему союзу жертвы, происходили гимнастическія игры; тутъ совѣщались іонійцы о дѣлахъ союза, о войнѣ и мирѣ. Храмъ стоялъ на морскомъ берегу; на праздникъ сходилось очень много народа. Всѣ города, участвовавшіе въ жертвоприношеніяхъ, называли своими основателями и первыми царями сыновей Кодра; эти легенды имѣли тотъ смыслъ, что населеніе составляютъ здѣсь люди чистаго іонійскаго племени.

Дорійскія колоніи.

Основаніемъ эолійскихъ и іонійскихъ колоній не закончилось переселеніе грековъ въ Малую Азію. Въ колонизаціи приняло участіе и дорійское племя, чье вторженіе въ Пелопоннесъ было главною причиною этого передвиженія. Легенда говоритъ, что вытѣсненные изъ Беотіи минійцы пришли въ Лаконію, «зажгли свои огни» на высотахъ Тайгета и черезъ нѣсколько времени, вмѣстѣ съ другими изгнанниками, поплыли на островъ Каллисту. Вождемъ ихъ былъ Терадъ, потомокъ Эдипа, братъ матери лакедемонскихъ царей Эврисена и Прокла. На Каллистѣ («Прекраснѣйшемъ» островѣ) ужь давно поселились сидоняне; у нихъ давно были тутъ пурпуровыя красильни и ткацкія мастерскія (I, стр. 521). Они дружески приняли греческихъ колонистовъ и мало по малу слились съ ними въ одинъ

народъ. По имени своего вождя греки называли островъ Тераю. Впоследствии, на немъ чтили Терада, какъ героя. Легенда говоритъ, что и въ числѣ колонистовъ, поселившихся на Критѣ, были минійцы; но массу этихъ переселенцевъ составляли ахейцы и дорійцы. По пути, они останавливались у Мелоса и основали колонію на этомъ островѣ, который впоследствии былъ всегда вѣренъ лакедемонянамъ. Въ Критѣ они поселились на южномъ берегу, и основали городъ Гортину. За эту первую экспедицію послѣдовали другія, тоже ахейско-дорійскія. Потомъ пѣсни Гомера говорятъ, что въ «безчисленномъ множествѣ» людей, которые населяли девяносто критскихъ городовъ, были и люди дорійскаго племени. Чисто дорійскими колоніями на Критѣ считались города Кносъ и Ликтъ, гдѣ дольше нежели въ другихъ сохранялись старые обычаи. Они были центрами греческихъ поселеній на Критѣ. Прежде, на западной половинѣ береговъ Крита господствовали финикійскіе колонисты, а на восточныхъ побережьяхъ и въ горахъ сохраняли свою независимость туземцы, этеокритяне, «коренные критяне», какъ называли ихъ греки; это былъ народъ карійскаго племени. Но греки все расширяли свои поселенія и достигли преобладанія на всемъ островѣ. На немъ они снова стали въ близкія отношенія къ финикіянамъ. Сами они были тогда еще мало цивилизованы. Они видѣли у финикіянъ благоустроенный гражданскій бытъ, учились у нихъ техническимъ искусствамъ. Знакомство съ финикійскою культурою на Критѣ много содѣйствовало успѣхамъ эллинской культуры. Относительно техническихъ искусствъ, мы видимъ это изъ легенды о Дедалѣ. Очень можетъ быть, что жители прежнихъ городовъ, предпочитая свои мирныя занятія войнѣ, заключали договоры съ дорійскими переселенцами, уступая имъ часть земель, подъ условіемъ защищать города отъ нападений. — Еще важнѣе поселеній на Критѣ были колоніи, основанныя дорійскими переселенцами изъ Аргоса, Лаконіи, Эпидавра, другихъ пелопоннесскихъ государствъ и изъ Мегары на югозападномъ берегу Малой Азіи и на соседнихъ съ ними островахъ Косъ и Родосъ. — Книдъ, построенный на узкомъ мысѣ, вдающемся далеко въ море, былъ центромъ дорійскаго «гексаполя», — союза шести городовъ — въ Малой Азіи. Въ храмѣ Аполлона Трипійскаго на этомъ мысѣ ежегодно совершался союзный праздникъ; тутъ были приносимы общія жертвы, и происходили игры, — на которыхъ побѣдители были награждаемы мѣдными треножниками; эти треножники они оставляли на память о своемъ торжествѣ, въ союзномъ храмѣ. Во время праздника происходили и совѣщанія дорійской федераціи о войнѣ и мирѣ, о договорахъ съ другими государствами. По временамъ присоединялся къ дорійскому союзу Галикарнасъ («Приморское укрѣпленіе»), стоявшій нѣсколько сѣвернѣе Книда на скалѣ у самаго моря. Онъ не былъ чисто-дорійскою колоніей; кажется, что большинство поселившихся въ немъ

эмигрантовъ составляли іонійцы (трезенцы). Въ V вѣкѣ господствующимъ нарѣчіемъ въ немъ было іонійское. Этимъ объясняется и то, что граждане его были устранены отъ участія въ жертвоприношеніяхъ и играхъ дорійскаго союзнаго праздника. Поводъ къ устраненію былъ, по легендѣ, религиозный. Это было давно; послѣ того дорійская федерація стала изъ гексаполя (союза шести городовъ) пентаполемъ (союзомъ пяти городовъ). Члены ея были: Книдъ, островъ Косъ и три города, находившіеся на островѣ Родосѣ. Родосъ первоначально былъ населенъ карійцами; имъ овладѣли, какъ мы уже знаемъ, финикіяне и подъ покровительствомъ своихъ боговъ основали на немъ благоустроенныя промышленныя поселенія. Дорійцы по договору съ ними получили въ свое владѣніе древній городъ Іалисъ и основали по сосѣдству съ ними города Линдъ и Камиръ. Впослѣдствіи финикіяне слились въ одинъ народъ съ дорійцами. Финикійскіе роды въ Іалисѣ были приняты въ составъ дорійской организаціи. Финикійское приношеніе людей въ жертву богу солнца, изображенному въ видѣ быка, продолжало совершаться на Родосѣ долгое время послѣ поселенія грековъ на этомъ островѣ. Греческіе поселенцы скоро научились финикійскимъ техническимъ искусствамъ. Алфавитъ, мѣры, вѣсы получены были Эллагою изъ Финикии безъ сомнѣнія черезъ Критъ и Родосъ. Геродотъ называетъ буквы алфавита финикійскими. Но греки видоизмѣняли сообразно своей національности все, заимствуемое у иноземцевъ; они удивительно хорошо приспособили чужой алфавитъ къ обозначенію звуковъ своего языка, имѣвшаго совершенно иной характеръ, и облагородили фигуры буквъ по внушенію своего изящнаго вкуса. Дорійскія колоніи были построены на островахъ и мысахъ съ хорошими гаванями; при такихъ удобствахъ для торговли и мореплаванія, эти немногіе и не очень большіе города приобрѣли сильное вліяніе на культуру югозападной части Малой Азіи, и много содѣйствовали распространенію эллинизма въ этой далекой отъ Греціи странѣ.

Книдійцы и родосцы, научившіеся мореплаванію у финикіяне, первые изъ всѣхъ грековъ стали, по примѣру своихъ учителей, совершать далекія плаванія на западъ. Они, какъ мы увидимъ, основали на южномъ берегу Сициліи Гелу, которая въ свою очередь основала Акрагантъ (Агригентъ); они поселились на Липарскихъ островахъ, богатыхъ квасцами, и дѣлали попытки основать поселенія въ Иберіи и на островѣ Сардиніи, наперекоръ зоркой заботливости финикіяне и кареагенянъ, не хотѣвшихъ допускать туда соперниковъ. Минійцы, поселившіеся на Оерѣ, тоже основали на далекомъ берегу колонію, которая впослѣдствіи сдѣлалась богатымъ государствомъ. Предпримчивымъ минійцамъ стало тѣсно на ихъ маленькомъ вулканическомъ островѣ, и въ VII столѣтіи они основали Кирену. По легендѣ, передаваемой Геродотомъ, Баттъ („Заика“), потомокъ минійца Эвфема, участвовавшего въ экспедиціи Аргонавтовъ, спросилъ у Дельфійскаго оракула, чѣмъ онъ можетъ исцѣлиться отъ своего косноязычія.

Аполлонъ велѣлъ ему основать колонію въ Ливіи, богатой стадами. Дѣло было трудное, потому что никто не зналъ пути въ Ливію; и жители Оеры не хотѣли плыть съ Баттомъ. Аполлонъ наказалъ ихъ засухой и неурожаемъ. Пришлось исполнить повелѣніе оракула. Снаряжены были два корабля, имѣвшіе каждый по пятидесяти гребцовъ; нашелся кормчій, критянинъ, уже плававшій въ Ливію. Баттъ приплылъ къ Ливійскому берегу и основалъ поселеніе на маленькомъ прибрежномъ островѣ Платей, какъ дѣлали финикіяне. Черезъ нѣсколько времени, силы колонистовъ увеличились пріѣздомъ новыхъ переселенцевъ, — и основанъ былъ на высокомъ берегу, въ здоровой, богатой ручьями, чрезвычайно плодородной мѣстности, городъ Кирена у ручья Киръ; скоро онъ сталъ сильнѣе и богаче своей метрополіи, сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ торговыхъ городовъ греческаго міра. Нивы, виноградники, оливковыя рощи въ Киренѣ были роскошны; на пастбищахъ росъ сальвій, знаменитое растеніе, которымъ гордилась Кирена: сокъ его былъ и драгоценною приправой къ кушанью, и лекарствомъ; а сама трава считалась превосходнѣйшимъ кормомъ для стадъ; изъ оазисовъ пустыни, простиравшейся до невѣдомой дали на югъ, мирныя номады (I, стр. 522) приводили на Киренскій рынокъ верблюдовъ и лошадей, приводили рабовъ негровъ, привозили обезьянъ, попугаевъ, финики, другіе фрукты, и въ обменъ за свои товары брали оружіе, посуду, рыбу, хлѣбъ. Сосѣднія съ Киреною племена туземцевъ были покорены греками и обращены или въ состояніе поселянъ, подвластныхъ господамъ, или въ совершенное рабство.

Въ Киренейской странѣ время жатвы и сборъ винограда длились восемь мѣсяцевъ, говорятъ Геродотъ (IV, 199). Сначала созрѣваютъ хлѣбъ и виноградъ на прибрежьи; когда кончается уборка ихъ тутъ, ужъ созрѣли для жатвы нивы въ полосѣ холмовъ; когда кончается сборъ плодовъ на ней, начинается жатва въ горахъ. — Основатель Кирены, Баттъ, сталъ царемъ; царскій санъ оставили наслѣдственнымъ въ его потомствѣ до восьмага поколѣнія. Колонія была окружена враждебными племенами, находилась въ непрерывной опасности нападенія съ той или съ другой стороны; потому воинственная аристократія и царь, всегда готовый идти на войну, казались народу въ Киренѣ необходимыми. Баттъ I, основатель колоніи, царствовалъ 40 лѣтъ. Потомъ царствовалъ его сынъ, Аркезилай. Преемникомъ Аркезилая былъ Баттъ II Счастливый. Въ его царствованіе Дельфійскій оракулъ далъ грекамъ совѣтъ переселиться въ Ливію, потому что это изобильная страна и переселенцы получаютъ тамъ участіи земли. Множество грековъ переселилось въ Кирену. При ихъ помощи, Баттъ отнялъ у туземцевъ обширныя пространства земли и раздалъ участіи. Раздраженные туземцы призвали египтянъ. Фараонъ Гофра (Апрій) послалъ на Эллиновъ большое войско, какъ рассказывали мы въ I томѣ (стр. 198), но оно было разбито у ручья Осте (570 годъ). При сынѣ Батта II, Аркезилай II, произошли въ Киренѣ смуты. Потомки первыхъ колонистовъ хотѣли одни быть полноправными гражданами, одни занимать правительственныя должности, одни владѣть туземными поселеніями; новые поселенцы, которымъ они отказывали въ этихъ правахъ, эмигрировали, подъ предводительствомъ братьевъ царя, основали на западѣ отъ Кирены Барку, и возбудили подвластныхъ Киренѣ Ливійцевъ къ возстанію. Аркезилай, пошедшій на инсургентовъ, былъ разбитъ; 7.000 тяжеловооруженныхъ Киренейцевъ было убито въ этомъ сраженіи. Вскорѣ послѣ того Аркезилай былъ умерщвленъ (550). При его сынѣ, Баттѣ III, Киренейцы, по совѣту Дельфійскаго оракула, поручили Демонаксу, уроженцу города Мантинеи, преобразовать ихъ политическія учрежденія. Это было въ 545 году. Онъ раздѣлилъ жителей Кирены на три племенные корпораціи. Первое племя составляли, по введенной имъ организаціи, потомки переселенцевъ съ острова Оеры; второе переселенцы съ Крита и изъ Пелопоннеса, третье — переселенцы съ острововъ (кромя Крита). Всѣ три племена участвовали въ управленіи государствомъ;

Исторія
Кирены.

Баттъ I.
631—591.
Аркезилай I.
591—575.
Баттъ II.
575—570.

Аркезилай II.
570—550.

Основаніе
Барки.

Баттъ III.
550—530.

Реформа
Демонакса.

но первое племя сохранило исключительное право владеть порабощенными туземцами. Царю были оставлены его земли, оставлены прежнія его прерогативы права; онъ остался председателемъ правительственнаго совѣта и верховнаго суда. Слѣдующій царь, сынъ Аркесилая III. Батта III, Аркесилая III, хотѣлъ возстановить прежнія права царя въ полномъ ихъ объемѣ; его попытка произвела возстаніе, и онъ былъ принужденъ бѣжать. Онъ уѣхалъ на Самосъ. Обѣщаніями большаго награды онъ собралъ сильное войско, овладѣлъ Киреною и назначилъ своихъ противниковъ. Но вскорѣ былъ убитъ. Его жена, Феретима, хотѣла мстить за его смерть; но это повело, какъ мы увидимъ, къ тому, что династія Батта была низвергнута.

Общій выводъ. Таковъ былъ ходъ великаго переселенія греческихъ племенъ, начавшагося вторженіемъ Гераклидовъ въ Пелопоннесъ и давшего новое направленіе жизни эллинскаго народа. Вытѣсненные изъ родины греки, большею частью жители прибрежныхъ областей Греціи, основывая колоніи на островахъ и на западномъ берегу Малой Азіи, селились не между варварами: туземцы принадлежали къ тому же арійско-греческому племени, какъ и колонисты (стр. 26): они съ незапамятныхъ временъ жили на этихъ прибрежьяхъ и островахъ, и подъ вліяніемъ поселившихся между ними финикійцевъ сдѣлали большіе успѣхи въ образованности. Европейскіе греки, завоевавшіе у нихъ или получившіе отъ нихъ по договорамъ землю для основанія своихъ колоній, скоро слились съ ними въ одинъ народъ; эти переселенцы изъ Европы внесли новую энергію въ культурную жизнь азіатскихъ греческихъ племенъ, имѣвшую черты восточнаго типа и дали ей эллинскій характеръ. Восприимчивые и даровитые, они принесли съ собою изъ Европы богатый запасъ многосторонней житейской опытности, политическихъ и религіозныхъ идей, административной ловкости, разумныхъ мыслей о государственномъ устройствѣ и о федеративныхъ учрежденіяхъ. Потому должно назвать справедливымъ мнѣніе, что съ прибытіемъ европейскихъ колонистовъ въ Малую Азію началась эпоха очень плодотворнаго развитія эллинской цивилизации, что изъ сліянія культуры европейскихъ грековъ съ культурою родственныхъ имъ малоазійскихъ туземцевъ возникла на западномъ прибрежьи Малой Азіи вполнѣ національная, многосторонняя, совершенно новая цивилизація.

3. Амфиктіонія и Дельфійскій храмъ.

Между тѣмъ какъ греческіе переселенцы создавали себѣ тяжкою борьбою новую, прекрасную отчизну на востокѣ, ихъ оставшіеся на родинѣ соплеменники должны были выдержать много страданій отъ кровопролитныхъ раздоровъ, прежде чѣмъ въ потрясенныхъ этнографическимъ переворотомъ областяхъ установился новый порядокъ,

и миръ, освященный религіею, далъ жизни безопасность, сдѣлалъ возможнымъ развитіе культуры. Фессалійской военной аристократіи пришлось долго биться, чтобы покорить туземныя горныя племена по склонамъ Отрида, въ верховьяхъ Пенея, въ долинахъ Оссы и Пеліона. Эти разрозненные племена: фтіотійцы, магнеты, перребы, долопы, малійцы и проч. упорно защищали свою свободу отъ храбрыхъ конныхъ фессалійскихъ полковъ, и отстояли, если не совершенную независимость свою, то хотя нѣкоторую самостоятельность; они защищались очень упорно, какъ мы видимъ изъ того, что фессалійцы нашли наконецъ надобнымъ стать въ мирныя отношенія съ этими горцами, которыхъ хотѣли и отчасти ужъ успѣли покорить, заключили съ ними договоръ. Туземцы и фессалійцы установили общій религіозный праздникъ въ Аноелѣ; при входѣ въ Термопилы, черезъ которыя лежалъ путь изъ Фессаліи въ среднюю Грецію; праздникъ совершался осенью, въ древнемъ святилищѣ Деметры, «Земли — Матери». Этотъ фессалійскій праздникъ былъ началомъ великой амфиктіоніи, «Союза со-сѣдовъ»: къ союзу между прежнимъ и новымъ населеніемъ Фессаліи постепенно присоединились племена, жившія въ горахъ на югѣ отъ Эты, фокейцы, локрійцы, оставшіеся на родинѣ дорійцы, наконецъ беотійцы, іонійцы Аттики и Эвбеи, такъ что число государствъ, участвующихъ въ амфиктіоніи, дошло до двѣнадцати. Это священное число осталось основною цифрою счета членовъ амфиктіонскаго союза. Но въ послѣдствіи каждому изъ двѣнадцати членовъ было дано по два голоса, такъ что въ совѣтѣ амфиктіонскаго союза было двадцать четыре голоса. Этимъ была приобретена возможность сохранить особый голосъ за каждымъ изъ мелкихъ племенъ и предоставить по особому голосу двумъ частямъ племенъ, раздѣлившимся на части. Такъ по одному голосу имѣли малійцы, перребы, долопы, горцы хребта Эты (Этейцы); а іонійцы, дорійцы, локрійцы были раздѣлены каждое племя на двѣ половины, съ особымъ голосомъ для каждой половины *). Остальныя племена союза (фессалійцы, фокейцы, дельфійцы, беотійцы, фтіотійскіе ахейцы, магнеты, эніанцы) имѣли, каждое племя нераздѣльно, по два голоса. Члены союза давали клятву «не разрушать никакого города, принадлежащаго къ амфиктіоніи, не отнимать у него воды, не исключать его отъ участія въ общихъ жертвахъ и отъ богослуженія въ храмѣ амфиктіоніи». Эти постановленія были

*) Одинъ изъ іонійскихъ голосовъ принадлежалъ аминіанамъ, другой эвбейцамъ. Одинъ изъ дорійскихъ голосовъ оставался у маленькаго дорійскаго племена, жившаго въ той мѣстности средней Греціи, которая была отчизною дорійцевъ; это была Дорида, находившаяся близъ Парнасса; другой голосъ принадлежалъ всѣмъ пелопоннескимъ дорійцамъ вмѣстѣ; ихъ государства поочередно посылали геронимонъ (депутатовъ). Одинъ изъ локрійскихъ голосовъ принадлежалъ западнымъ (озольскимъ) локрійцамъ, другой восточнымъ (гинокемидскимъ или опунтскимъ).

первыми началами международного права. На покрытие расходов по жертвоприношениям и содержанию храма члены союза дѣлали взносы въ кассу послѣдняго. Впослѣдствіи, на союзномъ праздникѣ стали происходить совѣщанія о дѣлахъ федераціи. Союзный совѣтъ составляли депутаты (гіеромнемоны), представители голосовъ; племя или государство, имѣвшее одинъ голосъ, посылало одного депутата, имѣвшее два голоса—двухъ. Членами совѣта постановлявшаго рѣшенія были исключительно эти гіеромнемоны; по крайней мѣрѣ, такъ было до очень позднихъ временъ; и когда говорится о рѣшеніяхъ амфиктіоновъ, то рѣчь идетъ о рѣшеніяхъ совѣта гіеромнемоновъ. Но кромѣ этихъ депутатовъ, союзныя государства посылали въ Анеелу (и потомъ въ Дельфы) ораторовъ, которые назывались пиллагами («ораторами при воротахъ», то есть ораторами при термопильскомъ собраніи); каждое государство посылало нѣсколько ихъ; они не втировали въ совѣтъ, а были только дипломатическими агентами своего государства при совѣтѣ амфиктіоновъ. Изъ совѣщаній и рѣшеній амфиктіоновъ мало по малу выработались законы, общіе для всѣхъ эллиновъ. Такъ, на примѣръ, всѣми эллинами были приняты правила: побѣдитель обязанъ позволять побѣжденному право похоронить убитыхъ воиновъ его; не можетъ ставить вѣчныхъ памятниковъ побѣды; бѣжавшіе въ храмъ остаются тамъ неприкосновенны, на общія греческія игры и жертвоприношенія должны быть допускаемы все греки, даже и во время войны.

Дельфійскій
праздникъ.

Въ термопильской амфиктіоніи принадлежали народы всѣхъ трехъ главныхъ греческихъ племенъ: эолійскаго (ахейскаго), іонійскаго и дорійскаго. Но когда дорійцы, завоевавъ почти весь Пелопоннесъ, стали могущественнѣйшимъ племенемъ, то приобрѣли преобладающее вліяніе въ совѣтѣ амфиктіоновъ. Дельфійскій храмъ Аполлона, бывший національнымъ святилищемъ дорійцевъ, получилъ въ амфиктіоніи такое же значеніе, какъ анеельскій храмъ Деметры: совѣтъ амфиктіоновъ сталъ собираться и въ Дельфахъ. Онъ собирался два раза въ годъ, весною и осенью; каждый разъ, засѣданія начинались при одномъ храмѣ, продолжались при другомъ; начинались они, вѣроятно, въ Анеелѣ. Значеніе Дельфійскаго храма и находившагося при немъ оракула стало впослѣдствіи времени преобладающимъ. Охраненіе этого святилища сдѣлалось первою и важнѣйшею обязанностью союза амфиктіоновъ, и къ прежней клятвѣ было прибавлено: «Если кто похититъ что нибудь изъ святилища дельфійскаго бога, амфиктіоны должны рукою и ногою, голосомъ и всѣми своими силами заботиться о наказаніи». Формула присяги была вырѣзана на мѣдной доскѣ, поставленной при томъ мѣстѣ, гдѣ совѣщались амфиктіоны. Безъ сомнѣнія, и въ тѣ времена, когда праздникъ союза совершался въ Анеелѣ, на это торжество сходилось много народа, съ религіозными обрядами были уже соединены народныя развлечения, состязанія пѣв-

цовъ и музыкантовъ. На пнѣйскихъ играхъ, происходившихъ въ Пнѣйскія игры. Дельфахъ, праздничными развлечениями были съ давнихъ временъ пѣніе, пляска, музыка; только ужъ впослѣдствіи были, по примѣру Олимпійскаго праздника, присоединены къ этимъ развлечениямъ и гимнастическія игры: бѣгъ людей, конскія скачки, состязанія въ бѣгѣ колесницъ, борьба, кулачный бой, прыганье, бросаніе диска; судьи состязаній въ пнѣйскихъ играхъ награждали побѣдителей лавровыми вѣнками, сплетенными изъ вѣтвей, срѣзанныхъ въ священной рощѣ Аполлона. Но состязанія въ тѣхъ искусствахъ, покровительницами которыхъ были музы, продолжали составлять важнѣйшую часть пнѣйскихъ игръ.

Дельфійскій праздникъ совершался съ особенною торжественностью черезъ періоды, состоявшіе изъ восьми лѣтъ; по восьмилѣтнимъ цикламъ лунный годъ, которымъ правила Артемида, былъ приводимъ въ согласіе съ солнечнымъ годомъ, которымъ правила ея братъ, Аполлонъ; совпаденіе между годами брата и сестры и было празднуемо въ Дельфахъ торжественнѣе, чѣмъ праздники промежуточныхъ лѣтъ. Все греческія государства отправляли посольства на этотъ великій праздникъ, совершавшійся по восьмилѣтнимъ срокамъ; въ Дельфы собиралось множество народа; на праздникъ пѣли хоры, танцевали группы юношей и дѣвушекъ, совершалась пляска мальчиковъ кругомъ жертвенника, символически изображавшаго побѣду Аполлона надъ Пнеономъ. Дельфійскій осьмилѣтній періодъ послужилъ основаніемъ для правильной хронологіи. Изъ восьмилѣтняго цикла произошли четырехлѣтній цикл олимпійскихъ праздниковъ и двугодичный циклъ немейскихъ игръ.

Время праздни-
ванія пнѣй-
скихъ игръ.

Мы ужъ описывали величественную мѣстность, въ которой стоялъ Дельфійскій храмъ Аполлона Пнѣйскаго, на круглой скалѣ, на высотѣ 2.000 футовъ надъ долиною Плиста; мы говорили, что конусообразный камень, на который изливалась въ этомъ храмѣ кровь жертвенныхъ животныхъ, былъ серединою земли, что подъ храмомъ была пещера оракула, гдѣ изъ узкой расщелины выходилъ темный газъ, производившій наркотическое дѣйствіе. Надъ этою расщелиной былъ искусственный гротъ первобытной постройки, сложенный изъ пяти огромныхъ камней, и время основанія самого храма относится къ незапамятной древности. Легенда говорила, что строителями храма были два орхоменскіе художника. У Гомера ужъ говорится о сокровищахъ, находящихся за „каменнымъ порогомъ“ Феба Аполлона на скалахъ пнѣйскихъ полей (Иліада IX, 405). При этомъ храмѣ, имѣвшемъ оракулъ, посѣщаемый множествомъ народа, возникло въ древней древности жреческое государство, подобное тѣмъ, какія существовали при храмахъ на востокѣ, и сложившееся, быть можетъ, подъ вліяніемъ понятій, приобрѣтенныхъ дорійскими переселенцами на Критѣ и въ Малой Азии и переданныхъ ими дорійцамъ, оставшимся въ Греціи. Значеніе этой жреческой общины въ исторіи Греціи огромно. Дельфійскимъ храмомъ управляла коллегія пяти „святыхъ“ или верховныхъ жрецовъ, которые избирались изъ самыхъ древнихъ и знатныхъ дельфійскихъ фамилій; санъ ихъ былъ пожизненный. Подъ ихъ завѣдываніемъ находились два жреца, совершавшіе богослуженіе, и нѣсколько „пророковъ“, находившихся при пнѣи, устами которой давалъ свои отвѣты оракулъ, пророки записывали ея слова. Пнѣя была избираема изъ благородныхъ дельфійскихъ фамилій. Прежде, въ этотъ санъ выбирали дѣвушку; впослѣдствіи, пожилую

Дельфійскій
храмъ.

женщину; по вступлении въ санъ, она должна была вести святую, чистую жизнь, потому что ея устами давалъ откровения Аполлонъ. Сначала былъ лишь одинъ день въ году, назначенный для того, чтобы вопрошать оракула; послѣ, когда число спрашивающихъ увеличилось, увеличилось и число дней, въ которые оракулъ давалъ отвѣты. Пиея готовилась къ пророчествованію постомъ, омовеніями, обрядами очищенія, жевала лавровые листья; облачалась въ длинную одежду и съ распущенными волосами садилась на золотой, устланный лавровыми вѣтвями треножникъ, поставленный надъ щелью, изъ которой шелъ газъ. Дѣйствіе газа скоро производило въ ней бредъ; она въ этомъ состояніи произносила отрывочныя слова; стоящіе около нея пророки записывали ихъ, и составляли на основаніи ихъ отвѣты, изложенные стихами; смыслъ стиховъ былъ темный, поддававшийся разнымъ толкованіямъ; составивъ отвѣтъ, пророки отдавали его вопрошавшему, который дожидался въ комнатѣ надъ гротомъ. Итакъ, отвѣты пиеи не были продуктами пророческой экзальтаціи; пиея утрачивала самосознаніе; ея личный разумъ угасалъ, тѣмъ чище передавали ея уста голосъ божества;—такъ понимали греки пророчествованіе пиеи. Состояніе, въ какое приводилъ ее газъ, было тяжелое, болѣзненное. И собственно говоря, отвѣты, получаемые спрашивающими, принадлежали не пиеи, а ея помощникамъ. Пещера Пиеи соединена была темною, наполненною благоуханіемъ галлереею съ тѣмъ отдѣломъ храма, который былъ самымъ священнымъ, и въ которомъ находились: камень, обозначающій средину земли, и жертвенникъ съ неугасимымъ огнемъ; вопрошающій оракула приносилъ на этомъ жертвенникѣ какое нибудь животное, обыкновенно козу; къ вопрошенію оракула и жертвоприношенію онъ приготовлялся омовеніями и обрядами очищенія. Послѣ, когда храмъ сталъ богатъ, въ священнѣйшемъ отдѣлѣ его стояла золотая статуя Аполлона. Дельфійскій храмъ, посѣщаемый множествомъ поклонниковъ, сдѣлался центромъ обширнаго рынка; обильныя приношенія, накопляясь въ храмѣ, образовали огромную массу богатствъ; храму принадлежали земли, воздѣлываемыя или подвластными ему поселенцами, или рабами, и дававшія большой доходъ; въ позднѣйшія времена, всѣ земли города Криссы были отданы въ собственность храму; это былъ цѣлый округъ, доходившій до моря, на берегу котораго, при устьѣ Плиста, была пристань, мѣстечко Кирра.

Крисса. Богатый фокейскій городъ Крисса, соседній съ Дельфами и бывший, вѣроятно, ихъ метрополіею, завидовалъ ихъ возрастающему блеску. Дельфійцы платили ему за это ненавистью. Криссейцы установили пошлину за пропускъ богомольцевъ, шедшихъ въ Дельфы. Жалуясь Амфиктіонамъ на это и на непріязненные дѣйствія Криссейцевъ, оскорблявшія священный округъ храма, дельфійцы потребовали, чтобы Крисса была разрушена. Амфиктіонами была начата противъ Криссы такъ называемая «священная война», ея вели главнымъ образомъ Криссеенъ, тиранъ сикіонскій, аеиніе и еессалійская фамилія Алевадовъ; она длилась десять лѣтъ, и кончилась тѣмъ, что Крисса и укрѣпленная пристань криссейской области, городъ Кирра, были разрушены, жители ихъ были сдѣланы рабами Дельфійскаго храма, область Криссы и Киррейская пристань отданы храму, такъ что округъ его расширился до Коринѣскаго залива. Было постановлено, что криссейская земля—хоть это была плодородная равнина—должна оставаться невоздѣлываемою, должна служить только пастбищемъ для жертвенныхъ животныхъ, которыхъ дельфійцы продавали богомольцамъ. Заливъ, называвшійся криссейскимъ, сталъ по разрушеніи Криссы называться коринѣскимъ.

Дѣятельность оракула. Дельфійскій оракулъ, у котораго греки спрашивали совѣта во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, былъ теократическимъ учрежденіемъ, имѣвшимъ

большое вліяніе на ходъ развитія государственной и народной жизни эллиновъ. Онъ укрощалъ дикость буйныхъ нравовъ силою гуманности, содѣйствовалъ отменѣ приношенія людей въ жертву, обуздывалъ самоуправство, смягчалъ междоусобицы, кровомщеніе, другіе грубые обычаи, помогалъ развитію земледѣлія и всѣхъ мирныхъ занятій, требовалъ, чтобы виновные въ убійствѣ искупали свой грѣхъ покаяніемъ; онъ пробуждалъ и укрѣплялъ чувство національнаго единства, поставивъ догматомъ вѣры общность происхожденія всѣхъ грековъ отъ Девкаліона и Геллена (стр. 103); онъ охранялъ вырабатывшіяся у грековъ религіозныя понятія и богослужебныя обряды отъ нововведеній и искаженій; придавалъ вѣрованіямъ и богослуженію общій національный характеръ; праздники, совершавшіеся при храмѣ оракула, давали основу для правильнаго счета времени; оракулъ содѣйствовалъ расширенію греческой культуры на страны варваровъ, посылая колоніи, указывая пути для торговаго мореплаванія, поддерживалъ связи колоній съ родиною и ея религіозными учрежденіями; онъ возвышалъ и освящалъ государственную жизнь, влагая религіозный элементъ во всѣ общественныя дѣла. Жреческая корпорація, органомъ которой служилъ оракулъ, обладала многосторонними знаніями, богатымъ запасомъ житейскаго опыта; къ ней шли свѣдѣнія со всѣхъ краевъ обширнаго греческаго міра; потому она была въ состояніи давать разумные совѣты, которые были принимаемы съ уваженіемъ, какъ откровеніе Аполлона. Греческій народъ и въ счастьѣ и въ несчастіѣ сохранялъ полное довѣріе къ отвѣтамъ дельфійскаго оракула, исполнялъ его совѣты съ наибольшимъ послушаніемъ. Уваженіе къ дельфійскому оракулу стало уменьшаться у грековъ лишь въ позднія времена, когда жреческая корпорація храма стала за золото служить орудіемъ интригъ.

Эллинамъ не было причинъ раскаиваться въ своемъ довѣріи къ совѣтамъ дельфійскаго оракула. Святые мужи на свѣтлой высотѣ Парнасса стояли въ сторонѣ отъ распрей между племенами и государствами; ихъ взглядъ на политическія дѣла не была омрачена личнымъ участіемъ въ борьбѣ и вообще они имѣли точныя свѣдѣнія о положеніи государствъ; потому они могли судить правильнѣе и безпристрастнѣе, чѣмъ большинство политическихъ дѣятелей, ослѣпленное страстями, запутанное въ раздоры, не способное смотрѣть на дѣла съ точки зрѣнія національных интересовъ. Дельфійская жреческая коллегія обладала тою разсудительностью, которая передается отъ поколѣнія поколѣнію въ духовныхъ корпораціяхъ; дельфійскіе жрецы были проникательны, практичны, хорошо знали людей, умѣли понимать трудные житейскіе вопросы. Но они съ большимъ тактомъ воздерживались отъ рѣшительныхъ сужденій, уклонялись отъ рѣзкаго вмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ, не вступались за слабыхъ, не запрещали войнъ; совѣты и повелѣнія, которыя давалъ ихъ оракулъ, были религіозными наставленіями о томъ, какъ отвратить отъ государства гнѣвъ боговъ, или внушеніями о надобности установить тотъ или другой законъ; но успѣшнѣе всего дѣйствовалъ дельфійскій оракулъ, когда давалъ совѣты

основывать колоніи; влияние дельфійскихъ жрецовъ на ходъ колонизации было самое благотворное. Дельфійскій оракулъ внушилъ грекамъ основывать колоніи въ Сициліи, въ южной Италіи, въ Галліи, въ Ливіи. Первымъ дѣломъ колонистовъ обыкновенно было—построить на берегу жертвенникъ Аполлона; всѣ колоніи считались принадлежащими Аполлону, и постоянно посылали приношенія въ дельфійскій храмъ. Служеніе Аполлону въ главномъ его святилищѣ было общее всѣмъ греческимъ племенамъ и государствамъ, потому слова пифіи повсюду принимались съ вѣрою; быстрое развитіе колоній свидѣтельствовало о практичности повелѣній оракула, который не столько пророчествовалъ о будущемъ, сколько давалъ совѣты о томъ, какъ слѣдуетъ поступить въ данныхъ обстоятельствахъ. Дѣйствуя съ замѣчательною вѣрностью своимъ принципамъ, дельфійская жреческая корпорація умѣла въ продолженіе многихъ вѣковъ поддерживать авторитетъ своего оракула. Незмѣнность характера его дѣятельности среди измѣнчивости всего кругомъ него внушала довѣріе къ нему, казалась свидѣтельствующею о божественности его. Въ греческихъ государствахъ было много волненій и смуть, затемнявшихъ чувство справедливости, пробуждавшихъ мучительныя сомнѣнія; тѣмъ радостнѣе принимали греки божественные совѣты оракула, разрѣшавшіе ихъ недоумѣнія. Когда люди не знаютъ, какъ имъ поступить, то всякое рѣшеніе отрада для нихъ. — Легендою о происхожденіи всѣхъ грековъ отъ Девкаліона и Эллина дельфійская жреческая корпорація много содѣйствовала развитію общаго національнаго чувства въ грекахъ всѣхъ племенъ. Легенда говорила, что союзъ амфиктіоновъ установленъ сыномъ Девкаліона, Амфиктіономъ; имя „греки“, которымъ называли эллиновъ западныхъ племена, легенда производила отъ имени сына Пандоры, дочери Девкаліона. Такимъ образомъ, дельфійскіе жрецы выработали понятіе о національномъ единствѣ всѣхъ греческихъ племенъ, идею общаго отечества, общности происхожденія, и камень въ дельфійскомъ храмѣ, обозначавшій средину земли, обозначалъ также, что этотъ храмъ—центръ національной жизни эллиновъ.

Дельфійская амфиктіонія, опиравшаяся на уважаемый всѣми греками оракулъ при храмѣ, стоявшемъ въ центрѣ Греціи, была самымъ важнымъ изъ союзовъ подобнаго рода, но не самымъ древнимъ изъ нихъ. При другихъ храмахъ образовались такіе же федераціи; нѣкоторыя одновременно съ дельфійскою, нѣкоторыя раньше ея: племена или города, сосѣдніе съ какимъ нибудь храмомъ, дѣлали его общимъ центромъ своего богослуженія, входили въ мирныя сношенія между собою, учреждали общія игры, заключали оборонительные союзы; всѣ такіе товарищества содѣйствовали развитію національнаго чувства. Таковъ былъ богослужебный союзъ іонійцевъ Аттики, Герміоны и Эпидавра съ Орхоменомъ, Навплиею и Эгиною для общихъ жертвоприношеній въ храмъ Посейдона на маленькомъ островѣ Калавріи; этотъ союзъ былъ очень давній; онъ удержался и послѣ того, какъ Эгиною овладѣли дорійцы. Центрами другихъ богослужебныхъ союзовъ были Аргосскій храмъ Геры, храмъ Посейдона въ беотійскомъ городѣ Онхестѣ, храмъ Аполлона на островѣ Делосѣ и нѣкоторые другіе храмы. Всѣ эти религіозныя товарищества содѣйствовали смягченію нравовъ и развитію сознанія о національномъ единствѣ.

На делосскій праздникъ, происходившій весною, съѣзжались посольства отъ іонійцевъ Цикладскихъ острововъ, Аттики и Эвбеи, отъ іонійскихъ колоній Сициліи, Малой Азіи, устья Дуная; Аполлонъ родился на Делосѣ, и они приносили въ даръ ему на его родинѣ первые плоды весны, совершали съ пѣніемъ и плясками веселое религіозное торжество, которое въ первый разъ было совершено племеннымъ героемъ іонійцевъ, Тезеемъ и его спутниками, на обратномъ пути съ Крита. Іонійцы отовсюду собиравшись на делосскій весенній праздникъ, и везли съ собою товары, веселились и торговали. Гомеръ прославляетъ этотъ прекрасный праздникъ, на который іаоны (іонійцы) въ длинныхъ одеждахъ собираются съ дѣтьми и прекрасноопоясанными женами, и въ торжественномъ порядкѣ идутъ къ жертвеннику Аполлона пѣть, плясать и состязаться на играхъ въ честь богу свѣта. Аполлоновы праздники въ Дельфахъ, на Делосѣ въ Милетѣ, въ другихъ мѣстахъ имѣли, кромѣ религіознаго значенія, и большую торговую важность: на нихъ съѣзжались купцы, продавали, покупали товары, заключали торговые контракты: стеченіе множества людей изъ разныхъ земель вело къ расширенію торговыхъ связей.

Было много союзовъ, подобныхъ пифійско-термопильской амфиктіоніи. Но она рано сдѣлалась и навсегда осталась важнѣйшею изъ всѣхъ этихъ религіозныхъ федерацій. Совѣтъ амфиктіоновъ не имѣлъ силы защищать слабыхъ членовъ союза отъ нападенія сильныхъ, рѣшать ссоры государствъ третейскимъ судомъ; онъ принужденъ былъ ограничивать свою дѣятельность охраненіемъ дельфійскаго храма, заботою о безопасности собиравшихся въ него богомольцевъ. Федеративная связь была слаба; совѣтъ амфиктіоновъ становился политической силою, лишь когда какое нибудь могущественное государство употребляло его орудіемъ для своихъ эгоистическихъ цѣлей и посылало свои войска исполнить его рѣшеніе.

Принадлежность къ дельфійской амфиктіоніи не доставляла охраны отъ еессалійцевъ локрійцамъ, земледѣльческому народу, жившему по приморью на югъ отъ Эты и не имѣвшему рабовъ; не давала охраны и фокейцамъ, которые пасли свои стада по склонамъ Парнасса; имъ часто приходилось покидать свои неукрѣпленныя поселенія и бѣжать въ горы отъ еессалійскихъ конныхъ дружинъ, вторгавшихся къ нимъ черезъ Термопильскій проходъ, который напрасно старались фокейцы запереть отъ хищниковъ постройкою стѣны. Легенды рассказываютъ о битвахъ и военныхъ хитростяхъ, которыми оборонялись фокейцы отъ еессалійцевъ; есть рассказъ о томъ, что 600 фокейцевъ, одѣвшись въ бѣлое платье, напали ночью на еессалійскій станъ; есть другой рассказъ о томъ, что они, прикрывши ровъ, заманили еессалійцевъ скакать по этому мѣсту; лошади еессалійцевъ провалились, и фокейцы перебили всадниковъ. Они взяли тутъ четыре тысячи щитовъ и принесли ихъ въ даръ дельфійскому храму и другому храму Аполлона, бывшему въ городѣ Абахѣ; эти трофеи и статуи двухъ побѣдоносныхъ вождей оставались свидѣтельствомъ потомству о старинныхъ войнахъ, породившихъ непримиримую ненависть между еессалійцами и фокейцами.

Делосскій
праздникъ
Аполлона.

4. Эпическая поэзия.

Религиозная поэзия древних времен. У греков, как и у всех цивилизованных народов, древняя поэзия коренится в религиозном чувстве. Душа, исполненная верою, что надъ измѣнчивою жизнью человѣка владычествуютъ неизмѣнныя высшія силы, стремится высказать свои ощущенія. Крылатые слова летятъ изъ устъ истолкователями религиознаго чувства. Въ юности народовъ оно проявляется не тихою молитвою, а громкимъ пѣніемъ передъ жертвенникомъ, и пѣніе обыкновенно сопровождается плясками, восторженнымъ крикомъ. Религиозное пѣніе—«дѣтски шумное проявленіе благодарности за щедрые дары природы», говоритъ Ульрици: «въ немъ выражается удивленіе величію и красотѣ природы, хвала силѣ, правящей ею; но выражаетъ и страхъ передъ ея неодолимымъ всемогуществомъ, скорбь о мимолетности даваемыхъ ею благъ и человѣческой жизни». Священные пѣсни богослуженія были первыми началами поэзіи первобытныхъ временъ. Но у народовъ, одаренныхъ воображеніемъ, религиозное чувство и священное пѣніе не ограничивается временемъ богослуженія; всѣ дѣла и обязанности жизни, всѣ фазисы годовыхъ перемѣнъ въ природѣ пробуждаютъ у этихъ народовъ религиозное настроеніе, то радостное, то печальное; эти ощущенія выражаются тоже пѣснями. Всѣ эти первобытныя пѣсни—и гимны священнослуженія, и пѣсни о годовыхъ перемѣнахъ явленій природы, и пѣсни вызываемыя радостными или печальными событіями человѣческой жизни, свадьбами и похоронами,—скоро принимаютъ постоянныя формы, освященныя обычаемъ; становятся неизмѣннымъ и содержаніе ихъ и напѣвъ.

Разные классы религиозныхъ пѣсней. Мы говорили о печальныхъ пѣсняхъ, которыми поселяне и поселянки на своихъ работахъ и праздникахъ выражали скорбь о гибели юности дивной красоты, Адониса, Лигіерса, Лина, Аттиса или Гиласа; всѣ эти грустныя пѣсни о томъ, что растительность гибнетъ отъ зимы или засухи, что мимолетна человѣческая жизнь, были такъ сходны между собою, что Геродотъ считалъ египетскій манеръ и греческій линосъ за одну и ту же пѣсню. Богослужебныя гимны, которые пѣлъ народъ при жертвоприношеніяхъ и на религиозныхъ праздникахъ, тоже рано приняли неизмѣнную форму; пѣсни разнымъ богамъ были разныя, но каждая пѣлась всегда одинаково. Свѣтлыхъ олимпійскихъ боговъ и богинь, Зевса и его дѣтей Аполлона и Аенну славилъ пѣснями радостнаго содержанія и напѣва, выражавшими увѣренность въ ихъ помощи, благодарность и хвалу за избавленіе отъ бѣдствій, за побѣду; гимны, обращенныя къ божествамъ земли, смерти, подземнаго царства имѣли характеръ задумчивой, иногда мрачной серьезности, выражали чувства, тяжело дѣйствующія на человѣка: грусть о томъ, что исчезаетъ сила жизни, опасеніе бѣдъ, которыя, быть можетъ, таятся въ лонѣ будущаго. До насъ дошли извѣстія, показывающія, что ужъ и въ миѣическія времена у грековъ были и радостныя и печальныя религиозныя пѣсни. Музы въ Либетрѣ на оственномъ рощахъ склонѣ

Олимпа и у подошвы священнаго Геликона прославляли небесныхъ боговъ радостными пѣснями, пѣли веселый свадебный гимнъ, гимней, но пѣли и жалобныя пѣсни объ умершихъ, смягчая суровость грозныхъ божествъ подземнаго міра. Пѣснями, какія пѣли онѣ, научили онѣ и пѣвцовъ, служителей своихъ.

При разнообразіи священныхъ пѣсней по содержанію и напѣву, Жреческія фа- при обычаѣ пѣть подъ акомпаниментъ музыкальныхъ инструментовъ, мліи пѣвцовъ. религиозная поэзия необходимо должна была рано сдѣлаться профессиональнымъ занятіемъ жреческихъ фамилій, устанавливавшихъ содержаніе и напѣвы гимновъ, формы богослуженія, сохранявшихъ эти знанія по наслѣдству изъ рода въ родъ. «Жрецъ, совершавшій богослуженіе, завѣдывавшій храмомъ и праздниками, былъ хранителемъ содержанія и формы священныхъ пѣсней», говоритъ Ульрици: «онъ управлялъ пѣніемъ и музыкою, училъ правильному напѣву, училъ богоугоднымъ словамъ гимна. Потому, ему необходимо было самому быть поэтомъ и пѣвцомъ, чтобы наблюдать за вѣрнымъ исполненіемъ установленныхъ правилъ; жрецомъ и поэтомъ было тогда одно и то же лицо».

Таковыми жрецами-поэтами были великіе пѣвцы миѣическихъ вѣковъ въ Піэріи у многоручейнаго Олимпа и въ области пѣнія, Давлидѣ, у Парнасса и у Геликона: знаменитый Орфей, надъ чьей могилою въ Либетрѣ музы пѣли жалобную пѣсню, подслушанную и повторяемую теперь соловьями, и которому потомство строило храмы въ рощахъ и ставило кипарисовыя статуи; Эвмолпъ и Музей, которые перенесли священное пѣніе въ Аттику; Оленъ, изобрѣтатель хорового пѣнія, которое съ очень давняго времени было введено въ служеніи Аполлону въ Дельфахъ, на Делосѣ и Критѣ. Эти миѣическіе пѣвцы олицетворяютъ собою пѣніе гимновъ, получившее художественное развитіе въ служеніи Діонису, Аполлону и музамъ; а въ Линѣ и Іалемѣ олицетворены грустныя народныя пѣсни о гибели прекрасной растительности. Странствующій пѣвецъ Тамиридъ, вступавшій въ состязаніе съ самими музами, вѣроятно олицетворяетъ собою переходъ священныхъ гимновъ въ эпическія рапсодіи, воспѣвающихъ героевъ. Имена этихъ миѣическихъ пѣвцовъ принадлежатъ народнымъ сказкамъ; но гимны, которые приписывались имъ—произведенія поздней поддѣлки.

Пастушескій и земледѣльческій бытъ пеласгійской старины замѣнилъ Переходъ въ ся вѣкомъ воинственныхъ влеченій, отважныхъ подвиговъ и веселыхъ пировъ; соотвѣтственно этому измѣненію характера дѣйствительной жизни старинное пеласгійское служеніе силамъ природы, представленія о которыхъ оставались неопредѣленными, не имѣющими ясныхъ очертаній, мало по малу превратилось въ поклоненіе божествамъ, бывшимъ тоже олицетвореніями силъ природы, но имѣвшимъ отчетливо обрисованныя очертанія человѣческой формы, бывшимъ идеализированными людьми. Когда произошла эта перемѣна, людямъ стало недостаточно того, что они пѣли молитвы, пѣсни бла- эпической поэ- зии.

годаренія и славословія богамъ; чувствовалась потребность представлять себѣ эти отчетливо обрисовывавшіеся, индивидуальные образы боговъ дѣйствующими, воспѣвать ихъ дѣла, ихъ жизнь, ихъ победы, прославлять ихъ совершенства; лирическая поэзія гимновъ, изліяніе волнующагося религіознаго чувства превратилось въ поэзію спокойнаго разсказа. Разсказы о богахъ были первымъ фазисомъ развитія эпической поэзіи; потомъ греки перешли отъ боговъ къ героямъ старины, предкамъ родовъ воинственной аристократіи, и отдѣлили эпическія пѣсни отъ богослуженія.

Древнѣйшія
пѣсни о ге-
рояхъ.

Этой второй ступени развитія эпическая поэзія достигла, должно думать, еще до переселенія дорійцевъ. У всѣхъ народовъ, одаренныхъ поэтическимъ творчествомъ, способныхъ сознать ясно опредѣленные образы, въ героическій вѣкъ существуетъ сословіе воинственныхъ пѣвцовъ, потому что настроеніе души, влекущее къ отважнымъ дѣламъ, обыкновенно производитъ и прославляющую ихъ поэзію: великій подвигъ порождаетъ пѣсню, какъ говоритъ Гомеръ. Въ поэмахъ Гомера мы находимъ много слѣдовъ того, что въ героическій вѣкъ у грековъ пѣвецъ былъ спутникомъ героя, что эносъ возникъ и росъ вмѣстѣ съ духомъ геройства. На пирахъ царей, на похоронахъ героевъ, какъ на примѣръ, на погребеніи Гектора, пѣлись пѣсни съ аккомпаньементомъ музыки. Странствующие пѣвцы, приходившіе съ своею китарою или своимъ форминксомъ въ дворцы царей и дома вельможъ, принимались, какъ пріятные, уважаемые гости, радушіе сердце своимъ искусствомъ, любимцы Аполлона *). Пѣвцы эпическихъ разсказовъ вели беззаботную жизнь, уважаемые всѣми, говоритъ Фридрихъ Шлегель: „Они странствовали въ веселой своей бѣдности, находя дружескій пріютъ себѣ у каждаго очага“. Герои были любители пѣсень, прославлявшихъ подвиги ихъ предковъ, и признавая, что прежніе люди далеко превосходили нѣнѣшнихъ силою, стремились однако же подражать имъ. Пѣвцы состязались между собою въ искусствѣ на пирахъ царей, на похоронахъ героевъ, на праздникахъ боговъ. Они пѣли подъ аккомпанементъ музыки; но по мѣрѣ того, какъ въ ихъ пѣсняхъ развивался эпическій характеръ, музыкальный элементъ терялъ свою прежнюю важность въ ихъ пѣніи, наконецъ они стали изъ пѣвцовъ рапсодами: они только брали на китарѣ или форминксѣ аккорды для того, чтобы поддерживать интонацію пѣвчаго разсказа. Древнѣйшія эпическія пѣсни были, по всей вѣроятности, слагаемы уже размѣромъ гекзаметра. Стихотворная форма очень удобна для разсказчика, который долженъ знать свой разсказъ наизусть: ритмическая рѣчь легче удерживается памятью. Гекзаметръ былъ размѣромъ очень древнимъ и очень уважаемымъ; это ясно изъ преданія, что отвѣты Дельфійскаго оракула первоначально были даваемы стихами гекзаметрическаго размѣра. Есть много данныхъ, заставляющихъ полагать, что до 30-й олимпиады гекзаметръ былъ всеобщимъ размѣромъ даже и въ лирической поэзіи, что и религіозныя гимны и народныя пѣсни имѣли этотъ ритмъ. Кажется

*) Гезіодъ, «Теогонія», стихи 96 и слѣд. «Блаженъ тотъ, къ кому благосклонны музы; изъ устъ его сладко льются благозвучныя слова. Когда къ человѣку, неподвижно сидящему съ печалью въ новоогорченномъ сердцѣ, приходитъ пѣвецъ, дѣрный служитель музъ и прославляетъ пѣсню древніе подвиги и боговъ, живущихъ на блаженныхъ высотахъ Олимпа, то быстро проникаетъ въ его душу забвеніе печали, перестаетъ онъ думать о своемъ горѣ, даръ богинь отклоняетъ его сердце отъ скорби».

и формы слога были, подобно размѣру, опредѣлены обычаемъ: существовали освященные преданіемъ поэтическіе обороты, описанія; существовали постоянные эпитеты, кратко и пластично обозначавшіе главные качества божествъ и героевъ. Это придавало пѣснямъ типическую одинаковость, очень помогавшую пѣвцамъ заучивать и помнить ихъ: постоянные эпитеты и другія постоянныя выраженія служили опорами для памяти; дѣло еще больше облегчалось тѣмъ, что въ пѣсняхъ было много повтореній.

Знаніе, передаваемое изустно, вообще становится наследственнымъ достояніемъ семьи или корпораціи, въ которой старшіе научаютъ ему младшихъ. Мы видѣли, что знаніе религіозныхъ гимновъ и соединенное съ пѣніемъ ихъ заучиваніе богослужебными обрядами и праздниками было наследственнымъ въ извѣстныхъ семействахъ; такъ и эпическія пѣсни были заучиваемы и развиваемы группами людей, примыкавшими къ знаменитымъ пѣвцамъ и составлявшими школы; школы эти носили имена своихъ наставниковъ. Въ нихъ заучивались существовавшія пѣсни и формы пѣнія; были слагаемы новыя пѣсни по типу заученныхъ; все заучиваемое и прибавляемое къ заученному имѣло одинаковый характеръ. Такія школы существовали въ малоазійскихъ греческихъ колоніяхъ; на Самосѣ была школа Креофелидовъ, на Хіосѣ школа Гомеридовъ;—эти школы существовали тамъ съ IX до VI вѣка. Таковы первыя опредѣленные извѣстія, дошедшія до насъ. Но мы имѣемъ основанія полагать, что и въ этомъ, какъ во всемъ остальномъ, жизнь малоазійскихъ колоній представляетъ только развитіе явленій, зародыши которыхъ уже существовали въ Греціи до начала колонизаціи. Воспоминанія, съ какими переселились колонисты, стали для нихъ вдали отъ родины еще драгоцѣннѣе прежняго. Боги и герои, чьи дѣла прославлялись эпическими пѣснями, были родными и для переселенцевъ; эти музы были извѣстны и милы колонистамъ съ дѣтства. Они хранили въ пѣсняхъ старинныя преданія и обогащали сказанія отцовъ прибавками, соотвѣтствовавшими новымъ своимъ интересамъ. Имъ должны были быть очень милы пѣсни, показывавшія, что прекрасное побережье, сдѣлавшееся новою отчизною ихъ, было мѣстомъ великой борьбы, что предки ихъ покорили справедливою войною ту землю, которую теперь приобрѣли они тяжкими усиліями. Потому въ малоазійскихъ колоніяхъ развился великолѣпный эпосъ, сохраняющій формы прежнихъ эпическихъ пѣсень, предполагающій извѣстными имена и миѣы боговъ и многія изъ преданій европейскихъ грековъ, но избравшій своимъ предметомъ исключительно циклъ сказаній о Троянской войнѣ и ея герояхъ. Гомеровская поэзія была цвѣтомъ и плодомъ сѣмени, находившагося въ пѣсняхъ европейскихъ грековъ. Древнее преданіе, называя Гомера и Гезіода потомками Орфея и Музея, говорило этимъ, что эпическія пѣсни позднѣйшаго времени произошли изъ пѣсень, которыя пѣлись у Олимпа и Геликона. Были и до Гомера пѣвцы, вос-

Школы
пѣвцовъ.

Пѣсни о герояхъ малоазійскихъ грековъ.

хищавшіе грековъ на пирахъ, на похоронныхъ торжествахъ и на играхъ пѣснями о дѣлахъ боговъ и героевъ; но делосскія дѣвушки признали Хіосскаго слѣпца *) «пѣвцомъ, милѣйшимъ изъ всѣхъ, поющимъ пріятнѣйшія пѣсни».

Этого „слѣпца пѣвца“, который въ „Гимнѣ Аполлону“ рассказываетъ о себѣ, что онъ „живетъ на скалистомъ Хіосѣ и ѣздитъ на Делосскій праздникъ іонійцевъ, на состязанія пѣвцовъ“, Фукидидъ и почти всѣ другіе греческіе писатели считаютъ Гомеромъ, авторомъ Иліады, родоначальникомъ Гомеровъ, рода пѣвцовъ, жившаго въ продолженіе болѣе чѣмъ трехъ столѣтій на іонійскомъ островѣ Хіосѣ. Семь городовъ спорили между собою о славѣ называться родиною отца поэзи; этотъ споръ и раздоръ легенды о Гомерѣ давно приводили нѣкоторыхъ ученыхъ къ мнѣнію, что Гомеръ не дѣйствительное лицо, а лишь олицетвореніе поэтической дѣятельности, создавшей въ мазоазійскихъ колоніяхъ изъ давнихъ сказаній тѣ бессмертныя пѣсни, остатки которыхъ собраны въ очаровывающихъ насъ поэмахъ, Иліадѣ и Одиссеѣ.

Изъ семи городовъ, называвшихъ себя родиною Гомера, Смирна имѣла послѣ Хіоса наибольшее право присвоивать себѣ эту славу. Смирна была первоначально Эоійскимъ, послѣ стала Іонійскимъ городомъ; легенда говоритъ, что основателями и жителями ея были греки разныхъ мѣстъ, изъ Аеніи, изъ Локриды, Беотіи, Фессалии; разноплеменность населенія могла благоприятствовать развитію умственныхъ силъ, разработкѣ преданій старины, слиянію разныхъ нарѣчій въ общій эпическій діалектъ. Мы видѣли, что Смирна была (около 700-таго года) завоевана Колофонцами и присоединена къ Іонійскому союзу. Кажется, этому предшествовала долгая борьба между разными племенами ея населенія, что въ этой борьбѣ брало верхъ то одно, то другое племя и изгоняло враждебную ему часть гражданъ. Нѣкоторые ученые считали претензіи семи городовъ быть родиною Гомера отголоскомъ преданія о томъ, что въ поэмахъ Гомера собраны пѣсни, принадлежавшія пѣвцамъ этихъ городовъ.—То, что пѣсни Иліады и Одиссеи возникли на западномъ побережьи Малой Азіи, доказывается въ особенности характеромъ картинъ природы въ нихъ.

Если считать Гомера пѣвцомъ, дѣйствительно существовавшимъ, въ груди котораго билось, по выраженію Аристарха, „іонійское сердце“, то споръ о мѣстѣ его рожденія проще всего разрѣшается принятіемъ мнѣнія, высказаннаго Карломъ Отфридомъ Миллеромъ: „Гомеръ былъ іоніецъ, принадлежавшій къ одной изъ тѣхъ фамилій, которыя переселились изъ Эфеса въ Смирну, когда эоійцы и ахейцы составляли тамъ большинство населенія и когда оно очень интересовалось наследственными преданіями объ экспедиціи грековъ противъ Трои; онъ по своему поэтическому инстинкту примирилъ въ своихъ пѣсняхъ борющіяся между собою племена, придавъ ахейскому матеріалу преданій изящество іонійской обработки. Когда Смирна изгнала іонійцевъ, она лишила себя своей поэтической славы. Поселеніе Гомеровъ на Хіосѣ было по всей вѣроятности результатомъ изгнанія іонійцевъ изъ Смирны“. Съ этимъ предположеніемъ согласны хронологическіе выводы александрийскихъ ученыхъ, говорившихъ, что Гомеръ жилъ черезъ 100 лѣтъ послѣ переселенія іонійцевъ и за 60 лѣтъ до законода-

*) Слѣпота—символь самоуглубленія, сосредоточенности мыслей; потому и другіе мифическіе пѣвцы называются слѣпцами.

тельства Ликурга; согласны и слова Геродота, говорящаго, что Гомеръ жилъ за 400 лѣтъ до его времени. Если принимать эти цифры, то получается выводъ, что эпическая поэзія достигла высшаго своего развитія около 900-таго до Р. Х.—Надъ фруктовыми садами и виноградниками, покрывавшими холмы Хіоса, стоялъ на одной изъ сѣрыхъ его горъ храмъ Гомера (Homereion); на этомъ мѣстѣ еще остается жертвенникъ, бока котораго украшены рельефами.

Греческіе колонисты, основывая свои поселенія на островахъ и берегахъ Малой Азіи, должны были вести тяжелую борьбу съ туземцами: карійцами и лидянами, мизійцами и тевкрами. Въ Греціи уже владычествовала тогда военная форма быта, и колонисты прибыли въ Малую Азію людьми, имѣющими воинственные привычки; войны съ туземцами увеличили силу этихъ привычекъ; военное сословіе стало преобладающимъ въ малоазійскихъ колоніяхъ. Только искусство владѣть оружіемъ давало почетъ; кто шелъ съ копьемъ и мечемъ въ первомъ ряду тяжело-вооруженныхъ гражданъ, завоевывать новыя мѣста для поселеній или защищать завоеванныя земли, тотъ пріобрѣталъ наибольшее уваженіе у согражданъ. Потому потомки царей и героевъ, бывшихъ вождями переселенія, собирали кругомъ себя сподвижниковъ, дѣлавшихъ военное занятіе своею профессіею, и эти воины по ремеслу образовали благородное сословіе, владычествовавшее въ новооснованныхъ среди варварскаго населенія греческихъ городахъ. Благородные воины, передававшіе по наследству своимъ дѣтямъ изъ рода въ родъ свои воинственные обычаи и свое привилегированное положеніе въ обществѣ, свои земли, богатства и свои нравы, любили въ часы отдыха, какъ ихъ отцы въ Греціи, на веселыхъ пирахъ слушать искусныхъ пѣвцовъ, прославляющихъ своими пѣснями подвиги героевъ. Они привезли съ собою изъ родины большой запасъ такихъ пѣсней. Когда царь пировалъ съ своими сподвижниками, входилъ пѣвецъ, въ душу котораго музы вложили услаждающія пѣсни, и послѣ краткой пѣсни во славу боговъ, называвшейся «вступленіемъ» (прооemіon), начиналъ пѣть рассказъ о какомъ нибудь подвигѣ изъ цикла легенды о Гераклѣ, Тезеѣ, Аргонавтахъ, герояхъ Фиванской войны, или объ Агамемнонѣ, Ахиллесѣ, о войнѣ ахейскихъ героевъ съ троянцами и дарданами. Эти пѣсни рассказывали эпизоды той или другой легенды, были не очень длинны, и не имѣли связи между собою.

Скоро легенды о Троянской войны отбѣснили на второй планъ всѣ другія. Онѣ представляли наибольшій интересъ для эллинскаго населенія анатолійскихъ острововъ и побережья. Большинство колонистовъ принадлежали къ тѣмъ племенамъ, герои которыхъ возвеличиваются пѣснями Иліады. Ахейскіе изгнанники, подъ предводительствомъ потомковъ династіи Атридовъ, поселились на тѣхъ самыхъ островахъ и берегахъ, которые прославлены сказаніями о Троянской войнѣ. Съ острова Лесбоса

Воинственный характеръ жизни малоазійскихъ грековъ.

Отношеніе Гомеровъ къ племеннымъ легендамъ.

и изъ города Кимы, они совершали походы на тѣхъ же дардановъ, тевкровъ и мизійцевъ, съ которыми бились ихъ отцы, герои Троянской войны, покоряли себѣ ту же страну, которая была покорена тогда. Ихъ войны могли считаться продолженіемъ Троянской войны. Потомки ахейцевъ той войны, они имѣли своими царями потомковъ Агамемнона и Менелая, и расселившись отъ Абидоса до Кимы, бились съ туземцами, племенными героями которыхъ были Гекторъ и Эней. Гера, богиня-покровительница Аргоса и Микенъ, охраняющая святость брачнаго союза, принявшая подъ свою защиту Атридовъ и такъ энергически заботившаяся о наказаніи троянцевъ, была чтима въ эоійскихъ городахъ; а туземцы продолжали служить сирійско-финикійской богинѣ рожденія и любви, той богинѣ сладострастія, которую греки называли Афродитою, которая имѣла много знаменитыхъ храмовъ по всему побережью отъ Геллеспонта до Книда, въ культѣ которой проституція была религіознымъ обрядомъ, которая была главною виновницею Троянской войны и неизмѣнно помогала троянцамъ. Рядомъ съ этимъ сладострастнымъ культомъ, существовало по приморью отъ Эфеса до Херсонеса Таврическаго поклоненіе богинѣ противоположнаго характера, требовавшей отъ служительницъ своихъ вѣчнаго цѣломудрія. Эта суровая богиня, которую греки называли Артемидою, была тоже враждебна Атридамъ, и служительницы ея, амазонки, сражались въ рядахъ троянцевъ. Враждебенъ Атридамъ былъ и восточный богъ солнца, Дидимейскій богъ, убивающій палящими лучами, подобными острымъ стрѣламъ. Онъ прислалъ на помощь троянцамъ изъ Ликіи, „области свѣта“, героевъ Сарпедона и Пандара, искусныхъ въ стрѣльбѣ изъ лука. Греки называли его Аполлономъ, иногда съ прибавленіемъ эпитета, который давали ему земледѣль-туземцы: Спиней („убиватель мышей“).

Быть можетъ, восточное происхожденіе имѣетъ и мифъ о томъ, что Зевсъ и Гера сочтались на цвѣтущей полянѣ въ лѣсу горы Иды. Культъ богини рожденія, существовавшій у туземцевъ на Самосѣ, былъ присоединенъ іонійскими колонистами этого острова къ служенію Герѣ. Потомъ, этотъ культъ распространился къ другимъ грекамъ; по всей Греціи совершалось весною торжество «священнаго брака» Геры и Зевса; обряды этого праздника были многосложны и имѣли символическій характеръ.

У эоійцевъ побережья Мизіи главнымъ предметомъ поэтической разработки были сказанія о Менелая и Агамемнонѣ; жившіе на югъ отъ эоійцевъ іонійцы Смирны, Колофона, Эфеса, Милета, Хиоса и Самоса любили рассказы о Несторѣ, сынѣ Нелея, краснорѣчивомъ старцѣ, мудромъ совѣтникѣ, чьи потомки были вождями ихъ переселенія; о сильномъ Аяксѣ саламинскомъ, отцѣ Эврисака („широкощитнаго“) и Филея, которые переселились въ Аттику и потомки которыхъ, Эврисакиды, безъ сомнѣнія участвовали въ основаніи іонійскихъ колоній; объ Одиссѣ, искусномъ кораблестроителѣ и кормчѣмъ съ западныхъ острововъ, гдѣ были самыя далекія поселенія іонійцевъ и ахейцевъ. Копьеносная Паллада Аѣнна, неумоимо бившаяся за ахейцевъ, была покровительницею Діомеда, героя, который ввелъ служеніе ей въ Аргосѣ. Отважные пеліонскіе магнеты, не побоявшіеся поселиться далеко отъ другихъ грековъ у Сипила и на Меандрѣ, основавшіе Магнезію среди враждебныхъ племенъ, находили свои идеалы въ Ахиллесѣ и вѣрномъ его другѣ, Патроклѣ. Магнеты были авангардомъ національной войны; когда они отлагали оружіе, чтобы сѣсть пировать, это были часы опасности для всего дѣла колонизаціи. Мы характеризовали дивнаго героя суровыхъ Пеліонскихъ скалъ, Ахиллеса, сына моря и горъ, неодолимо сильнаго, и неукротимаго въ порывахъ страсти (стр. 87).

Сказанія о немъ исполняли боевой отваги эллинскихъ воиновъ на далекомъ берегу.

Долго эти племенные сказанія въ метрической обработкѣ оставались разрозненными пѣснями странствующихъ пѣвцовъ. Каждое племя имѣло своего особеннаго героя, и воинственные потомки этого героя любили на своихъ пирахъ слушать пѣсни собственно о его подвигахъ. Но все эти пѣсни имѣли общую основу—долгую, трудную, но кончившуюся побѣдою войну ахейцевъ съ предками тѣхъ самыхъ народовъ, съ которыми теперь вели борьбу колонисты. Лишь немногіе изъ героевъ непріятельскаго войска были извѣстны пѣвцамъ; какъ, напримѣръ, Гекторъ, Парисъ (Александръ), Эней; большинство троянскихъ именъ — не имена отдѣльныхъ лицъ, а названія, служащія олицетвореніями мѣстностей или племенъ: Тросъ (троянецъ), Дарданъ, Скамандрій, Асканій и проч. Имя самого Пріама имѣетъ близкую этимологическую связь съ Пергамомъ. Пока борьба длилась и сходство положенія дѣла поддерживало свѣжесть и живость интереса къ пѣснямъ о герояхъ, ихъ не записывали. Эллины ужъ научились искусству писать, но лишь очень немногіе; и у нихъ не было потребности изобразить мало кому понятными знаками рассказы, которые каждый или зналъ самъ или могъ всегда услышать отъ знающихъ. Но когда положеніе колоній упрочилось, военныя дѣла стали замѣняться мирными занятіями, и когда поэтому должно было опасаться, что при новыхъ житейскихъ интересахъ будутъ забыты преданія о подвигахъ предковъ, у человѣка съ великимъ поэтическимъ талантомъ, знавшаго все пѣсни о троянской войнѣ и бывшаго безъ сомнѣнія странствующимъ пѣвцомъ, явилась мысль выбрать самыя лучшія и важныя изъ пѣсней этого цикла, и соединить ихъ въ послѣдовательный рассказъ, распредѣливъ ихъ по ихъ связямъ съ одною изъ главныхъ мыслей преданій о Троянской войнѣ.

Основную мысль рассказа дало преданіе, говорившее, что Троя не могла быть взята, пока оставался живъ главный защитникъ ея, Гекторъ, и что Гекторъ, убивъ Патрокла, друга Ахиллеса, былъ убитъ Ахиллесомъ. Надобно было объяснить, почему же Ахиллесъ, храбрѣйшій изъ ахейцевъ, не защитилъ Патрокла отъ Гектора; для этого надобно было рассказать, почему Ахиллесъ не участвовалъ въ битвѣ. Такимъ образомъ тѣмъ рассказъ служить „гнѣвъ Ахиллеса“ на Агамемнона, и мщеніе Ахиллеса за убитаго друга. Около этихъ главныхъ фактовъ сгруппированы пѣсни Илиады, содержаніе которыхъ ужъ рассказано нами (стр. 86 сл.). Но весь ходъ дѣла былъ исполненіемъ того, что втайнѣ предопредѣлилъ Зевсъ. Предопредѣленіе судьбы образуетъ внутреннюю связь между событіями и направляетъ все къ цѣли, предназначенной высшею силою. Герои и второстепенные боги и богини дѣйствуютъ по своимъ качествамъ и влеченіямъ, и полагаютъ, что дѣйствуютъ свободно, по собственному выбору; а на самомъ дѣлѣ они лишь исполняютъ предначертанія судьбы. Проводя въ поэмѣ эту основную идею, поэтъ съ дивнымъ мастерствомъ распредѣляетъ событія по плану,

Илиада.

глубоко обдуманному, подчиняет внутреннему единству ходъ свободныхъ и повидимому случайныхъ дѣйствій, соединяетъ въ одно стройное цѣлое множество разнообразнѣйшихъ, превосходно обрисованныхъ лицъ и эпизодовъ; изумительное художественное совершенство соединяется въ Иліадѣ съ безыскусственнѣйшею простотою.

Одиссея.

Въ Иліадѣ есть эпизоды, которые имѣютъ мало связи съ основнымъ планомъ поэмы, или даже очевидно составляютъ позднѣйшія вставки въ нее, какъ, напримѣръ, перечисленіе кораблей во второй пѣснѣ и Долоней въ десятой пѣснѣ. Одиссея имѣетъ болѣе строгую цѣльность, пѣсни въ ней соединены между собою плотнѣе. Въ первой части ея, составляющей по объему двѣ трети цѣлаго—въ первыхъ шестнадцати пѣсняхъ—идутъ рядомъ два главныхъ дѣйствія: 1) событія на Итакѣ и поѣздка Телемаха въ Пилосъ и въ Спарту; это превосходныя картины разстроеннаго положенія дѣлъ на Итакѣ и счастливаго, мирнаго состоянія другихъ греческихъ земель по возвращеніи царей; 2) исторія того, какъ Одиссей былъ занесенъ бурей на островъ Феаковъ, какъ былъ принятъ тамъ; она служитъ рамкою для эпизодическаго разсказа о прежнихъ приключеніяхъ Одиссея; разсказываетъ о нихъ онъ самъ. Эти два ряда разсказовъ сливаются въ одинъ по возвращеніи Телемаха и Одиссея на Итаку и встрѣчѣ ихъ у пастуха Эвмея. Одиссей въ одеждѣ нищаго приходитъ въ свой дворецъ, наглые женихи Пенелопы оскорбляютъ его; и тѣмъ болѣе права приобретаетъ онъ подвергнуть ихъ страшному мщенію. Такая стройность плана поэмы свидѣтельствуешь, что Одиссея составлена въ эпоху, когда искусство соединять легенды въ одно цѣлое получило развитіе, какого еще не имѣло во время составленія Иліады; характеръ общественнаго и государственнаго быта и религіозныхъ представлений, изображаемыхъ въ Одиссее, также показываетъ, что она принадлежитъ времени болѣе позднему, чѣмъ Иліада. Но разница не такъ велика, чтобы не было возможности допустить мнѣніе, что поэтъ, составившій въ молодости Иліаду, составилъ въ старости планъ Одиссеи, и этотъ планъ былъ выполненъ подъ его руководствомъ его ученикомъ.

Въ древности было мнѣніе, что Гомеръ написалъ Иліаду, когда былъ еще не старъ, а Одиссею написалъ состарившись, когда ему болѣе стало нравиться передавать разсказы, чѣмъ изображать подвиги; греки сравнивали Одиссею съ заходящимъ солнцемъ, «которое сохраняетъ свое величіе и красоту, но ужь не имѣетъ прежней силы; прежняго жара». Ульрици говорятъ: «Разсказъ въ Иліадѣ быстрѣе, смѣлѣе, живѣе; сцена за сценою, подвигъ за подвигомъ слѣдуютъ такъ тѣсно, что пѣвецъ едва успѣваетъ передавать ихъ, и событія всего лишь нѣсколькихъ недѣль (пятидесяти одного дня) наполняютъ двадцать четыре пѣсни. Въ Одиссее разсказъ идетъ медленно, спокойно; онъ одушевленъ не юношескою любовью къ блестящимъ подвигамъ и громкой славѣ, а чувствомъ зрѣлаго возраста, влеченіемъ къ благосостоянію, къ возстановленію правъ собственности; размышленіе предшествуетъ дѣлу, поступки совершаются по плану, спокойно обдуманному. Двадцать четыре пѣсни Одиссеи обнимаютъ періодъ, въ которомъ число

лѣтъ болѣе числа недѣль, обнимаемыхъ разсказомъ Иліады; и въ этотъ долгій періодъ происходитъ меньше событій, чѣмъ происходитъ въ Иліадѣ въ нѣсколько дней.

Вопросъ о происхожденіи Иліады и Одиссеи едва ли можетъ быть разрѣшенъ съ полною достовѣрностью. Но теперь ученые все болѣе и болѣе возвращаются къ мнѣнію, что составителемъ этихъ эпопей былъ великій поэтъ, одинъ изъ величайшихъ между поэтами всѣхъ странъ и вѣковъ; что Иліада не просто механическое соединеніе прежнихъ пѣсень, а результатъ самостоятельной переработки прежнихъ сказаній по обдуманному плану; что впрочемъ въ эту работу внесены съ буквальною точностью прежнія пѣсни. А если объ греческія эпопеи или по крайней мѣрѣ Иліаду создалъ одинъ поэтъ, то мы не имѣемъ основаній отрицать, что этотъ поэтъ былъ Гомеръ, и должны признавать, что Гомеръ такое же дѣйствительно существовавшее лицо, какъ Гезіодъ и Арктинъ. Но, конечно, могло быть, что эти поэмы подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ: странствующие пѣвцы рецитировали ихъ по частямъ, могли дѣлать вставки, могли прибавлять вступленія къ отрывкамъ, которые пѣли, связывать разные отрывки переходами. Мы знаемъ, что въ малоазійскихъ колоніяхъ, потомъ и въ самой Греціи на большихъ праздникахъ пѣвцы, одинъ за другимъ, съ лавровою вѣтвью въ рукѣ, рецитировали собравшемуся народу пѣсни Гомера; эти пѣвцы первоначально были Хіосскіе Гомериды, впоследствии научились этимъ пѣснямъ и пѣвцы другихъ мѣстностей, называвшіеся рапсодами. Конечно, они рецитировали только отрывки поэмъ; нельзя полагать, чтобы какой нибудь пѣвецъ могъ помнить наизусть всю Иліаду или всю Одиссею, или чтобы можно было рецитировать на праздникъ ту или другую изъ этихъ поэмъ всю, отъ начала до конца, какъ велика ни была бъ у народа охота слушать.

Солонъ заботился объ установленіи правильнаго текста пѣсень Гомера, которые были по частямъ рецитируемы рапсодами, съ драматическою живостью декламировавшими ихъ были записаны народомъ; при Пизистратѣ, ученое общество, предсѣдателемъ котораго былъ Ономакритъ, пѣсни Гомера установило текстъ этихъ отрывковъ и соединило ихъ. Цѣлью работы было: отбросить изъ пѣсень чуждыя имъ прибавки, сдѣланныя рапсодами (очистить текстъ отъ интерполяцій), соединить отрывки и сличеніемъ разныхъ списковъ опредѣлить, какіе изъ вариантовъ представляютъ собою слова подлиннаго текста. Такимъ образомъ, былъ опредѣленъ текстъ Гомеровыхъ поэмъ и была дана имъ та редакция, которая сдѣлалась общепринятою. Эта работа, исполненная по желанію Пизистрата аѳинскими учеными, доставила Аѳинамъ преобладающій авторитетъ въ области національной поэзіи грековъ.

По тексту, записанному и приведенному въ порядокъ при Пизистратѣ, пѣсни Гомера были заучиваемы наизусть мальчиками и юношами въ школахъ. Читали учились по Гомеру; переписывали его поэмы; дѣти грековъ, жившихъ въ колоніяхъ на берегахъ Чернаго моря, въ Галліи, въ Испаніи,—повсюду затверживали пѣсни Гомера; Значеніе Гомера въ исторіи культуры.

знать поэмы Гомера было принадлежностью греческой национальности. Илиада и Одиссея были неистощимым источником возвышенных афоризмов и примѣровъ, возбуждавшихъ патриотизмъ, чувство изящнаго, привязанность къ религіи отцовъ. Грекъ видѣлъ въ нихъ полное изображеніе своихъ національныхъ качествъ, греческаго мужества и греческой хитрости; въ нихъ нашли прекраснѣйшее выраженіе себѣ любовь къ порядку и разсудительность, которыми гордился греческій народъ, владычество ума и образованности надъ грубою силою. Грекъ зналъ съ дѣтства и постоянно припоминалъ пѣсни Гомера, онъ всю жизнь хранилъ ихъ въ своей душѣ, какъ святыню. Стихъ изъ Гомера, приведенный въ рѣчи, дѣйствовалъ на сердца, какъ божественное внушеніе. И не на грековъ только имѣли чрезвычайно сильное вліяніе пѣсни Гомера: онѣ очень много содѣйствовали развитію эстетическаго чувства у всѣхъ европейскихъ народовъ. Эти прекрасныя пѣсни давней старины, полныя глубокаго чувства, разумныя; эти великолѣпные образы юношески-энергической фантазіи, въ которыхъ такъ гармонически сочетаются искусство и природа, дѣтская простота и возвышенность мысли, такъ ясно обрисовываются первобытныя формы религіи, государственнаго быта, искусства, науки, въ которыхъ эти основные элементы цивилизаціи, такъ отчетливо выдѣляются другъ отъ друга и съ тѣмъ вмѣстѣ такъ тѣсно переплетаются между собою; это гуманно-прекрасное міровоззрѣніе, въ которомъ соединены мужественное, свѣтлое наслажденіе радостями жизни и скорбь о непрочности ихъ, о мимолѣтности ея;—правдивость и ясность всѣхъ этихъ картинъ и рассказовъ могущественно дѣйствовали на воспріимчивыя къ истинной поэзіи сердца людей всѣхъ послѣдующихъ временъ; всѣ очаровывались этими пѣснями, исходящими изъ глубины души, выражающими жизнь сердца въ гармоническомъ сочетаніи съ жизнью природы, соединяющими въ себѣ наивную свѣжесть народной поэзіи съ благородствомъ образованности и съ художественнымъ совершенствомъ формы.

Мифія о происхожденіи Илиады и Одиссеи. Въ древности господствовало мифіе, что Илиада и Одиссея написаны Гомеромъ; всѣ греческіе ученые думали такъ, допуская впрочемъ, что въ этихъ поэмахъ есть вставки, сдѣланныя позднѣйшими рапсодами. Это мифіе поколебалъ гениальный филологъ, Фридрихъ Августъ Вольфъ, своимъ трактатомъ *Prolegomena ad Homerum*. Онъ доказывалъ, что Илиада и Одиссея не произведеніе одного поэта, а поэмы, составленные изъ старыхъ пѣсень, что эти пѣсни мало по малу слагались, каждая какъ особое цѣлое, пѣвцами іонійской школы, и передавались изустно отъ поколѣнія поколѣнію; но глава этой школы и гениальнѣйшій изъ поэтовъ ея приобрѣлъ такую знаменательность, что слава его имени затмила всѣ другія имена и всѣ пѣсни другихъ были впоследствии приписаны ему. Пѣсни были слагаемы по легендамъ, принадлежавшимъ одному циклу народныхъ преданій; пѣвцы, слагавшіе ихъ, принадлежали одной школѣ, разработка легендъ была ведена въ одинаковомъ духѣ; пѣсня, сложенная однимъ поэтомъ, была пополняема другими; рапсоды заучивали эти пѣсни наизусть, рецитировали ихъ, и онѣ изустно переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію до временъ Солона и Пизистрата; тогда ихъ записали, со-

брали, привели въ связь, дали имъ ту форму поэмы, въ такой мы имѣемъ ихъ. Это мифіе Вольфа произвело большой шумъ въ ученый міръ, нашло многихъ приверженцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ доходили до вывода, что имя «Гомеръ» не имя лица, а общее названіе класса людей, означающее: «собираатель», соединяющій въ одинъ рассказъ разныя пѣсни. Лахманъ, изслѣдователь, одаренный очень проникательнымъ умомъ, находилъ, что Илиада состоитъ изъ шестнадцати разныхъ пѣсень, послѣдняя изъ которыхъ кончается смертью Гектора, и изъ прибавленія къ этимъ пѣснямъ, образующаго нынѣшнее окончаніе Илиады и составленнаго изъ соединенія двухъ другихъ пѣсень. Ученые, считающіе Илиаду и Одиссею компиляціями, составленными изъ разныхъ пѣсень, первоначально не имѣвшихъ связи между собою, основываютъ свою теорію на томъ, что и въ Илиадѣ и въ Одиссеей есть мѣста, противорѣчащія одно другому, и рассказы иногда безсвязны, а въ особенности на томъ, что поэмы такого обширнаго размѣра не могли быть сохраняемы изустною передачею въ продолженіе вѣковъ. Тѣ пѣсни, которыя были рецитируемы гомеридами и рапсодами на праздникахъ, были, по мифію этихъ ученыхъ, не отрывки Илиады или Одиссеи; каждая пѣсня была особая маленькая поэма, имѣвшая свое особое вступленіе (*prooemion*).—Эта теорія, построенная на очень проникательныхъ изслѣдованіяхъ, имѣла такой успѣхъ, что голоса немногихъ ученыхъ, оставшихся ея противниками, стали считаться не заслуживающими вниманія. Но послѣ, стало являться много ученыхъ, отвергающихъ ее. Они говорили, что и въ Илиадѣ и въ Одиссеей есть единство плана, характеръ изложенія во всѣхъ частяхъ одинаковъ, всѣ части одинаковы по языку, по версификаціи, по слогу; религіозныя понятія и мифы, за немногими исключеніями, во всѣхъ частяхъ тоже одинаковы. Они говорили, что искусство писать не было неизвѣстно во времена Гомера. Главкѣ у Гомера рассказываетъ, что Претъ далъ его предку Бедлерофону «много пагубныхъ знаменъ на дощечкѣ»; они доказывали, что въ VIII вѣкѣ греки ужъ вырѣзывали длинные надписи на деревѣ, на камнѣ, на металлѣ и писали на овечьихъ и козихъ кожахъ, на которыхъ можно было записывать и длинные произведенія; что при множествѣ повтореній и при постоянномъ употребленіи однихъ и тѣхъ же выраженій въ пѣсняхъ Гомера, поэмы его легко заучиваются, и потому не было невозможности имъ сохраняться въ памяти пѣвцовъ; это было тѣмъ легче, что все содержаніе ихъ было всѣмъ извѣстно по народнымъ легендамъ. Число ученыхъ, думавшихъ такъ, стало возрастать. Опыты примирить теорію Вольфа съ теоріею его противниковъ приобрѣли очень много приверженцевъ. Въ текстѣ, мы изложили нѣкоторые изъ выводовъ, принимаемыхъ этою среднею партіею. Начъ полагаютъ, что Илиада и Одиссея написаны Гомеромъ; что онѣ написаны имъ по планамъ, которые создалъ онъ самъ; но что есть разница въ характерѣ плановъ этихъ поэмы: планъ Одиссеи составленъ искусно, въ этой поэмѣ больше единства; она написана позднѣе Илиады, какъ это видно по характеру общественнаго быта, изображеннаго въ ней; этимъ и объясняется то, что планъ ея обдуманъ и выдержанъ лучше; вставокъ въ этой поэмѣ не много, и онѣ не важны; въ Илиадѣ связь между частями слабѣе; потому глѣнь думаетъ, что матеріалами для этой поэмы служили прежнія пѣсни: Гомеръ только соединилъ и переработалъ ихъ сообразно своему плану. Гомериды и рапсоды рецитировали на праздникахъ отрывки изъ поэмы Гомера, и дѣлали вставки въ эти отрывки; поэмы раздробились на разныя части и передавались разрозненными частями отъ пѣвцовъ пѣвцамъ, до временъ Пизистрата; творческая сила эпической поэзіи ужъ изсякла къ этой порѣ; разрозненныя части поэмы были, по порученію Пизистрата, собраны и приведены въ тотъ видъ, какой и сохраняли до работъ александрійскихъ критиковъ; эти ученые, и въ особенности Аристархъ, очистили текстъ отъ вставокъ; но форма поэмы не была измѣнена ими, такъ что нынѣшній текстъ—очищенный александрійскими учеными текстъ Пизистрата. Таково мифіе Нича; съ ними въ существенныхъ чертахъ согласны Карлъ Отфридъ Миллеръ, Ульрици, Бергъ и многіе другіе; разница лишь та, что одни изъ нихъ приписываютъ очень большую самостоятельность труду Гомера, другіе полагаютъ, что въ Илиадѣ онъ мало переработывалъ прежнія пѣсни, а самостоятельно обработалъ народныя легенды только въ Одиссеей. Ульрици приходитъ къ слѣдующему выводу: «О поэмахъ Гомера должно думать, по всей вѣроятности, такъ: онѣ возникли

изъ многочисленныхъ народныхъ сказаній; великій поэтъ, переработавъ эти сказанія и соединилъ ихъ въ два стройные, эпически-цѣльные разсказа; переработка состояла въ томъ, что онъ развивалъ легенды, украшалъ ихъ поэтической отдѣлкою, дѣлалъ и нѣкоторыя прибавки къ нимъ; созданныя имъ поэмы подвергались въ теченіе вѣковъ передѣлкамъ, искаженіямъ, интерполяціямъ; но эти перемѣны не имѣли большой важности; въ сущности объ поэмы и по формѣ и по объему дошли до позднѣйшихъ временъ древности и до насъ такими, какими создалъ ихъ великій художникъ. — Бергкъ также отвергаетъ мысль, что поэмы Гомера только компіляціи, составленныя изъ прежнихъ пѣсень, и выводитъ изъ своихъ изслѣдованій такое заключеніе: «Иліада и Одиссея — цѣльныя поэмы, созданныя по опредѣленному плану; но первоначальный организмъ ихъ болѣе или менѣе измѣненъ и испорченъ произвольными передѣлками и вставками». Подробный анализъ пѣсень Иліады обнаруживаетъ въ составѣ ея, какъ ему кажется, три элемента: основную поэму, имѣвшую не очень большой объемъ; работы продолжателей; отпечатокъ редакціонной работы александрийскихъ критиковъ (діаскенастовъ). Гротъ полагаетъ, что Одиссея — созданіе одного поэта, выполненное по обдуманному плану. Точно также создана, полагаетъ онъ, по обдуманному плану одного поэта та часть Иліады, которая имѣетъ своимъ содержаніемъ разсказъ о «гнѣвѣ Ахиллеса» и которую можно назвать «Ахиллеидою», какъ называется по имени своего героя «Одиссеею» другая эпопея; планъ этой поэмы былъ выполненъ составителемъ ея, или однимъ, или при помощи поэтовъ его школы, Гомеридовъ. Этой поэмѣ принадлежатъ 1, 8, 11 до 22 пѣсни Иліады. Двѣ послѣднія пѣсни прибавлены къ поэмѣ о гнѣвѣ Ахилла позднѣе, другимъ можетъ-быть поэтомъ. 2-я — 7-я пѣсни Иліады и 10 пѣсни имѣютъ содержаніе болѣе широкое, и прибавленіемъ ихъ поэма превращена изъ «Ахиллеиды» въ «Иліаду». Гротъ находитъ, что Иліада и Одиссея принадлежатъ одному времени; быть можетъ, они произведенія разныхъ поэтовъ; но ни въ какомъ случаѣ Одиссея не отдѣлена отъ Иліады значительнымъ промежуткомъ времени, думаетъ Гротъ. О пѣсняхъ, превратившихъ «Ахиллеиду» въ «Иліаду», онъ говоритъ: «Великодушныя картины 2-й и слѣдующихъ пѣсень до 322 стиха 7-й пѣсни равняются своимъ достоинствами картинамъ Ахиллеиды; но рѣзко отличаются отъ нихъ широтою своего содержанія: это общія картины всей Троянской войны, знакомящія насъ со всѣми ея главными дѣйтелями, съ ея мѣстностью, съ ея причинами, но постороннія тому плану, который опредѣленъ для поэмы въ 1-й пѣснѣ ея и вообще не ведущія ни къ какой цѣли». Гротъ находитъ, что ни одна изъ пѣсень Иліады не могла быть отдѣльнымъ цѣлымъ, и въ заключеніе говоритъ: «Вообще, перевѣсъ вѣроятностей склоняется на сторону того мнѣнія, что Иліада и Одиссея — произведенія двухъ разныхъ поэтовъ; но что объ онѣ принадлежатъ одному времени, и притомъ времени, гораздо болѣе давнему, чѣмъ 1-я Олимпиада (776 годъ до Р. Х.)». Къ другому выводу пришелъ относительно Одиссеи Кирхгофъ. По его мнѣнію, эта эпопея не собраніе пѣсень, сложенныхъ разными поэтами разныхъ временъ, какъ думалъ Лахманъ, но и не должно думать, что она — цѣльная поэма, связность разсказа въ которой нарушена лишь позднѣйшими прибавленіями, — цѣль: «перемѣны, которымъ подвергся основной разсказъ, много разъ переработанный, имѣли разный характеръ». Кирхгофъ различаетъ двѣ редакціи Одиссеи, старую и новую; старая редакція только связала между собою пѣсни, бывшія прежде каждою особымъ разсказомъ. Бергкъ, подробно анализировавшій пѣсни Иліады, анализировалъ и пѣсни Одиссеи; онъ находитъ, что единство плана въ Одиссеей яснѣе, чѣмъ въ Иліадѣ, вставки не такъ обширны и менѣе вредятъ связности разсказа. Но и стройность плана Одиссеи не спасла его отъ разрушительныхъ передѣлокъ, говоритъ онъ въ своей исторіи греческой литературы: «Вставки не такъ обширны, какъ въ Иліадѣ, произволъ передѣлывателей не доходитъ до такой дерзости; но за то, поэты, переработывавшіе Одиссею, вообще далеко не такъ даровиты, какъ тѣ, которые переработывали Иліаду». Бергкъ думаетъ, что Иліада и Одиссея принадлежатъ двумъ разнымъ авторамъ, и что Одиссея новѣе Иліады. Онъ полагаетъ, что только Иліаду можно приписывать Гомеру.

Циклическіе
поэты.

Поэмы Гомера были центромъ, около котораго группировались всѣ

позднѣйшія произведенія эпической поэзіи грековъ: всѣ позднѣйшія поэмы были продолженіями или пополненіями Иліады или Одиссеи. Любовь, какою пользовались пѣсни Гомера у всѣхъ грековъ, возбуждала желаніе, чтобы развязка Троянской войны была разсказана такими же пѣснями, а это вело къ желанію, чтобы разсказано было и о началѣ войны. Такимъ образомъ, было составлено нѣсколько поэмъ, примыкающихъ своимъ содержаніемъ къ Иліадѣ и Одиссеей, подобныхъ имъ по формѣ, пересказывавшихъ тѣмъ же языкомъ, мѣромъ и тономъ, часто тѣми же выраженіями другія легенды троянскаго цикла преданій. Почти всѣ онѣ были такими близкими подражаніями своимъ великимъ образцамъ, что потомки приписывали ихъ тоже Гомеру, ставшему олицетвореніемъ эпическаго творчества. Перенести его имя и на эти поэмы было тѣмъ легче, что авторы ихъ обыкновенно были рапсоды, и вѣроятно случалось имъ рецитировать свои пѣсни вмѣстѣ съ пѣснями Гомера. Такимъ образомъ явились поэмы о Троянской войнѣ, разсказывавшія тѣ событія начала и конца ея, которыя не были разсказаны Гомеромъ, державшіяся его поэмъ, группировавшіяся кругомъ нихъ, потому называвшіяся циклическими (киклическими, «круговыми», «окружающими» поэмы Гомера); судя по немногимъ уцѣлѣвшимъ отрывкамъ ихъ, авторы ихъ, «циклики», циклическіе поэты, были безконечно ниже своего образца. Гротъ полагаетъ, что цикликами первоначально назывались всѣ эпическіе поэты, воспѣвавшіе Троянскую войну, въ томъ числѣ и Гомеръ; но что позднѣе, когда привыкли присоединять къ заглавію замѣчательныхъ произведеній поэзіи имена ихъ авторовъ, названіе «циклическій поэтъ» осталось лишь за неизвѣстными авторами произведеній невысокаго достоинства; очень можетъ быть, что это такъ.

Мы уже разсказывали содержаніе легендъ, служившихъ матеріаломъ для циклическихъ поэмъ, отъ «Эоіопиды» Арктина до «Телегоніи» Эвгаммона. — Арктинъ Милетскій, жившій въ первыя олімпіады, то есть, приблизительно черезъ столѣтіе послѣ Гомера, воспѣлъ побѣды Ахиллеса надъ амазонкою Пентезилеею и надъ сыномъ богини Эосъ (Авроры), Мемнономъ, который убилъ его друга Антилоха, и былъ убитъ Ахиллесомъ въ отмщеніе за то, какъ былъ убитъ Гекторъ въ отмщеніе за Патрокла. Поэма Арктина кончалась разсказомъ о смерти Ахиллеса, его похоронахъ и спорѣ между Аяксомъ и Одиссеемъ за его оружіе. По объему своему, она была на третью долю меньше Иліады, написана была по стройному плану, и очень хорошо, такъ что художники и поэты слѣдующихъ временъ часто пользовались ею. Кромѣ «Эоіопиды», Арктиномъ была написана еще поэма, которая могла считаться продолженіемъ ея, «Разрушеніе Иліона» (Πιορησις). Въ ней разсказывались легенды о деревянномъ конѣ, о Лакоонѣ и о погибели Трои. Лесхесъ, жившій нѣсколькими столѣтіями позднѣе Арктина, сложилъ «Малую Иліаду», въ которой, соперничествуя съ нимъ, тоже разсказывалъ о погибели Иліона, но по легендамъ болѣе позднимъ; въ «Малой Иліадѣ» были пересказаны и преданія о Филоктетѣ, Неоптолемѣ, о похищеніи Палладіума Одиссеемъ и Діомедомъ. Большое вліяніе на искусство

Арктинъ
(«Эоіопида»).

(«Разрушеніе
Иліона»).

Лесхесъ.
(«Малая
Иліада»).

Стасинъ.
(«Киприада»).

и легендарную поэзію позднѣйшаго времени имѣла „Кипріада“, авторъ которой былъ, вѣроятно, Стасинъ Кипрскій. Она рассказывала о причинѣ и о первыхъ девяти годахъ Троянской войны, до времени, съ котораго начинается рассказъ въ Иліадѣ. Похищенію Елены Парисомъ предшествовало въ „Кипріадѣ“ совѣщаніе между Зевсомъ и Немезидою о томъ, какъ уменьшить число людей, которыхъ стало слишкомъ много на землѣ, и смирить ихъ надменность. Зевсъ и Немезида нашли, что самое лучшее средство для этого—продолжительная война. Было рѣшено, что причиною войны будетъ дочь Зевса и Ѡеимиды. Когда у нихъ родилась эта дочь, Елена, то была отдана на воспитаніе Ледѣ. Далѣе, рассказывалось о томъ, какъ Эрида возбудила своимъ яблокомъ роковой для Трои споръ между богинями. Эрида сдѣлала это по волѣ Зевса.—Разсказанныя нами легенды и томъ, что происходило до отплытія грековъ изъ Авлиды, почти всѣ заимствованы позднѣйшими писателями изъ „Кипріады“. Въ ней рассказывалось, что греки приплыли сначала къ берегу той части Мизіи, надъ которою царствовалъ Телефъ, но были отброшены назадъ бурей. Въ рассказѣ о первыхъ девяти годахъ войны говорилось почти исключительно о такихъ событіяхъ, о которыхъ есть упоминанія у Гомера. Рассказъ этотъ былъ кратокъ. Онъ кончался тѣмъ, что Зевсъ, для быстрѣйшаго достиженія своей цѣли рѣшилъ возбудить ссору между Ахиллесомъ и Агамемнономъ;—рассказомъ объ этомъ рѣшеніи Зевса „Кипріада“ примыкала къ „Иліадѣ“. Надъ міромъ героевъ властвуетъ въ „Кипріадѣ“ мрачная сила судьбы; ходомъ дѣлъ въ немъ правитъ Афродита.

Поэмы о возвращеніи героевъ изъ -подъ Трои (Nostoi). Въ одной изъ поэмъ Гомера главное лицо—Ахиллесъ, въ другой—Одиссей. Естественно было, что циклическая поэзія, пополняящая рассказы Иліады, занималась и пополненіемъ рассказа о возвращеніи героевъ изъ -подъ Трои. Легенды о немъ были даны матеріалы для эпоей, называвшихся Nostoi, „Поэмы о возвращеніи“. Одна изъ нихъ, почти равнявшаяся своимъ достоинствами эпоеямъ Гомера, совершенно затмила другія. Это была поэма Агія Трезенскаго, состоявшая изъ пяти пѣсень. Главное содержаніе ея составляли рассказы о возвращеніи Атридовъ на родину и о томъ, что было съ ними по возвращеніи. Агій воспользовался всѣми упоминаніями объ этомъ, находящимися у Гомера, и развилъ ихъ. Въ эпизодахъ рассказовъ объ Атридахъ были рассказаны странствованія другихъ возвращавшихся изъ -подъ Трои героевъ: Діомеда, Нестора, Калхаса, Неоптолема, рассказано и о гибели Аякса Локрійскаго на Каферскихъ скалахъ. Последнею изъ поэмъ о возвращеніи была „Телегонія“ Эвгаммона Киренскаго, написанная въ половинѣ VI вѣка, и состоявшая изъ двухъ книгъ. Не дошла до насъ и она. Въ ней рассказывалось о погребеніи жениховъ Пенелопы и о дальнейшей судьбѣ Одиссея. По рассказу Эвгаммона, Одиссея убилъ сынъ его и Цирценъ, Телегонъ.—Когда легенды о Троянской войнѣ были исчерпаны циклическою поэзіею, эпические поэты стали разрабатывать легенды о войнѣ семи царей и ихъ сыновей, Эпигоновъ, съ Ѡиванцами. „Ѡиваида“, обширная эпоея, состоявшая изъ семи книгъ, рассказывала о подвигахъ этихъ героевъ тономъ поэмъ Гомера, и была такъ похожа на нихъ, что приписывалась тоже Гомеру.

Гомеровы гимны.

Кромѣ эпоей, Гомеру приписываются гимны. Это произведенія, принадлежащія разнымъ эпохамъ; составителями большей части ихъ были, вѣроятно, гомериды или рапсоды; и вѣроятно, они рецитировались на религіозныхъ праздникахъ. Нѣкоторые изъ нихъ довольно длинны, другіе не велики. Большіе гимны,—и въ особенности,

гимны Аполлону делосскому и ипійскому, Гермесу, Афродитѣ, Деметрѣ—эпические рассказы о нѣкоторыхъ событіяхъ изъ мифовъ. Къ рассказамъ о божествѣ присоединена характеристика его качествъ и благодѣяній, какія оказало оно людямъ. Мы уже говорили, что составитель гимна Аполлону делосскому называетъ себя «хіосскимъ слѣпымъ пѣвцомъ».—Длинные гимны были, вѣроятно, декламируемы рапсодами передъ рецитированіемъ эпическихъ пѣсень, въ видѣ подготовки къ нему; и, вѣроятно, это служило переходомъ отъ религіозныхъ обрядовъ, молитвъ и священныхъ пѣсень къ состязанію эпическихъ пѣвцовъ. Маленькіе гимны были, вѣроятно, прелюдіями (прооёміон) къ рецитированію. Ихъ пѣли съ аккомпанементомъ музыки, чтобы возбудить вниманіе.

Греки позднѣйшаго времени до такой степени привыкли считать Гомера отцомъ эпической поэзіи, что долго приписывали ему даже „Батрахоміомехію“ („Войну мышей съ лягушками“), пародію на Иліаду; въ этой комической эпоеѣ, написанной, вѣроятно, въ VI вѣкѣ, въ Іоніи, война мышей съ лягушками воспѣвается тѣмъ же размѣромъ и тономъ, какъ Троянская война въ Иліадѣ.

Батрахоміомехія.

Мышенокъ, ускользнувшій отъ когтей кошки, утолялъ жажду у пруда. Царь лягушекъ, подпрыгнувъ къ нему и, разспросивъ новаго знакомаго о происхожденіи, пригласилъ его полюбоваться на свой дворецъ, въ которомъ было не меньше драгоценнаго и прекраснаго чѣмъ у мышенка, описавшаго свои сокровища. Мышенокъ сѣлъ на спину царя лягушекъ, онъ поплылъ съ гостемъ. Мышенокъ сначала восхищался поѣздкою, но скоро сталъ трусить. Вдругъ поднялась изъ воды гидра; царь лягушекъ такъ перепугался, что забывъ о мышениѣ, сидящемъ у него на спинѣ, нырнулъ въ воду. Мышенокъ долго боролся со смертію, наконецъ утонулъ, угрожая царю лягушекъ мщеніемъ войскою мышей. Другая мышь, увидѣвшая тѣло погибшаго плавающее по пруду, принесла, печальное извѣстіе народу мышей. Въ народномъ собраніи мышей отецъ утонувшаго говоритъ съ плачемъ о своемъ горѣ: онъ теперь лишился послѣдняго сына: старшій сынъ его былъ растерзанъ кошкою, второй погибъ, попавшись въ ловушку; вотъ погибъ и третій, отъ измѣны царя лягушекъ; отецъ возбуждаетъ народъ къ войнѣ для отмщенія. Войско мышей собралось. Шлемы у нихъ—скорлупы орѣховъ; латы сдѣланы изъ щелухи бобовыхъ стручковъ. Герольдъ идетъ къ пруду, объявляетъ войну лягушкамъ. Онъ тоже вооружается, рѣшившись мужественно защищаться. Онъ дѣлаютъ себѣ шлемы изъ раковинъ улитокъ, латы изъ листьевъ растений, копья у нихъ—остроконечныя тростинки. Когда храбрыя войска идутъ въ битву, Зевсъ спрашиваетъ свою дочь, Палладу Аѣнну, не будетъ ли она помогать мышамъ, такъ часто посѣщавшимъ ея храмы. Она съ досадою отвѣчаетъ, что не станетъ помогать этимъ нечестивымъ воинамъ, которые грызли ея вѣтви и прогрызали даже одежду; но не станетъ помогать она и лягушкамъ, потому что недавно онѣ поимѣшали ей спать, когда она вернулась домой съ битвы, и ей необходимо было отдохнуть: онѣ всю ночь не давали ей уснуть, и она встала утромъ съ головною болью; она совѣтуетъ богамъ и богинямъ не вѣшпиваться въ эту войну, только смотреть съ неба, что выйдетъ. Ея совѣтъ былъ принятъ. Начинается битва по сигналу, данному пискомъ комаровъ. Свирѣпствуетъ смертельный бой; много лягушекъ, много и мышей падаютъ, пораженные, и затуманиваются взоры умирающихъ. Онѣ сражались съ такимъ мужествомъ, что мало кто уцѣлѣлъ бы изъ обонхъ войскъ; но Зевсъ вступился въ дѣло: онъ послалъ на помощь тѣснимымъ лягушкамъ храбрыхъ союзниковъ, раковъ; противъ соединенныхъ силъ ихъ и лягушекъ мыши не могли устоять, и подъ вечеръ

бѣжали съ поля битвы. — Приписывали Гомеру и комическую поэму «Маргитъ» (Margites), рассказъ о простякѣ, дѣлающемъ глупость за глупостью; содержаніе этой поэмы очевидно взято изъ народнаго рассказа; греки полагали, что она юношеское произведеніе Гомера.

Отношеніе по-
эмъ Гезіода къ
поэмамъ Гоме-
ра.

Въ поэмахъ Гомера отразилась юношески пылкая воинственность, развившаяся у малоазійскихъ грековъ въ первыя столѣтія по ихъ переселенію, когда они вели непрерывныя, и вообще побѣдоносныя, войны съ туземцами; поэмы беотійскаго пѣвца Гезіода, жившаго, вѣроятно, черезъ столѣтіе послѣ того, какъ сложены были Иліада и Одиссея, имѣютъ тотъ же размѣръ и тѣ же эпическія формы рѣчи, но содержаніе ихъ совершенное иное: онѣ не прославляютъ подвиги героевъ, а излагаютъ ученія вѣры и наставленія о хозяйствѣ, изображаютъ не веселіе боевой жизни колонистовъ, а менѣе счастливую трудовую жизнь горожанъ и поселянъ, оставшихся на родинѣ. Гезіодъ былъ уроженецъ небольшого беотійскаго города Аскры, «печальнаго, бѣднаго мѣстечка, гдѣ зима жестока и лѣто дурно». Его отецъ, бывшій морякомъ, человѣкъ небогатый, пріѣхалъ на черномъ кораблѣ изъ эолійской колоніи Кимы, поселился тутъ близъ Геликона и сталъ земледѣльцемъ. Гезіодъ въ молодости пасъ стада. Музы, прилетавшія ночью изъ своей Піерійской родины у Олимпа на Геликонъ, купаться въ прозрачныхъ источникахъ и встрѣчать разсвѣтъ дня плясками и пѣснями, дали ему даръ божественнаго пѣнія и возложили на него лавровый вѣнокъ въ знакъ его посвященія. Онъ въ благодарность за то пожертвовалъ имъ треножникъ съ прекрасными ручками, который получилъ въ награду за свой гимнъ при состязаніи пѣвцовъ на похоронахъ царя Архидаманта въ Халкидѣ. Такъ рассказываетъ Гезіодъ о происхожденіи своей поэтической дѣятельности; и ужъ по его рассказу мы видимъ, что элементами, изъ которыхъ она возникла, были: священная поэзія геликонскихъ пѣвцовъ, служившихъ музамъ, и эпическія пѣсни малоазійскихъ эолійскихъ колоній. Тѣ идеи, которыя прежде высказывались въ священныхъ гимнахъ, воспѣваемыхъ съ аккомпаньементомъ музыки на беотійскихъ религіозныхъ праздникахъ геликонскими пѣвцами, получили у Гезіода форму эпическихъ поэмъ. Поэзія Гезіода не была только отраслью Гомеровыхъ эпопей, перенесенной въ Беотию. Мы ужъ видѣли, что, еще до переселенія іонійцевъ и эолійцевъ въ Малую Азію, въ Греціи ужъ были эпическія пѣсни; беотійская школа, главою и величайшимъ поэтомъ которой былъ Гезіодъ, развилась не изъ гомеровской школы: обѣ онѣ развились изъ эпической поэзіи болѣе ранняго времени. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что пѣсни Гомера имѣли нѣкоторое вліяніе на Гезіода; но его поэзія существенно различна отъ гомеровской. У него нисколько нѣтъ эпической объективности Гомера, нѣтъ этой полной погруженности мыслей поэта въ предметъ, этого совершеннаго забвенія о личныхъ желаніяхъ и дѣлахъ. Въ по-

эзи Гезіода личность его выступаетъ на первый планъ: въ главной его поэмѣ «Дѣла и дни» и его домашній бытъ, его личныя отношенія составляютъ центръ, изъ котораго исходятъ, около котораго группируются всѣ наставленія, излагаемыя имъ. Кажется, что эта поэма составлена изъ соединенія двухъ разныхъ поэмъ, одну изъ которыхъ Бергкъ называетъ изболочительною пѣснью, а другая имѣла болѣе широкое дидактическое содержаніе.

Гезіодъ и его братъ Персесъ наслѣдовали по смерти отца довольно большой участокъ земли подлѣ Аскры. При дѣлѣжѣ, Персесъ, подкупивъ царя, обдѣлилъ Гезіода (судьями были тогда цари, «пожирающіе подарки», какъ называетъ ихъ Гезіодъ). Но несправедливо пріобрѣтенное не пошло въ прокъ Персесу, который больше любилъ проводить время на городской площади, въ тяжбахъ, чѣмъ ходить за плугомъ, думалъ разбогатѣть не трудомъ, а хитростями, обманомъ. Довольно скоро онъ прожилъ наслѣдство: кажется, помогало этому и легкомысліе его жены. Обдѣливъ, онъ вздумалъ начать новую тяжбу противъ брата, чтобъ отнять и ту долю наслѣдства, которая дана была Гезіоду. Въ это время Гезіодъ сложилъ свою поэму «Дѣла и дни». Онъ убѣждаетъ въ ней Персеса бросить клеветничество, обратиться къ трудовой жизни: не тяжбами, а усердіемъ къ труду надобно увеличивать свое состояніе. За этимъ совѣтомъ слѣдуютъ порицанія несправедливымъ судьямъ и царямъ, которые, взявъ подарки, рѣшаютъ тяжбы въ пользу неправыхъ; въ сильныхъ выраженіяхъ Гезіодъ описываетъ, какъ полезно народу правосудіе, какія блага даетъ людямъ справедливость, каковыя бѣдствія несправосудіе подвергаетъ народу, и войско, и морскую торговлю; эти бѣдствія—наказанія, непосылаемыя Зевсомъ и богиней правосудія. Объяснивъ это, Гезіодъ старается отклонить своего перазсудительнаго брата отъ вредныхъ ему поступковъ и учитъ его тому, какъ надобно жить и трудиться, чтобъ увеличить свое состояніе; эти наставленія относительно качествъ, благотворныхъ въ частной и общественной жизни, и относительно правилъ домашнего хозяйства знакомятъ насъ съ бытомъ горожанъ и поселянъ, съ узкими, но благоразумными понятіями и правилами греческихъ простолюдиновъ, въ числѣ которыхъ принадлежалъ самъ Гезіодъ. Его наставленія, о которыхъ подробнѣе будемъ говорить въ Пополненіяхъ, честны; но и по тону и по содержанию они прозаичны; они чужды возвышеннымъ стремленіямъ; это правила рутинной морали. Понятія Гезіода о религіозныхъ обязанностяхъ имѣютъ характеръ восточной суевѣрной формалистики; онъ придаетъ религіозное значеніе всѣмъ житейскимъ занятіямъ и всяческимъ мелочамъ. Его поэзія безконечно далека отъ возвышенности и бодрости Гомеровскихъ пѣсней, отъ свѣтлаго міровоззрѣнія ихъ, отъ богатства фантазіи, отъ силы художественнаго творчества Гомеровской поэзіи. Понятія о жизни, высказываемыя въ поэмѣ «Дѣла и дни», честны, разсудительны, но узки. Она даетъ совѣты, очень пригодные для поселянина и небогатаго горожанина, разумныя, подтвержденные для поэта собственнымъ его опытомъ, правила для занятій земледѣліемъ, мореходствомъ, для домашняго хозяйства. Но тѣсенъ этотъ кругъ интересовъ беотійскаго поселянина сравнительно съ разнообразнымъ, широкимъ развитіемъ жизни въ малоазійскихъ колоніяхъ; дидактика Гезіода прозаична, его мысли робки сравнительно съ возвышеннымъ, смѣлымъ духомъ героической поэзіи Иліады и Одиссеи; мелочны и узки разсужденія Гезіода о домашнемъ бытѣ, общественной жизни и религіозныхъ

обрядовъ сравнительно съ широкою жизнью гомеровскихъ героевъ, съ ихъ пирами и религіозными праздниками, съ радостнымъ сіяніемъ которыхъ озарено міровоззрѣніе Гомера. Это—разница между богатою вельможескою жизнью и скуднымъ бытомъ поселянина, разница между отвагою, предприимчивостію героя и робкимъ обдумываніемъ, боязливою осторожностью заботливаго домохозяина. Эти сужденія примѣняются въ особенности къ тѣмъ отдѣламъ поэмы „Дѣла и дни“, въ которыхъ излагаются правила земледѣлства, винодѣлія, мореходства; отъ мореходства Гезіодъ отклоняетъ, потому что оно опасно. Наиболѣе возвышенный характеръ имѣютъ тѣ мѣста поэмы, въ которыхъ развиваются мысли о томъ, что справедливость благотворна, несправедливость пагубна для народа. Нравственныя понятія у Гезіода вообще хороши. Карлъ Отфридъ Миллеръ говоритъ: „Житейская расчетливость, нѣсколько эгоистичная и хитрая, глубоко вкорененная въ характеръ грековъ, соединена у Гезіода съ очень благородными правилами справедливости, которыя напечатлѣны въ его сердцѣ энергическими афоризмами и прекрасными картинами“. Изъ всѣхъ произведеній греческой поэзіи поэма Гезіода имѣла наибольшее, послѣ поэмы Гомера, вліяніе на мысли эллинскаго народа: онѣ вошли въ плоть и кровь его. Онѣ были умственною пищею подроставшихъ дѣтей; мысли, взятія изъ Гезіода, постоянно встрѣчаются у поэтовъ и философовъ. Въ Беотіи долго существовали религіозные праздники въ честь „Гезіодовыхъ музъ“.

«Θεογονία».

Когда музы дали Гезіоду на Геликонскихъ пастбищахъ посвященіе въ поэтическую дѣятельность, онѣ поручили ему воспѣть безсмертныхъ боговъ, но говорить о богахъ только правду. Это повелѣніе Гезіодъ исполнилъ своею дидактическою поэмою «Θεογονία». Его цѣлью въ ней было соединить въ одно связное цѣлое разные мѣты о богахъ, существовавшіе въ народномъ преданіи, распределить боговъ по генеалогическому порядку, составить каноническую книгу космогоническихъ и богословскихъ вѣрованій.

Мы уже излагали содержаніе этой замѣчательной системы вѣроученія, по которому старыя божества природы представляются сообразно современнымъ понятіямъ, личными существами, подобными человѣку. «Гезіодъ своею Θεογονією далъ Греціи нѣчто подобное кодексу вѣроученія», говоритъ Карлъ Отфридъ Миллеръ: «Эта система не получила официальной санкціи, не была поставлена подъ охрану духовенства; но тѣмъ не менѣе она имѣла громадное вліяніе на религіозныя убѣжденія греческаго народа, потому что удовлетворяла потребности объединить ихъ и соответствовала религіознымъ мыслямъ всѣхъ важнѣйшихъ племенъ: вѣроученія всѣхъ греческихъ корпорацій знаменитѣйшихъ храмовъ были искусно вложены Гезіодомъ въ его систему».

Тѣ изъ понятій и мѣтовъ, развившихся въ разныхъ областяхъ Греціи, которые вошли въ «Θεογονію», сдѣлались общими національными; тѣ, которые были несогласны съ ними, постепенно теряли важность, оставаясь лишь мѣстными преданіями, и въ послѣдствіи времени уцѣлѣли только въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, казались другимъ грекамъ странными сказками. Потому Геродотъ имѣлъ основаніе сказать, что Гомеръ и Гезіодъ создали греческихъ боговъ: они дали богамъ имена, характеры; они распредѣлили ихъ по степенямъ, важности и по предметамъ дѣятельности.

Изложеніе въ разныхъ отдѣлахъ „Θεογονіи“ не равно; связь между циклами мѣтовъ только внѣшняя, да и та слаба; потому эту поэму нельзя назвать цѣльнымъ произведеніемъ, созданнымъ и выполненнымъ по обдуманному плану. Вѣроятно, въ составъ ея вошли старинныя богослужебныя гимны беотійскихъ храмовъ. Вообще говоря, Гезіодъ съ точностью сохраняетъ старыя преданія и вставляетъ въ свою поэму стихи и выраженія изъ старыхъ гимновъ, безъ всякой перемѣны; это ясно видно; должно полагать, что онъ вносилъ въ нее безъ большихъ перемѣнъ и цѣлыя гимны, пригодныя для его цѣли. Въ частности, вѣроятно, что онъ вставилъ въ Θεογονію нѣсколько гимновъ музамъ. Пѣсни его сохранялись изустнымъ преданіемъ пѣвцовъ (аэдовъ), которые рецитировали ихъ, какъ рапсоды пѣсни Гомера. Аэды безъ сомнѣнія вставляли прибавки въ его поэмы. — Мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что составитель „Θεογονіи“ и авторъ поэмы „Дѣла и дни“—два разныхъ лица, не имѣетъ достаточнаго основанія.

Нѣкоторое сходство съ «Θεογονією» имѣла поэма Гезіода, воспѣвавшая матерей героевъ и называвшаяся «Ἰοίη», по тѣмъ словамъ, которыми начинался каждый отдѣлъ ея: ἦ οἴη «или такая какъ». Поэма о матеряхъ героевъ. Отъ нея дошло до насъ лишь нѣсколько отрывковъ. Гезіодъ въ другихъ своихъ поэмахъ не особенно хвалитъ женщинъ, называетъ ихъ виновницами всѣхъ бѣдъ; осуждаетъ ихъ за то, что онѣ не слѣдуютъ правиламъ экономіи. Потому Карлъ Отфридъ Миллеръ полагаетъ, что поэма въ честь женщинъ едва ли можетъ принадлежать Гезіоду, что авторомъ ея, вѣроятно, былъ какой нибудь локрійскій пѣвецъ его школы. Всѣ локрійскіе аристократы считали своими родоначальниками матерей героевъ; это легко могло, по мнѣнію Миллера, внушить какому нибудь локрійскому пѣвцу мысль составить поэму въ честь матерей героевъ.

Безъ сомнѣнія, должно признавать отрывкомъ изъ этой поэмы тѣ 56 стиховъ объ Алкменѣ, которыми начинается небольшая поэма «Щитъ Геракла», приписываемая также Гезіоду. Щитъ Геракла. Такія поэмы, воспѣвавшія веселымъ и простодушнымъ тономъ какой нибудь одинъ эпизодъ изъ сказанія о героѣ, назывались эпилліями. Въ Гезіодовой эпилліи «Щитъ Геракла» разсказывается бой Геракла съ Кикномъ, происходившій близъ пагасскаго храма Аполлона. Важнѣйшую часть этой эпилліи составляетъ описаніе щита Геракла; оно — подражаніе описанію щита Ахиллеса у Гомера. — Пѣсни Гезіода, какъ и пѣсни Гомера, были собраны и приведены въ порядокъ при Пизистратѣ.

Всѣ произведенія эпической поэзіи слѣдующихъ временъ были Позднѣйшая эпическая поэзія. подражаніями поэмамъ или Гомера, или Гезіода; и шестистопный стихъ этихъ поэмъ, гекзаметръ, превосходно выработанный въ нихъ, на много вѣковъ остался единственною формою размѣра повѣствовательной поэзіи. Содержаніемъ эпическихъ поэмъ послѣ Гомера и Гезіода обыкновенно были областныя легенды о герояхъ. Художественное достоинство этихъ эпопей было не высоко; интересъ имъ давало только ихъ содержаніе. Потому всѣ онѣ были забыты и по-

Пизандръ.

гибли, когда логографы рассказали легенды о герояхъ прозою и безъ лишнихъ длиннотъ. Александрійскіе ученые внесли въ свой списокъ замѣчательныхъ писателей (канонъ) только одного изъ позднѣйшихъ эпическихъ поэтовъ, Пизандра Родосскаго, поэма котораго «Подвиги Геракла», излагала народные рассказы о Гераклѣ въ той формѣ, какую имѣли они въ его время.

Пополненіе. *Содержаніе поэмы «Дѣла и дни».* Гезіодъ начинаетъ хвалою Зевсу, волею своею унижающему гордыхъ и возвышающему смиренныхъ. Сдѣлавъ это вступленіе (prooimion), Гезіодъ обращается къ своему брату, Персесу, и говоритъ ему, что есть два рода состязанія, дурной и хорошій, дурное состязаніе — судебная тяжба; хорошее состязаніе — соревнованіе въ земледѣліи и ремеслахъ. Пусть Персесъ уклоняется отъ дурнаго состязанія, и пусть не подкупаетъ снова судей, чтобы во второй разъ отнять у Гезіода его собственность; пусть Персесъ приобретаетъ выгоду себѣ честнымъ трудомъ. Зевсъ постановилъ, что жизнь человѣка подвержена труду и бѣдствіямъ; когда Прометей тайно принесъ съ неба огонь людямъ, для облегченія ихъ жизни, Зевсъ послалъ къ людямъ Пандору съ коробочкою, въ которую были вложены всѣхъ бѣдствій, съ той поры владычествуютъ на землѣ нужда и страданіе; и особенно сильно стало владычество страданій въ нынѣшнемъ, пятomъ желѣзномъ вѣкѣ, когда къ физическимъ бѣдствіямъ присоединились пороки, невѣріе, несправедливость. Цари уподобились ястребу, терзающему соловья, и на жалобы его отвѣчающему: «я сильнѣе тебя». Но только то государство пользуется спокойствіемъ и благоденствуетъ, въ которомъ оказывается справедливость и гражданину и пришельцу; а гдѣ сильные беззаконники, подкупленные подарками, судятъ неправо, на ту страну Зевсъ посылаетъ моръ и голодъ; народъ ея гибнетъ, женщины не рожаютъ дѣтей, война опустошаетъ ее, и корабли ея тонутъ. Безчисленные сонмы безсмертныхъ существъ, свитыхъ служителей Зевса, облеченные скрывающею ихъ мглою, невидимые, обзрѣваютъ землю, наблюдаютъ дѣла людей, справедливы ли они, или беззаконны. И за грѣхи царей страдаетъ народъ. По праву сильнаго поступаютъ звѣри; а человѣку Зевсъ далъ справедливость, величайшее изъ всѣхъ благъ. «Легко ты можешь, Персесъ, приобретать трудами дурное, потому что путь къ нему недалекъ, оно подлѣ тебя», говоритъ Гезіодъ брату. Но боги постановили, что хорошія качества приобретаются въ потѣ лица; длиненъ и крутъ путь, приводящій къ добродѣтели, онъ идетъ въ гору; но когда ты взойдешь на высоту, будетъ тебѣ легко и хорошо. Трудъ пріятенъ богамъ, и нѣтъ стыда въ немъ. Только то, что приобретено честно, служить въ пользу, только оно прочно. Остерегайся согрѣшать противъ отца и брата, противъ сиротъ и слабыхъ; служи богамъ, приноси имъ жертвы чистыми руками и въ чистотѣ сердца. Дорожи друзьями и сосѣдями; расположеніе ихъ полезно; приглашай ихъ на обѣды, давай имъ подарки щедрѣе полученныхъ отъ нихъ; не поддавайся обольщеніямъ любимой жены: кто довѣряетъ женѣ, довѣрится и обманщикамъ; надобно имѣть дѣтей, чтобы они сохранили и увеличили твое наслѣдство; но не должно имѣть слишкомъ много дѣтей.

Дальше, Гезіодъ рассказываетъ брату, какія полевныя работы въ какое время года надобно исполнять, и по какимъ правиламъ должно вести ихъ, чтобы сельское хозяйство шло хорошо. Во первыхъ, надобно завестись домомъ, посудой, хорошими рабами; рабъ долженъ быть неженатый, у рабыни не должно быть дѣтей. Во вторыхъ, надобно обзавестись ручною мельницею, ступою и двумя плугами изъ сухаго дубоваго или вязаго дерева, срубленнаго осенью. Пахаремъ долженъ быть рабъ среднихъ лѣтъ, вѣрпаго здоровья, человѣкъ солиднаго характера; передъ работою надобно давать ему на завтракъ восемь ломтей хлѣба; въ плугъ должно запрягать двухъ девятигодовыхъ воловъ. Самая лучшая пора для посѣва — когда перестаютъ восходить Плеяды и скрываются на сорокъ ночей: воздухъ тогда свѣжъ, а земля размячена дождями. При посѣвѣ, за сѣятелемъ долженъ идти мальчикъ съ мотыкою и прикрывать зерна землею, чтобы пти-

цы не выклевали ихъ. Надобно и молиться божествамъ земли, чтобы выросло священное зерно Деметры. «Когда будешь вести полевныя работы какъ должно», говоритъ Гезіодъ брату, «то будешь ты радостно видѣть обильные запасы въ твоёмъ домѣ, не будешь завидовать другимъ; напротивъ, другіе будутъ просить у тебя помощи». Но если сѣять хлѣбъ во время зимняго солнцестоянія, жатва будетъ такъ мала, что весь хлѣбъ ливы принесешь домой въ корзинѣ. — Впрочемъ не всѣ годы одинаковы: тотъ кто запоздалъ посѣвомъ, еще можетъ поправить дѣло: онъ долженъ дожидаться для посѣва, когда въ возрождающейся зелени дуба начнеть куковать кукушка, и Зевсъ дастъ три дождя. Хорошій поселянинъ пользуется и зимнимъ временемъ. Онъ быстро проходитъ мимо теплой сельской гостинницы: кто засиживается въ гостинницахъ, тотъ бѣднѣетъ. Хорошій хозяинъ долженъ заблаговременно позаботиться о томъ, чтобы рабы выстроили себѣ хижины для защиты отъ зимняго холода, когда сѣверный вѣтеръ волнуется море, валитъ въ горахъ дубы и ели на мерзлую землю. Дрожа прячутся тогда животныя, холодно даже тѣмъ, у которыхъ длинная шерсть; и даже старика морозъ заставляетъ бѣгать. Нѣжная дѣвушка любитъ тогда сидѣть дома съ матерью. «А ты надѣнь длинную шерстяную одежду», говоритъ Гезіодъ брату, «обуйся въ сандалии изъ толстой воловьей кожи на мѣховой подкладкѣ, надѣнь на плечи плащъ изъ шкурки козлятъ, сшитыхъ воловьими жилами, накрой голову войлочною шапкою, чтобы не мерзли у тебя уши, когда утромъ дуетъ холодный сѣверный вѣтеръ и стелется по полямъ туманъ. Дни тогда короткіе, ночи длинныя, людямъ и скоту довольно половины той пищи, какая нужна съ наступленіемъ весны. Когда прійдетъ шестидесятый день послѣ зимняго солнцестоянія, подрѣзывай, не теряя времени, виноградныя лозы: это должно кончить до возвращенія ласточекъ. А когда пчела, боясь Плеядъ, станетъ прятаться между листьями, точи серпъ для жатвы, подымай рабовъ отъ сна на разсвѣтъ: въ эту пору надобно торопиться работою, чтобы успѣть убрать хлѣбъ; утро — третья часть дни; чтобы скорѣе кончить работу, надобно работать съ ранняго утра. А когда разцвѣтеть репейникъ, начнеть въ травѣ стрекотать стрекоза, и наступить, съ восхожденіемъ Сиріуса, пора томительнаго зноя, надобно уходить подъ тѣнь саялъ, и тамъ въ прохладѣ подрѣпляться смѣшаннымъ съ чистою родниковою водою краснымъ виномъ, хлѣбомъ, козьимъ молокомъ, говядиною, козьимъ мясомъ. А когда станетъ сѣять Оріонъ, надобно велѣть рабамъ молотить и вѣять хлѣбъ на вѣтряно утоптанномъ току, и собирать провѣянный хлѣбъ въ сосуды. Когда хлѣбъ собранъ въ домъ, то надобно держать при домѣ зубастыхъ собакъ, и кормить ихъ, чтобы онѣ охраняли запасы отъ воровъ. Теперь можно дать отдыхъ рабамъ, и не запрягать воловъ до той поры, когда станутъ высоко подыматься Оріонъ и Сиріусъ. Тогда наступаетъ сборъ винограда. Сорвавъ дары Діониса, радующаго сердце, надобно дать имъ лежать десять дней на солнцѣ и пить въ тѣни; послѣ того выжимать ихъ сокъ и сливать его въ сосуды. Съ наступленіемъ осеннихъ дождей надобно сложить въ домѣ дерево для плуга и другихъ орудій.

Таковы правила земледѣлія. А если ты хочешь заниматься мореходствомъ, то долженъ тоже замѣчать времена года. Когда Плеяды, испугавшись Оріона, уходятъ въ моръ и начинаютъ бушевать вѣтры, вытаски корабль изъ опаснаго волненія на берегъ, и подложи подъ его бокъ камни; надобно вычерпать изъ него воду, чтобы дерево не гнило; всѣ снасти должны перенести въ домъ. Потомъ, черезъ пятьдесятъ дней послѣ солнцестоянія, когда лѣто приближается къ концу, небо становится ясно, море спокойно и благопріятно плаванію. Тогда пора снарядить корабль, и стацивъ его въ воду, заботливо укладывать въ него грузъ; и потомъ вѣтряйся вѣтрами. Но спѣши вернуться до начала зимнихъ буръ и осенняго ненастья. Весною, когда начинаютъ распускаться листья на смоковницѣ, море тоже удобно для плаванія. Но мореходство всегда соединено съ опасностями; лучше заниматься земледѣліемъ; ужасна смерть въ волнахъ. Если бы прибыль не была человѣку дороже жизни, не пускался бы онъ на бурное море. Не вѣряй всего своего состоянія кораблю, большую часть его оставляй дома. Соблюдай во всемъ умѣренность.

Послѣ наставленія относительно земледѣлія и мореходства, Гезіодъ возвращается къ домашнему быту, разсужденія о которомъ были прерваны этимъ длиннымъ трактатомъ. —

Когда ты достигнешь зрѣлаго возраста, будешь имѣть лѣтъ тридцать, то женись: много ранѣ или много позже того, не слѣдуетъ жениться. Женись на дѣвушкѣ честнаго поведения, выбирай ее изъ сосѣднихъ семействъ; выбирай такую дѣвушку, которой идетъ пятый годъ дѣвической зрѣлости. Добродѣтельная жена — драгоцѣнное сокровище. Отъ дурной, расточительной жены преждевременно сѣдѣютъ волосы мужа. Будь вѣренъ другу и примодушенъ съ нимъ; не оскорбляй его; и когда онъ, поссорившись съ тобою, захочетъ возобновить дружбу, примиришь. Будь гостепріименъ; но съ разсудкомъ. Не злословь; не попрекай никого бѣдностью. Не уклоняйся отъ общественныхъ пирушекъ: на нихъ больше веселья и меньше расхода, чѣмъ при домашнихъ угощеніяхъ. — За этимъ слѣдуютъ у Гезіода правила относительно всѣхъ дѣлъ обыденной жизни; тутъ есть правила и о томъ, какъ сожителствовать съ женою, и о томъ, какъ молиться, переходить рѣчки въ бродъ, купаться. Эти наставленія показываютъ, что суевѣрная заботливость о соблюденіи религіозной формальности была не совершенно чужда и эллинскому народу, что и въ его понятіяхъ объ угожденіи божеству было много грубаго, что и онъ придавалъ очень большую и религіозную важность мелочнымъ обрядамъ. Правила излагаемыя Гезіодомъ напоминаютъ восточныя заповѣди очищенія.

Послѣдній отдѣлъ его поэмы наполненъ суевѣрными наставленіями о томъ, какіе дни счастливы, какіе несчастливы для тѣхъ или другихъ дѣлъ. Счетъ счастливыхъ и несчастливыхъ дней идетъ по лунному мѣсяцу, и кажется, что суевѣрное значеніе ихъ имѣло связь съ характеромъ богослужебныхъ обрядовъ, какіе совершались въ эти дни.

5. Героическій вѣкъ.

1) нравы и бытъ.

Поэмы Гомера — самый древній и самый чистый источникъ нашихъ свѣдѣній о жизни греческаго народа во времена давней старины; онѣ знакомятъ насъ со всѣми сторонами быта тѣхъ вѣковъ. Потому онѣ важны для насъ не только своимъ поэтическимъ достоинствомъ: мы имѣемъ въ нихъ вѣрное изображеніе дѣйствительной жизни, матеріальной обстановки ея, общественныхъ учреждений, понятій и чувствъ. Мы должны считать картинами реальнаго политическаго и частнаго быта, фактическими вѣрными очерками религіозныхъ и нравственныхъ понятій тѣ поэтическія описанія, существенныя черты которыхъ будутъ приведены нами ниже. Фантазія греческихъ поэтовъ должна была тогда заимствовать свои матеріалы исключительно изъ греческой дѣятельности: съ другими народами греки были еще мало знакомы, и свѣдѣнія ихъ о культурѣ восточныхъ народовъ были очень отрывочны и слабы. Гомеровскія описанія такъ объективны, что въ нихъ нѣтъ вымысла. Но изображаемый ими бытъ находится ужъ въ переходномъ состояніи. «Пѣсни Гомера проникнуты чувствомъ печали», говоритъ Курціусъ: «въ нихъ слышится скорбь о томъ, что человѣческая жизнь стала хуже прежняго, что нынѣшніе люди далеко ниже своихъ предковъ по качествамъ характера, не имѣютъ той энер-

гіи, тѣхъ доблестей. Черты настоящаго, непреднамѣренно перенесенныя въ картины прошлаго, показываютъ, что нравы и учрежденія героическаго вѣка ужъ не существовали въ тѣ времена, когда сложены были пѣсни Гомера. По нѣкоторымъ даннымъ замѣтно, что когда были слагаемы эти пѣсни, у грековъ уже пробуждались демократическія стремленія.

Взглянемъ прежде всего на государственныя учрежденія. Въ каждой общинѣ мы видимъ царя. Онъ храбрѣйшій и искуснѣйшій воинъ; онъ водить своихъ сотоварищей въ бой. По своему божественному происхожденію, онъ наслѣдственный знатокъ вѣчнаго закона, даннаго и хранимаго богами; потому онъ судья, защитникъ справедливости; онъ представитель общины передъ богами, приносить имъ жертвы и молитвы за нее. Итакъ, военачальникъ и судья, «боготорожденный», «боговоспитанный» царь былъ и посредникомъ между народомъ и богами. Царская власть считалась божественнымъ учрежденіемъ. Данная богами предку нынѣшняго царя, имѣвшему божественное происхожденіе, она переходила по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію, обыкновенно отъ отца къ старшему сыну. Но получающій ее долженъ былъ имѣть качества, дѣлающія достойнымъ скипетра. Царь долженъ быть храбръ въ битвѣ, мудръ въ совѣтѣ, краснорѣчивъ въ народномъ собраніи. Онъ долженъ превосходить всѣхъ физическою силою и боевымъ искусствомъ *). Слабыхъ, состарѣвшихся или невоинственныхъ царей мало слушались. Царь владѣлъ обширными землями, многочисленными стадами, имѣлъ средства угощать своихъ сподвижниковъ въ богатоукрашенномъ дворцѣ, обширный дворъ котораго былъ обведенъ каменною стѣною. Кромѣ земель, составлявшихъ его собственность, въ его пользованіи находилась государственная земля; были установлены закономъ натуральныя повинности въ его пользу; онъ получалъ добровольные дары; получалъ, по своему сану судьи, штрафы съ виновныхъ; въ случаѣ войны, получалъ пособія на содержаніе войска. На религіозныхъ праздникахъ ему предоставлялись лучшіе куски освященныхъ жертвоприношеніемъ животныхъ. При дѣлежѣ добычи, ему было отдаваемо самое лучшее изъ нея; въ особенности, отдавались ему самыя красивыя плѣнницы, драгоцѣн-

Царь.

*) Описывая краснорѣчиваго царя, искуснаго судью, Гезіодъ выражаетъ общія понятія героическаго вѣка объ этихъ качествахъ царей:

«На кого изъ богоблаженныхъ владыкъ при рожденіи благосклонно взглянули дочери Кроніона (Музы), у того на языкѣ сладкая роса, и рѣчь его течетъ какъ медъ. Всѣ взираютъ на него, произносящаго рѣшеніе по закону; онъ говоритъ убѣдительно и искусно умѣетъ быстро примирять ссоры. Правителямъ дается разумъ, чтобы они все-народно доставляли полное удовлетвореніе обиженнымъ, убѣждая вроткими словами. Когда царь идетъ по городу, всѣ чтутъ его съ благоговѣйною любовью, какъ бога. И въ народномъ собраніи онъ превосходитъ всѣхъ разумомъ». (Θεογονία, 81 слѣд.).

ныя вещи, хорошее оружіе. Энергическіе цари правили съ неограни-
ченною властью; были безъ сопротивленія выносимы и произвольные,
суровые, несправедливые поступки ихъ. Отъ слишкомъ большихъ зло-
употребленій властью удерживались они боязнью гнѣва боговъ
и общественнымъ мнѣніемъ. Чтобъ узнавать общественное мнѣніе и
поступать сообразно ему, царь собиралъ совѣтъ вельможъ и стар-
шинъ, обыкновенно, во дворецъ, на обѣдъ; созывалъ народное собра-
ніе; оно совѣщалось на площади; герольды поддерживали порядокъ.
Но ни совѣтъ вельможъ, ни народное собраніе не имѣли правитель-
ственной власти; царь не былъ обязанъ подчиняться ихъ рѣшеніямъ.

Совѣтъ вель-
можъ и народ-
ное собраніе.

Отношенія ца-
ря къ народ-
ному собранію.

Царь излагалъ народному собранію свои мысли. Вельможи, сидѣвшіе
подлѣ него на камняхъ, высказывали свои мнѣнія; каждый, начиная рѣчь,
бралъ въ руку ораторскій жезлъ, подаваемый герольдомъ. Народъ стоялъ
кругомъ; онъ выражалъ сочувствіе крикомъ одобренія; въ случаѣ несочув-
ствія, молчалъ; тѣмъ и ограничивалась его роль; одобрялъ ли, или не
одобрялъ дѣло, онъ долженъ былъ повиноваться. Одиссей говоритъ у Го-
мера: „Многовластіе вредно; долженъ быть одинъ властитель, царь, кото-
рому Зевсъ далъ скипетръ власти“ (Иліада 2, 204);—эти знаменитыя слова
выражаютъ всеобщее убѣжденіе того времени. Когда Терситъ отважился
поричать Агамемнона, Одиссей побилъ его до слезъ. Но „пастыри наро-
довъ“ находили полезнымъ не поступать самовольно, а убѣждать вельможъ
и народъ въ справедливости и разумности своихъ распоряженій, чтобы
повиновеніе было усердное. Агамемнонъ говоритъ Менелая, что царь не
долженъ быть высокомернымъ, долженъ оказывать почетъ каждому, гово-
рить любезнымъ тономъ (Иліада 10, 68). Одиссей говоритъ: „Когда храб-
рыми мужами правитъ хорошій царь, чтущій боговъ и охраняющій спра-
ведливость, то земля даетъ обильный урожай пшеницы, ячменя и другихъ
плодовъ, стада размножаются и море даетъ много рыбы“ (Иліада 19, 108).
„Идеалъ правителя героическихъ временъ—храбрый царь, избрѣтательный
на войнѣ, превосходящій всѣхъ окружающихъ умомъ, такъ что вельможи
соглашаются съ нимъ, а народъ ему преданъ“ (Гротъ). Царь владыка лю-
дей, какъ Зевсъ владыка боговъ.

Самоуправство
и кровомщеніе.

Но власть судьи-царя не имѣла такого могущества, чтобъ удержи-
вать сильныхъ отъ беззаконій, грабежа, убійства. Законный поря-
докъ, охраняющій слабыхъ, былъ еще шаткимъ. При недостаточности
его, обиженный часто былъ принужденъ биться съ нарушителемъ.
Поединки между героями на войнѣ были не только состязаніями въ
храбрости, но и способомъ рѣшить, на чьей сторонѣ справедливость;
это былъ судъ Божій. Оба войска стояли и смотрѣли на поединокъ;
герольды надзирали за соблюденіемъ правилъ боя. Вообще, въ тѣ
времена человѣкъ былъ лишь настолько защищенъ отъ насилія, на
сколько могъ самъ защищаться отъ него. Женщины и дѣти не могли
жить иначе, какъ подъ охраною сильнаго мужчины. Мужчина всегда
ходилъ вооруженный; его мечъ постоянно былъ при немъ. Въ пѣсняхъ
Гомера много примѣровъ грубаго насилія, высокомерныхъ беззаконій;
ихъ совершали и прославляемые герои. При такомъ состояніи об-

щества неизбѣжно долженъ былъ имѣть большую силу обычай кровом-
щенія. Боязнь подвергнуться кровомщенію нѣсколько сдерживала
склонность къ насилію. Право кровомстителя было священно, всѣ
были на сторонѣ мстителя за кровь. Ближайшіе родные убитаго были
обязаны мстить убійцѣ; чтобъ они могли исполнить свой долгъ, об-
щество лишало убійцу правъ гражданства, предавало его преслѣдо-
ванію кровомстителей. Если ему не удавалось примириться съ ними,
давъ имъ выкупъ за кровь, онъ обыкновенно видѣлъ себя въ необхо-
димости бѣжать изъ родной округи и скитался, отыскивая себѣ
пріютъ, гдѣ укрыли-бъ его.

У Гомера много примѣровъ и примиренія и бѣгства. Въ разсказахъ его
встрѣчается множество убійцъ, бѣжавшихъ изъ родной страны, нашедшихъ
себѣ пріютъ у царей другихъ государствъ. Они искупили свое преступленіе
тѣмъ, что подверглись бѣдствію изгнанничества, и находятся подъ охраною
Зевса. На щитѣ Ахиллеса была изображена, между прочимъ, сцена спора
о выкупѣ за кровь: на площади народныхъ собраній (агорѣ) стояли спо-
рящіе; старшины (геронты) сидѣли на выглаженныхъ камняхъ; они были
судьи; кругомъ стоялъ народъ, и выражалъ громкимъ крикомъ свое одоб-
реніе рѣчи того или другаго изъ спорившихъ; герольды поддерживали
порядокъ. Посрединѣ круга судей лежало золото; его долженъ былъ по-
лучить или тотъ изъ судей, который найдетъ правильное рѣшеніе дѣла,
или, какъ объясняетъ слова Гомера Шеманъ, тотъ изъ спорящихъ, который
выиграетъ дѣло *).

*) Иліада 18, 497.

Много народа толпится на торжищѣ: шумный
Споръ тамъ поднялся; спорили два челоѣка о пенѣ,
Мзда за убійство; и влился одинъ, объявляя народу,
Будто онъ все заплатилъ, а другой отрекался въ пріемъ,
Оба рѣшились, представивъ свидѣтелей, тяжбу ихъ кончить.
Граждане вдругъ ихъ кричатъ, своему добротѣству каждый;
Вѣстники шумный ихъ крикъ укрощаютъ; а старцы градскіе,
Молча, на тесаныхъ камняхъ сидятъ средь священнаго круга;
Скипетры въ руки пріемлютъ отъ вѣстниковъ звонкоголосыхъ;
Съ ними встаютъ, и одинъ за другимъ свой судъ произносятъ.
Въ кругъ предъ ними лежатъ два таланта чистаго злата,
Мзда для того, кто изъ нихъ справедливѣе право докажетъ.

Родственники убитыхъ Одиссеемъ жениховъ Пенелопы говорятъ (Одиссея 24, 433),
что кровомщеніе—долгъ чести:

Мы о себѣ и потомству оставимъ поносную память,
Если за ближнихъ своихъ, за родныхъ сыновей ихъ убійцамъ
Здѣсь не отмстимъ.

Лаякъ говоритъ Ахиллесу (Иліада 9, 631):

Смертный съ душою безчувственной! Братъ за убитаго брата,
Даже за сына убитаго пеню отецъ принимаетъ;
Самый убійца въ народѣ живетъ, отплатившись богатствомъ;
Пеню же взявшій, и мстительный духъ свой и гордое сердце,
Все наконецъ укрощаетъ.

Если родственники убитого соглашались взять выкупъ, убійца, уплативъ его, становился свободенъ отъ ихъ преслѣдованія и сохранялъ свое прежнее положеніе въ обществѣ. Собственность была еще менѣе, чѣмъ жизнь, ограждена закономъ. Дѣлать набѣги, чтобы грабить жилища, угонять стада, захватывать беззащитныхъ въ плѣнъ, въ рабство—это были славные геройскіе подвиги. Морской разбой считался отважнымъ ремесломъ храбрыхъ людей, ни мало не предосудительнымъ.

Нравственность и гуманность. Но въ этой неурядицѣ военного и охотническаго быта проглядываютъ и черты благородныхъ, гуманныхъ чувствъ, замѣтны зародыши цивилизаціи. Боязнь гнѣва боговъ обуздывала страсти. Человѣкъ, совершившій убійство, не имѣетъ душевнаго покоя, пока не очистится отъ грѣха. Былъ обычай гостепріимства, обязывавшій дружески принимать странника, давать ему пріютъ; должно было принять и успокоить его, даже не спрашивая у него, кто онъ. Только ужъ когда онъ подкрѣпится пищею, освѣжится купаньемъ или ванною, натрется масломъ, спрашивали у гостя, какъ зовутъ его, откуда онъ, по какому дѣлу онъ здѣсь. Кто садился у очага и просилъ защиты, того нельзя было ни оскорблять, ни оставить безпріютнымъ. Нишій находился подъ покровительствомъ Зевса. Былъ союзъ гостепріимства. Люди, соединенные имъ, принимали другъ друга съ почестями, на проводахъ давали гостю подарки. Этотъ союзъ былъ наследственнымъ. Полученные подарки заботливо хранились изъ рода въ родъ. Герольды, послы считались неприкосновенными, даже и неприятельскіе;—это зародышъ международнаго права. Договоры были освящаемы жертвоприношеніемъ, призываніемъ всевидящаго солнца, рѣкъ и земли въ свидѣтели, призываніемъ гнѣва подземныхъ боговъ на голову того, кто измѣнитъ обѣщанію.

Семейная жизнь. Въ особенности имѣла ужъ и тогда благородный характеръ семейная жизнь. Почтительность и любовь къ родителямъ—священная обязанность. Дурнаго сына преслѣдуетъ Эринія. Проклятіе отца отнимаетъ счастье и спокойствіе у непокорнаго сына и тяготѣетъ надъ его потомками до третьяго и до четвертаго поколѣнія. Мысли о дѣтихъ и о женѣ даютъ самое энергическое возбужденіе мужеству въ битвѣ. Жена занимаетъ уважаемое положеніе въ домѣ, хоть она, по обычаю общему всѣмъ древнимъ народамъ, пріобрѣтена дарами, данными ей отцу, то есть, какъ будто куплена. Невѣсту приводятъ въ новый домъ ея торжественною процессіею, съ пѣніемъ, музыкою, съ факелами; въ домѣ жениха ждали ее гости и веселый пиръ *). Мно-

*) На щитѣ Ахиллеса были изображены два прекрасные города (Иліада 18, 490 слѣд.):

Тамъ же два града представилъ онъ яспорѣчивыхъ народовъ.
Въ первомъ, прекрасно устроенномъ, браки и пиршества зрѣлись.

гоженства ужъ и тогда не было у грековъ. Жена—единственная законная сожительница мужа. Она уважаемая всѣми госпожа въ домѣ. Она строго хранитъ вѣрность мужу. Женскіе характеры въ Иліадѣ и Одиссее — Пенелопа, Андромаха, Елена, Гекаба, Навсикая и проч., принадлежатъ къ прекраснѣйшимъ созданіямъ въ поэзіи всѣхъ вѣковъ. Мы видимъ изъ рассказовъ Гомера, что женщины пользовались въ домашней жизни свободою. Госпожа дома не только завѣдуетъ домашнимъ хозяйствомъ, не только занимается пряденьемъ, тканьемъ, шитьемъ всей одежды, мытьемъ, но и выходитъ къ гостямъ, принимаетъ участіе въ разговорахъ съ ними; участвуетъ въ совѣщаніяхъ и дѣлахъ, и голосъ ея не рѣдко рѣшаетъ дѣло. Многоженства, какъ мы говорили, не было. Случалось, что мужъ имѣлъ связь съ другими женщинами, особенно, когда бывалъ далеко отъ дома; но госпожа въ домѣ одна, законная жена. Комнаты, въ которыхъ живетъ она, комнаты служанокъ, спальня мужа, комната, гдѣ хранятся оружіе и сокровища, расположены за большимъ заломъ съ колоннами, и полъ ихъ нѣсколько выше, такъ что изъ зала ходъ въ нихъ образуетъ лѣстницу. Большой залъ—главная часть дома; тутъ и очагъ. Въ залъ ведетъ со двора крытая галлерей.—Бракъ у Гомера постоянно изображается счастливымъ союзомъ; мужъ и жена искренно любятъ другъ друга *). Наложницами обыкновенно бывали рабыни, плѣнницы, взятые на войнѣ. Дѣти ихъ воспитываются вмѣстѣ съ дѣтьми законной жены и принадлежатъ къ свободному сословію: но получаютъ изъ отцовскаго имущества меньшую долю, чѣмъ законные сыновья, которые дѣлятъ между собою наследство равными частями, по жребію. Общественный и нравственный бытъ находится, правда, еще на низкой ступени развитія; пылкость физическихъ страстей, гнѣвъ, ненависть, любовь къ грабежу, мщеніе увлекаетъ людей въ насилія, убійства, военное хищничество. Но мы видимъ, что есть и противовѣсъ влеченію этихъ злыхъ силъ души: есть гуманныя чув-

Тамъ невѣсть изъ чертоговъ, свѣтильниковъ ярныхъ при блескѣ,
Брачныхъ пѣсней при кликахъ, по стогнамъ градскимъ провожаютъ;
Юноши хорамъ въ пляскахъ вращаются; межъ нихъ раздаются
Лиръ и свирѣлей веселые звуки; почтенныя жены
Смотрятъ на нихъ и дивуются, стоя на крыльцахъ воротныхъ.

*) Одиссей говоритъ (Одиссея 6, 182):

Несказанное тамъ водворяется счастье,
Гдѣ однодушно живутъ, сохраняя домашній порядокъ,
Мужъ и жена, благомысленнымъ людямъ на радость, недобрымъ
Людямъ на зависть и горе, себѣ на великую славу.

Елена и Клитемнестра, измѣнившія супружеской вѣрности, были осуждаемы всѣми; ихъ измѣна считалась дѣломъ не ихъ собственной воли, а воли Афродиты, противиться которой не въ силахъ были онѣ. Елена сама себя называетъ «сукою» (Иліада 6, 356).

ства, есть, хотя еще неразвитыя, но живыя понятія о правѣ, нравственности, религіозныхъ обязанностяхъ; въ сердцѣ грека ужь были зародыши цивилизаціи.

Воинственные
нравы благо-
родныхъ.

Военное дѣло и подобная ему охота, на которой тоже встрѣчались опасности, были единственными занятіями, достойными благороднаго человѣка. Уваженіемъ пользуется только храбрый воинъ. Онъ, въ шлемъ и въ панцырь съ наколѣнниками, закрытый большимъ щитомъ, устремляется пѣшій поражать враговъ, или мчится противъ нихъ на военной колесницѣ, быстроногими конями которой править искусная рука вѣрнаго товарища; онъ бросаетъ въ противника копье. Мужчина, уклоняющійся отъ войны, называется «безполезнымъ обремененіемъ земли». — Но воинственность не заглушала умственной жизни. Царь соединенъ съ благородными сподвижниками своими союзомъ дружбы, братства по оружію; на веселыхъ пирахъ они любятъ слушать пѣніе, музыку, речитативы пѣсень о герояхъ; этимъ смягчается разгулъ пировъ; ихъ веселье не буйная оргія *). Основнымъ мотивомъ ихъ воинственности была любовь къ славѣ. Герои Гомера больше всего думаютъ о томъ, чтобы заслужить своими подвигами восхваленіе въ пѣсняхъ. А для этого физическая сила и боевая отвага должны были соединяться съ тѣми нравственными качествами, какія восхвалялись пѣвцами. Сочетаніе этихъ элементовъ создавало тѣхъ энергическихъ и прямодушныхъ воителей **), которыми восхищаемся мы съ дѣтства: они не стыдятся плакать; мужество ихъ остается достославнымъ, хоть иногда и робѣютъ они, бѣгутъ отъ болѣе сильныхъ противниковъ, и быстрота ногъ пользуется у нихъ такимъ же уваженіемъ, какъ и сила руки; не мѣшаетъ имъ быть героями и самохвальство, съ какимъ превозносятъ они сами себя и своихъ предковъ.

Рабы и оеты. Воинственная жизнь благороднаго сословія—главный предметъ пѣсень

*) Съ обыкновенною наивностью гомеровскихъ пѣсень описываются въ нихъ и пиры. Такъ, напримѣръ, Одиссей говоритъ (Одиссея 9, 3 слѣд.).

Сладко вниманье свое намъ склонять къ пѣснопѣвцу, который,
Слухъ нашъ пѣвня, богамъ вдохновеньемъ высокимъ подобенъ.
Я же слажу, что великая нашему сердцу утѣха
Видѣть, какъ цѣлой страной обладаетъ веселье, какъ всюду
Сладко пируютъ въ домахъ, пѣснопѣвцамъ внимая; какъ гости
Рядомъ по чину сидятъ за столами, и хлѣбомъ и мясомъ
Пышно накрытыми; какъ изъ кратеръ животворный напитокъ
Льетъ виночерпій, и въ кубкахъ его опѣненныхъ разноситъ.
Думаю я, что для сердца ничто быть утѣшнѣй не можетъ.

**) Ахиллесъ говоритъ (Иліада 9, 312):

Тотъ ненавистенъ мнѣ, какъ врата ненавистнаго ада,
Кто на душѣ сокрываетъ одно, а другое пѣщаетъ.

Гомера; но, по связи съ нею, говорится въ его разсказахъ и о другихъ сторонахъ быта, и о другихъ классахъ людей. На щитѣ Ахиллеса были изображены паханіе поля, праздникъ жатвы, на которомъ пировалъ и царь, веселый сборъ винограда. — По пѣснямъ Гомера мы видимъ, что большая половина земли остается еще нераздѣльнымъ пастбищемъ, по которому бродятъ многочисленныя стада рогатаго скота, свиней, козъ и овецъ; пастухи ихъ—рабы; за пастухами наблюдаетъ начальникъ ихъ, тоже рабъ. Но значительная часть удобной земли ужь перешла въ частную собственность, участки размежеваны, и межевые знаки строго охраняются. Пастухами вообще были захваченные на войнѣ или купленные рабы, или поставленные въ крѣпостную зависимость туземцы завоеванныхъ областей; большинство пахарей составляли, кажется, свободные, но не имѣвшіе своей земли работники, оеты; они жили главнымъ образомъ въ мѣстностяхъ, далекихъ отъ моря; положеніе нѣкоторыхъ оетовъ было хуже, чѣмъ жизнь рабовъ жилищнаго владѣльца. Кажется, что оеть работалъ только за пищу и одежду, а работы требовалось отъ него много. Ахиллеу казалось, что быть оетомъ въ услуженіи у бѣднаго поселянина, который плохо кормитъ, плохо одѣваетъ и обуваетъ работника, — самая бѣдственная участь на свѣтѣ. Очень велико было число рабынь; онѣ пряли, ткали, мыли бѣлье; носили воду изъ ручьевъ въ господскій домъ, стоявшій на высокомъ мѣстѣ, такъ что носить воду было далеко; онѣ мололи хлѣбъ на ручныхъ мельницахъ; исполняли другія тяжелыя работы. Но обращеніе господъ съ рабами и рабынями было мягкое; степень образованія въ обоихъ сословіяхъ была одна и та же; потому отношенія между ними были довѣрчивыя, дружелюбныя.

Кругъ мореходства и торговли въ поэмахъ Гомера ограничивается почти исключительно островами Эгейскаго моря и берегами Малой Азии и Греціи. Объ Италіи, Сициліи, Коркирѣ (если островъ Феаковъ дѣйствительно Коркира), объ Эпирскомъ побережьи Гомеръ знаетъ лишь по смутнымъ слухамъ. Черное море ему неизвѣстно; онъ слышалъ только о Фракіяцахъ и „укротителяхъ коней“, живущихъ въ скиѣской землѣ. Онъ знаетъ о «рѣкѣ» Египтѣ, о стовратныхъ Ѡивахъ, лежащихъ, по его свѣдѣніямъ, близъ моря, о Ливіи, — но знаетъ тоже лишь по темнымъ слухамъ. Сѣверный берегъ Африки оставался и гораздо позже Гомеровскаго времени невѣдомою страной. Черезъ 150 лѣтъ послѣ 1-ой олимпіады, когда греки хотѣли плыть въ Ливію, трудно было найти греческаго кормчаго, который зналъ бы, какъ плыть туда—такъ говорится въ легендѣ объ основаніи Кирены (стр. 117). Часто упоминается въ пѣсняхъ Гомера о «сидонскихъ мужахъ», хитрыхъ купцахъ, приѣзжающихъ на острова и берега Греціи: они привозятъ наряды, одежду, посуду искусной работы, золото, серебро, олово, электръ (или янтарь, или металлическій сплавъ, имѣвшій въ своемъ составѣ золото), и на эти товары вымѣниваютъ отъ грековъ

Мореходство и
торговля.

шкур, шерсть, рабовъ. Кипръ, Критъ и другіе восточные острова вполне извѣстны Гомеру. Греки ужъ имѣли тамъ колоніи; на Критѣ видѣли они такъ много городовъ, что по счету Гомера тамъ было ихъ почти сто. Критяне и карійцы страшные морскіе разбойники. Финикійцы лишь иногда, при удобномъ случаѣ, захватываютъ знатнаго юношу или обольщаютъ греческаго мужа обманчивыми словами *). Монета неизвѣстна. Торговля ведется лишь мѣновая. Единицею оцѣнки служить обыкновенно волъ. Рогатый скотъ и овцы даются въ подарки, въ выкупъ за плѣнныхъ, въ плату за покупаемыхъ рабовъ. Изъ металловъ самые обыкновенные—золото и мѣдь; серебро и желѣзо встрѣчаются рѣже; даже оружіе дѣлается вообще не изъ желѣза, а изъ бронзы.

Города.

Первые города были построены въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, на скалахъ или холмахъ; такъ было нужно для безопасности отъ набѣговъ съ моря и съ суши; съ тѣхъ сторонъ, откуда доступъ былъ легокъ, защищали городъ стѣнами. Послѣ, когда грабительство стало уменьшаться и жизнь сдѣлалась болѣе мирною, начали строить дома и по спускамъ холма отъ прежняго города, и на равнинѣ; эти новыя части города окружали стѣнами; старую часть города на холмѣ стали называть акрополемъ. Такой составъ имѣли Фивы, Аѣны, Аргосъ. Города въ колоніяхъ строились такимъ же порядкомъ. Но иногда случалось, что жители вовсе покидали старый городъ, стоявшій на холмѣ, всѣ переселялись на приморское мѣсто, удобное для мореходства, и новый городъ весь стоялъ на прибрежной равнинѣ. Въ историческія времена еще были видны на горахъ развалины старыхъ покинутыхъ городовъ. — Городская жизнь представляется въ Гомеровыхъ пѣсняхъ ужъ получившею довольно высокое развитіе. Въ городахъ были хорошіе дома, великолѣпные дворцы и храмы; города были обведены стѣнами; кругомъ нихъ были виноградники и оливковыя рощи. Въ городахъ жили ремесленники; у Гомера упоминаются плотники, кузнецы, кожевники, горшечники, телѣжники, токари, работавшіе издѣлья изъ рога. Одежду и ковры дѣлаютъ у Гомера женщины. Были гадатели, были врачи. Бѣдныя женщины прили шерсть по найму, чтобы на плату кормить дѣтей (Иліада 12, 434). Но искусство писать еще неизвѣстно. Изящныя искусства находятся еще въ очень грубомъ состояніи. Между прочимъ, упоминается и о живописи. Всѣ тѣ превосходно сдѣланныя вещи, которымъ всѣ дивятся, — хорошее оружіе, красивая посуда, драгоценныя ожерелья, — или получены съ

*) Разбой на морѣ, длился и по прекращеніи безурядицы на сушѣ, замѣчаетъ Гротъ, а Эгейское море во всѣ времена больше другихъ морей страдало отъ пиратства; потому греки Гомера постоянно спрашиваютъ приплывшихъ къ нимъ иноземцевъ, для честныхъ дѣлъ приплыли они, или съ дурнымъ намѣреніемъ.

востока, или приписываются божественнымъ художникамъ, Гефесту и Дедалу; бронзовыя вещи—обыкновенно Гефесту.

2) РЕЛИГІЯ И ПРАВСТВЕННЫЯ ПОНЯТІЯ.

Пѣсни Гомера имѣли сильное вліяніе на развитіе религіозныхъ понятій грековъ. Древнѣйшія божества были, какъ мы ужъ видѣли, олицетвореніями силъ природы и мало по малу пріобрѣтали нравственное значеніе. У эпическихъ поэтовъ и пѣвцовъ нравственный элементъ въ представленіяхъ о божествахъ имѣетъ ужъ такое преобладаніе, что первоначальныя физическія идеи проглядываютъ мало и слабо; божества являются и по характеру своему, и по внѣшнему виду совершенно подобными людямъ, идеализированными людьми; они отличаются отъ людей тѣмъ, что по уму, знанію, силѣ безконечно превосходятъ ихъ, и притомъ бессмертны; кромѣ того, они могутъ мгновенно переноситься съ мѣста на мѣсто; но качества ума и сердца у нихъ такія же, какъ у людей, мотивы дѣйствій тѣ же; надъ ними властвуютъ тѣ же чувства и страсти: ненависть и любовь; у нихъ тѣ же радости и печали *).

Антропоморфизмъ.

Сонмъ боговъ и богинь, группирующійся на Олимпѣ около Зевса—идеализированное подобіе царскаго семейства и двора, Зевсъ—идеализированный царь. Царь созываетъ вельможъ на совѣты, на пиры; такъ собираетъ и Зевсъ боговъ и богинь въ золотой олимпійскій дворецъ; тамъ они весело пируютъ, вкушая нектаръ и амброзію, услаждаясь пѣніемъ музъ, игрою Аполлона на лирѣ; имъ прислуживаетъ Геба, богиня молодости и красоты. Ихъ жизнь тоже не свободна отъ заботъ: люди вводятъ ихъ въ хлопоты своими безразсудствами; но это мимолетныя непріятности, не портящія общаго свѣтлаго счастья „блаженныхъ боговъ“.

Боги и богини Олимпа.

Бываютъ у нихъ непріятныя отношенія и между собою; особенно въ царскомъ семействѣ случаются раздоры: интересы важнѣйшихъ боговъ и богинь часто бываютъ противоположны, ведутъ къ ссорамъ. Зевсъ бранитъ непослушную жену, Геру; и не всегда бываетъ достаточно угрозъ, чтобы усмирить ее: однажды онъ даже повѣсилъ ее между сіяніемъ зѣира и облаками, привязавъ къ ногамъ ей двѣ наковальни, а руки сковалъ золотомъ цѣпью. Своего сына Гефеста онъ однажды сбросилъ съ неба; Гефестъ летѣлъ внизъ цѣлый день и, упавъ на Лемносъ, былъ оглушенъ ударомъ о землю; онъ нашелъ хорошій пріемъ у лемносскихъ снѣтійцевъ. Былъ онъ тоже сброшенъ съ неба и матерью, хотѣвшей избавиться отъ непріятности видѣть хромаго сына; онъ упалъ въ море; Оетида и Эвринома приняли его дружески; потому-то онъ впослѣдствіи такъ услужливо исполнилъ просьбу Оетиды, желавшей, чтобы онъ сдѣлалъ щитъ, шлемъ и латы для Ахиллеса. Зевсъ грозитъ и Посейдону; Посейдонъ сначала хочетъ противиться ему, но

*) Въ этомъ смыслѣ надобно понимать слова Геродота, что Гомеръ и Гезіодъ создали грекамъ ихъ боговъ; онъ говоритъ объ этомъ антропоморфизмѣ, о превращеніи древнихъ боговъ, бывшихъ олицетвореніями силъ природы, въ идеальныя человѣкоподобныя существа, имѣющія всѣ хорошія и дурныя человѣческія качества.

находить лучшим покориться.—Паллада Афина однажды в битвѣ нанесла ударъ въ грудь Афродитѣ и направила копье Діомеда на нее и Ареса, такъ что они оба, раненные, со стономъ улетѣли на Олимпъ.—Гера однажды схватила лѣвою рукою обѣ руки Артемиды, а правою взяла лукъ и била ее имъ по ушамъ.—Но ссоры производятъ лишь недолгое неудовольствіе между богами и не столько нарушаютъ, сколько оживляютъ блаженство ихъ жизни. Всегда находятся примирители, и согласіе возобновляется. Есть въ кругу боговъ и представитель комическаго элемента—смѣшной добрякъ Гефестъ. Когда ссора Зевса съ Герою наводитъ тѣнь на пиръ боговъ и богинь, Гефестъ уговариваетъ ссорящихся помириться, чтобы не мѣшать веселью, идетъ кругомъ стола, наливая золотые кубки, и блаженные боги громко хохочутъ, любуются на него, какъ онъ, прихрамывая, суется. По Иліадѣ, онъ женатъ на Харитѣ, по Одиссеевѣ—на самой Афродитѣ; то, что женою его сдѣлана красавица, символически выражаетъ идею о красотѣ произведеній кузнечнаго ремесла. Но хромоу кузнецъ—не партія богинь любви, и бракъ его съ нею дѣлаетъ ему много горя: его жена завела связь съ богомъ войны, Аресомъ. Обманутый мужъ придумалъ хитрость: жена съ любовникомъ попались въ искусно сдѣланную сѣть, и онъ привелъ боговъ и богинь смѣяться надъ ними;—приключеніе, которое ужъ воспѣвалъ Демодокъ на пирѣ у царя феаковъ.

Эти наивные рассказы, отнимавшіе святость у представленій о богахъ, слишкомъ сближавшіе ихъ съ человѣческими слабостями, возбуждали сильное неудовольствіе мыслителей позднѣйшаго времени, когда религиозное чувство получило болѣе глубокую серьезность. Пифагоръ говорилъ, что Гомеръ своими оскорбительными для боговъ вымыслами заслужилъ тяжелое наказаніе въ загробной жизни; Пиндаръ и трагики устранили изъ своихъ произведеній народные рассказы. Конечно, возвращеніе къ серьезному первобытному возрѣнію на боговъ было необходимо для того, чтобы религиозныя понятія сохранили свою святость; безъ того, религія стала бы забавою, мысли о богахъ и богиняхъ возбуждали бы не къ возвышенному настроенію, а къ чувственнымъ наслажденіямъ. Но серьезное религиозное чувство поддерживалось въ грекахъ обрядами, гимнами и таинствами богослуженія.

Царская власть Зевса надъ царей. Всѣ другіе боги и богини вмѣстѣ не могли бы стащить его за золотую цѣпь съ неба, а онъ на этой цѣпи могъ бы поднять ихъ всѣхъ вмѣстѣ и съ моремъ и съ землею, на вершину Олимпа. Когда онъ качнетъ головою и поколеблется его распушенные кудри, то дрожитъ Олимпъ. Нѣтъ такой силы, которая могла бы противостоятъ ему. Но какъ цари, „пастыри людей“, совѣтуются по всѣмъ важнымъ дѣламъ съ вельможами, стараются дѣйствовать по законамъ, съ согласіемъ народа, такъ и Зевсъ обыкновенно излагаетъ свои намѣренія въ собраніи боговъ, и старается вести дѣла такъ, чтобы все въ жизни людей совершалось сообразно предопредѣленіямъ, какія „прядетъ, какъ нити“ судьба (Мойра и, Эса, Moira, Aisa).

Мойра. Судьба, Мойра, не слѣпой рокъ; она подвластна Зевсу и въ сущности она лишь олицетвореніе его могущества. Она—его собственная твердая, неизмѣнная воля, независимая отъ мимолетныхъ его желаній. Она и называется судьбою Зевса (судьбою, опредѣляемою Зевсомъ), и онъ самъ называетъ ее изреченіемъ божества. Можетъ иногда происходить и что нибудь противное или постороннее судьбѣ (ὑπερμόρον); но это не значитъ, что существуетъ могущество сильнѣе судьбы, а только то, что повсюду идетъ борьба противоположныхъ влеченій; она идетъ и въ душѣ Зевса, совершенно та-

кой же, какъ человѣческая душа: у Зевса тоже бываютъ сомнѣнія, колебанія; идетъ эта борьба и въ сонмѣ боговъ, окружающихъ Зевса, и въ человѣческой жизни; и каждое влеченіе стремится измѣнить или отклонить все, что несообразно съ нимъ въ рѣшеніяхъ судьбы. Мойра—неизмѣнный законъ матеріальнаго и нравственнаго міра; но по эпическому возрѣнію понятіе объ этомъ законѣ отождествляется съ представленіемъ о верховномъ богѣ или о волѣ всего сонма боговъ: Мойра для царя боговъ то же самое, что чувство законности для земныхъ царей, нравственная сила, съ которою должны сообразоваться его дѣйствія. Но во времена Гомера греки не умѣли мыслить объ идеяхъ иначе, какъ облакая ихъ въ конкретный образъ; потому представленіе о Мойрѣ у Гомера очень сбивчиво. Зевсъ иногда забываетъ на нѣкоторое время свое намѣреніе, занявшись другими дѣлами, или поддавшись вліянію окружающихъ его. Когда онъ отправился къ Фракійцамъ и „кобылодомамъ“, то Посейдонъ, воспользовавшись его отлучкою, сталъ, наперекоръ волѣ его, помогать ахейцамъ. Гера, нарядившись и надѣвъ поясъ Афродиты, дающій очаровательную прелесть, надѣвшей его, приласкалась къ Зевсу на Идѣ, и онъ, увлекшись любовью къ ней, проводилъ время съ нею на цвѣтущей и благоухающей полянѣ подъ золотымъ пологомъ облаковъ; онъ забылъ обо всемъ иномъ,—и война въ это время пошла наперекоръ волѣ его.

Подобно земнымъ царямъ, Зевсъ не суровый властелинъ, не деспотъ. Его власть тоже не враждебна самостоятельности людей, не мѣшаетъ человѣку дѣйствовать свободно. Зевсъ высказываетъ богамъ свою волю, рѣзкимъ тономъ и съ восхваленіемъ своего могущества;—въ этомъ какъ бы слышится опасеніе, что ему не хотятъ повиноваться. И дѣйствительно, мы видимъ, что боги и богини дѣйствуютъ самовластно. Они очень хлопотливо вмѣшиваются въ человѣческія дѣла. Они прилетаютъ или пріѣзжаютъ на коняхъ и колесницахъ по воздуху съ неба на землю обонять пріятный для нихъ запахъ жертвъ, или посѣтить любимыя мѣста, или оказать помощь тѣмъ людямъ, которымъ благопріятствуютъ; боги вступаютъ въ любовныя связи съ богинями, а еще съ красивыми женщинами и дѣвушками; они интригуютъ другъ противъ друга; иногда увлекаются любовью или враждою до такой степени, что совершаютъ дурныя дѣла; какъ, напримѣръ, Гера и Афина склонили Пандора къ предательству.

Но вообще ихъ отношенія къ людямъ основаны на чувствахъ доброй нравственности, справедливости, доброжелательства. Боги Гомера имѣютъ не только силу, но и желаніе быть полезными людямъ; впрочемъ, случается, что тотъ или другой изъ нихъ слишкомъ пристрастенъ къ нѣкоторымъ людямъ, враждебенъ другимъ. Гнѣвъ боговъ люди навлекаютъ на себя всего больше тѣмъ, что не оказываютъ имъ уваженія. Боги требуютъ, чтобы люди оказывали почтеніе къ нимъ, принося имъ жертвы; и кто почтительно служитъ имъ, тѣ пріобрѣтаютъ ихъ расположеніе и поддержку. Уже прошли времена великихъ героевъ, когда боги находились еще въ очень близкихъ сношеніяхъ съ людьми, но и теперь сношенія остаются еще довольно близкими: еще есть между людьми сыновья боговъ или богинь, напримѣръ Эней, Сарпедонъ, Ахиллесъ; боги еще дѣлаютъ подарки своимъ любимцамъ, даютъ имъ совѣты, сражаются за нихъ. Зевсъ еще возвѣщаетъ людямъ свою волю, иногда непосредственными знаками, которые даетъ громомъ и молніею, полетомъ птицъ и въ особенности орла, сновидѣніями, а иногда черезъ посредство прорицателей и посредствомъ Додонскаго оракула; или онъ присылаетъ Гермеса, Ириду объявить его волю. Паллада Афина помогаетъ разсудительнымъ героямъ своими совѣтами. Греки были убѣждены, что судьбами ихъ правятъ высшія силы; если тотъ или другой богъ враждебенъ кому нибудь, то были другіе боги, покрови-

Отношеніе міра боговъ къ міру человеческой жизни.

тельствовавшие этому человеку; и вообще люди надѣялись на помощь боговъ. Неудачи, бѣды считались не дѣлами зложелательства боговъ, а слѣдствіями собственной вины пострадавшихъ или дѣйствіями непостижимаго провидѣнія, которому человекъ долженъ покориться безропотно. Эти понятія порождали вѣру, что боги, правящіе жизнью людей, благопріятствуютъ имъ во всемъ хорошемъ; а это должно было имѣть на нихъ благотворное вліяніе. Когда греки тѣснятъ троянцевъ, Гекаба, по желанію Гектора, идетъ съ троянками въ храмъ Паллады Аѣны; онѣ кладутъ на колѣна богинѣ прекрасную одежду и общають принести въ жертву ей двѣнадцать коровъ; а между тѣмъ, онѣ знаютъ, что Паллада Аѣна непримиримо враждебна троянцамъ. Герои въ раздраженіи или въ отчаяніи жалуются иногда, что вражда какого нибудь бога или какой нибудь богини ввергла ихъ въ это бѣдствіе или что дочь Зевса, Ате („ослѣпленіе“), ввела ихъ въ гибель; но въ этомъ надобно видѣть только врожденное людямъ стремленіе оправдывать свои ошибки или преступленія перенесеніемъ вины на волю высшихъ силъ, а не всеобщее вѣрованіе. Напротивъ, общій ходъ дѣлъ въ пѣсняхъ Гомера и многіе частные эпизоды ихъ показываютъ, что греки того времени были твердо убѣждены въ справедливости боговъ, воздающихъ человеку по дѣламъ его. Напримѣръ, въ знаменитомъ мѣстѣ первой пѣсни Одиссеи (1, 32 слѣд.). Зевсъ говоритъ, что люди несправедливо называютъ боговъ виновниками бѣдствій, что они сами навлекаютъ на себя бѣды своими безразсудствами. Существованіе божественной справедливости, воздающей людямъ по дѣламъ ихъ, фактически доказывается тѣмъ, что преступныя намѣренія, слова, получаютъ заслуженное наказаніе, а твердость въ соблюденіи нравственныхъ обязанностей и добродѣтельное богопочитаніе вознаграждаются въ результатѣ счастьемъ. Въ пѣсняхъ Гомера есть множество мѣстъ, прямо свидѣтельствующихъ о томъ, что вѣра въ наказаніе виновныхъ и награжденіе невинныхъ была тогда уже твердымъ догматомъ религіи греческаго народа. Боги всегда наказываютъ за дерзкую самонадѣянность, за неуваженіе къ нимъ, за несправедливости человека къ другимъ людямъ. Эгистъ, на-перекоръ предостереженію боговъ, завлекшій жену Агамемнона въ измѣну мужу, былъ убитъ Орестомъ; женихи Пенелопы были подвергнуты заслуженному наказанію Одиссеемъ и Телемахомъ. Боги наказываютъ за нарушеніе сыновнихъ обязанностей, за предательство, за нарушеніе закона гостепріимства, за измѣну общанію, за нарушеніе обязанности дать пріютъ просящему его. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пѣсень Гомера говорится, что подвергшійся несчастію ненавистенъ богамъ; это значитъ, что онъ наказанъ бѣдствіемъ за какое нибудь преступленіе. Боги справедливы; но они не безжалостны въ своемъ правосудіи; они, подобно даримъ и отцамъ, жалѣютъ, прощаютъ. За ослѣпляющею Ате идутъ медленными шагами Литы (Litai, мольбы), кроткія богини, приносящія прощеніе тому грѣшнику, который принимаетъ ихъ.

Вѣра въ воздая-
ніе.

Богослуженіе.
Жертвы.

Для пріобрѣтенія милости боговъ, человекъ чтитъ ихъ молитвами и жертвоприношеніями; это служеніе имъ совершаетъ онъ ежедневно, а съ большою торжественностью—при важныхъ случаяхъ или въ исполненіе обѣта. Онъ молится, обратившись лицомъ къ той сторонѣ неба, гдѣ живутъ боги, и, подѣмля къ небу руки, проситъ ихъ, подателей всѣхъ благъ, о помощи себѣ и другимъ, о спасеніи отъ бѣдъ; къ просьбѣ часто присоединяетъ онъ обѣщаніе жертвъ или другихъ приношеній имъ; или, онъ благодаритъ за ихъ благодѣянія. Когда онъ призываетъ подземныхъ боговъ, наказывать предателя, отмстить злодѣю, онъ наклоняется къ землѣ. Торжественныя молитвы были соединены съ принесеніемъ жертвъ; его должно было совершать омытыми руками. Заколовъ и разрѣзавъ жертвенное

животное, греки Гомера отдѣляли на долю боговъ кости и части ногъ, завертывали ихъ въ сало и вмѣстѣ съ шерстью, снятою со шкуры, окропляли виномъ и водою, посыпали изжаренными зернами ячменя, замѣнявшими хлѣбъ въ первобытныя времена, и сожигали на жертвенникѣ „въ благоуханіе, пріятное богамъ“. Мясо жертвеннаго животного они жарили на пищу себѣ, и ѣли на веселомъ пирѣ, при началѣ и въ концѣ котораго выливали изъ приподнятаго кубка нѣсколько капель вина на землю; это было возліаніе богамъ. Боги богаты, не нуждаются въ дарахъ людей, говорили греки, и отдавали богамъ тѣ части жертвеннаго животного, которыя не годились на ѣду имъ самимъ; богамъ довольно было и этого. Жертвы были приносимы на жертвенникахъ, стоявшихъ подъ открытымъ небомъ, въ тѣнистыхъ священныя рощахъ или на берегу моря; это совершалось безъ посредничества жрецовъ: жертвы за народъ приносили ихъ царь; домохозяинъ — за свое семейство; каждый желающій самъ за себя. По нѣкоторымъ мѣстамъ пѣсень Гомера видимъ, что были и жрецы, служившіе при жертвенникахъ въ священныя рощахъ или въ храмахъ; они приносили тамъ жертвы, охраняли святилище, поддерживали чистоту въ немъ: объ нихъ говорится иногда, когда рѣчь идетъ о грекахъ; чаще, когда рѣчь идетъ объ азіатскихъ племенахъ. Итакъ, были тогда жрецы и у грековъ; но нигдѣ у Гомера не являются они посредниками между людьми и богами.

Антропоморфическій характеръ представленій грековъ объ ихъ богахъ. Вліяніе антропоморфизма грековъ на ихъ нравственность. Имѣлъ очень сильное вліяніе на характеръ ихъ нравственной и умственной жизни, на ходъ ихъ политическаго и художественнаго развитія; это вліяніе идетъ черезъ всѣ послѣдующія времена ихъ исторіи. Въ ихъ представленіяхъ о богахъ, какъ о существахъ, подобныхъ людямъ, заключались зародыши всего того развитія, которымъ ихъ цивилизація возвысилась до гуманности. Ихъ боги были идеализированныя представленія ихъ о самихъ себѣ; они чувствовали влеченіе приблизиться къ этимъ идеаламъ. Такимъ образомъ, ихъ религіозныя понятія были для нихъ побужденіемъ заботиться о своемъ совершенствованіи, обуздывать свои страсти, подчинять свои влеченія разуму, развивать въ себѣ благородныя, гуманныя стремленія. По ихъ понятіямъ, человекъ не долженъ былъ ни давать своей чувственности владычествовать надъ нимъ, ни умерщвлять въ себѣ чувственность. Онъ долженъ былъ заботиться о гармоническомъ развитіи всѣхъ элементовъ своей человѣческой природы. По ихъ понятіямъ, человекъ самостоятельная личность, имѣетъ свободную волю и долженъ держать себя самостоятельно, уважать себя; но уваженіе къ себѣ онъ не долженъ доводить до надменности, не долженъ оскорблять ни боговъ, ни другихъ людей. Такова была, по понятіямъ грековъ, сущность нравственныхъ обязанностей человека. Ихъ служеніе богамъ состояло въ обуздываніи грубыхъ излишествъ чувственности; оно требовало, чтобы человекъ владычествовалъ надъ своими страстями. Грекъ чувствовалъ благотворныя послѣдствія этого стремленія къ самообладанію, потому богамъ своимъ, подобнымъ ему самому, онъ служилъ съ радостнымъ сердцемъ, не въ тоскѣ страха, не мрачнымъ аскетиз-

момъ, а съ веселымъ чувствомъ, праздниками и поэтическими обрядами; не умерщвленіемъ плоти, не уродованіемъ своего тѣла, а работою о здоровомъ развитіи и души и тѣла, о развитіи своего художественнаго чувства, своихъ идей красоты и добра. Самообладаніе, котораго требовала его религія, возлагало на него обязанность уважать права другихъ людей. Этимъ требованіемъ своимъ его боги создали гражданскія добродѣтели, гуманныя чувства, которыя у грековъ ужъ и въ героическія времена были развиты сильнѣе, чѣмъ у другихъ народовъ. Благородный характеръ семейной жизни, почтеніе къ родителямъ, святость обычая гостепріимства, святая обязанность дать пріютъ просящимъ убѣжища, гонимымъ и бѣднымъ, вѣрность дружбѣ, любовь къ отчизнѣ, къ своему племени, къ своему роду—всѣ эти и другія прекрасныя качества и добрые обычаи грековъ гомеровскихъ временъ развились изъ ихъ религіозныхъ понятій; изъ того же корня выросли и развившіяся впоследствии времени гражданскія учрежденія, имѣвшія своимъ назначеніемъ сочетать индивидуальную свободу съ общественнымъ благомъ. За эту благотворность своихъ представленій о богахъ, образы которыхъ были созданы эпическими поэтами, греческій народъ любилъ своихъ человекоподобныхъ боговъ. Философы позднѣйшихъ вѣковъ находили, что эти поэтическія представленія оскорбительны для божества и отвергали ихъ. Но въ искусствѣ и въ народномъ сознаніи они продолжали владычествовать. Тѣ, чье чувство не удовлетворялось представленіями пластическо-поэтической народной религіи, искали удовлетворенія ему въ религіозно-философскихъ ученіяхъ, облеченныхъ символическимъ богослуженіемъ элевзинскихъ таинствъ. Эти таинства, съ ихъ обрядами очищенія и посвященія, давали утѣшеніе, успокоеніе душамъ образованныхъ людей, чувствовавшихъ потребность въ вѣрованіяхъ болѣе возвышенныхъ, въ благочестіи болѣе глубокомъ, чѣмъ образы и праздники народной религіи; таинства внушали то вѣрованіе въ загробную жизнь, котораго желала душа глубоко-религіозныхъ людей образованнаго класса.

II. Владычество аристократовъ. Установленіе законовъ. Коло- низация.

1. Ликургъ. Спартанскія учрежденія.

Извѣстія древнихъ писателей о Ликургѣ. Спартанцы, говоритъ Геродотъ (I, 65), долго не умѣли ни ужиться съ сосѣдами, ни поладить между собою, у нихъ была такая неурядица, какъ нигдѣ у всѣхъ остальныхъ эллиновъ. Изъ этого неурядицы вывелъ ихъ Ликургъ, знатный спартанецъ, при содѣйствіи дельфійскаго оракула, и завелъ у нихъ порядокъ. Лакедемоняне рассказываютъ о немъ, что онъ, сдѣлавшись правителемъ, какъ опекунъ малолѣтняго царя Леобота, его племянника, передѣлалъ все въ государствѣ и принялъ мѣры, чтобы законы не были нарушаемы. Послѣ этого, устроилъ онъ военное дѣло, учредивъ эномотию (товарищества по оружію), организацію по отрядамъ, состоящимъ изъ тридцати человекъ и общіе обѣды (сисситіи). Онъ же учредилъ и эфоровъ („надзирателей“) и герусію (совѣтъ старшинъ или старцевъ). Такъ онъ ввелъ у спартанцевъ благоустроенный порядокъ, и они по его смерти построили ему храмъ и стали чтить его съ большимъ уваженіемъ. А земля ихъ была плодородная, и они были многочисленный народъ; потому, когда завелся у нихъ порядокъ, они стали очень сильны.—Фукидидъ говоритъ, что дорійцы, завоевавшіе Лакедемонъ, долго страдали отъ раздоровъ, но рано получили хорошее государственное устройство и никогда не попадали подъ владычество тиранновъ; теперь, считая отъ конца нынѣшней (пелопоннесской) войны (то есть, отъ 404 г.), вотъ уже болѣе 400 лѣтъ лакедемонцы живутъ все по однимъ законамъ, благодаря которымъ стали сильны и получили преобладаніе надъ другими государствами.—Плутархъ, въ своей біографіи Ликурга собравшій преданія, какія существовали о немъ въ то время (во II вѣкѣ по Р. Х.), начинаетъ свой рассказъ словами: „О Ликургѣ, спартанскомъ законодателѣ, нельзя сказать ничего такого, что не подлежало бы сомнѣнію; преданія о его происхожденіи, о его путешествіяхъ, о его смерти разнорѣчивы; неодинаковы и преданія о его законодательствѣ; и самое время, когда онъ жилъ, опредѣляется очень неодинаково“. Сущность того, что рассказываетъ о немъ самъ Плутархъ, состоитъ въ слѣдующемъ: „Ликургъ, по нѣкоторымъ преданіямъ, былъ современникомъ Элидскаго царя Ифита, вмѣстѣ съ которымъ постановилъ, что на время олимпійскихъ игръ должны быть прекращаемы великія военныя дѣйствія; такъ свидѣлствуетъ и надпись на дискѣ, хранящемся въ Олимпіи. Онъ былъ вторымъ сыномъ царя Эвнома

Геродотъ.

Фукидидъ.

Плутархъ.

(„хранителя порядка“), убитого пожемъ на улицѣ во время драки между спартакцами; тогда въ Спартѣ были большіе раздоры, господствовала неурядица. Вскорѣ по смерти отца умеръ старшій братъ Ликурга, Полидектъ, и царскій санъ перешелъ къ Ликургу. Но на восьмой мѣсяцъ его царствованія вдова его брата, оставшаяся по смерти мужа беременною, родила сына. Онъ взялъ младенца на руки, показалъ его спартакцамъ, восклицая: „у васъ родился царь, спартакцы!“,—положилъ младенца на царскій престолъ и назвалъ его Харилаемъ („радостью народа“). Онъ хотѣлъ продолжать править, какъ опекунъ племянника. Но мать ребенка и ея родные ненавидѣли его, и клеветы ихъ заставили его удалиться изъ государства, на все время, пока Харилай достигнетъ совершеннолѣтія. Онъ уѣхалъ на Критъ, гдѣ были хорошіе законы, установленные Миносомъ, и дорійскіе поселенцы, основавшіе города Кносъ и Ликъ, еще сохраняли у себя старинныя дорійскія учрежденія. Говорятъ, что онъ путешествовалъ и по Малой Азіи, ѣздилъ и въ Египетъ, чтобы узнать, какіе тамъ законы и ознакомиться съ искусствами тѣхъ странъ. Наконецъ, по просьбѣ своихъ согражданъ, онъ возвратился на родину, страдавшую отъ смуты.

Онъ предпринялъ преобразование спартакскихъ учреждений. Его поддерживалъ дельфійскій оракулъ. Пиея сказала ему, что онъ „любимецъ боговъ, и самъ больше богъ, чѣмъ человѣкъ“; она сказала, что тѣ законы, которые дастъ онъ своему отечеству, будутъ самые лучшіе на свѣтѣ. Однажды утромъ онъ пришелъ въ собраніе народа, сопровождаемый тридцатью вооруженными мужами, самыми знатными изъ спартакскихъ гражданъ (вѣроятно, старѣйшинами тридцати родовъ, изъ которыхъ состоялъ дорійскій народъ). Харилай, думая, что Ликургъ хочетъ убить его, убѣждалъ въ тотъ храмъ Паллады, который назывался мѣднымъ. Но убѣдившись, что нѣтъ никакого злоумышленія противъ него, онъ сталъ помогать дядѣ. Опираясь на новое изреченіе дельфійскаго оракула, Ликургъ учредилъ „совѣтъ старцевъ“, герусію; постановилъ, что по извѣстнымъ срокамъ будутъ происходить собранія народа на опредѣленномъ для этого мѣстѣ города, между Кнакіемъ и Бабиною. Граждане по его убѣжденію отдали всѣ свои земли государству, чтобы уничтожилось прежнее неравенство состояній и чтобы цѣнились только личныя качества человѣка. Земля была роздана гражданамъ Спарты и періекамъ. Каждый спартакецъ получилъ участокъ дававшій 70 медимновъ ячменя на его долю, 12 медимновъ на долю его жены, и извѣстное количество оливковаго масла и вина. Такихъ участковъ было роздано 9.000. Остальную землю Ликургъ роздалъ, тоже по ровну, періекамъ (жителямъ другихъ городовъ государства). Этихъ участковъ было 30.000. Далѣе, Ликургъ запретилъ употребленіе золотой и серебряной монеты, постановилъ, что монета должна быть желѣзная; она была сдѣлана очень тяжелой, такъ что нужно было имѣть особое помѣщеніе въ домѣ, если держать въ немъ 10 минъ (около 220 рублей золотомъ), а чтобы перевезти эту сумму въ другое мѣсто, нужна была телега, запряженная парой воловъ. Послѣ этого въ Спартѣ исчезло воровство и мошенничество: ни у кого не было жадности къ желѣзнымъ деньгамъ, металлъ которыхъ не годился ни на какую подѣлку, потому что онъ, раскаленный, былъ охлажденъ погруженіемъ въ уксусъ. Исчезли и всѣ тѣ искусства и промыслы, которые служатъ роскоши, исчезли всѣ дорогіе наряды. Въ государствѣ стали дѣлать только необходимѣйшую мебель: кровати, стулья, столы, простую посуду. Съ тою же цѣлью изгнать изъ государства богатство и роскошь, Ликургъ ввелъ общественныя обѣды; спартакцу было запрещено обѣдать дома, а на общественныхъ обѣдахъ кушанья были только самыя простыя. Это учрежденіе, называвшееся андреею или фитидей, сначала не понравилось знатнымъ гражданамъ, такъ что они взбун-

Начало дѣятельности Ликурга въ Спартѣ.

Путешествіе на Критъ.

Законодательство Ликурга.

Государственное устройство.

Раздѣлъ земель.

Желѣзная монета.

Законы противъ роскоши.

товались противъ Ликурга, и въ этой смутѣ Аликандръ, молодой человѣкъ горячаго характера, выбилъ палкою глазъ ему. Но Ликургъ выказалъ при этомъ такую кротость и такое хладнокровіе, что мятежникамъ стало стыдно, и они раскаялись, покорились. Съ той поры, спартакцы не ходятъ съ палками въ народное собраніе. — Одною изъ ретръ (постановленій) было запрещено записывать законы: ихъ должно было помнить безъ помощи писъма. Другая ретра повелѣвала не употреблять при постройкѣ дома никакихъ инструментовъ, кромѣ топора и пилы; цѣлью этого было тоже изгнать роскошь. Третья ретра запрещала часто вести войну съ однимъ и тѣмъ же непріятелемъ, чтобы онъ не научился воевать. — Очень большую важность придавалъ Ликургъ воспитанію, и заботливо установилъ его правила. По его законамъ, дѣвушки должны были заниматься гимнастикой, состязаніями въ бѣгѣ, борьбѣ, чтобы тѣло ихъ укрѣплялось; изъ ихъ жизни была изгнана всякая изысканность; на нѣкоторые праздники онъ должны были являться въ легкой, короткой одеждѣ и показывать свое искусство въ гимнастическихъ состязаніяхъ, танцовать, пѣть. Порицанія и похвалы дѣвушекъ очень сильно возбуждали въ лакедемонскихъ юношахъ усердіе къ упражненіямъ въ гимнастикѣ. Гражданинъ былъ обязанъ жениться, чтобы имѣть дѣтей; кто не женился, подвергался презрѣнію. Получивъ отъ отца или ближайшаго старшаго родственника согласіе на бракъ, молодой человѣкъ захватывалъ невѣсту какъ будто насильно, нѣсколько времени видѣлся съ молодою женою лишь украдкою, по ночамъ. Цѣлью брака было то, чтобы рождались дѣти, и притомъ крѣпкія тѣломъ; пожилой человѣкъ могъ давать молодого человѣка въ сожителство своей женѣ, чтобы имѣть дѣтей; вообще жена могла по согласію мужа имѣть любовника. Бездѣтный бракъ можно было расторгать. Новорожденные дѣти были осматриваемы старшинами; воспитываемы были только крѣпкія; имѣвшихъ физическіе недостатки и слабыхъ бросали въ глубокую пропасть Тайгетскаго хребта. Малютокъ воспитывали безъ изысканности; не пеленали ихъ, чтобы тѣло развивалось свободно. Спартакскія кормилицы считались самыми лучшими въ цѣлой Греціи; богатые люди другихъ областей ея нанимали ихъ кормить своихъ дѣтей. Мальчиковъ, достигшихъ семи лѣтъ, брали отъ родителей и воспитывали въ общественныхъ заведеніяхъ. Раздѣленные на отряды, они жили тамъ, занимаясь гимнастикой. Мальчики, составлявшіе отрядъ, сами выбирали себѣ начальника, изъ числа юношей; отрядъ безусловно повиновался ему. Мальчикамъ было дозволено воровать себѣ пищу; цѣлью этого было приучать ихъ къ ловкости; если мальчикъ попадался на воровствѣ, его били и кромѣ того наказывали голодомъ. Воспитатели приучали мальчиковъ выражать мысли немногими, сильными словами; учили ихъ пѣснямъ, возбуждающимъ отвагу, жажду славы; языкъ пѣсень былъ простой, безыскусственный, содержаніе ихъ было серьезное, говорившее большею частью о славѣ и счастіи павшихъ въ битвѣ за Спарту, о безчестіи трусовъ, бѣжавшихъ изъ битвы.

Главною заботою Ликурга было сдѣлать спартакцевъ храбрыми воинами; потому все въ ихъ жизни было подчинено военнымъ цѣлямъ. Гимнастика, военныя упражненія считались единственными занятіями, достойными спартакцевъ. Приобрѣтать деньги промышленностью и торговлею было запрещено имъ. Земледѣльческій трудъ былъ возложенъ на илотовъ. Законы Ликурга объ илотахъ были жестоки. Въ залы, гдѣ обѣдали спартакцы, приводили пьяныхъ илотовъ, чтобы ихъ безобразный видъ отвращалъ дорійскихъ юношей отъ пьянства; ихъ принуждали къ непристойнымъ пѣснямъ и пляскамъ; пѣсни и танцы свободныхъ людей были запрещены имъ. Въ позднѣйшія времена спартакцы тайно убивали тѣхъ илотовъ, которые отличались физическою силою и отвагой; это называлось „криптія“. — Ли-

Воспитаніе и семейная жизнь.

Суровый образъ жизни.

куртъ запретилъ спартамъ жить за границею, ѣздить въ чужія земли, чтобы они не усвоили себѣ иноземныхъ обычаевъ; иноземцамъ было запрещено оставаться въ Спартѣ на-долго; прѣхавъ, они должны были спѣшить отъѣздомъ, чтобы спартамъ не научились отъ нихъ дурному. — Умершихъ хоронили въ городѣ, у храмовъ; трауръ не могъ продолжаться болѣе двѣнадцати дней. Тѣло, завернутое въ красный саванъ, клали въ простой гробъ, дно котораго было устлано оливковыми листьями; гробъ опускали въ могилу; памятники ставили надъ могилами только тѣхъ мужчинъ, которые пали въ битвѣ, и тѣхъ женщинъ, которыя были жрицами. Въ могилу не клали съ усопшими ничего.

Смерть
Ликурга.

Установивъ эти законы, Ликургъ созвалъ народное собраніе, сказалъ, что отправляется въ Дельфы спросить оракула, и взялъ съ царей, съ членовъ герусіи и со всѣхъ гражданъ клятву, что они будутъ сохранять его уставы до его возвращенія. Въ Дельфахъ, совершивъ жертву, онъ спросилъ оракула и получилъ отвѣтъ, что его законы хороши, и что Спарта будетъ славиться могуществомъ, пока будетъ соблюдать ихъ. Онъ отправилъ это пророчество въ Спарту и прекратилъ свою жизнь воздержаніемъ отъ пищи. Онъ умеръ по нѣкоторымъ извѣстіямъ въ Киррѣ, по другимъ въ Элидѣ; есть еще иное извѣстіе, по которому онъ умеръ на Критѣ, велѣвъ своимъ друзьямъ сжечь его тѣло и бросить пепелъ въ море, чтобы спартамъ не могли перевезти его костей на родину и сказать тогда, что это освобождаетъ ихъ отъ клятвы и что они могутъ измѣнить его законы. — Спартамъ построили въ честь его храмъ и чтутъ его, ежегоднымъ торжествомъ, которымъ завѣдуютъ его потомки.

Историческое
значеніе зако-
новъ Ликурга.

Извѣстія о Ликургѣ, дошедшія до греческихъ писателей — смѣсь древнихъ преданій съ позднѣйшими прибавленіями къ нимъ; исторической достовѣрности они не имѣютъ; они лишь легенды, группирующія около знаменитаго имени всѣ тѣ обычаи и законы, какіе существовали въ Спартѣ во времена ея могущества; но они помогаютъ намъ составить себѣ понятіе о происхожденіи, ходѣ развитія и характерѣ этихъ учрежденій. Спартамскія учрежденія, существовавшія въ историческія времена, безъ сомнѣнія развились изъ тѣхъ старыхъ законовъ, которые назывались ретрами (изреченіями) и приписывались Ликургу; потому-то всѣ эти учрежденія, которыя мы изложимъ на слѣдующихъ страницахъ, и считались установленными великимъ законодателемъ, чью память благоговѣнно чтили спартамъ.

Состояніе Ли-
кедемона до Ли-
курга.

Дорійцы, пришедшіе въ Лаконію, въ скалахъ которой были мѣстности, удобныя для обороны, овладѣли этою стороною не такъ скоро, какъ соплеменники ихъ покорили Арголиду, Мессенію и другія пелопонезскія области. Весь югъ Лаконіи, гдѣ стояли города Амиклы, Фарисъ, Геронтры, Гелосъ, болѣе двухъ вѣковъ оставался независимымъ; ахейское населеніе его не только отбивалось отъ пришельцевъ, но и стремилось отнять у нихъ уже занятые ими мѣстности. Лаконскіе дорійцы жили въ непрерывномъ военномъ положеніи; это развивало въ нихъ боевую отвагу, но и порождало у нихъ буйство; они безпрестанно ссорились, дрались между собою. Кажется, даже и въ

царскомъ родѣ была вражда одной отрасли противъ другой. Младшая линія, считавшаяся происходящею отъ Эврипонта, который былъ сыномъ Гераклида Прокла, возстала противъ старшей линіи, предкомъ которой считался Агисъ, сынъ Эвристена, потомокъ Гилла; часть дорійской аристократіи поддерживала младшую линію. Эту борьбу двухъ линій царскаго рода спартамская легенда прикрывала впоследствии времени тѣмъ, что назвала предковъ и той и другой близнецами, сыновьями Аристодема (стран. 109), между которыми была раздѣлена царская власть; такимъ образомъ выходило, что въ Спартѣ съ самаго начала было два царя. Но сама же легенда говоритъ, что эти два брата всю жизнь ссорились; — въ этомъ остался слѣдъ воспоминанія о дѣйствительномъ ходѣ дѣла. Ученые полагаютъ, какъ мы уже говорили (стран. 105), что Агіады были туземный, ахейскій родъ, послѣ долгой борьбы съ дорійцами Эврипонтами примирившійся съ ними подъ условіемъ, чтобы царская власть осталась и за нимъ; что имена братьевъ, которыхъ легенда ставитъ предками двухъ царскихъ родовъ, лишь позднѣйшее легендарное изобрѣтеніе, имѣетъ цѣлью объяснить, почему въ Спартѣ два царя. Само собою разумѣется, что борьба двухъ династій ослабила царскую власть и возвысила правительственное значеніе аристократіи; таково было всегда вліяніе подобныхъ междоусобій. Притомъ, у Плутарха сохранилось и преданіе объ этомъ: онъ говоритъ, что до Ликурга власть царей бывала то слаба, то деспотична, и только ужъ Ликургъ далъ царямъ прочное положеніе. Онъ принадлежалъ, вѣроятно, къ старшей династіи. Борьбу между двумя династіями примирилъ онъ тѣмъ, что далъ имъ равныя права; въ сущности, это было примиреніемъ между старою и новою частью населенія и упроченіемъ государственнаго единства. Но раздѣливъ царскую власть между двумя царями, онъ ослабилъ ее, потому что съ единствомъ представителя ея исчезло единство воли и единство дѣйствія.

Два царя.

Но не въ томъ только, что раздѣленіемъ царской власти между двумя лицами ослабилась она, состояло ограниченіе ея. Аристократія, сила и богатство которой возрасли во время борьбы династій, мѣшала своими раздорами энергическому веденію войнъ съ внѣшними врагами; Ликургъ хотѣлъ, чтобы она, сохранивъ свои права, прекратила ссоры и дѣйствовала съ патріотическимъ единодушіемъ. Дельфійскій оракулъ повелѣлъ Ликургу раздѣлить народъ на филы (колѣна) и обы (роды), учредить совѣтъ, состоящій, со включеніемъ двухъ царей, изъ тридцати членовъ, установить, чтобы по временамъ собирался народъ и рѣшалъ предлагаемыя ему дѣла.

Роды и племена.

Въ исполненіе этого повелѣнія оракула Ликургъ раздѣлил народъ на три филы; имена ихъ были: гиллеи, диманы и памфилы. Но это были старинныя имена дорійскихъ племенъ; вѣроятно, во время смутъ племенные

связи разстроились, и теперь были восстановлены. По действительным или легендарным связям группировки, въ каждой филѣ было десять болѣе тѣсныхъ корпорацій, называвшихся обами (родами), обы дѣлились на дома или семейства. Старшины семействъ и родовъ безъ сомнѣнія пользовались почетомъ и нѣкоторою властью надъ членами ихъ; вѣроятно, связь между членами каждой корпораціи поддерживалась и освящалась общими жертвоприношеніями. Тѣ два рода, къ которымъ принадлежали царскія династіи, были двумя первыми обами гиллейской филы и считались потомками Геракла.

Герусія.

Герусія, «совѣтъ старцевъ», коллегія, которой принадлежала высшая правительственная и судебная власть, первоначально была, вѣроятно, «совѣтомъ старѣйшинъ», родоначальниковъ; тридцать членовъ герусіи первоначально были, вѣроятно, старѣйшины тридцати объ. Въ историческія времена члены герусіи, кромѣ царей, были избираемы народомъ; эти избираемые члены назывались геронтами («стариками») должность ихъ была пожизненная; выбираемы могли быть только старики, имѣющіе не менѣе шестидесяти лѣтъ. Къ царямъ это не относилось; они были членами герусіи по самому своему сану и были въ ней представителями двухъ своихъ объ, считавшихся самыми знатными. Цари были и предсѣдателями герусіи.

Въ историческія времена члены герусіи были избираемы каждый всѣмъ народомъ, то-есть всѣми дорійцами, а не каждый одною обою. Кандидаты одинъ за другимъ шли черезъ площадь народнаго собранія; народъ выражалъ крикомъ свое сочувствіе проходящему; въ особомъ помѣщеніи стояли нѣсколько человекъ, которымъ не было видно, кто проходитъ; они объявляли, въ который разъ крикъ былъ самый громкій, и членомъ герусіи дѣлался тотъ кандидатъ, при проходѣ котораго былъ этотъ крикъ.

Народное собраніе.

Власть герусіи была очень велика; но верховная власть принадлежала народному собранію; членами его были всѣ полноправные граждане, то есть, всѣ дорійцы, достигшіе 30-лѣтняго возраста. Народное собраніе происходило въ каждое полнолуніе. Мѣстомъ собранія была площадь между рѣчкою Кнакіемъ и мостомъ Бабиною. Предсѣдателями были цари. Они при этомъ производили военный смотръ. Народное собраніе выбирало геронтовъ и другихъ сановниковъ; рѣшало всѣ важныя дѣла; оно объявляло войну и заключало миръ и другіе договоры. Ему были предлагаемы на утвержденіе всѣ важныя рѣшенія герусіи и получали силу закона только по его одобренію; цари или замѣщавшія ихъ лица объясняли дѣло народу, онъ принималъ или отвергалъ рѣшеніе герусіи. Онъ выражалъ свое одобреніе или неодобреніе крикомъ. Если было сомнительно, какіе голоса образуютъ большинство, утвердительные или отрицательные, то народъ расходился на двѣ стороны, и сосчитывалось, на которой сторонѣ большинство. Иноземные послы могли, съ согласія герусіи, сами излагать

дѣло народу; кромѣ этого случая, право говорить въ народномъ собраніи принадлежало только предсѣдательствующимъ на немъ; другіе спартанцы не могли ни говорить рѣчей, ни вносить предложеній.

Эти учрежденія были естественнымъ развитіемъ политическаго устройства прежнихъ (гомеровскихъ) временъ. Права аристократіи и народа постепенно расширялись. Прежнее полновластіе царя ослабло по раздѣленіи власти его между двумя царями. Послѣ того, прежній обычай, по которому царь созывалъ вельможъ для совѣщанія о дѣлахъ на пирѣ во дворцѣ, получилъ такой характеръ, что созывать вельможъ и подчиняться ихъ мнѣнію стало для царей обязанностью. Совѣтъ сдѣлался самостоятельнымъ правительственнымъ учрежденіемъ. Прежде народное собраніе (агора) созывалось лишь для того, чтобы выслушивать намѣренія и рѣшенія царя; теперь само оно получило рѣшающій дѣло голосъ.

Это устройство государственнаго правленія было въ послѣдствіи видоизмѣнено двумя важными преобразованіями. Во время первой мессенской войны цари Полидоръ и Теопомпъ сдѣлали прибавленіе къ ретрѣ Ликурга, опредѣлявшей права народнаго собранія; этимъ прибавленіемъ у народа отнималась верховная власть; оно говорило: «А если народъ постановитъ дурное рѣшеніе, то герусія и цари отклоняются», то есть, отвергаютъ рѣшеніе народа. Такимъ образомъ, верховная власть была передана царямъ и родоначальникамъ, составившимъ герусію. Но скоро дѣло получило противоположный оборотъ. Полидоръ былъ убитъ. Убившій его остался безнаказаннымъ, то есть, какъ надобно, судя по этому, думать, считался убійцею тиранна, спасителемъ свободы. И для огражденія правъ народа отъ произвола герусіи и царей былъ учрежденъ санъ эфоровъ, или, если эфоры были и раньше, то были увеличены права ихъ. Коллегія эфоровъ стала важнѣйшею правительственною властью.

Эфоровъ (то есть «надзирателей») было пять. Быть можетъ, они существовали еще при Ликургѣ. Но первоначально они занимали подчиненное положеніе. Они назначались царями и, какъ помощники царей, завѣдывали гражданскимъ судопроизводствомъ, полицейскимъ порядкомъ въ Спартѣ и соблюденіемъ порядка въ народномъ собраніи, общественнымъ воспитаніемъ, наблюдали за правильностью дѣйствій низшихъ должностныхъ лицъ. Когда цари были на войнѣ, народное собраніе созывали и предсѣдательствовали въ немъ они. Но во время первой мессенской войны, при царѣ Теопомпѣ, коллегія эфоровъ получила самостоятельную власть. Было постановлено, что не цари назначаютъ эфоровъ, а избираетъ ихъ народное собраніе, и что можетъ быть избираемъ въ эфоры каждый полноправный гражданинъ, достигшій 30 лѣтъ. Было постановлено, что на обязанности эфоровъ лежитъ охраненіе законовъ и государственнаго порядка, и что поэтому всѣ правительственныя власти подчиняются ихъ надзору, такъ что они стали контролировать дѣйствія герусіи и царей. Такимъ образомъ, ихъ коллегія сдѣлалась высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ. Мѣстомъ ея засѣданій былъ домъ, стоявшій у площади народныхъ собраній. Тамъ они и обѣдали. Вся администрація, все судопроизводство были подчинены ихъ надзору. Они завѣдывали и веденіемъ дѣлъ въ народномъ собраніи, поэтому проекты законовъ были вносимы въ собраніе ими. Они наблюдали за сохраненіемъ

Эфоровъ.

Около 720 года.

определенного законом образа жизни граждан (спартанцев). Их коллегия была верховным судом по политическим делам и наказывала за преступления против государства смертью. Они были представителями народа, уполномоченными его. Они завѣдывали всеми сношениями съ другими государствами, всеми военными распоряжениями; они собирали войско и отправляли его въ походъ. — Въ частности, они должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы цари не дозволяли себѣ превышенія своей власти; это было вложено имъ въ особую обязанность, и расширение ихъ правъ по контролю надъ дѣйствиями царей должно быть, вѣроятно, приписываемо главнымъ образомъ Хилону, одному изъ семи мудрецовъ. Сдѣлавшись въ 580 году или членомъ герусіи, или эфоромъ, онъ убѣждалъ спартанцевъ принять мѣры, чтобы цари не могли поступать произвольно и чтобы права народнаго собранія не могли нарушаться ими; онъ хотѣлъ предотвратить возможность подпаденія Спарты подъ власть тиранновъ, какъ подпали тогда другія греческія государства. Средствомъ для этого онъ считалъ расширение власти эфоровъ надъ царями. Для этого было установлено, между прочимъ, что черезъ каждыя восемь лѣтъ эфоры должны въ тихую безлунную ночь молча наблюдать небо; если они увидятъ падающую звѣзду, это знакъ, что цари согрѣшили противъ боговъ, и должны быть устранены отъ власти до той поры, пока, по способу, какой будетъ указанъ Дельфійскимъ оракуломъ, они очистятся отъ грѣха. Это давало эфорамъ возможность противопоставлять священному авторитету царскаго сана волю божества. Эфорамъ было дано право требовать къ себѣ царей для объясненій, брать съ нихъ каждый мѣсяцъ клятвенное обѣщаніе, что они будутъ править по законамъ; выслушавъ эту присягу, эфоры отъ имени спартанскаго народа давали согласіе на то, чтобы они продолжали править. Эфоры наблюдали и за дѣлами семейной жизни царей. Они давали инструкціи царямъ; имѣли право представить царей суду герусіи, дѣлать сами выговоры имъ, арестовать ихъ. Войско сопровождали въ походъ два эфора, не столько для того, чтобы помогать своими совѣтами царямъ и другимъ военачальникамъ, сколько для надзора за ними; начальниковъ конницы назначали эфоры. Они завѣдывали государственною казною и военною добычею. Годъ отмѣчался именемъ эфора, бывшаго председателемъ коллегіи. Но власть эфоровъ, такая обширная, была раздѣлена между пятью лицами, избираемыми только на одинъ годъ; по окончаніи года они подлежали ответственности за свои дѣйствія; потому не было опасности, что они будутъ пользоваться своею властью тираннически.

Права царей. По законамъ Ликурга цари утратили прежнее свое полновластіе; но они сохранили почетное положеніе, и власть ихъ оставалась все еще очень велика до той поры, пока важнѣйшія правительственные права не были переданы эфорамъ; а послѣ того народъ продолжалъ оказывать царямъ уваженіе, какъ привыкъ, но санъ ихъ доставлялъ имъ болѣе почета, чѣмъ дѣйствительной силы.

1. Религіозныя права. Въ героической вѣкѣ, царь «пастырь людей» былъ въ мирное время правителемъ и судьей, а на войнѣ — главнокомандующимъ; кромѣ того, былъ религіознымъ главою общины, верховнымъ жрецомъ ея. Военныя и религіозныя права царей гомеровскаго времени остались за спартанскими царями и по установленіи законовъ Ликурга; въ этихъ двухъ отношеніяхъ спартанскій царь былъ слабѣе прежнихъ лишь потому, что онъ былъ не одинъ, раздѣлялъ свою власть съ товарищемъ.

Спартанскіе цари были потомки великаго національнаго героя Геракла; потому народъ смотрѣлъ на нихъ съ религіознымъ уваженіемъ. Они были верховные жрецы; всѣ жертвы, приносимыя отъ имени го-

сударства, совершались ими или подъ ихъ завѣдываніемъ; они получали за это части жертвенныхъ животныхъ, получали отъ государства ячмень и вино. Кромѣ того, они были въ частности жрецами двухъ культовъ: жрецами Зевса Уранія (Небеснаго) и Зевса Лакедемонскаго. Они завѣдывали сношеніями спартанскаго государства съ Дельфійскимъ оракуломъ. По веденію дѣлъ съ этимъ оракуломъ были у каждаго царя два помощника, называвшіеся пѣійцами; они вмѣстѣ съ царями составляли коллегію хранителей изреченій Дельфійскаго оракула.

Жрецами могли быть только люди, не имѣющіе никакихъ физическихъ недостатковъ; цари были жрецы; потому физическіе недостатки лишали права получить царскій санъ. По жреческому характеру царей и по происхожденію ихъ отъ Геракла, имъ оказывались высокія почести и при жизни, и по кончинѣ. Цари были распорядителями на всѣхъ общественныхъ жертвоприношеніяхъ, председателями на всѣхъ праздникахъ и играхъ. За общественными обѣдами они получали двойныя порціи. Всѣ кромѣ эфоровъ должны были вставать передъ царемъ. Когда умиралъ царь, все населеніе государства должно было совершать обряды траура. «По всему государству разсылались конныя вѣстники, объявлять о смерти царя», говоритъ Шеманнъ: «По городу ходили плакальщицы, пѣли причитанья и били въ мѣдные тазы; и мужчины, и женщины, всѣ надѣвали траурную одежду». На похороны собирались въ Спарту всѣ граждане, приходили изъ всѣхъ мѣстностей Лаконіи депутаціи періэковъ и илотовъ; всѣ должны были выражать печаль стопами и другими знаками скорби. Послѣ погребенія, на десять дней прекращались всѣ занятія общественными дѣлами.

На войнѣ цари были главнокомандующими и имѣли право казнить 2. Военачальническія права. смертью. Полемархи и другіе военачальники составляли ихъ военный совѣтъ. Царь въ походѣ имѣлъ отрядъ тѣлохранителей, состоявшій изъ ста храбрыхъ, отборныхъ молодыхъ людей. Содержаніе царямъ и ихъ свитѣ въ походѣ давало государство. Изъ военной добычи они получали значительную долю. Правительственная и судебная власть царей была ограничена; именно эти права ихъ и были предметомъ надзора эфоровъ, на сколько не были прямо отняты у нихъ и переданы эфорамъ. Но цари принимали и отправляли пословъ; низшіе административные начальники были назначаемы ими и подчинены имъ. По нѣкоторымъ судебнымъ дѣламъ цари оставались верховными судьями; въ частности, по всѣмъ дѣламъ о наслѣдствѣ и о семейныхъ правахъ. При завоеваніи, вѣроятно, достались царямъ обширныя земли; но если такъ, большая часть ихъ перешла въ собственность государства. Впрочемъ, у царей оставались значительныя родовыя имѣнія и большіе доходы. Въ ихъ пользованіе были предоставлены участки государственныхъ земель; эти владѣнія воздѣ-

3. Политическія права.

ывались илотами. Во многих мѣстностях періэки платили подать царямъ. Въ Спартѣ былъ царскій домъ, большой, но старый и простой; онъ содержался на счетъ государства; у каждаго ли изъ двухъ царей былъ такой домъ, или оба они жили въ одномъ, остается для насъ неясно. Цари имѣли военную свиту; она называлась фрура. На войнѣ, шатеръ царя стоялъ среди шатровъ фруры; въ Спартѣ цари жили окруженные жилищами фруры. Наслѣдовалъ царю тотъ его сынъ, который былъ старшимъ изъ родившихся по полученіи имъ царскаго сана; во всякомъ случаѣ, наслѣдовать престолъ могъ только сынъ спартанки. Вступать въ бракъ съ иностранкою было запрещено царю. Если у царя не было сыновей или были только такіе, которые не могли занять престолъ, то наслѣдовалъ ближайшій родственникъ; если сынъ царя наслѣдовалъ отцу, будучи еще несовершеннолѣтнимъ, ближайшій родственникъ правилъ до его совершеннолѣтія.

Раздѣлъ
земель.

Всѣ эти учрежденія имѣли цѣлью дать государству единство и прочность. Но для совершеннаго прекращенія смутъ они одни были бы еще недостаточны. Чтобы всѣ граждане спартанскаго государства, то есть всѣ дорійцы, прониклись патріотическимъ единодушіемъ, надобно было устранить главную причину раздоровъ между ними, — неравенство имуществъ. Оно было велико, и между дорійцами было много бѣдняковъ. Нѣкоторые семейства владѣли обширными землями, имѣли большія стада; другія вовсе земли не имѣли. А страна была завоевана общими силами всѣхъ дорійцевъ и всѣ они гордились тѣмъ, что она взята «дорійскимъ копьемъ». Зависть и бѣдность озлобляла бѣдныхъ противъ богатыхъ, производили раздоры, мѣшавшіе всякому общему дѣлу. Чтобы искоренить это зло, Ликургъ совершилъ, какъ рассказываетъ преданіе, громадное преобразование: далъ всѣмъ дорійскимъ гражданамъ равныя участки земли, назначилъ для обработки каждаго участка нужное число поселянъ, подвластныхъ дорійцамъ; и такимъ образомъ каждый доріецъ получилъ возможность жить безбѣдно, не работая, и сохранять свои воинственные привычки. Свободныхъ земель было достаточно, чтобы раздать дорійцамъ участки такой величины, какая была нужна для достиженія этой цѣли, потому что, по завоеваніи Амиклы и низовья Эвроты, значительная часть туземцевъ покинула родину.

Характеръ
аграрной ре-
формы.

Объ аграрныхъ учрежденіяхъ Ликурга было много споровъ. Гротъ полагаетъ даже, что преданіе о нихъ, пересказываемое Плутархомъ со словъ писателей, которыми онъ пользовался, вымыселъ. Мы читаемъ у Плутарха, что Ликургъ раздѣлилъ всю удобную землю страны на 9.000 большихъ участковъ, которые роздалъ спартанцамъ и 30.000 меньшихъ участковъ, которые роздалъ періэкамъ. По мнѣнію Грота, никогда не существовало такого распределенія земли; преданіе о немъ — лишь философскій идеалъ, который хотѣли осуществить Агисъ III и Клеоменъ. И дѣйствительно, аграрная реформа не могла имѣть такого размѣра, какой даетъ ей раз-

сказъ Плутарха; между прочимъ, ужъ и потому, что число спартанскихъ гражданъ было тогда, какъ говорятъ другія извѣстія, только 6.000 или даже только 4.500. Цифры, приводимыя Плутархомъ, надобно принимать, быть можетъ, за суммы всѣхъ участковъ, розданныхъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Но едва ли можно считать чистымъ вымысломъ преданіе, пересказываемое Плутархомъ. Дорійскіе завоеватели, овладѣвъ долиною верхняго Эвроты, безъ сомнѣнія раздѣлили землю; царь и его ближайшіе сподвижники, люди знатныхъ родовъ, конечно взяли себѣ очень большіе участки самой хорошей земли. Съ той поры до времени Ликурга прошло лѣтъ полтора. Въ такой долгій промежутокъ времени должно было, по естественному ходу дѣлъ, образоваться очень большое неравенство состояній; нѣкоторые семейства стали очень богаты, у другихъ не было ничего. Можно полагать, что Ликургъ находилъ надобнымъ дать каждому полноправному гражданину (дорійцу) участокъ земли, достаточный для безбѣднаго содержанія семейства; что для этого понадобилось обратить обширныя царскія помѣстья въ государственную собственность и раздать ихъ гражданамъ, не имѣвшимъ земли; а царямъ, въ замѣнъ помѣстій, были назначены доходы изъ государственныхъ податей; понадобилось, вѣроятно, уменьшить до извѣстнаго размѣра поземельныя владѣнія богатыхъ, чтобы отобранныя у нихъ части земель тоже раздать бѣднымъ дорійцамъ; понадобилось, вѣроятно, для той же цѣли отнять земли у періэковъ, жившихъ подлѣ Спарты, и сдѣлать этихъ періэковъ илотами. Примѣры такихъ насильственныхъ преобразованій встрѣчаются и въ исторіи другихъ народовъ. Впослѣдствіи границы государства расширились завоеваніемъ Мессеніи, другихъ областей; а при размноженіи спартанцевъ нѣкоторые семейства становились бѣдны, и вѣроятно много разъ была повторяема раздача участковъ бѣднымъ гражданамъ; дѣло шло по мѣрѣ того, какъ были завоевываемы новыя земли. Вѣроятно, и въ Лаконіи государственныя земли отдавались въ пользованіе гражданамъ, какъ это дѣлалось въ Римѣ. Такъ, вѣроятно, должно понимать преданіе объ участкахъ, данныхъ спартанцамъ. Преданіе говоритъ, что было, кромѣ того, роздано 30.000 участковъ періэкамъ; въ этомъ, вѣроятно, надобно видѣть лишь воспоминаніе о количествѣ дворовъ свободнаго земледѣльческаго населенія Лаконіи въ цвѣтущее время государства.

Родовые
участки.

Участки, данные спартанцамъ, первоначально были неотчуждаемою родовою собственностью, нераздѣльно переходившею отъ отца къ старшему сыну; владѣлецъ участка не могъ ни продать его, ни выдѣлать изъ него частей другимъ дѣтямъ, ни передать его по завѣщанію кому нибудь изъ нихъ; старшій сынъ наслѣдовалъ все помѣстье одинъ. Младшіе братья жили при старшемъ, если не переселялись въ колоніи и не находили себѣ другаго пропитанія на родинѣ. Старшій братъ содержалъ ихъ. Вѣроятно, они оставались неженаты, и старшій братъ предоставлялъ имъ участіе въ своемъ сожителствѣ съ женою. Если владѣлецъ участка умиралъ, не имѣя сыновей и не усыновивъ посторонняго, который былъ бы его наслѣдникомъ, участокъ переходилъ въ распоряженіе государства, которое и было собственникомъ всѣхъ спартанскихъ участковъ; они находились не въ собственности, а только въ наслѣдственномъ пользованіи у владѣвшихъ ими. Если у бывшаго владѣльца были дочери, цари давали старшей изъ нихъ

му, выбирая его изъ числа младшихъ сыновей другихъ спартанскихъ семействъ; этотъ спартаецъ дѣлался владѣльцемъ участка. Впослѣдствіи времени, по предложенію Эпитадея, былъ постановленъ законъ, позволявшій владѣльцу дарить или завѣщать участокъ кому хочетъ; такимъ образомъ, наследственное пользованіе государственною землею было превращено въ право полной собственности. Эта реформа произвела у спартанцевъ очень большое неравенство имуществъ. Неравенство существовало, безъ сомнѣнія, и при Ликургѣ. Если даже предположимъ, — чего нельзя предполагать, что всѣ участки были равны величиною, то въ качествѣ почвы, въ искусствѣ и удачѣ хозяйства, въ количествѣ скота были разницы, которыя должны были и тогда производить неравенство состояній, какъ это бывало всегда. Никакіе законы не могутъ предотвратить возникновенія неравенства.

Давая благородному дорійцу землю, надобно было доставить ему и свободу отъ надобности работать, чтобы онъ велъ военный образъ жизни, какъ требовало отъ него государство. Потому къ родовому участку спартанца было приписано потребное число крѣпостныхъ поселянъ, называвшихся илотами. Они должны были воздѣлывать помѣстье, на которомъ стояли ихъ бѣдныя хижины и отдавать его господину определенное количество ячменя (82 медимна), определенное количество вина и оливковаго масла. Тѣ государственныя земли, которыми управляло само государство, тоже воздѣлывались илотами. Илоты должны были исполнять и въ городахъ тѣ работы, занимаясь которыми было низко благороднымъ дорійцамъ.

Илоты.

Мы не можемъ съ точностью опредѣлить, какую долю продукта составляла подать, отдаваемая илотами господамъ, и сколько оставалось самимъ илотамъ. Но вообще видно, что законы не хотѣли дѣлать положеніе илота очень тяжелымъ. Илотъ имѣлъ свое особое жилище, имѣлъ семейство. Было постановлено, что господинъ, требующій отъ илота больше определеннаго закономъ количества продуктовъ, подвергается проклятію. Потому должно думать, что илоты могли жить не въ нищетѣ и даже пріобрѣтать нѣкоторую зажиточность. Они были самостоятельные хозяева. Могли поддерживать другъ друга. Но на нихъ лежало тяжелое иго; они были лишены политическихъ правъ, не имѣли и личной свободы. Имъ было запрещено заниматься гимнастическими и военными упражненіями; было запрещено итти на религиозныхъ праздникахъ пѣсни Терпандра и Алкмана, участвовать въ хорахъ. А между тѣмъ, они были тоже греки, говорили тѣмъ же языкомъ, какъ ихъ господа. Потому неудивительно, что они были очень недовольны своимъ положеніемъ, всегда были готовы встать противъ своихъ поработителей, присоединиться къ врагамъ спартанцевъ. Они и спартанцы вѣчно оставались непримиримо враждебны. Они пользовались каждымъ несчастнымъ для спартанцевъ случаемъ, чтобы возстать для сверженія ненавистнаго ига; спартанцы считали позволительнымъ всѣ средства, какія казались имъ полезны для поддержанія ихъ владычества надъ поработченнымъ населеніемъ, во много разъ болѣе многочисленнымъ, чѣмъ они (спартанцевъ было около 8.000 семействъ, то-есть около 40.000

человѣкъ; а илотовъ было вѣроятно болѣе полу-милліона). Отъ времени до времени, эфоры посылали ловчихъ молодыхъ спартанцевъ ходить по государству, подслушивать разговоры илотовъ, подстерегать тѣхъ, которые покажутся опасны и тайкомъ убивать ихъ; это называлось кривтія. Когда государство было въ затруднительномъ положеніи, и илотамъ могъ представиться случай къ возстанію, спартанцы выбирали наиболѣе отважныхъ между ними и тайно убивали, чтобы у нихъ не оставалось людей, способныхъ быть вождями мятежа. Такимъ образомъ, илотъ находился въ постоянной опасности быть убитымъ.

Илоты были рабами государства, а не отдѣльныхъ лицъ; потому господинъ, на котораго работалъ илотъ, не имѣлъ права ни убить его, ни продать, ни отпустить на волю. Только правительство могло дать свободу илоту. Случалось, что нѣкоторые изъ нихъ и получали ее, въ награду за какія нибудь особенныя услуги государству. Когда нужно было принимать чрезвычайныя мѣры для увеличенія числа войска, брали илотовъ и на военную службу. Они обыкновенно были употребляемы тогда на лагерныя работы, служили въ обозѣ, служили щитоносцами, составляли отряды легко-вооруженной пѣхоты; впослѣдствіи, когда спартанцы завели флотъ, илоты часто служили на немъ гребцами и воинами. Но и получившій свободу илотъ долженъ былъ носить рабскую кожанную шапку и, зимою, овчинную одежду рабскаго покроя.

Вся та земля въ «Лакедемонской долині», которая не принадлежала дорійцамъ, была собственностью періэковъ. Они жили по всей Лаконіи, городами и селами, которыхъ было около ста; въ нѣкоторыхъ изъ ихъ городовъ жили и спартанцы. Періэки были люди свободные, владѣли землями, пользовались правомъ гражданства въ своихъ поселеніяхъ, то-есть, имѣли голосъ въ управленіи мѣстными дѣлами своихъ общинъ; могли участвовать въ государственныхъ праздникахъ и играхъ; и вообще спартанцы обращались съ ними гораздо мягче, нежели съ илотами. Но въ управленіи государствомъ періэки не имѣли никакого участія. Народное собраніе составляли только спартанцы, періэки не были полноправными гражданами. И не были такъ защищены законами отъ произвола правителей, какъ спартанцы. Эфоры могли казнить періэка безъ формальностей уголовного процесса.

Періэки.

Большинство періэковъ были ахейцы; но были между ними и люди другихъ племенъ (делегі). Они были покорены спартанцами въ разные времена, при разныхъ обстоятельствахъ; потому ихъ права были неодинаковы. Но всѣ они были обязаны платить подати; величина податей простиралась у нѣкоторыхъ до половины продукта ихъ земель; кромѣ того они обязаны были служить и въ войскѣ и во флотѣ. Политическихъ правъ они не имѣли; ихъ общины были подчинены надзору спартанскихъ окружныхъ начальниковъ и судей (гармостовъ), а въ большихъ общинахъ вѣроятно и общинными дѣлами управляли жившіе тамъ дорійцы. Но все таки періэки имѣли довольно много правъ, такъ что ихъ положеніе было сносно. Они

владѣли землями по склонамъ Тайгета; уступы горъ были выровнены террасами, обращены въ нивы; были тамъ и виноградники; нѣкоторые періэки сами воздѣлывали свои земли, у другихъ были рабы (но илоты не отдавались имъ въ работу). Въ ихъ рукахъ была почти вся промышленность, вся торговля; потому что дорійцы чуждались этихъ занятій, какъ унижительныхъ для благородныхъ воиновъ. Мореходство тоже было почти все въ рукахъ періэковъ. На Китерѣ и въ приморскихъ городахъ торговля имѣла довольно обширные размѣры. Многія издѣлія законскихъ ремесленниковъ пользовались хорошою извѣстностью и шли за-границу; напримеръ кубки, телѣги, оружіе, обувь, плащи. Были между періэками даже знаменитые литейщики и ваятели. Вообще, хотя періэки жили подъ довольно стѣснительнымъ надзоромъ спартанцевъ, но ихъ положеніе не было дурно, какъ видимъ ужъ изъ того одного, что они всегда были искренно преданы дорійскому правительству, даже въ тѣ времена, когда были удобные случаи для возстанія; періэки никогда не присоединялись къ мятежамъ илотовъ. Но спартанская политика была недовѣрчивая, стѣснительная; спартанцы опасались широкаго развитія торговли и промышленности; противодействовали ему; это вреднымъ образомъ отражалось на періэкахъ. Бѣдный видъ ихъ селъ и городовъ показывалъ, что безъ гражданской самостоятельности невозможно и матеріальное благосостояніе.

Спартанцы.

Илоты были рабы спартанскаго государства; періэки были люди свободные, но не имѣвшіе политическихъ правъ; они были подданные государства, а не граждане его; гражданами государства были исключительно спартанцы, дорійцы, военное сословіе, владычествовавшее надъ остальнымъ населеніемъ. Названіе лакедемонянъ обозначало въ собственномъ смыслѣ слова только періэковъ. Но когда говорилось о дѣлахъ, не относившихся къ разницѣ происхожденія и правъ, и особенно, когда говорилось о войнѣ, слово лакедемоняне употреблялось и въ болѣе широкомъ смыслѣ, означало все свободное населеніе государства. По происхожденію и воспитанію, образу жизни, привилегированному положенію, спартанцы составляли замкнутую аристократію, они не вступали въ брачныя связи съ періэками; и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ принимали въ свое сословіе иностранцевъ или періэковъ, въ награду за услуги государству. Съ аристократическимъ презрѣніемъ они чуждались всякихъ занятій, кромѣ государственной, административной, судебной дѣятельности, войны, охоты, военныхъ упражненій. Между ними были люди, далеко превосходившіе массу своего сословія богатствомъ, образованностью, заслугами; но по отношенію къ илотамъ, періэкамъ и всѣмъ «неполноправнымъ» (*hypomeiones*) всѣ спартанцы были «равные» (гомейи, *homioi*), и ужъ по манерамъ, одеждѣ, образу жизни каждаго изъ нихъ было видно, что онъ членъ привилегированнаго сословія.

Въ первыя столѣтія послѣ Ликурга, когда еще владычествовала простота нравовъ и военная дисциплина, когда глава каждаго дорійскаго семейства имѣлъ участокъ земли, обеспечивавшій его, дававшій ему положеніе помѣщика, и когда была еще свѣжа и сильна связь по общности происхожде-

нія отъ завоевателей, неравенство между спартанцами было, вѣроятно, не очень велико: каждый сознавалъ себя человекомъ аристократическаго сословія, каждый глава семейства жилъ безбѣдно, былъ самостоятеленъ, и держалъ себя гордо, независимо. Всѣ спартанцы были тогда членами народнаго собранія, всѣ вели одинаковый образъ жизни, каждый могъ подняться до высокаго положенія въ государствѣ. Но въ послѣдствіи времени, многіе спартанцы поселились далеко отъ столицы; другіе не имѣли средствъ дѣлать взносы, какіе нужны были для права участвовать въ общественныхъ обѣдахъ, потому были исключены отъ участія въ нихъ, не имѣли и вообще возможности вести образъ жизни, которымъ обуславливалось политическое значеніе спартанца; въ эти времена различіе между спартанцами по ихъ общественному и юридическому положенію стало очень велико. Число гомейевъ, полноправныхъ гражданъ, имѣющихъ помѣстья и ведущихъ предписанный законами старо-спартанскій образъ жизни, постоянно уменьшалось, и многіе спартанцы ужъ не имѣли права голоса въ народномъ собраніи, не могли получать никакихъ должностей, соединенныхъ съ почетомъ.

Привилегированное положеніе дорійца обуславливалось, какъ мы видѣли, не однимъ только тѣмъ, что онъ доріецъ, этого было еще недостаточно: онъ долженъ былъ удовлетворять требованіямъ военнаго образа жизни, быть человекомъ національнаго военнаго воспитанія (*agoge*). Законъ и обычай установили формы этого военнаго воспитанія, дисциплина котораго охватывала всю жизнь спартанца отъ ранняго дѣтства до старости и дѣлала его служителемъ государственныхъ интересовъ. Дорійцы завоевали страну, въ которой господствовали; силою оружія они покорили себѣ населеніе, гораздо болѣе многочисленное, чѣмъ ихъ племя, и поддерживать свое владычество приходилось имъ силою оружія; потому, военное ремесло должно было оставаться ихъ профессіею; жизнь ихъ должна была навсегда сохранить военный характеръ, чтобы, какъ сказалъ имъ Дельфійскій оракулъ, «мужествомъ и единоклѣпиемъ поддерживалась ихъ достославная свобода». Главною заботою государства было дѣлать дорійцевъ сильными и отважными воинами.

По словамъ Плутарха, какъ мы уже говорили, спартанцы бросали въ пропасть Тайгетскаго хребта младенцевъ, родившихся слабыми или неправильно сложенными; это преданіе должно понимать, вѣроятно, въ томъ смыслѣ, что они выбрасывали такихъ малютокъ изъ дорійскаго племени, отдавали ихъ періэкамъ. Здоровые мальчики, по достиженіи шестилѣтняго возраста, были переводимы изъ родительскаго дома въ общественные воспитательные дома, которыми управлялъ начальникъ, называвшійся педономомъ. Онъ дѣлилъ мальчиковъ на отряды. Воспитаніе въ этихъ домахъ было военное, дисциплина въ нихъ была строгая. Цѣлью воспитанія было сдѣлать воспитанниковъ способными къ перенесенію трудностей и лишеній, съ которыми соединена походная и лагерная жизнь, развить въ нихъ физическую силу и крѣпкое здоровье. Потому главнымъ занятіемъ мальчиковъ и подростающихъ юношей въ этихъ воспитательныхъ домахъ были гимнастическія и военныя упражненія: бѣгъ, борьба, прыганье, бросаніе

Спартанское воспитаніе.

Забота о развитіи крѣпкаго здоровья.

диска, метаніе копья, приобрѣтеніе искусства владѣть оружіемъ, военные маневры; упражненія происходили подъ открытымъ небомъ и въ ненастье, и въ холодъ. Воспитанники ходили босые, хотя грунтъ земли въ Спартѣ былъ каменистый; волосы у нихъ были острижены коротко, голова оставалась и подъ дождемъ и въ холодъ непокрытая; теплой одежды имъ не давали; они спали на сѣнѣ, соломѣ или камышѣ, который ломали для себя сами на берегахъ Эвроты. За всякій проступокъ, всякую небрежность строго наказывали ихъ палками или бичами; педонома всегда сопровождала служители съ бичами въ рукахъ. Спартацы полагали, что чѣмъ строже воспитаніе, тѣмъ лучше. Пища воспитанниковъ была грубая. Мы уже говорили объ испытаніи твердости характера мальчиковъ жестокимъ бичеваніемъ, которому каждый годъ подвергали ихъ у жертвенника Артемиды Орейской, и о томъ, что были мальчики, безъ стона умиравшіе подъ бичами (стр. 95); къ такому терпѣнію были приучены эти „побѣдители въ испытаніи при жертвенникѣ“. Развивая гимнастикою физическія силы мальчиковъ и юношей, ихъ строго учили быть скромными, почтительными къ старшимъ, послушными.

Умственное и эстетическое образование. Спартацы даже и въ позднѣйшія времена мало цѣнили умственное образование. По ихъ мнѣнію важно было только умѣнье понимать и ловко вести житейскія дѣла, приобрѣтаемое опытностью и разговорами съ опытными людьми, и умѣнье выражать свои мысли коротко и сильно; къ этому и приучало ихъ воспитаніе. Спартацы были пзворотливы, хитры, славилась искусствомъ давать ловкіе отвѣты, говорить ясно, сильно и коротко, „лаконически“. Они были люди практической жизни, войны, потому для нихъ дороже образованности была находчивость и привычка сохранить присутствіе духа. Важнѣйшимъ умственнымъ достоинствомъ спартаца, военного человека, было искусство быстро сообразить, въ чемъ сущность дѣла, и безъ колебаній, не теряя времени, дѣйствовать какъ надобно. Жизнь сердца и воображенія была мало развита у нихъ. Изыщнымъ искусствамъ не было мѣста въ Спартѣ временъ Ликурга, одною изъ ретръ котораго, какъ рассказываетъ преданіе, было поставлено, что при постройкѣ крыши дома нельзя употреблять никакихъ орудій, вромѣ топора, а двери должно дѣлать только топоромъ и пилою. Но и въ позднѣйшія времена спартацы оставались по своему эстетическому развитію далеко ниже іонійцевъ. Дорійское искусство имѣло только энергію и строгую гармонію формъ, іонійской красоты оно не имѣло. Эпическихъ поэтовъ у спартацевъ вовсе не было, хотя, по преданію, поэмы Гомера были привезены изъ Малой Азии въ Грецію Ликургомъ; драматическая поэзія у спартацевъ оставалась на степени грубаго простонароднаго развлеченія. Только лирическая поэзія, музыка и хоръ, которые пѣлись на ихъ религиозныхъ праздникахъ, имѣли содержаніе, возбуждавшее любовь къ родинѣ, къ славѣ, влагали въ сердце отвагу, презрѣніе къ смерти. Пѣніе и танцы хоровъ были средствомъ укрѣплять въ юношахъ привычку къ повиновенію и къ дружному исполненію предписаннаго. И слова и пѣтвы были старинныя, наслѣдованные отъ отцовъ. Произведенія спартанской поэзіи ограничивались религиозными пѣснями (пѣанами, просодіями), военными пѣснями, гимнами въ славу побѣдъ, и афоризмами въ стихотворной формѣ.

Музыка и танцы. Спартацы любили музыку. Есть преданіе, что послѣ мессенскихъ войнъ, около 620 года, въ Спартѣ появилась какая-то эпидемическая болѣзнь, что спартацы призвали изъ иресскаго города Гортинны поэта и композитора Фалета, и что онъ своими пѣанами (гим-

нами) сматчили гнѣвъ боговъ; что онъ научилъ спартацевъ танцевать пирриху, военный танецъ, исполнители котораго, въ полномъ вооруженіи, мимически представляли, подъ звуки музыки, наступательные и оборонительные военные маневры. Преданіе говоритъ, что онъ же ввелъ въ Спартѣ игру на флейтѣ, притскіе пѣтвы и иѣжныя лйдійскія мелодіи. Ниже мы увидимъ, какое сильное вліяніе на развитіе спартанскихъ нравовъ имѣли возвышенные хоры гимны Терпандра, военные пѣсни Тиртея, эротическія пѣсни Аллимана. Въ VI вѣкѣ спартацы уже умѣли цѣнить художественныя музыкальныя произведенія и очень любили слушать ихъ; Феодоръ Самосскій построилъ тогда въ Спартѣ концертный залъ (skias), круглое зданіе, кровля котораго была сдѣлана въ формѣ шатра. Съ музыкою и пѣніемъ въ Спартѣ соединялись обыкновенно танцы, исполнявшіеся болѣе или менѣе многочисленными группами людей (хорами). На религиозныхъ праздникахъ танцевали хоры юношей и хоры дѣвушекъ. Военные и другіе танцы спартанскихъ хоровъ представляли прекрасное зрѣлище, потому что юноши и дѣвушки были люди стройнаго сложенія и цвѣтущаго здоровья.—Пластическія искусства у спартацевъ во времена ихъ могущества находились на довольно высокой степени развитія, такъ что Лаконія не очень далеко отставала въ этомъ отношеніи отъ другихъ областей Греціи. Храмы въ Спартѣ были украшены статуями. Стѣны храма покровительницы города, Паллады, были одѣты мѣдными досками, по которымъ шли знаменитые, прекрасные барельефы; этотъ храмъ назывался «мѣднымъ», а сама Паллада «мѣднодомною» (chalkivikos); мѣдная статуя богини, стоявшая въ храмѣ, сдѣланная лакедемонскимъ художникомъ Гитіадомъ, была тоже знаменитое произведеніе искусства. Знамениты были и золотая статуя Аполлона на вершинѣ Торнакса, сдѣланная изъ золота, подаренная спартацамъ Крезомъ, и барельефы миеологическаго содержанія на высокомъ престолѣ старинной статуи Аполлона въ Амиклахъ.

Храмы и скульптура.

По достиженіи 18 лѣтъ, юноши выпускались изъ воспитательныхъ заведеній и получали право носить длинные волосы, не брить бороду. Они теперь назывались меллиренами (будущими юношами), должны были заниматься военными упражненіями и учиться партизанской войнѣ. Меллиренами они оставались до 20 лѣтъ; съ 20 лѣтъ поступали въ разрядъ иреновъ (юношей) и оставались въ немъ до 30 лѣтъ. Ирены все еще находились подъ надзоромъ воспитателей и продолжали обучаться военному дѣлу. Изъ числа ихъ выбираемы были 300 всадниковъ, находившихся въ мирное время на службѣ при эфорахъ, а на войнѣ составлявшихъ свиту царей. Изъ дослужившихъ въ этомъ отрядѣ до 30 лѣтъ эфоры выбирали людей, которыхъ посылали исполнять свои распоряженія; эти люди назывались агаеозргами (добродѣлами); ихъ было пять.

Ирены.

Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ давать должное направленіе подростящему поколѣнію спартацы считали то, чтобы мальчики и юноши имѣли опытныхъ друзей, были соединены чувствами личной преданности съ людьми солидныхъ лѣтъ. Потому каждый спартаецъ зрѣлаго возраста постоянно имѣлъ при себѣ мальчика или юношу. Эта близкая дружба могла иногда быть соединена съ извращеніемъ полового чувства; но вообще мотивомъ ея было желаніе старшихъ помогать развитію гражданскихъ и военныхъ доблестей въ молодомъ поколѣніи. И если старшій другъ позволялъ себѣ вступать въ порочныя сношенія къ молодому другу, это считалось постыднымъ преступленіемъ, и онъ подвергался презрѣнію.

Изъ разсказа Плутарха мы видимъ, что воспитаніе дѣвушекъ у спартацевъ велось въ такомъ же духѣ, какъ воспитаніе юношей. Мѣста гимнастическихъ упражненій дѣвушекъ были, вѣроятно, отдѣльныя отъ мужскихъ. Но были публичныя состязанія и игры, на которыхъ юноши выказывали свое искусство при дѣвухахъ и наоборотъ; вѣроятно, на этихъ праздникахъ юноши и слышали отъ дѣвушекъ тѣ похвалы или насмѣшки, кото-

Воспитаніе дѣвушекъ.

рыя, какъ говорятъ древніе писатели, очень сильно возбуждали ихъ усердно заниматься гимнастикой. Но при всей свободѣ отношеній между дѣвushками и юношами, нравственность дѣвushекъ была безукоризненна. И вообще отношенія спартацевъ къ спартанскимъ женщинамъ и дѣвushкамъ, славившимся и красотою и цвѣтущимъ здоровьемъ, имѣли рыцарскій характеръ. Форма брака имѣла видъ похищенія невѣсты; и былъ обычай, что въ первое время супружества мужъ долженъ видѣться съ женою лишь украдкою; это придавало отношеніямъ молодыхъ супруговъ романтическую прелесть. Бракъ у спартацевъ имѣлъ свою цѣль: давать государству крѣпкихъ тѣломъ будущихъ гражданъ и гражданокъ. Обычай видѣться съ женою въ первое время брака лишь украдкою конечно былъ полезенъ тому, чтобы дѣти родились крѣпкими, потому что удерживалъ молодыхъ супруговъ отъ излишества въ чувственномъ наслажденіи, предохранялъ ихъ силы отъ изнуренія. Нерѣдко случалось, что жена, ужъ родившая дѣтей, все еще видѣлась съ мужемъ лишь украдкою. Положеніе женщины было въ Спартѣ свободнѣе и почетнѣе, чѣмъ въ остальной Греціи. Съ дѣтства привыкнувъ чувствовать себя гражданками и принимать живое участіе въ общественныхъ дѣлахъ, онѣ раздѣляли политическіе интересы мужчинъ, ихъ патріотизмъ, симпатизировали ихъ воинственности, ихъ образу жизни; потому пользовались уваженіемъ ихъ. Другіе греки говорили даже, что въ Спартѣ владычествуютъ женщины. Но при всей свободѣ своего положенія, спартанки въ старыя времена славилась своими хорошими хозяйственными качествами и своею супружескою вѣрностью.

Сисситія.

Той же цѣли, какъ и воспитаніе, развитію единомудрія и воинственности служило другое важное спартанское учрежденіе: спартанцы имѣли общественные обѣды, «сисситіи». Обычай этотъ произошелъ у нихъ, очевидно, отъ привычки обѣдать вмѣстѣ, пріобрѣтенной во время непрерывной военной жизни, которую должны были очень долго вести дорійцы пяти поселеній у Тайгета, постоянно боровшіеся съ ахейскими туземцами долины нижняго Эврата. Это была лагерная и походная жизнь. И подобно сподвижникамъ гомеровскихъ царей, они привыкли и обѣдать вмѣстѣ, какъ вмѣстѣ биться. Законодательство Ликурга воспользовалось этимъ обычаемъ, благоприятнымъ воинственности. Когда были розданы дорійцамъ участки, законъ постановилъ, что лагерный образъ жизни будетъ продолжаться. Это представляло и ту выгоду, что, обѣдая вмѣстѣ, воины были постоянно въ сборѣ, непрерывно готовы къ выступленію въ походъ. Правда, общественные обѣды мужчинъ (andρεία) отвлекали ихъ отъ семействъ и увеличивали ихъ издержки; но за то граждане пріучались чувствовать себя принадлежащими обществу, государству, обязанными жить не для себя, а для него.

Каждый спартанецъ, достигшій 20-ти лѣтняго возраста, поступалъ въ число воиновъ и, если хотѣлъ быть полноправнымъ гражданиномъ (гомейемъ), то былъ обязанъ сдѣлаться членомъ какого нибудь товарищества, имѣвшаго общій обѣдъ. Въ этихъ товариществахъ было обыкновенно по 15 человекъ; члены товарищества соединялись въ него не по родству, а по свободному выбору, по взаимному расположенію. Первымъ по почету

объединнымъ товариществомъ было товарищество царей; они обѣдали вмѣстѣ съ пилеями, полемархами и другими военачальниками, составлявшими на войнѣ ближайшую ихъ свиту. Царямъ подавали за обѣдомъ каждому по двѣ порціи, чтобы онъ могъ оказать почести кому нибудь, приглашая его въ гости на обѣдъ. Члены товарищества дѣлали взносы на объединные расходы. За царей взносы дѣлало государство. Мѣсячный взносъ члена былъ: медимнъ (около двухъ пудовъ) ячменной крупы или муки, 8 хой (нѣсколько больше ведра) вина, 5 минъ (фунтовъ) сыра, 2½ минны смоковничныхъ ягодъ, и 10 оболовъ (около 50 копѣекъ) деньгами. Принятіе въ члены товарищества производилось баллотировкою: слуга несъ кругомъ стола сосудъ; члены товарищества опускали по кусочку хлѣба, стискивая кусочекъ, или оставляя его несмятымъ. Для принятія новаго члена нужно было единогласіе. Обѣдъ былъ очень простой. Главнымъ блюдомъ была знаменитая „черная похлебка“ изъ свинины и крови, съ уксусомъ и солью. Этой похлебке подавалась каждому порція. Ячменнаго хлѣба и вина подавалось каждому сколько угодно. Десертомъ были сыръ, винныя ягоды, оливки. Иногда бывали и добавочныя кушанья, изъ подарковъ, дѣлаемыхъ кѣмъ нибудь: дичь, говядина, рыба. По праздникамъ обѣдъ былъ лучше; но все таки очень простой. Ходилъ анекдотъ, будто бы одинъ сибаритъ сказалъ, что онъ не дивится мужеству, съ какимъ спартанцы идутъ на смерть въ битвѣ, потому что жизнь ихъ не лучше смерти. — Правда, она была очень сурова; кромѣ того, что ихъ пища была нелакома, они и вообще должны были выносить много лишеній.

Общественные обѣды придавали быту спартацевъ характеръ непрерывной лагерной жизни; и залъ общественного обѣда не напрасно назывался «шатромъ». Сисситіи чрезвычайно сильно поддерживали и развивали въ спартацахъ воинственность, жажду военной славы и духъ дисциплины. Объединное товарищество образовало, какъ должно думать, послѣднюю степень подраздѣленія войска на тактическія единицы, эномотію; двѣ эномотіи составляли триакаду (отрядъ тридцати). Объединныя товарищества шли въ походъ съ тѣми же поварами и прислужниками, которые готовили и подавали имъ обѣдъ въ Спартѣ, и обязанности которыхъ были повидимому наслѣдственными въ назначенныхъ для того семействахъ періэковъ или илотовъ. Люди, которые проводили вмѣстѣ большую часть своего времени, которые любили другъ друга, какъ братья, и каждый изъ которыхъ былъ увѣренъ, что другіе не выдадутъ его, шли на войну вмѣстѣ и бились рядомъ, — это, разумѣется, очень много поддерживало въ нихъ твердость души и боевую отвагу.

Главную силу спартанскаго войска составляла тяжело-вооруженная пѣхота (гоплиты). Вооруженіемъ гоплита были длинный щитъ и большое, длинное копье. Высшими тактическими единицами этой пѣхоты были моры; моры подраздѣлялись на лохи, дѣлившіеся на болѣе мелкія единицы. На каждой степени подраздѣленія, боевая единица умѣла ловко и точно, безъ замѣшательства исполнять всякія эволюціи, маневрируя одна ли, вмѣстѣ ли съ другими. Начальники лохъ назывались лохагами, начальники моръ — полемархами; это были опытные вожди. Конницы у спартацевъ было мало; они не считали особенно важнымъ этотъ родъ войска. Они имѣли отрядъ,

Войска.

состоявший изъ 300 всадниковъ (hippeis) и дѣлившійся на три части, начальники которыхъ назывались гиппагретами; 100 изъ этихъ всадниковъ были тѣлохранителями царей. Всадники первоначально были, вѣроятно, молодые спартанцы изъ богатыхъ семействъ, содержавшіе лошадей на свой счетъ и вѣроятно ихъ было по 100 изъ каждой филы. Они продолжали называться всадниками и впослѣдствіи времени, но были въ дѣйствительности пѣхотными воинами, а въ конницѣ служили почти только періеки. — Войско выступало въ походъ обыкновенно въ полнолуіе. Передъ походомъ царь приносилъ жертву; для того, чтобы войско двинулось въ походъ, было надобно, чтобы предзнаменованія, даваемые жертвоприношеніемъ, были благоприятны. Передъ войскомъ несли взятый изъ Спарты огонь, для возжиганія костровъ при походныхъ жертвоприношеніяхъ; несли старинное деревянное изображеніе обнявшихся Діоскуровъ, покровителей Спарты, бывшихъ для спартанцевъ идеалами и храбрости и братскаго союза между товарищами по оружію. На границѣ царь приносилъ жертву Зевсу и Аѳинѣ, передъ битвою жертву тоже Зевсу и Аѳинѣ, и кромѣ того Эросу и Музамъ; Эросу потому, что отъ единодушія воиновъ зависѣлъ успѣхъ, а Музамъ для того, чтобы онѣ поддерживали въ войскѣ стройность, порядокъ, и напоминали воинамъ пѣсни, возбуждающія къ мужеству. Стану спартанцы давали круглую форму; укрѣпляли его лишь слегка, но караулы содержали очень внимательно, и особенно чутко сторожили станъ илоты, располагавшіеся кругомъ его. Каждый, кто шелъ по стану, долженъ былъ имѣть при себѣ свое копье. Но вообще жизнь въ лагерѣ была свободнѣе, чѣмъ въ Спартѣ, и одѣвались въ станѣ наряднѣе. Вмѣсто плаща изъ грубой ткани воины въ станѣ носили пурпурную одежду, вмѣсто толстой палки блестящее оружіе; они заботливѣе расчесывали свои длинные волосы, а выступая на битву, надѣвали вѣнки, будто шли на праздникъ. Съ пѣніемъ боеваго гимна, при звукахъ флейтъ, фаланга шла въ бой стройными рядами, каждый былъ исполненъ жаждою славы, увѣренностью въ побѣдѣ. Начальники отрядовъ шли въ первомъ ряду. Дисциплина и организація войска была такъ прочна, искусство маневрировать было такъ велико, что всякая эволюція, всякія перемѣны фронта, хотя бы и совершенно внезапныя, исполнялись легко и безъ замѣшательства. Ряды спартанцевъ никогда не разстроивались; воины бились непоколебимо, съ рѣшимостью не постыдить Спарту, побѣдить или умереть. Робкіе бѣжавшіе съ поля битвы подвергались лишенію чести и жили презираемые всѣми.

Лишенные чести.

Лишенные чести (atimoi) были лишены всехъ гражданскихъ правъ, были исключены изъ сисситій и отъ участія въ бесѣдахъ гражданъ; на праздникахъ ставили ихъ на особое мѣсто, и при всѣхъ возможныхъ случаяхъ они испытывали отъ всѣхъ презрѣніе и насмѣшки. Они должны были носить плащъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ, брить половину головы, уступать дорогу всѣмъ, даже юношамъ; никто не говорилъ съ ними, никто не давалъ имъ огня съ своего очага; на ихъ дочеряхъ не могли жениться граждане и не отдавали за нихъ дочерей.

Хорошія и дурныя стороны спартанскихъ учрежденій и нравовъ.

Такова была Спарта, о которой пѣлъ Терпандръ, что «блистаетъ тамъ оружіе юношей и громко звучатъ пѣсни, и владычествуетъ законъ», и о которой пѣлъ Пиндаръ, что «сіяетъ она мудростью старцевъ и копьями крѣпкихъ мужей и весельемъ праздниковъ съ танцами и пѣніемъ». На великомъ карнейскомъ праздникѣ, въ лѣтній зной совершались передъ царями и всѣмъ правительствомъ, всѣми

гражданами гимнастическія игры съ пѣніемъ и танцами хоровъ, и хоръ старцевъ пѣлъ: «мы были храбрыми и сильными мужчинами»: хоръ мужей отвѣчалъ: «мы таковы теперь; кто хочетъ, испытай»; хоръ мальчиковъ пѣлъ: «а мы со временемъ будемъ еще храбрѣе и сильнѣе».

Греческіе философы хвалили спартанскія учрежденія за то, что они охраняютъ государство отъ смутъ, обезпечиваютъ владычество закона, держатъ народъ въ повиновеніи властямъ; но порицали то, что спартанцы основали свое государство не на разумѣ, а на храбрости, цѣняютъ гимнастику, развитіе физической силы выше образованности. Еще хуже этого было то, что спартанскія учрежденія совершенно подавляли личную жизнь, естественное развитіе индивидуальныхъ способностей и влеченій, дѣлали спартанца только членомъ государственнаго организма, не человѣкомъ, а лишь гражданиномъ, который развивается и живетъ по предписанію государства, что свобода личности была поглощена государствомъ, а государство было лишь военная организація владычествующаго сословія. Необходимымъ результатомъ этого было то, что въ Спартѣ скоро водворилась неподвижность, и жизнь замерла.

Общій выводъ.

Обозрѣвая всѣ подробности, изложенныя нами, приходимъ къ выводу, что спартанскія учрежденія, приписываемыя преданіями Лукургу, имѣли цѣлью доставить дорійскому племени въ Лаконіи такую силу, чтобы оно могло держать въ повиновеніи покоренныя имъ племена и захватить преобладаніе надъ другими государствами Греціи. Для этого необходимо было пробудить и упрочить въ сословіи спартанскихъ гражданъ чувство національнаго единства твердымъ государственнымъ порядкомъ и установленіемъ одинаковаго образа жизни, не такого, какъ ведутъ другія сословія, соединить это сословіе въ одной мѣстности, возвысить военную силу его строго послѣдовательною дисциплиною. Благо государства, то есть дорійскаго племени, было поставлено верховнымъ закономъ, цѣлью жизни каждаго изъ членовъ этого племени, и всѣ личные интересы были подчинены государственной пользѣ. Спартанецъ долженъ былъ дѣйствовать лишь какъ членъ государства, и думать лишь о могуществѣ и славѣ отечества. Съ этою цѣлью законы Ликурга объединяли дорійцевъ рѣзкимъ разграниченіемъ ихъ племени отъ покоренныхъ племенъ, и направляли ихъ честолюбіе на пріобрѣтеніе военной славы. Спартанцы не вступали въ брачныя связи съ періеками, не принимали ихъ въ свои дружескіе круги. Государственному устройству былъ данъ характеръ неизмѣнности, не допускавшей реформъ. Санъ царей былъ наследственнымъ, священнымъ, и не могъ быть предметомъ стремленія честолюбцевъ. А цари не могли произвести переворота, сдѣлаться деспотами, потому что ихъ власть была очень ограничена. Сдѣлаться членомъ герусіи могъ всякій спартанецъ, уважаемый своимъ сословіемъ; но для этого надобно было достигъ шестидесятилѣтняго возраста; потому и этотъ

санъ не могъ быть предметомъ честолюбивыхъ замысловъ. Эфоры имѣли въ позднѣйшія времена очень большую власть; но и она не была опасна существующему порядку, потому что давалась лишь на одинъ годъ. Народное собраніе, быть можетъ, не часто имѣло случаи проявлять свою верховную власть; но она принадлежала ему, и каждый членъ его былъ гордъ, сознавая себя участникомъ верховной власти; онъ чувствовалъ себя поставленнымъ несравненно выше массы населенія, состоявшей изъ безправныхъ работниковъ, илотовъ, и изъ періэковъ, не имѣвшихъ политическаго значенія; сравнивая себя съ ними, онъ могъ быть доволенъ своимъ положеніемъ. Если бы аграрное устройство, введеніе котораго приписывается преданіемъ Ликургу, было дѣйствительно введено и удержалось, основная идея спартанскихъ учреждений имѣла бы въ немъ полное свое осуществленіе. Но это было недостижимо, и въ историческія времена мы находимъ спартанцевъ распавшимися на полноправныхъ гражданъ (гомейевъ) и на бѣдняковъ, утратившихъ политическое значеніе; это распаденіе, происшедшее отъ неравенства имуществъ, повело спартанское государство къ смутамъ и упадку.

Но это было позднѣе. Въ старинныя времена, спартанскія учрежденія дѣлали каждого спартанскаго гражданина членомъ владычествующаго класса и ограждали государственный порядокъ отъ замысловъ честолюбцевъ. А для того, чтобы господствующее сословіе имѣло силу поддержать свое владычество, гражданамъ давалось воспитаніе, дѣлавшее ихъ физически крѣпкими, воинственными людьми, и эти люди вели военный образъ жизни. Воспитаніе и сыновей и дочерей гражданъ было такъ сурово, что лишь дѣти здороваго сложенія могли выдерживать его; но выдержавшихъ оно дѣлало очень крѣпкими людьми и давало имъ привычку обуздывать свои страсти. Мальчики и юноши были приучаемы выносить физическую боль, быть энергичными, преодолевать чувственные влеченія, подчинять свои желанія обязанностямъ; они не знали лакомыхъ блюдъ; ихъ пища была грубая, которую можно было ѣсть только для удовлетворенія голода. Ихъ приучали считать пьянство постыднымъ порокомъ, предаваться которому могутъ лишь илоты. Полевое влеченіе, сдерживаемое и регулируемое въ молодыхъ людяхъ закономъ и обычаемъ, возбуждало юношей пріобрѣтать уваженіе дѣвушекъ искусствомъ въ военныхъ упражненіяхъ и военными подвигами. Брачная жизнь была устроена такъ, чтобы дѣти рождались крѣпкія, какія нужны государству. Высшіе умственные интересы, высокія наслажденія искусствомъ и наукою оставались чужды спартанцамъ. Поэзією, музыкою и танцами занимались они лишь настолько, насколько это было полезно для государственныхъ цѣлей, пригодно было для гимнастики, возбуждало воинственность, уваженіе къ дисциплинѣ, къ повиновенію начальству и богамъ. Но высоко цѣнились у спартанцевъ тѣ нравственные ка-

чества, какія полезны для прочности установленнаго порядка: преданность закону, обычаямъ отцовъ и уваженіе къ старшимъ, супружеская вѣрность, вѣрность дружбѣ. Въ старикамъ спартанцы были очень почтительны. Изыщнымъ человекомъ спартанецъ не былъ. Его плащъ, простой четырехъ-угольный кусокъ грубой, шерстяной ткани, небрежность, съ какою онъ одѣвался, его неподстриженная борода, его длинные волосы, толстыя подошвы его обуви, толстая палка въ рукѣ придавали ему видъ простолюдина изъ глухой деревни. Могучія фигуры спартанокъ, въ простой своей одеждѣ, безъ всякихъ украшеній тоже не имѣли нѣжнаго изящества іоніекъ. Греки другихъ областей смѣялись надъ грубымъ видомъ и спартанцевъ, и спартанокъ; но не могли говорить безъ похвалъ о красотѣ формъ спартанокъ, о физической силѣ, ловкости движеній, мужествѣ спартанцевъ, не могли не хвалить чистоты семейной жизни, гражданскихъ доблестей и женщинъ и мужчинъ Спарты. Общія обѣды соединяли спартанцевъ чувствами военного братства; держали ихъ собранными въ одномъ городѣ, готовыми къ выступленію въ походъ. Тяжелая и опасная охота за медвѣдями, кабанами, оленями, другими животными въ лѣсистыхъ ущельяхъ Тайгета, военныя упражненія подъ открытымъ небомъ, купанье въ Эвротѣ, суровыя развлеченія были превосходною подготовкою къ военному дѣлу, составлявшему задачу жизни спартанцевъ, и доведенному ими до высокаго совершенства. Естественнымъ слѣдствіемъ суроваго военного духа спартанскихъ учреждений были законы, воспрещавшіе роскошѣ, устранявшіе изъ жизни всякую изнѣженность. Во времена Ликурга люди по необходимости жили безъ роскоши: они еще не имѣли техническихъ искусствъ; то, что было тогда дѣломъ самихъ обстоятельствъ, было впоследствии установлено, какъ обязанность. Въ IX вѣкѣ по необходимости довольствовались топоромъ и пилою при постройкѣ жилищъ и дѣланіи мебели. А чтобы гордый спартанскій воинъ не занимался тяжелымъ трудомъ земледѣлія и скучными работами ремесленниковъ, едва ли нужно было запрещеніе: онъ и безъ того предоставлялъ эти низкія для него занятія періэкамъ и илотамъ, потому что любилъ давать другое употребленіе часамъ, остававшимся у него отъ военной службы, гимнастики, охоты: ему нравилось проводить ихъ въ аристократической праздности, сидя въ кругу товарищей; спартанцы любили сидѣть въ лескахъ, какъ назывались мѣста этихъ собраній, и вести бесѣды замысловатыми словами и глубокомысленными изреченіями.—Во времена Ликурга, въ Греціи еще не было чеканенной монеты; торговля была мѣновая; а если Ликургъ дѣйствительно ввелъ желѣзную монету, это былъ прогрессъ. Преданіе говоритъ, что эти желѣзные деньги, оболы («копья»), имѣли сначала форму брусковъ или палокъ, и что можно было охватить рукою шесть штукъ ихъ, а что потомъ ихъ стали дѣлать въ видѣ кружковъ, лепешекъ (pelanoi). Не нужно было въ тѣ времена и за-

прещать путешествовать: спартанцы вели лагерную жизнь, каждый долженъ былъ быть на своемъ мѣстѣ въ станѣ или поселеніи, похаживать на военную стоянку; отлучаться было нельзя. — Законы тогда едва ли были записываемы; вѣроятно, они хранились только въ памяти, и люди научались имъ по изустной передачѣ и по практическому примѣненію ихъ. — Но спартанцы уважали старину; имъ пріятно было думать, что всѣ ихъ учрежденія введены Ликургомъ, котораго они считали своимъ законодателемъ, и они приписывали ему тѣ законы, которые были постановлены въ позднѣйшее время для сохраненія старины при измѣнившихся обстоятельствахъ. Такимъ образомъ ему были приписаны постановленія запрещенія спартанцамъ имѣть золотыя и серебряныя деньги, записывать законы, ѣздить безъ необходимости за границу, а иноземцамъ селиться или хотя бы долго оставаться въ Лаконіи, — вообще, всѣ тѣ законы, которые имѣли цѣлью предотвратить отпаденіе дорійцевъ отъ старинной простоты и для этого по возможности уменьшали знакомство ихъ съ жизнью другихъ грековъ. Преданіе, что Ликургъ заимствовалъ свои законы отъ критянъ, возникло, по всей вѣроятности, тоже въ позднѣйшее время, когда спартанцы, ознакомившись съ Критомъ, нашли тамъ у дорійскихъ колонистовъ учрежденія, во многомъ одинаковыя съ лаконскими.

Критскіе дорійцы. Въ Кносѣ, точно такъ же, какъ въ Спартѣ, дорійцы дѣлились на три филы: гиллейскую, дипанскую и памфилскую; были періэвы и порабощенные поселяне; были общіе обѣды; были гимнастическія и военныя упражненія, было суровое воспитаніе; дорійцы и тамъ были военное сословіе, владѣющее землями и занимающееся исключительно военнымъ дѣломъ и охотою *). Это сходство, основаніемъ котораго была, вѣроятно, одинаковость племени и положенія, спартанцы объясняли перенесеніемъ законовъ съ Крита въ Спарту. Критъ, какъ мы знаемъ (I, стран. 520; II, стран. 115), имѣлъ въ давнія времена вліяніе на развитіе культуры въ Греціи; мнѣя говорили о Критскомъ царѣ Миноѣ, мудромъ законодателѣ и справедливомъ судѣ; потому натурально было спартанцамъ рѣшить, что ихъ учрежденія заимствованы съ Крита. Это возвышало авторитетность ихъ законовъ. — Преданіе, что Ликургъ, прежде чѣмъ далъ законы Спартѣ, жилъ нѣсколько времени на Критѣ, находимъ ужъ и у Аристотеля. Есть и между новѣйшими изслѣдователями ученые, полагающіе, что Ликургъ дѣйствительно заимствовалъ изъ критскихъ учрежденій основныя черты своего законодательства. Спартанскія учрежденія родственны критскимъ, въ этомъ всѣ изслѣдователи согласны, но они расходятся между собою во мнѣніяхъ о томъ, чѣмъ надобно объяснить это родство: общностью ли происхождения, или заимствованіемъ.

Установленіе олимпійскихъ игръ. Извѣстія древнихъ писателей о томъ, когда жилъ Ликургъ, такъ разнообразны, что нѣкоторые ученые считали надобнымъ предполагать существо-

*) Образъ жизни и понятій критскихъ дорійцевъ характеризуется знаменитыми стихами Гибріа: «Вотъ моя мечъ, копьѣ и щитъ, все мое богатство, ими я пашу и жну, ими выдѣлываю изъ винограда вино».

ваніе двухъ разныхъ законодателей, имѣвшихъ одинаковое имя, а другіе считаютъ Ликурга мнѣическимъ лицомъ, никогда не существовавшимъ. Было преданіе, что Ликургъ, по повелѣнію Дельфійскаго оракула, заключилъ съ Ифитомъ, царемъ Элидскимъ, договоръ, которымъ дорійцы и элидяне постановили, что будутъ каждые четыре года приносить въ древней рошѣ на берегу Алфея общую жертву Зевсу Олимпійскому, что при этомъ праздникъ будутъ происходить игры, и что на время его будутъ прекращаться всякія военныя дѣйствія. Если счетъ олимпіадъ начался со времени этого договора, если тѣ игры, на которыхъ въ состязаніи бѣга одержалъ побѣду элидянинъ Коребъ, были первыми играми въ Олимпіи, то Ликургъ былъ еще живъ въ 776 году, которымъ начинается счетъ олимпіадъ. Но по обыкновенному преданію, онъ жилъ цѣлымъ столѣтіемъ раньше; по расчету, принятому александрийскими учеными, около 884 года. Какъ бы то ни было, но договоръ, по которому спартанцы и элидяне условились приносить общую жертву Зевсу олимпійскому на жертвенникѣ, поставленномъ ему Геракломъ въ священной олимпійской рошѣ, далъ начало тѣмъ играмъ въ Олимпіи, которыя впоследствии приобрѣли такое важное вліяніе на ходъ греческой культуры. Договоръ былъ написанъ на дискѣ, буквы шли кругомъ по диску. Дискъ этотъ хранился въ храмѣ Геры въ Олимпіи, и былъ еще цѣлъ во времена Антониновъ.

2. Возрастаніе могущества Спарты.

Скоро стали проявляться результаты законодательства Ликурга. Ахейскіе города въ низовѣ долины Эврата, такъ долго державшіеся противъ оружія спартанцевъ, были покорены поколѣніями воиновъ, воспитанными по законамъ Ликурга. Городъ Амиклы сдался храброму царю Телеклу; стѣны города и акрополь его были разрушены, онъ долженъ былъ оставаться неукрѣпленнымъ; жители его были сдѣланы періэками; но спартанцы всегда обращались съ ними очень мягко.

Аполлонъ амиклейскій, бывшій богомъ войны, сталъ пользоваться поклоненіемъ и у спартанцевъ. Праздникъ гіакинѣй, принадлежавшій культу природы, и вѣроятно занесенный на низовье Эврата финикійцами, сталъ однимъ изъ двухъ главныхъ праздниковъ спартанцевъ. Другимъ ихъ праздникомъ былъ, какъ мы знаемъ, карнейскій, обряды котораго изображали походную жизнь (стр. 53). Спартанцы чтили жертвоприношеніями, гимнами, танцами, состязаніями въ пѣніи бога, побѣждающаго враждебныя силы мрака. На карнейскомъ праздникѣ пѣлъ въ половинѣ VII вѣка свои гимны подъ аккомпанементъ своей новоизобрѣтенной семиструнной китары Терпандръ, основатель художественной музыки въ Греціи, и величественные звуки его пѣсенъ наполняли душу спартанцевъ возвышенными чувствами. Послѣ покоренія Амиклъ скоро были покорены всѣ другіе города Лаконіи, до самаго приморья, гдѣ стоялъ Гелосъ.

Покоривъ ахейцевъ южной части Лаконіи, спартанцы обратили свое оружіе противъ сосѣдовъ этой страны, чтобы присоединить къ ней

пограничныя части Аркадіи, Арголіды и Мессеніи. Эти войны шли цѣлыя два столѣтія, слѣдовавшія за временемъ Ликурга. О нихъ мы знаемъ лишь по поэтическимъ сказаніямъ, изъ которыхъ видимъ, что воспитанные по законамъ Ликурга спартанцы были одушевлены отвагою, но въ которыхъ напрасно искать достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣній.

Въ частности, это относится къ мессенскимъ войнамъ, подробный рассказъ о которыхъ сохранился у Павзанія. Источниками для Павзанія служили: поэма Ріана Критскаго, поэта александрійской эпохи, и прозаическій, но тоже баснословный рассказъ Мирона Пріенскаго, писателя III вѣка до Р. Х. Нельзя сказать съ достовѣрностью даже того, когда именно происходили эти войны. По Павзанію, первая изъ нихъ продолжалась отъ 743 до 724 года, вторая отъ 685 до 668. Но по другимъ извѣстіямъ, временемъ первой были 730—710 годы, временемъ второй 645—630. По пѣснямъ Тиртея, видимъ только, что между первою и второю прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ: онъ говоритъ воинамъ второй войны, что въ первой бились ихъ дѣды.

Первая мессенская война.

О томъ, какъ произошла первая мессенская война, мессенцы и спартанцы рассказывали различно: и тѣ и другіе выставляли правыми себя, виновными своихъ враговъ. Должно полагать, что поводомъ къ войнѣ были набѣги спартанцевъ на Мессенію, которая была тогда очень богата, благодаря плодородію почвы и тому, что дорійскіе пришельцы рано стали тамъ держать себя съ туземнымъ населеніемъ дружелюбно, и скоро быть страны получилъ мирный характеръ. Набѣги спартанцевъ принуждали мессенцевъ мстить имъ; дѣло дошло до войны; она шла все ожесточеннѣе, до совершеннаго подавленія мессенцевъ спартанцами.

Преданія обоихъ народовъ согласны между собою въ томъ, что первою причиною войны было непріязненное столкновение между спартанцами и мессенцами у храма Артемиды, стоявшаго въ верховьяхъ Недона, гдѣ была граница, и гдѣ съ самыхъ временъ завоеванія спартанцы и мессенцы совершали общій религіозный праздникъ въ воспоминаніе о своемъ родствѣ; согласны между собою оба преданія и въ томъ, что при этой схваткѣ былъ убитъ спартанскій царь Телеклъ, покоритель Амиклъ. Но мессенцы говорили, что онъ и его воины коварно и внезапно напали на мессенцевъ, а спартанцы говорили, что мессенцы коварно напали на него, и онъ только оборонялся. Въ Спартѣ былъ построенъ храмъ ему, и его чтили, какъ героя. Сынъ Телекла Алкаменъ, наслѣдовавшій ему, не скоро могъ предпринять походъ въ отмщеніе за его смерть, потому что спартанцы вели войну тогда съ Гелосомъ. Пока она кончилась, прошло нѣсколько лѣтъ; въ это время досада мессенца Полихара на спартанцевъ подала новую причину къ враждѣ, и Алкаменъ съ отрядомъ войска сдѣлалъ, безъ объявленія войны, внезапное нападеніе ночью на маленькую

мессенскую крѣпость Амфейю, стоявшую на высокой скалѣ западнаго склона Тайгетскаго хребта, не-подалеку отъ Стениклара, взялъ это укрѣпленіе и убилъ всѣхъ бывшихъ въ немъ мессенскихъ воиновъ.

Полихаръ, бывшій побѣдителемъ въ состязаніи бѣга на играхъ четвертой олимпіады, былъ обиженъ спартанцами: одинъ изъ нихъ угналъ у него стадо и убилъ его сына; онъ пошелъ жаловаться въ Спарту, но правительство не дало ему удовлетворенія. Онъ сталъ нападать на спартанцевъ. Они потребовали у мессенцевъ выдачи его; мессенскій царь Андронъ совѣтовалъ не раздражать спартанцевъ, но народъ не хотѣлъ этого; онъ былъ убитъ въ народномъ собраніи, и оно отвѣчало на требованіе спартанцевъ отказомъ.

Спартанцы, занявъ Амфейю, стали дѣлать оттуда набѣги на мессенцевъ и угонять ихъ стада. Разгорѣлась война. Четыре года она шла съ переменнымъ счастьемъ. На пятый годъ была дана большая битва; по мессенскому преданію, исходъ ея былъ нерѣшительный, но мессенцы были такъ ослаблены ею, что положили отступить изъ своей столицы, Стениклара, и сосѣднихъ мѣстностей, и уйти на гору Итому, поднимающуюся на западномъ берегу Памиза и отдѣляющую верховье долины его отъ низовья. Они расположились въ ущельяхъ и на подъемахъ этой горы, на вершинѣ которой стоялъ знаменитый храмъ Зевса; укрѣпившись въ своей горной позиціи, они отражали всѣ нападенія враговъ. Алкаменъ умеръ; но его сынъ Полидоръ и другой царь, Теопомпъ, настойчиво продолжали войну и скоро стѣснили мессенцевъ такъ, что имъ стало трудно держаться. Они отправили въ Дельфы пословъ, спросить оракула, чѣмъ они могутъ спастись. Оракулъ отвѣчалъ, что они прогонятъ враговъ, если принесутъ въ жертву подземнымъ богамъ дѣвушку изъ царскаго рода. Они бросили жребій о дѣвушкахъ царскаго рода; онъ упалъ на дочь Ликиска; но жрецъ Эпоболъ объявилъ, что она не дочь Ликиска, что она—подмѣненное дитя. Аристодемъ, храбрѣйшій изъ мессенскихъ воиновъ, человекъ тоже царскаго рода, предложилъ въ жертву свою дочь. Ея женихъ упрашивалъ пощадить ее; его не слушали, и онъ, чтобы спасти ее, сказалъ, что она уже не дѣвушка, что она беременна. Вспыхнувъ отъ этихъ словъ, Аристодемъ закололъ свою дочь и разрѣзалъ ее, чтобы доказать ея невинность. Эпоболъ требовалъ другой дѣвушки, говоря, что дочь Аристодема убита, а не принесена въ жертву. Народъ волновался и хотѣлъ убить жениха. Но Эвфаю, царю мессенскому, удалось успокоить народъ, увѣривъ его, что смерть дочери Аристодема—жертвоприношеніе, что совѣтъ оракула исполненъ. Мессенцы, ободренные этимъ, стали сражаться смѣло. На тринадцатомъ году войны Эвфай умеръ отъ ранъ, полученныхъ имъ во второй большой битвѣ, въ которой онъ, человекъ храбрый, зашелъ слишкомъ далеко впередъ другихъ въ ряды враговъ. Мессенцы назначили царемъ Аристодема, заслужившаго выборъ своимъ безграничнымъ патріотизмомъ и своею храбростью. Онъ оправдалъ надежды

народа. Шесть лѣтъ наносилъ онъ лакедемонянамъ много вреда, дѣлалъ вторженія въ ихъ землю, опустошалъ ее, истреблялъ въ ней жатву. Они, получивъ помощь отъ коринѳянъ, вошли въ Мессенію большимъ войскомъ, чтобы кончить рѣшительнымъ ударомъ раззорительную для нихъ войну. Онъ искусно расположилъ свое войско въ позиціи, опиравшейся на холмы, поставилъ часть его въ засаду, хорошо распредѣлилъ отряды легковооруженныхъ мессенцевъ и аркадянъ, бывшихъ союзниками ихъ, и нанесъ спартамъ такое поражение, что на нѣкоторое время они прекратили военныя дѣйствія.

Но проклятіе боговъ лежало на Аристодемѣ, убійцѣ дочери. Онъ не могъ спасти Мессенію. Было получено отъ Дельфійскаго оракула прорицаніе: «Побѣда и мессенскія поля будутъ даны волею боговъ тѣмъ, отъ кого раньше противниковъ будутъ поставлены десять десятковъ треножниковъ кругомъ жертвенника Зевса въ Итомскомъ храмѣ». Одинъ изъ спартанцевъ, узнавъ объ этомъ, сдѣлалъ сто маленькихъ треножниковъ изъ глины, и еще не были готовы треножники, которые дѣлали изъ дерева мессенцы, когда онъ, переодевшись охотникомъ и положивъ въ охотничью сумку свои треножники, прокрался ночью въ храмъ и поставилъ треножники кругомъ жертвенника. Счастье покинуло теперь мессенцевъ. Неблагопріятныя предзнаменованія предвѣщали имъ близкую гибель: быки, приводимые на жертву, били рогами жертвенникъ; Аристодемъ увидѣлъ во снѣ, что убитая имъ дочь снимаетъ съ него латы и набрасываетъ на него саванъ; онъ понялъ, что боги осудили его на гибель и въ отчаяніи закололся на могилѣ своей дочери. Лакедемоняне окружили мессенскій станъ. Мессенцы пытались прорваться, но потерпѣли неудачу; вожди ихъ и храбрѣйшіе воины ихъ пали въ этой битвѣ. Въ станѣ ихъ былъ голодъ. Они покинули станъ; люди незнатные разсѣялись по родинѣ; знатные удалились въ Аркадію, въ Аргосъ, Сикіонъ, Элевзинъ; нѣкоторые сѣли на корабли, и нашли пріютъ себѣ въ городѣ Регіи, на берегу Италіи у Сицилійскаго пролива. Спартамъ разрушили дома, башни и стѣны Итомы, такъ что все тамъ превратилось въ развалины, и поработили оставшееся въ Мессеніи населеніе. Остатки развалинъ Итомы еще видны и теперь. Мессенцы должны были отдавать спартамъ половину того, что собираютъ съ полей, и при кончинѣ спартанскаго царя надѣвать, какъ періэки и илоты, траурную одежду.—«Какъ ослы, навьюченные тяжелымъ бременемъ, привозятъ они, подъ суровымъ угнетеніемъ, половину всѣхъ плодовъ своихъ полей повелителямъ своимъ»—пѣлъ Тиртей—«и мужчины и женщины у нихъ оплакиваютъ владыку, когда постигнетъ царя кончина». Изъ добычи, взятой въ Мессеніи, спартамъ принесли въ даръ Аполлону Амиклейскому мѣдныя треножники.

Такъ кончилась, длившаяся двадцать лѣтъ, первая мессенская война. Разсказъ о ней, переданный намъ Павзаніемъ, имѣетъ поэтическій,

а не историческій характеръ, и въ немъ отражаются понятія и чувства принадлежащія временамъ, гораздо болѣе позднимъ, чѣмъ эта война. Но развязка войны достовѣрна: воинственные спартамъ одолѣли мессенцевъ и завоевали большую часть Мессеніи; побѣжденные были ихъ одноплеменники, но не получили пощады: все уцѣлѣвшее населеніе завоеванной части страны было порабощено; земля была отнята у него, и спартамъ, получившіе участки ея, стали господами туземцевъ, живущихъ на ихъ участкахъ. Приморскіе города, издавна дѣятельно занимавшіеся торговлею и мореплаваніемъ, вѣроятно заключили съ спартамъ договоры, по которымъ стали въ такія же отношенія къ нимъ, въ какихъ были къ мессенскимъ дорійцамъ.

Въ продолженіе первой мессенской войны было много смутъ въ Спартѣ. Мы видѣли, что въ это время цари Полидоръ и Теопомпъ произвели переворотъ, увеличили права царской власти, что черезъ нѣсколько времени это было отмѣнено и была учреждена или получила расширеніе своей власти коллегія эфоровъ (стран. 169); но это должно, по всей вѣроятности, считать борьбою между монархическими и начинавшими усиливаться демократическими стремленіями. Были и другіе раздоры. Со времени первой мессенской войны являются два класса спартанскихъ гражданъ; граждане полноправные (homoioi, гомеи) и неполноправные (гипомеионы, hipomeiones), и является новый классъ „новопокоренныхъ“ поселанъ, неодамодовъ; они не періэки, но и не илоты. Изъ этого мы видимъ, что прежнія политическія и аграрныя учрежденія подверглись важнымъ измѣненіямъ; но видимъ лишь по неяснымъ даннымъ. Быть можетъ, уменьшеніе числа гражданъ отъ смертности на войнѣ заставило ихъ пополнить свои ряды принятіемъ нѣкотораго числа періэковъ въ составъ сословія гражданъ, а число періэковъ пополнить илотами, но переводимымъ изъ низшаго сословія въ высшее были даны не всѣ, а только нѣкоторыя права его. Могло быть и то, что нѣкоторые изъ дорійскихъ гражданъ были за неисполненіе своихъ военныхъ обязанностей лишены нѣкоторыхъ правъ. Достовѣрно то, что было много недовольныхъ и обѣднѣвшихъ гражданъ. Главою ихъ былъ Фалантъ. Они задумали произвести возстаніе во время праздника гіакинѳей, вытребовать себѣ поземельные участки и равноправность съ гомеями: заговоръ былъ открытъ; но число недовольныхъ было, вѣроятно, очень велико, потому что правительство нашло надобнымъ поступить съ заговорщиками очень милостиво. Фаланту и его товарищамъ велѣно было, по совѣту Дельфійскаго оракула, отправиться въ плодородную землю Япиговъ, и основать тамъ городъ; ихъ снабдили изобильными запасами; если имъ будетъ дурно тамъ, имъ было представлено право возвратиться въ Пелопоннесъ и получить пятую часть завоеванной мессенской земли. Они основали въ Япигіи Тарентъ (708). Позднѣйшее и баснословное преданіе называетъ этихъ переселенцевъ парееніями (сыновьями дѣвушекъ) и эневнактами (прижитыми отъ любовниковъ) и говоритъ, что они были рождены во время войны спартанскими женщинами и дѣвушками отъ связей съ илотами, или отъ молодыхъ, крѣпкихъ спартанцевъ, данныхъ въ любовники имъ правительствомъ, которое хотѣло увеличить число дѣтей у гражданокъ.—Быть можетъ, во время этихъ смутъ были призваны въ Спарту Терпандръ съ Lesbosa и Фалетъ съ Крита, чтобы исцѣляющею душою музыки и пѣніемъ побѣдить злыя силы вражды (стран. 179).

Смуты въ Спартѣ.

Фалантъ и Парееніи.

Полидоръ и Теопомпъ возвеличили Спарту побѣдами, и спартанцы получили очень высокое мнѣніе о своихъ силахъ. Мессенія была покорена. У аргосскихъ дорійцевъ было отнято юго-восточное приморье съ городами Прасіями, Зараксомъ, Эпидавромъ лимерскимъ, Беями; былъ отнятъ островъ Китера; эти завоеванія были присоединены къ областямъ періековъ. На сѣверѣ были покорены области Эгиса, Скироса и Карій, принадлежавшія прежде къ Аркадіи, и граница Лаконіи стала близка къ Тегеѣ. Скиросцы получили право становиться на лѣвомъ крылѣ спартанскаго войска; это мѣсто было однимъ изъ почетныхъ. Однажды, при выступленіи царя Полидора въ походъ, его спросили, куда онъ идетъ; онъ отвѣчалъ: «въ страну, которая еще не размежевана на участки». При немъ и Теопомпъ спартанцы вели войны такъ успѣшно, что надѣялись покорить весь Пелопоннесъ, и очень уважали царей, сдѣлавшихъ столько завоеваній. Когда Полидоръ былъ убитъ, государство купило у его вдовы домъ его, стоявшій у площади народныхъ собраний; въ уплату было дано условленное количество рогатаго скота.

Вторая мес-сенская война между 670 и 630 годами; или, по Клин-тону 685—668

Мессенцы не могли примириться съ утратою своей свободы. Суровость спартанскихъ правителей, презрительное обращеніе побѣдителей, возбужденія къ возстанію, шедшія къ нимъ отъ соотечественниковъ, удалившихся въ другія области, воспоминанія о старинѣ развили въ новомъ поколѣніи сильное влеченіе свергнуть спартанское иго, и чтобы поднялось все населеніе, нужно было только явиться вождю. Въ горахъ сѣверной окраины Мессеніи, около крѣпостей Анданіи и Эхалии, еще сохраняла независимость часть мессенскаго народа; храбрые горцы упорно отбивались отъ спартанцевъ, а область ихъ была бѣдная, имѣла мало заманчивости для спартанцевъ, овладѣвшихъ плодородными равнинами. Эти горные мессенцы были опорой партіи, думавшей о возстаніи. Когда началось возстаніе, аркадяне и писатидяне, опасавшіеся возрастающаго могущества Спарты, дали помощь мессенцамъ.

Легенды о второй мессенской войнѣ вѣроятно заключаютъ въ себѣ еще меньше исторической истины, чѣмъ преданія о первой. Молодой, отважный воинъ, Аристоментъ, потомокъ мессенскихъ царей, призвавшій въ Анданіи храбрыхъ людей поднять войну и остающійся главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во все продолженіе второй войны, сражался, по другимъ преданіямъ, не во вторую, а въ первую войну. И такъ, рассказы о немъ только легенды. Но само по себѣ очень правдоподобное дѣло, что отважный, искусный вождь съ отрядомъ храбрыхъ людей, ринувшись изъ сѣверныхъ горъ на спартанцевъ, не ожидавшихъ нападенія, могъ надѣлать много вреда имъ. По легендамъ, Аристоментъ былъ душой всей второй мессенской войны, и греки называли ее Аристоментовою. Но поэзія вложила такъ много вымысловъ въ рассказы о немъ, что трудно найти, въ чемъ состоитъ фактическая истина, украшенная этими легендами.

Павзаній рассказываетъ такъ: первая битва была при Дерахъ;

мессенцы не побѣдили въ ней, но и не были разбиты. Они хотѣли послѣ нея провозгласить своего отважнаго вождя Аристомена царемъ; но онъ отклонилъ эту почесть и сказалъ, что останется только вождемъ. Онъ тайкомъ пробрался въ Спарту и повѣсилъ въ храмѣ Аѳины мѣднодомной свой щитъ, какъ знакъ побѣды. На второй годъ была битва у «памятника вепря» на стеникларскомъ полѣ. Оба войска сражались очень храбро. Но Аристоментъ и отборный отрядъ восьмидесяти его сподвижниковъ бились такъ, что побѣду одержали мессенцы. Аристоментъ впереди всѣхъ преслѣдовалъ разбитыхъ спартанцевъ. Онъ прогналъ ихъ въ Лаконію, гнался за ними и дальше. Когда онъ вернулся въ Анданію, мессенянки бросали на него ленты и цвѣты, и пѣли: «До середины стеникларскаго поля и до высокихъ горъ преслѣдовалъ Аристоментъ спартанцевъ!» Онъ сдѣлалъ приношеніе въ Лебадійскую пещеру Трофонія: онъ отдалъ туда свой щитъ, на которомъ былъ изображенъ орелъ съ распростертыми крыльями; Павзаній видѣлъ тамъ этотъ щитъ. Онъ дѣлалъ набѣги на непріятельскую страну; захватилъ въ Фарахъ богатую добычу; онъ похитилъ спартанскихъ дѣвушекъ, когда онѣ торжественно плясали въ Каріяхъ на праздникѣ Артемиды, но охранилъ ихъ отъ оскорбленія и взялъ за нихъ большой выкупъ. Онъ овладѣлъ бы самою Спартою, не имѣвшею укрѣпленій, если бы Елена и Діоскуры не защитили ее. Онъ очень сильно тѣснилъ спартанцевъ. По совѣту оракула они попросили аѳинянъ дать имъ вождя. Аѳиняне въ насмѣшку послали имъ хромаго пѣвца, школьнаго учителя Тиртея, изъ аттическаго мѣстечка Афиднѣ, гдѣ чтили Діоскуровъ, покровителей Лаконіи. Но посланный въ насмѣшку, онъ далъ побѣду спартанцамъ. Хромой школьный учитель былъ человѣкъ великой души. Онъ привыкъ прославлять воинскими пѣснями Тиндаридовъ, олицетворявшихъ собою единодушіе въ битвѣ. Его боевыя пѣсни одушевили спартанцевъ отвагою; своими элегіями, полными военныхъ увѣщаній, онъ напоминалъ имъ о славѣ ихъ предковъ, пробуждалъ въ нихъ задремавшее чувство національной чести, а своими пѣснями о законномъ порядкѣ (Eunomia) прославлялъ повиновеніе законной власти, дисциплину, единодушіе, какъ старыя прекрасныя качества спартанцевъ. Дѣйствіе его пѣсень проявилось на третій годъ войны въ «битвѣ у большого рва». Аристоментъ совершилъ въ ней чудеса храбрости, но все-таки спартанцы побѣдили; не столько, впрочемъ, своею храбростью, сколько тѣмъ, что подкупили союзника мессенцевъ, аркадскаго царя Аристократа: въ рѣшительную минуту онъ повернулъ свое войско и повелъ прочь отъ битвы черезъ войско мессенцевъ и разстроилъ этимъ ихъ ряды; спартанцы воспользовались ихъ замѣшательствомъ, быстро ринулись въ промежутки, образовавшіеся отъ прохода аркадянъ сквозь ихъ линіи и перебили очень много мессенскихъ воиновъ. Уронъ мессенцевъ былъ такъ великъ, что послѣ этого они ужъ не могли держаться въ

открытомъ полѣ; Аристоменъ отступилъ на гору Иру (или Эйру; Iga, Eiga), у границы Аркадіи, близъ Фигалии; расположился на этой горѣ укрѣпленнымъ лагеремъ, какъ въ первую войну мессенцы расположились на Итомѣ; въ его станъ сходились отважные люди изъ равнинъ Мессеніи, которыми снова овладѣли спартанцы, и онъ дѣлалъ набѣги на земли и на отряды непріятелей. Спартанцы окружили Иру; но одиннадцать лѣтъ стояли они кругомъ «бѣлой горы» и штурмовали ея ущелья, и не могли взять укрѣпленного лагеря мессенцевъ, центромъ котораго была сильная цитадель на скалѣ вершины горы.

Въ эти годы спартанцы терпѣли больше вреда отъ осажденныхъ, чѣмъ вредили имъ. Аристоменъ съ отрядомъ 300 отборныхъ воиновъ часто дѣлалъ удачные набѣги, забиралъ у спартанцевъ хлѣбъ, стада, вино, опустошалъ ихъ нивы въ Мессеніи и въ сосѣдней части самой Лаконіи, такъ что спартанцы рѣшились наконецъ не пахать земли въ этихъ областяхъ. Объединившіе граждане шумно требовали новаго передѣла участковъ. Аристоменъ ходилъ съ своимъ отрядомъ далеко. Однажды, онъ дошелъ даже до Амиклы и разграбилъ городъ, прежде чѣмъ спартанцы пришли на выручку. Счастье неизмѣнно благоприятствовало ему. Три раза онъ приносилъ Зевсу Итомскому „гекатомфонію“, жертву благодарности за сто враговъ, убитыхъ его рукою. Три раза онъ дивными случаями спасался, попавшись въ плѣнъ. Однажды, его освободила жрица храма Деметры въ Эгилѣ; въ другой разъ, когда стражи его спали, онъ подползъ къ огню, разложенному ими, и пережегъ ремни, которыми былъ связанъ. Въ третій разъ, когда, оглушенный ударомъ камня, онъ упалъ безъ чувствъ, лакедемонцы взяли его и бросили съ пятидесятью другими плѣнными мессенцами въ одну изъ пропастей Тайгетскаго хребта. Другіе плѣнники разбились; но его спасли боги: орелъ снесъ его на распростертыхъ крыльяхъ невредимымъ въ глубину. Онъ думалъ, что умретъ тамъ отъ голода; но на третій день замѣтилъ лисицу, которая ѣла трупъ; онъ схватилъ ее за хвостъ, и она по извилинамъ пещеры привела его къ узкой щели отверстія; онъ раскопалъ его шире и вернулся къ своимъ воинамъ. На щитахъ мессенцевъ было изображеніе орла; лисица была ихъ эмблемою; быть можетъ, этимъ объясняется происхожденіе легенды, рассказанной нами. — Вернувшись, Аристоменъ напалъ на отрядъ коринѳянъ, помогавшихъ спартанцамъ въ этой войнѣ, и истребилъ его почти весь: такъ спартанцы узнали, что живъ Аристоменъ.

Но никакіе подвиги Аристомена не могли отвратить взятія осажденной Иры. Оракулъ возвѣстилъ, что Мессенія падетъ, когда козелъ напьется воды изъ Неды. Мессенцы не подпускали стада къ этой рѣчкѣ. Но на одиннадцатомъ году войны опустили въ воду уводящія вѣтви дикой смоковницы, корень которой сталъ слабъ; — и мессенцы поняли истинный смыслъ словъ оракула: оракулъ говорилъ объ этомъ tragos, о смоковницѣ, а не о животномъ (слово tragos, «козелъ», значило на мессенскомъ нарѣчьи и «смоковница»). Тогда и самъ Аристоменъ потерялъ надежду на спасеніе отечества. Предвидя гибель, онъ положилъ въ мѣдный ящикъ оловянные листы, на кото-

рыхъ были написаны тайныя ученія мессенской вѣры, залогъ будущаго возрожденія свободы Мессеніи, и зарылъ ящикъ подъ миртовымъ деревомъ на Итомѣ. И дѣйствительно, близокъ былъ послѣдній часъ осажденныхъ. Лакедемонскій илотъ, бывший пастухомъ при стадѣ своего господина, увидѣлъ однажды у рѣчки мессенянку, полюбилъ ее и бѣжалъ на Иру, въ укрѣпленный станъ мессенцевъ, который уже давно сдѣлался городомъ. Когда мужъ мессенянки уходилъ въ ночной караулъ укрѣпленій, илотъ прокрадывался въ домъ къ ней. Въ одну изъ такихъ ночей случилась гроза съ проливнымъ дождемъ. Аристоменъ лежалъ тогда раненный. Мессенцы, стоявшіе на стражѣ укрѣпленій, разошлись по домамъ, полагая, что при такой погодѣ враги не нападутъ... При неожиданномъ возвращеніи мужа, илотъ спрятался и услышалъ, какъ мужъ рассказываетъ женѣ, что всѣ стражи укрѣпленій ушли съ нихъ. Илотъ, въ надеждѣ получить большую награду, поспѣшно пошелъ въ станъ лакедемонянъ и повелъ ихъ къ укрѣпленіямъ. Они вошли на стѣны, не охраняемыя никѣмъ, и отперли ворота. По лаю собакъ мессенцы узнали, что враги вошли въ крѣпость. Они схватились за оружіе; сражались съ мужествомъ отчаянія; сражались и женщины. Три дня и три ночи, подъ непрерывнымъ проливнымъ дождемъ грозы, при блескѣ молніи, грохотѣ грома бились мессенцы. Наконецъ Аристоменъ собралъ тѣхъ воиновъ, которые еще уцѣлѣли, поставилъ женщинъ и дѣтей въ средину отряда и пошелъ впередъ, съ наклоненною головою, съ опущеннымъ копьемъ, въ знакъ того, что онъ хочетъ только пропуска. Спартанцы разступились и пропустили мессенцевъ. Они нашли гостепріимный пріютъ себѣ въ Аркадіи. Оттуда, съ присоединившимися къ нимъ многочисленными колонистами изъ Пилоса и Метоны, они отплыли по Ионическому морю въ Регій, халкидскую колонію, въ которой ужъ ранѣе поселилось много бѣжавшихъ изъ родины мессенцевъ, и черезъ нѣсколько времени овладѣли стоявшимъ на другой сторонѣ пролива сицилійскимъ городомъ Занклою, который они называли, въ память о своей родинѣ, Мессаною. Укрѣпленія и дома мессенскаго стана на Ирѣ были разрушены спартанцами и оставшіеся на родинѣ мессенцы были обращены въ илотовъ. Прекрасная область, считавшаяся лучшимъ изъ трехъ царствъ, о которыхъ бросали жребій Гераклиды, была вычеркнута изъ исторіи греческаго народа. Только жители приморья получили участь менѣе тяжелую, чѣмъ все остальное населеніе Мессеніи: они были сдѣланы періэками. Впрочемъ, и изъ нихъ нѣкоторые предпочли покинуть родину. На Ирѣ еще видны остатки разрушенныхъ спартанцами укрѣпленій.

Преданіе говоритъ, что Аристоменъ съ маленькимъ отрядомъ сподвижниковъ ушелъ на Родосъ, что тамъ онъ и умеръ. Впослѣдствіи его чтли тамъ, какъ героя, жертвоприношеніями и воззваніями. — Аркадяне, негодуя

на своего царя, предательство которого погубило храбрых мессенцев, побили его камнями, разрушили его домъ и отмѣнили у себя царскій санъ.

П ѣ с н и Т и р т е я.

До насъ дошло нѣсколько отрывковъ пѣсень Тиртея. Передаемъ нѣкоторые изъ нихъ. — «Славна смерть храбраго, который падаетъ въ переднемъ ряду воиновъ, защищая родину», пѣлъ Тиртей: «Но кто покидаетъ родину, бродить пищимъ въ чужбинѣ, и горько раскаявается, сбитаясь съ отцомъ, съ дѣдами старцемъ, и милою матерью и малютками дѣтьми и молодою женою. Угнетаемый нуждою, непріятель онъ всѣмъ, къ кому подходитъ; онъ покрываетъ стыдомъ свой родъ; насмѣшки и презрѣніе преслѣдуютъ его. Потому будемъ храбро биться за родину, падемъ за дѣтей, не будемъ трусливо заботиться о томъ, чтобы уцѣлѣть. Твердо бейтесь, юноши, плотными рядами; не думайте о бѣгствѣ изъ битвы, сохраняйте мужество. Постыдно для юношей, если впереди ихъ падетъ пожилой человѣкъ, у котораго ужъ посѣдѣли голова и борода. Умирать въ переднемъ ряду прилично юношѣ, который еще украшенъ молодостью. Мило смотрѣть на храбраго юношу пожилымъ мужамъ, и любить его женщины, пока онъ живъ, и прекрасенъ онъ, когда онъ палъ въ переднемъ ряду».

«Впередъ! Вы потомки непобѣдимаго Геракла; мужайтесь! еще не отвратился отъ васъ Зевсъ! Не трепещите многочисленности враговъ, не бѣгите, смѣло противопоставляйте имъ ваши щиты! Не прилипайте къ жизни, радостно привѣтствуйте жребій смерти, какъ лучи Геліоса. Вы знаете, юноши, бѣдствія, которыя сопровождаютъ Ареса и страшный шумъ его; вы ужъ бывали и въ числѣ бѣгущихъ и въ числѣ преслѣдующихъ врага, вы достаточно испытали обѣ доли. Изъ тѣхъ, которые мужественно стоятъ въ первомъ ряду и, плотно сомкнувшись, устремляются на непріятеля, бываетъ меньше убито, а между тѣмъ они защищаютъ и стоящихъ за ними; а трусовъ, въ которыхъ увяла высокая доблесть, постигаютъ всѣ бѣды. Постыдно, когда бѣгущаго поражаетъ мечъ врага въ спину, и позорно лежить въ прахѣ трунъ того, кого пронзило между плечъ остріе копья. Да пугается же каждый, и твердыми ногами стоитъ на землѣ, стиснувъ зубы, закрывая колѣна, грудь и плеча широкимъ щитомъ; правой рукою пусть направляетъ онъ копье, и пусть грозно развѣваются перья на его шлемѣ! Да совершаетъ онъ страшныя дѣла боя! Пусть не издали закрывается онъ щитомъ отъ стрѣлъ, а вблизи поражаетъ врага тяжелымъ копьемъ или мечомъ въ рукопашномъ бою. Сошедши съ врагомъ нога къ ногѣ, сталкиваясь щитомъ о щитъ, шлемомъ о шлемъ, грудью о грудь, пусть бьетъ онъ врага рукояткою меча или древкомъ копья! А вы, храбрые гимнеты (легко-вооруженные воины), бросайте во враговъ большіе камни, укрываясь за щитами другихъ, или пускайте въ него дротики, постоянно держась вблизи воиновъ, одѣтыхъ въ латы. Только тотъ достоинъ быть названъ въ пѣснѣ по имени, кто смѣло смотритъ въ глаза провавой смерти и подходитъ близко къ врагу. Это высочайшая слава и наилучшая награда храброму, и прекрасенъ становится юноша, получившій ее. Сокровище для своего народа тотъ, кто твердо бьется въ переднемъ ряду, никогда не думаетъ о постыдномъ бѣгствѣ, спокойно подвергаетъ себя смерти и убѣждаетъ своихъ товарищей умирать мужественно; въ груди его сердце безстрашнаго льва, и онъ способенъ обратить въ бѣгство непріятелей или остановить колеблющихся своихъ. И когда онъ падетъ въ переднемъ ряду, съ ранами въ груди, со щитомъ и латами, проколотыми спереди, дѣлается онъ славою своего народа и семейства, и оплакиваютъ его юноши и старцы, и печалится о немъ весь народъ, и потомки чтутъ его могилу, его дѣтей и внуковъ. Никогда не исчезнетъ его слава, не забудется его имя. И сошедши въ могилу, бессмертно живетъ тотъ, кто палъ въ битвѣ, защищая дѣтей и родину. А если онъ уцѣлѣлъ отъ смерти, заслуживъ славу своимъ копьемъ, то почитаютъ его всѣ, и много удовольствія получить онъ, прежде чѣмъ сойдетъ въ Гадесъ. Состарившись, онъ сіяетъ знаменитостью, и никто не осмѣливается оскорбить его. Всѣ, и младшіе, и равные ему по лѣтамъ, и даже старшіе встаютъ съ мѣстъ при его приближеніи. Пусть каждый стремится теперь подняться на такую вершину славы и мужественно бьется!»

Сохранились нѣкоторые, впрочемъ маленькіе, отрывки изъ тѣхъ пѣсень («элегій»), которыми Тиртей внушалъ спартамцамъ любовь къ законному порядку. Въ одномъ изъ этихъ отрывковъ онъ напоминаетъ спартамцамъ, что Зевсъ Кроніонъ самъ далъ имъ землю потомкамъ Геранна, что ихъ отцы, покинувъ «высоты Эринея», пошли съ Геракладами въ обширный островъ Пелопса, «гдѣ созрѣваютъ роскошныя жатвы и обильныя древесныя плоды»; что божественными устами Феба сказано: «Въ совѣтъ должны господствовать богочтимые цари, которымъ ввѣрено попеченіе о славной Спартѣ, и вторые по важности достопочтенные старцы, а на третьемъ мѣстѣ послѣ нихъ мужи народа, всѣ совѣщающіеся о благѣ города»; этотъ установленный богами порядокъ и долженъ быть твердо сохраняемъ, колебать его не должно; должно поступать по примѣру мужественныхъ предковъ, девятнадцать лѣтъ неутомимо бившихся съ врагами, которые на двадцатый годъ покинули богатую мессенскую землю, бѣжали съ высотъ Итомы.

Отъ боевыхъ пѣсень Тиртея осталась только одна: «Эмбатерій», названіе, которое можно перевести словомъ «маршъ». Размѣръ ея—анапестъ. Она взываетъ: «Впередъ, неизмѣнныя въ доблести граждане Спарты, славнаго мужествомъ города. Держа лѣвою рукою передъ собою щитъ, поражайте безтрепетно копьемъ, не заботьтесь о своей жизни, потому что не таковъ спартанскій обычай!»

Вторая мессенская война отвлекла спартамцевъ отъ продолженія завоеваній въ Арголидѣ и Аркадіи. Кинурійская область осталась въ рукахъ аргосцевъ, Тегея сохранила свою независимость и всю свою землю. Но какъ только побѣдили мессенцевъ, спартамцы возобновили свои нападенія на аркадянъ, которые раздражили ихъ тѣмъ, что помогали мессенцамъ. Аркадскія государства не были соединены между собою союзомъ; это были небольшія общины, не имѣвшія укрѣпленныхъ городовъ. Сдѣловало думать, что спартамцамъ будетъ очень легко завоевать всю Аркадію. Но дѣло оказалось труднымъ. Спартамцы успѣли овладѣть пограничными округами по истокамъ Эвроты, Белеминою и Малеатидою, принудили орестазіевъ, парразіевъ и население горы Менала подчиниться ихъ гегемоніи. Но тегейцы, мужественное племя, населявшее обширную, довольно плодородную горную террасу, показали себя достойными предковъ, подвиги которыхъ прославлялись въ ихъ легендахъ. Они говорили, что ихъ царь Эхемъ убилъ Гилла (стран. 109); что въ старину, когда спартамцы, ошибочно понявъ предсказаніе оракула, пришли съ цѣпями въ ихъ страну, они побѣдили спартамцевъ, оковали ихъ самихъ въ принесенныя ими цѣпи и заставили ихъ пахать свои поля и прорыть каналъ черезъ тегейскую долину. И теперь тегейцы отбились отъ спартамцевъ. Война, съ переменнымъ счастьемъ, длилась цѣлое поколѣніе. Лишь когда спартамцамъ удалось хитростью увести исполинскія кости Ореста изъ гроба, найденнаго ими въ Тегеѣ на дворѣ кузнеца (стран. 95), побѣда склонилась на ихъ сторону, говоритъ Геродотъ. Но тегейцы сохранили независимость. Они заключили съ спартамцами

Гегемонія
Спарты надъ
Аркадією.

Около 560 г.

поставленной у Алфея. Примѣру Тегей послѣдовали и другія аркадскія республики: Мантинея, Орхоменъ, Стимфалъ. Всѣ онѣ подчинились гегемоніи Спарты, обязались имѣть однихъ съ нею и враговъ и друзей, и при ея войнахъ присылать свои войска подъ начальство царей ея.

Разрушеніе
Писы.

Нѣсколько раньше того, спартанцы приобрѣли преобладаніе на западномъ приморьѣ Пелопоннеса. Писатидяне около 660 года отложились отъ царя элидскаго, избрали себѣ особаго царя и захватили въ свои руки управленіе олимпійскимъ праздникомъ. Города Трифили, области, лежавшей на югъ отъ Писы, заключили союзъ съ Писатою. Дѣйствуя общими силами, трифилійцы и писатидяне были сильнѣе элидянъ, очень много страдавшихъ отъ войнъ съ ними. Писатидяне помогали мессенцамъ. Досадуя на нихъ за это, спартанцы пошли на помощь элидянамъ, давнимъ своимъ союзникамъ, взяли и разрушили Пису и два города въ Трифили, принудили писатидянъ по прежнему платить дань элидянамъ (570). Но многіе писатидяне покинули родину, чтобы не подчиняться ненавистному игу. Добыча, взятая на войнѣ, была употреблена на увеличеніе и украшеніе Олимпійскаго храма и на устройство лучшей обстановки для игръ. Спартанцы возвратили элидянамъ завѣдываніе олимпійскими играми и храмомъ и по согласію съ ними придали играмъ дорійскій характеръ.

Спарта и
Аргосъ.

Не менѣе успѣшны были походы противъ аргосцевъ, возобновленные спартанцами по окончаніи второй мессенской войны. Нѣкогда Аргосъ былъ сильнѣйшимъ изъ дорійскихъ государствъ Пелопоннеса. Гегемонію его признавали всѣ города восточнаго приморья: Сикіонъ, Эпидавръ, старинный торговый городъ Трезены, острова Китера и Эгина. Даже колоніи, основанныя дорійцами на Критѣ, Родосѣ и на Карійскомъ побережьи, выказывали уваженіе къ царямъ Аргоса, потомкамъ старшаго изъ Гераклидовъ, вождей дорійскаго племени. Наибольшаго развитія могущество Аргоса достигло при Фидонѣ, седьмомъ или, по другимъ извѣстіямъ, десятомъ потомкѣ Темена. Сильный воинъ, энергическій и властолюбивый правитель, умѣвшій искусно вести и переговоры и войну, онъ хотѣлъ возстановить прочность ослабѣвшаго союза городовъ восточной части Пелопоннеса; Сикіонъ, Флиунтъ, Эпидавръ, Трезены приобрѣли передъ тѣмъ временемъ довольно большую самостоятельность; онъ хотѣлъ принудить ихъ снова повиноваться Аргосу, хотѣлъ расширить свое царство на югъ и на сѣверъ и подчинить весь Пелопоннесъ гегемоніи Аргоса. Онъ и дѣйствительно вынудилъ Коринѣ присоединиться къ союзу, главою котораго былъ Аргосъ, отнялъ, при помощи писатидянъ, у элидянъ и захватилъ въ свои руки завѣдываніе Олимпійскими играми, и старался о томъ, чтобы всѣ греки приняли введенную имъ систему мѣръ, вѣсовъ и монетъ, дававшую правильность торговымъ расчетамъ. Но при попыткѣ совершенно подчинить своей власти Коринѣ онъ былъ убитъ. Въ послѣдніе годы его царствованія, Аргосъ былъ главою федеративнаго

Фидонъ; около
750 (или около
668) года.

748 (или 668)
годъ.

государства, простиравшагося отъ Истма до Малейскаго мыса, охватывавшаго и острова Китеру и Эгину, которые по своему положенію представляли большія удобства для торговли съ востокомъ. Фидонъ былъ Гераклидъ, законный царь; но онъ дѣйствовалъ какъ узурпаторъ (тираннъ); вѣроятно, онъ нарушалъ племенные права дорійцевъ и принужденъ былъ насильственными мѣрами подавлять сопротивленіе, возбуждаемое этимъ.

Преданіе говоритъ, что первыя монеты изъ благороднаго металла были чеканены въ Греціи Фидономъ, и что мѣстомъ чеканки ихъ была Эгина, центръ дорійской морской торговли. Въ Арголидѣ, какъ и во всемъ Пелопоннесѣ, монетою все еще служили тяжелые желѣзные или мѣдные бруски, непригодные для заграничной торговли, когда въ малоазійскихъ колоніяхъ и на островахъ ужь давно вошли въ употребленіе золотые шарики и та система вѣсовъ и монетъ, которую финикійцы и лидяне заимствовали изъ Вавилона и распространили по всей западной Азіи. Пелопоннесскіе дорійцы ознакомились съ нею, вѣроятно, черезъ родосскихъ и критскихъ дорійцевъ. Фидонъ принялъ эту вавилонскую систему монеты и вѣса. «Талантъ» у Гомера еще не имѣетъ строго опредѣленной величины. Теперь это слово стало и въ европейской Греціи, какъ въ малоазійскихъ колоніяхъ, обозначать точно опредѣленную основную единицу вѣса и денежнаго счета. Эгинскій серебряный талантъ равнялся, приблизительно, 2015 рублямъ серебромъ. Онъ дѣлился на 60 частей, за которыми было оставлено финикійское названіе «мина», или, въ греческой формѣ слова, «мина»; цѣнность мины была, приблизительно, равна 33,5 рублямъ. Мина дѣлилась на 100 драхмъ. Драхма составляла около 33,5 копѣекъ. Монеты чеканились и въ одну драхму; но больше чеканились монеты въ 2 драхмы, называвшіяся статерами, и монеты въ 4 драхмы, называвшіяся тетрадрахмами. Нѣсколько брусковъ, служившихъ прежде того деньгами, были повѣшены въ аргосскомъ храмѣ Геры, на память о старинѣ. Штемпелемъ на эгинскихъ серебряныхъ монетахъ была черепашка, символъ финикійской богини, покровительницы мореплаванія и торговли, которую греки называли Афродитою. Одновременно съ монетною системою, были установлены и величины мѣръ для сыпучихъ тѣлъ и жидкостей. Единицею ихъ былъ метреть; онъ дѣлился на 12 хой и 144 котила. Вѣроятно, Фидономъ была установлена и величина стадіи. Стадія имѣла 600 футовъ и дѣлилась на 6 плетровъ, такъ что плетръ имѣлъ 100 футовъ. По преданію, Гераклъ опредѣлилъ длину линіи бѣга (длину стадіи) въ Олимпіи, становя ногу къ ногѣ, и длина его ступней была принята за футъ. Олимпійскій футъ составлялъ двѣ трети греческаго локтя. Эгинская монетная система господствовала во всемъ Пелопоннесѣ, кромѣ Коринѣ, и въ большей части сѣверной и средней Греціи (до Солонѣ въ Аѣнахъ). Другая греческая монетная система произошла черезъ перенесеніе персидской единицы золотого вѣса на вѣсъ серебра. Талантъ этой системы, равняющійся, приблизительно, 1455 рублямъ серебромъ, назывался первоначально эвбейскимъ; названіе довольно странное, потому что эвбейскіе города чеканили деньги эгинской системы. Онъ употреблялся въ Коринѣ. Солонъ ввелъ его въ Аѣнахъ, державшихся до того времени эгинской системы, и послѣ этого онъ сталъ называться аттическимъ. — Хронологія Аргоса въ періодъ правленія царей остается еще темна, при всѣхъ усиліяхъ изслѣдователей разъяснить ее. Рѣшеніе вопроса о томъ, когда царствовалъ Фидонъ, зависитъ отъ того, въ какую олимпиаду завѣдываніе играми было не въ рукахъ элидянъ. Если это, какъ полагаютъ нѣкоторые, была 8-ая олимпиада, Фидонъ жилъ въ VIII вѣкѣ; а если, какъ думаютъ другіе, это была 28-ая олимпиада, то Фидонъ былъ убитъ около 660-го года.

Эгинская монетная стоимость.

Талантъ.

Мина.
Драхма.

Мѣры.

Стадіи.

Эвбейскій или аттический талантъ.

Могущественное царство Фидона скоро распалось. При его смерти, Завоеваніе Китеру спартанцами.
элидяне снова захватили управленіе олимпійскимъ праздникомъ. Пре-

емники Фидона не были въ силахъ удержать за собою пріобрѣтенія, сдѣланныя имъ. Въ Арголидѣ дорійцы перемѣшались съ ахейцами; это отняло у нихъ племенную воинственность. И не царству Теменидовъ, а лаконскому царству, младшей линіи Гераклидовъ, въ которомъ дорійцы держались замкнутымъ племенемъ и сохранили всю суровую энергію старины, досталось преобладаніе въ Пелопоннесѣ. Мы уже видѣли, что по окончаніи первой мессенской войны спартанскіе цари завоевали юговосточное приморье отъ Прасій до мѣстности противъ Китеры, овладѣли и этимъ островомъ. Аргосцы одержали побѣду надъ спартамцами въ гисійской долинѣ между Тегеею и Аргосомъ (битва эта была дана, быть можетъ, Фидономъ), удержали за собою городъ Тирею и всю Кинурию. Но въ слѣдующее десятилѣтіе лакедемонскіе дорійцы отняли у нихъ и эту область, бывшую театромъ многихъ войнъ и геройскихъ подвиговъ.

670 годъ.

Отрядъ.

Геродотъ рассказываетъ, что послѣ долгихъ войнъ изъ-за обладанія Кинурией, аргосцы и спартамцы условились, чтобы дѣло было рѣшено сраженіемъ 300 аргосцевъ противъ 300 спартамцевъ: область будетъ принадлежать той сторонѣ, чей отрядъ побѣдитъ. Выбравъ по 300 воиновъ, оба войска удалились. Отборные воины сражались безтрепетно; бой длился цѣлый день; къ концу дня осталось въ живыхъ только трое: два аргосскіе воина и спартамецъ Отрядъ. Аргосцы побѣждали въ Аргосѣ извѣстить, что они побѣдили. Отрядъ отнесъ оружіе убитыхъ противниковъ въ станъ своего отряда и потомъ остался на полѣ сраженія. Войска, пришедши на другой день, стали спорить, кто побѣдилъ; аргосцы приписывали побѣду себѣ, потому что съ ихъ стороны уцѣлѣли два воина; спартамцы себѣ, потому что ихъ воинъ остался на полѣ сраженія, а его противники убѣжали. Споръ кончился тѣмъ, что войска вступили въ битву; убитыхъ въ ней было много и на той, и на другой сторонѣ; побѣдили спартамцы. По спартанскому разсказу, Отрядъ не захотѣлъ пережить своихъ сподвижниковъ и бросился на свой мечъ. По аргосскому разсказу, сынъ одного изъ двухъ уцѣлѣвшихъ аргосскихъ воиновъ, Перилай, хотѣлъ возвратить славу побѣды, отнятую у его отца, вызвалъ Отряда на поединокъ и убилъ его; въ честь этого подвига аргосцы сдѣлали статую, изображавшую Перилая поражающимъ своего противника. Въ Спартѣ прославляли Отряда и его товарищей. Поэты воспѣвали на Карнейскомъ праздникѣ геройскую смерть ихъ. На мѣстѣ, гдѣ сражались отборные отряды, были насыпаны два высокіе холма, одинъ спартамцами, другой аргосцами, надъ могилами ихъ павшихъ героев. — Аргосцы обрили волосы и поклялись ходить обритыми, пока не возвратятъ себѣ Тирею, аргосскія женщины поклялись не носить до той поры украшеній. Но спустя нѣсколько времени и мужчины и женщины перестали соблюдать свою клятву. — Черезъ 130 лѣтъ, заключая перемиріе съ спартамцами, аргосцы вставили въ договоръ условіе, что и во время перемирія они могутъ потребовать возобновленія битвы 300 воиновъ противъ 300. Но она не была возобновлена.

Гегемонія
Спарты.

Завоеваніемъ Тирейской области спартанское государство пріобрѣло естественную границу, и спартамцы не хотѣли расширять его. Оно

занимало весь югъ полуострова отъ мысовъ Тенара и Малей до Арголиды и до устья шумной Неды. Оно было обширно, и вся сила его была сосредоточена въ столицѣ; море у береговъ его бурно, и на нихъ нѣтъ хорошихъ пристаней, а съ суши государство было защищено горами; потому оно было мало доступно для нападеній; владычествующее племя было крѣпко сплочено сословною замкнутостью, было могущественно своею дисциплиною, своимъ военнымъ образомъ жизни, своимъ искусствомъ въ военномъ дѣлѣ; — все это давало спартанскому государству преобладающее положеніе въ Пелопоннесѣ; и кромѣ Аргоса, всѣ другія государства полуострова признали его первенство. Только Аргосъ не могъ примириться съ преобладаніемъ Спарты: онъ не могъ забыть, что первенство принадлежало нѣкогда ему; онъ завидывалъ Спартѣ, всегда оставался враждебенъ ей. Въ своей безсильной гордости, аргосцы не рѣдко устранились отъ національныхъ предпріятій всей Греціи, лишь бы не подчиняться гегемоніи Спарты. Но у нихъ не было силы удержать отъ присоединенія къ союзу, главою котораго была Спарта, тѣ города, которые прежде подчинялись Аргосу. Фліунтъ, Эпидавръ, Трезены, Герміона, даже очень близкіе къ Аргосу Микены и Тиринѣ признали гегемонію Спарты, и Аргосу пришлось довольствоваться тѣмъ, что они не отказывались отъ общихъ съ нимъ религіозныхъ праздниковъ. Другія дорійскія государства — Коринѣ, Сикіонѣ и Мегара — тѣмъ охотнѣе держались союза съ Лакедемономъ, что господствовавшая въ нихъ аристократія находила въ спартамцахъ могущественную опору себѣ противъ усиливавшихся требованій демократіи и противъ тиранновъ. Мы увидимъ, что въ VII и VI столѣтіяхъ приморскіе дорійскіе города подпадали подъ владычество узурпаторовъ, опиравшихся на низшія сословія; сильные взаимною поддержкою и родственными связями между собою, эти узурпаторы, называвшіеся у грековъ тираннами, наносили тяжелые удары дорійской аристократіи. Спартамцы, по требованію собственнаго интереса, всѣми силами старались низвергать ихъ. Примѣры возстанія покоренныхъ племенъ противъ дорійскаго владычества грозили величайшею опасностью господству самихъ спартамцевъ, а у царей ихъ легко могла возникнуть мысль захватить себѣ, при помощи періэковъ и илотовъ, неограниченную власть. Потому борьба противъ тиранновъ была для спартамцевъ борьбою за сохраненіе своего государственнаго устройства; и лишь по низверженіи тиранновъ стала прочна спартанская гегемонія. Аристократы, которымъ спартамцы возвратили владычество, могли сохранять его лишь при поддержкѣ ихъ; потому были вѣрными ихъ приверженцами. Своею неутомимою борьбою противъ тиранновъ и противъ демократическихъ стремленій, которыми пользовались тиранны, спартамцы спасли отъ паденія дорійское владычество надъ Пелопоннесомъ и сохранили возможность національнаго развитія для Греціи, которую

тиранны вели къ подчиненію формамъ восточнаго быта. — Въ хорошія свои времена спартанцы пользовались своею гегемоніею осторожно и мягко. Довольствуясь тѣмъ, что ихъ союзники исполняли федеративныя обязанности, они воздерживались отъ оскорбительнаго обращенія съ ними. Они щадили чувства областного патриотизма. При всѣхъ важныхъ случаяхъ, они приглашали въ Спарту депутатовъ отъ союзныхъ государствъ, предлагали дѣло на совѣщаніе этому союзному собранію и ставили вопросы о войнѣ и мирѣ въ зависимость отъ его согласія. Гегемонія ихъ состояла тогда только въ томъ, что они предсѣдательствуютъ въ союзномъ совѣтѣ, имъ принадлежитъ командованіе войсками въ войнахъ, которыя ведетъ союзъ, они опредѣляютъ, сколько войска должно дать каждое изъ союзныхъ государствъ въ армію союза. Другихъ притязаній они не имѣли. Они воздерживались отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла союзныхъ государствъ, оставляли неприкосновенными ихъ политическія и религіозныя учрежденія, ихъ нравы и обычаи; не требовали, чтобы коринѳяне, сикіонцы или аркадяне жили, какъ живутъ они.

Такъ владычествовала тогда надъ Пелопоннесомъ Спарта, городъ простыхъ нравовъ, не блиставшій великолѣпіемъ, не имѣвшій ни стѣнъ, ни акрополя; она владычествовала надъ другими пелопоннесскими государствами только тѣмъ, что граждане ея были тверды духомъ и воинственны; ея владычество не было господствомъ произвола; другія государства не были въ подданствѣ у нея; она была только главою союза свободныхъ государствъ; она требовала только, чтобы ея союзники не вели войнъ и не заключали союзовъ съ другими государствами безъ ея согласія. Но она имѣла преобладающее положеніе не только въ пелопоннесскомъ союзѣ, а во всей Греціи: всѣ эллинскія государства подчинялись ея третейскому суду во многихъ важныхъ дѣлахъ. Даже Солонъ отдалъ на судъ Спарты вопросъ о томъ, долженъ ли принадлежать аѳинамъ Саламинъ. Во второй половинѣ VI вѣка Спарта пользовалась такою славой, такимъ авторитетомъ, что не одни только государства континентальной Греціи, но и эллины Архипелага, колоніи малоазійскаго побережья, представляли ея рѣшенію свои распри, и скиѣ съ далекаго Борисфена присылали пословъ просить ея помощи противъ персовъ, и сицилійскіе эллины просили ея помощи противъ карфагенцевъ. Присоединилась къ пелопоннесскому союзу и Эгина, «островъ мужей, искусныхъ въ мореплаваніи», богатое торговое государство, чьи быстрые корабли плавали по всѣмъ направленіямъ восточныхъ морей отъ дельты Нила до устій Дуная и до береговъ мелководной Меотиды, отовсюду привозили грузы товаровъ. Спартанское государство съ воинственными своими гражданами, всегда готовыми къ походу, своими прочными учрежденіями, въ которыхъ демократическая энергія эфоровъ сочеталась съ опытностью старцевъ Герусіи, съ освящен-

ною преданіемъ наслѣдственностью царей, стояло тогда на высотѣ могущества и славы.

3. Владычество аристократовъ.—Греческая колонизація.

Между тѣмъ какъ возрастало могущество Спарты, почти во всѣхъ другихъ греческихъ государствахъ совершились важныя политическія преобразованія: монархическая форма правленія замѣнилась аристократическою, «правленіемъ наилучшихъ», то есть, знатнѣйшихъ. Мы видѣли, что власть царей основывалась главнымъ образомъ на уваженіи къ божественному ихъ происхожденію и на признаніи ихъ умственнаго и физическаго превосходства, и что старшины знатныхъ родовъ, окружавшіе царей, бывшіе совѣтниками ихъ, имѣли довольно независимое положеніе, повиновались царямъ не столько по обязанности подчиняться имъ, сколько по добровольному согласію. Это естественно должно было привести къ борьбѣ между царемъ и родоначальниками знатныхъ семействъ. Въ «Одиссее» мы ужъ ясно видимъ, что прежнія хорошія отношенія между царями и родоначальниками начинаютъ разстроиваться. Въ спокойныя времена, наступившія послѣ переселенія дорійцевъ, не было надобности въ царяхъ, предводителяхъ войскъ. Царь былъ также судья; но судебныя обязанности могли быть лучше исполняемы коллегіальнымъ учрежденіемъ, нежели однимъ лицомъ; законы были тогда неписанные; это были обычаи, извѣстные всѣмъ людямъ благороднаго сословія; вельможи, землевладѣльцы, сами были тоже судьи: они разбирали тяжбы между поселянами своихъ владѣній, потому имѣли судейскую опытность. Была у царя третья обязанность: онъ совершалъ общественныя жертвоприношенія; но обряды ихъ были такъ просты, что вельможамъ легко было найти кого нибудь изъ своей среды для исполненія обязанности, лежавшей на царѣ; и ужъ издавно было много святилищъ, въ которыхъ жрецами были люди знатныхъ родовъ. Потому въ маленькихъ, замкнутыхъ государствахъ того времени родоначальники знатныхъ семействъ могли безъ всякихъ неудобствъ для общественнаго порядка отмѣнить царскій санъ и взять на себя исполненіе обязанностей, которыя прежде исполнялъ царь. Въ особенности легко было имъ замѣнить своимъ управленіемъ прежнее устройство, если они—какъ это было во многихъ государствахъ—давали названіе царя исполнителю обрядовъ богослуженія на государственныхъ религіозныхъ праздникахъ: въ этомъ случаѣ, оставались спокойны душою и тѣ робкіе люди, которые могли бы опасаться, что отмѣна прежняго сана будетъ неблагоугодна богамъ, установившимъ, чтобы богослуженіе совершалъ царь: это оставалось

Возникновеніе аристократическаго правленія.

безъ перемѣны, — тотъ человѣкъ, который совершалъ богослуженіе, былъ по прежнему царь. Въ Аргосѣ и Коринѣ такіе цари-жрецы оставались, кажется, очень долго по замѣнѣ царской власти аристократическимъ правленіемъ. Политическій бытъ во всѣхъ греческихъ государствахъ былъ сходенъ; потому примѣръ одного дѣйствовалъ на другія, и переворотъ охватилъ почти всю Грецію, кромѣ Спарты: царская власть повсюду была отмѣнена, и повсюду правленіе перешло въ руки сословія «наилучшихъ», то есть знатныхъ людей, повсюду составлявшихъ замкнутую наследственную корпорацію съ общими интересами. Эта перемѣна совершилась въ VIII столѣтіи почти во всѣхъ греческихъ государствахъ, всѣхъ племенъ: въ Эессалии и въ Беотіи, въ Локридѣ и въ Мегарѣ, въ Аргосѣ и въ Коринѣ. Только въ Спартѣ было иначе: предпочли ограничить власть царей, и тѣмъ упрочить существованіе царскаго сана, оставить за нимъ его почетъ. Этимъ Спартѣ удалось предохранить себя отъ потрясеній, которымъ подверглись государства, отмѣнившія у себя царскій санъ.

Коринѣ. Правленіе Бакхиадовъ.

Афиняне, двумя столѣтіями раньше того уменьшившіе власть царя и замѣнившіе названіе царя названіемъ архонта, оставили этотъ новый правительственный санъ наследственнымъ въ династіи Кодра (стран. 112); нѣсколько подобно этому поступили коринѣяне, когда замѣнили санъ царя саномъ притана; цари ихъ принадлежали къ роду Бакхиадовъ; этотъ родъ, считавшійся происходящимъ отъ Геракла, состоялъ изъ 200 семействъ; семейства эти сохранили исключительное право на санъ притана; главы семействъ условились между собою, что пританъ будетъ избираться на одинъ годъ, и по окончаніи его долженъ отдавать отчетъ въ своемъ управленіи собранію всего ихъ рода. Чтобы охранить замкнутость своего привилегированнаго положенія, Бакхиады рождались браками только между собою. Такимъ образомъ, понятіе объ аристократіи у коринѣянъ слилось съ названіемъ „Бакхиады“, и въ позднѣйшія времена вся коринѣская аристократія вела свое происхожденіе отъ Бакхиадовъ. По прочности своей организаціи, правленіе аристократіи въ Коринѣ служило образцомъ для другихъ аристократическихъ правительствъ. Когда Бакхиадъ Филолай, покинувъ Коринѣ по раздору съ другими Бакхиадами, переселился въ Оивы, оиванскіе аристократы ввели тамъ учрежденіе, подобное коринѣскимъ; Бакхиады всѣ имѣли равныя права, такъ и оиванскіе аристократы ввели въ своемъ сословіи равноправность всѣхъ семействъ (исономію). Богатые купцы, владѣвшіе кораблями и оптовыми складами, коринѣскіе аристократы были воинственны, любили покровительствовать искусству и были гордые вельможи, какъ въ новыя времена венеціанскіе Nobili.

Причины колонизаціи.

Владычество аристократіи не было благопріятно развитію благосостоянія въ массѣ городского населенія и у поселянъ. Аристократы строго охраняли свои привилегіи, не допускали остальныхъ горожанъ до участія въ управленіи и судебной власти, а поселянъ они держали въ подданствѣ, подобномъ крѣпостному состоянію. Потому многіе изъ простолюдиновъ, недовольные своимъ угнетеннымъ поло-

женіемъ, покидали родину, надѣясь приобрести на чужбинѣ политическія права и широкую дѣятельность, которыхъ не могли имѣть въ своемъ отечествѣ. Вождями выходцевъ были недовольные и честолюбивые члены аристократіи, которая съ удовольствіемъ помогала этимъ колонизаціоннымъ предпріятіямъ, удалявшимъ изъ государства безпокойныхъ, опасныхъ ея владычеству людей и доставлявшимъ метрополіи славу, а потомъ и торговые выгоды отъ сношеній съ колоніями. Потому-то именно въ періодъ владычества аристократовъ и было основано большинство греческихъ колоній. Первоначально, обыкновеннѣйшими причинами переселенія были раздоры, излишняя сгущенность населенія, бѣдность, недовольство аристократическими учрежденіями родины. Впослѣдствіи, были и другія побужденія. Колоніи быстро богатѣли; это привлекало новыхъ переселенцевъ; торговая предпримчивость развивалась у грековъ; корабли стали строиться лучше прежняго, искусство мореплаванія усовершенствовалось, морскіе пути стали хорошо извѣстны, морской разбой уменьшился, и благодаря всему этому, плаваніе стало менѣе опасно; тогда главными мотивами колонизаціи стали торговые интересы.

Мы видѣли, что, однимъ изъ результатовъ, произведенныхъ завоеваніями эессалийцевъ и дорійцевъ, было основаніе греческихъ колоній на островахъ Эгейскаго моря и на западномъ берегу Малой Азіи; ниже мы увидимъ, что эти колоніи, въ особенности Милетъ, стали вести обширную торговлю и по своимъ торговымъ интересамъ основали новыя колоніи на восточныхъ моряхъ. Но теперь мы должны заняться развитіемъ греческой колонизаціи по направленію на западъ. Западное море и его побережья долго оставались извѣстны грекамъ почти только по баснословнымъ рассказамъ, въ родѣ тѣхъ, какіе передаются «Одиссеею». Море на западъ отъ Греціи не усѣяно островами, какъ Эгейское; переѣзды по немъ отъ земли до земли далеки; тамъ встрѣчаются опасныя теченія; фантазія грековъ, возбуждаемая странными рассказами моряковъ, видѣла ужасы на этомъ морѣ, по которому плаваютъ феаки, на призрачныхъ корабляхъ, одѣтыхъ туманомъ. Пускаться въ страшное западное море греки стали гораздо позднѣе, чѣмъ привыкли плавать по восточному. У ихъ моряковъ была старинная пословица: «когда оплывешь Малейскій мысъ, то забудь родину»; она показываетъ намъ, какой страхъ овладевалъ ими въ старину, когда они видѣли себя плывущими дальше своего Архипелага, по морю безъ острововъ.

Наконецъ они преодолѣли этотъ страхъ. Коринѣяне, халкидяне, локрійцы и ахейцы во время мессенскихъ войнъ уже знали морскіе пути, раскрывали широкое поле развитію греческой культуры и торговли. Коринѣяне издавна занимались торговлею и мореплаваніемъ; положеніе ихъ города между двухъ заливовъ дѣлало ихъ естественными посредниками торговли между западомъ и востокомъ. Истмъ еще въ

Боязнь западнаго моря.

Плаванія и промышленность коринѣянъ.

пеласгійскія времена были складочнымъ мѣстомъ финикійскихъ товаровъ; и мы уже упоминали, что слѣды финикійскаго вліянія ясно видны въ старинныхъ обычаяхъ, въ богослужебныхъ обрядахъ коринѳянъ, видны и въ ихъ техническихъ знаніяхъ, въ дѣятельной промышленности, издавна обогащавшей ихъ. Они и по вторженіи дорійцевъ продолжали ткать и красить ткани, заниматься литейнымъ дѣломъ и кузнечествомъ. Горшечное колесо считалось у грековъ коринѳскимъ изобрѣтеніемъ; въ Коринѳѣ шла фабрикація изящно раскрашенной глиняной посуды; Коринѳъ былъ родиною легендарныхъ мастеровъ Эвхейра («Искуснорукаго») и Эвграмма («искуснаго рисовальщика»). Пользуясь техническими знаніями, которыя приобрѣли отъ своихъ финикійскихъ учителей, слѣдуя примѣру ихъ торговой предприимчивости, коринѳяне дали новое направленіе торговлѣ, мореплаванію и колонизаціи европейскихъ грековъ. Они достигли такого преобладанія въ торговомъ движеніи по западному заливу, что прежнее его имя «криссейскій» было забыто, и онъ сталъ называться коринѳскимъ; они заняли плодородную и богатую лѣсами область по рѣкѣ Ахелю; рѣшились пускаться въ плаванія за узкій проливъ, въ западное море, стали посѣщать іонійскіе острова отъ Закинѳа до Коркиры. На Коркирѣ основали они колонию. Островъ былъ плодороденъ, на немъ хорошо росли виноградъ и слива; городъ быстро развился. Колонисты снабжали лежащій противъ него Эпирскій берегъ виномъ и оливковымъ масломъ, оружіемъ и другими издѣліями своей метрополи, получали въ обмѣнъ ихъ лѣсъ и металлы, скотъ и невольниковъ, земляную смолу и ароматическія горныя травы.

Основаніе города Коркиры (около 710).

Коркиряне считали свой островъ прославляемымъ въ «Одиссее» островомъ феаковъ; они стали чтить царя феаковъ, Алкиноя, совершали обряды служенія ему, какъ герою, въ роцѣ близъ города, на восточномъ берегу. Политическія учрежденія колонія были одинаковы съ коринѳскими. Она развилась быстро, такъ что скоро достигла преобладанія въ торговлѣ на Іонійскомъ и Адриатическомъ моряхъ, и очень ослабила торговлю Коринѳа на нихъ; торговое соперничество коринѳянъ и коркирянъ повело къ войнѣ; это была первая морская война между греками. — Коркира основала на иллирскомъ берегу городъ Эпидамнъ.

Основаніе Эпидамна (около 627).

Въ этой войнѣ коринѳяне съ коркирянами являются въ первый разъ тріеры, корабли, имѣющіе три ряда гребцовъ; вѣроятно этому усовершенствованію своихъ кораблей коринѳяне были обязаны тѣмъ, что одержали побѣду и на нѣкоторое время покорили себя Коркиру. — Прежде военными судами исключительно были большія лодки съ плоскимъ дномъ и низкими бортами, имѣвшія по 50 гребцовъ. Но въ концѣ VIII вѣка въ Коринѳѣ былъ построенъ первый военный корабль новой системы, тріера. Борты тріеры были высокіе; она имѣла съ каждой стороны три ряда гребцовъ; корпусъ ея былъ построенъ крѣпко, такъ что она могла ходить въ открытое море, далеко отъ береговъ; она имѣла палубу. Гребцовъ на ней было больше, чѣмъ на прежнихъ судахъ, она ходила скорѣе, потому была пригоднѣе для наступательныхъ дѣйствій, и быстра для дальнихъ плаваній;

для морскихъ войнъ, для конвоирования торговыхъ кораблей стали употребляться исключительно тріеры, а прежнія плоскія суда съ 50 гребцами остались только для близкихъ плаваній мирнаго характера. Коринѳяне сначала сохраняли въ глубокомъ секретѣ искусство строить тріеры. Но (около 604 года) коринѳскій корабельный мастеръ Аминоклъ построилъ самосцамъ четыре тріеры, и способъ строить ихъ пересталъ быть секретомъ.

1) Эллинскія колоніи въ Италіи, Сициліи, Галліи.

Когда вошли въ употребленіе тріеры, коринѳяне повели дѣло колонизаціи въ обширномъ размѣрѣ. Бакхиады очень усердно покровительствовали мореплаванію и основанію колоній на дальнихъ берегахъ, во первыхъ, потому что этимъ пролагались новые пути для прибыльной торговли, а во вторыхъ, это давало возможность благодѣльнымъ способомъ удалять изъ государства противниковъ привилегій аристократіи, стремившихся къ установленію равноправности. Коркира была очень удобнымъ перепутьемъ, облегчавшимъ дальнѣйшее плаваніе на западъ. Еще за два столѣтія до основанія коринѳской колоніи на Коркирѣ, эвбейскіе переселенцы овладѣли на сѣверѣ отъ Сициліи рудоноснымъ питекузскимъ островомъ Энаріею (Искіею); силы ихъ увеличились притокомъ переселенцевъ изъ разныхъ мѣстъ Греціи, тогда они основали городъ на скалистомъ берегу Кампаніи близъ острова, у мыса Гавра, и назвали это свое поселеніе Кимою (впоследствии, римляне дали греческому имени его, Куме, форму Сумае, Кумы); почва была вулканическая, очень плодородная, а торговля съ туземцами выгодна; жители Кумъ очень разбогатѣли; коринѳяне слышали это; слышали и о томъ, что Теоклъ съ халкидянами, которые издавна занимались мореходствомъ, и переселенцами съ клладскихъ острововъ основалъ городъ Наксосъ (впоследствии называвшійся Тавроменіемъ) въ Тринакріи (въ Сициліи), гдѣ уже очень издавна существовали цвѣтуція финикійскія поселенія; что греческіе колонисты построили храмъ Аполлону Путеводителю (Archegetes) на томъ мѣстѣ, гдѣ впервые ноги грековъ ступили на тринакрійскій берегъ; что этотъ берегъ очень хорошъ; съ громадной горы (Этны) тамъ бѣжитъ въ море рѣка Акесинъ, вдоль которой разстилаются роскошные луга, растутъ оливковыя и лимонныя роши. Эти слухи были привлекательны, и коринѳскіе колонисты поплыли къ тому берегу, путь къ которому издавна указываетъ дымящаяся вершина покрытой снѣгомъ Этны. Вѣроятно, много тяжелыхъ войнъ пришлось вести въ Тринакріи сыновьямъ Эллады съ финикійскими поселенцами (I, стр. 516), съ воинственными туземцами, съ переселившимися изъ Италіи въ Сицилію сикелами; но они выдержали борьбу и основали тамъ много городовъ. — Въ 735 году, когда еще не упрочились

Колоніи въ Италіи и Сициліи.

Наксосъ (Тавроменій).

Основаніе Си-коринѣскіе переселенцы и на Коркиръ, Бакхіадъ Архій ужъ поплыль ракузь. въ Тринакрию; таѣ велѣлъ ему сдѣлать оракулъ, въ искупленіе лежавшаго на немъ проклятій.

Архій хотѣлъ похитить Актеона; родственники Актеона ващищали его, и онъ былъ убитъ въ дракѣ. Отецъ его требовалъ наказанія виновному, но напрасно: Архій былъ Бакхіадъ, потому остался безнаказаннымъ. Во время большого праздника при храмѣ Посейдона на Истиѣ, отецъ Актеона бросился съ кровли храма въ море, произнося проклятіе Архію.

Переселенцевъ, вождемъ которыхъ былъ Архій, сопровождалъ поэтъ Эвмелъ, тоже Коринѣянинъ. Они высадились на маленькомъ островѣ Ортигіи, знаменитомъ въ мифологіи своимъ ручьемъ, Аретузою, у юго-восточнаго берега Сициліи, передъ просторною бухтою этого берега. Скоро построили они поселеніе и на берегу; соединили островъ съ берегомъ плотиною. Такъ были основаны Сиракузы, ставшіе въ послѣдствіи великолѣпнымъ городомъ. Ортигія, образующая превосходную пристань, навсегда осталась важнѣйшею частью города. Она была обведена особою стѣною, и была цитаделью, въ которой находились верфи, магазины, стояли древнѣйшіе храмы. Коринѣскіе поселенцы и ихъ потомки были господствующимъ сословіемъ; они назывались гаморы, «землевладельцы». Туземцы были поработены, пахали землю своихъ господъ, пасли ихъ стада. Плодородіе и красота окрестностей Сиракузъ и выгодное для торговли положеніе города скоро привлекли туда новыхъ колонистовъ, Сиракузы быстро стали большимъ торговымъ городомъ и приобрѣли сильное вліяніе на ходъ исторіи эллинскаго народа.

Древнѣйшая, прибрежная часть Сиракузъ называлась Ахрадиною; постепенно были застроены и высоты надъ приморьемъ; эти новыя части города назывались Тихе и Теменитъ. Черезъ два поколѣнія по основаніи Сиракузъ, жители ихъ основали (въ 665 году) въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ моря двѣ новыя колоніи, Акры и Энну. Потомъ (въ 645) они основали Касмены, а въ 599 году, на южномъ берегу, подлѣ финикійскихъ поселеній, портовый городъ Камарину; черезъ 100 лѣтъ, они разрушили ее за то, что въ войнѣ, которую вели тогда Сиракузы, она отпала отъ нихъ; область ея они удержали подъ своею властью.

Колонія мегарянъ и другихъ дорійцевъ. Примѣръ Коринѣа увлекъ Мегару, область которой граничила съ коринѣскою. Мегаряне долго были подвластны коринѣянамъ, и, какъ лаконскіе періэки должны были носить трауръ по смерти спартанскаго царя, они обязаны были приходить въ Коринѣа для выраженія скорби, когда умиралъ коринѣскій царь. Но они возвратили себѣ независимость и всегда потомъ мужественно и успѣшно защищали ее отъ сильныхъ сосѣдовъ. Въ 15-тую олимпиаду побѣду на состязаніи бѣга одержалъ мегарянинъ Орсиппъ; онъ первый изъ всѣхъ эллиновъ состязался въ бѣгѣ нагой, безъ пояса. Это показываетъ, что

въ Мегарѣ усердно и успѣшно занимались гимнастикой. По отмѣнѣ царской власти, Мегарою стала править воинственная аристократія. Плодородныя земли въ мегарской области принадлежали аристократамъ. Простолюдины жили разбросанными поселеніями въ горныхъ мѣстностяхъ и на приморьѣ; имъ было тѣсно. Правительство желало удалить изъ государства излишекъ населенія, потому благопріятствовало колонизаціи. Мегара лежала между западнымъ и восточнымъ заливами; ея торговые корабли ходили и въ западное море, и въ восточное. Около 725 года, мегарскіе переселенцы основали колонію у прекрасной бухты на сѣверѣ отъ Сиракузъ, въ мѣстности, богатой лѣсами и пастбищами. Они назвали свой городъ Мегарою Гиблейскою; преданіе говоритъ, что названіе «Гиблейской» эта сицилійская Мегара получила отъ имени царя, который уступилъ переселенцамъ мѣсто для постройки города. Въ колонію приливали новыя переселенцы. Торговые корабли ея не боялись ходить и вдоль южнаго берега Сициліи, опаснаго своими выдающимися далеко въ море скалами, изъ ущелій которыхъ бѣгутъ стремительные потоки. Черезъ сто лѣтъ по основаніи Мегары Гиблейской переселенцы изъ нея построили на этомъ берегу между финикійскими поселеніями колонію Селинунтъ («Плющъ»), у рѣчки, которая называлась тоже Селинунтъ. Финикійяне напрасно старались помѣшать ихъ предпріятію. Эта мѣстность побережья была богата пальмовыми рощами и находилась только въ двухъ дняхъ плаванія отъ Карфагена. Путь вдоль южнаго берега былъ ужъ показанъ мегарянамъ родосцами, отважными моряками, привычными проникать туда, куда плаваютъ финикійяне. За-долго до основанія Селинунта родосцы построили на южномъ берегу Сициліи Гелу. Черезъ столѣтіе послѣ того, Гела, населеніе которой увеличилось приливомъ новыхъ переселенцевъ изъ Родоса, изъ Феры и Книда, основала на террасѣ крутой скалы Акрагантъ (Агригентъ), который скоро сталъ великолѣпнѣе и сильнѣе своей метрополіи, и который называли «прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ городовъ». И въ Гелѣ и въ Акрагантѣ владычествовали основавшіе ихъ дорійскіе аристократы, дѣлившіеся и въ этихъ городахъ на гилеевъ, димановъ и памфиловъ. Простолюдины греческаго происхожденія — ремесленники, матросы, мелкіе торговцы — не имѣли политическихъ правъ. Туземцы были поработены, и пахали землю или пасли стада своихъ господъ, благородныхъ дорійцевъ.

Подобно мегарянамъ, примѣру коринѣянъ слѣдовали граждане другихъ областей коринѣскаго побережья; часто бывало, что для перѣзда на западъ, эти эмигранты садились на коринѣскіе корабли, или плыли на своихъ корабляхъ вмѣстѣ съ ними. На югѣ отъ юго-восточнаго выступа, которымъ Италія приближается къ Греціи, и который греки называли іапегійскимъ, находится плодородная горная область; по склонамъ ея горъ превосходно росли виноградъ и олива,

Селинунтъ (около 620 г.)

Гела (около 690).

Акрагантъ (около 582).

Колонія въ южной Италіи.

а выше виноградниковъ были прекрасныя пастбища, великолѣпныя платановыя и кипарисовыя лѣса, дававшіе превосходный матеріалъ для кораблестроенія. Тутъ въ землѣ энотровъ («винодѣловъ»), ахейскіе колонисты изъ Гелики и Эгъ, съ примѣсю эмигрантовъ изъ другихъ мѣстностей, основали города Сибарисъ и Кротонъ. Это было незадолго передъ тѣмъ, какъ лакедемонскіе парееніи основали въ срединѣ изгиба того залива городъ Тарентъ (стран. 191). Граждане Сибариса и Кротона предоставляли новоприбывшимъ участіе въ своихъ политическихъ правахъ, а земля ихъ была очень хороша, потому населеніе этихъ городовъ быстро возрасло, и они стали очень сильны. Они покорили сосѣднія племена энотровъ и осковъ, поставили ихъ въ положеніе, подобное крѣпостному состоянію, и основали много колоній, нѣкоторыя даже на восточномъ берегу Италіи. Одинъ Сибарисъ основалъ 25 городовъ. Самый сѣверный изъ нихъ былъ Посейдонія (Пестумъ). Въ блестящее свое время Сибарисъ могъ вывести въ поле 300.000 воиновъ, и въ процессіяхъ его праздниковъ являлось 5.000 великолѣпно одѣтыхъ всадниковъ. Берега Кратиса, на которомъ стоялъ онъ, были болѣе чѣмъ на цѣлую географическую милю застроены домами. Но богатство, какое давали сибарисскимъ землевладѣльцамъ изобильная хлѣбомъ и виномъ страна и обширая торговля, изнѣжило ихъ. Они шировали, предались роскоши, такъ что названіе «сибаритъ» вошло, въ поговорку, для обозначенія изнѣженнаго богача, пирующаго и роскошничающаго. Говорятъ, что молодые люди въ Сибарисѣ носили пурпурную одежду, влетали въ свои длинныя волосы золотыя украшенія. Городъ давалъ золотыя вѣнки въ награду тѣмъ богачамъ, которые давали на свой счетъ роскошныя обѣды для всѣхъ гражданъ. Такіе нравы ослабили городъ, и черезъ два столѣтія по своему основанію онъ былъ разрушенъ своими сосѣдями, кротонцами, у которыхъ, какъ мы увидимъ, правителями были послѣдователи Пинеагора, преобразовавшіе политическій и нравственный бытъ города по ученіямъ своего наставника.

Тарентъ тоже рано сталъ городомъ роскоши. Онъ имѣлъ превосходную гавань и крѣпкую цитадель на скалѣ. Основатели его были спартанцы, но не изъ числа полноправныхъ гражданъ, люди низшаго класса. Они скоро разбогатѣли въ своей новой странѣ; она была холмистая, но плодородная; и, кромѣ сельскаго хозяйства, они дѣятельно занимались торговлею и мореходствомъ. Разбогатѣвъ, они стали жить весело и очень любили пировать. Въ ихъ году было больше праздниковъ, чѣмъ рабочихъ дней. Промышленность у нихъ получила высокое развитіе. Тысячи рукъ были заняты изготовленіемъ тканей изъ превосходной шерсти ихъ овецъ и окраскою тканей въ пурпуръ; раковины для краски добывались въ тарентскомъ заливѣ; торговля пурпуровыми тканями давала Таренту большія выгоды. Заливъ былъ обилень и рыбою. О высокомъ состояніи тарентской про-

мышленности свидѣлствуютъ монеты, находимыя въ той мѣстности; онѣ имѣютъ превосходную чеканку, и ихъ такъ много, какъ нигдѣ въ другихъ мѣстностяхъ греческой части Италіи.

Но не поддались изнѣженности локрійцы, основавшіе колонію на сѣверѣ отъ Зефирійскаго мыса и назвавшіе свой городъ по своему племенному имени, Локрамн. Родина ихъ имѣла аристократическое правленіе. Сто семействъ знатнаго происхожденія, составлявшія привилегированное сословіе, образовали замкнутую корпорацію, не давали остальному населенію никакого участія въ правленіи, и не вступали въ браки съ нимъ. Локрійцы, переселившіеся въ Италію, были недовольные своимъ безправіемъ дома простолюдины. Вѣроятно, въ числѣ ихъ были и буйные люди, потому что аристократы, вѣроятно, позаботились, воспользовавшись случаемъ, удалить изъ родины наиболѣе опасныхъ имъ агитаторовъ. Къ локрійцамъ присоединились эмигранты изъ другихъ племенъ. Такое смѣшанное населеніе, не имѣя общности юридическихъ обычаевъ, нуждалось въ установленіи строгаго законнаго порядка; по совѣту Дельфійскаго оракула колонисты поручили Залевку составить законы для нихъ. По одному преданію, Залевкъ былъ человѣкъ низкаго происхожденія, рабъ-пастухъ, освобожденный локрійцами; по другой легендѣ, онъ былъ человѣкъ стариннаго, знатнаго рода. Его законы, о которыхъ дошли до насъ лишь смутныя преданія, были первыми письменными законами у грековъ. Ему дали санъ асимнета (устроителя государства); онъ установилъ строгіе, но мудрыя и справедливыя законы, съ точностью опредѣлявшіе права каждаго сословія, приучавшіе гражданъ къ богобоязненности, добродѣтели, чистотѣ нравовъ, сурово наказывавшіе всякое нарушеніе тишины и порядка, обуздывавшіе буйное населеніе Локръ и пробуждавшіе въ немъ чувство чести.

По законамъ Залевка, правительственная и судебная власть была вручена собранію тысячи гражданъ, имѣющихъ опредѣленный имущественный цензъ. Предсѣдателемъ этого собранія былъ правитель города, назначаемый изъ людей знатнаго сословія; санъ жрицы, «дѣвы чашеносицы» (носившей жертвенную чашу въ религіозныхъ процессіяхъ) также могла занимать только дѣвушка аристократическаго сословія. Дѣла о войнѣ и мирѣ, о союзахъ съ другими государствами рѣшало собраніе всѣхъ гражданъ. Были учреждены сановники, обязанные наблюдать за общественнымъ порядкомъ и за нравственностью. Граждане были обязаны чтить боговъ: «Каждый долженъ чтить боговъ, подателей благъ людямъ, и сохранять душу чистою отъ зла; потому что боги требуютъ не жертвоприношеній, не подарковъ, какъ дурные люди, а чистой нравственности и добрыхъ дѣлъ». Вражда и мщеніе были строго воспрещены. Люди дурнаго характера не могли быть назначаемы ни въ какія должности. — Съ особою заботливостію старался Залевкъ устранить роскошь и изнѣженность, которымъ такъ легко могли, по примѣру другихъ городовъ, предаться локрійцы, имѣя землю, тоже плодородную. Женщины были обязаны носить одежду только бѣлаго цвѣта, не носить пурпурныхъ или вышитыхъ

Локры (около 700 года).

Локрійскій законъ (около 660 года).

Законы Залевка.

золотомъ одеждѣ, не носить дорогихъ уборовъ; законъ повелѣвалъ, что, когда женщина идетъ по улицѣ, она можетъ имѣть при себѣ только одну рабыню; двухъ или больше—не можетъ. Мужчины не могли носить ни золотыхъ колецъ, ни милетскихъ одеждъ, и не должны были пить вина, не разбавленнаго водою. Наказанія имѣли характеръ возмездія равнымъ за обиду. Продажа земельныхъ участковъ была запрещена; были постановлены и другія правила для упроченія семейнаго быта, для охраненія чистоты нравовъ. Чтобы внушить уваженіе къ законамъ, Залевкъ установилъ, что желающій предложить правительственному собранію тысячи гражданъ какую-нибудь перемѣну въ законахъ, долженъ говорить съ петлею на шеѣ, и если его предложеніе не будетъ принято большинствомъ собранія, то онъ долженъ быть задушенъ этою петлею.

Колонія халки- Самыми дѣятельными моряками Греціи были эвбейскіе іонійцы; дянъ. они плавали повсюду, гдѣ, съ основаніемъ греческихъ колоній, развилась торговая дѣятельность. Въ особенности много предприимчивыхъ моряковъ имѣли два эвбейскіе города, оба стоявшіе у Эврипа: Халкида («Мѣдный городъ») и Эретрія («Городъ гребцовъ»).

Халкида получила свое имя, вѣроятно, отъ того, что была центромъ выдѣлки мѣдной посуды и мѣдныхъ украшеній на оружіи; она торговала этими издѣліями; тѣ мѣстности, въ которыхъ находилась мѣдная руда, были самыми привлекательными для халкидянъ. Послѣ Халкиды важнѣйшимъ торговымъ городомъ Эвбеи была Эретрія, имѣвшая хорошія ловли пурпуровыхъ раковинъ. Владѣнія обоихъ этихъ городовъ простирались черезъ всю ширину острова до противоположнаго берега. Въ процессіи эретріянъ, шедшей на праздникъ Артемиды въ Амаринѣ, было однажды 3,000 голлиговъ, 600 всадниковъ и 60 военныхъ колесницъ. Но прежде, въ древней древности, главнымъ торговымъ портомъ Эвбеи былъ, кажется, другой городъ, Кима, стоявшая на восточномъ берегу, на мысѣ, въ обильной виноградниками мѣстности. Преданіе говоритъ, что эта эвбейская Кима была основательницею итальянской Кимы, которая считалась очень древнимъ городомъ, и въ окрестностяхъ которой находился погасшій кратеръ съ глубокими трещинами, бывшій, по народной фантазіи, входомъ въ царство мертвыхъ, а подлѣ этого кратера были Ахерузское и Авернское озера, по темному цвѣту своей воды считавшіяся черными водами этого царства. Стран. 207.—Обширная морская торговля халкидянъ расширилась еще болѣе около половины VIII вѣка, когда правленіе въ Халкидѣ перешло въ руки аристократовъ, называвшихся тамъ гиппоботами (владѣльцами табуновъ). Это были крупные землевладѣльцы, съ презрѣніемъ смотрѣвшіе на простолюдиновъ. На Лелантскомъ полѣ были настища, удобныя для разведенія лошадей, потому у халкидскихъ аристократовъ, владѣвшихъ частью этого поля, и было много лошадей.

Издавна привычныя къ торговлѣ и мореплаванію, халкидяне покидая отечество, гдѣ не имѣли политическихъ правъ и были оскорбляемы презрѣніемъ гиппоботовъ, отправлялись основывать новые города. Такимъ образомъ въ продолженіе VIII и VII столѣтій возникли въ южной Италіи и Сициліи нѣсколько халкидскихъ колоній, быстро достигшихъ благосостоянія. У подошвы Этны, въ пло-

родной мѣстности, Халкидяне основали Катану, на югъ отсюда Ле-Катана (около онтины. Но вполнѣ упроченнымъ стало существованіе греческихъ ко-730). Леонти-лоній на западѣ лишь когда утвердилось владычество грековъ надъ ны. Занкла. проливомъ, отдѣляющимъ Сицилію отъ Италіи. Переселенцы изъ итальянской Кимы основали на сицилійскомъ берегу его городъ, который называли Занклою («Серпомъ»), по формѣ мыса, образующаго гавань города. Вскорѣ послѣ того халкидяне построили на итальянскомъ берегу, наискось противъ Занклы, Регій («Разѣмъ», то-есть Регій. разѣмъ острова отъ материка). Проливъ напоминалъ имъ Эврипъ, у котораго стоялъ ихъ родной городъ. Число жителей Занклы увеличилось другими переселенцами изъ Халкиды. Мы упоминали, что послѣ первой мессенской войны покинувшіе родину мессенцы поселились въ Занклѣ, и дали ей дорійскій характеръ. Занклейскіе халкидяне основали близъ финикійскихъ поселеній (томъ I, стран. 516, 521), на сѣверномъ берегу Сициліи, при рѣчкѣ Гимерѣ, городъ, который называли тоже Гимерою; тамъ же устроили и пристань, Милы. Гимера.

Когда эллины малоазійскихъ колоній бѣжали отъ персовъ, то въ Сицилію и Южную Италію прибыли новые переселенцы. По совѣту Анаксилая, захватившаго въ 495 году въ свои руки владычество надъ Регіемъ, самосцы, эмигрировавшіе послѣ битвы при Ладѣ, напали на Занклу, когда граждане ея ушли въ походъ противъ сикеловъ, и овладѣли беззащитнымъ городомъ. Занкляне обратились съ просьбою о помощи къ Гиппократу, тирану Гелы. Онъ пошелъ къ Занклѣ, но заключилъ съ самосцами договоръ, по которому они признали его власть и обѣщались отдать ему всю движимую собственность занклянъ и всѣхъ рабовъ ихъ. Тогда Гиппократъ отобралъ оружіе у занклянъ и продалъ ихъ въ рабство. Но самосцы не долго удержались въ Занклѣ. Анаксилай прогналъ ихъ, населивъ Занклу новыми колонистами изъ разныхъ мѣстъ, и оставилъ городъ подъ своею властью. Онъ былъ родомъ мессенецъ, и назвалъ Занклу Мессаною. Чтобы обезпечить себя противъ Гиппократа, онъ вступилъ въ союзъ съ Терилломъ, тираномъ Гимеры, и отдалъ за него свою дочь. Гиппократъ, вѣроятно, думалъ отнять у Анаксилая Мессану, но былъ убитъ въ войнѣ съ сикелами. Черезъ девять лѣтъ послѣ того Теронъ, тиранъ агригентскій, отнялъ у Терилла Гимеру; Териллъ и Анаксилай обратились къ карфагенцамъ съ просьбою защитить ихъ отъ Терона.

Все города, основанные халкидянами, приняли законы, написанные для Катаны Харондомъ, младшимъ современникомъ Залевка. 640 годъ. Цѣлью законодательства Харонда было установить согласіе между разными сословіями точнымъ и болѣе прежняго справедливымъ опредѣленіемъ ихъ правъ и дать прочныя основы для развитія честныхъ и скромныхъ привычекъ. Онъ изложилъ свои законы въ формѣ краткихъ изреченій, сильныхъ и ясныхъ.

По законамъ Харонда, гражданинъ, выказавшій на войнѣ трусость, на-Законы Харон-казывается тѣмъ, что его ставятъ въ женскомъ платьѣ на площади; лжи-да. ваго обвинителя выставляютъ на площади, положивъ на голову ему тамарисковый вѣнокъ (будто побѣдителя надъ всѣми негоднями въ состязаніи, кто изъ нихъ хуже); за дружбу съ порочными людьми гражданинъ ли-

шается политических правъ; нарушитель сыновнихъ обязанностей, богохульникъ, злоязычникъ тоже лишаются политическихъ правъ; тому же наказанію подвергается оказавшій сопротивление закону и властямъ. Харондъ очень заботился охранить законами порядокъ и нравственность въ семейной жизни. Онъ постановилъ: кто даетъ своимъ дѣтямъ мачиху, терять, какъ разрушитель согласія въ своей семьѣ, право занимать общественныя должности. Разводъ дозволялся; но по разводѣ мужчина не имѣетъ права взять жену моложе прежней, женщина выйти за человѣка моложе прежняго мужа. Сироты отдаются подъ опеку родныхъ матерей ихъ, а имущество ихъ отдается въ управленіе родныхъ отца. Дочь, наследующая родовое имущество, должна выйти за ближайшаго изъ холостыхъ или вдовыхъ родственниковъ. Непокорнаго сына отецъ можетъ лишить наследства. Всѣ дѣти должны учиться; государство содержитъ школы на свой счетъ. — Уголовныя наказанія и у Харонда, какъ у Залевка, имѣютъ характеръ возмездія равнымъ за обиду. Но величина денежныхъ штрафовъ съ бѣдныхъ меньше, чѣмъ съ богатыхъ. Древніе писатели хвалили Харонда за то, что онъ уменьшилъ злоупотребленіе присягою, допустивъ обвиняемаго требовать изслѣдованія, справедливо ли показаніе, данное подъ присягою. Подобно Залевку, и Харондъ старался затруднить перемѣну въ законахъ, чтобъ отвратить легкомысленныя нововведенія. Одинъ изъ его законовъ воспрещалъ являться въ народное собраніе съ оружіемъ. Преданіе говоритъ, что онъ убилъ себя, чтобъ упрочить своею смертію уваженіе къ этому закону. Однажды, онъ возвращался въ городъ; онъ былъ вооруженный; въ это время происходило народное собраніе. Онъ поспѣшилъ туда. Одинъ изъ бывшихъ въ собраніи замѣтилъ ему, что онъ нарушаетъ свой собственный законъ; онъ въ подтвержденіе святости закона бросился грудью на свой мечъ. — Его законы были написаны стихами. Мальчики и юноши заучивали ихъ наизусть и рецитировали на общественныхъ праздникахъ.

Греческія колоніи въ Италіи и Сициліи, на плодородной почвѣ, подъ яснымъ небомъ, у синихъ волнъ моря, быстро достигли цвѣтущаго состоянія. Города восточнаго берега Италіи, къ числу которыхъ прибавились Сирисъ, основанный колофонцами, и Метапонтъ, основанный ахейцами, были соединены между собою договорами и долго жили счастливо, принявъ законы или Залевка или Харонда; но напослѣдокъ роскошь ослабила ихъ, нравы испортились, возникли раздоры между сословіями, ссоры между городами. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ, дѣлами управлялъ городской совѣтъ, состоявшій изъ гражданъ высшаго имущественнаго ценза; привилегіи по знатности происхожденія замѣнились привилегіями по богатству, аристократія замѣнилась тимократіею («правленіемъ богатыхъ»). Но цензъ опредѣлялся размѣромъ поземельной собственности; потому большинство членовъ правительственнаго совѣта составляли люди старыхъ знатныхъ родовъ. При разнообразіи почвы городскихъ областей и при различіи ихъ мѣстоположенія, преобладающія занятія жителей были неодинаковы: въ нѣкоторыхъ городахъ промышленность и морская торговля, въ другихъ земледѣліе на плодородныхъ нивахъ, скотоводство на роскошныхъ пастбищахъ, разведеніе виноградовъ и олив-

ковыхъ плантацій. Греки городовъ южной Италіи сознавали себя создавшими новую Элладу, и выраженіемъ этого гордаго чувства было названіе, которое дали они своей странѣ: «Великая Греція». Жертвенникъ Зевса, охранителя границъ (Зевса Гомарія), и храмъ Геры на Лакинійскомъ мысѣ были религіознымъ центромъ городовъ Великой Греціи: тамъ совершали они общія жертвоприношенія. На этихъ праздникахъ происходили и совѣщанія о дѣлахъ всей страны, происходили тамъ и игры, какъ въ Элладѣ; собравшійся народъ любовался тамъ на прекраснѣйшія изъ произведеній промышленности, изъ произведеній изящныхъ искусствъ. — Къ пристанямъ приплывали милетскіе торговцы, закупали избытокъ хлѣба и вина. — Но исторія мало знаетъ объ этихъ годахъ мирнаго и сильнаго развитія италійскихъ колоній. Извѣстія наши начинаются лишь съ того времени, когда мирное благосостояніе было уже нарушено раздорами партій и междоусобіями городовъ. Племенные разницы между городами и разницы ихъ политическихъ учрежденій не допустили ихъ соединиться въ одну федерацію.

Упадокъ италійскихъ колоній начинается гибелью Сибариса; онъ былъ разрушенъ, какъ мы уже упоминали, кротонцами, соплеменниками сибаритянъ. — Во второй половинѣ VI вѣка, въ Сибарисѣ происходили волненія. Мелкіе поземельные собственники, торговцы и ремесленники завидовали богатству и роскоши высшаго сословія, стремились къ равноправности съ нимъ и хотѣли болѣе равномернаго распредѣленія имущества. Первымъ ихъ требованіемъ было преобразование правительственнаго совѣта, состоявшаго изъ тысячъ гражданъ высшаго ценза. Низшія сословія хотѣли, чтобъ въ совѣтъ могли быть избираемы и они. Получивъ отказъ, они возстали; выгнали 500 членовъ богатыхъ гражданъ, конфисковали ихъ имущество; предводитель возставшихъ простолюдинъ, Телидъ, захватилъ въ свои руки власть. Изгнанные граждане бѣжали въ Кротонъ, сѣли, по обычаю умоляющихъ о защитѣ, у жертвенниковъ на площади народнаго собранія; кротонцы, которыми правили тогда аристократы и пиеагорейцы, согласились на ихъ просьбу дать имъ пріютъ.

Телидъ былъ раздосадованъ тѣмъ, что кротонцы дали у себя пріютъ его врагамъ. Его раздраженіе усилилось, когда кротонцы изгнали одного изъ богатыхъ своихъ согражданъ, Филиппа, одержавшаго побѣду въ Олимпіи и считавшагося первымъ красавцемъ на свѣтѣ, за то, что онъ сваталъ дочь сибарисскаго тиранна. Телидъ потребовалъ выдачи бѣжавшихъ въ Кротонъ аристократовъ и грозилъ войною въ случаѣ отказа. Кротонскій правительственный совѣтъ колебался, боясь военнаго могущества Сибариса; но Пиеагоръ убѣдилъ совѣтъ остаться вѣрнымъ обѣщанію. Телидъ собралъ большое войско — по словамъ Діодора, 300.000 членовъ — и двинулся на Кротонъ. Кротонцы были люди сильные, усердно занимавшіеся гимнастикой и военными упражненіями. Не было въ Греціи города, граждане котораго одерживали бы такъ много побѣдъ на олимпійскихъ играхъ. По словамъ Страбона, былъ однажды такой случай, что во всѣхъ видахъ состязаній побѣда осталась за кротонцами. И знаменитѣйшій въ цѣлой Греціи силю членомъ былъ кротонецъ Милопъ. Онъ шесть разъ былъ побѣдителемъ на олимпійскихъ играхъ, столько же разъ на пиеійскихъ, еще больше побѣдъ одержалъ на немейскихъ и

Война между
Сибарисомъ и
Кротономъ.

на истмійскихъ играхъ, и самъ на плечахъ отнесъ свою статую въ Альтиду. Онъ, съ олимпійскимъ вѣнкомъ на головѣ, со львиною шкурою на плечахъ и съ булавою, какъ Гераклъ, велъ кротонское войско. Подлѣ него шелъ Доріей, сынъ одного изъ царей спартанскихъ, остановившійся у того берега по пути въ западную Сицилію, куда плылъ основать новый городъ, и пожелавшій биться за кротонцевъ. Предзнаменованія передъ битвою были такъ неблагоприятны для сибаритянъ, что сибаритскій прорицатель Каллій, жрецъ изъ олимпійскаго священническаго рода Тамидовъ, въ страхъ бѣжалъ къ непріятелю; это поколебало бодрость души въ сибаритянахъ, ободрило кротонцевъ. Число кротонцевъ было втрое меньше, чѣмъ число непріятелей, но они одержали полную побѣду. Они не брали въ плѣнъ, убивали всѣхъ, кого настигали; потому эта потерянная битва была погибелью для Сибариса. Раздоры въ немъ еще болѣе ослабили его оборону, и черезъ 70 дней послѣ битвы онъ былъ взятъ кротонцами. Они разграбили его и разрушили весь до основанія. И чтобы невозможно было возстановить его, они провели рѣку Кратесъ черезъ мѣсто, гдѣ стоялъ онъ. Тѣ изъ жителей, которые успѣли бѣжать, ушли на восточный берегъ, въ Лаосъ и Скидръ, бывшіе колоніями Сибариса. Доріей построилъ въ память о побѣдѣ храмъ Аеинъ и поплылъ дальше. Онъ скоро былъ убитъ въ сраженіи съ кареагенцами у Эрикса; но переселенцы, вождемъ которыхъ былъ онъ, овладѣли финикійскою колоніею на южномъ берегу, городомъ Миноею; она стала дорійскимъ городомъ, и получила названіе Гераклеи-Миноя. Прорицателю Каллію кротонцы дали землю въ бывшей сибаритской области.—Съ печалью слышали эллины европейской Греціи и Малой Азіи вѣсть о погибели Сибариса; въ Милетѣ сожалѣніе о немъ было такъ велико, что всѣ мужчины обрили себѣ голову, въ знакъ траура; Милетъ и Сибарисъ были соединены тѣснѣйшимъ союзомъ гостепріимства, говоритъ Геродотъ.

Разрушеніе Сибариса. 510.

Гераклея Миноя (около 509).

Погибель Кротонскихъ Пиагорейцевъ.

Демократическія учрежденія.

Но и Кротону не принесла счастья побѣда. Демократы, бывшіеся рядомъ съ аристократами, потребовали, чтобы область Сибариса была роздана народу и чтобы государственныя учрежденія были преобразованы въ демократическомъ духѣ. Вождемъ ихъ былъ Килонъ, богатый гражданинъ, враждебный пиагорейцамъ. Преобразование, котораго хотѣли они, должно было состоять въ замѣнѣ аристократическаго Совѣта Тысячи правительственнымъ совѣтомъ, избираемымъ всѣми гражданами, и въ передачѣ народу права выбирать административныхъ сановниковъ. Совѣтъ Тысячи отвергъ это требованіе, и народъ возсталъ. Домъ Милона былъ взятъ народомъ и сожженъ; пиагорейцы, застигнутые на совѣщаніи въ этомъ домѣ, —человѣкъ 40 или 60—были убиты; остальные, и самъ Пиагоръ, были изгнаны. Ихъ земли были раздѣлены между гражданами. Такіе же перевороты произошли въ Локрахъ, Метаонтѣ и другихъ городахъ. Это было началомъ сословныхъ междоусобицъ, убившихъ могущество греческихъ городовъ южной Италиі; сначала въ нихъ водворилась буйная демократическая анархія; она привела ихъ къ тому, что власть захватили тираны; военныя и гражданскія доблести исчезали, города слабѣли; владычество грековъ надъ туземцами постепенно рушилось по всему пространству за приморскою полосой. Убийство, грабежъ, наглый произволъ грозили Кротону совершеннымъ распаденіемъ общественныхъ связей. Ахейцы метрополіи успѣли наконецъ убѣдить кротонскія партіи примириться, склонили къ этому и другіе города; въ нихъ были установлены правильныя демократическія учрежденія, дана была амнистія всѣмъ изгнанникамъ и былъ заключенъ договоръ о согласіи между городами; впрочемъ, эта связь была слабая; религіознымъ центромъ ея былъ храмъ Зевса Гомарія; общія жерт-

воприношенія и праздники тамъ поддерживали воспоминанія о единствѣ происхожденія италійскихъ грековъ.

Не только въ Италиі и Сициліи поселились греки; они основали 2. Колоніи фокейцевъ въ Галліи, въ Иберіи, на Липарскихъ островахъ, на Корсикѣ и Сардиніи, одолѣвъ сильное сопротивленіе дикихъ, воинственныхъ туземцевъ, отбивъ нападенія финикіянъ и кареагенцевъ, считавшихъ эти берега своею собственностью и не хотѣвшихъ допускать туда грековъ. Книдійцы и родосцы очень рано основали поселенія на южномъ берегу Сициліи и на вулканическихъ Липарскихъ островахъ, гдѣ стали добывать квасцы; еще смѣлѣе двигались на западъ фокейцы, которые, по словамъ Геродота, первые изъ всѣхъ грековъ стали пускаться въ далекія плаванія. Скалистый полуостровъ Іоніи, воздѣланный ихъ отцами, былъ слишкомъ тѣсенъ для размножающагося населенія; излишекъ его долженъ былъ искать себѣ поселеній въ чужихъ земляхъ. Фокейскіе торговые корабли, приспособленные и къ военнымъ дѣйствіямъ, стали плавать въ опасное западное море. Кареагенскіе сторожевые корабли гонялись за ними; но они все таки пробирались въ моря восточнаго и западнаго береговъ Италиі, разгуливали по нимъ то пиратами, то торговцами. Сначала они проникли въ Адриатическое море, плавали до устьи По, торговали съ этрусками (тирренами). Первый изъ всѣхъ варваровъ прислалъ приношенія Зевсу олимпійскому царь тусковъ (этрусковъ) Аримнъ, быть можетъ царь города Ариминія, говоритъ Моисень. Фокейцы стали посѣщать и пристани Кампаніи, устья Тибра и Арно; стали плавать по лигурійскому побережью, стали вести торговлю съ воинственными племенами побережья Галліи, побережья Иберіи. Близъ устья Роны они въ 45-ую олимпиаду основали Массилію, ставшую прочною опорой греческой культуры на западъ и впоследствии сдѣлавшуюся великолѣпнымъ городомъ. Съ іонійскою мягкостью и ловкостью они сумѣли пріобрѣсти расположеніе туземцевъ. Ихъ отношенія къ нимъ характеризуются легендою, что фокеецъ Эвксентъ, котораго галльскій царь Наннъ пригласилъ на пиръ свадьбы своей дочери, такъ понравился невѣстѣ, что она, отказавъ своему жениху галлу, избрала его мужемъ. Массилія быстро стала центромъ западной торговли, какимъ раньше былъ обильный серебромъ Тартесъ. Богатыя рыбныя ловли у береговъ, вино и оливковое масло виноградниковъ и плантацій, которыми покрывалась каменистая почва подъ руками фокейскихъ поселенцевъ, и рынокъ, наполненный мѣдною посудой и другими произведеніями промышленности, привлекали отовсюду покупателей. Проведены были дороги въ глубину страны; жажда прибыли и любознательность побуждали колонистовъ развѣдывать отдаленныя земли и моря, откуда финикіяне получаютъ янтаръ и олово.

Колоніи фокейцевъ въ Галліи, Иберіи и проч.

Массилія (около 600 года).

Изъ Массилии фокейцы стали распространять свои колоніи и на западъ и на востокъ. Они построили у подошвы приморскихъ Альпъ рядъ укрѣпленныхъ факторій, воспоминаніе о которыхъ сохраняется до сихъ поръ въ именахъ городовъ: Антибъ (Антиполь), Ницца (Никея), Монако (Монекъ, Monoikos). Они сѣяли хлѣбъ на Стехадскихъ (іарскихъ) островахъ, у которыхъ стояла ихъ колонія Ольбія, и держали на нихъ военные отряды. Курційсѣ говоритъ: „Превосходный строевой лѣсъ, который рубили они на лигурійскихъ Альпахъ, скотъ, который пасся на этихъ Альпахъ, шкуры, медь, рыба были главными предметами вывоза изъ ихъ гаваней на этомъ берегу“.—Укрѣпленный портовый городъ Алалія, построенный массилійцами въ 568 году на Киріѣ (Корсиѣ) былъ станціею ихъ плаваний къ богатой желѣзною рудою Эталіи (Эльбѣ). Они хотѣли основать поселенія и на Сардиніи. Карфагенцы соединились съ тирренами, чтобъ уничтожить опасныхъ соперниковъ, и дали фокейцамъ большое морское сраженіе (542). Греки имѣли вдвое меньше кораблей, чѣмъ они; остались побѣдителями; но были такъ ослаблены, что принуждены были покинуть Алалію. Они отплыли оттуда съ семействами и всѣмъ имуществомъ въ Регію, и когда къ нимъ присоединились ихъ соотечественники, удалившіеся изъ Фокеи отъ персовъ, они основали на западномъ берегу южной Италіи городъ Элею (Велію).—На западъ отъ Массилии Агата (нынѣшній Agde) служила имъ станціею на пути къ Пиренеямъ; они овладѣли лежавшею у этихъ горъ родосскою колоніею Родою (нынѣшній Росастъ) и основали Эмпорію, городъ, построенный частью на маленькомъ островѣ у мыса, частью на этомъ мысѣ, и сдѣлавшійся очень оживленнымъ портомъ. Обѣ части города были обведены стѣною; вмѣстѣ съ греками жили тутъ и туземцы. Изъ Эмпоріи фокейцы плавали по всему восточному берегу Испаніи; финикійцы и карфагенцы, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могли вѣтѣснить оттуда хитрыхъ и храбрыхъ соперниковъ, много вредившихъ ихъ тартесской торговлѣ. Фокейцы и въ Испаніи умѣли приобрести расположеніе туземцевъ. По разсказу Геродота (I, 163) тартесскій царь Аргантоній такъ полюбилъ фокейцевъ, что приглашалъ ихъ переселиться въ его царство; а когда они не согласились, онъ далъ имъ денегъ на то, чтобъ они защитили свой городъ стѣною отъ мидянъ. Въ VII и VI столѣтіяхъ фокейцы отважно плавали къ Геракловымъ столбамъ, къ устью Бетиса, гдѣ издавна владычествовали тирскіе торговцы; фокейцы заводили торговые связи тамъ, и вывозили оттуда мѣдь и благородные металлы, соль, красильныя вещества къ грекамъ на востокъ.

Эмпоріи, Ала-
лія и проч.

532

2. Эллинская колонизація во Фракіи, на Геллеспонтѣ и на Черномъ морѣ.

3. Халкидскія колоніи во Фракіи. Халкидяне направляли свои смѣлыя плаванія не на западъ только; они и на сѣверѣ Эгейскаго моря отняли богатыя металлами прибрежныя мѣста у дикихъ фракійцевъ, жившихъ въ многоженствѣ, страстно любившихъ пьянствовать, враждебныхъ культурѣ, презиравшихъ земледѣліе и всякій мирный трудъ. Между Фермейскимъ и Стримонскимъ заливами выступаетъ въ море, подобно громадному утесу, гористый полуостровъ, отъ котораго тянутся на югъ три длинные мыса, обра-

зуемые цѣпами горъ. Халкидяне направились къ этому полуострову. На среднемъ мысѣ, называвшемся Сиеоніею, они основали городъ Торону и нѣсколько мелкихъ поселеній; постепенно охватили своими поселеніями и весь полуостровъ, такъ что въ цвѣтущее время Халкиды на немъ были 32 халкидскія колоніи. Они достигли такого преобладанія на немъ, что его стали называть Халкидикою. Еще и теперь видны слѣды очень большихъ шахтъ, въ которыхъ дѣятельные халкидскіе колонисты добывали серебро и мѣдь. Халкидяне колонизовали и острова, лежащіе между сѣвернымъ концомъ Эвбеи и мысами Фракійскаго полуострова: Скиаѣ, Пепареѣ и Икосѣ. На восточномъ мысѣ, южный конецъ котораго, Аѳонъ, образуетъ утесъ вышиною въ 6,500 футовъ, опасный для моряковъ, эллины покорили пеласговъ, жившихъ съ незапамятныхъ временъ въ укрѣпленныхъ мѣстечкахъ Фиссѣ, Клеонахъ, Акраѣ и Голофиксѣ. Колоніи на этомъ мысѣ, Аканѣ и Стагирѣ (или Стагира), были основаны не халкидянами, а переселенцами съ лежащаго близъ Эвбеи острова Андроса; но это были тоже іонійцы, и когда греки говорили о фракійской Халкидикѣ, то включали въ нее и эти города, сдѣлавшіеся впоследствии довольно значительными.

Торона.

Халкидика.

Стагиръ (около 654).

Западный мысъ, Паллена, былъ колонизованъ почти исключительно эретрійцами. Слѣдуя примѣру своихъ сосѣдовъ халкидянъ, они основали по берегамъ его города Неаполь, Эгу, Ферамбъ, Сану, а на берегу Фракіи близъ полуострова—Меоону.

Колоніи эретрійцевъ. Меоона.

Халкидяне и эретрійцы, хотя имѣли общія жертвоприношенія въ амариносскомъ храмѣ Артемиды, уже нѣсколько разъ воевали между собою еще до столкновеній изъ-за колониальныхъ дѣлъ. Вражда усилилась, когда началось соперничество между ними по колонизаціи и торговлѣ въ одной и той же странѣ. Нуженъ былъ лишь поводъ, чтобы страсти довели ихъ до ожесточенной войны. Поводомъ послужилъ споръ о лелантскомъ полѣ, которымъ и тотъ и другой городъ хотѣлъ владѣть одинъ. Вспыхнула война, и приняла размѣръ, еще небывалый въ Греціи. Прежде, сосѣды дрались между собою, и только; другимъ государствамъ не было дѣла до того; теперь, и къ той и къ другой сторонѣ примкнули союзники; и способъ боя былъ уже новый: прежде, воины бросали другъ въ друга дротики; теперь гоплиты сходились лицомъ къ лицу и бились мечами, и была, кромѣ гоплитовъ, конница, бывшаяся коньемъ и мечомъ; притомъ, война велась и на морѣ, охватывала и колоніи. Она остановила и колонизацію и торговлю Халкиды и Эретріи, и до такой степени истощила силы обѣихъ этихъ городовъ, что торговля ихъ перешла къ другимъ городамъ, между которыми важнѣйшее значеніе приобрѣла Потидея, построенная коринѣскимъ тираномъ Періандромъ на узкомъ перешейкѣ Палленскаго мыса. Плохимъ вознагражденіемъ за эти потери была военная слава, которой особенно много приобрѣла себѣ халкидская конница.—Нѣсколько времени, Халкида и Эретрія вели войну только собственными силами, потомъ стали искать союзниковъ. Милетяне стали помогать Эретріи, самосцы и еессалійская аристократія Халкидѣ. Отрядъ отборной конницы, приведенный Клеомомъ фарсальскимъ на помощь халкидянамъ, далъ имъ рѣшительную по-

Война между Халкидою и Эретріею.

бѣду. Эретрійцы принуждены были уступить имъ все делантское поле. Клеомахъ былъ убитъ въ сраженіи; халкидяне поставили колонну въ честь его. Эта война, о которой дошли до насъ лишь отрывочныя извѣстія, происходила, вѣроятно, во второй половинѣ VII вѣка (между 640 и 630 годами).

Паросскія колоніи на Эазосѣ и во Фракіи. Паросскіе колонисты, въ числѣ которыхъ находились знаменитый поэтъ Архилохъ и отецъ его Телесиклъ, поселились на богатомъ металлами Эазосѣ, гдѣ съ глубокой древности добывали золото финикіяне (томъ I, стран. 521). Золотые рудники острова и лежащаго противъ него на берегу Фракіи Рудничнаго лѣса (Skapte Hyle) скоро сдѣлали паросскую колонію на Эазосѣ богатымъ городомъ. Впослѣдствіи эазійцы проникли въ область халкидской колонизаціи и основали на Фракійскомъ берегу небольшія поселенія Галепсъ, Эсиму и Стриму. Хіосцы основали на Исмарѣ городъ Маронею.

Мегарскія колоніи на Геллеспонтѣ и Босфорѣ: Халкедонъ (около 675), Селимвриа (около 660), Византія (около 655). Мы уже говорили о колоніяхъ, основанныхъ въ VIII и VII столѣтіяхъ мегарянами въ Сициліи. Еще важнѣе были колоніи, которыя основали они на берегахъ Пропондиды и на Босфорѣ, ведущемъ въ Черное море. Они построили на азіатскомъ берегу Босфора Халкедонъ, потомъ на Фракійскомъ берегу Селимврию, и наконецъ, наискось противъ Халкедона, у залива Золотаго Рога, Византію. Крутыя скалистыя высоты на берегу изобильнаго рыбою залива они называли, въ воспоминаніе о родинѣ, Скиронскими горами. Фракійцы, бывшіе тутъ земледѣльцами и пастухами, были поработаны. Выгодное положеніе Византіи привлекало новыхъ поселенцевъ, и она скоро стала большимъ торговымъ городомъ. Оракулъ справедливо назвалъ колонистовъ, основавшихъ Халкедонъ, «слѣпыми» за то, что они не замѣтили превосходства мѣстности у Золотаго Рога надъ тою, которую выбрали для своего поселенія.

4. Милетскія колоніи на Черномъ морѣ. Какъ на далекомъ западѣ, такъ и на востокѣ и на сѣверѣ греки стремились вытѣснить финикійцевъ и карійцевъ изъ мѣстъ ихъ торговли. Несомнѣнно, еще въ глубокой древности сидонскіе корабли съ матросами, собранными съ разныхъ частей малоазійскаго приморья и сосѣднихъ острововъ, уже плавали черезъ Геллеспонтъ, основывали поселенія на томъ маленькомъ морѣ, которое называется теперь Мраморнымъ, и вели прибыльную торговлю съ дикими туземцами; достоверно и то, что индійскіе и ассирійскіе товары были провозимы черезъ Арменію на южный берегъ Чернаго моря, и что тамъ были рынки для торговли ими. Но когда проникли на берега Чернаго моря греки, торговля тамъ стала дѣйствительнѣе и поселенія ихъ стали распространять культуру между варварскимъ туземнымъ населеніемъ. Климатъ тѣхъ береговъ казался грекамъ суровъ; они находили, что и

море и земля покрыты тамъ туманомъ; зима, отъ которой туземцы защищали себя мѣховою одеждою, казалась грекамъ жестокою; но іонійскіе, и въ особенности милетскіе торговцы все-таки стали плавать туда. Въ легендахъ объ ужасахъ и опасностяхъ, испытанныхъ Аргонавтами, отражаются чувства, какія овладѣвали эллинами въ первыхъ плаваніяхъ за Босфоръ, въ море, по которому бушуетъ бурный сѣверный вѣтеръ; готовясь плыть изъ Босфора дальше, греки приносили жертву Зевсу Урію. Но робость прошла, и они увидѣли, что страны по берегамъ Чернаго моря представляютъ имъ такія выгоды, какихъ нѣтъ у нихъ на родинѣ. Тамъ были необозримыя равнины для хлѣбопашества; въ густыхъ лѣсахъ тамъ были дубъ, вязъ, ясень для кораблестроенія; безчисленныя стада номадовъ представляли неистощимый запасъ шерсти и шкуръ; тамъ въ широкихъ устьяхъ тихихъ рѣкъ были богатые рыбныя ловли; тамъ было множество пчелъ, изобиліе меда и воска. Тутъ можно было добыть богатство, которое легенда объ Аргонавтахъ называла золотымъ руномъ.

Еще въ началѣ VIII вѣка, около 785 года до Р. Х., милетскіе мореплаватели основали поселеніе на полуостровѣ, вдающемся въ море неподалеку отъ устья Галиса. Очень можетъ быть, что тутъ уже была ассирійская факторія, и что милетскіе торговцы приобрѣли ее покупкою или вообще какою нибудь любовною сдѣлкою. Какъ бы то ни было, но милетяне основали на полуостровѣ подлѣ мыса Сирія городъ Синопъ; полуостровъ образовалъ и съ западной и съ восточной стороны хорошія гавани, а перешеекъ, соединявшій его на югѣ съ материкомъ, былъ такъ узокъ, что легко было перегородить это мѣсто стѣною, и она обезпечила колонію отъ набѣговъ. Положеніе города было чрезвычайно удобно для торговли, и сама по себѣ мѣстность была богатая: у береговъ было много рыбы; при мягкости климата, превосходно росло оливковое дерево; сосѣднія горы, покрытыя густыми лѣсами, были богаты желѣзомъ; а жившіе дальше въ горахъ воинственные туземцы приводили въ городъ на продажу много плѣнныхъ. И вообще въ той части южнаго берега существовали эти выгодныя условія. Потому черезъ тридцать лѣтъ по основаніи Синопа была основана дальше на востокъ, въ богатой желѣзѣ странѣ халибовъ, другая колонія, Трапезунтъ; одновременно съ нею былъ основанъ на южномъ берегу Пропондиды, для охраненія черноморской торговли, городъ Кизикъ; онъ былъ построенъ на кругломъ полуостровѣ, который соединялся съ материкомъ лишь узкимъ перешейкомъ; впослѣдствіи, черезъ перешеекъ прокопали ровъ, и полуостровъ сталъ островомъ. Туземцы были покорены и воздѣлывали нивы и виноградники своихъ господъ, но не были обращены въ рабство, а находились въ состояніи, подобномъ крѣпостному. Переселенцы изъ Кизика основали колонію на Проконнесѣ, одномъ изъ

Синопъ около 785.

Трапезунтъ (около 756). Кизикъ.

Проконнесъ (около 700).

Абидосъ.

Лампсакъ.

тѣхъ острововъ Пропонтиды, которые теперь называются Мраморными и по которымъ сама она называется Мраморнымъ моремъ. Около того же времени безопасность прохода черезъ Дарданеллы была упрочена для милетскихъ кораблей построениемъ двухъ укрѣпленныхъ портовыхъ городовъ на этомъ проливѣ, Абидоса и Парія; черезъ нѣсколько десятилѣтій былъ построенъ тамъ третій городъ, сначала называвшійся Питиусою («Сосновымъ городомъ»), впослѣдствіи Лампсакомъ. Въ Каппадокійскихъ храмахъ «Сирийской богини» греки видѣли служительницъ, гіеродулъ, одѣтыхъ въ мужское платье и вооруженныхъ, совершающихъ шумные обряды и военные танцы; изъ этого возникли у нихъ легенды о томъ, что амазонки, съ которыми сражались Гераклъ и Тезей, жили на Термодонѣ.

Кромѣ торговой предприимчивости, милетины могли основывать свои колоніи на сѣверѣ и по другому мотиву: быть можетъ ихъ переселенцы удалялись туда отъ войнъ, опустошавшихъ западъ Малой Азіи. На эту мысль наводитъ дошедшій до насъ отрывокъ изъ военной элегіи Каллина Эфесскаго, жившаго около 730 года. Онъ убѣждаетъ эллиновъ безстрашно биться для защиты «дѣтей и молодыхъ женъ», общаетъ вѣчную славу тѣмъ, которые падутъ въ битвѣ;—мы видимъ изъ этого, что какіе-то сильные враги нападали тогда на малоазійскія колоніи. Быть можетъ, это были тѣ скиѣскія племена, треры и киммерійцы, которые не разъ опустошали Малую Азію, и раскидывали свой окруженный телѣгами станъ на поляхъ по Каиэтру. Они разрушили Синопъ вскорѣ послѣ того, какъ онъ былъ основанъ. Милетины вновь построили его черезъ 150 лѣтъ по разрушеніи.

Колоніи на Дунаѣ и въ Скиѣи.
(Между 600 и 500 годами).
Истръ. Томы.
Одессъ. Тирасть.
Ольвія.

Колоніи южнаго берега Чернаго моря быстро богатѣли; это ободрило милетянъ основать поселенія на западномъ и на сѣверномъ берегахъ его, у широкихъ устьй рѣкъ, гдѣ много рыбы, и на обширныхъ, удобныхъ для земледѣлія равнинахъ. Они построили въ дельтѣ Дуная города Истръ, Томы, Одессъ; на сѣверѣ оттуда, въ богатомъ рыбою лиманѣ Днѣстра, Тирасть (нынѣшній Аккерманъ); въ сѣверномъ углу Понта, гдѣ сближаются низовья Буга (Гипаниса) и Днѣпра (Борисфена), въ которыхъ много очень хорошей рыбы, они основали среди роскошныхъ нивъ и луговъ, Ольвію («Городъ Изобилія»). Они вывозили изъ этихъ колоній огромное количество вяленой рыбы въ сирийскіе и малоазійскіе города; и понтійская рыба стала тамъ однимъ изъ главныхъ видовъ пищи небогатыхъ людей. Греческіе колонисты перенесли свои легенды и въ тѣ далекія страны. Островъ, лежащій передъ устьями Дуная, сталъ у нихъ островомъ Левкою («Бѣлымъ островомъ»), на который былъ перенесенъ по своей смерти Ахиллесъ, и гдѣ онъ велъ счастливую загробную жизнь. Полоса твердаго песку на приморьѣ къ югу отъ Ольвіи была, по мнѣнію колонистовъ, стадіею, на которой быстрый ногами герой занимался гимнастическими играми; и моряки молились ему, чтобъ онъ далъ имъ счастливое плаваніе. Скалистые берега и дикіе нравы населенія

Колоніи на Таврійскомъ полуостровѣ.

Танаисъ.

Таврійскаго полуострова долго казались опасны грекамъ; но наконецъ они построили на восточномъ берегу его Теодосію, а у входа въ Меотиду (Азовское море), на таврическомъ берегу, Пантикапею (Керчь) съ крѣпкимъ акрополемъ, а на другомъ берегу пролива, называвшагося у нихъ Босфоромъ Киммерійскимъ, на мысѣ устья Гипаниса (Кубани) они основали Фанагорію. Пантикапея стала однимъ изъ центровъ культа Деметры. —Отважные моряки, милетины проникли даже въ Азовское море, которое считали они океаномъ своей мифологической космографіи, — рѣкою, дающею начало всѣмъ водамъ земли. Въ устьѣ Дона они основали Танаисъ. Переселенцы изъ Танаиса двинулись въ глубину страны и для облегченія торговли съ номадами построили факторіи Наварисъ и Эксополь. Такимъ образомъ греки проникли въ страну скиѣовъ, безбородыхъ людей съ мясистыми лицами и гладкими волосами, дѣтей степи, рыскавшихъ по ней на быстрыхъ коняхъ. Греки стали посѣщать войлочные шатры номадовъ, кочевавшихъ по степямъ со своими стадами, и покупали у нихъ хлѣбъ, пеньку, шкуры, мѣха, медъ, воскъ. Вѣроятно, изумлялись эти «люди, питающіеся молокомъ», когда пріѣзжали въ богатые торговые города вымѣнивать на свои товары посуду, оружіе, ткани, наряды, и видѣли великолѣпные дома, окруженные колоннадами храмы. Сношенія съ греческими колоніями влагали въ мысли этихъ дикарей нѣкоторыя начала культуры. Геродотъ рассказываетъ (IV, 76), что во времена Солона сынъ скиѣскаго царя, Анахарсисъ, проникнувшись любознательностью, пріѣхалъ въ Грецію, посѣтилъ Аѣины, и заслужилъ у эллиновъ славу мудреца; но по возвращеніи на родину былъ убитъ своими соплеменниками, раздраженными его попыткою ввести у нихъ культъ матери боговъ, заимствованный имъ изъ Кизика. —Наконецъ милетины основали поселенія и на восточномъ берегу Чернаго моря, въ странѣ воинственныхъ племенъ Кавказа. Они построили тамъ города Фазисъ и Dioskuriю, ставшіе рынками товаровъ внутренней части Азіи. Теперь все Черное море было охвачено эллинскими колоніями. Торговля на немъ получила очень большое развитіе. Колоніи дѣятельно обмѣнивались товарами между собою и съ Милетомъ. Въ колоніи шли большіе караваны изъ дальнихъ странъ: въ Ольвію и Танаисъ они везли продукты Урала и Сибири, въ Dioskuriю металлы Арменіи, драгоценные камни, жемчугъ, шелкъ, слоновую кость Индіи. Въ половинѣ VI-го вѣка Милетъ былъ метрополіею 75 или 80 колоній, подобно ему энергичныхъ; а нѣкоторыя изъ нихъ даже превосходили его великолѣпіемъ и богатствомъ.

Колоніи въ Колхидѣ.

Наваратъ.

Около того же времени открылось новое поле для торговой дѣятельности іонійцевъ,—они получили доступъ въ Египетъ. Во время стараго царства, людямъ «нечистыхъ племенъ» было подъ страхомъ смертной казни запрещено поселяться тамъ (томъ I, стран. 141), такъ

что они могли торговать съ египтянами только на берегу, и то лишь тайкомъ. При Псамметихѣ дѣло совершенно измѣнилось. Онъ дозволилъ греческимъ торговымъ кораблямъ подыматься по Нилу; далъ земли на пелузійскомъ рукавѣ Нила греческимъ и карійскимъ наемникамъ, чья храбрость доставила ему царство, и на чью вѣрность онъ вполне надѣялся. Съ іонійскими воинами преслѣдовалъ онъ недовольныхъ египтянъ до Абу-Симбея (томъ I, стран. 193 слѣд.). Неподалеку отъ его новой столицы, Саиса, было построено на западномъ рукавѣ Нила милетское торговое поселеніе, Навкратъ. Скоро появились результаты свободной торговли: населеніе и богатство Египта возрасло. Потому преемники Псамметиха продолжали слѣдовать его политикѣ. Но при Амазисѣ право торговли перестало быть монополіею милетянъ. Навкратъ сдѣлался торговою колоніею, принадлежащею девяти городамъ (томъ I, стран. 199 слѣд.); онъ былъ нѣчто въ родѣ амфиктіоніи. Торговые обороты его были огромны; греки привозили вино и оливковое масло въ обмѣнъ на египетскіе продукты. Городъ былъ богатъ, роскошенъ. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ общинъ; каждая занимала свою часть города, имѣла свое управленіе, свой судъ; это было нѣчто подобное ганзейскимъ общинамъ въ городахъ сѣверной Европы.

3. Отношенія греческихъ колоній къ метрополіямъ, къ туземцамъ и другимъ народамъ. Общій ходъ ихъ развитія.

5. Результаты колонизаціи. Въ VI вѣкѣ греки господствовали на моряхъ. Эгейское море было исключительно подъ властью ихъ. Берега Понта были покрыты цѣлуемыми греческими колоніями. Въ Италіи, Сициліи, въ Галліи, въ Эллины и Финикіи. Испаніи они овладѣли или овладѣвали торговлею, которая прежде была монополіею финикійцевъ и карфагенцевъ; Кирена и Барка стали опасными соперницами Карфагена въ самой Африкѣ, и заключили съ нимъ договоръ, что границею между ихъ и его владѣніями долженъ быть жертвенникъ Филеновъ.—На берегахъ восточныхъ морей Сидонскія и Тирскія колоніи были совершенно подавлены эллинскими. Даже на Критѣ и на Кипрѣ, который издавна колонизовали финикійцы, греки основали города среди финикійскаго населенія. Мелкія финикійскія факторіи повсюду исчезли; многочисленные поселенія заключали съ греками договоры, наполнялись греческими колонистами и превращались въ греческіе города. Тѣснямая, завоеванная ассириянами, потомъ халдеями, Финикія не имѣла силы помогать своимъ колоніямъ въ борьбѣ ихъ съ греками. Только въ сѣверозападномъ углу Сициліи отъ Лилибея до Эрика, гдѣ горы подступаютъ къ морю и вдаются въ него обломками скалъ, финикійцы удержались, при поддержкѣ карфаген-

цевъ; но даже къ Панормѣ, старинномъ фабричномъ поселеніи финикійцевъ, жили между ними греки, участвовали въ ихъ торговлѣ и промышленности; а у Эрика, на высотѣ котораго тиряне издавна приносили жертвы своему Мелькарту (Гераклу) и совершали сладострастные обряды служенія Ашерѣ (Афродитѣ), греки смѣшались съ туземцами, элимами; это смѣшанное племя образовало населеніе Сегесты. Корабли отважныхъ іонійцевъ Фокеи, Массалии, Халкиды и Самоса проникали даже къ берегу Тартесской земли, таинственной цѣли финикійскихъ плаваній, странѣ, гдѣ добывается серебро. Греческая колонизація распространяла культуру, и то, что она вытѣсняла финикійскую, имѣло благотворное вліяніе на ходъ исторіи человѣчества. Финикійцы, думавшіе только о прибыли, довольствовались тѣмъ, что основывали на удобныхъ мѣстахъ берега и на островахъ факторіи, въ которыхъ вели выгодный для себя обмѣнъ товаровъ. Греческія поселенія становились большими городами; мѣстность кругомъ ихъ пересоздавалась, покрывалась нивами, виноградниками, оливковыми плантаціями. Греческіе колонисты были учителями сосѣднихъ варварскихъ племенъ, съ произведеніями своей промышленности они передавали имъ и зачатки цивилизаціи, передавали свою любовь къ благоустроенному порядку. Правда, они поработали сосѣднихъ туземцевъ; но это было только въ первое время по основаніи города; послѣ, положеніе туземцевъ улучшалось, они становились участниками цивилизованной жизни своихъ побѣдителей. А тѣ туземцы, которые жили не въ сосѣдствѣ съ колоніями и оставались независимыми, получали отъ колоній только пользу, не подвергаясь отъ нихъ никакимъ притѣсненіямъ. Греки пролагали черезъ ихъ области торговые пути; въ странахъ мягкаго климата, на склонахъ горъ, по которымъ прежде были только лѣса и пастбища, возникали виноградники, смоковничныя и оливковыя плантаціи, сады другихъ фруктовыхъ деревьевъ; въ глубину горъ опускались шахты рудниковъ; равнины, лежавшія невоздѣланными, превращались въ обильныя нивы, болотистыя мѣстности осушались, становились удобными для земледѣлія; за шерсть и шкуры, мясо и сало своихъ стадъ туземцы получали ткани, посуду, рабочія орудія, изящные наряды; жизнь ихъ становилась богаче и свѣтлѣе, ихъ умъ развивался, обычаи улучшались, религіозные обряды становились чище и мягче, понятія возвышеннѣе. Эллины и въ чужихъ странахъ сохраняли свое національное достояніе, свой языкъ и свои мѣны, свое богослуженіе, свои государственныя учрежденія; и во многихъ колоніяхъ они успѣвали дать высокое развитіе тѣмъ элементамъ цивилизаціи, которые принесли изъ родины. Они были настолько гуманны, что передавали сокровища своей культуры, свою религію, свои нравственныя понятія всѣмъ, чья душа была воспріимчива къ тому; у нихъ не было національнаго эгоизма, скрывающаго отъ иноплеменниковъ божественный свѣтъ; они не считали, какъ восточные народы, иноплеменни-

ковъ «нечистыми»; у нихъ не было этого высокомерія. Они не чуждались браковъ съ туземцами, принимали ихъ въ свое гражданское и религіозное общество. Куда проникалъ греческій языкъ и умъ, гдѣ трудолюбіе и разсудительность эллиновъ созидали греческую обстановку быта, тамъ и исчезало варварство, смягчались грубые нравы туземцевъ, владычествовалъ законъ и разумный порядокъ. Кельты на Роданѣ, скиѣ на Борисфенѣ, ливійцы въ области Кирены, сикулы въ Сициліи, оски въ Южной Италіи принимали греческую культуру, многіе изъ нихъ стали говорить по-гречески; колоніи грековъ были на широкое разстояніе окружены эллинизированнымъ населеніемъ. Лишь въ немногихъ случаяхъ колонисты, ушедшіе слишкомъ далеко отъ другихъ, — какъ на примѣръ, гелопы, поселившіеся очень далеко на сѣверъ отъ Чернаго моря, — забывали среди варваровъ родные языкъ и обычаи, и сами становились варварами.

Не всѣ эллины участвовали въ колонизаціи. Изъ дорійцевъ, особенно много колоній основали коринѣяне и мегаряне, изъ іонійцевъ — халкидяне, фокейцы и милетяне. И въ частности, милетянамъ принадлежить та слава, что они умѣли хорошо устроить свою жизнь и въ каммерійскихъ снѣгахъ и подъ пальмами Нила. Іонійцы, при своемъ подвижномъ характерѣ, были тѣмъ греческимъ племенемъ, которое дало колонизаціи громаднѣйшій размѣръ и вело ее систематически, съ эллинскою разсудительностью и энергіею.

Отношенія колоній къ метрополіямъ. Греки называли колоніи «дочерьми», городъ, основавшій колонію, — «матерью» ея (метрополіею). Эти названія характеризуютъ отношенія колоній къ ихъ метрополіямъ. Колонія оставалась въ родственной связи съ метрополіею, но была свободна, независима, и имѣла относительно метрополіи лишь тѣ обязанности, какія возлагаетъ на дочь дочернее уваженіе къ матери. Колонисты отплывали изъ роднаго города подъ покровительствомъ его боговъ, изображенія которыхъ брали съ собою, чтобы поставить ихъ въ новомъ своемъ городѣ и служить имъ по обрядамъ родины; съ колонистами ѣхали жрецы и прорицатели, принадлежавшіе къ старымъ жреческимъ родамъ; вождями колонистовъ были люди знатныхъ родовъ. Священный огонь, зажженный отъ огня на государственномъ очагѣ роднаго города, неугасаемо горѣлъ во время переѣзда и продолжалъ неугасаемо горѣть на государственномъ очагѣ колоніи. Граждане колоніи давали ей то политическое устройство, какое имѣла метрополія, сохраняли въ ней религіозные обряды и праздники родины, оставались вѣрны обычаямъ метрополіи. Колонія всегда съ почетомъ принимала гражданъ метрополіи, выражала свое уваженіе, свою привязанность къ ней, отправляя посольства съ подарками на ея праздники. Жизнь колоніи считалась продолженіемъ жизни метрополіи; потому не рѣдко бывало, что колонія просила метрополію прислать ей уполномоченнаго для устройства ея дѣлъ. Когда возникали раздоры между гражданами

колоніи, она часто предоставляла споръ рѣшенію метрополіи, обращалась для примиренія несогласій къ ея материнскому авторитету.

Но рѣдко удавалось колоніи надолго сохранить у себя обычаи и учреждения, принесенные изъ метрополіи. Вообще, они измѣнялись, тѣ колоніи и скоро теряли сходство съ тѣмъ, что существовало въ метрополіи. Въ числѣ переселенцевъ находились обыкновенно греки изъ другихъ городовъ; эта смѣшанность состава населенія давала ходу политическаго развитія колоніи быстроту, какой не имѣло оно въ метрополіи, гдѣ обычаи, законы, мысли передавались по наслѣдству отъ поколѣнія поколѣнію. У всѣхъ жителей колоніи были одни и тѣ же заботы и опасности, и побѣды были одерживаемы всѣми; изъ этого возникало у простолюдиновъ колоніи сознаніе равноправности всѣхъ сословій. Люди старинныхъ родовъ не могли въ колоніяхъ долго сохранять за собою свое наслѣдственное привилегированное положеніе; и мы видимъ, что въ большей части колоній ужь установилось демократическое правленіе, когда въ метрополіяхъ еще сохранялось владычество аристократовъ или господствовали тиранны, захватившіе власть при борьбѣ низшаго сословія съ высшимъ.

Не въ одномъ только политическомъ отношеніи колоніи развивались быстрее, чѣмъ метрополіи; въ художественномъ и умственномъ развитіи, въ развитіи богатства, роскоши, блеска — изящныхъ формъ быта, колоніи вообще опередили свои метрополіи. Изысканія искусства получили въ нихъ высокое развитіе. Малоазійскія колоніи сдѣлались учительницами европейской Греціи въ поэзіи и музыкѣ, въ искусной обработкѣ металловъ, въ архитектурѣ. Промышленность и торговля очень сильно развились во всѣхъ колоніяхъ. Храмы Самоса, Эфеса, Колофона, другихъ малоазійскихъ городовъ были чудесами искусства и по огромности своей и по техническому достоинству работы. Самосскіе художники Рекъ и Теодоръ изобрѣли около 600-таго года тѣ способы отливки бронзовыхъ предметовъ, которые дали возможность усовершенствованія греческой пластики. Прежде бронзовые статуи чеканились молоткомъ по кускамъ, и куски затѣмъ спаивались. На Хиосѣ и на Критѣ греки въ VII вѣкѣ ужь умѣли обрабатывать рѣзцомъ паросскій мраморъ и дѣлали изъ него статуи. Но быстро развились въ колоніяхъ и дурныя стороны жизни большихъ городовъ: жажда наслажденій, изнѣженность, которыми вошли въ поговорку Тарентъ, Сибарисъ, Кирена, Милетъ. Быстро пріобрѣтенное богатство повело къ роскоши и чувственности. На пирахъ, одушевляемыхъ оркестрами дѣвушекъ, игравшихъ на флейтѣ и китарѣ, забывались серьезныя мысли, осмѣивались старинныя понятія, осмѣивалась умѣренность; люди привыкли расточать сокровища, которыхъ пріобрѣли отцы ихъ трудомъ, бережливостью, разсудительностью и мужествомъ. Іонійцы заимствовали отъ лидянъ изнѣженность, стали, по ихъ примѣру, носить очень длинную, разстилающуюся по полу одежду, пурпурныя мантии

съ узорчатымъ шитьемъ, натираться ароматными маслами. Даже мужчины стали заплетать волосы, украшать ихъ золотыми булавками. Говорятъ, что у колофонійцевъ пиры длились по цѣлымъ суткамъ. Впрочемъ, на пирахъ не все только шутили, смѣялись; случалось, какъ рассказываетъ Ксенофанъ, что пирующие вели серьезные, возвышенные разговоры о богахъ и герояхъ, о гражданскихъ добродѣтеляхъ, о любви къ родинѣ. Знакомство съ востокомъ произвело обычай, вредно подѣйствовавшій на нравственность: женщины все болѣе и болѣе были устраняемы отъ мужскаго общества и принуждаемы вести затворническую жизнь въ особомъ отдѣлѣ дома.

Введеніе восточныхъ религіозныхъ обрядовъ въ Афины. Въ европейской Греціи дольше держались старые обычаи, дольше сохранялась простота въ одеждѣ и вообще въ образѣ жизни, умѣренность на пирахъ. Но и туда проникли восточныя искусства, въ особенности лидійская и фригійская музыка, восточныя религіозныя понятія и обряды.

Въ служеніе Афродитѣ и Артемидѣ были введены элементы культа сирійской богини Ашеры—Астарты, въ сказаніи о Гераклѣ мнѣ о финикійскомъ богѣ Мелькартѣ. Мнѣ о рожденіи Зевса на Критѣ и о спасеніи его военными плясками куретовъ и корибантовъ имѣетъ ясное родство съ восточными праздниками служенія богу солнца и огня, на которыхъ совершались шумныя процессіи съ музыкою и плясками. Но въ особенности ясно перенесеніе восточныхъ идей и обрядовъ въ эллинское служеніе божествамъ земли, Діонису, Деметрѣ и Персефонѣ. Мы ужъ говорили, что праздники Діониса, имѣвшіе прежде веселый и грубый сельскій характеръ, были преобразованы въ восточномъ духѣ, что въ нихъ были введены пѣніе, музыка, танцы, символическіе обряды, шумныя процессіи: что глубокомысленныя мнѣ о Деметрѣ и ея дочери получили въ элевзинскихъ таинствахъ символическое значеніе, внушавшее надежду на блаженную загробную жизнь. Съ наибольшою очевидностію вліяніе восточнаго служенія солнцу и природѣ проявляется въ обрядахъ, совершавшихся на островахъ Эгейскаго моря, и сформировавшихся изъ сочетанія греческихъ религіозныхъ понятій и обычаевъ съ финикійскими. Символическія ученія финикійцевъ, обряды ихъ служенія божествамъ свѣта и природы ясно видны въ праздникахъ Аполлона на Делосѣ, въ праздникѣ брака Діониса и Ариадны на Наксосѣ, въ культѣ Гефеста, другихъ боговъ кузнечнаго искусства, и особенно въ таинственномъ служеніи Кабирамъ («Сильнымъ») на Лемносѣ, Имбросѣ, Самоосѣ. Кадмъ, олицетворяющій собою солнце, богъ идущій по небу, восходящій изъ мрака ночи, и въ священномъ бракѣ съ дѣвою Гармоніею порождающій новую жизнь, исцѣляющій богъ (іасіонъ), называющійся и Гермесомъ, былъ центромъ таинственного ученія на этихъ островахъ; оно, подобно элевзинскимъ таинствамъ, внушало посвященнымъ утѣшительную надежду на блаженство въ загробной жизни, этою надеждою просвѣтляло и облегчало ихъ земную жизнь, внушало имъ увѣренность въ покровительство «Сильныхъ» подѣ чьей защитой не страшны ни бури земной жизни, ни смерть, и чье могущество спасаетъ мореплавателей отъ опасностей.

Такимъ образомъ, колоніи сблизили грековъ съ культурными странами востока, хорошо ознакомили ихъ съ финикійскими искусствомъ и религіею, обогатили, улучшили ихъ жизнь; благодаря этому, эллинскій народъ возвысился до обще-человѣческой цивилизаціи. Когда греки ознакомились съ востокомъ, ихъ національность достигла ужъ такого сильнаго развитія, что могла принимать въ себя иноземные элементы, не измѣняясь въ своей сущности; они ужъ были способны съ вѣрнымъ тактомъ различать въ восточ-

ной культурѣ хорошія стороны отъ дурныхъ, и перерабатывать сообразно своимъ народнымъ началамъ все, заимствуемое у другихъ народовъ. Поэтому эллинская цивилизація, хоть и приняла въ себя элементы изъ культуры востока, была самостоятельнымъ созданіемъ эллинскаго народа, продуктомъ дѣятельности его духа, собирающаго все пригодное ему, приводящаго въ порядокъ и организующаго собранное.

4. Аѣины. Законодательство Солона.

1) владычество эвпатридовъ.

Аѣиняне гордились тѣмъ, что они «автохтоны», туземцы въ своей странѣ, а не пришельцы, что они всегда жили въ ней. Скалистый полуостровъ, на которомъ лишь одна третья часть земли годилась подѣ хлѣбопашество, не былъ привлекателенъ для завоевателей; тѣ передвиженія племенъ, которыя произвели этнографическіе перевороты почти во всей остальной Греціи, не коснулись Атики. Но въ ней нашли пріютъ многіе люди знатнаго рода, бѣжавшіе изъ другихъ земель; такъ бѣжали, на примѣръ, изъ Пилоса потомки Нестора; изъ Фивъ—гефирей; изъ Фессалии—пиритониды и корониды. Они были приняты въ число аттическихъ знатныхъ родовъ, которые тоже вели свое происхожденіе отъ древнихъ героевъ и занимали свое привилегированное положеніе потому, что наследовали отъ предковъ или знаніе военнаго дѣла, какъ, на примѣръ, потомки Тезея и Аякса, или богослужебныя свѣдѣнія и права, какъ, на примѣръ, эвмолпиды, керики, этеобутады, фиталиды (стр. 68). Сила туземной аристократіи увеличилась принятіемъ въ составъ ея знатныхъ чужеземныхъ родовъ, одинъ изъ которыхъ — храбрый родъ Нелея и Нестора, — получилъ даже царскій санъ (стр. 107). Такимъ образомъ, въ Атикѣ было много знатныхъ родовъ, имѣвшихъ политическую опытность и многостороннюю образованность; потому въ ней очень рано установился прочный государственный порядокъ. Переселившіеся въ Атику аристократы мало по малу слились съ туземными въ плотную корпорацію; это сословіе знатныхъ людей, «эвпатридовъ» («благородныхъ») составляло господствующій классъ; только эвпатриды были полноправными гражданами. Старѣйшины эвпатридскихъ родовъ были созываемы царемъ въ его дворецъ, стоявшій въ Кекропії, на совѣщаніе о государственныхъ дѣлахъ; изъ эвпатридовъ царь выбиралъ совѣтниковъ, при содѣйствіи которыхъ разбиралъ тяжбы на площади народныхъ собраній и рѣшалъ уголовныя дѣла на холмѣ Ареса.

Мы рассказывали исторію Аѣинъ въ тѣ времена, преданія о которыхъ сохранились въ легендахъ о Кекропсѣ и Тезеѣ (стр. 68—70).

Аттическая аристократія.

Царствованіемъ Кекропса аѣиняне называли время перехода отъ раздробленности Аттики на независимыя сельскія общины къ государственной жизни. Въ легендахъ о Кекропсѣ Аттика является раздѣленной на двѣнадцать общинъ; центромъ каждой изъ нихъ служитъ маленькая крѣпость; въ крѣпости живетъ старшина, называющійся царемъ; онъ имѣетъ обширныя помѣстья; его окружаютъ благородные воины; онъ государь своей общины; всѣ двѣнадцать общинъ — независимы другъ отъ друга государства. Потомъ, общины соединяются въ одно государство; аѣинскій акрополь становится столицею всей Аттики; это въ легендахъ представляется дѣломъ національнаго героя Аттики, Тезея. Такъ понималъ легенды о Тезеѣ Фукидидъ: Тезей учредилъ, говоритъ онъ, булевтерій (высшій правительственный совѣтъ, сенатъ) и пританей (административную коллегію, директорію) въ Аѣинахъ, и уничтожилъ правительственные совѣты другихъ общинъ, соединилъ всѣ общины въ одно государство и заставилъ признавать Аѣины единственнымъ центромъ правительственной власти; всѣ правительственныя учрежденія сосредоточились теперь въ Аѣинахъ; этотъ городъ при Тезеѣ сталъ гораздо больше прежняго. Потому аѣиняне до сихъ поръ совершаютъ праздникъ Синекій (соединенія разрозненныхъ общинъ). — Соединеніе общинъ въ одно политическое цѣлое — начало исторіи аттического государства. Его населеніе составляли іонійцы. Во время передвиженія племенъ, происходившаго послѣ Троянской войны, изгнанники изъ разныхъ областей Греціи переселялись въ Аттику и сливались въ одинъ народъ съ этими «автохтонами».

Филы и Фратрин. Но не смотря на соединеніе аристократическихъ родовъ въ одну корпорацию, всѣ члены которой имѣли равныя права и одинаковыя интересы, эти роды оставались сгруппированы въ болѣе тѣсныя корпорации по старымъ преданіямъ о родствѣ и по прежнимъ общиннымъ связямъ. Аттическое государство произошло, какъ мы видѣли, изъ соединенія общинъ, прежде того бывшихъ независимыми государствами. Каждая община имѣла свою аристократію; эвпатриды, составлявшіе аристократію независимой общины, оставались особенною группою и по соединеніи общинъ въ одно государство; эта группа эвпатридовъ сохраняла свои прежнія общія жертвоприношенія, праздники, обряды. Знатные роды, переселявшіеся въ Аттику изъ другихъ частей Греціи, были, вѣроятно, принимаемы въ составъ этихъ тѣсныхъ группъ. — На этомъ, вѣроятно, основывалось остававшееся въ историческія времена раздѣленіе аѣинскихъ полноправныхъ гражданъ (то есть, первоначально, только эвпатридовъ) на четыре филы (на четыре колѣна). По преданію, это раздѣленіе было установлено Іономъ; и названія филамъ онъ далъ по именамъ своихъ четырехъ сыновей. Учредителемъ дѣленія на четыре филы аттическое преданіе называло общаго легендарнаго предка всѣхъ іонійцевъ, вѣроятно, потому, что на четыре филы дѣлились іонійцы не въ одной только Аттикѣ: тѣ же четыре филы встрѣчаются у іонійцевъ во многихъ другихъ мѣстностяхъ (напримѣръ, исторически достоверно, что въ Кизикѣ и въ Эфесѣ было это дѣленіе). Такимъ образомъ, дѣленіе на четыре филы было общее всѣмъ отраслямъ іонійцевъ,

какъ дорійцы повсюду дѣлились на три колѣна. — Первоначально, филы соотвѣтствовали, вѣроятно, распредѣленію населенія по округамъ въ первобытной его странѣ; это видно изъ того, что имена филъ происходятъ отъ словъ, обозначающихъ занятія; должно полагать, что въ каждомъ округѣ первоначальной отчизны было особое преобладающее занятіе, соотвѣтственно различію мѣстныхъ условій. Нельзя полагать, что различіе занятій было у іонійцевъ сословною разницею, подобною кастамъ восточныхъ народовъ. Названія аттическихъ филъ были: телеонты („блестящихъ народовъ“), гоплеты („воины“), аргады („земледѣльцы“) и эгикоры („козогоны“). Къ филѣ телеонтовъ безъ сомнѣнія принадлежали знатные роды Кекропіи (аѣинскаго Акрополя), владѣвшіе долиною Кефисса. Филу гоплетовъ, вѣроятно, составляли воинственные жители сѣверовосточной части Аттики, около Мараэона и Декелен. Аргады, „земледѣльцы“, жили, вѣроятно, въ плодородной элевзинской равнинѣ, а „козогоны“, эгикоры въ горахъ и на пастбищахъ юговосточной части Аттики. Съ теченіемъ времени составъ филъ конечно очень измѣнился: нѣкоторые семейства вымирали; были принимаемы въ филу новыя семейства; многіе переселялись изъ прежней мѣстности въ другую; но каждая фила по прежнему оставалась особою корпорациею, продолжающею совершать завѣщанныя преданіемъ общія жертвоприношенія Зевсу Геркею (Зевсу охранителю очага) и Аполлону Патрою (Аполлону покровителю рода). — Каждая фила раздѣлялась на три фратріи (три „братства“); въ каждой фратріи было 30 родовъ. Такимъ образомъ, сословіе полноправныхъ гражданъ аттического государства состояло изъ 12 фратрій, изъ 360 родовъ. — Фратріи были родовыя товарищества. Родъ состоялъ изъ группы семействъ, или дѣйствительно происходившихъ отъ одного родоначальника, или присоединившихся къ потомкамъ одного предка, вмѣстѣ съ ними служившихъ родовому ихъ божеству и воздававшихъ почести памяти ихъ предка. Семейства, составлявшіе родъ, безъ сомнѣнія жили въ сосѣдствѣ между собою, образовали маленькій особый округъ; число ихъ, вѣроятно, бывало вообще около 30, немногимъ больше или меньше. Глава старшаго семейства былъ старшиною рода. Старшины родовъ, составлявшихъ фратрію, избирали старшину фратріи; избраніе старшинъ родовъ всей филы избирало царя филы („царя колѣна“). — Всѣ члены рода были соединены между собою обязанностию кровомщенія и правомъ наследовать имущество вымершаго семейства; всѣ были погребены въ одномъ мѣстѣ. Каждый родъ имѣлъ общее родовое имущество, имѣлъ мѣсто для общественныхъ собраній, имѣлъ общій жертвенникъ. Родъ образовалъ какъ будто одно большое семейство.

Эвпатриды составляли господствующее сословіе; простолюдины были низшимъ сословіемъ; оно называлось «демосъ» («народъ»); къ демосу принадлежали геоморы (земледѣльцы, владѣющіе мелкими участками), ремесленники (деміурги), моряки, рыбаки, другіе рабочіе люди, пастухи. Нѣкоторые изъ нихъ были свободные люди; другіе, жившіе на чужой землѣ, должны были работать на землевладѣльца или отдавать ему часть продуктовъ, но имѣли свое самостоятельное хозяйство; третьи были отпущенники или находились въ состояніи, подобномъ крѣпостной зависимости, и не принадлежали, кажется, къ составу общинъ, въ которыхъ жили, но допущены были къ участию въ религіозныхъ обрядахъ своихъ господъ, эвпатридовъ, причислялись къ ихъ филамъ, фратріямъ, родамъ. Каждое семейство

Низшія сословія.

эвпатридовъ имѣло подѣ своею властью большее или меньшее число семействъ поселянъ и другихъ рабочихъ людей, жившихъ на его землѣ или подлѣ его имѣнія. Они были какъ будто членами семейства своего господина; допускаемые къ участию въ его жертвоприношеніяхъ и другихъ богослужебныхъ обрядахъ, они тѣмъ самымъ были ужъ до нѣкоторой степени членами его рода, пользовались нѣкоторыми изъ родовыхъ правъ. Такимъ образомъ, отношеніе между эвпатридами и демосомъ имѣло характеръ родственной связи. Эвпатриды были покровителемъ и судьей подвластныхъ ему простолюдиновъ; онѣ и они должны были помогать другъ другу въ случаяхъ бѣдъ или нужды. Потому, несмотря на разницу происхожденія, общественнаго положенія и правъ, эвпатриды и простолюдины принадлежащіе къ одному роду, имѣли общіе интересы; родовой союзъ, кромѣ религіозной санкціи, имѣлъ и гражданскую солидарность, походилъ на общину, глава которой, эвпатриды, исполняетъ обязанности жреца и судьи; фратрія носила такой же характеръ.

Принятія по-Значеніе родовыхъ союзовъ ясно въ особенности изъ того, что мы знаемъ о фратріи. Фратрія была во мѣсяцъ піанепсіѣ фратріи совершали трехдневный праздникъ апатурій въ честь фратрію. Аполлона Патроя; фратрія приносила жертвы ему, и всѣ члены ея участвовали въ общемъ пирѣ. На третій день праздника старшины родовъ и фратрій принимали въ члены этихъ союзовъ дѣтей, родившихся во время предъидущихъ апатурій, и вносили этихъ дѣтей въ списки гражданъ. Отецъ ребенка показывалъ его собранію фратріи, удостоверялъ присягою, что дитя рождено отъ законнаго брака, приносилъ жертву, и угощалъ членовъ фратріи жертвеннымъ пиромъ. Принятыхъ во фратрію малютокъ обносили кругомъ жертвенника фратріи, на которомъ горѣлъ священный огонь, и пѣли при этомъ гимны въ честь Гефеста (Стран. 51). Такія же формальности соблюдались при усыновленіяхъ, которые, вѣроятно, были часты въ Атикѣ, потому что граждане ея очень желали, чтобы аттическія семейства не вымирали. Имущество умершаго, не имѣющаго наслѣдниковъ, дѣлилось между членами его рода.— По достиженіи совершеннолѣтія, юноша былъ снова представляемъ собранію фратріи, производилась провѣрка его права быть членомъ ея.— При вступленіи въ бракъ, мужъ представлялъ фратріи жену, приносилъ жертву богамъ покровителямъ родового союза и давалъ жертвенный пиръ. Братъ надобно было засвидѣтельствовать, потому что на признаніи его законности основывалось гражданское положеніе дѣтей и право ихъ наслѣдовать отцу.

Такимъ образомъ отношенія простолюдиновъ къ эвпатридамъ имѣли религіозный и родственный характеръ; потому, хотя простолюдины не имѣли политическихъ правъ и большинство ихъ не имѣло земли, но ихъ положеніе не было тяжело: въ Атикѣ была и торговля, и промышленность, народъ былъ трудолюбивъ и воздерженъ, эвпатриды обращались съ простолюдинами мягко, по врожденному іонійцамъ уваженію къ личной свободѣ; благодаря всему этому, простолюдины Атики вообще жили безбѣдно. Въ Аѣнахъ дружески принимали изгнанниковъ, они были тамъ подѣ покровительствомъ Зевса. Сострадательность жила въ сердцахъ аѣнянъ, и на площади народныхъ собраній стоялъ жертвенникъ ея. При такомъ характерѣ

племени, населявшаго Атику, эвпатриды обращались съ простолюдинами, жившими на ихъ земляхъ, какъ отцы семействъ съ младшими родными.

Права преслѣдованія за убійство имѣли также родовой характеръ. Съ давней старины Права преслѣдованія за убійство. царь или архонтъ совершалъ судъ по дѣламъ объ убійствѣ. Этотъ судъ производилъ онъ или на холмѣ Ареса подлѣ Акрополя, или, въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, на какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, предназначенномъ для того преданіями. По стариннымъ религіознымъ понятіямъ греховъ, человѣкъ, пролившій кровь, былъ нечистымъ. Боги отвращались отъ него, гнушались убійствомъ. Люди, которые терпѣли его въ своемъ обществѣ, оскверняли себя. Душа убитаго гнѣвалась на убійцу и требовала мщенія. Потому мсть за его кровь была священной обязанностью его родныхъ и членовъ его рода; все общество находило полезнымъ для себя, чтобъ они исполнили свою обязанность. Но при старинномъ самоуправствѣ кровомстителей, смерть убійцы вызывала его родныхъ мстить за его кровь, вела къ новымъ убійствамъ. Для предотвращенія этого, у аѣнянъ были установлены правила законнаго преслѣдованія убійцы и наказанія его. Преслѣдовать его было оставлено обязанностью родныхъ убитаго; съ нихъ слагалась эта обязанность, если умирающій простилъ того, кто нанесъ ему смерть; если этого не было, они должны были преслѣдовать убійцу; неисполненіе этой обязанности было съ ихъ стороны преступленіемъ не только противъ родственнаго чувства, но и противъ всего общества, которое было осквернено убійствомъ и, при безнаказанности убійцы, подвергалось гнѣву боговъ. Правила законнаго преслѣдованія убійцы были у аѣнянъ таковы: кровомститель провозглашалъ на могилѣ убитаго, потомъ на площади народныхъ собраній и наконецъ передъ лицомъ царя, что запрещаетъ убійцѣ появляться въ храмахъ и во всякихъ мѣстахъ общественныхъ собраній. Послѣ того, онъ съ копьемъ въ рукѣ преслѣдовалъ убійцу, а поймавъ его, вель на судъ. Если убійца не хотѣлъ идти, сопротивлялся, то кровомститель имѣлъ право убить его. Если кровомститель не могъ поймать убійцу, то имѣлъ право взять заложниковъ изъ его рода, но долженъ былъ передать ихъ въ распоряженіе суда. Если былъ убитъ въ домѣ человѣкъ, не принадлежащій къ семейству, домохозяинъ долженъ былъ на свой счетъ похоронить убитаго, провозгласить на его могилѣ, что онъ былъ убитъ, и воткнуть на могилѣ копье, чтобы ближайшій родственникъ убитаго взялъ его и преслѣдовалъ убійцу.

Судъ по дѣламъ объ убійствѣ производился на холмѣ, посвященномъ богу войны, Судъ на Аресу; это была нагая скала; на ней стоялъ жертвенникъ Эрній, богини мученія совѣсти; на этомъ холмѣ нѣкогда былъ судимъ и оправданъ убійца Орестъ (Стран. 94). Судъ былъ производимъ подѣ открытымъ небомъ, потому что судьи не могли находиться подѣ одною кровлею съ убійцею. Обвинитель и обвиняемый сидѣли на камняхъ, которые были оставлены не вытесанными; обвинитель на «каміѣ непримиренности», обвиняемый на «каміѣ беззаконія». Былъ приносимъ въ жертву всеръ, баранъ или быкъ; это была жертва присяги; обвинитель или обвиняемый, прикасаясь къ мясу жертвы, давали плывенное обѣщаніе говорить правду. Процессъ продолжался два дня. Обвинитель и обвиняемый могли выставить свидѣтелей; но адвокатовъ не могли имѣть, должны были вести свое дѣло сами. На третій день было произнесимо рѣшеніе. По въ первый же день процесса обвиняемый могъ прекратить его, добровольно удаляясь изъ государства. Если онъ избиралъ это, судъ постановлялъ, что онъ подвергается вѣчному изгнанію и его имущество конфисковалось.—Если процессъ былъ доведенъ до конца, и если судъ признавалъ убійство сдѣланнымъ предумышленно, убійца осуждался на смерть. При исполненіи смертнаго приговора присутствовалъ обвинитель. Имущество приговореннаго къ смерти конфисковалось. При равномъ числѣ голосовъ за оправданіе и за обвиненіе, обвиняемый былъ признаваемъ оправданнымъ.

Тѣ же формы уголовного процесса были соблюдаемы, когда судъ надѣ убійцею про- Судъ въ Дельфинѣ. исходилъ не на холмѣ Ареса, а въ Дельфинѣ, аѣнскомъ храмѣ Аполлона Дельфійскаго. «Царь»,—то есть, въ историческія времена, одинъ изъ архонтовъ, имѣвшій титулъ

ридовъ своихъ округовъ, составляли съ архонтами и старѣйшинами филъ правительственный совѣтъ, которому было поручено и завѣдываніе судопроизводствомъ. Мѣстомъ засѣданій этого совѣта былъ пританей, въ которомъ находился государственный очагъ, религіозный символъ государственнаго единства; на очагѣ горѣлъ неугасаемый огонь. Какъ прежде совѣтники царя обѣдали во дворцѣ, такъ пританы обѣдали съ архонтами въ пританей. Совѣтъ притановъ былъ высшею административною властью; когда онъ занимался административными дѣлами, въ немъ председательствовалъ первый архонтъ; когда онъ на холмѣ Ареса и на другихъ, опредѣленныхъ древнимъ обычаемъ мѣстахъ судилъ дѣла объ убійствѣ, въ немъ председательствовалъ архонтъ—царь; другіе процессы онъ судилъ подъ председательствомъ того или другаго изъ архонтовъ-еесмоетовъ.

Архонты; рас-
предѣленіе вла-
сти между
ними.

Архонтовъ было девять. Всѣ они носили, какъ знакъ своего сана, митровый вѣнокъ. Первый архонтъ, именемъ котораго отиѣчался во всѣхъ общественныхъ актахъ годъ («при архонствѣ такого-то»), и который поэтому въ позднѣйшія времена назывался архонтомъ—эпонимомъ (архонтомъ, дающимъ свое имя году), былъ президентомъ республики; онъ председательствовалъ въ правительственномъ совѣтѣ и имѣлъ высшій контроль надъ администраціею. Онъ былъ судьей по семейнымъ дѣламъ и тяжбамъ о насильствѣ; онъ рѣшалъ дѣла о правахъ состоянія; въ трибуналѣ, засѣдающемъ въ «царскомъ судилищѣ», на южной сторонѣ площади народныхъ собраній, онъ судилъ дѣла о бракахъ, всѣ тяжбы, касавшіяся сиротъ, другихъ несовершеннолѣтнихъ и вдовъ. Онъ имѣлъ право наказывать людей, которые вели пьяную или безпорядочную жизнь. Онъ завѣдывалъ праздниками Великихъ Діонисій и Фаргелій. —Второй по почетности сана архонтъ, называвшійся архонтомъ-царемъ и имѣвшій царское облаченіе («критескую мантию») и царскую обувь (башмаки, называвшіеся «василидами»), совершалъ тѣ религіозные обряды, которые прежде совершали цари; потому-то и былъ сохраненъ титулъ царя, что въ уставахъ религіи нельзя было дѣлать перемѣнъ. Онъ завѣдывалъ общественными жертвоприношеніями, религіозными праздниками, храмами и другими священными мѣстами, завѣдывалъ, въ частности, элевзинскими и ленеискими праздниками, былъ судьей по дѣламъ объ оскорбленіи боговъ, о неисполненіи религіозныхъ обязанностей и вообще по религіознымъ дѣламъ. Онъ былъ председателемъ суда въ дѣлахъ о пролитіи крови, потому что при этихъ процессахъ были совершаемы религіозные обряды жертвоприношеній и очищеній. Жена архонта—царя называлась царицею. На третій день Аносстерій (праздника весны) она, въ сопровожденіи четырнадцати женщинъ знатнаго рода, отправлялась въ храмъ Діониса, стоявшій у Акрополя, и тамъ совершался обрядъ бракосочетанія ея съ Діонисомъ, богомъ, дающимъ землѣ плодородіе (стран. 62). —Третьему архонту были переданы военныя обязанности царя, и потому онъ назывался полемархомъ (военачальникомъ). Онъ завѣдывалъ жертвоприношеніями богамъ войны и рѣшалъ тяжбы между гражданами и метеками (поселившимися въ Атикѣ греками другихъ областей) или пріѣзжими иноземцами. — Всѣ важнѣйшія обязанности царя были раздѣлены исключительно между этими тремя первыми архонтами, и остальные шесть архонтовъ, называвшіеся еесмоетами («постановителями рѣшеній по законамъ») первоначально были, вѣроятно, только помощниками ихъ. Впослѣдствіи, главною обязанностію еесмоетовъ было охраненіе общественнаго спокойствія, законнаго порядка и правильнаго веденія тѣхъ процессовъ, которыми не завѣдывали три первые архонта. Ихъ засѣданія происходили въ особенномъ зданіи, которое называлось еесмоетей (домъ или судилище еесмоетовъ); тамъ они и обѣдали, всѣ вмѣстѣ.

Партін.

Когда эвпатриды совершенно овладѣли государственнымъ управленіемъ, для простолюдиновъ начались тяжелыя времена. Кромѣ прежнихъ взносовъ на богослужебные обряды родовъ и фратрій, просто-

людины должны были теперь дѣлать взносы на военные расходы наемныхъ, служить въ войскахъ и на флотѣ. Эвпатриды, крупные землевладельцы, чьи имѣнья лежали большею частью въ плодородной равнинѣ Кефисса, и которые имѣли средства вести морскую торговлю, богатѣли; а поселяне, и въ особенности «діакрійцы», жившіе въ горахъ, на которыхъ не было пахатной земли, были только скудные пастбища, бѣднѣли.

Крупные землевладельцы равнины, педіаи, пользовавшіеся всѣми случаями для увеличенія и округленія своихъ помѣстій, завладѣвали землями свободныхъ поселанъ (геоморовъ), занутившихся въ неоплатные долги имъ. Проценты были высокіе (больше 8 на 100), законы о взысканіи долговъ суровы; геоморы принуждены были отдавать свои земли кредиторамъ эвпатридамъ, и становились оетами (людьми, живущими на чужой землѣ и подвластными ея владѣльцу); воздѣлывая тѣ земли, собственниками которыхъ прежде были сами, они теперь должны были отдавать владѣльцу ихъ, своему господину, большую часть продукта. Земли тѣхъ поселанъ, которые еще оставались теоморами, почти всѣ были заложены, и на нихъ стояли каменные столбы съ обозначеніемъ имени кредитора и суммы долга ему; лишь немногіе могли выпутываться изъ долговъ; почти ни у кого не было средствъ даже и платить сполна проценты; долги росли; такимъ образомъ и тѣ поселяне, которые еще оставались свободными, почти всѣ видѣли впереди потерю своихъ земель и своей свободы. По законамъ о взысканіи долговъ, если имущество должника не было достаточно для полной уплаты долга, то кредиторъ бралъ его въ работу или продавалъ въ рабство; и много афинскихъ гражданъ было продано въ рабство безжалостными кредиторами. —Такимъ образомъ возникли сословіе поселанъ-рабовъ и сословіе простолюдиновъ, подвластныхъ господамъ, гектеморіевъ («шестидольщиковъ»), какъ назывались они, вѣроятно, потому, что имъ была оставлена шестая доля продукта, а пять долей бралъ помѣщикъ. «Паралійцы», какъ назывались простолюдины, жившіе по приморью и въ Афинахъ, и кормившіеся рыболовствомъ, мелкою торговлею, ремеслами, тоже были сначала въ зависимости отъ эвпатридовъ; но скоро ихъ положеніе измѣнилось: съ развитіемъ колонизаціи мореходство и торговля расширились, число и значеніе ремесленниковъ (деміурговъ) росло; паралійцы стали зажиточнѣе прежняго, и въ нихъ пробудилось стремленіе къ самостоятельности; въ этомъ направленіи дѣйствовалъ на ихъ мысли и примѣръ іонійскихъ городовъ, въ которыхъ промышленный классъ пользовался благосостояніемъ и достигъ политическаго преобладанія.

Всѣмъ всего страдали простолюдины отъ несправедливаго суда. Судьями по всѣмъ дѣламъ были исключительно эвпатриды; писанныхъ законовъ не было, существовало только обычное право, неписанное; оно было хорошо извѣстно только эвпатридамъ. Произволу судей былъ широкій просторъ, и они часто рѣшали дѣла пристрастно. Мы ужъ говорили во Введеніи (томъ I, стр. 23), что требованіе писанныхъ законовъ было повсюду первымъ проявленіемъ пробуждающагося политическаго самосознанія простолюдиновъ: видѣли, что святая, вѣчная правда искажается судьями въ интересахъ господст-

Характеръ
суда.

вующаго сословія, и чувствовали необходимость получить твердую охрану отъ несправедливости и угнетенія. Этимъ путемъ шло развитіе государственной жизни и въ Аѣинахъ. Судьи, эвпатриды, возвращали обычное право въ пользу людей своего сословія и съ безжалостною строгостію примѣняли суровые законы объ отвѣтственности за долги. Аѣинскіе простолюдины слышали, что въ южной Италіи и Сициліи Залевкъ и Харондъ установили равноправность сословія передъ судомъ, написали законы, дающіе равную охрану всѣмъ. А живое чувство справедливости было однимъ изъ сильнѣйшихъ качествъ Аѣинскаго народа. Потому неудивительно, что въ немъ пробудилось желаніе имѣть писанные законы. Это было въ половинѣ VII вѣка. Онъ требовалъ ихъ такъ настойчиво, что эвпатриды, ослабленные раздорами между собою, принуждены были уступить и дали въ 620 году Дракону, бывшему тогда первымъ архонтомъ, полномочіе записать и обнародовать существующіе законы обычнаго права и формы судопроизводства. Онъ составилъ сводъ ихъ, написанный въ такомъ суровомъ духѣ, что жестокость его законовъ вошла въ пословицу. Объ нихъ говорили, что они написаны кровью. Въ нихъ не допускалось никакого смягченія наказаній по обстоятельствамъ дѣла, уменьшающимъ вину. За каждое преступленіе было назначено одно неизмѣнное ни въ какомъ случаѣ наказаніе, и наказанія были опредѣлены очень суровыя. Драконъ ставилъ опорою законнаго порядка только страхъ. Трудно рѣшить, было ль такимъ именно суровымъ обычное право, по которому до той поры судили трибуналы эвпатридовъ, или Драконъ, записывая обычное право, увеличилъ, въ интересахъ эвпатридовъ, суровость его, чтобы силою страха подавить демократическія стремленія, начинавшія пробуждаться въ простолюдинахъ, и упрочить владычество своего сословія. Но достоверно то, что законы, обнародованные Дракономъ, имѣли своею цѣлью предотвратить нововведенія, удержать во всей строгости старинныя отношенія между сословіями, начинавшія колебаться, были предназначены сохранить за судьями прежнюю силу, давая имъ ужасающую власть казнить. — Вѣроятно, они всѣ были основаны на обычномъ правѣ; но судьи, примѣняя это право, смягчали его; такъ вообще бываетъ, когда судъ идетъ по обычному праву; но теперь, оно было записано во всей своей суровости, судья не могъ смягчать его; — вѣроятно, этимъ объясняется то, что законы Дракона оказались жестокими.

Эфеты.

Изъ преобразованій, введенныхъ Дракономъ въ судопроизводство, удержалось лишь одно, опредѣлившее составъ судебной коллегіи, на холмѣ Ареса и въ другихъ трибуналахъ, рѣшавшихъ дѣла о пролитіи крови. Предсѣдателемъ этой коллегіи остался тотъ изъ архонтовъ, который предсѣдательствовалъ въ нихъ прежде, въ большей части случаевъ архонтъ — царь. Но онъ и прежде былъ только предсѣдателемъ коллегіальнаго трибунала. Кто были до Дракона члены суда, мы не знаемъ въ точности. Драконъ постановилъ, что всѣ дѣла о пролитіи крови судить одинъ и тотъ же трибуналъ, пере-

носящій свои собранія съ холма Ареса на другія мѣста въ тѣхъ случаяхъ, когда судить процессы, которые по старымъ обычаямъ должны быть судимы на другихъ мѣстахъ; что число членовъ этого трибунала 51; что эти судьи избираются пожизненно изъ сословія эвпатридовъ и что предсѣдатель этого трибунала — архонтъ-царь. — Эти пожизненные судьи назывались эфетамъ. Трибуналъ ихъ на холмѣ Ареса судилъ, промѣ дѣла о пролитіи крови, также дѣла объ отравленіи и о поджогѣ. — Жестокія наказанія, опредѣленные законами Дракона — какъ на примѣръ, наказаніе смертію за всякое, даже самое мелкое воровство, — или съ самаго начала были отвергнуты верховною властію или скоро были отменены. То же самое должно полагать относительно суровыхъ постановленій его объ отвѣтственности несостоятельныхъ должниковъ, отдавъ ихъ не въ работу кредиторамъ до уплаты долга работою, а прямо въ рабство.

Эвпатриды надѣялись, что законы Дракона удержатъ въ повиновеніи Смуты. Попыт- имъ народъ или даже заставить его желать возвращенія къ прежнему на Килонѣ сдѣ- порядку суда, предоставлявшему судьямъ произволъ. По писаннымъ за- латься тиран- конамъ, кредиторъ всегда могъ взять несостоятельнаго должника въ номъ. работу и продать его дѣтей въ рабство; бѣднякъ, для утоленія голода сорвавшій что нибудь въ чужомъ огородѣ или саду, подвергался смерти за это; — сравнительно съ такими законами прежній произвольный судъ былъ отеческою кротостію. Но народъ не хотѣлъ возвратиться подъ иго произвола. Возникли волненія; они были для эвпатридовъ тѣмъ опаснѣе, что между ними самими возникла борьба. Мегара, Коринѣтъ, нѣкоторые другія государства находились тогда подъ владычествомъ тиранновъ, какъ называли греки узурпаторовъ. Тиранны были властолюбивые аристократы, возставшіе противъ своего сословія и захватившіе себѣ единовластіе при помощи наемнаго войска. Такъ задумалъ сдѣлать и въ Аѣинахъ Килонъ, одинъ изъ самыхъ знатныхъ эвпатридовъ, получившій большую популярность у аѣинянъ тѣмъ, что одержалъ побѣду на олимпійскихъ играхъ. Рассчитывая на поддержку со стороны недовольныхъ простолюдиновъ, онъ хотѣлъ воспользоваться смутами и захватить власть. Феагенъ, тираннъ Мегарскій, на чьей дочери онъ былъ женатъ, ободрялъ его и прислалъ ему воиновъ. Въ годовщину своей побѣды на олимпійскихъ играхъ, онъ, устроивъ праздникъ, подвелъ своихъ аѣинскихъ соумышленниковъ и мегарянъ къ Акрополю; внезапнымъ движеніемъ они заняли эту цитадель; онъ сталъ склонять народъ на свою сторону, обѣщая раздѣлъ земель и смягченіе законовъ о взысканіи долговъ. Но аѣиняне вознегодовали на его коварство, не вѣрили ему и онъ остался безъ поддержки отъ простолюдиновъ. Эвпатриды, подъ предводительствомъ алкмеонида Мегакла, бывшаго тогда первымъ архонтомъ, напали на Акрополь и овладѣли имъ. Килонъ и его братья успѣли убѣ- жать тайными ходами. Остальные заговорщики, изнуренные голодомъ, сѣли на ступеняхъ жертвенниковъ, думая, что аѣиняне по уваженію къ святости жертвенниковъ, пощадятъ ихъ. Имъ обѣ- щали свободный пропускъ за границу. Они повѣрили. Но лишь ото- шли они отъ жертвенниковъ, эвпатриды, измѣнивъ обѣщанію, стали

620 годъ.

убивать ихъ. И всѣхъ перебили. Даже тѣ, которые успѣли добѣжать до жертвенниковъ Эриній у подошвы Акрополя и схватились за нихъ руками, были умерщвлены.

Изгнаніе Алкмеонидовъ.

Такое оскверненіе жертвенниковъ привело народъ въ боязнь кары отъ боговъ. Онъ требовалъ, чтобы виновные въ преступленіи противъ боговъ были наказаны; иначе боги накажутъ весь народъ за ихъ грѣхъ. Эвпатриды долго не соглашались. Главными виновниками въ оскверненіи святыни были Мегаклъ и другіе алкмеониды; эвпатриды считали ихъ дѣло своимъ собственнымъ. Теагенъ мегарскій, раздраженный неудачею зятя и тѣмъ, что аѣиняне убили присланныхъ имъ Килону мегарскихъ воиновъ, началъ войну, овладѣлъ островомъ Саламиномъ, который принадлежалъ аѣинянамъ, и блокировалъ своимъ флотомъ берега Аттики. Аѣиняне, считая боговъ гнѣвающимися на нихъ, робѣли; попытки возвратить Саламинъ были отбиты мегарянами: аѣиняне потеряли много войска и кораблей; эвпатриды лишились надежды на успѣхъ и подъ страхомъ смерти воспретили предлагать народу возобновленіе нападеній на Саламинъ. Торговля и рыболовство остановились, промышленность была въ застоѣ, народъ впалъ въ бѣдственное положеніе, а законы объ отвѣтственности должниковъ примѣнялись безпощадно. Въ народѣ поднялось глухое броженіе, и грозило перейти въ открытый мятежъ; при обнищаніи и раздраженности народа, происходили драки, было много убійствъ и воровства. Наконецъ одному изъ самыхъ знатныхъ эвпатридовъ, человѣку, горячо любившему родину, Солону, удалось убѣдить своихъ собратьевъ по сословію, что сопротивленіе требованію народа приведетъ къ паденію и владычество ихъ, и государство. Алкмеониды согласились подчиниться тому, что будетъ рѣшено комиссіею, составленною изъ 300 эвпатридовъ. Комиссія признала ихъ виновными въ оскорбленіи боговъ и рѣшила, что они должны подвергнуться изгнанію. Они удалились; народъ сторонился отъ нихъ, когда они шли по улицамъ города въ изгнаніе. И даже кости тѣхъ виновныхъ въ оскорбленіи святыни Алкмеонидовъ, которые умерли въ эти годы, были выброшены изъ аттической земли, какъ оскверняющія ее.

Солонъ. Его общественное положеніе.

Изгнаніе алкмеонидовъ было первою уступкою эвпатридовъ народу, первымъ шагомъ къ примиренію съ нимъ. Солонъ сталъ надеждою народа. Эвпатриды могли досадовать на эвпатрида, выступившаго дѣятелемъ въ пользу требованій народа, но должны были слушать его совѣты съ уваженіемъ, потому что его положеніе въ ихъ сословіи было очень высоко: онъ былъ очень знатенъ и очень богатъ. Подобно своему отцу, Эксеkestиду, человѣку тоже благороднаго характера, онъ употреблялъ свое богатство на помощь нуждающимся; онъ обладалъ большою опытностью и обширными знаніями; онъ много путешествовалъ: былъ въ Египтѣ, на Кипрѣ, въ Малой Азій,

вездѣ бесѣдовалъ съ просвѣщенными людьми, увеличивая свое знаніе жизни; онъ былъ горячій патріотъ и человѣкъ, дѣлавшій много добра;—все это придавало большую авторитетность его словамъ. Потомокъ Кодра, по безкорыстному желанію блага родины онъ сталъ защитникомъ угнетеннаго народа; самые своекорыстные, надменные, жестокіе изъ эвпатридовъ не могли не уступать вліянію словъ такого человѣка.

Солонъ родился въ 639 году. Ему было 59 лѣтъ, когда онъ совершилъ первое изъ великихъ дѣлъ своего благороднаго стремленія служить благу родины. Онъ былъ человѣкъ сильнаго характера, гениальный, любознательный. Въ молодости онъ усердно занимался гимнастикой; усердно занимался музыкою, учился; сталъ человѣкомъ превосходно развитымъ и физически и нравственно. Аѣинскіе юноши слѣдующихъ вѣковъ учили наизусть афоризмы, которыми онъ высказалъ результаты своихъ размышленій о жизни. Эти изреченія были написаны стихами элегическаго размѣра. До насъ дошли отрывки этихъ поученій аѣинскаго мудреца. Онъ излагалъ въ нихъ свои мысли о ходѣ жизни человѣка, о стремленіяхъ и обязанностяхъ человѣка въ разные возрасты, о шаткости всѣхъ человѣческихъ расчетовъ, о неравенствѣ состояній, неодинаковости характера людей и судьбы ихъ; порицалъ жадное стремленіе къ чрезмѣрному богатству, скорбѣлъ о бѣдныхъ, говорилъ нарушителямъ справедливости о гнѣвѣ Зевса: Зевсъ долготерпѣливъ, но когда преступленія превышаютъ мѣру его терпѣнія, онъ поражаетъ беззаконниковъ, какъ молнія весенней грозы, и караетъ дѣтей за злыя дѣла отцовъ. Лучше напрасной жадности наслажденіе скромнымъ благосостояніемъ. Сокровищами не откупишься отъ смерти. Въ элегіяхъ Солона та же бодрость духа, та же сдержанность характера, та же гармоническая уравновѣшенность душевныхъ силъ, какъ въ его жизни. Онъ говорилъ, что должно наслаждаться и любовью, и виномъ, и дарами музъ; что счастливъ человѣкъ, у кого здоровыя дѣти, у кого есть и быстрые кони, и охотничьи собаки, кого посѣщаютъ гости изъ чужой земли; онъ желаетъ, чтобы его пожалили, когда услышать о его смерти;—онъ любилъ жизнь и ея радости, но любилъ разумно; въ его элегіяхъ мы постоянно видимъ человѣка, избравшаго своимъ девизомъ изреченіе: «Воздерживайся отъ излишества».

Характеръ Солона. Его элегіи.

Пока Саламинъ оставался во власти врага, аѣинская торговля не могла возстановиться, торговый и промышленный классъ населенія не могъ быть избавленъ отъ бѣдственнаго положенія. Необходимо было, чтобы аѣиняне мужественнымъ дѣломъ возвратили себѣ довѣріе къ своимъ силамъ, освободили себя отъ блокады, стѣснявшей ихъ дѣятельность. Но предлагать возобновленіе военныхъ дѣйствій противъ Саламина было запрещено подъ страхомъ смерти. Солонъ нашелъ способъ преодолѣть это запрещеніе. Онъ притворился потерявшимъ рассудокъ, втѣсненъ въ толпу во время народнаго собранія и сталъ съ горячимъ воодушевленіемъ декламировать элегію «Саламинъ», написанную имъ для возбужденія аѣинянъ къ задуманному имъ дѣлу. Эту элегію заучивали наизусть аѣинскіе юноши слѣдующихъ вѣковъ. Солонъ живо описывалъ аѣинянамъ униженіе, въ какомъ находятся они. Скоро, при встрѣчѣ съ аѣиняномъ, другіе греки будутъ говорить: «Это аѣинянинъ, это одинъ изъ бѣжавшихъ въ Саламинской войнѣ». Аѣиняне обрекли себя на позоръ.

Завоеваніе Саламина.

Толпа понимала, на какую мысль онъ наводитъ этими упреками, и когда онъ воскликнулъ: «Къ оружію! Въ бой за Саламинъ! Возвратимъ себѣ нашъ милый островъ, сокрушимъ постыдное иго!» — изъ народа выступили 500 человекъ, и сказали, что они идутъ за нимъ въ бой. Экспедиція отплыла на двухъ корабляхъ и на рыбацкихъ лодкахъ; нападеніе было неожиданное, дѣло было рѣшено первою атакой; мегаряне были побѣждены, Солонъ предложилъ имъ свободный пропускъ, и они покинули островъ. Земли его были розданы пожелавшимъ поселиться на немъ аѳинянамъ. Блокада аѳинскихъ пристаней прекратилась, аѳиняне снова стали господами своего моря, и могли теперь безъ стыда смотрѣть въ глаза людямъ *).

Эпименидъ очищаетъ Аѳины отъ грѣха. Но было надобно избавить аѳинянъ и отъ тяготѣвшаго надъ ними чувства, что боги прогнѣваны на нихъ за оскорбленіе святилищъ казнью соучастниковъ мятежа Килона. Въ Аттікѣ были послѣ этого неурожай, заразные болѣзни; онъ считался посылаемыми въ наказаніе народу отъ боговъ, и духъ его былъ угнетенъ страхомъ. При такомъ подавленномъ настроеніи аѳинянъ, невозможно было исцѣлить бѣдствія, произведенныя раздорами. Потому Солонъ призвалъ въ Аѳины пользовавшагося величайшимъ уваженіемъ у всѣхъ грековъ жреца-прорицателя, критянина Эпименида Кносскаго, чтобъ онъ жертвоприношеніями и обрядами очищенія примирилъ боговъ съ прогнѣвавшими ихъ аѳинянами.

Эпименидъ былъ благочестивый человѣкъ съ глубокимъ нравственнымъ чувствомъ, импонирующимъ характеромъ и могущественнымъ даромъ слова. Объ немъ говорили, что онъ, какъ это дѣлали восточные пророки и святые, провелъ много лѣтъ въ отшельничествѣ, питался только плодами и кореньями; что онъ очень много лѣтъ пролежалъ въ пещерѣ, объятый глубокимъ сномъ, и получилъ откровенія отъ Зевса критскаго. Онъ былъ друженъ съ Солономъ и охотно принялъ его вызовъ пріѣхать въ Аѳины, примирить народъ съ богами. Онъ воздвигъ въ Аѳинахъ новые жертвенники, совершилъ жертвы на нихъ, совершилъ обряды очищенія, торжественныя процессіи; такимъ образомъ, очистилъ онъ отъ оскверненія холмъ Ареса, храмы и весь городъ; народъ почувствовалъ себя примиреннымъ съ богами и получилъ вѣру въ то, что они будутъ милостивы къ нему. Правительство хотѣло наградить Эпименида, предлагало ему цѣлый талантъ; онъ отказался, и возвращаясь на родину взялъ только вѣтвь съ оливковаго дерева Аѳины. Аѳиняне поставили въ честь его статую; онъ былъ изображенъ сидящимъ и задумавшимся. Слѣдующія поколѣнія рассказывали о немъ легенды, исполненныя чудесъ, и придававшія его жизни сверхъестественную продолжительность. — Ободрившись своимъ примиреніемъ съ богами, аѳиняне почувствовали довѣріе къ своимъ силамъ, и стали способны дѣйствовать отважно. Они показали это, вскорѣ потомъ предпри-

Священная война противъ Криссы. 596—586.

*) Черезъ нѣсколько времени, воспользовавшись раздоромъ партій въ Аѳинахъ, непріятель снова овладѣлъ Саламиномъ. Солонъ отдалъ это дѣло на судъ спартанцевъ, и по ихъ приговору островъ былъ возвращенъ аѳинянамъ.

нявъ, по предложенію Солона, священную войну противъ Криссы въ защиту дельфійцевъ; ихъ союзниками были Сикіонъ и ѳессалійцы (стран. 122). Разрушивъ Криссу, проклятую амфиктіонами, они пріобрѣли себѣ признательность дельфійцевъ и поддержку вліятельнаго Дельфійскаго оракула. Глава семейства Алкмеонидовъ, Алкмеонъ, сынъ Метакла, получившій вмѣстѣ съ другими изгнанниками позволеніе возвратиться на родину, дѣйствовалъ въ этой войнѣ очень энергично и своимъ усердіемъ къ Дельфійскому храму снялъ съ своего рода проклятіе. Одержавъ побѣду въ состязаніи колесницъ на Олимпійскихъ играхъ (572), онъ пріобрѣлъ новую честь своему роду и своему отечеству.

2) законодательство солонѣ.

Солонъ пріобрѣлъ такую признательность, такое довѣріе народа, что легко могъ бы захватить произвольную власть. Во многихъ государствахъ Греціи владычествовали тогда тираны. Никому изъ нихъ не было такъ удобно занять это положеніе, какъ было бъ ему, имѣвшему такія великія правительственныя дарованія и оказавшему такія услуги родинѣ. Одобреніе народа оправдало бъ, или по крайней мѣрѣ извинило бъ его узурпацію. Но онъ предпочелъ блеску владычества славу законодателя; величіе и благо отечества было ему дороже личного честолюбія.

Патріотическая дѣятельность Солонѣ.

«Мой духъ повелѣваетъ мнѣ внушать мужамъ аѳинскимъ, какое безграничное зло производить дурные законы», говоритъ Солонъ въ одной изъ своихъ элегій:—«А хорошія установленія ведутъ къ благу и къ порядку. Они налагаютъ оковы на ноги беззаконниковъ, уравниваютъ кривизны, подавляютъ насиліе, искореняютъ сѣмя бѣдствій, заставляютъ умолкать надменность, утишаютъ раздоры. Гдѣ владычествуешь хорошій порядокъ, тамъ все разумно устроено на пользу людей».

Доставить аѳинянамъ это благо было цѣлью жизни Солонѣ. Онъ справедливо находилъ, что коренная причина всѣхъ бѣдствій государства—дурныя отношенія между сословіями, слишкомъ большое неравенство состояній, рѣзкая противоположность между классомъ полноправныхъ гражданъ, землевладѣльцевъ, и массою обѣднѣвшихъ безправныхъ земледѣльцевъ и другихъ рабочихъ людей. Въ той элегій, гдѣ прославляетъ онъ хорошіе законы, онъ порицаетъ алчность богатыхъ, которые для увеличенія своего богатства совершаютъ притѣсненія, захватываютъ себѣ чужое добро, не думая о божественномъ правосудіи, которое накажетъ ихъ и вмѣстѣ съ ними государство, допускающее ихъ беззаконія.

«Скоро постигнетъ Аѳины неизбежное бѣдствіе: или подпадутъ они подъ иго постыднаго рабства, или раздоръ гражданъ возбудитъ междоусобную войну; падетъ во прахъ цвѣтущая сила мужей, и милая родина погибнетъ отъ ярости вооруженной борьбы. Толпами поведутъ несчастныхъ въ чужбину, окованныхъ цѣпями, и будутъ на рынкахъ продавать ихъ въ рабство».

Для избавленія государства отъ бѣдствій, грозившихъ ему погибелью, необходимо было, чтобы сформировалось третье сословіе, которое заняло бы средину между привилегированнымъ сословіемъ богатыхъ, знатныхъ землевладѣльцевъ и безправною, обѣднѣвшею, подавленою долгами массою, и имѣло бы интересы, совпадающіе съ общимъ благомъ.

Избраніе Солона въ санъ перваго архонта. Не легко было склонить угнетавшихъ народъ эвпатридовъ отказаться отъ матеріальныхъ выгодъ, доставленныхъ имъ законами Дракона. Законъ о взысканіи долговъ отдалъ значительную часть народа въ работу или даже въ рабство землевладѣльцамъ, и каменные столбы на земляхъ, еще остававшихся за поселянами, свидѣтельствовали, что и эти участки скоро перейдутъ въ собственность эвпатридовъ, что и эти поселяне скоро станутъ работать на господъ. Но Солонъ отважился доказывать и успѣлъ доказать эвпатридамъ, что они должны сдѣлать большія уступки народу. Это свидѣлствуетъ, что сами эвпатриды видѣли невозможность поддержать существующія отношенія; имъ грозила опасность или революціи, или подпаденія подъ иго тирана, который сталъ бы грабить ихъ. Чтобы не лишиться всего, они согласились пожертвовать частью своихъ выгодъ. Характеръ Солона, знатность его рода, его богатство, его разсудительность и опытность представляли для нихъ гарантію, что онъ по возможности соблюдетъ ихъ интересы. Потому они выбрали его въ санъ перваго архонта и поручили ему составить законы, какіе нужно для примиренія ихъ сословія съ народомъ.

Сизахтія. Законодательство Солона было направлено къ тому, чтобы устранить главныя причины бѣдственнаго положенія государства и предотвратить возможность возобновленія ихъ въ будущемъ; онъ хотѣлъ освободить гражданъ, которые были отданы въ работу кредиторамъ; освободить отъ долговъ заложенные земли поселянъ; и, чтобы облегчить уплату долговъ, которыми были обременены простолюдины, онъ находилъ надобнымъ измѣнить монетную систему. Онъ сдѣлалъ это посредствомъ законовъ, въ которыхъ, по его собственному выраженію, «насиліе было соединено съ справедливостью», и которые, по общему своему значенію, обозначаются общимъ названіемъ «сизахтія» («снятіе бремени», льгота).

Отмѣна отдачи должника въ работу. Во первыхъ, была отмѣнена отдача неисправнаго должника въ работу кредитору. Солонъ освободилъ своихъ несостоятельныхъ должниковъ отъ уплаты долговъ ему; эти долги, прощенные имъ, составляли 5 талантовъ (болѣе 10.000 рублей),—сумму, огромную по тогдашней цѣнности денегъ. Поступивъ такъ относительно своихъ должниковъ, онъ объявилъ отмѣненными всѣ тѣ долги, которые были сдѣланы подъ залогъ личной свободы должника; такимъ образомъ, получили свободу всѣ тѣ аѣниане, которые находились за долги въ работѣ у кредиторовъ; а тѣ, которые были проданы за долги въ рабство, были выкуплены на счетъ государства. И было установлено, что кредиторъ не имѣетъ права на личность должника или

его дѣтей, что личность не можетъ быть предметомъ залога. Государство освободило своихъ должниковъ и отказалось отъ всѣхъ взысканій по неуплаченнымъ ему долгамъ. Извѣстія о томъ, въ чемъ состояло распоряженіе относительно долговъ частнымъ лицамъ, передаются греческими писателями не одинаково: по однимъ извѣстіямъ, были совершенно уничтожены и эти долги; по другимъ, они были только уменьшены на 27 процентовъ. Въ одной изъ элегій Солона есть выраженіе, смыслъ которыхъ, повидимому, согласенъ съ извѣстіями, что должники были совершенно освобождены отъ уплаты долговъ. Извѣстія объ уменьшеніи долговъ на 27 процентовъ представляютъ это уменьшеніе результатомъ измѣненія монетной системы, которое совершенно достоверный фактъ. Солонъ ввелъ новую монету, легче прежней; 100 драхмъ новой монеты были равны по вѣсу серебра 73 драхмамъ прежней монеты, чеканившейся по аѣинской монетной системѣ. Но древніе писатели, говорящіе о системѣ монеты, введенной Солономъ, выражаются такъ, какъ будто это была система, изобрѣтенная самимъ Солономъ; нѣтъ, онъ только ввелъ въ Аѣннахъ систему, называвшуюся аѣвейской и употреблявшуюся, между прочимъ, въ Коринѣ (стран. 199). И быть можетъ, ошибаются греческіе писатели, ставя эту перемѣну въ связь съ распоряженіями объ облегченіи должниковъ; цѣль Солона была, вѣроятно, другая: при всей выгоде положенія Аѣинъ для торговли, Аттика была до той поры чисто земледѣльческимъ государствомъ; преобладаніе земледѣльческихъ интересовъ довело государство до раззоренія; введеніемъ монетной системы, употреблявшейся у коринѣянъ, потому принятой въ морской торговлѣ, Солонъ хотѣлъ, вѣроятно, облегчить аѣинянамъ переходъ къ торговымъ занятіямъ.—Сизахтія вывела народъ изъ бѣдственнаго положенія; но было надобно предотвратить повтореніе такого же бѣдствія въ будущемъ. Освободивъ гражданъ, находившихся въ рабствѣ у кредиторовъ, и возвративъ на родину тѣхъ, которые были проданы на чужбину, гдѣ „не слышали они звуковъ аттической рѣчи“, Солонъ воспретилъ давать ссуды подъ залогъ личной свободы; продавать аѣинскаго гражданина въ рабство было запрещено подъ страхомъ наказанія смертію; согласіе отца на продажу дѣтей не освобождало продавца отъ наказанія. Но Солонъ не принялъ для облегченія должниковъ той мѣры, которую употребляли для этого въ новой Европѣ, не опредѣлилъ законной нормы процентовъ, выше которой воспрещалось бы брать; въ его законахъ было, какъ мы знаемъ по цитатамъ изъ нихъ, положительно сказано, что право займодавца назначать величину процентовъ не стѣснено никакою нормою.—Чтобы поселянинъ, выкупившій свою землю и возстановившій свое самостоятельное хозяйство, былъ огражденъ отъ алчности крупныхъ землевладѣльцевъ, было постановлено, что никто не можетъ имѣть болѣе опредѣленнаго закономъ количества земли; этимъ было предотвращено поглощеніе мелкаго землевладѣнія крупнымъ, сосредоточеніе земельной собственности въ немногихъ рукахъ.

Уменьшеніе цѣнности монетной единицы.

Ограниченіе размѣра земельной собственности.

Радуюсь успѣху своего дѣла, Солонъ призывалъ землю-мать въ Преобразованіе свидѣтельница, что она «избавлена имъ отъ ненавистнаго бремени заимодавческихъ столбовъ»; но для того, чтобы государство получило устройство, обезпечивающее ему здоровую жизнь, оставалось сдѣлать еще очень много. Потомукъ Кодра снова имѣлъ полную возможность захватить произвольную власть: народъ охотно предоставилъ бы ему ее за обѣщаніе раздѣла земель. Но онъ не поддавался искушенію. Этою мудрою сдержанностью онъ приобрѣлъ довѣріе эвпатридовъ. По при-

аѣинскихъ политическихъ учреждений Солономъ.

вить за эвпатридами исключительное право на почетнейшія должности; но тѣмъ не менѣе, произведенное имъ преобразование государственныхъ учреждений было радикальное.

Архонты. Такъ, напримѣръ, сохранилъ онъ санъ архонтовъ и упрочилъ авторитетность его постановленіемъ, что получать его могутъ только граждане перваго класса; но прежде, выбирало архонтовъ собраніе эвпатридовъ; онъ передалъ это право народному собранію. Въ народномъ собраніи участвовали всѣ аѣниные, достигшіе 20 лѣтъ и пользовавшіеся гражданскими правами; голоса всѣхъ были равны. Солонъ постановилъ, что народное собраніе выбираетъ архонтовъ изъ числа пентакосіомедимновъ, просящихъ этого сана. Число архонтовъ осталось прежнее, девять.

Верховная власть въ государствѣ принадлежала народному собранію. Оно должно было происходить не менѣе четырехъ разъ въ годъ. Народъ собирался на площади, въ ясную погоду, при благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Въ собраніи предсѣдательствовалъ первый архонтъ. Говорить въ собраніи могъ каждый гражданинъ, не лишившійся политическихъ правъ по судебному приговору. Желавшій говорить всходилъ на трибуну и надѣвалъ миртовый вѣнокъ. Передъ началомъ совѣщаній было совершаемо торжественное жертвоприношеніе и моленіе богамъ; герольдъ провозглашалъ проклятіе тѣмъ, кто употребитъ въ зло свободу слова. Въ порядкѣ предметовъ совѣщанія, первая очередь принадлежала предложеніямъ, которыя вносились въ собраніе правительственный совѣтъ.

Правительственный совѣтъ и комитетъ притановъ. До реформы, произведенной Солономъ, высшая административная и судебная власть принадлежала совѣту притановъ, членами котораго были пританы навкрарій, старшины эвпатридскихъ филъ и архонты. Солонъ замѣнилъ этотъ совѣтъ четырехъ сотъ. Каждая фила ежегодно выбирала въ совѣтъ 100 членовъ изъ числа достигшихъ 30-лѣтняго возраста гражданъ первыхъ трехъ классовъ. Число филъ и названія ихъ остались прежніи—(телеонты, голпеты, аргады, эгикоры). Члены совѣта не получали жалованія. Потому, кандидатами на этотъ санъ вообще были только люди зажиточные. Совѣтъ четырехъ сотъ былъ высшею правительственною властью. Онъ завѣдывалъ финансами; всѣ доходы были собираемы, всѣ расходы производимы по его распоряженіямъ и подъ его контролемъ. Онъ завѣдывалъ охраненіемъ порядка въ государствѣ; всѣ полицейскія власти были подчинены ему. Онъ былъ представителемъ аѣнскаго государства въ сношеніяхъ съ другими государствами. Зданіе, въ которомъ происходили собранія этого правительственного совѣта въ полномъ его составѣ, называлось Булевтеріемъ. По какимъ срокамъ происходили при Солонѣ засѣданія совѣта въ полномъ составѣ, мы не знаемъ. Въ промежуткахъ этихъ засѣданій управлялъ текущими дѣлами комитетъ, состоящій изъ ста членовъ; на него было перенесено названіе совѣта притановъ. Судя по правиламъ, существовавшимъ въ позднѣйшія времена, должно полагать, что по законамъ Солона управление текущими дѣлами переходило поочередно отъ представителей одной филы къ представителямъ другой, такъ что депутаты каждой филы были три мѣсяца въ годъ пританами. Пританы имѣли на головѣ, какъ знакъ своего сана, миртовый вѣнокъ.

Совѣтъ четырехъ сотъ имѣлъ не только правительственную власть, но и участіе въ законодательной власти: безъ его одобренія нельзя было предлагать никакого проекта закона народному собранію: пританы завѣдывали ходомъ совѣщаній народнаго собранія, и народу были предлагаемы на рѣшеніе только тѣ предложенія, внесеніе которыхъ въ народное собраніе было допущено на предварительномъ совѣщаніи притановъ. Но власть правительственного совѣта, хоть и огромная, была ограничена и не могла принять формы аристократическаго правленія, потому что была подчинена власти народнаго собранія: совѣтъ не имѣлъ права рѣшать вопросовъ о войнѣ и мирѣ; ихъ рѣшало народное собраніе; онъ не постановлялъ законовъ, онъ только одобрялъ проекты ихъ; силу законовъ эти проекты получали только по рѣшенію народнаго собранія. Такимъ образомъ, верховная власть принадлежала народному собранію. Ораторы объясняли народу значеніе законовъ, предлагаемыхъ на принятіе ему. Вообще, всѣ постановленія и дѣйствія совѣта были подчинены волѣ народнаго собранія; по всѣмъ важнымъ дѣламъ совѣту было надобно получать одобреніе его: правители были избираемы народомъ; законы постановлялъ народъ. Итакъ, верховная власть принадлежала ему не только теоретически, но и фактически. Власть народнаго собранія была такъ велика, что права его не могли быть нарушены. Но оно только выбирало правителей и контролировало ихъ дѣятельность. Инициативы оно не имѣло. Оно охраняло политическую свободу и равенство, законность и интересы общаго блага;—въ этомъ состояло благородное назначеніе его.

Народное собраніе, черезъ каждые три мѣсяца, при смѣнѣ притановъ, созываемое вступавшими въ должность новыми пританами, контролировало дѣйствія правительственного совѣта и сановниковъ; а судопроизводство по всѣмъ процессамъ, кромѣ тѣхъ уголовныхъ дѣлъ, которыя были рѣшаемы эфетами подъ предсѣдательствомъ архонта-царя, было подчинено власти народнаго суда, который назывался геліею; онъ былъ верховною судебною властью по всѣмъ уголовнымъ и гражданскимъ процессамъ, которые велись въ трибуналахъ архонтовъ-ѣесмоетовъ и ихъ помощниковъ, называвшихся діэтетами.

Ежегодно, подъ наблюденіемъ архонтовъ, назначалось по жребію 1000 членовъ изъ каждой филы въ составъ народнаго суда, рѣшавшаго въ послѣдней инстанціи всѣ судебныя дѣла, представляемыя на его разсмотрѣніе. Эти назначенные по жребію судьи назывались геліастами. При вступленіи въ отправленіе своихъ обязанностей они приносили торжественную присягу подавать голосъ сообразно съ законами, правдиво, безпристрастно, неподкупно. Подъ предсѣдательствомъ ѣесмоетовъ они постановляли окончательныя рѣшенія по всѣмъ процессамъ объ имуществѣ и по всѣмъ дѣламъ о проступкахъ или преступленіяхъ, наказаніемъ за которыя было

Народное собрание.

Народный судъ (Геліея).

лишение жизни, свободы или чести (кроме дѣлъ, которыя рѣшались эфетами подъ председательствомъ архонта-царя, какъ мы ужъ говорили). Такимъ образомъ, судъ гелиастовъ составлялъ самое прочное ограждение драгоценнѣйшихъ благъ человека отъ насилія или несправедливости. Этотъ судъ назывался гелиа. Сначала онъ былъ только апелляціоннымъ трибуналомъ; но впоследствии, при развитіи судебныхъ учреждений въ демократическомъ духѣ, гелиа стала верховнымъ судилищемъ по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ и по всѣмъ важнымъ тяжбамъ. Солонъ сдѣлалъ гелиаю и охранительницею всѣхъ введенныхъ имъ учреждений, постановивъ, что проекты измѣненій въ законахъ, одобренные правительственнымъ совѣтомъ, предлагаются на рѣшеніе народнаго собранія лишь въ томъ случаѣ, если будутъ одобрены комиссіею, члены которой, номоеты („законодатели“), избираются гелиаею. Они выбирались изъ людей, хорошо знающихъ законы. Число ихъ было сначала, вѣроятно, 400, позднѣе 600 и 1000. Въ совѣщаніяхъ этой комиссіи участвовали архонты-номоеты. — Кроме собственно судебной власти, на гелиастовъ была возложена обязанность производить „докимасію“ относительно всѣхъ должностныхъ лицъ. Относительно вновь избранныхъ архонтовъ, членовъ совѣта и всѣхъ другихъ должностныхъ лицъ гелиасты производили „докимасію“ (проверку правъ), удовлетворяютъ ли они требованіямъ закона: граждане ль они, имѣютъ ли тѣ лѣта, тотъ имущественный цензъ, какихъ требуетъ законъ; не подвергались ли наказаніямъ, лишающимъ правъ на избраніе и т. д., не занимаютъ ли другихъ должностей, не занимали ль въ предыдущемъ году ту же должность (два года съ ряду не дозволялось быть избираемымъ на ту же должность). Другая докимасія производилась по окончаніи года отправления должности; она состояла въ проверкѣ того, не были ль нарушены сановникомъ должностныя обязанности его. Каждый гражданинъ имѣлъ право представлять протесты противъ правъ избраннаго на занятіе должности; а по окончаніи годичной службы сановника, каждый могъ представлять обвиненіе противъ него въ неправильныхъ дѣйствіяхъ. — Съ особенною внимательностью производилась докимасія относительно архонтовъ. Кроме того, архонты должны были давать торжественную присягу, что будутъ въ полной точности соблюдать законы; они давали это обѣщаніе на „камени присяги“, находившемся на площади народныхъ собраній, и повторяли клятву въ Акрополѣ въ храмѣ, передъ лицомъ божества. За нарушеніе своей присяги они подвергались очень тяжелому денежному взысканію, уплата котораго не была почти ни для кого возможна; а не уплатившій штрафа гражданинъ лишался политическихъ правъ.

Докимасія.

Ареопагъ.

Строгое изслѣдованіе дѣйствій архонтовъ было тѣмъ необходимѣе, что санъ архонта давалъ, по законамъ Солона, право на другой высокій санъ. Солонъ преобразовалъ составъ того древняго, высоко уважаемаго народомъ трибунала, который засѣдалъ на холмѣ Ареса, гдѣ стояли жертвенники «досточтимыхъ богинь», имѣвшихъ двойственное имя: Эриній, беспощадныхъ преслѣдовательницъ обремененнаго грѣхомъ убійцы, становившихся Эвменидами, кроткими успокоительницами совѣсти человека, искупившаго грѣхъ пролитія крови покаяніемъ. Прежде, этотъ трибуналъ составляли эфеты; Солонъ отмѣнилъ должность эфетовъ, и постановилъ, что обязанность ихъ передается коллегіи, составленной изъ самыхъ безукоризненныхъ,

самыхъ богатыхъ и уважаемыхъ людей, которая будетъ, кроме прежней судебной обязанности эфетовъ, исполнять другую обязанность: будетъ съ безотвѣтственной властью охранять законный порядокъ и интересы правственности. Этотъ верховный судъ на холмѣ Ареса, — судъ Ареопага — долженъ былъ, по закону Солона, состоять изъ архонтовъ, безукоризненно отслужившихъ свой годичный срокъ. Архонты въ годъ своей службы были временными членами Ареопага (подобно тому, какъ римскіе сановники засѣдали въ сенатѣ). Но поступленіе ихъ въ число пожизненныхъ членовъ Ареопага обуславливалось результатомъ докимасіи, которой подвергались они по окончаніи срока службы.

Итакъ, Ареопагъ состоялъ изъ бывшихъ архонтовъ. Это были пентакосіомедины, богатые землевладѣльцы, люди высшаго сословія, по своему наслѣдственному положенію привычные исполнять судебскія обязанности, имѣвшие возможность получить высокое образованіе; выборъ ихъ въ архонты свидѣтельствовалъ, что они люди вліятельные; результатомъ докимасіи было доказано, что они люди безукоризненно добросовѣстные въ исполненіи своихъ обязанностей. Каждый годъ смѣнялось девять архонтовъ; потому число членовъ Ареопага должно было быть велико. Учрежденіе, призывавшее вліятѣльнѣйшихъ и лучшихъ людей знатнаго сословія къ пожизненной правительственной и судебной дѣятельности, тѣсно соединявшее сословную честь аристократовъ съ благомъ государства, дѣлавшее пожизненный высокій санъ наградою за вѣрное служеніе родинѣ, за гражданскую честность и доблесть, давало прочную консервативную опору новому государственному устройству; аристократы имѣли интересъ поддерживать, защищать государственное устройство, не только обезпечивавшее ихъ личность и имущество, но и предоставлявшее имъ привилегированное положеніе, поручавшее имъ охрану законнаго порядка, контроль надъ общественною жизнью и правами, и при этомъ избавлявшее ихъ власть отъ всякаго упрека въ узурпаціи, въ сословной исключительности и притѣснительности. Молодые эвпатриды имѣли очень сильный интересъ заслуживать уваженіе общества честнымъ, вѣрнымъ исполненіемъ своихъ гражданскихъ обязанностей, чтобы стать членами Ареопага. Потому законъ, которымъ созданъ былъ Ареопагъ въ его новомъ видѣ, надобно признать придуманнымъ очень удачно. Онъ одушевлялъ даровитыхъ эвпатридовъ любовью къ новому государственному строю, и государство приобрѣло въ правительственномъ учрежденіи, состоящемъ изъ пожизненныхъ членовъ, прочную консервативную опору. Независимый отъ измѣнчивыхъ увлеченій минуты, окруженный всеобщимъ уваженіемъ, Ареопагъ, съ именемъ котораго соединялись священные преданія народа, имѣлъ своимъ назначеніемъ предотвращать опрометчивыя нововведенія, охранять національные обычаи, контролировать общій ходъ общественныхъ дѣлъ.

Съ властью, неограниченною никакими законами, отвѣтственный только передъ собственною совѣстью, Ареопагъ исполнялъ обязанности политическаго контроля. Верховная полицейская власть въ государствѣ принадлежала ему. Онъ наблюдалъ за управленіемъ религіозными дѣлами: за общественнымъ богослуженіемъ и совершеніемъ религіозныхъ праздниковъ; за администраціею храмовъ, за охраненіемъ священныхъ оливковыхъ деревьевъ Аѣины; наблюдалъ за тѣмъ, чтобы граждане оказывали уваженіе къ религіи; наблюдалъ за воспитаніемъ дѣтей гражданъ, за нравственностью ихъ самихъ,

за образомъ жизни всѣхъ жителей государства. Онъ имѣлъ право наказывать за дурныя дѣла, неуловимыя для формальнаго суда; обязанъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы граждане жили честно, не были праздными тунеядцами, не разстроивали родовое имущество расточительностью. Онъ не былъ обязанъ дожидаться жалобъ, имѣть формальныя улики; онъ по собственной инициативѣ могъ призывать на свой судъ каждаго гражданина, поступавшаго дурно, и по праву отеческой власти дѣлать ему внушенія, угрозы, подвергать его наказанію. Онъ имѣлъ право требовать сановниковъ къ своему суду за ихъ должностныя дѣйствія и объявлять незаконными тѣ рѣшенія правительственнаго совѣта и народнаго собранія, которыя находилъ или нарушающими существующій порядокъ, или опасными для государства.

Аэина говорятъ у Эсхила («Эвмениды», 648 слѣд.): «Ареопагъ — достопочтенное, неподкупное судилище, неуспинно бодрствующее для охраны страны; пока вы (аэиняне) будете благоговѣнно уважать его, вы будете имѣть спасительный оплотъ вашей странѣ, каковаго не имѣютъ ни сиксонская земля, ни Пелопоннесъ».

Общій обзоръ
политическаго
законодатель-
ства Солона.

Устройствомъ государственныхъ учреждений было завершено законодательство Солона. Сизахтіею онъ освободилъ гражданъ, бывшихъ въ работѣ или въ рабствѣ у кредиторовъ, и отмѣнилъ законы, лишившіе неисправнаго должника личной свободы; возвративъ поселянамъ заложенные земли и облегчивъ тяжесть долговъ, онъ спасъ отъ гибели сословіе самостоятельныхъ поселянъ и создалъ энергическое, преданное благу родины среднее сословіе; постановивъ, что отецъ не можетъ ни продавать дѣтей, ни отдавать ихъ въ залогъ, онъ оградилъ свободу несовершеннолѣтнихъ и возвысилъ характеръ семейнаго быта. Распредѣленіемъ гражданъ на классы онъ проложилъ путь къ равноправности гражданъ, упрочилъ общественный порядокъ, поставилъ размѣръ правъ въ зависимость отъ размѣра обязанностей. Онъ далъ, правда, нѣкоторыя привилегіи гражданамъ перваго класса: предоставилъ имъ однимъ доступъ къ сану архонтовъ и въ Ареопагъ, и фактически далъ преобладаніе въ государствѣ зажиточной части гражданъ правилами о выборахъ въ Совѣтъ четырехъ сотъ; но все-таки, онъ сдѣлалъ много для предоставленія равноправности всѣмъ гражданамъ: онъ предоставилъ имъ всѣмъ равный голосъ въ народномъ собраніи, которому принадлежала верховная власть, которое выбирало правителей и постановляло законы. Онъ обезпечилъ общество отъ возвращенія владычества эвпатридовъ, учредивъ народный судъ, который не только каралъ всякое превышеніе власти, всякое нарушеніе законовъ, но и подвергалъ своему изслѣдованію личныя качества правителей, образъ дѣйствій членовъ правительственнаго совѣта и сановниковъ, охранялъ существующіе законы отъ опрометчивыхъ нововведеній.

Солонъ сохранилъ прежнее дѣленіе гражданъ на роды и филы, но освободилъ поселянъ отъ судебной власти старшинъ родовъ и соединилъ ихъ въ сельскія общины (демы), имѣющія своихъ собственныхъ начальниковъ (демарховъ), завідующихъ охраненіемъ порядка; процессы по мелкимъ дѣламъ рѣшали общинныя суды подъ предѣлательствомъ демарха. Солонъ увеличилъ личную свободу гражданъ и въ томъ отношеніи, что предоставилъ имъ право распоряжаться имуществомъ посредствомъ завѣщанія, и, если нѣтъ дѣтей, то право избрать себѣ наслѣдника посредствомъ усыновленія. Прежде, имущество гражданина, не имѣвшаго наслѣдниковъ по крови, переходило къ братіи. Законъ Солона благоприятствовалъ сохраненію хозяйства въ цѣлости и потому помогалъ развитію хозяйственной заботливости. Если не имѣющій сыновей имѣлъ дочь, то усыновленіе часто было соединено съ условіемъ, чтобы усыновляемый женился на ней. До Солона, ближайшій родственникъ имѣлъ право и обязанность жениться на дочери умершаго; а если не женится на ней, и она бѣдна, то былъ обязанъ дать ей приданое.

Солонъ справедливо сказалъ о себѣ: «Я далъ народу столько власти, сколько полезно ему имѣть, не слишкомъ мало, и не слишкомъ много. Но я позаботился и о богатыхъ, о знатныхъ, чтобы не были они обижены. Я покрылъ и тѣхъ и другихъ крѣпкимъ щитомъ, и не допустилъ, чтобы тѣ или другіе получили несправедливую побѣду. Народъ повинуется руководителямъ своимъ только, когда онъ не сдѣланъ слишкомъ самовластнымъ да и не порабощенъ». — Видя, что не всѣ отдають должную справедливость ему, онъ утѣшаетъ себя мыслью: «удовлетворить желаніямъ всѣхъ трудно».

Законодательство Солона не ограничивалось установленіемъ нравственныхъ и судебныхъ учреждений; онъ хотѣлъ улучшить требованія и нравы, сдѣлать честность и справедливость основными началами общественной жизни и всѣхъ отношеній между людьми. Онъ желалъ, чтобы законы не только ограждали общество отъ насилія, но и очищали душу людей отъ дурныхъ мыслей и желаній. Потому онъ съ большою заботливостью установилъ правила воспитанія. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ дѣти гражданъ Атики — знатныхъ и незнатныхъ, бѣдныхъ и богатыхъ — учились гимнастикѣ и получали музыкальное и поэтическое образованіе; соединеніе этихъ двухъ видовъ воспитанія онъ считалъ, какъ мы увидимъ въ Пополненіяхъ, необходимымъ для того, чтобы въ здоровомъ тѣлѣ развивалась здоровая душа, чтобы человѣкъ вырасталъ отвращающимся отъ дурнаго, находящимъ удовольствіе въ хорошемъ; музыка и пѣніе, съ преподаваніемъ которыхъ соединялось изученіе религіозныхъ гимновъ и произведеній поэзіи, главнымъ образомъ пѣсень Гомера, казались ему вѣрнѣйшимъ средствомъ наполнить воображеніе благородными мыслями, вложить въ душевную жизнь гармонию и порядокъ, на влеченіи къ которому основываются всѣ гражданскія добродѣтели, возбудить въ сердцахъ благоговѣніе къ богамъ, развить въ человѣкѣ благородныя, возвышенныя стремленія; онъ находилъ, что для мальчиковъ и юношей полезно проводить время въ гимнастическихъ школахъ, которыя расположены въ загородныхъ садахъ; что занятія гимнастикой прекрасное средство для развитія физическаго и нравственнаго здоровья; онъ надѣялся, что воспитанники этихъ школъ будутъ вырастать людьми сильными, патріотичными и мужественными. Воспитаніе, быв-

Нравственные
гражданскіе за-
коны Солона.

Воспитаніе.

шее до него привилегією эвпатридовъ, онъ распространилъ на дѣтей всѣхъ гражданъ Аттики; онъ считалъ это надобнымъ, имѣя справедливое убѣжденіе, что величіе Аѳинъ должно быть основано на свободѣ и на многостороннемъ развитіи гражданъ. Благородною обязанностью Ареопага было наблюденіе за тѣмъ, чтобъ отцы предоставляли дѣтямъ, опекуны сиротамъ благо этого воспитанія. Каждый гражданинъ имѣлъ право выступать обвинителемъ отца или опекуна, не исполняющаго этой обязанности.—Но за то и дѣтямъ было строго предписана законами почтительная заботливость о родителяхъ; гражданинъ, не исполняющій сыновнихъ обязанностей, лишался политическихъ правъ. Скромность и уваженіе къ старшимъ были внушаемы юношамъ въ Аѳинахъ не менѣе сильно, чѣмъ въ Спартѣ, хотя и не педантической дрессировкою.

Законы по дѣламъ религіи. Солонъ возвысилъ, облагородилъ своими законами и религіозную жизнь аѳинянъ и гражданскій бытъ ихъ; постановленія его, направленные къ этимъ цѣлямъ, были приспособлены къ обычаямъ аѳинянъ,—держались того, что освящено преданіемъ. Такъ наприимѣръ, онъ предписывалъ совершать праздники очень великолѣпно, хотя все-таки старался изгнать изъ частной жизни роскошь и расточительность, запретилъ дорогіе наряды, пышные пиры, хотѣлъ ввести простоту и бережливость. Онъ постановилъ, что на каждый изъ большихъ аѳинскихъ праздниковъ государство можетъ расходовать три таланта — (государство покупало жертвенныхъ животныхъ, дѣлало обѣды для участвовавшихъ въ совершеніи обрядовъ и въ играхъ, устраивало великолѣпныя процессіи и танцы хоровъ, платило музыкантамъ и пѣвцамъ, выдавало награды побѣдителямъ на музыкальныхъ и гимнастическихъ состязаніяхъ). Великолѣпіемъ и изяществомъ религіозныхъ обрядовъ онъ хотѣлъ развивать эстетическое чувство и благоговѣніе къ религіи.

Законы о бракъ и семейныхъ обязанностяхъ. Солонъ считалъ религіозное чувство опорой нравственности и гражданскихъ доблестей, о развитіи которыхъ онъ всячески заботился. Въ охраненіе нравственности аттическихъ дѣвушекъ, онъ подъ страхомъ наказанія смертью запретилъ гражданамъ отдавать дочерей въ гетеры; онъ позволилъ отцу продать въ рабство дочь, нарушившую цѣломудріе, и убить ея обольстителя. Бракъ, основа нравственности, находился подъ охраною обычая; Солонъ упрочилъ обычай закономъ. Бракосочетанію должно было предшествовать торжественное обрученіе, совершаемое отцомъ или опекуномъ невѣсты. Браки между близкими родными были у грековъ дозволены; могли вступать въ бракъ даже сынъ и дочь одного отца отъ разныхъ матерей; законъ благопріятствовалъ этому, въ заботѣ о поддержаніи семейнаго единства. Въ Гомеровскія времена женихъ давалъ подарки отцу невѣсты, какъ бы покупалъ ее. Это давно замѣнилось противоположнымъ обычаемъ: невѣста получала отъ отца приданое. Оно оставалось собственностью жены. Солонъ хотѣлъ, чтобы не дѣлалось слишкомъ большихъ расходовъ на наряды и дорогія вещи, даваемые въ приданое; онъ постановилъ, что невѣста должна получать въ приданое не больше трехъ

перемѣнъ платья, а изъ другихъ вещей лишь нѣсколько посуды. Положеніе жены было такое же зависимое, какъ положеніе дѣвушки; права отца переходили къ мужу. Считалось неприличнымъ для женщинъ бывать въ мужскомъ обществѣ. Выходя изъ дому, женщина зажиточнаго сословія должна была имѣть при себѣ слугу; ночью, этотъ рабъ несъ передъ нею факелъ. Женщины зажиточныхъ сословій проводили свою жизнь въ женскомъ отдѣлѣ своихъ домовъ, въ кругу служанокъ, занимаясь домашнимъ хозяйствомъ и приготовленіемъ одежды. Солонъ ограждалъ честь мужа строгими законами. Если мужъ заставлялъ жену на любовномъ свиданіи, онъ имѣлъ право убить любовника; а вообще, могъ судебнымъ порядкомъ взыскивать съ него вознагражденіе за безчестье,—и подвергать его позору публичнымъ поруганіемъ. Жена, измѣнившая мужу, оставалась безчестною на всю жизнь; если онъ не прогонялъ ее изъ своего дома, онъ самъ лишался политическихъ правъ; она не была допускаема въ храмы, не могла участвовать въ религіозныхъ праздникахъ, не могла носить одежды честныхъ женщинъ; если она показывалась на улицѣ, она рисковала подвергнуться обидамъ. Къ невѣрности мужа внѣ дома, законъ былъ снисходителенъ. Но если мужъ приводилъ гетеру въ домъ, то жена могла требовать развода и, уходя отъ мужа, брала свое приданое. Если жена не родила дѣтей, и вообще почему нибудь не правилась мужу, онъ могъ развестись съ нею; но долженъ былъ отдать ей приданое. Брачный союзъ считался прочно установившимся лишь по рожденіи ребенка. Малютку клали къ ногамъ отца; если онъ не бралъ его на руки, это значило, что онъ отвергаетъ его; въ такомъ случаѣ, малютку уносили изъ дома, и клали гдѣ нибудь, какъ отвергнутаго, но это случалось рѣдко. Младенца, принятаго отцомъ, обносили кругомъ очага; этимъ обрядомъ пріобрѣталось ему покровительство домашнихъ божествъ. Если родился мальчикъ, на двери дома вѣшали оливковый вѣнокъ; если родилась дѣвочка, то вѣшали на дверь шерстяныя ленты. На десятый день совершался праздникъ нареченія имени. Фамильныхъ названій греки не употребляли; къ имени человека они обыкновенно прибавляли имя отца. Внуку часто давали имя дѣда. Жена была причисляема къ фратріи мужа, какъ мы ужъ говорили, дѣтей вносили въ списки рода на праздникъ апатурій. Гражданамъ дозволялось жениться на не-гражданкахъ; дѣти этихъ браковъ были гражданами; но въ правѣ наследованія отцу дѣти его отъ гражданки имѣли преимущество надъ дѣтьми отъ не-гражданки.

Заботясь о развитіи нравственности, Солонъ очень заботливо старался оградить и общественную безопасность, упрочить повиновеніе властямъ. Его законы назначали наказаніе смертью за оскорбленіе святости храмовъ, за разрушеніе общественныхъ зданій, за обманъ народнаго суда и правительственнаго совѣта, за продажу гражданина въ рабство; назначали наказаніе смертью первому архонту, если онъ появится передъ народомъ пьяный. Знаменитъ былъ законъ Солона, постановлявшій, что въ случаѣ междоусобія каждый гражданинъ обязанъ стать на ту или на другую сторону; кто останется безучастнымъ, лишается политическихъ правъ; это постановленіе имѣло цѣлью побуждать миролюбивыхъ гражданъ останавливать своимъ вмѣшательствомъ мятежи, которыхъ можно было тогда опасаться со стороны реакціонной партіи эвпатридовъ или со стороны простолюдиновъ, по интригамъ властолюбивыхъ демагоговъ.

Осужденные на смерть были низвергаемы въ пропасть (barathron), или принуждаемы выпить ядъ (чашу цикуты), или были убиваемы булавою. При особенно тяжкихъ преступленіяхъ, конфисковалось имущество осужденнаго на смерть, его родные были лишены гражданскихъ правъ, его родъ подвергался проклятію. Менѣе важныя престу-

Наказанія.

пленія были наказываемы изгнаніемъ изъ государства на болѣе или менѣе долгій срокъ или лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ.

Законъ, на-
правленные къ
развитію тру-
долобія.

Руководясь мыслью, что недовольство существующимъ порядкомъ, желаніе низвергнуть его имѣетъ коренными своими причинами лѣ-
ность и бѣдность, Солонъ очень энергически заботился о развитіи
любви къ труду. Онъ далъ Ареопагу право требовать у каждого не-
богатаго гражданина отчетъ въ томъ, чѣмъ онъ добываетъ средства
къ жизни; каждому было предоставлено право подвергать суду граж-
данина, живущаго праздно, и уличенный въ праздности подвергался
лишенію политическихъ правъ. Законы Солона внушали уваженіе
къ честному земледѣльческому и промышленному труду. Подвергая
позору лѣность и происходящую отъ нея бѣдность, онъ заботился
о развитіи въ гражданахъ любви и почтенія къ трудолюбію.

Солонъ запретилъ укорять ремесленника за его ремесло; дозволилъ давать прав^о
гражданства поселившимся въ Аттікѣ ремесленникамъ изъ другихъ государствъ. Правда,
онъ предоставилъ крупнымъ землевладѣльцамъ исключительное право на санъ архонтовъ;
но возбуждая уваженіе къ промышленнымъ занятіямъ, онъ содѣйствовалъ развитію де-
мократическаго средняго сословія. Онъ далъ торговлѣ свободу, необходимую для ея рас-
ширенія, и оживилъ ее установленіемъ точныхъ нормъ мѣры, вѣса, монеты. Изъ числа
продуктовъ сельскаго хозяйства, онъ дозволилъ вывозъ только винныхъ ягодъ и
оливковаго масла, которыми Аттіка изобиловала; вывозъ хлѣба, котораго производила
она мало, онъ запретилъ. Онъ ограждалъ интересы сельскаго хозяйства заботою о
прочности землевладѣнія. Плутоское перемѣщеніе межевыхъ знаковъ наказывалось по
законамъ Солона смертію. Землевладѣлецъ не могъ вырубить болѣе двухъ оливко-
выхъ деревьевъ въ годъ. За истребленіе волювъ и другихъ вредныхъ стадъ звѣрей
были назначены большія денежныя награды. Были установлены хорошія правила о про-
веденіи канавъ и о колодезяхъ.

Установленіе
правильнаго
календаря.

Законодательство Солона охватывало всѣ стороны жизни. Онъ опредѣ-
лилъ и правила расчета величины года, чтобъ дать прочность граждан-
скому и религіозному календарю. Аттіческий годъ состоялъ изъ 12 мѣся-
цевъ; шесть имѣли по 30 дней, шесть по 29; то есть, годъ имѣлъ 354 дня.
Это былъ лунный годъ. Чтобы приводить его въ согласіе съ солнечнымъ,
къ нѣкоторымъ годамъ прибавлялись дополнительные мѣсяцы. Цикль
этого расчета дополненій былъ восьмилѣтній, по которому были установ-
лены періоды олимпійскаго и пинейскаго праздниковъ. Къ 3-ему, 6-му и
и 8-му годамъ восьмилѣтняго цикла прибавлялось по цѣлому 30-дневному
мѣсяцу. Таблицы расчета были выставлены на площадяхъ.

Солонъ издалъ правило и о похоронахъ. Онъ поставилъ въ священную
обязанность дѣтямъ устраивать такія похороны родителей, какихъ тре-
буетъ уваженіе къ ихъ памяти. Нарушившіе эту обязанность лиша-
лись права занимать общественныя должности. Но и обряды похоронъ
должны были имѣть сдержанный характеръ: было запрещено подымать
чрезмѣрно шумный вопль, нанимать плакальщицъ, бить себя въ грудь,
рвать на себѣ одежду, вообще были запрещены неистовыя формы обря-
довъ; была запрещена и чрезмѣрная роскошь, какую имѣли похороны бо-
гатыхъ людей.

Было запрещено излишнее великолѣпіе и въ устройствѣ гробницъ. Гробницы стро-
ились на общихъ кладбищахъ за городомъ, строились вдоль дорогъ, или въ помѣстьяхъ.
Надъ гробницею ставили колонну съ обозначеніемъ имени, званія, похвальныхъ дѣлъ
покойнаго; украшать памятники скульптурою не было запрещено. Обрядъ плача и пе-
чальная музыка на похоронахъ остались въ употребленіи.—Похороны убитыхъ на вой-
нѣ совершало государство; это былъ торжественный обрядъ; на немъ произносились
рѣчь въ честь павшихъ за родину. Отъ старины оставался обычай сжигать тѣла, со-
бирать прахъ въ урны и хранить ихъ въ гробницахъ. Но мало по малу, подъ вліяніемъ
египетскаго и семитическаго обычаевъ, это замѣнилось погребеніемъ тѣла.

Пополненія. 1. *Аттическое воспитаніе.* Личность могла въ Аѳинахъ разви-
ваться свободнѣе, нежели въ Спартѣ, гдѣ индивидуальныя особенности были подавляемы
требованіями дисциплины. Но и въ Аѳинахъ вся жизнь гражданъ и гражданокъ шла отъ
самого рожденія до самой смерти подъ строгою регламентаціею закона и обычая. Пра-
вила воспитанія, заботливо установленныя Солономъ, сохранили свое владычество надъ
характеромъ жизни аѳинянъ во всѣ слѣдующія времена. Солонъ оградилъ дѣтей отъ
злоупотребленій власти родителей надъ ними, запретивъ отцамъ продажу дѣтей, отдачу
ихъ въ работу кредиторамъ, запретивъ отдавать дочерей въ промыселъ гетеръ; онъ
постановилъ, что дѣтямъ должно быть даваемо воспитаніе, укрѣпляющее и тѣло и душу,
дѣлающее людей способными исполнять свои гражданскія обязанности и вести трудовую
жизнь. Небогатые люди были обязаны учить дѣтей какому нибудь ремеслу, обеспечи-
вающему средства къ жизни; не исполнившіе этой обязанности не имѣли права требовать
въ старости, чтобы дѣти содержали ихъ. Солонъ постановилъ, что всѣ мальчики, по до-
стиженіи семи лѣтъ, должны учиться музыкѣ и гимнастикѣ. Слово «музыка» имѣло
тогда смыслъ болѣе широкій, чѣмъ теперь; оно обозначало все, что относится къ ум-
ственному и эстетическому образованію. Выучившись читать, мальчики начинали учиться
музыкѣ въ нашемъ, нынѣшнемъ смыслѣ слова, и пѣнію. Этими искусствами, соединяв-
шимися тогда въ пѣніи съ аккомпанементомъ, аѳиняне приписывали большое нравственное
значеніе. Они думали, что ритмъ и гармонія звуковъ даетъ душевной жизни мѣрный,
правильный ходъ, что спокойныя мелодіи умиротворяютъ порывы страстей. «Жизнь чело-
вѣка должна идти мѣрнымъ ходомъ и быть гармонична», говоритъ Платонъ: «потому
мальчиковъ надобно знакомить съ пѣснями хорошихъ поэтовъ и учить ихъ пѣть съ ак-
компанементомъ китары; привыкнувъ къ такту и стройному порядку звуковъ, они бу-
дутъ проявлять мѣрное, гармоническое настроеніе души и въ словахъ, и въ поступ-
кахъ». (Диалогъ Платона «Протагоръ»). Сообразно этому воззрѣнію дѣтей и юношей
учили только такимъ мелодіямъ, которыя считались наиболѣе способными производить
въ душѣ спокойное, сдержанное настроеніе. Преподавая музыку, то есть, обучая пѣнію
съ аккомпанементомъ, аѳиняне знакомили дѣтей и юношей съ лучшими произведеніями
поэзіи, въ особенности съ религіозными гимнами, наполняли ихъ душу прекрасными и
возвышенными образами, ученіями мудрости и добродѣтели; учить ихъ пѣнію и музыкѣ
необходимо было для того, чтобъ они могли участвовать въ процессіяхъ на религіозныхъ
праздникахъ, быть участниками хоровъ, танцующихъ и поющихъ гимны въ славу боговъ.

Музыка давала, по мнѣнію аѳинянъ, гармоническое развитіе душъ; цѣлью гимнастики
было у нихъ содѣйствовать стройному и здоровому развитію тѣла и давать мужество
характеру. Обѣ эти отрасли воспитанія были, по ихъ мнѣнію, пополненіемъ другъ другу,
и должны были идти въ тѣснѣйшей связи; только въ сочетаніи между собою могли онѣ,
по мнѣнію аѳинянъ и другихъ грековъ, производить благотворный результатъ; исключи-
тельное занятіе музыкою расслабляетъ душу, дѣлаетъ ее слишкомъ впечатлительною,
думали они; исключительное занятіе гимнастикою дѣлаетъ человѣка грубымъ, неспособ-
нымъ имѣть возвышенныя ощущенія; гармоническое, всестороннее развитіе человѣка
состоитъ въ томъ, чтобы здоровая душа жила въ прекрасномъ, сильномъ тѣлѣ. Потому
занятія гимнастикою въ палестрахъ, какъ называли они гимнастическія школы, шли въ
ихъ системѣ воспитанія одновременно съ преподаваніемъ музыки. Рано утромъ мальчики
босые и одѣтые только въ хитонъ, шли подъ надзоромъ раба (педагога) въ школу му-

зыни; тамъ китаристъ, который долженъ былъ быть не моложе 40 лѣтъ, училъ ихъ пѣть съ аккомпанементомъ китары; подъ его руководствомъ они также заучивали изреченія мудрецовъ и эпическія пѣсни о подвигахъ героевъ. Отъ китариста мальчикъ или юноша шелъ въ палестру; палестры были устроены въ садахъ за городомъ, нѣкоторые изъ нихъ содержало на свой счетъ государство. Тутъ мальчики занимались гимнастическими упражненіями: бѣганьемъ, прыганьемъ, бросаньемъ диска, борьбою, плаваньемъ. Взрослые не могли присутствовать при этихъ упражненіяхъ: мальчики занимались гимнастикой нагѣ, и считалось неприличнымъ смотрѣть на нихъ. Занятія въ палестрѣ кончались при закатѣ солнца. На праздники Гермеса и музъ мальчики и юноши показывали народу свое искусство въ гимнастикѣ и въ пѣніи гимновъ. — Ученіе продолжалось до 18 лѣтъ; достигнувъ этихъ лѣтъ, юноша вступалъ въ возрастъ «эфеба» (взрослаго юноши) и приобреталъ права совершеннолѣтняго человѣка по дѣламъ частной жизни. Эфебы ходили заниматься уже не въ палестры, а въ гимназіи, расположенныя въ большихъ, прекрасныхъ садахъ, за нѣсколькими стадіями отъ города. Особенно знамениты были три гимназіи: Академія, Ликей и Киносарги; Академія, имя которой было дано въ честь героя Академа, лежала на сѣверо-западъ отъ города; тамъ была священная оливковая роща Аѣины; Ликей (лицей) лежалъ на востокѣ, у храма Аполлона ликейскаго; Киносарги лежали на сѣверѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ принесъ жертву Гераклъ и бѣлая собака похитила часть мяса жертвы; мѣстность и получила свое названіе отъ словъ: «бѣлая собака» (Κυν αργος). Во времена Солона сыновья гражданъ отъ браковъ съ не-гражданками принимались только въ Киносарги. — Гимназіи были обширныя мѣстности съ приспособленіями для гимнастическихъ занятій и разными постройками; тутъ были выровненные пути для бѣга, площади для борьбы, прыганья, бросанія диска; были бани съ залами, въ которыхъ раздѣвались и одѣвались; крытыя колоннады и тѣнистыя аллеи для прогулокъ, скамьи для отдыха. На праздникахъ Прометея и Гефеста эфебы состязались въ бѣгѣ съ факелами. Отъ факела того юноши, который первый прибѣгалъ къ цѣли, былъ зажигаемъ огонь жертвоприношенія. — Гимнастика была доведена въ Аѣинахъ до такого совершенства, что Пиндаръ (жившій черезъ сто лѣтъ послѣ Солона) говоритъ: «Учитель атлетическаго искусства долженъ быть изъ Аѣинъ». Солонъ назначалъ большую награду отъ государства тѣмъ аѣинянамъ, которые одержатъ побѣду на олимпійскихъ или истмійскихъ играхъ. Гимнастическія и военныя упражненія въ гимназіяхъ были подготовкою къ военной службѣ. Отъ 18 до 20 лѣтъ молодой аѣинянинъ служилъ въ отрядахъ, охранявшихъ границы, привыкалъ къ походной жизни, къ военному дѣлу. По достиженіи 20 лѣтъ, онъ становился совершеннолѣтнимъ гражданиномъ, поступалъ въ число воиновъ и получалъ право голоса въ народномъ собраніи. Предоставленіе ему правъ совершеннолѣтія производилось внесеніемъ его въ списки гражданъ его фратріи и его филы. Это былъ торжественный обрядъ, при которомъ присутствовали родители и родственники молодыхъ людей, присутствовали сановники. Молодой человѣкъ приносилъ въ храмъ Аѣины въ Акрополѣ присягу вѣрно служить отечеству, повиноваться въ походахъ военнымъ начальникамъ и лагернымъ законамъ, не посрамлять своего оружія, не покидать въ битвѣ товарищей, всѣми силами противиться возстающимъ противъ аѣинскихъ законовъ, оказывать уваженіе отечественнымъ храмамъ. — Но и получивъ права совершеннолѣтія, онъ обязанъ былъ продолжать занятія гимнастикой и музыкою. Въ особенности, должны были молодые люди слушать рапсодовъ, рецитирующихъ пѣсни Гомера въ подлинной ихъ формѣ, безъ прибавокъ или пропусковъ; аѣиняне полагали, что это возбуждаетъ человѣка быть мужественнымъ и развиваетъ въ немъ эстетическое чувство.

2. *Брачные обычаи.* По древнему обычаю, узаконенному Солономъ, бракосочетанію должно было предшествовать обрученіе. Обрученные съѣдали вмѣстѣ квитовое яблоко, для добраго предзнаменованія, что боги благословятъ ихъ бракъ дѣтьми (квитовое яблоко было символомъ многочисленности дѣтей). За обрученіемъ слѣдовалъ обрядъ бракосочетанія; хорошимъ временемъ для него считалось полнолуніе. Свадебное торжество начиналось принесеніемъ жертвы Зевсу и Герѣ, божествамъ, подъ чьимъ покровительствомъ

находилась брачная жизнь; было совершаемо омовеніе дававшее плодородіе водою Эинеапруна (Каллирон). Свадебный пиръ дѣлалъ отецъ невесты. Новобрачные были на пирѣ въ бѣлой одеждѣ, съ вѣнками изъ миртъ и фіалокъ на головахъ. Новобрачная, подъ покрываломъ, сидѣла между замужними женщинами. Въ началѣ вечера новобрачные ѣхали въ домъ мужа, украшенный плющемъ; подавъ ихъ колесницы шли друзья новобрачнаго; они несли факелы, зажженные матерью новобрачной, и пѣли свадебныя пѣсни (гимнеи) съ аккомпанементомъ музыки. Въ Беотіи былъ обычай сжигать ось колесницы, на которой прѣхали новобрачные; это было, вѣроятно, символомъ того, что новобрачная уже не поѣдетъ назадъ. При вступленіи молодыхъ въ домъ мужа, ихъ встрѣчали привѣтствіями и подарками, относившимися или къ желанію, чтобы у нихъ было много дѣтей, или къ обязанностямъ новой домохозяйки; было при этомъ и много шутокъ. Когда новобрачная снимала съ себя покрывало, мужъ дѣлалъ ей подарки.

3. Конецъ жизни Солона.

Законодательная дѣятельность Солона заняла, вѣроятно, лѣтъ де- Завершеніе за- сять времени (вѣроятно, 593—583 годы). Его законы (thesmoi) были конодательной вырѣзаны стариннымъ греческимъ способомъ письма на деревянныхъ дѣятельности доскахъ (строки шли поочередно съ-лѣва на право и съ-права на Солона. лѣво, составляя изгибы одной непрерывной линіи, какъ борозды нивы; эта манера письма и называлась «бороздоподобною», bustrophedon). Доски законовъ были поставлены въ Акрополѣ подъ охраною Паллады Аѣины; и каждый могъ теперь узнавать всѣ законы самъ. Этимъ было завершено великое дѣло реформы учрежденій и составленія законовъ. Государственный бытъ получилъ прочную новую основу. Солонъ могъ быть доволенъ тѣмъ, какъ исполнилъ онъ принятую на себя обязанность. Онъ устранилъ справедливыми своими постановленіями раздоръ сословій и политическихъ партій, избавилъ поселянъ и небогатыхъ горожанъ отъ нищеты и рабства, ввѣрилъ охраненіе независимости и блага родины свободнымъ владѣльцамъ земли; онъ сдѣлалъ все, что было возможно, для поддержанія старыхъ формъ общественнаго быта, для упроченія религіозныхъ обычаевъ; онъ предоставилъ знатному сословію такія привилегіи, которыя должны были склонить въ пользу новыхъ учрежденій эти старые роды, обладавшіе наслѣдственной правительственною опытностью; и съ тѣмъ вмѣстѣ онъ вложилъ въ преобразованную имъ государственную организацію элементы прогрессивнаго развитія; онъ оживилъ новымъ духомъ старыя формы, стѣснявшія общество своею мертвою неподвижностью, видоизмѣнилъ ихъ сообразно новымъ потребностямъ народа; безплодное поле онъ обратилъ въ зеленѣющую ниву. Онъ сохранилъ наслѣдіе старины, но обновилъ его, сдѣлалъ его способнымъ къ возростанію. Однако, хоть всячески старался сберечь старину, онъ далъ государственному быту такой характеръ, что она должна была исчезнуть. Новыя поколѣнія обратили свою дѣятель-

ность на развитіе тѣхъ элементовъ его законодательства, которые были новыми, и они скоро разрослись такъ, что подавили все, оставшееся отъ старины въ законахъ Солона. Но и во времена полнѣйшаго развитія демократическихъ учрежденій аѳиняне продолжали любить свое прошлое, съ гордостью называли Солона основателемъ тѣхъ учреждений, какія государство имѣло въ ихъ время. Они любили придавать своимъ демократическимъ учрежденіямъ характеръ древности и легитимности, называя создателями ихъ Тезея и Солона. Законодательство Солона, при всѣхъ послѣдующихъ перемѣнахъ, дѣйствительно оставалось прочною основою государственнаго устройства Атики.

Путешествіе Солона по восточнымъ странамъ. Когда законы, составленные Солономъ, были приняты народнымъ собраніемъ, онъ рѣшилъ удалиться на нѣкоторое время изъ государства, главою котораго былъ въ продолженіи пятнадцати лѣтъ; ему надобенъ былъ отдыхъ отъ долгаго труда; онъ хотѣлъ удовлетворить своей любознательности путешествіемъ по востоку; но главные мотивы его отъѣзда были другіе: онъ хотѣлъ дать новымъ законамъ время укорениться безъ личной поддержки его личнымъ авторитетомъ; онъ желалъ устраниваться отъ требованій, чтобъ онъ дѣлалъ перемѣны въ нихъ. Взявъ съ гражданъ обѣщаніе сохранять десять лѣтъ его законы, не измѣняя въ нихъ ничего, онъ удалился изъ отечества. Когда мы будемъ говорить о Лидіи, мы перескажемъ преданіе о бесѣдѣ его съ Крезомъ, о его совѣтѣ лидійскому царю не полагаться на прочность счастья. Греки любили это преданіе, характеризовавшее разницу эллинскаго народа отъ народовъ Востока лично бесѣдою между представителями Греціи и Востока, мудрымъ Солономъ и богатымъ, недалёковиднымъ царемъ Лидіи. Говорятъ, что Солонъ во время своего десятилѣтняго добровольнаго изгнанія посѣтилъ и Египетъ, слушалъ рассказы ученыхъ саисскихъ и гелиопольскихъ жрецовъ о давнихъ временахъ. Онъ былъ на Кипрѣ у солійцевъ, и они чтитъ память мудреца, присовѣтовавшаго ихъ царю Филокипру переселиться на прекрасную приморскую равнину; царь послушался, и основалъ новую столицу, Солы. Но Солону предстояло еще испытать много тяжелыхъ огорченій, видѣть свою родину вновь терзаемую ожесточеннымъ раздоромъ партій, существеннѣйшія части своего великаго дѣла уничтоженными. Возвратясь съ Кипра, онъ нашелъ аѳинское государство въ очень взволнованномъ состояніи. Нѣкоторые изъ вліятельныхъ эвпатридовъ были во враждѣ между собою; каждый искалъ союзниковъ себѣ, и скоро сформировались три партіи: онѣ группировались около трехъ сильныхъ эвпатридскихъ родовъ, Алкмеонидовъ, Филаидовъ и Пизистратидовъ; каждая изъ нихъ, руководимая знатнымъ честолюбцемъ, стремилась захватить въ свои руки всю власть.

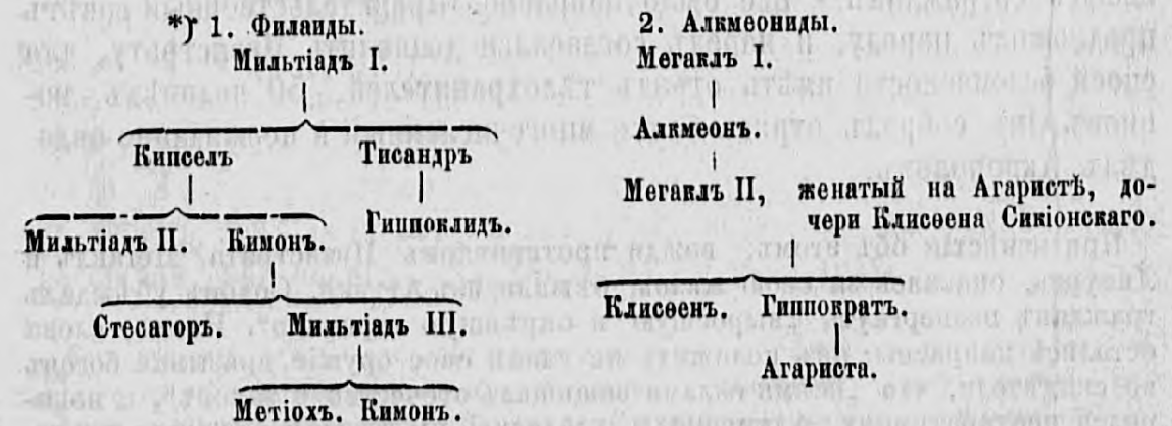
1. Алкмеониды и приверженцы ихъ имѣли сильную опору въ Клизеонѣ,

тираннѣ сякіонскомъ, на чьей дочери, Агаристѣ, былъ женатъ сынъ Алкмеона, Мегаклъ, предпочтенный всѣмъ другимъ соискателямъ при выборѣ мужа ей. 2. Филаиды вели свой родъ отъ Филея, сына Аякса саламинскаго и приобрѣли богатство и сильное вліяніе, породнившись съ кинсидами, владычествовавшими въ Коринѣ. Филаиды Гиппоклидъ, одержавшій на олимпійскихъ играхъ въ 564 году побѣду въ состязаніи въ колесничномъ бѣгѣ, и Мильтіадъ были вождями аристократической партіи; третьимъ вліятельнымъ лицомъ въ ней былъ богатый землевладѣлецъ Ликургъ. *). 3. Пизистратиды вели свой родъ отъ Пизистрата, о которомъ упоминается въ „Одиссее“; онъ былъ сынъ Нестора, прославляемаго Гомеромъ. Глава ихъ фамиліи, Пизистратъ, наслѣдовавшій отъ Нестора мужество, любезность въ обхожденіи съ людьми и обворожительное краснорѣчіе, былъ вождемъ демократовъ, ожиданіямъ которыхъ не удовлетворилъ Солонъ своею умѣренною реформою. Массу этой партіи составляли земледѣльцы и пастухи горной части Атики, желавшіе уравнительнаго раздѣла земли, и вмѣсто того получившіе отъ Солона только облегченіе долговъ и нѣкоторую—не очень большую—долю участія въ управленіи дѣлами. Эти небогатые, энергическіе простолюдины были очень рады, что нашелся между аристократами человекъ, взявшійся быть вождемъ ихъ. Его помѣстья—очень значительныя—лежали въ ихъ части Атики; у него были, между прочимъ, большія конскія пастбища. Онъ приобрѣлъ славу удачными дѣлами въ войнѣ съ мегарянами, взявъ неожиданнымъ нападеніемъ мегарскую гавань Несею. Онъ всегда былъ готовъ щедро помогать нуждающимся, и снисходительно позволялъ всѣмъ ходить въ его сады и ѣсть фрукты. Его наружность была привлекательная, все это дѣлало его очень популярнымъ. Онъ умѣлъ приобрести и расположеніе Солона, которому былъ близкимъ родственникомъ по матери, и который былъ высокаго мнѣнія о его талантахъ. Долго Пизистратъ былъ усерднымъ помощникомъ Солона. Но потомъ честолюбіе повело его на другую дорогу. — Однажды, когда отецъ Пизистрата, Гиппократъ, приносилъ жертву въ Олимпіи, вода въ жертвенномъ котлѣ начала кипѣть, такъ что полилась черезъ край, прежде нежели былъ подложенъ огонь; Гиппократу было объяснено, что это предзнаменуетъ величіе его роду, который приобрететъ избытокъ силы. Предсказаніе исполнилось.

Пизистратъ.

Возвратясь на родину, Солонъ нашелъ, что вражда между партіями грозитъ государству бѣдами. Партіи вмѣстѣ съ политическимъ

Напрасная борьба Солона противъ замысловъ Пизистрата.

характеромъ, имѣли и географическій; потому Атикѣ угрожало распаденіе на разныя государства. Солонъ старался отклонить вождей партій отъ ихъ честолюбивыхъ замысловъ, убѣждалъ народъ оставить раздоры, поддерживать существующій порядокъ. Мегаклъ, вождь паралійцевъ—такъ называлась партія торговцевъ и моряковъ, жившихъ по западному берегу—не правился простолюдинамъ, потому что держалъ себя надменно. Мильтіадъ и Ликургъ, вожди партіи педіевъ, знатныхъ людей, владѣвшихъ крупными помѣстьями равнины Кефиса, были представители устарѣлыхъ принциповъ, реакціонеры, чуждые современнымъ стремленіямъ; потому тоже не были особенно страшны. Но тѣмъ опаснѣе былъ Пизистратъ, чьимъ честолюбивымъ планамъ готовы были помогать діакрійцы, суровые, сильные, воинственные поселяне центральной, горной полосы и восточнаго берега Атики. Напрасно Солонъ въ своихъ политическихъ стихотвореніяхъ предостерегалъ гражданъ отъ «облачныхъ словъ краснорѣчиваго хитреца», порицалъ «простяковъ, идущихъ, куда ведетъ ихъ лисица», не замѣчающихъ «чернаго смысла подъ лстивыми словами»: на выборахъ членовъ правительственнаго совѣта въ 560 году одержали верхъ приверженцы Пизистрата. Солонъ пришелъ съ копьемъ и щитомъ въ народное собраніе, и сталъ доказывать народу, что Пизистратъ хочетъ сдѣлаться тиранномъ; приверженцы Пизистрата говорили народу, что этотъ старикъ сошелъ съ ума. Солонъ воскликнулъ: «Скоро гражданамъ станетъ ясно мое сумасшествіе, истина раскроется имъ. Какъ тихое море покрывается волнами отъ порыва бури, такъ опрокинется отъ напора сильныхъ корабль государства и подпадетъ народъ, прежде чѣмъ успѣетъ опомниться, подъ владычество тирана.» Такъ и вышло на дѣлѣ. Однажды Пизистратъ пріѣхалъ на колесницѣ въ народное собраніе; онъ былъ окровавленъ; онъ показывалъ народу рану; ему нанесли ее, говорилъ онъ, враги; жизнь его въ опасности отъ нихъ. Солонъ понялъ этотъ обманъ и, напоминая эпизодъ «Одиссеи» (пѣсня IV, стихи 224 слѣд.), воскликнулъ: «сѣ дурною мыслью играешь ты роль Одиссея, сынъ Гиппократа; онъ ранилъ себя, на обманъ врагамъ, ты ранилъ себя, чтобъ обмануть своихъ согражданъ.» Все было напрасно. Правительственный совѣтъ предложилъ народу, и народъ согласился дозволить Пизистрату, для своей безопасности имѣть отрядъ тѣлохранителей, 50 человекъ воиновъ. Онъ собралъ отрядъ болѣе многочисленный и неожиданно овладѣлъ Акрополемъ.

При извѣстіи объ этомъ, вожди противниковъ Пизистрата, Мегаклъ и Ликургъ, опасаясь за свою жизнь, бѣжали изъ Атики. Солонъ убѣждалъ гражданъ низвергнуть „выросшую и окрѣпшую тираннію“. Но его слова остались напрасны; онъ положилъ на улицѣ свое оружіе, призывая боговъ во свидѣтели, что „всѣми силами защищалъ отечество и законъ“, и покорился неотвратимому. Алкмеониды удалились въ изгнаніе, Ликургъ устра-

нился отъ внимательства въ дѣла, Мильтіадъ отправился въ Херсонесъ Эракійскій. Но Солонъ остался въ Аѣинахъ. Пизистратъ выказывалъ большое уваженіе къ нему, просилъ его совѣтовъ; но онъ, отвергая всѣ лжебезности узурпатора, отказывался давать совѣты тиранну. Онъ говорилъ гражданамъ: „Подвергшись по своей неразумности бѣдѣ, вы не должны сваливать вину на боговъ. Вы сами дали ему силу; вы дали ему тѣлохранителей; и награждены за то позоромъ рабства“.

Солонъ сталъ писать поэму о баснословномъ островѣ Атлантидѣ; матеріаломъ ей служили, вѣроятно, рассказы, слышанные имъ отъ египетскихъ жрецовъ; но она не была доведена до конца ни имъ самимъ, ни Платономъ, который былъ по матери потомкомъ его брата.

Около этого времени долонки, эракійское племя, жившее на Херсонесѣ Отѣздъ Миль-Эракійскомъ, были сильно тѣсны абсинтіями, жившими на сѣверѣ отъ тіада въ Херсонесѣ. Они послали своихъ родоначальниковъ въ Дельфы, просить совѣта у оракула. Онъ сказалъ имъ, что они должны сдѣлать своимъ царемъ того грека, который первый пригласитъ ихъ, на ихъ обратномъ пути, отдохнуть у него. Когда они, на обратномъ пути, пришли въ Аѣины, то Мильтіадъ, сынъ Кипсела, сидѣвшій подъ навѣсомъ передъ своимъ домомъ, увидѣлъ ихъ, идущихъ съ конями въ рукахъ; по ихъ одеждѣ онъ понялъ, что они иноземцы, подозвалъ ихъ и пригласилъ отдохнуть у него. Они рассказали ему отвѣтъ оракула имъ и предложили ему стать царемъ ихъ народа. Мильтіадъ, которому неприятно было жить подъ властью Пизистрата, принялъ ихъ предложеніе. Въ сопровожденіи многихъ гражданъ аристократической партіи, онъ поплылъ съ долонками въ Херсонесъ, основать греческое государство въ странѣ варваровъ. Онъ построилъ поперекъ перешейки, отъ моря до моря, стѣну, для защиты полуострова отъ нападений эракійцевъ. Херсонесъ сдѣлался хорошою стоянкою для аѣинскихъ торговыхъ кораблей; безъ того мегаряне совершенно завладѣли бы Геллеспонтомъ. Солонъ одобрялъ предпріятіе Мильтіада, и вѣроятно по его просьбѣ Крезъ вступился за Мильтіада, когда граждане Лампсака взяли въ плѣнъ основателя аѣинской колоніи на Геллеспонтѣ. Крезъ грозилъ „срубить, какъ сосну“, Лампсакъ (первоначально называвшійся Питіусою, „сосновымъ городомъ“), и лампсакійцы освободили Мильтіада. Онъ умеръ въ 525 году; херсонесскіе аѣиняне стали чтить его, какъ героя. Его племянникъ Стесакоръ, наслѣдовавшій ему, былъ въ 518 году убитъ однимъ изъ гражданъ Лампсака. Долонки признали своимъ царемъ Мильтіада III, младшаго брата Стесакора.

Одобреніе мысли Мильтіада ѣхать въ Херсонесъ—послѣдній, сколь-Смерть Солона.ко мы знаемъ, случай участія Солонъ въ общественныхъ дѣлахъ. Увидѣвъ бесполезность своихъ воззваній къ аѣинянамъ, чтобъ они свергли тирана, онъ печально устранился отъ политической дѣятельности. Въ кругу пожилыхъ и молодыхъ друзей онъ тихо доживалъ въ своемъ домѣ остатокъ своихъ дней, неутомимо до самой смерти расширяя свои знанія. Онъ умеръ на 80-томъ году.

Есть преданіе, что Солонъ поѣхалъ съ Мильтіадомъ въ Херсонесъ, что потомъ жилъ нѣсколько времени въ Сардахъ и умеръ на Кипрѣ, у одного изъ своихъ друзей. Если принять это преданіе, то бесѣда Солонъ съ Крезомъ оказывается хронологически воз-

можно. Но мы не имѣемъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ о томъ, что Солонъ уѣхалъ изъ Аѣны. — По разсказу, болѣе старому, его прахъ былъ разбросанъ на островѣ Саламинѣ.

5. Эпоха тиранновъ.

1) тираниія.

Ходъ развитія греческихъ государствъ. Мы довели исторію Аѣны до начала узурпаціи Пизистрата. Въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ Греціи такіе узурпаторы явились раньше. Подобно ему, это были демагоги. Во «Введеніи» (томъ I, стр. 24) мы говорили, что аристократія, злоупотребляя властью, утрачивала возможность удержать ее въ своихъ рукахъ и была подавляема тираниіею, а по паденіи тираниіи оказывалась безсильна противъ демократіи. Таковъ былъ ходъ развитія почти всѣхъ греческихъ государствъ.

Владычество аристократіи. Аристократія, почти во всѣхъ греческихъ государствахъ взявшая въ свои руки власть по отбѣнѣ царскаго сана, властвовала около двухъ столѣтій, не встрѣчая сопротивленія. Сначала она выказывала качества, до нѣкоторой степени оправдывавшія господство ея надъ народомъ. Аристократы пользовались своею властью кротко. Крупные землевладѣльцы, обеспеченные относительно средствъ къ жизни, имѣли возможность прибрѣтать знанія, соотвѣтствовавшія высокому ихъ положенію, имѣли досугъ заниматься тѣми дѣлами, какія, по ихъ понятіямъ, были единственными занятіями, достойными свободного человѣка. Это были, главнымъ образомъ, военное дѣло, администрація, судъ, совершеніе религіозныхъ обрядовъ. Тогда полагали, что только занятія этими дѣлами даютъ человѣку тѣ физическія и умственные качества, которыя считались наслѣдственнымъ достояніемъ аристократовъ, отличительными свойствами ихъ сословія: любовь къ славѣ и патріотизмъ—мотивы къ совершенію великихъ подвиговъ. Такимъ образомъ, аристократы составляли плотную корпорацію людей знатныхъ и богатыхъ, получившихъ особенное воспитаніе, имѣющихъ общіе сословные интересы, свои особыя занятія, чуждающихся всякой работы, унизительной для вельможъ. Естественнo было, что эта корпорація правитъ государствомъ, что члены ея занимаютъ всѣ общественныя должности. Опытные военачальники, лучшіе воины были аристократы; такъ въ ихъ сословіи были опытные судьи, хорошо знающіе обычное право, по преданію отъ предковъ, и умѣющіе примѣнять его къ рѣшенію тяжбъ; только аристократы знали священныя пѣсни и богослужебные обряды, которыми прибрѣталась милость боговъ. Простолудины,—пастухи, земледѣль-

цы—жившіе разбросанно и въ зависимости отъ владѣльцевъ земли не могли сопротивляться господству ихъ; въ началѣ у нихъ не было поводовъ къ тому. Владѣлецъ, имѣя патріархальную власть надъ живущими на его землѣ, имѣлъ и отеческое попеченіе о нихъ; подвластные ему люди чувствовали привязанность къ нему, какъ младшіе родственники къ старшему. Труды и расходы, какихъ требовали государственныя надобности, лежали почти исключительно на аристократахъ: они несли повинность военной службы, покрывали изъ собственного имущества издержки по администраціи, по судопроизводству, давали все надобное для жертвоприношеній и религіозныхъ праздниковъ. При простотѣ общественного быта, привилегіи совпадали съ обязанностями, господа были полезны подвластнымъ; образъ жизни знатныхъ людей и простолюдиновъ былъ одинаковый; простолюдины имѣли мало причинъ завидовать аристократамъ или не любить ихъ.

Но время патріархальнаго быта миновало. Торговля развивалась; все больше и больше входили въ употребленіе деньги; это создавало новыя условія быта, и отношенія между сословіями измѣнились. У простолюдиновъ явилось желаніе освободиться отъ подвластности крупнымъ землевладѣльцамъ, прибрѣсти гражданскія права; бѣдные люди знатныхъ родовъ и тѣ поселяне, которые были свободны, занялись мореходствомъ, торговлею, промышленностью, составили среднее сословіе; оно стремилось улучшить свое общественное положеніе. Чѣмъ больше усиливалось въ массѣ населенія желаніе реформъ, тѣмъ строже поддерживало свои наслѣдственные права властвующее сословіе, тѣмъ чаще злоупотребляло своею судебною властью, тѣмъ суровѣе угнетало народъ тяжелыми штрафами и строгимъ примѣненіемъ законовъ о взысканіи долговъ, тѣмъ рѣзче обособлялось въ замкнутую корпорацію; оно не роднилось бракомъ съ семействами, не принадлежащими къ нему, презрительно обращалось съ промышленнымъ и рабочимъ классами. Мы видѣли, что аристократы покровительствовали основанію колоній, стараясь удалить изъ государства людей, опасныхъ имъ. Но дѣло, которымъ хотѣли они упрочить свое господство, ускорило ихъ паденіе. Въ колоніяхъ быстро развилось свободное среднее сословіе; примѣръ ихъ дѣйствовалъ на простолюдиновъ метрополій. Колонизація расширила торговлю метрополій; имущественныя отношенія сильно измѣнились. Сначала, перемѣна шла въ пользу аристократовъ: продукты ихъ нивъ и плантацій, шерсть ихъ стадъ находили выгодный сбытъ, они богатѣли. Но характеръ народнаго быта развивался во вредъ ихъ владычеству. Прежде простолюдины жили разбросанно по горамъ и долинамъ, мало замѣчали свою многочисленность и не сознавали своей силы; теперь они переселялись къ пристанямъ, гдѣ находили выгодные промыслы; на приморьѣ образовались большіе города. Возникло многочисленное сословіе горожанъ;

въ немъ развилась предприимчивость; своимъ трудолюбіемъ оно приобрѣло благосостояніе; горожане видѣли много людей, сами были люди съ большою житейскою опытностью, и стали образованными. Они хотѣли приобрести права, бывшія до той поры привилегіями знатности рода, стремились занять въ государственномъ строѣ положеніе, соответствующее ихъ матеріальной и умственной силѣ. По самымъ условіямъ своей жизни, они были чужды пристрастія къ старинѣ, любили новизну. Они хотѣли реформъ, и строго стали требовать себя равноправности съ аристократами, участія въ управленіи государствомъ, доступа къ почестямъ. Это стремленіе развивалось въ горожанахъ тѣмъ сильнѣе, что аристократія все рѣзче принимала характеръ олигархіи; она пользовалась своею судебною властью сурово и пристрастно, и тѣмъ убила въ подвластномъ ей населеніи прежнюю патріархальную привязанность къ ней; и въ своемъ высокомѣріи все рѣзче обособлялась отъ народа; связи, соединявшія аристократію съ народомъ, были порваны.

Возникновеніе тиранній. Но массѣ простолюдиновъ, «демосу», какъ называли ее греки, не легко было достичь своей цѣли, вытѣснить аристократію изъ ея наслѣдственного положенія. Борьба рѣшалась въ пользу демоса только когда какой нибудь честолюбивый и предприимчивый аристократъ отдѣлялся отъ своего сословія, становился вождемъ простолюдиновъ, овладевалъ цитаделью города (акрополемъ) и подавлялъ силою оружія аристократію. Успѣху такихъ дѣлъ много помогало сословное высокомеріе, съ какимъ аристократы увеличивали строгость генеалогическихъ условій, которымъ долженъ былъ удовлетворять человѣкъ, чтобы быть признаннымъ ими за равноправнаго члена ихъ сословія, исключали изъ своей корпораціи всѣхъ, рожденных отъ неравныхъ браковъ. Собравъ вооруженный отрядъ надежныхъ приверженцевъ, вождь простолюдиновъ («демагогъ») легко захватывалъ въ свои руки произвольную власть, потому что народъ, признательный къ нему за помощь въ борьбѣ съ аристократіею, нерѣдко самъ помогалъ ему сдѣлаться неограниченнымъ властелиномъ; на первое время, простолюдины довольствовались матеріальными выгодами и равноправностью: полученіемъ участковъ земли, отпѣною долговъ, признаніемъ законности браковъ между лицами знатнаго и незнатнаго сословія, установленіемъ равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ; получивъ это, они не требовали себя участія въ управленіи, предоставляли своему вождю произвольную власть. Такимъ образомъ, почти всѣ греческія государства въ VII и VI столѣтіяхъ подпали подъ владычество узурпаторовъ. Эти узурпаторы, правившіе государствами съ полнымъ произволомъ, были непохожи на прежнихъ царей, и назывались не «царями», а «тираннами». Слово «тираннъ» значило «господинъ», «повелитель», но такой повелитель, чья власть основана не на законномъ правѣ, а только на силѣ. Временами, бывали назначаемы

въ греческихъ государствахъ и законные правители съ неограниченною властью; случалось, что когда государство находилось въ разстроенномъ состояніи, правительственный совѣтъ и народное собраніе назначали диктатора, которому поручали привести государственныя дѣла въ порядокъ; такой правитель назывался эсимнетомъ. Тиранны были совершенно не то: въ названіи тиранна заключалось понятіе о незаконности его владычества. Впослѣдствіи, когда установилась у грековъ демократическая форма правленія, владычество тиранновъ они стали считать фактомъ постыднымъ, и въ понятіе о тираниѣ вошло понятіе о притѣснительности, жестокости.

Возникновеніе тиранній ускорило ходъ развитія государственной жизни Греціи. Старинныя учрежденія, освященные давностью, были стѣсненіемъ для произвола тиранновъ. Потому тиранны стремились уничтожить старину, дать мыслямъ и дѣятельности народа новое направленіе, пересоздать жизнь его такъ, чтобы стать главными двигателями всего. Мы увидимъ, что они очень заботились о развитіи торговли, мореплаванія, промышленности, колонизаціи, о распространеніи образованія; старались приобрести благодарность и любовь народа сооруженіемъ зданій, водопроводовъ, улучшеніемъ гаваней и т. д.; ослѣпляли народъ блескомъ своего двора, великолѣпіемъ религіозныхъ праздниковъ. Богатства тиранновъ давали имъ возможность привлечь къ своему двору художниковъ, поэтовъ, мудрецовъ, покровительствовать ихъ трудамъ; это приносило пользу народному образованію. Долго по низверженіи тиранновъ граждане вспоминали о блестящихъ временахъ, когда въ ихъ городахъ жили роскошные властелины. Но счастьемъ для Греціи было то, что періодъ владычества тиранновъ былъ непродолжителенъ. Греческій народъ доказалъ силу своего здраваго смысла, не давъ упрочиться этому опасному для національной жизни образу правленія. Тираннія благопріятствовала развитію искусства, просвѣщенія, торговли, промышленности; но развивала и дурныя склонности людей: сладострастіе, жажду роскоши; люди независимаго характера были подозрительны тираннамъ, свобода сужденій была вредна имъ; тиранны покровительствовали льстецамъ, наушникамъ; ихъ шпіоны слѣдили за всѣми движеніями гражданъ; они преслѣдовали всѣхъ самостоятельныхъ людей. Съ завистью смотрѣли они на великолѣпіе царей Малой Азіи и Египта; власть была для нихъ дороже независимости греческаго народа; покровительство царей египетскаго, персидскаго, лидійскаго могло быть полезно для упроченія ихъ владычества; они расположены были искать поддержки себя у этихъ царей, принести въ жертву своимъ личнымъ выгодамъ независимость Греціи. Если бы во время персидскихъ войнъ владычествовали въ Аѣнахъ Пизистратиды, въ Коринѣ Кипселиды, то едва ли были бы даны Марафонская и Саламинская битвы.

2) владычество кипселидовъ въ Коринѣ.

Кипселъ ? 659—629. Дорійскіе аристократы, владычествовавшие въ Коринѣ и называвшіеся Бакхіадами, составляли плотно замкнутую корпорацію, очень ревниво охранявшую свое привилегированное положеніе (стр. 204). Они не давали никакого участія въ управленіи государствомъ никому, кто не былъ Бакхіадъ, не принимали въ свой олигархическій кругъ даже и людей самыхъ знатныхъ фамилій не дорійскаго происхожденія, какъ напримѣръ, потомковъ Фессалійскаго царя Меласа; брачными союзами они роднились только между собою; браки съ лицами не ихъ круга они не признавали полноправными.—Дочь Бакхіада Амфіона, которую звали Лабда, была хромя; не имѣя надежды найти жениха ей между бакхіадами, отецъ выдалъ ее за Ээтія, потомка Меласа. Мужъ и она жили въ Петрѣ. Тамъ у нея родился сынъ, котораго назвали Кипселомъ. Это имя, значащее «ящикъ», было дано ему, какъ объясняетъ легенда, потому, что онъ былъ спрятанъ въ ящикъ отъ преслѣдованія Бакхіадовъ.—Онъ убилъ притана Гиппоклида, котораго народъ ненавидѣлъ за жестокость, привлекъ простолюдиновъ къ себѣ кротостью и щедростью, и, ободренный совѣтомъ Дельфійскаго оракула, захватилъ въ свои руки владычество надъ Коринѣомъ. Многие изъ бакхіадовъ добровольно удалились или были изгнаны, и поселились въ Спартѣ или на Коркирѣ, которая не признала власти Кипсела. Другіе покорились тиранну, который по матери былъ тоже Бакхіадъ и правилъ государствомъ въ ихъ духѣ. Говорятъ, что онъ изгналъ многихъ аристократовъ и завладѣлъ ихъ землями и сокровищами; въ справедливости этого упрека ему едва ли можно сомнѣваться, потому что онъ, подобно всѣмъ греческимъ тираннамъ, жилъ съ царскимъ блескомъ, украшалъ городъ великолѣпными зданіями, посылалъ богатые дары въ Олимпію и въ Дельфы. Всѣ тиранны обогащали себя конфискаціями и тяжелыми налогами.

Но вообще Кипселъ слѣдовалъ политикѣ прежняго аристократическаго правительства. Для охраненія коринеской торговли его сыновья основали колоніи на берегахъ Акарнаніи и Эпира; самую значительную изъ нихъ была Амвракія, на берегу залива, который и сталъ по ея имени называться амвракійскимъ. У входа въ него, на южномъ берегу, образуемомъ полуостровъ, была построена Левкада („Бѣлый городъ“), названная такъ по бѣлому цвѣту скалъ той мѣстности. Далѣе къ востоку на томъ же берегу залива былъ основанъ Анакторій. Узкій входъ въ заливъ находился подъ покровительствомъ Аполлона Актійскаго, которому анакторійцы построили великолѣпный храмъ на скалѣ, выдающейся мысомъ въ море.—Основаніемъ этихъ колоній Кипселъ помогать развитію коринеской торговли, и съ тѣмъ вмѣстѣ доставлялъ хорошія средства къ жизни бѣднымъ

гражданамъ, которые отправлялись съ его сыновьями строить себѣ новые города. Потому коринѣяне любили Кипсела, такъ что онъ въ продолженіе своего тридцатилѣтняго правленія никогда не имѣлъ надобности держать тѣлохранителей. — Впослѣдствіи перешеекъ левкадскаго полуострова былъ прорѣзанъ каналомъ, и мѣстность эта стала островомъ. — Коринѣяне поселились и въ коркирской колоніи Энидамонѣ (стран. 206). Въ Аполлоніи, основанной на иллирскомъ берегу близъ устья рѣки Аоя, жили вмѣстѣ, и дружно между собою коринѣяне и коркиряне.

Въ Олимпію, гдѣ Кипселъ прожилъ свои молодые годы, онъ послалъ колоссальную золотую статую Зевса чепанной работы, а въ дельфійскій храмъ, оракулъ котораго одобрилъ его узурпацію, онъ пожертвовалъ бронзовое пальмовое дерево, бывшее украшеніемъ сокровищницы, которую отъ имени коринескаго народа онъ построилъ при храмѣ для храненія даровъ, приносимыхъ коринѣянами. Но самымъ драгоценнымъ изъ даровъ Кипселидовъ храмамъ былъ знаменитый «ящикъ Кипсела», который потомки Кипсела пожертвовали въ олимпійскій храмъ Геры, на память о чудесномъ спасеніи своего предка, и который, вѣроятно, послужилъ поводомъ къ возникновенію легенды объ этомъ спасеніи. Этотъ ящикъ былъ кедровый, съ инкрустаціями изъ золота и слоновой кости. По стѣнамъ его шли рядами, одинъ надъ другимъ, мифологическія изображенія, частью рельефной работы, частью врѣзанныя въ дерево и инкрустированныя. Къ изображеніямъ были присоединены объясняющіе ихъ стихи, написанные строками, идущими поочередно съ лѣва на право и наоборотъ (по способу письма, называвшемуся *bistrophedon*). Содержаніемъ изображеній были сцены изъ мифовъ о богахъ, между прочимъ объ Аполлонѣ, и герояхъ, между прочимъ о Гераклѣ, о виванской и троянской войнахъ. Цѣлю этихъ изображеній было соединить мысли о Кипселидахъ съ преданіями героическаго вѣка.

Сынъ Кипсела, Періандръ, былъ достойнымъ преемникомъ отца. Онъ мастерски продолжалъ начатое Кипселомъ. Онъ далеко превосходилъ отца силою ума, образованностью, широтою политическихъ плановъ, предприимчивостью, смѣлостью, и далъ Коринѣу очень большое могущество. Онъ покорилъ отложившуюся отъ метрополіи Коркиру, расширилъ коринескую торговлю по всему западному берегу до Иллиріи и колонизовалъ его; флотъ Періандра владычествовалъ на Эгейскомъ морѣ; на сѣверномъ берегу этого моря Періандръ сдѣлалъ Потидею центромъ морскихъ военныхъ силъ Коринѣа и рынкомъ для обширнаго сбыта произведеній коринеской промышленности; на востокъ онъ постановилъ, какъ посредникъ, условія мира между Митилею и аѣинскою колоніею Сигеемъ; былъ въ дружбѣ съ Тразибуломъ, тиранномъ милетскимъ, и царемъ лидійскимъ Алиаттомъ. Кажется, былъ въ дружескихъ сношеніяхъ и съ египетскимъ царемъ; такъ надобно полагать потому, что его племянникъ получилъ имя Псамметиха. Греческіе писатели рассказываютъ о Періандрѣ много дурнаго. Онъ,—по однимъ извѣстіямъ, далъ Тразибулу,—по другимъ, получилъ отъ Тразибула—совѣтъ, выраженный не словами, а движеніемъ руки: истреблять гражданъ, занимающихъ высокое положеніе въ обществѣ, какъ движеніе руки дающаго совѣтъ срываетъ на нивѣ колосья, которые выше другихъ. Говорятъ, что, окру-

Дары Кипсела и его династіи богамъ.

Ящикъ Кипсела.

Періандръ. 629—585.

женный отрядомъ 300 надежныхъ наемниковъ и усердными слугами, безопасный подъ ихъ охраною въ сильно-укрѣпленномъ, неприступномъ акрополѣ, онъ былъ жестокимъ правителемъ; что онъ обременялъ богатыхъ людей налогами, разорялъ ихъ произвольными требованиями денегъ, чтобы не было въ государствѣ никого богатаго, кромѣ него. Онъ запретилъ общіе обѣды, еще остававшіеся въ Коринѣ отъ обычаевъ дорійской старины, находя, что они поддерживаютъ революціонный образъ мыслей; опасаясь заговоры, онъ запрещалъ гражданамъ собираться, и посылалъ шпионовъ въ тѣ собранія, которыхъ нельзя было запретить; запрещалъ гражданамъ праздно сидѣть на площадяхъ, прогуливаться по улицамъ, какъ это было въ привычкѣ у дорійцевъ; принуждалъ землевладѣльцевъ жить въ ихъ имѣніяхъ, требовалъ, чтобы они работали на поляхъ сами: подозрѣвая ихъ, онъ боялся, что въ многолюдномъ городѣ они будутъ составлять заговоры. Говорятъ, что своею подозрительностью онъ не давалъ людямъ покоя даже въ ихъ домашней жизни, что онъ требовалъ отчета, какъ проводить время человѣкъ въ своемъ домѣ. Эти рассказы о притѣснительности тиранніи Періандра быть можетъ преувеличены: онъ считался человѣкомъ большого ума, его даже причисляли къ Семи Мудрецамъ; потому, быть можетъ, ему приписывали всѣ тѣ мѣры, какія были придуманы тираннами для огражденія своей власти и жизни отъ заговоры. Но онъ былъ воспитанъ въ правилахъ коварной политики; ужъ и отецъ его, при всей мягкости и любезности обращенія, притѣснялъ, грабилъ, изгонялъ изъ государства аристократовъ; потому надо полагать, что извѣстія о жестокости правленія Періандра въ сущности справедливы; только можно думать, что характеръ его политики былъ не столько результатомъ преднамѣренно составленной системы, сколько дѣломъ подозрительности, которая составляетъ принадлежность всякаго деспотизма и развивалась у Періандра по мѣрѣ того, какъ онъ замѣчалъ, что недовольство его правленіемъ растетъ. Древніе писатели говорятъ, что вначалѣ онъ правилъ милостиво, но раздражаемый сопротивленіемъ и враждою, постепенно дошелъ до жестокости. Вначалѣ и внутренняя его политика была такою разсудительною, какъ внѣшняя, въ которой его умъ проявляется успѣшными заботами о развитіи торговли и колонизаціи. Но ни по его личному характеру, ни по склонности грековъ къ республиканскому правленію, онъ не могъ держать себя, какъ законный царь, править съ согласія народа, съ довѣріемъ къ народу. Періандръ былъ, вѣроятно, даже хуже многихъ другихъ тиранновъ; но и всѣ они были узурпаторы, владычествовавшие насиліемъ и коварствомъ. Поэтому-то тираннія и не упрочилась въ Греціи: порабощеніе народа, привыкшаго къ свободѣ и образованію, не могло быть продолжительнымъ.

Только въ одномъ направленіи внутренней политики Періандръ выказывалъ высокій правительственный умъ, который проявляется въ его внѣшней политикѣ; онъ покровительствовалъ искусству и поэзіи. Древніе писатели прославляютъ его дружбу съ лесбосскимъ пѣвцомъ Аріономъ, уроженцемъ Метимны, ученикомъ Терпандра. Аріонъ слагалъ диеирамбы для пѣнія хоровъ на праздникахъ Діониса, культу котораго усердно покровительствовалъ Періандръ. Его гимны были исполнены одушевленія, и напѣвы, которые изобрѣталъ для нихъ тоже самъ онъ, имѣли страстный характеръ, такъ что пѣніе ихъ приводило народъ въ то экзальтированное настроеніе, какого требовали обряды служенія богу, дающему растительности роскошную силу. Покровительствуя культу Діониса, Періандръ дѣйствовалъ по политическому расчету. Прежде, праздники Діониса были веселыми сельскими пирушками. Онъ перенесъ ихъ въ Коринѣ, придавъ имъ все то великолѣпіе, съ какимъ дорійская аристократія совершала праздники своихъ воинственныхъ боговъ; увеличилъ привлекательность танцами и пѣніемъ диеирамбовъ; онъ хотѣлъ, чтобы новыми праздниками были вытѣснены прежніе, на которыхъ обряды совершались наслѣдственными религіозными сановниками аристократическаго происхожденія; онъ хотѣлъ, чтобы и въ религіозной жизни коринѣяне усвоили себѣ преданность новой правительственной системѣ. Для достиженія этой цѣли было очень полезно содѣйствіе Аріона. О томъ, какое сильное впечатлѣніе производилъ „возвышенный ритмъ“ (ponos orthios) диеирамбовъ этого лесбосскаго поэта и китариста, свидѣтельствуетъ прекрасная легенда, говорящая, что онъ, брошенный въ море, былъ спасенъ дельфиномъ приплывавшимъ слушать его пѣніе. Легенда эта очень старая; ее рассказываетъ ужъ Геродотъ, прибавляющій, впрочемъ, что не вѣритъ ей. На мысѣ Тенарѣ стояла небольшая бронзовая группа, изображавшая человѣка, сидящаго на спинѣ дельфина; говорили, что она — приношеніе Аріона Посейдону въ благодарность за спасеніе. Періандръ усилилъ великолѣпіе того праздника, который іонійцы издавна совершали въ честь Посейдона въ сосновой рощѣ на Истмѣ, и главное участіе въ которомъ принимали коринѣяне и аѣніяне; онъ учредилъ при немъ гимнастическія и музыкально-поэтическія состязанія. Въ этомъ и въ богатыхъ приношеніяхъ храмамъ Періандръ тоже является покровителемъ искусствъ. Пошлины, которыя бралъ онъ съ товаровъ, шедшихъ черезъ пристани Истма, давали ему полную возможность тратить много денегъ на это.

Легенда объ Аріонѣ. Аріонъ поѣхалъ изъ Коринѣа въ Сицилію и южную Италію; тамъ, какъ и въ Коринѣ, слушали его пѣніе и игру на китарѣ съ восторгомъ; онъ приобрѣлъ большое богатство. Онъ поѣхалъ изъ Тарента на родину; сокровища его были съ нимъ. Корабельщики, желая завладѣть ими, еговорились бросить его въ море. Напрасно онъ предлагалъ имъ взять все, оставить ему только жизнь: они боялись, что онъ пожалуется Періандру. Видя, что они не согласятся пощадить его, онъ взялъ китару, пропѣлъ подъ ея звуки въ послѣдній разъ, и бросился въ море. Но у корабля плыли дельфины, собравшіеся слушать его; одинъ изъ нихъ принялъ его на свою спину и поплылъ къ землѣ; Аріонъ вышелъ на берегъ, пришелъ въ Коринѣ и рассказалъ Періандру о злоумышленіи корабельщиковъ и о своемъ чудесномъ спасеніи. Корабль приплылъ въ Коринѣ; Періандръ призвалъ корабельщиковъ и спросилъ ихъ, не знаютъ ли они чего нибудь объ Аріонѣ. Они отвѣчали, что онъ въ Тарентѣ, живетъ тамъ хорошо. Тогда вышелъ къ нимъ Аріонъ. Изумленные, они сознались въ своемъ преступленіи и были подвергнуты заслуженному наказанію. — До насъ дошла ода, въ которой Аріонъ благодаритъ Посейдона за свое спасеніе. Она не принадлежитъ Аріону, но во всякомъ случаѣ она очень стара: «Высочайшій изъ боговъ моря», говоритъ она отъ

Періандръ и
Аріонъ.

лица Аріона: «владеющую своимъ золотымъ трезубцемъ надъ волнами, опоясывающую землю! Дышущія жабрами существа, пляшущія вокругъ тебя, широконосые дельфины, друзья Музъ, привезли меня къ землѣ Пелопса, къ Тенарскому мысу; они подняли меня на свои спины, когда я носился по Сикелійскому морю, брошенный съ корабля коварными людьми въ пурпурныя воды». — Греки полагали, что дельфины, весело плавающие кругомъ кораблей, любятъ пѣніе и музыку; они были священными животными Аполлона. Быть спасеннымъ дельфинами — народное поэтическое выраженіе, смыслъ котораго былъ: спастись при кораблекрушеніи, когда смерть казалась неизбежною.

Періандръ и Ликофронъ.

Послѣдніе годы Періандра были омрачены семейнымъ горемъ. Онъ женился на Мелиссъ, дочери Прокла, тиранна Эпидаврскаго. Ему понравилась ея стройная фигура, когда онъ, бывши въ гостяхъ у ея отца, увидѣлъ ее въ легкой дорійской одеждѣ. Онъ нѣжно любилъ ее. У нихъ было два сына. Но однажды, въ гнѣвъ, онъ ударилъ ее такъ, что она умерла. Черезъ нѣсколько времени, ея и его сыновья были въ гостяхъ у дѣда. Прощаясь съ ними, Проклъ разсказалъ имъ, кто убійца ихъ матери, и говорилъ, что они обязаны отмстить за нее. На старшаго брата, флегматичнаго человѣка, эти слова не сдѣлали сильнаго впечатлѣнія; но младшій братъ, Ликофронъ, былъ такъ раздраженъ противъ отца, что пересталъ говорить съ нимъ, не здоровался съ нимъ, не хотѣлъ смотрѣть въ лицо ему. Періандръ разсердился, прогналъ Ликофрона и объявилъ, что накажетъ того, кто дастъ ему пріютъ. Ликофронъ скитался подъ колоннадами Коринѣа; всѣ избѣгали его; никто не давалъ ему даже нищи; онъ мучился голодомъ. На четвертый день отецъ увидѣлъ его, сжался, сталъ ласково говорить ему, чтобъ онъ возвратился, пользовался благами жизни; Ликофронъ съ насмѣшкою отвѣчалъ, что Періандръ будетъ наказанъ за то, что разговариваетъ съ нимъ: говорить съ нимъ запрещено. Раздраженный Періандръ велѣлъ схватить его и отвезти въ Коркиру. А самъ собралъ войско, пошелъ на Прокла и взялъ его въ плѣнъ. Прошелъ годъ. Періандръ любилъ Ликофрона, считалъ его опорой и надеждою своей старости; стосковался въ разлукѣ съ нимъ, послалъ въ Коркиру дочь, уговорить Ликофрона вернуться. Ликофронъ отвѣчалъ сестрѣ, что не возвратится въ Коринѣ, пока тамъ живетъ убійца его матери. Отецъ послалъ сказать ему, что передаетъ ему власть и переселится въ Коркиру, дожить тамъ свою старость. Ликофронъ сталъ готовиться плыть въ Коринѣ. Но коркиряне не желали, чтобы поселился у нихъ суровый повелитель; для того, чтобы предотвратить это, они убили Ликофрона.

Конецъ владычества Кипселидовъ.

Періандръ собралъ флотъ и поплылъ отмстить за убійство сына, разграбилъ Коркиру и послалъ триста мальчиковъ знатнѣйшихъ семействъ лидійскому царю, чтобъ онъ сдѣлалъ ихъ у себя евреями. Мальчики были спасены отъ этой участи самосцами. Смерть Ликофрона лишила опоры династію Кипсела. Когда Періандръ, чье правленіе длилось болѣе 40 лѣтъ, умеръ, ему наследовалъ племянникъ его, Псамметихъ, не имѣвшій ни энергіи, ни дарованій своихъ предшественниковъ. На четвертомъ году правленія онъ былъ низвергнутъ; изгнанные аристократы возвратились, и вмѣстѣ съ тѣми аристократами, которые уцѣлѣли въ Коринѣ отъ преслѣдованій Періандра, восстановили въ Коринѣ дорійскую форму правленія, но въ смягченномъ видѣ, и наказали своихъ враговъ. Имѣнья Кипсели-

583

довъ были конфискованы, дома ихъ разрушены, всѣ Кипселиды и въ Коринѣ и въ его колоніяхъ были истреблены. Не было пощады даже гробамъ умершихъ. Чтобы считаться патриотомъ, надобно было дурно говорить о Періандрѣ.

Привилегія Бакхиадовъ выбирать притана изъ своей среды не была восстановлена. Высшая правительственная власть была предоставлена герусіи (совѣту старцевъ или старшинъ); члены герусіи были избираемы всѣмъ аристократическимъ сословіемъ, состоявшимъ изъ восьми родовъ. Каждый родъ назначалъ своихъ представителей въ герусію, и председательство въ ней чередовалось между представителями родовъ. Чтобы имѣть опору себѣ противъ демократической партіи, аристократія неотступно держала себя въ дружбѣ съ спартапцами, которые, кажется, помогали ей низвергнуть Кипселидовъ, и вообще были врагами и демократіи, какъ тиранніи. Поддерживаемое ими, владычество коринѣской аристократіи было прочно. Она правила государствомъ искусно и умѣла пользоваться тѣми выгодами, какія приобрѣтены были Коринѣомъ при тираннахъ. Торговля, промышленность, мореплаваніе, колонизація остались главными элементами жизни коринѣскаго государства. Оно не могло покорить отдѣлившуюся отъ него Коркиру, которая съ той поры непрерывно враждовала противъ него; но оно удержало подъ своею властью другія колоніи, и въ частности, важнѣйшую изъ нихъ, Потидею. Роскошь и распущенность нравовъ, водворившіяся въ Коринѣ при Періандрѣ, навсегда сохранились въ немъ; сладострастный культъ Афродиты продолжалъ совершаться въ коринѣскомъ акрополѣ при аристократическомъ правленіи.

Восстановленіе аристократическаго правленія.

3) владычество ореагоридовъ въ сикіонѣ.

За десять лѣтъ передъ тѣмъ, какъ захватилъ владычество надъ Коринѣомъ Кипселъ, потомокъ старо-іонійскаго племени эгіалейцевъ, Ореагоръ («умѣющій правильно говорить»), сдѣлался, при помощи народа, властелиномъ Сикіона, и умѣлъ такъ упрочить свою тираннію, что его династія сохраняла власть цѣлое столѣтіе. Мы ужъ говорили, что племя эгіалейцевъ было допущено сикіонскими дорійцами къ участию въ управленіи государствомъ. Но кажется, что и черезъ нѣсколько столѣтій послѣ того все еще помнилась разность происхожденія эгіалейцевъ отъ дорійцевъ, что память о ней поддерживалась различіемъ въ образѣ ихъ жизни и тѣмъ, что они жили особо другъ отъ друга. Дорійскіе аристократы поселились на горахъ, покрытыхъ лѣсами, въ которыхъ было много дикихъ животныхъ, занимались военнымъ дѣломъ и охотою; а іонійцы жили, какъ прежде, на побережьи, и главными занятіями ихъ были мореходство и торговля. Благодаря этимъ занятіямъ, эгіалейскіе аристократы стали богаче дорійскихъ землевладѣльцевъ, жили роскошнѣе ихъ, имѣли средства посылать колесницы на олимпійскія игры, когда тамъ къ прежнимъ видамъ состязаній былъ прибавленъ (съ праздника 25-й олимпіады, т. е. съ 680 года) бѣгъ колесницъ; ихъ колесницы не-

редко одерживали побѣду. Притомъ, они оставались въ близкой связи съ простолюдинами, не только съ горожанами, моряками и рыбаками прибрежья, но и съ хлѣбопашцами, подвластными землевладѣльцамъ, катонафорами (людьми, носящими овчинную одежду), какъ презрительно называли поселянъ дорійскіе господа ихъ. Такимъ образомъ, симпатія массы населенія къ эгіалейцамъ, основанная на единствѣ происхожденія, поддерживалась ежедневными сношеніями съ ними, укрѣплялась тѣмъ, что они давали народу работу и были щедры къ нему. Орѣагоръ, сдѣлавшись тиранномъ, пользовался своею властью умѣренно и съ уваженіемъ къ законамъ. Такую же хорошую память по себѣ оставили его преемники. Изъ нихъ особенно знамениты Миронъ и Клизеенъ, славившіеся по всей Греціи своимъ великолѣпіемъ.

Миронъ; около 625 года)
Клизеенъ
(приблизительно отъ 600 года до 565).

Покровитель-
ство Клизеена
пнѣйскими
играми.

Когда колесница Мирона одержала побѣду на Олимпійскихъ играхъ (въ 648 году), онъ построилъ въ Олимпіи сокровищницу для храненія даровъ, какіе будутъ дѣлаемы храму Зевса эгіалейцами. Это зданіе имѣло двѣ комнаты, изящно отдѣланныя, одна въ іонійскомъ стилѣ, другая въ дорійскомъ; стѣны ихъ были одѣты мѣдными досками, на которыя было употреблено 500 талантовъ (около 1400 пудовъ) металла; по рассказамъ эліадянъ, Миронъ получилъ эту мѣдь изъ Тартесса. — Клизеенъ, подобно Періандру, былъ, по своей энергіи, по великолѣпію своего двора и по своей любви къ искусствамъ, типическимъ представителемъ тиранніи. Онъ, въ союзѣ съ аѣніянами и ѳессалійскою династіею Алевадовъ, велъ священную войну противъ Криссы, длившуюся десять лѣтъ (стр. 122). Когда проклятый амфиктіонами городъ и его гавань Кирра были взяты и разрушены, и плодородная Криссейская область была отдана Аполлону Дельфійскому, Клизеенъ построилъ на главной сикіонской площади мраморный храмъ Аполлона, употребивъ на это сооруженіе часть доставшейся ему доли добычи; а десятая часть всей добычи была, по его предложенію, назначена союзниками на украшеніе обстановки пнѣйскихъ игръ и на увеличеніе блеска ихъ. Было постановлено, что эти игры будутъ совершаться черезъ каждые четыре года (прежде, онѣ совершались разъ въ восемь лѣтъ); къ прежнимъ состязаніямъ въ игрѣ на китарѣ и въ пѣніи были прибавлены состязанія въ игрѣ на флейтѣ, въ гимнастикѣ и въ бѣгѣ колесницъ. Въ первомъ состязаніи, происходившемъ на Криссейской равнинѣ, побѣдила колесница Клизеена, и онъ получилъ награду, которую такъ высоко цѣнили греки, вѣнокъ изъ вѣтвей священнаго лавра.

Непріязнь
къ Аргосу.

Дорійцы, покорившіе Сикіонъ, пришли туда изъ Аргоса и остались соединены съ нимъ религіознымъ союзомъ, выраженіемъ котораго было то, что въ Сикіонѣ совершались, какъ и въ Аргосѣ, праздники въ честь Адраста, аргосскаго царя, бывшаго главнымъ вождемъ въ походѣ семи царей на Ѳивы. Аргосскіе дорійцы вѣроятно считали Сикіонъ находящимся въ нѣкоторой зависимости отъ Аргоса и въ политическомъ отношеніи, какъ въ религіозномъ. И вѣроятно заявленіемъ полной независимости отъ Аргоса было то, что Клизеенъ, на перекоръ запрещенію Дельфійскаго оракула, отмѣнилъ торжество, ежегодно совершавшееся въ Сикіонѣ въ честь Адраста, установилъ вмѣсто него

торжество въ честь ѳиванскаго героя Меланиппа, который убилъ Тидея и Мекистея, близкихъ родственниковъ Адраста. Въ память о Меланиппѣ стали приносить въ пританей тѣ жертвы, которыя прежде приносили въ память Адраста; а тѣ хоры, которыя пѣли пѣсни о страданіяхъ Адраста, стали теперь пѣть гимны на праздникахъ поселянъ въ честь Діониса, бога садовъ и виноградниковъ. Клизеенъ отмѣнилъ и состязанія рапсодовъ, рецитировавшихъ пѣсни Гомера, потому что въ этихъ пѣсняхъ восхваляются аргосцы. Чтобы совершенно порвать связь новаго порядка съ прежнимъ и выказать свою непріязнь къ дорійской аристократіи, Клизеенъ перемѣнилъ отношенія между іонійскою и дорійскими филами: онъ далъ новое имя филѣ эгіалейцевъ, къ которой принадлежалъ самъ, назвалъ ее филою архелаевъ («народоначальниковъ») и сдѣлалъ ее первымъ словіемъ въ государствѣ, предоставивъ ей привилегію на административныя и судебныя должности, а дорійскія филы, которыя прежде однѣ составляли сословіе полноправныхъ гражданъ, онъ низвелъ въ подчиненное положеніе и далъ имъ насмѣшливыя, унижительныя прозвища.

Дорійскія филы были устранены отъ участія въ управленіи, и болѣе пятидесяти лѣтъ сикіонскій народъ замѣнялъ ихъ славныя имена „галлеи“, „диманы“, „намфилы“ названіями, произведенными отъ именъ презрѣннѣйшихъ животныхъ: гіаты (свинные люди), хереаты (поросенки люди), онеаты (ослиные люди); вѣроятно, эти насмѣшливыя прозвища имѣли отношеніе къ занятію дорійскихъ землевладѣльцевъ скотоводствомъ. Геродотъ говоритъ, что они были введены Клизееномъ; это надобно понимать, вѣроятно, въ томъ смыслѣ, что народъ, увидѣвъ его ненависть къ дорійцамъ и радуясь униженію, въ какое они были поставлены имъ, сталъ называть ихъ именами, которыми выразилъ свои чувства къ нимъ. Горожане вообще любили давать насмѣшливыя прозвища землевладѣльцамъ, которые, пріѣзжая изъ своей деревенской глуши въ большіе города, вообще кажутся людьми устарѣлыхъ привычекъ и понятій. Клизеенъ, вѣроятно, старался всячески укрѣплять въ народѣ презрѣніе къ дорійскимъ аристократамъ, чтобы увеличивать вражду между новыми и прежними полноправными гражданами; чѣмъ сильнѣе была взаимная непріязнь ихъ, тѣмъ страшнѣе была новымъ гражданамъ мысль о возстановленіи владычества дорійцевъ, озлобленныхъ насмѣшками, и тѣмъ надежнѣе была ихъ преданность Клизеену.

Но при всей своей непріязни къ дорійской аристократіи, Клизеенъ не запятналъ своего имени никакими жестокостями. Онъ правилъ кротко и справедливо, такъ что оставилъ по себѣ хорошую память въ сикіонскомъ народѣ. Его время было блестящимъ періодомъ исторіи Сикіона: его богатства, его гостепріимство, его великолѣпные религіозные праздники славились по всей Греціи. Дельфійскіе жрецы просили его помощи въ священной войнѣ противъ Криссы (стр. 122). И долго хранилось преданіе о томъ, какъ пировали у него женихи его дочери, Агаристы.

Съездъ жени-
ховъ дочери
Клизеена.

568

На томъ олимпійскомъ праздникѣ, когда одержала побѣду его колесница, Клизеенъ всенародно провозгласилъ, что, кто считаетъ себя достойнымъ стать его зятемъ, можетъ пріѣхать въ Сикіонъ, жить у него; черезъ годъ онъ выберетъ, за кого изъ гостей отдать дочь. У него не было сыновей, и онъ хотѣлъ выбрать такого зятя, который былъ бы достойнымъ преемникомъ ему. Женихи съѣхались изъ всей Греціи: изъ Аргоса, Аркадіи, Элиды, изъ Аѳинъ, изъ Эретріи, изъ Тессаліи, Этолій, Акаріаній. Пріѣхалъ же нѣхъ даже изъ далекаго Сибариса, Сминдиридъ, самый богатый человекъ своего государства, превосходившій всѣхъ жениховъ великолѣпіемъ; онъ пріѣхалъ на собственномъ кораблѣ; въ его свитѣ были рыбаки и птицеловы. Натурально было, что съѣхались женихи отовсюда: приданнымъ невѣсты было государство. Они прожили у Клизеена годъ, въ роскоши, проводя время въ гимнастическихъ играхъ, во всяческихъ развлеченияхъ и весельяхъ. Хозяинъ зорко всматривался въ нихъ и на играхъ, и на пирѣхъ. И больше всѣхъ понравились ему двое богатыхъ аѳинянъ: алкмеонидъ Мегаклъ и красавецъ Гиппоклидъ, изъ рода филандовъ, родственникъ владычествовавшей въ Коринѣ династіи Кипсела, славившійся искусствомъ въ гимнастическихъ играхъ и въ управленіи колесницею, превосходившій всѣхъ ловкостью въ военныхъ упражненіяхъ. Клизеенъ предполагалъ выбрать зятемъ Гиппоклида. Но на томъ пирѣ, на которомъ назначено было гостямъ услышать рѣшеніе, Гиппоклидъ лишилъ себя своего счастья пляскою, не понравившеюся Клизеену: „Ты проплясалъ невѣсту!“ — гнѣвно сказалъ ему Клизеенъ и отдалъ дочь за Мегакла. Отпуская другихъ жениховъ, онъ подарилъ каждому талантъ серебра за доброе его расположение и за годъ времени, проведенный въ гостяхъ.

Когда насталъ день выбора, — рассказываетъ Геродотъ (VI, 119) — Клизеенъ принесъ въ жертву сто воловъ и сдѣлалъ пиръ для жениховъ и для всѣхъ сикіонцевъ. По окончаніи обѣда, женихи стали показывать свое искусство въ музыкѣ и остроумныхъ разговорахъ; а пиръ продолжался; Гиппоклидъ, державшій себя смѣлѣе всѣхъ, велѣлъ музыканту играть плясовую пѣсню. Музыкантъ сталъ играть, а Гиппоклидъ плясать. Ему очень нравилось, какъ онъ пляшетъ, а Клизеену очень не нравилось. Онъ велѣлъ принести столъ, и плясалъ на столѣ, сначала по-лаконски, потомъ по-аттически, а послѣ сталъ на голову и дѣлалъ ногами въ воздухѣ плясовые движенія. При этомъ видѣ, Клизеенъ ужъ не выдержалъ, и закричалъ ему: «Сынъ Тисандра, ты проплясалъ невѣсту!» — «Гиппоклиду это не бѣда!» — отвѣчалъ онъ, и эти слова его вошли въ разговоръ. Кромѣ аѳинянъ Гиппоклида и Мегакла, сибаритянина Сминдирида, сватать дочь Клизеена пріѣхали: другой грекъ изъ Италіи, Дамасъ, сынъ мудреца Амириада Сирискаго; изъ Аргоса Леонедъ, сынъ Фидона II, потомокъ Тимена; изъ Аркадіи Аміантъ и Лафанъ, сынъ Эвфоріона, въ чьемъ домѣ было нѣкогда оказано гостепріимство Кастору и Полидевку; послѣ того, домъ сталъ изобилѣть, и двери его были гостепріимно открыты всѣмъ странникамъ; — изъ Элиды пріѣхалъ Ономастъ; съ берега іонійскаго моря эпидеміецъ Амфимнестъ; изъ Этолій Малесъ, братъ Титорма, превосходившаго всѣхъ эллиновъ силою, но нелюбимо чуждавшагося городовъ и уединенно жившаго въ глухомъ углу Этолій; изъ Тессаліи пріѣхалъ Диакторидъ, принадлежавшій къ роду скопадовъ, владычествовавшему въ Краніонѣ; изъ земли молоссовъ Альгонъ. Всѣхъ жениховъ собралось двѣнадцать; большинство ихъ было изъ государствъ іонійскаго племени. Устраивая этотъ съѣздъ, Клизеенъ бытъ-можетъ желалъ образовать федерацію подъ гегемоніею Сикіона.

556. Возстановленіе прежней формы правленія. Черезъ два года послѣ выбора зятя, Клизеенъ умеръ; сыновей у него не было; зять его жилъ въ Аѳинахъ и занималъ тамъ очень высокое положеніе. Въ Сикіонѣ эгіалейцы оставались владычествую-

щимъ племенемъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ смерти Клизеена. Потомъ дорійскіе аристократы при помощи спартанцевъ овладѣли правленіемъ; эгіалейцы потеряли первенствующее положеніе въ государствѣ, сдѣлались изъ «архелаевъ» опять послѣднею филою. Но кажется, что этотъ переворотъ былъ мирною сдѣлкой. Съ того времени Сикіонъ находился подъ гегемоніею Спарты; но участіе его въ Аргосскомъ богослуженіи, возстановленное по смерти Клизеена, неизмѣнно продолжалось.

4) ТЕАГЕНЪ И ВОРЪБА ПАРТІЙ ВЪ МЕГАРѢ (ТЕОГНИДЪ).

Эпидавръ и Мегара также подпали подъ владычество тиранновъ: въ Эпидаврѣ захватилъ власть Проклъ, въ Мегарѣ Теагенъ; но въ обоихъ этихъ городахъ періодъ тиранніи былъ менѣе продолжителенъ, чѣмъ въ Коринѣ и Сикіонѣ. Зять Прокла, Періандръ, взялъ, какъ мы видѣли, въ плѣнъ своего тестя, который раздражилъ его тѣмъ, что внушилъ одному изъ его сыновей ненависть къ отцу; Теагенъ умеръ въ плѣну. Эпидавръ остался подъ властью Періандра. Черезъ десять лѣтъ послѣ низверженія Прокла былъ изгнанъ Теагенъ, хитрый и энергическій человекъ, ознаменовавшій свое владычество смѣлыми дѣлами. Дорійцы, господствовавшіе въ Мегарѣ, возбудили неудовольствіе народа, взявъ себѣ всѣ тѣ немногія пастбища, какія были въ государствѣ; Теагенъ сталъ вождемъ простолюдиновъ, захватилъ стада дорійцевъ, составилъ себѣ отрядъ тѣлохранителей и при ихъ помощи взялъ въ свои руки власть. Подобно другимъ тираннамъ, онъ заботился о развитіи промышленности и покровительствовалъ искусствамъ. Онъ провелъ воду изъ горъ въ центръ города, и устроилъ на главной площади фонтанъ. Онъ помогалъ своему зятю Килону въ замыслѣ захватить владычество надъ Аѳинами (стран. 239); если бѣ дѣло удалось, Теагенъ сталъ бы не менѣе могущественъ, чѣмъ кипселиды и ореагорида. Мы ужъ говорили, что онъ овладѣлъ Саламиномъ и поселилъ тамъ мегарскихъ колонистовъ. Прежде, чѣмъ кончилась война съ аѳинянами, начавшаяся изъ-за этого, аристократія успѣла изгнать Теагена, и завоеваніе, сдѣланное имъ, скоро было потеряно. Потерпѣвъ тяжелыя пораженія и на морѣ, и на сушѣ, мегаряне принуждены были возвратить Саламинъ аѳинянамъ. Мегарскіе аристократы правили такъ же сурово, какъ аѳинскіе. Они алчно увеличивали свои богатства строгимъ примѣненіемъ законовъ о взысканіи долговъ, старались поработить простолюдиновъ, бывшихъ приверженцами Теагена. Это возбуждало смуты. Одолѣвала то одна партія, то другая; каждая, одержавъ побѣду, преслѣдовала, угнетала противниковъ. Въ ожесточеніи сословной борьбы, люди забывали о благѣ родины, утрачивали качества хорошихъ гражданъ. Потому ма-

Владычество Прокла въ Эпидаврѣ. 600.

Теагенъ, тираннъ мегарскій.

625.

ленькое мегарское государство, которое нѣкогда вело такую дѣятельную колонизацію, и еще недавно, въ саламинской войнѣ, выказало такую силу, лишилось всякаго самостоятельнаго значенія. Оно потеряло свои колоніи, подчинилось гегемоніи Спарты, и въ персидскую войну число его триархъ въ греческомъ флотѣ было только двадцать.

1. Его политическія убѣжденія. Теогида. Съ ожесточенною борьбою партій, начавшеюся въ Мегарѣ вскорѣ по изгнаніи Оеагена, мы знакомимся изъ произведеній Теогида, мегарскаго поэта, принимавшаго горячее участіе въ политическихъ дѣлахъ своей родины. Онъ принадлежалъ къ аристократической партіи. Свои убѣжденія онъ изложилъ въ политическихъ элегіяхъ и гномическихъ стихотвореніяхъ; онъ въ нихъ передаетъ знатному юношѣ свои политическія понятія и правила, внушая ему мысли и чувства, какія слѣдуетъ имѣть истинному аристократу; руководясь его внушеніями, этотъ юноша будетъ всегда знать, какъ надобно держать себя въ запутанностяхъ политической борьбы. Отъ стихотвореній Теогида мы имѣемъ лишь отрывки; но и по нимъ ясно видимъ, что вражда партій, терзавшая мегарское государство во второй половинѣ VI вѣка, доходила до дикаго ожесточенія; видимъ и то, къ какимъ переворотамъ приводилъ ходъ этой борьбы.

Теогида убѣждаетъ своего молодого друга, Кирна, всегда держаться партіи аристократовъ; они одни, по его словамъ, «образованные», «честные» люди; убѣждаетъ его уклоняться отъ всякихъ сношеній съ демократами, «низкими» людьми, «негодяями»; въ этомъ слышится самодовольство, сословное высокомеріе владычествующей надъ государствомъ аристократіи, которой принадлежитъ все: и власть, и почести, и богатство. Теогида имѣетъ лишь одинъ упрекъ противъ нея: многіе изъ аристократовъ по корыстолюбію унижаются до занятій, недостойныхъ знатнаго человека, или женятся на дочеряхъ простолюдиновъ; такіе браки портятъ чистоту крови; только отъ благородныхъ родятся благородные; а когда, какъ теперь часто бываетъ, богатство цѣнится выше всего, выше доблести и мудрости, аристократія утрачиваетъ свои доблести, потому что судьба даетъ иногда большое богатство простолюдину. Далѣе, Теогида высказываетъ своему молодому другу опасеніе, что спокойствіе государства будетъ нарушено: дерзкіе демагоги поднимутъ мятежъ, и государство будетъ ввергнуто въ бездну бѣдствій;—мы видимъ изъ этого, что демосъ, подъ руководствомъ смѣлыхъ вождей, начиналъ возставать противъ надменной аристократіи, стремился возстановить свое преобладаніе. Теогида понимаетъ, что виноваты въ этомъ сами аристократы своимъ высокомеріемъ и своею алчностью; но сословная гордость и страстная ненависть къ демагогамъ кипятъ въ его груди, и онъ обращается къ Кирну съ восклицаніемъ: «Поирай ногами презрѣнный народъ, бей его острымъ жезломъ, наложи тѣсное, тяжелое ярмо на шею его!» Онъ говоритъ, что убійство тирана, разоряющаго государство, не преступно передъ богами; но совѣтуетъ своему другу не вступать въ заговоры.

2. Теогида и мегарская демократія. Теогида опасался, что въ Мегарѣ возникнетъ тираннія; это не сбылось; но овладѣли правленіемъ демократы. „Городъ остался тотъ же, но народъ сталъ иной“, печально говоритъ онъ Кирну: „Люди, незнакомые съ законами, ходившіе въ овчинной шкурѣ, пастухи, которые пасли стада въ-дали отъ города и были робки, какъ олени, стали сановниками, править государствомъ“.—Аристократія угнетала народъ, теперь онъ платилъ ей тяжелымъ угнетеніемъ. Демократы поступали круто: принудили кредиторовъ отказаться отъ процентовъ, довольствоваться уплатою ссуды; изгнали нѣкоторыхъ аристократовъ и раздали народу ихъ имущества; бѣдные люди входили въ дома богатыхъ и велѣли подавать себѣ обѣдъ.

«Нами повелѣваютъ носильщики», въ негодованіи восклицаетъ Теогида: «презрѣнные черноработы попираютъ знатныхъ, нагло отнимаютъ у нихъ имущество; приличіе, порядокъ и стыдъ исчезли; буйство, наглое злодѣйство сильнѣе закона, и бѣдствія знатныхъ — радость для гнусной черни». У Теогида тоже были отняты его земли; онъ вмѣстѣ съ Кирномъ удалился изъ отечества. Онъ не хотѣлъ склонить шею подъ ярмо презрѣнныхъ противниковъ. Изгнанные или эмигрировавшіе аристократы искали пріюта в. Теогида и въ мегарскихъ колоніяхъ или помощи у халкидскихъ и спартанскихъ аристократовъ, или другіе аристократы въ изгнаніи. Онъ выжидалъ на границѣ случая возвратиться и отмстить. «Я скитался по дальнимъ странамъ», говоритъ Теогида: «былъ въ сикелійской землѣ, и на Эвбей, гдѣ красуются виноградники Лелантскаго поля, я видѣлъ Спарту, славный городъ на поросшихъ камышами берегахъ Эвроты, и вездѣ меня встрѣчали гостепріимно; но нигдѣ не находило довольства мое сердце, потому что нѣтъ ничего милѣе родины». Онъ глубоко печалился о потерѣ своего имущества. Прежде онъ возставалъ противъ алчности, теперь жалуется на отяготительность бѣдности. «Тяжеле всякаго бремени гнететъ благороднаго человека бѣдность, тяжело старости и лихорадки. Лучше умереть, нежели видѣть свѣтъ дня въ мученіи бѣдности». Когда весной пѣніе птицъ напоминаетъ ему, что приближается пора посѣва, въ его омраченной душѣ подымается негодованіе на то, что его плодородными нивами владѣютъ низкіе простолюдины, что мулы пахутъ теперь землю не для него. —Въ сикелійской Мегарѣ навѣстилъ его другой эмигрировавшій аристократъ, Клеаристъ; онъ радуется, что при всей своей бѣдности еще имѣетъ столько, сколько надобно, чтобы угостить радостнымъ пиромъ стараго друга. Въ Спартѣ эмигранты нашли себѣ хорошіе пріюты; дорійскіе аристократы радушно приняли въ свои дома своихъ мегарскихъ соплеменниковъ; такъ должно думать, судя потому, что Теогида совѣтуетъ одному изъ своихъ товарищей по изгнанію облегчать гнетущую печаль виномъ тайгетскимъ лозъ, который насадилъ любимый богами старецъ Оеотимъ на склонѣ горы и оросилъ проведеннымъ изъ платановаго лѣса прохладнымъ ручьемъ.

4. Бѣдность. Но хоть имѣли иногда пріятные дни, хоть и находили гостепріимные пріюты себѣ мегарскіе эмигранты, годы изгнанія были очень тяжелы для Теогида и его сотоварищей по судьбѣ. Онъ печально говоритъ, что у изгнанника не бываетъ вѣрныхъ друзей; бѣдность очень печалила его, это видно изъ многихъ мѣстъ его стихотвореній. «Зачѣмъ бременишь ты мои плеча, тяжкая нужда, осквернишь и тѣло мое и душу?» — говоритъ онъ: «Противъ моей воли учишь ты меня тому, что постыдно; а я научился держать себя благородно». Чѣмъ тяжелѣе гнететъ его бѣдность, тѣмъ сильнѣе становится его ненависть къ виновникамъ его бѣдствія: «О, желалъ бы я пить черную кровь тѣхъ людей, которые нагло отняли у меня мою собственность и теперь пользуются ею, между тѣмъ какъ я похожъ на собаку, которая потеряла все, что несла, попавъ въ разлившейся горный потокъ,—едва спасся я изъ пучины». Онъ порицаетъ боговъ, дающихъ бѣдственный жребій справедливымъ, богатство низкимъ, дурнымъ людямъ. Говоритъ, что боги наказываютъ дѣтей и внуковъ злодѣя; что пользы въ томъ? Лучше бы они наказывали самого беззаконника.

5. Надежда. Но надежда не покидаетъ его. Въ одной изъ прекраснѣйшихъ своихъ элегій онъ говоритъ, что надежда осталась единственнымъ божествомъ, утѣшающимъ людей, всѣ другія удалились на Олимпъ: великая богиня вѣрность, и мудрость, и хариты покинули землю, влѣтвы ничего не значатъ, богобоязненность исчезла, вымерли праведные люди, и разрушенъ порядокъ, установленный Оемидою. Но каждый, кому свѣтять лучи Гелиоса, долженъ хранить надежду, и молясь божествамъ, принося жертвы имъ, онъ всегда долженъ и первую и послѣднюю жертву приносить надеждѣ.

6. Возвращеніе. Надежда Теогида исполнилась. Многочисленные изгнанники сдѣлали нападеніе на ослабленное безпорядками государство и побѣдили демократовъ. Аристократы овладѣли Мегарою и сдѣлали правителями тѣхъ своихъ вождей, которые были наиболѣе ожесточены противъ демократовъ. Но кажется, что періодъ мщенія былъ непродолжителенъ. Теогида гово-

рять въ честь себя, что подавилъ злобу души, одумался, внялъ голосу разсудка: запрягъ боевыхъ коней въ колесницу, но не взомелъ на нее; взялъ приступомъ городъ, но не ограбилъ его; онъ совѣтуетъ Кирну идти золотымъ путемъ середины между крайностями. Кажется, что это настроеніе скоро стало господствующимъ. Бѣдствія, чувство изнеможенія въ обѣихъ партіяхъ, вѣроятно, научили мегарянъ умѣренности. Мегара стала подъ гегемонію Спарты; но близость Аѣннъ, центра демократіи, принуждала возстановившихъ свое владычество аристократовъ поступать сдержанно; слишкомъ рѣзко дѣйствовать въ реакціонномъ направленіи они не могли.

5) ПИТТАКЪ, ЭСИМНЕТЪ ЛЕСВОССКІЙ. (АЛКЕЙ).

Тираниія на
Лесбосѣ.

Изъ сословной борьбы возникала тираниія и на островахъ, и въ колоніяхъ, какъ въ материковой Греціи. На Лесбосѣ, богатомъ виноградниками, знаменитомъ пѣснями, въ VII вѣкѣ правили, какъ въ Аѣнахъ, Коринѣ и Сикіонѣ, аристократы. Притѣснительность ихъ владычества повела къ междоусобной войнѣ; воспользовавшись ею, захватилъ тираническую власть Меланхръ; когда онъ былъ убитъ (612), то при помощи простолюдиновъ сдѣлался тиранномъ въ Митиленѣ Мирсилъ. Но и онъ былъ убитъ въ сраженіи съ аристократами, въ рядахъ которыхъ бились поэтъ Алкей и его братья.

Алкей.

Алкей былъ человѣкъ сильнаго характера, любитель веселья и герой. Онъ умѣлъ воспламенить мужество своимъ пѣснями, но умѣлъ и весело пѣть о винѣ и любви, призывать къ наслажденію жизнью. „Сильный воинъ, Алкей воспѣвалъ, среди военныхъ дѣлъ, вино, и любовь, и музъ“, говоритъ о немъ Гораций. Подобно Теогниду, онъ принималъ горячее участіе въ борьбѣ партій, и его оды, написанныя строфами, дышали тѣмъ же страстнымъ сословнымъ чувствомъ, тою же ненавистью къ тираннамъ и къ демократамъ, какъ элегіи Теогнида. Онъ осыпалъ извѣтельными упреками и своего честнаго согражданина Питтака, который бился вмѣстѣ съ аристократами противъ тиранновъ, но потомъ перешелъ на сторону народа, чтобы дать миръ и законный порядокъ страдающему отъ междоусобій государству.

Алкей и Пит-
такъ.

Война съ Сп-
геями.

Къ внутреннимъ раздорамъ у лесбійцевъ прибавилась война съ аѣнскими колонистами, поселившимися, подъ предводительствомъ Фринона, на сиейскомъ мысѣ Лесбоса. Алкей и Питтакъ, оба принимали участіе въ этой войнѣ. До насъ дошелъ отрывокъ оды, въ которой Алкей воспѣвалъ обширный митиленскій арсеналъ: «Ярко блещетъ тамъ потолокъ; тамъ развѣшаны по стѣнамъ на деревянныхъ гвоздяхъ сіяющіе шлемы, надъ которыми грозно развѣваются бѣлые конскіе хвосты; эти шлемы украшеніе храбрымъ мужамъ; тамъ нагольщики изъ свѣтлой мѣди, охрана противъ оружія враговъ, новые панцыри, длинныя щиты, халкидскіе мечи и военные поясы; теперь мужи должны брать это оружіе, потому что началась война». Но когда дѣло дошло до битвы и митиленцы были разбиты, Алкей бросилъ оружіе, чтобы быстрее бѣжать, и въ шутиливой одѣ выражаетъ радость, что аѣнцы повѣсили въ храмѣ своей голубоокой богини не его самого, а только его шлемъ. — А Питтакъ одолевъ въ единоборствѣ и убилъ Фринона, гордившагося своею силою.

Этимъ подвигомъ Питтакъ приобрѣлъ себѣ довѣріе народа, изъ

рядовъ котораго вышелъ. Государству, разстроенному взаимнымъ ожесточеніемъ партій, нуженъ былъ примиритель. Граждане Митилены рѣшили дать правительственное полномочіе разумному, осмотрительному человѣку изъ своей среды. Ихъ выборъ остановился на Питтакѣ. Они назначили его эсимнетомъ (устроителемъ государства) и военачальникомъ. Онъ, подобно Солону, составилъ мудрые и умѣренные законы, имѣвшіе цѣлью возстановленіе единства между гражданами, упроченіе государственнаго порядка, возбужденіе патріотизма и гражданскихъ доблестей. Онъ поставилъ своею задачею примиреніе враждующихъ между собою партій; это была трудная задача, и онъ, подобно Солону, называемый однимъ изъ Семи Мудрецовъ, по всей вѣроятности часто долженъ былъ примѣнять къ дѣлу свой девизъ: «Выбирай время». Митиленскія служанки, когда мололи муку на ручныхъ жерновахъ, пѣли въ ободреніе себѣ при тяжелой работѣ народную пѣсню, кончавшуюся отряднымъ стихомъ: «И Питтакъ, царь Митиленскій, мололъ». — Много затрудненій Питтаку дѣлалъ, между прочимъ, Алкей; проникнутый аристократическою гордостью, онъ неостановленно нападалъ въ своихъ пѣсняхъ на честнаго правителя: смѣялся надъ низостью его происхожденія, надъ его бѣдностью, даже надъ тѣмъ, что онъ хромою, хотя онъ хромалъ отъ раны, полученной на войнѣ. Но, не смущаясь упреками аристократовъ, Питтакъ трудился надъ исполненіемъ своего патріотическаго плана создать въ государствѣ прочный порядокъ установленіемъ законовъ, соответствующихъ новымъ потребностямъ общества. Мы не знаемъ въ точности, какіе законы и учрежденія ввелъ онъ; до насъ дошли только немногія, отрывочныя извѣстія объ этомъ; но единогласныя похвалы древнихъ писателей даютъ намъ право полагать, что онъ былъ законодатель, достойный такого же уваженія, какъ Солонъ, современникомъ котораго былъ онъ.

До насъ дошли двѣ маленькія схолиі, приписываемыя Питтаку. Въ нихъ говорится, что должно сражаться лукомъ и стрѣлами съ дурными людьми, которые не говорятъ правдиво, потому что въ сердцахъ у нихъ живетъ обманъ; что дѣло разумнаго человѣка предотвращать приближающіяся опасности, обязанность мужественнаго человѣка — твердо выдерживать наступившія затрудненія и обращать ихъ во благо. — По законамъ Питтака, пьянство признавалось за очень тяжелое преступленіе; причиною такой строгости было, вѣроятно, то, что этотъ порокъ былъ распространенъ на Лесбосѣ, который изобиловалъ виномъ.

Аристократы хотѣли низвергнуть Питтака; но были побѣждены и изгнаны. Этой судьбѣ подверглись, въ числѣ другихъ, Алкей и его братья. Алкей прожилъ время изгнанія въ Египтѣ, его братья въ Вавилонѣ, у Навуходоносора. Побѣда дала Питтаку возможность довести до конца предпринятое имъ дѣло. При посредничествѣ Періандра, онъ заключилъ миръ съ сиеянами. Народъ рѣшилъ дать ему обшир-

Питтакъ 640—
570. Его дѣя-
тельность въ
санѣ эси-
мнета.

ное пространство земли. Онъ взялъ лишь маленькій участокъ, за которымъ долго оставалось названіе: «поле Питтака». Составивъ законы, онъ довершилъ дѣло примиренія дозволеніемъ изгнанникамъ воротиться. Воротился въ числѣ другихъ и Алкей. Такимъ образомъ, свою славу храбрости, справедливости и безкорыстія Питтакъ увеличилъ славою кротости. По преданію, онъ говорилъ, что когда царь хорошъ, то подданные бояться не его, а за него; и сумѣлъ стать въ такое отношеніе къ народу. Кажется, что Алкей, подобно Теогииду, жаловавшійся на бѣдность, какую терпѣлъ въ изгнаніи, сдѣлался по возвращеніи на родину человекомъ умѣреннымъ и вмѣсто прежнихъ политическихъ пѣсень, возбуждавшихъ противъ Питтака, писалъ теперь веселыя пѣсни о винѣ, любви, наслажденіи. — Питтакъ добровольно сложилъ съ себя власть, врученную ему народомъ, давая этимъ рѣшеніемъ доказательство своей вѣрности убѣжденію, что народу лучше всего жить подъ владычествомъ «деревянныхъ досокъ закона». Когда онъ, черезъ десять лѣтъ послѣ этого, умеръ, Lesbійцы оплакивали кончину патріота, во всю свою жизнь неизмѣнно дѣйствовавшего добросовѣстно, справедливо, съ мужественнымъ спокойствіемъ.

Цвѣтушій періодъ Lesbos-ской поэзіи. То было время славы Лесбоса. Имена Терпандра и Аріона были знамениты по всей Греціи; пламенными пѣснями Алкея восхищались и современники и потомки; еще выше ставили они поэтессу Сапфо, которая, подобно Алкею, принадлежала къ знатному сословію, была на нѣсколько времени изгнана изъ отечества (около 596 года), и, тоже подобно Алкею, проявляла въ своихъ пѣсняхъ пламенную силу чувства, но была свободна отъ увлеченія духомъ партіи. Когда же, проживъ нѣкоторое время въ Сициліи, возвратилась на родину, домъ ея сталъ мѣстомъ служенія музамъ; у нея собиралось многочисленное общество мужчинъ и женщинъ знатнаго сословія, любившихъ поэзію и музыку. Содержаніе ея пѣсень — чувства чистой любви и дружбы. Греческіе и римскіе писатели ставили ее выше всѣхъ другихъ эротическихъ поетовъ. „Еще дышитъ любовь, еще живетъ страсть, вложенная въ музыкальныя пѣсни Эолійской дѣвушки“, говоритъ Гораций (Оды, книга IV, ода 9).

6) Тразивулъ милетскій и поликратъ самосскій.

Ходъ государственной жизни въ другихъ іонійскихъ колоніяхъ Малой Азіи былъ такой же, какъ на Лесбосѣ. Сначала ими правили цари, производившіе свой родъ отъ вождей переселенія; потомъ власть перешла въ руки наслѣдственной аристократіи. — Въ Милетѣ, послѣдній царь изъ рода Нелея, Лаодамантъ, былъ убитъ на праздничной процессіи аристократами, хотя былъ храбрый и справедливый правитель, оказавшій большія услуги государству. Послѣ того власть была ввѣрена правительственному совѣту, состоявшему изъ аристократовъ, и притану, избираемому на годъ ими же изъ своей сре-

ды. Но въ торговомъ и промышленномъ городѣ наслѣдственная аристократія не могла долго сохранить за собою исключительнаго права на власть. Купцы и судопромышленники, которымъ богатство замѣняло знатность и которые опирались на поддержку зависящей отъ нихъ массы горожанъ, скоро достигли равноправности съ аристократами, и въ строй правительственныхъ учреждений были внесены демократическіе элементы. Этотъ переворотъ совершился и въ Милетѣ, какъ въ государствахъ европейской Греціи, путемъ борьбы, которая тоже имѣла однимъ изъ своихъ фазисовъ тираннію. Чтобы одолѣть аристократію, народу нуженъ искусный вождь; кромѣ того, нападенія внѣшнихъ враговъ дѣлали государственною надобностью сосредоточеніе власти въ рукахъ одного человека: въ VII вѣкѣ, воинственные лидіане становились все опаснѣе и опаснѣе для іонійскихъ колоній и въ частности для Милета, какъ мы увидимъ. Потому во второй половинѣ этого столѣтія захватилъ владычество надъ Милетомъ хитрый и храбрый Тразивулъ; своимъ благоразуміемъ и мужествомъ онъ спасъ независимость государства въ тяжелой войнѣ съ лидійскими царями; и желѣзною рукою истребилъ главныхъ людей аристократической партіи. По смерти его Милетъ подвергся страшнымъ смутамъ. Аристократы соединились съ богатыми торговцами для общаго сопротивленія низшимъ классамъ: ремесленникамъ, матросамъ, фабричнымъ рабочимъ, и въ первой половинѣ VI вѣка шла ожесточенная, очень кровопролитная борьба. Демосъ одержалъ верхъ и опозорилъ свое торжество свирѣпостями противъ побѣжденныхъ; аристократы бѣжали отъ грабежа и убійствъ на корабли, блокировали городъ съ моря, остановили всю торговлю. Этимъ они вынудили горожанъ покориться, и отплатили своимъ гонителямъ дѣлами страшнаго мщенія. Изнуренные, ослабленные междоусобіями, милетяне обратились наконецъ къ паросцамъ, прося ихъ о посредничествѣ между партіями. Паросцы исполнили это съ большимъ благоразуміемъ. Геродотъ говоритъ (V, 29), что они отдали правленіе тѣмъ гражданамъ Милета, поля которыхъ были воздѣланы хорошо; это должно понимать, вѣроятно, въ томъ смыслѣ, что они предоставили правленіе тѣмъ гражданамъ средняго сословія, которые, имѣя земельную собственность, составляли классъ людей миролюбивыхъ, чуждыхъ и аристократическимъ и демократическимъ увлеченіямъ. Дѣлу примиренія помогалъ милетскій поэтъ Фокилидъ, внушавшій своимъ согражданамъ, что умѣренность — вѣрнѣйшій путь къ счастью. Такимъ образомъ, возстановилось въ Милетѣ спокойствіе, но безвозвратно утратилъ онъ прежнее свое благосостояніе и могущество.

Вѣроятно, грустно было смотрѣть на междоусобія своихъ согражданъ мудрому Фалесу, который принадлежалъ по происхожденію къ аристократіи, но своимъ проницательнымъ умомъ предвидѣлъ бѣдствія, какія про-

Тразивулъ.

Борьба сословій.

изойдутъ отъ раздоровъ и убѣждалъ своихъ товарищей по сословію быть умѣренными. Онъ совѣтовалъ іонійскимъ городамъ соединиться въ крѣпкую федерацію, для сопротивленія общими силами могущественнымъ врагамъ, тѣснившимъ ихъ съ востока; но и города, какъ сословія въ городахъ, враждовали между собою, не слушая его словъ.

На Самосѣ, богатомъ виноградниками и оливковыми плантаціями, знатные землевладѣльцы, геоморы, рано отмѣнили царскую власть. Ихъ торговые корабли плавали въ Египетъ, въ Кирену, даже въ Тартессъ; они колонизировали островъ Аморгъ (въ основаніи этой колоніи участвовалъ поэтъ Симонидъ, знаменитый своими ямбами); основали колоніи на Пропонтидѣ; кораблестроеніе, промышленность, которую усовершенствовали они важными изобрѣтеніями, обширная торговля, колонизація сдѣлали Самосъ могущественнымъ государствомъ и обогатили его аристократію. Асій, поэтъ, жившій въ VIII вѣкѣ, ужъ прославлялъ бѣлыя, какъ снѣгъ, одежды, золотыя повязки, золотыя иглы въ прекрасно причесанныхъ волосахъ, изящныя браслеты самосскихъ женщинъ, идущихъ на праздникъ Геры въ храмъ ея, богини-покровительницы Самоса. Этотъ храмъ Геры, построенный въ іонійскомъ стилѣ, былъ великолѣпенъ; его украшала деревянная статуя богини, сдѣланная эгинскимъ художникомъ Смилидомъ; о богатствѣ самосцевъ также свидѣтельствовали водопроводъ, длиною въ 2000 шаговъ, прорѣзанный черезъ гору туннелемъ въ 30 футовъ глубины, и замѣчательная дамба, подымавшаяся съ глубины 120 футовъ, и ограждавшая гавань изгибомъ болѣе чѣмъ въ двухъ стадіяхъ разстоянія отъ берега. Но хотя самосская промышленность развилась подъ управленіемъ аристократовъ, оно было, вѣроятно, обременительно для народа. Побѣдоносное войско, возвращавшееся изъ Перинѳа, возмутилось; многіе изъ аристократовъ были убиты, и было введено демократическое правленіе. Это было началомъ волненій; они длились тридцать лѣтъ; плодородный и богатый островъ обѣднѣлъ; изнуренное государство безпомощно подчинилось тиранніи предприимчиваго и богатаго геомора Поликрата; онъ пріобрѣлъ щедростью расположеніе народа, посредствомъ коварства и силы овладѣлъ цитателю города Самоса («старымъ городомъ»); набралъ наемниковъ, покорилъ, при помощи египетскаго царя Амазиса и наксійскаго тирана Лигдама, весь островъ, и обезпечилъ прочность своего владычества сильнымъ флотомъ, наемнымъ войскомъ, союзомъ съ Амазисомъ и Лигдамомъ. Щедрый и алчный, энергичный, беспощадный и сладострастный, Поликрать былъ типомъ греческаго тирана. Онъ велъ въ широкомъ размѣрѣ морской разбой, грабилъ острова и побережья; богатства, которыя пріобрѣталъ онъ своимъ разбоемъ, давали ему способы содержать сильное наемное войско, собирать драгоцѣннѣйшія произведенія всѣхъ странъ въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ и предаваться всѣмъ наслажденіямъ

роскоши; при его дворѣ жилъ знаменитѣйшій врачъ того времени, Демокедъ Кротонскій, жили знаменитѣйшіе поэты (Ивикъ и Анакреонъ); съ пышностью и сладострастіемъ востока, въ обстановкѣ его соединялось художественное изящество Греціи. Отлагая до отдѣла о царствованіи Дарія разсказъ о позднѣйшихъ годахъ правленія коварнаго и жестокаго самосскаго тирана, о страданіяхъ его несчастныхъ подданныхъ отъ его жестокости, о его смерти, мы приведемъ здѣсь знаменитый разсказъ Геродота о его перстнѣ. Размышленія Геродота о томъ, что слишкомъ большое счастье кончается, по завистливости боговъ, погибелю, примѣняются ко всѣмъ греческимъ тираннамъ: повсюду тиранны, злоупотребляя своею властью, доводили себя до гибели.

Легенда о перстнѣ Поликрата. Богатый и могущественный властелинъ Самоса имѣлъ удачу во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Всѣ войны его были успешны. Онъ сохранилъ 10 кораблей и 1000 стрѣлковъ; онъ побѣдилъ всѣхъ своихъ враговъ, покорилъ себя лебійцевъ, покорилъ милетянъ, разбивъ ихъ въ морскомъ сраженіи, завоевалъ много городовъ по побережью Малой Азіи, много острововъ, такъ что сталъ владыкою большого государства; а на сосѣднія государства наложилъ дань. Делосскому храму онъ подарилъ островъ Ренею, и приковалъ это новое владѣніе Аполлона къ Делосу цѣпями. Амазисъ, царь египетскій, соединенный съ Поликратомъ союзомъ гостепріимства, видя его счастье, сталъ тревожиться за него, написалъ ему письмо, въ которомъ говорилъ, что счастье измѣнчиво, боги завистливы, и совѣтовалъ ему, чтобы онъ сдѣлалъ самъ себѣ какое нибудь горе, лишилъ себя какого нибудь сокровища, которымъ больше всего дорожить: это примирить съ нимъ боговъ. Поликрать бросилъ въ море прекрасный перстень, сдѣланный искуснымъ художникомъ, Теодоромъ самосскимъ; въ серединѣ перстня была вырѣзана печать, а кругомъ ея была оправа изъ смарагдовъ. Поликрать очень дорожилъ этимъ перстнемъ, но боги отвергли его жертву. Черезъ нѣсколько дней, рыбаки, поймавъ большую рыбу, принесли ее въ подарокъ Поликрату; разрѣзавъ рыбу, нашли въ ней перстень. Узнавъ объ этомъ, Амазисъ убѣдился, что Поликрать подвергнется гибели, и отказался отъ союза гостепріимства съ нимъ, чтобы не опечалиться, когда Поликрата постигнетъ гибель. Черезъ нѣсколько времени персидскій сатрапъ коварно заманилъ Поликрата въ Магнезію и распылъ его на крестѣ (подробности объ этомъ дальше).—Диодоръ тоже говоритъ (I, 95), что между Поликратомъ и Амазисомъ былъ союзъ гостепріимства, но о перстнѣ Поликрата не упоминаетъ. Приводимъ его разсказъ, повидимому, вѣрно передающій факты: «Поликрать притѣснялъ и своихъ соотечественниковъ и пріѣзжавшихъ въ Самосъ иностранцевъ; Амазисъ, съ которымъ онъ заключилъ союзъ дружбы, убѣждалъ его черезъ пословъ поступать менѣе сурово; онъ не послушалъ этого совѣта, и Амазисъ написалъ ему, что отказывается отъ дружбы и отъ союза гостепріимства съ нимъ, чтобы не быть опечалену погибелю, которая неизбежно постигнетъ его, потому что цари, злоупотребляющіе властью, какъ онъ, погибаютъ. Амазисъ пріобрѣлъ уваженіе грековъ тѣмъ, что думалъ такъ хорошо, и тѣмъ, что предусматривалъ будущее: то, что предсказалъ онъ Поликрату, скоро сбылось». — Еще остаются видны развалины сложеннаго изъ громадныхъ камней фундамента, на которомъ стоялъ дворецъ отважнаго и жестокаго самосскаго тирана.

7) СИЦИЛІЙСКІЕ ТИРАНЫ.

Въ сицилійскихъ колоніяхъ ходъ развитія государственной жизни былъ такой же, какъ въ малоазійскихъ. Мы видѣли, что въ дорій-

скихъ городахъ Сициліи—въ Сиракузахъ, Гелѣ, Акрагантѣ и проч. — власть первоначально принадлежала исключительно аристократамъ, которыми были основаны они. Низшіе классы и позднѣйшіе переселенцы не имѣли участія въ управленіи; подати съ покоренныхъ туземцевъ поступали исключительно въ пользу землевладѣльцевъ, на которыхъ и работали они; греческимъ простолюдинамъ не доставалось изъ того ровно ничего. Эта неравноправность возбудила въ массахъ горожанъ не-удовольствіе. Воспользовавшись такимъ положеніемъ дѣлъ въ Акра-гантѣ, захватилъ владычество надъ этимъ городомъ Фаларидъ, пото-мокъ одного изъ позднѣйшихъ переселенцевъ. Онъ строилъ храмъ Зевсу, покровителю Акраганта (кажется, культъ Зевса въ Акрагантѣ былъ культомъ Мелькарта-Молоха, перенесеннымъ туда родосцами, основателями города). На этой постройкѣ, у него было много наем-ныхъ работниковъ. Онъ вооружилъ ихъ и при ихъ помощи овладѣлъ цитаделью и городомъ, набралъ себѣ еще больше воиновъ, сформировалъ отрядъ тѣлохранителей, удачными походами на туземцевъ увеличилъ и упрочилъ свое могущество. Граждане Гимеры, тоже вое-вавшіе съ сосѣдними туземцами, отдали свое войско подъ его начальство и быть-можетъ онъ овладѣлъ бы Гимерою, если бы гимерскій поэтъ Стесихоръ (смотри. ниже) не предостерегъ своихъ согражданъ баснею о лошади, которая, ведя войну съ оленемъ, пригласила человека помочь ей побѣдить врага, и была поработана сѣвшимъ на нее со-юзникомъ. Историческія преданія грековъ представляютъ Фаларида ти-ранномъ чрезвычайно свирѣпымъ; о немъ рассказываютъ, что онъ сжегъ много людей внутри мѣднаго быка, подъ которымъ расклады-вали огонь; — легенда, вѣроятно возникшая изъ жертвоприношеній Молоху. Послѣ шестнадцатилѣтняго жестокаго владычества, онъ былъ низвергнутъ Телемахомъ, принадлежавшимъ къ роду Эмменидовъ, переселившимся изъ Феры въ Гелу, а потомъ оттуда въ Акрагантъ. Преданіе говоритъ, что злодѣй, въ справедливое наказаніе за свои свирѣпости, былъ сожженъ въ томъ мѣдномъ быкѣ, въ которомъ жегъ другихъ. — Прежняя форма правленія была восстановлена. Бо-гатый родъ эмменидовъ сталъ пользоваться очень большимъ вліяніемъ. Потомки Телемаха, Феронъ и Ксенократъ, чьи колесницы одержа-ли побѣду на пивійскихъ и истмійскихъ играхъ, были прославляемы Пиндаромъ. Вліятельное общественное положеніе Ферона дало ему возможность сдѣлаться тиранномъ; онъ владычествовалъ шестнадцать лѣтъ, имѣя опорою своей власти не вооруженную силу и жестокія мѣры, а довѣріе согражданъ и свои славныя дѣла. Пиндаръ хвалитъ его благочестіе и щедрость; Діодоръ говоритъ, что онъ правилъ кротко, пользовался большимъ уваженіемъ согражданъ, и что по его смерти воз-давали ему почести, какъ герою. Владѣнія Акраганта простирались при немъ до сѣвернаго берега Сициліи. Еще могущественнѣе Феро-на былъ другой сицилійскій тирантъ, современный ему, Гелонъ. —

1 Акрагантъ.
Фаларидъ.
565—549.

549

Феронъ.
488—472.

Въ метрополіи Акраганта, Гелѣ, шла кровавая борьба между аристо-кратіею и возставшимъ противъ нея демосомъ; воспользовавшись этимъ раздоромъ, Гиппократъ, при помощи войска, состоявшаго изъ Гиппократъ, 498—491.
разноплеменныхъ наемниковъ, захватилъ въ свои руки владычество надъ роднымъ городомъ. Человекъ воинственный и хитрый, онъ силою и коварствомъ быстро подчинилъ себѣ халкидскія колоніи вос-точнаго берега: Наксосъ, Леонтины, Каллиполь; покорилъ сикелійскія племена, жившія на западъ отъ нихъ, и расширилъ свои владѣнія до Занклы (стран. 213 слѣд.). Побѣдивъ сиракузянъ у Гелора, онъ принудилъ ихъ уступить ему область Камарины (стран. 208) и воз-становилъ этотъ городъ. Онъ ужъ овладѣлъ болѣею частью восточ-ной половины Сициліи, когда нашелъ себѣ смерть при осадѣ Мегары Гиблейской. Въ свое семилѣтнее владычество надъ Гелою, онъ успѣлъ сдѣлать ее сильнѣйшимъ изъ всѣхъ сицилійскихъ государствъ. При извѣстіи о его смерти, аристократія восстановила въ Гелѣ республику. Но Гелонъ, храбрый воинъ, бывшій у Гиппократа начальникомъ кон-ницы, склонилъ войско на свою сторону, побѣдилъ аристократовъ и захватилъ господство надъ Гелою и подвластными ей городами. Онъ былъ потомокъ Телина, который ввелъ въ Гелѣ таинство культа Де-метры и Коры, и роду котораго было предоставлено господствовавшею тогда аристократіею наследственное право на санъ гіерофанта этого культа. Гелонъ довершилъ начатое Гиппократомъ. — Въ Сиракузахъ 8. Сиракузы.
владычествовали гаморы, аристократы, крупные землевладѣльцы; по-селыне ихъ помѣстій, называвшіеся киллирійцами, были подданными своихъ помѣщиковъ. Послѣ битвы у Гелора, низшіе классы горожанъ и киллирійцы возстали противъ гаморовъ и выгнали ихъ изъ госу-дарства. Изгнанники собрались въ Касменахъ, колоніи Сиракузъ, и обратились къ Гелону съ просьбою о помощи. Гелонъ пошелъ съ войскомъ къ Сиракузамъ. Демократы, чтобы предотвратить восстанов-леніе владычества аристократовъ, предложили власть надъ Сираку-зами ему. Понимая, какое важное значеніе могутъ получить Сиракузы, при чрезвычайной выгодности географическаго ихъ положенія, онъ сдѣлалъ этотъ городъ своею столицею. Онъ переселилъ въ Сираку-зы богатыхъ гражданъ изъ Гелы, Камарины, Катаны, другихъ под-властныхъ ему городовъ; тѣ части Сиракузъ, которыя лежали на берегу самой Сициліи, получили очень большое расширеніе; туда пе-реходили и тѣ граждане, которые жили на прибрежномъ островѣ Ортигии, такъ что черезъ нѣсколько времени въ этой древнѣйшей части города остались только общественныя зданія, арсеналь, верфи, корабельные магазины. — Въ слѣдующемъ году Гелонъ покорилъ Ме-гару Гиблейскую, и богатыхъ жителей ея тоже переселилъ въ Си-ракузы, а бѣдныхъ продалъ въ рабство. Правителемъ Гелы онъ сдѣ-лалъ своего брата Гіерона. — Онъ чрезвычайно заботился о Сираку-захъ, говоритъ Геродотъ, и этотъ городъ сталъ при немъ очень

492.

491.

Гелонъ.

485.

великъ и богатъ; но бѣдный классъ городского населенія онъ считалъ опаснымъ.

Эллины и
кареагенцы.

Во время нашествія персовъ на Грецію, большая половина Сициліи была подвластна Гелону, а почти вся остальная часть острова — Керону акрагантскому. Оба эти тиранна посылали колесницы на олимпійскія и другія знаменитыя игры Греціи; иногда ихъ колесницы одерживали победы; это давало имъ популярность въ Греціи. Когда одержала победу на олимпійскихъ играхъ колесница Гелона, онъ поручилъ эгинскому художнику Главкію бронзовую группу, изображавшую его и его колесницу, запряженную четырьмя конями, и поставилъ эту группу въ священной олимпійской рощѣ, Альтидѣ. — И у Гелона и у Керона были многочисленныя войска, которыя они легко могли увеличивать наемниками изъ воинственныхъ сицилійскихъ туземцевъ, сикеловъ. Денегъ на это было у нихъ много, потому что они получали отъ своихъ владѣній большіе доходы, хотя и не обременяли подвластные имъ города тяжелыми налогами. Владычествуя надъ западною частью греческаго міра, они признавали національное единство всѣхъ грековъ; это видно изъ того, что хотя оба они были дорійцы, но не дѣлали разницы между дорійскими и не-дорійскими городами; они хотѣли, чтобы всѣ греки дѣйствовали за-одно противъ кареагенцевъ и туземцевъ Сициліи и южной Италіи. — Кареагенцы, постоянно стремившіеся вытѣснить грековъ съ острововъ и побережій западной части Средиземнаго моря, видѣли теперь, что должны обратить всѣ свои силы на войну противъ сицилійскихъ грековъ, или потеряютъ послѣднія свои владѣнія на этомъ островѣ, Панормѣ, Солунтѣ, Эрикѣ, Мотію. Они считали персовъ своими естественными союзниками, походы персовъ на Элладу предпріятіями, облегчающими ихъ борьбу съ западными греками. Но ихъ сицилійская экспедиція кончилась неудачею еще болѣе полною, чѣмъ походъ Ксеркса. Западная часть греческаго міра была обязана своимъ спасеніемъ тому, что Гелонъ и Керонъ объединили силы сицилійскихъ грековъ, возбуждали въ нихъ чувство національнаго единства и сознание общности ихъ интересовъ.

6. Дѣяны подъ властью Пизистратидовъ и установленіе демократическаго правленія.

1) пизистратъ и его сыновья.

Пизистратъ.

При смерти Солона Пизистратъ былъ властелиномъ Аѣинъ. Народъ былъ преданъ ему; эвпатриды враждовали между собою; многіе изъ нихъ бѣжали, другіе были запуганы. Потому онъ могъ, окруженный своими копѣеносцами, ходить по замолкнувшему городу, не встрѣчая сопротивленія. Его владычество переносили тѣмъ легче, что онъ оставлялъ неприкосновенными законы и учрежденія Солона. Народъ по-прежнему избиралъ архонтовъ и членовъ правительственнаго совѣта; только, разумѣется, Пизистратъ принималъ мѣры, чтобы были избираемы его приверженцы. Но его противники оправились отъ овла-

дѣвшаго ими испуга. Мегаклъ и Ликургъ, вожди паралійцевъ и педіэевъ, соединились, чтобы низвергнуть его; власть Пизистрата еще не была прочна, и коалиція средней партіи съ эвпатридами принудила его бѣжать. Онъ удалился въ свои помѣстья, лежавшія въ Діакріи, горной части Аттики, и среди храбраго, преданнаго ему, населенія жилъ, какъ независимый государь, въ твердомъ ожиданіи, что согласіе между его противниками не будетъ продолжительно, хотя они уже торжествовали окончательную победу, конфисковавъ и продавъ его имущество, находившееся въ Аѣинахъ. Каллій, которому было дано прозваніе «богатый», одинъ изъ самыхъ горячихъ враговъ тиранна, купилъ съ аукціона его имущество.

Онъ удаляется
изъ Аѣинъ.

Дѣйствительно Ликургъ и Мегаклъ не долго оставались согласны между собой. Ликургъ и эвпатриды по видимому воспользовались побѣдой для того, чтобы начать реакцію въ интересахъ своего сословія, оскорбили партію умѣренныхъ людей притязаніями на преобладаніе и высокомеріемъ. Послѣдствіемъ этого было то, что паралійцы сблизились съ приверженцами Пизистрата. Общественный порядокъ, по изгнаніи тиранна, не имѣлъ прочности; къ правительству не было довѣрія; войско и флотъ не были руководимы съ такою твердостью, съ какою управлялъ ими Пизистратъ; и народъ впалъ въ уныніе. Ученые полагаютъ, что въ эти годы (между 555 и 550) произошло неудачное нападеніе на Эгину, о которомъ рассказываетъ Геродотъ *): если такъ, то понятно, что Мегаклъ, въ интересахъ государства, своей партіи, своего рода, нашелъ нужнымъ отдѣлиться отъ аристократовъ и вступить въ союзъ съ Пизистратомъ. Онъ предложилъ ему свою поддержку подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Пизистратъ женился на дочери его Агаристѣ. Пизистратъ согласился. Они придумали хитрость, которую Геродотъ называетъ слишкомъ незамысловатой, недостойной эллинскаго народа, но которая произвела желаемое дѣйствіе на легковѣрныхъ аѣинянъ.

Раздоръ въ
Аѣинахъ.

*) Геродотъ, V, 82 слѣд. — Эпидаврійцы, постигнутые неурожаемъ, сдѣлали, по совѣту Дельфійскаго оракула, и поставили въ своемъ городѣ двѣ статуи изъ масличнаго дерева, изображавшія богинь урожая Дамію («питательницу») и Авксенію («умножательницу»). Масличное дерево для статуй подарили имъ аѣиняне. Эпидаврійцы въ благодарность за то обѣщались ежегодно приносить въ аѣинскомъ акрополѣ жертву Аѣинѣ Полиадѣ и Эрехтею. Долго они исполняли это обѣщаніе. Но эгинцы, бывшіе прежде подвластными эпидаврійцамъ, освободились, похитили тѣ масличныя статуи и поставили на своемъ островѣ. Эпидаврійцы прекратили жертвоприношенія въ аѣинскомъ акрополѣ и на требованіе аѣинянъ продолжать ихъ, отвѣчали, что теперь эта обязанность лежитъ на эгинцахъ. Но эгинцы объявили, что не давали никакого обѣщанія аѣинянамъ, и аѣиняне рѣшили похитить статуи, сдѣланныя изъ ихъ дерева. Аѣинскій отрядъ пришлылъ на нѣсколькихъ корабляхъ къ Эгинѣ. Но эгинцы, выпросившіе себѣ помощь у аргосцевъ, дали аѣинянамъ дойти до того мѣста, гдѣ стояли статуи, внезапно напали и перебили ихъ всѣхъ.

Возвращение Мегаклу было неловко открыто перейти на сторону своего противника и силою оружия Пизистрата въ заставить афинянъ возвратитъ человека, котораго самъ онъ прежде изгналъ; онъ устроилъ на праздникъ Паллады Афины сцену, похожую на фарсъ. Въ Пееанскомъ округѣ, лежавшемъ у горы Гиметта, жила женщина необыкновенно большого роста и очень красивая; ея имя было Фіа. Ее уговаривали, чтобы она, надевъ на себя вооруженіе, въ какомъ изображаютъ Палладу, сѣла на колесницу и, принявъ величественную позу, ѣхала въ городъ, сопровождаемая торжественной религіозной процессіей. Подлѣ шли герольды, возвѣщавшіе, что Паллада Афина возвращается въ Акрополь Пизистрата, и приглашавшіе афинянъ дружески принять того, кому покровительствуетъ сама Паллада. Афиняне повѣрили, и Пизистратъ снова взялъ въ свои руки власть.

Второе изгнаніе Но дружба между нимъ и Мегакломъ удержалась не долго. Пизистратъ, правда, исполнилъ свое обѣщаніе жениться на дочери Мегакла. Но отъ первой жены онъ уже имѣлъ двухъ взрослыхъ сыновей, Гиппія и Гиппарха, и хотѣлъ оставить власть въ наслѣдство имъ, а не сыну, который по матери происходилъ бы отъ Алкмеонидовъ, навлекшихъ на себя проклятіе боговъ; потому онъ не хотѣлъ, чтобы у него родились дѣти отъ второй жены. Мегаклъ, узнавъ, что онъ не живетъ съ женою, вознегодовалъ на него и воротился къ союзу съ эвпатридами; союзники оказались сильнѣе Пизистрата, и онъ былъ снова изгнанъ. Съ семействомъ и ближайшими приверженцами онъ удалился изъ Аттики; Каллій во второй разъ купилъ конфискованныя помѣстья изгнанника. Пизистратъ поселился въ Эретрію, отдѣленной лишь узкимъ проливомъ отъ преданныхъ ему діакрійцевъ.

Пизистратъ въ Эретрію. Второе изгнаніе Пизистрата длилось десять лѣтъ; его противники, наученные опытомъ, тверже прежняго держались въ союзѣ между собой, чтобы республиканскія учрежденія, наслѣдованныя ими отъ отцовъ, не были снова подавлены хитростью и силою тирана. Но Пизистратъ не терялъ надежды; сынъ его Гиппій, человекъ честолюбиваго характера, возбуждалъ его дѣйствовать энергически; онъ сталъ собирать деньги и войско. Его владѣнія на Стримонѣ, въ которыхъ были серебряныя рудники, давали ему большіе доходы. Города и государства, содѣйствія которыхъ онъ просилъ, находили выгоднымъ для себя помогать могущественному семейству, которое и въ изгнаніи жило съ царскимъ великолѣпіемъ и образомъ своихъ дѣйствій доказывало серьезность своихъ надеждъ на будущее. Въ особенности эвванскіе аристократы помогли Пизистрату большими денежными ссудами. Имъ было полезно, чтобы въ Атикѣ длились раздоры, возобновилась междоусобная война, и чтобы демократическая партія была подавлена энергичнымъ тиранномъ; они могли рассчитывать на большія выгоды себѣ отъ Пизистрата, если онъ снова захватитъ власть. Богатыя эвбейскія семейства тоже помогли ему деньгами. Такимъ образомъ Пизистратъ получилъ средства набрать много наемныхъ, воиновъ и нанять корабли. Онъ породнился новымъ бракомъ съ аргосскою аристократіей и получилъ изъ Аргоса отрядъ наемнаго войска; изгнанники и авантюристы разныхъ греческихъ государствъ увеличили его военныя силы. Въ особенности полезно было ему содѣйствіе Лигдама, богатого наксійскаго аристократа, который хотѣлъ отнять власть у высокомерной наксійской аристократіи, сдѣлаться тиранномъ; но побѣжденный, бѣжалъ съ своими сокровищами и своими приверженцами въ Эретрію.

Одинаковость положенія соединила его съ Пизистратомъ тѣсной дружбой; онъ надѣялся, что если Пизистратъ снова станетъ властелиномъ Афинъ, то доставитъ ему владычество въ Наксосѣ.

Возвращение въ Афины 538. Когда Пизистратъ нашелъ себя достаточно сильнымъ для начатія борьбы съ противниками, онъ переправился черезъ Эврипъ и расположился укрѣпленнымъ станомъ въ мараѳонскомъ округѣ. Туда пришли къ нему вѣрные его діакрійцы; пришло много его приверженцевъ изъ Афинъ, и онъ двинулся на столицу. Правительство апатически теряло время, не предпринимая мѣръ для сопротивленія; оно считало замыселъ Пизистрата неудобноисполнимымъ. Только теперь, услышавъ, что врагъ уже прошелъ чрезъ ущелья Брилесса и приближается къ Афинамъ, правители съ войскомъ пошли противъ него. Войска встрѣтились близъ Паллены, у древняго храма Афины; они расположились въ виду другъ друга. Пизистратъ зналъ лагерныя привычки афинянъ; зналъ, что воины послѣ завтрака ложатся спать или забавляются игрою въ кости; онъ поступилъ сообразно этому. Ободренный благопріятнымъ прорицаніемъ, что въ «въ лунную ночь рыба попадаетъ въ растянутыя сѣти», онъ сдѣлалъ внезапное нападеніе и быстро одержалъ побѣду. Онъ легко могъ бы убить очень много афинянъ, бѣжавшихъ въ безпорядкѣ; но это не соотвѣтствовало бы его выгодѣ. По его приказанію сыновья его на быстрыхъ коняхъ поскакали за бѣгущими и дружелюбно кричали имъ, чтобы они спокойно расходились по домамъ, потому, что не будетъ сдѣлано ничего имъ вреднаго. Пизистратъ хотѣлъ, чтобы владычество, которое вновь приобретаетъ онъ, не было ослабляемо печальными воспоминаніями народа и чувствами мщенія. Такимъ образомъ онъ захватилъ власть въ третій разъ при обстоятельствахъ, внушавшихъ ожиданіе, что она будетъ прочна.

Онъ немедленно принялъ мѣры предосторожности противъ новаго воз- Мѣры Пизист-
станія. Нѣкоторые изъ его рѣшительнѣйшихъ противниковъ были убиты рата для упро-
въ сраженія; другіе, какъ на примѣръ, Филаиды и Алкмеониды, бѣжали изъ ченія власти.
Афинъ при его приближеніи. Но все еще оставалось много знатныхъ граж-
данъ, которые готовы были при первомъ удобномъ случаѣ возстать про-
тивъ него. Онъ обезпечилъ себя отъ ихъ вражды тѣмъ, что взялъ ихъ
сыновей въ заложники и держалъ подлѣ стражей. Изъ наемниковъ, состав-
лявшихъ его войско, онъ отобралъ надежнѣйшихъ людей, сформировалъ
изъ нихъ отрядъ тѣлохранителей и поставилъ его гарнизономъ въ Акро-
поль. Чтобы имѣть деньги на содержаніе наемникооъ и на другіе расходы
своего владычества, онъ конфисковалъ серебряныя рудники горы Лаврія
(въ южной Атикѣ). Есть извѣстія, заставляющія полагать, что онъ уста-
новилъ поземельный налогъ, составлявшій одну двадцатую долю сельскихъ
продуктовъ; вѣроятно, онъ сдѣлалъ это при самомъ же началѣ своего прав-
ленія: первое время послѣ побѣды было самымъ удобнымъ для принятія
такой мѣры.

Упрочивъ свое владычество надъ Афинами, онъ исполнилъ долгъ

Могущество признательности относительно Лигдама, снарядилъ флотъ, пошелъ къ Наксосу, сдѣлалъ Лигдама владѣльцемъ этого острова и отдалъ своихъ аѳинскихъ заложниковъ подъ стражу ему. Въ союзъ съ Лигдамомъ, платившимъ ему за покровительство большою преданностью, и Поликратомъ, тиранномъ самосскимъ, который былъ обязанъ своею властью содѣйствію Лигдама, Пизистратъ сталъ господствовать на Эгейскомъ морѣ. Делось, священный островъ Аполлона, онъ сдѣлалъ снова національнымъ святилищемъ іонійскаго племени, какъ это было въ старину; по порученію Дельфійскихъ жрецовъ онъ удалилъ всѣ гробы изъ окрестностей Делосскаго храма и, освятивъ островъ обрядомъ очищенія, возстановилъ прежнее благоговѣніе къ нему. Онъ разработывалъ рудники на Стримонѣ, увеличилъ аѳинскій флотъ, вступилъ въ торговыя связи съ ессалійскими владѣтелями и царемъ македонскимъ; своему сыну отъ аргосской своей жены Гегесистрату онъ доставилъ владычество надъ аѳинскою колоніею Сигею, подъ покровительствомъ персидскаго царя; возобновилъ прежній союзъ гостепріимства съ Аргосомъ и Фивами. Въ нѣсколько лѣтъ онъ придалъ аѳинскому государству такое могущество, какого оно еще никогда не имѣло. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ этого времени Пизистратъ является человѣкомъ великаго ума, соединяющимъ въ себѣ осторожность благоразумнаго правителя съ энергіей полководца. Онъ выказалъ себя очень даровитымъ правителемъ и въ дѣлахъ внутренней политики. Современные ему тиранны коринѳскій и сикіонскій считали полезнымъ для упроченія своей власти разрушать всѣ прежнія учрежденія; Пизистратъ напротивъ того искалъ опоры своему владычеству въ воспоминаніяхъ народа о прежнихъ царяхъ. Его домъ въ Акрополѣ стоялъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ дворецъ его предка, царя Кодра, правившаго, по преданію, съ отеческой кротостью; онъ оставилъ неотмѣненными законы Солона, родственникомъ котораго былъ; постановленія, которыя прибавилъ онъ къ нимъ, были сдѣланы въ томъ-же духѣ; подобно Солону онъ заботился о развитіи благочестія, нравственности, семейныхъ добродѣтелей, почтенія къ старости, о томъ, чтобы народъ велъ честную и трудолюбивую жизнь. Дѣйствуя умѣренно и расчетливо, онъ умѣлъ придать своей власти демократическій характеръ. Аѳиняне находили, что учрежденія Солона сохраняютъ при немъ всю свою силу, привыкали считать ихъ незыблемой основой государственнаго порядка и любить ихъ.

Постановленія Пизистрата были развитіемъ законовъ Солона. Такъ напримѣръ законъ о томъ, что государство принимаетъ на свое содержаніе дѣтей гражданъ, убитыхъ на войнѣ, онъ распространилъ и на дѣтей тѣхъ, кто получить на войнѣ увѣчья или раны, дѣлающія ихъ неспособными работать. Онъ оставлялъ неприкосновенными правительственныя учрежденія Солона, требуя только, чтобы въ число архонтовъ были избираемы кто нибудь изъ его семейства. Однажды онъ явился на судъ Ареопага оправдаться

отъ обвиненія въ пролитіи крови; но обвинитель не пришелъ поддержать свою жалобу. Поступки этого рода приучали аѳинянъ уважать законы. Соблюденіе формальностей обманывало народъ, не замѣчавшій, что въ другихъ случаяхъ Пизистратъ не обращаетъ вниманія на законы. Пизистратъ съ особенной заботливостью старался о развитіи торговли и промышленности; но очень заботился и о развитіи земледѣлія, оливковыхъ плантацій и вообще сельскаго хозяйства. Чтобы уменьшить стѣсненность населенія въ Аѳинахъ, онъ раздавалъ земли мелкими участками, предоставлялъ всяческія выгоды переселяющимся изъ Аѳинъ на получаемыя земли. По примѣру другихъ тиранновъ, онъ старался удалить гражданъ отъ участія въ военныхъ упражненіяхъ, чтобы умѣнше владѣть оружіемъ оставалось только у приверженцевъ и наемниковъ его; онъ присвоилъ себѣ лаврійскіе серебряные рудники, бралъ налогъ съ земельной собственности; онъ дѣлалъ много построекъ, чтобы отвлекать вниманіе народа отъ государственныхъ дѣлъ и приобрѣтать его расположеніе. Важнѣйшею опорой своей власти онъ считалъ наемное войско и деньги. Но своимъ богатствамъ онъ давалъ благородное употребленіе.

Пизистратъ выказывалъ царственное направленіе своихъ мыслей между прочимъ и тѣмъ, что щедро употреблялъ свои сокровища на доставленіе народу работы, производя въ Аѳинахъ постройки, украшавшія городъ и развивавшія въ аѳинянахъ эстетическое чувство; заботясь о матеріальномъ благосостояніи народа, онъ старался возбуждать въ немъ и высшія стремленія, любовь къ поэзіи, къ искусству. Аѳиняне получили новый видъ отъ построекъ, сдѣланныхъ имъ и его сыновьями, въ особенности Гиппархомъ, любившимъ искусство.

Знатные аѳиняне жили до Пизистрата главнымъ образомъ на южной сторонѣ города, между Акрополемъ и Илиссомъ, гдѣ стояли древнѣйшіе храмы, находилась древнѣйшая площадь народныхъ собраній и гдѣ течетъ ручей Каллиррой, самое имя котораго было уже похвалою ему (оно значитъ «прекрасный потокъ»); чистая вода его была хороша для питья, и аѳиняне находили, что она тоже очень хороша для стирки бѣлья. При Пизистратѣ стали сильно заселяться сѣверная и западная стороны города; Керамикъ (горшечное селеніе), составлявшій прежде особую общину, сдѣлался теперь предмѣстьемъ города. Тутъ селились люди изъ другихъ мѣстъ Аттики и иностранцы, привлекаемые въ Аѳины развитіемъ торговли и промышленности; площадь на Керамикѣ скоро сдѣлалась главною въ городѣ. Старинная часть города («славная часть Аѳинъ», *Kydathenaion* какъ называли ее) пустѣла, потому что знатныя семейства или сами удалились, или были изгнаны или вымирали; Керамикъ сдѣлался центромъ промышленной дѣятельности Аѳинъ. На площади Керамика стоялъ жертвенникъ двѣнадцати великихъ боговъ. Онъ былъ центромъ, отъ котораго расходились дороги по всей Аттикѣ; отъ него шла и дорога къ гавани. По дорогамъ были посажены деревья, поставлены мраморныя Гермы (стр. 55) съ надписями въ стихахъ, сообщавшими путнику названіе мѣста и дававшими ему въ напутствіе какой нибудь афоризмъ («привѣтствіе мудрости»). Трехсторонніе столбы съ головою Гермеса стояли на площади Керамика въ такомъ множествѣ, что она называлась «гермами»; съ нею шелъ путь въ Академію, гдѣ Пизистратъ поставилъ бронзовую статую бога любви. Заботливость, съ какою Пизистратъ проводилъ хорошія дороги, по-прежнему, говоритъ Куртъ Ваксмутъ, что «онъ желалъ плотно соединить всѣ части Аттики удобствомъ торговыхъ сношеній; до него политическія партіи имѣли въ Аттикѣ и географическій характеръ, то есть кромѣ политическихъ несогласій существовало и стремленіе разныхъ частей государства отдѣлиться одна отъ другой». Ту же цѣль объединенія имѣлъ и Панаѳинскій праздникъ.—Городъ сталъ такъ великъ, что уже не могъ весь довольствоваться водою изъ Каллиррой; потому должно полагать, что въ это время были сооружены тѣ громадныя водопроводы, по которымъ текла въ Аѳины чистая вода изъ сосѣднихъ горъ. Это были подземные каналы, изсѣченные въ скалахъ; дивная работа ихъ была такъ хороша, что нѣкоторые изъ нихъ дѣйствуютъ и донынѣ. Кал-

Расширеніе
и украшеніе
Аѳинъ.

лирой стала теперь ненужна для житейского употребленья; Пизистратъ обвелъ родникъ этого ручья колоннадой, и вся его вода была проведена девятью трубами (Επνεακτιπος) для надобностей жертвоприношенія. Близъ Эпнеакруна Пизистратъ началъ строить храмъ Зевса олимпійскаго; этотъ храмъ долженъ былъ превосходить громадною всѣ другіе; онъ остался недостроеннымъ; но и въ недостроенномъ видѣ былъ предметомъ удивленія; его сравнивали по громадности съ египетскими пирамидами.

Великолѣпіе
праздниковъ
Аѣины.

Паллада Аѣина много разъ показывала свое милостивое покровительство Пизистрату. Естественно было ему и его дѣтямъ стараться засвидѣтельствовать свою благодарность богинѣ покровительницѣ города усердіемъ къ ея культу; это было полезно для собственнаго ихъ блеска и для ихъ популярности. Пизистратъ изгналъ алкмеонидовъ, враговъ его и Паллады, разрушилъ ихъ дома, ихъ гробницы; онъ покровительствовалъ разведенію оливковыхъ плантацій; онъ и его дѣти усердно старались превлекать поселенъ на праздники богини, увеличили великолѣпіе этихъ праздниковъ. Было установлено каждыя четыре года совершать панаѣинейскій праздникъ съ особеннымъ блескомъ, присоединя къ религіозному торжеству гимнастическія игры, бѣгъ съ факелами, состязанія въ бѣгѣ колесницъ; было определено, что на этомъ торжествѣ рапсоды будутъ декламировать народу пѣсни Гомера, въ подлинной ихъ формѣ по очищенному тексту, о возстановленіи котораго такъ заботился Пизистратъ (стр. 135 и слѣд.). Въ числѣ гомеровскихъ героев находились его предки; потому для него не было надобности, какъ для Клизона Сикіонскаго, изгонять съ народныхъ праздниковъ рецитированіе эпическихъ пѣсней; распространяя въ народѣ знакомство съ эпосами Гомера, онъ возвышалъ знаменитость своего рода, славу Аѣины и богини покровительницы Аѣины, занимающей одно изъ первыхъ мѣстъ между божествами, восхваляемыми эпосомъ. Свидѣтельствомъ уваженія къ богинѣ покровительницѣ города было и то, что Пизистратъ положилъ на сохраненіе въ ея храмъ въ Акрополѣ собраніе пророчествъ Музея, сдѣланное по его порученію Ономакритомъ; книга этихъ извлеченій изъ гимновъ, приписывавшихся миѣическому жрецу-поэту Музею, предназначалась для ршенія могущихъ представиться вопросовъ относительно богослуженія, открывала тайны загробной жизни и содержала въ себѣ пророчества о судьбахъ аѣинскаго государства; она была ввѣрена храненію дѣвы-жрицы изъ рода Этеобутатовъ.

Сборникъ про-
рочествъ, со-
ставленный
Ономакритомъ.

Ономакритъ славился, какъ мудрецъ глубоко посвященный въ таинства культа Діониса и Деметры; онъ открылъ гимны миѣического пѣвца Орфея и видоизмѣнилъ характеръ элевзинскихъ таинствъ: онъ ввелъ въ ихъ обряды новыя формы посвященій и церемоній, придавъ миѣамъ и символическимъ дѣйствіямъ культа Діониса значеніе откровеній, объясняющихъ отношеніе души къ тѣлу и тайны загробной жизни. Ученіе Орфея, выработанное Ономакритомъ, говорило, что человѣческая душа находится въ тѣлѣ, какъ въ темницѣ; она соединена съ тѣломъ въ наказаніе за грѣхи. Изъ этого бѣдственнаго состоянія освобождается она таинственнымъ очищеніемъ отъ грѣховъ, возвращающимъ ее къ блаженной жизни. Божества, дающія ей очищеніе, возвращающія ей блаженство — это Діонисъ и Кора. Итакъ мы видимъ, что въ VI вѣкѣ уже проникло въ греческую религію вліяніе восточныхъ идей, замѣнявшее свѣтлую радость жизни глубокимъ чувствомъ бѣдственности человѣческаго существованія и фантастическимъ влеченіемъ къ блаженству въ иномъ мірѣ. Современникъ Ономакрита, Ласъ герміонскій, говорилъ, что онъ передѣлывалъ гимны Орфея и Музея, вставляя въ нихъ подложные стихи.

Праздники Ді-
ониса.

Выказывая усердіе къ служенію покровительницѣ города Палладѣ Аѣинѣ и Аполлону плейскому, Пизистратъ, подобно другимъ тираннамъ, Клизону

и Періандру, находилъ полезнымъ придать блескъ и праздникамъ Діониса, которые любилъ простой народъ. Преданные Пизистрату Діакрійцы безъ сомнѣнія находили очень пріятнымъ для себя то, что онъ сдѣлалъ важными государственными торжествами веселые праздники Діониса, древнѣйшіе изъ которыхъ совершались діакрійскими поселенцами въ Икаріи близъ Мараѣона. Онъ сдѣлалъ эти праздники поселенъ общими національными и государственными торжествами; совершая ихъ въ Аѣинахъ, онъ придавъ имъ блескъ великолѣпными процессіями, гимнастическими играми, музыкальными состязаніями. Въ Аттіку уже проникъ тотъ обычай, что хоры поочередно пѣли строфы дионрамбовъ; и уже сдѣланы были дальнѣйшіе шаги на пути къ развитію драматической формы обрядовъ: лирическій элементъ былъ отдѣленъ отъ эпическаго, хоры стали дѣлать мимическія движенія, люди, выступавшіе въ этихъ хорахъ, были одѣты въ праздничный нарядъ, украшенный эмблемами Діониса. Все это было сдѣлано еще до Пизистрата, но собственно ему и его сыновьямъ принадлежить та заслуга, что праздники Діониса получили высокое значеніе въ ходѣ развитія человѣчества. Пизистратъ и его сыновья покровительствовали развитію ученія, владавшаго таинственнымъ смысломъ въ миѣѣ Діониса; его праздники были для нихъ средствами учить народъ: они оживили ихъ великолѣпными процессіями и драматическими представленіями сценъ изъ жизни Діониса. Мы уже говорили (страница 60) о діонисовскихъ и ледейскихъ праздникахъ, на которыхъ жители Атики выражали символическими обрядами благодарность богу плодородія земли за дары его. Эти великіе, національные праздники получили болѣе высокое значеніе, когда Ѳесписъ сдѣлалъ въ нихъ нововведеніе, которое порицалъ Солонъ, но одобрялъ Пизистратъ. Уроженецъ Икаріи Ѳесписъ, сдѣлавшись распорядителемъ танцевъ и пѣнія хоромъ на праздникахъ Діониса, сталъ рассказывать народу о дѣлахъ его. Это проложило путь къ возникновенію драматической поэзіи, которая облекала великолѣпной художественной формой глубокомысленныя ученія, владычествовавшія у всѣхъ древнихъ народовъ, и сдѣлалась полнѣйшимъ выраженіемъ творческой силы фантазіи іонійскаго племени.

Ѳесписъ.

2) Паденіе тиранніи и реформа клизона.

Пизистратъ умеръ въ 527 году (во второй годъ 63-й олимпіады). Онъ могъ гордиться дѣлами своего правленія: онъ увеличилъ и украсилъ Аѣины, положилъ основаніе ихъ будущему блеску сооруженіемъ гимназій, храмовъ, устройствомъ великолѣпныхъ праздниковъ; онъ далъ сильное развитіе всѣмъ сторонамъ общественной жизни; покровительствомъ искусству, заботой о религіозномъ великолѣпнѣ онъ показалъ аѣинянамъ путь къ славѣ; его внутренняя и внѣшняя политика возвеличила государство. Греческіе историки справедливо называютъ его управленіе разумнымъ и умѣреннымъ. Онъ могъ надѣяться, что владычество его династіи будетъ прочно: его сыновья Гиппій и Гиппархъ уже давно были его помощниками, и потому онъ могъ полагать, что они будутъ править въ его духѣ. Сначала это такъ и было. Подобно отцу Гиппій украшалъ городъ постройками; Гиппій и Гиппархъ, любившіе искусства, были хорошимъ помощникомъ ему пархъ.

Смерть Пизистрата. 527.

въ этихъ дѣлахъ; подобно отцу Гиппій усердно заботился о храмахъ и въ особенности акропольскомъ храмѣ Аѣины Полиады.

Покровитель- Гиппій постановилъ, чтобы при рожденіи ребенка и при смерти гражданина или гражда-
ство искус- данни семейство давало жрицѣ храма Аѣины Полиады нѣсколько ячменя, нѣсколько овса
ствамъ и по- и оболъ; онъ самъ былъ назначенъ этого храма Аѣины, подлѣ покровительства которо-
эвиз. той находился родъ Пизистратидовъ. Сынъ Гиппія, называвшійся по имени дѣда Пизи-
стратомъ, построилъ въ воспоминаніе о своемъ архонтствѣ жертвенникъ Аполлону пи-
ейскому (въ юго-восточной части города); это было новымъ проявленіемъ усердія къ
Аполлону, священный островъ котораго, Делосъ, былъ очищенъ отъ кладбищъ основате-
лемъ династїи. Пизистратъ приобрѣлъ громкую славу тѣмъ, что по его порученію были
собраны и приведены въ порядокъ пѣсни Гомера и Гезіода; его сыновья приглашали къ
Аѣины современныхъ имъ поэтовъ. Ласъ Гермионскій и Симонидъ Кеосскій слагали ди-
оирамбы для пѣнія хоровъ на праздникахъ Діониса и состязались между собою о на-
градѣ вѣнкомъ, сплетеннымъ изъ плюща. За Анакреономъ Теосскимъ, жившимъ на Самосѣ,
Гиппархъ послалъ корабль, и поэтъ радости поселился у него. Аѣины были при сыновьяхъ
Пизистрата городъ поэзїи, искусствъ, наслажденїя литературой. И въ политикѣ
Гиппій показалъ себя хорошимъ ученикомъ отца. Когда спартанцы, враги тиранновъ,
прогнали Лигдама Наксосскаго и возстановили на Наксосѣ аристократическое правленіе,
Гиппій заключилъ наступательный и оборонительный союзъ съ Фессалійскою династією
Алевадовъ и Аминтомъ, царемъ македонскимъ; это дало его власти въ Аѣинахъ такую
прочность, что спартанцы не рѣшились исполнить просьбы аѣинскихъ эвпатридовъ и
начать съ нимъ войну, приняли его въ число друзей спартанскаго государства и дали
этимъ доказательство, что признають его владычество надъ Аѣинами.

Владычество Но сыновья Пизистрата не имѣли той умѣренности и разсудитель-
Пизистрати- ности, какъ ихъ отецъ. Въ послѣдніе годы своего правленія Пизи-
довъ становит- стратъ выказывалъ подозрительность, опасался возстаній; итакъ онъ
ся притѣсни- самъ замѣчалъ непрочность основанной имъ династїи. Гиппій былъ
тельнымъ. человекъ высокомѣрный; онъ съ дѣтства привыкъ считать себя на-
528. слѣдникомъ власти, потому держалъ себя надменно, вовсе не такъ,
какъ его отецъ, который любезностью своего обращенія съ людьми
приобрѣлъ себѣ расположеніе простого народа и даже примирилъ съ
собою эвпатридовъ. Кимонъ, принадлежавшій къ роду Филаидовъ, три
раза одержавшій побѣду на олимпійскихъ играхъ въ состязаніи ко-
лесницъ и при второй своей побѣдѣ провозгласившій побѣдителемъ
не себя, а Пизистрата, получилъ отъ него позволеніе вернуться на
родину и спокойно жить въ Аѣинахъ до его смерти. Но съ Гиппіемъ
онъ почему-то поссорился и былъ предательски убитъ. Аѣиняне по-
хоронили его подлѣ памятника, который поставили въ честь его
олимпійскихъ побѣдъ. Гиппархъ былъ человекъ менѣе жестокаго ха-
Гармодій и рактера, но преданный грубымъ порокамъ. Гармодій, молодой чело-
Аристоклитонъ. вѣкъ изъ знатнаго рода гефиреевъ, не захотѣлъ быть участникомъ
его грязныхъ наслажденій и онъ отмстилъ за это при слѣдующемъ
панаѣинейскомъ праздникѣ: будучи распорядителемъ этого торжества,
онъ велѣлъ удалить сестру Гармодія изъ процессїи знатныхъ дѣву-
шекъ, которыя несли корзины съ дарами въ храмъ Паллады. Гар-
модій былъ въ близкой дружбѣ съ Аристоклитономъ, принадлежавшимъ

также къ роду гефиреевъ. Они задумали отмстить тиранну за это
безчестіе и посвятили въ свой замыселъ нѣсколько человекъ на-
дежнаго характера. Чтобы тайна не раскрылась, къ участію въ за-
говорѣ были приглашены лишь немногіе. Заговорщики надѣялись,
что, когда они исполнять свое дѣло, народъ по любви къ свободѣ
поддержитъ ихъ. Временемъ исполненія выбрали они великій пана-
ѣинейскій праздникъ (въ мѣсяцъ гекатомвеонъ, іюль), когда сходи-
лось множество поселянъ посмотреть великолѣпныя процессїи, гимна-
стическія игры и пообѣдать на счетъ государства; при этомъ стече-
ніи народа удобно было сдѣлать неожиданное нападеніе. Утромъ въ
день праздника, Гиппій, окруженный своими тѣлохранителями, былъ
на Керамикѣ, устраивалъ процессію, которая должна была двинуться
оттуда. Подлѣ стояли Аристоклитонъ и Гармодій со спрятанными подъ
праздничной одеждой кинжалами. Они увидѣли, что одинъ изъ уча-
стниковъ ихъ замысла разговариваетъ съ Гиппіемъ. Фукидидъ замѣ-
чаетъ, что Гиппій былъ человекъ разговорчивый, но въ своемъ тре-
возномъ настроеніи Гармодій и Аристоклитонъ предположили, что раз-
говоръ идетъ объ ихъ замыслѣ, что ихъ товарищъ измѣнилъ имъ, и
поспѣшили въ городъ, чтобы успѣть убить по крайней мѣрѣ Гип-
парха. Неподалеку отъ площади народныхъ собраній, близъ Леоко-
рія, они встрѣтили Гиппарха, бросились на него и закололи его.
Гармодій былъ въ ту же минуту убитъ окружившими Гиппарха тѣло-
хранителями, Аристоклитону удалось на нѣсколько времени скрыться
въ толпѣ отъ поисковъ.

Извѣстіе объ убійствѣ Гиппарха было сообщено Гиппію, остававшемуся
на Керамикѣ. Сохранивъ наружно полное спокойствіе, онъ обратился
къ народу, который имѣлъ при себѣ щиты и копья, какъ было на-
добно для участія въ процессїи, велѣлъ положить оружіе и идти за
нимъ. Народъ, не догадывавшійся ни о чемъ, положилъ оружіе, ду-
мая, что Гиппій хочетъ созвать народное собраніе, куда нельзя было
являться вооруженнымъ. Гиппій тотчасъ-же велѣлъ своимъ тѣлохра-
нителямъ унести положенное народомъ оружіе и обыскивать всѣхъ.
Тѣ, у кого нашлись подъ одеждой спрятанные кинжалы и мечи, бы-
ли арестованы; были арестованы и всѣ тѣ граждане, которые каза-
лись подозрительными Гиппію. Былъ разысканъ и Аристоклитонъ.
Его подвергли пыткамъ, чтобы вынудить назвать соумышленниковъ;
но онъ не выдалъ никого. (Позднѣйшее преданіе говоритъ, что онъ
назвалъ своими соумышленниками людей, преданныхъ тиранну). Онъ
умеръ мужественно. Съ такою-же твердостью души выдержала му-
ченія любовница его Леэна, которую также пытали, предполагая, что
она знаетъ заговорщиковъ. Аѣиняне поставили въ честь ея памят-
никъ; это было изображеніе львицы безъ языка. (Леэна значитъ
львица; а то, что львица была изображена не имѣющею языка, озна-
чало молчаніе Леэны подъ пыткой). Вѣроятно, эта статуя подава

514.

Смерть Гип-
парха.

Мнѣніе Гиппія.

поводъ къ преданію, что Леона, подвергнутая пыткамъ, откусила себѣ языкъ, чтобы лишить себя возможности измѣнить друзьямъ.

Благодаря быстротѣ своихъ распоряженій, Гиппій успѣлъ подавить заговоръ. Но смерть брата показала ему шаткость его власти; онъ сталъ подозрѣвать въ замыслахъ противъ него и эвпатридовъ, и народъ. Отъ природы склонный къ жестокости, онъ рѣшилъ поддерживать свою власть ужасомъ, оградить себя отъ опасности наемнымъ войскомъ и покровительствомъ могущественныхъ союзниковъ; а для этого ему надобно было стараться пріобрѣтать какъ можно больше денегъ.

Онъ воспользовался для своихъ цѣлей процессомъ противъ заговорщиковъ, запуталъ въ дѣло и погубилъ всѣхъ, кого хотѣлъ. Были осуждены на смерть не только тѣ, у кого подъ одеждой нашлись кинжалы, но и множество другихъ людей, которыхъ не любилъ или подозрѣвалъ Гиппій. Ихъ имѣнія были конфискованы. Чтобы собрать больше денегъ, онъ велѣлъ продавать съ аукціона наружныя лѣстницы и другія выступающія на улицу части домовъ; домовладѣльцы платили ему большія суммы, чтобы откупиться отъ этой продажи. Онъ чеманилъ деньги низкой пробы и принуждалъ брать ихъ по цѣности хорошихъ денегъ. Онъ бралъ съ гражданъ выкупъ за позволеніе не исполнять натуральныхъ повинности; и повинности ложились тѣмъ тяжелѣе на гражданъ не откупившихся отъ нихъ.

Алкмеониды. Построеніе Дельфійскаго храма. Многие знатные граждане бѣжали отъ преслѣдованій подозрительнаго тирана и применили къ Алкмеонидамъ, которые нашли себѣ поддержку въ Дельфійскомъ оракулѣ. Дельфійскій храмъ въ 548 году сгорѣлъ. Амфиктионы рѣшили возстановить его въ великолѣпномъ видѣ и назначили на эту постройку 300 эгинскихъ талантовъ (болѣе 600,000 руб. сереб.). Эта сумма должна была состояться изъ взносовъ греческихъ государствъ по раскладкѣ, сдѣланной Амфиктионами. Но храмъ приносилъ большія выгоды Дельфамъ, потому Амфиктионы наложили на этотъ городъ очень значительный взносъ (75 талантовъ болѣе 150,000 руб.). Прошло болѣе десяти лѣтъ въ сборахъ назначенной суммы. Приглашались къ пожертвованіямъ и малоазійскіе греки, и греки, жившіе въ Египтѣ. Наконецъ было собрано столько денегъ, что можно было начать постройку. Алкмеониды, жившіе тогда въ изгнаніи, взяли на себя подрядъ сооруженія храма и исполнили работу, не жалѣя своихъ денегъ; они выказали такую щедрость къ храму, что за это было снято съ ихъ рода лежавшее на немъ проклятіе. По условіямъ контракта они должны были построить храмъ изъ простого известняка; вмѣсто известняка они построили восточный фасадъ храма изъ паросскаго мрамора. Ихъ имущества въ Атикѣ были конфискованы Пизистратомъ; но сокровища ихъ, отданныя на сохраненіе въ кладовыя разныхъ храмовъ за границей Атики, уцѣлѣли, потому они имѣли средства быть такъ щедры. Лѣтъ черезъ двадцать по началу постройки былъ готовъ великолѣпный храмъ, стоявшій на высокомъ фундаментѣ, сооруженномъ уступами, окруженный колоннадою дорійскаго стиля, а внутри имѣвшій іонійскія колонны. Вся Греція прославляла Алкмеонидовъ, главою которыхъ былъ тогда даровитый и предпріимчивый Клизеенъ, внукъ сикіонскаго тирана Клизеена. Алкмеониды теперь стали пользоваться большимъ расположеніемъ у Дельфійскихъ жрецовъ, и Пнеія при каждомъ удобномъ случаѣ дѣйствовала въ ихъ пользу; особенно возбуждала она лакедемонцевъ низвергнуть ихъ враговъ, аѣнскихъ тиранновъ.

Гиппій предвидѣлъ опасность. Около этого времени спартанцы низвергли демократическое правленіе въ Мегарѣ и возвратили туда изгнанныхъ аристократовъ. Онъ усилилъ мѣры предосторожности и продолжилъ себѣ путь къ связямъ съ персидскимъ дворомъ, выдавъ свою дочь Архедику за лампсакскаго тирана Гипокла, пользовавшагося большимъ расположеніемъ Дарія. Но его тираннія стала еще притѣснительнѣе, и число бѣжавшихъ изъ Атики эвпатридовъ увеличивалось; они присоединялись къ Алкмеонидамъ, которымъ удалось наконецъ овладѣть крѣпкой позиціей въ самой Атикѣ: они заняли мѣстечко Липсидрій на склонѣ горы Парнеса и стали тамъ укрѣпленнымъ лагеремъ; недовольные Гиппиемъ собирались туда къ нимъ. Но они не могли держаться противъ дисциплинированнаго войска тирана, и долго потомъ аѣиняне пѣли пѣсни о храбрыхъ людяхъ знатнаго рода, которыхъ посылалъ тогда на смерть Липсидрій, «предатель друзей». Спартанцы послушались наконецъ пнеіи, постоянно требовавшей, чтобы они освободили Аѣины отъ тирана. Они послали въ Атику небольшой отрядъ подъ начальствомъ Анхимолія; но Гиппій отразилъ его: спартанцамъ удалось занять фалерскую гавань, но когда они двинулись оттуда на равнину, на которой Гиппій вырубилъ всѣ деревья, то были побѣждены ѳессалійскою конницею, пришедшею на помощь тиранну. Лишь немногіе вернулись на корабли; въ числѣ убитыхъ былъ и самъ Анхимолій.

Спартанцы должны были загладить стыдъ неудачи: того требовала ихъ военная честь, репутація ихъ могущества. Они послали въ Атику царя Клеомена, человека энергическаго. Къ его войску на пути присоединились аѣинскіе изгнанники: эвпатриды и другіе многочисленные враги тирана. Клеоменъ шелъ на Аѣины. У Паллены, гдѣ Пизистратъ одержалъ побѣду, доставившую ему владычество, было разбито войско Гиппія. ѳессалійская конница вернулась домой, и побѣдители вступили въ Аѣины. Но Гиппій съ своими наемниками и приверженцами заперся въ акрополѣ. Тамъ заготовлено было много запасовъ, и надобно было полагать, что цитадель будетъ держаться долго. Но случай скоро далъ дѣлу неожиданную развязку. Заботясь о безопасности дѣтей, Гиппій выслалъ ихъ изъ акрополя, думая, что они успѣютъ тайно проѣхать за границу. Но они попались въ руки врагамъ. Чтобы спасти ихъ, Гиппій заключилъ съ аѣинянами договоръ, по которому обязался за возвращеніе ему сыновей уѣхать въ пять дней изъ Атики. Онъ отправился съ женой и дѣтьми въ Сигей къ своему брату Гегесистрату, надѣясь при помощи персовъ скоро возвратитъ себѣ господство надъ Аѣинами.

Владычество Пизистратидовъ, длившееся 28 лѣтъ, было теперь низвергнуто. Вождемъ побѣдителей былъ Клизеенъ. Глава рода, бывшаго однимъ изъ первыхъ или первымъ по богатству и славѣ, заслужившаго признательность всей Греціи постройкой Дельфійскаго

Война противъ Гиппія 513 — 511.

Изгнаніе Гиппія 510.

Клизеенъ.

храма, жрецы котораго, благодарные за это и, какъ говорила молва, подкупленные большими подарками, поддерживали Алкмеонидовъ, вождь бойцовъ за свободу родины Клисеевъ легко могъ-бы занять мѣсто Гиппия, приобрести надъ Аеиннами владычество, которое не разъ хотѣлъ захватить его отецъ и прежде того не разъ хотѣли захватить его предки. Клисеевъ былъ теперь близокъ къ наследственной цѣли стремлений честолюбиваго рода Алкмеонидовъ. Но онъ предпочелъ приобрести честь болѣе высокую, чѣмъ какую получали отъ блеска своей власти Пизистратъ и тотъ сикіонскій тиранъ, который былъ отцемъ его матери, имя котораго носилъ онъ и отъ котораго наследовалъ энергію характера. Онъ сталъ преобразователемъ законовъ Солона, и преобразовалъ ихъ не въ интересахъ своего сословія: онъ выбросилъ изъ нихъ мѣшавшіе развитію Аеинъ остатки старины, открылъ просторъ свободному развитію народа. Геродотъ говоритъ, что Клисеевъ былъ вынужденъ къ преобразованіямъ надобностью бороться противъ своекорыстныхъ интригъ эвпатридовъ и ихъ вождя Исагора. Быть можетъ такъ. Но образъ дѣйствій отважнаго, твердаго и проницательнаго Клисеена показываетъ, что онъ не нуждался въ этомъ мотивѣ: онъ взялся за дѣло преобразованія тотчасъ-же по освобожденіи Аеинъ; изъ этого ясно, что планъ реформы былъ обдуманъ имъ заранее и что онъ предпочиталъ благо родины, будущее величіе ея выгодамъ своего сословія. А величіе Аеинъ было обусловлено политической свободой и равноправностью гражданъ; потому Клисеевъ поставилъ задачею своей жизни создать равноправность. Она была необходима для того, чтобы прекратились раздоры и междоусобія, покончились болѣзненные колебанія между революціею и реакціею. Воспользовавшись патріотическимъ настроеніемъ, возбужденнымъ въ гражданахъ радостью освобожденія, Клисеевъ произвелъ тѣ реформы, какія казались ему нужными для примиренія сословій и успокоенія родины. Эти реформы видоизмѣняли учрежденія Солона такъ, что аеинское правленіе становилось демократическимъ. Благодарные дельфійскіе жрецы поддерживали Клисеена авторитетомъ своего оракула.

Реформы Клисеена.

Клисеевъ справедливо находилъ, что политическая равноправность гражданъ остается пустымъ словомъ, пока существуютъ племенные и родовые союзы, основанные на аристократическихъ преданіяхъ, и пока выборы членовъ правительственнаго совѣта, сановниковъ и судей производятся филами, корпораціями, въ которыхъ владычествуютъ эвпатриды, господствующіе надъ ними не только вліяніемъ своего богатства и общественнаго положенія, но и силою привычки, религіознаго преданія, корпоративнаго богослуженія; пока знатные землевладѣльцы остаются демархами, главами общиннаго управленія, остаются президентами фратрій, въ которыхъ рѣшаются вопросы о законности брака, то есть о предоставленіи гражданину политическихъ правъ.

Новое распре- дѣленіе народа. Чтобы уничтожить это фактическое преобладаніе эвпатридовъ, дать по-

селянамъ и небогатымъ горожанамъ возможность свободно пользоваться принадлежащими имъ политическими правами, Клисеевъ, опираясь на совѣтъ, данный Дельфійскимъ оракуломъ, ввелъ новое распредѣленіе гражданъ: вмѣсто прежнихъ четырехъ филъ, въ которыхъ граждане группировались по родовымъ связямъ, онъ ввелъ раздѣленіе страны на десять округовъ, которымъ далъ названіе филъ, и каждую изъ этихъ новыхъ филъ раздѣлилъ на десять мелкихъ округовъ, которые назвалъ демами; этимъ новымъ мелкимъ и крупнымъ округамъ онъ далъ новыя имена и поставилъ ихъ подъ покровительство не тѣхъ героевъ, какихъ чтли прежнія корпораціи, а другихъ; такимъ образомъ онъ замѣнилъ прежнія родовыя корпораціи распредѣленіемъ гражданъ по географическимъ округамъ, имѣющимъ не родовой, а политическій характеръ; въ этихъ округахъ граждане сдѣлались дѣйствительно равноправными; выборы членовъ правительственнаго совѣта были этою реформою освобождены отъ подвластности знатымъ землевладѣльцамъ. Число членовъ совѣта было увеличено: прежде ихъ было 400; Клисеевъ постановилъ, что ихъ должно быть 500. Въ члены народнаго суда граждане поступали теперь по жребію: въ каждой филѣ граждане, имѣющіе болѣе тридцати лѣтъ, ежегодно бросали жребій о томъ, на кого ложится эта обязанность; отъ каждой филы было назначено 500 человекъ въ составъ народнаго суда.

Замѣна прежнихъ филъ и демовъ новыми отняла у знатныхъ землевладѣльцевъ политическое преобладаніе. Фратріи съ своими древними обрядами (стр. 230) остались; но онѣ были теперь только религіозными корпораціями, не имѣющими политическаго значенія. Веденіе списковъ гражданъ и голпиговъ было передано демархамъ. — Правительственный совѣтъ, состоящій изъ 500 членовъ, былъ теперь избираемъ всеми гражданами, безъ различія по имуществу. Выборы производились по филамъ и демамъ. Всѣ географическія группы, всѣ интересы и всѣ политическія мнѣнія имѣли въ совѣтѣ своихъ представителей; потому вся правительственная власть постепенно сосредоточилась въ немъ. Для засѣданій новаго совѣта нужно было новое зданіе. «Пританей, бывшій центромъ государства, устроеннаго по родовому принципу, сохранилъ свое религіозное значеніе», говоритъ Куртъ Ваксмутъ: «Въ немъ по прежнему горѣлъ неугасимый огонь на жертвенникѣ Гестіи; этотъ жертвенникъ остался общимъ очагомъ народа, *κοινὴ ἐστία τοῦ δήπου*; прежнее уваженіе къ пританею сохранилось, и по-прежнему были приглашаемы обѣдать тамъ люди, которымъ хотѣло оказать почетъ аеинское государство. Но мѣстомъ засѣданій новаго правительственнаго совѣта Пританей уже не могъ быть. Для новаго совѣта нуженъ былъ новый булентерій и въ этомъ зданіи нуженъ былъ новый государственный очагъ, у котораго сидѣли бы члены комитета, завѣдующаго текущими правительственными дѣлами, пританы. Эти правительственные центры должны были находиться на площади народныхъ собраній. Тутъ издавна стоялъ храмъ Матери боговъ, и, кажется, уваженіемъ къ нему руководились, избравъ мѣсто рядомъ съ нимъ для постройки новаго оолоса, гдѣ стали обѣдать и совершать жертвоприношенія пританы; подлѣ этого дома былъ построенъ новый домъ правительственнаго совѣта». Совѣтъ Пяти Сотъ собирався на засѣданія въ полномъ своемъ составѣ каждый день, кромѣ праздниковъ; а пританы оставались въ оолосѣ цѣлый день, чтобы безъ потери времени шли текущіе дѣла, принимались извѣстія, давались отвѣты и т. д. По новому государственному устройству комитетъ притановъ состоялъ изъ 50 членовъ; председатель его мѣнялся каждый день; кому быть председателемъ опредѣлялось жребіемъ. Этотъ председатель (*epistates*) хранилъ ключъ отъ государственнаго казначейства и государственную печать; онъ председательствовалъ и въ народномъ собраніи. Совѣтъ Пяти Сотъ, собраніе председателей націй, имѣлъ верховную правительственную власть; а санъ архонтовъ, по-прежнему предоставленный крупнымъ землевладѣльцамъ, скоро сталъ только почетнымъ званіемъ. Кругъ дѣйствій первыхъ двухъ архонтовъ ограничился

Результаты распредѣленія гражданъ по округамъ. Совѣтъ Пяти Сотъ.

Архонты.

тѣмъ, что они завѣдывали правниками и рѣшали нѣкоторые процессы по дѣламъ о семейныхъ правахъ и о наслѣдствѣ. При архонтѣ—полемархѣ былъ учрежденъ военный совѣтъ, состоящій изъ десяти стратеговъ (полководцевъ); они были избираемы на годъ; каждая фила избирала одного стратега изъ числа принадлежащихъ къ ней землевладѣльцевъ. Совѣту стратеговъ была передана вся власть по управленію военными дѣлами: онъ снаряжалъ войско въ походъ, завѣдывалъ военными запасами; онъ судилъ во время похода дѣла о преступленіяхъ противъ военныхъ законовъ; стратеги поочередно командовали войскомъ. Такимъ образомъ по военнымъ дѣламъ за полемархомъ остались только нѣкоторыя почетныя права и обязанность совершать религіозныя обряды передъ битвой и послѣ битвы; кромѣ того онъ былъ предсѣдателемъ по дѣламъ иностранцевъ и метекъ. Процессы, рѣшаемые архонтами-оесмоветами, всѣ могли быть переносимы апелляціею въ судъ народа; потому судебная власть оесмоветовъ уменьшилась до такой степени, что наконецъ ихъ занятія ограничились производствомъ слѣдствій для доклада народному суду. Уменьшеніе власти архонтовъ было первымъ шагомъ къ замѣнѣ прежняго административнаго порядка полнымъ самоуправленіемъ народа, а завершилъ эту перемѣну законъ, постановлявшій, что во всѣ должности могутъ быть избираемы граждане всѣхъ классовъ безъ различія цѣна. Впослѣдствіи было постановлено, что архонты не избираются, а назначаются по жребію; на первый взглядъ это представляется страннымъ для насъ; но въ Аѣинахъ почти всѣ граждане имѣли приблизительно одинаковое образованіе, болѣе или менѣе знали законы, имѣли административную опытность; потому назначеніе архонтовъ по жребію имѣло меньше неудобства, нежели можно было бы думать. Оно представляло даже выгоду, потому что жребій устранялъ всякіе споры и интриги, оказывалъ успокоивающее и примиряющее дѣйствіе. (Открытіе доступа во всѣ правительственныя должности безъ различія цѣна принадлежитъ познѣйшему времени: мы положительно знаемъ, что это было установлено послѣ персидскихъ войнъ по предложенію Аристиды. Замѣну выборовъ жребіемъ нѣкоторые приписываютъ Клисеену; но и она, какъ мы увидимъ, была установлена вѣроятно также послѣ персидскихъ войнъ). Уменьшеніе власти архонтовъ и назначеніе ихъ по жребію должно было раньше или позже имѣть своимъ результатомъ уменьшеніе власти Арэопага. Во время персидскихъ войнъ онъ еще сохранилъ всю первоначальную власть; но было явной несообразностью съ характеромъ новыхъ учреждений то, что сановники, получавшіе свое званіе не по важности своего общественнаго значенія, а по жребію, пріобрѣтали по окончаніи своей службы такую огромную и безответственную власть. Привилегіей богатаго сословія осталось только право надзора за цѣлостію государственной казны и принадлежащихъ государству драгоценностей; все это хранилось подъ покровительствомъ Паллады Аѣины въ заднемъ отдѣлѣ Пареевона. Филы выбирали казначеевъ, и каждая по одному, изъ класса пентакосіомедимновъ; а для большей безопасности казны выбирали еще другую коллегію, наблюдавшую за казначеями; члены этой коллегіи назывались аподектами.

Полемархъ и стратеги. Устраняя преобладаніе эвпатридовъ, дѣлая административныя и судебныя должности доступными для всѣхъ гражданъ, Клисеенъ хотѣлъ, чтобы поселяне и горожане незначнаго происхожденія, составлявшіе большинство гражданъ, имѣли рѣшающій голосъ въ государственныхъ дѣлахъ. Съ этою цѣлью онъ ввелъ постановленіе, что народное собраніе будетъ происходить не четыре раза въ годъ, какъ было прежде, а десять разъ. Собираясь чаще прежняго, народъ чувствовалъ больше интереса заниматься государственными дѣлами, пріобрѣталъ больше опытности въ нихъ, потому судилъ о нихъ самостоятельнѣе. Съ тѣмъ вмѣстѣ было по предложенію Клисеена принято въ число гражданъ много ремесленниковъ и мелкихъ промышленниковъ, давно жившихъ въ Аттікѣ, но бывшихъ не гражданами, а метеками или вольноотпущенными. Они теперь были приняты въ составъ филъ и получили всѣ права гражданъ. Аѣинское государство пріобрѣло чрезъ это значительное увеличеніе своихъ силъ. Новые гражд-

Оесмоветы. Назначеніе архонтовъ по жребію имѣло меньше неудобства, нежели можно было бы думать. Оно представляло даже выгоду, потому что жребій устранялъ всякіе споры и интриги, оказывалъ успокоивающее и примиряющее дѣйствіе. (Открытіе доступа во всѣ правительственныя должности безъ различія цѣна принадлежитъ познѣйшему времени: мы положительно знаемъ, что это было установлено послѣ персидскихъ войнъ по предложенію Аристиды. Замѣну выборовъ жребіемъ нѣкоторые приписываютъ Клисеену; но и она, какъ мы увидимъ, была установлена вѣроятно также послѣ персидскихъ войнъ). Уменьшеніе власти архонтовъ и назначеніе ихъ по жребію должно было раньше или позже имѣть своимъ результатомъ уменьшеніе власти Арэопага. Во время персидскихъ войнъ онъ еще сохранилъ всю первоначальную власть; но было явной несообразностью съ характеромъ новыхъ учреждений то, что сановники, получавшіе свое званіе не по важности своего общественнаго значенія, а по жребію, пріобрѣтали по окончаніи своей службы такую огромную и безответственную власть. Привилегіей богатаго сословія осталось только право надзора за цѣлостію государственной казны и принадлежащихъ государству драгоценностей; все это хранилось подъ покровительствомъ Паллады Аѣины въ заднемъ отдѣлѣ Пареевона. Филы выбирали казначеевъ, и каждая по одному, изъ класса пентакосіомедимновъ; а для большей безопасности казны выбирали еще другую коллегію, наблюдавшую за казначеями; члены этой коллегіи назывались аподектами.

Арэопагъ. Устраняя преобладаніе эвпатридовъ, дѣлая административныя и судебныя должности доступными для всѣхъ гражданъ, Клисеенъ хотѣлъ, чтобы поселяне и горожане незначнаго происхожденія, составлявшіе большинство гражданъ, имѣли рѣшающій голосъ въ государственныхъ дѣлахъ. Съ этою цѣлью онъ ввелъ постановленіе, что народное собраніе будетъ происходить не четыре раза въ годъ, какъ было прежде, а десять разъ. Собираясь чаще прежняго, народъ чувствовалъ больше интереса заниматься государственными дѣлами, пріобрѣталъ больше опытности въ нихъ, потому судилъ о нихъ самостоятельнѣе. Съ тѣмъ вмѣстѣ было по предложенію Клисеена принято въ число гражданъ много ремесленниковъ и мелкихъ промышленниковъ, давно жившихъ въ Аттікѣ, но бывшихъ не гражданами, а метеками или вольноотпущенными. Они теперь были приняты въ составъ филъ и получили всѣ права гражданъ. Аѣинское государство пріобрѣло чрезъ это значительное увеличеніе своихъ силъ. Новые гражд-

Казначей и аподекты. Устраняя преобладаніе эвпатридовъ, дѣлая административныя и судебныя должности доступными для всѣхъ гражданъ, Клисеенъ хотѣлъ, чтобы поселяне и горожане незначнаго происхожденія, составлявшіе большинство гражданъ, имѣли рѣшающій голосъ въ государственныхъ дѣлахъ. Съ этою цѣлью онъ ввелъ постановленіе, что народное собраніе будетъ происходить не четыре раза въ годъ, какъ было прежде, а десять разъ. Собираясь чаще прежняго, народъ чувствовалъ больше интереса заниматься государственными дѣлами, пріобрѣталъ больше опытности въ нихъ, потому судилъ о нихъ самостоятельнѣе. Съ тѣмъ вмѣстѣ было по предложенію Клисеена принято въ число гражданъ много ремесленниковъ и мелкихъ промышленниковъ, давно жившихъ въ Аттікѣ, но бывшихъ не гражданами, а метеками или вольноотпущенными. Они теперь были приняты въ составъ филъ и получили всѣ права гражданъ. Аѣинское государство пріобрѣло чрезъ это значительное увеличеніе своихъ силъ. Новые гражд-

Народное собраніе. Устраняя преобладаніе эвпатридовъ, дѣлая административныя и судебныя должности доступными для всѣхъ гражданъ, Клисеенъ хотѣлъ, чтобы поселяне и горожане незначнаго происхожденія, составлявшіе большинство гражданъ, имѣли рѣшающій голосъ въ государственныхъ дѣлахъ. Съ этою цѣлью онъ ввелъ постановленіе, что народное собраніе будетъ происходить не четыре раза въ годъ, какъ было прежде, а десять разъ. Собираясь чаще прежняго, народъ чувствовалъ больше интереса заниматься государственными дѣлами, пріобрѣталъ больше опытности въ нихъ, потому судилъ о нихъ самостоятельнѣе. Съ тѣмъ вмѣстѣ было по предложенію Клисеена принято въ число гражданъ много ремесленниковъ и мелкихъ промышленниковъ, давно жившихъ въ Аттікѣ, но бывшихъ не гражданами, а метеками или вольноотпущенными. Они теперь были приняты въ составъ филъ и получили всѣ права гражданъ. Аѣинское государство пріобрѣло чрезъ это значительное увеличеніе своихъ силъ. Новые гражд-

Увеличеніе числа гражданъ. Устраняя преобладаніе эвпатридовъ, дѣлая административныя и судебныя должности доступными для всѣхъ гражданъ, Клисеенъ хотѣлъ, чтобы поселяне и горожане незначнаго происхожденія, составлявшіе большинство гражданъ, имѣли рѣшающій голосъ въ государственныхъ дѣлахъ. Съ этою цѣлью онъ ввелъ постановленіе, что народное собраніе будетъ происходить не четыре раза въ годъ, какъ было прежде, а десять разъ. Собираясь чаще прежняго, народъ чувствовалъ больше интереса заниматься государственными дѣлами, пріобрѣталъ больше опытности въ нихъ, потому судилъ о нихъ самостоятельнѣе. Съ тѣмъ вмѣстѣ было по предложенію Клисеена принято въ число гражданъ много ремесленниковъ и мелкихъ промышленниковъ, давно жившихъ въ Аттікѣ, но бывшихъ не гражданами, а метеками или вольноотпущенными. Они теперь были приняты въ составъ филъ и получили всѣ права гражданъ. Аѣинское государство пріобрѣло чрезъ это значительное увеличеніе своихъ силъ. Новые гражд-

дане чувствовали горячую привязанность къ государству, давшему имъ политическія права и тѣмъ обезпечившему ихъ благосостояніе, призвавшему ихъ къ участію въ почетной обязанности защищать страну оружіемъ, сдѣлавшему ихъ участниками національных праздниковъ. Они примкнули къ демократической партіи и упрочили своими голосами ея преобладаніе въ народномъ собраніи.

Подробности. Клисеенъ раздѣлилъ Аттіку на сто округовъ, за которыми оставилъ старинное имя демовъ (народныхъ общинъ). Свои названія демы получили по названіямъ городовъ, селеній, по фамиліямъ родовъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, по именамъ божествъ или героевъ, бывшихъ покровителями ихъ. Каждый демъ велъ списки принадлежащихъ къ нему гражданъ, внесеніе въ эти списки было документальнымъ доказательствомъ права гражданства. Списки находились подъ наблюденіемъ демарха, какъ назывался первый сановникъ дема, велся очень внимательно и были отъ времени до времени провѣряемы. Каждый демъ имѣлъ общинную кассу, изъ которой покрывались расходы на его богослуженіе и администрацію; доходы получались отъ сдачи общинныхъ земель въ аренду и отъ налога на жителей дема. Каждый демъ имѣлъ своего героя—покровителя, отъ чьего имени чаще всего заимствовалось названіе дема. Въ обрядахъ служенія этому покровителю участвовали всѣ граждане дема. Этимъ не нарушались прежніе религіозные праздники: граждане, совершавшіе ихъ прежде, продолжали совершать и теперь.—Десять демовъ составляли филу. Общимъ центромъ всѣхъ десяти филъ была площадь народныхъ собраній въ Аѣинахъ. Филы названы были по именамъ національных героевъ, покровительству которыхъ были поручены; изображенія этихъ героевъ-эпонимовъ стояли на площади народныхъ собраній. Герои эпонимы были мифическіе цари Аѣины: Кекропсъ, Эрехтей, Пандіонъ: сыновья Пандіона Эгей и Эней (Οἰνεος; его чтили въ знаменитомъ обширными виноградниками селеніи, называвшемся Эны, Οἶνοι); Акамантъ (сынъ Тезея); Гиппооонъ (элевзинскій царь, получившій свой санъ отъ Тезея); Алексъ Саламинскій; Леонтъ (принесшій своихъ дочерей въ жертву для спасенія Аттіки) и Антиохъ (сынъ Геракла). Для всѣхъ филъ и демовъ герои покровители были назначены дельфійскимъ оракуломъ. Каждая фила имѣла свою администрацію, свое казначейство, свои общіе храмы и праздники. Граждане филы собирались для совершенія праздниковъ, для выбора администраціи, для установленія мѣстныхъ налоговъ. Распределеніе по навкраріямъ осталось, только число этихъ округовъ было нѣсколько измѣнено: вмѣсто прежнихъ 48 теперь было сдѣлано 50 навкрарій, по пяти въ каждой филѣ. Каждая навкрарія должна была содержать триэру и присылать въ войско десять всадниковъ.—Выборы въ правительственный совѣтъ производились и теперь, какъ прежде, по филамъ; но число членовъ совѣта было увеличено: прежде ихъ было 400 теперь 500; каждая фила выбирала 50 членовъ. Эти депутаціи филъ исполняли каждая въ свою очередь обязанности пританіи, т. е. комитета, завѣдующаго текущими дѣлами; при каждой смѣнѣ пританіи происходило народное собраніе; пританы, вступающіе въ должность, предсѣдательствовали въ немъ. Такимъ образомъ административный годъ дѣлился на десять періодовъ, имѣвшихъ по 35 или 36 дней. Члены правительственного совѣта сдѣлались теперь представителями всей массы гражданъ и благодаря тому общественная жизнь получила широту и энергію, какой не имѣла прежде.—Было постановлено, что каждый годъ, подъ наблюденіемъ архонтовъ, назначаются по жребію 6000 гражданъ для отправленія обязанности судей. Отъ каждой филы назначалось 500 судей (геліастовъ); остальные 1000 чело-

Демы.

Филы.

Навкрарія.

Составъ правительственного совѣта.

Гелиа.

вѣкъ назначались для замѣщенія тѣхъ гелиастовъ, которые почему нибудь выбываютъ изъ состава суда. Весь составъ народнаго суда назывался гелиаею. Гелиасты дѣлились на десять группъ, называвшихся дикастеріями. „Каждый гелиастъ получалъ, какъ знакъ своей должности, бронзовую дощечку, на которой были вырѣзаны его имя, номеръ, т. е. по греческой нумераціи буква его дикастеріи (отъ А до К), и государственный гербъ, Эгида. Въ дни судебныхъ засѣданій гелиасты приходили на площадь народныхъ собраний и подъ наблюдениемъ есмоеетовъ бросали жребій, въ какомъ трибуналѣ какая дикастерія будетъ засѣдать. Каждый гелиастъ получалъ жезлъ, отмѣченный буквою того трибунала, въ которомъ онъ будетъ засѣдать; при входѣ въ свой трибуналъ онъ получалъ марку, которую по окончаніи засѣданія предъявлялъ въ кассъ колагретовъ; по этой маркѣ ему выдавалось вознагражденіе, назначенное за отправление должности судьи“. (Пѣманнъ). При важныхъ процессахъ трибуналъ составлялся изъ двухъ или нѣсколькихъ дикастерій; дѣла особенной важности судила гелиа въ полномъ своемъ составѣ. Подача голосовъ судей была тайная; она производилась посредствомъ камешковъ разнаго цвѣта или посредствомъ шаровъ; шаръ обозначавшій осужденіе обвиняемаго былъ просверленный; шаръ оправдывающій его былъ цѣльный. Гелиасты давали присягу, которою обѣщались „не помогать введенію тиранніи или олигархіи и не дѣлать ничего во вредъ верховной власти народа“.

Остракизмъ.

Такимъ образомъ Клисѣенъ устранилъ изъ государственныхъ учреждений тѣ аристократическіе элементы, какіе оставались въ нихъ по законамъ Солона, уменьшилъ власть архонтовъ и распространилъ на всѣхъ гражданъ право быть избираемыми въ совѣтъ Пяти Сотъ; этими преобразованіями онъ проложилъ народу путь къ полному самоуправленію. Судьи уже по его законамъ назначались посредствомъ жребія; принятый въ послѣдующее время законъ, что архонты назначаются тоже по жребію, имѣлъ скорѣе полезное, чѣмъ вредное вліяніе, устраняя интриги и споры. Чтобы предотвратить востановленіе тиранніи, Клисѣенъ установилъ законъ, дававшій возможность удалить на нѣкоторое время изъ государства тѣхъ людей, которые могли казаться опасными для демократическихъ учреждений. Это былъ законъ объ остракизмѣ; правила его были слѣдующія: пританы предлагали народному собранію вопросъ, не находятъ-ли оно надобнымъ произвести остракизмъ; если народное собраніе отвѣчало утвердительно, то предѣлатель пританіи назначалъ день для остракизма. Въ этотъ день на площади народныхъ собраний были ставимы десять урнъ по числу десяти филъ. Въ присутствіи правительственнаго совѣта и архонтовъ совершалось вотированіе остракизма: граждане каждой филы подходили къ своей урнѣ и каждый желающій гражданинъ опускалъ въ урну дощечку съ написаннымъ на ней именемъ того, кто по его мнѣнію долженъ подвергнуться изгнанію. Такая дощечка называлась ostrakon (черепокъ устрицы или просто черепокъ), потому называлось остракизмомъ изгнаніе, рѣшаемое этимъ вотированіемъ. Дощечки, опущенныя въ урны, сосчитывались, и если имя какого-нибудь гражданина было написано не менѣе чѣмъ на 6000 дощечкахъ, этотъ гражданинъ долженъ былъ въ теченіе десяти дней удалиться изъ государства; онъ долженъ былъ оставаться въ изгнаніи десять лѣтъ, если народное собраніе не возвратитъ его раньше. Это удаленіе изъ государства оставляло неприкосновенными имущественныя права гражданина и не считалось обидою для него. Итакъ остракизмъ былъ приговоръ общественнаго мнѣнія, что гражданинъ по своему сильному вліянію на государственныя дѣла кажется опасенъ для общественнаго спокойствія и политической равноправности; если

третья доля гражданъ высказывала это мнѣніе, оно получало силу рѣшенія верховной власти народа (6000 гражданъ составляли приблизительно третью долю общаго числа гражданъ). Остракизмъ былъ суровой мѣрой, это правда; но суровость его смягчалась тѣмъ, что подвергавшійся ему пріобрѣталъ очень большую важность во мнѣніи народа, „такъ что изгнаніе посредствомъ остракизма считалось обыкновенно очень высокой почестью“. Вводя остракизмъ, Клисѣенъ давалъ гражданамъ доказательство чистоты своихъ намѣреній. Сильнѣйшимъ челоѣкомъ въ государствѣ былъ безспорно онъ, и этимъ узаконеніемъ онъ предоставлялъ народу легкую возможность изгнать его въ случаѣ подозрѣнія, что онъ хочетъ пойти путемъ своего дѣда. Устанавливая остракизмъ, Клисѣенъ выказалъ себя достойнымъ преемникомъ Солона, безкорыстнымъ завершителемъ дѣла, начатаго Солономъ.

Первымъ гражданиномъ, подвергнувшимся остракизму, былъ по нѣкоторымъ извѣстіямъ самъ Клисѣенъ (смотри на этой стран. ниже и на 307), по другимъ родственникъ Гиппія Гиппархъ, бывшій около 496 года архонтомъ. Аѣнинамъ угрожало тогда нападеніе персовъ, хотѣвшихъ возстановить владычество Гиппія; потому могло показаться надобнымъ изгнать его родственниковъ. Во время персидскихъ войнъ подверглись остракизму нѣкоторые изъ вліятельнѣйшихъ государственныхъ людей: Аристидъ,Themistocles и Кимонъ. Во время Пелопоннесской войны, когда надобно было полагать, что подвергнется остракизму или Алкивиадъ или Никій, эти два соперника дали по тайному соглашенію между собою такой оборотъ дѣлу, что вмѣсто того или другаго изъ нихъ былъ изгнанъ остракизмомъ пошлый демагогъ Гиперболъ. Остракизмъ былъ такъ униженъ этимъ, что подвергнуть ему кого-нибудь другаго послѣ Гипербола значило-бы нанести безчестье изгнанному; потому аѣнины отказались отъ употребленія остракизма.

3). повѣда демократіи.

Реформа Клисѣена отнимала преобладаніе въ государствѣ у аристократовъ и, на мѣсто низвергнутой тиранніи, ставила владычество простолудиновъ; не нравясь аѣнскимъ аристократамъ, это не могло нравиться и спартанцамъ. Не за тѣмъ спартанцы низвергли Гиппія, чтобы въ Аѣинахъ была введена демократія, еще болѣе ненавистная имъ, нежели тираннія. Исагоръ, вождь аѣнскихъ аристократовъ, вошелъ въ соглашеніе съ царемъ спартанскимъ Клеоменомъ, съ которымъ былъ у него союзъ гостепріимства. Они условились изгнать Клисѣена и возстановить тѣ Солоновы учрежденія, которыя давали преобладаніе аристократамъ. Предлогомъ для изгнанія Клисѣена было выставлено проклятіе, лежавшее на его родѣ. Спартанцы послали въ Аѣины герольда требовать, чтобы Клисѣенъ былъ удаленъ изъ Аттики. Возбновляемое этимъ воспоминаніе о проклятій Алкмеонидовъ служило упрекомъ дельфійской жреческой корпораціи за то, что она помогала Клисѣену, потомуку рода, виновнаго въ оскверненіи храмовъ убійствомъ сообщниковъ Килона. Клисѣенъ нашелъ невозможнымъ сопротивляться требованію спартанцевъ. Онъ покинулъ родину; но своимъ добровольнымъ изгнаніемъ не спасъ ее отъ нашествія враговъ. Клеоменъ съ отрядомъ войска вступилъ въ Аѣины и вмѣстѣ

Нападеніе спартанцевъ.

508. съ Исагоромъ, который подъ вліяніемъ страха передъ спартанцами былъ избранъ архонтомъ, началъ дѣло реакціи. Исагоръ указывалъ Клеомену тѣхъ гражданъ, которыхъ надобно изгнать за ихъ демократизмъ; и были изгнаны 700 гражданъ, большею частию пожилые семейные люди, съ которыми были изгоняемы и ихъ семейства. Было объявлено, что Совѣтъ Пяти Сотъ респускается, что власть передается составленному изъ аристократовъ Совѣту Трехъ Сотъ. Но аѣинскій народъ уже такъ привыкъ къ политической свободѣ, что нельзя было отнять ее у него безъ борьбы. Совѣтъ Пяти Сотъ отказался передать власть Исагору и его тремъ стамъ сообщникамъ. Народъ сталъ на сторону Совѣта Пяти Сотъ; горожане и поселяне взяли за оружіе. Отрядъ, приведенный Клеоменомъ, былъ немногочисленъ; спартанцы и партія Исагора не рѣшались дать битву и бѣжали въ Акрополь. Когда Клеоменъ хотѣлъ войти въ храмъ Паллады, жрица богини сказала ему, что онъ не можетъ войти въ святилище, потому что онъ доріецъ; онъ отвѣчалъ, что онъ не доріецъ, онъ ахеецъ; но она не впустила его. Два дня спартанцы и ихъ приверженцы отражали нападенія аѣинскихъ горожанъ и поселянъ Аттики; на третій день Клеоменъ заключилъ договоръ, по которому лакедемонское войско получило свободный пропускъ. Исагоръ удалился подъ охраною Клеомена, опозоривъ себя тѣмъ, что отдалъ Акрополь врагу. Спартанцы унесли съ собою хранившуюся въ Акрополѣ книгу пророчествъ Музея (стр. 294). Сообщники Исагора были осуждены на смерть, какъ измѣнники, Клисѣенъ и другіе изгнанники возвратились, и задуманныя Клисѣеномъ реформы, еще не вполнѣ введенныя, были теперь быстро и рѣшительно довершены.

Союзъ Спарты и Ѳивъ противъ Аѣинъ.

Союзъ аѣинянъ съ платейцами. 509.

Отважная твердость аѣинскихъ гражданъ освободила государство отъ второй тиранніи, которая, если бъ имѣла время упрочиться, отмѣнила бы даже и законы Солона. Надобно было ожидать, что спартанцы не пощадятъ усилій для того, чтобы загладить стыдъ капитуляціи. Скоро аѣиняне услышали, что Клеоменъ собираетъ войска всѣхъ государствъ пелопоннесскаго союза, не объявляя союзникамъ, на кого будетъ направленъ походъ; узнали, что спартанцы, для большей вѣрности успѣха, заключили союзы съ халкидянами и беотійцами, сосѣдами Аттики, желавшими вредить ей по зависти къ возростанію могущества ея. Въ особенности Ѳивы, гдѣ владычествовала аристократія, были очень раздражены противъ отважнаго демократическаго государства за то, что оно заключило союзъ съ Платеею, беотійскимъ городомъ, стоявшимъ у подошвы Кіеерона. Незадолго передъ тѣмъ платейцы, тяготясь обременительной гегемоніей ѳиванскихъ аристократовъ, просили помощи у Спарты; получивъ отказъ, они отправили посольство въ Аѣины. Платейскіе послы пришли съ оливковыми вѣтвями на площадь народныхъ собраній и сѣли на ступени жертвенника двѣнадцати боговъ, какъ дѣлали люди, умоляющіе о защитѣ. Аѣиняне обѣщали имъ свое покровительство. Ѳиванское войско двинулось на Платею, но было разбито аѣинянами. Послѣ того аѣиняне отняли у ѳиванцевъ городъ Гизинъ, такъ что границею аѣинскихъ владѣній стала

долина Асопа. Ѳиванскіе аристократы, сильно негодуя на аѣинянъ, съ радостью приняли союзъ, предложенный имъ спартанцами.

Лакедемонскіе цари Клеоменъ и Демаратъ вторглись съ пелопоннесскимъ войскомъ въ элевзинскую равнину; при нихъ былъ Исагоръ; они шли возстановить въ Атикѣ аристократическое правленіе. Беотійцы заняли Гизинъ и Эны, халкидяне опустошали восточный берегъ Аттики по Эвбейскому проливу. Пизистратиды возбуждали персовъ къ войнѣ за нихъ съ аѣинянами; положеніе аѣинянъ было очень опасно. Они отправили въ Сарды посольство просить помощи у персидскаго правителя Лидія, Артаферна; главою посольства былъ Клисѣенъ. Артафернъ обѣщалъ помощь подъ условіемъ, что аѣиняне дадутъ персидскому царю воду и землю: это означало по персидскимъ обычаямъ подданство персидскому царю. Послы обѣщали исполнить требованіе Артаферна. Ихъ самовластное рѣшеніе возбудило негодованіе въ аѣинянахъ. Договоръ былъ отвергнутъ, а Клисѣенъ изгнанъ изъ Аттики; говорятъ, что это и былъ первый случай примѣненія того закона объ остракизмѣ, который ввелъ самъ онъ. Оружіе, которое основатель свободы аѣинскаго народа далъ своимъ согражданамъ противъ приверженцевъ изгнаннаго тиранна, было обращено противъ него самого, имѣвшаго склонность дѣйствовать самовластно. — Аѣиняне были спасены своею храбростію, и несогласіемъ, возникшимъ между ихъ врагами. Клеоменъ не уважилъ святости элевзинской земли, и когда тяжело вооруженная аѣинская пѣхота выступила противъ пелопоннесскаго войска, коринѣяне ушли изъ него, объявивъ спартанцамъ, что не хотятъ помогать порабоженію своихъ сосѣдовъ и друзей. При выступленіи въ походъ они не знали его цѣли; теперь видѣли, въ чемъ состоитъ замыселъ спартанцевъ и не захотѣли помогать увеличенію могущества Спарты подчиненіемъ Аѣинъ ея господству, не желали быть орудіемъ мщенія, задуманнаго тираннами и аристократами. Отказъ коринѣянъ продолжать войну имѣлъ своимъ результатомъ то, что все пелопоннесское войско разошлось. Въ слѣдъ за коринѣянами покинулъ станъ Демаратъ, обвиняя Клеомена въ томъ, что онъ, вырубивъ священную рощу Деметры, повредилъ успѣху похода; войска другихъ союзниковъ послѣдовали примѣру Демарата. (Съ той поры спартанцы никогда не посылали обоихъ своихъ царей командовать однимъ войскомъ). Такимъ образомъ непріятельское войско, противъ котораго пошли аѣиняне, разсѣялось безъ борьбы съ ними. Ободренные этимъ счастьемъ, они быстро пошли на другихъ своихъ враговъ и настигли беотійцевъ, шедшихъ къ Эврипу на соединеніе съ халкидянами. Нападеніе было неожиданно для беотійцевъ, и они были разбиты съ большимъ урономъ: много ихъ легло на полѣ битвы; 700 было взято въ плѣнъ. Побѣдители въ тотъ же день переправились черезъ проливъ, напали на халкидянъ въ ихъ собственныхъ предѣлахъ.

Второй походъ спартанцевъ на Аѣины. 506.

Побѣды аѣинянъ.

Халкидскіе благородные конники (по гречески — гиппоботы) были разбиты тяжело вооруженной афинскою пѣхотой. Халкида была взята; афиняне ввели въ ней демократическое правленіе. Лелантское поле, изъ котораго такъ много воевали между собою Халкида и Эретрія, было взято афинянами. Они раздѣлили эту плодородную равнину на 4000 участковъ (клеровъ) и роздали ихъ по жребію своимъ гражданамъ низшаго имущественнаго класса. Съ торжествомъ побѣды и съ богатой добычей, ведя съ собою плѣнниковъ въ цѣпяхъ, возвратилось войско въ Афины.

Афинскіе граждане, поселившіеся на полученныхъ въ Эвбей участкахъ (клерухи), сохранили свои политическія права въ афинскомъ государствѣ и подавали голоса на выборахъ въ прежнихъ своихъ филахъ и демахъ. Раздачею участковъ на Лелантскомъ полѣ было въ значительномъ размѣрѣ увеличено число зажиточныхъ поселенъ афинскаго государства. Люди, не имѣвшіе ничего, сдѣлались теперь землевладѣльцами и стали ходить на войну тяжело вооруженными воинами. — Плѣнникамъ было позволено откупаться на свободу; величина выкупа была назначена въ двѣ мины (около 45 руб.). Цѣпи плѣнниковъ было повѣшены на стѣнахъ Акрополя. Десятую долю суммы, полученной отъ выкупа плѣнниковъ, афиняне употребили на то, чтобы сдѣлать въ даръ Палладѣ Афинѣ бронзовую колесницу, запряженную четырьмя конями. Эта бронзовая группа была поставлена у входа въ Акрополь; на ней сдѣлана надпись, говорившая, что афиняне смирили высокомеріе враговъ, заковавъ ихъ въ цѣпи.

«Такъ возростало могущество афинянъ», говоритъ Геродотъ, «и видно было по этому, какое великое дѣло свобода: пока афиняне находились подъ властью тиранна, не были они на войнѣ сильнѣе своихъ сосѣдовъ; но когда сдѣлались свободными и стали сражаться за свои собственные интересы, то оказались мужественными и сильными воинами».

Вражда Спарты къ афинянамъ.

Эту перемѣну замѣтили и спартанцы. Они видѣли, говоритъ Геродотъ, что афиняне, оставаясь свободными, будутъ имѣть силу сопротивляться имъ, но если будутъ отданы подъ владычество тиранна, то ослабѣютъ и будутъ имъ повиноваться; потому рѣшились возстановить власть Гиппія; раскаялись въ томъ, что послушались Дельфійскаго оракула и вызвали Гиппія изъ Сигея въ Пелопоннесъ.

Геродотъ объясняетъ эту перемѣну политики спартанцевъ тѣмъ, что они узнали, какими средствами Алкмеониды склонили Дельфійскихъ жрецовъ возбуждать ихъ противъ Гиппія, и тѣмъ, что въ книгѣ пророчествъ Музел, увезенной Клеоменомъ изъ храма Эрехтея въ Спарту, они нашли, что афиняне будутъ въ послѣдствіи очень много вредить имъ; но Геродотъ понимаетъ, что истинныя причины ненависти спартанцевъ къ афинянамъ были другія: зависть къ возростающему могуществу афинянъ, враждебность къ демократическому образу правленія ихъ и досада на постыдную неудачу похода. Спарта не могла спокойно перенести того, что ея войско безъ битвы ушло отъ врага, что афиняне разбили ея союзниковъ, беотійцевъ, и отняли богатую область у другихъ союзниковъ, халкидянъ; если бы Спарта оставила афинянъ торжествующими, ея преобладаніе въ

Греціи поколебалось бы. Лакедемонянамъ было досадно припоминать, что они сами дали афинянамъ случай расширить свое вліяніе на Грецію: когда платейне, желая выйти изъ подъ зависимости отъ Фивъ, просили помощи у Спарты, то получили совѣтъ обратиться съ этою просьбою къ афинянамъ; спартанцы рассчитывали ослабить афинское государство, возбуждая непримиримую вражду между нимъ и фиванцами; но оказалось, они доставили афинянамъ случай положить первое основаніе гегемоніи Афинъ и расширить границы Аттики до долины Асопа.

Когда Гиппій пріѣхалъ въ Спарту, спартанское правительство пригласило всѣ государства пелопоннесскаго союза прислать уполномоченныхъ для совѣщанія о дѣлахъ. Неудачный оборотъ похода на Афины заставилъ спартанцевъ дѣйствовать осторожнѣе; они не хотѣли начинать новую войну безъ совѣта съ союзниками, хотѣли получить согласіе отъ нихъ. Когда собрались въ Спартѣ уполномоченные союзниковъ, спартанскіе цари и эфоры ввели въ ихъ собраніе Гиппія и просили ихъ содѣйствію плану возстановить его власть.

Гиппій въ Спартѣ. 505.

Совѣщаніе пелопоннесскаго союза.

Спартанцы говорили въ этомъ собраніи, что обманутые совѣтами, которые были ложно выданы имъ за слова оракула, поступили несправедливо, изгнавъ изъ Афинъ Гиппія, съ которымъ были соединены союзомъ гостепріимства; что постыдная неудача ихъ похода — заслуженное ими наказаніе за это нарушеніе священныхъ обязанностей союза гостепріимства; что ходъ войны служить доказательствомъ неблагодарности и надменности афинянъ, отъ которыхъ и другія государства скоро подвергнутся той-же участи, какъ фиванцы и халкидяне, если не принять заблаговременно мѣръ противъ этого; что потому Спарта предлагаетъ своимъ союзникамъ послать союзное войско для возстановленія власти Гиппія. Послы союзниковъ молчали. Наконецъ заговорилъ коринѣскій посолъ Сосиклъ. Онъ сказалъ: Вѣроятно законы природы измѣнились, потому что лакедемоняне хотѣтъ подавлять свободу грековъ и возстановлять тиранновъ; пусть они сначала попробуютъ сами испытать, каково жить подъ владычествомъ тиранна и тогда пусть вводятъ тираннію у другихъ, а коринѣяне уже знаютъ по опыту, что такое тираннія. Сосиклъ перечислилъ злодѣянія Кипсела и Періандра и заключилъ свою рѣчь словами: «Таковы дѣла тиранновъ. И если вы хотите, нарушая всякую справедливость, возстановить Гиппія, то знайте, что мы, коринѣяне, не будемъ помогать вамъ». Рѣчь Сосикла произвела такое сильное впечатлѣніе, что собраніе пословъ отказалось содѣйствовать возстановленію тиранніи въ Афинахъ. Гиппій сказалъ, что скоро коринѣяне пожалѣютъ о томъ, что Афинами не правятъ Пизистратиды, потому что афиняне сдѣлають много вреда имъ; но его слова не поколебали пословъ.

Въ государствахъ пелопоннесскаго союза власть по низверженіи тиранновъ снова принадлежала аристократіи; наученные опытомъ аристократы держали себя умѣренно и соблюдали законы; они не хотѣли быть орудіями спартанскаго властолюбія, помогать дѣлу, вредному для нихъ самихъ и несправедливому. Послы разѣхались и при всей своей досадѣ на нихъ спартанцы были принуждены отказаться отъ своего намѣренія. Гиппій, обманувшись въ надеждахъ, возвратился въ Сигей просить помощи у персовъ. Артафернъ, персидскій правитель Малой Азіи, послалъ афинянамъ требованіе, чтобы они позволили Пизистратидамъ возвратиться въ Афины; требованіе было отвергнуто.

Война Афинъ съ Эгиною. Отказываясь отъ войны съ афинянами, коринѣяне хотѣли помѣшать увеличенію могущества Спарты, охранить независимость вѣростепенныхъ государствъ; но былъ у нихъ и другой мотивъ принять сторону Афинъ,—зависть къ торговой соперницѣ Эгинѣ, которая вступила въ союзъ съ Фивами и Спартою противъ Афинъ. Если бы спартамъ удалось возобновить войну, положеніе Афинъ было бы очень трудно. Фиванцы дѣлали величайшія усилія загладить стыдъ своего пораженія и покорить Платею, а ихъ союзники эгинцы, флотъ которыхъ былъ сильнѣе афинскаго, взяли фалерскую гавань, разрушили ея сооруженія, дѣлали высадки на западный берегъ Аттики и опустошали его. Афинское войско отбило нападеніе фиванцевъ; долина Асопа осталась границею Аттики; Платея пребыла вѣрна союзу съ Афинами. Но афинскій флотъ, состоявшій только изъ 50 тріеръ, былъ слишкомъ слабъ: Эгина послала въ саронскій заливъ восемьдесятъ тріеръ. Афиняне просили коринѣянъ продать имъ 20 тріеръ. Коринѣяне не отважились согласиться на дѣло, которое было бы поступкомъ явно враждебнымъ государству, принадлежащему къ пелопоннесскому союзу; они боялись раздражить спартанцевъ; но ненавидя Эгину, торговля которой много вредила ихъ торговымъ оборотамъ, они нашли другой способъ исполнить просьбу афинянъ; они дали имъ 20 тріеръ въ заемъ, предоставивъ себѣ право потребовать эти корабли обратно, когда захотятъ. Содѣйствіе, оказанное коринѣянами, дало, по словамъ Фукидида, афинянамъ достаточно силы, чтобы побѣдить эгинцевъ.

Эгинскій флотъ господствовалъ на Эгейскомъ морѣ; Эгина была сильна высокимъ развитіемъ своей торговли и промышленности. Столица острова, называвшаяся тѣмъ же именемъ, какъ онъ, была многолюднымъ городомъ, въ которомъ жило очень много иностранцевъ и граждане котораго имѣли огромное число рабовъ. Изящныя искусства также получили на Эгинѣ высокое развитіе. Храмъ Афины, стоявшій на холмѣ въ сосновой рощѣ и построенный въ дорійскомъ стилѣ, свидѣтельствовалъ о богатствѣ эгинцевъ и о ихъ любви къ изящнымъ искусствамъ; онъ былъ украшенъ множествомъ статуй. Афинянамъ еще не возможно было думать о томъ, чтобы покорить этотъ могущественный островъ, какъ покорили они Саламинъ. Однако въ этой войнѣ они подготовили будущее завоеваніе Эгины. Имъ недоставало опытности въ морскомъ дѣлѣ; но эта невыгода вознаграждалась энергіею, твердостью, отвагою, одушевлявшими афинскихъ гражданъ. Они горячо любили свои новыя учрежденія; каждый афинянинъ зналъ, что его личная безопасность, свобода, благосостояніе неразрывно связаны съ независимостью и могуществомъ его отечества; это убѣжденіе порождало тотъ благородный патріотизмъ, ту преданность общему благу, ту готовность жертвовать для него жизнью, какія проявлялъ тогда афинскій народъ.

Умѣренность афинскаго народа. Народъ, въ руки котораго была передана верховная власть реформою Клисѣена, пользовался тогда своими новыми правами не въ духѣ эгоизма. Онъ твердо держался принципа равноправности граж-

данъ и равной подчиненности всѣхъ закону, ревниво наблюдалъ за неприкосновенностью демократическихъ учреждений, смиралъ непокорныхъ закону, подавлялъ всякое стремленіе къ тиранніи, пользовался своею властью умѣренно и скромно.

Управленіе государствомъ было предоставляемо людямъ, которые, владѣя большими землями, имѣли средства пріобрѣтать высшее образованіе и посвящать свое время занятію общественными дѣлами; въ правительственныхъ должностяхъ были избираемы почти исключительно они. Афиняне уважали старинныя знатныя фамиліи, знаменитыя своими заслугами, не завидовали тому, что за ихъ членами и по реформѣ Клисѣена осталось исключительное право быть избираемыми въ архонты, въ члены ареопага, въ стратеги и казначеи; но это было добровольнымъ выраженіемъ почтенія народа къ ихъ знаніямъ, къ ихъ общественному положенію, дѣломъ скромности народа, и соединено было съ требованіемъ, чтобы они добросовѣстно исполняли законъ. Эвпатриды становились сановниками только по выбору народа, и отвѣтственность ихъ передъ геліею служила гарантіею противъ нарушенія ими законовъ, охраняла неприкосновенность верховной власти народа. Вліяніе и почести пріобрѣтались только точнымъ соблюденіемъ законовъ, заботою о благѣ государства, благороднымъ соревнованіемъ на пользу отечества. Личные и сословные интересы совпадали съ обязанностями гражданина, съ интересами государства; человекъ имѣлъ значеніе въ обществѣ лишь какъ гражданинъ; вредъ и польза, бѣдствія и счастье государства одинаково отражались на всѣхъ сословіяхъ, на каждомъ гражданинѣ. Личная жизнь каждаго сливалась съ государственною жизнью, съ преданностью законамъ, а государственное устройство было таково, что требовало всего человека на службу себѣ, развивало справедливость, прямоту, патріотизмъ; потому въ характерѣ народа возбуждалась благородная преданность государственному благу. Эти гражданскія доблести въ Афинахъ были не результатомъ дисциплины, съ неумолимой строгостью тяготеющей надъ человекомъ, какъ въ Спартѣ; онѣ вырабатывались свободной дѣятельностью воли самого человека, были дѣломъ его разумнаго убѣжденія. Верховнымъ закономъ для афинскаго народа была его собственная воля, онъ разрѣшилъ высокую задачу обезпечить права личности и права общества гарантіями формъ, созданныхъ и поддерживаемыхъ собственною волею гражданъ, сочетать личную свободу съ общественнымъ порядкомъ и общимъ благомъ.

То были прекрасные дни молодой демократіи, о которыхъ съ гордостью и удивленіемъ вспоминали афиняне позднѣйшихъ временъ: военное мужество, смѣлая энергія соединялись тогда съ гражданскими добродѣтелями, съ покорностью законамъ, съ благороднымъ образомъ мыслей, съ простотою и бережливостью въ домашнемъ быту. Повсюду была живая трудовая дѣятельность; поселяне, свободные собственники своихъ земель, усердно воздѣлывали нивы, огороды, сады, виноградники, оливковыя плантаціи, стерегли стада овецъ и козъ, получали обильные сборы меда отъ многочисленныхъ роевъ пчелъ, питавшихся ароматическимъ сокомъ травъ Гиметта; горожане занимались промышленностью, изящными искусствами; а жители прибрежья—мореходствомъ, рыбной ловлею и мелкою торговлей. Почва

Афинская демократія.

была не очень плодородна, торговля и промышленность только начинали развиваться; потому ни сельское хозяйство, ни городская и морская деятельность не давали быстрого обогащения; они только доставляли средства для скромной бережливой жизни; трудолюбие и умеренность были необходимыми условиями благосостояния. Это охраняло афинян от роскоши их соплеменников, малоазийских ионийцев. Прежде знатные афиняне носили по примету ионийцев длинную широкую одежду, заплетали длинные волосы, скрепляли искусную прическу их золотыми иглами; теперь они возвращались к легким хитонам и шерстяным мантиям простолудинов. Республиканская простота проникала в нравы. Ознакомясь с высшими благами, афиняне стремились теперь к ним. Участие в политической и военной жизни и религиозные праздники, пробуждавшие эстетическое чувство, отнимали много времени у работы, имевшей целью выгоду; чтобы иметь досуг для этих дел, не дававших прибыли, афинский гражданин должен был жить умеренно, отказывать себе в материальных наслаждениях.

Глубокое почтение к памяти Гармодия и Аристокитона. Это преобразование учреждений и нравов было, по мнению афинян, последствием низвержения тираннии. Убийство Гиппарха, изгнание Гиппия афиняне считали первыми великими делами демократии. в Гармодий и Аристокитон они видели первых мучеников за республиканскую свободу. Потому они прославляли эти события, имена страдальцев были передаваемы от поколения поколению, как имена величайших героев. То место в дальнем Керамике, где были погребены они, стало местом погребения воинов, павших на войне. Там, где стоял дворец Пизистратидов, разрушенный теперь, была поставлена колонна с надписью, перечислявшей злодеяния тираннов, провозглашавшей проклятие и изгнание им и их родным; а на пути от Ареопага к Акрополю были поставлены бронзовые статуи Гармодия и Аристокитона. Потомкам их были даны почетные права, предкам их были воздаваемы почести, как героям покровителям страны, и на пирах афиняне пели застольную песню Каллистрата: «Под ветвями миртов будет скрыта у меня меч, как у Гармодия и Аристокитона, когда они убили тирана и восстановили свободу Афин». Низвержение тираннии являлось в преданиях афинян непосредственным результатом смерти Гиппарха, как будто бы власть принадлежала ему, а не Гиппию. Эта ошибка так вкоренилась в мыслях афинян, что Фукидид считает нужным опровергать ее.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ КАЛЛИСТРАТА.

«Под ветвями миртов будет скрыта у меня меч, как у Гармодия и Аристокитона, когда они убили тирана и восстановили свободу Афин. Ты не умерь, Гармодий,

о возлюбленный наш, ты живешь на островах Блаженных, где живут Ахиллес, быстроногий и сын Тидея Диомед. Под ветвями миртов будет скрыта у меня меч, как у Гармодия и Аристокитона, когда они на священном празднике Паллады низвергли владычество тирана Гиппарха. Вечно будет ваша слава на земле, о возлюбленные наши, Гармодий и Аристокитон, убившие тирана и восстановившие свободу Афин».

7. Умственная жизнь и литература.

1) ХАРАКТЕРЪ ЭЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Таково было состояние Греции, когда началась борьба с могущественным персидским царством. Прежде чем перейдем к рассказу об этой великой войне, мы считаем надобным дать общий очерк эллинской жизни, характеристические черты которой лишь разрозненно проявлялись в нашем прежнем рассказе; мы увидим из этого обзора, как богат был запас культурных элементов, принадлежавших всем племенам греческого народа и составлявших сущность греческой национальности.

Важнейшее из дел умственной жизни человека—выработка религиозных учений и форм богослужения; они—драгоценные сокровища, которыми народ приобретает деятельностью благороднейших сил души, которыми наслаждается он в часы досуга, когда сосредоточивает свои мысли на вопросах душевной жизни, забывая о суете обыденных забот. Потому религия и богослужение—самое верное мерило для оценки умственных и нравственных стремлений нации. Греческий народ всеми силами заботился об улучшении своих религиозных понятий и обрядов. Когда мы говорили о греческом быте в Гомеровский век, мы видели благородные смена, из которых выросла греческая религия; мы ознакомились с миром греческих божеств, который был идеализированным человеческим обществом, вмещавшим совершенства, приближаться к которым стремились греки всеми своими мыслями и делами; был сокровищницей, из которой они почерпали свои идеи о прекрасном, добром и справедливом. Мы видели, что грек, желавший жить сообразно с своими понятиями о воле богов, заботился о развитии сил, лежащих в собственной его природе; его божествам правилось только здоровое, прекрасное и доброе, и самым лучшим служением воле их была забота человека о своем физическом и душевном развитии, о том, чтобы быть здоровым человеком с чистою душой, обуздывать грубые порывы страстей, искупать греховные дела неразумных порывов покаянием, исправ-

Религия и богослужение.

леніемъ, вести свою жизнь сдержанно и разумно. Дать развитіе этимъ сѣменамъ, найти формы для выраженія этихъ понятій, было задачею четырехъ столѣтій, которыя прошли отъ гомеровскихъ временъ до персидскихъ войнъ.

Запущенность Въ началѣ настоящаго тома мы описали личности божествъ и религиозныя понятія, которыя могутъ считаться результатомъ дѣятельности греческаго ума и чувства въ эти столѣтія. Образы греческихъ божествъ были созданы фантазіею народа и его поэтовъ не въ эту эпоху, они существовали гораздо раньше. Но первоначально они были только символическими представленіями, въ которыхъ олицетворялись силы природы. Дѣятельностью греческаго ума, возрастаніемъ и облагороженіемъ душевныхъ силъ греческаго народа, вліяніемъ иноземныхъ вѣрованій и обрядовъ эти божества природы были превращены въ олицетворенія нравственныхъ силъ, въ существа нравственно прекрасныя. Мы не взяли на себя задачу съ точностью прослѣдить ходъ этого преобразования, потому что сокровенная исторія умственной дѣятельности исчезнутаго міра не можетъ быть достоверно разгадана по немногимъ, сохранившимся до насъ, слѣдамъ этого процесса; мы нашли лучшимъ представить общій очеркъ греческаго міра боговъ въ тѣ времена, когда вполнѣ развились міры о нихъ и обряды служенія имъ. При началѣ персидскихъ войнъ всѣ образы эллинскихъ божествъ уже сформировались; религиозная дѣятельность воображенія грековъ слѣдующаго времени состояла не въ созданіи новыхъ божествъ, а въ выработкѣ болѣе благородныхъ и точныхъ представленій о божествахъ, уже существовавшихъ въ народномъ сознаніи; религиозные праздники получали болѣе великолѣпія и красоты; міры были развиваемы въ духѣ новыхъ воззрѣній.

Отношеніе человека къ божествамъ. Какъ въ гомеровскія времена религія была личнымъ дѣломъ совѣсти, такъ осталось это и въ слѣдующія столѣтія; каждый, кто не осквернилъ себя, можетъ самъ совершать религиозныя дѣйствія, вступать въ непосредственныя сношенія съ божествами, молясь и принося жертвы имъ; жертвою человекъ выражаетъ свое желаніе быть въ непосредственной связи съ божествомъ, и только неразрывность этой связи даетъ успѣхъ человѣческому дѣланію. Но божество требуетъ заботливой подготовки къ служенію ему. Если человекъ приноситъ жертву, будучи нечистъ, или совершаетъ возліяніе изъ нечистаго сосуда, онъ навлекаетъ на себя бѣдствія. Такимъ образомъ греческая религія была несвободна отъ заповѣдей объ очищеніи, отъ формалистики. Прикосновеніе къ мертвому тѣлу оскверняло и грека, какъ иранца; онъ долженъ былъ очищаться отъ оскверненія, омываясь водою, окуриваясь строею, совершая разные другіе обряды. Потому въ домѣ, гдѣ лежалъ мертвый и при входахъ въ священныя мѣста греки ставили сосуды съ водою очищенія и съ лавровою или оливковою вѣтвью. Мы видѣли у Гезіода, что въ сельскомъ сословіи выработалась изъ боязни оскверненія, изъ опасенія несчастныхъ дней и встрѣчъ, цѣлая система суевѣрныхъ правилъ. Очищенія отъ тѣлеснаго и душевнаго оскверненія составляли главную часть религиозныхъ обрядовъ, которыми готовились люди въ Дельфахъ къ тому, чтобы спросить оракула. Особенно строго греки наблюдали за тѣмъ, чтобы священныя вещи имѣли только религиозное употребленіе, чтобы напримѣръ жертвенные сосуды не употреблялись ни для какихъ другихъ дѣлъ. Но боязнь оскверненія, хотя и создавала въ низшихъ классахъ множество суевѣрныхъ правилъ, не имѣла надъ здравымъ смысломъ эллинскаго народа такой силы, чтобы дать у него религиозной формалистикѣ и духовенству владычество, какъ на востокѣ. Эническія

поэмы, извѣстныя всему народу, распространяли въ немъ такія понятія о богахъ, которыя были несовмѣстны съ мрачными мыслями, не допускали рабскаго трепета передъ силами зла; потому и не могло возникнуть особое сословіе посредниковъ между богами и людьми: грекамъ не было надобности въ томъ, чтобы жрецы отвращали гнѣвъ боговъ таинственными обрядами, испрашивали ихъ милость жертвоприношеніями и молитвами. Впрочемъ въ Греціи было много жрецовъ, уваженіе къ нимъ велико. Кроме того, что исполняли священные обряды, они обыкновенно были истолкователями предзнаменованій, прорицателями, пѣли священные гимны; эти занятія не были необходимою принадлежностью жреческаго сана, но вообще лежали на жрецахъ; такимъ образомъ у грековъ было много случаевъ надобности въ услугахъ жрецовъ. Уже у Гомера мы читаемъ, что при знаменитыхъ святилищахъ находились жрецы и прорицатели, пользовавшіеся особеннымъ благоволеніемъ божества, которому служили; мы видѣли, какое важное вліяніе на общественную жизнь и на вѣрованія имѣли жрецы знаменитыхъ храмовъ и оракуловъ въ малоазійскихъ колоніяхъ, на островахъ и въ континентальной Греціи; мы видѣли, что въ главнѣйшихъ храмахъ должности жрецовъ были наслѣдственными въ древнихъ родахъ, давали этимъ фамиліямъ большой почетъ, высокое положеніе въ обществѣ. Мы видѣли, что нѣкоторые жертвоприношенія и обряды общественного богослуженія могли быть совершаемы только людьми, имѣвшими особенное право на это; только чрезъ этихъ людей могла быть приобретена милость боговъ. Все это показываетъ, что и въ Греціи были зародыши, изъ которыхъ могло-бы развиться очень большое могущество жреческаго сословія; только благодаря характеру эллинскаго народа, всеобщему знакомству съ эпическими поэмами и особенностямъ греческаго политизма, жрецы у грековъ не сдѣлались, какъ въ Египтѣ и Персіи, отдѣльнымъ отъ народа священнымъ сословіемъ съ тайными вѣроученіями, обрядами и особеннымъ посвященіемъ въ свой санъ. Нѣкоторые религиозныя учрежденія грековъ, какъ напримѣръ Элевзинскія таинства, дельфійскій храмъ, имѣли совершенно восточный характеръ; а набожность греческаго народа была такъ сильна, что храмы приобрѣли большія владѣнія и сокровища. Греческіе жрецы по знатности и богатству принадлежали къ высшему сословію. Важнѣйшіе храмы владѣли пахатными землями, пастбищами, рыбными прудами, лѣсами; жрецы умѣли охранять эти владѣнія отъ всякихъ захватовъ, какъ доказываютъ священныя войны. Кроме того почти всякій храмъ былъ общественнымъ банкомъ, въ которомъ хранились деньги и драгоценныя вещи. При частыхъ войнахъ и набѣгахъ лучшимъ средствомъ сберечь движимое имущество отъ расхищенія было отдать его подъ защиту боговъ: храмы были уважаемы, имѣли крѣпкія кладовыя. Потому въ главномъ храмѣ государства хранилась казна, государственныя драгоценности и важнѣйшіе документы; частные люди обыкновенно отдавали свои драгоценности и деньги на сбереженіе въ храмы. Жрецы брали деньги за храненіе вкладовъ и давали въ проценты ввѣренныя имъ деньги. Прибыль отъ этихъ оборотовъ, доходы отъ владѣній храма, десятинная подать и пожертвованія благочестивыхъ людей составляли у многихъ храмовъ большія суммы, такъ что жрецы ихъ были очень богаты. Припомнимъ также, что амфиктіоніи, посвященія въ таинства, блестящіе религиозные праздники—все это было или подъ вліяніемъ или даже подъ прямымъ завѣдываніемъ жрецовъ. Мы видимъ, что если въ Греціи духовенство не приобрѣло такого могущества, какъ на Востокѣ, то должны были быть особенныя обстоятельства, помѣшавшія этому.

Главной причиной былъ конечно здоровый, живой, дѣятельный характеръ эллиновъ,

Причины, помѣ- не пугавшіяся сверхъестественныхъ злыхъ силъ; второю причиною было то обстоятель- шавшія разви- ство, что религіозные гимны древнихъ посто- жрецовъ были вытѣснены чуждыми тѣю жреческой всякой робости пѣснями эпическихъ пѣвцовъ, и божества, бывшія олицетвореніями силъ природы, замѣнились свѣтлыми образами божества, чувствующихъ и дѣйствующихъ, какъ іерархія.

1) Характеръ греческаго на- греческаго на- рода. 2) Эпическая поэзія.

религіозныхъ дѣлахъ, при всей боязни его измѣнить отношенія между людьми и богами, постепенно преобразовались понятія народа о божествахъ, формы богослуженія, священныя пѣсни; тѣ гимны, какіе въ позднѣйшія времена пѣлись на религіозныхъ праздникахъ, были сложены не пѣвцами жреческаго сословія, а свѣтскими поэтами; эти гимны имѣли не исключительно религіозный характеръ, а болѣе широкое содержаніе; съ религіозными ученіями и мнѣніями въ нихъ сплетались патріотическіе національные интересы, восхвалялись гражданскія добродѣтели. Существеннымъ характеромъ религіозныхъ идей Эпоса было то, что въ нихъ соединялись всѣ хорошіе, здоровые, энергическіе элементы человѣческой природы. При такомъ возвращеніи на религію не было надобности человѣку ни въ какомъ священномъ санѣ, чтобы быть служителемъ божества; кому давали музы нравственную силу, одушевленіе, талантъ пѣнія, тотъ и слагалъ священныя пѣсни. Какъ въ элевзинскія таинства былъ посвящаемъ каждый афинянинъ, исполнившій установленныя для того обряды, такъ служеніе богамъ и прославленіе ихъ было природнымъ правомъ всякаго эллина, который зналъ и соблюдалъ обряды жертвоприношеній и богослужебныя формы. Третьимъ препятствіемъ, помѣшавшимъ у грековъ развитію жреческаго сословія въ восточномъ духѣ, было разнообразіе греческаго политеизма, дробившагося на множество вѣроученій одинаковыхъ между собою въ главныхъ чертахъ, но отличавшихся другъ отъ друга подробностями. Зевсъ, верховный богъ, отецъ боговъ и людей, и сынъ его Аполлонъ были чтимы всеми греками съ одинаковымъ благоговѣніемъ; но каждая область, каждый городъ имѣли свое особое мѣстное божество, которое было въ своей мѣстности самымъ важнымъ. Потому не могло возникнуть у греческихъ жрецовъ общаго интереса; они не могли соединиться въ плотную корпорацію; жреческіе роды Этеобутадовъ, Праксіэргидовъ, Бузиговъ, совершавшіе въ Афинахъ служеніе богинѣ покровительницѣ города Палладѣ, не имѣли ничего общаго съ элевзинскими Эвмолпидами и Кериками, съ олимпійскими Іадами, съ дельфійскими Фракидами (фракійцами), съ милетскими Бранхидами; никакой общій интересъ, ни сословный, ни религіозный, не соединялъ для общихъ цѣлей жреческія фамиліи разныхъ храмовъ; каждая совершала стариннымъ порядкомъ обряды почитанія того божества, которое было ея особеннымъ божествомъ, исполняла свои священныя обязанности, какъ научилась отъ своихъ предковъ. Жрецы старались дать нѣкоторое единство религіознымъ представленіямъ грековъ, ограничивая произволъ фантазіи въ созданіи мифовъ, соединяя божества въ группы, распредѣляя ихъ по степенямъ могущества и по родству; но греческая религія все-таки никогда не получила полнаго объединенія; никогда не было установлено общепризнаннаго вѣроученія; оно не могло возникнуть потому, что не было объединено духовное сословіе. Не составляя одной замкнутой корпораціи, жрецы не имѣли общей цѣли, потому и не могли дѣйствовать всѣ въ одномъ духѣ.

Положеніе жре- Но не составляя замкнутого привилегированнаго сословія, греческое ческаго сос- духовенство все-таки имѣло большое вліяніе на развитіе эллинской народ- лова. ности. Жрецы главнаго храма города или государства заботились о томъ, чтобы божественное право не было нарушаемо насиліями и нововведеніями; перемѣны въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ образѣ правленія, въ гражданскихъ законахъ не касались религіи; отношенія боговъ къ городу оставались неизмѣнными; каковы бы ни были перемѣны, производимыя въ государственномъ устройствѣ страстями людей, то божество, подѣ чьимъ покровительствомъ находилось государство, продолжало царствовать въ своемъ храмѣ, находившемся въ акрополѣ; этотъ храмъ оставался го-

сударственнымъ святилищемъ; его имущество, права и почетъ его жрецовъ оставались неприкосновенными, его жертвоприношенія и праздники продолжали совершаться по прежнему; и какова бы ни была форма правленія, смѣнившаяся прелестною, духовенство продолжало охранять права религіи, давало въ храмахъ безопасное убѣжище искавшимъ въ нихъ спасенія отъ преслѣдованій, называло беззаконіями клятвoprеступленіе и убійство, давало религіозное освященіе обязанности гостепріимства. Партія, овладѣвшая правленіемъ, необходимо нуждалась въ содѣйствіи жрецовъ, наследственно занимавшихъ свой санъ: только они могли должнымъ образомъ совершать государственныя жертвоприношенія; только при ихъ участіи религіозные праздники получали должныя формы; только ихъ торжественное благословеніе дѣлало пріятными богамъ тѣ посольства, какія государство отправляло на делосскій, олимпійскій праздники; ихъ проклятія врагамъ, благословеніе своему войску имѣли надѣ мыслями силу, оказывавшую вліяніе на ходъ войны. Тиранны, видоизмѣняя богослуженіе, обыкновенно имѣли при этомъ свою цѣль: устранить отъ религіозной дѣятельности знатныя жреческія фамиліи, которыя были опасны для нихъ своимъ высокимъ положеніемъ и сильнымъ вліяніемъ на народъ; чтобы отнять у этихъ жрецовъ ихъ богослужебную дѣятельность, необходимо было отмѣнить культъ того божества, которому служили они. Эти нарушенія религіозныхъ преданій были одною изъ главныхъ причинъ всеобщей ненависти, которую навлекли на себя тиранны.

Такимъ образомъ каждое государство, каждая область, каждый го- Вѣра въ про- родъ имѣли свое общее божество, подѣ покровительствомъ котораго рицанія. находились, свой особый храмъ, свои жреческія фамиліи, свои праздники и обряды; но были и общія всей націи религіозныя учрежденія, пользовавшіяся равнымъ уваженіемъ у всѣхъ греческихъ племенъ. Таковы были въ особенности тѣ святилища, въ которыхъ съ богослуженіемъ соединялось прорицаніе, жрецы которыхъ были пророками. Представляя себѣ боговъ подобными людямъ, греки должны были думать, что божества находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ людьми, проявляютъ свою волю дѣйствіемъ на душу человѣка или матеріальными знаменіями. Въ дѣтствѣ народовъ всѣ явленія природы кажутся людямъ дѣйствіями боговъ; и легко возникаетъ вѣрованіе, что силы, правящія міромъ, выражаютъ свою волю по поводу частныхъ фактовъ частными проявленіями, по которымъ человѣкъ можетъ разгадывать ее. Но не всѣ люди одинаково способны понимать знаки, подаваемые богами; лишь нѣкоторыя семейства или отдѣльныя лица получили отъ милости боговъ такую прозорливость, что могутъ замѣчать и понимать таинственныя проявленія воли боговъ въ знаменіяхъ природы, сновидѣніяхъ, въ полетѣ и пѣніи птицъ, въ особенностяхъ, представляемыхъ животными, принесенными въ жертву; только немногимъ избраннымъ боги открываютъ свои рѣшенія; эти избранные получаютъ откровенія отъ боговъ въ состояніи благодатнаго вдохновенія. Вѣрованіе въ прорицателей было глубоко вкоренено въ мысляхъ грековъ; прорицанія имѣютъ важное вліяніе на судьбу героевъ троянской войны, и во всѣ послѣдующія времена жизни гре-

ческаго народа сохранили вліяніе и на поступки отдѣльныхъ лицъ и на дѣйствія государствъ. При началѣ каждаго предпріятія греки наблюдали атмосферическія явленія и разсматривали устройство тѣла животнаго, принесеннаго въ жертву; особенности, которыя они видѣли при этомъ, были для нихъ предзнаменованіемъ удачи или неудачи дѣла; въ общественныхъ предпріятіяхъ это было неизмѣнно соблюдаемо, и дурныя предзнаменованія могли разстроивать самыя важныя рѣшенія. Пользуясь вѣрованіемъ въ силу прорицаній, даваемую богами, духовенство уважаемыхъ храмовъ увеличивало свое вліяніе на общественную жизнь тѣмъ, что давало пророчества, присоединяло къ богослужебнымъ обрядамъ дѣятельность оракула. Богъ прорицанія Аполлонъ сообщалъ человѣческой душѣ, и въ особенности душѣ дѣвушки или женщины, способность воспринимать его откровенія и давать предсказанія о будущемъ.

Важнѣйшіе оракулы и знаменитѣйшія сивиллы находились при храмахъ Аполлона; такъ напримѣръ были оракулы Аполлона Бларійскаго близъ Колофона, Аполлона Дидимейскаго близъ Милета, Аполлона Исменскаго въ Фивахъ; былъ оракулъ при храмѣ Аполлона въ фокидскомъ городѣ Абахъ; знаменитѣйшій греческій оракулъ, пивійскій, находился при храмѣ Аполлона въ Дельфахъ. Отвѣты оракула первоначально давались въ стихотворной формѣ; для этого въ число жрецовъ были принимаемы поэты. Пророчица оракула находилась въ ликійскомъ городѣ Патарѣ, когда чувствовала приближеніе вдохновеннаго состоянія души, запиралась въ храмъ и ждала, пока ей дано будетъ откровеніе. Число оракуловъ въ Греціи было очень велико. Изъ тѣхъ, которые принадлежали не Аполлону, самымъ знаменитымъ былъ оракулъ Трофонія близъ Лебадеи въ Беотіи; онъ находился въ подземной пещерѣ; вопрошающіе оракула входили въ нее, лишались чувствъ, и въ этомъ состояніи имъ казалось, что они слышатъ голоса.

Вліяніе дельфійскаго оракула.

Мы уже говорили о томъ, какое значеніе имѣлъ въ историческомъ развитіи эллинскаго народа дельфійскій оракулъ (стр. 121 и слѣдующ.). какое вліяніе мудрые и святыя мужи дельфійскаго храма имѣли на развитіе чувства національнаго единства въ греческихъ племенахъ; мы видѣли, что общій жертвоприношенія при этомъ храмѣ повели къ основанію амфиктіоніи, соединявшей сосѣднія племена; что дельфійскіе жрецы распространили по всему греческому міру сказаніе о томъ, что всѣ греческія племена имѣютъ общее происхожденіе отъ Девкаліона и его сына Геллена, что Эолъ и Доръ были сыновьями, а Іонъ и Ахей внуками Геллена; мы говорили, что для правильного расчета времени своихъ праздниковъ они озаботились опредѣлить продолжительность солнечнаго года и установили періоды, по которымъ лунныя годы были уравниваемы съ солнечными. Мы видѣли, что пивійскій оракулъ сильно содѣйствовалъ расширенію греческаго міра и внутреннему развитію эллинской народности: дельфійскіе жрецы заботились о колонизаціи; подъ искуснымъ руководствомъ ихъ она шла по систематическому плану, такъ что греческими поселеніями опоясались какъ золотой каймою все побережье Средиземнаго и Чернаго морей; эти поселенія вносили образованность въ страны варваровъ и увеличивали благосостояніе греческой націи, стали могущественными опорами торговой и промышленной дѣятельности ея. Своими совѣтами дельфійскіе жрецы давали направленіе законодательству греческихъ государствъ, сообщали ему благоразумный характеръ, придавали своей санкціею общепризнанный

авторитетъ законамъ, удерживали грековъ отъ опрометчивыхъ нововведеній; они установили начала международнаго права въ Греціи, помогали развитію союза гостепріимства между греческими городами, государствами, племенами; они поставили подъ покровительство Аполлона законъ о мщеніи за кровь и обязанность искупать покаяніемъ грѣхъ убійства; охраняли покровительствомъ Аполлона древніе обычаи и старались развивать ихъ соотвѣтственно новымъ отношеніямъ между людьми. Дельфійскіе жрецы дали прочный національный характеръ всѣмъ священнымъ искусствамъ. Подъ ихъ вліяніемъ установились формы архитектуры храмовъ, формы жертвенныхъ и другихъ священныхъ сосудовъ и правила о томъ, изъ какихъ матеріаловъ должны быть дѣлаемы эти сосуды; они ввели форму очереднаго пѣнія хоровъ на праздникахъ своего храма, ввели въ обычай, что священное пѣніе происходитъ подъ звуки китары и флейты, установили правила священной музыки и поэзіи. Такимъ образомъ дельфійскій храмъ сталъ центромъ національнаго единства, и въ его богослуженіи соединялись всѣ элементы, которые могли содѣйствовать укрѣпленію этого единства.

Святыя мужи дельфійской жреческой корпораціи были одушевлены національными стремленіями и очень сильно заботились о развитіи общаго патріотическаго чувства у всѣхъ грековъ. Другія стороны ихъ дѣятельности, не менѣе благотворныя для развитія греческой цивилизаціи, проявлялись и въ дѣятельности другихъ амфіктіоній и жреческихъ корпорацій. Такое вліяніе имѣли въ особенности національные праздники, сопровождавшіеся играми; первое мѣсто между ними и по древности, и по важности своей занимали олимпійскія игры. Мы уже упоминали о заключенномъ между Ликургомъ и царемъ элидскимъ Ифитомъ договорѣ, что спартанцы и элидяне будутъ совершать общій праздникъ въ храмѣ Зевса олимпійскаго у рѣки Алфея (стр. 187). Когда былъ установленъ этотъ общій праздникъ, на время котораго прекращались военныя дѣйствія, мы не знаемъ въ точности. Позднѣйшая легенда дала ему мифическое происхожденіе: она говорила, что олимпійскія игры учредилъ Гераклъ, побѣдивъ элейскаго царя Авгія, и что онъ опредѣлилъ величину стадіи, подставляя ногу къ ногѣ по длинѣ этой линіи. Достоверно извѣстно только то, что съ первой трети VIII вѣка распорядители олимпійскаго праздника стали вести списокъ, въ который записывали имя того, кто одержалъ побѣду въ состязаніи бѣга; этотъ списокъ начинается съ игры 776 г. до нашей эры, и съ этого года начинается счетъ олимпіадъ. Олимпійскій праздникъ Зевса былъ первоначально общимъ торжествомъ только элидянъ и спартанцевъ; но постепенно къ нему присоединились другія государства. Въ концѣ VIII вѣка къ участію въ олимпійскомъ торжествѣ и сопровождавшемъ его перемиріи были приняты уже всѣ пелопоннесскія государства и мелкія общины, а въ VII вѣкѣ уже присылались на олимпійскій праздникъ посольства отъ государствъ средней Греціи, отъ вессалійцевъ, отъ малоазійскихъ и сицилійскихъ грековъ, и граждане всѣхъ этихъ частей греческаго

Игры.

Олимпійскія
игры.

мира были допущены къ участию въ состязаніяхъ. Такимъ образомъ олимпійскій праздникъ, совершавшійся разъ въ четыре года и начинавшійся въ первое полнолуіе послѣ лѣтняго солнцестоянія, былъ въ концѣ VІІ вѣка общимъ національнымъ праздникомъ всѣхъ эллиновъ континентальной Греціи, острововъ и колоній. Онъ былъ первымъ учрежденіемъ, къ участию въ которомъ допускались греки безъ различія племени и странъ. Завѣдываніе этимъ праздникомъ принадлежало эллидамъ. Однажды удалось было гражданамъ Писы и аргосскому царю Фидону отнять у эллидовъ это право, но лишь не на долго (стр. 198). Эллиды посылали по всѣмъ странамъ греческой земли «вѣстниковъ мира», объявлявшихъ о наступленіи священнаго мѣсяца олимпійскаго торжества; на этотъ мѣсяцъ прекращались всѣ военныя дѣйствія во всемъ Пелопоннесѣ; если какое-нибудь государство нарушало эту заповѣдь или другіе уставы праздника, эллиды исключали гражданъ этого государства отъ участія въ торжествѣ до той поры, пока грѣхъ будетъ искупленъ покаяніемъ и будетъ уплаченъ штрафъ, постунавшій въ казну олимпійскаго храма. Если нарушителемъ уставовъ праздника былъ частный человѣкъ, онъ платилъ штрафъ или олимпійскому храму или своему государству.

Мы уже описывали (стр. 20 и слѣд.) священную мѣстность, на которой совершался олимпійскій праздникъ. Посольства всѣхъ греческихъ государствъ шли туда изъ Элиды по священной дорогѣ; они собирались у жертвенника Зевса въ священной оливковой рощѣ Альтидѣ и приносили тамъ въ жертву животныхъ, которыхъ привели съ собой изъ отечества; жертвенныя чаши были также привозимы ими изъ отечества; это была великолѣпная посуда, и великолѣпны были наряды пословъ. Когда угасалъ огонь, которымъ при пѣніи хоромъ пылали на жертвенникѣ тополевыя дрова и положенное на нихъ сало жертвенныхъ животныхъ, начинались игры. Желавшіе участвовать въ состязаніяхъ должны были раньше того заявить о своемъ намѣреніи гелланодикамъ (назначеннымъ отъ эллидовъ судьямъ состязаній) и который долженъ былъ представить этимъ судьямъ доказательство, что онъ не подвергался лишенію почетныхъ гражданскихъ правъ; кромѣ того онъ удостовѣрялъ подъ присягою, что не будетъ при состязаніи употреблять нечестныхъ уловокъ, что онъ 10 мѣсяцевъ занимался гимнастическими упражненіями по предписаннымъ правиламъ и пр. Игры происходили при безчисленномъ собраніи зрителей; тутъ были только мужчины, женщинамъ было запрещено присутствовать на играхъ; исключеніе было сдѣлано только одно: могла смотрѣть на игры жрица Деметры Хаминны. Игры начинались состязаніемъ въ бѣгъ. Это былъ древнѣйшій родъ гимнастическихъ состязаній. Участники его бѣжали партіями по четыре человѣка. Первоначально они имѣли на себѣ поясъ, впоследствии были совершенно наги. Гелланодики, сидѣвшіе на возвышеніи и окруженные жезлоносцами, наблюдали за тѣмъ, чтобы въ состязаніяхъ участвовали только люди безукоризненной жизни и чтобы не были нарушаемы правила игръ. По мѣрѣ того, какъ возвышалось значеніе олимпійскихъ игръ, увеличивалось число разныхъ видовъ состязанія. Бѣгъ былъ сначала простой, т. е. состязавшіеся пробѣгали стадію только одинъ разъ; послѣ стали пробѣгать ее два раза и наконецъ восемь разъ. Къ состязанію въ бѣгъ прибавились состязанія въ борьбѣ,

въ прыганьи, въ бросаньи диска или копья и въ кулачномъ боѣ; послѣ при возрастающемъ богатствѣ знатныхъ людей, которые почти одни были участниками игръ, прибавился бѣгъ колесницъ, запряженныхъ четырьмя лошадьми. Для этого бѣга былъ устроенъ гипподромъ, имѣвшій въ длину четыре стадіи; онъ находился на югѣ отъ мѣста, гдѣ происходили гимнастическія игры. Колесницы должны были пробѣжать по гипподрому 12 разъ. При быстрой скачки довольно часто случалось, что та или другая колесница ломалась или опрокидывалась, бѣсильсь лошади или правившій ими падалъ; эти случаи конечно производили волненіе въ толпѣ. Приписывая учрежденіе гимнастическихъ игръ Гераклу, преданіе называло учредителемъ бѣга колесницъ Пелопса, который побѣдою въ такомъ состязаніи приобрѣлъ себѣ жену и царство. Въ VII вѣкѣ къ прежнимъ гимнастическимъ состязаніямъ прибавилось новое, называвшееся панкратіономъ; оно было соединеніемъ борьбы съ кулачнымъ боемъ; и кромѣ бѣга колесницъ была введена верховая скачка. Число дней праздника тогда было увеличено до пяти. Первоначальный видъ состязаній, бѣгъ, остался навсегда важнѣйшимъ изъ нихъ; тотъ, кто одержалъ побѣду въ немъ, былъ главнѣйшимъ изъ побѣдителей; собственно ему давалось названіе „побѣдителя на олимпійскихъ играхъ“ (olympionikes), и его именемъ отмѣчалась олимпиада; но богатые люди предпочитали побѣду въ состязаніи колесницъ.

Когда персы, пришедши къ Термопиламъ, услышали, что греки въ эту знойную пору года (въ іюль) празднуютъ олимпійскія игры, они дивились; и больше всего дивились тому, что награда за побѣду на этихъ играхъ— вещь, не имѣющая никакой денежной цѣны. Дѣйствительно, наградою былъ простой вѣнокъ изъ вѣтвей священнаго оливковаго дерева; ихъ срѣзывалъ красивый мальчикъ золотымъ ножомъ. По окончаніи праздника при собраніи всѣхъ зрителей гелланодики возлагали эти вѣнки на головы побѣдителей; и прекраснѣйшимъ доказательствомъ высокаго развитія чувства чести у грековъ служить то, что они считали оливковый олимпійскій вѣнокъ драгоцѣннѣйшимъ изъ сокровищъ, какія можетъ приобрести человѣкъ. Побѣда прославляла не только одержавшаго ее, но и его родъ, и родину его. Въ сопровожденіи посланниковъ своихъ государствъ, окруженные своими друзьями, родными, толпою своихъ соотечественниковъ, побѣдители съ вѣнками на головахъ шли на холмъ Кроніонъ, въ сосновую рощу, принести благодарственную жертву Зевсу за побѣду, которую онъ далъ имъ. Послѣ того начинался пиръ; онъ продолжался весь вечеръ и часть ночи. Когда побѣдитель возвращался въ свой родной городъ, его ждали новыя почести и радости. Его встрѣчали торжественной процессіей съ пѣніемъ гимновъ въ честь его побѣды (эпиникий). Эти гимны писали знаменитѣйшіе поэты, напримѣръ Симонидъ и Пиндаръ. Процессія вела побѣдителя въ храмъ божества—покровителя города; тамъ приносили благодарственную жертву, и послѣ того праздновали радостное событіе веселымъ пиромъ. По окончаніи пира народъ съ радостными криками провожалъ побѣдителя въ его домъ. На всю его жизнь годовщина его торжества оставалась праздникомъ для него и его семейства. Почти во всѣхъ государствахъ побѣдители на олимпійскихъ играхъ получали особенныя права и почести, которыми на всю жизнь было обезпечиваемо ихъ благосостояніе. На всѣхъ праздникахъ и играхъ они занимали почетное мѣсто; на дворахъ храмовъ ставили ихъ статуи; слава ихъ имени долго жила въ потомствѣ. Аѣиняне предоставляли имъ на всю жизнь право обѣдать въ пританей. Для грека не было счастья выше побѣды, одержанной на олимпійскихъ играхъ.

Олимпійскія игры были основаны дорійцами, заботившимися болѣе

Пифейскія
игры.

о жизненномъ, чѣмъ объ умственномъ развитіи человѣка. Потому эти игры были только состязаніями въ физической силѣ и ловкости: въ бѣгѣ, въ кулачномъ бою, въ борьбѣ, въ бросаніи диска, въ искусствѣ ѣздить верхомъ и править лошадьми колесницы выказывалась только сила мускуловъ и гибкость тѣла. Изящнымъ искусствамъ, въ которыхъ выражается жизнь души и ума, не было мѣста въ состязаніяхъ на олимпійскихъ играхъ. Присоединеніемъ этихъ искусствъ музъ греческіе національные праздники были обогащены въ играхъ при храмахъ Аполлона; изъ нихъ знамениты были пифейскія игры при дельфійскомъ храмѣ и веселые праздники на Делосѣ, священномъ островѣ, бывшемъ родиной Аполлона.

Олимпиада 48,8
— 586 годъ.

Мы уже имѣли нѣсколько случаевъ говорить о тѣхъ праздникахъ при знаменитѣйшихъ храмахъ Аполлона, на которые собирались эллины изъ всѣхъ странъ своей прекрасной родины; плыли на корабляхъ, украшенныхъ вѣнками, къ берегу Делоса или пристани Кирры, шли оттуда по священнымъ дорогамъ праздничными процессіями къ святому мѣсту; приносили жертвы, прославляя Аполлона пѣснями, совершая въ честь его торжественныя пляски при звукахъ оркестровъ. Пифейскія игры возникли, вѣроятно, вмѣстѣ съ основаніемъ амфитіоніи въ Термопилахъ; но національное значеніе приобрѣли онѣ только съ начала VI вѣка, когда осмилѣтній циклъ праздниковъ былъ замѣненъ четырехлѣтнимъ по примѣру олимпійскаго цикла и когда программа игръ была расширена. Пифейскія игры, на которыхъ съ гимнастическими состязаніями были соединены поэтическія и музыкальныя, служили болѣе полнымъ выраженіемъ эллинской жизни, нежели олимпійскія, имѣвшія односторонній гимнастическій характеръ. По мнѣнію того, какъ развивалось художественное и умственное образованіе грековъ, поэтическія и музыкальныя состязанія приобрѣтали все большее значеніе на всѣхъ греческихъ національныхъ праздникахъ, кромѣ олимпійскихъ игръ. Въ европейской Греціи эта перемѣна была произведена вліяніемъ малоазійскихъ колоній, гдѣ ранѣе чѣмъ у европейскихъ грековъ, развились музыка и лирическая поэзія; въ томъ-же направленіи дѣйствовало вліяніе Терпандра, Аріона и Фалета, которые ввели при жертвоприношеніяхъ танцы и пѣніе хоровъ. Впрочемъ пѣніе и музыка не вытѣснили изъ національныхъ игръ гимнастику.

Истмійскія и
немейскія
игры.

Истмійскими играми завѣдывали дельфійскіе амфитіоны; они давали побѣдителямъ вѣнки, сплетенные изъ вѣтвей священнаго лавра. Олимпійскими играми завѣдывали элидыне. Государства восточнаго Пелопоннеса, Коринѣ и Аргосъ, находили что не соответствуетъ ихъ достоинству не имѣть національнаго праздника, завѣдываніе которымъ принадлежало бѣ имъ. Они рѣшили придать блескъ религиознымъ праздникамъ, которые съ незапамятныхъ временъ совершались на Истмѣ и въ Немей. Въ сосновой рощѣ на Истмѣ былъ праздникъ въ честь Посейдона, въ честь Зевса и Адраста. Этимъ праздникамъ коринѣяне и аргосцы придали, такое великолѣпіе, что они сравнивались съ олимпійскимъ и пифейскимъ. Это было сдѣлано въ то время, когда въ Коринѣ и Сикіонѣ были низвергнуты тираны, и власть возвратилась въ руки дорійской аристократіи.

Истмійскія игры получили значеніе общаго національнаго праздника съ 582 г. (олимп. 49,3), а немейскія съ 537 (олимп. 51,4). На нихъ, какъ на пифейскихъ играхъ, кромѣ гимнастическихъ состязаній, скачекъ и бѣга колесницъ, были состязанія въ искусствѣ музъ. Истмійскими играми, происходившими каждый третій годъ, завѣдывали коринѣяне; они приглашали другія государства къ участію въ праздникѣ, общая безопасность пути для посольствъ; наградою на этихъ играхъ былъ вѣнокъ изъ плюща или сосновыхъ вѣтвей. На немейскихъ играхъ, совершавшихся каждые два года, происходили такіе же состязанія въ честь аргосскаго героя Адраста, культъ котораго въ Сикіонѣ былъ отмѣненъ Клеономъ (стр. 273). Праздникомъ первоначально завѣдывали клеонейцы, надѣвавшіе въ память о происхожденіи его траурную одежду (стр. 81); впоследствии мѣсто ихъ заняли аргосцы; еще и теперь остаются развалины стѣнъ и уцѣлѣли три стоящія колонны на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ немейскій храмъ Зевса и раздавались побѣдителямъ вѣнки изъ плюща; а на востокъ оттуда видны слѣды стадиіи и театра, гдѣ происходили гимнастическія и музыкальныя игры.

Значеніе наці-
ональныхъ
праздниковъ.

Эти праздники имѣли большое вліяніе на развитіе греческой жизни. Святыя мѣста, гдѣ происходили они, становились на время торжества центрами греческой націи: тамъ встрѣчались греки изъ всѣхъ близкихъ и дальнихъ странъ и городовъ, тамъ соединялись востокъ и западъ греческаго міра; многолюдное собраніе, безопасно жившее тамъ въ палаткахъ подъ охраною религіознаго перемирія, чувствовало себя составляющимъ одно національное цѣлое, всѣ члены котораго имѣютъ одну вѣру, одинъ языкъ, одинаковое происхожденіе, одни и тѣ-же интересы. Кромѣ того національные праздники были рынками цѣлой Греціи: тутъ шла торговля, заключались контракты, возникали и возобновлялись коммерческія связи. Въ особенности истмійскій праздникъ имѣлъ большое торговое значеніе по удобству своей мѣстности для коммерческихъ сношеній между разными частями греческаго міра. Национальные праздники были временемъ отдыха, успокоенія для Греціи; въ продолженіи ихъ не было ни войны, ни политическихъ раздоровъ; греки наслаждались благами, общими для всѣхъ нихъ; тутъ проявлялись во всей своей красотѣ и энергіи стройность тѣлосложенія и сила людей, которые сдѣлали себя подобными своимъ богамъ, благодаря заботамъ о своемъ тѣлесномъ и душевномъ развитіи. Национальныя игры давали направленіе греческому воспитанію. Чтобы явиться достойнымъ своихъ боговъ, грекъ долженъ былъ съ ранней юности стремиться къ своему идеалу; а идеаломъ его былъ «человѣкъ красивый и добрый»; чтобы не отстать отъ другихъ государствъ въ полученіи наградъ и почестей на играхъ, каждое государство должно было заботиться объ устройствѣ хорошихъ школъ гимнастики и музыки, о томъ, чтобы дѣти его гражданъ усердно занимались въ этихъ школахъ; должно было стараться пробудить въ мальчикахъ и юношахъ благородное соревнованіе. Потому повсюду въ Греціи устраивались палестры и гимназіи съ обширными приспособленіями для гимнастическихъ упражненій, съ аллеями, колоннадами,

залами; мѣстные религіозные праздники и игры служили подготовкою для участія въ національных праздникахъ, по образцу которыхъ были учреждены. Мы видѣли, съ какой внимательностью заботилось правительство въ Спартѣ и въ Аѣинахъ о томъ, чтобы дѣти гражданъ учились гимнастикѣ и музыкѣ. Это воспитаніе было гордостью грека; онъ считалъ своимъ національнымъ отличіемъ отъ варваровъ свое прекрасное тѣло, служащее жилищемъ здоровой, разумной души. Но приобрести высокія качества, даваемые этимъ воспитаніемъ, можно было только подъ условіемъ строгой дисциплины, долгихъ трудныхъ занятій; благородное выраженіе лица, свободные и изящные приемы всегда оставались привилегією людей, имѣвшихъ достаточно досуга для занятій своимъ физическимъ и нравственнымъ развитіемъ по правиламъ гимнастическаго искусства. Потому землепашецъ и ремесленникъ не участвовали въ состязаніяхъ, побѣда въ которыхъ давала прославлявшій человека вѣнокъ.

2. Лирическая поэзія.

А. элегія (солонъ, ѳеогнидъ, симонидъ).

Возникновеніе
лирической поэзіи.

Въ тѣ четыре столѣтія, которыми отдѣлено начало персидскихъ войнъ отъ эпическаго вѣка, преобразовалась и поэзія греческаго народа, какъ преобразовалась его государственная и общественная жизнь: новый бытъ, болѣе прежняго разнообразный, создалъ новыя формы поэзіи; соотвѣтственно новымъ интересамъ людей, она получила новый характеръ, новыя цѣли. Эпическій разсказъ, спокойно движущійся ровнымъ, широкимъ теченіемъ гексаметра, имѣлъ существеннымъ характеромъ своимъ то, что пѣвецъ, занятый исключительно своимъ предметомъ, устранялъ свою личность изъ своей пѣсни, дававшей рядъ величественныхъ и прекрасныхъ картинъ быта героической старины; эта поэзія была вѣрнымъ отраженіемъ воинственной жизни временъ владычества царей-военачальниковъ, когда весь блескъ славы сосредоточивался на образѣ вождя, а личности всѣхъ другихъ терялись въ массѣ. Но передвиженія племенъ прекратились, настали болѣе спокойныя времена; аристократы низвергли царей, представителей героической старины, и стали сами править государствами; войны между племенами замѣнились борьбою партій внутри самого государства, междоусобіями; каждый гражданинъ могъ теперь становиться замѣтнымъ лицомъ; странствующие пѣвцы эпическихъ разсказовъ были оттѣснены на второй планъ поэтами, принимавшими участіе въ общественныхъ дѣлахъ, стремившимися къ

практическимъ цѣлямъ. Речитированіе эпическихъ пѣсень осталось только принадлежностью большихъ общественныхъ праздниковъ. Ионійскіе города малоазійскаго берега и лежащихъ близъ него острововъ, бывшіе отечествомъ Гомеровскаго эпоса, стали родиной и новой поэзіи, говорящей о дѣйствительной жизни, объ интересахъ дня. Первые опыты ея были робки, такъ что мало отличались формою отъ эпоса.

Первою формою новой поэзіи былъ размѣръ, составлявшій лишь видоизмѣненіе эпическаго размѣра: за стихомъ гексаметра слѣдовалъ стихъ, имѣющій одною стопою меньше его, пентаметръ; такъ что чередовались гексаметры и стихи, назывшіеся какъ-бы неполными, ослабленными гексаметрами;—это «двустихіе» (distichon), сочетаніе гексаметра съ пентаметромъ, было древнѣйшей формою лирической поэзіи; стихотворенія этого размѣра называли «элегіями»; такимъ образомъ, названіе «элегія» характеризовало форму, а не содержаніе стихотворенія. Гексаметръ и пентаметръ элегическаго двустихія составляли полное, особое цѣлое; но и это отступленіе отъ эпической формы было сдѣлано лишь мало по малу: по дошедшимъ до насъ отрывкамъ древнѣйшихъ элегій мы видимъ, что плавность эпической формы еще сохранялась въ нихъ: двустихія не отдѣлены другъ отъ друга паузами, какъ въ позднѣйшихъ элегіяхъ, не образуютъ особыхъ періодовъ или частей періода; часто два, три двустихія составляютъ одну неразрывную часть періода, и раздѣлы частей предложенія мало совпадаютъ съ концами стиховъ, какъ въ эпическомъ разсказѣ.

Элегическій
размѣръ.

По формѣ стиха, древнѣйшая лирика однообразна, но содержаніе ея не страдаетъ однообразіемъ. Въ поэзіи нашего времени, элегіями называются только стихотворенія грустнаго содержанія; у грековъ элегіями назывались стихотворенія, выражавшія разныя настроенія души; сходство между ихъ элегіями было только въ томъ, что это были настроенія взволнованной души; мотивы волненія были различные: въ однихъ элегіяхъ—политическіе факты, въ другихъ—личная судьба поэта, въ третьихъ—экзальтація, производимая виномъ и любовью; все это выражалось элегією, и она любила говорить о передаваемомъ ею чувствѣ подробно, не скупясь на слова. Эпическій поэтъ забываетъ о своей личности; беззаботно, какъ дитя, онъ смотритъ пристальнымъ взоромъ на событія жизни, въ которыхъ не участвуетъ самъ. Лирический поэтъ занятъ тѣмъ, что происходитъ въ глубинѣ его души, высказываетъ свои личныя чувства и мысли. Но въ древнѣйшихъ элегіяхъ чувства личной жизни заслонялись чувствами, возбуждаемыми въ поэтѣ общественною жизнью. Эти элегіи имѣли своею цѣлью возбудить въ слушателяхъ воинственный энтузіазмъ, давали совѣты гражданамъ. Послѣ, когда возникъ обычай пѣть элегіи на пирахъ, они стали воспѣвать вино и любовь, прославлять счастье того, «кого дома ждетъ красавица жена». Но настроеніе друзей, собравшихся на пиръ, не всегда было радостное; иногда поэтъ предавался размышленіямъ о мимолетности молодыхъ лѣтъ и всѣхъ радостей жизни. Такимъ образомъ, кромѣ веселыхъ пѣсень, приглашавшихъ наслаж-

Содержаніе и
характеръ эле-
гій.

даться виномъ, пирами, любовью, явились пѣсни серьезнаго направленія: элегіи Ксенофана говорили о ничтожествѣ чувственныхъ наслажденій и богатствъ, возбуждали человѣка стремиться къ высшимъ благамъ; грустныя элегіи Мимнерма выражали скорбь о мимолетности жизни, о томъ, что печальна старость, отнимающая у человѣка любовь и всѣ наслажденія; гномическіе поэты искали успокоенія тревогамъ души въ нравственныхъ изреченіяхъ.

Многіе изъ поэтовъ, слагавшихъ элегіи, принимали, какъ мы уже видѣли, сильное участие въ политическихъ дѣлахъ, имѣли значительное вліяніе на ходъ ихъ. Такъ на-
Каллинь эфес- скій (около 780).

Тиртей (около 680).

Солонъ 639—559.

Мимнермъ около 600 года.

Каллинь эфес- скій (около 780). участие въ политическихъ дѣлахъ, имѣли значительное вліяніе на ходъ ихъ. Такъ на- примѣръ, въ то время, когда дикари треры опустошали Лидію и области греческихъ городовъ Малой Азіи, Каллинь эфесскій съ негодованіемъ спрашивалъ своихъ молодыхъ согражданъ, долго ли будутъ они бездѣйствовать, межъ тѣмъ какъ свирѣпствуетъ въ ихъ родинѣ кровавая война? Неужели не стыдно имъ передъ сосѣдами?—говорилъ онъ, и горячими словами призывалъ ихъ на храбрую борьбу за отечество, обѣщая вѣчную славу тѣмъ, кто падетъ въ битвѣ. — Во вторую мессенскую войну Тиртей возбуждалъ спартанцевъ своими пламенными военными пѣснями мужественно биться, своею элегіею о законномъ порядкѣ убѣждалъ ихъ твердо держаться старыхъ дорійскихъ обычаевъ (стр. 198 слѣд.), пробуждалъ своими возвышенными воззваніями чувства чести и отваги въ ихъ сердцахъ. Его элегіи пользовались у спартанцевъ такимъ уваженіемъ, что въ походахъ, вечеромъ, послѣ слѣдовавшаго за ужиномъ гимна (пѣана) въ честь боговъ, воины, умѣвшіе хорошо пѣть, состязались между собою въ пѣніи патріотическихъ воззваній Тиртея къ войску, и тотъ, кто пѣлъ лучше всѣхъ, получалъ отъ военачальника почетную долю кушанья. Преданіе, что Тиртей былъ хромымъ, надобно, быть можетъ, понимать въ смыслѣ характеристики элегическаго развѣра его пѣсень.—Мудрый законодатель Солонъ слагалъ элегіи для того, чтобы дѣйствовать на мысли народа: мы видѣли (стр. 241), что одѣвшись герольдомъ и ставъ на камень, съ котораго были дѣлаемы въ народномъ собраніи провозглашенія герольдовъ, онъ речитировалъ элегію возбуждавшую афинянъ къ завоеванію Саламина; потомъ, элегіями, живо изображавшими бѣдственное положеніе общества, онъ подготавливалъ умы къ согласію на его планы реформъ, къ облегченію бремени долговъ, лежавшаго на бѣдныхъ, къ отменѣ закона объ отдачѣ неисправнаго должника въ работу (стр. 245). До насъ дошли отрывки элегій, въ которыхъ выражалъ онъ свое довольство успѣшностью своей умѣренной мудрой законодательной дѣятельности, примирившей враждебныя другъ другу партіи; въ позднѣйшихъ своихъ элегіяхъ онъ выражалъ негодованіе на то, что народъ, не слушая его патріотическихъ предостереженій, далъ Пизистрату возможность сдѣлаться тиранномъ. Такимъ образомъ, въ элегіяхъ Солона отражается его патріотическое чувство, симпатизирующее радостямъ и бѣдствіямъ родины. Въ своихъ гномахъ (афоризмахъ, облеченныхъ въ стихотворную форму) Солонъ является человѣкомъ всесторонняго образованія, глубоко изучившимъ человѣческую жизнь, какимъ онъ выказалъ себя и въ своей политической дѣятельности. Его афоризмы проникнуты свѣтлымъ чувствомъ здоровой, разумной любви къ жизни, и любовью къ справедливости, благочестію. Въ его поэзіи, какъ въ его практической дѣятельности, отражается гармонія душевныхъ силъ, свѣтлая разумность его характера и патріотизмъ. Горькій опытъ старости не отнял у него любви къ жизни. Мимнермъ Колофонскій, бывшій нѣсколько старше Солона, написалъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній: «Когда я проживу шестьдесятъ лѣтъ, пусть придетъ ко мнѣ смерть»; — Солонъ отвѣчалъ ему: «Поправь твое выраженіе, скажи: восемьдесятъ лѣтъ». — Мимнермъ сначала писалъ воинственные элегіи, возбуждалъ, какъ мы увидимъ, гражданъ Смирны мужественно защищать отечество отъ нападений лидійцевъ, напоминая имъ о храбрыхъ дѣлахъ предковъ; но его соотечественники были изнѣженные люди, утратившіе прежнюю воинственность, «отказались отъ свободы, полу-печально, полу-легкомысленно»; и въ военныхъ элегіяхъ Мимнерма выражалась, вѣроятно, не столько надежда на храбрость

его согражданъ, сколько печаль о томъ, что они не имѣютъ мужества предковъ своихъ; такъ должно думать, судя по тому, что въ другихъ его стихотвореніяхъ господствуетъ мрачное воззрѣніе на жизнь. Земныя блага измѣнчивы и мимолетны, говоритъ онъ, потому надобно, пока человѣкъ молодъ, наслаждаться любовью; но, къ сожалѣнію, молодость быстро исчезаетъ. Только въ тѣ годы человѣкъ счастливъ, когда у него свѣжи силы для наслажденій любви; старость, отнимающая у него, прасоту и любовь, исполнена печали. Эти грустныя мысли, омрачающія даже картины счастья, особенно сильно высказываются въ знаменитой элегіи Мимнерма «Нанно», имѣющей своимъ названіемъ имя флейтистки, которую любилъ Мимнермъ; эта элегія, древнѣйшее извѣстное намъ произведеніе эротической поэзіи, написана для пѣнія съ аккомпанементомъ флейты, звуки которой соответствуютъ своимъ характеромъ нѣжному и грустному тону ея.

Элегіи Солона цѣнились греками главнымъ образомъ за гномическое содержание ихъ, за афоризмы, которые въ нихъ находятся; еще исключительнѣе предпочитали они афоризмы всему остальному въ элегіяхъ. Теогида мегарскаго, изъ произведеній котораго сохранились почти только тѣ мѣста, которыя содержатъ въ себѣ нравственныя изреченія; потому онъ считается главнымъ представителемъ гномической поэзіи. Она возникаетъ въ такой періодъ жизни народа, когда люди начинаютъ вдумываться въ жизнь, ищутъ общихъ формулъ, подъ которыя подходили бы результаты ихъ раздумья о ней. Первые попытки такихъ формулъ,—изреченія, приписываемыя семи мудрецамъ.

Мы уже ознакомились съ ожесточенною борьбою партій въ Мегарѣ, породившею элегіи Теогида, въ которыхъ отражаются катастрофы хода этой междоусобной войны. До насъ дошли только отрывки произведеній Теогида, но довольно многочисленныя. Простолуды, одолевъ своихъ противниковъ, необузданно предались насилію, отняли у аристократовъ ихъ имущества, подѣлили ихъ собственность между собою; очень естественно, что Теогида, принадлежавшій къ старинному, знатному роду, былъ чрезвычайно раздраженъ противъ массы народа, поступившей такъ; изгнанный изъ отечества и лишенный своего имущества демократами, онъ скитался бѣдникомъ по чужимъ странамъ; не удивительно, что онъ говорилъ о простолудинахъ съ ненавистью, облегчалъ свое горе мыслями о мщеніи, угрозами. Но свирѣпость его злобы показываетъ, до какой степени ожесточенія доводили даже честныхъ, въ сущности добрыхъ людей, какъ онъ, сословные интересы и междоусобная война: онъ говоритъ, что желалъ бы пить «черную кровь» своихъ противниковъ. Онъ называетъ демократовъ «низкими людьми», «негодяями», «трусами»; его жалобы, его совѣты молодому другу, Кирну, дышать сословнымъ высокомеріемъ: онъ убѣждаетъ Кирна держаться старыхъ аристократическихъ понятій и обычаевъ, чуждаться низкихъ простолудиновъ.—Мы уже говорили, что отъ элегій Теогида дошли до насъ только отрывки, что изъ этихъ безсвязныхъ извлеченій выброшены почти всѣ живыя подробности, что уцѣлѣли почти только афоризмы; но все таки видно, что многія изъ этихъ элегій были написаны для пѣнія подъ звуки флейты на пирѣхъ «хорошихъ» и «благородныхъ» людей, то-есть, аристократовъ; что на этихъ пирѣхъ не всегда соблюдалась умѣренность въ наслажденіи виномъ; и утрата богатства была горька для Теогида главнымъ образомъ потому, что лишила его возможности пировать среди гостей, украшенныхъ вѣнками.—Мы имѣемъ элегію поэта и философа Ксенофана Коло-фонскаго, въ которой разсказывается весь ходъ аристократическихъ пировъ, на какихъ веселились люди, «одѣтые въ пурпуръ»; онъ написалъ эту элегію не для того, чтобы изобразить роскошь колофонцевъ и душевное ничтожество ихъ.—Къ числу гномическихъ поэтовъ принадлежатъ также Симонидъ Кеосскій, о которомъ есть извѣстіе, что онъ своею элегіею въ честь афинянъ павшихъ при Маравонѣ одержавъ побѣду надъ Эскимъ, и Ферекидъ Милетскій, строгій судья челоѣческой суетности, которому «смертельно ненавистенъ былъ видъ дурнаго челоѣка, и который никогда никого не обманывалъ, никому не льстилъ, сохранялъ до конца жизни вѣрность другу».

Гномическая поэзія.

Теогида. 570—490?

Ксенофанъ Колофонскій.

Ферекидъ Милетскій (около 58-ой олимпіады; т. е. около 550 года).

Симонидъ ке-
осский 556 —
468.

Симонидъ Кеосскій, бывшій руководителемъ хоровъ на своемъ родномъ островѣ, переселился въ Аѳины по приглашенію Гиппарха, покровителя искусствъ. Когда Пизистратиды были изгнаны, онъ остался въ Аѳинахъ и воспѣвалъ избавленіе отъ тиранин, доставленное аѳинянамъ подвигомъ Гармодія и Аристоклитона. Потомъ онъ жилъ въ Тессаліи, получая вознагражденіе за пѣсни въ честь Алевадовъ и Скопадовъ, славившихся роскошными пирами и страстью къ пьянству не меньше, чѣмъ любовью къ поэзій и щедростью къ поэтамъ; его называли льстецомъ; впрочемъ, онъ высказывалъ своимъ покровителямъ и правду, но такъ, чтобъ не оскорбить ихъ. Время персидскихъ войнъ онъ прожилъ опять въ Аѳинахъ, написалъ въ прославленіе побѣды надъ персами превосходныя пѣсни, былъ въ дружбѣ съ Мильтіадомъ иThemistocle; потомъ, уже старикъ, онъ переселился въ Сиракузы и провелъ свои послѣдніе годы тамъ, при дворѣ Гіерона. Онъ дожилъ почти до девяноста лѣтъ. Онъ одержалъ побѣду во многихъ состязаніяхъ поэтовъ. Чрезвычайно хороши были его эпиграммы; греки называли этимъ именемъ короткія стихотворенія элегической формы, служившія надписями на памятникахъ, статуяхъ, вещахъ, жертвуемыхъ въ храмы и тому подобныхъ предметахъ. Иногда эпиграмма только характеризовала предметъ; но рано вошло въ обыкновеніе присоединять къ этому какую нибудь возвышенную мысль, выраженную кратко, немногими двустипіями. Греки не требовали отъ эпиграммы, чтобы мысль въ ней получала неожиданный или остроумный оборотъ; но при краткости и энергіи выраженія мысли эпиграмма часто принимала такой характеръ.

Эпиграммы.

Во время персидскихъ войнъ Симонидъ, по порученіямъ греческихъ государствъ, составилъ много надписей для надгробныхъ памятниковъ гражданъ, павшихъ въ битвахъ. Особенно знаменита была его надпись на памятникѣ спартанцевъ, убитыхъ въ Термопилахъ. О Симонидѣ говорили, что онъ слишкомъ любитъ деньги; этимъ объясняли то, что иногда онъ составлялъ по заказу и такія надписи, которыя не соответствовали его собственному образу мыслей или эстетическому чувству. Такова была надпись на треножникѣ, который поставилъ въ Дельфійскомъ храмѣ Павзаній послѣ побѣды при Платей. Хвастливый тонъ этой надписи такъ не нравился грекамъ, что она была срѣзана съ треножника. Но справедливо-ль или не справедливо винили греки Симонида въ жадности къ деньгамъ, они, восхищаясь его поэтическимъ талантомъ, прославляли и его мудрость, чистоту и скромность его образа жизни. Когда ему было восемьдесятъ лѣтъ, онъ говорилъ, что нѣтъ человѣка съ такою силою памяти, какая все еще сохранилась у него. Составленные имъ правила укрѣплять силу памяти были введены греками въ курсъ преподаванія. Талантъ Симонида былъ многосторонній. Кромѣ элегій и эпиграммъ, онъ написалъ много богослужебныхъ пѣсней для хоровъ; эти религіозныя пѣсни были разнообразны (гимны, молитвы, пѣаны, гипорхемы, диамрамбы, парæнии); написалъ много эпическихъ (пѣсень въ славу побѣдителей на играхъ), много ереновъ (похоронныхъ пѣсень), много разныхъ другихъ стихотвореній. Очень знаменита была его «Жалоба Дана», написанная въ тонѣ нѣжной грусти. Достоинства его произведеній состоятъ въ картинности описаній, изяществѣ формы, нѣжности чувства; энергіи, возвышенности мысли въ нихъ меньше. Справедливо-ль или нѣтъ упреки въ алчности, которые присоединяютъ греки къ похваламъ его таланту, но въ его произведеніяхъ нѣтъ ничего подтверждающаго ихъ обвиненіе противъ него въ продажности. Вѣроятно, онъ былъ ловкій свѣтскій человѣкъ, умѣвшій уживаться со всѣми, приспособляясь ко всякому положенію, и по недостатку искреннихъ и твердыхъ убѣжденій не всегда замѣчавшій, что компрометируетъ себя. Онъ былъ друженъ съ Гіерономъ, друженъ и съ Тирономъ, такъ что его искусное посредничество сблизало ихъ между собою. Сынъ сестры Симонида, Бакхилидъ, жившій съ нимъ при дворѣ Гіерона, былъ поэтомъ его направленія; не достигъ его славы, но высказалъ въ своихъ эпиграммахъ, пѣсняхъ для хоровъ и другихъ

Бакхилидъ.

стихотвореніяхъ характеристическія черты его школы: изящество, легкость, живописную граціозность; изящество формы было для Бакхилида важнѣе содержанія.

В. ЯМБЫ (АРХИЛОХЪ).

Раньше, нежели элегія, утративъ свой политическій и воинственный характеръ, стала у Мимнерма выраженіемъ личныхъ грустныхъ чувствъ, Архилохъ и Алкей проложили для лирической поэзій новыя пути, сдѣлали ее выразительницею ощущеній, очень разнородныхъ.

Архилохъ, уроженецъ острова Пароса, даровитый поэтъ раздражительнаго характера, первоначально слагавшій элегіи и гимны, покинувъ эти спокойныя формы поэзій, сталъ воспѣвать страстнымъ тономъ красоту очаровавшей его Необулы и мученія своей любви; потомъ, озлобленный тѣмъ, что любовь его отвергнута, онъ сталъ мстить Необулѣ и ея отцу Ликамбу ядовитыми стихотвореніями, іамбами (ямбами); пользуясь обычаемъ, дозволявшимъ шутки на играхъ праздниковъ Діониса и Деметры, онъ читалъ на нихъ свои злыя пасквили, сложенные новымъ размѣромъ, имѣвшимъ болѣе быстрый темпъ, чѣмъ элегическія двустипіи; названіе стихотвореній было перенесено на этотъ размѣръ (ямбъ). Все дурное, что могъ онъ сказать о людяхъ, возбудившихъ его злобу, онъ преувеличивалъ такъ, что выставлялъ ихъ въ гнусномъ видѣ, дѣлалъ ихъ предметами общаго презрѣнія. Преданіе говоритъ, что Необула и ея отецъ, доведенные его пасквилями до отчаянія, повѣсились. Онъ умѣлъ отравлять жизнь людямъ. О гетерѣ Пасифилѣ онъ выразился словами: «какъ смоковница на скалѣ кормитъ много воронъ, такъ она принимаетъ всѣхъ желающихъ». Онъ осмѣивалъ старуху, употреблявшую косметическія притиранья, осмѣивалъ безстыдство охотника до чужихъ обѣдовъ. Мучимый бѣдностью и злобою, онъ велъ тревожную жизнь на островѣ Фазосѣ, куда переселился съ своимъ отцомъ; но онъ всею душою былъ преданъ поэзій. Его талантъ былъ многосторонній; онъ умѣлъ выражать всякія чувства, но раздражительность его характера заглушила въ немъ все доброе. Онъ приобрѣлъ по всей Греціи такую славу язвительностью своихъ стихотвореній, что греки говорили насмѣшнику: «Ты воруюешь у Архилоха». «Возвратясь на о. Паросъ, онъ былъ убитъ въ сраженіи съ наксосцами. Когда Колондъ, убившій его, пріѣхалъ черезъ нѣсколько времени въ Дельфы, то былъ изгнанъ пиеіею изъ храма, за то, что «убилъ служителя музъ». Архилохъ справедливо сказалъ о себѣ: «Я хотѣлъ служить богу битвъ, но получилъ милые дары отъ музъ.»

Архилохъ
(780—660).

Ямбы Архилоха нравились остроуміемъ сарказмовъ. Но были и другія причины огромной популярности ихъ; нравились новизна ихъ размѣра: ямбическія стопы перемежались въ нихъ трохайческими, длинныя стихи короткими; нравились они и легкостью, небрежною граціозностью, множествомъ простонародныхъ выраженій; все это представляло пріятный контрастъ монотонной торжественности эпоса. На лѣсистомъ островѣ Фазосѣ жизнь шла не по вкусу Архилоха: ему приходилось участвовать въ сраженіяхъ съ саидцами, еракійскимъ племенемъ, жившимъ на противоположномъ берегу. «Я ѣмъ хлѣбъ съ копьемъ въ рукахъ и пью вино, опершись на конь», говоритъ онъ. Кажется, что онъ держалъ себя въ сраженіяхъ не слишкомъ храбро; онъ самъ рассказываетъ, что «избѣжалъ онъ жребія смерти, невольно оставивъ свой щитъ въ густомъ лѣсу» и утѣшаетъ себя тѣмъ, что не бѣда, если теперь какой-нибудь саіецъ носитъ съ похвалой этотъ щитъ: онъ скоро купитъ себѣ другой не хуже прежняго. Положеніе дѣла на

Фазосъ становилось все хуже, неудачи становились все чаще; Архилохъ совѣтовалъ фазосцамъ выносить бѣдствія равнодушно и твердо; бѣда часто приходитъ неожиданно и всегда бываетъ неприятна, говорилъ онъ, но боги сильны, они могутъ поднять лежащаго на черной землѣ и низложить крѣпкого и гордаго; хорошее вино, растущее на прибрежьи, разгоняетъ печаль, — и Архилохъ велитъ хозяину гостиницы подать ему кубокъ. Но жизнь на Фазосѣ стала наконецъ невыносима ему. Къ военнымъ бѣдствіямъ присоединились раздоры между колонистами; а своими ямбами онъ раздражалъ многихъ противъ себя и здѣсь. Онъ говоритъ, что бѣды всей Эллады собрались на этомъ островѣ; онъ называетъ трижды несчастнымъ городъ Фазосъ, страданія котораго тяжелее даже судьбы Магнезии, разрушенной киммерійцами; надъ Фазосомъ виситъ камень Тантала. Архилохъ возвратился на Паросъ.

Гиппонаксъ; Слѣ такую-же рѣзкостью и горечью какъ Архилохъ, нападалъ на людей
около 540. Си- Гиппонаксъ Эфесскій, и его ямбы имѣли такой-же успѣхъ; Симонидъ
монидъ Аморг- Аморгскій тоже писалъ ямбы, но менѣе желчны. Впрочемъ и его, какъ
скій (Самос- Гиппонакса, греческіе писатели называютъ рѣзкимъ и горькимъ. Сарказмы
скій); около ямбическихъ поэтовъ выказывавшіе неуживчивость ихъ характера, на-
640. влекали на нихъ ненависть и гоненіе, — это еще больше ожесточало ихъ,
возбуждало еще зорче всматриваться въ слабости людей и еще сильнѣе
порицать ихъ.

Гиппонаксъ ввелъ новый размѣръ, называющійся холіямбомъ; это преднамѣренное искаженіе ямбическаго стиха чрезъ замѣну ямба въ послѣдней стопѣ спондеемъ. О Гиппонаксѣ есть преданіе, подобное тому, какое было объ Архилохѣ: говорятъ, что онъ своими насмѣшливыми стихотвореніями довелъ до самоубійства двухъ хіосскихъ скульпторовъ Булапа и Аевнида, которые, дѣлая статую его, изобразили его въ насмѣшку еще уродливѣе, чѣмъ былъ онъ на самомъ дѣлѣ, и придали его некрасивому лицу отвратительныя черты. Бѣдность и политическія преслѣдованія вынудили его бѣжать изъ родного города; онъ поселился въ Клазоменахъ и сталъ писать еще ядовитѣе прежняго. Грубыя описанія человѣческихъ слабостей и пороковъ, рѣзкія простонародныя выраженія его производили на современниковъ такое-же сильное впечатлѣніе, какъ и сарказмы Архилоха. Содержаніе его стихотвореній соответствовало и преднамѣренно испорченный размѣръ, хорошо гармонизировавшій съ картинами человѣческой испорченности. Гиппонаксъ говорилъ о женщинахъ, что онѣ бываютъ хороши только два дня: въ день свадьбы и въ тотъ, когда выносятъ ихъ умершихъ изъ дому. Симонида Самосскаго обыкновенно называютъ Аморгскимъ, потому что онъ переселился на островъ Аморгъ выѣсть съ самосскими колонистами, вождемъ которыхъ и былъ онъ. До насъ дошелъ отрывокъ стихотворенія о женщинахъ; въ этомъ отрывкѣ онъ, рѣзко изображая недостатки и пороки женщинъ, производитъ ихъ отъ разныхъ животныхъ, качества которыхъ и видны въ нихъ: «Отъ свиньи происходитъ неопытная женщина, отъ лисицы — хитрая, равно искусная на добро и зло, отъ собаки — боязливая, отъ земли — лѣнивая, отъ моря — непостоянная, отъ осла — не расположенная ни къ чему, кромѣ ѣды и другихъ такихъ удовольствій, отъ хорька — отвратительная, отъ лошади — любящая наряжаться, отъ обезьяны — дурная лицомъ и злая.» Только та женщина, которая создана изъ пчелы — хороша; отрывокъ кончается похвалами ей, радующей мужа: «Счастливъ, кто приобрѣлъ себѣ жену, созданную изъ пчелы. Только ея не касаются суровый упрекъ. Благоденствуетъ и богатѣетъ тотъ домъ, гдѣ хозяйка она; до старости живетъ она съ мужемъ, любящая и любимая; дѣти, рождаемыя ею, становятся людьми, достойными похвалы; славится она между всѣми женщинами, озарена она благосклонностью неба; она не сидитъ въ обществѣ тѣхъ женщинъ, которыя разговариваютъ о любовныхъ интригахъ. Такая жена — драгоценное сокровище нравственности и разума. Ею награждаетъ мужа Зевсъ». Таковы характеристики женщинъ были тогда однимъ изъ любимыхъ предметовъ поэзіи. Была написана подобная характеристика и Фокилидомъ.

Первые ямбы Симонида были желчны; но постепенно рѣзкость ихъ смягчалась, и личные нападки на людей замѣнились у него изображеніемъ слабостей и пороковъ, общихъ цѣлому классу или всему обществу. — Къ числу произведеній греческой поэзіи, написанныхъ ямбическимъ размѣромъ, принадлежатъ басни, въ которыхъ дѣйствуютъ животныя и которыя называются Эзоповыми, по имени поэта, которому приписываются. Извѣстія о жизни Эзона не достовѣрны и почти все принадлежатъ сами къ области басни. По преданіямъ, онъ былъ рабъ, родомъ фригіецъ или еракіецъ, былъ маленькаго роста, уродливаго тѣлосложенія, находился въ рабствѣ у разныхъ господъ, между прочимъ у Іадмона на островѣ Самосѣ, и получилъ наконецъ свободу; преданіе говоритъ, что дельфійцы, раздраженные баснями, въ которыхъ онъ смѣялся надъ ними, обвинили его въ похищеніи вещей изъ ихъ храма и низвергли его со скалы. То собраніе басенъ, написанное холіямбами, авторомъ котораго считался Эзопъ, принадлежитъ поэту, жившему въ первой половинѣ III вѣка нашей эры, Бабрію, соединившему въ одинъ сборникъ и переработавшему прежніе сборники басенъ. Еще новѣе сборникъ прозаическихъ басенъ, приписываемый Эзопу и существующій въ нѣсколькихъ редакціяхъ; многія изъ этихъ басенъ — переложенныя въ прозу басни Бабрія. Если не по своей формѣ, то по содержанію, басни, приписываемыя Эзопу, имѣютъ восточное происхожденіе. Онѣ принадлежатъ къ дидактической поэзіи, потому что цѣль разсказа въ нихъ — мораль, извлекаемая изъ коротенькаго анекдота, дѣйствующія лица котораго — или неодушевленные предметы или чаще всего животныя. Качества животныхъ, всѣмъ извѣстныя и неизмѣнныя, служатъ въ басняхъ для обозначенія соответствующихъ качествъ людей.

Эзопъ около
560.

С. ЛИРИКА ВЪ ТѢСНОМЪ СМЫСЛѢ СЛОВА.

а) ГРЕЧЕСКАЯ МУЗЫКА (ТЕРПАНДРЪ).

Элегія и ямбы предшествовали у грековъ лирикѣ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, — той поэзіи, произведенія которой предназначены для пѣнія съ аккомпанементомъ музыки. Эпическія пѣсни, элегіи и ямбы рецитировались обыкновенно подъ звуки гитары или флейты; но музыка служила тутъ лишь для оживленія декламации, лишь для того, чтобы придавать ей нѣкоторое разнообразіе, возбуждать вниманіе слушателей. Въ иномъ отношеніи находилась музыка къ тѣмъ пѣснямъ, которыя предназначены были дѣйствовать на чувства, на страсти съ такою силою, что спокойное рецитированіе не соответствовало ихъ содержанію, требовавшему пѣнія съ аккомпанементомъ музыкальнаго инструмента. Повышенія и пониженія голоса соединены были въ нихъ съ ритмомъ, живость ощущеній дѣлала необходимыми частыя паузы; потому въ лирической поэзіи развилось большое разнообразіе размѣровъ стиха и формъ сочетанія стиховъ въ строфы; а это естественно вело къ соединенію пѣнія съ танцами. Потому существенными качествами греческой лирики въ тѣсномъ смыслѣ слова были: разнообразіе размѣровъ стиха, разнообразіе строфъ и ритмъ, удобный для пѣнія и танцевъ. Лирика была у грековъ сочетаніемъ поэзіи и

музыки; поэзии принадлежала въ ней главная роль, музыка усиливала дѣйствіе поэзии на воображеніе и чувство. Такимъ образомъ лирика достигла высокаго развитія только тогда, когда разные виды мелодій были подведены подъ правила и разные виды гаммы получили систематическую точность. Это было сдѣлано Терпандромъ Лесбосскимъ.

Терпандръ око-
ло 676, Олимп.
26.

Съ Терпандра начинается новый періодъ греческой музыки. Одаренный творческимъ духомъ, Терпандръ не порвалъ связей съ прошлымъ, воспользовался всѣми элементами его. Онъ собралъ мелодіи европейской Греціи и Малой Азіи, подвелъ ихъ подъ общіе законы и соединилъ въ прекрасное гармоническое цѣлое. Онъ родился въ маленькомъ лесбосскомъ городѣ Антиссѣ, стоявшемъ у той рощи, гдѣ, по преданію, была погребена принесенная волнами на лесбосскій берегъ голова Орфея, и соловьи которой пѣли такъ прекрасно, какъ нигдѣ. Но главнымъ мѣстомъ его дѣятельности была европейская Греція. Мы уже говорили (стр. 187), что онъ ввелъ музыкальныя состязанія на карнейскомъ праздникѣ въ Спартѣ, одержавъ побѣду въ нихъ, и что онъ (въ половинѣ VII вѣка) четыре раза съ-ряду одержалъ побѣду надъ своими соперниками на пнѣйскихъ играхъ. Однимъ изъ знаменитѣйшихъ изобрѣтеній Терпандра была новая китара; прежде употребляли китару съ четырьмя струнами (тетрахордъ); онъ ввелъ въ употребленіе гентахордъ, семиструнную китару, объемъ которой составлялъ октаву (диапазонъ); это дало возможность сопровождать музыкальнымъ аккомпанементомъ мелодіи, болѣе чѣмъ прежде разнообразныя, и придать строфамъ пѣсень многосложныя формы. Терпандру также приписываютъ точное установленіе разныхъ видовъ греческой гаммы, основанныхъ на интервалахъ между четырьмя тонами тетрахорда: гаммы диатонической и гаммы хроматической, и точное опредѣленіе разныхъ видовъ гармоніи. Семиструнная китара Терпандра съ простыми интервалами своихъ тоновъ приобрѣла господствующее положеніе въ греческой музыкѣ. Пѣсни и мелодіи пѣсень у Терпандра имѣли спокойный и сильный характеръ, вызывавшій возвышенное настроеніе души; грубые порывы страстей были изгнаны имъ изъ пѣнія и музыки.

Въ европейской Греціи до Терпандра былъ извѣстенъ по всей вѣроятности только одинъ видъ мелодіи, дорійскій, серьезный и торжественный, сообразно характеру дорійскихъ нравовъ, и предназначенный къ возбужденію спокойнаго, мужественнаго настроенія души. Лесбійскіе композиторы, важнѣйшимъ изъ которыхъ былъ Терпандръ, перенесли въ Грецію малоазійскіе виды мелодіи: фригійскій и лидійскій; пѣніе этихъ мелодій, сопровождаемое звонкой музыкой флейтъ и свирѣлей, волновало душу, возбуждало въ ней страстные порывы или нѣжныя чувства. Сначала греки смѣялись надъ иноземными мелодіями, но скоро подлюбили ихъ и стали употреблять на религиозныхъ праздникахъ. Въ послѣдствіи времени къ этимъ тремъ видамъ мелодіи присоединились іонійскій, выражавшій кроткія и печальныя чувства, и эолійскій, бурный и страстный.

Терпандръ установилъ систематическія отношенія между разными видами мелодіи и подвелъ ихъ подъ законы простыхъ напѣвовъ (номовъ) народныхъ пѣсень. Онъ ввелъ употребленіе знаменъ, соответствующихъ нашимъ нотамъ. Терпандръ слагалъ свои музыкальныя произведенія кажется только для китары. Флейтъ важное музыкальное значеніе далъ только уже фригійскій композиторъ Олимпъ, изъ фамиліи пѣвцовъ, счтавшей своимъ предкомъ мнѣическаго пѣвца и флейтиста, имя котораго было тоже Олимпъ. Этотъ фригіецъ, переселившійся въ Грецію вѣроятно вскорѣ послѣ Терпандра, ввелъ въ употребленіе третью гамму, энгармоническую, которую греки на-

Олимпъ между
620 и 600.

зываютъ прекрасной, но очень трудной. Преданіе говоритъ, что Олимпъ въ первый разъ игралъ на флейтѣ лидійскую мелодію въ Дельфахъ и что тяжелою этой мелодіи была печаль о смерти Писона. Греки говорятъ, что онъ писалъ мелодіи очень разнообразнаго размѣра и что характеромъ ихъ была восторженная, бурная страстность. Кажется, что онъ не былъ композиторомъ и вмѣстѣ поэтомъ какъ Терпандръ, а только композиторомъ. Оба эти лица извѣстны намъ лишь по туманнымъ преданіямъ; подобно имъ остается нѣсколько мнѣическихъ лицъ и третій великій композиторъ Фалетъ, уроженецъ притического города Гортинны. Онъ былъ приглашенъ въ Спарту содѣйствовать своимъ возвышенными мелодіями успокоенію государства, разстроеннаго раздорами; изъ этого возникла легенда, что его привезъ съ собою съ Крита Ликургъ и пользовался его поддержкою при установленіи своихъ законовъ; но это — анахронизмъ. Фалетъ обогатилъ и усовершенствовалъ музыку Терпандра; онъ ввелъ въ обряды служенія Аполлону новый родъ пѣсень, гипорхему; она отличалась отъ пѣана, имѣвшаго сдержанный и серьезный характеръ, своею живостью, легкостью, и съ нею были соединены танцы; такимъ образомъ религиозные праздники получили болѣе разнообразіе. Введенный Фалетомъ веселый танецъ, подражавшій движеніямъ борьбы и панкратіона, сдѣлался любимымъ зрѣлищемъ спартацевъ. Этотъ танецъ, дававшій юношамъ возможность воплотить выпазать свою ловкость и силу, исполнялся на праздникѣ гимнопедій; музыка его была очень живая. Фалетъ усовершенствовалъ и пирриху, военный танецъ, заимствованный греками континентальной Эллады изъ шумныхъ, военныхъ плясокъ куретскихъ жрецовъ культа Зевса на Критѣ. Пѣсни этого танца, исполнявшіеся съ аккомпанементомъ флейты, имѣли быстрый размѣръ, получившій отъ нихъ свое названіе.

Терпандръ, Олимпъ и Фалетъ дали греческой музыкѣ тотъ характеръ, который сдѣлался національнымъ греческимъ. Музыка и танцы, исполнявшіеся подъ звуки оркестра, составляли у грековъ очень важную часть богослуженія и были предметами преподаванія въ общественныхъ школахъ; а правительство, заведовавшее богослуженіемъ и школами, внимательно слѣдило за тѣмъ, чтобы не искажались нововведеніями наслѣдованные отъ отцовъ богослужебные обряды; потому кругъ дѣятельности композиторовъ позднѣйшаго времени былъ очень тѣсный. Они должны были держаться предписанныхъ формъ; имъ предоставлялась свобода только въ границахъ этихъ формъ. Богослужебная музыка въ Спартѣ навсегда осталась при строгомъ стилѣ Терпандра и его семиструнной китарѣ. Когда Фринидъ лесбосскій принесъ для игры при богослуженіи девятиструнную китару, афоры срѣзали съ нея двѣ струны.

При возрастающемъ значеніи музыки у грековъ число композиторовъ позднѣйшаго времени было по всей вѣроятности очень велико; мы знаемъ, что многіе изъ нихъ были знамениты, и до насъ дошли имена нѣкоторыхъ, пользовавшихся особенно громкою славою; таковы были напримѣръ: Клонадъ Фиванскій или Тегейскій, Гіераксъ Аргосскій, ученикъ Олимпа, Ксенокрить, уроженецъ южной Италіи, Полиместъ Колофонскій. Но ихъ дѣятельность состояла почти только въ улучшеніи прежнихъ мелодій, въ техническихъ усовершенствованіяхъ. Гіераксъ сложилъ музыку для праздника цвѣтовъ, который совершался въ Аргосѣ дѣвушками; эту музыку греки очень хвалили. Въ каждомъ греческомъ городѣ были свои праздники, такъ что число ихъ въ Греціи было очень велико; потому музыканты имѣли очень много случаевъ примѣнять къ дѣлу изобрѣтаемыя ими техническія улучшенія въ пѣніи, музыкѣ и танцахъ.

Мудрецы, философы и законодатели у грековъ обращали большое вниманіе на поэзію, пѣніе, музыку и, подобно администраторамъ, заботились о томъ, чтобы эти искусства сохраняли серьезный характеръ. Греки вообще придавали музыкѣ очень большой вѣсъ въ дѣлѣ воспитанія; они по-

лагали, что она может содействовать развитію благородныхъ чувствъ, гражданскихъ добродѣтелей, патриотизма и мужества; но что насколько содействуетъ облагороженію челоѣка хорошая музыка, настолько-же портитъ его дурная. Платонъ говоритъ, что цѣль музыки состоитъ не въ удовольствіи, а въ возбужденіи любви къ доброду и прекрасному; самая лучшая музыка та, которая радуется хорошаго челоѣка; законодатели и правители должны позволять въ государствѣ только тѣ виды музыки, которые даютъ душѣ хорошія качества, возбуждаютъ въ мужчипахъ энергію и храбрость, а въ женщинахъ скромность и любовь къ домашнему порядку. Заботами поѣтовъ, мудрецовъ и государственныхъ людей довольно долго сохранялась въ музыкѣ простота, не допускавшая чрезмѣрной роскоши оркестровки и капризности мелодій; но въ послѣдствіи склонность народа преодолѣла совѣты благоразумныхъ наставниковъ. Когда у грековъ развился театръ, то и у нихъ музыка стала льстить чувствамъ, шумные звуки безчисленныхъ струнныхъ и духовыхъ инструментовъ заглушили прежнюю простоту мелодій и гармоній.

Д. ЭОЛІЙСКАЯ ЛИРИКА (АЛКЕЙ, САПФО, АНАКРЕОНЪ).

Лирическая поэзія грековъ раздѣляется на эолійскую и дорійскую; родиною эолійской музыки были—Лесбосъ и эолійскія колоніи Малой Азіи; родиною дорійской—государства дорійскаго племени въ Пелопоннесѣ и въ Сициліи; разница между этими двумя направленіями или школами лирики состояла не только въ различіи діалектовъ: онѣ были различны и по содержанію, по формамъ и по способу пѣнія.

Дорійская и
эолійская ли-
рика.

Произведенія дорійской лирики предназначались для пѣнія хоровъ, и потому ихъ формою были строфы многосложнаго состава, написанныя разнообразными размѣрами; произведенія эолійской лирики назначались для пѣнія одному челоѣку съ акомпаньементомъ струннаго инструмента, обыкновенно лиры; размѣръ въ нихъ мало измѣнялся. Строфическое построение дорійской лирики образовало обыкновенно три части: въ первой части, называвшейся строфою, хоръ исполнялъ какое-нибудь движеніе; во второй части, антистрофѣ, онъ возвращался на прежнее мѣсто, а третью часть, называвшуюся эподой, онъ пѣлъ, не сходя съ мѣста. Въ эолійской лирикѣ шли другъ за другомъ стихи одного размѣра или повторялись маленькія строфы простого, обыкновенно быстрого, ритма. Дорійская лирика, состоявшая изъ торжественныхъ хоровъ, употреблялась только на праздникахъ въ общественномъ богослуженіи, въ процессіяхъ; потому ея содержаніе имѣло общественный характеръ, не касалось частной жизни, домашнихъ дѣлъ, личныхъ мыслей и чувствъ, выражало политическія мысли и народныя вѣрованія; эолійская лирика служила обыкновенно выраженіемъ индивидуальныхъ мыслей и чувствъ, и очень часто такихъ чувствъ и мыслей, которые составляютъ самую интимную жизнь души, самыя тайныя движенія сердца; когда она касается общественныхъ дѣлъ, то вообще выражаетъ не чувства всего общества, а стремленія одной партіи или личныя желанія (стр. 332). Эолійскіе поѣты дѣлали пѣсню выраженіемъ почувствованнаго, пережитаго ими, зеркаломъ своей души; въ ней переливались яркой игрой красокъ волненія радости и печали, въ особенности любви и политической борьбы. Очень жаль, что отъ эолійской лирики мы имѣемъ только очень скудные остатки.

Мы уже говорили о междоусобицахъ на Лесбосѣ и о томъ, что Алкей, боецъ за аристократовъ, старался поддержать мечомъ и лирой дѣло своего сословія въ борьбѣ противъ демократіи и тиранніи, нападалъ и на мудрое, справедливое правленіе благороднаго Питтага (стр. 280); мы говорили, что онъ былъ изгнанъ, потомъ возвратился на родину; насколько возможно, мы опредѣлили политическую дѣятельность и личный характеръ его по незначительнымъ остаткамъ его стихотвореній, дошедшимъ до насъ. Челоѣкъ пылкій, страстный, Алкей пользовался своимъ поэтическимъ талантомъ для выраженія своихъ личныхъ чувствъ, для успокоенія бурь, волновавшихъ его душу. Онъ восторженно воспѣвалъ оружіе и битвы, онъ осыпалъ своихъ враговъ желчной бранью въ духѣ имбовъ Архилоха; онъ прославлялъ вино и любовь, говорилъ людямъ, что должно наслаждаться ими. Тѣмъ его стихотвореніямъ, которые воспѣвали любовь и вино, подражалъ Гораций. Если судить о нихъ по этимъ подражаніямъ, то надобно полагать, что все они были писаны по какимъ-нибудь дѣйствительнымъ или вымышленнымъ случаямъ. Эти случаи были милыми и серьезными основами тѣхъ наслажденій, дѣлать которыя приглашалъ онъ. Мотивомъ для того, чтобы пировать и наслаждаться любовью, выставлялось какое-нибудь размышленіе о современныхъ событіяхъ или вообще о челоѣческой жизни. Вѣроятно, все пѣснѣ Алкея имѣли пламенный характеръ, потому что порывы его души были бурны; но кажется, что въ пѣсняхъ о винѣ и любви онъ умѣлъ сдерживать себя лучше, чѣмъ въ политическихъ произведеніяхъ. Онъ хвалитъ вино не за одно то наслажденіе, какое доставляется имъ: оно разгоняетъ заботы, раскрываетъ душу, высказываетъ челоѣка въ истинномъ его видѣ. Нѣкоторыя изъ любовныхъ пѣсней Алкея обращены къ Сапфо. Размѣръ его пѣсней то спокоенъ, то стремителенъ, смотря по различію содержанія; но всегда онъ легкъ и живъ. Изобрѣтенная имъ форма строфы, которая называется его именемъ и которою написаны многія оды Горация, была особенно хороша для выраженія энергическихъ, мужественныхъ чувствъ. — Алкей писалъ также гимны въ родѣ Гомеровыхъ; отъ нихъ дошло до насъ нѣсколько отрывковъ.

Алкей около
610.

Второю великою знаменитостью лесбійской школы поэзіи была Сапфо, младшая современница Алкея, съ которымъ была дружна. Мы видѣли, какое положеніе занимала она въ обществѣ (стр. 282). Стихотворенія ея дышатъ пламенной страстью, но жизнь ея была безукоризненна. Когда Алкей, называвшій ее въ одной изъ своихъ пѣсней темною, сладкоулыбавшеюся, написалъ въ другой пѣснѣ, что желалъ бы, да стыдится, высказать ей свое чувство, она отвѣчала ему съ негодованіемъ благородной дѣвушки: «если бы твое желаніе было направлено къ прекрасному, благородному и если бы твой языкъ не хотѣлъ сказать ничего дурнаго, то стыдъ не закрылъ бы твоихъ губъ; ты прямо высказалъ бы свое честное желаніе». Своего брата Харакса порицала она за то, что онъ полюбилъ жившую въ египетскомъ городѣ Навкратѣ гетеру Родоу и подарилъ ей свободу (т. I, стр. 201). Позднѣе, когда изъ греческаго общества исчезла наивность, исчезла невинная страстность прежнихъ, простыхъ временъ, когда подъ вліяніемъ малоазійскихъ обычаевъ женщины были лишены той свободы, какою пользовались въ гомеровскій вѣкъ и долго сохраняли на Лесбосѣ и въ Спартѣ, когда онѣ были принуждены вести уединенную жизнь въ своихъ домахъ, то стала непонятна наивная откровенность, съ какою Сапфо высказываетъ страстныя влеченія своего сердца, говоритъ о своей любви къ тому или другому молодому красавцу; честное имя ея было опозорено вымысломъ, будто-бы она была безстыдная дѣвушка дурной жизни и бросилась въ море съ левкадской скалы въ отчаяніи, что Фаонъ, въ котораго влюблена она, отвергаетъ ея любовь. Выраженіе «броситься съ Левкадской скалы въ море» имѣло метафорическій смыслъ. На этой скалѣ совершались съ давней старины жертвоприношенія въ честь Аполлона, обряды очищенія отъ грѣховъ и освобожденія души отъ слишкомъ сильныхъ волненій. Употребляя въ одномъ изъ своихъ стихотвореній это выраженіе о самой себѣ, Сапфо только высказывала желаніе, чтобы Аполлонъ очистилъ и успокоилъ ея душу отъ страстныхъ желаній. Въ прозаическій вѣкъ старинное выраженіе, метафорическій смыслъ котораго былъ уже не понятенъ, подало поводъ къ легендѣ о томъ, что Сапфо добровольною смертію избавила себя отъ мученій любви и отъ своего безразвѣннаго

Сапфо около
550.

образа жизни. Ея дружба съ благородными дѣвушками, собиравшимися въ ея домѣ и учившимися у нея пѣнію и музыкѣ, образовавшимися около нея кругъ, въ которомъ изящество соединилось съ нѣжностью, тоже была въ позднѣйшія времена перетолкована въ пошломъ смыслѣ. Къ числу самыхъ знаменитыхъ произведеній Сапфо принадлежали гимены или эпиталямъ (пѣсни въ честь бракосочетаній); судя по дошедшимъ до насъ отрывкамъ, они были очень граціозны; языкъ ихъ имѣлъ наивность, какую допускали простодушные нравы того времени и какую внушало поэтессѣ ея теплое, впечатлительное сердце. По этимъ отрывкамъ и по подражаніямъ Каталла мы видимъ, что у Сапфо чрезвычайно хороши были уподобленія, которыя она особенно любила заимствовать изъ міра растений и цвѣтовъ. Древніе писатели единодушно называютъ поэзію Сапфо несравненной по граціозности. Младшею подругою Сапфо была Эрinna, умершая въ первой молодости; мать держала ее за пріятель, она знала наслажденіе любви только воображеніемъ. Ея стихотвореніе «Веретено», писанное гексаметрами, древніе называли достойнымъ Гомера.

Эрinna.

На югъ отъ эолійскаго Лесбоса лежитъ іонійскій Самосъ. Тамъ, черезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ Алкея и Сапфо, жили при блестящемъ дворѣ Поликрата знаменитые эротическіе поэты: Ивикъ, уроженецъ южноиталійскаго города Регія, и Анакреонъ теосскій. Сколько можно судить по немногимъ, дошедшимъ до насъ, отрывкамъ стихотвореній Ивика, онъ былъ подражателемъ эолійскихъ поэтовъ и подобно имъ пѣлъ страстнымъ тономъ о радостяхъ и печаляхъ любви; но у него не было ни возвышенности души Сапфо, ни энергіи Алкея.

Ивикъ около 528.

Кажется, что Ивикъ чаще говорилъ о страданіяхъ, даваемыхъ любовью, чѣмъ о радостяхъ ея. «Весною цвѣтутъ ионскія яблони, напоеныя рѣками въ неприкосновенномъ саду дѣвушекъ и густолиственный виноградный лозы», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній; «но мнѣ не даетъ спокойствія Эротъ ни въ какое время года; какъ туча, гонимая эракійскимъ сѣвернымъ вѣтромъ и свергающая молніями, вторгается онъ вмѣстѣ съ Кипридой въ мое волнующееся сердце, владычествуетъ въ немъ мрачной силой, наполняетъ его иссушающей страстью». Ивикъ писалъ и большія мифологическія стихотворенія для пѣнія хоромъ; въ нихъ онъ подражалъ своему соотечественнику Стесихору.

Ивикъ велъ странническую жизнь, и легенда говоритъ, что на пустынной тропинкѣ близъ Коринфа онъ былъ убитъ разбойниками. Умирая, онъ просилъ пролетавшихъ надъ тѣмъ мѣстомъ журавлей быть его мстителями, и крикъ ихъ дѣйствительно послужилъ къ тому, что убійцы были изобличены. (Эту легенду пересказываетъ Шиллеръ въ своей пьесѣ „Ивиковы журавли“).—Радостная поэзія Анакреона образуетъ рѣзкій контрастъ мрачному взгляду Ивика на любовь. Анакреонъ вмѣстѣ съ своими соотечественниками, бѣжавшими отъ персовъ, поѣхалъ во Эракію, гдѣ они основали Абдеру; но потомъ нашелъ себѣ болѣе соответствующую его любви къ наслажденіямъ жизнь при блестящихъ дворахъ тиранновъ самосскаго и аеинскаго. Съ іонійскимъ легкомысліемъ онъ смотрѣлъ на жизнь только съ пріятной стороны; онъ пѣлъ о винѣ, любви и веселыхъ разговорахъ на пиррахъ, но его чувства лишены глубины и страстности; онъ думалъ только о мимолетномъ наслажденіи, и ощущенія, которыя воспѣваетъ онъ, не проникаютъ прочно въ его душу. Даже о страданіяхъ любви и старости говоритъ онъ съ веселой, шутивой ироніей. Поэту такого характера должна была очень нравиться жизнь при роскошномъ дворѣ Поликрата, гдѣ непрерывно шли веселые пиръ, съ пѣніемъ, музыкою и танцами, въ обществѣ очаро-

Анакреонъ 559—478.

вательныхъ гетеръ, граціозныхъ, остроумныхъ, образованныхъ, легкомысленныхъ и забывшихъ всякій стыдъ.

При дворѣ Поликрата хорошо было жить поэту, воспевающему, чтобы прислужникъ подавалъ ему кубокъ вина, возбуждающему друзей пировать въ честь Діониса: въ вѣнкахъ изъ плюща, будутъ они пѣть и пить, будутъ наслаждаться, вмѣстѣ съ виномъ, прекрасными дарами музъ и Афродиты. Онъ пѣлъ: «Снова попалъ въ меня своимъ пурпурнымъ мячикомъ Эротъ и велитъ мнѣ шалить съ дѣвушкою въ пестрыхъ сандаляхъ. Но эта лесбіянка презираетъ мои сѣдые волосы и ея желаніе влечетъ ее къ другимъ». Въ ревнивой досадѣ упрекалъ онъ блѣющую Эврипила за то, что она любитъ бродягу Артемона, который прежде, въ изношенной одеждѣ, въ шапкѣ съ заплатами, съ деревянными серьгами въ ушахъ, съ истертою овчиною на плечахъ, волочился за продавщицами фруктовъ и уличными дѣвушками, добывая себѣ деньги безчестнымъ ремесломъ, а теперь щеголяетъ въ золотыхъ серьгахъ, подъ зонтикомъ изъ слоновой кости. Другой дѣвушка онъ пѣлъ, что она рыщетъ по полямъ, какъ эракійская кобылица, потому что еще не нашла себѣ сѣдока. Онъ знаетъ, что на вискахъ у него сѣдина, но увѣренъ, что его еще будутъ любить за его пріятныя пѣсни и умѣнье пріятно говорить. И онъ, подобно Сапфо, «бросается, опьяненный любовью, съ левкадской скалы въ море».—Веселому содержанію пѣсень Анакреона соответствовали и размѣры ихъ, живой, легкой, разнообразный, иногда граціозно-небрежный.

Мы уже говорили, что Анакреонъ былъ вызванъ съ Самоса Пизистратидами въ Аены. По изгнаніи Гиппія, онъ жилъ нѣсколько времени въ Аены. Онъ дожилъ до 85 лѣтъ; умеръ или въ Аенахъ, или на родинѣ. Въ городѣ Теосѣ показывали его гробницу. Аеняне поставили въ Акрополѣ его статую; онъ былъ изображенъ полу-опьянѣвшимъ.—Съ именемъ Анакреона у грековъ соединилось представленіе о веселомъ старикѣ, которому сѣдины не мешаютъ любить пиръ и красавицъ.—Отъ пѣсень, дѣйствительно принадлежащихъ Анакреону, до насъ дошли только отрывки. Есть сборникъ пѣсень, называющихся Анакреоновыми; но это лишь подражанія его пѣснямъ, написанныя разными позднѣйшими поэтами, неизвѣстными намъ по именамъ. Въ этихъ пѣсняхъ веселый старикъ съ сѣдою головою воспѣваетъ вино и любовь; нѣкоторыя изъ нихъ очень граціозны и привлекательны наивностью, но въ содержаніи ихъ нѣтъ никакихъ индивидуальныхъ особенностей, ничего реального; это не отголоски дѣйствительности, а фантастическіе восторги воображаемыми наслажденіями.

Однимъ изъ видовъ эолійской лирики были сколіи, коротенькія застольныя пѣсни; тому изъ пирующихъ, который хотѣлъ пѣть сколію, подавали митовую вѣтвь, и онъ пѣлъ подъ звуки лиры. Это были или веселыя варіаціи какой-нибудь общей мысли, или хвалы богамъ за радости жизни. «Сколія» значитъ «кривая» или «изогнутая» пѣсня; это названіе объясняетъ тѣмъ, что въ сколіи были дозволительны нарушенія правилъности размѣра, которыхъ трудно было избѣгать при импровизаціи. Примѣры сколій находятся у насъ на страницахъ 186 и 312.

Сколіи.

Е. ДОРІЙСКАЯ ЛИРИКА (ПИНДАРЪ).

Дорійская лирика, формою которой были строфы многосложнаго состава, находилась въ тѣсной связи съ богослуженіемъ, а въ частности съ обрядами праздниковъ Аполлона и Діониса; ея произведенія

были предназначены для пѣнія хорами юношей и дѣвушекъ. Сначала довольствовались на религиозныхъ праздникахъ пѣніемъ старинныхъ пѣсень, имѣвшихъ символическое содержаніе и простыхъ по формѣ *). Но когда праздники стали великолѣпны, когда къ обрядамъ жертвоприношенія присоединены были блестящіе процессіи, то понадобились пѣсни многосложныя и по формѣ и по содержанію. Скоро каждый городъ дорійскаго Пелопоннеса нашелъ надобнымъ поручать управленіе хорами на своихъ праздникахъ поэтамъ, которые учили бѣ ихъ. Было это и въ остальной Греціи. Особеннаго развитія достигла эта лирика хоровыхъ пѣсень въ Спартѣ, издавна любившей хоры.

Алкманъ; около 612. Въ VII вѣкѣ былъ привезенъ изъ Сарды въ Спарту однимъ изъ спартанскихъ гражданъ, Агезидомъ, рабъ, имя котораго было Алкманъ. Въ Спартѣ, «богатой священными треножниками», онъ, «человѣкъ не грубыхъ нравовъ, не эссалиецъ или этолянинецъ, а уроженецъ славнаго города Сарды», какъ поютъ о немъ спартанскія дѣвушки въ одной изъ написанныхъ имъ хоровыхъ пѣсень, — скоро получилъ свободу и нѣкоторыя изъ гражданскихъ правъ. Онъ слагалъ пѣсни для богослуженія: гимны, въ собственномъ смыслѣ слова, пеаны, просодіи (пѣсни процессій), пареиіи (пѣсни для хоровъ дѣвушекъ). Главнымъ достоинствомъ его поэзіи была картинность описаній. Онъ завѣдывалъ хорами и съ особенною заботливостью училъ хоры дѣвушекъ. «Громкогласная муза, пой дѣвушкамъ новую многомелодичную пѣсню», — восклицаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ произведеній. Но содержаніе его стихотвореній было не исключительно религиозное и богослуженное: онъ воспѣвалъ и наслажденія, даваемые виномъ, любовью, пирами, жаловался на старость, лишаящую человѣка этихъ удовольствій. Нѣкоторыя изъ его хоровыхъ пѣсень прославляли военныя доблести Спарты, восхваляли ея героевъ, Кастора и Полидевка. Въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ онъ печально говоритъ: «Не можете поддержать меня даже и вы, священныя дѣвы (музы), поющія голосами, сладкими, какъ медь. О, если бы мнѣ быть птицею, летать съ альціонами по гребнямъ волнъ, съ безстрастнымъ сердцемъ! О, если бы мнѣ быть весеннею птицею пурпурнаго моря!»

У Алкмана поэзія покидаетъ величавую торжественность тона прежнихъ дорійскихъ поэтовъ и грубыя формы ихъ языка; размеры стиховъ становятся у него разнообразны, формы рѣчи мягче, изящнѣе; въ содержаніи его пѣсень слышится миролюбивое настроеніе человѣка, пользующагося благосостояніемъ.

Стесихоръ 682—556. Еще больше Алкмана сдѣлалъ для развитія хоровыхъ пѣсень Стесихоръ, уроженецъ сицилійскаго города Гимеры; продолжалъ начатое Терпандромъ, онъ увеличилъ разнообразіе хоровыхъ мелодій и придалъ имъ болѣе художественныя формы. Говорятъ, что за это и было дано ему имя Стесихоръ («установитель хоровъ»), что прежде его имя было Тисій. Онъ присоеди-

*) Такъ элидскія женщины на праздникъ Діониса пѣли: «Прійди, герой Діонисъ, съ Харитами въ твой святой морской храмъ, тоная бычачьими ногами. Святой быкъ! святой быкъ!» На торжествѣ побѣдителей въ Олимпіи пѣли маленькую ямбическую пѣсню, написанную Архилохомъ въ привѣтствіе Гераклу, возвращающемуся изъ побѣдоноснаго похода противъ Авгія: «Хвала тебѣ въ блескѣ побѣды, Гераклъ, хвала тебѣ и Іолаю, храбрымъ воинамъ! Тенелла, Тенелла! Хвала тебѣ въ блескѣ побѣды, NN» (пѣвцы обращаясь къ побѣдителю, называли его имя).

нилъ къ прежнимъ двумъ частямъ хоровыхъ пѣсень, строфѣ и антистрофѣ, третью часть, которая называется эподою; хоралъ получилъ черезъ это характеръ спокойствія, сосредоточенности чувства; съ тѣмъ вмѣстѣ, размѣръ его увеличился, такъ что сдѣлалось возможнымъ вложить въ него обширное эпическое содержаніе. Вообще, и по содержанію и по формѣ Стесихоръ ближе всѣхъ другихъ лирическихъ поэтовъ къ эпическимъ. Размѣръ его пѣсень — болѣею частью дактиль, съ примѣсю трохея; это похоже на гексаметръ. Содержаніе онъ бралъ изъ мифовъ о Гераклѣ, изъ легендъ о Троянской войнѣ и возвращенія героевъ ея на родину; греческіе писатели говорятъ, что особенно хорошо пересказывалъ онъ приключенія возвращавшихся героевъ на западномъ морѣ, и обогащалъ эти преданія прекрасно придуманными добавленіями. Дорійскому нарѣчію, на которомъ писалъ онъ, онъ старался придать характеръ по возможности близкій къ языку Гомера. Алкманъ для аккомпаньемента своимъ пѣснямъ употреблялъ лиру, Стесихоръ остался вѣрнѣе китарѣ, инструменту, болѣе древнему. Греки говорили, что онъ перелагалъ эпическую поэзію въ лирическую форму.

Сколько можно судить по дошедшимъ до насъ отрывкамъ, хоровыя пѣсни Стесихора были написаны возвышеннымъ тономъ, въ нихъ было много живыхъ, картинныхъ описаній, и тѣми для нихъ онъ бралъ такіе эпизоды легендъ, въ которыхъ самымъ блистательнымъ образомъ проявлялись физическія и нравственныя силы героевъ; такіа степенно легко было переработывать свободнымъ творчествомъ; спокойствіе и объективность темы легко было переработывать свободнымъ творчествомъ; спокойствіе и объективность эпического разсказа не годились для пѣсень, исполняемыхъ танцующими хорами, и Стесихоръ давалъ эпическому содержанію лирическій характеръ. Легенда говоритъ, что въ одной изъ своихъ пѣсень онъ очень строго порицаетъ Елену, какъ виновницу всѣхъ бѣдствій троянской войны, что она, въ наказаніе за то, сдѣлала его слѣпымъ и возвращенію тѣла ему зрѣніе лишь, когда онъ написалъ палинодію, въ которой отрекся отъ своихъ порицаній и разсказалъ легенду, которая снимала съ Елены всякую вину. Эта легенда, заимствованная вѣроятно изъ лаконской народной сказки, говорила, что Елена не пошла на корабль Париса и Парисъ привезъ въ Иліонъ не Елену, а только призрачное подобіе ея (мы уже передавали эту легенду ст. 92). Въ эротическихъ стихотвореніяхъ Стесихора чаще всего передаются не его личныя чувства, а разсказы о любви другихъ; это было зародышемъ позднѣйшихъ греческихъ романовъ; а его стихотворенія о пастухѣ Дафнисѣ было зародышемъ для буколической поэзіи, которая развилась въ Сициліи.

Начатое Алкманомъ и Стесихоромъ въ Спартѣ было развито Аріономъ въ Коринѣ. Мы видѣли (стр. 271), что этотъ лессбосскій пѣвецъ, другъ Періандра, писавшій пѣсни для блестящихъ праздниковъ Діониса, далъ правильную форму диэирамбу, который прежде былъ безпорядочнымъ выраженіемъ восторга; форма эта была такова, что пѣніе диэирамба соответствовало ритмическимъ движеніямъ хоровъ, ходившихъ процессією кругомъ жертвенника, на которомъ пылалъ огонь жертвоприношенія; диэирамбы были началомъ, изъ котораго развились драматическіе хоры. Симонидъ кеосскій и его племянникъ Бакхилидъ, писавшіе, какъ мы уже знаемъ, элегіи и эпиграммы, были знамениты также какъ авторы пѣсень для хоровъ, но первое мѣсто между поэтами этого рода занимаетъ Пиндаръ, уроженецъ небольшого мѣстечка Киноскефалъ, лежавшаго близъ Оивъ. Бестійцы не были такъ даровиты, какъ іонійцы и дорійцы, но и они издавна очень любили поэзію и музыку. Преданіе говоритъ, что на развитіе Пиндара имѣли большое вліяніе двѣ его соотечественницы, бывшія нѣсколько старше его, поэтессы Миртида и Коринна, славившіяся и талантомъ своимъ и красотою; что онъ часто состязался съ ними въ поэзіи и игралъ

и одерживали побѣду надъ нимъ. Беотійцы были въ особенности извѣстны своимъ искусствомъ играть на свирѣли. На Копайскомъ озерѣ росъ тростникъ, изъ котораго выдѣлывались превосходнѣйшія свирѣли, а въ культѣ Діониса, имѣвшемъ своею родиною Беотию, главнымъ инструментомъ шумныхъ оркестровъ была свирѣль. Пиндаръ происходилъ изъ семейства, занимавшагося музыкою; его дядя былъ знаменитый флейтистъ, и онъ съ очень раннихъ лѣтъ посвятилъ себя служенію музамъ. Учителемъ его былъ Ласъ герміонскій (стр. 294), искусный музыкантъ и поэтъ, слававшій дионрамбы и бывшій при дворѣ Гиппарха соперникомъ Симонида. Пиндаръ, имѣя только 20 лѣтъ отъ роду, приобрѣлъ извѣстность стихотвореніемъ въ честь побѣды на играхъ, одержанной молодымъ человекомъ изъ фамиліи Алевадовъ. Скоро онъ сдѣлался знаменитѣйшимъ изъ лирическихъ поэтовъ Греціи; его стихотвореній просили, ему оказывали почести и республиканскія правительства и тиранны. Всѣ племена и государства Греціи осыпали его почестями, аѣниане дали ему санъ друга (φίλος) аѣинскаго государства. Боги даровали ему великое счастье быть выразителемъ жизни греческой націи въ періодъ высшаго развитія нравственныхъ силъ ея. Онъ, какъ и Симонидъ, почти всѣ свои произведенія писалъ по заказу и получалъ за нихъ вознагражденія, но это ни мало не вредило его репутаціи, потому что онъ никогда не унижался до лести, и, прославляя какое-нибудь событіе, всегда умѣлъ находить въ немъ такія стороны, которыя способны были возбудить истинное поэтическое одушевленіе. Съ большимъ тактомъ онъ въ свои похвалы вплетае совѣты и предостерегаетъ прославляемаго имъ побѣдителя на играхъ отъ излишней гордости, напоминая ему о герояхъ, болѣе знаменитыхъ, чѣмъ онъ. Съ благороднымъ прямодушіемъ онъ возстае противъ насилій, надменности, деспотическихъ склонностей. Будучи беотійцемъ, онъ во время персидскихъ войнъ не имѣлъ, какъ Симонидъ, счастья служить великому дѣлу свободы и національности, быть въ дружбѣ съ греческими героями и государственными людьми; онъ могъ посвятить Греціи только свое сердце и свои пѣсни; его руки были скованы союзомъ Ѧивъ съ персами. Но онъ старался прекратить раздоры между своими согражданами и склонить прогнавшую персовъ Грецію къ тому, чтобы она поступила великодушно съ побѣжденнымъ роднымъ городомъ его. Въ пѣняхъ, прославляющихъ побѣды сицилійскихъ тиранновъ Гіерона и Ѧерона, при дворахъ которыхъ жилъ онъ нѣсколько лѣтъ (473—470), онъ часто дѣлае намеки во вредъ своимъ соперникамъ Симониду и Бакхилиду; но это происходило у него не столько отъ зависти къ уваженію, какимъ пользовались они у покровительствовавшихъ ему тиранновъ, сколько отъ желанія доказать, что творческое вдохновеніе выше заученныхъ мыслей и заботливости объ изяществѣ формы.

Пиндаръ славился произведеніями во всѣхъ видахъ лирической поэзіи, отъ величественнаго пеана, восторженнаго дионрамбы и торжественнаго хора до веселой, застольной пѣсни (споіи); но особенно знамениты его пѣсни въ честь побѣдителей на великихъ національных играхъ (эпиникии). Онъ прославляе побѣдителей, увѣнчанныхъ въ Олимпіи, въ Дельфахъ, въ немейской долинѣ, на Истмѣ. Мы говорили о почестяхъ, какими награждали побѣдителя, заслужившаго вѣнокъ быстротою своихъ коней или своею силою и ловкостью; мы видѣли, что въ честь его побѣды была приносима благодарственная жертва богамъ и послѣ богослуженія происходилъ пиръ. Для такихъ торжествъ Пиндаръ писалъ свои эпиникии. Эти пѣсни были исполняемы танцующими хорами, которые пѣли подъ звуки оркестра. Пѣніе происходило или при процессіи, которая вела побѣдителя въ храмъ, или на пирѣ (komos), слѣдовавшемъ за богослуженіемъ

на мѣстѣ игры, въ самый день раздачи наградъ, или при встрѣчѣ побѣдителя при его возвращеніи въ родной городъ, или на пути его по городу въ храмъ или при возвращеніи его изъ храма въ отцовскій домъ и на пирѣ тамъ; а нѣкоторыя изъ эпиникии были написаны для праздниковъ, происходившихъ въ слѣдующіе годы въ воспоминаніе побѣды. Основной темой эпиникии было прославленіе побѣды и побѣдителя; но Пиндаръ умѣлъ придавать этой темѣ широкое развитіе: онъ дѣлае обзоръ всей жизни побѣдителя, говорилъ о настоящемъ и прошломъ его государства и всегда прибавляе совѣтъ, чтобы онъ держалъ себя достойно полученнаго имъ счастья, возвышалъ свою славу гражданскими добродѣтелями, умеренностью, разсудительностью и въ особенности благочестіемъ: побѣда дана милостью боговъ, потому что все хорошее въ человѣкѣ — даръ боговъ. Благочестіе — самый задушевный элементъ поэзіи Пиндара; изъ этого чувства происходитъ его свѣтлое душевное спокойствіе, твердость его характера, широкость его воззрѣній, его довѣріе къ самому себѣ, какъ органу божественной мудрости. Представленія о богахъ у Пиндара возвышеннѣе и чище, чѣмъ у прежнихъ поэтовъ, и его рассказы о богахъ часто противорѣчатъ ихъ рассказамъ. Загробную жизнь людей, наслажденія блаженныхъ пирующихъ и приносящихъ жертвы въ благоуханныхъ рощахъ подъ свѣтлымъ небомъ и страданія осужденныхъ на муку въ вѣчномъ мракѣ, Пиндаръ ставитъ въ зависимость отъ того, добродѣтельны-ли или порочны были люди въ своей земной жизни. Блаженство праведныхъ кажется ему какъ будто вѣчнымъ праздникомъ, подобнымъ пиру послѣ побѣды на играхъ. Души беззаконниковъ представляются ему скитающимися по воздуху надъ землею; души благочестивыхъ — живущими на небѣ. Не для того, чтобы заслужить одобреніе своихъ согражданъ, республиканцевъ, а по искренней вѣрѣ въ божественную Немезиду, онъ постоянно говоритъ о томъ, что люди не должны быть надменны, что счастье не прочно, что силы человѣка ограничены. Должно полагать, что онъ былъ личнымъ, близкимъ знакомымъ почти каждаго изъ тѣхъ побѣдителей, въ честь которыхъ писалъ свои пѣсни, и поэтому легко находилъ поводы присоединять къ похваламъ совѣты; и, хотя его эпиникии предназначались для пѣнія хоровъ, но мысли, выражаемыя въ нихъ, должно считать его личными убѣжденіями. Его пылкая фантазія часто внушае ему очень смѣлыя картины и уподобленія, заносить его въ очень далекія области міеологіи; его рѣчь имѣе торжественный тонъ и богата афоризмами; обороты его мыслей быстры и неожиданны; его періоды очень многосложны; все это дѣлае его стихотворенія трудными для пониманія и часто темными; поэтому еще у грековъ составлялись уже комментаріи къ нимъ. По характеру мелодій оды Пиндара дѣлятся на три класса: дорійскія, эолійскія и лидійскія. Лидійскія близки къ эпосу своимъ, спокойнымъ, величавымъ тономъ, подробнымъ изложеніемъ міеологическихъ эпизодовъ; близки къ эпосу и своимъ размѣромъ: они писаны дактилемъ, перемѣшаннымъ съ трохеемъ. Эолійскія написаны болѣе легкими, живыми и разнообразными размѣрами, ходъ мыслей въ нихъ быстрѣе, чаще встрѣчаются субъективныя подробности о личныхъ дѣлахъ; наше незнаніе о послѣднихъ дѣлае темными нѣкоторыя мѣста эолійскихъ одъ; трудность понимать ихъ увеличивается смѣлыми и запутанными оборотами мыслей и тѣмъ, что въ нихъ встрѣчаются мало употребительныя діалектическія формы. Лидійскія оды написаны почти исключительно трохеемъ, и характеръ ихъ спокойный. Въ тонѣ лидійскихъ мелодій написаны оды, предназначенныя для пѣнія на пути въ храмъ, или передъ жертвенниками; содержаніемъ этихъ пѣсней были смиренныя молебны къ богамъ о томъ, чтобы они оставались благосклонны.

3. Древнѣйшая прозаическая литература.

Какъ лирическая поэзія произошла изъ эпической и вначалѣ мало отличалась отъ нея формою, такъ и первыя прозаическія сочиненія произошли изъ эпоса, и по манерѣ изложенія отличались отъ эпическихъ рассказовъ только тѣмъ, что рѣчь въ нихъ была освобожденная отъ поэтической формы.

дена отъ стѣсненія правилами стихосложенія; по крайней мѣрѣ такъ должно думать, судя по небольшимъ, дошедшимъ до насъ, отрывкамъ изъ «Семи сокровенныхъ частей зданія» (Heptamychos) Ферекида сиросскаго, который имѣетъ больше права быть признаваемъ за перваго греческаго прозаика, чѣмъ логографъ Кадмъ милетскій. И по своимъ космогоническимъ идеямъ и по слогу Ферекидъ находится въ самомъ близкомъ родствѣ съ послѣдними представителями стариннаго эпоса, поэтами, слагавшими гимны, приписываемые Орфею. Мы видѣли, что эпическая поэзія имѣла два направленія, героическое и теогоническое; изъ героическаго эпоса развилась прозаическая исторіографія, изъ теогоническаго произошли прозаическія изложенія философскихъ ученій «о природѣ». Было много споровъ о томъ, который изъ этихъ двухъ отдѣловъ прозаической литературы древнѣе. Но у грековъ воображеніе, увлекавшее мысли къ разсужденіямъ о сущности вещей, было сильнѣе склонности къ изученію судьбы государствъ и городовъ; потому должно полагать, что проза философскаго содержанія явилась раньше историческихъ сочиненій; это тѣмъ вѣроятнѣе, что философскія произведенія вначалѣ имѣли очень небольшой объемъ: мыслитель кратко записывалъ главныя свои мысли для передачи ихъ немногимъ, интересовавшимся ими. Какъ бы то ни было, по достовѣрному образцу мы знаемъ, что первыя прозаическія произведенія у грековъ были написаны въ періодъ времени между 60 и 70 олимпіадами (между 540 и 500 годами до нашей эры), и что логографы, если начали писать позднѣе философовъ, то позднѣе лишь немногими годами. И тѣ и другіе писали на іонійскомъ нарѣчій.

Семь мудрецовъ. Первыя попытки формулировать краткими изреченіями выводы изъ размышленій о человѣческой жизни принадлежатъ, по преданію, семи мудрецамъ. Списокъ семи мудрецовъ былъ составленъ изъ именъ знаменитыхъ государственныхъ людей стариннаго времени, славившихся своею ученостію и практическою разсудительностію. Вообще, это были люди, жившіе въ VI вѣкѣ. Имъ, какъ представителямъ нравственной, политической и общественной мудрости старины, приписывались изреченія, формулировавшія эту мудрость. Имена ихъ и приписываемыя имъ изреченія не всѣ одинаковы у греческихъ писателей, которые перечисляютъ ихъ. Обыкновенный списокъ заключаетъ въ себѣ имена четырехъ малоазійскихъ и трехъ европейскихъ мудрецовъ. Малой Азіи принадлежатъ въ немъ: Фалесъ милетскій, Питтакъ митиленскій, Біантъ приэнскій, Клеобулъ линдскій (уроженецъ родосскаго города Линда); европейской Греціи принадлежатъ: Солонъ аѣинскій, Хилонъ спартанскій, Періандръ коринѣскій. Въ другихъ спискахъ вмѣсто Періандра поставленъ Мисонъ малійскій, или Ферекидъ сироссскій, или еще кто нибудь другой. Всѣ они были люди практической жизни, мудрые правители или по крайней мѣрѣ совѣтники народа. По обыкновенному списку, они выразили свою мудрость слѣдующими основными афоризмами. „Должно соблюдать мѣру“ (Клеобулъ); — „Поступай обдуманно“ (Періандръ); — „Выбирай время“ (Питтакъ); — „Познавай себя“ (Фалесъ); — „Приучайся предусматривать будущее соображеніемъ“ (Хилонъ); — „Во всемъ будь воздерженъ“ (Солонъ). — Изъ такихъ афоризмовъ

сформировалось въ VI вѣкѣ общее всѣмъ сословіямъ, примѣнявшееся ко всѣмъ дѣламъ нравственное ученіе, требовавшее, чтобы человѣкъ поступалъ со всѣми другими людьми справедливо, имѣвшее основною своею мыслью, что не должно дѣлать другимъ того, чего не желаешь самъ испытывать отъ другихъ, внушавшее людямъ, что желанія должны быть умѣренны, что скромное благосостояніе — самое счастливое положеніе, что не должно унывать въ бѣдѣ, не должно быть надменнымъ въ счастіи, что должно быть дѣлательнымъ, трудолюбивымъ. Разсудительность, воздержанность, самообладаніе были, по понятіямъ грековъ, высокими добродѣтелями, вѣрнѣйшими средствами къ достиженію прочнаго, истиннаго счастья.

Іонія, родина эпической и древнѣйшей лирической поэзіи, была также родиною философской и исторической литературы. Но эпосъ и лирика принадлежали юношески свѣжему времени Іоніи, когда всѣ силы ея дѣйствовали энергически, когда она пользовалась свободою и порядкомъ, наслаждалась благосостояніемъ, когда ея плодородныя поля, заботливо воздѣлываемыя, обширная торговля и колонизація обогащали ее, когда всѣ сословія гражданъ ея трудились успѣшно и чувствовали себя счастливыми; а философскія изслѣдованія и историческіе сборники появились въ періодъ упадка, когда свободѣ и благосостоянію были наносимы тяжкіе удары внутренними раздорами и нападеніями внѣшнихъ враговъ. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы ознакомимся съ опаснымъ положеніемъ, въ какое были приведены въ VI вѣкѣ нашествіями лидійскихъ царей греческія государства анатолійскаго приморья, терзаемая сословною враждою и не соединенныя союзомъ между собою; мы увидимъ, что іонійскіе города принуждены были покориться персамъ и что когда они утратили свободу и независимость, то подъ игомъ персидскаго деспотизма стали быстро падать даже и самыя цвѣтушіе изъ нихъ. Въ это время возростанія внутреннихъ смутъ, отдававшихъ разрозненныя іонійскія государства въ руки приближающихся персовъ, мудрецы Іоніи, печалась за судьбу родины, искали успокоенія себѣ въ области мысли, почерпали въ размышленіяхъ о вѣчномъ процессѣ возникновенія и гибели явленій жизни силу примириться съ неотвратимымъ ходомъ вещей, а люди, начавшіе писать историческія книги, находили отраду себѣ въ изслѣдованіяхъ о старинѣ, въ разсказахъ о славныхъ дѣлахъ предковъ.

А. ДРЕВНѢЙШАЯ ГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Когда пробуждается въ человѣкѣ сознаніе, душа начинаетъ выдѣлять мысль о себѣ изъ перепутаннаго ряда своихъ ощущеній и представленій; это мышленіе ея о самой себѣ — начало философскаго размышленія, которымъ человѣкъ стремится разяснить себѣ истину относительно явленій своей внутренней жизни. Дѣлательность философскаго мышленія направилась сначала на явленія внѣшняго міра; оно примѣнило свою молодую силу къ изслѣдованію природы. Восточные мыслители совершенно погружа-

Возникновеніе философской и исторической литературы въ Іоніи.

Общій характеръ и направленіе древнѣйшей философіи.

лись въ природу, бывшую предметомъ обожанія у ихъ народовъ, и не могли отдѣлять отъ нея человѣческій духъ. Мысль грека возвышалась надъ природою, стремилась постичь и покорить ее. Философія грековъ—ислѣдованіе природы, стремящееся найти единство въ многообразіи явленій, элементъ неизмѣннаго въ непрерывной измѣнчивости ея. Это изслѣдованіе шло двумя путями: іонійская философія разсматривала міръ съ физической точки зрѣнія, изслѣдовала матеріальную природу, доискиваясь основнаго элемента явленій ея. Дорійско-пифагорейская, южно-италійская философія разсматривала природу съ математической точки зрѣнія, искала причинъ развитія явленій, и пришла къ ученію, что сущность всѣхъ предметовъ состоитъ въ численномъ элементѣ ихъ, что существованіе вселенной основано на „гармоніи“, согласіи составляющихъ его частей, что числа образуютъ сущность всего въ природѣ, что они — причина и законъ всѣхъ явленій, что они не только формы дѣйствительныхъ предметовъ, что они—предметы. Третье направленіе приняла философія въ элеатской школѣ, получившей свое имя отъ названія южно-италійскаго города Элеа: эта школа поставила основнымъ принципомъ всего существующаго единство, слила все разнообразіе предметовъ въ понятіи существованія, отождествила понятія „природа“ и „богъ“. Ионійская и пифагорейская школы разрабатывали физическую и отчасти нравственную части философіи, элеатская—діалектическую, логическую сторону ея. Пифагорейцы, подобно элеатамъ, ставили сущностью природы единство; но признавали предметы существующими, мыслили единство только какъ причину, которая произвела ихъ, и какъ общій элементъ, которымъ проникнуты они; элеаты, подводя все подъ понятіе о существованіи, какъ о единомъ, тождественномъ, признавали истинно существующимъ только единство; все разнообразіе предметовъ и вообще явленіе считали они только обманомъ чувствъ, призракомъ, не имѣющимъ существованія. Эмпедоклъ Акрагантскій, человѣкъ здраваго практическаго разсудка и великаго поэтическаго таланта, составилъ систему, соединившую элеатское ученіе о единомъ существующемъ съ ученіемъ іонійской физической философіи о вѣчномъ процессѣ измѣненій, о разнообразіи предметовъ: онъ находилъ въ природѣ четыре основныя элемента (четыре „стихіи“); форма состоящей изъ нихъ вселенной шарообразна; сила любви и сила вражды движутъ эти стихіи, соединяютъ и разъединяютъ ихъ; этимъ механическимъ процессомъ сочетаній и обособленій производятся всѣ предметы, существующіе во вселенной, но все въ ней подлежитъ вѣчному измѣненію, находится въ круговоротѣ возникновенія и исчезновенія; потому, чувственное познание обманчиво, человѣческое знаніе недостоверно и неудовлетворительно;—таковы существенныя черты системы Эмпедокла.—Всѣ философы болѣе или менѣе рѣшительно отвергали мифологическихъ боговъ и богинь народной религіи.

а) іонійская философія.

Разныя направленія іонійской философіи ставили своею задачею объяснить явленія природы силами и качествами самой матеріи, подвести всѣ свѣдѣнія о ней подъ общіе принципы. Путь къ этому былъ двойкій: нѣкоторые изъ іонійскихъ мыслителей полагали, что все существующее произошло изъ одного первобытнаго вещества, имѣющаго въ самомъ себѣ силу видоизмѣнять свои формы; дѣйствіемъ этой силы, оставляющей качество самого вещества, возникаетъ изъ него все существующее во вселенной; всѣ предметы—видоизмѣненія первобытнаго вещества, производимыя самобытною внутреннею силою его самого; это направленіе іонійской философіи можно на-

звать динамическимъ. Другіе іонійскіе философы полагали, что сила, дѣйствіемъ которой видоизмѣняется первобытное вещество, находится не въ немъ самомъ, что она нѣчто отдѣльное отъ него, нѣчто тоже самобытное; основныя частицы, изъ которыхъ состоитъ первобытное вещество, вѣчны и неизмѣнны; существующая независимо отъ нихъ сила движетъ ихъ; всѣ тѣла матеріальнаго міра—видоизмѣненія первобытнаго вещества, производимыя внѣшнею силою, движущею основныя частицы его, соединяющею и разъединяющею ихъ; потому матеріаль, изъ котораго состоитъ вселенная, вѣчно остается неизмѣннымъ, измѣняются лишь отношенія между частицами его, передвигаемыми внѣшнею силою, то сближаемыми между собою, то удаляемыми однѣ отъ другихъ дѣйствіемъ внѣшней силы. Это направленіе іонійской философіи называется механическимъ. Къ динамической школѣ принадлежали: Фалесъ, полагавшій, что первобытное вещество—вода; Анаксименъ и Діогенъ Аполлонійскій, думавшіе, что оно—воздухъ; Гераклитъ, находившій, что оно—огонь; Ферекидъ, принимавшій два основныя вещества, эфиръ и землю; Анаксимандръ, полагавшій, что первобытное вещество—нѣчто „неопредѣленное“, „безграничное“. Представителями механической философіи были Анаксагоръ и Демокритъ, полагавшіе, что все произошло изъ сочетанія простыхъ недѣлимыхъ частичекъ матеріи. Можно улыбаться надъ опрометчивою отвагою, съ какою іонійскіе философы, пропуская всѣ переходныя ступени изслѣдованія, прямо съ самаго же начала рѣшали самыя общія, послѣднія задачи естествознанія; но изумительно глубокомысліе, съ какимъ нѣкоторые изъ нихъ разгадывали существенный характеръ явленій, до пониманія котораго положительная наука дошла лишь гораздо позднѣе, когда накопился огромный запасъ наблюденій.—Гераклитъ причисляется къ физической школѣ потому, что онъ предполагаетъ существованіе первобытной матеріи, видоизмѣняющейся дѣйствіемъ присущихъ ей самой силъ, производящей все; существованіе вселенной составляетъ, по его ученію, вѣчную смѣну возникновеній и разрушеній міровъ. Но вѣчно неизмѣннымъ въ процессѣ возникновеній и разрушеній онъ считаетъ только законъ хода этихъ измѣненій или правящій міромъ разумъ;—этою мыслью онъ приближается къ италійской философіи.

1. мыслители динамической школы.

Фалесъ Милетскій былъ не только астрономъ и философъ, но и государственный человѣкъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ. Его причисляли къ Семи Мудрецамъ. Онъ считался основателемъ іонійской философіи. Существеннѣйшею мыслью его системы было, что міръ постепенно сформировался изъ первобытнаго вещества, которое было вода,—т. е. изъ вещества, находившагося въ капельножидкомъ состояніи. Принимая за основное вещество воду, онъ слѣдовалъ народному вѣрованію, полагавшему, что Океанъ и Тейида произвели все на землѣ. Это вѣрованіе подкрѣплялось въ немъ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое дѣлаетъ природа его отечества на внимательнаго наблюдателя. Въ устьѣхъ Меандра, воды котораго несутъ много ила, образуется суша изъ влаги, земля изъ воды; это происходило на глазахъ у жителей Милета. Многому научился Фалесъ и отъ египетскихъ жрецовъ, проживъ довольно долго въ Египтѣ. Ознакомившись съ астрономіею вавилонянъ и египтянъ, онъ первый изъ грековъ предсказалъ солнечное затмѣніе; это было или затмѣніе, происходившее 30-го сентября 610 года до нашей эры или затмѣніе 28 мая 585 г. (т. I стр. 410). Это предсказаніе свидѣтельствуетъ, что Фалесъ зналъ, что луна получаетъ свѣтъ отъ солнца и что при солнечномъ затмѣніи она проходитъ между солнцемъ и землею. Онъ опредѣлялъ длину солнечнаго года въ 365 дней. Небесныя и земныя божества, о которыхъ такъ много рассказывали поэты и народъ, были

Фалесъ
636—546.

Анаксимандръ него существованія. Анаксимандръ, ученикъ его, видоизмѣнилъ его систему. По мнѣнію

610—532. Анаксимандръ, первобытное вещество не какое-нибудь изъ тѣхъ веществъ, которыя мы можемъ наблюдать въ нынѣшней вселенной; оно — нѣчто не имѣющее никакихъ определенныхъ качествъ; и оно по своему протѣженію въ пространствѣ безгранично. Фалесъ еще не ставилъ вопроса о томъ, безпредѣльно ли нѣтъ первобытное вещество, имѣетъ ли или нѣтъ границы произошедшая изъ него вселенная. Подобно Фалесу, Анаксимандръ занимался не только философіей, а дѣятельно трудился надъ расширеніемъ астрономическихъ и географическихъ знаній. Посредствомъ гномона, изобрѣтеннаго вавилонянами, онъ опредѣлялъ времена равноденствія и вычислялъ географическія широты разныхъ странъ. Онъ полагалъ, что земля имѣетъ форму цилиндра и находится въ центрѣ вселенной. Онъ первый составилъ ландарту; она была вырѣзана имъ на мѣдной доскѣ. Онъ вычислилъ величину солнца и луны и разстояніе ихъ отъ земли. Онъ находилъ, что небесныя свѣтила движутся собственной силой и потому называлъ ихъ богами. —

Анаксименъ. Его соотечественникъ Анаксименъ сосредоточилъ свое вниманіе на дѣятельности присущаго вселенной принципа движеній, и находилъ, что этотъ принципъ—воздухъ и что первобытное состояніе вещества должно считать воздухообразнымъ. Такимъ образомъ и первобытнымъ веществомъ и основною силою вещества былъ у него воздухъ, являющійся въ вѣяніи вѣтра коренною силою движенія, въ дыханіи—причиною жизни. Какъ первобытное вещество, воздухъ безграниченъ и не имѣетъ опредѣленныхъ качествъ; предметы, одаренные опредѣленными качествами возникаютъ тогда, когда частицы воздуха входятъ въ сочетаніе между собою; это превращеніе неопредѣленного вещества въ предметы съ неопредѣленными качествами совершается посредствомъ сгущенія и разжиженія; по законамъ тяжести, сгустившіяся части движутся къ центру вселенной, а разжиженные части поднимаются къ окружности ея; небесныя свѣтила, которыя называетъ Анаксименъ бо-

Диогенъ Апол- гами—это воспламененный части воздуха, а земля сгустившийся воздухъ. Диогенъ Апол- лонійскій между лонійскій согласенъ въ существенныхъ чертахъ своего ученія съ Анаксименомъ, но
530 и 460. первобытное вещество, оживляющее вселенную, хотя и называется у Диогена тоже воз-

Ферекидъ около 544. душею, и потому у него такой характеръ: это не просто жизненная сила природы, а всемогущий, премудрый, сознательный духъ, правящій природою. Ферекидъ Сироссій находилъ два основных начала: дѣятельное начало — зевръ, и пассивное начало, которое онъ

Гераклитъ
около 500.

Эти два принципа соединяетъ другъ съ другомъ время; всѣ существующіе предметы возникли во времени. — Гераклитъ Эфесскій, человѣкъ знатнаго рода, аристократическаго образа мыслей и грустнаго темперамента, склоннаго къ меланхоліи, построилъ систему, основанную не на опытѣ, а на умозрѣніи, принимающую за источникъ матеріальной и духовной жизни огонь, который должно считать и первобытнымъ веществомъ; свое ученіе онъ изложилъ въ книгѣ «О природѣ»; древніе писатели говорятъ, что изложеніе его было очень темное. Огонь, — сила теплотою своею создающая все; онъ проникаетъ всѣ части вселенной, принимаетъ въ каждой части ея особое свойство. Эти видоизмѣненія его производятъ предметы, а дальнѣйшими видоизмѣненіями его уничтожаются произведенные имъ предметы, и такимъ образомъ вселенная находится въ вѣчномъ круговоротѣ измѣненій: все въ ней возникаетъ и измѣняется; прочнаго, неизмѣннаго нѣтъ ничего; все, что кажется человѣку постояннымъ, неподвижнымъ, кажется такимъ лишь по обману чувствъ; повсюду во вселенной все ежеминутно принимаетъ разныя качества: все въ ней то слагается, то разлагается; законъ, по которому происходятъ измѣненія — законъ тяжести. По вѣчнымъ процессомъ измѣненія вещества править неизмѣнная судьба (Неймагмене), вѣчная мудрость, вносящая порядокъ въ вѣчный токъ перемѣнъ, въ процессъ вѣчной борьбы возникновенія съ разрушеніемъ. Человѣческая душа состоитъ изъ теплаго сухаго пара; она — чистѣйшее проявленіе божественнаго огня; она питается теплотою, получаемую отъ огня, окружающаго вселенную; эту

теплоту она воспринимаетъ дыханіемъ и органами чувствъ. Та душа одарена мудростію и другими хорошими качествами, которая состоитъ изъ очень сухаго пара. Если паръ, составляющій душу, становится сырымъ, то душа теряетъ свои хорошія качества и разумъ ея слабѣетъ. Когда человѣкъ умираетъ, то божественная часть его отдѣляется отъ тѣла. Чистыя души становятся въ загробной жизни существами, болѣе высокими, чѣмъ человѣкъ («демонами»). О судьбѣ душъ дурныхъ людей Гераклитъ, кажется, думалъ одинаково съ народнымъ вѣрованіемъ о Гадесѣ. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что Гераклитъ былъ знакомъ съ ученіемъ Зороастра, вліяніе котораго они видятъ въ томъ, что онъ считаетъ все мертвое нечистымъ, даетъ чрезвычайно высокое значеніе огню и считаетъ процессъ жизни вселенной борьбою. Чувственные знанія не могутъ, по ученію Гераклита, привести насъ къ истинѣ; ее находить только тотъ, кто старается выискнуть въ божественный законъ разума, правящаго вселенной; кто покоряется этому закону, тотъ получаетъ душевное спокойствіе, высшее благо жизни. Какъ владычествуетъ законъ во вселенной и долженъ владычествовать надъ душою человѣка, такъ долженъ господствовать онъ и надъ государственною жизнью. Потому Гераклитъ ненавидѣлъ тираннію, ненавидѣлъ и демократію, какъ владычество неразумной толпы, которая повинуется не разуму, а чувственнымъ впечатлѣніямъ и потому достойна презрѣнія. Онъ смѣло возставалъ противъ греческаго богослуженія и отрицалъ боговъ народной религіи. Целлеръ говорилъ о немъ: «Онъ былъ первый философъ, рѣшительно высказавшій мысль, что природа проникнута самобытнымъ принципомъ жизни, что все матеріальное находится въ непрерывномъ процессѣ измѣненія, что все индивидуальное возникаетъ и погибаетъ, этому процессу вѣчнаго измѣненія предметовъ онъ противопоставлялъ неизмѣнную, одинаковость закона измѣненій, владычество разумной силы надъ ходомъ жизни природы». Его идея о владычествѣ неизмѣннаго, разумнаго закона надъ процессомъ измѣненій не была повидимому принята тѣми изъ его послѣдователей, надъ которыми смѣется Платонъ за то, что они не признавали ничего постояннаго, говорили только о непрерывной измѣчивости всего по внутреннему закону вселенной и каждой части ея.

2. МЫСЛИТЕЛИ МЕХАНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.

Мировоззрѣніе первыхъ іонійскихъ философовъ было совершенно непримиримо съ предположеніемъ о существованіи двухъ принциповъ: движущей силы и чисто пассивнаго вѣчнаго, неизмѣннаго вещества; потому нельзя полагать, чтобы переходъ отъ системъ этихъ философовъ къ системамъ дуализма могъ совершиться самъ собою безъ вѣшняго вліянія; мы имѣемъ много фактовъ, заставляющихъ думать, что дуалистическія системы не развились самостоятельно изъ ученій первыхъ іонійскихъ философовъ, а произведены вліяніемъ италійско-сицилійской философіи на іонійскую. Въ особенности несомнѣнно вліяніе Эмпедокла (Смотри ниже). Первымъ представителемъ дуализма въ іонійской философіи былъ Анаксагоръ Клазоменскій. Онъ занимался философіею на родинѣ, переселился въ Аѣны, прожилъ тамъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, былъ другомъ великаго Перикла, подвергся преслѣдованію со стороны враговъ Перикла, обвинявшихъ его въ стращаніи государственной религіи, бѣжалъ въ Лампсакъ (431) и черезъ три года умеръ тамъ (428). По его ученію, первобытная матерія не какое нибудь однородное вещество; первобытныхъ веществъ много; они состоятъ изъ мелкихъ, неразрушимыхъ и неизмѣнныхъ частичекъ; первобытное вещество состоитъ изъ частичекъ однородныхъ *ἁτομομερῶν* (онъ обозначаетъ этимъ именемъ собственно однородность частичекъ и ошибочно мнѣніе, что названіемъ «Омэомеровъ» обозначаются самыя частички). Эти первобытные вещества совсѣмъ не то, что стихіи Эмпедокла (земля, вода, огонь, воздухъ). Анаксагоръ говоритъ, что эти стихіи вещества не однородны (*ἀνομοιομερῶν*) и потому не первобытныя; каждая изъ нихъ — смѣсь разнородныхъ частицъ. Соединеніе и разединеніе первобытныхъ веществъ, производящія видимые нами предметы и перемѣны въ нихъ, производится дѣйствіемъ разума (*Νοῦς*); этотъ разумъ, по ученію Анаксагора, — совокупность всѣхъ силъ природы и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладаетъ всевѣдѣніемъ, все-

Анаксагоръ
500—428.

могуществом и свободой. Онъ вноситъ въ матерію движеніе, жизнь и порядокъ. Жизнь и душа проявленія этого разума; дѣятельностью разума въ человѣкѣ достигается познаніе истины, чувственные впечатлѣнія обманчивы. Цѣлью жизни должно быть стремленіе къ истинѣ. — При нынѣшнемъ развитіи естествознанія многія изъ понятій Анаксагора о возникновеніи міра, о формѣ и природѣ небесныхъ тѣлъ кажутся странными: онъ полагаетъ, что земля лежитъ неподвижно въ центрѣ вселенной на воздухѣ, форма земли — плоскій цилиндръ, солнце и звѣзды — распаленныя каменные массы. Первоначально всѣ первобытныя вещества были перемѣшаны между собою, это былъ хаосъ. Разумъ произвелъ круговое движеніе въ одной изъ частей хаотической массы, движеніе распространилось, охватывало все больше и больше частей ея; это расширеніе продолжается и теперь и будетъ продолжаться. Оно чрезвычайно быстро, и быстротою его разныя вещества раздѣляются другъ отъ друга, одни направляются къверху, другія кънизу; но раздѣленіе между веществами происходитъ не полное. Даже въ тѣхъ тѣлахъ, которыя кажутся намъ совершенно однородными, примѣшаны къ преобладающему веществу малѣнкія количества всякихъ другихъ веществъ; разница между тѣлами по формѣ и по качеству состоитъ въ томъ, что преобладающія въ нихъ вещества различны. Такимъ образомъ изъ одного тѣла можетъ произойти совершенно иное, хотя основные элементы тѣла неизмѣнны. Сочиненіе Анаксагора «О природѣ» было написано на іонійскомъ нарѣчьи очень простымъ слогомъ, не многосложными періодами, а краткими предложениями. Его ученіе имѣло большое вліяніе на мыслящихъ людей его времени, но противорѣчило народной религіи.

Еще послѣдовательнѣе было проведено механическое объясненіе природы въ атомистическомъ ученіи. Основателемъ этого ученія Аристотель и Теофрастъ называютъ Левкиппа, о которомъ мы кромѣ этого не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній. Эпикуръ даже говорилъ, что Левкиппъ лицо вымышленное, и новѣйшіе изслѣдователи находятъ, что Эпикуръ былъ правъ. Но признавать или не признавать Левкиппа дѣйствительнымъ лицомъ, во всякомъ случаѣ важнѣйшимъ представителемъ атомистическаго ученія былъ Демокритъ Абдерскій, по мнѣнію однихъ основатель этого ученія, по мнѣнію другихъ ученикъ Левкиппа. Онъ былъ человѣкъ обширной учености, много путешествовавшій по Востоку, написалъ очень много сочиненій и обладалъ большимъ литературнымъ талантомъ. Онъ отбросилъ ученіе Эмпедокла и Анаксагора о томъ, что первобытная матерія состоитъ изъ разныхъ веществъ; по его ученію, основныя частицы матеріи — простыя нераздѣлимые тѣла (ἄτομοι, атомы) и отличаются другъ отъ друга только величиною и формою; вторая существенная идея его ученія — пустое пространство: безъ пустоты было бы немыслимо движеніе. Атомы находятся въ вѣчномъ движеніи, оно постоянно то соединяетъ, то разъединяетъ ихъ, этотъ процессъ соединеній и разъединеній производятъ возникновеніе и исчезновеніе отдѣльныхъ предметовъ, перемѣны ихъ, взаимодействіе ихъ производитъ все безконечное разнообразіе существующаго. Центръ вселенной занимаетъ неподвижная земля, она имѣетъ форму плоскаго цилиндра и окружена воздухомъ, въ которомъ движутся небесныя тѣла. Демокритъ считалъ ихъ массами вещества, подобнаго земному, увлеченными быстрымъ круговымъ движеніемъ въ высоту и находящимися въ раскаленномъ состояніи. Всѣ части вселенной пронизаны атомами огня, которые очень малы, круглы и гладки, эти атомы оживляютъ вселенную. Особенно много ихъ въ человѣкѣ, который былъ главнымъ предметомъ изслѣдованій Демокрита. Онъ доказывалъ, что человѣческій организмъ устроенъ очень цѣлесообразно; мозгъ онъ считалъ вѣстникомъ мышленія, сердце вѣстникомъ страстей, но тѣло, по его мнѣнію, только «сосудъ души»; заботу о душевномъ развитіи онъ считалъ главной обязанностью человѣка. Измѣнчивый міръ явленій — міръ призрачный; изученіе явленій этого міра не можетъ привести къ истинному знанію. Признавая чувственный міръ призрачнымъ, Демокритъ подобно Гераклиту говорилъ, что человѣкъ долженъ при всѣхъ перемѣнахъ обстоятельствъ сохранять душевное спокойствіе. Кто умѣетъ различать существенное отъ случайнаго, истину отъ призрака, тотъ ищетъ счастья не въ чувственныхъ наслажденіяхъ, а въ томъ, чтобы дать своей душевной жизни правильный ходъ. Цѣль жизни, по Демокриту, — счастье;

Демокритъ
460 — до при-
близ. 370.

но оно состоитъ не во внѣшнихъ благахъ и наслажденіяхъ, а въ довольствѣ, въ неизмѣнномъ спокойствіи души, и достигается воздержностью, чистотою мыслей и дѣлъ, умственнымъ образованіемъ; счастье человѣка зависитъ отъ того, какъ онъ держитъ себя; боги даютъ человѣку только хорошее, лишь собственнымъ безразсудствомъ онъ превращаетъ хорошее въ дурное. Примѣненіе этихъ мыслей къ дѣламъ общественной и частной жизни составляетъ главное содержаніе нравственной философіи Демокрита. Божественныя силы — это, по его ученію, силы природы и человѣческаго разума; божества народной религіи — это или призраки, созданныя фантазіею, олицетворившей въ нихъ свои представленія о силахъ природы и нравственныхъ понятіяхъ, или духи («демоны»), существа смертныя. Обширностью знаній, проницательностью ума и послѣдовательностью выводовъ Демокритъ превосходилъ почти всѣхъ прежнихъ и современныхъ ему философовъ. Его литературная дѣятельность была многосторонняя; онъ писалъ трактаты по фовѣ. Его литературная дѣятельность была многосторонняя; онъ писалъ трактаты по математикѣ, по естествознанію, по нравственнымъ наукамъ, по эстетикѣ, грамматикѣ, по техническимъ искусствамъ. Онъ оказалъ большія услуги развитію естествознанія; мы имѣемъ о нихъ лишь смутныя свѣдѣнія, потому что его сочиненія погибли; но должно полагать, что онъ, какъ натуралистъ, былъ величайшимъ изъ всѣхъ предшественниковъ Аристотеля, который былъ очень многимъ обязанъ ему и говорить о его трудахъ съ самымъ глубокимъ уваженіемъ.

в) итальянская философія.

1. Пифагоръ и пифагорейцы.

Пифагоръ, родившійся около 580 года на островѣ Самосѣ, сынъ рѣз- Пифагоръ около
чика драгоценныхъ камней или купца Мнесарха, былъ человѣкъ, одарен- 580—500.
ный замѣчательною физическою красотою и великою силою ума. Въ извѣ- Жизнь и харак-
стіяхъ, дошедшихъ до насъ, его жизнь облечена мистическимъ и мистиче- терь.
скимъ туманомъ. Въ молодости онъ усердно занимался математикою, гео-
метріею и музыкою; по словамъ Гераклита, не было человѣка, который
столько и съ такимъ успѣхомъ трудился для изслѣдованія истины и при-
обрѣлъ такія обширныя знанія. Есть извѣстіе, что онъ учился философій
у Ферекида. Для расширенія своихъ знаній, онъ долго путешествовалъ:
жилъ въ европейской Греціи, на Критѣ, въ Египтѣ; преданіе говоритъ,
что геліопольскіе жрецы посвятили его въ таинства своей мудрости. Когда
ему было около 50 лѣтъ, онъ переселился съ Самоса въ южно-италійскій
городъ Кротонъ, чтобы заняться тамъ практическою дѣятельностью, для
которой не было простора на Самосѣ, подпавшемъ подъ владычество По-
ликрата. Граждане Кротона были мужественные люди, не поддававшіеся
соблазнамъ роскоши и сладострастной изнѣженности, любившіе заниматься
гимнастикою, крѣпкіе тѣломъ, дѣятельные, стремившіеся прославлять себя
храбрыми подвигами. Ихъ образъ жизни былъ простой, нравы ихъ были
строги. Пифагоръ скоро приобрѣлъ между ними много слушателей, друзей,
приверженцевъ своимъ ученіемъ, проповѣдывавшимъ самообладаніе, направ-
леннымъ къ стройному развитію душевныхъ и физическихъ силъ человѣка,
своею величественною наружностью, импонирующими манерами, чистотою
своей жизни, своею воздержностью: онъ ѣлъ только медъ, овощи, фрукты,
хлѣбъ. Подобно іонійскимъ философамъ, онъ занимался изслѣдованіями о
природѣ, объ устройствѣ вселенной, но шелъ въ своихъ изслѣдованіяхъ
другимъ путемъ, изучалъ количественныя отношенія между предметами,
старался формулировать ихъ цифрами. Поселившись въ дорійскомъ городѣ,
онъ далъ своей дѣятельности дорійское, практическое направленіе. Та

около 532.

Пифагорейский союзъ. система философіи, которая называется пифагорейскою, была выработана, по всей вѣроятности, не имъ самимъ, а его учениками; но основныя мысли ея принадлежать ему: онъ уже находилъ таинственный смыслъ въ числахъ и фигурахъ, говорилъ, что „число составляетъ сущность вещей; сущность предмета—число его“, ставилъ гармонию верховнымъ закономъ физическаго міра и нравственнаго порядка. Есть легенда, что онъ принесъ гекатомбу богамъ, когда открылъ геометрическую теорему, которая называется его именемъ: „въ прямоугольномъ треугольникѣ квадратъ гипотенузы равенъ суммѣ квадратовъ катетовъ“. Въ неподеніяхъ мы ближе ознакомимся съ замѣчательной системой Пифагора и его учениковъ, съ ихъ смѣлыми, хотя во многомъ фантастическими попытками объяснить устройство вселенной: они представляли себѣ, что всѣ небесныя тѣла и въ томъ числѣ сама земля, имѣющая шарообразную форму, и другая планета, которую они называли противоположною землѣ, движутся по круговымъ орбитамъ около центральнаго огня, отъ котораго получаютъ жизнь, свѣтъ и теплоту; они полагали, что орбиты планетъ находятся между собою въ пропорціяхъ соотвѣствующихъ интерваламъ тоновъ семиструнной китары и что изъ этой пропорціональности разстояній и времени обращенія планетъ возникаетъ гармонія вселенной; цѣлью жизни человѣка они ставили то, чтобы душа приобрѣтала гармоническое настроеніе, посредствомъ котораго она дѣлается достойной возвратиться въ область вѣчнаго порядка, къ богу свѣта и гармоніи. Теперь мы прослѣдимъ ходъ жизни и развитіе идей самого Пифагора и расскажемъ о его вліяніи на государственныя учрежденія и образъ жизни кротонцевъ.

Пифагорейская философія. Философія Пифагора скоро получила въ Кротонѣ практическое направленіе. Слава его мудрости привлекла къ нему много учениковъ, и онъ образовалъ изъ нихъ пифагорейскій союзъ, члены котораго были возводимы „къ чистотѣ жизни и къ соблюденію всѣхъ нравственныхъ законовъ“ религіозными обрядами посвященія, нравственными заповѣдями и принятіемъ особенныхъ обычаевъ.

По дошедшимъ до насъ преданіямъ о пифагорейскомъ союзѣ, онъ былъ религіозно-политическимъ обществомъ, состоявшимъ изъ двухъ классовъ: высшій классъ образовали Эсотерики, число которыхъ не могло превышать 300; они были посвящены въ тайныя ученія союза и знали окончательныя цѣли его стремленій; низшій классъ составляли Экзотерики, непосвященные въ таинства. Принятію въ разрядъ Эсотериковъ предшествовало строгое испытаніе жизни и характера ученика; во время этого испытанія онъ долженъ былъ хранить молчаніе, изслѣдовать свое сердце, трудиться, повиноваться; долженъ былъ приучать себя къ отреченію отъ житейской суеты, къ аскетизму. Всѣ члены союза вели умѣренный, нравственно-строгий образъ жизни по установленнымъ правиламъ; они собирались заниматься гимнастическими упражненіями и умственными трудами; обѣдали вмѣстѣ, не ѣли мяса, не пили вина, совершали особенныя богослужебныя обряды; имѣли символическія изреченія и знаки, по которымъ узнавали другъ друга; носили льняную одежду особеннаго покроя. Есть преданіе, что у нихъ была введена общность имущества; но, кажется, что это — вымыселъ позднѣйшихъ временъ; βασисловныя прикрасы, которыми затуманены извѣстія о жизни Пифагора, распространяются и на союзъ, основанный имъ. Недостойные члены были позорнымъ образомъ исключаемы изъ союза. Нравственныя заповѣди союза и правила жизни для его членовъ были изложены въ «Золотыхъ изреченіяхъ» Пифагора, имѣвшихъ, вѣроятно, символическій и загадочный характеръ. Члены союза были преданы своему учителю съ такимъ благоговѣніемъ, что слова: «онъ самъ сказалъ» придавали печать несомнѣнной истины мыслямъ, съ которыми соединялись. Одушевленные любовью къ добродѣтели, пифагорейцы составляли братство въ которомъ личность человѣка была совершенно подчинена цѣлямъ общества.

Основаніями пифагорейской философіи были число и гармонія, понятія нравственныхъ о которыхъ совпадали для пифагорейцевъ съ идеями закона и порядка; правила и цѣль нравственныхъ заповѣди ихъ союза имѣли своею цѣлью водворить въ жизни законъ и гармонию. Потому они очень усердно занимались математикою и музыкою, какъ наилучшими средствами для доставленія душъ спокойнаго, гармоническаго настроенія, которое было для нихъ высшею цѣлью воспитанія и развитія; усердно занимались гимнастикой и медициною, чтобы доставлять тѣлу силу и здоровье. Эти правила Пифагора и торжественное служеніе Аполлону, богу чистоты и гармоніи соотвѣтствовали общимъ понятіямъ греческаго народа, идеаломъ котораго былъ „красивый и добрый человѣкъ“, а въ частности они соотвѣтствовали господствующему направленію гражданъ Кротона, которые издавна славилась, какъ атлеты и врачи. Пифагорейскія нравственныя и религіозныя ученія имѣли въ себѣ много подробностей, странно противорѣчившихъ претензіи пифагоровой системы на математическую основательность; но энергическое, глубокое стремленіе пифагорейцевъ найти „объединяющую связь“, „законъ вселенной“, привести жизнь человѣка въ гармонию съ жизнью вселенной, имѣло въ практическомъ отношеніи благотворныя результаты. Пифагорейцы усердно исполняли обязанности, которыя были предписаны имъ „золотыми изреченіями“ учителя; они не только проповѣдывали, но и на дѣлѣ соблюдали благочестіе, почтительность и признательность къ родителямъ и благодѣтелямъ, покорность закону и начальству, вѣрность дружбѣ и браку, вѣрность данному слову, воздержность въ наслажденіяхъ, умѣренность во всемъ, кротость, справедливость и другія добродѣтели; они всѣми силами старались обуздывать свои страсти, подавлять въ себѣ всѣ нечистыя побужденія, сохранять въ душѣ гармоническое спокойствіе; они были друзьями порядка и закона. Они держали себя миролюбиво, разсудительно, старались избѣгать всякихъ поступковъ и словъ, нарушающихъ общественную тишину; по ихъ манерамъ, по тону ихъ разговора было видно, что они люди, пользующіеся невозмутимымъ душевнымъ миромъ; блаженное сознаніе неварушимости душевнаго спокойствія составляло счастье, къ которому стремился пифагореецъ. Въ концѣ вечера, готовясь лечь спать, пифагореецъ былъ обязанъ играть на китарѣ, чтобы звуки ея дали душѣ гармоническое настроеніе.

Само собою разумѣется, что союзъ, къ которому принадлежали благороднѣйшіе и вліятельнѣйшіе люди Кротона и другихъ греческихъ городовъ южной Италіи, не могъ не имѣть вліянія на общественную жизнь, на государственныя дѣла; по понятіямъ грековъ, достоинство человѣка состояло въ его гражданской дѣятельности. И дѣйствительно мы находимъ, что не только въ Кротонѣ, но и въ Локрахъ, Метапонтѣ, Тарентѣ, въ другихъ городахъ пифагорейцы приобрѣли вліяніе на управленіе государственными дѣлами, что въ собраніяхъ правительственнаго совѣта они обыкновенно имѣли преобладаніе благодаря тому, что дѣйствовали единодушно; ихъ союзъ, будучи религіозно-нравственнымъ обществомъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ политическимъ клубомъ (гетерія); у нихъ былъ систематическій образъ мыслей по вопросамъ внутренней политики; они образовали плотную политическую партію. По характеру ихъ ученія, эта партія была строго аристократическая; они хотѣли, чтобы властвовала аристократія, но аристократія образованности, а не знатности. Стремясь преобразовать государственныя учрежденія по своимъ понятіямъ, оттѣснить отъ управленія старинныя знатныя фамиліи и не допустить до участія въ управленіи демократію, требовавшую политическихъ правъ, они навлекли на себя вражду и знатныхъ родовъ и демократовъ. Кажется, впрочемъ, что со-

Политическое
положеніе
пифагорейцевъ.

противление со стороны аристократовъ было не очень упорно, отчасти потому, что учение пифагорейцевъ само имѣло аристократическое направление, отчасти потому, что почти всѣ пифагорейцы принадлежали къ аристократическимъ фамиліямъ; впрочемъ Килонъ, ставшій вождемъ ихъ противниковъ, былъ аристократъ. Демократическая партія сильно ненавидѣла пифагорейцевъ за ихъ надменность. Гордясь своей образованностью, своей новой философіей, показывавшею имъ небесныя и земныя дѣла не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ представлялись они по народному вѣрованію, гордясь своими добродѣтелями и своимъ саномъ посвященныхъ въ таинства, они презирали толпу, принимающую „призракъ“ за истину, раздражали народъ тѣмъ, что чуждались его и говорили на таинственномъ языкѣ, непонятномъ ему. До насъ дошли изреченія, приписываемыя Пифагору; быть можетъ они и не принадлежатъ ему самому, но въ нихъ высказывается духъ пифагорейскаго союза: „Дѣлай то, что считаешь хорошимъ, хотя бы это подвергло тебя опасности изгнанія; толпа не способна правильно судить о благородныхъ людяхъ; презирай же ея похвалу, презирай ея порицаніе. Уважай своихъ братьевъ, какъ боговъ, а другихъ людей считай презрѣнной чернью. Непримиимо веди борьбу съ демократами“. При такомъ образѣ мыслей пифагорейцевъ неизбежна была ихъ гибель. Мы рассказали о томъ, что разрушеніе Сибариса имѣло своимъ послѣдствіемъ катастрофу, уничтожившую пифагорейскій союзъ (стр. 216). Дома ихъ общественныхъ собраний повсюду были сожжены, сами они или убиты, или изгнаны. Но учение ихъ сохранилось. Отчасти по своему внутреннему достоинству, отчасти по склонности людей къ таинственному и чудесному, оно имѣло приверженцевъ и въ позднѣйшія времена. Знаменитѣйшіе изъ пифагорейцевъ слѣдующихъ столѣтій были Филолай и Архитъ, современники Сократа, и Лисисъ, учитель Эпаминонда. Пифагоръ умеръ около 500 года; преданіе говоритъ, что онъ дожилъ до 84 лѣтъ. Приверженцы его ученія считали его святымъ человекомъ, чудотворцемъ. Фантастичность ихъ мыслей, символическій языкъ, странныя выраженія ихъ подавали поводъ аттическимъ комикамъ смѣяться надъ ними; вообще они доводили до крайности щегольство ученостью, за которое Гераклитъ осуждалъ Пифагора. Ихъ чудесные рассказы о Пифагорѣ облекли его жизнь мистическимъ туманомъ; всѣ извѣстія о его личности и о его дѣятельности искажены баснословными преувеличеніями.

Позднѣйшіе
пифагорейцы.

подробности относительно нѣкоторыхъ ученій пифагорейской философіи.

Ученіе о числахъ.

Основывая все на представленіяхъ о мѣрѣ и числѣ, пифагорейцы старались объяснить формы предметовъ и отношенія отдѣльных предметовъ къ первобытному единству бытія. Законы этихъ отношеній опредѣляли они простыми числами, составляющими, по ихъ мнѣнію, сущность всѣхъ предметовъ и формъ предметовъ. Единицу уподобляли они точкѣ, число 2 соответствовало, по ихъ мнѣнію, линіи, число 3 плоскости, число 4 соответствовало отдѣльному предмету; они основывали эти выводы на слѣдующихъ соображеніяхъ: „прямая линія имѣетъ своими предѣлами двѣ точки; простѣйшая прямолинейная фигура имѣетъ своими границами три линіи; простѣйшее правильное тѣло имѣетъ своими предѣлами четыре плоскости; а точка это — недѣлимая единица“. Но не только геометрическія фигуры, а также и самые предметы представлялись пифагорейцамъ числами. Всѣ земляныя тѣла состоятъ, по ихъ мнѣнію, изъ частицъ, имѣющихъ форму куба; частицы огня имѣютъ форму тетраэдра или пирамиды, частицы воздуха форму восьмигранника, частицы воды форму двенадцатигранника, частицы всѣхъ другихъ простыхъ тѣлъ форму двѣнадцатигранника. А знаніе формы было, по ученію пифагорейцевъ, знаніемъ сущности предмета, опредѣляемой исключительно формою его; потому

числа были, по ихъ мнѣнію, не только формою, но и самою сущностью предметовъ. Отожествляя матерію съ формою, принимая числа не за обозначеніе пропорцій между предметами, а за сущность самихъ предметовъ, пифагорейцы приходили къ мыслямъ, очень страннымъ. По ихъ ученію, всѣ числа болѣе десяти—только повторенія первыхъ десяти чиселъ. Число десять, въ которомъ заключаются всѣ числа и всѣ силы чиселъ, десяти чиселъ. Число десять, въ которомъ заключаются всѣ числа и всѣ силы чиселъ, число совершенное, «начало и правитель небесной и земной жизни». Подобное ему значеніе имѣетъ число четыре, по первымъ потому, что сумма первыхъ четырехъ чиселъ образуетъ совершенное число десять, а во вторыхъ потому, что число 4—первое квадратное число; поэтому оно «великое число, источникъ и корень вѣчной природы». Единица, изъ которой произошло число десять—первоначальнѣйшій источникъ всего существующаго. Число семь, занимающее средину между 4 и числомъ 10 ($4+3=7$; $7+3=10$), тоже имѣетъ очень большую важность: десять небесныхъ тѣлъ движутся по семи кругамъ. Въ понятія о числахъ пифагорейцы влагали весь физическій и весь нравственный міръ, отождествляя количественныя отношенія между предметами съ сущностью предметовъ. Такъ, напримѣръ, они говорили, что «справедливость производится перемноженіемъ равнаго на равное, то есть, она — квадратное число, потому что воздастъ равнымъ за равное»; и они называли справедливость числомъ 4, потому что оно первое квадратное число, или числомъ 9, потому что оно квадратъ перваго нечетнаго числа. Число 5, соединеніе перваго мужскаго (нечетнаго) числа 3 съ первымъ женскимъ (четнымъ) 2, было у нихъ сущность брака; здоровье, по ихъ ученію, было число 7; любовь и дружба были число 8; единица была разумъ, потому что разумъ неизмѣненъ; число 2 было «мнѣніе», потому что оно измѣнчиво; и т. д.

Съ ученіемъ о числѣ тѣснѣйшимъ образомъ соединено у пифагорейцевъ ученіе о гармоніи, о переходѣ противоположности въ тождество. Всѣ числа раздѣляются на четныя и нечетныя; четныя—неограниченны, нечетныя—ограниченны. Въ единицѣ еще нѣтъ раздвоенія; оно возникаетъ въ числѣ 2; въ числѣ 3 единица сливается съ числомъ 2; поэтому число 3 — первое примиреніе противоположностей. Нечетное число — владычество единства надъ противоположностями, потому оно лучше, совершеннѣе четнаго. Четное число—раздвоеніе, не подведенное подъ границу единства, въ немъ не примирены противоположности; потому въ немъ нѣтъ совершенства. Всякій отдѣльный предметъ имѣетъ характеръ несовершенства; а совершенство производится подведеніемъ противоположныхъ несовершенствъ подъ единство, элементомъ связи, соединяющей ихъ; эта связь—гармонія, примиряющая противоположности, превращающая разногласіе въ согласіе. Гармонія — сочетаніе тоновъ; тоны тоже числа; но система этихъ чиселъ не та, какъ система чиселъ поверхностей и тѣлъ; она имѣетъ своимъ основаніемъ не 10, а 8 (октаву). Пифагоръ нашелъ, что разница тоновъ, издаваемыхъ струнами китарты, соответствуетъ точнымъ пропорціямъ длины струнъ; что одна и та же струна, натягиваемая разными тяжестями, измѣняетъ тонъ тоже въ точной пропорціи съ вѣсомъ ихъ; онъ опредѣлялъ, что основной тонъ относится къ октавѣ, какъ 1 къ 2, къ квартѣ какъ 3 къ 4, къ квинтѣ какъ 2 къ 3. Такимъ образомъ оказывалось, что число—причина гармоніи тоновъ, что дивная сила музыки—результатъ таинственнаго дѣйствія чиселъ.

Подобно іонійскимъ мудрецамъ, пифагорейцы старались объяснить происхожденіе и устройство вселенной; благодаря своимъ усерднымъ занятіямъ математикою, они составили себѣ объ устройствѣ міра понятія, болѣе близкія къ истинѣ, чѣмъ тѣ, какихъ держались другіе греческіе астрономы. Понятія ихъ о происхожденіи вселенной были фантастичны; они говорили о немъ такъ: въ центрѣ вселенной образовался «центральный огонь»; они называли его монадою, «единицею», потому что онъ—«первое небесное тѣло»; онъ—«мать боговъ» (небесныхъ тѣлъ), Гестія, очагъ вселенной, жертвенникъ вселенной, стражъ ея, жилище Зевса, престолъ его; дѣйствіемъ этого огня произведены другія небесныя тѣла; онъ—центръ силы, сохраняющей порядокъ вселенной. Онъ притягивалъ къ себѣ ближайшія части «безпредѣльнаго», то-есть ближайшія части вещества, находящагося въ безпредѣльномъ пространствѣ; постепенно расширяясь, дѣйствіе этой силы его, вводящей безпредѣльное въ предѣлы, дало устройство вселенной.

2. Гармонія.

3. Система вселенной.

центрального огня вращаются, по направлению съ запада на востокъ, десять небесныхъ тѣлъ; самое отдаленное изъ нихъ — сфера неподвижныхъ звѣздъ, которую пифагорейцы считали однимъ сплошнымъ цѣлымъ; ближайшія къ центральному огню небесныя тѣла — это планеты; ихъ пять; далѣе ихъ отъ него солнце, луна, земля и небесное тѣло, составляющее противоположность землѣ, антихтонъ, «противуземля». Оболочку вселенной составляетъ «огонь окружности», который надобенъ былъ пифагорейцамъ для того, чтобы окружность вселенной гармонировала съ центромъ ея» (Целлеръ). Центральный огонь, середина вселенной, составляетъ основаніе порядка въ ней; онъ норма всего, связь всего въ ней. Земля вращается около центрального огня; форма ея шарообразна; жить можно только на верхней половинѣ ея окружности. И она и другія тѣла движутся по круговымъ путямъ. Солнце и луна, шары, состоящіе изъ вещества, подобнаго стеклу, получаютъ свѣтъ и теплоту отъ центрального огня и передаютъ землѣ. Она вращается ближе къ нему, чѣмъ они, но между ними и нею вращается противуземля, имѣющая тотъ же путь и такой же періодъ своего круговращенія, какъ она; потому-то центральный огонь постоянно закрытъ этимъ тѣломъ отъ земли и не можетъ давать свѣтъ и теплоту прямо ей. Когда земля въ своемъ дневномъ круговращеніи находится на той же сторонѣ отъ центрального огня, какъ солнце, то на землѣ день, а когда солнце и она на разныхъ сторонахъ, то на землѣ ночь. Путь земли находится въ наклонномъ положеніи относительно пути солнца; этимъ правильнымъ своимъ свѣдѣніемъ пифагорейцы объясняли смѣну времени года; промѣ того, если бы путь солнца не былъ наклоннымъ относительно пути земли, то земля при каждомъ своемъ ежедневномъ круговращеніи проходила бы прямо между солнцемъ и центральнымъ огнемъ и каждый день производила бы солнечное затмѣніе. Но при наклонности ея пути относительно путей солнца и луны, она лишь изрѣдка бываетъ на прямой линіи между центральнымъ огнемъ и этими тѣлами, и закрывая ихъ своею тѣнью, производитъ затмѣнія ихъ. Небесныя тѣла подобны землѣ, и какъ она, окружены воздухомъ. На лунѣ есть и растенія и животныя; они гораздо больше ростомъ и прекраснѣе, чѣмъ на землѣ. Время обращенія небесныхъ тѣлъ около центрального огня опредѣляется величиною проходимыхъ ими круговъ. Земля и противуземля обходятъ свои круговые пути въ сутки, а лунѣ нужно на это 30 дней, солнцу, Венерѣ и Меркурію нуженъ цѣлый годъ, и т. д., а звѣздное небо совершаетъ свой круговой оборотъ въ періодъ, продолжительность котораго не была въ точности опредѣляема пифагорейцами, но составляла тысячи лѣтъ, и который назывался «великимъ годомъ». Непзмѣнная правильность этихъ движеній обуславливается дѣйствіемъ числъ; потому число — верховный законъ устройства вселенной, сила, правящая ею. А пропорціональность числъ — гармонія; потому правильное движеніе небесныхъ тѣлъ должно производить гармонию звуковъ. На этомъ было основано пифагорейское ученіе о гармоніи сферъ; оно говорило, что «небесныя тѣла вращеніемъ своимъ около центра производятъ рядъ тоновъ, сочетаніе которыхъ составляетъ октаву, гармонию»; но человѣческое ухо не слышитъ этой гармоніи, какъ и человѣчскій глазъ не видитъ центрального огня. Гармонию сферъ слышала только одинъ изъ всѣхъ смертныхъ, Пифагоръ. При всей фантастичности своихъ подробностей, ученіе пифагорейцевъ объ устройствѣ вселенной составляетъ, по сравненію съ понятіями прежнихъ философовъ, большой астрономическій прогрессъ. Прежде, суточный ходъ перемѣтъ объясняли движеніемъ солнца около земли; пифагорейцы стали объяснять его движеніемъ самой земли; отъ ихъ понятія о характерѣ ея суточного круговращенія легко было перейти къ понятію, что она вращается около своей оси. Целлеръ справедливо говоритъ: «Надобно было только отбросить фантастическій элементъ, и получалась истина: противуземля оказывалась западнымъ полушаріемъ земнаго шара, центральный огонь оказывался находящимся въ центрѣ земнаго шара, вращеніе земли около центрального огня превращалось въ круговращеніе земли около оси».

4. Гармонія сферъ.
5. Цѣль жизни; переселеніе душъ.
- Ученіе о числахъ, о сочетаніи противоположностей, замѣняющемъ безпорядокъ гармоніею, служило у пифагорейцевъ основаніемъ и для системы нравственныхъ и религиозныхъ обязанностей. Какъ во вселенной владычествуетъ гармонія, такъ должна влады-

чествовать она въ индивидуальной и въ государственной жизни людей: единство и тутъ должно господствовать надъ всѣми разнородностями, нечетный, мужской элементъ, надъ четнымъ, женскимъ, спокойствіе надъ движеніемъ. Потому первая обязанность человека — подводить подъ гармонию всѣ противоположныя одна другой влеченія души, покорять инстинкты и страсти владычеству разума. По пифагорейскому ученію, душа соединена съ тѣломъ въ наказаніе за грѣхи, погребена въ немъ, какъ въ темницѣ. Потому она не должна самовластно освобождаться отъ него. Она и любить его, пока соединена съ нимъ, потому что получаетъ впечатлѣнія только посредствомъ чувствъ тѣла. Освободившись отъ него, она ведетъ безтѣлесную жизнь въ лучшемъ мірѣ. Въ этотъ лучший міръ порядка и гармоніи она вступаетъ однакоже лишь въ томъ случаѣ, если она установила въ себѣ гармонию, если сдѣлала себя достойной блаженства добродѣтели и чистоты. Негармоничная и нечистая душа не можетъ быть принята въ царство свѣта и вѣчной гармоніи, которымъ правитъ Аполлонъ; она должна возвратиться на землю для новаго странствованія по тѣламъ животныхъ и людей. Итакъ у пифагорейцевъ были понятія, сходныя съ восточными. Земная жизнь для нихъ — время очищенія и подготовленія къ будущей жизни; нечистыя души удлиняютъ для себя этотъ періодъ наказанія, должны подвергаться возрожденіямъ. Средствами приготовить душу къ возвращенію въ лучший міръ служатъ, по ученію пифагорейцевъ, такія же правила очищенія и воздержанія, какъ въ индійской, персидской и египетской религіяхъ. У нихъ, какъ и у восточныхъ жрецовъ, необходимыми пособіями для человека на пути земной жизни были заповѣди о томъ, какія формальности должно исполнять въ разныхъ житейскихъ случаяхъ, какую пищу можно ѣсть, отъ какой слѣдуетъ воздерживаться; по ихъ ученію, человекъ долженъ молиться богамъ въ бѣлой льняной одеждѣ, и хоронить его должно тоже въ такой одеждѣ. Подобныхъ правилъ у нихъ было много. Давая такіа заповѣди, Пифагоръ сообразовался съ народными вѣрованіями и обычаями: мы видѣли, что греческій народъ не былъ чуждъ религиозной формалистичности, что греки имѣли обряды очищенія, что у простолюдиновъ было много суевѣрныхъ правилъ (стр. 313 и слѣдующія). Вообще Пифагоръ и его ученики не противорѣчили народной религіи такъ рѣзко, какъ другіе философы. Они только старались очистить народные понятія и говорили о единствѣ божественной силы. Аполлонъ, богъ чистаго свѣта, дающій міру теплоту и жизнь, богъ чистой жизни и вѣчныхъ гармоній, былъ единственнымъ богомъ, которому молились и приносили свои безкровныя жертвы пифагорейцы; они служили ему, одѣвшись въ чистое платье, омывъ тѣло и озаботившись очистить свои помысленія; въ славу ему пѣли они свои пѣсни съ аккомпанементомъ музыки, совершали торжественныя процессіи. Изъ царства Аполлона исключено все нечистое, негармоническое, безпорядочное; человекъ, который былъ на землѣ безнравственнымъ, несправедливымъ, нечестивымъ, не получить доступа въ это царство; онъ будетъ возрождаться въ тѣлахъ разныхъ животныхъ и людей, пока этимъ процессомъ очищенія достигнетъ непорочности и гармоніи. Чтобы сократить странствованія души по разнымъ тѣламъ, пифагорейцы изобрѣли священные, таинственные обряды («оргіи»), которыми улучшается судьба души по смерти человека, доставляется ей вѣчное спокойствіе въ царствѣ гармоній. Послѣдователи Пифагора говорили, что онъ былъ одаренъ способностью узнавать въ новыхъ тѣлахъ тѣ души, которыя зналъ прежде, и что онъ помнилъ все свое прошедшее существованіе въ разныхъ тѣлахъ. Однажды въ Аргосскомъ арсеналѣ, взглянувъ на одинъ изъ находившихся тамъ щитовъ, онъ заплакалъ: онъ вспомнилъ, что онъ носилъ этотъ щитъ, когда сражался противъ осаждавшихъ Трою ахейцевъ; онъ былъ тогда тѣмъ Эвфробомъ, котораго убилъ Менелай въ боѣ между троянцами и ахейцами за тѣло Патрокла. Та жизнь, въ которой онъ былъ философомъ Пифагоромъ, была пятая жизнь его на землѣ. Безтѣлесныя души, по ученію пифагорейцевъ, — духи («демоны»), живущіе или подъ землею, или въ воздушномъ пространствѣ и довольно часто вступающіе въ сношенія съ людьми. Отъ нихъ получали пифагорейцы свои откровенія и пророчества. Однажды Пифагоръ, при своемъ посѣщеніи Гадеса, видѣлъ, что души Гомера и Гезіода подвергаются тамъ тяжкимъ мученіямъ за свои обидные вымыслы о богахъ.

2. Элеатская школа.

Дѣятельность — Между тѣмъ, какъ въ дорійскихъ городахъ южной Италіи Пифагоръ Ксенофана въ раскрывалъ свое ученіе о числѣ и гармоніи избранному кругу приверженцевъ, чтившихъ въ немъ пророка, Ксенофанъ колофонскій въ іонійскомъ городѣ Элеѣ (Велии) излагалъ на площади или на общественныхъ праздникахъ собравшемуся народу результаты своихъ изслѣдованій и размышленій о природѣ и богѣ; онъ излагалъ ихъ въ поэтической формѣ, подобно тому какъ рапсоды рецитировали пѣсни Гомера. Мы уже говорили объ этомъ отважномъ человѣкѣ съ пламенной душой, который напоминалъ своимъ изнѣженнымъ соотечественникамъ въ Малой Азіи объ ихъ предкахъ, простыхъ, энергичныхъ войнахъ чистой нравственной жизни (стр. 327). Человѣкъ съ такимъ характеромъ не могъ подчиниться владычеству персовъ; онъ присоединился къ бѣжающимъ отъ нихъ фокейцамъ и дѣлилъ съ ними ихъ бѣдствія и опасности. Онъ воспѣвалъ основаніе города Элеи, въ которой нашли наконецъ пріютъ себѣ уцѣлѣвшіе эмигранты. Въ Элеѣ провелъ онъ много лѣтъ своей продолжительной жизни, и тамъ сформировалась около него та философская школа, которая называется элеатской по имени города, бывшаго ея родиною. Но характеръ Ксенофана былъ горячъ, а ученіе его противорѣчило народной религіи; потому нигдѣ не пользовался онъ хорошимъ положеніемъ въ обществѣ, и бѣднымъ скитальцемъ проводилъ свою старость въ Занклѣ, Катанѣ и Сиракузахъ; онъ умеръ въ Сиракузахъ, достигнувъ очень глубокой старости; онъ былъ такъ бѣденъ, что его сыновья сами своими руками должны были похоронить его, — говоритъ преданіе.

Характеръ Подобно Фалесу и другимъ малоазійскимъ философамъ, Ксенофанъ первую задачу своего ученія ставилъ физическое объясненіе того, какъ произошла вселенная. По его элеатской философіи, земля возникла изъ сочетанія воды съ твердыми веществами и иѣкогда снова будетъ превращена водою въ мокрый илъ. Онъ доказывалъ это тѣмъ, что на сушѣ, на горахъ и въ каменоломняхъ находятся окаменѣлые остатки морскихъ животныхъ и отчасти формъ ихъ тѣла. Небесныя свѣтила онъ считалъ сгустившимися массами огненныхъ облаковъ и воспламенившихся паровъ и полагалъ, что они движутся надъ землею по прямолинейнымъ путямъ; эти его мысли были дальше отъ истины, чѣмъ понятія философовъ, жившихъ раньше его; но не на нихъ и основана его слава. Кажется, что онъ самъ понималъ неудачность этихъ своихъ соображеній и что именно поэтому онъ перешелъ отъ нихъ къ изслѣдованію объ основномъ вопросѣ человѣческаго знанія. Ксенофанъ поставилъ вопросъ: если человѣкъ и нашелъ истину, то по какимъ признакамъ можетъ онъ узнать, что найденное имъ — истина? Ксенофанъ поставилъ своей задачей открыть въ измѣнчивости явленій природы элементъ постоянства, въ процессѣ возникновенія и разрушенія элементъ неизмѣннаго существованія, въ многообразіи явленій единство вѣчнаго порядка; найти неизмѣнный принципъ жизни. Этотъ элементъ истиннаго существованія, этотъ принципъ жизни онъ считалъ не первобытнымъ веществомъ, какъ іонійскіе мудрецы, и не закономъ чиселъ и геометрическихъ формъ, какъ пифагорейцы, а первобытною силой, душою природы, вѣчнымъ, неизмѣннымъ разумомъ, всепроникающимъ божествомъ. У одного изъ греческихъ поэтовъ Ксенофанъ говоритъ: «Куда ни обращай я мой взглядъ, всегда возвращался онъ къ единому, которое съ тѣмъ вмѣстѣ все; это все, распростирающееся повсюду, постоянно возвращается къ единой однородной сущности. По ученію Ксенофана, міръ вѣченъ и неизмѣненъ; богъ и міръ — одно и тоже; истинная сущность міра — первобытная, духовная сила; ей одной и принадлежитъ истинное существованіе; — такимъ образомъ Ксенофанъ былъ отецъ греческаго пантеизма. Онъ не ограничивался формулированіемъ своего ученія въ отвлеченномъ

Ученіе о бытіи.

Божество.

видѣ; онъ смѣло примѣнялъ его къ проверкѣ народныхъ вѣрованій и приходилъ къ отрицанію господствующей религіи; онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергалъ существованіе боговъ Олимпа, называлъ много и рассказы поэтовъ о богахъ сказками; отрицая боговъ, подобныхъ человѣку по виду и по чувствамъ, переносящихся съ мѣста на мѣсто, онъ говорилъ о божественномъ духѣ, который правитъ вселенною, составляя еѣ жизненную силу ея, составляетъ одно цѣлое съ нею; этотъ божественный духъ, по его ученію, тоже самое, что вѣчный, неизмѣнный порядокъ вселенной, открывающійся взору мудреца. «Люди создаютъ боговъ по своему подобію», говоритъ онъ «эоіоплане изображаютъ ихъ черными и съ приплюснутыми носами, еракійцы — голубоглазыми и рыжими; а если-бы быки и львы имѣли руки и могли рисовать, то, безъ сомнѣнія, дали бы своимъ богамъ тотъ видъ, какой имѣютъ сами». Гомера и Гезіода, которые своими поэмами развили и упрочили антропоморфическія представленія о богахъ, онъ своими поэмами развили и упрочили антропоморфическія представленія о богахъ, онъ называлъ людьми, искавшими религію, порицалъ ихъ за то, что они приписывали богамъ все, что служитъ позоромъ для людей: воровство, прелюбодѣйство, обманъ. Ксенофанъ отвергалъ этихъ боговъ, которыхъ воспѣвали поэты, которыхъ художники изображали въ прекрасныхъ формахъ, которымъ народъ молился, приносилъ жертвы, въ честь которыхъ совершалъ великолѣпные праздники, этихъ боговъ, дававшихъ устами прорицателей предсказанія и совѣты; онъ говорилъ, что существуетъ только одинъ богъ, «видящій, слышащій и знающій все, безъ всякаго труда владычествующій надъ міромъ своею мыслію, неподвижный»; этотъ вѣчный и неизмѣнный богъ — принципъ жизни міра и разумъ его. Ксенофанъ замѣняетъ народное политеистическое обожаніе силъ природы философскимъ пантеизмомъ. Человѣкъ не можетъ вполне постичь своею мыслію этого единого бога, которымъ оживлена вселенная, не можетъ вполне постичь истину; но прилежнымъ изслѣдованіемъ онъ можетъ приблизиться къ ней, составить себѣ понятія, подобныя истинѣ; можетъ достичь, если не безусловно вѣрнаго знанія, то знанія, очень достовѣрнаго. Стремленіе къ истинѣ и знанію ея, хотя и не полное, выше всего того, чѣмъ дорожатъ греки; не побѣдитель на олимпійскихъ играхъ, а мудрый человѣкъ, прославляющій свое государство и полезенъ ему; на пирахъ надобно вести разумныя бесѣды о добродѣтели вмѣсто разговоровъ о вымышленныхъ битвахъ титановъ и гигантовъ.

Ксенофанъ не довелъ свою теорію до такой послѣдовательности, чтобы отрицать реальность индивидуальныхъ предметовъ и перемѣнѣ въ нихъ, чтобы называть явленія природы обманомъ чувствъ; этотъ смѣлый шагъ былъ сдѣланъ Парменидомъ, который въ молодости, вѣроятно, былъ ученикомъ Ксенофана и съ большимъ искусствомъ владелъ діалектикою, надъ развитіемъ которой усердно трудилась элеатская школа, старавшаяся извлекать изъ человѣческихъ понятій о предметахъ истину тѣмъ-же способомъ, какимъ математикъ, развивая понятія о числахъ и о фигурахъ, получаетъ громадное количество свѣдѣній. Подобно своему учителю, Парменидъ былъ очень даровитый поэтъ и умѣлъ выражать благозвучными стихами самыя трудныя абстрактныя соображенія; но, какъ и у пифагорейцевъ, у элеатскихъ философовъ матерія, реальность исчезла въ мысляхъ о формѣ; въ мѣсто того, чтобы примѣнять понятія къ дѣйствительности, объяснять ее ими, они отрицали существованіе дѣйствительнаго міра, замѣняли его абстрактной мыслію, которую называли единствомъ или бытіемъ, и говорили, что это абстрактное понятіе только одно имѣетъ истинное существованіе. Элеатское ученіе было первой философскою системою, которая вознеслась выше пространства и времени въ пустую область абстрактнаго мышленія.

Парменидъ основалъ всю свою систему на понятіи о бытіи и далъ этому понятію такой смыслъ, которымъ отрицалось и возникновеніе предметовъ и исчезновеніе ихъ. Его ученіе Парменида прямо противоположно ученію Гераклита. Гераклитъ, держась исключительно по-

Парменидъ около 504.

Элеатское

нѣтія о вѣчномъ процессѣ возникновенія, отрицалъ бытіе; Парменидъ, держась исключительно понятія о бытіи, отрицаетъ возникновеніе; Гераклитъ называетъ обманомъ чувствъ представленіе о существованіи предмета, Парменидъ — представленіе объ измѣненіи и движеніи: существующее не можетъ возникать, потому что возникающее еще не существуетъ, не можетъ исчезать, потому что исчезающее не существуетъ. «Такимъ образомъ, по ученію Парменида, существуетъ только единое и неизмѣнное, никакого возникновенія и исчезновенія нѣтъ, нѣтъ никакого передвиженія, нѣтъ никакихъ перемѣнъ формы; вся вселенная образуетъ одно нераздѣльное цѣлое, совершенно однородное, одинаковое во всѣхъ своихъ точкахъ; Парменидъ сравниваетъ вселенную съ шаромъ, совершенно круглымъ и одинаковымъ во всѣхъ своихъ частяхъ» (Целлеръ). Это ученіе о единомъ бытіи, имѣющемъ пространственное протяженіе, о «единомъ, которое съ тѣмъ вмѣстѣ все», Пармениду казалось «великимъ, священнымъ откровеніемъ». Съ изумительною послѣдовательностью онъ отвергаетъ всѣ чувственные знанія, всѣ явленія; онъ называетъ все являющееся намъ «не существующимъ»; онъ дѣлаетъ это для того, чтобы возвыситься до понятія о простомъ, нераздѣльномъ и неизмѣнномъ субстратѣ явленій, о дѣйствительномъ бытіи; отрицая чувственные впечатлѣнія и основанныя на нихъ сужденія, которыя онъ называетъ «мнѣніями», онъ стремится къ разумному знанію».

Превосходными стихами онъ рассказываетъ, что кони мысли, которыми правятъ дѣвы солнца, привезли его къ воротамъ ночи и дня; тамъ взяла его за руку Дике (Справедливость), отпирающая и запирающая эти ворота, и возвѣстила ему, что онъ извѣдаетъ всѣ тайны, постигнетъ «безтрепетный духъ достовѣрной истины и шатнія мнѣнія смертныхъ, недостойныя довѣрія». Соответственно двумъ частямъ обѣщанія Дике, поэма Парменида, начинающаяся этимъ вступленіемъ, дѣлилась на двѣ части: въ первой онъ излагалъ ученіе о единомъ бытіи, во второй господствующія понятія о мірѣ явленій; переходомъ отъ первой части ко второй служили слова Дике въ концѣ первой: «Этимъ кончаю я достовѣрную рѣчь и мышленіе объ истинѣ; теперь слушай мнѣнія смертныхъ, внимая прелести обманчивыхъ словъ». Далѣе Парменидъ называетъ свѣтъ, теплоту и влагу элементомъ существующаго, мракъ и холодъ — элементомъ несуществующаго; говоритъ, что предметы внѣшней природы и человѣкъ образуются сочетаніемъ существующаго съ несуществующимъ; что преобладаніемъ того или другаго изъ этихъ двухъ элементовъ обуславливаются качества души, ея впечатлѣнія и мысли; что сочетаніе это производится дѣйствіемъ высочайшаго божества, царствующаго въ центрѣ вселенной и правящаго всѣмъ, совершающимся въ ней; но эти мысли о мірѣ явленій не составляютъ у него системы твердыхъ убѣжденій; онъ имѣетъ лишь характеръ соображеній о томъ, какъ слѣдовало-бы думать о мірѣ явленій, если бы можно было полагать, что въ этомъ мірѣ не все призракъ. Но анализъ понятій о мірѣ явленій приводитъ къ тому, что онъ состоитъ изъ двухъ элементовъ, существующаго и несуществующаго, заключаетъ въ себѣ элементъ несуществующаго; изъ этого слѣдуетъ, что міръ явленій — міръ призрачный.

Зенонъ около 460. Основныя идеи элеатской философіи были доведены Парменидомъ до полнаго развитія. Ученикамъ его, Зенону и Мелиссу, оставалось только защищать его теорію отъ возраженій, дѣлаемыхъ людьми держащимися обыкновенныхъ понятій о вещахъ, и подыскивать новые аргументы. Трудясь въ этомъ направленіи, они писали прозою, и діалектическіе приемы, которые у Парменида были облечены поэтическою формою, получили въ ихъ трактатахъ болѣе полную техническую разработку.

Зенонъ Элейскій, другъ и ученикъ Парменида, защищалъ ученіе о единствѣ всего существующаго, о призрачности всего индивидуальнаго діалектическими приемами, показывавшими, какія логическія несообразности заключаются въ «мнѣніи», что дѣйствительно существуетъ міръ индивидуальных предметовъ, возникающихъ и движущихся;

доказывая, что понятія о движеніи, о возникновеніи противорѣчатъ самимъ себѣ, онъ устранялъ, какъ призрачныя, эти понятія и приходилъ къ выводу, что не можетъ существовать ничего измѣняющагося, что, слѣдовательно, существуетъ только единое, неизмѣнное бытіе. — Мелиссъ, самосскій полководецъ, храбро сражавшійся противъ афинянъ (въ 440 году), доказывалъ единство бытія тѣмъ, что выводилъ изъ самаго понятія о бытіи необходимость признавать его вѣчнымъ, единымъ, безпредѣльнымъ и неизмѣннымъ; изъ этого слѣдовало, что внѣ элеатскаго «единого, которое съ тѣмъ вмѣстѣ все», не существуетъ ничего, что не существуетъ даже и пространство. Но, доказывая отрицательными (въ трудахъ Зенона) и положительными (въ трудахъ Мелисса) аргументами призрачность внѣшняго міра, элеатская философія давала оружіе и противъ самой себя: тѣ діалектическіе приемы, какими доказывала она единство и неизмѣнность бытія, были теми же приемами, которые вели къ софистическому отрицанію всякой истины. Примѣръ элеатовъ показываетъ, какъ легко запутывается въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ умъ, когда принимается за реальные предметы понятія, служащія для обозначенія реальныхъ предметовъ нашего опытнаго знанія. Діалектика элеатовъ была пустая игра словами, которую съ такимъ же удобствомъ можно употреблять для аргументаціи противъ ихъ ученія, съ каковымъ они употребляли ее на защиту его.

Принося всю извѣстную намъ по опыту дѣйствительность въ жертву своей идеѣ, элеаты доказали, что умъ можетъ съ успѣхомъ спорить противъ свидѣтельства чувствъ; но подобно побѣдителю, который опустошилъ все кругомъ себя и умираетъ съ голода въ завоеванной области, ихъ философія должна была погибнуть: примѣнивъ свои принципы къ рѣшенію вопросовъ, къ которымъ они не примѣнимы, элеатская философія утратила изъ своего содержанія всякую истину и незамѣтно превратилась въ пустословіе.

3. Эмпедоклъ.

Съ этой абстрактной высоты Эмпедоклъ возвратилъ философію на почву реальности, сохранивъ однако же въ ней все, добытое италійскими фило- 492 (?)—436. софами. Человѣкъ оказавшій большія услуги Акрагantu, улучшеніемъ государственныхъ учрежденій его, Эмпедоклъ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ ученикъ, обладавшій большими свѣдѣніями въ естественныхъ наукахъ, и пользовался у своихъ согражданъ величайшимъ уваженіемъ не только за свою политическую дѣятельность, но и за свои техническія работы, какъ напримѣръ, за осушеніе болотистыхъ низменностей близъ Селинунта, за сооруженіе стѣнъ, остановившихъ холодный вѣтеръ, рвавшійся изъ ущелій; пользовался величайшимъ уваженіемъ и какъ врачъ и какъ мудрецъ. Въ своей дидактической поэмѣ „О природѣ“, имѣвшей высокое, поэтическое достоинство, онъ, по примѣру Гераклита, изложилъ теорію происхожденія вселенной, далъ прекрасныя картины земной поверхности, продуктовъ ея, населяющихъ ее живыхъ существъ, и съ гениальнымъ умомъ высказалъ мысли, до которыхъ лишь въ недавнія времена дошли спеціальныя науки; такъ напримѣръ, онъ говорилъ, что горы и скалы подняты силой огня. Вѣроятно его занятія естествознаніемъ подали поводъ къ легендѣ, что онъ бросился въ кратеръ Этны, желая узнать причину вулканическихъ явленій. Вообще имя его окружено мнѣстическимъ блескомъ. Въ народныхъ разсказахъ сохранились баснословныя преданія и о томъ, какъ очистилъ онъ воздухъ отъ болотныхъ испареній. Фактическая истина состоитъ, вѣроятно, въ томъ, что онъ провелъ каналомъ въ Селинунтскія болота двѣ рѣки и что онъ проломалъ скалу, находившуюся на сѣверѣ отъ Акра-

ганта, для того, чтобы через пролом летѣлъ вѣтеръ въ низменности на югѣ отъ города и гналъ ихъ испаренія въ море. Это болѣе сообразно съ топографическими условіями той мѣстности, чѣмъ разсказъ Плутарха, что онъ избавилъ Акрагантъ отъ заразы и сдѣлалъ плодороднымъ бесплодное поле, загородивъ стѣнами ущелья, изъ которыхъ дулъ вѣтеръ въ равнину.

Четыре стихіи, Эмпедоклъ подобно элеатамъ говорить, что нѣтъ ни возникновенія, ни исчезновенія: составляющія возникновеніе—только сочетаніе веществъ, исчезновеніе—только разъединеніе ихъ; подобно элеатамъ онъ говоритъ, что бытіе вѣчно и неизмѣнно. Но, говоря о бытіи, онъ понимаетъ подъ этимъ словомъ вещество; по его понятіямъ, вещество вѣчно и существуютъ четыре первобытные класса его. Этими четырьмя вѣчными стихіями онъ давалъ кромѣ простыхъ житейскихъ, мифологико-аллегорическихъ названій: огонь—это всепроницающій Зевсъ; воздухъ—жизнедательница Гера; земля, мрачное жилище отверженныхъ духовъ—это Андоны; для четвертой стихіи, воды, онъ самъ составилъ аллегорическое имя: Нестисъ. Этими четырьмя стихіями править двѣ движущія силы: любовь и ненависть или раздоръ. Первоначально стихіи находились въ состояніи согласія и спокойствія, образуя шаръ, «божественную сферу»; изъ этого спокойствія онъ были выведены дѣйствіемъ ненависти; борьба ненависти съ любовью производитъ рядъ соединеній и разъединеній разныхъ стихій. Этотъ процессъ перемѣнъ привелъ къ тому, что возникло нынѣшнее устройство вселенной. Переходъ изъ первобытнаго, блаженнаго состоянія къ этому процессу составляетъ, по ученію Эмпедокла, отпаденіе отъ истины; перемѣны происходятъ по законамъ природы; и первоначально тѣла формировались только дѣйствіемъ случайностей; изъ этихъ случайныхъ результатовъ постепенно развился порядокъ, до нѣкоторой степени разумный. Чтобы объяснить происхожденіе однихъ тѣлъ изъ другихъ, Эмпедоклъ полагаетъ, что всѣ тѣла состоятъ изъ безконечно малыхъ частицъ; каждая частица принадлежитъ той или другой изъ четырехъ стихій. Жизненная сила человеческого организма находится въ крови; самосознаніе возникаетъ при извѣстныхъ сочетаніяхъ составныхъ частицъ; одно и то же сочетаніе можетъ повторяться много разъ; на этомъ основано ученіе Эмпедокла о безсмертіи и о возрожденіи. Способность человека познавать всяческіе предметы происходитъ отъ того, что онъ состоитъ изъ всѣхъ стихій и что въ немъ дѣйствуютъ оба движущія начала, такъ что онъ микрокосмъ,—маленькій міръ, въ которомъ отражается вселенная.

Цѣль жизни и переселеніе душъ. Философія Эмпедокла не ограничивается ученіемъ о происхожденіи и развитіи вселенной; она имѣетъ и теорію нравственности. По дошедшимъ до насъ отрывкамъ его поэмы «О природѣ» и другой его поэмы, называющейся «Пѣснями очищенія», трудно опредѣлить связь между его понятіями о вселенной и нравственнымъ ученіемъ. Его мысли о переселеніи душъ и о цѣли жизни показываютъ, что онъ былъ энтузіастъ. Неизмѣнное рѣшеніе судьбы опредѣлило, что тѣ изъ божественныхъ духовъ (демоновъ), которые въ затмѣніи разума осквернили себя убійствомъ или клятвопреступленіемъ, изгоняются на 30,000 лѣтъ изъ міра блаженныхъ и должны провести это время въ странствованіяхъ трудными путями земной жизни въ разныхъ образахъ смертныхъ существъ. Такъ и самъ онъ низвергнутъ изъ блаженнаго жилища боговъ на землю за то, что, увлекшись неистовой распрей, совершилъ убійство. Возвышенными стихами онъ описываетъ по впечатлѣніямъ собственнаго опыта, какъ мучительно состояніе грѣшныхъ духовъ, считающихся безъ отдыха по всѣмъ частямъ вселенной, какъ бѣдственна участь души, которая вступила въ область раздора, болѣзни и смерти, облекшись одеждою тѣла; вступленіе въ земную жизнь—это переходъ отъ жизни въ царство смерти. Бѣжавшій убійца долженъ былъ у грековъ искупить свой грѣхъ покаяніемъ и очищеніемъ; такъ низвергнутый изъ царства блаженныхъ въ земную тѣлесную жизнь духъ долженъ очиститься, чтобы возвратиться въ свое прежнее, чистое и высокое существованіе. Должно полагать, что въ «Пѣсняхъ очищенія» находились заповѣди о томъ, какими средствами покаянія и очищенія можетъ быть сокращаемо странствованіе души черезъ печальную земную жизнь; вѣроятно, къ числу заповѣдей объ очищеніи принадлежало вос-

прещеніе убивать животныхъ и ѣсть мясо; но должно думать, что законы очищенія у Эмпедокла не имѣли такой суровости, какъ восточный аскетизмъ, отъ котораго отвращались греки. Эмпедоклъ помнилъ, что онъ жилъ на землѣ въ образахъ разныхъ существъ: былъ пастухомъ, былъ рыбакомъ, птицею, былъ мужчиною, былъ и женщиною; онъ надѣялся, что «силы, которыя ведутъ души по путямъ ихъ», вознесутъ его теперь въ божественныя жилища, возвращеніе въ которыя открыто благодѣтелямъ людей: пророкамъ, поэтамъ и врачамъ. Великое ученіе о любви, создающей вселенную, было открыто поэту музою, и кажется, что оно было открыто ему ею, какъ таинство, размышленіемъ о которомъ онъ можетъ освободиться отъ губительной ненависти и отъ всей той испорченности, какой ненависть подвергла его духъ. Прекрасное описаніе золотого вѣка, вѣроятно, было внушено Эмпедоклу страстнымъ его желаніемъ возвратиться изъ области ненависти въ блаженное состояніе спокойствія и гармоніи.

В. ДРЕВНѢЙШАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ.

Греки очень поздно начали писать историческія книги; причинами Позднее возник- того были отчасти ихъ любовь къ эпической поэзіи и въ особенно- новеніе исто- сти къ Гомеру, отчасти раздробленность Греціи на множество госу- рической лите- дарствъ, дѣлавшая невозможными военныя предпріятія, общія для ратуры у гре- всей націи. Великій міръ старины, украшенный очаровательностью ковъ. фантазіи, привлекалъ къ себѣ мысли грековъ, дѣлалъ незанимательными для жившихъ мыслями въ немъ современныя событія, мелкія войны между городами и областями. Не было военныхъ дѣлъ, не было военачальниковъ, которые могли бы равняться съ войною противъ Иліона, въ которой участвовали всѣ племена и государства, съ героями, которые, группируясь около Агамемнона, Ахиллеса и Одиссея, бились противъ враговъ эллинскаго народа. Борьба партій имѣла важность лишь для поколѣнія, волнуемаго ею; войны между государствами не возбуждали одушевленія, охватывающаго всю націю. А характеръ греческой литературы и культуры состоялъ въ томъ, что они возвышали мысль въ области болѣе широка, чѣмъ узкій кругъ дѣйствительности, въ міръ общечеловѣческихъ истинъ, развивали идеи и создавали произведенія, имѣющія значеніе не областное, а общее національное. Потому-то грекъ и былъ исключительно заинтересованъ гомеровскимъ вѣкомъ; онъ жилъ сердцемъ въ этомъ идеальномъ героическомъ мірѣ, въ немъ находилъ образцы для себя, предметы своего восхищенія. Только когда совершилось второе національное событіе, бывшее какъ будто повтореніемъ и продолженіемъ великой борьбы гомеровыхъ героевъ противъ восточнаго варварскаго міра, когда греки побѣдили персовъ, явился въ лицѣ Геродота достойный разсказчикъ славныхъ дѣлъ, историкъ, подобный поэту Гомеру. Когда прекратилось возникновеніе героическихъ сказаній, изъ которыхъ эпическіе поэты брали предметы своихъ пѣсень, греки начали собирать и записывать переходившіе изъ устъ въ уста разсказы о старинѣ, менѣе давней. Эти сборники были первыми историческими произведеніями—они имѣли близкое сходство съ эпическими.

Переходъ отъ поэзіи къ про- зѣ.

ми поэмами цикликовъ (стр. 139). Разницъ было только двѣ: составители хроникъ, называвшіеся логографами, точнѣе циклическихъ поэтовъ держались изустнаго преданія, не прибавляли къ нему собственныхъ вымысловъ; во вторыхъ, они отказались отъ стихотворной рѣчи, какою были написаны историческія поэмы Мимнерма и Ксенофана, излагали свои рассказы простымъ разговорнымъ языкомъ; вмѣстѣ съ философскими писателями они сдѣлались основателями прозаической литературы. Прозаическій языкъ логографовъ свидѣтельствовалъ, что книги ихъ принадлежатъ не области фантазіи, а міру дѣйствительности. «Человѣкъ научился излагать въ порядкѣ свои мысли и чувства въ поэтической формѣ», говоритъ Крейцеръ, «въ поэтической формѣ передавало поколѣніе поколѣнію всѣ свои знанія, и въ ней нашелъ первое выраженіе себѣ фактъ. Для поэтическаго рассказа надобно, чтобы дѣйствіе непрерывно развивалось, и все искусство поэта ограничивалось передачею этого развивающагося дѣйствія. Преобладаніе содержанія надъ формой отняло поэтическое достоинство у стихотворныхъ рассказовъ и послужило причиною того, что возникла историографія. Дѣятельность древнѣйшихъ историковъ состояла главнымъ образомъ въ томъ, что они собирали и записывали изустные рассказы объ основаніи знаменитыхъ городовъ и государствъ, о происхожденіи и судьбахъ племенъ и родовъ, о древнѣйшей исторіи странъ и ихъ населенія. Вѣрные послѣдователи эпическихъ поэтовъ, они собирали племенные и мѣстные легенды, ходившія въ изустныхъ рассказахъ, а быть можетъ отчасти уже и записанныя въ государственныхъ документахъ или жреческихъ сборникахъ; хронологической основой для распредѣленія этихъ сказаній служили имъ памятники и пожертвованныя въ храмы вещи съ надписями и рисунками, старинныя таблицы замѣчательнѣйшихъ событій, стоявшія въ храмахъ, списки царей, главныхъ жрецовъ, первыхъ сановниковъ государствъ. Рассказъ былъ простъ, хотя мѣстами попадались слѣды поэтической окраски преданій. Критическимъ разборомъ историческихъ рассказовъ и мифическихъ легендъ логографы, по видимому, совершенно не занимались. Не было у нихъ мыслей и о томъ, чтобы соединять событія въ рассказѣ по внутренней связи между фактами. Цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы передать своимъ современникамъ все, что они узнали о древнихъ временахъ; пересказывали они безъ всякихъ заботъ о литературномъ достоинствѣ изложенія. Теократическій прагматизмъ, подводящій факты подъ религіозную точку зрѣнія внесенъ въ книги логографовъ, по всей вѣроятности, вліяніемъ жрецовъ, которое мѣстами замѣтно и у Геродота. Безыскусственные рассказы логографовъ, согрѣтые религіознымъ чувствомъ, постоянно влетающіе въ ходъ человѣческихъ дѣлъ чудотворное дѣйствіе божественной мудрости, были для народа съ поэтической душой гораздо привлекательнѣе холоднаго, разсуди-

Характеръ древнѣйшей историографіи.

тельнаго изложенія фактовъ. Теологическое направленіе историографіи развилось въ особенности подъ вліяніемъ дельфійскихъ жрецовъ, старавшихся историческими фактами доказывать мудрость попеченія Аполлона и его слугъ о греческомъ народѣ, приводившихъ факты въ подтвержденіе того, что предсказанія дельфійскаго оракула всегда исполнялись, что богъ дельфійскаго храма неизмѣнно охраняетъ повинующихся его совѣтамъ и низвергаетъ въ погибель ослѣпленныхъ страстями и непокорныхъ ему.

Отечествомъ логографовъ была Іонія, въ которой развились и эпическія лирики и лирическая поэзія, явились и первые философы, — страна, вообще опередившая въ культурѣ всѣ другія части греческаго міра. Потому обыкновеннымъ языкомъ историческихъ и всѣхъ другихъ прозаическихъ книгъ первоначально былъ іонійскій діалектъ; на немъ писали даже и дорійцы. Въ одномъ Милетѣ было три историческихъ писателя, рассказывавшіе легенды старинны прозой, Кадмъ, Діонисій и Гекатей. Однимъ изъ предметовъ ихъ рассказовъ была исторія основанія и первыхъ временъ ихъ родного города. О Кадмѣ и Діонисіи мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. По краткимъ, неопредѣленнымъ извѣстіямъ, какія дошли до насъ, должно полагать, что Кадмъ только записывалъ одну за другой легенды о городахъ, а Діонисій, написавшій обширное сочиненіе о Персіи, старался дать въ немъ связанный рассказъ о событіяхъ своего времени. О Гекатеѣ дошли до насъ извѣстія, болѣе точныя. Онъ былъ хорошій патриотъ, помогалъ своему родному городу совѣтомъ и дѣломъ въ войнѣ съ Даріемъ; много путешествовалъ: посѣтилъ Египетъ, Азію, Италію и другія страны; въ путешествіяхъ собралъ матеріалы для „Землеописанія“, въ которомъ излагалъ и исторію народовъ. Онъ можетъ считаться предшественникомъ Геродота. Языкъ его книги былъ простъ; онъ писалъ на чистомъ іонійскомъ нарѣчьи. Усердно старался онъ подвергать критическому разбору собранныя имъ преданія. Онъ исправилъ и пополнилъ географическую карту Анаксимандра и первый пытался дать разумное истолкованіе мифамъ о герояхъ. Современники дивились его учености. Перечислимъ другихъ знаменитыхъ логографовъ. Гелланікъ Милетскій былъ важнѣйшимъ послѣ Гекатея мифографомъ. Онъ написалъ много сборниковъ легендъ и мифовъ; въ однихъ легенды были собраны по цикламъ, въ другихъ по областямъ; онъ написалъ также историческое сочиненіе, въ которомъ факты были расположены по списку именъ аргосскихъ жрицъ; рассказъ этотъ былъ доведенъ имъ до событій его времени. Современникомъ Гекатея былъ Дамастъ сикскій. Акузилай аргосскій записалъ легенды о мифическихъ временахъ. О немъ говорили, что онъ переложилъ Гезіода въ прозу; потому надобно думать, что онъ съ точностью держался эпическихъ поэтовъ; но есть и другія извѣстія, говорящія, что его рассказъ часто противорѣчитъ Гезіоду. Харонтъ лампсакскій, продолжатель географическихъ работъ Гекатея, написалъ древнѣйшую исторію Персіи, Ливіи, Эіопіи и присоединилъ къ ней исторію своего времени; есть извѣстіе, что онъ написалъ хронику своего роднаго города, и кажется, что хронологической основой ея служилъ списокъ притановъ Лампсака (первый сановникъ города назывался въ Лампсакѣ пританомъ). Ксанеъ лидійскій написалъ исторію Лидіи, состоявшую изъ 4 книгъ; кажется, что Геродотъ пользовался его сочиненіемъ. Ферекидъ леросскій (уроженецъ Ферекидъ острова Лероса) провелъ большую часть своей жизни въ Аѣинахъ; потому его называли также Ферекидомъ аѣинскимъ. Въ его мифографическомъ сборникѣ излагались главнымъ образомъ аттическія легенды. Антиохъ

Логографы.

Кадмъ около 540. Гекатей около 500.

Гелланікъ около 450.

Акузилай около 520.

Харонтъ около 470.

Ксанеъ около 460.

Ферекидъ около 450 и 456.

Антиохъ до 423. сираузскій написалъ на іонійскомъ діалектѣ исторію Италіи и Сициліи; она была доведена до 423 года. Ферекидъ излагалъ преданія преимущественно о предкахъ тѣхъ родовъ, которые приобрѣли новую славу современными ему дѣлами въ борьбѣ за свободу Греціи; онъ былъ первымъ логографомъ, который велъ свои рассказы отъ Гомеровскихъ временъ до своего вѣка; напримѣръ, онъ рассказывалъ исторію потомковъ Аякса отъ сына его до побѣдителя при Марафонѣ. Гелланикъ и Ферекидъ сдѣлали первыя попытки съ точностью опредѣлить время дѣйствительныхъ или мнимыхъ событій героическаго періода; основой для хронологическихъ соображеній служили имъ списки аттическихъ царей, начинавшіеся Кекропсомъ, время жизни котораго относилось по этому разсчету къ эпохѣ около 1795 г. до Р. Хр. Геродотъ и позднѣйшіе историки упрекаютъ логографовъ и особенно Гекатея за то, что они легковѣрно смѣшивали правду и ложь; изъ этого мы видимъ, что они съ точностью передавали рассказы поэтовъ и слѣдовали преданіямъ, переполненнымъ вымыслами; вѣроятно, они, руководясь племенной гордостью, старались приписывать своему народу какъ можно больше славныхъ дѣлъ, проходили молчаніемъ или смягчали все унижительное для него; поэтому ихъ историческіе рассказы были наполнены баснословіемъ, какъ это бываетъ мѣстами и у Геродота. Курциусъ говоритъ, что, пока греки, разрозненные на множество мелкихъ государствъ, не имѣли общихъ интересовъ, не могла возникнуть у нихъ и общая исторія ихъ народа. „Только соединеніе силъ греческой націи противъ персовъ подъ гегемоніею аѣинскаго государства привело грековъ на точку зрѣнія, съ которой становилось возможно написать всеобщую исторію эллиновъ; безсмертную заслугу Геродота Галикарнасскаго составляетъ то, что онъ рассказываетъ исторію грековъ съ этой точки зрѣнія; благодаря тому, его трудъ не сборникъ легендъ и географическихъ свѣдѣній, какъ работы логографовъ, а исторія въ собственномъ смыслѣ слова“. Но и у Геродота манера изложенія остается подъ вліяніемъ эпическихъ поэтовъ: онъ пишетъ такъ, какъ будто рассказываетъ собравшемуся слушать его народу. — Всѣ произведенія логографовъ погибли; мы имѣемъ лишь немногіе и небольшіе отрывки изъ нихъ. — Новымъ путемъ пошли поэтъ Іонъ хіосскій и Стесимбротъ еазосскій, жившіе въ одно время съ Геродотомъ: ихъ „Воспоминанія“ — первыя произведенія греческой литературы, имѣвшія характеръ мемуаровъ. Оба они, какъ говорятъ, писали пристрастно, въ духѣ враждебномъ демократіи.

III. Время персидскихъ войнъ.

I. Азія передъ началомъ персидскихъ войнъ.

1) Малая Азія.

A. МАЛАЯ АЗІЯ И ЕЯ НАСЕЛЕНІЕ.

Малоазійскій полуостровъ, имѣющій въ длину (съ востока на западъ) 145 миль, въ ширину (съ юга на сѣверъ) 80 миль — очень разнообразная по характеру природы горная страна, по которой идутъ развѣтвленія Тавра. Срединна его — обширное плоскогорье, пустынная, безлѣсная равнина и богатая пастбища котораго пересекаются плодородными долинами, ущельями и котловинами; подземный огонь вулканической почвы производитъ тамъ во многихъ мѣстахъ великолѣпную растительность и обильные урожаи хлѣбовъ, но иногда проявляетъ свою грозную силу разрушительными землетрясеніями. Эта центральная часть окружена вѣтвистыми цѣпами горъ, покрытыхъ великолѣпнымъ лѣсомъ, опускающихся своими наружными склонами къ тремъ морямъ и врѣзывающихся въ нихъ множествомъ мысовъ. На югъ горы поднимаются до такой высоты, что снѣгъ на нихъ таетъ только въ жаркіе лѣтніе дни. По всѣмъ тремъ побережьямъ, горы образуютъ прекрасныя отлогости и долины, въ которыхъ между лѣсистыми вершинами и пастбищами лежитъ плодородная, пахатная земля, производящая при превосходныхъ климатическихъ условіяхъ большое богатство разнообразныхъ продуктовъ. На узкомъ южномъ побережьи, на которомъ дѣйствіе селенныхъ лучей не смягчается прохладными вѣтрами сѣвера, роскошно растутъ виноградная лоза, оливковое дерево и прекрасныя южныя фруктовыя деревья. Съ высотъ, покрытыхъ лѣсами, дающими превосходное дерево для кораблестроенія, течетъ въ Средиземное море много недлинныхъ рѣкъ, изъ которыхъ назовемъ Главкъ, Ксанъ, Кестръ и небольшія, прибрежныя рѣчки Эвримедонъ, Каликаднъ, Киднъ, знаменитыя по совершавшимся на ихъ берегахъ историческимъ событіямъ. Длиннѣе

Характеръ страны.

и богаче водою тѣ рѣки, которыя текутъ съ центральнаго плоскогорья въ сѣверное и въ западное море. Между прославленнымъ мѣрами Фазисомъ дальней Колхиды и Граникомъ, впадающимъ въ Геллеспонтъ, текутъ въ Черное море и Пропонтиду широкія рѣки Ирисъ, Галисъ, Парѣній, Сангарій, Риндакъ. Въ западное, Эгейское море впадаютъ двѣ большія, длинныя рѣки Гермъ и Меандръ. Гермъ извилисто течетъ сначала между изобильныхъ дикими животными и богатыхъ металлами фригійскихъ горъ, потомъ по лидійской равнинѣ, принимаетъ въ себя много притоковъ и впадаетъ нѣсколькими устьями въ заливъ, у котораго лежитъ городъ Смирна. Пактолъ, сбѣгающій съ горы Тмола, протекалъ черезъ площадь города Сардъ и несъ лидійцамъ золотой песокъ, увеличивавшій богатство ихъ. Меандръ—глубокая, во многихъ мѣстахъ стремительная рѣка, текущая на юго-западъ, образовавшая путь во внутрь страны для мелкихъ греческихъ кораблей. Между этими двумя рѣками лежитъ долина менѣе значительной рѣки Каистра, отдѣленная отъ Герма Тмолемъ, отъ Меандра Мессогисскимъ хребтомъ. Въ восточной части полуострова отъ покрытаго снѣгами Тавра идутъ по всѣмъ направленіямъ хребты, поросшіе дубовыми, сосновыми и платановыми лѣсами; нѣкоторыя вершины ихъ очень высоки, какъ напримѣръ Олимпъ, зубчатая Ида, съ которой текутъ въ троянскую область Симоисъ, красножелтый Скамандръ и многочисленные ручьи; Мессогисъ, обильный виноградниками Тмолъ и Сипилъ. Нѣкоторыя изъ этихъ горъ врѣзываются въ море утесистыми мысами, каковъ напримѣръ мысъ Микале, другія опускаются къ морю грядями невысокихъ холмовъ, кончающихся довольно далеко отъ берега, такъ что у ихъ подошвы остаются болѣе или менѣе широкія равнины. Западный берегъ, кажется, созданъ самой природою для развитія богатой культурной жизни: сочетаніе горнаго и морскаго воздуха производитъ тамъ превосходный и здоровый климатъ; лежащіе у берега острова сдерживаютъ силу бурь; изрѣзанный заливами берегъ, вдающийся въ море длинными мысами, образуетъ превосходныя гавани; плодородная почва давала въ древности прилежному труду людей обиліе вина, масла, шафрана, богатые урожаи хлѣбовъ. Объ этой странѣ, которая, кажется, предназначена быть областью счастливой жизни людямъ, Гиппократъ говорить: «Въ Азіи всѣ растенія лучше и выше, чѣмъ въ другихъ странахъ,—климатъ болѣе мягокъ, народы болѣе кротки и здоровы, животныя сыты и плодovitы, люди высоки ростомъ, красивы, полны; по чертамъ лица разныя племена тамъ похожи другъ на друга; обычаи у нихъ болѣе мирны, менѣе воинственны, чѣмъ у европейцевъ, потому что климатъ у нихъ ровнѣе, и нѣтъ рѣзкихъ разницъ между временами года».

Населеніе.

Но именно эти счастливыя условія природы мѣшали широкому развитію исторической жизни въ этой странѣ. Малая Азія была мѣс-

томъ встрѣчъ восточныхъ и западныхъ народовъ. Тѣ племена, дѣла которыхъ составляютъ главное содержаніе человѣческой исторіи, приходили туда маленькими отдѣлами, которые не могли соединиться въ одинъ народъ. Такимъ образомъ западная часть Малой Азіи важна въ исторіи не самостоятельною государственною жизнью, а тѣмъ, что была посредницею между восточной и западной культурой. Древнѣйшіе жители ея, спустившіеся въ доисторическія времена изъ горной страны на западное и южное побережье, были повидимому арійскаго племени. Но съ самой ранней поры, съ какой идутъ историческія воспоминанія, между ними жили народы семитическаго происхожденія. По еврейскому преданію, Лудъ (Лидійскій народъ) былъ потомокъ Сима, а по древнѣйшимъ греческимъ извѣстіямъ сирійцы занимали значительную часть средней и восточной полосы Малой Азіи. Впослѣдствіи времени имя сирійцевъ исчезаетъ тамъ, но по языку, обычаямъ и религіи мы видимъ, что каппадокіане, киликійцы, памфилійцы, ликійцы, писидійцы, вѣроятно и пафлагонцы, принадлежали съ семитическому племени, были родственны сирійцамъ и финикійцамъ; такимъ образомъ первобытное арійское населеніе, смѣшавшись съ многочисленными семитическими переселенцами, приняло ихъ національность. Тутъ долго шелъ обмѣнъ народностей и наконецъ образовалась одинаковая культура, объединявшая Критъ и побережья Малой Азіи отъ Ликии до Троады.

Каппадокіане и киликійцы совершали служеніе тѣмъ же богамъ природы и съ тѣми-же экзальтированными обрядами, какъ сирійцы, финикійцы и вавилоняне. У каппадокіянъ былъ и обычай обрѣзанія. Ихъ богиня Ма или Мене имѣла посвящаемые множествомъ богомольцевъ храмы въ двухъ городахъ, которые назывались оба одинаковымъ именемъ Комана; одна Комана стояла въ верховьѣ Сароса, другая на Ирисѣ; въ храмахъ этой богини совершалось то же, что въ храмахъ сирійско-финикійской богини рожденія: дѣвушки приносили въ жертву ей свое дѣвичество или обѣтомъ вѣчнаго цѣломудрія или сладострастнымъ служеніемъ; мужчины въ религіозномъ экстазѣ оскотпляли себя и становились служителями ея, галлами или іеродулами. Тарсъ, богатая столица Киликии, былъ, по единогласному свидѣтельству древнихъ писателей, колоніею Тира, въ немъ и въ другихъ киликійскихъ городахъ служили Баалу Мелькарту, другимъ именемъ котораго было Санданъ или Сандонъ, и сожигали на праздникахъ его громадныя жертвенныя костры съ обрядами, о которыхъ мы уже рассказывали. Развалины ликійской столицы Кеанеа въ прелестной долинѣ рѣки, называвшейся тѣмъ-же именемъ, развалины горныхъ городовъ Тлоса и Фелла, развалины Миры, Пинары и Кіаней, остатки громаднхъ стѣнъ, гробницы и другія пещеры, изсѣченныя въ скалахъ, огромные саркофаги, прекрасныя барельефы, надписи на языкѣ, котораго еще не умѣли дешифровать, слѣды картинъ по стѣнамъ свидѣтельствуютъ о томъ, что тутъ рано развилась культурная жизнь, и достигло высокаго совершенства искусство, напоминающее Египетъ и Месопотамію. Ликійцы считались народомъ болѣе образованнымъ, чѣмъ другія племена, жившія на южномъ берегу Малой Азіи и Архипелага. „Они были мужественны“, говоритъ Курциусъ, „они были лучшими моряками Малой Азіи и Архипелага; но они рано

отказались от морского разбоя, которого никогда не покидали их сосѣды писидійцы и кликійцы. Свой патриотизмъ они доказали дѣльнымъ героизмомъ при защитѣ родины, а въ домашней жизни у нихъ выработались цивилизованные нравы, какъ видимъ это по уваженію, какимъ пользовались у нихъ женщины. Въ ихъ нѣжной заботливости объ умершихъ родныхъ также выражается нѣжность ихъ нравственного чувства. Объ ихъ любви къ умершимъ свидѣтельствуютъ громадныя надгробныя памятники. На восточной окраинѣ Ликии жили солимы, говорившіе финикійскимъ языкомъ—потому, очевидно, народъ семитическаго племени. Ликійцы уже во времена Гомера славилась какъ искусные стрѣлки, и главнымъ божествомъ ихъ былъ вооруженный стрѣлами богъ свѣта, котораго греки называютъ Аполлономъ Ликейскимъ.

Ликійцы строили надгробныя памятники на ровныхъ мѣстахъ и вырубали въ скалахъ гробницы съ фасадами болѣе или менѣе выдающимися и украшенными богатой скульптурой. Стиль тѣхъ и другихъ происходитъ отъ деревянныхъ построекъ, но есть между разными памятниками различіе по степени изящества, показывающія, что искусство у ликійцевъ развивалось подъ вліяніемъ разныхъ другихъ народовъ. Простѣйшая форма ихъ гробницъ та, что на квадратномъ фундаментѣ поставленъ столбъ съ массивной покрывкою, имѣющей форму полукруга; другія гробницы имѣютъ форму простого дома безъ оконъ съ плоской, или покатой кровлей; нужно было долгое время, чтобы отъ этихъ гробницъ дойти до постройки колоннады стараго іоническаго стиля, съ рельефными изображеніями животныхъ, битвъ, сценъ домашней жизни на фронтонахъ и фризахъ; ясно, что искусство у ликійцевъ имѣло долгій періодъ развитія; но мы не можемъ хронологически опредѣлить его. Нѣкоторыя изъ гробницъ, построенныхъ на равнинѣ, находились въ городахъ, такъ что дома живыхъ и умершихъ стояли рядомъ. Гробницы, изсѣченныя въ скалахъ, обыкновенно имѣютъ видъ комнатъ, сложенныхъ изъ бревенъ съ плоской кровлей и предназначены для трехъ тѣлъ. Геродотъ говоритъ, что ликійцы переселились въ свою страну съ Крита и прежде называли себя термиллами, что ихъ сосѣди и теперь называютъ ихъ этимъ именемъ; ликійцами стали они называть себя по имени главнаго своего бога Аполлона ликейскаго. Ликия была однимъ изъ центровъ служенія богу свѣта, котораго греки называли Аполлономъ. Геродотъ говоритъ, что у ликійцевъ есть очень странный обычай: они ведутъ свою родословную не по отцамъ, а по матерямъ. Потому сынъ свободной женщины и раба принадлежитъ у нихъ къ людямъ свободнымъ, а сынъ знатнаго человека и рабыни не считается знатнымъ. Это уваженіе къ женщинамъ, говоритъ Курціусъ — одинъ изъ благотворныхъ результатовъ служенія Аполлону: въ культѣ Аполлона органами божественной воли признавались преимущественно женщины или дѣвушки; патарскій оракулъ давалъ свои отвѣты устами дѣвушекъ, получившихъ въ храмѣ откровенія отъ бога.

2. Киликія.

Киликія, прекрасная горная страна, имѣющая по приморью широкую полосу плодородной равнины, изобиловавшей въ древности виноградниками, кунжутомъ, оливами, шафраномъ и хлѣбомъ, была населена племенами, принадлежавшими болѣею частью къ семитамъ. Предкомъ киликійцевъ былъ, по преданію, Киликсъ, сынъ финикійнина Агено-ра, поселившійся у шумной горной рѣчки Пирама. Эти туземцы были въ послѣдствіи времени оттѣснены въ горы греческими колонистами, назывались тамъ «свободными киликійцами» и оставались вѣрны своимъ національнымъ обычаямъ. Приморскіе города: Эги, Солы, Нагидъ тоже имѣли, но крайней мѣрѣ въ древнѣйшія времена, финикійское населеніе, какъ мы видимъ по именамъ ихъ боговъ покровителей, по ихъ богослужебнымъ обрядамъ и по ихъ монетамъ. При Саргонѣ и Санхерибѣ Киликія была, кажется, подвластна ассириянамъ. Вѣроятно для того, чтобы избавиться отъ ассирійскаго ига, усердно хлопоталъ о примиреніи мидійцевъ съ лидянами киликійскій царь, называвшійся Сіаннезомъ (т. I стр. 410). При походѣ Ксеркса въ персидскомъ флотѣ было 100 киликійскихъ кораблей; у киликійскихъ воиновъ были шлемы особенной формы; были легкіе и небольшіе щиты изъ бычачей кожи, и платье на нихъ было шерстяное; у каж-

даго было 2 дротика и былъ мечъ, подобный египетскому. Киликійцы считались очень богатымъ народомъ; Александръ взялъ съ города Солъ за преданность его персамъ 200 талантовъ контрибуціи.

Западные сосѣды киликійцевъ памфилійцы («разноплеменный народъ») и писидійцы. Памфилійцы были одного происхожденія съ ними, имѣли одинаковыя съ ними обычаи и одинаковую исторію. Ими памфилійцевъ показывается, что племена этой части побережья переселились изъ разныхъ мѣстностей. Ихъ приморскіе города были рынками, на которыхъ продавали свою добычу карійскіе и киликійскіе морскіе разбойники. — Писидійцы, жившіе въ укрѣпленіяхъ по горамъ, и храбро защищавшіе свою независимость, были отважные хищники.

Узкій проходъ между отвѣсныхъ скалъ, называвшійся киликійскими воротами, велъ изъ плодородной прибрежной равнины Кидна на сѣверъ, въ страну каппадокіянъ. Этотъ народъ, имя котораго въ клинообразныхъ надписяхъ пишется «патпадуна», занималъ всю горную страну до Чернаго моря; онъ былъ сирійскаго племени; въ отличіе отъ сирійцевъ, болѣе смуглыхъ, чѣмъ каппадокіяне, греки называли ихъ «бѣлыми сирійцами». Нѣкоторыя части Каппадокіи имѣли суровый климатъ, и годились только для скотоводства; каппадокіскія лошади были знамениты. Другія мѣстности были плодородны; въ нѣкоторыхъ—особенно въ Милитенской области—хорошо росли даже виноградъ и олива. Первоначально каппадокіяне имѣли только деревни и замки; города у нихъ возникли довольно поздно. Они считались людьми храбрыми, но непостоянными и вѣроломными. Они были такъ привычны къ монархической формѣ правленія, что когда римляне хотѣли учредить у нихъ республику, они отвергли это предложеніе и выбрали себѣ царя. Самымъ уважаемымъ божествомъ ихъ была богиня Ма, служеніе которой было подобно сирійскому культу Астарты, и которая была тоже богиней луны и войны; потому греки называли ее Артемидою, ѣздящею на быкѣ (Artemis Tauropolos), или давали ей имя Энїо, копѣеносной богини войны, а римляне отождествляли ее съ своею Беллоною. — Страбонъ говоритъ, что большинство населенія въ Команѣ Саросской составляютъ служители и служительницы храма, главный жрецъ котораго первое лицо въ государствѣ послѣ царя и обыкновенно бываетъ изъ царскаго рода, что храму принадлежитъ обширное пространство земли, доходомъ съ котораго пользуются жрецы, и что точно тоже въ другой Команѣ, понтійской, лежащей на рѣкѣ Ирисѣ. На праздникъ «исхожденія богини», главный жрецъ былъ въ царской діадемѣ. Къ числу обрядовъ этого праздника, совершавшагося два раза въ годъ, принадлежали процессіи. — Въ западной Каппадокіи есть замѣчательныя памятники своеобразнаго быта и искусства очень давней поры; это пещеры, изсѣченныя въ скалахъ, имѣющихъ видъ очень крутыхъ конусовъ; высота нѣкоторыхъ конусовъ простирается до 300 футовъ; и кажется, что конусообразная форма ихъ не вездѣ природная, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она произведена стесываніемъ. Нѣкоторыя изъ вырубленныхъ въ нихъ пещеръ—гробницы; другія были жилищами.

На сѣверѣ, западную границу Каппадокіи была рѣка Галисъ, на западъ отъ которой жили пафлагонцы, народъ тоже сирійскаго племени. Они имѣли большіе табуны прекрасныхъ лошадей, были храбрыя воины, искусные наѣзники; но не меньше, чѣмъ искусствомъ въ верховой ѣздѣ, они были извѣстны грубостью нравовъ, невѣжествомъ, суевѣріемъ. Въ Пафлагоніи были прелестныя и очень плодородныя долины, особенно по приморью, но были и мѣстности суроваго климата, пригодныя только для скотоводства; тамъ паслись табуны лошадей, стада овецъ и мулы росли на свободѣ, «какъ дикія животныя». Во времена Ксенофонта, пафлагонцы могли выводить въ поле до 120.000 человекъ; большинство ихъ были всадники. У нихъ были плетеные шлемы, маленькіе щиты, дротики, большіе копья, княжалы; обувь у нихъ были длинныя сапоги. Ужъ Гомеръ знаетъ пафлагонцевъ, «мужественныхъ людей», построившихъ себѣ на рѣкѣ Парсенѣ «славные города: Кромны, Эгіалей, и на высотахъ скалъ, Эритины» (Иліада, 2, 854).

Менѣе достовѣрно семитическое происхожденіе главныхъ народовъ Малой Азіи, фригійцевъ и лидянъ (меонійцевъ). Греческіе писатели

Фригийцы и лидяне даже прямо говорятъ, что они фракіяне, переселившіеся въ Азію изъ Европы, черезъ Геллеспонтъ. И съ тѣмъ вмѣстѣ, они говорятъ, что фригийцы—очень древній народъ; пещеры и гроты, вырубленные въ скалахъ, и принадлежащіе глубокой древности, подтверждаютъ это. Но фригійскія и лидійскія сказанія (напримѣръ, легенда о потоѣ), нравы и характеръ военныхъ обычаевъ, а въ особенности религія этихъ народовъ, показываютъ, что ихъ родиною была Армения. Потому, если преданіе о ихъ переселеніи изъ европейской Фракіи имѣетъ какое нибудь историческое основаніе, то должно понимать его лишь въ томъ смыслѣ, что часть фригійско-лидійскаго племени переселилась нѣкогда изъ Азіи въ Европу, и нѣкоторая доля этой европейской части возвратилась потомъ въ Азію. Но если фригийцы и лидяне были народы арійскаго происхожденія, то въ послѣдствіи времени, подъ вліяніемъ поселившихся между ними семитическихъ колонистовъ, получили въ ихъ нравахъ, религіи, культурѣ перевѣсъ семитическіе элементы.—Сѣверные сосѣды ихъ, мизійцы, и южные сосѣды, карійцы, были, по извѣстіямъ греческихъ писателей, народы одного съ ними происхожденія. Но карійскія имена лицъ, дошедшія до насъ въ довольно большомъ числѣ, положительно показываютъ, что языкъ карійцевъ не былъ ни арійскій, ни семитическій. Оба эти народа занимались всего больше военнымъ дѣломъ и морскимъ разбоемъ, потому умственная жизнь оставалась у нихъ мало развита.

Лидійско-фригійское служе-
ніе природы. Въ религіи фригийцевъ и лидянъ мы находимъ тѣ же представленія о рождающей силѣ природы, съ какими ознакомились у семитическихъ народовъ Месопотаміи и Сиріи, такія же олицетворенія мужскаго и женскаго элементовъ этой силы, такое же стеченіе народа на такіе же праздники такихъ же храмовъ, тѣ же контрасты служенія богинѣ рожденія или сладострастіемъ или вѣчнымъ цѣломудріемъ у дѣвушекъ, самооскопленіемъ у мужчинъ. Культъ Кибелы или Агдисты, «Великой матери», у фригийцевъ былъ совершенно одинаковъ съ культомъ сирійской Ашеры-Астарты. Въ Пессинунтскомъ храмѣ, построенномъ въ незапамятныя времена у подножья горы Агды, Кибелу чтили подъ образомъ глыбы камня (упавшей съ неба); въ Сардахъ и въ другихъ городахъ она была богиней горъ и изображалась сидящею на львѣ или на колесницѣ, въ которую запряжены львы. Ей молились подъ высокими пиніями, дубами, кипарисами; приносили въ жертву ей животныхъ мужскаго пола: быковъ, козловъ; предавались сладострастію въ рощахъ ея, на дворахъ ея храмовъ; совершали въ честь ея весною, при возрожденіи жизни природы, радостные праздники, и печальные осенью, при увяданіи растительности; богослуженіе на этихъ праздникахъ было пышное, шумное: массы народа ходили процессіями, бѣгали ночью съ факелами; при громкихъ звукахъ флейтъ, цимбаловъ, литавръ, роговъ, плясали въ оргіастическомъ экстазѣ, кололи себя въ дикомъ безумствованіи ножами, оскопляли себя;—тутъ было все, что было на финикійскихъ праздникахъ и на праздникахъ сирійской богини въ Гераполѣ *). При Пессинунтскомъ храмѣ тоже находились толпы оскопленныхъ іеродуловъ, * и верховный жрецъ его былъ оскопленъ

*) «Литавры гремятъ подъ ударами рукъ, шумно звучатъ цимбалы, и рѣзко звенятъ рога, пронзительно свистятъ свирѣли страстными фригійскими мелодіями; толпа пляшетъ, въ неистовствѣ размахивая оружіемъ». (Лукрецій, II, 618 слѣд.).

на праздникахъ гермафродитныхъ божествъ, мужчины, наряженные въ женское платье, играли роль женщинъ, женщины, въ мужскомъ платьѣ, роль мужчинъ;—какъ у финикійцевъ были въ Библосѣ праздники, символическими обрядами выражавшіе печаль о потибели, радость о возрожденіи растительности, какъ тамъ съ пѣснями плача и воплями искали исчезнувшаго Адониса и шумно ликовали, нашедши его; такъ и у фригийцевъ совершались на праздникахъ Аттиса мистическіе обряды, основанные на мнѣіи объ оскопленіи и смерти этого божественнаго юноши, котораго любила Кибела. По всей Лидіи совершалось служеніе богу огня Сандону; онъ соотвѣтствовалъ финикійскому Баалу-Мелькарту, котораго греки называли Геракломъ; этотъ культъ, принадлежавшій народамъ Эвфрата и Тигра, тоже показываетъ близкое родство лидійской культуры съ семитическою. У Геродота сохранилось лидійское преданіе, говорящее, что древнѣйшая династія лидійскихъ царей происходила отъ Геракла (Сандона) и въ четвертомъ поколѣніи отъ Нина: эта легенда можетъ считаться свидѣтельствомъ о семитическомъ происхожденіи лидянъ и о томъ, что ниневійское царство въ очень раннія времена распространилось далеко по Малой Азіи. Семитическіе культы существовали и у карійцевъ; это можно вывести изъ словъ Геродота, что карійцы, живущіе въ Египтѣ, наносятъ себѣ въ религіозномъ изступленіи раны ножами (II, 61), и также изъ словъ Страбона, что въ карійскомъ городѣ Лагинѣ ежегодно совершаются большіе народные праздники при храмѣ Астарты (которую онъ называетъ Гекатою); можно вывести также изъ преданія, что нѣкогда амазонки жили на Меандрѣ и что онѣ основали древнее святилище въ Эфесѣ; эта легенда, повидимому, свидѣствуетъ о томъ, что греки, пріѣзжая въ Карію, видѣли тамъ служеніе сирійской богинѣ съ его символическими обрядами, его іеродулами и одѣтыми въ мужское платье вооруженными дѣвушками, съ его символическими процессіями и военными плясками.

Такимъ образомъ можно считать довольно достовѣрнымъ, что первобытные жители Малой Азіи спустились въ древности съ арменскихъ горъ и, постепенно подвигаясь на западъ, заняли прекрасныя дѣсистыя области этого полуострова до всѣхъ трехъ береговъ его. Въ послѣдствіи времени поселялись между ними чужеземцы фракійскаго и старо-греческаго происхожденія; подвергались они и другимъ иноземнымъ вліяніямъ; потому возникли большія разницы въ ихъ языкѣ, характерѣ, нравахъ, образѣ жизни; но все-таки религіозныя вѣрованія и обряды, принесенные ими изъ родины или усвоенные отъ семитическихъ пришельцевъ, были у нихъ одинаковы, и обусловленная религіею, культурная жизнь имѣла у нихъ всѣхъ одинаковое развитіе; эта одинаковость объясняется отчасти тѣмъ, что религіозныя преданія вообще глубоко коренятся въ народѣ, и даже въ томъ случаѣ, когда количество религіозныхъ понятій увеличивается заимствованіями отъ иноземцевъ, существенный характеръ религіи мало измѣняется; второй причиною того, что эти народы остались одинаковыми между собою, можно считать непрерывную связь ихъ съ культурными соплеменниками ихъ на востокѣ, подъ вліяніемъ которыхъ народныя вѣрованія у нихъ всѣхъ развивались одинаково. Основной идеей общей ихъ религіи должно считать представленіе о двухъ элементахъ творческой силы природы, мужскомъ и женскомъ, о сочетаніи этихъ элементовъ и въ томъ, что половая связь служитъ символомъ этого сочетанія божественныхъ силъ. Дѣятельность природы,

Результатъ.

обогащаемая ими, являлась то создающею, то разрушающею; изъ этого легко возникло двойственное понятіе о ней какъ о божествѣ, благопріятствующемъ рожденію, о служеніи этому божеству сладострастіемъ, и какъ о существѣ, враждебномъ размноженію, требующемъ, чтобы люди воздерживались отъ половой связи, чтобы дѣвушки давали обѣтъ вѣчнаго цѣломудрія, а юноши оскотпляли себя. Сліяніе представленій о мужскомъ и женскомъ элементѣ божественной силы привело къ пошлomu представленію о гермафродитномъ божествѣ, въ которомъ соединяются характеристическія особенности мужчины и женщины, и произвело культъ, въ которомъ мужчины и женщины мѣнялись ролями: мужчины надѣвали женское платье и брали на себя женскія занятія, а женщины являлись вооруженными и совершали военные пляски.

Легенда объ
амазонкахъ.

Вѣроятно, эти обряды подали поводъ къ возникновенію греческихъ мифовъ о томъ, что Гераклъ (Сандонъ) прятъ шерсть и служилъ лидійской царицѣ Омфалѣ, объ оргіастическихъ походахъ Діониса по Азіи, о воинственномъ народѣ амазонокъ, которыя живутъ, не допуская къ себѣ мужчинъ. Царство амазонокъ было первоначально на Термодонтѣ и на „Дѣвичьей рѣкѣ“ (Пареевнѣ), подлѣ скинскаго народа халибеевъ (народа, богатаго сталью), „гдѣ родится серебро“; амазонки ходили потомъ по всему малоазійскому полуострову и повсюду строили храмы своей воинственной богини; построили между прочимъ храмы ея въ Эфесѣ и въ Смирнѣ; наконецъ онѣ ушли за море въ страну скиновъ и савроматовъ на Танаисъ.

Эти восточные мифы были очень рано приняты въ цѣль греческихъ вѣрованій и потому свидѣлствуютъ о раннемъ знакомствѣ грековъ съ народами Малой Азіи. Уже у Гомера говорится о „мужеподобныхъ амазонкахъ“; поэты и художники любили эти преданія о воинственныхъ дѣвушкахъ. Аэниане въ V и IV столѣтіяхъ еще гордились тѣмъ, что амазонки, пришедшія черезъ Фракію и Македонію войною на Грецію, были побѣждены Тезеемъ въ Аэинахъ. Преданіе о побѣдѣ надъ амазонками можно понимать въ томъ смыслѣ, что сирійскій культъ, къ обрядамъ котораго принадлежалъ противуестественный обмѣнъ занятій между полами, проникъ нѣкогда и въ Грецію, но не могъ долго удержаться въ ней (стр. 75).

Правы и культъ
фрагій-
цевъ.

Религіозныя понятія и богослужебные обряды малоазійскихъ народовъ имѣютъ совершенно восточный характеръ, но гражданская ихъ жизнь получила, кажется, иное, самостоятельное развитіе, обусловленное отчасти особенностями характера ихъ, отчасти характеромъ ихъ страны. Фригійцы, народъ миролюбивый, рано занялись кромѣ скотоводства земледѣіемъ, разведеніемъ виноградниковъ и оливковыхъ плантацій. Первые цари ихъ Гордіи и Мидасы, въ легенды о которыхъ вложены всѣ національныя преданія отъ микенской старины до начала историческихъ временъ, оба были земледѣльцы. Въ сказаніяхъ о томъ, что когда Мидасъ былъ младенцемъ и лежалъ въ колыбели, то муравьи носили въ ротъ ему пшеничныя зерна, и о томъ, что все превращалось отъ его прикосновенія въ золото, лежитъ, по-видимому, мысль о богатствѣ, которое дается земледѣіемъ. Николай дамаскій говоритъ, что фригійцы наказывали смертью того, кто убивалъ вола, употребляемаго для паханья или похищалъ земледѣльческія орудія; они не давали клятвенныхъ обѣщаній, — это также черта земледѣль-

ческой честности. Жатва была у нихъ религіознымъ дѣломъ, при которомъ они въ траурныхъ одеждахъ пѣли пѣсни о смерти Литіерса (Аттиса). Вѣроятно, этимъ временамъ первобытной простоты принадлежатъ тѣ изсѣченныя во фригійскихъ скалахъ жилища, о которыхъ мы говорили. Въ нѣкоторыхъ уединенныхъ долинахъ Фригіи найдены цѣлые города, образуемые тысячами жилищъ, изсѣченныхъ въ скалахъ; эти гроты идутъ нѣсколькими рядами другъ надъ другомъ; снаружи они освѣщены прорубленными въ передней стѣнѣ отверстиями, внутри соединены между собою ступенями и корридорами. Древнѣйшіе изъ нихъ — простые гроты, вырубленные очень грубо безъ всякихъ украшеній; болѣе поздніе украшены скульптурой, и въ нѣкоторыхъ гротахъ она свидѣлствуетъ о довольно высокомъ развитіи техники. Вѣроятно, очень глубокой древности принадлежатъ и гробницы, найденныя въ скалахъ Доганлусскихъ долинъ въ окрестностяхъ города Накोलіи. Онѣ вырублены въ мягкомъ камнѣ болѣе или менѣе искусно и нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ скульптурныя украшенія. Впослѣдствіи времени фригійцы занялись и торговлею, промышленностью, построили себѣ большіе города: Пессинунтъ, Гордіи, Мидеи въ плодородной долинѣ Сангаріи, Келены, Примнесъ, а на востокъ Иконіи въ Ликаоніи, богатой солью и стадами. Уже Гомеръ прославляетъ фригійскіе города. Фригійцы дѣлали изъ тонкой черной шерсти своихъ овецъ прекрасное сукно; они изобрѣли искусство шить; они дѣлали изъ келенскаго тростника свирѣли для звонкой музыки своего оргіастическаго культа; греки замѣтили у нихъ и стали употреблять при своемъ богослуженіи эти свирѣли, хотъ и осмѣивали своими легендами объ ослиныхъ ушахъ Мидаса и о дерзкомъ соперникѣ Аполлона Марсіѣ безвкусіе фригійской игры на свирѣли: эта сельская музыка, мелодія которой имѣла заунывный или страстный характеръ, сначала казалась грекамъ дурною сравнительно съ ихъ спокойными величавыми мелодіями. Фригійцы ранѣе грековъ ознакомились съ баснею, въ которой дѣйствующими лицами являются животныя: греки называютъ Эзона фригійцемъ или лидяниномъ. Изъ этихъ немногихъ нашихъ свѣдѣній о фригійцахъ можно заключать, что они собственными силами возвысились отъ простаго и земледѣльческаго быта до высокой культуры.

Фригійскія гробницы, вырубленные въ скалѣ, имѣютъ фасадъ, изсѣченный въ видѣ передней стороны зданія; характеръ фасада обыкновенно очень простъ: надъ пирамидальнымъ прорѣзомъ двери вырублена прямая полоса, изображающая карнизъ, а надъ нею вырубленъ треугольный фронтонъ; но фасады нѣкоторыхъ гробницъ имѣютъ большой размѣръ, многосложный составъ и показываютъ довольно большое развитіе техники. На гробницахъ встрѣчаются надписи; нѣкоторыя изъ нихъ начерчены буквами греческаго алфавита; содержаніе ихъ до сихъ поръ остается загадочнымъ. Въ надписи на самой большой изъ гробницъ ясно читается имя царя Мидаса; потому эта гробница названа мидасовой. Но мы уже говорили, что въ легендахъ о Гордіѣ и Мидасѣ совмѣщены всѣ преданія о древней фригійской старинѣ, потому имя Мидаса не имѣетъ опредѣленнаго хронологическаго значенія. Можно полагать, что дѣйствительно были цари, называвшіеся Гордіемъ и Мидасомъ; къ этой мысли ведетъ легенда о древней царской колесницѣ, находившейся въ городѣ Гордіѣ, на дышлѣ которой былъ узелъ; легенда говорила, что этотъ узелъ, котораго нельзя было развязать, былъ сплетенъ основателемъ фригійскаго царства Гордіемъ; кажется, что о дѣйствительномъ лицѣ говорится и въ надписи, принадлежащей мудрецу и поэту Клеобулу Линдскому *); но если и находится

*) «Я, бронзовал дѣвушка, покоюсь здѣсь на гробѣ Мидаса. Пока будетъ течь вода и цвѣсти дерево, пока будутъ восходить Геліосъ и Селена, пока будетъ волноваться мо-

скій храмъ подарки: шесть большихъ золотыхъ чашъ, вѣсомъ въ 30 талантовъ, и много серебряныхъ вещей, тоже очень дорогихъ. Онѣ были поставлены въ дельфійскомъ храмѣ подлѣ престола, пожертвованнаго фригійскимъ царемъ Мидасомъ. Лидяне и фригійцы, вѣроятно, слышали о дельфійскомъ оракулѣ отъ грековъ, поселившихся на ихъ берегахъ и, вѣроятно, находили нѣкоторое сходство между Аполлономъ и своимъ Сандономъ: Аполлонъ былъ тоже воинственный богъ. Принимая дары Гигеса, Аполлонъ дельфійскій тѣмъ самымъ признавалъ его за законнаго царя Лидіи.

Гигесъ
719—681
(716—678). Съ переменною династіи лидійское царство сдѣлалось воинственнымъ. Самъ Гигесъ уже ходилъ войною на Милетъ, Смирну, Колофонъ. Греческіе города лидійскаго приморья были богаты; въ нихъ было много драгоценныхъ произведеній искусства, у нихъ было много кораблей; потому они представляли такую завидную добычу, что воинственные лидійскіе цари не могли не желать овладѣть ими. Притомъ же они отрѣзывали Лидію отъ моря. Итакъ началась борьба между лидянами «укротителями коней» и владычествовавшими на морѣ эллинскими городами въ устьяхъ Герма, Каистра, Меандра, на предгорьяхъ Латма и Мессогиса; объ этихъ войнахъ мы знаемъ только по скуднымъ отрывкамъ изъ греческихъ логографовъ и поэтовъ. Лидійскій народъ въ то время былъ храбръ и любилъ воевать. Когда мчалась на врага при звукахъ свирѣлей, флейтъ и арфъ быстрая лидійская конница, вооруженная копьями, врагъ рѣдко выдерживалъ ея атаку. Лидійская флейта, звуки которой впоследствии времени возбуждали только къ изнѣженнымъ наслажденіямъ, звучала тогда воинственной энергіей. Правда, греки были тоже мужественны, были довольно сильны; лидянамъ трудно было одолѣвать ихъ стѣны и флоты; но между греческими городами не было связи, каждый городъ оборонялся только своими силами, и въ этой разрозненности они были слабѣе лидянъ; разъединенные между собою торговымъ соперничествомъ и племенной враждой, они истощили свои силы въ междоусобицахъ. Гигесъ царствовалъ 38 лѣтъ. Сынъ его Ардисъ, наследовавшій ему, покорилъ Приену, въ области которой былъ общій храмъ іонійскаго союза, и продолжалъ войну противъ Милета. Но неожиданное несчастіе уничтожило его могущество. Въ его время киммеріане и треры, конные номады, жившіе у Чернаго моря и прогнанные оттуда скинами, вторглись въ Лидію, взяли Сарды, не могли взять только цитадели этого города, разбили въ сильномъ бою гоппитовъ Магнезіи, — той Магнезіи, которая стояла на Меандрѣ, — разрушили этотъ цвѣтушій городъ и сожгли многіе храмы грековъ. Только сыну Ардиса Садіатту, храброму царю, но слишкомъ преданному наслажденіямъ любви, удалось прогнать дикихъ номадовъ въ южную Киликію; они бродили по этой странѣ нѣсколько лѣтъ, опустошая ее, сдѣлали новое нападеніе на Лидію при преемникѣ Садіатта, но

Ардисъ
681—632
(678—629).

Садіаттъ
632—620.

были отбиты, раздробились на мелкія орды и исчезли изъ исторіи. Когда лидійское государство оправилось отъ раззоренія, Садіаттъ покорилъ фригійцевъ и потомъ, подобно своимъ предшественникамъ, сталъ воевать съ греческими городами. Но ни ему, ни его преемнику Алиатту не удалось завоевать Милетъ, гдѣ владычество захватилъ тогда хитрый греческій тиранъ Тразибулъ, храбрый воинъ (стр. 283). Война длилась 11 лѣтъ. Милетское войско потерпѣло въ ней два пораженія (при Лимнеѣ и въ долинѣ Меандра); лидяне каждый годъ опустошали милетскія нивы, отгоняли стада, уничтожали фруктовыя деревья, думая принудить Милетъ къ покорности голодомъ; но наконецъ Алиаттъ прекратилъ войну, потому, какъ говоритъ Геродотъ, что милетяне обманули его, хитростью заставили его думать, что у нихъ изобильные запасы продовольствія; но вѣроятно, что Алиаттъ примирился съ Милетомъ для того, чтобы идти оборонять восточную границу своего царства отъ нападенія мидянъ. Война съ мидянами длилась пять лѣтъ. Она была прекращена, какъ мы видѣли, испугомъ, который навело на оба войска солнечное затмѣніе (т. I, стр. 410). Границею между Лидіею и Мидіею осталась рѣка Галисъ; для упроченія мира и дружбы дочь лидійскаго царя, Аріана, была отдана за Астіага. Помирившись съ мидянами, Алиаттъ сталъ вести войну противъ другихъ сосѣдовъ. Онъ покорилъ карійцевъ на югѣ, мизійцевъ на западѣ, сдѣлалъ своего сына, Креза, наместникомъ своимъ въ Мизіи, покорилъ вионцевъ и пафлагонцевъ на сѣверѣ. Послѣ того онъ повелъ войска снова на грековъ. Онъ взялъ Смирну, разрушилъ ея стѣны, принудилъ ея жителей разселиться по неукрѣпленнымъ деревнямъ. Онъ покорилъ и Колофонъ, богатый и роскошный городъ, граждане котораго считались нѣкогда самыми храбрыми изъ всѣхъ малоазійскихъ грековъ.

Алиаттъ
620—563

626—615.

30 сентября
610 (или 28
мая 585?)

(Около 600).

До насъ дошелъ отрывокъ военной пѣсни Мимнерма Колофонскаго; этотъ отрывокъ, восхваляющій героя старыхъ временъ, обращающаго въ бѣгство лидянъ, имѣетъ, быть можетъ, связь съ войною, о которой мы говоримъ теперь. Мы знаемъ изъ Павзанія, что Мимнермъ воспѣвалъ побѣды гражданъ Смирны надъ лидійскимъ царемъ Гигесомъ; постыдный исходъ войны съ Алиаттомъ могъ внушить Мимнерму мысль напоминать современникамъ о славной старинѣ; примѣръ клазоменцевъ доказывалъ, что мужественные люди могутъ побѣждать, хотя и слабѣе непрітели числомъ: клазоменцы отразили съ большимъ урономъ Алиатта, осадившаго ихъ городъ. — Алиаттъ также далъ въ дельфійскій храмъ пожертвованія, свидѣтельствовавшія о богатствѣ лидійскихъ царей. Выздоровѣвъ отъ тяжелой болѣзни, онъ, по разсказу Геродота (I, 25), послалъ въ Дельфы большую серебряную чашу и бронзовую подставку подъ нее; эта подставка съ чеканными орнаментами была сдѣлана Главкомъ хіосскихъ, изобрѣтателемъ искусства сплавлять желѣзо.

Могущество и блескъ лидійскаго царства еще болѣе возвысились при Крезѣ. Когда онъ вступилъ на престолъ, ему было 35 лѣтъ. Онъ былъ старшій сынъ Алиатта; матерью его была каріянка; второй сынъ Алиатта, рожденный отъ іонянки, хотѣлъ отнять

Крезъ 563—
549.

у него престолъ, но былъ побѣжденъ и со всеми своими приверженцами преданъ мучительной смерти. Подобно отцу, Крезъ сталъ воевать съ богатыми греческими городами, которые, не думая соединять свои силы противъ общаго врага, безпечно пользовались благами настоящаго, не смущаясь мыслями объ опасностяхъ будущаго. Смирна и Колофонъ были уже покорены лидянами; остальные города могли видѣть, что Крезъ готовитъ имъ ту-же участь: онъ собиралъ свои войска въ Сарды. Фалесъ Милетскій давалъ тогда іонійскимъ грекамъ благоразумный совѣтъ соединиться въ федерацію, учредить союзное правительство, которое находилось бы въ Теосѣ, въ центральной мѣстности Іоніи, и вело-бы дѣла всего союза, подобно тому, какъ правительственный совѣтъ города правитъ всею его областью. Но каждый іонійскій городъ ревниво желалъ сохранять полную независимость; привязанность къ ней была сильнѣе мыслей о полезности единства. Совѣтъ Фалеса былъ отвергнутъ, какъ были отвергаемы греками и многіе другіе совѣты подобнаго рода. Съ близорукимъ эгоизмомъ іоняне закрывали глаза на факты, доказывавшіе необходимость союза. Потому Крезъ достигъ своей цѣли. Войско его было хорошо обучено военному дѣлу; онъ пошелъ на Эфесъ. Граждане Эфеса надѣялись на помощь своей могущественной богини Артемиды; въ знакъ того, что они посвящаютъ ей свой городъ, они привязали стѣны его веревками къ ея мраморному храму, находившемуся въ шести стадіяхъ отъ города на берегу Каистра (этотъ великолѣпный храмъ строился тогда). Но покровительство богини не спасло ихъ. Эфесъ принужденъ былъ сдаться Крезу, который послѣ того сталъ нападать то на тотъ, то на другой іонійскій или эолійскій городъ, пріискивая всяческіе предлоги для войны. Такимъ образомъ онъ покорилъ одинъ за другимъ всѣ греческіе города Малой Азіи. Только съ Милетомъ заключилъ онъ мирный договоръ. Онъ хотѣлъ покорить и греческіе острова и уже началъ строить корабли для этого. Но мудрый Біантъ убѣдилъ его, что для лидійцевъ, коннаго народа, также безумно думать о покореніи острововъ, какъ безумно было-бы жителямъ острововъ заводить себѣ конницу для похода на Сарды. Крезъ отказался отъ намѣренія завоевать острова: но всѣ народы Малой Азіи, кромѣ ликійцевъ и киликійцевъ, были покорены имъ; его царство простиралось отъ греческихъ городовъ на западъ до рѣки Галиса на востокъ.

Богатство, нравы и техническія искусства лидянъ. Лидійское царство стояло тогда на высотѣ своего могущества и блеска. Столица его Сарды была богатый, великолѣпный городъ. Множество путешественниковъ пріѣзжало взглянуть на „золотыя Сарды“; вернувшись на родину, они рассказывали удивительныя вещи объ укрѣпленномъ царскомъ дворцѣ, построенномъ на неприступной скалѣ горы Тмола и окруженномъ тройною стѣною, о неимоверныхъ сокровищахъ, горахъ золота, драгоценныхъ камней, великолѣпныхъ одеждахъ и множествѣ произведеній ис-

кусствъ, хранящихся въ кладовыхъ дворца, о богатствахъ, какія даютъ лидійскому царю золотой песокъ Пактола, золотые рудники Тмола и Сипила, дань, платимая подвластными лидянамъ городами и народами. Еще и во времена Геродота греки съ удивленіемъ говорили о богатыхъ подаркахъ, какими щедрый царь Крезъ помогалъ грекамъ при постройкѣ ихъ храмовъ, объ изумительной щедрости его къ аеинянину Алкмеону: Крезъ обѣщалъ подарить Алкмеону столько золота, сколько сможетъ онъ унести на себѣ изъ царской сокровищницы и, разсмѣявшись надъ забавной фигурой Алкмеона, покрытаго золотомъ, удвоилъ ему подарковъ; рассказывали о богатыхъ дарахъ, какими награждалъ онъ спартанскихъ пословъ и многіхъ другихъ грековъ, о богатыхъ пожертвованіяхъ его въ храмы Милета и Эфеса, Дельфы и Фивы и въ храмъ Амфіарая; Геродотъ самъ видѣлъ большую часть этихъ даровъ. Крезъ любилъ грековъ за ихъ умъ, изящный вкусъ и благочестіе. Его владычество было необременительно для нихъ: онъ довольствовался тѣмъ, что они признаютъ его власть, не требовалъ отъ нихъ войска, не вмѣшивался въ ихъ внутреннія дѣла; а за ту дань, какую они платили ему, съ избыткомъ вознаграждали ихъ тѣ выгоды, которыя доставляла имъ торговля съ богатымъ лидійскимъ царствомъ.

Лидійская конница оставалась еще грозною во времена Креза, но лидяне не любили мирныя занятія и наслажденія больше, чѣмъ войну. Геродотъ говоритъ, что лидяне были первыми торговцами, что они первые стали чеканить золотую и серебряную монету. Гомеръ уже прославляетъ меконійскихъ женщинъ за ихъ искусство дѣлать пурпурныя одежды и украшенія изъ слоновой кости, говоритъ о драгоценностяхъ, продающихся на рынкахъ прекрасной Меоніи. Подобно фригійцамъ и лидяне умѣли дѣлать тонкія сукна и прекрасные ковры изъ превосходной шерсти своихъ овецъ, умѣли вышивать золотомъ по тканямъ; красильни, на которыхъ изготовляли они пурпурныя и алыя ткани, могли выдерживать сравненіе съ тирскими (алую краску добывали они изъ цвѣтовъ сандикса). Они очень любили музыку; кромѣ флейты была у нихъ трехструнная китара, изобрѣтеніе которой приписывалось имъ. Лидійскій музыкальный стиль былъ нѣженъ и возбуждалъ мягкія чувства; греки заимствовали у нихъ и этотъ стиль, и народныя мелодіи, и музыкальные инструменты. Сообразно характеру лидійскаго народа, музыка его производила въ душѣ не бурныя порывы, а тихое, пріятное настроеніе. Технические искусства у лидянъ служили для удобства жизни и для роскоши; изысканность лидянъ вошла въ поговорку у грековъ; она была результатомъ и природной склонности ихъ и того, что богатства доставались имъ легко. Они убирали свои дома коврами, одежда у нихъ была длинная, яркихъ цвѣтовъ; они носили дорогія повязки и серьги; любили туалетныя масла и благовонныя куренья. Геродотъ говоритъ, что нѣкогда, во время голода, они для развлеченія себѣ въ тоскѣ отъ недостатка въ пищѣ, изобрѣли игру въ кости, игру въ мячъ, и что греки заимствовали у нихъ эти игры. Сарды были извѣстны распущенностью нравовъ; причиною этого было, вѣроятно, сладострастное служеніе Кибелѣ; лидійскія дѣвушки пріобрѣтали себѣ деньги на приданое проституціей. Онѣ сами выбирали себѣ мужей и были вѣрными женами. При лидійскомъ дворѣ были евнухи. Періандръ, озлобленный на коркирянъ, послалъ 300 мальчиковъ изъ знатныхъ коркирскихъ семействъ Аліату, чтобъ онъ сдѣлалъ ихъ евнухами; но самосецъ избавилъ ихъ отъ этой судьбы, задержавъ на своемъ островѣ (стр. 272). Кажется, были искусны лидяне и въ архитектурѣ. Дома въ Сардахъ были правда кирпичные, крытые тростникомъ; но гробницы царей на сѣверѣ отъ города у озера Гигеса доказывали, что въ архитектурномъ искусствѣ лидяне не отстали отъ другихъ культурныхъ народовъ востока. Геродотъ говоритъ, что гробница

Алиатта самое громадное сооружение въ свѣтѣ, послѣ сооруженій египетскихъ и вавилонскихъ.

Онъ говоритъ (I, 93): «Основаніе состоитъ изъ большихъ камней, а на этомъ основаніи насыпанъ холмъ; онъ сдѣланъ купцами, ремесленниками, и продажными дѣвушками. На верху стоятъ пять колоннъ, на которыхъ вырублены надписи, сколько сдѣлано кѣмъ, и при измѣреніи оказалось, что продажными дѣвушками сдѣлано больше всѣхъ. Окружность этого надгробнаго памятника 6 стадій и 2 пелтры (3,800 футовъ), а поперечникъ его 18 пелтръ (1,800 футовъ)». Изъ множества круглыхъ надгробныхъ холмовъ, находящихся въ мѣстности, которая называется «Тысяча Гробовъ» (Бинъ-Тепе) и находится въ 40 стадіяхъ отъ Сарды, поднимаются три огромные холма, которые должно, по всей вѣроятности, считать надгробными памятниками царей (другіе холмы, вѣроятно, гробницы знатныхъ и незнатныхъ людей). Самый большой изъ трехъ холмовъ, находящійся на востокѣ, считается надгробнымъ памятникомъ Алиатта; это такое сооруженіе, что и развалины его возбуждаютъ удивленіе. Вышина холма простирается до 250 футовъ; фундаментъ, о которомъ говоритъ Геродотъ, вѣроятно, засыпанъ землею, смытою съ холма дождями; подъемъ его отлогій; вверху находятся каменные фундаменты, имѣющіе футовъ по 18 въ квадратѣ, и вершина фалійской колонны, имѣющая 10 футовъ въ поперечникѣ. Дальше къ западу, по подъему горы Сипила, также есть надгробные памятники: это — холмы, насыпанные на каменномъ фундаментѣ; внутри холмовъ на фундаментахъ стоятъ каменные гробницы со стрѣльчатыми сводами; самый большой изъ холмовъ называется гробницею Тантала: фундаментъ его состоитъ изъ нѣсколькихъ стѣнъ, идущихъ концентрическими кругами.

с. Крезъ и киръ.

Солонъ и Крезъ. «Когда Сарды были въ полномъ блескѣ своего великолѣпія», рассказываетъ Геродотъ (I, 29), «въ этотъ городъ пріѣзжали всѣ мудрецы тогдашняго времени изъ Эллады, нынѣ тотъ, завтра другой; пріѣхалъ и Солонъ аѣинскій». Крезъ дружески угостилъ его въ своемъ дворцѣ, послалъ своихъ слугъ провести его по всѣмъ сокровищницамъ, показать ему всѣ богатства; послѣ того спросилъ Солонъ, кого считаетъ онъ счастливѣйшимъ изъ людей, и былъ твердо убѣжденъ, что Солонъ назоветъ его. Но Солонъ назвалъ счастливѣйшимъ человѣкомъ аѣинянина Телла, который былъ человѣкомъ умѣреннаго, но достаточнаго состоянія, жилъ въ такое время, когда его родина находилась въ цвѣтущемъ положеніи, имѣлъ прекрасныхъ сыновей, видѣлъ ихъ живыми и здоровыми и наконецъ нашелъ себѣ славную смерть въ побѣдоносномъ сраженіи (съ мегарянами при Элевзинѣ въ 580 г.) и былъ съ великими почестями погребенъ своими согражданами на томъ мѣстѣ, гдѣ палъ. На вопросъ, кого считаетъ онъ счастливѣе всѣхъ послѣ Телла, Солонъ назвалъ сыновей аргосской жрицы Клеобиса и Битона. Однажды мать ихъ должна была ѣхать въ храмъ и не могла дожидаться быковъ, которыхъ слѣдовало запечь въ ея колесницу, сыновья сами повезли колесницу въ храмъ, до котораго отъ ея жилища было 45 стадій. Когда они привезли мать, она, радуясь ихъ усердію, просила богиню наградить ея дѣтей наилучшимъ для людей счастьемъ. По принесеніи жертвы и окончаніи жертвеннаго пира сыновья ея уснули на вѣки. Крезъ высказалъ неудовольствіе на то, что аѣинскій мудрецъ считаетъ его менѣе счастливѣмъ, чѣмъ незначительныхъ людей; на это Солонъ отвѣчалъ ему: «Въ 70 лѣтъ человѣческой жизни, ни одинъ день не походить на другой и все зависитъ отъ случая. Ты очень богатъ и владычествуешь надъ многими народами, но счастливѣмъ не могу я тебя назвать раньше, нежели услышу, что твоя жизнь кончилась хорошо. Во всемъ на-

добно смотрѣть на то, каковъ конецъ, потому что многимъ божество давало счастье, а потомъ губило ихъ».

Очень скоро послѣ отъѣзда Солонъ завистливые боги послали Крезу Семейное несчастіе. Крезъ имѣлъ двухъ сыновей, одинъ былъ глухонѣмой, счастье Креза. а другой, котораго звали Атисомъ, былъ лучше всѣхъ своихъ сверстниковъ. Крезъ видѣлъ во снѣ, что Атисъ погибнетъ отъ острія желѣза. Поэтому онъ не пускалъ Атиса на войну, женилъ его и велѣлъ, чтобы никогда не было подлѣ него никакого копья. При дворѣ Креза жилъ сынъ фригійскаго царя Гордія, Адрасть, случайно убившій своего брата и потому изгнанный отцомъ. Крезъ очистилъ его отъ грѣха и принялъ въ дружбу къ себѣ. Пришли послы отъ мизійцевъ съ жалобой, что огромный вепрь, живущій на горѣ Олимпѣ, опустошаетъ ихъ нивы, и просили, чтобы царь послалъ охотниковъ убить вепря. Атисъ, юноша храбрый, пожелалъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Онъ убѣдилъ отца, что при охотѣ на вепря не будетъ ему никакой опасности отъ желѣзнаго острія и добился согласія Креза. Отецъ поручилъ Адрасту охранять его и они отправились съ охотниками и собаками. Когда они нашли вепря, Адрасть бросилъ въ него свой дротикъ и попалъ не въ вепря, а въ Атиса. Лидяне понесли убитаго въ Сарды; убійца шелъ за тѣломъ. Увидѣвъ опечаленнаго Креза, онъ, протянувъ съ мольбой руки, просилъ, чтобы его принесли въ жертву убитому имъ. Царь жалѣлъ о немъ самомъ и простилъ его, но Адрасть мучился душой и закололъ себя на гробѣ Атиса. Два года провелъ Крезъ въ глубокой печали о своемъ прекрасномъ сынѣ. А черезъ два года пришлось ему думать, чтобы отвратить новую бѣду.

Киръ въ это время началъ свои подвиги. Онъ свергъ съ престола мидійскаго царя Астиага, жена котораго была сестра Креза, и послалъ его жить въ отдаленную Гирканію; всѣ народы до самаго Галиса покорились Киру, или побѣжденные имъ или добровольно; его царство простиралось отъ Инда до границы Лидіи. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что раньше или позже онъ обратитъ оружіе противъ богатаго запада. Крезъ видѣлъ надобность принять мѣры, чтобы остановить дальнѣйшее расширеніе его царства, и раздумывалъ о томъ, какъ ему поступить. Въ своей нерѣшительности онъ обратился за совѣтомъ къ оракуламъ: отправилъ посольства къ милетскому оракулу, къ дельфійскому, къ додонскому, къ оракулу Аммона въ Ливіи, къ другимъ оракуламъ; онъ велѣлъ послать, чтобы всѣ они вездѣ въ одинъ и тотъ же день, — въ 100-й день по отъѣздѣ изъ Сарды — предложили оракуламъ одинъ и тотъ же вопросъ; они должны были спросить, что дѣлаетъ царь Крезъ въ то самое время, когда они спрашиваютъ объ этомъ. Онъ хотѣлъ испытать всевѣдѣніе оракуловъ прежде, чѣмъ предложить имъ вопросъ о войнѣ. Въ назначенное время онъ занялся дѣломъ, угадать которое было трудно: онъ разрѣзалъ на куски черепаху и ягненка и сталъ варить эти куски вмѣстѣ въ мѣдномъ котлѣ, на который надѣлъ мѣдную крышку. Одинъ только тотъ отвѣтъ, который привезли послы изъ Дельфъ, былъ вѣренъ, потому Крезъ разсудилъ, что этотъ оракулъ не обманетъ и совершилъ въ честь Аполлона такую жертву, какую приносили Сандону.

Крезъ вопрошаетъ оракуловъ.

Геродотъ говоритъ: „Онъ зарѣзалъ около 3000 штукъ разныхъ животныхъ, положилъ на одинъ костеръ, положилъ на него подушки, обтнутыя золотыми и серебряными тканями, золотыя чаши, пурпурныя одежды и сжегъ все это въ увѣренности, что приобрететъ этою жертвою еще больше благосклонности отъ Аполлона. И лидянамъ онъ велѣлъ, чтобы всѣ они приносили въ жертву, сколько кто можетъ“. Послѣ того онъ послалъ въ Дельфы чрезвычайно богатые дары (болѣе 271 талантовъ золота) и предложилъ оракуду три вопроса: идти-ли ему войною на персовъ, искать-ли ему союзниковъ и долго-ли будетъ существовать его царство? На первый вопросъ оракулъ отвѣчалъ двусмысленно: если Крезъ пойдетъ на персовъ, то разрушитъ великое царство; на второй вопросъ оракулъ далъ ему совѣтъ искать союза съ мужественнѣйшими изъ эллиновъ; отвѣтомъ на третій были слова: „когда царемъ надъ мидянами будетъ моль, тогда бѣги къ каменистому Герму, лидіецъ нѣжноногій; не медли и не бойся стыда за робкую поспѣшность“.

Походъ Креза противъ Кира. Крезъ обрадовался отвѣтамъ оракула, въ особенности послѣднему; но конецъ его царства обуславливался событіемъ, казавшимся для него невозможностью, и рѣшился идти на персовъ, не сомнѣваясь, что слова оракула о разрушеніи царства относятся къ царству Кира. Онъ заключилъ союзъ съ царемъ египетскимъ Амазисомъ и царемъ вавилонскимъ Набонетомъ (т. I, стран. 478) и приобрѣлъ, какъ совѣтовалъ ему оракулъ, дружбу спартацевъ. Но, когда онъ выступалъ въ походъ, направляясь въ Каппадокію, то нашелся лидянинъ, человѣкъ проницательнаго ума, который сказалъ ему, что опасно воевать съ людьми, носящими кожаную одежду, живущими въ суровой странѣ, довольствующимися водой и небольшимъ количествомъ плохой пищи: если онъ побѣдитъ ихъ, то ему нечего будетъ у нихъ взять, а если побѣдятъ они, то имъ очень понравится богатство и великолѣпіе лидянъ, и они уже не уйдутъ изъ Лидіи. Но Крезъ вѣрилъ въ свою силу, въ отвѣты оракула и перешелъ Галисъ. Въмѣсто того, чтобы идти быстро впередъ, онъ долго остался въ Птеринѣ, одной изъ областей Каппадокіи: опустошалъ поля, покорялъ города, захватывалъ жителей въ рабство. Киръ между тѣмъ кончилъ свои приготовления къ походу, двинулся на Креза и попытался возбудить іонійцевъ къ возстанію, чтобы явился непріятель въ тылу у лидянъ; но этотъ искусный планъ не удался: іонійцы остались вѣрны Крезу. На птерійскомъ полѣ въ долину Галиса встрѣтились войска. Битва была упорна; съ обѣихъ сторонъ падало много воиновъ, и побѣда оставалась нерѣшенной, когда наступила ночь. Но Крезъ не отважился возобновлять сраженіе на другой день. Не преслѣдуемый Киромъ онъ пошелъ назадъ въ Сарды, думая увеличить тамъ свои силы войсками союзниковъ и возобновить войну слѣдующей весной, съ войскомъ, болѣе многочисленнымъ. Онъ не думалъ, что Киръ сдѣлаетъ на него нашествіе зимой и распустилъ войска подвластныхъ лидянамъ народовъ, велѣвъ имъ собраться весной.

Взятіе Сарды. Киръ пошелъ за отступившимъ непріятелемъ и неожиданно явил-

ся на равнинѣ, разстилающейся передъ Сардами. Крезъ испугался и смутился, говоритъ Геродотъ, но повелъ лидянъ въ поле на битву. Увидѣвъ лидянъ готовыми къ бою, Киръ оробѣлъ; потому что ихъ конница была очень хороша; по совѣту Гарпага онъ употребилъ хитрость: собралъ всѣхъ верблюдовъ, слѣдовавшихъ за войскомъ съ выюками съѣстныхъ припасовъ и посуды, снялъ съ нихъ выюки и посадилъ на нихъ воиновъ, которыхъ нарядилъ въ одежду всадниковъ. Этихъ верблюдовъ поставилъ онъ впереди войска противъ конницы Креза; за верблюдами стояла пѣхота, а за пѣхотою персидская конница. Увидѣвъ верблюдовъ, лидійскія лошади испугались и помчались назадъ; но лидяне не потеряли присутствія духа, спрыгнули съ лошадей и пошли на персовъ. Персы были многочисленнѣе и побѣдили. Кто изъ лидянъ не былъ убитъ, бѣжалъ въ городъ. Киръ осадилъ его. Положеніе Сарды было очень крѣпко, Крезъ надеялся, что осада затянется, и послалъ подвластнымъ народамъ приказаніе слѣшнить присылкою войскъ на помощь ему. Киръ черезъ двѣ недѣли по началѣ осады сдѣлалъ приступъ. Онъ былъ отбитъ. Но горецъ изъ племени мардовъ, Гиреадъ, повелъ отрядъ смѣлыхъ воиновъ къ стѣнамъ цитадели съ той стороны, гдѣ подъемъ былъ очень крутъ, и гдѣ не было стражи, — потому что лидійскіе военачальники считали это мѣсто непрístupнымъ; Гиреадъ видѣлъ наканунѣ, что лидянинъ спускался тамъ за упавшимъ шлемомъ и взлѣзъ назадъ. Отрядъ Гиреада взшелъ въ цитадель. Городъ былъ взятъ и разграбленъ. Во время этого безпорядочнаго грабежа, одинъ изъ персидскихъ воиновъ бросился на Креза, не зная, кто онъ, и ужъ занесъ руку, заколотъ его; испугъ за отца далъ стоявшему подлѣ Креза нѣмому сыну способность говорить, и онъ вскрикнулъ: «Не убивай Креза!» Персъ сдержалъ руку, потому что отъ Кира былъ данъ приказъ не убивать его. — Сынъ Креза сохранилъ внезапно полученную способность говорить. — Такъ Лидія подпала подъ владѣтельство персовъ.

Крезъ былъ взятъ въ плѣнъ. Геродотъ говоритъ, что Киръ велѣлъ сжечь его съ 14 лидійскими юношами. Когда онъ стоялъ на кострѣ, онъ вспомнилъ слова Солона, который, какъ бы по божественному вдохновенію, сказалъ ему, что пока человѣкъ живъ, нельзя назвать его счастливымъ. Среди мертвой тишины Крезъ застоналъ и трижды вскрикнулъ: „Солонъ!“ Киръ послалъ переводчиковъ спросить, кого онъ зоветъ. Крезъ сначала молчалъ, но по настойчивымъ вопросамъ наконецъ разсказалъ, что Солонъ аѳинскій, видѣвшій все его величіе, предостерегалъ его о непостоянствѣ счастья. Разсказъ несчастнаго царя произвелъ большое впечатлѣніе на Кира, и онъ тотчасъ приказалъ свести съ костра Креза и другихъ осужденныхъ на сожженіе. Аполлонъ, котораго такъ высоко чтитъ лидійскій царь, внезапно ниспослалъ по его просьбѣ грозу съ неба, бывшаго передъ тѣмъ яснымъ; проливной дождь погасилъ пламя. Киръ снялъ цѣпи съ Креза, посадилъ его подлѣ себя и сталъ оказывать ему большой почетъ. А Крезъ, который прежде не могъ хорошо разсудить о своихъ

Крезъ на кострѣ.

дѣлахъ, сталъ очень полезенъ персидскому царю, давая ему самые хорошие совѣты во всѣхъ важныхъ случаяхъ, и жилъ при дворѣ царя въ большомъ почетѣ. А въ дельфійскій храмъ послалъ онъ свои цѣпи, какъ добычу той побѣды, которую обѣщалъ ему оракулъ; но въ отвѣтъ на свою жалобу о неблагодарности и обманѣ, получилъ отвѣтъ, что „онъ наказывался за преступленіе своего предка Гигеса, который, обольщенный женскою хитростью, убилъ своего господина и завладѣлъ его саномъ. Никто не можетъ избѣжать своей судьбы. Крезъ несправедливо жалуется на оракулъ; онъ ложно понялъ, будто оракулъ говорилъ о царствѣ Кира то, что было сказано о его царствѣ; а тотъ мулъ, о которомъ говорилось въ отвѣтъ оракула—это Киръ, который происходитъ отъ отца и матери разныхъ породъ. И Крезъ увидѣлъ, что виноватъ онъ самъ, а не богъ“.

Исторія Кира у Геродота очевиднымъ образомъ—легенда, пересказываемая такъ, чтобы можно было выводить изъ нея нравственные уроки. Уже и греческіе писатели сомнѣвались въ томъ, дѣйствительно-ли Солонъ былъ въ гостяхъ у Креза (Плутархъ «Солонъ» гл. 27). Хронологически возможно это свиданіе лишь въ томъ случаѣ, если мы отнесемъ поѣздку Солона къ послѣднимъ двумъ годамъ его жизни и примемъ за фактъ извѣстіе, что онъ умеръ на Кипрѣ (стр. 263). Начиная съ этого свиданія и до сцены на кострѣ, исторія Креза у Геродота—непрерывный рядъ событій, подтверждающихъ греческое воззрѣніе на жизнь, представителями котораго являются Солонъ и самъ Геродотъ: судьба людей предопредѣлена неизмѣннымъ рѣшеніемъ божества, по зависти-вости своей наказывающаго сиюминутность и гордость, подвергающаго гибели чрезмѣрное счастье. Разсказъ Геродота о рѣшеніи Кира съжечь Креза и о неожиданномъ спасеніи его, страдаетъ такими невѣроятностями, что въ немъ очевиденъ характеръ народной легенды. Подобная жестокость относительно побѣжденнаго врага несогласна съ великодушіемъ, которое постоянно выказывалъ Киръ; предать человѣка сожженію было-бы по персидскимъ религіознымъ понятіямъ очень тяжкое преступленіе противъ святости огня; и вообще весь разсказъ носитъ на себѣ ясные слѣды преданія, произвольно комментируемаго. Костеръ уже зажженъ: послѣ того идутъ приключенія и разговоры, которые должны были занять столько времени, что спасти Креза было бы уже поздно. У Николая Дамасскаго обстановка этого происшествія еще торжественнѣе. У него кругомъ костра стоитъ весь народъ, мужчины и женщины; наполняя воздухъ стонами и воплями, они рвутъ на себѣ волосы, бьютъ себя въ грудь; слуги несутъ на костеръ драгоценныя одежды и украшенія; пророчица предсказываетъ гибель боговъ; сынъ Креза упрашиваетъ отца, входящаго въ пурпуръ на костеръ, взять его съ собою, чтобы умереть вмѣстѣ; въ тотъ день съ раннего утра была пасмурная погода, въ эту пору года необыкновенная; а когда зажигаютъ костеръ, начинается сильная гроза, и дождь гаситъ пламя.—По Ктезію, Крезъ ищетъ спасенія въ храмѣ Аполлона; персы оковываютъ его тамъ въ цѣпи, но божественная помощь три раза освобождаетъ его отъ цѣпей; его ведутъ во дворецъ, сковываютъ его въ четвертый разъ, но и эти цѣпи разбиваетъ молнія; видя это, Киръ оставляетъ плѣннику свободу. Разнорѣчіемъ легенды подтверждается мнѣніе Дункера, что преданіе о смерти на кострѣ, грозившей Крезу, возникло изъ лидійскаго обряда сожженія людей въ жертву Сандону, и что основной смыслъ преданія былъ таковъ: Крезъ хотѣлъ принести себя въ жертву богу солнца Сандону, какъ по ассирійской легендѣ сжегъ себя послѣдній ассирійскій царь и какъ это бывало у финикійскихъ и палестинскихъ семитовъ при великихъ народныхъ бѣдствіяхъ; Киръ одобрилъ это намѣреніе, какъ достойное храбраго мужа, но внезапный дождь помѣшалъ исполненію дѣла; Крезъ увидѣлъ волю боговъ, что онъ долженъ отказаться отъ своей мысли, и Киръ не только помиловалъ его, но сталъ оказывать ему почетъ, какъ человѣку богобоязненному и пользующемуся покровительствомъ неба. Вѣроятность этого предположенія подтверждается найденными на стѣнѣ одного изъ домовъ въ Помпей и на одной древней вазѣ изображеніями лидійскаго царя на кострѣ въ царскомъ одѣяніи, съ лавровымъ вѣнкомъ и скипетромъ.

Д. ЗАВОЕВАНІЕ МАЛОЙ АЗІИ И ПОКОРЕНІЕ ІОНІЙСКИХЪ ГОРОДОВЪ ПЕРСАМИ.

Киръ провелъ зиму въ Сардахъ, дѣлая приготовленія къ покоренію народовъ, которые были подвластны лидійцамъ. Греческіе города западнаго побережья отправили къ нему посольство съ предложеніемъ повиноваться ему на тѣхъ-же условіяхъ, какъ прежде Крезу. Но Киръ отвергъ это; вѣроятно ему казалось, что лидяне предоставляли грекамъ слишкомъ много свободы; онъ сказалъ посламъ, что греки должны были признать его власть раньше, а теперь съ ними будетъ то, что было съ рыбами, которыя не хотѣли приплыть къ рыбаку, приманившему ихъ игрою на флейтѣ и были пойманы съѣтью. Только Милету Киръ предоставилъ быть къ нему въ такихъ-же отношеніяхъ, какъ прежде къ лидійскому царю; этимъ онъ отнялъ у іонійцевъ возможность единодушнаго сопротивленія. Услышавъ отвѣтъ Кира, іонійцы стали поправлять стѣны своихъ городовъ, и депутаты ихъ собрались на совѣщаніе въ союзномъ храмѣ на мысѣ Микале. Эолійскіе города присоединились къ нимъ и сказали, что будутъ исполнять ихъ распоряженія. Іонійцы послали богатаго фокейскаго гражданина, Питерма, къ спартанцамъ просить ихъ помощи. Спартанцы хотѣли помочь лидійскому царю и не послали ему войско только потому, что узнали о взятіи Сардъ раньше, чѣмъ оно было готово; но помочь іонійцамъ они отказались, ограничившись тѣмъ, что отправили посольство сказать Киру, чтобы онъ не нападалъ на греческіе города, что они не потерпятъ этого. Киръ отвѣчалъ имъ, что онъ не боится людей, которые занимаются разговорами на площадяхъ и обманываютъ другъ друга обѣщаніями и клятвами; если его жизнь продлится, то у нихъ будетъ достаточно разговора не о бѣдахъ іонійцевъ, а о собственныхъ.

При наступленіи весны Киръ, взявъ съ собой Креза, возвратился черезъ Фригію въ Экбатану, поручивъ малоазійскихъ народовъ Табалу, котораго оставилъ своимъ намѣстникомъ въ Сардахъ. Отвезти сокровища въ Персію онъ поручилъ лидянину Пактію. Но Пактій набралъ на эти деньги греческихъ наемниковъ, поднялъ возстаніе, овладѣлъ городомъ Сардами. Табалъ успѣлъ запереться въ цитадели и Пактій держалъ его въ осадѣ. Киръ, узнавъ объ этомъ на пути въ Экбатану, очень разсердился, говорилъ, что продастъ всѣхъ лидянъ въ рабство и разрушитъ Сарды. Чтобы спасти Сарды и лидійскій народъ отъ этой участи, Крезъ сказалъ Киру, что лучше отнять у лидянъ оружіе, велѣть имъ носить длинную одежду и высокіе сапоги, учить ихъ дѣтей музыкѣ и пѣнію и занятію торговлей; тогда лидяне сдѣлаются изъ мужчинъ женщинами, и не будетъ отъ нихъ никакой опасности возстанія. Крезъ полагалъ, что эта участь будетъ для лидянъ

Политика Кира относительно греческихъ городовъ.

всетаки лучше того, чѣмъ быть проданными въ рабство и совершенно погибнуть. Киру понравился совѣтъ Креза. Онъ послалъ на Сарды мидянина Мазара съ частью войска. При приближеніи Мазара Пактіи бѣжалъ къ іонійцамъ, нѣсколько разъ отдѣлялся отъ опасностей, наконецъ былъ выданъ персамъ хіосцами. Мазаръ поступилъ, какъ велѣлъ ему Киръ, и съ той поры нравы лидянъ совершенно измѣнились.

Мы видѣли, что лидяне ужь давно считались народомъ изнѣженнымъ, преданнымъ роскоши, любящимъ торговныя занятія; легенда, передаваемая Геродотомъ, сложилась, вѣроятно, для объясненія характера лидянъ.

Покореніе
греческихъ го-
родовъ при-
брежья.

Мазаръ прошелъ по всей равнинѣ Меандра до милетской земли, опустошая Лидію въ отмщеніе за мятежъ Пактія. Онъ взялъ Магнезію и Приену и увелъ ихъ жителей въ рабство. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ и его мѣсто занялъ Гарпагъ, которому Киръ былъ обязанъ побѣдою надъ мидянами. Онъ дѣятельно продолжалъ войну съ прибрежными городами грековъ и завоевалъ почти всѣ ихъ. Прежде всего онъ пошелъ на Фокею. Граждане этого города любили свободу, и большая часть ихъ предпочла рабству эмиграцію. Они поплыли въ Кирнъ (Корсику), жили тамъ нѣсколько лѣтъ, потомъ часть ихъ переселилась въ южную Италію и основала тамъ городъ Гіелу (Элею); другіе переселились въ Массалию, которая была колоніею фокеянъ. Немногіе, оставшіеся на Корсикѣ и въ Сардиніи, постепенно приобрѣли грубые нравы, ушли въ горы, стали заниматься разбоемъ, и на этихъ островахъ, и на морѣ (стр. 218). Граждане города Теоса (въ томъ числѣ Анакреонтъ) тоже покинули родину; они основали на Фракійскомъ берегу въ мѣстности, гдѣ уже была колонія клазоменцевъ, городъ Абдеру. Іонійцы другихъ городовъ храбро сражались съ Гарпагомъ; но они не соединяли своихъ силъ для общаго сопротивленія, каждый дѣйствовалъ особо, потому всѣ они были подавлены численнымъ превосходствомъ непріятеля, должны были покориться и платить дань, какую наложили на нихъ персы. Многіе изъ ихъ гражданъ, любя свободу, покинули родные города и переселились въ европейскую Грецію или въ отдаленныя колоніи, развитію которыхъ сильно содѣйствовало это переселеніе. Такимъ образомъ Іонія была порабощена во второй разъ. Та же судьба постигла эолійскіе и дорійскіе города на побережьи; они покорились, кажется, безъ войны; персы овладѣли и нѣкоторыми островами, напримѣръ Хіосомъ и Лесбосомъ. Персидское владычество было для грековъ тяжеле лидійскаго, но обременительнымъ не было и оно. Свободу управленія внутренними дѣлами персы мало стѣсняли. Съѣзды депутатовъ въ Паніоніонъ на мысѣ Микале продолжались; торговля, промышленность, умственная дѣятельность грековъ не были стѣсняемы персами. Въ нѣкоторыхъ городахъ управленіе дѣлами было поручено, по волѣ

Кира, знатнымъ людямъ, одному человѣку въ городѣ; такимъ образомъ въ этихъ городахъ правленіе стало болѣе походить на монархическое, чѣмъ на республиканское; но вообще говоря государственная жизнь греческихъ городовъ оставалась свободна отъ персидскаго вмѣшательства; національность сохраняла свой характеръ. За ежегодные подарки, за войско и корабли, которые обязаны были посылать іонійцы на помощь персамъ, они съ избыткомъ были вознаграждаемы выгодами, какія доставляла имъ принадлежность къ огромному государству и безопасность отъ иноземныхъ нападений. Эти выгоды цѣнились большинствомъ іонійцевъ такъ высоко, что они отвергли совѣтъ мудраго Віанта приенскаго, говорившаго іонійцамъ, чтобы всѣ они вмѣстѣ переселились въ Сардинію и основали тамъ федеративное государство; они предпочли свободѣ и независимости спокойствіе, благосостояніе при безопасности своихъ національныхъ особенностей. Такимъ образомъ стала чужда общимъ греческимъ интересамъ та часть греческаго міра, гдѣ наиболѣе развита была умственная жизнь, гдѣ возникли эпосъ, элегическая и ямбическая поэзія, получили высокое, художественное развитіе архитектура и скульптура, сдѣланы были первыя попытки философскаго изслѣдованія, процвѣтали торговля и мореплаваніе.

Фокеяне обвели свой городъ высокою стѣной изъ тесанаго камня; Гарпагъ послалъ сказать имъ, что удовольствуется тѣмъ, если они въ знакъ покорности сломаютъ только одну башню этой стѣны и отдадутъ ему только одинъ домъ. Фокеяне, которымъ рабство было ненавистно, попросили у него одинъ день себѣ на размышленіе и воспользовались этимъ днемъ, чтобы покинуть родину. Они стащили въ море свои корабли, перенесли на нихъ все имущество, посадили женъ и дѣтей, перенесли туда изображенія боговъ и священные вещи изъ храмовъ, и отплыли на Хіосъ, оставляя свой опустѣвшій городъ персамъ. Они хотѣли купить маленькіе острова, лежащіе у Хіоса, Энуассы «Винные острова»; но хіосцы не уступили ихъ имъ, опасаясь, что они своею торговлею будутъ вредить хіосской. Потому фокеяне рѣшились переселиться въ Кирнъ (Корсику), гдѣ за 20 лѣтъ передъ тѣмъ ужь былъ основанъ колонистами изъ Фокеи городъ Алалія. Сѣвъ на корабли, они сначала подошли въ Фокею, истребили гарнизонъ, поставленный тамъ Гарпагомъ, и провозгласили, что подвергается проклятію каждый фокеянинъ, который измѣнитъ рѣшенію, принятому всѣми; они поклялись, что не возвратятся въ свой покинутый городъ, пока не всплыветъ кусокъ желѣза, который бросили они въ море. Но когда они отплыли, то большинство ихъ стосковалось по родному городу, нарушило клятву и поплыло назадъ въ Фокею. Остальные пришли въ Алалію и прожили тамъ съ прежними поселенцами пять лѣтъ. Тиррены и карфагенцы, торговля которыхъ они вредили пиратствомъ, стѣснили ихъ; они рѣшились покинуть Корсику. Нѣкоторые изъ нихъ нашли себѣ спокойный пріютъ на берегу земли Энотровъ въ южной Италіи, и основали тамъ городъ Гіелу (Элею или Велію). Другіе переселились въ Массалию; эта колонія на южномъ берегу Галліи, при устьѣ Роны, основанная колонистами изъ Фокеи около 600 года, была тогда уже цвѣтущимъ городомъ.

Покоривъ греческіе города, Гарпагъ пошелъ на народы южнаго берега. Войска іонійцевъ и эолійцевъ должны были идти съ нимъ. Онъ безъ большого труда покорилъ карійцевъ. Книдійцы хотѣли про-

Покореніе
южнаго берега
Малой Азіи пер-
сами.

вести ровъ поперекъ перешейка, соединявшаго ихъ полуостровъ съ материкомъ, сдѣлать свою область островомъ; но Дельфійскій оракулъ отклонилъ ихъ отъ этого намѣренія, и они покорились персамъ безъ сопротивленія. Не стали сопротивляться и киликіяне; по извѣстію Ксенофонта, они за добровольную покорность получили отъ персовъ право жить по прежнему подъ управленіемъ своего особаго царя, должны были только платить дань и давать войско персидскому царю. Храбро защищали свою независимость лишь педасійцы, кавнійцы и ликійцы.

Педасійцы.

Ликійцы.

Кавнійцы.

Кипръ.

Педасійцы укрѣпились на горѣ Лидѣ и были покорены только послѣ упорнаго сопротивленія. Когда Гарпагъ вступилъ въ равнину Ксанеа, ликійцы вышли на встрѣчу ему и, какъ говоритъ Геродотъ, бились очень храбро, немногіе противъ многихъ; побѣжденные, они заперлись въ своемъ укрѣпленномъ городѣ; персы окружили его. Они собрали своихъ женъ, дѣтей, рабовъ, имущество въ цитадель, и зажгли ее; а сами, поклявшись не сдаваться, сдѣлали вылазку, и умерли всѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Такимъ образомъ, погибло все населеніе Ликии, кромѣ 80 семействъ, которые уцѣлѣли потому, что не попали въ осажденный городъ; они потомъ поселились въ развалинахъ его. Примѣру ликійцевъ послѣдовали кавнійцы, старинный храбрый народъ, любившій войну и пиры. — Фригію раньше того ужъ покорилъ самъ Киръ, когда возвращался изъ Сарды въ Экбатану. — Такимъ образомъ, теперь вся Малая Азія была подвластна персамъ. Только греческіе цари и города на Кипрѣ, заключившіе союзъ съ Амазисомъ, оставались нѣкоторое время вассалами египетскаго царя; но вскорѣ по смерти Кира, и они подчинились персамъ, предоставили свои флоты, гавани и верфи въ распоряженіе Камбизу. Мы увидимъ, что персы очень уважали національныя особенности подвластныхъ имъ народовъ. Культура грековъ, государственная и общественная жизнь ихъ не была стѣсняема. Они должны были платить царю дань и ходить на войну по требованію его намѣстника. Демократическія учрежденія ихъ были стѣснены тѣмъ, что персы назначали вліятельныхъ гражданъ правителями родныхъ городовъ; эти правители назывались гиппархами; греки называли ихъ и тираннами.

2. Персидское царство.

а) конецъ жизни Кира.

Въ то время, какъ Гарпагъ покорялъ владычеству персовъ Малую Азію, Киръ велъ войну на востокъ, потомъ обратилъ оружіе противъ богатаго, изнѣженнаго Вавилона, царь котораго Набонетъ былъ въ союзѣ въ Крезомъ. Мы уже говорили въ I-мъ томѣ, на сколько эти дѣла извѣстны намъ по скуднымъ и темнымъ преданіямъ о походѣ Кира на Индъ и объ опасности, которой подвергался онъ на обратномъ пути оттуда черезъ гедрозійскую пустыню; мы рассказывали, что черезъ десять

лѣтъ по взятіи Сарды, былъ взятъ Киромъ «богатый золотомъ» Вавилонъ, «великолѣпная столица халдеевъ», и что Киръ отпустилъ на родину израильтянъ, «сыновей изгнанія», и жившихъ въ плѣну финикійянъ, что возвратившіеся изъ плѣна іудеи основали подъ персидскимъ владычествомъ новое государство, слабое, несамостоятельное. Теперь мы должны рассказать о томъ, какъ основатель царства, охватывавшаго всѣ народы отъ Инда на востокъ до греческаго и финикійскаго побережья, нашелъ себѣ смерть на сѣверѣ, въ странѣ степей на востокъ отъ Каспійскаго моря, въ томъ Туранѣ, гдѣ, по персидскимъ легендамъ, свирѣпствовали бури и подъ туманнымъ небомъ жили дѣвы и дружди, въ странѣ злыхъ духовъ и всѣхъ, враждебныхъ святому Ирану силъ, въ землѣ хищныхъ номадовъ.

По всей вѣроятности уже самъ Киръ раздвинулъ сѣверную границу персидскаго царства до подошвы Кавказа; вѣроятно еще имъ самимъ были покорены воинственные и грубые племена между Чернымъ и Каспійскимъ морями, отъ знаменитой въ греческихъ мифахъ Колхиды, страны «обрѣзанныхъ людей», дававшей въ дань персидскому двору каждыя пять лѣтъ 100 мальчиковъ и 100 дѣвушекъ, до хищныхъ мардовъ и кадусійцевъ; имена рѣкъ «Киръ» (Куръ) и «Камбизъ» (Гори) въ Иберіи и Городъ Кира, который греки называли Кирополемъ, показываютъ, что персидское владычество рано распространилось на тѣ земли. Покореніемъ этихъ дикихъ племенъ была дана сѣверной Арменіи безопасность отъ непріятельскихъ набѣговъ, и громадный хребетъ образовалъ естественную неприступную границу государства. Вѣроятно Киръ желалъ оградить отъ опасностей и сѣверовосточный край царства, не имѣвшій естественной границы. Степныя племена на востокъ отъ Каспійскаго моря, кочевавшія по берегамъ Оксуса и Яксарта, часто дѣлали опустошительные набѣги на иранскія страны: Гирканію, Бактрію, Согдіану; Киръ хотѣлъ покорить ихъ и принудить жить мирно. Однимъ изъ этихъ племенъ были дербики, дикари, которые, по извѣстію Страбона, имѣли своимъ божествомъ землю, убивали и сѣдали стариковъ, достигшихъ 70 лѣтъ, а старухъ вѣшали и потомъ хоронили. Другой кочевой народъ тѣхъ странъ были саки, люди высокаго роста съ длинными, распущенными волосами, соплеменные скиѣамъ, жившіе въ лѣсахъ, въ пещерахъ или подъ шатрами и имѣвшіе только одну «каменную башню», на торговомъ пути къ сѣрамъ; эта башня была складочнымъ мѣстомъ для торговъ. Они были воинственный народъ, быстрые наѣзники и искусные стрѣлки. Далѣе разстилалась необозримая степь, по которой протекалъ Яксартъ, рѣка, равная величиною Дунаю; горы, въ которыхъ течетъ она, назывались у грековъ матіенскими; греки говорили, что она развѣтвляется на много рукавовъ, которые всѣ теряются въ болотахъ, кромѣ одного, впадающаго въ Каспійское море. Тамъ, на огромной степи жили массагеты, воин-

Войны Кира на сѣверѣ.

ственный народъ, по одеждѣ и по образу жизни подобный скиѣмъ. Эти номады постоянно грозили сосѣднимъ странамъ внезапными вторженіями; и одно изъ такихъ вторженій было нѣкогда причиною того, что вытѣсненные массагетами изъ своей земли скиѣы произвели нашествіе на западную Азію. На сѣверъ отъ массагетовъ жили исседоны, конный народъ, вооруженный копьями; народъ, любящій справедливость, у котораго, какъ слышалъ Геродотъ, былъ такой обычай, что родственники сѣдаютъ умершихъ вмѣстѣ съ другимъ мясомъ на пирахъ, а черепа хранить, какъ святыню, и ежегодно приносить имъ жертвы.

Нравы
массагетовъ.

Геродотъ говоритъ, что массагеты сражаются и на коняхъ и пѣшіе, что оружіе у нихъ лукъ, конь и сѣкира. Мѣдъ и золото находятся у нихъ въ такомъ изобиліи, что оружіе и латы они дѣлаютъ изъ мѣди, носятъ золотые пояса и головные уборы, и узды лошадей у нихъ золотыя. Но желѣза и серебра у нихъ нѣтъ. О ихъ обычаяхъ Геродотъ и пользующійся его извѣстіями Страбонъ говорятъ, что сожителство съ женами у нихъ общее, хотя каждый женится только на одной женщинѣ. Когда массагетъ желаетъ лежать съ женщиной, то вѣшаетъ свой колчанъ на ея тѣлѣ и проводитъ съ ней время безъ стыда. Определеннаго срока для конца жизни у нихъ нѣтъ, какъ у дербиковъ, но когда человѣкъ слишкомъ состарѣется, то его родственники сходятся и убиваютъ его, рѣжутъ тоже овецъ, варятъ ихъ мясо вмѣстѣ съ его тѣломъ, и дѣлаютъ пиръ; и это считается у нихъ за самую счастливую смерть. А кто умираетъ отъ болѣзни, того они не сѣдаютъ, и хоронятъ его съ большимъ плачемъ, что нельзя было его убить. Они не пахутъ земли, питаются мясомъ стада, рыбой, корнями и ягодами дикихъ растений, а пьютъ они молоко и сокъ, который выжимаютъ изъ плодовъ растущаго у нихъ дерева. Другое дерево производитъ плоды, которые они бросаютъ въ огонь, а сами садятся кругомъ; запахъ этого плода опьяняетъ ихъ. Одежду себѣ они дѣлаютъ изъ древесной коры и тюленьихъ шкуръ, а нѣкоторые изъ шерсти, которую красятъ въ пестрые цвѣта. Изъ всѣхъ боговъ они поклоняются только солнцу; въ жертву ему приносятъ они лошадей, быстрому богу—самыхъ быстрыхъ животныхъ. Образъ жизни ихъ очень грубый и воинственный, но въ торговыхъ дѣлахъ они просты и честны.

Походъ Кира
на Яксартъ и
смерть его.

Противъ этихъ степныхъ народовъ Киръ предпринялъ походъ, въ которомъ лишился жизни. Достоверно то, что онъ велъ войну въ невѣдомой странѣ по Яксарту, что на границѣ Согдіаны, гдѣ рѣка спускается съ горъ въ болотистую низменность, онъ для охраненія своего царства построилъ на горѣ городъ, которому далъ свое имя (греки называютъ этотъ городъ Киресхатою «пограничнымъ городомъ Кира»), построилъ еще нѣсколько укрѣпленій, покорилъ своей власти саковъ и нѣкоторые другія родственныя имъ племена; но подробности этихъ фактовъ облечены баснословіемъ. Какъ молодость Кира, такъ и послѣдніе годы его жизни рано сдѣлались достояніемъ поэзіи. Геродотъ слышалъ разные рассказы о смерти Кира и выбралъ изъ нихъ тотъ, который казался ему наиболѣе правдоподобнымъ и наиболѣе соответствовалъ его образу мыслей; вѣроятно, это были эпическія пѣсни и, вѣроятно, тѣ изъ нихъ, которыя принадлежали персамъ, были благопріятны Киру, а мидійскія болѣе или менее враждебны ему.

Рассказъ
Геродота.

По рассказу Геродота, Киръ предложилъ царю массагетовъ Томиру стать его женою, но она отвергла его предложеніе и онъ пошелъ войною на нее; дошедши до рѣки, онъ сталъ готовить для переправы мосты и суда съ башнями. Массagetская царица прислала сказать ему, что эти хлопоты не нужны: если онъ хочетъ переправиться къ массагетамъ, то они отойдутъ на три дня отъ рѣки, а если онъ хочетъ чтобы массагеты перешли въ его землю, то пусть онъ отойдетъ отъ рѣки на такое же расстояние. Князья персовъ были всѣ того мнѣнія, что лучше пустить массагетовъ на эту сторону рѣки; только Крезъ посовѣтовалъ Киру напасть на непріятелей въ ихъ собственной землѣ и употребить противъ нихъ кромѣ храбрости хитрость; Киръ согласился съ его мнѣніемъ. Персы перешли черезъ рѣку. Отошедши отъ нея на одинъ день пути, Киръ оставилъ въ своемъ станѣ множество всякаго кушанья и хорошаго вина и оставилъ тамъ самую плохую часть своего войска, а съ хорошимъ войскомъ возвратился къ рѣкѣ. Массагеты, подъ начальствомъ Спаргаписа, сына царицы, напали на станъ, перебили оставленныхъ тамъ, потомъ сѣли пировать и пировали пока, напившись, уснули. Тогда Киръ, котораго они не ждали, напалъ на нихъ, много ихъ перебилъ, а еще больше взялъ живыми въ плѣнъ; сынъ царицы, который былъ въ числѣ взятыхъ въ плѣнъ, попросилъ Кира снять съ него оковы и, когда его просьба была исполнена, убилъ себя. А Томира собрала все свое войско и напала на Кира „и это сраженіе я считаю самымъ кровопролитнымъ изъ всѣхъ, какія когда-либо бывали между варварами“, замѣчаетъ Геродотъ. Сражались сначала стрѣлами, потомъ копьями и кинжалами; битва была продолжительная, побѣда колебалась, но наконецъ побѣдили массагеты. Персовъ было убито несмѣтное множество, убитъ былъ и самъ Киръ. Томира опустила его отрубленную голову въ мѣхъ, наполненный человѣческой кровью, чтобы напоить его, ненасытно пившаго кровь; она впередъ грозила ему, что сдѣлаетъ такъ.

Этому рассказу, очевидно прикрашенному поэзіей, противорѣчатъ извѣстія Діодора и Ктезія. Діодоръ говоритъ, что скиѣская царица взяла Кира въ плѣнъ и распяла на крестѣ. По рассказу Ктезія, вѣроятно, болѣе близкому къ исторической истинѣ, Киръ пошелъ на дербиковъ; другое скиѣское племя пришло на помощь къ нимъ. Ктезія называетъ этихъ другихъ скиѣовъ индійцами; у нихъ были слоны. Поставивъ слоновъ въ засаду и заманивъ туда персидскую конницу, они обратили персовъ въ бѣгство. Киръ упалъ съ лошади и одинъ изъ индійскихъ воиновъ ранилъ его въ шею дротикомъ. При помощи Аморга, царя саковъ, бывшихъ издавна врагами дербиковъ, персы возобновили сраженіе и побѣдили. Но Киръ черезъ три дня послѣ того умеръ отъ полученной имъ раны, передъ смертью онъ объявилъ, что царемъ долженъ быть его старшій сынъ Камбизъ, который былъ отосланъ вмѣстѣ съ Крезомъ въ Персію. А второму своему сыну, болѣе даровитому и болѣе любимому народомъ, котораго Ктезія называетъ Танкіоксаркомъ, Геродотъ Смердисомъ, а бизутунская надпись Бартлею, онъ назначилъ намѣстникомъ Бактріи и областей хоразмійцевъ, парянъ и кермановъ. Дербики были покорены персидской власти Аморгомъ. Тѣло Кира было погребено въ Пасаргадахъ, въ священной рощѣ.—Во времена Александра еще оставалась цѣла тамъ гробница Кира. Изъ этого мы видимъ, что извѣстія Геродота основаны на баснословной народной легендѣ. По рассказу Ксенофонта, Киръ умираетъ въ глубокой старости, спокойнымъ образомъ, дома у себя, въ Персіи; готовясь къ смерти, онъ ведетъ мудрые разговоры съ сыновьями и другими своими близкими. По рассказу Ктезія, онъ, умирая, тоже далъ своимъ сыновьямъ хорошіе совѣты, внушалъ имъ уважать царицу Амитиду, дружески обращаться съ Аморгомъ и быть дружными между собой.

Рассказъ Кте-
зія.

Характеръ
Кира.

Изъ этихъ разнорѣчивыхъ извѣстій видно, что смерть могучаго завоевателя подѣйствовала на фантазію людей такъ же сильно, какъ дѣйствовали его подвиги. Онъ прошелъ по землѣ, изумляя народы, и исчезъ загадочнымъ образомъ. Ксенофонтъ, восхваляющій его, говоритъ, что онъ поступалъ съ своими подданными, какъ съ дѣтьми. У Эсхила Дарій называетъ его благословеннымъ человѣкомъ, который далъ своему народу миръ, былъ умѣренъ и былъ любимъ небомъ. Еврейскіе пророки на рѣкахъ вавилонскихъ называли Кореша помазанникомъ Іеговы, посланнымъ для того, чтобы возвратить народъ Божій въ разрушенный Сіонъ. Онъ царствовалъ 29 лѣтъ и успѣлъ въ это время основать царство, охватывавшее многіе народы тогдашняго цивилизованнаго міра, касавшееся своими границами всѣхъ другихъ. Онъ былъ такой завоеватель, какихъ мало въ исторіи, но, совершая военные подвиги, никогда не забывалъ правилъ кротости; изъ всѣхъ его дѣлъ видно, что у него была ясно сознанныя цѣль, что онъ дѣйствовалъ по обдуманному плану. Его огромное царство осталось, по его смерти, еще не устроеннымъ; покоренные народы, очень различные между собою характеромъ, нравами и степенью образованности, давали ему свои войска, платили дань, но отношенія ихъ къ персамъ не были еще установлены; не было даже опредѣлено, какія подати должны платить они. Своимъ примѣромъ Киръ показалъ, какъ должны поступать его преемники для того, чтобы подвластные имъ народы оставались вѣрными. Могущество Кира было основано на добровольной преданности персовъ; понимая это, онъ воздерживался отъ деспотизма, который, по его смерти, сталъ тяготѣть надъ государствомъ. Семь князей персидскихъ племенъ составляли его совѣтъ; семь «царскихъ судей», назначенныхъ на всю жизнь изъ числа важнѣйшихъ людей государства, судили по старымъ обычаямъ. Греки слѣдующихъ временъ прославляли патриархальное правленіе Кира, при которомъ «персы соблюдали должную средину между рабствомъ и свободой, и благодаря тому, сначала освободились отъ чужаго господства, потомъ стали господами надъ многими народами, и тогда всѣ дѣла ихъ шли успѣшно, по единодушію между воинами и военачальникомъ». Греческіе писатели съ удивленіемъ говорили о правительственныхъ способностяхъ Кира, объ искусствѣ, съ какимъ устроилъ онъ войско, о его кротости относительно побѣжденныхъ, о томъ, какъ уважалъ онъ религіозныя и государственныя законы покоренныхъ народовъ, оставляя неприкосновенными ихъ національныя особенности. Платонъ приписываетъ упадокъ этой хорошей правительственной системы тому, что сыновья Кира не получили хорошаго воспитанія: занятый военными и административными дѣлами, Киръ не имѣлъ досуга наблюдать за воспитаніемъ своихъ сыновей, говоритъ Платонъ, и они, вмѣсто мужественнаго персидскаго воспитанія, получили изнѣженное и испорченное мидійское въ кругу

женщинъ и евнуховъ. Дѣйствительно въ необузданномъ деспотизмѣ Камбиза видно вліяніе восточнаго гаремнаго воспитанія.

Побѣда Кира надъ мидянами сдѣлала главною областю царства южную часть западнаго Ирана. Мидійская столица Экбатана, стоявшая въ прохладной мѣстности у высокой, покрытой лѣсомъ, горы, съ вершины которой видно Каспійское море, была любимую лѣтнею резиденціею персидскихъ царей; но важнѣе, чѣмъ она, стали древніе персидскіе города Суза и Персеполь. Они сдѣлались громадны и великолѣпны. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Персеполя, на томъ мѣстѣ, гдѣ персы побѣдили мидянъ, Киръ основалъ городъ Пасаргады. Тамъ было положено его тѣло въ гробницѣ, которую онъ устроилъ для себя въ великолѣпномъ паркѣ. Надпись на гробницѣ говорила: «Я—Киръ, давшій персамъ владычество и повелѣвавшій Азіею. Не думай, что эта гробница слишкомъ великолѣпна для меня».

Пасаргады и
гробница Кира.

Историки и путешественники долго спорили о томъ, въ какой мѣстности находились Пасаргады и гробница Кира. Теперь полагаютъ, что этотъ городъ стоялъ на сѣверо-востокъ отъ Персеполя, на томъ мѣстѣ равнины, гдѣ находится теперь деревня Мургабъ. На большое разстояніе тянутся тамъ развалины зданій; между грудъ мусора лежатъ обломки колоннъ, мраморныя плиты и стоитъ одна уцѣлѣвшая колонна, основаніе которой засыпано землею; на семи ступеняхъ бѣлаго мрамора построенъ тутъ простой домикъ поселеннаго;—вотъ мѣсто, гдѣ нѣкогда стояли Пасаргады. Та мраморная постройка, отъ которой сохранились ступени фундамента, была гробницею Кира; въ ней лежало его тѣло среди богатыхъ украшеній и разной утвари; подлѣ нея найденъ пиластръ, на которомъ изваяно барельефное изображеніе мужчины съ четырьмя крыльями и вырѣзана надпись на трехъ языкахъ: „Я—Киръ, царь, Ахеменидъ“. Жители той мѣстности называютъ это простое, величавое сооруженіе гробницею матери Соломона.

Когда Александръ былъ въ первый разъ въ Пасаргадахъ, гробница Кира въ обширномъ паркѣ была еще цѣла. На квадратномъ фундаментѣ изъ тесамыхъ камней стояло каменное зданіе со сводомъ; входъ былъ такой тѣсный, что человѣкъ съ трудомъ проходилъ въ него очень согнувшись. На кровати съ золотыми ножками лежало мѣховое покрывало; мѣхъ былъ выкрашенъ въ пурпурный цвѣтъ; на покрывалѣ стоялъ золотой гробъ Кира, покрытый вавилонскою тканью. На столѣ лежали царская мантия и другія принадлежности царскаго облаченія; онѣ были вавилонской работы; лежали мидійскіе шальвары и пестрый плащъ; лежали золотыя цѣпи, серьги, украшенные драгоценными камнями; лежали кинжалы въ ножнахъ такой же отдѣлки. У той лѣстницы, которая вела ко входу въ гробницу, была устроена комната для маговъ, охранявшихъ гробъ Кира. Обязанность хранить его была наследственная въ одномъ и томъ же семействѣ со времени Камбиза. Эти маги получали отъ царя каждый день овцу и опредѣленное количество муки и вина; каждый мѣсяцъ царь давалъ имъ коня для принесенія въ жертву. Когда Александръ, возвращаясь изъ Индіи, снова посѣтилъ гробницу Кира, онъ нашелъ, что она ограблена; гробъ и кровать были разломаны, и останки Кира повреждены. Александръ велѣлъ подвергнуть пыткамъ маговъ, охранявшихъ гробницу; но они не знали, кто были грабители, и Александръ освободилъ ихъ. Онъ велѣлъ поправить изломанное и занежечь входъ въ гробницу своимъ перстнемъ.—Такъ разсказываютъ Арріанъ, Страбонъ и другіе древніе писатели.

в) камбизъ. лже-смердисъ. воцареніе дарія.

Камбизъ 529 По смерти Кира вступилъ на престолъ Камбизъ, сынъ Кассанданы, —522. которую Киръ любилъ больше всѣхъ другихъ своихъ женъ и о смерти которой онъ очень печалился. У Кира было намѣреніе идти войною на Амазиса, который былъ союзникомъ Креза, и завоевать Египетъ. Потому-то онъ поступилъ такъ милостиво съ іудеями и финикиянами: ихъ преданность была полезна для успѣшности похода въ Египетъ. Война на сѣверовостокѣ отвлекла Кира отъ этого похода. Камбизъ хотѣлъ исполнить планъ отца и, по словамъ Геродота, хотѣлъ тѣмъ усерднѣе, что желалъ отмстить и за личную обиду.

Камбизъ сваталъ дочь египетскаго царя, говоритъ Геродотъ. Амазисъ, опасаясь, что его дочь будетъ не царицею, а лишь одною изъ наложницъ въ гаремѣ Камбиза, послалъ вмѣсто нея и подъ ея именемъ дочь своего предѣстника Априя (Гофры), Нитету, дѣвушку очень красивую. Нитета открыла Камбизу обманъ, чтобы раздражить его противъ Амазиса, убійцы ея отца. Но едвали нуждался онъ въ такомъ мотивѣ къ войнѣ, къ которой влекло его само положеніе дѣла.

Амазисъ, вѣроятно, съ тревогою видѣлъ, какъ заботливо подготавливаетъ Камбизъ все, надобное для успѣха похода. Камбизъ требовалъ кораблей отъ подвластныхъ ему греческихъ и финикійскихъ приморскихъ городовъ, привлечь на свою сторону кипрійцевъ и хитраго Поликрата, тирана самосскаго, который прежде былъ другомъ Амазиса. Слѣдуя совѣту бѣжавшаго къ нему по ненависти къ Амазису Фанеса галикарнаскаго, который прежде былъ начальникомъ греческихъ наемниковъ въ Египтѣ, онъ заключилъ съ арабскими племенами договоры о томъ, чтобы они снабжали его войско водою и съѣстными припасами на пути черезъ пустыню. Видно было, что Камбизъ готовится идти на Египетъ съ огромными силами: Амазисъ не дожидая до начала войны; но скоро послѣ того, какъ онъ умеръ въ Саисѣ, Камбизъ двинулся съ войскомъ черезъ арабскую пустыню, а флотъ подвластныхъ персамъ народовъ собрался у Кармила. Это былъ пятый годъ царствованія Камбиза. Арабы, кочевавшіе въ пустынѣ, привозили на верблюдахъ персидскому войску воду въ мѣхахъ и служили проводниками ему. Псамменитъ, сынъ Амазиса, ожидалъ съ египетскимъ войскомъ, іонійскими и карійскими наемниками близъ Пелузія персовъ, шедшихъ въ Египетъ черезъ Газу. Страшное злодѣйство предшествовало битвѣ. Египетскіе наемники, озлобленные измѣною Фанеса, привели въ станъ оставшихся въ Египтѣ сыновей его, зарѣзали одного изъ нихъ передъ глазами отца, налили кровь его въ большую чашу, смѣшали съ виномъ и водою, пили всѣ изъ этой чаши, и яростно пошли въ бой. Сраженіе было упорно: говорятъ, что въ немъ было убито 50,000 египтянъ и 20,000 персовъ. Кам-

Битва при Пелузіѣ 525.

бизъ побѣдилъ. Тѣ египетскіе воины, которые уцѣлѣли, разбѣжались. Съ большимъ остаткомъ войска царь вернулся въ Мемфисъ.

Когда Геродотъ черезъ 20 лѣтъ послѣ того посѣтилъ поле битвы, черепы еще лежали грудками. Черепы персовъ были уже рыхлы, ломались, потому что у персовъ былъ обычай обвивать голову толстою повязкой, и отъ этого кости черепа были у нихъ мягки: а черепы египтянъ лежали еще совершенно крѣпкіе, потому что они брили голову, не покрывали ее ничѣмъ, и солнечные лучи дѣлали кости черепа крѣпкими.

Камбизъ послалъ митиленскій корабль съ персидскимъ вѣстникомъ вверхъ по Нилу къ Мемфису, предложить египтянамъ, чтобы они сдались. Когда воины, ушедшіе въ Мемфисъ, увидѣли этотъ корабль, они бросились на него, изрубили бывшихъ на немъ и изломали самый корабль. Это было оскорбленіемъ неприкосновенности посла, и беззаконники скоро были за то наказаны. Персидское войско окружило городъ и принудило его къ сдачѣ. Была взята и цитадель Мемфиса, называвшаяся Бѣлымъ Замкомъ и стоявшая къ югу отъ города на плотинѣ. Псамменитъ, чье царствованіе длилось всего только полгода, и египетскіе вельможи, были взяты въ плѣнъ. Персидскіе царскіе судьи постановили приговоръ, что за каждаго убитаго египтянина на посланномъ въ Мемфисъ кораблѣ должны быть казнены 10 знатныхъ египтянъ. Персы повели на казнь 2000 юношей съ веревками на шеѣ и завязаннымъ ртомъ. Въ числѣ этихъ юношей былъ и сынъ Псамменита. Его вели впереди всѣхъ. Плѣнный царь смотрѣлъ на это и не плакалъ, между тѣмъ какъ всѣ египтяне, сидѣвшіе подлѣ него, громко рыдали; онъ видѣлъ, что его дочь съ другими знатными дѣвушками въ одеждѣ рабынь носить воду и плачетъ, но его глаза оставались сухими. Но вотъ одинъ изъ его прежнихъ друзей, старикъ, ставшій теперь нищимъ, прошелъ мимо него, прося у персидскихъ воиновъ милостыни. При видѣ его Псамменитъ началъ громко плакать и билъ себя въ голову, произнося со стономъ имя своего друга. Стражи сказали объ этомъ Камбизу, и Камбизъ прислалъ вѣстника спросить Псамменита, какъ понять его чувства. Плѣнный царь отвѣчалъ: «Мое семейное несчастье такъ велико, что я не могъ и плакать о немъ; но я заплакалъ о бѣдствіи друга, потерявшаго все имущество и сдѣлавшагося въ старости нищимъ». Камбизу стало жаль Псамменита; онъ велѣлъ пощадить жизнь его сына; но вѣстникъ опоздалъ: сынъ Псамменита былъ казненъ прежде всѣхъ. Камбизъ послѣ этого сталъ обращаться съ Псамменитомъ болѣе милостиво, и еслибы плѣнный царь держалъ себя покорно, говоритъ Геродотъ, то Камбизъ поручилъ-бы ему управленіе Египтомъ, потому что персы оказывали почетъ людямъ царскаго сана. Но черезъ нѣсколько времени Псамменитъ былъ уличенъ въ томъ, что возбуждалъ египтянъ къ возстанію; потому дол-

Печаль и смерть Псамменита.

женъ былъ, по повелѣнію Камбиза, выпить чашу бычачьей крови, и умеръ отъ вреднаго дѣйствія этой крови.

По Ктезию, Камбизъ поступилъ съ Псаммемитомъ такъ же великодушно, какъ Киръ съ Астиагомъ и Крезомъ; позволялъ ему выбрать 6.000 благородныхъ египтянъ, чтобы жить вмѣстѣ съ ними, и далъ имъ землю близъ Сузы. Это извѣстіе болѣе соотвѣтствуетъ правиламъ персидскихъ царей, чѣмъ разсказъ Геродота, источникомъ котораго была, вѣроятно, преданія египетскихъ грековъ. На египетскихъ памятникахъ находится изображенія и надписи, свидѣтельствующія, что Камбизъ выказывалъ уваженіе къ египетской религіи. Изъ позднѣйшей исторіи Египта мы видимъ, что персы не измѣнили ничего въ административномъ устройствѣ и законахъ его, оставляли неприкосновенной его религію. Разница съ прежнимъ была только та, что правителемъ страны былъ персидскій сатрапъ, и въ цитаделяхъ важнѣйшихъ городовъ стояли персидскіе гарнизоны. Даже египетская военная каста сохраняла свои права и устройство; войско осталось прежнее, оно только перешло изъ службы фараоновъ въ службу ахеменидамъ.

Покореніе
Египта.

Такъ былъ поработенъ Египетъ; и ужъ никогда не возстановилась его независимость. Вся послѣдующая его исторія разсказываетъ только о смѣнахъ владычества иноземныхъ повелителей. Жизненные силы древняго культурнаго государства были истощены. Попытка послѣднихъ фараоновъ привить свѣжую вѣтвь къ изсыхавшему дереву покровительствомъ греческой колонизаціи не оживила оцѣпенѣвшій народъ, а только ускорила его паденіе. Египтяне не отважились сопротивляться иноземному игу; персидскій царь, послѣ первой побѣды, безъ труда овладѣлъ всею страной. Даже ливійскія племена западнаго побережья покорились безъ всякой борьбы: прислали ему подарки, и добровольно обложили себя податью. Тиранинъ киренскій Аркезилай хотѣлъ упрочить за собою помощью персовъ власть, прибрѣтенную злодѣйствомъ, прислалъ въ даръ Камбизу 500 минъ серебра, призналъ персидскаго царя своимъ господиномъ и обѣщалъ платить ему ежегодную дань. Камбизъ гордо роздалъ самъ изъ своихъ рукъ персидскимъ воинамъ присланную сумму, незначительную въ его глазахъ.

Походы на
Эѳіопію и Аммо-
ніумъ.

Такіе быстрые успѣхи должны были возбудить въ Камбизѣ мнѣніе, что его могущество неодолимо, и внушить ему планы новыхъ, болѣе смѣлыхъ предпріятій. Онъ рѣшилъ послать свой флотъ на завоеваніе Карѳагена, часть своего войска на завоеваніе оазиса Аммонова храма въ Ливіи, а съ главными силами идти самъ въ Эѳіопію, на «край свѣта», въ страну золота и громадныхъ слоновъ, дикихъ лѣсовъ и долголѣтнихъ людей, хотѣлъ совершить тамъ завоеванія болѣе обширныя, чѣмъ какія были сдѣланы фараонами давнихъ временъ. Но всѣ эти замыслы рушились. Отъ экспедиціи противъ карѳагенцевъ онъ долженъ былъ отказаться, потому что финикіяне объявили, что клятвы, данныя предъ лицомъ боговъ, не позволяютъ имъ воевать противъ соплеменниковъ; а число греческихъ и кипрійскихъ кораблей было недостаточно для такого дѣла. Сухопут-

ныя войны были предприняты, но получили печальный для персовъ конецъ.

Камбизъ послалъ съ «острова рыбобдовъ», Элефантины, людей, знающихъ эѳіопскій языкъ, въ страну «долголѣтнихъ эѳіоплянъ», жившихъ далеко на югъ, за миѳическимъ царствомъ Мероэ, близъ моря. Онъ послалъ съ ними эѳіоплянамъ, «прекраснѣйшимъ и самымъ высокорослымъ изъ людей», подарки: пурпурную одежду, золотыя ожерелья и браслеты, баночку ароматическаго масла, сосудъ съ пальмовымъ виномъ, и велѣлъ имъ высмотрѣть все въ той странѣ. А самъ повелъ между тѣмъ войско въ Оивы. Лазутчики, исполнивъ свое порученіе, принесли ему въ Оивы лукъ, который прислалъ Камбизу эѳіопскій царь, и передали слова, съ которыми далъ онъ имъ его: «Если персы могутъ легко натягивать такіе луки, то они могутъ идти войною на долголѣтнихъ эѳіоплянъ; а если не могутъ, то пусть благодарятъ боговъ за то, что эѳіопляне не желаютъ прибрѣтать чужихъ земель». Лазутчики разсказывали, что эѳіопляне купаются въ родникѣ, вода котораго даетъ тѣлу такой блескъ, какъ масло, и запахъ фіалокъ; что они обыкновенно доживаютъ до 120 лѣтъ, а многіе живутъ и дольше; что мѣди въ ихъ землѣ нѣтъ, но золота такъ много, что оковы на плѣнникахъ у нихъ золотыя; что своихъ умершихъ кладутъ они въ стеклянные гробы, оставляютъ цѣлый годъ въ своихъ домахъ и чтутъ жертвами и благовонными куреніями.

Камбизъ разсердился, услышавъ гордыя слова эѳіопскаго царя; разсердился еще больше, когда оказалось, что ни одинъ персъ не можетъ натянуть присланный ему лукъ. Не думая о томъ, что для похода «на край свѣта» надобно запастись достаточнымъ количествомъ продовольствія, онъ немедленно двинулся въ походъ, «какъ разъяренный и безразсудный человѣкъ». Онъ оставилъ въ Египтѣ грековъ, послалъ отрядъ въ 50.000 воиновъ на западъ, завоевать жрецеское государство храма Аммона, оазисъ, находившійся въ десяти дняхъ пути отъ Оивъ; онъ велѣлъ всѣхъ жителей его взять въ рабство, а храмъ сжечь. Все остальное войско онъ повелъ въ Эѳіопію. Тѣ эѳіопляне, которые жили подлѣ Египта, и сосѣды ихъ, троглодиты, «жители пещеръ», были покорены безъ труда. Они стали давать персамъ дань, впрочемъ небольшую: нѣсколько золота, чернаго дерева, слоновой кости, пять мальчиковъ, и служили съ той поры въ персидскомъ войскѣ. Вѣроятно, это были царство Напата и городъ Мероэ, — о которыхъ мы говорили въ I томѣ (стр. 185 и слѣд.). Но пошедши дальше, персы скоро попали въ ужасное бѣдствіе. Они еще не прошли и пятой части пути, а всѣ съѣстные припасы были уже съѣдены. Они стали ѣсть вычныхъ животныхъ. Но Камбизъ все-таки шелъ дальше. Пока войско шло по мѣстамъ, гдѣ была растительность, воины ѣли коренья, траву. Но когда пришли въ песчаную пустыню, нѣкоторые обратились къ ужасному средству: собирались по десяткамъ, бросали жребій, кому изъ десяти быть съѣденнымъ, — и съѣдали того, на кого падалъ жребій. Узнавъ объ этомъ,

Камбизъ разсудилъ, что когда такъ, то войны всѣ пойдутъ другъ друга, и велѣлъ идти назадъ; онъ вернулся, потерявъ очень много воиновъ.—Еще хуже вышло съ отрядомъ, посланнымъ на западъ. Жители оазиса Аммона говорили, что это войско шло семь дней по пустынь, что, наконецъ, въ то самое время, когда войны завтракали, поднялся съ юга сильный вѣтеръ, такой, что несъ тучи песка, и все войско было засыпано пескомъ, исчезло безъ слѣда; судя по описаніямъ бурь той песчаной пустыни въ книгахъ нынѣшнихъ путешественниковъ, очень можно вѣрить этому, хотя рассказъ Геродота написанъ по греко-египетскому преданію, болѣе или менѣе баснословному. Есть факты, показывающіе, что южная Эѳіопія до страны негровъ и слоновъ принадлежала къ персидскому царству, что принадлежала къ нему и западная пустыня до оазиса Эль-Хардже. Но храмъ Аммонъ-Ра въ оазисѣ ливійской пустыни никогда, кажется, не былъ подвластенъ персамъ.

Поруганія Кам-
биза надъ еги-
петскою рели-
гіею.

Камбизъ возвратился раздраженный неудачею похода и бѣдствіями войска,—разсказываетъ далѣе Геродотъ.—Онъ прошелъ въ Нижній Египетъ. Входя въ Мемфисъ, онъ увидѣлъ, что дома убраны по праздничному и народъ веселится. Причиною торжества было то, что нашелся новый Аписъ. Но Камбизъ, предположивъ, что народъ радуется его неудачѣ, поступилъ съ египтянами чрезвычайно жестоко. Онъ потребовалъ къ себѣ египетскихъ градоначальниковъ и спросилъ ихъ, почему граждане не праздновали, когда онъ въ первый разъ входилъ въ Мемфисъ, а веселятся теперь, когда онъ потерялъ часть войска. Они сказали ему, что явился ихъ богъ, который является рѣдко; онъ назвалъ ихъ лжецами и велѣлъ убить. Потомъ приказалъ жрецамъ привести ихъ бога къ нему. Увидѣвъ быка, онъ выхватилъ кинжалъ, ударилъ имъ Аписа въ бедро и со смѣхомъ сказалъ: «О, глупцы! развѣ боги тѣ, у которыхъ есть мясо и кровь и которые чувствуютъ желѣзо?» Онъ велѣлъ сѣчь бичами жрецовъ и убивать каждаго египтянина, который будетъ пойманъ на праздникѣ. Такъ прекратился праздникъ. Аписъ умеръ въ храмѣ отъ раны и былъ тайно похороненъ египтянами. Надъ другими святынями египтянъ Камбизъ совершалъ такіе-же поруганія.

Геродотъ говоритъ, что Камбизъ вошелъ въ мемфисскомъ храмѣ бога Пта въ самый священный отдѣлъ, куда могли входить только жрецы, смѣлся тамъ надъ уродливыми изображеніями боговъ въ видѣ карликовъ и велѣлъ бросить ихъ въ огонь. Онъ велѣлъ открывать старинные гробы и смотрѣлъ муміи. Обычай бальзамированія казался очень дуренъ поклоннику Агурамазды, считавшему нечистымъ все мертвое. Онъ велѣлъ вынуть изъ гробницы и предать поруганію тѣло Амазиса, на котораго былъ очень озлобленъ. Группу сѣкли бичами, вырвали у него волосы, кололи его, и потомъ бросили въ огонь; это сожженіе трупа было тяжкимъ беззаконіемъ не только по египетской религіи, но и по персидской, „потому что персы считаютъ огонь богомъ“, говоритъ Геродотъ.

Съ этого времени Камбизъ совершенно предался порывамъ дикой ярости, продолжаетъ Геродотъ: онъ неистовствовалъ такъ, что начали считать его потерявшимъ рассудокъ.

Свирѣпости
Камбиза.

Онъ велѣлъ за ничтожный проступокъ зарыть въ землю по шею живыми 12 очень знатныхъ персовъ; и когда Крезъ отважился говорить царю, что такъ не должно поступать, Камбизъ пустилъ въ него стрѣлу, и онъ едва успѣлъ уклониться отъ нея. Черезъ нѣсколько времени Камбизъ простилъ вѣрнаго совѣтника, какъ и вообще онъ сожалѣлъ о жестокостяхъ, какія дѣлалъ въ порывахъ раздраженія; но онъ велѣлъ казнить тѣхъ персовъ, которые ослушались приказанія убить Креза и спрятали его отъ гнѣва царя. Однажды онъ спросилъ персидскаго вельможу Прексаспа, что думаютъ о немъ персы; Прексаспъ откровенно отвѣчалъ: „Вообще они хвалятъ тебя, только говорятъ, что ты слишкомъ много пьешь“. Камбизъ сказалъ: „Итакъ персы думаютъ, что я теряю умъ отъ вина? Это мы сейчасъ испытаемъ. Вотъ на дворѣ стоитъ твой сынъ (сынъ Прексаспа былъ царскій виночерпій): „если я попаду стрѣлою прямо въ сердце ему, то ясно будетъ, что персы говорятъ несправедливо; а если я промахнусь, то будетъ значить, что они правы и что умъ у меня слабѣетъ отъ вина“. Онъ пустилъ стрѣлу въ молодого человека; стрѣла попала прямо въ сердце, и онъ, смѣясь, спросилъ отца: „Видѣлъ ли ты гдѣ на свѣтѣ другого такого хорошаго стрѣлка?“ Прексаспъ въ трепетѣ отвѣчалъ: „Владыко, я думаю, самъ богъ не можетъ стрѣлять такъ хорошо“.—Камбизъ велѣлъ казнить одного изъ царскихъ судей, постановившаго за деньги неправильное рѣшеніе, велѣлъ содрать съ него кожу и обтянуть ею судейскій стулъ, на которомъ долженъ былъ сидѣть сынъ убитаго, Отанъ, назначенный его преемникомъ.

Египетскія надписи, какъ мы уже говорили, противорѣчатъ этимъ разсказамъ Геродота; онѣ свидѣлствуютъ, что Камбизъ нисколько не стѣснялъ египетскаго богослуженія. Впрочемъ надобно принять въ соображеніе, что египетскіе сановники и жрецы и не отважились бы писать на общественныхъ памятникахъ что-нибудь не въ похвалу властителю Египта. Въ разсказахъ Геродота, заимствованныхъ изъ египетско-греческихъ преданій, отчасти быть можетъ также изъ иранскихъ легендъ и пѣсень, вѣроятно, есть нѣкоторое преувеличеніе; но вообще они совершенно сообразны съ характеромъ восточнаго деспотизма, и нельзя сомнѣваться, что въ нихъ много справедливаго. Деспотическіе поступки Камбиза объясняются, какъ мы видимъ по извѣстіямъ Платона (въ его трактатѣ «О законахъ»), дурнымъ воспитаніемъ Камбиза въ роскошномъ гаремѣ, въ кругу женщинъ и евнуховъ, исполнявшихъ всѣ его желанія, повиновавшихся всѣмъ его прихотямъ; объясняются также припадками падучей болѣзни, которою съ дѣтства страдалъ Камбизъ, и пьянствомъ, которымъ онъ старался заглушить тяжелыя впечатлѣнія, произведенныя на него неудачею похода въ Эѳіопію; объясняются наконецъ раболопствомъ придворныхъ, развивавшихъ въ немъ деспотизмъ низкой лестью и угодливостью.

Однажды онъ спросилъ своихъ совѣтниковъ, какъ они думаютъ о немъ по сравненію съ Киромъ. Придворные отвѣчали, что „онъ болѣе великій царь, чѣмъ его отецъ, потому что владѣетъ всѣмъ отцовскимъ царствомъ и прибавилъ къ нему Египетъ и море“. Крезъ, которому предложилъ онъ тотъ же вопросъ, отвѣчалъ уклончиво, что Камбизъ кажется ему еще не сравнявшимся съ отцомъ, потому что еще не имѣетъ такого сына, какого оставилъ въ немъ по себѣ его отецъ.—Когда Камбизъ, желая наперекоръ обычаю жениться на своей сестрѣ, спросилъ у царскихъ судей, дозвоительно ли это по закону, то они, больше заботясь о своей безопасности, нежели о законности, отвѣчали ему, что „не находятъ закона, позволяющаго брату жениться на сестрѣ, но находятъ другой законъ, говорящій, что персидскій царь можетъ дѣлать все, что хочетъ“. Камбизъ женился на обѣихъ своихъ сестрахъ. Младшая изъ нихъ однажды упрекнула его за то, что онъ сдѣлалъ „лишеннымъ листьевъ“ домъ Кира. Онъ сталъ топтать ее ногами; она была беременна, подверглась выкидышу и умерла.

Убийство Бар-
тъи (Смердиса).

Упрекъ младшей сестры, сопровождавшей Камбиза въ Египетъ, относился къ самому черному изъ его дѣлъ, убійству его брата Бартъи (Смердиса), пользовавшагося всеобщей любовью; это убійство постоянно мучило потомъ душу Камбиза: оно было совершено тайно, но онъ послѣ того терзался раскаяніемъ и подозрительностью. По Геродоту, у Камбиза было два побужденія рѣшиться на убійство брата: онъ видѣлъ во снѣ, что Смердисъ сидитъ на царскомъ престолѣ и голова его достигаетъ неба; потому онъ опасался Смердиса; кромѣ того, ненавидѣлъ его по зависти, возбужденной тѣмъ, что изъ всѣхъ персовъ Смердисъ одинъ могъ, хотя нѣсколько, — на 2 пальца — натянуть тетиву лука эеіопскаго царя. Тотчасъ же по испытаніи лука Камбизъ послалъ Смердиса въ его намѣстничество, а вслѣдъ за нимъ отправилъ вѣрнѣйшаго изъ своихъ вельможъ, Прексаспа, съ порученіемъ убить его; Прексаспъ убилъ Смердиса, по однимъ разсказамъ, уѣхавъ съ нимъ далеко отъ его свиты на охотѣ, а по другимъ, заманивъ его къ морю и столкнувъ со скалы въ волны.

Если разсказу о сновидѣніи Камбиза дадимъ натуральное объясненіе, то найдемъ въ немъ смыслъ, безъ сомнѣнія вѣрный. Камбизъ завидовалъ брату за то, что братъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ лучше его; притомъ онъ опасался, что Смердисъ, будучи почти независимымъ правителемъ восточнаго Ирана, можетъ возстать противъ него; по этимъ двумъ мотивамъ онъ и велѣлъ убить Смердиса. Убійства въ царскомъ семействѣ всегда были обыкновенными явленіями въ деспотическихъ государствахъ востока.—Менѣе правдоподобенъ разсказъ Ктезія.

По Ктезію Бартъи, котораго онъ называетъ Таніоксаркомъ, подвергъ наказанію мага Сфендадата, провинившагося передъ нимъ. Желая отомстить за свой стыдъ, магъ отправился къ Камбизу и извелъ на Таніоксарка клевету, будто-бы онъ хочетъ отнять престолъ у брата. Подозрительный Камбизъ повѣрилъ магу и согласился на предложенный имъ планъ. Планъ былъ таковъ: Сфендадатъ очень походилъ лицомъ на Таніоксарка; Камбизъ долженъ публично дать повелѣніе казнить мага, провинившагося передъ его братомъ; а на самомъ дѣлѣ Сфендадатъ убьетъ Таніоксарка, приметъ на себя его имя и будетъ править его намѣстничествомъ. Такъ все это и было исполнено. Магъ былъ до такой степени похожъ на Таніоксарка, что даже домашніе убитаго принимали его за

царскаго брата. Тайну знали только трое: гириянецъ Артасиръ и два евнуха; они дали магу совѣтъ воспользоваться обстоятельствами и захватить царскую власть. Амтида, царица мать, узнавшая о томъ, какъ было дѣло, требовала у Камбиза, чтобы онъ выдалъ Сфендадата. Камбизъ отказалъ ей въ этомъ; она приняла ядъ и умерла, проклиная Камбиза.

Смерть
Камбиза.

Пробывъ три года въ Египтѣ, Камбизъ отправился въ Сузу. Въ Египтѣ былъ оставленъ персидскій отрядъ, подъ начальствомъ Арганда, чтобы охранять порядокъ въ странѣ при содѣйствіи египетской военной касты, которая перешла на службу персидскому царю. Въ Сиріи Камбизъ услышалъ, что по всѣмъ областямъ государства посланы вѣстники, объявляющіе отъ имени Бартъи (Смердиса), что народъ долженъ повиноваться не Камбизу, а ему. Камбизъ сначала подумалъ, что Прексаспъ обманулъ его и что братъ его остался живъ; но Прексаспъ увѣрилъ его, что собственными руками похоронилъ Смердиса, и Камбизъ сталъ спрашивать вѣстника, кѣмъ онъ посланъ; вѣстникъ сказалъ, что онъ посланъ магомъ Патезитомъ (или Оропастомъ), котораго Камбизъ оставилъ правителемъ своего дворца въ Сузѣ. По разсказу Геродота, этотъ магъ, воспользовавшись продолжительнымъ отсутствіемъ ненавистнаго народу Камбиза, рѣшился возвести на престолъ своего брата Смердиса, который очень походилъ на убитаго царскаго сына и носилъ то же самое имя. Услышавъ объ этомъ, Камбизъ понялъ истинное значеніе того сна, въ которомъ онъ видѣлъ Смердиса сидящимъ на престолѣ; онъ заплакалъ о томъ, что убилъ невиннаго брата; онъ вспрыгнулъ на лошадь, чтобы немедленно ѣхать въ Сузу, но при этомъ его мечъ выпалъ изъ ноженъ и поранилъ его въ бедро, въ то самое мѣсто, въ которое ранилъ онъ Аписа; мечъ прорѣзалъ все мясо до кости; въ ранѣ началось воспаленіе и она скоро получила очень опасный характеръ. Почувствовавъ приближеніе Смерти, Камбизъ созвалъ знатнѣйшихъ персовъ, разсказалъ имъ всю правду о томъ, какъ былъ убитъ Смердисъ, и заклиналъ ихъ богами не допустить того, чтобы владычество возвратилось къ мидянамъ, сдѣлать силой или хитростью, чтобы оно осталось за персами. Онъ кончилъ словами: «Если вы сдѣлаете такъ, то земля будетъ давать вамъ плоды, ваши жены и ваши стада будутъ плодородны и вы будете на-вѣки свободны. А если вы не позаботитесь возвратить себѣ владычество, то я прошу вамъ отъ боговъ противнаго всему этому и кромѣ того прошу у нихъ, чтобы каждый персъ кончалъ жизнь, какъ я». При этихъ словахъ онъ горько заплакалъ; всѣ бывшіе тутъ стали рвать на себѣ одежды и плакать и стонать. Вскорѣ послѣ того Камбизъ умеръ, процарствовавъ 7 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ и не оставивъ ни сыновей, ни дочерей. Одинъ изъ евнуховъ отвезъ тѣло его въ Персію.

По разсказу Ктезія, Камбизъ доѣхалъ до Вавилона; тамъ онъ сталъ рѣзать дерево; ножъ случайно поранилъ его въ ногу и, онъ черезъ 8 дней умеръ отъ раны. Въ 10 и

Ктезія.

11 строках Визутунской (или багастанской) надписи говорится: «У Камбуджіи былъ братъ, по имени Бартя, такъ: отъ одной матери съ нимъ и одного отца; потомъ Камбуджіи убилъ этого Бартю; когда Бартя былъ убитъ, въ государствѣ не стало наследника. Потомъ Камбуджіи пошелъ въ Египетъ; тогда государство стало безбожно; беззаконія умножились въ землѣ персидской, въ землѣ мидійской и въ другихъ областяхъ. Былъ тогда человекъ, магъ, по имени Гумата (Gumata, или Гаумата, Gaumata; у Юстина, I, 9, лже-Смердисъ также называется Cometes); онъ возсталъ съ горы Аракадриши; такъ агалъ онъ противъ царства: «Я Бартя, сынъ Куруша, братъ Камбуджіи; тогда все царство стало мятежнымъ противъ Камбуджіи и перешло на его сторону: и Персія, и Мидія, и другія области; онъ овладѣлъ господствомъ въ 9 день мѣсяца Гармапады; потомъ умеръ Камбуджіи отъ чрезвѣрнаго гнѣва (по переводу Опперта: умеръ, убивъ себя). Такъ отнялъ Гумата магъ у Камбуджіи господство, которое издавна принадлежало нашему племени; онъ совершилъ по своему желанію, сталъ царемъ». (Бенфай, стран. 9).

Царствование
лже-Смердиса.

Персидскіе вельможи очень сильно сомнѣвались въ правдивости словъ умирающаго Камбиза; они полагали, что царь по ненависти къ брату говорилъ о смерти его, чтобъ отвратить отъ него народъ; тѣмъ болѣе слѣдовало имъ думать такъ, что Прексаспъ, боясь наказанія, отрицалъ слова Камбиза о смерти Смердиса. Такимъ образомъ новый царь былъ, какъ сынъ Кира, признанъ войскомъ и населеніемъ государства. Быть можетъ люди, устроившіе этотъ обманъ, имѣли своимъ намѣреніемъ возстановить владычество мидянъ (по Геродоту I, 101—маги были мидійское племя) и поставить персовъ въ прежнее подвластное положеніе. Магъ царствовалъ семь мѣсяцевъ. Онъ показывалъ себя чрезвычайно милостивымъ относительно своихъ подданныхъ, объявилъ, что всѣ жители государства освобождаются отъ военной службы и отъ податей на три года; этимъ онъ приобрѣлъ большую любовь народа.

Раскрытие об-
мана.

Но черезъ нѣсколько времени обманъ открылся, продолжаетъ Геродотъ. Стало казаться подозрительнымъ то, что Смердисъ никогда не выходитъ изъ дворца и не допускаетъ съ собой никого изъ знатныхъ персовъ. Новый царь взялъ въ жены себѣ всѣхъ женъ Камбиза; одною изъ нихъ была Федима, дочь Отана, перваго между всѣми по знатности и богатству. Онъ послалъ спросить у дочери, кто ночуетъ съ ней, и получилъ въ отвѣтъ, что она не знаетъ этого, потому что человекъ, который ночуетъ съ ней, она никогда не видитъ при свѣтѣ; что она не можетъ и отъ другихъ женъ узнать, кто онъ, потому что всѣ онѣ живутъ порознь и имъ не дозволяется видѣться между собою. Отецъ велѣлъ ей украдкой ощупать уши того, кто съ нею спитъ; если это магъ Гумата, то у него нѣтъ ушей, потому что Киръ отрѣзалъ ихъ у него за сдѣланное имъ преступленіе. Федима сдѣлала, какъ посоветовалъ ей отецъ, и нашла, что у новаго царя дѣйствительно нѣтъ ушей. Узнавъ это, Отанъ сталъ совѣщаться съ шестью другими знатными персами о томъ, какъ избавиться отъ постыднаго владычества. Однимъ изъ этихъ вельможъ былъ Дарій (Дараявусъ), незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшій изъ Персиды, гдѣ

отецъ его Гистаспъ былъ намѣстникомъ. Дарій уже узналъ объ обманѣ и убѣждалъ другихъ заговорщиковъ спѣшить, пока магъ не услышалъ объ ихъ замыслѣ: мага надобно убить нынѣ-же, говорилъ онъ; есть и хорошій предлогъ идти во дворецъ: онъ привезъ отъ отца важное извѣстіе царю; стражи во дворцѣ пропустятъ ихъ, важнѣйшихъ вельможъ государства; ложъ позволительна, когда приносить пользу.— Рѣчь Дарія убѣдила другихъ соумышленниковъ; они согласились съ нимъ.

Въ это время Гумата и его братъ,—вѣроятно провѣдавъ о подозрѣніи, распространявшемся въ народѣ—совѣщались между собою и пришли къ рѣшенію, что имъ нужна помощь Прексаспа, который одинъ зналъ истину и ненавидѣлъ Камбиза, убійцу его сына. Они призвали его и обѣщали ему большую награду, если онъ сохранитъ тайну и дастъ въ собраніи народа передъ дворцомъ увѣреніе, что царь дѣйствительно Смердисъ, сынъ Кира. Прексаспъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ у персовъ, обѣщалъ имъ сдѣлать это. Но взшедши на башню, чтобы говорить съ нею народу, онъ рассказалъ, что онъ убилъ Смердиса, и что человекъ, овладѣвшій престоломъ—магъ; рассказавъ это, онъ сталъ заклинать персовъ, чтобъ они возвратили себѣ владычество и отмстили магамъ; кончивъ рѣчь, бросился съ башни и засвидѣтельствовалъ истину своихъ словъ своею смертью.

Избѣженіе ма-
говъ.

Вельможи, рѣшившіеся убить мага, шли во дворецъ, когда услышали объ этомъ. Отанъ выразилъ сомнѣніе, удобно ли имъ идти во дворецъ теперь, когда тамъ знаютъ, что народъ волнуется; но Дарій повторилъ, что надобно спѣшить, и благопріятное предзнаменованіе ободрило заговорщиковъ. Стража пропустила ихъ во дворецъ, потому что князья персидскихъ племенъ имѣли право свободного доступа къ царю. Евнухи, хотѣвшіе не пропускать ихъ во внутренніе покои, пали подъ ихъ кинжалами, они бросились бѣгомъ въ залъ, въ которомъ совѣщались царь и его братъ. Совѣщавшіеся поняли по шуму, что имъ угрожаетъ смерть, и хотѣли защищаться. Одинъ схватилъ копье, выкололъ имъ глазъ Интаферну, ранилъ въ ногу Аспатина, но былъ убитъ; другой схватилъ лукъ, но стрѣлять изъ него не могъ, побѣжалъ въ сосѣднюю комнату и хотѣлъ запереть за собою дверь; но Дарій и Гобрій ворвались вслѣдъ за нимъ и Дарій прокололъ его кинжаломъ. Съ отрѣзанными головами убитыхъ заговорщиковъ вышли къ собравшимся передъ дворцомъ персамъ, рассказали имъ все; народъ такъ озлобился, что сталъ убивать всѣхъ маговъ, какіе попадались ему. Въ память объ этомъ, персы ежегодно праздновали «день избѣженія маговъ»; маги должны были не показываться нигдѣ въ этотъ день, бывшій у персовъ очень большимъ праздникомъ.

Черезъ пять дней, когда народное волненіе улеглось, семь вельможъ, убившихъ лже-Смердиса—очевидно, князья семи благородныхъ племенъ персидскаго народа—собрались, какъ рассказываетъ далѣе Геродотъ, на совѣщаніе о томъ, какое устройство дать государству. Было высказано

Совѣщаніе
вельможъ,
убившихъ лже-
Смердиса.

три мѣнія объ этомъ. Отанъ говорилъ, что должно передать верховную власть всему персидскому народу, потому что монархическое правленіе всегда имѣетъ своею принадлежностью высокомеріе, произволъ, насилие, а демократическое правленіе даетъ свободу и равенство. Мегабизъ говорилъ, что правленіе должно быть предоставлено аристократіи, потому что владычество необузданной толпы хуже надменности царя. А Дарій говорилъ, что должно сохранить монархическое правленіе, потому что когда власть принадлежитъ многимъ, то между ними непременно возникаютъ раздоры и междоусобія, которыя опять-таки приводятъ къ монархіи; персовъ освободилъ монархъ; и дурно было бы отступать отъ отцовскаго обычая. Большинство согласилось съ Даріемъ. Теперь надо было совѣщаться о выборѣ царя. Вельможи рѣшили, что царемъ будетъ выбранъ одинъ изъ нихъ. Отанъ сказалъ, что отказывается отъ своихъ шансовъ сдѣлаться царемъ, подъ условіемъ, чтобы ему и его потомкамъ была предоставлена свобода. Всѣ согласились на это. „И донинѣ родъ Отана остается свободенъ,“ говоритъ Геродотъ: „это единственные свободные люди въ Персіи. Они повинуются царю, лишь насколько сами хотятъ; они обязаны только не нарушать персидскихъ законовъ.“ Кромѣ свободы, Отану и его потомкамъ было навѣки дано право носить мидійскую одежду, и были даны разныя другія привилегіи. — Совѣщаніе о томъ, какая форма правленія лучше, совершенно несообразно съ восточными понятіями; это легенда которую греки высказывали не персидскія, а свои мысли о томъ, почему персы живутъ подъ монархическимъ правленіемъ. Самъ Геродотъ чувствуетъ, что нѣкоторые усомнятся въ возможности такихъ разсужденій у персовъ, и считаетъ надобнымъ возражать противъ сомнѣній. Но сомнѣвающимся были правы. Монархическая форма правленія была такъ прочна въ мидо-персидскомъ государствѣ, что у персовъ не могло быть рѣчи объ установленіи республиканскаго правленія, аристократическаго ли, демократическаго ли. Далѣе, Геродотъ разсказываетъ, что престолъ былъ доставленъ Дарію хитростью его конюха Эбара, устроившаго дѣло такъ, что заржалъ его конь. Это также лишь народная легенда (конь, о которомъ говорила она, вѣроятно былъ не конь Дарія, а священный конь солнца), не могло быть и вопроса о томъ, кого избрать царемъ: Дарій, какъ ближайшій родственникъ царскаго дома, важнѣйшій изъ Ахеменидовъ, имѣлъ право на престолъ.

Это подтверждается Бизутунскою надписью; Дарій говоритъ въ ней: «Никто не отваживался ничего сдѣлать противъ Гуматы, мага, пока не пришелъ я. Тогда я почтилъ Агурамазду, и Агурамазда далъ мнѣ помощь: въ 10 день мѣсяца Багадита было, что я со вѣрными мужами убилъ этого Гумату, мага, и тѣхъ, которые были главнѣйшими его приверженцами. Сиктауватитъ называется крѣпость въ Нисаѣ, области мидійской, тамъ убилъ я его, отнялъ у него владычество; милостью Агурамазды сталъ я царемъ».

По разсказу Геродота, вельможи, убившіе самозванца, условились, что на разсвѣтѣ пойдутъ верхомъ въ назначенное мѣсто за городомъ, и чей конь заржетъ первый при восходѣ солнца, тотъ будетъ царемъ. Конюхъ Дарія, Эбаръ, человекъ догадливый, привелъ ночью на назначенное мѣсто кобылу, и подвелъ къ ней жеребца своего господина. Утромъ, когда вельможи подѣхали къ мѣсту, гдѣ ночью была кобыла, жеребецъ Дарія поскакалъ къ этому мѣсту и заржалъ; въ это же время блеснула на ясномъ небѣ молнія и загремѣлъ громъ, въ знакъ божественнаго одобренія тому, что Дарій будетъ царемъ. Тотчасъ же всѣ другіе вельможи спрыгнули съ коней и привѣтствовали его, какъ царя. Такъ былъ провозглашенъ царемъ Дарій, сынъ Гистаспа, и вся Азія стала подвластна ему. Онъ взялъ въ жены себѣ двухъ дочерей Кира: Атоссу, которая ужь была женою Кам-

биза, потомъ мага, и Артистону; взялъ въ жену себѣ и дочь Отана, открывшую обманъ мага. Когда упрочилась власть Дарія, онъ велѣлъ сдѣлать деревянное изображеніе всадника на конѣ, и вырѣзать на этой статуѣ надпись: „Дарій, сынъ Гистаспа, помощью своего коня и своего конюха Эбара приобрѣлъ персамъ владычество“. — Тѣ шесть вельможъ, которые помогали ему убить мага, получили право входить къ царю безъ доклада во всякое время, когда царь не у какой нибудь изъ своихъ женъ; и было постановлено, что царь долженъ выбирать себѣ женъ исключительно изъ семейства тѣхъ вельможъ, которые были соучастниками заговора противъ мага, — то есть, изъ родовъ князей персидскаго народа.

По Ктезію, евнухъ Ирабать, который привезъ тѣло Камбиза въ Персію, открылъ войску обманъ и бѣжалъ въ храмъ; но Сфендадатъ велѣлъ взять его тамъ и убить. Тѣмъ семи вельможамъ, которые составили заговоръ противъ мага, помогли исполнить ихъ замыселъ евнухи Артасиръ и Багапатъ, помогавшіе прежде магу сдѣлаться царемъ. Багапатъ выпустилъ заговорщиковъ во дворецъ. Они нашли мага у наложницы, вавилонянки; онъ бросился было за оружіемъ, но оружіе было заранѣе унесено Багапатомъ; магъ отломилъ ножку отъ позолоченнаго стула и оборонялся ею, но его одолѣли и убили. — Выборъ Дарія въ санъ царя былъ и по Ктезію рѣшенъ ржаніемъ коня. — У Эсхила («Персы», 736), Смердисъ, «позоръ отечества и престола», убить во дворцѣ Артаферномъ. — Въ 14-ой строкѣ Бизутунской надписи Дарій говоритъ: «Владычество, отнятое у нашего рода, возвратилъ я ему; я возстановилъ его счастливо по прежнему; я велѣлъ не чтить того, что обнародовалъ Гумата, магъ; я возстановилъ храмы и почитаніе покровителя царства, и отдалъ богамъ, что отнялъ у нихъ Гумата, магъ, я сдѣлалъ государство счастливымъ по прежнему, Персію, Мидію и другія области; вотъ что я сдѣлалъ; я позаботился такъ, что этотъ нашъ народъ поставилъ я счастливымъ по прежнему (другой переводъ этихъ словъ: такъ что этотъ нашъ родъ я возстановилъ на его мѣсто, какъ было прежде). Такъ я позаботился милостью Агурамазды, что Гумата, магъ, не отнялъ у насъ этотъ нашъ народъ».

Изъ этой надписи, въ которой далѣе перечисляетъ Дарій мужей, «которые были тогда со мною, когда я убилъ Гумату мага, называвшаго себя Бардьею», должно, кажется, заключать, что провозглашеніе мага царемъ было результатомъ замысла возвратить владычество въ государствѣ мидянамъ, замѣнить персидскіе обычаи и богослуженіе старыми мидійскими. Это подтверждается словами Геродота, что подданные персовъ очень жалѣли о гибели мага. Онъ и убить былъ не въ Сузѣ, какъ думаетъ Геродотъ, а въ мидійской крѣпости: магъ перенесъ, какъ видимъ, царскую резиденцію въ Мидію. Легенда о выборѣ Дарія по ржанію лошади имѣла, какъ полагаетъ Дункеръ, тотъ смыслъ, что ржаніе священнаго коня солнца было знакомъ одобренія боговъ, и цѣлью легенды было освятить знаменіемъ воли боговъ переходъ царской власти къ младшей линіи Ахеменидовъ: «Ржаніе, которымъ конь новаго царя привѣтствовалъ на седьмой день по убійствѣ мага восходъ солнца, давало несомнѣнное подтвержденіе тому, что убійство это было дѣло справедливое, и что новый царь Персіи и Мидіи находится подъ покровительствомъ Митры, бога истины, уничтожающаго ложь».

Воцареніе Дарія 521.

Разсказъ Геродота.

Разсказъ Ктезія.

Разсказъ Бизутунской надписи.

Намѣреніе маговъ.

3. Царствованіе Дарія (521—485).

а) подавленіе возстаній. визутунскій памятникъ.

Трудное по-
ложіе.

Во время труднаго похода за Яксартъ въ землю массагетовъ Киръ видѣлъ во снѣ старшаго сына Гистаспа крылатымъ; однимъ крыломъ онъ осѣнялъ Азію, другимъ Европу. Этотъ сынъ Ахеменида Гистаспа былъ Дарій, который оставался тогда на родинѣ, въ Персидѣ, потому что было еще рано брать его на войну: ему было тогда лѣтъ 20. Киръ по своему сновидѣнію предположилъ, что Дарій злоумышляетъ противъ него и послалъ Гистаспа домой удержать сына отъ дурныхъ замысловъ. Но божество хотѣло, говоритъ Геродотъ (I, 210), открыть Киру, что онъ будетъ убитъ въ этой войнѣ, а царство его наследуетъ Дарій; это и сбылось.

Но прежде, чѣмъ осѣнить своими крыльями Азію и Европу, Дарій долженъ былъ преодолѣть большія затрудненія. Было много внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, которыхъ надобно было побѣдить ему, чтобы упрочить свою власть. Мидяне желали, чтобы возвратилось время милостиваго правленія мага; намѣстникъ Лидіи хотѣлъ сдѣлаться независимымъ царемъ Малой Азіи и отказался признать власть Дарія; персидскіе вельможи держали себя непослушно и хотѣли стать въ положеніе, менѣе подвластное волѣ царя, чѣмъ было прежде; въ Вавилоніи, въ другихъ областяхъ, проявлялось волненіе, и черезъ нѣсколько времени поднялись мятежи. Дарій дѣйствовалъ искусно и энергически. Онъ приобрѣлъ крѣпкія опоры себѣ женитьбою на двухъ дочеряхъ и внука Кира и на дочери могущественнаго Отана; подкрѣпивъ этимъ свою власть, онъ принудилъ смириться вельможъ, которые помогли ему убить мага и, въ сознаніи своей заслуги, мало уважали царя; а усмиривъ ихъ, онъ, отчасти силою, отчасти хитростью, покорилъ возставшія области.

1. Казнь Интаферна и его
родственниковъ.

Интафернъ, тотъ вельможа, который лишился глаза при нападеніи на мага, хотѣлъ войти къ царю безъ доклада, — рассказываетъ Геродотъ. Стражи не пропустили его, говоря, что царь находится въ женскомъ отдѣленіи дворца; онъ не повѣрилъ этому, отрубилъ имъ носы и уши и навязалъ на шею имъ. Царь, услышавъ объ этомъ, очень испугался, опасаясь, что поступокъ Интаферна — начало возстанія шести вельможъ, помогавшихъ ему противъ мага. Но подробными разспросами онъ убѣдился, что другіе пять вельможъ не входили ни въ какіе умыслы противъ него, и рѣшился предотвратить подобныя дерзости строгимъ наказаніемъ виновнаго; велѣлъ схватить и казнить Интаферна, его сыновей и всѣхъ родственниковъ. Жена Интаферна приходила каждый день къ воротамъ дворца и плакала; Дарію стало жаль ее, и онъ обѣщалъ освободить того изъ осужденныхъ на смерть, кого она выберетъ. Она, подумавъ, попросила, чтобы онъ освободилъ ее брата. Царь въ удивленіи спросилъ, почему выбрала она брата. Она сказала: мужа и сыновей я могу приобрести себѣ новыхъ, а родители мои уже умерли.

Отвѣтъ понравился Дарію, онъ не только исполнилъ просьбу, но подарилъ ей и старшаго сына. Всѣхъ другихъ однакоже казнилъ.

Не менѣе искусно и энергично поступилъ Дарій относительно не- 2. Убіеніе
покорнаго и жестокаго намѣстника Лидійскаго, Орета. — Ореть зама- Орета, намѣст-
нилъ хитростью на берегъ Малой Азіи тиранна Поликрата и рас- ника лидійска-
пая его на крестѣ: этимъ исполнилось то, что предвѣщалъ сонъ го 522.
дочери Поликрата, видѣвшей, что ее отца омываетъ Зевсъ, а благо-
воннымъ масломъ натираетъ солнце; и послужилъ онъ пищей птицамъ
небеснымъ. По давней враждѣ Ореть убилъ Микробата, вассала пер-
совъ, царствовавшаго во фригійскомъ городѣ Даскиліѣ; вмѣстѣ съ
нимъ убилъ и его сына. Въ своемъ неповиновеніи царю Ореть до-
шелъ до того, что убилъ и зарылъ въ землю царскаго вѣстника.
Дарій не отважился послать войско противъ могущественнаго намѣст-
ника, владычествовавшаго надъ Лидіей, Фригіей, Іоніей и имѣвшаго
1000 персидскихъ копъеносцевъ. Дѣйствовать противъ него силою
было не удобно: — все государство еще волновалось. Потому Дарій
спросилъ, кто вызовется поѣхать убить Орета. Вызвалось 30 пер-
совъ. Дарій велѣлъ бросить жребій; онъ упалъ на Багея, сына Артонта.
Багей тотчасъ поѣхалъ въ Сарды, разузналъ сначала, вѣрны-ли царю
персидскіе копъеносцы и, узнавъ, что они очень преданы царю, про-
челъ имъ письмо за царской печатью, объявлявшее, что Дарій запре-
щаетъ имъ служить Орету. Копъеносцы немедленно положили свои
копья въ знакъ повиновенія. Ободрившись этимъ, Багей прочелъ дру-
гое письмо, въ которомъ Дарій повелѣвалъ убить Орета. Копъеносцы
выхватили сабли и тутъ-же убили Орета. Такимъ образомъ Дарій Лидія и Іонія
возстановилъ царскую власть въ Малой Азіи. Онъ послалъ своего покоряются
Дарію.
полководца Отана (стр. 397) завоевать Самось, которымъ посредст-
вомъ хитрости овладѣлъ намѣстникъ, оставленный Поликратомъ при
отъѣздѣ съ острова; владѣтелемъ Самоса былъ сдѣланъ, какъ вас-
салъ персидскаго царя, братъ убитаго тиранна, Силосонъ, подарив-
шій Дарію во время египетскаго похода Камбиза прекрасную пур-
пурную мантию. Но перевороты, происходившіе на Самосѣ, раззори-
ли и обезлюдили островъ, пользовавшійся прежде такимъ благосостоя-
ніемъ; объ этомъ возникла даже поговорка: «Силосонъ сдѣлалъ намъ
просторъ». Подъ персидскимъ владычествомъ Самось сталъ управляться,
но медленно.

Коварный Поликратъ (стр. 283 и слѣд.), захватившій надъ Самосомъ Самось при По-
власть кровавыми злодѣйствами, убившій одного изъ своихъ братьевъ, ликратъ и его
прогнавшій другого брата, Силосона, навлекшій на себя всеобщую нена- преемникахъ.
вистъ жестокостями и морскимъ разбоемъ, желалъ упрочить свою власть
союзомъ съ персами. Услышавъ о походѣ Камбиза на Египетъ, онъ по-
слалъ спросить, почему-же Камбизъ не потребовалъ, чтобы были присла-
ны ему и самосскіе корабли, какъ лесбосскіе и хіосскіе. Это было косвен-
нымъ выраженіемъ покорности персамъ, и Камбизъ согласился, чтобы онъ

прислалъ ему корабли. Поликратъ выбралъ тѣхъ гражданъ, которыхъ считалъ опасными для себя, посадилъ ихъ на 40 триеръ, благородныхъ людей, какъ воиновъ, а простолюдиновъ, какъ матросовъ, и послалъ Камбизу эти корабли съ просьбой не отпускать ихъ домой. Такимъ образомъ онъ и приобрѣталъ дружбу персовъ и избавлялся отъ людей, враждебныхъ ему. Но его расчетъ разстроился. Люди, отправленные имъ на тѣхъ корабляхъ, согласились между собою, отказали тирану въ повиновеніи и возвратились къ самосскому берегу. Поликратъ хотѣлъ не допустить ихъ выйти на берегъ; но они побѣдили его корабли и все-таки вышли. Поликрату грозила теперь близкая гибель, но хитрая жестокость спасла его и теперь. Велѣвъ запереть въ зданія верфей женъ и дѣтей возвратившихся гражданъ и другихъ самосцевъ, которымъ не довѣрялъ, онъ объявилъ, что зажжетъ эти верфи, если самосцы окажутъ поддержку вышедшимъ на берегъ. Такимъ образомъ онъ обезопасилъ себя съ тылу, повелъ своихъ наемниковъ на враговъ, побѣдилъ ихъ и принудилъ удалиться. Изгнанники обратились съ просьбой о помощи къ спартамцамъ. Ихъ просьбу сильно поддерживали коринѣяне, торговля которыхъ очень вредила Поликрату своимъ морскимъ разбоемъ. Съ коринѣйскими кораблями и спартанскимъ войскомъ изгнанники снова поплыли къ Самосу. Флотъ Поликрата не могъ противиться имъ. Тиранъ отступилъ въ свою столицу, которая была укрѣплена очень хорошими стѣнами и глубокими рвами. Непріятель высадился и сдѣлалъ приступъ къ городу. Изгнанники подъ начальствомъ двухъ храбрыхъ спартамцевъ ворвались въ ворота, но жители города не отважились помогать имъ, и они были вытѣснены. Оба спартамца, геройски сражавшіеся, были убиты. Спартанскій отрядъ осаждалъ городъ 40 дней; но населеніе острова не отваживалось помогать ему, и онъ возвратился въ Спарту. Самосскіе изгнанники, терпѣвшіе сильную нужду, поплыли къ острову Сифносу, на которомъ были богатые золотые и серебряные рудники и граждане котораго строили тогда мраморныя колоннады кругомъ площади своихъ собраній; самосскіе изгнанники просили у нихъ въ заемъ 10 талантовъ. Сифносцы отказали имъ въ займѣ; они стали опустошать поля; сифносцы пошли противъ нихъ, но были разбиты и принуждены дать имъ 100 талантовъ, чтобы они согласились удалиться. На эти деньги изгнанники купили у гражданъ Герміоны островъ Гидрею, лежащій у берега Пелопоннеса; но черезъ нѣсколько времени покинули его и овладѣли закинескою колоніею на Критѣ, городомъ Кидоніей. Пять лѣтъ они держались тамъ, занимаясь морскимъ разбоемъ, наконецъ были побѣждены эгинцами и обращены побѣдителями въ рабство. — Технические искусства на Самосѣ, имѣвшія высокое развитіе еще со временъ Рѣка (около 646 года) и его сына Теодора (около 600), усовершенствовались при Поликратѣ; въ особенности много случаевъ самосскимъ мастерамъ приобрести опытность представляли огромныя сооруженія въ гавани города Самоса, возведенныя Поликратомъ отчасти для защиты пристани, отчасти для того, чтобы давать работу простолюдинамъ. Дарій, когда велѣлъ строить мостъ черезъ Босфоръ, то поручилъ эту работу самосцамъ. — Алчность была тою сѣтью, въ которую наконецъ попался хитрый Поликратъ. Персидскій намѣстникъ Лидіи Оретъ, желавшій овладѣть Самосомъ, послалъ сказать Поликрату, что хочетъ скрыться отъ преслѣдованій Камбиза на Самосѣ и просить Поликрата пріѣхать взять его и его сокровища. Не слушая предостереженій своихъ друзей и своей дочери, Поликратъ пріѣхалъ въ Магнезію; Оретъ схватилъ его тамъ и убилъ. Но прежде чѣмъ Оретъ успѣлъ снарядить экспедицію для завоеванія Самоса, онъ самъ былъ убитъ. Меандрій, которому поручилъ Поликратъ при своемъ отъѣздѣ

Осада города
Самоса.

управленіе островомъ, присвоилъ себѣ власть надъ нимъ. Онъ предлагалъ самосцамъ предоставить имъ свободу, если они дадутъ ему и его потомкамъ санъ жреца въ храмѣ Зевса-освободителя и кромѣ того дадутъ ему 6 талантовъ изъ сокровищъ Поликрата; но нѣкоторые изъ аристократовъ требовали, чтобы прежде онъ отдалъ отчетъ въ своемъ управленіи. Онъ захватилъ цитадель города, хитростью забралъ своихъ противниковъ въ плѣнъ и при помощи наемниковъ сдѣлался тиранномъ. Впоследствии, когда онъ былъ боленъ, братъ его Ликаретъ убилъ плѣнниковъ, чтобы не было людей, которые мѣшали-бъ ему сдѣлаться тиранномъ, если умретъ его братъ. Меандрій прорылъ подземный ходъ изъ цитадели къ морю, чтобы въ случаѣ осады можно было провозить въ цитадель съѣстные припасы, а въ случаѣ крайности былъ бы путь для бѣгства. Отанъ съ персидскимъ войскомъ приплылъ къ Самосу, чтобы отдать этотъ островъ во власть младшему брату Поликрата, Силосону. Силосонъ просилъ Отана щадить островъ, и онъ согласился дать свободный пропускъ Меандрію и его приверженцамъ, приславшимъ сказать ему, что они согласны удалиться безъ боя. Но когда они сажались на корабли, братъ тирана Харилай, страдавшій разстройствомъ умственныхъ способностей, неожиданно сдѣлалъ съ наемниками вылазку изъ цитадели и убилъ много персовъ, не думавшихъ о возможности нападенія. Въ числѣ убитыхъ были и знатные люди. Его подговорилъ сдѣлать такъ Меандрій, по ненависти къ Силосону желавшій, чтобы островъ достался Силосону опустошеннымъ. Отанъ, раздраженный предательскимъ нападеніемъ, собралъ свое войско и велѣлъ солдатамъ убивать всѣхъ, кто попадется имъ. Персы такъ и сдѣлали: они убивали всѣхъ безъ разбора, виноватыхъ и невиноватыхъ. Городъ былъ разграбленъ и потомъ зажженъ. Сгорѣлъ при этомъ и великолѣпный храмъ Геры. Опустошивъ весь островъ, персы отдали его совершенно обдѣланнымъ Силосону.

Воспользовавшись временемъ смутъ между персами, вавилоняне подготовились къ возстанію, надѣясь возвратить себѣ независимость. Они втайнѣ собрали въ Вавилонѣ большіе запасы, чтобы можно было выдержать продолжительную осаду, и когда сборы были кончены, они оставили кромѣ своихъ матерей только по одной женщинѣ въ домѣ для того, чтобы готовить пищу, а всѣхъ остальныхъ женщинъ они убили, чтобы запасовъ продовольствія достало на болѣе долгое время. По бизутунской надписи вождемъ возстанія былъ Надитабира, называвшій себя сыномъ послѣдняго царя вавилонскаго Набуниты (Набонета), побѣжденного Киромъ. Онъ принялъ имя Набукадрачары (Навуходоносора). Съ именемъ этого могущественнѣйшаго изъ вавилонскихъ царей были соединены гордыя воспоминанія народа. Вавилоняне надѣялись, что ихъ царство возстановится въ прежнемъ своемъ могуществѣ и блескѣ. Извѣстіе о возстаніи поставило Дарія въ очень трудное положеніе, потому что порядокъ еще не былъ упроченъ и въ другихъ областяхъ государства. Онъ послѣшно собралъ всѣ свои силы и пошелъ на Вавилонъ. Надитабира съ своимъ войскомъ стоялъ на Тигрѣ; у него были и корабли, помогавшіе оборонѣ. При помощи Агурамазды, какъ говоритъ Дарій въ своей надписи, онъ разбилъ непріятеля и переправился черезъ рѣку. Персы побѣдили и во второй битвѣ, при Зазанѣ на берегу Эвфрата; вавилоняне бѣжали,

Возстаніе вавилонянъ.

многіе изъ нихъ утонули въ рѣкѣ; но ихъ царь съ конницею успѣлъ уйдти въ свою столицу, Дарій осадилъ Вавилонъ.

Осада Вавило-
на 520, 519. Но вавилоняне, говоритъ Геродотъ, не боялись, что городъ будетъ взятъ: они выходили на стѣны, плясали и смѣялись надъ Даріемъ и его войскомъ. Осада длилась ужъ годъ и семь мѣсяцевъ, а все еще не было видно персамъ, когда же городъ будетъ взятъ. Напрасно употребляли они все свое искусство и всяческія хитрости, напрасно пытались и отвести рѣку, какъ сдѣлалъ Киръ, взявшій Вавилонъ этимъ способомъ: все, что дѣлали они, разстроивалось предусмотрительностью и мужествомъ осажденныхъ. Примѣръ Вавилона дѣйствовалъ на другія области персидскаго царства. Изъ Бизутунской надписи мы видимъ, что произошли возстанія не только въ отдѣльных частяхъ его, въ Арменіи, Парѣи, Маргіанѣ, землѣ саковъ; въ Мидіи, Сузіанѣ, Персидѣ смѣлые вожди также подымали мятежи. Геродотъ упоминаетъ только о возстаніи мидянъ (I, 130). О другихъ возстаніяхъ до него быть можетъ не дошло извѣстій, или быть можетъ онъ не захотѣлъ пересказывать ихъ, находя незанимательными перечни военныхъ дѣлъ безъ любопытныхъ эпизодовъ.

Зониръ. Изъ этого труднаго положенія Дарій былъ выведенъ вѣрностью своего войска и самопожертвованіемъ одного изъ персидскихъ вельможъ. Въ двадцатый мѣсяцъ осады, какъ рассказываетъ Геродотъ, безъ сомнѣнія по лидійско-персидскимъ преданіямъ или пѣснямъ, Зониръ, сынъ Мегабиза, одного изъ семи вельможъ, убившихъ мага, пришелъ къ Дарію, страшно изувѣченный: носъ и уши у него были отрѣзаны, все тѣло было покрыто кровавыми ранами отъ бичеванія. На вопросъ ужаснушагося царя, кто осмѣлился такъ обидѣть персидскаго вельможу, Зониръ отвѣчалъ, что онъ сдѣлалъ это самъ: онъ не можетъ долѣе выносить насмѣшки вавилонянъ, потому придумалъ хитрость; онъ уйдетъ къ врагамъ и скажетъ, что его такъ изувѣчилъ царь; вавилоняне легко повѣрятъ ему. А чтобы совершенно упрочить за собой ихъ довѣріе, онъ проситъ Дарія въ три назначенные дня посылать къ стѣнамъ Вавилона плохіе отряды войска, потерять которые не жалко будетъ Дарію; онъ съ вавилонянами будетъ дѣлать вылазки на эти отряды и разбивать ихъ; этими военными удачами онъ пріобрѣтетъ себѣ такое довѣріе вавилонянъ, что они поручатъ ему ключи отъ воротъ и предоставятъ въ полное его распоряженіе военныя дѣйствія. На двадцатый день пусть Дарій ведетъ всѣ войска на рѣшительный приступъ; онъ отворитъ персамъ ворота и Вавилонъ будетъ взятъ. Планъ совершенно удался. Боязливо озираясь, какъ будто дѣйствительно дезертиръ, обезображенный Зониръ подкрался къ воротамъ города и попросилъ, чтобы его впустили. Онъ былъ впущенъ. Чтобы дать ему случай отмстить Дарію, правители города поручили ему начальство надъ отрядомъ войска. Онъ, какъ было условлено съ Даріемъ, разбивалъ персидскіе отряды; каждый разъ много персовъ было убито; вавилоняне прославляли его и радостно назначили его главнокомандующимъ въ городѣ. Въ день приступа, когда вавилоняне сражались на стѣнахъ, онъ отворилъ персамъ ворота. Многіе вавилоняне были убиты, мужественно обороняясь, другіе бѣжали въ храмъ Бела. Такъ былъ взятъ Вавилонъ персами во второй разъ и сурово наказанъ. Надитабира (Навуходоносоръ II) былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ. Три тысячи знатнѣйшихъ гражданъ умерли на крестѣ; ворота города были выломаны, часть стѣнъ его срыта. Но Дарій не хотѣлъ, чтобы великолѣпный городъ опустѣлъ; онъ велѣлъ сосѣднимъ народамъ дать женъ и дѣтей вавилонянамъ и городъ сталъ снова многочисленнымъ. О Зонирѣ Дарій сказалъ, что ни одинъ персъ кромѣ Кира

не совершалъ такого великаго дѣла, какъ онъ; наградилъ его щедрыми подарками и сдѣлалъ вавилонскимъ намѣстникомъ. Онъ часто говорилъ, что желалъ бы потерять двадцать такихъ городовъ, какъ Вавилонъ, лишь бы его другъ остался не изувѣченнымъ.

Въ Бизутунской надписи не упоминается о Зонирѣ, но въ ней говорится о томъ, что вавилоняне возстали во второй разъ и что вождемъ возстанія былъ армянинъ Араха, который называлъ себя Навуходоносоромъ, сыномъ Набонета, и котораго вавилоняне признали своимъ царемъ. «Я послалъ войско въ Вавилонъ», говоритъ Дарій: «Видафру, мидянину, моего слугу сдѣлалъ я вождемъ. Такъ сказалъ я имъ: любите меня, побейте это войско Вавилона, которое называетъ себя не моимъ. Тогда пошелъ Видафра съ войскомъ въ Вавилонъ, Агурамазда далъ мнѣ помощь; милостію Агурамазды взялъ Видафра Вавилонъ; послѣ того Араха былъ умерщвленъ на висѣлицѣ».

За паденіемъ Вавилона быстро послѣдовало покореніе другихъ возставшихъ областей. При осадѣ Вавилона пріобрѣло военную опытность вѣр-
ное Дарію войско, состоявшее изъ персовъ и мидянъ. «Персидское и мидійское войско, которое было при мнѣ, осталось вѣрнымъ. Мидійскій народъ, который жилъ дома, возмущился противъ меня», говоритъ Дарій въ своей надписи. Опасность была велика, но онъ счастливо одолѣлъ ее. Пять лѣтъ велъ онъ войны, покоряя одну за другой области своего царства. Самъ Дарій пошелъ въ Сузіану, и его приближеніе привело Сузіанцевъ въ такой ужасъ, что они сами схватили и убили вождя возстанія Мартію и покорились. Полководецъ Дарія, Видарна (Гидарнъ), усмирять между тѣмъ Мидію, гдѣ вождемъ возстанія былъ Фраортъ (Фравартишъ), называвшій себя потомкомъ Кіаксара (Увакшатары). Войско и народъ примкнули къ нему, и онъ принялъ титулъ царя мидійскаго. Видарна одержалъ побѣду надъ нимъ, но не могъ совершенно подавить мятежа. Инсургенты держались въ области Кампадъ (Камбаденъ) до прибытія Дарія съ новыми войсками. Тогда Фравартишъ былъ разбитъ въ большомъ сраженіи (при Гудрушѣ). Онъ бѣжалъ съ преданными ему всадниками въ мидійскую область Рагу; «тогда послалъ я за нимъ войско, которымъ Фравартишъ былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ ко мнѣ», говоритъ Дарій: «Я отрѣзалъ ему носъ и уши и повелъ его съ собой; у моей двери онъ со-
держался въ оковахъ; весь народъ видѣлъ его; потомъ я велѣлъ пригвоздить его къ кресту въ Гангматанъ (Экбатанъ), а людей, которые были главными его приверженцами, я посадилъ подъ стражу». Упорнѣе всего сопротивлялись мятежники въ Арменіи. Бизутунская надпись перечисляетъ три сраженія, которыя далъ инсургентамъ Дадаршишъ, армянинъ, полководецъ Дарія; Арменія не покорялась; персъ Ваумиса привелъ подкрѣпленія, и понадобилось дать еще два сраженія, чтобы одолѣть инсургентовъ. Когда была покорена Арменія, Дарій могъ обратить свои войска на усмиреніе болѣе отдаленныхъ областей. Въ Сагартіи возстаніе было поднято Читратахмою, который справедливо или лживо называлъ себя происходящимъ изъ рода Кіаксара; Парейя и Гирканія примкнули къ нему. На него повелъ войско Хамаспада, мидянинъ, далъ ему сраженіе. «И милостію Агурамазды», говоритъ Дарій, «побило мое войско мятежниковъ, и взяло въ плѣнъ Читратахму и привело его ко мнѣ; тогда я отрѣзалъ ему носъ и уши; передъ моею дверью онъ содержался въ оковахъ, весь народъ видѣлъ его; потомъ я велѣлъ повѣсить его на висѣлицу въ Арбирѣ (Ар-
белѣ)».—Послѣ того послѣдніе остатки мятежа были подавлены въ Парѣи и Гирканіи Гистасномъ, отцомъ царя, а въ Маргіанѣ, гдѣ поднялъ возстаніе знатный туземецъ Фрада (Фраатъ), сатрапомъ Дардашишемъ.—Но

Усмирение Персиды.

порядокъ на сѣверѣ былъ еще не вполне восстановленъ, когда возникла новая опасность для Дарія на родинѣ его, въ Персидѣ. Тайнственность, облакавшая туманомъ смерть Барты (Смердиса), внушила персу Вагъяздѣ мысль принять, какъ прежде сдѣлалъ магъ Гумата, имя этого, пользовавшагося народною любовью, сына Кира, и возстать противъ Дарія. Онъ нашелъ приверженцевъ, и провозгласилъ себя царемъ Персіи. Онъ долго сопротивлялся Артавартіѣ, котораго Дарій отпразднелъ на него съ мидійско-персидскимъ войскомъ; онъ даже послалъ отрядъ своего войска въ Арахозію (Гарауватишъ), склонить къ мятежу или прогнать сатрапа этой области, Вивану. Но Вивана остался вѣренъ Дарію, побѣдилъ мятежниковъ въ двухъ сраженіяхъ; другое войско Дарія разбило ихъ еще разъ, при горѣ Паргъ; послѣ того возстаніе въ Персидѣ было подавлено. Вагъяздата съ главнѣйшими своими приверженцами былъ взятъ въ плѣнъ и повѣшенъ. Той же судьбѣ подвергся и вождь мятежниковъ, вторгнувшись въ Арахозію. Когда Дарій воротился изъ Мидіи, порядокъ былъ уже восстановленъ и власть его совершенно упрочена.

Бизутунскіе памятники.

Исполненный благодарности къ Агурамаздѣ, который далъ побѣду законному царю надъ царями лжи, благочестивый Дарій увѣковѣчилъ память объ этихъ тяжкихъ побѣдоносныхъ войнахъ и выраженіе своей признательности къ Агурамаздѣ. Въ верховьѣ Хоаспа, въ прохладной, обильной родниками мѣстности, гдѣ по преданію построила себя загородный дворецъ въ паркѣ Семирамида и велѣла изваять въ скалѣ барельефную группу, изображавшую ее и вокругъ нея сто копьеносцевъ, велѣлъ Дарій изваять изображенія его подвиговъ на стѣнѣ утеса горы Багистана («жилища боговъ»; нынѣ, горы Бизутуна). Эти барельефы представляютъ Дарія, царя царей, побѣдившаго своихъ враговъ, при помощи парящаго надъ нимъ, бога. Фигуры изваяны искусно. Къ изображеніямъ прибавлены надписи клинообразнаго письма. Переводъ ихъ, сдѣланный въ наше время англійскими, нѣмецкими и французскими учеными, доставилъ намъ свѣдѣнія о войнахъ, которыми Дарій покорилъ возставшія области. Онъ далъ девятнадцать сраженій и взялъ въ плѣнъ девять царей, какъ рассказываютъ надписи и изображаютъ барельефы. Дѣйствительно, онъ былъ обязанъ прославлять Агурамазду за помощь ему, имѣлъ право предостерегать своихъ преемниковъ отъ грѣха; онъ закликаетъ чтить этотъ памятникъ побѣды и божественной помощи, и считать его рассказъ правдивымъ.

Этотъ замѣчательный памятникъ находится на выглаженной стѣнѣ скалы, обращенной къ востоку. Изображенія сдѣланы на высотѣ 300 футовъ надъ подошвою скалы. Въ нишѣ стоитъ царь Дарій, съ короною на головѣ, опираясь лѣвою рукой на лукъ; его фигура больше другихъ ростомъ; подлѣ него копьеносцы; правою ногою онъ наступилъ на человѣка, лежащаго на спинѣ съ молябою протянувшего руки вверхъ, — это Гумата же — Смердисъ, какъ объясняетъ надпись. Передъ Даріемъ стоятъ девять человѣкъ въ разной одеждѣ, со связанными руками, съ открытой головой; всѣ они связаны вѣстѣ по шеямъ; это девять царей, которые возмутились противъ Дарія, побѣждены имъ и будутъ наказаны смертію. Надъ Даріемъ паритъ Агурамазда, какъ на ниневійскихъ

барельефахъ надъ ассирійскими царями богъ Нисрохъ; подобно Нисроху, Агурамазда изображенъ въ кругѣ, къ которому придрѣланы крылья. Выраженіе лица Агурамазды величественно; у него длинные волосы и борода; въ рукѣ у него кольцо, эмблема власти. Надъ этой группой и по бокамъ ея утесъ покрытъ длинными надписями, значительную часть которыхъ скопировалъ и съ буквальною точностью перевелъ Ролинсонъ; Оппертъ, Шрадеръ, Шпигель и другіе изслѣдователи клинообразнаго письма пополнили и исправили его переводъ. Надписи, какъ видно по нашимъ извлеченіямъ, объясняютъ изображенія растянутымъ, неуклюжимъ слогомъ. Часть надписей, составляющая 418 строкъ (4½ колонны), написана на персидскомъ языкѣ; она представляетъ одинъ связный рассказъ и хорошо переведена почти вся; двѣ другія надписи принадлежатъ такъ называемымъ мидійской и вавилонской системамъ клинообразнаго письма; онѣ имѣютъ, вѣроятно, то же самое содержаніе, потому что клинообразныя надписи персидскихъ царей вообще представляютъ одинъ текстъ на трехъ языкахъ. Приведемъ конецъ персидской надписи по новѣйшимъ переводамъ: «Что сдѣлалъ я, сдѣлалъ милостію Агурамазды. Агурамазда помогъ мнѣ и другіе боги, какіе существуютъ, потому что я не злобенъ, не лжецъ и не притѣснитель. Ты, который будешь читать эти надписи, пусть они вознѣстятъ тебѣ, что я сдѣлалъ. Не считай это за ложь. Человѣка, который будетъ лжецомъ, называй строго; если ты такъ будешь думать, то моя земля будетъ могущественна. Ты, который будешь видѣть это изображеніе, не разрушай его. Если ты будешь охранять его, пока можешь, то Агурамазда будетъ милостивъ къ тебѣ, ты будешь имѣть потомковъ и проживешь долго, и да подастъ Агурамазда успѣхъ тому, что будешь ты предпринимать. А если ты разрушишь это изображеніе, то да поразитъ тебя Агурамазда, да не дастъ онъ тебѣ потомковъ, то, что дѣлаешь ты, пусть разстроиваетъ Агурамазда». — Раньше замѣчаетъ, что надпись Дарія отличается своимъ характеромъ отъ ассирійскихъ надписей: «Ассирійскія надписи подробнѣе занимаются врагами, сообщаютъ болѣе подробностей объ ихъ силахъ; надпись Дарія ограничивается перечисленіемъ результатовъ. Другая разница состоитъ въ томъ, что Дарій ведетъ войны больше черезъ своихъ полководцевъ, ассирійскіе цари командуютъ войскомъ почти всегда сами».

в) походъ на скифовъ.

а. древняя скиѳія и ея населеніе.

Народы, жившіе отъ устій Дуная по сѣверному берегу Чернаго моря до устій Танаиса (Дона), впадающаго въ Меотійское болото (Азовское море), и по степямъ на сѣверъ, а къ западу до Алуты и Карпатскаго хребта, съ давней поры назывались у грековъ общимъ именемъ скифовъ. Нѣкоторые полагаютъ, что это имя тождественно съ именемъ Чудь. Такъ это, или нѣтъ, но греки продолжали употреблять его и въ тѣ времена, когда ихъ путешественники и колонисты ближе ознакомились съ тою страной и увидели, что ея населеніе состоитъ изъ разныхъ племенъ. Такимъ образомъ, слово скифы служило географическимъ терминомъ, обозначавшимъ народы той обширной равнины, гдѣ живутъ теперь пастухи и земледѣльцы южной Россіи, Молдавіи, Валахіи; включались въ названіе скифовъ и жители Таврическаго полуострова (Крыма), гористое побережье котораго, съ своими дубовыми и буковыми лѣсами, роскошными пастбищами и плодородными долинами охватываетъ коймою съ юга и востока сѣверную безлѣсную равнину. Характеръ обширной ровной, слегка волнистой

Страны и ея народы.

страны, которую греки называли Скиею, представляется одинаковым; но некоторы части ея удобны для земледѣлія, и жирный черноземъ ихъ вознаграждаетъ трудъ поселянина обильными урожаями пшеницы; другія разстилаются необозримыми лугами, которые служатъ превосходными пастбищами рогатаго скота и лошадей. Мѣстами на нѣсколько дней пути тянутся безплодные степи, пересѣкаемые соляными озерами и болотами. Соответственно этимъ разницамъ почвы, населеніе Скии дѣлилось на земледѣльческое и кочевое пастушеское. Тѣ племена, которыя жили на плодородной землѣ по низовьямъ Борисфена (Днѣпра), Гипаниса (Буга) и Тираса (Днѣстра), ужь покинули кочевой бытъ, вели осѣдлую жизнь, воздѣлывали хлѣбныя растенія и коноплю. Въ ихъ странѣ милетяне основали портовой городъ Ольвію («городъ изобилія»); сильно укрѣпленная, Ольвія была рынкомъ для сосѣднихъ племенъ. Сынъ скийскаго царя и гречанки, Скилесъ, часто цѣлымъ мѣсяцамъ жилъ тамъ въ своемъ огромномъ домѣ, украшенномъ мраморными сфинксами и грифами; ему нравились греческіе обычаи, греческая цивилизація; но онъ ѣздилъ въ Ольвію украдкою, потому что скиѣ держались грубыхъ отеческихъ нравовъ и чуждались иноземнаго. — Тѣ скийскія племена, которыя жили далеко отъ моря, вели кочевую жизнь, не имѣли ни городовъ, ни селеній. Жилищами ихъ были крытыя телѣги или шатры изъ плотнаго овчиннаго войлока; ихъ жены и дѣти проводили почти все время въ этихъ кибиткахъ. Около кибитокъ паслись стада, молоко, сыръ и мясо которыхъ составляли ихъ пищу; мужчины верхами стерегли стада.

Скийскіе номады перекочевываютъ съ пастбища на пастбище, говоритъ Страбонъ: гдѣ есть трава, туда они и переходятъ. Зимой живутъ они въ болотистыхъ мѣстахъ у Меотиды, лѣтомъ на равнинѣ. — Еще и теперь кочевники той страны переходятъ съ мѣста на мѣсто сообразно временамъ года. Весною и осенью они пасутъ свои стада по сухимъ высокимъ мѣстамъ, на лѣто перегоняютъ ихъ въ ложбины и въ долины рѣкъ, гдѣ дольше держится влага и трава остается свѣжѣе; на зиму ищутъ укрытія стадамъ отъ вьюга въ камышахъ низменностей, или между холмовъ, развалинъ. Эсхилъ уже слышалъ о «скиѣхъ, кочующихъ на берегахъ Меотиды, на краю земли», о «жестокихъ людяхъ, живущихъ у кавказскихъ воротъ въ укрѣпленіи на крутой скалѣ и съ острыми копьями стремящихся въ бой», о «непаханныхъ поляхъ» на далекомъ востокѣ, «гдѣ скитаются кочевые скиѣ, живущіе на телѣгахъ подъ шитенными изъ ивовыхъ прутьевъ кровлями, и вооруженные мѣткими стрѣлами». Но до Геродота, посѣтившаго Ольвію и собравшаго точныя свѣдѣнія о тѣхъ мѣстахъ, греки имѣли о кочевыхъ скиѣхъ лишь туманныя понятія, заимствованныя изъ рассказовъ моряковъ и поэмы Аристея «Аримаспы». Эти рассказы описывали скиѣовъ то свирѣпыми дикарями, людоедами, убивающими всѣхъ иноземцевъ (Черное море было поэтому названо «негостепримнымъ»), то «справедливѣйшими изъ людей», которые живутъ въ простотѣ и счастіи, у которыхъ имущество и жены общія, нѣтъ ни торговли, ни корыстолюбія, потому нѣтъ и обмана.

Скиѣы, называвшіе себя скелотами, дѣлились на племена и орды; эти племена имѣли особыя имена; но всѣ они были сходны между собою по обычаямъ, языку, образу жизни, по тѣлосложенію. Всѣ скиѣы были коренастаго сложенія, желтокожіе, съ мясистымъ лицомъ, черты котораго были плоскія, всѣ были безбородые; — все это было у нихъ всѣхъ такъ одинаково, что должно считать ихъ людьми одного происхожденія. По мнѣнію Масперо, съ которымъ согласенъ и Пичманъ, если не всѣ, то нѣкоторые скиѣйскіе народы принадлежали къ туранской расѣ, племена которой и до сихъ поръ живутъ по всему сѣверу Европы и Азіи отъ финскихъ болотъ до береговъ Амура. Гиппократъ говоритъ, что у скиѣовъ кривыя ноги, и считаетъ причиною ихъ то, что скиѣйскія дѣти проводятъ все время сидя въ кибиткахъ; такія ноги и теперь имѣютъ нѣкоторые монгольскія племена, на примѣръ, калмыки. Потому многіе изслѣдователи принимаютъ мнѣніе Нибура, что скелоты были монгольской расы. Другіе причисляютъ ихъ къ арійскому племени, и въ частности къ иранскому отдѣлу его, считают ихъ ближайшими соплеменниками мидянъ и персовъ. Многія скиѣйскія слова, въ особенности имена боговъ, царей, народовъ — слова арійскія. — Могущественнѣйшимъ изъ скиѣйскихъ народовъ были «царскіе скиѣы», жившіе на сѣверѣ отъ Меотиды, между «рѣкою Герросомъ» и Танаисомъ, имѣвшіе наследственныхъ царей и считавшіе всѣхъ другихъ скиѣовъ своими подданными. Цари ихъ, производившіе свой родъ отъ бога неба, были военачальники и судьи, имѣвшіе неограниченную власть. Они дѣлили добычу, приобретаемую въ набѣгахъ, рѣшали тяжбы, опредѣляли наказанія; наказанію подвергались, вмѣстѣ съ виновнымъ, и сыновья его и родственники. Исполненіе смертнаго приговора обыкновенно предоставлялось тѣмъ, по чьей жалобѣ произнесенъ приговоръ. Царь имѣлъ много женъ; но у народа многоженство было, кажется, не въ обычаѣ. Царь выбиралъ съ свою свиту молодыхъ людей знатнѣйшихъ семействъ. На обширномъ кладбищѣ у рѣки Герроса (у Днѣпровскихъ пороговъ) около царской гробницы ставили, какъ стражу, убитыхъ юношей верхомъ на принесенныхъ въ жертву лошадяхъ; чтобъ эти мертвые стражи стояли прямо, ихъ прикрѣпляли подпорками. Подъ властью царя правили племенами народа родоначальники. Иноземцевъ не пускали къ себѣ царскіе скиѣы. — Таврійцы, жившіе на полуостровѣ, называвшемся по ихъ имени Тавридою, тоже имѣли наследственныхъ царей. Это былъ дикій народъ; иноземцевъ, попадавшихъ на ихъ берегъ, они приносили въ жертву своей дѣвственной богинѣ, низвергая ихъ съ утеса, на которомъ стоялъ храмъ ея.

О нравахъ и образѣ жизни скиѣовъ мы имѣемъ слѣдующія извѣстія: главною пищею ихъ было конское мясо и кобылье молоко. Съ молокомъ поступали они такъ: «Скиѣы наливаютъ молоко въ деревянные сосуды и

Цари.

Правы скиѣовъ.

взбалтывают их; от взбалтывания оно пѣнится и составныя части его раздѣляются: жирныя всплываютъ на верхъ, потому что онѣ легки; тяжелыя и густыя осѣдаютъ внизу, скины отдѣляютъ ихъ отъ жидкости и сушатъ; въ твердомъ и сухомъ видѣ это называется пирраке (кобылій сыръ), а водянистая часть остается посрединѣ. Взбалтываніемъ молока занимались рабы, которые вѣроятно были большею частью военнопленные.— Геродотъ говоритъ, что и лѣтомъ и зимою одежда скиновъ одна и та же; изъ другихъ писателей мы узнаемъ, что они носили пальвары и верхнее платье, обыкновенно спитое изъ кожъ дикихъ звѣрей и „мышей“ (т. е. грызуновъ, какихъ много въ той мѣстности: кроликовъ, сурковъ). Всѣ ремесла скины предоставляли женщинамъ и рабамъ; мужчины съ презрѣніемъ смотрѣли на всѣхъ, занимающихся этими работами; ремесла ограничивались изготовленіемъ телѣтъ, палатокъ, необходимѣйшей посуды (деревянныхъ сосудовъ для молока, чашъ, глиняныхъ горшковъ, ножей), одежды и оружія. Мужчины занимались войной, охотой, грабежомъ; это были благородныя занятія. Скины искусно стрѣляли изъ лука; они мчались по обширнымъ равнинамъ на своихъ маленькихъ, но горячихъ лошадяхъ, которыхъ не могъ догнать преслѣдователь и на которыхъ настигали они всякаго врага. Они съ одинаковой ловкостью натягивали лукъ и лѣвой рукой и правой; стрѣлы у нихъ были отравленныя, кромѣ того у нихъ были копья, мечи, боевыя сѣкиры; были панцыри и щиты изъ лосиной шкуры. Кто не принесъ царю голову убитаго врага, тотъ не имѣлъ права пить изъ общаго почетнаго кубка на общественныхъ пирахъ; кто убилъ особенно много враговъ, тотъ пилъ разомъ изъ двухъ кубковъ. Черепы враговъ служили имъ чаши; часто они обтягивали эти чаши воловьей кожей или оправляли въ золото. Нѣкоторыя племена, какъ напримѣръ таврійцы, втыкали головы убитыхъ враговъ на высокіе песты, которые ставили на кровляхъ, будто стражами своихъ жилищъ. Кожу убитыхъ враговъ они дубили и вѣшали, какъ украшеніе, на сбрую лошадей. Изъ пѣтлениковъ они отъ каждой сотни одного приносили въ жертву богу войны, которому поклонялись подъ символомъ меча, воткнутаго на сложенномъ изъ дерна возвышеніи; у остальныхъ они выкалывали глаза и потомъ поручали имъ доить кобылъ и взбалтывать молоко. Когда они ознакомились съ греческимъ виномъ они пили его, не мѣшая съ водой, и пили его такъ много, что выраженіе „пить по скински“ вошло у спартанцевъ въ поговорку для обозначенія пьянства. Колдуны, прорицатели, истолкователи примѣтъ пользовались у скиновъ большимъ уваженіемъ.

Народы на
востоку отъ
Дона.

На востокъ отъ Танаиса кочевали по обширной безлѣсной равнинѣ савроматы или сарматы, дикій народъ. Греки считали ихъ потомками амазонокъ. По языку и нравамъ они походили на скиновъ, но греки называютъ ихъ людьми другого племени. Дальше за ними жили будины, «большой и многочисленный народъ съ голубыми глазами и русыми волосами»; ихъ страна была лѣсистая; между ними жили гелоны, народъ, произошедшій изъ смѣси грековъ съ туземцами. У гелоновъ былъ деревянный городъ и былъ царь; у будиновъ тоже былъ царь. Дальше къ сѣверу жили, по разсказу Геродота, два охотническіе народа, тиссагеты и ирки, а за ними «лысые»; миролюбивые аргиппей, проводившіе холодное зимнее время подъ бѣлыми войлочными шатрами, которыми обтягивали деревья; оружія

у аргиппеевъ не было. По верховью Буга (Гипаниса) за земледѣльческими скинами жили въ нынѣшней Подоліи и Волыни алазоны и Плевена на заневры, а къ западу отъ нихъ агатирсы, «роскошнѣйшіе изъ людей», носящіе золотыя украшенія; жены у нихъ были общія. Ихъ земля простиралась до долинъ Трансильваніи. Обо всѣхъ этихъ народахъ Геродотъ собралъ вѣрныя свѣдѣнія; но страны дальше ихъ на сѣверъ, области снѣга и тумана были для него невѣдомые край, о которыхъ до него дошли только легенды и сказки, конечно имѣвшія иногда своимъ основаніемъ какія-нибудь плохо понятыя факты; онъ слышалъ, что тамъ берутъ изъ озеръ или болотъ свое начало великія рѣки, впадающія въ Черное море и въ Меотиду.

Тамъ была страна, въ которой снѣгъ летаетъ по воздуху, какъ пухъ, такой густой, что нельзя ничего видѣть вдали, и пройти нельзя. Въ этихъ сѣверныхъ земляхъ невѣдомаго климата и неизвѣстной обширности, жилъ, по извѣстіямъ Геродота, андрофаги (людоеды), нечестивые беззаконники, не имѣющіе ни суда, ни правды, и загадочные меланхлены (люди въ черной одеждѣ); оба эти народа были не скинскаго происхожденія, но походили на скиновъ нравами; они кочевали за болотистыми пустынями. О земляхъ на востокъ отъ аргиппеевъ и савроматовъ, проникать куда мѣшали лѣсистыя горы, черезъ которыя не было путей, до Геродота дошли только слухи, совершенно сказочные, передававшіеся отъ исседоновъ скинамъ, отъ скиновъ греческимъ колонистамъ черноморскаго побережья; самъ Геродотъ говоритъ, что считаетъ эти слухи сказками. Ему говорили, что тамъ живутъ люди съ козьими ногами и другіе люди, которые спятъ шесть мѣсяцевъ въ годъ (этотъ слухъ, вѣроятно, былъ передѣлкою непонятыхъ разсказовъ о продолжительности ночей на дальнемъ сѣверѣ); тамъ жили аримаспы, люди съ однимъ глазомъ, отнимающіе у грифовъ золото горъ той страны; этотъ разсказъ еще за сто лѣтъ до Геродота уже слышалъ отъ исседоновъ поэтъ Аристей проконесскій; зналъ и Эсхиль, у котораго скованный Прометей говоритъ скитающейся грифовъ и коннаго войска „собакъ Зевса, свирѣпыхъ, сильно кусающихся грифовъ и коннаго войска „одноглазыхъ аримасповъ, живущихъ на потокѣ Плутона, на золотоносной водѣ“. Быть можетъ это—смутный отголосокъ разсказовъ о золотѣ и драгоценныхъ камняхъ, добываемыхъ въ Уралѣ, но вѣроятнѣе, что это лишь вымыселъ фантазіи дѣтства народовъ, переносимой на край свѣта сокровища, обладать которыми страстно желаетъ человѣкъ и дѣлающей стражами этихъ богатствъ баснословныя существа, одолѣть которыя трудно,—символическое выраженіе мысли, что пріобрѣтеніе того, чѣмъ дорожитъ человѣкъ, соединено съ трудами и опасностями. Легенда о грифахъ, „четвероногихъ птицахъ“, у которыхъ орлиныя крылья и голова, и зрѣніе зорко, какъ у орла, а ноги, корпусъ и сила, какъ у льва, и которые стерегутъ золото, имѣла, кажется, родиною своею востокъ, Бактрію и Индію, и перенесена оттуда заѣзжими торговцами къ народамъ Каспійскаго и Чернаго морей. За сѣверными горами, за грифами и аримаспами жили, по греческому мнѣю, блаженные гиперборейцы, счастливый народъ, невинно и мирно ведущій продолжительную радостную жизнь въ прекрасной странѣ, озаряемой вѣчнымъ свѣтомъ солнца, любимой Аполлономъ, который охотнѣе и дольше, чѣмъ въ другихъ земляхъ, остается въ ней.

Андрофаги.
Меланхлены.

Аримаспы и
грифы.

с) походъ дарія въ скию.

(около 513 г. до Р. X.)

Приготовленія къ походу. Упрочивъ свою власть, Дарій хотѣлъ прославить себя, подобно Киру и Камбизу, завоеваніями, и дать полезное для него направленіе дѣятельности беспокойныхъ умовъ. Нельзя назвать счастливой его мысль начать войну съ сосѣдами и отчасти соплеменниками тѣхъ сѣверныхъ народовъ, въ борьбѣ съ которыми погибъ Киръ; по у него выборъ былъ только между знойнымъ югомъ, гдѣ, по недавнимъ опытамъ, опасности были еще страшнѣй, и далекимъ сѣверомъ за Чернымъ моремъ, гдѣ текутъ судоходныя рѣки, по которымъ можно было завести торговлю и гдѣ, по стариннымъ сказаніямъ, находились несмѣтные сокровища, привлекавшія къ себѣ фантазію народа. Чтобы сдѣлать походъ еще болѣе заманчивымъ, Дарій говорилъ, что идетъ мстить потомкамъ тѣхъ скивовъ, которые такъ ужасно опустошили Мидію за сто лѣтъ передъ тѣмъ; такой позоръ не долженъ оставаться на персидскомъ имени. Но, кажется, не всѣ одобряли походъ въ Скию; братъ царя совѣтовалъ ему не ходить туда. Но Дарій остался при своемъ намѣреніи и велъ приготовленія такъ дѣятельно, что въ скоромъ времени собралъ 700,000 человѣкъ войска и флотъ, состоявшій изъ 600 кораблей. Сомнѣнія въ успѣхѣ похода раздражали его до такой степени, что, когда знатный персъ Эобазъ попросилъ царя оставить ему хоть одного изъ трехъ сыновей, находившихся въ войскѣ, Дарій отвѣчалъ, что оставить ему всѣхъ троихъ и велѣлъ тотчасъ же убить ихъ. По окончаніи приготовленій, Дарій повелъ войско черезъ Малую Азію къ Босфору Фракійскому; искусный греческій зодчій, Мандроклъ Самосецъ, построилъ тамъ съ азіатскаго берега на европейскій судовой мостъ. Греки малоазійскаго побережья и сосѣднихъ острововъ должны были помогать своимъ флотомъ сухопутному войску и приготовить для него мостъ черезъ Дунай. Начальниками греческихъ кораблей были тѣ люди, которыхъ персы поставили правителями (тираннами) ихъ родныхъ городовъ (персы повсюду покровительствовали аристократическому и монархическому правленію). Извѣстнѣйшими изъ этихъ тиранновъ были Гистіей милетскій, Лаодамантъ фокейскій, Эакъ самосскій (сынъ Силосона), Коссъ лесбосскій и Страттидъ хіосскій. Эолійскими кораблями начальствовалъ Аристагоръ кимскій. Тиранны городовъ, лежавшихъ на берегахъ Геллеспонта и Пропонтиды—Абидоса, Лампсана, Кизика и пр. тоже привели свои корабли; на европейской сторонѣ моря присоединились къ флоту корабли Византіи, которыми начальствовалъ Аристонъ, и эскадры другихъ греческихъ колоній; привелъ свои ко-

рабли и афинянинъ Мильтіадъ, владычествовавшій надъ Херсонесомъ фракійскимъ и имѣвшій 500 человѣкъ наемниковъ.

Пришедши съ войскомъ къ Босфору, Дарій похвалилъ мостъ, построенный Мандроклемъ на судахъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива, на сѣверъ отъ городовъ Халкедона и Византіи. Онъ щедро наградилъ строителя, и Мандроклъ изъ признательности къ нему поставилъ въ самосскомъ храмѣ Геры изображеніе той сцены, какъ Дарій, сидящій на престолѣ у жертвенника «Зевса-Посылателя попутныхъ вѣтровъ», смотритъ на проходящее мимо него войско. — Дарій велѣлъ воздвигнуть на мѣстѣ перехода двѣ колонны бѣлаго мрамора и написать на нихъ по гречески и по персидски имена всѣхъ народовъ, участвовавшихъ въ походѣ; переходъ черезъ Босфоръ казался такимъ важнымъ дѣломъ, что грекъ Хериль написалъ стихотвореніе «О переходѣ черезъ мостъ»; въ этомъ стихотвореніи между прочимъ говорилось о сакахъ, «пасущихъ овецъ, справедливомъ кочевомъ народѣ, живущемъ на нивахъ Азіи».

По переходѣ черезъ проливъ Дарій приказалъ греческому флоту плыть къ устью Истра и два дня вверхъ по Истру до того мѣста, гдѣ рѣка еще не дѣлится на рукава, и построить тамъ судовой мостъ; а самъ онъ пошелъ къ этому мѣсту изъ Византіи сухимъ путемъ. Фракійскія племена между Босфоромъ и Гебромъ, Одризы, Скирмиады и Нипсеи, покорялись одинъ за другимъ безъ сопротивленія, когда приближался къ нимъ персидскій царь съ безчисленнымъ своимъ войскомъ, сооружая по пути колонны и каменные холмы. Только четы, «храбрѣйшіе и справедливѣйшіе изъ фракійцевъ», у которыхъ было вѣрованіе, что умершіе отходятъ на вѣчную жизнь къ великому духу Замолксису, отважились сопротивляться, но были покорены. Войско шло по обширной «четской пустынѣ», между Гемусомъ и нижнимъ Дунаемъ, гдѣ на черноземѣ, обильно орошаемомъ ручьями, трава имѣетъ вышины въ ростъ человѣка; наконецъ войско достигло великой рѣки и перешло черезъ нее по мосту, построенному греками. Перешедши на сѣверный берегъ, Дарій велѣлъ начальникамъ грековъ сломать мостъ и идти за нимъ съ своими воинами. Вѣроятно онъ думалъ дойти до кавказскихъ воротъ, черезъ которыя сто лѣтъ тому назадъ прошли скивы, вторгнувшіеся въ Мидію и Лидію. Но Коссъ митиленскій сказалъ ему, что онъ долженъ сохранить для себя путь къ отступленію, потому что въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни хлѣбопашества, ни городовъ, войско можетъ подвергнуться бѣдствіямъ; Дарій согласился, отмѣнилъ свое приказаніе и поручилъ греческимъ тираннамъ охрану моста. Уходя отъ рѣки, онъ далъ имъ ремень съ 60 узлами и велѣлъ каждый день развязывать по узлу; когда послѣдній узелъ будетъ развязанъ, а онъ еще не воротится, то они должны, сказалъ онъ, отправиться на родину.

Услышавъ о приближеніи огромнаго непріятельскаго войска, скивы

(сколоты) послали къ сосѣднимъ народамъ просить ихъ помощи. На совѣ-
шанье съѣхались кромѣ трехъ скиѣскихъ царей, царь агаѣирсовъ съ за-
пада, съ сѣвера цари невровъ, андрофаговъ и меланхленовъ, съ востока
цари гелоновъ, будиновъ и савроматовъ, съ юга царь таврійцевъ. Скиѣы
хотя и говорили, что война противъ персовъ должна считаться общимъ
дѣломъ, потому что они, какъ показываетъ судьба еракійцевъ, хотятъ
одинаково поработить всѣ народы; но только восточныя племена вы-
разили согласіе присоединиться къ сколотамъ; другія сказали, что по-
дождутъ, пока персы нападутъ на ихъ землю, а тогда уже сѣмѣютъ
защитить себя. Потому скиѣы рѣшили не давать персамъ битвы, а
постоянно отступать отъ нихъ, повсюду на отступленіи засыпать ко-
лодцы и родники и уничтожать траву.

Планъ скиѣовъ.

Они выполнили этотъ планъ. Отославъ на сѣверъ телѣги съ же-
нами, дѣтьми и имуществомъ и большую часть своихъ стадъ, оста-
вивъ при себѣ лишь такое количество скота, какое необходимо было
для продовольствія, они раздѣлились на два войска. Съ однимъ,
важнѣйшій изъ ихъ царей, Иданѣирсъ, къ которому присоединились
будины и гелоны, долженъ былъ отступать на сѣверъ, заманивая
непріятеля въ земли тѣхъ народовъ, которые отказались помогать
скиѣамъ; съ другимъ войскомъ, къ которому присоединились савро-
маты, Скопасисъ долженъ былъ идти по побережью Меотиды до Та-
наиса и держаться вблизи врага, отступая, а когда врагъ начнетъ
отступать, то преслѣдовать его. Дарій пошелъ за этимъ вторымъ
войскомъ. Путь персовъ лежалъ по пустынной равнинѣ, на которой
пастбища были сожжены, ручьи засыпаны; персы шли до Танаиса;
Скопасисъ перешелъ на ту сторону рѣки, Дарій пошелъ за нимъ въ
землю савроматовъ и будиновъ, сжегъ деревянный городъ гелоновъ,
вступилъ въ обширную пустыню, находившуюся передъ страною
тиссагетовъ. Тутъ онъ остановился и началъ строить восемь укрѣ-
пленій. Воспользовавшись его остановкой, скиѣы ушли и соединились
съ тѣмъ войскомъ, которое пошло на сѣверъ; Дарій, бросивъ по-
стройку, погнался за ними; скиѣы постоянно уходили на одинъ день
пути отъ него и онъ, преслѣдуя ихъ, вошелъ въ землю меланхле-
новъ, потомъ въ земли андрофаговъ и невровъ; всѣ они бѣжали отъ
приближающагося врага. На рубежѣ агаѣирсовъ, грозно требовав-
шихъ, чтобы онъ не входилъ въ ихъ землю, онъ остановился.

Отвѣтъ Идан-
ѣирса.

Дарій послалъ къ царю скиѣовъ Иданѣирсу требованіе или сражаться съ
нимъ, или прислать ему въ знакъ покорности землю и воду. Раздражен-
ный высокомерными словами его, Иданѣирсъ послалъ ему отвѣтъ, что не
признаетъ надъ собой никакого владыки кромѣ Зевса, своего предка, и
что никогда не обращался въ бѣгство отъ страха передъ кѣмъ бы то ни
было: сражаться будетъ время тогда, когда Дарій посмѣетъ разрушать
гробницы скиѣовъ; другого нечего имъ терять, потому что у нихъ нѣтъ
ни городовъ, ни нивъ; вмѣсто земли и воды пошлетъ онъ Дарію другіе да-

ры. Пересказавъ этотъ отвѣтъ, персидскій вѣстникъ подалъ Дарію птицу,
мышь, лягушку и пять стрѣлъ. Дарій хотѣлъ думать, что эти дары—знаки
покорности; но Гобрій, одинъ изъ семи вельможъ, убившихъ мага, расто-
ковалъ значеніе подарковъ такъ: „Если вы не сдѣлаетесь птицами и не
улетите въ небо или не сдѣлаетесь мышами и не зароетесь въ землю или
не сдѣлаетесь лягушками и не унырнете въ болота, то вы будете убиты
этими стрѣлами и не вернетесь домой“.

И дѣйствительно скиѣы начали дѣйствовать такъ, что видна стала
вѣрность этого объясненія. Скопасисъ, обошедши персовъ съ боку, по-
шелъ съ своимъ войскомъ къ дунайскому мосту, убѣдить поставленныхъ
тамъ іонійцевъ, чтобы они удалились до прибытія Дарія, рѣшившагося
теперь начать отступленіе; а войско Иданѣирса постоянно держалось
вблизи персовъ и изнуряло ихъ своими нападеніями. Когда персы, сдѣ-
лавъ дневной переходъ, становились лагеремъ и начинали ѣсть, скиѣ-
ская конница стремительно бросалась на нихъ. Скиѣы не давали пер-
самъ покоя ни днемъ, ни ночью. Войско Дарія очень страдало отъ
такой войны, и онъ спѣшилъ къ Дунаю, тѣмъ болѣе, что 60 дней
уже давно прошли. Но скиѣы, зная прямые дороги, раньше его
пришли къ Дунаю на своихъ быстрыхъ коняхъ, соединились съ вой-
скомъ Скопасиса и убѣждали грековъ сломать мостъ и вернуться до-
мой. — Теперь пришло время, когда греки могутъ возградить себѣ
утраченную свободу, говорили имъ скиѣы: персидское войско будетъ
уничтожено, персы такъ ослабѣютъ, что уже не будутъ въ силахъ
нападать на другіе народы.

Отступленіе.

Греческіе тиранны стали совѣщаться. Мильтіадъ аѣинскій, полко-
водецъ херсонесцевъ, говорилъ, что должно послѣдовать совѣту ски-
ѣовъ и освободить Іонію; но Гистіѣй милетскій напомнилъ товари-
щамъ, что каждый изъ нихъ сталъ господиномъ своего города только
по назначенію отъ персовъ и что безъ помощи Дарія никто изъ нихъ
не удержитъ за собой власти, потому что каждый городъ предпо-
чтетъ демократическое правленіе управленію тиранна. Эти слова про-
извели впечатлѣніе на тиранновъ, и мнѣніе Гистіѣя одержало верхъ.
Тиранны рѣшили остаться и обмануть скиѣовъ: сказать имъ, что
послѣдуютъ ихъ совѣту и для вида сломать съ сѣверной сто-
роны мостъ на разстояніе полета стрѣлы, чтобы не разломали его
сами скиѣы.

Совѣщаніе гре-
ковъ. Гистіѣй
и Мильтіадъ.

Скиѣы повернули отъ рѣки на встрѣчу персамъ, чтобы уничто-
жить ихъ, но прошли мимо нихъ, потому что направились черезъ
ту часть страны, гдѣ не были уничтожены пастбища и ручьи, а
персы шли прямымъ путемъ. Персидское войско пришло къ Дунаю
при наступленіи ночи. Увидѣвъ, что мостъ сломанъ, персы испуга-
лись, но испугъ ихъ смѣнился радостью, когда Гистіѣй по ихъ гром-
кому крику поправилъ сломанную часть моста и велѣлъ подойти
судамъ, чтобы можно было скорѣе переправиться. Такимъ обра-

Спасеніе пер-
сидскаго вой-
ска.

зомъ персидское войско спаслось. Скиѣ смѣялись потомъ надъ іонійцами, говорили, что у нихъ нѣтъ даже рабской храбрости убѣжать отъ господина.

Возвращеніе въ Азію. Дарій пошелъ въ Херсонесъ, какъ рассказываетъ далѣе Геродотъ, и переправился на корабляхъ въ Азію, оставивъ въ Европѣ Мегабаза съ 80,000-нымъ войскомъ; Мегабазъ покорилъ южную Фракію и принудилъ Аминта, царя македонскаго, дать персамъ землю и воду. Изъ отрывочныхъ извѣстій видимъ, что отступление персовъ было соединено и на югѣ отъ Дуная съ большими опасностями и потерями: хотя персы и сломали мостъ черезъ рѣку, но скиѣ переправились черезъ нее, преслѣдовали ихъ до Геллеспонта; нѣкоторые изъ греческихъ городовъ, какъ напримѣръ Византія, Абидосъ, Халкедонъ, Антандръ, возмутились противъ персовъ, помогали скиѣмъ и персидское войско понесло большія потери. Есть извѣстіе, что даже Мильтіадъ бѣжалъ отъ скиѣвъ къ фракійцамъ и только тогда, когда скиѣ ушли, долонки возвратили его въ Херсонесъ. Но вѣроятнѣе, что Мильтіадъ бѣжалъ изъ Херсонеса, опасаясь не скиѣвъ, а мщенія персовъ.

И такъ должно полагать, что Мегабазъ, не находя возможности скоро переправиться въ Азію, пошелъ съ остатками войска на западъ, ушелъ въ горы отъ преслѣдованія скиѣской конницы и остался на Гебрѣ и Нестѣ, пока Дарій, узнавъ о возстаніи греческихъ городовъ на Геллеспонтѣ и Босфорѣ, подавилъ эти мятежи, наказавъ нѣкоторые города, какъ напримѣръ Абидосъ, и тѣмъ очистилъ Мегабазу путь для возвращенія. Но, чтобы можно было похвалиться какими-нибудь трофеями, царь далъ Мегабазу приказаніе покорить мелкія фракійскія племена на пребрежьи и переселить ихъ въ Азію. Въ исполненіе этого приказанія Мегабазъ неожиданно напалъ съ сухаго пути на пеонійцевъ, которые жили близъ Стримона на лѣсистомъ пангейскомъ хребтѣ и въ деревняхъ, построенныхъ на сваяхъ по берегамъ Прасійскаго озера; другіе отряды персовъ заняли пути къ морю. Это нападеніе удалось. Но при нападеніи на племена въ городахъ далѣе отъ берега Мегабазъ потерпѣлъ неудачу. Александръ, сынъ македонскаго царя Аминта, убилъ семь персидскихъ посланцевъ, которые на роскошномъ ширѣ у царя позволили себѣ слишкомъ свободное обращеніе съ женщинами; это осталось безнаказаннымъ, персы удовлетворились тѣмъ, что Аминтъ попросилъ извиненія.

Легенда; ный характеръ разсказа Герота о скиѣскомъ походѣ.

Такимъ образомъ скиѣскій походъ кончился лишь мелкими успѣхами, не соответствовавшими громаднымъ приготовленіямъ и гордымъ надеждамъ. Когда Дарій любовался на безчисленное множество нарядныхъ воиновъ, переходившихъ изъ Азіи черезъ Босфоръ, онъ, конечно, не думалъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они будутъ отступать, тѣснимые ордами кочевыхъ пастуховъ. Впрочемъ разсказъ Геродота о неразумительномъ походѣ Дарія носить на себѣ столько слѣдовъ легендарнаго преувеличенія, заключаетъ въ себѣ столько противорѣчій, что ужъ очень давно явилось сомнѣніе въ достовѣрности его; многіе думаютъ, что Геродотъ поддался тутъ своей склонности доказывать гибельность замысловъ, и подвелъ легенды подъ

свою теорію, что божественная справедливость всегда наказываетъ за гордость униженіемъ. Невѣроятно, что такое огромное войско могло въ два—три мѣсяца пройти отъ устъ Дуная за Донъ и вернуться къ Дунаю; тѣмъ неправдоподобнѣе это, что оно шло большими изгибами по степи безъ дорогъ, должно было переправляться черезъ широкія рѣки; мѣстность была безлѣсная, трава на ней была выжжена, колодези и родники засыпаны; не находя топлива, войско не находило въ ней и никакихъ средствъ продовольствія; — такой походъ остается невѣроятенъ даже и въ томъ случаѣ, если уменьшить пройденное войскомъ разстояніе, и сказать, напримѣръ, что подъ названіемъ Танаиса тутъ надобно понимать не Донъ, а Донецъ. Геродотъ безъ сомнѣнія слѣдовалъ скиѣскимъ преданіямъ, которыя слышалъ отъ греческихъ колонистовъ въ Ольвіи; а фантазія дикарей быстро преувеличиваетъ до безмѣрности подвиги отцовъ. Побѣда степныхъ пастуховъ надъ могущественнѣйшимъ государемъ того времени была такимъ славнымъ событіемъ, что скоро сдѣлалась достояніемъ поэтической легенды, и была перенесена въ область чудеснаго.

Легко понять, откуда произошло извѣстіе Геродота, что Дарій построилъ восемь укрѣпленій въ обширной пустынѣ на рѣкѣ Оарѣ, гдѣ остановился на пути къ востоку, и что развалины этихъ укрѣпленій еще видны были въ его время; — народныя легенды любятъ соединять съ загадочными сооруженіями память о какомъ-нибудь знаменитомъ человѣкѣ, общеизвѣстномъ событіи. На равнинѣ, разстилающейся къ сѣверу отъ Чернаго и Азовскаго морей, еще и теперь остаются холмы, насыпанные человеческими руками. И такъ мы видимъ, что отецъ исторіи передаетъ намъ баснословную легенду о событіи, совершившемся лишь за нѣсколько десятковъ лѣтъ до него. Но и теперь, какъ за двѣ тысячи лѣтъ, его живой разсказъ возбуждаетъ величайшій интересъ, и правдивость великолѣпной картины, въ которую вставилъ онъ слышанныя имъ подробности о походѣ Дарія, ни мало не страдаетъ отъ того, что эти подробности имѣютъ легендарный характеръ.

Походъ на скиѣвъ не удался; но Дарій умѣлъ извлечь изъ него нѣкоторыя выгоды. Сосредоточеніе войскъ на западъ дало ему средства упрочить и расширить персидское владычество надъ греческими колоніями въ Малой Азіи и на островахъ. Возвращаясь съ плѣнными пеонійцами по фракійскому побережью къ Геллеспонту, Мегабазъ покорилъ, какъ велѣлъ ему Дарій, всѣ города и всѣ народы этого берега царю; покорилъ самосскую колонію Периней, хотя этотъ городъ оборонялся храбро; овладѣлъ стоявшимъ на Гебрѣ городомъ Дорискомъ, который, по выгодности своего положенія, скоро сталъ крѣпкимъ центромъ персидскаго владычества въ Европѣ; построилъ укрѣпленія и поставилъ гарнизоны въ пунктахъ, имѣвшихъ стратегическую важность. Не напрасно Дарій говорилъ, что желалъ бы

Завоеванія во Фракіи и въ соседнихъ съ нею земляхъ.

имѣть столько Мегабазовъ, сколько находится зеренъ въ гранатовомъ яблокѣ: Мегабазъ положилъ прочную основу власти персидскаго царя въ Европѣ. — Дарій въ награду за сохраненіе моста дозволилъ Гистію основать колонію въ Миркинѣ на рѣкѣ Стримонѣ, въ мѣстности, богатой корабельнымъ лѣсомъ и серебряною рудою; Мегабазъ не одобрялъ этого, опасаясь, что человѣкъ большого ума, каковъ былъ Гистіей, можетъ сформировать изъ воинственныхъ туземцевъ сильное войско и сдѣлаться независимымъ государемъ. Потому Дарій вызвалъ Гистію подъ почетнымъ предлогомъ къ себѣ въ Сарды, и взялъ его съ собою въ Сузу, говоря, что желаетъ имѣть его своимъ ежедневнымъ гостемъ и совѣтникомъ. Намѣстникомъ въ Сардахъ Дарій сдѣлалъ своего брата, Артаферна, а начальство надъ войскомъ поручилъ Отану. Отанъ покорилъ Византію, Халкедонъ, Антандръ, Лампоній; призвалъ Коэса митиленаго съ лесбосскимъ флотомъ, покорилъ и острова Имбросъ и Лемнось. Лемнійцы оборонялись храбро, но были подавлены численнымъ перевѣсомъ непріятеля, и утратили свою свободу. Ликареть, братъ самосскаго тирана Меандрія, былъ назначенъ правителемъ Лесбоса. Такимъ образомъ, пять прекрасныхъ анатолійскихъ острововъ: Самось, Хиосъ, Лесбось, Лемнось, Имбросъ, принадлежали теперь персидскому царю.

Отношенія Дарія къ грекамъ. Мысли Дарія обратились на то, чтобы покорить греческій міръ. Въ сѣверныхъ странахъ персидскія войска два раза испытали тяжелыя пораженія. На востокъ государство было расширено Даріемъ до западнаго берега Инда. Экспедиція, которой начальникомъ былъ грекъ Скилаксъ, уроженецъ карійскаго города Каріанды, изслѣдовала (между 510 и 506 годами) теченіе этой рѣки отъ кашмирской долины до устья, и берегъ отъ устья Инда до Эрикскаго моря (Персидскаго залива). Индъ и Гималаи образовали естественную границу персидскаго царства; переходить за нее казалось Дарію неудобнымъ. Югъ не представлялъ ни такой привлекательности, ни такихъ благоприятныхъ условій для завоеванія, какъ западъ, греческій міръ, богатый, цивилизованный и раздробленный на мелкія государства. Дарій имѣлъ много случаевъ убѣдиться, что греки превосходятъ персовъ талантами и знаніями; польза, которую приносили ему услуги грековъ, была одною изъ сильныхъ причинъ его желанія покорить весь греческій народъ. — Отчетъ объ индійской экспедиціи, представленный ему Скилаксомъ, и искусство греческаго врача Демокета были для него новыми доказательствами пользы, какую получить онъ, присоединивъ всѣхъ грековъ къ числу своихъ подданныхъ. Отправляя финикійскихъ моряковъ изслѣдовать побережья западной части Средиземнаго моря, онъ поручилъ начальство надъ этою экспедиціей Демокету.

Исторія врача Демокета. Демокетъ Кротонскій, искусный врачъ, былъ вызванъ изъ Аѳинъ Поликратомъ Самосскимъ и получалъ отъ него 2 таланта жалованья въ годъ. Когда Оретъ убилъ Поликрата, то отдалъ Демокета въ оковы подъ стражу и онъ долго оставался въ темницѣ. — Однажды на охотѣ Дарій вывихнулъ себѣ ногу; его египетскіе врачи своими грубыми способами, поправляя вывихъ, только ухудшили его: боль усилилась до такой степени, что царь не могъ спать. Онъ услышалъ наконецъ о греческомъ врачѣ, который

сидитъ въ темницѣ, въ Сардахъ, вызвалъ его къ себѣ. Демокетъ скоро излечилъ царя; Дарій сдѣлалъ его своимъ врачомъ, принялъ въ число своихъ сотрапезниковъ, далъ ему прекрасный домъ, сдѣлалъ другіе богатые подарки. Египетскихъ врачей Дарій хотѣлъ распять на крестѣ, и только просьбы Демокета спасли ихъ. Любовь и уваженіе царя къ Демокету еще больше усилились, когда ему удалось излечить отъ нарыва въ груди жену Дарія, Атоссу. Но ни почести, ни богатства не могли заглушить въ немъ тоску по прекрасной родинѣ. Онъ сталъ говорить Атоссѣ о Греціи, возбудилъ въ ней желаніе имѣть служанками гречанокъ; по его внушенію, она навела Дарія на мысль послать экспедицію, чтобы изслѣдовать и западные берега, какъ было изслѣдовано Скилаксомъ восточное побережье. Демокетъ рассчитывалъ, что начальство надъ экспедиціею будетъ поручено ему, какъ человѣку знающему тѣ земли, и что такимъ образомъ онъ получитъ возможность возвратиться на родину: онъ думалъ бросить все и остаться въ Кротонѣ. Были снаряжены два сидонскіе корабля; 15 знатныхъ персовъ и Демокетъ поплыли на нихъ къ берегамъ Греціи, изслѣдовали ихъ. Это были первые персы, посѣтившіе Грецію; они являлись въ греческіе города, какъ посланники царя, раздавали богатые подарки. Обозрѣвъ знаменитѣйшія области Греціи, они поплыли въ южную Италію. Въ Тарентѣ ихъ задержали, какъ шпионовъ. Демокетъ воспользовался этимъ и бѣжалъ въ Кротонъ. Персы, получивъ свободу, потребовали отъ кротонцевъ его выдачи: Дарій строго велѣлъ имъ слѣдить, чтобы онъ не убѣжалъ, непремѣнно привести его въ Сузу. Но ни просьбами, ни угрозами не добились они у кротонцевъ выдачи его; онъ остался въ родномъ городѣ и женился на дочери атлета Милона. Занесенные бурей къ берегу Ипигіи, персы были взяты въ плѣнъ; тарентинецъ Гиллъ выкупилъ ихъ, и они возвратились въ Азію.

Приближаясь къ европейской Греціи съ сѣверо-востока, персы сдѣлали попытку охватить своими владѣніями греческій міръ и съ юга. Походъ персовъ въ то время, какъ Дарій покорялъ племена, жившія по европейскому берегу Чернаго моря, изъ Египта пошло войско на завоеваніе Барки и Кирены; при этомъ персы приглашали кареагенцевъ заключить союзъ съ ними. По разсказу Геродота, они и въ Африкѣ потерпѣли неудачу, и кромѣ того обезчестили себя постыднымъ вѣроломствомъ. Но кажется, они сдѣлали нѣкоторые завоеванія.

Аркезилай, тиранъ Киренскій, добровольно покорившись Камбизу и обѣщавшій платить ему дань, навлекъ на себя ненависть киренцевъ своею жестокостію, и опасаясь жить между ними, уѣхалъ въ Барку, киренскую колонію, гдѣ властвовалъ братъ его жены. Тамъ и онъ и этотъ тиранъ были убиты на площади нѣсколькими гражданами Кирены (стран. 117). Феретима, мать Аркезилая, правившая Киреною по отъѣздѣ сына, хотѣла отомстить за его смерть, поѣхала въ Египетъ и просила помощи у персидскаго намѣстника, Аріанда, увѣряя его, что сынъ ея убитъ собственно за свою любовь къ персамъ и ихъ обычаямъ. Аріандъ послалъ перса Амазиса съ войскомъ на Барку, отомстить за сына Феретимы, какъ просила она, и кстати покорить персидской власти ливійскихъ номадовъ сѣвернаго побережья; послалъ и флотъ поддерживать дѣйствія сухопутнаго войска; начальство надъ флотомъ онъ поручилъ Бадресу, персу изъ племени Пасаргадовъ. Персы подступили къ Баркѣ, осаждали ее девять мѣсяцевъ, копали подземные ходы въ городъ, дѣлали сильныя приступы. Но ходы ихъ, уже проникшіе въ городъ, открылъ мастеръ, занимавшійся выдѣлкою мѣдныхъ издѣлій; онъ придумалъ для этого умное средство: взявъ мѣдный щитъ, онъ пошелъ вдоль городской стѣны, прикладывая щитъ къ землѣ и прислушиваясь; надъ тѣми мѣстами, гдѣ персы рыли ходы, щитъ звенѣлъ. Осажденные вырыли ходы на встрѣчу персидскимъ, и убили работавшихъ въ нихъ. А приступы они успѣшно отбивали. Персидское войско потеряло

много людей: Амазисъ увидѣлъ, что не возьметъ города силою, и рѣшился на гнусное коварство. Онъ заключилъ съ гражданами Барки договоръ; они обязались платить персидскому царю дань, разиѣръ которой былъ назначенъ, необременительный для нихъ. Амазисъ обѣщался не дѣлать городу никакого вреда. Въ надеждѣ на договоръ, горожане отперли ворота и не мѣшали персамъ ходить въ городъ. Амазисъ поступилъ съ населеніемъ города свирѣпо, софистически перетолковавъ слова своего обѣщанія. Главныхъ людей города онъ отдалъ Феретимъ; она распяла ихъ на крестахъ, поставленныхъ на стѣнахъ города, отрѣзала груди у ихъ женъ и тоже выставила на стѣнахъ. Почти всѣ другіе горожане были уведены въ Египетъ. Въ городѣ оставлены были лишь немногіе жители. Тамъ отмстила Феретима за смерть сына. Но союзъ съ персами оказался вреднымъ для нея самой: Кирена отказала ей въ повиновеніи; попытка персовъ покорить городъ не удалась; и когда персы пошли назадъ въ Египетъ, Феретима должна была удалиться вмѣстѣ съ ними, сдѣлавъ своимъ союзомъ съ ними то, что династія Батта лишилась прекраснаго царства, которымъ владѣла, по предсказанію оракула, въ продолженіи жизни восьми поколѣній (Геродотъ IV, 163). При отступленіи персовъ, ливійскіе номады очень тѣснили ихъ, убивали отсталыхъ, грабили обозы. Гражданамъ Барки, уведеннымъ въ плѣнъ, Дарій далъ землю въ Бантрин; они построили тамъ городъ, который назвали роднымъ именемъ Барки. Во времена Геродота, этотъ городъ былъ еще цѣль. — Въ своемъ разсказѣ о неудачномъ походѣ персовъ на Кирену Геродотъ слѣдовалъ, кажется, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, мѣстнымъ легендамъ. Но другимъ извѣстіямъ, мы видимъ, что и Кирена, и Барка, и ливійцы сѣвернаго побережья Африки, и оазисъ Аммона принадлежали къ персидскому царству, платили дань персидскому царю, и что династія Батта продолжала, подъ властью персовъ, царствовать въ Киренѣ и Баркѣ. — О благосостояніи Египта Дарій усердно заботился, какъ свидѣлствуютъ надписи на египетскихъ памятникахъ.

Похвалы Эсхила Дарію.

Такъ царствовалъ „счастливый“ Дарій, о которомъ хоръ въ „Персахъ“ Эсхила поетъ, что онъ никогда не жертвовалъ понапрасну жизнью своихъ воиновъ, что въ Персіи называли его богомудрымъ, что онъ благополучно правилъ государствомъ, высокопрославляемый, подобныхъ которому нѣтъ теперь въ персидской землѣ, вѣчно-оплакиваемый по смерти друзьями. — Истинно прекрасною жизнью пользовались мы — поютъ персы — были мы повелителями народовъ, когда богоподобный, великомощный царь, старый Дарій, правилъ государствомъ. Мы были тогда начальниками славнаго войска. Много городовъ завоевалъ онъ на Стримонскомъ приморьѣ, близъ еракійскихъ поселеній. И обведенные стѣнами города въ дали отъ моря во еракійской странѣ повиновались ему, и на проливѣ Геллы, и въ заливахъ Пропонтиды и въ устьѣ Понта (на Босфорѣ). И острова покорилъ онъ: Лесбось и обильный оливами Самось, и Хиось, и Лемнось, и кипрскіе города, и Родось. И надъ богатыми, многолюдными областями Іоніи владычествовалъ онъ, царь, повелѣвавшій неодолимымъ войскомъ персовъ и войсками многоплеменныхъ подвластныхъ народовъ.

4. Состояніе персидскаго царства передъ началомъ войнъ съ Греціею.

Племена персовъ.

Древнее населеніе горной страны Персиды (Фарса; томъ I, стран. 362 и слѣд.) дѣлилось на десять племенъ. Въ горахъ жили четыре племена, которыя вели кочевой образъ жизни, занимаясь охотою и скотоводствомъ на обильныхъ пасбищахъ; три племена вели осѣдлую

земледѣльческую жизнь въ плодородныхъ долинахъ; наконецъ три племена: марафы, маспы и пасаргады были воины и составляли благородное сословіе; пасаргады занимали первенствующее положеніе; они жили подъ правленіемъ рода Ахеменидовъ. Персы были народъ простыхъ нравовъ, привычный переносить лишенія, храбрый; вождями ихъ на войнѣ были родоначальники, главный военачальникъ — былъ царь; войско ихъ было конное, вооруженное лукомъ и стрѣлами, дротикомъ и кривою саблею. Религія персовъ была обоготвореніемъ видимой природы; нравственные заповѣди ученія Зороастра были для нихъ правилами жизни. Нравы персовъ этихъ первобытныхъ временъ представляли нѣкоторое сходство съ нравами древнихъ германцевъ. Одеждою ихъ были кожаное нижнее платье и короткіе кафтаны или звѣриныя шкуры. Отважные охотники и воины, они вели безыскусственный образъ жизни, укрѣплявшій ихъ силы; они были «всадники, искусные въ стрѣльбѣ изъ лука, страшные видомъ, ужасные въ бою».

Съ этимъ мужественнымъ народомъ Киръ завоевалъ земли изиѣ- Перемѣна об-
женныхъ культурныхъ народовъ Азіи; персы стали владыками гро- разѣ жизни и
маднаго государства. Еслибъ они имѣли и меньше любви къ усво- богослуженію.
енію чужихъ нравовъ, чѣмъ какая была у нихъ, по словамъ Геродота, то приобрѣтеніе такого могущества все таки должно было-бы произ-
вести быструю перемѣну въ ихъ нравахъ и образѣ жизни. Съ пер-
сами было тоже, что и съ германцами по завоеваніи римской имперіи: побѣдители приняли нравы и цивилизацію побѣжденныхъ. Старинный, простой образъ жизни замѣнился у персовъ обычаями и учрежденіями покоренныхъ ими народовъ. Они приняли отъ мидянъ шерстяную рубашку съ рукавами, повязку на головѣ (тиару), кафтанъ, широкія пальвары, отъ египтянъ чешуйчатый панцырь; у нихъ явились пурпурныя одежды и ковры, ожерелья, золотыя серьги, браслеты, перстни; они стали румяниться, натирать тѣло благовонными маслами, заботливо расчесывать волосы и бороду, подражая во всемъ этомъ вавилонянамъ и другимъ изиѣженнымъ народамъ. Препее простое богослуженіе, не имѣвшее ни храмовъ, ни жертвенниковъ, замѣнилось у нихъ пышными обрядами, какими облекли у мидянъ религію Заратустры маги, составлявшіе въ Мидіи особое жреческое сословіе; персы подчинились деспотизму, опирающемуся на духовенство и окружившему себя всѣмъ великолѣпнымъ церемоніаломъ Востока. Попытка маговъ возвратить владычество мидянамъ оставила въ персахъ враждебныя воспоминанія, если вообще и дремавшія, то по крайней мѣрѣ разъ въ годъ пробуждавшіяся на «праздникъ избіенія маговъ». Но безъ помощи духовенства не могли обойтись персидскіе цари и вельможи. Маги совершали коронованіе и освященіе царя въ Пасаргадахъ, въ отчизнѣ персовъ. При коронаціи царь, въ воспоминаніе о прежней простотѣ нравовъ, облакался въ одежду Кира, казавшуюся

теперь бѣдной, съѣдалъ плодъ теребинтоваго (фисташковаго) дерева и выпивалъ чашу молока; но обрядъ коронаціи былъ великолѣпенъ. Характеръ жертвоприношеній совершенно измѣнился. Персы стали приносить въ жертву не только всяческихъ животныхъ и въ особенности бѣлыхъ коней, посвященныхъ богу солнца, но даже и людей, хотя все это совершенно противорѣчило ученію Зороастра. Астрологическія гаданія, заимствованныя изъ Вавилона магами, продолжались и въ персидскомъ царствѣ. Истолкователи знаменій и прорицатели составляли вліятельную корпорацію при персидскомъ дворѣ.

Человѣческія жертвоприношенія. Геродотъ говоритъ (VII, 114), что при походѣ Ксеркса были у рѣки Стримона зарыты живыми въ землю, по персидскому обычаю, туземные юноши и дѣвушки, и что ихъ было зарыто много; свои слова, что это персидскій обычай, онъ подтверждаетъ примѣромъ Аместриды, жены Ксеркса, которая, когда была старухой, велѣла закопать въ землю 14 персидскихъ мальчиковъ, сыновей вельможъ, въ жертву благодарности живущему подъ землею богу за его милости къ ней.

Роскошь и изнѣженность. Ксенофонтъ въ «Киропедіи» описываетъ роскошь и изнѣженность персовъ (VIII, 8, 16 и слѣд.). Имъ не довольно того, что на ихъ кроватяхъ мягкія перины, они и ножки кроватей ставятъ на ковры, чтобы не слышно было жесткости пола. Зимой имъ не довольно того, чтобы покрывать голову, тѣло и ноги; они носятъ и на рукахъ мѣховыя муфты и перчатки. А лѣтомъ они не довольствуются тѣнью деревьевъ и скалъ, а подлѣ нихъ стоятъ люди съ зонтиками. Они очень любятъ имѣть множество драгоценныхъ кубковъ. При ѣздѣ верхомъ они владутъ на лошадей больше толстыхъ подстилокъ, чѣмъ сколько у нихъ на кроватяхъ, чтобы мягко было сидѣть; и до такой роскоши и изнѣженности дошли персидскіе вельможи, что держатъ привратниковъ, пекарей, поваровъ, кравчихъ, хлѣбодаровъ, слугъ, подающихъ на столъ и снимающихъ со стола блюда, слугъ, которые убаюкиваютъ ихъ, слугъ, которые будятъ ихъ, людей, которые одѣваютъ ихъ, подирашиваютъ, румянятъ и натираютъ благовонными маслами. По словамъ Ксенофонта (I, 3, 2), уже во времена Астиага мидійскіе цари носили пурпурную одежду, ожерелья, браслеты, румянились, подрисовывали себѣ глаза и носили на головѣ фальшивые волосы (т. е. парики). Во времена Ксеркса знатные персы, какъ мы видимъ по разсказамъ Геродота, брали съ собою въ походы въ крытыхъ экипажахъ женъ и наложницъ и многочисленную, богато одѣтую прислугу, а на верблюдахъ и другихъ вьючныхъ животныхъ везли за ними съѣстные припасы и драгоценную посуду. Въ кушаньяхъ и въ винахъ за столомъ у богатѣй тоже господствовала роскошь, особенно въ праздничныхъ случаяхъ, напримѣръ въ день рожденія, который былъ самымъ праздничнымъ днемъ у персовъ. «Тогда богатые люди, говоритъ Геродотъ, жарятъ въ печахъ цѣлыхъ быковъ и лошадей, верблюдовъ и ословъ, а бѣдные мелкій скотъ. Кушаній у нихъ не много, но очень много лакомствъ по окончаніи обѣда. Персы говорятъ, что эллины встаютъ изъ-за стола голодные, потому что имъ не подаютъ ничего хорошаго, когда они кончили обѣдъ. Пить вино персы очень любятъ и, когда напьются, совѣщаются о самыхъ важныхъ дѣлахъ; но о томъ, что рѣшили они въ этомъ состояніи, они разсуждаютъ еще разъ, когда протрезвятся». Судя по тому, что разсказываетъ Геродотъ (V, 18 и слѣд.) о сценѣ, произошедшей у царя македонскаго Аминта, персы имѣли обычай приводить женщинъ для гостей, приглашенныхъ на пиръ.

Привилегированное положеніе персовъ въ государствѣ. Но, хотя персы и усвоили себѣ понятія и обычаи мидянъ и другихъ побѣжденных народовъ, они сохранили за собою привилегированное положеніе въ государствѣ. Какъ военныя племена были аристократіею сравнительно съ другими племенами персовъ, такъ

весь персидскій народъ былъ аристократіею между всѣми другими народами царства. Персида была свободна отъ податей и, когда царь жилъ тамъ, то, по древнему обычаю, онъ раздавалъ народу деньги и подарки. Правителями государства были персы. Изъ ихъ аристократіи выбиралъ царь своихъ приближенныхъ, дѣлившихся по знатности происхожденія и по заслугамъ на два класса: одни назывались «со-трапезниками» царя, а другіе его «родственниками». Тѣ и другіе имѣли право обѣдать за царскимъ столомъ, а «родственники» царя, родоначальники аристократическихъ племенъ, пользовались тѣми же самыми правами, какъ Ахемениды и, вѣроятно, носили ту-же высокую тиару (кидаръ) съ повязкой голубаго и бѣлаго цвѣтовъ, какъ царь и члены его семейства (тиара другихъ персовъ была невысокая съ плоскимъ верхомъ). Изъ приближенныхъ царя выбирались военачальники и высшіе сановники центрального управленія, верховные судьи, сатрапы и многочисленные придворные, окружавшіе царя. Въ своей высокой карьерѣ сыновья знатныхъ персовъ были подготовляемы воспитаніемъ «при двери» царя. Оно начиналось съ пятаго года. По извѣстіямъ грековъ мы видимъ, что и въ царской резиденціи, и въ главныхъ городахъ сатрапій были особые дома, въ которыхъ воспитывались сыновья знатныхъ людей, учившіеся тамъ до 20 лѣтъ: предметами преподаванія были религія, правила мудрости и добродѣтели, законовѣдѣніе; воспитанниковъ приучали къ правдивости, послушанію, скромности; они упражнялись въ верховой ѣздѣ, въ бѣганіи, въ стрѣльбѣ изъ лука, учились охотиться; ихъ образъ жизни былъ такой, чтобы они становились способны переносить трудности и лишенія походовъ. Такимъ образомъ персы, по словамъ Ксенофонта, съ дѣтства приобрѣтали тѣ качества и добродѣтели, какія нужны для высокихъ мѣстъ, приучались повелѣвать и повиноваться и рѣшать судебныя дѣла. Это воспитаніе давало имъ энергію, любовь къ садоводству и земледѣлію, къ охотѣ и войнѣ, прямодушіе, ту правдивость и справедливость, почтительность къ родителямъ, — качества, которыя оставались у персидскихъ вельможъ и въ тѣ времена, когда они предались роскошному, изнѣженному образу жизни. Знатные Персы сохраняли на всю жизнь благоприличіе, сдержанность, мужественный образъ мыслей и храбрость, къ какимъ приучались въ молодости. Потому греки называютъ упадокъ древняго воспитанія важнѣйшею изъ тѣхъ причинъ, которыя повели персидское царство къ разстройству.

При Кирѣ и Камбизѣ мидійско-персидское царство еще не имѣло органическаго единства; оно составилось изъ частей, механически соединенныхъ одна къ другой завоеваніемъ и не имѣвшихъ внутренней связи между собою. Только уже Дарій озаботился дать этой огромной массѣ разныхъ земель и народовъ нѣкоторую организацію, удержавъ своимъ побѣдоноснымъ мечомъ разноплеменное населеніе отъ распа-

Воспитаніе.

Раздѣленіе государства на области; государственныя подати.

денія, онъ далъ деспотизму нѣкоторую правильность. Онъ раздѣлилъ Государство на 20 намѣстничествъ, сатрапій, установилъ формы администраціи, опредѣлилъ размѣръ податей, размѣстилъ по государству войска. Ближайшей цѣлью его при этомъ было увеличить царскіе доходы и упрочить свою власть; потому персидская государственная организація имѣла характеръ неуклюжаго полицейскаго и военного самовластія. Денежныя подати и натуральныя повинности были установлены произвольно и распределены очень неравномерно. Царь считался собственникомъ всѣхъ странъ, подчиненныхъ его правленію, потому власть его была неограниченна. Онъ могъ по произволу награждать и наказывать.

Сатрапіи; размѣръ податей.

Геродотъ (III, 90) даетъ слѣдующее перечисленіе 20 сатрапій персидскаго государства и податей, какія получалъ съ нихъ царь: «1. Западный берегъ Малой Азіи, города и острова грековъ (іонійцевъ), Карія, Ликія и пр.; подать 300 талантовъ. 2. Мизія и Лидія (главный городъ Сарды); 500 талантовъ. 3. Фригія, Пафлагонія, Каппадокія, греческіе города на Геллеспонтѣ и Босфорѣ и пр.; главный городъ Даскилей; 360 талантовъ. 4. Киликія; главный городъ Тарсъ; эта сатрапія давала 360 бѣлыхъ коней и 500 талантовъ серебра, изъ которыхъ 140 расходовались на содержаніе конницы въ самой Киликіи. 5. Сирія, Финикія, Палестина, островъ Кипръ; 350 талантовъ. 6. Египетъ, Ливія, области Барки и Кирены; 700 талантовъ, кромѣ того дохода, какой доставляла царю рыбная ловля на Меридовомъ озерѣ и кромѣ хлѣба на продовольствіе персидскаго гарнизона въ Мемфисской крѣпости. 7. Гедрозія и область племени гандаровъ на Индѣ (восточная окраина царства); 170 талантовъ. 8. Суза и остальная страна каспійцевъ (Сузіана); 300 талантовъ. 9. Вавилонія и Ассирія; 1000 талантовъ и 500 осклопленныхъ мальчиковъ; кромѣ того, поставка продовольствія для двора на 4 мѣсяца въ годъ. 10. Мидія; 450 талантовъ. 11. Земля каспійцевъ (на сѣверномъ склонѣ Кавказа) и 12. Земли саспировъ и аларидовъ (на южномъ склонѣ Кавказа), по 200 талантовъ. 13. Бактрія; 360 талантовъ. 14. Армения, до Чернаго моря; 400 талантовъ. 15. Южная окраина Иранской террасы, Дрангіана, плодородная земля сагартовъ, острова на Персидскомъ заливѣ (бывшіе обыкновенными мѣстами ссылки); 600 талантовъ. 16. Саки, народы прикаспійскихъ земель; 250 талантовъ. 17. Парейя, Хоразмія, Согдіана, Арія; 300 талантовъ. 18. Азіатскіе эеіопляне (то есть, черныя племена на правомъ берегу Инда); 400 талантовъ. 19. Мосинки, тибарены, марды, колхи, макроны; 300 талантовъ. 20. Племена верховьевъ Инда и Гималайскихъ горъ, асваки и дарады; 360 талантовъ золотого песка». — «Всѣ эти области платили мнѣ дань», говоритъ Дарій въ Бизутунской надписи, «и что я повелѣвалъ, исполняли онѣ день и ночь»; въ надписи перечисляются тоже 20 областей, но списокъ ихъ очень во многомъ несогласенъ съ Геродотовымъ; названія областей по этой надписи: Парса (Персія), Увайга (Сузіана), Бабирушъ (Вавилонъ), Атура (Атхуга; Ассирія), Арабая (Аравія), Мудрая (Мизраимъ, то есть Египетъ), Спарда (быть можетъ, дорійскія колоніи Малой Азіи), Юна, Арминна, Катпадука (Каппадокія), Партва (Парейя), Зарака (Дрангіана), Гарива (Арія), Уварасмія (Хоразмія), Бактрисъ (Бактрія), Сугда (Согдіана), Сака, Татагушъ (Гедрозія), Гараува-тишъ (Арахозія), Мака (?). — Считая талантъ въ 2.250 рублей получаемъ сумму податей нѣсколько больше 27 милліоновъ рублей.

О налогахъ въ персидскомъ государствѣ Геродотъ говоритъ, что подати всѣхъ областей, кромѣ Индіи, считались на вавилонскіе серебряные таланты и простирались отъ 170 талантовъ (около 300.000 руб.), которые платила бѣдная Гедрозія до 1000 талантовъ (около 1.750.000 р.), которые давала плодородная Вавилонія. Другія области платили: 700 талантовъ (Египетъ), 600 (Дрангіана), 500 (Лидія, Киликія), 450 (Мидія), 400 (Армения и азіатская Эеіонія), 360 (Бактрія, Каппадокія), 350 (Сирія), 300 (Пар-

еія, Колхида, Іонія, Сузіана), 250 (земля саковъ), 200 (южная и сѣверная сатрапіи кавказскихъ земель). Но всѣ эти цифры далеко превосходили доходъ отъ индійской сатрапіи. Она давала 360 эвбейскихъ талантовъ золота. Эвбейскій талантъ составлялъ $\frac{3}{4}$ вавилонскаго, а золото, по Геродоту (III, 95) было въ 13 разъ дороже серебра; потому дань индійской сатрапіи онъ считаетъ равняющейся 4.680 эвбейскимъ или аттическимъ талантамъ серебра (около 71½ милліоновъ рубл. сереб.). Такимъ образомъ сумма дани всѣхъ областей составляла около 20.500.000 рублей (см. F. Gultsch, Griechische und römische Metrologie стр. 279). Персія не платила дани. — Кромѣ дани, на областяхъ персидскаго государства лежали большія натуральныя повинности. Покоренные народы должны были давать натурою продовольствіе двору, тѣлохранителямъ царя, войску; снабжать всѣмъ надобнымъ царя и его свиту на поѣздкахъ его; каждая область должна была снабжать всѣмъ надобнымъ, проходящія черезъ нее войска. — При походѣ Ксеркса въ Грецію, расходы на прокормленіе войска оцѣнивались въ 300 талантовъ (около 675.000 рублей) въ день. Расходы на содержаніе сатраповъ съ толпами писцовъ и сборщиковъ доходовъ, съ гаремами и служителями должны были составлять громадныя суммы. Сатрапъ Вавилоніи получалъ отъ своей области каждый день артабу (около двухъ четвериковъ) серебра; кромѣ того, онъ содержалъ на ея счетъ конскіе заводы, въ которыхъ считалось 800 жеребцовъ и 16.000 кобылъ, имѣлъ такое множество охотничьихъ собакъ, что на ихъ продовольствіе были назначены доходы съ четырехъ большихъ селъ (Геродотъ I, 192); правда, Вавилонія была самая богатая сатрапія. — Изъ исторіи Фемистокла мы видимъ, что не только царскія жены получали на свои наряды доходы городовъ и цѣлыхъ округовъ, но и любимцы царя получали отъ него такіе же награды.

Сатрапы.

Сатрапами назначались обыкновенно люди изъ числа царскихъ «сотрапезниковъ» и «родственниковъ» или изъ знатнѣйшихъ родовъ. Сатрапъ (kshathra-pavan, «господинъ области») правилъ порученною ему областью съ неограниченною властью. Онъ былъ верховный правитель, и верховный судья; онъ завѣдывалъ сборомъ податей и натуральныхъ повинностей, наборомъ войска; въ приморскихъ областяхъ, также и снаряженіемъ военныхъ кораблей; кажется, онъ имѣлъ даже и право чеканить монету; лишь бы только чеканилась она по установленной системѣ. Въ рукахъ сатраповъ постепенно сосредоточилась вся гражданская и вся военная власть; и не было никакихъ органовъ центрального правительства, которыми ограничивалось бы ихъ полномочіе. Пока сатрапъ исправно посылалъ царю подать, положенную на область, и послушно, вѣрно исполнялъ царскія повелѣнія, онъ могъ безпрепятственно самовластвовать, какъ ему угодно. Но такая большая безконтрольная власть легко могла внушать сатрапу мысль возмутиться и основать независимое государство; потому царь дѣлалъ сатрапами только людей, вѣрность, преданность, послушность которыхъ была доказана долгимъ опытомъ, и старался удерживать ихъ на пути повиновенія внимательнымъ надзоромъ и страхомъ. Особые повѣренные, называвшіеся «глазами» и «ушами» царя, и шпионы наблюдали за поступками сатраповъ и другихъ областныхъ сановниковъ и доносили царю. Эта система надзора открывала широкою дверь интригамъ, злобѣ, клеветѣ; она ослабила взаимное довѣріе между царемъ и областными правителями; единственную связью оставался страхъ. Потому за ослушаніе, сопротивленіе, царь при

малѣйшемъ подозрѣніи жестоко наказывалъ. Мидійско-персидская исторія представляетъ множество такихъ разсказовъ, какъ эпизоды о Гарпагѣ и Оэбазѣ; бичеваніе, ослѣпленіе, отрѣзываніе носа и ушей, другія изувѣченія, всяческія позорныя, варварскія наказанія, мучительныя казни были обыденными фактами, исполнялись съ обдуманною жестокостью, чтобы страхъ отвращалъ сановниковъ отъ мятежныхъ замысловъ. Безусловное послушаніе желаніямъ царя было первою и единственною обязанностью сатраповъ и другихъ высшихъ сановниковъ. И лишь бы они угождали царю, они были свободны отъ всякой отвѣтственности за свои дѣйствія. Они были такими же неограниченными повелителями людей въ своихъ областяхъ, какъ рабами царя. Это порождало пороки, всегда происходящіе отъ подобной системы управленія: угодничество, раболѣпство передъ высшими, надменность, жестокость къ подвластнымъ. Сатрапы старались, чтобы все у нихъ было какъ при царскомъ дворѣ. Чтобы окружать себя роскошью, имѣть свой многочисленный дворъ, толпы слугъ, отрядъ тѣлохранителей, сатрапъ обременялъ поборами населеніе своей области; увѣренный въ своей безнаказанности, пока держитъ область въ повиновеніи царю, онъ пользовался своею неограниченною властью для удовлетворенія своей алчности; населеніе не имѣло никакой защиты противъ угнетенія, всякія жалобы были бы напрасны. Потому судьба области совершенно зависѣла отъ характера сатрапа.

Уваженіе персовъ къ національнымъ обычаямъ подвластныхъ народовъ. Но алчность, бывшая одною изъ главныхъ причинъ быстрого упадка культурныхъ народовъ подъ владычествомъ персовъ, составляла единственную притѣснительную сторону персидскаго деспотизма; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ былъ мягокъ, снисходителенъ, милостивъ. Онъ уважалъ національныя особенности подвластныхъ ему народовъ. Религіозныхъ преслѣдованій въ персидскомъ государствѣ вовсе не было. Неистовства Камбиза въ Египтѣ, насколько извѣстия о нихъ не баснословны, были дѣломъ болѣзненнаго раздраженія. Персы вообще уважали законы и обычаи покоренныхъ народовъ. Довольствуясь тѣмъ, чтобы исполнились повелѣнія царя, персидское правительство оставляло покореннымъ народамъ, областямъ, городамъ ихъ національныя учрежденія; нерѣдко даже національныхъ царей, какъ напримѣръ, въ Киликіи. Въ первомъ томѣ мы видѣли, что іудеямъ было дозволено построить свой храмъ и жить по своему закону; финикійцы подъ персидскимъ владычествомъ отчасти возстановили свое прежнее благосостояніе, и корабли ихъ составляли главную часть персидскаго флота; іонійцы сохранили свои законы и учрежденія; правители, которыхъ ставили надъ ними персы, были избираемы изъ ихъ среды. Египетскія и вавилонскія надписи прославляютъ заботливость Дарія о храмахъ и богослуженіи этихъ странъ. У лидянъ были отмѣнены національныя учрежденія лишь въ наказаніе за мятежъ; и отмѣна была сдѣлана по совѣту Креза. За возстаніе города персы иногда наказывали горожанъ переселеніемъ въ другую страну; дѣлали иногда такъ и съ цѣлымъ племенемъ.

Пути сообщенія. Денежныя налоги и натуральныя повинности были во многихъ

областяхъ такъ обременительны, что Дарія называли алчнымъ; но онъ доставилъ народамъ своего царства новыя удобства для торговли. По всему огромному государству товары перевозились безпошлинно. Главные города были соединены хорошими дорогами; по дорогамъ были построены гостиницы (каравансераи), устроены мѣста для отдыха. Правительство строило дороги собственно для того, чтобы облегчить передвиженіе войскъ и надзоръ за покорностью областей; но онъ облегчалъ торговлю, потому помогали развитію промышленности, содѣйствовали повышенію благосостоянія. По промежуткамъ, имѣвшимъ около 20 верстъ, на дорогахъ ваходились почтовые станціи, на которыхъ постоянно были готовы конные курьеры; почта везла повелѣнія отъ царя и донесенія царю безостановочно день и ночь, во всякую погоду; она шла очень быстро. Гдѣ дорога шла черезъ мосты, черезъ ущелья, вообще черезъ мѣста, удобныя для обороны, были построены укрѣпленія, поставлены гарнизоны, для предотвращенія мятежныхъ движеній; тамъ требовали паспортовъ у проезжихъ, пересматривали письма, задерживали подозрительныхъ людей. Большая военная дорога, которая вела изъ Сардъ черезъ Фригію, Каппадокію, Киликію, Мессопотамію въ Сузу, имѣла, по Геродоту, на 450 парасангахъ (2300 верстахъ) своей длины 111 почтовыхъ станцій и много укрѣпленій. Устроивая дороги для политическихъ и военныхъ надобностей, Дарій имѣлъ въ виду и облегченіе торговыхъ сношеній; это ясно изъ того, что онъ заботился не только о сухопутныхъ дорогахъ, но и о проведеніи судоходныхъ каналовъ.

Мы уже говорили (I, 196), что Дарій возобновилъ работы по сооруженію того канала, который началъ проводить изъ Нила къ Черному морю Рамзесъ, продолжалъ, но тоже оставилъ недоконченнымъ, Нехо; онъ довелъ каналъ до моря. Проложеніе этого воднаго торговаго пути было великое дѣло, достойное памятника, который воздвигъ въ славу себя за него Дарій, и отъ котораго остаются обломки колонны и куски покрытыхъ него Даріемъ надписями гранитныхъ камней у Горькихъ озеръ. — На сѣверовостокѣ, на границѣ Паретіи и Хоразміи, Дарій регулировалъ теченіе рѣки Акеса плузами, которые сберегали на время засухи воду для орошенія нивъ окружающей мѣстности, за это орошеніе владѣльцы нивъ платили царю пошлину. — Очень полезно для торговли было и то, что Дарій установилъ общую для всего государства монетную систему; основною единицею ея онъ принялъ вавилонскій талантъ.

Но при всей заботливости персидскаго правительства о развитіи торговли и промышленности, благосостояніе культурныхъ странъ подъ персидскимъ владычествомъ персовъ падало все ниже и ниже. Плодородная почва Вавилоніи воздѣлывалась хуже прежняго; Египетъ утрачивалъ и богатство и образованность. А тѣ народы, которые не были цивилизованными, не пріобрѣтали цивилизаціи. Это свидѣтельствуетъ, что

персидское правительственное устройство было очень дурно. Гаремъ и роскошный, изнѣженный дворъ отнимали у преемниковъ Дарія тѣ качества, какія необходимы царямъ, разслабляли ихъ умъ и характеръ; а при такихъ царяхъ, области государства, не огражденные отъ произвола и притѣсненій своихъ правителей никакими законами, были беззащитно преданы на жертву алчности сатраповъ. Культурные народы, подпавшіе подъ иго персовъ, не имѣли такой свѣжести нравственныхъ силъ, чтобы выдержать угнетеніе; ихъ жизнь, если и не была подавлена силою или хитростью, замирала подъ смертоноснымъ дыханіемъ деспотизма. Лишенные политической самостоятельности, они утрачивали патриотизмъ, утрачивали стремленіе къ благороднымъ цѣлямъ, безъ котораго не можетъ продолжаться здоровая культурная жизнь.

Могущество и великолѣпіе персидскихъ царей. Подобно индійскимъ и египетскимъ царямъ, Дарій считалъ надобнымъ возвышать величіе государя пышнымъ придворнымъ штатомъ и строгимъ церемоніаломъ. Персидскій царь овладѣлъ почти всеми культурными государствами востока; и при дворѣ его въ Сузѣ соединялось все великолѣпіе всѣхъ прежнихъ дворцовъ. Въ Индіи и въ Египтѣ духовенство своимъ могуществомъ ограничивало деспотизмъ; но персидскіе цари стѣсняли отнять у маговъ самостоятельность, такъ что духовное сословіе въ Персіи только служило царю и придавало его власти священный авторитетъ. Жрецы были такими же рабами царя, какъ и другіе подданные; они приносили жертвы, прорицали, истолковывали знаменія, совершали торжественные обряды и т. д. въ службѣ у царя, потому съ патриархальнымъ всемогуществомъ, какимъ пользуется племенной царь у пастушескихъ и охотническихъ народовъ, персидскій царь имѣлъ и религіозную святость, какая принадлежитъ государю въ царствахъ, имѣющихъ кастовое устройство, и деспотизмъ въ Персіи достигъ самаго неограниченнаго самовластия. Жизнь и собственность каждого зависѣли отъ воли царя, который былъ выше всѣхъ человеческихъ законовъ, отвѣчалъ за свои поступки только передъ своею совѣстью; закономъ для государства былъ его произволъ. Онъ былъ на мѣстникѣмъ Агурамазды на землѣ; подобный Агурамаздѣ всемогуществомъ и величіемъ, онъ уподоблялся ему и мудростью, святостью, справедливостью; какъ Агурамазда возсѣдаетъ въ свѣтлой высотѣ престола, сіяя солнечнымъ блескомъ своего величія, окруженный сонмами свѣтлыхъ духовъ, такъ возсѣдалъ въ золотоукрашенномъ дворцѣ на своемъ престолѣ царь, окруженный шестью князьями персидскихъ племенъ, пышной придворной аристократіей, сановниками государства и двора. Чтобы впечатлѣніе, производимое его личностью было сильнѣе, онъ показывался народу рѣдко и не иначе, какъ въ полномъ блескѣ своего сана, облеченный въ пурпурную одежду, вышитую бѣлыми узорами, съ золотымъ поясомъ, у котораго висѣла сабля въ ножнахъ, усыпанныхъ драгоценными камнями, въ высокой тиарѣ, въ сапогахъ шафрановаго цвѣта. Входить къ нему безъ доклада, кромѣ немногихъ, точно опредѣленныхъ случаевъ, было запрещено подъ смертною казнью; тотъ, кого онъ допускалъ къ себѣ, шелъ къ нему сквозь длинныя ряды придворныхъ служителей, привратниковъ, стражей, герольдовъ; и когда онъ подходилъ къ царю, онъ долженъ былъ падать ницъ во прахъ. Когда царь шелъ по пріемнымъ покоямъ дворца, подъ ноги ему подстилали драгоценныя ковры; выходя изъ экипажа, онъ ста-

вилъ ногу на золотую скамью; первые вельможи соперничали между собой изъ-за чести поддержать его подъ локти, когда онъ садился на лошадь. При торжественныхъ вѣздахъ его въ городъ, улицы, по которымъ ѣхалъ онъ, благоухали куреньями. Впереди процессіи и по сторонамъ ея шли биченосцы, отстраняя народъ; кругомъ царя шли въ золотыхъ одеждахъ и въ украшенныхъ вѣнками тиарахъ, тѣлохранители, жезлоносцы и копьеносцы. Впереди ѣхала колесница бога солнца, запряженная восемью бѣлыми конями; передъ нею шли маги, неся священный огонь; за колесницею Солнца слѣдовала колесница царя, запряженная нисейскими конями, вскормленными на горныхъ пастбищахъ Экбатаны. За царемъ ѣхали верхами знатные персы, приближенные его, въ накиннутыхъ на панцыри пурпурныхъ мантияхъ, ополсанные кривыми саблями съ золотой рукояткой и въ золотыхъ ножнахъ, украшенные золотыми ожерельями и браслетами; у ихъ коней были золотыя узды и поводья;—все это были подарки персидскаго царя вѣрнымъ его соплеменникамъ.

Придворный штатъ царя, образуемый его „родственниками“ и „сотрапезниками“ и множествомъ придворныхъ сановниковъ, тѣлохранителей, толпою евнуховъ и множествомъ прислуги, былъ такъ великъ, что каждый день во дворцѣ обѣдали 15,000 человекъ. Всѣ высшія придворныя должности занимали персидскіе вельможи; подъ вѣдомствомъ ихъ находилось безчисленное множество низшихъ должностныхъ людей и придворныхъ служителей. Высшихъ придворныхъ сановниковъ тоже было много: первый царскій кравчій, первый жезлоносецъ, церемоніеймейстеръ, начальникъ привратниковъ и т. д.,—все это были знатнѣйшіе вельможи. Только тотъ, кто часто являлся къ двору, могъ надѣяться получить высокій санъ, быть награждаемъ.—Царь обыкновенно обѣдалъ одинъ, въ особомъ залѣ; его сотрапезники обѣдали въ соседнемъ залѣ, такъ что ему было видно ихъ. Обѣдъ царя состоялъ изъ самыхъ изысканныхъ блюдъ, самыхъ дорогихъ винъ; все привозилось изъ тѣхъ мѣстъ, какія чѣмъ славились; такъ напримеръ пшеницу для царскаго хлѣба привозили изъ Эоліи, соль изъ ливійскаго Аммоніума, вино изъ сирійскаго города Халиба (Алеппо). Воду брали изъ Хоасна, рѣки, текущей у Сузы; воду Хоасна въ серебряныхъ сосудахъ возили за царемъ и въ его путешествіяхъ. Каждая область давала царю въ дань то, чѣмъ славилась; такъ Аравія давала ежегодно 1,000 фунтовъ ѣміама; Эѳіопія черное дерево и слоновую кость; Мидія, Армения, Киликія лошадей; Колхида—мальчиковъ и дѣвушекъ (стр. 389); Вавилонія 500 евнуховъ и т. д. На продовольствіе царскаго двора нужно было каждый день 1,000 головъ разнаго скота и множество птицы. На большіе праздники, особенно въ день рожденія царя, который праздновался по всему государству, обѣдали за царскимъ столомъ и женщины; онѣ получали, какъ и другіе гости, богатые подарки. Царь ѣлъ, какъ и всѣ персы, одинъ разъ въ день. Во время стола и по окончаніи его царскія наложницы развлекали царя пѣніемъ и музыкой.

Подобно всѣмъ восточнымъ государямъ, персидскій царь имѣлъ многочисленный гаремъ. Эта толпа расточительныхъ и хитрыхъ женщинъ тратила множество денегъ на свои наряды; нѣкоторымъ изъ нихъ давались доходы цѣлыхъ городовъ, цѣлыхъ областей. Законныя жены и наложницы соперничали между собою въ угожденіи повелителю, вовлекали его въ такое сладострастіе, которое разслабляло его характеръ; кромѣ того, что на содержаніе ихъ, ихъ служанокъ и приставленныхъ къ нимъ евнуховъ расходовались несмѣтныя суммы, онѣ имѣли губительное вліяніе на управленіе государствомъ. Законныхъ женъ царь бралъ себѣ исключительно изъ рода Ахеменидовъ и семействъ родоначальниковъ персидскихъ

Придворный штатъ.

Гаремъ.

военныхъ племенъ; одна изъ нихъ имѣла обыкновенно титулъ первой царицы. Каждая старалась получить этотъ санъ; борьба между ними изъ-за этого и изъ-за того, чтобы сдѣлать своего сына наследникомъ престола, часто производила разстройство въ государственныхъ дѣлахъ, наполняла придворную жизнь интригами и злодѣйствами. Число наложницъ было больше 400; онѣ набирались изъ прекраснѣйшихъ дѣвушекъ по всему царству; онѣ не могли показываться народу; когда царь путешествовалъ, былъ въ походѣ или ѣхалъ на охоту, онѣ сопровождали его въ крытыхъ экипажахъ. Наполненный праздными женщинами, гаремъ былъ центромъ интригъ, и монотонная жизнь его волновалась честолюбіемъ, завистью, властолюбіемъ, кознями, всяческими пороками.

Войско.

При дворѣ царя находились тѣлохранители; это было цѣлое войско, состоявшее изъ 2000 отборныхъ всадниковъ, 2000 пѣшихъ копьеносцевъ и отряда 10,000 пѣшихъ воиновъ, называвшихся безсмертными, потому что комплектъ ихъ непрерывно поддерживался въ полномъ составѣ: всякая убыль немедленно замѣщалась новыми людьми. На ихъ копьяхъ были золотыя или серебряныя гранатовыя яблоки и другія богатые украшенія. Отрядъ безсмертныхъ былъ отборнымъ войскомъ. Число войска въ Персіи могло быть увеличиваемо до чрезвычайно большихъ размѣровъ, потому что каждый подданный, способный носить оружіе, былъ обязанъ идти на войну въ случаѣ требованія. А населеніе персидскаго царства составляло отъ 70 до 80 милліоновъ, если не больше. Постоянныя войска, среди которыхъ персы занимали первое мѣсто, а послѣ нихъ лучшими считались мидяне, саки, бактрійцы, были расположены по всему государству, составляя гарнизоны крѣпостей и занимая укрѣпленные лагери; содержаніе ихъ лежало на обязанности мѣстныхъ жителей.

Войско дѣлилось на отряды, состоявшіе изъ 10,000 человекъ; командирами всѣхъ отрядовъ исключительно были знатные персы. Отрядъ подраздѣлялся на части, имѣвшія по 1,000 человекъ; начальники ихъ назначались начальникомъ отряда; а сами назначали начальниковъ надъ сотнями. Въ мирное время на службѣ были только постоянныя войска. Когда начиналась война, то созывалось ополченіе.

Воины каждаго племени шли на войну въ своей національной одеждѣ, имѣли свое національное вооруженіе; эта разнохарактерность отрядовъ, безконечная толпа слугъ, масса женщинъ, множество роскошныхъ экипажей, огромный обозъ придавали персидскому войску такой видъ, что походъ его казался переселеніемъ народовъ. Царь находился обыкновенно въ центрѣ войска; онъ ѣхалъ на боевой колесницѣ, запряженной нисейскими конями; онъ сидѣлъ на ней въ полномъ царскомъ облаченіи, вооруженный лукомъ и стрѣлами; кругомъ колесницы ѣхали родоначальники и вельможи персовъ; царя сопровождали его тѣлохранители и отрядъ безсмертныхъ. Подлѣ колесницы царя находилось государственное знамя, — это былъ золотой

орелъ съ распростертыми крыльями; передъ колесницею царя ѣхала золотая колесница Солнца, запряженная бѣлыми конями. — Сраженіе начиналось обыкновенно тѣмъ, что войско пускало густыя тучи стрѣлъ; потомъ оно билось копьями и мечами. Персы умѣли хорошо располагаться станомъ и укрѣпляться въ немъ; все тутъ дѣлалось въ строгомъ порядкѣ, каждому было назначено опредѣленное мѣсто. При многочисленности конницы легко происходилъ безпорядокъ, если войско подвергалось ночному нападенію.

Со времени Дарія обыкновеннымъ мѣстопробываніемъ царя была Суза («городъ лилій»). Столицей государства была собственно она. Резиденціею царя въ ней былъ «золотоукрашенный замокъ киссійцевъ» (I, 403). Дома города были невысокіе, построенные изъ кирпича съ асфальтомъ вмѣсто цемента. Но царь переѣзжалъ каждый годъ и въ другія резиденціи по опредѣленному порядку. Жаркое лѣтнее время дворъ проводилъ въ прохладной Экбатанѣ, въ тѣни ея густыхъ садовъ, обильныхъ ручьями; часть зимы въ тепломъ Вавилонѣ. Въ этихъ переѣздахъ, царя сопровождали его тѣлохранители, «родственники» и «сотрапезники», гаремъ и евнухи и безчисленное множество придворныхъ служителей, поваровъ, хлѣбопекровъ, разсыльныхъ и пр., надзирателей, конюховъ, псарей и т. д.; потому каждый переѣздъ былъ обремененъ для мѣстностей, черезъ которыя двигался: ихъ населеніе должно было давать продовольствіе всей царской свитѣ, а иногда и подносить подарки царю; а царская прислуга брала себѣ, какъ говоритъ Геродотъ, даже и посуду, которую давали для стола жители. Кромѣ укрѣпленныхъ дворцовъ въ резиденціяхъ, царь имѣлъ по всѣмъ областямъ государства загородные дворцы съ большими садами фруктовыхъ деревьевъ и парками для охоты (греки называли эти сады и парки персовъ парадизами). Имѣли такіе загородные дворцы и сатрапы. Любовь къ охотѣ, къ садоводству и земледѣлію, вынесенная персами изъ горъ ихъ родины, сохранялась у персидскихъ царей и вельможъ и тогда, когда они привыкли къ роскоши.

Дарій не удовольствовался тѣмъ, что расширилъ и украсилъ Сузу, оставшуюся не укрѣпленнымъ городомъ, и укрѣпленный царскій дворецъ въ ней; онъ построилъ на родинѣ персовъ новую столицу, Персеполь, на холмѣ, выступающемъ изъ гряды невысокихъ горъ, передъ которыми разстилалась по берегамъ Аракса (Бендемира, какъ называется теперь эта рѣка) прелестная, плодородная, густонаселенная Мердаштская долина. Эта мѣстность славилась, какъ самая здоровая въ цѣлой Азіи. Скалы вершинъ холма были срублены, впадины между ними засыпаны, и такимъ образомъ поверхность его была превращена въ ровную террасу, имѣвшую видъ продолговатаго четырехъ-угольника. На этой террасѣ и была построена царская резиденція. На востокъ отъ нея подымается отвѣсною стѣною скала (Рахмедъ), которая называлась «царскою горою», потому что въ ней находились гробницы Ахеменидовъ; а на западѣ, у подножьи

Персеполь.

холма, еще видны остатки построек и каналов бывшего тут города. Здѣсь, въ милой, родимой сторонѣ стоялъ „городъ персовъ“, о великолѣпнѣй котораго еще свидѣлствуютъ его развалины. Это было соединеніе разныхъ дворцовыхъ построекъ, раскидывавшихся въ живописномъ разнообразіи по террасѣ между садовъ, фонтановъ; онѣ образовали одно цѣлое по архитектурному стилю. Планъ этихъ сооружений и техническая сторона работы показываютъ высокое развитіе архитектурнаго искусства у персовъ. Всѣ зданія были сложены изъ мрамора твердой породы, добытаго изъ самой горы. Постройка города на высокой террасѣ, высокіе его залы съ тонкими, изящными колоннами служатъ выраженіемъ отважнаго духа энергическаго, горнаго народа, который и въ зданія свои вложилъ воспоминанія о просторѣ родныхъ горъ. Архитектура дворцовъ, украшающая ихъ скульптура, прекрасная полировка огромныхъ камней, искусство, съ какимъ подтесали они одинъ къ другому, изящество отдѣлки малѣйшихъ подробностей на барельефахъ, — все свидѣлствуетъ, что персы очень хорошо умѣли обдѣлывать крѣпкія породы камня; стиль построекъ прекрасенъ; планъ цѣлаго и частей его выказываетъ изящный вкусъ. Впрочемъ должно сказать, что техническое совершенство работы составляетъ единственное достоинство барельефовъ: фигуры ихъ имѣютъ тотъ безжизненный, типическій характеръ, который принадлежитъ всей восточной скульптурѣ и дѣлаетъ ее только принадлежностью архитектуры. Нѣтъ никакого выраженія чувства въ этихъ фигурахъ; потому и персидская скульптура, подобно египетской, лучше всего изображала животныхъ. Статуй не сохранилось. Кровли были деревянныя; вѣроятно, одѣтыя, какъ въ Экбатанѣ, золотомъ и серебромъ. Главныя зданія принадлежатъ, какъ доказываютъ надписи, Дарію и его сыну Ксерксу. Слѣдующіе цари дѣлали лишь незначительныя пристройки. Слѣды недоконченныхъ работъ на сѣверной сторонѣ террасы свидѣлствуютъ, что персепольскій дворецъ еще не былъ вполне достроенъ, когда Александръ зажегъ его.

Развалины Персеполя.

Развалины Персеполя посѣщены и описаны многими путешественниками. Онѣ составляютъ нѣсколько группъ, ориентироваться въ которыхъ довольно трудно, потому что во времена Сассанидовъ стоялъ на этомъ мѣстѣ большой и богатый городъ Истахаръ, отъ котораго тоже сохранились остатки. — Главную часть развалинъ составляетъ то возвышеніе, на которомъ стоялъ царскій дворецъ. Эта группа остатковъ Персеполя называется теперь Тахтъ-и-Джемшидъ («Тронъ Джемшида») или Чиль-Минарь («Сороль колоннъ»). Другая очень замѣчательная часть остатковъ Персеполя — скала Рихмедъ, поднимающаяся подлѣ этого возвышенія. — По описанію Діодора, дворецъ былъ обведенъ тремя стѣнами, изъ которыхъ каждая внутренняя была выше окружающей ее; высота наружной была 16 локтей, высота самой внутренней — 60 локтей. Двери входовъ во дворецъ были мѣдныя; передъ ними была мѣдная узорчатая ограда. Во дворцѣ были великолѣпныя богато убранные апартаменты для царя и вельможъ, и хорошо устроенныя кладовыя для сокровищъ. Терраса, на верхней части которой стоялъ дворецъ, имѣла 1200 футовъ по направленію съ сѣвера на югъ и 1700 футовъ по направленію съ востока на западъ. Выходъ на нее былъ съ сѣверозападной стороны; онъ образовалъ двойную лѣстницу, великолѣпнѣйшую изъ всѣхъ, когда либо сооруженныхъ. Каждый изъ двухъ путей лѣстницы имѣлъ по срединѣ своего подъема уступъ для отдыха; снизу до этихъ площадокъ было 57 ступеней, съ площадокъ на террасу вели 47 ступеней. «Все это сооруженіе сложено изъ мрамора одного цвѣта», говоритъ Лассенъ, описывая развалины Персеполя по рассказамъ новѣйшихъ путешественниковъ: «Камни такъ огромны, что многіе изъ нихъ длиннѣе всей ширины хода, и въ каждомъ вырублено по нѣскольку ступеней; сдѣланъ былъ и излѣзъ, такой широкій, что по немъ могли идти десять лошадей». Вверху главной лѣстницы въ стѣнѣ окружающихъ террасъ проложена

галлерей, служащая выходомъ; высота прохода 30 футовъ (но ширина только 18, такъ что онъ былъ назначенъ лишь для пѣшихъ и всадниковъ, а не для экипажей). Эта великолѣпная галлерей была украшена съ наружной стороны двумя пилястрами по той и другой стѣнѣ, а между пилястрами стояли четыре высокія желобчатая колонны съ своеобразными капителями. На пилястрахъ были изваяны рельефомъ колоссальныя фантастическія животныя, по 18 футовъ длиною: на переднихъ единороги, а на заднихъ крылатые быки съ человѣческими головами, на которыхъ еще видны персидскія тіары. Крылатые быки были, вѣроятно, заимствованы персидскимъ ваяніемъ у ассирийско-вавилонскаго, и, подобно единорогамъ, служили символическимъ обозначеніемъ силы, соединенной съ быстротою.

На югъ отъ этихъ воротъ другая двойная лѣстница, въ 200 футовъ шириною, но высотой только въ 10 футовъ, вела на уступъ террасы, на которомъ стоялъ царскій дворецъ. Боковыя стѣны лѣстницъ были богато украшены рельефами, изображавшими дворцовыхъ хранителей, держащихъ обѣими руками копья, прямо вверхъ остриемъ, и вооруженныхъ, кромѣ того, или лукомъ и колчаномъ, или большими круглыми щитами. На тѣлохранителей высокія тіары и широкая мидійская одежда; бороды и волосы у нихъ завиты. Ихъ семь, по числу амшаспандовъ. Какъ амшаспанды стерегутъ, чтобы не проникло во вселенную зло, такъ эти стражи при входѣ въ дворецъ наблюдали, чтобы не проходилъ въ царскій домъ никакой нарушитель порядка. На задней стѣнѣ лѣстницы изваяны люди, стоящіе въ три ряда; нѣкоторые изъ нихъ въ той же мидійской одеждѣ, и украшены ожерельями, серьгами, браслетами; другіе въ персидской одеждѣ, въ узкомъ нижнемъ платьѣ, съ плоскими шапками на головахъ. У нѣкоторыхъ въ рукахъ короткіе жезлы съ золотыми яблоками на верхнемъ концѣ; это начальники отряда 10,000 безсмертныхъ. Тѣ, которые въ мидійской одеждѣ, изображаютъ придворныхъ и привратниковъ, получавшихъ кушанье съ царскаго стола; золотыя украшенія на нихъ — царскіе подарки. Другая группа изображаетъ иностранныхъ пословъ и депутатовъ отъ сатрапій; они въ своихъ національныхъ костюмахъ; ихъ ведетъ жезлоносецъ; они несутъ царю подарки, лучшія произведенія своихъ земель. Надписи говорятъ, что это сооруженіе построилъ Ксерксъ, сынъ Дарія, Ахеменидъ, котораго Агурамазда, высокомогущій богъ, поставилъ повелителемъ «многочиносящихъ народовъ». Вверху двойной лѣстницы, ходъ по террасѣ ведетъ въ обширный залъ, котораго потолокъ лежалъ на 72 колоннахъ; изъ нихъ 17 еще стоятъ; развалины этого зданія называются теперь Чиль-колоннахъ; изъ нихъ 40 колоннъ; слово «сороль» быть можетъ показываетъ, что еще не очень давно число уцѣлѣвшихъ колоннъ было гораздо больше, чѣмъ теперь; но быть можетъ, оно въ этомъ случаѣ имѣетъ неопредѣленное значеніе, «много». — Колонны сдѣланы изъ чернаго мрамора; онѣ изжелоблены; высота ихъ 44 фута, а съ капителью 60 футовъ. Потолокъ, лежавшій на нихъ, былъ, кажется, кедровый. Стержни капители колоннъ чрезвычайно хорошей работы. Полъ былъ выложенъ большими мраморными плитами, какъ говоритъ книга Эсэиръ (I, 6, 7); при праздничныхъ случаяхъ на нихъ клали подушки, обтянутыя золотыми и серебряными тканями; промежутки колоннъ задерживались отъ солнца занавѣсами изъ бѣлой ткани или изъ голубой пурпуры; гостямъ на пирахъ изобильно наливали вино изъ золотыхъ сосудовъ. — Этотъ залъ, въ которомъ ожидали аудиенцій придворные, другіе знатные люди и иностранные послы, велъ въ царскій дворецъ, имѣвшій 170 футовъ длины и 95 футовъ ширины. Надъ грудой развалинъ дворца еще поднимаются мѣстами части его стѣнъ, съ окнами, съ косяками дверей. Рельефы изображаютъ слугъ, несущихъ роскошныя кушанья царскаго объѣда, евнуховъ и т. п. Итакъ, это былъ обѣденный залъ. На одномъ изъ косяковъ изваяна идущая фигура царя; на немъ длинная, широкая одежда и остроконечная тіара, онъ въ высокіхъ сапогахъ; въ лѣвой рукѣ у него жезлъ, въ правой — кубокъ. Высота его фигуры 7 1/2 футовъ, такъ что изображенные позади его служители съ открытыми головами имѣютъ ростъ лишь до плечъ ему; они несутъ зонтикъ и опахало. Надпись надъ головою царя говоритъ, что Дарій, сынъ Гистаспа, Ахеменидъ, царь царей, построилъ этотъ домъ собраний; другая надпись прибавляетъ, что Ксерксъ при помощи Агурамазды достроилъ

начатое отцомъ зданіе. — На косякахъ другихъ дверей царь, фигура котораго имѣетъ нѣсколько меньшій размѣръ, сражается со львами, волками, грифами, другими фантастическими чудовищами; битвы царя съ ними символически изображаютъ то, что по закону Зороастра царь своею правительственною дѣятельностью побѣждаетъ физическое и нравственное зло, олицетворяемое фигурами чудовищъ и хищныхъ звѣрей. Львы и волки были животными Ангромаиньюса; грифы означали, быть можетъ, дикія племена сѣвера. Царь на этихъ рельефахъ изображенъ не въ царскомъ своемъ облаченіи, а въ широкой одеждѣ безъ рукавовъ, подобранной сверху поясомъ; на волосахъ у него простая повязка. Крылатые были съ бородатою человѣческою головою въ тѣлѣ и единороги, стерегущіе ходъ въ дворецъ, были, вѣроятно, символами мудрой и энергической царской власти.

На востокъ отъ этого зданія находятся громадныя развалины квадратнаго зала, мраморныя стѣны котораго имѣли 10 1/2 футовъ толщины, и каждая, по 210 футовъ длины. Рельефы на нихъ показываютъ, что это былъ залъ аудіенцій. Царь сидитъ на высокомъ тронѣ, подъ балдахиномъ, окаймленномъ бахромою; надъ балдахиномъ, изображена парящая крылатая человѣческая фигура; это ферверъ (духъ-хранитель) царя. По обѣ стороны трона три собачки, священные животные Агурамазды; кругомъ всего идетъ бордюръ изъ розъ. Передъ царемъ стоитъ персъ, придворный сановникъ; онъ держитъ передъ тронъ руку, чтобы его дыханіе не осквернило царя; за нимъ другая фигура человѣка, ротъ котораго прикрытъ повязкою. Подъ трономъ, поддерживая его, стоятъ тѣлохранители, одни въ мидійской, другіе въ персидской одеждѣ, съ копьями и щитами или луками. Они составляютъ четыре группы, каждая по десяти человѣкъ. Такая же сцена съ небольшими измѣненіями изваяна на противоположной сторонѣ; фигуры, поддерживающія тронъ, тутъ одѣты въ разные костюмы; потому ясно, что онѣ представляютъ собою народы, подвластные персидскому царю. Короткіе волосы и толстыя губы фигуры, которая стоитъ послѣднею въ ряду, показываютъ, что это эіоплянинъ. Итакъ, эти два рельефа символически изображаютъ, что персидскій тронъ опирается, во первыхъ, на храбрость персидскихъ и мидійскихъ воиновъ, а во вторыхъ, на вѣрность покоренныхъ народовъ. Они показываютъ также, что царь — благочестивый слуга Агурамазды, какъ это и подтверждаютъ надписи, вырѣзанныя на черной мраморной стѣнѣ позолоченнымъ клинообразнымъ письмомъ всѣхъ трехъ системъ — мидійской, ассирійской и вавилонской; существенное содержаніе надписей таково: «Многомогущественъ Агурамазда, глава боговъ. Онъ передалъ владычество Дарію, его милостию Дарій царствуетъ. Дарій царь повелѣлъ возвѣстить: Эта страна, Персія, прекрасная, богатая конями, богатая людьми, не боятся милостию Агурамазды и моею никакого врага. Да подастъ Агурамазда мнѣ помощь, съ другими богами страны, и да охранитъ эту страну отъ военнаго бѣдствія, неурожая и грѣха. Да правитъ прекрасно Агурамазда вмѣстѣ съ богами страны. Никакой врагъ да не прійдетъ въ эту землю, ни вторженіе войска, ни неурожай, ни ложь. Объ этой милости прошу я Агурамазду и всѣхъ боговъ. Это Агурамазда мнѣ да подастъ со всѣми богами». — На другомъ мѣстѣ стѣны перечисляются по именамъ всѣ подвластные царю народы; перечисленіе кончается словами: «Если ты хочешь, чтобы я не трепеталъ никакого врага, то охраняй это войско. Если персидское войско будетъ охранено, счастье останется непрерывнымъ до отдаленнѣйшаго времени».

Въ 230 шагахъ на востокъ отъ дворца подымается крутая скала бѣлаго мрамора. Передняя сторона ея гладко вытесана, и на высотѣ 300 футовъ изсѣчено въ ней семь гробницъ персидскихъ царей. Гробы были подымаемы туда на веревкахъ, блоками; поставивъ гробъ въ гробницу, плотно задѣлывали входъ въ нее. Дарій самъ приготовилъ тутъ гробницу себѣ. Его отецъ и мать хотѣли, какъ разсказываетъ Ктесій, осмотрѣть ее; маги, работавшіе тамъ, стали подымать ихъ на веревкахъ; веревки порвались, они оба упали и убились. — Впослѣдствіи времени, хищники проломали входы въ гробницы, чтобы ограбить ихъ. Кажется, что ту изъ женъ царя, которая имѣла санъ первой царицы, обыкновенно хоронили въ гробницѣ мужа, подлѣ него. Крайняя къ югу гробница осталась недокончена; быть можетъ, она была предназначена для тѣла послѣдняго царя,

Дарія, — которое Александръ хотѣлъ похоронить рядомъ съ прежними царями; но мѣждоусобіа, начавшіяся по его смерти, остановили работу. — Совершенно одинаковы съ гробницами этой скалы четыре гробницы первыхъ персидскихъ царей, изсѣченныя въ крутой скалѣ Наншъ-и-Рустемъ, въ двухъ часахъ пути на сѣверъ отъ Персеполя. Онѣ сдѣланы съ восточной стороны утеса, чтобы ихъ освѣщало восходящее солнце, и находятся на высотѣ 60—70 футовъ. Гробницы украшены рельефами; въ числѣ другихъ фигуръ, тутъ есть плачущіе мужчины въ персидской одеждѣ, вѣроятно князья персидскихъ племенъ. — Одна изъ надписей перечисляетъ земли разныхъ народовъ, надъ которыми владычествовалъ Дарій, царь царей: «Они давали мнѣ дань», говоритъ онъ: «что велѣлъ я имъ, то дѣлали они; мой законъ исполняли они. Когда ты увидишь образъ тѣхъ, которые держатъ на себѣ мой тронъ, ты узнаешь, что копье персидскаго мужа проникло далеко, что персидскій мужъ далеко отъ Персіи сражался въ битвахъ. Что я сдѣлалъ, совершилъ я милостию Агурамазды; Агурамазда давалъ мнѣ помощь, такъ что я совершилъ это; Агурамазда да хранитъ меня, мой домъ и мою землю. — О человѣкъ, что Агурамазда повелѣваетъ тебѣ, пусть не будетъ тебѣ непріятно; не покидай праваго пути, не грѣши». Кажется, что близъ гробницъ были жилища жрецовъ. На протяженіи двухъ миль по той мѣстности находится много развалинъ большихъ зданій.

Первоначально Персеполь былъ, вѣроятно, резиденціею персидскихъ царей; но и онъ находился слишкомъ далеко отъ другихъ областей государства, потому цари все больше и больше времени проводили въ Сузѣ, которая стала ихъ постоянной резиденціею со времени Дарія; въ Персеполѣ персидскіе цари со времени Артаксеркса жили по всей вѣроятности, очень рѣдко; но онъ сохранилъ священное значеніе. Каждый царь долженъ былъ, по крайней мѣрѣ разъ, провести нѣсколько времени въ Персеполѣ. Обыкновенно онъ жилъ тамъ въ первое время послѣ своей коронаціи.

II. ВОЙНА СЪ ПЕРСАМИ.

1) возстаніе іонійцевъ.

Гистіей былъ вызванъ въ Сарды изъ города Миркина, который Гистіей въ Сузѣ началъ строить на Стримонѣ въ землѣ эдоновъ (стр. 424). Дарій предложилъ Гистію ѣхать съ нимъ въ Сузу, быть его совѣтникомъ и сотрапезникомъ, потому что ему нуженъ другъ, обладающій проницательнымъ умомъ и преданный ему; а Гистіей именно таковъ, какъ онъ узналъ по опыту. Такое предложеніе показывало милость царя къ Гистію, но было сдѣлано съ той тайной цѣлью, чтобы удалить талантливаго и вліятельнаго человѣка изъ мѣстности, гдѣ онъ легко могъ сдѣлаться государемъ, независимымъ отъ персидскаго царя, какъ говорилъ Дарію Мегабазъ, предостерегая своего владыку. Гистіей не смѣлъ ослушаться, передалъ господство надъ Милетомъ своему двоюродному брату и вмѣстѣ зятю, Аристагору, и поѣхалъ съ Даріемъ въ Сузу. Скоро онъ замѣтилъ, что подъ почестями, оказываемыми ему, скрывается тяжелое стѣсненіе, что его держатъ въ почетномъ плѣну, что царь подозрѣваетъ его и что за нимъ слѣдятъ; онъ сталъ думать о томъ, какъ ему освободиться изъ этого нестерпимаго положенія. Блескъ, которымъ былъ онъ окруженъ въ Сузѣ, не могъ

заставить его забыть о прекрасной родинѣ; онъ тосковалъ по морскому воздуху и свободѣ; какою наслаждался въ Іоніи.

Аристагоръ и наксосскіе изгнанники. Въ это время пріѣхали въ Милетъ наксосскіе изгнанники. Демократы, раздраженные высокоуміемъ аристократіи, которой по изгнаніи Лигдама передали спартанцы управленіе островомъ,—простолюдины возстали противъ аристократовъ, или какъ ихъ называли „жирныхъ“, и принудили ихъ бѣжать. Изгнанники, многіе изъ которыхъ находились въ союзѣ гостепріимства съ домомъ Гистіа и Аристагора, пріѣхали съ просьбой о помощи въ Милетъ, который, по успокоеніи гражданскихъ смутъ третейскимъ судомъ паросцевъ (стр. 283), сталъ оправляться, и подъ кроткимъ владычествомъ персовъ снова достигъ большого благосостоянія. Аристагоръ принялъ ихъ дружески. Передъ нимъ раскрывалась блестящая будущность, какъ подсказывало ему честолюбіе. Если ему удастся возвратить изгнанникамъ власть въ Наксосѣ, то господиномъ этого богатаго острова будетъ собственно онъ, и тогда онъ овладѣетъ, быть можетъ, всѣми кикладскими островами. Хотя онъ и останется персидскимъ вассаломъ, но все-таки будетъ могущественнымъ государемъ. Онъ сказалъ изгнанникамъ, что самъ онъ не можетъ дать имъ помощи, но что, если они хотятъ, то онъ лично передастъ ихъ просьбу сардійскому намѣстнику Артаферну, брату царя. Они согласились и сказали, что готовы принять на себя издержки его путешествія.

Экспедиція противъ Наксоса. Аристагоръ немедленно поѣхалъ въ Сарды и передалъ свой планъ Артаферну. Онъ описалъ персидскому намѣстнику богатство Наксоса стадами и рабами, рассказалъ ему, что владѣя Наксосомъ, легко будетъ покорить сосѣдніе острова Паросъ и Андросъ и даже большой островъ Эвбею. Едва-ли была надобность въ этихъ разъясненіяхъ; вѣроятно, Артафернъ и самъ понималъ, какую славу принесетъ завоеваніе Наксоса. Аристагоръ просилъ у него 100 кораблей, онъ сказалъ, что дастъ 200. Скоро было получено одобреніе царя. Но если Аристагоръ надѣялся, что будетъ полномочнымъ начальникомъ флота и большого десантнаго войска, составленнаго изъ персовъ и отрядовъ другихъ племенъ, то онъ ошибся. Артафернъ не могъ не дать ему начальства надъ флотомъ, но для наблюденія за нимъ назначилъ помощникомъ ему начальника посаженныхъ на корабли войскъ, ахеменида Мегабата, родственника царя. Весною флотъ пошелъ съ наксосскими изгнанниками и десантнымъ войскомъ, состоявшимъ болѣе чѣмъ изъ 50,000 человекъ. Корабли направились сначала къ Хиосу, какъ будто предпринимаютъ плаваніе въ Геллеспонтъ, не для войны, а только для маневровъ; но отъ Хиоса они внезапно повернули съ попутнымъ сѣвернымъ вѣтромъ къ Наксосу. Наксосцы едва-ли могли-бы устоять противъ такихъ силъ, если бы не дала имъ неожиданнаго спасенія ссора между начальниками экспедиціи. Однажды Мегабатъ осматривалъ флотъ и нашелъ, что нѣтъ караула на кораблѣ, принадлежавшемъ Минду, одному изъ дорійскихъ городовъ. Раздраженный этой небрежностью, онъ велѣлъ схватить начальника корабля, Скилакса, и просунувъ его голову въ одно изъ отверстій нижняго ряда веселъ, привязать его тамъ. Аристагоръ, бывший со Скилаксомъ въ союзѣ гостепріимства, просилъ Мегабата освободить его. Мегабатъ не согласился; тогда Аристагоръ самъ велѣлъ освободить Скилакса. Мегабатъ очень разсердился на это и сталъ мѣшать успѣху экспедиціи, чтобы Аристагоръ попалъ въ немилость у царя и былъ наказанъ. Онъ отправилъ ночью корабль извѣстить наксосцевъ, что экспедиція назначена противъ нихъ. Они торопливо запаслись всѣмъ надобнымъ для выдержанія осады, поправили стѣну своего города, укрѣпили

Ссора между Аристагоромъ и Мегабатомъ.

гавань и призвали подъ оружіе всѣхъ мужчинъ острова. Такимъ образомъ разстроился планъ Аристагора напасть на островъ врасплохъ: персидскіи флотъ нашелъ наксосцевъ подготовившимися къ войнѣ; они защищали свой городъ и гавань такъ храбро, что ни флотъ, ни десантное войско не достигли успѣха. Четыре мѣсяца корабли стояли у скалистого берега острова; недостатокъ продовольствія принудилъ ихъ удалиться, и весь результатъ экспедиціи состоялъ въ томъ, что на отдаленной части острова было выстроено для изгнанниковъ укрѣпленіе; изъ котораго они стали дѣлать набѣги на своихъ враговъ.

Неудача экспедиціи.

Огромный флотъ, предназначавшійся для покоренія кикладскихъ острововъ и Эвбеи, возвратился домой, покрытый стыдомъ. Въмѣсто того, чтобы сдѣлать блестящіе завоеванія, онъ потерпѣлъ потери. Вся вина за неудачу экспедиціи пала на Аристагора. Онъ долженъ былъ ожидать, что царь подвергнетъ его отвѣтственности, велитъ ему уплатить всѣ расходы, сдѣланные на экспедицію; онъ могъ лишиться не только своего богатства, но и сана и самой жизни. Его положеніе было очень дурно. Тревожно раздумывалъ онъ, какъ выпутаться изъ бѣды. И вотъ явился къ нему рабъ, посланный изъ Сузы и принесъ ему отъ его тестя Гистіа странное порученіе: рабъ сказалъ, что Гистіа велитъ Аристагору обрить ему голову и потомъ внимательно рассмотреть ее. Обривъ рабу голову, Аристагоръ прочелъ начерченные на ней слова, что онъ долженъ «возбудить іонійцевъ къ возстанію противъ персидскаго царя». Гистіа, которому стали невыносимы его золотыя цѣпи въ Сузѣ, считалъ поднятіе мятежа въ Іоніи единственнымъ способомъ пріобрѣсти себѣ свободу: онъ былъ увѣренъ, что при извѣстии о возстаніи Дарій пошлетъ его въ Милетъ возстановить спокойствіе. Но онъ зналъ, какъ внимательно слѣдитъ персы за всѣми гонцами и проѣзжими, потому и передалъ тайное извѣщеніе Аристагору на головѣ раба, преданнаго ему.

Аристагоръ видитъ себя въ дурномъ положеніи.

Сообщеніе Аристагору отъ Гистіа.

Предложеніе Гистіа было очень пріятно Аристагору. Онъ немедленно созвалъ своихъ друзей на совѣтъ, исполнили-ли желаніе Гистіа, и какъ взяться за дѣло. Было извѣстно, что въ греческихъ городахъ владычествуетъ большое неудовольствіе на персовъ, что греки тяготеютъ строгимъ за ними надзоромъ и обременительными налогами, что имъ очень непріятно выносить двойное иго тиранновъ и персидскихъ сатраповъ. У грековъ было достаточно средствъ для борьбы: много и денегъ, и воиновъ, и кораблей, особенно, если во главѣ движенія станетъ богатый и могущественный Милетъ. Нельзя было сомнѣваться, что греки будутъ храбро сражаться, выкажутъ и твердость и готовность на большія пожертвованія, если цѣлью войны будетъ поставлена свобода, драгоцѣннѣйшее благо во мнѣніи грековъ.

Настроеніе умовъ въ Іоніи.

Большинство приглашенныхъ на совѣтъ было согласно съ Аристагоромъ. Совѣтъ Гелатей.

и расположено въ пользу возстанія. Только Гекатей, историкъ, которому его ученныя занятія и путешествія дали ясное понятіе о положеніи дѣлъ и правильный взглядъ на политическіе вопросы, говорилъ противъ возстанія, доказывая, что греки слишкомъ слабы для борьбы съ огромнымъ персидскимъ царствомъ. Увидѣвъ, что не можетъ отклонить отъ возстанія, онъ сталъ говорить Аристагору и его совѣтникамъ, что, если они непремѣнно хотятъ возстать противъ персовъ, то по крайней мѣрѣ должны позаботиться о томъ, чтобы доставить себѣ преобладаніе на морѣ. Для этого они должны захватить сокровища, лежащіе въ храмѣ Бранхидовъ и употребить ихъ на усиленіе флота; иначе все равно сдѣлаются же эти сокровища добычею враговъ. Но и эта мысль Гекатея не была принята. Аристагоръ и его друзья рѣшились на опрометчивое дѣло, но ограничились полумѣрами.

Освобожденіе
Іоніи.

Рѣшено было поднять возстаніе. Хотѣли начать его блестящимъ подвигомъ, который внушилъ-бы довѣріе грекамъ; Іатрагору, преданныйшему другу Аристагора, было поручено, пока еще никто не знаетъ о замыслѣ, овладѣть флотомъ, который по возвращеніи отъ Наксоса поднялся по Меандру къ Міунту; а самъ Аристагоръ хотѣлъ между тѣмъ склонить гражданъ Милета къ возстанію. — И то и другое вполне удалось. Тиранны Кимскій, Лесбосскій, Милассскій и другіе, которымъ персы поручили флотъ, были захвачены врасплохъ и арестованы; экипажи кораблей приняли сторону Іатрагора. Плѣнные были отданы городамъ, въ которыхъ были тираннами, но почти всѣ остались въ живыхъ, и бѣжали къ персамъ; только митиленцы не оказали пощады своему тиранну: они вывели его за городъ и побили камнями. Аристагоръ сложилъ съ себя власть, возвратилъ свободу гражданамъ Милета. Это увлекло другіе іонійскіе города: повсюду были низвергнуты тиранны, было восстановлено республиканское правленіе. Переворотъ совершился безъ жестокостей: энтузіазмъ свободы внушалъ гражданамъ великодушіе. Въ продолженіе немногихъ мѣсяцевъ, всѣ греческіе города Малой Азіи отъ Геллеспонта до Каріи и прибрежные острова освободились отъ ига своихъ тиранновъ и стали, какъ въ старину, свободны. Осенью, по совѣту Аристагора, во всѣхъ городахъ были выбраны военачальники, которымъ было поручено готовить войско и корабли къ войнѣ. Было назначено, что на весну военныя силы всѣхъ городовъ соберутся въ Эфесъ.

Поездка Ари-
стагора въ
Спарту 499.

Аристагоръ дѣлательно велъ зимою приготовленія къ войнѣ. Онъ поѣхалъ въ Пелопоннесъ просить помощи у спартанцевъ. Царь Клеоменъ внимательно слушалъ рассказъ Аристагора, показывавшаго ему по ланскартѣ, вырѣзанной на мѣдной доскѣ, азіатскія государства и народы, описывавшаго ему, какъ богаты эти земли и города золотомъ, серебромъ, мѣдью, роскошными одеждами, скотомъ, невольниками, внушавшаго ему, что война съ персами будетъ и славна и не опасна для спартанцевъ, храбрѣйшихъ между всѣми греками, потому что варвары не имѣютъ ни такого хорошаго оружія, ни такого мужества, и что она доставитъ Спартѣ выго-

ду несравненно больше той, какую приносили прежнія войны спартанцевъ съ мессенцами, аркадянами и аргосцами. Указывая Клеомену на ланскартъ области персидскаго царства, Аристагоръ объяснялъ ему, что очень возможно пройти по этимъ областямъ до столицы царства Сузы и отважнымъ походомъ разрушить все царство. Но, когда Клеоменъ, начавъ дѣлать разспросы, услышалъ, что разстояніе отъ іонійскаго моря до Сузы составляетъ три мѣсяца пути, то велѣлъ Аристагору до захожденія солнца уѣхать изъ Спарты. Аристагоръ вздумалъ прибѣгнуть къ другому способу убѣжденія. Онъ сѣлъ съ оливковой вѣтвью въ рукѣ у очага Клеомена, какъ просящій защиты, и предложилъ ему за согласіе на просьбу іонійцевъ 15 талантовъ; царь продолжалъ отказывать въ согласіи; Аристагоръ повышалъ обѣщаніе и дошелъ до 50 талантовъ. Клеоменъ сталъ колебаться, но его маленькая дочь Горго сказала: „Батюшка, этотъ иностранецъ подкупить тебя, если ты не уйдешь“. — Слова ребенка помогли ему остаться твердымъ. Онъ ушелъ отъ Аристагора, который послѣ того уѣхалъ изъ Спарты. У спартанцевъ было мало мыслей объ общихъ интересахъ греческаго народа и мало сочувствія къ нимъ.

Такъ разсказываетъ Геродотъ, передавая то, какъ говорили объ этомъ дѣлѣ спартанцы впослѣдствіи времени. Спарта, сильнѣйшее государство Греціи, эгонистически отказала въ просьбѣ іонійцамъ, между тѣмъ какъ прежде спартанцы хотѣли послать войско на помощь Крезу и послали бы, еслибы его паденіе не совершилось такъ быстро; они охотно оказали помощь и самосскимъ изгнаннымъ противъ Поликрата. А теперь они не захотѣли помочь іонійцамъ; — желая замаскировать эгонизмъ отказомъ Аристагору, спартанцы придали этому дѣлу такой видъ, чтобы выставить себя по возможности въ выгодномъ свѣтѣ и бросить тѣнь на Аристагора.

Успѣшнѣе была поездка Аристагора въ Аѣины. Онъ высказалъ свою просьбу народному собранію, напомнилъ аѣинянамъ о томъ, что іонійцы — ихъ соплеменники, говорилъ, что война противъ персовъ — общее національное дѣло грековъ, что она — борьба за свободу. Аѣинскій народъ рѣшилъ послать на помощь іонійцамъ 20 триеръ, хотя война съ Эгиною еще не была тогда кончена (стр. 310). Эретрійцы присоединили къ аѣинскимъ кораблямъ 5 своихъ триеръ, желая доказать признательность Милету за помощь, какую оказалъ онъ имъ въ ихъ войнѣ съ Халкидой. Аѣиняне имѣли расчетъ помогать іонійцамъ, потому что Гиппій былъ въ большой милости у Артаферна, и Артафернъ говорилъ ихъ посламъ, бывшимъ у него за нѣсколько времени передъ тѣмъ, что если они хотятъ себѣ добра, то должны согласиться на восстановленіе власти Гиппія: они съ негодованіемъ отвергли это требованіе, предпочитая рабству открытую войну съ Персіей.

Аѣиняне и эрет-
рійцы посы-
лаютъ помощь
іонійцамъ.

Когда весною іонійскіе корабли собрались къ Эфесу, Аристагоръ убѣдилъ военачальниковъ дать войнѣ быстрый оборотъ неожидан- нымъ нападеніемъ на столицу персидскаго правителя Лидіи. Корабли были вытаснены на берегъ, воины пошли на Сарды. Главнокомандующими были Харопинъ, братъ Аристагора, и Гермофантъ, одинъ изъ милетскихъ гражданъ. Проводники нашлись изъ числа гражданъ Эфеса. Греки пошли вверхъ по Каистру, перешли Тмолъ и овладѣли Сардами; но въ цитадели удержался Артафернъ. Одинъ изъ греческихъ воиновъ зажегъ домъ, построенный изъ тонкаго лѣса, домъ загорѣлся легко, пожаръ съ неудержимой быстротой охватилъ весь городъ, по-

Сожженіе
Сардъ. Лѣто
499.

Отступление и
поражение гре-
ковъ при Эфесѣ

тому что дома въ Сардахъ были крыты камышемъ; сгорѣлъ даже храмъ Кибелы, стоявшій у Пактола подъ скалою цитадели; это былъ храмъ, очень уважаемый мидянами. Сожженіе Сардъ было большимъ вредомъ для грековъ. Они ожидали, что мидяне присоединятся къ нимъ; теперь мидяне стали на сторону персовъ и взяли за оружіе. Выгнанные пожаромъ на главную площадь города и на побережье Пактола, жители Сардъ и находившіеся въ городѣ персы стали биться противъ грековъ и въ то же время Артафернъ повелъ на нихъ свое войско изъ цитадели. Тѣснимые съ двухъ сторонъ, іонійцы отступили на Тмолъ и въ ту же ночь пошли назадъ къ Эфесу. Непріятель слѣдовалъ за ними. Услышавъ о сожженіи Сардъ, всѣ персидскіе отряды, стоявшіе на западѣ отъ Галиса, быстро сошлись къ войску Артаферна. Персы напали на іонійцевъ близъ Эфеса и одержали полную побѣду. Въ этой битвѣ умеръ геройской смертью военачальникъ эретрійцевъ Эвалкидъ, получившій много вѣнковъ на играхъ и прославленный Симонидомъ Кеосскимъ. Аѣиняне возвратились домой; іонійскіе греки разошлись по своимъ городамъ.

Обширный раз-
мѣръ возстанія.

Какъ ни дурно было это начало, но дѣло малоазійскихъ грековъ вышло далеко не безнадежно. Аристагоръ склонилъ къ участию въ возстаніи всѣ города на Геллеспонтѣ и на Пропонтидѣ, даже и Византию, которая тогда уже была значительнымъ городомъ; убѣдилъ іонійцевъ учредить союзное правительство; склонилъ карійцевъ и кавнійцевъ возстать противъ персовъ.

Возстаніе на
Кипрѣ.

Очень большую важность для грековъ имѣло возстаніе, вспыхнувшее на Кипрѣ. Горгъ, тираннъ саламинскій, былъ низвергнутъ своимъ младшимъ братомъ Онесиломъ и бѣжалъ къ персидскому войску, которое Дарій, получивъ извѣстіе объ іонійскомъ возстаніи, послалъ въ Мадую Азію, подъ начальствомъ Артибія и которое шло теперь уже черезъ Киликію. Горгъ просилъ персовъ, чтобы они возстановили его власть. Онесиль поднялъ противъ персовъ весь Кипръ, кромѣ города Амаэунта, и осадилъ этотъ городъ, чтобы понудить и его присоединиться къ возстанію. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ просилъ помощи у іонійцевъ. Одинаковость интересовъ дѣлала ихъ естественными его союзниками. Освобожденіе страны было и на Кипрѣ только предлогомъ; Онесиль, какъ и Аристагоръ, дѣйствовалъ по личному разсчету. Греки обѣщались послать на помощь ему свой флотъ; Онесиль и другіе тиранны кипрскихъ городовъ пошли на саламинскую равнину противъ персовъ, войско которыхъ было перевезено финикійскими кораблями на восточный берегъ острова. Греческіе корабли и въ особенности самосскіе, удачно сражались съ финикійскими. Въ битвѣ на саламинской равнинѣ кипрское войско, имѣвшее боевыя колесницы, сражалось вначалѣ храбро. У коня Артибія были отрублены переднія ноги, самъ онъ былъ убитъ Онесиломъ. Но Стесеноръ куріонскій передался съ своими войсками персамъ. Его примѣру послѣдовали саламинскія боевыя колесницы. Эта измѣна дала побѣду персамъ. Онесиль и Аристокипръ, тираннъ города Солъ, пали въ битвѣ. Саламинъ покорился своему прежнему тиранну, Горгу; другіе города возвратились подъ персидскую власть, нѣкоторые безъ сопротивленія, другіе послѣ напрасной обороны; долѣе другихъ сопротивлялся городъ

Солы; осада его длилась четыре мѣсяца. Персы со всѣхъ сторонъ подкапывали его стѣны, и когда они взяли его, владычество персидскаго царя надъ Кипромъ стало прочнѣе прежняго.

Исходъ возстанія на Кипрѣ служилъ предзнаменованіемъ тому, Покореніе гре-
чѣмъ кончится возстаніе іонійцевъ; отрубленная голова Онесида, ко-
торую амаэунты поставили надъ своими воротами, показывала
вождямъ греческаго возстанія, какая судьба ожидаетъ ихъ. Послѣ
побѣды при Эфесѣ, отряды персовъ, подъ начальствомъ Давриса,
Гимея и Отана, пошли по побережью, покоряя греческіе города до
самаго Геллеспонта. Дарданъ, Абидосъ, Лампсакъ, нѣкоторые другіе
города на Геллеспонтѣ были уже покорены, когда возстаніе карій-
цевъ принудило Давриса идти оттуда на югъ.

Возстаніе
карійцевъ.

На берегахъ Марсіа, одного изъ притоковъ Меандра, было дано нѣсколько кровопролитныхъ битвъ; въ первой изъ нихъ карійцы уже понесли большой уронъ: число ихъ убитыхъ простиралось до 10,000; персовъ было убито 2,000. Карійцы собрались въ Лабрандѣ, въ платановой рощѣ главнаго своего храма, посвященнаго Зевсу-Воителю (Zeus Stratos); граждане Милета прислали помощь имъ; они дали персамъ вторую битву и снова потерпѣли большой уронъ; еще тяжелѣе былъ уронъ ихъ греческихъ союзниковъ; но когда Даврисъ пошелъ оттуда на Миласу, онъ въ ущельѣ Педаса попалъ въ засаду; многіе изъ его воиновъ были убиты, былъ убитъ и самъ онъ.

Но не смотря на эту неудачу персы повсюду побѣждали. Гергиты, потомки Тевкровъ, и всѣ города троянской земли были покорены; покорились и эолійскіе города, когда главный изъ нихъ, Кима, былъ взятъ Артаферномъ и Отаномъ. Былъ взятъ и іонійскій городъ Клазомены; это было тяжкимъ ударомъ іонійскому союзу. Іонійцы должны были ждать неизбежной гибели, когда возвратится съ Кипра главное войско персовъ.

Аристагоръ не сталъ дожидаться этого. Онъ просилъ у своихъ друзей Смерть Ариста-
совѣта, какъ надобно поступить. Гекатей говорилъ, что должно укрѣпить-
ся на островѣ Леросѣ, лежащемъ близъ Милета. Но Аристагоръ предпо-
челъ уѣхать съ своими приверженцами въ Миркинъ (въ ту колонію, кото-
рую Гистіей основалъ въ землѣ Эдоновъ). Въ слѣдующемъ году онъ на-
шелъ себѣ безславную смерть при осадѣ оракійскаго укрѣпленія, стояв-
шаго въ устьѣ Стримона, гдѣ аѣиняне въ послѣдствіи основали Амфиполь.

Гистіей въ
Іоніи.

Въ Милетѣ, гдѣ управленіе военными дѣлами принялъ на себя
одинъ изъ вліятельныхъ гражданъ, Пиеагоръ, не сожалѣли о поги-
бели эгоиста, который вовлекъ своихъ согражданъ въ бѣду и по-
стыдно покинулъ ихъ. Но не захотѣли принять и Гистію, явивша-
гося передъ стѣнами города и просившаго, чтобы его впустили.

Искусному интригану дѣйствительно удалось получить отъ Дарія поз-

воленіе возвратиться въ Іонію. Но когда онъ пріѣхалъ къ Артаферну въ Сарды, сатрапъ очень ясно далъ понять ему, что считаетъ его истиннымъ виновникомъ возстанія: „Ты сшилъ башмакъ, а Аристагоръ надѣлъ его“, сказалъ ему Артафернъ. Опасаясь раздраженнаго противъ него сатрапа, Гистіей успѣлъ тайкомъ уйти, добрался до моря и пріѣхалъ на Хіосъ. Онъ пытался посредствомъ переписки устроить въ Сардахъ заговоръ противъ Артаферна, возбуждая убить его; но попытка не удалась, потому что Артафернъ зорко слѣдилъ за этой интригою. Тогда Гистіей сбросилъ маску преданности Дарію. Онъ хотѣлъ стать главою возстанія; но граждане Милета рѣзко отказались отъ сношеній съ нимъ. Ему удалось убѣдить гражданъ лесбосскаго города Митилены дать подъ начальство ему восемь тріаръ. Онъ занялся пиратствомъ, и на деньги, вырученныя отъ продажи захваченныхъ на морѣ товаровъ, увеличилъ число своихъ кораблей. А между тѣмъ, малоазійскія войска персовъ стягивались къ Милету; войско, покорившее Кипръ, соединилось съ ними въ долинѣ Меандра; флотъ, состоявшій изъ египетскихъ, финикійскихъ и киликійскихъ кораблей, сталъ передъ входомъ въ заливъ, куда впадаетъ эта рѣка.

Греческ. флотъ у Ладъ. Когда приблизилось время рѣшительной борьбы, іонійцы показали, что старое мужество еще не угасло въ ихъ груди. Правда, нѣкоторые города—Эфесъ, Смирна, Колофонъ и Лебедъ—не прислали депутатовъ на совѣщаніе, которое происходило весною 497 года въ древнемъ союзномъ храмѣ Посейдона на мысѣ Микале и на которомъ было опредѣлено, сколько кораблей и войска должно быть собрано у Ладъ, маленькаго острова передъ Милетомъ. Но остальные города выказали себя готовыми на жертвы.

Военныя силы, собравшіяся послѣ того у Ладъ, были значительны. Одинъ Милетъ прислалъ 80 тріаръ; Самосъ 60, Лесбосъ 70, Хіосъ 100; маленькіе города Теосъ, Пріэна, Эритры, Фокея, Міунтъ 46. На каждомъ изъ этихъ 353 кораблей было по 40 отборныхъ гоплитовъ. А въ городахъ остались, кромѣ того, гарнизоны.—Силы персовъ были гораздо больше. Число ихъ кораблей простиралось до 600. Но побѣды у береговъ Кипра ясно свидѣтельствовали, что греческіе корабли и моряки лучше персидскихъ. Это внушало грекамъ отвагу, а ихъ противникамъ нерѣшительность.

Недостатокъ дисциплины у грековъ. Главную опасность для грековъ представляло не численное превосходство врага, а то, что у нихъ не доставало дисциплины, что демократическое чувство переходило у нихъ въ склонность къ послушанію. Они не предоставили гегемонію какому нибудь государству, не назначили общаго главнокомандующаго. Они могли бы побѣдить лишь въ томъ случаѣ, еслибъ отдѣльные города успѣли сдержать свое желаніе не подчиняться другъ другу и если бы все ихъ моряки захотѣли соблюдать дисциплину, съ точностью исполнять рѣшенія, принятыя на общихъ совѣщаніяхъ.

Опытный морякъ, Діонисій Фокейскій, видѣлъ, какъ опасно положеніе флота, не имѣющаго ни главнокомандующаго, ни дисциплины. Онъ про-

силъ, чтобы поручили начальство ему; если эскадры всехъ государствъ будутъ исполнять его распоряженія, то побѣда несомнѣнна, говорилъ онъ. Союзники назначили его главнокомандующимъ. Онъ сталъ каждый день выводить флотъ на маневры въ открытое море, приучать гребцовъ къ быстрымъ эволюціямъ. Семь дней греки выносили тяжелый трудъ подъ солнечнымъ зноемъ. Многіе занемогли отъ непривычныхъ усилій; другіе, считая эти упражненія ненужными и слишкомъ трудными, стали роптать, говорили: „Передъ какимъ богомъ согрѣшили мы, что отдали себя подъ власть этому фокейскому самохвалу, чтобъ онъ невыносимо мучилъ насъ? Лучше будемъ дожидаться рабства, которое еще впереди, чѣмъ терпѣть это нынѣшнее“.—Экипажи кораблей перестали слушаться челоѣка, который строго требовалъ повиновенія, а былъ гражданиномъ незначительнаго государства; матросы расположились палатками на островѣ, лежали подъ тѣнью и не ходили на корабли.

Раздоръ.

Пренебреженіе матросовъ къ дисциплинѣ поколебало надежду на успѣхъ и породило раздоры. Персы уже давно прислали черезъ изгнанныхъ тиранновъ начальникамъ эскадры тайное извѣщеніе: если они бросятъ общее дѣло и вернутся домой, то останутся безнаказанны, и персы будутъ держать себя такъ же милостиво, какъ прежде, относительно городовъ, которые покорятся; но граждане городовъ, которые останутся упорно въ мятежѣ, будутъ обращены въ рабство, сыновья ихъ будутъ сдѣланы евнухами, дочери ихъ будутъ отведены въ Бактру, ихъ дома будутъ отданы иноземцамъ.—Пока греки твердо надѣялись на успѣхъ, эти слова не дѣйствовали на нихъ. Но чѣмъ больше овладѣвало ими сомнѣніе, при мысляхъ о неурядицѣ между ними, о многочисленности непріятельскихъ кораблей и войскъ, тѣмъ больше поддавались они влеченію предпочитать свои частныя интересы общему дѣлу и заботиться лишь о спасеніи каждый своего города.

При такихъ неблагопріятныхъ для грековъ условіяхъ произошла битва у острова Ладъ. При самомъ началѣ сраженія, изъ 60 самоскихъ тріаръ, составлявшихъ лѣвый флангъ линіи флота, 49 кораблей повернули прочь и, поднявъ паруса, пустились на сѣверъ. Обѣщанія, сдѣланныя Эакомъ, сыномъ Силосона, склонили ихъ начальниковъ къ измѣнѣ. Примѣру самосцевъ послѣдовали лесбійцы, бывшіе въ боевой линіи подлѣ нихъ; отошли прочь и корабли большей части другихъ государствъ. Но хіосская эскадра и фокейскіе корабли, которыми командовалъ Діонисій, сражались съ геройскимъ мужествомъ. Лесбійцы прорвали непріятельскую линію и взяли много финикійскихъ кораблей. Но милетскіе корабли были побѣждены; были потоплены и многіе хіосскіе корабли; тогда остатокъ хіосской эскадры былъ принужденъ покинуть мѣсто битвы и плыть изъ меандрійскаго залива домой. Но и эти хіосскіе корабли были сильно повреждены, такъ что не могли держаться на открытомъ морѣ. Потому матросы ночью вытащили ихъ на берегъ у мыса Микале и пошли дальше сухимъ путемъ. По несчастію, въ эту ночь эфесскія гражданки совершали неподалеку оттуда праздникъ ѳесмофорій (стран. 59). Ихъ мужья приняли идущихъ съ берега людей за разбойниковъ, которые хотятъ похитить женщинъ, напали на хіосцевъ и перебили ихъ. Такъ погибли эти мужественные патріоты отъ руки своихъ

единоплеменниковъ. Счастливецъ былъ Діонисій. Его три корабля взяли три непріятельскія судна. Онъ пошелъ на шести корабляхъ къ финикійскому берегу, остававшемуся беззащитнымъ, захватилъ нѣсколько финикійскихъ купеческихъ судовъ и, взявъ съ нихъ товары, потопилъ ихъ. Онъ считалъ дѣло Іоніи погибшимъ, покоряться персамъ не хотѣлъ, и поплылъ въ западное море. Тамъ онъ напалъ на карфагенскіе и тирренскіе корабли, обративъ свое благородное мужество на безславное ремесло пирата.—Тѣ 11 самосскихъ кораблей, которые не послѣдовали примѣру измѣны, поданному большинствомъ ихъ эскадры, тоже пошли на западъ искать себѣ новаго отечества. Самосцы, недовольные измѣною большинства своихъ кораблей, почтили храбрость этихъ моряковъ, поставивъ въ честь имъ на площади своего города колонну, на которой написали имена начальниковъ 11 кораблей, сражавшихся мужественно. Персы осадили Милетъ съ моря и суши. Положеніе города было безнадежно, но граждане его слишкомъ годъ геройски оборонялись. Осаждающіе употребляли всѣ извѣстныя тогда военныя машины; но только когда они подкопали всѣ стѣны, удалось имъ взять городъ приступомъ. Почти всѣ мужчины въ городѣ были убиты, женщины и дѣти отведены въ рабство—«мыть ноги» персамъ, какъ предсказано было оракуломъ; сокровища храма Бранхидовъ были разграблены; и храмъ, и городъ были сожжены. Немногіе мужчины, оставшіеся въ живыхъ, были отведены въ Сузу; Дарій поселилъ ихъ въ Амфѣ, на Тигрѣ. Развалины Милета и плодородную часть его области персы оставили за собою; дальнюю горную часть земли его получили педасскіе карійцы. Таковъ былъ страшный конецъ богатаго Милета, бывшаго метрополіею столькихъ колоній, столицею искусствъ и наукъ, лучшимъ перломъ Іоніи.

„Мѣстность совершенно измѣнила характеръ“, говоритъ Курціусъ: „Меандръ занесъ иломъ опустѣвшую гавань, и тамъ, гдѣ нѣкогда тѣснились корабли съ товарами Нила, Чернаго моря, Италіи теперь тянется однообразное пастбище, по срединѣ котораго подымается невысокій холмъ; это—могильный холмъ Іоніи, островъ Лада. Между холмомъ и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ Милетъ, медленно катитъ къ морю свои волны Меандръ“.

Смерть Гистіея.

Услышавъ о поражении при Ладѣ и о тяжеломъ уронѣ, понесенномъ хіосцами въ этой битвѣ, Гистіей послѣшилъ изъ Босфора съ своими кораблями къ ослабѣвшему острову; на корабляхъ у него былъ сильный отрядъ войска; онъ занялъ Полихну, сталъ дѣлать оттуда походы по всему острову и покорилъ его. Эолійцы и іонійцы, бѣжавшіе отъ персовъ, поступали на службу къ нему. Его войско такъ увеличилось, что онъ уже думалъ завоевать Фазосъ. Но предпринявъ набѣгъ на материкъ, чтобы собрать пшеницу на атарнейскомъ полѣ,

онъ подвергся неожиданному нападенію персовъ; они одолѣли его отрядъ и увели его плѣннымъ въ Сарды; тамъ Артафернъ, смертельный врагъ его, распялъ его на крестѣ. Отрубивъ голову его, послали ее и отправили въ Сузу къ Дарію; царь выразилъ порицаніе Артаферну за то, что Гистіей не присланъ къ нему живымъ и велѣлъ съ почестями хоронить голову. — По взятіи Милета, персы безъ труда покорили изнуренные войною острова Лесбосъ, Хіосъ и Тенедосъ.

Они стогнали грековъ, какъ скотъ, въ одно стадо, выбирали красивѣйшихъ мальчиковъ, оскотѣли ихъ и вмѣстѣ съ красивѣйшими дѣвушками посылали въ Сузу для гаремовъ царя и вельможъ. Города и храмы они жгли. Своею побѣдою при Ладѣ персы были обязаны измѣнѣ самосскихъ кораблей, потому съ Самосомъ поступили они милостиво. Но многіе жители этого острова эмигрировали, чтобы не подвергаться мщенію и тиранству Эака. Мы говорили о печальной судьбѣ ихъ въ Сициліи (стр. 213). Изъ городовъ, стоявшихъ на материкѣ, Міунтъ, Пріэна, Теосъ, Эритры и Фокея подверглись той-же участи какъ Милетъ. Халкедонцы и византійцы эмигрировали, чтобы спастись отъ такой-же судьбы; граждане Кизика уцѣлѣли, покорившись безъ сопротивленія даскилейскому намѣстнику. Халкедонцы и византійцы основали поодаль отъ моря въ Понтѣ городъ Месамврию; а ихъ города на Босфорѣ, славившіеся прежде торговлей и богатствомъ, были сожжены.

Отъ Византіи персидскій флотъ пошелъ въ Херсонесъ, которымъ вла- Отъѣздъ Мильдѣлъ Мильтіадъ, смертельный врагъ персовъ, во время возстанія захва- тившій островъ Лемносъ и передавшій господство надъ нимъ аѳинянамъ. Онъ не сталъ дожидаться нападенія персовъ: посадилъ на корабль свою жену, дочь Фракійскаго царя, и своихъ дѣтей, перенесъ на корабли все свое имущество и поплылъ съ 5 триерами въ Аѳины; ему было тогда за 60 лѣтъ, но онъ былъ еще совершенно крѣпокъ. Корабль, на которомъ плылъ старшій его сынъ Метіохъ, былъ взятъ финикійцами; они послали Метіоха въ Сузу, Дарій принялъ его милостиво: далъ ему домъ, много земли и женилъ на персіянкѣ. Съ остальными кораблями Мильтіадъ успѣлъ избѣжать преслѣдованія и приплылъ въ Аѳины. Персы овладѣли всѣмъ Херсонесомъ кромѣ города Кардіи.

Такимъ образомъ Іонія снова стала подвластна персамъ; отъ Босфора до Каріи все повиновалось повелѣніямъ Дарія. Тираны, бывшіе виновниками столькихъ бѣдствій, не были возстановлены, кромѣ тѣхъ, которые оказали важныя услуги персамъ, какъ на примѣръ Эакъ самосскій и Страттидъ хіосскій. Городамъ было предоставлено управлять своими дѣлами по своимъ законамъ; но прежняя замкнутость ихъ была отмѣнена: каждый іоніецъ пользовался правами гражданства въ любомъ городѣ, куда переселялся; это повело къ уменьшенію непріязни между городами, но ослабило и привязанность гражданъ къ

Іонія подъ владычествомъ персовъ.

родному городу. Была произведена новая опись поземельной собственности и установлены сообразно съ этой описью налоги.

Греческіе города Малой Азіи не могли уже никогда оправиться отъ бѣдствій, въ какія повергло ихъ возстаніе. Лучшіе изъ тѣхъ гражданъ, которые уцѣлѣли отъ битвъ и плѣна, покинули свою родину, которая была прежде самой цвѣтущей частью греческаго міра. Правда, нѣкоторые города, какъ напримѣръ Эфесъ, мало пострадали отъ персовъ; правда, что и сожженные города постепенно возстановились, въ особенности Милетъ: мѣсто прежнихъ жителей заняли новые; правда, прекраснымъ климатомъ Іоніи, плодородіемъ почвы ея были до нѣкоторой степени исцѣлены раны; но прежній блескъ уже не возвратился; торговля и промышленность пали; поэзія и наука переселились въ другія области греческаго міра; многочисленные флоты быстрыхъ тріеръ, наполнявшіе обширныя гавани и покрывавшіе море, исчезли; осталось лишь небольшое число военныхъ кораблей, находившихся на персидской службѣ. вмѣстѣ съ свободой умерла и историческая жизнь. Трагедія Фриниха «Взятіе Милета» заставляла плакать аѳинянъ; они и должны были плакать: совѣсть говорила имъ, что на нихъ лежитъ часть вины въ гибели «царицы моря», прекрасной колоніи, основанной соотечественниками ихъ; они не хотѣли, чтобы имъ напоминали объ ихъ винѣ, и конечно это было истинной причиной того, что на Фриниха былъ наложенъ штрафъ въ 1000 драхмъ; нарушеніе правилъ искусства было только предлогомъ. — Персидское царство было теперь сосѣдомъ европейской Греціи. Покоривъ острова, Дарій хотѣлъ отмстить аѳинянамъ за то, что они поддерживали мятежниковъ, и велѣлъ, какъ рассказываетъ Геродотъ, чтобы за каждымъ обѣдомъ слуга три раза громко говорилъ ему: «Владыко! помни объ аѳинянахъ».

Походъ Клеомена противъ Аргоса.

Аѳиняне всетаки хотѣ въ началѣ не оставили своихъ братьевъ безъ помощи. Спарта не сдѣлала того, что они. Въ то время, когда пылалъ Милетъ, наполнилъ ужасомъ всю Грецію другой пожаръ, зажженный нечестивою рукою спартанскаго царя Клеомена. Старинная вражда между Спартою и Аргосомъ вызвала въ 495 году новую войну. Спартанскимъ войскомъ начальствовалъ Клеоменъ; военною хитростью онъ одержалъ побѣду въ сраженіи при Сенеѣ, на морскомъ берегу. Часть аргосскихъ воиновъ пала въ битвѣ, другая бѣжала въ рощу, посвященную герою Аргосу. Чтобы уничтожить всѣ военныя силы соперничавшаго съ Спартою города, Клеоменъ хотѣлъ истребить бѣжавшихъ въ рощу. Онъ окружилъ ее и сталъ выманивать ихъ оттуда, обѣщая, что пощадитъ ихъ и отпустить изъ плѣна за небольшой выкупъ. Нѣкоторые изъ аргосцевъ повѣрили и пошли отдаться въ плѣнъ. Но какъ только вышли изъ рощи, спартанцы перебили ихъ. Другіе, увидѣвъ это, рѣшили не выходить изъ священнаго убѣжища. Клеоменъ велѣлъ плотамъ навалить кругомъ рощи груды хвороста и зажечь ихъ. Скоро пламя охватило деревья священной рощи, и всѣ несчастные, скрывшіеся въ ней, сгорѣли. Теперь дѣйствительно было уничтожено все аргосское войско, 6000 гоплитовъ. Городъ былъ бы взятъ, если

бы повѣсса Телесилла не возбудила патриотическаго одушевленія въ его населеніи. Увлеченные ея рѣчами и пѣснями, всѣ взяли за оружіе; мужчины, женщины, старики, дѣти, рабы бросились на стѣны и къ воротамъ оборонять ихъ. Не обращая вниманія на неблагопріятныя предзнаменованія, полученныя при жертвоприношеніи въ храмѣ Геры, Клеоменъ пошелъ на приступъ; но жители города, бившіеся съ мужествомъ отчаянія, отразили его. Нечестивая свирѣпость не привела Клеомена къ желанной цѣли. Но число гражданъ Аргоса такъ уменьшилось, что для увеличенія его надобно было дать права гражданъ періэкамъ и рабамъ. Въ память о чудесномъ спасеніи Аргоса была поставлена статуя Телесиллы, изображавшая ее надѣвшающею на голову шлемъ. — Такъ греки свирѣпствовали другъ противъ друга въ то время, когда могущественнѣйшій врагъ приближался къ нимъ съ востока.

2) МАРАѦОНСКАЯ БИТВА.

Весною Мардоній пришелъ на берегъ Малой Азіи съ большимъ войскомъ и собралъ многочисленный флотъ. Онъ былъ сынъ того Гобрія, который помогъ Дарію низвергнуть Гумату (стр. 403); онъ былъ тогда еще молодъ; Дарій очень любилъ его; и незадолго передъ тѣмъ женилъ его на своей младшей дочери, Артазострѣ. Онъ былъ исполненъ честолюбія, мечталъ о великихъ подвигахъ, надѣялся, что будетъ владычествовать надъ Греціей, какъ намѣстникъ царя. Онъ прошелъ съ своимъ войскомъ изъ Виликіи къ Геллеспонту, переправился черезъ него, взялъ городъ Кардію на ѳракійскомъ Херсонесѣ и прошелъ черезъ ѳракію въ Македонію, покоряя на пути и приморскіе греческіе города, какъ напримѣръ Абдеру, и ѳракійскія племена внутри края; флотъ его между тѣмъ завоевалъ островъ Ѳазосъ и потомъ шелъ вдоль берега на западъ рядомъ съ войскомъ. Царемъ Македоніи былъ тогда тотъ Александръ, который, бывши наслѣдникомъ престола, убилъ въ домѣ своего отца персидскихъ пословъ и ихъ свиту. Онъ покорился безъ сопротивленія, и персы перешли Аксію. Но тутъ счастье измѣнило имъ. Бриги, одно изъ ѳракійскихъ племенъ, сдѣлали неожиданное нападеніе и убили много персовъ. Въ то-же время сильная буря нанесла флотъ на скалы Аѳона; говорятъ, что объ нихъ разбилось 300 кораблей и что утонуло 20,000 человекъ экипажа. Чтобы оправиться отъ этихъ потерь, Мардоній, который и самъ былъ раненъ, воротился въ Азію, наказавъ и покоривъ бриговъ. Онъ оставилъ гарнизоны въ покоренныхъ имъ укрѣпленіяхъ, построилъ новыя крѣпости во ѳракіи; такимъ образомъ владычество персовъ надъ нею было упрочено, и она могла служить базисомъ для походовъ дальше на западъ.

Отъ Сеста и Кардіи до устья Стримона, гдѣ былъ построенъ Эіонъ, подымался рядъ крѣпостей, снабженныхъ большимъ количествомъ войскъ и запасовъ; укрѣпленія Дориска, стоявшаго на Гебрѣ, были увеличены. Жителямъ Ѳазоса персы не довѣряли, потому велѣли имъ скрыть стѣны

ихъ города, а флотъ ихъ увелъ въ Абдеру. Всѣ приморскіе города персидскаго государства получили приказаніе готовить свои корабли къ войнѣ и на слѣдующую весну послать ихъ въ Киликію, прислать и транспортныя суда для конницы. Гиппій, желавшій вновь получить владычество надъ Аттикой, всѣми силами хлопоталъ о снаряженіи этой экспедиціи.

Персидскіе вѣстники въ Грецію 491. Греки смотрѣли на приготовленія персовъ съ непонятной безпечностью, не принимая никакихъ мѣръ къ оборонѣ. Занятые своими мелкими раздорами, они не думали объ опасности, приближавшейся съ востока и угрожавшей неизбежнымъ пораженіемъ всему ихъ народу. Въ 491 году явились на греческіе острова и въ государства материковой Греціи вѣстники персидскаго царя, требуя отъ его имени, чтобы дана имъ была земля и вода въ знакъ покорности; не только кикладскіе острова повиновались этому требованію, даже гордая Эгина и многія государства на материкѣ Греціи дали требуемые символическіе знаки, признавая себя тѣмъ за поданныхъ персидскаго царя;—до такой степени взаимная ненависть племенъ и соперничество между сосѣдними государствами заглушали національное чувство и патріотизмъ. Но не всѣ греки были такъ низки душою. Спарта и Аѣины отказали въ покорности, и раздраженные трусостью, какую выказали другіе греки, нарушили священныя права неприкосновенности пословъ, дѣлавшихъ, вѣроятно, попытки подкупа. Лакедемоняне—обоихъ явившихся къ нимъ пословъ бросили въ колодезь съ насмѣшливымъ крикомъ, что пусть они тамъ «сами возьмутъ себѣ землю и воду»; а два посла, явившіеся въ Аѣины, были вмѣстѣ съ сопровождавшимъ ихъ переводчикомъ брошены, по предложенію Милтіада иThemistocles, въ пропасть (Barathron), куда низвергались преступники. Этимъ Спарта и Аѣины отняли у себя всякую возможность уступокъ; имъ предстояла борьба на жизнь и на смерть.

Наказаніе эгинцевъ. Аѣиняне и спартанцы хотѣли также показать остальнымъ грекамъ, что при такой грозной общей опасности отдѣльное государство не имѣетъ права дѣйствовать исключительно по собственному произволу, что не должно быть забываемо общее благо націи, что существуютъ такія обязанности, отъ которыхъ никто не имѣетъ права уклониться. Аѣиняне отправили въ Спарту посольство съ обвиненіемъ противъ эгинцевъ въ измѣнѣ Греціи. Спартанцы нашли обвиненіе справедливымъ и послали на Эгину Клеомена съ порученіемъ арестовать главныхъ людей персидской (или, какъ называли греки, мидійской) партіи, по внушенію которыхъ покорились персамъ эгинцы; особенно виновными въ этомъ дѣлѣ считались Кріій и Касамбъ. Эгинцы отказались выдать ихъ, говоря, что Клеоменъ требуетъ ихъ выдачи не по волѣ спартанскаго правительства, а по порученію аѣинянъ, которые подкупили его; что поэтому и пріѣхалъ онъ одинъ, не взявъ съ собою другого царя. Клеоменъ вернулся безъ успѣха. Въ Спартѣ онъ узналъ, что товарищъ его, царь Демаратъ, съ которымъ онъ уже давно былъ въ смертельной враждѣ, тайно возбудилъ эгинцевъ къ отказу на его требованіе. Онъ задумалъ низвергнуть ненавистнаго товарища, и вошелъ въ соглашеніе съ Леотихидомъ, ближайшимъ родственникомъ

Демарата и законнымъ наслѣдникомъ его въ случаѣ, если онъ умретъ, не имѣя сыновей. При содѣйствіи подкупленныхъ дельфійскихъ жрецовъ, интрига удалась. Демаратъ былъ лишенъ царскаго сана, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не сынъ предшествовавшего ему царя Аристона; на мѣсто его царемъ былъ провозглашенъ Леотихидъ. Оскорбленный насмѣшкою Леотихида (см. ниже), Демаратъ, пылая мщеніемъ, бѣжалъ къ персидскому царю. Клеоменъ въ сопровожденіи своего новаго товарища поѣхалъ опять на Эгину; эгинцы, боясь, что на нихъ, въ случаѣ неповиновенія, нападутъ не только аѣиняне, но и спартанцы, позволили Клеомену и Леотихиду арестовать и увезти десять человѣкъ аристократовъ, выдачи которыхъ они требовали. Спартанскіе цари арестовали Кріія, Касамба, еще восемь человѣкъ знатныхъ и богатыхъ эгинцевъ и послали ихъ заложниками не въ Спарту, въ союзъ съ которой была Эгина, а во враждебныя эгинцамъ Аѣины. Клеоменъ хотѣлъ отмстить за прежній отказъ ему. Имѣя заложниками десять человѣкъ изъ самыхъ вліятельныхъ семействъ эгинскаго народа, Аѣины были теперь безопасны отъ всякихъ нападѣній этого могущественнаго своимъ флотомъ государства.

Демаратъ по своемъ низложеніи жилъ нѣсколько времени въ Спартѣ спокойно. Выбравшій однимъ изъ распорядителей игръ, онъ на праздникѣ гимназій смотрѣлъ на гимнастическія упражненія, танцы и музыкальныя состязанія юношей. Какъ на многихъ греческихъ народныхъ праздникахъ, такъ и на этомъ былъ обычай шутить и подсмѣиваться другъ надъ другомъ. Пользуясь этимъ обыкновеніемъ, Леотихидъ послалъ слугу къ Демарату съ вопросомъ, какъ нравится ему нынѣшняя его должность послѣ царскаго сана. Оскорбленный насмѣшкой, Демаратъ отвѣчалъ, что онъ уже испыталъ все, а Леотихидъ еще не все, и, закрывъ голову плащомъ, пошелъ домой, принеся быка въ жертву Зевсу—Охранителю домашнего очага, взявъ дорожныя вещи и отправился въ Эгиду, говоря, что ѣдетъ въ Дельфы спросить оракула. Цари, не хотѣвшіе выпускать его изъ государства, послали за нимъ погоню; Демаратъ искалъ себѣ пріюта у эгинянъ, они отказались выдать его и помогли ему уѣхать въ Азію. Дарій принялъ его съ почетомъ, далъ ему округъ земли съ нѣсколькими городами въ Малой Азіи. Для плана, задуманнаго персидскимъ царемъ, было очень полезно, что у него живутъ и ждутъ отъ него возстановленія своей власти изгнанные цари двухъ важнѣйшихъ государствъ Греціи, Аѣинъ и Спарты. Спартанцы скоро узнали, что Клеоменъ обманомъ повлекъ ихъ въ несправедливое дѣло: раскрылось, что изреченіе оракула, враждебное Демарату, было получено подкупомъ; жрица Періалла была за это лишена своего сана, а главнаго виновника обмана, Кобона, дельфійцы изгнали. Спартанцы хотѣли, пользуясь этимъ случаемъ, избавиться отъ Клеомена, совершившаго столько преступленій противъ боговъ и людей и незадолго передъ тѣмъ отдавашаго союзницу Спарты Эгину во власть аѣинянъ. Онъ былъ обвиненъ передъ герусіей, но избавился отъ процесса бѣгствомъ въ Аркадію, недовольную спартанской гегемоніей. Онъ собралъ вождей аркадскаго народа у Понавриды и легко убѣдилъ ихъ дать ему клятву, что они пойдутъ за нимъ, куда онъ поведетъ ихъ. Имѣя такимъ образомъ войска Аркадіи въ своемъ распоряженіи, онъ могъ надѣяться побѣдить спартанцевъ. Покоренные мессеняне и илоты ждали только удобнаго случая и искуснаго вождя, чтобы взяться за оружіе. Спартанцы поняли, что прибѣгать къ силѣ тутъ не годится, надобно дѣйствовать осторожно. Они униженно пригласили Клеомена возвратиться въ Спарту и продолжать быть царемъ. Онъ возвратился и сталъ держать себя съ высокоуміемъ побѣдителя. Но скоро, какъ рассказываютъ, онъ убилъ себя въ припадкѣ помѣшательства. Извѣстія о причинѣ его помѣшательства различны: по однимъ, оно было наказаніемъ отъ боговъ за то, что онъ опустошительства различны: по другимъ, оно было наказаніемъ отъ боговъ за то, что онъ опустошилъ священный округъ элевзинскаго храма; по другимъ, оно произошло отъ пьянства, которому онъ научился отъ скивовъ. Ему наслѣдовалъ братъ его по отцу отъ другой матери, и вмѣстѣ зять его Леонидъ. Избавившись отъ Клеомена, спартанцы рѣшились

Демаратъ и Клеоменъ.

Леотихидъ въ нивложитъ и Леотихида. Эфоры обвинили его передъ герусіей, по жалобѣ эгинцевъ, за то, что онъ и Клеоменъ отдали ихъ заложниковъ аеинянамъ. Герусія рѣшила, что Леотихидъ долженъ быть выданъ эгинцамъ. Но они не посадили его въ темницу, какъ надѣялись спартанцы, а поручили ему отправиться въ Аены съ просьбой объ освобожденіи ихъ заложниковъ. Леотихидъ пріѣхалъ въ Аены и говорилъ въ народномъ собраніи, что честные люди обязаны возвратить вѣренное ихъ храненію. Но аеинскій народъ не хотѣлъ лишиться выгоды, какую доставляетъ ему то, что у него есть эгинскіе заложники. Леотихидъ воротился на Эгину безъ успѣха. Но эгинцы объявили, что онъ сдѣлалъ все зависѣвшее отъ него и отпустили его свободнымъ. Они не хотѣли навлекать на себя вражду его друзей. Въ Спартѣ тоже удовольствовались тѣмъ, что онъ послушно покорился правительству и освободили его отъ всякаго дальнѣйшаго наказанія.

Война эгинцевъ съ аеинянами. Эгинцы прибѣгли теперь къ другому средству отмстить аеинянамъ и освободить своихъ заложниковъ. Аеиняне ежегодно совершали праздникъ на мысѣ Суніѣ; на этотъ праздникъ отправлялись депутаты (теоры) изъ Аенъ на священномъ кораблѣ. Эгинцы подстерegli этотъ корабль, захватили его и заковали въ цѣпи взятыхъ ими въ плѣнъ аеинянъ, людей высокаго общественнаго положенія. Но вмѣсто того, чтобы предложить обмѣнъ плѣнныхъ, какъ ожидали эгинцы, аеиняне возобновили войну съ Эгиной и нашли неожиданныхъ союзниковъ себѣ между самими эгинцами. Вліятельный эгинскій гражданинъ, Никодромъ, обиженный аристократическимъ правительствомъ Эгины, условился съ аеинянами, что въ извѣстный день онъ, при содѣйствіи демократической партіи, овладѣетъ акрополемъ города Эгины, а въ это самое время аеинскій флотъ войдетъ въ эгинскую гавань. Въ назначенный день приверженцы демократіи взялись за оружіе, чтобы броситься на акрополь и, овладѣвъ имъ, низвергнуть аристократическое правительство. Но аеинскіе корабли не пришли въ назначенное время. Безъ ихъ помощи Никодромъ не могъ удержаться противъ аристократовъ, быстро вышедшихъ на него въ стройномъ порядкѣ. Онъ съ главными своими приверженцами бѣжалъ на корабль, стоявшій у него въ готовности и уѣхалъ въ Аттику, покинувъ толпу простолудиновъ на произволъ мщенія враговъ. Мщеніе было кровавое. Всѣ тѣ демократы, которые не пали въ сраженіи, были убиты; ихъ было 700. Одному удалось убѣжать въ храмъ Деметры-Законодательницы (Thesmophoros). Онъ схватился только за двери, когда настигли его преслѣдователи; они хотѣли оторвать его отъ кольца; напрасно: съ судорожной силой несчастный держался за него. Они отрубили ему обѣ руки, которыя такъ и остались повиснувшими на кольцѣ, затѣмъ повели его на смерть. Черезъ день явился у Эгины аеинскій флотъ, 70 тріеръ. Эгинцы вышли противъ него, но были побѣждены; имъ предстояла опасность, что аеиняне осадятъ городъ Эгину. Они послѣшно послали въ Аргосъ просьбу о помощи; но аргосцы сердились на нихъ за то, что, вынужденные требованіями лакедемонянъ, они послали нѣсколько тріеръ на помощь Клеомену во время войны съ Аргосомъ. Потому аргосскій народъ отказалъ эгинцамъ въ помощи. Но явилось 1,000 гражданъ, пожелавшихъ ѣхать на помощь Эгинѣ волонтерами, и аргосскій народъ не запретилъ имъ плыть въ Эгину. Ихъ предводитель Эврибатъ, много разъ одержавшій побѣду въ пентатлонѣ (состязаніи, при которомъ соединялись всѣ пять видовъ гимнастики), вызывалъ на поединокъ всѣхъ аеинянъ, какіе захотятъ биться съ нимъ. Онъ убилъ одного за другимъ трехъ аеинянъ, но четвертый, выступившій на бой, сильный воинъ, Софанъ декейскій, одолѣлъ и убилъ его. Въ сраженіи, слѣдовавшемъ за этими поединками, побѣдили аеиняне. Аргосскіе волонтеры почти всѣ пали въ битвѣ; эгинцы были отбѣснены въ городъ. Счастливейше были они на морѣ. Они сдѣлали неожиданное нападеніе на аеинскій флотъ и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ изготавиться къ битвѣ, они увели 4 корабля со всѣмъ ихъ экипажемъ. Аеиняне отступили; они отложили продолженіе войны до болѣе удобнаго времени, но оставались озлоблены на эгинцевъ.

Походъ Датиса и Артаферна. Въ 490 году надвинулась на Грецію грозная туча съ востока. 100000 пѣхоты и 10000 конницы отплыли изъ Киликіи на 600 воен-

ныхъ корабляхъ со множествомъ транспортныхъ судовъ; они шли по Эгейскому морю къ кикладскимъ островамъ и были посланы присоединить Эвбею и Аттику къ персидскому царству. Гиппій, находившійся съ ними, горѣлъ желаніемъ отмстить своимъ противникамъ. Начальство надъ экспедиціею было дано не Мардонію, навлекшему на себя немилость Дарія своею неудачею, а мидянину Датису, опытному воину, и племяннику царя Артаферну, сыну Артаферна, намѣстника сардскаго, челоуѣку, еще молодому. Наксосъ почувствовалъ первый тяжелую руку мщенія. Наксосцы, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ храбро защищавшіеся противъ персидскаго войска, которымъ командовалъ Аристагоръ, не отважились теперь сопротивляться. Въ ужасѣ они бѣжали скрыться въ ущельяхъ и на вершинахъ горъ, оставивъ свой городъ могущественному врагу; онъ сжегъ дома и храмы и обратилъ въ рабство всѣхъ, попавшихся ему жителей острова. Всѣ остальные кикладскіе острова принуждены были покориться; они дали заложниковъ и присоединили свои корабли къ персидскому флоту.

Но съ Делосомъ, священнымъ островомъ бога солнца, персы поступили милостиво. Они пригласили возвратиться жителей, бѣжавшихъ на Теносъ, и Датисъ выказалъ свое благоговѣніе къ Аполлону, сожегши на его жертвенникѣ 300 талантовъ ениміа въ жертву благоуханія. Правилемъ персидской политики было оказывать уваженіе и покровительство религіямъ другихъ народовъ.

Покоривъ киклады, персы пристали къ южному краю Эвбеи и высадились тамъ. Граждане маленькаго города Кариста отказались дать имъ заложниковъ и присоединить къ нимъ свое войско. Но опустошеніе области вынудило Каристъ покориться. Персы пошли дальше по проливу. Эретріею овладѣло смятеніе, когда флотъ присталъ къ берегу близъ этого города. Правда, Эретрія располагала значительнымъ войскомъ. Кромѣ того, что число гражданъ, составлявшихъ тяжело-вооруженную пѣхоту, простиралось до 6000, находились теперь въ Эретріи тѣ 4000 аттическихъ клеруховъ, которымъ была роздана участками земля, принадлежавшая халкидскимъ аристократамъ (стр. 308); это были храбрые, опытные въ войнѣ люди, считавшіе дѣло Эретріи своимъ собственнымъ. Но между гражданами Эретріи не было согласія. Одни говорили, что надобно идти изъ города и напасть на персовъ, другіе, что должно обороняться въ стѣнахъ города; многіе полагали, что надобно какіи-то бѣжать въ горы; а нѣкоторые были приверженцами персовъ и замыслили измѣну. При такомъ положеніи вещей паденіе города было неизбежно. Потому Эсхинъ, сынъ Нотона, одинъ изъ важнѣйшихъ людей въ Эретріи, патріотъ и другъ свободы, посовѣтовалъ аттическимъ клерухамъ покинуть городъ, чтобы сберечь свою жизнь до времени, когда храбрость ихъ принесетъ больше пользы. Они послѣдовали его совѣту и переправились черезъ проливъ на берегъ Аттики въ Оропъ,

Покореніе кикладскихъ острововъ.

Персы на Эвбѣ.

Раздоръ между эретрійцами.

пока персы не перерѣзали имъ путь. Персидское войско шло въ боевомъ порядкѣ. Но эретрійцы не вышли на битву и персы начали штурмовать городъ. Они встрѣтили упорное сопротивленіе, какого не ожидали. Шесть дней отбивали ихъ эретрійцы отъ своихъ стѣнъ и нанесли имъ большой уронъ, но на седьмой день Эвфорбъ и Филагръ, знатные граждане, предали городъ персамъ. Кто не погибъ при грабежѣ города, тѣ всѣ были уведены въ рабство. Ограбленный городъ былъ зажженъ.

Гиппій. Такъ Гиппій, совѣтами котораго во всемъ руководились тогда персы, отблагодарилъ за покровительство, которое въ молодости онъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ нашелъ у эретрійцевъ. И какъ тогда Пизистратъ, отправясь изъ Эретріи, побѣдоносно прошелъ черезъ Мараѳонъ въ Аѳины, такъ теперь Гиппій думалъ, что тою же дорогою возвратится съ триумфомъ въ родной городъ и проведетъ тамъ свою старость, хотя и персидскимъ вассаломъ, но царемъ. Онъ не зналъ новаго духа свободы, оживлявшаго теперь аѳинянъ, не зналъ мужества и энергіи, какія развились въ нихъ въ эти двадцать лѣтъ его изгнанія. Руководимое его совѣтами персидское войско, черезъ нѣсколько дней по разрушеніи Эретріи, переправилось черезъ Эврипъ и расположилось станомъ на мараѳонской равнинѣ, удобной для дѣйствія многочисленной конницы. Безъ сомнѣнія были у Гиппія въ Аѳинахъ тайные приверженцы, съ которыми онъ условился относительно высадки на южномъ берегу Аттики. Артафернъ раскинулъ свой шатеръ близъ мыса Киносуръ на прибрежномъ холмѣ, съ котораго открывалась вся равнина.

Посольство отъ Аѳинъ къ спар-танцамъ. Когда бѣжавшіе поселяне принесли въ Аѳины извѣстія, что Эретрія пала, что персидское войско переправилось въ Аттику и опустошаетъ всю землю до Декелеи и до Парнеса, аѳиняне мужественно рѣшили биться до послѣднихъ силъ за свободу и независимость. Во время выборовъ граждане уже предвидѣли опасность; потому архонтами и стратегами въ этомъ году были выбраны люди мужественные и умные. Полемархомъ былъ опытный воинъ, Каллимахъ афиднейскій; въ числѣ стратеговъ находились Мильтіадъ, Аристидъ,Themistocle и другіе люди испытанныхъ талантовъ. На военномъ совѣтѣ было рѣшено просить помощи спартанцевъ. Скороходъ Фидиппидъ поспѣшилъ съ этою просьбою въ Спарту. Разстояніе было нѣсколько больше 200 верстъ; онъ пробѣжалъ его въ два дня. Ему было поручено сказать царямъ и эфорамъ, что аѳиняне просятъ ихъ не допустить того, чтобы древнѣйшій изъ городовъ Эллады подпалъ подъ рабство варварамъ, что Эретрія уже погибла и въ Греціи стало однимъ знаменитымъ городомъ меньше. Лакедемонцы не отвергли просьбы, но сказали, что въ мѣсяцъ Карней — а тогда былъ мѣсяцъ Карней *) —

*) Онъ соотвѣтствовалъ аѳинскому мѣсяцу Метагитніону, который приходился въ августъ и сентябрь нашего календаря.

они, по древнему обычаю, не могутъ выступать въ походъ раньше полнолунія. А до полнолунія оставалось еще десять дней. Можно было полагать, что если Гиппій, безъ сомнѣнія имѣвшій въ Аѳинахъ много приверженцевъ, явится съ огромнымъ войскомъ у ихъ стѣнъ, повторится то, что было въ Эретріи. Опасность придавала бы тогда вѣсь словамъ робкихъ, что добровольная покорность лучше отчаянной борьбы, исходъ которой сомнителенъ. Потому всѣ проникательные патріоты въ Аѳинахъ находили, что вѣрнѣйшее средство спасенія — быстрое нападеніе на персовъ.

Въ особенности сильно настаивалъ на этомъ Мильтіадъ, знавшій, что въ случаѣ торжества Гиппія и персовъ гибель его неизбежна. Онъ, совѣтовавшій сломать мостъ на Дунаѣ и отдать бѣгущихъ персовъ на жертву мнѣнію скифовъ, не могъ ожидать пощады себѣ отъ Дарія; а Гиппій едва ли могъ забыть старую смертельную вражду между филандами и пизистратами. Когда Мильтіадъ, за два года передъ намѣщеніемъ персовъ на Аттику, приплылъ съ своими богатствами въ пирейскую гавань, въ Аѳинахъ нашлось много завистниковъ и враговъ ему. Былъ возбужденъ судебнымъ порядкомъ вопросъ, можно ли, не подвергая опасности свободу народа, допустить жить въ Аѳинахъ человеку, который самовластвовалъ, какъ царь, въ Херсонесѣ; многіе вліятельные люди желали, чтобы онъ былъ изгнанъ. Но уваженіе народа къ его патріотизму и заслугамъ передъ аѳинскимъ государствомъ разрушили интриги его враговъ и аѳинскій народъ былъ такъ разсудителенъ, что понималъ, до какой степени необходимо ему теперь, въ трудные дни, воспользоваться опытностью Мильтіада, который одинъ изъ всѣхъ аѳинянъ хорошо зналъ характеръ войска и тактику персовъ. Онъ, сражавшійся въ рядахъ персовъ, одинъ былъ способенъ побѣдить ихъ.

Стратеги и полемархъ собрались на военный совѣтъ; судьба аѳинскаго государства зависѣла отъ того, какое рѣшеніе будетъ принято на немъ. Мильтіадъ предложилъ немедленно вести все войско на врага; Аристидъ и еще три стратега согласились съ нимъ; пять другихъ стратеговъ полагали, что должно держаться выжидательнаго образа дѣйствій. На чьей сторонѣ будетъ большинство голосовъ, должно было опредѣлиться тѣмъ, какъ вотируетъ полемархъ. Мильтіадъ отвелъ его въ сторону и сказалъ: «Отъ тебя, Каллимахъ, теперь зависитъ повергнуть Аѳины въ рабство или сохранить ихъ свободными и создать себѣ на вѣчныя времена славу выше той, какую оставили по себѣ Гармодій и Аристокитонъ. Съ той поры, какъ существуютъ Аѳины, не находились они въ такой опасности, какъ теперь. Если ты присоедилишься къ моему мнѣнію, нашъ родной городъ останется свободнымъ и будетъ первымъ въ Элладѣ; а если ты подашь голосъ за тѣхъ, которые не хотятъ битвы, то ты знаешь, какую судьбу испытаемъ мы, отданные подъ власть Гиппію». Каллимахъ подалъ голосъ за мнѣніе Мильтіада, и было рѣшено идти къ Мараѳону. Народное собраніе радостно утвердило это мужественное рѣшеніе.

Мильтіадъ.

Рѣшеніе идти на встрѣчу персамъ.

Афинское войско при Марафонѣ. Въ началѣ сентября афинское войско, состоявшее изъ 10000 гражданъ, перешло высоты Пентелака и Парнеса и расположилось станомъ у подошвы хребта, передъ которымъ раскинулись по равнинѣ въ необозримомъ множествѣ легковооруженные стрѣлки и конница персовъ. Гоплиты дѣлились на десять отрядовъ, по 100 человекъ; каждымъ отрядомъ начальствовалъ одинъ изъ стратеговъ; власть главнокомандующаго переходила по очереди отъ одного къ другому, на одинъ день. Но большинство стратеговъ было такъ убѣждено въ гениальности Мильтіада, что предоставило ему, по совѣту Аристиды, команду и въ свои дни. Однако-жь онъ подождалъ битвою до того дня, въ который начальство надъ войскомъ принадлежало ему по очереди. Афинскіе гоплиты съ своими большими щитами и длинными, тяжелыми копьями уже стали въ строй на битву, когда подошло къ нимъ неожиданное подкрѣпленіе, — тысяча платейскихъ гражданъ.

Платейцы. Афиняне были радостно удивлены тѣмъ, что маленькое платейское государство такъ благородно выказало въ тяжелое для нихъ время свою признательность къ нимъ за ихъ помощь ему. Большія государства уклонились отъ участія въ общемъ національномъ дѣлѣ, а Платей послала всѣхъ своихъ воиновъ въ бой на жизнь и смерть. Этимъ она приобрѣла себѣ навсегда дружбу и благодарность афинянъ. Со времени марафонской битвы, на праздникъ государственнаго единства Атики, на праздникъ Панаэней, въ молитву объ афинскомъ народѣ были включены и платейцы. Начальникомъ платейскаго войска былъ храбрый вождь Аимнестъ. Эти мужественные гоплиты стали на лѣвомъ флангѣ афинскаго боеваго строя.

Марафонская битва 12 сентября. Въ 17-ый день мѣсяца метагиттіона (12 сентября) твердые ряды тяжеловооруженной греческой пѣхоты ринулись бѣгомъ съ высоты на равнину. Персы сиотрѣли на это съ изумленіемъ: такое маленькое войско, всего 11000 человекъ, — войско, не имѣющее ни стрѣлковъ, ни конницы, само ищетъ боя съ войскомъ, въ которомъ 110000 воиновъ; — персы думали, что эти люди сошли съ ума. Греческая тактика была вообще осторожная; но Мильтіадъ нашелъ, что теперь должно дѣйствовать иначе, и двинулъ войско въ быструю атаку, чтобъ оно какъ можно меньше оставалось подъ дождемъ стрѣлъ, и чтобы непріятельская конница не имѣла времени развернуться. Быть можетъ, онъ считалъ надобнымъ скорѣе кончить битву и потому, что разгадалъ планъ персовъ: большая часть ихъ флота съ частью войскъ пошли на югъ, чтобъ овладѣть фалерскою гаванью, откуда персы хотѣли идти на Афины. — Итакъ, греческіе гоплиты перебѣжали разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ непріятеля — около двухъ верстъ — и съ громкимъ боевымъ крикомъ, направивъ горизонтально копья, ринулись на персовъ, мидянъ и саковъ, построенныхъ четырехугольникомъ. Враги выдержали натискъ, бились крѣпко, стали тѣснить слабѣйшую часть греческаго войска, центръ; какъ ни храбро сражались Аристидъ иThemistocle, стоявшіе тутъ съ гоплитами сво-

ихъ филъ, непріятель разорвалъ ихъ ряды и перебилъ много оруженосцевъ, стоявшихъ позади боевой линіи. Но на обоихъ крыльяхъ греки побѣдили; не преслѣдуя бѣгущихъ враговъ, они съ обѣихъ сторонъ пошли къ центру, ряды его снова сомкнулись, греки сдѣлали общее наступленіе на персовъ и саковъ, бывшихъ въ началѣ побѣдоносными, они разбили ихъ, и скоро бѣгство стало всеобщимъ. Много враговъ утонуло въ болотахъ на сѣверѣ; большая часть бѣжала къ берегу, гдѣ стояли корабли, стали отвязывать ихъ, чтобы уплыть. Побѣдители настигли бѣгущихъ, задерживали, зажигали корабли; массы варваровъ падали подъ мечами грековъ. Но были въ этой свалкѣ убиты и довольно многіе греки, въ томъ числѣ храбрый полемархъ Каллимахъ и Стесилай, одинъ изъ стратеговъ; Кинегиръ, братъ Эсхила, сражавшагося рядомъ съ нимъ, схватился за непріятельскую лодку, чтобъ удержать ее; ему отрубили руку топоромъ. — Весь персидскій станъ со всѣмъ обозомъ достался побѣдителямъ. Но число кораблей, взятыхъ ими, было только 7. Остальные успѣли отойти отъ берега, и персы съ плѣнными эретрійцами пустились къ югу. Стража, поставленная на горахъ, съ изумленіемъ увидѣла, что персы плывутъ мимо мыса Сунія на западъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ неожиданно напасть на Афины, остававшіяся безъ войска. Говорили, что этотъ планъ былъ внушенъ персамъ сторонниками Гиппія, что сигналомъ призыва персовъ былъ поднятъ на горѣ блестящій щитъ. Мильтіадъ быстро принялъ рѣшеніе: поручивъ Аристиду съ гоплитами его филы (Антиохиды) охранять добычу и заботиться о раненыхъ, онъ съ остальнымъ войскомъ пошелъ прямымъ путемъ въ Афины отразить новое нападеніе побѣжденнаго врага. И дѣйствительно флотъ варваровъ появился близъ Фалера; но Мильтіадъ предупредилъ его. Датись и Артафернъ, увидѣвъ выстроенное въ Киносаргахъ на Илоссѣ афинское войско, покинули мысль о высадкѣ. Персидскій флотъ съ добычею и плѣнниками, взятыми на Наксосѣ и въ Эретріи, пошелъ обратно въ Азію.

Бѣгство персовъ.

Персидскій флотъ.

Гиппій, вѣроятно находился на флотѣ. Но неудача экспедиціи, вѣроятно, Смерть Гиппія. подорвала силы старика. Съ нимъ приключилась какая-то болѣзнь, отъ которой онъ потерялъ зрѣніе и умеръ на пути въ Азію, на островѣ Лемносъ. По другимъ извѣстіямъ онъ былъ убитъ въ Марафонской битвѣ. — Съ плѣнными эретрійцами Дарій поступилъ милостиво. Онъ далъ имъ городъ Ардерикку, стоявшій на Тигрѣ, въ 5 миляхъ отъ Сузы, на большой дорогѣ; во время Геродота они еще сохраняли свой языкъ и греческіе нравы. Эвфорбъ и Филагръ, предавшіе персамъ Эретрію, были награждены землями. — Разсказъ Геродота о Марафонской битвѣ издавна возбуждалъ сомнѣніе. Въ особенности странно то, что персидская конница какъ будто не участвовала по этому разсказу въ сраженіи. Опираясь на выраженіе, находящееся у Свидаса „конница ушла“, нѣкоторые ученые дѣлали такое предположеніе: по согласію съ приверженцами персовъ въ Афинахъ, конница и большая часть пѣхоты были уже посажены на корабли, когда

греки напали на персовъ, у которыхъ было намѣреніе употребить главную часть своихъ силъ на атаку Аѣниѣ съ юга.

Прибывшіе
спартанцы.

Надгробный
холмъ.

Значеніе мара-
ѣонской битвы.

На другой день послѣ битвы вечеромъ пришли 2000 спартанцевъ на помощь аѣниинцамъ. Они прошли свой далекій путь въ три дня. Узнавъ, что персы побѣждены, они пожелали видѣть поле битвы, на которомъ еще лежали 6400 тѣлъ убитыхъ враговъ. Спартанцы высказали похвалу храбрости аѣниинѣ и пошли домой. Аѣниинѣ похоронили своихъ убитыхъ — по Геродоту, число ихъ было 192 — на полѣ битвы и написали имена ихъ на 10 колоннахъ, украшавшихъ надгробный памятникъ. Платеинѣ и убитые рабы также были похоронены съ почестями; а тѣла персовъ были все безъ разбора брошены въ могильныя ямы. Подлѣ надгробныхъ кургановъ, которые еще и теперь остаются видны на мараѣонской равнинѣ, аѣниинѣ поставили два памятника изъ бѣлаго мрамора: одинъ въ честь защитниковъ Греціи, «рукою которыхъ низвергнута во прахъ сила золотоукрашенныхъ мидянѣ», а другой въ честь Мильтіада. Мараѣонская битва навсегда осталась гордостью аѣниинѣ. Аѣниинскіе граждане выдержали тутъ кровавое испытаніе и доказали, что они достойны свободы. Надпись на гробницѣ Эсхила говорила о немъ только то, что онъ сражался при Мараѣонѣ и показалъ свою храбрость мидянамъ; это было величайшею славою его. Патриотическіе ораторы позднѣйшихъ вѣковъ говорили о мараѣонской битвѣ, когда хотѣли возбудить отвагу въ аѣниинскомъ народѣ. Аѣниинѣ чувствовалъ гордое удовольствіе, когда его называли «потомкомъ бывшихъ при Мараѣонѣ». Въ воспоминаніе объ этой великой побѣдѣ ежегодно совершались жертвоприношенія Артемидѣ агротерской, которую Мильтіадъ передъ битвой просилъ о помощи; жители Мараѣона, въ годовщину битвы, совершали молитвы и возліянія на могильныхъ холмахъ. Аѣниинѣ назначили награду тому, кто напишетъ лучшую элегію въ честь павшихъ при Мараѣонѣ; награду получилъ Симонидъ кеосскій (стр. 305). Пиндадъ также прославлялъ Аѣины, «опору Греціи, достопамятный городъ».

подробности о мараѣонской битвѣ.

Религіозные
праздники и
приношенія
богамъ.

Аѣниинѣ приписывали богамъ большое участіе въ своей славной побѣдѣ и чтили ихъ за то. Когда Фидиппидъ бѣжалъ въ Спарту, онъ услышалъ на горѣ Парѣниѣ, близъ Тегей, голосъ бога Пана, сказавшій, чтобы аѣниинѣ вспоминали его, потому что онъ доброжелателенъ къ нимъ, оказалъ имъ ужъ много добра и будетъ оказывать впередъ. Послѣ битвы аѣниинѣ говорили, что этотъ богъ навелъ на враговъ ужасъ (тотъ общій испугъ, который по его имени называется паническимъ). Гора и гротъ Пана находились близъ мѣста битвы; тамъ была и группа скалъ, казавшихся похожими на козъ и потому называвшихся козами Пана. Въ благодарность за то, что онъ устроилъ персовъ, аѣниинѣ посвятили ему гротъ, находившійся въ скалѣ подлѣ агрополемъ, постановили ежегодно совершать жертвоприношенія ему и устраивать въ честь его бѣгъ съ факелами;

Мильтіадъ поставилъ въ гротъ его статую, на которой была вырѣзана надпись, составленная Симонидомъ: «Меня, козлоногаго Пана, врага мидянѣ, друга аѣниинѣ, поставилъ Мильтіадъ». — Передъ битвой Мильтіадъ обѣщалъ принести въ жертву Артемидѣ агротерской столько козъ, сколько будетъ убито враговъ. По рѣшенію народа было установлено, что въ исполненіе этого обѣта, въ 6-ой день воздроміана, мѣсяца, слѣдовавшаго за битвой, на праздникъ этой богини будетъ принесено въ жертву 500 козъ и что такое жертвоприношеніе будетъ повторяться въ этотъ день каждыя годъ (этотъ обрядъ послужилъ источникомъ ошибочнаго мнѣнія, что битва при Мараѣонѣ происходила въ день праздника Артемиды). Десятая часть добычи была отдана Аѣинѣ, Аполлону и Артемидѣ. Доля Аѣины была употреблена впоследствии времени на статую ей, которую сдѣлалъ Фидій; эта бронзовая статуя «Аѣины-Защитницы», имѣвшая въ вышину 60 футовъ, была поставлена въ акрополѣ; изъ добычи, приходившейся на долю Аполлона, было сдѣлано нѣсколько мѣдныхъ статуй и построено зданіе для нихъ при Дельфійскомъ храмѣ, въ который были пожертвованы онѣ; на остальную треть былъ въ Аѣинахъ построенъ храмъ «славной» Артемиды. Въ то время, когда Павзаній посѣтилъ мараѣонскую равнину, было еще можно прочесть на колоннахъ имена убитыхъ въ этой битвѣ; легенды, рассказанныя Павзанію, свидѣтельствуютъ, какъ свѣжа оставалась память объ этомъ сраженіи черезъ 600 лѣтъ послѣ него: «тутъ каждую ночь слышно ржаніе лошадей и шумъ сраженія», говоритъ Павзаній (I, 32), «Кто нарочно становился тутъ, чтобы слышать это, тому его поступокъ не проходилъ безнаказанно; но кто услышитъ это случайно, на того духи не гнѣваются. Мнѣ рассказывали, что въ сраженіи находился человѣкъ, по виду и по одеждѣ поселянинъ, и что онъ убилъ много варваровъ плугомъ, а послѣ сраженія исчезъ. Когда аѣниинѣ спросили божество, кто былъ онъ, то получили отвѣтъ, что должны чтить героя Эхетлея (плугодержца). Повыше болота, въ которомъ погибло множество варваровъ, мнѣ показывали каменные колоды, изъ которыхъ были лошади Артаферна, а на скалѣ слѣды шатра».

Легенды о полѣ
мараѣонской
битвы.

3) АРИСТИДЪ И ѦМИСТОКЛЪ.

Послѣ мараѣонской битвы Мильтіадъ сталъ первымъ человѣкомъ въ Аѣинахъ. Народъ осыпалъ великаго полководца почестями. На полѣ битвы былъ поставленъ особый памятникъ въ славу его, — честь, какой не удостоился никто другой послѣ него; было рѣшено поставить въ пританеѣ подлѣ статуй Гармодія и Аристокитона статую его; часть добычи была употреблена на то, чтобы сдѣлать мѣдную статую его для дельфійскаго храма. Довѣріе аѣниинѣ къ нему было такъ велико, что они предоставили въ его распоряженіе флотъ, войско и военную кассу, когда онъ сказалъ, что хочетъ предпринять экспедицію, назначеніе которой онъ долженъ пока оставить въ секретѣ, но которая принесетъ аѣниинцамъ большую выгоду. Почетъ, которымъ пользовался Мильтіадъ, былъ такъ великъ, что дѣйствительно могъ отнять сонъ у Ѧмистокла, человѣка съ пламеннымъ честолюбіемъ. Но звѣзда побѣдителя при Мараѣонѣ должна была скоро померкнуть. Весною слѣдующаго года Мильтіадъ съ 70 кораблями и значительнымъ отрядомъ войска на нихъ попылъ наказывать кикладскіе острова за то, что они покорились персамъ. По опустошеніи Наксоса персами, самымъ богатымъ и сильнымъ изъ этихъ острововъ былъ Паросъ. Мильтіадъ направился къ нему и потребовалъ 100 талантовъ контрибуціи за то, что Паросъ далъ триэру персамъ. Граж-

Экспедиція
Мильтіада про-
тивъ Пароса
489.

дане Пароса отказались уплатить эту сумму; они боялись, что персы возвратятся и тяжко накажут их, если они дадут деньги афинянамъ. Все население острова ушло въ городъ; стѣны города были наскоро поправлены и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высота ихъ была удвоена. Мильтиадъ рѣшился взять городъ осадой. Его корабли не допускали никакого подвоза; войско, выведенное имъ на берегъ, опустошило поля и блокировало городъ съ суши. Но гоплиты были мало способны къ осаднымъ дѣйствіямъ и не имѣли орудій, потому она затянулась. Мильтиадъ стоялъ подъ городомъ 26 дней; онъ подкопалъ стѣны; онѣ начинали рушиться, и горожане уже думали сдаться. Но ночью запылалъ большой огонь на островѣ Миконѣ, находящемся къ востоку отъ Пароса. Горожане почли это за сигналъ, подаваемый персами, что приближается персидскій флотъ, и рѣшились продолжать оборону. Мильтиадъ, зная, что персы подаютъ сигналы зажиганіемъ костровъ, нашелъ надобнымъ снять осаду, тѣмъ болѣе, что самъ былъ раненъ въ ногу. Потерпѣвъ большой уронъ и не получивъ никакихъ успѣховъ, экспедиція воротилась въ Афины. Огонь, принятый за сигналъ, былъ, какъ послѣ оказалось, случайнымъ пожаромъ въ лѣсу.

Судъ надъ Мильтиадомъ. При возвращеніи экспедиціи въ афинянахъ поднялось сильное неудовольствіе. Они полагали, что она будетъ направлена противъ персовъ и ждали побѣды; теперь они увидѣли, что тайнственное предприятие было хищническое нападеніе на грековъ, на іонійцевъ, соплеменниковъ, и нападеніе неудачное. Марафонская слава была утрачена, честь Афинъ компрометирована. Противники Мильтиада воспользовались случаемъ повредить ему. Ксантиппъ, породнившійся съ Алкмеонидами женитьбою на Агаристѣ, племянницѣ Клизеена, предложилъ народному собранію предать Мильтиада суду за то, что онъ обманулъ афинскій народъ лживыми обѣщаніями. Это предложеніе о преданіи суду (eisangelia) было принято народомъ, и былъ начатъ процессъ противъ Мильтиада. Онъ страдалъ воспаленіемъ раны, такъ что его принесли на носилкахъ въ засѣданіе суда. Друзья защищали его, говорили о великихъ заслугахъ, которыя оказалъ онъ государству покореніемъ Лемноса и побѣдою при Марафонѣ. Но какъ ни высоко цѣнилъ народъ его заслуги, экспедиція противъ Пароса сочтена была преступленіемъ. Его избавили отъ наказанія смертью, но осудили уплатить издержки на экспедицію, составлявшія 50 талантовъ (около 70,000 руб. сер.) Мильтиадъ имѣлъ средства заплатить эту сумму; но прежде, чѣмъ могъ собрать ее продажей имущества, онъ умеръ отъ раны. Сынъ его Кимонъ заплатилъ штрафъ и похоронилъ отца съ должными почестями. Но родовое имущество было такъ истощено уплатою штрафа, что Кимонъ долженъ былъ жить очень экономно. Только свадьба его сестры съ богатымъ афиняниномъ Калліемъ вывела его изъ нужды.

У афинянъ были люди, которые могли замѣнить побѣдителя при Марафонѣ, люди, равные ему умомъ и мужествомъ, превосходившіе его гражданскими доблестями. Ксантиппъ, постоянно бывшій противникомъ Мильтиада, котораго подозрѣвалъ въ намѣреніи сдѣлаться тиранномъ, былъ горячій приверженецъ идей и учрежденій своего родственника Клизеена, храбрый и прямодушный воинъ. Еще больше уважали афиняне человѣка, не блиставшаго ни богатствомъ, ни знатностью, ни чрезвычайными талантами, но заслужившаго славу честностью, патриотизмомъ, добродѣтелью, Аристиды, сына Лисимаха (онъ былъ уроженцемъ Алопекскаго дѣма, Антиохидской филы). Скромный человѣкъ, никогда ничего не добивавшійся для себя, всегда покорный закону и обязанности, не нарушавшій и на войнѣ требованій справедливости и нравственности, — человѣкъ, котораго народъ называлъ справедливымъ, Аристидъ былъ однимъ изъ главныхъ правителей государства во времена очень трудныя; и даже когда его противники одерживали верхъ, его имя всегда оставалось уважаемымъ; — это очень много говорить въ пользу афинскаго народа той эпохи.

Аристидъ
около 540,
умеръ 467.

Аристидъ происходилъ отъ фамиліи не очень бѣдной, но не богатой, принадлежавшей къ классу пентакосіомедимновъ и находившейся въ родствѣ съ богатымъ родомъ Каллія и Гиппоника. То скромное наслѣдство, которое получилъ онъ и которое легко могъ бы увеличить, онъ прожилъ почти все во время своего управленія государственными дѣлами. Думая только о пользѣ своихъ согражданъ, онъ совершенно забывалъ себя и свои выгоды; его преданность благу родины была безгранична; эгоизмъ былъ совершенно чуждъ ему. Польза отечества была его цѣлью, средствомъ служить отечеству была для него справедливость. Съ этого пути не отклоняли его ни счастье, ни несчастье, ни просьбы друзей, ни угрозы противниковъ. Весь древній міръ признавалъ Аристиду человѣкомъ чистѣйшаго характера, никогда не замаравшимъ ни руки, ни сердца, всегда соблюдавшимъ справедливость даже и относительно своихъ противниковъ. Незадолго передъ смертью ему случилось быть въ театрѣ на представленіи трагедіи Эсхила „Походъ семи царей противъ Фивъ“; въ ней говорится объ Амфиарѣ: „Не казаться только, а быть справедливымъ хочетъ онъ; въ его груди глубоко лежитъ благоразуміе и порождаетъ оно мудрые совѣты“; — при этихъ стихахъ взгляды всѣхъ обратились на Аристиду.

Менѣе чистъ и добросовѣстенъ былъ младшій современникъ Аристиды Фемистоклъ, сынъ Неокла, уроженецъ Фреаррейскаго дѣма, леонтійской филы; но онъ далеко превосходилъ Аристиду силой ума и былъ одушевленъ пламеннымъ честолюбіемъ.

Фемистоклъ
около 520,
умеръ 460.

Въ дѣтствѣ Фемистоклъ уже возбуждалъ своею любознательностью удивленіе учителей, предсказывавшихъ, что онъ будетъ, дурнымъ-ли или хорошимъ, во всякомъ случаѣ очень замѣчательнымъ человѣкомъ. Его мать была иноземка, потому онъ не былъ допускаемъ въ гимнастическія школы, которыя посѣщались только дѣтьми полноправнаго гражданина и полноправ-

ной гражданки; долженъ былъ ходить въ Киносарги, куда были допускаемы дѣти гражданъ отъ матерей не-гражданокъ и дѣти метековъ. Обижаясь этимъ, онъ уговорилъ нѣсколько своихъ сверстниковъ изъ числа дѣтей знатнѣйшихъ семействъ ходить вмѣстѣ съ нимъ въ Киносарги и черезъ это сдѣлалъ Киносарги школою, такую-же уважаемою, какъ другія. О приобрѣтеніи знаній и ораторскаго искусства онъ заботился болѣе, чѣмъ о томъ, чтобы стать знатокомъ поэзіи и музыки; и однажды сказалъ, что играть на музыкальныхъ инструментахъ онъ не умѣетъ, но умѣетъ сдѣлать государство могущественнымъ; однако-же, когда до него доходила очередь быть хорегомъ, онъ не жалѣлъ расходовъ на то, чтобы хоры были хороши; точно также онъ дѣлалъ большіе взносы на общественные праздники и обѣды; это было полезно ему для приобрѣтенія любви согражданъ и онъ былъ въ этомъ отношеніи болѣе щедръ, чѣмъ позволяла ему ограниченность его состоянія; потому онъ былъ менѣе разборчивъ на средства приобрѣтать деньги, чѣмъ Аристидъ. Человѣкъ, одаренный сильнымъ практическимъ умомъ, удивительно проницательнымъ, и способностью говорить убѣдительно, онъ очень рано сталъ произносить рѣчи въ народномъ собраніи и въ трибуналахъ и, еще въ молодыхъ лѣтахъ, сдѣлался главою партіи, довѣріе которой оправдывалъ своею рѣшительностью, твердостью, неутомимою энергіею, не слишкомъ щекотливою относительно справедливаго и несправедливаго. Плутархъ говоритъ, что уже по лицуThemistocle можно было видѣть, что онъ великій человѣкъ. Фукидидъ находитъ, что онъ былъ одаренъ отъ природы изумительной силой ума; что, по своей проницательности, онъ очень быстро вникалъ въ сущность дѣла и благодаря тому чрезвычайно хорошо умѣлъ судить о настоящемъ и разгадывать будущее; что свои мысли онъ умѣлъ излагать очень хорошо; что даже о тѣхъ предметахъ, которые онъ мало изучалъ, умѣлъ онъ судить правильно; однимъ словомъ что, по своей геніальности и по быстротѣ соображенія, онъ былъ необыкновенно способенъ и понять, какъ надобно поступить, и исполнить дѣло.

Предложеніе
Themistocle
увеличить
флотъ.

Вскорѣ послѣ мараонской битвы въ Аѣны дошли извѣстія, что Дарій готовится отмстить за поражение. Это послужило поводомъ къ спору между Themistocle и Аристидомъ. Themistocle считалъ необходимою для Аттики сдѣлаться морскимъ государствомъ; онъ полагалъ, что только многочисленный флотъ дастъ государству возможность выдержать борьбу и что онъ доставитъ Аѣнамъ преобладаніе въ Греціи; что положеніе Аттики представляетъ удобства для образованія сильнаго флота, которыми должно воспользоваться и что для службы на флотѣ можно употребить значительную часть гражданъ, которая не участвуетъ въ сухопутной войнѣ: этою частью народа былъ классъ Ѳетовъ.

По существующимъ законамъ только три первые класса гражданъ, состоявшіе изъ земельныхъ собственниковъ, имѣли право и обязанность ходить на войну; масса гражданъ, неимѣвшихъ земельной собственности — ремесленники, мелкіе торговцы, рыбаки, поденщики, могли быть призываемы къ оружію только для защиты города; — такимъ образомъ государство не пользовалось ихъ силами въ заграничныхъ войнахъ. Themistocle хотѣлъ, чтобы они служили во флотѣ, были гребцами и матросами; возлагая на нихъ новыя обязанности и предоставляя имъ новыя права, государ-

ство возбудить въ нихъ чувство чести, интересъ къ общему благу, полагалъ Themistocle; этимъ приобрѣтетъ оно новыя силы, которыя теперь остаются безполезны для него.

По этимъ соображеніямъ, а быть можетъ также и по желанію приобрѣсти себѣ новыхъ приверженцевъ, явившись представителемъ интересовъ бѣднаго сословія, Themistocle предложилъ увеличить силу аѣнскаго флота до 200 триеръ; онъ говорилъ, что это необходимо для побѣды надъ эгинцами и для обороны отъ варваровъ. Аристидъ противился этому предложенію, онъ думалъ, что такой флотъ превышалъ-бы средства государства, а между тѣмъ былъ бы все-таки недостаточно силенъ для борьбы съ персидскимъ флотомъ, что самой прочной опорой государства должно считать гражданъ, владѣющихъ землями, и сухопутное войско, состоящее изъ нихъ; что это войско, выказавшее такую храбрость, будетъ ослаблено заботами объ увеличеніи флота, ведущими къ тому, что число земледѣльцевъ уменьшится, что преобладаніе въ государствѣ, принадлежащее теперь землевладѣльцамъ, перейдетъ тогда къ низшему классу гражданъ; что масса людей, не имѣющихъ прочной осядлости, будетъ увеличена притокомъ переселенцевъ изъ другихъ государствъ Греціи; что сгладится различіе между сословіями, мудро установленное закономъ.

Сопротивленіе
Аристида.

Число противниковъ предложенія Themistocle было велико; кромѣ того, что они не желали этого нововведенія, имъ было страшно, что честолюбивый, беспокойный человѣкъ захватываетъ въ свои руки веденіе государственныхъ дѣлъ. Но Themistocle достигъ того, что народъ принялъ его предложеніе. Аѣнскіе граждане благородно пожертвовали тѣми доходами, какіе имѣли отъ Лаврійскихъ серебряныхъ рудниковъ. Эти рудники сдавались на откупъ и кромѣ того государство получало часть добываемаго изъ нихъ серебра (около 4%). Деньги эти обыкновенно были раздѣляемы между гражданами. Народное собраніе постановило обратить ихъ на увеличеніе флота. Но на суммы, находившіяся въ государственной казнѣ, можно было построить только 20 триеръ; чтобы довести флотъ до силы, какую хотѣлъ дать ему Themistocle, надобно было каждый годъ дѣлать расходы, очень обременительные для гражданъ. Потому Аристидъ и его партія постоянно боролись противъ всѣхъ предложеній Themistocle; они успѣвали очень много мѣшать ему. Государственные интересы страдали отъ борьбы Аристида съ Themistocle. Тотъ или другой изъ нихъ долженъ былъ быть устраненъ отъ дѣлъ. Остракизмъ въ 484 или 483 году рѣшилъ дѣло. Имя Аристида оказалось написаннымъ болѣе, чѣмъ на 6,000 дощечекъ — болѣе чѣмъ на томъ количествѣ ихъ, какое нужно было для изгнанія. Говорятъ, что самъ онъ написалъ свое имя на дощечкѣ для незнакомаго съ нимъ гражданина,

Рѣшеніе
строить новые
корабли 487.

Изгнаніе Аристида 483.

которому наскучило постоянно слышать, что все называют его справедливым. По рассказу Плутарха, когда изгнанник покидал город, то поднял руки к небу и произнес мольбу, чтобы афиняне не постигла такая судьба, которая принудила бы их вспомнить об Аристиде. — Теперь дело увеличения афинского флота новыми кораблями было поведено в широком размахе. По словам Фукидида, «Θεμιστοκλῆς был первым, высказавшим ту отважную мысль, что афиняне должны приобрести себе владычество на море; этим он доставил Афинам гегемонию».

Постройка
укреплений
пирейской
гавани.

Еще за десять лет перед этим временем Θεμιστοκλῆς, бывший первым архонтом, начал укреплять и с суши и с моря три бухты залива, у которого стояла деревня Пирей; часть залива, образующая эти бухты, была предназначена служить гаванью для флота. Прежде военной гаванью была бухта у деревни Фалера; но она очень мало вдается в материк и не могла вмещать большого флота. Работы в Пирее были начаты еще до войны с персами. Война остановила их. Теперь они были окончены и была создана хорошая, укрепленная гавань. Мы уже описывали Пирей и его укрепления (стр. 19-я). По словам Фукидида, Пирей казался Θεμιστοκλῆсу важнее Афин, лежащих далеко от моря, и он говорил афинянам, что если они будут побуждены в сухопутной войне, то должны переселиться в Пирей; там под защитой флота они будут безопасны от всяких врагов. На берегу гавани были построены верфи, в которых стало работать безчисленное множество людей, кипела самая энергическая деятельность. Арсеналы и магазины, завешивание которыми было поручено комитету десяти портовых смотрителей, покрывали местность, окруженную стенами гавани.

Триархия.

Θεμιστοκλῆς с изумительной энергией вел дело постройки кораблей на государственный счет. Прежде государство делилось на 50 корабельных округов (навкратий); каждая навкратия была обязана содержать одну триарху. Теперь этого было мало. Разделение государства на навкратии было отменено, и все триархи поступили в собственность государства. Но государственных средств не доставало на все расходы по увеличению флота. Потому было постановлено, что начальники военных кораблей, триархи, должны назначаться из числа граждан, имущество которых не менее определенной, довольно высокой суммы; и что каждый, назначаемый начальником триархи обязан за оказанную ему этим честь пополнить из своих денег то, чего не хватает для снаряжения вверенного ему корабля, продовольствовать гребцов и ремонтировать корабль. Таким образом флот, принадлежавший прежде товариществам граждан, стал собственностью государства; но правительство только строило корпус корабля; все остальные расходы по снаряжению лежали на триархах; он был обязан оснастить корабль, сделать паруса и весла; содержать тех служащих на корабле, которые не имели средств сами содержать себя. При составлении списка граждан, имеющих право и с тем вместе обязанность быть триархами, производилась оценка всего имущества, а не одной только земельной собственности, как было при распределении граждан по классам. Кажется, что в этот список вносились все граждане, имущество которых достигало трех талантов. Сан триарха требовал больших расходов; за обременительность его служило некоторым вознаграждением только то, что он был

почтен, давал человеку важное общественное значение. Тому триарху, который первый закончил снаряжение своего корабля, давался золотой триархический венок, ценою в 500 драхм (около 115 рублей серебром); давался он триархам и за другие отличия; эта награда была очень привлекательна честолюбивым людям. Граждане, внесенные в список лиц, имеющих обязанность быть триархами, исполняли ее по очереди: срок службы в сан триарха был один год; нельзя было возлагать на человека триархию два года сряду: в тот год, когда гражданин был триархом, он освобождался от всяких других служб государству, соединенных с расходами, — от всяких других литургий, как это называлось. Архонты были свободны от триархии.

Таким образом, Θεμιστοκλῆς распространил право и обязанность военной службы на всех граждан. Знатные землевладельцы и по- селяне-собственники составляли сухопутное войско, были гоплиты, тяжело вооруженные воины; ремесленники, мелкие торговцы, рыбаки, матросы купеческих кораблей, рабочие люди, — и не только граждане, но и метеки (иноземцы, поселившиеся в Аттике) стали служить матросами, гребцами, стрелками во флот; стремились сравняться с гоплитами в гражданских доблестях, в патриотизме, мужестве. Все сословия прониклись благородным соревнованием, как во времена реформы Солон и Клисфена. Приверженцы старины говорили в упрек Θεμιστοκλῆсу, что он сделал солидных поселан, храбрых гоплитов, людьми непостоянными, моряками, отнял у граждан копье и щит, приучил их к скамье гребца и веслу; но результат показал, что он правильно искал потребности общего блага, что государство может сохранять храброе сухопутное войско, имея искусных моряков. Атика стала вполне демократическим государством только благодаря заботе Θεμιστοκλῆса о флоте; развитие морских сил государства сделало всех граждан действительно равноправными. Реформа Θεμιστοκλῆса, создавшая сильный флот, была довершением аграрных и социальных реформ Солон и Клисфена; ею было доведено до конца дело создания истинно-демократического общественного устройства.

Первоначально триархия, подобно хорегии и всем другим «литургиям» (службам, требовавшим денежных пожертвований), была, по своему характеру, делом добровольного усердия. Если число людей, добровольно принимавших на себя обязанности триарха в какой-нибудь филе было меньше того, сколько триарх должна была содержать эта филе, то стратег ее назначал на остальные места из богатых людей по установленным правилам очереди. Каждый год прежний триарх передавал свой корабль другому, который заключал контракты о ремонте корабля и других расходах по его снаряжению. Когда корабль был снаряжен, надзиратели верфей осматривали его; за те неисправности снаряжения, в которых был виноват триарх, взыскивался штраф. Если гражданин полагал, что обязанность триарха возложена на него неправильно, что раньше его следует исполнить ее другому гражданину его филы, более богатому, он мог указать на этого гражданина; тот, на кого указал он, был обязан или обменяться с ним имуществом или взять на себя обязанность

Позднейшие
законы о
триархии.

триэрарха.—Впоследствии, когда число снаряжаемых кораблей стало такъ велико, что было бы слишкомъ большимъ обремененіемъ для частныхъ людей нести всѣ расходы на ихъ содержаніе, государство приняло часть расходовъ на себя; когда было введено платить жалованье гребцамъ, его платило государство. Но триэрархъ остался обязанъ производить на свой счетъ оснастку корабля; государство только строило мизовъ корабля и ставило мачту; все остальное, что было надобно сдѣлать для полного снаряженія корабля, дѣлалъ триэрархъ на свой счетъ. Впоследствии, для облегченія расходовъ, стали возлагать снаряженіе одного корабля на двухъ гражданъ; когда патриотизмъ ослабѣлъ, граждане передавали свои обязанности триэрарховъ подрядчикамъ. Въ особенности стало такъ съ 358 года, когда былъ принятъ законъ объ учрежденіи симморій. По этому закону, 1200 наиболее богатыхъ гражданъ должны были постоянно нести на себѣ расходы триэрархін; они были раздѣлены на 20 симморій; симморіи подраздѣлялись на синтелии; въ синтелии не могло быть больше 16 членовъ; каждая синтелиа была обязана постоянно содержать корабль; впрочемъ, расходы на это были облегчены: государство стало давать матеріалы оснастки.—Наиболѣе богатые члены симморіи исполняли работы на свой счетъ, потомъ дѣлали раскладку, сколько приходится получить имъ съ другихъ членовъ, и нерѣдко умѣли освобождать себя отъ всякихъ издержекъ, сдавая работы подрядчикамъ по цѣнамъ, ниже показываемыхъ въ отчетѣ. Но въ 340 году былъ, по предложенію Демосеена, введенъ правильный порядокъ въ это дѣло: каждый гражданинъ, состояніе котораго простиралось по оцѣнкѣ до 10 талантовъ, былъ обязанъ содержать триэру; граждане, имѣвшіе меньше 10 талантовъ, были соединяемы въ синтелии, такъ чтобъ сумма имуществъ всѣхъ членовъ синтелии составляла 10 талантовъ; каждая синтелиа содержала триэру; граждане, имѣвшіе гораздо больше 10 талантовъ, должны были пропорціонально своему богатству дѣлать расходы болѣе значительные, чѣмъ снаряженіе одной триэры; но высшимъ предѣломъ повинности, возлагаемой на одного гражданина, было снаряженіе трехъ триэръ и одной морской лодки. (Hermann, Griechische Alterthümer).

4. Нашествіе Ксеркса.

А. ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ ГЕЛЛЕСПОНТЪ; ПОХОДЪ ПО ФРАКІИ И МАКЕДОНИИ.

Смерть Дарія. Среди громадныхъ приготовленій къ новому походу на Грецію, Воцареніе Дарій умеръ, процарствовавъ 36 лѣтъ. Въ концѣ его правленія государство было ослаблено мятежемъ: Египетъ возсталъ противъ персовъ, и Дарій умеръ, не успѣвъ покорить его.—Наслѣдникомъ своимъ Дарій назначилъ не старшаго изъ всѣхъ своихъ сыновей, Артабазана, матерью котораго была дочь Гобрія, а старшаго изъ тѣхъ сыновей, которые были рождены, когда онъ уже былъ царемъ, Ксеркса, матерью котораго была Атосса, дочь Кира. Она, по словамъ Геродота, господствовала надъ Даріемъ, и ея желаніе, чтобы царемъ былъ сдѣланъ ея сынъ, было поддержано совѣтомъ Демарата, низложеннаго спартанскаго царя, жившаго при персидскомъ дворѣ (стр. 455). Ксерксъ былъ человекъ высокаго роста, стройный и очень красивый, самый красивый мужчина изъ всѣхъ персовъ; характеръ его былъ гордый; природная самоувѣренность его усилилась тѣмъ, что по его воцареніи было быстро подавлено египетское возстаніе. На покореніе

ную страну было наложено иго тяжеле прежняго. Правителемъ Египта Ксерксъ назначилъ своего брата по отцу и по матери Ахемена.

Покореніе
Египта 484.

Всѣ предшественники Ксеркса были завоеватели. Естественнo было и Ксерксу желать, по ихъ примѣру, увеличить государство завоеваніями. Успѣвъ довести до счастливаго конца начатую отцомъ борьбу съ возставшимъ Египтомъ, онъ долженъ былъ взяться и за исполненіе его плана наказать Грецію; честь персидскаго имени, вся исторія персидскаго царства возлагали на него обязанность отомстить за марафонское пораженіе и расширить границы государства на западъ. Быть можетъ, онъ мечталъ затмить своими побѣдами подвиги Кира и Дарія, покорить всю Европу; по словамъ Геродота, онъ говорилъ, что расширить границы своего царства до предѣловъ Эфира. У него были совѣтники, подкрѣплявшіе его въ замыслѣ похода на Грецію, возбуждавшіе его не медлить этимъ дѣломъ. Демаратъ и сынъ Гиппіа Пизистратъ жили въ Сузѣ. Оба они желали получить владычество надъ родиной и всячески укрѣпляли Ксеркса въ рѣшеніи покорить Грецію. Въ святищѣ Пизистрата находился Ономакритъ, составившій для его дѣда сборникъ мнимыхъ пророчествъ мнѣческаго жреца—пѣвца Музея (стран. 294); онъ теперь сообщалъ Ксерксу древнія пророчества, предвѣщавшія успѣхъ походу на Грецію: въ этихъ пророчествахъ говорилось, что персѣ перейдетъ по мосту Геллеспонтъ и сожжетъ Дельфійскій храмъ. Тораксъ Ларисскій, принадлежавшій къ роду Алевадовъ, могущественнѣйшій изъ ессалийскихъ владѣтелей, тоже убѣждалъ Ксеркса идти на Грецію, рассчитывая извлечь изъ похода выгоды для себя. Онъ прислалъ въ Сузу пословъ обѣщать царю помощь всѣхъ Алевадовъ. Изъ персидскихъ вельможъ, особенно горячо возбуждалъ Ксеркса Мардоній, мужъ сестры царя. Онъ говорилъ о томъ, какъ хороша Греція, какъ богата она прекраснымъ виномъ; говорилъ, что честь персидскаго царя требуетъ наказать ихъ. Служа этихъ совѣтниковъ, Ксерксъ пренебрегалъ предостереженіями своего дяди, Артабана, говорившаго, что боги низлагаютъ надменность, и что греки храбрый народъ. Ксерксъ мечталъ, что покорить себѣ вселенную.

Совѣтники
Ксеркса.

Рѣшивъ идти на Грецію, Ксерксъ дѣятельно занялся приготовленіями къ походу. Они производились въ громаднѣйшемъ размѣрѣ по всему государству цѣлые два года. Извѣстія Геродота о нихъ, вѣроятно, заимствованы изъ народныхъ греческихъ преданій и персидскихъ легендъ, какъ и его рассказы о молодости Кира (т. I, стр. 410 и слѣд.); но, хотя-бы мы и очень сильно уменьшали цифры, приводимыя имъ, какъ преувеличенныя народною фантазіей, все таки мы должны будемъ сказать, что приготовленія Ксеркса къ покоренію Греции были колоссальны. Приморскіе народы: финикіяне, египтяне, киликіяне, кипрійцы и въ особенности греки Анатоійскаго берега и острововъ Эгейскаго моря готовили военные корабли и транспортныя суда; а опытные мастера народовъ искусныхъ въ инженерной работѣ, египтянъ, финикіянъ и грековъ, были посланы прорыть черезъ перешеекъ аонскаго мыса у города Саны каналъ шириною въ 80 футовъ, чтобы флотъ могъ пройти тутъ, не имѣя надобности

Приготовленія
къ походу.

огибать мысь, у оконечности котораго постоянно свирѣпствовали бури и погибли корабли прежней экспедиціи; другіе мастера между тѣмъ строили два моста черезъ Геллеспонтъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива, близъ города Систа; тамъ отъ скалистаго выступа берега у Мадита до Абидоса ширина пролива составляетъ только 5000 футовъ. Поперекъ пролива ставили корабли на крѣпкихъ канатахъ, по кораблямъ настилали помость изъ бревенъ, огораживая его перилами. На «Бѣломъ берегу» близъ Геллеспонта и во всѣхъ греческихъ городахъ по Фракійскому берегу до самой Македоніи были заготовляемы громадныя запасы провіанта для воиновъ и корма для лошадей и для скота, громадныя стада котораго будутъ гнать за войскомъ для его продовольствія. Ксерксъ издалъ повелѣніе, чтобы всѣ народы всѣхъ областей его царства присылали войско для похода на Грецію.

„Не было въ Азіи ни одного народа, котораго Ксерксъ не повелѣлъ бы на эту войну“, говоритъ Геродотъ: „Однимъ народамъ велѣлъ онъ готовить военные корабли, другимъ присылать пѣхоту, или конницу, или суда для перевозки лошадей, или длинныя суда для постройки мостовъ, или суда съ провіантомъ“. Ксерксъ былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ, что, когда въ Сардахъ были захвачены греческіе лазутчики, подвергнуты пыткамъ начальникомъ войскъ той области и осуждены на смерть, то онъ велѣлъ освободить ихъ и показать имъ все войско. Судамъ плывшимъ изъ Понта въ Грецію съ грузами хлѣба, онъ дозволилъ свободно продолжать плаваніе, говоря, что хлѣбомъ, который привезутъ они въ Грецію, воспользуются тамъ персы.

Каналъ, про-
рытый черезъ
аѳонскій
перешеекъ.

1. Каналъ черезъ аѳонскій перешеекъ рыли три года. Геродотъ рассказываетъ объ этомъ такъ (VII, 22 и слѣд.): «Корабли становились у херсонесскаго города Элеунта; они привозили множество воиновъ всяческихъ племенъ; эти воины, принуждаемые къ работѣ плетями, рыли каналъ поочередно. Рыли и жители Аѳона. За работою наблюдали персы Бубаръ и Артакей. Тамъ, гдѣ мысь примыкаетъ къ матеріку, перешеекъ его имѣетъ 12 стадій (около 2 верстъ) ширины; это равнина съ небольшими холмами. Варвары распредѣляли работу между разными народами и провели линію канала совершенно прямо черезъ перешеекъ отъ города Саны. Когда копали каналъ, то почти всѣ народы рыли его одной ширины и сверху и снизу; потому стѣны его постоянно обваливались, и тѣ люди дѣлали себѣ этимъ двойную работу. Только финикійцы показали и тутъ, какъ вездѣ, умъ и искусство. Они копали ширину канала вверху вдвое больше, чѣмъ слѣдовало быть ширинѣ дна его и дѣлали стѣны его отлогія, копая его чѣмъ ниже, тѣмъ уже. Тамъ есть также лугъ; на немъ они имѣли рынокъ, и имъ привозили муку изъ Азіи въ большомъ количествѣ». Каналъ имѣлъ такую ширину, чтобы могли идти рядомъ двѣ тріазы; входъ и выходъ изъ него были укрѣплены плотинами. Работники, копавшіе каналъ, навели и мостъ черезъ Стримонъ.

Постройка мос-
товъ черезъ
Геллеспонтъ.

2. Мосты строили такимъ образомъ: ставили въ рядъ пятидесятивесельныя суда и тріазы; тотъ мостъ, который былъ ближе къ Понту, имѣлъ ихъ 360, а другой мостъ 314; пятидесятивесельныя суда были поставлены наискось, а тріазы вдоль теченія. Установивъ судно, бросали большіе якоря, потому что тамъ бываетъ сильный вѣтеръ. Для проѣзда мелкихъ судовъ была оставлена въ трехъ мѣстахъ проходъ. Установивъ корабли на якоряхъ, протянули черезъ нихъ крѣпкіе канаты и натянули ихъ деревянными кабестанами; финикійскіе канаты были льняные, а египетскіе сдѣланы изъ библоса.

Льняные канаты были такъ толсты, что локоть въсѣлъ фунтъ. Натянувъ канаты, дѣлали настилку моста изъ бревенъ такой длины, какую ширину слѣдовало имѣть мосту; бревна клали плотно одно къ другому и связывали ихъ канатами. На бревна настилали доски, на дощаной помость насыпали землю и крѣпко утаптывали ее. У того моста, который былъ къ западу, сдѣлали съ обѣихъ боковъ заборъ для того, чтобы скотъ, для котораго былъ назначенъ этотъ мостъ, не видѣлъ моря и не пугался. Тотъ мостъ, который былъ ближе къ Понту, предназначался для перехода войскъ.

Осенью войска восточныхъ и сѣверо-восточныхъ горныхъ областей Ксерксъ въ
Сардахъ 481.
собрались въ Каппадокійскомъ городѣ Криталлѣ; куда пріѣхалъ къ нимъ Ксерксъ и повелѣлъ ихъ по царской дорогѣ черезъ Коману, Анкиру, Пессинунтъ, Келены, Колоссы, Коллатебъ въ главный городъ Лидіи, Сарды.

Въ Келенахъ жилъ Пиеій, самый богатый человѣкъ на свѣтѣ; онъ сдѣлалъ прекрасное угощеніе всему войску и предоставилъ въ распоряженіе царю всѣ свои сокровища; Ксерксъ богато наградилъ его и далъ ему титулъ своего друга. На яворѣ необыкновенной красоты Ксерксъ повѣсилъ золотое украшеніе и оставилъ воина изъ отряда безсмертныхъ хранителемъ этого дерева. — Послѣдователи ученія Заратустры имѣли религиозное уваженіе къ высокимъ и красивымъ деревьямъ.

Въ Сардахъ Ксерксъ услышалъ, что буря разломала мосты на Геллеспонтѣ; онъ велѣлъ отрубить головы строителямъ за то, что они не умѣли сдѣлать работу прочно и, по рассказамъ грековъ, велѣлъ дать непокорному морю 300 ударовъ бичемъ и бросить въ него оковы. Мосты были построены вновь и скрѣплены болѣе толстыми канатами; море покорилося наложенному на него игу.

Весною 480 года войско пошло изъ Сардъ къ Геллеспонту. Теперь Походъ къ Гел-
леспонту 480.
опять были посланы въ Грецію вѣстники требовать, чтобы царю были даны земля и вода. Ксерксъ велѣлъ имъ не ѣздить въ Аѳины и въ Спарту. Войско шло побережьемъ, черезъ Атарней и Адрамитій. Передъ Сардами лежали по сторонамъ дороги двѣ половины разсѣченнаго человѣческаго тѣла. Это былъ старшій сынъ келенскаго богача: Пиеій въ надеждѣ на расположеніе, выказанное ему царемъ, попросилъ, чтобы ему былъ оставленъ для надзора за хозяйствомъ одинъ изъ пяти его сыновей, бывшихъ въ войскѣ. Вознегодовавъ на эту просьбу, Ксерксъ поступилъ такъ, какъ его отецъ при подобной просьбѣ Эобаза (стр. 419), велѣлъ убить старшаго сына просителя и положить разрубленное тѣло на дорогѣ въ предостереженіе всѣмъ. Когда войско шло черезъ иліонскую землю, воды Скамандра не достало на питье этому множеству людей и животныхъ; Маги и царь принесли на пергамскомъ холмѣ жертву, состоявшую изъ 1000 быковъ. По словамъ Геродота, Ксерксъ посѣтилъ мѣсто, гдѣ стоялъ дворецъ Пріама и слушалъ рассказы о битвахъ героевъ подъ стѣнами Трои. На абидосской равнинѣ сложили изъ бѣлаго кам-

лею (арканъ); тутъ были боевыя колесницы, запряженные лошадьми и онаграми, тутъ были полунатіе арабы на высокихъ дромадерахъ. За войскомъ слѣдовало несмѣтное множество телѣгъ и вьючныхъ животныхъ съ провіантомъ, множество экипажей съ наложницами царя и вельможъ, и множество прислуги.

Походъ черезъ Эракію. Таково было войско, которое теперь пошло тремя отдѣлами къ Стримону черезъ земли эракійскихъ племенъ и области греческихъ городовъ: Месемвріи, Маронеи и Абдеры, принуждая племена, жившіе далеко отъ моря, идти вмѣстѣ съ нимъ, а приморскіе города присоединять свои корабли къ флоту. Только воинственные бисальты, жившіе въ лѣсахъ покрытыхъ снѣгомъ горъ, отважились защищать свою независимость. Населеніе греческихъ городовъ, принужденное не только дать корабли и войско, но и угощать царя съ его сотрапезниками, кормить все войско при походѣ черезъ ихъ земли, было такъ раззорено, что бѣжало, бросая свои дома. Угощеніе было тѣмъ убыточнѣе, что персы имѣли обычай брать всю, подаваемую на столъ, посуду. Въ Аканеѣ къ войску подошелъ флотъ, онъ былъ теперь еще многочисленнѣе прежняго, къ нему присоединились корабли греческихъ городовъ Эракійскаго берега; въ немъ теперь считалось 1327 триеръ.

Морскія силы. Матросы и морскіе солдаты тоже были очень разнохарактерны по одеждѣ и вооруженію. На финикійцахъ были льняные панцыри; число финикійскихъ кораблей было 300; число египетскихъ 200; на египтянахъ были плетеные шлемы и панцыри; они были вооружены желѣзными крюками. Кипрскіе цари привели 150 триеръ; на головахъ у царей были повязки. Число киликійскихъ кораблей было 100; на морякахъ были шлемы и шерстяная одежда; вооруженіе киликійцевъ составляли небольшіе круглые щиты изъ воловьей шкуры, дротики и мечи. Ликійцы прислали 50 кораблей; ихъ воины имѣли на плечахъ козьи шкуры; шапки у нихъ были съ перьями; оружіемъ у нихъ былъ лукъ съ неоперенными тростниковыми стрѣлами. Карійцы, имѣвшіе 70 триеръ, были вооружены почти такъ же, какъ греки, и отличались отъ нихъ только тѣмъ, что имѣли серпы и кинжалы. Всѣ греческіе города азіатскаго побережья и острововъ вынуждены были также прислать свои корабли; число ихъ триеръ простиралось до 427; такого числа кораблей не имѣлъ весь флотъ европейской Греціи.

Походъ до Термы. Ксерксъ выказалъ большую милость къ жителямъ Аканеа за то, что они усердно работали при прорытіи канала. Отъ Аканеа войско пошло черезъ гористый полуостровъ Халкидику въ городъ Терму. На этомъ пути безпокоили его львы: сбѣгая ночью съ горъ, они нападали на верблюдовъ. Флотъ, перешедши каналомъ, прорытымъ черезъ перешеекъ Авона, обогнулъ мысы Ситонію и Паллену и соединился съ войскомъ въ Термейскомъ заливѣ; войско, благополучно перешедши горы, расположилось вдоль берега до устья Галиакмона (въ 5 географическихъ миляхъ отъ Термы). Царь македонскій Александръ присоединился съ своимъ войскомъ къ персамъ и сталъ служить про-

водникомъ ихъ. Изъ Македоніи вели въ Фессалию два пути: одинъ по побережью Піэріи къ устью Пеней и оттуда по Темнейской доли-нѣ; другой шелъ черезъ горы Олимпа, поросшія лѣсомъ и въ мно-гихъ мѣстахъ очень крутыя. Оба пути представляли такія трудности, которыя были-бы почти совершенно непреодолимы, если-бы въ мѣ-стахъ, удобныхъ для обороны, были поставлены войска. Но не только македоняне покорились персамъ, покорились, послѣ нѣкотораго коле-банія, и фессалійцы. Войско, состоявшее изъ пелопонесцевъ и аеи-нянъ, было послано по Эвбейскому проливу въ Темпейскую долину. Начальство надъ нимъ было поручено спартанцу Эвнету и Фемистоклу. Оно состояло изъ 10000 гоплитовъ и было предназначено защищать, при помощи фессалійцевъ, проходы черезъ ущелья Олимпа. Когда фессалійцы послали персидскому царю землю и воду, оно принужде-но было отступить.—Дорога по побережью оказалась неудобной для персовъ: мѣстами скалы подходили такъ близко къ рѣкѣ, что едва оставалось мѣсто для проѣзда телѣги; Ксерксъ только подѣхалъ на сидонскомъ кораблѣ взглянуть на устье Пеней. Воины, посланные впередъ, проложили удобныя дороги черезъ горы и болота поодаль отъ моря; войско прошло тамъ черезъ землю перребовъ въ Лапаѣ и Гоннѣ и спустилось съ горъ въ долину Пеней.

И вотъ стояли у воротъ Греціи тѣ безчисленныя войска, о ко-
торыхъ персидскіе старики у Эхила говорятъ: они пошли изъ Сузы, по-
шли изъ Экбатаны, изъ города киссійцевъ, пошли конные сонмы;
другіе поплыли на корабляхъ; пошла и пѣхота, отборное войско;
пошла вооруженная лукомъ конница, страшная на видъ, храбрая въ
битвѣ. Какъ рой пчелъ прошло это войско по укрѣпленному кана-
тами мосту черезъ проливъ Геллы, дочери Атаманта, возложивъ на
море ярмо;—стрѣлки изъ Мизіи, жители святаго Тмола, воины бо-
гатаго золотомъ Вавилона въ пестрыхъ одеждахъ; гребцы изъ дельты
Нила,—всѣ пошли поработить Грецію. Сильный владыка многолюд-
наго царства, богоподобный потомокъ золотого рода, повелъ безсмерт-
ныхъ воиновъ въ греческую землю. Онъ сидѣлъ на ассирійской бое-
вой колесницѣ, подобный кровожадному дракону, и ободрялъ пламен-
нымъ взглядомъ черныхъ глазъ войско, искусное биться копьями,
искусное стрѣлять изъ лука. Кто устоитъ противъ этого множества
людей, какой оплотъ удержитъ это наводненіе? Мужественъ персид-
скій народъ и неодолимо это войско, и дано ему судьбою одерживать
побѣды и брать города.

В. ТЕРМОПИЛЫ И САЛАМИНЪ.

Когда персы вступили въ Фессалию, греки не были совершенно
не приготовлены къ оборонѣ. Еще осенью 481 года, когда Ксерксъ
собиралъ свои войска въ Сардахъ, послы Спарты, Аѣинъ и всѣхъ

Войско Ксеркса
по описанію
Эхила.

греческихъ государствъ, рѣшившихся сопротивляться, собрались, по предложенію Ѳемистокла, на Истмѣ для совѣщанія о мѣрахъ, какія нужно принять для защиты. Всѣ пелопоннесскія государства, находившіяся подъ гегемоніею Спарты, прислали своихъ уполномоченныхъ; Аргосъ, по зависти къ лакедемонянамъ, уклонился отъ участія въ общемъ дѣлѣ.

Аргосъ. Аргосцамъ было очень пріятно, что ихъ эгоистическій отказъ одобряется оракуломъ, который далъ имъ совѣтъ: „не высовывать копья и защищать голову.“ Условіемъ своего участія въ союзѣ они ставили, чтобы спартанцы заключили съ ними миръ на 30 лѣтъ и дали имъ участіе въ начальствованіи надъ союзнымъ войскомъ. Спартанцы отвѣчали, что готовы предоставить начальнику аргосскихъ войскъ голосъ, равный съ спартанскими царями. Но аргосцы только искали предлога для отказа и, вмѣсто отвѣта, велѣли спартанскимъ посламъ выѣхать изъ ихъ города. Они надѣялись, что лакедемоняне будутъ разбиты персами, и тогда гегемонія надъ Пелопоннесомъ достанется имъ. Ахейцы, занимавшіе сѣверный берегъ Пелопоннеса, тоже не приняли участія въ совѣщаніи.

Ахейцы. Гораздо хуже было положеніе дѣлъ въ сѣверной и средней Греціи: изъ всѣхъ государствъ этихъ частей ея приняли участіе въ союзномъ совѣтѣ только Аѣины и небольшія государства Платея и Ѳеспія; Ѳиванское олигархическое правительство дало персидскимъ вѣстникамъ символы покорности. Ѳиванцы надѣялись, съ помощію варваровъ, восторжествовать надъ ненавистными аѣинянами, защитившими отъ нихъ независимость Платеи. Ихъ примѣру послѣдовали союзные съ ними беотійскіе города и Ѳессалійскія племена отъ южныхъ склоновъ Олимпа до долины Сперхея.

Ѳивы. Ѳессалійцы, какъ мы видѣли, сначала выказывали расположеніе сопротивляться персамъ; они просили совѣтъ, собравшійся на Истмѣ, послать на помощь имъ войска; войска были посланы; но Александръ, царь македонскій, склонилъ Ѳессалійскую аристократію переменить политику. Алевяды уже прежде были въ союзѣ съ Ксерксомъ; теперь и другія Ѳессалійскія династіи дали ему землю и воду. Ѳессалійцы полагали, что теперь имъ удобно будетъ отмстить фокейцамъ за прежнія обиды.

Ѳессалійцы. Такие факты не могли внушать другимъ грекамъ хорошихъ надеждъ, и дельфійскіе жрецы дѣлали все, что могли, для того, чтобы отнять у нихъ мужество. Дельфійскій оракулъ одобрилъ, какъ мы видѣли, уклоненіе аргосцевъ отъ участія въ общемъ дѣлѣ; точно также онъ далъ критянамъ совѣтъ не участвовать въ войнѣ; онъ возвѣстилъ жителямъ Спарты, что ихъ городъ будетъ опустошенъ, или ихъ царь будетъ убитъ; онъ сначала совѣтовалъ аѣинянамъ, чтобы они покинули свой городъ и бѣжали на край свѣта, потому что отъ сирійской колесницы ниспадетъ огонь и ярость Ареса и низвергнетъ все во прахъ; когда аѣинскіе послы явились во второй

разъ съ оливковыми вѣтвями, какъ умоляющіе о защитѣ, и просили Аполлона дать отвѣтъ болѣе милостивый, тогда былъ данъ знаменитый отвѣтъ, говорившій, что деревянные стѣны спасутъ Аѣины; Ѳемистоклъ воспользовался этимъ прорицаніемъ, чтобы склонить аѣинянъ къ усиленію флота, объяснивъ имъ, что оракулъ говоритъ о деревянныхъ стѣнахъ кораблей. Дельфійскимъ жрецамъ не нравилась война съ персидскимъ государствомъ, цари котораго постоянно оказывали расположеніе къ нимъ; притомъ, подобно аристократамъ другихъ греческихъ городовъ, они смотрѣли враждебно на развитіе общаго національнаго патріотизма, имѣвшаго демократическій характеръ и грозившаго опасностями ихъ іерархическому авторитету.

Но греки не теряли мужества. Совѣтъ, собравшійся на Истмѣ и состоявшій изъ пословъ тѣхъ греческихъ государствъ, которые рѣшились сопротивляться персамъ, постановилъ рѣшеніе, что всѣ войны и ссоры между греческими государствами должны быть прекращены для того, чтобы всѣ силы грековъ могли соединиться противъ варваровъ; этимъ постановленіемъ была прекращена война между Аѣинами и Эгиною. Оба государства возвратили другъ другу заложниковъ и плѣнныхъ; Эгина, которая прежде дала персидскому царю землю и воду, присоединилась къ союзу, составившемуся для сопротивленія персамъ.

Коркиряне тоже обѣщали прислать помощь; но преднамѣренно прислали свои 60 триеръ слишкомъ поздно. Было отправлено посольство и въ Сицилію, просить помощи у Гелона сиракузскаго. Но онъ требовалъ, чтобы его назначили главнокомандующимъ. Греки не согласились на это, и онъ отослалъ пословъ съ отказомъ. Онъ и другіе сицилійскіе тираны не могли бы впрочемъ прислать войско и потому, что Сициліи угрожало нашествіе карфагенцевъ.

«Кто назоветъ аѣинянъ спасителями Греціи, тотъ скажетъ правду», говоритъ Геродотъ. Дѣйствительно аѣиняне и великій руководитель ихъ, Ѳемистоклъ, совѣтамъ котораго они безусловно слѣдовали, выказали въ этой войнѣ геройское мужество, удивительное благоразуміе и самообладаніе, и готовность на всѣ жертвы. Первою заботою ихъ было поддержать патріотическую рѣшимость въ государствахъ, колебавшихся оставаться участниками національнаго дѣла. Въ договорѣ, заключенный при совѣщаніи на Истмѣ, была внесена клятва, что всѣ греки, которые добровольно покорятся персамъ, должны быть наказаны, и десятая доля ихъ собственности должна быть отдана Дельфійскому храму. Ѳемистоклъ убѣждалъ союзниковъ избрать оборонительную линію гору Эту и узкое море у сѣвернаго берега Эвбеи; спартанцы сначала не соглашались на это, они думали ограничиться обороною Пелопоннеса и, сообразно этой мысли, хотѣли перегородить Истмъ стѣною отъ моря. Но для аѣинянъ и

Патріотическая дѣятельность Ѳемистокла. Осень 481 г.

другихъ грековъ средней Эллады такой планъ войны былъ-бы погубелью. Спартанцы наконецъ согласились занять войскомъ проходъ черезъ Эту. Защитою его охранялся отъ разрушенія дельфійскій храмъ, которымъ они очень дорожили; съ тѣмъ вмѣстѣ можно было надѣяться, что при этомъ беотійцы возвратятся къ національному дѣлу или, по крайней мѣрѣ, будутъ удержаны отъ явнаго присоединенія къ персамъ. Было рѣшено, что корабли лакедемонянъ, коринтянъ, эгинцевъ, мегарянъ и другихъ приморскихъ государствъ Пелопоннеса соединятся съ аѳинскимъ флотомъ и пойдутъ къ мысу Артемизию.Themistocles требовалъ, чтобъ управленіе морскою войною было поручено аѳинянамъ, какъ управленіе войною на сушѣ было предоставлено спартанцамъ; требованіе было справедливо: аѳиняне дали союзному флоту больше кораблей, чѣмъ всѣ другія греческія государства вмѣстѣ. Но спартанцы требовали себѣ главнаго начальства и надъ флотомъ, хотя совершенно не знали морской войны; эгинцы, по ненависти къ аѳинянамъ, поддерживали ихъ, и Themistocles посовѣтовалъ аѳинянамъ для пользы общаго дѣла уступить, принести свои справедливыя притязанія въ жертву спасенію отечества; Геродотъ прославляетъ аѳинянъ за эту уступчивость.

«Союзники не соглашались, и аѳиняне уступили», говоритъ Геродотъ: «они желали спасенія Эллады и видѣли, что она погибнетъ, если они будутъ спорить изъ-за начальства надъ флотомъ. Они сдѣлали это очень хорошо, потому что раздоръ между союзниками на столько же хуже единодушной войны, на сколько война хуже мира».

Леонидъ въ
Термопilahъ.

Когда греки праздновали олимпійское торжество въ іюль 480 года, то, вѣроятно, было много тревоги у нихъ на душѣ и мало радости: персидскія войска, преодолевая тяжелыя затрудненія, спускались въ это время съ лѣсистыхъ высотъ Олимпа въ ѳессалійскую равнину. Олимпійскій праздникъ послужилъ для лакедемонянъ благовиднымъ предлогомъ послать на защиту ѳессаліи лишь небольшой отрядъ; они оправдывались и тѣмъ, что въ слѣдующемъ мѣсяцѣ у нихъ совершается карнейскій праздникъ, на которомъ молодые граждане ихъ должны присутствовать. Пелопоннеское войско, занявшее въ началѣ августа узкій проходъ у Термопилъ, между хребтомъ Эты и болотистымъ побережьемъ, было очень невелико: въ немъ считалось около 4000 человекъ; число спартанцевъ въ немъ было только 300; всѣ они были женатые люди немолодыхъ лѣтъ; при нихъ находилось 700 или 1000 лакедемонскихъ переѣзковъ. Но холодность спартанскаго правительства къ общему дѣлу загладилъ своимъ патріотизмомъ и геройствомъ царь Леонидъ, которому было поручено начальство надъ этимъ войскомъ. Онъ говорилъ, что войско, которое ведетъ онъ—лишь передовой отрядъ большого войска; этимъ онъ склонилъ ѳеспійцевъ, локровъ, дорійцевъ и фокейцевъ присоединиться къ нему, запугалъ еиванцевъ, такъ что они не посмѣли послушаться его

приказаній и дали ему 400 гоплитовъ, которые, какъ-бы служили заложниками ихъ вѣрности національному дѣлу. Такимъ образомъ спартанскій царь увеличилъ до 7,200 тяжеловооруженныхъ воиновъ силу отряда, съ которымъ расположился станомъ у Альпенъ; со стороны моря его поддерживалъ союзный флотъ, состоявшій изъ 271 триеры и находившійся подъ начальствомъ спартанца Эврибіада; флотъ сталъ у сѣверовосточнаго конца Эвбеи близъ храма и роши Артемиды и посредствомъ одного изъ аттическихъ кораблей велъ непрерывныя сношенія съ Леонидомъ.

Выступая съ войскомъ изъ Термы, Ксерксъ далъ своему брату Морсию битвы. Ахемену, начальствовавшему надъ флотомъ, приказаніе подождать десять дней и потомъ идти въ Пагасскій заливъ, до котораго въ это время онъ дойдетъ съ войскомъ.

Ахемени въ эти дни послалъ 10 сидонскихъ кораблей на рекогносцировку до острова Скиаеа. У этого острова они нашли три сторожевые греческія корабля и напали на нихъ. Изъ трехъ кораблей два, послѣ храброй обороны, были взяты врагами; одинъ былъ трезенскій, другой эгинскій; сидоняне принесли въ жертву богамъ на передней части корабля Леона трезенскаго, самаго красиваго изъ плѣнныхъ, остальныхъ обратили въ рабство. Третій корабль, аѳинскій, успѣлъ уплыть къ берегу, и экипажъ, его спасся, ушедши на островъ. Этотъ случай очень напугалъ грековъ, такъ что, когда сигналы, поданные огнемъ съ острова Скиаеа, извѣстили ихъ о движеніи непріятельскаго флота впередъ, то греческій флотъ тотчасъ же поплылъ въ Эвбейскій проливъ и отступилъ до Халкиды, гдѣ находилось самое узкое мѣсто пролива.

На одиннадцатый день персидскій флотъ вышелъ изъ Термейскаго залива и подошелъ къ Сепійскому мысу. Ахемени не хотѣлъ идти ночью по неизвѣстному морю и велѣлъ переднимъ кораблямъ расположиться у берега магнетовъ отъ Кастанеи до мыса, а заднимъ кораблямъ стать на якорь въ морѣ. День былъ ясный и тихій, но ночью поднялся сильный сѣверовосточный вѣтеръ, часто бывающій въ тѣхъ мѣстахъ и называвшійся у грековъ геллеспонтскимъ. Онъ понесъ корабли на скалы, которыми падаетъ въ море Пеліонъ; задніе корабли наталкивались у скалъ на передніе. Маги напрасно старались прекратить бурю жертвоприношеніями и заклинаніями. Она свирѣпствовала трое сутокъ и потопила 400 кораблей съ бывшими на нихъ людьми и сокровищами. Персидскіе начальники опасались, что прибрежные жители, пользуясь ихъ бѣдою, нападутъ на тѣхъ, которые успѣли выйти на берегъ, и наскоро построили изъ обломковъ разбитыхъ кораблей укрѣпленіе.

Греки, стоявшіе въ закрытомъ отъ вѣтра Халкидскомъ проливѣ, услышали отъ поставленныхъ на стражѣ эвбейцевъ о потерѣ, которой подвергся непріятель, и принесли благодарственные жертвы богамъ моря и вѣт-

ровъ „Спасителю Посейдону“ и Борею, оказавшему имъ такую услугу. Они ободрившись, повернули назадъ къ Артемизію и успѣли еще нагнать задніе корабли персидскаго флота, который, огибая мысъ Артемизій, шелъ въ Пагасскій заливъ; они взяли 15 тріеръ. Двухъ изъ плѣнныхъ начальниковъ тріеръ: Ардолиса алабандскаго и Пенеила пафосскаго, они послали скованныхъ на распоряженіе союзнаго совѣта, засѣдавшаго на Истмѣ, разспросивъ ихъ о числѣ, положеніи и планахъ непріятеля.

Греческ. флотъ у мыса Артемизіа. Счастье очень благопріятствовало грекамъ, но начальники пелопоннесскихъ кораблей, въ особенности Адимантъ, командовавшій коринѣскою эскадрой, и главнокомандующій флота Эврибиадъ, всетаки считали невозможнымъ отваживаться на битву съ непріятелемъ, который, послѣ всѣхъ потерь, все еще имѣлъ болѣе 1000 кораблей; они и ушли бы на югъ, еслибы эвбеицы, опасавшіеся, что, по ихъ отступленіи, персы опустошатъ всю Эвбею, не далиThemistocleу средствъ подкупить Эврибиада и Адиманта.

Эвбеицы дали Themistocleу 30 талантовъ (около 43,000 руб. сер.). Онъ отдалъ изъ этихъ денегъ 5 талантовъ (около 7,000 руб.) Эврибиаду, 3 таланта Адиманту и одинъ талантъ своему соотечественнику Архителу, начальнику аѣинскаго священнаго корабля, подавшему голосъ тоже за отступление; остальные деньги онъ удержалъ у себя для будущихъ надобностей. Тѣ, кто получилъ деньги, полагали, что онѣ даны аѣинянами. Подкупъ произвелъ желанное дѣйствіе. Греческій флотъ остался у Артемизіа.

Битва при Артемизіа. Ахеменъ, знавшій отъ лазутчиковъ, что у грековъ гораздо меньше кораблей, чѣмъ у него, составилъ планъ истребить или захватить весь греческій флотъ, такъ, чтобы не ушелъ ни одинъ корабль. Онъ тайно послалъ 200 кораблей къ острову Скиаѳу, велѣлъ имъ идти кругомъ Эвбеи до южнаго конца ея, вступить съ юга въ проливъ и такимъ образомъ отрѣзать отступление тѣмъ греческимъ кораблямъ, которые спаслись-бы отъ его нападенія. Онъ хотѣлъ напасть на греческій флотъ, когда получитъ извѣстіе, что посланная имъ эскадра вошла въ проливъ. Узнавъ объ этомъ распоряженіи, Themistocle предложилъ военному совѣту воспользоваться тѣмъ, что часть непріятельскаго флота ушла и немедленно напасть на Ахемена. Военный совѣтъ, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился, и передъ вечеромъ греки двинулись къ персидскому флоту. Прежде, чѣмъ персы успѣли развернуть свои силы, греки захватили у нихъ 30 кораблей и, подъ охраною наступившей темноты, возвратились въ прежнюю позицію съ своею добычей. Въ числѣ плѣнныхъ находился братъ царя кипрскаго города Саламина. Греки надѣялись, что іонійскіе корабли персидскаго флота перейдутъ къ нимъ. Но перешла только одна лемноская тріера, которою начальствовалъ Антидоръ. Въ слѣдующую ночь снова поднялась буря съ грозой и проливнымъ дождемъ. Она понесла по морю до самыхъ Афетъ тѣла и обломки кораблей, лежавшіе на скалистомъ побережьи Пеліона и произвела большой

Новая буря.

безпорядокъ во флотѣ Ахемена. А тѣ 200 тріеръ, которыя отправились кругомъ Эвбеи, были застигнуты бурей въ открытомъ морѣ, и она съ такою силою бросила ихъ на скалы Стирскаго залива, что не спаслась ни одна изъ нихъ; и корабли и люди потонули. Такъ божество уменьшало разницу въ числѣ кораблей между греческимъ и персидскимъ флотомъ, говоритъ Геродотъ. Извѣстіе о гибели этихъ 200 кораблей было для грековъ тѣмъ радостнѣе, что оно пришло къ нимъ съ новымъ подкрѣпленіемъ: новая аѣинская эскадра, состоявшая изъ 53 кораблей, присоединилась къ прежнимъ. Мужество грековъ возросло, вечеромъ они возобновили нападеніе и взяли нѣсколько киликійскихъ кораблей. Раздраженный смѣлостью грековъ и опасаясь гнѣва Ксеркса, Ахеменъ на третій день вывелъ свой флотъ на битву. Персы шли на грековъ полукругомъ. Они сражались очень храбро, но битва осталась нерѣшенной, и они потерпѣли большой уронъ, потому что при тѣснотѣ мѣста ихъ корабли мѣшали другъ другу своею многочисленностью, не имѣли простора маневрировать, сталкивались. Но и греки не могли торжествовать побѣду. Аѣиняне сражались очень храбро, въ особенности отличился геройствомъ Клиній, построившій на свой счетъ тріеру, на которой было 200 человекъ экипажа; но половина аѣинскихъ кораблей были повреждены, и египтяне, которые бились храбрѣе всѣхъ другихъ варваровъ, взяли въ плѣнъ пять греческихъ судовъ съ ихъ экипажемъ. Оба флота возвратились на прежнія свои позиціи. Греки могли гордиться тѣмъ, что выдержали битву противъ непріятеля, далеко превосходившаго ихъ числомъ. Но начальники ихъ нашли опаснымъ оставаться на прежнемъ мѣстѣ и подвергать себя новому нападенію. Когда было получено извѣстіе, что персы овладѣли Термопилами, греки рѣшили отступить. Однакожь Themistocle съумѣлъ задержать отступление, пока жители Эвбеи успѣли перерѣзать свой скотъ или переправить его на югъ. Греческій флотъ пошелъ отъ мыса Артемизіа въ стройномъ порядкѣ; коринѣяне позади всѣхъ. Themistocle съ быстрыми кораблями приставалъ мѣстами къ берегу и писалъ у потоковъ, изъ которыхъ непріятели должны были черпать воду или на скалахъ, воззваніе къ іонійцамъ:

Отступление греческаго флота.

„Вы поступаете несправедливо, сражаясь противъ вашихъ отцовъ и помогая поработить Элладу. Перейдите къ намъ или, если не можете, то спѣшите домой и убѣждайте карійцевъ сдѣлать то же. Если же ваше что такъ крѣпко, что вы не можете сдѣлать ни того, ни другого, то, по крайней мѣрѣ, доказывайте въ битвахъ, что вы сражаетесь неохотно и что вы помните общность нашего происхожденія.“ Themistocle рассчитывалъ, что, если это воззваніе и не произведетъ перемѣны въ образѣ дѣйствій іонійцевъ, то по крайней мѣрѣ возбудитъ въ персахъ недовѣріе къ нимъ.

Пока собирались персидскіе корабли, разбросанные бурей у скалъ

Переходъ пер- Пеліона, войско ихъ, шедшее 14 дней по берегу Пагасскаго залива, совъ черезъ достигло города Галоса. Черезъ три дня оно, перешедши Отридъ, гору. спустилось въ широкую долину Сперхея, въ племена которой уже раньше того выразили свою покорность, приславъ землю и воду персидскому царю. На всемъ пути до этой долины персы не встрѣчали враговъ; но встрѣтили ихъ на югѣ отъ нея, гдѣ, между городомъ Анѣолою, гдѣ въ храмѣ, посвященномъ Деметрѣ, собиралась древнѣйшая амфиктіонія, и локрійскимъ мѣстечкомъ Альпенами, путь идетъ по очень узкой полосѣ приморья и, въ такъ называемыхъ «теплыхъ воротахъ» (Термопилахъ), два раза суживается такъ, что едва имѣетъ ширину хода телѣги. Тутъ стояло союзное греческое войско, подъ начальствомъ Леонида. Оно заняло оба тѣ очень узкія мѣста, и его позиція была непреодолима, пока сообщенія его съ моремъ оставались свободны и пока не была въ тылу его занята неприятелемъ дорога по узкому ущелью черезъ гору Каллидромъ; для охраненія этой дороги были поставлены на ней 1000 фокейцевъ. Греки полагали, что этотъ отрядъ достаточенъ для обороны ущелья.

Рѣшеніе защи- Когда греки увидѣли первыхъ персидскихъ всадниковъ и услышали о щать Термо- томъ, какъ несмѣтны силы враговъ, наполнившія долину Сперхея, они пины. упали духомъ. Пелопоннесцы говорили, что надобно отступить; они хотѣли остановиться для обороны только уже на Истмѣ. Противъ этого плана спорили локрійцы и фокейцы, области которыхъ отдавались беззащитными въ добычу враговъ, если будутъ оставлены безъ обороны Термопилы. Къ ихъ мнѣнію присоединились спартанцы и герой, царь спартанскій. Спартанцамъ казалось, что для нихъ будетъ вѣчнымъ позоромъ, если они отдадутъ въ руки варваровъ то мѣсто, о которомъ такъ много говорится въ мнѣніи Геракла, предка ихъ царей: тутъ у теплыхъ источниковъ былъ его алтарь, тутъ стоялъ городъ Трахина, гдѣ совершилъ свои послѣдніе подвиги Гераклъ; тутъ струился потокъ Дирасъ, напрасно пытавшійся залить пылающій костеръ, на которомъ умиралъ онъ, тутъ было древнѣйшее мѣсто собраній дельфійской амфиктіоніи. Голосъ спартанцевъ рѣшилъ дѣло. Было постановлено защищать Термопилы; и, чтобы ободрить свой отрядъ Леонидъ отправилъ засѣдавшему на Истмѣ совѣту союза просьбу прислать подкрѣпленіе.

Безуспѣшное Ксерксъ удивился, услышавъ отъ лазутчика, что воины, постав- нападеніе пер- ленные охранять Термопилы, занимаются борьбою и другими гимна- совъ. стическими упражненіями и расчесываютъ себѣ волосы; Демаратъ объяснилъ ему, что это служить признакомъ ихъ рѣшимости сражаться; спартанцы обыкновенно причесываются передъ битвою. Ксерксъ четыре дня отлагалъ нападеніе, въ надеждѣ, что они уйдутъ безъ боя, или въ ожиданіи персидскаго флота. Преданіе говорить, что онъ послалъ къ нимъ требовать, чтобы они отдали оружіе и получилъ лаконическій отвѣтъ: «приди возьми!». По другому преданію, одинъ изъ гражданъ Трахины хотѣлъ испугать грековъ словами, что

стрѣлы неприятелей затемнять солнце, такъ безчисленны враги, и спартанецъ Діанекъ отвѣчалъ ему: «тѣмъ лучше, мы будемъ сражаться въ тѣни». Но флотъ все не являлся и на пятый день, сражаясь съ греками при Артемизіи; тогда царь двинулъ войска на отрядъ Леонида. Онъ послалъ мидянъ и сузіанскихъ киссійцевъ. Ихъ нападеніе было безуспѣшно: высокіе щиты закрывали грековъ отъ безчисленныхъ стрѣлъ, а длинныя копья ихъ низвергали множество враговъ. Ксерксъ, смотрѣвшій на битву съ холма близъ Трахины, велѣлъ Гидарну вести въ бой отрядъ 10,000 безсмертныхъ, начальникомъ котораго былъ онъ. Леонидъ двинулъ противъ этого отряда храбрѣйшихъ своихъ воиновъ, спартанцевъ. Они стремительно напали на персовъ и перебили очень многихъ. Потомъ притворно обратились въ бѣгство, и когда варвары, какъ они ожидали, бросились за ними съ громкимъ крикомъ, они внезапно ринулись опять впередъ и отбѣснили персовъ съ большимъ урономъ. Такъ сражались храбрые спартанцы и показали, что они искусные воины. Три раза персидскій царь вставалъ съ сѣдалища, всматриваясь въ битву. На слѣдующій день она возобновилась и шла такъ-же безуспѣшно для персовъ. Твердое мужество Леонида воодушевило все войско. Греки шли своими племенными отрядами въ стройномъ порядкѣ; колебанія въ ихъ рядахъ не было. Ксерксъ былъ смущенъ; но предательство алчнаго грека доставило ему успѣхъ, добиться котораго не могли его стрѣлки и копьеносцы. Передъ вечеромъ пришелъ къ царю маліецъ Эфіальтъ и предложилъ показать персамъ тропинку черезъ гору. Онъ надѣялся большой награды. Ксерксъ радостно принялъ его предложеніе и велѣлъ идти за нимъ Гидарну съ отрядомъ безсмертныхъ. При наступленіи ночи отрядъ пошелъ изъ стана и къ разсвѣту дошелъ до перевала чирезъ гору. Шумъ листьевъ въ густомъ дубовомъ лѣсу въ тихій часъ разсвѣта былъ услышанъ стоявшими тамъ фокейцами; они поняли, что къ нимъ подошелъ неприятель, быстро вскочили и схватились за оружіе. Гидарнъ былъ удивленъ, нашедши тутъ воиновъ; онъ опасался, что это спартанцы, храбрость которыхъ онъ уже испыталъ въ Термопилахъ. Но, услышавъ отъ Эфіальта, что это не спартанцы, онъ повелъ свое войско въ бой. Фокейцы не выдержали стрѣлъ, которыми осыпали ихъ персы: небрежные, застигнутые въ расплохъ, они робко бѣжали на высоту Эты. Персы, не преслѣдуя ихъ, пошли внизъ по южному ущелью горы, чтобы напасть съ тыла на грековъ, когда въ условленное время, около полудня, возобновить нападеніе съ фронта масса войска.

Бѣжавшіе стражи принесли на разсвѣтъ спартанскому царю извѣс- Леонидъ собы- тіе, что персы начинаютъ спускаться съ горы. Наскоро собрался воен- раетъ военный ный совѣтъ рѣшить, что дѣлать теперь, когда грозитъ гибель. совѣтъ.

Было-бы еще время спастись быстрымъ отступленіемъ, и нашлись люди,

говорившіе, что должно сдѣлать такъ. Но Леонидъ опозорилъ-бы себя, если-бы повиновался опасный постъ, ввѣренный его охраненію спартанскимъ правительствомъ. Онъ не могъ возвратиться въ Спарту бѣжавшимъ отъ врага; спартанскій обычай былъ не таковъ. Дельфійскій оракулъ возвѣстилъ спартанцамъ, что, или страна ихъ будетъ опустошена, или будетъ убитъ одинъ изъ ихъ царей; онъ предсказалъ имъ, что сила „льва“ не остановить враговъ. Это ясно показывало Леониду, какое рѣшеніе долженъ принять онъ; онъ зналъ, чего ждетъ отъ него спартанское правительство, посылая его на передовую позицію съ немногими и уже пожилыми воинами и оставляя его безъ подкрѣпленія.

Леонидъ отпускаетъ союзниковъ. Леонидъ понималъ свое предназначеніе и безъ страха думалъ о смерти. Но не хотѣлъ вовлекать воиновъ другихъ государствъ въ свою гибель. Потому онъ отпустилъ союзниковъ, — пока еще былъ свободенъ путь отступленія черезъ Скарфею и Троніонъ на югъ. Онъ оставилъ умереть съ нимъ только спартанцевъ, періэковъ и илотовъ, какіе еще уцѣлѣли, и ѳиванскихъ гоплитовъ, которыхъ взялъ съ собою, какъ заложниковъ. Локрійскіе и пелопоннесскіе воины охотно повиновались его приказанію уйти. Но ѳеспійцы, которыхъ было тутъ 700 человекъ, подъ начальствомъ храбраго Демофила, твердо сказали, что не уйдутъ. Они добровольно избрали себѣ смерть въ бою, чтобы спасти честь беотійскаго имени.

Послѣдній бой. Число гоплитовъ, оставшихся съ Леонидомъ, было, вѣроятно, около 1200; на утро повелъ онъ ихъ изъ сѣверной тѣснины впередъ, въ послѣдній бой. За завтракомъ передъ выступленіемъ изъ стана онъ, какъ говоритъ преданіе, сказалъ имъ, что обѣдать они будутъ въ подземномъ царствѣ. — Они нашли врага уже готовымъ къ сраженію: Ксерксъ рано утромъ принесъ жертву, поставилъ войска въ боевой порядокъ, и ждалъ условленнаго сигнала отъ Гидарна, чтобы быстро двинуть ихъ на грековъ. Они были удивлены, видя, что греки сами идутъ на нихъ. Съ мужествомъ львовъ бились греки противъ несмѣтныхъ силъ врага. Грудами падали персы отъ копій и мечей гоплитовъ, тонули въ болотѣ тѣснимые ими; стражи гнали бичами задніе ряды впередъ, натискъ опрокидывалъ бившихся впереди, и гонимые бичами топтали лежащихъ товарищей. Греки, обрекая себя на смерть, совершали чудеса храбрости; шли впередъ, бились такъ, что ломались ихъ конья и притуплялись мечи. Въ числѣ убитыхъ персовъ были два сына Дарія. Но меньше и меньше оставалось грековъ. Леонидъ, «достохвальнѣйшій мужъ», какъ называетъ его Геродотъ, палъ, пораженный смертельною раною въ грудь. Персы и греки бились изъ-за обладанія его тѣломъ. Четыре раза отбивали греки бросавшихся на нихъ враговъ; наконецъ, получили извѣстіе, что персы, которыхъ перевелъ черезъ гору Эфіальтъ, уже заходятъ въ тылъ имъ; тогда они, утомленные, отступили за стѣну, построенную фокейцами поперекъ второй тѣснины; она была укрѣ-

лена рвомъ, по которому фокейцы провели Теплые Источники. Греки заперли ворота ея, и оборонялись изогнувшимся, изломаннымъ оружіемъ, голыми руками, зубами отъ штурмовавшихъ стѣну варваровъ. Персы взошли наконецъ на стѣну, проломали ее, и окружили грековъ. Послѣдніе, ужъ немногіе, еще оставшіеся въ живыхъ, лакедемоняне и ѳеспійцы, сѣли на холмъ и спокойно ожидали смерти. Персы умертвили всѣхъ ихъ. ѳиванцы, отошедшіе отъ другихъ грековъ, положили на землю шлемы и щиты, и, протягивая руки, кричали, что они друзья персовъ, что они пошли въ бой только по принужденію. Но прежде, чѣмъ персы успѣли понять ихъ крикъ, многіе изъ нихъ были убиты; Ксерксъ прислалъ приказъ пощадить уцѣлѣвшихъ ѳиванцевъ, но велѣлъ выжечь клеймо царскихъ рабовъ и на ихъ начальникѣ Леонтиадѣ и на всѣхъ нихъ; съ этимъ позорнымъ клеймомъ, онъ отпустилъ ихъ домой. — Число грековъ, убитыхъ при защитѣ Термопилъ, простиралось, вѣроятно, до 4.000 человекъ, число убитыхъ персовъ было въ пять разъ болѣе. Изъ спартанцевъ уцѣлѣли двое, не бывшіе въ станѣ въ послѣдній день; они были объявлены безчестными, потому что ихъ подозревали, что они не пришли на бой по робости. Одинъ изъ нихъ убилъ себя. Другой возстановилъ свою честь геройскою смертью въ битвѣ при Платеѣ. Спартанцы прославляли пѣснями и легендами Леонида и его 300 воиновъ, совершали въ честь ихъ праздники и игры. На томъ мѣстѣ, гдѣ пали герои, былъ поставленъ мѣдный левъ, надпись на которомъ говорила путнику, что Леонидъ и его сподвижники умерли, исполняя повелѣнія Спарты. Они блистательно доказали справедливость сказанныхъ Демаратомъ Ксерксу словъ, что спартанцы сдѣлаютъ все, чего потребуютъ отъ нихъ честь и законы.

Отдохнувъ три дня, персидское войско двинулось на югъ покорить Элладу. Локрійцы подчинились Ксерксу безъ сопротивленія; беотійцы и дорійцы ужъ раньше дали ему землю и воду; персы шли на фокейцевъ; Ксерксъ былъ очень раздраженъ на нихъ за то, что они принимали участіе въ защитѣ Термопилъ. ѳессалійскіе аристократы, издавна враждебные имъ, радовались, что пришелъ часъ мщенія и показывали персамъ пути по фокидскимъ горамъ. Но лишь немногіе изъ фокейцевъ дождались врага. Большая часть ихъ ушла съ семействами къ озольскимъ локрійцамъ въ городъ Амфиссу или черезъ заливъ въ Ахайю; остальные ушли со своими стадами на высоты Парнасса. Персы опустошили верховье долины Кефисса, разрушили покинутые города Дримею, Титроній, Элатею, Гіамполь и другіе, разграбили сокровища храма Аполлона въ Абахѣ, сожгли его; раззоряли и жгли все. Въ Панопеѣ войско ихъ раздѣлилось. Съ главными силами Ксерксъ пошелъ черезъ Давлиту въ Дельфы, ограбить и разрушить храмъ.

Когда пламя зажженныхъ городовъ Панопея и Давлиды показало

Персы въ
Фокидѣ.

Попытка пер-
совъ взять
Дельфы.

дельфійцамъ, что приближаются враги, они, подобно другимъ фокейцамъ, отвезли свои семейства къ локрійцамъ и въ Ахайю, спрятали свое имущество въ корикской пещерѣ на Парнасѣ и заняли высоты этой горы. Въ храмѣ осталось только 60 человекъ, въ томъ числѣ Акерать, составитель отвѣтовъ оракула. Когда варвары стали подыматься къ Дельфамъ по узкой, крутой дорогѣ и переднія толпы ихъ уже приближались къ храму Аѣины Пронейской, фокейцы, занявшіе высоты, стали скатывать на нихъ огромные камни; въ то-же время поднялась сильная гроза; дикій видъ мѣстности, громъ и молнія, катившіеся съ горъ камни, все это навело ужасъ на персовъ. Въ безпорядкѣ они побѣжали назадъ въ Панопей, преслѣдуемые фокейцами, и многія толпы ихъ, заблудившіяся въ горахъ, были истреблены. Храмъ Аполлона былъ спасенъ, и дельфійцы рассказывали объ этомъ замѣчательномъ происшествіи чудеса, возвышавшія славу ихъ бога.

Въ передней части храма было найдено оружіе, чудотворно положенное тамъ; самъ Аполлонъ низвергъ съ Парнасса на варваровъ два громадныхъ куска скалы; бѣгущихъ варваровъ преслѣдовали два воина исполинскаго роста, это были Филакъ и Автоной, дельфійскіе герои. На памятникѣ побѣды, поставленномъ у храма Аѣины, была сдѣлана надпись, говорившая, что Зевсъ и Аполлонъ прогнали войско опустошителей мидянъ и спасли крытый мѣдью храмъ.

Милость Ксеркса
къ беотійцамъ.

Между тѣмъ главное войско персовъ шло по Беотіи. Македонскій царь поставилъ по границамъ беотійскихъ полей и у воротъ городовъ стражей, говорившихъ приближающимся персамъ, что люди, живущіе тутъ—друзья ихъ. Потому Беотія не была опустошаема. Персы разрушили только покинутые города Теспіи и Платею за то, что граждане ихъ дерзнули сражаться противъ Ксеркса,—теспійцы при Термопилахъ, платейцы на аѣинскихъ корабляхъ при мысѣ Артемизіи. Отъ сожженной Платеи войско пошло черезъ Киѳеронъ въ Аттику; персы проникли въ нее черезъ Дріоскефальское ущелье. Ксерксъ, вѣроятно, дивился тому, что на всемъ пути къ Аѣинамъ не встрѣчаетъ сопротивленія, что греки не защищаютъ противъ него даже и священную дорогу, на которую вступилъ онъ, миновавъ Трию. Онъ не зналъ, что аѣиняне, по совѣтуThemistocles, покинули родину. Граждане, способные сражаться, были все на корабляхъ; а женщинъ, дѣтей, невольниковъ, имущества перевезли возвратившіеся отъ мыса Артемизіи въ Саронскій заливъ корабли въ Трезены, на Саламинъ и даже на Эгину, которая такъ еще недавно была враждебна аѣинянамъ.

Эмиграція
аѣинянъ.

Аѣинянамъ не легко было рѣшиться на эмиграцію. Имъ горько было покидать родину, свои дома, храмы, гробницы предковъ, оставлять на разрушеніе варварамъ все то, съ чѣмъ соединены были ихъ историческія и

религіозныя воспоминанія. Но доводы Themistocles преодолѣли все колебанія разумныхъ людей; а та часть народа, которая не способна была понимать политическихъ и военныхъ соображеній, была убѣждена силою средствъ иного рода. Ей говорили, что въ отвѣтъ дельфійскаго оракула данъ совѣтъ покинуть Аѣины; съ незапамятныхъ временъ клали каждый мѣсяцъ медовую лепешку въ храмъ Аѣины (стран. 20 и 71); теперь эта лепешка осталась нетронута,—ясное доказательство, что Аѣина удалась изъ города; Ареопагъ, пользовавшійся большимъ авторитетомъ у просто-народья, высказался въ пользу эмиграціи и постановилъ выдать бѣднымъ людямъ пособіе отъ государственной казны на содержаніе ихъ семействъ за границей; были собраны пожертвованія и отъ частныхъ людей для той же цѣли. Граждане Трезень приняли переселившихся къ нимъ очень дружески и постановили выдавать всемъ взрослымъ людямъ по два обола въ день изъ городской казны, а дѣтямъ разрѣшили ѣсть фрукты во всѣхъ садахъ и виноградъ во всѣхъ виноградникахъ. Но на Саламинѣ большинство эмигрантовъ принуждено было искать себѣ пріюта въ ущельяхъ и пещерахъ.—Только казначей храмовъ и нѣкоторые старики или бѣдные люди остались въ аѣинскомъ акрополѣ. Они говорили, что „деревянные стѣны“, надѣяться на которыя велитъ оракулъ, означаютъ деревянную ограду храма Аѣины въ акрополѣ, и рѣшили, что будутъ защищаться отъ персовъ тамъ.

Персидское войско, не встрѣчая сопротивленія, вошло черезъ отворенныя ворота въ покинутый городъ и ходило по пустыннымъ улицамъ; наконецъ персы увидели, что въ акрополѣ остались люди и сдѣланы приготовленія къ оборонѣ. Персы отошли отъ акрополя на холмъ Ареса. Аѣиняне, оставшіеся въ акрополѣ, загородили входы въ него досками и бревнами и усилили его укрѣпленія тыномъ. Персы успѣли зажечь это деревянное укрѣпленіе. Они обвертывали стрѣлы паклей и, передъ тѣмъ какъ пустить стрѣлу, зажигали паклю. Но аѣиняне продолжали отражать варваровъ, скатывая на нихъ сверху скалы камни и бревна. Пизистратъ, сынъ Гиппія, желавшій, чтобы храмы уцѣлѣли, убѣждалъ осажденныхъ покориться; но эти отважные люди продолжали успѣшно обороняться, пока наконецъ отрядъ персовъ не взойшелъ на скалу съ той стороны, гдѣ она была очень крута и потому оставалась безъ караула. Когда аѣиняне увидѣли, что персы входятъ въ акрополь, то нѣкоторые бросились внизъ со стѣны, другіе бѣжали въ храмъ Аѣины. Персы вошли въ акрополь, умертвили бѣжавшихъ въ храмъ, ограбили и зажгли храмы и дома. Сгорѣлъ весь городъ. Персы прошли по Аттикѣ до мыса Сунія и взяли въ плѣнъ немногихъ, поспѣвавшихъ на родинѣ; этихъ плѣнныхъ было человекъ до 500; персы привели ихъ къ Ксерксу. Пизистратъ и его спутники принесли жертву Аѣинѣ-Полиадѣ на пепелищѣ ея храма. Ксерксъ отправилъ въ Сузу вѣстника съ радостнымъ извѣстіемъ о взятіи Аѣинъ. Въ Сузѣ усѣяли улицы города миртами, воскурили олимпійцамъ на жертвенникахъ и устроили пиръ.

На Истмѣ въ это время стояло большое союзное войско; въ немъ нахо-

Сожженіе
Аѣинъ.

Пелопоннесское войско на Истмѣ. дились контингенты всѣхъ пелопоннесскихъ государствъ, кромѣ аргосцевъ и ахейцевъ. Оно дѣлательно занималось окончаніемъ сооруженій для укрѣпленія Истма; голиты и рабы работали безостановочно день и ночь. Отовсюду везли туда камень, кирпичъ, бревна, корзины, въ которыя насыпали потомъ песокъ. Безумна была мысль, что этотъ окопъ защититъ Пелопоннесъ отъ вторженія персовъ. Они могли бы свободно сдѣлать высадку на берегу Арголиды; аргосцы встрѣтили-бы ихъ дружелюбно, войска, стоявшія на Истмѣ, разошлись-бы тогда защищать свои родные города. Демаратъ совѣтовалъ Ксерксу послать 300 кораблей съ десантными войсками, чтобъ овладѣть островомъ Киѳерою и дѣлать оттуда высадки на лакедемонскій берегъ. При враждебномъ настроеніи илотовъ и порабощеннаго населенія Мессеніи эти вторженія персовъ поставили-бы спартанцевъ въ очень трудное положеніе. Но къ счастью для Спарты Ксерксъ отвергъ проектъ Демарата, по настоянію главнокомандующаго персидскимъ флотомъ Ахемена, который не хотѣлъ раздроблять своихъ силъ. Спартанцы нашли однако же необходимымъ оставить одного изъ своихъ царей, Леотихида, въ Спартѣ для охраненія спокойствія государства. Войскомъ, собравшимся на Истмѣ, командовалъ Клеомбротъ, братъ Леониды, сдѣлавшійся по смерти его регентомъ до совершеннолѣтія сына его, Плистарха.

Греческій флотъ у Саламина. Спасеніе Греціи зависѣло главнымъ образомъ отъ флота. Отступивъ къ Саламину, Эврибидъ велѣлъ вытащить корабли на берегъ этого острова. Потери, понесенныя греками въ сраженіи при Артемизіи, были съ избыткомъ наверстаны новыми подкрѣпленіями: кромѣ кораблей, присланныхъ пелопоннесскими государствами, пришли тріеры изъ Наксоса, Мелоса, Сифна, другихъ кикладскихъ острововъ, и съ западнаго берега Греціи изъ Левкады и Амбракіи. Даже изъ Кротона пришла тріера: ее привелъ атлетъ Фаиллъ, сварядившій ее на свой счетъ. Эгинцы оставили 40 тріеръ для защиты своего острова; остальные свои корабли прислали къ Эврибиду, флотъ котораго состоялъ теперь вмѣстѣ съ ихъ эскадрой изъ 163 тріеръ и 7 кораблей, имѣвшихъ по 50 веселъ. Но больше всего этого числа прислали подъ его команду аѳиняне, когда ихъ флотъ кончилъ перевозку эмигрантовъ изъ Аттики: къ Эврибиду пришли 108 аѳинскихъ тріеръ. Съ непомовѣрной дѣлательностью аѳиняне исправили свои поврежденные корабли и снарядили нѣсколько новыхъ.

Совѣщаніе о томъ, ждаль-ли персовъ у Саламина. Когда караульные на берегу Эгины сообщили греческимъ морякамъ, ждаль-ли камъ, что аѳинскій акрополь зажженъ и что персы опустошаютъ всю Аттику, начальники пелопоннесскихъ кораблей очень упали духомъ. Уже и прежде многіе изъ нихъ говорили, что флотъ долженъ быть переведенъ въ Коринѣскую гавань Кенхрею, чтобы, при нападеніи персовъ, сухопутное войско могло помогать оборонѣ кораблей. Теперь число приверженцевъ этого мнѣнія увеличилось. Не слушая возраженій аѳинянъ, мегарянъ и эгинцевъ, нѣкоторые изъ начальниковъ эскадръ пошли съ своими матросами на корабли, чтобы на слѣдующее же утро идти въ Кенхрею.

Узнавъ объ этомъ,Themistokles поднялся ночью къ тому кораблю, на которомъ былъ Эврибидъ, убѣдить главнокомандующаго, что должно задержать отъѣздъ. Themistokles растолковалъ Эврибиду, что если флотъ отойдетъ съ нынѣшней своей позиціи, то онъ уже не соберетъ его: начальникъ каждой эскадры уведетъ свои корабли въ свое государство и

раздробленіе силъ погубитъ Грецію. Утромъ Эврибидъ созвалъ начальниковъ эскадръ. Большинству ихъ не понравилось, что этимъ замедляется рѣшенный ими отъѣздъ. Они сердились на Themistokles, и когда онъ заговорилъ на совѣщаніи раньше своей очереди, начальникъ коринѣской эскадры Адимантъ закричалъ ему: „Кто на играхъ начинаетъ раньше, чѣмъ слѣдуетъ, того бьютъ!“— „А кто промедлитъ, не получаетъ побѣды“, отвѣчалъ Themistokles и сталъ краснорѣчиво доказывать, что Греція можетъ быть спасена только въ томъ случаѣ, если битва будетъ дана у Саламина, гдѣ площадь моря не велика и многочисленный непріятельскій флотъ не можетъ хорошо развернуть своихъ силъ, по недостатку мѣста; что если греческій флотъ станетъ у Истма, то дастъ непріятелю выгоду сраженія на открытомъ морѣ; притомъ, уйти отъ Саламина значитъ отдать на вѣрную погибель этотъ островъ, на который аѳиняне перевезли своихъ женъ и дѣтей, отдать на раззореніе Эгину и Мегару, открыть персамъ путь къ Пелопоннесу. Themistokles привелъ и предвѣщаніе оракула, предсказавшаго грекамъ побѣду при Саламинѣ. Адимантъ сказалъ Themistoklesу низкія слова, что у него теперь нѣтъ отечества, потому онъ не долженъ имѣть и голоса на этомъ совѣщаніи; Themistokles отвѣчалъ ему суровымъ упрекомъ и сказалъ, что у аѳинянъ еще остается отечество, болѣе могущественное, чѣмъ Коринѣ: у нихъ 200 тріеръ съ полнымъ экипажемъ; это такая сила, съ какой не можетъ бороться ни одно изъ греческихъ государствъ; въ концѣ своей рѣчи онъ, обращаясь къ Эврибиду, сказалъ: „Если ты пойдешь къ Истму, то погубишь Грецію и свою честь; а мы, аѳиняне, возьмемъ на корабли своихъ женъ и дѣтей и пустимся въ Италію къ устью рѣки Сириса; тамъ, по древнимъ предсказаніямъ боговъ, мы построимъ себѣ новый городъ; и тогда вы припомните мои слова“. Эта угроза произвела свое дѣйствіе. По отплытіи аѳинскихъ кораблей, остальные греки не имѣли-бы возможности продолжать борьбу съ персами. Потому было рѣшено остаться при Саламинѣ. Начальники флота принесли жертвы, прося боговъ о помощи, и рѣшили перевезти съ Эгины на корабли статуи Эакидовъ Аякса и Теламона, покровителей Эгины, чтобы они вновь были бойцами за грековъ противъ варваровъ, какъ нѣкогда подъ стѣнами Трои.

Но мужественное рѣшеніе пелопоннессцевъ оказалось непрочнымъ. Когда персидскій флотъ отплылъ отъ Гистіи, прошелъ Эврипъ и безконечнымъ рядомъ кораблей растянулся отъ Сунія до Фалера, начальники пелопоннесскихъ эскадръ совершенно оробѣли и снова потребовали отступленія. Вечеромъ былъ созванъ третій военный совѣтъ. Пелопоннесцы бурно требовали отступленія; неужели изъ-за погибшей области должно отдавать на погибель ихъ женъ и дѣтей и весь Пелопоннесъ?—говорили они: неужели изъ-за Аттики должно всѣмъ подвергаться опасности, что персы окружаютъ ихъ у Саламина и блокируютъ! Аѳиняне, эгинцы и мегаряне говорили, что должно остаться тутъ и не отступать передъ врагомъ. Въ этомъ шумѣ Themistokles незамѣтно ушелъ изъ совѣта. Онъ хотѣлъ покончить споръ отважнымъ дѣломъ, заставить самого врага прекратить несогласіе между греками. Вѣрный рабъ Themistokles, дядька его дѣтей, Сикиннъ, поплылъ на шлюпкѣ подъ покровомъ ночи къ варварамъ съ порученіемъ отъ своего господина: Themistokles послалъ его сказать

Рѣшеніе.

Ксерксу, что „греки несогласны между собою и думают отступить; пусть Ксеркс не даст им уйти, пусть немедленно нападет на них; он не встретит почти никакого сопротивления: греки, желающие покориться персам и греки, не желающие этого, будут драться между собою.Themistokl даёт этот совет потому, что желает персам победы“.

Персы окружают греческий флот. Ксеркс в этот день совещался с начальниками своего флота, надобно ли дать битву. Большинство голосов было подано за битву; потому Ксеркс не послушался предостережений Артемизии, царицы Галикарнасской, и велел кораблям строиться в боевой порядок, чтобы завтра утром начать сражение. Все приготовления были уже сделаны, когда Сикиннъ приехал с поручением, которое дал ему Themistokl. Ксеркс тотчас же велел финикийским кораблям без шума идти по наступлении полночи в западный пролив, чтобы опоясать Саламинъ полукругом и отрезать греческому флоту путь отступления к Мегарѣ или к Истму. Вместе с темъ отборный персидский отряд был послан занять маленький остров Пситалею, чтобы спасать своих и убивать врагов, которые будут приносимы туда волнами с кораблей, ломающихся в сражении. Скоро Саламинъ был окружен и с обращенной к Пирею восточной стороны растянувшимися в полукругъ триерами ионийцев и карийцев. Египетские, кирийские и киликийские корабли стали по северному проливу до Элевзина; это был центр неприятельской линии, и самъ Ахеменидъ был тутъ. По берегу Аттики стало персидское войско. Таким образом остров Саламинъ и греческий флотъ были оцеплены персидским флотомъ, который сталъ кругомъ острова от Элевзина до Мунихии и концами своихъ фланговъ простирался и с запада и с востока дальше южного края острова.

Приезд Аристида на Саламинъ. Споръ на совещаніи грековъ еще продолжался. Themistokl возвратился въ советъ; черезъ нѣсколько времени его вызвали, сказавъ, что кто-то хочет говорить с нимъ. Это былъ Аристидъ, которому за нѣсколько времени передъ темъ народъ, по предложению самого Themistokla, дозволилъ возвратиться въ отечество и который теперь привезъ своему сопернику извѣстіе, что Саламинъ окруженъ персами и что онъ едва могъ пробраться съ Эгинны между ихъ кораблей. „Мы спорили обо многом“, сказалъ онъ, „теперь пусть предметомъ нашего соперничества будетъ то, кто изъ насъ лучше будетъ служить отечеству“. Themistokl признался Аристиду, что персы окружили Саламинъ по его совету, что онъ хотѣлъ этимъ принудить грековъ къ битвѣ. Онъ пригласилъ Аристида войти въ собраніе военнаго совета и передать совѣщающимся привезенное извѣстіе. Пелопоннесцамъ такъ не нравилась необходимость остаться при Саламинѣ, что они не хотѣли вѣрить словамъ Аристида; но черезъ нѣсколько времени пришелъ къ Саламину теносский корабль, находившійся въ персидскомъ флотѣ и перешедшій теперь на сторону грековъ; начальникъ его подтвердилъ извѣстіе Аристида.

Греки стали готовиться къ битвѣ, отъ исхода которой зависѣли спасе-

ніе или гибель Греціи. Аристидъ принялъ начальство надъ гоплитами, поставленными по берегамъ острова для защиты женщинъ и дѣтей и для спасенія грековъ, которые будутъ во время битвы принесены волнами съ разбитыхъ кораблей къ острову. Остальные члены военнаго совета пошли раннимъ утромъ на свои корабли. Они говорили людямъ своихъ эскадръ: „Сыновья Эллады! вамъ предстоитъ теперь освободить отечество, освободить вашихъ женъ и дѣтей, храмы боговъ и гробницы предковъ. Все зависить отъ этой битвы.“ Themistokl говорилъ своимъ согражданамъ тономъ, сообразнымъ съ возвышенными чувствами ихъ, напоминая имъ, что честью должно дорожить всегда больше всего. Передъ началомъ битвы пришелъ корабль, которому было поручено привезти съ Эгинны статуи Аякса и Теламона. Греки увидѣли въ этомъ благоприятное предзнаменованіе и поставили привезшія статуи корабль на правомъ крылѣ, съ котораго началась битва.

Девятнадцатое число мѣсяца воэдроміона (20 сент.) 480 года до нашей эры было темъ днемъ, когда произошла великая саламинская битва. Въ ней сражались 370—380 греческихъ кораблей, многіе изъ которыхъ не имѣли достаточнаго числа гребцовъ и воиновъ, противъ флота, болѣе, чѣмъ въ двое превосходившаго ихъ числомъ кораблей, имѣвшихъ полный комплектъ воиновъ и гребцовъ. Греки проплыли пеанъ, эхо скалъ вторило звукамъ его. Труба подала знакъ къ атакѣ; начать битву должно было правое крыло, состоявшее изъ пелопоннесскихъ кораблей; тамъ былъ и Эврибидъ. Они двинулись впередъ, но вдругъ остановились, испуганные неистовымъ военнымъ крикомъ, раздавшимся съ кораблей варваровъ, начали грести назадъ, оставаясь однако-же обращены носовой частью къ неприятелю; дальше всѣхъ подались назадъ коринѣяне. Но на лѣвомъ флангѣ аѣинская триера, начальникомъ которой былъ Аминій, быстро понеслась на финикийскій корабль и ударила носомъ въ его бокъ такъ крѣпко, что она и онъ уже не могли разойтись. Другія аѣинскія триеры поспѣшили на помощь Аминію, и начался бой по всей линіи.

Сначала персы держались упорно (говоритъ вѣстникъ въ трагедіи Эсхила „Персы“); но многочисленнымъ кораблямъ ихъ было тѣсно въ узкомъ проливѣ, они сталкивались и часто ломали одинъ другому всѣ весла цѣлаго борта. Греки кружились около персовъ, много персидскихъ кораблей было разбито, моря не стало видно подъ обломками ихъ и тѣлами убитыхъ, и берегъ былъ покрытъ трупами. Вопли и стоны неслись изъ волнъ, пока все одѣлъ мракъ ночи.

Аѣинскіе корабли прорвали полукругъ финикийцевъ и погнали ихъ суда, — одни къ берегу, другія къ центру персидской линіи. Кипрійцы и киликійцы, составлявшіе центръ, держались нѣсколько времени храбро; но, когда былъ убитъ отважный киликійскій царь Сіаннезъ, они обратились въ бѣгство, пустились на югъ и на востокъ, преслѣдуемые эгинцами, бившимися храбрѣе всѣхъ грековъ

Приготовленія къ битвѣ.

Саламинская битва 20-го сентября 480.

послѣ аѳинянъ. Прежніе враги соперничали теперь между собою въ храбрости и содѣйствіи спасенію общаго отечества.

Аѳинскіе корабли дошли до іонійцевъ и карійцевъ стоявшихъ на лѣвомъ крылѣ передъ Пиреемъ.Themistocles напалъ на большой корабль, на которомъ былъ Аріабигнъ, братъ Ксеркса, начальствовавшій на томъ крылѣ. Корабль Themistocles былъ встрѣченъ густою тучею стрѣлъ и дротиковъ. Но Аминій пробилъ мѣднымъ носомъ своей тріеры бокъ корабля Аріабигна, такъ что онъ сталъ тонуть. Храбрый Аріабигнъ съ мужественнѣйшими изъ своихъ воиновъ пошелъ биться на аѳинскую тріеру, но произведенныя копьями гоплитовъ, всѣ они упали въ море. Артемизія нашла тѣло Аріабигна плававшее между обломками кораблей и послала его царю. Themistocles погнался за обратившимся въ бѣгство сидонскимъ кораблемъ, но раньше Themistocles настигла этотъ корабль эгинская тріера, которой начальствовалъ сынъ Крія, много лѣтъ содержавшагося въ плѣну у аѳинянъ (стр. 453), она проломивъ носомъ эгинскій корабль и сынъ Крія саркастически закричалъ Themistocles: „Такъ доказываютъ эгинцы, что они перадались мидянамъ!“ Храбрѣе всѣхъ въ персидскомъ флотѣ сражались іонійцы и Артемизія Галикарнасская. Самоеракійскій корабль потопилъ одну изъ аѳинскихъ тріеръ, но самъ былъ потопленъ эгинскою; быстро бросились самоеракійцы съ своего утопающаго корабля на эгинскую тріеру, столкнули эгинцевъ въ море и ушли на ихъ тріерѣ. Другая аѳинская тріера настигла корабль Артемизіи. Артемизія направила свой корабль на корабль царя карійскаго города Калинды и ударила этотъ корабль въ бокъ такъ сильно, что онъ потонулъ со всѣми бывшими на немъ. Аминій, начальствовавшій аѳинскимъ кораблемъ, догонявшимъ Артемизію, принялъ ея корабль за одинъ изъ греческихъ и повернулъ тогда противъ другого непріятельскаго корабля. Конечно ему было бы большею радостью взять въ плѣнъ царицу Артемизію и получить награду, назначенную тому, кто возьметъ ее. Ксерксъ, которому сказали, что Артемизія потопила непріятельскій корабль, воскликнулъ: „Женщины стали мужчинами, мужчины женщинами!“ Онъ никогда не узналъ истины, потому что не осталось никого, кто могъ-бы сообщить ее ему: всѣ, бывшіе на калиндскомъ кораблѣ, утонули.

Не бездѣйствовалъ между тѣмъ и Аристидъ. Увидѣвъ, что непріятельскій флотъ обращается въ бѣгство, онъ посадилъ храбрѣйшихъ изъ своихъ гоплитовъ на лодки и пустился на островъ Пситталею. Персы, стоявшіе тамъ, встрѣтили его лодки стрѣлами и камнями, но были, послѣ храбраго сопротивленія, побѣждены и убиты всѣ до послѣдняго человѣка. Вечеромъ на вершинѣ скалы, образующей этотъ островъ, Аристидъ зажегъ костеръ, чтобы всѣ греки, видящіе это пламя, знали, что ихъ соотечественники побѣдили.

Греки одержали славную побѣду. Больше 200 непріятельскихъ кораблей со всѣми бывшими на нихъ людьми погибли; обломки ихъ лежали на днѣ моря или носились по волнамъ. Греки потеряли не больше 40 тріеръ, и многіе изъ бывшихъ на этихъ тріерахъ спаслись, успѣвъ доплыть до саламинскаго берега. Ксерксъ, смотрѣвшій на сраженіе съ утеса, выступающаго въ море, рвалъ на себѣ волосы, рвалъ одежду, въ печали и гнѣвѣ: онъ ожидалъ побѣды,

готовился къ пиру торжества и вмѣсто того увидѣлъ пораженіе. Въ тотъ же вечеръ онъ велѣлъ казнить начальниковъ финикійской эскадры, которая раньше всѣхъ другихъ частей его флота обратилась въ бѣгство; эта казнь такъ напугала другихъ начальниковъ, что многіе изъ нихъ ушли ночью съ своими кораблями, чтобы избѣгнуть такой-же судьбы.

Ксерксъ колебался, не умѣя остановиться ни на какомъ рѣшеніи. Сначала онъ хотѣлъ соединить мостомъ изъ кораблей аѳинскій берегъ съ островомъ Саламиномъ, перейти съ войскомъ черезъ этотъ проливъ, какъ перешелъ черезъ Геллеспонтъ, и дать вторую битву грекамъ на морѣ и на сушѣ. Но этотъ проектъ не былъ одобренъ на военномъ совѣтѣ. Мардоній предложилъ другой планъ: пусть Ксерксъ возвратится съ большею частью войска въ свое царство, и оставитъ его съ 300000 отборныхъ воиновъ въ Греціи; этого войска будетъ достаточно, чтобы покорить ее. Артемизія тоже совѣтовала Ксерксу немедленно воротиться въ Азію; разрушеніемъ Аѳинъ цѣль похода достигнута, говорила она; если царь останется дольше въ Греціи, то въ Азіи возникнутъ мятежи.—По восточнымъ понятіямъ, безъ царя не могъ продержаться порядокъ въ царствѣ.

Ксерксъ рѣшился возвратиться въ Азію; главнымъ образомъ по опасенію, что греки разрушатъ мосты на Геллеспонтѣ, возбудятъ іонійцевъ и другіе народы Малой Азіи къ возстанію и отрѣжутъ его отъ его царства. Тотчасъ же послѣ Саламинской битвы онъ послалъ часть флота охранять Геллеспонтъ; греческіе корабли преслѣдовали эту эскадру до Андроса; Ксерксъ очень боялся, что они пойдутъ прямо въ Геллеспонтъ. И дѣйствительно, въ совѣщаніи начальниковъ греческаго флота на Андросѣ былъ поднятъ вопросъ, не слѣдуетъ ли отнять у Ксеркса путь отступленія разрушеніемъ мостовъ. Но Греція слишкомъ много пострадала бы, еслибы несмѣтное войско Ксеркса долго оставалось въ ней; потому было рѣшено не мѣшать отступленію его. Themistocles отклонялъ своихъ согражданъ отъ желанія преслѣдовать непріятеля, совѣтовалъ имъ дать ему спокойно удалиться, чтобы отчаяніе не пробудило въ персахъ мужества; онъ говорилъ аѳинянамъ, что они должны заняться постройкою жилищъ, посѣвомъ хлѣба, возстановить свое раззоренное домашнее хозяйство. Чтобы вѣрнѣе достичь цѣли, онъ употребилъ средство, которое разъ ужъ употребилъ съ успѣхомъ: снова послалъ своего вѣрнаго раба Сикинна передать Ксерксу извѣстіе такого содержанія: «Чтобы оказать тебѣ услугу, Themistocles отклонилъ грековъ отъ намѣренія преслѣдовать твои корабли и сломать мосты на Геллеспонтѣ. И такъ иди своимъ путемъ спокойно». Получивъ это извѣщеніе, Ксерксъ рѣшилъ возвратиться. Онъ поручилъ Артемизіи отвезти его сыновей въ Эфесъ, и пошелъ изъ опустошенной Аттики, взявъ съ собою мѣдныя статуи Гармодія и Аристокитона и другія, какія нашелъ, многія вещи, которыя могли служить трофеями.

Войско, оставленное съ Мардоніемъ въ Ѳессаліи. Въ Ѳессаліи остались войска, которыя отобралъ себѣ Мардоній. Это были лучшія части полчищъ Ксеркса: отрядъ 10000 безсмертныхъ, отборные отряды мидянъ, саковъ, бактрійцевъ, индійцевъ; персы, украшенные ожерельями и браслетами; самые крѣпкіе воины другихъ племенъ. Больше 250000 человекъ пѣхоты и конницы остались съ Мардоніемъ зимовать въ Ѳессаліи; къ веснѣ число ихъ должно было увеличиться подкрѣпленіями. Ксерксъ хотѣлъ прислать съ Геллеспонта Артабазъ съ 60000 человекъ; изъ Македоніи, Ѳессаліи, Беотіи должны были прійти къ Мардонію и всадники и гоплиты.

Отступление Ксеркса. Съ остальнымъ войскомъ Ксерксъ пошелъ черезъ Македонію и Ѳракію къ Геллеспонту; проводникомъ служилъ Тораксъ, владѣтель Лариссы. Уже въ Ѳессаліи воины терпѣли недостатокъ въ одеждѣ и съѣстныхъ припасахъ; дальше при походѣ черезъ бѣдныя горныя области, голодъ съ каждымъ днемъ увеличивался. Запасы, приготовленные въ прибрежныхъ городахъ, были уже съѣдены; если и находили гдѣ-нибудь остатки ихъ, то лишь такіе, что ими едва могли насытиться только царь и его свита. Войско принуждено было добывать себѣ пищу грабежомъ; этимъ оно навлекло на себя ненависть населенія. «Вездѣ куда приходили они», говоритъ Геродотъ, «они грабили хлѣбъ на пищу себѣ; а гдѣ не находили хлѣба, тамъ ѣли траву или сдирали кору съ деревьевъ и обрывали листья съ нихъ; и вообще ѣли отъ голода все, не оставляя ничего. Къ этому прибавилась зараза и поносъ, и окончательно истребляли войско. Многихъ царь оставилъ на пути, потому что они занемогли, и велѣлъ городамъ, черезъ которые проходилъ, кормить ихъ; нѣкоторыхъ онъ оставилъ въ Ѳессаліи, другихъ въ Македоніи, иныхъ въ Пеоніи». Ранній морозъ покрылъ Стримонъ льдомъ; когда войско пошло черезъ рѣку, ледъ, разрыхленный солнцемъ, сломался подъ тяжестью людей, и множество воиновъ погибли въ холодной водѣ рѣки. «Кто никогда не вѣрилъ въ боговъ», говоритъ Эсхилъ, «смирненно взывалъ тогда къ землѣ и къ небу». Черезъ 45 дней войско пришло къ Сесту. Мосты были сломаны бурей, и войску пришлось переправляться черезъ Геллеспонтъ на судахъ. Въ Абидосѣ голодъ прекратился; но чрезмѣрные страданія похода къ Геллеспонту такъ ослабили людей, что многіе умерли отъ болѣзней въ Азіи.

Отъ Геллеспонта Ксерксъ пріѣхалъ въ Сарды, куда пошло и войско, зимовать тамъ. Флоту было велѣно оставаться до весны у Самоса и въ гавани Кимы, чтобы быть въ готовности отражать нападеніе, если европейскіе греки прійдутъ къ анатолійскому берегу или возстанутъ іонійцы. Опасаясь и того и другого, Ксерксъ послалъ въ Милетъ Тиграна съ 60000 войска. Съ такимъ же числомъ войска Артабазъ долженъ былъ идти зимою въ Ѳессалію, какъ обѣщалъ Ксерксъ Мардонію. Многіе отряды, оказавшіеся плохими, были отпущены домой.

Какъ Мильтіадъ опозорилъ пріобрѣтенные при Марафонѣ лавры

своею экспедиціею противъ Пароса, такъ Ѳемистоклъ, послѣ саламинской побѣды дозволилъ себѣ поступокъ, которымъ унизилъ свою славу. Онъ потребовалъ съ жителей Андроса контрибуціи за то, что они помогали персамъ; они отказались заплатить требуемую сумму, говоря, что она превышаетъ ихъ скудныя средства; Ѳемистоклъ осадилъ городъ Андросъ, но потерпѣлъ такую-же неудачу, какъ Мильтіадъ при осадѣ Пароса. Городъ Каристъ, стоявшій на южномъ берегу Эвбеи, былъ наказанъ опустошеніемъ его полей за то, что послалъ корабль въ персидскій флотъ. Геродотъ говоритъ, что паросцы откупились отъ наказанія деньгами.

Греки сдѣлали приношенія богамъ въ благодарность за свое спасеніе. Они посвятили три финикійскія корабля, одинъ Посейдону, другой Аѳинѣ, третій Аяксу. Въ дельфійскій храмъ они пожертвовали колоссальную мѣдную статую въ 12 локтей вышины, изображавшую грека, держащаго въ рукахъ носъ военного корабля. Эгинцы, которые были признаны сражавшимися при Саламинѣ храбрѣе всѣхъ, пожертвовали въ дельфійскій храмъ мѣдную мачту съ тремя золотыми звѣздами. Ликомедъ, аѳинскій тріархъ, который первый овладѣлъ непріятельскимъ кораблемъ, пожертвовалъ украшавшія его эмблемы также въ дельфійскій храмъ. Раздѣливъ добычу, греки отплыли къ Истму, поставили тамъ финикійскій корабль въ храмъ Посейдона и занялись рѣшеніемъ того, кто изъ военачальниковъ долженъ быть признанъ наиболѣе отличившимся въ этой войнѣ и получить первую награду, и кто вторую. Голоса были подаваемы баллотировкой. Оказалось, что первую награду каждый военачальникъ хотѣлъ дать себѣ, но вторую большинство присудило Ѳемистоклу. Однако же онъ не получилъ и второй награды. Зависть къ аѳинянамъ помѣшала этому. Но когда онъ вскорѣ послѣ того посѣтилъ Спарту, то былъ принятъ съ величайшими почестями. Правда, спартанцы назначили награду за храбрость Эврибиаду, а не ему, но и ему, дали такой же оливковый вѣнокъ въ награду за благоразуміе и искусство; они подарили ему прекрасную колесницу, а, когда онъ поѣхалъ въ Аѳины, то они послали 300 всадниковъ провожать его до границы Тегей, — такой почести никогда не было оказано спартанцами никому другому. Почетъ, полученный Ѳемистокломъ въ Спартѣ, возбудилъ въ Аѳинахъ неудовольствіе противъ него. Тимодемъ афиднейскій съ упрекомъ сказалъ ему, что почестями, какія оказаны ему въ Спартѣ, онъ обязанъ не себѣ, а Аѳинамъ. „Правда“ отвѣчалъ онъ, „если бы я былъ уроженцемъ Бельбины (маленькаго острова между Эгиною и Суніемъ), то лакедемоняне оказали бы мнѣ также мало чести, какъ оказываютъ тебѣ, аѳинянину.“ Но неудовольствіе противъ него было всеобщимъ. Аѳиняне досадовали на него за то, что онъ подчинился Эврибиаду, что отклонилъ ихъ отъ намѣренія плыть въ Геллеспонтъ и отъ экспедиціи для освобожденія Іоніи, что онъ унизилъ ихъ своими поступками съ Андросомъ и Каристомъ. Къ этому неудовольствію присоединилось опасеніе, что власть въ рукахъ этого гениальнаго и честолюбиваго человека, можетъ обратиться во вредъ свободѣ и равенству гражданъ; по этимъ мотивамъ аѳиняне не выбрали на слѣдующій годъ Ѳемистокла въ число стратеговъ. Начальство надъ флотомъ они поручили Ксантиппу, а начальство надъ войскомъ Аристиду.

Строгость Ѳемистокла къ жителямъ Андроса

Приношенія богамъ.

Б. Платея и Микале.

Возвращение
афинян на
родину.

Когда персидский флот удалился от Греции, многие из афинян, уехавших на Саламин и в Трезены, воротились в разрушенный родной город, расположились там под приютами, какие можно было на-скоро устроить и начали возобновлять сожженные храмы и дома. Имъ казалось, что опасности миновали. Священное оливковое дерево, которое росло в акрополѣ подлѣ храма Афины, сгорѣло при его пожарѣ; но часть ствола уцѣлѣла и дала новый отпрыскъ, который былъ уже длиною съ локоть; это показывало, что Афина снова поселилась в акрополѣ. Еще болѣе ободрились афиняне, услышавъ, что греческіе города на Эракійскомъ берегу, покорившіеся Ксерксу, отложились отъ персидскаго царства, когда войско Ксеркса ушло в Азію, что они не впустили въ свои стѣны Артабазу, шедшаго отъ Геллеспонта въ Фессалию и напали на отряды его войска.

Погибель
Олинея. Храб-
рыя оборона
Потидеи.

Олинея храбро защищался противъ персовъ, но былъ взятъ; персы, что бы устрашить другіе города, вывели все население Олинея за ворота и перебили всѣхъ. Они перевели въ Олинея халкидскихъ грековъ изъ Сяеонии и отдали этотъ городъ въ управленіе Критобулу торонскому. Но Потидея, колонія Коринѳа, храбро отражала три мѣсяца всѣ нападенія; граждане ея успѣли отбить персовъ отъ стѣны, которая была проведена передъ ихъ городомъ поперекъ перешейки; этимъ были спасены и всѣ другіе города Паленскаго полуострова, жители которыхъ соединились съ гражданами Потидеи. Измѣнники, вступившіе въ переговоры съ персами, были изобличены и наказаны. Персы хотѣли пробраться въ бродъ мимо стѣны по прибрежной водѣ; но потерпѣли неудачу: многие изъ нихъ были убиты нападавшими на нихъ съ лодокъ потидейскими воинами, многие утонули. Артабазъ снялъ осаду и пошелъ на соединеніе съ Мардоніемъ; изъ 60000 человекъ, съ которыми пошелъ отъ Геллеспонта, онъ привелъ къ Мардонію только 40000.

Мардоній пред-
лагаетъ афиня-
намъ союзъ.

Мардоній желалъ бы не давать битвы грекамъ; онъ предпочелъ бы миръ съ ними, лишь бы согласились они признать надъ собою власть персидскаго царя. Во многихъ греческихъ городахъ была партія, расположенная къ этому; и оракулы давали грекамъ совѣты въ томъ же смыслѣ. Мардоній полагалъ, что достигнетъ успѣха въ своемъ намѣреніи, если ему удастся склонить на свою сторону афинянъ. Онъ зналъ, что собственно они увлекали другихъ грековъ сражаться съ персами въ войнѣ прошлаго лѣта, и ему было извѣстно, что они недовольны пелопоннесцами. Потому передъ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій противъ Греціи онъ сдѣлалъ попытку помириться съ афинянами. Онъ полагалъ, что если это удастся ему, то вся Греція будетъ легко покорена. Посредникомъ онъ выбралъ македонскаго царя Александра, съ которымъ афинское государство было соединено взаимнымъ правомъ гостепріимства. Афиняне съ удивленіемъ увидѣли, что

къ нимъ пріѣхалъ вѣрный союзникъ персовъ; они знали, что когда лакедемоняне услышатъ объ этомъ, то пришлютъ посольство отклонять ихъ отъ переговоровъ съ Александромъ; и отерочили разрѣшеніе ему говорить въ народномъ собраніи до пріѣзда спартанскихъ пословъ. Одушевленные патріотическимъ чувствомъ, они хотѣли дѣйствовать открыто.

Мардоній прислалъ съ Александромъ афинянамъ слѣдующее предложеніе, изложенное въ формѣ повелѣнія царя: „Я прощаю афинянамъ всѣ ихъ вѣны противъ меня. Мардоній! Возврати имъ ихъ землю и дай имъ землю, какой они пожелаютъ; они останутся свободными людьми и, если вступятъ въ союзъ со мною, то я построю вновь всѣ ихъ храмы, которые сжегъ“. Александръ совѣтовалъ афинянамъ не отвергать союза, который Ксерксъ предлагаетъ имъ искренно и безхитростно; совѣтовалъ подумать о томъ, какъ велико могущество царя и какъ невозможно имъ побѣдить его; доказывалъ имъ, что именно ихъ страна должна подвергнуться бѣдствіямъ войны больше другихъ частей Греціи.

Въ словахъ Александра было много справедливаго. Спартанскіе послы, возражая на его рѣчь, совѣтовали афинянамъ не вѣрить обѣщаніямъ варваровъ, у которыхъ, какъ сами афиняне знаютъ, нѣтъ добросовѣстности. Та война, которая угрожаетъ теперь всей Греціи, навлечена на нее афинянами; потому имъ никакъ не слѣдуетъ вступать въ союзъ съ врагомъ; они всегда были друзьями свободы, и постыдно было-бы для нихъ подвергать Грецію рабству. Лакедемоняне и союзные съ лакедемонянами государства очень сочувствуютъ тому ихъ бѣдствію, что они потеряли въ прошломъ году и потеряютъ въ наступившемъ свою жатву и что ихъ дома разрушены, и доказываютъ свое сочувствіе, предлагая принять на свое содержаніе во все продолженіе войны афинскихъ женщинъ, дѣтей и всѣхъ гражданъ, неспособныхъ къ войнѣ.

Выслушавъ эти рѣчи, афиняне, по предложенію Аристиды, отвѣчали Александру: „Пока солнце будетъ ходить тѣмъ путемъ, какимъ ходитъ теперь, мы не заключимъ договора съ Ксерксомъ, а будемъ постоянно вести войну противъ него, въ надеждѣ на помощь боговъ и героевъ, жилища и изображенія которыхъ онъ сжегъ нечестивою рукою“. Они постановили рѣшеніе, что каждый, кто вступитъ въ переговоры съ персами, подвергается проклятію и исключается отъ участія въ тайнствахъ Деметры. Спартанскимъ посламъ народное собраніе дало гордый отвѣтъ: „Лакедемонянамъ извѣстны чувства афинянъ; потому афиняне принимаютъ за оскорбленіе себѣ опасенія лакедемонянъ, что они могутъ заключить договоръ съ варварами. Нѣтъ на свѣтѣ столько золота и нѣтъ такой прекрасной земли, чтобы, для пріобрѣтенія ихъ, афиняне согласились стать друзьями персовъ и подвергнуть Грецію рабству. Они должны отмстить за разрушенные храмы и изображенія боговъ, и пока останется хоть одинъ афинянинъ, не будетъ заключенъ миръ съ Ксерксомъ. И не въ характерѣ афинянъ быть измѣнниками греческому народу, имѣющему одно происхожденіе съ ними, имѣющему тотъ же языкъ, тѣ же храмы, жертвоприношенія и обычаи. Въ предложеніи принять на содержаніе ихъ женъ и дѣтей они съ признательностью видятъ знакъ расположенія къ нимъ, но не хотятъ быть въ тягость лакедемонянамъ. Въ замѣтъ того они настойчиво просятъ, чтобы спартанское войско немедленно шло въ Беотию, потому что Мардоній безъ сомнѣнія скоро двинется на Аттику“.

Совѣщаніе въ
афинскомъ на-
родномъ собра-
ніи.
1. Рѣчь Алек-
сандра.

2. Рѣчь спар-
танцевъ.

3. Отвѣтъ афи-
нянъ.

Медленность спартанцевъ въ посылкѣ войскъ. Спартанцы были далеки отъ того, чтобъ имѣть такія возвышенныя чувства или хотя цѣнить ихъ. Они хотѣли только удержать аѳинянъ отъ союза съ персами до той поры, пока будутъ окончены работы по укрѣпленію Истма, послѣ чего аѳиняне становились не нужны имъ. О спасеніи Греціи, о сохраненіи Аѳинъ лакедемонянамъ было мало заботъ. Потому они не послали войска въ Беотію на защиту Аттики отъ новаго нашествія персовъ, хотя обѣщались сдѣлать это, а поступили совершенно на оборотъ: когда стѣна поперекъ Истма была наконецъ возведена до верхнихъ зубцовъ, Клеомбротъ распустилъ большую часть пелопоннесскаго войска, а потомъ увелъ въ Лаконію и спартанскихъ гоплитовъ подъ тѣмъ предлогомъ, что во время жертвоприношенія затмилось солнце. Когда Мардоній двинулся изъ Фессаліи на югъ, пелопоннесское войско стояло на Истмѣ для обороны стѣны, да и это былъ лишь небольшой отрядъ. При извѣстіи о приближеніи персовъ и о томъ, что почти все пелопоннесское войско разошлось по домамъ, жители Аѳинъ были очень смущены; большая часть конскихъ гоплитовъ была на корабляхъ; Аѳины должны были беззащитно стать жертвою врага, если не будетъ поспѣшнымъ образомъ послано пелопоннесское войско остановить персовъ.

Аѳинское посольство въ Спартѣ. Аѳиняне рѣшили немедленно отправить въ Спарту пословъ съ просьбой о скорѣйшей присылкѣ войска. Это порученіе приняли на себя Кимонъ и Миронидъ. Къ нимъ присоединились послы Платей и Мегары. Получивъ аудіенцію у эфоровъ, аѳинскіе послы напомнили имъ, что аѳиняне отвергли миръ, предлагаемый имъ Ксерксомъ на выгодныхъ условіяхъ, потому что думали о благѣ другихъ грековъ, которые теперь оставили ихъ безъ помощи. Аѳиняне открыто и честно высказали тогда свои чувства и повѣрили обѣщаніямъ лакедемонянъ; — говорили ихъ послы — а теперь видятъ себя покинутыми. Послы потребовали немедленнаго отправленія войска, чтобы оно успѣло остановить врага, если уже не за границами Аттики, то хотя на Триазійской равнинѣ.

Образъ дѣйствія эфоровъ. Посольство. Эфоры отлагали отвѣтъ со дня на день. На десятый день они отвѣчали, что спартанцы не могутъ выступить въ походъ раньше, чѣмъ совершатъ праздникъ іаклнѳей. Терпѣніе аѳинскихъ пословъ истощилось. На другой день они, по согласію съ своими платейскими и мегарскими товарищами, объявили эфорамъ: пусть спартанцы спокойно празднуютъ свои іаклнѳей, измѣняя союзникамъ; аѳиняне въ это время заключать съ персами миръ и пойдутъ, куда поведутъ ихъ персы; тогда спартанцы увидятъ, что выйдетъ изъ этого. Но спартанцы уже успѣли одуматься. Наканунъ вечеромъ Хилей тегейскій, поддерживавшій и раньше въ совѣщаніяхъ на Истмѣ предложеніяThemistocles, сказалъ эфорамъ, что, если аѳиняне примирятся съ варварами, то укрѣпленія на Истмѣ ничему не помѣшаютъ: варвары найдутъ много путей въ Пелопоннесъ и помпо Истма; пусть подумаютъ объ этомъ эфоры, говоритъ онъ, пусть не принуждаютъ аѳинянъ къ поступку, который погубитъ Грецію. Слова Хилея произвели на эфоровъ такое впечатлѣніе, что они въ ту же ночь отправили въ по-

ходъ 5,000 спартанскихъ гоплитовъ съ большимъ числомъ плотовъ. Такимъ образомъ утромъ они могли дать посламъ клятвенное увѣреніе, что войско уже идетъ противъ персовъ, что оно, вѣроятно, уже дошло теперь до храма Ореста, стоящаго на тегейской границѣ, и что немедленно будетъ послано еще столько же войска, которое будетъ состоять изъ періэковъ. Удивленные такой быстротой распоряженій, послы отправились домой.

Мардоній долго задерживало то, что запоздалъ Артабазъ. По прибытіи его Мардоній двинулся изъ Фессаліи. Войско, съ которымъ онъ вступилъ въ Беотію, состояло больше, нежели изъ 300,000 человекъ, потому что кромѣ фессалійской конницы и македонскихъ войскъ, бывшихъ съ персами уже и въ прошлогоднемъ походѣ, теперь добровольно или по принужденію присоединились къ персамъ локрійцы, беотійцы и фокейцы, войска которыхъ простирались до 50,000 человекъ. Проводниками и теперь были Тораксъ, владѣтель Лариссы, и царь македонскій, Александръ. Скоро Мардоній былъ уже въ Атикѣ. Съ той поры, какъ Аѳины были сожжены Ксерксомъ, прошло десять мѣсяцевъ; аѳиняне на-скоро построили себѣ жилища; но эти бѣдные пріюты они должны были покинуть, когда Мардоній пошелъ черезъ ущелья Киверона. Снова поплыли они съ женами и дѣтьми жить въ шалашахъ на Саламинѣ. Персы снова раскинули станъ на Илоссѣ.

Мардоній сначала шадилъ жилища аѳинянъ; онъ все еще надѣялся склонить ихъ на свою сторону; вѣроятно, ему было извѣстно, что они имѣютъ причины быть недовольны пелопоннессцами; и если такъ, то тѣмъ больше могъ онъ рассчитывать на успѣхъ переговоровъ съ ними. Онъ послалъ къ нимъ на Саламинѣ гелеспонтскаго грека Мирихда, возобновить прavitel'stvenному совѣту прежнія предложенія Ксеркса. Но только одинъ изъ членовъ совѣта, Ликидъ полагалъ, что должно принять ихъ; всѣ другіе остались непреклонны. Народъ, услышавъ, что Ликидъ говорилъ за союзъ съ персами, вознегодовалъ, и побилъ камнями его; женщины толпою бросились къ его жилищу и убили его жену и дѣтей.

Узнавъ отъ возвратившагося посланника о непримиримой враждѣ аѳинянъ, Мардоній велѣлъ вновь опустошать Атику, во второй разъ сжечь Аѳины и разрушить всѣ остатки стѣнъ, домовъ и храмовъ. Сигналы, данные пламенемъ костровъ, перенесли по Эгейскому морю къ царю въ Сарды извѣстіе, что войска его заняли Атику. Вскорѣ послѣ того вѣстникъ, присланный изъ Аргоса, извѣстилъ Мардонія, что спартанское войско идетъ къ Истму и что аргосцы были не въ силахъ помѣшать походу спартанцевъ, какъ обѣщались. Мардоній почелъ неудобнымъ оставаться въ каменистой Атикѣ, гдѣ войско его легко могло быть заперто и лишено подвоза съѣстныхъ припасовъ. Онъ возвратился въ Беотію, гдѣ плодородная равнина, преданность населенія и заготовленные запасы продовольствія обез-

Мардоній въ Атикѣ.

Посольство Мардонія къ аѳинянамъ на Саламинѣ.

Аѳины снова сожжены.

Мардоній идетъ въ Беотию. печивали его войско отъ голода. Въ мегарской области уже стоялъ отрядъ изъ 1,000 лакедемонскихъ гоплитовъ; Мардоній передъ выступленіемъ изъ Аттики послалъ свою конницу захватить въ плѣнъ этотъ отрядъ, но онъ успѣлъ уйти въ укрѣпленную Мегару.

Станъ Мардонія. Спартанцы выступили въ походъ очень быстро, но не хотѣли идти дальше Истма. Цѣлыя недѣли простояло за стѣною, возведенною на немъ, пелопоннесское войско, сила котораго мало по малу возросла до 30,000 гоплитовъ и такого-же числа легковооруженной пѣхоты. Аѣиняне отказались принять предложенія персовъ, Аттика была опустошена и спартанцы не видѣли надобности идти дальше. Такимъ образомъ Мардоній улучилъ время выбрать себѣ удобную позицію. Войско его расположилось длинной линіей между Асопомъ и Тевмесскою грядою холмовъ, имѣя передъ собою плодородную равнину, а для Мардонія и другихъ военачальниковъ былъ устроенъ на грядѣ холмовъ большой станъ, укрѣпленный валами, частоколами и деревянными башнями; это былъ квадратъ, длиною и шириною около версты. Тутъ стояли шатры изъ тканей съ золотымъ шитьемъ; въ шатрахъ были великолѣпная ложа, золотая и серебряная посуда; это были обширныя жилища съ особыми отдѣлами для женщинъ. Фиванцы приглашали персидскихъ вельможъ въ свой городъ на блестящіе пиры. Геродотъ рассказываетъ о пирѣ, который далъ Мардонію и 50 другимъ знатнѣйшимъ персамъ богатый фиванецъ Аттагинъ: на каждомъ ложѣ за столомъ возлежали рядомъ персы и фиванцы, въ знакъ дружбы фиванцевъ къ персамъ.

Павзаній на Клееронѣ. Въ началѣ сентября пелопоннесское войско наконецъ двинулось при благоприятныхъ предзнаменованіяхъ мимо сожженныхъ храмовъ Элевзина на Клееронъ. Ни одно изъ государствъ пелопоннесскаго союза не отказалось прислать своихъ воиновъ, потому что патристическое одушевленіе было тогда общимъ чувствомъ. Главнокомандующимъ былъ Павзаній, старшій сынъ умершаго около этого времени Клеомброта, человекъ нерѣшительный, осторожный до робости, хотя и храбрый въ бою. Въ Элевзинѣ присоединился къ пелопоннессцамъ Аристидъ съ 8,000 аѣинскихъ гоплитовъ и нѣсколькими сотнями стрѣлковъ; присоединились ѳеспійцы и платейне. Павзаній сталъ на сѣверныхъ склонахъ Клеерона, такъ что отъ персидскаго войска отдѣляла его долина Асопа; крутизны и ущелья ограждали его отъ нападеній персидской конницы и никакими насмѣшками не могли персы заставить его спуститься въ равнину. Видя его осторожность, персидская конница становилась все смѣлѣе; отряды ея подѣжляли то къ той, то къ другой части греческаго войска и наносили стрѣлами довольно много вреда грекамъ.

Храбрость аѣинянъ. Особенно тѣснила персидская конница мегарянъ, отрядъ которыхъ, состо-

явшій изъ 3000 гоплитовъ, занималъ открытую позицію; они послали сказать Павзанію, что если онъ не поспѣшитъ замѣнить ихъ другимъ войскомъ, то они не удержатъ своей позиціи. Павзаній спросилъ, кто хочетъ пойти смѣнить мегарянъ. Не вызвался никто, кромѣ аѣинянъ. Аристидъ сформировалъ отрядъ изъ 300 отборныхъ гоплитовъ и поручилъ начальство надъ нимъ Олимпіодору; къ нимъ присоединились аѣинскіе стрѣлки. Этотъ отрядъ сталъ на опаснѣйшемъ мѣстѣ впереди остального войска и храбро выдерживалъ бой. Начальникъ персидской конницы Масистій, высокій, красивый мужчина въ золотомъ чешуйчатомъ панцырѣ и пурпурной мантии, скакалъ на бѣломъ конѣ въ атаку; стрѣла ударила его коня въ бокъ, конь отъ боли сталъ на дыбы и сбросилъ всадника. Аѣиняне побѣжали, схватили коня, стали наносить удары Масистію, но панцырь былъ такъ крѣпокъ, что оставался невредимъ; когда наконецъ Масистій былъ убитъ ударомъ копья въ глазъ, изъ-за тѣла его поднялся ожесточенный бой; персы овладѣли бѣгомъ тѣломъ, но аѣиняне, поддержанные другими греками, отбѣснили ихъ и отняли добычу. Смерть этого знатнаго перса очень опечалила станъ Мардонія; а греки провозили тѣло его на телегѣ по всѣмъ своимъ отрядамъ, и гоплиты выходили изъ рядовъ посмотрѣть на этого убитаго перса, высокаго и красиваго.

Этотъ успѣхъ, кажется, ободрилъ Павзанія. Позиція грековъ на холмахъ надъ Гизіями и Эритрами была очень неудобна по недостатку воды, и они рѣшили подвинуться на западъ въ окрестность разрушенной Платей, стать близъ многоводнаго ручья Гаргафіи.

Въ этой новой позиціи 10000 лакедемонскихъ гоплитовъ и 35000 легковооруженныхъ илотовъ Павзанія составляли правое крыло, хорошо защищенное горами; аѣиняне Аристиды, платейне и ѳеспійцы образовали лѣвое крыло, стоявшее въ равнинѣ Асопа; этотъ край войска былъ ближайшимъ къ персидскому. Лѣвое крыло считалось почетнымъ постомъ; тегейцы стали оспаривать его у аѣинянъ; аѣиняне напомнили о марафонской битвѣ, но благородно объявляли, что покорятся всякому распоряженію главнокомандующаго и будутъ храбро биться, куда-бы онъ ни поставилъ ихъ. По рѣшенію всѣхъ союзниковъ, имъ была предоставлена почетная обязанность занимать опаснѣйшее мѣсто. Въ центрѣ, на невысокихъ холмахъ и на равнинѣ стояли пелопоннессцы, кромѣ спартанцевъ: подлѣ аѣинянъ мегаряне и эгинцы, а подлѣ спартанцевъ тегейцы и коринѣяне. Число греческаго войска простиралось до 110000 человекъ; изъ нихъ 40000 были гоплиты; но конницы у грековъ почти вовсе не было. На другомъ берегу Асопа, на фиванской землѣ, стояло непріятельское войско, въ три раза болѣе многочисленное. Противъ лакедемонянъ и тегейцевъ стояли персы и мидяне; противъ мелкихъ контингентовъ центра бактрійцы, индійцы, саки и египтяне; противъ аѣинянъ македоняне и греческіе союзники персовъ; за пѣхотою стояла многочисленная конница.

Въ такомъ порядкѣ войска стояли другъ противъ друга цѣлую недѣлю. И Павзаній, и Мардоній прикрывали свою нерѣшительность предзнаменованіями, предвѣщавшими побѣду тѣмъ, кто будетъ обороняться, поражение тѣмъ, кто нападетъ. Мардоній желалъ выманить грековъ на равнину Асопа. Но они не выходили изъ своей позиціи и наконецъ онъ послалъ отрядъ конницы занять Дріоскефаль.

ское ущелье; этимъ онъ отрѣзалъ греческое войско отъ Пелопоннеса и отъ пути, по которому подвозилось къ нему продовольствіе. Пять сотъ воевъ провіанта, шедшіе въ это время къ грекамъ, были захвачены персами; воины, провожавшіе обозъ, были убиты. Грекамъ грозилъ голодъ; но даже и эта опасность не могла вывести Павзанія изъ его бездѣйствія. Персы съ того берега рѣки осмѣивали грековъ; Павзаній принуждалъ грековъ терпѣть все это. Такъ прошло еще два дня. Наконецъ терпѣніе Мардонія истощилось. Онъ не хотѣлъ, чтобы время шло долѣе безъ битвы. Въ военномъ совѣтѣ Артабазъ сильно спорилъ противъ его намѣренія атаковать грековъ, говорилъ, что персы, опираясь на Фивы, городъ, сильно укрѣпленный, имѣя большіе запасы провіанта, должны стоять спокойно и постараться перессорить грековъ, давъ подарки нѣкоторымъ изъ ихъ вождей (такой совѣтъ уже и прежде давали Мардонію еиванцы). Но Мардоній остался при своемъ намѣреніи и велѣлъ готовиться къ битвѣ; онъ хотѣлъ начать ее на слѣдующій день. Ночью при глубочайшей тишинѣ подѣхалъ къ аѣнскимъ карауламъ всадникъ и сказалъ, что долженъ видѣться съ ихъ военачальниками. Они пришли и всадникъ сказалъ: «Мардоній рѣшилъ на разсвѣтѣ начать битву. Будьте готовы. Если исходъ сраженія будетъ благопріятенъ для васъ, то вспомните обо мнѣ. Я-Александръ, царь Македонскій». Сказавъ это онъ поѣхалъ въ свой станъ, Аристидъ и другіе стратеги пошли къ Павзанію передать это извѣстіе. Услышавъ, что часъ рѣшенія такъ близокъ, Павзаній испугался. Онъ предложилъ аѣнцямъ обмѣняться мѣстами съ лакедемонянами, говоря имъ, что они въ маратонской битвѣ ознакомились съ тактикою персовъ. Аристидъ отвѣчалъ, что они совершенно согласны, что они съ самого начала желали этого, но опасались оскорбить спартанцевъ такимъ предложениемъ. На разсвѣтѣ аѣнцы и лакедемоняне обмѣнялись мѣстами. Но это передвиженіе было замѣчено беотійцами, и они извѣстили о немъ Мардонія. Мардоній тотчасъ же велѣлъ своему правому и лѣвому крыльямъ обмѣняться мѣстами. Спартанцы не хотѣли биться съ персами, а онъ хотѣлъ, чтобы персы бились съ ними. Павзаній стоялъ теперь съ своею частью войска на равнинѣ. Эта позиція была гораздо опаснѣе прежней, гдѣ спартанцы были защищены холмами, и онъ велѣлъ аѣнцямъ возвратиться на прежнюю позицію, чтобы самому съ лакедемонянами снова стать на правое крыло. Увидѣвъ это, Мардоній сдѣлалъ такое же передвиженіе и вернулся съ персами на прежнюю ихъ позицію.

Мардоній рѣшается дать битву.

Александръ въ греческомъ станѣ.

Перѣшительность Павзанія.

Новая перемѣна позицій грековъ.

Битва при Платеѣ. Сентябрь 479.

Не удивительно было, что Мардоній началъ презирать спартанцевъ. Когда передвигавшіеся отряды заняли свои прежнія мѣста, онъ послалъ къ спартанцамъ вѣстника съ упрекомъ въ трусости: они, считавшіеся самыми храбрыми изъ всѣхъ грековъ, уже два раза бѣжали отъ него, говорилъ онъ имъ, и онъ приглашаетъ ихъ сразиться съ персами въ равномъ

числѣ съ обѣихъ сторонъ; чей отрядъ побѣдитъ, тѣ должны быть признаны одержавшими побѣду. Но вѣстникъ воротился, не получивъ никакого отвѣта. Мардоній велѣлъ конницѣ идти черезъ Асопъ. Она смѣло ринулась на греческихъ гоплитовъ и нанесла имъ большой уронъ своими стрѣлами и дротиками, а другой отрядъ въ это время засыпалъ родникъ ручья Гаргафія, отнявъ такимъ образомъ и воду у грековъ, уже лишенныхъ подвоза продовольствія. Черпать воду изъ Асопа греки не ходили, боясь персидскихъ стрѣлъ.

Положеніе грековъ было очень трудно. Мардоній со дня на день могъ ожидать, что они попросятъ у него мира; его конница постоянно тревожила ихъ. Но Павзаній все еще не рѣшался на битву. На военномъ совѣтѣ грековъ было рѣшено снова перемѣнить позицію. На разстояніи получаса пути отъ Гаргафія, близъ Платеи, была между рѣчкою Оэрою и бѣгущимъ съ Киерона ручьемъ полоса земли, подобная острову, въ 3 стадіи шириною. Греки рѣшили перейти туда въ наступающую ночь, когда темнота скроетъ ихъ отъ преслѣдованія персидской конницы; они тамъ будутъ имѣть достаточно воды; рѣчка и лежащіе передъ ней холмы будутъ защищать ихъ отъ нападений. Занявъ эту мѣстность, они хотѣли отбить у персовъ Дріоскефальскій проходъ, чтобы снова имѣть подвозъ провіанта.

Новая перемѣна позицій грековъ.

Въ тотъ день персидская конница еще больше прежняго тѣснила грековъ, особенно много страдали отъ ея стрѣлъ войска въ центрѣ. Едва наступила ночь, весь центръ торопливо двинулся, и съ быстротою, похожею на бѣгство, прошелъ почти до развалинъ Платеи, на 10 стадій дальше назначеннаго мѣста. Изнуренные гоплиты легли тутъ въ храмѣ Геры, не заботясь о томъ, что дѣлается съ остальнымъ войскомъ. Павзаній считалъ это бѣгство за слишкомъ раннее передвиженіе на назначенное мѣсто и велѣлъ своимъ войскамъ идти за центромъ. Одинъ изъ начальниковъ спартанскихъ отрядовъ, Амомфаретъ, выступилъ впередъ и сказалъ, что онъ не побѣжитъ отъ иноземцевъ, онъ не хочетъ безчестить Спарту. Павзаній и двоюродный братъ его, Эврианаксъ, старшій послѣ него военачальникъ, говорили Амомфарету, что отступленіе не бѣгство, но Амомфаретъ оставался при своемъ. Въ жару спора онъ взялъ обѣими руками большой камень, положилъ его къ ногамъ Павзанія и сказалъ: „Этимъ камнемъ я подаю голосъ за то, чтобы не бѣжать отъ варваровъ“. Павзаній назвалъ его сумасшедшимъ, но не могъ поколебать его рѣшеніе и, видя что приближается утро, пошелъ съ остальными отрядами лакедемонянъ. Онъ повелъ ихъ не прямымъ, а нѣскольکو извилистымъ путемъ, защищеннымъ горами, и они стали на назначенномъ мѣстѣ близъ ручья у храма Деметры. Черезъ нѣсколько времени пришелъ туда и Амомфаретъ, не захотѣвъ оставлять своего отряда на жертву непріятелю. Аѣнцы, получившіе во время спора съ нимъ приказъ приблизиться къ лакедемонянамъ, пошли къ роднику Гаргафія. Но едва они въ стройномъ порядкѣ дошли до того мѣста, гдѣ прежде стоялъ центръ, они получили извѣстіе, что должны спѣшить къ храму Деметры, къ спартанцамъ, которымъ трудно выдерживать тамъ нападенія персидской конницы; и, если не могутъ придти сами, то пусть пришлютъ по крайней мѣрѣ своихъ стрѣлковъ. „Мы знаемъ“,

Отступленіе центра.

Павзаній и Амомфаретъ.

Спартанцы переходятъ къ храму Деметры.

говорилъ имъ Павзаній, „что вы очень усердны къ этой войнѣ, потому вы исполните нашу просьбу“.

Битва при
Платей. Сеп-
тябрь 479.

Дѣло въ томъ, что персидская конница, хотѣвшая на разсвѣтѣ возобновить свои обыкновенныя нападенія, увидѣла съ удивленьемъ, что грековъ нѣтъ на ихъ позиціи. Объ этомъ извѣстили Мардонія, и онъ, думая, что греки обратились въ бѣгство, тотчасъ же велѣлъ преслѣдовать ихъ. «Это ли спартанскіе герои, которыхъ вы всегда называли храбрѣйшими людьми на свѣтѣ?» сказалъ онъ съ насмѣшкой Тораксу и его братьямъ и повелѣлъ быстрымъ шагомъ пѣхоту черезъ Асопъ. Конница скоро настигла лакедемонянъ. Аѳиняне, шедшіе на помощь къ нимъ, были остановлены на пути сильнымъ нападеніемъ македонянъ, ѳессалійцевъ и грековъ, бывшихъ въ персидскомъ войскѣ; потому спартанцы и тегейцы должны были сражаться одни. Они были истощены голодомъ и ночнымъ переходомъ на новую позицію; пелопоннесскіе союзники стояли далеко у храма Геры; отъ аѳинянъ нельзя было ожидать помощи; предзнаменованія, полученные при жертвоприношеніи, были неблагоприятны. Мало было у спартанцевъ надежды на побѣду, когда персидская пѣхота, подъ начальствомъ самого Мардонія, заняла мѣсто конницы и, закрываясь плетеными щитами, которые двигала передъ собою, какъ деревянную стѣну, стала осыпать ихъ градомъ стрѣлъ.

Бой у храма
Деметры.

Многіе гоплиты были убиты, въ томъ числѣ Калликратъ, первый красавецъ въ цѣлой Греціи; многіе были ранены. Простирая руки къ небу, Павзаній въ отчаяніи молилъ Геру, чтобы она не допустила пораженія грековъ. Но тегейцы, взявъ коня на перевѣсѣ, внезапно двинулись на стѣну щитовъ. Ихъ примѣръ увлекъ лакедемонянъ, услышавшихъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что жрецъ, приносившій жертву, получилъ благоприятныя предзнаменованія. Оплотъ плетеныхъ щитовъ быстро былъ опрокинутъ, и начался рукопашный бой. Вооруженіе грековъ было лучше персидскаго, сами они были физически сильнѣе и болѣе ловки. Держа на перевѣсѣ свои коня, они наступали на враговъ, которые не могли достать до нихъ своими саблями. Напрасно персы старались вырывать у нихъ изъ рукъ или ломать коня, напрасно старались разорвать ихъ ряды, бросаясь на нихъ, то по одиночкѣ, то по нѣскольку человекъ вмѣстѣ, то цѣлыми толпами; эти храбрецы падали жертвами своей отваги. Не имѣя ни шлема, ни панциря, съ головою, покрытой лишь повязкой, въ длинной одеждѣ, не имѣя даже хорошихъ щитовъ, персы не могли выдержать натиска грековъ, одѣтыхъ въ желѣзо, закрытыхъ большими крѣпкими щитами. Правда, и въ рядахъ спартанцевъ падали многіе храбрые люди; такъ на примѣръ, тутъ былъ убитъ Аристоклемъ, тотъ уцѣлѣвшій воинъ изъ отряда Леонида, который былъ объявленъ безчестнымъ и возстановилъ теперь свою честь геройской смертью (стр. 488); былъ тутъ убитъ твердый защитникъ спартанской части Аномфарець, были убиты Посидоній, Филокѳонъ и другіе; но скоро линія враговъ была разорвана натискомъ гоплитовъ. Мардоній посылалъ въ атаку конницу савковъ, чтобы задержать наступленіе спартанцевъ; но Павзаній поставилъ противъ конницы своихъ легковооруженныхъ воиновъ, потерю которыхъ не считалъ онъ большой бѣдой и продолжалъ идти съ гоплитами впередъ.

Тогда самъ Мардоній на прекрасномъ бѣломъ конѣ повелѣлъ въ бой своихъ конныхъ тѣлохранителей остановить врага. Камень, брошенный спартанцемъ Аимнестомъ, человекомъ очень сильнымъ, ударилъ его по головѣ; онъ упалъ съ коня и былъ убитъ въ свалкѣ боя. Спартанцы въ послѣдствіи поставили памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ онъ. Подлѣ него пали его тѣлохранители, тысяча отборныхъ всадниковъ, бившіеся геройски. Оставшись безъ вождя, пѣхота была разбита; ряды ея разорвались; она обратилась въ безпорядочное бѣгство. Только Артабазъ, пришедшій на мѣсто битвы, лишь когда побѣда грековъ была уже рѣшена, успѣлъ сохранить порядокъ въ своемъ 40,000-омъ отрядѣ; онъ повелѣлъ его черезъ Фокиду въ ѳессалію, Македонію и ѳракію къ Геллеспонту, обманывая жителей тѣхъ мѣстъ словами, что его войско—только передовой отрядъ огромнаго ополченія. Бѣжавшіе съ поля битвы собрались въ укрѣпленномъ лагерѣ на Асопѣ. Тутъ ихъ толпы были приведены въ нѣкоторый порядокъ, и они оборонялись отъ штурмовавшихъ станъ спартанцевъ, пока подоспѣли туда остальные греческія войска.

Пораженіе пер-
совъ.

Когда пелопоннесцы, стоявшіе у храма Геры, услышали, что лакедемоняне и тегейцы одолеваятъ персовъ, они пошли къ спартанцамъ, чтобы получить участіе въ славѣ побѣды. Но они шли безъ порядка: коринѳяне, эгинцы и нѣкоторые другіе контингенты пошли прямо черезъ холмы и соединились съ Павзаніемъ; мегаряне, фліасійцы и нѣкоторые другіе отряды сошли на равнину; тамъ напала на нихъ ѳиванская конница, начальникомъ которой былъ Асоподоръ, и они были изрублены или разбѣжались; 600 человекъ легли на мѣстѣ; остальные бѣжали въ ущелья Клеерона. Аѳиняне между тѣмъ выдерживали упорный бой съ македонянами, ѳессалійцами и бывшими въ войскѣ Мардонія греками. Ихъ противники были въ пять разъ многочисленнѣе ихъ, но довольно скоро отступили, не имѣя охоты умирать за чужое дѣло. Только ѳиванскіе аристократы сражались усердно; потерявъ однако 300 храбрѣйшихъ своихъ сотоварищей, и они бѣжали въ ѳивы.

Бой аѳинянъ и
другихъ войскъ.

Аѳиняне соединились съ лакедемонянами у персидскаго стана; послѣ упорнаго боя, грекамъ удалось взойти на окопъ и проломать проходъ въ деревянной его оградѣ; тегейцы первые ворвались въ станъ и овладѣли палаткою Мардонія со всѣми бывшими въ ней драгоценностями. За ними вошли и другіе греки. Павзаній запретилъ грабить и брать въ плѣнъ; потому они убили огромное число враговъ. Варвары, стѣсненные безъ порядка на небольшомъ пространствѣ между окопами, мѣшавшими имъ убѣжать, падали массами подъ оружіемъ грековъ.

Взятіе персид-
скаго стана.

Въ битвѣ и въ станѣ было убито болѣе 100000 человекъ варваровъ; по Геродоту даже гораздо болѣе этой цифры. Во время рѣзни въ станѣ вы-

шла изъ экипажа богато одѣтая женщина съ служанками и, обнявъ колѣна Павзанія, просила его защиты. Она сказала, что она гречанка, дочь одного изъ гражданъ города Коса, насильно уведенная персами изъ отцовскаго дома. Павзаній успокоилъ ее и потомъ отпустилъ въ Эгину — Персидская конница и нѣкоторые изъ пѣхотныхъ воиновъ успѣли присоединиться къ войску Артабаза. Певзаній не преслѣдовалъ ихъ. Они и безъ того должны были почти все погибнуть отъ голода, всяческихъ другихъ лишеній и отъ нападеній еракійцевъ; и дѣйствительно лишь немногіе изъ нихъ добрались черезъ Византію до Азіи. — Со стороны грековъ было убито, какъ говоритъ Геродотъ, 1360 гоплитовъ, въ томъ числѣ 91 спартанецъ и 52 аеинянина. Гораздо больше было число легковооруженныхъ плововъ, убитыхъ стрѣлами саковъ и растоптанныхъ лошадьми ихъ.

Павзаній и
платеяне.

Спартанцы, отъ копій которыхъ пало персидское войско, говорили, что награда за храбрость должна быть дана имъ; аеиняне основывали ее у нихъ. И тѣ и другіе заслуживали ее. Чтобы кончить споръ, было, по общему согласію, рѣшено дать ее платейнамъ. Изъ аеинянъ славу самаго храбраго воина заслужилъ Софанъ декелійскій. Павзаній хотѣлъ, чтобы честь его побѣды не была омрачена ничѣмъ. Эгинецъ Лампонъ предложилъ пригвоздить ко кресту тѣло Мардонія, какъ распялъ Ксерксъ тѣло Леонида. Павзаній съ негодованіемъ отвѣчалъ ему, что такіе поступки приличны варварамъ, а не грекамъ, и что погибшіе при Термопилахъ достаточно отомщены одержанною теперь славною побѣдою. Отвѣтъ Павзанія хорошо характеризуетъ разницу между греками и восточными племенами.

Воины cadaго государства похоронили своихъ убитыхъ въ особой гробницѣ близъ воротъ Платеи (спартанцы сдѣлали для своихъ убитыхъ три гробницы). Послѣ того была принесена жертва благодарности «Зевсу-Освободителю».

Огонь на всѣхъ жертвенникахъ Беотіи было оскверненъ нашествіемъ варваровъ. Потому для заженія костра при совершеніи жертвы Зевсу надобно было принести огонь съ дельфійскаго жертвенника. Это порученіе принялъ на себя платейнинъ Эвхидъ. Очистившись священной водою и надѣвъ на голову лавровый вѣнокъ, онъ взялъ огонь съ жертвенника и побѣжалъ назадъ. Передъ закатомъ солнца онъ прибѣжалъ къ войску у Платеи, привѣтствовалъ его и упалъ мертвый. Въ одинъ день онъ пробѣжалъ 1000 стадій (около 170 верстъ). Платейне похоронили его въ храмѣ Артемиды. — Въ награду за патріотизмъ и храбрость платейнъ было рѣшено признать ихъ городъ независимымъ государствомъ и было постановлено, что, если кто-нибудь нападетъ на нихъ, то все греки должны помогать имъ. Союзники дали имъ 80 талантовъ изъ добычи; они употребили эту сумму на постройку новаго храма Аеины вмѣсто прежняго, сожженнаго. За почести и дары, полученные отъ союзниковъ, они обѣщались охранять гробницы убитыхъ и ежегодно совершать торжество въ честь ихъ. На гробницахъ этихъ были впоследствии сооружены памятники. — Павзаній велѣлъ плотамъ снести всю добычу въ одно мѣсто. Прежде всего изъ нея была отдѣлена, по древнему обычаю, десятая часть богамъ; другую десятую долю получилъ Павзаній, какъ главнокоманду-

ющій; остальное было распределено между союзными государствами, пропорціонально числу воиновъ cadaго въ союзномъ войскѣ. Нѣкоторыя вещи были оставлены на память о битвѣ у воиновъ, овладѣвшихъ ими.

Добыча была несмѣтна. Съ изумленіемъ смотрѣли греки на шатры изъ тканей, вышитыхъ золотомъ и серебромъ, на кровати, столы и стулья съ золотыми и серебряными ножками, великолѣпные ковры, золотые кубки, чаши, на цѣлые позы золотой и серебряной столовой посуды, на множество браслетовъ и ожерелій, лидійскихъ сабель и пестрыхъ одеждъ, снятыхъ съ убитыхъ. Вѣроятно, дивились греки и на наряды знатныхъ персіановъ и служанокъ ихъ, на толпы и поваровъ и слугъ, взятыхъ персидскими вельможами въ походъ, на множество лошадей, верблюдовъ, другихъ вьючныхъ животныхъ. Геродотъ рассказываетъ, что Павзаній велѣлъ персидскимъ поварамъ приготовить обѣдъ, какой готовили они для Мардонія, подлѣ этихъ блюдъ поставилъ спартанскій обѣдъ и, смѣясь, сказалъ окружающимъ, что не понимаетъ, какъ могли персы, обладающіе такими богатствами, захотѣть взять себѣ бѣдную Грецію. Плоты, собирая добычу въ одно мѣсто, утаили много золотыхъ и серебряныхъ вещей и, не зная изъ чего сдѣланы онѣ, продавали ихъ эгинцамъ за безцѣнокъ, какъ мѣдныя и оловянные. Нѣкоторыя вещи оставлены были воинамъ, овладѣвшимъ ими; другія были пожертвованы въ храмы на память о побѣдѣ. Такъ тегайцы поставили въ храмѣ Аеины Алейской, находившемся въ ихъ городѣ, мѣдныя ясли изъ шатра Мардонія; аеиняне пожертвовали въ свой храмъ Эрехтея стулъ и саблю Мардонія и панцырь Масистія. Изъ десятой части добычи, отдѣленной для боговъ, были сдѣланы двѣ колоссальныя мѣдныя статуи: Зевса для одимпійскаго храма и Посейдона для истмійскаго, а для дельфійскаго храма золотой треножникъ, ножки котораго стояли на мѣдной змѣѣ. На пьедесталѣ треножника Павзаній вырѣзалъ надпись, составленную Симонидомъ: «Вожь греческаго народа, истребившій мидійскія полчища, Павзаній, посвятилъ этотъ даръ Аполлону». Платейне выразили амфиціонамъ неудовольствіе за эту надпись, потому что въ ней Павзаній приписываетъ себѣ всю честь побѣды; спартанцы, согласившись съ этимъ, стерли ее и замѣнили другою, перечислявшею имена всѣхъ греческихъ государствъ, «которые отвратили отъ Греціи страшное рабство». Пьедесталъ этого памятника уцѣлѣлъ. Въ спискѣ государствъ мы читаемъ даже имена Мантиней и Элиды, хотя войны ихъ пришли въ Платей только уже по окончаніи битвы. Эта побѣда была такимъ великимъ торжествомъ, что все греки хотѣли участвовать въ его славѣ. Потому, кромѣ гробницъ, въ которыхъ были похоронены убитые лакедемоняне, аеиняне, платейне и т. д., были поставлены на платейскомъ полѣ и такіе памятники, подъ которыми не было похороненныхъ тѣлъ (кено-тафій). Лакедемоняне были похоронены, какъ сказано, въ трехъ гробницахъ.

Добыча.

Пожертвованіи
въ храмы.

Черезъ 11 дней послѣ битвы, у храма Деметры, греческое войско подошло къ Фивамъ, требуя выдачи аристократовъ, вождей мидійской партіи, въ особенности Тимагенида и Аттагина. Фиванцы отказались выдать ихъ, греки окружили городъ и опустошили его область. Фиванцы предлагали большой выкупъ. Павзаній отвергъ его и продолжалъ требовать выдачи главныхъ приверженцевъ персидскаго царя. Послѣ двадцатидневной осады фиванцы были принуждены выдать Павзанію этихъ людей. Аттагинъ успѣлъ бѣжать; вмѣсто него были выданы два его сына. Павзаній освободилъ ихъ, сказавъ, что дѣти не виновны въ преступленіяхъ отцовъ. Тимагенидъ и другіе важнѣйшіе приверженцы мидянъ были отведены на Истмъ и казнены.

По замѣчательному совпаденію времени, въ тотъ самый день, когда персидское войско пало при Платей отъ «дорійскаго копья», оста-

Наказаніе фиванцевъ.

Событія въ
Малой Азіи.

токъ огромнаго флота, вышедшаго въ предыдущемъ году противъ Греціи, былъ уничтоженъ при мысѣ Микале.

Греческій
флотъ у
Самоса.

Весною отплылъ изъ Эгинны къ Делосу греческій флотъ, состоявшій изъ 110 триеръ. Главнокомандующимъ его былъ спартанскій царь Леотихидъ; начальникомъ военныхъ кораблей, составлявшихъ болѣе половины флота, былъ Ксантиппъ. Долго флотъ стоялъ у Делоса, ограничиваясь охраненіемъ кипладскихъ острововъ: по малочисленности его начальники не отваживались идти дальше на востокъ. Но къ нимъ явились три самоскіе посла, прося ихъ отъ имени своихъ согражданъ, освободить островъ отъ владычества варваровъ и персидскаго вассала, тиранна Теоместора. Съ такою же просьбою обратились къ военачальникамъ грековъ хіосскіе изгнанники, хотѣвшіе убить тиранна Стратиды и освободить свой островъ отъ варваровъ, но потерпѣвшіе неудачу и бѣжавшіе въ Лаконію. Очевидно было, что вся Іонія готова возстать при появленіи греческаго флота. Побѣда европейскихъ грековъ и отступленіе Ксеркса возбудили въ грекахъ Малой Азіи надежду, что пришло время ихъ освобожденія. Персы знали это настроеніе ихъ мыслей. Потому, когда греческій флотъ явился у Самоса, начальникъ персидскаго флота Мардонтъ, не отважился принять битву, хотя имѣлъ втрое больше кораблей, чѣмъ греки, и отплылъ къ мысу Микале подъ защиту стоявшаго тамъ войска; финикійцамъ онъ также не довѣрялъ и потому отпустилъ ихъ эскадру.

Персидскій
флотъ у мыса
Микале.

Персы вытащили свои корабли на берегъ у подошвы южнаго склона горъ мыса Микале, близъ Пріэны, гдѣ впадаютъ въ обширную бухту рѣчки Гаэсонъ и Сколопоисъ; обвели корабли оградой, сложенною изъ бревенъ и камней, перегородили подступы къ этому мѣсту крѣпкимъ тыномъ. Въ этомъ укрѣпленіи стало и сухопутное войско, которымъ начальствовалъ Тигранъ; тутъ же были и экипажи кораблей. Персы отняли оружіе у самосцевъ, которымъ не довѣряли, и послали милетянъ въ горы охранять проходы; но все-таки въ укрѣпленномъ станѣ оставалось 100000 человекъ. Отступленіе персовъ отъ Самоса придавало отвагу грекамъ. Леотихидъ, человекъ смѣлый, предприимчивый, рѣшился сдѣлать высадку на берегъ, гдѣ стояли персы, и штурмовать ихъ укрѣпленный станъ, хотя имѣлъ не больше 3500 гоплитовъ.

Онъ надѣялся, что греки, находящіеся въ персидскомъ войскѣ, передадутся ему. Пока на корабляхъ готовили мостки для схода на берегъ и сдѣлали другія приготовленія къ высадкѣ, онъ пошелъ на своемъ кораблѣ вдоль берега и громко кричалъ по гречески: „Іонійцы! слушайте, что я говорю: когда придетъ время битвы, вспомните свободу и замѣйте пароль: „Геба“. Скажите же и другимъ то, что слышали“. Это было повтореніемъ того, что сдѣлалъ Темистоклъ при мысѣ Артемизіи (стр. 483).

Битва при Ми-
кале.

Греки высадились на берегъ. Персы поставили передъ собою подвижной стѣной свои плетеные щиты. Когда Леотихидъ разставлялъ свое маленькое войско въ строй для атаки, по рядамъ грековъ пронесся слухъ, что въ Греціи одержана побѣда надъ Мардоніемъ. Быть можетъ эту молву распустили греческіе начальники, чтобы ободрить своихъ воиновъ; какъ бы то ни было, она впоследствии оказалась

справедливой, и народная легенда приписала ее чудесному откровенію боговъ; она говорила, что на берегу былъ найденъ жезлъ вѣстника. Слухъ о побѣдѣ надъ Мардоніемъ одушевилъ грековъ пылкимъ мужествомъ, и они пошли на приступъ съ твердой увѣренностью, что тоже побѣдятъ.

Аѣиняне составляли лѣвое крыло; коринѣяне, сикіонцы и трезенцы были въ центрѣ. Аѣиняне съ громкимъ крикомъ, что битву должны рѣшить они, стремительно бросились на персовъ и старались проломить ограду плетеныхъ щитовъ; спартанцамъ, составлявшимъ правое крыло, было трудно подыматься прямо въ гору съ берега, они должны были идти по ущельямъ въ обходъ на право, и еще не успѣли дойти до оврага, когда аѣиняне уже опрокинули стѣну щитовъ, и, тѣся храбро обороняющихся персовъ, прорвались вмѣстѣ съ ними сквозь ограду стана; за аѣинянами вошли коринѣяне и другіе отряды центра. Въ станѣ начался страшный бой, но скоро рѣшенъ былъ въ пользу грековъ присоединеніемъ къ нимъ іонійцевъ и прибытіемъ спартанцевъ.

Масса неприятелей была стѣснена внутри своихъ укрѣпленій; та часть войска, которую составляли собственно персы, долго держалась противъ натисковъ грековъ и билась очень храбро; между воинами другихъ племенъ владычествовало смятеніе. Когда убиты были вожди персовъ Тигранъ и Мардонтъ, то и персы бросились бѣжать къ проходамъ черезъ горы, куда уже давно бѣжали воины другихъ племенъ. Но въ горахъ ждала бѣгущихъ новая гибель. Милетяне, поставленные на гребнѣ горъ охранять пути отступленія для персовъ, обратили свое оружіе противъ нихъ. Тѣснимые врагами со всѣхъ сторонъ, бѣгушіе падали горами. Лишь небольшіе остатки войска успѣли спастись. Они собрались въ Сардахъ. Тамъ приняли начальство надъ ними Масистъ, братъ Ксеркса, и Артаинктъ, бывшій помощникомъ Мардонта въ командованіи флотомъ. Греки перенесли добычу на берегъ, зажгли укрѣпленія стана, корабли и шатры персовъ и отплыли къ Самосу.

На Самосѣ начальники союзнаго флота стали совѣщаться о томъ, какъ поступить относительно іонійцевъ. Леотихидъ и пелопоннесцы полагали, что должно переселить ихъ въ Европу, отдать имъ тѣ изъ приморскихъ городовъ, которые были въ союзѣ съ персами. Ксантиппъ и всѣ другіе аѣиняне были противъ этого; они говорили, что не должно отдавать персамъ прекрасное азіатское побережье и знаменитые города его. Наконецъ было рѣшено принять въ союзъ воевавшихъ съ персами государствъ Самосъ, Хіосъ, Лесбосъ и другіе острова, принявшіе сторону европейскихъ грековъ. — Въ благодарность за славную побѣду при Микале, граждане Эфеса рѣшили докончить постройку великолѣпнаго храма Артемиды, начатую за 120 лѣтъ передъ тѣмъ и много разъ перерывавшуюся въ бѣдственные времена.

Приближались осеннія непогоды, потому Леотихидъ съ пелопоннесцами возвратился на родину. Но аѣиняне хотѣли увеличить славу,

Бѣгство пер-
совъ.

Принятіе іоній-
цевъ въ союзъ
греческихъ
государствъ.

Осада Сеста-
лийцами.

приобрѣтенную ими въ битвѣ при Микале, гдѣ сражались они такъ, что всѣ союзники присудили имъ награду за храбрость. Они рѣшили завоевать Херсонесъ еракійскій и освободить греческіе города на Геллеспонтѣ. Въ городѣ Сестѣ, бывшемъ опорою связи между европейской и азіатскою частью персидскаго государства, сатрапъ Артаиктъ, жестокій, но храбрый воинъ, собралъ большой хорошій гарнизонъ; Артабазъ, отступавшій отъ Платей, велъ войско, еще довольно сильное и уже приближался къ Геллеспонту; у Ксеркса въ Сардахъ было многочисленное войско; но аѳиняне были одушевлены великими побѣдами и надѣялись приобрести новые успѣхи; дѣйствительно, счастье не измѣнило храбрымъ воинамъ въ ихъ новомъ предпріятіи.

Ксерксъ въ Сардахъ.

Вѣроятно, Ксерксъ былъ очень опечаленъ и раздраженъ извѣстіями о пораженіи его войскъ; но гаремныя приключенія и интриги женъ причиняли ему столько заботъ, что онъ не имѣлъ возможности заняться, какъ слѣдуетъ, государственными дѣлами. Въ то время, какъ его войска и флотъ были уничтожаемы, въ его дворцѣ происходили страшныя злодѣянія, бывшія результатомъ его любовныхъ связей съ женою его брата Масиста и съ ея дочерью Артаинтою, женою его сына Дарія, и произведенныя ревностью и мстительностью царицы Аместриды. Эти ужасныя происшествія убивали въ немъ всякую силу воли, расторгали родственныя связи въ его семействѣ, быстро вели династію и дворъ къ совершенной нравственной испорченности. — Артабазъ успѣлъ придти къ Геллеспонту еще до взятія Сеста аѳинянами; онъ боялся грековъ; услышавъ, что аѳинскій флотъ пришелъ въ Геллеспонтъ, онъ не отважился идти въ Херсонесъ, и пошелъ черезъ Византію. — Сестъ былъ хорошо укрѣпленъ и имѣлъ многочисленный гарнизонъ; но провіанта въ немъ было заготовлено мало.

Возвращеніе Артабаза.

Взятіе Сеста.

Храбрый гарнизонъ сильно укрѣпленнаго Сеста долго оборонялся; экипажи аѳинскихъ кораблей уже требовали, чтобъ осада была снята, и только благодаря тому, что Ксантиппъ имѣлъ твердый характеръ, дѣло не кончилось неудачею. Въ Сестѣ начался голодъ; когда онъ сталъ невыносимъ, Артаиктъ, воспользовавшись темною ночью, повелъ свое войско изъ города, и успѣлъ уйти. Но утромъ аѳинскіе военачальники, узнавъ, что персы ушли, послали часть войска преслѣдовать ихъ. Ворота города были отворены; осаждающіе заняли его. — Персы, настигнутые аѳинянами на Эгоспотамѣ, храбро оборонялись, но были побѣждены. Артаиктъ, его сынъ и значительная часть воиновъ его были взяты въ плѣнъ и окованные приведены въ Сестъ.

Смерть Артаикта.

Херсонесскіе греки, особенно жители города Элеунта были, очень ожесточены противъ Артаикта, потому что онъ ограбилъ храмъ Протезилая, распалъ священную землю храма и насилдовалъ женщинъ, захваченныхъ тамъ. Они требовали его смерти. Онъ предлагалъ гражданамъ Элеунта 1,000 талантовъ вознагражденія, Ксантиппу предлагалъ 2,000 талантовъ выкупа. Но его просьбы остались напрасны. Его повели на тотъ мысъ полуострова, гдѣ былъ прежде построенъ мостъ Ксеркса; тутъ передъ глазами у него побили камнями его сына, а потомъ его самого распяли на крестѣ.

Ксантиппъ оставилъ гарнизонъ въ Сестѣ, овладѣлъ Херсонесомъ, надъ которымъ нѣкогда господствовали Филаиды, Лемносомъ. Имбросомъ, объявилъ эти завоеванія владѣніями аѳинскаго государства и возвратился на родину, прославленный побѣдами и съ большою добычей. Въ числѣ привезенныхъ имъ трофеевъ находились толстые канаты, которыми были скрѣплены корабли мостовъ, построенныхъ для Ксеркса.

Въ то время, когда Греція грозила войска и флоты Ксеркса, сицилійскіи грекамъ пришлось выдерживать нашествіе кареагенцевъ. Одновременное нападеніе варваровъ на греческій міръ съ востока и съ юга могло казаться результатомъ соглашенія между персами и кареагенцами; нѣкоторые греческіе историки, въ томъ числѣ Діодоръ, такъ и понимали это. Финикійцы были подданными персовъ; ихъ соплеменники, поселившіеся на сѣверномъ берегу Африки, были въ дружбѣ съ персами. Очень можетъ быть даже, что, по торговымъ расчетамъ, Кареагенъ признавалъ надъ собою власть персидскаго царя; — быть можетъ, иногда посылалъ ему дань. Но и безъ всякаго соглашенія съ персами кареагенцы имѣли причины воевать съ греками въ Сициліи. Древнія финикійскія поселенія на этомъ островѣ: Мотія, Панормъ, Солунтъ давно перешли изъ-подъ власти финикійцевъ подъ власть Кареагена. Возрастающее могущество греческихъ колоній въ Сициліи было опасно для этихъ владѣній его; опасность стала особенно велика, когда Гелонъ сиракузскій и Θеронъ акрагантскій овладѣли почти всею остальною Сициліею и, дѣйствуя заодно, могли обратить противъ кареагенцевъ всю массу силъ западной части греческаго міра (стр. 287 и слѣдующ.). И въ Сициліи, какъ въ Греціи, варвары явились по приглашенію грековъ, измѣнниковъ своей націи. Мы видѣли (стр. 213), что Териллъ тиранъ гимерскій, по соглашенію съ своимъ тестемъ, Анаксилаемъ, тиранномъ мессанскимъ, просилъ у кареагенцевъ помощи противъ Θерона. Селинунтъ также искалъ защиты противъ него у кареагенцевъ. Нашествіе Ксеркса отнимало у сицилійскихъ грековъ всякую возможность получить помощь изъ Эллады; это обстоятельство, быть можетъ, содѣйствовало тому, что кареагенцы рѣшились предпринять экспедицію въ Сицилію, потому что могли теперь съ увѣренностью рассчитывать на побѣду. Гордая торговая аристократія, владычествовавшая въ Кареагенѣ, была честолюбива, флоты и войска ея были многочисленны (т. I 505 и слѣд.). Кареагенъ долго оставался могущественнымъ соперникомъ греческихъ государствъ, потомъ Рима. Онъ владѣлъ теперь Сардиніею, Корсикою, южною Испаніею; если бы ему удалось овладѣть Сициліею, онъ приобрѣлъ бы полное владычество надъ западною половиною Средиземнаго моря. Этому и хотѣли достигъ правители Кареагена, посылая въ Сицилію подъ начальствомъ Гамилькара, сына Магона, громадныя силы въ то время, когда финикійскіе корабли шли съ другими эскадрами подданныхъ Ксеркса къ берегамъ Греціи. Экспедиція имѣла такой размѣръ, какъ ни одна изъ прежнихъ. Двѣсти военныхъ кораблей и три тысячи транспортныхъ судовъ везли въ Сицилію 300,000 пѣхоты и конницы съ военными колесницами и запасъ продовольствія для нихъ. Плаваніе было бурно, нѣсколько кораблей утонуло. Гамилькаръ высадилъ свои войска у Гимеры, которая уже была отнята Θерономъ у Терилла. Вытащивъ корабли на берегъ, Гамилькаръ обвелъ ихъ окопами и рядомъ устроилъ укрѣпленный станъ для войска, состоявшаго изъ наемниковъ разныхъ племенъ, но въ особенности изъ ливійцевъ и нумидійцевъ. Вскорѣ пришли туда Гелонъ

Битва при Гимерѣ 480.

и Θеронъ со всѣми своими войсками, составлявшими, по извѣстіямъ грековъ, до 50,000 человекъ пѣхоты и до 5,000 конницы. Какъ въ Греціи, такъ и у сицилійскихъ грековъ войны были одушевлены національнымъ патриотизмомъ. Конница Гелона, хорошо обученная, дѣлала много вреда врагамъ. Гамилькаръ ожидалъ прибытія селинунтской конницы. Греки перехватили письмо, въ которомъ былъ назначенъ день, когда придетъ она. Гелонъ воспользовался этимъ свѣдѣніемъ. Онъ послалъ часть своей конницы къ стану кареагенцевъ, велѣвъ говорить ей, что она—тотъ отрядъ, который присланъ изъ Селинунта. Она была впущена въ станъ. Караульные, поставленные Гелономъ, донесли ему объ этомъ и онъ повелъ войско на битву. Она была упорна; побѣда долго колебалась; но сиракузская конница, впущенная въ кареагенскій станъ, поскакала, какъ велѣлъ ей Гелонъ, въ укрѣпленіе, гдѣ находились корабли, и зажгла ихъ. Видъ пламени и мысль объ измѣнѣ смутили кареагенцевъ, а мужество грековъ удвоилось. Кареагенскіе ряды начали колебаться. Гамилькаръ бросился въ пламя жертвеннаго костра, чтобы пріобрѣсти своею смертію милость боговъ своему войску. По его смерти некому было управлять ходомъ битвы. Скоро все кареагенское войско обратилось въ бѣгство. Часть его долго и очень храбро защищалась, занявъ крѣпкую позицію; но тамъ не было воды, и жажда вынудила этихъ воиновъ сдаться. Число враговъ, убитыхъ греками, было огромно. Битва при Гимерѣ спасла сицилійскихъ грековъ, какъ битва при Саламинѣ спасла Грецію. Потому образовалось сказаніе, что объ онѣ были въ одинъ и тотъ же день. Кареагенцы купили миръ, давъ Гелону 2,000 талантовъ; кромѣ того они согласились, чтобы Мессана повиновалась ему. Онъ принудилъ Анаксилла построить на Скиллѣ укрѣпленіе и не пропускать черезъ проливъ кареагенскіе и тирренскіе корабли. Но свои города въ Сициліи кареагенцы сохранили. Гелонъ считалъ не благоразумнымъ требовать отъ враговъ слишкомъ тяжелыхъ уступокъ, опасаясь, что въ такомъ случаѣ они предпочтутъ продолжать войну. Добыча, взятая имъ и Θерономъ, была несмѣтна. Гелонъ увѣковѣчилъ память о своей великой побѣдѣ, пославъ въ дельфійскій храмъ золотой треножникъ, на которомъ были написаны имена его и его братьевъ; онъ говорилъ о себѣ и о нихъ въ этой надписи, что они, подавъ эллинамъ сильную руку на спасеніе свободы, побѣдили полчища варваровъ. Надпись эта была составлена Симонидомъ. Гелонъ пользовался въ Сиракузахъ такою преданностью народа, какъ будто былъ законнымъ царемъ. Ему наследовалъ братъ его Гіеронъ, въ правленіе котораго прославлялъ Сиракузы Пиндаръ: „О, Сиракузы! великій городъ, святилище Ареса, живущаго въ шумъ битвъ, божественный городъ, знаменитый одѣтыми въ латы воинами и конями“, говорилъ Пиндаръ, моля боговъ, чтобы „прекрасная, богатая плодами“ область сиракузская „вѣчно сіяла блескомъ“.

IV. Гегемонія Аѣинъ и вѣкъ Перикла.

I. Возростаніе могущества Аѣинъ. Исторія гегемоніи Аѣинъ до Периклова мира.

(477—445).

Битвами при Платеѣ и при Микале опасность порабоженія была отвращена отъ Греціи. Побѣды греческаго оружія превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Справедливая оборона кончилась торжествомъ, надъ менный врагъ былъ оттѣсненъ, было даже начато дѣло освобожденія греческихъ городовъ на берегахъ малой Азіи и Θракіи. Гордость наполняла душу грека при мысли объ этихъ событіяхъ, и съ отважными надеждами думалъ онъ о будущемъ. Славныя дѣла, совершенныя греками, возвысили ихъ чувства. Великая національная борьба заглушала мелкія распри между сосѣдами, зависть и соперничество замолкли, враждебныя партіи примирились. Гробницы павшихъ при Платеѣ были общею святынею всей Греціи; на треножникѣ, поставленномъ въ дельфійскомъ храмѣ, были написаны имена всѣхъ греческихъ государствъ, принимавшихъ участіе въ святой борьбѣ; союзный станъ не былъ опозоренъ никакой измѣной. Спартанцы были очень расположены къ аѣинянамъ, по словамъ Θукидида, за ихъ усердіе къ общему греческому дѣлу; они оказали великія почести Θемистоклу, не мѣшали аѣинскимъ военачальникамъ пріобрѣтать успѣхи въ Іоніи и на Геллеспонтѣ. Никогда не имѣли они ни охоты, ни умѣнья предпринимать далекіе походы, но теперь они продолжали войну съ персами на восточныхъ моряхъ, начатую аѣинянами. Павзаній, Аристидъ и Кимонъ пошли съ союзнымъ флотомъ къ Кипру, покорили большую часть этого острова и взяли сильно укрѣпленную, защищаемую храбрымъ гарнизономъ Византію, бывшую ключомъ къ Черному морю.

Аѣиняне охотно подчинялись гегемоніи Спарты; по преданности національному дѣлу, они выказали удивительное самообладаніе. Но

въ этомъ походѣ обнаружилось, что спартанцы не могутъ сохранить за собой гегемонію, что новыя обстоятельства требуютъ отъ государства, руководящаго дѣлами союза, такой предприимчивости, какой не имѣютъ они; что аѳиняне, чей флотъ владычествуетъ на морѣ, чей патриотизмъ шире мелкихъ, областныхъ мыслей, — народъ, гораздо болѣе способный управлять національными предпріятіями, чѣмъ спартанцы. Уже и въ то время разницу между аѳинянами, представителями іонійскаго племени, и спартанцами, представителями дорійскаго, можно было характеризовать тѣми чертами, какими обрисовываетъ ее рѣчь коринѣскаго оратора въ рассказѣ Фукидида о событіяхъ, совершавшихся черезъ 40 лѣтъ послѣ того (Фукидидъ I, 70):

„Аѳиняне предприимчивы, быстры въ составленіи плановъ и въ исполненіи всего рѣшеннаго. А вы, спартанцы, вѣчно думаете только о сохраненіи того, что уже имѣете, не предпринимая ничего новаго. Они желаютъ приобрести больше, чѣмъ могутъ, дѣлаютъ больше, чѣмъ задумали, и во всѣхъ опасностяхъ остаются исполнены надежды; а вы дѣлаете меньше того, сколько можете, сомнѣваетесь въ успѣхѣ самыхъ основательныхъ плановъ и въ опасности лишаетесь надежды. Они — неутомимы, а вы вялы; они любятъ бывать за границей, а вы остаетесь дома; они надѣются приобрести пользу въ чужихъ земляхъ, а вы опасаетесь, что походомъ за границу утратите и то, чѣмъ уже владѣете. Когда они одержатъ успѣхъ надъ врагами, они извлекаютъ изъ него всю возможную выгоду; когда же бываютъ побѣждены, они почти нисколько не теряютъ бодрости. Свое тѣло посвящаютъ они государству, будто нѣчто совершенно чужое имъ, и глубочайшее чувство ихъ — преданность отечеству“.

Аѳиняне приоб- рѣтаютъ гегемонію на морѣ. Аѳиняне были способны спартанцевъ управлять національною войною противъ варваровъ не только потому, что были искусные и смѣлые моряки, предприимчивые воины, что государственные люди ихъ имѣли болѣе широкія идеи, болѣе высокія стремленія; но также и потому, что они были представителями іонійскаго племени, населявшаго всю восточную часть греческаго міра; въ Іоніи, на Гелеспонтѣ, на берегахъ Пропонтиды и Чернаго моря богатые и могущественные греческіе города радостно встрѣчали, какъ своихъ соплеменниковъ, аѳинскихъ военачальниковъ, знаменитыхъ и побѣдами, и гражданскими доблестями; а спартанцы навлекали на себя ненависть своимъ высокомеріемъ, своею грубостью, навлекали на себя презрѣнье своею алчностью и продажною. Мы читаемъ у Фукидида, что въ первый же годъ по присоединеніи своемъ къ союзу іонійцы постоянно совѣтовали аѳинянамъ, чтобы они взяли на себя гегемонію и избавили своихъ соплеменниковъ отъ невыносимаго самовласти Павзанія, который держитъ себя, какъ неограниченный монархъ. Аѳиняне сначала не хотѣли разстроивать союзъ и возбуждать неудовольствіе спартанцевъ такою рѣшительною мѣрою; но скоро

сами спартанцы подали имъ справедливыя причины поступать иначе: фальшивый и недовѣрчивый способъ дѣйствій эфоровъ по вопросу о построеніи аѳинскихъ стѣнъ былъ уже разрывомъ дружбы; Павзаній, гордый своими богатствами и своею военною славою, не хотѣлъ довольствоваться второстепеннымъ положеніемъ въ отечествѣ, не хотѣлъ вести суроваго спартанскаго образа жизни, задумывалъ, какъ рассказываютъ Геродотъ и другіе греческіе историки, измѣну, хотѣлъ, при помощи персовъ, стать властелиномъ всей Греціи; его поступки разрушили союзъ между греками, и новый союзъ сформировался подъ гегемоніею Аѳинъ. Спартанцы почти не дѣлали усилій сохранить преобладаніе въ отдаленныхъ городахъ; они скоро убѣдились, что государство, почти вовсе не имѣющее кораблей и сильное только своею тяжеловооруженною пѣхотою, не можетъ управлять дѣлами союза, ведущаго на далекихъ моряхъ наступательную войну. Они покорились необходимости, ограничились своею гегемоніею въ Пелопоннесѣ и предоставили островамъ и прибрежнымъ городамъ перейти подъ гегемонію Аѳинъ. Но, фактически признавая новый порядокъ дѣлъ, они продолжали держаться прежней мысли, что гегемонія надъ всѣми греческими государствами принадлежитъ имъ; и въ другихъ государствахъ были у нихъ приверженцы, раздѣлявшіе ихъ убѣжденіе. По этой фикціи, морская гегемонія Аѳинъ была лишь данное спартанцами аѳинянамъ порученіе руководить морскими экспедиціями. Факты не соответствовали такой теоріи. Спартанцы были уступчивы потому, что находились тогда въ затруднительномъ положеніи: владычествовавшая въ Спартѣ аристократія вела борьбу съ царями, стремившимися расширить свою власть, съ непокорными союзниками и поработленнымъ населеніемъ государства; эти заботы отнимали у нея возможность много заниматься ходомъ событій внѣ Пелопоннеса. Такимъ образомъ аѳиняне въ награду за свое геройство, свой патриотизмъ, свои заслуги въ дѣлѣ освобожденія Греціи, приобрѣли то положеніе, какое хотѣли и имѣли право занять при началѣ персидскихъ войнъ, но отъ котораго были устранены тогда недоброжелательнымъ эгоизмомъ Спарты и союзниковъ ея. Гегемонія аѳинянъ была въ началѣ не дѣломъ ихъ честолюбія, а наградой за ихъ заслуги, результатомъ признательности и довѣрія другихъ грековъ, естественнымъ послѣдствіемъ дѣятельности ихъ даровитыхъ государственныхъ людей. Эти люди, очень различные между собою по характеру, всѣ стремились къ одной цѣли, къ возвеличенію отечества.Themistocle великими своими талантами скоро возратившій себѣ вліяніе на своихъ согражданъ, заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы, давъ развитіе морскимъ силамъ и демократической энергіи Аѳинъ, доставить своей родинѣ преобладающее вліяніе на морскія греческія государства. Аристидъ и Кимонъ теперь уже не сопротивлялись расширенію дѣятельности аѳинянъ на

Патріотическая дѣятельность Themistocla.

морѣ, но старались сохранить старину, на сколько то было возможно.Themistokлѣ считалъ главнѣйшею противницею Аѣинѣ Спарту и направлялъ свои усилія на обезпеченіе Аѣинѣ противъ ея вражды; Аристидѣ и Кимонѣ считали главными врагами Аѣинѣ персовѣ, національныхъ враговъ всего греческаго народа, и желали, чтобы аѣиняне употребляли всѣ свои силы на войну съ персами. Потому они заботились главнымъ образомъ о военныхъ экспедиціяхъ на востокъ и на сѣверъ; а Themistokлѣ считалъ важнѣйшимъ интересомъ Аѣинѣ заботу о томъ, чтобы составила федерация демократическихъ государствъ, которая охватывала бы и европейскую Грецію и азіатскіе греческіе города и главою которой было бы аѣинское государство. Онѣ находилъ, что для этого въ особенности необходимо укрѣпить Аѣины и Пирей, увеличить флотъ и увеличить число гражданъ. Ему удалось достичь того, что Аѣины были обведены стѣною, что укрѣпленія пирейской гавани были докончены. Онѣ убѣдилъ народное собраніе постановить, что ежегодно должно строить 20 новыхъ тріарѣ и что метеки, служащіе на военныхъ корабляхъ, освобождаются отъ подати (метеки платили подать за позволеніе жить въ Атикѣ). Желая, чтобы Аѣины были государствомъ демократическимъ и морскимъ, Themistokлѣ находилъ полезнымъ, чтобы въ Аѣинахъ и Пирей селились греки изъ другихъ государствъ, и всячески покровительствовалъ этимъ переселенцамъ. Онѣ оградилъ метековъ отъ притѣсненій, установивъ точный размѣръ податей и повинностей, лежащихъ на нихъ; онѣ облегчилъ имъ способы пріобрѣтать права гражданъ. Благодаря тому, Аѣины, такъ много пострадавшія отъ войны, скоро стали городомъ болѣе многочисленнымъ, чѣмъ до войны; торговля и промышленность ихъ очень оживилась, общій уровень благосостоянія въ государствѣ поднялся. Война мало отвлекала метековъ отъ ихъ занятій; потому они могли сосредоточивать всѣ свои силы на торговлѣ и промышленности и скоро сдѣлались богатѣйшимъ сословіемъ въ государствѣ. Вообще всѣ заботы Themistokла были направлены къ тому, чтобы увеличить могущество Аѣинѣ и ослабить Спарту. Для этого онѣ вступился за мелкія государства, не участвовавшія въ войнѣ съ персами: спартанцы хотѣли исключить ихъ изъ дельфійской амфиктіоніи и отнять у нихъ самостоятельность; Themistokлу удалось сохранить за ними всѣ ихъ прежнія права. Онѣ хотѣлъ сжечь лакедемонскій флотъ, стоявшій въ гитійской гавани; этотъ планъ былъ разстроенъ только несогласіемъ Аристиды. Но противъ персовъ онѣ, кажется, не имѣлъ такой вражды, какъ Аристидѣ и Кимонѣ, менѣе ихъ заботился о войнѣ съ персидскимъ царемъ; вѣроятно, изъ этого возникло подозрѣніе, что онѣ—другъ персовъ, и впоследствии времени обвиненіе, что онѣ хотѣлъ отдать Грецію подъ власть имъ.—О немъ говорили также, что онѣ человѣкъ корыстолюбивый, продажный; въ этомъ была нѣкоторая доля правды. Ка-

жется, онѣ съ самаго начала своей общественной дѣятельности былъ не особенно разборчивъ на средства къ достиженію цѣлей и не очень щекотливъ въ денежныхъ дѣлахъ. Поэтъ того времени, Тимокреонѣ Родосскій, былъ, кажется, не единственнымъ человѣкомъ, обвинявшимъ его въ алчности и продажности.

1. Themistokлѣ и построеніе аѣинскихъ и пирейскихъ стѣнъ.

Подробности. Спартанцы не противились установленію аѣинской гегемоніи на морѣ, но не хотѣли допустить Аѣины пріобрѣсти вліяніе на греческомъ материкѣ. Чѣмъ неоспоримѣе были заслуги аѣиняне въ дѣлѣ защиты Греціи отъ порабоженія, чѣмъ блистательнѣе выказались ихъ мужество и патриотизмъ, тѣмъ ревнивѣе старались спартанцы помѣшать осуществленію плана аѣинскихъ демократовъ вывести Аѣины изъ-подъ зависимости отъ Спарты, доставить своему государству полную самостоятельность. И если бы дремала зависть въ самихъ спартанцахъ, то пробудили бы ее въ нихъ многочисленные другіе завистники и враги Аѣинѣ. Эта непріязнь къ возрастающему могуществу аѣиняне, сильныхъ своимъ многочисленнымъ флотомъ, опасныхъ своею отважною предпріимчивостію, выказалась вполне, когда они, построивъ жилища себѣ, стали дѣлать приготовленія къ тому, чтобы оградить возстановленныя Аѣины отъ другихъ нападеній крѣпкими стѣнами. Какъ только узнали въ Спартѣ объ этомъ намѣреніи, лакедемонскіе послы явились къ аѣинянамъ съ требованіемъ, чтобы они не укрѣпили своего города; послы говорили, что спартанцы считаютъ надобнымъ разрушить стѣны всѣхъ укрѣпленныхъ городовъ въ Пелопоннесѣ, и приглашаютъ аѣиняне содѣйствовать исполненію этого плана ихъ; въ Пелопоннесѣ не должно существовать укрѣпленныхъ городовъ, чтобы персы, въ случаѣ новаго нашествія, не нашли крѣпостей, которыя могли бы служить опорами для ихъ военныхъ дѣйствій, какъ Фивы служили опорой для Мардонія; Пелопоннесъ представляетъ достаточно простора, чтобы всѣ греки могли имѣть пріютъ себѣ въ немъ при нашествіи враговъ. Themistokлѣ, безъ сомнѣнія, понималъ, въ чемъ состоитъ дѣйствительное намѣреніе спартанцевъ, прикрываемое заботою о пользѣ Греціи; по его совету, аѣиняне дали спартанскимъ посламъ отвѣтъ, что отправятъ въ Спарту посольство для разъясненія дѣла. Своимъ посломъ выбрали они Themistokла, товарищами его назначили Аристиду и Габрониха. Самъ онѣ поѣхалъ въ Спарту, а своимъ товарищамъ сказалъ, чтобы они отложили отъѣздъ, подождали того времени, когда стѣна будетъ возведена до такой высоты, чтобы могла быть обороною въ случаѣ нападенія. Было рѣшено вести постройку какъ можно быстрѣе: всѣ жители города,—мужчины, женщины, дѣти, работали надъ нею; употребляли на нее всѣ, какіе пригодны были, камни изъ общественныхъ зданій и частныхъ домовъ. Themistokлѣ ѣхалъ въ Спарту медленно; по пріѣздѣ, онѣ уклонялся отъ переговоровъ съ правительствомъ, ссылаясь на то, что долженъ дожидаться своихъ товарищей; на вопросы о томъ, почему они долго не ѣдутъ, отвѣчалъ, что самъ дивится ихъ промедленію. Лакедемоняне вѣрили ему, потому что онѣ тогда еще пользовался ихъ расположеніемъ. Но получивъ достовѣрное извѣстіе, что аѣиняне строятъ стѣну и возвели ее ужъ до довольно большой вышины, они стали сомнѣваться въ искренности Themistokла. Онѣ ска-

заявляя имъ, что они не должны полагаться на молву, должны послать въ Аѣны надежныхъ людей посмотреть, справедлива ли она. Спартанцы согласились.Themistokles послалъ аѣнянамъ тайное уведомленіе, чтобы они подъ какими-нибудь предлогами задержали отправляющихся къ нимъ спартанцевъ, пока онъ и его товарищи возвратятся въ Аѣны. (Онъ опасался, что спартанцы, когда узнаютъ, что онъ обманывалъ ихъ, задержатъ его и его товарищей, которые теперь ужъ были въ Спартѣ). Когда спартанскіе послы пріѣхали въ Аѣны, онъ сбросилъ маску, признался въ своей хитрости и сказалъ эфорамъ, что аѣняне сами въ состояніи судить, чего требуютъ ихъ благо и благо всей Греціи.

Онъ говорилъ: при нашествіи персовъ аѣняне и безъ совѣта спартанцевъ приняли спасительное для Греціи рѣшеніе покинуть свой городъ, сѣли на корабли; во всѣхъ слѣдующихъ совѣщаніяхъ союзниковъ они доказали, что не уступаютъ никому умѣньемъ понимать интересы Греціи; теперь они нашли, что и для нихъ самихъ и для всей Греціи полезно, чтобы ихъ городъ былъ укрѣпленъ. Свобода совѣщаній о благѣ Греціи возможна лишь, когда всѣ союзныя государства имѣютъ одинаковыя средства защиты. Поэтому или всѣ греческія государства должны не имѣть никакихъ крѣпостей, или за аѣнянами должно быть признано право укрѣпить свой городъ.

Спартанцы подавили свою досаду, покорились необходимости. Themistokles и его товарищи были отпущены спартанцами, спартанскіе послы аѣнянами. Но съ той поры спартанцы питали затаенную злобу противъ Themistokles. — «Остается видно и теперь, съ какою торопливостью были строены стѣны Аѣнъ», замѣчаетъ Фукидидъ: «Онъ сложенъ изъ всяческихъ камней, и нѣкоторые камни даже не отесаны. Вложено въ стѣны и множество колоннъ, взятыхъ изъ разныхъ зданій; вложены другіе каменные предметы». — Дѣйствительно, въ открытыхъ теперь остаткахъ Themistoklesовой стѣны Аѣнъ найдены надгробныя камни съ барельефами и надписями. Стѣна эта, имѣвшая въ окружности 60 стадій (нѣсколько болѣе 10 верстъ), нигдѣ не касалась окраинъ тогдашняго города; ея обводъ охватывалъ пространство болѣе обширное. Центромъ этого пространства былъ Акрополь; охватывала она и три другіе холма: Ареопагъ, Пниксъ и Музей (холмъ музъ), а на южномъ берегу Илисса ручей Каллиррою. — Въ эти же годы были достроены укрѣпленія Пирея. Постройка ихъ, начатая въ архонтство Themistokles (стран. 468), была остановлена войною, и персы разрушили часть построеннаго. Теперь работа была возобновлена по расширенному плану, такъ что укрѣпленія Мунихійской и Пирейской гаваней охватывали пространство не меньше того, какое занималъ самъ городъ Аѣны. Впрочемъ, стѣны гаваней были возведены лишь до половины той высоты, какую желалъ дать имъ Themistokles. Укрѣпленія, возведенныя въ эти годы, были оплотомъ могущества Аѣнъ. Коринѣяне въ пелопоннесскую войну упрекали спартанцевъ за то, что они не приняли энергическихъ мѣръ, чтобы не допустить построенія стѣнъ Аѣнъ и Пирея.

2. Измѣна и смерть Павзанія. Когда Павзаній, начальствуя союзнымъ флотомъ, взялъ Византію, то попали въ плѣнъ нѣсколько персидскихъ вельможъ, въ числѣ которыхъ были родственники царя. Павзаній, тайно отъ союзниковъ, возвратилъ ихъ Ксерксу и сказалъ грекамъ, что они убѣжали. Помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ зретицъ Гонгиль, черезъ котораго онъ послалъ Ксерксу и письмо такого содержанія:

«Я, Павзаній, спартанскій военачальникъ, возвращаю тебѣ этихъ плѣнныхъ, желая

сдѣлать пріятное тебѣ; и я желаю, если тебѣ будетъ благоугодно, жениться на твоей дочери и подчинить твоей власти Спарту и остальную Элладу. Я полагаю, что, по соглашенію съ тобою, я въ состояніи исполнить это. Если ты одобряешь мое предложеніе, то пришли на берегъ надежнаго человѣка, черезъ котораго намъ можно было бы вести дальнѣйшіе переговоры».

Ксерксъ, очень обрадованный этимъ письмомъ, послалъ намѣстникомъ въ Даскилей Артабазъ (стран. 496), поручилъ ему вести переговоры съ Павзаніемъ, и уведомилъ объ этомъ спартанскаго главнокомандующаго письмомъ за царскою печатью; письмо говорило:

«Вотъ что сообщаетъ Ксерксъ Павзанію: услуга, которую оказалъ ты мнѣ, приславъ моихъ мужей, будетъ навсегда помниться при моемъ дворѣ. И твои предложенія я одобряю. Старайся неослабно день и ночь о томъ, что ты обѣщалъ мнѣ. И золота, и серебра, и войска получишь ты, сколько тебѣ будетъ надобно. Условься съ Артабазомъ, благонадежнымъ человѣкомъ, котораго я посылаю тебѣ, о моемъ и о твоёмъ дѣлѣ какъ лучше и полезнѣе для насъ обоимъ».

Павзаній ужъ и прежде былъ высокомеренъ, теперь сталъ еще надменнѣе, такъ что возбудилъ всеобщее неудовольствіе. Скандализовало грековъ и то, что онъ выказывалъ любовь къ персидскимъ обычаямъ, принималъ персидскій образъ жизни. Онъ, какъ будто уже сталъ сатрапомъ, надѣлъ персидское платье; въ поѣздѣ по Фракіи являлся окруженный мидійскими и египетскими тѣлохранителями; сталъ обѣдать по-персидски; ввелъ у себя восточный церемоніалъ аудіенцій, такъ что доступъ къ нему сталъ труденъ; и вообще, по выраженію Фукидида, показалъ въ мелочахъ свои намѣренія относительно важнаго дѣла.

Разсказы о роскошномъ образѣ жизни Павзанія имѣютъ, кажется, нѣсколько легендарный характеръ; то же можно думать о разсказѣ, что онъ велѣлъ похитить изъ отцовскаго дома красавицу византинянку Клеоннику, что ее привели въ его комнату ночью, когда онъ уже спалъ; внезапно пробужденный, онъ вообразилъ, что это входятъ убійцы и, не разсмотрѣвъ что вводятъ дѣвушку, закололъ ее; должно полагать преувеличены и суммы, какія, какъ говорятъ, получилъ онъ отъ Артабазы для подкупа грековъ. Когда измѣна Павзанія обнаружилась, то народная молва вѣроятно разупраслила своими прибавками прежнія проявленія перемѣны, произошедшей въ его мысляхъ.

Жалобы союзниковъ на самовластіе и надменность Павзанія, на его пристрастіе къ персидскимъ обычаямъ принудили спартанцевъ отозвать его и лакедемонскіе корабли; такимъ образомъ, они отказались отъ борьбы съ вліяніемъ аѣнянъ на другія морскія государства, и аѣняне воспользовавшись этимъ заключили съ союзниками договоръ, по которому получили гегемонію на морѣ. — Спартанцы подвергли Павзанія суду по взведеннымъ на него обвиненіямъ, и наказали его наложеніемъ небольшого штрафа за обиду, какія нанесъ онъ разнымъ лицамъ. Но главное обвиненіе — то, что онъ велъ переговоры съ персами и замышлялъ измѣну — осталось не доказаннымъ: его сношенія съ Ксерксомъ оставались еще не раскрыты. Однако же, спартанцы отняли у него управленіе военными дѣйствіями и послали вмѣсто его Доркида съ небольшимъ отрядомъ. Союзники не стали слушаться Доркида и данныхъ ему спартанцами помощниковъ; потому эфоры отозвали весь свой контингентъ, говоря, что нравы ихъ воиновъ портятся сближеніемъ съ иноземцами, и совершенно предоставили веденіе войны съ пер-

сами афинянамъ и другимъ грекамъ. Дѣйствительно, эфоры должны были опасаться вліянія сношеній съ иноплеменниками на ихъ согражданъ. Павзаній самовольно возвратился на гермійскомъ кораблѣ въ Византію съ очевиднымъ намѣреніемъ осуществить при помощи персовъ свой замыселъ, состоявшій въ томъ, чтобы захватить владычество надъ Спартою; въ то же время спартанцы узнали, что другой ихъ царь, Леотихидъ, посланный наказывать Алевандовъ и другихъ приверженцевъ Ксеркса въ Фессалію, подкупленъ еессалійцами. Его уличили, нашли у него взятые имъ деньги, осудили его на изгнаніе, разрушили его домъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ умеръ въ Тегеѣ изгнанникомъ.—Его преступленіе показало спартанцамъ необходимость зорко смотрѣть за ихъ военачальниками. Дорійская аристократія, правившая спартанскимъ государствомъ, видѣла, что побѣдосные полководцы могутъ становиться измѣнниками ей. Въ Спарту стали доходить слухи, что Павзаній, возвратившійся въ Византію, велъ подозрительныя сношенія съ Артабазомъ, и выгнанный изъ Византіи афинянами, продолжаетъ эти сношенія, поселившись въ городѣ Колонахъ (въ троянской области). Спартанцы послали къ нему вѣстника со скиталою *), приказывая ему немедленно ѣхать въ Спарту, если не хочетъ быть объявленъ врагомъ спартанскаго государства. Не желая явнаго разрыва и надѣясь повернуть деньгами дѣло въ свою пользу, Павзаній повинился. Эфоры арестовали его; но взявъ съ него обѣщаніе явиться на судъ, по вызову, освободили. Никто не рѣшился выступить обвинителемъ противъ такого знаменитаго человека. Правда, были подозрѣнія, что онъ хочетъ, при помощи персовъ, сдѣлаться властелиномъ надъ Спартою: но доказательствъ на это не было. Нѣкоторые илоты донесли, что онъ обѣщалъ имъ свободу и право гражданства, если они будутъ помогать ему въ возстаніи, которое онъ podnikнетъ; но ихъ свидѣтельство не считалось достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы начать процессъ объ измѣнѣ противъ царя. Такимъ образомъ, Павзаній жилъ въ Спартѣ на свободѣ и былъ такъ увѣренъ въ своей безопасности, что продолжалъ тайныя сношенія съ персидскимъ царемъ. Наконецъ, его измѣна обнаружилась. Онъ поручилъ рабу, бывшему его любимцемъ и, кажется, знавшему его замыселъ, отвезти письмо къ Артабазу. Рабу показалось подозрительнымъ то, что не возвращался ни одинъ изъ рабовъ, которыхъ Павзаній посылалъ прежде; потому онъ вскрылъ письмо; по содержанію письма было видно, что Павзаній измѣнникъ, кромѣ того рабъ прочелъ, что Павзаній просилъ Артабазу немедленно убить доставителя. Рабъ отнесъ письмо эфорамъ; они были убѣждены въ справедливости его показанія, но желали услышать подтвержденіе тому отъ самого Павзанія: свидѣтельство раба, хоть и подкрѣпленное письмомъ и печатью Павзанія, казалось недостаточнымъ для начатія процесса объ измѣнѣ. По условію съ эфорами, рабъ бѣжалъ на мысъ Тенаръ, въ священную ограду храма Посейдона, какъ человекъ, ищущій убѣжища отъ преслѣдованія, его приютить тамъ была хижина, имѣвшая перегородку. За перегородкою спрятались нѣкоторые изъ эфоровъ. Павзаній, услышавъ, что его рабъ бѣжалъ въ священную ограду, встревожился и поспѣшилъ

*) Скитала была у спартанцевъ способомъ передачи секретныхъ депешъ. Сановнику или военачальнику, отправлявшемуся за границу, правительство давало палку; другую, точно такую же, оставляли у себя эфоры. Когда хотѣли послать тайную депешу, плотно обвивали палку узкою лентою пергамента, писали депешу поперекъ извивовъ ленты, снимали ленту и посылали. Прочестъ написанное на ней можно было, лишь обвивъ ею такую же палку, какъ та, около которой была она обвита, когда посылали депешу.

къ нему, спросить, почему онъ бѣжалъ? Рабъ отвѣчалъ жалобою: онъ до сихъ поръ такъ вѣрно служилъ Павзанію въ сношеніяхъ съ персидскимъ царемъ, не выдавалъ тайны,—и вотъ въ благодарность за это ему предстояло быть убитымъ, какъ убиты были другіе доставители писемъ,—говорилъ онъ. Павзаній согласился, что виноватъ передъ нимъ, обѣщалъ ему безопасность, заклиналъ не имѣть вражды, не выдавать его, и просилъ какъ можно скорѣе ѣхать къ Артабазу, не портить начатаго дѣла отказомъ отъ порученія. Эфоры слышали все это и рѣшили арестовать Павзанія при его возвращеніи въ Спарту. Но когда они подходили къ нему на одной изъ улицъ города, онъ—или по ихъ суровому виду, или по нѣмому знаку, данному однимъ изъ нихъ ему—догадался, за чѣмъ они подходятъ къ нему, побѣжалъ въ храмъ Аѣины мѣднодомной (Chalkioikos), подлѣ котораго была встрѣча, успѣвъ въ одну изъ пристроекъ храма и не хотѣлъ выйти изъ своего убѣжища. Эфоры велѣли раскрыть кровлю этой пристройки и заложить дверь, чтобы онъ умеръ отъ голода. Говорятъ, что мать Павзанія принесла первый камень для закладки двери. Когда Павзаній былъ близокъ къ смерти, его вывели изъ священнаго убѣжища, чтобы оно не было осквернено мертвымъ тѣломъ. Онъ очень скоро послѣ того умеръ. Спартанцы хотѣли бросить его тѣло въ ту пропасть, куда низвергались преступники, но отмѣнили это рѣшеніе, вѣроятно по просьбѣ его друзей и похоронили тѣло; послѣ, по повелѣнію дельфійскаго оракула, сдѣлали гробницу ему на томъ мѣстѣ близъ храма, гдѣ онъ умеръ.—То, что уморили голодомъ чѣловѣка, бѣжавшаго въ священное мѣсто, было оскорбленіемъ святыни. Дельфійскій оракулъ повелѣлъ спартанцамъ въ искупленіе грѣха отдать Аѣинѣ вмѣсто одного тѣла два. Эфоры въ исполненіе этого повелѣнія поставили двѣ статуи, потому что приношеніе людей въ жертву за грѣхи народа уже давно вышло изъ обычая въ Элладѣ.

3. ИзгнаніеThemistokla и послѣдніе годы его жизни. Измѣна Павзанія имѣла гибельное вліяніе на судьбу Themistokla. Мы видѣли, что этотъ великій чѣловѣкъ вредилъ чести своего имени корыстолюбіемъ, и не рѣдко омрачалъ славу свою поступками несправедливыми. Его упрекали въ томъ, что онъ интригуетъ противъ другихъ военачальниковъ, прибѣгаетъ къ коварству въ борьбѣ съ соперниками, слишкомъ любитъ хвалиться своими заслугами. Его дѣйствія при установленіи гражданского порядка въ греческихъ городахъ, освобожденныхъ отъ персидскаго владычества, подавали поводъ къ порицаніямъ: говорили, что онъ при этомъ изгонялъ нѣкоторыхъ гражданъ, или возвращалъ изгнанныхъ, не по справедливости, а по личному пристрастію или подкупу; такъ, на примѣръ, говорили, что онъ держалъ въ изгнаніи поэта Тимокреона, не дозволивъ ему возвратиться въ его родной городъ Іалісъ (одинъ изъ городовъ на островѣ Родосѣ), потому что былъ подкупленъ врагами Тимокреона, съ которыхъ взялъ за это три таланта. Говорили, что онъ беретъ деньги и отъ персидскаго царя. Пользуясь этимъ слухомъ, спартанцы, со времени построенія аѣинскихъ стѣнъ ненавидѣвшіе Themistokla, обвинили его въ томъ, что онъ имѣетъ измѣнническія сношенія съ персами и, по словамъ Діодора, давали деньги его аѣинскимъ противникамъ для ихъ интригъ противъ него. Такимъ образомъ онъ былъ, по обвиненію спартанцевъ, преданъ суду; но защищался такъ успѣшно, выставилъ свои заслуги въ такомъ блистательномъ свѣтѣ, что былъ оправданъ и приобрѣлъ прежнее вліяніе на аѣинскій народъ. Но это возбудило Кимона, Алкмеона и другихъ его враговъ къ ожесточенной борьбѣ противъ него. Раздоръ партій снова сталъ волновать государство, какъ послѣ марафонской битвы, и для восстановленія спокойствія было

рѣшено прибѣгнуть къ ostracismu. Какъ тогда, граждане собрались на Пниксъ, и вотировали опускаемыми въ урны досчечками. Было опущено болѣе 6.000 досчечекъ съ именемъThemistokla, и онъ подвергся изгнанію, какъ прежде самъ подвергъ изгнанію Аристидъ. Но Аристидъ не платилъ ему за прошлое враждою и не принималъ участія въ интригѣ противъ него.—Themistoklъ поселился въ Argosъ; дѣлалъ оттуда поѣздки въ другія пелопоннесскія государства. Это тревожило спартанцевъ. Черезъ нѣсколько времени Павзаній былъ уличенъ въ измѣнѣ, и лакедемоняне возобновили обвиненіе противъ Themistokla. По ихъ словамъ, процессъ противъ Павзанія обнаружилъ, что Themistoklъ тоже имѣлъ сношенія съ персами, что если онъ и не былъ соучастникомъ Павзанія, то зналъ о его замыслѣ, и за то, что не донесъ о преступномъ дѣлѣ, самъ долженъ быть тоже наказанъ смертію. Аѣиняне нашли обвиненіе спартанцевъ справедливымъ. Уполномоченные Аѣинъ и Спарты отправились арестовать Themistokla. Узнавъ объ этомъ, онъ бѣжалъ на Коркиру, которой прежде оказалъ большія услуги. Коркиряне побоялись навлечь на себя гнѣвъ Аѣинъ и Спарты покровительствомъ ему, но помогли ему укрыться на берегу Эпира. Преслѣдователи вывѣдали, гдѣ скрывается онъ. Тогда онъ бѣжалъ во дворецъ Адмета, царя молосскаго, хотя Адметъ былъ врагомъ его. Царя не было дома въ это время. По совѣту его жены, онъ, взявъ на руки маленькаго сына ея, сѣлъ у очага, какъ просящій защиты; когда Адметъ вернулся домой, Themistoklъ просилъ царя не мстить ему выдачею преслѣдователямъ, не предавать его на погибель. Адметъ почувствовалъ состраданіе къ несчастному и великодушно обѣщалъ ему свое покровительство. Аѣиняне и спартанцы грозно требовали выдачи Themistokla; Адметъ отправилъ его подъ охраною надежнаго конвоя по горнымъ дорогамъ въ македонскій городъ Пидну; онъ сѣлъ тамъ на торговый корабль, чтобы уйдти въ Азію, къ персидскому царю. Буря занесла этотъ корабль къ Наксосу, гдѣ стоялъ тогда аѣинскій флотъ. Аѣиняне узнали-бъ и задержали бы Themistokla, если-бъ корабль вошелъ въ гавань, укрыться отъ бури. Themistoklъ сказалъ хозяину корабля свое имя, обѣщаніями и угрозами убѣдилъ его держаться въ дали отъ аѣинянъ; корабль оставался подъ бурей въ открытомъ морѣ цѣлыя сутки; когда буря улеглась, онъ поплылъ въ Эфесъ. Themistoklъ щедро наградилъ хозяина корабля. Онъ оставался еще богатымъ человекомъ. Онъ былъ осужденъ аѣинянами на смерть, какъ измѣнникъ, и его имущество въ Атикѣ было конфисковано. Но раньше того онъ успѣлъ передать своимъ друзьямъ въ Argosъ и въ Аѣинахъ значительныя суммы;—и такимъ образомъ, у него уцѣлѣло, какъ говорятъ, 80 или даже 100 талантовъ *). Въ Мизіи онъ нашелъ поддержку себѣ у Никогена, съ которымъ былъ соединенъ союзомъ гостепріимства, и отправился въ закрытомъ экипажѣ черезъ Сарды въ Сузу. Царемъ персидскимъ былъ въ это время ужь Артаксерксъ. Themistoklъ послалъ ему письмо, въ которомъ говорилъ, что подвергся преслѣдованію грековъ за дружбу къ персамъ; что изъ всѣхъ грековъ онъ сдѣлалъ наиболѣе вреда персамъ, потому что собственно онъ отразилъ нашествіе Ксеркса; но еще больше онъ

*) Приведемъ здѣсь цѣнность монетныхъ единицъ аттической системы (сравни. стран. 199, 245).

Талантъ (60 минъ)	1455 руб. сер.
Мина (100 драхмъ)	24 „ 25 коп. сер.
Драхма (6 оболовъ)	24, 25 коп.
Оболь (8 халковъ)	4, 04 „

сдѣлалъ добра персамъ, потому что онъ доставилъ Ксерксу возможность спокойно возвратиться въ Азію. „И тебѣ могу я оказать важныя услуги,“—такъ кончалъ онъ свое письмо: „черезъ годъ я открою лично тебѣ, зачѣмъ я къ тебѣ пріѣхалъ“. — Артаксерксъ дивился уму Themistokla, какъ рассказываетъ Фукидидъ, и отвѣчалъ, что согласенъ видѣться съ нимъ. Въ одинъ годъ Themistoklъ такъ хорошо выучился говорить по-персидски, что могъ явиться къ царю. Онъ пріобрѣлъ у Артаксеркса такое уваженіе, какимъ еще никогда никто другой изъ грековъ не пользовался у персидскихъ царей; Артаксерксъ оказывалъ ему почетъ отчасти за его славу, отчасти потому, что онъ обѣщался покорить царю греческія государства, но главнымъ образомъ потому, что царь находилъ его человекомъ необыкновеннаго ума. Артаксерксъ сдѣлалъ его намѣстникомъ аналійскаго берега и далъ на содержаніе ему три города: Магнезію, доставлявшую 50 талантовъ въ годъ, на хлѣбъ, Лампсакъ, богатый виноградниками, на вино, и Міунтъ на десертъ. Themistoklъ прожилъ въ Азіи нѣсколько лѣтъ, пользуясь большими доходами, въ кругу своего семейства, которое тайно переслалъ къ нему его другъ Эпикратъ. Артаксерксъ долго оставлялъ греческія дѣла безъ вниманія, и вѣроятно не требовалъ отъ него исполненія его обѣщаній. Но могущество аѣинянъ на востокѣ возростало; они даже послали помощь египетскимъ инсургентамъ (см. ниже), и гнѣвъ царя на грековъ пробудился вновь. Въ Магнезію поѣхали вѣстники напомнить Themistokлу, что онъ обѣщалъ царю помогать словомъ и дѣломъ въ покореніи Греціи. Поставленный въ это трудное положеніе, Themistoklъ умеръ въ Магнезії на 65 году жизни. Быть можетъ, судьба избавила его естественною смертію отъ печальной участи опозорить свое имя измѣною отечеству; быть можетъ, онъ собственною волею освободилъ себя отъ этого стыда. Въ древности была молва, очень правдоподобная, что онъ при совершеніи религіознаго праздника ушелъ отъ своихъ друзей; пожалъ имъ руки, и отравилъ себя, выпивъ бычачью кровь или ядъ. На главной площади Магнезії былъ поставленъ великолѣпный памятникъ; но его тѣло было по его послѣднему желанію перевезено его друзьями на родину и похоронено тамъ; это было сдѣлано тайно, потому что законъ запрещалъ хоронить въ родной землѣ измѣнниковъ. Въ послѣдствіи времени говорили, что онъ былъ похороненъ на маленькомъ мысѣ, вдающемся въ пирейскую гавань; народному воображенію казалось, что тѣло гениальнаго человека должно лежать именно тутъ, въ виду созданнаго имъ Пирея. Themistoklъ остался любимымъ лицомъ исторической легенды. Уваженіе персидскаго царя къ нему, его высокое положеніе въ Магнезії, его богатство окружали его послѣдніе годы привлекательной для фантазіи таинственностью, какъ Саламинская битва прославила его въ годы мужества. Народные рассказы и повѣя облекли его изгнанническую жизнь въ Азіи романическими вымыслами. Черезъ пять столѣтій по смерти потомки его еще пользовались въ Магнезії очень почетнымъ положеніемъ, какъ рассказываетъ Плутархъ, слушавшій съ однимъ изъ нихъ въ Аѣинахъ лекціи философа Аммонія.

Когда Themistoklъ умиралъ въ дали отъ возвеличеннаго имъ отечества, аѣинское государство уже нѣсколько лѣтъ было главою союза, который равнялся числомъ своего населенія пелопоннесскому, находившемуся подъ гегемоніей Спарты, и превосходилъ его могуществомъ. Іонійскія государства освобожденные отъ персидскаго ига имѣли больше расположенія къ аѣинянамъ, чѣмъ къ Спартѣ. Племенное родство, одинаковость образа жизни и понятій влекли греческихъ

Делосскій союзъ.

жителей островов и малоазійскаго побережья къ аѳинянамъ, которые при томъ же одни только и могли защитить ихъ отъ персовъ, имѣя многочисленный флотъ. Высокомѣріе спартанскихъ военачальниковъ, людей грубыхъ, мало сочувствовавшихъ общимъ національнымъ интересамъ, отталкивало образованныхъ грековъ азіатскихъ острововъ и берега; прямодушіе и любезность Аристиды и Кимона внушали имъ довѣріе и расположеніе. Когда Аристидъ созвалъ представителей іонійскихъ городовъ въ національномъ делосскомъ храмѣ для совѣщаній объ условіяхъ новаго союза, его справедливость и разсудительность возбудили въ союзникахъ такое довѣріе, что они поручили ему самому опредѣлить размѣръ ежегодныхъ денежныхъ взносовъ отъ государствъ, количество кораблей, воиновъ и матросовъ, какое должно быть выставляемо союзными государствами. Федерация была раздѣлена на пять округовъ (въ послѣдствіи на четыре). Аристидъ назначилъ для каждаго государства сумму, какую должно оно добавить въ союзную кассу и число кораблей, какое должно оно посылать въ союзный флотъ. Раскладка сдѣланная имъ найдена была справедливой. Мѣстомъ засѣданій союзаго правительства былъ назначенъ Делосъ, гдѣ находился общій храмъ іонійскаго племени и совершались общіе іонійскіе праздники въ честь Аполлона. На Делосѣ должны были постоянно жить назначаемые аѳинянами казначеи союзной кассы (гелленотами). Ежегодные взносы союзниковъ (phoros) составляли по тогдашней раскладкѣ 460 талантовъ (около 670,000 рублей серебромъ). Значительность этой цифры показываетъ, что число союзниковъ было очень велико. Всѣ острова и прибрежные города были заинтересованы въ томъ, чтобы Эгейское море было освобождено отъ персидскаго флота и пиратовъ, только подъ этимъ условіемъ могли возвратиться въ государства острововъ и азіатскаго побережья торговля и гражданская свобода, могло возродиться ихъ прежнее благосостояніе; потому, вѣроятно всѣ они присоединились къ союзу, который возвращалъ имъ эти утраченные блага. Анатолійскіе города во времена своего счастья не хотѣли составить союзнаго государства, недостатокъ единства между ними былъ причиною ихъ паденія; несчастія, перенесенныя ими, вѣроятно возбудили въ нихъ убѣжденіе, что только объединившись они будутъ имѣть силу защитить свою независимость; поэтому они вѣроятно съ радостію вступали въ составъ федерации подъ гегемоніей аѳинянъ. Къ делоскому союзу присоединились не только іонійскіе города и острова, какъ Самосъ, Милетъ, Хиосъ, Византія, но и эолійскіе острова Лесбосъ и Тенеросъ, дорійскіе города острововъ Коса и Родоса, греческіе города на Халкидикѣ и на Фракійскомъ берегу, которымъ постоянно угрожали персидскія крѣпости, стоявшія на Стримонѣ, Дорискѣ и Эіонѣ. Делосскій союзъ былъ первымъ примѣромъ свободной федерации на основаніи равноправности, первымъ свободнымъ подчиненіемъ слабыхъ руководству сильнаго.

Государства, вступившія въ союзъ съ аѳинянами, не имѣли причинъ жалѣть о своемъ присоединеніи къ этой новой амфиктіоніи, болѣе широкой, чѣмъ прежнія; аѳиняне сначала не злоупотребляли своею гегемоніей; они держались въ границахъ признанныхъ за ними правъ; оставляли свободу всѣмъ членамъ союза, предоставляли каждому изъ нихъ голосъ въ союзномъ собраніи, не вмѣшивались въ ихъ внутреннія дѣла. Самосъ, самый богатый и сильный изъ союзныхъ острововъ, сохранялъ и подъ гегемоніей Аѳинъ свое олигархическое правленіе. Но вообще вліяніе Аѳинъ было такъ сильно, что вѣроятно почти во всѣхъ союзныхъ государствахъ было введено демократическое управленіе, соотвѣтствовавшее характеру іонійскаго племени. Права Аѳинъ по управленію союзомъ ограничивались въ первый десять лѣтъ (476 — 466) тѣмъ, что аѳинскіе депутаты предсѣдательствовали въ союзномъ совѣтѣ, аѳинское государство рѣшало споры между союзными государствами и споры партій по внутреннимъ дѣламъ въ томъ или другомъ государствѣ, завѣдывало веденіемъ войны, наблюдало за исполненіемъ обязанностей союзныхъ государствъ по взносамъ денегъ въ кассу союза, по поставкѣ кораблей и войскъ, управляло союзною кассою, наказывало не исполняющихъ союзныя обязанности или отступавшихъ отъ нихъ. Для управленія всѣмъ этимъ аѳинскій народъ избиралъ уполномоченныхъ, которые, какъ мы уже говорили, назывались гелленотами. Но въ послѣдствіи греческія государства, утратившія подъ персидскимъ владычествомъ энергію, стали уклоняться отъ поставки кораблей и войскъ; тогда гегемонія Аѳинъ сдѣлалась притѣснительною.

Время делосскаго союза было для Аѳинъ эпохою полного развитія свободныхъ учрежденій и возростанія могущества. По сожженіи Аѳинъ исчезли послѣдніе остатки неравноправности сословій, послѣдніе слѣды аристократическихъ привилегій. Флотъ сдѣлался въ персидскую войну общимъ отечествомъ всѣхъ аѳинскихъ гражданъ: земельная собственность, бывшая, по законамъ Солона и Клисѳена, нормою гражданскихъ правъ, была захвачена врагомъ; весь аѳинскій народъ оставался лишеннымъ родины. Это должно было произвести перемѣну въ понятіяхъ гражданъ, сдѣлать общимъ національнымъ чувствомъ влеченіе къ равенству, которое и прежде было сильно развито въ аѳинскомъ народѣ, демократическое устройство стало казаться единственною хорошею формою государственнаго порядка. Аѳинскіе граждане жили тогда на корабляхъ, занимаясь дѣломъ общимъ для всѣхъ, и единодушіе было для нихъ единственнымъ средствомъ спасенія; всѣ они подвергались одинаковымъ лишеніямъ и опасностямъ, всѣ были воины одного святого дѣла; всѣ приобрѣли одинаковыя права на участіе въ результатѣ приобретенномъ общими усиліями, въ гражданской свободѣ, въ управленіи дѣлами отечества. И то, что приобрѣли они, какъ бойцы на корабляхъ, хотѣли они сохранить возвратившись на родину. Морскіе народы вообще склонны къ демократической свободѣ; ввѣряя свое имущество морю, свободному и подвижному, они усваиваютъ себѣ подвижность мыслей, не выносящую никакихъ ограниченій гражданской свободы и равенства. А теперь было уже неоспоримо, что аѳиняне сдѣлались морскимъ наро-

Отношенія
Аѳинъ къ со-
юзникамъ.

Полное разви-
тіе демократіи
въ Аѳинахъ.

домъ. Послѣ саламинской битвы война получила морской характеръ, флотъ сталъ важнѣе сухопутнаго войска. Это признали и Кимонъ и Аристидъ, самые настойчивые партизаны сухопутной войны и тяжелооруженной пѣхоты. Они стали теперь дѣйствовать въ новомъ политическомъ направленіи, хотя и старались сдерживать слишкомъ быстрое движеніе впередъ, какого требовала горячая демократическая партія реформы, стремившаяся довершить преобразование, начатоеThemistocle, и державшаяся его идей въ иностранныхъ дѣлахъ: такъ заботятся о томъ, чтобы свѣча не пылала безъ удержу, желая, что-бы она дольше горѣла.

Сынъ Мильтіада повѣсилъ узду своего коня въ числѣ даровъ, принесенныхъ храму Аѳины; это было знакомъ того, что онъ переходитъ отъ конной службы къ морской. Мы уже говорили (стр. 302), что четвертый классъ гражданъ былъ сравненъ въ правахъ и обязанностяхъ съ тремя первыми по предложенію Аристиды, что Аристидъ открылъ всѣмъ аѳинянамъ безъ различія по происхожденію и имуществу доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ, что быть можетъ также онъ замѣнилъ жребіемъ выборы въ большей части административныхъ и судебныхъ должностей. Назначеніе на должности по жребію было необходимымъ слѣдствіемъ равноправности всѣхъ гражданъ; этимъ способомъ получали должности и бѣдные, незначительные люди, которые не получили бы ихъ по выбору; кромѣ того, жребіемъ предотвращалось террористическое преобладаніе господствующей партіи, подавленіе меньшинства. Назначеніе на должности по жребію было порицаемо многими. Но мы уже говорили, что при тогдашнемъ характерѣ аѳинской жизни оно не имѣло тѣхъ невыгодъ, какія склонны мы предполагать въ немъ по нашимъ понятіямъ. При томъ же всѣ важныя должности, требовавшія особенной образованности и опытности или соединенныя съ особенною отвѣтственностію, какъ на примѣръ санъ стратега, были замѣщаемы по выбору, а не по жребію. — При всей свободѣ и равенствѣ гражданъ аѳинская демократія сохраняла характеръ нѣсколько аристократическій. Чтобы не получили преобладанія иноземцы и чтобы государство не было увлечено на опасный путь радикализма, аѳинскій демосъ былъ превращенъ въ замѣнутую корпорацію закономъ, постановлявшимъ, что къ сословію полноправныхъ гражданъ принадлежать только тѣ аѳиняне, которые могутъ доказать, что ихъ отцы и дѣды уже были аѳинянами. — Послѣ реформъ произведенныхъ Themistocle и Аристидомъ, неизбежно было отнять у ареопага прежнюю его правительственную власть, такъ что онъ сохранилъ только значеніе трибунала по дѣламъ объ убійствѣ (стр. 250). Ареопагъ состоялъ изъ бывшихъ архонтовъ; санъ архонтовъ утратилъ свое прежнее значеніе и сдѣлался доступенъ всѣмъ гражданамъ; было невозможно, чтобы ареопагъ при такомъ составѣ сохранялъ право контроля надъ государственными дѣлами, высокій нравственный авторитетъ верховнаго государственнаго учрежденія, пользующагося неограниченнымъ полномочіемъ. Но не всѣ аѳиняне были довольны нововведеніемъ, освобождавшимъ народное собраніе отъ контроля ареопага. Великій поэтъ Эсхилъ, воинъ сражавшійся при Марафонѣ, явился въ своей трагедіи „Эвмениды“ горячимъ защитникомъ „совѣта всегда бодрствующаго за дремлющихъ“, но принципъ демократической равноправности восторжествовалъ. Учрежденіе, имѣвшее религіозный характеръ, дѣйствовавшее по стариннымъ преданіямъ, имѣвшее патриархальную власть, ареопагъ

Преобразование
ареопага. 460.

имѣлъ права, несовмѣстныя съ принципомъ свободы и гражданского равенства. Теперь они были отняты у него; онъ утратилъ всякое вліяніе на политику и законодательство. Его прежняя обязанность охранять государственные законы была передана комитету хранителей законовъ, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Послѣ этой реформы каждый гражданинъ могъ получить обязанность наблюдать за охраненіемъ существующаго порядка, и слѣдовательно, сдѣлалось надобностію, чтобы каждый зналъ основные законы государства; потому доски, на которыхъ были написаны законы Солона, были перенесены изъ Акрополя подъ колоннады площади народныхъ собраній, чтобы каждый могъ читать ихъ. Но ареопагъ остался трибуналомъ по дѣламъ объ убійствѣ; это значеніе, освященное древними религіозными преданіями, было сохранено за холмомъ Ареса. Аристократическая партія была такъ раздражена отнятіемъ политическаго значенія у ареопага, разрушеніемъ послѣдняго оплота старины, что прибилъ къ убійству. Эфіальтъ, бѣдный, но безукоризненный гражданинъ, по предложенію котораго была отнята политическая власть у ареопага, былъ коварно убитъ припелемъ изъ Танагры.

Аристидъ не дожилъ до торжества неограниченной демократіи. При всей своей преданности принципу равноправности гражданъ, онъ едва ли одобрилъ бы отмену всѣхъ прежнихъ ограниченій верховной власти народа. Справедливѣйшій изъ аѳинянъ сошелъ въ могилу чело- 469 (или 466? вѣкомъ бѣднымъ, уважаемый и любимый своими согражданами. Онъ или 464?). былъ похороненъ въ Фалерѣ на счетъ государства, потому что послѣ него не осталось имущества на расходы похоронъ. По уваженію къ его честности и гражданскимъ доблестямъ аѳинскій народъ назначилъ приданое отъ государства двумъ его дочерямъ и обезпечилъ отъ нужды его сына Лисимаха деньгами и участкомъ земли. Themistocle жилъ въ Магнезіи изгнанникомъ, но богатымъ вельможею, окруженный азіатской роскошью; ему была воздвигнута великолѣпная мраморная гробница, и потомство его долгія столѣтія пользовалось богатствомъ и почестями. А честному бѣдняку Аристиду была построена скромная гробница на счетъ государства, дѣти и внучата его были избавлены отъ нужды только пособіемъ великодушнаго народа, и, черезъ полтора столѣтія по его смерти, потомокъ его Лисимахъ скудно кормился ничтожною платою отъ легковѣрныхъ: онъ промышлялъ истолкованіемъ сновъ; по предложенію Димитрія Фалерскаго, аѳинскій народъ, помнившій безукоризненную честность его предка, назначилъ ему и его семейству пожизненное пособіе изъ государственной казны. — Параллельно съ развитіемъ аѳинскихъ учреждений шло возростаніе могущества государства; главнымъ двигателемъ военныхъ предпріятій Аѳинъ былъ Кимонъ, сынъ Мильтіада, — человекъ, который больше всѣхъ послѣ Themistocle содѣйствовалъ возвышенію своего отечества. Искусный военачальникъ, очень храбрый воинъ, патриотъ, онъ думалъ не столько о частныхъ интересахъ какой нибудь партіи, или о доставленіи Аѳинамъ владычества надъ другими греческими государствами, сколько о томъ, чтобы греческій міръ восторжествовалъ надъ

Смерть Ари-
стида.

Кимонъ.

варварскимъ; главнымъ предметомъ его мыслей была національная война противъ персовъ. Онъ постоянно заботился о томъ, чтобы освободить греческіе города отъ варваровъ, отнимать земли у персовъ. **Взятіе Эіона.** Однимъ изъ первыхъ его подвиговъ было взятіе Эіона, сильной крѣпости на Стримонѣ, и покореніе сосѣдняго съ Эіономъ побережья.

По словамъ Геродота, Богесъ, командовавшій гарнизономъ Эіона, былъ единственнымъ персидскимъ военачальникомъ, котораго персы считали заслужившимъ похвалы за мужество. Греки прогнали безъ большого труда всѣхъ начальниковъ войскъ, поставленныхъ Ксерксомъ въ греческихъ городахъ Эракин; только Маскамъ упорно защищалъ Дориксъ. Богесъ оборонялся въ Эіонѣ геройски. Когда недостатокъ продовольствія отнялъ у него возможность держаться дольше, онъ бросилъ со стѣны въ Стримонъ все золото и серебро, перебилъ своихъ женъ, дѣтей и рабовъ и кинулся въ пламя костра. Ксерксъ далъ богатые награды его родственникамъ.

Покореніе Скиросы и другія завоеванія. Взятіе Эіона было началомъ долгаго ряда завоеваній на эракійскомъ берегу и лежащихъ подлѣ него островахъ. Мы не имѣемъ подробныхъ извѣстій объ этихъ походахъ, расширившихъ владычество аѣинянъ въ той странѣ. Кимонъ покорилъ островъ Скиросъ, жители котораго занимались морскимъ разбоемъ; прогнавъ ихъ, аѣиняне роздали своимъ согражданамъ переселившимся туда (клерухамъ) землю этого острова, не очень плодороднаго, но имѣвшаго прекрасную гавань. Они торжественно перевезли оттуда въ Аѣины, какъ мы уже рассказывали (стр. 76), останки своего національнаго героя Тезея, которому ихъ миѣическое преданіе приписывало введеніе демократическихъ учрежденій. Послѣ того они взяли городъ Каристъ, стоявшій на южномъ концѣ Эвбеи; онъ сталъ прочной опорой для расширенія ихъ власти надъ этимъ островомъ. Они покорили островъ Лемносъ, важный по своему положенію для ихъ мореходства, и стали готовиться къ тому, чтобы овладѣть побережьемъ близъ устья Стримона, гдѣ на Пангейскомъ хребтѣ находились золотые рудники, которые были нѣкогда разрабатываемы финикіянами (I, 511); но прежде чѣмъ они успѣли завладѣть этою мѣстностью, они были вынуждены предпринять новый походъ противъ персовъ, встревоженныхъ завоеваніями ихъ и ихъ союзниковъ и собравшихъ многочисленный флотъ и сильное войско у рѣки Эвримедона въ Памфилиі. Военныя силы союзниковъ присоединились къ аѣинянамъ, которыми начальствовалъ Кимонъ; присоединились къ нимъ и военныя силы греческихъ городовъ Каріи и Ликии, вступившихъ тогда въ союзъ съ аѣинянами; изъ этихъ новыхъ свюзниковъ былъ особенно важенъ богатый торговый городъ Фазелисъ. Кимонъ побѣдилъ въ битвѣ у Эвримедона флотъ, а потомъ и войско персовъ. Болѣе двухъ сотъ непріятельскихъ кораблей, въ томъ числѣ восемьдесятъ финикійскихъ, приплывшихъ къ Кипру послѣ битвы, были потоплены или взяты греками. Персидское войско Ки-

монъ побѣдилъ, какъ говорятъ, при помощи военной хитрости: онъ одѣлъ своихъ воиновъ въ персидское платье, снятое съ плѣнныхъ, персы приняли переодѣтыхъ грековъ за персовъ и были застигнуты ихъ нападеніемъ въ расплохъ. Битва у Эвримедона была великою побѣдою; ее ставили на ряду съ битвами при Саламинѣ, Платеѣ, Микале. Она прославила имя Кимона.

Эти и другія военныя предпріятія аѣинянъ не доставляли никакихъ выгодъ большинству аѣинскихъ союзниковъ, а между тѣмъ требовали отъ нихъ большихъ усилій; потому усердіе союзниковъ мало по малу охладѣло, стремленіе къ славѣ и патріотизмъ, которымъ прежде были одушевлены всѣ, ослабѣли у большинства; въ нихъ возникло недовольствіе противъ аѣинянъ. Малоазійскіе іонійцы отвыкли подъ персидскимъ владычествомъ отъ войны; характеръ ихъ былъ непостоянный, они были неспособны къ продолжительной энергической дѣятельности. По мѣрѣ того, какъ возростало могущество аѣинянъ, у ихъ союзниковъ стало пробуждаться опасеніе, что аѣинская гегемонія превратится въ господство надъ ними, что изъ свободныхъ союзниковъ они сдѣлаются подданными; любовь къ независимости стала брать верхъ надъ чувствомъ національнаго единства. Притомъ греки вообще были мало расположены къ федеративному устройству. Постоянная война съ персами была для большинства союзниковъ обремененіемъ, такъ что многіе изъ нихъ стали откупаться отъ участія въ ней: вмѣсто того, чтобы посылать корабли и войско, они платили аѣинянамъ деньги на содержаніе того числа кораблей и войска, какое должны были выставять. Неудовольствіе союзниковъ увеличилось, когда аѣиняне стали употреблять ихъ военныя силы для покоренія другихъ грековъ и, въ своекорыстномъ властолюбіи, пренебрегать общими интересами союза. Недовольство выказывалось тѣмъ, что союзники дѣлались все равнодушнѣе къ совѣщаніямъ союзнаго правительства; одно государство за другимъ переставало посылать своихъ депутатовъ на Делосъ; при малочисленности собиравшихся тамъ депутатовъ, совѣщанія союзнаго правительства сдѣлались наконецъ пустою формою. Тяготаясь войною, союзники стали неисправны въ исполненіи своихъ обязанностей. Аѣиняне не могли допустить этого: чѣмъ шире становилась ихъ военная дѣятельность, тѣмъ необходимѣе были для нихъ корабли, войска и деньги союзниковъ. Они стали принимать противъ нихъ принудительныя мѣры; а это повело къ вооруженному сопротивленію со стороны союзниковъ. Но увеличивая число военныхъ кораблей на средства, доставляемыя соювною казною, аѣиняне имѣли такой сильный флотъ, что подавляли попытки возстанія, отнимали независимость у побѣжденных союзниковъ и обращали ихъ въ своихъ подданныхъ.

Первымъ изъ союзныхъ государствъ, подвергшихся этой участи, былъ

Покореніе Нак-островъ Наксосъ, лишенный независимости въ наказаніе за отпаденіе отъ союза. Побѣдивъ наксосцевъ и разрушивъ стѣны ихъ города, аѣиняне на-ложили на нихъ дань, а черезъ нѣсколько времени основали на ихъ остро-вѣ военную колонію, отнявъ у нихъ часть земель и роздавъ ее переселен-цамъ изъ Аттики (клерухамъ). Вскорѣ послѣ того возстало противъ аѣи-нянъ населеніе острова Эазоса; главною причиною возстанія было опасе-ніе, что аѣиняне, селившіеся на Стримонѣ, отнимутъ у Эазоса пангейскіе рудники (стр. 220). Кимонъ разбилъ эазосцевъ въ морскомъ сраженіи, вы-садивъ свое войско на островъ, покорилъ его, разрушилъ укрѣпленія го-рода Эазоса, отнявъ у острова его военные корабли и наложилъ на него дань. Въ это же время аѣиняне, какъ мы знаемъ изъ Фукидида, послали на Стримонъ 10,000 колонистовъ, основать городъ въ землѣ эдоновъ. Ко-лонисты были отчасти аѣинскіе граждане, отчасти граждане союзныхъ государствъ. Они овладѣли тою мѣстностью, которая называлась тогда Де-вять Дорогъ; но когда двинулись дальше отъ моря, эракійскія племена соединились противъ нихъ, считая ихъ колонію опасной для себя, и разбили ихъ у Драбеска. Такимъ образомъ попытка аѣинянъ основать тутъ колонію оказалась такою же неудачною, какъ прежняя попытка Гистіа и Ариста-гора (стр. 447). Покоривъ Эазосъ и отнявъ у его гражданъ рудники и земли на эракійскомъ берегу, аѣиняне овладѣли побережьемъ Стримона отъ того мѣста, гдѣ рѣка выходитъ изъ своего озерообразнаго расширенія до ея устья. Они побѣдили и прогнали эдоновъ; та мѣстность, гдѣ находи-лись рудники, осталась въ ихъ рукахъ. Впослѣдствіи времени (около 437) Гагнонъ основалъ на Девяти Дорогахъ колонію Амфиполь; Эіонъ, стоявшій въ устьѣ рѣки, служилъ этой колоніи пристанью. Та мѣстность была богата корабельнымъ лѣсомъ, имѣла рудники, дававшіе много золота и серебра; потому Амфиполь скоро сталъ—цвѣтущимъ городомъ.

Усиленіе вра-Тѣснимые аѣинянами эазосцы просили спартанцевъ,—разсказываетъ жу спартан-Фукидидъ—спасти ихъ отъ гибели вторженіемъ въ Аттику. Спар-танцы обѣщали исполнить эту просьбу, но походу ихъ на Аттику помѣшало землетрясеніе, и враждебное намѣреніе ихъ осталось не-извѣстно аѣинянамъ. Спартанцы помогли Фивамъ упрочить свое пре-обладаніе въ Беотіи, чтобы другіе беотійскіе города не послѣдовали примѣру Платеи и Теспій, вступившихъ въ союзъ съ аѣинянами. Изъ этого мы видимъ, что спартанцы, завидуя возрастающему мо-гуществу Аѣинъ, жадно ловили всякій случай поставить ему границы и поддержать свое притязаніе на гегемонію надъ всей Греціей. Вѣ-роятно уже въ тѣ годы дѣло дошло бы до войны, еслибы Спарта не подверглась тогда великому бѣдствію.

Землетрясеніе Въ 465 году страшное землетрясеніе разрушило значительную въ Лаконіи; часть города Спарты, въ которой погибло много гражданъ, и напол- возстаніе ило-нило всю Лаконію ужасомъ и печалью. Народъ приписывалъ это бѣдствіе гнѣву Посейдона, изъ храма котораго на мысѣ Тенарѣ не задолго передъ тѣмъ было насильно выведено нѣсколько илотовъ на казнь (быть можетъ, это были илоты, которыхъ Павзаній воз-буждалъ къ возстанію). Вѣроятно, это народное мнѣніе придавало бод-рость поработенному населенію спартанскаго государства. Нѣкото-рые изъ илотовъ и потомки покоренныхъ спартанцами мессенцевъ

(стр. 195) взяли за оружіе, надѣясь отмстить своимъ угнетателямъ и возвратить себѣ свободу. Спарта была защищена отъ нападенія илотовъ мужествомъ молодого царя Архидама; но во многихъ стыч-кахъ съ инсургентами спартанцы были разбиты. Отрядъ, состояв-шій изъ 300 спартанцевъ и находившійся подъ начальствомъ того сильнаго воина Аимнеста, который въ битвѣ при Платеѣ сбилъ Мар-донія съ коня ударомъ камня (стр. 507), встрѣтился на Стени-кларской равнинѣ съ инсургентами и былъ подавленъ превосход-ствомъ ихъ числа; Аимнестъ палъ мертвымъ. Наконецъ, мессенцы бы-ли побѣждены; но занявъ горную крѣпость Итому, гдѣ нѣкогда обо-ронялись ихъ предки, они защищали ее такъ мужественно и успѣ-шно, что спартанцы, не искусные въ осадѣ крѣпостей, отчаялись взять ее собственными силами, обратились за помощью къ своимъ союзникамъ, просили помощи и у аѣинянъ, опытныхъ въ дѣлѣ ве-денія осадъ. Тѣ изъ аѣинянъ, которые принадлежали къ партіи про-гресса, полагали, что должно отказать спартанцамъ въ ихъ просьбѣ. Вожди прогрессивной партіи, Периклъ и Эфіальтъ, всѣми силами про-тивились предложенію послать войско на помощь спартанцамъ; ослаб-леніе Спарты было, по ихъ мнѣнію, выгодно для Аѣинъ и для разви-тія гражданской свободы въ Греціи. Но Кимонъ поддерживалъ прось-бу спартанцевъ. Онъ считалъ дружбу между Аѣинами и Спартою не-обходимостью для греческой націи, условіемъ торжества грековъ надъ персами; хотѣлъ союза со Спартою и для того, чтобы вліяніе спартанцевъ удерживало аѣинянъ отъ нововведеній. Онъ не былъ краснорѣчивъ, но по своему богатству и высокому общественному положенію пользовался большимъ авторитетомъ въ народномъ собра-ніи; внушали уваженіе къ нему и его величественная фигура, его аристократическія манеры. Еще болѣе вѣса его словамъ придавали его военные подвиги, его благородный, безкорыстный характеръ, лю-безность обращенія, добродушіе, щедрость къ бѣднымъ. Его мнѣніе восторжествовало въ народномъ собраніи. Онъ убѣждалъ аѣинянъ «не дѣлать Грецію хромою; не допускать, чтобы одинъ изъ двухъ коней, везущихъ колесницу Греціи, погибъ»; народное собраніе про-никлось сочувствіемъ къ его мыслямъ; въ великодушномъ желаніи блага Греціи оно постановило послать Кимона съ 4000 гоплитовъ на помощь спартанцамъ.

Но спартанцы были неспособны понимать сочувствія общимъ гре-Спартанцы от-ческимъ интересамъ, по которому дѣйствовали аѣиняне. Не смотря сылають на- на помощь аѣинскаго отряда, сильно укрѣпленная Итома продолжала задъ аѣинское обороняться; спартанцы стали подозрѣвать намѣренія аѣинянъ, опа- войско 461 г. саться вреда для себя отъ ихъ войска; стали думать, что эти пред-пріимчивые демократы могутъ воспользоваться ихъ затруднитель-нымъ положеніемъ, стануть поддерживать инсургентовъ. Они не вы-сказали этого подозрѣнія, но неожиданно предложили аѣинскому вой-

ску возвратиться на родину, говоря, что уже не нуждаются въ его содѣйствіи. Аѣиняне разгадали истинный мотивъ отказа отъ ихъ помощи, и обида, нанесенная имъ, окончательно порвала слабую связь ихъ со спартакцами. Подозрѣніе спартакцевъ было тѣмъ оскорбительнѣе для нихъ, что они чувствовали себя незаслужившими его. Кимонъ надолго лишился довѣрія согражданъ, и противники его, пользуясь справедливымъ раздраженіемъ народа противъ спартакцевъ, успѣли склонить аѣинянъ къ рѣшеніямъ явно враждебнымъ Спартѣ.

Союзъ Аѣинъ
съ Аргосомъ.

Народное собраніе формально отказалось отъ союза, заключеннаго со спартакцами при нашествіи Ксеркса, и заключило союзъ съ Аргосомъ, постояннымъ противникомъ и соперникомъ Спарты. Аргосское государство, не участвовавшее въ войнѣ съ персами, оправилось отъ пораженія нанесеннаго ему Клеоменомъ (стр. 455) и расширило свои границы, покоривъ сосѣдніе города и разрушивъ нѣкоторые изъ нихъ. Аргосцы, симпатизировавшіе персамъ, напали на древніе знаменитые ахейскіе города Микены и Тиринѣ за то, что они выказали національный патріотизмъ. Микены послали 80 гоплитовъ въ войско, бывшее при Платѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того аргосцы разрушили Микены, изгнали или продали въ рабство жителей этого города. Они разрушили и Тиринѣ. Союзъ съ такимъ государствомъ свидѣтельствовалъ, что ненависть къ Спартѣ стала въ Аѣинахъ сильнѣе вражды къ персамъ. Эсхилъ въ своей трагедіи «Присяжнѣ защиты» высказывалъ тогда похвалы и благословеніе Аргосу: вѣроятно это нравилось аѣинянамъ. Скоро къ союзу Аѣинъ съ Аргосомъ присоединились и ѳессалійцы, усердно помогавшіе Ксерксу и Мардонію.

468 г.

Союзъ Мегары
съ Аѣинами.

Рѣшительный разрывъ со Спартою былъ выгоденъ для аѣинянъ; теперь они безъ всякихъ стѣсненій могли дѣйствовать, какъ внушала имъ ихъ удивительная энергія. Въ то время какъ силы спартакцевъ были заняты осадой Итомы, мегаряне, притѣсняемые Коринѣомъ, обратились къ аѣинянамъ съ просьбою о покровительствѣ. Аѣиняне не колеблясь приняли Мегару въ свой союзъ, защитили ее отъ коринѣянъ. Приобрѣтеніе этой новой союзницы было очень выгодно имъ. Они провели отъ Мегары, стоявшей на горѣ, двойную стѣну къ восточной пристани этого города, Нисеѣ, и послали отрядъ въ Пегі, мегарскій городъ на западномъ берегу перешейки; такимъ образомъ они приобрѣли себѣ точку опоры на Коринѣскомъ заливѣ. Коринѣяне и эгинцы негодовали на аѣинянъ за это, считая опаснымъ для себя союзъ ихъ съ Мегарою, и скоро непріязнь привела къ войнѣ. Аѣиняне сдѣлали высадку въ Галіадѣ на восточномъ берегу Пелопоннеса; коринѣяне, встревожившись этимъ, заключили союзъ съ Эпидавромъ и послали войско прогнать аѣинянъ изъ Галіады. Послѣ нѣсколькихъ сраженій, побѣда въ которыхъ колебалась, коринѣяне получили сильное подкрѣпленіе: съ ними вступили въ союзъ эгинцы, давніе враги аѣинянъ, которые желали покорить богатый островъ, находившійся

460 г.

Война Аѣинъ
съ Коринѣомъ
и Эгиною.

Въ время осады Эгины аѣиняне начали колоссальную работу, сооруженіе стѣнъ отъ Пирея къ Аѣинамъ. Эти стѣны обезпечивали свободное сообщеніе Аѣинъ съ моремъ въ случаѣ осады города непріателемъ съ сухаго пути. Нельзя не удивляться рѣшительности, съ какою аѣиняне задумали и довели до конца это сооруженіе: они построили отъ города до моря двѣ стѣны, расходившіяся подъ острымъ угломъ; одна стѣна шла къ стѣнѣ Пирейской гавани; она имѣла въ длину 40 стадій (почти 7 верстъ); на югъ отъ этой, «сѣверной», стѣны шла другая, называвшаяся Фалерской, она соединяла городъ съ фалерскою бухтой, которая продолжала служить пристанью и по сооруженіи пирейской гавани; эта стѣна имѣла 35 стадій (болѣе 6 верстъ) длины. Мысль о сооруженіи этихъ стѣнъ была возбуждена въ Аѣинахъ вѣроятно тѣмъ, что имъ удалось соединить такими же (но гораздо менѣе длинными) стѣнами Мегару съ ея гаванью Нисеею. Само собою разумѣется, что это громадное предпріятіе вызывало горячія возраженія со стороны консервативной партіи. Пространство между стѣнами отнималось у земледѣлія, это было непріятно консерваторамъ; еще непріятнѣе для нихъ было то, что населеніе города и населеніе Пирея соединялись постройкой этихъ стѣнъ въ

подъ владычествомъ аристократовъ. Близъ Эгины произошла большая морская битва; аѣиняне побѣдили въ ней, взяли 70 непріятельскихъ триаръ и осадили столицу ненавистнаго имъ острова. Значительная часть аѣинскаго флота находилась тогда у египетскаго берега: аѣиняне послали помощь возставшимъ противъ персовъ египтянамъ (это предпріятіе кончилось неудачею: изъ аѣинскаго войска, вышедшаго на египетскій берегъ, лишь немногіе воины уцѣлѣли и вернулись на родину черезъ Кирену). Коринѣяне и эпидаврійцы послали на помощь осажденнымъ эгинцамъ 300 гоплитовъ и съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлали нападеніе на Мегару, въ надеждѣ отвлечь этимъ аѣинское войско отъ Эгины. Но аѣинскій полководецъ Миронидъ пошелъ на коринѣянъ съ отрядомъ, состоявшимъ изъ стариковъ и юношей и далъ непріятелю сраженіе, въ которомъ коринѣяне не были разбиты, но и не побѣдили; коринѣяне воротились домой, но, встрѣченные тамъ насмѣшками, они черезъ 12 дней пришли на поле битвы, чтобы поставить на немъ памятникъ, какъ будто ими была одержана побѣда; тутъ произошло новое сраженіе, въ которомъ Миронидъ одержалъ полную побѣду; при отступленіи, коринѣяне понесли большой уронъ: часть ихъ войска попала на поле, окруженное рвами; Миронидъ оцѣпилъ эту мѣстность своимъ войскомъ и всѣ бывшіе тутъ коринѣяне были убиты стрѣлами аѣинянъ. Такимъ образомъ войско осаждавшее Эгину могло продолжать осаду, и наконецъ эгинцы изнуренные голодомъ принуждены были сдаться. Они должны были разрушить стѣны своего города, отдать аѣинянамъ свои военные корабли и платить имъ дань.

457 г.

Пораженіе ко-
ринѣянъ.

Взятіе Эгины.
455 г.

Построеніе
длинныхъ
стѣнъ.

Во время осады Эгины аѣиняне начали колоссальную работу, сооруженіе стѣнъ отъ Пирея къ Аѣинамъ. Эти стѣны обезпечивали свободное сообщеніе Аѣинъ съ моремъ въ случаѣ осады города непріателемъ съ сухаго пути. Нельзя не удивляться рѣшительности, съ какою аѣиняне задумали и довели до конца это сооруженіе: они построили отъ города до моря двѣ стѣны, расходившіяся подъ острымъ угломъ; одна стѣна шла къ стѣнѣ Пирейской гавани; она имѣла въ длину 40 стадій (почти 7 верстъ); на югъ отъ этой, «сѣверной», стѣны шла другая, называвшаяся Фалерской, она соединяла городъ съ фалерскою бухтой, которая продолжала служить пристанью и по сооруженіи пирейской гавани; эта стѣна имѣла 35 стадій (болѣе 6 верстъ) длины. Мысль о сооруженіи этихъ стѣнъ была возбуждена въ Аѣинахъ вѣроятно тѣмъ, что имъ удалось соединить такими же (но гораздо менѣе длинными) стѣнами Мегару съ ея гаванью Нисеею. Само собою разумѣется, что это громадное предпріятіе вызывало горячія возраженія со стороны консервативной партіи. Пространство между стѣнами отнималось у земледѣлія, это было непріятно консерваторамъ; еще непріятнѣе для нихъ было то, что населеніе города и населеніе Пирея соединялись постройкой этихъ стѣнъ въ

460 г.

одно общество: жители Пирея были моряки, сторонники демократіи; сношенія съ ними должны были развивать демократическія стремленія въ жителяхъ города. Главою оппозиціи былъ, вѣроятно, Кимонъ; но неудачная мысль послать помощь спартанцамъ убила его авторитетъ; онъ даже былъ изгнанъ остракизмомъ; онъ скоро былъ возвращенъ, но во время его изгнанія Эфіальтъ и Периклъ, его противники, упрочили торжество своей партіи. Борьба съ филидами была наследственной политикой въ домъ Перикла. Отецъ его Ксантиппъ былъ горячимъ противникомъ Мильтіада (стр. 464 и слѣд.; стр. 261).—Черезъ двѣнадцать лѣтъ по сооруженіи двухъ первыхъ стѣнъ была построена по предложенію Перикла третья стѣна, которая называлась «среднею». Она шла параллельно съ сѣверною въ разстояніи 600 футовъ отъ нея и примыкала также къ укрѣпленіямъ Пирея. Такимъ образомъ сообщенія Аѣинъ съ Пиреемъ оставались безопасными и въ томъ случаѣ, если бы непріятель сдѣлалъ высадку между Фалеромъ и Пиреемъ и подошелъ къ стѣнамъ города съ моря. Сооруженіе длинныхъ стѣнъ было великое дѣло, которымъ ознаменовала свое торжество демократическая партія. Эти стѣны сдѣлали Аѣины огромнымъ укрѣпленнымъ лагеремъ, оградили ихъ отъ нападенія и съ моря и съ суши.

Походъ лакедемонянъ въ Беотию. 456 г.

Третья Мессенская война 465—455.

Спартанцы очень досадовали на упроченіе могущества Аѣинъ и коринѣяне возбуждали ихъ къ войнѣ; но землетрясеніе и возстаніе мессенцевъ такъ ослабили Спарту, что она не могла начать борьбу. Спартанцы стали принимать мѣры противъ расширенія могущества Аѣинъ только, когда увидѣли, что скоро подавятъ мессенцевъ, борьба съ которыми называется Третьею Мессенской войною. Тогда они послали довольно большое войско въ среднюю Грецію подъ предлогомъ того, что должны помочь своимъ соплеменникамъ дорійцамъ, маленькая область которыхъ, лежащая въ горахъ у Парнасса, подвергалась нападеніямъ фокейцевъ. Спартанское войско безъ труда прогнало фокейцевъ изъ Дориды. Но тотчасъ же и обнаружилось, что главной цѣлью экспедиціи было совершенно иное дѣло. Въмѣсто того, чтобы воротиться въ Пелопоннесъ, войско прошло въ Беотию: оно было предназначено возстановить гегемонію ѳиванцевъ надъ другими беотійскими городами, отнятую у ѳивъ послѣ Платейской битвы. ѳиванцы были непримиримо враждебны Аѣинамъ и спартанцы хотѣли возратить имъ прежнее могущество для того, чтобы поставить преграду расширенію аѣинской гегемоніи въ средней Греціи. Подъ охраною пелопоннескаго войска были возстановлены стѣны ѳивъ, было упрочено владычество аристократіи въ этомъ городѣ, и другіе беотійскіе города были принуждены спартанцами подчиниться гегемоніи ѳиванцевъ, которые обѣщали за это спартанцамъ начать войну съ аѣинянами, не требуя помощи отъ пелопоннескаго союза. Не довольствуясь этими успѣхами, пелопоннесское войско стало у Танагры,

близъ границъ Аттики, въ надеждѣ, что приверженцы олигархическаго правленія въ Аѣинахъ поднимутъ возстаніе, отмѣнятъ демократическія учрежденія и разрушатъ длинныя стѣны, которыя тогда еще не были достроены. Спартанцы имѣли основаніе ожидать этого, потому что нѣкоторые изъ вождей аристократической партіи въ Аѣинахъ были въ тайныхъ сношеніяхъ съ ними. Пути возвращенія въ Пелопоннесъ находились теперь въ рукахъ аѣинянъ: ни моремъ, ни черезъ Истмъ войско не могло вернуться въ Пелопоннесъ иначе, какъ проложивъ себѣ дорогу оружіемъ. У аѣинянъ оставалось мало войска въ Атикѣ, но они рѣшились на войну. Получивъ помощь отъ аргосцевъ, приславшихъ имъ отрядъ изъ 1000 человекъ, и призвавъ ѳессалійскую конницу, аѣиняне подъ начальствомъ Перикла двинулись противъ лакедемонянъ и дали имъ битву при Танагрѣ. Сраженіе было упорно. ѳессалійцы измѣнили, передались врагамъ, это доставило пелопоннесцамъ побѣду; но она имъ принесла только ту выгоду, что они, истребивъ сады въ мегарской области, свободно возвратились черезъ Истмъ въ Пелопоннесъ. Для аѣинянъ пораженіе при Танагрѣ было спасительнымъ урокомъ; оно возбудило въ нихъ патриотическое одушевленіе и возстановило единодушіе между ними. Передъ началомъ сраженія пришелъ въ аѣинское войско Кимонъ и хотѣлъ стать въ ряды гоплитовъ своей филы; политическіе противники, не довѣряя ему, заставили его удалиться, но теперь, по предложенію Перикла, народъ постановилъ въ признательность за его патриотизмъ возвратить его изъ изгнанія. Периклъ поступилъ относительно Кимона такъ, какъ ѳемистоклъ предъ Саламинской битвой относительно Аристиды. Раздоры партій прекращались, когда требовало того благо родины; патриотизмъ заглушалъ всякую непріязнь между гражданами и честолюбіе ихъ состояло въ благородномъ стремленіи превзойти другъ друга услугами родины.

Битва при Танагрѣ. Ноябрь 457 г.

По разсказу Плутарха, когда аѣиняне выступили противъ лакедемонянъ, пришелъ въ полномъ вооруженіи Кимонъ, и сталъ въ ряды энейской филы, къ которой принадлежалъ. Но враги его подняли крикъ, что онъ только хочетъ произвести безпорядокъ въ аѣинскомъ войскѣ и привести спартанцевъ въ Аѣины; совѣтъ Пяти Сотъ былъ такъ смущенъ этимъ шумомъ, что велѣлъ стратегамъ не допускать Кимона къ участию въ походѣ. Кимонъ долженъ былъ удалиться; но уходя, просилъ Этиппа анафлистскаго и другихъ своихъ друзей, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи лакедемонянамъ, храбро биться съ врагами и оправдать себя тѣмъ отъ этого упрека. Они поставили его доспѣхи среди своего отряда, и бились такъ храбро, что всѣ—ихъ было сто—нашли себѣ смерть въ бою. Аѣиняне очень сожалѣли о несправедливомъ подозрѣніи противъ Кимона и о смерти этихъ храбрыхъ людей.

Кимонъ при Танагрѣ.

Патриотическое одушевленіе аѣинянъ скоро придало успѣшный для нихъ ходъ войнѣ. Всѣ расчеты лакедемонянъ и ихъ союзниковъ на выгоды, какія извлекутъ они изъ побѣды при Танагрѣ, были разрушены черезъ 62 дня послѣ нея битвою при Энофитѣ, въ которой

Побѣда аѣинянъ при Энофитѣ и другіе успѣхи ихъ. 456.

Миронидъ нанесъ полное пораженіе эиванцамъ. Эивы утратили гегемонію надъ другими беотійскими городами. Стѣны Танагры были сломаны. Въ беотійскихъ городахъ было восстановлено демократическое правленіе. Фокейцы и локрійцы принуждены были присоединиться къ аѣинскому союзу; локрійцы должны были дать аѣинянамъ сто заложниковъ въ обезпеченіе своей вѣрности. Казалось, что повсюду въ Греціи восторжествуетъ демократія, и вся Греція соединится подъ гегемонією Аѣинъ. Отважные правители аѣинскаго государства, гордясь побѣдами надъ Эгиною и Эивами, надѣясь на безопасность, даваемую Аѣинамъ длинными стѣнами, теперь ужъ вполнѣ построенными, начали наступательныя дѣйствія противъ спартанцевъ: аѣинская эскадра подѣ начальствомъ Тольмида поплыла кругомъ Пелопоннеса, сожгла спартанскія верфи въ Гітіи и Метонѣ, вошла въ Криссейскій заливъ, отняла тамъ у коринѣянъ Халкиду, у Озольскихъ локрійцевъ Навпактъ и одержала побѣду надъ сикіонцами. Черезъ нѣсколько времени присоединились къ аѣинскому союзу, Закинѣ, Кефалленія и нѣкоторые города Ахаіи. Въ слѣдующихъ годахъ аѣиняне предпринимали удачныя экспедиціи въ Тессалію и Акарнанію. Илоты, геройски оборонявшіеся въ Итомѣ, принуждены были сдать эту крѣпость спартанцамъ, согласившимся дать имъ свободный пропускъ съ семействами и имуществомъ; Тольмидъ дружески принялъ изгнанниковъ и отдалъ имъ городъ Навпактъ. Они общались спартанцамъ никогда не появляться въ Пелопоннесѣ; спартанцы объявили, что если кто изъ нихъ будетъ схваченъ тамъ, то отдается въ рабство захватившему его. Такимъ образомъ потомки мессенцевъ сдѣлались союзниками аѣинянъ, принявшихъ ихъ подѣ свое покровительство. Они тоскливо думали о родинѣ, гдѣ нѣкогда счастливо и богато жили ихъ предки и куда не могли возвратиться они, пока владычествуютъ надъ ней спартанцы. Между ними и спартанцами была непримиримая вражда и они были горячими приверженцами всѣхъ враговъ Спарты.

Послѣдніе годы жизни Кимона. Борьба съ мессенцами повидимому истощила силы спартанцевъ; три года по взятіи Итомы они не предпринимали ничего, потомъ заключили съ аѣинянами перемиріе на пять лѣтъ. Кимонъ конечно содѣйствовалъ этому примиренію, чтобы получить возможность съ новой энергіей вести войну противъ персовъ, составлявшую, по его мнѣнію, важнѣйшее для грековъ дѣло. Неудача аѣинянъ въ Египтѣ, о которой мы будемъ говорить ниже, угрожала поколебать преобладаніе грековъ на востокѣ; честь и безопасность Греціи требовали новыхъ сильныхъ экспедицій противъ персовъ; веденіе этой войны было, разумѣется, предоставлено побѣдителю при Эвримедонѣ. Флотъ аѣинянъ и ихъ союзниковъ, состоявшій изъ 200 тріаръ, пошелъ подѣ начальствомъ Кимона къ берегамъ Кипра. Кимонъ послалъ 60 тріаръ къ устьямъ Нила на помощь Амиртею, который упорно оборонялся противъ персовъ въ болотистыхъ мѣстностяхъ Дельты. Съ

остальнымъ флотомъ Кимонъ началъ осаду кипрскаго города Китія. Подѣ стѣнами Китія онъ умеръ, по однимъ извѣстіямъ отъ болѣзни, по другимъ—отъ раны. Флотъ возвратился въ Аѣины съ его прахомъ, одержавъ двѣ побѣды, упрочившія преобладаніе аѣинянъ на восточномъ морѣ. Въ Аѣинахъ былъ сооруженъ Кимону памятникъ, достойный заслугъ этого великаго гражданина. Былъ поставленъ ему памятникъ и у Китія, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ умеръ. Кимонъ былъ послѣдній изъ великихъ вождей борьбы грековъ съ персами. Есть извѣстіе, что онъ заключилъ съ персами миръ, по которому персидскій царь призналъ независимость греческихъ городовъ Малой Азіи и обѣщался не посылать флота въ Эгейское море; аѣиняне обязались не отнимать у персовъ Кипръ и не посылать противъ нихъ войскъ въ Египетъ. Было много споровъ о томъ, достовѣрно ли это извѣстіе, и кажется, что оно ошибочно: должно полагать, что формальнаго мира не было заключено, война лишь фактически прекратилась на нѣсколько лѣтъ. Легенда соединила съ мыслью о концѣ дѣятельности Кимона понятіе о заключеніи мира, потому что онъ, вѣрный преданіямъ своего дома, энергически велъ великую національную борьбу, и съ его смертью она прекратилась. Началась она Мараѣонской битвой, прославившей имя отца; торжество, котораго греки достигли въ концѣ ея, было результатомъ славныхъ подвиговъ сына. То, что называлось Кимоновымъ миромъ, было лишь воспоминаніемъ о прекращеніи войны; аѣинскіе ораторы и вожди аристократическо-консервативной партіи въ Аѣинахъ любили говорить о славномъ концѣ войны какъ о формальномъ мирѣ, превознося дѣятельность Кимона въ униженіе Периклу, который вскорѣ послѣ смерти Кимона послалъ въ Сузу Каллія вести съ персидскимъ царемъ переговоры, оставшіеся безуспѣшными. Аѣиняне были правы, прославляя родъ Филаидовъ: онъ участвовалъ въ ихъ знаменитѣйшихъ подвигахъ, онъ былъ патріотиченъ и любилъ народъ. Долго жили между аѣинянами преданія о любезности и добродушіи Кимона, о его гражданскихъ доблестяхъ и щедрости; его сады были открыты для всѣхъ; онъ раздавалъ бѣднымъ одежду, кормилъ ихъ; употреблялъ свои богатства на украшеніе города зданіями и статуями, на устройство великолѣпныхъ народныхъ праздниковъ, на другія общепользныя цѣли. По своему образу мыслей, онъ былъ аристократъ, но держалъ себя просто и былъ въ этомъ отношеніи противоположенъ Периклу, который имѣлъ манеры вельможи, а въ политикѣ былъ горячимъ демократомъ, неизмѣннымъ защитникомъ равноправности всѣхъ гражданъ.

Аѣинская экспедиція въ Египетъ. Египтяне, быть можетъ ободренные побѣдами грековъ надъ персами, взяли за оружіе въ надеждѣ освободиться отъ иноземнаго ига. Мы видѣли, что быстрое подавленіе египетскаго возстанія въ началѣ царствованія Ксер-

449. г.

Кимоновъ миръ.

кся внушило этому царю мысль о неодолимости его могущества; когда онъ побѣжденный сошелъ въ гробъ, египтянамъ показалось, что настало удобное время для возобновленія попытки освободиться. Главою возстанія былъ Инаръ, царь ливійцевъ, чьи владѣнія граничили съ Египтомъ. Онъ сдѣлалъ сборнымъ мѣстомъ инсургентовъ Марею, городъ находившійся за Фаросомъ, и почти весь Египетъ возсталъ противъ Артаксеркса. Инаръ заключилъ союзъ съ аеинянами, владычествовавшими на восточномъ морѣ, и надѣялся при ихъ помощи отразить персовъ, удержаться царемъ въ Египтѣ. Аеиняне, расположенные къ отважнымъ предпріятіямъ и надѣявшіеся имѣть большія выгоды отъ торговли съ Египтомъ, послали на помощь ему союзный флотъ, находившійся тогда у Кипра и состоявшій изъ 200 тріеръ. Корабли поднялись по Нилу до Мемфиса, греки овладѣли большою частью этого города; персы и египтяне, остававшіеся вѣрными Артаксерксу, заперлись въ укрѣпленной части Мемфиса называвшейся Бѣлымъ Городомъ; аеиняне осадили эту крѣпость. Испуганный успѣхами ихъ Артаксерксъ послалъ въ Спарту персидскаго вельможи Мегабазы съ большими деньгами, возбудить пелопоннесцевъ къ вторженію въ Аттику, чтобы аеиняне были принуждены отозвать свои войска изъ Египта. Посольство Мегабазы не имѣло успѣха. Артаксерксъ послалъ въ Египетъ сильное войско подъ начальствомъ Мегабизы, сына Зоппира (стр. 410 и слѣд.). Мегабизъ разбилъ египтянъ, выгналъ аеинянъ изъ Мемфиса и осадилъ ихъ на Просопитидѣ, одномъ изъ острововъ Нила. Осада длилась полтора года. Наконецъ Мегабизу удалось отвести каналомъ воду отъ острова, такъ что аеинскіе корабли остались на сушѣ; тогда персы взяли островъ. Аеиняне, бывшіе въ Египтѣ, почти все погибли; лишь небольшая часть ихъ войска спаслась, ушедши черезъ Ливійскую пустыню въ Кирену; взятые въ плѣнъ греки были обращены въ рабство. Инаръ былъ выданъ персамъ измѣнившими ему инсургентами и былъ распятъ на крестѣ. За печальнымъ исходомъ этой отважной экспедиціи послѣдовало для аеинянъ новое бѣдствіе. Не зная о гибели своего войска, 50 аеинскихъ тріеръ пришли къ Мендесскому мысу, чтобы послать помощь осажденнымъ соотечественникамъ; персы неожиданно напали на нихъ съ воды и съ суши, и лишь немногіе изъ аеинскихъ кораблей успѣли спастись, остальные погибли. Таковъ былъ конецъ похода аеинянъ и ихъ союзниковъ въ Египетъ. Эта страна была вновь подчинена персидскому владычеству; только въ болотистыхъ мѣстностяхъ Дельты, малодоступныхъ и населенныхъ воинственнымъ племенами, упорно оборонялся Амиртей, поднявшій возстаніе тамъ одновременно съ возстаніемъ Инара.

455.

Периклъ.

Кимонъ передъ своею кончиною имѣлъ счастье видѣть свое отечество на верху могущества и подъ руководствомъ человека, съ которымъ онъ часто имѣлъ непріязненные столкновенія, но который, какъ самъ онъ долженъ былъ признавать, равнялся ему мужествомъ и патріотизмомъ и далеко превосходилъ его ораторскими и правительственными талантами и проницательностью ума. Это былъ Периклъ, сынъ Ксантиппа, происходившій по матери отъ Алкмеонидовъ, а по отцу отъ жреческаго рода Бузиговъ, храбрый воинъ, какъ это было доказано при Танагрѣ, искусный военачальникъ, проявившій свои способности при многихъ случаяхъ послѣ этой битвы, государственный человекъ дальновиднаго ума и высокихъ стремленій, всю свою жизнь съ одушевленіемъ трудившійся надъ развитіемъ демократическихъ учрежденій, считавшій свободу и равенство гражданъ основаніемъ величія Аѣинъ, поставившій задачею своей жизни сдѣлать Аѣины вполнѣ демократическимъ государствомъ. Онъ имѣлъ все качества нужныя для того, чтобы быть руководителемъ своихъ согражданъ на пути къ улучшенію внутренняго быта и распростране-

нію внѣшняго могущества: онъ былъ знатенъ и богатъ, одаренъ мужественной красотою, величественною осанкой, великой силой ума развитаго всестороннимъ образованіемъ. Аѣины были могущественны, когда по смерти Кимона управленіе государствомъ совершенно перешло въ искусныя и сильныя руки Перикла. Изъ государствъ, заключившихъ Делосскій договоръ съ Аѣинами, только три оставались теперь въ прежнемъ положеніи свободныхъ, самостоятельныхъ союзниковъ Аѣинъ: это были острова Хіосъ, Лесбосъ и Самосъ; все другія или добровольно или по принужденію сдѣлались подданными Аѣинъ и платили имъ дань. Владычествуя на морѣ, Аѣины исключительно по собственной волѣ рѣшали вопросы о войнѣ и мирѣ, опредѣляли размѣръ налоговъ, рѣшали споры между зависящими отъ нихъ государствами. Аѣиняне перенесли съ Делоса въ акропольскій храмъ своей богини-покровительницы казну союза, въ которой хранилось теперь отъ восьми до десяти тысячъ талантовъ (454 г.). Такимъ образомъ союзъ перешелъ изъ подъ покровительства Аполлона Делосскаго подъ покровительство богини защитницы Аѣинъ. Эта перемѣна была сдѣлана Аѣинами при поддержкѣ самосцевъ, которые желали усилить преобладаніе Аѣинъ надъ союзомъ, потому что считали централизацию власти въ рукахъ могущественнаго государства необходимымъ условіемъ безопасности союзниковъ отъ внѣшнихъ враговъ. Перенесеніе союзной казны съ Делоса, гдѣ легко могъ овладѣть ею непріятель, въ аѣинскій акрополь было рѣшено по предложенію самосцевъ. Могущество Аѣинъ казалось упроченнымъ навсегда: Аѣины были ограждены отъ непріятельскихъ нападѣній крѣпкими стѣнами; они владѣли крѣпостями въ Ахайи и Трезенскою крѣпостью на восточномъ берегу Пелопоннеса; были соединены съ Аргосомъ и формальнымъ союзомъ и общею ненавистью къ Спартѣ; были окружены независимыми государствами, находившимися въ союзѣ съ ними: Мегарою, Фокидою, Локридою и беотійскими городами, правившіе которыми демократы держались противъ многочисленныхъ враговъ только благодаря покровительству Аѣинъ; на морѣ Аѣины не имѣли соперниковъ. По присоединеніи Мегары къ аѣинскому союзу проходы черезъ горы Истма находились въ рукахъ аѣинянъ и пелопоннесцы были лишены всякаго доступа въ Грецію на сѣверѣ отъ Пелопоннеса.

Могущество
Аѣинъ.

Спартанцы не могли даже сохранить за дельфійскими аристократами завѣдываніе Переходъ завѣдыванія дельфійскимъ храмомъ: оно было отнято у дельфійцевъ фокейцами-демократами. Правда, диванія Дель-спартанцамъ удалось послать въ Дельфы войско, и этотъ походъ называющійся «Священ- фійскимъ хра-ною войною», былъ успѣшенъ: завѣдываніе храма было возвращено дельфійцамъ, и жрецы моимъ въ руки храма признали за Спартою право первенства въ очереди предлагать вопросы оракулу фокейцевъ (promanteia); но едва спартанское войско ушло, фокейцы при помощи аѣинянъ снова овладѣли храмомъ и, по предложенію Перикла, право первенства было передано аѣинамъ. Текстъ этихъ постановленій былъ вырѣзанъ на лбу мѣднаго волка, стоявшаго передъ храмомъ (стр. 15). 448 г.

Надменность афинских демократовъ. Всѣ предпріятія афинянъ, за исключеніемъ египетскаго похода, сопровождались успѣхомъ; потому неудивительно, что они, а въ слѣдъ за ними демократы другихъ греческихъ государствъ, сдѣлались надменны и начали поступать съ противниками своими высокомерно, иногда жестоко. Богатые и гордые эгинскіе аристократы, славившіеся по всей Греціи любовью къ искусствамъ, гостепріимствомъ и образованностью, превзошедшіе афинянъ храбростью въ Саламинской битвѣ, соединявшіе съ вельможескою гордостью любезность обращенія, не хотѣли покориться демократамъ; многіе изъ нихъ покинули родину, переселились въ другія государства, гдѣ внушали многочисленнымъ своимъ друзьямъ ненависть къ афинянамъ. Мы видѣли, съ какою суровостью знатные и богатые эгинскіе купцы подавляли въ простолюдинахъ стремленіе къ пріобрѣтенію гражданской равноправности. Говорятъ, что на Эгинѣ, маленькомъ островѣ, было 470000 рабовъ; это также показываетъ безжалостность эгинскихъ аристократовъ. Такіе суровые люди не могли выносить зависимости отъ афинской демократіи. Такое же недовольство было у аристократовъ Беотіи, Локриды, Фокиды и другихъ государствъ. Демократы были прежде угнетаемы въ этихъ государствахъ; теперь афиняне передали власть въ ихъ руки, и они стали мстить такими же преслѣдованіями аристократамъ, многіе изъ которыхъ, лишившись всего имущества, скитались изгнанниками. Средней умѣренной партіи не было; демократы поддерживали свою власть насиліемъ, и, злоупотребляя ею, навлекли на себя новыя бѣдствія. Изгнанные или бѣжавшіе изъ родины аристократы разныхъ государствъ собрались въ Беотіи, овладѣли Орхоменомъ, Херонеею и нѣкоторыми другими городами. Отважный Тольмидъ повелъ на нихъ отрядъ, состоявшій изъ 1000 афинскихъ гоплитовъ и небольшого числа союзниковъ и потерпѣлъ полное пораженіе при Коронѣ. Напрасно Периклъ совѣтовалъ выступавшему изъ Афинъ отряду дѣйствовать осмотрительно; пошедшіе съ Тольмидомъ молодые люди знатнѣйшихъ афинскихъ семействъ горѣли нетерпѣніемъ пріобрѣсти военную славу. Всѣ они, какъ рассказываетъ съ горькою печалью Фукидидъ, были перебиты или взяты въ плѣнъ. Самъ Тольмидъ былъ убитъ. Эта побѣда ободрила аристократовъ; быстро низвергли они демократическія правительства въ Беотіи, Фокидѣ и Локридѣ, съ мечомъ въ рукахъ захватили власть и стали кроваво мстить своимъ противникамъ. Пораженіе при Коронѣ нанесло такой сильный ударъ демократической партіи въ Греціи, что Мегара и Эвбея отложились отъ союза съ Афинами. Молодой спартанскій царь Плистоanaxъ повелъ войско пелопоннесскаго союза на защиту Мегары, соединившейся къ своимъ дорійскимъ соплеменникамъ, перешелъ горы Истма, вторгся въ Аттику, дошелъ до Элевзина и Триасійской равнины; Афины были въ большой опасности. Но Периклу удалось подкупить спартанскаго царя и его совѣтника Клеандрида, и они отступили.

Эфоры осудили подкупленныхъ непріятелемъ Плистоанакса и Клеандрида на изгнаніе. Клеандридъ умеръ изгнанникомъ, Плистоанаксъ прожилъ много лѣтъ въ священномъ убѣжищѣ при храмѣ Зевса Ликейскаго, стоявшемъ въ суровой мѣстности Аркадскаго хребта; наконецъ получилъ дозволеніе возвратиться въ Спарту, подкупивъ Дельійскихъ жрецовъ, чтобы оракулъ далъ спартанцамъ совѣтъ возвратить его. Противники Перикла, аристократы и крайніе демократы, предложили въ послѣдствіи народному собранію потребовать у него отчета объ употребленіи государственныхъ суммъ, прошедшихъ черезъ его руки; въ своемъ отчетѣ Периклъ поставилъ значительную сумму съ отпѣткою: „употреблено на необходимыя издержки“; это была сумма, употребленная имъ на подкупъ Плистоанакса и Клеандрида.

По отступленіи спартанцевъ Периклъ покорилъ возставшую противъ Афинъ Эвбею, изъ Халкиды были изгнаны аристократы (гип. Покореніе Эвбеи Перикломъ), управленіе города было передано демократамъ. Граждане Гистіаи раздражили афинянъ тѣмъ, что захватили афинскій купеческій корабль; теперь они въ наказаніе за это были всѣ изгнаны; ихъ область и городъ были отданы переселившимся туда двумъ тысячамъ афинскихъ гражданъ (клеруховъ), которые дали Гистіаѣ новое имя: они назвали свой городъ Ореемъ. Но несмотря на эти успѣхи, значеніе Афинъ въ Греціи ослабло. Чтобы возвратить свободу своимъ согражданамъ, взятымъ въ плѣнъ при Коронѣ, афиняне принуждены были признать независимость Беотіи, допустить гегемонію Фивъ надъ другими беотійскими городами; и повсюду тамъ правленіе осталось въ рукахъ аристократіи. Локрида и Фокида тоже сдѣлались независимы отъ Афинъ, такъ что единственными союзниками афинянъ за Китеврономъ остались платейне. Афинскому государству нуженъ былъ отдыхъ, чтобы снова окрѣпнуть; потому афиняне заключили со Спартою и союзниками ея перемиріе на 30 лѣтъ. По этому договору, называемому Перикловымъ миромъ, они возвратили портовые города Нисею и Пеги присоединившимся къ пелопоннесскому союзу мегарянамъ и вывели свои гарнизоны изъ Трезенъ и Ахейскихъ городовъ. Спартанцы обѣщали афинянамъ признавать ихъ гегемонію надъ государствами, находящимися въ союзѣ съ ними; такое же обѣщаніе дали афиняне спартанцамъ; всѣмъ государствамъ была предоставлена свобода присоединиться къ тому или другому союзу по собственному выбору; была гарантирована свобода торговли между государствами обоихъ союзовъ. Такимъ образомъ Греція окончательно распалась на двѣ федераціи, и національная жизнь волновалась противоположными стремленіями ихъ. Разница въ природныхъ склонностяхъ и въ ходѣ исторіи разныхъ греческихъ племенъ произвела непримиримыя между собою политическія учрежденія, и національное единство, подъ гегемоніей Спарты уже давно сдѣлавшееся обманчивымъ призракомъ, было теперь формально признано исчезнувшимъ.

2. Вѣкъ Перикла.

Государствен-
ная дѣятель-
ность Перикла. По заключеніи мира со Спартою Периклъ много лѣтъ управлялъ аѳинскимъ государствомъ и далъ полное развитіе демократическимъ учрежденіямъ его. Вліяніе Перикла на жизнь аѳинскаго народа въ это время величія Аѳинъ было такъ сильно, что годы, прошедшіе между примиреніемъ со Спартою и новою войною съ нею, называютъ «Вѣкомъ Перикла». Это былъ періодъ наибольшаго могущества Аѳинъ и самаго высокаго развитія общественной жизни аѳинскаго народа. Пятнадцать лѣтъ Периклъ правилъ государствомъ какъ первый гражданинъ его. Онъ не прибѣгалъ для упроченія своей власти къ насилію, не льстилъ народу для пріобрѣтенія его любви, пользовался только законными средствами вліянія на своихъ согражданъ, и сила его основывалась только на превосходствѣ его ума, на уваженіи народа къ его характеру. Сограждане годъ за годъ поручали ему ту или другую изъ должностей, которыя были замѣщаемы по выбору, и въ особенности важнѣйшую изъ нихъ, санъ стратега. Аѳинскій народъ выказалъ себя имѣющимъ большой тактъ и высокую разсудительность, добровольно слѣдуя совѣтамъ человека, который былъ обязанъ своимъ положеніемъ въ государствѣ только личнымъ достоинствомъ, предоставляя почти царскую власть гражданину, который не имѣлъ ни какихъ привилегій передъ бѣднѣйшимъ и ничтожнѣйшимъ изъ своихъ согражданъ; аѳиняне повиновались Периклу потому, что понимали, что онъ хочетъ и можетъ вести народъ къ славѣ и образованности.

1. Довершеніе демократическихъ реформъ Перикломъ. Мать Перикла была Агариста, племянница Алкмеонида Клизеена, и, какъ родственникъ этого реформатора, Периклъ могъ считать своею наслѣдственною обязанностью заботу о довершеніи начатыхъ имъ преобразованій; онъ хотѣлъ дать полное развитіе демократическимъ учрежденіямъ, которыя были введены Клизееномъ. Онъ дѣйствовалъ всегда осторожно и сдержанно, потому мы вообще не можемъ съ точностью опредѣлить, какъ велика была доля его участія въ установленіи того или другого изъ законовъ, которыми владычество народа было освобождено отъ всѣхъ ограниченій и стѣсненій, государству было дано устройство вполне демократическое, всѣ граждане были сдѣланы совершенно равноправными. Но о двухъ изъ важнѣйшихъ реформъ мы знаемъ, что онѣ были приняты народомъ по совѣту Перикла; эти преобразованія были: законъ, отдѣлявшій судебную власть отъ административной, и назначеніе жалованья за службу гражданина государству. Права и обязанности ареопага, архонтовъ, совѣта пятисотъ постепенно уменьшались, были передаваемы народному суду и трибуналамъ, составлявшимъ отдѣленія народного суда (дикастеріямъ), или народному собранію; число сухопутныхъ и мор-

скихъ экспедицій возросло; прежде это были лишь походы до границы или въ сосѣднія области, теперь войны сдѣлались продолжительными и велись въ отдаленныхъ мѣстахъ. Все это дѣлало необходимою давать гражданину вознагражденіе за время и трудъ, употребляемые имъ на службу государству; безъ того равенство существовало бы только на словахъ, бѣдные граждане, не имѣя возможности на долго отрываться безъ вознагражденія отъ своихъ дѣлъ, оставляли бы однихъ богатыхъ рѣшать судебныя и политическія дѣла. Потому было постановлено, что каждый гражданинъ, участвующій въ засѣданіяхъ суда или приходящій въ народное собраніе, получаетъ три обола (около 12 копѣекъ сер.); гоплитъ и матросъ получаютъ въ день четыре обола жалованья; всадникъ двѣнадцать оболовъ. Было назначено жалованье и членамъ совѣта пятисотъ. Получали вознагражденіе и тѣ юристы, которые были обязаны защищать существующіе законы противъ опрометчивыхъ нововведеній, и охранители законовъ (номорфилы) и члены законодательной коммисіи (номоеты).

Въ Аѳинахъ каждый гражданинъ имѣлъ право предлагать отмену прежнихъ законовъ и установленіе новыхъ. Потому надобно было принять предосторожности, чтобы народное собраніе, подъ вліяніемъ минутныхъ интересовъ или по увлеченію рѣчами агитаторовъ, не дѣлало безпрестанно перемѣнъ въ законахъ и чтобы число законовъ не возросло до чрезмѣрности, при которой не возможно было бы большинству гражданъ пріобрѣтать знакомство съ ними, необходимое для отправленія судебныхъ обязанностей. Потому было установлено, что народное собраніе рѣшаетъ только то, какіе законы должны быть измѣнены и въ какомъ смыслѣ должна быть сдѣлана перемѣна; послѣ того дѣло передавалось въ законодательную коммисію. Члены ея называвшіеся номоетами, были ежегодно избираемы изъ гелиастовъ того года. Число ихъ было иногда больше иногда меньше, смотря по надобности. Они давали особенную присягу. Ихъ совѣщанія происходили какъ и совѣщанія народнаго собранія подъ руководствомъ совѣта пятисотъ. Для защиты существующихъ законовъ были назначаемы пять юристовъ. Коммиссія номоетовъ измѣняла сообразно рѣшеніямъ народнаго собранія прежніе законы и составляла новые. Народъ избиралъ каждый годъ семь охранителей законовъ (номорфилы). Они подобно архонтамъ присутствовали въ засѣданіяхъ законодательной коммисіи и въ народномъ собраніи. Ихъ обязанностью было заботиться о томъ, чтобы соблюдаемы были всѣ законныя формы. Но и всѣ эти мѣры предосторожности казались аѳинскому народу еще недостаточной охраной противъ вредныхъ нововведеній въ законодательствѣ. Потому каждому было предоставлено право начинать процессъ противъ каждаго кто предложитъ народному собранію измѣнить прежній законъ или ввести новый; этотъ процессъ, имѣвшій форму обвиненія и назывался *γραφῆ παρανομῶν*; результатомъ его могла быть отмена совѣщанія о нововведеніи или отмена новаго закона. Это право считалось ограждающимъ государство отъ опрометчивыхъ нововведеній; но впоследствии оно было употребляемо во зло интригантами. Процессъ по этому обвиненію происходилъ обыкновеннымъ юридическимъ порядкомъ. Если обвиненіе находили справедливымъ, то рѣшеніе народнаго собранія (ψηφισμα) о принятіи новаго закона отменялось, и предложившій его былъ подвергаемъ наказанію. Право начинать такой процессъ превращалось черезъ годъ по принятіи закона; такимъ образомъ тотъ, кто предлагалъ новый законъ цѣлый годъ, оставался въ опасности подвергнуться за это наказанію. Охранители законовъ вели officialный сборникъ ихъ, куда вносились всѣ новыя постановленія. Это собраніе законовъ хранилось въ храмѣ Матери боговъ (Μητροον), стоявшемъ на площади народнаго собранія. Когда хранителемъ законовъ былъ ареопагъ, они имѣли религіозную

Номоеты и охранители законовъ.

санкцію. Она была сохранена за ними и по отъѣзду правительственной власти ареопага. Государственнымъ архивомъ былъ теперь храмъ. Засѣданія охранителей законовъ происходили въ этомъ храмѣ, и санъ ихъ имѣлъ священный характеръ, какъ показывало то, что они имѣли на головѣ бѣлую повязку.

Хорошіе и дурные результа-
ты введенія
неограничен-
ной демократіи.

Законы, принятые по вліянію Перикла, имѣли непосредственную своею цѣлью усилить въ гражданахъ усердіе къ занятію общественными дѣлами и къ приобрѣтенію необходимыхъ для того свѣдѣній. Этой цѣли Периклъ дѣйствительно достигъ, какъ мы видимъ изъ того, что аѣиняне были въ его время народомъ очень образованнымъ. Каждый полноправный гражданинъ могъ сдѣлаться членомъ совѣта пятисотъ или народного суда; потому нуждался въ знаніи законовъ и формъ судопроизводства. Сообразно этой всеобщей надобности, необходимо было заботиться о томъ, чтобы законы были ясны, просты, немногочисленны, и чтобы супроизводство оставалось свободно отъ запутанности, отъ техническихъ тонкостей; иначе юристы по профессіи овладѣли бы ходомъ юридической жизни народа, а геліасты были бы судьями только по имени, рѣшали бы дѣла по указаніямъ юристовъ. Аѣинскій народъ съумѣлъ устроить свои политическія и судебныя учрежденія такъ, что они соотвѣтствовали тогдашнему высокому состоянію образованности и однакоже были понятны всѣмъ гражданамъ; это свидѣлствуетъ о томъ, какъ даровитъ и разсудителенъ былъ аѣинскій народъ. Всѣ общественныя дѣла велись публично при участіи множества благоразумныхъ и образованныхъ людей; это служило наилучшею гарантіею противъ злоупотребленій, несправедливостей, подкупа. Должно однако признать, что, имѣя хорошее вліяніе на народъ, демократическія учрежденія имѣли и дурное. Они возбуждали умственную дѣятельность народа, приучали людей мыслить. Но для того, чтобы сохранять расположеніе народа, получать большинство въ народномъ собраніи, надо было угождать желаніямъ толпы, льстить ей; часто приходилось такъ дѣлать ужъ и самому Периклу. Аѣинскимъ гражданамъ нравилось быть судьями; и мало по малу почти всѣ союзники были принуждены вести свои процессы въ Аѣинахъ, утратили право независимаго суда по обычаямъ отцовъ, были подчинены суду аѣинскихъ геліастовъ, чужихъ имъ людей, рѣшавшихъ ихъ дѣла по чужимъ для нихъ законамъ; притомъ веденіе тяжбъ въ Аѣинахъ было соединено для союзниковъ съ большою тратою времени, съ лишними расходами. Но имѣли они отъ этого и выгоды: перенесеніе дѣлъ апелляціею въ Аѣины было для слабыхъ государствъ гарантіею противъ подавленія сильными; при владычествѣ ожесточенныхъ раздоровъ между партіями и племенной вражды, апелляція часто была устраненіемъ несправедливости. Но для самихъ аѣинянъ ихъ право суда по дѣламъ союзниковъ было положительно вредно: оно приучило населеніе города Аѣинъ жить вознагражденіемъ за участіе въ народномъ судѣ, добывать деньги

безъ труда, вести праздную жизнь.—Аѣины все рѣшительнѣе получали характеръ торговаго города, наполненнаго иноземцами. Земледѣліе и промышленность были покидаемы гражданами, все болѣе переходившими къ занятію торговлей и мореходствомъ. При простотѣ тогдашней жизни, вознагражденіе за общественную службу было доходомъ, достаточнымъ для безбѣднаго существованія; а служба была легче работы и давала почетное положеніе; потому предпочиталась труду. Чтобы получать по три обола, граждане проводили время въ народномъ собраніи, въ трибуналахъ. Быть членомъ народного собранія или верховнаго судилища — это значило играть важную роль, и было привлекательно. Скоро граждане стали получать и другіе доходы, помогавшіе имъ проводить время въ праздности: было установлено, что государство даетъ гражданамъ тѣ деньги, которыя нужны для уплаты за входъ въ театръ; эта выдача денегъ на посѣщеніе театра называлась *theorikon* *); государство давало гражданамъ подарки, состоявшіе изъ съѣстныхъ припасовъ; производило постройки, доставлявшія имъ работу, дѣлало угощенія имъ. Въ угожденіе любви народа къ развлеченіямъ, государство устраивало великолѣпные праздники, спектакли. Периклъ сдерживалъ все это въ границахъ благоразумія. Чистота его характера и сила его ума доставляли ему такое уваженіе народа, что онъ могъ править государствомъ и не лѣстять дурнымъ страстямъ. Онъ удовлетворялъ склонности аѣинянъ къ развлеченіямъ такими удовольствіями, которыя развивали въ нихъ образованность и эстетическое чувство; онъ доставлялъ имъ работу орудіями, украшавшими городъ. Но тѣ способы, какими дѣйствовалъ онъ, легко могли быть употреблены другими для личныхъ цѣлей или для проведенія мѣръ, выгодныхъ только ихъ партіи, вредныхъ государству. И можно было предвидѣть, что честолюбивые демагоги будутъ поступать такъ, льстить народу и подкупать народъ. Потому аристократы, «честные и почтенные граждане», главою которыхъ былъ Фукидидъ, сынъ Мелесія, родственникъ Кимона, бывшій политическимъ другомъ его, возставали въ народномъ собраніи противъ политики Перикла, развивавшей въ аѣинянахъ любовь къ миру, приучавшей ихъ проводить время на площади народныхъ собраній и въ трибуналахъ, предпочитать праздность труду, порицали чрезмерность расходовъ, какіе дѣлалъ Периклъ на постройки, на статуи и другія художественныя произведенія. Но остановить ходъ историческаго раз-

*) При Периклѣ плата за лучшія мѣста въ театрѣ составляла три обола, за остальные мѣста 1 оболъ. Представленіе тетралогіи занимало обыкновенно два вечера; потому за лучшее мѣсто приходилось заплатить драхму (около 24 коп. сер.), за мѣсто второго разряда 2 обола. Чтобы граждане, не имѣющіе лишнихъ денегъ, могли брать себѣ мѣсто въ театрѣ, выдавалось изъ казны передъ началомъ театральныхъ дней каждому желающему гражданину 2 обола; это и былъ *theorikon*.

442 витія было нельзя. Фукидидъ былъ изгнанъ остракизмомъ: большинство гражданъ одобряло политику Перикла.

Отношеніе Аѳинъ къ союзникамъ. Значительная часть доходовъ, какіе были нужны на покрытие этихъ издержекъ, была доставляема денежными взносами отъ союзниковъ; но совершенно напрасенъ упрекъ, будто бы Периклъ довелъ налоги съ союзниковъ до обременительнаго размѣра, ввелъ систему угнетенія ихъ; факты показываютъ напротивъ, что сначала онъ думалъ даже облегчить платежи, приходившіеся на долю каждаго изъ союзныхъ государствъ, оставляя безъ повышенія общую сумму этого дохода Аѳинъ при постоянномъ увеличеніи числа союзниковъ. Только самосская война принудила его отказаться отъ этого правила; но и послѣ того подати не были возвышаемы настолько, чтобы можно было называть ихъ тяжелыми. Другими значительными доходами Аѳинъ были таможенные пошлины, подать съ метековъ, поголовная подать за рабовъ, золотые и серебряные рудники Лаврійскіе и Фракійскіе; Во времена Перикла сумма доходовъ аѳинскаго государства составляла около 1,400,000 рублей серебромъ. При всей огромности издержекъ на постройку великолѣпныхъ зданій, на статуи и другія художественныя произведенія, при началѣ пелопоннесской войны въ государственномъ казначействѣ находился запасъ денегъ, простиравшійся до 9,700 талантовъ (около 14,000,000 рубл. сер.). Кромѣ того, принадлежалъ государству золотой плащъ на статуѣ Аѳины въ Парѳенонѣ. Расходы по устройству праздниковъ и по содержанію флота были производимы литургіями, т. е. добровольными пожертвованіями богатыхъ гражданъ (стр. 469 и слѣдующія). Однимъ изъ способовъ оживленія торговли и доставленія средствъ къ жизни небогатымъ гражданамъ служили поселенія на Наксосѣ, Андросѣ, Эвбеѣ и на Фракійскомъ Херсонесѣ; переселившимся гражданамъ (клерухамъ) отводились участки земли, такъ что это были земледѣльческія колоніи. Была основана такая колонія и въ Синопѣ, откуда были прогнаны тираннъ Тимезалай и его приверженцы. Клерухами дѣлали главнымъ образомъ аѳинскихъ горожанъ, но принимались въ число ихъ и метеки. Эти клерухи были опорами аѳинской власти надъ областями, въ которыхъ основывались. Съ такою же цѣлью была при Периклѣ основана аѳинскимъ государствомъ новая колонія, городъ Туринъ, на землѣ принадлежавшей разрушенному Сибарису; новому городу было дано демократическое устройство; въ число колонистовъ принимались греки всѣхъ племенъ, и богомъ покровителемъ былъ Аполлонъ, культъ котораго былъ общимъ для всѣхъ грековъ. Колонія была построена на ручьѣ Туринъ, подъ руководствомъ архитектора Гипподама, по плану напоминавшему планъ Пирея. Такой же характеръ имѣла колонія Амфиполь, основанная на Стримонѣ (стр. 532): въ число колонистовъ также принимались греки всѣхъ племенъ. Мы сдѣлаемъ обзоръ государствъ, платившихъ дань Аѳинамъ; онъ дастъ

понятіе объ обширности цвѣтущаго союзнаго государства, находившагося подъ управленіемъ Аѳинъ во времена Перикла. Сдѣлать Аѳины такою столицею, достойною своего высокаго значенія, было главнымъ предметомъ заботъ этого великаго государственнаго чело-вѣка. Онъ хотѣлъ, чтобы Аѳины стали большимъ, великолѣпнымъ городомъ, центромъ торговли всего греческаго міра; городомъ, который любили бы, которому дивились бы союзники, который они считали бы своей общею столицей; онъ хотѣлъ, чтобы Аѳины были и центромъ умственной жизни, художественной дѣятельности всего греческаго міра.

ОБЪЕМЪ АѳИНСКАГО СОЮЗНАГО ГОСУДАРСТВА.

Аѳинскій союзъ достигъ наибольшаго могущества и наибольшей обширности во времена Перикла. Почти всѣ греческіе города малоазійскаго побережья и береговъ Геллеспонта и почти всѣ острова Эгейскаго моря признавали тогда гегемонію Аѳинъ (изъ острововъ не принадлежали къ аѳинскому союзу только Критъ и немногіе дорійскіе острова какъ напримѣръ Мелось). Это союзное государство охватывало тогда берега Памфиліи, Ликіи (гдѣ платилъ дань аѳинянамъ Фаселисъ), Каріи, Іоніи, Эолиды, берега Геллеспонта, и фракійскій берегъ. Для сбора налоговъ была введена администрація, по которой государство раздѣлялось на пять округовъ: Карійскій, Іонійскій, Геллеспонтскій, Фракійскій и округъ острововъ (къ числу этихъ острововъ во время пелопоннесской войны принадлежала даже лакедемонская Китера). Первоначально члены союза не платили дани аѳинянамъ, а только посылали известное число кораблей въ союзный флотъ. Въ то время, съ котораго начинается преобладающее вліяніе Перикла на государственныя дѣла, такое независимое положеніе сохранили только Хиосъ, Самосъ и Лесбосъ; но послѣ подавленія попытки отложиться отъ Аѳинъ, о которой расскажемъ мы ниже, Самосъ былъ также принужденъ платить дань (съ 440 года). Во время пелопоннесской войны возстали противъ Аѳинъ всѣ города острова Лесбоса, кромѣ Метимны, и когда возстаніе было подавлено, они также утратили независимость. Въ составъ административныхъ округовъ не входили, не платили никакой дани и пользовались полною независимостью: Платея, Навпактъ (въ которыхъ жили мессенцы), Закинъ, Акарнанскіе города и присоединившаяся къ союзу во время пелопоннесской войны Коринфъ. По отрывочнымъ извѣстіямъ, доставляемымъ уцѣлѣвшими надписями, мы знаемъ 264 государства, платившія дань Аѳинамъ, всѣхъ ихъ было вѣроятно болѣе трехсотъ. 1) Къ Карійскому округу принадлежали 62 государства, въ томъ числѣ дорійскіе города (Галикарнасъ и другіе), островъ Косъ, города острова Родоса. Послѣ самосской войны (440 года) Карійскій округъ былъ присоединенъ къ Іонійскому; вѣроятно потому, что въ обоихъ округахъ многіе города отложились отъ Аѳинъ и не всѣ были снова покорены, такъ что число подвластныхъ городовъ стало гораздо меньше прежняго. 2) къ Іонійскому округу принадлежали 42 города Іоніи и Эолиды, стоявшіе на побережьѣ Малой Азіи или на соседнихъ островахъ, въ томъ числѣ древніе знаменитые города Милетъ, Эритры, Клазомены, Колофонъ, Эфесъ, Пріена, Міунтъ, Фокея. 3) Геллеспонтскій округъ охватывалъ берега Троады, Геллеспонта, Пропонтиды и Херсонесъ Фракійскій; въ немъ считалось 50 городовъ, въ томъ числѣ Абидосъ, Византія, Даскилей, Кизикъ, Лампсакъ, Халкедонъ, Перинъ, Сестъ, Сигей. 4) Фракійскій округъ, простиравшійся отъ Эноса на востокъ до Метоны на македонскомъ берегу, имѣлъ 68 государствъ; къ нему принадлежали острова Фазосъ, Пенаретъ, Самофракія, и нѣсколько другихъ; важнѣйшими изъ городовъ были: Абдера, Аназонъ, Галепсъ, Діонъ аѳонскій, Маронея, Менда, Метона, Неаполь, Олинъ, Сана, Потидея, Скіона, Стагиръ, Торона. 5-й округъ острововъ имѣлъ 41 государство; важнѣйшимъ изъ острововъ была Эвбея, съ которой Аѳины получали

много хлѣба; она имѣла 11 городовъ; другіе важные острова были: Имбросъ, Кеосъ, Лемносъ, Наксосъ, Паросъ, Сифносъ, Гидра; во время Пелопоннесской войны аѣнины овладѣли и Мелосомъ, и Китерою, лежащею у берега Лаконіи. Китера и Сифносъ платили по 4 таланта дани; Наксосъ, Андросъ, Мелосъ по 15 талантовъ, Паросъ 30 талантовъ. — Государственная казна хранилась въ храмѣ Аѣины въ Акрополѣ.

2. Заботы Перикла о развитіи искусствъ и народнаго образованія.

Величайшее право Перикла на славу состоитъ въ томъ, что онъ соорудилъ великолѣпныя зданія, покровительствовалъ развитію скульптуры, драматической поэзіи, философіи, ораторскаго искусства. Глубоко понимая значеніе умственнаго развитія и обладая всѣми знаніями того времени, онъ окружилъ себя даровитыми людьми и сдѣлалъ центромъ умственной жизни аѣинянъ свой гостепріимный домъ, любезной хозяйкой котораго была очень умная и высоко образованная женщина, Аспазія Милетская, сначала любовница (гетера, «подруга»), а потомъ жена его. Знаменитѣйшіе философы и художники его времени, Анаксагоръ, Горгій, Протагоръ, Фидій, Полигнотъ и другіе, составляли дружескій кружокъ его, оживляли своими блестящими разговорами его умственную дѣятельность и помогали ему развивать эстетическое чувство его согражданъ. Въ бесѣдахъ съ ними его умъ возвысился надъ узкими старинными вѣрованіями и понятіями; его идеи получили широту и возвышенность; онъ приобрѣлъ глубокія свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія; это придало его политической дѣятельности благородныя стремленія, раздвинуло его умственный горизонтъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать достояніемъ всѣхъ гражданъ то, что согрѣвало его душу, хотѣлъ, чтобы весь народъ проникся высокими и прекрасными идеями. Онъ доставлялъ каждому гражданину возможность сдѣлаться образованнымъ человекомъ и проявить свои способности; благодаря тому, любовь къ искусству, литературѣ, поэзіи распространилась во всемъ аѣинскомъ народѣ; тѣ умственные наслажденія, которыя обыкновенно составляютъ привилегію высшихъ классовъ, сдѣлались при немъ доступны и простолюдинамъ, идеальныя интересы возвысили и облагородили жизнь народа, не ослабляя житейской энергіи его. Величіе Периклова вѣка состояло въ томъ, что всѣ способности людей получали тогда развитіе, пути дѣятельности были открыты для всѣхъ силъ человека, народный характеръ облагородился, граждане стремились къ высокимъ патріотическимъ цѣлямъ; всѣ направленія умственной и практической жизни соединялись въ гармоническомъ единствѣ. Тѣ люди, которые были архонтами и стратегами, членами правительственнаго совѣта, судьями, служили и храбрыми воинами въ рядахъ гоплитовъ, отважными моряками на военныхъ корабляхъ; они правили государственными дѣлами, занимались судопроизводствомъ, составляли законы, и они же отважно бились съ врагомъ на сушѣ и на морѣ. Были и такіе люди, которые по отцовскому обычаю предпочитали работу на нивахъ и въ виноградникахъ, спокойному сидѣнію въ три-

буналахъ, слушанію рѣчей въ народномъ собраніи; были и трудолюбивые ремесленники. А когда прекращалась война, когда торговые корабли возвращались домой, когда кончалась ремесленная работа, молодые люди развивали свои физическія силы мужественными гимнастическими упражненіями; старики и молодежь работали надъ постройкою сооружений, которые по плану Перикла воздвигались для защиты Аѣинъ и Пирея, надъ другими зданіями, которыя строились или для украшенія города, для удобства его жителей или въ честь боговъ; и весь народъ радостно смотрѣлъ на великолѣпныя праздники, учился и возвышался духомъ, собираясь въ величественныя театры, гдѣ давались дивныя произведенія великихъ поэтовъ. Всѣмъ этимъ руководилъ Периклъ, который, кромѣ другихъ своихъ официальныхъ обязанностей, занималъ санъ распорядителя общественныхъ работъ, бывалъ избираемъ и распорядителемъ великихъ народныхъ праздниковъ; завѣдуя сооруженіемъ общественныхъ зданій и устройствомъ праздниковъ, онъ давалъ просторъ развитію всѣхъ талантовъ.

Мы уже говорили о великолѣпномъ храмѣ Аѣины, который былъ сооруженъ Перикломъ въ Акрополѣ (стр. 19, 20), о томъ, что строителями этого дивнаго храма были гениальные зодчіе Иктионъ и Калликратъ, что великій скульпторъ Фидій сдѣлалъ статуи, которыми были украшены его фронтоны, и барельефы, украшавшіе его фризъ. На самомъ высокомъ мѣстѣ Акрополя была поставлена колоссальная статуя богини покровительницы города, изображавшая ее стоящею съ поднятымъ копьемъ и со щитомъ; на груди панцыря ея была Эгида съ головой Горгоны, эмблема побѣдоносной силы; — мы уже говорили и объ этой статуй, и о построенныхъ Мнесикломъ Пропилеяхъ, громадномъ сооруженіи, частями котораго были высокая колоннада воротъ Акрополя и великолѣпныя мраморныя лѣстницы, служившія вѣходами къ этой колоннадѣ. Мы видѣли, съ какою энергіею Периклъ и его партія соорудили стѣны, соединившія городъ Аѣинъ съ моремъ, продолжали и докончили начатыяThemistokломъ арсеналы и верфи Пирея. Эти колоссальныя сооруженія были довершены расширеніемъ и украшеніемъ города Пирея подъ руководствомъ искуснаго архитектора, преобразователя строительной техники, Гипподама Милетскаго. — Дѣлая эти и другія сооруженія, Периклъ давалъ работу простолюдинамъ, развивалъ эстетическое чувство аѣинянъ, наполнялъ ихъ душу патріотическою гордостью. Также внимательно заботился онъ о развитіи музыки и поэзіи. Онъ построилъ Одеонъ, великолѣпное зданіе для концертовъ и музыкальных состязаній. Онъ пробудилъ усердіе къ исполненію литургій, называвшейся хорегіей; этимъ было пробуждено высокое развитіе драматической поэзіи, о которой мы будемъ говорить въ слѣдующемъ отдѣлѣ. Богатые граждане считали долгомъ чести дѣлать большія денежныя пожертвованія для прекрасной постановки драматическихъ произведеній, для сформированія хорошихъ хоровъ, для устройства великолѣпныхъ процессій и народныхъ развлеченій на религіозныхъ и политическихъ праздникахъ. Вѣнокъ, бывшій наградой за усердіе въ этомъ дѣлѣ, считался завидною почестью и служилъ приманкою для многихъ. Частная жизнь также приняла при Периклѣ болѣе благородныя и изящныя формы. На пиряхъ пѣлись элегіи, придававшія наслажденію мягкій свѣтъ поэтическаго одушевленія и направ-

Сооруженія.

Возбужденіе любви къ изящнымъ искусствамъ.

лившія разговоръ къ серьезнымъ мыслямъ. Ионъ хіосскій, Діонисій аѳинскій, софистъ Эвентъ паросскій, жившіе въ это время, были, судя по дошедшимъ до насъ небольшимъ отрывкамъ ихъ стихотвореній, хорошіе лирическіе поэты. Есть извѣстіе, что Периклъ приглашалъ всѣ греческія государства прислать депутатовъ на конгрессъ, который принялъ бы мѣры для возстановленія всѣхъ разрушенныхъ храмовъ и для исполненія всѣхъ тѣхъ обѣтовъ богамъ, какіе еще остаются невыполненными. Подозрительность другихъ государствъ помѣшала осуществленію этого плана; и заботы Перикла нераздѣльно сосредоточились на Атикѣ. То было время, когда Фидій и другіе гениальныя художники умѣли создать дивныя произведенія искусства; Периклъ сумѣлъ воспользоваться талантами этихъ людей для украшенія Аѳинъ. Онъ хотѣлъ, какъ читаемъ у Фукидида, приводящаго его собственныя слова, сдѣлать Аѳины „училищемъ Греціи“, „сердцемъ Греціи“, столицю умственной жизни всего греческаго міра. И не въ Аѳинахъ только, по всей Атикѣ построены были имъ великолѣпныя зданія, украшенныя произведеніями скульптуры. Храмъ Деметры въ Элевзинѣ, храмъ Аѳины на мысѣ Суніѣ, колоссальныя сооруженія торговой гавани въ Пирей и другія постройки свидѣтельствовали потомкамъ о блескѣ временъ Перикла.

Заботы Перикла о развитіи благосостоянія государства были успѣшны. Граждане пользовались при немъ довольствомъ, трудясь на нивахъ, ведя торговлю, занимаясь ремеслами, получая плату за работы для государства; ихъ эстетическое чувство развивалось, потому что они повсюду видѣли прекрасныя созданія искусства; они становились болѣе или менѣе образованными людьми и пріобрѣтали правильныя понятія о дѣлахъ, слушая рѣчи ораторовъ въ народномъ собраніи и юристовъ въ трибуналахъ. Вѣкъ Перикла былъ временемъ всесторонняго развитія живыхъ силъ народа, и справедливо называютъ его прекраснѣйшимъ и счастливѣйшимъ временемъ въ исторіи Греціи. Возвышенныя чувства соединялись тогда съ простотою нравовъ, гражданскія доблести съ образованностью; изнѣженность, начинавшая проникать въ Аѳины, сдерживалась энергическою дѣятельностью народа, о которой коринѣскій посланникъ, въ приводимой Фукидидомъ рѣчи, выражается, что не зная отдыха, сами аѳиняне не даютъ его и другимъ. Справедливо говорилъ Периклъ объ аѳинянахъ своего времени: «мы любимъ прекрасное безъ пышности, образованность безъ изнѣженности». Онъ былъ благороднымъ представителемъ державнаго аѳинскаго демоса, потому правилъ измѣнчивыми мыслями толпы съ такою властью, какою рѣдко обладаютъ и наслѣдственные цари. Его называли Олимпійцемъ, потому что когда онъ, возложивъ на голову вѣнокъ, говорилъ съ трибуны собравшемуся народу, онъ былъ величественъ, какъ Зевсъ олимпійскій, держащій въ рукахъ своихъ молнію и громъ.

Мы уже много разъ говорили о томъ, что Периклъ былъ великимъ государственнымъ человѣкомъ. Его политическія идеи были выше обыкновенной греческой точки зрѣнія, съ которой политическій гори-

зонтъ ограничивался интересами лишь маленькаго родного государства. 3. Периклъ Онъ вполне организовалъ федерацію государствъ, признававшихъ гегемонію Аѳинъ и у него была мысль о созданіи федераціи, которая объединяла-бы государства греческаго міра. Эта мысль видна въ его проектѣ созвать конгрессъ всѣхъ греческихъ государствъ: мы знаемъ изъ Плутарха, что онъ имѣлъ этотъ проектъ, но что Спарта и другія пелопоннесскія государства отклонили его приглашеніе по зависти къ Аѳинамъ (стр. 552.)

Пятнадцать лѣтъ правленія Перикла были вообще временемъ мира, 4. Периклъ чѣмъ обуславливалась возможность огромныхъ издержекъ на великолѣпныя сооруженія; но случались тогда и войны, Периклъ оправдывалъ въ нихъ репутацію осторожнаго и искуснаго военачальника, пріобрѣтенную имъ въ молодости. Самою важною изъ этихъ войнъ была самосская, послѣ нѣкоторыхъ колебаній счастія кончившаяся въ пользу Аѳинъ. Самосъ, сильное государство, находившееся подъ владычествомъ аристократовъ, хотѣлъ отложиться отъ союза, которымъ правили демократическія Аѳины; но аѳиняне побѣдили, принудили самосцевъ выдать имъ военные корабли, уплатить военныя издержки, разрушили ихъ военныя укрѣпленія и поставили Самосъ въ положеніе острововъ, платящихъ дань, какъ Наксосъ, Эазосъ и Лемносъ. Въ этой войнѣ принимали участіе два знаменитые въ литературѣ человѣка: аѳинянинъ Софоклъ, который за годъ передъ тѣмъ поставилъ на сцену свою безсмертную трагедію «Антигона» и въ награду за то былъ избранъ однимъ изъ стратеговъ, и самосецъ Мелиссъ, элеатскій философъ, прославившійся при оборонѣ родного острова (страница 357). Периклъ справедливо гордился быстрымъ покореніемъ этого сильнаго государства. Когда, по возвращеніи побѣдоноснаго флота, были сдѣланы торжественныя похороны павшихъ на войнѣ, Периклъ былъ избранъ для произнесенія надгробной рѣчи; она была такъ хороша, что возбудила всеобщій энтузіазмъ, и когда онъ сошелъ съ трибуны, женщины жали его руку и возложили на него вѣнокъ, какъ на побѣдителя.

Поводомъ къ войнѣ былъ споръ между Самосомъ и Милетомъ изъ-за обладанія Пріеною; войско Милета было побѣждено, и онъ обратился къ аѳинянамъ съ просьбою о помощи; они тѣмъ охотѣе согласились, что на Самосѣ была демократическая партія, тоже просившая ихъ помощи для замѣны аристократическаго правленія демократическимъ. Фукидидъ рассказываетъ объ этой войнѣ такъ (I, 115 и слѣд.): Аѳиняне послали къ Самосу 40 триархъ, ввели на этомъ островѣ демократическое правленіе, оставили тамъ аѳинскій гарнизонъ, взяли въ заложники 50 мужчинъ и 50 мальчиковъ и отвезли ихъ на Лемносъ. Нѣкоторые изъ самосскихъ аристократовъ отправились на материкъ и просили помощи у лидійскаго сатрана Писсутна. Когда аѳинскій флотъ удался, они съ отрядомъ 700 наемниковъ приплыли ночью на Самосъ, отняли власть у демократовъ, отослали аѳинскихъ воиновъ и уполномоченныхъ къ Писсутну, пошли къ Лемносу, освободили своихъ заложниковъ и объявили, что отлагаются отъ аѳинскаго союза. Писсутъ обѣщалъ прислать на помощь имъ финнійскій флотъ и, въ надеждѣ на это, они

возобновили войну съ Милетомъ. Примѣру ихъ послѣдовала Византія. Аѣиняне отправили противъ самосцевъ 60 триръ подъ начальствомъ Перикла: 16 триръ были посланы Перикломъ съ разными порученіями: одни пошли разузнавать о персидскомъ флотѣ къ берегу Каріи; другія—требовать подкрѣпленій у хіосцевъ и лесбійцевъ. Съ оставшимися у него 44 кораблями Периклъ далъ битву самосскому флоту, состоявшему изъ 70 кораблей, и одержалъ побѣду. Послѣ того онъ высадилъ войско на островъ, разбилъ самосцевъ на сушѣ и осадилъ городъ Самосъ. Корабли его блокировали весь островъ. Персы не присылали помощи самосцамъ; спартанцы, у которыхъ самосцы просили помощи, отказали имъ въ ней, по совѣту коринѣянъ. Но самосцы не теряли мужества. Когда Периклъ съ своей эскадрой поплылъ къ берегу Каріи на встрѣчу финикійскому флоту, самосцы, подъ начальствомъ Мелисса, сдѣлали неожиданное нападеніе на оставшіеся у нихъ острова аѣинскіе корабли, потопили нѣкоторые изъ нихъ, двѣ недѣли оставались господами на морѣ и могли получать подвозъ надобныхъ имъ припасовъ. Но Периклъ, увидѣвъ, что персы не посылаютъ флота на помощь самосцамъ, возвратился, получилъ подкрѣпленія изъ Аѣинъ и отъ сосѣднихъ союзныхъ острововъ, разбилъ самосскій флотъ и возобновилъ осаду. Самосцы выдерживали ее девять мѣсяцевъ, но были наконецъ принуждены покориться на тѣхъ условіяхъ, которыя перечислены нами выше. Послѣ того скоро была покорена и Византія.

По счастливомъ окончаніи самосской войны аѣинское государство было почти такъ же могущественно, какъ до битвы при Коронѣ, но возбуждало меньше, чѣмъ тогда, опасеній и ненависти въ другихъ греческихъ государствахъ. Отказъ пелопоннесскаго союза самосскимъ инсургентамъ въ просьбѣ о помощи былъ новымъ признаніемъ высказаннаго въ Перикловомъ мирѣ принципа, что аѣинская гегемонія равноправна съ спартанскою, и что оба эти государства властны принуждать отложившихся союзниковъ къ покорности и принимать въ свой союзъ новыхъ членовъ. Коринѣ, чей голосъ всегда пользовался большимъ значеніемъ въ пелопоннесскомъ союзѣ, понималъ, что война между Спартою и Аѣинами будетъ гибельна для всей Греціи; и хотя этотъ важнѣйшій изъ торговыхъ городовъ Пелопоннеса очень завидовалъ возрастающему могуществу Аѣинъ, но политическое благоразуміе взяло верхъ въ немъ надъ страстью. Лишь въ послѣдствіи времени, когда аѣиняне вмѣшались въ ссору Коринѣа съ колоніею Коркирою, мысли коринѣянъ измѣнились, и голосъ ихъ опять рѣшилъ дѣло, но ужъ въ другомъ смыслѣ, въ пользу войны. А теперь Аѣины еще продолжали почти десять лѣтъ мирно пользоваться подъ управленіемъ Перикла своею гегемонію, оставались столицею образованности и искусствъ, опорою всѣхъ демократическихъ государствъ Греціи. Великій правитель удерживалъ аѣинскій демосъ отъ насилій и суровостей, возбуждая въ гражданахъ благородныя стремленія, внушая имъ, что справедливость и великодушіе — первыя добродѣтели тѣхъ, кто владычествуетъ. Во многихъ союзныхъ государствахъ аристократы досадовали на то, что аѣиняне помогли демократамъ отнять у нихъ власть; эти недовольные говорили, что аѣиняне угнетаютъ союзниковъ чрезмѣрными налогами, стѣсняютъ ихъ свободу, подчинивъ ихъ верховному суду аѣинской геліи, что корабли и войска союзниковъ

принуждены служить честолюбію надменной аѣинской демократіи; но аѣиняне могли справедливо отвѣчать, что пользуются своимъ преобладаніемъ умѣренно, что союзники освобождены ими отъ владычества персовъ, болѣе тяжелаго; что подъ управленіемъ Спарты, ея суровыхъ уполномоченныхъ и ея приверженцевъ олигарховъ союзники находились бы въ рабствѣ, гораздо худшемъ, нежели зависимость отъ Аѣинъ; что теперь море очищено отъ пиратовъ, что подъ аѣинскою властью торговля пользуется безопасностью; что аѣинскій народъ безпристрастно судитъ тяжбы сильныхъ и слабыхъ, своихъ согражданъ и союзниковъ. «Слабый подвластенъ сильному; всегда было такъ», говоритъ у Фукидида аѣинскій посланникъ въ совѣтъ пелопоннесскаго союза: «мы по нашему и по вашему мнѣнію были достойны владычества. Но кротость нашего владычества принесла намъ больше порицаній, нежели похвалъ; это большая несправедливость».

3. Драматическая поэзія.

1. трагедія.

Вѣкъ Перикла былъ періодомъ высшаго развитія драмы, совершеннѣйшаго вида поэзіи, гармонически соединяющаго въ одно живое цѣлое элементы лирики и эпоса. Эпическая поэзія была изображеніемъ героическаго времени, когда властвовали цари; лирическая поэзія развилась во времена владычества аристократіи; драматическая служитъ выраженіемъ аѣинской демократіи вѣка Перикла. Аѣины славились тогда и военнымъ могуществомъ и развитіемъ искусствъ, всѣ таланты находили тогда себѣ дѣятельность въ служеніи отечеству: такъ и въ драмѣ элементы дѣйствія и чувства соединяются на служеніе высшей поэтической идеѣ, производя своимъ сочетаніемъ цѣльное впечатлѣніе, давая изображеніе событій въ ихъ живой непосредственности, возбуждая увлеченіе въ зрителяхъ. То, что эпосъ рассказываетъ какъ давнюю мифическую исторію, то, что лирика изображаетъ какъ сокровенную жизнь сердца, драма выставляетъ какъ совершающуюся передъ глазами всѣхъ современную дѣйствительность. Драма въ царствѣ поэзіи то же самое, что въ государственной жизни демократія; въ ней все происходитъ также на виду у всѣхъ, каждое дѣйствующее лицо — самостоятельный человѣкъ; дѣятельность всѣхъ ведетъ къ осуществленію великой общей цѣли, при видимой свободѣ каждого безусловно господствуетъ надъ всѣми невидимая сила закона. И демократія и драма имѣли истиннымъ своимъ отечествомъ Аѣины.

Драма совершеннѣйшая форма поэзіи.

Происхождение драмы из культа Діониса. Подобно лирикѣ, драма развивалась на религіозной почвѣ, имѣла своею первоначальною цѣлью прославленіе боговъ и возбужденіе благочестивыхъ чувствъ. Въ греческомъ богослуженіи были драматическіе элементы: процессіи, символическіе обряды. Издавна существовалъ обычай прославлять боговъ—въ особенности, божества земли и растительности—пѣніемъ хоровъ, плясками, музыкальными состязаніями. Тиранны сикіонскіе и коринѣскіе перенесли въ свои столицы и преобразовали въ великолѣпныя торжества веселые праздники бога вина Діониса, съ незапамятныхъ временъ существовавшіе у поселянъ въ Атикѣ и въ другихъ греческихъ земляхъ (стр. 265, 271, 333 и слѣд.). Обряды служенія Діонису имѣли символическій смыслъ, таинственно изображали смерть и воскресеніе растительности и человека, сопровождалась громкими выраженіями радости и печали; народъ принималъ страстное участіе въ судьбѣ Діониса, служившей олицетвореніемъ развивающейся, погибающей и воскресающей растительности; — потому обряды этихъ праздниковъ представляли большое удобство для возникновенія драмы. Празднующая толпа восторженно предавалась чувствамъ, возбуждаемымъ въ ней радостными и печальными переменами въ судьбѣ растительности, символами которыхъ были событія жизни Діониса; волнуясь этими впечатлѣніями, она чувствовала себя участницею въ исторіи Діониса, раздѣляла всѣ ощущенія фантастической свиты сатировъ и нимфъ, которыми окружали Діониса мифъ и искусство. Изъ этого влеченія сочувствующей толпы раздѣлять судьбу Діониса произошли тѣ своеобразныя переодѣванія и процессіи, слѣды которыхъ оставались въ греческой драмѣ и тогда, когда она достигла высоты художественнаго развитія.

Отфридъ Миллеръ говоритъ: «Тысячами проявленій выказывается на праздникахъ Діониса стремленіе отрѣшиться отъ дѣйствительности, перенестись въ дивную жизнь фантастическаго міра: празднующіе распранивали тѣло гипсомъ, сажено, сурикомъ, красными и зелеными соками растений, накидывали на себя козлиныя и оленьи шкуры, надѣвали на головы вѣнки изъ виноградныхъ вѣтвей и вѣчно зеленѣющаго плюща, подвѣшивали себѣ бороды изъ большихъ листьевъ разныхъ растений, надѣвали маски, сдѣланныя изъ дерева, изъ коры, изъ другихъ матеріаловъ, надѣвали и полные костюмы, принадлежащіе существамъ того воображаемаго міра, гдѣ происходила жизнь Діониса».

Развитіе драматической поэзіи. Драма возникла изъ пѣнія диѳирамбовъ въ честь Діониса хорами подѣ аккомпанементъ музыки; характеръ пѣнія былъ страстный, восторженный; хоры совершали ритмическія движенія, танцовали у алтаря, на которомъ пылалъ огонь жертвоприношенія; со времени Аріона и Стесихора, диѳирамбы состояли изъ отдѣловъ, которые пѣли поочередно два хора; пѣвцы были одѣты въ особое праздничное платье; содержаніемъ диѳирамбовъ было прославленіе дѣлъ Діониса, изображеніе жизни его; танцы хоровъ были символическимъ выраженіемъ того, о чемъ пѣли танцующіе. Хоры оплакивали страданія Діониса, символически означавшія увяданіе, гибель растительности, и весело воспѣвали радостные подвиги Діониса, означавшіе пробужденіе природы, возрожденіе растительности. Такимъ образомъ, съ самаго начала драматическая поэзія раздѣлялась на серьезную, грустную и шуточную, веселую. Хоры долго были важнѣйшею, и навсегда остались существенною частью греческой драмы. Къ пѣнію

и мимическимъ танцамъ хоровъ присоединялась декламация перваго пѣвца: онъ рассказывалъ речитативомъ какое-нибудь событіе изъ мифа мифовъ о Діонисѣ, онъ былъ одѣтъ въ костюмъ сообразный съ содержаніемъ его разсказа; по окончаніи речитатива или отдѣльной части его, хоръ, изображавшій свиту Діониса и тоже одѣтый въ костюмы, сообразные съ понятіями о ней, выражалъ лирическими строфами радость или скорбь, возбужденную въ немъ содержаніемъ разсказаннаго: пѣлъ, дѣлалъ мимическія движенія, танцовалъ, соотвѣтственно пѣнію. Мы уже говорили (стр. 295), что преданіе приписываетъ присоединеніе речитатива къ пѣнію хоровъ Ѳеспису, уроженцу атическаго мѣстечка Икаріи, находившагося въ богатой виноградниками мѣстности неподалеку отъ Мараѳона. По словамъ преданія, это было сдѣлано Ѳесписомъ въ 536 году на праздникъ Діониса, издавна совершавшемся въ храмѣ и передъ храмомъ этого бога въ Аѳинахъ, въ той части города, которая называлась Лимнами. Въ этомъ году Ѳесписъ, надѣвъ льняную маску, сталъ декламировать передъ началомъ и въ антрактахъ пѣнія хоровъ разсказъ; пѣніе хоровъ съ прибавкою этого речитатива образовало лирическую драму, разыгрываемую съ мимическими движеніями подѣ аккомпанементъ оркестра. Мы говорили, что Солонъ порицалъ, но Пизистратъ одобрилъ это нововведеніе.—Актеръ былъ тогда только одинъ. Содержаніемъ его разсказовъ обыкновенно служилъ какой нибудь эпизодъ изъ мифовъ о Діонисѣ, иногда изъ мифовъ о герояхъ; такой разсказъ былъ введеніемъ къ пѣнію хора и «эпизодомъ» между слѣдующими частями пѣнія, онъ изображалъ одно за другимъ нѣсколько разныхъ дѣйствующихъ лицъ. Первый пѣвецъ вступалъ отъ лица хора въ разговоръ съ разсказчикомъ. Такимъ образомъ спектакль, имѣвшій прежде характеръ концерта, обратился въ лирическую драму, дѣйствіе которой шло то монологами, то діалогами. Дальнѣйшій шагъ былъ сдѣланъ Фринихомъ, который ввелъ и женскія роли (поручавшіяся Фринихъ около 490 года. впрочемъ мужчинамъ), и сталъ выбирать предметы для своихъ драмъ не только изъ мифовъ о другихъ богахъ, кромѣ Діониса, и о герояхъ, но даже изъ событій современной исторіи. Его драма «Взятіе Милета» произвела такое сильное впечатлѣніе на зрителей, что они плакали; за это онъ былъ подвергнутъ штрафу: было рѣшено, что онъ поступилъ дурно, «изображая аѳинянамъ ихъ горе»; мы говорили (стр. 452), что аѳиняне дѣйствительно имѣли причину не желать, чтобы имъ было напоминаемо о судьбѣ Милета: совѣсть упрекала ихъ за его гибель. Фринихъ пріобрѣлъ въ Аѳинахъ знаменитость какъ драматургъ съ 512 года; въ его драмахъ важнѣйшею частью еще оставались пѣсни хора, дѣлившагося на двѣ половины, которыя обмѣнивались строфами, танцуя подѣ аккомпанементъ оркестра. Во время пелопоннесской войны пожилые люди еще любили пѣть милья, часто грустныя хоровыя пѣсни Фриниха.

Сатирическая
драма.

Итакъ уже у Фриниха миѣны о Діонисѣ уступали мѣсто въ драмѣ легендамъ о герояхъ; съ этой переменѣю тонъ драмы сдѣлался серьезнѣе прежняго. Но у грековъ было не въ обычаѣ покидать старыя, освященныя преданіемъ формы, въ особенности, когда эти формы были соединены съ обрядами богослуженія. Потому вмѣстѣ съ развитіемъ драмы серьезнаго содержанія, называвшейся трагедіею, развивалась и шутливая драма, называвшаяся сатирическою.

Сатирическая драма осталась вѣрна прежнему простонародному характеру веселыхъ пѣсень діонисіевскихъ праздниковъ. Хоръ въ ней составляли шутливые сатиры, существа имѣвшія простонародный характеръ. Она давалась обыкновенно послѣ трагедій и вознаграждала за ихъ серьезность шутками и фарсами, успокоивавшими взволнованное чувство. Содержаніемъ ея были сцены изъ грубаго міра простонародной фантазіи, смѣшныя приключенія, въ которыхъ мифологическія чудовища или злодѣи сталкиваются съ храбрыми или хитрыми людьми, побѣждающими ихъ; сатиры, зрители этихъ приключеній, выражали свои чувства страха, радости, отвращенія, удовольствія наивной безцеремонностью, какъ и слѣдовало ожидать отъ нихъ, дикихъ жителей лѣсовъ и полей. Много матеріала пригоднаго для сатирической драмы представлялъ циклъ мифовъ о Діонисѣ; но въ особенности богаты были такими эпизодами легенды о Гераклѣ, въ которыхъ народъ вложилъ множество шутокъ. Знаменитыми авторами сатирическихъ драмъ были современники Фриниха и Эсхила Хериль, аеинскій метекъ, и Пратинъ Фліунтскій.

Такой видъ имѣла драматическая поэзія, когда началась дѣятельность Эсхила, чрезвычайно много усовершенствованнаго и содержаніе и форму трагедіи. Онъ прибавилъ втораго актера, что придавало больше жизни и разнообразія драматическому дѣйствію; вложивъ величіе своихъ возвышенныхъ идей въ драму, онъ сталъ создателемъ писанной трагедіи. Предметы своихъ драмъ онъ заимствовалъ главнымъ образомъ изъ мифическаго міра. Греки вообще любили дѣлать лица героическихъ временъ представителями силы человѣческой воли, изображать въ ихъ исторіи радости и страданія людей, столкновенія между человѣческимъ и божественнымъ закономъ, борьбу свободной воли съ судьбой; эти лица, созданныя эпосомъ, были для грековъ типами человѣческихъ характеровъ, ихъ страданія были выраженіемъ общихъ человѣческихъ бѣдствій; изображая ихъ, трагедія научала зрителей возвышаться духомъ надъ личными печалями и заботами, расширяла умственный горизонтъ народа и такимъ образомъ, давая благороднѣйшее эстетическое наслажденіе, просвѣтляла и врачевала душу. Наказаніе, которому подвергнутъ былъ Фринихъ, не помѣшало другимъ драматургамъ брать тѣми же для трагедій и современныя событія, дѣлать намеки на государственныя дѣятели и на политическіе факты.

Греческій театръ. Прежде чѣмъ будемъ говорить о великихъ дѣятеляхъ трагической поэзіи или объ ихъ созданіяхъ, мы должны сдѣлать краткій очеркъ устройства гре-

ческой сцены и характеризовать технику греческихъ спектаклей. Театры имѣли обыкновенно огромный размѣръ, потому что публикою спектакля было все свободное населеніе города; кромѣ того они предназначались быть мѣстами народныхъ сборищъ и праздничныхъ процессій. Театръ строили обыкновенно на высокомъ мѣстѣ, съ котораго открывался хорошій видъ на море и на городъ. Внутреннее устройство театра имѣло слѣдующія части: 1) полукругъ образуемый рядами мѣстъ для зрителей; эти ряды поднимались одинъ надъ другимъ ступенями; ряды ступеней въ древнѣйшемъ аеинскомъ театрѣ, находившемся на южной сторонѣ Акрополя, были первоначально построены изъ дерева; но въ 500-мъ году эта деревянная постройка рушилась во время спектакля; послѣ того мѣста для зрителей были построены изъ камня. Этотъ полукругъ занимаемый зрителями и назывался у грековъ „театромъ“ въ точномъ смыслѣ слова. 2) Орхестра, круглая площадка въ срединѣ полукруга, передъ сценою; тутъ хоръ исполнялъ свои ритмическія движенія и танцы. Въ центрѣ орхестры первоначально стоялъ жертвенникъ Діониса, вокругъ котораго танцевали хоры при пѣніи диамбровъ; впоследствии жертвенникъ замѣнился простымъ возвышеніемъ, которое называлось оимелою; оно служило центромъ, вокругъ котораго совершали свои движенія отдѣлы хора. 3) Надъ орхестрою подымалась сцена (proskēnion), длинный узкій четырехъ угольникъ, котораго декораціи были неизмѣнныя; въ задней стѣнѣ ихъ находились три двери. Сценическихъ машинъ у грековъ было мало.

Задняя стѣна сцены, которая у грековъ собственно и называлась сценою (skēne), обыкновенно представляла передній фасадъ дворца съ колоннадами и разными пристройками. Въ драмѣ предполагалось, что этотъ дворецъ—жилище главныхъ дѣйствующихъ лицъ, которыя выходятъ на открытое мѣсто передъ домомъ сообщать свои мысли и чувства другимъ лицамъ (внутренность дома у грековъ оставалась закрыта отъ постороннихъ). Открытое мѣсто передъ домомъ изображало площадь, и, выходя изъ дома, дѣйствующія лица имѣли передъ собою гражданъ, собравшихся на площади; хоръ изображалъ собою это собраніе гражданъ. Боковыя стѣны сцены были массивныя и не могли быть измѣняемы. Онѣ также имѣли свое условное опредѣленное значеніе. Главное лицо драмы, чья судьба составляетъ ея содержаніе, всегда занимало среднюю сцену, и актеръ, игравшій это лицо (протагонистъ), входилъ на сцену въ среднюю главную дверь; второстепенныя лица (девторгонистъ и тритагонистъ) обыкновенно входили или изъ боковыхъ дверей задней стѣны, или изъ дверей боковыхъ стѣнъ. Дверь въ правой боковой стѣнѣ всегда предполагалась ведущею изъ города на сцену, а дверь въ лѣвой стѣнѣ ведущею изъ мѣстъ за городомъ. Дѣйствіе греческой драмы было не многосложно; она изображала вѣдь не самые факты, а результаты, производимые фактами въ настроеніи души дѣйствующихъ лицъ и проявляющіеся передъ глазами хора; потому перемены мѣста рѣдко была нужна. Такія перемены декорацій, какъ въ нашихъ спектакляхъ, были не возможны уже и по самому устройству сцены. Небольшія измѣненія декорацій были производимы посредствомъ машинъ, называвшихся «періактами»; это были вертикальныя треугольныя призмы, которыя могли быстро поворачиваться, то одною, то другою стороною къ зрителямъ; для изображенія грековъ достаточно было тѣхъ немногочисленныхъ перемены обстановки, какія производились этимъ способомъ.

Орхестра, на которой находился хоръ, составляла центръ театра. Пѣсни хора были древнѣею частью драмы. Хоръ состоялъ прежде изъ 50, а потомъ изъ 15 лицъ, которыя изображали собою иногда старѣйшинъ народа, совѣтниковъ царя, иногда домашнихъ людей главнаго дѣйствующаго лица, иногда постороннихъ мужчинъ или женщинъ, случайно принимающихъ участіе въ дѣлѣ. Лицо, управлявшее хоромъ, называлось корифеемъ.

Сцена.

Орхестра и
хоръ.

Хоръ выражалъ чувства, производимыя на него дѣйствіемъ драмы. Рѣчь хора была речитативъ, сопровождаемый флейтами или китарами. Произнося свой речитативъ, хоръ дѣлалъ ритмическія движенія или танцевалъ. Онъ или дѣйствовалъ весь вмѣстѣ, расположившись около әмелы,—это называлось *stasimon* (пѣніе стоящаго хора), или раздѣлялся на два полухора, у каждаго изъ которыхъ былъ свой корифей, и которые входили въ оркестру широкими боковыми на нее ходами; это называлось *parados* (пѣніе идущаго хора). Хоръ не участвовалъ въ дѣйствіи драмы, онъ только выражалъ свои впечатлѣнія или въ антрактахъ или въ паузахъ пѣнія дѣйствующихъ лицъ. Характеръ его рѣчей былъ спокойный, безпристрастный; содержаніемъ ихъ были совѣты, утѣшенія, предостереженія. Форма речитатива была лирическая: онъ дѣлился на строфы, антистрофы и эподы; составъ этихъ частей его былъ очень многосложный, размѣры ихъ тоже представляли сочетанія многихъ разныхъ стопъ. Возвышенные пѣсни хора вносили элементъ успокоенія въ тревожное драматическое дѣйствіе; мысли высказываемыя хоромъ были шире минутныхъ волненій дѣйствія; хоръ принималъ въ соображеніе и опытъ прошлаго и вѣроятности будущаго, охватывалъ своими соображеніями весь народъ; его точка зрѣнія была общечеловѣческая, онъ былъ представителемъ ученой мудрости. Хоръ справедливо характеризуютъ названіемъ идеальнаго зрителя, олицетворяющаго собою мысли, какія должно имѣть о совершающемся на сценѣ. Онъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ въ антрактахъ, когда сцена оставалась пуста. Иногда онъ вступалъ въ разговоръ съ дѣйствующими лицами; въ этихъ случаяхъ его мысли высказывалъ за него корифей.

Хорегія.

Набрать хоръ и содержать его—это была одна изъ литургій, лежавшихъ по законамъ Солона на гражданахъ перваго имущественнаго класса, т. е. главнымъ образомъ на знатныхъ землевладѣльцахъ. Хоръ составляли свободные граждане; его училъ поэтъ, который обыкновенно самъ и былъ корифеемъ. Члены хора назывались хоревами. Гражданинъ, принимавшій на себя издержки по содержанію хора, назывался хорегомъ; богатые люди исполняли эту литургію или добровольно, или по очереди. Очередь велась по филамъ. Хорегія была средствомъ выказать свое усердіе къ религіи, приобрести себѣ расположеніе народа и славу. Потому хореги точно также соперничали между собою, какъ поэты. Хорегія давала возможность отличиться передъ другими богатыми людьми своею образованностью, своимъ благочестіемъ и богатствомъ, потому была заманчива для людей честолюбивыхъ. Судьи, избираемые филами, назначали награду тому хорегу, который лучше всѣхъ исполнилъ свою обязанность; наградою этой былъ вѣнокъ изъ плюща, обвитый священною шерстяною лентою. Имена побѣдившаго поэта и той филы, которой принадлежалъ хоръ, записывались на доскахъ въ память потомству.

Сценическая постановка.

Драматическая поэзія не расторгла своей связи съ праздникомъ Діониса и въ то время, когда достигла всей высоты своего совершенства. Спектакли считались принадлежностью религіозныхъ обрядовъ служенія Діонису, потому находились подъ завідываніемъ архонта-царя. Костюмъ дѣйствующихъ лицъ былъ такъ не похожъ на обыкновенную одежду, что зритель не могъ ни на минуту забывать: эти событія и люди, которыхъ онъ видитъ на сценѣ, не принадлежатъ дѣйствительному міру; онъ постоянно помнилъ, что область трагедіи—міръ идеальный, что трагедія не имѣетъ претензій изображать реальную жизнь. Актеры были одѣты въ длинное разстилающееся по полу платье съ пестрыми полосами; сверхъ этого платья на нихъ были накинуты мантии пурпуроваго цвѣта съ золотыми украшеніями, какъ на тѣхъ людяхъ, которые ходили процессіями и танцевали на праздникахъ Діониса. Актеръ, играющій роль какого-нибудь

божества или національнаго героя являлся съ его атрибутами; такъ напримеръ, когда онъ игралъ Геракла, то у него на плечахъ была львиная шкура, въ рукѣ булава. Чтобы придать актеру ростъ выше обыкновеннаго человѣческаго, употреблялось особое средство: обувь актера, трагическій котурнь, имѣла очень толстую подошву. На актерѣ была большая маска съ раскрытымъ ртомъ и большими прорѣзами для глазъ; черты маски имѣли строгое выраженіе. На груди и на туловищѣ, на рукахъ и на ногахъ одежда подбивалась толстою подкладкой, такъ что вся фигура актера получала размѣры, соотвѣтствующіе высокому росту. Произношеніе рѣчи было медленное, торжественное; маска имѣла резонансъ, придававшій голосу очень большую силу и звучность. Все это дѣлалось по неизмѣннымъ правиламъ. Точно также и выборъ сюжетовъ трагедіи былъ опредѣленъ правилами, освященными преданіемъ. Сферою трагедіи былъ обширный міръ религіознаго міра, населенный героями, жившими въ народномъ сознаніи. Освященные преданіемъ легенды о герояхъ не допускали свободной переработки; міры могли болѣе поддаваться разнымъ истолкованіямъ; но дѣйствующія въ нихъ лица имѣли въ воображеніи народа рѣзко опредѣленные черты, такъ что поэтъ не могъ видоизмѣнять эти фигуры. Какъ старинная скульптура строго держалась формъ, завыщенныхъ религіознымъ преданіемъ, такъ трагедія воспроизводила въ неизмѣнномъ видѣ характеры, сформированные и освященные обычаемъ и народнымъ сознаніемъ. „Эти формы повидимому ограничиваютъ живую силу творчества, налагаютъ цѣпи на свободу фантазіи“, говоритъ Отфридъ Мюллеръ: „но на самомъ дѣлѣ именно благодаря имъ пріобрѣтаютъ греческія драмы свое совершенство: наполняя предустановленную форму, приспособляя къ ней свое содержаніе, эти драмы возвышаются надъ произвольными, случайными произведеніями воображенія, приближаются къ созданіямъ вѣчной природы, въ которыхъ свободная красота гармонически сочетается съ строжайшею правильностью“. Сочетаніе свободной силы творчества съ освященными преданіемъ формами придавало трагедіи то значеніе, какое находитъ въ ней Аристотель, говорящій, что она „изображеніе законченнаго въ самомъ себѣ величественнаго событія, очищающее состраданіемъ и страхомъ человѣческое сердце отъ страстей“. Три единства, которыхъ, по опредѣленію Аристотеля, должна имѣть трагедія: единство времени, мѣста и дѣйствія, естественно происходили отъ условій ея плана и отъ устройства греческой сцены. Планъ трагедіи состоялъ въ раскрытіи необходимой связи между послѣдствіемъ и причиною, а задачею трагедіи было изображеніе ограниченнаго мѣстомъ и временемъ дѣйствія людей замѣчательной силы характера, въ дѣятельности и въ судьбѣ которыхъ отражаются законы человѣческой жизни; а потому надо было сохранять въ трагедіи единство времени и мѣста, какъ требовало правдоподобіе спектакля; притомъ, въ трагедіи участвовалъ хоръ, изображающій гражданъ одного даннаго мѣста; декорации были простыя, неизмѣнныя; трагедія не дѣлилась на акты, шла отъ начала до конца безъ перерывовъ;—все это дѣлалось необходимымъ, чтобы время изображаемаго дѣйствія было не длинно; и обыкновенно оно составляло лишь одинъ день.

Греки характеризовали хронологическія отношенія между тремя великими трагическими поэтами, опредѣляя связь ихъ жизни съ великою саламинскою битвою; они говорили, что Эсхиль, мужчина 45 лѣтъ, сражался въ этой битвѣ; что Софоклъ, 15 лѣтній юноша, былъ корифеемъ хора на праздникъ этой побѣды, а Эврипидъ родился въ

Эпоха трехъ великихъ трагическихъ поэтовъ.

Эсхилъ 525—
456.

день ея. По этому разсказу, младшій изъ нихъ былъ моложе старшаго только 45 годами; но между ихъ трагедіями мы видимъ очень значительныя разницы и по содержанію и по тону; въ этотъ недолгій періодъ произошли большія перемѣны въ умственной жизни аѳинскаго народа. Сравнивая созданія Эсхила, Софокла и Эврипида, мы видимъ постепенный переходъ отъ идеальнаго міра легендарной старины къ современнымъ фактамъ и понятіямъ. — Эсхилъ, сынъ Эвфоріона, аѳинскаго гражданина, жившаго въ Элевзинѣ, храбро сражался при Мараѳонѣ и Саламинѣ; эту славу храбраго бойца за родину и самъ онъ и сограждане его считали высочайшею похвалою ему: надпись на его памятникѣ говорила о немъ только, какъ о воинѣ бившемся при Мараѳонѣ (стран. 462). И дѣйствительно, любовь къ свободѣ и родинѣ, жившая въ сердцахъ мужественныхъ, честныхъ гражданъ того поколѣнія, была силою, породившею все величіе аѳинскаго государства въ начавшуюся скорѣ послѣ мараѳонской битвы эпоху блеска Аѳинъ. Трагедіи Эсхила—самое сильное, самое теплое выраженіе того патріотическаго одушевленія, какимъ былъ проникнутъ аѳинскій народъ во время персидскихъ войнъ, и той славы, какая озарила Аѳины въ эти войны и слѣдовавшую за ними эпоху. Онъ содѣйствовалъ своимъ мечомъ защитѣ свободы отечества, а потомъ созданіями своего творческаго воображенія содѣйствовалъ возникновенію поэтической славы Аѳинъ, сталъ однимъ изъ тѣхъ художниковъ, чьи произведенія сдѣлали столицу его отечества учительницею современниковъ и потомства въ дѣлѣ изящныхъ искусствъ и поэзіи. Персидскія войны возбудили въ Эсхилѣ чувство общаго національнаго греческаго патріотизма; дивное торжество грековъ надъ персами воодушевило его религіознымъ чувствомъ, пробудило въ немъ думы объ отношеніяхъ божественнаго міра къ земному; черезъ всѣ его трагедіи проходитъ мысль о борьбѣ первобытныхъ божествъ, олицетворяющихъ силы природы, съ божествами, въ которыхъ олицетворены нравственныя силы; участіе въ великихъ историческихъ событіяхъ укрѣпило въ немъ нравственное мужество, энергію характера, возвышенный образъ мыслей; эти качества проявляются и въ глубокомысленныхъ рѣчахъ его дѣйствующихъ лицъ и въ смѣлыхъ, возвышенныхъ хорахъ. Мракъ человѣческой жизни просвѣтляется у него вліяніемъ высшей силы, могущественной и мудрой, правящей міромъ. Характеры его величественны; ихъ титаническая энергія пробуждаетъ въ зрителяхъ мысль о таинственныхъ властвующихъ надъ людьми силахъ. — По извѣстіямъ древнихъ, Эсхилъ написалъ болѣе 70 трагедій (по однимъ извѣстіямъ, 72; по другимъ, 90); изъ нихъ 7 дошли до насъ. Всѣ онѣ проникнуты благоговѣніемъ къ богамъ, уваженіемъ къ стариннымъ учрежденіямъ, гордостью великой души. Характеръ мыслей въ нихъ возвышенный, языкъ ихъ торжественный, часто страстный, въ нихъ много длинныхъ

сложныхъ словъ; это дѣлаетъ иногда ходъ рѣчи темнымъ; обороты ея движутся у него величественно; а постройка его періодовъ массивная; его трагедіи, какъ храмъ Иктина, сложены изъ большихъ правильно отесанныхъ и полированныхъ массъ мрамора.

Трагикъ также состязался между собою, какъ и музыканты: трагическій поэтъ всегда писалъ для состязанія три трагедіи; эта группа называлась трилогіей; къ ней присоединялась сатирическая драма, веселая пьеса, предназначавшаяся какъ будто бы для того, чтобы зрители могли отдохнуть на ней. Эсхилъ, 13 разъ одержавшій побѣду, бралъ предметы для всѣхъ четырехъ пьесъ изъ одного цикла мифовъ; и всѣ четыре пьесы имѣли между собою связь; каждая изъ нихъ представляла отдѣльное цѣлое сама по себѣ, но всѣ вмѣстѣ онѣ образовали болѣе широкое цѣлое. Впрочемъ ошибаются тѣ изъ новыхъ изслѣдователей, которые полагаютъ, что всѣ драмы Эсхила были написаны по этой системѣ. Мы знаемъ, что онъ уже началъ составлять трилогіи изъ трагедій, не имѣющихъ внутренней связи между собою; со времени Софокла это вошло въ обычай на аѳинской сценѣ. Эсхилъ умеръ въ 456 году, черезъ три года послѣ постановки на сцену превосходнѣйшей изъ его трилогій называвшейся „Орестією“. Онъ умеръ въ сицилійскомъ городѣ Гелѣ; это неоспоримо, тамъ была его гробница. Преданіе говоритъ, что онъ уѣхалъ туда по недовольству установившимся въ Аѳинахъ преобладаніемъ демократіи. Кажется, онъ уже и раньше того, при жизни Гіерона, уѣзжалъ на нѣсколько времени въ Сицилію (между 471 и 468 годами). Есть преданіе, что онъ покинулъ Аѳины по досадѣ на неудачу въ состязаніи съ молодымъ поэтомъ Софокломъ, чьей трилогіи заимствованной изъ мифа о Триптолемѣ, было отдано предпочтеніе передъ его трилогією; но это извѣстіе ошибочно.

Древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ драмъ Эсхила—«Персы»; эта пьеса была дана въ Аѳинахъ около 472 года; она проникнута восторженной гордостью, которою исполнило поэта-патріота и всѣхъ грековъ торжество надъ персами. Дѣйствіе драмы происходитъ въ Сузѣ. Хоръ персидскихъ вельможъ прославляетъ многочисленность и храбрость войска двинувшагося въ Грецію; но съ тѣмъ вмѣстѣ высказываетъ опасеніе, что войско это можетъ подвергнуться бѣдствіямъ и что Персія будетъ опечалена его гибелью. Атосса, мать Ксеркса, разсказываетъ хору, что она видѣла сонъ, наполнившій ее печальнымъ предчувствіемъ. Хоръ совѣтуетъ ей принести жертву умершему ея мужу Дарію и просить его о спасеніи войска. Она не успѣваетъ исполнить этотъ совѣтъ: является вѣстникъ и разсказываетъ ей о битвѣ при Саламинѣ и объ уничтоженіи персидскаго флота; его разсказъ—великолѣпное описаніе битвы. Хоръ, услышавъ печальную вѣсть, выражаетъ опасеніе, что покоренные народы возстанутъ противъ персовъ и свергнутъ ихъ иго. Атосса приноситъ жертву на гробъ мужа, вызывая его тѣнь; является тѣнь Дарія. Атосса разсказываетъ мужу о несчастіи, которому подверглось царство; Дарій говоритъ, что надменностью Ксеркса ускорено исполненіе древняго пророчества; что погибнетъ и войско, пошедшее въ Грецію, потому что боги прогнѣваны построеніемъ мостовъ черезъ Геллеспонтъ и разрушеніемъ храмовъ; что персы должны были довольствоваться властью надъ Азією, которое дано имъ отъ боговъ; люди, которые хотятъ пріобрѣсти больше, нежели предназначено имъ, подвергаются наказанію. На сцену приходитъ бѣжавшій изъ Греціи Ксерксъ; его царское облаченіе изорвано. Пьеса кончается тѣмъ, что онъ и хоръ оплакиваютъ бѣдствіе *).

1. Персы.

*) Тонъ этой драмы былъ очень лестный для гордости грековъ. Такъ напримѣръ Атосса и хоръ разговариваютъ между собою слѣдующимъ образомъ:

первая называлась «Финей», третья «Главк»; къ трилогіи была присоединена сатирическая драма «Прометей». Мы такъ мало знаемъ содержаніе утраченныхъ пьесъ этой тетралогіи, что всѣ попытки опредѣлить планъ ея и связь между ея частями должно назвать произвольными предположеніями (стр. 563). Эсхилъ написалъ двѣ трагедіи подъ названіемъ «Главк», и мы не можемъ даже рѣшить, которая изъ двухъ принадлежала къ тетралогіи, имѣвшей трагедію «Персы» второю своею частью.

2. Походъ семи царей на Фивы. Трагедія «Походъ семи царей на Фивы» была дана еще при жизни Аристиды, умершей шаго въ 468 году: тѣ стихи, при которыхъ весь народъ обратилъ взглядъ на находившагося въ театрѣ Аристиду и которые приведены на страницѣ 465, находятся въ этой драмѣ. Содержаніе ея составляетъ осада Фивъ соединившимися на войну противъ нихъ царями и поединокъ между Этеокломъ и Полиникомъ, кончающійся смертью ихъ обоихъ (стр. 81). Тонъ трагедіи—воинственный энтузіазмъ. Войска строятся—одно подъ стѣнами города, другое въ городѣ; Этеоклъ высказываетъ твердое рѣшеніе биться съ братомъ; этимъ будетъ исполнено проклятіе, которому подвергъ его и Полиника отецъ. Хоръ составляютъ фиванскія дѣвушки; пѣсни ихъ печальны; получается извѣстіе, что городъ спасенъ, но что Этеоклъ и Полиникъ,—оба убиты. Сестры ихъ Антигона и Исмена вмѣстѣ съ хоромъ оплакиваютъ ихъ смерть; впечатлѣніе, производимое этимъ плачемъ, усиливаютъ горькіе сарказмы, находящіеся въ немъ. Антигона самоотверженно говоритъ, что наперекоръ запрещенію Фиванскаго правительства она похоронитъ тѣло Полиника; часть хора одобряетъ ея рѣшимость. Эта трагедія была третьею частью фиванской тетралогіи; первыя двѣ части были: «Лаій» и «Эдинъ»; сатирическая драма тетралогіи называлась «Сфинксъ».

3. Просіяція защиты. Трагедія «Просіяція защиты», составляла, кажется, вторую часть трилогіи, первую частью которой были «Египтяне», а третьею «Данаиды»; этимъ объясняется и характеръ пьесы «Просіяція защиты»: въ ней мало дѣйствій, и оно лишь пассивное. Дочери Даная (стр. 36), бѣжавшія отъ жениховъ, сыновей Египта, хотѣвшихъ взять ихъ въ жены себѣ противъ ихъ воли, ищутъ себѣ прибѣжища въ Аргосѣ и садятся, какъ просіяція защиты, у жертвенниковъ, стоящихъ передъ городомъ. Аргосскій царь Пеласгъ нѣсколько времени колеблется между опасностью подвергнуться нападенію жениховъ Данаидъ, и боязнью навлечь на себя гнѣвъ боговъ отказомъ въ покровительство сѣвшимъ у жертвенниковъ; молебны дочерей Даная и рѣшеніе аргосскаго народнаго собранія торжествуютъ надъ его робостью. Онъ принимаетъ Данаидъ подъ защиту Аргоса. Женихи, вышедшіе надъ его робостью. Онъ принимаетъ Данаидъ подъ защиту Аргоса. Женихи, вышедшіе на аргосскій берегъ, присылаютъ вѣстника, требующаго, чтобы дѣвушки были отданы имъ. Онъ хочетъ силою увести ихъ. Пеласгъ не допускаетъ этого. Вѣстникъ угрожаетъ войною. Данаиды, образующія хоръ, благодарятъ боговъ новаго своего отечества за спасеніе ихъ отъ ненавистныхъ жениховъ. Превосходны въ этой трагедіи пѣсни хора Данаидъ, которыя тоскливо жмутся къ жертвенникамъ, какъ робкія голубки, которымъ угрожаетъ истребъ. Похвалы аргосскому народу, высказываемыя Данаидами, имѣютъ, какъ мы говорили, историческое значеніе. Данаиды молятъ боговъ, чтобы они охраняли Аргосъ отъ военныхъ бѣдствій, отъ огня, болѣзни, раздоровъ; чтобы правительство всегда мудро заботилось о благѣ государства и оказывало покровительство иностранцамъ, ограждая ихъ отъ обиды. Мы видѣли (стр. 533, и слѣдующія), что афиняне около 462 года заключили союзъ съ Аргосомъ и вели тогда войну въ Египтѣ. Трагедія «Просіяція защиты» была поставлена на сцену вѣроятно въ это время.

Атосса: Друзья, снажите мнѣ, гдѣ находится Аѳины?

Хоръ: Далеко на западѣ тамъ, гдѣ Геліосъ гаситъ свой факелъ.

Ат.: Украшены ли руки ихъ лукомъ и стрѣлами?

Х.: Нѣтъ, у нихъ крѣпкія коня и щиты.

Ат.: Кто царь въ ихъ странѣ, кто ихъ военачальникъ?

Х.: Они не служатъ никому, не подвластны никакому господину.

Знаменитѣйшая изъ трагедій Эсхила «Окованный Прометей» была второю частью 4. Окованный Прометей. трилогіи, первую частью которой былъ «Прометей, приносящій огонь» а третьею «Освобожденный Прометей». Мы рассказывали (стр. 47—48) глубокомысленный мнѣе объ этомъ могучемъ титанѣ, олицетвореніи человѣческаго разума. Мы видѣли, что онъ хочетъ улучшить судьбу людей, но преступаетъ границы, предназначенныя богами, опредѣлившими, какова должна быть человѣческая жизнь. Первая часть трилогіи вѣроятно изображала Прометея самоувѣреннымъ, презирающимъ волю боговъ; вторая часть показываетъ его страдающимъ. Въ наказаніе за свою надменность онъ прикованъ сильными служителями всемогущаго Зевса къ скалѣ; дочери Океана, образующія хоръ, утѣшаютъ его, стараются смягчить его гордость, но онъ остается непреклоненъ; онъ можетъ избавиться отъ страданія, открывъ Зевсу тайну, узнать которую хочетъ его мучитель; но онъ не выдастъ ея, скорѣе онъ погибнетъ отъ грома и молніи Зевса. Эсхилъ всегда примиряетъ борьбу свободы человѣка съ всемогущими законами судьбы, вводя вмѣшательство высшей божественной силы; потому нѣтъ сомнѣнія, что Прометей и Зевсъ примирялись у него; эта развязка конечно составляла содержаніе третьей части трилогіи; въ ней Гераклъ и Хиронъ освобождали Прометея, и вѣроятно въ ней высказывалась мысль, что Зевсъ правитъ міромъ и судьбою людей справедливо, ведетъ все ко благу человѣка, хотя пути его часто бываютъ непостижимы и хотя онъ часто подвергаетъ людей страданію; въ дошедшей до насъ второй части трилогіи является Іо, которую мучитъ Гера, какъ Зевсъ мучитъ Прометея; она предсказываетъ Прометею, что ея потомокъ Гераклъ освободитъ его.

Тѣ трагедіи, содержаніе которыхъ рассказаны нами,—части трилогій, не дошедшихъ до насъ въ полномъ составѣ; но до насъ дошла одна полная трилогія Эсхила, общее заглавіе которой «Ористея», части этой трилогіи: «Агамемнонъ», «Хозфоры», «Эвмениды»; къ ней принадлежала сатирическая драма «Протей». Мы рассказывали (стр. 92—95) цѣль мифовъ, который постепенно разросся изъ преданій о судьбѣ Атридовъ. Изъ этого преданія, получившаго такое широкое развитіе въ народныхъ легендахъ и у поэтовъ, взято содержаніе цѣлаго ряда великолѣпныхъ картинъ единственной дошедшей до насъ въ полномъ составѣ трилогіи Эсхила. Въ первой части ея Агамемнонъ съ торжествомъ возвращается на родину; разостланы пурпурные ковры, онъ идетъ по нимъ въ свой великолѣпный дворецъ; тамъ ожидаетъ его смерть, приготовленная ему Клитемнестрой; измѣнница жена набрасываетъ на него мантию, чтобы убить его; Клитемнестра оправдываетъ передъ хоромъ свой поступокъ; она и трусливый ея любовникъ Эгнестъ радуются, что ей удалось убить Агамемнона; ихъ безжалостная радость составляетъ потрясающій контрастъ съ плачемъ пѣвицы Кассандры, припоминающей прошлыя бѣдствія и предсказывающей будущія. Названіе второй трагедіи «Хозфоры» значитъ: женщины, совершающія возліаніе въ честь усопшаго на гробъ его; этѣ женщины троянскія пѣвицы, составляющія хоръ; онѣ идутъ совершать возліаніе на гробъ Агамемнона, чтобы этою жертвою тѣнь его была примирена съ Клитемнестрою. Планъ, хитро придуманный Электрою, исполняется: Орестъ убиваетъ Клитемнестру; являются Эриніи, мстительницы, которыя будутъ преслѣдовать убійцу матери; онѣ наказываютъ за поступокъ, не разбирая мотивовъ его, не допуская никакихъ извиненій; онѣ безпощадны, какъ законы природы. Неумолимо онѣ мучатъ Ореста. Но наконецъ Аѳины оправдываетъ его, и онѣ становятся эвменидами, доброжелательными богинями, идутъ въ свой новый храмъ, благословляя Аѳины (стр. 94). Мы говорили, что эта трагедія имѣла политическую тенденцію (стр. 528): она доказывала, что убійство, хотя бы совершенное и непреднамеренно, должно быть карасемо, но суровому требованію человѣческаго закона, но что боги, предъ которыми раскрыты всѣ тайны сердца, всегда находятъ путь спасенія для страдающаго, и что человѣкъ долженъ признавать существованіе высшей силы, обуздывающей порывы страстей и беззаконные помыслы.

Софокль, уроженецъ мѣстечка Колона, находившагося близъ Аѳинъ, Софокль. былъ сынъ богатаго оружейника. Его природныя таланты были раз- 496—406.

виты воспитаніемъ, такъ что онъ принадлежалъ къ числу просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени. Онъ довелъ драму до высоты совершенства. Онъ прибавилъ третьяго актера, сократилъ пѣніе хора, далъ ему роль спокойнаго зрителя; такимъ образомъ, разговоры дѣйствующихъ лицъ получили преобладаніе надъ хоромъ, главнымъ элементомъ драмы стало дѣйствіе, — и трагедія приобрѣла идеальную красоту; величіе мысли сочетается у Софокла съ художественнымъ построениемъ подробностей плана, и трагедія его производятъ впечатлѣніе гармоніи, порождаемой полнымъ развитіемъ образованности. Трагедія стала у Софокла вѣрнымъ зеркаломъ впечатлѣній человѣческаго сердца, всѣхъ стремленій души, всей борьбы страстей. Языкъ Софокла благороденъ, величественъ; рѣчь его даетъ всѣмъ мыслямъ картинность, всѣмъ чувствамъ силу и теплоту; форма трагедій Софокла исполнѣ художественна; планъ ихъ превосходно обдуманъ; дѣйствіе развивается ясно, послѣдовательно, характеры дѣйствующихъ лицъ созданы глубокомысленно, очерчены отчетливо; душевная жизнь ихъ изображена съ полною живостью, и мотивы ихъ поступковъ мастерски разъяснены. Никто другой изъ древнихъ писателей не проникалъ такъ глубоко въ тайны человѣческой души; нѣжныя и сильныя чувства распределены у него въ прекрасной соразмѣрности; развязка дѣйствія (катастрофа) соответствуетъ сущности дѣла. Аѣинскіе граждане Периклова вѣка желали, чтобы трагедія возбуждала только симпатію, а не ужасъ; ихъ изящный вкусъ не любилъ грубыхъ впечатлѣній; потому Софоклъ устранилъ или смягчалъ все страшное или свирѣпое, находившееся въ мѣтахъ, изъ которыхъ бралъ содержаніе своихъ трагедій. У него нѣтъ такихъ величественныхъ мыслей, такой глубокой религіозности, какъ у Эсхила. Характеры мѣическихъ героевъ изображены у него не по народнымъ понятіямъ о нихъ, какъ у Эсхила; имъ приданы общечеловѣческія черты, они возбуждаютъ сочувствіе къ себѣ не національными греческими особенностями, а нравственнымъ, чисто человѣческимъ величіемъ, погибающимъ въ столкновеніи съ могуществомъ неотвратимой судьбы; они свободны, они дѣйствуютъ по собственнымъ мотивамъ, а не по волѣ судьбы, какъ у Эсхила; но и надъ ихъ жизнью властвуетъ судьба. Она — вѣчный божественный законъ, — господствующій надъ нравственнымъ міромъ, и его требованія выше всѣхъ человѣческихъ законовъ.

Софоклъ сохранилъ форму трилогіи, вмѣющей своимъ эпилогомъ сатирическую драму; но пьесы, образующія эту группу, не соединены у него общностью содержанія; онѣ — четыре разныя пьесы (сравни. стран. 563). По извѣстіямъ древнихъ, онъ написалъ 113 или 130 пьесъ; изъ нихъ дошло до насъ только семь. Превосходнѣйшая изъ нихъ и по формѣ, и по содержанію, и по обрисовкѣ характеровъ — „Антигона“. Мы видѣли (стран. 553), что за нее аѣинскій народъ выбралъ Софокла стратегомъ. Это было въ самосскую войну, и, по словамъ одного изъ современниковъ, Софоклъ сохранилъ въ

битвахъ ту же свѣтлость души, какъ и въ мирномъ гражданскомъ бытѣ. — Мы говорили о состязаніи между Эсхиломъ и Софокломъ, только что начинавшимъ тогда свою поэтическую дѣятельность. Это было на праздникъ перенесенія костей Тезея со Скироса въ Аѣины. Кимонъ, бывший тогда стратегомъ, находился вмѣстѣ съ товарищами въ театрѣ. Судьи колебались, кому назначить награду, Эсхилу или Софоклу. Кимонъ, хотя былъ друженъ съ Эсхиломъ, высказался въ пользу Софокла, и судьи приняли его мнѣніе. Софоклу было тогда 28 лѣтъ.

Изъ дошедшихъ до насъ трагедій Софокла три самыя лучшія заимствованы изъ египетскаго цикла мѣоувъ, содержаніе котораго рассказано нами на стран. 92 — 94; это трагедіи: „Антигона“, поставленная на сцену около 461 года; „Эдипъ царь“ написанный быть можетъ, въ 430 или 429 году, и „Эдипъ въ Колонѣ“, поставленный на сцену въ 406 году внукомъ поэта, умершаго въ этомъ году, Софокломъ младшимъ. Въ первой трагедіи Антигона исполняетъ свое рѣшеніе похоронить брата (этой тѣмы уже коснулся Эсхилъ въ трагедіи „Походъ на Фивы“). Софоклъ изображаетъ борьбу семейныхъ обязанностей съ требованіями государства, коллизію вѣчнаго божественнаго закона, живущаго въ груди человѣка, съ произвольными повелѣніями человѣческой власти, ставящей себя выше требованій совѣсти; онъ показываетъ, что вышннныя порывами страстей распоряженія правительства, не признающаго правъ совѣсти, производятъ гибельные результаты, что семейныя привязанности должны быть уважаемы государствомъ. Непреклонная воля Антигоны, безстрашно рѣшившейся пожертвовать собою, могла казаться Креону упрямствомъ, которому онъ долженъ противопоставить такое же упрямство; но были другіе мотивы, которые должны были бѣ отвлечь его отъ упорства въ несправедливости: любовь Исмены къ сестрѣ, любовь Гемона къ невѣстѣ, высказывающаяся сначала осторожно, потомъ съ энергіею отчаянія, предостереженія пророка Тирезія. Но его суровая душа остается невозможна. Антигона, живо заключенная въ гробницу, лишаетъ себя жизни; Гемонъ — характеръ, принадлежащій не античному, а романтическому міру — убиваетъ себя подлѣ невѣсты и, умирая, обнимаетъ ее слабѣющею рукою; жена Креона, мать Гемона, Эвридика, тоже лишаетъ себя жизни, проклиная Креона, виновника смерти всѣхъ погибшихъ, — только тогда Креонъ постигаетъ свою ошибку; сердце его растерзано, и онъ мучится позднимъ раскаяніемъ. Борьба противъ тираннической власти — любимая идея Софокла. Протестъ во имя вѣчной справедливости, противъ закона, установленнаго произволомъ, выраженъ въ „Антигонѣ“ съ энергіею, потрясающею душу. — Въ „Эдипѣ царѣ“ выказываются результаты преступленій, совершенныхъ Эдипомъ, убившимъ Лаіа и женившимся на Іокастѣ; онъ не зналъ, что Лаій — отецъ его, а Іокаста — его мать; но онъ все-таки отцеубійца, и бракъ его все-таки кровосмѣшеніе; эти ужасные факты имѣютъ своимъ послѣдствіемъ гибель его и всего его рода. Драматизмъ трагедіи Софокла состоитъ въ постепенномъ переходѣ Эдипа и Іокасты отъ счастья, отъ спокойствія совѣсти къ ясному сознанію ужасной преступности своей. Хоръ скоро догадывается объ истинѣ; Эдипъ и Іокаста еще не знаютъ ея; контрастъ ихъ заблужденія съ знаніемъ хора объ истинѣ производитъ потрясающее трагическое впечатлѣніе. Черезъ всю драму проходитъ возвышенную пропіею мысль объ ограниченности человѣческаго ума, о близорукости его соображеній, о непрочности счастья; зритель предвидитъ катастрофу, которыми разрушится счастье Эдипа и Іокасты, не знающихъ истины: „о люди, какъ ничтожна ваша жизнь!“ — восклицаетъ хоръ; — и дѣйствительно, Эдипъ и Іокаста повергаются въ такое отчаяніе, что она лишаетъ себя жизни, онъ лишаетъ себя зрѣнія. — „Эдипъ въ Колонѣ“ былъ послѣднимъ произведеніемъ Софокла. Есть преданіе, соединенное съ этою драмой. Оно таково: сынъ Софокла, Іофонъ, имѣлъ неудовольствіе противъ отца, который больше нежели этого сына любилъ внука, называвшагося тоже Софокломъ и бывшаго сыномъ другого его сына; матерью этого другого сына была не мать Іофона, а другая жена Софокла. Іофонъ просилъ фратрію, къ которой принадлежали они, отнять у старика Софокла управленіе имуществомъ, потому что разсудокъ его ослабѣлъ отъ старости. (Семейныя дѣла судила

1. Антигона.

2. Эдипъ царь.

3. Эдипъ въ Колонѣ.

фратрія; смотр. стр. 232). Софокль прочелъ собранію фратрія одну изъ пѣсень хора трагедіи «Эдипъ въ Колонѣ», которую писалъ тогда, и судъ убѣдился въ томъ, что умственные силы его не ослабѣли. Этотъ анекдотъ считается теперь вымысломъ. Въ немъ ошибочно говорится, что внукъ, за любовь къ которому сердился на отца Іофонъ, былъ не сынъ Іофона: по надписямъ на памятникахъ мы знаемъ, что этотъ внукъ Софокла, Софоклъ младшій, былъ сынъ самого же Іофона. Такимъ образомъ, мотивировка неудовольствія Іофона оказывается противорѣчащею факту. — «Эдипъ въ Колонѣ» — лебединая пѣсня Софокла, исполненная нѣжнѣйшей любви къ родинѣ, внушенная старику воспоминаніями о молодости, проведенной имъ въ деревенской тиши Колона. — Слѣпой скиталецъ, Эдипъ находитъ наконецъ спокойный пріютъ себѣ въ Колонѣ, подъ покровительствомъ афинскаго національнаго героя, Тезея; этотъ пріютъ — роцъ Эвменидъ, примпрившихся съ нимъ, и онъ тихо умираетъ въ таинственномъ ея гротѣ (стр. 80). Передъ смертію онъ высказываетъ во всемъ величіи свое родительское и царское достоинство, отвергая своекорыстные заискиванія Полиппа и Этеокла. Эта драма Софокла проникнута дивною нѣжностью и граціозностью чувства, въ которомъ печаль бѣдственности человѣческой жизни сливается съ отрадою надежды. «Эдипъ въ Колонѣ» — апофеозъ невиннаго страдальца, которому божественное провидѣніе даетъ отраду въ концѣ его скорбной земной жизни; надежда на блаженство за гробомъ служитъ утѣшеніемъ несчастнаго: удрученный и очищенный бѣдствіями человѣкъ найдетъ въ той жизни вознагражденіе себѣ за свои незаслуженныя страданія. Матеріаломъ для этой трагедіи служили Софоклу мѣстные преданія Колона, близъ котораго стоялъ храмъ Эвменидъ съ пещерою, считавшеюся путемъ въ подземное царство и имѣвшею при входѣ мѣдный порогъ. — Въ «Электрѣ» содержаніе заимствовано изъ той же легенды, на которой основана трагедія Эсхила «Хозфоры». Мы уже говорили (стр. 94), что легенда объ убійствѣ Клитемнестры Орестомъ послужила темою для трагедіи каждому изъ трехъ афинскихъ великихъ трагическихъ поэтовъ, и что каждый изъ нихъ придалъ ей особый характеръ. У Софокла главное лицо въ этомъ кровавомъ дѣлѣ — Электра, неумолимая, страстная мстительница, одаренная высокою нравственною силою. Конечно, мы должны судить о ея дѣлѣ сообразно понятіямъ греческой старины, возлагавшей на родныхъ убитаго обязанность мстить. Только съ этой точки зрѣнія становится понятна сила ненависти, непримиримо пылающей въ душѣ Электры; ея мать чужда раскаянія, спокойно наслаждается любовью обогрѣннаго кровью Эгиста, — это поддерживаетъ въ ней жажду мщенія. Переносясь мыслями въ понятія греческой старины, мы будемъ сочувствовать скорби, съ какой Электра обнимаетъ урну, заключающую въ себѣ, какъ она думаетъ, прахъ ея брата, и поймемъ восторгъ, съ какимъ видитъ она живымъ Ореста, котораго считала умершимъ; будутъ понятны намъ и возмутительныя для нашего чувства крики одобренія, которыми она, слыша изъ дворца вопли убиваемыхъ, возбуждаетъ Ореста довершить дѣло мщенія. Въ Клитемнестрѣ, при извѣстіи о смерти Ореста, пробудилось на мигъ материнское чувство, хоть и очень радостно было ей, что она теперь освобождается отъ боязни его мести. — Содержаніе трагедіи «Трахинянки» — смерть, которой подвергаетъ Геракла ревность его жены, Деяниры, страстно любящей его. Хоръ въ этой трагедіи — составляютъ дѣвушки, уроженки города Трахина; названіе ихъ и служитъ заглавіемъ драмы. Гераклъ, разрушивъ эвбейскій городъ Эхалію, взялъ въ плѣнъ красавицу Іолу, дочь экалійскаго царя; Деянира, оставшаяся въ Трахинѣ, опасается, что онъ покинеть ее, полюбитъ Іолу. Посылая мужу праздничную одежду, которую хочетъ онъ надѣть при жертвоприношеніи, Деянира намазываетъ ее кровью кентавра Несса, который былъ убитъ стрѣлами Геракла; Нессъ, умирая, говорилъ ей, что его кровь — волшебное средство, которымъ она можетъ отвратить мужа отъ всякой другой любви и привязать къ себѣ. Гераклъ надѣвается эту одежду, и когда теплота отъ жертвеннаго огня согрѣла кровь Кентавра, Гераклъ почувствовалъ мучительное дѣйствіе яда крови. Въ ярости, онъ разбилъ о скалу вѣстника Лихада, который принесъ ему одежду; съ той поры эти скалы стали называться лихадовыми. Деянира, узнавъ о томъ, что погубила мужа, лишаетъ себя жизни; Гераклъ, мучимый невыносимою болью, велитъ сложить на вершинѣ Эты костеръ и сожигаетъ

4. Электра.

5. Трахинянки.

себя на немъ. — Этотъ мѣсъ составляетъ содержаніе трагедіи «Трахинянки», достоинство которой менѣе высоко, чѣмъ тѣхъ четырехъ трагедій, о которыхъ мы говорили раньше. Поіасъ, отецъ Филоктета, зажигаетъ костеръ и въ награду за эту услугу получаетъ лукъ Геракла и стрѣлы его, всегда попадающія въ цѣль. — Этѣ стрѣлы играютъ важную роль въ трагедіи «Филоктетъ», содержаніе которой взято изъ легенды о Троянской войнѣ, также какъ и содержаніе седьмой трагедіи Софокла, «Аяксъ Биченосецъ». Мы уже говорили объ этихъ герояхъ (стр. 89, 94). — Трагедія «Филоктетъ» была поставлена на сцену въ 409 году. Филоктетъ, страдающій неизлечимою раною въ ногѣ, оставленъ греками на необитаемомъ островѣ Лемносѣ. Къ нему перешли по наслѣдству отъ отца стрѣлы Геракла. Неоптолемъ и Одиссей пріѣзжаютъ взять его въ греческій станъ, потому что безъ его стрѣлъ нельзя побѣдить троянцевъ. Но онъ смертельно ненавидитъ грековъ, и въ особенности Одиссея. Потому увезти его въ ихъ станъ можно только хитростью, обманомъ. Прямодушный, честный Неоптолемъ сначала поддается коварнымъ совѣтамъ хитраго Одиссея; Одиссей похищаетъ у Филоктета лукъ, безъ котораго несчастный больной умереть съ голоду. Неоптолеми жаль обманутаго, и врожденное благородство торжествуетъ въ его душѣ надъ замысломъ обмана. Онъ открываетъ Филоктету истину, и хочетъ отвезти его на родину. Но является Гераклъ, и убѣжденный имъ Филоктетъ соглашается ѣхать къ Троѣ, какъ предназначено ему судьбою. — Итакъ, коллизія мотивовъ и страстей прекращается появленіемъ божества, такъ называемаго Deus ex machina; узелъ не развязывается, а разрушается. Въ этомъ ужъ ясно высказывается вліяніе порчи вкуса, подѣйствовавшее, какъ видимъ, и на Софокла. Но съ удивительнымъ мастерствомъ исполнилъ Софоклъ трудную задачу сдѣлать предметомъ драмы физическое страданіе. Превосходно изобразилъ онъ и характеръ истиннаго героя въ лицѣ Неоптолема, неспособнаго оставаться обманщикомъ, отвергающаго нечестныя средства, какую бы выгоду ни представляли они. — Предметъ трагедіи «Аяксъ Биченосецъ» или «Безуміе Аякса» заимствованъ изъ преданія, что Аяксъ, подвергнувшійся омраченію разсудка, перебилъ стада и, опомнившись, убилъ отъ стыда самъ себя (мы уже рассказывали эту легенду на стр. 89). Въ униженномъ состояніи безумія Аяксъ является у Софокла лишь при самомъ началѣ драмы; главное содержаніе ея составляютъ душевные страданія героя, печалющагося о томъ, что опозорилъ себя безумнымъ дѣломъ; онъ находитъ, что избавиться отъ стыда онъ можетъ только смертію, и мужественно убиваетъ себя; Тевпръ, при содѣйствіи Одиссея, устраиваетъ почетное погребеніе ему, наперекоръ Атридамъ. Вина, за которую наказанъ Аяксъ безуміемъ, состоитъ въ томъ, что онъ, гордясь своею силою, не имѣлъ должнаго смиренія передъ богами. — Софоклъ въ этой трагедіи слѣдовалъ Гомеру, изъ котораго заимствованы у него не только характеры дѣйствующихъ лицъ, но и выраженія. Разговоръ Тевпрессы съ Аяксомъ (стихи 470 и слѣд.) — очевидное подражаніе прощанію Гектора съ Андромахою. Афинянамъ очень нравилась эта трагедія Софокла, отчасти потому, что Аяксъ саламинскій былъ однимъ изъ ихъ любимыхъ героевъ, какъ предокъ двухъ знатныхъ афинскихъ родовъ (стр. 132), а во вторыхъ потому, что рѣчь Менелая казалась имъ пародіею на отсталость понятій и надменность спартанцевъ.

6. Филоктетъ.

7. Безуміе Аякса.

Эврипидъ.
480—406.

Третій великій трагическій поэтъ, Эврипидъ — полный представитель своего времени, когда афиняне полюбили софистику и стали щеголять чувствительностью. Онъ происходилъ изъ семьи, занимавшей почетное положеніе въ обществѣ и получилъ хорошее воспитаніе; склонность къ умственнымъ занятіямъ рано отвлекла его отъ общественной дѣятельности, и онъ жилъ въ кругу философовъ. Онъ углубился въ скептическія идеи Анаксагора (стр. 347 слѣд.), ему нравились обольстительныя ученія софистовъ. У него не было бодрой энергіи Софокла, усердно исполнявшаго гражданскія обязанности; онъ чуж-

дался государственных дѣлъ, сторонился отъ жизни общества, нравы котораго изображалъ, жилъ въ замкнутомъ кругу. Его трагедіи очень нравились его современникамъ; но честолюбіе его оставалось неудовлетворено, потому онъ въ старости покинулъ Аѣны, гдѣ надъ его произведеніями постоянно смѣялись комическіе поэты, и домашняя жизнь его шла дурно: онъ былъ два раза женатъ, и оба раза выборъ жены былъ неудаченъ; онъ принялъ приглашеніе македонскаго царя Архелая и уѣхалъ въ Пеллу; тамъ онъ умеръ ужасною смертію: онъ былъ растерзанъ свирѣпыми охотничьими собаками, которыхъ натравили на него завистники. Это было за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Софокла. — Хотя онъ и чуждался общественныхъ дѣлъ, но по многимъ изъ его произведеній видно, что и онъ былъ патриотъ. Главною цѣлью его трагедій было возбуждать состраданіе; лучшія качества ихъ — сильное изображеніе страстей, поразительныя картины человеческихъ бѣдствій, глубокое проникновеніе въ жизнь сердца, волненія котораго онъ живо описываетъ. Этимъ онъ пріобрѣлъ у грековъ славу «трагичѣйшаго» изъ драматурговъ. Но ни живое изображеніе страстей, ни плавность слога, ни гибкость языка не могутъ скрыть неудовлетворительности плана его трагедій, въ которыхъ ясно проявляется упадокъ драматической поэзіи. Его трагедіи построены не на идеѣ о всемогуществѣ судьбы, какъ у Эсхила, не на энергіи свободной воли человѣка, какъ у Софокла, а на интригѣ и такъ называемомъ «прагматизмѣ»; дѣйствіе драмы часто развивается у него не по внутреннимъ мотивамъ, такъ что онъ принужденъ пояснять ходъ его «прологомъ», предисловіемъ; это монологъ, произносимый однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ или какимъ нибудь божествомъ; въ немъ излагается то, что нужно знать зрителю, чтобы понимать пьесу; часто Эврипидъ прибѣгаетъ къ другому способу облегчить себѣ дѣло: развязка трагедіи производится посредствомъ появленія какого нибудь бога (*Deus ex machina*), возвѣщающаго волю судьбы; по его повелѣнію, коллизія кончается примиреніемъ. Избавляя себя этими способами отъ надобности давать въ трагедіи художественное развитіе дѣйствию, Эврипидъ пріобрѣтаетъ просторъ для трогательныхъ сценъ для многочисленныхъ описаній чувствъ, которыхъ требовала публика, украшаетъ эти описанія риторическимъ пафосомъ, афоризмами, пышными учеными разсужденіями; все это такъ нравилось массѣ публики, что она заучивала и вставляла въ разговоры множество цитатъ изъ его трагедій; но прикрасы, правившіяся массѣ, были, по мнѣнію людей со вкусомъ, проявленіями упадка драматической поэзіи. У Эврипида не было творческой геніальности истинныхъ поэтовъ, говоритъ Курціусъ, и на немъ оправдывались слова Пиндара: «Великія произведенія создаетъ врожденная геніальность; кто замѣняетъ ее ученостью, идетъ невѣрнымъ шагомъ по темной тропинкѣ; всѣ хлопоты его остаются напраснымъ трудомъ».

Важнѣйшую часть трагедіи обыкновенно образуетъ у Эврипида діалогъ, подобный состязанію на судѣ, въ угожденіе аѣнской публикѣ, очень любившей слушать процессы: два спорящіе лица произносятъ длинныя рѣчи, въ которыхъ, по правиламъ софистической діалектики, защищаютъ одинаково хорошими аргументами и справедливое и несправедливое. Эврипидъ — вѣрный представитель своего времени и въ томъ отношеніи, что миеологическія лица его трагедій, находясь въ бѣдственномъ положеніи, дѣйствуютъ и говорятъ совершенно такъ, какъ говорилъ бы и дѣйствовалъ бы аѣнскій гражданинъ обыкновеннаго уровня поверхностной образованности времени Эврипида, съ обыкновенными шаткими понятіями о нравственности. У Эврипида нѣтъ той глубокой религіозности, того благоговѣнія къ божественному закону, какими была проникнута душа Эсхила; *) у него нѣтъ и просвѣщеннаго благочестія Софокла; онъ передѣлываетъ мѣфы о богатахъ и герояхъ въ духѣ мелочнаго скептицизма софистовъ, и отнимаетъ величіе у дѣйствующихъ лицъ своихъ трагедій насмѣшками надъ народною вѣрою, постоянно старался разрушить уваженіе къ богамъ и героямъ греческой миеологіи. Обыкновенно у него виноватыми въ дурныхъ поступкахъ дѣйствующихъ лицъ и въ гибели, навлекаемой на нихъ этими поступками, являются боги. Онъ говоритъ: «Вы, боги, вводите насъ въ жизнь, вы вносите несчастнаго въ преступленія и предоставляете его карѣ, постигающей преступленія». Въ трагедіяхъ Эврипида отражаются всѣ коллизіи понятій и интересовъ его времени. При многосложности этого содержанія простота плана прежнихъ драмъ была тѣсна для него; потому онъ увеличилъ число актеровъ, одновременно находящихся на сценѣ, расширилъ размѣры разговоровъ, ограничилъ хоръ немногими лирическими пѣснями, да и тѣ мало связаны съ дѣйствіемъ, происходящимъ на сценѣ, такъ что хоръ сталъ у него бесполезнымъ украшеніемъ; онъ отнимаетъ прежнее значеніе у хора и тѣмъ, что дѣлаетъ его повѣреннымъ или даже помощникомъ главнаго лица пьесы; хоръ теряетъ черезъ это свою прежнюю роль безпристрастнаго зрителя. Но у Эврипида много лиризма, и трогательныя пѣсни хора или дѣйствующихъ лицъ принадлежатъ къ числу привлекательнѣйшихъ и превосходнѣйшихъ мѣстъ его трагедій. Вѣроятно, объ этихъ прекрасныхъ печальныхъ пѣсняхъ идетъ рѣчь въ томъ преданіи, что аѣняне, взятые въ плѣнъ сиракузцами, получали облегченіе своей участи, возбуждая жалость къ себѣ пѣніемъ отрывковъ изъ трагедій Эврипида. Онъ былъ любимымъ поэтомъ массы; его чувствительный тонъ, его трогательныя рѣчи, грустныя сцены его трагедій нравились больше чѣмъ возвышенность мысли Эсхила, идеальная красота трагедій Софокла. Ораторы и поэты его времени и слѣдующихъ поколѣній старались подражать изяществу его языка, стройности его періодовъ. Онъ низвелъ трагедію съ идеальной высоты на уровень обыденной жизни; герои обратились у него въ обыкновенныхъ людей; возвышенный поэтический языкъ прежнихъ трагиковъ онъ замѣнилъ житейскимъ языкомъ, какимъ

*) «Ифегенія въ Авлидѣ», стихъ 1040:

«Если существуютъ на небѣ боги, ты получишь награду, благородный человѣкъ; а если не существуютъ они, то изъ-за чего мы хлопочемъ?»

«Гекаба», стихъ 490:

«Долженъ ли я думать, о Зевесъ, что ты заботишься о судьбѣ людей? или это вѣрованіе ошибочно, нѣтъ боговъ, и міромъ управляетъ только случай».

граждане говорили между собою, какой слышали они на судѣ и въ народномъ собраніи;—это казалось большинству его современниковъ не недостаткомъ, а достоинствомъ его трагедій. Онъ былъ выразителемъ умственной жизни своего времени; это дало ему высокое историческое значеніе.

- Трагедія Эврипида. 1 Ресъ. Изъ 120 драмъ, которыя, по извѣстіямъ древнихъ, были написаны Эврипидомъ, до насъ дошло 18; къ нимъ обыкновенно присоединяется еще одна, «Ресъ»; но она, какъ теперь полагаютъ,—приписана ему ошибочно. Содержаніемъ этой драмы служить заимствованная изъ Гомера легенда о томъ, что Діомедъ и Одиссей, пошедшіе ночью осмотрѣть караулы кругомъ стана, убили Троянскаго лазутчика Долона и вождя еракійской конницы Реса. — «Алкеста» служила эпилогомъ тетралогіи. Содержаніе этой драмы состоитъ въ томъ, что Алкеста, жена Тессалійскаго царя Адмета, по любви къ мужу, испрашиваетъ у боговъ себѣ смерть, чтобы онъ остался живъ. Гераклъ освобождаетъ ее изъ подземнаго царства и возвращаетъ опечаленному ея смертью мужу. Гераклъ до такой степени грубъ, что является лицомъ болѣе комическимъ, чѣмъ серьезнымъ. Остальныя 17 трагедій очень не одинаковы по своему достоинству. Тѣ изъ нихъ, которыя написаны раньше другихъ, составлены по плану заботливѣе обдуманному чѣмъ позднѣйшія; лица очерчены въ нихъ лучше, лучше и отдѣла стиха; это «Медея», «Ипполитъ», «Гекаба» и «Гераклиды». Изъ позднѣйшихъ имѣютъ большое достоинство только «Финикійянки»,—двѣ трагедіи, заимствованныя изъ легенды объ Ифигеніи, «Іонъ» и «Бакханткы». — Легенда о Медеѣ, имѣющая мнѣстическій смыслъ, изложена нами на стран. 77 и слѣд. Трагедія Эврипида, заимствованная изъ этого преданія, представляетъ величественную и потрясающую картину страсти, дошедшей до ужасающей силы. Въ душѣ Медеи, отвергнутой мужемъ, борются между собою мысль отмстить Тезею и любовь къ дѣтямъ; изображеніе этой борьбы производитъ очень сильное впечатлѣніе. — Въ «Ипполитѣ» представлена губительная сила мщенія женщины, любовь которой отвергнута. Прекрасный юноша, Ипполитъ, сынъ Тезея, ведетъ цѣломудренную жизнь, посвятивъ себя служенію дѣвственной богинѣ, Артемидѣ; Афродита, служить которой не хочетъ онъ, возбуждаетъ въ его мачихѣ Федрѣ любовь къ нему. Онъ отвергаетъ любовь Федры; она лишаетъ себя жизни, написавъ Тезею письмо, въ которомъ говоритъ, что Ипполитъ изнасиловалъ ее, и что она убила себя, не будучи въ состояніи жить обезчещенною. Отецъ, раздраженный мнимымъ преступленіемъ сына, проситъ Посейдона отмстить ему. Посейдонъ посылаетъ морское чудовище, при появленіи котораго Ипполитъ погибаетъ.
5. Гераклиды. Изображеніе страсти Федры—лучшая часть этой трагедіи. — Въ «Гераклидахъ» содержаніемъ служить изложенная нами (стр. 74) легенда о томъ, что семейство Геракла, преслѣдуемое Эвристеемъ, ищетъ себѣ защиты у сыновей Тезея, и сестра Гилла, Макарія, добровольно приноситъ себя въ жертву для доставленія побѣды брату; Гилла побѣждаетъ, Эвристей убитъ въ сраженіи. Въ этой трагедіи Эврипида имѣется политическій смыслъ, очень нравившійся афинянамъ. Потомки Гераклидовъ, нашедшихъ себѣ великодушное покровительство въ Аѣнахъ, забыли слова старика Іолля, говорившаго, что они «должны никогда не подымать копья противъ Атіи, всегда должны уважать Аѣины, какъ самый милый для нихъ городъ»; они оказались неблагодарными, пошли войною на Аѣины. Эта трагедія была поставлена вѣроятно въ десятый годъ пелопоннесской войны. Родственна ей, по тенденціи, по содержанію, вѣроятно близка къ ней и по времени трагедія «Просіящія защиты» (Hiketides). Содержаніе ея составляетъ разсказанная нами на 82 страницѣ легенда, что аѣянцы не позволяли похоронить убитыхъ аргосскихъ героевъ, но Тезей принудилъ ихъ къ этому. Ясны и тутъ намеки на современныя политическія отношенія. Аѣянцы тоже не хотѣли дозволить аѣинянамъ похоронить воиновъ, убитыхъ въ сраженіи при Деліѣ (въ 424 году). Въ концѣ піэсы аргосскій царь заключаетъ союзъ съ аѣинянами; это также имѣло политическій смыслъ: черезъ нѣсколько времени послѣ битвы при Деліѣ аѣиняне заключили союзъ съ Аргосомъ. Хоръ трагедіи составляютъ матери убитыхъ аргосскихъ героевъ и служанки ихъ;

потомъ къ нимъ присоединяются сыновья этихъ героевъ; пѣсни хора превосходны. Вѣроятно прекрасный видъ образовали декорации, представлявшія Элевзинскій храмъ Деметры, у жертвенниковъ котораго садятся «просіящія защиты» матери убитыхъ героевъ: хороши, вѣроятно, были и сцены сожженія тѣхъ героевъ, процессія мальчиковъ, несущихъ урны съ прахомъ убитыхъ, добровольная смерть жены Кананея, взшедшей на костеръ къ тѣлу мужа. — Нѣкоторыя изъ дошедшихъ до насъ трагедій Эврипида имѣютъ своимъ содержаніемъ эпизоды изъ троянской войны, въ частности изъ ужасныхъ событій гибели Трои; въ нихъ очень энергически изображены сильныя волненія страстей. — Такъ, напримѣръ, въ «Гекабѣ» сначала изображается горестъ матери, изъ объятій которой вырываютъ дочь, Поликсену, — невѣсту Ахиллеса; греки рѣшили принести ее въ жертву на его надгробномъ холмѣ; она охотно идетъ на смерть. Служанка, пошедшая за водою, приноситъ къ Гекабѣ найденное ею на берегу тѣло Полидора, сына ея, убитаго измѣнникомъ Полиместоромъ, тѣмъ другомъ, подъ чью защиту посланъ былъ Полидоръ (стран. 90); это новое несчастье волнуетъ душу Гекабы мыслями о мщеніи, сливающимися съ ея отчаяніемъ. При исполненіи своего плана мести Гекаба выказываетъ большой умъ и необыкновенную смѣлость. Въ «Медеѣ» изображена Эврипидомъ ревность, въ Гекабѣ изображено мщеніе самыми энергическими чертами. Страсть совершенно иного рода составляетъ содержаніе его трагедіи «Андромаха». Несчастная жена Гектора стала рабынею Неоптолема; жена Неоптолема, Герміона, ревнуетъ ее; ревность тѣмъ сильнѣе, что у Герміоны нѣтъ дѣтей; она и ея отецъ, Менелай, жестоко преслѣдуютъ Поликсену, даже угрожаютъ ей смертью; но Пелей избавляетъ ее отъ ихъ гоненія. Герміона, опасаясь мщенія мужа, хочетъ убить себя; но Орестъ, бывшій женихомъ ея, увозитъ ее въ Спарту и возбужденные его интригами дельфійцы убиваютъ Неоптолема. Въ концѣ піэсы является богиня Тетида и предвѣщаетъ счастливую будущиость; эта искусственная развязка имѣетъ цѣлью произвести въ зрителяхъ успокоительное впечатлѣніе. Вся трагедія проникнута враждою къ Спартѣ; это чувство внушено Эврипиду современными отношеніями; Спарта и Аѣины находились тогда въ войнѣ между собою; трагедія была поставлена на сцену вѣроятно въ 421 году, нѣсколько раньше заключенія мира. Эврипидъ съ очевиднымъ удовольствіемъ изображаетъ въ Менелай суровость и коварство спартацевъ, въ Герміонѣ безнравственность спартанскихъ женщинъ. — Трагедія «Троянки», поставленная на сцену около 415 года и неимѣвшая успѣха, представляетъ мрачную картину бѣдствій, какимъ подверглись троянскія плѣнницы. Гекаба и Андромаха становятся рабынями; пророчицу Кассандру беретъ себѣ Агамемнонъ; Поликсена обречена на принесеніе въ жертву; Астіанаксъ умираетъ низвергнутый со стѣны; и наконецъ греки зажигаютъ Трою; таковы главные сцены этой ужасной драмы; и пѣсни хора, и разговоры въ ней—все это пѣсни плача. И какъ будто мало бѣдствій въ настоящемъ, Кассандра въ формѣ свадебной пѣсни (гименея), которую поетъ сама о своемъ бракѣ, высказываетъ мрачныя пророчества; а въ прологѣ перечисляются бѣдствія, которымъ впоследствии времени подвергнутся побѣдители. — Содержаніе трагедіи «Елена» (заимствовано изъ легенды, что троянская война была ведена изъ-за призрака: въ Троѣ былъ только призракъ Елены, а сама Елена жила тогда въ Египтѣ (эта легенда разсказана у насъ на страницѣ 92 и слѣд.)). Молодой царь египетскій, Теоклиментъ, преслѣдуетъ Елену своею любовью; она убѣгаетъ отъ него въ гробницу царя Протея; тамъ находитъ ее Менелай, являющийся въ нищенской одеждѣ; подъ предлогомъ совершить жертвоприношеніе онъ и Елена отправляются на морской берегъ; имъ помогаетъ жрица дѣвушка Теоноя, единственное благородное лицо піэсы; при ея содѣйствіи они уѣзжаютъ изъ Египта. Эта драма и по содержанію и по формѣ одна изъ самыхъ слабыхъ. — Эврипидъ бралъ тѣмы для своихъ трагедій также и изъ преданій объ Атридахъ. Прекрасна, но искажена позднѣйшими прибавками драма «Ифигенія въ Авлидѣ», содержаніемъ которой служитъ легенда о принесеніи въ жертву дочери Агамемнона (стран. 93). Эврипидъ даетъ преданію такой видъ, что изъ него получается нравственный выводъ: въ запутанности событій человеческой жизни, волнуемой страстями, единственный вѣрный путь—тотъ,

7. Гекаба.

8. Андромаха.

9. Троянки.

10. Елена.

11. Ифигенія въ Авлидѣ.

12. Ифигенія въ Тапридѣ.

по которому ведет чистое сердце, способное къ героическому самопожертвованію. Ифигенія у Эврипида самоотверженно предлагаетъ, чтобы ее принесли въ жертву; свободнымъ рѣшеніемъ ея совершается примиреніе спорившихъ между собою героевъ. Такимъ образомъ эта трагедія свободна отъ искусственного способа производить развязку появленіемъ божества. «Ифигенія въ Тавридѣ» также имѣетъ высокое художественное достоинство; планъ ея хорошъ, характеры благородны и обрисованы прекрасно. Содержаніе заимствовано изъ рассказанной нами легенды о томъ, что Ифигенія, бывшая жрицею въ Тавридѣ, убѣжала оттуда, взявъ съ собою изображение богини, которой служила (стран. 94). Ифигенія у Эврипида не такое идеальное лицо, какъ у Гете, но все-таки она дѣвушка благочестивая, вѣрная своимъ обязанностямъ, горячо любящая родину, такая благородная, что даже варвары уважаютъ ее; она внушаетъ имъ гуманныя понятія; правда, той богинѣ, которой служить она, варвары приносятъ людей въ жертву; но она не проливаетъ крови сама. Трогательна та сцена, въ которой Орестъ и Пиладъ хотѣтъ каждый быть принесеннымъ въ жертву для того, чтобы спасти отъ смерти своего друга. Эврипидъ умѣлъ придать трогательность этому спору друзей и не прибѣгая къ сантиментальнымъ средствамъ. Въ обѣихъ трагедіяхъ, имѣющихъ своимъ

13. Орестъ.

заглавіемъ имя Ифигеніи, характеры энергичны и благородны; но о трагедіи «Орестъ» уже одинъ изъ древнихъ схоластовъ говоритъ, что въ ней всѣ дѣйствующія лица дурны за исключеніемъ одного Пилада. И дѣйствительно, это и по содержанію и по формѣ одно изъ самыхъ слабыхъ произведеній Эврипида. — По рѣшенію аргосскаго суда, Орестъ долженъ быть казненъ за убійство матери. Менелай, на котораго надѣялся онъ, не хочетъ, по трусости и эгоизму, спасти его. Чтобы отмстить за это, Орестъ и Пиладъ хотѣтъ убить Елену; но божественная сила уноситъ ее по воздуху; Орестъ хочетъ убить дочь ея, Герміону. Является *deus ex machina*, — эту роль играетъ здѣсь Аполлонъ и велитъ всѣмъ примириться; Орестъ женится на Герміонѣ, которую передъ тѣмъ хотѣлъ убить, Пиладъ на Электрѣ. Характеры дѣйствующихъ лицъ лишены всякаго міоическаго величія; это обыкновенные люди, не имѣющіе трагическаго достоинства.

14. Электра.

Тѣмъ же недостаткомъ, но еще больше «Ореста», страдаетъ «Электра», въ которой возвышенная легенда передѣлана такъ, что становится похожа на пародію. Электра, выданная Эгистомъ за бѣднаго поселенца, живетъ въ нищетѣ, сама занимаясь черною работою по домашнему хозяйству; Эврипидъ хотѣлъ этимъ показать, что Клитемнестра поступала съ дочерью дурно. Орестъ приходитъ къ сестрѣ. Электра узнаетъ его по шраму, оставшемуся у него отъ ушиба, полученнаго въ дѣтствѣ; они хитростью заманиваютъ въ хижину Электры Клитемнестру, убиваютъ ее и Эгиста. Являются Диоскуры, извиняютъ ихъ тѣмъ, что они поступили по повелѣнію Аполлона; Электра выходитъ за Пилада, Ореста Диоскуры посылаютъ въ Аѣны, гдѣ онъ будетъ оправданъ и очищенъ отъ грѣха ареопагомъ. — «Безуміе Геракла», пьеса рассчитанная на эффекты, имѣетъ нѣсколько сценъ производящихъ сильное впечатлѣніе; въ ней соединены два разныхъ дѣйствія. Когда Гераклъ уходилъ въ подземное царство, жестокой аѣванскій царь хотѣлъ убить его жену и дѣтей, оставшихся въ Фивахъ; они спасены неожиданнымъ возвращеніемъ Геракла. Но самъ онъ подвергается той же судьбѣ, отъ которой спасъ. Гера лишаетъ его разсудка; онъ убиваетъ жену и дѣтей, воображая, что это жена и дѣти Эвристея. Его привязываютъ къ обломку колонны. Аѣина возвращаетъ ему разсудокъ; онъ чувствуетъ горькое раскаяніе, хочетъ убить себя, но является Тезей и удерживаетъ его отъ этого, уводитъ его въ Аѣны, и Гераклъ очищается тамъ отъ грѣха священными обрядами. — «Іонъ», — прекрасная пьеса по занимательности содержанія и по отчетливой характеристикѣ лицъ, исполненная патріотизма. Ни величія страстей, ни величія характеровъ нѣтъ въ ней; дѣйствіе основано на интригѣ. Іонъ, сынъ Аполлона и Креузы, дочери аѣинскаго царя, воспитывается въ дельфійскомъ храмѣ и предназначенъ быть служителемъ его. Креуза вышла замужъ за Ксута; но у нихъ нѣтъ дѣтей; Ксуть, исполнивъ совѣтъ оракула, усыновляетъ Іона, не зная, кто онъ; не знаетъ и Креуза, что это ея сынъ; она женщина сильнаго характера, и предполагая, что Іонъ — побочный сынъ ея мужа, хочетъ отравить его; но Аполлонъ удерживаетъ ее отъ этого, удерживаетъ и Іона, который хочетъ убить

15. Безуміе Геракла.

16. Іонъ.

Креузу, не зная, что она его мать. Наконецъ является женщина, воспитывавшая Іона, и объясняетъ примѣты, раскрывающія, кто Іонъ. И боги и люди обманывали Ксута; сынъ Аполлона становится наследникомъ аѣинскаго престола. Пьеса кончается тѣмъ, что Аѣина подтверждаетъ справедливость рассказа о божественномъ происхожденіи Іона и обѣщаетъ могущество потомкамъ его. Для гордости аѣинянъ пріятна была легенда, что предокъ іонійцевъ происходитъ изъ рода древнихъ ахейскихъ царей и не былъ сыномъ иноплеменнаго пришельца, эоійца Ксута. Юноша-жрецъ Іонъ, милый и невинный — лицо привлекательное. Позднѣе «Іона» написана драма «Финикиянки», въ которой много прекрасныхъ мѣстъ. Названіе пьесы происходитъ отъ того, что хоръ ея составляютъ плѣнныя гражданки Тира. Содержаніе заимствовано изъ мифа объ Эдипѣ, и драма переполнена множествомъ разныхъ эпизодовъ изъ этого цикла легендъ. Передѣлка мифа у Эврипида ограничивается тѣмъ, что Эдипъ и Іокаста еще живы, когда Этеоклъ и Полиникъ убиваютъ другъ друга. Іокаста убиваетъ себя въ станѣ надъ тѣлами сыновей: слѣпота Эдипа, изгнаннаго изъ Фивъ Креономъ, Антигона ведетъ въ Колонъ. Сынъ Креона, Менекей, въ исполненіе прорицанія, даннаго Тирезіемъ, бросается съ аѣванской стѣны, принося себя въ жертву для примиренія боговъ съ Фивами. — Вѣроятно еще къ болѣе позднему времени принадлежитъ трагедія «Банхантии», написанная Эврипидомъ по видимому въ Македоніи; кажется — она была поставлена на сцену въ Аѣнахъ сыномъ или племянникомъ автора, Эврипидомъ Младшимъ, который также поставилъ на сцену «Ифигенію въ Авлидѣ» и не дошедшую до насъ трагедію Эврипида «Алкмеонъ». Содержаніемъ «Банхантокъ» служитъ преданіе о Пентеѣ, который не хотѣлъ признать богомъ Діониса, возвратившагося изъ Азіи въ Фивы, и былъ растерзанъ своею матерью Агавою и сопровождавшими ее менадами, на которыхъ Діонисъ навелъ изступленіе, такъ что онѣ принимали Пентея за льва; Агава, растерзавъ на Кибиронѣ сына, съ торжествомъ несетъ его окровавленную голову во дворецъ, воображая, что это голова льва; возвратившись во дворецъ, она исцѣляется отъ безумія и умираетъ убитая раскаяніемъ. Эта трагедія одна изъ лучшихъ у Эврипида, хотя стихи въ ней часто небрежны. Планъ ея превосходенъ, въ ней строго соблюдено единство дѣйствія, послѣдовательно развивающагося изъ одного основнаго даннаго, сцены идутъ одна за другою въ стройномъ порядкѣ, волненія страстей изображены очень живо. Трагедія проникнута глубокимъ религіознымъ чувствомъ и въ особенности дышетъ имъ пѣсни хора. Эврипидъ въ старости пришелъ, кажется, къ убѣжденію, что должно уважать религіозныя преданія, что лучше поддерживать въ народѣ благочестіе, нежели отнимать у него почтеніе къ стариннымъ вѣрованіямъ насмѣшками, что скептицизмъ лишаетъ массу того счастья, какое находятъ она въ религіозномъ чувствѣ. Кромѣ этихъ 18 трагедій, до насъ дошла сатирическая драма Эврипида «Циклопъ», единственное уцѣлѣвшее произведеніе этой отрасли драматической поэзіи. Содержаніемъ «Циклопа» служитъ заимствованный изъ Одиссеи эпизодъ о Полифемѣ; тонъ пьесы веселый, шуточный; хоръ ея составляютъ Силень и Сатиры.

17. Финикиянки.

18. Банхантии.

19. Циклопъ.

Съ этими тремя великими трагиками состязались о наградахъ многіе другіе драматическіе поэты; но всѣ драмы ихъ соперниковъ погибли и извѣстны намъ лишь по немногимъ небольшимъ отрывкамъ; потому должно думать, что въ позднѣйшія времена произведенія этихъ драматурговъ не пользовались уваженіемъ. Къ числу наиболѣе знаменитыхъ между ними принадлежали сыновья и родственники Эсхила, Софокла и Эврипида, занимавшіеся драматической поэзіею какъ наследственнымъ дѣломъ; они ставили на сцену драмы своихъ знаменитыхъ сродниковъ, писали и сами трагедіи по ихъ образцу, часто были увѣнчиваемы на драматическихъ состязаніяхъ; другими знаменитыми трагиками были: Іонъ Хиосскій, пользовавшійся уваженіемъ

Позднѣйшіе трагики.

Ионъ Хиосскій, современниковъ какъ историкъ, лирическій поэтъ и драматургъ; Ахей около 440; эретрійскій, о которомъ говорятъ, что въ его піесахъ и особенно въ сатирическихъ драмахъ было много искусственности; Каркинъ, котораго порицали за устарѣлость его языка; сыновья Каркина; и наконецъ знаменитѣйшій изъ всѣхъ ихъ, деликатный и изящный Агатонъ, славившійся и красотою, и богатствомъ, и любезностью характера; его трагедіи были еще сентиментальнѣе трагедій Эврипида; разговоры его дѣйствующихъ лицъ были прикрашены изящной риторикой и ловкими, замысловатыми оборотами мыслей во вкусѣ софистической моды того времени. Судя по молчанію древнихъ о его идеяхъ, должно полагать, что глубокихъ мыслей у него не было. Энергія народа ослабѣла, нравы его становились изнѣженными, демократія перерождалась въ охлократію; все это вреднымъ образомъ дѣйствовало на драматурговъ: стараясь угождать толпѣ, подчиняясь ея вкусу, они все больше и больше удалялись отъ идеальныхъ стремленій, передѣлывали мифическія легенды по современнымъ понятіямъ, проповѣдывали то, что нравилось толпѣ. Аристофанъ и другіе комики нападали на трагиковъ своего времени, превосходившихъ самого Эврипида сентиментальнымъ многословіемъ, «щебетавшихъ какъ ласточки»; судя по этимъ порицаніямъ, должно полагать, что драматическая поэзія быстро падала. Но число драматурговъ было огромно. Узнатныхъ молодыхъ людей вошло въ моду писать трагедіи. Состязались о наградахъ за трагедіи дилеттанты, какъ на примѣръ Критій и Діонисій. Недостатокъ силы и творчества старались замѣнять изяществомъ языка, плавностью стиховъ, живописностью и разнообразіемъ оборотовъ рѣчи, роскошью описаній, привлекательныхъ для чувственности.

Херомонъ около 380. Особенно извѣстны были этимъ искусственнымъ изяществомъ своихъ произведеній Херомонъ и Θεοδεκτῆς фаселискій. Трагедія Херомона менѣе нравилась на сценѣ, чѣмъ при внимательномъ чтеніи. Θεοδεκτῆς былъ не только драматургъ, но и ораторъ. На блестящемъ надгробномъ торжествѣ, устроенномъ карійскою царицею Артемизіею въ честь ея мужа Мавзола, онъ участвовалъ въ состязаніяхъ и ораторовъ и драматурговъ: написалъ похвальную рѣчь Мавзолу и драму въ честь его. Во времена послѣ Эврипида въ трагедіяхъ цѣнились не серьезныя достоинства идеи, а софистическое остроуміе и діалектическія тонкости; содержаніе трагедій ограничивалось тѣсною сферой мнелогіи. Въ музыкѣ точно также возвышенная простота замѣнилась у Фриниса лессбоскаго и Тимофея милетскаго искусственною виртуозностью (стр. 334).

2. Комедія.

Комедія, въ своемъ развитіи далеко разошедшаяся съ трагедіей и по содержанію и по формѣ, произошла подобно ей изъ праздниковъ Діониса. Мы говорили (стр. 62 и слѣдующ.), что въ обрядахъ служенія ему соединялись серьезный и шутливый элементы: печаль о гибели бога растительности и радость о его воскресеніи. Выраженіемъ серьезнаго чувства были диамрамбическіе хоры, изъ которыхъ произошла трагедія, навсегда сохранившая связь съ праздниками Діониса и находившаяся, по своему высокому значенію для воспитанія народа, подъ покровительствомъ государства. Комедія развилась изъ веселыхъ шутливыхъ пѣсень, которыя пѣли поселяне, радуясь изобильному сбору винограда, на пирушкахъ при окончаніи этой работы; они устраивали тогда праздники съ процессіями и переодѣваніями; разрисовавъ себѣ лица цвѣтнымъ осадкомъ, образующимся при броженіи винограднаго сока, они дурачились, гримасничали, хохотали, плясали веселый, довольно неприличный деревенскій танецъ (kordax): это были просто игры веселья, не имѣвшія религіознаго характера; ихъ связь съ культомъ Діониса ограничивалась тѣмъ, что на нихъ употреблялись мистическія эмблемы обрядовъ его. Танцы и пѣсни веселой толпы на этихъ пирушкахъ получали драматическій характеръ отъ монологовъ шутливаго содержанія: деревенскій мастеръ говорить стихами представлялъ какой нибудь смѣшной типъ или осмѣивалъ кого-нибудь. На этой грубой формѣ шумныхъ деревенскихъ пѣсень и насмѣшекъ навсегда остановилась дорійская комедія, съ очень давнихъ временъ существовавшая въ Сикіонѣ и Мегарѣ. Мегарскіе дорійцы были, кажется, очень большіе охотники до смѣха; у нихъ явилось много фарсовъ съ типическими характерами и масками; при насмѣшливомъ характерѣ и остроуміи народа, изъ этихъ дурачествъ выработались веселые спектакли, въ которыхъ очень живо изображались смѣшныя стороны быта. Кажется, что именно изъ Мегары эти простонародныя шутливыя піесы перешли въ Сицилію, Италію и въ Аттику; комизмъ ихъ быстро развился тамъ. Сусаріонъ, аттический комикъ, жившій во времена Солона, былъ родомъ изъ мегарскаго мѣстечка Триподиска; онъ разыгрывалъ фарсы при содѣйствіи хора подрумяненныхъ поселанъ съ вѣнками на головахъ; это было на праздникахъ въ Икаріи, славившейся въ Атикѣ своими виноградниками; наградою за лучшій фарсъ служили корзина фигъ и кружка вина. — Въ Сициліи было много мегарскихъ колонистовъ, какъ мы знаемъ (стр. 208 слѣд.); мегарскій элементъ населенія вѣроятно много помогалъ развитію способности ловко говорить и шутить, которой были знамениты въ древности сиракузанцы, селинунты, акрагантцы.

Происхожденіе комедіи.

Дорійская комедія въ Мегарѣ.

Сицилійские комини. Эпихармъ, (около 470). Въ Сициліи придавъ художественную форму народнымъ фарсамъ Эпихармъ. Онъ былъ уроженецъ Коса, но сталъ комическимъ поэтомъ только поселившись въ Мегарѣ Гиблейской; когда Гелонъ (въ 483 году) взялъ Мегару и переселилъ ея жителей въ Сиракузы (стран. 287), Эпихармъ продолжалъ свою дѣятельность тамъ. Его произведенія, отъ которыхъ дошли до насъ только заглавія и маленькіе отрывки, нравились тонкою наблюдательностью, съ какою были изображены въ нихъ смѣшныя и дурныя стороны быта, веселостью, добродушіемъ, замысловатыми афоризмами житейской мудрости; политической тенденціи, какую имѣла аттическая комедія, въ нихъ не было; конечно, при Гіэронѣ и невозможно было давать комедіямъ политическое содержаніе. Эпихармъ былъ посвященъ въ тайны пифагорейской мудрости. Онъ дожилъ до очень глубокой старости, сохраняя веселость и умственную бодрость. Сиракузаны поставили ему бронзовую статую. Подъ его вліяніемъ развился талантъ Софрона. Простонародные фарсы, разыгрывавшіеся съ пляскою подъ звуки оркестра, такъ называемые мимы, стали у Софрона маленькими шутивными драмами. Его піэсы, написанныя благозвучными, изящными стихами, очень вѣрно изображали простонародную жизнь, характеры въ нихъ были обрисованы превосходно, обычаи, понятія, формы рѣчи простолюдиновъ передавались очень вѣрно, онѣ были пересыпаны простонародными поговорками и шутками.—Въ Тарентѣ, гдѣ было много вина и веселья, импровизированные фарсы на праздникахъ сбора винограда и на шумныхъ пирушкахъ тоже получили мало по малу художественныя формы, стали комедіями, шутивными, насмѣшливыми.

Комедія въ Атикѣ. Мегарскіе фарсы, перенесенные въ Атику, бывшую родиною трагедіи и сатирической драмы, приобрѣли тамъ художественную форму и стали комедіями; но это развитіе они получили только уже по низверженіи Пизистратидовъ, которые не допустили бы смѣлыхъ политическихъ шутокъ. Аттическая комедія не могла возникнуть, пока не было политической свободы. Она появилась, когда Атика стала демократическимъ государствомъ. Создателемъ аттической комедіи называютъ Хіониду. На праздникъ великихъ Діонисій въ Аѣинахъ онъ прибавилъ къ веселымъ пѣснямъ хора сатировъ монологи, произносимые актеромъ. Это было за восемь лѣтъ до марафонской битвы. Но кажется, что комедіи Хіонида были только импровизированными фарсами. Аттическая комедія развилась позднѣе, когда аѣинскія учрежденія получили вполнѣ демократическій характеръ и упрочилась равноправность гражданъ. Кратесъ и Кратинъ, жившіе во времена Перикла, расширили кругъ содержанія комедіи, давъ ей политическій характеръ; Ферекратъ, Эвполисъ и въ особенности Аристофанъ усовершенствовали комедію и дали ей могущественное вліяніе на государственную жизнь.

Характеръ старой комедіи. Комедія въ Аѣинахъ пользовалась тою же сценою, какъ трагедія, и употребляла тѣ же сценическія средства, только давая имъ особый характеръ. Костюмы дѣйствующихъ лицъ въ комедіи были фантастическіе, маски ихъ каррикатурныя, съ рѣзкими, утрированными чертами лица; подошвы обуви были менѣе толсты, потому фигуры актеровъ менѣе высоки; хоръ, состоявшій изъ 24 пѣвцовъ, былъ одѣтъ тоже фан-

тастически; костюмы и маски были такіе, что ужъ и самымъ видомъ своимъ актеры и хоръ возбуждали смѣхъ.—Такимъ образомъ, когда стала развиваться комедія, она ужъ нашла готовую для себя сцену, и въ ея распоряженіе поступилъ весь техническій аппаратъ, изобрѣтенный для постановки трагедій. Публика была въ то время ужъ образованная, потому комедія легко приобрѣла изящныя формы.—Комическій хоръ первоначально изображалъ собою народъ, выпившій много вина на праздникъ Діониса, и опьяненіемъ оправдывались всяческія шутки.—Рѣзкость его дурачествъ сгладилась, когда комедія приобрѣла художественную форму; но онъ сохранилъ нѣкоторыя черты своей первоначальной роли дурачащейся толпы: онъ пѣлъ, подобно трагическому хору, лирическія пѣсни, онѣ были не длинны, не имѣли важнаго значенія въ піэсѣ; кромѣ лирическаго пѣнія, у него была другая роль: онъ бесѣдовалъ съ зрителями, чего не было въ трагедіи; ритмическимъ движеніемъ онъ повертывался и становился лицомъ къ публикѣ; корифей или другой участникъ хора отъ имени автора комедіи декламировалъ рѣчь, написанную стихами (анapestами); это называлось парабазою. Такимъ образомъ, хоръ дѣлалъ уклоненіе отъ поэтической иллюзіи спектакля. Авторъ комедіи высказывалъ въ парабазѣ свои желанія, объяснялъ достоинства своей піэсы, прославлялъ боговъ государства, высказывалъ порицанія политическимъ дѣятелямъ, осуждалъ дурные факты общественной жизни. Парабаза помещалась обыкновенно въ срединѣ піэсы, образуя интермеццо между двумя отдѣлами ея; въ комедіяхъ большаго объема было по нѣскольку парабазъ, окружавшихъ послѣдніе отдѣлы піэсы маленькими сатирическими картинками. Аттическая комедія заслуживаетъ удивленія своими художественными достоинствами: форма въ ней совершенно соответствуетъ содержанію, тонъ рѣчи каждаго дѣйствующаго лица его характеру; языкъ въ ней гибокъ и благозвученъ, размѣры разнообразны, отдѣлка стиха превосходна. Основнымъ размѣромъ ея былъ ямбическій триметръ (шестистопный ямбъ), съ очень широкою свободою замѣны чисто ямбическихъ стопъ другими, для удобства вложить въ него непринужденную разговорную рѣчь; онъ былъ чрезвычайно хорошею формою разговора, богатаго шутками, сатирическими оборотами; въ него легко укладывалась и возвышенная, и простонародная рѣчь, прекрасно влагались въ него и пародіи на стихи изъ трагедій, и всяческіе капризные обороты словъ. Онъ перемежался другими размѣрами, очень разнообразными, благозвучными, изящными; вообще стихъ комедіи былъ очень разнообразенъ и граціозенъ.—Главное значеніе старой аттической комедіи состояло въ томъ, что она имѣла политическій характеръ. Онъ былъ приданъ ей въ особенности Аристофаномъ. Въ его искусныхъ рукахъ она сдѣлалась выразительницею общественнаго мнѣнія, играла въ государственной жизни ту роль, какая теперь принадлежитъ оппозиціонной прессѣ.—«Каждая

Парабаза.

Политическій характеръ.

драма старой афинской комедии бросает свѣтъ на положеніе государства», говоритъ Бернгарди: «освѣщая государственную жизнь въ данный моментъ, она разъясняетъ и общій ходъ ея. Драматурги, писавшіе эти комедіи, неутомимо изображаютъ недостатокъ политическаго благоразумія и анархіи государства, все больше и больше перерождающагося въ охлократію, ничтожность политическихъ дѣятелей, недостатокъ заботливости объ общей пользѣ у гражданъ въ народномъ собраніи и въ трибуналахъ, испорченность нравовъ, распаденіе основъ государственнаго и семейнаго быта, упадокъ религіи, воспитанія». Они раскрывали афинскому народу всѣ дурныя стороны настоящаго, изображая ихъ съ рѣзкостью, доходящею иногда до карикатуры, осмѣивая ошибки и дурныя качества государственныхъ дѣятелей и другихъ вліятельныхъ людей, нападая на нихъ съ ѣдкимъ остроуміемъ, принимающимъ иногда и тонъ грубыхъ площадныхъ шутокъ. Сарказмы этихъ поэтовъ часто бываютъ утрированы до такой степени, что черты людей и факты искажаются въ ихъ карикатурахъ, и не рѣдко пародіи доходятъ до неприличія. Но въ ихъ неприязни къ дурному настоящему ясно слышится ихъ патріотизмъ, глубокая любовь къ правдѣ и законности, горячая симпатія къ прекрасному прошлому, уваженіе къ людямъ прежнихъ временъ, энергичнымъ и доблестнымъ. Ихъ комедіи не связаны никакими правилами плана, не имѣютъ никакой опредѣленной тенденціи; капризъ автора замѣняетъ въ нихъ законы необходимости, дѣйствіе ведется смѣлыми переходами отъ одной произвольной сцены къ другой, дѣйствительность и вымыселъ перемѣшиваются въ пестромъ безпорядкѣ; смѣло и весело комедія изображаетъ людей, самоувѣренность которыхъ доходитъ до безразсудства, даетъ имъ нелѣпые замыслы, обнаруживаетъ ихъ бездарность, позоритъ настоящее, чтобъ изображеніемъ его дурныхъ сторонъ выставить въ яркомъ свѣтѣ идеалы, пробудить здоровыя силы народа. Піесы старой комедіи проникнуты глубокимъ нравственнымъ чувствомъ; а смѣлость ихъ показываетъ, что афинскія учрежденія предоставляли гражданамъ очень широкую свободу, свидѣтельствуя о добродушіи афинскаго народа и его вождей, позволявшихъ такъ смѣяться надъ ними.

Старая комедія. Характеръ политической сатиры аттической комедіи получила, кажется, ужь у Кратина, который былъ старшимъ современникомъ Аристофана. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что въ 440 году ужь былъ постановленъ законъ, ограничивавшій свободу насмѣшки въ комедіи. На состязаніи 423 г., піесѣ Кратина „Фляга“ (Rutine) было отдано предпочтеніе передъ піесой Аристофана „Облака“. Въ этой комедіи онъ самъ весело осмѣивалъ себя за любовь къ вину. И отъ Кратина, и отъ другихъ поэтовъ того перваго періода старой комедіи до насъ дошли только названія и небольшіе отрывки нѣкоторыхъ піесъ. По именамъ, мы знаемъ до 40 комиковъ того періода.—Кратесъ былъ первоначально актеромъ, игравшимъ въ комедіяхъ Кратина, потомъ самъ сталъ писать комедіи. Политической сатиры въ нихъ

Кратинъ,
(умеръ около
423).

Кратесъ,
съ 450 года.

не было; очень возможно, что ея не допускалъ законъ, о которомъ мы говорили. Содержаніемъ піесъ Кратеса была дѣйствительная жизнь; ходъ дѣйствія въ нихъ былъ правильный, хорошо обдуманый, характеры лицъ были прекрасно очерчены. Комедіи младшаго современника его, Ферекрата, тоже были замѣчательны не политической сатирою, а художественными достоинствами; въ нихъ было много изобрѣтательности; дѣйствіе развивалось въ нихъ правильно. Но Эвполисъ, поэтъ съ богатымъ воображеніемъ, проникнутый благороднымъ негодованіемъ на упадокъ нравовъ, писалъ въ томъ же духѣ, какъ Аристофанъ; сначала они были дружны; послѣ по соперничеству между собою перессорились. Въ его комедіяхъ, изъ которыхъ особенно хороши были „Марикъ“, направленная противъ Гипербола, и „Вапты“, направленная противъ Алквіада, преобладала, кажется, сатира, изображающая не типы, а опредѣленные лица; но тонъ ея повидимому былъ умѣренный. Таковъ же, кажется, былъ характеръ комедій Платона, хорошаго поэта и патріота.

Ферекратъ,
около 420.

Эвполисъ,
съ 430.

Платонъ,
съ 427.

Таковы были предшественники и соперники величайшаго изъ греческихъ комиковъ, Аристофана. Онъ жилъ нѣсколько времени на Эгинѣ, съ своимъ семействомъ, получившимъ тамъ участокъ при раздѣлѣ земли афинскимъ клерухамъ. Потомъ онъ переселился въ Аѣны и посвятилъ свой огромный талантъ комедіи. Кромѣ того, что былъ драматургомъ, онъ былъ учителемъ хоровъ, былъ актеромъ, игравшимъ первыя роли. Въ своихъ комедіяхъ, изъ которыхъ двѣ первыя поставилъ онъ на сцену подъ чужимъ именемъ, гениальный поэтъ патріотъ рыскалъ всѣ дурныя и слабыя стороны государственной, нравственной, научной, художественной жизни Аѣны того времени. Онъ подвергалъ осмѣянію всѣ проявленія болѣзненности, изнѣженности нравовъ. Въ лицѣ Клеона и его сотоварищей Аристофанъ изображалъ интригантство хитрыхъ демагоговъ; въ лицѣ Эврипида порчу трагедіи, въ которой приторная сентиментальность замѣнила глубокія чувства; въ лицѣ Сократа софистику, подрывающую религіозныя убѣжденія. Его смѣлая сатира изобличала всѣ пороки, слабости его времени, легкомысленная самонадѣянность афинскаго народа, бросавшагося въ неудобноисполнимыя предпріятія, — и непостоянство его; гибельная страсть къ войнѣ, владычествующая надъ честолюбивыми свѣтскими людьми; педантическая формалистика спартанскаго правительства; любовь афинскаго демоса проводить время въ пустой политической болтовнѣ и въ судебныхъ засѣданіяхъ; изнѣженность и щегольство молодежи; упадокъ гимнастическаго и музыкальнаго воспитанія, развивавшаго энергію; апатія гражданъ, подчиняющая ихъ вліянію женщинъ; стремленіе богатѣть и наслаждаться, не трудясь; манерность и упадокъ музыки и лирической поэзіи, обращаемыхъ Филоксеномъ, Кинесіемъ, Фринисомъ, другими композиторами и поэтами въ средства льстить изнѣженной чувственности; — словомъ, всѣ дурныя явленія государственной и общественной жизни были безпощадно выставлены на позоръ смѣлою сатирою негодующаго поэта. Всѣ

Аристофанъ,
452—388 (?);
съ 430 на Эгинѣ.

вѣка, все народы, о которыхъ знаетъ аѳинскій народъ, даютъ матеріалъ для картинъ Аристофана. Онъ сопоставляетъ изнѣженность и двоедушіе своихъ современниковъ съ геройствомъ и честностью ихъ предковъ, бывшихъ при Марафонѣ; его воображеніе охватываетъ и небо и землю, греческія страны и страны варваровъ; оно строитъ фантастическій міръ, отражающій въ себѣ міръ дѣйствительности; и вымышленныя существа, и лягушки, птицы, осы, облака фигурируютъ въ его комедіяхъ: повсюду находитъ онъ черты для обрисовки человѣческихъ характеровъ и дѣлъ. Выставляя аѳинянамъ ихъ недостатки въ карикатурномъ преувеличеніи, онъ прославляетъ энергію, гражданскія доблести и простоту нравовъ старины, милой ему, которую желалъ бы онъ возстановить. — До насъ дошло одиннадцать комедій Аристофана.

Ахарнейцы,
425.

Первыя свои піесы Аристофанъ ставилъ на сцену подъ именемъ Каллистрата, бывшаго тогда учителемъ хоровъ. Противъ одной изъ нихъ „Вавилоняне“ Клеонъ хотѣлъ возбудить судебное преслѣдованіе, но потерпѣлъ неудачу. „Вавилоняне“ не дошли до насъ, но сохранилась другая изъ этихъ раннихъ піесъ Аристофана „Ахарнейцы“; въ ней уже сдѣлалъ онъ попытку, впрочемъ еще скромную, говорить о политикѣ: онъ доказываетъ въ „Ахарнейцахъ“, что миръ, дающій возможность заниматься сельскимъ хозяйствомъ, лучше войны. Дѣйствіе въ этой піесѣ ведено превосходно, характеры обрисованы очень живо.

Дикеополь (гражданинъ, любящій справедливость) заключаетъ съ лаккедемонянами свой особый миръ на 30 лѣтъ, не обращая вниманія на то, что другіе аѳиняне ведутъ съ ними войну; онъ весело совершаетъ праздники Діониса и свободно пользуется всеми выгодами торговли. Онъ представитель гражданъ, сохранившихъ старинныя нравы, не поддающихся интригамъ демагоговъ. Онъ образуетъ прекрасный контрастъ грубому хору ахарнейскихъ угольщиковъ и сельскихъ хозяевъ, обольщенныхъ демагогами, и Ламаху, представителю богатыхъ молодыхъ людей, которые по честолюбію желаютъ продолженія войны. Столкновенія ихъ съ Дикеополемъ производятъ рядъ забавныхъ сценъ.

Всадники,
424 г.

Въ слѣдующей комедіи, называющейся „Всадники“, Аристофанъ осмѣиваетъ Клеона, пользовавшагося тогда очень большимъ вліяніемъ, и аѳинскій народъ, обманываемый имъ. Насмѣшки были такъ рѣзки и смѣлы, что никто не хотѣлъ играть роль лица, подъ именемъ котораго изображенъ Клеонъ, никто не хотѣлъ и сдѣлать маску для его роли; самъ Аристофанъ игралъ эту роль, замѣнивъ маску простой гримировкою. Гротъ, защищающій Клеона противъ порицаній Фукидида и Аристофана, говоритъ, что эта комедія—замѣчательнѣйшій примѣръ того, до какой степени можетъ очернить противника озлобленный врагъ, одаренный насмѣшливымъ остроуміемъ.

Дѣйствіе піесы не многосложно: все значеніе ея основано на политической тенденціи. Упрямый старикъ Демосъ (аѳинскій народъ) совершенно подчинился вліянію наглаго лаута Пафлагонца (Клеона), одного изъ своихъ рабовъ; потому два другіе раба Демоса, Демосеенъ и Никій считаютъ невозможнымъ долѣе служить ему и хотятъ убѣжать отъ него. Но въ бумагахъ заснувшаго Пафлагонца они находятъ пророчество оракула, что торговецъ сосисками Агоракритъ предназначенъ судьбою низвергнуть Пафлагонца и сдѣлаться любимцемъ Демоса. Они устриваютъ на Пниисѣ въ присутствіи Демоса

состязаніе между Пафлагонцемъ и Агоракритомъ, котораго поддерживаютъ всадники, представители честныхъ и почтенныхъ гражданъ, образующіе хоръ. Агоракритъ, грубый простолудинъ, умѣетъ самохвалствоваться, ругаться и льстить Демосу такъ хорошо, что побѣждаетъ Пафлагонца въ этомъ мастерствѣ; Демосъ перестаетъ слушаться Пафлагонца и, понявъ что былъ одураченъ имъ, становится снова человѣкомъ молодымъ и разумнымъ.

Въ слѣдующемъ году Аристофанъ написалъ „Облака“; эта комедія не по-Облака, 423 г. лучила первой награды на драматическомъ состязаніи, потому онъ переработалъ ее. Онъ осмѣиваетъ въ ней софистовъ, представителемъ которыхъ у него является Сократъ; онъ доказываетъ, что софистика имѣетъ губительное вліяніе на нравы, разрушаетъ религію, нравственность, семейную жизнь, вообще внушаетъ своимъ ученикамъ вредныя понятія; нападая на софистовъ, онъ превозноситъ простоту и строгость старинныхъ нравовъ.

Начавъ передѣлывать „Облака“, Аристофанъ не довелъ этой работы до конца. Въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ эту піесу, планъ ея также очень простъ. Старикъ Стрессіадъ, запутавшись въ долги, хочетъ избавиться отъ обязанности платить ихъ; софисты научаютъ людей тонкостямъ юриспруденціи и ораторскаго искусства, какія нужны для этого; но самъ онъ не находитъ себя способнымъ понять новую науку и посылаетъ учиться ей своего избалованнаго сына, Фидиппида, который своимъ мотовствомъ и ввелъ отца въ долги (полагаютъ, что въ лицѣ Фидиппида Аристофанъ изобразилъ Аливіада). Сынъ очень быстро и хорошо понимаетъ новомодную премудрость и поступаетъ съ отцомъ такъ, какъ слѣдуетъ по этому ученію, не признающему ничего святого: онъ бьетъ отца и доказываетъ ему, что имѣетъ право бить и его и мать; отецъ, въ ужасѣ отъ мудрости сына, зажигаетъ ту мастерскую, въ которой учитель его сына, Сократъ, носясь по воздуху, преподаетъ свои нелѣпыя выдумки.

Аристофанъ не хотѣлъ принимать въ соображеніе разницы между діалектикою Сократа и софистикой. Сократъ у него является представителемъ новой философіи софистовъ, хотя на самомъ дѣлѣ былъ, какъ мы увидимъ, самымъ рѣшительнымъ противникомъ ея. Впрочемъ, Аристофанъ осмѣиваетъ не столько самого Сократа, съ которымъ былъ лично знакомъ, сколько увлеченія аѳинянъ новыми идеями; чтобы сдѣлать Сократа олицетвореніемъ смѣшного мудреца, онъ перенесъ на него черты, которыя подмѣчалъ въ другихъ философахъ, главнымъ образомъ въ софистахъ. Хоръ образуютъ облака, служащія олицетвореніемъ тумана, который наводитъ на умы Сократъ,—мысль очень остроумная: пустота и туманность облаковъ вполне соответствуютъ характеру ученія, на которое нападаетъ Аристофанъ. Конечно, комикъ впалъ въ ошибку, выбравъ представителемъ софистики и выставивъ въ карикатурномъ видѣ почтеннаго гражданина, который незадолго передъ тѣмъ въ битвѣ при Деліѣ выказалъ патріотизмъ и мужество; но „Облака“ даютъ рядъ очень остроумныхъ, истинно комическихъ положеній и сценъ.—Клеонъ уже два раза пытался мстить Аристофану, начиная противъ него процессъ: онъ обвинялъ Аристофана въ неправильномъ присвоеніи правъ аѳинскаго гражданина. Аристофанъ, не пугаясь его вражды, написалъ новую комедію „Осы“, въ которой осмѣивалъ его и его приверженцевъ. Хоръ этой комедіи составляютъ раздражительные, злые судьи, которымъ дано Аристофаномъ длинное жало, такое какъ у осъ; по имени лицъ, составляющихъ этотъ хоръ, названа и комедія „Осами“. Осмѣивая въ „Облакахъ“ новомодное ученіе, которымъ увлекается молодежь, Аристофанъ въ „Осахъ“ избралъ предметомъ насмѣшки любовь аѳинянъ вести тяжбы и склонность небогатыхъ пожилыхъ гражданъ важничать тѣмъ, что

Осы, г. 422.

они попали въ число судей; бѣдняки очень желали попадать въ число геліастовъ, съ той поры, какъ за отправление должности судьи было назначено жалованье.

Главные лица въ «Осахъ» — старикъ Филоклеонъ («приверженецъ Клеона») и его сынъ Бделіклеонъ («гнушающийся Клеономъ»). Старикъ страстно любитъ быть геліастомъ; любовь къ должности судьи доходитъ у него до мани. Чтобы исцѣлить отца отъ этой болѣзни, сынъ запираетъ его, какъ сумасшедшаго. Друзья старика, тоже судьи, приходятъ за нимъ. Сынъ начинаетъ споръ съ ними, доказываетъ, что быть геліастомъ не особенное счастье и не особенная честь, потому что геліастъ — игрушка въ рукахъ хитрыхъ юристовъ и демагоговъ. Этотъ споръ Бделіклеона съ геліастами имѣетъ форму судебныхъ преній. Сыну удается наконецъ излѣчить отца отъ страсти уходить въ судъ: онъ устроиваетъ дома у себя маленькій трибуналъ, гдѣ отецъ долженъ быть судьей, и общается старину ввести его въ кругъ знатной молодежи, гдѣ ему будетъ очень весело. Въ пьесу вставлена пародія на процессъ между Клеономъ и стратегомъ Лахесомъ, составлявшій тогда предметъ толковъ въ городѣ. Эта пародія превосходно осмѣиваетъ аѳинское судопроизводство. Но какъ въ «Облакахъ» старикъ Стрепсиадъ подвергается бѣдѣ отъ того, что сынъ быстро понялъ практическіе выводы изъ новой мудрости, такъ въ «Осахъ» сынъ видитъ, что отецъ слишкомъ хорошо научается веселиться; на пирушкѣ молодыхъ людей свѣтскаго тона Филоклеонъ забываетъ уроки приличія, преподанные ему сыномъ, держитъ себя такъ, что молодые люди негодуютъ на него и грозятъ отдать его подъ судъ. Пьяный, взявъ подъ руку флейтисту, онъ уходитъ качаясь, смѣется надъ упрекающимъ его сыномъ, какъ надъ педантомъ, и кончаетъ старинной пляской на оркестрѣ.

Миръ, 421 г. На великія Діонисіи слѣдующаго года Аристофанъ поставилъ комедію „Миръ“, въ которой одобряетъ переговоры о мирѣ со Спартою, происшедшіе въ то время, и выставяетъ миръ общимъ желаніемъ гражданъ.

Триглей на колоссальномъ навозномъ жукѣ поднимается на небо, гдѣ живетъ богъ войны, освобождаетъ находящуюся въ плѣну у него богиню мира и привозитъ ее въ Аѳины. Въ честь ея возвращенія аѳиняне устрояютъ праздники; идиллическія сцены мирнаго счастья заключаютъ въ себѣ много прекрасныхъ мѣстъ, но слишкомъ растянуты.

Птицы, 414 г. Черезъ семь лѣтъ послѣ того Аристофанъ поставилъ на сцену самую лучшую изъ всѣхъ его пьесъ, дошедшихъ до насъ, „Птицы“. Аѳиняне, гордые своимъ счастьемъ, избалованные лестью демагоговъ, воображали тогда, что въ состояніи осуществить отважные замыслы, совершенно безразсудные. Они предприняли экспедицію противъ Сиракузъ, которая скоро навлекла на нихъ странныя бѣдствія. Своею комедіею „Птицы“ Аристофанъ предостерегалъ ихъ отъ опрометчивыхъ предпріятій, отъ „постройки городовъ на воздухѣ“, отъ безразсудной увѣренности въ неизмѣнности счастья. Съ удивительнымъ блескомъ остроумія онъ осмѣиваетъ безумно-гордые замыслы своихъ согражданъ, изображая, какъ два аѳинянина, прожектеръ Пистетеръ (мастеръ убѣждать) и легковѣрный Эвельпидъ (увлекающийся хорошими надеждами), строятъ на воздухѣ птичье государство и принуждаютъ боговъ подчиниться ихъ требованіямъ; Пистетеръ становится владыкою вселенной и поселяется съ красавицею Василеею въ своемъ воздушномъ дворцѣ, который блещетъ золотомъ. Но изображая своимъ согражданамъ фантастическое государство на воздухѣ, Аристофанъ напоминаетъ имъ о дурныхъ сторонахъ дѣйствительной ихъ жизни. Изъ новаго государства на воздухѣ исключены всѣ тѣ люди, которые своими интригами подымали тогда смуты въ Аѳинахъ: доносчики, прорицатели, демагоги, ру-

ководившіе процессомъ о разрушеніи гермовъ, предлагавшіе по поводу этого дѣла новыя законы и разныя полицейскія мѣры; политическіе намеки прикрыты аллегоріею и сдѣланы осторожнымъ тономъ, потому что не задолго передъ тѣмъ, по предложенію Сиракосія, было запрещено изображать въ комедіяхъ политическія событія; туманность политическихъ намековъ въ этой пьесѣ Аристофана такъ велика, что комментаторы ея построили множество разнорѣчащихъ объясненій. Но почти всѣ они согласны въ томъ, что она имѣетъ политическую тенденцію, осмѣиваетъ разныя нелѣпости общественной и частной жизни, между прочимъ страсть къ процессамъ, и должна считаться пародіею фантастическихъ надеждъ, съ какими аѳиняне начали войну въ увѣренности покорить Сиракузы и овладѣть всею Сициліею; есть въ ней насмѣшки и надъ современными поэтами, особенно надъ драматургами. Съ осмѣяніемъ нелѣпостей соединены серьезные совѣты аѳинянамъ возвратиться къ старымъ обычаямъ.

По неудачномъ исходѣ сицилійской экспедиціи нападенія враговъ и раздоры партій привели Аѳины въ очень бѣдственное положеніе; Аристофанъ снова выступилъ тогда проповѣдникомъ мира въ своей комедіи „Лисистрата“ („женщина распускающая войско“). Изъ всей Греціи сходятся въ Аѳины женщины, чтобы возстановить миръ; онѣ овладѣваютъ Акрополемъ; аѳинское правительство не въ силахъ выгнать ихъ оттуда; онѣ объявляютъ, что не хотятъ жить съ мужьями, пока мужья не примирятся между собою; мужья вынуждены примириться. Тонъ этой комедіи очень нескромный, въ ней много неприличнаго.

Въ „Лисистратѣ“ мало политической сатиры, въ комедіи „Θεσμοφορία-зусы“, данной въ томъ же году, вовсе нѣтъ ея; при тогдашнемъ раздраженіи партій она была, вѣроятно, опасна.

Лисистрата, 411 г.

Θεσμοφορία-зусы, 411.

Женщины, собравшіяся на праздникъ Θεσμοφορίи (стран. 59), рѣшаютъ, что должно наказать Эврипида за множество обидъ, которыя нанесъ онъ въ своихъ трагедіяхъ женщинамъ, и осуждаютъ его на смерть. Эврипидъ присылаетъ въ ихъ собраніе защитника, переодѣтаго въ женское платье; онъ выбираетъ для этой роли изнѣженного Агатона (стран. 576). Агатонъ робѣетъ идти въ собраніе женщинъ и передаетъ свой женскій костюмъ Мнесилоху, родственнику и другу Эврипида. Нарядившись женщиною, Мнесилохъ превосходно исполняетъ свое порученіе: онъ говоритъ о женщинахъ еще гораздо хуже, чѣмъ Эврипидъ. Это возбуждаетъ въ его слушательницахъ подозрѣніе. Женоподобный, безбородый Клизеонъ, слышавъ о придуманной Эврипидомъ хитрости; при его помощи женщины уличаютъ Мнесилоха и отдаютъ подъ стражу тюремщику, синеу. Эврипидъ хочетъ смягчить тюремщика, декламируя отрывки изъ своихъ трагедій; но это не дѣйствуетъ на синеу; тогда Эврипидъ подсылаетъ къ нему флейтисту, она уводитъ его; женщины примиряются съ Эврипидомъ.

Въ комедіи „Лягушки“, Аристофанъ тоже осмѣиваетъ Эврипида, и вообще современную трагедію; но кромѣ того онъ въ этой превосходной пьесѣ серьезнымъ тономъ говоритъ о бѣдственномъ положеніи государства и склоняетъ аѳинскій народъ заключить миръ.

Лягушки, 405.

Незадолго передъ тѣмъ умерли Софоклъ и Эврипидъ, Агатонъ уѣхалъ изъ Аѳинъ. Въ Аѳинахъ не осталось ни одного хорошаго трагическаго поэта. Діонисъ, представитель образованной аѳинской молодежи, отправляется въ подземное царство, вывести оттуда въ Аѳины превосходнаго трагика, Эврипида. Діониса сопровождаетъ его слуга Ксаней, шутовское лицо. Лягушки образуютъ второстепенный невидимый хоръ. При иваніи ихъ, Діонисъ и Ксаней плывутъ черезъ Ахерузское озеро во дворецъ Плутона, гдѣ живутъ посвященные въ таинства, составляющіе главный хоръ пьесы. Въ присутствіи ихъ на-

чинается состязание между трагиками. Оно — смесь серьезных мыслей и шуток. Аристофанъ излагаетъ въ немъ свои понятія о трагедіи, о томъ, каковы должны быть ея содержаніе, ея нравственная цѣль, планъ ея, характеръ языка въ ней, каковы должны быть прологъ, пѣсни хора, монодіи (аріи соло), и очень часто его насмѣшливыя сужденія имѣютъ очень вѣрный серьезный смыслъ. Состязаніе состоитъ въ цитированіи отрывковъ изъ Эсхила и Эврипида; стихи Эсхила, величественные и энергичные, оказываются гораздо лучше прикрашенныхъ риторикою стиховъ Эврипида, главные качества которыхъ — изящная отдѣлка и диалектическія тонкости. Діонисъ рѣшаетъ, что Эсхилъ лучше Эврипида и возвращается въ Аѣны съ Эсхиломъ. Но отдавая преимущество нравственной возвышенности трагедій Эсхила, Аристофанъ порицаетъ напыщенность его слога и слишкомъ искусственныя сложные слова, какия часто формировалъ онъ. Софоклъ не участвуетъ въ состязаніи; Аристофанъ такъ уважалъ его, что не хотѣлъ выводить его дѣйствующимъ лицомъ смѣшной сцены.

Экклесіазусы, 392. Когда аѣнское государство нѣсколько оправилось отъ тяжкихъ бѣдствій Пелопоннесской войны, когда возстановилось въ немъ демократическое устройство, Аристофанъ, теперь уже старикъ, снова поднялъ въ комедіи „Экклесіазусы“ бичъ своей сатиры противъ демагоговъ, противъ возобновившихся прежнихъ злоупотребленій довѣрчивостью народа, противъ расходованія государственныхъ денегъ на удовлетвореніе своекорыстными интересами вліятельныхъ людей, противъ упадка патріотизма, порчи нравовъ, любви аѣнскаго народа къ нововведеніямъ: „Экклесіазусы“ („законодательницы“) — женщины, сошедшія на площади народныхъ собраній и присвоившія себѣ верховную власть, составляютъ законы новаго государственнаго устройства; это фантастическое государство — смѣлая пародія на пошлость и безсиліе новой аѣнской демократіи.

Аѣнянки, переодѣвшись въ мужское платье, сходятся на площади народныхъ собраній, рѣшаютъ взять въ свои руки управленіе государствомъ и исцѣлить бѣдствія, отъ которыхъ оно страдаетъ. Онѣ устанавливаютъ законы, которыми устраняются все причины страданій. Провозглашается общность имущества и полная свобода женщинъ въ дѣлахъ любви; въ пользу старухъ и некрасивыхъ женщинъ устанавливаются правила, доставляющія наслажденія любовью и имъ. Все будутъ жить не трудясь, пользоваться всяческими удовольствіями. Начинается рядъ веселыхъ сценъ, безцеремонныхъ до неприличія. Нѣсколько старухъ заводятъ ссору съ молодою дѣвушкою, отнимая у нея молодаго любовника.

Плутосъ, 388. Аѣнскій народъ былъ тогда бѣденъ, а жажда наслажденій была сильно развита въ немъ; потому очень можетъ быть, что возникали въ Аѣнахъ коммунистическія стремленія, и что въ сатирѣ Аристофана не все вымыселъ, что есть въ этой пародіи черты, заимствованныя изъ дѣйствительности. Очень возможно и то, что коммунистическое государство, которое основываютъ женщины — пародія на коммунистическую теорію Платона, которая могла быть ужъ извѣстна тогда по его лекціямъ. Хоръ состоитъ изъ женщинъ, въ мужскихъ плащахъ, съ палками и съ подвязанными бородами; бѣдность костюмировки хора показываетъ, что время блеска старой комедіи ужъ миновало. Парабазы нѣтъ въ „Экклесіазусахъ“; это также показываетъ, что старая комедія пала. Еще яснѣе виденъ упадокъ ея въ послѣдней пѣснѣ Аристофана, „Плутосъ“, составляющей передѣлку одной изъ прежнихъ его комедій. Въ ней вовсе нѣтъ политической сатиры; предметъ ея — изображеніе общечеловѣческихъ слабостей и пороковъ; тонъ шутокъ въ ней очень сдержанный; неприличій меньше, чѣмъ въ прежнихъ комедіяхъ Аристофана, но за то меньше и геніальности.

Плутосъ, слѣпой богъ богатства, раздаетъ свои сокровища людямъ недостойнымъ, дурнымъ и довелъ этимъ самого себя до бѣдности. Хремилъ, честный аѣнскій поселянинъ, возвращаетъ ему зрѣніе, и справедливость въ распредѣленіи богатства между людьми возстановляется. Рядъ веселыхъ сценъ показываетъ, какъ это хорошо. Плутосъ снова дѣлается богатъ и снова пользуется уваженіемъ людей. — Въ этой комедіи мало прежней энергіи и оригинальности Аристофана; геній его уже ослабѣлъ, когда онъ писалъ ее.

Средняя комедія. Многие историки греческой литературы относятъ „Плутоса“ не къ старой, а уже къ средней комедіи, потому что хоръ въ немъ не имѣетъ важнаго значенія, нѣтъ парабазы, нѣтъ сатиры, направленной на отдѣльныя лица. Можно спорить противъ мнѣнія этихъ ученыхъ и находить, что мѣстами въ „Плутосѣ“ еще вѣетъ духъ старой комедіи. Но безспорно то, что она пала съ подавленіемъ демократической свободы деспотизмомъ Тридцати тиранновъ. Аристофанъ пережилъ это время; но и по возстановленіи демократическихъ учрежденій ужъ была невозможна прежняя смѣлость его политической сатиры: ея не вынесло бы изнуренное государство, не имѣвшее энергичныхъ руководителей, бѣдное, робкое, оскудѣвшее и патріотизмомъ.

Характеръ ея. Политическая жизнь измельчала въ Аѣнахъ; раздоры партій заслоняли собою общіе государственные интересы; не было прежняго одушевленія великими патріотическими мыслями. На первый планъ выступили научныя и художественныя стремленія. Философскія теоріи, лекціи риториковъ, обучавшихъ краснорѣчію, болѣе занимали умы въ послѣдніе десятилѣтія греческой свободы, чѣмъ политическіе вопросы. При такомъ положеніи общества исчезла старая комедія, и мѣсто ея заняла средняя; она не имѣла хора, потому что не было людей, которые хотѣли бы принимать на себя издержки хореги. Лишенная парабазы и пѣсенъ хора, средняя комедія вращалась въ узкомъ кругу частной жизни и литературныхъ интересовъ, осмѣивала общечеловѣческія или сословныя слабости и глупости; дѣйствующія лица въ ней были люди незначительные по своему общественному положенію, и представляли собою общіе типы; безобидныя насмѣшки ея были направлены противъ смѣшныхъ явленій недавняго прошлаго или настоящаго, главнымъ образомъ противъ смѣшнаго въ области искусствъ, литературы, науки. Она довольствовалась легкими намеками на смѣшныя слабости соотечественниковъ, или иноземныхъ государей, ея жало не кололо глубоко, насмѣшки ея имѣли характеръ пустой сплетни, или касались только внѣшности; она давала своимъ лицамъ или самыя обыкновенныя имена или имена, обозначающія ихъ качества; главные роли въ ней играли ораторы, философы, гетеры; очень много занималась она роскошными обѣдами; дѣйствовали въ ней даже и гордые своимъ искусствомъ повара. Она имѣла иногда дидактическое направленіе, была переполнена афоризмами и нрав-

ственными разсужденіями, учила житейской философіи; иногда она принимала характеръ пародіи, вплетала въ разговоры цитаты изъ поэтовъ, особенно изъ высокопарныхъ, дѣлала намеки на нихъ. Форма ея была изящна; встрѣчались въ ней прекрасныя картинки нравовъ, удачныя сравненія, стихъ въ ней былъ хорошъ; но разговоры страдали растянутостью, и описанія были вообще слишкомъ длинны.

Поэты средней комедіи. Знаменитѣйшіе поэты средней комедіи: Антифанъ родосскій, остроумный, талантливый драматургъ, отъ комедій котораго дошли до насъ довольно большіе отрывки; говорятъ, что онъ написалъ около 300 піесъ; Эвбулъ аѳинскій, въ комедіяхъ котораго были удачныя пародіи; содержаніе своихъ піесъ онъ бралъ обыкновенно изъ міеологіи; Анаксандридъ, веселый и зоркій наблюдатель жизни, первый комикъ, сдѣлавшій содержаніемъ своихъ піесъ любовныя приключенія; Алексисъ турійскій, даровитый наблюдатель жизни, написавшій, какъ говорятъ, 245 комедій; по дошедшимъ до насъ отрывкамъ ихъ видно, что языкъ его былъ легкій, изящный; Тимоклъ, современникъ Демосѳена, славился превосходнымъ языкомъ своихъ комедій и разнообразіемъ ихъ содержанія.

Новая комедіи. Новая комедія, бывшая развитіемъ средней, возникла въ македонское время, когда политическая жизнь Греціи замерла подъ владычествомъ царей, и людямъ пришлось ограничиться заботами о своихъ частныхъ дѣлахъ. Средняя комедія должна была отказаться отъ политической сатиры, отъ осмѣиванія государственныхъ людей; новая комедія отказалась и отъ пародій, какія позволяла себѣ средняя, ограничилась изображеніемъ частной жизни; интересъ ей придавала замысловатость завязки, предметомъ ея были любовныя приключенія. Комики этого періода не заимствовали содержанія для своихъ піесъ ни изъ жизни, ни изъ міеологіи; они изображали только домашній бытъ, вѣрное воспроизведеніе его они считали величайшимъ достоинствомъ своихъ произведеній. Обыкновеннымъ содержаніемъ ихъ веселыхъ комедій были семейныя отношенія, любовныя интриги, обыденные случаи, смѣшныя черты нравовъ. Творческой фантазіи у нихъ было мало, но они умѣли хорошо изображать бытъ и обрисовывать характеры. Они писали обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ; однообразіе содержанія, неправильность стиха, небрежность формы, вялость тона ихъ произведеній показываютъ, что ихъ вѣкъ былъ временемъ упадка вкуса. Нѣкоторымъ, но слабымъ вознагражденіемъ за недостатокъ изобрѣтательности и разнообразія служить у нихъ искусное расположеніе сценъ. Постоянно являются у нихъ одни и тѣ же лица: снисходительные или строгіе отцы, избалованные сыновья, хитрые рабы, гетеры, искусницы обманывать людей, хвастливые воины, начальники наемниковъ, низкіе паразиты, готовые на всяческія услуги изъ-за того, чтобы пообѣдать;—при замкнутомъ образѣ жизни женщинъ и дѣвушекъ честныхъ семействъ, гетеры были единственными женскими лицами, какія было можно выводить въ любов-

ныхъ интригахъ; въ комедіяхъ онѣ вообще иноземки. Произведенія, принадлежащія новой комедіи, даютъ вѣрныя картины быта лишеннаго энергіи, чуждаго всякихъ идеальныхъ стремленій; но это картины, изображающія лишь обыденную внѣшность жизни, въ глубину ея онѣ не проникаютъ. Порокъ и преступленіе не возбуждаютъ негодованія въ авторахъ этихъ комедій, только осмѣиваются ими какъ ошибки.

Перечислимъ знаменитѣйшихъ поэтовъ новой комедіи. Менандръ аѳинскій, человекъ получившій хорошее и многостороннее образованіе, „справедливо считался очень даровитымъ наблюдателемъ, одареннымъ богатой фантазіею, умѣвшимъ очень искусно вести ходъ дѣйствія“,—говоритъ о немъ Бернгарди: „тонъ рѣчи его благороденъ и мягокъ; по всему видно, что онъ хорошій мыслитель; никто изъ его современниковъ не описывалъ нравы такъ живо, какъ онъ, и всѣ типы характеровъ новой комедіи созданы имъ“. Онъ не энтузіастъ строгой нравственности; онъ любитъ удовольствія, но пользуется ими съ благоразумной умѣренностью; онъ наслаждается въ обществѣ гетеръ дарами, которыми въ достаточномъ размѣрѣ наградило его благосклонное счастье, божество властвующее, по его мнѣнію, надъ міромъ. Какъ Эврипидъ отнялъ у трагедіи ея идеальное величіе и передѣлалъ ея героевъ въ обыкновенныхъ людей, съ обыкновенными слабостями характера, такъ Менандръ перевелъ комедію изъ міра смѣлой политической сатиры Аристофана въ обыденную область частной жизни, изобрѣталъ завязки и развязки, сообразныя съ нравами своего времени и изображалъ типы людей этого обыденнаго быта. Какъ у Эврипида, разговоры дѣйствующихъ лицъ пересыпаны у него афоризмами, правившимися его современникамъ. Подражателемъ Менандра у римлянъ былъ Теренцій; Плавтъ подражалъ Филемону, старшему современнику Менандра, писавшему съ меньшею заботой объ изяществѣ; тонъ комедій Филемона былъ простонародный. Очень много заимствовали римскіе комики и у Дифила синопскаго, также современника Менандра. До насъ дошло нѣсколько афоризмовъ изъ комедій Дифила; форма ихъ изящна. Эти поэты написали каждый очень много комедій; но всѣ онѣ и всѣ другія многочисленные произведенія, принадлежащія новой греческой комедіи, погибли. До насъ дошли лишь немногія отрывки изъ нихъ; и лучше, нежели по этимъ незначительнымъ остаткамъ, можемъ мы судить о содержаніи и формѣ новой греческой комедіи по произведеніямъ Теренція и Плавта, подражавшихъ ей.

Поэты новой комедіи.

Менандръ, 342—390.

Филемонъ, около 330.

Дифилъ.

V. Время пелопоннесской войны.

I. Пелопоннесская война (431—404).

1. Архидамова война и никиевъ миръ (431—421).

Непріязнь
между Спартою
и Аѣинами.

Мы видѣли, каково было политическое положеніе Греціи со времени Периклова мира: вся она дѣлилась на двѣ большія федерации. Одну изъ нихъ составлялъ аѣинско-іонійскій союзъ (симмахія); къ нему добровольно или недобровольно принадлежали острова и прибрежные города; на его поддержку надѣялась демократическая партія во всѣхъ другихъ государствахъ; главную силу его образовалъ многочисленный флотъ. Другою федераціей былъ пелопоннесскій союзъ, главою котораго была Спарта; къ нему принадлежали дорійскія государства и почти всѣ эолійскія (какъ на примѣръ Беотія, Фокида, Локрида), на его покровительство рассчитывала аристократическая и консервативная партія другихъ государствъ; главную силу его составляла тяжело-вооруженная пѣхота. Эти федерации смотрѣли одна на другую очень подозрительно и непріязненно; каждая старалась помѣшать расширенію могущества другой; предприимчивость демократической партіи повсюду возбуждала опасенія въ аристократахъ. Но и Спарта и Аѣины желали избѣгать войны; если который нибудь изъ союзовъ расширялся за границы, установленныя условіями мира, другая федерация закрывала глаза на это. Чувство вражды между Аѣинами и Спартою было очень сильно, могущество обоихъ этихъ преобладающихъ государствъ было велико; и правители каждаго изъ нихъ понимали, что, если возникнетъ между ними война, то она получитъ ужасающій характеръ и кончится только гибелью или Спарты, или Аѣинъ.

Причины
войны.

1. Коркирскія
дѣла.

Наконецъ, по совпаденію многоразличныхъ обстоятельствъ, стала неизбежна война, отъ которой долго успѣвали уклоняться Спарта и Аѣины. Коркира, давно переставшая оказывать Коринѣу тѣ знаки уваженія, какіе по обычаю оказывались колоніями метрополіямъ, и часто приходившая въ непріязненные столкновенія съ нимъ, теперь

начала съ нимъ новую ссору изъ-за Эпидамна (Диррахія), города, стоявшаго на иллирійскомъ берегу; ссора перешла въ ожесточенную войну; опасаясь, что коринѣскій флотъ одолѣетъ, коркиряне обратились съ просьбою о помощи къ аѣинянамъ, давнимъ соперникамъ и врагамъ коринѣянъ. Аѣинскіе корабли не приняли прямого участія въ войнѣ, но держали себя угрожающимъ образомъ; это спасло коркирскій флотъ отъ пораженія, помѣшало коринѣскому флоту одержать полную побѣду.

Коркиряне основали на матеромъ берегу противъ своего острова, въ землѣ тавлантовъ, городъ Эпидамнъ; но дѣломъ основанія этого города завѣдывалъ распорядитель, присланный изъ Коринѣа. Благодаря выгодности своего положенія и обширности торговли, Эпидамнъ скоро сталъ очень селенъ и богатъ. Но черезъ нѣсколько времени начались несогласія между господствовавшими въ немъ дорійскими аристократами и демократическою партіею, состоявшею изъ гражданъ не-дорійскаго происхожденія. Аристократы были побѣждены и выгнаны изъ города; они вступили въ союзъ съ иллирійцами, стали тѣснить своихъ противниковъ и на сушѣ, и съ моря. Демократы отправили въ Коркиру пословъ, которые сѣли въ храмъ Геры по обычаю умоляющихъ о защитѣ и просили у коркирянъ помощи противъ своихъ изгнанниковъ и союзниковъ ихъ иллирійцевъ; коркиряне отвергли эту просьбу, потому что изгнанники происходили отъ гражданъ, переселившихся въ Эпидамнъ изъ Коркиры, и фамильныя гробницы ихъ находились въ Коркирѣ. Тогда эпидамнійцы, по совѣту дельфійскаго оракула, отправили посольство въ Коринѣ, гражданиномъ котораго былъ основатель (oikistes) ихъ города. Коринѣяне досаждали на коркирянъ за то, что тѣ не приглашали ихъ занимать на праздникахъ почетныя мѣста и вообще держали себя относительно ихъ высокомерно, надѣясь на силу своего флота, состоявшаго изъ 120 триэръ, и гордясь тѣмъ, что Коркира—знаменитый островъ Феаковъ. Коринѣе отправилъ сухимъ путемъ войско и новыхъ колонистовъ въ Эпидамнъ. Узнавъ объ этомъ, коркиряне, съ угрозами, потребовали отъ эпидамнійцевъ, чтобы они прогнали новыхъ колонистовъ и позволили изгнанникамъ возвратиться. Эпидамнійцы не повиновались этому требованію; коркиряне вмѣстѣ съ изгнанниками и союзниками ихъ иллирійцами осадили Эпидамнъ съ моря и съ суши. Коринѣяне послали сильную эскадру съ большимъ числомъ войска; метаряне, эпидаврійцы, опванцы и нѣкоторые другіе союзники коринѣянъ помогли имъ кораблями, войскомъ и деньгами въ снаряженіи этой экспедиціи; вмѣстѣ съ тѣмъ коринѣяне пригласили всѣхъ желающихъ отправиться колонистами въ Эпидамнъ, обѣщавъ право гражданства каждому, кто самъ отправится туда или дастъ 50 коринѣскихъ драхмъ на поддержку этого дѣла. Коркиряне предложили коринѣянамъ передать на рѣшеніе третейскому суду пелопоннессцевъ или дельфійскимъ жрецамъ вопросъ о томъ, подъ чѣмъ покровительствомъ долженъ находиться Эпидамнъ; они обѣщались прекратить военныя дѣйствія противъ него подъ условіемъ, чтобы коринѣяне удалили оттуда своихъ новыхъ колонистовъ. Но коринѣяне отвергли это предложеніе, послали въ Коркиру вѣстника съ объявленіемъ войны и отправили къ Эпидамну 75 триэръ съ 2000 гонлитовъ. Коркиряне не оробѣли; ихъ флотъ, состоявшій изъ 80 триэръ, пошелъ на встрѣчу коринѣскому, вступилъ въ сраженіе съ нимъ близъ мыса Актія; коринѣяне были побѣждены и потеряли 15 триэръ. У Эпидамна оставалась между тѣмъ другая коркирская эскадра, состоявшая изъ 40 триэръ; осада города продолжалась, и онъ принужденъ

Война между
Коринѣемъ и
Коркирою.

484. Коркиряне продали въ рабство тѣхъ изъ новыхъ колонистовъ, которые были родомъ не изъ Коринѳа, а коринѳскихъ колонистовъ оставили въ плѣну у себя. Коркирскіе корабли пустились теперь по западному морю, нападая на колоніи Коринѳа и союзные съ нимъ города. — Коринѳяне хотѣли отмстить за свое поражение и зимою стали снаряжать новый сильный флотъ, вербуя для него хорошихъ гребцовъ по всей Греціи. Коркиряне, до сихъ поръ не присоединявшіеся ни къ аѳинскому, ни къ спартанскому союзу, теперь, видя сильныя приготовленія коринѳянъ къ войнѣ, нашли надобнымъ пріобрѣсти себѣ помощь аѳинянъ и отправили въ Аѳины посольство съ просьбою о принятіи ихъ въ союзъ.

Рѣчь коркирянъ. Коркирскіе послы, въ сохраненной Фукидидомъ рѣчи, объяснили аѳинскому народному собранію тѣ выгоды, какія пріобрѣтутъ аѳиняне, принявъ Коркиру, сильное государство, въ свой союзъ: они ослабятъ этимъ своихъ противниковъ, — обстоятельство очень важное при вѣроятности, что скоро придется имъ вести войну со спартанцами; оказавъ покровительство государству, которое подверглось несправедливому нападенію, они пріобрѣтутъ благодарныхъ союзниковъ, заслужатъ похвалу своимъ благороднымъ поступкомъ и получатъ преобладаніе на западномъ морѣ, на которое до сихъ поръ еще не распространилось ихъ владычество. Коркира не связана никакими обязанностями относительно другихъ государствъ; принявъ ее въ свой союзъ, Аѳины не нарушатъ мира со Спартою, а упрочатъ его. На эту рѣчь отвѣчали коринѳскіе послы, пріѣхавшіе отклонить аѳинянъ отъ союза съ коркирянами и то же находившіеся въ народномъ собраніи. Они говорили, что коркиряне не присоединялись до сихъ поръ ни къ аѳинскому, ни къ спартанскому союзу, потому что думаютъ только о своихъ собственныхъ выгодахъ; они оставляли за собой свободу дѣйствовать своекорыстно, нарушать чужія права, не стѣняясь ни чьимъ мнѣніемъ; свою надменность они доказали тѣмъ, что давно пренебрегли обязанностью оказывать уваженіе Коринѳу, своей метрополіи; ихъ пренебреженіе къ справедливости ясно видно изъ того, какъ поступили они съ Эпидамномъ, коринѳскою колоніей; они нарушили свои обязанности относительно метрополіи и уже находятся въ войнѣ съ нею; если аѳиняне подадутъ имъ помощь, это будетъ нарушеніемъ мира, объявленіемъ войны Коринѳу, тому государству, которое, при войнѣ аѳинянъ съ возставшими противъ нихъ самосцами, удержало пелопоннесцевъ отъ помощи инсургентамъ и этимъ поступкомъ установило правило, что государство, находящееся во главѣ союза, имѣетъ право принуждать своихъ союзниковъ къ повиновенію; если аѳиняне нарушатъ это правило, подавъ помощь коркирянамъ, которые должны находиться въ зависимости отъ своей метрополіи, то они сами пострадаютъ отъ этого въ будущемъ; такимъ образомъ аѳиняне по всѣмъ расчетамъ благоразумія должны не принимать коркирянъ въ свой союзъ, должны принятіемъ справедливаго рѣшенія поддержать дружбу съ Коринѳомъ и устранить тѣмъ возможность войны между Аѳинами и Пелопоннесомъ.

Рѣшеніе аѳинянъ. Аѳиняне долго колебались между выгодною и справедливостью; наконецъ избрали средній путь. Они не приняли коркирянъ въ члены своей федераціи, но заключили съ ними оборонительный союзъ, по которому Коркира признавала себя находящеюся подъ покровительствомъ Аѳинъ, и въ случаѣ вторженія непріятеля въ одно изъ этихъ двухъ государствъ другое обязывалось подавать ему помощь. Въ исполненіе этого договора аѳиняне послали десять тріеръ, поручивъ имъ противиться высадкѣ коринѳянъ на Коркиру. Эта полумѣра привела къ одному результату. Коринѳскій и коркирскій флоты встрѣтились у Сиботы; битва длилась цѣлый день. Она была, по словамъ Фукидида, самымъ большимъ изъ всѣхъ морскихъ сраженій, какія бывали до той поры между греками. Коринѳяне начинали одолѣвать. Но появились 20 аѳинскихъ тріеръ, посланныхъ на подкрѣпленіе десяти, отправленнымъ прежде, и коринѳяне, опасаясь, что онѣ

Битва у Сиботы. Весна 482.

примутъ участіе въ битвѣ, прекратили сраженіе. Такимъ образомъ, исходъ его остался нерѣшительнымъ. И коринѳяне, и коркиряне присвоивали себѣ побѣду въ немъ, и тѣ и другіе поставили памятники, какъ побѣдители.

Коринѳяне считали нарушеніемъ мира помощь, поданную аѳинянами коркирянамъ; еще болѣе раздражило ихъ то, что аѳиняне осадили Потидею, ихъ колонію, принадлежавшую къ аѳинскому союзу и отложившуюся отъ него въ надеждѣ на поддержку со стороны Пелопоннескаго союза.

Потидея стояла на узкомъ перешейкѣ, соединяющемъ Палленскій полуостровъ съ материкомъ. Она тяготилась зависимостью отъ Аѳинъ; аѳиняне, опасаясь, что, при возрастающихъ неудовольствіяхъ между ними и пелопоннесскимъ союзомъ, она отложится отъ ихъ федераціи, потребовали, чтобы потидеяне сломали укрѣпленія своего города со стороны, обращенной къ полуострову, дали заложниковъ своей вѣрности союзу, разорвали свою связь съ Коринѳомъ (коринѳяне прислали въ Потидею депутата, который занималъ почетное мѣсто въ управленіи городомъ; депутаты эти смѣнялись каждый годъ; аѳиняне требовали, чтобы потидеяне отослали коринѳскаго сановника, бывшего тогда у нихъ, и не принимали новыхъ). Подитидеяне отказались исполнить эти требованія, и отложились отъ союза съ Аѳинами, надѣясь на поддержку македонскаго царя Пердикки, коринѳянъ и лакедемонянъ. Пердикка былъ прежде въ союзѣ съ Аѳинами, но сталъ съ нѣкотораго времени врагомъ ихъ, стараясь всячески вредить имъ, убѣдилъ грековъ, жившихъ мелкими поселеніями по берегу Халкидики, разрушить эти свои неукрѣпленные маленькіе города и переселиться дальше отъ моря, въ укрѣпленный Олинѳъ. Онъ теперь возбуждалъ потидеянъ противъ аѳинянъ. Когда Потидея отложила отъ Аѳинъ, онъ прислалъ въ защиту ей отрядъ конницы; коринѳяне прислали ей на помощь отрядъ гоплитовъ подъ начальствомъ Аристия. Олинѳяне тоже пришли ей на помощь. Аѳиняне отправили противъ Потидеи эскадру съ десантнымъ войскомъ. Оно одержало побѣду въ упорномъ сраженіи. Аѳиняне осадили городъ съ моря и съ суши и стали дѣлать опустошительныя набѣги по всей Халкидикѣ.

Раздраженные неудачами коринѳяне видѣли, что могутъ одолѣть ненавистныхъ соперниковъ, лишь поднявъ противъ нихъ пелопоннесскій союзъ, и стали склонять спартанцевъ къ войнѣ съ Аѳинами. Требованіе коринѳянъ поддерживали эгинцы, жаловавшіеся на обиды со стороны своихъ могущественныхъ сосѣдовъ, и мегаряне, которымъ аѳиняне запретили всякую торговлю съ Атикою.

Мегара, принадлежавшая къ аѳинской федераціи, отложила отъ нея и присоединилась къ пелопоннесскому союзу, въ которомъ владычествовали соплеменники мегарянъ, дорійцы (стран. 542). Аѳиняне, по досадѣ на это, а быть можетъ также и по торговому соперничеству съ мегарянами, запретили имъ подъ страхомъ смертной казни всякія торговля сношенія съ Атикою и всѣми государствами аѳинскаго союза. Предлогомъ этого распоряженія аѳиняне выставили то, что мегаряне укрывали бѣжавшихъ къ нимъ аѳинскихъ рабовъ, захватили и распахали пастбище, которое

2. Ссора аѳинянъ съ коринѳянами за Потидею.

Сентябрь 482.

3. Ссора аѳинянъ съ Мегарою.

прежде находилось въ общемъ пользованіи у нихъ и у аѳинянъ. Торговля съ Атикою была главнымъ источникомъ благосостоянія для маленькаго мегарскаго государства; запрещеніе этой торговли и закрытіе всѣхъ гаваней аѳинской дефѳерации для мегарскихъ кораблей повергло мегарянъ въ бѣдственное положеніе.

Совѣщаніе де-
путатовъ пело-
поннесскаго
союза.

Спартанцы, неохотно уступая требованіямъ коринѳянъ, эгинцевъ и мегарянъ, пригласили государства пелопоннесскаго союза прислать въ Спарту депутатовъ для постановленія общаго союзнаго рѣшенія по жалобамъ членовъ федераціи на обиды отъ аѳинянъ.

Рѣчь коринѳ-
скаго посла.

Когда собравшійся конгрессъ выслушалъ жалобы пословъ Мегары и другихъ союзныхъ государствъ на аѳинянъ, сталъ говорить коринѳскій посолъ. Онъ въ очень умно обдуманной рѣчи описалъ живыми красками неутомимую дѣятельность честолюбивыхъ аѳинянъ, постоянно стремящихся расширить свое владычество; онъ ярко обрисовывалъ ихъ предпріимчивость, ихъ энергію, не ослабѣвающую отъ неудачъ, представляющую рѣзкій контрастъ медленности, мнительности, чрезмѣрной осторожности спартанцевъ, которые, говорилъ онъ, бездѣйствуютъ, сидя у себя дома, держась устарѣлыхъ правилъ, и тѣмъ даютъ время и просторъ предпріимчивой аѳинской демократіи приводить въ исполненіе всѣ ея замыслы. Онъ кончилъ свою искусную рѣчь требованіемъ, чтобы лакедемоняне покинули наконецъ свою нерѣшительность и помогли своимъ соплеменникамъ потидеянамъ, пославъ войско въ Атику; иначе коринѳяне и другіе союзники спартанцевъ, потерявъ всякую надежду на нихъ, принуждены будутъ—

Рѣчь аѳинскаго
посла.

говорилъ онъ—искать себѣ иныхъ друзей. Его слова сильно подѣйствовали на конгрессъ. Напрасно аѳинскій посолъ, находившійся тогда въ Спартѣ по другому дѣлу, защищалъ свое отечество, съ патріотическою гордостью напоминая о томъ, какія жертвы принесли, какія заслуги передъ Греціею пріобрѣли аѳиняне во время персидскихъ войнъ; напрасно онъ доказывалъ, что они поступаютъ съ своими союзниками справедливо и

Рѣчь Архидамы.

кротко, и убѣждалъ конгрессъ не рѣшать вопросъ опрометчиво; напрасно по окончаніи засѣданія конгресса, когда депутаты союзниковъ и аѳинскій посолъ удалились и спартанцы продолжали совѣщаніе одни, царь Архидамъ убѣждалъ своихъ согражданъ не рѣшаться необдуманнымъ образомъ на войну съ могущественнымъ государствомъ, имѣющимъ сильный флотъ, богатую казну, хорошее сухопутное войско, очень много союзниковъ, многочисленное населеніе, плодородную страну, имѣющимъ въ изобиліи все нужное для войны; напрасно онъ говорилъ, что лучше будетъ попытаться, не удастся ли покончить дѣло мирнымъ образомъ, и во время переговоровъ готовиться къ войнѣ на тотъ случай, если она окажется неизбежною: тогда можно будетъ вести ее успѣшнѣе. Спокойная рѣчь разсудительнаго царя не понравилась спартанцамъ, издавна негодовавшимъ на аѳинянъ, находившихся теперь въ раздраженномъ настроеніи, ослѣпленных надеждою на побѣды: съ сочувствіемъ слушали они горячія слова эфора Стенелая, совѣтовавшаго не терять времени: честь спартанцевъ требуетъ, говорилъ онъ, чтобы они защищали своихъ союзниковъ не переговорами, а оружіемъ.

Рѣчь эфора
Стенелая.

Рѣшеніе пело-
поннесскаго
союза.

Такимъ образомъ, на совѣщаніи спартанцевъ большинство голосовъ было подано за предложеніе признать аѳинянъ нарушившими миръ

съ пелопоннесскимъ союзомъ. Дельфійскій оракулъ обѣщалъ спартанцамъ помощь Аполлона и побѣду, если они будутъ вести войну энергически. Аристократическая партія во всѣхъ греческихъ государствахъ желала, чтобы гегемонія Спарты распространилась на всю Грецію, и одобряла войну. Но чтобы не подвергнуться упреку въ самовластномъ началіи войны такой важной, спартанцы черезъ нѣсколько недѣль снова созвали всѣхъ союзниковъ на конгрессъ. Коринѳяне всячески старались возбудить другихъ союзниковъ къ войнѣ: эти усилія ихъ имѣли большой успѣхъ, и легко было предвидѣть рѣшеніе конгресса. Когда онъ собрался, коринѳскій посланникъ снова самымъ настойчивымъ образомъ потребовалъ объявленія войны Аѳинамъ и немедленнаго отправленія помощи потидеянамъ. Рѣшеніе, принятое Спартою, было одобрено конгрессомъ, и онъ постановилъ, что всѣ союзныя государства должны участвовать въ войнѣ, потому что только общими усиліями могутъ спастись они отъ пораженія аѳинянами. Таковъ былъ ходъ дѣлъ, который привелъ къ войнѣ, погубившей всю Грецію. Истинными причинами ея были не мнимыя Истинныя при-
чины войны.
Осень, 432.

вины аѳинянъ, не нарушившихъ своего договора съ пелопоннесскимъ союзомъ, а ненависть пелопоннессцевъ къ Аѳинамъ, опасенія, которыя внушало имъ возрастающее могущество этого государства и надежда ихъ скоро одолѣть его.

Готовясь начать войну, спартанцы хотѣли выставить передъ всѣми греками, что вся вина за нее должна падать на аѳинянъ; съ тѣмъ вмѣстѣ они хотѣли компрометировать во мнѣніи самихъ аѳинянъ Перикла, чьи правительственные таланты были страшны имъ. Они знали, что у этого гениальнаго государственнаго человѣка много враговъ между своими согражданами, что и консерваторы и радикалы желаютъ низвергнуть его; съ этою цѣлью и было, какъ мы знаемъ, внесено въ народное собраніе предложеніе потребовать у него отчета въ его дѣйствіяхъ (страница 543). Политическая комедія жадно привязывалась ко всякому предлогу преслѣдовать своими насмѣшками людей, дружныхъ съ ними, чтобы кстати, клеветать и на него.

Обвиненія,
введенныя на
Перикла.

Многочисленные противники Перикла, поддерживаемые сыномъ его, Ксантипомъ, человѣкомъ дурнаго образа жизни, обвиняли судебнымъ порядкомъ ближайшихъ къ нему людей,—Анаксагора и Аспазію въ атеизмъ, Фидію въ утайку части того золота, изъ котораго было поручено ему сдѣлать плащъ парѳенонской статуи Аѳины. Периклу удалось, хотя съ большимъ трудомъ, получить оправданіе для Аспазіи, обвиненіе противъ которой говорило, что она оскорбляетъ боговъ своимъ невѣріемъ и ведетъ безнравственный образъ жизни. Но Анаксагоръ долженъ былъ бѣжать изъ Аѳинъ (стран. 347). Фидій оправдался по обвиненію въ утайкѣ золота: снявъ плащъ Паллады и взвѣсивъ его, нашли, что все золото цѣло; но кажется, все таки онъ умеръ въ темницѣ, подвергнувшись обвиненію въ томъ, что въ числѣ фигуръ, украшавшихъ щитъ Паллады, помѣстилъ портреты свой

и Перикла и тѣмъ нарушилъ уваженіе къ религіи. Но если-бъ и дѣйствительно онъ изобразилъ Перикла на этомъ щитѣ, то было вполнѣ прилично на памятникѣ величія Аѣинъ находится портрету человека, которому Аѣины были обязаны своимъ величіемъ.—Теперь спартанцы потребовали, чтобъ аѣиняне изгнали потомковъ тѣхъ людей, которые навлекли проклятіе на себя и на свой родъ убійствомъ сообщниковъ Килона (стр. 243, 305); дѣлая это требованіе, спартанцы выставляли себя передъ Греціею ревнителями религіи; но главною цѣлью ихъ было повредить Периклу, по женской линіи происходившему отъ Алкмеонидовъ. Это не удалось. Аѣиняне отвѣчали, что спартанцы прежде должны сами примириться съ богами, очиститься отъ грѣха, которому подвергли государство, избивъ илотовъ, убѣжавшихъ въ храмъ Посейдона на Тенарѣ и уморивъ голодомъ Павзанія, скрывшагося въ храмъ Паллады мѣднодомной.

Требованія Спарты. Послѣ этого спартанцы прислали аѣинянамъ требованія болѣе серьезныя: аѣиняне должны оставить въ покоѣ Потидею, отмѣнить законъ, воспретившій мегарянамъ посѣщать ихъ рынки и гавани, возвратить независимость Эгинѣ; наконецъ предъявили они и существеннѣйшее свое требованіе: аѣиняне должны возвратить свободу всѣмъ греческимъ государствамъ, то есть, отказаться отъ своей гегемоніи. Аѣинскій народъ собрался рѣшить, какой отвѣтъ должно дать спартанцамъ. Противники Перикла говорили, что спартанцы согласятся на миръ, если отмѣнить постановленіе, воспрещавшее мегарянамъ торговлю съ Аттикой; это постановленіе было принято по предложенію Перикла; потому противники его и говорили, что этой незначительной уступкой можно сохранить миръ и что не должно подвергаться опасностямъ тяжелой войны изъ-за ничтожнаго дѣла. Но Периклъ превосходно доказалъ, что и честь, и выгода государства требуютъ рѣшиться на войну.

Рѣчь Перикла о необходимости войны. Периклъ говорилъ: по условіямъ договора со Спартою, она должна была предоставить споръ рѣшенію безпристрастнаго третейскаго суда; вмѣсто того, спартанцы говорятъ языкомъ повелителей, предъявляютъ свои требованія съ мечомъ въ рукѣ; они завидуютъ аѣинянамъ, хотятъ угрозами принудить ихъ къ постыдной покорности; всякая уступка спартанцамъ поведетъ только къ новымъ, болѣе высокомернымъ требованіямъ; лучше этого открытая война; въ ней всѣ выгоды будутъ на сторонѣ аѣинянъ; у пелопоннесскаго союза нѣтъ ни единства правительственной власти, ни флота, ни казны, ни опредѣленныхъ доходовъ, ни вообще денежныхъ средствъ, какія нужны для веденія войны; потому при всей храбрости своихъ гоплитовъ, пелопоннесцы не могутъ вести продолжительную войну за предѣлами своего союза; если аѣиняне будутъ избѣгать сраженій на сухомъ пути, ограничиваясь обороною крѣпостей, и будутъ, пользуясь своимъ преобладаніемъ на морѣ, посылать эскадры, которыя будутъ дѣлать высадки на непріятельскихъ берегахъ, то они скоро доведутъ своихъ противниковъ до изнуренія, принудятъ спартанцевъ просить мира; потому должно дать спартанскимъ посламъ такой отвѣтъ: аѣиняне готовы дозволить мегарянамъ посѣщать свои рынки и гавани, если лакедемоняне также дозволитъ всѣмъ другимъ грекамъ посѣщать ихъ страну; готовы признать независимость всѣхъ тѣхъ государствъ, которыя были независимы во время заклю-

ченія мира между Аѣинами и Спартою, но при этомъ и Спарта должна предоставить полную независимость своимъ союзникамъ; аѣиняне сами не начнутъ войны, но готовы отразить всякое нападеніе.

Народное собраніе одобрило мнѣніе Перикла, и спартанскимъ посламъ рѣшеніе аѣинъ было данъ отвѣтъ: аѣиняне не исполняютъ требованій спартанцевъ, но готовы передать дѣло по жалобамъ противъ нихъ на рѣшеніе безпристрастнаго третейскаго суда. Они хотѣли показать, что желаютъ до конца оставаться вѣрны условіямъ мира. Периклу, быть можетъ, казалось, что война будетъ лучшимъ средствомъ прекратить внутренніе раздоры, соединить всѣхъ гражданъ въ стремленіи ко благу государства.

Отвѣтъ аѣинянъ былъ фактическимъ объявленіемъ войны и при первомъ, хотя бы маловажномъ столкновеніи она должна была вспыхнуть. Этотъ толчекъ былъ данъ нападеніемъ ѳиванскихъ аристократовъ на Платею. По тайному соглашенію съ своими платейскими приверженцами они послали отрядъ, состоявшій изъ 300 человекъ, овладѣть посредствомъ неожиданнаго нападенія этимъ городомъ, находившимся въ союзѣ съ Аѣинами, и подчинить его гегемоніи ѳивъ. Отрядъ подошелъ ночью къ Платеѣ и, не встрѣчая сопротивленія, вступилъ въ городъ. Платейскіе демократы, не ожидавшіе ничего подобнаго, скоро оправившись отъ изумленія, напали на ѳиванцевъ и послѣ ожесточеннаго боя въ улицахъ города одолѣли ихъ; 180 человекъ ѳиванцевъ были взяты въ плѣнъ; платейяне казнили ихъ. Это было сдѣлано очень быстро, безъ вѣдома аѣинянъ, которые вѣроятно удержали бы платейянъ отъ казни плѣнниковъ, посовѣтовали бы оставить ихъ заложниками соблюденія мира со стороны ѳиванцевъ. Но дѣло было кончено; аѣиняне объявили, что будутъ защищать платейянъ, и послали отрядъ войска въ Платею. Этотъ случай послужилъ сигналомъ начатія войны; вся Греція взволновалась. Молодые люди, въ большей части греческихъ городовъ еще не имѣвшіе случаевъ участвовать въ походахъ, желали отличиться храбрыми подвигами; пророчества и знаменія природы предвѣщали наступленіе великихъ катастрофъ. Большая часть государствъ материковой Греціи — одни, по желанію свергнуть съ себя гегемонію Аѣинъ, другія по опасенію подвергнуться ей — приняли сторону спартанцевъ, провозглашавшихъ, что цѣль войны — освобожденіе всѣхъ грековъ.

На Истмѣ собралось войско пелопоннесскаго союза, простиравшееся до 60000 человекъ тяжелой вооруженной пѣхоты; одинъ изъ спартанскихъ царей, Архидамъ, повелъ его въ Аттику. Передъ вступленіемъ въ нее онъ послалъ въ Аѣины вѣстника; аѣиняне отпустили вѣстника, отказавшись слушать привезенныя имъ предложенія. Периклъ хотѣлъ вести наступательную войну на морѣ, а на сушѣ только оборонительную. Онъ обвелъ окрестности Аѣинъ рядами укрѣпленій и

рѣшеніе аѣин-
скаго народнаго
собранія.

Нападеніе ѳиванцевъ на Платею.

Начало апрѣля, 431 г.

431 г.

пригласилъ поселенъ Аттики уйти съ семействами и всеѣмъ имуществомъ въ Аѣины; овецъ и рабочій скотъ онъ перевезъ на Эвбею и другіе сосѣдніе острова. Онъ поддерживалъ мужество гражданъ, говоря имъ объ огромности денежныхъ средствъ государства и о томъ, что Аѣины очень хорошо укрѣплены *); онъ убѣдилъ аѣинянъ постановить, чтобы народное собраніе не было созываемо, пока непріятель находится въ Атикѣ, и принялъ все необходимыя мѣры предосторожности. Поселянамъ было очень тяжело покидать свои дома и привычный образъ жизни, покидать семейныя святилища, но они послѣдовали совѣту Перикла. Они устроили себѣ пріюты на площадяхъ, на старомъ Пеластикѣ подѣ Акрополемъ и вдоль Длинныхъ стѣнъ до Пирея; нѣкоторые поселились въ храмахъ. Когда они уходили изъ своихъ жилищъ, на душѣ у нихъ было, по выраженію Фукидида, такъ, какъ будто они покидаютъ родину.

Опустошеніе
Аттики.

Спартанцы вообще вели военныя дѣйствія медленно; кромѣ того Архидамъ и преднамѣренно медлилъ, все еще надѣясь устранить необходимость войны переговорами; потому поселене Аттики имѣли время укрыться въ Аѣины. Они уже перевезли туда все свое движимое имущество, когда непріятельское войско вступило въ Атику. Сдѣлавъ неудачное нападеніе на Эны, укрѣпленное мѣстечко, стоявшее близъ границъ Беотіи, оно опустошило огнемъ и мечомъ Элевзинъ и Тріасійскую равнину, расположилось укрѣпленнымъ станомъ въ Ахарнахъ и стало посылать оттуда по всей Атикѣ отряды, которые опустошали нивы и виноградники, рубили оливковыя деревья, раззоряли покинутыя жилища. Аѣинская конница, хотя и была подкрѣплена отрядомъ эссалійской, не могла однакожъ много мѣшать этому опустошенію. Аѣинское войско, собранное въ столицѣ, не было выводимо Перикломъ въ поле, досадовало на свое бездѣйствіе, и только уваженіе къ Периклу сдерживало ропотъ. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ принудилъ Архидама въ концѣ лѣта уйти изъ Ат-

*) Фукидидъ (II, 13) приводитъ слѣдующія цифры: подать, платимая союзниками, составляла 600 талантовъ; въ Акрополѣ хранилось 6000 талантовъ серебра въ монетѣ; кромѣ того, было по самой низкой оцѣнкѣ до 500 талантовъ золота и серебра въ священной утвари и другихъ драгоценностяхъ храмовъ; въ этотъ счетъ не вошли значительныя суммы денегъ, отданныя на сохраненіе въ храмы, и не вошла золотая мантія статуи Аѣины въ Паренонѣ, вѣсомъ въ 40 талантовъ чистаго золота (талантъ золота стоилъ около 16,500 рублей серебромъ). Изъ государственной казны была, по рѣшенію народнаго собранія во второй годъ войны, отдѣлена сумма въ 1000 талантовъ про запасъ для случаевъ крайности, и было подѣ страхомъ смертной казни запрещено дѣлать предложенія объ употребленіи этого резервнаго фонда на какіе нибудь другіе расходы, кромѣ военныхъ. Сверхъ войска, составлявшаго гарнизоны крѣпостей, у аѣинянъ оставалось 13000 человекъ тяжеловооруженной пѣхоты для походовъ, 16000 юношей, пожилыхъ гражданъ и метековъ для охраненія границъ и для обороны города Аѣинъ; кромѣ того было 1200 всадниковъ и 1600 стрѣлковъ.

тики; вернувшись въ Пелопоннесъ, онъ распустилъ войска союзниковъ. Тогда Периклъ, не допуская народнаго собранія во время осады, чтобы народъ не принялъ опрометчивыхъ рѣшеній, отплылъ съ флотомъ къ Мегарѣ и отмстилъ опустошеніемъ этого дорійскаго государства за опустошеніе Аттики. Аѣиняне истребили хлѣбъ на поляхъ, вырубали сады, оливковыя роши, виноградники. Это повторилось въ продолженіе войны нѣсколько разъ и довело мегарянъ до такого обнищанія, что потомки ихъ еще во времена Павзанія рассказывали о бѣдствіи, какому тогда подверглась ихъ родина. Въ дѣйствіяхъ противъ Мегары помогали прибывшему съ Перикломъ войску матросы другой эскадры, которая къ тому времени возвратилась изъ своей экспедиціи. Эта эскадра, состоявшая изъ ста триаръ, ходила къ берегамъ Пелопоннеса, дѣлала высадки на нихъ, опустошала прибрежныя мѣстности, такъ что нанесла много вреда спартанцамъ и ихъ союзникамъ. Другая эскадра между тѣмъ дѣйствовала противъ Эгины; она прогнала изъ родины эгинцевъ, издавна враждебныхъ аѣинянамъ, бывшихъ виновниками и этой войны; на покинутый прежними жителями островъ переселились граждане Аттики *). Спартанцы дали изгнанникамъ земли въ Фиреатидѣ, на границѣ Лаконіи.

Первый годъ войны былъ вообще довольно благопріятенъ для аѣинянъ; но онъ принесъ имъ и страданія, которыя легко могли породить въ нихъ уныніе, наполнить ихъ сердца мрачными мыслями о будущемъ. Въ особенности много печальныхъ чувствъ должно было возбудить печальное торжество, которое было совершено, по старому обычаю, на дальнемъ Керамикѣ въ честь погибшихъ на войнѣ гражданъ. Но этотъ скорбный обрядъ, при которомъ рыдали, конечно, не однѣ только наемныя плакальщицы, безъ сомнѣнія облегчали свое горе слезами и многіе сокрушенные смертью близкихъ, получилъ возвышающій душу характеръ: такое дѣйствіе имѣла рѣчь, которую по порученію своихъ согражданъ произнесъ передъ собравшимся на Керамикѣ народомъ Периклъ; онъ изобразилъ слушавшимъ его величіе ихъ отечества, наполнилъ ихъ сердца патріотическою гордостью, пробудилъ въ нихъ благородныя, возвышенныя мысли.

Периклъ прославлялъ демократическія учрежденія, основанныя отцами слушавшихъ его гражданъ, усовершенствованныя ими, дающія всеѣмъ граж-

*) Съ той поры утратилъ историческое значеніе богатый островъ, на которомъ процвѣтали искусства и въ честь котораго писалъ оды Пиндаръ:

«По волѣ вѣчныхъ боговъ поставленъ, подобно колоннѣ, этотъ укрощающій волны островъ, пріютъ для всехъ иноземцевъ, на которомъ получаетъ почитаніе отъ всехъ народовъ спасительница Фетида, царствующая на немъ вмѣстѣ съ гостепріимнымъ Зевсомъ». (Пиндаръ, 8-ая олимпійская ода).

Рѣчь Перикла дана въ равенство передъ закономъ, открывающія доступъ къ почестямъ въ честь убитыхъ. не однимъ только знатымъ или богатымъ, а всѣмъ безукоризненнымъ и достойнымъ гражданамъ; прославлялъ свободный характеръ аѳинскаго государственнаго порядка и терпимость народа, допускающаго разнообразіе понятій и образа жизни, позволяющаго каждому развиваться и жить свободно въ влеченіяхъ своей природы, безъ всякихъ стѣсненій, подлѣ единственной обязанностью уважать правительство, законъ и обычаи, подлѣ единственнымъ владычествомъ общественнаго мнѣнія, руководимаго чувствомъ чести, подлѣ единственнымъ условіемъ не оскорблять нравовъ и врожденнаго людямъ чувства справедливости; онъ говорилъ о томъ, какой отрадный отдыхъ отъ трудовъ и заботъ жизни даютъ аѳинянамъ ихъ религиозные праздники, общественныя игры, наслажденія, доставляемыя изящными искусствами; разговоры съ иностранцами, которые свободно пріѣзжаютъ въ Аѳины; онъ противопоставлялъ свѣтлую аѳинскую жизнь суровой замкнутости спартацевъ; онъ говорилъ аѳинянамъ о томъ, что на войнѣ они привыкли побуждаться не хитростями, а врожденнымъ мужествомъ; что хотя они не считаютъ нужнымъ готовить себя къ военному ремеслу долгими утомительными упражненіями, но въ часъ опасности умѣютъ быть отважны и побуждаться; что истинно храбрыми людьми надобно считать тѣхъ, кто, какъ они, зная военныя лишенія и наслажденія мира, не боятся и опасностей битвъ. И сколько другихъ достоинствъ имѣетъ наше государство!—продолжалъ онъ: „любовь къ прекрасному не заглушаетъ въ насъ любви къ простотѣ, любовь къ наукѣ не отнимаетъ у насъ практической энергіи; мы умѣемъ пользоваться нашимъ богатствомъ, не тщеславимся имъ; бѣдность у насъ не стыдъ; осуждаютъ у насъ лишь того, кто бѣденъ по лѣности. Мы заботливо занимаемся государственными дѣлами, не пренебрегаемъ изъ-за этого ремесленными и земледѣльческими работами; и считаемъ празднаго человѣка бесполезнымъ гражданиномъ. У насъ разсудительность соединена съ предпріимчивостью, внимательныя совѣщанія о государственныхъ дѣлахъ не мѣшаютъ намъ дѣйствовать быстро, разсудительныя рѣши не мѣшаютъ отважнымъ подвигамъ. Это соединеніе умственныхъ и физическихъ силъ дѣлаетъ Аѳины училищемъ для всей Греціи, возбуждаетъ удивленіе въ современникахъ, будетъ возбуждать его въ потомствѣ. Таково государство, за которое умерли славною смертью въ бою эти граждане. Незабвенно будетъ то, что они, благородно соревнуя между собою, стремились возвеличить могущество и славу родины, и самымъ лучшимъ способомъ воздавать честь ихъ памяти будетъ стараться показывать себя подобными имъ храбростью, съ твердымъ убѣжденіемъ, что счастье основано на свободѣ, а свобода на мужествѣ“.

Эпидемія въ Аѳинахъ и ея послѣдствія. Периклъ кончилъ словами утѣшенія роднымъ убитымъ и объявленіемъ, что государство принимаетъ на себя содержаніе ихъ сиротъ до двадцати лѣтъ. Его рѣчь удвоила отвагу людей твердыхъ духомъ, ободрила малодушныхъ. Когда на слѣдующую весну Архидамъ снова вступилъ въ Аттику и прошелъ, опустошая все побережье, до самой горы Лавріа, аѳиняне по прежнему выжидали, пока онъ уйдетъ. Но на этотъ разъ къ войнѣ прибавилось новое, ужасное бѣдствіе, которое унесло больше жертвъ, чѣмъ мечъ и огонь,—та аѳинская моровая язва, которую такъ ярко описалъ Фукидидъ (самъ подвергавшійся ей),—*loimos*, какъ называли ее греки,—эпидемія, принадлежавшая къ разряду заразительныхъ тифоидальныхъ лихорадокъ. Она шла изъ

Эѳіопіи и Египта, проникла въ земли персидскаго царства, потомъ на греческіе острова и черезъ Пирей прошла въ Аѳины, гдѣ, съ нѣкоторыми перерывами, свирѣпствовала три года, поддерживаясь и усиливаясь тѣмъ, что собравшееся туда множество народа тѣснилось въ дурныхъ, грязныхъ хижинахъ; другими обстоятельствами, усилившими ее, были: необыкновенныя перемѣны погоды, тревожное настроеніе народа, недостатокъ въ пищѣ; врачебное искусство было безсильно противъ болѣзни; наконецъ она сама собою прекратилась, пожравъ безчисленныя жертвы. Она поражала безразлично всѣ возрасты, всѣ состоянія. Заболѣвшіе мучились семь или девять дней ужасными страданіями и умирали или отъ изнуренія внутреннимъ лихорадочнымъ жаромъ, соединеннымъ съ неутолимою жаждою и съ бессонницею, или, когда болѣзнь распространялась на кишечный каналъ, отъ поноса. Больные лежали вмѣстѣ съ умершими; полумертвые падали на улицахъ, около водоемовъ; умершихъ хоронили безъ обычныхъ обрядовъ, часто безъ соблюденія привычнаго уваженія къ тѣлу человѣка: бросали трупы грудями въ могилы, въ пропасти, бросали на костры, приготовленные для сожженія другихъ умершихъ. Дѣйствія заразы не ограничивались тѣмъ, что отъ нея умирало множество людей: неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ отнимала всякое благоразуміе у здоровыхъ; они презирали нравственность и законъ, слушали только внушенія страстей, спѣша насладиться, пока живы; преступленія совершались безбоязненно: смерть отъ болѣзни грозила всѣмъ, передъ этою опасностью была ничтожна опасность подвергнуться суду. Вѣра въ боговъ колебалась, потому что молитвы, жертвы, религиозныя процессіи не приносили пользы, и оказывались лживы совѣты оракуловъ, указывавшихъ средства смягчить гнѣвъ боговъ. Узы дружбы и родства ослабѣвали; законъ и правительство были безсильны; добродѣтель, благородство были осмѣиваемы. Отъ заразы умерло 4,500 гражданъ изъ числа гоплитовъ и 300 изъ класса всадниковъ. Потери Аѳинъ отражались на ходѣ войны тѣмъ тяжелѣе, что въ Пелопоннесѣ не было заразы.

Межь тѣмъ какъ въ Аѳинахъ свирѣпствовала зараза, и непріятель Учыніе аѳиняне опустошалъ Аттику, Периклъ, бывшій однимъ изъ стратеговъ того года, пошелъ съ флотомъ изъ 100 тріаръ къ восточному берегу упрекаетъ и Пелопоннеса и опустошилъ все побережье отъ Трезенъ и Эпидавра ободряетъ ихъ. до Лаконіи. Но зараза, свирѣпствовавшая и на флотѣ, не позволила пріобрѣсти большихъ успѣховъ. Она свирѣпствовала и въ войскѣ, осаждавшемъ Потидею; нападенія Гагнона и Клеопомпа на этотъ городъ были отбиты. Потерявъ много людей отъ болѣзни, эскадра Перикла возвратилась въ Аттику, изъ которой непріятель ушелъ раньше прежняго, потому что опасался тоже подвергнуться заразѣ. Военныхъ удачъ не было, аѳиняне желали мира и роптали на Перикла, котораго называли виновникомъ войны. Онъ снова возвысилъ

въ народномъ собраніи свой могущественный голосъ, успокоивая умы и упрекая гражданъ въ недостаткѣ твердости и въ неблагодарности.

Со всею силою и твердостью своего мужественнаго сердца Периклъ ободрялъ упавшихъ духомъ гражданъ; онъ говорилъ имъ, что честь и благо отечества надлежитъ ставить выше всего, что интересы отдѣльнаго лица должны быть подчиняемы общей пользѣ, что могуществомъ и благосостояніемъ государства обуславливается благосостояніе каждаго гражданина. Онъ упрекалъ аѳинянъ въ несправедливости за то, что они называютъ его одного виноватымъ въ бѣдствіяхъ войны, между тѣмъ какъ они сами рѣшили, что должно начать ее; онъ говорилъ, что напрасно ихъ неудовольствіе обращается на него, который всегда былъ безкорыстнымъ патриотомъ, думалъ всегда исключительно о благѣ отечества. Они граждане великаго государства, говорилъ онъ имъ, и должны показать себя достойными гражданами своей великой родины; тѣ бѣдствія, какія ниспосланы отъ боговъ, они должны переносить твердо, а противъ тѣхъ неудобствъ, какимы подвергается ихъ непріятель, они должны мужественно бороться. Они начали войну для спасенія чести и свободы государства, которому грозила опасность, начали ее для того, чтобы не терять пріобрѣтенное ихъ отцами; если они хотятъ, чтобы ихъ отечество сохранило могущество, свободу и славу, какимы оно обладаетъ, то должны переносить для общаго блага свои личныя страданія, не унывать въ бѣдствіяхъ и не возобновлять напрасной попытки просить мира у лакедемонянъ.

Довѣріе аѳинянъ къ Периклу.

Этими соображеніями Периклъ старался успокоить неудовольствіе аѳинянъ противъ него и ободрить ихъ; и дѣйствительно они послѣдовали его совѣтамъ: не возобновили переговоровъ о мирѣ и съ новымъ мужествомъ занялись приготовленіями къ продолженію войны. Но они тяготились своими бѣдствіями; имъ было жаль опустошенныхъ нивъ и разрушенныхъ домовъ. Вѣроятно этими тяжелыми чувствами объясняется то, что Периклъ, по обвиненію его враговъ Клеона, Симмія и Лакратиды, былъ признанъ геліастами виновнымъ въ дурномъ управленіи и приговоренъ къ уплатѣ большого штрафа; онъ не могъ внести этой суммы; потому, какъ неисправный должникъ государства, лишился права быть избираемъ въ правительственныя должности и не былъ выбранъ въ число стратеговъ слѣдующаго года. Глубоко оскорбленный, онъ пересталъ принимать участіе въ политическихъ дѣлахъ. Но недостатокъ талантовъ у другихъ государственныхъ людей заставилъ гражданъ раскаяться. Периклъ былъ выбранъ въ число стратеговъ и его вліяніе стало сильнѣе прежняго, такъ что, по словамъ Фукидида, Аѳины были республикою только по имени, а на самомъ дѣлѣ правилъ государствомъ Периклъ.

Смерть Перикла 429 г.

Но жизнь великаго человѣка приближалась къ концу. Когда онъ говорилъ своимъ согражданамъ рѣчь, убѣждавшую ихъ переносить личныя бѣдствія для блага отечества, онъ самъ страдалъ отъ тяжелыхъ ударовъ судьбы, такъ что могъ бы привести самого себя въ примѣръ твердости духа. Зараза отняла у него двухъ сыновей, сестру,

многихъ родныхъ и друзей. Онъ твердо выдержалъ эти потери; но когда умеръ его младшій сынъ Паралъ, и онъ долженъ былъ по обычаю положить вѣнокъ на умершаго, онъ въ первый разъ въ жизни заплакалъ. Его сыновья умерли бездѣтными; и чтобы не угасъ его родъ, народное собраніе дало право законнаго сына побочному его сыну отъ Аспазіи, называвшемуся по имени отца Перикломъ. Печаль, старость и хроническая лихорадка изнуряли его, и наконецъ одолѣли умственные и физическія силы великаго человѣка. Онъ умеръ въ третій годъ войны. Ему было тогда около 70 лѣтъ. Собравшіеся у постели умирающаго друзья, полагая, что онъ уже потерялъ сознание, перечисляли въ разговорѣ между собою его заслуги и побѣды; онъ открылъ глаза и сказалъ: «Одно вы забыли—то, чѣмъ я дорожу больше всего,—то что ни одинъ аѳинянинъ не надѣлъ траура по моей винѣ».

Для аѳинянъ въ ихъ тяжеломъ положеніи смерть Перикла была незамѣнимой утратой. Онъ возвелъ аѳинское государство на высоту могущества, довершилъ развитіе политическихъ учреждений, сдѣлалъ Аѳины столицею искусствъ и силою своего генія, авторитетомъ своего возвышеннаго и безкорыстнаго характера пріобрѣлъ такое уваженіе народа, что долго правилъ республикою, будто государь; онъ дѣлалъ все на благо народа, никогда не унижался ни до лести, ни до демагогическихъ интригъ. По его смерти не осталось человѣка, который внушалъ бы такое уваженіе народу и могъ бы руководить своими согражданами въ томъ духѣ, какъ онъ, могъ бы удерживать народное собраніе въ границахъ благоразумія, поддерживать порядокъ, охраняя и свободу; государство скоро сдѣлалось добычею честолюбивыхъ демагоговъ, ставившихъ выше общаго блага свои личные расчеты или интересы своей партіи, склонявшихъ народъ на свою сторону низкою лестью, угождавшихъ капризамъ и страстямъ непостоянной въ своихъ мысляхъ толпы. Знатные люди стали устраниваться отъ общественной жизни; совѣщанія правительственнаго совѣта и народнаго собранія утратили характеръ возвышенности, сдѣлались грубы, въ нихъ не стало прежней разсудительности. Увлекаемые страстью къ завоеваніямъ, аѳиняне стали предпринимать безразсудныя дѣла, раздробляли свои силы на разныя экспедиціи; потому веденіе войны лишилось единства, плана и она пошла дурно. Даровитѣйшіе военачальники подвергались обвиненіямъ, были стѣсняемы въ своихъ дѣйствіяхъ. Все это проявилось скоро послѣ смерти Перикла. Целопоннесскія морскія государства и въ особенности Мегара, пользуясь тѣмъ, что Аѳины были ослаблены заразою, посылали свои корабли вредить торговлѣ аѳинянъ и ихъ союзникамъ на Эгейскомъ морѣ; крейсера захватывали купеческія суда, убивали матросовъ, грабили товары; однажды непріятель, отплывши изъ Мегары къ Саламину, даже попытался напасть ночью на Пирей. Аѳиняне поставили въ Пирей сильный гарнизонъ, чтобы охранять его отъ по-

Послѣдствія смерти Перикла.

Ходъ войны въ 429—427 годахъ.

добныхъ нападеній, и въ раздраженіи казнили коринѳянина Аристѳа и лакедемонскихъ пословъ, которыхъ выдалъ имъ ихъ союзникъ, имѣвшій право гражданства въ Аѳинахъ, Садокъ, сынъ одрисскаго царя, Ситалька; тѣла казненныхъ бросили они въ пропасть. Осада Потидеи продолжалась. Голодъ тамъ достигъ такой степени, что люди ѣли трупы умершихъ и зимою городъ сдался подъ условіемъ, чтобы жителямъ его былъ данъ свободный пропускъ; они все ушли, и аѳиняне послали въ опустѣвшій городъ колонистовъ изъ Аттики. Завоеваніе Потидеи было важнымъ успѣхомъ; но аѳиняне были не въ силахъ сохранить владычество на западныхъ моряхъ и берегахъ. Ихъ искусный и храбрый военачальникъ Форміонъ одержалъ близъ Ріона побѣду надъ флотомъ коринѳянъ и сикіонцевъ, состоявшимъ болѣе чѣмъ изъ 70 тріеръ, хотя самъ имѣлъ ихъ только 20. Но ему не было послано подкрѣпленія; въ новой битвѣ близъ Навлакта онъ потерялъ нѣсколько тріеръ; у него оставалось только 11 кораблей; они спаслись благодаря храбрости воиновъ и искусству матросовъ; онъ принужденъ былъ послѣ того ограничиваться лишь оборонительными дѣйствіями. Онъ держался очень храбро; но по возвращеніи въ Аѳины былъ подвергнутъ денежному штрафу и, лишенный права занимать должности, умеръ, удалившись отъ военной дѣятельности. Не имѣли аѳиняне силъ и защитить вѣрныхъ своихъ союзниковъ, платейнъ. Осажденная пелопоннесцами и беотіанцами Платея была, послѣ долгой, геройской обороны, взята; побѣдители разрушили до основанія городъ, перебили всехъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, а ихъ женъ и дѣтей увели въ рабство.

Взятіе Потидеи.

Дѣйствія Форміона въ Коринѳскомъ заливѣ.

428—427.

Геройская защита Платеи и погибель ея. Архидамъ осаждалъ Платею, лето 429. Напрасные переговоры.

Ѳиванцы уже давно желали отомстить Платеѣ, гдѣ погибли постыдной смертью 300 человекъ изъ уважаемыхъ ими согражданъ. На третій годъ войны они убѣдили Архидамъ не идти въ Аттику, чтобы его войско не подверглось заразѣ, которая снова свирѣпствовала въ Аѳинахъ, а напасть на Платею и опустошить ея область. Платейяне отправили къ Архидаму пословъ, которые напомнили ему, что, послѣ побѣды надъ персами близъ ихъ города, Павзаній, въ присутствіи всехъ союзниковъ, обѣщавъ Платеѣ неприкосновенность свободы и независимости и далъ предъ жертвенникомъ Зевса-Освободителя клятву, что если кто нибудь нападетъ на этотъ городъ, то все греки пошлютъ войска на защиту его. „Именемъ боговъ, слышавшихъ данную тогда всеми союзниками клятву“, говорили послы, „мы требуемъ, чтобы вы не вступали въ нашу землю, не нарушали обѣщанія, оставили нашему городу независимость, какая должна принадлежать ему по клятвѣ Павзанія“. Архидамъ отвѣчалъ: „Ваши доводы будутъ справедливы, платейяне, если ваши поступки будутъ соответствовать вашимъ словамъ. Сохраните вашу независимость, какъ далъ ее вамъ Павзаній, но помогите и освобожденію другихъ государствъ, которыя дѣлили тогда съ вами опасности и участвовали въ данной вамъ союзниками клятвѣ, а теперь поработены аѳинянами; для освобожденія ихъ и другихъ греческихъ государствъ предпринята эта война, требующая такихъ усилій. Если же вы не хотите участвовать въ ней, то по крайней мѣрѣ сохраните миръ и не становитесь ни на чью сторону; поступайте съ обѣими сторо-

нами, какъ друзья, и не воюйте ни съ которою“. Послы передали требованіе Архидаму народному собранію; оно отвѣчало: „Не посовѣтовавшись съ аѳинянами, мы не можемъ согласиться на это требованіе“. Тогда Архидамъ предложилъ платейянамъ, чтобы они на время войны передали свой городъ спартамъ и свободно удалились, куда хотятъ; спартанцы будутъ давать имъ содержаніе, а по окончаніи войны возвратятъ имъ ихъ городъ. Платейяне просили позволенія посовѣтоваться объ этомъ съ аѳинянами. Архидамъ согласился на ихъ просьбу и не предпринималъ противъ нихъ враждебныхъ дѣйствій до возвращенія пословъ, отправленныхъ ими въ Аѳины. Аѳиняне отвѣчали, что просятъ ихъ оставаться вѣрными союзу, заключенному ихъ отцами, и что будутъ по возможности помогать имъ. Платейяне объявили со стѣны города, что не могутъ исполнить требованія лакедемонянъ. Призвавъ боговъ и героев платейской области въ свидѣтели, что въ нарушеніи обѣщанія виновны не лакедемоняне, попросивъ ихъ помощи справедливому дѣлу наказанія, исполняемому теперь имъ, Архидамъ началъ военные дѣйствія.

Укрѣпленія города не были сильны, и Архидамъ хотѣлъ взять ихъ приступомъ. Для этого онъ обвелъ стѣны его частоколомъ и сталъ дѣлать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, между частоколомъ и стѣною, насыпи, подымавшіяся горой къ стѣнѣ; боковыя стороны насыпей онъ строилъ изъ бревенъ, которыя клалъ рѣшеткою; промежутки боковыхъ рѣшетокъ насыпались глиною, камнемъ, пескомъ, вообще всемъ, что годилось. Семьдесятъ дней и ночей непрерывно шла эта работа; работало все войско, раздѣленное на смѣны, но и платейяне дѣйствовали энергично. Они твердо рѣшились обороняться, и чтобы можно было долѣе выдержать осаду, они, пока городъ еще не былъ окруженъ, отослали въ Аѳины всю неспособную сражаться часть населенія, — женщинъ, дѣтей и стариковъ; оставили въ городѣ только 110 женщинъ для приготовленія пищи. Когда непріятель сталъ вести насыпи, они подымали стѣны выше и выше въ тѣхъ мѣстахъ, куда упирались насыпи своими концами; они дѣлали надстройки изъ бревенъ съ кирпичемъ. Они вели подкопы подъ насыпи и уносили этими галлереями землю изъ нихъ, такъ что насыпи все опускались, и никакъ не могли быть подняты до высоты стѣнъ. А чтобы лучше обезпечить себя противъ приступа по насыпямъ, они построили противъ нихъ, за своею стѣною, другую стѣну, отходящую отъ наружной полумѣсяцемъ; такимъ образомъ, если бы непріятель взомелъ на первую стѣну, онъ встрѣтилъ бы вторую линію обороны. Съ такою же изобрѣтательностью и храбростью боролись они противъ тарановъ, которыми пелопоннесцы хотѣли разбить то надстройки на стѣнѣ, то самую стѣну: они закидывали канаты около тарановъ и оттягивали ихъ въ сторону или опускаемыми бревнами отбивали у нихъ металлические головы.

Нападеніе и оборона.

Осаждающіе навалили у стѣны огромный костеръ и зажгли его, чтобы пламя зажгло городъ; но вѣтеръ былъ не такой, какъ было бы нужно для успѣха; попытка не удалась. Тогда Архидамъ отказался отъ мысли о штурмѣ, и рѣшилъ блокировать городъ, чтобы принудить голодомъ къ сдачѣ храбрый гарнизонъ его, состоявшій изъ 400 гражданъ Платеи и 80 аѳинянъ. Онъ окружилъ городъ двумя стѣнами, образовавшими два кольца, въ разстояніи 16 футовъ одно отъ другаго; стѣны были построены болѣею частью изъ кирпича; въ поясѣ между ними были устроены деревянные дома для войска, предназначеннаго блокировать городъ, и состоявшаго наполовину изъ беотійцевъ, наполовину изъ пелопоннесцевъ; между домами были построены башни; со стороны города, передъ кольцомъ стѣны, былъ вырытъ широкій и глубокій ровъ, такой же ровъ былъ вырытъ кру-

Блокада, 428.

гомъ наружной стѣны; земля, взятая изъ рововъ, и послужила на выдѣлку кирпича для стѣнъ. Въ оба рва была проведена вода. Въ этомъ положеніи оставалось дѣло до зимы. Въ городѣ было ужь мало съѣстныхъ припасовъ, и половина гарнизона рѣшила уйдти. Въ темную бурную зимнюю ночь, 212 человекъ взошли по приготовленнымъ для этого лѣстницамъ на первую стѣну непріятельскаго укрѣпленія, овладѣли нѣсколькими башнями, спустились съ наружной стѣны, перешли наружный ровъ, одѣтый тонкимъ льдомъ, пошли по глубокому снѣгу черезъ горы и счастливо пришли въ Аѣны; то было отважное дѣло, въ которомъ эти храбрые воины выказали удивительную смѣлость и не менѣе удивительное хладнокровіе.

Взятіе Платей. Оставшіеся въ Платей держались до слѣдующаго лѣта; наконецъ, изнуренные голодомъ, они сдались спартамъ, давшимъ имъ обѣщаніе, что будутъ наказаны только тѣ, кто будетъ по суду найденъ виновнымъ. Спартамъ тогда ужь легко могли бы взять городъ приступомъ, но полагаи, что если онъ будетъ отданъ имъ своими гражданами по договору, то имъ легче будетъ при заключеніи мира оставить его подъ своею властью. Пелопоннесцы давали пищу плѣннымъ, въ ожиданіи пріѣзда судебной коммисіи, которую пришлетъ Спарта. Черезъ нѣсколько дней пріѣхали изъ Спарты пять человекъ, назначенныхъ судить плѣнныхъ. Они призвали платейцевъ и спрашивали только, не оказалъ ли кто изъ нихъ въ эту войну ка-

кихъ нибудь услугъ спартамъ или союзникамъ Спарты. Платейцы протестовали противъ такой системы суда. Они напоминали о заслугахъ, какія приобрѣли ихъ предки въ персидскую войну, когда ѳиванцы были на сторонѣ персовъ; напоминали о томъ, что послали спартамъ помощь въ войнѣ съ возставшими мессенцами послѣ землетрясенія; говорили, что вѣрность союзникамъ была всегда всѣми уважаема; что наказаніе, которому подвергли они ѳиванцевъ, коварно напавшихъ на Платею, было законно и справедливо; они заклинали судей не предавать на порабощеніе ту священную землю, на которой совершилось при помощи боговъ освобожденіе Греціи, на которой каждый годъ приносили они жертвы при гробницахъ павшихъ въ великой битвѣ; не уничтожать, въ угоду ѳиванцамъ, тотъ городъ, имя котораго спартамъ написали на треножникѣ, поставленномъ въ Дельфійскомъ храмѣ послѣ побѣды при Платей; не губить людей, добровольно сданныхъ имъ по довѣрію къ ихъ справедливости и никогда не дѣлавшихъ имъ никакого вреда, не отдавать этихъ людей въ жертву злобѣ ихъ ожесточенныхъ враговъ,—все было напрасно: спартамъ, озлобленные на платейцевъ, остались глухи къ мольбамъ и не хотѣли помнить правъ платейцевъ на признательность всѣхъ грековъ. ѳиванцы требовали казни плѣнныхъ. Платейцы всегда были послушными слугами аѣнянъ, говорили ѳиванцы; съ такою же готовностью, съ какою помогали аѣнянамъ биться противъ персовъ, они воевали потомъ, по волѣ аѣнянъ, противъ грековъ, отказались отъ союза съ другими греками; оправдывая себя противъ порицанія за союзъ съ персами, ѳиванцы говорили, что это было дѣло не всего ѳиванскаго народа, а лишь горсти людей, господствовавшихъ тогда надъ нимъ; что онъ загладилъ эту вину битвою при Коронѣ (стран. 539) и усерднымъ участіемъ въ войнѣ, которая ведется теперь для освобожденія Греціи; что ѳиванскій отрядъ вошелъ въ Платею по приглашенію важнѣйшихъ ея гражданъ, и лишь для того, чтобы присоединить Платею къ беотійскому союзу; что взятые въ плѣнъ ѳиванскіе граждане были злодѣйски убиты платейцами, обѣщавшимися пощадить ихъ. ѳиванцы заклинали спартамъ не обольщаться краснорѣчивыми напоминаніями платейцевъ о ихъ прежнихъ заслугахъ, а показать всѣмъ грекамъ, что преступленія не остаются безнаказанными, что отъ кары за злодѣянія нельзя отговориться

2. Возраженіе ѳиванцевъ. Платейцы всегда были послушными слугами аѣнянъ, говорили ѳиванцы; съ такою же готовностью, съ какою помогали аѣнянамъ биться противъ персовъ, они воевали потомъ, по волѣ аѣнянъ, противъ грековъ, отказались отъ союза съ другими греками; оправдывая себя противъ порицанія за союзъ съ персами, ѳиванцы говорили, что это было дѣло не всего ѳиванскаго народа, а лишь горсти людей, господствовавшихъ тогда надъ нимъ; что онъ загладилъ эту вину битвою при Коронѣ (стран. 539) и усерднымъ участіемъ въ войнѣ, которая ведется теперь для освобожденія Греціи; что ѳиванскій отрядъ вошелъ въ Платею по приглашенію важнѣйшихъ ея гражданъ, и лишь для того, чтобы присоединить Платею къ беотійскому союзу; что взятые въ плѣнъ ѳиванскіе граждане были злодѣйски убиты платейцами, обѣщавшимися пощадить ихъ. ѳиванцы заклинали спартамъ не обольщаться краснорѣчивыми напоминаніями платейцевъ о ихъ прежнихъ заслугахъ, а показать всѣмъ грекамъ, что преступленія не остаются безнаказанными, что отъ кары за злодѣянія нельзя отговориться

краснорѣчіемъ.—Спартамъ судьи велѣли подводить къ нимъ плѣнныхъ, и повторяли каждому вопросъ, не оказалъ ли онъ въ эту войну какихъ нибудь услугъ спартамъ или ихъ союзникамъ. Никто не могъ доказать, что онъ сдѣлалъ имъ какую нибудь услугу; каждаго уводили и убивали. Ни одному не было дано пощады. Всѣ плѣнные были казнены. Ихъ было 200 платейскихъ гражданъ и 25 аѣнянъ (Ѳукидидъ III, 68). Женщины, остававшіяся въ городѣ, были сдѣланы рабынями. Городъ ѳиванцы отдали на годъ мегарянамъ, которые были изгнаны изъ родины своими политическими противниками, и тѣмъ платейцамъ, которые были приверженцами ѳиванцевъ. Послѣ того, они разрушили Платею до основанія; доски кровель и дверей они употребили на постройку гостиницы у храма Геры, для пріюта приходящимъ въ храмъ богомольцамъ. Платейская земля была объявлена государственною собственностью ѳивъ и сдана въ аренду на десять лѣтъ.—Такъ погибла Платея, черезъ 93 года послѣ того, какъ вступила въ союзъ съ Аѣнами. Вѣрность ея имъ была поставлена ей въ преступленіе. „При казни платейцевъ и разрушеніи города ихъ спартамъ выказали безпощадную мстительность и вмѣстѣ съ тѣмъ набожность“, говоритъ Кортюмъ: „Руки, обогрѣныя кровью братьевъ, они подымали въ молитвѣ; это хорошо характеризуетъ дорійцевъ“.

Осада Платей еще длилась, пелопоннесскія войска снова опустошали Аттику и въ Аѣнахъ снова усилилась ослабѣвшая эпидемія, когда аѣняне были встревожены извѣстіемъ, что Митилена и всѣ лебносскіе города, кромѣ Метимны, хотятъ возстать противъ нихъ и присоединиться къ пелопоннесскому союзу; что лебносскіе олигархи снаряжаютъ для этого корабли, заготовляютъ оружіе и съѣстные припасы, нанимаютъ ѳракійскихъ стрѣлковъ, и уже вошли въ сношенія съ ѳиванцами, своими соплеменниками, и съ лакедемонянами. Это извѣстіе привезъ въ Аѣны, какъ агентъ митиленскихъ приверженцевъ аѣнскаго союза, митиленскій гражданинъ Доксандръ, преданный аѣнянамъ, и кромѣ того имѣвшій личную досаду на олигарховъ, правившихъ Митиленой: онъ нашелъ двумъ своимъ сыновьямъ богатыхъ невѣстъ, которыя были единственными наслѣдницами фамиліальныхъ имуществъ, а олигархи воспретили эти свадьбы.

Лесбось принадлежалъ, какъ мы видѣли, къ числу тѣхъ немногихъ членовъ аѣнскаго союза, которые еще сохраняли самостоятельность. Лесбійцы были обязаны посылать только корабли въ союзный флотъ и подчиняться рѣшеніямъ аѣнскаго народнаго суда. Аристократы, владычествовавшие на Лесбосѣ, не желали находиться въ зависимости отъ демократическаго государства: по племенному родству, по одинаковости обычаевъ и понятій, они были расположены къ союзу съ аристократическою федераціею беотійцевъ, которые были, какъ и они, ѳолійцы. Притомъ, принадлежность къ аѣнскому союзу не допускала ихъ порабощать себя слабыя сосѣднія государства; ихъ военныя силы служили цѣлямъ честолюбія демократическихъ Аѣнъ, употреблялись на покореніе другихъ греческихъ государствъ аѣнянамъ; и они должны были постоянно опасаться, что аѣняне сдѣлаютъ и ихъ своими данниками, какъ другихъ союзниковъ. Эти и другія подобныя тому причины ужь давно колебали вѣрность лесбійскихъ аристократовъ союзу, такъ что они повиновались

3. Судьба плѣнныхъ и города Платей.

Возстаніе и наказаніе Митимны. 428—427.

Политическое положеніе Лесбоса и причины отпаденія.

Аѳинянамъ только изъ страха. Теперь имъ казалось, что обстоятельства благоприятствуютъ отпаденію ихъ отъ Аѳинъ: еиванцы увѣряли ихъ, что аѳиняне, ослабленные войною и заразою, не въ состояніи покорить ихъ островъ, богатый, имѣющій много военныхъ кораблей и сильное войско, и что пелопоннескій союзъ согласится помогать имъ. Они стали увеличивать свои военныя силы, готовясь къ отпаденію.

Осада Митилены.

Аѳиняне очень встревожились, услышавъ объ этомъ. Сначала они не хотѣли вѣрить непріятному извѣстію; увѣрившись въ немъ, отправили посольство отклонить митиленцевъ отъ приготовленій къ войнѣ. Ихъ дружескія убѣжденія остались напрасны, и они послали Клеиппида съ эскадрою изъ 40 триеръ силою оружія удержать митиленцевъ отъ возстанія; онъ пытался возобновить переговоры, но напрасно; тогда онъ блокировалъ Митилену съ суши и моря.

Лесбосскіе послы просятъ помощи у лакедемонянъ.

Лесбосскіе послы убѣждали между тѣмъ на олимпійскихъ играхъ пелопоннесцевъ помочь имъ. По рѣчи, сохраненной Фукидидомъ, мы видимъ, что они не могли привести въ оправданіе своего отпаденія отъ Аѳинъ никакихъ причинъ, кромѣ опасенія, что аѳиняне могутъ, при первомъ удобномъ случаѣ, сдѣлать ихъ своими данниками, какъ уже сдѣлали другихъ союзниковъ, и что поэтому политическое благоразуміе требуетъ, чтобы они воспользовались затруднительнымъ положеніемъ Аѳинъ и разорвали натянутыя отношенія лицемерной дружбы. Даже въ собраніи враговъ Аѳинъ митиленскіе послы не могли сказать, что аѳиняне угнетали митиленцевъ или подали имъ какой-нибудь основательный предлогъ для отпаденія. Они говорили, что общій интересъ долженъ склонить пелопоннесцевъ помочь имъ и что Аѳины скоро будутъ побѣждены соединенными силами ихъ и пелопоннесцевъ. Лакедемоняне и ихъ союзники согласились на просьбу лесбійцевъ и приняли ихъ въ свой союзъ.

Энергія аѳинянъ.

Но энергія и быстрота дѣйствій аѳинянъ разрушила планы враговъ. Пелопоннесцы медленно и вяло собирали союзное войско на Истмѣ для вторженія въ Аттику, а между тѣмъ аѳиняне отправили флотъ, угрожавшій пелопоннесскимъ берегамъ опустошительными высадками, поставили по берегамъ Аттики сильныя отряды для обороны ихъ и послали на Лесбосъ Пахеса съ такими большими силами, что Митилена была теперь совершенно окружена съ моря и съ суши. Скоро въ городѣ появились голодъ, болѣзни, возникли раздоры. Аристократическое правительство роздало оружіе народу, но увеличило тѣмъ опасность своего положенія, потому что масса гражданъ имѣла демократическія убѣжденія и была расположена къ аѳинянамъ. Число аѳинскихъ кораблей, дѣйствовавшихъ въ разныхъ частяхъ моря, простиралось до 250; правда война уже истощила денежныя запасы Аѳинъ, такъ что граждане должны были дѣлать пожертвованія для государства, въ чемъ прежде не было надобности; но могущество Аѳинъ еще оставалось непоколебимо.

Пелопоннесцы послали на помощь митиленцамъ 42 триеры; но начальникъ этой эскадры, Алкидъ, дѣйствовалъ медленно, и по своей неопытности въ морской войнѣ такъ неискусно и неудачно, что не успѣлъ и приблизиться къ Лесбосу, когда Митилена уже сдалась. Простолюдины съ оружіемъ въ рукахъ требовали, чтобы имъ былъ данъ хлѣбъ или чтобы городъ покорился аѳинянамъ; аристократы принуждены были уступить. Они сдали городъ начальнику аѳинскихъ войскъ Пахесу подъ условіемъ, что самъ онъ не предприметъ никакихъ мѣръ строгости и что судьба Митилены будетъ рѣшена въ Аѳинахъ, куда отправляются послы съ просьбой о пощадѣ.

Взятіе Митилены.

Аѳинское народное собраніе, увлекаясь раздраженіемъ злобы, постановило, что всѣ граждане Митилены, достигшіе совершеннолѣтія, должны быть преданы смерти, а женщины и дѣти обращены въ рабство. Поплыла триера съ этимъ приказаніемъ къ Пахесу. Но вечеромъ пробудилось раскаяніе. Одумавшись, аѳиняне почувствовали, что подвергать гибели не однихъ виновныхъ, а весь городъ, въ которомъ было много людей преданныхъ Аѳинамъ,—рѣшеніе свирѣпое. Аѳиняне провели ночь въ тоскѣ; рано утромъ многіе граждане собрались на Пниксѣ и потребовали возобновленія совѣщаній о судьбѣ митиленцевъ; по ихъ желанію было законнымъ порядкомъ созвано народное собраніе. Нѣкоторые ораторы совѣтовали остаться при прежнемъ рѣшеніи; по разсказу Фукидида, сильнѣе всѣхъ требовалъ этого богатый гражданинъ Клеонъ, по предложенію котораго было наканунѣ принято жестокое рѣшеніе; онъ пользовался тогда наибольшимъ вліяніемъ въ Аѳинахъ и былъ суровымъ вождемъ партіи, которая считала необходимымъ для блага Аѳинъ, чтобы были безпощадно наказаны не только главные виновники, но и всѣ соучастники возстанія. Онъ говорилъ, что только казнь всѣхъ участвовавшихъ въ мятежѣ обезпечитъ государство отъ повторенія подобныхъ попытокъ, устранивъ другихъ союзниковъ; что если принятое рѣшеніе будетъ смягчено, союзники примутъ это за слабость, потому снисходительность неумѣстна; но менѣе суровое мнѣніе, выразителемъ котораго былъ Діодотъ, болѣе соответствовало настроенію народного чувства.

Жестокое рѣшеніе аѳинскаго народного собранія.

Раскаяніе.

Второе совѣщаніе.

Клеонъ.

Аѳиняне доказываютъ теперь, говорилъ Клеонъ, что демократическое государство не можетъ пладывать надъ другими государствами: они переносятъ довѣрчивость, въ которой привыкли въ своей частной жизни, на свои отношенія къ союзникамъ, а тѣ тяготеютъ своею покорностью имъ и постоянно ждутъ лишь удобнаго случая повредить имъ; аѳиняне ослабляютъ этимъ свою власть, наводятъ союзниковъ на мысли о сопротивленіи. Въ государственныхъ дѣлахъ нѣтъ ничего вреднѣе шаткости рѣшеній. При твердомъ соблюденіи дурныхъ законовъ государственныя дѣла идутъ лучше, нежели когда законы хороши, но постоянства нѣтъ; лучше если правятъ государствомъ люди, хотя бы и ограниченнаго ума, но твердые въ соблюденіи законовъ, нежели когда люди считающіе себя слишкомъ умными, колеблютъ законы, и когда краснорѣчивые ораторы господствуютъ надъ рѣшеніями народного собранія. Блестящія рѣчи въ Аѳинахъ имѣютъ

Клеонъ требуетъ строгости.

больше влияния, чѣмъ факты. «Поддаваясь увлекательности искусной рѣчи, вы отвергаете предложеніе, основанное на свидѣтельствѣ опыта», говорилъ онъ аѳинянамъ: «вы похожи на школьниковъ, слушающихъ лекціи софиста, а не на совершеннолѣтнихъ людей, совѣщающихся о благѣ государства». Надобно остаться при рѣшеніи, принятомъ вчера, — продолжалъ онъ: митиленцы заплатили аѳинянамъ за благодѣянія и довѣріе враждою, войною; подвергли опасности могущество, спокойствіе, самую жизнь аѳинянъ, не сдѣлавшихъ имъ никакой обиды, — поставили силу выше права. И виноваты въ этомъ не одни правители ихъ, виноваты весь митиленскій народъ; зачѣмъ народъ не воспротивился намѣренію аристократовъ, зачѣмъ онъ не остался вѣренъ Аѳинамъ? «Не давайте ни вашему состраданію, ни вашей снисходительности, ни краснорѣчію ораторовъ повлечь васъ въ гибельную ошибку», — такъ закончилъ Клеонъ свою рѣчь: «накажите этихъ людей, какъ они того заслуживаютъ, и покажите другимъ союзникамъ, что кто отпадетъ отъ союза, тотъ подвергается карѣ».

Діодотъ убѣждаетъ аѳинянъ. Діодотъ, возражая Клеону, убѣждалъ аѳинянъ не увлекаться раздраженіемъ. Дѣло идетъ не о томъ, виновны ли митиленцы, говорилъ онъ, а о томъ, какое рѣшеніе будетъ наиболѣе полезнымъ государству въ настоящемъ и въ будущемъ. Если аѳиняне избытуютъ всѣхъ мужчинъ въ Митиленѣ, какъ совѣтуетъ Клеонъ, это будетъ полезно не пріятелямъ. Во первыхъ, аѳиняне потеряютъ союзное государство, отъ котораго получали денежные взносы на войну и корабли; а главный источникъ силы Аѳинъ тѣ деньги и суда, которыя они получаютъ отъ союзниковъ; во вторыхъ, неизбежность смертной казни, отнятіе всякой надежды на пощаду будетъ возбуждать въ послѣдствіи всѣхъ мятежниковъ къ отчаянному сопротивленію, такъ что побѣдитель будетъ находить только развалины и лишится своихъ доходовъ; наконецъ свирѣпое наказаніе всѣхъ митиленцевъ будетъ имѣть то послѣдствіе, что демократы, до сихъ поръ всегда стоявшіе на сторонѣ аѳинянъ, станутъ присоединяться къ мятежникамъ, потому что все равно будутъ ожидать одинаковаго наказанія съ ними, и потому должны будутъ поддерживать ихъ. Притомъ, опытъ достаточно доказалъ, что страхъ наказанія не удерживаетъ отъ преступленій; бѣдность, отчаяніе, самонадѣянность, страсти всегда возбуждаютъ къ нарушенію законовъ. Потому онъ совѣтуетъ наказывать виновныхъ аристократовъ смертію, а другихъ митиленцевъ только конфискаціею имущества.

Народъ принимаетъ рѣшеніе. Предложеніе Діодота одержало верхъ надъ мнѣніемъ болѣе суровымъ. Народъ отмѣнилъ жестокое приказаніе; оно уже было отправлено; но тріэра, которая везла его, шла медленно. Поспѣшно была послана другая тріэра съ новымъ рѣшеніемъ и, благодаря усердію гребцовъ, она поспѣла къ Лесбосу еще во время, чтобы остановить исполненіе перваго приказа. Но всетаки число осужденныхъ на казнь было огромно: по предложенію Клеона, аѳиняне рѣшили казнить болѣе 1000 человекъ аристократовъ, которые были главными виновниками возстанія. Выданные митиленцами Пахесу, они и были казнены. Аѳиняне разрушили стѣны Митилены, отняли у нея военные корабли, отняли поземельную собственность у всѣхъ лесбійцевъ, кромѣ Метимны, которая оставалась вѣрна союзу. Нынешніе критики текста Фукидида доказываютъ впрочемъ, что едва ли не должно считать позднѣйшею вставкой извѣстіе объ огромномъ числѣ казненныхъ: оно не подтверждается никакимъ другимъ свидѣтельствомъ, и едва ли оно вѣрно.

Отнявъ землю лесбійцевъ, аѳиняне раздѣлили ее на 3000 участковъ; изъ нихъ 300 они посвятили богамъ, а остальные роздали переселенцамъ изъ

Атики (клерухамъ); эти колонисты поддерживали владычество аѳинянъ надъ Лесбосомъ; свои участки они отдавали въ аренду прежнимъ собственникамъ, получая по двѣ мины (около 48 рублей серебромъ) въ годъ за каждый участокъ. Кажется впрочемъ, что этотъ порядокъ держался не долго. — Греческіе города на троянскомъ берегу, платившіе дань митиленцамъ, сдѣлались теперь самостоятельными членами аѳинскаго союза, и дань съ нихъ стали получать аѳиняне.

Пелопоннесскій флотъ со стыдомъ возвратился домой, когда Пахесъ вышелъ биться съ нимъ. Алкидъ казнилъ мирныхъ іонійскихъ купцовъ и матросовъ тѣхъ торговыхъ судовъ, какія попадались ему; это не могло возбудить въ грекахъ Малой Азіи расположенія къ лакедемонянамъ. Но и Пахесъ опозорилъ свое имя постыдными жестокостями. Граждане Нотія (колофонской колоніи) были несогласны между собою; воспользовавшись этими раздорами, Пахесъ убѣдилъ ихъ впустить въ городъ его войско; и, коварно нарушивъ свое обѣщаніе, умертвилъ стоявшій въ городѣ гарнизонъ персовъ и аркадскихъ наемниковъ; двѣ красивыя митиленианки, Гелланида и Ламаксида, жаловались на него аѳинскому народному суду, утверждая, что онъ при взятіи Митилены убилъ мужей ихъ, чтобы овладѣть ими и богатствомъ убитыхъ; ихъ жалоба произвела на судѣ такое впечатлѣніе, что Пахесъ, видя невозможность оправдаться, пронзилъ себя мечомъ въ самомъ залѣ трибунала.

Жестокости, совершенныя въ Платей и Митиленѣ, были результатомъ Коркирскихъ раздоровъ между разными племенами грековъ; на Коркирѣ источникомъ свирѣпостей, терзавшихъ этотъ островъ, была политическая и сословная вражда; борьба была такъ беспощадна, что навсегда погубила благосостояніе острова, славившагося своимъ богатствомъ и обширностью оливковыхъ плантацій.

Союзъ коркирянъ съ Аѳинами (стр. 589) доставилъ аѳинскому флоту владычество въ западномъ морѣ, и на Коркирѣ получила преобладаніе демократическая партія. Въ намѣреніи повредить аѳинянамъ и демократамъ, коринѳяне освободили взятыхъ въ плѣнъ коркирянъ, принадлежавшихъ къ богатымъ торговымъ семействамъ, а пелопоннесскій флотъ подъ начальствомъ Алкида и Бразида былъ отправленъ въ западное море. Плѣнники, возвратившіеся на родину, склонили своимъ авторитетомъ и краснорѣчіемъ народъ къ рѣшенію, что онъ останется въ союзѣ съ аѳинянами, но не будетъ воевать съ пелопоннесцами. Пиноій, вождь демократовъ, получившій отъ аѳинянъ почетный санъ друга аѳинскаго государства (бывшій, какъ это называлось у грековъ, *proxenos* Аѳинъ), былъ обвиненъ въ измѣнѣ отечеству, но онъ успѣлъ оправдаться и въ свою очередь обвинилъ нѣкоторыхъ изъ вождей аристократической реакціи въ нарушеніи святости храма; они были осуждены заплатить штрафы, превышавшіе ихъ средства и устранены отъ участія въ управленіи. Въ негодованіи подняли они возстаніе, ворвались съ кинжалами въ рукахъ въ залъ правительственнаго совѣта, убили Пиноія и 60 человекъ другихъ демократовъ. Захвативъ власть, они созвали народное собраніе и запуганное ими, оно приняло ихъ предложеніе

Возобновленіе раздоровъ на Коркирѣ.

Рѣзни на ули- ние прекратить войну съ пелопоннесцами. Восторжествовавшие аристо-
цахъ. краты стали собираться на площади, на которой были дома многихъ изъ
нихъ, ходили вооруженными отрядами по городу и убивали своихъ против-
никовъ. Демократы собрались въ Акрополѣ, привлекли на свою сторону
рабовъ, обѣщавъ имъ свободу, и стали въ свою очередь нападать на аристо-
кратовъ; аристократы призвали съ иллирійскаго берега 800 наемниковъ; и на
улицахъ города нѣсколько дней шла рѣзня. Въ этой борьбѣ принимали участіе
даже женщины, бросая изъ оконъ и съ кровель кирпичи на противниковъ сво-
ихъ мужей. Демократы, занимавшіе болѣе выгодную позицію и болѣе много-
численные, стали наконецъ одолевать; аристократы, чтобы остановить ихъ
нападеніе, зажгли дома, окружавшіе площадь народныхъ собраний; отъ
домовъ загорѣлись сосѣднія лавки, сгорѣло много товаровъ, и весь городъ
подвергался опасности сгорѣть, если поднимется хотя небольшой вѣтеръ.
Рѣзня была прекращена аѳинскимъ военачальникомъ Никостратомъ, подо-
спѣвшимъ съ 12 тріерами и 500 мессенскихъ голитовъ; онъ ввелъ свое
войско въ городъ и вынудилъ сражающихся примириться. Коркиряне заклю-
чили союзъ съ аѳинянами. 400 аристократовъ, опасавшіеся, что ихъ отве-
зутъ въ Аѳины, укрылись въ храмъ Геры. Въ это время появился пелопоннес-
скій флотъ, которымъ начальствовали Алкидъ и Бразидъ; онъ состоялъ
изъ 53 тріеръ. Демократы, не ожидавшіе этого, бросились на свои корабли
и выступили противъ него. Но въ ихъ эскадрѣ не было порядка, пелопон-
нессцы одолѣли ихъ; только мужество, съ какимъ бились аѳиняне, спасло
ихъ отъ полного пораженія. Скоро положеніе дѣла измѣнилось: сигналы
огнемъ дали вѣсть о приближеніи аѳинскаго флота. Онъ состоялъ изъ 60
тріеръ; начальникомъ его былъ Эвримедонъ. Пелопоннесцы торопливо
ушли за левкадскій мысъ, и вернулись домой, покидая коркирскихъ
аристократовъ беззащитными. Пылая мщеніемъ, демократы бросились на
своихъ противниковъ, убивая всѣхъ, попадавшихъ имъ. Никостратъ не
могъ остановить ихъ ярости. Они пошли къ храму Геры, стали убѣждать
скрывшихся тамъ аристократовъ выйти, говорили, что накажутъ только
тѣхъ, кто будетъ по суду найденъ виновнымъ; около 50 человекъ
вышли изъ священнаго убѣжища; демократы осудили ихъ всѣхъ на смерть.
Увидѣвъ, что ихъ убиваютъ, почти всѣ ихъ товарищи убили сами себя
или, по взаимному согласію, другъ друга. Семь сутокъ, день и ночь безъ
перерыва длились въ Коркирѣ убійства. Были убиты не одни только враги
демократіи; должники убивали богатыхъ кредиторовъ, рабы господъ, отцы
сыновей. Исканіе спасенія въ храмы были силою отрываемы отъ жерт-
венниковъ, уводимы и убиваемы. Бѣжавшихъ въ храмъ Діониса уморили
голодомъ, заложивъ камнями двери храма. Аристократія на Коркирѣ
исчезла послѣ этого страшнаго гоненія; имущества аристократовъ были
конфискованы. „Такова была жестокость этой междоусобной войны“,—
замѣчаетъ Фукидидъ: „Подъ предлогомъ государственной пользы люди
позволяли себѣ ужаснѣйшія злодѣйства; справедливость и общее благо
выставлялись прикрытіемъ для удовлетворенія мстительности, выго-
дамъ партій, личнымъ цѣлямъ“. Около 600 человекъ аристократовъ
усиѣли бѣжать отъ убійствъ и казней; черезъ нѣсколько времени они
заняли гору Истону, устроили тамъ укрѣпленный началъ и дѣлали оттуда
набѣги, опустошали поля, такъ что городъ Коркира сталъ страдать отъ
голода. Въ слѣдующемъ году аѳинская эскадра, плывшая въ Сицилію,
остановилась у острова; коркиряне попросили аѳинянъ помочь имъ; аѳи-
няне пошли съ ними на Истону, выгнали аристократовъ изъ укрѣпле-
ній, стѣснили на одномъ изъ холмовъ горы; аристократы сдались подъ
условіемъ, что судьба ихъ будетъ предоставлена рѣшенію аѳинскаго на-
рода. Аѳинскіе военачальники отвезли ихъ на маленькій островъ Птихію

лежащій у города Коркиры, чтобы они оставались тамъ до отправленія въ
Аѳины, и сказали имъ, что если хоть одинъ изъ нихъ попытается бѣжать,
то договоръ, заключенный съ ними, теряетъ свою силу. Вожди коркир-
скихъ демократовъ воспользовались этой оговоркою. Опасаясь, что аѳин-
скій народъ пощадитъ плѣнниковъ, они коварными обольщеніями убѣдили
нѣкоторыхъ изъ нихъ бѣжать. Едва взойшли обманутые на приготовлен-
ный для ихъ бѣгства корабль, коркиряне объявили, что договоръ нару-
шенъ плѣнниками; съ согласія начальниковъ аѳинской эскадры перевезли
всѣхъ ихъ въ городъ и заперли въ одномъ изъ большихъ общественныхъ
зданій. Потомъ стали выводить ихъ партіями по двадцати человекъ, сви-
зывали по два вмѣстѣ, вели между двумя рядами воиновъ; когда кто изъ
воиновъ видѣлъ между проводимыми какого нибудь врага, наносилъ ему
удары оружіемъ; сзади шли люди съ бичами, подгонявшіе отстающихъ.
Ихъ вели на казнь. Такимъ образомъ было выведено и казнено шестьде-
сятъ человекъ; остальные догадались объ ихъ участи и отказались вы-
ходить изъ зданія. Демократы взойли на кровлю, проломали ее, и стали
бросать на плѣнниковъ камни, пускать въ нихъ стрѣлы. „Плѣнники пря-
тались, какъ могли“, рассказываетъ Фукидидъ: „и прятаясь, почти всѣ уби-
вали сами себя: подымали стрѣлы и вонзали ихъ въ горло себѣ, или
рвали простыни, свою одежду на полосы, свивали изъ этихъ полосъ ве-
ревки и вѣшали на нихъ. Такъ продолжалось это до ночи и ночью:
одни всяческими способами лишили сами себя жизни, другіе были уби-
ваемы камнями и стрѣлами съ кровли. На разсвѣтъ, коркиряне нава-
лили трупы горами на телѣги и вывезли за городъ. Плѣнныхъ женщинъ
сдѣлали они рабынями“.

Такъ кончилась борьба партій на Коркирѣ. Аристократы были
истреблены. Демократы, уничтоживъ всѣхъ противниковъ, стали
властвовать по прихотямъ произвола, такъ что необузданность
коркирской демократіи вошла въ поговорку. Съ ужасомъ смотрѣла
вся Греція на свирѣпость, съ какою коркиряне истребляли другъ
друга. Ужасъ былъ тѣмъ сильнѣе, что повсюду разсудительные люди
считали коркирское свирѣпое междоусобіе предвѣстіемъ такихъ же
событій въ другихъ государствахъ.

Война, бывшая сначала борьбою Аѳинъ и Спарты за гегемонію, Перемѣна ха-
мало по малу приняла характеръ борьбы политическихъ партій арис-
тократовъ съ демократами, знатнаго сословія съ простолюдинами;
представителями этихъ партій были Спарта и Аѳины, война между
ними постепенно привела къ междоусобіямъ внутри государствъ;
поддерживаемые своекорыстными демагогами и политическими клу-
бами (гетеріями), сословные и политическіе раздоры становились все
сильнѣе, ненависть между партіями росла и наконецъ война стала
рядомъ свирѣпостей, получила характеръ безконечной рѣзни на го-
родскихъ улицахъ.

„Эта борьба партій“, замѣчаетъ Фукидидъ, „подвергала государства очень
тяжелымъ бѣдствіямъ, какъ всегда бываетъ и всегда будетъ, пока человѣ-
ческая природа останется такою, какъ теперь. Разница бываетъ только
въ томъ, что, по вліянію обстоятельствъ, ожесточенность раздоровъ иногда

усиливается, иногда смягчается. Въ мирное время, при цвѣтущемъ благосостояніи, и государства, и люди бываютъ болѣе кротки, потому что не раздражаются страданіями; а война, отнимающая благосостояніе у людей, учитъ быть жестокими и разгорячаетъ страсти толпы, увлекающей впечатлѣніями минуты; и такъ, въ эту войну государства подвергались внутреннимъ раздорамъ, и чѣмъ позднѣе возникало междоусобіе въ какомъ нибудь государствѣ, тѣмъ ожесточеннѣе было оно: примѣры свирѣпостей, произошедшихъ раньше того въ другихъ государствахъ, приучали людей выказывать все болшую и болшую злобу и въ борьбѣ и въ мщеніи“.

Этотъ ужасный характеръ приняла война раньше всего въ коркирскомъ междоусобіи. Политическій фанатизмъ достигъ на Коркирѣ такой силы, что разорвалъ всѣ связи, соединяющія людей, заглушилъ всѣ чувства дружбы и родства; все замѣнилъ духъ партіи; законъ, добродѣтель были написаны для выгоды партіи; интересъ ея былъ мотивомъ и цѣлью всѣхъ поступковъ; одинаковость политическихъ убѣжденій была единственной прочной связью между людьми; Фукидидъ, перерывая рассказъ, описываетъ по поводу коркирскимъ событій, какое страшное вліяніе на мысли и нравы имѣли политическіе клубы, въ первый разъ выказавшіе свою ужасающую силу на Коркирѣ и скоро распространившіеся по всей Греціи.

Въ гетеріяхъ, говоритъ историкъ пелопоннесской войны, безумная дерзость называлась геройскою вѣрностью убѣжденіямъ, осторожная разсудительность—замаскированной трусостью, умѣренность—прикрытіемъ робости; кто поступалъ осмотрительно, того называли вялымъ; страстная горячность считалась мужествомъ. Кто шумно поддакивалъ, считался надежнымъ товарищемъ; кто возражалъ, того подозревали; кому удавалось коварное нападеніе, того называли ловкимъ; кто подозрительно предупреждалъ нападеніе крутыми мѣрами, считался мудрецомъ; безпристрастнаго человека называли дурнымъ товарищемъ, боящимся противниковъ. Связи родства были слабѣе связей по гетеріи; поправъ связи родства, гетерія свободнѣе стремилась къ своей цѣли, пренебрегая всѣми законами. Взаимная вѣрность между членами гетеріи опиралась не на божественные законы, а на общность соучастія въ преступленіяхъ. Когда было нужно, гетерія клялась, заключая договоръ съ тѣми, кто сильнѣе ея, но только для того, чтобы при удобномъ случаѣ тѣмъ легче погубить противника, повѣрившаго договору и забывшаго осторожность; это коварство предпочитали открытой борьбѣ, потому что оно безопаснѣе; оно считалось умомъ. Ловкость, хотя бы соединенная съ злымъ обманомъ, цѣнилась этими людьми выше честности, которую называли они глупостью. Причиною всѣхъ этихъ бѣдственныхъ явленій было властолюбіе, соединенное съ жаждой корысти.

Дѣятельность гетерій. Такія гетеріи образовались мало по малу во всѣхъ государствахъ въ каждомъ городѣ. Не думая ни объ общихъ интересахъ Греціи, ни о благѣ своего роднаго государства, онѣ хотѣли только владычества своей партіи, стремились только къ тому, чтобы одолѣть своихъ политическихъ противниковъ,—олигархи, при помощи лакедемонянъ,—демократы при помощи аѳинянъ. Сильныя своею плотною ор-

ганизацией, дисциплиной, единодушнымъ дѣйствованіемъ по ясной, твердой программѣ, связью съ другими гетеріями той же партіи по всей Греціи, руководимыя искусными и отважными вождями, гетеріи захватили въ свои руки всю государственную власть; греческій міръ волновался подъ ихъ вліяніемъ пароксизмами горячки; въ судѣ, въ засѣданіяхъ правительственныхъ совѣтовъ, въ народныхъ собраніяхъ дѣла рѣшались не по закону, не по соображеніямъ общей пользы, а по интересамъ партіи. Безчестные и безсовѣстные шпіоны и доносчики (сикофанты) ежеминутно угрожали опасностью благосостоянію и спокойствію каждаго гражданина, который не выказывалъ безусловной преданности правительству господствующей партіи, смущали общество вымыслами о заговорахъ.

Благородный характеръ грековъ долго боролся противъ обсто- Слѣдствія вой-
тельствъ, порождавшихъ эту нравственную порчу, это отпаденіе отъ ны.
привычной правды. Но война ожесточала людей; мщеніе, которому подвергалась побѣжденная партія, возбуждало въ ней жажду отплатить побѣдителямъ мѣрами мщенія еще болѣе жестокими; основы порядка колебались, чувство справедливости слабѣло, гражданскія доблести, нравственность, религія погибали. Много старинныхъ семей исчезло подъ ударами войны и междоусобныхъ преслѣдованій, вымерло отъ болѣзней; другіе обнищали отъ опустошеній, отъ упадка промышленности, отъ разбоевъ на сушѣ и на морѣ. Новое поколѣніе, привыкшее къ ожесточенной борьбѣ партій и къ военному буйству, теряло любовь къ мирнымъ занятіямъ, прибыль отъ которыхъ была невѣрна; оно предпочитало толпиться въ трибуналахъ, на площади народныхъ собраній, предпочитало военное ремесло, обѣщавшее добычу и почести, дававшее просторъ дурнымъ страстямъ и возможность мстить противникамъ. Благосостояніе было непрочно, жизнь невѣрна, люди спѣшили пользоваться благопріятной минутой, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ предавались грубымъ наслажденіямъ. Къ чему было трудиться и беречь прибрѣтенное, когда все было такъ шатко и съ каждымъ днемъ могъ произойти порыворотъ, который отниметъ все? Такимъ образомъ на залитой кровью землѣ выросло въ Аѳинахъ и въ другихъ государствахъ новое поколѣніе, превосходившее своихъ отцовъ живостью ума, ловкостью рѣчи, образованностью, изяществомъ вкуса, но далеко уступавшее имъ въ гражданскихъ доблестяхъ, въ патріотизмѣ, простотѣ нравовъ, честности, чувствѣ справедливости. Старина умирала, и какъ будто сама природа получала иной видъ: повсюду шли страшнымъ рядомъ землетрясенія, засухи, наводненія, распространя повсюду ужасъ, горе, нищету. Ходъ физической природы сталъ какъ будто безпорядочнымъ; являлись странные феномены, грозныя предзнаменованія, возвѣщавшія гибель; свирѣпствовали заразы, совершались физическія катастрофы, какихъ не знало преданіе; стихіи, казалось, измѣняютъ свой

характеръ, времена года перепутались. Аѳиняне, приписывая постигшія ихъ физическія бѣдствія гнѣву Аполлона, очистили родину этого бога, Делось, отъ оскверненія могилами, перевезли оттуда всѣ тѣла умершихъ на сосѣдній маленький островъ Ренею и возстановили прежніе делосскіе праздники въ честь Аполлона, чтобы смягчить его гнѣвъ.

Никій, глава партіи мира, и единственною средствомъ спасенія для родины, и совѣтовавшіе примириться съ лакедемонянами; но ихъ голосъ былъ заглушаемъ шумомъ разгорѣвшихся страстей. Главою партіи, желавшей мира, былъ Никій, человекъ хорошаго образованія, общепризнанной честности, патриотъ, не дурной ораторъ; онъ желалъ, чтобы аѳиняне жили въ дружбѣ съ лакедемонянами, и постоянно совѣтовалъ прекратить войну. Но онъ не имѣлъ ни энергіи характера, ни большого военного таланта; и экспедиціи, которыми начальствовалъ онъ въ эти годы, кончались неудачами; все это мѣшало успѣху его хлопотъ о мирѣ. При всей своей личной храбрости, онъ былъ человекъ нерѣшительный, колеблющійся; не зная, какъ поступать, онъ ожидалъ указаній себѣ отъ оракуловъ, отъ прорицателей, отъ жертвенныхъ предзнаменований, и разумѣется, онъ неспособенъ былъ преодолѣть раздраженіе своихъ согражданъ противъ спартанцевъ. Онъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на народъ, уважавшій его за честность, патриотизмъ, благочестіе, любившій его за благотворительность къ бѣднымъ и за щедрость, съ какою онъ жертвовалъ деньги на великолѣпные религіозные праздники; особенно много говорили о его расходахъ на устройство возобновленнаго тогда делосскаго праздника. Человекъ знатнаго рода, имѣвшій большое наслѣдственное состояніе и увеличившій его удачными спекуляціями по разработкѣ лаврійскихъ серебряныхъ рудниковъ, образованный, безукоризненный въ своей частной жизни, вождь консервативной партіи, онъ игралъ важную роль въ политическихъ дѣлахъ; но у него не было силъ съ блескомъ исполнять обязанности полководца и государственнаго человека; его стремленіе къ военной и политической славѣ было результатомъ самообольщенія.

Никій и другіе приверженцы умѣренной, миролюбивой политики, въ числѣ которыхъ былъ особенно замѣтенъ ораторъ Антифонъ, опирались на знатное сословіе и на богатый классъ, такъ что ихъ партія имѣла аристократическій характеръ; вожди ихъ противниковъ, Клеонъ, Лисиклъ, Гиперболъ, опирались на простолюдиновъ и стремились доставить преобладаніе въ государствѣ мелкимъ торговцамъ и ремесленникамъ, изъ рядовъ которыхъ вышли и отъ которыхъ мало отличались степенью своего образованія. Характеристика Клеона у Аристофана, конечно, не можетъ считаться вѣрнымъ портретомъ; это каррикатура, написанная великимъ драматургомъ по внушенію политической ненависти; но извѣстія всѣхъ древнихъ писателей согласны въ томъ, что этотъ разбогатѣвшій умѣнемъ вести промышленное дѣло хозяинъ кожевеннаго завода, былъ человекъ очень грубый и дерзкій, горячій, крутой, что характеръ его краснорѣчія былъ простонародный, что онъ импонировалъ народу своимъ громкимъ голосомъ, страшною жестикюляціей, самоувѣренностью, хвастливостью, грубостью возраженій противникамъ, и что всегда онъ склонялъ народъ къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. Гротъ, защитникъ греческой демократіи, отвергаетъ упреки Клеону въ продажности, въ присвоеніи государственныхъ денегъ, въ томъ, что онъ преслѣдовалъ судебнымъ порядкомъ своихъ политическихъ против-

Никій, глава

партіи мира, и

Клеонъ, глава

партіи войны.

Никій.

Клеонъ.

никовъ, называетъ эти извѣстія клеветой его враговъ. Но остается достовернымъ то, что онъ всегда помнилъ свои интересы, что онъ льстилъ народу, слабости котораго хорошо зналъ, склонялъ толпу на свою сторону низкими демагогическими уловками, всегда предлагалъ крайнія мѣры, потому что рѣзкость правилась народу, всегда возбуждалъ народъ къ войнѣ и завоеваніямъ, старался чернить противниковъ. Съ другой стороны несомнѣнно и то, что онъ былъ искренно преданъ отечеству и демократическому порядку, желалъ облегчить положеніе простолюдиновъ, обѣднѣвшихъ отъ войны. Открыто, честно, усердно стремился онъ къ осуществленію того, что считалъ полезнымъ для государства. Онъ былъ представитель радикальной демократіи, отвергавшей умѣренную политику, считавшей измѣнниками всѣхъ сторонниковъ мира, желавшей вести безпощадную борьбу съ спартанцами и всѣми ихъ явными и тайными приверженцами. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ всячески старался улучшить положеніе бѣднаго класса гражданъ; съ этою цѣлью онъ увеличилъ размѣръ вознагражденія геліастамъ и дѣлалъ реформы въ распредѣленіи налоговъ; правда впрочемъ, что это имѣло результатомъ повышеніе дани, требуемой съ союзниковъ; нѣкоторые города принуждены были платить въ-двое больше прежняго.

Много помогъ усиленію вліянія Клеона удачный исходъ принятаго на себя отважнаго военного дѣла. Въ томъ году, когда Аристофанъ напрасно выставялъ въ своихъ «Ахарнейцахъ» пользу мира, аѳинская эскадра, состоявшая изъ 40 триеръ, была отправлена въ Коркиру и въ Сицилію. Она шла кругомъ Целопоннеса. На ней находился аѳинскій полководецъ Демосѳенъ, человекъ предприимчивый, одержавшій большіе успѣхи въ предыдущую кампанію: начальствуя тогда войскомъ, состоявшимъ изъ аѳинянъ, мессенцевъ и акарнанцевъ, онъ одержалъ, послѣ нѣсколькихъ другихъ сраженій, блестящую побѣду надъ войскомъ, состоявшимъ изъ лакедемонянъ, амвракійцевъ и этолянъ, совершенно уничтожилъ военныя силы Амвракіи, возстановилъ преобладаніе аѳинянъ на западномъ греческомъ берегу. Теперь, по его мысли, эскадра овладѣла стоявшимъ на берегу Мессеніи стариннымъ, давно покинутымъ жителями городомъ Пилосомъ; аѳиняне на-скоро укрѣпили его развалины, Демосѳенъ остался тутъ съ пятью триерами, остальной флотъ пошелъ дальше.

При нерасположеніи мессенскаго населенія къ спартанцамъ, присутствіе аѳинскаго отряда въ Пилосѣ грозило большими опасностями спартанскому государству. Целопоннесское войско, снова вторгнувшееся подъ начальствомъ царя Агиса въ Аттіку, поспѣшно вернулось и соединившись съ другими войсками двинулось къ Пилосу; пришелъ туда и лакедемонскій флотъ. Спартанцы окружили Пилосъ съ моря и съ суши, поставили на лежащемъ у гавани пустомъ лѣсистомъ островѣ Сфактеріи 420 отборныхъ гоплитовъ; отнявъ такимъ образомъ всякую возможность подвоза съѣстныхъ припасовъ въ Пилосъ, они надѣялись, что скоро возьмутъ это слабое укрѣпленіе. Сначала они хотѣли штурмовать городъ со стороны гавани; но аѳиняне, одушевляемые храбростью Демосѳена, отбили всѣ ихъ попытки высадиться на ска-

Неудачи лакедемонянъ.

листый берегъ; пелопоннесцы, которыми начальствовалъ Бразидъ, человекъ блестящей отваги, бились очень мужественно, но афиняне удержались до прибытія своего флота; онъ былъ у Закиноа, когда услышалъ объ осадѣ Пилоса; вернувшись на помощь своимъ, онъ напалъ на непріятельскую эскадру и, послѣ упорнаго сраженія, въ которомъ всѣ стороны бились геройски, принудилъ ее уйти. Сфактерія была теперь окружена афинскими кораблями и находившимся на ней спартамъ предстояло или сдаться или погибнуть въ бою. Чтобы спасти ихъ, эфоры сами пріѣхали въ спартанскій станъ подъ Пилосомъ и заключили съ Демосеономъ перемиріе: до возвращенія спартанскихъ пословъ, торопливо отправленныхъ въ Афины съ предложеніемъ мира, Демосеонъ дозволилъ спартамъ посылать каждый день определенное количество пищи и вина отряду, блокируемому имъ на Сфактеріи; спартанцы отдали свои корабли въ залогъ вѣрности условіямъ перемирія.

Лакедемоняне начинаютъ переговоры о мирѣ. Спартакіе послы предложили афинскому народу миръ и союзъ, чтобы избавить отъ плѣна или гибели отрядъ, находившійся на Сфактеріи. Они говорили афинянамъ, что миръ, заключенный по доброй волѣ, прочнѣе того, который принимаютъ побѣжденные, покоряясь велѣніямъ побѣдителей; говорили объ измѣнчивости военного счастья, о славѣ и признательности, какія заслужатъ афиняне у всѣхъ грековъ, если прекратятъ бѣдствія войны. Но противъ ожиданія пословъ, афинскій народъ не согласился на предлагаемыя имъ условія мира; по совѣту Клеона, онъ отвѣчалъ имъ: прежде начатія переговоровъ о мирѣ, отрядъ, находящійся на Сфактеріи, долженъ сдаться, и афинянамъ должны быть возвращены принадлежавшіе имъ до битвы при Коронѣ Нисей, Пеги, Трезены и ахейскіе города (стран. 548). Лакедемонскіе послы просили народное собраніе назначить комиссію для переговоровъ съ ними объ условіяхъ мира; Клеонъ сказалъ, что это коварный умыселъ, что лакедемоняне хотятъ имѣть дѣло не съ афинскимъ народомъ, а съ аристократами, которыхъ, какъ они надеются, народъ выберетъ членами комиссіи; онъ требовалъ, чтобы послы вели переговоры прямо съ народнымъ собраніемъ. Послы не могли безъ согласія союзниковъ Спарты дѣлать уступокъ, на которыя не были уполномочены своими инструкціями; потому прервали переговоры. Война возобновилась. Афиняне не возвратили кораблей, отданныхъ имъ въ залогъ на время перемирія, ссылаясь на то, что спартанцы не соблюли условій его.

Осада Сфактеріи. Начались непримѣрно упорныя битвы. Лакедемоняне нѣсколько разъ штурмовали Пилосъ; афинскій флотъ, въ которомъ теперь было уже до 70 триеръ, кругомъ обложилъ Сфактерію; день и ночь афиняне стерегли ее неослабно. Но и афиняне въ Пилосѣ, и спартанцы на Сфактеріи твердо держались; и тамъ и здѣсь, каждый изъ осажденныхъ бился такъ, какъ будто отъ его храбрости зависитъ слава отечества. Афиняне рассчитывали, что спартанцы на Сфактеріи скоро сдадутся, изнуренные голодомъ; но спартанское правительство обѣщало свободу и щедрыя награды илотамъ за доставку пищи на островъ, и находились илоты, успѣвавшіе пробираться туда на лег-

кихъ лодкахъ между афинскихъ кораблей. Такъ прошло два мѣсяца; приближалась зима; афиняне, блокировавшіе Сфактерію, опасались, что недостатокъ воды и продовольствія принудитъ ихъ отплыть, Клеонъ назначилъ вести войну на островѣ. Отъ нихъ неудовольствіе перешло и въ Афины. Народъ сталъ жалѣть о томъ, что не примирился съ лакедемонянами, и сердился на Клеона, помѣшавшаго миру. Клеонъ, оправдываясь, винилъ военачальниковъ за безуспѣшность блокады, говорилъ, что если послать подкрѣпленія къ войску, то можно быстро принудить спартанцевъ сдаться, что еслибъ онъ былъ главнокомандующимъ, онъ скоро овладѣлъ бы Сфактеріею. Онъ говорилъ это въ униженіе своему противнику, Никію, которому была поручена осада Сфактеріи. Никій сказалъ, что готовъ уступить свое мѣсто Клеону. Клеонъ, не ожидавшій этого, сталъ всячески отговариваться. Но народъ шумно требовалъ, чтобы онъ принялъ предложеніе Никіи и плылъ вести осаду Сфактеріи. Ему невозможно было уклониться, онъ покорился необходимости, и хвастливо обѣщался въ двадцать дней истребить или взять въ плѣнъ спартанцевъ на Сфактеріи; съ нимъ посылалъ 400 стрѣлковъ и еще небольшой отрядъ легковооруженной пѣхоты на подкрѣпленіе пилосскаго гарнизона. Онъ говорилъ, что ему достаточно и этого, онъ овладѣетъ Сфактеріею. Народъ смѣялся надъ его хвастовствомъ; разсудительные люди находили, что чѣмъ бы ни кончилась экспедиція Клеона, дѣло получило хорошій оборотъ: или будетъ одержана побѣда, или погибнетъ Клеонъ, — а это будетъ также выигрышемъ для государства.

Удача Клеона. Когда новый главнокомандующій прибылъ въ Пилосъ, Демосеонъ, котораго народъ по предложенію Клеона назначилъ однимъ изъ стражниковъ, дѣлалъ приготовленія къ высадкѣ на Сфактерію: лѣсной пожаръ, случившійся на островѣ, устранилъ прежнюю трудность наступленія на спартанскій отрядъ. Клеонъ благоразумно сталъ слѣдовать совѣтамъ опытнаго и предприимчиваго Демосеона. Спартакіе гордо отвергли предложеніе сдаться. Когда все было готово, афинскіе воины высадились на Сфактерію въ двухъ мѣстахъ. Мысли о храбрости спартанцевъ возбуждали въ нихъ нѣкоторую тревогу за исходъ нападенія; но, застигнувъ въ располхъ и переколовъ караулъ, они ободрились. Мессенцы, знавшіе мѣстность, указывали имъ, какъ идти; афинскіе стрѣлки и другіе легковооруженные воины тѣснили спартанцевъ и принудили ихъ отступить въ окопы на возвышеніи; афиняне подавляли ихъ превосходствомъ силъ. Начальникъ спартанскаго отряда, Эпитадъ, многіе второстепенные начальники были убиты; остальные спартанцы положили оружіе. Число сдавшихся въ плѣнъ было 292 человека, въ томъ числѣ 120 полноправныхъ гражданъ, то есть, людей высшаго сословія. Торжествуя, возвратился Клеонъ въ Афины раньше обѣщаннаго срока. Пелопоннесское войско, смотрѣвшее на битву съ берега и не имѣвшее возможности послать подкрѣпленіе, отступило въ уныніи отъ Пилоса и разошлось.

Послѣдствіи
взятія Сфак-
теріи.

Взятіе Сфактеріи было тяжелымъ ударомъ для спартанцевъ; оно поколебало мнѣніе о непреклонномъ мужествѣ ихъ воиновъ, убѣжденіе грековъ въ томъ, что они или побѣждаютъ или, какъ Леонидъ съ своимъ отрядомъ, умираютъ, но не сдаются. Спартанцы отправили въ Аѣины пословъ, предлагая миръ за освобожденіе своихъ плѣнныхъ согражданъ. Но побѣдители требовали слишкомъ большихъ уступокъ, и грозили казнить плѣнныхъ, если спартанское войско войдетъ въ Аттику. Аѣинскій гарнизонъ Пилоса, подкрѣпленный месенцами и бѣжавшими отъ рабства илотами, дѣлалъ опустошительныя набѣги на западныя области спартанскаго государства; аѣинскій флотъ овладѣлъ Китерою, и аѣиняне предпринимали изъ гаваней этого острова высадки на южный и восточный берега Лаконіи, брали много добычи и плѣнныхъ. Они овладѣли Тиреею, гдѣ нашли себѣ убѣжище изгнанные ими съ роднаго острова эгинцы (стран. 599), разрушили этотъ городъ, избили часть его населенія, другую продали въ рабство.

Аѣиняне едва не овладѣли Мегарою. При помощи мегарскихъ демократовъ, они уже взяли Нисею, гавань Мегары, и готовились взять саму Мегару, но туда успѣли прійти Бразидъ съ пелопоннесскими войсками и отрядъ еиванской конницы. Сто человекъ мегарскихъ демократовъ были казнены за сношенія съ аѣинянами, другіе спаслись бѣгствомъ. Эта попытка возстанія въ Мегарѣ очень запугала спартанцевъ; они стали опасаться мятежей порабощеннаго населенія Лаконіи. Чтобы предотвратить опасность, спартанское правительство пригласило илотовъ поступать волонтерами въ войско, обѣщая свободу имъ, если они будутъ сражаться храбро; отважные молодые илоты объявили, что хотятъ служить; спартанцы взяли ихъ на службу, и тайно умертвили; ихъ было 2,000 человекъ. Такъ отблагодарили спартанцы илотовъ за усердіе, выраженное ими при осадѣ Сфактеріи аѣинянами.

Довѣріе аѣин-
скаго народа
къ Клеону.

Но и аѣинянамъ обратилась во вредъ ихъ побѣда. Военная слава увеличила авторитетъ Клеона до такой степени, что онъ владычествовалъ надъ народнымъ собраніемъ, какъ второй Периклъ; народъ давалъ должности по его рекомендаціи; онъ сталъ имѣть рѣшительное вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ. Поддерживаемый демократическими клубами, онъ чернилъ и преслѣдовалъ своихъ противниковъ и всѣхъ людей умѣреннаго образа мыслей, въ особенности нерѣшительнаго Никія; руководимая имъ масса простолюдиновъ господствовала надъ государствомъ. Мщеніе политическимъ врагамъ, угожденіе измѣнчивому настроенію толпы было для него важнѣе соображеній о благѣ отечества; потому онъ всегда совѣтовалъ принимать самыя крутыя мѣры, требовалъ продолженія войны, разстроивалъ всѣ попытки къ примиренію. Для покрытія военныхъ расходовъ, аѣиняне увеличивали дань союзниковъ до обременительнаго размѣра, облагали ихъ насильственными займами или просто вынуждали

давать деньги; такъ поступили они съ Потидеею, съ Милетомъ, съ другими городами. Чтобы упрочить за собою расположеніе простолюдиновъ, Клеонъ убѣдилъ народное собраніе установить неизмѣнную величину вознагражденія гражданамъ за присутствіе въ народномъ судѣ и въ народномъ собраніи; прежде эта величина измѣнялась; теперь она была опредѣлена въ три обола. Онъ заботился и о томъ, чтобы на рѣшеніе геліастовъ было передаваемо много процессовъ;— простолюдины любили быть судьями. Напрасно Аристофанъ осмѣивалъ тогда Клеона подъ именемъ Пафлагонца въ своей комедіи «Всадники». Народъ смѣялся злымъ насмѣшкамъ гениальнаго поэта, но оставался вѣренъ хвастливому демагогу, дѣятельному и рѣшительному.

По взятіи Сфактеріи война получила новый характеръ. Аѣины и Спарта не вели военныхъ дѣйствій прямо другъ противъ друга: каждое изъ этихъ государствъ старалось отнимать у своего противника союзниковъ и тѣмъ уменьшать его доходы и военныя силы. Спартанскій полководецъ Бразидъ, соединившій со славою смѣлаго воина репутацію честнаго, умѣреннаго человека, пошелъ съ пелопоннесскимъ войскомъ черезъ Θεσσαлію на Халкидскій полуостровъ; прежде спартанцы не любили предпринимать такіе дальніе походы, но Бразидъ считалъ очень полезнымъ дѣйствовать противъ аѣинянъ тамъ: онъ хотѣлъ при содѣйствіи аристократовъ и коварнаго Пердикки II, царя македонскаго, принудить греческіе города Халкидики отказаться отъ союза съ Аѣинцами, и ввести въ нихъ олигархическое управленіе: олигархи повсюду были преданными друзьями Спарты. Аѣиняне между тѣмъ вошли въ тайныя сношенія съ демократическою партіею въ нѣкоторыхъ беотійскихъ городахъ; они хотѣли доставить преобладаніе въ нихъ демократамъ, при помощи которыхъ надѣялись присоединить къ своему союзу всю Беотію. Эти два дѣла велись одновременно; каждое шло независимо отъ другого; успѣхъ ихъ былъ неодинаковъ. По условію съ аѣинянами беотійскіе демократы должны были въ назначенный день поднять возстаніе въ двухъ городахъ: въ Сифахъ, городѣ лежавшемъ у Криссейскаго залива, и въ Хероней, на сѣверѣ Беотіи; это движеніе долженъ былъ поддержать Демосеенъ, стоявшій съ флотомъ и войскомъ въ Навпактѣ; съ тѣмъ вмѣстѣ должно было пойти къ Танагрѣ и стать въ крѣпкой позиціи близъ храма Аполлона Делосскаго у Эвбейскаго пролива большое аѣинское войско, состоявшее изъ гражданъ и метековъ; начальникомъ этого войска былъ племянникъ Перикла, Гиппократъ. Такимъ образомъ было подготовлено внезапное нападеніе съ трехъ сторонъ; аѣиняне надѣялись, что застигнутые въ располѣхъ аристократы будутъ легко низвергнуты повсюду въ Беотіи, повсюду установится демократическое управленіе. Планъ казался обдуманномъ хорошо, но отчасти измѣна, отчасти плохое исполненіе помѣшали успѣху его. Когда Демосеенъ подошелъ къ Сифамъ, то оказалось, что этотъ

Война въ Бе-
отіи и во Фра-
кии 424, 423.

Битва при Деліи 424 г. городъ уже занятъ беотійскими войсками; они храбро отбили нападеніе; ни тутъ, ни въ Херонеѣ демократы не могли поднять возстанія, потому что правительство беотійскаго союза зорко слѣдило за ихъ дѣйствіями. Предотвративъ возстаніе, беотійскій союзъ получилъ возможность послать всю массу своихъ силъ къ Делію, гдѣ у храма Аполлона расположился Гиппократъ и укрѣпилъ свой станъ рвомъ, тыномъ и деревянными башнями. Онъ повелъ свое войско на битву и занялъ позицію въ десяти стадіяхъ отъ храма; беотійцы сначала колебались принять битву; но одинъ изъ беотарховъ, начальствовавшихъ ими, Пагондъ, ободрилъ ихъ; они пошли на аѳинянъ и, послѣ жаркаго боя, долго остававшегося нерѣшительнымъ, атака конницы дала имъ полную побѣду. Около 1000 аѳинскихъ гоплитовъ и самъ Гиппократъ были убиты; остальнымъ благодаря наступившей ночи, удалось уйти; одни отступили въ свой укрѣпленный станъ, другіе черезъ Оропъ и Парнесъ въ Аттику. Между аѳинскими гоплитами отличился особеннымъ мужествомъ Сократъ, а между всадниками Алкивиадъ. Черезъ 17 дней послѣ битвы беотійцы взяли приступомъ укрѣпленный станъ аѳинянъ и только тогда позволили побѣжденнымъ похоронить убитыхъ товарищей.

Дѣйствія Бразиды во Фракіи и Халкидикѣ. Печаль аѳинянъ о пораженіи при Деліи была увеличена извѣстіями объ успѣхахъ пріобрѣтенныхъ Бразидомъ во Фракіи и Халкидикѣ. Появленіе спартанскаго войска, начальникъ котораго былъ и храбръ, и кротокъ, и справедливъ, умѣлъ говорить такъ же искусно, какъ владѣть мечомъ, подняло сильное движеніе на Фракійскомъ берегу и на Стримонѣ. Почти всѣ греческіе города тѣхъ мѣстъ держались союза съ Аѳинами только изъ страха и по принужденію, или по желанію имѣть въ аѳинянахъ поддержку своимъ демократическимъ учрежденіямъ. Бразидъ объявлялъ имъ, что цѣль его похода освобожденіе Греціи отъ аѳинскаго ига, что тѣ города, которые присоединятся къ спартанскому союзу, сохранятъ полную независимость, что онъ не будетъ нисколько вмѣшиваться въ дѣла ихъ внутренняго управленія, не будетъ стѣснять свободу демократическихъ учреждений. Онъ говорилъ очень искусно и, въ доказательство честности, прямоты спартанской политики, ссылаясь на то, какъ до сихъ поръ поступалъ самъ онъ. У него было 1700 спартанскихъ гоплитовъ, и греческимъ городамъ тѣхъ мѣстъ предстоялъ выборъ между союзомъ со Спартою и опустошеніемъ ихъ областей. Аристократическая партія, сочувствовавшая Спартѣ, почти повсюду взяла верхъ, греческіе города во Фракіи, въ Македоніи, въ Халкидикѣ одинъ за другимъ отворяли ворота Бразиду, и скоро почти всѣ они присоединили свои войска къ его войску.

Такимъ образомъ, Аканъ и Стагиръ безъ сопротивленія присоединились къ спартанскому союзу; Амфиноль покорился Бразиду, хотя былъ аѳинскою

колонією; покоривъ городъ Маркинъ въ землѣ Эдоновъ и ѳазосскія колоніи Галепсъ и Эсиму, Бразидъ отнялъ у аѳинянъ всѣхъ союзниковъ въ бассейнѣ Стримона; за аѳинянами остался тамъ только городъ Эионъ, господствовавшій надъ устьемъ рѣки; его успѣлъ защитить Фукидидъ, начальствовавшій небольшою эскадрою, которая была послана аѳинянами къ острову ѳазосу. Это тотъ Фукидидъ, который знаменитъ какъ историкъ. Онъ принадлежалъ къ роду Филаидовъ и держался въ политикѣ умѣренныхъ мнѣній; потому былъ подозрителенъ владычествовавшимъ тогда демократамъ. Мы впослѣдствіи будемъ говорить о немъ подробнѣе.—Примѣръ Амфиноля имѣлъ рѣшительное вліяніе на другіе города. Почти всѣ они, по словамъ Фукидида, отправили къ Бразиду тайныхъ пословъ, приглашавшихъ его идти къ нимъ. Они какъ будто соперничали между собою въ томъ, который раньше другихъ измѣнитъ Аѳинамъ. Такимъ образомъ сдались Бразиду всѣ мелкіе города по берегамъ аѳонскаго полуострова, отъ Ксерксова канала до скалы мыса; только Сана и Діонъ попытались сопротивляться. Важный городъ Торона, стоявшій на среднемъ (Ситонійскомъ) полуостровѣ Халкидики, вошелъ въ тайныя сношенія съ Бразидомъ, и смѣлое нападеніе спартанцевъ увѣнчалось успѣхомъ: аѳинскій гарнизонъ, занимавшій Торону, былъ съ очень большимъ урономъ выгнанъ. Граждане Скіоны, стоявшей на западномъ (Палленскомъ) полуостровѣ, сами ввели Бразиду въ свой городъ, дали ему, какъ „освободителю Греціи“, золотой вѣнокъ и подчинились гегемоніи Спарты. Ихъ примѣру скоро послѣдовала Менда. Пріобрѣтенное столькими трудами владычество аѳинянъ на морѣ стало колебаться. Греки ѳракійскаго побережья тѣмъ охотнѣе подчинялись Бразиду, что, судя по его ласковому обращенію и дружелюбнымъ увѣреніямъ, находили союзъ съ лакедемонянами привлекательнымъ, и обольщаясь своимъ желаніемъ отдѣлаться отъ Аѳинъ, считали это государство слабымъ; скоро имъ пришлось испытать, что Бразидъ обѣщалъ имъ больше, нежели могъ исполнить, что лакедемоняне оставались вѣрны своей политикѣ, не заботиться о завоеваніяхъ въ далекихъ странахъ, и послали Бразиду въ Халкидику лишь для того, чтобы принудить аѳинянъ къ миру и освободить своихъ плѣнныхъ согражданъ.

И дѣйствительно аѳиняне не увидѣли, что для покоренія халкидскихъ и ѳракійскихъ городовъ имъ надобно сдѣлать большія военныя приготовленія и что для этого полезно будетъ заключить довольно продолжительное перемиріе. Въ досадѣ на отпаденіе Амфиноля, подавшаго другимъ городамъ примѣръ измѣны, они осудили на изгнаніе своихъ военачальниковъ Эвклеса и Фукидида, обвиняя ихъ въ недостаткѣ усердія; Эвклесъ дѣйствительно былъ виноватъ; но обвиненія Фукидида имѣло своимъ источникомъ быть можетъ не столько дѣйствительную его ошибку, сколько недовѣріе къ нему за его политическія убѣжденія. Чтобы сохранить за собою тѣ города, которыхъ еще не покорилъ Бразидъ, и въ особенности Потидею, овладѣть которою онъ очень желалъ, они заключили съ лакедемонянами перемиріе на годъ. Условія перемирія были: сохраненіе того положенія дѣлъ, какое существовало при заключеніи договора; признаніе нейтралитета за дельфійскимъ храмомъ и свобода проѣзда въ Дельфы для всѣхъ грековъ; передача могущихъ возникнуть споровъ на рѣшеніе судебнымъ учрежденіемъ по существующимъ законамъ; выдача дезертировъ и съ той и съ другой

Перемиріе.

Мартъ 423 г.

стороны; свободный проѣздъ вѣстникамъ и посламъ для переговоровъ о мирѣ.

Продолженіе
военныхъ дѣй-
ствій во Эракіи.

Скіона и Менда отложились отъ Аѳинъ черезъ два дня по заключеніи договора, но до обнародованія его въ тѣхъ мѣстахъ. Аѳинскій народъ, по предложенію Клеона, рѣшилъ, что эти города должны быть силою оружія возвращены къ повиновенію Аѳинамъ. Потому война въ той мѣстности продолжалась. Никій и Никостратъ, посланные во Эракію съ большими силами, скоро покорили Менду и осадили Скіону. Пердикка, поссорившійся съ Бразидомъ и считавшій выгоднымъ для себя, чтобы война между греками продолжалась, перешелъ на сторону аѳинянъ; они надѣялись принудить къ покорности всѣ отдѣлившіеся отъ нихъ города. Когда перемиріе кончилось, война во Эракіи возобновилась съ новой силою. Клеонъ, прославившійся завоеваніемъ Сфактеріи, былъ съ большимъ войскомъ, при которомъ была и конница, посланъ на сѣверный берегъ. Онъ быстро покорилъ Торону и Галепсъ; это увеличило его самонадѣянность; онъ вообразилъ себя очень хорошимъ полководцемъ, способнымъ побѣдить Бразиду; поплылъ кругомъ Аѳона къ устью Стримона и высаdilъ свои войска въ Эіонѣ. Бразидъ стоялъ тогда въ Амфиполѣ съ войскомъ менѣе многочисленнымъ. Клеонъ оставался нѣсколько времени въ Эіонѣ; его войско было недовольно бездѣйствіемъ и роптало на своего полководца, въ способностяхъ котораго не было увѣрено. Вынужденный этимъ, Клеонъ, не дождавшись прибытія шедшихъ къ нему македонскихъ и эракійскихъ войскъ, двинулся къ Амфиполю; по его словамъ, онъ хотѣлъ осмотрѣть положеніе города.

Сраженіе при
Амфиполѣ.
Смерть Бразиды
и Клеона.

Бразидъ показалъ видъ, будто робѣетъ; ни передъ воротами, ни на стѣнахъ Амфиполя не было воиновъ. Обманутый этимъ Клеонъ предположилъ, что легко будетъ овладѣть Амфиполемъ; съ нимъ было много войска; онъ жалѣлъ, что не взялъ обоза съ орудіями, нужными для осады, и поставилъ свое войско очень близко къ городу. Именно этого желалъ и ожидалъ Бразидъ. Когда Клеонъ приказалъ войскамъ вернуться, Бразидъ внезапно вышелъ изъ города одними воротами, а его помощникъ Клеаридъ пошелъ на аѳинянъ съ другой стороны. Изумленное этимъ неожиданнымъ нападеніемъ аѳинское войско оробѣло и, не оказавъ почти никакого сопротивленія непріятелю, побѣжало въ горы, спѣша укрыться въ Эіонѣ; Клеонъ былъ настигнутъ въ этомъ бѣгствѣ и убитъ. Но Бразидъ также получилъ смертельную рану въ грудь. Его принесли въ городъ, и онъ скоро умеръ; передъ смертью герой получилъ извѣстіе о томъ, что его войско побѣдило. Граждане Амфиполя стали чтить его какъ покровителя города и ежегодно совершали у его гробницы жертвоприношенія и торжественныя игры. Аѳиняне потеряли 600 человекъ убитыми; побѣдители только семь человекъ.

Желаніе мира. Бразидъ и Клеонъ были самыми горячими противниками мира. По

смерти ихъ, и въ Аѳинахъ и въ Спартѣ сторонники мира приобрѣли больше вліянія; страсть стала уступать голосу разсудка. Въ Спартѣ желаніе мира усиливалось опасеніемъ мятежа илотовъ, желаніемъ избавиться отъ присутствія аѳинскихъ войскъ на Китерѣ и въ Пилосѣ (Корифасіи), освободить гражданъ, взятыхъ въ плѣнъ на Сфактеріи. Въ Аѳинахъ благоразумные граждане склоняли народъ къ миру по опасенію, что если война продлится, то государство утратитъ всѣхъ союзниковъ, что число гражданъ, способныхъ сражаться, очень уменьшится отъ военныхъ потерь, что источники доходовъ изсякнутъ, государство ослабѣетъ, и многочисленные враги совершенно одолѣютъ его. Особенно сильно склонялъ аѳинянъ къ прекращенію войны поэтъ-патріотъ Аристофанъ, поставившій въ это время на сцену свою комедію «Миръ». Такое настроеніе умовъ привело наконецъ къ заключенію мира. Главными дѣятелями при переговорахъ о немъ были: со стороны Спарты, воротившійся изъ ссылки царь Плистоанаксъ (стран. 543), со стороны Аѳинъ—вождь умѣренной партіи, Никій. Миръ былъ заключенъ на пятьдесятъ лѣтъ. Спарта и Аѳины взаимно возвращали свои завоеванія, освобождали плѣнныхъ, обѣщались рѣшать споры между собою путемъ дружескихъ соглашеній, гарантировали всѣмъ грекамъ свободу путей къ дельфійскому храму и другимъ національнымъ святилищамъ. Договоръ былъ подписанъ семнадцатью уполномоченными отъ Аѳинъ и семнадцатью отъ Спарты; въ память о немъ были поставлены колонны въ Олимпіи, Спартѣ, Аѳинахъ, на Истмѣ, въ Дельфахъ. Помирившись, Аѳины и Спарта заключили между собою оборонительный союзъ, по которому обѣщали помогать другъ другу войскомъ въ случаѣ нападенія внѣшнихъ враговъ или мятежа.

Трактаты были заключены въ послѣднюю декаду лакедемонскаго мѣсяца артемизія, аттическаго мѣсяца элафеволюна. Въ числѣ спартанскихъ уполномоченныхъ находились оба царя, Плистоанаксъ и Агисъ, и эфоръ Плистоъ; въ числѣ аѳинскихъ стратеги Никій, Лахесъ, Ламахъ и Демосеенъ.—Относительно эракійскихъ городовъ было постановлено, что Аргилъ, Стагиръ, Аканеъ, Сколъ, Олинеъ, Спартолъ, Мекиберна, Сана и Сингъ будутъ пользоваться автономією, но платить аѳинянамъ дань въ томъ размѣрѣ, какой былъ опредѣленъ Аристидомъ; что спартанцы выведутъ свои войска изъ Амфиполи; что всѣмъ недовольнымъ этими постановленіями жителямъ эракійскихъ городовъ предоставляется право эмигрировать со всѣмъ своимъ имуществомъ.—Скіону вскорѣ послѣ этого взяли аѳиняне, казнили всѣхъ взрослыхъ гражданъ, женщинъ и дѣтей продали въ рабство, городъ и его область отдали платенянамъ.—Торона и Сермилиа были оставлены подъ полною властью аѳинянъ, обязавшихся вывести свои войска изъ Корифасіи (Пилоса), съ Китеры, изъ Меѳоны и Аталанты. Мегарская гавань Нисея была оставлена за аѳинянами. Спартанцы и аѳиняне обѣщались каждый годъ возобновлять торжественную присягу, что будутъ соблюдать условія мира. Но они могли по взаимному согласію видоизмѣнять эти условія.—О безпощадной суровости политики того времени мы можемъ судить по тому, какъ поступили аѳиняне съ жителями Делоса во время годичнаго перемирія. Подъ тѣмъ предлогомъ, что прежнія мѣры очищенія этого острова отъ оскверненія (стран. 616) были недостаточны, и что жители его нарушили свои обязан-

ности относительно храма Аполлона, афиняне принудили всѣхъ делосцевъ переселиться въ Мизию, а землю ихъ роздали афинскимъ гражданамъ. Но по заключеніи мира, исполняя повелѣніе дельфійскаго оракула, они возвратили островъ прежнимъ его жителямъ.

Положеніе дѣлъ въ Лакедемонѣ. Плѣнные спартанцы вернулись на родину. Тѣ изъ нихъ, которые сдались въ плѣнъ, хотя еще могли бы сражаться, были объявлены лишенными чести, то есть, политическихъ правъ. Но они принадлежали къ знатнымъ семействамъ, потому скоро были освобождены отъ этого наказанія и восстановлены въ правахъ. Тысяча илотовъ, храбро сражавшихся въ войскѣ Бразиды, получили свободу и права гражданъ. Но, должно думать, что спартанцы считали ненадежнымъ настроеніе умовъ подвластнаго имъ населенія; это видимъ изъ того, что они заключили съ афинянами оборонительный союзъ, по условіямъ котораго афиняне обѣщались помогать имъ въ случаѣ возстанія илотовъ или мессенцевъ. А согласіе афинянъ заключить такой договоръ показываетъ, какъ сильно было тогда въ Афинахъ преобладаніе Никіа и другихъ сторонниковъ дружбы со Спартою.

2. РАЗДОРЫ И ВОЙНЫ ВЪ ГОДЫ МИРА МЕЖДУ АФИНАМИ И СПАРТОЮ (421—415).

Недовольство, возбужденное условіями мира. Такой исходъ десятилѣтней кровопролитной раззорительной войны не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ враговъ Афинъ. Коринѣяне, которые такъ усердно возбуждали и вели войну, надѣялись, что владычество на морѣ будетъ отнято у ненавистныхъ имъ сосѣдовъ и достанется хотя отчасти имъ. А миръ оставилъ за афинянами всѣ прежнія владѣнія, даже отдалъ имъ коринѣскія колоніи Соллій и Анакторій, упрочилъ крѣпче прежняго ихъ владычество въ Потидеѣ и на Коркирѣ. Недовольство коринѣянъ примиреніемъ Спарты съ Афинами раздѣляли мегаряне, которымъ теперь больше прежняго угрожало сосѣдство афинянъ, сохранившихъ за собою захваченную ими гавань города Мегары, Нисею. Беотійцы, гордые своей побѣдою при Деліѣ, издавна враждебные афинянамъ по племенному чувству ненависти, по соперничеству изъ-за пограничныхъ городовъ и округовъ, по противоположности политическихъ учрежденій, негодовали на то, что условія мира обязывали ихъ возвратитъ афинянамъ пограничную аттическую крѣпость Панактъ, составлявшую единственное пріобрѣтеніе ихъ побѣдоносной войны. Элидыне, мантинейцы, греки другихъ областей тоже были раздражены миромъ, ставившимъ всю Грецію подъ власть Афинъ и Спарты и заключавшимъ въ себѣ опасное для всѣхъ государствъ условіе, что «по взаимному соглашенію Афинъ и Спарты могутъ быть производимы перемѣны» установленныхъ отношеній. Но и въ самой Спартѣ, и въ самихъ Афинахъ далеко не всѣ были довольны миромъ. Правда, самые сильные противники примиренія, Бразидъ и Клеонъ, были убиты подъ Амфиполемъ; но оставалось много людей, упорно державшихся того направленія. Ихъ возраженія были на время заглушены въ Спартѣ желаніемъ освободить плѣнныхъ согражданъ, въ Афинахъ потребностью отдыха; но скоро стали пріобрѣтать все

больше и больше вліянія враги мира, — у лакедемонянъ вовые эфоры Клеовулъ и Ксенаръ, у афинянъ Гиперболъ и другіе демагоги. Спартанцы и ихъ союзники не исполняли нѣкоторыхъ условій мира; это возбуждало сомнѣнія въ искренности ихъ миролюбія; воспоминанія о свирѣпостяхъ, требовавшихъ отмщенія, не допускали прочнаго примиренія. По трактату, лакедемоняне должны были принудить Амфиполь покориться афинянамъ; они не дѣлали этого; не заставляли и беотійцевъ отдать афинянамъ крѣпость Панактъ; это подавало афинянамъ справедливое основаніе не выводить своихъ войскъ изъ Пилоса. По возвращеніи своихъ плѣнныхъ согражданъ на родину, спартанцы стали менѣе прежняго слушать миролюбиваго царя Агиса, сдѣлались опять высокомерны; и снова сблизились съ афинянами, лишь когда замѣтили недовольство своихъ союзниковъ и честолюбивые замыслы своихъ старыхъ соперниковъ, аргосцевъ. Тогда они заставили беотійцевъ освободить афинскихъ плѣнниковъ и отдать афинянамъ Панактъ; впрочемъ беотійцы возвратили это мѣстечко, только разрушивъ его укрѣпленія. Видя миролюбіе лакедемонянъ, афиняне вывели изъ Пилоса свой гарнизонъ, состоявшій изъ мессенцевъ и бѣжавшихъ илотовъ; это успокоило лакедемонянъ, опасавшихся, что пилосскій гарнизонъ послужитъ опорой для могущаго вспыхнуть мятежа.

Дѣйствительно, положеніе спартанцевъ было опасно. Пелопоннескія государства выказывали непріязнь къ нимъ. При заключеніи мира, послы ихъ говорили афинянамъ, что вся Греція подчинится рѣшенію Афинъ и Спарты. Думая такъ, спартанцы приписывали себѣ авторитетность, какой не имѣли. Неудачи ихъ подъ Пилосомъ ослабили мнѣніе, что ихъ воины непобѣдимы, воодушевили ихъ враговъ смѣлыми надеждами. Аргосцы полагали, что обстоятельства благоприятствуютъ осуществленію ихъ давнихъ притязаній на гегемонію въ Пелопоннесѣ. Они не участвовали въ войнѣ; обѣ воюющія стороны остерегались затронуть ихъ и они одни пользовались въ эти раззорительные годы благами мира; отдавая отряды своего войска въ наемъ то одной, то другой воюющей сторонѣ, они получали большіе доходы и съ тѣмъ вмѣстѣ становились опытными воинами. У нихъ былъ отрядъ постоянного войска, содержавшійся на счетъ государства; онъ состоялъ изъ 1000 гоплитовъ и набирался изъ людей знатнаго и богатаго сословія. Такимъ образомъ Аргосъ достигъ большого благосостоянія и военного могущества. Около этого времени кончился срокъ мира, заключеннаго Аргосомъ съ Лакедемономъ въ 451 году на 30 лѣтъ; аргосцы рѣшили воспользоваться обстоятельствами для пріобрѣтенія гегемоніи въ Пелопоннесѣ. Коринѣяне возбуждали ихъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ, говоря, что миръ, заключенный между Спартою и Афинами — соглашеніе этихъ государствъ между собою для порабощенія Греціи. Аргосцы стали тайно хлопотать о томъ, чтобы устроить федерацію, къ которой могли бы присоединиться всѣ жела-

Отношенія Спарты къ Аргосу.

Аргосскій
союзъ.

юція государства Греціи, за исключеніемъ Спарты и Аѣинъ. Скоро вступили съ аргосцами въ союзъ мантинейцы, опасавшіеся, что спартанцы отнимутъ у нихъ округъ земли завоеванной ими, и элидяне, недовольные Спартой за неблагоприятное для нихъ рѣшеніе одного изъ ихъ споровъ съ сосѣдами. Вскорѣ присоединились къ этому союзу коринѣяне и халкидскіе города Фракіи (коринѣяне не подписали мира съ Аѣинами, говоря, что онъ противорѣчитъ обязанностямъ, возлагаемымъ на нихъ вѣрностью союзникамъ). Беотійцы и мегаряне держались въ сторонѣ, потому что имъ не нравилось демократическое устройство аргосскаго правленія; они тоже не подписали мира, но заключили съ аѣинянами перемиріе на неопредѣленное время подъ условіемъ, что сторона, желающая возобновить войну, должна увѣдомить о томъ другую сторону и перемиріе прекращается черезъ 10 дней послѣ этого предувѣдомленія. Они рѣшились на первое время оставаться нейтральными. Только Тегея осталась вѣрна своему давнему союзу со Спартой по ненависти къ Мантинеѣ и по досадѣ на то, что теперь мантинейцы задумывали пріобрѣсти гегемонію надъ всею Аркадіею. Такимъ образомъ въ Греціи было теперь три федераціи. Аргосскій союзъ, опирающійся на недовольныхъ коринѣянъ, на мантинейцевъ, элидянъ, занялъ независимое положеніе и вызывалъ присоединяться къ нему всѣ второстепенныя и мелкія государства; недовольство миромъ постоянно возростало и въ Спартѣ и въ Аѣинахъ, особенно въ Аѣинахъ, жаловавшихся на неисполненіе условій трактата; оно придавало очень большую важность Аргосу: та сторона, на которую станетъ онъ, пріобрѣтала перевѣсъ силъ надъ другою.

Дипломатическія
интриги.

Потому и спартанцы и аѣиняне старались пріобрѣсти дружбу Аргоса. Это произвело рядъ дипломатическихъ интригъ, которыя тянутся по заключеніи Никіева мира цѣлыя годы; основаніями для этихъ интригъ служили племенные и политическія симпатіи и антипатіи. Спарта первая стала искать союза съ Аргосомъ черезъ посредничество беотійцевъ. Между спартанцами и аргосцами было племенное родство. Но аргосцы требовали за свою дружбу слишкомъ большой уплаты: они хотѣли, чтобы спартанцы возвратили имъ Кинурію, — область, изъ-за которой было ведено между ними столько войнъ (стран. 200); притомъ союзу мѣшали воспоминанія о тяжкихъ страданіяхъ аргосцевъ отъ спартанцевъ; союзъ со Спартой противорѣчилъ всей исторіи, всѣмъ преданіямъ Аргоса. Успѣшнѣе были переговоры Аѣинъ съ Аргосомъ; они пошли особенно хорошо съ той поры, какъ Алкиадъ, дѣятельно помогавшій Никію заключить миръ со Спартой, сдѣлался врагомъ ея, обидѣвшись недостаткомъ любезности къ нему со стороны спартанцевъ, и сталъ хлопотать о заключеніи союза между Аѣинами и Аргосомъ.

Алкиадъ.

Алкиадъ, сынъ Клінія, происходившій по отцу отъ рода, который счи-

талъ своимъ предкомъ Эврисака и по Эврисаку Эакіда Аякса, а по матери — отъ богатаго и знатнаго рода Алкмеонидовъ, потому человекъ очень знатнаго происхожденія, обладалъ несмѣтнымъ богатствомъ, былъ чрезвычайно хорошъ собою, даровитъ и очень честолюбивъ, по красотѣ лица мало было людей, которые такъ нравились бы женщинамъ; онъ былъ храбръ, предприимчивъ, очень уменъ, образованъ и превосходный ораторъ; онъ имѣлъ бы всѣ качества, нужныя для того, чтобы занять въ государствѣ то положеніе, какое занималъ Периклъ, его дядя по матери, еслибы у него было больше благоразумія и еслибы онъ умѣлъ обуздать чрезвычайный эгоизмъ, свои пылкія страсти и вести сколько нибудь правильную, а не безпорядочную, развратную жизнь. Въ молодости онъ былъ друженъ съ Сократомъ и подъ его вліяніемъ проникся любовью къ добродѣтели, къ благороднымъ цѣлямъ жизни; но при его впечатлительности эти мысли были не настолько сильны, чтобы удержать его отъ увлеченія чувственными наслажденіями. Алкиадъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей демонической натуры, которые имѣютъ рѣшительное вліяніе на судьбу народовъ, не могутъ подчиняться существующимъ законамъ, идутъ путемъ произвола и, надѣясь на свою находчивость, на превосходство своего ума, любятъ пускаться въ опасныя предпріятія. Привыкнувъ торжествовать, считая себя выше всѣхъ, онъ полагалъ, что для него возможно и позволительно все, пренебрегалъ всѣми общественными и частными обязанностями. Это было натурально, потому что народъ любилъ его, прощалъ ему все, всѣ дивились ему, восхищались имъ.

Пользуясь досадою аѣинянъ на то, что беотійцы разрушили укрѣпленія Панакта, что Амфиполь не покоряется, что спартанцы заключили отдѣльный союзъ съ беотійцами, Алкиадъ, обманомъ убѣдивъ лакедемонскихъ пословъ поступить двоедушно, успѣлъ склонить аѣинскій народъ къ заключенію союза съ Аргосомъ, Элидою и Мантинеею. Союзники обѣщались защищать другъ друга отъ нападений, исполнять рѣшенія, какія будутъ принимаемы конгрессомъ ихъ уполномоченныхъ. Они поставили на площадяхъ и въ храмахъ колонны, на которыхъ вырѣзали текстъ договора; чтобы не могли быть прерваны непріятелемъ сообщенія Аргоса съ Аѣинами, аргосцы построили отъ своего города къ морю длинныя стѣны. Граждане Патръ тоже соединили свой городъ съ моремъ стѣнами.

Этотъ союзъ, которымъ аѣиняне нарушили Никіевъ миръ, какъ лакедемоняне нарушили его союзомъ съ беотійцами, сильно измѣнилъ отношенія между греческими государствами. Коринѣяне, по старой непріязни къ Аѣинамъ и къ демократіи, отступили отъ союза съ Аргосомъ и возобновили союзъ съ лакедемонянами и беотійцами; опасенія, что вспыхнетъ война, были до того очевидны, что Олимпійскія игры въ этомъ году происходили подъ прикрытіемъ войскъ. Лакедемоняне были уstraнены отъ участія въ нихъ и, въ первый разъ послѣ того, какъ началась пелопоннесская война, аѣиняне были допущены къ нимъ. Алкиадъ послалъ на эти игры семь колесницъ и затмилъ всѣхъ соперниковъ великолѣпіемъ экипажей и красотой лошадей. Но и въ этомъ году и въ слѣдующемъ, военныхъ дѣйствій

Союзъ Аѣинъ
съ Аргосомъ
420 г.

Дѣятельность
Алкиада.

Походъ Агиса
противъ Аргоса.

еще не было. Скоро однако же они начались. Алкивиадъ, которому было тогда съ небольшимъ 30 лѣтъ, былъ выбранъ стратегомъ; онъ явился съ войскомъ въ Пелопоннесъ, заставилъ ахейскій приморскій городъ Патры присоединиться къ аргосско-аѣинскому союзу, перевезъ въ Пилосъ отрядъ мессенцевъ, которые стали дѣлать оттуда хищническіе набѣги, убѣдилъ аргосцевъ послать войско противъ Эпидавра, и примкнулъ къ нему съ аѣинскими гоплитами. Все это вынудило лакедемонянъ взяться за оружіе на защиту свой колеблющейся гегемоніи. Спартанскій царь Агисъ пошелъ къ Аргосу съ отборнымъ войскомъ, въ которомъ, кромѣ лакедемонянъ и тегейцевъ, были коринѣяне, мегаряне, сикіонцы и беотійцы; онъ подошелъ близко къ Аргосу, и положеніе войска аргосцевъ и ихъ союзниковъ было очень опасно. Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться его затрудненіемъ, Агисъ, не желая увеличивать вражды между пелопоннесцами кровопролитіемъ, воликодушно заключилъ съ непріятелемъ перемиріе на четыре мѣсяца. Лакедемоняне были такъ недовольны этимъ, что осудили Агиса заплатить большой штрафъ, рѣшили сломать его домъ и установили законъ, по которому царь, командующій войскомъ, долженъ былъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ подчиняться рѣшенію военнаго совѣта, состоящаго изъ десяти спартанцевъ. Но и въ Аргосѣ были недовольны перемиріемъ. Скоро приплылъ туда Алкивиадъ съ отрядомъ войска и убѣдилъ аргосцевъ рѣшить, что перемиріе, заключенное безъ согласія союзниковъ, не имѣетъ законной силы. Войско аргосскаго союза снова двинулось въ походъ, овладѣло въ Аркадіи городомъ Орхоменомъ и пошло на Мантинею. Агисъ, который между тѣмъ былъ освобожденъ отъ наказанія и суда, снова двинулся на вѣроломнаго врага съ торопливо созваннымъ союзнымъ войскомъ, и блестящею побѣдою при Мантинеѣ возстановилъ славу спартанскаго оружія и гегемонію Спарты.

Битва при Манти-
неѣ.
Августъ 418 г.

„Этимъ сраженіемъ лакедемоняне совершенно опровергли составившееся о нихъ по взятіи Сфактеріи мнѣніе, что они робки, нерѣшительны, вялы“ — замѣчаетъ Фукидидъ: „Теперь стали думать о нихъ, что только случайное несчастье омрачило тогда ихъ славу, но что они сохранили свои старинныя качества“.

Впечатлѣніе, произведенное битвою при Мантинеѣ, было такъ сильно, что аргосцы, а вскорѣ послѣ нихъ и мантинейцы отказались отъ союза съ аѣинянами и помирились съ лакедемонянами. Аѣиняне увидѣли себя принужденными удалиться изъ Пелопоннеса. Но подъ вліяніемъ Спарты аристократическая партія, при помощи новоучрежденнаго постоянного войска, низвергла демократическій порядокъ, передала управленіе городомъ коллегіи своихъ вождей, стала поступать высокомерно и произвольно; и въ слѣдующемъ году народъ, раздраженный наглымъ насиліемъ одного изъ главныхъ людей господствующей

щей коллегіи, оскорбившаго честь красивой дѣвушки, началъ на праздникъ гимнопедій борьбу, кончившуюся возстановленіемъ демократическаго правленія, изгнаніемъ олигарховъ и возобновленіемъ союза съ Аѣинами. Лакедемоняне вновь пошли на Аргосъ, но походъ остался безуспѣшенъ: въ Аргосѣ удержалось демократическое правленіе; аргосцы посадили на аѣинскіе корабли, прибывшіе подъ начальствомъ Алкивиада на помощь имъ, 300 человекъ изъ числа приверженцевъ Спарты; аѣиняне развезли ихъ по разнымъ городамъ.

Ожесточеніе
борьбы.

Повсюду свирѣпствовала вражда, не допускавшая Грецію успокоиться. Въ своемъ походѣ на Аргосъ, лакедемоняне, взявъ аргосскій городъ Гисію, убили всѣхъ мужчинъ. Въ отмщеніе за это, аргосскіе демократы, взявъ при помощи аѣинскаго отряда крѣпость Орнеи, служившую прибѣжищемъ изгнанныхъ олигарховъ, разрушили ее, убили часть ея жителей, другихъ бросили въ темницы или изгнали. Миръ былъ заключенъ какъ будто лишь для того, чтобы собраться съ силами для безпощадной войны, чтобы партіи имѣли досугъ плотнѣе организовать, приучиться къ свирѣпостямъ. Гуманныя чувства, гражданскія добродѣтели, законъ, — все было презираемо въ ожесточеніи политическихъ раздоровъ; фанатизмъ партій былъ силою, дававшей энергію убивать и не бояться смерти. Съ особенною яркостью политическое озлобленіе высказалось въ томъ, какъ поступили аѣиняне съ населеніемъ острова Мелоса.

Борьба между Никіемъ, главою партіи мира, и Алкивиадомъ, главою партіи войны, должна была быть рѣшена изгнаніемъ того или другого изъ нихъ посредствомъ остракизма, — какъ была рѣшена борьба между Фемистокломъ и Аристидомъ; но результатъ остракизма вышелъ не такой, какъ тогда: по безчестному соглашенію партій подвергся изнанію не тотъ или другой изъ ихъ вождей, а демагогъ Гиперболъ *). Послѣ этого, вражда партій на нѣсколько времени затихла. Предпримчивый Алкивиадъ склонилъ аѣинянъ отправить экспедицію противъ Мелоса, граждане котораго, лаконскіе дорійцы, не принимали участія въ войнѣ, потому что боялись аѣинянъ, а воевать съ своею метрополіею не хотѣли. Когда явилась у ихъ острова сильная аѣинская эскадра, они просили оставить имъ ихъ нейтралитетъ. Но начальники эскадры объяснили ихъ правителямъ, что по

Завоеваніе Ме-
лоса аѣиняна-
ми и жесто-
кость ихъ. Зи-
ма 416.

*) Это было, вѣроятно, въ 417 году. Послѣ такого истребленія остракизма, онъ вышелъ изъ употребленія. Демократія въ Аѣинахъ ужъ такъ упрочилась, что ни у кого не могло быть замысла подавить свободу, сдѣлаться тиранномъ. Потому не было нужды принимать мѣръ предосторожности противъ вліятельныхъ гражданъ, изгнаніе по остракизму стало бесполезно, а послѣ того, какъ былъ изгнанъ остракизмомъ Гиперболъ, подвергнуть остракизму вліятельнаго государственнаго человека значило бы нанести ему обиду. Гиперболъ, хозяинъ мастерской, дѣлавшей лампы, былъ, по словамъ Фукидида (VII, 75), «человекъ презрѣнный, изгнанный остракизмомъ не потому, что былъ вліятелемъ, а за то, что былъ стыдомъ для Аѣинъ». — Онъ удалился на Самосъ и былъ убитъ тамъ олигархами (смотри ниже).

закону природы и по человѣческому обычаю сильный повелѣваетъ, а слабый долженъ повиноваться, что всегда бывало такъ, что поэтому мелійцы должны вступить въ союзъ съ аѳинянами и платить имъ дань. Мелійцы, въ надеждѣ на справедливость своего дѣла и на помощь своихъ соплеменниковъ, спартанцевъ, объявили, что хотятъ сохранить независимость, которою пользовались семь столѣтій. Аѳиняне начали военныя дѣйствія; мелійцы нѣсколько мѣсяцевъ героически оборонялись, но принуждены были сдаться. Пощады въ то желѣзное время не было. Фукидидъ съ рѣзкою краткостью рассказываетъ развязку: «Аѳиняне умертвили всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, попавшихся въ ихъ руки, а женщинъ и дѣтей обратили въ рабство. Островъ взяли они себѣ, и послали на него пятьсотъ клеруховъ». Миръ со Спартою сталъ послѣ такой свирѣпости невозможенъ. Война возобновилась; война на жизнь и смерть, такая, которая должна была продолжаться до паденія или Аѳинъ или Спарты. Безпощадный эгоизмъ, съ ужасающею откровенностью выказанный аѳинянами въ переговорахъ съ мелійцами, далъ новый оборотъ исторіи Аѳинъ. Вскорѣ послѣ экспедиціи противъ слабого Мелоса, аѳиняне съ такою же надменностью предприняли покореніе сильнаго государства въ Сициліи; эта экспедиція потерпѣла неудачу, и правила той жестокости, примѣръ которой подали аѳиняне, были примѣнены къ нимъ самимъ. Принципъ, провозглашающій, что сила выше права, не всегда оказывается полезенъ сильному, держащемуся его.

3. Осада Сиракузъ.

1. сицилійскія дѣла до осады сиракузъ.

Первая династия сиракузскихъ тирановъ.
Гелонъ, 491—476.
Гіеронъ, 477—466.
Побѣда при Кимѣ 474.

Искусный правитель и храбрый воинъ Гелонъ, отразившій нашествіе карфагенянъ на Сицилію (стр. 513), умеръ черезъ три или четыре года послѣ побѣды при Гимерѣ. Ему наслѣдовалъ братъ его Гіеронъ; одаренный замѣчательными правительственными способностями и проникнутый жаждою похвалъ, онъ въ свое десятилѣтнее владычество надъ Сиракузами сдѣлалъ свою столицу великолѣпнымъ городомъ и пріобрѣлъ себѣ большую военную славу побѣдою надъ тирренами у Кимы. Онъ окружилъ себя блестящимъ дворомъ; въ городахъ у него жили знаменитѣйшіе поэты Греціи: Пиндаръ, Эсхиль, Симонидъ, Бакхилидъ, и платили за его гостепріимство и щедрость прославленіемъ его имени; онъ посылалъ на олимпійскія, дельфійскія и истмійскія состязанія великолѣпныя колесницы и богатые подарки, увеличивавшіе его славу въ Греціи. Въ Сиракузахъ возникъ знаме-

нитый театръ, на которомъ давалъ Эпихармъ свои комическія піэсы, живо изображавшія народный бытъ, ставилъ Софронъ свои «Мимы», написанные простонароднымъ языкомъ и вѣрно передававшіе характеръ сицилійской жизни (стран. 576 и слѣд.). Процвѣтали въ Сиракузахъ и другія изящныя искусства, какъ показываютъ и теперь остатки великолѣпныхъ зданій и превосходно отчеканенныя монеты того времени. Слабая связь между сицилійскими греками и Греціею скрѣплялась этою любовью Гіерона къ искусствамъ. Но покровитель искусствъ, онъ былъ правитель суровый, неуважавшій законовъ. На блескъ двора и на содержаніе наемнаго войска нужно было ему много денегъ; онъ обременялъ народъ налогами и натуральными повинностями, поддерживалъ свою власть жестокими мѣрами. Сиракузанцы уже при немъ были недовольны тиранническимъ самовластіемъ; ихъ негодованіе усилилось, когда тиранномъ сталъ по смерти Гіерона младшій братъ его Тразибулъ, который, чтобы захватить власть, пріучилъ своего племянника къ разврату, подорвавшему его умственныя и физическія силы. Опираясь на наемное войско и устроивъ систему шпіонства, Тразибулъ совершалъ всяческія несправедливости и жестокости, попиравъ законы, бросалъ въ темницу и убивалъ гражданъ по малѣйшему подозрѣнію. Десять мѣсяцевъ выносили сиракузанцы тяжелое иго, наконецъ ободрились и подняли возстаніе. Они овладѣли центральными частями города и, получивъ подкрѣпленія изъ Гелы, Акраганта, Селинунта, Гимеры, отражали нападенія тиранна, удержавшагося въ прибрежной части города (Ахрадинъ) и на укрѣпленномъ островѣ Ортигій. Кромѣ наемниковъ за него стояли граждане Катаны, такъ что у не было 15000 войска. Борьба была продолжительная и упорная. Но союзники покинули Тразибула: онъ былъ разбитъ въ сраженіи на сухомъ пути и на морѣ и заключилъ съ сиракузанцами договоръ, по которому былъ данъ свободный пропускъ ему и его наемникамъ. Онъ уѣхалъ въ Локры. Съ его паденіемъ прекратилось владычество династіи Гелона, и тираннія пала не только въ Сиракузахъ, но и во всѣхъ городахъ Сициліи. Повсюду было учреждено демократическое правленіе съ признаніемъ полной равноправности всѣхъ гражданъ.

Тразибулъ.
466 — 465.

Изгнаніе тиранновъ 465.

Но этотъ переворотъ сопровождался сильной борьбою партій. Тиранны изгнали или переселили въ другіе города много гражданъ, которыхъ считали опасными для себя, а ихъ имущество отдали наемникамъ и переселенцамъ изъ другихъ городовъ. Потомки старинныхъ гражданъ не хотѣли давать политическихъ правъ этимъ „новымъ гражданамъ“. Изгнанники и граждане, насильственно переселенные изъ своихъ родныхъ городовъ, воротились и требовали, чтобы имъ была возвращена отнятая у нихъ собственность. Изъ этого произошли во всѣхъ сицилійскихъ городахъ, и особенно въ Сиракузахъ, сильные раздоры; наконецъ было по общему согласію рѣшено, что люди, принятые въ число гражданъ изгнанными тираннами, переселятся въ двѣ мѣстности: въ мессенскій округъ и въ разрушенный городъ Кама-

Борьба партій.

рину, который они возстановят; тамъ будутъ отведены имъ земли, а возвратившіеся граждане получаютъ обратно свои прежнія имущества. Во время смутъ въ Сиракузахъ отважный и богатый гражданинъ Тиндаридъ хотѣлъ сдѣлаться тиранномъ, склонивъ на свою сторону подарками и обѣщаніями многихъ изъ бѣдныхъ или неполноправныхъ гражданъ. Онъ поднялъ мятежъ, но былъ побѣжденъ и казненъ. Его попытка возстановить тираннію имѣла своимъ послѣдствіемъ установленіе петализма; это было тоже самое, что аѣинскій ostracismъ: народъ изгонялъ тѣхъ гражданъ, которые казались опасны для демократическаго равенства своимъ слишкомъ большимъ вліяніемъ или богатствомъ; срокъ изгнанія былъ 5 лѣтъ; граждане писали имя изгоняемаго на оливковыхъ листьяхъ, потому ихъ вотированіе и называлось петализмомъ (вотированіемъ посредствомъ листьевъ). Но петализмъ оказался учрежденіемъ вреднымъ. Діодоръ говоритъ, что благоразумные граждане, опасаясь изгнанія, устранились отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, которые поэтому перешли въ руки безпокойныхъ интригантовъ, раздражавшихъ страсти, оболъщавшихъ народъ софистическими рѣчами, возбуждавшихъ новые раздоры; потому петализмъ былъ скоро отмѣненъ.

Цвѣтущее со- Не смотря на эти смуты, Сиракузы пользовались благосостояніемъ
стояніе Сира- при демократическомъ правленіи; могущество и богатство ихъ посто-
кузъ. янно возросло въ продолженіи 60 лѣтъ, слѣдовавшихъ за введе-
ніемъ демократическаго порядка. Корабли сицилійскихъ грековъ про-
гналы морскихъ разбойниковъ съ Корсики, Сардиніи, Эльбы, доставили
безопасность торговлѣ на Тирренскомъ морѣ. Сикелы, жившіе въ
центральной части острова и на сѣверномъ берегу его, оставались
до сихъ поръ независимыми, по прежнему занимаясь охотою и ското-
водствомъ. Теперь они были покорены. Сиракузы и Акрагантъ, со-
единивъ свои войска, побѣдили смѣлаго вождя сикеловъ Дукетія, ко-
торый при содѣйствіи бѣжавшихъ къ нему грековъ хотѣлъ ввести
у туземцевъ правильное государственное устройство, соединить ихъ
въ одну федерацію. Побѣдивъ его, греки осадили крѣпость сикеловъ
Тринакію; туземцы храбро и долго защищались, но наконецъ это
укрѣпленіе было взято и разрушено. Искусство и науки, которымъ
покровительствовали тиранны, продолжали процвѣтать и при демо-
кратическомъ правленіи. Памятниками этого остаются развалины ак-
рагантскихъ и селинунтскихъ храмовъ съ ихъ колоссальными колон-
нами и прекрасными рельефами; но эти развалины лишь небольшіе
остатки многочисленныхъ прекрасныхъ созданій архитектуры и скульп-
туры, уничтоженныхъ въ Сиракузахъ и другихъ городахъ Сициліи
людьми позднѣйшихъ варварскихъ временъ. Тогда жилъ въ Акра-
гантѣ Эмпедоклъ (стран. 359), усердный совѣтникъ своихъ сограж-
данъ, а въ Сиракузахъ и Леонтинахъ Тисій, Кораксъ и Горгіи стали
изобрѣтать правила софистическаго краснорѣчія, получившаго вскорѣ
послѣ того огромное значеніе въ Аѣинахъ. Торговля процвѣтала, обѣ-
гавани Сиракузъ были наполнены купеческими кораблями и военными
тріерами.

Но счастье возбудило въ сиракузанцахъ честолюбивые замыслы.

Они захотѣли пріобрѣсти себѣ гегемонію надъ сицилійскими греками, достигъ на своемъ островѣ такого владычества, какое Спарта имѣла надъ другими пелопоннесскими государствами, Аѣины имѣли надъ островами и побережьями Эгейскаго моря. Война, свирѣпствовавшая въ Греціи, не коснулась Сициліи, но племенная ненависть, изъ которой возникла эта борьба, перенеслась черезъ іонійское море и произвела вражду между дорійскими колоніями: Сиракузами, Геллою, Акрагантъ, Селинунтомъ, Мессаною, и колоніями халкидско-іонійскаго происхожденія: Леонтинами, Катаню, Наксосомъ. Изъ италійскихъ городовъ Локры были на сторонѣ дорійскаго союза, Регій на сторонѣ іонійскаго, къ которому примкнулъ и дорійскій городъ Камарина, по враждѣ къ Сиракузамъ, оскорблявшимъ его своимъ высокомеріемъ. Опасаясь дорійскихъ городовъ и въ особенности Сиракузъ, іонійскіе города отправили въ Аѣины посольство, просить помощи у своихъ соплеменниковъ. Главою посольства былъ леонтинскій ораторъ Горгіи.

Аѣиняне рѣшили послать помощь, о которой просили ихъ Горгіи и его товарищи. Конечно, не столько ораторское искусство Горгія склонило къ этому аѣинянъ, сколько овладѣвшая ими страсть къ завоеваніямъ. Они надѣялись подчинить своей власти Сицилію, богатую хлѣбомъ, оливковымъ масломъ и виномъ, прекратить посылку съѣстныхъ припасовъ и военныхъ подкрѣпленій къ ихъ противникамъ. Когда они съ такой охотою согласились защитить коркирцевъ отъ коринѣянъ, у нихъ уже былъ расчетъ распространить черезъ Коркиру свое вліяніе на богатые сицилійскія и италійскія колоніи. Но пылкія надежды аѣинянъ не осуществились; первая эскадра ихъ, отправленная подъ начальствомъ Лахеса и состоявшая изъ 20 тріеръ, принудила Мессану повиноваться ихъ волѣ и присоединиться къ іонійскому союзу, сдѣлала нѣсколько удачныхъ высадокъ на другихъ мѣстахъ берега; но она была слишкомъ слаба для серьезной борьбы съ флотомъ дорійскаго союза и потому въ слѣдующемъ году аѣиняне послали на подкрѣпленіе ей 40 тріеръ; но эта вторая эскадра на долго останавливалась у Пилоса и у Коркиры; аѣиняне утратили между тѣмъ власть надъ Мессаною, и враги ихъ, дѣйствовавшіе у родныхъ, знакомыхъ береговъ, взяли перевѣсъ надъ ними, хотя они очень храбро сражались въ Мессанскомъ проливѣ. Прибытіе второй эскадры снова дало бѣ имъ побѣду, еслибы іонійскіе сицилійцы не прониклись опасеніемъ, что аѣиняне, торжествовавшіе тогда въ Греціи, могутъ лишить ихъ свободы; аѣиняне овладѣли тогда Сфактерією, спартанцы казались слабыми (стр. 619); іонійскіе сицилійцы стали опасаться, подобно дорійскимъ, что аѣиняне отнимутъ у нихъ независимость; всѣ сицилійскіе города на конгрессѣ въ Гелѣ рѣшили прекратить вражду между собою и постановили, что каждый городъ сохраняетъ всю свою область,

Сицилійскія
партіи.

427 г.

Вмѣшательство
аѣинянъ въ си-
цилійскія дѣла.

426 г.

425 г.

424 г.

Гермократъ убѣждаетъ сицилійскіе города примириться. Къ этому разсудительному рѣшенію склонилъ сицилійскихъ грековъ сиракузскій гражданинъ Гермократъ, человекъ твердаго и благороднаго характера, горячій патриотъ, но не безусловный приверженецъ демократической партіи. Депутаты на конгрессѣ колебались; онъ краснорѣчиво доказалъ имъ, что необходимо охранить независимость Сициліи, не допускать ничего посторонняго вмѣшательства, что сицилійскіе греки должны рѣшать свои домашнія ссоры сами, полюбовнымъ порядкомъ. Одушевленный заботою о благѣ всей Сициліи, онъ убѣждалъ депутатовъ, что они должны думать и дѣйствовать не какъ іонійцы или дорійцы, а какъ сицилійцы, люди одной страны, которую должны считать общимъ своимъ отечествомъ, что они всѣми силами должны противиться вмѣшательству аѳинянъ въ ихъ дѣла, потому что подъ личиною посредничества аѳиняне скрываютъ властолюбивые замыслы, желаніе покорить всю Сицилію, завладѣть ея богатствами. Онъ говорилъ, что сицилійцы должны по возможности рѣшать ссоры между собою мирнымъ путемъ, а если и войною, то по крайней мѣрѣ безъ посторонняго вмѣшательства. Его слова произвели желанное ему дѣйствіе на сицилійскихъ грековъ, которые всѣ больше или меньше страдали отъ войны. Сиракузцы, уже раньше того примирившіеся съ Геллою, возвратили камаринцамъ городъ Моргантій, за который камаринцы согласились дать имъ вознагражденіе; и былъ заключенъ миръ между всѣми сицилійскими греками. Халкидскіе города Сициліи, по просьбѣ которыхъ прислали аѳиняне флотъ, предложили аѳинскимъ военачальникамъ выразить одобреніе мирному трактату. Аѳинскій флотъ не могъ вести войны безъ помощи союзниковъ, потому начальники его согласились одобрить миръ и повели флотъ домой. Аѳинскій народъ былъ такъ доволенъ этимъ, что наказалъ ихъ: двое, Пифодоръ и Софоклъ, были изгнаны; на третьяго, Медона, былъ наложенъ денежный штрафъ. По мнѣнію народа, они умышленно поступили во вредъ интересамъ Аѳинъ.

Новые раздоры. Но миръ Сициліи оказался непрочнымъ; іонійско-халкидскимъ городамъ скоро пришлось пожалѣть о томъ, что аѳиняне удалились. Въ Леонтинахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ возникла борьба между богатыми гражданами и демократическою партіею. Сиракузцы воспользовались этими раздорами для расширенія своей власти. Леонтинскіе аристократы были приняты въ число сиракузанскихъ гражданъ, прогнали демократовъ и подчинили свой городъ власти Сиракузъ. Этимъ и другими проявленіями властолюбія сиракузанцевъ были возбуждены опасенія другихъ сицилійскихъ городовъ, и аѳиняне получили черезъ это возможность снова вмѣшаться въ ихъ дѣла. По приглашенію леонтинскихъ изгнанниковъ явилась у сицилійскаго берега аѳинская эскадра подъ начальствомъ демагога Феакса; она была не велика, потому не могла сдѣлать ничего важнаго, но ея присутствіе поддерживало связи сицилійскихъ и итальянскихъ іонійцевъ съ Аѳинами. Черезъ нѣсколько лѣтъ къ просьбѣ леонтинскихъ демократовъ присоединилась просьба Эгесты (Сегесты), города, стоявшаго на сѣверозападномъ берегу и основаннаго туземцами Сициліи до начала греческой колонизаціи. Эгестяне поссорились съ греческимъ городомъ Селинунтомъ, стоявшимъ на юговосточномъ берегу; споръ шелъ о томъ, кому владѣть пограничнымъ округомъ. Сиракузцы прислали помощь Селинунту. Эгестяне были побѣждены и отправили въ Аѳины посольство съ просьбою о помощи; они ссылались на договоръ, который, по ихъ словамъ, заключилъ съ ними Лахесъ, и

424 г.

Новыя просьбы
къ аѳинянамъ о
присылкѣ по-
мощи.

говорили, что аѳиняне должны опасаться сиракузанцевъ, которые, по своему честолюбію, легко могутъ, при возобновленіи войны Аѳинъ съ Спартою, послать очень большія силы на помощь пелопоннесцамъ, своимъ соплеменникамъ; это можетъ сдѣлать очень большой вредъ аѳинянамъ. При недостаточности знакомства съ сицилійскими дѣлами, Рѣшеніе аѳинянамъ казалось, что покорить Сицилію будетъ легко; а имъ очень хотѣлось овладѣть этимъ богатымъ островомъ; потому имъ понравилась просьба эгестянъ. По рѣшенію народнаго собранія было отправлено въ Эгесту посольство провѣрить свѣдѣнія, сообщенныя ея послами. Аѳинскіе послы, возвратившись, сказали, что въ храмахъ и въ казначействѣ Эгесты находятся громадныя сокровища *), а эгестяне немедленно передали аѳинянамъ 60 талантовъ серебра на мѣсячное жалованье экипажу 60 триеръ; народное собраніе тотчасъ же рѣшило исполнить просьбу эгестянъ, назначило начальниками экспедиціи Алкивіада, Никію и Ламаха и дало имъ неограниченныя полномочія.

416 г.

Рѣшеніе аѳинянамъ
случаю народа
послать экспе-
дицію въ Си-
цилію.

Мартъ, 415 г.

Были люди, старавшіеся охладить воинственное увлеченіе аѳинянъ, Рѣчь Никія отклонявшіе ихъ отъ этой экспедиціи. Особенно сильна была рѣчь, которую произнесъ Никій въ слѣдующемъ народномъ собраніи, созванномъ черезъ пять дней послѣ перваго; Никій въ этой рѣчи очень настойчиво отклонялъ аѳинянъ отъ задуманнаго ими, слишкомъ труднаго предпріятія.

Рѣчь Никія
противъ экспе-
диціи.

Никій убѣждалъ аѳинянъ не поступать опрометчиво, не подвергать настоящее могущество государства опасности изъ-за невѣрныхъ выгодъ въ будущемъ; онъ напоминалъ своимъ согражданамъ, что миръ со Спартою не проченъ, что у нихъ множество враговъ, которые при первой ихъ неудачѣ нападутъ на нихъ. Прежде чѣмъ начинать опасную экспедицію, надобно покорить отказавшіеся отъ повиновенія аѳинянамъ еракійскіе города, говорилъ онъ; и убѣждалъ народное собраніе не поддаваться обольщеніямъ, не слушаться молодыхъ людей, которые, не заботясь о благѣ родины, пренебрегая опытностью старшихъ, думаютъ только объ удовлетвореніи своего честолюбія, возбуждаютъ народъ къ экспедиціи потому, что надѣются приобрести въ ней новыя средства для своей тщеславной расточительности.

Но рѣчь разсудительнаго Никія не понравилась аѳинскому народу, предпримчивому и легкомысленному; народное собраніе сочувствовало обольстительнымъ словамъ Алкивіада, который желалъ экспедиціи, надѣясь приобрести въ ней славу завоевателя и поправить ею свое состояніе, разстроенное мотовствомъ.

Рѣчь Алкивіада
въ пользу
экспедиціи.

Онъ не опровергалъ упрека въ расточительности (слова Никія о расточительныхъ

*) Въ доказательство того, что они обладаютъ огромными богатствами, эгестяне повели аѳинское посольство въ храмъ Афродиты на горѣ Эрикѣ; аѳиняне увидѣли, что тамъ действительно находится громадное количество золотой священной утвари и другихъ дорогихъ вещей; впоследствии оказалось, что эти вещи были не золотыя, какъ говорили эгестяне, а серебряныя позолоченныя. На пирахъ, которыми угощали пословъ эгестяне, тоже было множество золотыхъ и серебряныхъ кубковъ, такъ что аѳиняне дивились богатству хозяевъ; но потомъ оказалось, что эту посуду переносили изъ дома въ домъ, а часть ея даже была взята взаймы изъ другихъ городовъ.

молодыхъ людяхъ, возбуждающихъ народъ къ войнѣ, относились собственно къ нему); напротивъ, онъ высокомерно хвалился своею громадною тратою денегъ: его великолѣпныя колесницы на олимпійскихъ играхъ, его расходы на блестящую постановку шпезъ возбудили, говорилъ онъ, во всей Греціи убѣжденіе, что могущество и богатство Аѳинъ не уменьшилось отъ войны; удивленіе, какого заслужилъ онъ этимъ великолѣпіемъ, распространяется на весь аѳинскій народъ. Его молодость и мотовство, въ которомъ упрекаютъ его, не мѣшаютъ ему умѣть хорошо вести государственныя дѣла, — хвалился онъ, и въ доказательство ссылался на искусство, съ какимъ устроилъ союзъ противъ спартанцевъ, довелъ ихъ до такого положенія, какъ говоритъ Никій, — продолжалъ онъ: сицилійскіе города враждебны одинъ другому, дѣйствовать единодушно они не могутъ; многіе города вступаютъ въ союзъ съ Аѳинами, къ аѳинскому войску скоро присоединятся многочисленныя войска ихъ, — и восприснетъ давняя слава Аѳинъ, что они всегда готовы помогать угнетеннымъ, просящимъ у нихъ защиты. Государство, желающее быть могущественнымъ, должно быть предприимчиво; иначе, уваженіе къ нему ослабѣваетъ. Дѣятельность необходима государству; бездѣйствіе отнимаетъ у гражданъ энергію; величіе родины должно быть поддерживаемо соревнованіемъ гражданъ всѣхъ возрастовъ. Экспедицію противъ сиракузанцевъ и ихъ союзниковъ аѳиняне нанесутъ ударъ непоколебимымъ и смирять гордость своихъ противниковъ.

Вторая рѣчь Никія. Рѣчь Алкивіада очень понравилась народу. Никій старался ослабить произведенное ею впечатлѣніе и сказалъ въ народномъ собраніи вторую рѣчь, въ которой объяснилъ аѳинянамъ, какіе огромные расходы будутъ необходимы для покоренія острова, на которомъ столько многочисленныхъ городовъ, населенныхъ греками, любящими свободу; онъ перечислялъ, сколько нужно будетъ денегъ, сколько съѣстныхъ припасовъ, сколько кораблей и войска, доказывалъ, что экспедиція потребуетъ отъ народа тяжелыхъ жертвоугодій. Все было напрасно: аѳиняне увлеклись воинственными замыслами и не хотѣли останавливаться ни передъ какими затрудненіями. Молодые и пожилые люди, знатные и незнатные одинаково желали участвовать въ экспедиціи. Народное собраніе понимало, что успѣхъ ея будетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ сильнѣе будетъ она; потому оно утвердило предложеніе, что на первый разъ будетъ послано въ Сицилію 100 триеръ, 5000 гоплитовъ и соотвѣтствующее этимъ цифрамъ число транспортныхъ судовъ и легковооруженныхъ воиновъ; оно дало начальникамъ экспедиціи неограниченное полномочіе дѣйствовать, какъ потребуютъ обстоятельства. Начальниками были выбраны три человека, качества которыхъ казались народу обезпечивающими успѣхъ похода: чего не доставило одному изъ нихъ, тѣмъ обладали другіе, осторожность Никія будетъ сдерживать, думали аѳиняне, отвагу предприимчиваго Алкивіада и пылкую храбрость Ламаха. По извѣстію Діодора, на конференціи начальниковъ экспедиціи съ важнѣйшими членами совѣта пятисотъ было рѣшено вести войну противъ Сиракузъ и Селинунта до совершеннаго уничтоженія независимости этихъ государствъ, а другимъ сицилійскимъ республикамъ оставить свободу и только присоединить ихъ къ аѳинскому союзу. Аѳиняне подчинили себѣ греческія государства на востокъ, чтобы единство власти ограждало греческій міръ отъ карфагенянъ. Изъ этого само собою слѣдовало, что Аѳины должны владычествовать надъ большею частью Средиземнаго моря и большею частью государствъ греческаго міра.

2. Осада сиракузъ и поруганіе гермовъ.

Такимъ образомъ аѳиняне отважились на дѣло, которое было не менѣе важно, чѣмъ война со Спартою, начатая ими при Периклѣ, и послѣдствія котораго оказались гораздо болѣе тяжелыми для нихъ. Алкивіадъ и его приверженцы довели народъ до энтузіазма, близкаго къ безумству. Шестилѣтній миръ исцѣлилъ раны прежней войны; казна была снова полна; молодое поколѣніе снова жаждало военной славы; мечты не ограничивались покореніемъ богатой Сициліи: Алкивіаду казалось уже, что легко будетъ покорить Италію, Карфагенъ, Ливію. Народъ толковалъ о Сициліи; въ гимнастическихъ школахъ юноши чертили на пескѣ Сицилію, Италію, Африку. Аѳиняне съ презрѣніемъ смѣялись надъ разсудительными людьми, какъ Никій, Сократъ, астрономъ Метонъ, которые порицали экспедицію, говоря, что даже въ случаѣ успѣха ея Аѳины не будутъ въ состояніи долго удерживать подъ своею властью такую отдаленную землю, принуждать такихъ отдаленныхъ союзниковъ оставаться вѣрными имъ. Жрецы и пророки обѣщали экспедиціи помощь боговъ; въ народѣ ходили предсказанія объ успѣхѣхъ предпріятія. Прорицатель Стильбидъ и многіе другіе служители боговъ пожелали сопровождать войско. Приготовленія къ экспедиціи велись съ восторгомъ. Триархи, снаряжавшіе военные корабли (стр. 564 и слѣдующія), соперничали между собою въ усердіи. Правительство назначало жалованье гребцамъ по драхмѣ въ день; триархи увеличили его чтобы привлечь самыхъ опытныхъ гребцовъ; каждый старался, чтобы его, триера была красивѣе и быстрѣе другихъ, превзошла ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Такое же усердіе проявляли воины. Обыкновенно стратеги должны были хлопотать о наборѣ такого количества воиновъ, какое нужно; теперь являлось къ нимъ столько гражданъ желающихъ служить, что они могли выбирать только самыхъ способныхъ; воины старались отличиться другъ передъ другомъ дисциплиною и достоинствомъ своего оружія. Въ рядахъ гоплитовъ было 1500 гражданъ, которые пріобрѣли себѣ все вооруженіе сами; 700 другихъ гражданъ вооружило на свой счетъ государство. Изъ союзниковъ особенное усердіе выказали Аргосъ и Мантинея. Весь аѳинскій народъ былъ охваченъ такимъ воинственнымъ настроеніемъ, что не щадили никакихъ жертвъ для неблагодарнаго предпріятія, которое фантазія народа считала началомъ золотого вѣка счастья, славы, могущества.

Это воинственное настроеніе аѳинскаго народа было нарушено не-ожиданнымъ происшествіемъ. Когда утромъ 11-го мая 415 года аѳиняне вышли изъ своихъ домовъ на улицы, они съ ужасомъ увидѣли, что гермы, стоявшіе передъ домами и храмами на площадяхъ, по улицамъ, на перекресткахъ (стр. 55—56) всѣ кромѣ одного полома-

Воинственное настроеніе аѳинянъ.

Поруганіе гермовъ.

ны и поруганы. Ужасъ охватилъ аѳинянъ при видѣ такого оскорбленія религіи. Гермы были украшеніемъ города, но имѣли религіозное значеніе. Боги были оскорблены въ такое время, когда особенно необходимо было ихъ благословеніе и покровительство; грозила опасность благу государству, потому что оно обусловливалось соблюденіемъ обязанностей относительно боговъ. Но дѣло представлялось опаснымъ и съ политической точки зрѣнія. Чтобы испортить столько гермовъ въ одну ночь, нужно было многолюдное общество соумышленниковъ; это тайное общество должно было имѣть, по мнѣнію народа, политическій характеръ; предполагалось, что цѣль его—подавленіе демократической свободы. Всѣми овладѣла тревога. Было извѣстно, что существуютъ тайныя общества (гетеріи) съ олигархическими тенденціями, ненавидящія демократическій порядокъ. Правительственный совѣтъ немедленно принялъ мѣры для открытія виновныхъ. Были назначены большія награды тѣмъ гражданамъ, метекамъ или рабамъ, которые доставятъ вѣрныя свѣдѣнія о преступленіи; была назначена слѣдственная коммиссія. При взволнованномъ настроеніи народа скоро стали носиться слухи о другихъ оскорбленіяхъ религіи; приглашеніе дѣлать доносы было распространено на всѣ преступления противъ боговъ, религіозныхъ правилъ и преданій; дѣло о поруганіи гермовъ послужило предлогомъ для обширнаго политическаго процесса объ оскорбленіи религіи и о злоумышленіяхъ противъ государства.

Обвиненіе Алкивіада.

Къ судьямъ, производившимъ слѣдствіе, пришли рабы и метеки съ доносомъ, что еще до поруганія гермовъ нѣсколько молодыхъ людей, въ томъ числѣ Алкивіадъ, напившись пьяны, ломали изображенія боговъ и устроили въ домѣ Пулитіона пародію священныхъ таинствъ. Многочисленные враги Алкивіада воспользовались этимъ доносомъ и начали процессъ противъ него; ихъ цѣлью было не только погубить Алкивіада, но и произвести такое волненіе, при которомъ можно было бы сдѣлать попытку низверженія демократическихъ учреждений.

По мнѣнію Грота, можно полагать, что поруганіе гермовъ было сдѣлано противниками сицилійской экспедиціи, чтобы помѣшать ей, взвести вину совершеннаго ими дѣла на Алкивіада и, низвергнувъ его, захватить власть; еслибъ это удалось, то были бы ограничены политическія права народа. Когда былъ сдѣланъ доносъ о кониунствѣ Алкивіада въ домѣ Пулитіона, противники Алкивіада, ссылаясь на это обвиненіе и приводя множество примѣровъ дерзости, съ какою онъ нарушалъ обычаи и законы, стали прямо говорить, что поруганіе гермовъ совершилъ онъ, и что онъ при помощи своихъ товарищей въ этомъ дѣлѣ хочетъ, опираясь на привязанность войска къ нему, сдѣлаться тиранномъ.

Алкивіадъ требуетъ суда. Это происходило въ то время, когда снаряженіе экспедиціи было кончено, и все было готово къ отплытію. Алкивіадъ, называвшій обвиненіе противъ него клеветою, требовалъ немедленнаго суда, го-

воря, что не можетъ исполнять обязанности полководца, находясь подъ подозрѣніемъ въ такихъ тяжелыхъ преступленіяхъ противъ государства и религіи; если онъ окажется виновнымъ, то онъ готовъ подвергнуться наказанію; а если будетъ оправданъ, то попросить, чтобы не мѣшали ему плыть въ Сицилію и не слушали въ его отсутствіе лживыхъ доносовъ на него. Смѣлость, съ какою говорилъ онъ о своей невинности и требовалъ суда, склонила общественное мнѣніе на его сторону и смутила его противниковъ, вѣроятно надѣявшихся или совершенно помѣшать отправленію экспедиціи, или по крайней мѣрѣ устранить Алкивіада отъ начальства надъ нею. Народъ очень желалъ, чтобы отбытіе экспедиціи не было задерживаемо; можно было предвидѣть, что процессъ замедляющій ее будетъ поведенъ торопливо и что сила обстоятельствъ заставитъ оправдать Алкивіада; поступить иначе судьямъ было нельзя уже по одному тому, что въ экспедиціи принимали участіе Аргосъ и Мантинея, и принимали главнымъ образомъ по довѣрію къ Алкивіаду. Соображая это, противники его убѣдили народное собраніе рѣшить, что процессъ противъ него отлагается и экспедиція должна немедленно идти въ Сицилію. Они хотѣли, по словамъ Фукидида, собрать противъ Алкивіада больше обвиненій, надѣялись, что въ его отсутствіе имъ легче будетъ пріискать свидѣтелей противъ него; когда хорошо подготовятся, они вызовутъ его въ Аѳины и онъ будетъ осужденъ.

Судъ надъ Алкивіадомъ отлагается.

Союзники уже собрались у Коркиры; собраны были тамъ и корабли Аѳинское войско садится на корабли. съ запасами провіанта и оружія; когда было рѣшено отложить процессъ противъ Алкивіада, все было готово къ желанному отплытію аѳинской экспедиціи изъ Пирея. Когда на разсвѣтѣ аѳинское войско пошло въ Пирей садиться на корабли, почти все населеніе Аѳинъ, какъ рассказываетъ Фукидидъ, провожало уходящихъ; шли граждане, шли метеки на проводы друзей, братьевъ, сыновей; надежда и опасенія были смѣшаны въ сердцахъ провожающихъ. Теперь, въ часы прощанья, мысли объ опасности экспедиціи лежали на душѣ у нихъ гораздо тяжелѣе, чѣмъ въ тотъ день, когда они рѣшали, что должно отправить экспедицію. Но когда они увидѣли въ гавани огромность флота и многочисленность войска, они снова ободрились: успѣхъ казался вѣренъ. Флотъ состоялъ изъ 134 прекрасныхъ тріаръ; въ войскѣ находилось 6000 гоплитовъ. Еще никогда не отходила изъ Пирея такая сильная экспедиція. Съ изумленіемъ и восторгомъ смотрѣли сошедшіеся отовсюду зрители на великолѣпный флотъ, на сильныхъ, красивыхъ, нарядныхъ воиновъ. Греки изъ другихъ государствъ, бывшіе тутъ, не ожидали, что аѳиняне теперь, послѣ раззорительной войны, такъ могущественны и такъ богаты. Когда войска сѣли на корабли, начальники экспедиціи совершили изъ золотыхъ и серебряныхъ чашъ возліяніе богамъ, а войско молилось, и молитву его повторялъ народъ на берегу; потомъ мужественно грянула военная

Отплытіе экспедиціи. Начало іюня 415.

пѣсня, гребцы ударили въ весла и флотъ быстро отошелъ. Дурнымъ предзнаменованіемъ было, что женщины въ Аѣинахъ совершали около этого времени праздникъ Адониса, ломали руки, пѣли похоронныя пѣсни и съ воплями печали искали тѣло убитаго владыки. (I, 543 и 544).

Дурной приемъ
экспедиціи въ
Италійскихъ
городахъ.
Экспедиція встрѣтила на пути въ Сицилію не такой приемъ, какого ожидала. На Коркирѣ былъ сдѣланъ смотръ флоту; онъ пошелъ тремя эскадрами мимо япигейскаго мыса вдоль берега южной Италіи. Во всѣхъ греческихъ городахъ Италіи аѣиняне встрѣчали холодно: имъ не позволяли ходить на рынки, не позволяли даже входить въ ворота городскихъ стѣнъ; имъ разрѣшалось только становиться на якорь и запасаться водою; даже и въ этомъ отказали имъ Тарентъ и Локры. Только граждане Регія, давніе союзники аѣиняне, позволили имъ вытаскать корабли на берегъ и ходить на рынокъ, устроенный для нихъ за городомъ; но и Регій объявилъ, что остается нейтральнымъ. Нѣсколько отдохнувъ на его берегу, аѣиняне послѣ нѣсколькихъ горячихъ споровъ между военачальниками пошли къ восточному берегу Сициліи, заняли городъ Наксосъ, захватили отчасти хитростью, отчасти силою Катану и двинулись на Сиракузы, пославъ туда вѣстника объявить, что они хотятъ возвратитъ леонтинскихъ изгнанниковъ въ городъ.

Совѣщаніи и
рѣшеніе спра-
кузанцевъ.
Въ Сиракузахъ конечно давно было извѣстно по слухамъ, что аѣиняне хотятъ послать помощь эгестянамъ и леонтинцамъ, хотятъ напасть на Сиракузы. Гермократъ говорилъ сиракузанцамъ, что они должны готовиться къ войнѣ, искать себѣ союзниковъ между греками и между варварами, должны послать сильный флотъ къ тарентскому заливу, чтобы не допустить аѣиняне до Сициліи. Но сиракузанцы полагали, что тревожные слухи — выдумка аристократовъ, которые хотятъ, смутивъ народъ, низвергнуть демократическій порядокъ и захватить власть въ свои руки; потому они не захотѣли принять совѣтовъ Гермократа, и вождь демократической партіи Аѣенаторъ отвѣчалъ ему рѣзкой рѣчью объ интригахъ аристократовъ, о дурныхъ замыслахъ молодыхъ людей знатнаго сословія и о томъ, что демократическая форма правленія самая лучшая и справедливая.

Демосъ — это всѣ граждане государства, говорилъ Аѣенаторъ, а олигархія только часть народа; при демократическомъ правленіи каждый классъ находитъ просторъ заниматься тѣмъ, что наиболее соответствуетъ его способностямъ: богатые управляютъ государственнымъ хозяйствомъ, умнѣйшіе люди дѣлаются членами правительственнаго совѣта, масса гражданъ, просвѣщаемая своими руководителями, постановляетъ законы и рѣшаетъ судебныя дѣла; всѣ сословія общими силами заботятся о благѣ государства; а при аристократическомъ правленіи труды и опасности налагаются на всѣхъ, а почести и выгоды захватываются немногими; сиракузанскій народъ сдумаетъ охранитъ свое хорошее и справедливое государственное устройство отъ умысловъ его противниковъ.

Но всѣ партіи были согласны въ томъ, что должно приготовиться

къ оборонѣ, и думали, что если будутъ приняты должныя мѣры защиты, то Сиракузы отразятъ всякое нападеніе; Аѣенаторъ даже говорилъ, что должно желать, чтобы аѣиняне напали на Сиракузы: это дастъ сиракузанцамъ случай доказать, какъ они сильны.

На совѣтѣ въ Регіѣ отважный Ламахъ говорилъ, что должно не-
медленно напасть на Сиракузы, не давая имъ времени'приготовиться
къ оборонѣ; но аѣиняне предпочли дѣйствовать осторожнѣе и, какъ
имъ казалось, благоразумнѣе; это дало сиракузанцамъ возможность
кончить свои приготовленія къ защитѣ и пріобрѣсти союзниковъ.
Промедленіе сильно повредило успѣху экспедиціи; другой большой
вредъ ей нанесло дѣло, котораго не ждали въ войскѣ. Когда флотъ
стоялъ у Катаны, туда пришелъ корабль, служившій для передачи
распоряженій правительства, — такъ называемый «саламинскій ко-
рабль»; онъ привезъ повелѣніе, чтобы Алкивіадъ и нѣкоторые второ-
степенные начальники экспедиціи немедленно отправились въ Аѣины
оправдываться передъ народнымъ судомъ въ обвиненіяхъ, которымъ
подверглись они. Чтобы не поднять неудовольствія въ войскѣ, пра-
вительство дозволило обвиненнымъ плыть въ Аѣины на особой тріерѣ
и велѣло не заковывать ихъ въ цѣпи.

Вскорѣ по отплытіи экспедиціи изъ Пирея, въ Аѣинахъ возобнов-
лено было слѣдствіе о поруганіи гермовъ и о другихъ оскорбленіяхъ
религіи. Доносчикамъ были, какъ мы знаемъ, обѣщаны награды; была
обѣщана имъ и безнаказанность, если сами они были участниками
раскрываемыхъ ими преступленій. Доносчиковъ явилось много; боль-
шею частью это были рабы и метеки; они оговорили въ поруганіи
гермовъ множество людей, въ томъ числѣ многихъ вліятельныхъ и
знатныхъ гражданъ. Темницы наполнились обвиненными; многіе дру-
гіе бѣжали, чтобы спастись отъ ареста. Рабовъ подвергали пыткамъ;
этимъ путемъ получали новыя показанія; доносы и аресты все рас-
ширялись. Всѣми овладѣла страшная тревога; лихорадочное волненіе,
увеличиваемое ложными слухами, владычествовало въ городѣ. Аѣи-
нянамъ уже воображалось, что возвращаются времена Гиппія. Появ-
леніе лакедемонскаго отряда на Истмѣ показалось результатомъ при-
зыва, посланнаго въ Спарту измѣнниками, и произвело такую боязнь
мнимаго заговора, что всѣ граждане взяли за оружіе и провели
цѣлую ночь у храма Тезея, въ готовности отразитъ нападеніе. Без-
покойство усилилось слухами о возстаніи аристократовъ въ Аргосѣ;
въ числѣ участниковъ возстанія были друзья Алкивіада, это подало
аѣинскимъ противникамъ его желанный случай снова направить на
него подозрѣніе народа. Тогда явился новый доносчикъ Андокидъ,
сынъ Леогора, молодой человекъ изъ уважаемаго рода, имѣвшаго на-
слѣдственный санъ глашатаевъ при совершеніи праздника Элевзин-
скихъ таинствъ. Онъ былъ однимъ изъ арестованныхъ; сидѣвшіе
вмѣстѣ съ нимъ въ темницѣ убѣдили его открыть слѣдователямъ

Рѣшеніе аѣи-
нянъ предать
Алкивіада суду.

Процессъ пору-
гавшихся надъ
гермами (Гермо-
копидовъ).

Показаніе Ан- докида. все, что онъ знаетъ, — успокоить городъ, избавить невинныхъ отъ преслѣдованія; они говорили ему, что онъ, какъ бы ни былъ виноватъ, не подвергнетъ себя своимъ показаніемъ никакой опасности, потому что обличителямъ преступленія обѣщана безнаказанность, хотя бъ они и были соучастниками его. Андокидъ объявилъ судьямъ, что, не участвуя самъ въ заговорѣ, зналъ о немъ, и назвалъ многихъ, бывшихъ, по его словамъ, заговорщиками. Судьи повѣрили его показанію (рѣчь его, въ которой находится оно, дошла до насъ). Всѣ тѣ изъ названныхъ имъ, которыхъ успѣли захватить, были казнены; остальные арестованные — освобождены, бѣжавшіе получили позволеніе возвратиться. Городъ успокоился; всѣ хвалили Андокида, какъ спасителя Аѣинъ отъ угрожавшей имъ тиранніи. Но въ послѣдствіи возникли сомнѣнія въ истинѣ его показанія. Объявленный лишеннымъ чести и политическихъ правъ, онъ прожилъ много лѣтъ въ добровольномъ или невольномъ изгнаніи, и на его имени легъ позоръ ложнаго доноса. Кто были виноватые въ поруганіи гермовъ, осталось навсегда покрыто тайною.

Обвиненіе Алкивіада въ оскорбленіи религіи. Былъ ли въ показаніи Андокида Алкивіадъ названъ участникомъ этого преступленія, мы не знаемъ. Но взволнованный народъ полагалъ, что заговоръ противъ демократическаго правленія не могъ быть составленъ безъ вѣдома или участія Алкивіада, и враги его, воспользовавшись тревогою общества и религіозной реакціе, начали процессъ противъ него. Достаточнымъ поводомъ къ тому было прежнее показаніе раба о профанаціи Элевзинскихъ таинствъ, пародіею надъ ними въ домѣ Пулліона: теперь можно было надѣяться, что народъ найдетъ это показаніе достовѣрнымъ. Обвинителями были сынъ Кимона, Ѳессалъ, и ораторъ Андроклъ. Они говорили, что поруганіе надъ таинствами ужасное преступленіе противъ грозныхъ божествъ земли, что Алкивіадъ оскорбилъ вѣру народа, осмѣявъ своимъ кощунствомъ священные обряды *); другихъ обвиненій они пока не выставляли, не находя вѣроятнымъ, что народъ приметъ ихъ.

Бѣгство и осужденіе Алкивіада. Алкивіадъ съ другими потребованными къ суду участниками экспедиціи сѣлъ на ту тріэру, на которой плылъ изъ Пирея въ Сицилію, и отправился въ обратный путь подъ конвоемъ саламинскаго корабля, присланнаго вызвать его въ Аѣины; но когда тріэра и этотъ корабль остановились у Турій, Алкивіадъ и его товарищи успѣли скрыться. Быть можетъ, они чувствовали себя виноватыми; но быть можетъ полагали, что невинность не защититъ ихъ передъ судомъ раздражен-

*) Гротъ приводит (History of Greece, томъ VIII, стран. 289 и слѣд.) рядъ древнихъ и новыхъ законовъ христіанскихъ государствъ по дѣламъ объ оскорбленіи религіи; мы видимъ, что еще въ прошломъ вѣкѣ за неуваженіе къ литургіи, къ эвхаристіи, вообще къ богослужебнымъ обрядамъ виновные подвергались смертной казни въ той или другой изъ особенно мучительныхъ формъ ея.

наго народа отъ напраснаго обвиненія. Получивъ извѣстіе о бѣгствѣ Алкивіада и его товарищей, аѣиняне осудили ихъ на смерть и конфисковали ихъ имущества. Элевзинскіе жрецы произнесли проклятіе надъ оскорбителями таинствъ, и приговоръ, вырѣзанный на мѣдной доскѣ, былъ выставленъ на площади. Алкивіадъ, услышавъ, что аѣиняне осудили его на смерть, воскликнулъ: «Я покажу, что я еще живъ», и рѣшилъ мстить родинѣ. Прежде онъ хотѣлъ возвыситься, служа могуществу ея, теперь онъ рѣшился заставить аѣинянъ раскаяться въ томъ, что они повѣрили его противникамъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Аѣины подъ его управленіемъ пріобрѣли владычество надъ всѣмъ греческимъ міромъ; теперь, когда власть перешла къ его врагамъ, онъ хотѣлъ погубить вмѣстѣ съ своими врагами и родину. Никій надѣялся овладѣть Мессаною при содѣйствіи демократовъ; по совѣту Алкивіада мессанцы приняли мѣры предосторожности, и аѣинянамъ не удалось взять этотъ городъ, гавань котораго была бы хорошимъ опорнымъ пунктомъ для ихъ сообщеній съ Пиреемъ. Потомъ Алкивіадъ на купеческомъ кораблѣ пріѣхалъ въ Элиду; лакедемоняне пригласили его въ Спарту, и онъ нашелъ тамъ благопріятную почву для плановъ своего мщенія. Обстоятельства представляли удобство для ихъ осуществленія. Еще не было гражданина, который сдѣлалъ бы столько вреда отечеству, сколько сумѣлъ сдѣлать тогда Алкивіадъ.

Около этого времени пріѣхали въ Пелопоннесъ сиракузанскіе послы Алкивіадъ съпросить помощи коринѣянъ и лакедемонянъ противъ аѣинянъ. Коринѣяне приняли ихъ съ большимъ удовольствіемъ, выказали готовность исполнить ихъ желаніе и, когда они отправились въ Спарту, послали съ ними нѣсколькихъ вліятельныхъ согражданъ поддержать ихъ просьбу. Въ собраніи спартанцевъ, въ которомъ они изложили ее, находился и Алкивіадъ. Спартанцы попросили его сказать, какъ онъ думаетъ, и онъ произнесъ рѣчь, содержаніе которой передано у Ѳукидида. Эта рѣчь очень замѣчательна. Алкивіадъ самымъ настойчивымъ образомъ убѣждалъ спартанцевъ послать помощь сиракузанцамъ; говорилъ, что въ особенности необходимо отправить къ нимъ хорошаго военачальника, потому что сами они неопытны въ военномъ искусствѣ; онъ склонялъ спартанцевъ немедленно возобновить войну съ аѣинянами, и посовѣтовалъ имъ занять и укрѣпить аѣинскій городъ Декелею, объяснивъ имъ, какой тяжелый ударъ нанесутъ они этимъ аѣинскому государству.

Онъ говорилъ, что аѣиняне хотятъ подчинить себѣ всю Грецію, что экспедиція въ Сицилію первый шагъ къ исполненію этого замысла, что потому спартанцы должны послать помощь сиракузанцамъ; что, занявъ Декелею, чего ужъ давно опасались аѣиняне, они уменьшатъ доходы аѣинянъ отъ лаврійскихъ рудниковъ, отъ сельскаго хозяйства, отъ судебныхъ процессовъ союзниковъ, что союзники перестанутъ платить дань аѣинянамъ,

возмутятся. Стараясь оправдать себя отъ упрека въ измѣнѣ отечеству, онъ выставилъ въ самомъ дурномъ свѣтѣ аѳинскую демократію и людей, руководящихъ аѳинянами. Всѣ разсудительные граждане, говорилъ онъ, порицаютъ аѳинское государственное устройство; онъ и его друзья лишь по необходимости подчинялись аѳинскимъ учрежденіямъ; они старались по возможности улучшить ходъ дѣла; но противники одолѣли ихъ и принудили бѣжать; истинный патріотъ не можетъ вынести такой несправедливости, долженъ употребить всевозможныя средства для того, чтобы возвратиться на родину и возстановить свои гражданскія права.

Спартицы по-
сылаютъ Ги-
липпа въ Си-
ракузы.

Алкивиадъ кончилъ свою рѣчь энергическимъ совѣтомъ лакедемонянамъ немедленно послать войска въ Сицилію и въ Аттику, сокрушить могущество Аѳинъ; одолѣвъ аѳинянь, спартицы будутъ, говорилъ онъ, владычествовать надъ всею Греціею, не имѣя соперниковъ, не опасаясь никого. Рѣчь его произвела такое впечатлѣніе, что эфоры, колебавшіеся предпринять войну, мысли о которой ужь давно были у спартицевъ, тотчасъ же рѣшили послать войска и въ Сицилію и въ Аттику. Пока дѣлались въ Спартѣ необходимыя приготовления для вторженія въ Аттику, поплылъ въ Сиракузы назначенный туда главнокомандующимъ Гилиппъ, сынъ Клеандриды; съ нимъ былъ посланъ небольшой отрядъ пелопоннесскихъ войскъ; скоро стали отправляться въ Сиракузы и другіе отряды.

Нерѣшитель-
ныя дѣйствія
аѳинянь.

По удаленіи Алкивиада начальниками экспедиціи остались Никій и Ламахъ. Уже и прежде былъ отвергнутъ отважный совѣтъ Ламаха; теперь, когда первенство въ начальствѣ перешло къ Никію, характеръ военныхъ дѣйствій сдѣлался еще болѣе осторожнымъ. Никій долго не предпринималъ ничего кромѣ маловажнаго нападенія на сѣверный берегъ; тамъ аѳиняне взяли небольшой приморскій городъ Гиккару и продали за 120 талантовъ въ рабство все его населеніе (въ числѣ проданныхъ находилась дѣвушка, тогда еще очень молодая, Лаиса, гетера, ставшая впослѣдствіи знаменитою). Сиракузанская конница подъѣзжала къ самому стану аѳинянь, расположенному у Катаны, и смѣялась надъ ихъ бездѣйствіемъ. Только уже осенью Никій сдѣлалъ ночью нападеніе на Большую гавань Сиракузъ и, успѣвъ обмануть сиракузанцевъ, вошелъ въ нее. Вытащивъ корабли на берегъ, онъ обвелъ ихъ тыномъ и расположился укрѣпленнымъ лагеремъ на западной сторонѣ города у храма Зевса Олимпійскаго (Olympreion); сиракузанцы сдѣлали вылазку; Никій отбилъ ихъ. Но непріятельская конница была сильнѣе, причиняла аѳинянамъ много вреда, потому при наступленіи зимы Никій удалился въ Наксосъ и бездѣйственно простоялъ тамъ до весны, ожидая присылки денегъ и конницы изъ Аѳинъ. Сиракузанцы воспользовались урокомъ, который дала имъ безуспѣшность нападенія на аѳинянь у храма Зевса, и не теряли даромъ времени, пока Никій бездѣйствовалъ. Прежде ихъ войсками командовалъ военный совѣтъ, состоявшій изъ 15 членовъ; теперь, по совѣту Гермократа, они назначали трехъ военачальниковъ, ко-

торымъ дали очень большое полномочіе; они усилили свою пѣхоту; обвели городъ новой стѣною, а со стороны моря укрѣпили его крѣпкимъ тыномъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ они старались найти себѣ союзниковъ, возбуждая ненависть дорійскихъ городовъ противъ іонійскихъ и объясняя имъ, что цѣль аѳинской экспедиціи—покореніе не однихъ Сиракузъ, а всей Сициліи.

Улучшеніе
средствъ обо-
роны Сиракузъ.

Самымъ вліятельнымъ и дѣятельнымъ изъ сиракузанскихъ военачальниковъ былъ Гермократъ. Рѣчь, сказанная имъ въ Камаринѣ, склонила гражданъ этого города на сторону сиракузанцевъ. Аѳинскій посланникъ Эвфемъ оправдалъ политику, которой аѳиняне держались относительно своихъ союзниковъ, называлъ сицилійскую экспедицію необходимою мѣрой обороны аѳинянь противъ вражды спартицевъ и другихъ дорійцевъ, предостерегалъ камаринцевъ отъ сиракузанцевъ, которые поработятъ ихъ, если ихъ не защитятъ аѳиняне. Но камаринцы болѣе вѣрили Гермократу и объявили, что останутся нейтральными; вѣрнѣе они рѣшили при первой возможности стать на сторону сиракузанцевъ. Гела и Акрагантъ тоже остались нейтральными.

По наступленіи весны война приняла оборотъ, благопріятный аѳинянамъ. Никій и Ламахъ получили изъ Аѳинъ достаточное количество денегъ и конницы и двинулись къ Сиракузамъ. Съ полуострова Тапса аѳинская пѣхота быстрыми переходами пришла на высоты Эпполя; сиракузанцы находились въ это время на Анапскомъ лугу, у нихъ былъ смотръ, они не ожидали нападенія; аѳиняне окопались на крутомъ холмѣ Эвріалѣ, на сѣверозападѣ отъ Сиракузъ, и на Лабдалѣ, съ западной стороны города; укрѣпившись тамъ, они пошли на городъ и одолѣвая упорное сопротивленіе сиракузанцевъ, овладѣли всѣми горными частями его до Тихе; тутъ въ мѣстности, называвшейся Сикою, они быстро поставили кругообразное укрѣпленіе изъ тына; оно послужило имъ опорой для построенія стѣны около города. Эта стѣна, которая должна была отрѣзать Сиракузы отъ всякихъ сообщеній съ остальною Сициліею, направлялась къ сѣверу до Трогила на берегу моря, а на югъ она шла къ берегу Большой гавани. Сиракузанцы дѣлали вылазки, чтобы помѣшать работѣ; но всѣ ихъ нападенія были отражаемы аѳинянами, превосходившими ихъ мужествомъ и военною опытностью. Они стали вести на югъ поперечную стѣну отъ города черезъ линію аѳинскихъ работъ, чтобы, перерѣзавъ эту линію, помѣшать аѳинянамъ окружить городъ поясомъ осадной стѣны; они укрѣпили свою стѣну башнями; но аѳиняне, воспользовавшись оплошностью отряда занимавшаго эти башни, прогнали его, разрушили трубы, по которымъ была проведена въ Сиракузы вода, заняли высоту между Сикою и берегомъ гавани. Сиракузанцы построили другую поперечную стѣну, перерѣзавшую поясъ аѳинскихъ работъ и шедшую по болотистой мѣстности къ рѣкѣ Анапу; храбрый Ламахъ очень отважнымъ нападеніемъ взялъ и эту стѣну; но побѣда была слишкомъ дорого куплена—смертью Ламаха. Увлечшись отвагой, онъ

Успѣшный
ходъ осады Си-
ракузъ.

Смерть Лама-попалъ одинъ въ толпу непріятелей и былъ убитъ сиракузанскимъ всадникомъ. По взятіи второй поперечной стѣны аѳиняне довершили постройку южной части своей стѣны; около этого времени ихъ флотъ, не встрѣчая сопротивленія, вошелъ въ Большую гавань Сиракузъ и сталъ помогать осадѣ; теперь казалось, что она увѣнчается успѣхомъ. Видя успѣхи аѳинянъ, сицилійскіе греки стали охотнѣе прежняго вступать въ союзъ съ ними. Отовсюда приходили къ нимъ вспомогательныя войска; они получали въ изобиліи съѣстные припасы и все надобное для военныхъ дѣйствій. Должно было полагать, что они скоро овладѣютъ Сиракузами. Граждане осажденнаго города бились очень храбро, но по недостатку дисциплины терпѣли пораженія во всѣхъ битвахъ; потерявъ довѣріе къ своимъ военачальникамъ, они замѣстили ихъ тремя новыми; они уже не надѣялись отразить аѳинянъ, стали думать сдаться, вступили въ переговоры съ Никіемъ, который теперь остался одинъ начальникомъ аѳинскаго войска и флота.

Но положеніе дѣлъ быстро измѣнилось, когда Гилиппъ съ четырьмя кораблями прибылъ къ италійскому берегу, и коринѣская эскадра вошла въ Малую гавань Сиракузъ. Никій, со времени смерти Ламаха, велъ осаду чрезвычайно вяло, и невѣроятная небрежность его облегчила успѣхъ отважнаго предпріятія, на которое рѣшился Гилиппъ. Въ Локрахъ Гилиппъ услышалъ, что Сиракузы находятся въ опасности, но еще не совсѣмъ отрѣзаны отъ сообщеній; онъ тотчасъ поспѣшилъ черезъ Мессанскій проливъ въ Гимеру. Непріятельскіе корабли, хотѣвшіе остановить его, запоздали. Въ Гимерѣ пришли къ его маленькому отряду подкрѣпленія и отъ грековъ, и отъ туземцевъ Сициліи, вѣрившихъ въ храбрость и искусство спартанцевъ. Онъ пошелъ черезъ Эвріаль, тотъ холмъ, черезъ который подошли къ Сиракузамъ аѳиняне; Никій съ удивительною небрежностью оставилъ Эвріаль незащищеннымъ, и Гилиппъ свободно прошелъ этою дорогою въ Эпиполь, гдѣ съ восторгомъ встрѣтили его, какъ спасителя, сиракузанцы, при извѣстіи о его приближеніи прервавшіе переговоры съ аѳинянами. Теперь не могло быть и рѣчи о мирѣ, необходимымъ условіемъ котораго было бы согласіе сиракузанцевъ подчиниться гегемоніи Аѳинъ. Подъ искуснымъ управленіемъ новаго главнокомандующаго, война получила совершенно иной характеръ. Вѣрный духу спартанскаго военного порядка, Гилиппъ ввелъ въ сиракузанское войско дисциплину, безусловное повиновеніе начальству; своимъ повелительнымъ характеромъ онъ импонировалъ войску, внушалъ ему страхъ и довѣріе. Онъ напалъ на окопы, небрежно охранявшіеся аѳинянами; во время боя, одинъ изъ его отрядовъ неожиданно бросился на Лабдалъ, взялъ этотъ фортъ, и истребилъ стоявшій тамъ аѳинскій отрядъ. Построивъ черезъ сѣверную часть аѳинскихъ укрѣпленій поперечную стѣну, Гилиппъ разорвалъ линіи блокады. На постройку этой стѣны онъ употребилъ матеріалы, заготовленные для ихъ круговой стѣны.

Новый оборотъ войны.

Увидѣвъ, что не можетъ овладѣть поперечною стѣною, которая разорвала линію блокады, Никій рѣшилъ передвинуться къ морю. Онъ занялъ крутой мысъ Племмирій у тѣснаго входа въ Большую гавань, на югъ отъ острова Ортигій, построилъ тамъ три башни и другія укрѣпленія для защиты флота, стоявшаго въ этой гавани. Но онъ уже мало надѣялся на счастливый исходъ войны и послалъ въ Аѳины вѣстниковъ съ письмомъ, въ которомъ просилъ, чтобы или отозваны были флотъ и войско изъ Сициліи, или было немедленно прислано большое подкрѣпленіе.

Письмо это, находящееся у Фукидида, даетъ ясное понятіе о томъ, какъ выгодно было для сиракузанцевъ, невыгодно для аѳинянъ положеніе дѣлъ. Никій, мучимый каменною болѣзью, подавленный горемъ, бездѣйственно оставался въ своемъ укрѣпленномъ станѣ у вытащенныхъ на берегъ кораблей, и просилъ, чтобы народъ уволилъ его отъ командованія;—а Гилиппъ съ неутомимою дѣятельностью обучалъ войска, дѣлалъ нападенія то съ той, то съ другой стороны, заботился пріобрѣтать новыхъ союзниковъ, ободрялъ дорійцевъ, разгорячалъ ихъ племенную ненависть къ іонійцамъ.—Аѳинское войско терпѣло недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и въ водѣ; но даже голодъ не давалъ ему рѣшимости ходить далеко отъ укрѣпленнаго стана: такъ боялось оно непріятельской конницы; сицилійскіе союзники покидали его съ каждымъ днемъ, оно слабѣло и числомъ и духомъ; а сиракузанскія войска, изобильно снабженныя всѣмъ надобнымъ, смѣло выходили изъ своего укрѣпленія на высотѣ у храма Зевса олимпійскаго, дѣлали отважныя нападенія, и число ихъ съ каждымъ днемъ увеличивалось подкрѣпленіями, подходившими къ нимъ изъ дорійскихъ городовъ Сициліи. Дерево аѳинскихъ кораблей начинало гнить; и не было матеріаловъ на поправку тѣхъ изъ нихъ, которые уже испортились; матросы ихъ падали духомъ, уменьшались въ числѣ отъ болѣзней; а сиракузанская эскадра въ малой (леккійской) гавани, подкрѣпленная пелопоннесскими кораблями, выказывала все больше и больше смѣлости и ждала все новыхъ подкрѣпленій.

Письмо Никія къ аѳинскому народу.

Но аѳинскій народъ сохранилъ твердость и надежду на свои силы. Прибытіе Эвримедона онъ оставилъ главное начальство Никію, чтобы не обидѣть его, но далъ ему двухъ товарищей, и рѣшилъ послать въ Сицилію подкрѣпленія и денегъ. Около зимняго солнцестоянія прибылъ къ Никію Эвримедонъ; у него было десять тріэръ; весною подоспѣлъ Демосеенъ съ 73 тріэрами, 5000 гоплитовъ и 3000 человекъ легковооруженныхъ. Коринѣяне воспользовались сосредоточеніемъ морскихъ силъ Аѳинъ у Сиракузъ, возобновили войну, чтобы получить преобладаніе на Коринѣскомъ заливѣ, и дали битву аѳинской эскадрѣ, находившейся у западнаго берега Греціи; это сраженіе, произошедшее у Навпакта, осталось нерѣшительнымъ. Лакедемоняне, слѣдуя совѣту Алкивіада, послали царя Агиса въ Аттику, занять Декелею. Этотъ городъ, находившійся въ двадцати верстахъ отъ Аѳинъ, сталъ базисомъ военныхъ дѣйствій спартанцевъ въ Аттикѣ.

Прибытіе Эвримедона и Демосеена съ новыми подкрѣпленіями. Трудное положеніе аѳинянъ.

Весною военныя дѣйствія въ Сициліи возобновились одновремен-

Сраженіе въ нымъ нападеніемъ на войско и на флотъ аѳинянъ. Гермократь съ сиракузанскими кораблями далъ аѳинскому флоту упорную битву передъ входомъ въ Большую гавань; въ то же время Гилиппъ, незамѣтно подошедшій съ войскомъ ночью къ мысу Племирій, напалъ на построенныя тамъ укрѣпленія и взялъ три башни со всѣми находившимися въ нихъ запасами продовольствія и корабельныхъ принадлежностей. Сраженіе на морѣ было удачно для аѳинянъ, но этотъ успѣхъ не вознаградилъ ихъ за потери, понесенныя ими на сушѣ, потому что ихъ побѣда на морѣ была очень не полная и они были почти совершенно отрѣзаны отъ сообщеній съ моремъ: ихъ флотъ удалился въ южную бухту гавани, подъ защиту войска и прибрежныхъ укрѣпленій, а надъ входомъ въ гавань владычествовали сиракузанскіе корабли. Послѣ того начался длинный рядъ морскихъ сраженій; аѳиняне бились достойно своей славы, дѣлали мужественныя усилія сохранить за собою господство въ гавани и разрушить тынъ, не дававшій ихъ кораблямъ подойти къ городу. Но характеръ мѣстности и общее положеніе дѣла лишали аѳинскій флотъ возможности успѣха. Въ гавани не было простора для быстрыхъ движеній, берега ея были во власти непріятеля; аѳинскіе корабли не могли дѣлать эволюцій, и искусство ихъ кормчихъ и гребцовъ, дававшее имъ побѣды на открытомъ морѣ, не имѣло тутъ большого значенія: корабли сиракузанцевъ и коринѳянъ, построенные болѣе прочно, одерживали верхъ въ этихъ сраженіяхъ на тѣсномъ мѣстѣ. Особенно ясно выказалось это въ двухдневной битвѣ, происходившей передъ прибытіемъ эскадры Демосѳена: сражающіеся корабли образовали почти сплошную массу и экипажи ихъ бились какъ на сушѣ; битва кончилась пораженіемъ аѳинянъ.

Нападеніе аѳинянъ на Эпиполь. Сиракузанцы и ихъ союзники, пелопоннесцы и беотійцы, воображавшіе, что силы Аѳинъ уже истощены, изумились, видя, что въ Большую гавань входитъ съ музыкою и пѣніемъ, новый аѳинскій флотъ. Флотъ и войско Никія встрѣтили это подкрѣпленіе криками радости. Храбрый Демосѳенъ увидѣлъ, что положеніе аѳинскаго войска очень дурно. Но теперь его соотечественники были ободрены, непріятель былъ смущенъ его прибытіемъ; онъ рѣшился воспользоваться этими чувствами и предпринялъ нападеніе, которое, въ случаѣ успѣха, возвратило бы аѳинянамъ тѣ позиціи, какія занимали они до Гилиппа и повели бы къ взятію Сиракузъ. Аѳиняне были заперты непріятелемъ въ своемъ станѣ на низкомъ нездоровомъ мѣстѣ. Демосѳенъ хотѣлъ вывести ихъ изъ этого стѣсненія. Послѣ нѣсколькихъ небольшихъ атакъ, онъ попытался овладѣть высотами Эпиполя, на которыхъ стояли аѳиняне до Гилиппа. Въ лунную ночь онъ повелъ войско на эти высоты. Оно тихо, осторожно взшло на нихъ и овладѣло укрѣпленнымъ холмомъ Эвріаломъ, который отнялъ у аѳинянъ храбрый Гилиппъ. Часть гарнизона,

занимавшего это укрѣпленіе, была истреблена; но большинство застигнутого въ располхъ отряда успѣло бѣжать въ другія три укрѣпленія сиракузанцевъ и ихъ союзниковъ на другихъ холмахъ Эпиполя; эти гарнизоны приготовились обороняться; но и они не могли устоять противъ аѳинянъ, мужественно шедшихъ впередъ. Демосѳенъ ужь овладѣлъ переднею частью поперечной стѣны, аѳиняне сломали ея брустверы, когда привелъ войска изъ города Гилиппъ, остановилъ аѳинянъ, принудилъ ихъ отступать. Отступленіе скоро обратилось въ безпорядочный рукопашный бой и въ бѣгство. Нѣкоторые отряды аѳинянъ, зашедшіе въ увлеченіи атаки далеко впередъ, были опрокинуты Гилиппомъ, ряды ихъ разстроились, они, перемѣшавшись съ непріятелемъ, отступили къ своимъ и разстроивали ряды своего войска, или принимаемые за враговъ были истребляемы своими товарищами. По гребню крутой скалы шла страшная рѣзня; стукъ оружія и дикіе крики раздавались далеко въ ночной тишинѣ. При невѣрномъ свѣтѣ луны сражающіеся видѣли фигуры людей, но не могли распознавать лицъ, не могли разобрать, кто свой, кто врагъ; потому когда люди сходились, они только по паролю и лозунгу могли узнавать, товарищи они, или враги; но вопросы и отвѣты, часто повторяясь, не остались тайной для враговъ; и въ особенности аѳинскій пароль скоро сталъ извѣстенъ сиракузанцамъ. Боевое пѣніе чрезвычайно увеличило смятеніе въ аѳинскомъ войскѣ: въ рядахъ аѳинянъ были дорійскіе союзники — аргосцы, коркиряне и другіе; они имѣли ту же самую боевую пѣсню, какъ сиракузяне и пелопоннесцы, помогавшіе сиракузянамъ; когда дорійцы аѳинскаго войска запѣли боевую пѣсню, аѳиняне чрезвычайно смутились, подумавъ, что враги уже вошли въ ихъ боевую линію. Такимъ образомъ эта ночная битва на высотахъ Эпиполя стала для аѳинянъ гибельнымъ пораженіемъ. Много ихъ было убито въ безпорядочной свалкѣ или врагами, или своими товарищами; другіе падали съ крутой скалы. Число погибшихъ простиралось до 2000; остальные бѣжали, — въ томъ числѣ многіе, побросавъ щиты и оружіе — безпорядочными толпами въ станъ, который оставался подъ охраной Никія.

Послѣ этого пораженія Демосѳенъ полагалъ, что должно снять осаду; онъ говорилъ, что надобно вернуться съ войскомъ въ Атику противъ непріятеля, занявшаго въ ней укрѣпленную позицію, что оставаясь здѣсь, войско понапрасну погибнетъ отъ голода, болѣзней и непріятельскаго оружія. Но Никій отвергъ этотъ совѣтъ, отчасти потому, что все еще надѣялся побѣдить, рассчитывая на владычествующіе въ Сиракузахъ раздоры и на недостатокъ денегъ у сиракузанцевъ; отчасти потому, что боялся отвѣтственности передъ аѳинскимъ народомъ. Онъ говорилъ, что безъ приказанія отъ народнаго собранія онъ не имѣетъ права снять осаду, что онъ лучше хочетъ погибнуть здѣсь какъ храбрый воинъ отъ руки врага, чѣмъ быть въ

27 августа
413 г.

Аѳинцахъ осужденнымъ и казненнымъ за измѣну. Тогда Демосѳенъ предложилъ покинуть позицію у Сиракузъ и перейти въ Тапсъ и Катану, гдѣ стояло войско до начала осады; Эвримедонъ поддерживалъ это мнѣніе, но и оно было отвергнуто Никіемъ. Скоро однакоже Никій согласился отступить, потому что сиракузанцы получили новыя подкрѣпленія изъ Пелопоннеса, а аѳинское войско уменьшалось въ числѣ отъ свирѣпствовавшихъ въ немъ болѣзней. Но, какъ будто мало было того, что аѳиняне изнемогали отъ перевѣса силъ непріятеля, ко всѣмъ другимъ бѣдствіямъ присоединилось на гибель имъ суевѣріе. Въ ту ночь, когда войско должно было садиться на корабли, произошло лунное затмѣніе; оно испугало Никіа, который, по словамъ Фукидида, придавалъ очень большую важность предзнаменованіямъ и, по смерти Стильбиды, человѣка просвѣщеннаго, попалъ подъ вліяніе другихъ жрецовъ, людей съ ограниченными понятіями. По совѣту этихъ истолкователей знаменій, онъ рѣшилъ отложить отплытіе на трижды девять дней, чтобы дожидаться предзнаменованій болѣе благоприятныхъ. Еслибы истолкователи знаменій были люди разсудительные, они сказали бы, что затмѣніе луны служить хорошимъ предзнаменованіемъ для тайнаго отплытія.

Безнадежное
положеніе аѳиня-
нъ.

30 августа.

Рѣшеніе Никіа отложить отъѣздъ было гибелью для аѳинянъ. Сиракузанцы, узнавъ о томъ, что аѳиняне хотѣли снять осаду, поняли, что ихъ положеніе очень дурно, и удвоили свои усилія, чтобы окончательно погубить ихъ. На третій день они напали на нихъ и съ суши и съ моря; нападеніе на сухомъ пути было отбито; но въ морскомъ сраженіи сиракузанцы побѣдили; отняли 18 аѳинскихъ кораблей, убили всѣхъ бывшихъ на нихъ, въ томъ числѣ Эвримедона, и заперли входъ въ гавань, имѣвшій 8 стадій ширины: они поставили сплошнымъ рядомъ поперекъ него военные и перевозочные корабли, такъ что аѳинскій флотъ не могъ выйти изъ гавани. Сиракузанцы теперь уже хотѣли не только побѣдить, но и совершенно истребить аѳинянъ, которые съ раскаяніемъ думали о прошломъ, съ тоской о будущемъ.

Аѳиняне рѣ-
шаются дать
вторую битву
на морѣ.

Положеніе аѳинянъ было такое тяжелое, что имъ оставался только одинъ выборъ: или сдаться на волю враговъ, или вступить въ отчаянный бой. Они предпочли бой. Теперь и самъ Никій согласился, что необходимо дать рѣшительную битву на морѣ и въ случаѣ побѣды плыть въ Катану, а въ случаѣ неудачи сжечь корабли и идти сухимъ путемъ въ какой нибудь изъ городовъ, бывшихъ въ союзѣ съ аѳинянами.

Приготовленія къ битвѣ были сдѣланы очень обдуманно. Больные и обозъ были собраны въ небольшой укрѣпленный станъ на берегу и для храненія его поставленъ былъ отрядъ войска. Все остальное войско, — и гоплиты и стрѣлки, — было посажено на корабли, число которыхъ простиралось еще до 110. Были приготовлены желѣзные крюки, чтобы откло-

пать бревна, ударами которыхъ непріятель много вредилъ ихъ кораблямъ въ прежнихъ сраженіяхъ. Успѣшно готовились къ битвѣ и сиракузанцы. Обѣ стороны понимали, что исходомъ этого сраженія будетъ рѣшена судьба аѳинской экспедиціи, что въ гавани Сиракузъ, гдѣ сойдутся на бой болѣе чѣмъ 200 кораблей, будетъ рѣшена и судьба всего греческаго міра. Никій въ ободреніе упавшихъ духомъ аѳинянъ говорилъ имъ, что они будутъ биться за спасеніе и самихъ себя и отечества, что вся надежда на спасеніе основана теперь на ихъ мужествѣ. Гиллиппъ и Гермократъ говорили сиракузанцамъ, что теперь пришелъ для нихъ часъ избавиться отъ бѣдствія, отмстить поработителямъ Греціи, приобрести себѣ славу побѣдителей могущественнѣйшаго изъ греческихъ государствъ.

Обѣ стороны показали въ битвѣ, что всѣмъ сражающимся понятна ея важность. Кормчіе соперничали между собою въ искусствѣ управленія, экипажи кораблей въ точности исполненія приказаній. Каждый воинъ и матросъ старался отличиться мужествомъ. «Каждый стремился оказаться первымъ въ исполненіи своей обязанности», свидѣтельствуешь Фукидидъ, описавшій эту ужасную морскую битву такими живыми чертами, что его потрясающій разсказъ о ней остается вѣчнымъ памятникомъ историческаго искусства. Желѣзные крюки аѳинянъ, раздирая кожи, которыми прикрывалъ отъ нихъ палубы своихъ кораблей непріятель, крѣпко прицѣпляли корабль къ кораблю, такъ что выходила одна сплошная площадь, на которой бились какъ на сушѣ; шелъ рукопашный бой въ такой тѣснотѣ, что часто не было мѣста для дѣйствія оружіемъ и противники бились руками, боролись; аѳинскія тріеры, при крикахъ одобренія съ одного корабля другому, отчаянно стремились прорвать рядъ скрѣпленныхъ цѣпами кораблей запиравшихъ гавань, прорваться въ открытое море бывшее для нихъ желанною цѣлью спасенія. Аѳинскій отрядъ, стоявшій на берегу, и сиракузанское войско на другомъ берегу смотрѣли на битву, испытывая попеременно боязнь и надежду, волнуясь радостью и печалью, выражая свои чувства то криками восторга, то воплемъ горести. Послѣ долгаго колебанія побѣда склонилась наконецъ на сторону сиракузанцевъ; утомленные аѳиняне, тѣснимые непріятелемъ къ берегу, бѣжали въ свой станъ, оставляя во власти врага свои разбитые корабли и тѣла товарищей. Они такъ упали духомъ и были до того изнурены, что не рѣшились на другой день послѣдовать совѣту Демосѳена, говорившаго, что должно возобновить битву: у нихъ оставалось еще 60 тріеръ, а у непріятеля только 50; но они бездѣйственно смотрѣли, когда подошелъ сиракузанскій флотъ и сталъ брать ихъ корабли; лишь немногія изъ своихъ тріеръ они успѣли сжечь заранѣе; всѣ остальные были уведены сиракузанцами. Послѣднею надеждою аѳинянъ оставалось теперь отступленіе сухимъ путемъ.

Битва въ Боль-
шой гавани.

Пораженіе аѳиня-
нъ.

Быть можетъ имъ бы удалось уйти, если бы исполнено было на-
мѣреніе ихъ военачальниковъ выступить въ походъ въ ту же ночь, Хитрость Гер-
мократа.

которая слѣдовала за битвой; но этому помѣшалъ Гермократъ, желавшій совершенно уничтожить аѳинское войско. Узнавъ или догадываясь о намѣреніи аѳинянъ, онъ предлагалъ сиракузанцамъ немедленно послать въ походъ все войско, чтобы оно завалило деревьями дороги, заняло тѣснины и отрѣзало пути отступленія врагамъ; но сиракузанцы въ восторгѣ отъ побѣды хотѣли на слѣдующій день пировать, и онъ не могъ уговорить ихъ провести слѣдующій день не въ весельѣ, а въ новыхъ трудахъ и опасностяхъ. Потому онъ вздумалъ обманомъ задержать отступленіе аѳинянъ. Онъ послалъ надежныхъ людей къ аѳинскому стану, и, притворяясь, друзьями они сказали аѳинскимъ часовымъ, что совѣтуютъ Никію не выступать ночью, а подождать утра и начать отступленіе, лишь приготовившись къ нему, какъ должно. Никій послѣдовалъ этому совѣту. Аѳиняне провели два дня въ приготовленіяхъ къ походу и тѣмъ дали непріятелю время перегородить дороги, занять переправы черезъ рѣки и другія мѣста, гдѣ удобно было задержать отступающихъ. На третій день аѳиняне выступили въ походъ. Ужасенъ былъ часъ, когда они, взявъ скудные остатки сѣстныхъ припасовъ, покидали мѣсто своихъ страданій, идя на страданія, еще болѣе тяжкія. По греческимъ привычкамъ, мучительно было ужъ и рѣшеніе оставить непогребенными умершихъ; совѣсть терзала ихъ друзей и родныхъ упреками за это. Еще мучительнѣе было прощаться съ ранеными и больными, умолявшими взять ихъ съ собою: со стопами цѣплялись они за уходящихъ товарищей, шли за ними до истощенія силъ, падали изнуренные, покидаемые на смерть отъ голода или отъ жестокости враговъ. Со слезами и рыданіями двинулось наконецъ въ походъ войско; въ немъ было еще 40000 человекъ, храбрыхъ воиновъ, геройски бившихся и геройски переносившихъ страданія. Въмѣсто веселыхъ военныхъ пѣсень, съ которыми отплывали они изъ Пирея, раздавались теперь вопли обманувшихся въ своихъ надеждахъ на побѣду. Фукидидъ правъ, говоря, что эти событія были самою ужасною изъ всѣхъ катастрофъ, когда либо постигавшихъ греческія войска.

Аѳиняне уходять изъ своего стана.

Никій и Демосѳенъ ободряютъ воиновъ. Никій старался передъ выступленіемъ изъ стана ободрить воиновъ словами о возможности спасенія. Это была послѣдняя рѣчь его товарищамъ военныхъ подвиговъ и страданій. „Возьмите примѣръ съ меня“, говорилъ онъ имъ: „Я пользовался всѣми дарами счастья, а теперь терплю тѣ же лишенія, какъ самый бѣдный изъ васъ, и кромѣ того удрученъ тяжелою болѣзью. И однако же я всегда добросовѣстно исполнялъ всѣ обязанности относительно боговъ, всегда поступалъ справедливо, безукоризненно относительно людей. Потому я съ надеждою смотрю на будущее и не унываю отъ бѣдствій настоящаго“. Демосѳенъ тоже ободрялъ воиновъ. Оба полководца заботливо наблюдали, чтобы войско шло въ стройномъ порядкѣ, поддерживали въ своихъ согражданахъ надежду, что они возстановятъ падающее могущество Аѳинъ, говорили имъ, что „государство — это не стѣны и пустые корабли, а люди“.

Войско шло длиннымъ четырехугольникомъ къ рѣкѣ Анапу; это было похоже на то, какъ будто эмигрируетъ многочисленный народъ. Сиракузанцы, стоявшіе у переправы, были прогнаны; войско перешло рѣку и двигалось дальше, непрерывно отбиваясь отъ нападеній непріятельской конницы и стрѣлковъ. Прошедши 40 стадій (около 7 верстъ), оно достигло холма; утомленные воины провели на немъ ночь подъ открытымъ небомъ. На другой день они перешли еще 20 стадій и расположились стоять на равнинѣ, покрытой нивами; они хотѣли запасть не ней сѣстными припасами и водою. Слѣдующіе три дня прошли въ упорной борьбѣ за ущелье, которое вело черезъ скалы акрейскаго хребта и было занято непріателемъ. Позиція сиракузанцевъ была почти неприступна; аѳиняне были не въ состояніи пробиться тутъ, рѣшили отказаться отъ своего намѣренія пройти въ Катану, куда вела эта дорога, повернуть на югозападъ, идти въ Камарину и Гелу. Зажегши костры, чтобы обмануть непріятеля, они двинулись въ путь ночью. Но аррьергардъ, которымъ начальствовалъ Демосѳенъ, шелъ теперь уже не въ такомъ твердомъ порядкѣ, какъ прежде, и отсталъ отъ массы войска. Непріятель, замѣтившій на разсвѣтѣ, что аѳиняне ушли, быстро погнался за ними и настигъ разстроенные ряды аррьергарда, а Никій между тѣмъ продолжалъ идти, перешелъ рѣчки Какипарисъ и Эриней. Демосѳенъ выказалъ и теперь свой талантъ. Онъ быстро поставилъ воиновъ въ боевой порядокъ; но они смутились, увидѣвъ, что заперты непріателемъ въ такой мѣстности, изъ которой нѣтъ имъ выхода. Это была обширная дача, принадлежавшая нѣкогда брату тиранна Гелона, Полизелу, окруженная стѣнами и перерѣзанная оливковыми плантаціями. Непріятель, укрываясь за деревьями, за изгородями, пускалъ въ аѳинянъ стрѣлы и дротики. Цѣлый день аѳиняне выдерживали неравный бой, въ которомъ непріятель оставался почти безопасенъ отъ ихъ оружія; многіе изъ нихъ были убиты или ранены. Сѣстныхъ припасовъ не было у нихъ; изнуренные голодомъ, они положили оружіе, подъ условіемъ, что ихъ жизнь будетъ пощажена. Демосѳенъ не хотѣлъ просить, чтобы дано было обѣщаніе пощадить и его; съ трудомъ успѣли помѣшать его намѣренію убить себя. Число сдавшихся въ плѣнъ простиралось до 6000 человекъ.

Походъ.

Сраженія у Акрейскихъ скалъ.

* На другой день сиракузанцы настигли и Никію. Гилиппъ, сообщивъ ему, что отрядъ Демосѳена сдался, предлагалъ тоже сдаться. Никій сначала не вѣрилъ; но посланный имъ герольдъ возвратился съ извѣстіемъ, что аррьергардъ дѣйствительно взятъ въ плѣнъ. Никій обѣщалъ полное вознагражденіе за всѣ убытки войны, если сиракузанцы дадутъ пропускъ его войску; въ обезпеченіе уплаты вознагражденія, онъ хотѣлъ дать заложниковъ. Сиракузанцы отвергли это предложеніе, и со всѣхъ сторонъ стали стрѣлять въ аѳинянъ. Никій пытался ночью уйдти; сиракузанцы замѣтили движеніе, аѳиняне не

Битва на Ассинарѣ. 10 сент. 413.

Судьба афин-
ского войска.

могли пробиться. На слѣдующій день,—это былъ шестой день отступленія—афиняне, совершенно изнуренные голодомъ, жаждою и непрерывными нападеніями стрѣлковъ и конницы, дошли до рѣки Ассинара. Она стала мѣстомъ ихъ гибели. Дошедши до крутого берега, они безпорядочно бросались въ глубокую воду утолить жгучую жажду и уйти на другой берегъ отъ преслѣдованія враговъ; съ горячечной торопливостью пили они воду и падали, сбиваемые съ ногъ напоромъ бросавшихся въ рѣку слѣдующихъ отрядовъ, убиваемые дротиками и стрѣлами непріятеля, уносимые быстрымъ теченіемъ. Тѣла лежали грудами въ рѣкѣ; на нихъ бросались новыя толпы, дрались между собою изъ-за того, чтобы скорѣе напиться воды, помутившейся отъ взрытаго ногами ила, покраснѣвшую отъ крови. Тысячи были убиты почти безъ сопротивленія, когда наконецъ велѣлъ прекратить это убійство Гилиппъ, которому сдался Никій. Нѣкоторые успѣли бѣжать во время смятенія; все остальное войско было взято въ плѣнъ. Лишь немногіе изъ плѣнныхъ были переданы правительству; громадное большинство было утаено тѣми, кому достались въ плѣнъ, и распроданы въ рабство по всей Сициліи. Былъ взятъ въ плѣнъ и отрядъ геройски пробившійся изъ стана, бывшаго на Эриней; эти храбрые люди—ихъ было 300 человекъ—тоже были обращены въ рабство. Отъ 40,000 воиновъ, вышедшихъ за шесть дней передъ тѣмъ изъ стана у Большой гавани Сиракузъ, осталось теперь лишь нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, сдѣланныхъ рабами, и небольшое число успѣвшихъ бѣжать, укрыться отъ преслѣдователей и пробраться въ Катану; всѣ другіе погибли при отступленіи—отъ голода, отъ изнуренія, отъ оружія непріятельскихъ стрѣлковъ и конницы. Сиракузанцы справедливо могли гордиться своей побѣдой. Они украсили деревья на берегу Ассинара шлемами убитыхъ враговъ; и когда они, обремененные добычею, торжественно возвращались въ Сиракузы, многіе изъ нихъ и согражданъ, вышедшихъ на встрѣчу имъ, уже мечтали о томъ, что Сиракузы будутъ владычествовать надъ всею западною половиною греческаго міра, что всѣ другіе города Сициліи будутъ повиноваться имъ и платить дань. Не могло быть соперниковъ у нихъ, побѣдившихъ Афины. Но жестокость сиракузанцевъ относительно плѣнныхъ показывала, что они не достигли той образованности и гуманности, какъ афиняне и граждане нѣкоторыхъ другихъ государствъ Греціи. Народное собраніе сиракузанцевъ осудило Никію и Демосфена на смерть. Гилиппъ хотѣлъ спасти ихъ: ему пріятно было бы доставить себѣ и своей родинѣ великое торжество, привести знаменитыхъ полководцевъ плѣнниками въ Спарту, провести ихъ по улицамъ ея; онъ хотѣлъ бы, чтобы сами спартанцы отмстили Демосфену за пилосское пораженіе, хотѣлъ бы, чтобы они поступили милостиво съ Никіемъ за постоянное расположеніе его къ нимъ; быть можетъ, онъ хотѣлъ также обогатиться, взявъ съ Никіи

Смерть Никіи и
Демосфена.

и Демосфена выкупъ. Но коринѣяне и тѣ сиракузанцы, которые во время осады вели тайные переговоры съ Никіемъ, требовали казни афинскихъ полководцевъ. Коринѣяне опасались, что если Никій и Демосфенъ будутъ пощажены, то черезъ нѣсколько времени получатъ свободу и тогда отмстятъ имъ за неудачу сицилійской экспедиціи; а сиракузанцы, бывшіе въ сношеніяхъ съ Никіемъ, боялись, чтобы не обнаружилась ихъ измѣна. Потому Никій и Демосфенъ были осуждены на смерть. Тимей говоритъ, что они сами лишили себя жизни, что Гермократь доставилъ имъ эту возможность сократить ихъ страданія; по другимъ извѣстіямъ, они были казнены на площади народныхъ собраній. Тѣла ихъ были выставлены у городскихъ воротъ на зрѣлище народу. Годовщина пораженія афинянъ на Ассинарѣ постоянно праздновалась сиракузанцами.

Еще суровѣе была судьба остальныхъ плѣнныхъ; сиракузанцы не казнили ихъ, но заперли въ каменоломни (латоміи),—въ ямы подъ открытымъ небомъ. Тамъ, мучимые во время дня знойными лучами солнца, по ночамъ холодомъ, они страдали и отъ голода и отъ жажды: имъ давали очень мало воды и очень мало хлѣба; ихъ было 7000 человекъ, они были согнаны въ очень тѣсныя помѣщенія, ихъ страданія увеличивались нестерпимымъ зловоніемъ тѣсноты и смрадомъ труповъ. Ихъ держали тамъ 70 дней, и очень многіе изъ нихъ умерли въ этихъ страшныхъ мученіяхъ. Черезъ 70 дней, тѣ изъ оставшихся живыми, которые были не афиняне и не сицилійскіе или итальянскіе греки, были проданы въ рабство. Но впослѣдствіи времени многіе успѣли бѣжать изъ плѣна, и послѣ долгихъ скитаній по Сициліи возвратились на родину. Говорятъ, что многіе другіе заслужили своею образованностью уваженіе господъ, которыми были куплены, и получили свободу, что въ особенности афиняне, рецитируя трогательныя мѣста изъ трагедій Эврипида, смягчали своихъ господъ, и были освобождаемы ими; говорятъ, что по возвращеніи на родину они приходили къ Эврипиду благодарить его, какъ своего освободителя. «Такъ кончилась сицилійская экспедиція, самое важное изъ всѣхъ событій не только этой войны, но и всей греческой исторіи», этими словами заканчиваетъ Фукидидъ седьмую книгу своей исторіи.

Судьба плѣн-
ныхъ.

Сиракузанцы не воспользовались своею побѣдою такъ, какъ желали патриоты. Торжество не повело къ проявленію возвышенныхъ чувствъ, къ совершенію полезныхъ реформъ; сиракузанцы не выказали себя достойными гегемоніи надъ другими городами Сициліи. Они хотѣли мстить афинянамъ. Когда въ слѣдующемъ году Гилиппъ, награжденный щедрыми дарами, возвращался на родину, съ нимъ пошла подъ начальствомъ Гермократа сиракузанская эскадра, состоявшая изъ 22 (или по Діодору изъ 35) триеръ помогать лакедемонянамъ въ ихъ войнѣ съ афинянами. Воспользовавшись отсутствіемъ Гермократа, противники его, приверженцы демократическаго правленія, вождемъ которыхъ былъ Діоклъ, ввели вполнѣ демократическія учрежденія и постановили, что правительственные долж-

Борьба партій
въ Сиракузахъ.

ности будутъ замѣщаться по жребію. Но граждане Сиракузъ были недостаточно развиты для такого порядка дѣлъ; у нихъ не было племеннаго единства, потому что въ составъ кореннаго дорійскаго населенія было принято много гражданъ изъ другихъ областей Греціи; потому не было у нихъ прочныхъ обычаевъ; а степень образованности ихъ была не высока. Простолюдны захватили правленіе въ свои руки, оттѣснили знатное сословіе отъ участія въ немъ, и демократія обратилась въ охлократію. Законный порядокъ былъ не проченъ; и не могли поддержать его даже строгіе законы, введенные Діокломъ. При такомъ положеніи дѣлъ должно было опасаться, что демократическія учрежденія поведутъ къ возникновенію тиранніи. Но единственный человѣкъ, который могъ бы сдѣлаться тираномъ, былъ Гермократъ, начальствовавшій теперь эскадрою, посланною на помощь лакедемонямамъ и храбро сражавшеюся съ аѳинянами у береговъ Малой Азіи. Чтобы помѣшать его возвращенію, враждебные ему демократы осудили его и нѣкоторыхъ его приверженцевъ на изгнаніе. Онъ уѣхалъ въ Селинунтъ, который снова воевалъ съ Эгестомъ изъ-за спорныхъ земель между ихъ владѣніями. Собравъ отрядъ волонтеровъ и изгнанниковъ, Гермократъ сталъ дѣлать походы противъ кареагенянъ, бывшихъ въ союзѣ съ Эгестомъ, и противъ другихъ враговъ Сиракузъ. Но хотя онъ такимъ образомъ и сражался за родину, его друзья не могли убѣдить сиракузанцевъ, чтобы они дозволили ему возвратиться. Надѣясь на многочисленность своихъ приверженцевъ, на свои заслуги, на свою репутацію патріота, онъ хотѣлъ возвратиться въ Сиракузы наперекоръ запрещенію. Онъ вошелъ въ городъ съ отрядомъ вооруженныхъ людей; на улицахъ произошла битва, и онъ былъ убитъ въ ней. Ксенофонтъ въ своей исторіи Греціи хвалитъ его энергію и любезность его характера; говоритъ, что когда онъ бывалъ въ походѣ, то каждый день или утромъ, или вечеромъ собиралъ передъ своимъ шатромъ лучшихъ изъ своихъ помощниковъ, совѣтовался съ ними объ всемъ, ободрялъ ихъ высказывать все, что они думаютъ; потому онъ всегда пользовался большимъ уваженіемъ въ военномъ совѣтѣ, его мнѣнія считались самыми лучшими.—Такимъ образомъ сиракузанцы въ раздорахъ между собою лишились возможности извлечь для себя пользу изъ побѣды надъ аѳинянами; и кареагеняне, какъ мы увидимъ, стали тѣснить сицилійскихъ грековъ.

Изгнаніе Гермократа.
Нападенія кареагенянъ на сицилійскіе города.

4. Декелейская война и борьба партій въ Аѳинахъ.

Впечатлѣніе, произведенное на аѳинскій народъ погибелю войска въ Сициліи. Первое извѣстіе объ ужасной катастрофѣ было принесено въ Аѳины смутнымъ слухомъ. Одинъ изъ жителей Аѳинъ, бывши въ Пирей, возвратился съ извѣстіемъ о погибели войска, говоря, что узналъ объ этомъ отъ пріѣзжаго иноземца; его почли за распространителя злонамѣренной выдумки, и, какъ рассказываютъ, подвергли пыткамъ. Но скоро бѣжавшіе изъ Сициліи и другіе пріѣзжіе подтвердили извѣстіе; узнавъ, что дѣйствительно весь флотъ и все войско погибли, аѳиняне страшно взволновались. Горе о смерти родныхъ и друзей смѣшивалось съ озлобленіемъ на людей, совѣтовавшихъ предпринять эту экспедицію, на жрецовъ и прорицателей, предсказывавшихъ успѣхъ ей; народъ осыпалъ ихъ гнѣвными упреками; негодованіе обраца-

лось и на Никію; имя его не было написано на колоннѣ, поставленной правительствомъ въ честь погибшихъ гражданъ. Все государство было въ невыразимо тяжелой скорби. Почти каждому семейству пришлось надѣть трауръ; многіе знатные роды исчезли съ той поры изъ списковъ гражданъ. Чтобы пополнить убыль, было принято въ число гражданъ много метековъ; но дать права не значило дать и привычки, гражданскія доблести, патріотизмъ. Выросло новое поколѣніе, которому государственныя учрежденія, добытая предками свобода, славныя преданія, обычаи и законы, возвеличившіе государство, были менѣ дороги и милы, чѣмъ прежнему; воспитанное въ ученіяхъ софистовъ, оно съ дерзкимъ легкомысліемъ колебало основы существующаго порядка и коварство безсовѣстныхъ демагоговъ разрушало все зданіе государственнаго устройства.

Страдая этими внутренними причинами зла, скоро проявившими свои дѣйствія, аѳинское государство подвергалось послѣ сицилійской катастрофы тяжкимъ бѣдствіямъ и отъ новыхъ ранъ, наносимыхъ ему врагами. Въ то время, когда были уничтожаемы или уводимы непріятелемъ въ сиракузской гавани прекрасныя аѳинскія тріеры и храбрѣйшіе граждане падали подъ копьями и стрѣлами враговъ, топились въ волнахъ, томились въ каменоломняхъ, лакедемонскій царь Агисъ, занявъ Декелею, опустошалъ Аттику, держалъ Аѳины въ ежеминутной опасности нападенія, такъ что граждане, способные сражаться, оставались день и ночь подъ оружіемъ. Съ Акрополя былъ видѣнъ укрѣпленный станъ, откуда спартанскій царь посылалъ по Аттикѣ отряды истреблять нивы, угонять скотъ, грабить селенія, не допускать подвоза хлѣба и скота въ Аѳины изъ Эвбеи. Болѣе 20.000 невольниковъ бѣжали изъ города къ непріятелю; главную массу ихъ составляли ремесленники. Аѳины жили будто въ осадѣ; лошади и люди изнемогали отъ изнуренія военною службою. Положеніе аѳинянъ стало еще хуже, когда извѣстія о погибели ихъ флота и войска въ Сициліи исполнили пелопоннесцевъ надеждою на побѣду и увѣренностью, что союзники скоро отпадутъ отъ Аѳинъ; аѳиняне упали духомъ, ждали, что къ пелопоннесцамъ присоединятся сиракузанцы.

Занятіе Декелеи Агисомъ.

Государственная касса аѳинянъ была истощена. Для увеличенія доходовъ они обложили союзниковъ данью, болѣе тяжелою, чѣмъ прежняя: прежде каждое союзное государство вносило опредѣленную сумму; теперь данники должны были платить двадцатую долю своихъ доходовъ; кромѣ этого, была установлена пошлина со всѣхъ привозимыхъ и вывозимыхъ моремъ товаровъ. По недостатку денегъ, аѳиняне отпустили бывшій въ ихъ службѣ отрядъ еракійскихъ наемниковъ; возвращаясь домой, эти наемники внезапно напали на маленькій беотійскій городъ Милакессъ, перебили съ звѣрскою свирѣпостью все его населеніе, не разбирая ни пола, ни возраста, убили даже дѣтей въ школахъ.—Вообще, аѳиняне были принуждены всячески сокращать свои расходы, и народное собраніе увидѣло себя въ необходимости обратитъ на военныя надобности тотъ резервный

Бѣдственное положеніе аѳинянъ.

фондъ въ тысячу талантовъ, который по совѣту Перикла былъ отложенъ на случай крайней нужды (стран. 598, примѣчаніе). Въ послѣдніе годы войны аѣиняне взяли даже золотыя вещи изъ храмовъ. А между тѣмъ персидскіе сатрапы, Тиссафернъ лидійскій и іонійскій, Фарнабазъ геллеспонтскій давали спартанцамъ деньги и корабли, чтобы при ихъ помощи покорить принадлежавшіе къ аѣинскому союзу греческіе города Малой Азіи, принудить ихъ платить персидскому царю дань, какъ было прежде и какъ теперь требовалъ Дарій II (Нотъ). Въ Гитіѣ, Коринѣ, Мегарѣ, въ другихъ пелопоннесскихъ гаваняхъ дѣятельно строили корабли, чтобы, по совѣту Алкивіада, одолѣть аѣинянь на морѣ; а въ Атикѣ верфи и арсеналы были пусты, въ гаваняхъ не было кораблей. Дорійско-лакедемонская федерація готовилась владычествовать во всемъ греческомъ мірѣ и на морѣ и на сушѣ.

Аѣиняне ободряются.

Требовалась вся энергія, какою одарены были аѣиняне, чтобы не поддаться отчаянію, не утратить мужества. Даже хладнокровный Фукидидъ, не охотникъ хвалить аѣинскую демократію, съ удивленіемъ говоритъ о дѣятельности и твердости, съ какою аѣиняне стали бороться противъ обрушившихся на нихъ бѣдъ (Фукидидъ, VII, 28; VIII, 1). Ихъ враги медлили нападеніемъ; аѣиняне оправившись отъ первыхъ потрясающихъ впечатлѣній катастрофы, стали собирать свои разбѣянные по разнымъ морямъ корабли, чинить старые, попорченные, запасаться лѣсомъ и другими матеріалами для постройки новыхъ, приняли всѣ необходимыя мѣры, чтобы къ наступленію весны готовъ былъ у нихъ новый сильный флотъ; съ удвоенною заботливостью они поправили стѣны города и Пирея, возвели новыя укрѣпленія, обезопасили Аѣины отъ нападеній. Народъ, ревниво охранявшій свои верховныя права, выказалъ теперь, при грозящей отечеству опасности, такую готовность подчиняться власти опытныхъ правителей, что согласился учредить комитетъ съ очень широкимъ полномочіемъ. Этотъ комитетъ, члены котораго были названы пробулами, состоялъ изъ десяти пожилыхъ людей. Во всѣхъ случаяхъ надобности, онъ долженъ былъ помогать народу и администраціи въ заботахъ о благѣ государства. Въ частности, онъ долженъ былъ заниматься военными и финансовыми дѣлами; ему была предоставлена власть сократить издержки государства на праздники, жертвоприношенія, игры и другіе подобные расходы; ему было поручено вносить въ правительственный совѣтъ и въ народное собраніе предложенія о томъ, какія мѣры нужны для охраненія государства отъ виѣшнихъ враговъ и для подавленія измѣнническихъ замысловъ. — Пелопоннесцы такъ боялись аѣинскаго флота, что при первой небольшой неудачѣ хотѣли отказаться отъ намѣренія послать свой флотъ къ берегамъ Малой Азіи; если бъ не ободрилъ лакедемонянь Алкивіадъ, они отреклись бы отъ мысли о борьбѣ съ аѣинянами на морѣ.

Отпаденіе союзниковъ.

Дѣло было такъ: Хіосскіе аристократы, узнавъ о гибели сицилійской экспедиціи, задумали отложиться отъ аѣинскаго союза и вошли въ сноше-

нія съ лакедемонянами, прося ихъ помощи. Пелопоннесцы послали свой флотъ поддержать ихъ. Но аѣиняне во время истмійскихъ игръ узнали объ этомъ, напали на пелопоннесскій флотъ и принудили его стать у пелопоннесскаго берега, между Коринѣомъ и Эпидавромъ. Этимъ было бы предотвращено отпаденіе Хіоса отъ аѣинскаго союза, если бъ Алкивіадъ не убѣдительно просилъ поручить дѣло ему. Они согласились послать къ Хіосу пять кораблей, начальство надъ которыми было дано спартанцу Халкидею. Алкивіадъ поплылъ съ Халкидеемъ. Появленіе Алкивіада у береговъ Малой Азіи произвело сильное впечатлѣніе: его военные таланты внушали довѣріе, и онъ говорилъ, что скоро будетъ присланъ спартанцами сильный флотъ. Хіосъ отложился отъ Аѣинъ, вступилъ въ союзъ съ пелопоннесцами; присоединились къ пелопоннесскому союзу и города малоазійскаго берега, Эритры, Теосъ, Клазомены, Милетъ, Лебедъ. Делосскій союзъ, на которомъ было основано могущество Аѣинъ, сталъ распадаться. Аѣиняне осадили Милетъ. Но появленіе пелопоннесскаго флота, при которомъ находились и сиракузанскіе корабли (стран. 657), принудило ихъ снять осаду и удалиться къ Самосу.

Союзъ спартанцевъ съ персами.

При посредничествѣ Алкивіада, спартанцы заключили союзъ съ персами. Условія союза были: персидскому царю должны принадлежать всѣ города грековъ, которыми владѣетъ онъ теперь и владѣли его предки; дань и другіе доходы, которые получали съ этихъ городовъ аѣиняне, будутъ получать онъ; персы будутъ вмѣстѣ съ спартанцами вести войну противъ аѣинянь; ни спартанцы, ни персы не имѣютъ права заключить миръ съ Аѣинами иначе, какъ по согласію между собою; то же самое постановляется относительно всѣхъ трактатовъ: все должно дѣлаться по общему согласію спартанцевъ и персовъ; спартанцы и персы будутъ помогать другъ другу въ подавленіи всякихъ возстаній своихъ подданныхъ или союзниковъ.

Впоследствии, при возобновленіи трактата, было присоединено къ нему дополнительное условіе: персидскій царь будетъ содержать на свой счетъ тѣ войска спартанцевъ и ихъ союзниковъ, которые будутъ присылаемы въ его владѣнія по его просьбѣ. Въ этомъ новомъ трактатѣ не было повторено выраженіе, что спартанцы предоставляютъ персидскому царю право владѣть всѣми тѣми греческими городами, которыми владѣли его предки. А когда дружба между персами и спартанцами ослабѣла, и спартанцы начали опасаться, что персы хотѣтъ слишкомъ расширить свои владѣнія, то при заключеніи новаго (третьяго) договора была прибавлена оговорка, опредѣлявшая, что нѣкоторые изъ греческихъ городовъ на азіатскомъ берегу должны оставаться не принадлежащими персидскому царю.

Первымъ результатомъ постыднаго союза съ персами было то, что спартанцы отдали Милетъ Тиссаферну. Персы построили цитадель, владычествовавшую надъ Милетомъ и поставили въ ней свой гарнизонъ; это съ достаточною ясностью свидѣтельствовало, что паденіе аѣинскаго могущества будетъ возстановленіемъ владычества персидскаго царя надъ Іоніей. Спартанцы и ихъ приверженцы аристократы до такой степени ненавидѣли аѣинскую демократію, что лучше хотѣли отдать малоазійскіе города подъ власть варварамъ, чѣмъ допустить, чтобы они оставались подъ властью аѣинянь. Спартанцы помогали персидскому царю покорять возставшихъ противъ него вассаловъ; онъ обѣщалъ послать на помощь имъ финикійскій флотъ. Племенное родство утратило свою силу; не руководимыя никакимъ общимъ чувствомъ, греческія государства измѣняли свои отношенія другъ къ другу по расчетамъ минуты. Идея національнаго единства, одушевлявшая некогда грековъ, исчезла въ ожесточенной борьбѣ партій.

Афиняне удерживают под своей властью Самосъ.

Вѣроятно, афиняне скоро утратили бы власть надъ всѣми островами, если бы самосскіе демократы не успѣли одолѣть аристократовъ, замышлявшихъ возстать противъ афинянъ.

Поддерживаемые тремя афинскими триерами, самосскіе демократы начали борьбу съ геоморами (аристократами—крупными землевладельцами); двѣсти человѣкъ геоморовъ было убито, 400 человѣкъ изгнано; ихъ дома и земли были розданы простолюдинамъ. На Самосѣ было учреждено чисто демократическое правленіе; у землевладельцевъ были отняты политическія права, были даже запрещены браки между людьми знатнаго сословія и простолюдинами. Такимъ образомъ вѣрность Самоса афинянамъ была обезпечена, и афинскій флотъ имѣлъ возможность съ успѣхомъ дѣйствовать у береговъ Малой Азіи. Хіосцы убѣждали лесбійцевъ присоединиться по ихъ примѣру къ пелопоннесскому союзу, и приверженцы его были многочисленны на Лесбосѣ; туда прибылъ Астіохъ съ лакедемонскою эскадрою, и часть острова отдалась подъ покровительство спартанцевъ; но афиняне возстановили свою власть надъ всѣмъ островомъ; они покорили Клазомены и въ нѣсколькихъ сраженіяхъ близъ Милета одержали верхъ надъ пелопоннессцами. Хіосскіе аристократы, такъ удачно воспользовавшіеся обстоятельствами для отпаденія отъ Афинъ, и воображавшіе, что поступили очень умно, ошиблись въ своихъ надеждахъ на выгоды отъ союза съ спартанцами. Афиняне дѣлали высадки на Хіосъ; невольники толпами переходили къ нимъ и помогали имъ опустошать островъ, долго пользовавшійся миромъ и достигшій большого благосостоянія. Хіосъ нѣсколько лѣтъ оставался жертвою военныхъ опустошеній, потому что афинянамъ очень хотѣлось покорить его, а спартанцы тоже старались удержать его подъ своимъ преобладаніемъ. Такому же опустошенію подвергся Родосъ, который также былъ присоединенъ олигархическою партіею къ дорійскому союзу, съ которымъ его населеніе было связано племеннымъ родствомъ.

Советъ Алкивіады Тиссаферну.

Въ то время, когда афинскій и пелопоннесскій флоты сражались у Родоса и у Милета, бѣжалъ къ Тиссаферну Алкивіадъ: онъ сталъ подозрителенъ пелопоннессцамъ, а царь Агисъ, жена котораго Тимея измѣнила мужу, увлекшись красавцемъ Алкивіадомъ, ненавидѣлъ афинскаго изгнанника. Алкивіадъ замѣтилъ, что его хотятъ убить, бѣжалъ къ Тиссаферну и сталъ по озлобленію на лакедемонянъ возбуждать его противъ нихъ.

Онъ далъ Тиссаферну хитрый советъ заботиться о томъ, чтобы война между спартанцами и афинянами тянулась долго; выгода персовъ, говорилъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы они продолжали ослаблять другъ друга; доведши до изнуренія, и тѣ, и другіе принуждены будутъ подчиниться волѣ персидскаго царя. Персы обѣщали прислать на помощь лакедемонянамъ финикійскій флотъ и давали имъ деньги на то, чтобы платить служащимъ на ихъ корабляхъ по драхмѣ въ день жалованья (на афинскомъ флотѣ жалованье было въ-двое меньше, только три обола въ день); Алкивіадъ объяснилъ Тиссаферну, что если персы будутъ продолжать выдачу такого большого жалованія гребцамъ и воинамъ лакедемонскаго флота и, если финикійскій флотъ присоединится къ пелопоннесскому, то спартанцы скоро станутъ господами надъ всѣми греками и сдѣлаются опасны для персидскаго царя. Убѣжденный этими доводами Алкивіады, Тиссафернъ уменьшилъ

жалованье служащимъ на лакедемонскихъ корабляхъ до трехъ оболовъ; подъ разными предлогами задерживалъ отправленіе финикійскаго флота на помощь спартанскому и вообще пересталъ помогать спартанцамъ такъ усердно, какъ прежде.

Это охлажденіе дружбы между спартанцами и персами выразилось, между прочимъ, въ томъ, что трактатъ между ними былъ измѣненъ выпускомъ словъ о признаніи правъ персидскаго царя владѣть всѣми греческими городами, которыми владѣли его предки. Лакедемонскій военачальникъ Лихасъ требовалъ выпуска этихъ словъ, справедливо говоря, что на основаніи ихъ персидскій царь могъ бы требовать, чтобы ему были отданы всѣ греческіе острова и нѣкоторые изъ городовъ, находящихся въ европейской Греціи, что если оставить въ трактатѣ это выраженіе, то лакедемоняне, вмѣсто обѣщанной свободы, дадутъ грекамъ порабощеніе. Тиссафернъ успѣлъ однакоже предотвратить совершенный разрывъ со Спартою, подкупивъ лакедемонскихъ военачальниковъ.

Давая свои советъ Тиссаферну, Алкивіадъ думалъ не столько о Интрига Алкивіады Тиссаферну, сколько о мщеніи Агису и лакедемонянамъ, чтобы устроить себѣ возможность возвратиться на родину. Собственно съ этой цѣлью и старался онъ отнять у спартанцевъ поддержку со стороны персовъ: онъ хотѣлъ пріобрѣсти этимъ право на признательность афинянъ. Послѣ того онъ сталъ возбуждать въ афинянахъ мысли о низверженіи демократическихъ учреждений. Онъ говорилъ, что имѣетъ очень большое вліяніе на Тиссаферна и можетъ склонить его къ вступленію въ союзъ съ Афинами, если они отмѣнятъ у себя демократическія учрежденія и отдадутъ управленіе государствомъ въ руки знатныхъ и богатыхъ гражданъ. Онъ хотѣлъ возвратиться въ Афины, но не хотѣлъ быть обязанъ своимъ возвращеніемъ демократическому правительству, изгнавшему его.

Алкивіадъ вступилъ въ сношенія съ начальниками афинскаго флота, стоявшаго тогда у Самоса; многіе изъ нихъ были прежде личными друзьями его. Онъ обѣщалъ имъ дружбу Тиссаферна и помощь персидскаго царя, если ему будетъ дано позволеніе возвратиться въ Афины. Но, говорилъ онъ, его возвращеніе возможно лишь въ томъ случаѣ, если будутъ отмѣнены демократическія учрежденія, будетъ отнята власть у демагоговъ, изгнавшихъ его, будетъ установлено олигархическое правленіе. Эти мысли очень понравились триэрархамъ (начальникамъ триеръ), людямъ богатымъ и знатымъ, на которыхъ теперь, при уменьшеніи доходовъ отъ союзниковъ, ложилась очень большою тягостью военные расходы. На афинскомъ флотѣ образовался аристократическій заговоръ, главою котораго былъ Пизандръ, человѣкъ дѣятельный и энергическій; заговорщики хотѣли ввести аристократическое правленіе и въ Афинахъ и въ союзныхъ государствахъ. Они вступили въ сношенія съ Алкивіадомъ. Напрасно предостерегалъ ихъ отъ Алкивіады личный врагъ его Фринихъ, одинъ изъ главныхъ начальниковъ флота, чюловѣкъ не знатнаго происхожденія, достигшій высокаго положенія въ обществѣ, благодаря своимъ дарованіямъ и гибкости характера; онъ говорилъ, что не слѣдуетъ вѣрить советамъ чюловѣка, думающаго всегда только о самомъ себѣ; что введеніе аристократическаго правленія произведетъ въ государствѣ очень сильныя волненія, что послѣдствіемъ этого будетъ не присоединеніе къ афинянамъ отдѣлившихся отъ нихъ союзниковъ,

а возстаніе и тѣхъ союзниковъ, которые еще остаются вѣрны Аѳинамъ; въ своемъ желаніи разстроить замыслы аристократовъ, Фринихъ даже передалъ тайнымъ образомъ начальнику лакедемонскаго флота Астіоху, чтобы онъ остерегался Алкивіада, который склоняетъ Тиссаферна къ союзу съ Аѳинами. Но надежда на помощь персовъ ослѣпляла аристократовъ, составившихъ заговоръ и даже склонила въ пользу ихъ плана значительную часть войска. Гетерія послала Пизандра съ нѣсколькими другими агентами въ Аѳины вести тамъ интриги для низверженія демократическаго устройства и для возвращенія Алкивіада, который доставитъ аѳинянамъ дружбу персовъ. Подкупленный Алкивіадомъ, Астіохъ вмѣсто того, чтобы принять совѣтъ Фриниха, поѣхалъ въ Магнезію сообщить Тиссаферну и Алкивіаду то, что передалъ ему Фринихъ.

Пизандръ въ Аѳинахъ. Зима 412—411. Пизандръ и его товарищи встрѣтили въ Аѳинахъ сильное противорѣчіе своимъ замысламъ. Приверженцы демократическаго устройства и враги Алкавіада отвергли мысль о его возвращеніи, о введеніи олигархіи. Эвмольпиды и Керики, наслѣдственные сановники элевзинскихъ таинствъ, заклинали гражданъ не возвращать оскорбителя религіи, чтобы не навлечь гнѣвъ боговъ на Аѳины. Но Пизандръ и его соумышленники доказывали, что при совершенномъ истощеніи силъ государства, союзъ съ персами необходимъ, что онъ единственное спасеніе отъ гибели, а персидскій царь будетъ помогать аѳинянамъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они передали правленіе аристократамъ, что демократическое правительство не впускаетъ довѣрія ему, аристократическое будетъ пользоваться его расположеніемъ. Распространяя эти мысли посредствомъ частныхъ разговоровъ, Пизандръ и его товарищи приобрѣли себѣ сторонниковъ даже и между простолюдинами. Народное собраніе отрѣшило Фриниха отъ должности и поручило Пизандру съ десятью товарищами ѣхать къ Тиссаферну для заключенія союза съ персами. Передъ своимъ отъѣздомъ Пизандръ соединилъ въ одно общество всѣ существовавшія въ Аѳинахъ аристократическія гетеріи; дѣйствіями этого общества управляли искусные и предприимчивые руководители, Антифонъ и Терамень; оно явно стремилось къ низверженію демократическаго правленія.

Неудача переговоровъ съ Тиссаферномъ. Алкивіадъ усердно доказывалъ Тиссаферну, что союзъ съ аѳинянами гораздо выгоднѣе для персовъ, чѣмъ союзъ съ лакедемонянами; но Пизандръ и его товарищи не нашли у Тиссаферна такой готовности помогать аѳинянамъ, какъ ожидали. Быть можетъ, онъ полагалъ, что аѳиняне опасны для персовъ по своему племенному родству съ іонійцами; быть можетъ, онъ считалъ справедливымъ тотъ совѣтъ Алкивіада, что персы должны не давать ни Спартѣ, ни Аѳинамъ возможности побѣдить, чтобы оба государства, изнуренныя войною, подчинились волѣ персидскаго царя;—какъ бы то ни было, но Тиссафернъ заявилъ такія огромныя требованія, что аѳинское посольство при всемъ своемъ желаніи заключить союзъ, при всей своей уступчивости, не отважилось принять ихъ. Тиссафернъ требовалъ,

чтобы аѳиняне признали за персидскимъ царемъ право владѣть Іоніею и островами, предоставили ему право посылать флотъ къ берегамъ европейской Греціи, въ томъ числѣ и къ берегамъ самой Аттики. Согласиться на это аѳинскіе послы не могли.

По словамъ Фукидида, Алкивіадъ, замѣтивъ нерасположеніе Тиссаферна къ союзу съ аѳинянами, посоветовалъ ему заявить требованія, которыхъ не могли принять послы: онъ сдѣлалъ это для того, чтобы не обнаружилось, что онъ не можетъ склонить Тиссаферна къ союзу съ аѳинянами; онъ имѣлъ возможность говорить теперь, что въ неудачѣ виноваты аѳинскіе послы.—Когда переговоры съ ними были разорваны, Тиссафернъ снова сблизился съ лакедемонянами, и заключилъ съ ними третій трактатъ, условія котораго, какъ мы видѣли, ограждали независимость хотя нѣкоторыхъ греческихъ городовъ Малой Азіи, чего не было въ прежнихъ трактатахъ.

Неудача переговоровъ съ Тиссаферномъ не смутила Пизандра. Онъ продолжалъ интриги противъ демократическаго правленія, хотя теперь нельзя было заманивать надеждою на союзъ съ персами, и Алкивіадъ отстранился отъ заговорщиковъ. Пріѣхавъ на Самосъ, Пизандръ сталъ дѣйствовать тамъ, какъ дѣйствовалъ въ Аѳинахъ. Между самосцами, не задолго передъ тѣмъ убившими множество геоморовъ, изгнавшими другихъ, нашлось триста человѣкъ, согласившихся составить аристократическій клубъ. Руководимые Пизандромъ, они хотѣли, при помощи своихъ соумышленниковъ на аѳинскомъ флотѣ, низвергнуть демократическое правленіе Самоса и захватить власть надъ этимъ островомъ въ свои руки. Достойнымъ началомъ такого предпріятія было убійство Гипербола, того ничтожнаго демагога, который по интригѣ Алкивіада и Никіа былъ изгнанъ острокизмомъ изъ Аѳинъ и жилъ теперь на Самосѣ (стран. 631 прим.); за этимъ убійствомъ слѣдовали другія подобныя дѣла. Они возбудили подозрѣніе въ самосскихъ демократахъ. Нѣкоторые изъ начальниковъ аѳинскаго флота, какъ напримѣръ Леонъ, Діомедонъ, Тразибулъ, были друзьями самосскимъ демократамъ; экипажъ вѣстовогаго правительственнаго карабля „Парала“ тоже былъ преданъ демократіи. Разсчитывая на поддержку этихъ своихъ друзей, самосскіе демократы стали готовиться къ оборонѣ; и когда аристократическій клубъ напалъ на нихъ, они одержали побѣду. Около тридцати человѣкъ изъ членовъ клуба были убиты въ сраженіи, три главные заговорщика были изгнаны, всѣмъ остальнымъ было дано прощеніе. Одинъ изъ тѣхъ аѳинскихъ военачальниковъ, которые оставались вѣрны демократіи, Херей посѣдѣлъ на Паралѣ въ Аѳины сообщить народу радостное извѣстіе о побѣдѣ самосскихъ демократовъ. Но онъ и экипажъ Парала съ изумленіемъ увидѣли, что въ Аѳинахъ владычествуетъ аристократическая партія, противъ которой сражались они на Самосѣ; они ждали похвалы и подверглись изгнанію.

Олигархическіе клубы въ Аѳинахъ дѣйствовали очень энергически подъ руководствомъ искусныхъ вождей, главными изъ которыхъ были даровитый ораторъ Антифонъ, человѣкъ безукоризненнаго образа жизни, твердаго характера, очень благоразумный, пользовавшійся большою извѣстностью какъ прекрасный адвокатъ, мастеръ вести интриги, и Терамень, сынъ Гагнона (страница 532), человѣкъ очень даровитый, честолюбивый, предприимчивый, ловкій. Они говорили, что демократическое правленіе соединено съ большими расходами, слишкомъ тяжелыми для государства при настоящемъ стѣсненномъ его положеніи. Жалованье надобно давать только за военную службу, говорили они, а за исполненіе гражданскихъ.

Интриги олигарховъ въ Аѳинахъ.

обязанностей давать его не должно, — потому надобно отмѣнить вознаграждение за присутствіе въ народномъ собраніи, жалованье сановникамъ и геліастамъ; право голоса въ народномъ собраніи должно принадлежать не болѣе какъ 5000 гражданъ: это должны быть люди зажиточные, самые полезные государству и самые способные управлять государственными дѣлами; когда какой нибудь приверженецъ демократическаго правленія отваживался спорить противъ этихъ мыслей, защищать существующіе законы, его тайно убивали. Первый подвергся такой участи Андроклъ, вліятельный ораторъ демократической партіи, очень сильно содѣйствовавшій изгнанію Алкивіада. Потомъ было убито много другихъ демократовъ. Для убійствъ была сформирована шайка молодыхъ людей, аѣинянъ и чужеземцевъ; она была организована такъ хорошо и дѣло велось такъ искусно, что убійцы никогда не были находимы. Ужасъ овладѣлъ аѣинянами. Если и бывали подозрѣнія, кѣмъ совершено убійство, никто не отваживался предать убійцъ суду, потому что народная молва чрезвычайно преувеличивала число заговорщиковъ. Изъ общественной жизни исчезло довѣріе. Демократическая партія видѣла, что число ея приверженцевъ уменьшается съ каждымъ днемъ; она оробѣла и старалась держаться какъ можно тише, опасаясь измѣны, доносовъ, преслѣдованій; демократъ уже радовался, если его оставляли жить спокойно. Городъ онѣмѣлъ и подчинился владычеству террора; при такой апатіи гражданъ заговорщикамъ было легко идти къ осуществленію своего плана. Они были единодушны, имѣли ясную программу, это давало имъ большой перевѣсъ надъ массою, лишенною вождей.

Низверженіе демократическаго правленія въ Аѣинахъ. Такимъ образомъ Антифонъ, Терамень и присоединившійся къ нимъ Фринихъ, интригантъ безъ всякихъ убѣжденій, подготовили все къ низверженію существующаго порядка, когда пріѣхалъ въ Аѣины Пизандръ съ пятью другими товарищами. На пути изъ Самоса онъ заѣзжалъ въ Андросъ, Фазосъ, Каристъ и Эгину, вводя тамъ олигархическое управленіе; съ нимъ было 300 гоплитовъ, служившихъ ему тѣлохранителями; когда онъ пріѣхалъ, было созвано народное собраніе; по его предложенію, оно назначило комиссію изъ десяти человѣкъ, по одному члену отъ каждой филы, и поручило имъ составить проектъ реформы государственныхъ учреждений. Во второмъ народномъ собраніи, созванномъ въ Колонѣ, въ храмѣ Посейдона, этотъ комитетъ предложилъ, чтобы народъ разрѣшилъ каждому гражданину вносить въ народное собраніе проекты преобразованій государственнаго устройства, чтобы граждане, предлагающіе реформы, были освобождены отъ всякихъ обвиненій за это по закону *γραφη ραγαπομον* (стран. 545) и вообще не могли быть подвергаемы суду за свои совѣты народу. Никто не отважился возражать противъ этого предложенія; итакъ оказалось, что оно принято. Тогда Пизандръ предложилъ народному собранію постановить слѣдующее рѣшеніе: существующія правительственныя учрежденія отмѣняются; вознагражденіе за исполненіе гражданскихъ обязанностей прекращается; учреждается новый правительственный совѣтъ; онъ формируется такимъ образомъ: народъ избираетъ пять гражданъ; эти пять гражданъ

назначаютъ сто членовъ правительственнаго совѣта; каждый изъ этихъ ста членовъ назначаетъ еще трехъ членовъ; эти четыреста человѣкъ и будутъ составлять новый правительственный совѣтъ; ему предоставляется неограниченное полномочіе управлять государствомъ; когда онъ находитъ надобнымъ, онъ созываетъ народное собраніе; число гражданъ, имѣющихъ право участвовать въ народномъ собраніи, должно быть пять тысячъ. Народное собраніе, застигнутое этимъ предложеніемъ врасплохъ и запуганное терроромъ, не отважилось сопротивляться; оно приняло предложенные Пизандромъ законы, отмѣнявшіе демократическое правленіе, которое существовало въ Аѣинахъ уже сто лѣтъ и составляло славу ихъ; принявъ новые законы, собраніе разошлось, и существованіе его прекратилось. Съ отрядомъ вооруженныхъ людей четыреста человѣкъ, составлявшіе новый правительственный совѣтъ, вооруженные и сами спрятанными подъ одеждою кинжалами, пошли къ зданію засѣданій правительственнаго совѣта; оно было окружено массою сообщниковъ; вошедши въ залъ засѣданій, эти четыреста человѣкъ объявили Совѣту Пятисотъ, что онъ распускается, выдали членамъ его жалованье за все время службы, какое еще оставалось до конца законнаго срока ея, велѣли имъ разойтись, и приняли на себя управленіе государствомъ съ неограниченною властью. Въ новыхъ законахъ было сказано, что этотъ правительственный совѣтъ будетъ, когда найдетъ нужнымъ, созывать собраніе пяти тысячъ гражданъ; новые правители не составили даже и списка этихъ пяти тысячъ гражданъ; о томъ, что будетъ созываемо народное собраніе, было говорено только для обмана; заговорщики хотѣли прикрыть этимъ призракомъ олигархическій характеръ своего правленія и показать народу, будто бы число ихъ приверженцевъ очень велико, простирается до цѣлыхъ пяти тысячъ человѣкъ.

Позначивъ по обычному порядку жребіемъ притановъ, совершивъ жертвоприношенія, Правленіе Четырехъ сотъ. молитвы и другіе обычные обряды, совѣтъ Четырехъ сотъ началъ править сурово и энергически. Нѣкоторые демократы, казавшіеся ему опасными, были казнены, другіе брошены въ темницу или изгнаны. Новые правители постепенно преобразовали учрежденія государства въ аристократическомъ духѣ. Но изгнанниковъ они не возвратили, потому что боялись возвращенія Алкивіада, въ особенности опасаясь его Фринихъ. Переворотъ совершился внезапно, и успѣхъ его превзошелъ всѣ ожиданія, какъ видимъ изъ того, что не вѣрилъ такому успѣху даже Агисъ: когда новые правители послали въ Делею предложеніе заключить миръ, Агисъ повелъ войско къ Аѣинамъ, чтобы воспользоваться междоусобіемъ, которое по его мнѣнію было неизбежно; никто не полагалъ, чтобы аѣинскіе граждане не оказали сопротивленія попыткѣ отнять у нихъ свободу. Но какова бы ни была взаимная вражда партій въ аѣинскомъ народѣ, онъ выказалъ единодушіе въ дѣлахъ съ иноземцами. Агисъ нашелъ, что аѣинское войско готово отразить его, потерялъ довольно большой уронъ и принужденъ былъ отступить. Увидѣвъ, что междоусобіе въ Аѣинахъ нѣтъ, онъ выказалъ расположеніе къ миру; аѣинскіе послы отправились въ Спарту, начали переговоры о мирѣ, союзѣ; но пока шли переговоры, положеніе дѣлъ въ Аѣинахъ измѣнилось.

Аѳинскій флотъ, нахо-
дящійся у Са-
моса, остается
вѣренъ демо-
кратіи.

Совѣтъ Четырехъ сотъ хотѣлъ склонить на свою сторону флотъ, нахо-
дившійся у Самоса. Предоставленіе верховной власти собранію пяти ты-
сячъ гражданъ должно было служить для флота доказательствомъ, что
правленіе учрежденное въ Аѳинахъ не олигархія. Но вмѣстѣ съ послами
новаго правительства пріѣхалъ Херей,—тотъ военачальникъ, который въ-
здымалъ въ Аѳины на вѣстовомъ кораблѣ Паралъ. Онъ разсказалъ служащимъ
на флотѣ гражданамъ о томъ, какъ совершился переворотъ. Краснорѣчиво
и съ большими преувеличеніями онъ описалъ свирѣпости олигарховъ; по
его словамъ, они были бичами каждаго, кто отваживался не соглашаться
съ ними, жестоко поступали не только съ мужчинами, но и съ женщи-
нами, и съ дѣтьми; арестовали родныхъ тѣхъ начальниковъ и воиновъ
флота, которые держались демократическихъ убѣжденій. Слова Херея
произвели между моряками такое негодованіе, что всѣ находившіеся на
флотѣ граждане, безъ различія политическихъ мнѣній, рѣшились дѣйстви-
тельно единодушно. Дѣйствіями ихъ руководили Тразибулъ и Фразиллъ. Са-
мосское правительство было на сторонѣ аѳинскихъ моряковъ, они объ-
явили, что переворотъ, совершившійся въ Аѳинахъ, произведенъ противоза-
конно, что они не признаютъ новаго правительства и дали клятву
остаться вѣрными демократическимъ учрежденіямъ, вести войну съ аѳин-
скими олигархами, не вступать ни въ какіе переговоры съ ними, считать
ихъ такими же врагами аѳинскаго народа, какими считаютъ пелопоннес-
цевъ, и держаться единодушно. Они смѣнили прежнихъ начальниковъ и
назначили новыхъ, главными изъ которыхъ были Тразибулъ и Фразиллъ.
Такимъ образомъ флотъ возсталъ противъ аѳинскихъ олигарховъ; граждане,
находившіеся на немъ, дѣйствовали какъ будто весь аѳинскій народъ; они
взяли въ свои руки управленіе государствомъ и защиту демократическихъ
учрежденій.

Моряки пригла-
шаютъ къ себѣ
Алкивіада.

И—замѣчательное дѣло—Алкивіадъ, тотъ самый человѣкъ, который,
по ненависти къ демократическому правленію, внушилъ аристократамъ
произвести переворотъ, присоединился къ демократической партіи.

Аѳинскіе аристократы не успѣли склонить на свою сторону персовъ;
Тразибулъ посовѣтовалъ морякамъ возвратитъ Алкивіада, надѣясь, что его
вліяніе на Тиссаферна будетъ полезно государству, что онъ убѣдитъ пер-
совъ помогать аѳинскому флоту. Моряки согласились, и Тразибулъ поѣхалъ
въ Азію пригласить Алкивіада. Алкивіадъ прибылъ на Самосъ. Было со-
звано собраніе служащихъ на флотѣ; Алкивіадъ произнесъ рѣчь, въ кото-
рой жаловался на несправедливость, съ какою былъ онъ осужденъ на
изгнаніе, увѣрялъ въ своемъ патріотизмѣ, говорилъ о своемъ вліяніи на
Тиссаферна, обѣщалъ помощь персовъ; по его словамъ, Тиссафернъ гово-
рилъ, что если аѳиняне возвратятъ его друга, Алкивіада, то у нихъ никогда
не будетъ недостатка въ деньгахъ; что онъ, Тиссафернъ, готовъ продать
даже свои ковры на надобности аѳинянъ, и что финикійскій флотъ онъ
пришлетъ на помощь не пелопоннесцамъ, а аѳинянамъ. Собраніе радо-
стно назначило однимъ изъ военачальниковъ человѣка, чьи обѣщанія были
такъ хороши, и поручило ему переговоры съ персами. Онъ, какъ уполномо-
ченный флота, поѣхалъ къ Тиссаферну. Ему не удалось склонить расче-
тливаго перса къ заключенію союза съ аѳинянами, но Тиссафернъ сталъ
послѣ этого еще скупѣе прежняго въ выдачѣ денегъ на жалованье пело-
поннесскому флоту; недовольство спартанцевъ Тиссаферномъ возросло;
служащіе на пелопоннесскомъ флотѣ роптали, стали винить Астіоха, гово-

рили, что онъ льститъ Тиссаферну, выманивая деньги себѣ, и допускаетъ
Тиссаферна быть неисправнымъ въ выдачѣ жалованья флоту; они пере-
стали слушаться Астіоха, такъ что спартанское правительство отозвало его
и назначило начальникомъ флота Миндара.

Вѣрный своему плану поддерживать равновѣсіе между Спартою и Алкивіадъ ста-
Аѳинами, чтобы сдѣлать персидскаго царя повелителемъ надъ обоими рается прими-
государствами, Тиссафернъ не прислалъ финикійскаго флота на по- рить партіи.
мощь аѳинянамъ; но важною выгодною для нихъ было уже и то, что
союзъ персовъ съ лакедемонянами почти совершенно разстроился. Еще
важнѣе была другая услуга, оказанная Алкивіадамъ отечеству. Негодуя
на олигарховъ, моряки хотѣли идти въ Пирей; еслибы флотъ отошелъ туда,
владычество аѳинянъ въ Іоніи и на Геллеспонтѣ погибло бы неизбѣжно.
Алкивіадъ удержалъ моряковъ отъ этого намѣренія. Онъ говорилъ имъ,
что прежде чѣмъ думать о мщеніи личнымъ врагамъ, должно побѣдить
враговъ отечества. Моряки хотѣли убить пріѣхавшихъ къ нимъ по-
словъ новаго правительства; Алкивіадъ защитилъ пословъ, и моряки
отпустили ихъ, велѣвъ передать совѣту Четырехъ сотъ требованіе,
чтобъ онъ разошелся, возвративъ управленіе государствомъ прежнему
совѣту Пятисотъ и чтобы верховная власть была дѣйствительно пре-
доставлена собранію пяти тысячъ гражданъ. Отпуская пословъ, Алки-
віадъ хвалилъ заботливость совѣта Четырехъ сотъ объ уменьшеніи
лишнихъ расходовъ государства и говорилъ о необходимости едино-
душія всѣхъ гражданъ въ борьбѣ съ врагами; когда государство бу-
детъ спасено, говорилъ онъ, — раздоры между гражданами сами со-
бою прекратятся.

Извѣстія о томъ, что произошло на флотѣ, возбудили въ Аѳинахъ новыя Распаденіе ари-
волненія. Демократы, оправившіеся отъ овладѣвшаго ими унынія, стали стократической
высказывать негодованіе на то, что государство бывшее свободнымъ на-
ходится подъ игомъ нѣсколькихъ людей. Въ господствующей партіи воз-
никли раздоры. Нѣкоторые изъ членовъ совѣта Четырехъ сотъ требовали,
чтобы верховная власть была дѣйствительно предоставлена собранію пяти
тысячъ гражданъ, и чтобы олигархія была замѣнена умѣренною демо-
кратіей; главными людьми этой партіи были Тераменъ и Аристократъ;
другіе, вождями которыхъ были Фринихъ, Аристархъ, Пизандръ и Анти-
фонъ, хотѣли сохранить олигархію. И тѣ и другіе руководились не жела-
ніемъ пользы государству, а личными расчетами. Умѣренные хотѣли опи-
раться на народъ, потому что ихъ честолюбіе было неудовлетворено и
потому, что желали оставить себѣ возможность примиренія съ демокра-
тами; ихъ слова имѣли по крайней мѣрѣ отчасти патріотическій харак-
теръ; крайняя партія, боявшаяся народнаго мщенія, хотѣла оградить себя
отъ него союзомъ со Спартою, построеніемъ укрѣпленнаго прибрежія и
оружіемъ отряда наемниковъ, составленнаго изъ варваровъ.

Крайніе олигархи построили въ Эгіонѣ, на сѣверозападной сторонѣ Пирея, укрѣпле-
ніе, съ башнями и окопами, владычествовавшее надъ входомъ въ гавань; оно было пред-
назначено служить убѣжищемъ для нихъ въ случаѣ нападенія. Они построили въ Пирей

магазинъ для склада хлѣба, чтобъ имѣть запасъ продовольствія на случай осады. Они хотѣли, если понадобится, ввести черезъ свое укрѣпленіе въ Пирей лакедемонянъ. Антифонъ, Фринихъ и еще десять человѣкъ уполномоченныхъ были отправлены олигархами къ спартамцамъ вести переговоры о мирѣ и союзѣ. Олигархи хотѣли, если не удастся имъ владычествовать надъ всею аѳинскою федераціею или хотя надъ Аттикою и аѳинскими военными силами, отдать лакедемонянамъ Пирей; этихъ они думали обезпечить себя отъ мщенія народа, если восторжествуетъ демократія.

Волненіе въ
Аѳинахъ.

Тераменъ и его партія, разгадавъ тайные замыслы крайнихъ олигарховъ, распространили свѣдѣнія о нихъ въ народѣ. По городу разнеслась молва, что олигархи хотятъ отдать Пирей и другія укрѣпленія Аѳинъ лакедемонянамъ; слухъ этотъ казался тѣмъ вѣроятнѣе, что между Эпидавромъ и Эгиною, то-есть не подалеку отъ Пирея, крейсировала спартанская эскадра, состоявшая изъ 42 тріаръ. Извѣстія о близости ея увеличили волненіе народа. Послы отправленные въ Спарту возвратились. Ихъ поѣздка осталась напрасною: лакедемоняне въ непонятномъ ослѣпленіи отвергли выгодныя условія союза, предложенныя имъ олигархами; но хотя союзъ со Спартою и не былъ заключенъ послами, они были встрѣчены въ Аѳинахъ съ озлобленіемъ. Оно доходило до того, что Фринихъ былъ среди дня убитъ на площади, и убійцу не могли арестовать; а когда сообщникъ убійцы, аргосскій гражданинъ подвергнутый пыткамъ, сталъ говорить, что составлялся заговоръ противъ олигарховъ, крайняя партія такъ оробѣла, что совѣтъ Четырехъ сотъ, въ которомъ господствовала она, не захотѣлъ розыскивать заговорщиковъ. Ободренные этимъ, Тераменъ

Разрушеніе
форта, который
строили оли-
гархи.

и Аристократъ отправились въ Пирей, гдѣ рабочіе и воины арестовали Алексикла, одного изъ членовъ олигархической партіи, завѣдывавшаго постройкою укрѣпленія Эатіонеи; прибывъ туда, Тераменъ и Аристократъ сказали толпѣ, чтобъ она разрушила этотъ фортъ; въ нѣсколько часовъ онъ былъ разрушенъ. Народъ и войско громко требовали, чтобы олигархи созвали собраніе пяти тысячъ гражданъ и передали ему верховную власть. На другой день толпы вооруженнаго народа собрались въ Мунихіи, двинулись оттуда въ Аѳины и вошли въ городъ. Олигархи совѣта Четырехъ сотъ оробѣли и послали нѣсколькихъ человѣкъ изъ тѣхъ членовъ его, которые были на именѣ ненавистны гражданамъ, успокоить народъ. Эти депутаты обѣщали вооруженнымъ гражданамъ, что на слѣдующій день будетъ созвано собраніе пяти тысячъ, чтобы выбрать правительственный совѣтъ; они убѣждали народъ не губить раздоромъ государство, положеніе котораго и безъ того опасно; имъ удалось успокоить волненіе. Было рѣшено, что въ храмъ Діониса соберется народъ для миролюбиваго рѣшенія вопросовъ о государственномъ устройствѣ; и былъ назначенъ день, когда соберется онъ. Это собраніе въ храмѣ Діониса действительно было созвано и начало свои совѣщанія, какъ вдругъ было получено извѣстіе, что къ Пирею приближается лакедемон-

скій флотъ; народъ бросился въ Пирей, полагая, что спартанцы хотятъ, пользуясь разстройствомъ дѣлъ въ Аѳинахъ, овладѣть гаванью; граждане торопливо стащили съ берега въ воду корабли, сѣли на нихъ; другія толпы заперли входъ въ гавань, стали на стѣнахъ. Видя, что аѳиняне готовы мужественно отразить нападеніе, начальникъ лакедемонскаго флота, Агезандридъ, не сдѣлалъ никакой попытки овладѣть Пиреемъ.

Притомъ, и цѣль его экспедиціи была иная. Лакедемонская эскадра, Отпаденіе Эв- обогнувъ мысъ Суній, пошла вдоль восточнаго берега Аттики и бѣгъ отъ союза съ Аѳинами. стала у Оропа. Она была предназначена поддержать замыслъ эвбеянъ отдѣлиться отъ союза съ аѳинянами. Понявъ это, аѳиняне ужаснулись не меньше того, какъ еслибъ увидѣли спартанцевъ въ самомъ Пиреѣ. При стѣсненіи морской торговли ихъ непріятелемъ, сохранить за собою обладаніе Эвбею было, какъ замѣчаетъ Фукидидъ, чрезвычайно для нихъ важно. Они поспѣшно послали Тимохара съ 36 тріарами отвратить грозившій имъ тяжелый ударъ. Но измѣна эретрійцевъ подвела аѳинскую эскадру подъ пораженіе: лакедемонскій флотъ напалъ на нее при обстоятельствахъ для нея неблагопріятныхъ; неожиданное нападеніе смутило аѳинскихъ воиновъ и матросовъ, набранныхъ торопливо и мало обученныхъ своему дѣлу; битва произошла у Эретрійской гавани; она была непродолжительна; аѳиняне были разбиты, потеряли 22 тріары; находившіеся на нихъ погибли въ сраженіи или взяты въ плѣнъ. Тѣ, которые бѣжали въ Эретрію, были умерщвлены измѣнчившими аѳинянамъ гражданами ея. Результатомъ этого пораженія было то, что вся Эвбея отпала отъ союза съ Аѳинами; за ними остался только городъ Орей.

Чтобы въ случаѣ нападенія со стороны аѳинянъ на Эвбею всегда могла быть подана ей помощь съ континента, эвбеицы и беотійцы построили плотины черезъ Эврий въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива, между Халкидою и Авлидою; концы плотинъ, укрѣпленные башнями, сходились такъ близко, что оставался проходъ лишь для одного корабля; черезъ этотъ проходъ легко было наводить деревянный мостъ.

Извѣстіе объ отпаденіи Эвбеи было громовымъ ударомъ для аѳинянъ; даже гибель сицилійской экспедиціи не произвела такого страха. Они съ часа на часъ ожидали, что у Пирея появится непріятельскій флотъ, у Аѳинъ войско изъ Декелеи. При раздорѣ между гражданами, при недостаткѣ кораблей и войска, трудно было бы отразить нападающихъ. Призвать флотъ, стоявшій у Самоса, значило бы увеличить раздоры въ Аѳинахъ и отдать непріятелю всѣ владѣнія, какія еще оставались на востокѣ. Аѳины были спасены тогда лишь медленностью лакедемонянъ, пропустившихъ благопріятное время. Аѳиняне оправившись отъ испуга, починили и снарядили къ бою корабли, какіе были въ Пиреѣ, и занялись возстановленіемъ закон-

Тревога въ
Аѳинахъ.

наго порядка, который примирилъ бы демократовъ флота съ правительствомъ.

Возстановленіе демократіи. Народъ снова собрался на Пниксъ, какъ собирался до низверженія демократическаго правленія. Собраніе постановило распустить Совѣтъ Четверца іюня 411. рехъ, сотъ, передать верховную власть пяти тысячамъ гражданъ; опредѣлило, что въ списокъ этихъ гражданъ должны быть внесены всѣ имѣющіе полное вооруженіе гоплита; рѣшило, что возстановляются прежнія правительственныя учрежденія и судъ гелиастовъ, но что правители, сановники, гелиасты не должны получать жалованья; пополнило эти основныя рѣшенія второстепенными подробностями. Такимъ образомъ было учреждено демократическое правленіе, но не въ прежней неограниченной, а въ умѣренной формѣ. Фукидидъ очень хвалитъ это государственное устройство, говоря, что оно, занимая средину между олигархіею и демократіею, было свободно отъ ихъ недостатковъ. Но кажется, что оно продержалось не долго и послужило только переходомъ къ возстановленію прежняго порядка. Право голоса въ народномъ собраніи скоро перестало быть привилегіею пяти тысячъ гражданъ; скоро было возстановлено и жалованье за исполненіе гражданскихъ обязанностей. — Благодаря патріотическому настроенію народа, переворотъ совершился безъ жестокостей, какими обыкновенно сопровождались перемѣны правленія. Руководимое желаніемъ примирить раздоры, новое правительство поступило съ олигархами снисходительно. Только двое изъ ихъ вождей были казнены, за свои преступленія, Антифонтъ и Архептолемъ. Антифона не спасла искусная рѣчь, которою оправдывалъ онъ свои дѣйствія при введеніи олигархіи. Дома двухъ осужденныхъ на смерть олигарховъ были разрушены, имущества ихъ конфискованы, дѣти и потомки лишены правъ гражданства. Этотъ приговоръ былъ вырѣзанъ на особой колоннѣ, увѣковѣчившей память о наказаніи ихъ. Былъ объявленъ преступникомъ и убитый раньше того Фринихъ; его домъ тоже разрушили, его имущество конфисковали; убійцамъ его были оказаны почести, какъ героямъ свободы, убившимъ тирана. Пизандръ, Алексиклъ и нѣкоторые другіе олигархи бѣжали къ спартамъ въ Декелею. Аристархъ, одинъ изъ стратеговъ олигархическаго правительства, ушелъ съ отрядомъ скляскихъ стрѣлковъ къ беотійцамъ, купивъ себѣ ихъ покровительство измѣнническою отдачею имъ Энъ, пограничной аѳинской крѣпости. Другіе вожди олигарховъ, въ томъ числѣ Критій, остались безнаказанными.

Побѣда при Абидосѣ (Кипоссеѣ) 411. Теперь аѳиняне стали ждать помощи себѣ отъ своего флота и отъ Алкивіады. Народное собраніе, возстановившее демократическія учрежденія, возвратило Алкивіадѣ гражданскія права и отправило къ флоту, стоявшему у Самоса, посольство съ извѣстіемъ о произошедшемъ въ Аѳинахъ и съ приглашеніемъ защищать отечество. Скоро пришла въ Пирей тріера съ радостною вѣстью, что аѳинскій флотъ, подъ начальствомъ Тразибула и Фразилла, одержалъ побѣду надъ пелопоннесскимъ въ Геллеспонтѣ, близъ Абидоса, у памятника, который назывался Кипоссею и считался поставленнымъ на гробницѣ Гекабы. Это извѣстіе было для аѳинянъ проблескомъ свѣта во мракѣ. Побѣда оказалась незначительной, не помѣшала отпаденію геллеспонтскихъ городовъ отъ аѳинскаго союза; но все таки она пробудила въ аѳинскомъ народѣ надежду на успѣшный ходъ войны. Надежда

эта возросла при извѣстіи, что пелопоннесская эскадра, охранявшая отъ аѳинянъ Эвбею, и посланная оттуда въ Геллеспонтъ, сильно пострадала на пути: многіе корабли ея разбились о скалы аѳонскаго мыса. Черезъ нѣсколько недѣль произошло въ Геллеспонтѣ другое большое морское сраженіе; во время его подоспѣлъ къ аѳинскому флоту Алкивіадъ съ 18 тріерами, и пелопоннесцы были побѣждены. Аѳиняне стали думать теперь, что возстановится ихъ прежнее владычество на морѣ.

Побѣда въ этомъ второмъ сраженіи, происходившемъ между Дарданомъ и Абидосомъ, была тѣмъ славнѣе, что бой былъ упорный, длился цѣлый день, и что пелопоннесцамъ, бившимся у самаго берега, сильно помогало отражать аѳинскіе корабли персидское войско, приведенное на берегъ Фарнабазомъ. Этотъ сатрапъ былъ болѣе усерднымъ союзникомъ спартанцевъ, чѣмъ Тиссафернъ. Онъ самъ сражался тутъ такъ энергично, что въѣхалъ на своемъ конѣ въ воду, ободряя войско. — Алкивіадъ и Тразибулъ взяли тридцать непріятельскихъ тріеръ.

Успѣхи аѳинянъ могли казаться важными; но положеніе лакедемонянъ было несравненно лучше, такъ что успѣхи аѳинянъ могли только отсрочить, но не отвратить окончательную побѣду тѣхъ. Недостатокъ въ деньгахъ принуждалъ аѳинянъ обременять союзниковъ налогами, притѣснять друзей; а спартамъ Фарнабазъ давалъ въ изобиліи все, что было нужно; и самъ Тиссафернъ сталъ усерднѣе прежняго помогать имъ; онъ былъ во враждѣ съ Фарнабазомъ, и не хотѣлъ допустить, чтобы они совершенно перешли на сторону его соперника. Когда Алкивіадъ, одержавъ побѣду, пріѣхалъ съ подарками къ своему другу Тиссаферну въ Сарды, другъ арестовалъ его. Но казалось, что съ возстановленіемъ демократическаго правленія счастье возвратилось къ аѳинянамъ. Алкивіадъ убѣжалъ изъ темницы, присоединилъ къ своей эскадрѣ эскадры Терамена и Тразибула и быстро пошелъ на лакедемонянъ, овладѣвшихъ при содѣйствіи Фарнабаза Кизикомъ; они не ждали приближенія врага, Алкивіадъ напалъ на нихъ у Кизика. Весь непріятельскій флотъ былъ уничтоженъ; начальникъ его, Миндаръ, былъ убитъ. Сиракузанцы сожгли свои корабли, чтобы они не доставались врагу; всѣ остальные корабли были потоплены или захвачены побѣдителями. Аѳиняне взяли 60 или даже 80 кораблей. Такъ блистательна была побѣда, доставленная аѳинянамъ превосходными распоряженіями ихъ главнокомандующаго.

Гиппократъ, принявшій по смерти Миндара начальство надъ остаткомъ воиновъ и матросовъ погибшаго флота, послалъ эфорамъ донесеніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Счастье измѣнилось; Миндаръ убитъ; воины гонимы; мы не знаемъ, что дѣлать“; — эти краткія слова хорошо характеризуютъ положеніе лакедемонскихъ дѣлъ на морѣ. Оно было безнадежно. — Діодоръ говоритъ, что спартанскій уполномоченный Эндій, одинъ изъ

Дурное положеніе лакедемонянъ.

друзей, которыхъ Алкивіадъ имѣлъ въ Спартѣ, велъ тогда переговоры о мирѣ; но сдѣланныя черезъ него предложенія были, по совѣту Клеофона, отвергнуты аѳинянами.

Блестящіе успѣхи аѳинянъ.

Результаты побѣды при Кизикѣ были такъ ободрительны, что аѳиняне могли надѣяться быстро пріобрѣсти выгоды болѣе значительныя, чѣмъ какія были предложены имъ отъ лакедемонцевъ. Фарнабазъ всѣми силами старался помочь своимъ союзникамъ, снабдилъ разбитыхъ спартанцевъ одеждою, съѣстными припасами, оружіемъ, далъ имъ деньги и лѣсъ на постройку новаго флота; но они ужъ не могли оспаривать владычество на Геллеспонтѣ, Пропонтидѣ и Босфорѣ у аѳинскаго флота, дѣйствіями котораго управляли Алкивіадъ, Тразибулъ, Фразиллъ, люди талантливые. Кизикъ, Перинѣ, другіе греческіе города, отступившіе отъ союза съ Аѳинами, снова принуждены были признать гегемонію ихъ и заплатить контрибуціи за свое отпаденіе. Алкивіадъ учредилъ у Хризополя таможену, гдѣ платили пошлину купеческіе корабли, проходившіе черезъ Геллеспонтъ. Тразибулъ пошелъ къ Фазосу: олигархическое правительство, учрежденное на этомъ островѣ Пизандромъ, вступило въ союзъ съ пелопоннесцами; Тразибулъ снова подчинилъ его власти Аѳинъ. Агисъ, видя купеческіе корабли, входящіе въ Пирей съ грузами хлѣба съ береговъ восточныхъ морей, говорилъ, что напрасно будетъ стоять въ Декелеѣ и посылать оттуда отряды на опустошеніе Аттики, если не будетъ отнятъ у аѳинянъ подвозъ хлѣба моремъ. Спартанцы послали къ Византію Клеарха съ большою эскадрою; она успѣла тайкомъ пройти туда, но не могла помѣшать упроченію владычества аѳинянъ на восточныхъ моряхъ. Когда Фразиллъ, ходившій къ берегамъ Іоніи, гдѣ далъ съ переменнымъ счастьемъ нѣсколько сраженій пелопоннесцамъ, возвратился къ Алкивіаду, аѳиняне разбили при Абидосѣ пелопоннесское войско и Фарнабаза. Въ числѣ плѣнныхъ, находились и сиракузанцы; аѳиняне были рады, что могутъ теперь отмстить за своихъ плѣнниковъ, страдавшихъ въ сиракузанскихъ каменоломняхъ, и посадили этихъ сиракузанцевъ въ пирейскія каменоломни; впрочемъ, имъ скоро удалось бѣжать оттуда въ Декелею и въ Мегару. — Еще успѣшнѣе пошли дѣла аѳинянъ въ слѣдующемъ году. Послѣ долгой осады, имъ сдался Халкедонъ, и сталъ платить прежнюю дань; Византія, изнуренная голодомъ, была измѣною сдана Алкивіаду; лакедемонскій гарнизонъ, находившійся въ ней, былъ взятъ въ плѣнъ.

Пріѣздъ Кира младшаго въ Малую Азію.

Эти успѣхи аѳинянъ такъ запугали Фарнабаза, что онъ высказалъ расположеніе вступить въ союзъ съ Аѳинами. При его посредничествѣ отправилось въ Сузу аѳинское посольство вести прямыя переговоры съ Даріемъ, просить лично царя о помощи. Но пелопоннесцы предупредили въ этомъ дѣлѣ аѳинянъ. На пути аѳинскіе послы уже встрѣтили ѣхавшаго

намѣстникомъ въ Малую Азію сына персидскаго царя, Кира младшаго. Дарій назначилъ его главнымъ правителемъ всѣхъ прибрежныхъ земель западной Азіи и главнокомандующимъ всѣхъ тѣхъ войскъ, общимъ мѣстомъ смотра которыхъ была Кастольская равнина. Отецъ далъ ему приказаніе самымъ усерднымъ образомъ помогать лакедемонянамъ въ ихъ войнѣ противъ аѳинянъ; это порученіе соотвѣтствовало и собственному желанію Кира. Когда аѳинскіе послы хотѣли ѣхать изъ Гордіа далѣе, они были по приказанію Кира остановлены Фарнабазомъ; подъ разными предлогами ихъ задерживали три года въ Каппадокіи, потомъ отпустили на родину.

Услугами, какія оказалъ отечеству, Алкивіадъ загладилъ во мнѣніи Аѳинянъ свои прежнія вины. Его родина, терзаемая внутренними раздорами, побѣжденная врагами, была близка къ гибели; онъ возстановилъ ея владычество на моряхъ и наполнилъ ея опустѣвшую казну контрибуціями; благодаря его посредничеству, аѳиняне вступили въ переговоры съ персами; это могло имѣть важныя послѣдствія; во всемъ, что дѣлалъ Алкивіадъ, выказывался геніальный умъ; пылкій аѳинскій народъ видѣлъ въ немъ человека, способнаго возвратить упавшему государству блескъ и могущество временъ Перикла. Прежнее раздраженіе противъ него смѣнилось восторженною любовью. Она вполне проявилась, когда онъ вернулся въ родной городъ, котораго не видѣлъ восемь лѣтъ. Мимо Лаонской гавани Гитія, гдѣ стоялъ непріятельскій флотъ, Алкивіадъ съ эскадрою военныхъ кораблей и нагруженными богатою добычей транспортными судами прибылъ въ Пирей и вышелъ на берегъ въ день праздника плиների, когда народъ совершалъ печальныя обряды очищенія, — 25 числа мѣсяца ѳаргеліона. Родные, друзья, приверженцы, множество народа пошли въ Пирей встрѣчать Алкивіада и торжественною процессіею сопровождали его въ городъ. Онъ пришелъ въ народное собраніе и произнесъ блестящую рѣчь въ оправданіе себя, говорилъ о своей невинности, о несправедливости приговора; народъ назначилъ его главнокомандующимъ сухопутныхъ войскъ и флота. Любовь народа къ нему была такъ сильна, что никто не отважился ни слова сказать противъ этого. Народъ возвратилъ ему конфискованныя его имущества; Эвмольпиды и Керики должны были отмѣнить проклятіе, которому подвергли его, какъ оскорбителя религіи. И чтобы снять съ себя всякій слѣдъ взведенной тогда на него вины, Алкивіадъ позаботился доставить народу религіозную радость: ужъ нѣсколько лѣтъ аѳиняне не могли совершать процессію праздника элевзинскихъ таинствъ, какъ дѣлалось это прежде: она должна была идти священной дорогою; но они боялись нападенія лакедемонянъ, стоявшихъ въ Декелеѣ, и плавали въ Элевзинѣ моремъ; теперь Алкивіадъ принялъ военныя мѣры, давшія безопасность священному пути; процессія, подъ охраной войска, пошла по немъ, какъ ходила въ годы могущества Аѳинъ, и спартанцы не посмѣли сдѣлать нападенія. Алкивіадъ хотѣлъ примириться съ богами родины.

Конѣцъ мая или начало іюня (25 числа мѣсяца ѳаргеліона).

20 числа мѣсяца боэдроміона (середина октября).

5. Конѣцъ пелопоннесской войны.

Перемѣна по-
ложенія дѣла въ Малой Азіи. Радостныя надежды аѳинянъ не сбылись. Алкивіадъ успѣлъ сдѣ-
лать очень много вреда родинѣ; но не во власти его было возвра-
тить ей утраченное могущество. Свѣтлые дни его пріѣзда въ Аѳины
были только яркимъ проблескомъ лучей солнца передъ началомъ
грозы. — Въ Пирей снарядили сто тріеръ; Алкивіадъ съ Тразибуломъ
и другими своими помощниками повелъ этотъ сильный флотъ мимо
Андроса къ Самосу. Но прибывъ туда, Алкивіадъ услышалъ, что
сынъ персидскаго царя, Киръ младшій, назначенный главнымъ пра-
вителемъ Малой Азіи, заключилъ союзъ съ спартанскимъ главно-
командующимъ Лизандромъ, который, какъ узналъ о его прибытіи въ
Сарды, поспѣшилъ туда изъ Эфеса и успѣлъ дружески сойдтись съ нимъ.

Характеръ Ли-
зандра. Лизандръ, сынъ спартамца, происходившаго отъ Гераклидовъ, но бѣд-
наго, и матери илотскаго происхожденія, сталъ послѣ Бразиды и Гидиппа,
нанешихъ глубокія раны Аѳинскому государству, третьимъ могучимъ
врагомъ его въ этой роковой войнѣ. Онъ провелъ свою молодость въ ли-
шеніяхъ, требуемыхъ суровой спартанской дисциплиной, правила которой
онъ усердно исполнялъ; бѣдный, не имѣющій сильныхъ связей, онъ съ
трудомъ достигъ важнаго значенія въ государствѣ, долго не могъ добиться
до высокихъ должностей и только ужъ въ пожилыхъ лѣтахъ получилъ
такой постъ, на которомъ могъ выказать свои таланты и удовлетворить
своей жадности славы и власти. Цѣлью его жизни было сдѣлать Спарту влады-
чицею надъ всею Греціею и самому стать первымъ по могуществу въ Спартѣ.
Одежда его была простая, образъ жизни скромный; онъ былъ чуждъ ко-
рыстолюбія, свободенъ отъ чувственныхъ слабостей; и всею душою стре-
мился исключительно къ осуществленію своихъ честолюбивыхъ замысловъ.
Онъ былъ хитръ, изобрѣтателенъ, изворотливъ, какъ Алкивіадъ, и не
уступалъ ему въ искусствѣ привлекать къ себѣ людей, но превосходилъ его
способностью работать неутомимо, не стѣсняясь ничѣмъ въ выборѣ
средствъ для достиженія своихъ цѣлей. По разсказамъ древнихъ писате-
лей, онъ говорилъ: „Дѣтей обманываютъ дѣтскими играми, взрослыхъ
людей надобно обманывать клятвами“; — „когда не достаетъ лвиной шкуры,
надобно пришивать къ ней лисью“; — эти приписываемые ему афоризмы
показываютъ, что онъ любилъ кривые пути интригъ и коварства не меньше,
чѣмъ прямой путь войны и насилія. Онъ былъ расчетливъ, былъ одаренъ
зоркою наблюдательностью; всегда умѣлъ вѣрно понимать людей и обстоя-
тельства, и рѣдко ошибался въ выборѣ своихъ помощниковъ. Сила его
ума, его военныя и дипломатическія таланты внушали довѣріе къ нему; а
щедростью, привѣтливостью, любезностью онъ приобрѣталъ привязанность
товарищей по оружію и упорчивалъ за собою преданность своихъ привер-
женцевъ. Для друзей и помощниковъ онъ былъ неизмѣнною опорою; про-
тивниковъ онъ преслѣдовалъ безпощадно.

Лизандръ и
Киръ. Этотъ необыкновенно даровитый человѣкъ сталъ главнокоманду-
ющимъ лакедемонскаго флота въ то время, когда верховнымъ прави-

телемъ Малой Азіи сдѣлался молодой, предприимчивый сынъ персид-
скаго царя, считавшій аѳинянъ смертельными врагами персидскаго
царства, съ юношескимъ энтузіазмомъ восхищавшійся мужествомъ и
строгимъ военнымъ порядкомъ спартанцевъ, желавшій, сообразно волѣ
отца и собственному влеченію, обратить всѣ силы данныхъ въ управ-
леніе ему областей на помощь спартамцамъ, хотѣвшій дѣйствовать
открыто, считавшій низкимъ для себя двоедушничать, какъ Тисса-
фертъ. Развеселившись на пирѣ, Киръ сказалъ очаровавшему его
спартанскому главнокомандующему, чтобы Лизандръ попросилъ у него,
чего хочетъ, онъ исполнитъ всякую его просьбу; Лизандръ отвѣчалъ,
что для себя не проситъ ничего, проситъ только прибавки жалованья
матросамъ лакедемонскаго флота; личное безкорыстіе Лизандра очень
понравилось царевичу; онъ назначилъ ту прибавку жалованья матро-
самъ, какой просилъ спартанскій главнокомандующій, — но вмѣсто
трехъ оболовъ, они стали получать по четыре обола въ день; — кромѣ
того, онъ далъ Лизандру деньги на уплату невыплаченнаго жалованья
за прежнее время; далъ деньги для уплаты жалованья за мѣсяцъ
впередъ; сказалъ, что имѣетъ 500 талантовъ на выдачу Лизандру, а
если этихъ государственныхъ денегъ будетъ мало, то онъ обратитъ
на расходы спартанскаго флота и свои личные доходы, готовъ для
этого перечеканить въ монету даже свой золотой престолъ. Щедрое
жалованье увеличило усердіе матросовъ, и многіе изъ гребцовъ аѳин-
скаго флота ушли служить на спартанскомъ. Имѣя деньги въ изобиліи,
Лизандръ сталъ поправлять старые корабли, строить новые, и скоро
увеличилъ силу своего флота до 90 тріеръ. Въ то же время онъ Лизандръ орга-
низовалъ аристократическіе клубы: онъ пригласилъ аристократовъ низуеъ ари-
городовъ и острововъ Малой Азіи пріѣхать къ нему въ Эфесъ, вну- стократическіе
шилъ имъ мысль основывать политическія общества, общая доста- клубы.
вить имъ владычество въ ихъ городахъ, когда побѣдитъ аѳинянъ.
Скоро и дѣйствительно возникли эти клубы (гетеріи); они были въ
сношеніяхъ между собою и съ Лизандромъ, отъ котораго получали
инструкціи; весь востокъ греческаго міра былъ охваченъ этою сѣтью
плотной организаціи, руководимой Лизандромъ. Клубы усердно подго-
товляли свои города къ отпаденію отъ Аѳинъ, работая на пользу
спартамцамъ и себѣ, ждали только перваго удобнаго случая, чтобы
низвергнуть въ своихъ городахъ демократическія учрежденія, захва-
тить въ свои руки власть и установить олигархическое правленіе.
Аристотель говоритъ, что каждый принимаемый въ члены такого
клуба давалъ присягу «быть противникомъ демоса и всѣми силами
дѣйствовать во вредъ ему». Они и дѣйствовали по этому правилу.

Зоркій Алкивіадъ скоро замѣтилъ, что непріятельскіе войско и Пораженіе аѳи-
флотъ одушевлены энергіею, какой не имѣли прежде. Чтобы ближе ннѣхъ при Эфе-
ознакомиться съ положеніемъ дѣла и упрочить колеблющуюся вѣр- сѣ. 407.
ность іонійцевъ, онъ отправился на азіатскій берегъ, поручивъ на

время своего отсутствия начальство надъ стоявшимъ у Самоса флотомъ старшему изъ своихъ помощниковъ, Антиоху, и положительно запретивъ ему вступать въ сраженіе. Но Антиохъ, человекъ отважный и честолюбивый, дерзко искалъ битвы; и произошло сраженіе у Нотія, близъ Эфеса; Антиохъ былъ убитъ, аѣиняне потеряли пятнадцать триеръ. Алкивиадъ, вернувшись, хотѣлъ исправить дурное впечатлѣніе, произведенное этимъ неудачнымъ дѣломъ, повелъ свой флотъ къ эфесской гавани, сталъ передъ нею. Но осторожный Лизандръ не пошелъ на битву съ искуснымъ противникомъ; онъ хотѣлъ сражаться лишь, когда могъ быть увѣренъ въ побѣдѣ. Извѣстіе о поражении Антиоха пробудило въ Аѣинахъ прежнее недовѣріе къ Алкивиаду. Въмѣсто ожидаемой вѣсти о побѣдѣ, аѣиняне слышали, что ихъ флотъ потерпѣлъ довольно большой уронъ въ сраженіи съ непріателемъ, менѣе его сильнымъ; — они спрашивали другъ друга, не должно ли полагать, что причина неудачи—преступная небрежность, или даже измѣна. Многочисленные противники, которыхъ имѣлъ Алкивиадъ и между олигархами, и между демократами, молчавшіе до сихъ поръ, теперь дали волю своей враждѣ къ нему, взводили на него подозрѣнія, винили его. Второстепенные начальники флота, въ особенности Тразибулъ (сынъ Фразона), жаловались на небрежность Алкивиада въ исполненіи обязанностей, на двусмысленность его дѣйствій, на то, что онъ забываетъ о дѣлахъ, проводитъ все время въ развратѣ; іонійскій городъ Кима обвинялъ его въ притѣсненіяхъ;—все это довело непостоянный аѣинскій народъ до такого негодованія на Алкивиада, что народное собраніе лишило его начальства надъ флотомъ; выбрало новыхъ военачальниковъ,—обыкновенное законное число, десять человекъ,—и послало ихъ командовать флотомъ. Однимъ изъ нихъ былъ Кононъ. Получивъ извѣстіе о своей отставкѣ, Алкивиадъ сѣлъ на триеру и поспѣшилъ въ свой укрѣпленный дворецъ Бизанту на Херсонесѣ Фракійскомъ. Поселившись тамъ, онъ постоянно слѣдилъ за ходомъ дѣлъ и старался помогать своему несчастному отечеству совѣтами и вліяніемъ своимъ на персовъ.

Алкивиадъ ли-
шенъ началь-
ства надъ фло-
томъ.

Около того времени, какъ получилъ отставку Алкивиадъ, былъ отозванъ и Лизандръ по окончаніи годичнаго срока команды. Его мѣсто занялъ Калликратидъ, благородный человекъ; храбрый и гордый, прямодушный, неспособный ронять достоинство греческой національности униженіемъ передъ персами. Сторонники Лизандра жаловались, что спартанское правительство вредитъ ходу войны частою смѣною главнокомандующихъ, и мѣшали своими интригами распоряженіямъ Калликратида; Киръ, недовольный перемѣною спартанскаго главнокомандующаго, пересталъ выдавать жалованье флоту; положеніе Калликратида было очень трудно, да и счастье не благопріятствовало ему; но тѣ немногія подробности, которыя сообщаетъ о немъ Ксенофонтъ,

довольно ясно показываютъ въ немъ одного изъ благороднѣйшихъ людей греческой исторіи.

Узнавъ, что служащіе на флотѣ недовольны имъ, Калликратидъ объявилъ, что готовъ, если они хотятъ, сложить съ себя начальство; этимъ онъ прекратилъ ропотъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Сарды за деньгами на жалованье гребцамъ и воинамъ, Киръ со дня на день отлагалъ свиданіе съ нимъ; онъ уѣхалъ, сказавъ, что не хочетъ видѣть Кира и гнѣвно говорилъ, что греки позорятъ себя, унижаясь передъ варварами изъ-за денегъ; что, когда онъ возвратится въ Спарту, онъ всѣми силами будетъ стараться о заключеніи мира между лакедемонцами и аѣинянами. Граждане Милета и Хиоса добровольными взносами собрали деньги, какія были нужны Калликратиду для начатія военныхъ дѣйствій. Онъ съ флотомъ, состоящимъ изъ 170 триеръ, пошелъ къ Лесбосу, взялъ приступомъ городъ Метимну, роздалъ своимъ воинамъ добычу и деньги, вырученные за продажу невольниковъ; но гражданамъ Метимны онъ оставилъ свободу, и на совѣтъ продать ихъ въ рабство отвѣчалъ, что пока онъ будетъ главнокомандующимъ, ни одинъ грекъ не будетъ сдѣланъ рабомъ.

Кононъ, начальствовавшій частью аѣинскаго флота, увидѣвъ невоз-
можность выдержать борьбу съ гораздо болѣе многочисленнымъ не-
пріателемъ, хотѣлъ удалиться къ Самосу; но Калликратидъ нагналъ
его, взялъ у него тридцать триеръ и блокировалъ митиленскую га-
вань, куда онъ скрылся съ уцѣлѣвшею частью эскадры. Одинъ изъ
аѣинскихъ кораблей, быстрый на ходу, ускользнувъ отъ преслѣ-
дованія спартанцевъ, привезъ въ Аѣины извѣстіе объ отчаянномъ
положеніи Конона. Аѣиняне съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ сна-
рядили новый сильный флотъ, посадили на корабли не только граж-
данъ и метековъ, но и рабовъ, и послали къ Лесбосу на выручку
Конону; на пути присоединилось къ флоту еще нѣсколько кораблей,
и когда онъ приближался къ Лесбосу, онъ состоялъ изъ 150 триеръ.
Калликратидъ пошелъ на встрѣчу ему съ 120 триерами и, надѣясь на
искусство своихъ гребцовъ, напалъ на непріателя. Битва произошла
въ виду Митилены у трехъ маленькихъ острововъ, лежащихъ близъ
восточнаго берега Лесбоса и называвшихся Аргинузскими. Отважный
Калликратидъ погибъ въ волнахъ; побѣда долго колебалась; много
кораблей было потоплено и у аѣинянъ и у спартанцевъ; но наконецъ
побѣдили аѣиняне.—Снаряженіе такого сильнаго флота было блестящимъ
доказательствомъ геройской твердости, изумительной энергіи аѣинянъ.

Пелопоннесскій флотъ потерялъ 70 триеръ; изъ десяти спартанскихъ триеръ
погибло девять. Кормчій того корабля, на которомъ находился Калликра-
тидъ, просилъ его согласія повернуть назадъ, убѣждалъ его, чтобъ онъ по-
думалъ о спасеніи своей жизни; Калликратидъ геройски отвѣчалъ: „Спарта
не погибнетъ отъ того, что умретъ одинъ изъ спартанцевъ“.

Но побѣда не принесла пользы аѣинянамъ. Смерть Калликратида,
проникнутаго желаніемъ блага не одной Спартѣ, а всей Греціи, уни-

чтожила возможность заключенія мира на условіяхъ почетныхъ для обѣихъ воюющихъ сторонъ; и начальникомъ пелопоннесскаго флота снова сталъ Лизандръ, опаснѣйшій врагъ аѳинянъ. Они потеряли въ сраженіи 25 тріеръ; бурная погода, несогласіе между аѳинскими военачальниками и нераспорядительность ихъ помѣшали аѳинскому флоту преслѣдовать обратившихся въ бѣгство непріятелей; такимъ образомъ не только тѣ пелопоннесскіе корабли, которые уцѣлѣли отъ битвы, ушли къ Хіосу, но успѣлъ, обманувъ аѳинянъ, счастливо привести туда свою эскадру и Этеоникъ, который былъ съ 50 тріерами оставленъ Калликратидомъ блокировать Конона въ митиленскомъ портѣ. Но самымъ тяжелымъ для аѳинянъ послѣдствіемъ Аргинузской битвы было несчастное обстоятельство, которое потрясло государство въ самыхъ его основаніяхъ, возбудивъ ожесточенные раздоры между гражданами. Первою обязанностью начальниковъ послѣ сраженія и въ особенности послѣ побѣдоноснаго сраженія было собрать и похоронить убитыхъ; а послѣ морского сраженія позаботиться также и о спасеніи упавшихъ въ море людей съ разбитыхъ тріеръ. Послѣ побѣды при Аргинузскихъ островахъ не было сдѣлано своевременныхъ распоряженій для исполненія этой обязанности, освященной обычаемъ; а когда наконецъ были посланы Терамень и Тразибулъ съ 40 тріерами исполнить ее, буря не допустила этого; такимъ образомъ много храбрыхъ гражданъ, упавшихъ въ море, — вѣроятно нѣсколько сотъ человѣкъ — умерли ужасною смертію въ волнахъ послѣ долгихъ мученій и напраснаго ожиданія помощи.

Начальники аѳинскаго флота не исполняютъ обязанности подати помощь упавшимъ въ море.

Впечатлѣніе, произведенное въ Аѳинахъ извѣстіемъ объ этомъ.

Радость побѣды была омрачена привезеннымъ въ Аѳины Тераменомъ и Тразибуломъ извѣстіемъ объ этомъ нарушеніи обязанности относительно убитыхъ и упавшихъ въ море воиновъ. Всѣхъ тѣхъ гражданъ, которые погибли, народъ считалъ жертвами небрежности начальниковъ флота. Терамень и Тразибулъ винили своихъ товарищей въ преступномъ нарушеніи обязанности; быть можетъ, они сознавали, что сами могутъ быть обвиняемы и спѣшили оправдаться, взводя вину на другихъ. Какъ бы то ни было, но фактъ нарушенія обязанности былъ ясенъ и такъ печаленъ, что аѳинскій народъ могъ и помимо всякихъ интригъ проникнуться негодованіемъ на военачальниковъ. Онъ потребовалъ отъ нихъ объясненій; объясненія были найдены неудовлетворительными; народъ отрѣшилъ отъ должности всѣхъ ихъ, кромѣ Конона, посторонняго этому дѣлу, и потребовалъ къ суду въ Аѳины. Двое изъ нихъ (Протомахъ и Аристогенъ) не повиновались требованію; остальные шесть (Периклъ, Диомедонъ, Лизій, Аристократъ, Тразибулъ, Эрасинидъ) пріѣхали въ Аѳины, надеясь, что буря найдена будетъ достаточнымъ извиненіемъ для нихъ и что, въ признательность за побѣду, народъ будетъ не слишкомъ строгъ къ нимъ.

Какъ только прибыли въ Аѳины военачальники, былъ по предложенію оратора Архедема арестованъ одинъ изъ нихъ Эрасинидъ, противъ котораго было еще другое обвиненіе: его подозрѣвали въ похищеніи государственныхъ денегъ; скоро были арестованы и другіе, напрасно оправдававшіеся передъ правительственнымъ совѣтомъ, нашедшимъ ихъ объясненія недостаточными. Было созвано народное собраніе для рѣшенія вопроса о виновности ихъ. Они произнесли передъ народомъ короткія оправдательныя рѣчи. Въ своемъ прежнемъ письменномъ объясненіи они говорили только, что буря помѣшала имъ исполнить ихъ обязанность, а теперь они слагали съ себя вину на своихъ обвинителей Терамена и Тразибула, которымъ они поручили дѣло, оставшееся неисполненнымъ. Но этимъ они еще больше возбудили противъ себя Терамена и Тразибула; рѣшеніе было отложено до другаго народнаго собранія, и обвинители ихъ воспользовались этимъ временемъ, чтобы еще больше раздражить народъ противъ нихъ.

Военачальники обвинены передъ народнымъ собраніемъ.

Особенно много помогло ихъ обвинителямъ то обстоятельство, что скоро послѣ перваго народнаго собранія былъ праздникъ Анатурій. Мы говорили (страница 232), что это былъ праздникъ семейнаго и родоваго быта; съ обрядами его соединялись воспоминанія обо всѣхъ семейныхъ и родовыхъ событіяхъ предшествовавшаго года, обо всѣхъ радостяхъ и печаляхъ его; въ этотъ день торжественно вносились въ родовые списки дѣти гражданъ, родившіяся въ тотъ годъ, вносились въ нихъ свадьбы; граждане радовались этимъ счастливымъ событіямъ въ кругу своей фратріи, съ печалью перечисляли умершихъ сочленовъ ея. Отцы, родные и друзья погибшихъ въ Аргинузской битвѣ пришли въ собраніе своихъ фратрій, одѣтые въ трауръ, съ бритыми по траурному обычаю головами; натурально было, что послѣ такихъ сценъ гнѣвъ народа на обвиненныхъ военачальниковъ усилился; и едва ли нужны были интриги со стороны Терамена и его партіи, чтобы возбудить многихъ изъ носившихъ трауръ заявить народу свое горе еще болѣе эффектнымъ образомъ. Процессія людей въ траурѣ пошла по улицамъ, приходили въ тѣ мѣста, гдѣ собиралось много народу. Вѣроятно это дѣлалось отчасти само собою; но должно полагать, что правъ и Ксенофонтъ, приписывающій эти сцены интригамъ обвинителей и ораторовъ партіи враждебной обвиненнымъ: вѣроятно, были употреблены искусственные средства для увеличенія числа ходившихъ по улицѣ въ траурѣ, и проявленіе искренняго чувства получило характеръ рассчитанный на эффектъ. Какъ бы то ни было, но послѣ праздника Анатурій народъ проникся такимъ раздраженіемъ, какого не было прежде. Въ первомъ народномъ собраніи защита обвиненныхъ произвела благоприятное впечатлѣніе, такъ что многіе граждане выразили готовность взять ихъ подъ свое поручительство; а во второмъ собраніи было принято съ криками одобренія противузаконное предложеніе Калликсена, одного изъ членовъ правительственнаго совѣта: „Народъ постановитъ тайною баллотировкою рѣшеніе по вопросу о виновности или невинности подсудимыхъ военачальниковъ; и если большинствомъ голосовъ они будутъ признаны за виновныхъ, то будутъ переданы комитету, завѣдующему исполненіемъ смертныхъ приговоровъ и будутъ наказаны лишеніемъ жизни, и имущества ихъ будутъ конфискованы“. Нѣкоторые граждане, въ особенности Эвриптолемъ, личный другъ обвиненныхъ, доказывали, что это предложеніе противузаконно, убѣждали народъ отвергнуть его и предоставить дѣлу законный судебный ходъ. Но большинство кричало, что воля народа не должна быть стѣсняема; выступилъ гражданинъ, назвавшій себя однимъ изъ упавшихъ въ море. Онъ произнесъ рѣчь, въ которой рассказывалъ народу, что онъ, успѣвшій схватиться въ морѣ за пустой мучной боченокъ, слышалъ, плавая по вол-

Праздникъ Анатурій.

Народное собраніе постановляетъ рѣшеніе, нарушающее законный ходъ дѣла.

намъ, вопли утопающихъ согражданъ, слышалъ, какъ они проклинаютъ военачальниковъ, которые оставили погибать ихъ, мужественно сражавшихся за отечество. Граждане, взволнованные этой рѣчью, и въ особенности родственники погибшихъ, одѣтые въ трауръ, стали кричать такъ грозно, что Эвриптолемъ отказался отъ своего протеста, и всякая оппозиція прекратилась. Даже пританы (стр. 301), сначала не соглашавшіеся допустить вотированіе противозаконнаго предложенія, покорились волѣ массы, испуганные угрозою, что если будутъ продолжать сопротивленіе, то сами подвергнутся обвиненію. Только одинъ изъ нихъ имѣлъ мужество отказаться отъ участія въ незаконномъ дѣлѣ, — Сократъ, сынъ Софрониска, знаменитый философъ.

Рѣчь Эврипто-
лема о соблю-
деніи законнаго
порядка. Передъ началомъ вотирования Эвриптолемъ еще разъ попытался отклонить народъ отъ нарушенія законнаго порядка, и въ рѣчи, сохраненной Ксенофонтомъ, требовалъ, чтобы вопросъ о виновности или невинности былъ рѣшенъ относительно каждаго изъ обвиненныхъ особо отъ другихъ, а не относительно всѣхъ вмѣстѣ заразъ.

Онъ кратко напомнилъ, что военачальники подверглись обвиненію главнымъ образомъ черезъ то, что, по своей снисходительности, оставили безнаказанными Терамена и Тразибула, неисполнившихъ порученіе; потомъ онъ объяснилъ, что обвиняемые должны, быть судимы или по закону Каннона, говорящему, что «обвиняемый въ преступленіи противъ народа долженъ въ цѣпяхъ отвѣчать передъ народомъ», или по закону объ измѣнѣ государству, — который постановляетъ, что измѣнникъ наказывается смертю, имущество его конфискуется, а тѣло его должно быть погребено за границею Аттики; если обвиняемыхъ судить по закону Каннона, то должно выслушать ихъ оправданіе; а если судить ихъ по закону объ измѣнникахъ, дѣло должно быть передано законному трибуналу; а во всякомъ случаѣ должно, какъ этого требуетъ законный порядокъ, предоставить имъ три дня на то, чтобы приготовить отвѣты. Эвриптолемъ убѣждалъ народъ не проинзисить, съ нарушеніемъ законовъ, смертнаго приговора противъ людей, оказавшихъ услуги отечеству, не забывать требованій справедливости, не навлекать на себя вину нарушенія законовъ, которые установлены самимъ же народомъ, не подвергать себя горькому раскаянію; не поддаваться злымъ рѣчамъ и увлеченію страсти, не оказаться неблагодарнымъ къ военачальникамъ, которымъ государство обязано великою побѣдою.

Военачальники
осуждены на
смерть. Народъ вотировалъ; большинствомъ голосовъ было принято предложеніе Калликсена. Не дозволивъ обвиняемымъ оправдываться, народъ приступилъ къ голосованію вопроса о виновности ихъ. Большинство голосовъ они были осуждены на смерть. Тѣ шесть, которые явились къ суду, были переданы комитету одиннадцати, заведующему исполненіемъ смертныхъ приговоровъ. Имъ подали кубки съ ядомъ. Всѣ они сохранили твердость души и умерли, произнося желанія благоденствія отечеству и согражданамъ.

Мотивы при-
говора. Такъ кончился этотъ трагическій процессъ, составляющій одну изъ самыхъ черныхъ страницъ въ исторіи Аѣинъ. Но не должно считать демократическій порядокъ аѣинскаго правленія виновнымъ въ этомъ гнусномъ дѣлѣ: онъ былъ совершенно нарушенъ противозаконнымъ веденіемъ процесса; виновато было только раздраженіе, имѣвшее своимъ источникомъ не столько интриги демагоговъ, сколько негодованіе родныхъ на то, что не была исполнена священная обязанность отно-

сительно погибшихъ въ битвѣ. Родственники утонувшихъ считали своимъ долгомъ требовать наказанія виновныхъ, дѣйствовали по обязанностямъ кровомщенія.

Раздраженіе мало по малу затихло, смѣнилось раздумьемъ. Тогда аѣинянами овладѣло раскаяніе; чувство глубокаго стыда. Было рѣшено наказать людей, которые обманомъ вовлекли народъ въ несправедливость. Были преданы суду Калликсенъ и еще четыре человѣка. Но они ушли изъ-подъ стражи во время тревогъ, которымъ вскорѣ послѣ ихъ ареста подверглось государство, и спаслись бѣгствомъ за границу. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда была провозглашена амнистія, Калликсенъ возвратился въ отечество. Но ненавидимый и призираемый всѣми, онъ почувствовалъ, что жизнь его невыносима, и уморилъ себя голодомъ.

Раскаяніе.

Скоро аѣинянамъ пришлось испытать еще болѣе тяжкія послѣдствія своей несправедливости. На мѣсто казненныхъ военачальниковъ, имѣвшихъ опытность и заслужившихъ побѣдою довѣріе воиновъ, были выбраны люди неспособные: Менандръ, Тидей, Адимандъ, другіе. Они не сумѣли воспользоваться выгоднымъ положеніемъ, какое доставила побѣда при Аргинузскихъ островахъ аѣинскому флоту, состоявшему изъ 180 тріеръ, и по завистливой надменности не слушались своего сотоварища Конона, опытнаго воина.

Бездарность но-
выхъ началь-
никовъ флота.

Есть извѣстіе, что послѣ Аргинузской битвы спартанцы снова предлагали миръ аѣинянамъ; — но что аѣинскій народъ отвергъ ихъ предложенія, поддавшись совѣтамъ оратора Клеофона, который пришелъ въ народное собраніе пьяный и въ панцырѣ; извѣстіе это недостоверно, и, кажется, возникло изъ хронологическаго недоразумѣнія. Но состояніе пелопоннесскаго флота послѣ аргинузскаго пораженія дѣйствительно было безнадежно: у спартанцевъ не было ни продовольствія, ни одежды для гребцовъ и воиновъ, ни денегъ на жалованье имъ. Если бъ аѣинскій флотъ дѣйствовалъ благоразумно и энергично, онъ легко пріобрѣлъ бы владычество на восточномъ морѣ. Лакедемонскіе моряки такъ бѣдствовали отъ голода, что хотѣли напасть на Хіосъ, принадлежавшій къ спартанскому союзу; только рѣшительныя и быстрыя мѣры спартанскаго главнокомандующаго Этеоника и деньги, присланныя нѣкоторыми изъ союзныхъ городовъ, остановили исполненіе этого разбойническаго замысла.

Лизандръ
идетъ въ Гел-
леспонтъ.

Положеніе дѣлъ быстро измѣнилось, когда спартанцы, уступая просьбамъ союзниковъ и Кира, рѣшились нарушить обычай, воспре- шавшій два раза назначать одного и того же человѣка начальникомъ флота, и снова сдѣлали главнокомандующимъ Лизандра; для соблюденія формы, они дали ему по названію только должность помощника главнокомандующаго (epistoleus), а главнокомандующимъ, но лишь по названію, назначали Арака. Киръ съ радостью далъ Лизандру деньги, въ которыхъ отказывалъ Калликратиду; Лизандръ увеличилъ число кораблей, снабдилъ ихъ всѣмъ необходимымъ, и флотъ скоро сталъ такимъ же сильнымъ, какъ былъ до Аргинузской битвы. Приверженцы

Лизандра въ Милетѣ подняли возстаніе; въ кровопролитной борьбѣ одолѣли своихъ противниковъ, изгнали тѣхъ, которые не были убиты. По присоединеніи Милета къ спартанскому союзу, Лизандръ крейсировалъ нѣсколько времени у западнаго берега Малой Азіи, потомъ пустился въ Геллеспонтъ, взялъ приступомъ богатый городъ Лампсакъ, и ограбивъ его пріобрѣлъ большіе запасы хлѣба, вина, другихъ предметовъ продовольствія; тамъ онъ и остановился, расположилъ корабли вдоль берега, подъ охраною поставленнаго на прибрежьи войска.

Аѣинскій флотъ у Эгоспотама. Аѣинскій флотъ пошелъ за нимъ вслѣдъ и сталъ у противоположнаго берега, въ открытой бухтѣ при устьѣ рѣки Эгоспотама; мѣсто это было лишено всякихъ удобствъ; гавани тутъ не было, плоскій берегъ не закрывалъ бухту отъ вѣтровъ, окрестность была пустынная, не имѣла ни селеній, ни хлѣба, такъ что съѣстные припасы надобно было привозить изъ Сеста и другихъ далекихъ мѣстъ. Число кораблей въ пелопоннесскомъ флотѣ было меньше, нежели въ аѣинскомъ; но позиція его была лучше, онъ имѣлъ въ изобиліи съѣстные припасы; въ немъ была дисциплина, главнокомандующій его былъ искусный воинъ. А у аѣинянъ не было довѣрія къ новымъ начальникамъ, не имѣвшимъ военной извѣстности; дисциплина у нихъ была слаба.

Лизандръ уклоняется отъ битвы. При такомъ положеніи дѣлъ, лакедемонянамъ было выгодно затягивать войну, аѣинянамъ надобно было искать битвы. Они подошли къ лакедемонскому флоту, вызывая его на бой, но Лизандръ не спѣшилъ принять вызовъ. Онъ ожидалъ нападенія, не покидая своей выгодной позиціи; аѣиняне нашли неудобнымъ напасть на него, возвратились на прежнюю свою позицію. Онъ послалъ наблюдать за ними, узналъ, что когда корабли ихъ стали у берега, то воины и матросы ушли добывать себѣ пищу, отдохнуть, веселиться на берегу. Это повторялось четыре дня съ ряду. Обманутые бездѣйствіемъ Лизандра, полагая, что онъ боится сраженія, аѣинскіе воины и матросы становились все безпечнѣе, все больше пренебрегали порядкомъ

Небрежность аѣинскихъ воиновъ. Они снимали весла съ кораблей, уходили на берегъ, тамъ отдыхали въ палаткахъ, играли въ кости, занимались другими развлеченіями. Алкивіадъ пріѣхалъ изъ своего сосѣдняго укрѣпленнаго дворца въ аѣинскій станъ, предостеречь военачальниковъ, говорилъ имъ, что ихъ позиція дурна, что они должны покинуть ее, передвинуться къ Сесту. Тидей и Менандръ высокомерно отвѣчали ему, что теперь начальствуютъ они, а не онъ. На пятый день, когда корабль, посланный наблюдать за аѣинянами, подалъ вѣстовой знакъ, показывавшій, что они по обыкновенію ушли съ кораблей, разбрелись по берегу, Лизандръ внезапно двинулся къ ихъ позиціи; прежде чѣмъ матросы и воины успѣли прибѣжать на свои покинутыя тріеры, онъ взялъ и увелъ или потопилъ почти безъ боя всѣ аѣинскіе корабли, кромѣ восьми тріеръ, съ которыми успѣлъ уйдти Кононъ, и вѣстовой правительственной тріеры, которая привезла въ Аѣины извѣс-

Битва при Эгоспотамѣ. Августъ (?) 405.

тіе о гибели флота. Кононъ ушелъ въ Кипръ, къ другу аѣинянъ, царю Эвагору. Воины и матросы, оставшіеся безпорядочными толпами на берегу, были убиты или забраны въ плѣнъ. При звукахъ флейтъ и военныхъ пѣсень побѣдоносный спартанскій флотъ вернулся съ несмѣтною добычею въ Лампсакъ.

Возвратившись въ Лампсакъ, Лизандръ назначилъ военную комиссію, чтобы она рѣшила судьбу плѣнныхъ. Тутъ пошли рассказы о жестокостяхъ аѣинянъ, о томъ, что однажды, по приказанію аѣинскаго военачальника Филокла, были сброшены со скалы всѣ воины и гребцы, захваченные на двухъ взятыхъ тріерахъ, изъ которыхъ одна была коринѣская, а другая андресская; о томъ, что, аѣиняне рѣшили въ случаѣ побѣды отрубить правую руку у всѣхъ плѣнныхъ. Само собою понятно, каковъ былъ приговоръ, произносимый подъ такими впечатлѣніями. Плѣнные были осуждены на смерть.

Военный судъ въ Лампсакѣ.

Аѣинскихъ гражданъ повели на казнь; ихъ было три тысячи человѣкъ. Филоклъ, не удостоившій своихъ противниковъ ни однимъ словомъ отвѣта, шелъ въ праздничномъ платьѣ впереди товарищей своего бѣдствія; онъ былъ казненъ первымъ и подалъ всѣмъ другимъ примѣръ мужества. Былъ пошажень только Адимантъ—по однимъ извѣстіямъ за то, что одинъ возражалъ противъ рѣшенія своихъ товарищей отрубить руки плѣннымъ; по другимъ — за то, что былъ измѣнникъ, предавшій флотъ Лизандру.— Погибелью аѣинскаго флота была рѣшена долгая война, въ которой столько разъ колебалось счастье. Кровавая развязка этой битвы можетъ служить примѣромъ того, до какого ожесточенія были доведены греки войной. Лизандръ не согласился дать и погребеніе тѣламъ казненныхъ.

Казни.

6. Паденіе Аѣинъ.

Лизандръ со всегдашнимъ своимъ искусствомъ извлекъ всю пользу изъ одержанной побѣды. Отправивъ милетскаго волонтера Теопомна въ Спарту съ извѣстіемъ о торжествѣ, онъ покорилъ Византію, Халкедонъ, Сестъ и другіе греческіе города на Геллеспонтѣ и на Фракійскомъ берегу. Аѣинскіе гарнизоны ихъ сдавшіеся ему и аѣинскихъ изгнанниковъ онъ отпустилъ въ Аѣины, чтобы столпленіе народа тамъ скорѣе произвело голодъ, когда начнется блокада, и чтобы сопротивленіе было ослаблено раздорами партій; онъ упрочилъ вѣрность покоренныхъ имъ городовъ и острововъ Спартѣ, отдавъ управленіе ими въ руки самыхъ горячихъ и смѣлыхъ своихъ приверженцевъ. Подавляющее впечатлѣніе эгоспотамской побѣды и дѣятельность олигархическихъ клубовъ отнимали у прежнихъ союзниковъ Аѣинъ силу со-

Введеніе олигархическихъ правительствъ.

противленія: ворота всѣхъ городовъ растворялись передъ Лизандромъ. Онъ учредилъ аристократическое правленіе въ Митиленѣ; на островѣ Эазосѣ демократы успѣли бѣжать въ крѣпкую позицію, ихъ было много, они могли обороняться; ихъ выманили изъ убѣжища лъстивыми обѣщаніями и предательски убили. Послѣ того Лизандръ не встрѣчалъ сопротивленія на востокѣ. Въ каждомъ городѣ онъ учреждалъ правительственную комиссію изъ десяти гражданъ; эти правители назывались декадархами; для поддержки ихъ власти Лизандръ ставилъ въ городѣ гарнизонъ, начальникъ котораго спартанецъ, былъ военнымъ комендантомъ города (гармостомъ); все покорялось Спартѣ. Только Самось боролся нѣсколько времени противъ спартанскаго ига и защищалъ свои демократическія учрежденія.

Настроеніе духа въ Аѣинахъ. Устроивъ дѣла на востокѣ, Лизандръ двинулся осаждать Аѣины. — Невозможно описать ужаса, какимъ были охвачены аѣиняне, когда вѣстовой (паралійскій) корабль привезъ въ Пирей извѣстіе объ эгоспотамскомъ пораженіи. Это былъ такой ударъ, какого еще не испытывали аѣиняне, хоть и велики были прежнія ихъ несчастія; извѣстіе было совершенно неожиданно и достовѣрность его не допускала ни малѣйшаго сомнѣнія. «Изъ Пирея ужасная вѣсть шла вдоль длинныхъ стѣнъ въ Аѣины», рассказываетъ Ксенофонтъ: «она переходила отъ одного гражданина къ другому, и никто не ложился спать въ эту ночь. Аѣиняне скорбѣли о погибшихъ, и боялись за себя, что теперь будутъ подвергнуты той же участи, какой прежде подвергли населеніе Мелоса, эгинцевъ и столькихъ другихъ грековъ. На слѣдующій день было созвано народное собраніе и рѣшено завалить всѣ входы въ гавань кромѣ одного, поправлять стѣны, разставить караулы и готовиться къ осадѣ». Вмѣстѣ съ этимъ народное собраніе рѣшило провозгласить всеобщую амністію, изъ которой были исключены только измѣнники отечеству и убійцы. Настала дѣйствительность, соотвѣтствовавшая ужаснымъ ожиданіямъ. Прогнавъ аѣинскихъ колонистовъ съ Мелоса, изъ Скіоны, съ Эгины и съ другихъ занятыхъ аѣинянами мѣстностей, возвративъ туда прежнихъ жителей, Лизандръ подошелъ къ Пирею съ флотомъ, состоявшимъ изъ 150 тріаръ, а царь Павзаній привелъ черезъ Истмъ пелопоннесское войско и соединившись съ другимъ царемъ Агисомъ, пришедшимъ къ нему изъ Декелеи, сталъ у Академіи, въ шести стадіяхъ отъ Аѣинъ. Такимъ образомъ городъ былъ окруженъ и съ суши и съ моря, былъ совершенно отрѣзанъ отъ всякаго подвоза съѣстныхъ припасовъ; и при этомъ переполненъ народомъ, сошедшимъ туда изъ всей Аттики; скоро начался ужаснѣйшій голодъ. Но никто не смѣлъ говорить о томъ, чтобы сдаться. Только когда уже умерло нѣсколько человѣкъ отъ голода, народъ отправилъ къ Агису посольство сказать, что аѣиняне согласны заключить съ лакедемонянами союзъ подъ условіемъ, чтобы оставлены были цѣлыми стѣны города и укрѣпленія Пирея. Агисъ велѣлъ аѣин-

скимъ посламъ ѣхать въ Спарту, сказавъ, что не имѣетъ полномочія вести переговоры. Въ Селласіи было имъ передано рѣшеніе эфоровъ, говорившее, что они должны ѣхать назадъ въ Аѣины и привести оттуда предложенія болѣе уступчивыя, и въ частности согласіе аѣинянъ на то, чтобы длинныя стѣны были разрушены на десять стадій съ обоихъ концовъ. Аѣинскій народъ съ ужасомъ выслушалъ отвѣтъ, привезенный послами; надобно было полагать, что спартанцы требуютъ безусловной покорности, не хотятъ давать никакихъ обязательствъ пощады; а если такъ, то аѣиняне должны были ожидать, что все населеніе города будетъ продано въ рабство, какъ продавали сами они населеніе многихъ слабыхъ городовъ; — такъ думалъ аѣинскій народъ и не хотѣлъ сдаваться, хотя каждый день голодъ уносилъ новыя жертвы. Членъ правительственнаго совѣта Архестратъ, предложившій подчиниться волѣ спартанцевъ, былъ брошенъ въ темницу.

Наконецъ выступилъ съ своимъ предложеніемъ Тераменъ, задумавшій коварно одолѣть упрямство демократовъ и вождя ихъ Клеофона, и отдать городъ беззащитнымъ подъ владычество олигарховъ, которымъ поручать лакедемоняне управленіе. Онъ вызвался ѣхать къ Лизандру, чтобы разузнать о намѣреніяхъ враговъ; народное собраніе дало ему это порученіе; онъ поѣхалъ къ Лизандру и оставался у него три мѣсяца. Въ Аѣинахъ между тѣмъ все сильнѣе свирѣпствовали голодъ и зараза, произведенная голодомъ; наконецъ Тераменъ разсудилъ, что аѣиняне будутъ теперь готовы согласиться на все. Онъ возвратился съ извѣстіемъ, что вопросъ о судьбѣ Аѣинъ долженъ быть рѣшенъ въ самой Спартѣ. Клеофонъ былъ противузаконно осужденъ на смерть правительственнымъ совѣтомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ уклонялся отъ военной службы. Тераменъ съ девятью товарищами былъ посланъ въ Спарту; имъ были даны неограниченныя полномочія.

На конгрессѣ пелопоннесскаго союза начались совѣщанія о судьбѣ Аѣинъ. Депутаты коринѣянъ, еиванцевъ и нѣкоторыхъ другихъ государствъ говорили, что должно совершенно разрушить Аѣины, раззорить городъ до основанія, увести въ рабство всѣхъ аѣинянъ, и мѣсто, на которомъ стоялъ городъ, обратить въ пастбище; но спартанцы твердо объявили, что не дадутъ обратить въ рабство народъ, оказавшій такія великія услуги Греціи. Наконецъ было рѣшено и передано посламъ, что пелопоннесскій союзъ согласенъ заключить миръ подъ слѣдующими условіями: Длинныя стѣны и укрѣпленія Пирея должны быть разрушены; аѣиняне выдаютъ всѣ тріары, кромѣ двѣнадцати; дозволяютъ возвратиться на родину всѣмъ изгнанникамъ; будутъ имѣть со Спартою однихъ друзей и однихъ враговъ; будутъ по ея требованію посылать на помощь ей корабли и войско; отказываются отъ гегемоніи надъ всѣми данниками и союзниками.

Терамену дали скиталу съ написанными на ней условіями мира. Когда онъ вернулся въ Аѣины, его встрѣтила толпа народа, на лицѣ

Коварство Терамена.

Условія мира.

Народное собрание при-
масть условіи
мира.

и въ глазахъ котораго было отчаяніе; эти люди изнуренные голодомъ собрали свои послѣднія силы, чтобы услышать судьбу государства и гражданъ его. На слѣдующій день было созвано народное собрание и Терамень предложилъ народу принять привезенныя имъ условія. Они были тяжелы; послышались голоса, говорившіе, что должно отвергнуть ихъ. Но голодъ написанный на лицѣ каждого дѣлалъ необходимою принятіе ихъ. Любовь къ жизни побѣдила; граждане покорились силѣ рока и подняли исхудалыя, дрожащія руки въ знакъ согласія.

Лизандръ въ
Пирей 26 ап-
рѣля 404.

Шестнадцатаго числа аттического мѣсяца Мунихіона спартанскій флотъ вошелъ въ Пирей; Лизандра сопровождало множество аѣинскихъ эмигрантовъ, помогавшихъ ему своими совѣтами. Началось разрушеніе верфей и арсеналовъ; спартанцы увели всѣ аѣинскіе корабли, кромѣ двѣнадцати, и сами аѣиняне стали разрушать длинныя стѣны и укрѣпленія Пирея, а пелопоннесскіе музыканты играли веселыя пѣсни на флейтахъ, танцоры и танцовщицы съ вѣнками на головахъ веселой пляской торжествовали счастливую побѣду. Враги аѣинянъ говорили, что теперь Греція стала свободна.

Учрежденіе
правительства
Тридцати.

Стѣны еще не были разрушены на длину, опредѣленную договоромъ, когда было введено новое государственное устройство, форма котораго была установлена по согласію Терамена и его друзей съ Лизандромъ. Члены олигархическаго Совѣта Четырехъ Сотъ (стран. 667), оставшіеся въ Аѣинахъ или возвратившіеся теперь изъ изгнанія, и другіе олигархи выбрали пять человѣкъ, которымъ поручили завѣдываніе государственною полиціей, какъ завѣдывали ею въ Спартѣ эфоры; вліятельнѣйшіе демократы были казнены, какъ на-примѣръ, Стромбихидъ, одинъ изъ прежнихъ стратеговъ. Когда народъ былъ достаточно запуганъ, олигархи созвали народное собрание, и одинъ изъ нихъ, Драконтидъ, предложилъ гражданамъ выбрать тридцать человѣкъ, чтобъ они составили законы о формѣ правленія и до окончанія этого дѣла управляли государствомъ. Но какъ ни сильны были мѣры, употребленныя для устрашенія народа, въ немъ оставалась такая привязанность къ демократическимъ учрежденіямъ, что предложеніе было встрѣчено крикомъ негодованія. Терамень пытался, но не могъ одолѣть сопротивленіе. Тогда всталъ Лизандръ и объявилъ, что Аѣины будутъ лишены независимости, если предложеніе не будетъ принято. Оппозиція замолкла. Многіе граждане удалились изъ собранія, предоставляя аристократамъ и запуганной толпѣ вотировать предложеніе. Оно было принято, и начались выборы тридцати уполномоченныхъ. Десять человѣкъ были выбраны собраніемъ, другіе двадцать были назначены по списку, составленному Тераменомъ и комиссіей пяти временныхъ администраторовъ. Въ составъ комитета Тридцати правителей было, какъ видимъ изъ списка ихъ у Ксенофонта, нѣсколько человѣкъ изъ олигарховъ преж-

няго Совѣта Четырехъ сотъ, бѣжавшихъ по его низверженіи и возвратившихся въ свитѣ Лизандра, на-примѣръ Ономаклъ, Аристотель, Хариклъ. Но главными людьми въ этомъ комитетѣ были Терамень и Критій. Человѣкъ знатнаго рода, къ которому принадлежали Солонъ и Платонъ, Критій былъ однимъ изъ ближайшихъ учениковъ Сократа, обладалъ обширною ученостью, былъ хорошею ораторъ и поэтъ; но честолюбіе заглушило въ немъ всѣ добрыя чувства, сдѣлало его мстительнымъ и жестокимъ.

Теперь Лизандръ совершилъ свое дѣло. Оставалось только покорить Самою, единственное государство, сохранявшее демократическія учрежденія и не признававшее гегемонію Спарты. Онъ поплылъ къ этому острову и окружилъ его своимъ флотомъ. Мужественные демократы храбро оборонялись отъ могущественнаго врага; но, не имѣя ни откуда помощи, принуждены были наконецъ положить оружіе подъ условіемъ, что имъ позволено будетъ удалиться. Всѣ свободные люди получили разрѣшеніе выселиться съ своими семействами; но изъ имущества они могли взять съ собою только одежду, въ какой ходятъ. Лизандръ отдалъ городъ и островъ Самосъ прежнимъ его олигархическимъ жителямъ, возвратившимся по его вызову изъ изгнанія, и поручилъ правленіе комитету десяти надежнѣйшихъ приверженцевъ Спарты. Возвращенные имъ изгнанники назвали въ честь его „Лизандровымъ праздникомъ“, лизандріями, старинный самосскій праздникъ Геры, покровительницы острова. — Вскорѣ и Навпактъ былъ возвращенъ локрійцамъ, которымъ принадлежалъ прежде, а поселенные въ немъ аѣинянами мессенцы были выгнаны; выгнаны были и платейцы изъ Скіоны, въ которой были поселены аѣинянами.

Послѣ того Лизандръ распустилъ союзный флотъ, возвратился съ лакедемонскими тріарами и взятыми непріятельскими кораблями на родину, и торжественно вступилъ въ Спарту, которую сдѣлалъ владычицею всей Греціи. Онъ привезъ несмѣтную добычу, массу денегъ, всяческихъ драгоценностей, множество золотыхъ вѣнковъ, поднесенныхъ «освобожденными» городами ему, «освободителю». Количество денегъ простиралось до 470 талантовъ, хоть очень много утаилъ алчный Гилиппъ, котораго Лизандръ сдѣлалъ казначеемъ. Лизандръ былъ чуждъ низкаго корыстолюбія, которымъ омрачалъ свою славу полководецъ, побѣдившій аѣинянъ въ Сициліи: онъ отдалъ въ государственную казну сокровища, пріобрѣтенныя на войнѣ. Онъ не желалъ себѣ богатства, никогда не уклонялся отъ стараго спартанскаго образа жизни, простого, скуднаго. Но нравились его гордой душѣ почести, какія оказывали ему «освобожденные» города, воздвигавшіе ему статуи и жертвенники, совершавшіе праздники во славу его; нравились ему и похвалы поэтовъ: Херилъ, Антилохъ, Никерать восхваляли въ своихъ пѣсняхъ военачальника, освободившаго Грецію, и онъ награждалъ ихъ съ царскою щедростью.

Возвращеніе
Лизандра.

7. Владычество Тридцати и возстановленіе демократіи.

Владычество Тридцати правителей. 404 и 403.

Тѣ Тридцать правителей, которымъ было поручено составить новые законы государственнаго устройства Аѳинъ, не спѣшили исполненіемъ этого дѣла. Они удовольствовались тѣмъ, что назначили членами правительственнаго совѣта своихъ усердныхъ приверженцевъ, роздали другимъ надежнымъ друзьямъ административныя должности, поручили полицейское управленіе въ Пирей, въ Аѳинахъ вѣрнымъ своимъ агентамъ. Ихъ самовластное управленіе возбуждало сначала мало ропота, потому что народъ былъ запуганъ, а сами они избрали первымъ предметомъ преслѣдованія низкій классъ людей, ненавистный народу, классъ «сикофантовъ», людей, жившихъ доносами на тѣхъ, кому случалось нарушить таможенныя и акцизныя правила. Олигархи сажали въ тюрьму, изгоняли, казнили этихъ добровольныхъ сыщиковъ. Но скоро они стали точно такъ же поступать съ приверженцами демократическихъ учрежденій. По ихъ просьбѣ, Лизандръ прислалъ имъ спартанскій отрядъ подъ начальствомъ Каллибія, котораго назначилъ гармостомъ; этотъ отрядъ занялъ Акрополь, и, опираясь на него, Тридцать правителей стали позволять себѣ всяческія свирѣпости, пользуясь для этого, когда считали за надобное, содѣйствіемъ правительственнаго совѣта, которому теперь по уничтоженіи народныхъ собраній была передана верховная судебная власть и который былъ послушнымъ ихъ орудіемъ. Такъ они предали смерти Стромбихида и другихъ демократовъ, арестованныхъ вмѣстѣ съ ними; предавали смерти или изгоняли всѣхъ другихъ противниковъ олигархіи, вообще всѣхъ гражданъ, которыхъ считали опасными для себя, и обогащались конфискованнымъ имуществомъ убитыхъ, изгнанныхъ и бѣжавшихъ. Они грабили храмы, продали на сломъ корабельные сараи въ гаваняхъ, чтобы предотвратить всякія попытки къ постройкѣ новыхъ кораблей: возникновеніе флота казалось имъ опасностью для олигархіи. Скоро ихъ преслѣдованія обратились и на тѣхъ людей аристократической партіи, которые не были сторонниками крайнихъ олигархистовъ. Такъ на примѣръ Ликургъ, человѣкъ очень знатнаго рода, богатый патріотъ Антифонъ, Леонъ саламинскій, сынъ и братъ Никія, сдѣлались жертвами вражды или алчности деспотовъ. Чтобы ненависть народа падала не на нихъ однихъ, они страшными угрозами принуждали уважаемыхъ гражданъ помогать имъ въ убійствахъ. Только Сократъ отказался участвовать въ дѣлѣ убійства Леона саламинскаго.

Обезоруженіе гражданъ. Свирѣпая система показала наконецъ неблагоприятную разсчетливому Терамену, справедливо полагававшему, что лукъ слишкомъ туго

натягиваемый скоро сломится; онъ вздумалъ снова пойти путемъ умеренности, по которому съ такимъ успѣхомъ шелъ во время правленія Совѣта Четырехъ сотъ. Онъ сталъ говорить своимъ товарищамъ, что надобно дать участіе въ правленіи благонадежнымъ гражданамъ. Критій порицалъ этотъ совѣтъ, находя, что онъ отзывается демократіей; но согласился, чтобы составленъ былъ списокъ 3000 гражданъ изъ числа богатыхъ и зажиточныхъ людей. При составленіи этого списка, внесли въ него почти исключительно людей олигархической партіи. Тридцать правителей рѣшили оставить оружіе только у этихъ, созвали на смотръ всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, поставили отдѣльно отъ другихъ на площади три тысячи изъ нихъ, которые хотѣли остаться гоплитами, а другихъ разставили небольшими отрядами по разнымъ мѣстамъ и черезъ нѣсколько времени позволили имъ сходить домой пообѣдать; когда они ушли, агенты Тридцати правителей взяли оставленное ими оружіе, снесли его въ Акрополь и отдали на сохраненіе спартанскому гарнизону. Теперь Тридцать правителей могли не опасаться никакого мятежа и безгранично предались внушеніямъ своихъ политическихъ прихотей. «Они казнили много людей», говоритъ Ксенофонтъ: «однихъ для удовлетворенія своей ненависти, а другихъ по желанію овладѣть ихъ имуществомъ. Чтобы пріобрѣсти деньги на расходы по содержанію своихъ тѣлохранителей, они уговорились, что каждый изъ нихъ выберетъ богатаго метека, велитъ убить его и возметъ его имущество. Они пригласили и Терамена, чтобы онъ выбралъ себѣ метека; но онъ отвѣчалъ, что ему кажется не хорошо, чтобы люди называющіе себя аристократами («ἀριστοί», то есть «наилучшими». — благородными людьми) поступали хуже сикофантовъ, которые оставляли по крайней мѣрѣ жизнь ограбленнымъ ими». Съ какой жестокостью, съ какимъ презрѣніемъ всѣхъ человѣческихъ правъ удовлетворяли теперь своей ненависти и алчности Критій и его товарищи, мы видимъ по ихъ поступку съ ораторомъ Лизіемъ и его братомъ. Лизій, богатый метекъ, владѣлецъ оружейной фабрики, и его братъ Полемархъ подверглись нападенію шайки злодѣевъ, бывшихъ на службѣ у Тридцати правителей; эти люди забрали передъ глазами самого Лизія всѣ его деньги, всѣ цѣнныя вещи и повели его и брата въ темницу. Онъ успѣлъ бѣжать, но его братъ безъ всякаго суда былъ принужденъ въ темницѣ выпить ядъ.

Оппозиція Терамена не могла удержать крайнихъ олигарховъ отъ ихъ злодѣйствъ, но раздражила ихъ. Критій рѣшился избавиться отъ его непріятныхъ возраженій. Поставивъ самыхъ наглыхъ изъ своихъ тѣлохранителей съ кинжалами подъ одеждой кругомъ дома правительственнаго совѣта, онъ произнесъ рѣчь, обвинявшую Терамена въ измѣнѣ общему дѣлу.

Терроръ.

Критій описалъ прошлую жизнь Терамена, его постоянное двоедушіе, за которое прозвали его котурномъ, потому что какъ котурнъ можно было надѣвать и на ту и на другую ногу, такъ Терамень умѣлъ приспособляться и къ аристократіи и къ демократіи. Для безопасности правителей и для прочности олигархіи необходимо, говорилъ Критій, чтобы такой лицемеръ, такой ненадежный человекъ, такой эгоистъ получилъ заслуженное наказаніе; иначе онъ будетъ по прежнему губить другихъ для своей выгоды. Терамень защищался искусно и краснорѣчиво. Критій говорилъ, что онъ держалъ себя коварно послѣ битвы при Аргинусскихъ островахъ; Терамень отвѣчалъ, что Критій не можетъ ничего знать объ этомъ, потому что былъ тогда въ Фессаліи, начальствуя тамъ отрядомъ, находившимся на службѣ у демократовъ и возбуждая крѣпостныхъ поселенцевъ (пенестовъ) къ мятежу противъ ихъ господъ. На упрекъ, что онъ приспособился и къ той и къ другой изъ враждебныхъ партій, Терамень отвѣчалъ, что лучше правиться двумъ партіямъ, чѣмъ быть ненавистнымъ для всѣхъ, какъ Критій: при демократическомъ правленіи Критій считался злѣйшимъ врагомъ народа, а теперь онъ предметъ омерзѣнія для всѣхъ честныхъ гражданъ. О той измѣнчивости убѣжденій, въ которой упрекали Терамена, онъ говорилъ, что это только политическое благоразуміе человека, идущаго среднимъ путемъ мудрости, не желающаго ни такой демократіи, при которой въ народномъ собраніи участвуютъ рабы и нищія, ни такого олигархическаго правленія, при которомъ надъ государствомъ произвольно владычествуютъ нѣсколько человекъ.

Смерть Терамена.

Замѣтивъ, что рѣчь Терамена производитъ благоприятное впечатлѣніе на членовъ совѣта, Критій велѣлъ войти въ залъ стоявшимъ у зданія вооруженнымъ людямъ, объявилъ, что онъ и его товарищи не выпустятъ отсюда живымъ человека, замышляющаго низвергнуть олигархію, и вычеркнулъ имя Терамена изъ списка трехъ тысячъ гражданъ. Тѣ, кто не находились въ этомъ спискѣ, могли быть осуждаемы на смерть тридцатью правителями безъ передачи дѣла на рѣшеніе правительственнаго совѣта. Терамень бросился къ жертвеннику Гестіи, умоляя членовъ совѣта защитить его; но они, боясь за самихъ себя, молчали. По приказанію Критія, Сатиръ, начальникъ исполнителей смертныхъ приговоровъ, оторвалъ его отъ жертвенника и повелъ черезъ площадь въ темницу. Терамень призывалъ боговъ и людей въ свидѣтели того, что съ нимъ поступаютъ несправедливо; но его протесты были напрасны. Говорятъ, что, выпивъ поданный ему ядъ, онъ выплеснулъ изъ кубка оставшіяся капли, какъ дѣлали съ виномъ на пирахъ, и сказалъ, какъ говорили при этомъ на пирахъ: «за здоровье милаго Критія!» Ксенофонтъ съ удивленіемъ говоритъ объ этомъ спокойствіи духа, объ этой предсмертной шуткѣ Терамена.

Усиленіе террора.

Избавясь отъ опасеній, какія внушалъ имъ Терамень, Тридцать правителей продолжали еще смѣлѣе прежняго свое тиранство. Чтобы не имѣть въ Аѣинахъ никакого противорѣчія себѣ, они принудили удалиться изъ города всѣхъ тѣхъ, чьи имена не были внесены въ списокъ трехъ тысячъ гражданъ; хватали въ Пирей, въ другихъ го-

родахъ, въ селахъ и убивали подозрительныхъ людей и брали себѣ имущества убитыхъ. Доносчики Батрахъ, Эсхилидъ и другіе неутомимо разыскивали, кого отдать въ жертву ихъ мщенію и алчности. Со временъ Періандра и Поликрата не было примѣровъ, чтобы государственная власть дѣйствовала съ такой обдуманной свирѣпостью. Говорятъ, что въ восемь мѣсяцевъ своего владычества Тридцать правителей убили 1500 человекъ безъ всякаго суда. Тѣ аѣиняне, которые не принадлежали къ небольшому числу ихъ друзей, толпами бѣжали въ сосѣднія государства, въ Мегару, Аргосъ, Фивы, Оропъ, Халкиду, въ другіе города; но и тамъ не были безопасны отъ преслѣдованія Тридцати правителей, по просьбѣ которыхъ спартанцы запретили союзникамъ давать пріютъ бѣжавшимъ изъ Аѣинъ.

Это приказаніе не было исполняемо потому, что союзники Спарты были недовольны дѣйствіями Лизандра, который проявлялъ все больше и больше высокомерія и властолюбія; радость, какую возбудило въ союзникахъ паденіе Аѣинъ, постепенно уступала мѣсто неудовольствію противъ Спарты. Пелопоннесскія государства не были ничѣмъ вознаграждены за свое участіе въ войнѣ; несмѣтную добычу Спарта всю взяла себѣ. Все яснѣе становилось, что Лизандръ хочетъ доставить Спартѣ кромѣ гегемоніи на сушѣ и гегемонію на морѣ, принадлежавшую Аѣинамъ, хочетъ, чтобы всѣ прибрежные города повиновались Спартѣ, чтобы всѣ греческія государства стали данниками ея, были обязаны давать ей флотъ и войско. Союзники Аѣинъ были свободны въ выборѣ формы своего правленія и вообще пользовались независимостью въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Спартанцы силой или хитростью уничтожали повсюду демократическое правленіе и отдавали власть въ руки олигархическихъ комитетовъ, состоявшихъ обыкновенно изъ десяти членовъ; эти правители были слугами Спарты, и повсюду стояли спартанскіе гарнизоны, поддерживавшіе ихъ власть; воины этихъ гарнизоновъ были наемники, а начальники ихъ, коменданты городовъ, были люди грубые и алчные.

Властолюбіе Спарты возбуждаетъ неудовольствіе.

При неудовольствѣ Спартою, прежняя ненависть къ властолюбивымъ, гордымъ Аѣинамъ смѣнилась во многихъ греческихъ государствахъ состраданіемъ къ ихъ несчастію, и возникло желаніе, чтобы Аѣины освободились отъ свирѣпой власти Тридцати, отъ спартанскаго гарнизона, возвратили себѣ независимость. Фиванцы, бывшіе самыми ожесточенными врагами аѣинянъ, дали пріютъ у себя бѣжавшимъ аѣинскимъ демократамъ, и тайно помогали ихъ замыслу овладѣть Филою, пограничною аттическою крѣпостью, стоявшею въ прекрасной долинѣ Парнесскаго хребта. Отрядъ изгнанниковъ подъ начальствомъ Тразибула вошелъ въ нее, и она стала сборнымъ пунктомъ изгнанныхъ и бѣжавшихъ демократовъ. Фиванцамъ не могло быть пріятно владычество Спарты надъ сосѣднею съ ними Аттикой. Тридцать правителей хотѣли выгнать Тразибула изъ Филы; но онъ отбилъ ихъ нападеніе, хотя у нихъ было гораздо больше войска. Лакедемонскій отрядъ и отрядъ аѣинской конницы расположились станомъ въ порос-

Тразибулъ овладѣваетъ Филою.

шей кустарникомъ мѣстности между Филою и Аѣинами, чтобы мѣшаты набѣгамъ демократовъ, число которыхъ простиралось уже до 700; но демократы напали на нихъ ночью, застигли ихъ въ располхъ, прогнали съ большою потерей, взяли много оружія. «Послѣ этого

Тридцать пра- Тридцать правителей стали полагать, что ихъ владычество не прочно», вителей приго- говоритъ Ксенофонтъ, «потому рѣшили завладѣть Элевзиномъ, чтобы товляютъ себя имѣть въ немъ убѣжище на случай бѣды». Подъ предлогомъ смотра, убѣжище въ они пришли съ конницею въ Элевзинъ, коварствомъ захватили всѣхъ Элевзинъ.

тѣхъ вооруженныхъ гражданъ его, которые казались имъ опасными по образу мыслей или по смѣлости характера, отвели арестованныхъ въ Аѣины; тамъ Критій созвалъ въ одеонѣ три тысячи гражданъ олигархической партіи, окружилъ ихъ спартанскимъ войскомъ, и они по его предложенію осудили элевзинскихъ плѣнниковъ на смерть. Убийцы, находившіеся на службѣ Тридцати, тотчасъ исполнили приговоръ. Число казненныхъ элевзинцевъ было триста человекъ. Принуждая гражданъ, внесенныхъ въ списокъ трехъ тысячъ, участвовать въ злодѣйствахъ, Критій рассчитывалъ обезпечить себѣ поддержку ихъ; но только возбудилъ къ себѣ въ нихъ ненависть; они прониклись желаніемъ избавиться отъ невыносимаго ига Тридцати.

Битва при Му- Наконецъ настала часъ освобожденія. Ободренный своими успѣхами нихин. Лѣто и рассчитывая на раздоры между Тридцатью правителями и прежними ихъ приверженцами, Тразибулъ съ тысячею изгнанниковъ пошелъ къ Пирею и занялъ его. Тридцать правителей съ лакедемонскими наемниками, съ аѣинскою конницею и съ надежнѣйшими изъ гоплитовъ пошли противъ изгнанниковъ. Защищаться въ Пирей, укрѣпленія котораго были разрушены, было неудобно; потому Тразибулъ перешелъ къ Мунихин, на крутой холмъ, и поставилъ тутъ, у храма Геракла, своихъ воиновъ въ боевой порядокъ.

Тразибулъ поставилъ своихъ гоплитовъ въ десять шеренгъ, а зади ихъ расположилъ стрѣлковъ и пращниковъ. Непріятель шелъ колонною въ пятьдесятъ шеренгъ. Тразибулъ сказалъ своимъ воинамъ пламенную рѣчь; онъ говорилъ имъ, что они должны надѣяться на правоту своего дѣла и на помощь боговъ, должны быть увѣрены въ побѣдѣ; она возвратитъ родину, родной домъ, семейство, свободу тѣмъ, которые останутся живы, дастъ славу тѣмъ, которые падутъ въ битвѣ; каждый пусть сражается такъ, чтобы могъ сказать, что и онъ содѣйствовалъ этой побѣдѣ. — Сраженіе началось тѣмъ, что стрѣлки и пращники Тразибула стали пускать стрѣлы и камни въ густые ряды приближающихся враговъ, которые старались прикрываться щитами; напасть на нихъ въ это время было удобно, и гоплиты Тразибула, ободренные самопожертвованіемъ бывшаго въ ихъ рядахъ жреца, добровольно умершаго за родину, быстро ринулись съ высоты на непріятеля.

Смерть Критія. Атакка демократовъ была успѣшна, непріятель отступилъ, потерявъ семьдесятъ человекъ убитыми; въ числѣ убитыхъ были Критій и два другіе, самые вліятельные послѣ него, олигархи, Гиппомакъ и Хармидъ. Было, по обычаю, заключено перемиріе для погребенія убитыхъ; воины

обоихъ войскъ сошлись, разговаривали. Одинъ изъ изгнанниковъ, Клеокритъ, бывший прежде глашатаемъ при Элевзинскихъ праздникахъ, и обла- давшій громкимъ голосомъ, закричалъ, обращаясь къ противникамъ: «За- чѣмъ вы отвергаете насъ, сограждане, и хотите убить насъ? Мы никогда Воззвание Клео- не дѣлали вамъ никакого зла. Мы вмѣстѣ съ вами совершали священные крита. обряды и торжества, вмѣстѣ приносили жертвы; мы были вашими това- рищами на играхъ и въ школахъ; вмѣстѣ съ вами были вѣрными бойцами за общую нашу свободу во многихъ битвахъ на сушѣ и на морѣ. Закли- наю васъ богами вашихъ отцевъ и матерей, узами родства и дружбы, соединяющими столь многихъ изъ васъ съ нами, перестаньте повиноваться злодѣямъ Тридцати, которые въ восемь мѣсяцевъ убили больше аѣянъ, чѣмъ целопоннесцы въ десять лѣтъ войны. Они привели васъ на эту бого- противную, гнусную борьбу съ братьями, они виноваты въ смерти этихъ вашихъ товарищей, многихъ между которыми мы такъ же оплакиваемъ, какъ и вы».

Слова Клеокрита, пользовавшагося общимъ уваженіемъ, произвели Передача вла- сильное впечатлѣніе на аѣинское войско. Оно, взявъ своихъ уби- сти въ Аѣинахъ тыхъ, воротилось въ Аѣины. На другой день, въ собраніи прави- совѣту Десяти. тельственного совѣта, члены комитета Тридцати выказали упадокъ духа; ясно было, что ужъ и сами они считаютъ свое дѣло прои- граннымъ. Собрались на совѣщаніе три тысячи гражданъ; не могли согласиться между собою о томъ, чѣмъ прекратить войну, но рѣшили отнять власть у комитета Тридцати, избрали новыхъ прави- телей, десять человекъ, по числу десяти филъ. Члены комитета Тридцати покорились рѣшенію, не пытались сопротивляться, и удали- лись въ Элевзинъ. — Но согласіе и спѣкойствіе не возстановилось отъ переменъ правительства. Члены комитета Десяти были люди тоже олигархической партіи. Они предложили Тразибулу и главнымъ его товарищамъ присоединиться къ нимъ, вмѣстѣ съ ними владыче- ствовать надъ государствомъ. Тразибулъ и его товарищи, добросо- вѣстные патріоты, отвергли ихъ предложеніе. Война между Пиреемъ и Аѣинами возобновилась. Казалось, что аѣняне, уцѣлѣвшіе отъ оружія враговъ и отъ злодѣйствъ комитета Тридцати, истребятъ другъ друга въ ожесточенномъ междоусобіи.

Демократы, занявшіе Пирей, терпѣли сначала недостатокъ и въ Лизандръ идетъ деньгахъ и въ оружіи; но добровольныя пожертвованія метековъ, противъ демо- кратовъ, заняв- крати доставили имъ все, что было нужно; они шли нападать на шихъ Пирей. Ок- противниковъ. Тѣснимое ими олигархическое правительство Аѣинъ тябрь (?) 404. просило помощи спартанцевъ; просили и члены совѣта Тридцати, ушедшіе въ Элевзинъ. Лизандръ хотѣлъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы нанести смертельный ударъ демократической партіи аѣинскаго народа, отнять у нея всякую возможность когда нибудь возстать противъ Спарты и агентовъ Спарты, олигарховъ. Онъ хо- тѣлъ блокировать Пирей, принудить демократовъ голодомъ къ по- корности. Самъ онъ, назначенный гармостомъ, пошелъ съ сильнымъ

пелопоннесскимъ войскомъ въ Элевзинъ, чтобы отрѣзать подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ Пирей съ сухаго пути, а его братъ Либисъ сталъ съ пелопоннесскимъ флотомъ у входа въ пирейскую гавань. вмѣстѣ съ тѣмъ, спартанцы дали олигархамъ въ заемъ 100 талантовъ.

Павзаній убѣждаетъ аѳинянъ примириться. Казалось, что гибель демократовъ неизбежна. Отрѣзанные отъ всякаго подвоза, воины Тразибула не имѣли запасовъ продовольствія, и должно было полагать, что скоро голодъ заставитъ ихъ сдаться. Но они получили неожиданное спасеніе: за нихъ вступился Павзаній, спартанскій царь династіи Агіадовъ; онъ дѣйствовалъ отчасти по великодушію, по состраданію къ бѣдствіямъ аѳинянъ, отчасти по враждѣ къ Лизандру, могуществу котораго завидовалъ. Притомъ, Павзаній видѣлъ, что союзники Спарты недовольны ея самовластіемъ, опасаются быть поработены ею. Коринѣи и Фивы ужь отказались послать свои войска противъ аѳинскихъ демократовъ. Должно было полагать, что если Лизандръ снова упрочитъ владычество своихъ приверженцевъ-олигарховъ надъ Аѳинами, то возростетъ его вліяніе въ Спартѣ, увеличится недовѣріе союзниковъ, возникнутъ раздоры. Политическое благоразуміе требовало поступать мягко. Потому Павзаній убѣдилъ эфоровъ послать его съ другимъ войскомъ въ Аттику, не столько на помощь Лизандру, сколько для того, чтобъ устроить примиреніе между аѳинскими олигархами и демократами. Онъ расположился станомъ у Академіи. Родственники гражданъ убитыхъ Тридцатью правителями, и въ особенности семейство Никія, такъ ужасно пострадавшее отъ нихъ, просили его помощи противъ злодѣевъ, ушедшихъ въ Элевзинъ. Одержавъ побѣду надъ Тразибуломъ, онъ убѣдилъ занимавшихъ Пирей демократовъ и аѳинскихъ гражданъ положить оружіе и предоставить свои несогласія рѣшенію Спарты.

По просьбѣ обѣихъ партій аѳинскаго народа эфоры послали въ Аттику комиссію изъ 15 уполномоченныхъ; она, подъ предѣтельствомъ Павзанія, устроила примиреніе между аѳинскими партіями; условія мира были: изгнанникамъ возвращаются гражданскія права и конфискованныя имущества; никто не можетъ быть преслѣдуемъ за свои прошлые поступки; исключаются изъ этой амністіи только члены комитета Тридцати, ушедшіе въ Элевзинъ, члены олигархическаго комитета Десяти, управлявшаго по порученію Тридцати Пиреемъ, члены ненавистнаго полицейскаго комитета Одинадцати, завѣдывавшаго исполненіемъ смертныхъ приговоровъ при владычествѣ Тридцати. Эти исключенные изъ амністіи и всѣ другіе, недовольные новымъ порядкомъ, могутъ жить въ Элевзинѣ.

Тразибулъ вступаетъ въ Аѳины. По заключеніи этого договора Павзаній распустилъ пелопоннесскія войска и флотъ и возвратился съ лакедемонскою частью своего войска въ Спарту. Тразибулъ и его воины въ полномъ вооруженіи вошли въ Аѳины. Онъ принесть въ Акрополѣ жертву богинѣ-покровительницѣ

города; было созвано собраніе трехъ тысячъ гражданъ, поддерживавшихъ олигархію; Тразибулъ сказалъ имъ краткую, сильную рѣчь:

«Подумайте, разберите, граждане, на чемъ основаны ваши притязанія владычествовать надъ нами. Не на томъ ли, что вы справедливые насъ? — Нѣтъ, эти люди, хотя они бѣднѣе васъ, не дѣлали изъ-за денегъ ничего несправедливаго; а вы, хотя богаче ихъ, дѣлали много очень дурнаго по корыстолюбію. Или вы можете гордиться храбростью? — Война, кончившаяся теперь, даетъ самый лучший отвѣтъ на это. Или вы превосходите насъ искусствомъ вести правительственныя дѣла? — У васъ были стѣны, оружіе, деньги; у васъ были союзники, пелопоннесцы, а вы побѣждены нами, нуждавшимися во всемъ. Или вы надѣетесь на лакедемонянъ? — Что жъ, развѣ не отдали они васъ во власть страдавшему отъ васъ народу, какъ привязываютъ на цѣпь злыхъ собакъ? Потому я совѣтую вамъ теперь, оставайтесь вѣрны вашему обѣщанію и докажите, что вы уважаете пляты и религію. Онъ кончилъ словами, что они могутъ считать себя безопасными отъ преслѣдованій, потому что будутъ жить подъ защитою прежнихъ справедливыхъ законовъ.

Рѣчь Тразибула.

Демократическое правленіе было восстановлено. Формисій предлагалъ, чтобы право участія въ народномъ собраніи было предоставлено только гражданамъ, владѣющимъ землею; это значило-бъ не давать права голоса капиталистамъ, торговцамъ и 5.000 бѣдныхъ гражданъ, ремесленниковъ и моряковъ, жившихъ въ Аѳинахъ и въ Пирей; предложеніе было отвергнуто, послѣ краткаго совѣщанія; особенно сильно говорилъ противъ него Лизій. — Были восстановлены правительственный совѣтъ Пяти сотъ, судъ геліастовъ, архонты, стратеги; какъ прежде, бросили жребій о томъ, кому занимать общественныя должности, замѣщавшіяся по жребію; какъ прежде, выбралъ народъ баллотировкою тѣхъ сановниковъ, которые прежде были избираемы баллотировкой. — Но спокойствіе государства не могло упрочиться, пока остаются въ Элевзинѣ вожди олигархической партіи: у нихъ тамъ было войско, они могли дѣлать нападенія. Тразибулъ повелъ вооруженныхъ гражданъ противъ нихъ. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, какъ именно произошла послѣдняя катастрофа междоусобія, упрочившая демократическій порядокъ и прекратившая господство олигарховъ въ Элевзинѣ. По дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, осаждающіе вступили въ переговоры съ членами совѣта Тридцати, склонили ихъ прійти въ станъ; въ станъ они были убиты. Курціусъ полагаетъ, что военачальники не могли удержать негодованія народа, которое вспыхнуло тѣмъ сильнѣе, что на этомъ самомъ мѣстѣ, у воротъ Элевзина, были коварно захвачены этими злодѣями элевзинскіе граждане, которыхъ они повели отсюда на смерть. Остальные олигархи вѣроятно или бѣжали или сдались. — Послѣ этого, въ тотъ годъ, который по аѳинскому лѣтосчисленію называется годомъ архонтства Эвклида, былъ установленъ народомъ рядъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью прекратить раздоры между гражданами, восстановить согласіе и законный порядокъ. Была торжественно провозглашена амністія, чтобы прони-

Восстановленіе демократическаго правленія.

Годъ архонтства Эвклида.

кало въ сердца чувство примиренія. Было рѣшено пересмотрѣть прежніе законы, чтобъ измѣнить ихъ сообразно новымъ условіямъ жизни; Ареопагу было вновь поручено охраненіе законнаго порядка (стр. 251); были установлены правила, ограждавшія права личности и собственности. Преобразованиемъ законовъ въ архонтство Эвклида начинается новая эра въ исторіи аѳинскаго государства. Ораторъ Лизій, горячій патріотъ, всѣми силами содѣйствовалъ принятію примирительныхъ мѣръ.

1. Амнистія и законы, ограждающіе свободу личности. 1. Законъ объ амнистіи постановилъ, что граждане не могутъ быть подвергаемы суду за поступки ихъ до архонтства Эвклида. Было позволено возвратиться даже тѣмъ членамъ правительства Тридцати, правительства Десяти и коммисіи Одиннадцати, которые захотятъ отдать требуемый законами отчетъ о своей должностной дѣятельности. Ихъ дѣтямъ и родственникамъ была предоставлена свобода жить въ Аѳинахъ. Къ присягѣ, которую давали члены Правительственнаго Совѣта, было прибавлено обѣщаніе «не допускать обвиненій ни за какіе прошлые поступки»; а къ присягѣ геліастовъ: «не помнить испытанныхъ обидъ и судить по существующимъ законамъ». При борьбѣ партій легко могли возникать попытки подвергать противниковъ обвиненіямъ за прошлое; въ предотвращеніе этого было, по предложенію Архина, прибавлено къ закону объ амнистіи постановленіе, дававшее обвиняемому право требовать, чтобы судъ объявилъ обвиненіе противозаконнымъ и взыскалъ съ обвинителя денежное вознагражденіе (ερίβωλε) въ пользу обвиняемаго. Это постановленіе о недопущеніи процесса (ραγαγραφη) обезпечивало гражданъ отъ нарушенія ихъ спокойствія политическими доносами объ ихъ прошлыхъ проступкахъ.
2. Пересмотръ законовъ. 2. По предложенію Тисамена было рѣшено пересмотрѣть существующіе законы, отменить или передѣлать устарѣвшіе, пополнить другіе сообразно современнымъ потребностямъ. Это дѣло было поручено коммисіи 500 номоетовъ (законодательной коммисіи), члены которой были избраны народнымъ собраніемъ. Законодательныя работы номоетовъ передавались на разсмотрѣніе правительственному совѣту; по утвержденіи ихъ, сводъ законовъ въ новой редакціи былъ написанъ іонійскимъ шрифтомъ на доскахъ; эти доски были поставлены въ стоѣ (колоннадѣ съ заднею стѣною и подъ навѣсомъ), называвшейся Ροικίε (стоя украшенная картинами). Такимъ образомъ, изученіе законовъ стало доступно всѣмъ. Ареопагу было поручено наблюдать за исполненіемъ ихъ. Было постановлено, что приговоры народного собранія, называвшіеся ρερχίσμα, должны быть дѣлаемы съ соблюденіемъ законныхъ формъ и, безъ того, не должны имѣть законной силы.
3. Законы для огражденія правъ собственности. 3. Умѣренность и справедливость, правилами которыхъ вообще руководилось возстановленное демократическое правленіе, выказалось особенно въ постановленіяхъ, имѣвшихъ цѣлью привести въ законный порядокъ имущественныя отношенія, нарушенныя при владычествѣ олигарховъ конфискаціями собственности убитыхъ, изгнанныхъ, бѣжавшихъ, произвольными штрафами и другими насиліями. Было опредѣлено, что сохраняютъ законную силу всѣ судебныя рѣшенія, постановленныя при демократическомъ правленіи, отменяются всѣ приговоры Тридцати правителей; конфискованныя имущества были возвращены законнымъ собственникамъ. Данныя закедемонянами въ ссуду Тридцати правителямъ 100 талантовъ были уплачены Спартѣ аѳинскимъ государствомъ. Всадники, усердно поддерживавшіе владычество комитета Тридцати, должны были возратить въ казну деньги, израсходованныя на ихъ вооруженіе.
4. Постановленіе о правахъ гражданства. 4. Только въ одномъ дѣлѣ народное собраніе показало несвоевременную племенную гордость, несообразную съ политическимъ благоразуміемъ: по предложенію Аристофона оно постановило, что полноправными гражданами должны считаться только сыновья гражданъ отъ гражданокъ; прежде, сыновья отъ брака гражданина съ не-гражданкою пользовались полными правами гражданства. Было бы полезно установить законъ, благопріятный бракамъ аѳинскихъ гражданъ съ гречанками не-аттическаго происхожденія;

это помогло бы оправиться государству, очень ослабѣвшему отъ гибели множества гражданъ во время военныхъ бѣдствій и свирѣпостей олигархическаго правительства.

Должно признать, что побѣдоносный демосъ выказывалъ при возстановленіи государственнаго порядка и преобразованіи законовъ большую умѣренность и справедливость; онъ держалъ себя какъ человѣкъ, съ трудомъ подымающійся на ноги послѣ долгой, тяжелой болѣзни и заботящійся укрѣпить свои ослабѣвшія силы. Благодаря этой умѣренной, примирительной политикѣ, аѳинское государство стало оправляться отъ бѣдствій, какія нанесены были ему войною и ожесточеніемъ олигарховъ. Правда, новое аѳинское государство, не имѣющее ни союзниковъ, ни флота, ни крѣпостей, ни богатой казны, было далеко не то, чѣмъ было прежнее могущественное аѳинское государство, располагавшее силами обширной федераціи, острововъ и прибрежныхъ городовъ; гегемонія была утрачена; Аѳины были теперь лишь однимъ изъ второстепенныхъ государствъ Греціи, принужденныхъ повиноваться Спартѣ. Но еще сохранились въ аѳинскомъ народѣ нравственныя силы, заботливое развитіе которыхъ могло дать государству новую эпоху блеска, хотя ужъ и не такого, какъ прежній. И если бы весь аѳинскій демосъ былъ проникнутъ такими же гражданскими доблестями, какъ честный Тразибулъ и нѣкоторые другіе вожди народа,—напримѣръ, Архинъ и Анить,—то государство быстро окрѣпло бы. Но признавая заслуги и благородныя качества Тразибула и его сподвижниковъ, награждая ихъ вѣнками, прославляя геройство ихъ надписями на памятникахъ, масса гражданъ не слѣдовала ихъ примѣру. Аѳинскій народъ возстановилъ формы прежняго государственнаго устройства; но настоящее было отдѣлено отъ великаго прошлаго бездною. Нравы не соответствовали прежнимъ учрежденіямъ. Новыя поколѣнія не имѣли ни энергіи, ни самоотверженнаго патріотизма предковъ, ни ихъ любви къ простому образу жизни, ни ихъ довольства скромнымъ благосостояніемъ. Предки были привычны переносить труды и лишенія; теперь аѳиняне были изнѣжены, боялись труда; они любили спокойную, удобную обстановку жизни, любили наслажденія, военная жизнь была тяжела для нихъ; и хотя государственная казна была пуста, льстецы народа, демагоги скоро стали предлагать, чтобы были возстановлены вознагражденіе за исполненіе гражданскихъ обязанностей, выдача денегъ на посѣщеніе театра (theorikon), другія раздачи денегъ народу,—и народъ возстановилъ это. Сановники больше, чѣмъ когда нибудь, расхищали государственныя деньги; росли жалобы на взяточничество, на несправедливость въ судѣ. Увеличивался развратъ. Гетеры, женщины, торговавшія собою, губили семейную жизнь. По всей Элладѣ, и въ Аѳинахъ больше всего, проявлялись признаки одряхлѣнія. Идеальныя стремленія ослабѣли; вѣра въ осуществимость благородныхъ мыслей утратила

Характеръ настоящего демократическаго правленія.

свою прежнюю силу. Жизнь была лишена поэтического колорита, бодрого энтузиазма. На ней лежала мрачная тѣнь сознанія, что миновало время величія греческаго народа; и даже искусство было проникнуто тоскливымъ чувствомъ.

Смерть Алкивиада.

Алкивиадъ не дожидъ до возстановленія демократіи въ Аѳинахъ. Послѣ эгослотамской битвы, отдавшей восточные греческіе города во власть Лизандра и олигарховъ, онъ скоро увидѣлъ, что ему опасно оставаться въ Херсонесѣ еракійскомъ, покинулъ свой дворецъ и перѣхалъ съ своими сокровищами въ Вонію; дикіе туземцы ограбили его; онъ уѣхалъ къ фригійскому сатрапу Фарнабазу, съ которымъ давно былъ друженъ. Подобно Оемистоклу, онъ хотѣлъ ѣхать въ Сузу. Онъ думалъ объяснить Артаксерксу положеніе греческихъ дѣлъ и раскрыть царю мятежническій умыселъ Кира. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ пуститься въ путь, онъ былъ убитъ. Подозрительность его могущественныхъ и многочисленныхъ враговъ была сильнѣе дружбы Фарнабазы. Правительство Тридцати возобновило смертный приговоръ противъ него; Агисъ былъ смертельнымъ врагомъ ему; Лизандръ и друзья Лизандра ненавидѣли его; Киръ опасался его; — при всей своей ловкости, онъ не могъ ускользнуть отъ столькохъ преслѣдователей; а убивать людей не церемонились въ то кровавое время. По приказанію спартанскаго правительства, Лизандръ письменно выразилъ Фарнабазу желаніе, чтобы былъ убитъ Алкивиадъ, который, пока живъ, не перестаетъ вредить персамъ и лакедемонянамъ. Сатрапъ не посмѣлъ противиться и послалъ своихъ брата и дядю съ отрядомъ войска въ то фригійское селеніе, гдѣ жилъ тогда Алкивиадъ вмѣстѣ съ своею любовницею, гетерою Тимандрой. Убийцы не отважились ворваться къ нему, окружили и подожгли домъ. Алкивиадъ выбѣжалъ изъ пламени, забросавъ его одѣялами и коврами, и, прикрываясь обернутою въ плащъ лѣвою рукою, пошелъ черезъ кругъ убійцъ, размахивая схваченнымъ въ правую руку кинжаломъ. Но окружавшіе домъ изъ-дали убили его, пуская въ него стрѣлы и дротики. Тимандра съ заботливостью любви воздала почестъ похоронъ его тѣлу. Такъ умеръ въ дали отъ родины это гениальный человѣкъ. Ему еще не было тогда пятидесяти лѣтъ. Своими великими талантами онъ принесъ отечеству больше вреда, чѣмъ пользы. Его не столько любили, сколько боялись. И смерть его возбудила мало сожалѣній.

II. Умственная жизнь. Литература.

1. Философія.

1. Софисты.

Умственное развитіе въ Аѳинахъ.

Въ тѣ пятьдесятъ лѣтъ, политическую исторію которыхъ мы изложили, умственное и художественное развитіе греческаго народа достигло высокой степени совершенства. Одну изъ сторонъ умственной жизни этого періода, драматическую поэзію, мы уже знаемъ. Но творческая дѣятельность мысли была очень разнообразна; мы должны

обозрѣть и другія проявленія ея, знакомство съ которыми необходимо для вѣрной оцѣнки того, какъ богата была умственными силами греческая жизнь. Мы рассмотримъ, какъ развились въ это время философское изслѣдованіе и исторіографія, съ предшествовавшими періодами которыхъ мы уже знакомы, какіе плоды принесли тѣ сѣмена; потомъ мы сдѣлаемъ обзоръ успѣховъ краснорѣчія и изящныхъ искусствъ. Это изобильное поле богато превосходными произведеніями, изученіе которыхъ даетъ отраду, заставляющую забывать мрачныя картины политической и военной жизни Греціи тѣхъ временъ.

Прежде чѣмъ будемъ слѣдить за фактами разныхъ областей тихой сферы наукъ и искусствъ, намъ необходимо обратить вниманіе на явленіе, которое было очень порицаемо современниками, осуждается и потомствомъ, но имѣло громадное вліяніе на всю умственную жизнь грековъ; это—софистика, преобразовавшая греческое міровоззрѣніе, науку и литературу. Когда мы говорили объ Эврипидѣ, мы видѣли, что драматическая поэзія въ послѣднемъ фазисѣ своего блеска подчинилась вліянію появившихся около того времени новыхъ философовъ, называвшихся софистами: ихъ ученія отразились и на формѣ трагедій, и на тонѣ рѣчи дѣйствующихъ лицъ, и на характерахъ, на образѣ ихъ мыслей, на ихъ чувствахъ. Еще сильнѣе было вліяніе софистовъ на философію и краснорѣчіе; софисты совершенно преобразовали эти направленія умственной жизни своею теоріею, подчинявшею внѣшній міръ человѣческому мышленію и показывавшею ему новые пути практической дѣятельности.

Названіе «софистъ» издавна получило дурной смыслъ. Потомки, судившіе объ ученіи и дѣятельности софистовъ почти исключительно со словъ ихъ великаго противника, Платона, считали ихъ самохвалами, заботившимися только объ эффектѣ, собиравшими около себя многочисленныхъ учениковъ подъ колоннадами богатыхъ домовъ или въ гимназіяхъ, ослѣплявшими этихъ учениковъ блестящей діалектикой, прикрывавшими недостатокъ своихъ свѣдѣній умѣньемъ искусно говорить и ловко спорить, — короче, считали ихъ основателями того, что теперь называется софистикой, основателями искусства опутывать мысли слушателей обманчивой діалектикой, логическими хитросплетеніями, фальшивыми силлогизмами и риторикой съ ея антитезами, всяческими фигуральными выраженіями и неожиданными оборотами рѣчи; о нихъ привыкли думать, что помощью этихъ уловокъ они омрачали въ людяхъ здравый смыслъ, наглыми фальшивыми толкованіями колебали понятія о справедливости, добродѣтели, религіи, разрушали уваженіе къ добруму и честному, доставляли побѣду дурнымъ мыслямъ надъ хорошими. О софистахъ говорятъ, что они отрицали возможность знать истину, доказывали, что въ человѣческихъ понятіяхъ нѣтъ ничего прочнаго и достовѣрнаго, и своими діалектическими хитростями превращали ложь въ истину, истину въ

Вліяніе софистики.

Характеръ софистики.

ложь; что, называя человека «мѣриломъ всего», они ставили цѣлью жизни удовлетвореніе личнымъ желаніемъ, проповѣдовали эгоизмъ, уничтожали своею отрицательною философіею религію, своими гибельными ученіями отравили въ самомъ корнѣ частную и общественную жизнь. Ихъ вліянію приписываютъ то, что дѣти первыхъ гражданъ государства—Перикла, Поликрата, Каллія, многихъ другихъ—оказывались людьми дурными, развратными; ихъ ученія считаютъ причиною нравственной порчи поколѣнія, выросшаго во время пелопоннесской войны; говорятъ, что они учили аѣинскихъ молодыхъ людей дерзко презирать всѣ преданія старины, всѣ добродѣтели предковъ; что они разрушили вѣру въ боговъ, уваженіе къ законамъ, привязанность къ родинѣ и къ семьѣ, боязнъ неправды и несправедливости, подорвали патриотизмъ и національное чувство. Надобно полагать, что въ этихъ обвиненіяхъ много преувеличиванія; невѣроятно, чтобы могли увлечь общество такія гибельныя лжеученія, противорѣчащія всѣмъ добрымъ и справедливымъ чувствамъ. Должно думать, что на софистовъ было свалено потомками все дурное и ложное, что было изобрѣтаемо сбившимися съ толку тщеславными людьми, путавшими въ своихъ мудрованіяхъ ложь съ истиной. Это было тѣмъ легче, что позднѣйшія поколѣнія не могли судить объ ученіяхъ софистовъ по ихъ собственнымъ сочиненіямъ, а сочиненія ихъ противниковъ привлекали къ себѣ неодолимой прелестію изложенія. Потому новѣйшіе историки, и въ особенности Гротъ, считаютъ дошедшее до насъ по преданію дурное мнѣніе о софистахъ искаженіемъ исторической истины.

Мнѣніе Грота
о софистахъ.

Гротъ говоритъ, что названіе «софистъ» первоначально обозначало преподавателя, который за небольшую плату училъ молодыхъ людей искусству «хорошо мыслить, хорошо говорить и хорошо поступать». По его словамъ, оно не имѣло тогда предосудительнаго значенія, какое было дано ему впоследствии. Онъ говорилъ, что несправедливо употреблять выраженіе «софистика» въ смыслѣ, обозначающемъ какое-нибудь определенное ученіе, что нельзя считать софистовъ мыслителями, принадлежавшими къ одной философской школѣ; что софисты были люди совершенно разныхъ философскихъ направленій, не имѣвшие между собою ничего общаго, кромѣ того, что были преподавателями философіи и краснорѣчія; но что вообще ихъ ученія вовсе не были такъ дурны, какъ привыкли мы думать со словъ Платона; что, напротивъ, преподаватели нужныхъ для общественной дѣятельности знаній, называвшіеся софистами, пользовались заслуженнымъ уваженіемъ своихъ современниковъ, имѣли репутацію людей безупрочныхъ; что многіе изъ нихъ и ученіемъ и примѣромъ своимъ имѣли благотворное нравственное вліяніе; напримѣръ Продикъ Кеосскій въ своей знаменитой парabolѣ «Геркулъ на распутіи» далъ идеальное изображеніе нравственной энергіи благороднаго человека. Гротъ говоритъ, что аѣинскій народъ и его руководители вовсе не были тогда такъ испорчены, какъ обыкновенно полагаютъ, что любовь къ справедливости, добродѣтель, гуманность владычествовали надъ сердцами съ прежней силой и получили даже болѣе благородный характеръ, чѣмъ прежде, благодаря высокому развитію образованности, что дурныя понятія о нравственномъ состояніи аѣинцевъ взяты нами изъ писателей бывшихъ врагами демократіи, представлявшихъ ея результаты только съ дурной стороны, изъ Платона, Ксенофонта, Аристофана. Онъ говоритъ, что обществен-

ная жизнь Аѣинъ того времени не страдала нравственной испорченностью и что софисты, дѣти своего времени, вовсе не были обольстителями своихъ учениковъ, распространителями вредныхъ ученій или дурныхъ правилъ.

Теперь доказано, что софисты, знаменитѣйшими изъ которыхъ были Продикъ Кеосскій, Горгія Леонтинскій, Протагоръ Абдерскій, Гиппій Элидскій, Тразимахъ Халкедонскій, Эвтидемъ Хиосскій, оказали наукѣ очень важныя услуги, много обогатили ее и отважно боролись противъ предразсудковъ, противъ устарѣлыхъ понятій и обычаевъ. Они первые определенно высказали, что мыслящій духъ долженъ владычествовать надъ природою. Горгія знаменитъ тѣмъ, что онъ перенесъ въ Аѣины изъ Сициліи теорію краснорѣчія, первое начало которой положили его соотечественники Коракусъ и Тисій, что онъ очень усовершенствовалъ ее, такъ что долженъ считаться истиннымъ ея основателемъ; онъ былъ и основателемъ методическаго преподаванія; онъ усовершенствовалъ искусство писать прозою. Гиппій оказалъ важныя услуги греческой филологіи своими изслѣдованіями правилъ и формъ языка и объясненіями древнихъ поэтовъ, въ особенности Гомера и Гезіода. Такія же заслуги приобрѣлъ Продикъ своими трудами по определенію отѣнковъ разницы между словами сходнаго значенія (синонимами). Онъ былъ также основателемъ историко-критической обработки государственныхъ наукъ. Другой софистъ, Стесимбротъ Фазосскій, написалъ біографіиThemistocles, Фукидида и Перикла; и кажется, что онъ служилъ главнымъ источникомъ свѣдѣній о вѣкѣ Перикла для Эфора, Феопомпа, Плутарха и другихъ греческихъ историковъ. Софисты наложили печать своихъ теорій на характеръ образованности своего времени; ихъ мысли стали общепринятыми. Ихъ ученіямъ симпатизировали и люди, занимавшіеся прикладными знаніями, какъ напримѣръ архитекторъ Гипподамъ, пользовавшійся покровительствомъ Перикла (страница 551), астрономъ и инженеръ Метонъ, работа котораго, опредѣлявшая отношеніе луннаго года къ солнечному, стала основаніемъ новаго календаря; онъ также боролся противъ старыхъ понятій.

Но остается на софистахъ одинъ упрекъ: они унизили науку, сдѣлавъ изъ нея ремесло, средство къ приобрѣтенію денегъ. Прежде занятіе философіею было дѣломъ склонности, любви; она была благомъ, которое обладающій имъ передавалъ своимъ друзьямъ и согражданамъ безкорыстно, какъ свою образованность, свои хорошія нравственныя мысли; для софистовъ она служила средствомъ приобрѣтать славу и деньги; она была у нихъ товаромъ, которымъ они хвастливо торговали, и важна была для нихъ не истина, а репутація мастеровъ своего дѣла. У нихъ не было неизмѣнной привязанности къ родинѣ, они странствовали изъ города въ городъ, и отечество для нихъ было тамъ, гдѣ удавалось имъ получать знамени-

Достоинства и
недостатки со-
фистовъ.

Странствующій
образъ жизни
софистовъ.

тость и богатство; они приѣзжали въ Аѣны и вообще оставались тамъ, лишь потому, что, при свободѣ общественной жизни въ Аѣнахъ и при любви аѣнянъ къ новизнѣ, тутъ было самое лучшее мѣсто для нихъ пріобрѣтать громкую славу и выгодно было торговать своимъ преподаваніемъ, которое рекомендовали они какъ обученіе искусству «хорошо мыслить, хорошо говорить и хорошо поступать»; спутывая неопытные умы своими діалектическими уловками, они выказывали передъ толпой свое умственное превосходство надъ другими людьми; педантическими правилами и техническими выраженіями они импонировали своимъ ученикамъ и ослѣпляли простодушную массу своею шарлатанскою похвалюю, что будутъ говорить экспромтомъ о какомъ угодно вопросѣ, какъ угодно, и за и противъ. «Невозможно отрицать, говоритъ Целлеръ, что они держали себя хвастливо, вели бродячую жизнь, учили изъ-за денегъ, старались набрать какъ можно больше учениковъ, искали похвалъ, завидовали другъ другу, что многіе изъ нихъ доходили въ самохвальствѣ до смѣшнаго, что ихъ діалектика не приводила ни къ чему прочному, ихъ реторика была безсодержательна, что ихъ понятія о наукѣ и о жизни были пошлы».

Философія со-
фистовъ.

Въ своихъ курсахъ философіи софисты развивали мысль Анаксагора о различіи матеріальнаго міра отъ высочайшаго разума (νοῦς) и говорили, что мысли и цѣли человѣка выше законовъ и явленій природы. Но возвысившись до принципа духовной свободы, они давали ему легкомысленное истолкованіе; доводя гордость человѣческимъ достоинствомъ до надменности, они приписывали всѣ права духовной свободы личнымъ мыслямъ и желаніямъ человѣка, говорили, что какимъ кажется кому внѣшній міръ въ данную минуту, таковъ и дѣйствительно онъ для этого человѣка; что поэтому разные, даже противоположныя мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ одинаково справедливы; что можно съ одинаковою убѣдительною и доказывать и опровергать всякую мысль; что лжи нѣтъ, всякое мнѣніе справедливо. Такимъ образомъ софисты отрицали возможность достовернаго знанія, отрицали объективную истину, отвергали всякія ограниченія личнаго произвола. Доказывая, что явленія внѣшняго міра не имѣютъ существованія, независимо отъ представленій о нихъ человѣка, софисты не замѣняли отрицаемыхъ ими реалистическихъ понятій ничѣмъ. Изъ отрицанія теоретической истины слѣдовалъ у нихъ тотъ практическій выводъ, что цѣль человеческой жизни—удовлетвореніе чувственными влеченіями; ихъ практическимъ ученіемъ былъ эвдемонизмъ, понимаемый въ томъ смыслѣ, что счастье человѣка состоитъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ. Они своею діалектикой, учившею по произволу говорить въ защиту и въ опроверженіе всякой мысли, устраняли все, что стѣсняетъ свободу наслажденія—законы, нравственныя обязанности, обычаи. Въ этомъ духѣ говорилъ ученикъ софистовъ, Калликъ, по словамъ котораго право сильнаго—законъ природы, и всѣ положительныя законы, ограничивающіе это право, созданы заговоромъ слабыхъ противъ сильныхъ. Отрицаніе объективной истины уничтожало уваженіе къ обычаямъ; чувство истины замѣнялось самодовольствомъ человѣка, выказывающаго свою діалектическую силу и поступающаго по произволу. Софистика не имѣла самостоя-

тельнаго содержанія, говоритъ Целлеръ, «все значеніе ея состоитъ въ томъ, что она смутила умъ грековъ, отрицая всѣ авторитеты, подвергая сомнѣнію все, считавшееся неприкосновеннымъ, и заставила разумъ углубиться въ самого себя». Отрицая авторитетъ государства и обычаевъ, софистика отрицала и религіозныя убѣжденія грековъ. Уже и прежніе философы говорили, что боги народной религіи—пустые вымыслы фантазіи; у софистовъ боги обратились въ аллегорическія понятія и олицетворенія силъ природы; потому нѣкоторые изъ нихъ были подвергаемы преслѣдованію какъ атеисты, напримѣръ, Протагоръ, Диагоръ мелосскій; Протагоръ утонулъ на пути въ Сицилію; его трактатъ о богахъ былъ сожженъ въ Аѣнахъ по распоряженію правительства.

2. СОКРАТЬ (466—399).

Противъ дерзкаго высокомерія софистовъ, ставившихъ человѣка мѣриломъ всего существующаго, говорившихъ, что достоверное знаніе невозможно и выводившихъ изъ этого, теорію справедливости и позволительности всего, что нравится человѣку, выступилъ Сократъ, котораго мы уже узнали въ политической исторіи его родины, какъ храбраго воина, патріота, какъ притана, защищавшаго справедливость, какъ безстрашнаго приверженца законности и свободы (стр. 675,—682). Сынъ скульптора Софрониска *) и повивальной бабки Фенареты, онъ происходилъ отъ родителей небогатыхъ, занимавшихъ скромное положеніе въ обществѣ; но отецъ его былъ гражданинъ, мать гражданка (по отцу онъ принадлежалъ къ старинному роду Дедалидовъ); благодаря этому, онъ пользовался тѣмъ хорошимъ физическимъ и умственнымъ воспитаніемъ, какое было даваемо всѣмъ дѣтямъ аѣнскихъ гражданъ, въ школахъ содержимыхъ на счетъ государства. Этому воспитанію онъ былъ обязанъ крѣпкимъ здоровьемъ, которое дѣлало его способнымъ переносить труды и лишенія и которое онъ упрочилъ воздержностью отъ чувственныхъ излишествъ, простымъ образомъ жизни. Онъ не уступалъ выносливостью никому изъ своихъ согражданъ въ походахъ и битвахъ при Потидеѣ, Деміи и Амфинолѣ. Онъ жилъ въ такомъ городѣ, который представлялъ каждому изъ своихъ гражданъ, хотя бы и самому бѣдному, большое удобство пріобрѣтать многостороннія свѣдѣнія и то общечеловѣческое образованіе, которымъ гордились аѣняне. Юноши въ гимназіяхъ учились музыкѣ, знакомились съ произведеніями поэтовъ; музыкальныя и поэтическія состязанія на веселыхъ религіозныхъ праздникахъ, прекрасныя трагедіи и комедіи, дававшіяся въ театрѣ доступномъ для всѣхъ гражданъ, участіе въ судопроизводствѣ и въ совѣщаніяхъ

Воспитаніе
Сократа.

*) Сократъ избралъ сначала профессію отца. Черезъ 600 лѣтъ послѣ его смерти были въ Акрополѣ двѣ статуи Харитъ, которыя считались его произведеніями. Это были драпированныя фигуры.

народнаго собранія, публичныя лекціи софистовъ и философовъ, все это давало афинскому гражданину такія удобства приобретать образованность, что даровитые и любознательные люди безъ большого труда усваивали себѣ всѣ результаты современной умственной жизни. Для этого достаточно было, чтобы они воспринимали предлагаемое имъ жизнью. Сократъ вполне пользовался этими удобствами, любознательно ловилъ всѣ случаи учиться; онъ считалъ самую жизнь училищемъ, ареною умственной гимнастики, — мы знаемъ это по тѣмъ извѣстіямъ, какія дошли до насъ о его образѣ жизни въ годы, когда онъ, покинувъ отцовскую профессію скульптора, сталъ учителемъ молодыхъ людей. Онъ проводилъ большую часть дня въ гимназіяхъ, въ садахъ, подъ колоннадами, или на площади, постоянно былъ среди толпы, говорилъ съ каждымъ, кто хотѣлъ слушать его, отвѣчалъ на всякіе вопросы; онъ посѣщалъ мастерскія ремесленниковъ и художниковъ, бывалъ и въ свѣтскихъ кругахъ, бывалъ у Аспазіи; онъ говорилъ съ простолюдинами такъ же охотно, какъ съ государственными людьми и полководцами, съ бѣдными такъ же охотно, какъ съ богатыми и съ знатными. Съ теченіемъ времени собрался около него кружокъ любознательныхъ учениковъ, которые провожали его на прогулкахъ, внимательно слушали его слова и проникались его идеями. Это было совершенно свободное общество, не связанное никакими школьными правилами, не имѣвшее никакихъ ученій, скрываемыхъ отъ постороннихъ людей. Никогда Сократъ не требовалъ и не бралъ вознагражденія за свои уроки. Мелкія услуги онъ принималъ отъ своихъ учениковъ какъ дружескую любезность, его наставленія стоили гораздо дороже этихъ ничтожныхъ подарковъ, да при его очень скромномъ образѣ жизни ему и не нужно было много денегъ. «По моему мнѣнію, говорилъ онъ, не имѣть никакихъ потребностей — это природа боговъ, и чѣмъ меньше имѣетъ потребности человекъ, тѣмъ ближе онъ къ безсмертнымъ». Софистовъ сравнивалъ онъ съ гетерами, продающими свою любовь тѣмъ, кто за нее платитъ.

Личность Сократа.

Онъ производилъ очень оригинальное впечатлѣніе, казался страннымъ и смѣшнымъ толпѣ, не умѣющей судить о людяхъ, и тѣмъ, кто не зналъ его близко. Природа, какъ извѣстно, не наградила его ни величественной фигурой, ни красотой. Онъ самъ и его друзья, когда были въ шутливомъ настроеніи, часто смѣялись надъ его наружностью. Толстый, вздутый шишкою носъ, слишкомъ выпуклые глаза, толстыя губы, низкій ростъ, широкія плечи, большой животъ дѣлали его похожимъ на силена; впрочемъ это и гармонировало съ его разговорами, которые не имѣли систематической формы, въ которыхъ иронія и шутка скрывались подъ видимымъ простодушіемъ и которые были оживлены сравненіями, простонародными поговорками, цитатами изъ поэтовъ. Когда онъ въ кругу своихъ обыкновенныхъ слушателей, изящно одѣтыхъ знатныхъ молодыхъ людей, шелъ по улицамъ въ

своей бѣдной, небрежной одеждѣ, то останавливаясь, то быстро оглядываясь, онъ производилъ такое странное впечатлѣніе, казался такимъ педантомъ среди красоты и художественности формъ греческой жизни, что нисколько не удивительна мысль Аристофана сдѣлать его представителемъ софистовъ, горячимъ противникомъ которыхъ онъ былъ. Какъ ни различны черты, какими характеризуютъ его знаменитѣйшіе изъ его учениковъ Ксенофонтъ и Платонъ, но въ существенномъ ихъ описанія согласны между собою. Ксенофонтъ говоритъ: «Сократъ былъ такъ благочестивъ, что не дѣлалъ ничего безъ совѣта боговъ, такъ справедливъ, что никогда не причинилъ никому ни малѣйшей обиды; былъ до такой степени господиномъ надъ собою, что никогда не предпочиталъ пріятное нравственно-хорошему, такъ разсудителенъ, что никогда не ошибался въ сужденіяхъ о томъ, что хорошо и что дурно». Онъ называетъ Сократа «самымъ лучшимъ и самымъ счастливымъ изъ людей». Платонъ также выставляетъ его образцомъ самообладанія и выносливости, человекомъ исполненнымъ благочестія и любви къ отечеству, непреклонно вѣрнымъ истинѣ, проникательнымъ и надежнымъ совѣтникомъ своихъ друзей; и въ особенности хвалитъ его за то, что онъ неумоимо старался формировать людей, пользовался всякимъ случаемъ развивать во всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался, самопознаніе и хорошія нравственныя качества, всячески боролся противъ самонадѣянности и легкомыслія софистовъ. Но ни у Ксенофонта, ни у Платона Сократъ не является аскетомъ или человекомъ съ претензіями быть идеаломъ всѣхъ добродѣтелей. Онъ вполне грекъ и считаетъ законными чувственныя потребности человеческой природы; онъ осуждалъ только излишество въ нихъ. На веселыхъ пирахъ онъ не отказывался отъ кубка и, благодаря своему крѣпкому здоровью, могъ даже пить больше всѣхъ другихъ гостей; а на другой день возвращался къ своему обыкновенному образу жизни и весело переносилъ величайшія лишенія. Странное впечатлѣніе, какое производилъ Сократъ, происходило главнымъ образомъ отъ того, что онъ стремился углубляться въ міръ душевной дѣятельности; а разговоры его казались странными потому, что онъ употреблялъ особенный діалектический методъ, который и сталъ называться сократовскимъ. Его влеченіе углубляться въ міръ самосознанія было вѣроятно причиною того, что онъ не любилъ заниматься политическими дѣлами; мало заботился онъ и о своихъ домашнихъ дѣлахъ, такъ что его пренебреженіе къ нимъ подавало поводъ его женѣ Ксантиппѣ жаловаться, бранить его; вѣроятно его постоянное углубленіе въ свои мысли было источникомъ и того, что онъ вѣрилъ во вдохновеніе, получаемое отъ таинственной силы, которую называлъ онъ своимъ «духомъ» (демономъ); ему казалось, что этотъ духъ даетъ ему внушенія въ важныхъ, а часто и въ маловажныхъ дѣлахъ, подобно внутреннему оракулу предостерегаетъ его, отклоняетъ отъ намѣреній, которымъ не должно слѣдовать.

«Демонъ» Сократа. Многие ученые полагали, что этотъ „демонъ“ казался Сократу самостоятельнымъ личнымъ существомъ и называли его за это человекомъ суевѣрнымъ или фантазеромъ, одержимымъ припадками болѣзненнаго экстаза. Но самъ онъ говорилъ только о внушеніяхъ этого демона, какъ о божественномъ голосѣ, какъ о внутреннемъ откровеніи, которое съ молодости чувствовалось ему въ рѣшительныя минуты и отклоняло его отъ намѣреній, которыхъ не слѣдуетъ исполнять. По тому основательнѣйшіе изъ новыхъ изслѣдователей ученія Сократа полагаютъ, что онъ называлъ своимъ демономъ чувство подсказывавшее ему, что тотъ или другой поступокъ имѣлъ бы вредныя послѣдствія; они думаютъ, что это былъ внутренний голосъ личнаго такта, дѣлающагося произвольнымъ мотивомъ воли у человека, который внимательно наблюдаетъ факты жизни. По ихъ мнѣнію, этотъ демонъ былъ просто результатомъ житейской опытности и сообразительности Сократа, его глубокаго изученія своихъ личныхъ качествъ; Сократъ привыкъ понимать, какіе поступки будутъ хороши для него, какіе произвели бы въ немъ раскаяніе; но психологическое происхожденіе этихъ мыслей оставалось необъяснимо для него и, соответственно греческимъ понятіямъ, онъ считалъ свое внутреннее чувство непосредственнымъ божественнымъ вдохновеніемъ. Въ прежнія времена греки руководились изреченіями оракуловъ и предзнаменованіями; у Сократа это замѣнилось внушеніями инстинктивнаго чувства, вообще вѣрнаго, но не во всѣхъ случаяхъ бывшаго для него несомнѣннымъ авторитетомъ.

Философія Сократа и Сократовскій методъ. Дельфійскій оракулъ сказалъ Херефону, усердному приверженцу Сократа, что Сократъ мудрѣйшій изъ всѣхъ людей; Сократъ не зналъ, какъ объяснить эти слова оракула, потому что думалъ о себѣ, что онъ ничего не знаетъ; но послѣ нѣкотораго размышленія онъ предположилъ, что именно этимъ его сознаніемъ своего незнанія и объясняется изреченіе оракула о немъ: Аполлонъ назвалъ его превосходящимъ другихъ мудростью потому, что онъ знаетъ, а другіе не знаютъ свое незнаніе. Этотъ рассказъ, который Платонъ въ „Апологиі“ влагаетъ въ уста своему учителю, хорошо объясняетъ основную мысль философіи Сократа. Онъ боролся противъ самохвальства софистовъ, восхищавшихся своею мудростью, и находилъ, что основнымъ положеніемъ въ спорахъ съ ними должна быть мысль: начало мудрости—пониманіе того, что человекъ ничего не знаетъ; когда человекъ понимаетъ это, онъ чувствуетъ охоту учиться; а до познаванія истины человекъ доходитъ устраненіемъ всѣхъ предвзятыхъ мнѣній. Эта мысль служить источникомъ ироніи его метода. Онъ дѣлалъ видъ, что хочетъ научиться тому, чего не знаетъ, принималъ мысли надменнаго ученаго, всматривался въ нихъ, выводилъ изъ нихъ логическія послѣдствія и тѣмъ обнаруживалъ ошибочность этихъ мыслей. Онъ дѣлалъ видъ, что у него нѣтъ положительнаго знанія, что онъ только желаетъ узнать истину и проситъ другихъ научить его тому, что они знаютъ; при анализѣ того, что сообщаютъ ему, оказывается, что ихъ мнимое знаніе пусто. Но, разоблачая ничтожность мнимыхъ знаній, онъ неумолимо старался въ разговорахъ съ своими друзьями дойти до истиннаго знанія путемъ индукціи: онъ бралъ общезвѣстныя понятія и „эпаногиическимъ“ путемъ,—путемъ восхожденія отъ частнаго къ общему, выводилъ изъ этихъ частныхъ случаевъ общія истины. По словамъ Платона, онъ сравнивалъ свой методъ съ ремесломъ своей матери, помогавшей женщинамъ при родахъ; онъ говорилъ, что этотъ методъ, представлявшій смѣсь ироническихъ приемовъ съ серьезными, помогаетъ рожденію мыслей, таившихся въ душѣ, освобожденію зародышей божественнаго въ человекѣ отъ узъ, которыми угнетены они, выводитъ ихъ изъ темной дремоты на свѣтъ отчетливаго сознанія. Методъ Сократа придавалъ его философіи оригинальность и прелесть. Эта своеобразная манера изложенія

Иронія.

мыслей была источникомъ его славы, восторженной преданности его учениковъ ему; но и навлекала на него ненависть людей, незнаніе которыхъ онъ разоблачалъ своими діалектическими разсужденіями и вопросами. До Сократа философія занималась исключительно внѣшнимъ міромъ; нашедши, что все въ немъ находится въ вѣчномъ измѣненіи, она сдѣлала безнадежный выводъ, что нѣтъ достовѣрнаго знанія; Сократъ совершенно отбросилъ изслѣдованія о природѣ вселенной, о причинахъ того, почему возникаютъ, существуютъ, исчезаютъ предметы; онъ называлъ безразсудствомъ построеніе теорій объ этомъ „божественномъ“ мірѣ при недостаточномъ знаніи міра человеческой жизни; онъ говорилъ, что эти изслѣдованія не приносятъ никакой практической пользы и что предметы ихъ превышаютъ силы познавательной способности человека, какъ это и ясно изъ того, что философы противорѣчатъ другъ другу. Потому говорили, что Сократъ свелъ философію съ неба и ввелъ ее въ жилища людей. По словамъ Ксенофонта, онъ утверждалъ, что геометрія и астрономія должны ограничиваться изслѣдованіями о томъ, что нужно для земледѣрія и для мореплаванія. Въ своихъ сужденіяхъ о религіозныхъ вопросахъ, соединявшихся у прежнихъ философовъ съ физическими, Сократъ держался народныхъ вѣрованій. „Онъ называетъ боговъ устроителями цѣлесообразнаго порядка вселенной“, говоритъ Целлеръ, „всевѣдущими, мудрыми и благими существами, сокрытыми отъ внѣшнихъ чувствъ, но проявляющими себя въ природѣ, возвышающими свою волю посредствомъ оракуловъ и знаменій; почитаніе имъ воздается не приношеніемъ богатыхъ даровъ, а чистотою сердца и честною жизнью“. Обыкновенно онъ говоритъ о „богахъ“, о многихъ, сообразно съ многобожіемъ народной религіи; но онъ говоритъ и о „божествѣ“, такъ что боги народной вѣры являются у него служителями единого бога; многобожіе сливается у него съ единобожіемъ. Къ признаванію единого божества приводитъ его размышленіе о цѣлесообразномъ устройствѣ вселенной, составляющей одно связанное цѣлое; это божество—высочайшій разумъ, находящійся ко вселенной въ такомъ же отношеніи, какъ душа человека къ тѣлу. Несомнѣнно то, что онъ признавалъ душу существомъ, имѣющимъ въ себѣ нѣчто божественное; на этомъ и основывалось его вѣрованіе въ непосредственныя откровенія божества; кажется, онъ вѣровалъ и въ безсмертіе души, хотя не вдавался въ изложеніе философскихъ доказательствъ этого вѣрованія; тѣ выраженія, которыми Платонъ передавалъ въ „Апологиі“ его мнѣніе объ этомъ вопросѣ, имѣютъ очень сдержанный характеръ. Должно полагать, что онъ считалъ убѣжденіе въ безсмертіи души вѣрованіемъ, научное изслѣдованіе котораго принадлежитъ къ задачамъ, превышающимъ силы человека. — Существеннымъ стремленіемъ философіи Сократа было дойти путемъ точнаго изслѣдованія и діалектическаго развитія понятій до знанія безусловной истины и сдѣлать это знаніе основой нравственной дѣятельности: потому ученіе его имѣло только двѣ стороны: логическо-діалектическую и нравственную. Онъ изслѣдовалъ понятія, старался устранить изъ нихъ примѣсь ошибочнаго, шаткаго, случайнаго, несущественнаго, находящуюся въ представленіяхъ, соединяемыхъ съ словами въ обыкновенной жизни, и достичь такимъ образомъ до пониманія сущности вещей; средствами для этого служить то анализъ, разлагающій понятіе на основные его элементы, то синтезъ, подводящій частныя понятія подъ общія; результаты этого изслѣдованія онъ старался формулировать, давая опредѣленія добытымъ понятіямъ, классифируя ихъ по ихъ взаимной зависимости, устанавливая отношенія индивидуальныхъ предметовъ къ видамъ, видовъ къ родамъ. Дошедши этимъ путемъ до того, что казалось ему знаніемъ безусловной истины, онъ примѣнялъ найденныя понятія о ней къ вопросамъ практической жизни, выводилъ изъ логико-

Нравственное направленіе философіи Сократа.

Діалектика Сократа.

Добродѣтель и счастье основываются на знаніи.

діалектическаго знанія законы нравственной дѣятельности, старался вести людей чрезъ знанія къ добродѣтели, черезъ добродѣтель къ счастью, которое называлъ цѣлью человеческой жизни. Онъ считалъ это практично-научное стремленіе предназначеніемъ, даннымъ человѣку отъ божества.

„Сократъ бесѣдовалъ всегда о томъ, что важно знать человѣку“, говоритъ Ксенофонтъ (*Memorabilia*, I, 1, 16): „онъ изслѣдовалъ понятія о томъ, что благочестиво и что неблагочестиво, о хорошемъ и о дурномъ, о справедливомъ и о несправедливомъ, о благоразуміи и о неблагоразуміи, о мужествѣ и трусости, о государствѣ, о политическомъ искусствѣ, о формахъ правленія, о правительственныхъ сановникахъ и о другихъ предметахъ, знаніе которыхъ онъ считалъ необходимымъ для образованнаго и честнаго человѣка и незнающій которыхъ справедливо называется человѣкомъ съ рабскою душой“. Этими словами характеризуется практическо-нравственная цѣль философіи Сократа. Приобрѣтеніе правильныхъ понятій о добрѣ, справедливости, благочестіи и т. д. было, по его мнѣнію, единственнымъ вѣрнымъ путемъ къ приобрѣтенію способности поступать хорошо. Онъ считалъ невозможнымъ, чтобы человѣкъ, знающій хорошее, не поступалъ хорошо; невозможно это потому, какъ онъ думалъ, что счастье человѣка основывается на примѣненіи къ жизни тѣхъ высокихъ истинъ, какія приобрѣтаются философскимъ знаніемъ. Онъ говорилъ, что всѣ дурныя поступки происходятъ отъ незнанія; но онъ прибавлялъ, что это не извиняетъ человѣка, поступающаго дурно, а увеличиваетъ его вину, потому что знаніе — обязанность человѣка. Влеченіе къ знанію и къ добродѣтели находится во всѣхъ людяхъ, говорилъ онъ; и въ сущности это вѣдъ стремленіе къ одному и тому же; нужно только, чтобъ оно было пробуждено; потому знаніе и добродѣтель могутъ быть приобретаемы каждымъ человѣкомъ, лишь бы онъ имѣлъ возможность научиться.—Но если и допустить, что знающій хорошее можетъ преднамѣренно поступать дурно, все таки онъ лучше того, кто поступаетъ дурно по незнанію: у незнающаго вовсе нѣтъ способности поступать хорошо, а знающій поступаетъ дурно лишь по временному уклоненію отъ хорошаго. Достигаетъ истинной цѣли жизни только тотъ, кто обладаетъ знаніемъ и примѣняетъ его къ жизни, то - есть живетъ по правиламъ нравственности. Только тѣ люди, которые познали истину и слѣдуютъ разуму, способны управлять общественными дѣлами; имъ и должна принадлежать власть.—Такимъ образомъ, не только счастье людей, но и почетное положеніе въ обществѣ, управленіе имъ могутъ становиться достояніемъ каждаго, кто потрудится пробудить дремлющія въ его душѣ понятія о добромъ, прекрасномъ, справедливомъ, божественномъ, разовьетъ ихъ и сдѣлаетъ ихъ нормою своихъ поступковъ. Потому справедливо говорили древніе писатели, что сущность философіи Сократа составляетъ афоризмъ, написанный въ Дельфійскомъ храмѣ: „Познавай себя“; по ученію Сократа, познаніе истины о самомъ себѣ ведетъ къ нравственному улучшенію человѣка, а счастье человѣка основано на правильности его понятій о себѣ и на добродѣтели, составляющей примѣненіе этого знанія къ жизни.

Жизнь Сократа. Политическое положеніе его.

Сократъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнялъ военныя и политическія обязанности гражданина; его ученіе о душевной чистотѣ, какъ необходимомъ условіи познанія истины, говорило, что нравственность и добродѣтель единственный путь къ истинному счастью; это благородство характера, это возвышенное ученіе привлекали къ нему много учениковъ, искавшихъ въ его бесѣдахъ опоры среди

внѣшнихъ и внутреннихъ бурь, потрясавшихъ тогда аѳинское государство. Въ числѣ восторженныхъ приверженцевъ Сократа было много людей, имена которыхъ стали знамениты. Платонъ и Ксенофонтъ передали намъ жизнь и ученія своего наставника. Самъ онъ не оставилъ никакихъ письменныхъ произведеній, потому что хотѣлъ писать свои ученія не на кожѣ животныхъ, а на сердцахъ людей; но эти великіе писатели изобразили намъ его въ чистомъ свѣтѣ истины.—Не только писатели принадлежали къ его ученикамъ, были между ними и государственные люди и полководцы, дѣятельность которыхъ имѣла сильное вліяніе на судьбу ихъ родины, какъ напримѣръ Алкивіадъ, Критій, Терамень, Хармидъ; основатели важнѣйшихъ школъ философіи, возникшихъ по его смерти, были усердными слушателями его. Но не менѣе велико было число его противниковъ; враждебны ему были не только софисты, тщеславіе которыхъ онъ безпощадно разоблачалъ, но и многіе граждане, оскорбляемые его насмѣшливыми вопросами и діалектическими нападеніями, называли его вреднымъ человѣкомъ; партія жрецовъ и другихъ приверженцевъ старинной вѣры, считавшая оскорбленіемъ религіи всякое изслѣдованіе религіозныхъ вопросовъ, тоже ненавидѣла его; а еще сильнѣе враждовали на него представители новой демократіи, видѣвшіе въ немъ разрушителя старыхъ обычаевъ и законовъ и вѣроятно приписывавшіе отчасти его вліянію олигархическія интриги, въ которыхъ играли большую роль нѣкоторые изъ преданнѣйшихъ учениковъ его. Даже тѣ патріоты, которые вовсе не были приверженцами безусловной демократіи, напримѣръ Аристофанъ, считали его ученіе опаснымъ для государства, разрушающимъ старый порядокъ, вреднымъ для нравовъ. Нападеніе съ этой стороны, очень рано сдѣланное на него Аристофаномъ въ комедіи «Облака» (стр. 583 и слѣд.), вѣроятно не повредило ему въ глазахъ его друзей. Тѣ три черты, которыя даетъ ему насмѣшка Аристофана, вовсе не шли къ его дѣйствительной фигурѣ: занятіе бесполезными космологическими и діалектическими хитросплетеніями, отрицаніе народныхъ боговъ, бойкое софистическое пустословіе, и придающее видъ справедливаго несправедливому,—все это было такъ непохоже на дѣйствительныя качества Сократа, что сатира Аристофана нисколько не уменьшила любви и уваженія къ нему въ людяхъ, близко знавшихъ его. Напротивъ, и число его учениковъ продолжало возрастать, и привязанность ихъ къ нему усиливалась. Но въ массѣ народа осталось, кажется, отъ комедіи Аристофана то впечатлѣніе, что Сократъ принадлежитъ къ числу софистовъ, отрицающихъ своими мудрованіями боговъ. Правительство Тридцати нисколько не преслѣдовало Сократа, хотъ онъ и не подчинялся ихъ тиранническимъ приказаніямъ. Быть можетъ Критій, въ черной душѣ котораго не осталось никакихъ другихъ чувствъ, еще сохранялъ нѣкоторое почтеніе къ прежнему учителю, не поддававшемуся колебаніямъ обще-

«Облака» Аристофана и впечатлѣніе, произведенное этою комедіею.

Отношенія
Сократа къ но-
вой демократіи.

ственного мнѣнія, слѣдовавшему только своимъ убѣжденіямъ, слушавшему только ясный голосъ своей совѣсти, остававшемуся на своемъ постѣ съ непоколебимостью воина исполняющаго свой долгъ. Но демократія, возстановленная Тразибуломъ и его друзьями, не пощадила Сократа. Она хотѣла поддержать прежніе нравы, старинныя понятія, подавить новыя идеи, опасныя для нравственности и религіи. Сократъ считался главою софистовъ, ученіе которыхъ породило гибельную безнравственность, замѣняя прежніе нравы и религію прихотями, какія кому вздумается имѣть, ставило на мѣсто закона личную выгоду, внушало стремленія къ тиранніи, какъ самому завидному счастью, создало чуждую всякихъ убѣжденій реторику, приискивавшую хитрыя техническія средства оправдывать какія угодно мысли, гордившуюся тѣмъ, что умѣетъ доставлять побѣду неправому дѣлу. И дѣйствительно, изъ школы Сократа вышли самые горячіе противники демократіи, руководители олигархическихъ заговоровъ Критій, Тераменъ, Алкивиадъ и Писидоръ, архонтъ-эпонимъ, именемъ котораго отмѣчался годъ беззаконій, годъ владычества Тридцати. А теперь Ксенофонтъ служилъ въ томъ войскѣ наемниковъ, которое привелъ Киру Младшему спартанскій военачальникъ. Воспитатель такихъ учениковъ долженъ былъ казаться возстановленной демократіи опаснымъ учителемъ; натурально было ей придти къ мысли, что должно искоренить зло подавленіемъ софистическаго преподаванія, и было рѣшено показать на Сократѣ примѣръ, который напугалъ бы другихъ. Тутъ не было заботы разбирать, примѣняются ли собственно къ нему тѣ обвиненія, какія были вводимы на всю новую философію. Онъ палъ жертвою демократической реакціи; онъ былъ осужденъ на смерть не за свои политическія убѣжденія, потому что никогда не выказывалъ вражды къ демократіи, ни ослушанія ей; и не по личной злобѣ на него былъ онъ избранъ жертвою, а только потому, что надобно было нанести ударъ приверженцамъ новыхъ религіозныхъ идей, и ударъ этотъ долженъ былъ быть тяжелымъ; а онъ былъ конечно тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ выше стоялъ человекъ, на котораго былъ направленъ. Притомъ, въ ученіи Сократа былъ элементъ, дѣйствительно противоположный понятіямъ всего древняго міра. Сократъ говорилъ, что человекъ долженъ не подчиняться безусловно законамъ, обычаямъ и понятіямъ своего государства, а слѣдовать своимъ собственнымъ мыслямъ, руководиться въ своей политической дѣятельности собственными понятіями. Въ особенности опасно должно было казаться это основателямъ новой аѳинской демократіи. Она не могла допустить, чтобы человекъ имѣлъ право уклоняться отъ своихъ гражданскихъ обязанностей; не могла допустить ученія, по которому власть должна принадлежать только знающимъ философскую истину и замѣщеніе должностей по жребію бросаемому всеми гражданами — нелѣпость; новая демократія не могла допустить, чтобы гражданинъ повиновался,

какъ публично говорилъ о себѣ Сократъ, своему внутреннему голосу (демону) болѣе, чѣмъ аѳинскому правительству. Ремесло доносчиковъ находилось тогда въ большомъ развитіи; потому легко было найти матеріалы для обвиненія.

Руководимый этими и тому подобными мотивами Анитъ, одинъ изъ обвинителей демократической партіи, группировавшихся около Тразибула, и вмѣстѣ съ Анитомъ Мелетъ, одинъ изъ тогдашнихъ поэтовъ, и ораторъ Ликонъ внесли въ возстановленный народный судъ обвиненіе противъ Сократа, какъ человека, дѣятельность котораго опасна государству, который внушаетъ молодымъ людямъ вредныя правила, учить ихъ презирать нравственность и законы и стремится ввести вмѣсто государственной религіи почитаніе новыхъ боговъ.

Анитъ, потерпѣвшій при владычествѣ комитета Тридцати большія потери и старавшійся теперь поправить свои разстроенныя денежные дѣла торговлею (онъ сталъ торговать кожами), имѣлъ кромѣ политическихъ мотивовъ и личную вражду противъ Сократа за то, что Сократъ внушилъ его сыну отвращеніе къ занятію отцовскимъ промысломъ; Мелетъ и Ликонъ очень могли принадлежать къ числу людей, которыхъ прежде оскорблялъ Сократъ своею ироніей, и быть можетъ хотѣли теперь отомстить ему за обиду. Изъ „Воспоминаній о Сократѣ“, написанныхъ черезъ нѣсколько лѣтъ по его смерти Ксенофонтомъ въ защиту его, мы видимъ, что обвинители приводили цѣлый рядъ мыслей взятыхъ изъ бесѣдъ Сократа, въ доказательство того, что онъ подрывалъ въ молодыхъ людяхъ уваженіе къ родителямъ, любовь къ роднымъ, выставялъ смѣшнымъ замѣщеніе должностей по жребію, доказывалъ превосходство аристократовъ надъ простолюдинами и такъ далѣе. Та часть обвиненія, что онъ презираетъ народныхъ боговъ и вводитъ новыхъ имѣла видъ справедливости: Сократъ отвергалъ антропонатическіе элементы греческой міеологіи, и говорилъ о своемъ „демонѣ“ въ такихъ выраженіяхъ, изъ которыхъ слѣдовало, что онъ ставитъ самого себя безусловнымъ судьей истины.

Не смотря на тяжесть этихъ обвиненій и на невыгодное для Сократа настроеніе геліастовъ, онъ едва ли былъ бы осужденъ на смерть, если бы самъ не раздражилъ противъ себя судей тою рѣчью, которой оправдывалъ себя. Очевиднымъ образомъ онъ самъ хотѣлъ быть осужденъ на смерть, хотѣлъ избавить себя ею отъ предстоявшихъ ему немощей и страданій старости, ему было тогда уже почти 70 лѣтъ. Сознавая честность и благородство своей жизни, онъ не готовился къ защитѣ, и вмѣсто того, чтобы опровергать доводы обвинителей или, какъ обыкновенно дѣлалось, упрашивать судъ жалобными мольбами, привести туда дѣтей и родныхъ для смягченія судей, онъ говорилъ гордымъ тономъ увѣренности въ своей правотѣ; съ безстрашіемъ выставялъ свою дѣятельность безупречной, говорилъ, что онъ исполнялъ повелѣніе дельфійскаго оракула, вѣнчившаго его въ обязанность изслѣдованіе истины, пробужденіе сознанія о ней въ себѣ и въ другихъ; онъ утверждалъ, что заслужилъ

признательность афинского народа; что если будет оправданъ, то будетъ продолжать свою прежнюю дѣятельность, возложенную на него божествомъ; говорилъ судьямъ, что защищаетъ себя не для своей, а для ихъ пользы, потому что, осудивъ его, они сдѣлали бы великій вредъ афинскому народу и тяжело согрѣшили бы предъ богами. — Эта рѣчь, существенное содержаніе которой сохранено Платономъ въ «Апологиі Сократа», была достойнымъ завершеніемъ прекрасной дѣятельности его, наилучшимъ памятникомъ ему; но и по тону, и по содержанію она должна была произвести чрезвычайно дурное впечатлѣніе на судей, многіе изъ которыхъ видѣли въ немъ аристофановскаго развратителя молодёжи, другіе ненавидѣли учителя и друга Критія и Алкивіада, нѣкоторые имѣли противъ него личную вражду. Онъ стоялъ передъ ними не какъ обвиненный, а какъ повелитель; вмѣсто того, чтобы защищать себя, онъ давалъ имъ наставленія. При такихъ обстоятельствахъ, удивительно не то, что онъ былъ осужденъ, а то, что перевѣсъ на сторонѣ обвиненія былъ такъ незначителенъ, составлялъ всего пять или шесть голосовъ. «Сократъ легко могъ бы приобрести себѣ оправданіе, если бы захотѣлъ льстить судьямъ или упрашивать ихъ», говоритъ Ксенофонтъ. Итакъ, приговоръ, объявившій его виновнымъ, соответствовалъ его собственному желанію. Это видно и изъ того, какъ онъ поступилъ послѣ голосованія, признаваго его виновнымъ. По афинскимъ законамъ, признанный виновнымъ имѣлъ право предлагать, чтобы наказаніе, которому онъ долженъ подвергнуться по закону, было замѣнено другимъ, менѣе тяжелымъ. Сократъ воспользовался этимъ правомъ такъ, что его слова должны были увеличить раздраженіе судей. Онъ говорилъ:

„Итакъ, я долженъ сказать вамъ, какого наказанія заслуживаю я по моему мнѣнію. По моему убѣжденію, я своею усердною и безкорыстною заботою сдѣлать гражданъ мудрыми и добродѣтельными, оказалъ такую пользу афинскому государству, что заслуживаю получить пожизненное право обѣдать на государственнѣйшій счетъ въ Пританей, какъ побѣдители на олимпійскихъ играхъ и другіе люди, заслуживающіе признательность государства (стран. 301). Да, я не могу признать, что я сдѣлалъ что нибудь дурное. И было бы неразумно, еслибъ я попросилъ себѣ изгнанія или заключенія въ тюрьму — то есть, несомѣнно, бѣдствія, — вмѣсто смерти, о которой я не знаю, бѣдствіе она, или благо. Если бъ я былъ богатъ, то я предложилъ бы подвергнуть меня денежному штрафу; это не было бы бѣдствіе. Но всѣхъ денегъ у меня только одна мина серебра; и я предлагаю взять съ меня мину. Вотъ, впрочемъ, Платонъ и другіе мои друзья говорятъ мнѣ, чтобъ я повысилъ цифру до тридцати минъ, и хотятъ взять на себя поручительство. Потому я предлагаю, чтобы на меня былъ наложенъ штрафъ въ тридцать минъ, и подчиняюсь вашему приговору“.

Называть себя заслужившимъ обѣда въ Пританей, самой высокой почести, какая могла быть получена афинскимъ гражданиномъ, — это

должно было въ устахъ осужденнаго казаться судьямъ насмѣшкою надъ судомъ, и они осудили его на смерть, по предложенію Мелета. Мудрецъ принялъ этотъ приговоръ съ величайшимъ спокойствіемъ: голосъ его демона молчалъ, не отклонилъ его отъ намѣренія умереть; потому онъ полагалъ, что смерть не бѣдствіе для него.

Обыкновенно смертные приговоры исполнялись немедленно. Но Смерть Сократа исполненіе приговора надъ Сократомъ было отсрочено на тридцать та. Май, 399. дней, потому что передъ тѣмъ временемъ какъ онъ былъ произнесенъ, священный корабль отплылъ съ посольствомъ на Делосскій праздникъ, и по древнему обычаю не должно было до его возвращенія осквернять городъ исполненіемъ смертныхъ приговоровъ. Сократъ провелъ эти дни въ темницѣ; его держали въ оковахъ; но его друзьямъ и ученикамъ было дозволено посѣщать его, и онъ по прежнему велъ свои наставническія бесѣды съ ними. Нѣкоторые изъ его друзей, — главнымъ въ этомъ дѣлѣ былъ богатый гражданинъ Критонъ, — хотѣли, подкупивъ смотрителя тюрьмы, доставить узнику возможность бѣжать. Но какъ ни убѣждали они его спасаться, онъ рѣшительно отвергъ ихъ просьбу: бѣгство было бы несогласно съ его ученіемъ, опозорило бъ его, полагалъ онъ. Когда прошло время отсрочки, онъ, бесѣдуя съ друзьями о безсмертіи души, выпилъ кубокъ яда, и умеръ съ невозмутимымъ, свѣтлымъ спокойствіемъ. Существенное содержаніе его возвышенной предсмертной бесѣды изложено въ разговорѣ Платона «Федонъ». — Умирая, онъ сказалъ друзьямъ: «Мы всѣ обязаны принести пѣтуха въ жертву благодарности Асклепію за мое исцѣленіе; прошу васъ, исполните это». Такъ угасъ яркій свѣтъ, озарившій современникамъ и потомству пути, ведущіе человека къ истинному, не призрачному счастью. Какъ солнце подъ тропиками, онъ до заката сохранилъ весь блескъ своего величія; онъ умеръ въ полной силѣ своего генія, съ невозмутимымъ благородствомъ души, какъ герой послѣ побѣды, какъ мученикъ, запечатлѣвшій своею смертію истину своего ученія. Смерть была для него легка, при блаженномъ его сознаніи, что онъ постоянно заботился совершенствовать себя и своихъ друзей.

3. ученики СОКРАТА: АРИСТИППЪ, АНТИСФЕНЪ, ЭВКЛИДЪ.

Сократъ ставилъ цѣлью жизни «знаніе добра» и стремленіе уподобляться богамъ, а путемъ къ достиженію счастья считалъ добродѣтель. Эта теорія получила разныя формы у тѣхъ изъ его учениковъ, которыхъ называютъ не вполне вѣрными его послѣдователями. Они придали исключительную важность практической сторонѣ его ученія. По мнѣнію его и вѣрныхъ его учениковъ, хорошая нравственная жизнь — лишь результатъ знанія, и потому главнымъ предметомъ ихъ стремленій было изслѣдованіе истины. Въ систе-

Ученіе о сча-
стии.

махъ Аристиппа, Антисеена, Эвклида вниманіе обращено главнымъ образомъ на ученіе о нравственности; ученіе объ истинѣ занимаетъ ихъ, лишь насколько оно нужно для ученія о нравственности. —

1. Ученіе Аристиппа.

Аристиппъ, уроженецъ роскошной Кирены, богатый человекъ, любившій изящество и наслажденія свѣтскаго общества, училъ, что высочайшее счастье человека состоитъ въ пріятныхъ ощущеніяхъ, въ наслажденіяхъ, что поэтому цѣль жизни — сочетаніе матеріальныхъ и душевныхъ наслажденій въ одну полную усладу; это ученіе называется гедонизмомъ, философіею наслажденія.

Средствомъ къ достиженію истиннаго счастья Аристиппъ считалъ знаніе истины: оно освобождаетъ человека отъ призрачныхъ представленій, мѣшающихъ наслажденію, каковы зависть, страстная любовь, суевѣрія, оно даетъ человеку свободу отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, устраняя сожалѣніе о минувшемъ наслажденіи, жажду будущаго, подвластность настоящему наслажденію, и чрезъ то доставляетъ возможность непрерывно наслаждаться жизнью, непрерывно чувствовать себя довольнымъ. — Такимъ образомъ, философія Сократа, учившая, что счастье дается знаніемъ истины въ соединеніи съ происходящею отъ него добродѣтелью, превратилось у Аристиппа, основателя Киренейской школы, въ ученіе объ искусствѣ наслаждаться жизнью, и знаніе истины нужно человеку, по мнѣнію Киренайковъ, лишь для того, чтобъ и изъ непріятныхъ ощущеній онъ умѣлъ дѣлать пріятныя.

Аристиппъ гостилъ у Діонисія, тирана Сиракузскаго, былъ любимцемъ знаменитой коринѣской гетеры, красавицы Лаисы, жилъ на Эгинѣ, въ Киренѣ, въ Малой Азіи, вездѣ въ кругу богатыхъ и знатныхъ купцовъ; въ этой обстановкѣ удобно было ему жить, какъ училъ онъ, и его ученіе должно было нравиться людямъ этихъ круговъ. Въ извѣстіяхъ о немъ говорится съ похвалою, что онъ былъ равнодушенъ къ внѣшнимъ благамъ, не дающимъ наслажденія, что всегда умѣлъ сохранять ясность души, всегда держалъ себя, какъ свободный человекъ; что характеръ его былъ любезный, что онъ умѣлъ твердо выносить всякія бѣдствія, не теряя свѣтлаго настроенія духа. Но ученіе, подчиняющее наслажденію всѣ высшія чувства человека, не признающее благомъ добродѣтель, чистую нравственность, честь, любовь къ отечеству, должно считаться искаженіемъ науки.

Киренаики.

Знаменитѣйшими изъ философовъ киренейской школы были: Аристиппъ младшій, сынъ дочери ея основателя, Ареты, послѣдовательницы отца, учившей сына его философіи; Теодоръ, котораго называли отрицателемъ боговъ, учившій, что цѣль жизни — мудрое веселье; Гегесій, по ученію котораго истинная мудрость состоитъ въ совершенномъ равнодушіи ко всему внѣшнему, и даже къ самой жизни, и котораго потому называли *peisithanatos*, „совѣтующимъ умереть“; Анникеридъ, придавшій киренейскому ученію возвышенный характеръ: онъ говорилъ, что мудрый человекъ долженъ жертвовать наслажденіемъ для исполненія своихъ обязанностей относительно отечества, друзей и проч.

2. Ученіе Антисеена.

Другой ученикъ Сократа, Антисеенъ, также принималъ принципъ Аристиппа и киренейской школы, что человекъ долженъ стремиться сохранять душевную независимость отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, подчинять ихъ себѣ, а не подчиняться имъ. Онъ былъ сынъ афинскаго гражданина и оракіянки; сталъ ученикомъ Сократа уже въ пожилыхъ лѣтахъ, а раньше того былъ преподавателемъ реторики въ духѣ софистовъ. Но принимая ту же основную мысль, какъ Аристиппъ, онъ выводилъ изъ нея ученіе совершенно противоположное киренейскому. Богатый и знатный человекъ, Аристиппъ говорилъ, что должно наслаждаться жизнью; Антисеенъ, бѣднякъ, доказывалъ, что добродѣтель дающая счастье состоитъ въ умѣньи переносить лишенія, въ томъ, чтобы имѣть какъ можно меньше потребностей, и задачею человека ставилъ возвращеніе къ первобытной простотѣ жизни.

Антисеенъ говорилъ, что для счастья достаточно быть добродѣтельнымъ, что въ добродѣтели находится внутренняя сила давать человеку счастье; только добродѣтель — благо, только порокъ — бѣдствіе; все остальное безразлично для мудреца; напримѣръ, богатство, почести, знатность; мудрость требуетъ, чтобы человекъ былъ равнодушенъ ко всему этому. Добродѣтель состоитъ въ поступкахъ человека, а не въ словахъ, потому не требуетъ ученыхъ знаній; и если она укоренилась въ душѣ, то никогда не можетъ быть утрачена; потому мудрецъ не можетъ дѣлать ничего дурного и остается независимъ ни отъ какихъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Скромностью и суровостью своей жизни Антисеенъ доказывалъ, что человекъ имѣющій душевную свободу не нуждается въ наслажденіяхъ. Онъ говорилъ, что наслажденія разслабляютъ характеръ человека, приучаютъ къ бездѣйствію; счастье человека не въ нихъ, а въ добродѣтели, основаніемъ которой служатъ трудъ и воздержаніе; посредствомъ труда человекъ становится, какъ Гераклъ, подобенъ богамъ. Антисеенъ уклонялся отъ знатныхъ и обращался съ своимъ ученіемъ болѣе всего къ иноземцамъ и метекамъ. Онъ вооружался не только противъ роскоши и удовольствій, но и противъ образованности, противъ правилъ учтивости, свѣтскаго обращенія. Онъ не видѣлъ нравственныхъ элементовъ даже и въ бракѣ, въ семейной жизни, въ гражданскихъ чувствахъ. Потому многіе изъ его учениковъ стали пренебрегать не только матеріальными наслажденіями и цивилизованными формами свѣтскаго быта, но и умственнымъ образованіемъ, искусствомъ, наукой, пренебрегали и правилами приличія. Дальше всѣхъ шелъ въ воздержанности ученикъ Антисеена Діогенъ Диогенъ 414 — 323. синопскій, отказавшійся отъ всѣхъ удобствъ цивилизованнаго быта; онъ доводилъ до карикатурнаго преувеличенія простоту жизни, которой училъ Сократъ, и его называли «сошедшимъ съ ума Сократомъ»; онъ проводилъ все время на улицахъ и площадяхъ, какъ безпріют-

Циники.

ный бродяга, ночевалъ въ бочкахъ и подъ колоннадами, называлъ своимъ отечествомъ вселенную, проповѣдывалъ уничтоженіе частной собственности и брака, доводилъ ученіе о личной свободѣ до отрицанія государственнаго союза и національности. Но Александръ Македонскій выражалъ уваженіе къ нему, живущему въ бочкѣ. Антисеенъ училъ своей философіи въ одной изъ аѳинскихъ гимназій, называвшейся Киносаргами; потому его ученики звались «циниками» (киниками). Аѳиняне, играя словами, прозвали Діогена Куон (отъ этого слова произведено было названіе Киносаргъ), «собака»: имъ казалось, что та бѣдная, ограничивающаяся удовлетвореніемъ лишь необходимѣйшихъ потребностей, лишенная всякихъ удобствъ жизнь, какую ведетъ онъ, болѣе похожа на собачью, нежели на человѣчью. Грубый плащъ, толстая палка дикаго оливковаго дерева, нищенская сума и деревянная чашка для зачерпыванія воды, — эти принадлежности циниковъ, часто были только личиною, которой прикрывалось тщеславіе, проглядывавшее, какъ говорили, изъ дыры плаща Діогена. Но иногда подъ оболочкой грязи жила великая душа. Должно было дивиться силѣ воли и энтузіазму, съ какими циники осуществляли свою мысль освободиться отъ всѣхъ потребностей, желаній, предубѣжденій. Они занимали очень оригинальное положеніе въ греческомъ мірѣ: надъ ними смѣялись за ихъ странности, имъ удивлялись за ихъ отреченіе отъ всѣхъ удобствъ; ихъ презирали какъ нищихъ и боялись ихъ какъ суровыхъ проповѣдниковъ нравственности; полные презрѣнія къ глупостямъ, полные состраданія къ нравственнымъ бѣдствіямъ людей, они возставали и противъ науки и противъ изнѣженности своихъ современниковъ съ грубой силой непреклонной воли, суровой до безчувствія; они порицали слабости съ бойкимъ рѣзкимъ остроуміемъ простолюдиновъ; они были добродушны, шутивы, и вообще походили на простолюдиновъ, грубость которыхъ еще утрировали. Впослѣдствіи, когда они въ своемъ стремленіи къ простотѣ первобытной жизни стали отвергать бракъ и семейную жизнь, проповѣдывать космополитизмъ, отрицать любовь къ родинѣ, отбросили всѣ формы образованности, стали предумышленно пренебрегать опрятностью и всякимъ приличіемъ, они навлекли на себя презрѣніе.

Кратесъ и Гиппархія. Ученикъ Діогена Кратесъ, жена котораго, Гиппархія, тоже занималась философіею, человѣкъ мягкаго, добродушнаго характера, былъ учителемъ Зенона, основателя стоической школы. Какъ изъ цинической философіи развилась стоическая, такъ изъ киренской развилась эпикурейская, поставившая высшимъ благомъ не наслажденіе, не мимолетное удовольствіе, а спокойствіе души, равно далекое и отъ наслажденія, и отъ страды.

Ученіе Эвклида. Третью форму получила философія Сократа у Эвклида мегарскаго, основателя мегарской школы. Когда, въ началѣ Пелопоннесской войны, аѳиняне постановили законъ, угрожавшій смертю каждому мегаря-

нину, который будетъ захваченъ въ Атикѣ, Эвклидъ, переодѣвшись въ женское платье, приходилъ тайкомъ ночью въ домъ Сократа, учиться у него, и возвращался утромъ на родину. По смерти Сократа, когда аѳинскій народъ былъ враждебно настроенъ относительно всѣхъ философовъ, большинство учениковъ Сократа удалилось въ Мегару, и этотъ небольшой, но кипѣвшій жизнью городъ сталъ на нѣкоторое время центромъ сократовской философіи, мѣстомъ развитія произошедшихъ изъ нея разнородныхъ ученій. — Эвклидъ соединилъ нравственную философію Сократа съ элеатскимъ ученіемъ о единствѣ всего сущаго. Онъ доказывалъ, что существуетъ только единое истинное благо, неизмѣнное, познаваемое не чувствами, а только мышленіемъ; что хотя оно называется разными именами боговъ, разумомъ, знаніемъ, но всѣ эти названія означаютъ одно и то же высочайшее, единое благо; что путь къ достиженію этого блага, составляющаго счастье человѣка — добродѣтельная жизнь, требующая энергической дѣятельности, основанная на разумномъ познаніи. Но онъ также соединялъ и діалектику Сократа съ элеатскимъ скептицизмомъ (стр. 358), говорилъ, подобно элеатамъ, что чувствennыя впечатлѣнія и представленія лишены всякой истины, всякой реальности; подъ единымъ благомъ понималъ онъ элеатское единое, безусловное бытіе; это воззрѣніе вело къ діалектическимъ хитросплетеніямъ, и философы мегарской школы были названы «эристиками» (спорщиками), а ихъ ученіе приобрѣло такую репутацию, какъ прежде софистика.

Философы мегарской школы (Эристики).

Изъ числа этихъ діалектическихъ хитростей получили особенную извѣстность изобрѣтенныя Эвбулидомъ аргументаціи о кучѣ зеренъ („сорить“) и о лысінѣ, и аргументація Діодора Карійскаго, доказывающая, что нѣтъ никакого движенія. Знаменитѣйшимъ послѣ Эвклида философомъ мегарской школы былъ Стильпонъ, державшійся и въ жизни, и въ теоріи сократовскаго ученія о нравственности, и подобно циникамъ признававшій высочайшимъ благомъ крайнее ограниченіе потребностей.

Однимъ изъ учениковъ Сократа былъ Кебесъ Фиванскій. До насъ дошелъ діалогъ „Картина“, написанный въ духѣ Сократа, и принадлежащій Кебесу; но кромѣ ученика Сократа былъ другой философъ Кебесъ, жившій позднѣе; и неизвѣстно, который изъ двухъ Кебесовъ авторъ діалога „Картина“, пользовавшагося большою популярностью и написаннаго, дѣйствительно, прекрасно. Это — аллегорическая „Картина“ двухъ путей человѣческой жизни, добродѣтельнаго и порочнаго; содержаніе діалога состоитъ въ томъ, что молодые люди разсматриваютъ картину, подходитъ старикъ и объясненіемъ ея доказываетъ, что только мудрость и добродѣтель дѣлаютъ человѣка счастливымъ.

Кебесъ.

4. Платонъ (427—346).

Платонъ, родившійся въ Аѳинахъ 21 мая 427 года, происходилъ изъ знатной фамиліи, считавшей своими предками Меланѳа и Кодра, послѣднихъ царей аѳинскихъ. Самъ онъ называлъ милостью боговъ

на.

къ нему то, что они благоволили, чтобъ онъ родился аѳинскимъ гражданиномъ въ періодъ высочайшаго развитія образованности въ его родномъ городѣ. Онъ получилъ превосходное воспитаніе; знатность и богатство его семейства доставили ему всѣ средства для развитія его гениальныхъ способностей. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ не посвятилъ себя политической дѣятельности, какъ должно было бѣ ожидать; говорятъ, что этому помѣшала слабость голоса, дѣлавшая невозможнымъ для него произносить рѣчи въ народномъ собраніи. Въ молодости онъ занимался поэзією, сочинялъ лирическія піэсы, написалъ даже цѣлую тетралогію; изъ этого мы видимъ, что онъ рано почувствовалъ свое призваніе къ изученію душевной жизни; можно думать, что это и было главною причиною того, что онъ не принялъ участія въ политической жизни, считая ее чуждою ему областью.

Онъ посвя-
щаетъ себя фи-
лософіи 410.

Отъ поэтической дѣятельности отвлекло его знакомство съ Сократомъ, обратившее его къ истинному его призванію. Раньше того, онъ уже изучалъ подъ руководствомъ Кратила философію Гераклита. Сблизившись съ Сократомъ, онъ совершенно отдался философіи. — «Но», говоритъ Карлъ Фридрихъ Германъ, «если онъ, сознавъ свои силы, и отвергъ поэтическую форму, то не покинулъ его духъ поэзіи, который былъ въ немъ, быть можетъ, глубже и живѣе, чѣмъ въ большинствѣ поэтовъ его времени; сочетавшись съ идеальнымъ направленіемъ его философіи, поэзія согрѣвала, окрыляла его мысль и въ старости». О его юношескихъ занятіяхъ драматическою поэзією свидѣтельствуетъ и разговорная форма, облекающая его научныя творенія, оживляющая ихъ и увеличивающая ихъ привлекательность. Другою причиною того, что онъ избралъ для своихъ философскихъ трактатовъ разговорную форму, было, вѣроятно, желаніе дать письменному изложенію мыслей характеръ живой, одушевленной рѣчи, сообщить ему тѣ достоинства изустнаго преподаванія, важность которыхъ оцѣнилъ онъ по впечатлѣнію, какое производили на него самого бесѣды Сократа: онъ восемь или девять лѣтъ былъ однимъ изъ ближайшихъ учениковъ этого мудреца. Неправедливый приговоръ, произнесенный противъ Сократа, котораго уважалъ онъ не только какъ учителя своей молодости, но и какъ благороднѣйшаго человѣка своего времени, подѣйствовалъ на него съ такою потрясающею силою, что онъ не могъ приходить бесѣдовать съ нимъ въ послѣдніе дни. Эта несправедливость аѳинскаго народа увеличила отвращеніе Платона отъ демократическаго правленія и отъ участія въ политическихъ дѣлахъ родины. Вѣроятно, его нерасположеніе къ аѳинскому государственному устройству скоро было замѣчено. Но и безъ того онъ вѣроятно уже былъ подозрителенъ тогдашнимъ вождемъ демократіи, какъ родственникъ Критіа и Хармида. Потому онъ покинулъ родину, омраченную въ его глазахъ черными воспоминаніями.

Онъ удалился къ своему старшему соученику Эвклиду въ Мегару; тамъ онъ расширилъ свои знанія изученіемъ прежнихъ системъ философіи, въ особенности Элеатской школы; потомъ, въ противоположность своему учителю, жившему почти безвыходно въ родномъ городѣ, онъ отправился въ далекое путешествіе, чтобы собрать запасъ наблюденій надъ жизнью людей въ разныхъ странахъ, приобрести широкое воззрѣніе на природу и на человѣчество. Онъ поѣхалъ въ Кирену, къ математику Теодору, съ которымъ познакомился въ Аѳинахъ; оттуда поѣхалъ въ Египетъ, отечество восточной мудрости, техническихъ и астрономическихъ свѣдѣній; обогащенный математическими знаніями и разнообразными наблюденіями природы и человѣческой жизни, онъ поѣхалъ изъ Египта черезъ Делосъ въ южную Италію; тамъ, въ Тарентѣ, онъ сблизился съ Архитомъ и другими пифагорейцами (стран. 353); поѣхалъ въ Сицилію, изслѣдовалъ Этну. Знакомство съ пифагорейцами, которыхъ онъ видѣлъ въ Сициліи и южной Италіи занимающимися политической дѣятельностью, нѣсколько примирило его съ практическою жизнью, внушило ему желаніе спуститься съ высотъ умозрѣнія въ міръ дѣйствительности, обратить свои знанія на улучшеніе людей, на избавленіе ихъ отъ того, что казалось ему заблужденіемъ чувствъ. Онъ сталъ теперь, подобно Сократу, находить, что философія должна служить средствомъ для внушенія людямъ любви къ добродѣтели, которая составляетъ единственный путь къ счастію. Въ Сиракузахъ Платонъ подружился съ Діономъ; этотъ благородный человѣкъ, сестра котораго была женою Діонисія Старшаго, проникся чрезвычайнымъ уваженіемъ къ Платону и сблизилъ его съ Діонисіемъ. Подобно большинству другихъ тиранновъ, Діонисій покровительствовалъ искусству и наукѣ, насколько это было полезно для его славы и блеска его двора; потому онъ сначала выказывалъ расположеніе къ Платону; но оскорбленный его прямодушными, строгими сужденіями, скоро удалилъ его отъ своего двора, и выдалъ его какъ военно-плѣннаго спартанскому посланнику Поллису. (Спартанцы въ союзѣ съ Діонисіемъ вели тогда войну противъ аѳинянъ). Поллисъ продалъ Платона въ рабство на Эгинѣ. Киренецъ Анникеридъ успѣлъ, преодолевъ разныя затрудненія, выкупить Платона; онъ возвратился въ Аѳины и началъ тамъ свою дѣятельность преподавателя философіи. Ему было тогда около 40 лѣтъ.

На западѣ отъ Аѳинъ, въ двадцати стадіяхъ отъ города, надъ равниною подымается у берега Кефисса конусообразное возвышеніе, которое называлось Колономъ (Kolonos, холмъ). Его именемъ называлась и окрестная мѣстность, родина великаго Софокла, прославившаго ее одною изъ своихъ трагедій (стран. 567). Тамъ была роща мѣстнаго героя Академа; подлѣ рощи находилась гимназія, называвшаяся по его имени Академією. Привлеченный красотою мѣстности и сосѣдствомъ гимназіи, посѣщаемой множествомъ юношей, Платонъ

Его путешествія.

Дружба съ Діономъ и сближеніе съ Діонисіемъ.

Онъ поселился въ Академіи.

купилъ участокъ земли подлѣ роши и поселился тутъ. Скоро сталъ собираться къ нему избранный кругъ любознательныхъ людей, молодыхъ и пожилыхъ; онъ читалъ имъ лекціи, въ которыхъ излагалъ возвышенное ученіе о томъ, что истинное знаніе и добродѣтель пріобрѣтаются исключительно познаваніемъ сущности вещей и понятій, что чувственное возрѣніе даетъ лишь смутные обманчивые образы ихъ; что истинное, вѣчное существованіе имѣютъ лишь «идеи», а міръ явленій лишенъ реальности, ничтоженъ; что цѣль жизни — познаваніе вѣчной истины, стремленіе къ знанію «идей». — Платонъ преподавалъ свою философію въ рощахъ и подъ колоннадами Академіи двадцати лѣтъ, и названіе этой гимназіи стало именемъ основанной имъ философской системы. Юноши и немолодые люди сходились туда научиться изъ лекцій и разговоровъ великаго наставника пониманію высшихъ цѣлей человѣка и государства, или вмѣстѣ съ нимъ заниматься въ свободные часы философскими изслѣдованіями, какъ служеніемъ божеству. Черезъ двадцать лѣтъ по возвращеніи въ Аѣины, Платонъ снова поѣхалъ въ Сицилію. Мотивъ поѣздки былъ политическій. По смерти Діонисія старшаго, властителемъ въ Сиракузахъ сталъ Діонисій младшій, племянникъ Діона. Восторженный поклонникъ Платона, Діонъ убѣдилъ своего племянника, въ то время еще молодого человѣка, пригласить его въ Сиракузы. Платонъ, много занимавшійся тогда политическими вопросами, изслѣдованіями о государственномъ устройствѣ и о законахъ, принялъ приглашеніе: онъ полагалъ, что ему представляется удобный случай осуществить свои политическіе идеалы. Въ первое время по пріѣздѣ и можно было ему думать, что его надежда оправдается: Діонисій сталъ усерднымъ ученикомъ Платона; примѣру властителя подражали придворные; прежніе роскошные пиры замѣнились философскими бесѣдами; казалось даже, что Діонисій хочетъ отказаться отъ произвольной власти и дать государству разумное устройство. Поддерживаемый пифагорейцами, Платонъ могъ мечтать, что недалеко время, когда сиракузанскимъ государствомъ будутъ управлять философы.

Вторая и третья поѣздка въ Сиракузы.
367—361.

Въ трактатѣ Платона „о законахъ“ есть мѣсто, по которому можно судить о надеждахъ, возбужденныхъ въ немъ извѣстіями, какія получилъ онъ о Діонисіи отъ Діона: „Дайте мнѣ государство, находящееся подъ неограниченною властью одного человѣка; пусть этотъ государь будетъ молодъ, одаренъ яснымъ умомъ и хорошею памятью, мужественъ; пусть онъ имѣетъ великую душу, но по природѣ будетъ скромнѣе, способенъ сдерживать свои страсти, и наконецъ, пусть будетъ онъ такъ счастливъ, чтобъ въ числѣ его современниковъ нашелся мудрый законодатель, и пусть благоприятный случай приведетъ къ нему этого законодателя;—когда такъ, то подготовлены божествомъ всѣ условія, нужныя для того, чтобы государство сдѣлалось чрезвычайно счастливымъ“.

Но эти надежды скоро разсѣялись. Самоувѣренность философовъ

раздражала ихъ противниковъ; высокомеріе Діона, бывшее иногда отяготительнымъ для Діонисія, давало оружіе для нападенія на нихъ. Діонисію были внушены подозрѣнія противъ Діона, и онъ изгналъ его. Діонъ удалился въ Аѣины; скоро поѣхалъ за нимъ туда и Платонъ. Черезъ четыре года при Сиракузскомъ дворѣ произошла новая перемѣна: партія Діона, поддерживаемая пифагорейцами южной Италіи, убѣдила Діонисія послать къ Платону приглашеніе возвратиться. Съ этимъ приглашеніемъ была отправлена прекрасная тріера, и Платонъ, которому было тогда уже 67 лѣтъ, рѣшился въ третій разъ принять трудную поѣздку въ Сиракузы. Но онъ скоро убѣдился, что дружба между тиранномъ, преданнымъ чувственности, и философомъ идеальнаго образа мыслей—ненатуральна и не можетъ быть прочна. Интриги заставили его въ слѣдующемъ же году возвратиться на родину; это было около того времени, когда колесница Діона одержала побѣду на олимпійскихъ играхъ. Дружескія сношенія между сиракузскимъ дворомъ и Академіею прекратились. Когда черезъ три года партія Діона низвергла Діонисія, приверженцы Платона считали это справедливымъ наказаніемъ тирану за то, что сердце его не приняло ученій ихъ наставника.

365.

361.

360.

Неудача попытокъ, дѣланныхъ въ Сиракузахъ, могла имѣть вліяніе на то, что Платонъ отклонилъ предложеніе киренейцевъ составить для нихъ законы, и другое такое же предложеніе гражданъ аркадскаго города Мегалополя. Платонъ былъ идеалистъ, его предназначеніемъ было отвлеченное научное изслѣдованіе; къ практической дѣятельности онъ имѣлъ мало расположенія и способности.

По возвращеніи въ Аѣины, Платонъ продолжалъ преподавать философію въ Академіи. Окруженный преданными ему учениками, въ числѣ которыхъ находились полководцы Фабрій и Хокіонъ, онъ счастливо провелъ годы старости, оставаясь дѣятельнымъ, сохраняя свѣтлое настроеніе души и крѣпкое здоровье; онъ не зналъ болѣзней до самой смерти. Онъ умеръ на восемьдесятъ-второмъ году жизни,—по однимъ извѣстіямъ, съ стилемъ въ рукѣ за письменной работой, по другимъ, на ужинѣ, за которымъ весело разговаривалъ. Во времена Павзанія еще цѣла была его гробница на Керамикѣ, близъ Академіи. Передъ смертью онъ назначилъ своимъ преемникомъ въ Академіи сына своей сестры, Спевсиппа, которому завѣщалъ свое имущество; онъ завѣщалъ, чтобы главнымъ преподавателемъ въ Академіи и распорядителемъ курсовъ ея всегда былъ избираемъ достойнѣйшій изъ принадлежащихъ къ ней философовъ.

Конецъ жизни Платона.

346.

Платонъ не былъ человѣкъ такой простой, такой чуждый всякихъ притязаній, какъ его учитель Сократъ. Правда онъ велъ жизнь умѣренную, но у него было столько эстетическаго чувства, что онъ не могъ не цѣнить изящныхъ формъ быта. На его личности лежитъ печать аристократизма;

Характеръ его.

онъ любилъ замкнутую жизнь въ кругу близкихъ къ нему людей, удалялъ отъ себя людей непріятныхъ и пошлыхъ, приближалъ къ себѣ только тѣхъ, которые были способны сочувствовать его возвышеннымъ понятіямъ и раздѣляли его вкусъ къ изящному. Платонъ соединяетъ въ себѣ самый смѣлый идеализмъ съ рѣдкою точностью мышленія, склонность къ отвлеченному діалектическому изслѣдованію съ художественною живостью изложенія; и какъ человекъ, онъ соединяетъ строгость нравственныхъ правилъ съ живою воспримчивостью къ прекрасному, благородство и возвышенность образа мыслей съ нѣжностью чувства, пылкость съ самообладаніемъ, энтузіазмъ съ философскимъ спокойствіемъ души, серьезность характера съ мягкостью, умственное величіе съ добродушной привѣтливостью къ людямъ, чувство своего достоинства съ граціозностью; онъ великъ именно тѣмъ, что умѣетъ сочетать въ одно цѣлое черты, кажущіяся несомѣстными, пополнять одну противоположность другою, развивать богатство своихъ душевныхъ силъ всестороннимъ образомъ до совершеннѣйшей гармоніи. Та нравственная красота и здоровость всей жизни, которую Платонъ, какъ истинный грекъ, ставитъ первымъ своимъ требованіемъ, осуществлялась въ немъ самомъ; гармонія души и тѣла у него была полная: мы знаемъ, что онъ былъ очень хорошъ собою и физически силенъ. Отличительнымъ качествомъ его какъ философа, является тѣсная связь его характера съ его научными стремленіями; онъ обязанъ этимъ вліянію Сократа. Нравственное совершенство его жизни основано на ясности его понятій; свѣтъ науки разсвѣчаетъ всякій туманъ въ его душѣ и производитъ то радостное олимпійское спокойствіе, которымъ такъ освѣжительно вѣютъ на насъ его творенія. Личность Платона напоминаетъ представленіе объ Аполлонѣ; есть много преданій, ставящихъ и его, какъ Пизагора, въ близкое отношеніе къ этому богу, греческому идеалу нравственной красоты и свѣтлой гармоніи. Изъ груди Сократа вылетѣлъ лебедь, — птица посвященная Аполлону — этимъ символомъ выражало народное преданіе отношеніе ученика къ учителю. — Исчезли почти всѣ слѣды храмовъ, гимназій, роцъ и садовъ, въ которыхъ училъ Платонъ, говоритъ Брандисъ, но еще и теперь восхищаетъ душу видъ съ холма Академіи на акрополь, Аѣины и море съ поднимающимися изъ него мягкими контурами Эгины; еще звучитъ пѣніе соловьевъ изъ близкаго оливковаго лѣса и сосѣднихъ съ нимъ садовъ, еще стрекочетъ со всѣхъ сторонъ цикада кругомъ одинокаго путника.

Разговорная форма трактатовъ Платона. Форма преподаванія Платона была по всей вѣроятности та, что разговоры перемѣшивались съ лекціями; и высшія, болѣе трудныя части своей системы онъ излагалъ вѣроятно монологами лекцій; но въ своихъ сочиненіяхъ онъ держится исключительно разговорной формы, и тѣ мысли, которые считаетъ вѣрными, онъ влагаетъ въ уста Сократу; эту форму онъ избралъ отчасти по любви къ своему учителю, отчасти, и вѣроятно главнымъ образомъ, потому, что и для него, какъ для его учителя, знаніе было не законченною неподвижною системою, а личною живою дѣятельностью, процессомъ неустаннаго развитія мыслей. Сократъ является у него воплощеніемъ философіи; художественная форма его философскихъ трактатовъ, облекающая мысли въ одежду привлекательныхъ разговоровъ, представляющая философію не только ученіемъ, но и живою силою въ образѣ истиннаго фило-

софа, столько же содѣйствовала восхитительности его трактатовъ, сколько и возвышенная идеальность ихъ содержанія; художественности изложенія точно такъ же, какъ и благородству своихъ мыслей, Платонъ обязанъ названіемъ «божественнаго», которое дали ему современники и сохранило за нимъ потомство. Выводъ Сократа и его собесѣдниковъ разговаривающими, Платонъ создавалъ, какъ говоритъ Генрихъ Риттеръ, истинно драматическую картину, въ которой дѣйствіе развивается участіемъ живыхъ лицъ; эта драма рисуется передъ воображеніемъ читателей и привлекаетъ ихъ умъ къ мыслямъ Платона. Онъ великій мастеръ изображать живыя подробности, постоянно привлекающія къ себѣ вниманіе оригинальностью собеседниковъ или вліяніемъ обстановки на ходъ разговора; эта художественная форма доставляетъ ему удобство выказывать весь блескъ своего краснорѣчія, удовлетворить и сердцу, удовлетворяя уму. Разговоръ даетъ видѣть внутреннія движенія мыслительности, возникновеніе мыслей. Поэтъ по природѣ, Платонъ соединялъ съ глубокомысліемъ живую фантазію, съ возвышенностью мыслей — искусство одѣвать ихъ въ благороднѣйшія, привлекательнѣйшія формы. Разговоры Платона украшены всею граціозностью аттического изящества; это много содѣйствовало тому, что они вполне намъ сохранились. Платонъ неуклонно держится воззрѣній Сократа, защищаетъ и развиваетъ ихъ постоянною діалектическою борьбою противъ другихъ мнѣній.

До насъ дошли всѣ философскіе трактаты, написанные Платономъ; кромѣ того, есть произведенія, на которыхъ поставлено его имя, но которыя критика нашла непринадлежащими ему и считаетъ сочиненіями позднѣйшихъ философовъ его школы. Уже и въ древности были признаны подложными 13 писемъ о его жизни въ Сициліи; разговоры: «Эриксий», «Галькионъ», «Сизифъ», «Аксиохъ», «о возможности научиться добродѣтели», «о справедливости», и нѣкоторые другіе. Новая критика нашла подложными нѣкоторые маленькіе разговоры, считавшіеся въ древности подлинными; таковы: «Миносъ», «Гиппархъ», «Алкивиадъ. Второй разговоръ», «Антерасты», «Гиппій. Большой разговоръ», «Θεαγесъ», «Эпиномисъ», и другіе. Нѣкоторые изъ нихъ теперь считаются произведеніями философовъ Старой Академіи. Были также высказываемы сомнѣнія противъ принадлежности Платону разговоровъ: «Менексенъ», «Клитонъ», «Ионъ», и трактата «о законахъ», въ которомъ многое противорѣчитъ трактату «о государствѣ»; но доводы противъ ихъ подлинности не достаточно сильны. — За исключеніемъ всѣхъ этихъ произведеній, у насъ остается около тридцати разговоровъ, усомниться въ подлинности которыхъ еще никто не находилъ никакихъ поводовъ. По размѣру, нѣкоторые изъ несомнѣнно принадлежащихъ Платону разговоровъ довольно большіе трактаты, другіе не велики; но всѣ они справедливо причисляются къ превосходнѣйшимъ произведеніямъ греческой литературы.

Между учеными еще продолжаются споры о томъ, въ какомъ порядкѣ должны быть распредѣлены разговоры Платона по хронологической послѣдовательности и по внутренней связи. Въ древности —

Произведенія, ошибочно приписанныя Платону.

Распредѣленіе разговоровъ Платона.

ихъ распредѣляли въ группы по образцу распредѣленія трагедій; великій александрійскій грамматикъ (критикъ) Аристофанъ византійскій раздѣлилъ ихъ на трилогіи; Фразиллъ (жившій во времена императора Тиберія) на тетралогіи. Но при этой группировкѣ не обращалось никакого вниманія на хронологическій порядокъ, и она вообще дѣлалась неискусно, безъ пониманія существенныхъ связей между трактатами по ихъ основнымъ мыслямъ. Глубокое изученіе философіи Платона въ нынѣшнемъ столѣтіи привело къ разъясненію отношеній между трактатами его по ихъ содержанію; начало этому положилъ Шлейермахеръ введеніями и примѣчаніями къ своему превосходному переводу Платона. Онъ первый ясно увидалъ, что разговоры Платона представляютъ собою не части изложенія законченной системы философіи, а разные фазисы развитія философской мысли; по мнѣнію Шлейермахера, они образуютъ ступени того хода, которымъ человѣкъ, способный воспринимать философскую истину, приближается къ ней, научается анализировать ошибочныя высокомѣрныя представленія о своемъ мнимомъ знаніи, понимать ихъ пустоту, и мало по малу достигаетъ высшаго, какое доступно человѣческому уму, знанія истины. Такимъ образомъ, каждый послѣдующій разговоръ предполагаетъ, что предшествовавшій ему ужъ извѣстенъ читателю, ужъ произвелъ свое дѣйствіе на его душу, и ведетъ дѣло дальше; Шлейермахеръ полагаетъ, что, за немногими исключеніями, трактаты написаны по педагогическому плану, который былъ предварительно выработанъ съ точною опредѣленностью и при исполненіи видоизмѣнялся мало, и то лишь въ мелочахъ. Трактаты, написанные не для исполненія этого общаго плана, а по какимъ нибудь особннымъ научнымъ мотивамъ, немногочисленны и не имѣютъ первостепенной важности. Основная мысль общаго плана высказана Платономъ, по мнѣнію Шлейермахера, въ «Федонѣ», и состоитъ въ изложеніи понятій о томъ, какое вліяніе на душу можетъ имѣть письменное изложеніе философскаго ученія. Потому Шлейермахеръ считаетъ «Федона» первымъ трактатомъ въ хронологическомъ порядкѣ, ссылаясь въ подтвержденіе этого мнѣнія на преданіе, принадлежащее впрочемъ позднимъ временамъ древности и недостоверное. Гипотеза Шлейермахера хорошо обдумана и развита имъ очень послѣдовательно. Но Карлъ Фридрихъ Германъ противопоставилъ ей другое мнѣніе: онъ находитъ, что трактаты Платона представляютъ собою не отдѣлы, написанные по плану постепеннаго возведенія мысли читателя къ высшей истинѣ, а фазисы постепеннаго развитія мысли самого Платона, фазисы видоизмѣненій, которыя принимала, въ ходъ своего совершенствованія, его философская система.

Мнѣніе Германъ находитъ три фазиса развитія философскихъ воззрѣній Платона, и сообразно тому дѣлитъ его трактаты на три періода; ходъ развитія, по мнѣнію Германа, состоялъ въ томъ, что ученіе

Сократа о знаніи, какъ источникъ добродѣтели, бывшее первымъ фазисомъ философіи Платона, видоизмѣнилось у него подъ вліяніемъ прежнихъ философскихъ школъ, въ особенности пифагорейской, а потомъ онъ достигъ до тѣхъ воззрѣній, которыя образуютъ его собственную систему, до ученія объ идеяхъ и до своеобразныхъ рѣшеній высшихъ вопросовъ о цѣли жизни и объ устройствѣ государства. — Гипотеза Шлейермахера очень заманчива. Но авторъ считаетъ болѣе основательнымъ мнѣніе Германа, своего глубоко уважаемаго учителя и, слишкомъ рано умершаго, друга. Обязанный ему пониманіемъ глубокихъ мыслей Платона, авторъ держится его воззрѣнія, какъ справедливаго. По Герману, трактаты Платона, первые изъ которыхъ написаны вскорѣ послѣ начала его знакомства съ Сократомъ, распредѣляются на слѣдующія хронологическія группы:

1. Должно полагать, что Платонъ написалъ нѣсколько трактатовъ еще при жизни Сократа; эти произведенія, проникнутыя мыслями Сократа, имѣли цѣлью доказать, что первое условіе добродѣтели—знаніе, опровергнуть поверхностныя понятія, замѣнявшія истинное знаніе у массы, которая держалась ихъ по привычкѣ, обнаружить пустоту риторическихъ и діалектическихъ хитросплетеній софистовъ. Къ этому періоду принадлежатъ слѣдующіе трактаты, написанные въ духѣ философіи Сократа:

1. Трактаты принадлежащіе первому періоду.

„Гиппій. Краткій разговоръ“. Основная мысль этого трактата—доказать, что знаніе лучше незнанія даже и тогда, если человѣкъ поступаетъ дурно. Въ „Іонѣ“ Платонъ доказываетъ, что рапсоды не знали истины: то, что говорится о нихъ, относится, конечно, и къ поэтамъ, которыхъ рецитировали они. „Алківіадъ. Первый разговоръ“, имѣетъ цѣлью доказать, что познаніе самого себя—единственный вѣрный путь къ добродѣтели и къ истинному знанію. Въ „Лизисѣ“ излагается мысль, что всѣ влеченія человѣка производятся стремленіемъ къ одной высочайшей цѣли желаній. Въ „Хармидѣ“, анализомъ одной изъ добродѣтелей, умѣренности, доказывается, что всѣ добродѣтели основаны на знаніи средствъ къ достиженію этой высочайшей цѣли. Въ „Лахесѣ“, анализомъ другой добродѣтели, мужества, доказывается, что всѣ проявленія добродѣтели имѣютъ одну и ту же сущность, и что потому сущность добродѣтели всегда одна и та же. — Въ „Протагорѣ“ дается дальнѣйшее развитіе этой мысли; и оказывается, что добродѣтель—знаніе; а изъ того, что она знаніе, получается выводъ, что ей можно научиться; въ „Эвтидемѣ“ доказывается, что и должно учиться ей, потому что знаніе—единственный путь къ достиженію счастья, высочайшей цѣли всѣхъ желаній и поступковъ людей. Во всѣхъ этихъ трактатахъ Платонъ полемизируетъ противъ софистовъ, которые хотятъ учить людей добродѣтели и способамъ достигнуть счастья, сами не зная того, чему берутся учить.

Въ разговорахъ перваго періода Платонъ говоритъ, что добродѣтель—высочайшее благо, и предполагая, что справедливость этой мысли очевидна, не приводитъ доказательствъ ея вѣрности; точно также, говоря о необходимости знанія истины, онъ не доказываетъ, что оно возможно. Въ трактатахъ втораго періода, начинающагося со смерти Сократа и съ пере-

2. Разговоры принадлежащіе второму періоду.

селения Платона в Мегару, разъясняется необходимость добродетели, основанной на врожденном человеку знании; другая основная тема трактатов этого периода—самобытное существование понятий (идей).

В „Горгии“ Платон, полемизируя против софиста, чьим именем назван этот разговор, доказывает, что добродетель лучше чувственного наслаждения; она лучше его, во первых, по своим последствиям в здешней жизни,—она поддерживает нравственную гармонию, а пороки разрушает эту гармонию; во вторых, она лучше чувственного наслаждения потому, что в загробной жизни божественная справедливость награждает человека за добродетель.—Тесную связь с „Горгием“ имеет „Критон“, в котором говорится, что человек всегда должен поступать справедливо и повиноваться законам; этому научает философия. Ораторское искусство не ведет людей к знанию истины и само не обладает им; потому оно служит только чувственному удовольствию, ищет только одобрения толпы,—говорится о нем в „Горгии“. В „Менон“ развивается мысль, высказанная в „Протагор“: добродетели можно научиться; это доказывается тем, что человек может познавать истину посредством воспоминания бессмертной души о том, что знала она до своей земной жизни; душа существо самостоятельное, различное от тела и бессмертное. В „Эвтифрон“ и в трактат „Гиппий. Большой разговор“, Платон объясняет, каким образом из признаков отдельных частных составляется общее понятие о предмете, и доказывает, что нельзя найти правильное определение качества предметов, не зная идеи этого качества, (самостоятельной сущности этого качества); например, нельзя определить, что такое красота, проявляющаяся в красивых предметах, не зная, что такое красота сама по себе, не зная идеи красоты. В „Кратил“ доказывается, что софисты ошибаются, отождествляя понятия (идеи) с словами; между словом и понятием есть родство, но слово только образ, знак понятия. В „Феатет“ Платон доказывает, что чувственный мир не может быть предметом научного знания, занимающегося исключительно понятиями, и что мысли и представления толпы очень далеки от истинного знания. В „Софист“ эти мысли получают дальнейшее развитие: существование чувственного мира не таково, как существование понятия, но не прямо противоположно ему; чувственный мир не ничто, он существует, но лишь как призрак истины. Следовательно бы предполагать, что в разговор „Государственный человек“ (Politikos) Платон будет доказывать, что у государственных людей нет знания истины, принадлежащего только философу, что они руководятся лишь субъективными мнениями, не имеющими достоверности; но в том виде, в каком дошел до нас этот разговор, мысль, которая должна была бы составлять его содержание, затрогивается лишь внешним образом, да и то мало; и потому многие критики полагают, что он приписан Платону ошибочно.—Эти трактаты, написанные в Мегаре и по отъезде из Мегары, имели общую свою целью разъяснить разницу сущности от явлений, разницу единого, общего от частного, индивидуального, и защитить реальность понятий от скептицизма элеатов. Последний трактат этой серии „Парменид“. В нем диалектика самих элеатов обращена против их скептицизма. На основании ее доказывалось, что если принимать реальность единого бытия, как принимают элеаты, то необходимо принимать и реальность индивидуального, потому что понятие о едином само собою переходит в понятие об индивидуальном; а если сохранять за понятием о едином его абстрактность, то необходимо отрицать его реаль-

ность. Эта аргументация служит Платону средством получить вывод, что между формами абстрактного мышления и миром явлений существует нечто среднее, составляющее связь между ними; эти существа, средние между миром абстрактного мышления и миром явлений—„идеи“.

Таким образом, Платон дошел до вопроса, решение которого составляет существенную задачу его философии; это вопрос об отношениях единого к идеям, идей к чувственному миру. К решению его он приступил лишь, когда ознакомился в южной Италии с учениями пифагорейцев; трактаты третьего периода, в которых он излагает свои понятия о нем, самые лучшие его произведения и по формам и по содержанию, завершают его систему; это: „Филеб“, „Федон“, „Пир“ (Symposion), „Федр“, „Тимей“, трактаты „О государствах“ и „О законах“. В них великий мыслитель определил отношение человека к идеям, идей к миру явлений, то есть, теорию человеческого познания и действия, учение о сотворении видимого мира и об устройстве его; это охватывает все те три отдела философии, которыми занимались мыслители прежних школ: диалектику, физику и учение о нравственности; метафизический отдел, теорию отношения идей к единому, он излагал, кажется, своим изустным преподаванием в Академии; содержание этих лекций составляло „неписанное учение“ Академии.

Примечание. Система Платона была после работы Германа предметом многочисленных исследований. Но ими добыто мало таких результатов, относительно которых все специалисты согласны и которые можно считать окончательными. Потому автор продолжает в общих чертах держаться мыслей Германа. Впрочем, относительно одной группы трактатов Платона должно сказать, что она, по всей вероятности, принадлежит не тому периоду, в который помещена Германом; это разговоры: „Феатет“, „Софист“, „Государственный человек“, тесно связанные между собою; они (и имеющий близкую связь с ними „Парменид“, если он действительно написан Платоном) должны считаться принадлежащими не ко второму, а к третьему периоду деятельности Платона: по многим чертам их содержания и по многим формам речи видно, что они были написаны Платоном в промежуток времени, отделяющий трактат „О государствах“ от трактата „О законах“.

В величественной системе, существенные черты которой мы изложим на следующих страницах, соединяются, как в общем фокусе, все четыре главных направления прежней философии: элеатское учение о едином образует в ней форму бытия, учение Гераклита о вечном процессе изменения является в ней характером материи, первобытный разум Анаксагора поставлен в ней причиной движения, гармония пифагорейцев поставлена высочайшею целью всего совершающегося; но эти прежние основные принципы получают у Платона более возвышенный смысл, более ясное развитие, и правильное сочетание их образует одно гармоническое целое.

Трактаты
третьего периода.
Система
Платона в за-
вершенном ее
виде.

1. Діалектика. 1. По ученію Платона, філософія, наука, щоотвѣтствующая чистому стремленію къ истинѣ, представляетъ единственный вѣрный путь къ самопознанію и къ познанію божества, а потому и къ истинному счастью; она—фокусъ, въ которомъ соединяются всѣ лучи истины, разрозненно проявляющіеся въ понятіяхъ и въ жизни человѣка. Это высочайшее знаніе принадлежитъ въ полнотѣ своей только божеству. Человѣкъ стремится приблизиться къ такому знанію по влеченію своей души къ высочайшему умственному благу; это влеченіе, врожденное душѣ, называется у Платона Эросомъ, любовью. Откуда происходитъ оно, въ чемъ источникъ врожденного душѣ стремленія къ философіи, мы увидимъ послѣ. Путь къ удовлетворенію его—діалектика, наука о сочетаніи понятій, «Прометеевъ огонь»; безъ нея невозможно приобрѣсти правильныхъ мыслей ни о чемъ. Она учитъ анализировать, связывать, классифицировать неопредѣленные и сбивчивыя чувственные впечатлѣнія и представленія, и такимъ образомъ получать изъ ихъ беспорядочной массы единство общаго понятія, добывать изъ чувственныхъ явленій сверхчувственную идею, и наоборотъ, изъ единства общаго понятія выводить понятія о родахъ, видахъ, подраздѣленіяхъ видовъ и, по нисходящей градаціи, достигать до пониманія индивидуальныхъ предметовъ; этими способами діалектика научаетъ опредѣлять и анализировать отношенія между понятіями и отношенія элементовъ къ частностямъ; діалектика—развитіе мысли путемъ анализа и путемъ синтеза.

Основаніемъ діалектики, какъ и основаніемъ всей образованности, служитъ, по мнѣнію Платона, музыкальное и гимнастическое воспитаніе; гармоническое соединеніе занятій музыкою и занятій гимнастикой производитъ правильное настроеніе души, охраняетъ ее и отъ грубости и отъ изнѣженности, возбуждаетъ и укрѣпляетъ любовь къ прекрасному. Подготовленіемъ къ діалектикѣ служатъ математическія науки; знаніе ихъ нужно для нея потому, что отношеніе идей къ явленіямъ, движущихъ силъ къ движенію, опредѣляется числомъ, величиною и мѣрою. На этихъ подготовительныхъ свѣдѣніяхъ основывается философское познаваніе истины, которое, по выраженію Платона въ трактатѣ «О государствѣ», «подымаетъ человѣка изъ моря чувственности, очищаетъ душу отъ выросшихъ на нее раковинъ и морскихъ травъ».

Идеи.

Путемъ діалектики мыслящій духъ восходитъ къ «идеямъ», вѣчнымъ первообразамъ существующаго; онѣ, по ученію Платона, существуютъ самостоятельно, отдѣльно отъ міра явленій и отъ человѣческихъ мыслей; ихъ существованіе—вѣчное спокойствіе; онѣ существуютъ въ особой области пространства, отдѣльной отъ чувственного міра, сверхчувственной. Собственно говоря, быть можетъ представленіе Платона объ идеяхъ лишь представленіе объ общихъ понятіяхъ, вѣчно неизмѣнныхъ; но онѣ кажутся ему самостоятельными существами, существами реальными, от-

дѣльными отъ предметовъ; это не мысли человѣка, и даже это не мысли божества; это реальные предметы, существующіе особо отъ предметовъ чувственного міра; это субстанціи чувственныхъ предметовъ, существующія отдѣльно отъ нихъ, познаваемыя только мышленіемъ, а не чувствами; это прототипы чувственныхъ предметовъ. Число ихъ бесконечно.

«Каждому классу предметовъ», говоритъ Целлеръ, «соотвѣтствуетъ особая идея; и вся область понятій, какія можно составлять черезъ выдѣленіе чего нибудь одинаковаго въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ предметахъ—область идей. Не входятъ въ область идей лишь тѣ индивидуальные особенности предмета, которыя принадлежатъ исключительно ему одному; не идея лишь то, въ чемъ нѣтъ одинаковости ни съ чѣмъ ни въ какомъ другомъ предметѣ; чуждо области идей лишь недоступное пониманію мелочное и непрерывно измѣняемое въ индивидуальномъ предметѣ».

Высочайшій принципъ всего существующаго и послѣдняя цѣль мышленія, — абсолютъ, какъ теперь это называютъ—обозначается у Платона (въ трактатѣ «О государствѣ») терминомъ «идея добра»; она въ невидимомъ мірѣ то же самое, что въ видимомъ солнце; она источникъ всего бытія и всякаго познанія. Неопредѣленность выраженія «идея добра» вошла въ поговорку у грековъ. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что этотъ терминъ былъ у Платона равнозначителенъ понятію о богѣ или о божественномъ принципѣ, что подъ названіемъ «идея добра» онъ мыслилъ духовное существо, разумное, хотя и не безусловно свободное отъ подвластности законамъ необходимости.

Предметъ изслѣдованія діалектики—то, что истинно существуетъ, міръ идей; предметъ физики—міръ чувственного бытія, возникновенія и перемѣны. Это чувственное бытіе—лишь тѣнь, очерками которой обрисовывается истинное бытіе, лишь призракъ его. Чувственные предметы не могутъ быть полными проявленіями идей; идея только смутно отражается въ нихъ; единая, она раздробляется въ своихъ чувственныхъ проявленіяхъ на множество предметовъ, и сущность ея закрыта въ нихъ покровомъ матеріи. Въ «Тимей» Платонъ говоритъ, что существуетъ общій субстратъ всѣхъ чувственныхъ явленій, матеріалъ, изъ котораго формируются всѣ чувственные предметы, и въ который снова разлагаются ихъ составныя части; этотъ общій матеріалъ чувственного міра, находящійся въ вѣчномъ круговоротѣ видоизмѣненій—нѣчто особое отъ идей и отъ чувственныхъ явленій.

Всѣ матеріальные предметы лишь формы проявленій этого общаго, безформеннаго субстрата, невидимаго, не имѣющаго никакихъ опредѣленныхъ качествъ, но способнаго принимать всяческія очертанія; онъ «пространство», помѣщеніе для всего возникающаго, но само не имѣвшее начала,

2. Физика.

вѣчное. Исслѣдователи философіи Платона расходятся между собою въ мнѣніяхъ о томъ, какъ именно должно понимать этотъ субстратъ чувственныхъ явленій; одни полагаютъ, что Платонъ представлялъ себѣ его какъ вѣчную матерію, существовавшую до возникновенія вселенной, хаотически волновавшуюся, и заключающую въ себѣ перемутуемые безпорядочнымъ движеніемъ, смутныя формы и качества всѣхъ элементовъ чувственного міра; по мнѣнію другихъ, этотъ общій субстратъ всѣхъ матеріальныхъ явленій—пространство. Неодинаково рѣшаютъ исслѣдователи и тотъ вопросъ, какъ именно думалъ Платонъ о чувственныхъ представленіяхъ; по мнѣнію однихъ, онъ считалъ эти представленія субъективными мыслями, чувственный міръ лишь смутнымъ продуктомъ воображенія; по мнѣнію другихъ, онъ полагалъ, что качества представленій о внѣшнихъ предметахъ обуславливаются качествами этихъ предметовъ, то есть, приписывалъ чувственнымъ предметамъ существованіе внѣ человѣческой жизни.

Изъ безформеннаго субстрата произошелъ чувственный міръ; онъ находится въ процессѣ непрерывнаго видоизмѣненія; въ этой измѣнчивости явленій матеріальнаго міра не могутъ уловить ничего постоянного ни чувства, ни мышленіе; дѣйствительно существующій элементъ матеріальныхъ явленій лишь элементъ, вносимый въ нихъ идеями. Истинно существуютъ только идеи; явленія — лишь тѣни идей, подобныя истинно существующему, но сами не имѣющія реальности, не имѣющія истиннаго существованія.

Вселенная
(космосъ).

Совершеннѣйшее въ области возникшаго—вселенная; она, подобно человѣку, живое существо и подобно человѣку состоитъ изъ духа (или разума, νοῦς), души и тѣла; она устроена по вѣчному прототипу живаго существа. Зодчій вселенной создалъ ея тѣло тѣмъ, что соединилъ идеи съ матеріею. Вселенная создана одна, потому что и міръ идей, прототипъ ея, только одинъ. Она имѣетъ форму шара, потому что въ шарѣ заключаются всѣ другія фигуры. Это шарообразное тѣло имѣетъ душу; она живетъ въ центрѣ его; отсюда ея дѣйствія распространяются по всему тѣлу; она производитъ всѣ движенія во вселенной, она причина порядка во вселенной, источникъ всей космической жизни; дѣйствія души вселенной проявляются особенно въ движеніяхъ звѣзднаго неба и планетъ. Душа вселенной существо среднее между чистымъ разумомъ (духомъ) и матеріальными существами; въ ней находятся всѣ элементы чиселъ и размѣровъ; она вмѣстилище математическихъ законовъ, проявляющихся въ строеніи движеній космоса.

Въ „Тимей“ Платонъ излагаетъ свои понятія о происхожденіи вселенной. Онъ далъ имъ мионическую оболочку. Онъ рассказываетъ, что „зодчій міра“ образовалъ душу вселенной, соединивъ идею съ матеріею; потомъ распредѣлилъ хаотически волновавшуюся матерію на пять стихій; далъ матеріи, распределенной на стихіи, форму шара, состоящаго изъ концентрическихъ сферъ, пропорціи между которыми соответствуютъ гармоническимъ пропорціямъ души вселенной; размѣстилъ по этимъ сферамъ не-

бесныя свѣтила, движеніями которыхъ измѣряется время, создалъ живыя существа, вѣчныя и божественныя, и этимъ божествамъ, которыхъ создалъ самъ, поручилъ создать смертныя живыя существа. Основныя понятія, облеченныя въ этомъ мионическомъ разсказѣ поэтической формою, заимствованы Платономъ изъ пифагорейской космологіи. По понятіямъ Платона, космосъ—живое существо, тѣло котораго—вся совокупность матеріальнаго міра, а душа котораго сопричастна божественному разуму; космосъ вѣченъ; онъ созданъ по подобію вѣчнаго и невидимаго бога, и самъ онъ блаженный богъ, единый такой, довѣяющій самъ себѣ и не нуждающійся ни въ чемъ;—эти понятія имѣютъ своимъ источникомъ общія всему греческому народу представленія о вселенной, какъ о существѣ живомъ и божественномъ.

Во вселенной дѣйствуютъ двѣ верховныя силы: разумъ (νοῦς) и законъ необходимости, чуждый разумности (ἀνάγκη). Вначалѣ разумъ преобладаетъ надъ закономъ необходимости, и заставляетъ его служить себѣ; потому вначалѣ вселенная устроена разумно. Но мало по малу неразуміе (зло) можетъ одолѣвать разумъ. Мысль о непрерывномъ управленіи міра божествомъ, создавшимъ міръ, чужда понятіямъ Платона. Божество влагаетъ разумъ въ міръ, какъ влагаетъ его въ человѣка, и довольствуясь тѣмъ, что создало наилучшій міръ, какой могъ быть созданъ, возвращается въ свое блаженное спокойствіе, предоставляетъ вселенной свободу. Таковы же отношенія божества и въ человѣку. Лишь по временамъ божество снова проявляетъ свою заботу о мірѣ, возстановляетъ въ немъ разумное устройство и тѣмъ предохраняетъ его отъ впаденія въ прежнее хаотическое состояніе, къ которому безъ этого привело бы міръ разстройство, развивающееся въ немъ отъ постепенно возникающаго преобладанія неразумной силы матеріи.—Движенія планетъ въ направленіи, противоположномъ движенію звѣзднаго неба, служатъ, по понятіямъ Платона, яснымъ доказательствомъ того, что въ мірѣ дѣйствуютъ силы, противоположныя одна другой. Движеніе звѣзднаго неба съ-лѣва направо производится всеобъемлющею силою единого разума; въ движеніяхъ планетъ (и солнца, и луны) по ихъ орбитамъ проявляется сила, производящая распадѣніе единого, общаго на различныя частности. Но и это раздробленіе подчинено закону; разстоянія между орбитами соответствуютъ первымъ тремъ числамъ, ихъ квадратамъ и кубамъ: 1, 2, 3, 4, 8, 9, 27;—если пополнивъ рядъ этихъ цифръ вставкою пропорціональных цифръ между ними, то получается рядъ чиселъ, соответствующій отношеніямъ между тонами лиры; потому быстрое круговращеніе сферъ небесныхъ свѣтилъ производитъ гармонию;—Платонъ, какъ видимъ, перенесъ въ свою систему пифагорейскую гармонию сферъ. Планеты (и солнце, и луна)—показатели времени, поставленные творцомъ въ мірѣ явленій, и вѣчное вращеніе ихъ — отраженіе вѣчности въ этомъ мірѣ. Когда всѣ онѣ одновременно придутъ на прямую линію, на которой были при началѣ своихъ движеній, то завершится великій космическій годъ; періодъ продолжительности этого года Платонъ не опредѣляетъ.

Душа вселенной — существо, занимающее средину между идеею и явленіемъ; такова же природа и человѣческой души. Душа человѣка близко родственна идеѣ, и соединена съ смертнымъ тѣломъ; потому въ ней примиряется противоположность между чувственнымъ міромъ и духомъ. Душа сопричастна идеѣ жизни, потому не можетъ не быть живою; слѣдовательно ея существованіе не началось и не кончится съ земною жизнью, она существовала раньше рожденія тѣла, въ которомъ живетъ теперь, и она бессмертна.

Человѣческая
душа.

Свои понятія о происхожденіи и судьбѣ души Платонъ излагаетъ въ „Тимей“ и „Федръ“ подъ оболочкою мифическаго разсказа.—Сотворивъ вселенную и боговъ (небесныя свѣтила), создатель міра повелѣлъ богамъ свѣтиль создать смертныя существа. Они создали человѣческое тѣло и смертную часть души, а самъ онъ создалъ бессмертную часть ея изъ того же состава, какъ и душу вселенной, только количество состава онъ взялъ для этого меньше. Число сотворенныхъ душъ равнялось числу божественныхъ свѣтилъ; такъ что на каждую звѣзду приходится по одной душѣ; эта звѣзда продолжаетъ охранять душу и по соединеніи ея съ земнымъ тѣломъ, руководить ею въ ея земной жизни. Число душъ не увеличивается и не уменьшается. Созданныя души посѣщаютъ въ сопровожденіи боговъ область истины, область идей, находящуюся надъ звѣзднымъ небомъ. Смотри потому, какія воспоминанія остаются въ душѣ отъ этого путешествія, она избираетъ себѣ тѣло и образъ жизни. По смерти тѣла душа приходитъ въ мѣсто суда, откуда праведныя души въ награду за свою добродѣтельную жизнь на землѣ отводятся на право, на небо, а неправедныя отводятся въ наказаніе на лѣво, подъ землю. Черезъ тысячу лѣтъ души призываются снова избрать себѣ образъ жизни на землѣ. Тѣ души, которыя три раза сряду выбирали себѣ образъ жизни философовъ и жили въ этомъ видѣ хорошо, переходятъ по прошествіи трехъ тысячъ лѣтъ въ жилище боговъ и пользуются спокойствіемъ; а всѣ другія души странствуютъ по земнымъ тѣламъ, какія выберутъ для себя, цѣля въ тысячу лѣтъ. Есть много такихъ душъ, которыя, погрязнувъ въ чувственности, выбираютъ себѣ какое нибудь другое тѣло, а не человѣческое, тогда какъ только человѣческое тѣло имѣетъ такое устройство, что душа живущая въ немъ можетъ возобновлять въ себѣ воспоминанія объ идеяхъ, выдѣляя изъ чувственныхъ впечатлѣній истинныя понятія и замѣчая гармонію въ мірѣ явленій; и только возобновленіемъ своихъ воспоминаній объ идеяхъ душа находитъ путь возврата къ своему божественному началу. Поселясь въ тѣлѣ, душа утрачиваетъ свою первоначальную чистоту; и часто, увлекаясь чувственностью, предаваясь страстямъ, она совершенно искажаетъ свою природу.

Человѣческая душа состоитъ изъ трехъ частей: одна изъ этихъ частей, разумная, помѣщается въ головѣ; это мыслящій духъ; двѣ другія части души не разумны; одна изъ нихъ благородна, другая неблагородна. Благородная часть—энергія воли; она одарена влеченіемъ къ благородному и добродѣтельному и по своей природѣ находится въ союзѣ съ разумомъ; она живетъ въ груди. Неблагородная часть души, живущая въ желудкѣ, имѣетъ своими качествами чувственныя влеченія и страсти.

Разумъ преобладаетъ у грековъ, мужество у сѣверныхъ варваровъ, а у финикянъ и египтянъ преобладаетъ влеченіе къ корысти.—Какимъ образомъ происходитъ единство сознанія въ душѣ, состоящей изъ трехъ частей, Платонъ не разъясняетъ. Но ясно говорится у него, что человѣческая душа имѣетъ свободную волю и сама рѣшаетъ какъ поступать.

Такимъ образомъ человѣкъ имѣетъ душу, продолжающую существовать по смерти тѣла, одаренную свободной волей и по собственному рѣшенію выбирающую для себя хорошій или дурной путь жизни.

3. Изъ этого слѣдуетъ, что человѣкъ и государство имѣютъ нрав- 8. Нравствен-
ственные задачи; ясно изъ этого и то, въ чемъ состоятъ ихъ нрав- ная философія.
ственные задачи. Душа первоначально была подобна божеству и
предназначеніе человѣка состоитъ въ томъ, чтобы снова уподобиться
божеству; средствами къ тому служатъ мудрость и добродѣтель, а
исполненіе предназначенія составляетъ — счастье, которое Платонъ
называетъ высочайшимъ благомъ. Соединяясь съ тѣломъ, переносясь
въ чувственный міръ, душа впадаетъ въ безпамятство, такъ что пе-
рестаетъ сознавать свое божественное происхожденіе; находясь въ
тѣлѣ подъ владычествомъ чувственности она не имѣла бы пути къ
возвращенію въ свою небесную родину, если бы божество не вло-
жило въ нее влеченія къ истинѣ, находящаго удовлетвореніе себѣ въ
преодолѣніи чувственности. Это ученіе повело у индійцевъ къ отрица-
нію жизни какъ обманчиваго призрака, къ погруженію въ апатическое
умосозерцаніе. Встрѣчаются и у Платона мѣста, въ которыхъ гово-
рится, что спасеніе души состоитъ въ освобожденіи ея отъ тѣла, въ
отрицаніи земной жизни. Но такое воззрѣніе на жизнь противорѣчило
здоровой природѣ грековъ; и у Платона преобладаютъ мысли иного
рода. Міръ явленій—подобіе міра идей; потому, познавая его, можно
познавать идеи; міръ явленій доставляетъ душѣ возможность про-
буждать дремлющія въ ней воспоминанія о ея прежнемъ состояніи,
возвращать себѣ сознаніе о своемъ богоподобіи. Средства къ тому
доставляются разлитію по міру красотою, проявляющеюся въ цѣле-
сообразномъ устройствѣ природы, въ наукѣ, искусствѣ (особенно въ
музыкѣ), въ гармоніи вселенной, а яснѣе всего въ прекрасной формѣ
человѣческаго тѣла. Красота возбуждаетъ въ душѣ любовь. Такимъ
образомъ созерцаніе красоты и любовь двухъ душъ, сходныхъ между
собою, содѣйствуетъ пробужденію сознанія о прежнемъ идеальномъ
состояніи, и каждая изъ двухъ душъ, любящихъ другъ друга, на-
учается познавать себя, узнавая другую и обѣ помогаютъ другъ другу
восходить въ область идей. Эта любовь, которой усвоено названіе Платонова
«Платоновой» или «платонической» любви, ведетъ душу къ познанію (платониче-
истины, къ сознанію высшей своей цѣли, пробуждая въ мысля- ская) любовь.
щемъ разумѣ стремленіе учиться и учить, освобождая человѣка отъ
узъ чувственности, замѣняя въ немъ низкія желанія предчувствіемъ,
а потомъ и созерцаніемъ истины. Знаніе порождаетъ добродѣтель; она и
у Платона, какъ у Сократа, только практическое примѣненіе знанія и, Добродѣтели.
въ соединеніи съ нимъ, служитъ единственнымъ истиннымъ путемъ къ
счастью. Въ трактатѣ «О государствахъ» Платонъ называетъ добродѣтель
направленіемъ дѣятельности каждой части души къ достиженію той цѣ-
ли, какую имѣетъ эта часть, такую дѣятельностью этой части, ка-
кая соотвѣтствуетъ ея природѣ. Добродѣтель разумной части души—
мудрость, добродѣтель воли — мужество, добродѣтель чувственной
части души — воздержность (sophrosyne); общая правильная дѣятель-

Идеальное государство Платона. ность всѣхъ трехъ частей души производитъ справедливость, возникающую изъ ихъ гармоніи. Эти четыре «основныя добродѣтели» доставляютъ счастье и отдѣльному человѣку и государству. Какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ и въ государствѣ онѣ должны быть гармонически соединены. Связь между ними должна состоять въ томъ, чтобы мужество, принадлежащее главнымъ образомъ военному сословию, и воздержность, принадлежащая главнымъ образомъ трудящемуся сословию (поселянамъ и промышленникамъ), были подчинены руководству философовъ, людей царственной души, которые обладаютъ мудростью, потому одни только и способны хорошо править государствомъ, и чтобы справедливость владычествовала надъ всѣмъ и возбуждала каждого человѣка добросовѣстно исполнять свою обязанность. Въ гармоническомъ сочетаніи этихъ основныхъ силъ состоитъ благо государства, имѣющаго своею цѣлью «дѣлать гражданъ хорошими людьми». Наилучшее государство (аристократическое въ истинномъ смыслѣ слова) представляетъ своимъ устройствомъ подобіе человѣка, нравственныя силы котораго находятся въ правильномъ отношеніи между собою; дурныя формы государственнаго устройства соотвѣтствуютъ состояніямъ человѣческой души подъ владычествомъ пороковъ: тимократія (правленіе богатыхъ) соотвѣтствуетъ корыстолюбію, олигархія честолюбію, демократія легкомыслію и расточительности, тираннія полной нравственной испорченности. Коренное условіе благоденствія государства состоитъ въ томъ, чтобы правители обладали знаніемъ истины и добродѣтелью. «Если не будутъ владычествовать въ государствахъ философы или владычествующіе въ нихъ не будутъ усердно заниматься философіею», говоритъ Платонъ, «если власть и философія не соединятся въ однѣхъ рукахъ, то нѣтъ конца страданіямъ для государствъ и для человѣчества». Потому онъ считаетъ дѣломъ величайшей важности то, чтобы будущіе правители получали философское образованіе, и подробно объясняетъ, какъ должно быть ведено ихъ воспитаніе; воспитывать ихъ должно государство; оно должно наблюдать, чтобы они учились музыкѣ, поэзіи, гимнастикѣ, математикѣ. — О воспитаніи трудящагося сословія Платонъ не говоритъ. Поэты и художники должны находиться подъ постояннымъ надзоромъ правительства; оно должно наблюдать, чтобы поэты писали, художники создавали только благородныя, полезныя произведенія, которыми укрѣплялось бы въ гражданахъ убѣжденіе, что только добродѣтельный счастливъ, а порочный всегда несчастенъ. Лирическая поэзія должна въ сочетаніи съ простою, возвышенною музыкою прославлять боговъ и благородныхъ людей; эпическая поэзія должна рассказывать только такія событія и рѣчи, которыя могутъ служить хорошимъ нравственнымъ примѣромъ; драматическая поэзія и мимологія передаютъ о богахъ дурныя вымыслы, потому должны быть изгнаны изъ государства. Основная мысль трактата

Платона «о государствѣ» состоитъ въ томъ, чтобы показать, какими способами могутъ быть осуществлены въ области нравственной свободы тѣ вѣчные законы истины, совершенства и гармоніи, которые осуществлены творцомъ въ устройствѣ вселенной.

Идеальное государство Платона (трактатъ «О государствѣ»). Трактатъ Платона „О государствѣ“—изображеніе поэтическаго идеала; но очень можетъ быть, что, изображая этотъ идеалъ, онъ имѣлъ практическую цѣль, хотѣлъ показать аѳинянамъ, какія учрежденія должны установить они, чтобы спасти отъ гибели свое совершенно разстроенное государство; для этого, по мнѣнію Платона, имъ надобно было ввести у себя организацію быта, основанную на подавленіи личной свободы. Матеріалами для построения этой организаціи послужили ему дорійскіе обычаи и учрежденія; они вообще очень нравились ему; въ дополненіе къ нимъ, онъ взялъ преданія о пифагорейскомъ союзѣ. Эти матеріалы онъ переработалъ и систематизировалъ сообразно своимъ философскимъ принципамъ, по которымъ все индивидуальное совершенно подчинено общему, и человѣкъ долженъ быть лишь гражданиномъ. Результатомъ этой умственной работы было построение такого государства, въ которомъ люди раздѣлены по сословіямъ и профессіямъ, похожимъ на касты, установлена общность женщинъ и имущества; подростокъ воспитывается подъ строжайшимъ надзоромъ правительства; этимъ характеромъ быта совершенно устранена всякая самостоятельность человѣка, всякая свобода личности. Брандисъ говоритъ: „Чтобы создать полное единство, полную гармонію, Платонъ совершенно подчиняетъ личныя цѣли человѣка цѣлямъ общества, личную волю, личное счастье—волѣ и благу общества; отдастъ собственность, трудъ, воспитаніе, искусство, науку, обычаи, религію въ безусловное распоряженіе правительства, приносить въ жертву цѣлямъ государства даже бракъ и семейную жизнь“.—Онъ ставитъ воспитаніе дѣтей подъ надзоръ государства; онъ опредѣляетъ, когда люди должны вступать въ половую связь, опредѣляетъ, какою цифрою должно ограничиваться число дѣтей; семейный бытъ отмѣняетъ; дѣти, какъ только родились, передаются въ общественныя воспитательныя дома, такъ что родители не знаютъ дѣтей, дѣти родителей. Частная собственность и частное домашнее хозяйство отмѣняются. Высшія сословія (правители и воины) содержатся на счетъ государства, которое беретъ себѣ все добываемое трудящимся сословіемъ. Женщины, не имѣя домашняго хозяйства, принимаютъ участіе въ войнѣ, въ государственныхъ дѣлахъ, получаютъ общественное воспитаніе, какъ мужчины. Платоновое государство—государство греческое; потому въ войнахъ съ другими греками оно не должно дѣлать плѣнныхъ рабами; но въ войнахъ съ варварами, можетъ обращать плѣнныхъ въ рабство, такъ-какъ варвары природныя враги грековъ. Платонъ такъ далекъ отъ признаванія человѣческаго достоинства во всѣхъ людяхъ, что въ его государствѣ остается рабство.

Дорійскіе элементы въ Платоновомъ государствѣ. Нѣкоторые законы своего идеальнаго государства Платонъ заимствовалъ изъ дорійскихъ учреждений, это очевидно; другіе должны считаться выводами изъ его философскихъ принциповъ, какъ напримѣръ общность женщинъ и имущества, научное образованіе правителей. На мысль объ общности женъ и имущества могли, впрочемъ, наводить Платона нѣкоторыя черты спартанскаго быта. «Строгое подчиненіе человѣка обществу, политическому единству, суровый образъ жизни людей военнаго сословія, устраненіе ихъ отъ занятій земледѣліемъ и ремеслами, которыя были въ спартанскомъ государствѣ предоставлены исключительно періамамъ и илотамъ, участіе дѣвушекъ и

женщинъ въ гимнастическихъ упражненіяхъ, военный характеръ этихъ упражненій, строгость и простота поэзіи и музыки, изгнаніе поэтовъ, выбрасываніе младенцевъ, родившихся слабыми, устраненіе молодыхъ людей отъ участія въ управленіи, аристократическій характеръ государственнаго устройства — все это достаточно показываетъ, что авторъ трактата «О государствахъ» былъ приверженцемъ доризма. (Целлеръ).

Платоновое государство по трактату «О законахъ». Во мпогомъ непохоже на это философское государство, которое изображаетъ Платонъ въ другомъ своемъ трудѣ, въ трактатѣ «О законахъ». Въ трактатѣ объ идеальномъ государствѣ общественная жизнь безусловно подчинена идеѣ; трактатъ «О законахъ» можно считать попыткой описать государство, на столько близкое къ неосуществимому идеалу, насколько человѣческія слабости и фактическія условія быта допускаютъ приближеніе къ недостижимому совершенству; должно думать, что въ этомъ трактатѣ Платонъ хотѣлъ показать, какія улучшенія государственнаго устройства возможны и при сохраненіи существующихъ обычаевъ, безъ предоставленія владычества философамъ. Онъ отбрасываетъ всѣ тѣ черты идеала, изображеннаго имъ въ трактатѣ «О государствахъ», примѣненіе которыхъ къ дѣлу невозможно по неодолимости препятствій, противопоставляемыхъ тому дѣйствительностью. Тѣ привилегіи, какія давалъ высшимъ сословіямъ трактатъ «О государствахъ», уменьшены въ трактатѣ «О законахъ». По этому трактату, всѣ граждане получаютъ одинаковое воспитаніе; но ремеслами занимаются исключительно метеки и отпущенники, земледѣльцы — рабы. Граждане не унижаются до этихъ работъ. Въмѣсто общности женъ и имущества, трактатъ «О законахъ» требуетъ только того, чтобы устроены были общественныя обѣды, чтобы всѣхъ обязали участвовать всѣ люди, пользующіеся гражданскими правами, не одни мужчины, но и женщины; чтобы бракъ былъ поставленъ подъ контроль правительства; чтобы опредѣленъ былъ размѣръ, котораго не должно превышать движимое имущество, принадлежащее одному лицу; чтобы по возможности было поддерживаемо первоначальное распредѣленіе земли равными участками между гражданами. Главною добродѣлью трактатъ «О законахъ» считаетъ воздержность; первое мѣсто послѣ нея занимаетъ «мудрость», практическая разсудительность; «мужество» поставлено только ужъ на второмъ планѣ. Объ «идеяхъ» почти вовсе не упоминается; теорія государственнаго устройства выводится не изъ ученія о нихъ, а изъ религіозныхъ, математическихъ, политическихъ соображеній; умозрительныя принципы отложены въ сторону; они замѣняются разсужденіями о надобности въ томъ, чтобы установлены были хорошіе законы, охватывающіе всѣ стороны жизни; о полезности такихъ законовъ говорится очень сильно. Вовсе нѣтъ рѣчи объ особомъ сословіи философовъ, подготовляемыхъ научнымъ воспитаніемъ къ управленію государствомъ. Правители вовсе не они. Управленіе государствомъ должно принадлежать совѣту, составленному изъ гражданъ, наиболѣе достойныхъ того по своимъ знаніямъ и хорошимъ качествамъ. Этотъ правительственный совѣтъ завѣдуетъ воспитаніемъ; всѣ дѣти гражданъ, не одни сыновья, но и дочери, должны учиться музыкѣ и гимнастикѣ. Драматическая поэзія не изгоняется; напротивъ, она должна служить однимъ изъ средствъ распространять образованность. Комедія должна показывать, что порокъ гнушенъ и что должно удалаться отъ него; въ ней должны быть выводимы только метеки и рабы. Трагедія должна изображать прекрасное, которому слѣдуетъ подражать. Театръ долженъ стоять подъ надзоромъ правительства. — Такимъ образомъ трактатъ «О законахъ» очень рѣзко отличается отъ трактата «О государствахъ»; по этому и по нѣкоторымъ другимъ

соображеніямъ многіе изслѣдователи полагали, что онъ не принадлежитъ Платону. Но это противорѣчитъ свидѣтельству Аристотеля. Гораздо вѣроятнѣе другое объясненіе разнорѣчій его съ трактатомъ «О государствахъ». Мы видимъ въ немъ глубокое знакомство съ аѳинскими законами; авторъ очевидно человѣкъ пожилой; потому можно считать справедливымъ мнѣніе, что Платонъ писалъ его въ старости, когда въра въ осуществимость его идеаловъ колебалась въ немъ, уменьшилась надежда на мудрость и добродѣль людей, и образъ мыслей его сталъ менѣе восторженнымъ; а быть можетъ, правы тѣ ученые, которые думаютъ, что Платонъ умеръ, не кончивъ работы надъ этимъ трактатомъ, и что она была докончена кѣмъ нибудь изъ его учениковъ; по мнѣнію нѣкоторыхъ, Филиппомъ Опунтскимъ.

Приводимъ заключеніе, которымъ Целлеръ кончаетъ свое изслѣдованіе вопроса, принадлежитъ ли Платону трактатъ «О законахъ»: «Всѣ затрудненія устраняются, если принять мнѣніе, что трактатъ «О законахъ» остался послѣ Платона въ видѣ черновой работы, что нѣкоторые отдѣлы этого труда были уже закончены, а по другимъ отдѣламъ были написаны Платономъ лишь отрывки, конспекты, замѣтки; что эти части и отрывки были связаны, пополнены кѣмъ нибудь изъ учениковъ Платона, который придалъ и литературную отдѣлку небрежно написаннымъ отрывочнымъ замѣткамъ. Если такъ, то современники имѣли полное право называть произведеніемъ Платона трактатъ, явившійся въ этой обработкѣ; а мы имѣемъ право предполагать, что тѣ мѣста, которыя не сообразны съ воззрѣніями Платона, написаны философомъ, обработавшимъ оставшіеся послѣ него матеріалы».

Платонъ поручилъ управленіе Академіею своему наслѣднику, сыну своей сестры, Спевсиппу. Спевсиппъ умеръ въ 339 году. Послѣ него распорядителемъ и главнымъ преподавателемъ въ Академіи сталъ Ксенократъ халкедонскій (род. 396, умеръ 314), по смерти Ксенократа Полемонъ, потомъ Кранторъ, послѣ него Кратесъ. Система ихъ философія называется ученіемъ старой Академіи. Оно спустилось съ высоты платоновскаго умозрѣнія въ область эмпиризма. Они признавали чувственное воспріятіе болѣе важнымъ источникомъ знанія, чѣмъ казалось Платону; поставили главною частью своей системы нравственную философію; ввели пифагорейскія воззрѣнія въ ученіе объ идеяхъ и преобразовали его въ символическія числа; сдѣлали математику и астрономію важными частями своей системы; въ религіозныхъ вопросахъ приблизились къ народнымъ вѣрованіямъ.

5. АРИСТОТЕЛЬ (384 — 322).

Платонъ былъ создатель идеализма; великій ученикъ его, Аристотель, основатель перипатетической школы, сталъ создателемъ реализма. Поэтическая душа Платона восторженно возносила въ невидимую область идей и считала философію средствомъ очистить душу, внушить ей стремленіе къ небу; критическій умъ Аристотеля занимался по преимуществу эмпирическимъ изслѣдованіемъ міра явленій, изучалъ факты, представляемые природою, шелъ путемъ индукціи отъ частнаго къ общему и ставилъ цѣлью философіи знаніе истины, приобрятаемое наукой. Платонъ считаетъ понятія (идеи) существами отдѣльными отъ явленій, имѣющими самобытную реальность; Ари-

Старая Академія.

Отношенія Аристотеля къ Платону.

стотель сводить идеи изъ ихъ отдѣльной области въ міръ явленій, считаетъ ихъ формами, посредствомъ которыхъ образуются изъ матеріи чувственные, дѣйствительно существующіе предметы. Платонъ стремится возвыситься надъ природою и беретъ содержаніе своей философіи изъ области сверхъ-чувственного, небеснаго; Аристотель подвергаетъ своему изслѣдованію природу, землю, предметы существующіе на землѣ, систематизируетъ приобретаемыя о нихъ свѣдѣнія и, путемъ ясныхъ, строго-логическихъ выводовъ и доказательствъ, формулируетъ общіе законы. Эти два мыслителя противоположные другъ къ другу, по своимъ тенденціямъ, были представителями двухъ равно необходимыхъ направленій человѣческой мысли, величайшими представителями ихъ въ древнемъ мірѣ. Ихъ точки зрѣнія—два полюса, около которыхъ вращались въ слѣдующія времена древности и будутъ вѣчно вращаться всѣ изслѣдованія истины. Прекрасно характеризованы они на великолѣпной картинѣ Рафаэля «Аѳинская школа»: Платонъ изображенъ на ней поднявшимъ руку къ небу, къ царству своихъ идей, Аристотель—указывающимъ рукою на землю, область своихъ изслѣдованій. Труды Аристотеля и по формѣ изложенія совершенно не таковы, какъ произведенія Платона. У Аристотеля нѣтъ ни сочетанія мысли съ миѳическими образами фантазіи, ни драматической живости разговора; эти особенности, придающія такую недолимую прелесть трактатамъ Платона, замѣняются у Аристотеля сухостью строго-логическаго изслѣдованія и собиранія фактовъ; но за то неопредѣленность и темнота разсужденій Платона, на половину поэтическихъ, замѣняются у него ясностью зрѣло обдуманной мысли. Впрочемъ говоря о сухости формы произведеній Аристотеля, не должно забывать, что до насъ не дошло ни одно изъ тѣхъ его сочиненій, которыя были написаны въ популярной формѣ; мы будемъ говорить объ этомъ ниже.

1. Жизнь и сочиненія.

Жизнь Аристотеля.

Аристотель, сынъ врача, родился въ Стагирѣ, городѣ стоявшемъ на берегу Халкидики у Стримонскаго залива близъ Аѳона; основателями этого города были колонисты съ острова Андроса; послѣ тамъ поселились новые колонисты изъ города Халкиды. На 18 году Аристотель поѣхалъ въ Аѳины и скоро сталъ однимъ изъ усерднѣйшихъ и лучшихъ учениковъ Платона. О его молодости мы не имѣемъ кромѣ этого никакихъ свѣдѣній; вѣроятно онъ прожилъ часть ея въ Пеллѣ, столицѣ Македоніи, потому что его отецъ былъ врачомъ царя Аминта II; и вѣроятно онъ поселился въ Аѳинахъ только уже по смерти

отца. Въ годъ смерти Платона онъ уѣхалъ къ тиранну мизійскаго города Атарнея, Гермію, съ которымъ познакомился въ Аѳинахъ и былъ очень друженъ. Черезъ три года Гермій былъ убитъ персами, и Аристотель бѣжалъ въ Митилену съ его сестрою или племянницею, Питою, на которой женился. Въ Митиленѣ онъ жилъ до того времени, когда Филиппъ македонскій пригласилъ его въ Пеллу быть воспитателемъ Александра, которому было тогда 14 лѣтъ. Онъ исполнилъ эту свою обязанность съ блестящимъ успѣхомъ, какъ видимъ по страстной любви его великаго воспитанника къ поэзіи и къ наукѣ, которыми Александръ занимался даже на своихъ походахъ противъ Дарія. Списокъ Иліады по тексту, исправленному Аристотелемъ, былъ всегда при Александрѣ. По окончаніи воспитанія его, Аристотель, богато награжденный Филиппомъ, переѣхалъ жить въ родной городъ Стагиръ, который былъ въ 348 году раззоренъ Филиппомъ, но восстановленъ потомъ по его просьбѣ. Послѣ онъ опять поселился въ Аѳинахъ и сталъ тамъ преподавать философію многочисленнымъ молодымъ и пожилымъ отчасти слушателямъ въ густыхъ аллеяхъ, окружавшихъ храмъ Аполлона ликейскаго. Основанная имъ школа получила названіе «перипатетической» потому, какъ говорятъ, что онъ каждое утро читалъ лекцію своимъ ближайшимъ ученикамъ на прогулкѣ по аллеѣ (peripatos) въ Ликейскомъ саду; эти утреннія лекціи излагали философію въ научной формѣ и составляли такъ называемое, эсotericское или акроаматическое ученіе; а вечеромъ онъ читалъ популярныя лекціи всѣмъ желавшимъ слушать; эти популярныя лекціи его назывались эксotericскою философіею.—Александръ долго оставался друженъ съ своимъ учителемъ, и щедрость его дала Аристотелю средства составить значительную библіотеку, собрать свѣдѣнія объ устройствѣ множества государствъ, въ томъ числѣ и далекихъ, приобретать животныхъ, нужныхъ для его трудовъ по зоологіи, дѣлать другія собранія, надобныя для его занятій естествознаніемъ. Впослѣдствіи времени гнѣвъ Александра на его племянника Калисеена произвелъ охлажденіе между ученикомъ и учителемъ. Смерть Александра дала врагамъ Аристотеля отвагу обвинить его въ атеизмѣ. Онъ удалился отъ грозившей ему опасности, уѣхавъ въ эвбейскій городъ Халкиду; онъ говорилъ, что хочетъ не дать аѳинянамъ возможности повторить преступленіе, какое совершили они, осудивъ на смерть Сократа. Вскорѣ послѣ переселенія въ Халкиду онъ умеръ тамъ отъ истощенія силъ, въ одинъ день съ великимъ своимъ современникомъ Демосѳеномъ. По дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, Аристотель былъ маленькаго роста, слабаго сложенія; глаза у него были маленькіе; на лицѣ часто бывало ироническое выраженіе; говорилъ онъ нѣсколько заикаясь. Его отношенія къ македонскому двору возбудили противъ него много вражды и зависти, потому намъ передано о немъ много дурного; большая часть этого вѣроятно вымыселъ клеветы.

14 октября 322.

Судьба сочинений Аристотеля. Умирая, Аристотель назначил своим преемником в Лицеѣ и наслѣдником своихъ рукописей ближайшаго ученика, Теофраста. По смерти Теофраста и собственная его библіотека, и рукописи его великаго предшественника, число которыхъ было болѣе 500, перешли по наслѣдству къ Нелею, уроженцу города Скепсиса, находившагося въ Троадѣ; потомки Нелея, люди необразованные, держали это наслѣдство подъ замкомъ, потому опасаясь, что пергамскіе цари, заботившіеся объ увеличеніи своей библіотеки, отнимутъ у нихъ это сокровище, они спрятали его въ подвалъ; рукописи лежали тамъ, пока наконецъ купилъ ихъ за большую сумму богатый человекъ, Апелликонъ теосскій; онъ тогда были уже испорчены сыростью и молью. Апелликонъ привезъ ихъ въ Аѣны, и отдалъ переписать; переписчики пополняли пробѣлы, произведенные порчею рукописей; но пополненія были сдѣланы плохо. По смерти Апелликона, Сулла, взявшій Аѣны, завладѣлъ этими рукописями и привезъ ихъ въ Римъ; тамъ были сняты новые списки съ нихъ, но тоже наполненные ошибками. Такъ рассказываютъ Страбонъ и Плутархъ. Если и принимать этотъ рассказъ за достовѣрный, то все-таки очень невѣроятно, чтобы сочиненія философа, пользовавшагося такою славою, оставались около двухъ столѣтій неизвѣстны греческому ученому міру. Если подлинныя рукописи и были спрятаны, то списки съ нихъ безъ сомнѣнія были сдѣланы еще при жизни Аристотеля или по крайней мѣрѣ при жизни Теофраста. Притомъ, мы имѣемъ множество доказательствъ тому, что у Александрійскихъ ученыхъ были списки сочиненій Аристотеля и Теофраста. Впрочемъ, какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что сочиненія Аристотеля дошли до насъ не въ такой полнотѣ, какъ сочиненія Платона, и что текстъ ихъ испорченъ. У насъ есть два списка заглавій сочиненій Аристотеля; эти списки не во всемъ сходны между собою; но и въ томъ и въ другомъ приведены заглавія многихъ сочиненій, до насъ не дошедшихъ, и на оборотъ многихъ изъ тѣхъ сочиненій, которыя приписываются Аристотелю въ дошедшихъ до насъ рукописяхъ, должны считаться или не принадлежащими ему, или испорченными передѣлкою.

Сочиненія, ошибочно приписанныя Аристотелю. «Рѣшительно не принадлежащими Аристотелю», говоритъ Брандисъ, «признаны тѣ изъ приписанныхъ ему сочиненій, которыя переведены съ арабскаго; это произведенія не греческой, а восточной мысли. Гораздо ближе къ подлиннымъ его сочиненіямъ, но тоже не принадлежатъ ему: «Реторика», слывущая написанною для Александра; «Книга о вселенной», компиляція, составленная изъ отрывковъ философскихъ учений Аристотеля и стоиковъ; «Разсказы о дивныхъ вещахъ»; «Проблемы», въ нынѣшней ихъ формѣ; такъ называемая «Большая Этика»; по всей вѣроятности и «Эвдемова Этика»; вторая книга «Экономіи»; трактатъ «О растеніяхъ», переведенный съ латинскаго на арабскій, съ арабскаго обратно на латинскій и наконецъ на испорченный греческій; книга «О краскахъ». Относительно нѣкоторыхъ небольшихъ трактатовъ трудно рѣшить, принадлежатъ ли они Аристотелю или Теофрасту, или какому нибудь позднѣйшему перипатетику».

Характеръ произведеній Аристотеля и группировка ихъ по содержанию. Отъ самого Аристотеля мы знаемъ, что его сочиненія дѣлились по формѣ изложенія на два разряда и что каждый разрядъ былъ предназначенъ имѣть особый кругъ читателей: въ дошедшихъ до насъ трактатахъ, форма изложенія которыхъ строго научная, онъ часто ссылается на свои «эсotericскія» произведенія, предназначенныя для массы публики; они были написаны въ разговорной формѣ, изысканнымъ слогомъ, не лишеннымъ поэтическихъ украшеній. (Трак-

таты его, написанные въ строго научной формѣ, называются, какъ мы говорили, эсotericскими или акроаматическими; но самъ Аристотель этихъ названій не употребляетъ). Мы можемъ навѣрное полагать, что въ своихъ діалогическихъ сочиненіяхъ онъ не умѣлъ облекать мысли такою дивною поэзіею, такимъ художественнымъ драматизмомъ, какъ Платонъ. Кажется также, что въ разговорахъ его не было такого лица, которое постоянно служило бы выразителемъ понятій автора и постоянно играло бы главную роль, какъ у Платона Сократъ; кажется, что представители разныхъ мнѣній являлись у него мыслителями, одинаково достойными уваженія, и что истина разъяснялась у него не исключительно однимъ лицомъ, которое даетъ разговору направленіе, какое хочетъ, а свободнымъ обмѣномъ мыслей. По крайней мѣрѣ такъ это у Цицерона, который говоритъ, что образцомъ того былъ для него Аристотель.—Отъ популярныхъ философскихъ сочиненій Аристотеля, имѣвшихъ форму разговоровъ, дошли до насъ лишь немногіе мелкіе отрывки. Всѣ тѣ произведенія его, которыя уцѣлѣли, принадлежатъ къ разряду трактатовъ, написанныхъ въ строго-научной формѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ — труды, получившіе окончательную отдѣлку и обнародованные Аристотелемъ; другіе—лишь черновые матеріалы для лекцій, конспекты съ разными замѣтками и поправками, переданные имъ ученикамъ и обнародованные ими по его смерти. Кажется, что ученики, по уваженію къ нему, берегли всякую строку, написанную его рукою, и что поэтому въ собраніе его сочиненій были внесены не только его конспекты и отрывки неоконченныхъ трактатовъ, но и всѣ многочисленныя выписки, замѣтки, заготовленные имъ для справокъ при работѣ. Этимъ объясняется то, что слогъ его трактатовъ небреженъ и сухъ: конспекты и замѣтки были писаны имъ лишь для пособія памяти при изустномъ преподаваніи, потому онъ не считалъ нужнымъ заботиться о художественной отдѣлкѣ ихъ.

«Нѣкоторые писатели хвалили слогъ сочиненій Аристотеля», говоритъ Генрихъ Риттеръ: «и дѣйствительно онъ отличается сжатостію и силою; но если молчали о его недостаткахъ, то лишь по чрезмѣрному уваженію къ автору. Мысли у Аристотеля обыкновенно лишь записаны на-скоро, остаются не развитыми; часто можно лишь догадываться о томъ, что именно хотѣлъ сказать онъ; мысли связаны между собою небрежно, связь часто бываетъ сбивчива, нерѣдко прерывается; иногда языкъ даже грамматически неправиленъ. Этотъ безпорядокъ не ограничивается дурнымъ сочетаніемъ фразъ; связь между частями трактатовъ тоже сбивчива». — Не смотря на эти недостатки, древніе писатели называютъ Аристотеля искуснымъ стилистомъ, хвалятъ его слогъ за живописность, говорятъ, что у него сила сочетается съ ясностью; этими достоинствами вѣроятно отличались популярныя его сочиненія, не дошедшія до насъ.

Но безспорно принадлежитъ сочиненіямъ Аристотеля то достоин-

ство, что они написаны въ годы, когда ужь установились въ его мысляхъ основныя черты его системы; потому она представляется въ нихъ ясною, законченною. Они охватываютъ весь кругъ тѣхъ наукъ, которыми занимались философы его школы.

2. Основныя черты философіи Аристотеля.

Отношенія системы Аристотеля къ учению Платона. По воззрѣнію Платона, истинное бытіе принадлежитъ только объектамъ; они существуютъ отдѣльно отъ явленій, въ особой области, въ мірѣ идей; по учению Аристотеля, идеи имѣютъ свое существованіе въ самихъ явленіяхъ; путемъ къ изученію идей, составляющихъ сущность явленій, должно служить изслѣдованіе явленій; потому эмпирическое изслѣдованіе, бывшее у Платона лишь маловажнымъ вступленіемъ къ умозрительнымъ разсужденіямъ, служитъ основою философіи Аристотеля; по его ученію, идея только форма, охватывающая матерію, изъ которой образуетъ она предметъ; идея и явленіе существуютъ не отдѣльно другъ отъ друга, а въ сочетаніи между собою, и цѣль его изслѣдованій — опредѣлить идеи, дѣйствующія въ явленіяхъ. Точка отправленія у Платона и у Аристотеля одинакова, но вопросъ объ отношеніяхъ идей къ явленіямъ рѣшается у Аристотеля совершенно не такъ, какъ у Платона. То же самое и въ ихъ рѣшеніи вопроса о сущности философіи. Оба они считаютъ истинное знаніе различнымъ отъ обыкновенныхъ представлений; оба они считаютъ истинное знаніе высочайшею цѣлью стремленій человѣка, важнѣйшимъ элементомъ счастья. Но у Платона добродѣтель сливается съ знаніемъ истины, изученіе философіи ведетъ къ обладанію не только умственнымъ, но и нравственнымъ совершенствомъ. Аристотель точнѣе опредѣляетъ различіе между знаніемъ и практическою жизнью; съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ ставитъ философію въ тѣсную связь съ опытными знаніями. Такимъ образомъ, философія раздѣляется у него на теоретическую и практическую. Задача теоретической философіи по его воззрѣнію — подводить данныя опыта подъ единство понятія, и выводить изъ общихъ истинъ частныя.

А. ФОРМАЛЬНАЯ ФИЛОСОФІЯ И КЛАССИФИКАЦІЯ.

Логическій методъ (Organon). Платонъ считаетъ путемъ къ истинному знанію діалектику, Аристотель — логическій методъ. Онъ изложилъ ученіе о законахъ мышленія — то, что теперь называется логикою — съ такою основательностью, съ такимъ глубокимъ мысліемъ, что всѣ послѣдующіе мыслители не могли прибавить ничего существеннаго къ разъясненному имъ. Трактаты его, посвященные изслѣ-

дованію законовъ мышленія, соединены въ одну группу, называющуюся Organon; важнѣйшіе изъ нихъ: трактатъ о „Категоріяхъ“ (высшихъ родовыхъ понятіяхъ); два трактата объ умозаключеніяхъ (Analytica); небольшой трактатъ „Объ истолкованіи“ (быть можетъ, ошибочно приписываемый Аристотелю) и „Торика“.

Общая цѣль всѣхъ трактатовъ, соединяемыхъ подъ названіемъ Organon — разъясненіе сущности и формъ умозаключеній, законовъ и формъ правильной аргументаціи; о понятіяхъ и сужденіяхъ Аристотель говоритъ лишь мимоходомъ: эти отдѣлы логики составляютъ у него только предисловіе къ ученію объ умозаключеніяхъ. «Разумное знаніе» только то, по понятіямъ Аристотеля, которое приобрѣтается посредствомъ аргументаціи; онъ съ такою же рѣзкостью, какъ Платонъ, говоритъ, что въ «мнѣніяхъ» массы, въ чувственныхъ представленіяхъ вообще нѣтъ истиннаго знанія. Но аргументація не приво-дила бы ни къ чему прочному, превращалась бы въ безконечную діалектику, если бы не имѣла своимъ основаніемъ достовѣрныхъ данныхъ, не требующихъ никакого доказательства. Есть такіе истины; онѣ составляютъ предметъ непосредственнаго знанія. Умъ доходитъ до нихъ не посредствомъ аргументаціи, а путемъ индукціи, выводомъ общихъ положеній изъ фактовъ. Чѣмъ полнѣе наши свѣдѣнія о фактахъ, тѣмъ достовѣрнѣе выводъ, даваемый индукціею. Но всѣхъ фактовъ знать нельзя; потому индукція всегда ведетъ только къ вѣроятности; результаты ея только «гипотезы». Для приобрѣтенія достовѣрнаго знанія о сущности вещей необходимо соединеніе аргументаціи съ индукціею, анализа съ синтезомъ. Но въ чемъ источникъ истиннаго знанія? — По теоріи Платона, оно происходитъ изъ воспоминанія о мірѣ идей, который видѣла душа въ жизни, предшествовавшей рожденію тѣла; по воззрѣнію Аристотеля, оно производится врожденною способностью души составлять общія понятія; по его мнѣнію, душа въ началѣ жизни подобна жизненной дощечкѣ, на которой еще ничего не написано, но которая способна сдѣлаться исписанною. Итакъ, душа одарена способностью приобрѣтать знаніе истины; она приобрѣтаетъ его, восходя путемъ индукціи отъ чувственныхъ впечатлѣній къ общимъ понятіямъ; понятія выводятся изъ явленій, потому они должны быть присущи самимъ явленіямъ, и потому міръ явленій имѣетъ въ себѣ реальность, истину. Онъ разнообразенъ, и знаніе, извлекаемое изъ него, разнообразно; задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы объединить знанія, приобрѣтаемыя индукціею, объединить опыты науки и тѣмъ придать знанію истины ясность и систематичность. — Впрочемъ, Аристотель не всегда держится правила сочетать индукцію съ дедукціею. Когда онъ говоритъ о классификаціи знаній, онъ обыкновенно распредѣляетъ ихъ по тремъ отдѣламъ: изслѣдованіе истины — предметъ теоретическаго отдѣла; изложеніе законовъ нравственной дѣятельности — предметъ практическаго отдѣла; техническія и художественныя дѣятельности составляютъ третій отдѣлъ, который Аристотель называетъ «поэтическимъ» (т. е. творческимъ, производимымъ).

Такимъ образомъ систему философіи Аристотеля образуютъ четыре отдѣлы философіи: I. Формальная философія, система логики (аналитики), излагаемая въ трактатахъ, составляющихъ Organon; наука, основанная Аристотелемъ, и въ основныхъ своихъ частяхъ получившая отъ него окончательную разработку. II. Теоретическая философія. Къ ней принадлежатъ: 1, теологія или „первая“, то есть первоначальная, основная философія; по другому названію „метафизика“; ученіе о томъ, что такое само въ себѣ истинное бытіе; 2, математика, ученіе о качествахъ, необходимо принадлежащихъ самой природѣ предметовъ, количествѣ и протяженіи; 3, физика, ученіе о тѣхъ матеріальныхъ качествахъ предметовъ, дѣятельность которыхъ производитъ движеніе. III. Практическая философія, ученіе о высочайшей цѣли человѣческой жизни и о дѣятельности, ведущей къ этой цѣли; отдѣлы этой философіи: 1, Общія принципы и примѣненіе ихъ къ

жизни индивидуального лица (этика, нравственная философия), 2, применение их к домашнему хозяйству (экономика) и 3, применение их к государству (политика). IV. Поэтическая философия; к ней относятся трактаты Аристотеля о риторике и поэзии.

6. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ (МЕТАФИЗИКА И ФИЗИКА).

Важнейшее из сочинений Аристотеля, относящихся к теоретической философии — трактат о метафизике, состоящий из 14 книг. Аристотель опровергает в нем учение Платона об идеях, как самостоятельных существах, отдельных от чувственных предметов, и доказывает, что «идея» только форма, в которой материя становится отдельным предметом, и что материя принимает форму по действию третьего принципа, который называется у Аристотеля движением.

По учению Аристотеля, форма дает предмету действительное существование, материя предмета заключает в себя лишь возможность его существования; так, например, статуя — это действительный предмет, а пока не была дана эта форма материалу, из которого сделана статуя, он только имел способность, возможность быть статуей, но не был ею в действительности. Переход от возможности к действительности — возникновение. Итак, форма — действительность, материя — возможность. Лишь когда возможное становится действительным, то-есть когда бесконечная и безформная материя получает определенность, принимает форму, материя становится конкретным явлением, и только тогда мы можем познавать ее. В природе материи лежит влечение принимать форму, и форма — тот лежащий в материи принцип, влекущий ее к тому, чтобы приобрести действительное существование, или, как называет это Аристотель, форма — энтелехия материи; переводя материю из возможного существования в действительное, энтелехия становится движением. Движение — та деятельность, посредством которой возможное становится действительным, материя становится определенным предметом с определенными качествами.

Движение — процесс непрерывный и бесконечный, но не безначальный; понятие о движении требует, чтобы мыслимо было нечто неподвижное как начало движения и причина его. Таким образом получаются понятия о трех разных классах существующего: существует нечто движимое, но не движущее, это материя; существует нечто движущее и движимое, это природа; существует нечто движущее, но не движимое, это бог. Первая причина всякого движения бог, существо не материальное, не имеющее частей, находящееся вне пространства, неподвижное; словом он безусловная деятельность, чистая энергия. Но безусловною деятельностью может быть только чистое мышление. Потому бог — абсолютно деятельное мышление, он существо абсолютно живое, первый источник всякой жизни. Предметом деятельности этого абсолютного мышления может быть только высочайшее и совершеннейшее, то есть только само

оно; таким образом в бог совпадают мышление и предмет мышления.

«Эта спокойная неизменность мышления, предмет которого само оно», говорит Целлер, «это нераздельное единство мышления и предмета мысли составляет абсолютное блаженство бога. Учение Аристотеля о божественном мышлении — первая попытка построить теизм на научной аргументации; до Аристотеля представление о бог имело только религиозное основание, а у Аристотеля мысль о бог, как о самосознательной личности, выводится путем последовательных умозаключений из основных положений философской системы». Аристотель говорит о бог как о личности, имеющей самосознание; но деятельность этой личности состоит, по его учению, только в теоретическом самосозерцании, никакой практической деятельности эта личность не имеет, потому исчезает и понятие о ней как о личном существе, остается только божественный разум, единственную деятельность которого составляет мышление о самом себе, неоживленное никаким изменением, никаким развитием. Впрочем бог, по учению Аристотеля, все-таки первая причина движения вселенной; находясь вне вселенной, он сообщает ей с ее периферии непрерывное равномерное круговое движение. А так как материя имеет влечение получать форму, которая приобретает посредством движения, то бог — абсолютная цель вселенной; вселенная стремится к божеству; но оно относится к этому стремлению бездейственно.

Трактат, излагающий «первую философию» Аристотеля, не одно цельное произведение и не законченный им самим труд. Очевидным образом это компиляция, составленная по его смерти из разных черновых работ, отрывков и заметок, относящихся к метафизическому отделу его системы. Компиляция составлена довольно плохо и распределена на 14 книг, порядок которых не очень систематичен. Она была поставлена в собрании его сочинений после трактатов о естествознании, потому и обозначалась названием «трактата следующего за отделом о физике»; это название, «метафизика» сделалось впоследствии именем той отрасли философских исследований, очерк которых представляет компиляция, помещенная в собрании сочинений Аристотеля после трактатов о естествознании.

К учению о движении примыкает трактат, называющийся физикою, состоящий из 8 книг и содержащий в себе очерк учения о природе. Возникновение и исчезновение предметов, все изменения, которым подвергается материя, основаны на законах движения; оно бессмертная жизнь природы в пространстве и времени; цель этого процесса природы постепенное расширение владычества формы над материей, расширение и совершенствование жизни.

По разнице впечатлений, какие производят материальные предметы на чувства, Аристотель принимает четыре разных основных вещества; эти «стихии»: вещество теплое и сухое, огонь (теплота); вещество теплое и влажное, воздух; холодное и влажное, вода; холодное и сухое, земля. По разнице направлений движения, он принимает два разряда его: движение вверх и движение вниз; причина этой разницы та, что одни тела тяжелы, а другие легки. В каждом сложном теле соединены все четыре стихии; перемешаны в пропорциях сочетания этих стихий производят то, что тела возникают

Богъ.

Физика Аристотеля.

Стихи. Два разряда движения.

и исчезаютъ. Кромѣ прямолинейнаго движенія вверхъ или внизъ есть другое движеніе—круговое; оно совершеннѣйшій видъ движенія, потому оно принадлежитъ вселенной и составляетъ природу ээира, вѣчнаго, неизмѣннаго, безстрастнаго существа, непричастнаго борьбѣ стихій; этотъ ээиръ—единственное матеріальное существо, имѣющее божественную природу.

Устройство вселенной.

Устройство вселенной обуславливается отношеніемъ ээира къ стихіямъ и взаимными отношеніями стихій. Вселенная составляетъ одно цѣлое, одну систему. Она имѣетъ форму шара; въ этомъ шарѣ движутся небесныя тѣла, имѣющія тоже шарообразную форму. Они движутся въ стройномъ порядкѣ по концентрическимъ кругамъ, которые расположены одинъ надъ другимъ.

Земля имѣетъ форму шара, какъ мы видимъ по очертанію ея тѣни и луннымъ затмѣніямъ; другое доказательство шарообразности земли то, что всѣ тѣла имѣютъ стремленіе собираться къ центру. Границу вселенной образуетъ небо; оно живое существо, состоящее изъ ээира; своимъ вѣчнымъ круговымъ движеніемъ оно сообщаетъ такое же движеніе и вселенной. Это движеніе небо получаетъ отъ первой движущей причины, дѣйствующей на внѣшнюю окружность его. Кромѣ этого общаго движенія вселенной есть особенныя движенія небесныхъ тѣлъ и стихій, обусловленные ихъ природою. Стройность всѣхъ движеній во вселенной соответствуетъ тому, что народное вѣрованіе называетъ божественнымъ провидѣніемъ. Небо состоитъ изъ нѣсколькихъ концентрическихъ сферъ. Одна изъ нихъ—звѣздное небо—рѣзко отличается своими свойствами отъ другихъ сферъ, составляющихъ планетную систему. Движеніе звѣзднаго неба неизмѣнно-круговое, и число свѣтилъ на звѣздномъ небѣ очень велико; потому оно самая божественная часть вселенной; звѣзды этого неба—вѣчныя, блаженныя существа, природа которыхъ несравненно выше человѣческой; свободныя отъ всякихъ перемѣнъ и страданій, онѣ ведутъ блаженнѣйшую жизнь. Система планетъ, къ числу которыхъ принадлежатъ солнце и луна, тоже свободна отъ перемѣнъ и страданій и тоже имѣетъ божественную природу; но ея движеніе не чисто круговое, и орбиты планетъ имѣютъ косоое положеніе. Область небесныхъ свѣтилъ, неизмѣннаго бытія и неизмѣннаго круговаго движенія соответствуетъ у Аристотеля тому, что народное вѣрованіе грековъ называло царствомъ безсмертныхъ боговъ. Но и земной міръ, находящійся подъ солнцемъ и луною, имѣетъ въ себѣ нѣкоторые элементы вѣчнаго движенія; оно въ немъ производится безконечнымъ круговоротомъ возникновенія и исчезновенія, вѣчностью видовъ смертныхъ существъ.

Душа и человѣкъ.

Шарообразная земля образуетъ центръ вселенной. Органическія существа, находящіяся на ней, имѣютъ въ себѣ особый жизненный принципъ, душу, или первую энтелехію. Душа состоитъ изъ ээирнаго вещества; она даетъ жизненную теплоту матеріи, съ которой соединена, и потому она источникъ всей жизненной дѣятельности.

По ученію Аристотеля, существуютъ три души: питающаяся или растительная душа, чувствующая или животная, и человѣческая душа, одаренная разумомъ. Показывая постепенность переходовъ отъ неорганическаго

міра къ органическому и отъ растительнаго царства къ животному, онъ дѣлаетъ выводъ, что вся органическая природа составляетъ одно цѣлое, въ которомъ жизнь, начинаясь слабыми проявленіями, приобретаетъ все большую и большую высоту развитія и достигаетъ высшей ступени своего совершенства въ человѣкѣ.

Аристотель написалъ рядъ трактатовъ объ органическихъ существахъ, распредѣливъ ихъ на классы, описавъ ихъ внѣшнія особенности и внутреннее устройство. Важнѣйшій изъ этихъ трудовъ—трактатъ «о животныхъ», состоящій изъ девяти (или десяти) книгъ. Аристотель—основатель естественной исторіи. Самое совершенное изъ живыхъ существъ—человѣкъ. Онъ составленъ изъ чистѣйшихъ органическихъ веществъ и одаренъ совершеннѣйшею душою. Его должно считать цѣлю, къ которой стремилась природа. Аристотель доказываетъ совершенство человѣческаго тѣла, объясняя цѣлесообразность устройства человѣческаго организма. Потомъ онъ переходитъ къ ученію о душѣ, жизненномъ принципѣ, дѣятельностью котораго формируется тѣло. Въ трактатѣ «о душѣ», состоящемъ изъ трехъ книгъ, онъ описываетъ функціи ощущающей души: чувственное воспріятіе, производимыя имъ психическія явленія, воображеніе, воспоминаніе, желаніе; переходитъ къ описанію пассивныхъ и активныхъ функцій высочайшей душевной силы, разума. Разныя душевныя силы, по его понятію, не разныя части души, а степени ея развитія. Душа энтелехія тѣла; потому ни она безъ него, ни оно безъ нея не можетъ существовать. Слѣдовательно, ученіе о переселеніи душъ совершенно ложно.

Но необходимая связь души съ тѣломъ, признаваемая Аристотелемъ, не ведетъ его къ отрицанію безсмертія души. Онъ говоритъ, что душа имѣетъ двѣ стороны, чувственную и разумную. Какъ существо разумное, душа не рождается и не умираетъ съ тѣломъ; она неизмѣнна, вѣчно дѣлательна, не подвержена ни ошибкамъ, ни слабостямъ и порокамъ; всему этому подвергаются только тѣло и чувственная сторона души. Итакъ, Аристотель различаетъ духъ, разумную часть души, отъ души чувственной. Духъ—существо, одинаковое во всѣхъ людяхъ, не умираетъ съ тѣломъ. О томъ, что человѣческая воля свободна, Аристотель также говоритъ вполне рѣшительно. Но чувственной ли душѣ или разумному духу принадлежитъ свобода воли, онъ не разъясняетъ.

Двѣ стороны души.

В. ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ (ЭТИКА И ПОЛИТИКА).

Практическая философія, изучающая законы разумной и нравственной дѣятельности, раздѣляется на двѣ части: этику (нравственную философію) и политику (философію государственныхъ наукъ). Свои понятія о добродѣтели и о законахъ нравственной жизни индивидуальнаго человѣка Аристотель изложилъ въ трактатѣ, который написалъ для своего сына, Никомаха, и который ученые называютъ «Никомаховою этикой», для отличія отъ другихъ трактатовъ, тоже имѣющихъ своихъ заглавіемъ названіе «этика», и ошибочно приписанныхъ Аристотелю (стран. 742). По возрѣнію Аристотеля, добродѣтель состоитъ не въ знаніи добра, потому что человѣкъ, знающій добро, можетъ, увлекаясь чувственными желаніями, поступать дурно, а въ направленіи свободной и разумной душевной дѣятельности къ добру. Сначала эта разумная дѣятельность бываетъ только результа-

Понятіе о добродѣтели.

томъ отдѣльныхъ актовъ свободнаго рѣшенія души; но чрезъ упражненіе она становится привычною и дѣлается «постояннымъ качествомъ воли», неизмѣннымъ свойствомъ характера; тогда разумный элементъ души непрерывно владычествуетъ надъ тѣмъ элементомъ ея, который доступенъ вліянію чувственныхъ впечатлѣній и страстей; тогда человѣкъ живетъ добродѣтельно и постоянно поступаетъ нравственно. Главная отличительная черта добродѣтели та, что она занимаетъ разумную средину между крайностями, противоположными одна другой; эти крайности—пороки. Нравственная дѣятельность души, добродѣтель, всегда направлена къ высочайшему благу, добру; потому она ведетъ къ счастью; безъ добродѣтели невозможно счастье, составляющее цѣль жизни. Но кромѣ добродѣтели, для счастья необходимы и физическія блага: здоровье, хорошее тѣлосложеніе, матеріальное благосостояніе; такимъ образомъ, Аристотель, не признавая, какъ дѣлаетъ Аристиппъ, высочайшимъ благомъ наслажденіе, не исключаетъ истиннаго наслажденія изъ понятія о счастіи.

Человѣческое счастье.

Хорошее тѣлосложеніе и другія хорошія физическія качества Аристотель находитъ важными потому, что считаетъ ихъ необходимыми для возможности вести добродѣтельную жизнь; наслажденіе составляетъ, по его ученію, естественное слѣдствіе добродѣтели; оно — чувство довольства, возбуждаемое въ человѣкѣ сознаніемъ, что поступки его нравственно хороши. Хорошіе поступки не охватываются опредѣленіемъ одного какого нибудь элемента нравственной жизни; потому добродѣтель не одна; есть разныя добродѣтели; каждый классъ людей имѣетъ свои особыя нравственныя обязанности; но есть добродѣтели, составляющія обязанность всѣхъ людей; такова, въ особенности, справедливость. — Высочайшее достоинство имѣетъ хорошая нравственная дѣятельность тогда, когда предметъ ея—общее благо, благо государства. Потому нравственная философія имѣетъ тѣсную связь съ философіею общественнаго быта («политикою»). Переходъ отъ «этики» къ «политикѣ» образуетъ небольшой трактатъ «о дружбѣ»; Аристотель считаетъ дружбу добродѣтельною, потому что она—исполненіе нравственныхъ обязанностей. Вообще, нравственность, по воззрѣнію Аристотеля, обусловливается тѣмъ, что человѣкъ живетъ въ обществѣ другихъ людей.

Дружба.

Государство. Государство, по ученію Аристотеля, высочайшая форма союза между людьми; оно—высочайшая цѣль нравственной дѣятельности человѣка; только въ государственной жизни человѣкъ находитъ возможность исполнять свое предназначеніе. Основаніе государства—семейство; семейный бытъ основанъ на видахъ отношеній, установленныхъ самой природою людей; это—отношенія мужа къ женѣ, родителей къ дѣтямъ, господина къ рабамъ.

Отношеніе мужа къ женѣ, по воззрѣнію Аристотеля, свободный нравственный союзъ, въ которомъ власть управленія принадлежитъ мужу, потому что природа мужчины выше природы женщины; но жена—свободная участница домашняго быта. Менѣе свободно отношеніе дѣтей къ родителямъ. Съ особою подробностью Аристотель говоритъ объ отношеніи сына къ отцу. Сынъ—часть отца; потому безправенъ передъ отцомъ; но отецъ обязанъ заботиться о благѣ сына. Рабъ совершенно безправенъ передъ господиномъ.

Въ трактатѣ «Политика» Аристотель подробно разсматриваетъ вопросъ о рабствѣ, доказывая, что оно необходимо и законно, и опредѣляя правила, по которымъ должно поступать съ рабами. Онъ находитъ сообразнымъ съ закономъ природы то, что греки держатъ варваровъ въ рабствѣ, потому что духъ предназначенъ владычествовать надъ тѣломъ. Но греки не должны быть рабами. Рабъ — собственность господина. Отъ сужденія о рабствѣ Аристотель переходитъ къ ученію о правѣ собственности, владѣнія, пользованія. По его мнѣнію, размѣръ собственности не долженъ превышать того, что необходимо для удовлетворенія разумныхъ потребностей.

По закону природы, число людей, составляющихъ семейство, размножается, и семейство становится общиною; общины по естественной потребности соединяются между собою въ союзъ, устанавливаютъ общіе законы, и такимъ образомъ возникаетъ государство. Оно имѣетъ ту же самую цѣль, какъ и вообще всякая человѣческая дѣятельность; эта цѣль—счастье всѣхъ его членовъ. А счастье основано на добродѣтели; потому первая задача государства—дѣлать гражданъ добродѣтельными людьми. „По ученію Аристотеля“, говоритъ Целлеръ, „государство не только союзъ людей, живущихъ въ одной области, и цѣль его не только взаимная помощь; связь между его членами не ограничивается взаимною защитой отъ насилія; все это необходимо, но этимъ не исчерпывается понятіе о государствѣ; государство — союзъ людей для общей нравственной дѣятельности, имѣющей своею цѣлью такое устройство жизни, которое было бы совершеннымъ и удовлетворяло бы разумнымъ потребностямъ человѣка; это союзъ, въ которомъ частныя интересы подчиняются общему благу“. Войну Аристотель считаетъ дозвоительною лишь въ случаяхъ необходимости ея для обороны или для пріобрѣтенія рабовъ изъ варварскихъ земель. Онъ отвергаетъ общность женщинъ и имущества, на которой основано идеальное государство Платона. Онъ считаетъ необходимымъ сохраненіе семейнаго быта и частной собственности, и хочетъ только, чтобы были введены общественныя обѣды мужчинъ, и часть земли была назначена оставаться государственною собственностью на покрытіе общественныхъ расходовъ. Гражданинъ долженъ имѣть досугъ, чтобы пріучиться къ добродѣтели, и жить какъ требуетъ она; это необходимо для достиженія счастья, составляющаго цѣль его жизни; потому онъ долженъ быть свободенъ отъ физической работы, отъ занятій земледѣліемъ и ремеслами; работать должны исключительно рабы и метеки; а онъ долженъ заниматься только военною службою и общественными дѣлами. — Очень важный отдѣлъ трактата о „Политикѣ“ составляетъ изслѣдованіе о формахъ правленія; Аристотель разсматриваетъ хорошія и дурныя качества каждой изъ нихъ, разсматриваетъ условія, при которыхъ возможна она, и обстоятельства, по которымъ она искажается; онъ доказываетъ, что форма правленія должна быть сообразна съ характеромъ народа; не можетъ удержаться та форма правленія, въ сохраненіи которой не заинтересована часть народа, сильнѣйшая по своей многочисленности или по какимъ нибудь особымъ своимъ качествамъ. Притомъ, и справедливость требуетъ, чтобы тѣ члены государства, которые наиболѣе полезны общему благу, имѣли болѣе правъ, чѣмъ другіе. Правильно понимать эти отношенія—важнѣйшая задача государственнаго человѣка. Сужденія Аристотеля о формахъ правленія относятся только къ греческимъ государствамъ; варвары, по его мнѣнію, не имѣютъ тѣхъ качествъ, какихъ требуетъ хорошее государственное устройство; характеръ ихъ не представляетъ сочетанія мужества съ разумомъ. Изъ греческихъ формъ правленія Аристотель находитъ хорошими три: монархію, аристократію и политію (умѣренную демократію); тираннію, олигархію и не ограни-

ченная демократія (охлократія) составляютъ, по его воззрѣнію, искаженія этихъ трехъ правильныхъ формъ (I, стран. 22 и слѣдд.). Онъ отдаетъ преимущество аристократіи, потому что въ ней государствомъ правятъ „наилучшіе“ граждане. Монархія, по его мнѣнію, должна быть ограниченная; онъ полагаетъ, что не должно предоставлять царю такой власти, чтобы онъ былъ сильнѣе всего народа; владычество закона лучше владычества одного человека. Наболѣе сообразна съ обыкновенными условіями общественнаго порядка, по его мнѣнію, такая форма правленія, которая представляетъ сочетаніе аристократическихъ элементовъ съ демократическими, и при которой преобладающее вліяніе принадлежитъ среднему сословію. Добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобы человекъ не впадалъ въ крайности, держался „мудрой середины“; такъ и разумное устройство должно быть основано на „умѣренности“, на „сохраненіи середины“; по свидѣтельству опыта, такое устройство—самое лучшее. Истинная политическая мудрость состоитъ въ умѣнѣи сочетать противоположные элементы, найти политическій средній путь.

Аристотель подобно Платону занимался разрѣшеніемъ вопроса о безупречно хорошемъ устройствѣ государства, о томъ, какія учрежденія должны считаться наилучшими сами по себѣ, независимо отъ возможности или невозможности осуществить идеалъ при данныхъ обстоятельствахъ. Но до насъ дошло лишь вступленіе къ тому отдѣлу его труда, въ которомъ онъ излагалъ свои понятія объ идеалѣ государственнаго устройства. Вѣроятно, онъ и не довелъ до конца эту свою работу. Во вступленіи къ ней онъ говоритъ о томъ, какая величина государства и какое число населенія представляются наболѣе сообразными съ условіями наилучшаго государственнаго устройства, и о томъ, какое воспитаніе должны получать граждане. Отрывокъ этотъ важенъ, какъ доказательство того, что Аристотель не могъ становиться на точку зрѣнія, болѣе высокую, чѣмъ привычныя греческія понятія. Государство, по его воззрѣнію,—городъ и городская область. Величина области и число населенія должны быть такія, чтобы всѣ государственныя надобности могли быть удовлетворены; но этотъ размѣръ государства очень не великъ: онъ долженъ быть такой, чтобы всѣ граждане могли знать другъ друга и быть извѣстны правителямъ. Вся жизнь гражданина должна находиться подъ контролемъ правительства, — это греческое воззрѣніе остается и у Аристотеля. Онъ излагаетъ правила, какія должно соблюдать для того, чтобы граждане имѣли здоровыхъ и нечрезмѣру многочисленныхъ дѣтей; далѣе слѣдуютъ правила о воспитаніи дѣтей гражданъ, о томъ, что они должны учиться музыкѣ и гимнастикѣ, о томъ, что граждане должны примѣромъ и наставленіями пріучать мальчиковъ и юношей къ доброй нравственности, къ гражданскимъ добродѣтелямъ. Нравственность гражданъ должна находиться подъ правительственною опекой.—„Политика“ Аристотеля дошла до насъ не вполне; но и въ этомъ своемъ видѣ она—трудъ очень важный и по ясности изложенія и по глубокомыслию; представляя сравнительный анализъ греческихъ государственныхъ учреждений, она содержитъ въ себѣ богатое систематическое собраніе превосходныхъ, извлеченныхъ изъ опыта, мыслей о государственной и общественной жизни.

Реторика и поэтика.

Въ „Этикѣ“ и „Политикѣ“ Аристотель изложилъ свои понятія о нравственной задачѣ частной и общественной жизни; въ трактатахъ, составляющихъ „поэтическую философію“ его, онъ примѣнилъ свой методъ изслѣдованія къ разъясненію законовъ ораторскаго искусства,

бывшаго у грековъ одною изъ формъ политической дѣятельности, и законовъ художественнаго творчества, которое служитъ одною изъ силъ, содѣйствующихъ нравственному развитію человека. «Реторика» Аристотеля, руководство къ изученію ораторскаго искусства, была первою теоріею краснорѣчія; она раздѣляется на три книги, излагающія законы трехъ видовъ рѣчей: политическихъ, судебныхъ и эпидиктическихъ (произносимыхъ на торжествахъ).—Изъ трактатовъ Аристотеля о художественномъ творествѣ самый важный—его знаменитая «Поэтика», дошедшая до насъ не вполне; въ ней онъ занимается всего болѣе теоріею драматической поэзіи.

Трагедія должна, по его воззрѣнію, возбуждать чувства ужаса и состраданія и возбужденіемъ ихъ производить очищеніе (katharsis) души отъ этихъ страстей. Было много споровъ о томъ, какой смыслъ имѣетъ этотъ терминъ «очищеніе». По всей вѣроятности, Аристотель называлъ «очищеніемъ» души освобожденіе, облегченіе ея отъ гнета страстей, ощущеніе отрады, подобное тому, какое производится освобожденіемъ тѣла отъ угнетенія продуктами болѣзни; это физическое облегченіе называлось katharsis.—Чтобы возбуждать въ насъ ужасъ и состраданіе, дѣйствующія лица трагедіи должны быть не идеалами добродѣтели и не чудовищами порока, а людьми благороднаго характера, но имѣющими человѣческія слабости. По самому устройству греческаго театра, дѣйствіе трагедіи, состоящее изъ разговоровъ немногихъ лицъ и пѣсень хора, должно было охватывать лишь небольшой періодъ времени и происходить въ одной данной обстановкѣ (стран. 559). Изъ этого произошло подавшее поводъ къ столькимъ недоразумѣніемъ ученіе Аристотеля о трехъ единствахъ драмы (единствѣ времени, мѣста и дѣйствія).

Мы лишь по немногимъ отрывочнымъ даннымъ можемъ судить о томъ, каковы были отношенія системы Аристотеля къ народной религіи грековъ, имѣвшей тѣсную связь съ поэзіею. Онъ видѣлъ дѣйствія божества только въ вѣчномъ движеніи небесныхъ свѣтилъ; потому олицетвореніе божественной силы въ образахъ боговъ, подобныхъ людямъ, должно было казаться ему профанаціею понятія о богѣ. Онъ расположенъ считать народную религію грековъ мнѣческимъ вымысломъ, составленнымъ правителями и жрецами для подчиненія толпы закону. Но въ своемъ идеальномъ государствѣ онъ оставляетъ почитаніе боговъ греческой міеологіи, потому что находитъ въ этомъ вѣрованіи народа предчувствіе истины, признаніе высшихъ небесныхъ силъ.

Система Аристотеля образовала собою такое стройное цѣлое, была построена на одной основной мысли по такому обдуманному плану, такъ прочно, и была выработана до мельчайшихъ подробностей съ такою полнотою, что ученикамъ его, перепатетикамъ, оставалось только объяснять ее и продолжать эмпирическую разработку спеціальныхъ наукъ. Почти только разъясненіемъ ея и ограничивалась философская дѣятельность Эвдема, а въ разработкѣ эмпирическаго матеріала состояли заслуги Теофраста Лесбосскаго, который обога-

Перипатетики.

Эвдемъ.
Теофрастъ,
372—237.

тилъ новыми матеріалами ботанику и минералогію. Онъ придавалъ расширенію фактическаго знанія больше цѣны, чѣмъ разработкѣ философскихъ теорій. Внѣшнія условія благосостоянія онъ считалъ болѣе важными для счастья человѣка, чѣмъ добродѣтель. Изъ дошедшихъ до насъ сочиненій его самое извѣстное — «Типы характеровъ»; живые очерки, большею частію веселые, комическіе; это оеофрастово произведеніе послужило образцомъ для книги Лабрюйера.

Дивеархъ род. около 360; умеръ 290. Перепатетики слѣдующаго времени занимались больше всего физикою и стремились объяснять все физическими причинами. Такъ, напримѣръ, Дивеархъ Мессанскій говорилъ, что душа не какое нибудь особое отъ тѣла существо, а только „гармонія элементовъ тѣла“; потому, онъ отрицалъ безсмертіе души. Практическую жизнь онъ ставилъ выше теоретическихъ изслѣдованій. Большую часть жизни онъ провелъ въ Пелопоннесѣ. Онъ былъ философъ, историкъ и географъ. — Еще рѣшительнѣе проявилось матеріалистическое или натуралистическое воззрѣніе у Стратона физика. Онъ объяснялъ все происходящее во вселенной и всю жизнь въ ней силою, присутствующей матеріи; говорилъ, что все, происходящее въ мірѣ, производится безсознательнымъ дѣйствіемъ силъ природы, что божество не имѣетъ самосознанія, что всѣ душевныя дѣятельности имѣютъ своимъ кореннымъ основаніемъ чувственное впечатлѣніе. Ни въ человѣкѣ, ни во вселенной не признавалъ онъ духа, отдѣльнаго отъ матеріи. — Позднѣйшіе перипатетики возвратились къ направленію Теофраста и ставили главною своею задачею занятія специальными учеными трудами.

2. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Геродотъ род. 484, умеръ около 425 г. Древнѣйшіе греческіе историки, логографы, о которыхъ мы говорили на стран. 361 и слѣд., оставались вполнѣ на почвѣ поэтической легенды и изустнаго преданія. Большой шагъ впередъ сдѣлалъ Геродотъ, уроженецъ города Галикарнасса, населеніе котораго принадлежало отчасти къ дорійскому племени, отчасти къ іонійскому. Геродотъ не вполнѣ покинулъ область легендарнаго преданія, въ которой трудно различить факты отъ вымысла, но писалъ главнымъ образомъ на основаніи своихъ личныхъ свѣдѣній, и предметомъ своего труда избралъ задачу болѣе обширную и важную, чѣмъ логографы. Его существеннымъ намѣреніемъ было сохранить для потомства память о великихъ событіяхъ войнъ съ персами, чтобы, какъ выражается самъ онъ, «подвиги грековъ и варваровъ въ ихъ борьбѣ между собою не исчезли безвѣстно въ рѣкѣ времени». Онъ взялся за исполненіе этой мысли съ юношескою энергіею и исполнилъ ее съ юношескою любовью. Его трудъ образуетъ переходъ отъ поэтической исторіографіи къ подлинной исторіи; потому его справедливо называютъ «отцомъ исторіи». Не теряя изъ виду главнаго предмета своей работы, онъ съ вѣрнымъ греческимъ чувствомъ художественности украсилъ свой трудъ и увеличилъ его занимательность тѣмъ, что эпизодически внесъ въ свой рассказъ пріобрѣтенныя имъ свѣ-

дѣнія объ исторіи другихъ народовъ и обо всемъ достопримѣчательномъ въ другихъ странахъ; такимъ образомъ написалъ онъ произведеніе великое и поучительное.

Геродотъ происходилъ отъ одной изъ знатныхъ фамилій Галикарнасса (стран. 115), города, стоявшаго на прекрасномъ малоазійскомъ приморьѣ, гдѣ звучали въ пѣсняхъ Гомера отголоски старинныхъ сказаній о герояхъ, пробуждая благородный энтузіазмъ въ душѣ образованныхъ и впечатлительныхъ гражданъ. Галикарнасомъ овладѣла та династія, къ которой принадлежала царица Артемизія, сражавшаяся съ греками у Саламина (стр. 494); внукъ Артемизіи Лигдамъ подвергъ преслѣдованію семейство Геродота, убилъ брата его матери, принудилъ бѣжать его самого. Онъ поселился тогда на Самосѣ, гдѣ процвѣтали искусства; тамъ онъ проникся іонійскимъ духомъ, которымъ вѣетъ его трудъ. Черезъ нѣсколько времени, при его содѣйствіи, Галикарнасъ былъ освобожденъ отъ тиранніи Лигдама. Но раздоры между аристократами и демократами заставили его снова покинуть родину. Онъ совершилъ обширныя путешествія по тѣмъ странамъ, съ которыми были въ сношеніяхъ греки его времени; посѣтилъ Египетъ, проѣхалъ по Ливіи до Кирены; путешествовалъ по Сиріи, по Малой Азіи, по Персіи, по разнымъ областямъ греческаго міра; особенно долго пробылъ въ Атикѣ; проѣхалъ по берегамъ Понта, посѣтилъ греческія колоніи въ устьяхъ Дуная. Въ этихъ путешествіяхъ онъ по собственнымъ наблюденіямъ и по разсказамъ жителей собралъ матеріалы для своей „Исторіи“, раздѣленной вполнѣ въ девять книгъ, заглавіями которыхъ были поставлены имена музъ. Значительную часть его труда составляютъ географическія и этнографическія свѣдѣнія; онъ разсказываетъ о событіяхъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и описываетъ страны, нравы, обычаи, гражданскія и религіозныя учрежденія; словомъ пересказываетъ все замѣчательное о земляхъ, народахъ и городахъ. Съ юношескою любознательностью онъ смотритъ на все, наблюдаетъ внѣшность; предметы и явленія проносятся передъ его душою, какъ передъ зеркаломъ, не оставляя въ ней глубокихъ впечатлѣній; то, что воспринялъ онъ живымъ, зоркимъ взглядомъ, онъ пересказываетъ наглядно. Но все, что слышалъ онъ, считаетъ онъ за истину: онъ не такъ легковѣренъ, какъ логографы, не такъ чуждъ духа критики; но вообще его критика ограничивается тѣмъ, что изъ разнорѣчивыхъ разсказовъ онъ выбираетъ тотъ, который кажется ему правдоподобнѣйшимъ, или, пересказывая невѣроятныя преданія, прибавляетъ, что не вѣритъ имъ. Потому въ отдѣлахъ о чужихъ земляхъ онъ, передавая разсказанное ему жрецами, переводчиками, проводниками, сообщаетъ много вымысловъ восточнаго хвастовства и суевѣрія. Но благодаря этой наивной восприимчивости, этому восхищенію востокомъ, міромъ чудесъ, онъ сохранилъ много драгоцѣнныхъ преданій, въ которыхъ, подъ оболочкою баснословія, найдена теперь учеными историческая правда. А многіе изъ его извѣстій, считавшихся прежде сказками, оказались теперь вѣрными наблюденіями.

«Исторія» Геродота — искренній, простой рассказъ, проникнутый любовью къ доброму и прекрасному, радостный рассказъ о томъ, какъ любовь къ свободѣ, мужество, разумный порядокъ, умъ и скромные нравы грековъ восторжествовали надъ рабствомъ и тщеславною пышностью многочисленныхъ, но безпорядочныхъ полчищъ

Жизнь его.

454.

Его манера разсказа и его понятія.

Характеръ исторіи Геродота.

востока. По всему рассказу Геродота проходит противопоставление греческой народности характеру восточного быта. Но онъ не слѣпой панегиристъ грековъ; когда вошло въ моду у грековъ писать исторію съ риторическимъ самохвалствомъ, его простодушная правдивость стала казаться не воздающею справедливости греческимъ подвигамъ; его стали упрекать въ склонности говорить о грекахъ дурно, и Плутархъ написалъ трактатъ о недостаткѣ патриотизма у Геродота. Написанная не для однихъ ученыхъ, а для всего народа, «исторія» Геродота — занимательный подробный рассказъ о великихъ, изумительныхъ событіяхъ, ходъ которыхъ излагаетъ онъ своимъ любознательнымъ соотечественникамъ по превосходно обдуманному плану, давая имъ рядъ живыхъ, завлекательныхъ картинъ; тонъ рассказа у него совершенно гармонируетъ съ содержаніемъ, и въ цѣломъ своемъ его исторія имѣетъ характеръ величественнаго эпоса. Греки говорили, что его книги напоминаютъ эпосеи Гомера. У него, какъ у Гомера, рассказъ изобилуетъ подробностями, и надъ всѣми впечатлѣніями властвуетъ свѣтлое спокойствіе души. Его простодушная правдивость даетъ рассказу благородство и возвышенность. Постоянно проявляется у него религиозное убѣжденіе, что ходомъ исторіи правитъ нравственный законъ, что божественное провидѣніе предназначило каждому народу, каждому человѣку опредѣленные границы, переступая которыя онъ навлекаетъ на себя своею дерзостью наказаніе и гибель: что божество даетъ силу слабымъ и смиреннымъ, низлагаетъ надменныхъ; что когда человѣкъ слишкомъ счастливъ, это возбуждаетъ зависть въ богахъ. Геродотъ позволяетъ себѣ высказывать сужденіе только о томъ, что ужъ рѣшено божественнымъ судомъ. Онъ далекъ отъ прагматизма, онъ не отваживается предугадывать пути провидѣнія. Черезъ весь его рассказъ проходитъ мысль о божественной силѣ, карающей злобу и гордость; вѣра въ эту силу, Немезиду, даетъ ему благородное спокойствіе, безпристрастіе, воздержность въ сужденіяхъ. Исторія, по его воззрѣнію, — божественный судъ, рѣшающій дѣла человѣческія по закону нравственно-религиозной правды. Онъ историкъ-богословъ. — Нѣсколько времени онъ прожилъ въ Аѣинахъ; это было около 455 года. Онъ очень любилъ Аѣины и съ особенною радостью прославляетъ въ своемъ рассказѣ о персидскихъ войнахъ подвиги аѣинянъ. Изъ Аѣинъ онъ уѣхалъ въ южную Италію и прожилъ довольно долго въ Туріяхъ, въ колоніи, основанной на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Сибарисъ (стран. 216), и принимавшей грековъ всѣхъ племенъ въ число своихъ гражданъ на равныхъ правахъ. Потомъ онъ возвратился въ Аѣины и тамъ, въ первый годъ Пелопоннесской войны, написалъ послѣднюю часть своего труда; но кажется, что смерть не дала ему довести рассказъ до предполагаемаго имъ конца. Онъ писалъ на іонійскомъ нарѣчій. Онъ, повидимому, одно и было тогда употребительно въ прозаическихъ

книгахъ историческаго содержанія. Но, быть можетъ, Геродотъ выбралъ его и потому, что хотя Галикарнассъ и былъ однимъ изъ шести городовъ дорійскаго союза въ Малой Азіи, но трезенскіе колонисты придали ему іонійскій характеръ и въ немъ преобладало іонійское нарѣчье; да и самъ Геродотъ происходилъ отъ іонійскаго рода.

Геродотъ начинается съ того, что борьба между греками и азіатскими народами идетъ Порядокъ раз- съ давняго времени (эта мысль была очень распространенной въ его время). Онъ кратко сказа у Геро- напоминаетъ легенды объ Іо, Медеѣ, Еленѣ, говорящія объ этихъ столкновеніяхъ, и дота. быстро переходитъ къ рассказу о Крезѣ, царѣ лидійскомъ, который, какъ ужъ достаточно известно самому Геродоту, угнеталъ грековъ. Въ подробный рассказъ о Крезѣ эпизодически введена предшествовавшая исторія Лидіи, введенны эпизоды изъ греческой, особенно спартанской и аѣинской исторіи. Покореніе Лидіи Киромъ ведетъ къ рассказу объ основаніи персидскаго государства; рассказывая о завоеваніяхъ Кира, Геродотъ сообщаетъ свѣдѣнія о нравахъ, учрежденіяхъ, прежней исторіи всѣхъ тѣхъ народовъ, которыхъ покорилъ Киръ. Завоеваніе Египта Камбизомъ служитъ для Геродота поводомъ подробно рассказать о Египтѣ, по которому онъ самъ проѣхалъ до Элефантины; эти драгоценныя извѣстія образуютъ 2-ую книгу его исторіи. Въ 3-ей книгѣ онъ рассказываетъ дальнѣйшую исторію Персіи, подробно говоритъ объ исторіи іонійскихъ городовъ Малой Азіи, въ особенности объ островѣ Самосѣ при Поликратѣ и послѣ него, о событіяхъ въ персидскомъ государствѣ при Даріи. Въ 4-ой книгѣ онъ описываетъ Скиѣю и рассказываетъ о походѣ Дарія за Дунай къ Дяѣпру и Дону, экспедиціи неудачной, но проложившей персамъ дорогу въ Европу. Походъ персовъ на Барку, бывшій около того же времени, даетъ Геродоту поводъ рассказать исторію Кирены и описать обычай ливійскихъ племенъ. Книга 5-ая. Войско, оставленное Даріемъ въ Европѣ послѣ скийскаго похода, покоряло еравійскія племена и Македонію, а между тѣмъ произошло возстаніе въ Іоніи; такимъ образомъ приближалась рѣшительная борьба между персидскимъ царствомъ и Греціею. Поѣздка Аристагора въ Спарту и въ Аѣины даетъ Геродоту поводъ рассказать исторію греческихъ государствъ съ того времени, на которомъ онъ остановился въ первой книгѣ; съ особенною любовью онъ говоритъ о быстромъ возрастаніи могущества Аѣинъ по изгнаніи Пизистратидовъ. Книга 6-ая. Несмотря на помощь аѣинянъ, іонійское возстаніе, предпринятое необдуманно и не имѣвшее энергическаго управленія, кончается пораженіемъ и навлекаетъ на аѣинянъ и эретрійцевъ гнѣвъ персидскаго царя, раздраженіе котораго увеличивается и другими обстоятельствами, какъ на примѣръ вліяніемъ спартанскаго царя Демарата, бѣжавшаго къ Дарію. Изложеніемъ войнъ и другихъ отношеній между греческими государствами во время перваго появленія персовъ въ Грецію и пораженіемъ персидскаго войска при Маравонѣ кончается шестая книга, и рассказъ о слѣдующихъ событіяхъ идетъ безъ перерывовъ въ трехъ послѣднихъ книгахъ; но ходъ его остается неторопливымъ; это содѣйствуетъ возбужденію сильнѣйшаго любопытства. Рассказавъ о битвахъ при Термопилахъ и при Артемизіи, Геродотъ въ 9-ой книгѣ очень наглядно и живо изображаетъ битвы при Саламинѣ, при Платеѣ и на мысѣ Минале, потомъ кратко упоминаетъ объ экспедиціяхъ, предпринятыхъ греческимъ флотомъ по истребленію персидскаго. Трудъ, не доведенный до конца, заключается властнымъ въ уста Кира замѣчаніемъ, что не всегда оказываются храбрѣйшими людьми тѣ, которые живутъ въ наиболѣе плодородномъ и богатомъ краѣ.

Говорятъ, что Геродотъ читалъ отрывки своей «Исторіи» на празднествахъ въ Коринѣ, въ Аѣинахъ, въ Олимпіи, и по преданію, очень ооодо 465, распространенному между греками, его произведеніе возбудило къ умеръ 399. занятію историческимъ трудомъ знатнаго аѣинянина, Фукидида. Легенда говоритъ, что Фукидидъ, слушая чтеніе Геродота, былъ взволнованъ

до слезъ. Фукидидъ, сынъ Олора, происходилъ отъ еракійскаго царскаго рода, породнившись съ филаидами и получившаго право гражданства въ Аѣинахъ. Онъ провелъ молодость въ кругу образованнѣйшихъ людей Периклова вѣка, и эта эпоха энергическаго развитія Аѣинъ дала его характеру и уму то благородное направленіе, которое проявляется въ его произведеніи. Когда Бразидъ пошелъ на Амфиполь (страница 622), Фукидиду, владѣвшему по наслѣдству богатыми золотыми рудниками въ Рудничномъ Лѣсу у Стримона, было поручено идти съ нѣсколькими кораблями на помощь осажденному городу. Но онъ слишкомъ долго оставался у Фазоса, потому, прибывъ къ Амфиполу поздно, не успѣлъ помѣшать взятію этой аѣинской колоніи Бразидомъ. За это онъ былъ обвиненъ въ неисполненіи своей обязанности и осужденъ на изгнаніе. (По позднѣйшимъ извѣстіямъ, онъ былъ осужденъ по предложенію Клеона, противъ котораго и осталась въ немъ навсегда вражда). Изгнаніе сдѣлало его писателемъ. Онъ двадцать лѣтъ оставался изгнанникомъ, провелъ большую часть этого времени въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи въ Рудничномъ Лѣсу (Skapte Hyle) и употребилъ свой невольный двадцатилѣтній досугъ на работу надъ «Исторіею пелопоннесской войны», имѣвшей такое важное значеніе въ жизни греческаго народа. Долго показывали въ той мѣстности платанъ, подъ которымъ великій историкъ приводилъ въ порядокъ матеріалы, собранные разспросами у людей обѣихъ воевавшихъ сторонъ. Онъ постоянно слѣдилъ съ живымъ интересомъ за ходомъ событій и жилъ близко къ театру войны; потому трудъ, составленный имъ на основаніи собственныхъ свѣдѣній и изустныхъ разказовъ, носитъ на себѣ печать свѣжей и живой правдивости; современникамъ казалось и потомству кажется, что «устаи Фукидида говоритъ сама Исторія». Въ 404 году ему было позволено возвратиться въ Аѣины и, вскорѣ по возвращеніи, онъ былъ, какъ говорятъ нѣкоторые извѣстія, предательски убитъ. Последняя (8-ая) книга его исторіи, доводящая разказъ до 21-го года пелопоннесской войны, осталась не получившей окончательной обработки.—Его трудъ во многихъ отношеніяхъ представляетъ прямую противоположность исторіи Геродота. У Геродота проявляется энтузіазмъ времени персидскихъ войнъ; у Фукидида мы находимъ высокую образованность Аѣинъ времени пелопоннесской войны; Геродотъ пишетъ простымъ, легкимъ, яснымъ языкомъ народа, и разказъ его дѣйствуетъ на воображеніе читателей; языкъ Фукидида по своей сжатости требуетъ большаго вниманія, чтобы быть понятнымъ; онъ умѣетъ высказывать очень многое немногими словами; онъ писалъ только для образованныхъ людей и обращается не къ фантазіи, а къ разсудку читателей, влагаетъ въ разказъ результаты своихъ глубокихъ соображеній; Геродотъ считаетъ основною силою, правящею ходомъ событій, судьбу и волю божества; Фукидидъ видитъ въ событіяхъ только ре-

зультаты свободной дѣятельности душевныхъ силъ человѣка; оракуламъ и прорицаніямъ онъ очень мало вѣритъ, или не вѣритъ вовсе; непосредственнаго вниманія божества въ человѣческія дѣла онъ не видитъ нигдѣ; разказъ Геродота идетъ съ эпическимъ спокойствіемъ и обиліемъ подробностей; у Фукидида онъ имѣетъ драматическую живость; Геродотъ любитъ занимательные анекдоты, интересныя приключенія и записываетъ ихъ, хотя бы они были только вымыслами народной фантазіи, вовсе не содержащими въ себѣ правды, или передавали ее въ искаженномъ видѣ; Фукидидъ излагаетъ только факты, только достовѣрныя свѣдѣнія, проверенныя точной критикой, оказавшіяся по внимательной проверкѣ несомнѣнной истиной; междоусобная война, длившаяся столько лѣтъ, сопровождавшаяся столькими революціями, является у него историческою драмою безъ всякихъ прикрасъ; онъ не заботится о легкости и прелекательности чтенія; о каждомъ народѣ, о каждомъ государствѣ онъ рассказываетъ лишь то, что необходимо, и рассказываетъ кратко; его исторія похожа на изложеніе великой тяжбы, гдѣ спорящія стороны—воюющія между собою государства, и которая ведется изъ за-владычества надъ Греціей. Фукидидъ смотритъ на исторію какъ государственнй человѣкъ, даетъ ей политическое значеніе; потому не допускаетъ въ нее ни поэтическихъ, ни религіозныхъ вымысловъ. И по формѣ, и по содержанію его трудъ—выраженіе рѣчей въ народномъ собраніи и битвѣ, изученныхъ имъ и разъясняемыхъ его проницательною критикою. По его разказу ясно видны причины, ходъ и результаты каждаго событія. Мотивы событій лежатъ, по его возрѣнію, въ нравственныхъ качествахъ человѣческой природы. Онъ вездѣ видитъ дѣйствіе только человѣческихъ силъ, и выводитъ изъ событій практическія заключенія, применимыя къ другимъ подобнымъ положеніямъ дѣлъ; это даетъ его труду характеръ руководства для политическихъ дѣятелей. Факты, о которыхъ рассказываетъ онъ, дѣлились на полугодичные періоды: лѣтомъ шли военныя дѣйствія, зимою приготовленія къ нимъ; въ этомъ порядкѣ и располагаетъ онъ свой разказъ; отдѣлы его исторіи—лѣто года и зима года, годъ за годъ. Это хронологическій разказъ. Онъ вложилъ въ свой трудъ единство идеи. Но это политическая идея; она лишена поэтическаго колорита и эпической наглядности. У него есть поэзія, но не въ общемъ характерѣ труда, а въ живости, съ какою изображены эпизоды дѣйствія. Онъ постоянно желаетъ собрать какъ можно болѣе фактовъ подъ одну общую мысль, чтобы не было раздробленности, ослабляющей цѣльность впечатлѣнія; потому онъ пишетъ сжатымъ слогомъ, краткость котораго доходитъ иногда до темноты; ему надобно было выражать глубокія, многосложныя мысли языкомъ, еще мало выработаннымъ для такого дѣла, и ему иногда бываетъ трудно высказать свои мысли съ ясностью. Но языкъ его всегда соотвѣтствуетъ характеру предмета, и очень

разнообразенъ: когда онъ рассказываетъ событія, онъ пишетъ просто и легко; когда передаетъ рѣчи ораторовъ, онъ пишетъ многосоставными періодами самой смѣлой конструкции, а когда того требуетъ предметъ, энергія его языка возвышается до поэтической силы. Въ описаніяхъ характеровъ людей и положенія дѣлъ онъ выказываетъ чрезвычайно глубокое знаніе человѣческой природы; а посредствомъ вставленныхъ въ рассказъ рѣчей, пониманіе которыхъ иногда бываетъ трудно, по тонкости оттѣнковъ, которыми отражаются въ нихъ обстоятельства, онъ даетъ вѣрные очерки мыслей и стремленій лицъ, партій и государствъ. Эти рѣчи не могутъ считаться буквально точными воспроизведеніями тѣхъ рѣчей, какія были дѣйствительно произнесены: по его собственному поясненію, онъ представляетъ произносящихъ рѣчи говорящими то, что, по его мнѣнію, сообразно было съ обстоятельствами, и довольствуется тѣмъ, что по возможности вѣрно передаетъ смыслъ сказаннаго ими. Но онъ умѣетъ такъ хорошо понимать образъ мыслей лицъ, отъ имени которыхъ говоритъ, такъ хорошо излагаетъ ихъ соображенія и намѣренія, что навѣрное и сами они не могли бы говорить въ пользу своихъ предложеній, защищать свои интересы лучше, нежели дѣлаетъ онъ. Эти рѣчи очень живо характеризуютъ передъ нами тѣ партіи, на которыя дѣлились тогда греки. Онъ показываетъ, что Фукидидъ не напрасно учился ораторскому искусству у Антифона. И по происхожденію своему, и по личной склонности, онъ принадлежалъ къ аристократической и консервативной партіи; но его сужденія безпристрастны, онъ руководится въ нихъ только соображеніями о благѣ государства. Впрочемъ, по его личнымъ отношеніямъ къ Клеону можно предполагать, что этотъ вождь демократической партіи изображенъ имъ подъ вліяніемъ враждебнаго чувства. Его рассказъ о войнѣ, въ которой было столько великихъ катастрофъ, написанъ съ возвышеннымъ спокойствіемъ, которое дѣлаетъ твореніе Фукидида образцомъ прагматической, объективной, безпристрастной исторіи. Подъ впечатлѣніями ударовъ судьбы, поражавшихъ греческія государства и въ особенности родину Фукидита, Аѣины, рассказъ его мѣстами получаетъ патетическій характеръ, дѣйствуетъ на душу, какъ потрясающая трагедія.

Въ контрастъ прежнему чрезмѣрному прославленію Фукидида, теперь слышались голоса, гиперкритически отрицающіе его добросовѣстность. Прежде, Отфридъ Миллеръ провозглашалъ: «Можно спросить, есть ли въ исторіи человѣческаго рода періодъ, который представляется нашему взору съ такою ясностью, какъ раскрыты ему твореніемъ Фукидида первые 21 годъ Пелопоннесской войны»; а одинъ изъ современныхъ притворъ, Миллеръ-Штрюбингъ спрашиваетъ: «Можно ли найти въ исторіи какого нибудь народа другое изображеніе какого нибудь періода, написанное современникомъ, хорошо знающимъ факты и очень умнымъ, которое давало бы намъ такъ мало точныхъ свѣдѣній о государственномъ развитіи, о борьбѣ политическихъ партій, о мотивахъ событій, объ умственной дѣятельности, — словомъ, о внутренней жизни этого народа, какъ мало даетъ ихъ сочиненіе Фукидида». — Въ подтвержденіе своему странному сужденію

Миллеръ-Штрюбингъ приводитъ рядъ мѣстъ, которыя, по его мнѣнію, показываютъ, что Фукидидъ писалъ недобросовѣстно, что «его очерковъ нельзя считать за чисто объективное воспроизведеніе дѣйствительности, что она не отражается въ нихъ, какъ въ зеркалѣ».

Ксенофонтъ, сынъ Грилла, аѣинскій гражданинъ, написалъ продолженіе рассказа Фукидида; но его «Греческая исторія» — произведеніе очень слабое сравнительно съ твореніемъ его предшественника. Мы ужъ видѣли, что Ксенофонтъ въ молодости былъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ Сократа; онъ остался вѣренъ и въ жизни и въ образѣ мыслей ученію великаго философа, до конца жизни сохранялъ признательность къ нему, благоговѣнно чтилъ его память, и въ старости написалъ рядъ трактатовъ въ защиту жизни и ученія своего наставника отъ ошибочныхъ толковъ и злобныхъ обвиненій; извѣстнѣйшіе изъ этихъ трактатовъ «Воспоминанія о Сократѣ» и «Учинъ философовъ». Ученіе Сократа о добродѣтели онъ понималъ въ практическомъ смыслѣ: добродѣтель, по возрѣнію Ксенофонта, условіе счастья; безъ нея невозможно найти истиннаго блага въ жизни.

Въ «Воспоминаніяхъ» о Сократѣ (Aponemoneumata) Ксенофонтъ защищаетъ своего наставника отъ обвиненій въ томъ, что онъ вводилъ новыхъ боговъ и училъ молодыхъ людей дурному; потомъ приводитъ рядъ случаевъ изъ жизни Сократа и отрывковъ изъ его разговоровъ, знакомящихъ съ его ученіемъ. Это произведеніе написано въ разговорной формѣ легкимъ, изящнымъ языкомъ; хорошо оно и по живости изложенія, по искусной обрисовкѣ характеровъ; но пониманіе философіи Сократа у Ксенофонта поверхностное: въ томъ видѣ, въ какомъ Сократъ излагаетъ у него свое нравственное ученіе, оно лишено глубины и идеальности; основнымъ мотивомъ держаться правилъ хорошей нравственности выставляется у Ксенофонта то, что соблюдать ихъ полезно въ житейскомъ отношеніи; знаніе истины и добродѣтели, которая составляетъ цѣль жизни по ученію Сократа, подтверждавшемуся его жизнью, утрачиваются въ изложеніи Ксенофонта свое высокое достоинство, оказываются лишь искусствомъ поступать разсудительно, практично. Вообще, характеръ «Воспоминаній» Ксенофонта таковъ, что нѣкоторые ученые считали продолженіемъ (пятою книгою) ихъ разговоръ «Домохозяинъ» (Oikonomikos), въ которомъ Сократъ бесѣдуетъ съ Критобуломъ, сыномъ Критона, о домашнемъ и въ особенности о сельскомъ хозяйствѣ. Другіе ученые полагаютъ, что этотъ небольшой трактатъ приписанъ Ксенофонту ошибочно. Цицеронъ перевелъ его на латинскій языкъ, Виргилій пользовался имъ. О положеніи женщинъ и о правилахъ обращенія съ рабами высказываются тутъ отъ лица Сократа добрыя мысли.

Сомнительно и то, дѣйствительно ли принадлежитъ Ксенофонту «Апология Сократа», небольшой трактатъ, авторъ котораго съ горячею любовью защищаетъ мудреца отъ взведенныхъ на него обвиненій, и объясняетъ мотивы, по которымъ онъ не захотѣлъ просить судей о пощадѣ, предпочитая смерть униженію. «Пиръ философовъ» (Symposion, «Бесѣда за столомъ»), превосходно написанный философскій разговоръ, представляется похожимъ на опроверженіе трактата Платона, имѣющаго такое же заглавіе. Ученые много занимались разъясненіемъ вопроса объ отношеніяхъ между этими двумя «Пирами». Кажется, Ксенофонтъ дѣйствительно хотѣлъ показать, что Сократъ не былъ такимъ фантазеромъ, какимъ является онъ

Ксенофонтъ
род. около 430,
ум. 356.

Философія
сочиненія Ксе-
нофонта.
«Воспомина-
нія».

Oikonomikos.

Апология Сок-
рата.

Symposion.

въ „Пирѣ“ Платона, что онъ былъ человѣкъ разсудительнаго образа мыслей. Бесѣда на пирѣ, которую пересказываетъ Ксенофонтъ, быть можетъ не вымыселъ, а близкое воспроизведеніе разговора, дѣйствительно происходившаго на пирѣ, время котораго было около 420 года. „Бесѣда на пирѣ“, написанная Ксенофонтомъ, должна, по его мнѣнію, свидѣтельствовать о томъ, какое благотворное вліяніе имѣли разговоры Сократа на его друзей, какъ поучительны были они даже въ часы, предназначенные для наслажденія, какъ чисты были его ученія о дружбѣ и любви, какъ безукоризненна была его жизнь. Трактатъ, „Гіеронъ“, написанный въ формѣ разговора этого сиракузскаго тирана съ поэтомъ Симонидомъ, имѣетъ содержаніе отчасти философское, отчасти историческое. Въ немъ приводятся примѣры, показывающіе, что въ жизни тирана гораздо менѣе счастья и радости, чѣмъ въ жизни частнаго человѣка; развивается мысль, что неограниченный властитель долженъ обращать свое громадное могущество на счастье народа и на пользу друзей; объясняется, какъ ему должно поступать, если онъ желаетъ этого. Вопросы о формѣ правленія и правительственномъ искусствѣ были во времена Ксенофонта любимыми темами философовъ.

Гіеронъ.

Мы видѣли, что въ кругу людей, группировавшихся около Сократа, владычествовало расположеніе къ спартанскому государственному устройству, рѣшительное нерасположеніе къ неограниченной демократіи. Ксенофонтъ былъ сильно проникнутъ этими чувствами. Они привели его по окончаніи пелопоннесской войны въ ряды греческаго войска, которое подъ начальствомъ спартамца Клеарха пошло помогать Киру младшему отнять престолъ у Артаксеркса. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы будемъ подробно говорить о гибели Кира и знаменитомъ отступленіи Десяти Тысячъ подъ фактическимъ начальствомъ самого Ксенофонта, чей рассказъ объ этомъ походѣ, *Anabasis*, — лучшее изъ его сочиненій. Участіе Ксенофонта въ походѣ Кира Младшаго возбудило въ Аѣинахъ противъ него неудовольствіе, которое впослѣдствіи времени дошло до того, что онъ былъ объявленъ изгнаннымъ. — Ксенофонтъ въ своей греческой исторіи (III, 1) упоминаетъ сочиненіе сиракузанца Ѳемистогена о походѣ грековъ съ Киromъ Младшимъ; это по всей вѣроятности его сочиненіе, которое онъ обнародовалъ подъ чужимъ именемъ или по скромности, или для того, чтобы рассказъ возбуждалъ болѣе довѣрія къ себѣ. Скромность проявляется и въ самой исторіи похода: Ксенофонтъ въ ней часто приводитъ разсудительные совѣты, о которыхъ говоритъ, что они были даны молодымъ грекомъ, не называя этого грека по имени; всѣхъ другихъ людей, чьи слова приводитъ, онъ называетъ прямо. — Персидскій походъ возбудилъ въ Ксенофонтѣ мысль написать сочиненіе, которое стало самымъ знаменитымъ изъ его произведеній, „Киропедію“, исторію воспитанія и правленія Кира Старшаго.

Киропедія. „Киропедія“ тенденціозное сочиненіе, въ которомъ Ксенофонтъ поль-

зуется историческимъ матеріаломъ, но передѣлываетъ его по произволу. Онъ хотѣлъ въ лицѣ Кира изобразить идеальнаго царя, воспитаннаго по идеямъ Сократовой философіи, заботящагося о своемъ народѣ, какъ хорошій пастухъ заботится о своемъ стадѣ; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ хотѣлъ показать способы, какими царь-философъ можетъ съ наилучшимъ успѣхомъ исполнить свое высокое предназначеніе, стать отцомъ и благодѣтелемъ подвластныхъ ему народовъ и сдѣлать свое государство счастливымъ. Онъ выставляетъ въ самомъ блестящемъ свѣтѣ благоденствіе царства подъ владычествомъ такого государя, съ наслажденіемъ описываетъ благотворное вліяніе добродѣтельнаго, благороднаго и заботливаго царя на приближенныхъ и на нравственность всѣхъ подданныхъ; этими похвалами онъ бросаетъ черную тѣнь на аѣинскую демократическую республику, въ которой политическая жизнь соединена съ тревогами борьбы. Въ „Киропедіи“ перепутаны правда и вымыселъ. Передъ смертью Киръ разбираетъ вопросъ о безсмертіи души совершенно въ тонѣ „Апологіи Сократа“, признавая безсмертіе вѣроятнымъ, но не высказывая твердой въ немъ увѣренности. По всѣмъ признакамъ видно, что Ксенофонтъ написалъ „Киропедію“ въ старости, когда жилъ въ своемъ помѣстьѣ близъ Олимпіи, имѣя досугъ заниматься космополитическими фантазіями, которыми тогда многіе утѣшали себя, чтобы забыть о безотрадной дѣйствительности. Онъ желалъ вплести въ исторію прославляемаго и греками, какъ персами, героя, свои теоріи воспитанія, правительственной мудрости, военнаго быта; онъ вѣроятно понималъ, что онѣ могли бы осуществиться только при такой простотѣ и чистотѣ нравовъ, какую люди считаютъ существовавшей въ старину и какой нѣтъ въ настоящемъ.

Нерасположеніе Ксенофонта къ аѣинской демократіи усилилось, когда онъ слышалъ о смерти Сократа. Онъ теперь совершенно перешелъ на сторону лакедемонянъ. Возвратившихся подъ его начальствомъ изъ Персіи наемниковъ онъ отвелъ на службу къ спартанскому военачальнику Тимброну. Потомъ онъ проникся безграничной преданностью Агезилаю, сопровождалъ его въ войнѣ противъ персовъ, о которой мы будемъ говорить ниже, и въ его свитѣ даже сражался противъ своихъ соотечественниковъ при Коронѣ — дѣло, за которое аѣиняне объявили его изгнаннымъ изъ отечества. Ксенофонтъ написалъ „Похвалу Агезилаю“, о которой Цицеронъ говоритъ, что Агезилай прославленъ ею больше, чѣмъ всѣми статуями, поставленными въ честь его. Спартамцы были признательны знаменитому человѣку за его преданность имъ. Они подарили ему землю близъ Скиллунта неподалеку отъ Олимпіи, въ округѣ, отнятомъ у элидянъ. Тамъ въ тихомъ уединеніи жилъ съ своимъ, вызваннымъ изъ Аѣинъ, семействомъ Ксенофонтъ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и охотою (о которой онъ написалъ трактатъ, дошедшій до насъ) и, трудясь надъ своими литературными произведеніями. Послѣ битвы при Левктрѣ, элидяне овладѣли отнятымъ у нихъ округомъ; они прогнали Ксенофонта, и онъ поселился въ Коринѣ, гдѣ и прожилъ до самой смерти. Кажется, что старость не измѣнила его образа мыслей. Онъ не захотѣлъ воротиться въ Аѣины, когда приговоръ объ его изгнаніи

Жизнь Ксенофонта послѣ персидскаго похода.

Около 367. **Нелленика.** былъ отиѣненъ. Его «Греческая Исторія» (Hellenika), доведенная имъ до битвы при Мантинѣ, написана пристрастно; онъ въ ней умалчиваетъ о великихъ аѣванскихъ полководцахъ Эпаминондѣ и Пелопидѣ, побѣдителяхъ спартанцевъ, — молчаніе очень знаменательное; только въ концѣ онъ отдаетъ справедливость военнымъ талантамъ Эпаминонда. Его сынъ Гриллъ и его братъ сражались противъ аѣванцевъ при Мантинѣ, какъ спартанскіе волонтеры. Онъ приносилъ жертву, когда пришло къ нему извѣстіе, что Гриллъ убитъ; онъ снялъ вѣнокъ, который по обряду жертвоприношенія былъ на головѣ у него; но услышавъ, что Гриллъ сражался храбро, онъ опять надѣлъ вѣнокъ и сказалъ съ спартанскимъ спокойствіемъ: «Я зналъ, что родилъ смертнаго». Приписываемый ему трактатъ «О лакедемонскомъ государственномъ устройствѣ» быть можетъ не принадлежитъ ему; но уже то самое, что его считали авторомъ этого панегирика Спартѣ, показываетъ, что его любовь къ дорійско-лаконскимъ учрежденіямъ была, по мнѣнію грековъ, очень сильна.

О доходахъ аѣинскаго государства. Последнимъ произведеніемъ Ксенофонта считаютъ маленькій трактатъ «О доходахъ аѣинскаго государства», письмо аѣинянина къ спартанцу, доказывающее, что для благосостоянія Атики необходимо миръ; этотъ выводъ основанъ на прекрасныхъ соображеніяхъ о географическомъ положеніи Атики; авторъ говоритъ объ Аѣнахъ съ любовью и доказываетъ, что если они будутъ пользоваться миромъ, то при хорошемъ управленіи финансами доходы государства могутъ выйти изъ растроеннаго состоянія, и будутъ безъ угнетенія союзниковъ достаточны для покрытія расходовъ. При сохраненіи мира налоги будутъ легки; заботливость о торговлѣ, промышленности, объ улучшеніи разработки рудниковъ возвратитъ государству благосостояніе и увеличитъ его доходы; тогда всѣ аѣинскіе граждане могутъ получать пособіе отъ государства; авторъ держится тѣхъ идей, которыми руководился въ управленіи аѣинскими финансами Эвбулъ. Многіе ученые полагаютъ, что этотъ небольшой трактатъ приписанъ Ксенофону ошибочно; время его составленія одни относятъ къ періоду пелопоннесской войны, другіе къ 355 или 346 году. Бѣкъ полагаетъ, что авторъ письма дѣйствительно Ксенофонтъ, что онъ написалъ его не задолго передъ смертью, что оно написано въ Аѣнахъ, что онъ въ старости посѣтилъ родину; предположеніе объ этой поѣздкѣ не противорѣчитъ извѣстію, что онъ умеръ въ Коринѣ. Небольшой трактатъ съ обязанностяхъ начальника конницы (Hipparchikos) тоже написанъ Ксенофонтомъ въ глубокой старости, въ то время, когда аѣиняне въ союзѣ съ спартанцами вели войну противъ аѣванскаго войска въ Пелопоннесѣ.

Отношенія Ксенофонта къ Геродоту и Фукидиду. Отношенія между тремя знаменитѣйшими историками временъ не- Греціи подобны отношеніямъ между тремя великими тра- гиками. Въ Геродотѣ, какъ въ Эсхилѣ, отражается время юношескаго одушевленія грековъ любовью къ свободѣ и къ славѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ дѣтски-искренняго благоговѣнія передъ божественною силою, воздающею людямъ по ихъ заслугамъ. Фукидидъ и Софокль — достой- ные представители высокой образованности Периклова вѣка; человѣ-

ческій умъ и свободная человѣческая воля являются у нихъ силами, дающими направленіе событіямъ, и судьба людей опредѣляется борь- бою свободной воли человѣка съ законами необходимости. Ксенофонтъ и Эврипидъ — представители временъ рефлексіи, философскаго и софи- стическаго просвѣщенія, когда люди искали счастья не въ душевныхъ благахъ, а въ богатствѣ и наслажденіи, когда эгоизмъ и умственная самостоятельность смѣло низвергали преграды, какія противопостав- лялись имъ справедливостью, истиною и національностью. Геродотъ видитъ въ исторіи откровеніе судьбы, таинственно правящей человѣ- ческими дѣлами; для Фукидида она средство разяснить природу че- ловѣка изслѣдованіемъ его поступковъ и ихъ мотивовъ; Ксенофонтъ пользуется ею для того, чтобы внушать читателямъ нравственно-по- литическія убѣжденія автора, хвалить нравящіеся ему учрежденія. Какъ Эврипидъ былъ любимымъ поэтомъ своего времени, такъ и Ксенофонтъ очень нравился современникамъ, называвшимъ его «ат- тическою пчелою», говорившимъ, что музы вложили въ уста его рѣчь сладкую, какъ медъ. И дѣйствительно онъ настолько же превосходитъ Фукидида ясностью, легкостью, изяществомъ слога, насколько усту- паетъ ему глубокомысліемъ, широтою воззрѣнія, исторической доб- росовѣстностью. На Геродота онъ похожъ своимъ благочестіемъ: онъ видитъ въ событіяхъ правящую руку божества, вѣритъ, что воля бо- жества рѣшаетъ судьбу людскую. Но религіозность Ксенофонта осно- вана не на дѣтски-искренней вѣрѣ, какъ у Геродота. Онъ любитъ называть боговъ руководителями человѣческихъ поступковъ и намѣ- реній, старается узнавать ихъ волю по знаменіямъ и сновидѣніямъ, пріобрѣтаетъ ихъ милость жертвоприношеніями и обѣтами; но все это онъ дѣлаетъ не столько по твердому убѣжденію въ ихъ существо- ваніи или въ зависимости человѣческихъ дѣлъ отъ нихъ, сколько по расчету подѣйствовать на ограниченный умъ толпы, расположить ее къ повиновенію, облегчить себѣ управленіе ею. Греки восхищались въ историческихъ произведеніяхъ Ксенофонта изяществомъ языка, граціозной естественностью, простотою, художественностью формы, умѣнемъ хорошо обрисовывать характеры, соединять подробности въ одну общую картину; но, сосредоточивая свое вниманіе на осо- бенностяхъ лицъ, онъ нерѣдко упускаетъ изъ виду общія качества человѣческой природы. Отличительное свойство Фукидида — стремленіе къ возвышенному; существеннѣйшее качество Ксенофонта — постоян- ная гармонія души, благоразумная сдержанность, проявляющаяся въ практической жизни его и въ литературной дѣятельности. Это бла- горазуміе приводитъ его очень близко къ цѣли его стремленій, нрав- ственному изяществу (kalokagathia), достичь котораго не допускаетъ его врожденная такимъ натурамъ сухость ума. Часто Ксенофонтъ слишкомъ подчиняется чужому вліянію, и понятія его о жизни узки. Сдержанность характера и сухость ума внушали ему влеченіе къ

спартанскому образу мыслей; потому онъ и проникся преданностью къ Агезилаю, который былъ образцомъ вѣрности правиламъ суроваго дорійскаго быта.

Ктезій около
400 г.

И Геродоту, и Ксенофону часто противорѣчитъ Ктезій кидскій, написавшій исторію Персіи и Индіи; отъ его произведеній дошли до насъ лишь отрывки. Онъ былъ врачомъ Артаксеркса, подлѣ котораго находился въ битвѣ при Кунаксѣ (смотри. ниже). Онъ имѣлъ возможность пользоваться восточными источниками, и въ особенности персидскими «книгами царей», недоступными другимъ греческимъ писателямъ; потому могъ хорошо ознакомить грековъ съ исторіею востока. Сколько мы можемъ судить по сохранившимся отрывкамъ, его исторія ассирійскаго, мидійскаго и персидскаго царствъ, а еще болѣе исторія Индіи, существенно отличались отъ рассказовъ Геродота. Въ исторіи Индіи у него было много недостоверныхъ извѣстій и чистаго баснословія. Трудно думать, что извѣстія его о персидской исторіи заслуживали болѣе довѣрія, чѣмъ свѣдѣнія, сообщаемыя Геродотомъ: онъ всѣмъ сердцемъ былъ на сторонѣ персовъ и писалъ съ цѣлью разсѣять національныя предубѣжденія своихъ соотечественниковъ. Грекамъ не нравился онъ по своему пристрастію къ Востоку, хотя они и хвалили его за хорошій планъ рассказа, живость изложенія, изящный слогъ, чистоту іонійскаго нарѣчія. Подобно Ксенофону, современникомъ котораго былъ, онъ имѣлъ пристрастіе къ Спартѣ, и, кажется, тамъ онъ провелъ послѣдніе годы жизни. Его «Исторія Персіи» состояла изъ 23 книгъ.

По своему содержанію этотъ главный трудъ Ктезія имѣлъ нѣкоторую близость съ «исторіею» Геродота и трудами Ксенофонта, относящимися къ Персіи. Другой историкъ, современный Ксенофону, Филістъ сиракузскій, по предмету своего труда и по формѣ рассказа имѣетъ нѣкоторую близость къ Фукидиду; но былъ похожъ на него, какъ должно полагать, только сжатостію слога и единствомъ предмета рассказа, а не богатствомъ и глубиной мыслей и не талантомъ изложенія. Впрочемъ, Цицеронъ говоритъ, что онъ имѣлъ свѣтлый умъ, сообразительный, проницательный. Его «Исторія Сициліи», извѣстная намъ лишь по незначительнымъ отрывкамъ, была написана тенденціозно, цвѣтистымъ, эффектнымъ ораторскимъ слогомъ.

Филістъ
433 — 356.

Филістъ, родившійся около 433 года въ Сиракузахъ, былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Діонисію старшему и къ Діонисію младшему. Онъ совѣтомъ и дѣломъ помогалъ первому сдѣлаться тиранномъ, и потомъ былъ храбрымъ помощникомъ его на войнѣ. Подозрительный тиранъ въ 386 году изгналъ его. Но когда наследовалъ отцу Діонисій младшій, онъ возвратился и приобрѣлъ большое вліяніе на него лестию и усердною поддержкою его деспотизма, всѣми силами боролся противъ благороднаго Діона, и успѣлъ, добиться его изгнанія, содѣйствовалъ и тому, что Платонъ былъ принужденъ уѣхать изъ Сиракузъ. Когда

въ 356 году Діонъ возвратился и началъ военныя дѣйствія противъ Діонисія, Филиппъ былъ убитъ въ морскомъ сраженіи. — Его историческій трудъ состоялъ изъ двухъ частей: первая, написанная имъ въ Туріяхъ и въ Гатринѣ, во время изгнанія, излагала исторію Сициліи до взятія Акраганта карфагенянами; въ ней было семь книгъ; вторая, въ шести книгахъ, рассказывала исторію Діонисія старшаго и Діонисія младшаго.

3. ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО.

Краснорѣчіе было необходимо для политическаго дѣятеля въ аѳинскомъ государствѣ, гдѣ верховная власть принадлежала народному собранію; и мы видимъ, что знаменитѣйшіе государственные люди прежняго времени славились краснорѣчіемъ; на примѣръ, Тезисъ, Периклъ и Периклъ. Но ихъ краснорѣчіе было даромъ природы, ихъ рѣчи были обыкновенно неподготовленнымъ выраженіемъ мыслей по вопросу, о которомъ шло дѣло; ихъ талантъ былъ врожденный, ихъ слова были натуральны, просты, безыскусственны, имѣли единственною цѣлью убѣдить, увлечь слушателей. По установленіи неограниченной власти народа, когда стали участвовать въ рѣшеніи государственныхъ и судебныхъ дѣлъ граждане всѣхъ сословій и состояній, кругъ дѣйствія краснорѣчія расширился; многіе изъ людей, предназначавшихъ себя для политической дѣятельности, стали подготавливаться къ ней спеціальными занятіями, развивавшими силу врожденной способности къ краснорѣчію. Софисты были обязаны, какъ мы знаемъ, своимъ значеніемъ тому, что удовлетворяли желанію аѳинянъ учиться краснорѣчію; мы видѣли, что они извлекали для себя много пользы изъ преподаванія его знатымъ молодымъ людямъ. Горгіи, пріѣхавшій въ Аѳины изъ Сициліи, родины науки ораторскаго искусства, «реторики», приобрѣлъ своимъ преподаваніемъ богатство и почетное положеніе въ обществѣ; его успѣхъ сталъ привлекать изъ всѣхъ странъ греческаго міра въ Аѳины талантливыхъ и ученыхъ преподавателей краснорѣчія: Протагоръ пріѣхалъ въ Аѳины изъ Абдеръ, Продикъ съ Кеоса, Гиппій изъ Элиды. Аѳинянъ восхищали великолѣпныя рѣчи Горгія, написанныя мѣрыми, стройными періодами, блиставшія смѣлыми, картинными метафорами, пышными поэтическими выраженіями, неожиданными оборотами мыслей, игрою словъ; любознательные граждане столицы Греціи стали усердно учиться у него и другихъ софистовъ искусству говорить изящно; реторика скоро сдѣлалась главнымъ предметомъ преподаванія, и ораторское искусство проникло не только въ политическія и судебныя рѣчи, но и во всѣ отрасли литературы: Эврипидъ ввелъ его въ трагедію, Фукидидъ въ исторію, и вся позднѣйшая греческая литература получила тонъ ораторскаго краснорѣчія. Въ списокъ первоклассныхъ аттическихъ ораторовъ, составленный александрійскими учеными, внесено десять именъ. Три старшіе изъ этихъ ораторовъ — Андокидъ,

Антифонъ и Лизій — ужь извѣстны намъ изъ политической исторіи Аѣны: Андокидъ игралъ, какъ мы видѣли, роль доносчика въ процессѣ гермокопидовъ (стран. 643), Антифонъ былъ однимъ изъ вождей олигархической партіи во время правленія Совѣта Четырехъ сотъ (стран. 664); Лизій, какъ мы упоминали, подвергся преслѣдованію во время терроризма Совѣта Тридцати (стран. 691).

Антифонъ. Антифонъ, уроженецъ аттического города Рамнунта, сынъ софиста Сифила, учитель Фукидида, не произносилъ публичныхъ рѣчей, кромѣ того одного случая, когда, подвергшись обвиненію, какъ преступникъ противъ государства, защищалъ себя (стран. 672); но имѣлъ большое вліяніе на развитіе краснорѣчія, какъ преподаватель ораторскаго искусства и составитель судебныхъ рѣчей для произнесенія другимъ. Въ Аѣнахъ каждый долженъ былъ самъ защищать свое дѣло; потому, юристы писали рѣчи просителямъ по ихъ заказу. До насъ дошло 15 рѣчей Антифона. Три изъ нихъ были, кажется, рѣчи по дѣйствительнымъ процессамъ, написанныя для произнесенія въ судѣ. Остальныя двѣнадцать, очевидно, сочинены лишь для того, чтобы служить образцами на урокахъ; онѣ раздѣлены на три тетралогіи; каждая тетралогія составлена изъ двухъ обвинительныхъ рѣчей и двухъ рѣчей въ защиту. „Слогъ Антифона нѣсколько тяжелый, старомодный“, говоритъ Вестерманъ, „но изложеніе у него ясно, языкъ прави-

Андокидъ род. около 440 ум. около 390. мательный“. — Андокидъ, изгнанный за свой доносъ по дѣлу гермокопидовъ, поселился на Кипрѣ и занялся торговлею. Когда по низверженіи правительства Тридцати была провозглашена въ Аѣнахъ амнистія, онъ возвратился на родину, принялъ участіе въ политическихъ дѣлахъ и былъ снова изгнанъ по недовольству демократической партіи условіями мира, который былъ по его вліянію заключенъ съ лакедемонянами послѣ коринфской войны. Кажется, онъ умеръ вскорѣ послѣ того, въ изгнаніи. — До насъ дошли три политическія рѣчи его по дѣламъ, въ которыхъ онъ участвовалъ (есть еще рѣчь, приписываемая ему; но ее теперь считаютъ подложною; это рѣчь противъ Алкивіада). Онъ писалъ устарѣлымъ слогомъ. Тонъ рѣчи у него простой, безыскусственный; изложеніе мѣстами многословно и небрежно. По своему содержанію рѣчи его — очень важныя историческіе матеріалы. Судебныхъ рѣчей для произнесенія другимъ онъ не писалъ. И вообще онъ былъ, кажется, дилеттантъ въ краснорѣчіи, а не ораторъ по профессіи. — Но Лизій писалъ, по примѣру Антифона, рѣчи для другихъ и приобрѣлъ ими громкую славу. Онъ родился въ Аѣнахъ, но отецъ его былъ сиракузонецъ, не аѣнскій гражданинъ. По смерти отца онъ переселился съ братьями въ Туріи, занимался тамъ изученіемъ ораторскаго искусства, воротясь въ Аѣны, сталъ преподавателемъ его и писалъ рѣчи по заказу для тѣхъ гражданъ, которые сами не умѣли составлять ихъ, а должны были или хотѣли произнести рѣчи. Мы ужь говорили о томъ, что въ правленіе Тридцати онъ подвергся преслѣдованію и что содѣйствовалъ восстановленію законнаго порядка по низверженіи этого правительства. Въ награду за его патріотизмъ хотѣли дать ему право гражданства, но это предложеніе было отвергнуто, какъ сдѣланное противозаконно. Подобно Антифону, Лизій произнесъ только одну рѣчь, и тоже по собственному дѣлу; это обвинительная рѣчь противъ Эратосѣена, преслѣдованію котораго подвергся при правленіи Тридцати братъ Лизія, Полемархъ. Она имѣетъ политическій характеръ, Лизій описываетъ въ ней

Лизій род. около 445, ум. 378. самыми черными красками правленіе Тридцати. Лизій написалъ нѣсколько сотъ рѣчей, или для произнесенія другимъ, или по надобностямъ своего преподаванія, для образца учащимся. До насъ дошло 35 его рѣчей и нѣсколько отрывковъ изъ другихъ. Языкъ его чистъ и ясенъ; нѣтъ у него утрированнаго пафоса; слогъ его простъ и граціозенъ, безъ лишнихъ украшеній, но нѣсколько сухъ и холоденъ; изложеніе наглядно, характеры обрисованы превосходно. Одна изъ лучшихъ его рѣчей — рѣчь противъ Агората, бывшаго доносчиковъ во время правленія Тридцати. Приписываемая, но быть можетъ, не принадлежащая ему надгробная рѣчь (Epitaphios) въ честь воиновъ, убитыхъ въ коринфской войнѣ, относится къ разряду „хвалебныхъ“ (панегириковъ), ставшихъ съ той поры очень употребительными у аѣнчанъ.

Послѣ пелопоннесской войны судьба греческихъ государствъ больше зависѣла отъ переговоровъ, чѣмъ отъ оружія, и слова были часто важнѣе дѣлъ. Это содѣйствовало улучшенію ораторскаго искусства. Такое же вліяніе на него имѣли другія обстоятельства. Мимика актеровъ усовершенствовалась, отъ этого улучшилась жестикуляція ораторовъ. Въ Аѣнахъ веденіе государственныхъ и судебныхъ дѣлъ основывалось на публичныхъ рѣчахъ; это было главною причиною того, что ораторское искусство развивалось тамъ, что заботы о приобрѣтеніи его становились все усерднѣе и усерднѣе. Особенно много содѣйствовалъ его усовершенствованію Исократъ, аѣнскій гражданинъ, чело- Дальнѣйшее развитие реторики.

Исократъ. 436—336. вѣкъ очень даровитый, получившій превосходное воспитаніе, пользовавшійся въ молодости наставленіями Горгія, другихъ софистовъ, Сократа; онъ обратилъ свои таланты и знанія на преподаваніе краснорѣчія, и учениками его были геніальные ораторы, дѣятельность которыхъ послужила на пользу и славу родинѣ. Но онъ важенъ лишь какъ воспитатель другихъ ораторовъ и писатель; онъ не имѣлъ смѣлости или способности принимать участіе въ политическихъ дѣлахъ. Его школа, привлекавшая многочисленныхъ учениковъ, была подобна, по выраженію Цицерона, троянскому коню, изъ котораго вышло много сильныхъ бойцовъ. Сначала онъ писалъ судебныя рѣчи для другихъ, но отказался и отъ этого. На вождей демократической партіи своего времени онъ смотрѣлъ съ гордымъ презрѣніемъ. Но хотя онъ и чуждался практической жизни, онъ писалъ рѣчи; и онѣ не были пустыми школьными образцами краснорѣчія, а имѣли своимъ назначеніемъ благотворно дѣйствовать на политическую жизнь Греціи, пробуждать истинный патріотизмъ. — Его дѣятельность ограничивалась, какъ мы сказали, школою, теоріею, литературными работами въ формѣ рѣчей. Въ дѣлахъ государства онъ участвовалъ лишь какъ честный гражданинъ, исполняющій свои обязанности. Между прочимъ, онъ не жалѣлъ расходовъ на то, чтобы блистательно исполнять обязанность тріэрарха (стран. 468 слѣд.); она часто возлагалась на него, потому что онъ былъ богатъ. Но, чуждаясь политической дѣятельности, онъ былъ горячій патріотъ.

Онъ поставилъ задачею своей жизни примирить грековъ, соединить ихъ въ одинъ народъ возбужденіемъ въ нихъ чувствъ братства, чтобъ они прекратили свои губительныя междоусобія и предприняли національную войну противъ персовъ. Говорятъ, что онъ, 98-лѣтній старикъ, услышавъ о пораженіи грековъ при Хероней, пересталъ ѣсть, умерилъ себя голодомъ, чтобы не пережить погибель греческой свободы. Но это преданіе плохо вяжется съ тѣмъ, что мы знаемъ о его отношеніяхъ къ борьбѣ грековъ за независимость. Онъ видѣлъ, что Аѣины его времени не имѣютъ силы возстановить свою прежнюю гегемонію. Потому онъ сочувствовалъ Филиппу; сохранялъ горячую симпатію къ нему и въ то время, когда для всѣхъ проникательныхъ людей уже ясно было его намѣреніе достигъ преобладанія въ Греціи. Потому очень можетъ быть, что Исократъ печалился, когда дѣло дошло до войны между Филиппомъ и его отечествомъ, которое искренно любилъ онъ; но исходъ этой войны едва ли могъ повергнуть его въ отчаяніе. — Исократъ превосходитъ всѣхъ прежнихъ и позднѣйшихъ греческихъ ораторовъ отдѣлкою слога, искуснымъ построеніемъ періодовъ, благозвучіемъ языка, привильностью плана рѣчей. Когда онъ знакомитъ читателей съ фактами и своими мыслями, слогъ его простъ, но становится возвышеннымъ, величественнымъ, блещетъ украшеніями; когда онъ хочетъ дѣйствовать на чувство читателей, тутъ у него является изобиліе риторическихъ фигуръ, вошедшихъ въ моду со времени Горгія, въ особенности антитезъ и созвучій. Правда, онъ не рѣдко приноситъ энергію и живость рѣчи въ жертву благозвучію и стройности періодовъ; форма для него важнѣе содержанія; иногда бываетъ у него замѣтно, что онъ употребилъ много труда на отдѣлку слога. Но высокое техническое достоинство, изящество языка, красота періодовъ, благозвучіе рѣчи, музыкальность ея, гармонія всѣхъ частей цѣлаго до мельчайшихъ подробностей, до каданса въ словахъ, — эти достоинства возбуждали удивленіе современниковъ и слѣдующихъ поколѣній.

До насъ дошли 21 рѣчь Исократа. Знаменитѣйшая изъ нихъ „Рѣчь въ похвалу аѣинянъ (Panegyrikos)“ мастерское произведеніе стилистики, надъ отдѣлкою котораго Исократъ работалъ, какъ говорятъ, десять лѣтъ. Но при всей патріотичности своего содержанія, при всей безукоризненности формы, эта рѣчь оставляетъ читателя холоднымъ. Она была прочтена Исократомъ грекамъ всѣхъ племенъ, собравшимся на праздникъ Олимпійскихъ игръ въ 380 году. Ея цѣлью было возбудить грековъ къ общей національной войнѣ противъ варваровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ доказать имъ, что гегемонія надъ Греціею, данная анталкидовымъ миромъ Спартѣ, должна принадлежать Аѣинамъ; онъ приводитъ мѣны и старинные рассказы, свидѣтельствующіе о давней важности значенія Аѣинъ. Близка къ этой рѣчи по основной мысли и подобна ей совершенствомъ формы другая торжественная рѣчь, дошедшая до насъ не вполне, Panathenaios, тоже прославляющая Аѣины. „Кипрская рѣчь“, написанная по желанію Никокла, царя Саламинскаго, сына Эвагора, доказываетъ, что подданные обязаны повиноваться государю. Говорятъ, что Никоклъ далъ Исократу за эту рѣчь 20

талантовъ. — Большая часть рѣчей Исократа — похвальные (панегирическія или паренетическія) рѣчи, написанныя какъ образцы для изученія правилъ краснорѣчія и вовсе не предназначавшіяся быть произнесенными. Къ числу ихъ принадлежитъ и знаменитая „рѣчь въ похвалу Еленѣ“. — Только шесть рѣчей имѣютъ своимъ предметомъ дѣйствительныя тяжбы, и вѣроятно были произнесены въ судѣ лицами, для которыхъ написаны. — Большою знаменитостію пользуется Агеорагитикос, въ похвалу государственнаго устройства, какимъ оно было по законамъ Солона, до Клизеновыхъ реформъ; понятія Исократа объ этомъ устройствѣ очень не точны; главнымъ государственнымъ учрежденіемъ того времени онъ считаетъ Ареопагъ; этимъ объясняется и заглавіе рѣчи. — Рѣчь о союзѣ (Symmachikos), написанная передъ войною аѣинянъ съ союзниками, о которой будемъ говорить дальше, или во время этой войны, имѣла цѣлью склонить аѣинянъ къ миру.

Исократъ имѣлъ очень сильное вліяніе на характеръ умственной жизни и литературу своего времени. Его преподаваніе правилъ ораторскаго искусства внушило аѣинянамъ такое высокое мнѣніе о пользѣ реторики, что занятія ею стали считаться необходимою подготовкой для политической, юридической или литературной дѣятельности; школы, въ которыхъ преподавалась она, сдѣлались важнѣйшими изъ всѣхъ училищъ; собственно въ нихъ стало вырабатываться господствующее направленіе вкуса. Потому всѣ литературныя произведенія этой эпохи имѣютъ риторическій характеръ. Реторика устанавливала законы и формы не только ораторскихъ рѣчей, но и всѣхъ литературныхъ произведеній, какъ логика опредѣляетъ законы мышленія. — Ученикомъ Исократа и Лизія былъ Изей. Этотъ ораторъ, родившійся въ эвбейскомъ городѣ Халкидѣ, поселился въ Аѣинахъ, подобно сво-

Изей
420—348. (?)

но раззорившейся фамилии. Онъ родился въ бѣдномъ семействѣ безпорядочной жизни, имѣвшемъ дурную репутацію. Въ молодости онъ былъ трагическимъ актеромъ, послѣ былъ секретаремъ (grammateus) у вліятельнаго демагога Эвбула. Игра на сценѣ научила его прекрасно произносить рѣчи; работая у Эвбула, онъ изучилъ законы и судебныя формы. Этимъ онъ проложилъ себѣ дорогу къ политической и дипломатической дѣятельности въ эпоху очень опасную для независимости Греціи. У него не достало силы устоять противъ подкупа; онъ сдѣлался усерднымъ приверженцемъ Филиппа, защитникомъ македонской политики. Это поставило его во враждебное отношеніе къ Демосѣену, вождю патріотической партіи, непримиримому противнику Филиппа. Талантами, краснорѣчіемъ Эсхинъ мало уступалъ Демосѣену, но не имѣлъ чистоты его характера, его патріотизма. Мы расскажем процессъ, который началъ Эсхинъ по поводу золотого вѣнка, даннаго аѳинскимъ народомъ въ награду Демосѣену. Потерпѣвъ неудачу въ этой борьбѣ, Эсхинъ принужденъ былъ покинуть Аттіку. Онъ поселился на Родосѣ; говорятъ, что онъ сдѣлался тамъ руководителемъ преподаванія въ знаменитой школѣ ораторскаго искусства, занимавшей, по своему направленію, средину между величественною аттической и цвѣтистою малоазійскою реторикою. Въ старости онъ переѣхалъ на Самосъ; тамъ и умеръ. — Эсхинъ былъ обязанъ своимъ ораторскимъ искусствомъ только природному таланту и великой школѣ общественной жизни; потому главными достоинствами его рѣчей были не изящество отдѣлки, не художественность формы, а живость и энергія. Онъ былъ мастеръ въ обрисовкѣ характеровъ, описаніи страстей и обстоятельствъ, очаровывалъ слушателей наглядностью и реальностью изложенія, искусною, одушевленною декламацией. «Когда Эсхинъ обращается къ чувству слушателей», говоритъ Шеферъ, «его рѣчь возвышается до патетической энергіи, получаетъ необыкновенную торжественность. Но въ величавыхъ, громогласныхъ словахъ замѣтенъ недостатокъ нравственнаго одушевленія; они оставляютъ насъ холодными, потому что въ нихъ нѣтъ правды». Кажется, что Эсхинъ рѣдко писалъ свои рѣчи; до насъ дошли только три. — Демосѣенъ былъ сынъ почтенныхъ родителей; отецъ его былъ оружейникъ и имѣлъ довольно хорошее состояніе. Но рано оставшись сиротою, Демосѣенъ былъ почти совершенно ограбленъ опекунами. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ началъ процессъ противъ этихъ безсовѣстныхъ людей; то былъ первый процессъ, который велъ онъ. При помощи Изея, котораго выбралъ своимъ совѣтникомъ, двадцатилѣтній юноша выигралъ дѣло. Но далеко не все отцовское состояніе было возвращено ему. Говорятъ, что первая его рѣчь въ народномъ собраніи имѣла менѣе успѣха. Голосъ у него былъ тогда не громкій, грудь была слабая, жестикуляція не имѣла изящества; — потому онъ не произвелъ хорошаго впечатлѣнія. Но если это извѣ-

Эсхинъ 390 —
314.

Демосѣенъ
384—322.

стіе справедливо, то неутомимымъ трудомъ онъ преодолѣлъ свои физическіе недостатки и приобрѣлъ изящныя манеры, которыхъ не дало ему плохое воспитаніе. Онъ сталъ усердно готовиться къ профессіи оратора, провелъ годы въ работѣ надъ собою. Говорятъ, что на цѣлые мѣсяцы онъ запирался въ подвалѣ, учась изяществу слога, хорошей декламации.

По извѣстіямъ древнихъ, его произношеніе было не чистое, онъ нѣсколько заикался, и подобно Алкивіаду не выговаривалъ звука Р, которымъ начинается названіе его искусства. Онъ одолѣлъ всѣ эти недостатки. Положивъ камешекъ въ ротъ, онъ приучалъ себя декламировать яснымъ, чистымъ произношеніемъ и достигъ того, что сталъ говорить хорошо, быстро. Грудь его была слабая, голосъ былъ тихій; чтобы приобрести сильный голосъ, онъ приучалъ себя громко и не переводя духа декламировать, прогуливаясь быстрымъ шагомъ, всходя на крутые холмы. Чтобы приобрести изящество ораторской жестикуляціи, онъ поставилъ у себя зеркало во весь ростъ и произносилъ рѣчи, наблюдая въ немъ свои движенія. Говорятъ, что на вопросъ о томъ, что необходимо всего оратору, онъ отвѣчалъ: во первыхъ, умѣнье хорошо произносить рѣчь, во вторыхъ — тоже, и въ третьихъ — тоже. Если это правда, то въ его отвѣтѣ вѣроятно было воспоминаніе о трудѣ, какого стоило ему приобрести хорошую декламацию. Онъ по цѣлымъ ночамъ работалъ надъ своими рѣчами, не подкрѣпляя себя виномъ; потому противники называли его въ насмѣшку человекомъ, который пьетъ одну воду, и говорили, что его рѣчи пахнутъ масломъ лампады, при которой работаетъ онъ. Учасъ ораторству, онъ усердно посѣщалъ суды, слушалъ лекціи преподавателей краснорѣчія и философовъ. Древніе писатели называютъ его ученикомъ Платона и Исократы. Его рѣчи показываютъ, что онъ усердными занятіями усвоилъ себѣ всѣ достоинства школы Исократы. Но изъ того еще не слѣдуетъ, что онъ учился у этого преподавателя. То, что онъ былъ ученикомъ Платона, безъ сомнѣнія вымыселъ, потому что въ рѣчахъ его нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ вліянія этого философа.

Труды Демосѣена увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Силою неутомимой воли онъ избавилъ себя отъ врожденныхъ физическихъ недостатковъ, и прекраснымъ произношеніемъ рѣчей превзошелъ всѣхъ ораторовъ своего времени, щедро надѣленныхъ отъ природы способностями къ тому. Благозвучіе его декламации, совершенная гармонія ея съ содержаніемъ рѣчи были увлекательны. Ему было 29 лѣтъ, когда онъ во второй разъ началъ свою общественную дѣятельность сдержанною по тону, богатою мыслями рѣчью противъ Лептина, предложившаго ограничить число причинъ, на основаніи которыхъ гражданамъ давалось освобожденіе отъ литургій (общественныхъ обязанностей, соединенныхъ съ расходами). Съ этой поры до того дня, когда онъ, 62-лѣтній старикъ, принялъ ядъ въ храмѣ Асклепія въ Калавріи, онъ былъ самымъ вліятельнымъ, самымъ уважаемымъ политическимъ и судебнымъ ораторомъ Аѳинъ. Никто другой не умѣлъ такъ возбуждать чувства, такъ убѣждать и увлекать слушателей. Въ

его живой декламации чередовались серьезность и ирония; простота и поэтическая возвышенность, сарказмы, шутки, остроты—все служило ему оружием. Его патриотизм, любовь к добру и правде внушали народу доверие к нему; а уметственное превосходство покоряло ему мысли их. Он умел так прекрасно группировать материал, придавал своим доводам такую очевидность, располагал их в таком искусном порядке, что изложение дѣла походило у него на картину, в которой правильно распределены свѣтъ и тѣнь; самыя запутанныя дѣла становятся в его изложении ясными, и он вперёд устраняет всѣ возможные сомнѣнія; слушатели убѣждались, что его мысли справедливы, и увлекались волшебною прелестью его рѣчи. Діонисій галикарнасскій говоритъ: «Его слогъ былъ величественный и вмѣстѣ простой, обильный, но не растянутый, своеобразный и однако же привычный всѣмъ, торжественный, но не прикрашенный, серьезный и вмѣстѣ граціозный, сжатый, но плавный, пріятный и вмѣстѣ настойчивый; будучи вѣрнымъ выраженіемъ души Демосѣена, его слова глубоко проникали въ душу слушателей». Притомъ же, Демосѣенъ необыкновенно хорошо изучилъ законы и исторію родины. — До насъ дошла 61 рѣчь Демосѣена; 16 изъ нихъ — политическія, 42 — судебныя, 2 эпидиктическія (торжественныя). Важнѣйшія изъ политическихъ — «Филиппики» (смотри ниже); подобно рѣчамъ Фукидида, котораго очень усердно изучалъ и, какъ говорятъ, нѣсколько разъ переписалъ Демосѣенъ, онъ вѣрно изображаютъ факты и мысли его эпохи, потому служатъ важнымъ источникомъ для исторіи его времени.

О политическихъ рѣчахъ Демосѣена мы будемъ говорить послѣ. Изъ судебныхъ особенно важны: рѣчи противъ Эсхина и противъ Лептина, рѣчь—противъ Мидіа; нѣкоторыя рѣчи, написанныя для другихъ, напримѣръ: рѣчь противъ Аристократа, рѣчь противъ Андротіона, и имѣющая связь съ нею превосходная рѣчь противъ Тимократа. — Мидій, богатый и наглый человѣкъ, имѣвшій личную вражду противъ Демосѣена, дѣлалъ ему много обидъ и наконецъ забылся до того, что на праздникъ Діонисій, на которомъ Демосѣенъ исполнялъ добровольно принятую на себя обязанность хорега, набросился съ кулаками на него, имѣвшаго на себѣ праздничную одежду и вѣнокъ, и побилъ его. Объ этомъ рассказываетъ прекрасная рѣчь противъ Мидіа; но кажется, что она не была произнесена, потому что Демосѣенъ отказался отъ намѣренія жаловаться, взявъ 30 минъ вознагражденія. Изъ рѣчей по процессамъ объ имуществѣ (δίκαι), рѣчи по процессу противъ опекуновъ сообщаютъ намъ исторію молодости Демосѣена и много свѣдѣній объ аѣнскихъ законахъ. Въ нихъ судебный процессъ проходитъ передъ нами какъ живая драма, будто мы сидимъ въ числѣ судей и должны рѣшить дѣло. Вообще, у Демосѣена нѣтъ праздныхъ словъ для красоты слога; его слова—удары остраго оружія, разсѣкающіе все, что противопоставляетъ имъ противникъ. Двѣ эпидиктическія рѣчи, приписанныя Демосѣену, обѣ подложны. Одна изъ нихъ—рѣчь въ честь аѣнянъ, павшихъ при Херонѣ, другая (похвальное слово Эпикрату) дидактическое разсужденіе о нравственности.

Демосѣенъ и Эсхинъ были вождями двухъ великихъ политическихъ партій во времена Филиппа; другіе ораторы примыкали къ политикѣ того или другого изъ нихъ. Демосѣена поддерживали Ликургъ и Гиперидъ; сторону

Эсхина держалъ Демадъ, даровитый, ловкій ораторъ, но человѣкъ легко-мысленный, безъ всякихъ нравственныхъ правилъ; отъ него не дошло до 323. Гиперидъ ум. 322. Демадъ ум. 319. Динархъ, уроженецъ Коринѣа, получившій воспитаніе въ Аѣнахъ. Его рѣчь противъ Демосѣена показываетъ, что онъ усвоилъ себѣ аттическій характеръ краснорѣчія. Ликургъ происходилъ отъ знатнаго рода Этеобутадовъ (стран. 68), былъ образованный человѣкъ, ученикъ Платона и Исократа. До насъ дошла одна рѣчь его (противъ Леократа, по трусости покинушаго Аѣны послѣ битвы при Херонѣ). Она показываетъ, что онъ былъ патриотъ возвышеннаго образа мыслей, но не имѣлъ большого ораторскаго таланта. Онъ приобрѣлъ общее уваженіе добросовѣстностью, съ какою исполнялъ разныя правительственныя должности, въ особенности безкорыстіемъ, съ какимъ управлялъ финансами, неутомимою заботливостью объ огражденіи безопасности государства и объ украшеніи Аѣны. Онъ умеръ бѣднякомъ. Аѣнскій народъ въ память о его заслугахъ постановилъ, что старшіе лѣтами изъ его потомковъ имѣютъ право обѣдать въ Пританѣ. — Гиперидъ, подобно Ликургу, былъ противникъ македонской партіи, патриотъ, одушевленный самоотверженною любовью къ свободѣ; но далеко уступалъ ему твердостью характера и нравственною чистотою. Съ Демосѣеномъ Гиперидъ былъ иногда въ дружбѣ, иногда въ ссорѣ. Онъ былъ преданъ мучительной смерти по приказанію македонскаго наместника Антипатра, въ томъ же самомъ году, когда отравилъ себя Демосѣенъ. Онъ написалъ много рѣчей; древніе хвалятъ ихъ силу, изящество ихъ слога, говорятъ, что порядокъ изложенія въ нихъ былъ хорошо обдуманъ. Мы до недавняго времени имѣли только небольшіе отрывки ихъ, но въ 1847 году англійскіе ученые Гаррисъ и Арденъ нашли на папирусахъ въ египетскихъ гробницахъ большіе отрывки трехъ его рѣчей и одну, сохранившуюся вполнѣ.

4. изящныя искусства.

Намъ представлялось много случаевъ видѣть, что изящныя искусства имѣли огромное значеніе въ культурной жизни греческаго народа. Мы видѣли, съ какимъ усердіемъ греки и въ колоніяхъ, и въ европейской Греціи, и въ Италіи, въ Сициліи строили великолѣпные храмы; мы говорили о храмахъ самосскомъ, аѣесскомъ, милетскомъ, дельфійскомъ, аргосскомъ, аѣнскихъ, нестумскомъ, акрагантскихъ; мы видѣли, что тиранны и республиканскія государства, по благочестію, по желанію выказать изящество своего вкуса, свое богатство, прославить свое имя, дѣлали драгоценныя и прекрасныя приношенія олимпійскому и дельфійскому храмамъ, ставили статуи и другія украшенія въ Олимпіи, Дельфахъ, на Истмѣ, въ другихъ мѣстахъ. Религія и богослуженіе у грековъ имѣли, какъ мы видѣли, самую тѣсную связь съ изящными искусствами; богослуженіе и искусство опирались другъ на друга, помогали другъ другу развиваться, становиться благороднѣе. Статуи, колонны, другія созданія искусствъ служили памятниками историческихъ событій, увѣковѣчивали побѣды въ битвахъ и въ гимнастическихъ состязаніяхъ. Всѣ эти произведенія искусства, о которыхъ часто приходилось намъ говорить—великія

Значеніе изящныхъ искусствъ въ жизни.

боговъ дѣлался художниками жреческаго сословія или подъ надзоромъ жрецовъ, по священнымъ образцамъ или по преданіямъ о томъ, какую форму должно давать фигурамъ; потому они далеки отъ свободы и человѣческой красоты позднѣйшихъ статуй. Первоначально это были грубыя изображенія, вырѣзанныя изъ дерева; на нихъ надѣвали одежду, чтобы придать имъ величавый видъ; потомъ стали покрывать дерево золотомъ, слоновою костью, или разрисовывать. По глубокому благоговѣнію грековъ къ религіозной старинѣ, художники давали статуямъ тѣ позы и формы, какія были даны древнимъ образцамъ и освящены преданіемъ. Это были позы неподвижности, безстрастнаго спокойствія, — тѣ самыя, какія давали своимъ богамъ восточные народы. Будемъ ли мы или не будемъ принимать мнѣніе, что въ европейской Греціи существовали восточныя колоніи (стран. 36 слѣд.), но трудно сомнѣваться въ томъ, что вліяніе египтянъ и азіатскихъ народовъ достигало Греціи, распространяясь на нее черезъ Критъ, Родосъ, Самосъ, гдѣ и возникла первоначальная греческая пластика; это такъ же трудно отрицать, какъ и вліяніе финикянъ на другія стороны греческой культуры. По преданіямъ, первобытнымъ отечествомъ греческаго искусства былъ Критъ. Дедалъ, миеническій представитель всѣхъ отраслей искусства, строитель великихъ сооружений миеническаго времени и ваятель, вырѣзывавшій изъ дерева древнѣйшія изображенія боговъ, члѣнныя всѣми корпораціями греческихъ художниковъ, какъ основатель и покровитель ихъ, дѣйствовалъ первоначально на Критѣ; оттуда онъ перенесся въ Атику или, по другимъ, къ итальянскимъ и сицилійскимъ грекамъ. Дипентъ и Скиллідъ, легендарные основатели пластическаго искусства въ Пелопоннесѣ, тоже были критяне. На Самосѣ и Хиосѣ развилось искусство дѣлать металлическія статуи. Въ глубокой древности славилась металлическими статуями халкидяне; они чеканили изъ мѣди молотомъ куски статуй, потомъ соединяли эти куски скобками и гвоздями. Но начало улучшенію пластика было положено хиосскими и самосскими художниками. Главѣ хиосскій изобрѣлъ искусство соединять мѣдныя части изображенія паяніемъ, вливать въ промежутки ихъ расплавленный металлъ, который, когда остынетъ, прочно связываетъ ихъ въ одно сплошное цѣлое. Самосскіе художники Рекъ, Θεодоръ и Телеклъ нашли способы дѣлать статуи посредствомъ литейнаго искусства; вливая въ глиняныя формы расплавленный металлъ, они стали изготовлять прочныя статуи для украшенія улицъ и площадей. На Хиосѣ ваятель Меласъ сталъ дѣлать статуи изъ мрамора. Съ этихъ изобрѣтеній начинается высокое развитіе греческой пластики. Самосская школа искусства, центромъ дѣятельности которой былъ храмъ Геры, сооруженный на Самосѣ, скоро распространилась по всей Греціи. Зданіе для концертовъ (Skias) въ Спартѣ было построено Θεодоромъ самосскимъ. Но особенно быстро укоренилось самосское литейное искусство на Эгинѣ; тамъ давно было много художниковъ и, со времени Смилида, существовало самостоятельное направленіе пластики. Какъ у эпическихъ поэтовъ около какого нибудь знаменитаго руководителя собирався кружокъ учениковъ и образовалась школа, такъ было и въ пластическомъ искусствѣ. Этотъ обычай много содѣйствовалъ тому, что въ греческой пластикѣ упрочился опредѣленный стиль: группируясь около наставника, молодые художники пріобрѣтали отъ него, вмѣстѣ съ техническими пріемами искусства, и его художественныя понятія. Пока эти корпораціи художниковъ существовали только въ малозійскихъ колоніяхъ и пока пластика сохраняла исключительно религіозный характеръ, художники не отваживались отступать отъ завѣщанныхъ формъ, измѣнять очертанія, имѣвшія символическое значеніе; владычество преданія поддерживалось и тѣмъ, что техника была еще очень слаба. Пластика стала освобождаться отъ свя-

щенныхъ формъ, лишь когда возникли школы художниковъ въ европейской Греціи — въ Сикіонѣ, въ Аргосѣ, на Эгинѣ — и когда вошло въ обычай ставить статуи въ честь побѣдителей на олимпійскихъ играхъ: задачей художника, дѣлавшаго статую побѣдителя на играхъ, было какъ можно болѣе вѣрное воспроизведеніе формъ нагого человѣческаго тѣла, прекраснѣйшаго и блороднѣйшаго созданія природы. — Главнымъ центромъ литейнаго искусства въ европейской Греціи былъ первоначально Сикіонъ. Тамъ въ годы передъ персидскими войнами и въ эпоху этихъ войнъ жилъ Канакъ, около котораго группировалась многочисленная школа художниковъ, имѣвшая своихъ послѣдователей и въ Коринѣ, который издавна славился гончарнымъ искусствомъ, живописью, литейнымъ дѣломъ. — Въ Афинахъ Аргосъ. Агеладъ, между Критій и Несіотъ сдѣлалъ статуи Гармодія и Аристокитона. — Еще гораздо важнѣе сикіонской была аргосская школа Агелада, учениками котораго были величайшіе художники слѣдующаго періода, Миронъ, Фидій, Поликлетъ. Важное значеніе имѣли и эгинскіе художники Каллонъ и Онатъ; объ ихъ искусствѣ даютъ намъ понятіе уцѣлѣвшія группы мраморныхъ статуй; нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ, по предположенію археологовъ, Онату.

Эти знаменитыя эгинскія статуи даютъ намъ возможность судить объ отношеніяхъ древнѣйшей греческой скульптуры къ восточной. Онѣ украшали собою фронтоны эгинскаго храма Афины и представляютъ сцены изъ троянской войны. Это двѣ группы сражающихся воиновъ; каждая дѣлится на двѣ половины; средину и въ той и въ другой сценѣ занимаетъ колоссальное изображеніе Афины, въ длинной широкой одеждѣ, въ шлемѣ, съ копьемъ и щитомъ; по одну сторону ея находились въ каждой группѣ пять троянцевъ, по другую пять ахейцевъ. Богиня изображена въ неподвижной позѣ, лицо ея безжизненно; группы воиновъ расположены по обѣ стороны ея совершенно симметрически; выраженіе лица у всѣхъ воиновъ одинаковое, неподвижное, типическое; полова у всѣхъ тоже лежатъ одинаково; все это напоминаетъ египетскую скульптуру. Но формы фигуръ представляютъ вѣрное подражаніе природѣ и показываютъ, что греческіе художники ужъ пріобрѣтали искусство свободно и хорошо воспроизводить прекрасныя фигуры мужчинъ, которыя постоянно видѣли на гимнастическихъ упражненіяхъ. Статуя Деметры, сдѣланная Онатомъ для храма въ аркадомъ городѣ Фигаліи, показывала, судя по свидѣтельству древнихъ писателей, что художникъ освободился отъ стѣсненій жреческаго преданія и облагородилъ образъ богини по вдохновенію своей фантазіи.

Пластика въ концѣ этого періода только еще приближалась къ высокому развитію, архитектура ужъ получила его; она ужъ пріобрѣла ту „симметрію“, ту благородную гармонію всѣхъ частей цѣлаго, которою дивятся намъ греческія зданія и въ развалинахъ своихъ. Простота и скромность республиканской жизни не допускала великолѣпія въ постройкѣ домовъ; царскихъ дворцовъ не было; потому архитектура выказывала свои художественныя силы у грековъ только въ постройкѣ общественныхъ зданій (театровъ, правительственныхъ дворцовъ, городскихъ воротъ, крытыхъ колоннадъ), въ сооруженіи памятниковъ, и, особенно, храмовъ. Создавая храмы, всѣ части которыхъ находились въ строгой пропорціональности, образовали гармоническое цѣлое, производившее своими очертаніями успокоительное и торжественное впечатлѣніе, давая наглядное выраженіе священной идеѣ мѣры и закона, очаровывая взглядъ благородствомъ формъ, греческая архитектура проявляла въ этихъ сооруженіяхъ все свое величіе. Основною формою греческаго храма былъ домъ, окруженный крытыми колоннадами. Домъ божества, сіяющій золотомъ, имѣлъ фигуру продолговатаго четырехугольника; по всѣмъ четыремъ сторонамъ его шли крытыя колоннады, на которыхъ покоилась и кровля храма; передъ святилищемъ хра-

Сикіонъ.
Канакъ около 500.
Агеладъ, между 520 и 480.
Каллонъ около 500—460.
Онатъ около 468.

Эгинскія статуи.

Архитектура.

ма находился аванзалъ съ жертвенникомъ; само святилище было невелико. Между архитравомъ (epistylon), лежавшимъ на колоннахъ, и карнизомъ кровли находился фризь, бывший главнымъ помѣщеніемъ рельефныхъ изображеній; въ архитектурѣ дорійскаго стиля фризь образовали триглифы, выступавшіе впередъ, и уступы между триглифами, метоны, украшенные рельефами. Греки не имѣли храмовъ изсѣченныхъ въ скалахъ, какіе были на востокѣ. Греческій храмъ, окруженный колоннадами, стоялъ на фундаментахъ и образовалъ зданіе, совершенно отдѣльное, открытое взгляду со всѣхъ сторонъ, былъ вполне сооруженіемъ челоѣка, самобытнымъ созданимъ его. Стройныя колонны, поддерживающія кровлю, производили свѣтлое, отрадное впечатлѣніе легкостью своихъ очертаній. Храмы, опоясанные крытыми колоннадами со всѣхъ сторонъ, назывались периптерическими (окруженными перистилемъ). Другіе храмы имѣли только колоннаду со стороны входа, antis, портикъ.

Стили колоннъ. Греческая колонна имѣетъ цилиндрическій стержень, снизу къверху нѣсколько утончающійся; въ лучшій періодъ онъ имѣлъ желобчатые выемки (каннелюры); позднѣе, бывалъ и гладкій. Стержень колоннъ іонійскаго и коринтскаго стилей стоитъ на базисѣ; стержень дорійской колонны прямо на полу фундамента. Въ позднѣйшія времена колонны часто стояли на квадратномъ пьедесталѣ. Но самую характеристическую часть колонны составляетъ капитель. Въ древнѣйшемъ греческомъ стилѣ, дорійскомъ, капитель имѣетъ очень простую конструкцию, безъ всякихъ украшеній; характеръ дорійской капители — строгость формы и сила. Эту капитель образуютъ толстая квадратная плита (абакъ) и круглое утолщеніе стержня колонны подъ этою плитою (подушка, эхинъ). Дорійская колонна выражала собою идею подпоры, и только; ничего посторонняго этой идее не допускала ея форма. Капитель іонійской колонны имѣла красивые завитки: эта колонна выражала сочетаніе силы съ граціозностью. И завитки и подушки іонійской колонны представляютъ искусственныя формы, профиль ея капители не объясняется простою идеею опоры. Еще богаче украшеніями коринтская колонна; капитель ея, подобно капителямъ египетскихъ колоннъ, имѣетъ форму чашечки цвѣтка, расширяющейся къверху и украшенной листьями. Форма листьевъ была подражаніемъ листьямъ аканта. «Существенное отношеніе между тремя греческими стилями можетъ быть опредѣлено такъ», говоритъ Шназе: «въ дорійскомъ преобладаютъ простота и строгость формы, въ іонійскомъ краснота и нѣжность, въ коринтскомъ легкость и богатство украшеній. Дорійская колонна крѣпка и массивна, какъ сильный воинъ, іонійская стройна, какъ вполне развитая женщина, коринтская легка и граціозна, какъ дѣвушка».

2-й періодъ. **2. Періодъ возвышеннаго стиля.** Искусство стало быстро развиваться, когда центромъ художественной дѣятельности греческаго народа сдѣлались Аѣны, когда Периклъ началъ сооружать тѣ великолѣпныя зданія, о которыхъ мы говорили (стр. 17 слѣд.). Надъ ними работало множество архитекторовъ, скульпторовъ, живописцевъ и другихъ художниковъ, работали огромныя массы кузнецовъ, каменщиковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, рѣзчиковъ по слоновой кости, рѣзчиковъ по дереву. Изъ Аѣнъ благородное соперничество въ любви къ искусству распространилось по всей Греціи; каждое государство, каждый городъ стремились не отстать отъ другихъ въ заботахъ о своемъ украшеніи созданіями изящныхъ искусствъ. Въ тѣ времена каждый гражданинъ считалъ своею личною честью величіе и славу своего города; тогда жило то поколѣніе, которому удивлялся Демосѣенъ, говорящій въ Третьей оливейской рѣчи: „Наши предки соорудили такіе великолѣпныя храмы, принесли въ даръ богамъ такіа превосходныя произведенія искусства, что потомкамъ не осталось возможности превзойти ихъ. А въ частной жизни были они такъ умѣренны и скромны, что дома

Мильтиада и Аристиды были не лучше жилищъ ихъ сосѣдовъ. Теперь правители государства стали изъ бѣдняковъ богачами, и многіе между ними построили себѣ дома великолѣпнѣе общественныхъ зданій». Способность аѣнянъ къ многосторонней художественной дѣятельности выказалась уже и во времена персидскихъ войнъ; представителемъ ея явился тогда Каламидъ. Черезъ нѣсколько десятилетій дѣтъ пользовался громкою славой аѣнскій художникъ Миронъ, уроженецъ аттического мѣстечка Элевѣеръ, дѣлавшій превосходныя бронзовыя, мраморныя и деревянные статуи, очень вѣрный подражатель природы, глубоко понимавшій характеры животныхъ, изучившій челоѣческую жизнь во всемъ ея разнообразіи. Его статуи, изображавшія животныхъ, и въ особенности его бронзовая корова съ теленкомъ, сосущимъ ее, — группа, прославленная многими поэтами, — его „Марсій“, находящійся теперь въ Латеранѣ, его „Атлетъ, бросающій дискъ“ и его „Гераклъ“ принадлежали къ числу знаменитѣйшихъ произведеній греческаго ваянія. — Но душою величественной художественной дѣятельности этого періода былъ Фидій, другъ Перикла, смягчившій и въ архитектурѣ и въ пластикѣ прежнюю суровую строгость формы, превратившій ее въ возвышенную и вмѣстѣ граціозную красоту. Мы уже говорили о его жизни и о томъ, что онъ умеръ въ темницѣ (стр. 552, 595). Современники и потомки прославляли его колоссальныя статуи боговъ, сдѣланныя изъ золота и слоновой кости. Знаменитѣйшимъ произведеніемъ его была статуя Зевса олимпійскаго. На лицѣ Зевса было выраженіе такого всемогущества и милосердія, величія и спокойствія, что видъ его, по словамъ древнихъ писателей, избавлялъ душу отъ печали, заставлялъ забывать всѣ страданія. Преданіе говоритъ, что царь неба самъ явился въ этомъ видѣ художнику. У грековъ была поговорка, что несчастливъ тотъ, кому не удалось хоть разъ взглянуть на эту статую.

1. Зевсъ олимпійскій.

Въ своемъ подробномъ описаніи храма Зевса олимпійскаго Павзаній описываетъ и эту статую Зевса (V, 10, 11); мы привели существеннѣйшія черты ея разказа (стр. 21). Зевсъ былъ изображенъ сидящимъ на престолѣ; голова его была украшена оливковымъ вѣнкомъ. На правой рукѣ держалъ онъ статую богини побѣды (Nike), сдѣланную изъ золота и слоновой кости, въ лѣвой онъ держалъ великолѣпный скипетръ, сдѣланный изъ разныхъ металловъ. Обувь и одежда его были золотыя; одежда была украшена изображеніями животныхъ и цвѣтовъ, особенно лилій. Престолъ былъ сдѣланъ тоже изъ золота и слоновой кости и украшенъ драгоценными камнями. На сѣмъ, подъ ногами Зевса были изваяны золотые рельефы, изображавшіе львовъ и битву Тезея съ амазонками. Высота статуи отъ основанія до вершины головы составляла 60 футовъ. — Зевсъ былъ изображенъ Фидіемъ сообразно тому представленію, какое даетъ о немъ эпизодъ Илиады, разсказывающій, что онъ выразилъ легкимъ наклоненіемъ головы согласіе на просьбу Ѡетиды, и отъ движенія его кудрей потрились высоты Олимпа (стр. 86).

Статую Зевса олимпійскаго Фидій установилъ въ мысляхъ грековъ черты царя боговъ въ его всемогуществѣ и милосердіи; своими двумя статуями Паллады онъ установилъ въ ихъ мысляхъ образъ свѣтлой и величественной богини-дѣвы, покровительницы мирныхъ занятій, защитницы отъ враговъ. Какъ покровительницу мирныхъ занятій, богиню городской жизни и умственной дѣятельности, изображала ее колоссальная статуя, сдѣланная изъ золота и слоновой кости и поставленная въ Парѣнонѣ. Эта „Аѣна - Дѣва“, Athena Parthenos, держала на простертой рукѣ изображеніе богини побѣды. Раньше того Фидіемъ была сдѣлана колоссальная бронзовая статуя, изображавшая богиню какъ защитницу отъ враговъ, Athena Promachos; она стояла между Пропилеями и Парѣономъ (стр. 18).

2. Статуя Паллады.

Алкменъ
умеръ около
402. Агора-
критъ.

Фидій и его современники имѣютъ въ исторіи греческихъ религіозныхъ понятій то высокое значеніе, что, подобно Гомеру и Гезіоду, установили черты представленій о богахъ; религіозные идеалы, созданные ими, остались типическими основаніями для всѣхъ образовъ божествъ, какіе были создаваемы искусствомъ слѣдующихъ временъ. Греческіе художники навсегда остались вѣрны идеаламъ Фидія; никогда не представляли они боговъ волнующими какою нибудь страстью, никогда не придавали имъ грубаго чувственнаго выраженія. Нравственное достоинство и спокойствіе души навсегда остались характеристическими чертами греческихъ божествъ. — Въ томъ же духѣ, какъ созданы были Фидіемъ идеальные образы Зевса и Паллады, ученики его Алкменъ и Агоракритъ паросскій создали идеалы другихъ божествъ и въ особенности Афродиты. Когда аѳиняне отдали предпочтеніе Афродитѣ Алкмена, Агоракритъ передѣлалъ свою статую этой богини въ изображеніе Немезиды и поставилъ его въ храмъ ея, находившемся въ Рамнунтѣ. Кромѣ Афродиты, Алкменъ сдѣлалъ изображенія еще нѣсколькихъ божествъ, возбуждавшія удивленіе опредѣленностью и тонкостью характеристики ихъ. Въ особенности славилась его статуя Гефеста и Асклепія. — Агоракритъ считался любимымъ ученикомъ Фидія; главное его достоинство состояло въ вѣрности стилю Фидія; самостоятельнаго творчества у него было мало. Онъ тоже сдѣлалъ статую Зевса, но придалъ ему такое мрачное выраженіе, что эта статуя казалась Страбону изображеніемъ Гадеса.

Паренонскіе
изваянія (Эль-
гиновы мраморы).

Фидіемъ, или подъ его руководствомъ его учениками, были сдѣланы превосходныя изваянія, украшавшія Паренонъ (стр. 17 слѣд.). Многія изъ нихъ болѣе или менѣе хорошо сохранились и находятся теперь въ Британскомъ музеѣ. На восточномъ фронтонѣ стояла группа, изображавшая рожденіе Паллады, на западномъ — группа, представлявшая споръ ея съ Посейдономъ о томъ, кому изъ нихъ должно принадлежать покровительство надъ Аттикой. На метопахъ были рельефы, изображавшіе битвы кентавровъ съ лапентами, а на фризѣ была изображена процессія Панатенейскаго праздника: дѣвушки въ длинныхъ одеждахъ, несущія жертвенные сосуды, молодые люди на коняхъ и на колесницахъ, жрецы; сидящіе божества, ожидающія прибытія процессіи и проч. Сочетаніе строгости стили и архитектурныхъ условій съ естественностью и свѣжестью фигуръ, наивность и серьезность ихъ придаютъ этимъ рельефамъ характеръ возвышенности. Сравнивая ихъ съ изваяніями предшествовавшего времени, должно удивляться живости фигуръ на нихъ. Онѣ — воспроизведеніе свободныхъ движеній людей; всѣ характеры выражены въ нихъ съ величайшею простотою и наивною; всѣ движенія непринужденны и граціозны, всѣ подробности каждой позы вѣрны природѣ. Пластика тутъ вполне освободилась отъ неподвижной симметричности и жесткости давней старины. Это — прекрасная середина между типичностью прежняго стили и полною индивидуальностью познѣйшаго. — Таковы же стили рельефовъ Фигалійскаго храма, также находящихся въ Британскомъ музеѣ (стр. 20). Въ нихъ видно внимательное изученіе аѳинскихъ образцовъ; но чувство красоты формъ далеко не имѣетъ такой вѣрности; проявляется любовь къ изображенію чрезмѣрно порывистыхъ движеній, въ драпировкѣ есть складки слишкомъ жесткія или какъ будто закрученные вѣтромъ, и общій характеръ изображенныхъ сценъ рѣзкій.

Фигалійскіе
рельефы.

Поликлетъ око-
ло 430.

Изваянія Олимпійскаго храма, сдѣланныя въ 460 — 450 годахъ, образовали переходъ къ болѣе натуралистическому направленію въ изображеніи божествъ, получившему полнѣйшее свое развитіе въ Пелопоннесѣ. Главою этой школы былъ младшій современникъ Фидія, Поликлетъ Аргосскій, талантъ котораго имѣлъ сильнѣйшее своею стороною не созданіе идеаловъ, а неподражаемое совершенство въ изображеніи красоты человѣческаго

тѣла. Особенно любилъ Поликлетъ изображать прекрасныя фигуры юношей, развитыя гимнастикою, стройныя и эластичныя. Знаменитѣйшія его произведенія представляли такихъ юношей; на примѣръ, славился его „Копьеносецъ“ (Doryphoros), еще болѣе славился: „Повязывающійся“ (Diadumenos), юноша съ нѣжными формами тѣла, завязывающій повязку на головѣ, и „Очищающійся“ (Arochomenos), атлетъ, очищающій тѣло отъ песка палестры лопаточкою, кака я употреблялась для этого у грековъ. Одна изъ статуй Поликлета, изображавшая юношу, называлась „нормою“ (kanon), потому что пропорціи ея частей представляли норму правильно развитаго тѣлосложенія молодого человѣка. Только уже въ пожилыхъ лѣтахъ Поликлетъ создалъ идеальное изображеніе, которое получило важное значеніе. Это была колоссальная фигура Геры, сдѣланная изъ золота и слоновой кости и поставленная въ аргосскомъ храмѣ этой богини. Кажется, что представленія о Герѣ сложились съ этой статуею навсегда. Подобно Зевсу олимпійскому Гера была изображена сидящею, на головѣ у ней былъ вѣнецъ, украшенный изображеніями богинь порядка (Горы) и Харитъ; въ одной рукѣ она держала гранатовое яблоко, въ другой — скипетръ. „Прежде полагали“, говоритъ Любке, „что колоссальная мраморная голова Геры, находящаяся въ Римѣ, въ виллѣ Людовизи, принадлежитъ статуѣ, бывшей вѣрнымъ воспроизведеніемъ статуи Поликлета. Правда, въ чертахъ лица этой головы превосходно соединено величіе супруги царя боговъ, Зевса, съ женскою граціозностью. Но при внимательномъ изученіи мы видимъ, что это копія съ произведенія временъ гораздо болѣе позднихъ; для эпохи Поликлета, черты ея слишкомъ нѣжны, выраженіе слишкомъ любезно. Гера Поликлета должна имѣть черты болѣе строгія, болѣе соответствовать общему характеру пелопоннесской скульптуры того періода. Должно полагать, что голова Геры, находящаяся въ Неаполитанскомъ музеѣ ближе всѣхъ другихъ изображеній этой богини передаетъ характеръ статуи Поликлета.“ — Пелопоннесская школа вообще стремилась къ вѣрности природѣ и къ эффектности; древніе писатели то съ похвалою, то съ порицаніемъ говорятъ, что такими качествами отличались произведенія Каллимаха и Деметрія. Развитію искусства въ этомъ направленіи много содѣйствовалъ довольно рано возникшій и быстро усиливавшійся обычай ставить статуи въ честь замѣчательныхъ людей; ихъ статуи были портретами.

Каллимахъ
около 410.
Деметрій послѣ
400.

Скульптура постепенно переходила отъ созданія идеаловъ божественнаго величія къ воспроизведенію людей, и періодъ возвышеннаго стили смѣнился періодомъ прекраснаго; прекрасный стиль получилъ въ эпоху гибели независимости Греціи новыя черты; достоинство произведеній пластики оставалось еще высоко и въ этомъ познѣйшемъ періодѣ: являлись превосходныя созданія ея, не только во времена Александра македонскаго, но и послѣ. — Какъ въ литературѣ и въ жизни, такъ и въ искусствѣ спокойствіе, сдержанность замѣнились волненіемъ, страстностью; искусство, подобно поэзіи, стало раскрывать сокровенную жизнь души, изображать чувства, дремавшія прежде; греческая національность стала утрачивать прежнюю свою исключительность, пріобрѣтать общечеловѣческій характеръ. Стремленіе изображать волненія чувствъ дошло наконецъ до преувеличенія и превратилось въ изысканность. — Одно изъ великихъ произведеній третьяго періода скульптуры — группа Ніобы, находящаяся теперь во Флоренціи, и приписываемая одними изслѣдователями Праксителю ¹⁾, другими Скопасу. Пракситель аѳинскій, Скопасъ паросскій и Лизиппъ сикіонскій были величайшими художниками этого періода.

3-й періодъ.

¹⁾ Въ греческой «Антологіи» есть эпиграмма, свидѣтельствующая, что существовала

Группа Ниобы — Группа, изображающая Ниобу и ее детей, одно из прекраснейших созданий человеческого искусства, представляет тот момент, когда стрелы оскорбленных Аполлона и Артемиды начали поражать детей Ниобы (стр. 68): некоторые уже ранили стрелы, другим они грозят. Младшая дочь хочет укрыться от стрел в объятиях матери, другие дети с ужасом ожидают гибели; один из сыновей уже повергнут стрелой на землю. Очевидно, эта группа упрасала собою фронтон; самая высокая фигура, мать, стояла по средине. Группа навѣвает трагическое чувство, производимое мыслью, что прекраснѣйшее на землѣ наиболѣе возбуждаетъ противъ себя гнѣвъ боговъ, что оно обречено на гибель.

Скопась около 360. Скопась, жившій въ Афинахъ, и младшій его современникъ Пракситель, были основателями новой аттической школы искусства. Предметы своихъ статуй Скопась бралъ чаще всего изъ представлений о Діонисѣ, Афродитѣ и о божествахъ моря, то есть, изъ представлений, господствующими элементами которыхъ были нѣжность, чувство, страсть.

Произведения его. Однимъ изъ знаменитѣйшихъ произведений Скопаса была группа, изображавшая морскія божества, везущія Ахиллеса на островъ Левку; въ ней граціозная нѣжность, гордая сила, божественная возвышенность и геройское величіе соединялись въ одно прекрасное гармоническое цѣлое. Плиній говоритъ, что если бы художникъ во всю жизнь создалъ только одно произведение, но такое, какъ эта группа, онъ достаточно сдѣлалъ бы для своей славы. Знамениты были и статуи Скопаса, изображавшія Аполлона, играющаго на лирѣ (китаредѣ). — Знаменитая Афродита Милосская, найденная въ 1820 на островѣ Мило, древнемъ Мелосѣ, и находящаяся въ Луврѣ, принадлежит не Скопасу, какъ полагали нѣкоторые; она — произведение аттической скульптуры времени болѣе раннихъ, эпохи Фидія и Алкамена. Она драпирована до пояса и изображена стоящею спокойно; выраженіе лица ея исполнено граціозности и достоинства, въ глазахъ у ней выраженіе страстного томленья.

Пракситель около 330. Еще рѣшительнѣе вступилъ на путь свободной, граціозной естественности Пракситель, который былъ годами тридцатью моложе Скопаса. Любимыми предметами его изображеній были радостныя и нѣжныя божества: богиня любви Афродита, которую онъ первый сталъ изображать безъ всякой драпировки, въ очаровательнѣйшемъ сіяніи красоты; Эросъ; увѣнчанный плющемъ, мечтающій о наслажденіи Діонисъ. Пракситель далъ представленіямъ объ этихъ божествахъ тотъ характеръ, который сохранили они навсегда. Точно также онъ установилъ представленія о Силенѣ и Сатирахъ (фавнахъ), спутникахъ Діониса, олицетвореніяхъ чувственного удовольствія.

Статуи Афродиты (Венеры). Знаменитѣйшими изъ статуй Праксителя, изображавшихъ Афродиту (Венеру), были: драпированная Косская и нагая Книдская. Храмъ Афродиты въ Книдѣ находился въ саду, на высокой мѣстности. Когда въ этомъ храмѣ была поставлена статуя Праксителя, туда стали собираться толпы посѣтителей. — Прекраснѣйшее изъ сохранившихся подраженій этой статуи — мраморная статуя, находящаяся въ Мюнхенской галлереѣ. Она была найдена въ Италіи. Знаменитая Венера медийская (находящаяся во Флоренціи) не произведение Праксителя; она принадлежит болѣе позднему времени. Онъ изобразилъ и Аполлона въ нѣжной формѣ представленія о немъ, какъ объ Аполлонѣ, статуя Ниобы работы Праксителя. Эта эпитафия говоритъ: «Боги превратили меня живую въ камень; теперь Пракситель далъ мнѣ, каменной, жизнь и душу».

убивающемъ ящерицу (Apollon sauroktonos). — Въ изображеніяхъ божествъ у Пракса-Apollon sauroktonos. теля отброшена идея строгаго религіознаго величія. Но греческая граціозность, изящное нравственное чувство, соединившееся у грековъ съ идеею прекраснаго, сообщаютъ этимъ идеаламъ красоты благородство и возвышенность, возбуждаютъ восторгъ. — Къ числу прекраснѣйшихъ произведеній Праксителя принадлежит найденная недавно въ олимпійскомъ храмѣ Геры статуя: «Гермесъ, несущій Діониса — малютку».

Изъ другихъ художниковъ новой аттической школы знаменитѣйшими были: Леохаръ (однимъ изъ произведеній котораго былъ Ганимедъ, уносимый орломъ), Поликлъ (установившій въ пластикѣ представленіе о гермафродитѣ) и Силаніонъ. У нихъ всѣхъ проявляется стремленіе къ изображенію чувственного и эффектнаго. Очень знаменита была бронзовая статуя Силаніона, изображавшая умирающую Іокасту; древніе писатели говорятъ, что, выраженіе агоніи на лицѣ Іокасты производило очень трогательное дѣйствіе. Вѣроятно кому нибудь изъ художниковъ новой аттической школы принадлежит знаменитый памятникъ Нерейдѣ, находившійся въ ликійскомъ городѣ Ксанѣ, и называвшійся прежде памятникомъ Гарпага; это памятникъ, поставленный въ память о побѣдѣ; онъ опоясанъ четырьмя полосами фриза съ рельефами. — Лучшія произведенія Скопаса и Праксителя были мраморныя; Лизиппъ сикіонскій наиболѣе славился тѣми своими статуями, которыя были бронзовыя. Онъ стремился достигнуть совершенства въ изображеніи разныхъ формъ человѣческой красоты, и для этого внимательно изучалъ нагихъ людей; но изображаемыхъ имъ людей онъ умѣлъ идеализировать. Кажется, и онъ и его современникъ Эвфраноръ истинскій, знаменитый своими мраморными и бронзовыми статуями, знаменитый и какъ живописецъ, особенно любили изображать стройность сильнаго тѣла атлетовъ и героев. — Изъ произведеній Лизиппа были особенно знамениты: колоссальная статуя Зевса, находившаяся въ Тарентѣ; статуя Геракла въ Коринѣ (Геркулесъ фарнезскій, въ спокойной позѣ опирающійся на стволъ дерева, быть можетъ копія съ этой статуи); атлетъ, очищающій съ себя песокъ (Апахуоменос; мраморная копія этой статуи находится въ Ватиканѣ); сидящій Аресъ (въ Виллѣ Людовизи); колесница Геліоса, запряженная четырьмя конями (эти кони были чрезвычайно хороши; и вообще Лизиппъ славился изображеніемъ коней; его статуи всадниковъ принадлежали къ лучшимъ его произведеніямъ). Но въ особенности знаменитъ онъ былъ своими статуями, изображавшими Александра Македонскаго. Онъ умѣлъ давать хорошій видъ даже физическимъ недостаткамъ Александра, — на примѣръ, искривленность шеи Александра гармонировала у него съ величавостью фигуры; потому Александръ не позволялъ никому кромѣ Лизиппа дѣлать его статуи, какъ никому, кромѣ Апеллеса, не позволялъ рисовать его портреты и никому, кромѣ Пирголета, вырѣзывать его изображенія на камняхъ.

Въ произведеніяхъ этихъ художниковъ пластика достигла высочайшей ступени развитія, на которой она, кажется, оставалась долѣе, нежели литература: впрочемъ въ позднѣйшія времена этого высокаго состоянія искусства, художники вообще держались прежнихъ образцовъ, не создавали ничего новаго по основной мысли: только техника сохраняла у нихъ прежнее совершенство. Во времена преемниковъ Александра Македонскаго (діадоховъ) и въ римскую эпоху, когда искусство находилось исключительно въ рукахъ грековъ, техническая сторона его оставалась превосходною попрежнему, какъ свидѣлствуютъ сохранившіеся до нашего времени произведенія пластики, которыя почти всѣ принадлежатъ этому позднѣйшему періоду. Сдѣланныя въ недавніе годы раскопки въ акрополѣ Пергама

Позднѣйшее искусство.

доставили блистательное доказательство тому, что во II столѣтіи до Р. Х. греческая пластика ни по композиціи, ни по совершенству исполненія еще не падала съ прежней высоты. Рельефы высокаго жертвенника Зевса, находящіеся теперь въ берлинскомъ Музее, не уступаютъ красотой классическимъ созданіямъ предыдущихъ періодовъ. Они изображаютъ войну гигантовъ съ богами Олимпа; война эта служитъ символомъ побѣды, одержанной пергамскими царями надъ галатами. — Разумѣется, пластика не могла тогда не подчиняться современнымъ требованіямъ, какъ подчинялась имъ и архитектура. Въ обоихъ этихъ искусствахъ замѣтно больше стремленія къ изумляющей колоссальности, къ эффектности, фантастичности, чѣмъ къ истинной красотѣ и гармоніи. Въ архитектурѣ дорійскій стиль былъ постепенно вытѣсняемъ болѣе легкими и богаче украшенными формами коринфскаго стиля; храмовъ строилось мало, гораздо въ большемъ числѣ строились царскіе дворцы и великолѣпные памятники.

Изъ памятниковъ особенно замѣчательнъ былъ тотъ, который построила въ Галикарнассѣ, столицѣ карійскаго царства, царица Артемизія. Это была гробница ея мужа, царя Маусолла (Мавзола), царствовавшего въ 377 — 353 годахъ. Артемизія поручила работу знаменитѣйшимъ художникамъ; главнымъ руководителемъ былъ, какъ говоритъ преданіе, Скопасъ. Гробница была такъ прекрасна и великолѣпна, что считалась однимъ изъ семи чудесъ свѣта, и названіе ея «Мавзолей» сдѣлалось общимъ названіемъ великолѣпныхъ надгробныхъ памятниковъ. Форма Мавзолея была такова: на фундаментѣ, окруженномъ 36 колоннами, подымалось зданіе, верхняя часть котораго имѣла 24 уступа, уменьшающіеся въ діаметрѣ, такъ что это образовало ступенчатую пирамиду. На верхней площадкѣ пирамиды стояла колесница, запряженная четырьмя конями; эта группа была произведеніе Питиды. — Въ среднѣе вѣка, рыцари ордена іоаннитовъ сдѣлали на верхней части Мавзолея укрѣпленіе, названіе котораго было Будрунъ. Нѣсколько десятилѣтъ тому Чарльзъ Ньютонъ нашелъ много остатковъ отъ рельефовъ этого памятника, и передалъ ихъ въ Британскій музей.

Пластика еще и въ александрійское время создавала произведенія, возбуждавшія восторгъ современниковъ и потомства. Но въ этихъ произведеніяхъ не было прежней спокойной, величественной естественности, не было прежней наивной красоты; нѣкоторые изъ нихъ изумляли своею громадностью, какъ напримѣръ родосская статуя Геліоса (родосскій колоссъ) или Фарнезскій быкъ; въ нихъ удивляло мастерство, съ какимъ техника преодолевала матеріальныя трудности громадной работы; другія были произведеніями рефлексіи, были рассчитаны на эффектъ, какъ напримѣръ группа Лаокоона, которая производитъ трогательное впечатлѣніе разсчитанно сильнымъ изображеніемъ физическаго страданія, или какъ Аполлонъ Бельведерскій производитъ эффектъ утрированной идеальностью и изысканною красотой. Восторженные похвалы Винкельмана этимъ статуямъ и «Торсу Геракла» повторялись множество разъ; и дѣйствительно, это произведенія прекрасныя, которыми люди будутъ восхищаться, пока сохранятъ любовь къ идеализму въ искусствѣ; но они, подобно трагедіямъ Эврипида, произведенія изнѣженнаго времени, времени упадка, когда размышленіе замѣняло недостатокъ природной геніальности, сантиментальность замѣняла искреннее, простое чувство. Лаокоонъ — послѣдній предсмертный даръ греческаго искусства, умирающаго, но еще сохраняющаго полное сознаніе своихъ великихъ душевныхъ силъ, жертва, которую приносятъ греческое искусство ближнему къ утратѣ своей національности греческому народу.

Знаменитый Колоссъ Родосскій былъ бронзовая статуя, изображавшая Геліоса, держащаго въ рукѣ лампу; статуя имѣла въ вышину 70 локтей или 105 футовъ; свѣтъ лампы былъ виденъ очень далеко. Эта статуя стояла близъ гавани. Есть преданіе, будто она стояла надъ входомъ въ гавань, одною ногой на одномъ, другою на другомъ берегу, такъ что корабли проходили между ея ногъ; но это выдумка. Художникъ, дѣлавшій статую былъ Харесъ, уроженецъ Родоса, принадлежавшій къ школѣ Лизиппа. Работа продолжалась двѣнадцать лѣтъ. Черезъ 54 года, землетрясеніе повалило эту статую; боги показали тѣмъ суетность человѣческаго тщеславія. — На Родосѣ, имѣвшемъ въ эту вторую эпоху процвѣтанія искусства знаменитую школу пластики, была сдѣлана и мраморная группа, называемая по главной фигурѣ своей Фарнезскимъ быкомъ и находящаяся теперь въ Неаполѣ. Ея мысль взята изъ легенды о томъ, что Ликъ прогналъ свою жену, Антиопу, и женился на Дирѣ, что потомъ сыновья Антиопы, Амфионъ и Зетъ (стран. 68), отмстили Дирѣ за свою мать; группа изображаетъ это мщеніе: Амфионъ и Зетъ привязываютъ Дирѣ къ разъяренному быку, который почитается съ нею и она погибнетъ, избившись о землю. Группа производитъ сильное впечатлѣніе; но позы фигуръ въ ней имѣютъ рѣзкій характеръ. Агесандръ, Полидоръ и Аендоръ, художники, сдѣлавшіе величественную группу, изображающую Лаокоона и его сыновей, принадлежали тоже къ родосской школѣ. Лаокоонъ, занимающій центр группы, и два его сына, нѣжные юноши, обвиты двумя огромными змѣями, и испытываютъ смертельное страданіе. «Все въ этой группѣ исполнено мастерски», говоритъ Шназе: «Пирамидальное расположеніе фигуръ, красота линий, характеристика трехъ фазисовъ одного чувства въ трехъ фигурахъ, превосходная техника въ изображеніи формъ тѣла, а въ особенности трогательное благородство выраженія ужасной боли,—все это заслуживаетъ величайшаго удивленія. Справедливо называютъ группу Лаокоона трагедіею въ трехъ актахъ. Средній актъ изображается фигурою отца, въ которой энергія и пафосъ достигаютъ высочайшей степени. Мускулы сильнаго тѣла напряглись отъ боли, грудь поднялась отъ трудности дышать; животъ втянулся отъ усилія, съ которымъ вырывается жалоба изъ раскрытаго рта. Но въ страшномъ мученіи тѣла, духъ Лаокоона сохраняетъ твердость, сдерживаетъ выраженіе боли; скорбь о страданіи дѣтей уменьшаетъ въ отцѣ ощущеніе собственнаго страданія. Онъ произноситъ жалобу, но не кричитъ; на его лицѣ легкое выраженіе негодованія, упрека за незаслуженное наказаніе; по морщинамъ лба видно, что сила души еще борется съ физическою болью. Эта группа — глубоко прочувствованное, благородное созданіе искусства. Но она не свободна отъ стремленія къ эффекту, къ театральности; въ ней замѣтно намѣреніе художниковъ выказать свои психологическія и анатомическія знанія. И слишкомъ большая роль въ возбужденіи нашего сочувствія дана физическому страданію!» — Ученые несогласны относительно того, какой эпохѣ принадлежитъ статуя Аполлона Бельведерскаго, найденная въ Анціи (Capo d'Anzo) и находящаяся теперь въ Ватиканѣ. Нѣкоторые полагаютъ, что она сдѣлана во времена римской имперіи, и что мраморъ ея каррарскій; другіе думаютъ, что она сдѣлана много раньше, и считаютъ мраморъ ея греческимъ. Спорятъ и о томъ, какой отъбнокъ представленъ въ Аполлонѣ выраженъ въ ней. Обыкновенно полагаютъ, что это Аполлонъ, поразившій Писона; богъ юноша идетъ, голова его слегка приняла такое положеніе, какое получаетъ она, когда глаза смотрятъ вдаль, на приподнятой лѣвой рукѣ лежитъ хламида — всѣ эти подробности обыкновенно считаются показывающими, что статуя изображаетъ гомеровскаго «Аполлона, поражающаго стрѣлами издана». Но Фейербахъ полагаетъ, что она воспроизводитъ то мѣсто въ «Эвменидахъ» Эврипида, гдѣ говорится, что Аполлонъ грозно повелѣлъ удалиться изъ дельфійскаго храма Эриніямъ, которыя дерзнули войти туда за преслѣдуемымъ ими убійцею матери, Орестомъ. По новѣйшему предположенію, Аполлонъ Бельведерскій — копія статуи, которая была поставлена въ дельфійскомъ храмѣ какъ памятникъ благодарности Аполлону за пораженіе галловъ въ 279 году (мы будемъ говорить объ этомъ пораженіи въ III томѣ). Винкельманъ, описывая эту статую, приходитъ въ поэтическій восторгъ: «Статуя Аполлона Бельведерскаго — идеальнѣйшее изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ произведеній древности».

Колоссъ Родосскій.

Фарнезскій быкъ.

Лаокоонъ.

Аполлонъ Бельведерскій.

говорить онъ: «художникъ создалъ совершенно идеальную статую, и взялъ въ нее лишь настолько матеріальнаго элемента, насколько было необходимо для осуществленія его идей. Ростъ Аполлона выше человѣческаго, поза его выказываетъ духовное величіе. Вѣчная весна, какъ въ блаженномъ Элизіумѣ, облачаетъ годы очаровательной возмужалости граціозною юностью, играетъ съ нѣжною мягкостью на гордыхъ очертаніяхъ его формъ. Въ немъ нѣтъ ничего смертнаго, ничего сопровождающаго человѣческое несовершенство. Но напряженіемъ мускуловъ движется это тѣло, его движетъ небесный духъ, разлитый въ немъ тихимъ токомъ, наполняющій всю фигуру его. Въ блаженствѣ своемъ онъ устремляетъ взоръ въ безпредѣльность, выше и дальше зрѣлица своей победы. На губахъ его презрѣніе, онъ дышетъ негодованіемъ, оно вѣетъ въ его приподнявшихся ноздряхъ, поднимается до высокаго чела его. Но спокойствіе, царствующее въ блаженной тиши на его челѣ, остается ненарушимымъ, и взглядъ исполненъ нѣжности, какъ будто богъ находится среди музъ». Но въ идеальной красотѣ Аполлона Бельведерскаго есть преднамѣренность, театральность. Духовный элементъ преобладаетъ въ немъ, а художественное произведеніе должно представлять уравниженное, полное сочетаніе духовнаго и матеріальнаго элементовъ. Справедливо говорить, что Аполлонъ Бельведерскій—совершеннѣйшее произведеніе ума, разсчета. Шназе полагаетъ, что эта статуя принадлежитъ александрійской эпохѣ, когда «свѣжая наивность прежняго времени была утрачена, но эпигоны древней Греціи воспримчиво и съ горячимъ усердіемъ занимались обработкою наслѣдованныхъ духовныхъ сокровищъ».—Ватиканскій Торсъ—уцѣлѣвшій корпусъ сидящей статуи, голова, руки и ноги которой отломлены; она изображала мужчину въ возрастѣ полнаго развитія силы. Ванкельманъ полагалъ, что это статуя Геракла, «очистившагося огнемъ отъ примѣси человѣческихъ слабостей, получившаго безсмертіе и мѣсто между богами, и отдыхъ отъ трудовъ». Вѣроятно, это было подражаніе какой нибудь прежней статуи. То же должно думать о колоссальныхъ статуяхъ, изображающихъ Кастора и Поллукса (Полидева) и ихъ коней; онѣ стоятъ теперь въ Римѣ, на холмѣ, который поэтому называется Monte Cavallo («Конская Гора»). Древняя надпись говоритъ, что эти группы сдѣланы Фидіемъ и Праксительемъ. Нѣтъ, это копии съ произведеній эпохи болѣе поздней, и сдѣланы, вѣроятно, въ римское время.—Лучшія изъ другихъ сохранившихся статуй позднѣйшей эпохи процвѣтанія греческой пластики: «Ариадна» (которую прежде называли Клеопатрою), спящая женщина благороднѣйшей красоты формъ (теперь находится въ Римѣ); «Барберинскій Фавнъ» (теперь находящійся въ Мюнхенѣ), очень хорошо обдуманное изображеніе пьянаго веселья; «Боргезскій боецъ», воинъ, вооруженный щитомъ и копьемъ, обороняющійся отъ всадника, произведеніе Агасія эфесскаго. Лессингъ вѣроятно ошибался, считая эту статую изображеніемъ Хабріа (теперь она находится въ Луврѣ); «Диана Версальская» (теперь находящаяся тоже въ Луврѣ); «умирающій галлъ», называемый обыкновенно «умирающимъ гладіаторомъ» (находится теперь въ римскомъ Капитоліи); эта статуя принадлежала вѣроятно группѣ, подаренной афинянамъ Аталомъ, царемъ пергамскимъ, въ память о его побѣдѣ надъ кельтами. Усы, прическа волосъ, ожерелье и другіе признаки показываютъ, что это кельтъ.—Вѣроятно такое же происхожденіе имѣетъ находящаяся въ Римѣ, въ виллѣ Людовизи, группа, извѣстная подъ ошибочнымъ названіемъ «Арріа и Петъ»; это сцена изъ войны съ галлами, проникнутая страстною порывистостью чувства и изображающая война, который убиваетъ свою жену, чтобы она не досталась въ плѣнъ приближающимся врагамъ.

Живопись. Греческіе художники занимались больше всего архитектурой и пластикой; но и другія отрасли искусства получили у нихъ развитіе, соотвѣтствовавшее высокому уровню греческой цивилизаціи. Объ ихъ живописи мы не можемъ судить съ такою опредѣленностью, какъ о скульптурѣ, потому что до насъ дошло гораздо меньше остатковъ ея; но кажется, что и она имѣла тотъ же ходъ развитія. Рисунки на древнѣйшихъ греческихъ глиняныхъ вазахъ, сдѣланные черною краскою и имѣющіе мифологическое

содержаніе, напоминаютъ статуи строгаго стиля характеромъ своихъ фигуръ: мы видимъ на нихъ ту же борьбу религіознаго преданія съ духомъ свободы, ту же свѣжесть молодости, ту же смѣлость стремленія къ совершенствованію формы; видимъ глубокое пониманіе природы и правды въ характерѣ движеній. Рисунки сдѣланы одною краскою и по всей вѣроятности трудами простыхъ ремесленниковъ, не имѣвшихъ обширной образованности, но многіе изъ нихъ все таки замѣчательны живостью изображенія и красотой формъ. Во времена Кимона и Перикла живопись приобрѣла представителя, достойно занимавшаго мѣсто рядомъ съ Фидіемъ. Это былъ Полигнотъ. Онъ и его ученики украсили картинами одну изъ аѳинскихъ стой, которая поэтому получила названіе разрисованной (Poikile). Картины изображали сцены изъ троянской войны, изъ битвъ съ амазонками и мараѳонской битвы. Еще знаменитѣе была дельфійская стоя, называвшаяся Лесхе, которую украсилъ самъ Полигнотъ картинами, изображавшими, по эпическимъ поэмамъ, сцены изъ разрушенія Трои и странствованій Одиссея. До насъ дошло много воспроизведеній этихъ картинъ на вазахъ и памятникахъ. Мы видимъ, что это были фрески большого размѣра, задуманныя въ строго религіозномъ духѣ, съ глубокимъ знаніемъ преданій и расположенныя по правиламъ архитектурной симметріи; въ нихъ не было распредѣленія фигуръ по разнымъ планамъ перспективы, какъ это дѣлается теперь; они состояли изъ отдѣльныхъ фигуръ и группъ, расположенныхъ рядомъ, какъ на барельефахъ, и не имѣвшихъ между собою той связи, какую можетъ давать частямъ картины живопись. Въ древности живопись вообще оставалась болѣе похожа на скульптуру чѣмъ въ христіанскомъ мірѣ; въ немъ ваяніе подражаетъ иногда живописи (какъ на примѣръ на церковныхъ дверяхъ Гиберти во Флоренціи); у грековъ пластика была образцомъ для живописи. Достоинствомъ Полигнота было умѣнье давать точную характеристику фигурамъ; древніе говорятъ, что онъ очень хорошо передавалъ пассивныя и активныя состоянія души (pathos u ethos) и нравственную энергію; но кажется, что техника исполненія была у него еще не удовлетворительна. Онъ считался основателемъ аттической школы живописи, многіе художники которой извѣстны намъ по именамъ, и къ которой принадлежалъ Аполлodorъ, первый живописецъ, перешедшій отъ картинъ альфреско къ рисовкѣ картинъ на отдѣльныхъ доскахъ или на полотнѣ, начавшій употреблять болѣе живыя краски и болѣе отчетливую градацію тѣней. Нѣсколько позднѣе возникла въ Малой Азіи новая школа живописи, называвшаяся іонійскою; главными представителями ея были Зевксисъ и Парразій. Анекдотъ о томъ, что кисть винограда, написанная Зевксисомъ, обманула птицъ, а занавѣсъ, нарисованная Парразіемъ, была принята за дѣйствительную занавѣсъ самимъ Зевксисомъ, показываетъ, что оба они ставили цѣлью искусства вѣрное подражаніе природѣ. О Зевксисѣ (уроженцѣ Гераклеи или Эфеса) говорятъ, что онъ установилъ отношенія между свѣтомъ и тѣнью въ картинахъ, о Парразіи (уроженцѣ Эфеса) говорятъ, что онъ лучше прежнихъ живописцевъ изучилъ пропорціи частей тѣла и придалъ болѣе живости чертамъ лицъ. Изъ картинъ Зевксиса особенно славилась «Елена», бывшая образцомъ женской очаровательности, а изъ картинъ Парразія «Окованный Прометей»; говорятъ, Парразій, когда писалъ эту картину, замучилъ до смерти раба, изучая выраженіе страданія. Парразій написалъ нѣсколько картинъ, прославлявшихъ возстановленіе демократовъ въ Аѳинахъ. На одномъ изъ состязаній о наградѣ онъ былъ побѣжденъ Тимантомъ, изъ произведеній котораго древніе писатели особенно прославляютъ картину, изображавшую принесеніе Ифигеніи въ жертву: на ней были представлены градаціи скорби, пос-

2. Періодъ.
Полигнотъ.

3. Періодъ.

Зевксисъ и
Парразій.

Тимантъ.

Апеллесъ.

лѣдняя изъ которыхъ такъ сильна, что искусство не можетъ изобразить ее прямо, можетъ только косвенными средствами возбудить понятіе о ней (лицо Агамемнона на этой картинѣ было закрыто). Была школа живописи и въ Сикіонѣ, гдѣ жилъ Лизиппъ; она стремилась рисовать красиво и эффектно. Къ ней принадлежали Эвпомпъ, Памфилъ, Аристидъ и Павсій, изобрѣтатель энкавстической живописи и разрисовки плафоновъ. Изъ сикіонской школы вышелъ величайшій живописецъ древности, Апеллесъ. Въ его картинахъ соединялись всѣ достоинства другихъ живописцевъ, и фигуры его были оживлены граціозностью его таланта. Всѣ древніе писатели съ восторгомъ говорятъ о его Афродитѣ, выходящей изъ моря (Афродитѣ Анадіоменѣ), это была владычица любви, милая, очаровательная; съ ея тѣла еще катились пѣкныя капли воды; съ восторгомъ говорятъ и о его „Александрѣ“, изображенномъ съ атрибутами Зевса Громовержца, о его картинѣ, изображавшей Артемиду среди дѣвушекъ, приносящихъ жертву. Подобно Рафаэлю онъ былъ человѣкъ милого, благороднаго характера и пользовался благосклонностью могущественныхъ покровителей; въ особенности милостивъ былъ къ нему Александръ. Открытая въ Помпѣяхъ великолѣпная мозаика „Битва Александра“ составляетъ быть можетъ воспроизведеніе картины Апеллеса. Она отличается отъ всѣхъ другихъ, дошедшихъ до насъ, древнихъ картинъ энергіею и полнотою композиціи, и прекраснымъ колоритомъ, — качествами, за которыя прославляли Апеллеса. Изъ другихъ живописцевъ, которые жили около временъ Апеллеса, очень замѣчательнымъ художникомъ былъ Протогенъ. Живопись не удержалась цѣлѣй столѣтія на высотѣ своего развитія, какъ удержалась скульптура. Она скоро утратила тѣ достоинства, какія дали ей Апеллесъ и его современники; стала подчиняться измѣнительному вкусу толпы, изысканной роскоши богачей. — Кажется, что главнымъ достоинствомъ греческой живописи было вѣрное подражаніе природѣ до мельчайшихъ подробностей. Примѣромъ этой вѣрности можетъ служить прекрасная мозаика, изображающая голубей, копія съ греческой картины.

Глиптика.

Греки достигли удивительнаго совершенства техники и въ рѣзбѣ на металлѣ и камнѣ (въ глиптикѣ), какъ показываютъ дошедшіе до насъ многочисленные монеты, медали, перстни съ рѣзбою, другіе рѣзные камни, (называющіеся камеями, когда фигуры вырѣзаны рельефно, и интальями, когда фигуры вѣзаны углубленіемъ). Прекраснѣйшія изъ этихъ вещей принадлежатъ alexandрійскому времени; тогда жилъ знаменитѣйшій изъ греческихъ рѣзчиковъ, Пирготель. Очень благопріятствовалъ развитію искусства рѣзбы на камнѣхъ и металлѣ господствовавшій при блестящихъ alexandрійскомъ и антioxійскомъ дворахъ обычай украшать кубки, чаши, канделябры, другія золотыя и серебряныя вещи геммами, рѣзными камнями.

VI. Вторая гегемонія Спарты до Анталкидова мира.

(404 — 387).

1. Исторія Спарты.

Радость, возбужденная въ грекахъ паденіемъ Аѣинъ, скоро была заглушена суровыми впечатлѣніями новаго порядка дѣлъ. Поступки спартанцевъ показали, что они вели долгую войну не для освобожденія Греціи, а для пріобрѣтенія владычества надъ нею. Мы ужъ говорили, съ какою безпощадною суровостью Лизандръ вводилъ во всѣхъ покоряемыхъ государствахъ олигархическое правленіе; мы видѣли, что его угнетенію и преслѣдованію подверглись не одни только демократы, но и умѣренные люди, не имѣвшіе никакого твердаго образа мыслей. Наши матеріалы очень скудны, но все-таки мы знаемъ, что установленныя спартанцами террористическія правительства, называвшіяся декархіями, по числу десяти членовъ, изъ которыхъ состояли эти комитеты, дѣйствовали съ неумолимой жестокостью, опираясь на защиту спартанскихъ военныхъ начальниковъ (гармостовъ) и поставленныхъ по городамъ отрядовъ спартанскихъ наемниковъ. Олигархи коварствомъ и открытой силой истребляли своихъ противниковъ, конфисковали имущества убитыхъ и бѣжавшихъ, предавались гнусному разврату, принуждая честныхъ женщинъ и дѣвушекъ служить ихъ сладострастію. На Самосѣ, Фазосѣ, въ Милетѣ, на Эгинѣ, въ Навпактѣ, во многихъ другихъ городахъ граждане демократической партіи были умерщвлены или прогнаны, ихъ имуществами обогатились ихъ противники. По всѣмъ греческимъ областямъ безпріютно скитались бѣдствующія толпы изгнанниковъ, жаждавшихъ отмстить гонителямъ. Какъ во времена владычества аѣинскихъ демократовъ, такъ и теперь были только двѣ крайнія, ожесточенныя другъ противъ друга партіи, угнетатели и угнетаемые; срединъ между этими крайностями не было. «Кто можетъ перечислить», говоритъ Исократъ, «сколько было изгнаній и возстаній, сколько было низверженій правительствъ и законовъ, сколько

Угнетеніе союзниковъ Спарты.

ко насилій надъ женщинами и юношами, сколько отнятій имущества?» Спартакское владычество было тѣмъ болѣе притѣснительно, что власть эфоровъ была серьезно признаваема только въ Лакедемонѣ и въ союзныхъ съ нимъ пелопоннесскихъ государствахъ, а за границами пелопоннесскаго союза она не ограждала отъ произвола, алчности и злобы олигарховъ и спартанскихъ военачальниковъ. Устройство спартанскаго государства и привычки спартанской политики были таковы, что Спарта могла быть главою лишь федераціи, не имѣющей обширныхъ размѣровъ и состоящей изъ государствъ олигархическаго устройства, какъ сама Спарта; управлять обширнымъ союзомъ государствъ разныхъ племенъ и разныхъ обычаевъ Спарта не была способна. Каждый спартакенецъ за границами Пелопоннеса чувствовалъ себя властелиномъ и поступалъ какъ ему вздумается, не заботясь ни объ инструкціяхъ своего правительства, ни о полномочіяхъ отъ него; «что приказывалъ лакедемонянинъ, тому повсюду повиновались», говоритъ Ксенофонтъ, «потому что каждый лакедемонянинъ могъ принудить каждый городъ исполнять всѣ его желанія».

Спартакское правительство само доставило гармостамъ и ихъ наемникамъ удобство грабить, поручивъ имъ и по окончаніи войны продолжать сборъ высокихъ податей, которыя были наложены на союзниковъ для покрытія издержекъ по содержанію флота и войска. Гармосты отправляли въ Спарту большія суммы, такъ что доходы государства простирались до 1000 талантовъ въ годъ; но пользуясь обстоятельствами, они при сборѣ этихъ денегъ позволяли себѣ много притѣсненій и хищничества. Не было власти, которая могла бы сдерживать произволъ ихъ алчности и другихъ страстей. Спартакское правительство, неспособное управлять отдаленными областями, почти никогда и не знало правды о томъ, что дѣлается тамъ. Вырвавшись изъ-подъ строгой Ликурговой дисциплины, господствовавшей надъ ними на родинѣ, спартакенцы давали за границею полную волю своимъ страстямъ и сдѣлались такъ ненавистны своимъ союзникамъ, какъ никогда не бывали афиняне, воспитанные въ привычкахъ свободы и отъ природы болѣе гуманные. Притомъ же спартанское правительство назначало гармостами и другими уполномоченными всяческихъ людей безъ разбора, такъ что афиняне впоследствии времени говорили спартакенцамъ, что они ставили илотовъ повелителями свободныхъ людей. Лишь изрѣдка, когда насилія и преступленія гармостовъ превосходили всякую мѣру, эфоры считали надобнымъ вмѣшаться въ дѣло для сохраненія чести государства; такъ на примѣръ, должны были они обуздать Клеарха, византійскаго гармоста.

Насилія гармостовъ. Клеархъ, человекъ крутого характера, задумалъ сдѣлаться тиранномъ Византіи, богатаго торговаго города. Для этого онъ умертвилъ знатнѣйшихъ гражданъ, захватилъ ихъ имущества и набралъ отрядъ наемниковъ.

Всѣ приказанія спартанскаго правительства оставлялъ онъ безъ вниманія, и пришлось послать противъ него войско. Послѣ упорной обороны онъ былъ прогнанъ. Получивъ денежную поддержку отъ Кира, онъ ходилъ послѣ того съ отрядомъ наемниковъ по Фракіи, быть можетъ сохраняя намѣреніе стать тиранномъ Византіи; походъ Кира младшаго открылъ ему новую арену дѣятельности. Преступленія другихъ гармостовъ оставались вообще безнаказанными. Такъ на примѣръ Аристархъ, бывшій гармостомъ Византіи во время возвращенія Десяти тысячъ изъ ихъ похода, не поцеремонился продать въ рабство 400 человекъ греческихъ воиновъ (объ этомъ мы будемъ говорить ниже); Аристомъ, гармостъ эвбейскаго города Орея, убилъ юношу не хотѣвшаго быть участникомъ его гнуснаго разврата; отецъ просилъ эфоровъ наказать злодѣя; получивъ отказъ, онъ лишилъ себя жизни. Само спартанское правительство не постыдилось отнять военные корабли у хіосцевъ, вѣрныхъ союзниковъ Спарты. Произволу Лизандра былъ положенъ конецъ, только когда онъ изгналъ гражданъ Сеста изъ ихъ города, отдалъ ихъ дома и имущества своимъ матросамъ; спартанскій царь, завидовавшій его могуществу, убѣдилъ правительство отмѣнить это его распоряженіе. Потомъ, по желанію персидскаго сатрапа, Лизандръ былъ отозванъ; тогда нѣкоторымъ городамъ было дозволено возстановить прежнія ихъ учрежденія, — впрочемъ, возстановить не вполне, а лишь отчасти. Лизандръ уѣхалъ въ Ливію подъ предлогомъ исполненія обѣта, даннаго имъ Зевеу Аммону. Но еще почти повсюду въ покоренныхъ имъ городахъ продолжали нѣсколько лѣтъ владычествовать спартанскіе гармосты при содѣйствіи олигархическихъ правительствъ; ихъ иго было желѣзное. Въ трахинскомъ городѣ Гераклеѣ спартакенецъ Гериппидъ казнилъ 500 гражданъ за попытку возстанія; это навело такой ужасъ на отложившееся отъ Спарты населеніе долинъ хребта Эты, что все оно бѣжало въ Фессалію. Спартакенцы совершенно измѣнили прежнимъ своимъ политическимъ принципамъ: даже помогали свирѣпому тиранну сиракузскому Діонисию поработать его согражданъ.

Въ трактатѣ Ксенофонта «о лакедемонскомъ государствѣ» есть замѣчательная характеристика упадка спартанскихъ нравовъ въ это время и деспотизма спартанскихъ гармостовъ; свидѣтельство его тѣмъ важнѣе, что онъ былъ приверженцемъ Спарты (правда, впрочемъ, что именно это мѣсто и заставляетъ сомнѣваться дѣйствительно ли трактатъ, въ которомъ находится оно, принадлежитъ Ксенофонту). Въ 14-ой главѣ трактата авторъ говоритъ: «Я знаю, что прежде лакедемоняне больше любили оставаться на родинѣ, довольствоваться тѣмъ, что необходимо для жизни, нежели быть гармостами въ чужихъ городахъ, слушать лесть и развращаться. Знаю, что прежде они стыдились имѣть золото; но теперь многіе изъ нихъ гордятся тѣмъ, что имѣютъ его. Знаю я также, что прежде они высылали иностранцевъ изъ своего государства и не позволяли своимъ согражданамъ ѣздить за-границу, чтобъ не заразиться на чужбинѣ легкомысліемъ и пренебреженіемъ къ обязанностямъ; но теперь мнѣ извѣстно о людяхъ, считающихся первыми между спартакенцевъ, что они желаютъ вѣчно оставаться гармостами, жить за-границею. Было время, когда лакедемоняне заботились о томъ, чтобы быть достойными начальства надъ другими; а теперь они больше заботятся пріобрѣсти владычество, нежели о томъ, чтобы сдѣлаться достойными его. Потому прежде греки приходили въ Лакедемонъ и просили ихъ принять начальство въ войнѣ противъ тѣхъ, кого считали поступающими несправедливо, а теперь многіе возбуждаютъ другъ друга низвергнуть ихъ владычество. И нельзя удивляться этому, такъ-какъ они не повинуются ни (Дельфійскому) богу, ни законамъ Ликурга».

Спартакенцы угнетали не только далекія приморскія государства,

Война съ принужденныя по уничтоженіи могущества Аѳинъ безпомощно повиноваться имъ; въ самой Греціи они стали дѣйствовать по правилу, что кромѣ той симмахіи, которою управляютъ они, не должно существовать никакой федераціи; никакой городъ не долженъ имѣть гегемоніи надъ сосѣдними мелкими городами или сельскими округами. Они еще не отваживались требовать покорности этому правилу отъ сильныхъ или далекихъ государствъ, отъ Аргоса, Фивъ и ѳессалійскихъ областныхъ союзовъ; но нашли положеніе дѣль удобнымъ для того, чтобъ отмстить Элидѣ за прежнія обиды (стран. 628). Это небольшое государство во время пелопоннесской войны отважилось присоединиться къ врагамъ Спарты, исключить спартанцевъ отъ участія въ олимпійскихъ играхъ, не допустило царя Агиса принести жертву Зевсу олимпійскому. Въ Спартѣ было рѣшено наказать за это элидянъ. Эфоры послали имъ требованіе, чтобъ они возвратили свободу зависящимъ отъ нихъ городамъ; элидяне отказались, ссылаясь на примѣръ самой Спарты, господствующей надъ городами періэковъ. Агисъ повелъ войско на элидянъ. Онъ вступилъ въ государство изъ Ахаіи; они отразили это нападеніе. Агисъ собралъ болѣе сильное войско, въ которое прислали отрядъ даже аѳиняне, и пошелъ въ элидское государство другимъ путемъ, изъ Мессеніи, поднялъ противъ элидянъ зависѣвшіе отъ нихъ города и, опустошая земли ихъ, подступилъ къ стѣнамъ самаго города Элиды; ни одно изъ греческихъ государствъ не осмѣлилось помочь элидянамъ, и они не могли устоять противъ могущественнаго врага. Кромѣ спартанскаго войска, ихъ область опустошали аркадяне и ахейцы, а въ городѣ Элидѣ начались смуты: богатый гражданинъ Ксеній, у котораго было столько денегъ, что ему приходилось, какъ говорили не считать ихъ, а мѣрить медимнами, вошелъ въ сношенія съ лакедемонянами и поднялъ возстаніе противъ демократовъ, вождемъ которыхъ былъ храбрый воинъ, Θразидей. Элидяне принуждены были покориться; они согласились разрушить стѣны своего города, признали независимость Киллены и другихъ городовъ, бывшихъ подъ ихъ властью, отдали спартанцамъ свои военные корабли. Право завѣдыванія олимпійскими играми оставалось за ними, только это снисхожденіе и оказали имъ спартанцы. Два года была опустошаема священная область, которая прежде пользовалась ненарушимымъ миромъ подъ охраной религіи. Хищные враги элидянъ вели войну собственно для того, чтобы грабить. Съ торжествомъ принесъ Агисъ въ святилищѣ Зевса жертву благодаренія за то, что Зевсъ далъ успѣхъ первому опыту примѣненія новаго принципа спартанской политики къ дѣлу. Принципъ былъ важенъ: спартанцы полагали, что если имъ удастся разрушить всѣ федераціи, раздробить всѣ большія государства на мелкія политическія единицы, безсильныя и притомъ же обязанныя Спартѣ своимъ существованіемъ, держащіяся только ея покровительст-

вомъ, то владычество ея надъ Греціею будетъ упрочено навсегда: не будетъ государства, которое могло бы рискнуть противиться ея повелѣніямъ. Потому спартанцы стали усердно заботиться о раздробленіи всѣхъ федерацій. Но отъ этого всѣ большія государства прониклись недовѣріемъ къ спартанцамъ, стали подозрѣвать коварныя намѣренія въ каждомъ ихъ дѣйствіи, поняли цѣль своекорыстной политики ихъ, стали всячески противодѣйствовать ей. Такимъ образомъ возникли въ растерзанной пелопоннесскою войною Греціи новые зародыши опустошительныхъ войнъ; и вмѣсто того, чтобы возстановить свое могущество соединеніемъ въ одну федерацію, греческій народъ сталъ растрчивать свои благородныя силы въ новыхъ междоусобицахъ; а пока онъ занимался самоистребленіемъ, окрѣпили варвары на востокѣ и сѣверѣ Греціи, и стали поджидать случая, чтобы поглотить всѣ враждующія между собою греческія государства.

То государство, которое теперь повелѣвало Греціею и усердно старалось упрочить свое владычество навсегда, страдало неисчислимыми внутренними язвами. Мы видѣли, какіе законы и нравы господствовали нѣкогда въ Спартѣ, называвшей установителемъ ихъ Ликурга (стр. 168 слѣдд.). Лакедемонское государство нѣсколько столѣтій держалось этихъ формъ устройства, хотя съ теченіемъ времени, при измѣнившихся обстоятельствахъ, условія дѣйствительности стали противорѣчить требованіямъ старины. Учрежденія Ликурга были пригодны лишь для государства не обширнаго, не имѣющаго владѣній за моремъ, ни флота, лишь для народа патріархальныхъ нравовъ, простого и воздержнаго, раздѣленнаго на замкнутыя сословія, различающіяся одно отъ другого и происхожденіемъ и образомъ жизни; при этомъ, всѣ члены высшаго сословія должны были жить въ братскомъ равенствѣ между собою. Теперь государство имѣло обширныя владѣнія за предѣлами Пелопоннеса, господствовало надъ всею Греціею, имѣло гегемонію не только на сушѣ, но и на морѣ, заняло положеніе, требовавшее отъ правительства политической проныцательности, дипломатической ловкости, большой предприимчивости. Воспитаніе по законамъ Ликурга годилось для грубыхъ охотниковъ и воиновъ; оно было неудовлетворительною подготовкой для управленія другими болѣе образованными государствами. По стариннымъ правиламъ, Спарта не должна была имѣть золотой или серебряной монеты, должна была довольствоваться желѣзными деньгами, пригодными лишь для мелкихъ оборотовъ внутренняго обмѣна съѣстными припасами. Такое устройство могло держаться, только пока лакедемонское государство не расширялось за свои естественныя границы, а теперь Спарта получала подати съ подвластныхъ ей государствъ, получала таможенные и другія пошлины; она имѣла массу золотыхъ и серебряныхъ денегъ. Оставался законъ, подъ страхомъ смертной казни запрещающій гражданамъ имѣть золото или серебро; но невоз-

Внутреннее
разстройство
спартанскаго
государства.

можно было помѣшать военачальникамъ или воинамъ обогащаться въ заграничныхъ экспедиціяхъ, нельзя было обуздать ихъ алчности. Кажется, что запрещеніе только усиливало ее. Спартанскіе цари и другіе военачальники брали взятки; и ни у какого другого народа постыдная продажность, утайка казенныхъ денегъ не доходили до такой степени, какъ у спартанцевъ. Со времени персидскихъ войнъ, когда спартанскія войска стали ходить далеко за предѣлы родного полуострова, до эпохи безстыднаго деспотизма гармостовъ, алчность и продажность постоянно властвовали между спартанцами. Было древнее предвѣщаніе оракула: «отъ любви къ деньгамъ погибнетъ Спарта»; казалось, что оно скоро исполнится, когда Лизандръ возвратился въ Спарту съ несмѣтными сокровищами и стали непрерывно приливать туда новыя сокровища. Золото сдѣлалось могущественнымъ богомъ въ Спартѣ.

Неравенство
между спартан-
скими гражда-
нами.

Но политическія права въ Спартѣ обуславливались не величиною движимаго имущества гражданина, а неотчуждаемымъ землевладѣніемъ, наследственнымъ участкомъ земли. Стало уже призракомъ, пустою формою и это старинное учрежденіе. Мы говорили (стр. 173), что равенство имуществъ, которое было, по легендѣ, введено Ликургомъ, едвали когда нибудь существовало въ дѣйствительности, что по всей вѣроятности всегда были между спартанскими гражданами, дорійцами, богачи и бѣдняки. Но должно полагать, что при старинной простотѣ нравовъ имущественное неравенство не достигало чрезмѣрнаго развитія, что въ давнія столѣтія лишь немногіе изъ гражданъ-дорійцевъ не имѣли средствъ дѣлать взносы, какіе были нужны для права участвовать въ общественныхъ обѣдахъ (сисситіяхъ), и потому лишь немногіе оставались неимѣющими участія въ политическихъ правахъ. Но съ теченіемъ времени обстоятельства разстроили прежнія земельныя отношенія и число полноправныхъ гражданъ (гомеевъ, *homoioi*) очень уменьшилось. Возстаніе илотовъ послѣ землетрясенія и третья война (стр. 533) надолго лишили многихъ спартанцевъ доходовъ съ ихъ участковъ; спартанцы, не имѣвшіе средствъ дѣлать взносы на сисситіи, были перечисляемы изъ гомеевъ въ разрядъ неполноправныхъ гражданъ (*hupomeiones*), почти вовсе устраненныхъ отъ участія въ политическихъ правахъ. Членами герусіи, полководцами, начальниками флота вообще назначались только гомеи. А когда возникло рѣзкое неравенство общественныхъ положеній, оно, по естественному ходу человеческихъ дѣлъ, растетъ; привилегированное сословіе все тѣснѣе и тѣснѣе замыкаетъ доступъ въ свой кругъ, все дальше устраняетъ отъ себя всѣхъ ему неравноправныхъ. Пока сохранялся старинный законъ, что никто не можетъ владѣть больше чѣмъ однимъ участкомъ, сословная разница между гражданами не могла быть очень велика. Это измѣнилось, когда законъ Эпидатея, о которомъ говорили мы на стран. 174, предоставилъ каждому соб-

ственнику право дарить или завѣщать свой участокъ кому хочетъ, и когда—вѣроятно, вмѣстѣ съ этимъ—было предоставлено и дочерямъ право наследовать участки. По введеніи этихъ законовъ имущественныя отношенія спартанцевъ быстро пришли въ то состояніе, о которомъ говоритъ Аристотель въ своей «Политикѣ»: поземельная собственность сосредоточилась въ немногихъ рукахъ; двѣ пятыхъ части всей земли перешли во владѣніе женщинъ. —Такимъ образомъ, въ то время, когда Спарта сдѣлалась господствующимъ надъ всею Греціею государствомъ, правительственная власть и поземельная собственность въ ней стала привилегіею небольшого числа полноправныхъ гражданъ, чьи исключительныя права основывались на пустыхъ формахъ призрачной законности; они всѣ были въ родствѣ между собою по брачнымъ связямъ, поддерживали другъ друга, устраняли неполноправныхъ гражданъ отъ всѣхъ высшихъ должностей, совѣщались о государственныхъ дѣлахъ въ своихъ малолюдныхъ собраніяхъ. Кажется, былъ установленъ законъ, что періэки и илоты, получающіе право гражданства, но могутъ быть причисляемы къ полноправнымъ гражданамъ, а должны принадлежать къ разряду «неодамодовъ» («новыхъ гражданъ»), имѣвшему меньше правъ, чѣмъ граждане старыхъ фамилій. Тѣ выгоды, какія были пріобрѣтены государству храбростью всѣхъ гражданъ и удачею въ войнѣ съ Аѳинянами, достались исключительно гомеямъ. Въ ихъ рукахъ сосредоточивались и движимое и недвижимое имущество, ихъ привилегіею были всѣ важныя должности; ихъ голоса рѣшали дѣла въ народномъ собраніи. Даже эфоры, должность которыхъ была единственною, доступною для всѣхъ гражданъ, заботились не объ уменьшеніи неравенства сословій, а только объ ослабленіи власти царей; объ искрѣпленіи глубокихъ общественныхъ язвъ они не думали. Кинадонъ, честолюбивый, энергическій молодой спартанецъ, не принадлежавшій къ гомеямъ, потому устраняемый отъ почетныхъ должностей, достойнымъ которыхъ считалъ себя по своимъ заслугамъ, задумалъ составить заговоръ и произвести переворотъ. Не только илоты, періэки и неодамоды, но и тѣ спартанцы, которые не были полноправными гражданами, ненавидѣли гомеевъ; ненависть была такъ велика, что они, по выраженію Ксенофонта, «готовы были живыми проглотить гомеевъ». Потому Кинадонъ быстро пріобрѣлъ много сообщниковъ. Однажды онъ подошелъ въ народномъ собраніи къ гражданину, котораго хотѣлъ вовлечь въ заговоръ, и попросилъ его пересчитать бывшихъ тутъ полноправныхъ гражданъ. Ихъ было 40 человекъ въ собраніи 4000 гражданъ. — «Они твои враги», сказалъ ему Кинадонъ: «Всѣ другіе твои друзья. Такую же пропорцію найдешь ты и во всѣхъ мѣстностяхъ государства». Сражаться можно и топорами, и косами, другими орудіями не хуже, чѣмъ мечами, кинжалами, копьями,—продолжалъ Кинадонъ говорить этому граж-

Заговоръ Ки-
надона.

данину; но и въ мечяхъ, копьяхъ не будетъ недостатка у заговорщиковъ. — Онъ ошибся въ выборѣ чловѣка, съ которымъ вздумалъ говорить. Этотъ гражданинъ пошелъ къ эфорамъ и извѣстилъ ихъ о заговорѣ. Они тотчасъ же распорядились тайно арестовать Кинадона и главныхъ его сообщниковъ. Распоряженія были сдѣланы умно, осторожно, исполнены успѣшно. Когда спросили Кинадона о мотивахъ его замысла, онъ гордо отвѣчалъ, что «хотѣлъ быть не хуже другихъ въ Лакедемонѣ». Эти слова ясно характеризуютъ цѣль заговора. Но мы не знаемъ, думалъ ли Кинадонъ ограничиться возстановленіемъ законовъ Ликурга, или хотѣлъ уравнять въ правахъ съ дорійцами покоренное населеніе страны. Онъ и его сообщники были, съ цѣпами на шеѣ и на рукахъ, проведены по городу и бичуемы на этомъ пути; потомъ, были убиты.

Полученіе царскаго сана Агезилаемъ при помощи Лизандра 398.

Агезилай 398—358.

Это произошло въ первый годъ царствованія Агезилая. Царь династїи Проклидовъ Агисъ, умершій въ глубокой старости и похороненный съ большими почестями, имѣлъ сына, который и долженъ былъ наследовать ему. Но Лизандръ съумѣлъ своими интригами устроить, что сынъ Агиса, Леотихидъ, былъ объявленъ не имѣющимъ права наследовать престолъ. Основаніемъ для интриги послужила молва, что мать Леотихида, Тимея, имѣла связь съ Алкивіадомъ, и что онъ сынъ Алкивіада, а не Агиса. Это было объявлено доказаннымъ, хотя самъ Агисъ формально признавалъ Леотихида своимъ сыномъ. Наслѣдникомъ Агиса былъ назначенъ братъ его, Агезилай. Напрасно прорицатель Діопетъ отклонялъ спартанцевъ отъ предоставленія царскаго сана хрому Агезилаю, напоминая имъ объ изреченіи оракула, совѣтовавшаго спартанцамъ не допускать у себя «хромого царства» *). Лизандръ объяснилъ смыслъ оракула совершенно иначе: оракулъ совѣтовалъ спартанцамъ остерегаться не того, чтобы царемъ сталъ чловѣкъ, съ хромою ногою, а того, чтобы не получилъ престола чловѣкъ съ «хромымъ правомъ», не истинный потомокъ Гераклидовъ. Лизандръ считалъ Агезилая чловѣкомъ уступчивымъ, который вѣчно будетъ чувствовать себя обязаннымъ признательностью къ нему и во всемъ будетъ руководиться его совѣтами; онъ воображалъ, что Агезилай удовольствуется почетомъ, а власть предоставить ему. Въ азіатскихъ городахъ еще оставались декархіи и гармоствы, назначенные Лизандромъ, опиравшіеся на него, считавшіе его истиннымъ своимъ начальникомъ. Удача и лесть довели его до такой гор-

*) Плутархъ въ біографіи Лизандра приводилъ это изреченіе оракула: «Спарта, блистающая славою, заботясь не допускать, чтобы у тебя, прямой, возникло хромое царство, потому что тогда долго будетъ мучить тебя страданіе, каковаго ты никогда не знала, и залеть тебя кровавая рѣка войны».

Многіе благочестивые спартанцы считали исполненіемъ этого пророчества тѣ бѣдствія, какія постигли ихъ родину въ царствованіе Агезилая.

дости, что онъ хотѣлъ, чтобы не было никого равнаго ему, не только высшаго надъ нимъ. Забрать въ свои руки Агиса и Павзанія ему не удалось; онъ принужденъ былъ выносить много обидъ отъ нихъ и отъ эфоровъ; многіе изъ его плановъ были разстроены; оскорбленное честолюбіе мучило его. Теперь онъ надѣялся найти въ Агезилаѣ покорное орудіе для пріобрѣтенія господства. Но ему пришлось горько разочароваться. Агезилай былъ не такой чловѣкъ, чтобы подчиняться другому. Дѣятельный, энергичный, храбрый, честолюбивый, пріучившій себя жить по законамъ Ликурга и строгимъ исполненіемъ ихъ усвоившій себѣ всѣ спартанскія доблести, притомъ мастеръ вести дѣла, онъ скоро разорвалъ цѣпи, которыми думалъ навсегда сковать его Лизандръ, взялъ управленіе войскомъ и флотомъ въ свои собственные крѣпкія руки. Лизандру оставалась только роль заговорщика. Цари не повиновались ему, потому онъ задумалъ низвергнуть ихъ. Аристотель и Плутархъ говорятъ, что онъ думалъ отмѣнить исключительное право царскихъ династій на престолъ и сдѣлать санъ царей доступнымъ для всѣхъ спартанцевъ. Но уваженіе къ царскимъ династіямъ было глубоко укоренено; оно было такою силой, о которую разбились всѣ интриги Лизандра. Подъ предлогомъ исполнить данные обѣты, онъ ѣздилъ въ Дельфы, въ Додону, въ ливійскій оазисъ Аммона подкупить оракулы ихъ; оракулы были продажны, но всетаки не отважились помогать ему благопріятными его замысламъ отвѣтами.

Ненависть Лизандра къ спартанскимъ царямъ была личною враждою Царя и эфоры. Противъ нихъ, потому что ихъ положеніе вовсе не было такъ завидно, чтобы быть заманчивымъ для честолюбцевъ. Уже и сама по себѣ власть царей была неважна; они сами еще больше ослабляли ее, постоянно стараясь мѣшать другъ другу по наслѣдственной враждѣ между династіями, которую преднамѣренно поддерживали эфоры и геронты. Эфоры имѣли такую огромную власть, что были истинными правителями государства, уполномоченными народа. Мы говорили на страницѣ 169 и слѣдующихъ о происхожденіи сана эфоровъ и о томъ, какъ они постепенно расширили кругъ своей власти. Всѣ главныя отрасли управленія находились въ ихъ завѣдываніи; комитетъ эфоровъ имѣлъ власть подобную римской цензурѣ, могъ подвергать изслѣдованію общественную и частную жизнь каждаго гражданина, подвергать каждаго произвольнымъ наказаніямъ; онъ созывалъ народное собраніе и руководилъ его совѣщаніями; онъ назначалъ пословъ, полководцевъ, начальниковъ флота, давалъ имъ письменныя инструкціи; его контролю были подчинены сами цари и въ Спартѣ и на войнѣ. «Эфоры, говоритъ Ксенофонтъ, имѣютъ право наказывать кого хотятъ и немедленно приводить въ исполненіе приговоръ; они могутъ смѣнять, арестовывать, предавать уголовному суду всякаго правительственнаго сановника. Когда они входятъ, цари должны вставать передъ ними; цари обязаны немедленно являться по ихъ вызову къ ихъ суду; ихъ надзору подлежатъ даже домашнія дѣла царей». Въ прежнія времена цари, бывшіе по своему сану главнокомандующими, имѣли неограниченную власть по крайней мѣрѣ на войнѣ; но теперь и этого не было: вошло въ обычай, что царя сопровождаютъ въ походъ два эфора, и

при царѣ находится военный совѣтъ, состоящій изъ десяти спартанцевъ; при томъ Спарта стала вести войну на морѣ, а въ древнихъ законахъ не было ничего установлено относительно начальства надъ флотомъ, и возникла новая должность главнокомандующаго морскими силами (наварха); онъ былъ независимъ отъ царей. Коменданты отдаленныхъ приморскихъ городовъ, гармоны, мало слушались даже и тѣхъ приказаній, какія присылало имъ спартанское правительство, еще меньше подчинялись они царямъ. Такимъ образомъ власть командованія сухопутными войсками, и притомъ власть ограниченная оставалась единственною привилегіею царей. Гармоны повиновались Лизандру и когда онъ былъ главнокомандующимъ флота, онъ былъ важнѣе царей.

Въ такомъ разстройствѣ и броженіи находилась Спарта, столица военного государства, защищенная не стѣнами, а мечами и копьями своихъ гражданъ. Счастьемъ для нея было, что ей представился случай обратить мысли гражданъ на внѣшнія дѣла, и въ славной войнѣ съ наслѣдственными врагами Греціи, персами, снова показать храбрость своихъ воиновъ и силу ихъ оружія.

2. Походъ Кира Младшаго и отступление Десяти тысячъ грековъ.

1. исторія персидскаго царства.

Отношенія Персидскаго царства къ Греціи. Еслибъ европейскіе греки обратили на персовъ оружіе, которымъ въ самоубійственной ярости истребляли другъ друга, то не трудно было бы имъ охранить свободу малоазійскихъ грековъ и подвинуть границу греческаго міра далеко на востокъ. Но вмѣсто того греческія государства и въ особенности олигархи искали милости и помощи у наслѣдственного врага, заключали съ нимъ постыдные договоры, предавали подъ власть варварамъ цвѣтущіе, богатые греческіе города азіатскаго побережья. Если бы персы были прежнимъ энергическимъ народомъ, если бы ихъ цари имѣли предприимчивость и храбрость Кира и Дарія Гистаспа, то, при взаимной враждѣ между греческими государствами и яростномъ раздорѣ партій, вся европейская Греція безъ сомнѣнія сдѣлалась бы добычею восточнаго врага, стала бы данницею, областью персидскаго царства, подобно другимъ знаменитымъ странамъ древности. Только нравственная слабость враговъ избавила Грецію отъ этой судьбы; иначе въ концѣ пелопоннесской войны персидская власть распространилась бы и на Европу; присоединены были бы силою или по добровольному согласію къ намѣстничеству Тиссаферна или Кира и греческіе острова, какъ были присоединены города западнаго берега Малой Азіи.

Мы говорили (стран. 428 и слѣд.) о глубокихъ язвахъ обезсиливавшихъ персидское царство, о томъ, что быстро испортились нравы персовъ; мы описывали роскошь, изнѣженность и развратъ персидскаго двора, въ которомъ владычествовали надменные и расточительныя жены и наложницы персидскаго царя, окруженныя сонмами слуганокъ и евнуховъ; эти праздныя женщины думали только о нарядахъ, удовольствіяхъ, владычествѣ надъ царемъ, раздражали сладострастіе его, отнимали у него всякую энергію, въ своемъ соперничествѣ изъ-за вліянія на царя и изъ-за того, чьему сыну быть его наслѣдникомъ, онѣ вели коварныя интриги, разстроившія администрацію и позорившія дворецъ злодѣйствами. Обозрѣвая исторію Ксеркса, мы видѣли (стран. 512), до какихъ жестокостей и гнусностей доводилъ развратъ, господствовавшій при персидскомъ дворѣ. Въ дикости Ахеменидовъ были обычны, были даже требуемы закономъ браки между близкими родными, даже между братьями и сестрами. Эти кровосмѣшенія заглушали всякое чувство стыда, производили рядъ враждебныхъ столкновеній между женами, дѣтьми, братьями царей; эта борьба порождала всяческія пороки и жестокія дѣла; одолевавшая часть двора захватывала власть, побѣжденные придворные подвергались мучительной казни. Греческіе писатели, близко знавшіе персидскія дѣла, какъ напримѣръ Ктезій (стран. 757), рассказываютъ почти только объ интригахъ придворной жизни, о развратѣ и злодѣянствѣ слабыхъ характерныхъ царей, ихъ женъ, фаворитокъ, любимцевъ и сановниковъ; кромѣ этого рассказывать было не о чемъ. Быстрое разрушеніе громаднаго царства Александромъ Македонскимъ и факты, приводимые Ксенофонтомъ въ „Киропедіи“ и въ „Анабазисѣ“, бросаютъ яркій свѣтъ на періодъ упадка царства. Мы видимъ, что распущенность нравовъ, проникавшая отъ двора и вельможъ въ народъ, развратъ, пьянство и обжорство расслабляли персовъ, дѣлали ихъ неспособными ни къ забавамъ, требующимъ физической силы, ни къ перенесенію трудностей и лишений походной жизни; что подъ нравственнымъ и матеріальнымъ гнетомъ сатраповъ, подъ бременемъ чрезмѣрныхъ налоговъ, подъ ядовитымъ дыханіемъ деспотизма всѣ области государства бѣднѣли, разорялись; что умственная жизнь культурныхъ народовъ, подпавшихъ подъ владычество персовъ, утрачивала энергію, что они впадали въ тупую апатію безнадежности; что благородное ученіе Зороастра, имѣвшее такой возвышенный нравственный характеръ, постепенно превращалось подъ вліяніемъ маговъ въ систему суевѣрныхъ правилъ и пустой формалистики, замѣнявшей нравственность аскетизмомъ, жертвоприношеніями, очищеніями, и сдѣлалось только пышнымъ жреческимъ богослуженіемъ.

Борьба между претендентами на престолъ и рядъ злодѣйствъ, рядъ возстаній въ Бактріи, Египтѣ, въ другихъ областяхъ составляютъ содержаніе персидской исторіи въ царствованія Артаксеркса I и Дарія II. Ксерксъ черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ саламинской битвы былъ убитъ въ постелѣ начальникомъ царскихъ тѣлохранителей, гирканцемъ Артабаномъ, при содѣйствіи евнуха Спамитра (или Митридата), завѣдывавшаго царскимъ дворцомъ и отворившаго ему дверь царской спальни. Аристотель говоритъ, что Артабанъ убилъ Ксеркса по боязни наказанія за то, что не исполнилъ даннаго ему Ксерксомъ повелѣнія распять на крестѣ Дарія, одного изъ сыновей царя; по другимъ извѣстіямъ, онъ хотѣлъ самъ овладѣть престоломъ и, убивъ царя, пошелъ къ Артаксерксу, сказалъ ему, что Дарій убилъ отца и хотѣлъ сдѣлаться царемъ; этимъ обманомъ онъ убилъ Артаксеркса велѣть, чтобы убить былъ Дарій; но онъ самъ подвергъ себя гибели своими преступленіями: по разсказу Діодора, онъ хотѣлъ убить и Артаксеркса, успѣлъ даже его ранить, но Артаксерксъ оборонялся

Нравственное
изнеможеніе
персовъ.

Исторія персид-
скихъ царей
послѣ Ксеркса.
Смерть Ксер-
кса.

убилъ его; по другому разсказу, Артаксерксъ узналъ о новомъ злодѣйскомъ его замыслѣ и велѣлъ казнить его. Сообщникъ Артабана Спамитръ былъ, какъ говорятъ, положенъ въ выдолбленную колоду, связанъ въ ней и оставленъ умирать въ долгихъ мученіяхъ отъ насѣкомыхъ. Царствова-

Артаксерксъ I. 465—425. ніе Артаксеркса, называемаго у греческихъ писателей Длиннорукимъ,— того царя, къ которому бѣжалъ Оемистоклъ,—длилось сорокъ лѣтъ. Онъ старался преобразовать администрацію и войско, чтобы возстановить силы государства, разстроенныя долголѣтнею неурядицей; но царство волновалось возстаніями. Гирканцы взбунтовались, желая отмстить за смерть своего соплеменника, Артабана. Возстали бактрійцы, хотѣвшіе возвести на престолъ бывшаго правителемъ у нихъ Гистаспа, младшаго брата Артаксеркса. Едва были усмирены эти мятежи, возстали египтяне; предводители возстанія, Инаръ и Амиртей, поддерживаемые аеинянами, пять лѣтъ боролись противъ персовъ. Ахементъ, братъ Артаксеркса, былъ разбитъ инсургентами и самъ погибъ въ сраженіи. Счастливымъ былъ Мегабизъ мужъ сестры царя, Амитиды. Онъ убѣдилъ Инара сдаться, обѣщавъ ему пощаду; но Артаксерксъ, не уваживъ даннаго Мегабизомъ обѣщанія, велѣлъ распять Инара на крестѣ. Мегабизъ, раздраженный этимъ нарушеніемъ заключеннаго имъ договора, возсталъ и овладѣлъ Сиріею. Царь два раза посылалъ противъ него войско; оба раза, онъ отбилъ нападеніе. При посредничествѣ Амитиды, братъ и мужъ ея примирились. Но въ душѣ царя осталась досада на Мегабиза. Однажды, на охотѣ, Мегабизъ успѣлъ раньше царя убить льва. Въ Артаксерксѣ вспыхнуло раздраженіе, и онъ отправилъ Мегабиза въ ссылку на берегъ Чермнаго моря. Черезъ пять лѣтъ Мегабизъ вернулся, переодѣтый, и по просьбѣ жены снова былъ прощенъ царемъ, принятъ въ число царскихъ сотрапезниковъ.—Отъ своей супруги персіянки Артаксерксъ имѣлъ одного сына, Ксеркса; отъ наложницъ онъ имѣлъ 17 сыновей, которые почти всѣ были при смерти отца областными намѣстниками. Царемъ сталъ Ксерксъ; но царствовалъ только 45 дней: одинъ изъ побочныхъ братьевъ его, Согдіанъ, при помощи нѣкоторыхъ приближенныхъ новаго царя, убилъ его во время сна, захватилъ власть, сталъ разными предлогами заманивать другихъ братьевъ изъ областей въ Сузу и убивать ихъ. Но отважнѣйшій изъ нихъ, Охъ (Свѣтлый), сатрапъ Гирканіи, не послушался приказанія Согдіана пріѣхать въ Сузу. Его сестра и жена Паризатида, дочь вавилонянки Андріи, женщина жестокая, но умная, руководила его дѣйствіями. По ея совѣту, онъ хотя выказывалъ намѣреніе ѣхать въ Сузу, но все отлагалъ и отлагалъ отъѣздъ, собирая войско; когда войско собралось, онъ пошелъ войною на Согдіана. Начальникъ копницы Арбарій, сатрапы Арменіи, Египта, другіе вельможи перешли на его сторону. Война кончилась скоро. Охъ обманомъ убѣдилъ Согдіана сдаться, обѣщавъ ему часть власти, и умертвилъ убійцу, похитителя власти; но, чтобы не пролить царской крови и не осквернить ни огня сожженіемъ, ни воды утопленіемъ человека, Охъ велѣлъ задушить его подъ кучею золы. Охъ принялъ имя Дарія; Греки называютъ его Нотъ (сынъ наложницы). Онъ царствовалъ около 20 лѣтъ; но власть пріобрѣтенная коварствомъ и убійствомъ принесла ему мало счастья. Мало пріобрѣлъ онъ и славы. По совѣту Паризатиды (Паридата, то есть, Перизаде, дочь Пери), женщины умной, какъ мы говорили, они вмѣшался въ войну между греками и повидимому это доставило ему большую выгоду: Тиссафертъ, Фарнабазъ, а потомъ младшій сынъ и любимецъ Паризатиды, Киръ, дѣйствуя по его инструкціямъ, упрочили владычество персовъ надъ Малою Азіею, вытѣснили аеинянъ съ восточныхъ морей, заключили съ спартамцами договоры на условіяхъ постыдныхъ для грековъ, и за ихъ уступки доставили имъ средства побѣдить

Ксерксъ II
убить 424.
Согдіанъ убитъ
424.

Дарій II (Нотъ)
423—404.

аеинянъ; но только эти дѣла и шли хорошо для персовъ при царѣ Даріѣ Нотѣ. Семейная жизнь его была опечалена несчастіями, омрачена злодѣйствами, а власть его часто колебалась мятежами народовъ или сатраповъ. Первымъ изъ этихъ мятежей было возстаніе Арсита, брата Дарія не только по отцу, но и по матери; оно сначала шла успѣшно; наконецъ Дарію удалось подкупить наемниковъ Арсита; заманивъ его въ свои руки коварными обѣщаніями, Дарій велѣлъ задушить его въ золѣ, какъ былъ задушенъ Согдіанъ. Черезъ нѣсколько времени возсталъ Писсутъ, сатрапъ лидійскій, а побочный сынъ его, Аморгъ, поднялъ возстаніе въ Каріи. При поддержкѣ греческихъ наемниковъ, которыми начальствовалъ аеинянинъ Ликонтъ, Писсутъ держался нѣсколько времени противъ персовъ. Но хитрый Тиссафертъ, посланный противъ него Даріемъ, подкупилъ наемниковъ и коварными обѣщаніями убѣдилъ Писсута сдаться. Спартамцы взяли въ плѣнъ Аморга и отдали его Тиссаферту; вмѣстѣ съ сыномъ Писсутъ былъ отправленъ въ Сузу; Дарій казнилъ ихъ, а Тиссаферта назначилъ въ награду за его заслуги сатрапомъ лидійскимъ. Въ Мидіи тоже произошло возстаніе, но было подавлено въ самомъ зародышѣ. Евнухъ Артоксаръ, любимецъ Дарія, хотѣлъ убить его; но замыселъ не удался. Менѣе удачны были дѣйствія персовъ въ Бактріи и Египтѣ: вспыхнувшія тамъ возстанія длились все царствованіе Дарія. Амиртей, бывшій помощникомъ Инара (стран. 540), оставался до самой смерти своей царемъ въ болотистой части Дельты и такъ упрочилъ независимость этой области, что по смерти его Дарій нашелъ надобнымъ признать власть сына его Павсира законною. Властолюбивая и мстительная Паризатида запятнала себя убійствами близкихъ родныхъ. Теритухмъ, персидскій вельможа, зять царя, увлекшись красавицею Роксаною, хотѣлъ убить свою жену; за это онъ самъ былъ убитъ; Паризатида велѣла похоронить живыми его мать, двухъ сыновей и дочерей; хотѣла умертвить и сестру Теритухма, Статирю, на которой былъ женатъ ея сынъ, Артаксерксъ; но онъ выпросилъ пощаду женѣ. Вражда между Паризатидою и Статирою долго дѣлила дворъ на двѣ партіи; борьба велась посредствомъ гнусныхъ коварствъ. (Впослѣдствіи Паризатида успѣла отравить Статирю). „Тебѣ прійдется раскаиваться“ говорилъ Дарій Паризатидѣ, предчувствуя, что ея властолюбіе подвергнетъ царское семейство новымъ бѣдствіямъ. Она убѣждала мужа назначить наслѣдникомъ младшаго ея сына, Кира, родившагося у нея, когда она была уже царицею; Дарій не согласился, оставилъ право наслѣдства за старшимъ сыномъ, Артаксерксомъ, который родился еще до восшествія его на престолъ. Но, какъ мы уже говорили (стран. 675), онъ назначилъ Кира верховнымъ правителемъ Лидіи, Фригіи, Каппадокіи, главнокомандующимъ всѣхъ войскъ Малою Азію, смотръ которымъ производился на Кастольской равнинѣ. Паризатида доставляла Киру средства щедро помогать спартамцамъ деньгами; благодаря его поддержкѣ, Лизандръ побѣдилъ аеинянъ, спартамцы сдѣлались владыками Греціи. Имѣя въ своемъ распоряженіи огромныя суммы, Киръ щедростью пріобрѣлъ много помощниковъ и приверженцевъ. Въ 405 году, когда надобно было ожидать, что Дарій скоро умретъ, Киръ пріѣхалъ въ Сузу. Его партія была ужь очень сильна; по смерти отца, новый царь Артаксерксъ, слѣдуя совѣту Тиссаферта, велѣлъ арестовать его, и онъ былъ приговоренъ къ смерти за умыселъ овладѣть престоломъ. Паризатида, умоляла старшаго сына пощадить ея любимца. Артаксерксъ II, котораго греки называютъ Мнемонъ („Памятливый“; онъ имѣлъ очень сильную память), былъ человекъ добродушный, легко поддавался чужому вліянію, думалъ больше объ удовольствіяхъ, чѣмъ о дѣлахъ. Онъ уступилъ просьбамъ матери, простилъ брата и возвратилъ

Мятежи.

Вражда Паризатиды къ Статирѣ.

Артаксерксъ
Мнемонъ
404—359.

Кирь осужденъ ему санъ правителя Малой Азіи. Кирь былъ озлобленъ униженіемъ, котораго онъ подвергся. Неблагоразумное великодушіе брата дало ему возможность продолжать приготовленія къ возстанію. Онъ возобновилъ свои интриги, не жалѣлъ денегъ на пріобрѣтеніе новыхъ приверженцевъ и подъ разными предлогами собиралъ войска. Безъ сомнѣнія Параситида знала объ этомъ, вѣроятно и сама возбуждала своего даровитаго, блестящаго младшаго сына, сама внушала мысль низвергнуть брата; это тѣмъ вѣроятнѣе, что Статира, которую она смертельно ненавидѣла, имѣла очень большое вліяніе на мужа, мѣшала ей владычествовать надъ Артаксерксомъ. Мы уже говорили, что Алкивіадъ думалъ раскрыть Артаксерксу умыселъ Кира и хотѣлъ схватить для этого въ Сузу (стран. 700), но былъ убитъ по распоряженію Фарнабаза. Быть можетъ Фарнабазъ хотѣлъ угодить этимъ Киру, а быть можетъ думалъ самъ пріобрѣсти признательность царя, раскрывъ ему умыселъ Кира, и убилъ Алкивіада для того, чтобы царь не получилъ извѣстій о заговорѣ помимо его самого. Артаксерксъ по временамъ посылалъ въ Малую Азію своихъ повѣренныхъ всмотрѣться въ дѣйствія Кира; но Киръ любезностью и богатыми подарками пріобрѣталъ себѣ въ нихъ новыхъ приверженцевъ, и они оправдывали его передъ царемъ. А онъ съ большою точностью посылалъ царю тѣ подати, какія обязанъ былъ передавать въ царскую казну; хорошей администраціей и строгимъ правосудіемъ возбуждалъ расположеніе къ себѣ; и ему удалось разсѣивать всѣ подозрѣнія, какія были у царя противъ него.

2) походъ Кира младшаго противъ Артаксеркса (401).

Когда Киръ, глубоко раздраженный униженіемъ, какое испыталъ въ Сузѣ, возвратился въ Сарды, пелопоннесская война только что кончилась, и было очень много греческихъ воиновъ, оставшихся безъ занятія. Множество грековъ скитались безпріютными изгнанниками. Потому Киру, имѣвшему огромныя денежныя средства и умѣвшему обращаться съ людьми, не трудно было собрать сильное наемное войско. Онъ былъ любезенъ, давалъ большое жалованье; греки и варвары охотно поступали на службу къ нему по расчету денежныхъ выгодъ, по любви къ военной жизни, по признательности къ нему за прежнюю щедрость. «Большая часть воиновъ», говоритъ Ксенофонтъ (*Anabasis VI, 4, 8*), поступали на службу Кира не по недостатку въ средствахъ къ жизни, а потому, что слышали похвалы его мужеству; многіе приводили съ собою другихъ, иные сами нанимали отряды для него на свои деньги; нѣкоторые покидали свои семейства; тѣ, у кого были дѣти, надѣялись пріобрѣсти богатство для нихъ, по слухамъ, что служить у Кира очень выгодно». Киръ былъ очень остороженъ и молчалъ о своемъ умыслѣ, чтобы дѣло не было разстроено предательствомъ. Онъ открылъ свое намѣреніе лишь немногимъ надежнымъ людямъ. Вербовка наемниковъ шла въ разныхъ мѣстахъ и подъ разными предлогами. Киръ просилъ спартанское правительство вступить въ союзъ съ нимъ, предлагая очень заманчивыя условія; оно не захотѣло заключить съ нимъ формальный до-

говоръ, но дѣлало видъ, будто не замѣчаетъ, что онъ вербуетъ наемниковъ и секретнымъ образомъ помогало ему въ этомъ.

Киръ былъ во враждѣ съ Тиссаферномъ; онъ ссылался на это въ объясненіе тому, что собираетъ греческихъ наемниковъ и туземное войско въ Іоніи: онъ говорилъ, что оно нужно ему для защиты Милета и другихъ греческихъ городовъ Малой Азіи, которые добровольно покорились ему и противъ которыхъ имѣетъ злые умыслы Тиссафернъ. Онъ далъ для вербовки наемниковъ большую сумму Клеарху, прогнанному изъ Византіи спартанскому горmostу, человѣку энергическому и опытному воину (стран. 793); набравъ отрядъ наемниковъ, Клеархъ велъ войну съ еракійскими племенами въ ожиданіи, пока призоветъ его къ себѣ Киръ. Одинъ изъ членовъ династіи Алевадовъ, владѣвшей ессалійскимъ городомъ Лариссою, Аристиппъ набралъ 4000 человѣкъ войска на деньги, данныя ему Киromъ и велъ пока войну съ ессалійскими своими противниками; Киръ далъ ему столько денегъ, что у него было чѣмъ содержать это войско цѣлые полгода; беотіецъ Проксенъ привелъ ему греческихъ наемниковъ, которыми говорилъ, что Киръ поведетъ ихъ на писидійцевъ; уроженецъ аркадскаго города Стимфала, Софенетъ и ахеецъ Сократъ тоже привели отряды наемниковъ. Пріѣхавъ въ Малую Азію по приглашенію Проксена аѣніянине Ксенофонтъ, желавшій увеличить свою военную опытность и посмотреть, какъ гдѣ живутъ люди. Проксенъ говорилъ ему, что Киръ съумѣетъ оцѣнить его лучше, чѣмъ его родина (въ Аѣянахъ тогда уже было восстановлено демократическое правленіе). Ксеній, мегарянинъ Пасіонъ и ессалиецъ Менонъ тоже собрали отряды гоплитовъ и легковооруженной пѣхоты. Даже изъ далекихъ Сиракузъ приплылъ Сосій съ 300 наемниковъ. Лакедемонская эскадра подъ начальствомъ Самія подошла къ берегу Киликіи, чтобы тайнымъ образомъ помогать приготовленіямъ Кира къ походу. Спартанскій военачальникъ Херисофъ съ отрядомъ 700 гоплитовъ присоединился къ войску Кира, показывая видъ, будто дѣйствуетъ безъ вѣдома спартанскаго правительства: эфоры не хотѣли открыто помогать Киру, чтобы не навлечь на Спарту гнѣвъ Артаксеркса, если царь побѣдитъ брата.

Кончивъ свои приготовленія къ походу противъ Артаксеркса, Киръ собралъ въ станъ, расположенный у Сарды, всѣ свои войска. Число греческихъ наемниковъ простиралось до 13000 человѣкъ; тутъ были греки всѣхъ племенъ, разныхъ сословій, были люди молодые, люди пожилыхъ лѣтъ, семейные; нѣкоторые были люди богатые. Число воиновъ разныхъ восточныхъ племенъ было 100,000. Киръ говорилъ, что пойдетъ на писидійцевъ, хищное племя, грабившее сосѣднія земли; этимъ оправдывалось то, что онъ собралъ войско, этимъ обманывалъ онъ и греческихъ наемниковъ, чтобы они шли съ нимъ. Еслибъ они знали, куда поведетъ онъ ихъ, то вѣроятно многіе отказались бы отъ участія въ такомъ трудномъ и рискованномъ предпріятіи. Весною 401 года войско пошло черезъ Лидію и Фригію на востокъ; этотъ походъ чрезвычайно занимательно описанъ Ксенофонтomъ въ его «Анабазисѣ». Кажется, будто читаешь интересныя записки путешественника, читая рассказъ Ксенофонта о томъ, какъ войско бодро и весело

Походъ изъ Сарды въ Тарсъ. Весна 401.

шло черезъ Лидію и Фригію, какъ оно проходило черезъ многочисленные богатые города: Колоссы, Келены, Иконій, направляясь на юго-востокъ. Въ великолѣпномъ паркѣ дворца той мѣстности, гдѣ находятся истоки ручьевъ, сливающихся въ рѣку Меандръ, былъ сдѣланъ смотръ войску. Когда оно стояло станомъ у Кестра (Каистра), пріѣхала туда красавица жена Сіаннеза, царя киликійскаго, который хотѣлъ держать себя такъ, чтобы уцѣлѣть, каковъ бы ни былъ исходъ войны: его жена привезла Киру большую сумму денегъ, а самъ онъ показывалъ видъ, будто остается вѣренъ царю и съ небольшимъ войскомъ занялъ проходы черезъ киликійскія горы; но когда приблизился Киръ, онъ быстро ушелъ, и войско Кира, не встрѣчая сопротивленія, прошло черезъ Тіану (Дану) на плодородную равнину, покрытую фруктовыми садами, виноградниками, нивами пшеницы, проса и кунжута; это была прелестная мѣстность. Отъ Сардъ до самаго Тарса походъ былъ такъ пріятенъ, что казался прогулкой. Съ большимъ удовольствіемъ рассказываетъ Ксенофонтъ о томъ, какой почетъ оказывалъ Киръ греческому войску; какъ аркадяне праздновали свое національное торжество въ честь Зевса ликейскаго (страница 33); и какъ смотрѣлъ Киръ на ихъ религіозные обряды и военные игры; какъ однажды гоплиты въ мѣдныхъ шлемахъ и пурпурныхъ плащахъ, маневрируя на смотрѣ, вдругъ пошли быстрымъ маршемъ къ персидскимъ шатрамъ, какъ удивились и испугались варвары, увидѣвъ это быстрое движеніе, Киликійская царица выпрыгнула изъ экипажа и побѣжала, торговцы сопровождавшіе войско побросали свой товаръ и тоже бѣжали, а греки хохотали этому. Киликійскій царь, запуганный греческими отрядами ходившими грабить его землю, пріѣхалъ въ Тарсъ выразить свою покорность Киру, и получилъ отъ него въ знакъ дружбы богатые подарки. Въ Тарсѣ греки стали говорить, что не пойдутъ дальше: прежде они не догадывались, теперь поняли, куда идетъ Киръ; они не хотѣли идти противъ персидскаго царя. Хитрый Клеархъ показалъ видъ, что сочувствуетъ имъ, но сталъ объяснять, что идти назадъ безъ согласія Кира будетъ очень трудно, они будутъ подвергаться большимъ лишеніямъ; Киръ сталъ увѣрять, что онъ идетъ не противъ царя, а противъ сатрапа, съ которымъ онъ во враждѣ, и обѣщалъ увеличить жалованье. Хитрости Клеарха и Кира подѣйствовали: греки согласились идти дальше. Поддерживаемый спартанскимъ флотомъ, слѣдовавшимъ вдоль берега, Киръ пошелъ дальше, перешелъ черезъ Сирійскія ворота, ущелье горы Амана, не встрѣтивъ сопротивленія: непріятельское войско занимавшее этотъ проходъ отступило; Киръ пошелъ черезъ Иссъ, черезъ Миріандръ, черезъ Сирію, богатую голубями и рыбою (I, 494) къ Тапсаку, стоявшему на Эвфратѣ. Тутъ войска узнали истинную цѣль похода; многіе стали роптать, сердились на своихъ предводителей; но вернуться было невозможно, а впереди была надежда на добычу, жалованье было большое;

Походъ къ Эвфрату.

Менонъ, желавшій заслужить признательность Кира, первый повелъ своихъ гоплитовъ черезъ рѣку, и колебаніе прекратилось. Уровень воды въ Эвфратѣ былъ тогда низкій, греки переправились безъ труда и снабженные въ изобиліи виномъ и хлѣбомъ пошли на югъ берегомъ рѣки по равнинѣ Месопотаміи, дивясь необозримой пустынѣ, гдѣ далеко кругомъ не было видно ни одного дерева, а въ низкомъ ароматическомъ кустарникѣ и камышѣ таилось множество драхвъ, другихъ птицъ, дикихъ ословъ; конные воины охотились за ними. Чѣмъ дальше шло войско, тѣмъ пустыниѣ становилась мѣстность и наконецъ исчезла всякая растительность; тутъ погибло много выюжнаго скота; воины съ большимъ трудомъ и за дорогую цѣну добывали съѣстные припасы у лидійскихъ и другихъ торговцевъ, слѣдовавшихъ за войскомъ. На мѣхахъ переправлялись они черезъ Эвфратъ купить ячменнаго и пальмоваго вина въ городѣ Хармандѣ, стоявшемъ на западномъ берегу. Киръ торопилъ войско. Однажды, когда возы завязли въ илѣ, знатные персы въ золотыхъ ожерельяхъ, составлявшіе его свиту стали по его приказанію вытаскивать возы, не жалѣя своей драгоценной одежды. Войско пришло наконецъ къ равнинѣ Кунаксы; тамъ близъ Мидійской стѣны въ десяти миляхъ на сѣверъ отъ Вавилона, встрѣтилъ войско Кира Артаксерксъ. Увѣдомленный Тиссаферномъ о томъ, что Киръ выступилъ изъ Сардъ на востокъ и о томъ, какую цѣль имѣетъ походъ, Артаксерксъ собралъ изъ восточныхъ областей царства несмѣтное пѣшее и конное войско. Оронть, родственникъ царской фамилии, находившійся въ войскѣ Кира, хотѣлъ уйдти съ отрядомъ конницы къ Артаксерксу, но это было узно. Киръ уже два раза прощалъ Оронту подобныя попытки, но теперь предалъ его суду; онъ былъ приговоренъ къ смерти и тайно умерщвленъ. Войска Кира шли теперь по мѣстности перерѣзанной канавами, тѣми «рѣками вавилонскими», вода которыхъ нѣкогда превращала пустыню въ цвѣтушій садъ. Киръ получилъ извѣстіе о приближеніи непріятеля и сдѣлалъ смотръ войску. Онъ съ полуночи до утра обѣждалъ отряды, ободряя ихъ. Онъ воспламенялъ въ грекахъ мужество прославляя греческую храбрость и любовь къ свободѣ, обѣщая несомнѣнную и легкую побѣду, говорилъ, что надобно выдержать только первое нападеніе врага, бросающагося въ атаку съ громкимъ крикомъ, но трусливаго; онъ обѣщалъ имъ такія награды, что они, воротясь на родину, будутъ предметомъ зависти своихъ согражданъ.

„Мое отцовское царство“, говорилъ онъ грекамъ, простирается на югъ до предѣловъ, за которыми нельзя жить людямъ отъ зноя, а на сѣверъ до предѣловъ, за которыми нельзя жить отъ холода. Все, что лежитъ между этими границами, находится въ управленіи сатраповъ, которые друзья моему брату; если вы побѣдите, то вы займете ихъ мѣсто, потому что мои друзья вы; кромѣ того я подарю золотой вѣнокъ каждому греку“.

Битва при
Кунаксѣ.

Но встрѣча войскъ произошла не такъ скоро, какъ ожидалъ Киръ. Шелъ день за днемъ, а непріятель все еще не показывался. Въ войскѣ Кира стали уже надѣяться, что битвы и не будетъ скоро; воины шли не такъ осторожно, не въ такомъ порядкѣ, какъ прежде. Наконецъ, войска сошлись на равнинѣ у Кунаксы. Войско Артаксеркса, передъ которымъ ѣхали 200 военныхъ колесницъ, было несравненно многочисленнѣе, такъ что центръ его, которымъ начальствовалъ самъ царь, былъ много дальше лѣваго крыла боевой линіи Кира, гдѣ начальствовали Менонъ и Аріэй. Правое крыло Кира, которымъ начальствовалъ Клеархъ, опиралось на Эвфратъ. Киръ совѣтовалъ Клеарху идти на центръ непріятеля, гдѣ находился Артаксерксъ съ Тиссаферномъ и другими персидскими вельможами; совѣтъ Кира былъ хорошъ: эта атака быстро рѣшила бы бой въ его пользу; но Клеархъ не захотѣлъ переменить своего плана битвы. Греки, благодаря своей храбрости и дисциплинѣ, разбили стоявшую противъ нихъ часть непріятельскаго войска и стройными рядами преслѣдовали бѣгущихъ; но Киръ увидѣлъ, что непріятельскій центръ дѣлаетъ поворотъ, хочетъ зайти въ тылъ грекамъ. Онъ бросился съ своею конницею въ атаку остановить это движеніе; онъ и его «сотрапезники» мчались впередъ, опрокидывая непріятеля, и очутились близъ Артаксеркса. Увидѣвъ брата, Киръ, по разсказу Ксенофонта, поскакалъ прямо на него, вскричавъ: «вижу его!»; по разсказу Ктезія, онъ ранилъ царя ударомъ копья въ грудь сквозь панцырь; Ктезія говоритъ, что лѣчилъ эту рану Артаксеркса. Въ ту минуту, какъ наносилъ Киръ этотъ ударъ, онъ былъ раненъ дротикомъ въ лицо пониже глаза. Началась ожесточенная схватка. Киръ былъ убитъ въ ней; восемь членовъ его друзей были убиты надъ его тѣломъ. Артапатъ (или Артасиръ), вѣрнѣйшій изъ его жезлоносцевъ, спрыгнулъ съ коня и бросился закрыть его тѣло собою; онъ былъ также убитъ. Такъ кончилъ жизнь храбрый и блестящій царевичъ, о которомъ Ксенофонтъ говоритъ, что никогда не было другого человѣка, котораго греки и варвары любили бы больше, чѣмъ его. Артаксерксъ велѣлъ отрубить голову и правую руку погибшаго брата, наградивъ убившихъ его и съ похвалой приписывая самому себѣ славу, что убилъ его. Соперничество между братьями, коренившееся въ томъ, что характеры ихъ были различны, было доведено внушеніями ихъ приближенныхъ до такой ненависти, что въ нихъ исчезли всѣ слѣды братской любви. Впослѣдствіи Паризатида снова стала господствовать надъ безхарактернымъ Артаксерксомъ, и тогда погибли всѣ, кого считала она виновными въ гибели Кира.

Смерть Кира.

Характеръ
Кира.

«Такъ умеръ Киръ, по единодушному мнѣнію всѣхъ знавшихъ его, бывшій послѣ Кира, основателя персидскаго царства, достойнѣе всѣхъ другихъ носить діадему», говоритъ Ксенофонтъ (Anabasis, I, 9): «Еще въ дѣтствѣ, когда воспитывался вмѣстѣ съ

братомъ и другими сверстниками, онъ превосходилъ всѣхъ скромностью, и былъ почти тѣмъ же старшимъ, чѣмъ тѣ, которые были ниже его по своему происхожденію. Онъ любилъ ѣздить верхомъ и умѣлъ хорошо обходиться съ лошадьми; показывалъ большое искусство и въ стрѣльбѣ изъ лука, бросаніи дротина. Когда выросъ и можно стало ему заниматься охотою, онъ страстно полюбилъ ее и отличался въ ней величайшею отвагой». Будучи правителемъ Малой Азіи, онъ, по словамъ Ксенофонта, строго наказывалъ преступниковъ. «По дорогамъ встрѣчалось много людей безъ рукъ, безъ ногъ, безъ глазъ; потому въ его намѣстничествѣ греки и варвары, если не были ни въ чемъ виноваты, безбоязненно могли ѣздить съ имуществомъ повсюду, куда хотѣли. Храбрымъ людямъ онъ оказывалъ большой почетъ. Потому много мужественныхъ воиновъ поступало на службу къ нему». Очень привлекалъ онъ къ себѣ щедростью. Тѣ драгоценные подарки, какіе получалъ отъ царя, онъ раздавалъ своимъ друзьямъ. Всѣ близкіе къ нему были осыпаны его милостями. «Самое лучшее украшеніе мужчины—украшать своихъ друзей», говорилъ онъ. Въ его характерѣ мы видимъ смѣсь подражанія греческимъ цивилизованнымъ обычаямъ съ варварскими привычками и врожденною жестокостью. Къ друзьямъ онъ былъ милостивъ, великодушенъ, къ врагамъ беспощаденъ. Онъ былъ ловокъ, разсчитливъ въ политическихъ дѣлахъ; въ сраженіяхъ, кромѣ личной храбрости, выказывалъ талантъ благоразумнаго полководца. Если бы ему удалось овладѣть персидскимъ престоломъ, онъ безъ сомнѣнія былъ бы замѣчательнымъ царемъ. Но неукротимое властолюбіе погубило его. Ранняя смерть его была счастьемъ для свободы Греціи. При его страсти окружать себя греческою обстановкой, при его талантахъ и при неистощимости средствъ, находившихся въ его распоряженіи, онъ подчинилъ бы Грецію своей власти.

Когда Киръ былъ убитъ, начальникъ конницы Аріэй и варварская пѣхота быстро отступили на то мѣсто, гдѣ былъ ихъ ночлегъ накануне. Войска Артаксеркса овладѣли непріятельскимъ станомъ, разграбили съѣстные припасы, захватили гаремъ Кира, у котораго въ числѣ наложницъ были двѣ знатныя и образованныя гречанки. Старшая изъ нихъ, фокеевка Мильто, попавъ въ плѣнъ, была взята въ гаремъ Артаксеркса и, какъ говорятъ позднѣйшія романтическія извѣстія, пріобрѣла своею красотою и умомъ большое вліяніе на царя. Младшая, милетянка, которая была привезена къ Киру въ Сарды своими родственниками, нашла средство бѣжать въ греческій станъ, и воины, оставленные тамъ для охраненія вещей, приняли ее подъ свою защиту.—Разграбивъ станъ Кира, Артаксерксъ и Тиссафернъ пошли на грековъ, которые, далеко прогнавъ побѣжденную ими часть непріятельскаго войска, возвращались на мѣсто битвы. Греки стали въ боевой порядокъ готовые сами атаковать приближавшагося врага. Увидѣвъ это, Артаксерксъ и его войска, во много разъ превосходившія грековъ числомъ, бѣжали въ паническомъ страхѣ, такъ что Клеархъ провелъ грековъ безъ всякаго урона въ станъ. Они были побѣдители. Но всѣ съѣстные припасы ихъ были разграблены, и имъ пришлось лечь спать голодными. Они дивились, что не возвращается къ нимъ Киръ. О его смерти они узнали только на слѣдующее утро; имъ сообщилъ это Проклъ, потомокъ спартанскаго царя Демарата (стран. 455 слѣд.).

Конецъ битвы.

3. ОТСТУПЛЕНИЕ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧЪ (400—399).

Греки соединя-
ются съ Аріа-
емъ.

Съ печалью и смущеніемъ услышали греки о смерти вождя, за которымъ шли. Они понимали, что этотъ неожиданный оборотъ дѣла поставилъ ихъ въ очень затруднительное положеніе. Клеархъ, которому, какъ самому опытному военачальнику, всѣ другіе начальники отрядовъ молча предоставили власть главнокомандующаго, послалъ Аріэю извѣстіе, что греки побѣдили, и предлагаютъ ему быть возведеннымъ ими вмѣсто Кира на персидскій престолъ. — Вмѣстѣ съ тѣмъ, Клеархъ велѣлъ рѣзать выючный скотъ, сколько понадобится на пищу, и собирать лежащія на полѣ битвы стрѣлы и плетеные щиты, на замѣну дровъ для приготовленія обѣда. Пока греки занимались этимъ, пріѣхали вѣстники отъ Артаксеркса, въ томъ числѣ два грека, Фалиръ, одинъ изъ приближенныхъ Тиссаферна, и Ктезій, врачъ царя; Артаксерксъ требовалъ, чтобы греки отдали оружіе. Клеархъ отпустилъ вѣстниковъ съ такимъ отвѣтомъ: «Если греки друзья царя, то оружіе нужно имъ для службы ему; а если они враги царя, оно нужно имъ, чтобы сражаться противъ него; потому оно и въ томъ и въ другомъ случаѣ для нихъ необходимо». Скоро возвратились тѣ, которые были посланы къ Аріэю; онъ отвѣчалъ грекамъ: знатные персы не согласятся, чтобы занималъ престолъ онъ, человѣкъ менѣе ихъ знатный; онъ возвращается въ Іонію; если греки хотятъ идти вмѣстѣ съ нимъ, то пусть ночью прійдутъ къ нему на то мѣсто, гдѣ ночевали передъ битвою. Греки согласились, присоединились къ нему; на слѣдующее утро и греки и варвары дали торжественную клятву не измѣнять другъ другу, дѣйствовать единодушно. Варвары обѣщались быть вѣрными проводниками грековъ.

Перемиріе.

Теперь слѣдовало рѣшить, какимъ путемъ идти. Отступать по прежней дорогѣ было невозможно: на ней нельзя было найти продовольствія. Разстояніе отъ Кунаксы до Эфеса составляло болѣе 2,200 верстъ; приближалась зима; потому что со времени выступленія войскъ изъ Сарды прошло болѣе полугода; ни ландкартъ, ни хорошихъ проводниковъ у грековъ не было. Потому они видѣли себя въ необходимости принять предложеніе Аріэя, который обѣщался провести ихъ назадъ новою дорогою, нѣсколько болѣе длинною, но за то безопасною. Онъ говорилъ, что надобно будетъ только сдѣлать большіе переходы въ первые дни, чтобы уйти впередъ отъ царскаго войска, и путь будетъ послѣ того спокоенъ. Для удобства отступленія, греки должны были запугать персовъ. Вечеромъ они съ крикомъ двинулись по направленію къ непріятелю и заняли нѣсколько деревень. Персы подумали, что они дѣйствительно хотятъ напасть, и до такой степени перепугались, что на слѣдующее утро Артаксерксъ предложилъ грекамъ перемиріе. Клеархъ принялъ пословъ передъ всѣмъ вой-

скомъ, построеннымъ въ боевой порядокъ, и говорилъ съ ними такъ самоувѣренно, такъ повелительно, что царь, желая смягчить грековъ, склонить ихъ на перемиріе, предложилъ имъ занять богатые деревни, въ которыхъ они нашли изобильное продовольствіе: пшеницу, пальмовое вино, превосходные финики. Персы дивились искусству, съ какимъ греки, подъ руководствомъ Клеарха, переправились по бревнамъ черезъ каналы, въ которыхъ варвары поднимали плотинами уровень воды, чтобы внушить имъ преувеличенныя понятія о трудности отступленія. Всѣ препятствія исчезали передъ энергіею и находчивостью грековъ.

Когда греки подкрѣпились изобильною пищею и виномъ, къ нимъ пріѣхалъ Тиссафернъ съ нѣсколькими знатыми персами и большою свитою рабовъ. Онъ сказалъ, что царь, по своей благосклонности къ грекамъ, поручилъ ему проводить ихъ въ Іонію; онъ будетъ заботиться, чтобы они на пути не имѣли недостатка въ продовольствіи; гдѣ не найдутъ они продовольствія на рынкѣ, они имѣютъ право сами брать то, что имъ нужно; но должны обѣщаться идти мирно и платить за продовольствіе. Греческіе военачальники приняли эти условія; заключили договоръ; и греки и персы скрѣпили его рукопожатіемъ и клятвами. Тиссафернъ уѣхалъ, сказавъ, что приготовить все надобное для похода въ Іонію; уѣхавъ, онъ не возвращался двадцать дней. Совѣтники царя задумали истребить грековъ. Персамъ не хотѣлось, чтобы греки вернулись на родину и рассказали, что разбили все персидское войско у воротъ царской столицы. Въ плодородной Вавилоніи греки легко могли удержаться при помощи ея населенія, угнетаемаго персами и недовольнаго ими, могли стать опасны для персидскаго царства. Персы хотѣли заманить ихъ дальше на востокъ, и надѣялись ихъ тамъ уничтожить.

Когда Тиссафернъ возвратился провожать, какъ онъ говорилъ, грековъ въ Малую Азію, они, строго соблюдавшіе перемиріе, скоро замѣтили, что онъ поступаетъ коварно. При немъ былъ сатрапъ Арменіи, Оронтъ; они привели съ собою большое войско. Скоро Аріэй отдѣлился отъ грековъ: братья и родственники убѣдили его перейти на сторону царя, обѣщавъ ему прощеніе за походъ съ Киромъ и за другія его вины передъ царемъ. Онъ присоединился къ Тиссаферну и Оронту. Греки, покинутые имъ, шли осторожно, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ персовъ, и располагались на ночь особымъ станомъ. Сдѣлавъ три перехода, греки и провожавшіе ихъ персы пришли къ Мидійской стѣнѣ, построенной по пересѣченной каналами мѣстности поперекъ Мессопотаміи отъ Эвфрата до Тигра; стѣна эта, сложенная изъ кирпичей съ асфальтомъ вмѣсто цемента, имѣла въ длину около 100 верстъ; высота ея была 100 футовъ, толщина 20 футовъ. Сдѣлавъ еще два перехода, греки пришли къ стоявшему на Тигрѣ городу Ситтакѣ. Персы убѣждали грековъ переправиться черезъ рѣку

Походъ черезъ въ ту же ночь, опасаясь, чтобы они не вздумали остаться подольше Вавилонію за или вовсе поселиться въ богатой хлѣбомъ и всякими плодами Вавилоніи. Греки не поддались на хитрость персовъ, остались почевать въ Ситтакѣ и на слѣдующій день перешли Тигръ по понтонному мосту. Они пошли восточнымъ берегомъ Тигра; мѣстность была большею частью пустынная, бесплодная. Задержекъ походу грековъ со стороны персовъ не было; но недовѣріе грековъ возростало, коварство персовъ становилось все яснѣе для нихъ. Такъ шли они четырнадцать дней и дошли до Большого Заба. Тиссафернъ доставлялъ грекамъ съѣстные припасы, какъ было условлено. Близъ Малаго Заба, когда греки проходили черезъ большія и богатые села, принадлежавшія Паризатидѣ, персы отдали имъ эти села на разграбленіе, въ насмѣшку надъ покровительницею Кира.

Коварство персовъ. Дошедши до Большого Заба, греки остановились и простояли три дня. Натянутыя отношенія между ними и Тиссаферномъ очень тяготили Клеарха; онъ отправился къ Тиссаферну объясниться; сталъ говорить, что ни греки, ни Тиссафернъ не имѣютъ расчета вредить другъ другу, что они поклялись передъ богами вѣрно исполнять условія перемирія, что если Тиссафернъ исполнить свою клятву, то греки будутъ чрезвычайно признательны къ нему, что при ихъ помощи онъ можетъ побѣдить всѣхъ своихъ враговъ и враговъ царя, сдѣлаться первымъ человекомъ въ царствѣ; потому онъ долженъ отбросить свои подозрѣнія противъ грековъ и сказать, кто разстроиваетъ клеветами на нихъ его доброе согласіе съ ними. Тиссафернъ сказалъ, что онъ очень радъ довѣрію, какое выказалъ къ нему Клеархъ, увѣрялъ, что хорошо понимаетъ пользу дружбы съ греками, потому будетъ честно исполнять условія договора, и пригласилъ Клеарха прійти завтра съ другими греческими военачальниками въ шатеръ къ нему; тогда онъ назоветъ ему людей, разстроивавшихъ доброе согласіе персовъ съ греками. Клеархъ поддался этому обману. Товарищи предостерегали его; но онъ подозрѣвалъ, что Менонъ, человекъ коварный, интригуетъ противъ него, хочетъ сдѣлаться главнокомандующимъ; по своему военному прямотушю онъ вѣрилъ Тиссаферну. На слѣдующій день онъ съ главными своими помощниками: Менономъ, Проксеномъ, Агіемъ, Сократомъ и двадцатью старшими послѣ нихъ начальниками отрядовъ (лохагами) отправился къ Тиссаферну; съ ними пошли 200 человекъ воиновъ, купить съѣстныхъ припасовъ въ персидскомъ станѣ. Какъ только вошли въ шатеръ Тиссаферна Клеархъ и четыре главные его помощника, персы бросились на нихъ и заковали ихъ въ цѣпи; въ ту же минуту было поднято надъ шатромъ красное знамя; это былъ условный знакъ, по которому персы умертвили лохаговъ, остававшихся передъ шатромъ, и всѣхъ греческихъ воиновъ, разошедшихся по стану.

Клеархъ и четыре военачальника, закованные въ цѣпи, были отправлены Казнь Клеарха къ царю въ Вавилонъ; Паризатида убѣждала сына пощадить хотя одного Клеарха, но и это не удалось ей. Клеархъ и трое другихъ были, по настоянію Статирѣ, казнены; ессаліецъ Менонъ, человекъ, по разсказу Ксенофонта, безсовѣстный и развратный, выставилъ себя передъ персами дѣйствовавшимъ въ ихъ пользу; его пощадилъ годъ; по Статирѣ добилась и его казни; онъ былъ преданъ мучительной смерти. То, что греки избавились отъ этого безчестнаго, вѣроломнаго человека, измѣнявшаго имъ, было для нихъ большимъ выигрышемъ. Но великою потерей была для нихъ утрата Клеарха, опытнаго и мужественнаго полководца, умѣвшаго поддерживать необходимую въ ихъ трудномъ положеніи строгую дисциплину; они имѣли довѣріе къ его военному таланту и слушались его распоряженій.— Въ Проксенѣ Ксенофонтъ потерялъ друга, о которомъ говоритъ съ горячей любовью; онъ былъ человекъ образованный, благородный, добрый.

Одинъ изъ пошедшихъ съ Клеархомъ воиновъ прибѣжалъ, раненый, въ греческій станъ, и рѣзко сказалъ о томъ, что случилось. Первымъ чувствомъ грековъ было негодованіе на гнусное вѣроломство Тиссаферна. Аріэй съ нѣсколькими другими военачальниками явился требовать, чтобы они сдались. Гнѣвъ на низкое коварство далъ имъ рѣшимость отвергнуть это требованіе. Но скоро ими овладѣли мысли о томъ, что они находятся въ отчаянномъ положеніи. Они были въ далекой, варварской странѣ, среди враждебнаго населенія; путь на родину былъ перерѣзанъ крѣпостями, широкими рѣками, непроходимыми хребтами горъ; у нихъ не было съѣстныхъ припасовъ, не было надежныхъ проводниковъ, не было конницы; и не осталось у нихъ такихъ начальниковъ, чья опытность внушала бы имъ довѣріе; а подлѣ нихъ было непріятельское войско. Они считали себя погибшими, упали духомъ. «Лишь немногіе ѣли въ тотъ вечеръ», говоритъ Ксенофонтъ: «и лишь немногіе развели себѣ на ночь огни. Многіе и не пришли почевать въ станъ, а легли тамъ, гдѣ случилось имъ бродить. Но мысли о томъ, что они не увидятъ родины, отцовъ и матерей, женъ, дѣтей не дали никому заснуть покойно».

Ксенофонтъ, пробужденный сновидѣніемъ отъ тревожной дремоты, Войско избира- сталъ раздумывать о томъ, что было бы безразсудствомъ бездѣй- ственно ожидать, пока нападутъ персы. Онъ разбудилъ уцѣлѣвшихъ главнокомандующихъ. второстепенныхъ начальниковъ отряда, которымъ командовалъ его несчастный другъ Проксенъ, и сталъ говорить имъ, что надобно выбрать главнокомандующаго, позаботиться о своемъ спасеніи. «Боги помогутъ намъ», говорилъ онъ въ этой полночной бесѣдѣ: «мы остались вѣрны клятвамъ, соблюдали договоръ, связывавшій насъ руки, принуждавшій насъ покупать все; скоро у насъ вышли бы деньги, и тогда мы увидѣли бы себя въ положеніи худшемъ нынѣшняго. А теперь все, чѣмъ изобилуетъ эта страна, всѣ сокровища ея будутъ достояніемъ храбрыхъ». Увлеченные его словами, слушатели выбрали его своимъ начальникомъ; только одинъ противорѣчилъ ему, доказывая

что единственное спасение для греков—просить милости царя. Они хотѣли лишить этого труса его команды, и отправить въ обозъ, чтобъ онъ былъ тамъ носильщикомъ,—и всмотрѣвшись въ него пристальнѣе, замѣтили, что уши его проколоты для серегъ, какъ у лидянъ; дѣйствительно онъ былъ лидянинъ; они съ позоромъ выгнали его изъ стана. Они созвали всѣхъ начальниковъ; Ксенофонтъ произнесъ въ этомъ собраніи пламенную рѣчь, убѣждая начальниковъ показать воинамъ примѣръ твердости духа, немедленно выбрать новыхъ наибольшихъ за мѣсто убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ. Онъ говорилъ, что если поступать единодушно, поддерживать порядокъ, — они спасутся, что мужествомъ вѣрнѣе можно спастись, чѣмъ трусостью. Спартанецъ Херисофъ поддержалъ предложеніе Ксенофонта, и тотчасъ же были выбраны военачальники на мѣсто погибшихъ. Было созвано все войско. Ксенофонтъ, въ блестящемъ вооруженіи, сказалъ войску превосходную рѣчь; онъ подкрѣплялъ мужество воиновъ надеждою на боговъ, помогающихъ людямъ, вѣрнымъ клятвѣ, напоминалъ имъ о побѣдахъ, одержанныхъ дѣдами и отцами ихъ надъ персами; говорилъ, что и сами они при Кунаксѣ побѣдили персовъ, доказывалъ, что не слѣдуетъ бояться ни персидской конницы, ни стремительныхъ рѣкъ; говорилъ имъ, что отбиться отъ персовъ легко, какъ это показываетъ примѣръ писидійцевъ, мизійцевъ, ликаонянъ, успѣвающихъ сохранять свою независимость; говорилъ, что если войско покажетъ видъ, будто хочетъ поселиться тутъ, царь проложитъ имъ къ отступленію такую дорогу, по которой можно будетъ ѣхать на колесницахъ, запряженныхъ четверней. «Но если бы мы долго остались тутъ, привыкли бы къ персидской роскоши, привыкли бы жить съ красавицами мидянками и персіянками, то, боюсь я, мы, подобно гомеровымъ лотофагамъ, позабыли бы родину. Потому я совѣтую: пойдемъ теперь же въ Элладу къ нашимъ соотечественникамъ, и скажемъ имъ, что если живутъ дома у себя бѣдно, могутъ идти сюда и овладѣть богатствами этихъ странъ». Онъ кончилъ рѣчь совѣтомъ взять съ собою только необходимое, сжечь все остальное, чтобы лишній обозъ не задерживалъ похода, и сохранять строжайшую дисциплину. «Если вы поставите себѣ правиломъ, что каждый обязанъ помогать начальникамъ наказывать непослушныхъ», говорилъ онъ, «то вмѣсто одного Клеарха непріятель увидитъ у насъ десять тысячъ Клеарховъ». Войско одобрило его рѣчь. Онъ посоветовалъ построиться въ каре, помѣстить остающійся обозъ въ средину, и идти въ сосѣднія богатые селенія, предложилъ поручить главное начальство Херисофу, — который и будетъ вести переднюю сторону каре; изъ четырехъ помощниковъ главнокомандующаго, два старшіе — однимъ изъ которыхъ былъ Клеаноръ — будутъ начальствовать боковыми сторонами каре, а младшіе, Тимасіонъ и самъ Ксенофонтъ, будутъ находиться при аррьергардѣ. — Войско одобрило всѣ эти пред-

Рѣчи и распоряженіе Ксенофонта.

ложенія. Греческіе воины были такъ разсудительны, что, съумѣвъ оцѣнить разумность совѣтовъ челоѣка, не занимавшаго до той поры никакой должности въ войскѣ, бывшаго простымъ волонтеромъ въ ихъ походѣ, предоставили ему распоряжаться всѣмъ; фактически, главнокомандующимъ сталъ онъ. И умственное превосходство его было такъ велико, что самъ Херисофъ, спартанецъ, подчинился молодому аѣинянину, умному, краснорѣчивому и энергическому.

Ксенофонтъ выказалъ великіе таланты, управляя отступленіемъ греческаго войска. Во все продолженіе похода главнокомандующимъ былъ собственно онъ, хотя для того, чтобы не возбуждать ропота между пелопоннесскими воинами, онъ предоставилъ званіе главнокомандующаго спартанцу Херисофу. Находчивый умъ аѣинянина быстро замѣчалъ опасности и изобрѣталъ средства отклонять ихъ. Въ первый день похода при переправѣ чрезъ Забъ, греки много страдали отъ конныхъ стрѣлковъ, безпрестанно подѣзжавшихъ, пускавшихъ стрѣлу и скакавшихъ назадъ. Ночью Ксенофонтъ сформировалъ отрядъ всадниковъ и отрядъ родосскихъ пращниковъ; на слѣдующій день они дѣйствовали такъ хорошо, что варвары нѣсколько дней потомъ не смѣли приближаться, и возобновили свои нападенія лишь, когда греки подошли къ горамъ, цѣпь которыхъ идетъ по берегу Тигра въ той мѣстности, гдѣ нѣкогда стояла Ниневія (I, 452 сл.). Тутъ грекамъ пришлось отбиваться отъ сильныхъ нападеній. Но въ богатыхъ селеніяхъ, стоявшихъ тамъ, гдѣ нынѣ находится городъ Заху, греки нашли въ изобиліи съѣстные припасы, отдохнули отъ трудовъ; раненные имѣли тутъ удобство лечиться. Чрезъ нѣсколько дней Ксенофонтъ велъ грековъ на гору, на которую въ то же время шли персы; надобно было опередить персовъ и Ксенофонтъ торопилъ своихъ воиновъ. «Тебѣ хорошо говорить, Ксенофонтъ», сказалъ ему сикіонецъ Сотеридъ: «Ты ѣдешь верхомъ, а я чуть не падаю подъ тяжестью своего щита». Ксенофонтъ тотчасъ же соскочилъ съ коня, вытолкнулъ Сотерида изъ рядовъ, вырвалъ у него щитъ и пошелъ впереди воиновъ въ своихъ тяжелыхъ латахъ всадника. Грекамъ удалось перейти гору, опередивъ персовъ. Съ наибольшими трудностями должны они были бороться, когда проходили чрезъ страну кардуховъ (курдовъ), храбрыхъ дикарей, жившихъ въ горахъ. Кардухи не признавали власти персидскаго царя; отважные стрѣлки, охотники и земледѣльцы, они не имѣли укрѣпленныхъ городовъ; но много разъ отбивались отъ персовъ, ходившихъ покорить ихъ селенія; и теперь персы проходили чрезъ ихъ землю только съ ихъ согласія. Они не захотѣли дозволить вооруженнымъ иноземцамъ мирно идти чрезъ ихъ страну, заняли горы и подали огнемъ костровъ сигналы дальнимъ своимъ племенамъ, чтобы всѣ сходились обороняться отъ приближающихся враговъ. Семь дней они храбро и искусно защищали проходы чрезъ свои горы; греки, при вступленіи

Ксенофонтъ ведетъ грековъ.

Походъ чрезъ страну Кардуховъ.

въ эти горы, сожгли всю обозную поклажу, кромѣ необходимѣйшихъ вещей, отпустили всѣхъ плѣнныхъ; но хотя и облегчили этимъ себѣ походъ, потерпѣли много вреда отъ огромныхъ камней, которые скатывали на нихъ кардухи, отъ кардухскихъ стрѣлковъ и пращниковъ. Наконецъ они дошли до рѣки Кентрита, составлявшей границу страны кардуховъ. Тутъ они отдохнули, напедши много вина и фруктовъ въ прибрежныхъ селеніяхъ. Но скоро они увидѣли, что имъ грозятъ новыя опасности. Рѣка была глубока; на другомъ берегу стояли густые отряды конницы, а по высотамъ стрѣлки; это были войска сатрапа Арменіи, начинавшейся на томъ берегу; а сзади грековъ шли кардухи, подстерегавшіе время, чтобы напасть на нихъ при переправѣ. Но греки восторжествовали и надъ этими опасностями. Херисофъ повелъ чрезъ рѣку въ бродъ главныя силы, а Ксенофонтъ между тѣмъ хорошо разстановилъ легковооруженныхъ воиновъ и сдѣлалъ такое искусное движеніе, что армянскіе всадники и стрѣлки торопливо ушли въ испугъ, а кардухи ограничились очень слабымъ нападеніемъ.

Походъ черезъ
Арменію.

Тиссафернъ уже давно прекратилъ преслѣдованіе грековъ; онъ пошелъ въ Малую Азію, главнымъ намѣстникомъ которой былъ назначенъ въ награду за свои заслуги. Сатрапъ Западной Арменіи Тирибазъ не имѣлъ охоты вступать въ войну съ греками и заключилъ съ ними договоръ, по которому обѣщалъ имъ свободный пропускъ и обязался доставлять съѣстные припасы, подъ условіемъ, что они не будутъ грабить и жечь селеній. Потому казалось, что походъ черезъ Арменію будетъ легокъ сравнительно съ прежними трудностями и лишениями. Дѣйствительно, греки на всемъ пути черезъ Арменію имѣли въ избыткѣ мясо, хлѣбъ, старое прекрасное вино, миндаль, изюмъ, терebinтовыя ягоды, простое и туалетное масло. Но время года было суровое, Арменія — страна горъ и путь былъ труденъ, опасенъ; холды и снѣгъ, лежавшій во многихъ мѣстахъ на нѣсколько футовъ вышиной, очень затрудняли походъ, много вредили и людямъ и вьючному скоту и лошадямъ. Многіе воины отморозили себѣ руки и ноги, нѣкоторые ослѣпли. Много ночей грекамъ пришлось проводить подъ открытымъ небомъ; иногда они находили себѣ пріютъ въ армянскихъ землянкахъ: у армянъ были подземныя жилища; тамъ помѣщался вмѣстѣ съ людьми и скотъ. Греки отдыхали въ этихъ подземныхъ селеніяхъ: пищи тамъ было много, и былъ у армянъ вкусный напитокъ изъ ячменя. Для скота были прорыты отлогіе спуски въ землянки, а люди сходили туда по лѣстницамъ. Ксенофонтъ живыми красками описываетъ недѣлю, весело проведенную греками въ подземныхъ армянскихъ жилищахъ; рассказываетъ, какъ они тамъ возлежали въ вѣнгахъ на постилкахъ изъ сѣна за обильными обѣдами, за которыми прислуживали имъ мальчики въ армянскомъ платьѣ.

Новыя трудности пути встрѣтили греки, когда перешли Восточный

Эвфратъ (Мурадъ) и Араксъ, который считали они за знаменитую въ греческихъ легендахъ рѣку Фазисъ; они вступили теперь въ горы, населенныя таохами, халибами, скотинянами (скиѣами) и другими кавказскими народами. Эти храбрыя племена, хорошо вооруженныя, не хотѣли пропустить грековъ черезъ свои земли: увели женъ и дѣтей въ укрѣпленія, построенныя высоко на горахъ; угнали туда и скотъ; они скатывали огромные камни на грековъ; а когда греки все-таки подходили къ укрѣпленію, женщины бросали со скалъ въ пропасти своихъ дѣтей и бросались сами вмѣстѣ съ мужьями. Халибы, которыхъ Ксенофонтъ называетъ самымъ храбрымъ изъ всѣхъ народовъ, встрѣчавшихся грекамъ на этомъ походѣ, оборонялись такъ мужественно, что грекамъ не удалось ограбить ни одного укрѣпленія. У нихъ были длинныя копья и короткіе мечи; они отрубали головы убитымъ непріятелямъ, пѣли и плясали, расхаживая съ этими головами. Наконецъ послѣ трудныхъ переходовъ греки дошли до священной горы, которая называлась Техъ или Техесъ, (между Эрзерумомъ и Трапезунтомъ). Первые, взшедшіе на эту гору, громко закричали; слѣдовавшіе за ними присоединялись къ ихъ крику, какъ всходили на вершину. Ксенофонтъ подумалъ, что на нихъ напали враги, вскочилъ на лошадь и поскакалъ съ конницею на помощь имъ; но въ эту минуту онъ и всѣ разслышали звуки слова, которое кричали люди на горѣ; они кричали *thalatta! thalatta!* (море! море!); всѣ бросились бѣжать на гору; взбѣжавъ на вершину, стали обниматься, и воины и начальники, и плакали отъ радости. Воины сложили груды камней, какъ памятникъ, набросали на него кожи, одежды, плетеные щиты, взятые ими въ добычу у враговъ. Потомъ они отпустили проводника, подаривъ ему серебряную чашу, коня и персидское платье.

Упорное со-
противленіе
халибовъ.

Греки видятъ
море.

По всему приморью были греческіе города. Войско могло считать теперь свои бѣдствія кончившимися. Правда, надобно было сдѣлать еще нѣсколько переходовъ по непріятельской землѣ; грекамъ удалось заключить договоръ о мирномъ пропускѣ съ макронами; но имъ пришлось съ большимъ трудомъ пробиваться черезъ землю колховъ; они пробились; счастливо пришли въ торговый греческій городъ Трапезунтъ и отдыхали тамъ тридцать дней; граждане дали имъ и съѣстные припасы и вино, давали имъ разные другіе подарки; въ изобиліи брали они съѣстные припасы и у колховъ, на которыхъ часто дѣлали набѣги въ наказаніе за ихъ вражду; брать добычу было легко, потому что селенія колховъ были неукрѣпленныя. Войско принесло великолѣпныя жертвы благодарности богамъ, въ особенности Зевсу Хранителю и Гераклу Вождю; весело шло время въ пирахъ и военныхъ играхъ. Молодые плѣнники участвовали въ состязаніи бѣга, плѣнницы смотрѣли на игры; это много увеличивало веселье игръ. — На совѣщаніи о томъ, какъ продолжать путь на родину, сушею или моремъ, огромное большинство воиновъ выска-

Греки прихо-
дятъ въ Тра-
пезунтъ.

Греки продолжали в пользу возвращенія моремъ; Херисофъ поѣхалъ въ Византию, чтобы нанять тамъ корабли. Войско осталось подъ начальствомъ Ксенофонта и дѣлало много набѣговъ на колховъ и на другія сосѣднія племена, добывая себѣ скоть и хлѣбъ. Но Херисофъ не возвращался: онъ не могъ найти кораблей.—Все кругомъ было ограблено и съѣдено; Ксенофонтъ сталъ совѣтывать войску идти берегомъ. Наняли нѣсколько кораблей, посадили на нихъ стариковъ, женщинъ, дѣтей, больныхъ, положили вещи, безъ которыхъ можно было обойтись, и войско пошло въ Керасунтъ; городъ, который тоже былъ колоніею Синопа, какъ и Трапезунтъ. Тутъ былъ сдѣланъ смотръ войску и оказалось, что въ немъ считается теперь 8600 человекъ; остальные погибли въ сраженіяхъ, или отъ мороза въ снѣжныхъ горахъ; нѣкоторые отъ болѣзней.

Стопникъ въ Котіорѣ. Изъ Керасунта воины пошли въ Котіору. Мосинки не хотѣли пропустить ихъ, и они, при содѣйствіи халибовъ, которые были врагами мосинокъ, взяли главный городъ этого племени. У мосинокъ они видѣли очень толстыхъ дѣтей богатыхъ семействъ: этихъ дѣтей откармливали вареными каштанами; они были бѣлые и такіе жирные, что въ толщину имѣли почти столько же, сколько въ длину; спины у нихъ были раскрашены, а животъ и грудь татуированы фигурами цвѣтковъ. Ксенофонтъ говоритъ, что мосинки — безстыднѣйшій изъ всѣхъ народовъ, встрѣчавшихся ему: мужчины и женщины ложатся у нихъ вмѣстѣ на виду у всѣхъ.—Въ Котіору войско пошло силою, и должно было выгнать хозяевъ изъ нѣкоторыхъ домовъ, чтобы положить тамъ своихъ больныхъ. Оно пробыло въ Котіорѣ 45 дней, все еще надѣясь, что вернется Херисофъ, и развлекалось отъ скуки гимнастическими играми. Оно стояло за городомъ, и получало съѣстные припасы отъ горожанъ и отъ нафлагонцевъ. Съ нафлагонцами сначала было у грековъ много дракъ, но потомъ они заключили миръ съ ихъ царемъ Кориломъ. Въ началѣ VI книги Ксенофонтъ очень мило рассказываетъ о томъ, какъ угощали греки нафлагонскихъ пословъ: за пиромъ возлежали на камышевыхъ матрасахъ, пили изъ деревянныхъ кубковъ; послѣ пира греки развлекали гостей играми, военными пѣснями и танцами.—Но строгая дисциплина, которую греки соблюдали въ непріятельскихъ земляхъ, теперь очень ослабѣла. Уже въ Керасунтѣ были случаи ослушанія начальству и обиды мѣстнымъ жителямъ; чѣмъ дольше шло время, тѣмъ болѣе разстроивалось прежнее единодушіе, необходимое условіе для достиженія хорошаго конца похода: между воинами распространились взаимныя подозрѣнія, клеветы; начиналъ выказываться безцеремонный эгоизмъ, корыстолюбіе и самолюбіе производило ссоры. Многіе самовольно уходили грабить сосѣднихъ жителей, и притомъ не по надобности въ съѣстныхъ припасахъ, а для того, чтобы вернуться къ роднымъ не съ пустыми руками. Нѣкоторые изъ недовольныхъ старались возбудить въ товарищахъ подозрѣнія противъ Ксенофонта, говорили, что онъ хочетъ поселить ихъ гдѣ-нибудь на побережьи Чернаго моря, или отвести ихъ на рѣку Фазисъ. Быть можетъ у Ксенофонта дѣйствительно и была какая-нибудь мысль этого рода. Но созвавъ войско, онъ мастерски оправдался отъ обвиненій; увѣрялъ воиновъ, что никогда не захочетъ сдѣлать ничего важнаго противъ ихъ желанія, заклиналъ ихъ остаться единодушными, не расходиться, дѣлать все по общему согласію; доказывалъ, что это необходимо, если они хотятъ благополучно вернуться на родину; предлагалъ, чтобы подвергнуты были строгому наказанію всѣ его поступки. Ему удалось убѣдить воиновъ и восстановить между ними единодушіе. Жрецъ Силанъ, одинъ изъ людей, клеветавшихъ на Ксенофонта, скоро принужденъ былъ бѣжать отъ негодованія воиновъ; нѣкоторые изъ начальниковъ, виновныхъ въ нарушеніи порядка, были подвергнуты денежнымъ штрафамъ. Авторитетъ Ксенофонта сталъ силенъ по

прежнему. Войско поплыло въ Синопъ; туда пріѣхалъ къ нему Херисофъ. Воины хотѣли, чтобы главнокомандующимъ оставался Ксенофонтъ, но онъ отказался отъ этой чести и убѣдилъ войско снова предоставить этотъ санъ Херисофу; онъ считалъ необходимымъ, чтобы главнокомандующимъ былъ спартанецъ, потому что Спарта владычествовала тогда надъ всею Греціей. Изъ Синопа войско поплыло въ мегарскую колонію Гераклею; и тутъ, какъ въ Синопѣ, граждане давали ему съѣстные припасы, вино, дѣлали подарки воинамъ; но они потребовали отъ города большой суммы денегъ; гераклеяне заперли ворота своего города и прекратили сношенія съ ними. Изъ-за этого возникли въ войскѣ раздоры и оно раздѣлилось на три части. Ахейцы и аркадяне, которыхъ было около 4500 человекъ, выбрали своихъ особыхъ начальниковъ, поплыли въ Кальпу, городъ, стоявшій между Гераклеєю и Византіей, и ходили изъ Кальпы грабить сосѣднія отсюда не укрѣпленныя селенія. Херисофъ и Ксенофонтъ пошли тоже въ Кальпу, но сухимъ путемъ и разными дорогами. Съ каждымъ изъ нихъ было по 2000 человекъ; Херисофъ шелъ вдоль берега, Ксенофонтъ дальше отъ моря. На пути Ксенофонтъ услышалъ, что ахейцы и аркадяне, пустившись грабить, попали въ бѣду: воины убили многихъ изъ нихъ и окружили уцѣлѣвшихъ. Онъ пошелъ на помощь къ нимъ, прогнавъ непріятеля и всѣ три отряда снова соединились въ Кальпѣ. Наученные опытомъ, воины постановили наказывать смертью тѣхъ, кто предложилъ бы имъ опять раздѣлиться.—На Херисофа эти происшествія подѣйствовали такъ тяжело, что онъ заболѣлъ и въ припадкѣ бреда принялъ ядъ. Его преемникомъ былъ назначенъ Неонъ, уроженецъ Асины. Въ Кальпѣ войско скоро стало терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Ксенофонтъ отлагалъ выступленіе изъ этого города, потому что предзнаменования были неблагоприятны. У воиновъ возникло подозрѣніе, что онъ хочетъ поселить ихъ тутъ, въ мѣстности, удобной для хлѣбопашества, винодѣлія, разведенія смоковничныхъ садовъ. Неонъ повелъ часть войска грабить виоинцевъ; они при помощи войскъ Фарнабаза разбили его; 500 человекъ изъ пошедшихъ съ нимъ были убиты; непріятель подошелъ къ самому стану грековъ, такъ что они провели всю ночь подъ оружіемъ. Они очень упали духомъ. Но Ксенофонтъ отбилъ непріятеля; греки похоронили убитыхъ товарищей. Положеніе воиновъ улучшилось: набѣги на богатые сосѣднія мѣстности доставили имъ съѣстные припасы. Войско набрало много добычи и наконецъ пошло сухимъ путемъ въ Хризополь, городъ, стоявшій близъ Халкедона, противъ Византіи. Оно предложило спартанскому гармосту Византіи, Клеандру, пріѣзжавшему въ Кальпу, быть главнокомандующимъ; но онъ отказался. Войско стояло въ Хризополѣ семь дней. Анаксибій, начальникъ спартанскаго флота, убѣдилъ грековъ переправиться на европейскій берегъ, обѣщая имъ жалованье. Онъ обманывалъ ихъ, въ угоду желанію Фарнабаза, хотѣвшаго изъбавить отъ нихъ свою область. Когда они переправились, безсовѣстный Анаксибій, не давая имъ ни денегъ, ни съѣстныхъ припасовъ, велѣлъ имъ идти дальше. Они были такъ раздражены, что силой ворвались въ Византію и безъ сомнѣнія ограбили бы ее, какъ взятый приступомъ городъ, если бы Ксенофонтъ не уговорилъ ихъ воздержаться отъ этого. Онъ собралъ ихъ, поставилъ въ строй и сказалъ имъ: «Не дѣлайте всѣхъ грековъ врагами вамъ, не безславьте себя насиліемъ противъ греческаго города; не поступайте съ нимъ такъ, какъ не поступали въ варварскими городами. Лучше, чѣмъ дожить до такого позора, я желаю бы лежать глубоко подъ землею». Онъ говорилъ такъ убѣдительно, что образумилъ ихъ. Не сдѣлавъ никакой обиды гражданамъ, эти люди, многіе изъ которыхъ вошли въ городъ съ намѣреніемъ ограбить его, вышли за ворота и расположились станомъ въ полѣ. Но мало пользы принесло имъ то, что они послушались Ксенофонта и воздержались отъ насилій. Аристархъ, новый гармостъ Византіи, велѣлъ схватить, какъ мятежниковъ, тѣхъ изъ нихъ, которые остались въ городѣ; ихъ было до 400 человекъ; Аристархъ продалъ ихъ въ рабство. Многіе разошлись изъ стана по разнымъ городамъ; и быть можетъ, все войско разсѣялось бы, если бы не нашлось ему дѣла. Анаксибій, разсердившись на Фарнабаза, не давшаго ему обѣщанныхъ денегъ, уговорилъ Ксенофонта, сложившаго съ себя команду надъ войсками, снова принять ее и переправиться опять въ Азію, въ сатрапію

Походъ отъ Синопа въ Гераклею.

Воины дѣлятся на три разные отряда.

Смерть Херисофа.

Бѣдствіе въ Кальпѣ.

Походъ изъ Кальпы въ Хризополь.

Анаксибій обманываетъ войско.

Ксенофонтъ спасаетъ Византию отъ грабежа.

Предательство спартанскихъ гармостовъ.

Фарнабаза. Аристархъ, подкупленный Фарнабазомъ, хотѣлъ помѣшать этому и задумалъ захватить Ксенофонта коварствомъ, подобнымъ тому, какимъ Тиссафернъ захватилъ Клеарха. Но Ксенофонтъ, предупрежденный о его намѣреніи, не дался въ обманъ. Положившимися у него воиновъ было бѣдственное: они не имѣли ни приюта, ни продовольствія; у многихъ воинами гнѣхъ не было и денегъ. Потому Ксенофонтъ вступилъ въ сношенія съ еракійскимъ царемъ Севтомъ, который былъ выгнанъ изъ своего царства и обѣщалъ воинамъ Ксенофонта большое жалованье, щедрыя награды, если они помогутъ ему завоевать наследственное владѣніе. Заключивъ договоръ съ нимъ, Ксенофонтъ повелъ къ нему остатокъ войска. Союзъ былъ отпразднованъ пиромъ. Два мѣсяца греки вели войну съ еракійскими племенами, много страдали отъ холода и отъ тяжелой борьбы, но покорили Севту почти всѣ тѣ племена, съ которыми сражались. Севтъ плохо исполнилъ свои обѣщанія, не далъ полного вознагражденія ни воинамъ, ни начальникамъ ихъ. Положеніе Ксенофонта было непріятно. Севтъ сердился на него за требованіе, чтобы обѣщанія были исполнены; воины, возбуждаемые клеветниками, стали сомнѣваться въ его добросовѣстности. Но мастерскою рѣчью онъ разсѣялъ ихъ подозрѣнія, и довѣріе къ нему возстановилось. Въ это время пріѣхали послы отъ спартанскаго военачальника Эмброна съ приглашеніемъ поступить на службу къ нему; лакедемоняне воевали тогда съ Тиссаферномъ. Греки съ радостью согласились идти на войну противъ своего смертельнаго врага. Севтъ былъ то же радъ, что они уходятъ, потому что ихъ помощь ужъ доставила ему все, чего онъ хотѣлъ. При поддержкѣ спартанцевъ, Ксенофонтъ успѣлъ принудить Севта уплатить воинамъ часть обѣщаннаго жалованья. Севтъ убѣждалъ Ксенофонта остаться съ 1000 голлитовъ на службѣ у него, дѣлалъ новыя выгодныя обѣщанія; но Ксенофонтъ повелъ свои войска въ Малу Азію. Онъ былъ тогда такъ бѣденъ, что принужденъ былъ въ Лампсакѣ продать свою лошадь. Но онъ сдѣлалъ удачный набѣгъ на одного изъ персидскихъ вельможъ, и часть богатой добычи была предоставлена ему; а когда привелъ въ Пергамъ къ спартанцамъ свое войско, въ которомъ считалось еще 6000 человекъ, тѣ щедро наградили его, такъ что онъ возвратился въ Грецію довольно богатымъ человекомъ. По совѣту своего друга, жреца Эвклида, онъ принесъ въ Лампсакѣ жертву «Зевсу Благоклонному» (Zeus Meilichios); совѣтъ Эвклида, какъ видимъ, былъ хорошъ: Зевсъ исполнилъ просьбу Ксенофонта. Лакедемоняне оказывали Ксенофонту большой почетъ; выкупили и возвратили ему лошадь, которую онъ продалъ въ Лампсакѣ, и когда онъ уѣзжалъ, предложили ему взять, что ему угодно изъ добычи.

Его приношенія богамъ. Походъ продолжался годъ и три мѣсяца. Путь отступленія отъ Кунаксы составлялъ около 4000 верстъ. — Ксенофонтъ возвратился, кажется, въ Аѣны, но скоро уѣхалъ оттуда; онъ отправился къ спартанскому войску и своимъ сподвижникамъ воевать съ Тиссаферномъ. — Когда греческіе воины, возвращавшіеся отъ Кунаксы, дѣлили въ Керасунтѣ добычу, они назначили десятую долю ея въ приношеніе богамъ. Ксенофонтъ употребилъ часть этой суммы на приношеніе въ Дельфійскій храмъ; другая часть была предназначена Артемидѣ эфесской; на эти деньги Ксенофонтъ купилъ землю въ Скилунтѣ, построилъ тамъ небольшой храмъ Артемиды и поставилъ въ немъ статую ея изъ кипарисоваго дерева; храмъ, жертвенникъ въ немъ и статуя богини были сдѣланы по образцу эфесскихъ, только въ уменьшенномъ размѣрѣ. Земли храма составляла часть имѣнія, которое приобрѣлъ себѣ Ксенофонтъ; оно было прекрасное; лѣсъ, луга, сады давали большой доходъ; Ксенофонтъ сдѣлалъ на вѣчныя времена распоряженіе, что десятая часть дохода съ имѣнія должна быть отдаваема въ храмъ, и что будущіе владѣльцы должны поддерживать его въ хорошемъ видѣ. Пока самъ онъ жилъ въ этомъ помѣстьѣ, онъ каждый годъ дѣлалъ большой праздникъ въ честь богини, приглашалъ сосѣдовъ на торжество и угощалъ ихъ.

3. Война Спарты съ персами. Походы Агезилая.

Греческіе города малоазійскаго побережья всѣ, кромѣ Милета, Спартанцы на- были на сторонѣ Кира и перестали платить дань персидскому царю. чинаютъ войну Вернувшись изъ похода противъ Кира и грековъ, Тиссафернъ, на- въ защиту мало- значенный на мѣсто Кира главнымъ правителемъ (kapanos) Малой азіатскихъ гре- Азіи, немедленно началъ войну противъ этихъ городовъ, чтобы снова ковъ противъ подчинить ихъ персидской власти. Это поставило Грецію въ такія персовъ. отношенія къ персидскому царю, которыя нѣсколько напоминали то, что было при Кирѣ, основателѣ персидскаго царства, и при Даріи Гистаспѣ. Малоазійскіе города обратились съ просьбой о помощи къ спартанцамъ, господствовавшимъ тогда въ греческомъ мірѣ. Эфоры понимали, что при двусмысленности, съ какою держали они себя во время возстанія Кира, нельзя рассчитывать на миръ съ персидскимъ царемъ; потому не отвергли просьбы малоазійскихъ городовъ. Воз- возвращеніе греческихъ воиновъ изъ похода Кира, по видимому, раз- сѣяло прежнія ошибочныя мысли грековъ о могуществѣ персидскаго царя, раскрыло имъ слабость персидскаго государства. Спартанцы быстро рѣшили начать войну, принять на себя достойную ихъ по- положенія обязанность и освободить отъ персидской власти греческіе города Малой Азіи, которые прежде были отданы ими подъ иго персовъ.

Если бы спартанцы стали вести войну съ персами энергически, Характеръ военной поли- если бы они обратили силы греческаго народа на борьбу съ персами, тики спартан- они упрочили бы свое преобладаніе въ Греціи: многіе изъ недоволь- цевъ. ныхъ ими перестали бы роптать, недовѣріе къ нимъ разсѣялось бы. Но они, или считали нужнымъ оставлять главныя свои силы въ Ев- ропѣ, подозрѣвая грековъ въ замыслахъ противъ ихъ преобладанія, или находили надобнымъ беречь кровь полноправныхъ спартанскихъ гражданъ для поддержанія олигархіи въ своемъ собственномъ госу- дарствѣ; какъ бы то ни было, но они цѣлые три года вели войну слабо и потому безуспѣшно. Войско, съ которымъ былъ посланъ въ Азію Эмбронъ (Эмбронъ), состояло изъ 1000 лакедемонскихъ по- 400—399. выхъ гражданъ (неодамодовъ) и 4000 пелопоннесскихъ союзниковъ. По требованію спартанцевъ аѣиняне послали Эмброну 300 всадни- ковъ; это были самые энергическіе люди изъ числа тѣхъ всадниковъ, приверженцевъ олигархіи, которые поддерживали владычество Трид- цати тиранновъ; новое демократическое правительство считало вы- игрышемъ для себя удалить ихъ изъ Аѣинъ, и полагало, что если они погибнутъ, тѣмъ лучше. Спартанцы рассчитывали, что сильно будутъ помогать имъ азіатскіе греки, освобожденіе которыхъ было

непосредственной цѣлью войны; но эти греки были уже до такой степени изнѣжены, что оказывались неспособны дѣйствовать энергически. Маленькіе династы греческаго происхожденія, предки которыхъ были по разнымъ случаямъ поселены Даріемъ и Ксерксомъ въ Пергамѣ, Тевтрании и вообще по всей Эолидѣ, выказали больше усердія къ національному дѣлу, чѣмъ всѣ остальные азіатскіе греки.

Впрочемъ Фимбронъ былъ и не такой человѣкъ, чтобы возбудить въ анатолійскихъ грекахъ одушевленіе, готовность на усилія и жертвы. Онъ не умѣлъ удержать свои войска отъ буйства и грабежа; притомъ онъ имѣлъ такъ мало конницы, что былъ принужденъ ограничиваться незначительными походами по Эолидѣ. Даже и тогда, когда силы его были увеличены присоединеніемъ грековъ, возвратившихся изъ похода къ Вавилону съ Киромъ, онъ не приобрѣлъ никакихъ важныхъ успѣховъ. Онъ осадилъ Лариссу (называвшуюся въ отличіе отъ другихъ городовъ того-же имени Лариссой египетскою), но не могъ взять ее; пошелъ по приказанію эфоровъ въ Карію, но въ Эфесѣ его встрѣтилъ Деркиллидъ, назначенный преемникомъ ему, хорошій воинъ и человѣкъ такой изворотливый, что за хитрость называли его Сизифомъ. Союзники жаловались на Фимброна, что онъ позволяетъ своимъ войскамъ грабежъ; въ Спартѣ предали его суду и приговорили къ изгнанію.

Деркиллидъ.
399—397.

При новомъ главнокомандующемъ война пошла нѣсколько успѣшнѣе прежняго. Тиссафернъ былъ во враждѣ съ Фарнабазомъ; воспользовавшись этимъ, Деркиллидъ заключилъ съ Тиссаферномъ миръ и пошелъ со всѣми своими силами на сѣверъ, къ Геллеспонту, въ сатрапію Фарнабаза. Ларисса, Колоны, Кербенъ, нѣкоторые другіе города были сданы спартамъ или самими жителями, или стоявшими въ нихъ греческими гарнизонами; Деркиллидъ объявилъ ихъ свободными. Правителемъ Эолиды и Троады сдѣлался за нѣсколько времени передъ тѣмъ Мидій, убивъ свою тещу, царицу Манію. Его царство принадлежало къ сатрапіи Фарнабаза; но Фарнабазъ былъ враждебенъ ему и не пошелъ защищать его. Деркиллидъ хитростью взялъ его въ плѣнъ, овладѣлъ его городами Скеписомъ и Гергисомъ и хранившимися въ нихъ сокровищами. Обрадованный такими успѣхами, онъ принесъ жертву благодарности Аѣинѣ, покровительницѣ Иліона и страны тевкровъ. Въ восемь дней онъ овладѣлъ девятью городами; но приближалась зима и онъ опасался, что, если останется въ той мѣстности долго, греки этихъ городовъ станутъ роптать на обременительность расходовъ по содержанію его войска. Потому онъ предложилъ Фарнабазу перемиріе; Фарнабазъ былъ радъ; они заключили перемиріе и потомъ продлили срокъ его. Такимъ образомъ война лакедемонянъ съ персами, веденная довольно слабо, теперь на нѣкоторое время совершенно прекратилась. Чтобы добывать содержаніе своему войску и не давать ему отвыкнуть отъ походовъ, Деркиллидъ

предпринималъ небольшія экспедиціи противъ виоинцевъ; Фарнабазъ не мѣшалъ ему въ этомъ. Потомъ Деркиллидъ построилъ стѣну поперекъ перешейки Херсонеса еракійскаго; она оградила отъ нападеній конныхъ еракійскихъ хищниковъ этотъ полуостровъ, на которомъ стояло 11 греческихъ городовъ, доставила безопасность ихъ плодороднымъ нивамъ и стадамъ ихъ прекрасныхъ пастбищъ. Построивъ стѣну, Деркиллидъ возвратился въ Малую Азію и осадилъ городъ Атарней, которымъ завладѣла толпа хіосскихъ изгнанниковъ, ходившихъ оттуда грабить сосѣднія мѣстности. Взявъ Атарней послѣ восьмимѣсячной осады, Деркиллидъ пошелъ противъ соединенныхъ войскъ Тиссаферна и Фарнабаза, помирившихся между собой. Греки и персы сошлись на равнинѣ Меандра и близка была битва; но Тиссафернъ послѣ сраженія при Кунаксѣ (стран. 808) очень боялся греческой храбрости, потому предложилъ заключить миръ.

Когда военачальники сѣхались для переговоровъ, Деркиллидъ потребовалъ, чтобы персидскій царь призналъ независимость греческихъ городовъ Малой Азіи, а сатрапы требовали, чтобы спартанскія войска были выведены изъ персидскихъ владѣній; чтобы правленіе гармостовъ и декарховъ въ греческихъ городахъ было отмѣнено, и чтобы власть въ нихъ была возвращена народу и правительственному совѣту, какъ было прежде. Было рѣшено послать эти условія на утвержденіе персидскому царю и эфорамъ, а до полученія отвѣтовъ прекратить военныя дѣйствія. Такимъ образомъ мира еще не было, но война остановилась. Лакедемонскія войска почти всѣ были отозваны эфорами и почти повсюду были отмѣнены ими учрежденныя Лизандромъ олигархическія правительства. Но тѣ греческіе волонтеры, которые возвратились изъ похода въ Персію съ Киромъ и находились, повидимому, опять подъ начальствомъ Ксенофонта, оставлены были гарнизонами въ нѣкоторыхъ малоазійскихъ городахъ, а въ другихъ городахъ стояли гарнизонами другіе наемники.

Перемиріе.

Но персидскій царь былъ менѣе эфоровъ расположенъ къ миру. Кононъ на Вѣ финикійскихъ гаваняхъ снаряжался большой флотъ; это дѣло велось главнымъ образомъ по настоянію Паризатиды, которой помогали своимъ вліяніемъ придворный врачъ Ктезій. Спартамъ видѣли, что персидскій царь хочетъ возобновить войну противъ нихъ; это стало совершенно ясно, когда они узнали, что начальство надъ персидскимъ флотомъ, силу котораго предположено было увеличить до 300 триеръ, сотласился принять непримиримый врагъ Спарты, аѣинскій полководецъ Кононъ; который со времени эгоспотамской битвы жилъ на Кипрѣ (стран. 685), у своего друга, царя Эвагора, который производилъ свой родъ отъ предка, переселившагося на Кипръ изъ Аттики. Эвагоръ всѣми силами поддерживалъ, помогалъ исполненію задуманнаго Конономъ плана уничтожить, при помощи персовъ, деспотическое владычество Спарты надъ Греціею.

Эти извѣстія, привезенныя въ Спарту сиракузскимъ купцомъ Ге-

Кононъ на
службѣ у пер-
сидскаго царя.

Миролюбивое настроение спартанцев. родомъ, произвели тамъ большую тревогу. Эфоры вовсе не желали вести серьезную войну въ Малой Азіи; они думали не объ отдаленныхъ экспедиціяхъ, а о томъ, чтобы постепенно разрушать всѣ федерации въ европейской Греціи, для упроченія спартанскаго владычества надъ нею. Они знали, что въ ней повсюду существуетъ недовольство деспотизмомъ Спарты, потому охотно удовлетворились бы условіями мирнаго договора, заключеннаго Деркиллидомъ съ малоазійскими сатрапами. Это видно изъ того, съ какою готовностью они уничтожили олигархическія правительства въ малоазійскихъ городахъ и отозвали оттуда своихъ гармостовъ. Персидскій царь оказалъ спартанцамъ очень важныя услуги въ войнѣ съ Аѣинами и постоянно выказывалъ расположеніе къ нимъ. Эфорамъ очень не хотѣлось бы снова посылать войско противъ стараго союзника, начинать дѣло, которое могло обратиться въ пользу демократіи. Агезилай и Лизандръ напротивъ того всѣми силами дѣйствовали въ пользу войны. У каждаго изъ нихъ были свои особенные мотивы желать ея. Агезилай, которому тогда было около 40 лѣтъ, тяготился незначительностью своего положенія въ Спартѣ; онъ жаждалъ возможности пріобрѣсти себѣ военную славу, доставить и своему отечеству славу подвиговъ болѣе великихъ, чѣмъ побѣды надъ греками, хотѣлъ быть вождемъ греческаго народа, вести его войска въ земли національнаго врага. Онъ видѣлъ въ персидской войнѣ возобновленіе великихъ дѣлъ старины, направить политику своей родины на путь патріотизма, доставить Спартѣ возможность проявленія своей гегемоніи предпріятіемъ благороднымъ, не возбуждающимъ ненависти въ подвластныхъ ей греческихъ государствахъ, сдѣлать призваніемъ Спарты освобожденіе всѣхъ грековъ отъ ига варваровъ. Въ мысляхъ у него носились образы троянской войны, первой борьбы греческаго міра противъ Азіи, хотя онъ, человекъ маленькаго роста, сухощавый и хромоу, очень мало походилъ на героевъ Гомера. Лизандръ, дававшій ему свои совѣты, руководился другими мотивами, не національными чувствами, а честолюбіемъ и олигархическими тенденціями. Онъ надѣялся, что и теперь, какъ послѣ битвы при Аргинузскихъ островахъ, онъ будетъ главнокомандующимъ на дѣлѣ, хотя по имени этотъ санъ будетъ носить другой; онъ полагалъ, что его появленія въ Азіи вполне достаточно для того, чтобы снова захватили въ свои руки власть олигархическіе клубы, чтобы снова управленіе было передано декархіамъ и чтобы онъ снова сдѣлался повелителемъ греческаго міра. Вѣроятно, по его совѣту, Агезилай, чтобы сдѣлать эфоровъ уступчивѣе, говорилъ имъ, что для войны не нужно много войска, достаточно будетъ 6000 человекъ пелопоннесскихъ союзниковъ и 2000 новыхъ гражданъ (неодамодовъ), жизнью которыхъ не дорожила аристократія; полноправныхъ гражданъ нужно ему только 30 человекъ, чтобы составить изъ нихъ военный совѣтъ и поручить имъ начальство надъ отрядами. Лизандръ

Агезилай и Лизандръ склоняютъ спартанцевъ къ войнѣ.

полагалъ, что при помощи своихъ друзей, малоазійскихъ олигарховъ, онъ легко наберетъ въ Малой Азіи столько войска, сколько будетъ надобно, и получить тамъ все необходимое для войны. Греки, возвратившіеся съ Ксенофонтомъ, еще стояли гарнизоны въ малоазійскихъ городахъ; это были опытные воины; война обѣщала богатую добычу, потому не могло быть недостатка въ наемникахъ. По всѣмъ областямъ Греціи бродили тогда толпы изгнанниковъ и другихъ безпріютныхъ людей; походы съ цѣлью грабежа считались тогда честной войною.

Эфоры согласились дать Агезилаю то количество войска, какого онъ просилъ, и онъ отправился въ эвбейскій городъ Герестъ, чтобы плыть оттуда въ Эфесъ. Онъ всячески старался придать войнѣ національный характеръ; но важнѣйшіе изъ союзныхъ государствъ, Аргосъ, Коринѣ, Аѣины и Фивы, отказали въ своемъ содѣйствіи; беотійцы выказали даже явную враждебность: Агезилай хотѣлъ по примѣру Агамемнона принести въ Авлидѣ торжественную жертву Артемидѣ; Авлида была беотійскій городъ, беотійцы прогнали Агезилая и его свиту, не давъ имъ исполнить жертвенные обряды; этой обиды никогда не могъ имъ простить Агезилай. Времена общаго національнаго воодушевленія давно миновали; между прежнею персидской войною и тою, которая начиналась теперь, лежало столько горькихъ воспоминаній о междоусобіяхъ, что грекамъ нелегко было соединиться на общее дѣло. Притомъ Лизандръ былъ не такой человекъ, чтобы можно было сочувствовать дѣлу, о которомъ онъ хлопоталъ, а самъ Агезилай выказывалъ себя до сихъ поръ только спартанцемъ съ отсталыми спартанскими понятіями; онъ соединялъ въ себѣ съ хорошими качествами старинныхъ спартанцевъ и всѣ ихъ недостатки: умѣлъ переносить физическія лишенія, былъ практиченъ, изворотливъ, умѣлъ выражаться коротко и сильно, но былъ человекъ мало образованный, слѣпой поклонникъ старины и отличался отъ прежнихъ спартанскихъ царей только своей угодливостью эфорамъ и герусіи, послушностью ихъ приказаніямъ. Лозунгъ «освобожденіе Греціи» потерялъ свой смыслъ въ устахъ спартанцевъ, такъ постыдно злоупотреблявшихъ этими словами въ пелопоннесскую войну и послѣ нея; эгоизмъ спартанской политики постоянно проявлялся съ такой безцеремонностью, что не возможно было вѣрить въ національныя чувства человека, преданнаго старымъ спартанскимъ обычаямъ, какъ Агезилай; національное чувство его должно было казаться лишь прикрытіемъ властолюбія.

По прибытіи Агезилая въ Эфесъ дѣла продолжали идти прежнимъ порядкомъ; казалось, и не произведетъ онъ никакой перемѣны въ нихъ. Онъ началъ тѣмъ, что продлилъ на три мѣсяца перемиріе съ Тиссаферномъ, который говорилъ, что въ это время будетъ имъ полученъ отвѣтъ царя на требованіе признать свободу греческихъ го-

Нерасположеніе грековъ къ войнѣ съ персами.

Агезилай въ Эфесѣ. 396.

родовъ, а на самомъ дѣлѣ хотѣлъ воспользоваться отсрочкою военныхъ дѣйствій для того, чтобы набрать побольше войска и получше приготовиться къ войнѣ. Спартанскіе военачальники также употребили время перемирія на то, чтобы увеличить свое маленькое войско и пріобрѣсти поддержку малоазійскихъ грековъ. При переговорахъ съ греками, Агезилай увидѣлъ, какое положеніе хочетъ занимать Лизандръ, и какъ понимаютъ олигархи пріѣздъ Лизандра. Они полагаютъ, что онъ доставитъ имъ власть, и толпами шли къ нему съ своими совѣтами и просьбами, такъ что онъ, по словамъ Ксенофонта, былъ окруженъ цѣлымъ дворомъ, и казалось, что царь — онъ, Агезилай — просто частный человѣкъ. Это высокомеріе оскорбляло не только честолюбиваго Агезилая, но и тѣхъ спартанцевъ, которые составляли военный совѣтъ: Лизандръ, предсѣдатель совѣта, никогда ни въ чемъ не спрашивалъ ихъ, распоряжаясь самовластно. Потому имъ было очень пріятно, что Агезилай сталъ унижать ихъ надменнаго предсѣдателя. Онъ оставлялъ безъ вниманія всѣ совѣты и просьбы Лизандра, предпочитая имъ мнѣнія и рекомендаціи другихъ, потому Лизандръ принужденъ былъ совѣтовать своимъ друзьямъ, чтобы они не просили его содѣйствія, объяснилъ имъ, что его просьбы повредятъ ихъ интересамъ. Число его приверженцевъ быстро уменьшилось при безполезности его дружбы. «Ты умѣешь унижать своихъ друзей», сказалъ однажды обиженный Лизандръ царю. «Да», отвѣчалъ царь, «когда они хотятъ стать выше меня; но я почелъ бы за стыдъ себѣ не оказывать почета тѣмъ, которые полезны мнѣ». Лизандръ, вѣроятно, самъ чувствовалъ, что Агезилай правъ, и попросилъ царя послать его куда-нибудь съ какимъ-нибудь порученіемъ, чтобы избавить отъ непріятности, или бездѣйствовать здѣсь, или казаться непріятнымъ своему другу; куда бы Агезилай ни послалъ его, говорилъ онъ, усердно будетъ онъ стараться быть ему полезнымъ. Царь согласился и послалъ его въ Геллеспонтъ. Лизандръ никогда не могъ простить Агезилаю униженіе, какому неблагодарный другъ подвергъ его.

Походъ во Фригію.

Между тѣмъ кончился срокъ перемирія; Тиссафернъ, вмѣсто признанія свободы грековъ, потребовалъ, чтобы спартанскія войска удалились. Это уничтожило всѣ надежды на миръ, дѣло должно было рѣшиться оружіемъ. Тиссафернъ полагалъ, что непріатели пойдутъ въ Карію, гдѣ находились его родовыя владѣнія, и сосредоточилъ свои войска на равнинѣ Меандра; но Агезилай пошелъ во Фригію, взялъ нѣсколько городовъ и, выдержавъ сраженіе съ конницею Фарнабаза у Даскилея, возвратился съ богатой добычею въ Эфесъ. Временемъ зимы воспользовался онъ для увеличенія своей конницы и для обученія управленія войскъ. Ксенофонтъ съ большимъ удовольствіемъ рассказываетъ, какое усердіе къ военнымъ занятіямъ возбудилъ храбрый царь въ своихъ воинахъ, съ какой гордостью возвращались они съ ученія,

надѣвъ на головы вѣнки; какъ старались воины каждого рода оружія заслужить награды, назначенныя Агезилаемъ за искусство въ ихъ специальномъ дѣлѣ: всадники за ѣзду, стрѣлки за стрѣльбу, воины, вооруженные дротиками, за мѣткое бросаніе ихъ. Агезилай былъ чрезвычайно простъ въ своемъ образѣ жизни, одѣвался бѣдно; но онъ съ царской щедростью награждалъ друзей и подчиненныхъ; онъ былъ веселаго характера, любилъ шутить, былъ добродушенъ, доброжелателенъ, поступалъ съ плѣнными и рабами кротко; при этомъ онъ былъ храбръ лично и отваженъ какъ военачальникъ, переносилъ всѣ военные лишенія и быстро пріобрѣталъ репутацію искуснаго полководца. Все это внушало воинамъ привязанность къ нему. Азіатскіе греки съ любопытствомъ и удивленіемъ смотрѣли, какъ смиренно принимаютъ великолѣпно одѣтые варвары приказанія этого маленькаго хромого человѣка въ бѣдномъ плащѣ, съ толстой спартанской палкой въ рукѣ *). Обучивъ свои войска и назначивъ новыхъ начальниковъ, Агезилай весною смѣлѣе прежняго пошелъ на врага болѣе многочисленнаго, чѣмъ греки. Какъ истинный спартанецъ, онъ всегда дѣйствовалъ осмотрительно и цѣнилъ военную хитрость не меньше храбрости. Тиссафернъ опять ждалъ, что онъ пойдетъ въ Карію, но онъ пошелъ на Сарды и три дня опустошалъ Лидію. Персидская конница, не дожидаясь стоявшей въ Каріи пѣхоты, пришла на Пактолъ прогнать его, но потерпѣла пораженіе. Агезилай овладѣлъ персидскимъ станомъ, нашелъ тамъ 70 талантовъ деньгами; взялъ притомъ нѣсколько верблюдовъ, которыхъ послѣ привелъ съ собою въ Грецію. Эта первая побѣда Агезилая имѣла чрезвычайно выгодное для него послѣдствіе. Тиссафернъ, находившійся во время сраженія въ Сардахъ, подвергся обвиненіямъ въ томъ, что сраженіе проиграно по его измѣнѣ, или небрежности къ дѣламъ; Паризатида, по смерти Статиры (стр. 803), владычествовала надъ безхарактернымъ сыномъ и, смертельно ненавидя человѣка, который погубилъ ея любимца, Кира, дождалась теперь случая отмстить ему. По приказанію царя Аріей, бывшій сподвижникомъ Кира, арестовалъ Тиссаферна и казнилъ его во фригійскомъ городѣ Колоссахъ. Греки считали казнь Тиссаферна воздаяніемъ ему за коварство, погубившее ихъ военачальниковъ. Персидскій дворъ полагалъ, что война съ спартанцами возбуждена собственно имъ, и новый сатрапъ Лидіи Тиеравстъ пред-

Побѣда при Сардахъ 395 г.

Казнь Тиссаферна.

*) Агезилай хотѣлъ показать грекамъ, какъ велико превосходство ихъ по физической силѣ и по ловкости надъ варварами, которые никогда не выставляютъ свое тѣло безъ одежды вѣтру, непогодѣ, знойнымъ лучамъ, между тѣмъ какъ они постоянно упражняются въ гимнастикѣ нагѣ; для этого онъ велѣлъ выставить плѣнныхъ азіатцевъ на продажу нагими; когда воины увидѣли тѣло варваровъ, никогда не подвергавшееся загару, и мягкія очертанія ихъ мускуловъ, неспособныхъ къ тяжелымъ успліямъ, то стали думать, что воевать съ этими людьми будетъ легко, какъ съ женщинами. (Павзаній, VI, 7, 2).

Переміріє съ ложилъ Агезилаю миръ; персы соглашались предоставить свободу Тиоравстѣмъ. малоазійскимъ греческимъ городамъ подъ условіями, что они будутъ платить царю прежнюю дань, и что спартанскія войска удалятся изъ Азіи. Но Агезилай хотѣлъ воспользоваться выгодами своего положенія. Его власть была теперь обширнѣе прежней: эфоры поручили ему начальство и надъ флотомъ, который долженъ былъ дѣйствовать противъ Конона, принявшаго начальство надъ финикійскимъ флотомъ, стоявшаго съ нимъ у Родоса и перехватывавшаго корабли, шедшіе изъ Египта съ хлѣбомъ. Агезилай отвѣчалъ Тиоравсту, что для заключенія мира нужно согласіе спартанскаго правительства; но соглашался заключить перемиріе, если Тиоравстъ дастъ ему 30 талантовъ на содержаніе войска и не будетъ мѣшать его нападенію на Фарнабаза, противъ котораго онъ хочетъ воевать до полученія отвѣта изъ Спарты. Тиоравстъ, человѣкъ хитрый, хорошо знавшій слабыя стороны греческаго государственнаго быта, охотно принялъ предложеніе Агезилая, дававшее ему время завести интриги въ Греціи; пріятно ему было и то, что Агезилай пойдетъ на Фарнабаза, котораго онъ ненавидѣлъ. Такимъ образомъ война получила характеръ грабежа: цѣлью ея стало теперь не освобожденіе грековъ, а просто пріобрѣтеніе добычи. Агезилай назначилъ начальникомъ флота своего родственника Пизандра, не обращая вниманія на то, что онъ не опы-

Назначеніе Пизандра начальникомъ флота. тень въ морскомъ дѣлѣ. Благодаря усердію малоазійскихъ городовъ и въ особенности олигарховъ, друзей Спарты, число кораблей, составлявшихъ флотъ, возросло до 120 тріэръ. Агезилай пошелъ во

Фригію, и сталъ опустошать ее, склонивъ къ возстанію противъ персовъ пафлагонскаго царя Отиса, и прожилъ зиму въ очаровательныхъ садахъ Даскилея, прекрасной резиденціи Фарнабаза, который скитался съ своимъ войскомъ, какъ номадъ; греки овладѣли и его станомъ, въ которомъ взяли множество дорогой посуды и богатой одежды; Фарнабазъ увидѣлъ себя въ необходимости просить мира у Агезилая.

Свиданіе Агезилая съ Фарнабазомъ. Ксенофонтъ украшаетъ свои рассказы объ Агезилаѣ романтическими эпизодами. Онъ съ большимъ удовольствіемъ рассказываетъ, какъ Агезилай устроилъ свадьбу Отиса съ красавицей дочерью персидскаго вельможи Спитридата, который по враждѣ къ Фарнабазу помогалъ ему во фригійскомъ походѣ. Очень живо описываетъ Ксенофонтъ свиданіе Агезилая и тридцати сопровождавшихъ его спартанцевъ съ Фарнабазомъ и его великолѣпною свитою на прекрасномъ лугу. Персы въ роскошныхъ одеждахъ легли на мягкіе матрасы, а спартанцы, одѣтые бѣдно, сѣли просто на траву; Ксенофонтъ выставляетъ на видъ этотъ контрастъ и прибавляетъ, что персы сами стыдились своей изнѣженности. Но спартанцамъ слѣдовало гораздо больше стыдиться за себя, слушая короткую вступительную рѣчь Фарнабаза: напомнивъ имъ, какія услуги оказалъ онъ лакедемонянамъ въ полопоннесскую войну, какъ онъ помогалъ имъ деньгами и флотомъ, однажды даже вѣхалъ на конѣ въ море, сражаясь за нихъ (стран. 673), онъ сказалъ: „А теперь я доведенъ вами до того, что когда хочу въ своей области поѣсть, то долженъ, какъ дикій звѣрь, подбирать то, что

осталось послѣ васъ. Наслѣдованные мною отъ отца прекрасные дворцы и парки, составлявшіе радость мою, сожжены и опустошены вами“. Спартанцамъ нечего было отвѣчать на его вопросъ: неужели у нихъ таковы правила благодарности? — Агезилай софистически оправдывалъ себя обычаями войны и посоветовалъ Фарнабазу возстать противъ царя. Персъ прямодушно и честно отвѣчалъ: „Если царь назначитъ сатрапомъ другого и поставитъ меня подъ его начальство, то я стану вашимъ другомъ и союзникомъ; но пока я остаюсь правителемъ, честь требуетъ, чтобы всѣ мои средства я употреблялъ на войну съ вами“. — Агезилай пожалъ ему руку, обѣщалъ уйдти изъ его области, оставить его въ покоѣ, и обмѣнялся подарками гостепріимства съ его сыномъ.

Агезилай пошелъ на равнину троянскаго города Өивъ. Слѣдующей весной онъ хотѣлъ идти въ глубину Азіи. Но онъ долженъ былъ дѣлать Троаду. перейти на другой театръ войны. Не ему, не Спартѣ было суждено совершить то, что задумалъ онъ. Греки позднѣйшаго времени горько сожалѣли о томъ, что у Агезилая была отнята возможность исполнить его планъ, что не грекамъ досталась слава разрушить персидское царство. Но эта задача превышала силы Агезилая и спартанскаго государства. Правда, персидское царство было готово къ паденію; но своими самоубійственными раздорами греки лишили себя славы завоевать его; это досталось на долю молодому герою, царю народа, болѣе единомудушнаго.

4. Новые раздоры въ Греціи. Коринѣская война.

Заключивъ на полгода перемиріе съ Агезилаемъ, Тиоравстъ употребилъ это время на то, чтобы возбудить недовольныхъ Спартою грековъ къ войнѣ противъ нея. Мы знаемъ, что въ Греціи владычествовало сильное раздраженіе противъ гнета спартанской гегемоніи. Ксенофонтъ говоритъ, что Тиоравстъ послалъ хитраго родосца Тимократа, подкупить Өиванскихъ, коринѣскихъ и аргосскихъ демогоговъ, чтобы они склонили народъ своихъ государствъ къ войнѣ съ лакедемонянами, что онъ далъ Тимократу 50 талантовъ на подкупъ; Ксенофонтъ приводитъ имена людей, которыхъ, по его словамъ, подкупилъ Тимократъ. Очень возможно, что Тимократъ и дѣйствительно давалъ деньги. Но Греція еще не пала такъ низко, чтобы собственно подкупъ могъ вовлечь греческія государства въ междоусобную войну; рѣшившись снова подвергнуть опасности свое благосостояніе и жизнь, греки имѣли на это другіе мотивы. Спартанцы дѣйствовали самовластно, политика ихъ была узкая, олигархическая; съ демократами поступали они жестоко; напримѣръ, убили много гражданъ города Гераклеи, стоявшаго близъ горы Өты

Враждебное Спартѣ настроеніе Греціи.

Персидскія
интриги.

(стран. 793); очевидно было, что они хотят разрушить всѣ федераціи, подчинить всю Грецію своему произволу. Эти и тому подобныя причины давно возбудили въ большихъ государствахъ непріязнь къ нимъ. Коринѣяне и беотійцы не захотѣли участвовать ни въ ихъ походахъ противъ Аѣинъ и Элиды, ни въ персидской войнѣ. Безъ сомнѣнія, Тимократъ старался усилить эту непріязнь къ Спартѣ. Вѣроятно, онъ приводилъ грекамъ въ примѣръ свой родной островъ, который незадолго передъ тѣмъ сдѣлалъ попытку отложиться отъ союза съ лакедемонянами; вѣроятно, обѣщалъ помощь персовъ, давалъ деньги на расходы по приготовленіямъ къ войнѣ; быть можетъ и подкупалъ продажныхъ людей. Но ѳиванецъ Исменій, который, по словамъ Ксенофонта, тоже былъ подкупленъ Тимократомъ, былъ однимъ изъ богатѣйшихъ людей своего времени и пользовался большимъ уваженіемъ демократовъ. Когда началась война, то къ врагамъ Спарты присоединились и Аѣины; это было естественно: они такъ много пострадали отъ Спарты; объ Аѣинахъ и Ксенофонтъ не говоритъ, что тутъ дѣйствовали персидскія деньги.

Лизандръ идетъ
въ Беотію.

Поводомъ къ войнѣ послужила ссора между опунтскими локрійцами и фокейцами изъ-за пограничнаго клочка земли. Локрійцы одолѣли, при содѣйствіи ѳиванцевъ. Фокейцы обратились къ спартамъ съ просьбою о помощи. «Это», говоритъ Ксенофонтъ, «дало лакедемонянамъ желанный случай начать войну съ ѳиванцами, на которыхъ они давно сердились. Время было благоприятно ихъ желанію подавить высокомеріе ѳиванцевъ, потому что война въ Азіи шла успешно: Агезилай одерживалъ побѣды; и казалось, что ни отъ какого другого изъ греческихъ государствъ нельзя опасаться непріязненныхъ дѣйствій». Потому эфоры поручили Лизандру собрать въ Фокидѣ и Ѳессаліи войско и идти къ Галіарту: туда долженъ прійти царь Павзаній съ лакедемонскими и пелопоннесскими войсками; соединившись, онъ и Лизандръ пойдутъ на Ѳивы. Лизандръ былъ очень радъ этому порученію; оно давало ему случай возстановить свое вліяніе на государственныя дѣла; быть можетъ, онъ надѣялся пріобрѣсти такую силу, что можно будетъ отмстить Агезилаю за униженіе и лишить гераклидовъ наслѣдственного права на царскій санъ. Узнавъ о томъ, что Лизандръ ведетъ войско въ Беотію, ѳиванцы отправили къ аѣинянамъ посольство съ просьбою о заключеніи союза. Ораторъ ѳиванскаго посольства говорилъ аѣинянамъ, что этотъ союзъ будетъ для нихъ еще полезнѣе, чѣмъ для самихъ ѳиванцевъ. Руководители аѣинскаго народа, и въ особенности Тразибулъ, убѣдили его принять предложеніе ѳиванцевъ. Аѣиняне быстро собрали войско, и оно пошло охранять Ѳивы, между тѣмъ какъ ѳиванское войско двинулось на Лизандра, который, съ обычною своею энергіею, склонивъ Орхомень отложиться отъ союза съ Ѳивами, и разграбивъ Лебадею, подошелъ къ стѣнамъ Галіарта, надѣясь, что ужь найдетъ у этого города Павзанія, которому послалъ письменное

Союзъ Ѳивъ
съ Аѣинами.

извѣщеніе о томъ, въ какой день подойдетъ туда. Но гонецъ былъ перехваченъ ѳиванцами, и вмѣсто Павзанія пришли къ Галіарту они; Лизандръ въ это время, соскучившись ждать Павзанія и желая не дѣлиться съ нимъ славою успѣха, началъ приступъ къ городу; приступъ не удался; осажденные, отбивъ Лизандра, тѣснили его съ фронта, а ѳиванцы напали на него съ другой стороны; его войско потерпѣло полное пораженіе и самъ онъ былъ убитъ однимъ изъ галіартскихъ воиновъ. Войско его бѣжало въ горы, но тамъ оправилося и отбило ѳиванцевъ, слишкомъ горячо погнавшихся за побѣжденными. Такимъ образомъ, ѳиванцы дорого заплатились за свою побѣду. — Перебирая вещи Лизандра, ѳиванцы нашли его замѣтки, показывавшія, что онъ хотѣлъ произвести насильственный переворотъ въ спартанскомъ государственномъ устройствѣ. Но у него не доставало рѣшимости, нужной для такого дѣла. Умѣнья интриговать было мало для этого. — Вскорѣ пріишелъ къ Галіарту Павзаній, во время битвы стоявшій у Платей. Онъ не отважился вступить въ бой и съ согласія военнаго совѣта заключилъ съ ѳиванцами договоръ, по которому они позволили ему собрать и похоронить тѣла убитыхъ воиновъ Лизандра, а онъ обязался вывести свои войска изъ Беотіи. Это показалось ему лучше продолженія войны съ ѳиванцами, ободренными побѣдою и аѣинянами. Спартамъ похоронили тѣло Лизандра на границѣ Фокиды, похоронили другихъ убитыхъ, и пошли изъ Беотіи подъ надзоромъ ѳиванцевъ; каждого, кто сходилъ съ дороги, ѳиванцы били, загоняя опять на дорогу. — Такой постыдный оборотъ дѣла возбудилъ въ Спартѣ раздраженіе противъ Павзанія; говорили, что онъ, по старой досадѣ на Лизандра и по симпатіи къ демократическому аѣинскому народу (стран. 696), преднамѣренно запоздалъ прійти къ Галіарту; не дожидаясь его возвращенія, осудили его на смерть; онъ бѣжалъ въ Тегею и умеръ тамъ въ бѣдности. Мѣсто Павзанія занялъ, до совершеннолѣтія его сына Агезиполя, ближайшій родственникъ, Аристодемъ. — Спартамъ жалѣли о смерти великаго военачальника, доставившаго своей родинѣ преобладаніе въ Греціи. Но остальные греки радовались, что погибъ суровый эгоистъ, давшій повсюду владычество своекорыстнымъ олигархамъ, принесшій благо Греціи въ жертву своему властолюбію. Демократы и приверженцы федеративныхъ учреждений вздохнули свободнѣе, надежды ихъ оживились. Смерть этого человѣка, одареннаго сильнымъ характеромъ, превосходившаго всѣхъ своихъ современниковъ военными и правительственными талантами, бывшаго и по образу мыслей, и по суровому образу жизни истиннымъ спартамъ, имѣвшаго огромное вліяніе на дѣла, казалась предзнаменованіемъ близкаго паденія надменной спартанской гегемоніи.

Битва при Галіартѣ пробудила отвагу враговъ Спарты, увеличила ихъ энергію. Искусный вождь демократической партіи въ Беотіи, Ис-

Битва при Га-
ліартѣ; пора-
женіе и смерть
Лизандра 395.

Павзаній уxo-
дитъ изъ Беo-
тіи; судъ надъ
нимъ.

Впечатлѣнія,
произведенныя
смертью Ли-
зандра.

Коалиція про-
тивъ Спарты.

меній, сталъ устраивать коалицію противъ Спарты; его усилія были успѣшны: Фивы, Аѣины, Коринѣи и Аргосъ заключили между собою союзъ, и назначили уполномоченныхъ для управленія общими политическими и военными дѣлами; этотъ союзный совѣтъ (synedrion), резиденціею котораго былъ Коринѣи, послалъ всеѣмъ греческимъ государствамъ приглашеніе свергнуть съ себя иго спартанской гегемоніи. Эвбейцы, левкадяне, акарнанцы, амбракійцы, почти всеѣ оессалійцы, почти всеѣ города Халкидики радостно присоединились къ союзу противъ Спарты. Ларисса и Фарсалъ были присоединены къ нему Медіемъ, владѣтелемъ (династомъ) ларисскимъ. Именіи освободилъ отъ власти спартанцевъ такъ жестоко пострадавшую отъ нихъ Гераклею, и возвратилъ этотъ городъ изгнаннымъ изъ него прежнимъ жителямъ (трахинянамъ). Бѣжавшіе отъ спартанцевъ этейцы (жители долинъ хребта Эты) вернулись въ свои покинутыя родныя мѣста. Эпіанцы и аѣаманцы свергли съ себя власть лакедемонянъ. Спартанецъ Алькистенъ пошелъ съ 6000 фокейцевъ противъ беотійцевъ, возвращавшихся съ сѣвера, и потерпѣлъ тяжелое пораженіе у Нарика, въ области опунтскихъ локрійцевъ; тысяча человекъ фокейцевъ были убиты, остальные бѣжали въ свои горы. Удачный ходъ дѣлъ въ средней и въ сѣверной Греціи внушилъ союзникамъ мысль сдѣлать на слѣдующую весну базисомъ своихъ военныхъ дѣйствій Коринѣи, чтобы доставить возможность присоединиться къ союзу и пелопоннесскимъ противникамъ Спарты. — Кононъ склонилъ Родосъ отложиться отъ Спарты *) и сдѣлалъ этотъ островъ базисомъ своихъ дѣйствій противъ спартанскаго флота. Онъ ѣздилъ въ Сузу и приобрѣлъ такое вліяніе на Артаксеркса, что царь далъ ему на войну большія деньги, заставилъ начальниковъ финикійскаго флота, не желавшихъ подчиняться иностранцу, исполнять его приказанія, и по его желанію назначилъ помощникомъ ему прямодушнаго и храбраго Фарнабаза. Лакедемоняне увидѣли теперь, какую вражду противъ нихъ повсюду произвела ихъ эгоистическая политика; они поняли, что необходимы быстрыя мѣры для поддержанія вѣрности ихъ пелопоннесскихъ союзниковъ, и стали очень дѣятельно готовиться къ войнѣ. Они послали гонца къ Агезилаю съ приказаніемъ

*) Отпаденіе Родоса такъ раздражило спартанцевъ, что они арестовали въ Пелопоннессѣ и казнили человека знатной родосской фамиліи Доріа, хотя и самъ онъ, и все его семейство были приверженцами Спарты, и онъ сражался въ пелопоннесскую войну противъ аѣианъ. Въ 407 году аѣиане взяли его въ плѣнъ на турійскомъ кораблѣ; должно было полагать, что они казнятъ его; но и онъ, и его отецъ Диагоръ, и его родные и двоюродные братья были знаменитые атлеты (Диагоръ три раза съ-ряду одержалъ побѣду на олимпійскихъ играхъ, восемь разъ на истмійскихъ, семь разъ на немейскихъ); изъ уваженія къ этому аѣиане отпустили его свободнымъ. Но спартанцы не поцеремонились съ нимъ изъ-за того, что Диагориды — знаменитые атлеты.

вернуться въ Грецію, созвали свое войско, потребовали присылки войскъ отъ пелопоннесскихъ союзниковъ. Одинъ изъ членовъ союзнаго совѣта, коринѣянинъ Тимолай, убѣждалъ своихъ товарищей спѣшить сборомъ войскъ, чтобы напасть на врага въ самой Лаконіи. Онъ говорилъ: «Легко перейти чрезъ рѣку въ ея верховья, гдѣ она еще не приняла въ себя своихъ притоковъ; и легко сжечь ось въ гнѣздѣ, а когда онѣ вылетятъ, трудно сладить съ ними». Но его совѣтъ остался напрасенъ. Пока враги Спарты разсуждали о томъ, сколько кому выставить войска, и о планѣ военныхъ дѣйствій, Аристоклемъ, исполнявшій обязанности царя по малолѣтству Агезиполя, быстро повелъ лакедемонское войско черезъ Аркадію къ Истму, пелопоннесскіе союзники присоединились къ нему, его войско возрасло до 23000 человекъ, онъ занялъ Сикіонъ и сосѣднее побережье. Союзное войско пошло противъ него; оно было нѣсколько сильнѣе числомъ, но потерпѣло полное пораженіе у Немеи, рѣки, составлявшей границу между областями Коринѣи и Сикіона. Эта побѣда спартанцевъ имѣла такія же рѣшительныя послѣдствія, какъ прежде побѣда при Мантинѣ (стр. 630); результатомъ ея было упроченіе гегемоніи Спарты надъ Пелопоннессомъ; она изгладила то впечатлѣніе, какое было произведено пораженіемъ Лизандра при Галиартѣ, и ослабила энергію союзниковъ, между которыми не было государства, руководящаго войной, а потому согласіе между ними могло держаться лишь при успѣшности ихъ дѣйствій.

Положеніе спартанцевъ сдѣлалось еще лучше, когда Агезилай сталъ приближаться къ Греціи; «вѣрныя стрѣлы Тигравста» остановили его на пути побѣды и съ тяжелымъ сердцемъ онъ пошелъ изъ Азіи. Не обезпечивъ греческіе города Малой Азіи отъ мщенія персовъ ни договоромъ, ни гарнизонами, онъ, повинаясь призыву родины, пошелъ съ большимъ и хорошо обученнымъ войскомъ быстрыми переходами черезъ Фракію, Македонію и Фессалію; на оборону малоазійскихъ городовъ оставилъ онъ только 4000 человекъ въ Эфесѣ подъ начальствомъ Эвксена; это была слишкомъ слабая защита противъ многочисленныхъ персидскихъ войскъ. Въ Амфиполѣ Деркиллидъ сообщилъ Агезилаю извѣстіе о побѣдѣ лакедемонянъ при Коринѣи; царь послалъ его передать эту радостную вѣсть малоазійскимъ городамъ, убѣждать ихъ оставаться вѣрными Спартѣ, обѣщать имъ, что спартанское войско скоро возвратится въ Азію. Агезилай говорилъ о томъ, какъ ему жаль, что столько греческой крови пролито въ войнѣ между греками, а не за дѣло освобожденія соплеменниковъ отъ ига варваровъ. У него были назначены награды воинамъ за хорошій походъ и заботливость объ оружіи; этимъ онъ такъ воодушевилъ свои войска, что въ тридцать дней дошелъ до границъ Греціи, не давъ противникамъ времени приготовиться къ оборонѣ. Въ Фессаліи онъ встрѣтилъ

Битва при
Книдѣ. Августъ 394.

Побѣда Агезилая при Коронѣ. Августъ 394.

Отпаденіе при-
морскихъ горо-
довъ отъ спар-
танскаго союза.

лишь нѣсколько отрядовъ конницы, разсѣялъ ихъ и прошелъ чрезъ Термопилы въ Беотию и Фокиду. Тутъ онъ получилъ печальное извѣстіе, что лакедемонскій флотъ истребленъ Конономъ и Фарнабазомъ въ битвѣ у Книды, что убить его родственникъ Пизандръ, начальникъ флота, мужественно оборонявшійся и пронзенный на своемъ кораблѣ мечами враговъ. Въ это время непріятельскія войска, перешедши Геликонъ, приближались къ спартамъ дать рѣшительную битву для обороны Беотіи и Аттики. Потому Агезилай скрылъ отъ своихъ воиновъ истину: онъ принесъ богамъ жертву благодарности за то, что лакедемонскій флотъ одержалъ побѣду; войску было сказано только, что въ этомъ побѣдоносномъ сраженіи убить Пизандръ. Къ Агезилаю присоединился большой отрядъ (мога) лакедемонянъ, пришли фокейскія и орхоменскія войска. На коронейской равнинѣ произошла битва. Побѣда долго колебалась. Лакедемоняне разбили аргосцевъ и, оставивъ ихъ бѣгущими на Геликонъ, пошли на встрѣчу ѳиванцамъ, которые, разбивъ орхоменцевъ, преслѣдовали ихъ и теперь вернулись на поле сраженія. Бой лакедемонянъ съ ѳиванцами былъ очень упоренъ; и съ той и съ другой стороны пало много храбрыхъ воиновъ. Самъ Агезилай получилъ нѣсколько ранъ. Наконецъ ѳиванцы были побѣждены; часть ихъ ушла на Геликонъ, другая часть отступила въ ѳивы. На другой день они попросили перемирія, чтобы похоронить своихъ убитыхъ. «На томъ мѣстѣ, гдѣ произошла схватка», говорится въ панегирикѣ Агезилаю, «земля была залита кровью, тѣла ѳиванцевъ и лакедемонянъ лежали рядомъ; валялись разбитые щиты; сломанныя копья и обнаженные мечи торчали вонзенные въ тѣла, или стиснутые руками убитыхъ». Ксенофонтъ, находившійся въ этой битвѣ подлѣ Агезилая, говоритъ, что спартанскій царь самъ бился тутъ очень храбро. Раненный побѣдитель поѣхалъ въ Дельфы, передалъ въ храмъ 100 талантовъ, десятую часть азіатской добычи; остался тутъ, пока оправился отъ ранъ, потомъ пріѣхалъ въ Спарту, гдѣ съ большимъ почетомъ былъ встрѣченъ эфорами и геронтами. Въ Спарту пришло и побѣдоносное войско; возвращеніе этихъ воиновъ, закаленныхъ въ бояхъ, поддержало ослабѣвшія силы государства. Послѣ битвы при Коронѣ спартанецъ Гилисъ сдѣлалъ съ частью войска хищническій набѣгъ на локрійцевъ и былъ убитъ ими.

Побѣдами при Коринѣ (или у Немеи) и при Коронѣ была упрочена поколебавшаяся гегемонія Спарты надъ Целопоннесомъ и нѣкоторыми частями Средней Греціи; но битва при Книдѣ, въ которой погибло болѣе половины спартанскаго флота, однимъ ударомъ разрушила пріобрѣтенное спартамъ съ такимъ трудомъ владычество на морѣ. Родосъ подалъ примѣръ отпаденія отъ союза со Спартой; въ мѣсяцы, слѣдовавшіе за этою битвою, отпали отъ союза съ нею почти всѣ острова и малоазійскіе города: Косъ, Митилена, Теосъ, Эритры,

Эфесъ, многіе другіе. Кононъ искусно велъ сношенія съ демократами, и убѣдилъ Фарнабаза обѣщать свободу всѣмъ греческимъ городамъ, которые вступятъ въ союзъ съ персами. Возможность освободиться отъ гармостовъ, гарнизоновъ, олигарховъ, жить по собственнымъ законамъ, подъ управленіемъ сановниковъ, избираемыхъ самимъ народомъ, была такъ заманчива, что обѣщаніе Фарнабаза быстро произвело переворотъ на побережьи Малой Азіи: одинъ городъ за другимъ присоединялся къ противникамъ Спарты. Кононъ состоялъ на персидской службѣ, но онъ дѣйствовалъ въ интересахъ Греціи; греки питали довѣріе къ нему, какъ нѣкогда къ Аристиду и Кимону. А Фарнабазъ горѣлъ желаніемъ отмстить неблагоприятнымъ лакедемонянамъ за опустошеніе его сатрапіи. Скоро единственными городами на востокѣ, повиновавшимися Спартѣ, остались только Сестъ и Абидосъ; тамъ начальствовалъ энергическій и блигоразумный Деркиллидъ; туда собрались прогнанные изъ другихъ городовъ гармосты и приверженцы Спарты. Деркиллидъ отражалъ всѣ нападенія Фарнабаза и Конона, успѣвалъ удерживать Сестъ и Абидосъ отъ увлеченія ихъ обѣщаньями. Уничтоживъ спартанское владычество на побережьи Малой Азіи, Фарнабазъ и Кононъ поплыли слѣдующей весною въ Европу. Они покорили Циклады, не встрѣтивъ сопротивленія, сдѣлали высадку на южный берегъ Лаконіи, опустошали его, овладѣли островомъ Китерою, принудивъ удалиться оттуда лакедемонскій гарнизонъ, и назначили правителемъ тамъ аѳинянина Никофема. Потомъ они пришли къ Истму, заключили договоръ съ союзнымъ совѣтомъ (синедріономъ), дали ему денегъ на жалованье наемникамъ и на снаряженіе флота въ коринѣскомъ заливѣ. Оказавъ такія большія услуги противникамъ Спарты, Фарнабазъ воротился въ Азію; онъ оставилъ Конону часть флота и значительную сумму денегъ на продолженіе военныхъ дѣйствій. Кононъ приступилъ теперь къ исполненію плана, давно занимавшаго его патріотическую душу, — къ возстановленію длинныхъ стѣнъ и громаднѣхъ укрѣпленій Аѳинъ и Пирея; это было необходимо для возстановленія гегемоніи Аѳинъ на морѣ.

Аѳиняне повели эти работы очень энергично; надъ постройкою укрѣпленій работало все населеніе Аѳинъ, работали моряки; множество ремесленниковъ изъ другихъ городовъ были привлечены въ Аѳины выгодною платой. Возводимыя теперь сооруженія ограждали отъ всякихъ нападѣній городъ Аѳины, Пирейскую гавань и пространство между городомъ и гаванью. Усердно помогали дѣлу и союзники, въ особенности ѳиванцы, пріславшіе 500 мастеровыхъ. Къ наступленію зимы всѣ сооруженія были возведены. Осталась не возстановленною только одна часть прежнихъ укрѣпленій, оказавшаяся теперь лишнею, — стѣна, соединявшая Аѳины съ Фалерской гаванью. Расходы были покрыты отчасти деньгами, которыя далъ Фарнабазъ, отчасти добычею, которая много лѣтъ накоплялась въ рукахъ Конона. Кононъ былъ такъ щедръ, что роздалъ гражданамъ 50 талантовъ и отпраздновалъ великолѣпнымъ торжествомъ окончаніе работъ.

Кононъ и Фарнабазъ плывутъ въ Грецію 393.

Возвращеніе Конона въ Аѳины.

Онъ дѣйствительно заслужилъ той почести, какую оказали ему аѳиняне: они поставили въ честь его бронзовую статую и увѣковѣчили колонной статуей въ честь Конона. Статуя, поставленная въ честь Конона, имѣла надпись его побѣду при Книдѣ. А онъ въ воспоминаніе этой побѣды подарилъ золотой вѣнокъ въ Акрополь и построилъ въ Пирей храмъ Афродиты Книдской. — Спартянцамъ очень хотѣлось бы помѣшать возстановленію аѳинскихъ укрѣпленій; но тѣ союзники, которые помогали имъ разрушить эти стѣны и радовались паденію аѳинскаго могущества, теперь помогали аѳинянамъ возстановлять разрушенное. Мало этого: они даже отняли у спартянцевъ возможность ходить чрезъ Истмъ, построивъ линію укрѣпленій у Коринѳа. Возстановленіе стѣнъ не только возвратило аѳинянамъ политическую самостоятельность, но и обезпечивало развитіе ихъ торговли; и спартянцы ненавидѣли возстановителя стѣнъ такъ же сильно, какъ прежде ненавидѣли строителя ихъ, Оемистокла. Убѣжавъ изъ Аѳинъ, Кононъ продолжалъ всѣми силами заботиться о томъ, чтобы аѳиняне снова приобрѣли господство на Эгейскомъ морѣ и Гелеспонтѣ. Искусный спартянскій дипломатъ Анталкидъ, который успѣлъ, подобно Лизандру, приобрести расположеніе персидскихъ вельможъ, получилъ отъ эфоровъ приказаніе внушать новому лидійскому сатрапу Тирибазу мысль, что Кононъ злоупотреблялъ довѣріемъ царя, что персидскій флотъ подъ его начальствомъ дѣйствуетъ исключительно въ пользу Аѳинъ и что царскія деньги онъ тратитъ тоже только на пользу своей родины. Тирибазъ арестовалъ Конона. Черезъ нѣсколько времени Конону удалось уйти изъ-подъ стражи, но онъ не могъ послѣ того служить вмѣстѣ и персидскому царю, и своей родинѣ. Кажется, онъ уѣхалъ къ своему другу Эвагору и прожилъ свои послѣдніе годы на Книрѣ подъ его покровительствомъ.

Аѳиняне приобрѣтаютъ союзниковъ на Гелеспонтѣ и въ другихъ мѣстностяхъ. Патріотическая дѣятельность Конона оживила энергію аѳинянъ; лучи счастья, озарившіе теперь ихъ благодаря ему, пробудили въ нихъ новую отвагу. Какъ ихъ отцы, они стали дѣятельно снаряжать корабли и войска, чтобы энергически вести войну на морѣ и на сушѣ. Молодое поколѣніе не получило военнаго воспитанія и не было расположено къ военной службѣ; но если мало набиралось воиновъ и матросовъ изъ числа гражданъ, то много было наемниковъ, готовыхъ служить. Были у аѳинянъ и хорошіе военачальники. Еще живъ былъ храбрый честный Тразибулъ, усердно содѣйствовавшій заключенію союза съ Фивами и остававшійся твердымъ защитникомъ дружбы съ ними. Онъ еще не отвыкъ командовать флотомъ; онъ доказалъ это своими успѣшными дѣйствіями на морѣ и сталъ основателемъ новой морской федераціи подъ управленіемъ Аѳинъ. Халкедонъ и Византія, въ которыхъ было возстановлено демократическое правленіе, признали гегемонію Аѳинъ; владѣя этими городами, аѳиняне получали пошлину съ кораблей, проходившихъ черезъ Босфоръ; новый источникъ доходовъ былъ очень полезенъ обѣднѣвшему аѳинскому государству. Появленіе аѳинскаго флота на восточномъ морѣ ободрило демократовъ, и Тразибулъ присоединилъ къ аѳинскому союзу островъ Лесбосъ. Повсюду возобновилась борьба между приверженцами Аѳинъ и Спарты. Обѣ воюющія стороны заискивали дружбы персовъ, какъ во времена Лизандра и Алкивиада; это дѣлало персовъ рѣшителями

споровъ между греками. Тразибулъ готовился плыть на помощь Родосу противъ лакедемонянъ и аристократовъ; но аспендіицы, раздраженные буйствомъ и хищничествомъ воиновъ его, напали ночью на его шатеръ и убили его. Смерть этого храбраго и честнаго, хотя нѣсколько суроваго, военачальника остановила расширеніе новой аѳинской федераціи; острова и прибрежные города, изнуренные раздорами партій, военными контрибуціями, притѣсненіями, грабежами, желали отдыха и спокойствія.

Война на морѣ представляла рядъ дѣйствій, не имѣвшихъ никакой определенной общей цѣли; таковы же были и дѣйствія на сухопутной войнѣ, которую союзники, защищенные линіею укрѣпленій, возведенной у Коринѳа, вели противъ лакедемонскаго войска, стоявшаго въ Сикіонѣ и на сосѣднемъ побережьи. Не было рѣшительныхъ битвъ, не было дѣйствій по обдуманному плану. Оба войска старались только вредить другъ другу неожиданными нападеніями, захватывать добычу и плѣнниковъ смѣлыми хищническими набѣгами. Это была свирѣпая война, и подъ конецъ оба войска состояли большею частью изъ наемниковъ, отряды которыхъ опустошали всѣ мѣстности, куда проникали, безпощадно жгли и рѣзали. Всѣ обычаи международнаго права были попираемы, бѣжавшіе въ храмы не были щадимы въ нихъ. Отряды наемниковъ были набраны Конономъ на персидскія деньги; скоро наймиты составили большинство воиновъ у союзниковъ; ихъ значеніе стало особенно велико съ той поры, какъ искусный аѳинскій военачальникъ Ификратъ ввелъ новое вооруженіе и, строгой дисциплиной, непрерывнымъ обученіемъ, сформировалъ изъ наемныхъ воиновъ новую грозную пѣхоту. Копье, введенное въ употребленіе Ификратомъ, было длиннѣе прежняго, мечъ былъ вдвое длиннѣе; вооруженные ими наемники назывались пельтастами, потому что щиты у нихъ были небольшіе, легкіе, называвшіеся по гречески *pelta*; мѣдные латы гоплитовъ были замѣнены у пельтастовъ льняной короткой одеждой, обувь ихъ была удобная для ходьбы; потому они были способнѣе гоплитовъ дѣлать быстрыя атаки, неожиданныя нападенія и лучше гоплитовъ бились въ рукопашной схваткѣ. Изобрѣтатель этого новаго вооруженія, Ификратъ аѳинянинъ, сынъ бѣдныхъ родителей, былъ тогда еще довольно молодымъ человекомъ. Онъ былъ одаренъ чрезвычайнымъ талантомъ вести войну въ томъ родѣ, какой теперь называется партизанскою войной. «Онъ очень заботливо обучалъ своихъ воиновъ», говоритъ Сиверсъ, «и поддерживалъ строгую дисциплину; благодаря тому, его войска были самыя лучшія въ цѣлой Греціи; каковы бы ни были неожиданности, которымъ подвергался тотъ или другой отрядъ его наемниковъ, воины, оставшіеся безъ начальниковъ, дѣйствовали въ такомъ порядкѣ, съ такимъ искусствомъ, какъ будто ими командуетъ превосходный полководецъ. Ификратъ подавалъ собою примѣръ военныхъ доблестей своимъ

Коринѳская война.

Ификратъ и его пельтасты.

наемникамъ, умѣлъ награждать и наказывать; онъ замѣнялъ имъ отечество, котораго у нихъ не было». Привлекаемые наградами, надеждою на добычу, славою Ификрата, хорошіе воины изъ всѣхъ племенъ и государствъ шли на службу къ нему. Въ Греціи тогда было много людей, которымъ нравилась свободная военная жизнь, опасная, но обѣщавшая богатство, которымъ она казалась лучше тяжелой работы земледѣльца или ремесленника. Они бросали свои дома и шли къ Ификрату. Его пельтасты были первыми въ Греціи солдатами по ремеслу. Успѣшныя дѣйствія начальствовавшего ими смѣлаго и даровитаго полководца заставили всѣ греческія государства послѣдовать примѣру аѳинянъ; даже Спарта, граждане которой такъ усердно занимались военными упражненіями, нашла надобнымъ имѣть въ своихъ войскахъ отряды наемниковъ. Черезъ нѣсколько времени вся походная часть войны была предоставлена наемнымъ войскамъ; граждане, гоплиты, оставались гарнизонами въ городахъ, пренебрегая походной жизнью, боясь ея лишеній, или опасаясь, что если они уйдутъ, то захватятъ власть въ городѣ политическіе противники ихъ.

Убійство ари-
стократовъ на
эвклейскомъ
праздникѣ въ
Коринѣ.

Военныя дѣйствія сосредоточивались въ окрестностяхъ Коринѣа; это было очень убыточно коринѣскимъ землевладѣльцамъ. Они проклинали войну, которая мѣшаетъ имъ воздѣлывать нивы, не допускаетъ ихъ имѣть стада; притомъ, коринѣскіе землевладѣльцы, знатные люди, держались аристократическихъ убѣжденій и неизмѣнно сочувствовали лакедемонянамъ. Они задумали отдать Коринѣа своимъ политическимъ друзьямъ, чтобы союзныя войска принуждены были уйти изъ коринѣской области и можно было заниматься въ ней сельскимъ хозяйствомъ. Но этотъ замыселъ погубилъ ихъ: демократы, узнавъ или догадавшись объ ихъ намѣреніи, рѣшились истребить ихъ и соединить Коринѣа съ Аргосомъ въ одно государство. На послѣдній день коринѣскаго праздника, называвшагося Эвклейскимъ, горячіе приверженцы мысли о соединеніи Коринѣа съ Аргосомъ пришли съ оружіемъ на площадь, гдѣ происходилъ праздникъ, бросились на гражданъ, замышлявшихъ сдать городъ спартанцамъ, и перебили ихъ; не пощажены были даже и тѣ, которые успѣли бѣжать въ храмы. Молодые люди партіи, желавшей союза со Спартою, занимались въ это время играми въ кранейской гимназіи; услышавъ о томъ, что дѣлается на площади, они ушли въ Акрополь и стали обороняться тамъ; противники заключили съ ними договоръ, по которому обѣщали имъ безопасность, если они останутся въ Коринѣѣ, и свободный пропускъ, если захотятъ уйти. Теперь партія, желавшая соединенія съ Аргосомъ, исполнила свой планъ. Пограничные знаки были снесены съ границы и было провозглашено полное сліяніе коринѣскаго государства съ аргосскимъ. Въ обоихъ городахъ должны были быть введены одни и тѣ же законы.

Соединеніе Ко-
ринѣа съ Арго-
сомъ въ одно
государство.

Уцѣлѣвшіе въ Коринѣѣ и бѣжавшіе изъ него аристократы стали думать объ отмщеніи; они рѣшились, по выраженію Ксенофонта, спасти отечество, или умереть славной смертью. По ихъ совѣту началъ Покореніе союзниковъ лакедемонскаго гарнизона въ Сикіонѣ, Пракситѣ, подошелъ къ стѣнамъ, соединявшимъ Коринѣа съ лехейской пристанью, овладѣлъ этими стѣнами и укрѣпился въ занятой имъ позиціи. Союзное войско пошло прогнать его. Оно состояло изъ коринѣянъ, аргосцевъ, беотійцевъ и пельтастовъ Ификрата. Лакедемонское войско, подкрѣпленное сикіонскими и коринѣскими изгнанниками, нанесло тяжелое пораженіе союзникамъ въ этой битвѣ при Лехеѣ. Особенно великъ былъ уронъ, понесенный аргосцами. Преслѣдуемые непріятелемъ и въ особенности коринѣскими изгнанниками, жаждавшими мщенія, аргосцы хотѣли спастись, перебираясь черезъ стѣны; но смѣшавшись подъ ними въ безпорядочную толпу, были страшно истребляемы побѣдителями; «тѣла убитыхъ лежали грудami», говоритъ Ксенофонтъ съ очевиднымъ удовольствіемъ. Лакедемоняне разрушили часть стѣны, заняли на Истмѣ Сидунтъ и Кромій, стали тѣснить Коринѣа со всѣхъ сторонъ.

Но всѣ выгоды, доставленныя лакедемонянамъ побѣдою при Лехеѣ, были отняты у нихъ неутомимою дѣятельностью Ификрата. Какъ вихрь, носились его пельтасты по Аркадіи. Гоплиты городовъ не смѣли выходить изъ-за своихъ стѣнъ, такъ они боялись быстрыхъ движеній этихъ наемниковъ, особенно послѣ тяжелыхъ пораженій, которымъ подвергли пельтасты гражданъ Фліунта и Сикіона. «Наши друзья трусятъ пельтастовъ, какъ дѣти боятся пугала», говорили спартанцы; но своими насмѣшками не преодолевали ихъ робости; и сами скоро испытали на себѣ, какъ трудно устоять противъ этого новаго войска. Во время истмійскихъ игръ года слѣдовавшаго за лехейскою битвой, Агезилай, поддавшись убѣжденіямъ коринѣскихъ изгнанниковъ, сдѣлалъ внезапное нападеніе на Пирей истмійскій (Peiraeion), единственное мѣсто по сосѣдству съ Коринѣомъ, гдѣ шли занятія хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Жители города бѣжали отъ его неожиданнаго нападенія въ храмъ Геры Акрейской (Akraia); онъ вывелъ ихъ оттуда и выдалъ коринѣскимъ изгнанникамъ тѣхъ, которые участвовали въ убійствѣ аристократовъ на эвклейскомъ праздникѣ; изгнанники убили ихъ; остальныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей Агезилай продалъ въ рабство. Но не долго привелось ему радоваться успѣху и богатой добычей. Сидя въ одномъ изъ зданій на берегу, Агезилай съ наслажденіемъ смотрѣлъ на толпы плѣнныхъ, которыхъ вели мимо него, и едва удостоивалъ вниманія посольство беотійцевъ, просившихъ у него мира, — вдругъ, прискакалъ всадникъ съ извѣстіемъ, что погибла цѣлая мора спартанскихъ гоплитовъ; мора, это былъ большой отрядъ; онъ сопровождалъ амиклейцевъ, шедшихъ изъ войска въ свой родной городъ на праздникъ Гіакинѣи (стран. 53 слѣд.); отрядъ шелъ мимо Коринѣа, не ожидая нападенія,

Ификратъ от-
нимаетъ у ла-
кедемонянъ вы-
годы, достав-
ленныя имъ
побѣдою 391—
390.

пельтасты Ификрата напали на него и истребили почти весь. Лишь немногіе успѣли бѣжать; они пришли потомъ въ станъ Агезилая. Со времени взятія Сфактеріи (стран. 619 слѣд.) не испытывали спартанцы такого несчастья, не одерживали аѳиняне такого торжества. Глубоко потрясенный ужасной вѣстью, Агезилай повелъ ослабленное погибелью столькихъ людей войско въ опечаленную Спарту; только родные погибшихъ въ бою ходили тамъ съ веселымъ лицомъ, какъ повелѣвалъ имъ спартанскій обычай. — Аѳиняне ужь предавались надеждѣ, что возвращается время ихъ владычества на моряхъ. На мѣсто убитаго Тразибула они назначили начальникомъ флота Ификрата, высоко-мѣріемъ котораго начинали тяготиться союзники; они послали корабли и волонтеровъ на помощь вѣрному другу Конона, Эвагору кипрскому, отказавшемуся отъ повиновенія персидскому царю. Но за поддержку Эвагора Артаксерксъ разсердился на нихъ, пересталъ давать имъ деньги. Политика персовъ относительно Греціи измѣнилась; Тирибазъ, преемникъ Тиссаферна, возбуждавшій царя противъ Конона и аѳинянъ, былъ расположенъ къ спартанцамъ; они воспользовались этимъ. Въ Спартѣ стали говорить, что причиною всѣхъ бѣдствій была война съ персами, что надобно примириться съ ними. Партія, думавшая такъ, одержала верхъ. Эфоры послали въ Азію Анталкида, искуснаго дипломата и полководца изъ школы Лизандра. Пріѣхали въ Сарды послы и отъ другихъ греческихъ государствъ. На этомъ конгрессѣ Анталкидъ говорилъ, что должно отдать греческіе города Малой Азіи персидскому царю, а царь за это гарантируетъ всѣмъ государствамъ европейской Греціи и островамъ независимость. Но Кононъ и другіе послы съ негодованіемъ отвергли такое униженное предложеніе. Тирибазъ арестовалъ, какъ мы говорили, Конона, обвиняя его въ злоупотребленіи довѣріемъ царя (стран. 836). Война продолжалась.

Дѣйствія Ифи-
крата на Гелле-
спонтѣ. Пора-
женіе и смерть
Анаксибія. 390

Появленіе Ификрата съ его пельтастами въ Геллеспонтѣ возстановило тамъ поколебавшееся преобладаніе аѳинянъ. Храбрый Деркил-спонтѣ. Пора-
лидъ не былъ тогда спартанскимъ главнокомандующимъ въ Абидосѣ; эфоры назначили на его мѣсто своего фаворита, Анаксибія. Ификратъ заманилъ флотъ Анаксибія въ засаду, разбилъ его; самъ Анаксибія, мужественно сражавшійся, былъ убитъ. Онъ могъ, но не хотѣлъ спасти свою жизнь бѣгствомъ. Подлѣ него былъ убитъ его молодой другъ, не хотѣвшій пережить его; было убито еще человѣкъ двѣнадцать знатныхъ спартанцевъ. Пошлину съ кораблей, проходившихъ черезъ Геллеспонтъ, стали получать теперь опять аѳиняне. Смѣлыми походами на еракійскія племена Ификратъ принудилъ ихъ уважать волю Аѳинъ.

Успѣхи, пріобрѣтенные Ификратомъ на Геллеспонтѣ и у западнаго берега Малой Азіи, были важны; скоро война получила оборотъ, невыгодный для аѳинянъ; причинами этого было присоединеніе Эгины

къ лакедемонскому союзу и то, что персидскій царь сталъ помогать лакедемонянамъ. Мы рассказывали о бѣдствіяхъ, которымъ подверглась Эгина въ Пелопоннесскую войну (стр. 599); теперь этотъ островъ, нѣкогда богатый и могущественный, былъ, по видимому, очень слабъ; такъ должно думать потому, что хотя эгинцы, возвращенные на родину Лизандромъ, и были расположены къ спартанцамъ, но кажется, не принимали участія въ войнѣ. Быть можетъ, благосостояніе ихъ возстановилось, благодаря этому; какъ бы то ни было, но спартанцы полагали, что если Эгина присоединится къ нимъ, то возстановится ихъ преобладаніе на морѣ. Они заняли Эгину. Аѳинянамъ пришлось отказаться отъ дальнихъ экспедицій, сосредоточивать все свое вниманіе на томъ, чтобы защищаться отъ врага, который утвердился на островѣ, лежавшемъ такъ близко къ Аттикѣ. Дѣйствительно, пелопоннесцы, подкрѣпляемые эгинцами, стали дѣлать высадки на берегъ Аттики. Спартанцы запретили всякія торговыя сношенія между Атикою и Эгиною; объявили, что казнятъ или продадутъ въ рабство всякаго аѳинянина, котораго захватятъ на Эгинѣ; ихъ многочисленные крейсера брали аѳинскіе торговые корабли, нападали на пристани Аттики, грабили ея побережье. Аѳинянинъ Хабріи, искусный военачальникъ изъ школы Ификрата, подобно ему начальствовавшій наемниками въ аѳинской службѣ, сдѣлалъ ночью высадку на Эгину, заманилъ спартанскаго гармоста Горгопа въ засаду, разбилъ его, и на нѣкоторое время возвратилъ безопасность аѳинской торговлѣ. Но въ характерѣ Хабріи энергія была смѣшана съ изнѣженностью; иногда онъ выказывалъ большую дѣятельность, иногда забывалъ о дѣлахъ, увлекаясь чувственными наслажденіями. Теперь онъ нѣсколько времени бездѣйствовалъ, потомъ поплылъ въ Кипръ помогать Эвагору. А между тѣмъ начальникомъ спартанскаго флота былъ назначенъ Телевтіи, братъ Агезилая, тоже человѣкъ любезнаго характера, умѣвшій, подобно брату, возбуждать усердіе въ воинахъ. Въ лунную ночь онъ сдѣлалъ смѣлое нападеніе на Пирей и нанесъ много вреда аѳинянамъ; послѣ того лакедемоняне опять стѣснили ихъ торговлю. Ксенофонтъ, по своей преданности Агезилаю очень расположенный къ его брату, съ удовольствіемъ рассказываетъ, какъ провожали воины и моряки прощавшагося съ ними Телевтія: они подносили ему вѣнки и ленты, бросали ихъ въ-слѣдъ за нимъ, когда его корабль сталъ отходить.

Между тѣмъ Анталкидъ, хлопотавшій о заключеніи союза съ персами, добился успѣха, положившаго конецъ бѣдственному междоусобию въ Греціи. Артаксерксъ долго не могъ простить спартанцамъ того, что они помогали Киру. Тирибазъ былъ расположенъ къ спартанцамъ; но персидскій полководецъ Струтъ, подобно Фарнабазу и Тиеравсту, былъ враждебенъ имъ. Во время одного изъ небольшихъ походовъ спартанскаго главнокомандующаго Фимброна, Струтъ неожиданно на-

Лакедемоняне
дѣлаютъ съ
Эгины высадки
на побережье
Аттики. 389—
388.

паль на его войско. Фимбронъ въ это время пировалъ; бросивъ пиръ, онъ поспѣшилъ къ войску; оно потерпѣло большой уронъ; Фимбронъ и его пріятель Фурсандръ, флейтистъ и искусный атлетъ, были убиты. — Вѣроятно Струту былъ обязанъ Кононъ своимъ освобожденіемъ; онъ уѣхалъ въ Кипръ, къ Эвагору; кажется, тамъ онъ и умеръ (около 389). — Анталкидъ наконецъ поѣхалъ самъ въ Сузу; при поддержкѣ со стороны Тирибаза и другихъ персидскихъ вельможъ, онъ растолковалъ Артаксерксу, что условія мира, которыя были предложены Спартою на конгрессѣ въ Сардахъ, отдають подъ власть царя всю Малую Азію, что интересы персовъ и спартанцевъ одинаковы, что, заключивъ миръ съ лакедемонянами, царь станетъ повелителемъ всей Греціи, подавить аѳинянь, подавить возстанія на Кипрѣ и въ Египтѣ, поддерживаемыя аѳинянами. Расчетъ выгодъ пересилилъ въ Артаксерксѣ досаду на спартанцевъ. Фарнабазъ, главный противникъ лакедемонянъ, уѣхалъ изъ Малой Азіи: царь хотѣлъ выдать за него дочь, вызвалъ его къ себѣ въ Сузу, а сатрапомъ на его мѣсто сдѣлалъ одного изъ вельможъ, поддерживавшихъ Анталкида. Эфоры назначили Анталкида главнокомандующимъ въ Азіи съ неограниченными полномочіями. Персы дали ему корабли, дали денегъ; Діонисій Сиракузскій прислалъ 20 триеръ въ распоряженіе спартанцевъ. Такимъ образомъ, у Анталкида составилъ флотъ, доходившій до 80 триеръ; онъ захватилъ у аѳинянъ восемь триеръ и отрѣзалъ имъ всякій подвозъ товаровъ черезъ Геллеспонтъ. Это заставило ихъ желать мира. Всѣ греческія государства тяжело страдали отъ войны; всѣ они обѣднѣли отъ расходовъ на нее, отъ разстройства морской торговли, отъ грабежа непріятельскихъ войскъ; нравы грубѣли отъ военного самоуправства; въ гражданахъ исчезали даже военныя доблести; прежнія войска, состоявшія изъ гоплитовъ, — вооруженныхъ гражданъ, — утрачивали важность, замѣнялись войсками, составленными изъ наемниковъ. Торговля и промышленность аѳинянъ пришли въ упадокъ; налоги, которыхъ требовали военные расходы, становились обременительнѣе съ каждымъ годомъ; аѳиняне помнили, какія послѣдствія для нихъ имѣлъ союзъ спартанцевъ съ персами въ Пелопоннесскую войну: взятіе Аѳинъ Лизандромъ было еще недавнимъ фактомъ; потому они стали склоняться къ мысли, что надобно заключить миръ, необходимость котораго доказывалъ имъ Андокидъ (стр. 768). Коринѳяне и аргосцы тоже видѣли необходимость мира: ихъ нивы были опустошены, ихъ благосостояніе исчезло. Желали мира и акарнанцы: Агезилай переправился изъ Ахаіи на ихъ берегъ, и опустошилъ ихъ область. Фивы и Спарта тоже нуждались въ отдыхѣ.

Всѣ греческія государства пригласеніе прислать въ Сарды уполномоченныхъ для выслушанія условій мира, сообщенныхъ ему царемъ. Конгрессъ въ Сардахъ 387.

На конгрессѣ греческихъ пословъ въ Сардахъ была прочтена царская грамота, говорившая: «Царь Артаксерксъ считаетъ справедливымъ, чтобы принадлежали ему города въ Азіи, а изъ острововъ Клазомены и Кипръ; чтобы прочіе греческіе города (государства), большіе и малые, были независимы, за исключеніемъ Лемпоса, Имброса и Скироса, которые, какъ издавна, должны принадлежать аѳинянамъ. Кто не пріиметъ этого мира, противъ тѣхъ я, съ моими союзниками, буду вести войну сушею и моремъ, кораблями и деньгами».

Первое условіе мира, предписываемаго грекамъ персидскимъ царемъ, должно было казаться позорнымъ каждому патріоту, и позднѣйшіе греческіе писатели сильно порицали грековъ того времени, постыдно предавшихъ врагу греческіе города Малой Азіи, которые были нѣкогда гордостью греческаго міра, отчизною поэзіи и философіи; дѣйствительно безчестіемъ для европейскихъ грековъ было то, что они отдали своихъ братьевъ на жертву алчности и наглости варваровъ; но въ ту эпоху раздора и изнуренія воля Артаксеркса была принята греками почти безъ сопротивленія, національное чувство заглохло, замерло въ ожесточенной борьбѣ греческихъ государствъ и политическихъ партій. Европейскіе греки покорились рѣшенію царя, на вѣки отнимавшему свободу и національную жизнь у восточной половины греческаго міра. Но тѣмъ рѣшительнѣе воспротивились воевавшимъ противъ Спарты государства требованію Артаксеркса, чтобы всѣ города европейской Греціи получили независимость. Это требованіе, внушенное персидскому царю лакедемонянами, дѣлало ихъ повелителями всей Греціи, потому что Артаксерксъ поручалъ имъ исполненіе его. Пелопоннесскія государства сохраняли подъ гегемоніей Спарты наружныя формы независимости; Анталкидовъ миръ не измѣнялъ ихъ отношеній къ Спартѣ, она сохраняла фактическое владычество надъ ними. Но Фивы должны были отказаться отъ гегемоніи надъ беотійскими городами, Аргосъ и Коринѳъ должны были отказаться отъ федеративной связи между собой. Ни Фивы, ни Коринѳъ, ни Аргосъ не хотѣли покориться этому. Агезилай созвалъ въ Спарту конгрессъ уполномоченныхъ для принятія условій мира. Уполномоченный Фивъ потребовалъ на этомъ конгрессѣ, чтобы за Фивами было признано право дать свое согласіе на миръ отъ имени всего беотійскаго союза. Агезилай, смертельно ненавидѣвшій фиванцевъ, рѣзко отвѣчалъ, что если они не хотятъ принять условія мира, то будутъ исключены изъ числа государствъ, заключающихъ между собою миръ. Спартанцы стали готовиться къ походу на Фивы. Фиванцы отказались отъ гегемоніи надъ другими беотійскими городами и согласились на то, чтобы Платея была восстановлена. — Впрочемъ полная политическая независимость была по греческимъ понятіямъ необходимымъ условіемъ гражданской свободы; потому раздробленность Греціи на мелкія государ-

Анталкидовъ миръ. Осень, 387.

ства, гибельная для національнаго могущества грековъ, была тогда предметомъ общаго желанія ихъ. Коринѣяне и аргосцы подобно еиванцамъ нашли невозможнымъ противиться требованію Спарты. Аргосскій гарнизонъ ушелъ изъ Коринѣа, съ нимъ ушли горячіе приверженцы федерации, ушли всѣ участвовавшіе въ убійствѣ аристократовъ на Эвклеѣскомъ праздникѣ. Сторонники Спарты, изгнанные изъ Коринѣа, возвратились въ родной городъ, и конфискованныя имущества были отданы имъ. Коринѣъ снова сталъ «стражемъ входа» въ Пелопоннесъ, охраняющимъ Спарту отъ нашествія непріятелей. Безропотно покорились только аѣиняне, интересамъ которыхъ Анталкидовъ миръ дѣлалъ хотя небольшія уступки. Они отозвали Хабріа съ Кипра и поставили тѣмъ своего вѣрнаго союзника, Эвагора, производившаго свой родъ отъ гомеровскаго героя Тевкра, въ необходимость или покориться власти персидскаго царя, возвратитъ ему тѣ части острова, которыя онъ при помощи аѣинянъ отнялъ у девяти или десяти персидскихъ вассаловъ, или выдерживать исключительно собственными силами войну съ персами. Онъ рѣшился продолжать войну. Два года отражалъ многочисленныя войска персовъ этотъ храбрый царь, бывшій опорой греческой цивилизаціи на дальнемъ востокѣ; наконецъ былъ принужденъ заключить миръ, по которому остался царемъ саламинскимъ, но обѣщалъ платить персамъ дань и отдалъ подъ непосредственную власть ихъ тѣ города и области острова, которые прежде не принадлежали саламинскимъ государямъ.

Миръ Эвагора
съ персами.

Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ того храбрый Эвагоръ и старшій его сынъ были убиты невольникомъ, имѣвшимъ противъ нихъ личную вражду. Эвагору наследовалъ второй его сынъ Николъ, бывшій подобно отцу покровителемъ греческой цивилизаціи, добродѣтельнымъ и справедливымъ государемъ, человекомъ благороднымъ въ частной жизни.

VII. Деспотизмъ Спарты, паденіе ея могущества, гегемонія Оивъ.

1. Деспотизмъ Спарты.

Анталкидовъ миръ былъ принятъ всѣми греческими государствами; текстъ мирнаго трактата былъ написанъ на каменныхъ колоннахъ, поставленныхъ въ храмахъ; казалось, что спокойствіе Греціи надолго обеспечено. Спартанцы, назначенные отъ персидскаго царя исполнителями условій мира, строго вытребовали отъ всѣхъ областныхъ гегемоній; всѣ федерации, кромѣ пелопоннескаго союза, распались, и Греція раздробилась на множество мелкихъ независимыхъ государствъ; большіе города утратили прежнюю свою силу; повсюду боролись между собою политическія партіи, населеніе каждого города дѣлилось на части, враждебныя одна другой. Возвращеніе изгнанниковъ усилило прежніе раздоры: изгнанники требовали себѣ вознагражденія за убытки, хотѣли владычествовать. Ссоры были тѣмъ ожесточеннѣе, что размѣры государствъ были очень малы: враждующіе между собой люди жили рядомъ, непрерывно сталкивались. Возникали междоусобія, подававшія поводъ другимъ государствамъ захватывать власть надъ ссорящимися гражданами. Спарта пользовалась раздробленностью Греціи на мелкія независимыя государства и упрочивала свое владычество надъ ними: она была централизованное военное государство, ей легко было подчинять своей волѣ раздробленную Грецію. «Спартанцы были по природѣ властолюбивы и любили войну», говоритъ Діодоръ, «они не могли выносить мира, онъ былъ тяжелымъ бременемъ для нихъ; они желали стать по прежнему властелинами Греціи, потому начали нарушать установленный порядокъ». Агезилай возбуждалъ спартанцевъ къ захватамъ власти надъ другими государствами; его политическія идеи были узки; онъ думалъ не объ интересахъ всего греческаго народа, а только о могуществѣ Спарты; онъ говорилъ о единствѣ Греціи лишь для прикрытія своего стрем-

Послѣдствія
Анталкидова
мира.

Властолюбіе
спартанцевъ.

ленія поработить всю ее Спартѣ. Онъ и по своимъ понятіямъ не возвышался надъ мыслью спартанцевъ, какъ не отличался отъ нихъ своимъ образомъ жизни. Онъ хорошо понялъ, что Анталкидовъ миръ откроетъ широкій просторъ его стремленію къ побѣдамъ и завоеваніямъ. Онъ высказалъ это ясно и рѣзко: «Напрасно говорятъ, что Спарта—служить цѣлямъ персидскаго царя; она сдѣлала его орудіемъ для своихъ цѣлей».

Разрушеніе
Мантинеи 385.

Въ самомъ Пелопоннесѣ еще оставались государства, непокорный Спартѣ; первую заботою Агезилая было подавить ихъ. Какъ прежде Элида, такъ въ послѣднюю войну выказывала неприязнь къ Лакедемону Мантинея, аркадскій городъ, имѣвшій демократическое устройство. Мантинеяне плохо исполняли свои обязанности относительно пелопоннескаго союза. Они помогали аргосцамъ посылкою хлѣба; когда Ификратъ нанесъ поражение спартанскому отряду, они выказывали такую радость, что Агезилай при своемъ отступленіи въ Спарту не пошелъ мимо Мантинеи днемъ, пошелъ ночью. Теперь настало время отомстить. Мантинея получила отъ эфоровъ приказаніе разрушить свои стѣны. Она отказалась повиноваться. Агезилай пошелъ на нее съ многочисленнымъ войскомъ лакедемонянъ и ихъ союзниковъ; тутъ былъ даже отрядъ еиванцевъ подъ начальствомъ Эпаминонда и Пелопида. Разбивъ мантинейское войско, Агезилай осадилъ городъ. Мантинея была хорошо укрѣплена, снабжена большимъ запасомъ продовольствія и могла бы выдержать долгую осаду; но Агезилай заперъ ниже города плотиною рѣчку, протекавшую чрезъ Мантинею, рѣчка разлилась, подмыла дома и стѣны города. Мантинеяне принуждены были покориться. Агезилай велѣлъ разрушить стѣны города, велѣлъ жителямъ покинуть его и поселиться разрозненно въ пяти мѣстахъ, какъ жили они прежде въ пяти разныхъ селеніяхъ (стран. 10); эти селенія должны были оставаться не укрѣпленными. Члены правительственнаго совѣта и административные сановники Мантинеи, шестьдесятъ человѣкъ, получили пощаду по просьбѣ изгнаннаго изъ Спарты царя, Павзанія, жившаго въ Тегеѣ; Агезилай позволилъ имъ удалиться, куда хотятъ. Такъ перестала существовать Мантинея, бывшая самымъ сильнымъ государствомъ Аркадіи. «Сначала граждане», говоритъ Ксенофонтъ, «были огорчены приказаніемъ разрушить свои дома и строить себѣ новые въ другихъ мѣстахъ; но богатые люди нашли, что для нихъ удобно жить близко къ своимъ землямъ, лежащимъ около ихъ селеній; хорошо было и то, что въ этихъ селеніяхъ было введено аристократическое устройство и жители избавились отъ неприятнаго вліянія демагоговъ; потому имъ скоро понравилась новая ихъ жизнь, и они сдѣлались такими усердными союзниками Спарты, какъ никогда прежде». Приверженецъ лакедемонскихъ учреждений, Ксенофонтъ, не жалѣетъ о гибели здоровой энергической жизни народа, о томъ, что онъ потерялъ свободу.

Монотонное существованіе поселянъ подъ управленіемъ богатыхъ землевладѣльцевъ кажется Ксенофонту гораздо лучше кипучей жизни демократическаго города, въ которой столько тревогъ.

По всей Греціи жалѣли о судьбѣ мантинеянъ; но при всеобщемъ изнуреніи остались напрасны просьбы ихъ о помощи. Это ободрило спартанцевъ къ новымъ насиліямъ. Во время войны граждане Фліунта изгнали нѣкоторыхъ вождей аристократической партіи. Фліунтъ былъ зажиточный демократическій городъ, имѣвшій 5,000 гражданъ. По восстановленіи мира, изгнанники обратились съ жалобою къ спартанцамъ; спартанцы послали гражданамъ Фліунта приказаніе возвратить изгнанникамъ ихъ имущества и гражданскія права. Фліунтъ повинился. Народное собраніе постановило возвратить изгнанникамъ ихъ имущества, выдать купившимъ эти имущества вознагражденіе изъ государственной казны, а споры, какіе могутъ возникнуть по этимъ дѣламъ, предоставить рѣшенію обыкновеннаго законнаго суда. Но съ возвращеніемъ изгнанниковъ возобновились прежніе раздоры. Олигархи жаловались, что трибуналы состоятъ изъ ихъ противниковъ и рѣшаютъ начинаемые ими процессы несправедливо, такъ что они не могутъ добиться возвращенія своихъ имуществъ. Масса гражданъ напротивъ того винила олигарховъ, говорила, что они хотятъ низвергнуть демократическія учрежденія и при помощи спартанцевъ захватить владычество надъ городомъ. Ссоры усиливались. Вожди аристократической партіи поѣхали въ Спарту, просить заступничества. Масса гражданъ была раздражена этимъ, народное собраніе наложило денежный штрафъ на аристократовъ, вздвигшихъ въ Спарту и отвергло посредничество эфоровъ, требовавшихъ, чтобы рѣшеніе дѣла было предоставлено имъ. Агезилай, бывшій въ личной дружбѣ со многими изъ фліунтскихъ изгнанниковъ, собралъ войско и пошелъ на Фліунтъ. Граждане объявили, что они готовы отдать изгнанникамъ все, что велитъ Агезилай; но онъ требовалъ, чтобы ему былъ сданъ акрополь; граждане съ негодованіемъ отвергли это требованіе, и онъ осадилъ городъ. Но взялъ его не такъ скоро, какъ надѣялся, хотя граждане аристократической партіи уходили изъ города въ его войско. Оборону Фліунта руководилъ заботливый и разсудительный Дельфіонъ и болѣе года отражалъ всѣ нападенія. Когда запасы продовольствія стали истощаться, граждане согласились довольствоваться половинными порціями пищи. Наконецъ все было съѣдено, оставался выборъ только между покорностью и голодною смертію. Граждане отправили въ Спарту посольство объявить, что они сдаются. Но Агезилай, раздосадованный тѣмъ, что городъ ведетъ переговоры помимо его, убѣдилъ эфоровъ предоставить ему рѣшеніе судьбы города. Онъ составилъ военный судъ изъ пятидесяти изгнанниковъ и пятидесяти гражданъ Фліунта. Судъ сталъ разбирать, кого можно пощадить, кого должно предать смерти. Потомъ демократическія учрежденія были замѣнены

Война съ Флі-
унтомъ 384—
380.

381.

380.

аристократическими, и для охраны новаго правительства былъ поставленъ въ городѣ лакедемонскій гарнизонъ, содержаніе котораго возложено на городъ. Нѣтъ сомнѣнія, что число казенныхъ по военному суду было велико; потому жестоко было и мщеніе демократовъ, когда они снова одолѣли противниковъ.

Олинеъ соединяетъ сосѣдніе города въ союзъ подъ своею гегемоніей. Въ то время, какъ Агезилай осаждалъ Фліунтъ, спартанцы, не до-вольствуясь гегемоніей въ Пелопоннесѣ, не заботясь о томъ, что воз-ростаетъ непріязнь городовъ подавляемыхъ ими, или опасующихся ихъ самовластія, приняли на себя рѣшать дѣла въ отдаленной мѣстности, на еракійскомъ или македонскомъ полуостровѣ Халкидикѣ, гдѣ было столько сраженій въ пелопоннесскую войну. По распаденіи аеинскаго союза стало развиваться богатство и могущество одного изъ городовъ той мѣстности, Олинеа. Основателями этого города были переселенцы изъ Аеинъ и Эвбеи; потомъ стали селиться тамъ греки другихъ племенъ и варвары, такъ что жители города теперь были разноплеменнаго происхожденія. Онъ стоялъ въ сѣверозападномъ углу Торонскаго залива, между полуостровами Палленою и Ситоніей; онъ владѣлъ обширными землями по побережью, уступленными ему македонскимъ царемъ Аминтомъ III, за помощь въ борьбѣ съ иллирійскими и еракійскими племенами; торговля Олинеа была обширна, онъ разбогатѣлъ такъ, что могъ считаться наслѣдовавшимъ значеніе Аеинъ въ той сторонѣ греческаго міра; потому имѣлъ всѣ условія, необходимыя для гегемоніи надъ сосѣдними городами. По доброй волѣ или по принужденію вступили въ союзъ съ нимъ сначала сосѣдніе маленькіе города македонскаго или греческаго происхожденія, потомъ и города болѣе значительные, въ томъ числѣ даже Пелла, столица Македоніи. Олинеъ управлялъ дѣлами этого халкидскаго союза; его депутаты предсѣдательствовали въ союзномъ совѣтѣ. Но онъ предоставлялъ равныя права всѣмъ членамъ своей федераціи: граждане каждаго города получали всѣ политическія права при переселеніи въ другой городъ, имѣли право занимать всѣ должности по завѣдыванію дѣлами союза; браки гражданина одного города съ гражданкою другого были полноправны; каждый гражданинъ могъ пріобрѣтать собственность въ каждомъ другомъ городѣ; расходы по содержанію войска, флота и по другимъ союзнымъ надобностямъ были покрываемы взносами городовъ, пропорціональными населенію. Для большей части городовъ была выгодна принадлежность къ сильной федераціи, имѣвшей много конницы, тяжело вооруженныхъ гоплитовъ и легко вооруженной пѣхоты; слабыя государства были ограждены могущественнымъ союзомъ отъ враговъ, продолжая пользоваться гражданскою свободою; всѣ имѣли право участія въ управленіи союзными дѣлами, каждому гражданину федерація обеспечивала личную и имущественную безопасность. Но когда Олинеъ сталъ принуждать къ вступленію въ союзъ съ нимъ большіе греческіе города Халкидики, Аканеъ и Аполлонію,

они, желая сохранить свою самостоятельность, обратились въ Спарту съ просьбой о защитѣ; за нихъ вступился передъ спартанскимъ правительствомъ Аминтъ, который, одолѣвъ непріятелей, желалъ возвратить себѣ города и земли, уступленные Олинеу.

„Вамъ извѣстно“, говорилъ совѣту пелопоннесскаго союза аканескій по-Рѣчь аканеска-солъ Клеигенъ, „какъ олинеяне покоряли себѣ, то убѣжденіями, то силою, го посла въ одинъ городъ за другимъ; вамъ извѣстно, что они уже ведутъ переговоры Спартѣ. о союзѣ съ еиванцами и аеинянами; вамъ извѣстно, съ какой дѣятельностью строятъ они корабли, чтобы пріобрѣсти себѣ владычество и на морѣ, какъ стараются они войти въ дружбу съ еракійцами, чтобы завладѣть пангейскими золотыми рудниками и увеличить на доходы съ нихъ свои военныя силы. Вы, такъ горячо желающіе уничтожить гегемонію Эивъ надъ Беотіею, не должны спокойно смотрѣть на то, что на сѣверѣ образуется болѣе могущественный союзъ, сухопутныя и морскія силы котораго увеличиваются съ каждымъ днемъ; если вы не остановите этого во время, то мы будемъ лишены возможности сохранить свою независимость и жить по нашимъ старымъ законамъ, какъ мы того желаемъ; а тѣ города, которые теперь колеблются, или не довольны, не будутъ помогать вамъ, будутъ сражаться противъ васъ, когда научатся цѣнить выгоды, доставляемыя имъ союзомъ, основаннымъ на равноправности. Потому спѣшите разрушить силой оружія этотъ союзъ, пока онъ еще не упрочился“.

Эта рѣчь произвела сильное впечатлѣніе; послы македонскаго царя Спартанцы рѣ-поддерживали просьбу Аканеа и Аполлоніи—предлагали отъ имени сво-шають разру-его царя спартанцамъ союзъ. Царь Агезиполь, человекъ справедли-шить халкид-вый, желавшій мира между греками, патріотъ, думавшій о благѣ скую федера-всей Греціи, сильно осуждалъ мысль идти войною противъ грече-цію. скихъ государствъ, когда остаются беззащитными отъ варваровъ греческіе города Малой Азіи; но совѣтъ пелопоннесскаго союза рѣшилъ исполнить просьбу Аканеа и Аполлоніи. Депутаты пелопоннесскихъ городовъ, желая угодить спартанцамъ, согласились, что должно немедленно отправить войско, и обѣщали усердную поддержку со стороны своихъ государствъ. Приготовленія къ походу были сдѣланы такъ быстро, что тотчасъ по отъѣздѣ халкидскихъ пословъ былъ отправленъ подъ начальствомъ Эвдамида отрядъ, состоявшій изъ 2000 новыхъ гражданъ, періэковъ и скиритовъ (жителей подвластнаго Спартѣ округа въ пограничныхъ горахъ Аркадіи); между тѣмъ собирались войска союзниковъ, предназначенныя для похода; было рѣшено послать 10000 человекъ. Союзники снаряжали свои отряды очень усердно. Наказаніе, постигнувшее мантинеянъ, произвело на нихъ должное дѣйствіе. Впрочемъ спартанцы позволяли союзникамъ замѣнять присылку войска взносомъ денегъ; наемниковъ было можно набрать сколько угодно. За неисправность въ исполненіи обязанностей было назначено подвергать денежному штрафу.

Эвдамидъ быстро прошелъ чрезъ Грецію и Фессалію въ халкидскій Война съ Олин-полуостровъ, принудилъ при содѣйствіи Аминта Потидею и нѣкото-60мъ. 383—380.

рые другіе города отказаться отъ союза съ Олинеомъ, и если бы братъ его Фебидъ подоспѣлъ къ нему скоро, то вѣроятно онъ принудилъ бы покориться и олинѣяны, потому что они не были готовы къ оборонѣ. Но Фебидъ былъ задержанъ въ Фивахъ дѣлами, о которыхъ расскажемъ ниже, и Эвдамидъ потерпѣлъ неудачу: олинѣяне разбили его; онъ долженъ былъ ограничиться оборонительными дѣйствіями. Побѣда ободрила олинѣяны, они рѣшили твердо защищать свою самостоятельность и приготовились къ войнѣ такъ хорошо, что сопротивлялись могущественной Спартѣ почти три года. Телевтіи, храбрый братъ Агезилая, привелъ въ слѣдующемъ году сильное войско въ Халкидику; Аминтъ и элимейскій царь Дердъ помогали ему; онъ дѣйствовалъ очень энергично и сначала успѣшно, такъ, что Олинеъ, лишившись почти всѣхъ союзниковъ, долженъ былъ рассчитывать только на собственные силы, на храбрость и твердость своихъ гражданъ; но раздраженный смѣлымъ неожиданнымъ нападеніемъ олинѣйскихъ пельтастовъ, Телевтіи слишкомъ неосторожно подступилъ къ стѣнамъ города и потерпѣлъ страшное пораженіе; на полѣ битвы легли 1200 его воиновъ; былъ убитъ и самъ онъ; убиты были храбрѣйшіе люди его войска. Спартанцы послали въ Халкидику новое войско, составленное изъ отборныхъ людей; въ немъ было много волонтеровъ. Начальство надъ нимъ было поручено Агезиполу. Онъ опустошилъ область Олинеа и въ знойное время лѣта взялъ, оставившись вѣрнымъ Олинеу, сильно укрѣпленный городъ Торону. Но и ему не пришлось довести до конца войну. Во время осады Тороны онъ занемогъ сильно лихорадкой, она свела его въ гробъ. Прохлада густыхъ аллей афитидскаго храма Діониса не спасла его. Онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Агезилай, стоявшій въ это время подъ Фліунтомъ, заплакалъ, узнавъ о смерти храбраго товарища, которому въ обширномъ царскомъ дворцѣ Спарты любилъ рассказывать о своей молодости, о своихъ охотничьихъ, военныхъ и любовныхъ приключеніяхъ. Но силы Олинеа истощались въ неравной борьбѣ. Поливиадъ, получившій начальство надъ войскомъ по смерти Агезиполя, энергично велъ войну на сушѣ и на морѣ, и при содѣйствіи союзниковъ осадилъ Олинеъ. Гражданамъ сталъ угрожать голодъ, они принуждены были просить мира. Онъ былъ данъ имъ на условіяхъ, сравнительно легкихъ. Халкидская федерація была объявлена уничтоженной, македонскому царю были возвращены земли, принадлежавшія ему прежде; Олинеъ и другіе покоренные греческіе города должны были подчиниться гегемоніи Спарты, но сохранили свою самостоятельность.

Еще важнѣе войны съ Олинеомъ была война Спарты съ Фивами, поводъ къ которой возникъ изъ похода Фебида въ Халкидику. Анталкидовъ миръ уничтожилъ гегемонію Фивъ надъ другими беотійскими городами, и спартанцы старались устроить дѣла такъ, чтобъ она не могла возстановиться: они оградили независимость враж-

Телевтіи 382.

Агезиполь 381.

Покореніе
Олинеа 380.

Поводъ къ вой-
нѣ съ Фивами.

дебныхъ Фивамъ городовъ Орхомена и Феспіи, поставивъ въ нихъ свои гарнизоны, вызвали изгнанныхъ платейцевъ изъ Афинъ и другихъ мѣстъ, возстановили Платею и приняли ее подъ свое покровительство. Фиванцы сначала чувствовали себя такими слабыми, что послушно послали свой отрядъ подъ начальство лакедемонянъ въ походъ противъ Мантинеи. Но черезъ нѣсколько времени беотійскіе демократы ободрились; и въ самыхъ Фивахъ и въ другихъ городахъ обратились гетеріи, поставившія себѣ цѣлью вывести Беотію изъ униженія, возобновить федерацію. Аристократы, подъ покровительствомъ Спарты захватившіе въ свои руки власть въ разьединенныхъ беотійскихъ городахъ, оставались преданными друзьями лакедемонянъ. Когда спартанскія войска пошли на Олинеъ, силы партій уравнивались; однимъ изъ фиванскихъ полемарховъ (высшихъ правительственныхъ сановниковъ) былъ глава аристократической партіи, Леонтиадъ, горячій противникъ мысли о возстановленіи беотійской федераціи, усердный приверженецъ лакедемонянъ, человѣкъ изъ старинной олигархической фамиліи, дѣдъ котораго сражался въ рядахъ персовъ, а отецъ, Эвримахъ, лишился жизни при попыткѣ фиванскихъ аристократовъ въ началѣ Пелопоннесской войны низвергнуть демократическое правленіе въ Платеѣ (стран. 597 слѣд.); а другимъ полемархомъ былъ вождь демократовъ Исменій, сильно желавшій возстановленія беотійскаго союза подъ гегемонією Фивъ. Оба они были люди даровитые, энергичные.—Фебидъ на походѣ въ Халкидику расположился станомъ у самыхъ стѣнъ Фивъ; Леонтиадъ попросилъ его содѣйствія своему замыслу подавить демократическую партію; Фебидъ, человѣкъ опрометчивый и тщеславный, охотно согласился; впрочемъ, вѣроятно, онъ руководился не однимъ личнымъ тщеславіемъ, а дѣйствовалъ и по тайнымъ инструкціямъ эфоровъ: для Спарты было очень важно, чтобы приверженцы ея сохраняли владычество въ Беотіи. Если Фебидъ не имѣлъ формальнаго приказанія, онъ во всякомъ случаѣ былъ увѣренъ, что Агезилай и другіе сторонники насильственныхъ дѣйствій одобрятъ его.

Въ жаркій лѣтній день, когда фиванскія женщины собрались въ Кадмеѣ—акрополѣ Фивъ,—совершать обряды праздника богини рожденія дѣтей, а правительственный совѣтъ засѣдалъ въ зданіи на площади народныхъ собраній, Леонтиадъ повелъ Фебида съ отрядомъ войска по безлюднымъ въ тѣ часы дня улицамъ города; спартанцы, не встрѣчая сопротивленія, вошли въ акрополь, у воротъ котораго не было стражи, и захватили женщинъ, чтобы страхъ за жизнь женъ удержалъ гражданъ отъ возстанія; Леонтиадъ пошелъ въ собраніе правительственнаго совѣта, велѣлъ арестовать Исменія, обвиняя его въ злоумышленіи, сказалъ членамъ совѣта, что они могутъ быть спокойны, что спартанцы не имѣютъ никакихъ враждебныхъ Фивамъ намѣреній. Демократы, застигнутые этимъ переворотомъ въ располхъ, не могли противиться; 400 человѣкъ изъ нихъ, въ томъ числѣ Пе-

Положеніе пар-
тій въ Фивахъ.

Фебидъ овладѣ-
ваетъ Кадмею.
393.

Учреждение олигархическаго правительства въ Аѳинахъ. Лопидъ и Андроклидъ, бѣжали въ Аѳины. Правительственный совѣтъ и граждане были совершенно запуганы; пользуясь этимъ, Леонтиадъ установилъ строго олигархическое правленіе, важнѣйшими членами котораго были самъ онъ и его политическіе друзья Филиппъ, Гипать и Архій. Потомъ онъ поѣхалъ въ Спарту, убѣдить эфоровъ, чтобы они одобрили произведенный имъ переворотъ. Спартанское правительство понимало, что переворотъ выгоденъ для Спарты, но колебалось одобрить его, потому что всѣ греки называли его беззаконнымъ насилиемъ. Леонтиадъ объяснилъ спартанскому правительству, что Фивы, постоянно подававшія ему поводы къ опасеніямъ, теперь, подъ владычествомъ олигарховъ, будутъ вѣрны и послушны Спартѣ; Агезилай сказалъ, что когда военачальникъ сдѣлаетъ самовластный поступокъ, то надобно обращать вниманіе только на то, полезенъ ли государству этотъ поступокъ, и если полезенъ, то должно одобрить военачальника. Спартанское правительство рѣшило признать законнымъ новое ѳиванское правительство, держать для охраненія его отрядъ въ 1500 человекъ подъ начальствомъ трехъ гармостовъ въ Кадмеѣ, и назначить военную комиссію изъ спартапцевъ и союзниковъ для суда надъ Исменіемъ. Въ доказательство того, что Фебидъ дѣйствовалъ не по приказанію правительства, эфоры наложили на него денежный штрафъ за самовластный поступокъ. Исменій былъ обвиненъ Леонтиадомъ въ томъ, что былъ подкупленъ персами возбуждать ѳиванцевъ къ войнѣ съ лакедемонянами. Онъ убѣдительно доказалъ, что это клевета; но судьи, объявивъ его врагомъ спокойствія Греціи, произнесли смертный приговоръ. Погубивъ Исменія, олигархи, подъ охраною спартанскаго гарнизона, стали бросать въ тюрьмы и губить другихъ своихъ противниковъ, обогащались ихъ имуществомъ, посылали своихъ агентовъ тайно убивать демократовъ, успѣвшихъ бѣжать. Ихъ управленіе было подобно терроризму Тридцати правителей въ Аѳинахъ.

2. Освобожденіе ѳивъ. Пелопидъ и Эпаминондъ.

Раздраженіе въ Греціи противъ самовластія Спарты. После покоренія Олинеа и занятія Кадмеи Спарта была на вершинѣ могущества. Почти вся Греція повиновалась велѣніямъ спартанскаго правительства; правда, Аѳины сохраняли нѣкоторую самостоятельность, но они были одиноки и не могли мѣшать самовластію Спарты. Въ большей части греческихъ государствъ владычествовали олигархи, державшіеся только покровительствомъ Спарты, потому совершенно послушные ей; во многихъ городахъ стояли спартанскіе гарнизоны; по паденіи Олинеа, спартапцы господствовали и на морѣ; демократы были подавлены и безсильны; даровитѣйшіе вожди

ихъ находились въ темницахъ, или скитались въ изгнаніи. Политика Спарты была эгоистична, чужда всякаго патріотизма. На первомъ олимпійскомъ праздникѣ послѣ Анталкидова мира, Лизій произнесъ рѣчь, въ которой горько жаловался, что Спарта сдѣлала наследственного врага грековъ рѣшителемъ дѣлъ греческаго народа, что границы греческаго міра сѣззились, что восточные греки отданы подъ власть персамъ, западные подъ тираннію Діонисія, который послалъ на этотъ національный праздникъ великолѣпныя колесницы, между тѣмъ какъ лишенные свободы, обѣднѣвшіе греки востока не участвуютъ въ національномъ торжествѣ. Отрывки этой рѣчи дошли до насъ. Въ знаменитомъ «Панегирикѣ» Исократы, прочтенномъ на слѣдующемъ олимпійскомъ праздникѣ (стран. 769 слѣд.), рѣзкимъ диссонансомъ, котораго не могли закрыть благозвучные періоды аѳинскаго оратора, звучала жалоба, что теперь и на сѣверѣ стѣснились границы греческаго міра, что иноплеменный государь сдѣланъ владыкою греческихъ городовъ. По всей Греціи господствовало глубокое негодованіе на Спарту. Настоящее было тяжело, будущее представлялось безотраднымъ. Спарта совершенно забыла свои обѣщанія быть защитницею порядка и законности. Безъ всякаго вниманія къ общественному мнѣнію, съ полнымъ презрѣніемъ къ оскорбленному нравственному чувству она допускала вопіющія насилія и сама совершала ихъ. Договоры ничего не значили для нея, когда было выгодно нарушать ихъ. Удары, которыми черезъ нѣсколько времени послѣ этого было потрясено ея могущество, казались грекамъ божественнымъ наказаніемъ ей за несправедливости.

Это сужденіе высказываетъ даже Ксенофонтъ, приверженецъ лакедемонянъ: „Я могъ бы привести изъ исторіи грековъ и варваровъ много примѣровъ тому, что боги не оставляютъ беззаконниковъ не наказанными“, говоритъ онъ, „но соплюсь лишь на самый недавній. Лакедемоняне, обѣщавшіеся предоставить греческимъ городамъ независимость и вѣроломно занявшіе ѳиванскій акрополь, были наказаны тѣми, съ кѣмъ поступили несправедливо; а прежде никакое государство въ свѣтѣ не могло побѣдить ихъ; тѣ граждане, которые ввели лакедемонянъ въ акрополь и отдали свой родной городъ въ рабство, чтобы самими сдѣлаться господами въ немъ, были низвергнуты съ высоты своего могущества изгнанниками, которыхъ было всего только семь человекъ“.

Три года прошло съ той поры, какъ ѳиванскіе демократы бѣжали въ Аѳины, спасаясь отъ терроризма олигарховъ. Аѳиняне дали имъ пріютъ, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ нашли пріютъ себѣ въ ѳивахъ аѳинскіе демократы. Аѳинское государство назначило содержаніе ѳиванскимъ изгнанникамъ и съ презрѣніемъ отвергло требованіе Спарты прогнать ихъ. ѳиванскіе правители сначала опасались эмигрантовъ, число которыхъ постоянно увеличивалось. Но когда Андроклидъ, бывшій важнѣйшимъ послѣ Исменія вождемъ демократиче-

Лизій 384.

Исократъ 380.

Ксенофонтъ.

ѳиванскіе изгнанники въ Аѳинахъ.

ской партіи, палъ подъ кинжалами посланныхъ изъ Фивъ убійцъ, ѳиванскіе олигархи нѣсколько успокоились; демократы бездѣйствовали, олигархи перестали опасаться ихъ и держали себя беззаботно. А между тѣмъ въ беотійской молодежи пробуждался патріотизмъ; пылкій, предприимчивый Пелопидъ пріобрѣлъ большое вліяніе на изгнанниковъ, жившихъ въ Аѳинахъ и сдѣлался наконецъ руководителемъ ихъ.

Пелопидъ. Пелопидъ принадлежалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ ѳиванскихъ семействъ, имѣлъ большое наслѣдственное состояніе, сдѣлался еще богаче, женившись на дѣвушкѣ съ большимъ приданымъ. Но онъ былъ рѣшительный демократъ и усердный дѣятель демократическихъ клубовъ (гетерій). Восторженный, преданный свободѣ и славы отечества, онъ со стыдомъ и негодованіемъ смотрѣлъ на позорное униженіе, какому подвергли аристократы его родной городъ, страшно ненавидѣлъ ихъ и покровительствующимъ имъ спартамцевъ. Его патріотизмъ былъ источникомъ ненависти ко всякому угнетенію, которой онъ оставался вѣренъ до послѣдней минуты жизни и которая увлекала его въ предпріятія, иногда чрезмѣрно смѣлые. Онъ былъ не лишенъ научнаго образованія и любви къ искусству, былъ одаренъ отъ природы краснорѣчіемъ; но былъ не столько человѣкъ мысли, сколько человѣкъ дѣла. По старинному обычаю ѳиванцевъ, онъ усердно занимался гимнастикой, пріобрѣлъ упражненіемъ въ ней крѣпкую физическую силу, способность выносить всякія лишения и замѣчательное искусство владѣть оружіемъ. На походахъ былъ онъ неутомимъ, въ битвахъ держалъ себя геройски. Слава была для него дороже богатства, значительную часть котораго онъ расходовалъ на патріотическія дѣла; образъ его жизни былъ не такой воздержный, какъ жизнь друга его, Эпаминонда, но онъ никогда не предавался чувственнымъ излишествамъ.

Патріотизмъ ѳиванской молодежи. Юношески-пылкій Пелопидъ говорилъ своимъ товарищамъ по изгнанію, что уже слишкомъ долго пользуются они гостепріимствомъ аѳинянъ, что не слѣдуетъ имъ дальше оставаться въ зависимости отъ благосклонности демагоговъ и отъ рѣшеній аѳинскаго народнаго собранія, что они должны подобно Тразибулу освободить отечество, рискуя для того жизнью. А между тѣмъ въ Фивахъ молодые люди прониклись сознаніемъ, что ихъ отечество находится въ постыдномъ рабствѣ, что надобно низвергнуть тиранновъ, возстановить свободу, славу и могущество Фивъ. Олигархи, желая отклонить молодежь отъ занятій политикою, благопріятствовали научнымъ занятіямъ, дозволили знаменитымъ философамъ поселиться въ Фивахъ и другихъ беотійскихъ городахъ быть преподавателями; молодежь собиралась слушать лекціи пифагорейца Лизиды, послѣдователей сократовой философіи Кебеса, Симмія; олигархи покровительствовали и занятіямъ гимнастикой, устраивали гимнастическія и музыкальныя состязанія. Но все это помогало развитію патріотизма въ молодыхъ людяхъ. Чувствуя свои физическія и нравственныя силы, они переставали бояться спартамцевъ, стали даже презирать ихъ. ѳиванская молодежь стыдилась того, что акрополь ея родного города занятъ отрядомъ иноземцевъ.

Спартамцы не щадили гордости беотійцевъ: они перенесли въ Спарту кости Алкмены, прародительницы Гераклидовъ, изъ гробницы ея, находившейся у Галиарта. ѳиванская молодежь, собираясь въ школахъ философовъ и въ гимназіяхъ, постоянно имѣла случаи обмѣниваться мыслями. Сильное вліяніе на нее пріобрѣлъ человѣкъ возвеличившій свое отечество, другъ Пелопиды, Эпаминондъ, сынъ Полимида.

Эпаминондъ. Подобно Пелопиду, Эпаминондъ происходилъ отъ стариннаго знатнаго рода; но его семейство было бѣдно; подобно Пелопиду, онъ въ дѣтствѣ и юности усердно занимался гимнастикой, и сталъ человѣкомъ, физически сильнымъ, способнымъ выносить всѣ трудности походной жизни. Оба они, говоритъ Плутархъ, были доблестные мужи; но Пелопиду больше нравились физическія, Эпаминонду—умственные занятія; Пелопидъ проводилъ часы досуга въ гимнастическихъ играхъ и на охотѣ, Эпаминондъ—въ бесѣдахъ съ философами; а имъ обоимъ дѣлалъ равно великую честь ихъ неизмѣнная дружба, остававшаяся при всѣхъ перемѣнахъ обстоятельствъ непоколебимою до самой смерти Пелопиды. Музыка и гимнастика Эпаминонду учились у опытныхъ преподавателей и, какъ истинный грекъ, умѣя искусно владѣть оружіемъ, умѣлъ хорошо пѣть, танцовать, играть на флейтѣ и китарѣ. Чрезвычайно сильное вліяніе на развитіе любознательнаго молодого человѣка имѣли уроки и разговоры пифагорейца Лизиды, которому его отецъ далъ пріютъ въ своемъ домѣ. Бесѣды этого старика Эпаминондъ предпочиталъ всѣмъ развлеченіямъ въ кругу сверстниковъ, заимствовалъ отъ него возвышенныя понятія о жизни, любовь къ добродѣтели и скромности, стремленіе къ гармоническому развитію души и тѣла, и остался на всю жизнь вѣренъ его внушеніямъ. Въ рассказѣ о политической дѣятельности Эпаминонда мы ближе ознакомимся съ его великими, талантами и высокими нравственными качествами, съ его храбростью, военнымъ гениемъ, свѣтлымъ умомъ, чистымъ, неподкупнымъ характеромъ, чуждымъ честолюбію и своекорыстію, благороднымъ патріотизмомъ, искавшимъ славы себѣ только въ возвеличеніи своей родины; увидимъ твердость его души, его самообладаніе, благодаря которому онъ сохранялъ спокойствіе духа и независимость мыслей среди всѣхъ общественныхъ смутъ. На всей его жизни лежитъ отпечатокъ пифагорейской философіи. Его спокойная сдержанность, возвышенная простота, умѣренный образъ мыслей; его безпритязательность, его отвращеніе отъ всякаго нарушенія законовъ, его благородная гордость, соединенная съ истинной скромностью—все это напоминаетъ идеалъ человѣка по понятіямъ Пифагора и пифагорейцевъ; онъ и дѣйствительно стремился приблизиться къ пифагорейскому идеалу. Чтобы сохранить свободу жить сообразно этому стремленію и съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы предоставить больше средствъ къ жизни младшему брату, онъ рѣшился оставаться не женатымъ.

Человѣкъ не честолюбивый, заботящійся только о развитіи своихъ нравственныхъ и физическихъ силъ, бѣдный, скромный, простой, Эпаминондъ казался олигархамъ не опасенъ, потому его жизнь въ Фивахъ шла спокойно при владычествѣ террора. Олигархи не мѣшали ему собирать около себя молодыхъ гражданъ для занятій гимнастикой и военными упражненіями: скромному, одинокому, безсемейному

Общественное положеніе и дѣятельность Эпаминонда.

человѣку, нужны же были какія-нибудь развлеченія; но, собираясь около Эпаминонда, молодежь проникалась патриотизмомъ, и въ кружкѣ, сгруппировавшемся около него, воспитались тѣ люди, при содѣйствіи которыхъ онъ сокрушилъ могущество Спарты. По врожденной скромности онъ былъ молчаливъ; но когда было надобно, его молчаливость смѣнялась энергическимъ краснорѣчіемъ, богатыми мыслями, теплымъ, искреннимъ; и скромность не мѣшала ему быть сильнымъ политическимъ дѣятелемъ.

Заговорщики
идутъ изъ
Аѳинъ въ
Ѣввы.

Жившіе въ Аѳинахъ изгнанники вѣроятно знали о настроеніи своихъ согражданъ. Одушевляемые пылкимъ патриотизмомъ Пелопида, они рѣшились рисковать жизнью для освобожденія родины отъ постыднаго рабства, и сообщили свой замыселъ нѣкоторымъ изъ аѳинскихъ патриотовъ: Филлиду, Харону, Горгиду. Исполненіе замысла было ускорено надобностью спѣшить, чтобы спасти Амфитея, одного изъ вождей демократической партіи, который былъ осужденъ олигархами на смерть. Душою заговора въ Ѣввахъ былъ Филлидъ, человекъ хитрый, умѣвшій такъ хорошо скрывать свои демократическія убѣжденія, что полемархи Архій и Филиппъ сдѣлали его своимъ секретаремъ.

Въ концѣ 379 года, какъ рассказываютъ намъ Плутархъ и другіе древніе писатели, аѳинскіе изгнанники собрались близъ Трип, на границѣ Аттики съ Беотіей. Ихъ было человекъ триста или четырехъ.—Человекъ двѣнадцать изъ нихъ, вызвавшіеся принять на себя исполненіе опаснаго замысла, пошли дальше. Въ числѣ пошедшихъ были: Пелопидъ, Меллонъ, Дамоклидъ; всѣ они были люди знатнѣйшихъ аѳинскихъ фамилій, дружные между собою. Переодѣвшись охотниками, или поселянами, они перешли Киллеронъ и подошли къ Ѣввамъ въ бурный зимній день; падалъ снѣгъ, была вьюга. По ихъ одеждѣ никто не обращалъ на нихъ вниманія, и при наступленіи ночи они прошли по одиночкѣ, разными воротами, въ городъ, собрались въ домъ Харона, надежнаго соучастника ихъ умысла; онъ былъ предупрежденъ, что они придутъ къ нему. У него они ночевали и провели слѣдующій день. Приходили новые товарищи, такъ что число собравшихся въ домъ Харона возросло человекъ до пятидесяти. Вечеромъ Филлидъ, участвовавшій въ заговорѣ, но умѣвшій сохранить довѣріе аристократовъ, сдѣлалъ для полемарховъ пиръ. На этомъ пирѣ заговорщики хотѣли убить ихъ; распредѣлили между собою, кому что дѣлать, и съ нетерпѣніемъ ждали назначеннаго времени, когда постучались въ дверь два служителя и пригласили Харона идти къ полемархамъ. Заговорщики полагали, что ихъ замыселъ раскрытъ какимъ-нибудь измѣнникомъ. Харонъ отдалъ Пелопиду своего пятнадцатилѣтняго сына въ залогъ своей вѣрности, и поспѣшилъ въ домъ Филлида, гдѣ уже возлежали за роскошнымъ ужиномъ полемархи, Архій и Филиппъ. До нихъ дошла неопредѣ-

Заговорщики
въ домъ Ха-
рона.

ленная молва о заговорѣ и объ участіи Харона въ немъ; ему не трудно было разсѣять ихъ подозрѣнія, и онъ, успокоенный, возвратился къ своимъ друзьямъ.

Счастливо миновала и вторая опасность. Едва ушелъ отъ полемарховъ Харонъ, явился гонецъ съ запечатаннымъ письмомъ къ полемарху Архію отъ аѳинскаго гіерофанта, имя котораго было тоже Архій; въ письмѣ гіерофантъ сообщалъ полемарху точныя извѣстія о заговорѣ и перечислялъ имена заговорщиковъ. Гонецъ передалъ полемарху письмо съ словами, что оно содержитъ въ себѣ очень серьезныя извѣстія. Архій, въ головѣ у котораго уже шумѣло отъ вина, положилъ письмо подъ подушку, сказавъ: «серьезное до завтра».

Филлидъ обѣщалъ своимъ гостямъ, что на пирѣ у него будутъ танцовщицы. Полемархи напомнили ему объ этомъ, и онъ, отославъ прислугу, ввелъ въ залъ Меллона, Харона и нѣсколько другихъ заговорщиковъ, одѣтыхъ въ женское платье и подъ покрывалами. Они выхватили спрятанные подъ платьемъ кинжалы и бросились на полупьяныхъ полемарховъ; Архій и Филиппъ были убиты почти безъ сопротивленія; но жрецъ Каберихъ бросился на заговорщиковъ, схвативъ свое священное копье, которое всегда носилъ при себѣ; они принуждены были убить и его, хотъ вовсе не желали этого.— По другимъ рассказамъ, заговорщики были впущены въ залъ, какъ запоздавшіе гости.—Труднѣе было убить Леонтиада, сильнаго и мужественнаго человека, не бывшаго на пирѣ. Онъ былъ дома и лежалъ на постелѣ, а его жена, сидя подлѣ него, пряла шерсть. Заговорщики сильно постучали въ дверь, слуга отворилъ ее, вошли Пелопидъ и Кефисодоръ, убили слугу и бросились въ комнату, гдѣ лежалъ Леонтиадъ. Слыша шумъ, онъ вскочилъ, схватилъ кинжалъ и встрѣтилъ ихъ у двери комнаты. Онъ нанесъ Кефисодору такой ударъ, что тотъ упалъ; онъ ранилъ и Пелопида; рана была въ голову, но легкая; онъ сильно оборонялся, но Пелопидъ одолѣлъ, повалилъ его на упавшаго Кефисодора и убилъ; у Кефисодора еще оставалось сознаніе, онъ еще видѣлъ, что Леонтиадъ убитъ, пожалъ руку Пелопиду и умеръ. Былъ убитъ заговорщиками и Гипатъ, бѣжавшій изъ своего дома, но настигнутый ими.

Убивъ главныхъ людей олигархической партіи, заговорщики собрались всѣ вмѣстѣ и пошли съ Филлидомъ въ темницу, убили смотрителя ея и освободили находившихся подъ арестомъ демократовъ,— 150 человекъ,—въ томъ числѣ и Амфитея, который завтра долженъ былъ быть преданъ смерти олигархами. Освобожденные отъ цѣпей демократы взяли оружіе въ сосѣднемъ складѣ и вмѣстѣ съ заговорщиками стали у храма Амфіона, а конные гонцы поскакали къ оставшимся на границѣ изгнанникамъ съ приглашеніемъ спѣшить въ Ѣввы, другіе гонцы повезли вѣсть объ освобожденіи въ Аѳины. Заговорщики послали по улицамъ и площадямъ вѣстниковъ, объявлять при звукахъ

Письмо къ Ар-
хію.

Заговорщики
убиваютъ глав-
нѣйшихъ оли-
гарховъ.

Освобождение
демократовъ,
находившихся
въ темницѣ.

трубъ, что тиранны убиты, городъ освобожденъ; демократы торжествовали, противники ихъ совершенно упали духомъ; многіе аристократы бѣжали въ акрополь. Весь городъ волновался; Эпаминондъ и Горгидъ собрали своихъ молодыхъ друзей, пригласили ихъ взять оружіе и стали у храма Аѣины; появленіе столькихъ вооруженныхъ людей успокоило гражданъ, опасавшихся нападенія изъ акрополя; крики толпы затихли. Эпаминондъ зналъ о заговорѣ, участниками котораго были его младшій братъ Кафисій и Пелопидъ, лучший его другъ; но онъ держался въ сторонѣ: по его убѣжденіямъ, не слѣдовало убивать безъ суда даже и злодѣевъ; онъ не хотѣлъ произвола, нарушенія законовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опасался, что кровавое начало дѣла слишкомъ разгорячитъ толпу и она попадетъ подъ вліяніе людей крайняго образа мыслей, Семида, Эвмольпида и другихъ, которые поведутъ переворотъ слишкомъ круто, что разсудительные патріоты утратятъ силу, сдерживать народъ отъ вредныхъ излишествъ. Руки Эпаминонда остались чисты отъ крови согражданъ; тѣмъ свободнѣе былъ онъ въ своей политической дѣятельности, тѣмъ легче было ему руководить дѣйствіями народа въ трудныя времена возрожденія государства, убѣждать гражданъ быть единомышленными, внушать имъ гражданскія доблести.

Энтузіазмъ эвванцевъ. Когда настало утро и граждане узнали всѣ подробности того, что совершилось ночью, ими овладѣлъ патріотическій энтузіазмъ. Собрался народъ; это было первое народное собраніе послѣ вступленія спартанцевъ въ акрополь. Народъ радостно привѣтствовалъ своихъ освободителей; жрецы возлагали на нихъ вѣнки, благословляли ихъ отъ имени боговъ. Трое изъ заговорщиковъ, Пелопидъ, Меллонъ и Харонъ, были назначены беотархами; такъ назывались правители беотійскаго союза, и возстановленіе этого сана означало, что возстановляется беотійскій союзъ, разрушенный Анталкидовымъ миромъ. Но свобода Фивъ не была упрочена, пока оставался въ Кадмеѣ лакедемонскій гарнизонъ и олигархи имѣли тамъ свой пріютъ. Потому первую необходимою для Фивъ было организовать и вооружить сильное войско. Это дѣло облегчилъ для новыхъ правителей восторженный патріотизмъ, охватившій всѣхъ гражданъ. Фиванцы вооружились; къ ихъ войску присоединились возвратившіеся изгнанники, отрядъ присланный на помощь Фивамъ аѣинянами, волонтеры, пришедшіе изъ Аѣинъ и другихъ городовъ. Діодоръ говоритъ, что аѣинское правительство прислало на помощь фиванскимъ демократамъ отрядъ, состоявшій изъ 5000 человекъ подъ начальствомъ Демофона. Скоро у фиванцевъ было готово къ бою 12000 гоплитовъ и 2000 человекъ конницы. Спартанскій гарнизонъ при- Фиванцы осадили акрополь. Конница ихъ отразила гармостовъ Плаети и Феспіи, шедшихъ съ своими отрядами на помощь гарнизону Кадмеи. Гарнизонъ упорно защищался; храбро и бдительно онъ отбивалъ всѣ приступы фиванцевъ. Были назначены награды тѣмъ, кто

первые войдутъ въ акрополь; это возбуждало отвагу осаждающихъ, они день и ночь пытались взять Кадмею. Лакедемоняне ждали, что Спарта пришлетъ войско на выручку имъ; оно не являлось; съѣстные припасы истощились, и гармосты Кадмеи принуждены были сдать ее подъ условіемъ, что гарнизонъ получитъ свободный пропускъ. Гарнизонъ ушелъ изъ Фивъ, не подвергаясь нападеніямъ; но аристократы, хотѣвшіе уйти съ нимъ, не могли быть защищены отъ мщенія раздраженнаго народа: онъ убилъ многихъ изъ нихъ, не щадилъ ни женщинъ, ни дѣтей. Тѣло убитаго зрителя темницы было изувѣчено женщинами, ненавидѣвшими этого безжалостнаго агента олигарховъ. — Спартанцы предали суду гармостовъ Кадмеи за то, что они не дождались войска, шедшаго на помощь имъ; двое изъ нихъ были наказаны смертю, на третьяго былъ наложенъ огромный денежный штрафъ; онъ не могъ заплатить его и удалился въ изгнаніе.

3. Беотійская война до битвы при Левктрѣ.

(378—371).

Лакедемонскимъ войскомъ, которое, по извѣстію о низверженіи олигархій въ Фивахъ, было послано эфорами въ Беотию, начальство- валъ не Агезилай, а другой царь Клеомбротъ, незадолго передъ тѣмъ наслѣдовавшій своему брату, Агезиполу. Старый полководецъ сослался на то, что ему теперь уже шестьдесятъ лѣтъ, и что по закону онъ долженъ быть освобожденъ отъ походовъ за границу государства. Но его личный отказъ былъ вѣроятно лишь прикрытіемъ; спартанское правительство вѣроятно нашло справедливымъ мнѣніе бѣжавшихъ изъ Фивъ олигарховъ, что не должно поручать веденіе этой войны челоуѣку, навлекшему на себя ненависть всей Греціи крутымъ характеромъ, жестокими казнями, подавленіемъ свободы многихъ городовъ, господство надъ которыми отдалъ онъ свирѣпымъ притѣснителямъ. Получивъ извѣстіе, что Кадмея сдана фиванцамъ, спартанское правительство не знало, вести ли войну съ ними: низверженіе олигарховъ не было прямымъ оскорбленіемъ Спарты, а занятіе Кадмеи Фебидомъ было осуждено самимъ спартанскимъ правительствомъ. Клеомбротъ послѣ незначительныхъ стычекъ возвратился въ Пелопоннесъ, оставивъ Сфодрія съ частью войска гармостовъ въ Феспіи. Восторженное настроеніе фиванцевъ смѣнилось хладнокровнымъ раздумьемъ; новые правители находили свое государство слабымъ, сравнительно съ могущественною Спартою, потому и въ Фивахъ стали предпочитать миръ войнѣ. Аѣиняне до такой степени боялись войны, что

по жалобѣ спартанцевъ на тайную поддержку, оказанную аѣинскими демократами ѡиванскимъ заговорщикамъ, геліасты осудили на смерть полководцевъ, ходившихъ помогать ѡиванцамъ; ихъ было два; надъ однимъ изъ нихъ приговоръ былъ исполненъ, другой успѣлъ бѣжать. Такимъ образомъ, ходъ дѣла нѣсколько времени колебался между миромъ и войною. Но неожиданный случай породилъ войну. Фебидъ занятіемъ Кадмеи приобрѣлъ громкую славу и заслужилъ признательность Спарты; штрафъ на него былъ наложенъ только для соблюденія формы: Сфодрій вздумалъ поступить по его примѣру, рѣшилъ тайкомъ подойти ночью къ Пирею и овладѣть имъ; тогда у аѣинянъ будетъ отнята возможность имѣть сильный флотъ. Ксенофонтъ говоритъ, что ѡиванскіе демократы подкупили Сфодрія напасть на Пирей; это невѣроятно; скорѣе можно думать, что онъ дѣйствовалъ по тайному приказанію своего правительства, и въ частности, по внушенію Агезилая. Но дѣло не удалось: Сфодрій не успѣлъ дойти ночью до Пирея; утро застало его на тріасійской равнинѣ, близъ Элевзина; аѣиняне приготовились къ оборонѣ, онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ идти назадъ въ Ѳеспію; по дорогѣ, онъ опустошалъ нивы и угонялъ скотъ. Аѣиняне пожаловались на него, и онъ былъ преданъ суду; но оба царя вступились за него, и онъ остался безнаказаннымъ. «Сфодрій виноватъ», говорилъ Агезилай: «Но было бы несправедливо лишить жизни военачальника, который всегда отличался храбрыми подвигами; такіе воины нужны Спартѣ».

Сфодрій дѣла-
етъ нападеніе
на Пирей.

Союзъ Аѣинъ
съ Ѳивами.
Возстановленіе
гегемоніи
Аѣинъ на
морѣ.

Раздраженные аѣиняне заключили союзъ съ ѡиванцами, укрѣпили Пирей и стали дѣятельно готовиться къ войнѣ съ лакедемонянами, стали строить военные корабли; они хотѣли возстановить свою гегемонію на морѣ, держась правилъ политики болѣе справедливой, чѣмъ было при ихъ прежней гегемоніи. Приглашая острова и прибрежные города свергнуть тяжелое, ненавистное иго Спарты, аѣинскіе послы обѣщали имъ совершенную свободу и равноправность, если они вступятъ въ союзъ съ Аѣинами. На сѣздѣ пословъ отъ многихъ морскихъ государствъ были, по согласію съ аѣинянами, установлены слѣдующія правила новаго союза: всѣ союзныя государства, даже и самыя мелкія, имѣютъ голосъ въ союзномъ совѣтѣ, который будетъ засѣдать въ Аѣинахъ; онъ будетъ опредѣлять размѣръ денежнаго взноса отъ каждаго государства въ союзную казну, число кораблей, какое должно оно посылать въ союзный флотъ. О податяхъ (φόροι), которыя дѣлали ненавистной для союзниковъ прежнюю аѣинскую гегемонію, не было и рѣчи въ новомъ договорѣ. Одною изъ причинъ прежней ненависти къ аѣинянамъ было то, что они отнимали чужія области и раздавали ихъ участками своимъ переселяющимся туда гражданамъ (клерухамъ); чтобы предотвратить опасеніе такихъ насилій, аѣинское народное собраніе постановило, что аѣинскій гражданинъ не имѣетъ права владѣть землею внѣ Аттики.—Такимъ образомъ, аѣинское го-

сударство стало главою союза, основаннаго на свободномъ договорѣ, текстъ котораго, вырѣзанный на каменной колоннѣ, былъ поставленъ подъ охрану Зевса освободителя. Были составлены законы, ограждавшіе правила союза отъ нарушеній аѣинянами или другими членами его. При самомъ основаніи союза, въ него вступили Хіосъ, Родосъ, Византія, Митилена; скоро число государствъ, принадлежавшихъ къ нему, возросло до 70.—Въ аѣинскомъ государствѣ была произведена новая оцѣнка имуществъ, были установлены новыя правила распредѣленія гражданъ на симморіи, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, были введены другія финансовыя реформы; благодаря тому, Аѣины получили возможность безъ особеннаго обремененія небогатыхъ гражданъ снарядить флотъ, состоявшій изъ 100 тріэръ, и въ случаяхъ надобности быстро снаряжать въ походъ 10.000 человекъ войска. Были у аѣинянъ и хорошіе военачальники. Знаменитѣйшій аѣинскій полководецъ Ификратъ, былъ теперь, правда, далеко отъ родины. По заключеніи Анталкидова мира, онъ съ своими наемниками ушелъ во Ѳракію, женился на дочери ѳракійскаго царя Котиса и основалъ при устьѣ Гебра независимое греческое государство. Но отважный Хабрій, служившій по найму на Кипрѣ и въ Египтѣ, возвратился, по приглашенію аѣинянъ, на родину. Сынъ Конона, Тимоѳей, наслѣдовавшій храбрость, военные и дипломатическіе таланты и счастье своего отца, скоро приобрѣлъ громкую славу. При содѣйствіи оратора Каллистрата онъ присоединилъ къ аѣинскому союзу 24 города; онъ достигъ такихъ успѣховъ безъ особеннаго труда; потому аѣиняне сравнивали его въ шутку съ рыбакомъ, который, закинувъ сѣть, спитъ, а въ сѣть его богиня счастья (Тихе) загоняетъ города.

Новое распредѣленіе налоговъ и преобразование симморій. Старинное распредѣленіе гражданъ на классы по размѣру поземельной собственности, введенное Солономъ (стран. реформы, про- 246), оставалось, кажется, до сихъ поръ; въ годъ архонтства Навсинака оно было от- изведенныя въ мѣнено и были установлены новыя правила распредѣленія налоговъ, болѣе сообразныя годъ архонтства Навсинака 378. съ дѣйствительными имущественными отношеніями. Основаніемъ для обложенія была принята оцѣнка не одной поземельной собственности, а всего недвижимаго и движимаго имущества или всего дохода. У богатыхъ гражданъ, отнесенныхъ къ первому имущественному разряду, капиталомъ, подлежащимъ налогу, считалась пятая доля всей суммы, въ которую было оцѣнено имущество; въ слѣдующихъ разрядахъ эта пропорція понижалась. Сумма капитала, подлежащаго налогу, составляла 6000 талантовъ. По расчету надобности, опредѣлялось, сколько процентовъ этой суммы долженъ составить налогъ. Такимъ образомъ, небогатые люди платили, сообразно справедливости, меньшую долю своихъ доходовъ, чѣмъ богатые.—Число имущественныхъ разрядовъ было, кажется, оставлено по прежнему четыре.—Другая финансовая реформа была еще важнѣе. Каждая изъ десяти филъ (стран. 281, 301) была раздѣлена на двѣ симморіи. Въ каждой симморіи отвѣтственность за уплату податей была возложена на 60 богатѣйшихъ гражданъ; отъ нихъ государство брало подати, они собирали, сколько слѣдовало, съ остальныхъ членовъ своей симморіи. Этими дѣломъ завѣдывалъ комитетъ, состоявшій изъ 15 наиболѣе богатыхъ гражданъ; они назывались гегемонами («распорядителями»). Такимъ

образомъ, 300 богатѣйшихъ гражданъ, при помощи другихъ 900 гражданъ, наиболѣе богатыхъ послѣ нихъ, дѣлали въ случаяхъ надобности авансы государству, и потомъ собирали съ остальныхъ гражданъ тѣ суммы, какія внесли за нихъ впередъ. Они были какъ будто государственные банкиры, дававшіе ссуды государству. Это посредничество между государствомъ и массою гражданъ повело къ тому, что богатые люди приобрѣли преобладаніе, несовмѣстное съ демократическими учрежденіями; и кромѣ того, что вліяніе, даваемое богатствомъ, усиливалось обязанностью собирать подати съ бѣдныхъ гражданъ, богатые вели счета своимъ расходамъ такъ, что слагали съ себя на другихъ тяжесть податей. Но хотя въ послѣдствіи времени и оказалось, что эта податная реформа имѣетъ большіе недостатки и пришлось поэтому отиѣнить ее, но въ трудные годы, когда была установлена, она имѣла то удобство, что государство быстро получало деньги, не затрудняясь хлопотливомъ и долгимъ дѣломъ собиранія ихъ съ людей недостаточныхъ.

Приготовленіе
эиванцевъ къ
войнѣ. Свя-
щенный отрядъ.

Лакедемоняне дѣлали большія приготовленія къ войнѣ; эиванцы скоро увидѣли, что это будетъ война противъ нихъ. Пользуясь еще не остывшимъ одушевленіемъ народа, беотархи приняли мѣры, надобныя для того, чтобы отразить нападеніе. Пелопидъ и Горгидъ сформировали «священный отрядъ» изъ тѣхъ одушевленныхъ патріотизмомъ молодыхъ людей, которые въ годы олигархическаго правленія собирались около Эпаминонда и Горгида заниматься гимнастикой и военными упражненіями; этотъ отрядъ, состоявшій изъ 300 юношей, соединенныхъ между собою личной дружбой и одинаковостью патріотическихъ стремленій, служилъ всему войску примѣромъ безтрепетнаго мужества. Онъ составлялъ почетную стражу полководцевъ и охранялъ государственное знамя. Кругомъ Фивъ, на далекомъ разстояніи отъ нихъ, была возведена кольцеобразная линія укрѣпленій, состоявшая изъ рва и частокола; за этими окопами стало эиванское войско. вмѣстѣ съ тѣмъ эиванцы просили аѳинянъ прислать имъ помощь. Аѳиняне послали своего искуснаго полководца Хабріа съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 5000 воиновъ, частью гражданъ, частью наемниковъ.

Первый походъ
Агезилая.

Приготовясь такимъ образомъ къ оборонѣ, эиванцы мужественно ждали нападенія Агезилая. Весною слѣдующаго года онъ пошелъ съ большимъ войскомъ черезъ Киѳеронъ въ Феспію, которую избралъ базисомъ своихъ операцій; изъ Феспіи онъ двинулся на линію окоповъ. Фиванская конница сильно мѣшала его дѣйствіямъ; долго онъ не могъ приобрѣсти никакого успѣха, кромѣ того, что опустошалъ мѣстность, лежавшую внѣ круга окоповъ. Наконецъ ему удалось обмануть эиванскую конницу и ворваться въ окопы; онъ быстро двинулся на Фивы, но увидѣлъ эиванцевъ Горгида и аѳинянъ Хабріа въ такомъ боевомъ порядкѣ, что нашелъ невозможнымъ сдѣлать нападеніе. Хабріи велѣлъ своимъ легковооруженнымъ воинамъ стать на одно колѣно, чтобы меньшіе щиты ихъ прикрывали весь корпусъ, и въ этой позѣ ожидать атаки, выставивъ длинныя копья горизонтально впередъ. Агезилай хотѣлъ выманить ихъ изъ

этой позиціи; но Хабріи велѣлъ имъ оставаться неподвижными; Агезилай, не пытаясь напасть на нихъ, ограничился опустошеніемъ сосѣдней мѣстности и вернулся въ Феспію. Маневръ, изобрѣтенный Хабріемъ, изумилъ грековъ. Аѳиняне поставили статую Хабріа, изображавшую его въ этой позѣ. Скоро Агезилай возвратился въ Пелопоннесъ, оставивъ отрядъ войска подъ начальствомъ Фебида въ сильно укрѣпленной Феспіи. Фебидъ ходилъ опустошать эиванскую область, одержавъ успѣхъ въ нѣсколькихъ стычкахъ, но Горгидъ, заманивъ его въ засаду, нанесъ ему пораженіе; много лакедемонянъ было убито, убитъ былъ и самъ Фебидъ. Виновики войны, онъ поплатился за свое вѣроломство смертью. Одобренные успѣхами эиванцевъ демократы, ненавидѣвшіе лакедемонянъ, стали сходиться изъ всей Беотіи въ Фивы; это увеличивало и военныя силы, и мужество эиванцевъ.

Такъ же неудаченъ, какъ первый, былъ и второй походъ Агезилая. Второй походъ
Агезилая 377.

Ему удалось искусными движеніями обмануть эиванцевъ, пройти черезъ Киѳеронъ и платейскую область до Танагры, опустошая все на своемъ пути; но въ сраженіи близъ Фивъ онъ былъ побѣжденъ и отступилъ въ Феспію, гдѣ нашелъ ожесточенные раздоры между гражданами. Принудивъ ихъ положить оружіе, взявъ и съ демократовъ, и съ аристократовъ обѣщаніе жить миролюбиво, онъ пошелъ въ Спарту; гордость его сильно страдала, онъ утрачивалъ свою военную славу. Въ Мегарѣ онъ опасно занемогъ и довольно долго не могъ принимать участія въ дѣлахъ.

Война на морѣ
376.

Безуспѣшность походовъ на Фивы возбудила въ пелопоннесскихъ союзникахъ Спарты большое недовольство войной; въ самой Спартѣ усилилось вліяніе партіи враждебной Агезилаю, съ самаго начала не одобрявшей войну. слѣдующею весною Клеомбротъ не могъ пробиться черезъ ущелья Киѳерона, занятыя эиванцами и аѳинянами; онъ принужденъ былъ идти назадъ. Эта неудача увеличила нерасположеніе союзниковъ Спарты къ походамъ на Фивы. Спартянцы созвали конгрессъ пелопоннесскаго союза; на немъ было рѣшено прекратить сухопутные походы, снарядить флотъ и обратить всѣ усилія на войну противъ Аѳинъ. Начало войны на морѣ было удачно для спартянцевъ. Поллисъ сталъ съ 60 тріерами у Эгины, остановилъ подвозъ сѣстныхъ припасовъ въ Аѳины и тамъ начался голодъ. Аѳиняне, передъ тѣмъ временемъ охладѣвшіе къ войнѣ, увидѣли надобность вести ее энергически; съ твердостью и быстротою, напоминавшими старину, они снарядили 80 тріеръ, экипажъ которыхъ составилъ изъ гражданъ; Хабріи, назначенный начальникомъ флота, разорвалъ блокаду; суда съ хлѣбомъ, стоявшія у Гереста, прошли въ Пирей. Хабріи пошелъ къ Наксосу. Поллисъ послѣдовалъ за нимъ съ флотомъ, состоявшимъ изъ 65 тріеръ; между Паросомъ и Наксосомъ произошла битва; пелопоннесскій флотъ потерпѣлъ полное пораженіе,

Битва у Нак-и надежда лакедемонянъ владычествовать на морѣ рушалась; 48 пелопоннесскихъ триеръ были потоплены; остальные спаслись только благодаря тому, что Хабріи не преслѣдовалъ ихъ, занявшись собираніемъ своихъ упавшихъ въ воду, или убитыхъ воиновъ: онъ помнилъ судьбу военачальниковъ, которые пренебрегли этой обязанностью послѣ битвы при Аргинузскихъ островахъ (стран. 679). Всѣ приморскіе города и острова Эгейскаго моря присоединились теперь къ Аѣнскому союзу и безропотно уплатили взносы въ союзную казну; собирать ихъ взносы былъ посланъ на одной триерѣ Фокіонъ, въ то время еще молодой человекъ, пользовавшійся покровительствомъ Хабріи и очень много содѣйствовавшій побѣдѣ при Наксосѣ.

Дальнѣйшіе успѣхи аѣннннъ Эта побѣда возбудила въ аѣннннхъ прежнюю предприимчивость. Хабріи прогналъ отъ Абдеры трибалловъ, хотѣвшихъ разграбить ее, и присоединилъ къ аѣнскому союзу греческіе города еракійскаго берега. Тимофей съ другимъ флотомъ поплылъ кругомъ Пелопоннеса, присоединилъ къ аѣнскому союзу Коркиру, другіе острова и прибрежные города западнаго моря, нанесъ новое пораженіе лакедемонскому флоту при Левкадѣ. Спартанцы отказались отъ всякой надежды пріобрѣсти владычество на морѣ. По своему мягкому и привѣтливому характеру, по своей образованности, по своему умѣренному образу мыслей, по нерасположенію къ неограниченной демократіи, пріобрѣтенному въ бесѣдахъ съ Платономъ и Исократомъ, Тимофей былъ очень способенъ привлекать къ аѣннннамъ людей самыхъ неодинаковыхъ политическихъ убѣжденій. Принимая западныхъ морскія государства въ аѣнскій союзъ, онъ не требовалъ, чтобы они дѣлали какія нибудь перемѣны въ своихъ учрежденіяхъ. — Но желаніе мира. хотя война шла успѣшно для аѣннннхъ, она была очень тяжела имъ. Расходы на нее превышали силы изнуреннаго государства; пелопоннесскіе крейсера, имѣвшіе пріютъ себѣ въ эгинской гавани, вредили аѣнской торговлѣ; взносы союзниковъ были слишкомъ малы и стали еще меньше, когда ѣиванцы, проникнувшись увѣренностью въ своихъ силахъ, отказались участвовать въ нихъ. Все это возбудило въ аѣннннхъ желаніе мира. Отказъ ѣиванцевъ уменьшилъ ихъ симпатію къ беотійскому союзу, а возрастающее могущество Ѣивъ уже начинало возбуждать въ нихъ опасеніе.

Ѣиванцы покоряютъ беотійскіе города. 376—374. Въ первые два года войны ѣиванцы съ трудомъ отбивались отъ нападеній лакедемонянъ и потерпѣли большой вредъ отъ опустошенія ихъ области Агезилаемъ. Но въ слѣдующіе два года (376 и 375) обстоятельства были благоприятны для нихъ: Агезилай все еще оставался боленъ; силы лакедемонянъ дѣлились между войною на сушѣ и войною на морѣ; и ѣиванцамъ удалось въ эти годы подчинить себѣ почти всю Беотію. Пелопидъ одержалъ въ долинѣ Тегиръ, близъ Орхомена, блистательную побѣду надъ спартанскимъ войскомъ, которое было вдвое многочисленнѣе его силъ; много содѣйствовала

побѣдѣ храбрость священнаго отряда; два спартанскихъ военачальника были оба убиты; лакедемоняне вывели свои гарнизоны изъ беотійскихъ городовъ; Танагра и Ѣеспія покорились ѣиванцамъ. Но и въ этихъ, и въ другихъ завоеванныхъ городахъ ѣиванцы дѣйствовали очень сурово; они отдали аристократовъ на произволъ мщенія демократовъ; разрушили стѣны, башни, вообще всѣ укрѣпленія; уничтожили всякую самостоятельность беотійскихъ городовъ, распоряжались ихъ силами по произволу, самовластно назначали, сколько денегъ должны давать города, сколько посылать войска; подчинили союзныя войска безусловной власти своихъ главнокомандующихъ. Все это возбуждало непріязнь къ нимъ. Орхоменъ и Платея оборонялись противъ нихъ очень упорно. Ѣиванцы были очень раздражены этимъ сопротивленіемъ; они хотѣли поскорѣе сдѣлаться владыками всей Беотіи, чтобы обратить свои силы противъ лакедемонянъ, большое войско которыхъ стояло на границѣ Фокиды, преданной спартанскимъ интересамъ. Ѣиванцы и силой, и хитростью старались одолѣть сопротивленіе Орхомена и Платеи; наконецъ Орхоменъ сдался, Платею удалось имъ взять хитростью. Ѣиванцы все еще смертельно ненавидѣли платейнъ и снова разрушили этотъ городъ, который былъ восстановленъ только за 14 лѣтъ передъ тѣмъ. Дома и стѣны были сровнены съ землею, и платейяне, такъ недавно возвратившіеся на родину, были принуждены вести прежнюю привычную имъ изгнанническую жизнь. Все имущество ѣиванцы отняли у нихъ. Какъ прежде, аѣнннне дали пріютъ своимъ вѣрнымъ союзникамъ и приняли ихъ въ число своихъ гражданъ. Стѣны и дома Ѣеспіи тоже были разрушены, жители ея были расселены по разнымъ мѣстностямъ, и укрѣплять эти селенія было запрещено имъ. Владычество Ѣивъ надъ Беотіею стало теперь прочно и безусловно, какъ не бывало и въ старину. Правда, беотійскіе города посылали депутатовъ въ союзный совѣтъ, но голосъ Ѣивъ преобладалъ въ немъ, и онъ рѣшалъ все по волѣ ѣиванцевъ. Разрушеніе Платеи, вѣрной союзницы аѣннннхъ въ счастіи и въ несчастіи, окончательно разорвало союзъ аѣннннхъ съ ѣиванцами, уже и безъ того ослабѣвшій.

Вскорѣ послѣ побѣды, одержанной при Левкадѣ Тимофеемъ надъ спартанскимъ флотомъ, которымъ начальствовалъ Николохъ, аѣнннне вступили въ переговоры съ спартанцами и, кажется, заключили съ ними перемиріе; кажется, что присоединились къ этому перемирію и ѣиванцы. Но если такъ, то оно не было продолжительнымъ. На Коркирѣ, Закинѣ, въ Сикіонѣ, Коринѣ, Фліунтѣ, Фигалии, въ другихъ городахъ, шла ожесточенная борьба между аристократами и демократами; она впутывала во вражду Спарту, защитницу аристократическихъ учреждений, съ Аѣинами, покровительствовавшими демократамъ. Особенно сильны были раздоры на Коркирѣ; тамъ вновь вспыхнула кровавая борьба между аристократами и массой гражданъ. Спартанцы

Суровость ѣиванцевъ.

Покореніе Орхомена и Платеи. 373.

отношенія аѣннннхъ къ спартанцамъ.

Междоусобіе на Коркирѣ.

Тимофеем пре-
данъ суду
374—373.

373.

Побѣда аеи-
нянъ на Кор-
кирѣ.

по просьбѣ аристократовъ послали на помощь имъ Мнасиппа съ боль-
шимъ флотомъ. Аеиняне передъ тѣмъ отозвали Тимофея съ западнаго
моря и послали его во Фракію. Спартанцы надѣялись пріобрѣсти
преобладаніе на морѣ по крайней мѣрѣ у западнаго берега Греціи.
Пелопоннесское войско, въ которомъ находились отряды наемниковъ,
пошло по острову Коркирѣ, опустошая его прекрасныя нивы и сады,
грабило роскошные дома землевладѣльцевъ, буйствовало, напившись
вина, котораго было много въ ихъ погребахъ; обремененные бога-
тою добычею, набравъ большіе запасы продовольствія и прекраснаго
вина, спартанцы осадили городъ Коркиру. Аеиняне при извѣстїи объ
этомъ немедленно послали на Коркиру Стесикла съ отрядомъ пель-
тастовъ. При содѣйствіи союзника аеинянъ, эпирскаго царя Алькета,
Стесиклу удалось войти въ осажденный городъ. Аеиняне послали и
Тимофею приказаніе немедленно плыть къ коркирянамъ; онъ тогда
успѣшно дѣйствовалъ во Фракіи: покорилъ Олинеъ, Амфиполь, Потти-
дею, заключилъ выгодные союзы съ Аминтомъ македонскимъ и съ
Іасономъ ферскимъ. Отплытіе его изъ Фракіи замедлилось; у него не
было денегъ на жалованье войску; отплывъ наконецъ, онъ принуж-
денъ былъ остановиться на островѣ Балавріи и оставался тамъ до
конца лѣта. Въ городѣ Коркирѣ между тѣмъ начался жестокий го-
лодъ; многіе бѣжали къ лакедемонянамъ; но не были принимаемы
ими: лакедемоняне палками гнали несчастныхъ изъ своего стана, и
они погибали голодною смертію подъ стѣнами города. Но подъ на-
чалствомъ храбраго Стесикла, Коркира продолжала упорно оборо-
няться. Тимофеемъ, чтобы добыть денегъ, продалъ или заложилъ свое
имущество, но все не могъ двинуться дальше. Аеиняне, забывая
прежнія его заслуги, отняли у него команду; Ификратъ и ораторъ
Каллистратъ обвинили его въ утайкѣ государственныхъ денегъ. На-
чалство надъ флотомъ было поручено Ификрату; помощникомъ его
былъ назначенъ Каллистратъ. Ификратъ осторожно пошелъ кругомъ
Пелопоннеса, приучая экипажи своихъ кораблей къ строгому соблю-
денію порядка и къ военному дѣлу. Прежде чѣмъ онъ доплылъ до
Коркиры, осажденные уже одержали побѣду. Спартанскій главноко-
мандующій, увѣренный въ слабости непріятеля, былъ беззаботенъ;
дисциплина въ его войскѣ упала, воины пьянствовали. Стесиклъ
сдѣлалъ вылазку и разбилъ лакедемонянъ; ихъ наемники ушли прочь,
не оказавъ почти никакого сопротивленія, потому что были озлоблены
на Мнасиппа, человѣка алчнаго и грубаго, отвѣчавшаго на просьбы
о жалованьи палочными ударами; онъ былъ убитъ; тогда и та часть
войска, которая не ушла отъ сраженія, упала духомъ и отступила.
Аеиняне и ихъ союзники одержали полную побѣду. Лакедемоняне
такъ спѣшили отплыть отъ берега, что не взяли на корабли боль-
ныхъ, не взяли даже съѣстныхъ припасовъ. Аеиняне и ихъ союз-
ники остались господами на западномъ морѣ. Тимофеемъ, преданный

суду, былъ по просьбѣ Іасона ферскаго и Алькета эпирскаго избав-
ленъ отъ наказанія смертію и уѣхалъ служить персидскому царю, въ
службѣ котораго нѣкогда находился отецъ его. Онъ разстроилъ свое
состояніе собственною небрежностью; а подвергшись суду потерялъ
все; на службѣ у персидскаго царя онъ надѣялся снова разбога-
тѣть. Антимахъ, бывшій казначеемъ у Тимофея, былъ осужденъ на
смерть, а имущество его было конфисковано.

Радость аеинянъ о томъ, что лакедемоняне разбиты подъ Корки-
рою и дѣла аеинскаго флота на западномъ морѣ идутъ успѣшно, была
омрачена разрушеніемъ Платеи и Теспії и жалобами изгнанныхъ¹⁾ у аеинянъ.
платеянъ на безпощадность еиванцевъ. Извѣстія съ западнаго моря
были очень хороши: Ификратъ и его помощники, Хабріи и Калли-
стратъ, дѣлали удачныя высадки на берега Акарнаніи и Пелопоннеса,
взяли десять кораблей, посланныхъ Діонисіемъ сиракузскимъ на помощь
лакедемонянамъ. Аеиняне видѣли, что спартанцы не могутъ помѣшать
ихъ владычеству на моряхъ, и старинная вражда къ еиванцамъ на-
чинала у нихъ брать верхъ надъ непріязнью къ Спартѣ. Притомъ
веденіе войны становилось все обременительнѣе для нихъ; ихъ
средства истощались; они не могли посылать Ификрату денегъ
на содержаніе войска и плату гребцамъ; онъ принужденъ былъ
продать плѣнныхъ, взятыхъ на сиракузанскихъ корабляхъ, про-
дать всю добычу, употребить на военные расходы даже ту долю
добычи, которая была назначена въ приношеніе Дельфійскому храму;
былъ принужденъ отдавать своихъ воиновъ въ наемъ богатымъ кор-
кирянамъ для воздѣлыванія ихъ опустошенныхъ нивъ; принужденъ
былъ добывать продовольствіе морякамъ и воинамъ хищническими
набѣгами. Потому аеиняне желали мира со Спартою, и рѣшительно
склонились къ нему, когда пріѣхалъ въ Аеины Каллистратъ, прислан-
ный Ификратомъ, просить денегъ, или, если денегъ нѣтъ, то убѣ-
ждать аеинянъ прекратить войну. Аеинскій народъ уважалъ мнѣніе
Каллистрата; его совѣтъ заключить миръ поддерживали персидскіе
послы, склонявшіе аеинянъ возвратиться къ условіямъ Анталкидова
мира.

Еще сильнѣе желали мира спартанцы, по просьбѣ которыхъ и²⁾ у спартан-
цевъ.
отправилъ персидскій царь посольство въ Аеины. Спарта была ослаб-
лена неудачами на морѣ и на сушѣ; союзники ея роптали на войну;
демократы въ пелопоннесскихъ городахъ начинали выказывать надежды
одолѣть аристократовъ; потомки изгнанныхъ мессенцевъ надѣялись
скоро овладѣть родной страной. Кромѣ этихъ политическихъ бѣд-
ствій, Пелопоннесъ въ 373 и 372 годахъ очень сильно пострадалъ
отъ бѣдствій физическихъ. Ужасное землетрясеніе въ ночное время
низвергло въ море ахейскіе города Гелику и Бирю (стран. 12); раз-
ливы рѣкъ уничтожили хлѣбъ на нивахъ; явилась комета, ужаснув-
шая суевѣрную массу, какъ предзнаменованіе новыхъ невзгодъ; ка-

залось, физическія бѣдствія и небесныя знаменія предвѣщаютъ гибельную политическую катастрофу, какъ было въ Пелопоннесскую войну (стран. 615). Спартанцы чувствовали такое изнуреніе силъ, что отказали въ помощи своему вѣрному союзнику, Полидаманту, котораго сдѣлали правителемъ родного города Фарсала его сограждане, чтобы онъ спасъ ихъ отъ обидъ воинственной аристократіи и отъ опасностей, какими грозило имъ недовольство порабощенныхъ поселенъ (пенестовъ). Полидаманта тѣснилъ теперь могущественный и отважный Іасонъ ферскій; не получивъ помощи отъ спартанцевъ, этотъ справедливый и кроткій государь принужденъ былъ покориться своему властолюбивому врагу; тѣ богатства, которыя Полидамантъ употреблялъ на помощь обѣднѣвшимъ согражданамъ и на общепользныя дѣла, стали теперь служить честолюбивымъ замысламъ Іасона.

Іасонъ ферскій.

Доходы Іасона были такъ велики, что онъ содержалъ войско, состоявшее изъ 6000 наемниковъ. Подчинивъ себѣ Полидаманта, онъ принудилъ ессалийцевъ признать его главнокомандующимъ (тагомъ); онъ назначилъ, какія суммы денегъ должны платить ему, какое количество войскъ должны присылать на службу ему ессалийскіе города и сельскіе округа. Скоро онъ довелъ свои военныя силы до очень большого размѣра: у него было 20000 человекъ тяжеловооруженной пѣхоты и 8000 человекъ конницы. Пока Спарта была сильна, онъ былъ врагомъ ея, былъ союзникомъ Ѡивъ, пока они нуждались въ его помощи. Искусный и смѣлый интригантъ, извлекавшій выгоду себѣ изъ всякихъ ссоръ, Іасонъ, сынъ Ликофрона, былъ опаснѣйшимъ врагомъ греческой свободы. Замыслы его были очень честолюбивы. Человекъ большого ума, твердой воли, хитрый и храбрый, упорно стремившійся къ осуществленію смѣло задуманныхъ плановъ, милостивый къ послушнымъ, суровый къ людямъ, желавшимъ сохранить свою самостоятельность, щедрый къ воинамъ, искусный во всѣхъ военныхъ играхъ и упражненіяхъ, выказывавшій себя не чуждымъ любви къ искусству и къ знаніямъ, онъ былъ совершенно способенъ стать тѣмъ, чѣмъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ него сталъ Филиппъ македонскій.

Конгрессъ въ Спартѣ. Іюнь 371.

При всеобщемъ утомленіи войною, приглашеніе на конгрессъ для установленія условій мира было повсюду охотно принято. Мѣстомъ конгресса была Спарта. Всѣ греческія государства прислали уполномоченныхъ. Пріѣхали и послы персидскаго царя; прекращеніе войны между греками нужно было ему для того, чтобы возставшіе противъ него египтяне не получили помощи изъ Греціи. Пріѣхали послы Аминта мекедонскаго, послы отъ другихъ не-греческихъ государей. Аѣины и Спарта еще до конгресса пришли къ соглашенію между собой объ условіяхъ мира; аѣиняне гарантировали Спартѣ неприкосновенность Пелопоннесскаго союза, спартанцы признали гегемонію Аѣинъ въ новомъ аѣинскомъ союзѣ; относительно другихъ государствъ они рѣшили, что должна быть восстановлена независимость cadaго города, сообразно условіямъ Анталкидова мира. Ясно было, что соглашеніе между Аѣинами и Спартою имѣетъ цѣлью уничтоженіе гегемо-

ніи Ѡивъ надъ беотійскими городами. Ѡиванцы хорошо понимали это; врагъ ихъ, Агезилай, имѣлъ большое вліяніе на ходъ переговоровъ между спартанцами и аѣинянами; Ѡиванцы должны были ожидать, что онъ будетъ на конгрессѣ требовать самыхъ непріятныхъ имъ рѣшеній; потому главнымъ своимъ уполномоченнымъ они назначили Эпаминонда, проникательнаго, твердаго и красновѣчиваго. Онъ теперь въ первый разъ принялъ на себя важную обязанность; до сихъ поръ, по скромности, онъ не хотѣлъ выдвигаться на первый планъ.

Конгрессъ въ Спартѣ собрался въ іюнь 371 года. Онъ, по словамъ спартанцевъ, имѣлъ цѣлью своею возвратить всѣмъ греческимъ государствамъ независимость, освободить ихъ отъ чужихъ гарнизоновъ; согласіе на условія мира должно было быть дано каждымъ государствомъ особо; по заключеніи мира всѣ государства должны были распустить свои войска; для наблюденія за этимъ конгрессъ долженъ былъ назначить уполномоченныхъ; если какое нибудь государство не подчинится этимъ постановленіямъ и откажется признать независимость какого нибудь другого греческаго государства, то всѣ прочія, подписавшія мирный трактатъ, имѣютъ право послать войска на помощь государству, независимость котораго подавлена; это не обязанность, а только право; государства, желающія помочь ему, должны дѣйствовать лишь собственными силами, не требуя содѣйствія другихъ. — Передавая совѣщанія конгресса, Ксенофонтъ приводитъ только рѣчи аѣинскихъ уполномоченныхъ; тщеславный Каллій, родъ котораго находился въ наследственномъ союзѣ гостепріимства съ Спартою, говорилъ въ пользу спартанцевъ; Аутоклъ рѣзко порицалъ самовластіе лакедемонянъ; третій аѣинскій посолъ, Каллистратъ, знаменитѣйшій ораторъ того времени, говорилъ, что обѣ воюющія стороны были во многомъ неправы, и убѣждалъ грековъ примириться. — По другимъ извѣстіямъ мы знаемъ, что была произнесена рѣчь и Эпаминондомъ, что онъ въ ней сильно и ясно раскрылъ дѣйствительныя намѣренія спартанцевъ. Вѣроятно, онъ говорилъ, что подъ ихъ прекрасными разсужденіями о свободѣ и независимости таятся своекорыстные замыслы, что они только хотятъ владычествовать надъ Греціею, ослабить большіе города, занять большіе города своими гарнизонами и отдать управленіе въ руки своихъ друзей, олигарховъ; что собственно для этого они хотятъ разрушить беотійскій союзъ; что, добиваясь уничтоженія гегемоніи Ѡивъ надъ беотійскими городами, которая существовала съ незапамятныхъ временъ и законность которой сами они прежде признавали, они вотъ уже цѣлыя столѣтія держатъ мессенцевъ подъ тяжкимъ игомъ порабоженія и не думаютъ возвратитъ самостоятельности городамъ своихъ періэковъ.

Совѣщанія и рѣшенія конгресса.

Не смотря на возраженія Эпаминонда, большинство уполномоченныхъ приняло условія мира, приведенныя нами. Спарта заявила согласіе отъ своего имени и отъ имени своихъ союзниковъ, Аѣины и другія государства — каждое лишь отъ своего имени. Ѡиванскіе послы требовали, чтобы имъ было предоставлено право заявить согласіе, какъ представителямъ беотійскаго союза. Агезилай вскочилъ съ мѣста и рѣзко спросилъ: «Освободите ли вы беотійскіе города»? — «Да,

Ѡивы исключены изъ числа участвующихъ въ заключеніи мира.

если вы освободите вашихъ періэковъ», также коротко и рѣзко отвѣчалъ Эпаминондъ. Агезилай въ раздраженіи вычеркнулъ имя Фивъ изъ текста договора; Фивы были исключены изъ числа государствъ, участвующихъ въ трактатѣ. Уполномоченные всѣхъ другихъ государствъ подписали трактатъ; конгрессъ кончилъ этимъ свои занятія; уполномоченные разѣхались. — Фивы остались въ одинокомъ положеніи. Аѳиняне были такъ рады прекращенію войны, что установили праздникъ въ честь богини мира и поставили колонну на память о немъ. Спартанцы полагали, что теперь пришло время исполнить угрозы, какія были произносимы во время нашествія Ксеркса, когда ѳиванцы сражались въ рядахъ персовъ; они думали, что легко будетъ разрушить Фивы. Партія мира въ Спартѣ была малочисленна; спартанское правительство отвергло мнѣніе Протоя, совѣтовавшаго не начинать войны.

Клеомбротъ вступаетъ въ Беотію. Печально возвратились домой ѳиванскіе послы. ѳиванцы были убѣждены въ законности своей гегемоніи надъ Беотіею, и твердо рѣшились защищаться. Но трудно было надѣяться, что силы Беотіи будутъ достаточны для борьбы противъ могущественнаго пелопоннесскаго союза; притомъ, нѣкоторые изъ беотійскихъ городовъ подчинялись Фивамъ лишь по принужденію, готовы были при первой возможности отложиться отъ союза съ ними. А скоро стало видно, что лакедемоняне хотятъ вести войну. Они потребовали, чтобы ѳиванцы возвратили независимость беотійскимъ городамъ, возстановили Ѳеспію и Платею. Когда ѳиванцы отвергли это требованіе, спартанское правительство немедленно приказало Клеомброту, стоявшему въ Фокидѣ, на беотійской границѣ, двинуться въ Беотію. У Клеомброта было 10000 гоплитовъ и 1000 человекъ конницы. ѳиванцы оробѣли; но Эпаминондъ, назначенный главнокомандующимъ, успокоилъ ихъ. Онъ выказывалъ непоколебимую твердость. Противъ суевѣрія онъ прибѣгъ то же къ средствамъ, какія даетъ суевѣріе. Толпа говорила о пророчествахъ, предсказывающихъ гибель, о знаменіяхъ, предвѣщающихъ бѣдствія; онъ противопоставилъ этому предзнаменованіе, ободрявшее душу. Оружіе Геракла, ѳиванскаго героя, и копье Аѳины исчезли изъ ихъ храмовъ; это значило, что Гераклъ и Аѳина пошли въ походъ на защиту Фивъ. На возвышенномъ мѣстѣ былъ выставленъ щитъ мессенскаго вождя Аристомена, въ страхъ спартанцамъ (стран. 193 слѣд.). При выступленіи войска изъ города вѣтеръ сорвалъ ленту съ знамени и унесъ ее на могильный холмъ; Эпаминондъ разсѣялъ дурное впечатлѣніе этого случая, напомнивъ слова Гектора «одно предзнаменованіе вѣрно—обязанность сражаться за отечество». Эпаминондъ занялъ Коронейское ущелье, полагая, что Клеомбротъ пойдетъ этимъ путемъ; но спартанскій царь повернулъ южнѣе, прошелъ по крутымъ горнымъ дорогамъ изъ Амбрисса въ Ѳисву, оттуда вдоль берега на Левктрійскую равнину; узнавъ объ этомъ,

Эпаминондъ пошелъ на встрѣчу ему. У Эпаминонда было только 6000 человекъ пѣхоты и 400 всадниковъ; непріятельское войско было гораздо многочисленнѣе, но онъ хотѣлъ дать битву и сильно говорилъ на военномъ совѣтѣ противъ отступленія къ Фивамъ, котораго требовали трое изъ семи беотарховъ. Было старое преданіе, что два спартанскіе юноши изнасиловали и убили на Левктрійской равнинѣ двухъ левктрійскихъ дѣвушекъ; военачальники напоминали это преданіе воинамъ, говорили имъ, что теперь пришелъ часъ исполнить проклятіе, произнесенное отцомъ дѣвушекъ, Скедасомъ, противъ Спарты, которая оставила безнаказанными юношей, нарушившихъ законъ гостепріимства. Рѣчи военачальника пробудили въ воинахъ отвагу; войско понимало, что будетъ биться за свободу родины. Ѳеспійцевъ, къ области которыхъ принадлежало левктрійское поле, Эпаминондъ отпустилъ домой, опасаясь измѣны, потому что они были враждебны ѳиванской гегемоніи. Спартанцами овладѣла робость; у нихъ было старинное преданіе, что Левктра будетъ могилою спартанской гегемоніи; притомъ и предзнаменованія были неблагоприятны для нихъ. Клеомбротъ хотѣлъ дожидаться подкрѣпленія, которое велъ къ нему Архидамъ, сынъ Агезилая; но его совѣтники говорили, что должно дать битву; онъ боялся постыдить имя Спарты, потерять репутацію храбраго вождя, опасаясь, что будетъ обвиненъ въ сочувствіи ѳиванцамъ, въ измѣнѣ, и рѣшился на битву. Войска поѣли рано утромъ и стали въ боевой порядокъ. Клеомбротъ съ лакедемонянами сталъ на правомъ крылѣ; Эпаминондъ поставилъ противъ него лучшія свои войска, сформировавъ изъ нихъ колонну въ 50 шеренгъ; лѣвый флангъ его былъ прикрытъ священнымъ отрядомъ, которымъ начальствовалъ Пелопидъ. Лѣвое крыло въ боевой линіи Клеомброта составляли войска пелопоннесскихъ союзниковъ; противъ этого крыла Эпаминондъ поставилъ войска «косой линіей». Они должны были держать непріятеля въ обманѣ, будто готовятся атаковать; этимъ Эпаминондъ хотѣлъ помѣшать пелопоннесскимъ союзникамъ помогать правому крылу.

Битва началась схваткою конницы; спартанская конница, не равнявшаяся боевымъ искусствомъ ѳиванской, была побѣждена и отброшена на пѣхоту и разстроила ея ряды; пользуясь этимъ, Эпаминондъ быстро повелъ свою колонну въ атаку; лакедемоняне раздвинулись съ ея пути и сдѣлали оборотъ, чтобы напасть на нее съ фланга; но во время этого манѣвра Пелопидъ съ тяжело вооруженнымъ священнымъ отрядомъ напалъ на нихъ такъ сильно, что они не могли исполнить начатаго движенія и стали возвращаться на прежнюю позицію; колонна Эпаминонда налегла всею своею тяжестью на ихъ фронтъ. Спартанцы сражались достойно своей старой славы, говоритъ Лахманъ. Какъ ни силенъ былъ натискъ массивной колонны, ѳиванцы не могли оттѣснить ихъ ни на одинъ шагъ. Масса грудью налегла на

Диспозиція войска.

Битва при Левктрѣ 8 Іюля 371 г.

массу и обѣ стояли на мѣстѣ. «Подарите мнѣ хоть одинъ шагъ!» воскликнулъ, какъ говорятъ, Эпаминондъ, обращаясь къ своимъ воинамъ. Особенно сильна была схватка тамъ, гдѣ стоялъ Клеомбротъ съ 300 всадниковъ и остальною своею свитою (damosia). Клеонимъ, сынъ Сфодрія, любимецъ Архидамъ, бившійся въ первомъ ряду, три раза падалъ отъ ранъ и три раза вставалъ. Наконецъ упалъ и самъ Клеомбротъ; около его тѣла начался упорный бой; убитыхъ было столько, что тѣла лежали грудами. Спартамъ удалось унести Клеомброта, еще дышавшаго; но онъ скоро умеръ; были убиты и полемархъ Дидонъ, и Сфодрій; тогда ряды спартанцевъ стали колебаться, отступать, сначала медленно, потомъ быстрее, и наконецъ спартанцы обратились въ бѣгство. Увидѣвъ это, обратились въ бѣгство и пелопоннесцы, составлявшіе лѣвое крыло. Они мало сражались, потому и уронъ ихъ былъ невеликъ. Но лакедемонянъ было убито болѣе 1000 человекъ, въ томъ числѣ 400 полноправныхъ спартанскихъ гражданъ (гомейевъ). Остатки разбитаго войска еще были многочисленнѣе ѳиванцевъ, и находились храбрые люди, совѣтывавшіе возобновить сраженіе, чтобы съ боя взять тѣла павшихъ товарищей; но военный совѣтъ нашелъ, что при упадкѣ духа союзниковъ и при огромности потерь собственно спартанской части войска возобновлять битву было бы неблагоприятно. Потому спартанцы послали вѣстника просить перемирія для погребенія убитыхъ; такая просьба считалась у грековъ признаніемъ, что противники побѣдили. Эпаминондъ далъ перемиріе, но велѣлъ уносить съ поля битвы не вмѣстѣ всѣхъ убитыхъ, а порознь убитыхъ каждаго пелопоннескаго государства; это онъ сдѣлалъ для того, чтобы всѣ видѣли, сколько убито спартанцевъ и чтобы спартанцы не могли уменьшить, какъ они обыкновенно дѣлали, цифру своего урона.

Въ память о побѣдѣ ѳиванцы повѣсили въ храмѣ своего акрополя взятые ими щиты спартанскихъ военачальниковъ; они еще висѣли тамъ во времена Павзанія. Годовщина побѣды при Левктрѣ праздновалась ѳиванцами до самаго разрушенія ѳивъ.

Распоряженіи
спартанскаго
правительства.

Извѣстіе о пораженіи при Левктрѣ пришло въ Спарту въ день праздника Гимнопедій. На этомъ праздникѣ было, обыкновенно, много иностранцевъ. Чтобы не видѣли они народъ опечаленнымъ, эфоры скрыли извѣстіе; гимнастическія игры продолжались. Вечеромъ эфоры послали вѣстниковъ по домамъ тѣхъ семействъ, чьи родственники были убиты; сообщая о смерти воина, вѣстники передавали его семейству приказаніе воздерживаться передъ посторонними отъ всякихъ выраженій печали. На другой день родные убитыхъ ходили съ радостными лицами; не скрывали печали только тѣ, у кого не было семейной потери. — Немедленно были призваны къ оружію всѣ

граждане до шестидесятилѣтняго возраста, даже и тѣ, которые занимали общественныя должности. Было послано союзникамъ требованіе снарядить въ походъ новые отряды войскъ. Приказаніе было исполнено быстро и охотно, какъ въ старину. Но прежде чѣмъ вышелъ изъ Пелопоннеса съ новымъ войскомъ Архидамъ, сынъ Агезилая, пришли туда остатки разбитаго войска. Эпаминондъ далъ имъ свободный пропускъ. Онъ не надѣялся совершенно уничтожить разбитое при Левктрѣ войско, лакедемонская часть котораго сохраняла стройный порядокъ. Тотчасъ послѣ сраженія послалъ онъ въ Аѳины и Ѳессалию вѣстниковъ съ просьбой о содѣйствіи. Аѳиняне приняли извѣстіе о побѣдѣ ѳиванцевъ съ явнымъ неудовольствіемъ и отпустили вѣстника безъ всякаго отвѣта. Іасонъ быстро привелъ отрядъ, но не присоединился къ ѳиванцамъ, а выступилъ посредникомъ; онъ хотѣлъ поддерживать равновѣсіе между греческими государствами, находя это удобнымъ для своихъ честолюбивыхъ замысловъ. При его посредничествѣ былъ заключенъ договоръ, по которому ѳиванцы дали лакедемонскому войску свободный пропускъ на родину. Лакедемоняне очень торопились уйдти, двинулись въ походъ тѣмъ-же вечеромъ и ночью перешли черезъ Килееронъ по труднымъ горнымъ дорогамъ. Спартанцы, ушедшіе съ поля битвы, были по закону лишены политическихъ правъ, какъ бѣглецы (tresantes); они на всю жизнь теряли право носить оружіе, вступать въ бракъ, и дѣлались предметомъ общаго поруганія (стран. 182); этому тяжелому наказанію должны были подвергнуться возвратившіеся отъ Левктры; но число ихъ было такъ велико, что Агезилай, строгій хранитель старыхъ обычаевъ, сказалъ: «Пусть законъ бездѣйствуетъ относительно одного дня, на другой день пусть возобновится его сила». Мнѣніе Агезилая было принято. Оно было плохимъ средствомъ прикрыть несоотвѣтствіе настоящаго съ преданіями старины.

4. Мегалополь и Мессенія.

И дѣйствительно спартамъ должно было оберегать всѣхъ своихъ согражданъ для борьбы за спасеніе отечества. Въ битвѣ при Левктрѣ лишились жизни 400 полноправныхъ гражданъ; это была или цѣлая треть всего числа полноправныхъ гражданъ, или больше. Извѣстіе о такомъ пораженіи сильно подѣйствовало и на союзниковъ Спарты и на поработенное населеніе спартанскаго государства. Илоты и мессенцы волновались; мѣстами даже происходили попытки возстанія. Въ Элидѣ, Мантинѣ, нѣкоторыхъ другихъ городахъ, демократы низвергли установленное у нихъ спартанскимъ насиліемъ владычество олигарховъ и отплатили имъ за ихъ притѣсненія казнями и изгнаніями. Даже въ вѣрной спартамъ Тегеѣ аристо-

Волненіе въ
Пелопоннесѣ.
Скитализмъ въ
Аргосѣ 370.

краты были перебиты или вынуждены бѣжать. Въ Аргосѣ ожесточеніе простолюдиновъ проявилось съ такой свирѣпостью, что они убили палками 1200, или больше, быть можетъ 1500, знатныхъ людей, не однихъ олигарховъ, но и демократовъ. Объ этомъ «убійствѣ палками», «скитализмѣ», долго вспоминали греки. Аѣинское правительство было приведено имъ въ такое негодованіе, что прервало все сношенія съ Аргосомъ и распорядилось, чтобы въ Аѣинахъ были совершены обряды очищенія: казалось, что демократическія учрежденія осквернены аргосскимъ злодѣйствомъ. — Положеніе спартанцевъ было такъ дурно, что аѣиняне нашли обстоятельства благоприятными для попытки пріобрѣсти себѣ первенствующее положеніе въ Греціи. Они пригласили пелопоннесскія государства прислать уполномоченныхъ на конгрессъ въ Аѣины. И дѣйствительно съѣхались депутаты отъ всехъ пелопоннесскихъ государствъ. На конгрессѣ было принято рѣшеніе поддерживать условія Анталкидова мира и, въ частности, независимость каждаго греческаго государства. Но силы аѣинянъ были недостаточны для того, чтобы ихъ желаніе могло прекратить войну.

Возростаніе
могущества
Ѳивъ.

Между тѣмъ какъ Пелопоннесъ волновался и нѣкоторые изъ государствъ, подчиненныхъ Спартѣ, пытались свергнуть съ себя ея власть, гегемонія Ѳивъ надъ беотійскими городами упрочивалась. Ѳеспійцы ушли послѣ Левктрійской битвы въ горную крѣпость Керессъ; ѳиванцы осадили эту крѣпость, взяли ее и убили всехъ Ѳеспійцевъ. Фокейцы, находившіеся подъ покровительствомъ Спарты, остались теперь беззащитны противъ Іасона, замышлявшаго покорить Фокиду; чтобы спастись отъ порабощенія, они вступили въ союзъ съ ѳиванцами. Этоляне, локрійцы, акарнанцы, эвбейцы, другіе греческіе народы тоже вступили въ союзъ съ ѳиванцами и обѣщали присылать имъ свои войска. Все яснѣе и яснѣе выказывалось, что ѳиванцы хотятъ пріобрѣсти гегемонію надъ всей Греціею, занять мѣсто, издавна принадлежавшее спартанцамъ. Они были эолійцы; а эолійское племя было менѣе способно къ такой роли, чѣмъ даровитые, образованные аѣиняне и воинственные спартанцы; но свобода, и военные успѣхи пробудили въ ѳиванцахъ одушевленіе; нравственные доблести и умственные силы людей руководившихъ ими оказывали вліяніе и на массу гражданъ; ѳиванцы какъ будто переродились.

Смерть Іасона
ферскаго. 370.

Опаснымъ соперникомъ ѳиванцевъ былъ Іасонъ ферскій. Возвращаясь отъ Левктры, онъ разрушилъ укрѣпленія Гераклеи, чтобы пріобрѣсти себѣ открытый путь въ Грецію. Соединивъ подъ своею властью всю Ѳессалію, онъ имѣлъ очень сильное войско. Человѣкъ талантливый, онъ могъ стать очень опасенъ для сѣверной части Греціи. Но онъ прожилъ не долго. Приближалось время пивійскихъ игръ. Онъ велѣлъ заготовить громадное число воловъ и другого скота; онъ говорилъ, что этотъ скотъ предназначенъ для жертвоприношеній на пивійскомъ праздникѣ. Его намѣреніе было вторгнуться съ сильнымъ

войскомъ въ Фокиду, провозгласить себя распорядителемъ пивійскихъ игръ и овладѣть сокровищами дельфійскаго храма. Но однажды, когда онъ дѣлалъ смотръ войску, на него бросились нѣсколько молодыхъ людей и убили его. Ихъ было семь. Только одного изъ нихъ успѣли убить тѣлохранители Іасона; остальные усакали на заготовленныхъ для нихъ лошадяхъ. Въ греческихъ городахъ они были приняты съ почестями, какъ убійцы тиранна. Это показываетъ, какъ замѣчаетъ Ксенофонтъ, что греки очень опасались быть порабощены Іасономъ.

Но Іасонъ уже такъ упрочилъ владычество своего семейства, что третій братъ его, Полифронъ, убивъ Полидора, втораго брата, занялъ его мѣсто. Владычество Полифрона длилось только годъ, но онъ успѣлъ въ это время совершить множество злодѣйствъ. Онъ убилъ честнаго Полидаманта и восемь человѣкъ вліятельныхъ гражданъ Фарсала, прогналъ изъ Лариссы алевадовъ, прогналъ другихъ мѣстныхъ владѣтелей. Его племянникъ Александръ убилъ его и сталъ свирѣпствовать еще хуже дяди. Александръ принудилъ дочь Іасона Тебу сдѣлаться его женою. Какъ только захватилъ власть, онъ, по выраженію Ксенофонта, сталъ „жестокимъ повелителемъ для Ѳессалійцевъ, опаснымъ врагомъ ѳиванцевъ и аѣинянъ, беззаконнымъ разбойникомъ на сушѣ и на морѣ“. Презирая и божественные и человѣческіе законы, онъ совершалъ ужаснѣйшія свирѣпости и надъ отдѣльными людьми, и надъ цѣлыми городами. Плутархъ говоритъ, что, неожиданно вошедши съ своими наемниками въ города Мелидею и Скотуссу, онъ убилъ всехъ взрослыхъ мужчинъ; что онъ велѣлъ живыхъ людей зарывать въ землю, велѣлъ зашивать другихъ въ кабанью или медвѣжью шкуру и отдавать на растерзаніе собакамъ; что онъ украсилъ вѣнкомъ и поставилъ въ храмѣ то копье, которымъ убилъ своего дядю. Множество знатныхъ Ѳессалійцевъ бѣжали отъ этого злодѣя и своими просьбами возбудили къ войнѣ противъ него македонскаго царя; потомъ, когда въ Македоніи начались междоусобія, Ѳессалійскіе изгнанники обратились съ просьбою о помощи къ ѳиванцамъ.

Полифронъ
370—369.

Александръ
369—357.

Ѳессалійскіе тиранны и македонскіе цари были опасными соперниками ѳиванцевъ; опаснымъ противникомъ спартанской олигархіи сдѣлалась демократическая федерація аркадскихъ государствъ. Воинственные горцы, аркадяне могли бѣ имѣть очень большое значеніе, пріобрѣсти господство надъ Пелопоннесомъ, не будь они раздроблены на мелкія государства; ихъ селенія и города, разбросанные по небольшимъ долинамъ, привыкли къ политической разрозненности, къ соперничеству другъ съ другомъ; до сихъ поръ это мѣшало всякому единодушію между ними. Цивилизація мало проникала къ аркадянамъ; они вели монотонную пастушескую жизнь, въ которую вносилъ нѣкоторое разнообразіе лишь обычай уходить на службу по найму, въ чужихъ войскахъ; онъ издавна владычествовалъ у аркадянъ; они въ этомъ отношеніи были похожи на жителей мелкихъ горныхъ кантоновъ Швейцаріи. Но теперь у аркадянъ возникла мысль основать федеративное государство; казалось, что они, такъ долго сражавшіеся на службѣ другихъ, обратятъ свое оружіе на пріобрѣтеніе себѣ не-

Аркадская фе-
дерация.

зависимости отъ Спарты, приобрѣтутъ важное политическое значеніе. Мантинеяне, которымъ жизнь разрозненными селеніями подъ властью деревенскихъ аристократовъ менѣе нравилась, чѣмъ Ксенофону (стран. 846), возстановили свой городъ, возвели стѣны его, не спрашивая, хотя бы для формы, согласія Спарты. Аркадяне рѣшили соединиться въ одну федерацію, имѣющую демократическое устройство. По совѣту и при содѣйствіи Эпаминонда, было рѣшено основать въ югозападной части Аркадіи новый городъ, который будетъ резиденціею союзнаго правительства и будетъ закрывать неукрѣпленныя селенія той части государства отъ непріятельскихъ нашествій. Завѣдываніе этимъ предпріятіемъ было поручено комиссіи десяти «основателей» (oikistai). Они построили на границѣ Аркадіи съ Лаконіею и Мессеніею столицу союза, которая была названа Мегалополемъ («Великимъ городомъ»). Стѣны его имѣли въ обширности 50 стадій. Жители нѣсколькихъ десятковъ — около четырехъ десятковъ — селеній добровольно или недобровольно перешли жить въ новый городъ и назвали части его, въ память о родныхъ селеніяхъ, именами ихъ. Но многимъ такъ не нравилась замѣна привычной деревенской жизни городскимъ бытомъ, что они предпочли эмигрировать. Мегалополь былъ назначенъ мѣстомъ собраній представителей аркадскаго народа; этихъ представителей было десять тысячъ человекъ.

Устройство союзнаго правленія и союзнаго войска. Собраніе Десяти Тысячъ, состоявшее изъ уполномоченныхъ всѣхъ городовъ и селеній Аркадіи, было верховною властью аркадскаго союза. Оно объявляло войну, заключало договоры съ другими государствами, рѣшало вообще всѣ дипломатическія дѣла, устанавливало налоги, назначало военачальниковъ и правительственныхъ сановниковъ, судило дѣла по преступленіямъ противъ союза. Совѣщаніями его руководили архонты. Впрочемъ, оно дѣлилось на комитеты, завѣдывавшіе разными отраслями союзныхъ дѣлъ. Былъ сформированъ отрядъ эпаритовъ; это было постоянное войско; служившіе въ немъ получали жалованье; оно приводило въ исполненіе рѣшенія союзнаго собранія; въ случаяхъ войны, созывалось ополченіе. Обыкновенные союзные расходы покрывались налогомъ, который платили хозяева стадъ за пользованіе обширными пастбищами, принадлежавшими общинамъ.

Нашествіе спартанцевъ. Но было въ Аркадіи много людей, недовольныхъ введеніемъ федеративнаго устройства. Олигархи Тегей, Орхомена, другихъ городовъ, соединились съ приверженцами разрозненнаго быта, считавшими подчиненіе союзному правительству погубелью своихъ городовъ и селеній. Въ Тегеѣ, гдѣ были особенно сильны сторонники Спарты, ссора дошла до междоусобія; консерваторы были побѣждены; побѣдители казнили тѣхъ ихъ предводителей, которыхъ успѣли захватить; восемь сотъ инсургентовъ бѣжали въ Спарту и просили помощи лакедемонянъ. Демократы, и въ особенности мантинейцы, возбудившіе другихъ аркадянъ къ учрежденію федераціи, обратились съ просьбою о поддержкѣ

къ ѳиванцамъ. Лакедемонянамъ, при разстроенномъ состояніи ихъ государства, тяжело было рѣшиться на войну; но демократическая федерація аркадянъ была такъ опасна для нихъ, что они нашли необходимымъ для себя разрушить ее. Агезилай повелъ войско на Тегею и Мантинею; но, услышавъ о приближеніи ѳиванцевъ, вернулся. Онъ не имѣлъ ни одного сраженія съ аркадянами. Но въ Спартѣ отпраздновали его походъ, какъ побѣду.

Едва Агезилай ушелъ изъ Аркадіи, беотархи, въ совѣтъ которыхъ рѣшительное вліяніе принадлежало Эпаминонду и Пелопиду, пришли къ Мантинеѣ съ войскомъ, состоявшимъ изъ 15000 тяжеловооруженныхъ воиновъ, отчасти біотійцевъ, отчасти ихъ союзниковъ. ѳиванцы хотѣли отомстить спартанцамъ и считали аркадскую демократическую федерацію чрезвычайно полезною для нихъ: она обезспливалила Спарту. Потому они поспѣшили на помощь ей. Элидяне помогли снаряженію ихъ войска, давъ имъ взаймы 10 талантовъ. Они пришли къ Мантинеѣ около времени зимняго солнцестоянія; цѣль похода была достигнута: Агезилай ушелъ изъ Аркадіи; притомъ, скоро кончался срокъ власти беотарховъ; военачальникамъ, которые удержатъ за собою власть больше срока, законъ угрожалъ смертною казнью. ѳиванцы полагали, что лакедемоняне охраняютъ и будутъ упорно защищать тѣ немногіе горные проходы, которые вели изъ Аркадіи въ Лаконію. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, многіе ѳиванскіе военачальники полагали, что войску слѣдуетъ вернуться. Но аркадяне, элидяне и аргосцы, многочисленными отрядами присоединившіеся къ ѳиванцамъ, настойчиво совѣтовали идти въ Лаконію, надѣясь найти тамъ богатую добычу. Они говорили, что спартанцы изнурены, слабы, не могутъ противиться такому храброму и многочисленному войску, находящемуся подъ начальствомъ искусныхъ полководцевъ; что поработенное населеніе Лаконіи ненавидитъ спартанцевъ и ждетъ только появленія ѳиванцевъ, чтобы присоединиться къ нимъ. Изъ пограничнаго лаконскаго города Карій ѳиванцы получили извѣстіе, что путь туда не занятъ лакедемонскими войсками. Эпаминондъ и Пелопидъ рѣшились идти въ Лаконію. Другіе беотархи сложили съ себя должность, чтобы не подвергнуться наказанію за самовольное сохраненіе власти дальше срока. Эпаминондъ и Пелопидъ приняли на себя всю отвѣтственность, одни остались полководцами и двинулись въ Лаконію. Они опасались, что при новыхъ выборахъ могутъ быть назначены беотархами люди, которые не захотятъ предпринять этотъ походъ, и не колебались рисковать жизнью для того, чтобы избавить навсегда Грецію отъ ея угнетателей.

Присоединеніе многочисленныхъ пелопоннесскихъ отрядовъ очень увеличило силу ѳиванскаго войска; въ немъ считалось теперь 70000 гоплитовъ и легковооруженныхъ воиновъ. Оно пошло въ Лаконію четырьмя отрядами. ѳиванцы прошли черезъ Карійское ущелье. Ар-

Походъ Эпаминонда и Пелопида въ Пелопоннесъ. 370—396.

Походъ въ Лаконію.

кадяне, составлявшие самый многочисленный отрядъ, пошли черезъ скирскій округъ къ Ионскому (или Эонскому) ущелью, которое охранялъ спартаецъ Исхолай съ отрядомъ неодамоновъ и съ тегейскими изгнанниками. Онъ не могъ удержаться противъ непріятеля, далеко превосходившаго его числомъ, потому отослалъ молодыхъ воиновъ въ Спарту, чтобы сохранить ихъ для родины, а съ пожилыми воинами остался защищать ущелье и, какъ второй Леонидъ, непоколебимо бился до конца; весь его отрядъ легъ тутъ. Геройская смерть воиновъ Исхолая, которые все погибли, ни шага не уступая врагу, показала грекамъ, что Спарта еще имѣетъ гражданъ, достойныхъ славы своихъ предковъ. Аргосцы, шедшіе другимъ ущельемъ, тоже одолѣли лакедемонянъ и аркадскихъ изгнанниковъ, съ которыми стоялъ тутъ спартаецъ Александръ. Пройдя горы, все четыре отряда соединились въ Селласіи. Ужасъ овладѣлъ Спартою, пятьсотъ лѣтъ невидавшую врага въ своихъ окрестностяхъ, когда Эпаминондъ съ многочисленнымъ войскомъ пошелъ на югъ по восточному берегу Эвроты, опустошая сельскіе дома богатыхъ спартанцевъ и плодородныя нивы долины Эвроты, призывая поработенное населеніе Лаконіи къ возстанію. Скоро изъ Спарты стало видно зарево горящихъ селеній и загородныхъ домовъ. Женщины, дѣти, старики рыдали, городъ былъ въ смятеніи. Періэки бѣжали, илоты брались за оружіе. Положеніе Спарты съ каждымъ днемъ становилось опаснѣе.

Ужасъ въ
Спартѣ.

Агезилай спасъ родной городъ. По соглашенію съ эфорами онъ сдѣлалъ распоряженія, необходимыя для защиты Спарты, не имѣвшей ни стѣнъ, ни какихъ другихъ укрѣпленій; онъ дѣйствовалъ чрезвычайно умно и твердо. Онъ собралъ въ Спартѣ молодыхъ гражданъ и держалъ ихъ готовыми къ бою; просилъ скорѣе присылать войска тѣхъ изъ союзныхъ государствъ, которыя оставались вѣрны Спартѣ; обѣщалъ права гражданъ тѣмъ илотамъ, которые поступятъ на военную службу. Число желающихъ оказалось больше, чѣмъ онъ думалъ: 6000 илотовъ выразили желаніе поступить на службу; Агезилай былъ нѣсколько смущенъ ихъ многочисленностью; но обстоятельства не позволяли выказывать опасеній; онъ принялъ на службу всехъ, но приказалъ начальникамъ зорко слѣдить за сохраненіемъ дисциплины и тишины. Были попытки мятежей, но Агезилай подавилъ ихъ быстрыми и рѣшительными мѣрами.

Такъ на примѣръ поступилъ онъ, когда 200 человекъ изъ числа обѣднѣвшихъ гражданъ, не пользовавшихся политическими правами, заняли укрѣпленный храмъ Артемиды Иссорской. Агезилай неожиданно явился къ нимъ и своей твердостью до такой степени смутилъ ихъ, что они разошлись. Онъ велѣлъ разрушить храмъ и сдѣлалъ распоряженіе тайно арестовать и казнить людей, бывшихъ руководителями попытки этого возстанія.

Мѣры, принятыя Агезилаемъ для обороны Спарты, были такъ хо-

роши, что Эпаминондъ не рѣшился штурмовать городъ: мостъ, который велъ въ Спарту черезъ Эвротъ, былъ крѣпко защищенъ. Эпаминондъ прошелъ мимо Спарты на югъ и переправился черезъ Эвротъ у Амикль. Рѣка была въ разливѣ; спартанцы сильно защищали западный берегъ ея. Но Эпаминондъ одолѣлъ все трудности. «Онъ смѣлый человекъ!» воскликнулъ Агезилай и занялся охраненіемъ подступовъ къ Спартѣ съ юга. Эпаминондъ, переправясь черезъ Эвротъ, повернулъ на сѣверъ и пошелъ на Спарту. Агезилай искусно расположилъ войска по высотамъ съ юга отъ города. Благодаря удобству мѣстоположенія для обороны и своему умѣнью пользоваться выгодами мѣстности, Агезилай успѣлъ отбить все нападенія Эпаминонда; нанесъ еиванцамъ довольно большой уронъ у храма Тиндаридовъ и при другихъ штурмахъ. Эпаминондъ, услышавъ, что войска Сикіона, Эпидавра, Коринѳа, Фліунта, нѣкоторыхъ другихъ городовъ, идутъ на помощь Спартѣ, снялъ осаду и пошелъ на югъ. Агезилай не преслѣдовалъ его. Онъ прошелъ по южному берегу до Гелоса и Гитіа, опустошая все на своемъ пути; три дня штурмовалъ Гитій, но потерпѣлъ неудачу. Войско его страдало отъ холода и отъ недостатка продовольствія; Эпаминондъ пошелъ съ отборнымъ беотійскимъ отрядомъ черезъ Тайгетъ въ долину Памиса осуществить давно задуманный планъ возстановленія независимости Мессеніи. Отъ своихъ друзей пифагорейцевъ онъ зналъ, что на западѣ греческаго міра еще уцѣлѣли довольно многочисленные потомки мессенцевъ, продолжающіе ненавидѣть своихъ соплеменниковъ спартанцевъ, поработившихъ родину ихъ.

Еще до похода въ Пелопоннесъ Эпаминондъ отправилъ въ Сици-Построеніе го-
лію, Италію, и даже въ Ливію, своихъ агентовъ приглашать раз- рода Мессены.
сѣявшихся по западу мессенцевъ къ возвращенію на родину; по его призыву взяли за оружіе тѣ мессенцы, которые жили подъ спартанскимъ игомъ въ Мессеніи; къ нимъ присоединились періэки и илоты, бѣжавшіе изъ Лаконіи; подъ защитою беотійцевъ и присоединившихся къ Эпаминонду пелопоннесцевъ они построили городъ Мессену у подошвы горы Итомы, на высотахъ которой отчаянно оборонялись отъ спартанцевъ ихъ предки. Укрѣпленіе построенное на Итомѣ служило цитаделью новой столицы освобождавшейся Мессеніи. Благопріятныя предзнаменованія, сновидѣнія, чудеса, ободряли мессенцевъ въ ихъ патріотическомъ энтузіазмѣ. Были найдены тѣ оловянные дощечки съ начертанными на нихъ таинственными ученіями, которыя зарылъ Аристоментъ подъ миртовымъ деревомъ на Итомѣ; исполнилось древнее предсказаніе, что когда будутъ найдены эти дощечки, то возстановится свобода Мессеніи (стран. 197). Надъ построеніемъ города работало много рукъ, и дѣло подвигалось съ изумительной быстротой. Испросивъ жертвоприношеніями и молитвами благословеніе боговъ, мессенцы съ пѣснями подъ звуки флейтъ по-

Возстановленіе
независимости
Мессеніи.

ложили основаніе крѣпкихъ стѣнъ; построивъ стѣны, они стали строить жилища и храмы. Мастеровые были созданы изъ всей Греціи; все населеніе помогало имъ. Спартанцы не могли мѣшать возстановленію независимости Мессеніи: они должны были защищать Лаконію отъ набѣговъ пелопоннесскихъ союзниковъ Эпаминонда, быть повсюду на стражѣ, чтобы не возстали илоты и періэки. Скоро стали возвращаться на родину мессенцы, жившіе въ изгнаніи. Вообще, характеръ мессенскаго племени былъ мягкій, уживчивый; но эти изгнанники такъ вѣрно хранили свою національность среди грековъ другихъ племенъ, что, возвратившись на родину черезъ триста лѣтъ послѣ того, какъ предки ихъ покинули ее, оказались сохранившими родное нарѣчіе и родные обычаи почти во всей ихъ чистотѣ. Съ этой поры мессенцы снова стали участвовать въ состязаніяхъ на олимпійскихъ играхъ, и на первомъ же олимпійскомъ праздникѣ (въ 103-ю олимпиаду) однимъ изъ побѣдителей былъ мессенскій юноша (Дамискъ). Возстановленіе независимости Мессеніи нанесло смертельную рану Спартѣ. Лаконія была теперь окружена враждебными ей государствами: съ запада Мессеніею, съ сѣвера аркадскою федераціей, съ востока Аргосомъ. Аркадяне дѣятельно доканчивали построение Мегалополя; въ Тегеѣ взяли вверхъ демократы, враждебные Спартѣ; Аргосъ всегда былъ врагомъ Спарты. Лаконія была теперь отрѣзана отъ всѣхъ своихъ пелопоннесскихъ союзниковъ. Возстановивъ независимость Мессеніи, Эпаминондъ совершилъ дѣло справедливое и обезсилилъ государство, заслужившее ненависть его родины, но увеличилъ раздробленность Греціи, уменьшилъ силы ея. Междоусобія, терзавшія Грецію уже болѣе шестидесяти лѣтъ, такъ разслабили ее, что она въ самоубійственномъ неистовствѣ, разрушившая свое благосостояніе, истощившая свои нравственныя силы, была уже неспособна къ порожденію новыхъ крѣпкихъ государствъ. Ни аркадская федерація, ни возстановленная Мессенія не имѣли въ себѣ свѣжей жизненной силы, не сдѣлались центрами греческой цивилизаціи, даже не могли участвовать въ ея развитіи; это были тепличныя растенія, слабыя, не долговѣчныя; Мессенія не участвовала въ той умственной работѣ, которою греки создали свою цивилизацію, сдѣлались наставниками человечества. Она была одушевлена только племенной ненавистью къ Спартѣ. Своими нападеніями на Спарту истощала силы этого государства, которое при всѣхъ своихъ недостаткахъ оказало однако же великія услуги Греціи; изнуряя Спарту, Мессенія сама оставалась безсильной.

Аѣинское войско становится на пути Эпаминонда. Когда Эпаминондъ возвращался изъ похода, оставивъ сильныя отряды для охраненія Аркадіи и Мессеніи, онъ встрѣтилъ на Истмѣ неожиданнаго врага: аѣинское войско подъ начальствомъ Ификрата занимало проходы черезъ горы Истма. Тѣснимые ѣиванцами, лакедемоняне просили помощи у аѣинянъ. Послы Спарты и союзныхъ съ нею

государствъ пріѣхали въ Аѣины, говорили народному собранію искусно обдуманная рѣчи: напоминали о общихъ славныхъ подвигахъ, совершенныхъ аѣинянами и спартанцами въ персидскія войны; разясняли опасности, какими угрожаетъ честолюбіе ѣиванцевъ, лъстиво восхваляли великодушіе, съ какимъ аѣиняне всегда помогали обижаемымъ. Аѣинскій народъ по предложенію Каллистрата рѣшилъ исполнить ихъ просьбу и послалъ Ификрата со всѣми военными силами государства въ Пелопоннесъ; къ войску присоединилось много волонтеровъ. Эпаминондъ уже возвращался изъ Пелопоннеса, Ификратъ остановился на Истмѣ и перерѣзалъ ему путь отступленія; но безъ особенной охоты вступать въ битву. Эпаминондъ успѣлъ обойти его позицію и почти безъ всякихъ потерь прошелъ въ Беотію.

На родинѣ ждала его новая опасность. Менеклидъ, одинъ изъ заговорщиковъ, освободившихъ Ѣивы, горячій демократъ и потому противникъ Эпаминонда, политическій образъ мыслей котораго былъ умѣренный, потребовалъ, чтобы беотархи были наказаны за то, что удержали власть дольше законнаго срока. Эпаминондъ объявилъ, что онъ одинъ виноватъ въ этомъ, товарищи сложили на него всю вину; онъ явился въ судъ, и немногія слова, которыя сказалъ онъ въ сознаніи своихъ заслугъ, разрушили всѣ интриги его противниковъ. Онъ сказалъ, что самъ считаетъ себя заслужившимъ смерть, потому что нарушилъ законъ, но проситъ, чтобы на гробъ его было написано: ѣиванцы наказали его смертью за то, что онъ вошелъ въ Лаконію, осадилъ Спарту и возстановилъ Мессенію. Смущенные судьи единодушно отвергли обвиненіе; Эпаминондъ и Пелопидъ были вновь выбраны беотархами; Менеклидъ былъ наказанъ за свою интригу; предлогомъ было обвиненіе его въ небрежномъ исполненіи должностныхъ обязанностей; онъ былъ приговоренъ къ уплатѣ денежнаго штрафа.

Обвиненіе и оправданіе Эпаминонда.

5. Продолженіе дѣятельности Эпаминонда и Целопида.

Ѣиванцамъ необходимо было удерживаться отъ раздоровъ, потому что вмѣстѣ съ ихъ удачами возросло и число ихъ враговъ; они могли съ гордостью думать о дѣлахъ, совершенныхъ ими, но будущность ихъ не была упрочена. Они разрушили несправедливые замыслы спартанцевъ, которые за полтора года передъ тѣмъ надѣялись взять Ѣивы, отдать Дельфійскому храму десятую долю ѣиванской области, а теперь сами были поставлены ѣиванцами въ бѣдственное положеніе; ѣиванцы нанесли спартанскому государству смертельную рану, освободивъ Мессенію, столица которой, построенная на рубежѣ Лаконіи,

Характеръ и степень умственного развитія ѣиванцевъ.

представляла вѣрное убѣжище всѣмъ угнетеннымъ жителямъ спартанскаго государства; разстроивъ пелопоннескій союзъ, они навсегда сокрушили гегемонію Спарты; но если легко было имъ разрушить ея могущество, то дѣло созданія новаго обширнаго союза подъ управленіемъ Ѡивъ представляло очень большія трудности. Гегемонія Спарты и Аѣинъ основывалась на привычкѣ, оправданіемъ ей служили общепризнанныя черты превосходства спартанцевъ и аѣинянъ надъ другими греками: мужество и строгая дисциплина спартанскаго войска, образованность и демократическія учрежденія аѣинянъ; каждое изъ греческихъ государствъ чувствовало себя обязаннымъ признательностью, или къ Аѣинамъ, или къ Спартѣ; подчиненіе этимъ государствамъ не было унизительно, — они издавна имѣли преобладаніе въ Греціи. Не таково было положеніе Ѡивъ: ни ихъ прошедшее, ни степень ихъ цивилизаціи, ни характеръ ихъ учреждений не давали имъ права на первенство. Целопоннесцы дивились храбрости и дисциплинѣ ѣиванскихъ войскъ; но военная слава ѣиванцевъ была еще непривычна грекамъ, не равнялась въ ихъ глазахъ славѣ мужества и военного искусства спартанцевъ. А храбрость и военное искусство были единственными качествами, на которыхъ ѣиванцы могли основывать свои притязанія. Ни флота, ни морской торговли у нихъ не было, хотя положеніе Беотіи было очень благопріятно развитію мореплаванія: Беотія вѣдь прилегалъ къ двумъ морямъ; оба побережья имѣли много хорошихъ пристаней и особенно прекрасна была авлидская гавань. Они всегда презирали торговлю и промышленность; чуждаясь этихъ занятій, они часто терпѣли недостатокъ въ деньгахъ. Въ умственномъ и эстетическомъ развитіи они отстали не только отъ аѣинянъ и малоазійскихъ грековъ, но и отъ дорійскихъ государствъ: Спарты, Коринѣа, Сикіона, Эгины; лирическая поэзія и игра на флейтѣ были единственными отраслями умственной и художественной дѣятельности, которыми занимались беотійцы. Чувство справедливости и гуманности было мало развито у нихъ; грубые, жестокіе, они преслѣдовали своихъ враговъ съ кровожаднымъ ожесточеніемъ. Когда во время втораго пелопоннескаго похода, ѣиванцы захватили бѣжавшихъ изъ аристократовъ, Эпаминондъ спасъ плѣнниковъ отъ мучительной казни только тѣмъ, что скрылъ, кто эти плѣнные. Склонность ѣиванцевъ къ чувственнымъ наслажденіямъ, ихъ любовь къ роскошнымъ пирамъ, представляли рѣзкую противоположность простотѣ и воздержности аѣинянъ, суровому образу жизни спартанцевъ. Эпаминондъ, будучи свободенъ отъ всѣхъ этихъ слабостей и пороковъ, старался отучить отъ нихъ своихъ согражданъ; но его нравственное превосходство надъ другими ѣиванцами было такъ велико, что онъ не могъ имѣть сильнаго вліянія на нихъ. Судя по себѣ о своихъ соотечественникахъ, предполагая въ нихъ тѣ высокія нравственныя достоинства, какія имѣлъ самъ, ту преданность славѣ родины, какая

жила въ его великой душѣ, онъ вовлекъ ихъ въ предпріятія, превышавшія ихъ силы, повелъ ихъ путемъ, которымъ они не могли твердо идти по недостаточности своего политическаго образованія. Вмѣстѣ съ Эпаминондомъ было похоронено и величіе Ѡивъ.

Въ Греціи могла бы устроиться мирная государственная жизнь, еслибы три могущественныя государства согласились раздѣлить между собою преобладаніе; естественныя условія распредѣленія власти были бы таковы: Ѡивамъ принадлежала бы гегемонія надъ федераціею сѣверныхъ государствъ; Спарта сохранила бы гегемонію въ Пелопоннесѣ; Аѣинамъ принадлежала бы гегемонія надъ приморскими государствами. При такомъ устройствѣ, Греція могла бы обратить свои силы на развитіе своего матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія. Но не было взаимнаго довѣрія, не было и желанія жить въ мирѣ. Очевидное стремленіе Ѡивъ пріобрѣсти гегемонію надъ всею Греціей внушало другимъ государствамъ вражду къ нимъ; изъ этого возникали союзы, ссоры, войны, и дѣла Греціи все болѣе разстроивались. — При нашествіи ѣиванцевъ на Лаконію спартанцы преодолѣли свое давнее чувство непріязни къ аѣинянамъ и стали искать союза съ ними. Лакедемонскіе послы повторяли старинныя рѣчи о томъ, что Аѣины и Спарта — глаза Греціи, что утратить тотъ или другой глазъ было бы для Греціи бѣдствіемъ. Благодаря вліянію Каллистрата, они достигли своей цѣли. Аѣины заключили союзъ со Спартою для устраненія опасности, которой подвергаетъ Грецію возрастающее могущество Ѡивъ. Союзъ былъ основанъ на признаніи равноправности гегемоніи обоихъ государствъ, соединяющихъ свои силы для борьбы съ Ѡивами. Сначала предполагалось предоставить Спартѣ гегемонію въ сухопутной войнѣ, Аѣинамъ въ морской. Но аѣинскій ораторъ Кефисодоръ сказалъ, что въ такомъ случаѣ лакедемонскому флоту пришлось бы быть подъ аѣинскимъ начальствомъ, аѣинскому войску подъ спартанскимъ, а это неудобно. Нашедши его замѣчаніе справедливымъ, условились, что и аѣиняне и спартанцы будутъ поочередно, по пяти дней, начальствовать всѣми военными силами и на морѣ и на сушѣ. Такой порядокъ управленія военными дѣйствіями конечно не могъ быть благопріятенъ успѣшности ихъ.

Къ этому союзу присоединились государства сѣверной части Пелопоннеса: ахейскіе города, Фліунтъ, Сикіонъ, Коринѣа и другіе. Эпаминонда въ Аркадская федерація и Мессенія увидѣли себя въ опасномъ положеніи; потому Эпаминондъ снова пошелъ въ Пелопоннесъ; у него было 8000 гоплитовъ. Союзное войско заняло Истмъ, прикрыло свои позиціи окопами; сила его простиралась до 20,000 человекъ. Но Эпаминондъ искусными маневрами прорвался въ Пелопоннесъ, прошелъ въ Аркадію и Мессенію. Битва его съ Хабріемъ подъ стѣнами Коринѣа осталась нерѣшительной, но вообще его дѣйствія противъ спартанцевъ и аѣинянъ были удачны. Когда приблизился срокъ сложить съ

Союзъ Аѣинъ со Спартой.

Второй походъ Эпаминонда въ Пелопоннесъ 369.

себя власть, онъ возвратился въ Фивы и снова испыталъ неблаго- дарность своихъ согражданъ. Фиванцы, возбужденные противъ него, не выбрали его въ беотархи на слѣдующій годъ; говорятъ, что его противники въ униженіе ему склонили народъ выбрать его завѣдую- щимъ путями сообщенія (тельмархомъ); это была незначительная должность, но онъ исполнялъ свои обязанности такъ хорошо, что приобрѣлъ уваженіе и на этомъ мѣстѣ. Былъ ли онъ главнокоман- дующимъ, или занималъ самую ничтожную должность, онъ одинаково оставался патриотомъ, служащимъ благу родины. Онъ былъ чуждъ мелочнаго честолюбія, которое такъ часто омрачаетъ таланты даро- витыхъ людей, онъ доказалъ это въ слѣдующемъ году на новомъ театрѣ войны.

Дѣйствія Пело- пиды въ Фесса- ліи и Македо- нии 369. Пелопидъ въ это время занимался приведеніемъ въ порядокъ за- путанныхъ дѣлъ на сѣверѣ. Злодѣйскія свирѣпости Александра фер- скаго превысили всякую мѣру (стран. 875); тѣснимые имъ фессалій- скіе города и аристократы обратились къ фиванцамъ съ просьбою о помощи. Пелопидъ съ Именіемъ Младшимъ отправился безъ войска въ Лариссу, личнымъ своимъ вліяніемъ склонилъ воюющія стороны примириться и поѣхалъ въ Македонію, гдѣ борьба между разными претендентами на престолъ требовала его посредничества. И въ Ма- кедоніи ему удалось возстановить миръ. Царемъ признанъ былъ сынъ Аминта, Александръ; Пелопидъ заключилъ съ нимъ союзъ и, возвра- щаясь на родину, взялъ съ собою заложниковъ, въ числѣ которыхъ находился братъ царя, Филиппъ, въ то время еще юноша; забота о воспитаніи молодого царевича была поручена Паммену.

Плѣнь Пело- пиды; освобож- деніе его Эпа- минондомъ 368. Но едва Пелопидъ возвратился на родину, въ Фессаліи и Македо- нии снова поднялись смуты. Македонскій царь Александръ былъ убитъ людьми, посланными его мачихой Эвридикой; она стала править государствомъ, какъ опекуна своего сына, Пердикки. Въ Фессаліи Александръ ферскій возобновилъ свои свирѣпости. Преслѣдуемые имъ просили помощи фиванцевъ. Пелопидъ во второй разъ отправился съ небольшою свитой въ Македонію и Фессалію, снова прекратить смуты и, установивъ прочный миръ, упрочить вліяніе Фивъ. Въ Македоніи ему удалось возобновить союзъ и обезпечить права Пердикки и Фи- липпа, братьевъ убитого царя. Но въ Фарсалѣ Александръ ферскій взялъ его подъ стражу и отвезъ въ Феры. По извѣстии объ этомъ, фиванцы тотчасъ послали для его освобожденія войско, въ которое поступилъ простымъ воиномъ Эпаминондъ. Бездарные военачальники ввели войско въ бѣду: непріятель окружилъ его въ горахъ. Негодую- щіе воины поручили начальство Эпаминонду; онъ вывелъ войско изъ труднаго положенія. Фиванскій народъ утвердилъ его въ санѣ воена- чальника; онъ принудилъ Александра ферскаго освободить Пелопиду и просить перемирія. Эпаминондъ и Пелопидъ возвратились въ Фивы. Въ отсутствіе Эпаминонда фиванскій народъ опозорилъ себя постыд-

ною жестокостью. Разнеслась молва, что орхоменскіе аристократы составили заговоръ. Разгоряченные демагогами фиванцы пошли въ Орхомень, разрушили ненавистный имъ городъ, убили всадниковъ и аристократовъ, остальныхъ гражданъ съ женами и дѣтьми продали въ рабство. Такъ исчезъ знаменитый въ давнюю старину Орхомень, богатый золотомъ городъ минійцевъ. «Будь я въ Фивахъ», грустно говорилъ Эпаминондъ, «не сдѣлалось бы этой жестокости».

Понятно, что при раздорахъ между греками стали вмѣшиваться въ Вмѣшательства ихъ дѣла иноземцы; и греки были до того ослѣплены взаимной враж- иноземцевъ въ дою, что сами вызывали ихъ на это. Во второй пелопоннесскій походъ греческія дѣла. Эпаминонда, въ рядахъ спартанскаго войска сражались галльскіе и испанскіе наемники, присланные Діонисіемъ сиракузскимъ. Скоро прибыли новые отряды этихъ варваровъ, увеличивавшихъ своею свирѣпостью бѣдствія войны. При ихъ помощи спартанцы жестоко наказали свергнувшей ихъ власть городъ Каріи, одержали надъ ар- кадянами и аргосцами при Мидеѣ побѣду, въ которой, какъ говорятъ, не былъ убитъ ни одинъ изъ ихъ гражданъ, и которая поэтому называлась у нихъ битвою безъ слезъ; опустошили огнемъ и мечемъ области своихъ враговъ, особенно паррасійцевъ. — Но болѣе всего добивались греки помощи персидскаго царя, Артаксеркса Мнемона; и если бы не было разстроено ослабѣвшее персидское царство, то подпали бы тогда подъ владычество Артаксеркса всѣ восточные греческіе города и всѣ острова.

Филискъ абидосскій, посолъ сатрапа лидійскаго и іонійскаго, прі- Посредничество ѣхалъ въ Дельфы на конгрессъ греческихъ уполномоченныхъ убѣж- персовъ; грече- дать ихъ примириться; онъ привезъ большую сумму денегъ для под- скія посольства купа; но не добился успѣха, потому что фиванцы не хотѣли возвра- въ Сузу 368— тить независимость беотійскимъ городамъ и допустить возстановленіе 367. спартанскаго владычества надъ Мессеніею. Послѣ этого, Аѣины, Спарта и по ихъ примѣру почти всѣ другія государства отправили посольства въ Сузу, спорить о дѣлахъ Греціи передъ судомъ персид- скаго царя. Однимъ изъ фиванскихъ пословъ былъ Пелопидъ. Онъ не захотѣлъ угодить персидскому царю преклоненіемъ колѣнъ передъ нимъ; но Артаксерксъ все таки полюбилъ его. Благодаря впечатлѣ- нію, какое произвело на царя благородство его характера, уваженію Артаксеркса къ славѣ его побѣдъ и воспоминаніямъ персовъ о пре- данности фиванцевъ имъ во время нашествія Ксеркса, персидскій царь заявилъ греческимъ посламъ условія мира, вполне благопріятныя фиванцамъ. Конечно, много содѣйствовало этому дипломатическое ис- кусство Пелопиды; но и вообще персидское правительство всегда старалось быть въ дружбѣ съ славнѣйшимъ изъ греческихъ госу- дарствъ, чтобы черезъ него подчинять Грецію своему вліянію; а послѣ побѣды при Левктрѣ персы видѣли, что фиванцы сильнѣе спартанцевъ. — Итакъ, Артаксерксъ объявилъ греческимъ посламъ,

Разрушеніе Орхомена.

Посредничество персовъ; грече- скія посольства въ Сузу 368— 367.

что все греческія государства, въ томъ числѣ и Мессенія, должны быть независимы; что аѳиняне должны вытащить свои корабли на берегъ, то есть, отказаться отъ гегемоніи на морѣ; что непокоряющіеся этому греки должны быть принуждены оружіемъ другихъ къ повиновенію. Персидскій посолъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Пелопидомъ въ Фивы, и показалъ скрѣпленную царской печатью грамоту, возвѣщавшую волю Артаксеркса. Исполнителями условій мира царь назначилъ еиванцевъ. Это значило, что онъ призналъ гегемонію ихъ надъ всею Греціею. Во всѣхъ другихъ грекахъ грамота Артаксеркса возбуждала негодованіе. Аѳиняне осудили на смерть своего посла Тимагора за то, что онъ въ Сузѣ держалъ себя просто другомъ Пелопида. Спартанцы были раздражены тѣмъ, что грамота признавала независимость Мессеніи; аркадяне тѣмъ, что она признавала власть элидянъ надъ Трифиліею, присоединившеюся къ аркадскому союзу, — и аркадскій посолъ Антиохъ, знаменитый атлетъ, выражалъ свою досаду насмѣшками надъ персами: у персидскаго царя много поваровъ, кравчихъ и привратниковъ, говорилъ онъ, но какъ ни усердно искалъ онъ, Антиохъ, — не могъ найти у царя людей, которые могли бы выдержать борьбу съ греками; пустое хвастовство персовъ и то, что у царя очень много денегъ и сокровищъ: подъ тѣнью золотого платана, о которомъ идетъ столько молвы, укроется развѣ кузнечикъ. Понятно, что при такомъ настроеніи грековъ принятіе условій мира было невозможно. Уполномоченные, созданные на слѣдующую весну въ Фивы, отказались согласиться на нихъ; аркадскій посолъ Ликомедъ высказалъ неудовольствіе даже на то, что еиванцы созвали уполномоченныхъ въ свой городъ; онъ говорилъ, что это претензія на гегемонію и гнѣвно уѣхалъ. Усилія еиванцевъ склонить къ миру другія государства остались безуспѣшны. Война продолжалась и вмѣстѣ съ войною шла повсюду борьба партій, — повсюду побѣдившая партія преслѣдовала своихъ согражданъ. Эпаминондъ, пошедшій въ третій разъ въ Пелопоннесъ, хотѣлъ дѣйствовать въ Ахаіи примирительно; но еиванскій народъ, возбужденный аркадскими демократами, отмѣнилъ его распоряженія и послалъ въ ахейскіе города своихъ агентовъ, которые возбуждали ахейскій простой людъ изгонять олигарховъ и учреждать демократическое правленіе; изгнанники собрались, одержали верхъ надъ демократами, и подъ ихъ владычествомъ Ахаія снова вступила въ союзъ съ лакедемонянами; теперь въ Ахаіи подверглись преслѣдованію демократы. Эвфронъ, богатый и вліятельный сикіонскій гражданинъ, при помощи аркадскихъ и аргосскихъ войскъ низвергъ существовавшее въ Сикіонѣ олигархическое правленіе, отдалъ городъ подъ покровительство Фивъ, конфисковалъ имущества изгнанныхъ аристократовъ, набралъ отрядъ наемнаго войска, ввелъ на словахъ демократическое правленіе, а въ дѣйствительности владычествовалъ, какъ тиранъ; коварствомъ, гра-

Эпаминондъ въ Ахаіи 367.

Смерть Эвфрона на сикіонскаго 366.

бежомъ и свирѣпостями онъ нѣсколько времени поддерживалъ свою власть; наконецъ изгнанные аристократы побѣдили его наемниковъ; онъ бѣжалъ въ Фивы; нѣкоторые изъ его враговъ послѣдовали за нимъ туда, и онъ былъ убитъ въ Кадмеѣ передъ глазами беотійскаго правительственнаго совѣта. Человѣкъ, убившій его, защищалъ свой поступокъ такъ искусно, что былъ оставленъ безъ наказанія, — но сикіонскіе граждане чтили память Эвфрона, какъ освободителя города отъ ига аристократовъ. — Во всѣхъ частяхъ Пелопоннеса шла ожесточенная борьба партій; и массы гражданъ, и отдѣльные люди совершали злодѣянія надъ своими противниками. «У каждаго города враги въ немъ самомъ», говоритъ Исократъ въ своей рѣчи «Архидамъ», описывая положеніе Пелопоннеса въ тѣ годы: «Страна опустошается, разрушаются города, низвергаются правительства, попираются законы. Люди боятся своихъ согражданъ больше, чѣмъ иноземныхъ враговъ; богатые готовы скорѣе бросить свои сокровища въ море, чѣмъ отдать ихъ бѣднымъ; а бѣдные только о томъ и думаютъ, чтобы ограбить богатыхъ. Жертвоприношенія прекратились; у жертвенниковъ люди рѣжутъ другъ друга. Число гражданъ, изгнанныхъ изъ одного какого-нибудь города, теперь больше того, сколько прежде было изгнанныхъ изъ всѣхъ пелопоннесскихъ городовъ». Гегемонія Спарты пала; гегемонія Фивъ еще не упрочилась, и пелопоннесцы, привыкшіе руководиться чужими приказаніями, не умѣли поддерживать у себя законнаго порядка; они заключали союзы и разрывали ихъ по впечатлѣніямъ минуты. Уваженіе религіи исчезло; пелопоннесцы грабили свои храмы, чтобы набирать наемныя войска. Были совершаемы храбрые подвиги, но, при недостаткѣ твердыхъ политическихъ намѣреній, храбрость тратилась понапрасну въ походахъ, не имѣвшихъ разумной цѣли. Но и при разрозненности пелопоннесцевъ Спарта не могла возстановить свое владычество надъ ними: она была обезсилена возстановленіемъ независимости Мессеніи, была слаба и потому, что число спартанскихъ гражданъ очень уменьшилось. При содѣйствіи сиракузскихъ наемниковъ, присланныхъ Діонисіемъ младшимъ на помощь спартанцамъ, имъ удалось овладѣть Селласіею и проходитьъ черезъ горы въ Аркадію. Но они не могли помѣшать коринѳянамъ заключить отдѣльный миръ съ еиванцами; заключилъ миръ съ еиванцами даже Фліунтъ, граждане котораго прежде были вѣрнѣйшими союзниками Спарты и еще недавно бились очень храбро противъ сикіонцевъ и аргосцевъ. Остававшіеся у спартанцевъ союзники убѣждали ихъ примириться съ еиванцами; но они не могли рѣшиться признать независимость Мессеніи.

Богатый и честолюбивый мантинейскій гражданинъ Ликомедъ, видя безсиліе Спарты, задумалъ доставить гегемонію надъ Пелопоннесомъ аркадскому союзу. «Неужели аркадяне, древнѣйшее, многочисленное и храбрѣйшее изъ греческихъ племенъ, вѣчно должны служить чу-

Борьба партій въ Пелопоннесѣ.

Изнеможеніе Спарты.

Коринѳъ, Фліунтъ и другіе города заключаютъ миръ съ еиванцами. 366.

Ликомедъ задумываетъ доставить гегемонію аркадянамъ.

жому честолюбію?» говорилъ онъ своимъ согражданамъ: «Вашими силами спартанцы владычествовали прежде надъ всею Греціею. Фивы скоро станутъ для васъ второю Спартой, если вы будете, по прежнему, посылать свои войска подъ ихъ начальство; теперь пришло для насъ, аркадянъ, такое время, что мы можемъ приобрѣсти гегемонію надъ Пелопоннесомъ и стать рѣшителями дѣлъ во всей Греціи». Эти мысли льстили самолюбію аркадянъ, и Ликомедъ приобрѣлъ много приверженцевъ. На выборахъ союзныхъ сановниковъ его рекомендація имѣла рѣшительное вліяніе; аркадяне стали руководиться его совѣтами въ своихъ военныхъ и дипломатическихъ дѣлахъ. Смѣлыми и успѣшными походами противъ сосѣднихъ государствъ онъ возвысилъ славу своего народа и упрочилъ свое вліяніе. Около того времени, когда Коринѣъ, Фліунтъ, Эпидавръ, другіе пелопоннесскіе города, заключили союзъ съ Фивами, аркадяне вступили въ союзъ

Союзъ аркадянъ съ аѳинянами, разсердившимися на своихъ союзниковъ лакедемонянъ за то, что не получали отъ нихъ помощи для отнятія Оропа у ѳиванцевъ, которые завладѣли этимъ пограничнымъ городомъ Аттики подъ предлогомъ освобожденія его отъ власти Аѳинъ. Эпаминондъ старался отклонить аркадянъ отъ союза съ аѳинянами и произнесъ въ собраніи Десяти тысячъ гражданъ, управлявшихъ дѣлами аркадскаго союза, очень искусную рѣчь, опровергая доводы аѳинскаго посла, Каллистрата. Аркадяне предпочли однако же послѣдовать совѣту Ликомеда. Но Ликомеду не суждено было увидѣть результаты союза съ Аѳинами. Возвращаясь въ Мантинею, онъ былъ убитъ аркадянами изгнанниками. Съ нимъ умерла и мысль о гегемоніи аркадянъ.

Смерть Ликомеда 366.

Никто другой не могъ внушить широкихъ политическихъ стремленій этимъ необразованнымъ пастухамъ и воинамъ, привыкшимъ враждовать между собою, не умѣющимъ дѣйствовать дружно. По смерти Ликомеда, аркадяне снова стали тратить свои силы на междоусобія; вражда Мантинеи съ Тегеей и соперничество обоихъ этихъ городовъ съ Мегалополемъ мѣшали окрѣпнуть аркадскому союзу. Черезъ нѣсколько времени аркадяне запутались въ ссору съ Элидой, и ѳиванцы нашли надобнымъ снова послать войско въ Пелопоннесъ.

Война Аркадіи съ Элидою 365—364.

Послѣ битвы при Левктрѣ элидяне овладѣли Трифиліею, которую раньше того отняли у нихъ спартанцы (стран. 794). Но населеніе этой области, недовольное владычествомъ элидянъ, обратилось къ аркадянамъ съ просьбою о защитѣ, ссылаясь на то, что оно принадлежитъ къ аркадскому племени. Аркадяне приняли трифилійцевъ въ свой союзъ. Въ рѣчи, выразившей волю персидскаго царя, было, кажется, признано право элидянъ владѣть Трифиліею; но условія этого мира оставались повсюду безсильными. Элидяне стали готовиться къ войнѣ съ аркадянами, вступили въ союзъ съ спартанцами и дозволили бѣжавшимъ изъ Аркадіи олигархамъ поселиться въ городѣ Ласіонѣ, на западномъ склонѣ Эриманта, близъ границы Аркадіи. Правительство

аркадскаго союза нашло, что предоставленіе Ласіона олигархамъ — поступокъ враждебный Аркадіи, потому что изъ этого города олигархамъ легко было вести сношенія съ враждебными союзу аристократами, остававшимися въ аркадскихъ городахъ. Аркадское войско двинулось на элидскую область, и, опустошая ее, подступило къ городу Элидѣ; элидскіе демократы поднялись противъ олигархическаго правительства Элиды; положеніе элидянъ было бѣдственное. По просьбѣ ихъ, спартанцы послали къ Мегалополю войско подъ начальствомъ Архидамы; неожиданнымъ нападеніемъ онъ взялъ горное укрѣпленіе Кромнѣ; но аркадяне оборонялись очень храбро, отняли у Архидамы Кромнѣ, принудили его отступить; на отступленіи лакедемоняне понесли большія потери, и сто спартанскихъ гражданъ были взяты въ плѣнъ. Приближалось время олимпійскихъ игръ, аркадяне заняли Олимпію и передали завѣдываніе играми жителямъ Писатиды. Раздраженные этимъ элидяне двинули на Олимпію все свое войско и, передъ глазами собравшихся отовсюду на праздникъ грековъ, начали битву на священной землѣ олимпійскаго храма. Они были разбиты, принуждены были оставить Олимпію во власти аркадянъ, но объявили этотъ праздникъ происходившимъ противузаконно и, когда снова овладѣли Олимпіею, то не внесли его въ списокъ олимпійскихъ праздниковъ. Аркадское правительство взяло сокровища олимпійскаго храма и, не смотря на противурѣчіе мантинейцевъ, употребило ихъ на жалованье наемнымъ войскамъ и отряду постоянного союзнаго войска (отряду эпаритовъ). Этотъ поступокъ увеличилъ раздоръ между двумя партіями, на которыя уже и прежде дѣлились аркадяне. Тегейскіе демократы, имѣвшіе на своей сторонѣ большинство въ союзномъ совѣтѣ, остались вѣрны ѳиванцамъ; мантинейцы, бывшіе въ меньшинствѣ, сблизились съ лакедемонянами. Такъ быстро измѣнялись тогда отношенія между греческими государствами.

Сраженіе во время олимпійскихъ игръ. Іюль 364.

ѳиванцы принимали мало участія въ пелопоннесскихъ дѣлахъ; они ограничивались тѣмъ, что держали въ Тегеѣ, Сикіонѣ, въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, отряды своихъ войскъ, и начальники этихъ отрядовъ (гармосты) помогали по возможности демократамъ. Силы ѳиванцевъ были заняты другими предпріятіями: войною въ Ѳессаліи, попытками отнять у аѳинянъ преобладаніе на морѣ. — Когда Эпаминондъ, освободивъ Пелопиду, ушелъ изъ Ѳессаліи, Александръ ферскій, ободренный жестокими междоусобіями грековъ, снова сталъ дѣлать завоеванія, покорилъ ахейскіе города Ѳессаліи, фтіотійцевъ, магнетовъ, подчинилъ своему владычеству всю Ѳессалію. Угнетаемые имъ Ѳессалійцы снова обратились къ ѳиванцамъ съ просьбою о защитѣ. ѳиванцы рѣшили строго наказать тирана и приготовили къ походу противъ него войско, состоявшее изъ 7000 гоплитовъ. Но въ тотъ день, который былъ назначенъ для выступленія войска, случилось солнечное затмѣніе; оно такъ напугало суевѣрныхъ ѳиванцевъ, что походъ былъ отсроченъ. Пелопидъ,

Походъ Пелопиды въ Ѳессалію и смерть его 367.

18 Іюня 364.

бывшій тогда однимъ изъ беотарховъ и назначенный главнокомандующимъ этого войска, былъ очень недоволенъ отстрочкою и рѣшился отправиться въ походъ только съ коннымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 300 человекъ. Онъ былъ убѣжденъ, что при его появленіи присоединится къ нему очень много ѳессалійцевъ. Онъ не ошибся въ этомъ ожиданіи. Когда онъ пришелъ въ Фарсаль, у него было уже столько воиновъ, что онъ почелъ возможнымъ напасть на Александра, занявшаго киноскефальскіе холмы. Войско Александра было многочисленнѣе, но стало отступать; Целопидъ, увлеченный желаніемъ отмстить Александру, погнался за нимъ такъ горячо, что ѳиванскіе воины остались позади; Целопидъ, бросившійся на бѣгущаго тирана, былъ убитъ копьями его тѣлохранителей. Раздраженные смертью своего храбраго военачальника ѳиванцы и присоединившіеся къ нимъ ѳессалійцы продолжали нападенія съ удвоенной энергіей и одержали полную побѣду. Они воздали всю славу за нее Целопиду, положили у его тѣла оружіе убитыхъ враговъ и добычу. Ихъ печаль о его смерти была чрезвычайно глубока. Многие обрили себѣ головы, какъ дѣлали греки въ траурѣ по роднымъ, остригли гривы своихъ коней, провели цѣлый день въ своихъ шатрахъ безъ пищи и не зажигая огня. Когда тѣло Целопида везли въ ѳивы, всѣ города на пути оказывали ему почести, а ѳиванцы устройствомъ великолѣпныхъ похоронъ выразили свою любовь къ согражданину, оказавшему великія услуги родинѣ. Съ самаго освобожденія ѳивъ Целопидъ былъ постоянно выбираемъ въ беотархи; съ именемъ его соединялись воспоминанія о великихъ подвигахъ; и сила его чистой любви къ отечеству, благородство его характера равнялись его блестящей храбрости. ѳиванцы послали все свое войско мстить за его смерть. Многие ѳессалійцы присоединились къ ѳиванцамъ, и скоро Александръ былъ принужденъ просить мира; побѣдители выказали больше великодушія, чѣмъ предвзятости: они согласились помириться съ нимъ. Его заставили возвратить свободу завоеваннымъ городамъ, оставили ему только Феры, взяли съ него обѣщаніе посылать войско на помощь ѳиванцамъ по ихъ требованію. Само собою разумѣется, что обѣщанія Александра не заслуживали ни малѣйшаго довѣрія. Вліяніе ѳиванцевъ на ѳессалію осталось не упрочено. Скоро начались въ этой странѣ такія же междоусобія, какъ въ Пелопоннесѣ; силы ѳессалійцевъ раздробились; это проложило путь въ сердце Греціи сѣверному завоевателю.

Смерть Алек-
сандра фер-
скаго.

Александръ послѣ мира съ ѳиванцами семь лѣтъ продолжалъ свои разбойничества; онъ завелъ флотъ, захватывалъ купеческіе корабли, грабилъ острова и прибрежные города. При неурядицѣ, господствовавшей въ Греціи, онъ оставался безнаказаннымъ и дошелъ, какъ говорятъ, до такой дерзости, что однажды напалъ на Пирей, остававшійся беззащитнымъ, и взялъ тамъ богатую добычу. Наконецъ его жена Теба, которую Целопидъ,

когда былъ въ плѣну у Александра, возбудилъ противъ свирѣпаго мужа, уговорила своихъ братьевъ убить его. Они, захвативъ власть, продолжали злодѣйствовать по его примѣру, и угнетаемые ими ѳессалійскіе аристократы обратились къ Филиппу съ просьбою о помощи; македонскій царь былъ радъ этому поводу вмѣшаться въ ѳессалійскія дѣла.

ѳиванцы, вѣроятно, благопріятствовали разбойничеству Александра ферскаго на сѣверныхъ моряхъ, вѣроятно они считали выгоднымъ для себя, что онъ вредитъ торговлѣ аѳинянъ. По вступленіи въ союзъ съ лакедемонцами аѳиняне дѣятельно старались упрочить свое вліяніе на приморскія государства, но ихъ силы были малы; наемники, изъ которыхъ составляли они десантныя войска, не могли замѣнить гоплитовъ. Ификратъ три года дѣйствовалъ на сѣверныхъ моряхъ, стараясь возстановить владычество аѳинянъ надъ греческими городами ѳракійскаго и македонскаго побережья; онъ нѣсколько разъ нападалъ на Амфиполь, но не могъ покорить его. Тимоѳей покорилъ Самось; при помощи персидскаго сатрапа Аріобарзана, возмущившагося противъ царя, онъ взялъ Сестъ и Кривоуту на ѳракійскомъ Херсонесѣ; этимъ онъ возстановилъ свободу плаванія аѳинянъ къ Византіи; взятіемъ Потидеи, Тороны, Меѳоны и Пеллы онъ подчинилъ аѳинскому вліянію Халкидику и Термскій заливъ. Эти успѣхи аѳинянъ были незначительны въ сравненіи съ прежней обширностью ихъ владычества на морѣ и, при невозможности постоянно имѣть деньги на содержаніе наемниковъ, были непрочны; но они все таки возбуждали неудовольствія ѳиванцевъ.

Проницательный умъ Эпаминонда понималъ, что ѳивы могутъ приобрести гегемонію надъ Греціей, лишь когда отнимутъ у аѳинянъ преобладаніе на морѣ; отважность Эпаминонда равнялась его проницательности, и онъ убѣждалъ своихъ согражданъ построить флотъ, чтобы, говорилъ онъ народному собранію, «перенести ко входу въ Кадмею Пропилеи аѳинскаго акрополя». Онъ говорилъ, что вовсе не хочетъ приучать сухопутное войско къ обольстительной морской жизни, которая разслабила бы мужественныхъ тяжеловооруженныхъ гражданъ; ѳиванцамъ привычно служить гоплитами, воспитаніе готовить ихъ къ этому, и они должны оставаться гоплитами; но для приобретенія гегемоніи надъ Греціей необходимъ флотъ. Менеклидъ спорилъ противъ Эпаминонда, но довѣріе ѳиванцевъ къ великому полководцу было такъ сильно, что народное собраніе рѣшило построить 100 тріаръ и соорудить верфи. Начальство надъ флотомъ принялъ самъ Эпаминондъ, и, при появленіи его, острова Кеосъ, Хиосъ, Родосъ и важный городъ Византія отложились отъ союза съ Аѳинами; аѳинскій флотъ, бывшій, кажется, подъ начальствомъ Хабріа, очень скоро принудилъ ихъ снова подчиниться Аѳинамъ. Но отпаденіе все таки поколебало гегемонію аѳинянъ на морѣ и подготовило ея гибель. ѳивамъ и Эпаминонду было суждено только раздроблять

Расширеніе
владычества
аѳинянъ на
морѣ.

Эпаминондъ
убѣждаетъ ѳи-
ванцевъ по-
строить флотъ.
364—363.

363.

существовавшая федерация, повергать грековъ въ безсиліе; приобрести себѣ прочное могущество еиванцамъ не было суждено. Никакой иноземный врагъ не могъ бы дѣйствовать разрушительнѣе на Грецію, чѣмъ еиванскій великій полководецъ.

6. Битва при Мантиней. Смерть Эпаминонда и Агезилая.

Характеръ партій въ Аркадіи.

Аеиняне были чрезвычайно раздражены попытками отнять у нихъ владычество на морѣ и занятіемъ Оропа. Скоро они нашли случай отмстить еиванцамъ. Вражда между приверженцами демократической федерации и защитниками прежней независимости каждого города, каждого сельскаго округа, дошла въ Аркадіи до сильнаго ожесточенія. Особенно усердными сторонниками федерации были тегейцы; самыми горячими защитниками старинной раздробленности и стариннаго владычества олигарховъ были мантинейцы. Еиванскій гармость арестовалъ нѣсколькихъ мантинейцевъ, праздновавшихъ въ Тегеѣ заключеніе мира съ Элидою; эти мантинейцы, горячіе приверженцы Спарты, были заподозрѣны въ намѣреніи предать Тегею спартанцамъ. Мантинея была раздражена арестомъ ея гражданъ; еиванскій гармость оробѣлъ и освободилъ ихъ. Этотъ случай увеличилъ взаимную ненависть партій. Мантинейцы требовали въ Фивахъ наказанія гармости за его насиліе; еиванцы не удовлетворили этой жалобѣ, напротивъ, выразили порицаніе гармости за то, что онъ освободилъ арестованныхъ. Мантинейцы заключили союзъ съ Аеинами, Спартою, ахейскими городами Фліунтомъ, Элидою, стали готовиться къ войнѣ съ демократами Тегеи и Мегалополя; еиванцы двинули свои войска на защиту Тегеи, Мегалополя и аркадской границы противъ лакедемонянъ.

Походъ Эпаминонда въ Пелопоннесъ. 362.

Весною 362 года Эпаминондъ съ большимъ войскомъ, въ которомъ кромѣ беотійцевъ были эвбейцы, еессалійцы и другіе союзники еиванцевъ, прошелъ чрезъ Некею къ Тегеѣ, не встрѣчая сопротивленія; въ Тегеѣ присоединились къ нему войска аркадскаго союза, аргосцы и мессенцы. Непріятельскія силы собирались въ Мантиней. Услышавъ, что идетъ туда съ лакедемонскимъ войскомъ Агезилай, что онъ уже дошелъ до города Пелланы на границѣ Аркадіи съ Лаконіею, Эпаминондъ рѣшилъ двинуться ночью на Спарту, оставшуюся безъ войска; онъ надѣялся взять ее «какъ пустое гнѣздо». Дѣйствительно, въ Спартѣ былъ лишь небольшой отрядъ войска, и планъ Эпаминонда безъ сомнѣнія удался бы, если бы не узналъ о немъ отъ дезертира Агезилая. Пославъ гонца въ Спарту съ приказаніемъ своему сыну Архидаму готовиться къ оборонѣ, Агезилай тотчасъ же и самъ послѣдовалъ

Нападеніе на Спарту.

туда съ конницей. Когда Эпаминондъ подошелъ къ Спартѣ, онъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Почти въ одно время съ нимъ подоспѣлъ и Агезилай. Эпаминонду удалось дойти до площади народныхъ собраний, но нападеніе его на части города, лежащія выше площади, были отбиты. Спартанцы бились чрезвычайно мужественно. Они построили изъ сломанныхъ домовъ баррикады и подъ искуснымъ управленіемъ Агезилая, которому помогалъ сынъ, совершали чудеса храбрости. По выраженію Ксенофонта, они доказали, что трудно устоять врагу противъ людей, бьющихся отчаянно. Защитѣ роднаго города помогали и женщины, и дѣти, бросая съ кровель на штурмующихъ камни, всякія тяжелыя вещи, дроты. Примѣръ блистательной отваги подавалъ согражданамъ красавецъ Исадъ, сынъ Фебида. Убѣдившись, что обмануть въ надеждѣ взять Спарту неожиданнымъ нападеніемъ, Эпаминондъ послѣ перваго отбитаго приступа не продолжалъ осады. Узнавъ, что все непріятельское войско двинулось изъ Мантинеи на помощь Спартѣ, онъ вздумалъ овладѣть оставшеюся безъ гарнизона Мантинеею, и если не удастся удержаться въ ней, то по крайней мѣрѣ захватить собранные тамъ запасы хлѣба и скотъ; это было бы вознагражденіемъ за неудачу нападенія на Спарту. Эпаминондъ обманулъ непріятеля фальшивымъ нападеніемъ, разложилъ костры, чтобы скрыть свое выступленіе въ обратный путь, и ушелъ ночью; пришедши въ Тегею, онъ далъ пѣхотѣ нѣсколько отдохнуть отъ труднаго перехода, а конницу повелъ на Мантинею. Но и тутъ онъ потерпѣлъ неудачу. Фиванцы были только ужъ въ семи стадіяхъ отъ Мантинеи; но увидѣли, что съ противоположной стороны, черезъ горы, входятъ въ городъ аеинскія войска. По просьбѣ мантинейцевъ начальникъ аеинской конницы Гегезилай немедленно выступилъ на врага, и далъ ему битву подъ стѣнами города; въ горячемъ кавалерійскомъ дѣлѣ побѣда осталась за аеинянами. Въ немъ были убиты храбрые аеинскіе военачальники Кефисодоръ и сынъ Ксенофонта, Гриллъ. Аеиняне долго съ почетомъ вспоминали о нихъ. Живописецъ Эфронъ написалъ картину, изображавшую Грилла, поражающаго копьемъ еиванца. Впослѣдствіи, смѣшивая кавалерійское дѣло подъ Мантинеею съ битвою, въ которой убитъ былъ Эпаминондъ, стали полагать, что еиванецъ, котораго Гриллъ поражаетъ копьемъ—Эпаминондъ, и возникло преданіе, что Эпаминондъ былъ убитъ Грилломъ.

Эпаминондъ собралъ свои войска въ Тегеѣ, Агезилай въ Мантиней; они оба хотѣли дать рѣшительную битву на равнинѣ, гдѣ стояли эти города. Эпаминонду была необходима побѣда, чтобы возстановить свою репутацію, пострадавшую отъ неудачныхъ попытокъ овладѣть Спартою и Мантинеею; если бы онъ сталъ уклоняться отъ битвы, войска упало бы духомъ и вліяніе Фивъ на союзниковъ ослабло бы. Притомъ, войска Эпаминонда было сильнѣе непріятельскаго

Битва при Мантиней. Августъ 362.

числомъ; онъ имѣлъ, какъ говорятъ, 30.000 человекъ гоплитовъ и 3.000 человекъ конницы; у Агезилая было только 20.000 гоплитовъ и 2.000 человекъ конницы. Воины Эпаминонда, проникнутые преданностью и довѣріемъ къ нему, горячо желали биться, усердно чистили шлемы и щиты, оттачивали мечи и копья. Аркадскіе отряды, вооруженные булавами, подѣлали себѣ эиванскія знамена. Эпаминондъ поставилъ свои войска въ порядкѣ, подобномъ тому, какъ при Левктрѣ; его планъ битвы былъ такой же, который далъ ему тогда блистательную побѣду. Разстановивъ войска въ боевой порядокъ, онъ велѣлъ имъ нѣсколько отступить по направленію къ холмамъ, бывшимъ на западѣ; онъ обманулъ этимъ непріятелей, подумавшихъ, что онъ хочетъ отложить битву; они начали уходить съ своей боевой линіи, тогда онъ быстро повелъ въ атаку свое лѣвое крыло, построенное клиномъ, и состоявшее изъ эиванцевъ и самыхъ храбрыхъ отрядовъ союзниковъ; оно ринулось на правое крыло непріятеля, состоявшее изъ спартанцевъ и мантинейцевъ, и сильнымъ натискомъ опрокинуло врага; Эпаминондъ преслѣдовалъ отступающихъ, ихъ отступление стало превращаться въ бѣгство; побѣда была почти рѣшена, когда Эпаминондъ, бившійся впереди своихъ, былъ пораженъ дротикомъ въ грудь; ударъ былъ такъ силенъ, что древко дротика сломалось, и желѣзо осталось въ ранѣ. Но Эпаминондъ еще дышалъ; его унесли съ мѣста, гдѣ шелъ бой. Узнавъ, что онъ смертельно раненъ, войско его смутилось; преслѣдовавшее врага лѣвое крыло остановилось; правое крыло, состоявшее изъ конницы и пельтастовъ, было опрокинуто афинянами, составлявшими лѣвое крыло непріятельскаго войска. Такимъ образомъ, побѣда осталась нерѣшенной. Но эиванцы удержали за собою поле битвы; лакедемоняне прислали просить перемирія для погребенія своихъ убитыхъ, — по греческимъ понятіямъ, это значило, что они признали себя побѣжденными. Но оба войска поставили памятники побѣды. — Эпаминондъ былъ отнесенъ на холмъ; врачи сказали ему, что онъ умретъ тотчасъ же, какъ будетъ вынута копьё изъ раны; прикрывая рану рукой, онъ смотрѣлъ на битву. Ему принесли щитъ, выпавшій изъ его рукъ; услышавъ, что эиванцы побѣдили, онъ сказалъ: «Теперь время умереть». Онъ спросилъ о своихъ храбрыхъ помощникахъ, Даифантъ и Юлаидъ; получивъ въ отвѣтъ, что и они убиты, онъ сказалъ, что совѣтуетъ эиванцамъ заключить миръ; спокойно, съ радостнымъ выраженіемъ на лицѣ, вынулъ копьё изъ раны и умеръ. Рассказываютъ, что окружавшіе его сожалѣли, что онъ умираетъ бездѣтнымъ, и что онъ отвѣчалъ: «Я оставляю вамъ двухъ прекрасныхъ дочерей, Левктру и Мантинею». — Его похоронили на полѣ битвы. Рядомъ съ нимъ похоронили его любимца Кефисодора, убитого подлѣ него.

Такъ умеръ Эпаминондъ, величайшій полководецъ, благороднѣйшій гражданинъ, правдивѣйшій, если не геніальнѣйшій госу-

Смерть Эпаминонда.

Характеръ Эпаминонда.

дарственный человекъ Греціи. Военные таланты и физическая сила соединялись въ немъ съ гражданскими доблестями, образованностью, краснорѣчіемъ, отважность характера съ кротостью, практичность съ идеализмомъ; при всѣхъ своихъ заслугахъ, при всей своей славѣ, на верху власти онъ оставался скромнымъ и простымъ; такое сочетаніе талантовъ и душевнаго благородства сдѣлало его предметомъ удивленія всѣхъ слѣдующихъ вѣковъ древности. Въ похвалахъ ему согласны всѣ древніе писатели, и даже Ксенофонтъ, пристрастный къ спартанцамъ, не могъ не признать великихъ военныхъ дарованій, выказанныхъ имъ въ послѣднемъ походѣ. Онъ палъ жертвою гибельнаго междоусобія, и вмѣсто того, чтобы соединиться въ скорби о патріотѣ, желавшемъ блага всей Греціи, греческія государства спорили, чей воинъ вонзилъ копьё въ грудь Эпаминонда; это считалось честью, и было много претендентовъ на нее. — Но авторитетъ Эпаминонда былъ такъ великъ, что греки послѣдовали его совѣту; вскорѣ послѣ его смерти, они примирились и распустили войска. Имъ нуженъ былъ отдыхъ. Только Спарта не согласилась присоединиться къ мирному договору, упорно отказываясь признать независимость Мессеніи.

Агезилай не долго пережилъ своего великаго противника. Черезъ годъ послѣ мантинейской битвы онъ, въ сопровожденіи 30 спартанцевъ, поплылъ съ отрядомъ наемниковъ въ Египетъ воевать на службѣ у инсургентовъ Таха и Нектанеба противъ персовъ, въ отмщеніе за то, что Артаксерксъ призналъ независимость Мессеніи. Но ему не удалось пріобрѣсти въ Египтѣ новыхъ побѣдъ. Онъ надѣялся получить начальство надъ всѣми войсками, но ему было предоставлено только начальство надъ наемниками. Египтяне разочаровались, увидѣвъ восьмидесятилѣтняго дряхлаго старика, низенькаго, плохо одѣтаго, который садится съ товарищами прямо на траву ѣсть скудный обѣдъ; они ожидали увидѣть величественнаго царя, и осанкой, и великолѣпіемъ, и гордостью соотвѣтствующаго восточнымъ понятіямъ о побѣдоносныхъ царяхъ. Не имѣвъ случая ни однажды сразиться съ персами, Агезилай уѣхалъ изъ Египта съ богатыми подарками отъ Нектанеба. Онъ хотѣлъ возвратиться на родину чрезъ Кирену, но умеръ на пути. Спутники привезли его тѣло въ Спарту, которую онъ видѣлъ и на верху могущества, и въ глубокомъ униженіи. Военными талантами и благородствомъ души Агезилай далеко уступалъ Эпаминонду, но походилъ на него простотою образа жизни, презрѣніемъ къ богатству, неподкупной честностью и горячимъ патріотизмомъ. Они были двумя послѣдними знаменитыми полководцами временъ свободы Греціи. Но Эпаминондъ остался для потомства идеаломъ вождя, одушевленнаго возвышенными патріотическими стремленіями; Агезилай показалъ своимъ соотечественникамъ примѣръ поступленія въ чужую службу по найму; спартанцы все больше и больше привыкали въ чужой службѣ.

Египетская экспедиція Агезилая.

Смерть Агезилая 358.

Вторая гегемонія Афинъ на морѣ.

Афиняне лучше спартанцевъ воспользовались тѣмъ, что еиванцы лишились своего руководителя. Пока живъ былъ Эпаминондъ, война на морѣ шла неудачно для афинянъ, такъ что они осудили на смерть, или на уплату штрафовъ и изгнаніе нѣсколькихъ военачальниковъ за бѣдствія, какимъ подверглись по ихъ небрежности или бездарности афинскія эскадры. Афины волновались ожесточенными спорами. Одна партія желала союза съ еиванцами, другая съ лакедемонянами. Каллистратъ, знаменитый ораторъ, — тотъ, который былъ однимъ изъ афинскихъ пословъ на конгрессъ въ Спартѣ, — постоянный защитникъ союза съ лакедемонянами и противникъ Эпаминонды, — подвергся теперь ненависти народа по поводу того, что непріятельская эскадра неожиданно вошла въ пирейскую гавань и разграбила бывшіе на берегу склады товаровъ. Опасаясь быть осужденнымъ на смерть, онъ добровольно удалился въ изгнаніе; черезъ нѣсколько времени, стосковавшись по родинѣ, онъ возвратился и былъ преданъ смерти. Афиняне слѣдовали теперь мнѣніямъ его политическаго противника, Аристофона, но дѣла ихъ шли по прежнему дурно. Корабли еессалийскихъ и еракійскихъ царьковъ, занимавшихся пиратствомъ, захватывали афинскія торговые суда, а еиванцы успѣвали вездѣ помѣшать успѣху афинскихъ экспедицій. Такъ было до битвы при Мантинѣ. Послѣ нея афинскія дѣла получили болѣе благопріятный оборотъ. Афиняне совершенно вытѣснили еиванцевъ съ моря, снова подчинили своей гегемоніи Эвбею, Хиосъ, Самосъ, Родосъ и почти всѣ другіе острова Эгейскаго моря; упрочили свое владычество надъ Халкидикой, надъ побережьемъ Македоніи и на Термскомъ заливѣ; по смерти еракійскаго царя Котиса, убитаго двумя молодыми людьми, воспитанными въ Афинахъ, уроженцами города Эноса, афиняне снова покорили Херсонесъ еракійскій и приобрѣли чрезъ то безопасность своей торговли съ побережьями Чернаго моря, откуда получали хлѣбъ. Молодые люди, убившіе Котиса, были приняты въ Афинахъ съ почестями, какъ убійцы тиранна, получили права гражданъ и были награждены золотыми вѣнками. Но въ счастіи афиняне снова стали дѣлать прежнія ошибки. Буйныя наемныя войска ихъ, не получая жалованья, грабили союзниковъ; афиняне часто нарушали условія союза, основаннаго на равноправности: самовластно налагали на союзниковъ подати, раздавали ихъ земли своимъ согражданамъ (клерухамъ), вообще забывали правила умѣренности и справедливости, благодаря которой сначала приобрѣли многочисленныхъ усердныхъ союзниковъ. При томъ же у афинянъ не было такихъ искусныхъ военачальниковъ, которые могли бы замѣнить Ификрата, Хабрія и Тимофея, теперь уже состарившихся; ослабѣвали и патріотическія чувства афинянъ. Ихъ военачальники думали о своихъ выгодахъ больше, чѣмъ о пользѣ родины, и старались приобрести себѣ независимыя владѣнія. Такое самовластіе было для нихъ легко, по-

358.

тому что войска ихъ состояли изъ наемниковъ, не знающихъ родины. Вообще развитіе наемныхъ войскъ разрушало всѣ общественныя связи. Слабости и несправедливости афинской гегемоніи порождали въ союзникахъ неудовольствіе и, при содѣйствіи тайныхъ интригъ еиванцевъ, неудовольство произвело войну. Эта такъ называемая «война съ союзниками» разрушила второй афинскій союзъ, какъ неудачи афинянъ въ пелопоннесскую войну разрушили первый.

VIII. Паденіе Греціи. Возвышеніе могущества Македоніи.

1. Македонія до восшествія на престолъ Филиппа.

Физическій ха- На сѣверъ отъ Тессаліи лежитъ Македонія, гористая страна съ-
рактеръ Маке- плодородными долинами и котловинами, окруженная высокими хреб-
доніи. тами горъ. Южную часть этого кольца хребтовъ образуютъ Кам-
бунскія горы и Олимпъ; проходъ въ долину Пеней узокъ и труденъ.
Отъ Эпира Македонія отдѣлена хребтомъ Пинда, который идетъ вы-
сокимъ гребнемъ на сѣверъ отъ Лакмона; надъ общей линіей хребта
подымаются скалистые горы на высоту отъ 5000 до 8000 футовъ.
Сѣверное продолженіе Пинда составляетъ Скардъ. Отъ узла, соединя-
ющаго Скардъ съ Пиндомъ, идетъ на востокъ Бермійскій хребетъ менѣе
высокій, кончающійся горою Орбеломъ. Онъ отдѣляетъ Македонію отъ
бассейна сербской Моравы. На востокъ водораздѣлъ бассейновъ Стримо-
на и Гебра образуетъ Родопскій хребетъ, южную отрасль котораго со-
ставляетъ Пангей. Съ горъ сбѣгаютъ многочисленные ручьи, сливаю-
щіеся въ рѣки Галиакмонъ, Лидій, Аксій и Стримонъ; эти рѣки, часто
подвергающіяся разливамъ, пролагаютъ себѣ путь по узкимъ ущельямъ
къ заливамъ восточной и западной стороны полуострова Халкидики.
Вдали отъ моря Македонія, горы и холмы которой были покрыты
лѣсомъ, имѣла суровый холодный климатъ. Рѣки и озера ея зимою
обыкновенно покрываются толстымъ льдомъ. Но нѣкоторыя долины
прекрасны и плодородны, хотя на нихъ уже и нѣтъ южныхъ рас-
теній, хлопчатника, риса, оливковаго дерева. Въ долинѣ Галиакмона,
прорывающагося чрезъ ущелье съ отвѣсными стѣнами на широкую
низменность, равнину покрывали плодородныя нивы; по холмамъ
были богатые виноградники; по склонамъ горъ изобильныя пастбища,
по которымъ ходили многочисленные табуны лошадей и стада рогата-
го скота; а въ густыхъ лѣсахъ по высотамъ было много добычи для
охотниковъ. Образъ жизни племенъ, населявшихъ Македонію, былъ
различенъ соотвѣтственно разницѣмъ природы ея частей. Въ горной
части, въ собственно такъ называемой «Македоніи», т. е. «горной

странѣ» только элимійцы, жившіе въ верховьяхъ Галиакмона, были
земледѣльцы и ремесленники; племена другихъ округовъ: орестей,
эордеи, линкесты были пастухи, охотники и воины. Населеніе ни-
зовья, жившее на плодородныхъ холмахъ, равнинахъ Эматіи и Бот-
тіи, занималось кромѣ земледѣлія городской промышленностью; тамъ
были города: Эдесса, Пелла, Алоръ, и нѣсколько другихъ; туда по-
степенно проникла изъ греческихъ колоній цивилизація; отсюда по-
немногу распространялась въ горы и смягчала суровые нравы хищ-
ныхъ пастуховъ и охотниковъ.

Просхождение и первоначальная исторія македонскаго народа по- Племена, на-
крыты непроницаемымъ мракомъ, въ которомъ мелькаютъ лишь не- сохранившія Маке-
многіе невѣрные проблески фактической истины, сохранившейся донію.
подъ оболочкой мифовъ и поэтическихъ сказаній. По своему геогра-
фическому положенію, Македонія была путемъ древнѣйшихъ передви-
женій народовъ, а долины и котловины ея горъ были убѣжищами,
въ которыхъ остались части народовъ, ушедшихъ дальше.

«Въ уединенныхъ долинахъ обширныхъ горныхъ странъ» говоритъ Абель «всегда
остаются частички погибшихъ или прогнанныхъ племенъ, живыя свидѣтельницы дав-
нихъ катастрофъ. Не могло не быть такъ и въ Македоніи. Всѣ народы, проходившіе
съ востока или сѣвера въ Грецію, должны были идти черезъ эту страну; потому въ
ней до довольно поздняго времени сохранялась разнородность населенія и черезъ
много вѣковъ по превращеніи нашествій все еще держались въ замкнутыхъ котловинахъ
разрозненные государства разныхъ племенъ.

Выше, на страницѣ 32, мы приводили слова Эсхила, говорящаго, что пе-
ласги жили отъ Апіи (Пелопоннеса) до свѣтлыхъ водъ Стримона. Нѣтъ
никакого сомнѣнія, что нѣкоторые племена этого загадочнаго народа жи-
ли въ Македоніи. По извѣстіямъ древнихъ мы знаемъ, что пеласги насе-
ляли Эматію, долину песчанаго побережья по берегамъ Лидіи, до подошвы
Бермій. Мы уже говорили, что еще во времена Геродота жили между
Аксіемъ и Стримономъ около Крестоны остатки пеласговъ, уже давно ис-
чезнувшихъ въ другихъ областяхъ. Быть можетъ, пеласги построили древ-
ній городъ Аргосъ въ Орестидѣ (т. е. „горной странѣ“); быть можетъ, они
построили Эдессу и Пеллу. Піарійскіе еракійцы, служители музъ (стр. 30),
жившіе у Олимпа и дальше до береговъ Галиакмона, принадлежали вѣроят-
но тоже къ пеласгійскому племени.

Въ сосѣдствѣ съ пеласгами и отчасти между ними жили фригійскія пле- 2. Фригійскія
мена, отрасли малоазійскихъ фригійцевъ, имѣвшихъ довольно много сход- племена.
ства съ пеласгами по своимъ религіознымъ обрядамъ и по своей способ- Мигдоны.
ности къ цивилизаціи (стр. 370). Мигдоны, составлявшіе первоначальное
населеніе области между Аксіемъ и Стримономъ, были фригійскаго про- Пеонійцы.
исхожденія; того же происхожденія были и пеонійцы, жившіе въ верхней
части аксійской долины и покоренные полководцами Дарія (стр. 420 слѣд.).

Пеонійцы, жившіе на самой дальней къ сѣверу окраинѣ греческаго міра 3. Эракійцы.
долго были оплотомъ его противъ воинственныхъ племенъ сѣвера, иллирій-
цевъ и эракійцевъ. Но напослѣдокъ эракійцы овладѣли всѣмъ побережь-
емъ отъ Аксіа до Геллеспонта; даже на западъ отъ Аксіа проникло эра-
кійское племя эдоновъ. Эракійскія племена: бизальты, меды, одоманты,

одрисы жили въ долинѣ Стримона и по склонамъ Родопскихъ горъ до Пангея. Это были важнѣйшія области еракійцевъ. Быть можетъ, еракійцами были также сиптійцы, жившіе у горы Дисора, а въ гомеровскія времена и на островѣ Лемносъ; эти лемносскіе сиптійцы славилась какъ искусные кузнецы и смѣлые морскіе разбойники. По всей вѣроятности еракійцы жили и дальше на сѣверъ, до Дуная, даже и за Дунаемъ. По языку, по обычаямъ, по религіи они рѣзко разнились отъ грековъ. Впрочемъ нѣкоторые еракійскіе цари, напримѣръ Тересъ и Ситалькъ, были въ дружескихъ сношеніяхъ съ аеинянами и съ греческимъ городомъ Абдерою. — Дошедшія до насъ отрывочныя извѣстія о еракійскихъ обычаяхъ показываютъ, что это былъ народъ варварскій не только въ греческомъ, но и въ нашемъ смыслѣ слова. Многоженство у нихъ не было ограничено никакими правилами; они продавали и покупали своихъ женъ; продавали дочерей; презирали земледѣліе; проводили время то въ совершенной праздности, то въ хищническихъ набѣгахъ; любили военныя пляски, пѣсни, пиры; пили вино изъ огромныхъ бычачьихъ роговъ; не мѣшали его съ водою, какъ дѣлали греки; они пили его не для того, чтобы оно оживляло бесѣду, какъ это было у грековъ, а лишь для того, чтобы опьянѣть, это было варварское пьянство. Подобно скиаамъ они опьяняли себя дымомъ какихъ-то наркотическихъ травъ. Когда хоронили мужа, то зарѣзывали и клали съ нимъ въ могилу его любимую жену; и жены спорили между собой изъ-за этой чести. Подобно гетамъ, еракійцы чтили великаго духа Замольксиса (стран. 413). Травсійцы, одно изъ еракійскихъ племенъ, плакали при рожденіи дѣтей, перечисляя бѣдствія человѣческой жизни, и выказывали радость на похоронахъ умершаго, который теперь, освободившись отъ всѣхъ бѣдствій, живетъ въ блаженствѣ. Жрецы еракійцевъ были неженатые и считались святыми. У нѣкоторыхъ еракійскихъ племенъ были сладострастные обряды служенія богамъ природы, въ особенности Діонису (Сабазію). Еракійцы татуировались и не считали человѣкомъ благороднымъ того, кто не украшенъ татуировкой.

4. Иллирійцы. На западъ отъ еракійцевъ жили иллирійцы, дикое, воинственное племя, знаменитое своими разбоями на сушѣ и на морѣ. Ихъ земля на западѣ Скадра и Пинда простиралась отъ Истра и Альпъ до Керавнійскихъ горъ; но они подвигались все дальше и дальше на югъ. Подобно еракіянамъ, они татуировались; и подобно своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ, кельтамъ, приносили людей въ жертву богамъ.

Происхожденіе македонянъ. Македонское государство въ историческія времена состояло изъ людей этихъ разныхъ племенъ. Не одинаковы мнѣнія ученыхъ о томъ, къ какому изъ нихъ принадлежалъ собственно тотъ народъ, который господствовалъ въ немъ. Эти «македоняне», македны, македоны, были маленькое, храброе племя, жившее съ незапамятныхъ временъ въ горахъ по верховьямъ Галиакмона и Эригона, занимавшееся скотоводствомъ, охотою, хищничествомъ. По мнѣнію однихъ, они были пеласгійско-греческаго происхожденія, по мнѣнію другихъ — варварскаго, иллирійскаго. Но сказаніе, приводимое Геродотомъ (VIII, 137 слѣд.), свидѣтельствуетъ, кажется, въ пользу мнѣнія тѣхъ ученыхъ, которые видятъ въ македонянахъ племя, произошедшее изъ сліянія старо-пеласгійскихъ элементовъ съ дорійскими. Македонскіе цари съ глубокой древности считались у грековъ потомками Гераклидовъ, и

потому были допущены къ участию въ олимпійскихъ играхъ. Основываясь на этомъ, можно думать, что во времена переселенія греческихъ племенъ часть дорійцевъ перешла изъ сѣверо-западной Фессалии въ горы на сѣверъ, и овладѣла пеласгійскимъ городомъ Эдессою («Водянымъ городомъ»); преданіе называетъ вождемъ этихъ дорійцевъ Гераклида Карана. Легенда говоритъ, что на высотѣ надъ городомъ они построили акрополь, и по имени животнаго, изображеніе котораго было эмблемою на щитѣ ихъ вождя, назвали его Эгами, «Козьимъ городомъ»; это названіе перешло на городъ и вытѣснило изъ употребленія прежнее его имя.

Легенда говорила, что македонская династія вышла изъ Аргоса; потому македонскихъ царей обыкновенно считали потомками Темена, думая, что въ легендѣ говорится о пелопоннесскомъ Аргосѣ. Но Абель полагаетъ, что она относилась къ Аргосу, находившемуся въ Орестидѣ; что дорійскіе переселенцы остановились первоначально въ этой горной странѣ, и ужъ походами оттуда постепенно завоевывали Эматію, «Равнину», и Эдессу. Съ Абелемъ согласны многіе другіе изслѣдователи; но Курціусъ расположенъ думать, что переселенцы вышли дѣйствительно изъ Пелопоннеса.

Городъ Эдесса или Эги навсегда остался мѣстомъ «жертвенника царства», и мѣстомъ погребенія царей. Онъ находился въ той очаровательной и плодородной мѣстности, гдѣ стоитъ теперь городъ Водена. Ужъ и легенда прославляетъ красоту этого мѣста, говоря, что тамъ находились сады Мидаса, въ которыхъ дико росли розы, имѣвшія каждая по 60 лепестковъ и необыкновенно благоуханныя; — характеристика, вѣрность которой оправдывается и теперь красотой окрестностей Водены. Абель, по извѣстіямъ прежнихъ и новыхъ путешественниковъ, описываетъ эту мѣстность такъ:

«Между хребтами Турлоу и Ниче, дугообразно расходящимися все шире и шире, лежитъ, какъ плотина, скалистый порогъ, отвѣсно поднимающійся одинаковою шириною на 300 футовъ надъ долиною, на которую сбѣгаетъ съ него рѣчка Вѣда, а съ другой стороны отлого опускающійся къ долинѣ. На этомъ порогѣ стоитъ Водена; многочисленными ручьями Вѣда протекаетъ черезъ городъ; эти свѣтлые ручьи падаютъ въ ложбину высокими каскадами, серебряныя полосы которыхъ видны изъ долины съ далекаго разстоянія. Растительность роскошна: гранатовыя, туловыя, лавровыя деревья, обвитыя виноградными лозами, плющемъ, другими вьющимися растеніями, вѣчно зеленѣя, украшаютъ мѣстность, покрываютъ даже стѣну скалы съ ея туфовыми гротами. За городомъ мѣстность верховья рѣки Вѣды образуетъ великолѣпный амфитеатръ, окаймленный вѣнцомъ высокихъ горъ, между которыми царственно высится Ниче (Бермій) покрытою вѣчнымъ снѣгомъ гранитной вершиною. Еще очаровательнѣе дивная красота вида съ окраины скалы на востокъ, черезъ пѣнящіеся каскады: внизу зеленѣютъ сады и туловыя рощи; между ними проглядываетъ еще покрытая пѣною Вѣда, безчисленными водоворотами съ шумомъ бѣгущая по долинѣ. — Здѣсь была колыбель македонскаго царства; въ этомъ чистомъ воздухѣ горъ окрѣпла сила молодого народа, и передъ его взглядомъ разстилась заманчивая для желаній область. На скалѣ въ Эгахъ оперились тѣ орлы, которые осыпали своими крыльями половину древняго міра».

Въ этой очаровательной горной области македонскій народъ прожилъ

Мѣстоположеніе Эдессы (Эгъ).

Нравы и
учреждения
македонцев.

много вѣковъ, о которыхъ не дошло до насъ извѣстій. Охота и скотоводство были единственными занятіями суровыхъ, крѣпкихъ македонцевъ, искусныхъ наѣздниковъ, дѣлавшихъ подъ предводительствомъ своихъ племенныхъ царей набѣги на сосѣдовъ; ихъ образъ жизни былъ простой, грубый; они любили шумные пиры, военныя игры и пляски; уваженіемъ у нихъ пользовался только тотъ, кто убилъ врага или вепря. Кто еще не убилъ ни одного врага, долженъ былъ носить узду; кто еще не доказалъ своего мужества на охотѣ, долженъ былъ сидѣть на пирахъ, на которыхъ другіе лежали. Какъ у всѣхъ военныхъ племенъ, у македонцевъ правилъ народомъ патриархальный царь, окруженный военною наследственною аристократіею. Македонскій царь, подобно „пастырямъ народовъ“ героическаго вѣка грековъ, былъ судьей, руководителемъ народнаго собранія, жрецомъ и вождемъ войска. Власть его была ограничена благородными землевладѣльцами, которые на войнѣ были товарищами (hetairoi) царя, засѣдали съ нимъ на судѣ, составляли его правительственный совѣтъ, утверждали или отвергали его мнѣнія своими восклицаніями. Этихъ благородныхъ македонцевъ царь не могъ осуждать на смерть безъ согласія собранія благородныхъ. Но простолюдины, землепашцы и пастухи не были рабы или крѣпостные подданные землевладѣльцевъ, какъ у эссалійцевъ. Каждый македонянинъ былъ человѣкъ свободный; полноправный собственникъ своего имущества, членъ народнаго собранія. Кажется, что положеніе женщинъ у македонцевъ было свободнѣе, ихъ вліяніе значительнѣе, чѣмъ у грековъ; но и македонянки, подобно гречанкамъ, рѣдко показывались въ обществѣ и не участвовали въ пирахъ. Тѣла умершихъ македонцевъ сожигали; дочери умершаго гасили костеръ, когда сгоритъ тѣло. Главные боги у македонцевъ были Зевсъ, Аполлонъ и Гераклъ; но были у нихъ и боги или духи, чуждые грекамъ, заимствованные, вѣроятно, у сосѣднихъ варварскихъ племенъ. — Съ храбростію въ характерѣ македонцевъ соединялась хитрость.

Исторія Македоніи до Филиппа. Пердикка

Геродотъ говоритъ, что основателемъ македонскаго царства былъ Пердикка, жившій, кажется, въ началѣ VII вѣка до нашей эры. При немъ и слѣдующихъ четырехъ царяхъ, имѣвшихъ своею столицею городъ Эги, македоняне завоевали долину рѣки Аксія и сосѣднее прибрежье, покоривъ или прогнавъ прежнее населеніе Піэріи, Боттіи, Мигдоніи. Покорили они и альмоповъ, народъ минійско-дорійскаго происхожденія, жившій на западной сторонѣ Олимпа. Очень упорно оборонялись противъ македонцевъ храбрые горцы, эордеи, и были почти всѣ или истреблены или переселены дальше къ востоку.

Аминтъ I.
540—498.

Такимъ образомъ, въ половинѣ V вѣка, когда взошелъ на престолъ Аминтъ I, македонское царство простиралось на югъ уже до Олимпа и Камбунскихъ горъ, а на востокъ до бассейна Стримона. Аминтъ завоевалъ халкидскую область Антемунтъ. Персы остановили дальнѣйшее расширеніе македонскаго царства. Наслѣдникомъ Аминта былъ его сынъ Александръ, человѣкъ благороднаго характера. Намъ уже приходилось говорить о немъ.

Отношенія Александра къ грекамъ. При жизни своего отца Александръ наказалъ персидскихъ пословъ за ихъ наглость (стран. 422). При нашествіи Ксеркса онъ принужденъ былъ сопровождать его со своею храброю конницею. Но душою онъ былъ на

сторонѣ грековъ; особенно былъ онъ расположенъ къ аѳинянамъ, которые въ признательность за услуги дали ему санъ друга аѳинскаго государства. Онъ доказалъ свое расположеніе къ грекамъ, между прочимъ, передъ битвою при Платеѣ (стран. 503). Когда остатки разбитаго при Платеѣ персидскаго войска бѣжали черезъ Македонію, онъ истребилъ нѣкоторыя толпы персовъ и свергнулъ иго, болѣе десяти лѣтъ лежавшее на Македоніи. Вскорѣ послѣ того онъ покорилъ пеласговъ, жившихъ въ Крестонѣ и еракійское племя бисальтовъ. Граница македонскаго царства раздвинулась теперь до рѣки Стримона. А ранѣе того, когда персы покоряли Эракію, Александръ при ихъ помощи подчинилъ своей власти хаабрыя племена, жившія въ македонскихъ горахъ: линкестовъ, орестовъ, элимійцевъ; они принуждены были присылать свои войска македонскому царю, но сохранили свои племенные учрежденія. У элимійцевъ былъ свой царь, подвластный македонскому. Кажется, что при Александрѣ были покорены города Пелла и Термы. Присоединеніе ихъ къ Македоніи облегчило ея сношенія съ Греціею. Александръ любилъ греческіе обычаи; при немъ стало проникать въ Македонію вліяніе цивилизаціи, развившейся въ Аѳинахъ. Когда Микены были разрушены аргосцами (стран. 23, 534), большинство микенскихъ изгнанниковъ нашли себѣ пріютъ у Александра. Онъ самъ пріѣзжалъ участвовать въ состязаніи колесницъ на олимпійскихъ играхъ. Пиндаръ долго жилъ у него. Онъ сдѣлалъ великолѣпныя приношенія въ Олимпійскій и Дельфійскій храмы (онъ былъ очень богатъ: рудники у Прасійскаго озера давали ему каждый день талантъ серебра). Вообще, онъ любилъ греческое искусство. Очень можетъ быть, что его подражаніе греческому образу жизни не нравилось македонянамъ, жившимъ бѣдно и просто, продолжавшимъ ѣсть и пить изъ деревянной посуды, и желавшимъ сохранять старинные обычаи; быть можетъ, это неудовольствіе и было причиною того, что онъ, какъ говоритъ Юстинъ, былъ убитъ.

Македоняне, вѣроятно, опасались грековъ, могущество которыхъ на сѣверѣ возростало. По смерти Александра началась война между четырьмя его сыновьями Пердиккою, Алькетомъ, который былъ прозванъ «воронкою» за то, что могъ пить очень много вина, Аминтомъ и Филиппомъ; наконецъ, одолѣлъ Пердикка; всѣ три его соперника лишились жизни. Во время этого междоусобія аѳиняне подчинили себѣ почти всѣ греческіе города еракійскаго побережья и Халкидики (стран. 549) и построили на Стримонѣ городъ Амфиполь (стр. 532); нѣсколько лѣтъ македонскій царь былъ принужденъ платить имъ дань. Но дѣла получили другой оборотъ, когда началась пелопоннесская война. Пердикка, побѣдившій своихъ братьевъ, ловко пользовался войною между греками; помогалъ то аѳинянамъ, то ихъ противникамъ; успѣлъ сдѣлать Македонію независимой отъ аѳинянъ, пріобрѣлъ преобладающее вліяніе на сѣверѣ Греціи; искусно отклонилъ опасность, какою грозило ему нападеніе одрисскаго царя Ситалька, чьи владѣнія простирались отъ рѣки Неста до Геллеспонта, вступилъ въ родство съ племянникомъ Ситалька, Севтомъ, который наслѣдовалъ дядѣ и увеличилъ могущество одрисскаго царства; породнившись и подружившись съ нимъ, Пердикка отклонилъ его отъ союза съ аѳинянами. Мы видѣли (стран. 623), съ какимъ хитрымъ вѣро-

Пердикка II.
454—413.

ломством онъ дѣйствовалъ во время похода Бразиды по Халкидидѣ и македонскому побережью. Успѣшно подавилъ онъ попытки сопротивленія внутри своего государства и увеличилъ царскую власть.

Архелай.
413—399.

Участіе Македоніи въ дѣлахъ Греціи, начавшееся при Александрѣ и увеличившееся при Пердиккѣ, возросло при побочномъ сынѣ Пердикки, Архелай, который овладѣлъ престоломъ, убивъ законныхъ наследниковъ. При помощи афинянъ, онъ завоевалъ Пидну. Онъ перенесъ свою резиденцію изъ Эдессы (Эгъ) въ Пеллу, стоящую на судоходной рѣкѣ, Лидіи; онъ хотѣлъ жить близко къ приморью, чтобы удобнѣе вмѣшиваться въ греческія дѣла. Македонія мало подвергалась военнымъ тревогамъ въ его царствованіе, и онъ имѣлъ досугъ заниматься распространеніемъ греческой цивилизаціи между македонянами. Онъ строилъ крѣпости, проводилъ дороги, покровительствовалъ развитію торговли, приглашалъ къ себѣ греческихъ художниковъ.

Распространеніе греческой цивилизаціи въ Македоніи.

Ужъ и Пердикка выказывалъ любовь къ греческой цивилизаціи, приглашалъ къ себѣ знаменитыхъ людей; на примѣръ, онъ вызвалъ въ Македонію врача Гиппократъ коссаго. Архелай гораздо заботливѣе занялся введеніемъ у себя греческой образованности. Въ Діонѣ, пирійскомъ городѣ, гдѣ была гробница Орфея, онъ учредилъ въ честь Зевса и Музъ девятидневный праздникъ, на которомъ были гимнастическія и музыкальныя состязанія. Колесницы Архелая одерживали побѣды на олимпійскихъ и пирійскихъ играхъ. Свой дворецъ въ новой столицѣ, Пеллѣ, онъ поручилъ разрисовать Зевксису (уроженцу Гераклеи). Эврипидъ провелъ послѣдніе годы жизни въ Македоніи (стран. 570), и пользовался большимъ почетомъ у Архелая; при дворѣ Архелая жили также поэты Агатонъ и Херилъ Самосскій (стран. 576), эпопея котораго „Персеида“ очень нравилась афинянамъ, какъ говоритъ Геродотъ; жилъ у Архелая и китаристъ Тимофей. Фукидидъ тоже, кажется, посѣтилъ Архелая, хотя, быть можетъ, не на долго. Архелай приглашалъ Сократа пріѣхать въ Пеллу, обѣщая ему богатые подарки; мудрецъ отвѣчалъ, что въ Афинахъ хлѣбъ очень дешевъ, а воду всѣ имѣютъ даромъ. Платонъ былъ въ дружбѣ съ Архелаемъ.

Греки прославляли Архелая, его богатство, его счастье; о преступленіяхъ его они забыли. Но образованность лишь тогда прививается къ народу, если составляетъ потребность его, и чтобы народъ облагородился знакомствомъ съ иноземными изящными искусствами, необходимо ему имѣть нравственное предрасположеніе къ нимъ. Этихъ качествъ не имѣли ни македонскій народъ, ни самъ Архелай. Для Архелая греческія искусства, греческая образованность были только средствами пріобрѣтать наслажденія, удовлетворять своему тщеславію, увеличивать блескъ двора. Онъ оставался суевѣренъ, развратенъ, жестокъ. А народъ, невѣжественный и грубый, не имѣлъ никакой восприимчивости къ цивилизаціи; греческая наука, греческое искусство были непонятны ему. Знатное сословіе опасалось, что греческая образованность пробудитъ въ простолюдинахъ стремленіе къ равноправ-

ности, пошатнетъ его привилегіи. Потому кругъ вліянія греческой культуры ограничивался столицею, и собственно лишь царскимъ дворомъ; образованность была тепличное растеніе, не имѣвшее себѣ почвы въ народѣ. Впрочемъ, Фукидидъ хвалитъ Архелая, который, по его словамъ, сдѣлалъ для пользы Македоніи больше, чѣмъ всѣ прежніе восемь царей.

Архелай былъ убитъ на охотѣ двумя изъ своихъ любимцевъ, которыхъ обидѣлъ; по его смерти начались междоусобія; одинъ за другимъ были низвергнуты нѣсколько царей. Наконецъ, престолъ достался Аминту III. Но и въ его двадцатилѣтнее правленіе продолжались междоусобія; одною изъ причинъ ихъ было недовольство многихъ македонянъ тѣмъ, что при дворѣ господствовали греческіе обычаи. Македонія была доведена этими смутами до совершеннаго разстройства. — Аминтъ III, вѣроятно правнукъ Александра, человекъ бездарный, былъ игрушкою партій. Оливеяне отняли у него Пеллу (стран. 848), и только помощь спартанцевъ возвратила ему ее. Линкесты, жившіе въ горной части Македоніи, вступили въ союзъ съ иллирійцами и, поддерживаемые партіею македонянъ, враждебныхъ греческому вліянію, прогнали Аминта, назначили другого царя. При помощи эессалийцевъ Аминтъ возвратилъ себѣ престолъ; но онъ купилъ миръ съ линкестами женитьбою на дочери ихъ царя, Эвридикѣ, женщинѣ властолюбивой и коварной; этимъ бракомъ онъ подготовилъ новыя междоусобія. Іасонъ ферскій, эиванцы и афиняне, занятые войнами между собою, оставляли Македонію въ покоѣ; потому послѣдніе годы царствованія Аминта прошли спокойно; но кажется, что онъ убитъ по внушенію своей жены любовникомъ ея Птолемеємъ алорскимъ, женатымъ на дочери Аминта, отъ прежней жены; достоверно по крайней мѣрѣ то, что по его смерти Эвридика и Птолемей стали истреблять царскій родъ. Старшій сынъ Аминта, Александръ II, горячій молодой человекъ, пошелъ въ Тессалію (стр. 875 слѣд.); Птолемей въ это время сдѣлалъ попытку овладѣть престоломъ; узнавъ о томъ, Александръ возвратился; за нимъ пришелъ въ Македонію Пелопидъ и устроилъ примиреніе, по которому Птолемей призналъ Александра царемъ. Но едва Пелопидъ удалился, Птолемей убилъ свою жену, Эвриону, падчерицу Эвридики, женился на Эвридикѣ и убилъ Александра во время военного танца. Птолемей и Эвридика три года правили царствомъ, какъ опекуны и опекунша Пердикки и Филиппа, младшихъ сыновей Аминта. Родственникъ Аминта, Павзаній, поднялъ возстаніе; но Эвридика велѣла Пердиккѣ и Филиппу на колѣняхъ просить помощи у Ификрата, начальствовавшего надъ афинскимъ флотомъ на сѣверномъ морѣ; Ификратъ помогъ Эвридикѣ и Птолемею удержаться противъ Павзанія. Пелопидъ во второй разъ явился въ Македонію, вынудилъ враждующихъ примириться, и взялъ заложниковъ вѣрности македонянъ союзу съ Фивами. Въ числѣ за-

(Орестъ;
Аминтъ II;
Эронъ; 399 —
389)
Аминтъ III.
389—369.

Александръ II.
369 — 368.

Птолемей и
Эвридика
368 — 365.

Пердикка III. ложниковъ былъ младшій сынъ Аминта, Филиппъ. Старшій братъ Филиппа, Пердикка III черезъ нѣсколько времени убилъ Птолемея и взялъ власть въ свои руки. Онъ былъ еще юношей; но, какъ видимъ по его дѣйствіямъ, умъ его созрѣлъ очень рано. Во время войны аеинянъ съ Олинеомъ онъ держалъ себя ловко, помогая то одной сторонѣ, то другой, и лавировалъ такъ, что избѣжалъ всякихъ бѣдъ. Но линкесты, желавшіе сохранить независимость и ненавидѣвшіе македонянъ, снова вступили въ союзъ съ иллирійцами и стали дѣлать набѣги на Македонію; въ войнѣ съ ними Пердикка подвергся поражению; 4000 македонянъ было убито въ этомъ сраженіи. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, былъ убитъ въ немъ и Пердикка; другія извѣстія говорятъ, что онъ былъ убитъ по распоряженію матери; быть можетъ, это надобно понимать такъ: Эвридика покровительствовала возстанію линкестовъ, была виновницею войны, въ которой былъ убитъ Пердикка; потому и была она обвиняема въ смерти сына.

Филиппъ 360 — 336. Онъ овладѣлъ престоломъ. Положеніе Македоніи было очень дурно. Сынъ Пердикки, Аминтъ, былъ еще ребенокъ; линкесты, гордые одержанной побѣдою, хотѣли господствовать въ государствѣ; выступили два претендента; одного изъ нихъ, Павзанія, поддерживали еракійпы и пеонійцы, другого, Аргея, аеиняне. Филиппъ, младшій сынъ Аминта, три года прожившій заложникомъ въ Фивахъ, пользовавшійся тамъ бесѣдами съ Памменомъ, Эпаминондомъ и Пелопидомъ, сталъ спасителемъ отечества, создателемъ его всемірно-историческаго величія. Когда братъ взялъ правленіе въ свои руки, онъ возвратился и получилъ въ удѣлъ себѣ небольшой округъ. Теперь ему было двадцать три года. По праву родства, онъ принялъ правительственную власть, какъ опекунъ племянника, и оставилъ ее за собою. Храбрый, предприимчивый, ловкій, расчетливый, онъ въ два года освободилъ себя и народъ отъ всѣхъ враговъ. Онъ былъ мастеръ разъединять противниковъ. Подарками онъ склонилъ еракійцевъ покинуть Павзанія; любезностью и удаленіемъ македонскаго гарнизона изъ Амфиполя расположилъ къ себѣ аеинянъ, такъ что они почти перестали поддерживать Аргея, и ему было легко одолѣть этого претендента. Разбивъ Аргея, онъ пошелъ со всѣми своими войсками на иллирійскаго царя Бардилиса, бывшего прежде угольщикомъ, сдѣлавшагося военачальникомъ и государемъ, разбилъ его послѣ упорнаго боя, принудилъ возвратить всѣ завоеванные области до Лихнидскаго озера; занялъ горные проходы изъ иллирійскихъ земель. Этими подвигами онъ приобрѣлъ себѣ во мнѣніи македонянъ право быть царемъ. Аминтъ никогда не осмѣливался оспаривать у него престолъ; по его смерти, заявилъ свое право, и былъ убитъ Александромъ.

Отношеніе Филиппа къ аристократіи; устройство войска. Филиппъ хотѣлъ быть завоевателемъ, и сталъ подготавливаться къ этому; улучшилъ войско, позаботился приобрести расположеніе молодыхъ вельможъ, далъ имъ военное образованіе. Образцомъ для

преобразованія македонскаго войска послужило ему устройство, данное Эпаминондомъ еиванскому. Онъ руководился стратегическими принципами побѣдителя при Левктрѣ и Мантинѣѣ. До него, знатные македоняне, въ числѣ которыхъ находились и потомки прежнихъ независимыхъ царей горныхъ племенъ: орестеевъ, элимійцевъ, линкестовъ, жили въ своихъ владѣніяхъ; онъ собралъ ихъ всѣхъ къ своему двору, сдѣлалъ ихъ своими «товарищами», *hetairoi*, оказывалъ имъ почетъ, давалъ щедрыя награды, и они стали усердно сочувствовать его замысламъ.

Филиппъ сформировалъ изъ молодыхъ людей благороднаго сословія отрядъ тѣлохранителей, составлявшій свиту царя въ походахъ, окружавшихъ его и въ мирное время; они ограждали его личную безопасность и возвышали блескъ его двора. Начальники этого отряда, назначенные по внимательному выбору, были совѣтниками Филиппа, исполнителями его порученій; они образовали нѣчто подобное тому, что теперь называется генеральнымъ штабомъ. Изъ тѣлохранителей были назначаемы начальники пѣхотныхъ и конныхъ войскъ. Начальниками пловъ, какъ назывались отряды тяжело вооруженной македонской конницы, были богатые вельможи; это было великолѣпное войско, и часто его атаками рѣшались битвы. Только еессалійская конница равнялась македонской боевымъ искусствомъ и силою атакъ. Когда она стала тоже служить Филиппу, сила его тяжело вооруженныхъ конныхъ войскъ сдѣлалась непреодолима. Но большинство македонянъ благороднаго сословія служило въ пѣхотѣ; оно составляло кадры знаменитой фаланги, созданіе которой было славою Филиппа; и главнымъ образомъ фалангѣ былъ онъ обязанъ своими побѣдами. Кадры ея образовали, какъ мы сказали, небогатые благородные землевладѣльцы; изъ нихъ выбирались и начальники ея отдѣловъ; но вмѣстѣ съ благородными въ ней служили и македонскіе простолюдины свободнаго сельскаго сословія; принимались въ нее иногда и чужеземцы. Воины фаланги были вооружены короткимъ мечомъ и сариссою, копьемъ въ двадцать футовъ длиною. Они были хорошо обучены. Фаланга образовала отборную часть пѣхоты; она была постоянное войско. Въ случаяхъ надобности созывалось ополченіе, состоявшее изъ воиновъ, которые въ обыкновенное время жили дома. Фаланга строилась въ шестнадцать шеренгъ; когда она шла въ атаку, воины пяти первыхъ рядовъ держали свои сариссы горизонтально, воины заднихъ рядовъ шли, положивъ сариссы на плеча воиновъ, шедшихъ передъ ними; это придавало несокрушимую твердость рядамъ; и никакой врагъ не могъ устоять противъ тяжелаго натиска фаланги. Она дѣйствовала сплошною массою; къ эволюціямъ отдѣльными отрядами она была мало способна; она давила непріятеля тяжестью своей массы. Легковооруженная пѣхота составляла отряды, бившіеся отдѣльно отъ фаланги; въ нихъ служили охотники и стрѣлки горныхъ областей. Гипасписты составляли по своему вооруженію разрядъ войска, средний между тяжелою и легкою пѣхотою; у нихъ были высокіе щиты (*aspis*). Благородные «товарищи» царя, *hetairoi*, служили и въ этомъ войскѣ; изъ нихъ состоялъ отборный отрядъ «царскихъ гипаспистовъ»; въ другихъ отрядахъ они были начальниками. Филиппъ самъ служилъ для своихъ воиновъ образцомъ храбрости, воодушевлялъ ихъ своимъ примѣромъ. Неустойчиво совершалъ онъ походы за походомъ; каждая побѣда была для него лишь путемъ къ новымъ предпріятіямъ. Онъ любилъ смотрѣть въ

Фаланга.

Личная храбрость Филиппа.

лицо смерти. Много разъ бывалъ онъ раненъ, и личная отвага его была такъ велика, что его порицали за излишекъ мужества, съ какимъ подвергаетъ онъ опасности свою жизнь. Но своимъ примѣромъ онъ увлекалъ македонянъ. Онъ образовалъ такое войско, какому не было равнаго по боевому искусству и по мужеству, и оно охотно шло повсюду за своимъ царемъ-вождемъ. Съ этимъ войскомъ, онъ преодолевалъ всякія трудности походовъ. Когда ему случалось быть больнымъ, онъ, едва оправившись отъ болѣзни, пускался опять въ походъ. Его войско не знало тѣхъ перерывовъ военныхъ дѣйствій, какія дѣлали греки въ зимнее время. Оно совершало длинные переходы, неослабно вело осады и зимою, какъ въ хорошее время года.

Положеніе и
характеръ Фи-
липпа.

Греція стремилась къ паденію. Но не рука варвара подавила ее; она была побѣждена врагомъ, родственнымъ ей по своему происхожденію, воспримчивымъ къ греческой цивилизаціи по своему воспитанію, способнымъ цѣнить греческую науку, греческое искусство, желавшимъ доставить Греціи побѣду надъ востокомъ. Природа щедро надѣлила Филиппа и физическими и умственными дарами. Онъ былъ хорошъ собою, крѣпокъ тѣломъ, способенъ выносить всякіе труды и лишения; умъ его рано созрѣлъ среди бѣдствій его дѣтскихъ лѣтъ, развился въ бесѣдахъ съ великими полководцами и государственными людьми Фивъ, съ другими греками; онъ былъ одаренъ быстрымъ соображеніемъ, умѣлъ ловко говорить; его обращеніе съ людьми было такое любезное, что изъ грековъ, вступавшихъ въ личныя сношенія съ нимъ, рѣдко кто могъ не поддаться его обворожительности. Съ самаго же начала своего правленія онъ является ужъ великимъ воиномъ и дипломатомъ. Счастьемъ для человѣчества было то, что когда греки стали неспособны сохранить свою независимость, когда они самоубійственно истощали свои силы въ междоусобіяхъ, и греческая цивилизація подвергалась опасности погибнуть, македонскій народъ развился уже на столько, что подъ управленіемъ царей съ возвышенною душою могъ принять подъ свое охраненіе священный огонь и распространить на болѣе широкое пространство свѣтъ его. Побѣда македонскаго народа надъ Греціей не столько подавила, сколько возвеличила ее; съ грубою энергіею, доставившей ему побѣду, онъ соединилъ воспримчивость къ цивилизаціи, усвоилъ себѣ греческую образованность и поддержалъ ее. Филиппу не было суждено исполнить все это: на его долю досталась только первая, дурная половина дѣла, разрушеніе прекрасныхъ формъ прежней жизни Греціи. Быть основателемъ новаго порядка вещей, дать греческой цивилизаціи владычество надъ всѣмъ тогдашнимъ міромъ, осталось на долю Александра. Филиппъ направилъ молодыя силы македонскаго народа на борьбу съ Греціею; онъ пользовался всяческими средствами, хитростью, вѣроломствомъ, насиліемъ и жестокостью; путь его побѣдъ покрытъ развалинами, онъ разрушалъ города и порабошаль народы; но онъ держалъ себя относительно побѣжденной Греціи не

какъ повелитель - варваръ, онъ уважалъ все великое и прекрасное въ ней.

Въ характерѣ Филиппа соединялись противоположныя качества. На походахъ и въ домашнемъ кругу онъ оставался вѣренъ старымъ македонскимъ обычаямъ, и вмѣстѣ съ своими полководцами пилъ, дурачился, развратничалъ; но онъ любилъ греческую образованность, изящныя формы греческаго быта, съ которыми ознакомился въ молодости. Въ дипломатическихъ переговорахъ онъ былъ коваренъ, въ битвахъ отваженъ; въ гнѣвѣ онъ былъ мстителемъ, безжалостенъ, но относительно друзей великодушенъ и щедръ, и умѣлъ цѣнить заслуги. Огромныя богатства, какія давали ему доходы съ царскихъ земель, пошлнцы, рудники, дань съ покоренныхъ народовъ, военную добычу, употреблялъ онъ большею частью на подарки людямъ достойнымъ и недостойнымъ безъ разбора. Онъ имѣлъ таланты дипломата, полководца и царя. Но его средства были нечистыя, его пути были кривые, его поступки были нечестны. Онъ презиралъ людей, видѣлъ въ нихъ только орудія для своихъ цѣлей. Обѣщанія свои онъ держалъ лишь, пока ему было выгодно. Всѣхъ своихъ противниковъ онъ до начала открытой борьбы опутывалъ лъстивыми словами, договорами, притворными услугами. Клятвами своими онъ игралъ. Его душѣ было чуждо религіозное чувство; но временами онъ считалъ надобностью притворяться набожнымъ. Боги наказали его за пренебреженіе къ нимъ, прекративъ его жизнь раньше, чѣмъ достигъ онъ цѣли своихъ стремленій. Онъ, будто предчувствуя, что будетъ недолговѣченъ, спѣшилъ насытиться чувственными наслажденіями. Какъ шумъ битвы, любилъ онъ разгулъ пировъ; онъ пилъ вино, не разбавляя его водою; шутники, потѣшники, мастера пѣть разгульныя пѣсни были любимыми его товарищами на пирахъ; они собирались къ его двору со всѣхъ концовъ Греціи и получали богатые награды. О соблюденіи достоинства, приличія онъ не думалъ на пирахъ, и напивался до-пьяна. Но его разгулъ былъ кинѣнемъ избытка силы. Ему нравились тѣ люди, которые вмѣстѣ съ нимъ шли съ пирушекъ въ битвы и тратили на новыя пирушки добычу побѣды. Изнѣженность, вялость онъ ненавидѣлъ; неумолимо наказывалъ онъ за нее своихъ военачальниковъ. Самъ онъ прямо отъ кутежа могъ переходить къ трудамъ и лишениямъ; того же требовалъ онъ и отъ служившихъ ему. Впрочемъ, таковы были македонскіе обычаи.

2. Греція во время священныхъ войнъ.

Когда Филиппъ взшелъ на престолъ, Греція была такъ раздроблена и государства ея были между собою въ такой враждѣ, что непримчивому царю, имѣющему хорошее войско, легко было прійти къ мысли, что онъ можетъ захватить въ свои руки владычество, изъ-за котораго спорять теперь, послѣ мантинейской битвы, нѣсколько государствъ. Правда, главныя государства Греціи прекратили открытую войну между собою, но не потому, что дѣйствительно примирились, а только потому, что изнемогли; и формальное перемиріе, кото-

Состояніе
Греціи.

Пелопоннесъ.

360.

Аттика.

рое они заключили между собой, не мѣшало имъ растрачивать свои послѣднія силы на разныя военныя дѣла. Въ Пелопоннесѣ всѣ государства были проникнуты взаимнымъ недоверіемъ и всѣ питали недоверіе къ Спартѣ, которая не признавала мегалопольскаго союза аркадянъ и независимости Мессеніи, но не имѣла силы уничтожить эти государства, созданныя враждебнымъ ей Эпаминондомъ. Отъ развитія неравенства состояній, отъ объединенія большинства гражданъ, утратившихъ вмѣстѣ съ поземельною собственностью и политическія права, отъ поражений, каковымъ подверглись лакедемонскія войска въ послѣднюю войну, число полноправныхъ спартанскихъ гражданъ уменьшилось до такой степени, что государственный организмъ совершенно разстроился; отъ прежняго величія въ Спартѣ остались только безсильная гордость и аристократическая надменность. Въ Аркадіи продолжались раздоры между Мегалополемъ, столицею аркадскаго союза, и Мантинеею, центромъ противниковъ его. Эти ссоры повели къ тому, что ѳиванцы послали въ Аркадію войско подъ начальствомъ Паммена. Элидыне питали ненависть къ Трифилии, независимость которой казалась имъ также нестерпима, какъ спартанцамъ независимость Мессеніи. Въ Коринѣ богатый и знатный гражданинъ Тимофанъ овладѣлъ акрополемъ и сдѣлался тиранномъ, опираясь на отрядъ наемниковъ; его братъ Тимолеонъ упрашивалъ его отказаться отъ тиранніи — и, видя бесполезность своихъ убѣждений, освободилъ родину, убивъ его; объ этомъ мы будемъ говорить ниже.

Лучше было положеніе Аѳинъ, морской союзъ которыхъ получилъ обширные размѣры. Послѣ покоренія Самоса и удачныхъ дѣйствій Ификрата и Тимофея на берегахъ Термскаго залива и на Херсонесѣ ѳракійскомъ число союзныхъ государствъ увеличилось до 70. Черезъ нѣсколько времени, при содѣйствіи Тимофея, начальствовавшего аѳинскимъ флотомъ, и Хареса, начальника аѳинскихъ наемниковъ, отложились отъ гегемоніи ѳивъ и присоединились къ аѳинскому союзу эвбейскіе города; тогда стало казаться, что прежнее могущество Аѳинъ возобновится. Но какъ мы уже говорили, вмѣстѣ съ удачами возобновились несправедливости аѳинянъ относительно союзниковъ. Аѳинскій народъ, нарушая условія новыхъ договоровъ, сталъ по прежнему налагать на союзниковъ подати, обращать союзныя силы на служеніе исключительнымъ своимъ интересамъ, послалъ клеруховъ на Самосъ и на Херсонесъ ѳракійскій, позволялъ буйнымъ наемникамъ и ихъ начальникамъ вознаграждать себя за неисправность въ полученіи жалованья грабежами не только въ непріятельскихъ, но и въ союзническихъ земляхъ. Притомъ у гражданъ не было прежней привычки выносить трудности походовъ, не было и охоты сражаться; а у военачальниковъ не было такихъ талантовъ, какъ у прежнихъ. Граждане привыкли къ удовольствіямъ жизни въ Аѳинахъ, заинтересовались изящными искусствами, литературою, наукою до такой степени,

что стали все больше и больше пренебрегать гимнастикой и военнымъ дѣломъ; боясь трудностей и опасностей походной жизни, они предоставили веденіе войны на сушѣ наемнымъ войскамъ, не имѣвшимъ никакой родины, а службу на военныхъ корабляхъ метекамъ и иноземцамъ. Военачальнику часто давали не войско, а только письменное порученіе и деньги набирать наемниковъ. Потому естественно было, что предприимчивые вожди послѣднихъ, на примѣръ Ификратъ, Харидемъ, Тимофей, стали держать себя, какъ начальники войскъ, служащихъ лично имъ, стали дѣйствовать независимо отъ государства, добывать себѣ деньги всяческими средствами, и государство все больше и больше утрачивало власть надъ войсками. Энергическимъ государственнымъ людямъ, какъ на примѣръ, Демосѳену и Фокіону, удавалось своими рѣчами и дѣйствіями нѣсколько сдерживать упадокъ воинственности и патріотизма, развитіе изнѣженности; могущественныя рѣчи и твердость характера Демосѳена одушевили на нѣкоторое время аѳинянъ; Фокіонъ, философъ космополитическаго образа мыслей, доказалъ своею неподкупностью, скромностью и гуманностью, что еще остаются на свѣтѣ добродѣтельные люди; а то, что аѳиняне давали ему правительственныя должности, которыхъ не искалъ онъ, показывало, что народъ еще уважаетъ честность жизни; но эти отдѣльные факты не могли поддержать падающую Грецію; они своимъ блескомъ лишь ярче обрисовывали общественное разстройство, только замедлили, но не отвратили приближавшуюся катастрофу.

При такомъ положеніи дѣлъ не удивительно, что Аѳины не могли противопоставить сильныхъ препятствій завоеваніямъ Филиппа; не удивительно, что попытки аѳинянъ овладѣть Амфиполемъ остались напрасны и что, когда Филиппъ для обороны противъ другихъ враговъ вывелъ изъ Амфиполя свои войска, предоставилъ этотъ городъ на волю судьбы, то аѳиняне пропустили удобное время взять его. Благодаря этому, Филиппъ чрезъ два года имѣлъ полную возможность завладѣть Амфиполемъ и сдѣлалъ этотъ городъ базисомъ для завоеваній на востокъ. Аѳинянамъ тѣмъ труднѣе было поправить сдѣланную ошибку, что въ то время, когда Филиппъ овладѣлъ Амфиполемъ, важнѣйшія изъ государствъ аѳинскаго союза: Хіосъ, Косъ, Родосъ и Византія, возбуждаемыя ѳиванцами, выведенныя изъ терпѣнія налогами и несправедливостями, отложились отъ Аѳинъ, и началась такъ называемая «война съ союзниками», продолжавшаяся два года, истощившая послѣднія силы Аѳинъ и кончившаяся постыднымъ разрушеніемъ ихъ начинавшаго возрождаться могущества. Стремленіе греческихъ городовъ не подчиняться другъ другу и олигархическія интриги служили на пользу иноземнымъ врагамъ аѳинской демократіи. При помощи карійскаго царя Мауссола, одного изъ данниковъ персидскаго царя, союзники, отдѣлившіеся отъ Аѳинъ, отразили нападеніе аѳинскаго флота и войска на Хіосъ; при этомъ погибъ геройскою

Война съ союзниками.

360.

358.

357 — 355.

смертью Хабрий; онъ могъ бы спастись, бросившись въ воду, — уплыть ему было легко, — но онъ считалъ постыднымъ покинуть корабль, которымъ начальствовалъ, и умеръ съ оружіемъ въ рукахъ. Его смерть была невознаградимою потерей для Афинъ; замѣнить его было не кѣмъ, потому что два другіе военачальника, Ификратъ и Тимофей, вскорѣ послѣ того потеряли возможность служить родинѣ, подвергшись несправедливому приговору.

Конецъ дѣя- 354. тельности Ифи- афиняне и инсургентовъ встрѣтились въ Геллеспонтѣ. Одинъ изъ началь- крата и Тимо- никовъ афинскаго флота, Харесъ, думалъ, что должно дать битву; его то- ваарищи Ификратъ, сынъ Ификрата Менестей и Тимофей не соглашались съ нимъ, говоря, что море слишкомъ бурно; онъ началъ сраженіе, они не поддержали его. Потерпѣвъ неудачу, Харесъ обвинилъ своихъ товарищей въ томъ, что они были подкуплены непріятелемъ. Онъ былъ храбрый человекъ, но слишкомъ горячій; онъ былъ весь покрытъ ранами и уже одинъ взглядъ на него показывалъ, что главное его качество—отвага. Краснорѣчивый ораторъ Аристофонъ поддерживалъ обвиненіе. Тимофей, не любимый народомъ и войскомъ за свой аристократическій образъ мыслей, былъ осужденъ геліастами заплатить колоссальный штрафъ въ 100 талантовъ. Онъ не могъ уплатить его и бѣжалъ въ Халкиду; тамъ онъ черезъ три года умеръ. Ификратъ, защищавшійся съ гордостью человека, храбрость котораго признана всѣми, былъ оправданъ, благодаря любви народа и солдатъ, окружившихъ съ оружіемъ въ рукахъ зданіе суда; но не былъ вновь военачальникомъ и не долго пережилъ обиду. Такимъ образомъ два знаменитые начальника афинскаго флота и войска одновременно сошли съ поприща дѣятельности. Впослѣдствіи афиняне отдали справедливость великимъ заслугамъ Ификрата и Тимофея, поставили въ честь ихъ и въ честь Хабрий статуи на площади народныхъ собраній и въ другихъ мѣстахъ города.

Конецъ войны. Война длилась еще нѣсколько времени; рѣчь Исократъ о примиреніи съ союзниками (Symmachikos) осталась напрасной. Но афиняне увидѣли, что персы готовятся помогать возставшимъ противъ нихъ союзникамъ, а намѣренія Филиппа, обманывавшаго афиняне своими увѣреніями, что онъ другъ ихъ, что онъ дѣйствуетъ въ ихъ интересахъ, стали раскрываться: онъ посредствомъ подкупа овладѣлъ Пидною и залилъ ее кровью гражданъ; онъ завоевалъ Потидею, разрушилъ ее и отдалъ олинеянамъ, которые присоединили ея область къ своей землѣ; соображенія объ всемъ этомъ склонили афиняне принять совѣты людей, считавшихъ надобностью примириться съ союзниками; главою партіи мира былъ Эвбулъ, вліятельный государственный человекъ. При разстроенномъ положеніи своихъ финансовъ афинянамъ невозможно было надѣяться одолѣть многочисленныхъ враговъ; потому они согласились заключить миръ, хотя его условія и были невыгодны. Они признали независимость отдѣлившихся отъ нихъ союзниковъ. Послѣ этого на Родосѣ, Косѣ, Хиосѣ, въ другихъ государствахъ, олигархическая партія, при содѣйствіи персидскихъ вассаловъ и сатраповъ, захватила власть въ свои руки,

уничтожила демократическія учрежденія и подвергла своихъ противниковъ изгнанію. Такой исходъ войны сокрушилъ гегемонію Афинъ на морѣ. Размѣры союза, оставшагося подъ управленіемъ афиняне, были такъ незначительны, что денежные взносы союзниковъ составляли только 45 талантовъ въ годъ; авторитетъ Афинъ поколебался и возрасла смѣлость Филиппа, ловившаго все удобные случаи для расширенія своего государства.

При завоеваніи Амфиполя и Пидны Филиппъ уже зналъ, какъ сильно дѣйствуютъ деньги на продажныхъ грековъ: онъ былъ обязанъ этими блестящими успѣхами не столько силѣ своего оружія, сколько измѣнѣ, произведенной подкупомъ. Овладѣвъ богатыми золотыми рудниками Пангейскаго рудничнаго лѣса, онъ получилъ возможность производить подкупы въ обширномъ размѣрѣ *). Въ этой мѣстности, къ востоку отъ Стримона, онъ построилъ на крутомъ холмѣ городъ Филиппы. Тутъ стояла маленькая вазосская колонія Кренидъ; это поселеніе вошло въ составъ новаго города.—Та монета, которую Филиппъ сталъ чеканить изъ Пангейскаго золота, легче и быстрѣе оружія его войскъ отворяла ему ворота греческихъ городовъ. Скоро въ каждомъ сколько-нибудь важномъ греческомъ государствѣ образовалась партія, обольщенная любезностями Филиппа и подкупленная его золотомъ, помогавшая его замысламъ, выставившая въ прекраснѣйшемъ свѣтѣ все его дѣйствія, жертвовавшая благомъ родины удовлетворенію своей алчности. Въ Афинахъ, гдѣ Эвбулъ старался привести въ порядокъ разстроенные финансы, не уменьшая расходовъ на праздники и зрѣлища, властвовала близорукая политика. По желанію сохранить миръ, афиняне равнодушно смотрѣли на завоеванія Филиппа, требуя лишь того, чтобы онъ не касался афинскихъ владѣній. Онъ ловко умѣлъ поддерживать въ афинянахъ это малодушное настроеніе, увѣряя ихъ въ своей дружбѣ. Онъ презиралъ людей, продававшихся ему, но презрѣніе къ нимъ не мѣшало ему пользоваться ихъ услугами. Одряхлѣвшая и раздробленная Греція не могла устоять противъ такого хитраго и дѣятельнаго врага. Филиппъ въ это время сформировалъ себѣ блестящій дворъ, убѣдивъ македонскихъ вельможъ поселиться въ царской столицѣ Пеллѣ. Ему нуженъ былъ такой дворъ потому, что онъ женился на дочери эпирскаго царя Неоптолема, Олимпіадѣ. Гордая царевна, чьи предки вели свое происхожденіе отъ Ахиллеса, любила пышность. Филиппъ познакомился съ нею на островѣ Самоэракіи, во время праздника тайнствъ, которыми славилась этотъ островъ. Красавица замкнутого и страстнаго характера, Олимпіада была усердной послѣдовательницей тайнственнаго орфическаго служенія Діонису и волшебныхъ обрядовъ еракійскихъ женщинъ. Въ ночныхъ оргіяхъ она превосходила всехъ дикимъ энтузіазмомъ, съ какимъ бѣгала по горамъ, потрясая тирсомъ и змѣей. — Въ мѣсяцѣ воедроміонѣ (сентябрѣ или октябрѣ) 356 года она родила мужу сына, Александра. Преданіе говоритъ, что вмѣстѣ съ извѣстіемъ о рожденіи его царь получилъ двѣ другія радостныя вѣсти: о томъ, что его полководецъ Парменіонъ побѣдилъ иллирійцевъ и о томъ, что его кони одержали побѣду на олимпійскихъ

Коварства и подкупы Филиппа.

Женитьба Филиппа на Олимпіадѣ и блескъ царскаго двора.

Рожденіе Александра 356.

*) Онъ сталъ разрабатывать Пангейскіе рудники такъ дѣятельно, что они давали ему, какъ говорятъ, 1,000 талантовъ золота (болѣе 2,225,000 рублей) въ годъ; кромѣ того онъ получалъ большіе доходы отъ пошлинъ, налоговъ, изъ другихъ источниковъ, такъ что теперь онъ былъ самымъ богатымъ изъ всехъ владѣтелей послѣ персидскаго царя.

играхъ. Счастье такъ благопріятствовало ему, что онъ задумалъ сдѣлаться повелителемъ всего извѣстнаго грекамъ міра. И дѣйствительно можно было ему имѣть увѣренность, что когда онъ принудитъ грековъ сражаться подъ его знаменами и покоритъ сѣверные народы между Понтомъ и Адриатическимъ моремъ, то его могущество будетъ непреодолимо. Распоряжаясь флотами и умственными силами Греціи, аракійскими и македонскими войсками, такой государь, какъ Филиппъ, конечно, сталъ бы владыкою вселенной.

Въ тѣ годы, какъ аѳиняне истощали свои силы въ безуспѣшной войнѣ съ отдѣлившимися отъ нихъ союзниками, а по заключеніи мира предались бездѣйствію, аѳиняне старались упрочить и расширить пріобрѣтенную побѣдами ихъ великихъ полководцевъ гегемонію надъ Среднею Греціей. Но дѣйствуя коварствомъ и насиліемъ, какъ прежде спартанцы, они скоро стали такъ же ненавистны. Не довольствуясь тѣмъ, что разрушили нѣкоторые изъ беотійскихъ городовъ и подчинили всѣ другіе своему произволу, они хотѣли покорить и фокейцевъ, издавна бывшихъ союзниками Спарты. Тутъ дѣйствовало въ нихъ желаніе еще больше унижить и ослабить спартанцевъ; было покореніе Фокиды пріятно и властолюбію ихъ. Но замыселъ своего эгоизма и своей мстительности они прикрыли лицемѣрнымъ благочестіемъ.

Мы уже говорили (стран. 118 слѣд.) о союзѣ Амфиктіоновъ, существовавшемъ съ незапамятныхъ временъ; говорили, что члены его давали клятву охранять Дельфійскій храмъ, соблюдать въ своихъ войнахъ нѣкоторыя правила пощады, не опустошать областей своихъ греческихъ соплеменниковъ и по возможности поддерживать миръ. Это былъ религіозный союзъ, заключавшій въ себѣ нѣкоторые зародыши международного греческаго права. Но въ историческія времена Греціи онъ былъ лишенъ всякаго значенія; главнымъ образомъ потому, что въ союзномъ совѣтѣ имѣли преобладающее число голосовъ такіа племена, которыя уже давно утратили самостоятельность, или стали ничтожны; такъ напримѣръ: перребы, магнеты, этейцы, эніанцы имѣли въ совѣтѣ Амфиктіоновъ такой же голосъ, какъ беотійцы, іонійцы и дорійцы. Греки говорили о союзѣ Амфиктіоновъ съ почтеніемъ, какъ о старинномъ религіозномъ учрежденіи, но не придавали никакой важности совѣщаніямъ этого союза. Теперь аѳиняне пробудили его отъ долгой дремоты и дали ему новое могущество, чтобы

онъ служилъ ихъ своекорыстнымъ цѣлямъ. Вскорѣ послѣ битвы при Леватрѣ они пожаловались союзу Амфиктіоновъ на спартанцевъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они совершили преступленіе противъ религіи, захвативъ Кадмею во время религіознаго праздника. Амфиктіоны наложили на спартанцевъ 500 талантовъ штрафа; спартанцы, какъ и слѣдовало ожидать, не повиновались этому рѣшенію, и Амфиктіоны лишили ихъ права участвовать въ пелійскихъ играхъ. Гораздо важнѣе было другое такое же рѣшеніе, постановленное Амфиктіонами противъ фокейцевъ, храбраго горнаго народа, города котораго съ незапамятныхъ временъ образовали федерацию, мало стѣснявшую однако же самостоятельность ихъ. Фокейцы рѣшали свои общія дѣла на совѣтѣ, собиравшемся при ихъ союзномъ храмѣ. Они были мужественные люди, земледѣльцы и охотники, жившіе по стариннымъ обычаямъ, не имѣвшіе важнаго вліянія на ходъ дѣлъ въ

Греціи, не участвовавшіе въ умственной жизни другихъ грековъ. Благодаря своей храбрости и покровительству Спарты, фокейцы сохранили свою свободу, но не пріобрѣли ни уваженія, ни любви своихъ сосѣдовъ. Напротивъ, дельфійцы и ѳессалійскіе аристократы несправедливо ихъ по стариннымъ непріязненнымъ воспоминаніямъ, и аѳиняне раздѣляли это чувство. Были у аѳинцевъ и новыя причины вражды къ нимъ. При послѣднемъ целопоннесскомъ походѣ беотійцевъ они отказались прислать свои войска. И въ старину и въ недавнія времена они часто дѣлали хищническіе набеги на Беотию. Есть разсказъ, что знатная аѳинянка, Феано, была похищена фокейцемъ; вѣроятно это вымыселъ, но онъ усиливалъ вражду аѳинцевъ. Теперь имъ показалось, что настало время отмстить фокейцамъ за старыя и новыя обиды.

Дельфійцы, люди надменные и терпѣвшіе много обидъ отъ фокейцевъ, пожаловались по внушенію аѳинцевъ Амфиктіонамъ на то, что фокейцы присвоили себѣ и распахали часть земли, принадлежавшей нѣкогда городу Криссъ и отданной въ собственность Дельфійскаго храма (стран. 122). Голоса мелкихъ племенъ Амфиктіонскаго союза были въ полной зависимости отъ аѳинцевъ, и совѣтъ Амфиктіоновъ осудилъ фокейцевъ уплатить большой денежный штрафъ; они отказались внести эту сумму, далеко превышавшую средства ихъ бѣдной области. Судъ Амфиктіоновъ предалъ проклятію тѣхъ, кто виновны въ присвоеніи себѣ земли храма, и постановилъ, что подвергаются проклятію и спартанцы, если не подчинятся произнесенному противъ нихъ прежнему приговору, не заплатятъ штрафъ до истеченія извѣстнаго срока. Относительно фокейцевъ было рѣшено, что они должны быть отданы храму, т. е. порабощены власти его жрецовъ.

Аѳиняне, конечно, надѣялись, что фокейцы смирятся, когда увидятъ, что они хотятъ силою оружія привести въ исполненіе приговоръ Амфиктіоновъ; но они ошиблись. Филомелъ, богатый и вліятельный гражданинъ города Ледона, убѣдилъ своихъ согражданъ воспротивиться несправедливому приговору. «Не будьте трусы», говорилъ онъ въ одномъ изъ ихъ собраний: не давайте отнять у васъ вашу собственность и свободу. У Гомера говорится, что фокейцы владѣютъ долиною Пиою; *) возвратимъ себѣ это право и овладѣемъ храмомъ, пока еще не могутъ помѣшать намъ аѳиняне». Фокейцы выбрали его своимъ военачальникомъ; онъ поѣхалъ въ Спарту условиться о томъ, чтобы дѣйствовать заодно. Спартанскій царь Архидамъ обѣщалъ ему помощь и далъ 15 талантовъ; Филомелъ прибавилъ къ этой суммѣ еще столько-же изъ своихъ собственныхъ денегъ, набравъ отрядъ войска иноземцевъ и фокейцевъ, пошелъ на Дельфійскій храмъ. 356.

*) Илиада II, 517:

Въ слѣдъ ополченія фокеянъ Схедій предводилъ и Эпистровъ; Ихъ племена Кипариссъ и утесный Пионъ населяли.

Дельфы и, послѣ нѣсколькихъ небольшихъ сраженій, въ которыхъ погибъ жреческій родъ оракидовъ, овладѣлъ Дельфійскимъ храмомъ. Онъ уничтожилъ начерченный на колоннѣ несправедливый приговоръ Амфиктіоновъ, но обнародовалъ по всей Греціи обѣщаніе, что храмъ и его сокровища останутся неприкосновенными, что фокейцы, которые только возвратили себѣ свое старинное право завѣдывать храмомъ, отдадутъ всему греческому народу отчетъ въ своемъ управленіи. Онъ построилъ около города и храма стѣну для обороны отъ нападений, взялъ съ богатыхъ дельфійцевъ большой налогъ, увеличилъ число своего войска новыми наемниками и храбрыми фокейскими горцами. Порядокъ богослуженія въ храмъ онъ оставилъ не нарушеннымъ, оставилъ и прежнюю свободу Дельфійскому оракулу. Онъ хотѣлъ, чтобы Пифія высказала отъ имени Аполлона одобреніе его дѣлу и силой держалъ ее на треножникѣ; она въ негодованіи воскликнула: «дѣлай, что хочешь», и онъ объявилъ, что оракулъ одобрилъ этими словами дѣло его.

Священная война 355—346. Извѣстіе о занятіи храма фокейцами произвело сильное волненіе въ Греціи; государства раздѣлились на двѣ партіи. Аѣиняне, лакедемоняне и нѣкоторые другіе греки, по ненависти къ ѳиванцамъ, одобряли Филомелу и признали за фокейцами право завѣдывать храмомъ; локрійцы, беотійцы и всѣ ѳессалійскія племена приняли сторону дельфійцевъ и рѣшили привести въ исполненіе приговоръ Амфиктіоновъ. — Первые пошли на преступниковъ противъ пифійскаго бога локрійцы; но Филомель разбилъ ихъ у Федріадскихъ скалъ; многіе изъ нихъ были убиты, другіе упали или были сброшены въ пропасти, многіе были взяты въ плѣнъ. Этимъ началась гибельная для всей Греціи (третья) священная война, свирѣпствовавшая десять лѣтъ, отнявшая у слабой Греціи послѣднія физическія и нравственныя силы, проложившая коварному сѣверному врагу путь въ терзаемую междоусобіемъ страну. По приглашенію Амфиктіоновъ, ѳиванцы, ѳессалійцы и мелкія племена, бывшія членами Дельфійской Амфиктіоніи, взялись за оружіе на защиту дельфійскаго бога. Въ случаѣ побѣды они исполнили бы надъ фокейцами приговоръ Амфиктіоновъ. Съ трехъ сторонъ шли на Фокиду враги, — ѳиванцы, ѳессалійцы, локрійцы; она была оставлена безъ помощи спартанцами и аѣинянами, вѣроятно не желавшими навлекать на себя порицаніе, что защищаютъ оскорбителей дельфійскаго бога; фокейскіе военачальники, Филомель и Ономархъ, должны были опасаться самаго жестокаго наказанія, потому что имъ принадлежали участки той земли, за присвоеніе которой были осуждены Амфиктіонами фокейцы. Надобно было защищаться, надобно было набрать большое наемное войско, а на это не было собственныхъ средствъ у малочисленнаго и бѣднаго фокейскаго народа и нельзя было взять съ дельфійцевъ такую огромную сумму; потому Филомель и Ономархъ увидѣли себя въ не-

обходимости брать на войну сокровища храма; нужны имъ суммы были тѣмъ огромнѣе, что при дурномъ характерѣ ихъ дѣла и при опасеніи, что всѣ участники его будутъ подвергнуты жестокимъ наказаніямъ, надобно давать наемникамъ жалованье въ полтора раза больше обыкновеннаго.

„Изъ честныхъ людей, имѣющихъ уваженіе къ богамъ“, говоритъ Діодоръ, „ни одинъ не нанялся на службу къ Филомелу; только безсовѣстные кейскихъ наемники, презирающіе боговъ изъ-за своей выгоды, шли къ нему; они шли наковъ и рас- очень охотно, такъ что скоро онъ набралъ значительное войско отчаян- хищеніе сокровищъ хра- ныхъ людей, рѣшившихся грабить храмъ“. Онъ набралъ, какъ говорятъ, вѣщъ Дельфійскаго храма. 10,000 человекъ пѣхоты и конницы. Сначала фокейскіе полководцы брали деньги изъ казны храма только въ „заемъ“; но скоро они отбросили эту пустую оговорку. Взявъ изъ храма всѣ деньги, они, на покрытіе военныхъ расходовъ, на удовлетвореніе алчности своихъ воиновъ, стали забирать и пожертвованныя въ храмъ драгоценности, продавать или дарить золотые священные сосуды, треножники, вѣнки, произведенія искусствъ, и не совѣстились расхищать вещи, считавшіяся самыми священными. Гетеры наряжались въ уборы, принадлежавшіе, по преданію, героямъ (стран. 83). Филомель подарилъ ѳессалійской танцовщицѣ золотой лавровый вѣнокъ, пожертвованный въ храмъ гражданами Лампсака; Ономархъ подарилъ товарищу своихъ развратныхъ удовольствій четыре золотыя щетки, пожертвованныя гражданами Сибариса; третій фокейскій полководецъ Фаиллъ далъ въ награду флейтисткѣ Броміадѣ, на перекоръ обычаю, допущенной къ состязанію на пифійскихъ играхъ, драгоценныя вещи, пожертвованныя фокейцами и пепаретянами, серебряный кубокъ и золотой плющевый вѣнокъ. Понятно, какое развращающее дѣйствіе имѣло на фокейцевъ и на ихъ грубыхъ наемниковъ такое поруганіе святыхъ. Самый уважаемый изъ греческихъ храмовъ, мысли о которомъ были соединены со всѣми великими фактами греческой исторіи, со всѣми великими произведеніями греческой образованности, подвергался теперь самому наглому грабежу; какое уваженіе къ чему нибудь святому могло оставаться у людей, чьи руки совершали этотъ грабегъ? Деньги множества семействъ, деньги государствъ, хранившіяся подъ защитою дельфійскаго бога, были теперь расхищены; это должно было подорвать кредитъ въ Греціи, спутать всѣ понятія о законности.

Такия дѣла должны были имѣть самыя гибельныя послѣдствія; и дѣйствительно, священная война получила такой характеръ, что свирѣпости ея не менѣе ужасны, чѣмъ самыя кровавые эпизоды пелопоннесской войны. ѳиванцы, ѳессалійцы, локрійцы, шедшіе исполнить приговоръ Амфиктіоновъ, горѣли желаніемъ удовлетворить своей племенной враждѣ къ фокейцамъ, подъ предлогомъ отмщенія за поруганіе Дельфійскаго храма. Въ ихъ рядахъ тоже шли буйные наемники, грабившіе, опустошавшіе все на своемъ пути. ѳиванцы и ихъ союзники безпощадно убивали всѣхъ плѣнныхъ, какъ виновныхъ въ оскорбленіи храма: кололи ихъ копьями, или сбрасывали со скалъ; фокейцы платили врагамъ такими же свирѣпостями. Съ переменнымъ счастьемъ и все возрастающимъ ожесточеніемъ война шла уже довольно долго, Смерть Фило- мела. 354.

когда Филомелъ неосторожно далъ въ скалистой и лѣсной мѣстности битву непріятелю, далеко превосходившему войско его числомъ. Въ этомъ сраженіи при Неонѣ онъ былъ разбитъ. Чтобы не попасться въ руки непріятелю, который подвергъ бы его позорной казни, онъ бросился съ утеса. Съ торжествомъ возвратились еиванцы домой, полагая, что смертью Филомела и поражениемъ его войска война кончена. И дѣйствительно, между фокейцами были люди, горячо желавшіе покончить войну, снять съ своей родины наложенное на нее проклятіе. Но Ономархъ, храбрый и горячій сподвижникъ Филомела, не хотѣлъ покоряться врагамъ. На собраніи фокейскаго народа въ Дельфахъ умѣренная партія оказалась въ меньшинствѣ; фокейцы рѣшили продолжать войну и назначили Ономарха главнокомандующимъ съ неограниченною властью. Война разгорѣлась сильнѣе прежняго; сокровища храма были безпощадно расхищаемы. «Изъ мѣди и желѣза» говоритъ Діодоръ, «Ономархъ велѣлъ ковать оружіе, изъ серебра и золота чеканить монету».

Назначеніе
Ономарха воен-
начальникомъ.

Развитіе наем-
ничества и пор-
ча нравовъ.

Человѣческая алчность была готова служить Ономарху. Высокимъ жалованьемъ и обѣщаніями наградъ онъ увеличилъ число своихъ наемниковъ; онъ самовластвовалъ въ Фокидѣ, опираясь на нихъ; подарками вещей и замѣчательныхъ произведеній искусства, онъ приобрѣлъ себѣ поддержку вліятельныхъ гражданъ, или женъ ихъ въ Спартѣ, въ Аѣнахъ, въ другихъ городахъ Греціи, такъ что эти государства помогали фокейцамъ, или по крайней мѣрѣ не мѣшали имъ вербовать наемниковъ. Онъ нашелъ себѣ друзей даже между еиванцами и ѳессалійцами, войска которыхъ сражались съ нимъ; ахейцы прислали ему 1500 воиновъ. Кромѣ сокровищъ храма, Ономархъ обогащался конфискаціей имуществъ тѣхъ фокейцевъ, которые сопротивлялись ему и которыхъ онъ казнилъ. Сокровища, взятые изъ храма, простирались, по словамъ Діодора, до 10000 талантовъ (около 15000000 рублей); военачальники, располагавшіе такой суммой, конечно, могли имѣть въ тѣ продажныя времена много войска; изъ всѣхъ областей Греціи шли въ Фокиду наемники, изгнанники, авантюристы. Прежде безпріютные и беспорядочные люди уѣзжали въ колоніи; теперь ихъ ремесломъ была служба по найму. Такимъ образомъ дельфійскія сокровища пошли на развращеніе народа, на уничтоженіе всѣхъ гражданскихъ доблестей, всѣхъ понятій о законѣ, всякой совѣстливости. Продажность вошла въ обычай; знатные и незнатные протягивали руку за деньгами. Говорятъ, что спартанскій царь Архидамъ, его жена Дениаха, эфоры и геронты, Александръ, тираннъ ферскій, взяли богатые подарки изъ сокровищъ Дельфійскаго храма.

Побѣды Оно-
марха. 353.

Сдѣлавъ городъ Дельфы, находившійся въ крѣпкомъ горномъ мѣстоположеніи, центромъ своихъ операцій, Ономархъ предпринималъ съ многочисленнымъ наемнымъ войскомъ походы по всѣмъ направленіямъ и вездѣ побѣждалъ. Онъ покорилъ локрійцевъ, и эпикнемидскихъ, и амфисскихъ; опустошилъ маленькую горную область Дориду; взялъ Тиероній (вѣроятно и Никею и Альпентъ), продалъ въ рабство гражданъ Тиероніа, овладѣлъ Термопилами, сдѣлавъ набѣгъ даже въ

Беотию; въ сраженіи при Коронѣ потерпѣлъ неудачу, но вскорѣ послѣ того, по призыву Ликофрона, тиранна ферскаго, вошелъ въ ѳессалію; Александръ хотѣлъ при его помощи прогнать алеватовъ и сдѣлаться властелиномъ всей страны; дѣйствительно, Ономархъ доставилъ ему такой перевѣсъ надъ противниками, что ѳессалійскіе вельможи и города обратились къ македонскому царю съ просьбою о защитѣ.

Филиппъ, уже ходившій прежде на помощь ѳессалійцамъ противъ Ликофрона, охотно пошелъ снова помогать имъ. Не задолго передъ тѣмъ онъ взялъ приморскій городъ Мееону, послѣднее владѣніе аѣн- нянъ въ Термскомъ заливѣ; во время осады стрѣла вышибла у него глазъ, и онъ былъ такъ раздраженъ этимъ, что прогналъ часть гражданъ, другихъ продалъ въ рабство и разрушилъ городъ, а область его присоединилъ къ своему царству. Расширить свое владычество на югъ было очень пріятно ему; но онъ считалъ Ономарха слишкомъ слабымъ и ошибся: разбитый въ двухъ сраженіяхъ, онъ принужденъ былъ уйдти въ Македонію, чтобы собрать тамъ новыя силы. Хищные наемники Ономарха и Ликофрона ходили теперь по всей ѳессаліи. Ономархъ уже мечталъ, что покорить себѣ всю эту страну. Онъ сталъ дѣлать новыя походы въ Беотию, занялъ Орхоменъ и Коронею. Сокровищъ въ Дельфійскомъ храмѣ было еще много, и Ономархъ имѣлъ 20000 пѣхоты и 500 всадниковъ. Онъ далъ аѣнскому военачальнику Харесу 60 талантовъ на то, чтобы снарядить эскадру для войны съ Филиппомъ, но Харесъ истратилъ почти всю эту сумму на угощеніе аѣнскихъ гражданъ: онъ устроилъ роскошный пиръ имъ на площади народныхъ собраній.

Побѣды, одержанныя фокейцами, показали ихъ противникамъ необходимость вести войну энергичнѣе. ѳессалійцы, опасаясь, что Лико- фронтъ и Ономархъ совершенно поработятъ ихъ, снова призвали Фи- липпа и подкрѣпили его такими многочисленными отрядами своихъ войскъ, что въ этомъ новомъ походѣ у него было 20000 человѣкъ пѣхоты и 3000 конницы. Фокейцы и Ликофронъ стояли въ южной ѳессаліи на берегу, у котораго находился Харесъ, прислѣвавшій съ аѣнскою эскадрой на помощь имъ. Филиппъ напалъ тутъ на нихъ. Македоняне и ѳессалійцы пошли въ битву, надѣвъ на голову лавровые вѣнки, какъ воины, сражающіеся за Аполлона. Фокейцы и Ликофронъ были разбиты; говорятъ, что тутъ было убито 6000 фокейцевъ, 3000 взято въ плѣнъ; остальные, сбросивъ латы, спаслись вплавъ на аѣнскіе корабли. Въ этомъ сраженіи погибъ и самъ Ономархъ; онъ былъ или убитъ своими наемниками, или захлебнулся при попыткѣ уплыть. Филиппъ велѣлъ распять его тѣло на крестѣ, а всѣхъ плѣнныхъ утопить, какъ виновныхъ въ поруганіи храма. Послѣ этого Филиппъ осадилъ Феры; Ликофронъ и его братъ Пито- лай съ 2000 наемниковъ ушли въ Фокиду. По взятіи Феръ Филиппъ пошелъ на Пагасы и овладѣлъ этимъ важнымъ приморскимъ горо- Пораженіе и
смерть Ономар-
ха. 352.

Филиппъ овла-
дѣваетъ ѳесса-
ліею.

Аѳиняне за-
нимаютъ Термо-
пилы.

домъ. Филиппъ былъ теперь властелиномъ всей Ѳессаліи. Онъ двинулся къ термопильскому проходу, чтобы идти въ Фокиду. «Но патріотическія убѣжденія Демосѳена склонили аѳинянъ выйти изъ ихъ бездѣйствія. Они послали Навсикла съ 5000 гоплитовъ и 400 всадниковъ, которые сами приобрѣли себѣ коней и вооруженіе. Навсиклъ занялъ южный конецъ Термопильской тѣснины и остановилъ Филиппа. Черезъ нѣсколько времени къ аѳинскому войску пришли 1000 спартанцевъ и 2000 ахейцевъ. Замыслы Филиппа казались такъ опасны грекамъ, что они согласились допустить въ свое войско и фокейцевъ, хоть очень вредили себѣ этимъ во мнѣніи набожныхъ людей. Фаиллъ, братъ и преемникъ Ономарха, превосходившій обоихъ своихъ предмѣстниковъ алчностью и отвагой, привелъ сильное наемное войско на помощь грекамъ. Въ Дельфійскомъ храмѣ еще оставались золотые и серебряные подарки Креза, оставались золотыя доски и чаши, золотой левъ и золотая статуя; эти вещи стоили 4000 талантовъ; Фаиллъ давалъ наемникамъ жалованье вдвое больше обыкновеннаго, склонилъ на свою сторону подарками многихъ вліятельныхъ людей въ Греціи; потому у него не было недостатка въ силахъ. Филиппъ не могъ противиться войску, собравшемуся въ Термопилахъ, и ушелъ въ Македонію; но упрочилъ свое вліяніе въ Ѳессаліи, оставивъ въ ней гарнизоны и выдавъ управленіе городами и сельскими округами ея аристократическимъ комитетамъ, состоявшимъ изъ десяти членовъ (декархіямъ); такъ дѣлалъ въ свое время Лизандръ. Въ Пагасахъ и въ области магнетовъ онъ учредилъ свои таможни. Эвбейскіе города около того времени отложились отъ Аѳинъ и заключили союзъ съ Филиппомъ; это отдало въ его власть торговлю на сѣверныхъ моряхъ. Аѳиняне послали на Эвбею Фокіона; онъ одержалъ побѣду при Таминахъ; но потомъ аѳиняне были разбиты и вытѣснены съ Эвбеи.

Раздоры между
греками.
354 — 350.

351.

Греки не примирились по отступленіи Филиппа, а продолжали свои междоусобія. Фаиллъ съ хищными наемниками ходилъ по Беотіи и Локридѣ, нѣсколько разъ терпѣлъ неудачу, но на мѣсто убитыхъ приходили къ нему новые наемники; онъ умеръ, вѣроятно, отъ пьянства и другихъ излишествъ; главнокомандующимъ фокейскихъ наемниковъ сдѣлался его племянникъ, Фалекъ, которому помогалъ своими совѣтами опытный воинъ Мнасей. Пелопоннесъ въ это время тоже много страдалъ отъ войны. Спартанцы при помощи фокейцевъ сдѣлали попытку возстановить свое владычество надъ Мессеніей и покорить Мегалополь; но аркадяне, при помощи аргосцевъ, еиванцевъ и другихъ союзниковъ, успѣшно оборонялись отъ нихъ, такъ что они наконецъ отказались отъ своего намѣренія и заключили перемиріе, оставившее все въ прежнемъ положеніи. Въ это время, какъ фокейцы опустошали Беотію, еиванскіе граждане служили наемниками въ Персіи за 300 талантовъ, которые Артаксерксъ Охъ подарилъ Ѳи-

вамъ;—до такого разстройства дошли дѣла въ Греціи. Неспособные примириться между собою, лишенные всякихъ общихъ стремленій, греки истощали свои силы въ безразсудныхъ междоусобіяхъ до той самой поры, когда стали добычею врага, выжидавшаго случая поработить ихъ. Филиппъ въ это время шумно веселился въ своей блестящей столицѣ Пеллѣ, но среди пировъ не забывалъ наблюдать за ходомъ дѣлъ въ Греціи и шагъ за шагомъ расширялъ свое царство. Онъ завоевалъ на Ѳракійскомъ берегу городъ Герей (Гереонъ-Тихосъ), и граница его соприкасалась теперь съ аѳинскими владѣніями на Херсонесѣ. Македонскіе корабли крейсировали по сѣвернымъ морямъ, грабили Лемность, Имбросъ, владѣнія, остававшіяся у аѳинянъ на Эвбее, захватывали аѳинскія купеческія суда; аѳинская торговля сильно страдала.

Успѣхи искусно обдуманнаго плана военныхъ дѣйствій хитраго и дѣятельнаго Филиппа принудили наконецъ аѳинянъ покинуть свою безпечность, пробудили въ нихъ сознаніе о необходимости усилій. Несчастная война съ союзниками уменьшила доходы аѳинскаго государства, но оно все-таки не было бѣдно. Аѳинскій флотъ былъ сильнѣе всѣхъ другихъ греческихъ флотовъ; аѳинскіе матросы были самыя искусныя; аѳиняне легко могли бы уничтожить только-что возникавшій македонскій флотъ. Промышленность и торговля поддерживали нѣкоторое благосостояніе въ аѳинскомъ народѣ; благодаря простому образу жизни и дешевизнѣ сѣстныхъ припасовъ, даже люди бѣдные не терпѣли большой нужды. Правда, аѳинскіе граждане отвыкли отъ военныхъ упражненій, когда развился обычай держать наемныя войска, и походная жизнь не правилась теперь аѳинянамъ; правда, они по прежнему и даже больше прежняго любили праздники и зрѣлища, любили получать изъ казны деньги на посѣщеніе театра, получать жалованье за отправленіе судебныхъ обязанностей, за присутствіе въ народномъ собраніи, и очень нравилась имъ спокойная жизнь; но въ нихъ еще не умерла любовь къ свободѣ и отечеству, не умерло чувство національной чести, сочувствіе ко всему великому и благородному. Они еще охотно слушали благоразумные совѣты. Правда, у нихъ уже не было той силы и твердости характера, какъ у ихъ предковъ; они были испорчены своими льстивыми ораторами, привыкли быть грозными на словахъ, а не на дѣлѣ, и у нихъ было мало способности выносить долгія лишенія; но у нихъ оставались благородныя, возвышенныя чувства, они были способны подъ вліяніемъ патріотическихъ ораторовъ одушевляться воинственнымъ энтузіазмомъ и предпринимать отважныя дѣла. Но эти порывы у нихъ не имѣли прочности. У нихъ доставало мужества пойти на встрѣчу опасности и безтрепетно смотрѣть въ глаза врагу; но у нихъ не было политическаго благоразумія; не было проницательности прежнихъ временъ. Когда непосредственная опасность была отстранена,

Характеръ аѳи-
нянъ того
времени.

они снова впадали въ бездѣйствіе. Впрочемъ все-таки Аѳины были единственнымъ греческимъ государствомъ, которое въ эти времена приближающагося паденія держало себя съ достоинствомъ, внушающимъ уваженіе даже врагу. Они были оплотомъ, около котораго соединились всѣ государства, не хотѣвшія промѣнять свою свободу на обольстительное покровительство македонскаго царя. Аѳиняне держали себя благородно, потому что имѣли руководителями двухъ великихъ гражданъ, Фокіона и Демосеена, людей не одинаковаго характера, но одинаково желавшихъ блага родинѣ, державшихся не одинаковыхъ политическихъ убѣжденій, но одинаково честныхъ и мужественныхъ.

Фокіонъ
402—318.

Фокіонъ, сынъ бѣднаго аѳинскаго гражданина, принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые, какъ Аристидъ и Эпаминондъ, остаются бѣдны и просты, достигнувъ могущества. Онъ былъ неподкупенъ въ такое время, когда продажность господствовала въ обществѣ; онъ былъ скромнѣе, воздержнѣе, властвовалъ надъ своими страстями, всегда добросовѣстно исполнялъ свои обязанности; возставаъ противъ всякой несправедливости, всякаго угнетенія слабыхъ; это доставило ему названіе „честнаго“ и приобрѣло довѣріе народа, который сорокъ пять разъ избиралъ его стратегомъ, хотя онъ ни разу не просилъ себѣ этого сана; онъ былъ и свободенъ отъ честолюбія, какъ отъ любви къ деньгамъ и къ наслажденіямъ. Хотя онъ былъ бѣденъ въ молодости, но это не помѣшало ему приобрести хорошее образованіе. Онъ былъ ученикомъ и другомъ Платона, былъ въ близкой дружбѣ съ Ксенократомъ. Онъ не могъ соперничать въ краснорѣчіи съ Демосееномъ, но его краткія, богатые мыслями рѣчи дѣйствовали на аѳинскій народъ такъ сильно, что самъ Демосеенъ называлъ его „разсѣкателемъ“ своихъ рѣчей. Онъ не искалъ ни славы, ни благосклонности народа, потому высказывалъ свое мнѣніе рѣзко, сурово, простымъ тономъ воина. Подобно Платону онъ былъ приверженцемъ аристократическихъ учреждений и Спарты; велъ простой суровый спартанскій образъ жизни и презиралъ демократію. Онъ ходилъ обыкновенно босой и безъ плаща; никто никогда не видѣлъ, чтобъ онъ смѣялся или плакалъ. Но при этихъ угловатостяхъ характера онъ имѣлъ качество, очень нравившееся аѳинскому народу того времени—онъ былъ миролюбивъ и порицалъ отважность въ политикѣ; за это аѳинскій народъ прощалъ ему суровость его характера и безпощадную строгость, съ какою онъ поддерживалъ дисциплину въ войскахъ. По своей довѣрчивости, онъ легко давался въ обманъ льстивому Филиппу и, по его вліянію, аѳиняне пропускали время, когда сопротивленіе было бы успѣшно. Онъ былъ человѣкъ разсудительный, но не одаренный проницательнымъ умомъ, и не видѣлъ опасности до той самой минуты, когда она уже постигала государство; потому онъ вводилъ аѳиняны въ ошибки, которыя уже было поздно поправлять, когда они брались за оружіе. Онъ и Эвбулъ, хорошій финансистъ, но недалеконидный государственный человѣкъ и льстецъ народа, были вождями партіи мира, на которую потомъ стали опираться ораторы, подкупленные Филиппомъ: Филократъ, Эсхинъ, Демадъ и вся толпа продажныхъ негодяевъ въ родѣ Стратокла и Аристогитона. Быть можетъ, главной причиной этой гибельной и неблагополучной политики Фокіона было его презрѣніе къ демократіи; онъ не имѣлъ довѣрія къ энергіи и твердости народа, не вѣрилъ въ то, что Греція можетъ сохранить свободу; вѣроятно поэтому онъ полагалъ, что мирное расширеніе македонскаго владычества на Грецію лучше на-

силственнаго; добровольное соединеніе греческихъ государствъ подъ властью Филиппа—меньшее зло, чѣмъ напрасная борьба, которая кончится разрушеніемъ греческихъ государствъ и порабощеніемъ ихъ. Глава партіи, желавшей мира съ македонянами, Фокіонъ былъ рѣшительнымъ противникомъ Демосеена, котораго онъ и не уважалъ: человѣкъ философскаго спокойствія и военной дисциплины, онъ считалъ Демосеена безпокойнымъ адвокатомъ, болтуномъ.

Мы уже рассказывали о томъ, какъ шла молодость Демосеена и какъ онъ готовился быть ораторомъ (стр. 772 и слѣд.). До священной войны онъ говорилъ только судебныя рѣчи. Даже рѣчь противъ Аристократа, первая, въ которой коснулся онъ иностранной политики, была написана имъ для Эвтикла и произнесена Эвтикомъ не въ народномъ собраніи, а въ судѣ.

Демосеенъ.

Аѳиняне дали право гражданства Харидему, человѣку низкаго происхожденія, сдѣлавшемуся предводителемъ наемниковъ и женившемуся на сестрѣ египтійскаго царя Ксеркленда, награждали его золотыми вѣнками и другими почестями. Аристократъ предложилъ издать постановленіе такого содержанія: «если кто убьетъ Харидема, то долженъ быть арестованъ, гдѣ бы ни находился во владѣніяхъ, принадлежащихъ къ аѳинскому союзу; а если какое-нибудь государство будетъ мѣшать его аресту, то должно быть исключено изъ союза»; Демосеенъ въ рѣчи, написанной для Эвтикла, доказываетъ, что это постановленіе было бы противно существующимъ законамъ и неблагоприятно въ политическомъ отношеніи; что оно сдѣлало бы государство «тѣлохранителемъ» человѣка, который «всегда продавалъ свою службу тому, кто обѣщается дороже заплатить за нее. для кого единственная родина — стать его наемникомъ, для кого цѣль военныхъ дѣйствій—добыть себѣ средства расточительнаго и пьянаго разврата, и который презираетъ всякій общественный порядокъ».

Рѣчь о сии-
моріяхъ 354.

Опасность, угрожавшая теперь Греціи, заставила Демосеена посвятить себя политической дѣятельности. Онъ ясно понималъ положеніе Аѳинъ и видѣлъ, что для спасенія родины его необходимо гражданамъ дѣйствовать мужественно, проникнуться возвышенными стремленіями. Онъ старался пробудить въ нихъ чувство чести, гражданскую доблесть, патріотизмъ, рѣшимость на самопожертвованіе,—тѣ чувства, которыми было создано величіе Аѳинъ во времена ихъ предковъ; онъ боролся противъ страсти аѳинянъ къ развлеченіямъ, хотѣлъ, чтобъ они не тратили доходовъ государства на праздники, а употребляли ихъ на приготовленія къ войнѣ, на содержаніе войска и флота; онъ старался поддерживать національную гордость, отвращавшуюся отъ подчиненія варварамъ, внушалъ уваженіе къ законамъ, старался разсѣять въ гражданахъ боязнь трудностей и лишений походной жизни, чтобъ они не предоставляли веденіе своихъ войнъ исключительно наемникамъ, которые часто дѣлали больше вреда имъ самимъ, чѣмъ непріятелю. Онъ хотѣлъ, чтобы сами граждане служили въ войскахъ и принуждали наемниковъ соблюдать дисциплину, удерживали ихъ отъ буйствъ. Онъ былъ вѣрнымъ стражемъ родины и старался разъяснять истину своимъ согражданамъ, находившимся въ самообольщеніи.

Политическая
дѣятельность
Демосеена.

Рѣчь о симморияхъ. 354. Такъ на примѣръ, когда въ Аѳинахъ распространились тревожные слухи о томъ, что персидскій царь готовится къ войнѣ и неблагоприятныя совѣтъники раздражали въ аѳинянахъ военную горячность противъ стараго національнаго врага, Демосѳенъ произнесъ рѣчь о симморіяхъ, — о тѣхъ товариществахъ, на которыя распредѣлялись граждане для покрытія издержекъ по снаряженію кораблей. Онъ предостерегалъ аѳинянъ противъ опрометчивой ссоры съ персами, которые теперь вовсе не опасны для Греціи, совѣтовалъ принять такія мѣры для обороны государства, чтобы военныя силы, и, въ особенности, флотъ, были постоянно готовы къ дѣйствию. Онъ говорилъ, что для этого надобно дать хорошее устройство симморіямъ, (стр. 861 слѣд.); говорилъ, что тяжесть налоговъ и повинностей уменьшится, когда они распредѣлятся между гражданами, соразмѣрно средствамъ каждаго; что когда симморіи будутъ устроены хорошо, то Аѳины будутъ постоянно готовы къ войнѣ и будутъ служить оплотомъ для всей Греціи.

Рѣчь въ защиту Мегалополы. 352. Въ рѣчи о Мегалополѣ и о Родосѣ Демосѳенъ указываетъ, что Аѳины должны стараться поддерживать миръ и справедливость въ Греціи; что не слѣдуетъ допускать преобладанія Спарты, или Фивъ, что должно охранять слабыя государства отъ подавленія сильными, всегда вступаться за угнетаемыхъ и ни въ какомъ случаѣ не терять того, чтобы какое-нибудь греческое государство попадало подъ власть варваровъ. Изъ этого онъ дѣлалъ выводъ, что аѳиняне должны охранять миръ въ Пелопоннесѣ, защитить Мегалополь отъ мстительности спартанцевъ, защищать мелкихъ еракійскихъ царьковъ отъ Керсвленга, должны помочь подавленнымъ родосскимъ демократамъ, защитить ихъ отъ карійскаго царя.

Первая Филиппика 357. Полнаго своего развитія патріотическая дѣятельность Демосѳена достигла во время фокейской войны, въ которой обнаружился нравственный и политическій упадокъ греческихъ государствъ и ясно проявились честолюбивыя замыслы Филиппа. Македонскій царь покорилъ еракійскій берегъ, вступилъ въ союзъ съ Византіею и съ мелкими еракійскими владѣльцами, расширилъ свое царство до Термониды и до Пропонтиды; его корабли стали вредить аѳинской торговлѣ. Встревоженные этимъ аѳиняне рѣшили начать противъ него войну; но услышавъ, что Филиппъ заболѣлъ, быть можетъ уже и умеръ, они впали въ прежнюю летаргію; а Филиппъ вскорѣ послѣ этого сталъ готовиться къ войнѣ съ Олинеомъ, которому прежде помогалъ воевать съ аѳинянами. Въ это время Демосѳенъ произнесъ свою первую изъ тѣхъ рѣчей, которыя называются „Филиппиками“. Онъ въ ней рѣзко порицалъ аѳинянъ за ихъ вялость и легкомысліе, но говорилъ, что они могутъ возвратить себѣ все потерянное и отмстить Филиппу, если рѣшатся дѣйствовать мужественно, если всѣ граждане захотятъ исполнять свои обязанности: богатые свою обязанность платить налоги, а всѣ способные къ войнѣ — обязанность военной службы. Тогда они сформируютъ войско, большинство котораго будутъ составлять аѳинскіе граждане; это войско будетъ всегда готово къ войнѣ; и если даже оно будетъ немногочисленно, то все-таки, посланное въ походъ при удобныхъ обстоятельствахъ, нанесетъ оно македонскому царю много вреда.

«Вы сидите бездѣйственно, ждете слуховъ и ожидаете, что случай повернетъ дѣло въ вашу пользу (говорилъ Демосѳенъ аѳинянамъ), а Филиппъ между тѣмъ дѣйствуетъ неутомимо, расширяетъ свои владѣнія и окружаетъ васъ сѣтми, какъ охотникъ звѣря; что пользы было бы вамъ, если бы Филиппъ и умеръ? — вы создадите другого Филиппа, если будете держать себя по прежнему. Могущество ему дано вашей безпечностью. Если счастье будетъ такъ благосклонно къ вамъ, что Филиппъ умретъ, то вы при вашей неготовности къ войнѣ не будете въ состояніи воспользоваться этимъ. Только когда вы

рѣшитесь дѣйствовать мужественно, вы можете спасти себя. Филиппъ служить вамъ примѣромъ того, что кто не боится опасностей и трудностей, тотъ одерживаетъ побѣду. Кто дѣйствуетъ рѣшительно, тотъ побѣждаетъ врага и приобретаетъ союзниковъ».

Патріотическій совѣтъ Демосѳена произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе на аѳинянъ; они послали подъ начальствомъ Хареса эскадру для охраны еракійскаго побережья и въ частности Олинеа. Филиппъ отложилъ свой замыселъ до болѣе удобнаго времени; кажется, онъ былъ испуганъ появленіемъ Хареса на сѣверѣ. Но скоро аѳиняне охладѣли къ войнѣ. На слѣдующій годъ они назначили для защиты еракійскаго берега только десять триеръ, матросы и воины которыхъ были не граждане, а наемники, собранные Харидемомъ. Граждане снова были обольщены сладкими рѣчами сторонниковъ мира. Эвбулъ и другіе ораторы, между которыми важную роль сталъ теперь играть подкупленный Филиппомъ краснорѣчивый Демадъ, говорили такъ пріятно для народа, не желавшаго войны, что аѳиняне снова задремали. Былъ даже изданъ законъ, угрожавшій смертью тому, кто предложитъ употребить на войну излишки государственныхъ доходовъ, которые употреблялись на праздники и на раздачу подарковъ гражданамъ.

Это легкомысліе принесло плоды, какихъ слѣдовало ожидать. Филиппъ идетъ Олинею, бывший главою Халкидскаго союза, считалъ Филиппа своимъ другомъ. Дѣйствительно, Филиппъ помогалъ ему, отдавалъ ему отнятую у аѳинянъ Потидею, и благодаря дружбѣ съ македонскимъ царемъ городъ очень разбогатѣлъ. Другія греческія государства страдали отъ войны, а на Халкидскомъ полуостровѣ владычествовало полное спокойствіе. Граждане имѣли досугъ извлекать пользу изъ богатствъ, какія представляла природа Халкидики: разрабатывали рудники, получали изобильные сборы съ нивъ, виноградниковъ, садовъ; ихъ вино, ихъ фрукты цѣнились повсюду, были вывозимы въ большомъ количествѣ. Но время благоденствія скоро кончилось. Филиппъ уже давно выжидалъ благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы присоединить къ своему царству богатый Олинею. Подкупамъ и другими обольщеніями онъ приобрѣталъ себѣ приверженцевъ во всѣхъ городахъ Халкидскаго союза; когда повсюду одержала верхъ преданная ему партія, онъ началъ дѣйствовать противъ Олинеа. Онъ потребовалъ, чтобы ему были выданы два побочные брата его, бѣжавшіе въ Олинею. Олинеяне отказали въ этомъ; ихъ отказъ послужилъ ему предлогомъ къ войнѣ.

Олинеяне, три года противившіеся Спартѣ во времена ея могущества, рѣшили обороняться и противъ Филиппа. Дѣйствительно, городъ былъ очень силенъ; въ немъ считалось 10000 гоплитовъ и 1000 человекъ всадниковъ, но олинеяне знали силы врага и потому отправили въ Аѳины посольство съ просьбою о союзѣ и о помощи. Демосѳенъ, бывший тогда членомъ правительственнаго совѣта, поддерживалъ просьбу олинеянъ. Три рѣчи, которыми онъ убѣждалъ народъ послать помощь имъ — великіе памятники его политической

Советъ Демосѳена остается напраснымъ.

Филиппъ идетъ на Олинею 349.

Олинеяне просятъ помощи у аѳинянъ.

проницательности, его прямодушія, его благороднаго негодованія на людей, льстившихъ толпѣ, его горячаго патріотизма.

Олинейскія
рѣчи Демос-
сена.

Въ той изъ олинейскихъ рѣчей, которая обыкновенно называется первой, но, по мнѣнію Грота, была произнесена позднѣе, когда пріѣхало въ Аѣны второе посольство отъ олинейцевъ, Демоссенъ разъяснялъ аѣнянамъ, какая опасность грозитъ имъ самимъ, если Олинеъ будетъ взятъ Филиппомъ, и говорилъ, чѣмъ можно отвратить ее. Онъ совѣтовалъ немедленно послать на помощь Олинеу сильное войско, произвести экономію въ другихъ расходахъ и установить налогъ на имущества, чтобъ имѣть деньги для войны; совѣтовалъ отправить посольства къ эссалийцамъ, илирійцамъ, неонійцамъ: всѣ эти народы ненавидятъ Филиппа, говорилъ онъ, и надобно возбудить ихъ къ войнѣ съ нимъ. Если аѣняне допустятъ Филиппа овладѣть Олинеомъ и другими греческими городами сосѣдняго побережья, Филиппъ получитъ возможность идти войною въ Аттику. Съ аѣнянами будетъ тогда то, что бываетъ съ легкомысленными людьми, живущими въ роскоши, которые вдругъ видятъ себя промотавшими все свое наслѣдство. Но у аѣнянъ не достало рѣшимости дѣйствовать такъ сильно, какъ совѣтовалъ Демоссенъ. Они заключили союзъ съ Олинеомъ, послали ему на помощь Хареса съ 30 триерами и 2000 наемниковъ; но не сформировали войска изъ гражданъ и не произвели финансовыхъ реформъ. Проверженцы Филиппа въ Аѣнахъ защищали, хвалили его. Изъ Олинеа пріѣхало второе посольство; тогда была произнесена Демоссеномъ та рѣчь, которая обыкновенно называется второю олинейскою, а по мнѣнію Грота была первою. Демоссенъ опровергалъ въ ней защитниковъ Филиппа, доказывая, что онъ приобрѣлъ свое могущество коварствомъ, злодѣяніями и что поэтому оно шатко *). Демоссенъ убѣждалъ аѣнянъ, чтобы они не жалѣли на войну ни расходовъ, ни личныхъ усилій. Но аѣнскіе граждане не захотѣли идти на войну сами, не установили палата для веденія войны; они удовольствовались для нея привычными своими способами. Харидемъ, человѣкъ, тратившій время на распутство, получилъ приказаніе идти съ 15 триерами и 4000 легковооруженныхъ наемниковъ въ Олинеъ, откуда Харесъ былъ отозванъ. Но буйные наемники Харидема были слишкомъ слабой защитой противъ врага, искусно дѣйствовавшаго и золотомъ и желѣзомъ. Когда Харидему удалось одержать побѣду въ небольшомъ сраженіи, это произвело въ Аѣнахъ такую радость, что народъ воображалъ, будтобы торжество надъ Филиппомъ уже несомнѣнно. Тогда Демоссенъ произнесъ третью олинейскую рѣчь, въ которой объяснялъ аѣнянамъ, что торжествовать еще рано, что неумѣно разсуждать о томъ, какому наказанію подвергнуть Филиппа, когда Филиппъ еще угрожаетъ Олинеу. Демоссенъ доказывалъ, что если не послать въ Олинеъ сильное войско, то онъ будетъ взятъ. Ходъ событій скоро показалъ справедливость словъ его. Подкупомъ и предательствомъ Филиппъ покорилъ Сану, Торону, Меккиберну, другіе города Халкидики и пошелъ къ Олинеу. Граждане хотѣли вступить съ нимъ въ переговоры, онъ отвѣчалъ, что или они не оста-

*) «Невозможно приобрести прочное могущество несправедливостью, обманомъ, вѣдвореніями», говорилъ Демоссенъ: «Нѣсколько времени можетъ оно держаться, казаться крѣпкимъ; но придетъ время, и оно рухнетъ. Какъ у дома, или у другаго зданія основаніе должно дѣлаться изъ крѣпкаго матеріала, такъ и человѣческія дѣла должны имѣть основаніемъ истину и справедливость. Въ дѣлахъ Филиппа этого нѣтъ.»

нутъ въ Олинеъ, или онъ не будетъ царемъ македонскимъ. Олинейцы отправили въ Аѣны третье посольство; аѣняне послали на помощь имъ Хареса съ 17 триерами и 2000 вооруженныхъ гражданъ. Но прежде чѣмъ дошла до Олинеа эта эскадра, городъ уже погибъ.

Филиппъ сдѣлалъ нѣсколько приступовъ къ Олинеу, но граждане мужественно отбили ихъ; городъ не былъ осажденъ съ моря, и под- держиваемый аѣнской эскадрой, онъ терпѣлъ мало вреда отъ нападений съ суши. Питоія сказала нѣкогда Филиппу: «сражайся серебряными копьями и будешь побѣждать всѣхъ». Онъ прибѣгъ и теперь къ этому средству, которымъ давно пользовался съ успѣхомъ. Ласосенъ и Эвтикрать, начальники олинейской конницы, подкупленные Филиппомъ, отдали въ его руки городъ гнусною измѣною. Ужасна была судьба, которой подвергъ онъ раздражившій его Олинеъ. Городъ былъ разграбленъ и разрушенъ; часть его населенія была убита, другая продана въ рабство; продажей распоряжался измѣнникъ Эвтикрать. Лишь немногимъ удалось убѣжать на аѣнскіе корабли. Халкидика была присоединена къ македонскому царству; но греческіе города ея лежали въ развалинахъ. Какъ прежде Потидею, какъ недавно Аполлонію, такъ теперь разрушилъ Филиппъ до основанія 32 города Халкидскаго союза. Тамъ, гдѣ прежде кипѣла дѣятельная жизнь свободныхъ гражданъ и создавала богатство, теперь рабы или подвластные господамъ поселяне пахали нивы на пользу иноземцевъ, и доходы отъ рудниковъ пошли теперь въ казну македонскаго царя. Черезъ нѣсколько лѣтъ тамъ, гдѣ стояли цвѣтущіе греческіе города, не оставалось отъ нихъ никакихъ слѣдовъ.

Филиппъ отпраздновалъ свою побѣду великолѣпнымъ торжествомъ въ Діонѣ, устроеннымъ по образцу олимпійскихъ игръ (стран. 889). Со всей Греціи собрались туда художники и зрители. Изъ богатой добычи, взятой въ Олинеъ, Филиппъ раздавалъ подарки своимъ воинамъ и гостямъ; это, разумѣется было не бесполезно для него. Своихъ братьевъ, захваченныхъ въ Олинеъ, Филиппъ привезъ въ Македонію и казнилъ. Черезъ 8 олимпіадъ (въ 316 году) Кассандръ основалъ на перешейкѣ Палленскаго мыса городъ Кассандрію и поселилъ въ немъ тѣхъ жителей Олинеа и другихъ городовъ Халкидики, которые уцѣлѣли отъ истребленія Филиппомъ.

Аѣнянамъ было стыдно, что они отдали на погибель городъ, просившій ихъ помощи. Они доброжелательно приняли бѣжавшихъ къ нимъ олинейцевъ и дали имъ права аѣнскихъ гражданъ; но не хотѣли вести войну въ отмщеніе за Олинеъ и навлекать гнѣвъ Филиппа на самихъ себя. У нихъ было тѣмъ меньше желанія воевать, что не удалась ихъ попытка примирить пелопоннесскія государства, чтобы всѣ они соединились на войну противъ Филиппа; пелопоннесцы продолжали ссориться между собой. Филиппъ отпустилъ безъ выкупа нѣкоторыхъ аѣнскихъ гражданъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ; они, воз-

Аѣнское по-
сольство къ
Филиппу.
913.

вратившись на родину, увѣрили со словъ Филиппа, что онъ желаетъ быть другомъ аѳинянъ. Это увеличило расположеніе аѳинянъ прекратить войну; они приняли предложеніе Филократа отправить къ Филиппу посольство для переговоровъ о мирѣ и союзѣ и назначили послами десять человѣкъ, въ томъ числѣ Демосѳена и Эсхина. Филиппъ принялъ пословъ чрезвычайно дружелюбно, говорилъ имъ любезности, слушалъ ихъ рѣчи, нѣсколько дней угощалъ ихъ, какъ милый хозяинъ, увѣрялъ ихъ, что самое задушевное его желаніе—стать другомъ и союзникомъ Аѳинъ. Но опутывая ихъ своими дипломатическими хитростями, онъ не давалъ никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній. Воротаясь въ Аѳины, послы не могли досыта наговориться о томъ, какъ любезенъ Филиппъ, какъ онъ хорошъ собой, какъ весело и умно шутить онъ на пирѣхъ и какъ расположенъ къ аѳинянамъ. Особенно восхваляли его Филократъ, Ктесифонъ и Эсхинъ; за ихъ похвалы ему стали ихъ въ послѣдствіи подозрѣвать въ томъ, что они подкуплены имъ. Скоро пріѣхали въ Аѳины послы Филиппа, первые люди въ его царствѣ, Парменіонъ и Антипатръ. Аѳиняне приняли ихъ съ величайшимъ почетомъ.—При такомъ настроеніи народа слѣдовало ожидать, что переговоры будутъ окончены быстро. И дѣйствительно, оказалось достаточно двухъ дней для заключенія трактата. Условія этого мира, называемаго Филократовымъ, состояли въ томъ, что Филиппъ и аѳиняне признавали другъ за другомъ тѣ владѣнія, какія имѣютъ теперь, и обѣщали другъ другу взаимную помощь въ случаѣ какого-нибудь нападенія.

Филократовъ
миръ 346.
18 и 19 числа
Элафеволюна
(15 и 16 Ап-
рѣля).

Рѣчь Исократъ написалъ рѣчь, въ которой радостно называлъ македонскаго царя другомъ мира, приглашалъ его позаботиться о томъ, чтобы всѣ греки примирились между собою, говорилъ, что этимъ благодѣяніемъ онъ загладитъ все зло, какое сдѣлалъ имъ, и что, примиривъ между собою грековъ, онъ долженъ идти съ ними на персовъ. Такъ предательство однихъ, простодушіе другихъ отдавало греческій народъ скованнымъ во власть хитраго Филиппа. Въмѣсто того, чтобы прекратить раздоры между собою и общими силами бороться съ врагомъ всей націи, греки называли Филиппа другомъ мира и восхваляли его.

Второе аѳин-
ское посоль-
ство къ Фи-
липпу. Въ то время, когда послы Филиппа заключали миръ съ аѳинянами и союзники Аѳинъ присоединялись къ этому договору, Филиппъ велъ войну во Фракіи, спѣша одолѣть царя Керсовлепта, находившагося подъ покровительствомъ Аѳинъ, и взять прибрежные города, охраняемые аѳинскими гарнизонами; онъ хотѣлъ покорить ихъ прежде, чѣмъ заключеніемъ мира будетъ вынужденъ прекратить военныя дѣйствія. Потому для аѳинянъ было очень важно, чтобы ихъ послы, которымъ царь и его союзники должны были дать клятву въ соблюденіи мира, ѣхали къ Филиппу какъ можно скорѣе. Послами были выбраны тѣ же самые граждане, изъ которыхъ состояло первое посольство. Де-

мосѳенъ совѣтовалъ товарищамъ плыть съ Эвбеи прямо туда, гдѣ находится царь; но Эсхинъ и Филократъ склонили всѣхъ ѣхать долгимъ путемъ черезъ Фессалію въ столицу Пеллу; а по пріѣздѣ туда, убѣдили спокойно ждать тамъ, пока Филиппъ воротится изъ Фракіи. Филиппъ взялъ прибрежныя крѣпости Серрей, Дорискъ, Гіеронъ-Оросъ, принудилъ Керсовлепта покориться ему и тогда возвратился въ столицу. Требовать у него, чтобы онъ вывелъ войско изъ покоренныхъ городовъ, было теперь поздно; Филиппъ обольстилъ пословъ любезностями и деньгами—одинъ только Демосѳенъ не поддался его любезностямъ и отказался отъ его денегъ—и послы молча согласились оставить за нимъ всѣ завоеванія, сдѣланныя по заключеніи мира, даже городъ Кардію, ключъ къ Херсонесу фракійскому.

Но скоро достался въ руки Филиппу другой ключъ, болѣе важный—Филиппъ овла- Термопи-
Термопила. Въ то время, когда македонскіе послы заключали миръ съ аѳинянами, фокейцы принадлежали къ числу союзниковъ аѳинянъ; но, по требованію македонскихъ уполномоченныхъ, они были исклю- чены отъ участія въ мирѣ, какъ виновные въ оскорбленіи религіи; аѳиняне ограничились тѣмъ, что высказали изустное желаніе, чтобы царь былъ милостивъ къ фокейцамъ. Фиванцы и ѳессалійцы снова попросили Филиппа идти на нихъ; а положеніе фокейцевъ было отчаянное, и Филиппъ съ увѣренностью могъ рассчитывать, что они покорятся.

Сокровища храма были теперь израсходованы, или промотаны, и Фоки- да, маленькая бѣдная область, не имѣла болѣе средствъ продолжать вой- ну. Въ безпомощности своей фокейцы даже принялись искать клада. Ихъ казначей Филонъ нашелъ въ Гомерѣ выраженіе (Иліада IX, 404), которое понялъ въ такомъ смыслѣ, что подъ жертвенникомъ Аполлона и около треножника Пеліи зарыты сокровища. Воины стали рыть это священнѣй- шее, по понятіямъ грековъ, мѣсто; но, какъ рассказываютъ, земля потря- слась и они въ ужасѣ бросили свое святотатственное дѣло. При недостат- кѣ денегъ начались раздоры и бунты. Фокейцы обвинили Фалека въ утайкѣ денегъ и сокровищъ, лишили его начальства надъ войскомъ. Выбранные на его мѣсто военачальники Динократъ, Каллій и Софанъ приговорили къ смерти за утайку денегъ казначей Филона, и онъ былъ преданъ смерти съ мучительнѣйшими истязаніями. „Фокейскіе военачальники разыграли роль блюстителей закона“, говоритъ Шеферъ, „и судили преступниковъ, между тѣмъ какъ сами они всѣ были такіе же преступники“. Новые военачальники не успѣли пріобрѣсти себѣ довѣріе народа, и онъ снова сдѣлалъ главнокомандующимъ Фалека.

Положеніе
фокейцевъ.

Положеніе дѣлъ было такъ заманчиво, что Филиппъ не могъ не воспользоваться имъ. Покоривъ фокейцевъ, онъ пріобрѣталъ положеніе судьи раздоровъ между греческими государствами и вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ миръ и благодарность грековъ, какъ защитникъ религіи, исполнитель приго- вора Амфиктіоновъ. Чтобы не помѣшали ему аѳиняне, онъ уговорилъ ихъ пословъ сопровождать его въ Фессалію; онъ боялся, что если

афиняне заблаговременно узнают о его намерении, то опять займут Термопилы, и остановят его. Захватив этот проход и удостоверившись в готовности еиванцев и эссалийцев помогать ему, онъ въ городѣ Ферахъ присягнулъ наконецъ соблюдать миръ съ афинянами и отпустилъ пословъ, наговоривъ имъ любезностей и давъ имъ письмо къ афинскому народу, наполненное лъстивыми увѣреніями въ дружбѣ и восхвалявшее пословъ. Онъ обѣщалъ безъ выкупа возвратить плѣнныхъ афинянъ, прислать ихъ на родину, ко времени національнаго афинскаго праздника Панатеней; это должно было укрѣпить афинянъ въ чувствахъ дружбы къ новому союзнику.

Филиппъ велъ дѣло съ афинянами такъ ловко, что очевидно было превосходство его дѣятельной и твердой политики надъ ихъ слабостью и недогадливостью. Его хитрости увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Эсхинъ, человекъ импонирующей наружности, звучнымъ голосомъ произнесъ въ собраніи афинскаго народа блестящую рѣчь объ успѣхѣ посольства; говорилъ легковѣрному народу, что Филиппъ идетъ въ Грецію, какъ другъ афинянъ, возвратитъ Дельфійскому храму прежнюю его священную неприкосновенность, возстановитъ Ѳеспію и Платею, отдастъ Оропъ и Эвбею афинянамъ, которыхъ любить всею душою; афиняне были такъ обольщены этими пустыми словами, что одобрили дѣйствія пословъ и, не обращая вниманія на печальныя предсказанія Демосѣена, предалися отрадному спокойствію. А Филиппъ между тѣмъ прошелъ чрезъ Термопилы; эссалийцы и еиванцы присоединились къ нему, и онъ двинулся въ Фокиду. Фалекъ не имѣлъ силы противиться его многочисленному войску и заключилъ договоръ, по которому получилъ себѣ и своимъ 8000 наемникамъ свободный пропускъ, а фокейцевъ оставилъ беззащитными на произволъ Филиппа. Не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, Филиппъ занялъ всю Фокиду и созвалъ въ Дельфы совѣтъ Амфиктіоновъ судить фокейцевъ и ихъ союзниковъ и привести въ порядокъ дѣла Дельфійскаго храма.

Наказаніе
фокейцевъ.

Приговоръ Амфиктіоновъ былъ суровъ. Въ совѣтъ ихъ прислали уполномоченныхъ только тѣ народы, которые участвовали въ войнѣ съ фокейцами: еиванцы, локрійцы, эссалийцы и мелкія горныя племена. Они слѣдовали исключительно внушеніямъ своей мстительности. Фокейцы были исключены изъ союза Амфиктіоновъ, какъ преступники противъ религіи, подвергшіеся проклятію; два голоса, принадлежавшіе имъ, были переданы Филиппу и его потомкамъ; было постановлено разрушить всѣ фокейскіе города, кромѣ Абъ, — двадцать два города — и развести ихъ жителей по разнымъ мѣстамъ, чтобы они жили селеніями, не больше какъ по пятидесяти домовъ въ каждомъ. Бѣжавшіе фокейцы были объявлены остающимися подъ проклятіемъ и было постановлено казнить всѣхъ тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ захвачены гдѣ бы то ни было; относительно тѣхъ фокейцевъ, которые остались на родинѣ, было рѣшено, что у нихъ должны быть отняты лошади и все оружіе и что они должны платить Дельфійскому храму по 50 талантовъ въ годъ, пока этими взносами пополнится вся цѣп-

ность сокровищъ, взятыхъ ими изъ храма. Завѣдываніе пелійскими играми было передано Филиппу. Этейцы предлагали низвергнуть со скалъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ фокейскаго народа, какъ виновныхъ въ святотатствѣ, оставить живыхъ только дѣтей и стариковъ. Такъ велико было ожесточеніе сосѣднихъ грековъ противъ фокейцевъ; сравнительно съ этой свирѣпостью македонскій царь, вообще не слишкомъ сострадательный къ своимъ противникамъ, казался кроткимъ государемъ.

Приговоръ былъ исполненъ съ безпощадной строгостью. Города, существовавшіе съ незапамятныхъ временъ: Панопей, Давлида, Лилея, другіе, исчезли изъ исторіи; ихъ жители скитались безпріютно по чужбинѣ, или вели безотрадную жизнь въ порабощеніи на родинѣ. Многіе изъ фокейскихъ изгнанниковъ присоединились въ слѣдующемъ году къ Тимолеону, котораго коринѣяне посылали въ Сиракузы; другіе отправились съ Фалекомъ въ Критъ; тамъ при осадѣ Кидоніи Фалекъ былъ убитъ. Бѣдственна была судьба всѣхъ тѣхъ фокейцевъ, которые принимали участіе въ расхищеніи сокровищъ Дельфійскаго храма; но жизнь оставшихся на родинѣ была не лучше. Когда Демосѣенъ черезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи войны ѣхалъ въ Дельфы, онъ видѣлъ Фокиду въ ужасномъ положеніи: «Разрушенные дома, сломанныя стѣны; въ странѣ нѣтъ мужчинъ крѣпкихъ лѣтъ; только женщины, дѣти и старики въ траурѣ, но и тѣхъ мало; бѣдствія, которыхъ нельзя описать словами».

Какъ ударъ грома при ясномъ небѣ поразило афинянъ извѣстіе о гибели фокейцевъ. По довѣрію къ милости Филиппа они отдали ихъ со связанными руками на волю враговъ, — и вотъ какъ оправдалъ Филиппъ довѣріе къ нему. Афиняне не раздѣляли восторга, съ какимъ хвалили Филиппа въ Дельфахъ созванные имъ туда Амфиктіоны и посланники греческихъ государствъ. Собравшіеся на его призывъ прославляли его какъ защитника святости Дельфійскаго храма; а онъ угощалъ ихъ и приносилъ жертвы Аполлону. Афиняне волновались негодованіемъ, гнѣвомъ, опасеніями за себя; имъ казалось, что скоро они увидятъ войска Филиппа въ Атикѣ. По предложенію Каллисѣена, они рѣшили перевести женщинъ и дѣтей изъ селеній въ городъ и готовиться къ оборонѣ. Наперекоръ приговору Амфиктіоновъ они дали пріютъ у себя бѣжавшимъ фокейцамъ. Филиппъ отправилъ въ Афины посольство съ увѣреніями въ своемъ миролюбіи, но держалъ войска въ сосѣдствѣ съ Атикой. Афиняне стали хладнокровнѣе судить о своемъ положеніи. Въ первомъ собраніи народа былъ такой шумъ, что ораторы не могли говорить; Эсхинъ сказалъ посламъ Филиппа: «охотниковъ кричатъ много, охотниковъ сражаться мало». — Но самъ Демосѣенъ совѣтовалъ сохранить миръ, предостерегалъ гражданъ отъ опрометчивыхъ поступковъ, говорилъ, что было бы безуміемъ начинать безъ союзниковъ войну съ многочисленными врагами изъ-за «Дельфійскаго призрака»; афиняне поко-

Афиняне рѣ-
шаются сохра-
нить миръ.

рились необходимости и отказались от войны. Новое посольство, главою которого был Эсхинъ, привезло Филиппу объявление, что Аѳины соглашались съ рѣшеніемъ Амфиктіоновъ и признаютъ его членомъ Дельфійской Амфиктіоніи. Довольный этою развязкой дѣла, Филиппъ не пожалѣлъ расходовъ на пивійскія игры, и подъ его за-вѣдываніемъ онѣ были отпразднованы съ небывалымъ блескомъ; по-томъ онъ возвратился въ Македонію, оставивъ часть войска въ Фокидѣ.

3. Погибель греческой свободы, и смерть Филиппа.

Положеніе дѣла въ Аѳинахъ. Вернувшись изъ обезсиленной Греціи, Филиппъ въ слѣдующіе годы велъ войны съ иллирійцами, трибаллами, эфирцами, молоссами, восточными племенами ѳракійцевъ, расширяя свое государство побѣдами надъ ними. Аѳиняне хорошо воспользовались этимъ временемъ спо-койствія: ихъ финансы были приведены въ порядокъ благоразумнымъ Эвбуломъ; ихъ торговля ожила; они увеличили свой флотъ, построили громадныя общепользныя сооруженія. Паденіе Олинеа и Сидона обратилось въ пользу ихъ торговли. Въ Пиреѣ былъ сооруженъ, по плану Филона, новый большой арсеналь. Ликургъ, двѣнадцать лѣтъ управлявшій аѳинскими финансами, строилъ для религіозныхъ праздниковъ великолѣпныя помѣщенія, возведеніе которыхъ напоми-нало самый блестящій періодъ исторіи Аѳинъ. Были установлены прекрасныя правила, ускорявшія ходъ судопроизводства и ограждавшія общественную безопасность. Но все-таки, положеніе аѳинскаго государства оставалось опаснымъ. Могущество Филиппа постоянно угрожало Греціи бѣдствіями. И внутреннія дѣла Аѳинъ представля-лись въ видѣ очень неутѣшительномъ. Распаденіе гражданъ на партіи становилось все болѣе рѣзко, мѣшало больному государству исцѣлиться отъ тяжелыхъ ранъ, полученныхъ имъ въ предъидущіе годы. Со времени посольства къ Филиппу приверженцы македонскаго царя, вліятельнѣйшими изъ которыхъ были Эсхинъ и Филократъ, сильно интриговали противъ патріотовъ, имѣвшихъ своими вождями Демосѳена, Ликурга и Гиперида.

Македонская партія. 1. Эсхинъ. Эсхинъ сталъ приверженцемъ Филиппа, быть можетъ, по искреннему влеченію, обольщенный любезностью и обманутый имъ; но если и было такъ вначалѣ, то потомъ, получивъ титулъ друга царя и обогащенный его подарками, онъ былъ горячимъ защитникомъ его уже по расчету выгоды. Прежде, Эсхинъ былъ бѣдентъ и скромнѣе; теперь онъ гордо поднималъ го-лову, ходилъ въ длинной, разстилающейся одеждѣ, и роскошный образъ жизни его доказывалъ, что теперь его денежныя дѣла хороши. Человѣкъ практичный, онъ давно понялъ коварныя замыслы Филиппа и продолжалъ

пролагать ему дорогу въ Грецію. Еще менѣе скрывалъ свой позоръ Фило-кратъ. Онъ прямо говорилъ, что Филиппъ награждалъ его по-царски, и его роскошь, его расточительные расходы на вселескія чувственные наслаж-денія свидѣтельствовали, что награды ему отъ Филиппа дѣйствительно огромны. Но самымъ усерднымъ панегиристомъ Филиппа былъ Демадъ, сынъ бѣднаго моряка, грубостью своихъ шутокъ и простонороднымъ то-номъ своихъ рѣчей проявившій, что выросъ въ кругу матросовъ. Значи-тельную роль между аѳинскими приверженцами Филиппа игралъ также Плией, человѣкъ даровитый, но безхарактерный. За этими вождями шла масса, желавшая житейскаго спокойствія, шли продажные люди, которымъ деньги были милѣе родины и чести.

Чѣмъ многочисленнѣе были приверженцы партіи, сила которой корени-лась въ эгоизмъ массы, желавшей жить спокойно, тѣмъ большаго уваженія достойны люди, которые, не обольщаясь никакими приманками выгоды, оставались вѣрны родинѣ, разоблачали коварства Филиппа, ставили цѣлью своихъ стремленій защиту наслѣдованной отъ отцовъ свободы. Поддержкою ихъ дѣятельности служила ненависть къ тираннамъ, издавна развившаяся у грековъ, и въ особенности у аѳинянъ. Знаменитѣйшій изъ аѳинскихъ патріотовъ, Демосѳенъ, дѣйствовалъ въ эти годы съ изумительною энергіей. Онъ старался разстроивать всѣ замыслы Филиппа, и въ особенности убѣж-далъ пелопоннесцевъ примириться, чтобы предотвратить коварное вмѣша-тельство Филиппа въ греческія дѣла *). Важнѣйшими изъ его сподвиж-никовъ были Ликургъ и Гиперидъ. Честный, скромный патріотъ Ликургъ, почтенный государственный человѣкъ, подобно Сократу и Фокіону чуж-давшійся всякой роскоши, всякой изысканности, былъ обязанъ своимъ вліяніемъ на аѳинянъ не столько своему краснорѣчію, лишенному изы-щества, сколько уваженію, какое внушала народу чистота его нравствен-ныхъ правилъ. Гиперидъ былъ прямодушный, горячій защитникъ интере-совъ родины, но любилъ наслажденія. Онъ былъ однимъ изъ обожателей знаменитой красавицы, гетеры Фрины. Человѣкъ очень даровитый и обра-зованный, онъ очаровывалъ слушателей безыскусственнымъ изяществомъ своихъ рѣчей. Довольно вліятельными людьми патріотической партіи были Гегезинъ и Тимархъ, но дурная репутація послѣдняго много вредила патріотамъ во мнѣніи народа.

Первымъ крупнымъ проявленіемъ личной вражды между вождями боровшихся партій было то, что Тимархъ, при поддержкѣ Демосѳена, началъ процессъ противъ Эсхина, обвиняя его въ измѣнѣ интересамъ родины во время посольства къ Филиппу. Эсхинъ, опровергая обвиненіе, сталъ доказывать, что Тимархъ самъ заслуживаетъ наказанія за свою развратную жизнь; выставилъ себя человѣкомъ безукоризненной нравственности, и добился того, что Тимархъ былъ объявленъ лишеннымъ политическихъ правъ. Эсхинъ заслуживалъ бы сочувствія, будь онъ дѣйствительно одушевленъ негодованіемъ на по-рочную жизнь Тимарха. Но итъ, онъ очень снисходительно судилъ о господствовав-шихъ порокахъ, и вооружается противъ разврата Тимарха лишь по расчету личной на-добности въ томъ. — Успѣшнѣе для патріотической партіи былъ процессъ, начатый въ Рѣчѣ Гиперида слѣдующемъ году Гиперидомъ противъ Филократа. Обвиняемый, сознавая невозможность оправдаться, не сталъ дожидаться приговора, удалился въ изгнаніе. Ободренный, быть

*) «Демосѳенъ былъ повсюду, гдѣ начинали интриговать агенты Филиппа», говоритъ Шеферъ, «и повсюду, гдѣ возникало желаніе противиться македонскому царю; вездѣ онъ раскрывалъ истину обольщеннымъ, возбуждалъ бездѣйствующихъ, примирялъ ссорившихся, ободрялъ робѣвшихъ».

2. Филократъ.

3. Демадъ.

Патріотическая партія.

1. Демосѳенъ.

2. Ликургъ.

3. Гиперидъ.

Гегезинъ и Тимархъ.

Рѣчь Эсхина противъ Ти-марха 344.

Рѣчь Гиперида противъ Фило-крата 343.

Рѣчь Демос- можетъ, этимъ успѣхомъ, Демосѣенъ началъ новый процессъ противъ Эсхина, обвиня ена противъ его въ томъ, что онъ былъ подкупленъ Филиппомъ; но и этотъ знаменитый процессъ Эсхина 343. кончился оправданіемъ Эсхина, благодаря искусству, съ какимъ онъ защищался, и под держиѣ, оказанной ему партіею мира. Эсхинъ говорилъ, что дѣло, по которому онъ под вергся обвиненію, вовсе и не должно быть предметомъ судебной оцѣнки, что Демосѣенъ обвиняетъ его по политической ненависти, что онъ подвергся преслѣдованію за свое убѣжденіе въ полезности мира; что вѣрность этого убѣжденія оправдана фактами, что миръ оказался полезенъ для Аѣннѣ, обезпечиваетъ и благосостояніе гражданъ и свободу государства.

Пелопоннескія Миръ доставилъ Филиппу удобство вести интриги и подкупъ по дѣла. Вторая всюду въ Греціи, увеличивать число своихъ приверженцевъ, подымать Филиппика смуты въ греческихъ государствахъ. Особенно старался онъ поддер 344. живать раздоры въ Пелопоннесѣ, раздражать аркадянъ, мессенцевъ и аргосцевъ противъ Спарты, издавна ненавистной имъ; онъ хотѣлъ стать рѣшителемъ этихъ раздоровъ; его приверженцы прославляли его, какъ защитника слабыхъ. Успѣху его интригъ много помѣшалъ Демосѣенъ своею «Второю рѣчью противъ Филиппа». Онъ раскрылъ глаза аѣинянамъ, и они стали противодѣйствовать македонскимъ аген тамъ въ Греціи. Этимъ они раздражили противъ себя Филиппа. Они Раздраженіе Филиппа про были единственными опасными для него врагами; и онъ, избѣгая тивъ аѣиннѣ, прямого нарушенія условій мира, сталъ всячески вредить имъ.

Галоннесъ. Прогнавъ морскихъ разбойниковъ съ принадлежавшаго Атикѣ ма ленькаго острова Галоннеса, Филиппъ удержалъ его за собою; но, по жа лобѣ аѣиннѣ, возвратилъ имъ его, какъ подарокъ. Его флотъ стѣснялъ аѣинскую торговлю; онъ увеличивалъ число своихъ кораблей, и его прео бладаніе на морѣ все усиливалось. Обѣщавшись возвратить Эвбею аѣиня намъ, онъ, напротивъ того, упрочилъ свое владычество на ней, тѣмъ, что помогъ своимъ приверженцамъ въ Эретріи и Ореѣ захватить управленіе этими городами. Въ Фессаліи онъ уничтожилъ санъ тага, общаго воена чальника, раздробилъ ее на четыре округа и назначилъ правителями ихъ (тетрархами) преданныхъ ему людей; этимъ онъ отнялъ у фессалійцевъ возможность соединиться въ одну федерацію, и упрочилъ себѣ владыче ство надъ ними.

Фракійскія дѣла Сильно встревожились аѣиняне, когда Филиппъ снова началъ войну 342, 341. противъ ихъ союзниковъ, Керсовлепта и Тереса, съ явнымъ намѣ реніемъ покорить фракійское побережье, проложить этимъ себѣ путь въ Азію и отрѣзать аѣинскимъ купеческимъ судамъ проходъ въ Чер ное море, торговля на которомъ была чрезвычайно важна для Аѣинѣ. Онъ прислалъ аѣинянамъ любезное письмо, въ которомъ предлагалъ передать на рѣшеніе безпристрастнаго третейскаго суда спорные во просы; онъ хотѣлъ этимъ выиграть время, отклонить вниманіе аѣи ннѣ отъ опасности, угрожающей ихъ владѣніямъ на Херсонесѣ фракійскомъ. Но патріотическая партія возстала противъ его предло женій (къ этому дѣлу относится «рѣчь о Галоннесѣ», которая прежде

считалась принадлежащей Демосѣену, но, какъ теперь доказано, при надлежитъ Гегезиппу). Патріоты убѣдили аѣиннѣ послать въ Гелле спонтъ Діопиѣа съ эскадрою и съ отрядомъ наемниковъ. Фракійцы оборонялись храбро; Филиппу понадобились два похода на то, чтобъ одолѣть ихъ; воины его провели зиму на среднемъ Гебрѣ въ землян кахъ; походы были трудные. Но онъ разбилъ фракійцевъ въ нѣсколь кихъ сраженіяхъ, низвергъ ихъ царей, взялъ ихъ крѣпости, по строилъ для упроченія своего владычества надъ Фракіею нѣсколько городовъ (въ томъ числѣ Филиппополь, Берою, Кабилу). Діопиѣъ между тѣмъ крейсировалъ на Черномъ морѣ, вынуждалъ прибрежные города платить аѣинянамъ дань, чтобъ купеческія суда тѣхъ городовъ не захватывались его эскадрою; сдѣлалъ высадку на македонскомъ берегу Пропонтиды. Филиппъ жаловался на него аѣинянамъ, говорилъ, что эта высадка—нарушеніе мира, грозилъ мщеніемъ; македонская партія предлагала отозвать и наказать Діопиѣа; но Демосѣенъ въ энергической рѣчи «о Херсонесѣ» доказалъ, что миръ уже давно Рѣчь о Херсо несь. нарушенъ самимъ Филиппомъ, что аѣинянамъ слѣдуетъ не наказывать своего храбраго военачальника, какъ требуютъ подкупленные Филип помъ ораторы и трусливые приверженцы мира, а послать Діопиѣу подкрѣпленія, пока Филиппъ не успѣлъ покончить своихъ дѣлъ во Фракіи; говорилъ, что если аѣиняне дадутъ время довершить покорѣ ніе Фракіи, то онъ, покоривъ ее, двинетъ всѣ свои силы на нихъ самихъ. Эти совершенно справедливые совѣты были приняты аѣиня нами, и Демосѣенъ въ «Третьей рѣчи противъ Филиппа» разъяснилъ имъ, что они должны заключить съ другими греческими государствами союзъ; что это необходимо для защиты Греціи отъ коварства често любиваго Филиппа, который, называя себя находящимся въ мирѣ съ аѣинянами, ужъ ведетъ противъ нихъ войну.

«Въ прежнія времена, когда какое нибудь греческое государство угнетало другія», — Третья Фи говорилъ Демосѣенъ въ этой превосходной рѣчи, исполненной справедливыхъ мыслей, — липника. «то вся Греція вооружалась противъ притѣсненія; а теперь мы терпимъ, что презрѣнный варваръ, македонянинъ, разрушаетъ греческіе города, распоряжается нѣійскими играми или присылаетъ своихъ слугъ распоряжаться ими. Греки смотрятъ на это бездѣйственно, какъ люди смотрятъ на тучу града, только молясь, чтобъ она миновала ихъ. Мы даемъ возрастать могуществу Филиппа, не сопротивляясь; и каждый считаетъ выиграннымъ для себя время, которое Филиппъ употребляетъ на подавленіе другихъ. А слѣдовало бы каждому дѣйствовать для спасенія Греціи, потому что всѣмъ очевидно, что гибель дойдетъ и до отдаленныхъ. Прежде подвергался всеобщей ненависти, кто давалъ себя подкупить коварнымъ врагамъ родины, и его строго наказывали, какъ преступника; а теперь интересы родины продаются, какъ на рынкѣ, и люди завидуютъ тому, кто получилъ больше ихъ, смѣются, когда кто сознается, что продался, ненавидятъ того, кто порицаетъ это». — Демосѣенъ рѣзко осуждаетъ аѣиннѣ за ихъ вялость; онъ не лишенъ надежды на то, что въ нихъ возродится энергія; но въ рѣчи его преобладаетъ грустное чувство; въ этомъ отношеніи она вовсе не такова, какъ рѣчь о Херсонесѣ, написанная подъ впечатлѣніемъ успѣховъ, одержанныхъ аѣинскими войсками и проникнутая отрад ною увѣренностью въ будущемъ.

Афиняне рѣ-
шаются дѣй-
ствовать энер-
гически.

341.

340.

Третья рѣчь противъ Филиппа, разъяснявшая положеніе дѣлъ про-
стымъ и убѣдительнымъ языкомъ, произвела сильное впечатлѣніе
на афинянъ. Народъ рѣшился дѣйствовать энергически, поручилъ
управленіе дѣлами людямъ патріотической партіи; начались дѣятель-
ныя приговленія къ войнѣ. Гиперидъ склонилъ къ союзу съ Афинами
Хіосъ и Родосъ; Демосѣенъ поѣхалъ къ войску, убѣдилъ Византію
забыть прежнюю вражду, примириться съ Афинами, заключить съ ними
союзъ, склонилъ къ союзу съ ними Абидосъ, обезпечилъ тѣмъ для
афинянъ свободу плаванія черезъ Геллеспонтъ. Афиняне просили
содѣйствія персидскихъ сатраповъ, ужь давно начавшихъ смотрѣть
съ тревогою на расширеніе границъ македонскаго царства; склонили
къ союзу противъ Филиппа нѣкоторые изъ пелопоннесскихъ госу-
дарствъ. Это былъ свободный союзъ подъ гегемоніею Афинъ. Было
назначено, сколько денегъ, сколько кораблей и воиновъ дадутъ союз-
ники. Присоединилась къ союзу и Эвбея; македонскій коммендантъ
Орея былъ убитъ, коммендантъ Эретріи былъ прогнанъ Фокіономъ. —
Въ признательность за услуги, оказанныя государству Демосѣеномъ,
былъ данъ ему народомъ золотой вѣнокъ и на праздникъ Діонисій
возложенъ на его голову.

Возбуждая союзниковъ къ патріотическому усердію, афиняне подавали
имъ благородный примѣръ самоотверженной преданности національному
дѣлу. По предложенію Демосѣена были дѣйствительно введены въ прави-
лахъ тріархій преобразованія, облегчившія исполненіе этой обязанности
для небогатыхъ гражданъ, возложившія на богатыхъ, соразмѣрно ихъ
средствамъ, болѣе значительные расходы (стр. 468 и слѣд.). Народъ по-
становилъ употреблять на приготовленія къ войнѣ тѣ суммы, которыя шли
на праздники, зрѣлища, на раздачу подарковъ отъ государства гражда-
намъ. — „Небогатые люди въ Афинахъ“, говоритъ Нибуръ, „весь годъ ѣли
только оливки, овощи, хлѣбъ и соленую рыбу; лишь подарки, раздаваемые
государствомъ, доставляли имъ въ немногіе праздничные дни мясную
пищу; большинство въ народномъ собраніи составляли бѣдные граждане, —
и оно отказалось отъ этихъ раздачъ; народу, который принесъ такую
жертву для поддержанія чести родины, принадлежитъ полное мое сочув-
ствіе, глубокое уваженіе мое“.

Нарушеніе
условій Фило-
кратова мира.

Филиппъ скоро узналъ, что афиняне готовятся къ войнѣ; но скры-
валъ свою досаду, пока былъ занятъ войною во Фракіи. Онъ разру-
шилъ одрисское царство, нѣкогда бывшее могущественнымъ, основалъ
во Фракіи колоніи, поставилъ гарнизоны; повелъ войска за Гемусъ,
побѣдилъ гетовъ; обольщеніемъ или силой покорилъ греческіе города
на западномъ берегу Понта; и когда покончилъ всѣ эти дѣла, по-
слалъ афинянамъ письмо, наполненное упреками и обвиненіями, повелъ
свои войска въ ихъ владѣнія на Херсонесѣ, сталъ захватывать ихъ
торговья суда. Это было явною войною; афинскій народъ объявилъ,
что миръ нарушенъ, низвергъ колонну, поставленную въ честь мира,

и сталъ снаряжать сильную экспедицію на помощь Византіи, которую
готовился осадить Филиппъ.

Афиняне хорошо понимали, на какое трудное дѣло рѣшаются они. Когда
Гегезиппъ совѣтовалъ народу отвергнуть послѣднія предложенія Филиппа,
послышалось восклицаніе: „Ты даешь намъ войну!“ — Онъ отвѣчалъ: „Не
войну только, но и смерть людей въ молодости, траурныя одежды, тор-
жественныя похороны, надгробныя рѣчи, если вы дѣйствительно хотите
освободить грековъ и возстановить гегемонію, принадлежавшую вашимъ
отцамъ“.

Такъ кончился филократовъ миръ, который за семь лѣтъ пе-
редъ тѣмъ заключилъ Филиппъ съ афинянами для обмана ихъ. По
ходу событій въ эти годы и по положенію дѣлъ при началѣ войны
нельзя было надѣяться, что борьба несогласныхъ между собою гре-
ковъ съ юношески сильнымъ македонскимъ военнымъ царствомъ бу-
детъ успѣшна. Но афиняне и союзники ихъ предпочли славную по-
гибель унижительному положенію, которое не было ни миромъ, ни
войною, дѣлало ихъ игрушкою интригъ Филиппа и подкупленныхъ
имъ измѣнниковъ. Это мужественное рѣшеніе приноситъ имъ великую
честь. Они хотѣли сохранить наслѣдованные отъ предковъ свобод-
ныя учрежденія, передать потомкамъ тѣ блага, которыя пріобрѣли
своею кровью ихъ дѣды и прадеды; они хотѣли остаться вѣрны
великому прошлому. Греки еще не утратили военную доблесть; это
испыталъ Филиппъ, когда пришелъ къ Перинѣу, городу, стоявшему
на одномъ изъ мысовъ европейскаго берега Пропонтиды. Построен-
ный на тѣсномъ мѣстѣ по уступамъ скалъ, городъ былъ не великъ.
Филиппъ окружилъ его войскомъ и флотомъ; долго дѣлалъ приступы
и съ моря и съ суши; но храбрые граждане, при помощи византій-
цевъ и сатрапа Малой Фригіи, отбили всѣ приступы; Филиппъ уви-
дѣлъ себя въ необходимости отступить. Онъ осадилъ Византію. Но,
ободренные примѣромъ перинѣянъ, мужественно сопротивлялись и
византійцы; афиняне прислали на помощь имъ флотъ и войско подъ
начальствомъ Хареса, потомъ подъ начальствомъ Фокіона. Филиппъ
принужденъ былъ отступить и отъ Византіи. И съ трудомъ возвра-
тились его корабли изъ Чернаго моря черезъ Босфоръ и Геллес-
понтъ; они спаслись отъ враговъ лишь хитростью.

Осада Перинѣи
и Византіи
340.

Филиппъ сначала нападалъ на Перинѣю съ суши. Онъ построилъ башни въ 120 фу-
товъ вышиною, много выше стѣнъ города; воины, стоявшіе на нихъ, сбивали защитни-
ковъ города со стѣнъ. Подкопами и таранами была разрушена часть стѣнъ; но за нею
была ужь возведена новая стѣна, и ее обороняли съ такимъ же мужествомъ, какъ
первую. Филиппъ осадилъ городъ и съ моря; увеличилъ число войска до 80000 чело-
вѣкъ, и сталъ вести приступы безъ перерыва день и ночь, смѣняя отрядъ отрядомъ.
Но пока гавань Перинѣи еще не была занята флотомъ Филиппа, византійцы и са-
трапъ Малой Фригіи успѣли прислать туда наемниковъ, машины, денегъ, съѣстныхъ

Перинѣю.

припасовъ. Перинеяне мужественно продолжали отбивать всѣ приступы. Наконецъ, была разбита машина Филиппа и вторая стѣна; онъ повелъ на приступъ всѣ свои силы; одни отряды пошли пробиваться черезъ проломъ, другіе взбираться по лѣстницамъ на стѣны. Начался ожесточенный рукопашный бой; македоняне храбро бились, въ надеждѣ на богатую добычу и на большія награды, обѣщанныя Филиппомъ; храбро сражались и осажденные, чтобы спастись отъ гибели. Стѣна была взята, но въ городѣ перинеяне построили новыя укрѣпленія: они перегородили улицы по подъемамъ въ гору; этихъ укрѣпленій осаждающіе не могли взять, принуждены были отступить, и Перинея былъ спасенъ. Оставивъ Антипатра съ частью войска продолжать осаду Перинея, Филиппъ съ главными силами пошелъ на Византію. Изнѣженные граждане ея лѣтотно не долго удержались бы противъ тарановъ, катapultъ и подкоповъ Филиппа, но имъ помогли аѳиняне. Харесъ, командовавшій аѳинскою эскадрой, разбилъ македонскій флотъ, прогнавъ его въ Черное море, занялъ выгодную позицію у Хризополя и охранялъ Босфоръ; храбрый Фонионъ энергично помогалъ византійскому военачальнику Леону, съ которымъ былъ давно знакомъ: они вмѣстѣ слушали лекціи Платона; теперь они вмѣстѣ отбивали нападеныя македонянъ съ суши. Войска Филиппа сражались храбро; инженеры его были искусны, но ему не удалось взять Византію. Однажды въ безлунную дождливую ночь македоняне ворвались въ городъ, но граждане успѣли во время собраться и, послѣ упорнаго боя при лучахъ сѣвернаго сіянія, прогнали ихъ. Филиппъ снялъ осаду.

Византія.

Филиппъ кажется утратившимъ свое могущество. Перинеяне, византійцы и аттические клерухи Херсонеса послали аѳинянамъ золотые вѣнки, благодаря ихъ за свое спасеніе. Эту благодарность, эти золотые вѣнки должны были бы они прислать собственно Демосфену: его благородный патріотизмъ былъ главной силой, двигавшею экспедиціями, которыя отразили Филиппа. Пораженія, претерпѣнные Филиппомъ у Перинея и Византіи, одушевили надеждами національную партію. Аѳинскіе корабли снова владчествовали на морѣ отъ Босфора до Фессалии, блокировали македонское побережье, уничтожали македонскую торговлю; во всѣхъ греческихъ городахъ усилилась партія патріотовъ, желавшихъ защитить свободу и честь Греціи. Даже въ Фивахъ появились признаки сильнаго недовольства на Филиппа. Приверженцы Филиппа и сторонники мира теряли вліяніе. Къ союзу, главою котораго были Аѳины, присоединялись новые члены. Вліяніе Филиппа на Грецію уменьшалось. Робость грековъ исчезала. Этому много содѣйствовало то, что онъ съ своими войсками былъ далеко отъ Греціи, на Дунаѣ. Онъ хотѣлъ вознаградить своихъ воиновъ добычею за труды неудачныхъ осадъ и возстановить свою военную славу блестящими дѣлами. Отъ Византіи онъ пошелъ на скифовъ къ низовью Дуная. Тамъ онъ одержалъ побѣду въ большомъ сраженіи, взялъ много плѣнниковъ, много лошадей и мелкаго скота; но почти вся добыча была отнята у него на обратнотъ пути черезъ землю трибалловъ, воинственнаго народа, жившаго въ нынѣшней Болгаріи и Сербіи. Съ трудомъ одержалъ онъ побѣду у истоковъ Аксія, и самъ былъ раненъ; только благодаря этому удачному сраженію онъ получилъ возможность вернуться черезъ Гемусъ на родину.

Но, чтобы возстановить свой авторитетъ въ Греціи, Филиппу была

нужна новая блестящая побѣда надъ греками. Его агенты проложили ему путь къ ней. Они возбудили раздоръ между греками и вели интригу такъ ловко, что Филиппу былъ доставленъ законный предлогъ вторгнуться въ Грецію: онъ могъ прикрыть свои властолюбивые замыслы благороднымъ мотивомъ и подавить своихъ противниковъ, явившись снова защитникомъ Дельфійскаго храма. Аѳиняне и ѳиванцы перессорились. Дѣло состояло въ томъ, что аѳиняне возобновили тотъ памятникъ платейской побѣды, который былъ пожертвованъ ими въ Дельфійскій храмъ. Въ надписи на этомъ памятникѣ, перечислявшей побѣды надъ персами, упоминались и побѣды надъ ѳиванцами. Это не понравилось ѳиванцамъ. Раздоры между греками возросли по поводу ссоры Амфиктіоновъ съ амфисскими локрійцами, которые воздѣлывали часть криссейской равнины, отданной въ собственность Дельфійскому храму (стран. 122), пользовались другими участками ея, какъ пастбищами, построили тамъ дома, а въ гавани учредили таможенную, въ которой брали съ шедшихъ въ Дельфы богомольцевъ пошлины за ночлегъ въ гостинницахъ и за конвой по дорогѣ въ Дельфы. Дельфійцы спокойно допускали это, потому что амфиссейцы платили храму десятину за землю, которой они пользовались, давали сеособенную плату за право пасти скотъ на ней. Послѣ фокейской войны, въ которой локрійцы такъ усердно сражались за честь храма, они, быть можетъ, стали платить менѣе исправно; быть можетъ, распахали и новые участки, считая это справедливымъ вознагражденіемъ себѣ за свои услуги; они очень могли считать свои отношенія къ Дельфійскому храму измѣнившимися, потому что онъ былъ теперь во власти иноземнаго царя и о Писии говорили, что она стала «филипписткой».

Эсхинъ, бывшій аѳинскимъ посломъ (пилагоромъ) на весеннемъ собраніи совѣта Амфиктіоновъ въ Дельфахъ и питавшій вражду противъ амфиссейцевъ за то, что они держались патріотической партіи, поднялъ дѣло о занятой ими криссейской землѣ. Въ засѣданіи Амфиктіоновъ, происходившемъ на холмѣ, откуда была видна эта земля, онъ указалъ на пристань и запаханное поле и произнесъ торжественную рѣчь, приводилъ въ ней древнія постановленія и клятвенныя обѣщанія, взволновалъ ею Амфиктіоновъ до такой степени, что на слѣдующее утро, собравъ дельфійскихъ гражданъ и взявъ съ собой рабовъ, они пошли на криссейскую равнину, испортили гавань, сожгли дома, раззорили хозяйственныя постройки на полѣ. Амфиссейцы, раздраженные такимъ самоуправствомъ, произведеннымъ безъ всякаго изслѣдованія дѣла, вооружились, напали на Амфиктіоновъ съ ихъ свитою, возвращавшихся съ равнины, ранили нѣкоторыхъ; остальные убѣжали въ Дельфы. Амфиктіоны въ собраніи, происходившемъ подъ председательствомъ Коттифа, уроженца ѳессалійскаго города Фарсала, рѣшили вновь собраться въ Термопилахъ и постановить тамъ нака-

Амфисские локрійцы.

Священная война противъ Амфиссы 339.

Рѣшеніе амфи-ктіоновъ нака-зать амфиссейцевъ.

заніе амфиссейцамъ за ихъ преступленія противъ Дельфійскаго бога; для этого посланники должны были получить особое полномочіе отъ своихъ государствъ. Когда Эсхинъ отдавалъ отчетъ аѳинскому народу объ этомъ дѣлѣ, Демосеенъ вскричалъ: «ты навлекаешь на Атику войну, Амфиктіонскую войну!» Онъ объяснилъ аѳинянамъ, каковы будутъ послѣдствія дѣла, начатаго Эхиномъ, и убѣдилъ ихъ не отправлять пословъ въ собраніе Амфиктіоновъ для суда надъ амфиссейцами. Не отправили туда своихъ пословъ и ѳиванцы, наперекоръ хлопотамъ продажнаго развратника Тимолая и другихъ приверженцевъ Филиппа. Амфиктіоны однако все-таки собрались, наложили на амфиссейцевъ тяжелый штрафъ, и когда амфиссейцы отказались платить его, Амфиктіоны объявили имъ войну. Но войско, которое повелъ на нихъ Коттифъ, было слишкомъ слабо: усердія къ войнѣ было такъ мало, что нѣкоторые государства вовсе не прислали войскъ, и начальники тѣхъ отрядовъ, которые были присланы, дѣйствовали очень вяло. Агенты Филиппа на слѣдующемъ осеннемъ собраніи Амфиктіоновъ убѣдили ихъ избрать его, не задолго передъ тѣмъ возвратившагося изъ скиѳскаго похода, полководцемъ новой священной войны.

Филиппъ разру-
шаетъ Амфиссу
и занимаетъ
Элатею 338.

Филиппъ не сталъ терять времени; онъ вступилъ чрезъ Термопилы въ Фокиду съ войскомъ, численность котораго скоро возросла до 30,000 человекъ пѣхоты и 2,000 конницы, занялъ искуснымъ маневромъ проходы чрезъ Парнасъ, обманувъ стоявшихъ тутъ Хареса и Проксена, и послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ сраженій съ наемниками, занялъ Амфиссу. Онъ разрушилъ этотъ городъ, прогналъ его жителей и возвратилъ криссейскую землю Дельфійскому храму. Потомъ онъ взялъ Навпактъ и, отдавъ его этолианамъ, пошелъ назадъ черезъ горы, при чемъ неожиданно занялъ пограничный фокейскій городъ Элатею, стоявшій въ плодородной долинѣ Кефисса, владычествовавшій надъ проходами въ Локриду и въ Беотию и справедливо называвшійся ключомъ Средней Греціи. Онъ быстро укрѣпилъ его тыномъ и поставилъ въ немъ сильный гарнизонъ. Ясно было, что онъ хочетъ сдѣлать Элатею базисомъ для дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Аѳиняне и ѳиванцы увидѣли, что имъ грозитъ нашествіе.

Ужась въ Аѳи-
нахъ.

Демосеенъ живыми красками изображаетъ впечатлѣніе, произведенное на аѳинскій правительственный совѣтъ и на народъ извѣстіемъ о занятіи Элатеи Филиппомъ.

Былъ вечеръ, когда явился къ пританамъ гонецъ съ извѣстіемъ, что Филиппъ занялъ Элатею. Они тотчасъ встали изъ-за ужина; одни пошли на площадь народныхъ собраний, прогнали съ нее торговцевъ, зажгли сигналы, созывавшіе гражданъ изъ сельскихъ домовъ въ городъ; другіе послали къ стратегамъ и велѣли трубить тревогу. Городъ пришелъ въ величайшее волненіе. На разсвѣтъ пританы созвали правительственный совѣтъ, а граждане стали сходить на площади. Пока правительственный совѣтъ

разсуждалъ о томъ, что предложить народному собранію, граждане уже размѣстились на скамьяхъ Пниеса. Пришелъ въ народное собраніе правительственный совѣтъ, пританы сообщили народу полученное извѣстіе, ввели гонца, онъ разсказалъ о дѣлѣ подробно, и глашатай прокричалъ: „кто хочетъ говорить?“ но никто не выступилъ. Нѣсколько разъ глашатай повторялъ вопросъ, но никто не вставалъ, хотя всѣ стратеги и всѣ ораторы были тутъ на площади. Наконецъ всталъ Демосеенъ; онъ прежде всего опровергъ мнѣніе, что Филиппъ дѣйствуетъ по согласію съ ѳиванцами. „Кто слишкомъ тревожится мыслью, что Филиппъ увѣренъ въ содѣйствіи ѳиванцевъ, тотъ не понимаетъ положенія дѣла; я убѣжденъ, что еслибъ это было такъ, то мы услышали бы, что онъ не въ Элатеѣ, а на нашей границѣ. Но совершенно справедливо то, что, занявъ Элатею, онъ думаетъ склонить на свою сторону ѳиванцевъ. Деньгами и хитростью онъ уже приобрѣлъ себѣ много приверженцевъ; но тѣхъ, которые до сихъ поръ были его противниками, не подкупить ему и теперь. Для чего онъ занялъ Элатею? для того, чтобы, поставивъ свои войска подлѣ насъ, ободрить своихъ приверженцевъ на какое-нибудь дерзкое насиліе и запугать своихъ противниковъ, чтобы они уступили ему по робости, или по принужденію отъ его друзей. Если мы будемъ помнить наши прежнія ссоры съ ѳиванцами, будемъ не довѣрять имъ, то мы исполнимъ самое задушевное желаніе Филиппа, заставимъ его противниковъ перейти на его сторону, и вмѣстѣ съ нимъ они вторгнутся въ Атику“. Демосеенъ говорилъ своимъ согражданамъ, что опасенія за самихъ себя они должны отбросить; бояться теперь должны они не за себя, а за ѳиванцевъ, къ которымъ войско Филиппа гораздо ближе; непосредственная опасность грозитъ не аѳинянамъ, а ѳиванцамъ, говорилъ Демосеенъ своимъ согражданамъ и предлагалъ имъ послать все свое войско, и пѣхоту и конницу, въ Элевзинъ; увидѣвъ, что они готовы на бой, друзья свободы въ ѳивахъ получать отвагу защищаться; аѳинское войско въ Элевзинѣ будетъ опорой для ѳиванскихъ патріотовъ, какъ македонское войско въ Элатеѣ служитъ опорой для продавшихся Филиппу. Демосеенъ совѣтовалъ аѳинянамъ выбрать десять уполномоченныхъ, которые вмѣстѣ съ стратегами сдѣлаютъ распоряженія о выступленіи войска въ походъ и потомъ отправятся послами въ ѳивы объявить, что если ѳиванцы желаютъ, то аѳиняне готовы помогать имъ. „Если ѳиванцы примутъ это предложеніе и вступятъ въ союзъ съ нами“, говорилъ Демосеенъ, „то мы достигнемъ своей цѣли; а если намъ не удастся убѣдить ѳиванцевъ, то въ случаѣ несчастія они должны будутъ винить самихъ себя, а насъ нельзя будетъ упрекнуть въ недостаткѣ чести“.

Совѣты Демосеена.

Рѣчь Демосеена вывела аѳинянъ изъ мрака сомнѣній, озарила имъ путь. Его предложенія были приняты, не встрѣтивъ никакого противорѣчія, и онъ самъ былъ выбранъ главою той комиссіи, которой было поручено принять вмѣстѣ съ стратегами тѣ мѣры, какія нужны для войны, потомъ ѣхать въ ѳивы съ предложеніемъ союза. Войско быстро пошло въ Элевзинъ, а Демосеенъ и его товарищи поѣхали въ ѳивы. Тамъ уже были послы Филиппа и его союзниковъ, ѳессалійцевъ; при поддержкѣ македонской партіи они дѣлали ѳиванцамъ самыя заманчивыя обѣщанія, убѣждая ихъ вступить въ союзъ съ Филиппомъ, или по крайней мѣрѣ остаться нейтральными и позволить его войскамъ пройти чрезъ Беотию въ Атику. Искусный ораторъ Писонъ византій-

Демосеенъ склоняетъ ѳиванцевъ заключить союзъ съ аѳинянами 338.

скій краснорѣчиво перечислялъ услуги, оказанныя ѳиванцамъ Филиппомъ, разъяснялъ выгоды, какія дастъ имъ война въ союзѣ съ нимъ противъ аѳинянъ, напоминалъ объ оскорбленіяхъ, какимъ подвергались они отъ Аѳинъ, говорилъ, что теперь они могутъ отмстить за эти обиды; говорилъ о томъ, что при союзѣ съ Филиппомъ на ихъ долю достанется очень много добычи, а если они вступятъ въ союзъ съ аѳинянами, то на нихъ упадутъ всѣ бѣдствія войны. ѳиванскій народъ колебался, но Демосѳенъ сталъ говорить ему, что теперь должно забыть всѣ прежнія ссоры и обиды, думать только о спасеніи Греціи, свободы и чести ея; что опасность грозитъ одинаково и ѳиванцамъ и аѳинянамъ, что только соединенными силами они могутъ отвратить ее. Его пламенная рѣчь увлекла ѳиванцевъ; они забыли своекорыстные расчеты выгодъ и боязни, рѣшили отвергнуть предложенія Филиппа и заключить союзъ съ аѳинянами. Это былъ послѣдній проблескъ того патріотическаго энтузіазма, какимъ была проникнута Греція во время персидскихъ войнъ. Былъ учрежденъ въ ѳивахъ союзный совѣтъ, и Демосѳенъ руководилъ имъ, какъ руководилъ аѳинскимъ народнымъ собраніемъ. Демосѳенъ управлялъ послѣднею національною войною грековъ за свободу.

Условія союза. Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній объ условіяхъ союза между ѳиванцами и аѳинянами. Но знаемъ, что аѳиняне признали гегемонію ѳивъ надъ Беотіей, что союзники гарантировали другъ другу свои владѣнія, что было рѣшено возстановить фокейскіе города, что двѣ трети военныхъ издержекъ должны были платить аѳиняне, а ѳиванцы одну треть. Но едва-ли достовѣрны слова Эсхина, что ѳиванцамъ было предоставлено управленіе войною на сушѣ, а управленіе дѣйствіями флота должно было принадлежать ѳиванцамъ вмѣстѣ съ аѳинянами.

Филиппъ возобновляетъ переговоры. Союзъ двухъ сильнѣйшихъ государствъ Греціи, готовность ихъ вести войну, были фактами очень непріятными Филиппу. Онъ попытался возобновить переговоры. Его друзья и послы увѣряли, что онъ не имѣетъ никакихъ намѣреній, враждебныхъ Греціи, что онъ вступилъ въ нее лишь для исполненія приговора Амфиктіоновъ. И въ Аѳинахъ и въ ѳивахъ было много вліятельныхъ людей, отклонявшихъ своихъ согражданъ отъ войны; сторонники мира говорили о неблагоприятныхъ для войны предзнаменованіяхъ. Пифія предсказывала тяжкія бѣдствія. Въ народѣ ходили древнія сивиллинскія пророчества, говорившія о несчастныхъ битвахъ, о поляхъ, покрытыхъ тѣлами на добычу воронамъ и коршунамъ. Вспоминалось пророчество: «слезы прольетъ побѣжденный, побѣдителя поразитъ гибель». Нужна была вся энергія Демосѳена, чтобы поддерживать твердость духа въ его согражданахъ и ѳиванцахъ. Онъ поѣхалъ въ ѳивы, убѣждалъ беотарховъ и народное собраніе оставаться вѣрными союзу. Въ Аѳинахъ говорилъ противъ войны даже Фокіонъ. Разсказываютъ, что Демосѳенъ однажды вос-

кликнулъ въ народномъ собраніи, что онъ «потащитъ за волосы въ темницу того, кто предложитъ примириться съ Филиппомъ». Аѳиняне и ѳиванцы оставались тверды, благодаря ему. Аѳинскій народъ былъ въ то время такъ расположенъ къ нему, что въ продолженіи года два раза назначалъ ему въ награду золотой вѣнокъ.

Какъ началась весна, аѳинское войско пришло къ ѳивамъ и расположилось станомъ подъ ихъ стѣнами; но ѳиванцы ввели его въ городъ и размѣстили воиновъ по своимъ домамъ; когда ихъ войско было готово, оно вмѣстѣ съ аѳинскимъ пошло въ Фокиду. Два первыхъ небольшихъ сраженія съ македонскими войсками на Кефиссѣ и въ горахъ были благопріятны грекамъ. Въ Аѳинахъ и ѳивахъ принесли богамъ жертвы благодаренія за эти успѣхи. Особенно хорошо дѣйствовало аѳинское войско, прекрасно вооруженное, отличавшееся дисциплиной и мужествомъ. Уцѣлѣвшіе фокейскіе воины присоединились къ союзникамъ, занявшимъ проходы, ведущіе въ Беотію. Но Филиппъ употребилъ военную хитрость, заставившую ихъ покинуть эту выгодную позицію: онъ послалъ другой горной дорогой въ Беотію часть своего войска, велѣлъ жечь тамъ селенія. Беотійскіе военачальники рѣшили идти на защиту своей страны. Этого и ждалъ Филиппъ; онъ отозвалъ изъ Беотіи бывший тамъ отрядъ и со всѣмъ своимъ войскомъ прошелъ черезъ горы въ долину Кефисса, направляясь къ Херонеѣ, гдѣ обширная равнина представляла удобное мѣсто для битвы. Греки пошли туда навстрѣчу ему. Главную силу союзнаго войска составляли ѳиванцы и аѳиняне; кромѣ нихъ были тутъ эвбеяцы, мегаряне, коринѳяне, ахейцы, коркиряне, нѣкоторые другіе греки. Числомъ воиновъ союзники, вѣроятно, превосходили македонянъ; но далеко уступали имъ боевою силой. Греческое войско было собрано на-скоро, не имѣло единства, не равнялось ни дисциплиною, ни военной опытностью закаленнымъ въ бояхъ македонянамъ, совершившимъ ѳракійскіе походы, ходившимъ за Гемусъ, сражавшимся въ дунайскихъ степяхъ съ трибаллами и скиѳами; а ѳессалійская конница Филиппа была несравненно лучше греческой. Притомъ тамъ македонянами управляла воля одного главнокомандующаго, искуснаго полководца, имѣвшаго хорошихъ помощниковъ; а у грековъ не было военачальниковъ, пользовавшихся общепризнаннымъ авторитетомъ. Единственный греческій полководецъ, Фокіонъ, не захотѣлъ принять участія въ войнѣ. Аѳинскій военачальникъ Стратоклъ и ѳиванскій военачальникъ ѳеагенъ были люди храбрые, честные, но не особенно талантливые; два другіе аѳинскіе военачальника Лисиклъ и Харесъ, человѣкъ развратный, не пользовавшійся уваженіемъ, тоже далеко не равнялись дарованіями Филиппу. Потому само собою понятно, что битва при Херонеѣ должна была кончиться пораженіемъ грековъ. Но они сражались мужественно. Это было послѣднее проявленіе ихъ національной энергіи. Въ ихъ войскѣ было мало наемниковъ;

Вступленіе союзнаго войска въ Фокиду.

Оба войска сходятся на Херонейской равнинѣ.

Диспозиція войска.

огромное большинство его составляли граждане. Тяжело вооруженная еиванская пѣхота поддержала славу храбрости и дисциплины, какую приобрѣла при Эпаминондѣ; еиванскій священный отрядъ удивилъ самого врага своимъ мужествомъ. Аѣиняне, въ рядахъ которыхъ сражался, какъ простой воинъ, Демосѣенъ, показали себя достойными сподвижниками еиванцевъ. Они составляли лѣвое крыло; еиванцы правое; граждане другихъ государствъ и наемники стояли въ центрѣ. Филиппъ хорошо понималъ, что эта битва должна имѣть рѣшительное значеніе, и приготовился къ ней очень заботливо. Тѣмъ крыломъ, которое было противъ аѣинянъ, начальствовалъ онъ самъ; начальство надъ другимъ ввѣрилъ своему осьмнадцатилѣтнему сыну, Александру, горѣвшему нетерпѣніемъ приобрести славу въ этой рѣшительной битвѣ; въ помощники Александру, Филиппъ далъ лучшихъ своихъ военачальниковъ. Во время Плутарха еще показывали на берегу Кефисса дубъ, подъ которымъ стоялъ шатеръ Александра.

Битва при Херонеѣ. Августъ 388. Утромъ 2 августа началась битва. Филиппъ по возможности уклонился отъ перваго натиска аѣинянъ, которые, какъ онъ зналъ, имѣютъ привычку атаковать очень стремительно; онъ только оборонялся, стараясь затянуть бой, чтобъ утомить ихъ. Александръ дѣйствовалъ иначе: увлекаемый юношеской пылкостью, онъ быстро двинулъ пѣхоту на еиванцевъ и при поддержкѣ конницы разорвалъ ихъ ряды; они оборонялись очень мужественно, но принуждены были отступать. Священный отрядъ, охранявшій государственное знамя, весь погибъ около него; всѣ воины его показали себя вѣрными своей клятвѣ биться единодушно, побѣдить или умереть. Въ числѣ множества убитыхъ былъ и еиванскій полководецъ Феагенъ. Чтобъ слава побѣды не принадлежала исключительно сыну, Филиппъ тоже перешелъ въ наступленіе и атаковалъ аѣинянъ съ фронта и съ фланга такъ сильно, что ряды ихъ разстроились; они обратились въ бѣгство; скоро бѣгство стало всеобщимъ; поражение было полное. Было убито 1000 аѣинскихъ гражданъ, 2000 были взяты въ плѣнъ; уронъ еиванцевъ и другихъ союзниковъ былъ, вѣроятно, еще значительнѣе. Надъ большимъ надгробнымъ холмомъ, подъ которымъ покоились воины священнаго отряда и другіе еиванцы, павшіе въ битвѣ, былъ впоследствии поставленъ колоссальный левъ. Надписи на немъ не было сдѣлано. Гордо подымалъ онъ голову, устремляя впередъ твердый взглядъ, — нѣмой памятникъ греческаго мужества на могилѣ греческой свободы.

Поступки Филиппа послѣ битвы. Печально возвратилось разбитое аѣинское войско чрезъ Лебадею на родину, оставивъ своихъ убитыхъ не погребенными, потому что Филиппъ, въ надменности побѣды, не далъ перемирія, о которомъ просили его аѣиняне для исполненія священной обязанности похоронъ. Варварски торжествовалъ Филиппъ свою побѣду. Онъ пировалъ среди грудъ тѣлъ, пьяный пошелъ по рядамъ плѣнныхъ и

ругался надъ ними. Но потомъ онъ вспомнилъ о приличіи, пристыженный, какъ говорятъ, словами оратора Демада, находившагося въ числѣ плѣнныхъ аѣинянъ: «Царь, судьба дала тебѣ роль Агамемнона, а ты играешь роль Терсита». Говорятъ, что внушилъ ему уваженіе и видъ тѣлъ еиванцевъ священнаго отряда, лежавшихъ стройными рядами. На пирѣ съ своими полководцами онъ велѣлъ унести прочъ вѣнки и благовонное масло, сдержалъ буйную веселость. Онъ сталъ поступать такъ, чтобы не наносить оскорбленія побѣжденнымъ. Онъ далъ свободу Демаду, оставилъ его при себѣ, выказывалъ уваженіе къ нему; вообще онъ, очевидно, хотѣлъ примирить съ собою грековъ расчетливой умѣренностью, любезнымъ дружелюбіемъ.

Филиппу было надобно стараться примирить съ собою грековъ, потому что аѣиняне дѣятельно готовились къ оборонѣ. Правда, при возвращеніи разбитаго войска, въ Аѣинахъ господствовала печаль. Граждане стояли у воротъ и тоскливо спрашивали о судьбѣ своихъ мужей, отцовъ, братьевъ; старики печально бродили по улицамъ; Исократъ повторялъ стихи трагедій Эврипида, въ которыхъ говорилось о вторженіяхъ Даная, Пелопса, Кадма, и чрезъ нѣсколько дней умеръ, уморивъ себя голодомъ. Но скоро аѣиняне ободрились. По предложенію Демосѣена, сохранившаго все свое вліяніе на народъ, и Гиперида, народное собраніе велѣло военачальникамъ поставить въ пограничныхъ крѣпостяхъ отряды гражданъ и метековъ. Женщины и дѣти были собраны изъ селеній въ Аѣины, для охраненія которыхъ остались пожилые граждане, а молодые пошли въ войско. Начальникомъ въ Аѣинахъ былъ назначенъ Фокіонъ, главнокомандующимъ войска былъ сдѣланъ храбрый Харидемъ. Были приняты мѣры увеличить число воиновъ: въ Трезены, въ Эпидавръ, на острова Андросъ и Кеосъ были отправлены послы съ просьбой о помощи; были освобождены и приняты въ составъ войска рабы, способные сражаться; были обѣщаны права гражданъ тѣмъ иноземцамъ и метекамъ, которые присоединятся къ защитникамъ Аттики; было дано позволеніе возвратиться тѣмъ изгнанникамъ, которые захотятъ защищать отечество; были возвращены политическія права гражданамъ, лишеннымъ ихъ по суду и захотѣвшимъ теперь быть воинами. Совѣтъ Пяти-сотъ отправился въ Пирей, чтобы принять мѣры къ оборонѣ гавани. Были объявлены измѣнниками отечеству тѣ, которые уѣдутъ за границу; Ареопагу было предоставлено право казнить ихъ. «Въ Аѣинахъ властвовало благородное соревнованіе», говоритъ Ликургъ: «люди всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ выказывали одинаковое усердіе. Одни поправляли стѣны, другіе копали рвы, третьи ставили тынъ. Роши дали на спасеніе родины свои деревья, умершіе свои надгробные камни, храмы — повѣшенное въ нихъ оружіе». Займы и добровольныя пожертвованія доставили деньги на расходы. Демосѣену было поручено закупать хлѣбъ.

Воинственное настроеніе аѣинянъ.

Миръ Филиппа съ афинянами. Твердость афинянъ произвела сильное впечатлѣніе на Филиппа; для его политическихъ плановъ было очень важно поскорѣе покончить войну въ Греціи. Если бы она продлилась, то персидскій царь получилъ бы возможность возстановить свое вліяніе на Грецію, поддерживать своихъ многочисленныхъ друзей въ упорномъ сопротивленіи Филиппу. Могущество персидскаго царя въ это время казалось возстановившимся: персы, какъ мы увидимъ, подавили тогда возстанія въ Малой Азіи, Финикіи, Египтѣ. Филиппъ хотѣлъ идти войною на Персію; для того, чтобы предпринять походъ въ Азію, онъ долженъ былъ примириться съ греками. Потому онъ предпочелъ миръ съ афинянами, нашествію на Аттику и осадѣ Афинъ. Давъ Демаду богатые подарки, онъ отпустилъ его на родину, дѣйствовать въ пользу мира; безъ выкупа отпустилъ плѣнныхъ афинянъ, подаривъ одежду тѣмъ, у кого ея не было; кости убитыхъ афинянъ онъ послалъ съ почетнымъ конвоемъ для погребенія вмѣстѣ съ ихъ предками. При такихъ доказательствахъ доброжелательства Филиппа, сторонники мира успѣли возбудить въ своихъ согражданахъ довѣріе къ нему, склонили ихъ вступить въ переговоры съ нимъ. При посредствѣ Демада и Антипатра былъ заключенъ миръ. Афиняне отказались отъ гегемоніи на морѣ, освободили своихъ союзниковъ отъ клятвы вѣрности союзу съ ними и отъ обязанности платить налоги, обѣщались присоединиться къ союзу македонянъ съ другими греческими государствами, о которомъ говорилъ Филиппъ. За эти уступки Филиппъ обѣщался уважать независимость Афинъ, не посылать войска въ Аттику, призналъ за афинянами право не впускать македонскихъ военныхъ кораблей въ Пирей, возвратилъ афинскому государству оропскій округъ, призналъ за афинянами право владѣть нѣкоторыми островами (Саламиномъ, Делосомъ, Самосомъ; быть можетъ, также Лемносомъ и Имбромъ). Афиняне были рады, что миръ заключенъ на условіяхъ такихъ легкихъ для нихъ. Они поставили въ честь Филиппа бронзовую статую на площади народныхъ собраній; дали права афинскаго гражданства ему, его сыну и его полководцу Антипатру. Несчастный полководецъ Лисиклъ былъ по обвиненію Ликурга наказанъ смертію за потерю битвы. Павшіе при Херонѣ были торжественно погребены на Керамикѣ.

Демосѣенъ произноситъ надгробную рѣчь. Македонская партія, торжествовавшая теперь, старалась подорвать клеветами уваженіе народа къ Демосѣену и хотѣла, чтобы не ему, а Эсхину или Демаду было дано почетное порученіе произнести надгробную рѣчь при погребеніи убитыхъ воиновъ; но афиняне полагали, что „неприлично тому, кто жилъ подъ одной кровлей и обѣдалъ за однимъ столомъ съ неприятели убитыхъ, говорить рѣчь надъ ихъ гробомъ и восхвалять ихъ доблести; неприлично тому, кто ликовалъ съ ихъ убійцами, пѣть гимны торжества по поводу пораженія грековъ, получать почести при своемъ возвращеніи на родину; надгробную рѣчь долженъ произнести тотъ, кто будетъ не играть роль, какъ актеръ, притворяющійся печальнымъ, а

дѣйствительно печалится душою“, потому народное собраніе поручило Демосѣену произнести надгробную рѣчь; отцы и братья убитыхъ избрали мѣстомъ похороннаго обѣда его домъ. До насъ не дошла надгробная рѣчь Демосѣена; та рѣчь, которая приписывается ему, бѣдная мыслями и напыщенная—подложное произведеніе.

Выказывая себя расположеннымъ къ афинянамъ, Филиппъ заключилъ съ ними миръ на условіяхъ довольно сносныхъ для нихъ; но эвванцы, покинутые союзниками, отданные во власть Филиппу измѣною Тимолая и другихъ предателей, должны были выпить до дна чашу горести и униженія. Они должны были заплатить тяжелый выкупъ за освобожденіе своихъ плѣнныхъ и дозволеніе похоронить убитыхъ; должны были принять въ Кадмею македонскій гарнизонъ и согласиться на возвращеніе изгнанниковъ; управленіе Фивами было передано совѣту Трехъ-сотъ, получившему неограниченную власть. Беотійскій союзъ былъ уничтоженъ, за Фивами осталась только прежняя область ихъ, другіе беотійскіе города стали отъ нихъ независимы; изгнанные граждане Орхомена, Платеи, Теспій были возвращены, и эвванцы должны были помогать имъ отстроить ихъ разрушенные города. Былъ назначенъ суровый судъ; вожди національной партіи были осуждены на смерть, или на изгнаніе; ихъ имущества были конфискованы. Осужденные на смерть не захотѣли просить милости у своихъ враговъ; они умерли, какъ свободные люди. Изгнанные патриоты нашли пріютъ себѣ въ Афинахъ.— Филиппъ укрѣпилъ стѣнами городъ Халкиду на Эвбей; тутъ было то мѣсто, гдѣ находились насыпи для проведенія моста черезъ проливъ; Филиппъ обвелъ укрѣпленіемъ насыпь у эвбейскаго берега; такимъ образомъ Халкида стала крѣпостью, изъ которой македонскія войска всегда могли перейти въ Среднюю Грецію.

Подчинивъ себѣ все греческія государства до Истма и Коринтскаго залива, Филиппъ двинулъ свои войска въ Пелопоннесъ. Не встрѣчая сопротивления, онъ занялъ проходы чрезъ горы Истма. Коринтяне заключили съ нимъ миръ и приняли въ свой акрополь македонскій гарнизонъ. Онъ пошелъ въ Аргосъ по приглашенію самихъ гражданъ, и вліятельнѣйшіе изъ нихъ соперничали между собою въ заискиваніи милостей его. Во времена Павзанія аргосцы еще показывали мѣсто, гдѣ стоялъ шатеръ Филиппа. Аркадяне, мессенцы, элидыне встрѣтили его съ восторгомъ, какъ защитника ихъ независимости противъ непріязни спартанцевъ. Только спартанцы, царь которыхъ Архидамъ III въ день битвы при Херонѣ былъ убитъ въ Италіи, гдѣ сражался съ луканцами, какъ союзникъ тарентійцевъ, не хотѣли вступить въ союзъ съ Филиппомъ; они оставались горды по прежнему и тѣмъ навлекли на себя новыя бѣдствія. Македоняне и пелопоннесцы вошли съ разныхъ сторонъ въ Лаконію, стали опустошать поля, жечь селенія и прошли до лаконской гавани Гитіа. Опустошивъ

Судьба Фивъ.

Походъ Филиппа въ Пелопоннесъ. 338—337.

Раздѣлъ владѣній Спарты.

Лаконію, Филиппъ назначилъ судъ изъ уполномоченныхъ греческихъ государствъ; судъ постановилъ, что за спартанцами должна остаться только первоначальная ихъ область на Эвротѣ,—та, которая была дана имъ при завоеваніи Пелопоннеса гераклидами; а все то, что впослѣдствіи завоевали они, должно быть отдано другимъ. Аргосцы получили Кинурію, за которую было столько войнъ, и восточное прибрежье; мессенцы—дентелеатскій округъ на западномъ склонѣ Тайгета съ древнимъ храмомъ Артемиды лимнейской; Мегалополь получилъ землю въ верховьяхъ Эврота; тегейцы получили пограничный округъ Скиритиду съ карійскимъ горнымъ проходомъ. Такимъ образомъ спартанское государство было урѣзано со всѣхъ сторонъ; горные проходы были отняты у него, и оно, окруженное враждебными сосѣдями, было лишено всякой свободы дѣйствій. Но воспоминанія о прежнемъ могуществѣ все еще наполняли мысли спартанцевъ, и они упорно отказались присоединиться къ союзу грековъ съ Филиппомъ. Для установленія условій этого союза Филиппъ созвалъ въ Коринѣ конгрессъ уполномоченныхъ всѣхъ греческихъ государствъ. Онъ хотѣлъ, чтобы его договоры съ разными греческими государствами были преобразованы этимъ конгрессомъ въ одинъ общій трактатъ и чтобы были сдѣланы распоряженія относительно похода противъ персовъ, на которыхъ Филиппъ хотѣлъ идти съ греческими войсками.

Коринескій конгрессъ 337. Коринескій конгрессъ исполнилъ задушевнѣйшія желанія македонскаго царя, который могъ считать себя достигшимъ цѣли своихъ войнъ съ греками. Филиппу удалось установить миръ между греческими государствами; они признали его гегемонію, дали ему санъ военнаго вождя греческаго народа. Онъ не хотѣлъ сдѣлать грековъ своими подданными; ему нужна была свободная помощь ихъ, онъ хотѣлъ пользоваться ихъ умомъ и знаніями. Съ мастерскимъ искусствомъ онъ умѣлъ разсѣять ихъ сомнѣнія въ чистотѣ и безкорыстїи его намѣреній, убѣдить ихъ въ томъ, что онъ защитникъ греческой національности противъ персидскаго исконнаго врага грековъ, и они признали его своимъ военачальникомъ въ національной борьбѣ. У грековъ была мысль, полученная отъ предковъ, что война противъ персовъ для наказанія за разрушеніе греческихъ храмовъ составляетъ священную обязанность греческаго народа; ораторы и поэты поддерживали эту мысль; Филиппъ и его сынъ воспользовались ею для своихъ цѣлей.

Договоръ Филиппа съ греками. На коринескомъ конгрессѣ были заключены трактаты, которыми опредѣлялись основныя правила греческаго государственнаго быта подъ гегемоніею Македоніи,—устанавливались отношенія греческихъ государствъ между собою и къ македонскому царю. Конгрессъ постановилъ, что всѣ греческія государства должны пользоваться независимостью, что они не платятъ никому никакой дани и должны жить въ мирѣ между собой; всякія войны между греками были запрещены; конгрессъ гарантировалъ

всѣмъ членамъ греческаго союза свободу торговыхъ сношеній между собою, свободу внутренняго управленія; объявилъ врагами всей Греціи нарушителей мира. Надзоръ за соблюденіемъ договоровъ былъ порученъ союзному совѣту, состоящему изъ уполномоченныхъ македонскаго царя и греческихъ государствъ; этотъ совѣтъ долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы ни въ какомъ государствѣ не было междоусобій, чтобы никто не былъ подвергаемъ смерти или изгнанію по враждѣ изъ-за политическихъ дѣлъ, чтобы не было конфискацій, насильственныхъ передѣловъ земельной собственности, чтобы не были призываемы къ возстанію рабы, чтобы никакое государство не позволяло изгнанникамъ изъ другого города предпринимать вооруженныя экспедиціи, чтобы подвергнутые проклятїю (т. е. фокейцы и амфиссейцы) не возвращались на родину. Установленная на этихъ основаніяхъ федерація греческихъ государствъ заключила съ Филиппомъ вѣчный союзъ, поручила ему предпринять войну съ персами и назначила его главнокомандующимъ войскъ и флотовъ Греціи съ неограниченной властью. Всѣмъ грекамъ было запрещено служить въ войскахъ противниковъ Филиппа и вообще дѣлать что нибудь враждебное ему; виновные въ нарушеніи этого закона подвергались вмѣстѣ съ своими семействами изгнанію и конфискаціи. Трибуналомъ для суда по союзнымъ дѣламъ былъ назначенъ совѣтъ Амфиктіоновъ.—Такимъ образомъ вся Греція была подчинена верховной власти македонскаго царя. Одни только спартанцы не согласились присоединиться къ этому союзу; они сказали, что у нихъ издавна обычай не служить подъ чужимъ начальствомъ, а самими начальствовать тѣми войсками, которые участвуютъ въ ихъ походахъ.

Филиппъ достигъ своей цѣли. Конгрессъ грековъ назначилъ, сколько кораблей и войска должно дать каждое государство на войну съ Персами, разослалъ эти приказанія. Скоро Филиппъ отправилъ въ Азію сильный передовой отрядъ подъ начальствомъ Аттала и Пармениона освободить греческіе города малоазійскаго берега и подготовить путь союзному войску, которое поведетъ самъ царь. Византія присоединилась къ македонско-греческому союзу. Обольщенный македонянами народъ былъ готовъ побить камнями полководца Леона, оказавшаго такія услуги родинѣ; Леонъ предупредилъ это, убивъ самъ себя.

Филиппъ находился въ чрезвычайно радостномъ настроеніи; даже семейная ссора не мѣшала его веселью. Онъ женился на Клеопатрѣ, молодой красавицѣ, племянницѣ македонскаго вельможи Аттала; Олимпиада, глубоко оскорбленная этимъ, удалилась на родину въ Эпиръ, задумывала мщеніе, раздражала своего гордаго сына Александра противъ отца, и однажды на шумномъ пирѣ произошла очень рѣзкая сцена между Филиппомъ и Александромъ. Вражда усилилась, когда Клеопатра родила сына; многіе македоняне стали считать его наследникомъ престола. Но прежде, чѣмъ отправиться въ походъ, Филиппъ хотѣлъ помириться съ Олимпиадой. Онъ выдалъ свою дочь, которую звали также Клеопатрой, за брата Олимпиады, эпирскаго царя Александра и устроилъ блестящее свадебное торжество; онъ думалъ, что на этомъ праздникѣ сумѣетъ добиться примиренія съ Олимпиадой; но его

Смерть Филиппа на 336.

часть пришелъ. Между его приближенными скрывался врагъ, низвергнувшій его въ гробницу съ высоты счастья. Съ царскимъ великолѣпіемъ, при стеченіи безчисленныхъ гостей и множества посольствъ, праздновалъ онъ въ Эгахъ, древней столицѣ Македоніи, свадьбу своей дочери, и на праздникъ поразилъ его кинжалъ знатнаго македонянина, красиваго молодого человека Павзанія, бывшаго однимъ изъ его тѣлохранителей. Павзаній былъ оскорбленъ Атталомъ, просилъ у царя удовлетворенія за обиду; царь дружески успокаивалъ его, далъ ему почести, награды; но онъ хотѣлъ мщенія; Атталъ былъ далеко, и мщеніе обратилось на царя; онъ убилъ Филиппа у двери дворца, когда Филиппъ шелъ въ театръ въ праздничномъ уборѣ. Осталось неизвѣстнымъ, насколько участвовала въ этомъ дѣлѣ ревнивая страстная Олимпіада: убійца, хотѣвшій бѣжать, споткнулся, упалъ и былъ убитъ настигнутыми его раздраженными воинами; не было времени допросить его. Но Олимпіада радовалась, воздавала почести памяти Павзанія и безжалостно велѣла убить вторую жену Филиппа, Клеопатру и ея малютку. Младенца закололи въ объятіяхъ матери; мать была принуждена повѣситься на своемъ поясѣ. Но, удовлетворивъ своему мщенію, Олимпіада согласилась, чтобы ея сынъ, для устранения подозрѣній въ соучастіи съ Павзаніемъ и для возвращенія себѣ любви македонянъ, казнилъ у гробницы Филиппа нѣсколько знатныхъ линкестовъ, которыхъ называли соумышленниками Павзанія.

Общій обзоръ. Мы довели исторію греческаго народа до той поры, когда онъ, лишившись политической самостоятельности, началъ новую дѣятельность подъ покровительствомъ молодого героя, получившаго греческое образованіе и желавшаго доставить греческой національности всемірное владычество, когда греки начали передавать одряхлѣвшему востоку свой языкъ, свою науку, свое искусство и воздѣлывать почву, на которой выросли новыя государства. Собственными силами греки не могли бы доставить прочнаго значенія въ мірѣ выработавшейся у нихъ умственной жизни, говоритъ Ранке; возможность этого дало имъ теперь ихъ соединеніе съ Македоніей. Аристотель сдѣлался такимъ же завоевателемъ въ умственномъ мірѣ, какъ его воспитанникъ Александръ въ политическомъ мірѣ востока. Въ столѣтія, исторію которыхъ рассказывали мы теперь, греческій народъ создалъ всѣ тѣ формы общественной и умственной жизни, которыя составляютъ сущность эллинизма, сущность греческой цивилизаціи; въ слѣдующія столѣтія дерево ея произвело нѣсколько новыхъ вѣтвей, но корни и стволъ дерева остались неизмѣнны и характеромъ ихъ было опредѣлено направленіе новыхъ вѣтвей.

Обозрѣвая ходъ развитія благородной націи, съ исторіей которой разстаемся на нѣсколько времени, мы видимъ, что греческій умъ постепенно разрушалъ стѣснительныя формы общественной и духовной жизни, выработавъ до полнаго совершенства личную свободу и равноправность всѣхъ гражданъ греческаго происхожденія и, наконецъ, перешелъ границы практичнаго, осуществимаго въ безусловной борьбѣ противъ всякаго стѣсненія личной свободы преданіемъ, обычаемъ, закономъ или хотя бы добровольнымъ договоромъ. Такимъ образомъ историческая жизнь греческаго народа имѣетъ три степени развитія. Первою изъ нихъ было время греческой старины, когда религія и богослуженіе, государственный и общественный бытъ грековъ имѣли характеръ родственныя востоку, или по крайней мѣрѣ когда элементы, заимствованные изъ восточной культуры, соединялись въ греческой жизни съ національными элементами; греки цтили тогда обоготворенныя силы природы подъ символической оболочкой таинственныхъ формъ, держались давнихъ обычаевъ и завѣщанныхъ предками понятій, подчинялись патріархальной власти царей и знатныхъ родовъ, считали раздѣленіе людей по сословіямъ и занятіямъ, по племенамъ и родамъ необходимымъ условіемъ твердаго государственнаго и общественного порядка. Этотъ періодъ стѣснительныхъ формъ быта былъ разрушенъ развитіемъ свободныхъ стремленій, возникавшихъ изъ окрѣпнувшаго чувства личныхъ силъ и нашедшихъ себѣ полнѣйшее проявленіе въ персидскихъ войнахъ. Старинныя божества, бывшія символами силъ природы, пересоздались въ народной вѣрѣ и сдѣлались идеальными образами людей, полными энергической жизни, воплощеніями всѣхъ совершенствъ, представителями и охранителями вѣчныхъ идей справедливости, добра и красоты, руководителями людей въ дѣлѣ нравственнаго совершенствованія; въ изображеніяхъ боговъ строгія формы, освященные преданіемъ и обычаемъ, замѣнились облагороженными формами людей, исполненными движенія и живой дѣятельности; владычество аристократовъ, основывавшееся на преданіи, на патріархальномъ уваженіи, замѣнилось верховною властью народнаго собранія и равноправностью всѣхъ гражданъ; скованный преданіемъ бытъ, въ которомъ всѣ государственныя и общественныя права и обязанности были опредѣлены точными, строгими правилами, замѣнился полнѣйшей политической свободой; раздѣленіе людей по сословіямъ и профессіямъ, по племенамъ и родамъ утратило важность сравнительно съ греческимъ строгимъ распределеніемъ населенія государства на свободныхъ полноправныхъ гражданъ, на людей, не пользующихся гражданскими правами, находящихся въ нѣкоторой зависимости отъ землевладѣльцевъ, но все же имѣющихъ личную свободу, и на рабовъ, не имѣющихъ ни личной свободы, ни права собственности, никакихъ человѣческихъ правъ. Проявленія личной свободы гражданъ сначала сдерживались привычнымъ

почтеніемъ къ стариннымъ родовымъ и племеннымъ связямъ, вѣрованіями и преданіями, завѣщанными отъ предковъ; но свирѣлая борьба партій въ пелопоннесскую войну и вліяніе политическихъ симпатій разрушили родовыя связи и уваженіе къ преданію; сила страстей, произволъ и эгоизмъ ослабили священные узы патриотизма и гражданской доблести. Въ этомъ второмъ періодѣ своей исторіи греческій народъ былъ наиболее близокъ къ цѣли своихъ стремленій къ тому, чтобы силою разума постичь міръ дѣйствительности и покорить себѣ его; общественная и умственная жизнь грековъ получила характеръ противоположный быту востока, не умѣвшего въ своемъ одностороннемъ влеченіи къ божественному примирить антагонизмъ духа и матеріи; эта противоположность греческаго быта восточному выразилась внѣшнимъ образомъ въ борьбѣ съ персидскимъ царствомъ. Греки того времени стремились дать духу владычество надъ дѣйствительностью поэтическимъ и художественнымъ творчествомъ, объединить силою мысли разрозненные явленія жизни и облагородить, идеализировать реальную практическую жизнь. Слова Перикла объ аѳинянахъ: «мы разумно любимъ прекрасное и любимъ мудрость безъ изиѣженности» были вѣрной характеристикой эллинизма этой цвѣтущей эпохи Греціи, характеризовали различіе греческой жизни отъ варварской. Искусство налагало печать идеальности на всю жизнь грековъ этого времени; пластика сдѣлала облагороженную человѣческую фигуру типомъ красоты и жилищемъ божественнаго духа со всѣми разнообразными проявленіями его; поэзія раскрыла богатый міръ чувства, дремлющаго въ глубинѣ души, сплела жизнь боговъ и людей въ пеструю ткань мифологіи; изобразила потрясающія катастрофы, ниспосылаемая вѣчною властью судьбы на выдающихся людей, поставила эти бѣдствія предостереженіемъ противъ беззаконія и надменности; изобразила въ художественномъ зеркалѣ комедіи заблуждающимся современникамъ уродливость ихъ уклоненій отъ разума въ государственной и общественной жизни; музыка и граціозные танцы хоровъ придавали веселіе праздникамъ; искусство сообщало всей жизни свободнаго человѣка благородный характеръ, ставило ей возвышенную цѣль. Только то, что могло быть перенесено въ область искусства, было достойно греческаго гражданина; вся та дѣятельность, которая служитъ только нуждамъ и удобствамъ жизни, имѣетъ своимъ мотивомъ прибыль, и носитъ ремесленный характеръ, считалась пошлостью, была оставлена людямъ, не имѣющимъ политическихъ правъ, и рабамъ. Художественность была характеристическимъ качествомъ эллинизма. Первымъ художественнымъ созданіемъ грековъ былъ самъ языкъ ихъ; дѣйствительно должно назвать художественнымъ созданіемъ языкъ, въ которомъ до такой степени преобладаетъ чувство симметріи и совершенства звуковъ, ясность формъ, органическая стройность; у Геродота, Фукидида, Ксенофонта принимаетъ характеръ художественности исторія, въ

разговорахъ Платона—философское изслѣдованіе. Художественное направленіе грековъ проявилось даже въ ихъ физическомъ воспитаніи: гимнастическія упражненія, восхищеніе красотой и силою мужчины, высокое значеніе, какое вся Греція придавала вѣрку, получаемому за побѣду на національныхъ играхъ, другіе такіе же обычаи грековъ побуждали и оживляли ихъ эстетическое чувство. Греческій умъ стремился постичь таинственную жизнь природы, объединить мыслью измѣнчивыя явленія многообразной дѣйствительности; путемъ къ этому онъ избралъ не изслѣдованіе фактовъ, не восхожденіе отъ впечатлѣній опыта къ общимъ принципамъ—хлопотливое наблюденіе подробностей въ естествознаніи не нравилось греческому уму,—онъ стремился найти въ несовершенномъ и мимолетномъ общую сущность, вѣчную идею. Обратный путь, которымъ пошелъ Аристотель, образовалъ уже переходъ къ третьему періоду, въ которомъ греки стали разрушать даже тѣ ограниченія свободы, которыя необходимы для ея существованія, стали бросаться въ предпріятія фантастическія. Въ этомъ періодѣ энергическій патриотизмъ замѣнился у нихъ вялымъ космополитизмомъ; безсильная независимость мелкихъ городскихъ общинъ и произволъ личности разрушили федеративный порядокъ. Греки то отрицали родныхъ боговъ, то примѣшивали къ представленіямъ о нихъ чужеземныя формы и понятія; въ искусствѣ стали они цѣнить не величіе творческой идеи, а техническое совершенство формъ, или преодоленіе матеріальныхъ трудностей; въ погонѣ за наслажденіями пренебрегли высшими благами и мужественной энергіей, не слушая предостереженій патриота Демосфена. Конецъ этого третьяго періода образуетъ александрійская эпоха, о которой мы будемъ говорить въ слѣдующемъ томѣ: эллинизмъ перешелъ тогда географическія и этнографическія границы греческой народности, перенесъ блага греческой цивилизаціи въ страны древней восточной культуры, изъ которыхъ прежде самъ заимствовалъ столько элементовъ знанія и техники. Но это распространеніе греческаго языка, греческихъ обычаевъ и понятій по далекому востоку исказило греческую національность, ввело въ нее иноземныя примѣси, дало ей космополитическій характеръ, оторвало ее отъ родной религіи, отъ родной почвы, съ которой срослась она. Влеченіе селиться въ чужихъ земляхъ, лежавшее глубоко въ характерѣ грековъ, побуждавшее ихъ въ прежнія времена основывать торговые города на берегахъ варварскихъ земель, достигло въ эту эпоху безграничнаго развитія, такъ что эллинизмъ съ походами Александра проникъ до отдаленнѣйшихъ предѣловъ извѣстнаго тогда міра и принялъ характеръ чего-то похожаго на романтизмъ. Греческій умъ опустился теперь съ художественной, идеальной высоты, вмѣшался въ житейскія хлопоты; его стремленія сдѣлались практичныѣ; его произведенія стали приспособляться къ житейскимъ надобностямъ и склонностямъ людей. Скульптура слу-

жила теперь для украшенія житейской обстановки; она заботилась не о томъ, чтобы возжигать божественный огонь въ душѣ человѣка, а только о томъ, чтобы нравиться красотою формъ; поэзія была оттъ-снена на второй планъ матеріальными интересами и наукою; пре-жде ею была проникнута вся жизнь греческаго міра, а теперь она за-няла скромный уголокъ въ жизни, стала лишь цвѣткомъ въ обширномъ саду; сама наука стала въ служебное отношеніе къ житейскому быту, къ практическимъ надобностямъ его; задачею ея было постав-лено придавать разнообразіе ему, обогащать его; философія спустилась съ высотъ умозрѣнія, формулировала законы въ жизни не для того только, чтобы разъяснить тайны вселенной, но и для того, чтобы опредѣлить назначеніе человѣчества и научить людей равнодушному пе-ренесенію житейскихъ бѣдствій. Эта сфера была оставлена эллинизму и въ политическомъ порабоженіи. Греческій духъ былъ хранителемъ божественной искры подъ владычествомъ чувственности и матеріаль-ности, подъ владычествомъ меча; греческій языкъ, греческая наука, греческое искусство оставались вмѣстилищемъ духовной и божествен-ной части человѣчества въ земной суетѣ, и въ то время, когда гре-ческій народъ жилъ въ рабствѣ и презрѣніи подъ желѣзною рукой болѣе сильныхъ націй, онъ владычествовалъ надъ міромъ своимъ язы-комъ, художествомъ и мышленіемъ; суровые войны, поражавшіе Гре-цію остріемъ меча, преклонялись передъ силою чаръ греческаго духа.

ВАЖНѢЙШІЕ НЕДОСМОТРЫ:

Стран.	Напечатано:	Должно читать:
97	Улессомъ	Улиссомъ.
107	Царь Коринеа	Цари Коринеа.
349	Итальянская философія	Италійская философія.
593	Потитедеяне	Потидеяне.

Ключевского. Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ.
М. 1875 г. Цѣна 2 р.

Кольцовъ, А. В. Стихотворенія. Изданіе 8-е. М. 1884 г. Ц. 20 к.

Корсакъ. Первоначальные уроки грамматики. М. 1879 г. Цѣна 60 к.

Нуглера. Руководство къ исторіи искусства. Пер. *Е. Корша*. 2 ч. М. 1870 г.
Цѣна 10 р.

— Руководство къ исторіи живописи. Пер. *И. Васильева*. М. 1870 г.
Цѣна 7 р.

Нуно-Фишеръ. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Перев.
И. П. Рассадина. М. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Нурціусъ. Исторія Греціи, 3 части. Пер. *А. Веселовскаго* и *М. Корсакъ*. М.
1880 г. Цѣна 12 р.

Левитовъ. Собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, гравированнымъ въ
Лейпцигѣ и статьею о жизни его. *Ф. Д. Нефедова*. 2 тома. М. 1884
г. Ц. 5 р.

Лессингъ, Г. З. Гамбургская драматургія. Перев. *И. П. Рассадина*. М.
1883 г. Ц. 3 р.

Лотце. Микрокосмъ. 3 части. Пер. *Е. Корша*. М. 1870 г. Цѣна 6 р. 50 к.

Любе. Исторія пластики (съ 231-мъ рисунк. въ текстѣ). Перев. *В. Чаева*.
М. 1873 г. Цѣна 6 руб.

Магаффи. Исторія классич. періода Греческой литературы. 2 тома. Перев.
А. Веселовской. М. 1883 г. Ц. 6 р.

Марта. Философы и поэты-моралисты во времена Римской Имперіи. Пер.
М. Корсакъ. М. 1879 г. Ц. 2 р.

Моммсена. Римская исторія. Т. V. Пер. *В. Невѣдомскаго*. М. 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.

Морлея, Дж. Руссо. Перев. съ англійскаго *В. Н. Невѣдомскаго*. М. 1882 г.
Цѣна 2 р. 50 к.

— Дидро и Энциклопедисты. Перев. *В. Н. Невѣдомскаго*. М. 1882 г.
Цѣна 2 р. 50 к.

Маурера. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и город-
скаго устройства и общественной власти. Пер. *В. Корша*. М. 1880 г.
Цѣна 2 руб. 75 к.

Ольденбергъ, Г. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. съ нѣмецкаго.
М. 1884 г. Ц. 2 р.

Пешель, Осн. Исторія эпохи открытій. Пер. *Э. Циммермана*. М. 1885 г. Ц. 3 р.

Полонскаго, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М. 1881 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Попова. Россія и Сербія. 2 части. М. 1872 г. Цѣна 4 р.

Рибо. Современная Англійская психологія. Перев. *И. Д. Боборыкина*. М.
1882 г. Цѣна 2 р.

Рихтера. Вліяніе целлулярной патологии. М. 1872 г. Цѣна 1 р.

Рѣшетникова. Сочиненія, 2 части. М. 1874 г. Цѣна 5 р. 50 к.

Саяди-Ширази. Гюлистанъ. Съ персидскаго подлинника пер. *И. Холмогоровъ*.
М. 1882 г. Ц. 1 р.

Страбона. Географія (въ 17 книгахъ, 1 т.). Пер. съ греческаго *Θ. Г. Мишенка*. М. 1879 г. Цѣна 10 р.

Сурикова. Стихотворенія. Полное собраніе съ портретомъ автора, факсимиле и біографіей. Изд. 4-е (посмертное). М. 1884 г. Цѣна 3 р.
— Стихотв., изданіе 3-е, полное, М. 1877 г. Ц. 1 р.

Тацита. Лѣтопись. Перев. *К. Кронеберга*. М. 1865 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Тинноръ. Исторія испанской литературы. Т. I. Пер. *Н. И. Стороженко*. М. 1883 г. Ц. 3 р.

Трачевскаго. Польское безкоролье. М. 1865 г. Цѣна 3 р.

Тренделенбурга. Логическія изслѣдованія. 2 части. М. 1868 г. Ц. 4 р.

Тэна. Чтенія объ искусствѣ. М. 1874 г. Цѣна 2 р.

— Титъ Ливій. Критич. изслѣдованіе. М. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фета. Стихотворенія. 2 части. 1868 г. Цѣна 2 р.

Финлей. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. *С. Никитенко*. Москва. 1876 г. Цѣна 4 р.

Фойгтъ, Г. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Пер. *И. И. Рассадина*. М. 1884 г. Т. I и II. Цѣна 6 р. 50 к.

Фрикена. Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства (съ рисунками). Части I, II, III и IV. М. 1885 г. Ц. 6 р. 50 к.

Чичерина. Исторія политическихъ ученій, Части I, II, III и IV. М. 1876 г. Ц. за каждую 3 р.

— Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М. 1876 г. Цѣна 1 р.

— Областныя учрежденія. М. 1876 г. Цѣна 3 р.

— Опытъ по исторіи русскаго права. М. 1876 г. Цѣна 1 р.

— Очерки Англіи и Франціи. М. 1876 г. Цѣна 1 р.

Шекспира. Полное собраніе драматическихъ сочиненій. Перев. *Н. Кетчера*. 9 частей. Ц. 10 р.

Шилова. Ключъ или алфавитный указатель къ Исторіи Россіи *С. Соловьева*. Съ 6-ю родословными таблицами. М. 1870 г. Цѣна 3 р.

Шмидта, Карла. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Съ третьяго изданія, дополненнаго и исправленнаго *В. Ланге*, пер. *Э. Циммермана*. Томъ II, III и IV (IV-й томъ въ 2-хъ частяхъ). М. 1880 г. Цѣна за все томы 16 р.